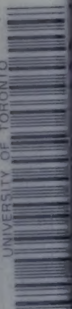
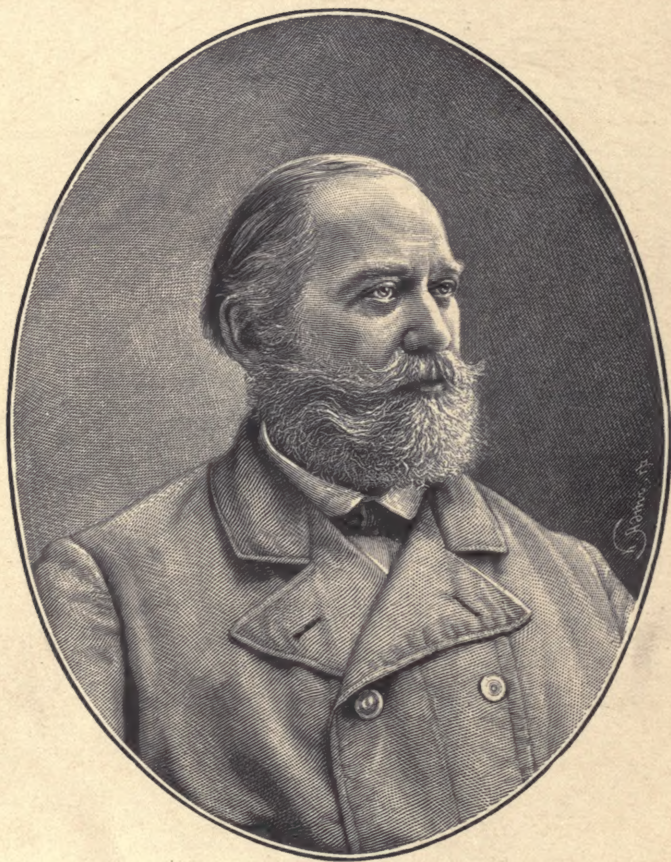


С. М. СОЛОВЬЕВЪ.

ИСТОРІЯ РОССІИ.



С. Соловьевъ

род. 25 мая 1820 г. † 4 октября 1879 г.

Соловьевъ, Сергѣй Михайловичъ, Профессоръ русской Исторіи въ Московскомъ Университетѣ, изъ дворянъ Московской губерніи; родился въ Москвѣ 5 Мая 1820 года; первоначальное воспитаніе получилъ въ первой Московской гимназіи, откуда, ~~[illegible]~~ въ 1838 году поступилъ въ Московскій Университетъ по первому отдѣленію ~~Московскаго~~ Философскаго факультета. Окончивъ курсъ, отправился за границу, гдѣ пробылъ два года. Возвратясь изъ-за границы, ~~[illegible]~~ получилъ въ Московскомъ Университетѣ степень Магистра и каѳедру Русской Исторіи въ 1844 году; въ 1847 году получилъ степень Доктора Историческихъ наукъ и утвержденъ Экстраординарнымъ Профессоромъ. Сочиненія его: 1) Объ отношеніяхъ Новгорода къ Великимъ Князьямъ; 2) Исторія отношеній между Русскими Князьями Рюрикова дома; 3) Обзоръ событій Русской Исторіи отъ кончины Царя Ѳеодора Іоанновича до вступленія на престолъ дома Романовыхъ; 4) Исторія Малороссіи до подданства ея Царю Алексѣю Михайловичу, другія статьи меньшей величины напечатанныя въ разныхъ журналахъ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ

ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

СОЧИНЕНІЕ

Сергѣя Михайловича Соловьева.

Книга первая.

Томъ I—V.

ТРЕТЬЕ ИЗДАНІЕ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Товарищества „Общественная Польза".
Большая Подьяческая, соб. домъ. № 39.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, Б. Подъяческая, 39.

Выпуская въ свѣтъ первую книгу «Исторіи Россіи съ древнѣйшихъ временъ», С. М. Соловьева, заключающую въ себѣ первые **пять томовъ** этого замѣчательнаго сочиненія, Товарищество «Общественная Польза» считаетъ умѣстнымъ, между прочимъ, заявить, что, для удобства читателей, имъ предприняты слѣдующія улучшенія: во-1-хъ, примѣчанія, печатавшіяся донынѣ отдѣльно, въ концѣ каждаго тома, въ настоящемъ изданіи размѣщены постранично; во-2-хъ, указаны ***страницы*** для всѣхъ отдѣльныхъ событій, упоминаемыхъ въ подробномъ оглавленіи; и, въ-3-хъ, къ послѣдней книгѣ будетъ приложенъ самостоятельный трудъ, — ***наивозможно-полный*** **Алфавитный Указатель** именамъ личнымъ, географическимъ и предметнымъ, для всѣхъ **29-ти томовъ,** со ссылками на книги и страницы. Такое приложеніе, дозволительно надѣяться, послужитъ немаловажнымъ пособіемъ какъ для лицъ, спеціально занимающихся отечественною исторіею, такъ и вообще для всѣхъ, кому можетъ понадобиться справка въ обширномъ сочиненіи С. М. Соловьева.

ОГЛАВЛЕНІЕ ПЕРВОЙ КНИГИ.

Томъ первый.

Томъ второй.

№. 1.

Племя Всеволода III-го (См. родосл. табл. при второмъ томѣ, № IV-й).

а) Племя Константина Всеволодовича Ростовскаго:

- **Василько Ростовскій** ум. 1238 г.
  - **Борисъ Ростовскій** жен. 1248 г. на дочери Ярослава Муром.; ум. 1277 г.
    - **Димитрій** род. 1253 г.; жен. 1276 г.; ум. 1294 г.
      - **Александръ** ум. 1287 г.
        - **Юрій**
    - **Константинъ** род. 1254 г.; жен. 1302 г.; ум. 1309 г.
      - **Василій**
        - **Константинъ** 1) жен. на доч. Іоанна Кал. 1328 г.
        - **Θедоръ** 2) род. 1311 г.; жен. 1326 г.; ум. 1330 г.
      - **Михаилъ** род. 1287 г.
      - **Александръ** упом. 1294 г.; жен. 1302 г.
        - **Юрій** ум. 1230 г.
    - **Василій** род. 1268 г.
  - **Глѣбъ Бѣлозерскій** жен. въ Ордѣ 1257 года; ум. 1278 г.
    - **Михаилъ** род 1263 г.; жен. 1278 г. на доч. Θеод Яросл.
      - **Θеодоръ** жен. 1314 г.
        - **Θеодоръ**
        - **Василій** 3)
      - **Романъ**
    - **Демьянъ** род. 1263 г.

- **Всеволодъ Ярославскій** ум. 1238 г.
  - **Василій** ум. 1249 г.
    - Дочь **Марія** за Θеодоромъ Ростиславичемъ Смоленскимъ.
      - **Θедоръ Ростиславичъ Черный.**
        - **Давыдъ** ум. 1321 г.
          - **Василій** ум. 1344 г.
            - **Василій**
            - **Глѣбъ**
            - **Романъ** 5)
          - **Михаилъ** 4)
        - **Константинъ**

- **Владиміръ Углицкій** ум. 1249 г.
  - **Андрей** ум. 1261 г.
  - **Романъ** ум. 1279 г

б) Племя Юрія Всеволодовича:

- **Всеволодъ** жен. 1230 г. на доч. Владиміра Рюриковича; ум. 1238 г.
- **Владиміръ** ум. 1238 г.
- **Мстиславъ** ум. 1238 г.

г) Племя Ивана Всеволодовича:

- **Михаилъ Ивановичъ Стародубскій** ум. 1281 г.
  - **Иванъ** ум. 1315 г.

№ 2.

аа) Племя Александра Ярославича Невскаго:

- **Андрей** жен. 1294 г. на княжнѣ Ростовской; ум. 1304 г.
  - **Борисъ** ум. 1332 г.
  - **Михаилъ**
    - **Василій** ум. 1309 г.
      - **Александръ** ум. 1332 г.
      - **Константинъ** ум. 1354 г.
        - **Борисъ** жен. 1357 г. на дочери Олгерда.
          - **Иванъ** ум. 1338 г.
        - **Андрей** ум. 1365 г.
          - **Иванъ** ум. 1357 г.
        - **Димитрій** р. 1322 г.; ум. 1383 г.
          - **Василій Кирдяпа**
          - **Семенъ**
          - **Иванъ** ум. 1377 г.
        - **Димитрій Одноокъ**
- **Василій** ум. 1271 г.
- **Димитрій** ум. 1294 г.
  - **Александръ** ум. 1292 г.
  - **Иванъ** жен. 1286 г. на доч. Димитрія Борисов. Ростовскаго; ум. 1302 г.
- **Даніилъ** род. 1261 г., ум. 1303 г.
  - **Юрій** жен. 1297 г. на княжнѣ Ростовской; ум. 1325 г.
  - **Іоаннъ Калита** ум. 1341 г.
    - **Симеонъ** р. 1315 г.; жен. 1) 1332 г. на княжнѣ Августѣ Литовской; 2) 1345 г. на княжнѣ Смоленской; 3) 1347 г. на княжнѣ Тверской Маріи; ум. 1353 г.
      - **Василій** р. 1336 г.; ум. 1337 г.
      - **Константинъ** р. 1340 г.; ум. 1340 г.
      - **Даніилъ** р. 1347 г.
      - **Михаилъ** р. 1348 г.
      - **Иванъ** р. 1349 г.; ум. 1353 г
      - **Симеонъ** р. 1351 г; ум 1353 г.
    - **Даніилъ** род. 1320 г.
    - **Іоаннъ** род. 1326 г.; жен. 1345 г.; ум. 1359 г.
      - **Димитрій** род. 1350 г.; жен. 1366 г. на доч. Димитрія Новгородскаго; ум. 1389 г.
      - **Іоаннъ** ум. 1365 г.
    - **Андрей** род. 1327 г.; жен. 1345 г.; ум. 1353 г.
      - **Владиміръ** род. 1353 г; жен. 1371 г на княжнѣ Еленѣ Олгердовнѣ.
  - **Александръ** ум. 1309 г.
  - **Аѳанасій** ум. 1322 г.
  - **Борисъ** ум. 1320 г.

бб) Племя Ярослава Ярославича Тверскаго:

- **Святославъ** ум. 1265 г.
- **Михаилъ Св.** р. 1272 г.; жен. 1294 г. на доч. Димитрія Борисовича Ростовскаго; ум. 1318 г.
  - **Димитрій** род. 1299 г.; жен. 1320 г. на доч. Гедимина Литовскаго; ум. 1325 г.
  - **Александръ** род. 1301 г.; жен. 1320 г.; ум. 1339 г.
    - **Ѳедоръ** ум. 1329 [illegible]
    - **Левъ** род. 1321 г.
    - **Михаилъ** род. 1333 г.
    - **Всеволодъ** ум. 1365 [illegible]
  - **Константинъ** род. 1306 г.; жен. 1320 г.; ум. 1346 г.
    - **Симеонъ** род. 1365 г.
    - **Іеремія** ум. 1372 г.
      - **Димитрій** упом. 1372 г.
    - **Андрей** ум. 1365 [illegible]
    - **Владиміръ** ум. 1365 г.
  - **Василій** жен. 1329 г. на княжнѣ Брянской; ум. 1368 г.
    - **Михаилъ** жен. 1349 г. на дочери Симеона Гордаго; ум. 1373 г.
    - **Василій** ум. 1363 г.
- **Михаилъ** упом. 1268 г.

Иванъ ум. 1380 г. — Юрій [1]) — ум. 1381 г.

Александръ ум. 1357 г. | Иванъ род. 1357 г.; жен. 1374 г. на кн. Литовской Марьѣ Кестутьевнѣ. | Александръ упом. 1392 г. | Борисъ жен. 1384 г. на дочери Святослава Смоленскаго. | Василій жен. 1384 г на дочери князя Владиміра Олгердовича. | Θеодоръ [2])

№. 3.

1) Князья Смоленскіе (См. Т. II, № 4, а).

Мстиславъ Романовичъ
- Святославъ упом. 1232 г.
- Всеволодъ упом. 1239 г.

Мстиславъ Давидовичъ ум. 1230 г.
- Ростиславъ упом. 1239 г.
  - Глѣбъ ум. 1278 г.
  - Михаилъ ум. 1279 г.
  - Θеодоръ ум. 1298 г.
    - Александръ ум. 1313 г.
      - Василій ум. 1314 г.
        - Иванъ ум. 1386 г.
      - Иванъ ум. 1359 г.
        - Святославъ ум. 1386 г.
          - Глѣбъ
          - Юрій.
    - Романъ упом. 1298 г.
      - Димитрій упом. 1311 г.
    - Святославъ
      - Глѣбъ уп. 1339 г.
      - Θеодоръ
  - Черный Ярослав.

1) Князья Рязанскіе (См. Т. II, № 3, с).

Ингварь Игоревичъ
- Олегъ ум. 1258 г.
  - Романъ ум. 1270 г.
    - Константинъ ум. 1305 г.
      - Василій ум. 1308 г
    - Θеодоръ ум. 1294 г.
    - Ярославъ ум. 1299 г.
      - Иванъ ум. 1326 г.
        - Иванъ Коротополь
          - Олегъ [6])
- Романъ ум. 1237 г.

Юрій Игоревичъ ум. 1237 г.
- Θеодоръ ум. 1237 г.

Князь Александръ Михайловичъ Пронскій
- Иванъ
- Ярославъ ум. 1344 г.
  - Димитрій
    - Владиміръ ум. 1372 г.
- Василій ум. 1319 г.

3) Князья Черниговскіе:

Племя Михаила Всеволодовича Св.

Ростиславъ, Семенъ Глуховскій [3]), Юрій Торусскій [4]), Мстиславъ Карачевскій [5]).

---

[1]) Отъ Юрія Всеволодовича князья Холмскіе.
[2]) Отъ Θеодора Михайловича князья Микулинскіе, Телятевскіе.
[3]) Отъ него князья Новосильскіе и Бѣлевскіе; отъ Новосильскихъ Воротынскіе и Одоевскіе.
[4]) Отъ него Мезецкіе, Борятинскіе, Оболенскіе, Долгорукіе, Щербатовы.
[5]) Отъ него Мосальскіе, Елецкіе, Звенигородскіе, Козельскіе.
[6]) По нѣкоторымъ извѣстіямъ сынъ Ивана Александровича.

Феодоръ упом. 1329 г.

- **Димитрій** ум. 1354 г.
  - **Семенъ Крапива.**
- **Иванъ**
- **Андрей** [6])

в) Племя Святослава Всеволодовича (ум. 1252 г.):

Димитрій Святославичъ Юрьевскій ум. 1269 г.
- **Ярославъ**
  - **Иванъ** упом. 1338 г.

д) Племя Ярослава Всеволодовича:

- **Феодоръ** ум. 1233 г.
- **Александръ** жен. 1239 г. на доч. князя Полоцкаго; ум. 1264 г.
- **Андрей** жен. 1250 г. на дочери Даніила Галицкаго; ум. 1264 г.
  - **Юрій** ум. 1279 г.
  - **Михаилъ** упом. 1279 г.
- **Константинъ** ум. 1255 г.
  - **Давидъ** ум. 1280 г.
    - —[7]) **Борисъ** ум. 1333 г.
      - **Димитрій** упом. 1360 г.
  - **Василій**
    - **Феодоръ** р. 1310 г.; ум. 1334 г.
- **Ярославъ** жен. 1264 г. на доч. Новгородца Юрія Михайловича; ум. 1272 г.
- **Афанасій** упом. 1239 г.
- **Даніилъ** упом. 1239 г.
- **Михаилъ** ум. 1248 г.
- **Василій** р. 1241 г.; жен. 1263 г.; ум. 1276 г.

---

[1]) Отъ этого Константина ведутъ свое происхожденіе князья Брюхатые, Катыревы, Буйносовы, Темкины, Касаткины, Лобановы, Голубые.
[2]) Отъ Феодора Васильевича происходятъ князья: Пріимковы, Щепины, Бахтеяровы, Гвоздевы.
[3]) Отъ Василія Феодоровича князья: Бѣлозерскіе, Андогскіе, Вадбольскіе, Шелешпанскіе, Кемскіе, Сугорскіе, Карголомскіе, Ухтомскіе.
[4]) Отъ Михаила Давыдовича князья: Моложскіе, Сицкіе, Прозоровскіе, Ушатые и др.
[5]) Отъ Василья князья: Пенковы, Троекуровы, Курбскіе, Кубенскіе, Шестуновы; отъ Глѣба: Засѣкины, Шаховскіе, Щетинины; отъ Романа: Морткины, Дѣевы, Вѣкошкины, Охлябинины, Хворостинины, Зубатые.
[6]) Отъ Андрея Феодоровича князья: Пожарскіе, Ряполовскіе, Гагарины, Хилковы, Татевы.
[7]) Знакъ — употребляется, когда непосредственное происхожденіе лица не можетъ быть съ увѣренностью означено.

Томъ третій.

Томъ четвертый.

Томъ пятый.

I. Княженіе Іоанна III Васильевича.

II. Княженіе Василія Іоанновича.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ первый.

Предисловіе.

Русскому историку, представляющему свой трудъ во второй половинѣ XIX вѣка, не нужно говорить читателямъ о значеніи, пользѣ исторіи отечественной; его обязанность предувѣдомить ихъ только объ основной мысли труда.

Не дѣлить, не дробить Русскую Исторію на отдѣльные части, періоды, но соединять ихъ, слѣдить преимущественно за связью явленій, за непосредственнымъ преемствомъ формъ; не раздѣлять началъ, но разсматривать ихъ во взаимодѣйствіи, стараться объяснять каждое явленіе изъ внутреннихъ причинъ, прежде чѣмъ выдѣлить его изъ общей связи событій и подчинить внѣшнему вліянію:— вотъ обязанность историка въ настоящее время, какъ понимаетъ ее авторъ предлагаемаго труда.

Русская Исторія открывается тѣмъ явленіемъ, что нѣсколько племенъ, не видя возможности выхода изъ родового, особнаго быта, призываютъ князя изъ чужого рода, призываютъ единую общую власть, которая соединяетъ роды въ одно цѣлое, даетъ имъ нарядъ, сосредоточиваетъ силы сѣверныхъ племенъ, пользуется этими силами для сосредоточенія остальныхъ племенъ нынѣшней средней и южной Россіи. Здѣсь главный вопросъ для историка состоитъ въ томъ: какъ опредѣлились отношенія между призваннымъ правительственнымъ началомъ и призвавшими племенами, равно и тѣми, которыя были подчинены впослѣдствіи; какъ измѣнился бытъ этихъ племенъ вслѣдствіе вліянія правительственнаго начала—непосредственно, и посредствомъ другого начала—дружины, и какъ, въ свою очередь, бытъ племенъ дѣйствовалъ на опредѣленіе отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ,—при установленіи внутренняго порядка, или наряда. Замѣчаемъ именно могущественное вліяніе этого быта; замѣчаемъ и другія вліянія, вліяніе греко-римское, которое проникаетъ вслѣдствіе принятія христіанства отъ Византіи и обнаруживается преимущественно въ области права. Но, кромѣ грековъ, новорожденная Русь находится въ тѣсной связи, въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ другимъ европейскимъ народомъ, съ Норманнами: отъ нихъ пришли первые князья, Норманны составляли главнымъ образомъ первоначальную дружину, безпрестанно являлись при дворѣ нашихъ князей, какъ наемники участвовали почти во всѣхъ походахъ,—каково же было ихъ вліяніе? Оказывается, что оно было не значительно. Норманны не были господствующимъ племенемъ, они только служили князьямъ туземныхъ племенъ; многіе служили только временно; тѣ же, которые оставались въ Руси навсегда, по своей численной незначительности, быстро сливались съ туземцами, тѣмъ болѣе что въ своемъ народномъ бытѣ не находили препятствій къ этому слiянію. Такимъ образомъ, при началѣ русскаго общества не можетъ быть рѣчи *о господствѣ* Норманновъ, о норманскомъ періодѣ.

Выше замѣчено, что бытъ племенъ, бытъ родовой могущественно дѣйствовалъ при опредѣленіи отношеній между правительственнымъ началомъ и остальнымъ народонаселеніемъ. Этотъ бытъ долженствовалъ потерпѣть измѣненія вслѣдствіе вліянія новыхъ началъ; но оставался еще столько могущественнымъ, что, въ свою очередь, дѣйствовалъ на измѣнявшія его начала, и когда семья княжеская, семья Рюриковичей, стала многочисленна, то между членами ея начинаютъ господствовать родовыя отношенія, тѣмъ болѣе что родъ Рюрика, какъ родъ владѣтельный, не подчинялся вліянію никакого другого начала. Князья считаютъ всю Русскую Землю въ общемъ, нераздѣльномъ владѣніи цѣлаго рода своего; при чемъ старшій въ родѣ, великій князь, сидитъ на старшемъ столѣ, другіе родичи, смотря по степени своего старшинства, занимаютъ другіе столы, другія волости, болѣе или менѣе значительныя; связь между старшими и младшими членами рода чисто родовая, а не государственная; единство рода сохраняется тѣмъ, что

когда умретъ старшій или великій князь, то достоинство его вмѣстѣ съ главнымъ столомъ переходитъ не къ старшему сыну его, но къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ; этотъ старшій перемѣщается на главный столъ, причемъ перемѣщаются и остальные родичи на тѣ столы, которые теперь соотвѣтствуютъ ихъ степени старшинства. Такія отношенія въ родѣ правителей, такой порядокъ преемства, такіе переходы князей могущественно дѣйствуютъ на весь общественный бытъ древней Руси, на опредѣленіе отношеній правительственнаго начала къ дружинѣ и къ остальному народонаселенію, однимъ словомъ—находятся на первомъ планѣ, характеризуютъ время.

Начало перемѣны въ означенномъ порядкѣ вещей мы замѣчаемъ во второй половинѣ XII вѣка, когда сѣверная Русь выступаетъ на сцену; замѣчаемъ здѣсь, на сѣверѣ, новыя начала, новыя отношенія, имѣющія произвести новый порядокъ вещей, замѣчаемъ перемѣну въ отношеніяхъ старшаго князя къ младшимъ, ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, изъ которыхъ каждая стремится увеличить свои силы на счетъ другихъ линій и подчинить себѣ послѣднія уже въ государственномъ смыслѣ. Такимъ образомъ, чрезъ ослабленіе родовой связи между княжескими линіями, чрезъ ихъ отчужденіе другъ отъ друга и чрезъ видимое нарушеніе единства Русской Земли приготовляется путь къ ея собиранію, сосредоточенію, сплоченію частей около одного центра, подъ властію одного государя.

Первымъ слѣдствіемъ ослабленія родовой связи между княжескими линіями, отчужденія ихъ другъ отъ друга было временное отдѣленіе южной Руси отъ сѣверной, послѣдовавшее по смерти Всеволода III-го. Не имѣя такихъ прочныхъ основъ государственнаго быта, какими обладала сѣверная Русь, южная Русь, послѣ татарскаго нашествія, подпала подъ власть князей литовскихъ. Это обстоятельство не было гибельно для народности юго-западныхъ русскихъ областей, потому что литовскіе завоеватели приняли русскую вѣру, русскій языкъ; все оставалось по-старому; но гибельно было для русской жизни на юго-западѣ соединеніе всѣхъ литовско-русскихъ владѣній съ Польшею вслѣдствіе восшествія на польскій престолъ литовскаго князя Ягайла: съ этихъ поръ юго-западная Русь должна была вступить въ безплодную для своего народнаго развитія борьбу съ Польшею—для сохраненія своей народности, основою которой была вѣра; успѣхъ этой борьбы, возможность для юго-западной Руси сохранить свою народность условливались ходомъ дѣлъ въ сѣверной Руси, ея самостоятельностью и могуществомъ.

Здѣсь новый порядокъ вещей утверждался неослабно. Вскорѣ по смерти Всеволода III-го, по отдѣленіи южной Руси отъ сѣверной, явились и въ послѣдней Татары, опустошили значительную ея часть, наложили дань на жителей, заставили князей брать отъ хановъ ярлыки на княженія. Такъ какъ для насъ предметомъ первой важности была смѣна стараго порядка вещей новымъ, переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, отъ чего зависѣло единство, могущество Руси и перемѣна внутренняго порядка, и такъ какъ начала новаго порядка вещей на сѣверѣ мы замѣчаемъ прежде Татаръ, то монгольскія отношенія должны быть важны для насъ въ той мѣрѣ, въ какой содѣйствовали утвержденію этого новаго порядка вещей. Мы замѣчаемъ, что вліяніе Татаръ не было здѣсь главнымъ и рѣшительнымъ. Татары остались жить вдалекѣ, заботились только о сборѣ дани, нисколько не вмѣшиваясь во внутреннія отношенія, оставляя все какъ было, слѣдовательно оставляя на полной свободѣ дѣйствовать тѣ новыя отношенія, какія начались на сѣверѣ прежде нихъ. Ярлыкъ ханскій не утверждалъ князя неприкосновеннымъ на столѣ,—онъ только обезпечивалъ волость его отъ татарскаго нашествія; въ своихъ борьбахъ князья не обращали вниманія на ярлыки: они знали, что всякій изъ нихъ, кто свезетъ больше денегъ въ орду, получитъ ярлыкъ преимущественно передъ другимъ и войско на помощь. Независимо отъ Татаръ, обнаруживаются на сѣверѣ явленія, знаменующія новый порядокъ, именно—ослабленіе родовой связи, возстанія сильнѣйшихъ князей на слабѣйшихъ мимо родовыхъ правъ, стараніе пріобрѣсти средства къ усиленію своего княжества на счетъ другихъ. Татары въ этой борьбѣ являются для князей только орудіями, слѣдовательно историкъ не имѣетъ права съ половины XIII вѣка прерывать естественную нить событій, именно—постепенный переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя, и вставлять татарскій періодъ, выдвигать на первый планъ Татаръ, татарскія отношенія, вслѣдствіе чего необходимо закрываются главныя явленія, главныя причины этихъ явленій.

Борьба отдѣльныхъ княжествъ оканчивается на сѣверѣ тѣмъ, что княжество Московское, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, пересиливаетъ всѣ остальныя; московскіе князья начинаютъ собирать Русскую Землю: постепенно подчиняютъ и потомъ присоединяютъ они къ своему владѣнію остальныя княжества, постепенно въ собственномъ родѣ ихъ родовыя отношенія уступаютъ мѣсто государственнымъ, удѣльные князья теряютъ права свои одно за другимъ, пока наконецъ въ завѣщаніи Іоанна IV удѣльный князь становится совершенно подданнымъ великаго князя, старшаго брата, который носитъ уже титулъ царя. Это главное, основное явленіе—переходъ родовыхъ отношеній между князьями въ государственныя—условливаетъ рядъ другихъ явленій, сильно отзывается въ отношеніяхъ правительственнаго начала къ дружинѣ и остальному народонаселенію; единство, соединеніе частей условливаетъ силу, которою новое государство пользуется для того, чтобы побѣдить Татаръ и начать наступательное движеніе на Азію; съ другой стороны, усиленіе сѣверной Руси вслѣдствіе новаго порядка вещей условливаетъ успѣшную борьбу ея съ королевствомъ Польскимъ, постоянною цѣлью которой

становится соединеніе обѣихъ половинъ Руси подъ одною державой: наконецъ соединеніе частей, единовластіе, окончаніе внутренней борьбы даетъ Московскому государству возможность войти въ сношенія съ европейскими государствами, приготовлять себѣ мѣсто среди нихъ.

Въ такомъ положеніи находилась Русь въ концѣ XVI вѣка, когда пресѣклась Рюрикова династія. Начало XVII вѣка ознаменовано страшными смутами, грозившими юному государству разрушеніемъ. Крамолами людей, питавшихъ старинныя притязанія, нарушена была духовная и матеріальная связь областей съ правительственнымъ средоточіемъ: части разрознились въ противоположныхъ стремленіяхъ, Земля замутилась; своекорыстнымъ стремленіямъ людей, хотѣвшихъ воспользоваться такимъ положеніемъ дѣлъ для своихъ выгодъ, хотѣвшихъ жить на счетъ государства, открылось свободное поприще. Несмотря однако на страшные удары, на множество враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, государство спаслось: связь религіозная и связь гражданская были въ немъ такъ сильны, что, несмотря на отсутствіе видимаго сосредоточивающаго начала, части соединились, государство было очищено отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ, избранъ государь всею Землею. Такъ юное государство со славою выдержало тяжкое испытаніе, при которомъ ясно высказалась его крѣпость.

Съ новою династіей начинается приготовленіе къ тому порядку вещей, который знаменуетъ государственную жизнь Россіи среди европейскихъ державъ. При первыхъ трехъ государяхъ новой династіи мы видимъ уже начало важнѣйшихъ преобразованій: является постоянное войско, обученное иностранному строю, приготовляется слѣдовательно важнѣйшая перемѣна въ судьбѣ древняго служиваго сословія, такъ сильно отозвавшаяся въ общественномъ строѣ; видимъ начатки кораблестроенія, видимъ стремленіе установить нашу торговлю на новыхъ началахъ; иностранцамъ даются привилегіи для учрежденія фабрикъ, заводовъ; внѣшнія сношенія начинаютъ принимать другой характеръ; громко высказывается необходимость просвѣщенія, заводятся училища; при дворѣ и въ домахъ частныхъ людей являются новые обычаи; опредѣляются отношенія церкви къ государству. Преобразователь воспитывается уже въ понятіяхъ преобразованія, вмѣстѣ съ обществомъ приготовляется онъ идти только далѣе по начертанному пути, докончить начатое, рѣшить нерѣшенное. Такъ тѣсно связанъ въ нашей исторіи XVII вѣкъ съ первою половиной XVIII: раздѣлять ихъ нельзя. Во второй половинѣ XVIII вѣка замѣчаемъ новое направленіе; заимствованіе плодовъ европейской цивилизаціи съ исключительною цѣлію матеріальнаго благосостоянія оказывается недостаточнымъ, является потребность въ духовномъ, нравственномъ просвѣщеніи, потребность вложить *душу* въ приготовленное прежде *тѣло*, какъ выражались лучшіе люди эпохи. Наконецъ въ наше время просвѣщеніе принесло свой необходимый плодъ: познаніе вообще привело къ *самопознанію*.

Таковъ ходъ Русской Исторіи, такова связь главныхъ явленій, въ ней замѣчаемыхъ.

Глава I.

Природа русской государственной области и ея вліяніе на исторію.—Равнинность страны.—Сосѣдство ея съ Среднею Азіею.—Столкновеніе кочевниковъ съ осѣдлымъ народонаселеніемъ — Періоды борьбы между ними.—Козаки.—Племена славянскія и финскія.—Славянская колонизація.—Значеніе рѣкъ на великой равнинѣ.—Четыре главныя части древней Россіи.—Озерная область Новгородская.—Область Западной Двины.—Литва.—Область Днѣпра.—Область Верхней Волги.—Путь распространенія русскихъ владѣній.—Область Дона.—Вліяніе природы на характеръ народный.

Задолго до начала нашего лѣтосчисленія знаменитый Грекъ, котораго зовутъ отцомъ Исторіи, посѣтилъ сѣверные берега Чернаго моря; вѣрнымъ взглядомъ взглянулъ онъ на страну, на племена въ ней жившія, и записалъ въ своей безсмертной книгѣ, что племена эти ведутъ образъ жизни, какой указала имъ природа страны. Прошло много вѣковъ, нѣсколько разъ племена смѣнялись одни другими, образовалось могущественное государство, — но явленіе, замѣченное Геродотомъ, остается по-прежнему въ силѣ: ходъ событій постоянно подчиняется природнымъ условіямъ.

Передъ нами обширная равнина: на огромномъ разстояніи отъ Бѣлаго моря до Чернаго и отъ Балтійскаго до Каспійскаго путешественникъ не встрѣтитъ никакихъ сколько-нибудь значительныхъ возвышеній, не замѣтитъ ни въ чемъ рѣзкихъ переходовъ. Однообразіе природныхъ формъ исключаетъ областныя привязанности, ведетъ народонаселеніе къ однообразнымъ занятіямъ; однообразность занятій производитъ однообразіе въ обычаяхъ, нравахъ, вѣрованіяхъ; одинаковость нравовъ, обычаевъ и вѣрованій исключаетъ враждебныя столкновенія; одинакія потребности указываютъ одинакія средства къ ихъ удовлетворенію,—и равнина, какъ бы ни была обширна, какъ бы ни было вначалѣ разноплеменно ея населеніе, рано или поздно станетъ областью одного государства: отсюда понятна обширность русской государственной области, однообразіе частей и крѣпкая связь между ними.

Великая равнина открыта на юго-востокѣ, соприкасается непосредственно съ степями Средней Азіи: толпы кочевыхъ народовъ съ незапамятныхъ поръ проходятъ въ широкія ворота между Уральскимъ хребтомъ и Каспійскимъ моремъ, и занимаютъ привольныя для нихъ страны въ низовьяхъ Волги, Дона и Днѣпра; древняя Исторія видитъ ихъ здѣсь постоянно господствующими; Геродотъ свойствами страны объясняетъ причины этого господства, но тотъ же Геродотъ замѣчаетъ, что берега Днѣпра, по своему необыкновенному плодородію, способны питать и земледѣльческое народонаселеніе; и вотъ преданія говорятъ о народныхъ движеніяхъ съ запада, на встрѣчу кочевымъ ордамъ; на берегахъ Днѣпра и его притоковъ, на востокѣ и западѣ, селятся племена земледѣльческія, съ характеромъ европейскимъ; они движутся все далѣе и далѣе на востокъ; но кочевники не скоро уступятъ имъ свои привольныя степи. Азія не перестаетъ высылать хищныя орды, которыя хотятъ жить на счетъ осѣдлаго народонаселенія: ясно, что въ исторіи послѣдняго однимъ изъ главныхъ явленій будетъ постоянная борьба съ степными варварами. Періоды этой борьбы такъ обозначаются въ Русской Исторіи: отъ половины IX вѣка до сороковыхъ годовъ XIII нѣтъ рѣзкаго перевѣса ни на сторонѣ кочевниковъ, ни на сторонѣ славянскихъ племенъ, объединенныхъ подъ именемъ Руси; Печенѣги, а за ними Половцы наносятъ иногда сильныя опустошенія Приднѣпровью, но за то иногда и русскіе князья входятъ въ глубь степей ихъ, за Донъ, и плѣнятъ ихъ вежи. Отъ сороковыхъ годовъ XIII вѣка до исхода XIV берутъ перевѣсъ азіатцы, въ лицѣ Монголовъ; съ конца же XIV вѣка пересиливаетъ Европа, въ лицѣ Россіи; сѣверо-западная европейская часть великой равнины начинаетъ распространяться на счетъ юго-восточной, азіатской. — Но природа страны условила еще другую борьбу для государства, кромѣ борьбы съ кочевниками: когда государство граничитъ не съ другимъ государствомъ и не съ моремъ, но соприкасается съ степью, широкою и вмѣстѣ привольною для житья, то для людей, которые по разнымъ причинамъ не хотятъ оставаться въ обществѣ, или принуждены оставить его, открывается путь къ выходу изъ государства и пріятная будущность—свободная, разгульная жизнь въ степи. Вслѣдствіе этого, южныя степныя страны Россіи, по теченію большихъ рѣкъ, издавна населялись

козацкими толпами, которыя, съ одной стороны, служили пограничною стражею для государства противъ кочевыхъ хищниковъ, а съ другой, признавая только на словахъ зависимость отъ государства, нерѣдко враждовали съ нимъ, иногда были для него опаснѣе самихъ кочевыхъ ордъ. Такъ Россія, вслѣдствіе своего географическаго положенія, должна была вести борьбу съ жителями степей, съ кочевыми азіатскими народами и съ козаками, пока не окрѣпла въ своемъ государственномъ организмѣ и не превратила степи въ убѣжище для гражданственности.

Составляя восточную часть Европы, отличаясь климатомъ суровымъ, представляя — на юго-востокѣ степь, населенную кочевыми племенами, смѣнявшими другъ друга въ постоянномъ стремленіи изъ Азіи, на сѣверо-западѣ – страну, покрытую дѣвственными лѣсами, наполненную рѣками, озерами, болотами, среди которыхъ кое-гдѣ блуждали орды звѣролововъ, — великая равнина не могла получить скоро многочисленнаго народонаселенія. Племена славянскія раскинулись на огромныхъ пространствахъ, по берегамъ большихъ рѣкъ; при движеніи съ юга на сѣверъ они должны были встрѣтиться съ племенами финскими; но о враждебныхъ столкновеніяхъ между ними не сохранилось преданій: легко можно предположить, что племена не очень ссорились за землю, которой было такъ много, по которой можно было такъ просторно разселиться безъ обиды другъ другу. Въ началѣ нашей исторіи мы видимъ, что Славяне и Финны дѣйствуютъ заодно; какимъ образомъ ославянились финскія племенія — Меря, Мурома, какимъ образомъ Двинская область получила русское народонаселеніе и стала владѣніемъ Великаго Новгорода? — все это произошло тихо, незамѣтно для исторіи, потому что здѣсь собственно было не завоеваніе одного народа другимъ, но мирное занятіе земли никому не принадлежащей. Распространеніе русскихъ владѣній въ Сибири, о которомъ можно имѣть ясное понятіе по дошедшимъ до насъ памятникамъ, даетъ лучшее объясненіе тому, какъ распространялись русскія владѣнія и по сю сторону Уральскаго хребта: здѣсь также могли происходить стычки съ туземцами, которые приходили иногда разорять новыя поселенія, отказывались платить ясакъ; но здѣсь одинъ народъ, государство не было завоевано другимъ народомъ, государствомъ въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно принимается въ исторіи завоеваніе; однимъ словомъ — и тамъ и здѣсь преимущественно происходило населеніе, колонизація страны. Что сказано о сѣверѣ Россіи, то можетъ быть сказано и о другихъ областяхъ: мы видимъ съ самаго начала, что князья наши преимущественно заботятся о построеніи городовъ, о населеніи пустынныхъ пространствъ; извѣстно, какъ и послѣ Московское государство расширяло свои предѣлы на востокъ и юго-востокъ, занимая и населяя пустынныя пространства; извѣстно, наконецъ, населеніе южныхъ и юго-восточныхъ областей, происходившее недавно, уже во времена Имперіи[1]). Малонаселенность страны, постоянное стремленіе владѣльцевъ увеличивать населеніе своихъ земель съ ущербомъ государственному интересу — вызывали мѣры, имѣвшія цѣлію удержать народонаселеніе на прежде занятыхъ имъ пространствахъ. Такимъ образомъ, въ Русской Исторіи мы замѣчаемъ то главное явленіе, что государство, при расширеніи своихъ владѣній, занимаетъ обширныя пустынныя пространства и населяетъ ихъ; государственная область расширяется преимущественно посредствомъ колонизаціи; господствующее племя — славянское — выводитъ поселенія свои все далѣе и далѣе въ глубь востока. Всѣмъ племенамъ Европы завѣщано исторіею высылать поселенія въ другія части свѣта, распространять въ нихъ христіанство и гражданственность: западнымъ европейскимъ племенамъ суждено совершать это дѣло морскимъ, восточному племени — славянскому — сухимъ путемъ.

Однообразна природа великой восточной равнины, не поразитъ она путешественника чудесами: одно только поразило въ ней наблюдательнаго Геродота: „Въ Скиѳіи, говоритъ онъ, нѣтъ ничего удивительнаго, кромѣ рѣкъ ее орошающихъ: онѣ велики и многочисленны“ [2]). Въ самомъ дѣлѣ, обширному пространству древней Скиѳіи соотвѣтствуютъ исполинскія системы рѣкъ, которыя почти переплетаются между собою и составляютъ, такимъ образомъ, по всей странѣ водную сѣть, изъ которой народонаселенію трудно было высвободиться для особой жизни; какъ вездѣ, такъ и у насъ рѣки служили проводниками первому народонаселенію: по нимъ сѣли племена, на нихъ явились первые города; такъ какъ самыя большія изъ нихъ текутъ на востокъ или юго-востокъ, то этимъ условилось и преимущественное распространеніе русской государственной области въ означенную сторону; рѣки много содѣйствовали единству народному и государственному, и при всемъ томъ особыя рѣчныя системы опредѣлили вначалѣ особыя системы областей, княжествъ. Такъ по четыремъ главнымъ рѣчнымъ системамъ Русская Земля раздѣлялась въ древности на четыре главныя части:

---

[1]) Полное Собраніе Русскихъ Лѣтописей Т. I, стр. 9: «И раздая (Рюрикъ) мужемъ своимъ волости и городы рубити». Тамъ же стр. 10: «Се же Олегъ нача городы ставити». Тамъ же: «И нача (Владиміръ) ставити городы по Деснѣ, и по Востри, и по Трубежеви, и по Сулѣ, и по Стугнѣ; и нача нарубати мужи лучшіе отъ Словенъ, и отъ Кривичь, и отъ Чюди, и отъ Вятичь, и отъ сихъ насели грады». Стр. 65: Ярославъ польскими плѣнниками населяетъ мѣста по рѣкѣ Реи; стр. 113: Василько хочетъ покорить Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя. Исторія Россійская Татищева, кн. III, стр. 76: «Зачалъ (Юрій) строить въ области своей многіе города... созывая людей отовсюду, которымъ немалую ссуду давалъ, и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ Русскихъ, селились, и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли». Новымъ поселенцамъ вездѣ давались большія льготы, см. Акты Истор. I, №№ 13, 25, 28, 36, 49, 81, 88 и проч.

[2]) Herodot. Halic. I. IV, стр. 82.

первую составляла озерная область Новгородская, вторую — область Западной Двины, т.-е. область Кривская, или Полоцкая, третью — область Днѣпра, т.-е. область древней собственной Руси, четвертую—область Верхней Волги, область Ростовская.

Область Новгородская, составляя продолженіе Финляндской озерной области, въ отношеніи географическомъ и историческомъ, посредничаетъ между западною Европою и Россіею. Здѣсь славянское племя сталкивается съ скандинаво-германскимъ; здѣсь шелъ великій водный путь изъ сѣверо-западной Европы въ юго-восточную и въ Азію, изъ Варягъ въ Греки,—путь, по которому издавна спускались сѣверныя дружины на югъ, для опустошенія береговъ Имперіи; этимъ же путемъ производилась торговля между сѣверомъ и югомъ Европы. Озеро Ильмень, принимая въ себя съ юга многовѣтвистую Ловать, выпускаетъ на сѣверъ, въ Ладожское озеро, Волховъ; великій водный путь шелъ изъ Финскаго залива, по Невѣ, въ Ладожское озеро, отсюда Волховомъ въ Ильмень, изъ Ильменя Ловатью. Славянское племя, при движеніи своемъ съ юга на сѣверъ, не утвердилось, въ половинѣ IX вѣка, нигдѣ на берегахъ моря; навстрѣчу медленному движенію Славянъ видимъ быстрое движеніе Варяговъ. Славянамъ удалось утвердиться на важномъ пунктѣ, при истокѣ Волхова изъ Ильменя, гдѣ является Новгородъ; но на второмъ важномъ пунктѣ великаго пути, при впаденіи Волхова въ Ладожское озеро, они утвердиться не могли. Если даже предположимъ, что Ладога существовала до прибытія Рюрика, то она находилась не при самомъ устьи Волхова, и это положеніе ея показываетъ, со стороны Славянъ, какую-то медленность, боязливость приблизиться къ озеру Нево. Что касается рѣки Невы, то начальный лѣтописецъ считаетъ ее не рѣкою, а устьемъ озера въ море; Нева долго текла въ дикой независимости, и короткій бѣгъ ея долго былъ свидѣтелемъ упорной борьбы между двумя народами, Русскими и Шведами. Русскимъ удалось во время этой борьбы утвердиться на третьемъ важномъ пунктѣ великаго пути, при истокѣ Невы изъ Ладожскаго озера, гдѣ былъ построенъ Орѣшекъ; но потомъ эта крѣпость была уступлена Шведамъ; Петръ Великій взялъ ее снова и назвалъ Ключемъ-городомъ (Шлюссельбургомъ); наконецъ Петръ успѣлъ овладѣть теченіемъ Невы, и укрѣпился на послѣднемъ, самомъ важномъ пунктѣ озерной системы, въ началѣ великаго воднаго пути — именно при устьи Невы въ море, гдѣ основалъ Петербургъ. Это положеніе при началѣ великаго воднаго пути, соединяющаго и теперь Европу съ Азіею, условило важное значеніе Петербурга, какъ столицы: здѣсь, въ IX вѣкѣ, началась первая половина Русской Исторіи; здѣсь, въ XVIII, началась вторая ея половина. Движеніе восточныхъ славянскихъ племенъ съ юга на сѣверъ, по великому водному пути, начавшееся въ доисторическое время, только въ XVIII вѣкѣ окончательно достигло своей цѣли—морскаго берега.

Область Новгородскаго княжества есть озерная область, гдѣ главный узелъ составляетъ озеро Ильмень; слѣдовательно, естественныя границы княжества должны совпадать съ границами рѣчныхъ системъ Ильменя, Ладожскаго озера и другихъ близлежащихъ озеръ; и, дѣйствительно, мы видимъ, что границами Новгородской области служатъ волоки между системами рѣкъ озерныхъ и между системами Волги, Днѣпра и Западной Двины. Разумѣется, эти границы мы должны означать приблизительно: въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, преимущественно къ востоку и юго-востоку, племя Славянъ Ильменскихъ или Новгородскихъ еще въ незапамятныя времена могло перейти волоки и выселиться на другія рѣчныя системы, вслѣдствіе малонаселенности страны, лежащей къ востоку, на верховьяхъ Волги; несмотря на то однако, границы преимущественно идутъ по волокамъ, которые, надобно замѣтить, нигдѣ не имѣютъ такого важнаго значенія, какъ у насъ въ Россіи, ибо замѣняютъ отчасти горы. На югѣ границею Новгородской области съ Полоцкою и Смоленскою служилъ волокъ между системою Ильменя и Западной Двины; здѣсь граница могла обозначиться съ большею точностью волокомъ вслѣдствіе ранняго населенія Полоцкой, или Двинской области. На востокѣ границею Новгородской области съ Ростовскою, или Суздальскою, служилъ приблизительно также волокъ между системою Ильменя и Верхней Волги: такъ видимъ границу при рѣкѣ Медвѣдицѣ, одномъ изъ самыхъ близкихъ волжскихъ притоковъ къ системѣ Ильменской [1]); но здѣсь, на востокѣ, Новгородцы перешли въ нѣкоторыхъ мѣстахъ естественную границу своей области, ибо народонаселеніе необходимо стремилось съ запада на востокъ, находя себѣ здѣсь болѣе простора; такъ въ числѣ новгородскихъ владѣній мы встрѣчаемъ Торжокъ, Волокъ-Ламскій, Бѣжецкъ и другія мѣста, находящіяся на Волжской системѣ; любопытно однако видѣть, что эти мѣста были спорныя между Новгородцами и князьями Ростовской области; послѣдніе никакъ не хотятъ уступить ихъ въ полное владѣніе Новгородцамъ: такъ Волокъ и Торжокъ раздѣлены пополамъ между Новгородцами и суздальскими князьями [2]), названіе Торжка, Торга, указываетъ именно на пограничное мѣсто, куда сходились на мѣну, торгъ, жители двухъ областей; названіе Новый Торгъ указываетъ, что этотъ торгъ былъ прежде гдѣ-нибудь на другомъ мѣстѣ, быть, можетъ выше, на самомъ волокѣ. Любопытно также, что всѣ эти мѣста на Волжской системѣ перечисляются всегда въ грамотахъ, какъ новгородскія владѣнія,—знакъ, что

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, стр. 118: «Ярославъ же стояшэ на Медвѣдици въ сторожихъ». Ярославъ Святославичъ долженъ былъ сторожить границу Ростовской области отъ прихода Мстислава Новгородскаго.

[2]) См. сводную новгородскую грамоту въ моемъ изслѣдованіи объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ: «А что ти, княже, пошло на Торжку и на волоцѣ тивунъ свой дьржати, на своей чясти дьржати, а Новгородьцъ на своей чясти дьржати».

они были спорныя, что суздальскіе князья имѣли на н[illegible] постоянныя притязанія, однимъ словомъ, что были колоніи новгородскія въ чужой области [1]). Такія же колоніи новгородскія простирались въ области Онеги, Сѣверной Двины и даже до самаго Уральскаго хребта; на важное значеніе волоковъ указываетъ названіе заволоцкихъ владѣній Новгорода, Заволоцкой Чуди.

Въ тѣсной связи съ системою Ильменя находится система Чудскаго и Псковскаго озеръ: Кривичи Изборскіе находятся въ союзѣ съ Славянами Новгородскими, вмѣстѣ съ ними призываютъ князей; несмотря однако на эту тѣсную связь, несмотря на то, что Псковъ, смѣнившій Изборскъ, находился въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Новгороду, Псковъ съ самаго начала стремится къ самостоятельности, и наконецъ достигаетъ ея; здѣсь, между другими обстоятельствами, нельзя не предположить и вліянія природы, потому что Псковская область принадлежитъ къ отдѣльной рѣчной системѣ. Этимъ же обстоятельствомъ условливаются и самое различіе и границы племенъ: народонаселеніе Изборской области принадлежало къ кривскому племени.

Новгородская область представляетъ самую возвышенную страну между внутренними русскими областями. По климату и почвѣ она раздѣляется на двѣ половины: сѣверо-восточную и юго-западную. Сѣверо-восточная, простирающаяся отъ окрестностей озеръ Лача и Вожа до рѣкъ Сяси и Мологи, наполнена стоячими водами и лѣсами, подвержена дуновенію сѣверныхъ вѣтровъ, и повсюду неплодородна по причинѣ влажной и болотистой почвы; юго-западная половина гораздо возвышеннѣе, суше и плодороднѣе. Это раздѣленіе важно для насъ въ томъ отношеніи, что имъ опредѣляется первоначальная граница славянскаго и финскаго племени; извѣстно, что вездѣ при своихъ столкновеніяхъ Славяне занимали возвышенныя, сухія и хлѣбородныя пространства, Финны же — низменныя, болотистыя [2]); такъ точно и здѣсь означенная граница по качеству почвы соотвѣтствуетъ границѣ между славянскимъ и финскимъ племенами въ Новгородской области. Самыя лучшія для хлѣбопашества мѣста находятся между рѣками Шелонью и Ловатью: здѣсь главныя селища славянскаго племени; далѣе къ сѣверо-западу, въ нынѣшней Петербургской губерніи, опять начинаются низменныя, болотистыя пространства—почва финскаго племени. Но такъ какъ пространство между рѣками Шелонью и Ловатью мы назвали хлѣбороднымъ только относительно, вообще же Ильменскіе Славяне не нашли въ своихъ жилищахъ большихъ удобствъ для земледѣльческой промышленности, то съ теченіемъ времени, благодаря удобству водныхъ путей, среди нихъ развилась торговая промышленность, указавшая имъ необходимо путь къ сѣверо-востоку, малонаселенному финскими племенами, со стороны которыхъ Новгородцы не могли встрѣтить сильнаго сопротивленія. Изъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ мы знаемъ, что относительно продовольствія Новгородская область была въ зависимости отъ Низовой Земли: князь послѣдней, пресѣкши подвозъ съѣстныхъ припасовъ, могъ заморить Новгородъ голодомъ; съ другой стороны, и относительно торговли Новгородъ зависѣлъ вполнѣ отъ Востока, потому что торговое значеніе Новгорода состояло въ доставкѣ сѣверо-восточныхъ товаровъ въ Европу. Отсюда понятно, что когда на востокѣ явилось могущественное владѣніе — государство Московское, то Новгородъ, находясь въ полной зависимости отъ Востока, необходимо долженъ былъ примкнуть къ этому государству: такимъ образомъ, сама природа не позволяла Новгороду быть долго независимымъ отъ восточной Руси. То же самое должно сказать и о Псковѣ: его область имѣетъ также тощую почву, которая должна была заставить народонаселеніе обратиться къ другого рода промышленности, торговлѣ, ремесламъ; Псковичи славились мастерствами, особенно строительнымъ; Новгородцевъ въ насмѣшку называли плотниками — указаніе на ихъ промышленный характеръ.

Несмотря на то, что на западѣ въ средніе вѣка существовало мнѣніе, будто изъ Балтійскаго моря по восточному пути можно проѣхать водою въ Грецію, водный путь этотъ прекращался рѣкою Ловатью тамъ, гдѣ прекращается и Новгородская озерная область. Отъ Ловати до Днѣпра шелъ волокъ, отдѣлявшій Новгородскую озерную область отъ Западно-Двинской и Днѣпровской. Объ этомъ волокѣ между Ловатью и Днѣпромъ упоминаетъ начальный лѣтописецъ, описывая водный путь изъ Варягъ въ Греки; но онъ не вдается въ подробности, какимъ образомъ дружины первыхъ князей русскихъ шли отъ Ловати до Днѣпра. Очень вѣроятно, что путь ихъ лежалъ отъ Ловати по рѣкѣ Сережѣ до тридцати-верстнаго волока въ Желну на рѣкѣ Торопѣ; потомъ внизъ Торопою до Двины, Двиною—къ устью Косопли (Каспли), и этою рѣкой вверхъ до озера Касплинскаго и волока при Гавринахъ, въ Порѣцкомъ уѣздѣ, съ переѣздомъ по сушѣ тридцати верстъ [3]). Во всякомъ случаѣ, на пути отъ Ловати къ Днѣпру должно было встрѣтить Западную Двину: вотъ причина, почему Двинская область Полоцкихъ Кривичей вошла въ связь съ Новгородцами и князьями ихъ прежде области Кривичей Смоленскихъ, и Рюрикъ уже отдаетъ Полоцкъ одному изъ мужей своихъ. Область Запад-

---

[1]) Легко замѣтить, что первоначальная граница Новгородской и Ростовской области именно шла по водораздѣлу между Мстою, Тверцою, Медвѣдицею и Мологою, и что движеніе, переходъ новгородскаго народонаселенія и владѣній въ область Волги совершился съ сѣверо-запада, тамъ, гдѣ волоки такъ ничтожны, между Пашею, Соминою, Сясью. Движеніе шло Чагодощею, и потомъ Мологою вверхъ до водораздѣла и внизъ до Весьегонска. На эти границы областей всего лучше указываютъ границы новгородскаго нарѣчія.

[2]) См. ниже въ главѣ о Финнахъ.

[3]) См. Ходаковскаго «Пути сообщенія въ древней Россіи» (Русскій Историческій Сборникъ. Т. I, стр 13 и слѣд.).

ной Двины, или область Полоцкая, имѣла такую же участь, какъ и озерная область Новгородская: славянское племя заняло начало и средину теченія Двины, но не успѣло при медленномъ движеніи своемъ достигнуть ея устья, береговъ моря, около котораго оставались еще туземцы, хотя подчиненные русскимъ князьямъ, но не подчинившіеся славяно-русской народности. Особность Полоцкаго, или Двинскаго княжества, его слабость вслѣдствіе этой особности и усобицъ были причиною того, что въ XII вѣкѣ отъ морскихъ береговъ, съ устья Двины, начинается наступательное движеніе Нѣмцевъ, предъ которыми Полочане должны были отступать все далѣе и далѣе внутрь страны. Потомъ Полоцкое княжество подчинилось династіи князей литовскихъ, и черезъ нихъ соединилось съ Польшею. Московское государство, сосредоточивъ сѣверо-восточныя русскія области, усилившись, начало стремиться, по естественному направленію, къ морю, ибо въ области Московскаго государства находились истоки Двины. Іоаннъ IV, стремясь черезъ покореніе Ливоніи къ морю, взялъ и Полоцкъ; но Баторій отнялъ у него и Ливонію и Полоцкъ, вслѣдствіе чего почти все теченіе Двины стало находиться въ области одного государства. Но черезъ нѣсколько времени Шведы отняли у Поляковъ устье Двины, и область этой рѣки явилась въ затруднительномъ, неестественномъ положеніи, подѣленною между тремя государствами. Петръ Великій отнялъ низовье Двины у Шведовъ, вслѣдствіе чего положеніе Двинской области стало еще затруднительнѣе, потому что верховье и устье находились въ области одного государства, а средина—въ области другаго. При Екатеринѣ II Двинская область была выведена изъ этого неестественнаго положенія.

Границу Полоцкой области на сѣверѣ составляетъ водораздѣлъ между системою Двины и озерною—Ильменскою и Чудскою. Но верховье Двины не принадлежало Полоцкой области; за него шла сильная борьба между князьями полоцкими, потомками Изяслава Владиміровича, и потомками брата его Ярослава, владѣльцами остальныхъ русскихъ областей. Причина этой борьбы, причина стремленія Ярослава I и рода его удержать за собою верховье Двины—ясна съ перваго взгляда на карту: Верхняя Двина и впадающая въ нее рѣчка Торопа служили соединеніемъ Новгородской области съ собственною Русью, областью Днѣпровскою; по нимъ шелъ путь изъ Варягъ въ Греки; владѣя Новгородомъ и Днѣпровьемъ, Ярославъ и дѣти его не могли оставить верховье Двины и Торопу во владѣніи враждебнаго рода Изяславичей Полоцкихъ; послѣдніе, пользуясь тѣмъ, что ихъ владѣнія, ихъ рѣчная область отдѣляла Новгородскую область отъ Руси, неоднократно обнаруживали свои притязанія на Новгородъ. Ярославъ уступилъ Брячиславу Полоцкому Витебскъ и Усвятъ [1]), но удержалъ верховье Двины и Торопу, гдѣ послѣ образовалось княжество Торопецкое, примыкавшее къ Смоленскому. Изъ этого положенія Торопецкаго княжества, лежащаго въ срединѣ между озерною (Новгородскою), Двинскою (Полоцкою), Днѣпровскою (Южнорусскою) и Волжскою (Ростовскою и Суздальскою) областями, уясняется намъ положеніе князей торопецкихъ, знаменитыхъ Мстиславовъ, ихъ значеніе, какъ посредниковъ между Новгородомъ, южною Русью и князьями суздальскими; посредствомъ Торопца Новгородъ поддерживалъ связь свою съ южною Русью, изъ Торопца получалъ защиту отъ притѣсненій князей суздальскихъ.

На востокѣ, югѣ и западѣ границами Полоцкой области служили приблизительно также водораздѣлы между системами Двины, Днѣпра и Нѣмана. Но на югѣ къ Полоцкому княжеству примыкало также княжество Минское, находившееся преимущественно на системѣ Днѣпровской, по правому берегу Днѣпра и рѣкамъ, впадающимъ въ него съ этой стороны. Княжество Минское образовалось, какъ видно, изъ области славянскаго племени Дреговичей, сѣвшихъ, по лѣтописи, между Припетью и Двиною. Мы видимъ, что, въ стремленіи своемъ на югъ изъ Новгородской области, Варяги прежде всего должны были перейти въ область Двины и утвердиться въ Полоцкѣ. Отсюда, двинувшись къ югу, они немедленно должны были перейти въ область Днѣпра, въ землю Дреговичей, въ томъ мѣстѣ, гдѣ притоки Днѣпра и Двины находятся такъ близко другъ отъ друга, гдѣ теперь искусственно соединяются Березинскимъ каналомъ. Это движеніе полоцкихъ державцевъ къ югу и покореніе Дреговичей безъ сомнѣнія произошло еще при Рюрикѣ, по крайней мѣрѣ прежде движенія Олега изъ Новгорода; что правый берегъ Днѣпра, земля Дреговичей занята была изъ Полоцка,—доказываетъ молчаніе лѣтописи о покореніи Дреговичей Олегомъ или его преемниками. Владиміръ, истребивъ семью Полоцкаго князя Рогволода, присоединилъ его владѣнія, какъ кривскія, такъ и дреговическія къ своимъ; но послѣ, по совѣту дружины, возстановилъ Рогволодову область въ цѣломъ ея видѣ для внука Рогволодова, а своего сына Изяслава; этимъ объясняется, какимъ образомъ Минское княжество, лежащее въ области Днѣпровской, принадлежало роду князей полоцкихъ; но Минское княжество, вслѣдствіе своего географическаго положенія, становится мѣстомъ борьбы между Изяславичами полоцкими и Ярославичами русскими, и долѣе, чѣмъ самый Полоцкъ, остается за послѣдними; а Дреговичи южные, жившіе по притокамъ Припети, принадлежатъ постоянно къ владѣніямъ русскихъ Ярославичей [2]). Почва собственно Полоцкаго княжества неплодородна; вся область наполнена озерами, болотами, топями; теперь въ Витебской губерніи считается больше 1,000 озеръ большихъ и малыхъ. Бѣдность природы, при

[1]) Воскресен. Лѣтоп., годъ 1021. Впрочемъ послѣ, при ослабленіи полоцкихъ князей, Витебскъ подпадалъ опять власти Ростиславичей.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. II, стр. 7: «Приходи Володимеръ (Мономахъ) на Глѣба (князя Минскаго): Глѣбъ бо бяше воевалъ Дреговичи и Случескъ пожегъ».

удобствѣ сообщенія съ моремъ посредствомъ Двины, обратила вниманіе Полочанъ и Видблянъ на торговлю, и они вмѣстѣ съ Смольнянами являются посредниками заморской русской торговли.

Какъ Полоцкое княжество есть область Западной Двины, такъ Литва есть область Нѣмана, Польша—область Вислы. Литовская область вмѣстѣ съ областью Ятвяговъ, лежащею по границѣ между рѣчными системами Вислы, Нѣмана и Днѣпра, имѣютъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы: покрытыя болотами и лѣсами, даже теперь непроходимыми, эти страны лучше высокихъ горныхъ хребтовъ охраняли западныя границы русскихъ Славянъ; среди этихъ-то болотъ и непроходимыхъ пущъ съ незапамятныхъ поръ засѣли странные народы—Литва и Ятвяги, происхожденія которыхъ не могутъ еще опредѣлить ученые. Благодаря природѣ своей страны, Литовцы и Ятвяги долѣе всѣхъ своихъ сосѣдей сохраняли дикость первоначальнаго быта; они набѣгали на окрестныя страны, но сами были недосягаемы въ своихъ неприступныхъ природныхъ укрѣпленіяхъ. Когда единоплеменники ихъ—Пруссы—подверглись тяжкому игу Нѣмцевъ, Литовцы отбились отъ послѣднихъ въ своихъ дебряхъ, заслонили отъ нихъ и восточныхъ сосѣдей своихъ; съ другой стороны, вѣроятно усиленные въ числѣ прусскими выходцами, Литовцы начинаютъ наступательное движеніе къ востоку и югу на русскія области, и основываютъ княжество, котораго географическое положеніе также очень важно: въ области Литовскаго великаго княжества соединялись системы Днѣпровская, Вислинская, Нѣманская и Западно-Двинская; рѣки русскія соединялись съ рѣками польскими. Поэтому княжество Литовское служило звеномъ, связующимъ Русь съ Польшею. На небольшомъ пространствѣ между Кобриномъ, Пинскомъ и Слонимомъ, три рѣчныя системы—Вислинская, Нѣманская и Днѣпровская—и вмѣстѣ съ тѣмъ три области—Польская, Литовская и Русская—соединяются теперь каналами: вотъ доказательство, что на восточной европейской равнинѣ естественными гранями между странами и народами служили междурѣчные волоки, и какъ эти естественныя грани были незначительны, какъ мало препятствовали соединенію народовъ!

Юго-западная, древняя собственная Русь (княжества Кіевское, Переяславское, Черниговское, Смоленское, Волынское, Туровское) есть область Днѣпра, главной рѣки воднаго пути изъ Варягъ въ Греки; этому пути, слѣдственно Днѣпру, преимущественно Русь была обязана своимъ соединеніемъ съ сѣверо-западною и юго-восточною Европою: изъ первой явились князья, отъ второй получено христіанство; Днѣпру преимущественно Русь была обязана и своимъ матеріальнымъ благосостояніемъ: по этой рѣкѣ шли съ своими дружинами князья, которые сосредоточили прибрежныя славянскія племена, жившія разсѣянно; по Днѣпру же шелъ и торговый путь изъ нижнихъ странъ въ верхнія. И Днѣпръ, въ историческомъ отношеніи, раздѣлялъ судьбу другихъ рѣкъ русскихъ: его устье хотя съ незапамятныхъ поръ покрывалось русскими лодками, однако собственно не находилось въ русскихъ владѣніяхъ до временъ Екатерины II-й, потому что русская государственная область распространялась естественнымъ образомъ изнутри, изъ ядра своего, внизъ по рѣкамъ, до естественныхъ предѣловъ своихъ, т.-е. до устьевъ этихъ рѣкъ, берущихъ начало въ ея сердцѣ, а это сердце—Великая Россія, Московское государство, справедливо называемое страною источниковъ; отсюда берутъ свое начало всѣ тѣ большія рѣки, внизъ по которымъ распространялась государственная область. Несмотря на то, что юго-западная Русь, преимущественно Кіевская область, была главною сценою древней нашей исторіи, пограничность ея, близость къ полю, или степи, жилищу дикихъ народовъ, дѣлала ее неспособною стать государственнымъ зерномъ для Россіи, для чего именно природа приготовила Московскую область; отсюда Кіевская область (Русь въ самомъ тѣсномъ смыслѣ) вначалѣ и послѣ носитъ характеръ пограничнаго военнаго поселенія, остается страною козаковъ до полнаго государственнаго развитія, начавшагося въ сѣверной Руси, въ странѣ источниковъ.

Но если по причинамъ естественнымъ юго-западная Русь не могла стать государственнымъ ядромъ, то природа же страны объясняетъ намъ, почему она была главною сценою дѣйствія въ начальной нашей исторіи: области древнихъ княжествъ Кіевскаго, Волынскаго, Переяславскаго и собственно Черниговскаго составляютъ самую благословенную часть областей русскихъ относительно климата и качества почвы.—Древнюю Русь, въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова, составляла страна около Кіева, на западномъ берегу Днѣпра, земля Полянъ. Область Кіевскаго княжества въ первоначальномъ видѣ, какъ досталась она Изяславу І-му, заключала въ себѣ земли Полянъ, Древлянъ и отчасти Дреговичей; естественными и приблизительными историческими границами его были: къ востоку Днѣпръ; къ сѣверу водораздѣлъ между рѣчными областями, собственно Днѣпровскою и областью Припети, потомъ водораздѣлъ между областью Припети и Нѣмана; къ западу водораздѣлъ между Западнымъ Бугомъ и Вислою; къ югу сначала водораздѣлъ между областью Припети, Днѣстра и Буга, потомъ рѣка Рось, по которой, начиная съ XI вѣка, видимъ уже военныя поселенія, зерно козачества. Почему рѣка Рось служила въ древности южною границей и Кіевскаго княжества и всѣхъ русскихъ областей, это объясняется также природою: къ югу отъ этой рѣки, въ южной части нынѣшней Кіевской губерніи, почва принимаетъ уже степное свойство; луга здѣсь степные. Область княжества Владиміро-Волынскаго заключала въ себѣ землю Бужанъ (славянскаго племени, жившаго по Западному Бугу)[1] и, принадлежа, съ одной сто-

---

[1]) Какъ видно, до впаденія въ Бугъ рѣки Нура на сѣверѣ.

роны, къ системѣ Вислинской, а съ другой, чрезъ притоки Припети, къ Днѣпровской, посредничала между Русью и Польшею. Это положеніе Владиміро-Волынской области на отдѣльной отъ Днѣпра рѣчной системѣ объясняетъ отчасти, почему Волынь отдѣляется отъ собственной Руси и вмѣстѣ съ Галичемъ образуетъ особую систему княжествъ; отдѣльность рѣчной системы объясняетъ также и раннюю особность Галицкаго княжества, лежащаго по Вислинской и Днѣстровской системамъ.

На восточной сторонѣ Днѣпра, притокомъ послѣдняго, Десною, привязывалась къ Кіевской области и область Черниговская, лежащая по Деснѣ и ея притокамъ. Тщетно князья хотѣли дѣлить Русь Днѣпромъ на двѣ отдѣльныя половины: Десна привязывала Черниговъ къ Кіеву такъ же крѣпко, какъ и родовыя отношенія Святославичей и Мономаховичей; тщетно потомъ польское правительство хотѣло раздѣлиться Днѣпромъ съ Москвою; это дѣленіе было кратковременно. Рѣка Сеймъ, притокъ Десны, привязывала къ Чернигову область Курскую [1]). На южной оконечности нынѣшней Черниговской губерніи находится возвышенность, дающая начало рѣкамъ, изливающимся отсюда въ Полтавскую губернію: Трубежу, Супою, Удаю и Ромну; этотъ водоспускъ въ древности отдѣлялъ область Черниговскаго княжества отъ области Переяславскаго. На Верхнемъ Днѣпрѣ, и слѣд. въ тѣсной связи съ Кіевомъ, находилась область Смоленскаго княжества. Смоленскъ находился въ области Кривичей, которые сѣли на верховьяхъ рѣкъ Волги, Днѣпра и Двины. Изъ этого положенія легко видѣть важное значеніе Смоленской области, находившейся между тремя главными частями Руси,— между областью Волги, Днѣпра и Двины, т.-е. между Великою, Малою и Бѣлою Россіею: держа ключи ко всѣмъ этимъ областямъ, смоленскіе князья держатъ Новгородъ въ зависимости отъ южной Руси, стерегутъ Днѣпровье отъ притязаній сѣверныхъ князей, принимаютъ самое дѣятельное участіе въ распряхъ послѣднихъ съ южными, являются главными дѣятелями въ исторіи юго-западной Руси (съ тѣхъ поръ, какъ волынскіе князья обращаютъ все свое вниманіе на западъ), борются съ Волынью и Галичемъ за Кіевъ, и во время этой борьбы крѣпко держатся связи съ сѣверомъ, съ Новгородомъ и Волжскою областью. Изъ положенія Смоленской области понятно, почему Смоленскъ служилъ постоянно поводомъ къ спору между сѣверо-восточною, или Московскою, и юго-западною, или Литовскою Русью; почему ни московское, ни литовское (польское) правительства не могли успокоиться, не имѣя въ своихъ рукахъ Смоленска. Граница Смоленскаго княжества шла на сѣверѣ между притоками Ловати и Торопою, далѣе отъ Торопца къ Верхней Волгѣ у Ржева; восточная граница шла отъ Ржева мимо Зубцова къ верховьямъ Москвы-рѣки и Протвы около Можайска, потомъ поворачивала къ западу водораздѣломъ между системою Днѣпровскою и Окскою, между Угрою и Днѣпромъ, между Десною и Сожью; южную границу съ Черниговскою и Кіевскою областями опредѣлить можно впаденіемъ рѣки Прони въ Сожь; на западъ границу составлялъ Днѣпръ до Орши, и далѣе на сѣверъ—линія черезъ Двину между Суражемъ и Велижемъ къ Торопцу. Изъ обозначенія этихъ границъ видно, что Смоленское княжество, кромѣ области Кривичей, заключало въ себѣ также и область Радимичей, жившихъ на

[1]) Г. Погодинъ (Розыск. о гор. и пред. древн. Русск. Княж. Ж. М. В. Д.) несправедливо отчисляетъ Курскъ къ Переяславскому княжеству: этотъ городъ былъ при великихъ князьяхъ Мстиславѣ и Ярополкѣ Владиміровичахъ только во временномъ владѣніи у Мономаховичей, прежде же и послѣ принадлежалъ черниговскимъ Ольговичамъ. Время, въ которое овладѣли Мономаховичи Курскомъ и другими посемскими городами, означено въ Лаврентьевскомъ спискѣ, стр. 130: «Мстиславъ же съ Ярополкомъ совокуписта воѣ, хотяще ити на Всеволода (Ольговича, Черниговскаго) про Ярослава; и Всеволодъ послася по Половцѣ. И пріиде ихъ 7 тысячъ съ Селукомъ (и съ Ташемъ), и сташа у Ратьмірѣ Дубравы за Выремъ. Послали бо бяхуть послы ко Всеволоду, и не пропустиша ихъ опять, Ярополчи бо бяхуть посадницы по всей Семи, и Мстиславича Изяслава посадилъ Курьскѣ». Потомъ, когда начались усобицы между Мономаховичами, Ольговичи, пользуясь случаемъ, стали требовать у Ярополка Курска и посемскихъ городовъ (Ипатьев. 13): «Ольговичи начаша просити у Ярополка: что ны отець держалъ при вашемъ отци, того же и мы хочемъ». Ярополкъ, проигравъ Супойскую битву, принужденъ былъ уступить Ольговичамъ требуемое; что здѣсь дѣло шло именно о Курскѣ съ Посемьемъ, — доказываетъ то, что съ этихъ поръ Курскъ находится во власти черниговскихъ князей; такъ въ Новгор. І-й, стр 7, читаемъ: «Святославъ Олговиць съвкупи всю землю Новгородскую, и брата своего приведе Глѣба, Курявы съ Половцы»; въ Ипатьев. стр. 17: «Иде Святославъ Курьску». Что Курскъ съ Посемьемъ принадлежалъ Ольговичамъ, свидѣтельствуетъ также слѣдующее мѣсто (Ипатьев. 45): «И посла (Юрій Долгорукій) по Володимира по Давидовича Чернигову, и пріѣха Володимиръ къ Гюргеви и поклонися ему, и Святославъ Ольговичь нача ему молвити: «держиши о т ч и н у м о ю, и тогда взи Курскъ и съ Посемьемъ». См. въ моемъ сочин. «Исторія отношеній между русскими князьями Рюрикова дома», стр. 144, 145 примѣч. Послѣ г. Погодинъ (И. З. и Л. Т. IV, стр. 441) старался доказать принадлежность Курска къ Переяславскому княжеству извѣстіемъ подъ 1096 годомъ, что Изяславъ Владиміровичъ Мономашичъ пришелъ въ Муромъ изъ Курска; но изъ ближайшаго разсмотрѣнія обстоятельствъ открывается, что Изяславъ долженъ былъ занять и Курскъ, волость Святославичей, точно такъ же, какъ занялъ Муромъ, потому что, по извѣстію Татищева (II, 157), онъ былъ выгнанъ Давидомъ Святославичемъ изъ Смоленска; въ такомъ случаѣ, разумѣется, онъ долженъ былъ броситься на волости Святославичей, сперва на Курскъ, потомъ на Муромъ. Я не могу, какъ дѣлаетъ г. Погодинъ, допустить, чтобы на Любечскомъ съѣздѣ могли быть еще какія-нибудь другія распоряженія, кромѣ означенныхъ въ лѣтописи: ибо основаніемъ распорядка прямо поставлены—отчинность и распоряженія в. кн. Всеволода, и если Курскъ отданъ былъ тогда Святославичамъ, то ясно, что онъ—ихъ отчинный городъ, иначе это прямо противорѣчило бы основанію распорядка; за Смоленскъ Курска давать было также не для чего, ибо Смоленскъ переходилъ къ Мономаху, какъ отцовскій городъ, на основаніи распорядка; вознаграждать Олега было также не для чего, потому что побѣжденный, лишенный всѣхъ своихъ волостей, князь доволенъ былъ и тѣмъ, что его вводили въ отцовское владѣніе.

Сожи. Почва Смоленскаго княжества вообще неплодородна, особенно половина, лежащая къ сѣверу отъ Днѣпра; это обстоятельство и выгодное положеніе на трехъ рѣчныхъ системахъ среди главныхъ русскихъ областей необходимо условливали развитіе торговой промышленности у смольнянъ и въ древнія времена.

Теперь обратимся къ Великой Россіи, государственному ядру. Здѣсь первое мѣсто принадлежитъ области Верхней Волги, или Ростовской области. Главный городъ ея Ростовъ Великій [1]), при самомъ началѣ Русской Исторіи, находится въ тѣсной связи съ Новгородомъ и его князьями: тѣ же заморскіе Варяги, которые брали дань на Новгородскихъ Славянахъ и на Чуди, берутъ ее и на Мери, финскомъ племени, жившемъ около Ростова; посадникъ Рюрика сидитъ въ Ростовѣ, причемъ не упоминается о походѣ, о покореніи; слѣдовательно болѣе чѣмъ вѣроятно, что Меря, подвергавшаяся вмѣстѣ съ новгородцами и Чудью варяжскому игу, вмѣстѣ съ ними свергла его, вмѣстѣ съ ними призвала князей. Такая тѣсная связь Ростова съ Новгородомъ и Чудью объясняется тѣмъ, что Бѣлоозеро связано съ Ростовомъ водною нитью; эта нить есть рѣка Шексна, которая вытекаетъ изъ Бѣлоозера и впадаетъ въ Волгу у нынѣшняго Рыбинска: Ростовъ же находится при озерѣ Неро, изъ котораго течетъ Которость, впадающая въ Волгу при Ярославлѣ. Варяги, овладѣвшіе Бѣлоозеромъ, необходимо должны были спуститься внизъ по Шекснѣ къ Волгѣ, отсюда внизъ по Волгѣ до Которости и ею вверхъ до Ростова. Если этотъ водный путь служилъ для враждебныхъ нападеній, то онъ долженъ былъ также служить и для мирныхъ сношеній между Бѣлоозеромъ и Ростовомъ; отсюда объясняется постоянная, неразрывная связь между этими городами въ нашей исторіи, объясняется, почему Бѣлоозеро является волостью Мономаха, которому принадлежитъ Ростовъ съ Поволжьемъ; впослѣдствіи Бѣлоозеро становится удѣломъ Ростовскаго княжества. Внизъ по Шекснѣ ходили въ Ростовскую Землю военныя дружины и торговыя лодки, вверхъ по ней шли изъ Ростовской Земли на Бѣлоозеро и мятежные волхвы, такъ сильно волновавшіе новообращенныхъ христіанъ сѣвера [2]).

Естественныя и вмѣстѣ историческія границы Ростовской области обозначаются съ сѣвера и сѣверо-запада границами новгородскихъ владѣній; при опредѣленіи послѣднихъ мы видѣли и сѣверо-западную границу Ростовской области; на сѣверѣ естественною границей ея служили Увалы [3]), отдѣляющіе систему Волги отъ системы Сѣверной Двины. Что же касается естественныхъ границъ Ростовской области съ востока, юга и юго-запада, то онѣ собственно должны совпадать съ границами Волжской системы; но это уже будутъ границы не Ростовской области, а Московскаго государства, котораго область есть преимущественно область Волги. Такимъ образомъ, мы видимъ, что историческое дѣленіе русской государственной области на части условливается отдѣльными рѣчными системами; ясно, что величина каждой части будетъ соотвѣтствовать величинѣ своей рѣчной области: чѣмъ область Волги больше области всѣхъ другихъ рѣкъ, тѣмъ область Московскаго государства должна быть больше всѣхъ остальныхъ частей Россіи, а естественно меньшимъ частямъ примыкать къ большей; отсюда понятно, почему и Новгородская озерная область, и Бѣлая и Малая Русь примкнули къ Московскому государству.

Итакъ, цѣлая область Волги есть преимущественно область Московскаго государства, и Ростовская область будетъ только областью Верхней Волги. Прослѣдимъ же теперь распространеніе русской государственной области по Волжской системѣ и переходъ Ростовской области въ область великаго княжества Владимірскаго, и послѣдней—въ область Московскаго государства. Ростовъ былъ городомъ племени, и, если принимать извѣстіе лѣтописца, былъ одинокъ въ цѣлой обширной области, получившей отъ него свое названіе. Мы видимъ, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности нашихъ князей было построеніе городовъ. Это построеніе носитъ слѣды разсчета, преднамѣреннаго стремленія, что видно изъ положенія новыхъ городовъ и изъ разстоянія ихъ одного отъ другого. Ярославль построенъ на важномъ пунктѣ, при устьи Которости въ Волгу, которая посредствомъ этого притока соединяется съ Ростовскимъ озеромъ. Потомъ мы видимъ стремленіе внизъ по Волгѣ; города строятся при главныхъ изгибахъ рѣки, при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ: такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Костромы, Юрьевецъ-Поволжскій—при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ, или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее Унжи; наконецъ Нижній Новгородъ—при впаденіи Оки въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремленіе сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ, къ предѣламъ Азіи. Нужно было вступить въ борьбу съ народонаселеніемъ, жившимъ по берегамъ Волги и ея притоковъ: отсюда необходимыя войны сѣверныхъ князей съ Болгарами и Мордвою; въ этой борьбѣ Русскіе остаются побѣдителями, видимо оттѣсняютъ варваровъ;

[1]) Великій, въ отличіе отъ Малаго Ростова, или Ростовца. См. Полн. Соб. Русск. Лѣтоп. Т. I, стр. 75

[2]) П. С. Р. Лѣтоп. Т. I, стр. 75.

[3]) Отъ сѣверной части Средняго Урала, къ сѣверозападу, между источниками Печоры и притоками Верхней Камы, идетъ холмистая страна, которая называется Увалами. Увалы раздѣляются на двѣ части, западную и сѣверную. Сѣверная тянется къ сѣверо-западу, раздѣляетъ двѣ рѣчныя системы—Печоры и Двины, и теряется въ болотахъ у Ледовитаго океана. Западная часть Уваловъ идетъ между истоками Печоры и Камы, раздѣляетъ область Сѣверной Двины отъ области Верхней Волги и тянется на сто миль къ западу между городами—Вологдою на сѣверѣ и Костромою съ Ярославлемъ—на югѣ. Увалы простираются до Бѣлоозера, потомъ поворачиваютъ къ юго-западу и на юго-востокѣ отъ Новгорода примыкаютъ къ Валдайскимъ возвышенностямъ.

но тутъ Азія какъ будто собираетъ послѣднія силы для отпора опасному врагу, и высылаетъ толпы Татаръ. Основатель Нижняго-Новгорода, Юрій Всеволодовичъ, палъ въ битвѣ съ Татарами; движеніе Русскихъ внизъ по Волгѣ было надолго остановлено. При Димитріи Донскомъ оно начинается снова: русскіе полки являются опять въ старинной Землѣ Болгарской; здѣсь загорается послѣдняя ожесточенная борьба между Европою и Азіею,—борьба, имѣющая важное значеніе не для одной Русской Исторіи. Азіатцы основываютъ въ Болгарской Землѣ крѣпкій оплотъ противъ стремленія Русскихъ, и въ лицѣ ихъ противъ Европы и христіанства; этотъ оплотъ—Казань. Послѣ долгой, упорной борьбы, Казань падаетъ предъ Іоанномъ IV. Какъ важна была Казань для Азіи,—видно изъ того, что, спустя немного времени послѣ ея завоеванія, устье Волги, чрезъ покореніе Астрахани, уже находится въ рукахъ Русскихъ. Въ то же время русскія поселенія распространяются по Камской системѣ, которая такъ близка къ системамъ рѣкъ Сибирскихъ, причемъ переходъ чрезъ Уральскія горы, по ихъ незначительной высотѣ, былъ легокъ, не замѣтенъ для русскихъ людей; уже при Іоаннѣ IV козаки развѣдываютъ путь въ Сибирь, причемъ главная ихъ дорога по рѣкамъ; при наслѣдникахъ Грознаго, Русскіе утверждаются здѣсь окончательно; малочисленные, разбросанные на огромныхъ пространствахъ дикіе народцы не могли выставить имъ сильнаго сопротивленія; природа въ удобствѣ водныхъ сообщеній вездѣ дала предпріимчивымъ русскимъ дружинамъ средство съ необыкновенной быстротой отыскивать новыя землицы для приведенія ихъ подъ высокую руку великаго государя, и скоро русскія грани касаются береговъ Восточнаго океана. Замѣтимъ также, что природа, отдѣливъ Сибирь отъ остальной Азіи пространными степями Татаріи, а съ востока и сѣвера опоясавъ уединенными океанами и направивъ теченіе большихъ рѣкъ ея къ сѣвернымъ тундрамъ, чрезъ это самое заставила ее смотрѣть исключительно на Западъ, образовала изъ нея нераздѣльную часть Европейской Россіи.

Кромѣ стремленія внизъ по Волгѣ, у сѣверныхъ князей было еще другое стремленіе, болѣе важное, именно—стремленіе на югъ, для соединенія съ югозападною Русью, гдѣ находилась главная сцена дѣйствія. Мы назвали это стремленіе болѣе важнымъ потому, что хотя у князей это было только стремленіе къ югу, для соединенія съ Днѣпровскою Русью, однако на самомъ дѣлѣ это выходило исканіе центра, около котораго русскія области могли сосредоточиться. Стремленіе князей къ югу усматривается въ перенесеніи стола княжескаго изъ Ростова въ Суздаль; первый князь, который долженъ былъ остаться надолго въ Ростовской области, Юрій Владиміровичъ Долгорукій, живетъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ южнѣйшемъ. Каково же положеніе этого города, и какъ вообще должно было совершаться это движеніе на югъ? И здѣсь, какъ вездѣ въ нашей древней исторіи, водный путь имѣетъ важное значеніе. Самая ближайшая отъ Которости и отъ Ростовскаго озера рѣка къ югу есть Нерль, которая сама есть притокъ Клязьмы; такимъ образомъ, если слѣдовать рѣчнымъ путемъ, то послѣ Ростова южнѣе будетъ Суздаль на Нерли, потомъ южнѣе Суздаля является Владиміръ, уже на самой Клязьмѣ: такъ и сѣверные князья переносили свои столы—изъ Ростова въ Суздаль, изъ Суздаля во Владиміръ. Здѣсь, въ послѣднемъ городѣ, столъ великокняжескій утвердился надолго, потому что сѣверные князья, достигнувъ этого пункта, презрѣли южною Русью, и все вниманіе обратили на востокъ, начали стремиться, по указанію природы, внизъ, по рѣкамъ—Клязьмою къ Окѣ и Окою къ Волгѣ. Положеніе Владиміра было очень выгодно для того времени, когда, послѣ нашествія Монголовъ, восточныя отношенія играли важную роль: Владиміръ лежитъ на Клязьмѣ, которая впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ эта рѣка принадлежитъ востоку. Здѣсь природа, со своей стороны, предлагаетъ также объясненіе, почему владимірскіе князья, устремивъ все свое вниманіе на дѣла сѣверо-востока, такъ охладѣли къ югу: такое охлажденіе замѣчается особенно въ дѣятельности Юрія II Всеволодовича. Изъ этого уже видно, что Владиміръ не могъ быть сосредоточивающимъ пунктомъ для русскихъ областей; положеніе его одностороннe: рѣка, на которой лежитъ онъ, стремится къ финскому сѣверо-востоку. Средоточіе было найдено вслѣдствіе опять того же стремленія къ югу, которымъ особенно отличался Юрій Долгорукій. Мы видѣли рѣчной путь отъ Ростова къ югу; но этотъ путь велъ не прямо къ югу, а къ юго-востоку, тогда какъ для отысканія центра русскихъ областей нужно было уклониться къ юго-западу, что̀ и сдѣлалъ Юрій Долгорукій, построившій на юго-западъ отъ Ростова, по пути въ Днѣпровскую Русь, города Переяславль-Залѣсскій и Москву. Москва и была именно искомымъ пунктомъ; это обозначилось тотчасъ же въ исторіи: въ первый разъ Москва упоминается въ 1147 году, по случаю свиданія Долгорукаго съ Святославомъ Сѣверскимъ. Москва лежитъ на рѣкѣ того же имени, которая течетъ между Волгою, Окою и Верхнимъ Днѣпромъ. Москва-рѣка впадаетъ въ Оку, такъ же какъ и Клязьма, съ тѣмъ, однако, различіемъ, что Клязьма впадаетъ въ Оку тамъ, гдѣ она принадлежала финскому сѣверо-востоку, тогда какъ Москва впадаетъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ Ока, обращаясь къ востоку, передавала Москвѣ обязанность служить соединеніемъ для сѣверныхъ и южныхъ русскихъ областей. Сосредоточивающій пунктъ долженствовалъ быть мѣстомъ соединенія сѣвера съ югомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ носить характеръ сѣверный, потому что на сѣверѣ находились крѣпкія государственныя основы, которыхъ не было въ области собственной Оки, въ землѣ Вятичей, въ странѣ переходной, безъ опредѣленнаго характера, впрочемъ издавна примыкавшей къ южной

Руси, и потому болѣе на нее похожей. Замѣтимъ также, что Москва находилась прямо въ срединѣ между двумя племенами, изъ которыхъ главнымъ образомъ составилось народонаселеніе русское, между племенемъ славянскимъ и финскимъ.

Что касается природы московскаго центральнаго пространства, то оно представляетъ обширную открытую равнину, съ умѣреннымъ климатомъ; эта равнина не вездѣ равно плодородна, и въ самыхъ плодородныхъ мѣстахъ уступаетъ южнымъ пространствамъ Имперіи; но за то она почти вездѣ способна къ обработанію, слѣд. вездѣ поддерживаетъ дѣятельность, энергію человѣка, побуждаетъ къ труду и вознаграждаетъ за него; а извѣстно, какъ подобныя природныя обстоятельства благопріятствуютъ основанію и развитію гражданскихъ обществъ. Было сказано что эта область не вездѣ одинаково плодородна; сѣверная часть менѣе плодородна чѣмъ южная; это природное обстоятельство также очень важно, условливая первоначальную промышленность, какъ главное занятіе для южнаго народонаселенія, и промышленность производящую для сѣвернаго, дополняя, слѣдовательно, одну часть другою, дѣлая ихъ необходимыми другъ для друга.

Область Москвы-рѣки была первоначальною областью Московскаго княжества, и въ первой дѣятельности московскихъ князей мы замѣчаемъ стремленіе получить въ свою власть все теченіе рѣки. Верховье и устье ея находились въ чужихъ рукахъ; слѣдовательно, область Московскаго княжества была заперта съ двухъ концовъ: верховье рѣки находилось во власти князей можайскихъ-смоленскихъ, устье—во власти князей рязанскихъ; здѣсь ихъ былъ городъ Коломна. Отсюда понятно, почему первыми завоеваніями Москвы были Можайскъ и Коломна: князь Юрій Даниловичъ, только овладѣвъ этими двумя городами, могъ считать свою область вполнѣ самостоятельною.

Мы видѣли, что распространеніе русскихъ владѣній слѣдовало теченію рѣкъ. Во первыхъ, оно шло озерною Новгородскою системою, потомъ системою Двины и Днѣпра къ югу или юго-западу, и, въ то же время, съ другой стороны, шло путемъ бѣлозерскимъ, по Шекснѣ, и далѣе къ югу, по системѣ Мологи къ Волгѣ, потомъ Волгою, и на югъ отъ этой рѣки къ Окѣ. Навстрѣчу этому движенію отъ сѣвера, которое, какъ видно, не шло далѣе Москвы, мы замѣчаемъ движеніе съ юга, по Деснѣ — притоку Днѣпра, и Окѣ—притоку Волги. Такимъ образомъ, первоначальное распространеніе преимущественно шло по огромной дугѣ, образуемой Волгою къ сѣверу, до впаденія въ нее Оки, и Днѣпромъ—къ югу; потомъ распространеніе происходило въ срединѣ дуги, съ сѣвера отъ Волги, и ему навстрѣчу съ юга отъ Днѣпра, причемъ оба противоположныя движенія сходились въ области Москвы-рѣки, гдѣ и образовался государственный центръ. Теченіе Оки отъ истоковъ ея до устья Москвы-рѣки, и потомъ вмѣстѣ съ теченіемъ послѣдней, имѣло важное историческое значеніе, потому что служило посредствующею водною нитью между сѣверною и южною Русью. Такъ какъ движеніе съ юга, отъ Днѣпра вверхъ по Деснѣ и ея притокамъ, шло отъ главной сцены дѣйствія, отъ Кіевской области, то естественно было быстрѣе, чѣмъ противоположное ему движеніе съ сѣвера, изъ дикой, малонаселенной области Верхней Волги, и потому движеніе съ юга скоро переходитъ изъ области Десны въ область Оки, и владѣнія черниговскихъ Святославичей обнимаютъ равно обѣ эти области; этому скорому переходу изъ одной рѣчной области въ другую благопріятствовала близость источниковъ и притоковъ обѣихъ рѣкъ, хотя въ древности водораздѣлъ между системами Десны и Оки служилъ границею двухъ племенъ—Сѣверянъ и Вятичей. Близость областей, Окской и Деснинской, или, принимая обширнѣе, Волжской и Днѣпровской, и, вслѣдствіе того раннее ихъ политическое соединеніе были важнымъ препятствіемъ къ разъединенію сѣверо-восточной или Московской Руси съ юго-западною. Литовскою; вотъ почему волокъ между Угрой и Днѣпромъ, собственно разграничивающій область Днѣпра отъ Окской, не могъ долгое время служить границею между обѣими половинами Руси, хотя Литва и стремилась здѣсь утвердить границу. Область Нижней Оки, отъ впаденія Москвы-рѣки до Мурома, и отчасти область Верхняго Дона досталась младшему изъ сыновей Святослава черниговскаго, Ярославу, изгнанному изъ Чернигова племянникомъ Всеволодомъ Ольговичемъ; эта область раздѣлялась впослѣдствіи на два княжества — Рязанское и Муромское, которыя, будучи оторваны отъ Черниговской области по условіямъ историческимъ и находясь въ связи съ Ростовскою областью по условіямъ географическимъ, съ самаго начала находятся въ большей или меньшей зависимости отъ послѣдней.

Область Дона долго находилась внѣ русской исторической сцены, хотя, по близости окскихъ притоковъ къ Верхнему Дону и его притокамъ, владѣнія рязанскія съ одной стороны, и черниговскія—съ другой необходимо должны были захватывать и Донскую систему [1]); Донъ оставался степною рѣкою (какъ онъ и есть по природѣ береговъ своихъ) почти до самаго XV вѣка, т.-е. до усиленія Московскаго государства, которое на берегахъ его, въ XIV вѣкѣ, одержало первую знаменитую побѣду

---

[1]) Изъ рязанскихъ городовъ на Донской системѣ до половины XIII вѣка упоминается только Воронежъ подъ 1177 годомъ; но сомнительно, упоминается ли здѣсь городъ: въ Лаврентьевскомъ спискѣ стоитъ: «Ѣхавше (рязанцы) въ Вороножь»: но въ древнѣйшемъ Ипатьевскомъ: «Ѣхавше Воронажь»; неизвѣстно, слѣдовательно, какой предлогъ былъ въ подлинникѣ — *въ* или *на*, причемъ послѣдній означалъ бы только рѣку Воронежъ, на которой князь Ярополкъ могъ стоять съ рязанскимъ отрядомъ для наблюденія за Половцами, тѣмъ болѣе что для означенія движенія къ городу употребительнѣе былъ мѣстный падежъ безъ предлога: «Ѣхавше Воронажю». Въ концѣ XIII вѣка упоминаются на Донской системѣ два княжества, принадлежащія Святославичамъ Черниговскимъ.

надъ Азіею, въ лицѣ Монголовъ[1]). Заселеніе донскаго и волжскаго степнаго пространства принадлежитъ Московскому государству[2]).

Наконецъ, природа страны имѣетъ важное значеніе въ исторіи по тому вліянію, какое оказываетъ она на характеръ народный. Природа роскошная, съ лихвою вознаграждающая и слабый трудъ человѣка, усыпляетъ дѣятельность послѣдняго, какъ тѣлесную, такъ и умственную. Пробужденный разъ вспышкою страсти, онъ можетъ оказать чудеса, особенно въ подвигахъ силы физической: но такое напряженіе силъ не бываетъ продолжительно. Природа, болѣе скупая на свои дары, требующая постояннаго и нелегкаго труда со стороны человѣка, держитъ послѣдняго всегда въ возбужденномъ состояніи: его дѣятельность непорывиста, но постоянна; постоянно работаетъ онъ умомъ, неуклонно стремится къ своей цѣли; понятно, что народонаселеніе съ такимъ характеромъ въ высшей степени способно положить среди себя крѣпкія основы государственнаго быта, подчинить своему вліянію племена съ характеромъ противоположнымъ. Съ другой стороны, роскошная, щедрая природа, богатая растительность, пріятный климатъ—развиваютъ въ народѣ чувство красоты, стремленіе къ искусствамъ, поэзіи, къ общественнымъ увеселеніямъ, что могущественно дѣйствуетъ на отношенія двухъ половъ: въ народѣ, въ которомъ развито чувство красоты, господствуетъ стремленіе къ искусству, общественнымъ увеселеніямъ, въ такомъ народѣ женщина не можетъ быть исключена изъ сообщества мужчинъ. Но среди природы относительно небогатой, однообразной, и потому невеселой, въ климатѣ, относительно суровомъ, среди народа постоянно дѣятельнаго, занятаго, практическаго—чувство изящнаго не можетъ развиваться съ успѣхомъ; при такихъ обстоятельствахъ характеръ народа является болѣе суровымъ, склоннымъ болѣе къ полезному, чѣмъ къ пріятному; стремленіе къ искусству, къ украшенію жизни слабѣе, общественныя удовольствія матеріальнѣе, а все это вмѣстѣ, безъ другихъ постороннихъ вліяній, дѣйствуетъ на исключеніе женщины изъ общества мужчинъ, что, разумѣется, въ свою очередь, приводитъ еще къ большей суровости нравовъ. Все сказанное прилагается, въ извѣстной мѣрѣ, къ историческому различію въ характерѣ южнаго и сѣвернаго народонаселенія Руси.

Глава II.

Постепенное распространеніе свѣдѣній о сѣверо-восточной Европѣ въ древности.—Бытъ народовъ, здѣсь обитавшихъ.—Скиѳы.—Агатирсы.—Невры.—Андрофаги.—Меланхлены.—Будины.—Гелоны.—Тавры.—Сарматы.—Бастарны.—Аланы.—Греческія колоніи на сѣверномъ берегу Понта.—Торговля.—Характеръ азіатскаго движенія.

Нашъ лѣтописецъ начинаетъ повѣсть свою о Русской Землѣ съ тѣхъ поръ, какъ слово Русь стало извѣстно Грекамъ; историкъ русскій, который захочетъ углубиться въ отдаленныя времена, узнать что-нибудь о первыхъ извѣстныхъ обитателяхъ нашего отечества, долженъ также обратиться къ Грекамъ, начать съ тѣхъ поръ, какъ впервые имена этихъ обитателей появились въ извѣстіяхъ греческихъ.

Во времена Гомера греческіе корабли не смѣли еще плавать по Черному морю. Тогда смотрѣли на это море какъ на океанъ, границу обитаемой земли, считали его самымъ большимъ изо всѣхъ морей, и потому дали ему названіе Понта, моря по преимуществу. Долго берега Понта считались негостепріимными по дикости ихъ народонаселенія, и море слыло аксиносъ (негостепріимнымъ), пока Іоническія колоніи (750 л. до Р. Х.) не заставили перемѣнить это имя на пріятно-звучащее евксиносъ (гостепріимное). Во времена Гезіода свѣдѣнія Грековъ распространились: сѣверные берега Понта выдвинулись въ отдаленіи, покрытые туманами, представлявшими воображенію древнихъ странные образы: то была баснословная область, хранилище драгоцѣнностей, обитель существъ необыкновенныхъ. Какъ естественно было ожидать, поэты овладѣли чудесною страной и перенесли туда миѳы, сценою которыхъ считались прежде берега морей ближайшихъ[3]). Одинъ изъ нихъ, Аристей, самъ захотѣлъ посѣтить таинственный берегъ, и его поэмы, или по крайней мѣрѣ выдаваемыя подъ его именемъ, распространили географическія свѣдѣнія древнихъ. По Аристею[4]), на берегахъ Понта

---

[1]) Ливны, Лебедянь, Елецъ, Воронежъ называются въ XVII вѣкѣ степными, или польскими городами.

[2]) Говоря о важномъ значеніи рѣкъ въ нашей исторіи, мы должны замѣтить еще одно обстоятельство, а именно, что рѣки, теперь мелководныя и несудоходныя, въ древности были многоводны и способны къ судоходству; такъ напр., Стугна, теперь небольшая рѣка въ 60 верстъ длины, впадающая въ Днѣпръ съ правой стороны у Триполя, въ настоящее время совершенно не судоходна, но прежде была очень важна: по ней св. Владиміръ строилъ города, и въ ней находятъ остатки большихъ судовъ. И въ другихъ малороссійскихъ рѣкахъ, которыя теперь несудоходны, находятъ остатки большихъ судовъ изъ глубокой древности, напр. въ Сулѣ, Ворсклѣ, Хоролѣ и другихъ. Утверждаютъ, что рѣка Трубежъ въ продолженіи тридцати пяти лѣтъ пересохла на девять верстъ; въ Трубежѣ также находятъ остатки большихъ судовъ, хотя теперь эта рѣка и несудоходна.

[3]) Geographie der Griechen und Römer von F. A. Ukert, III. [illegible]

[4]) Геродотъ, IV, 12, 13.

жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиѳы, за Скиѳами—Исседоны, до которыхъ онъ доходилъ. Потомъ о дальнѣйшихъ странахъ начинались разсказы дѣтски-легковѣрныхъ путешественниковъ, купцовъ, подобныхъ нашему Новгородцу Гурятѣ Роговичу [1]): за Исседонами къ сѣверу жили Аримаспы, одноглазые люди; далѣе за Аримаспами грифы стерегли золото, и еще далѣе на сѣверъ жили блаженные Гипербореи. Встрѣчаемъ древнія, темныя преданія о нашествіяхъ Киммеріянъ и Скиѳовъ на Азію; вѣрнѣе, хотя не во всѣхъ подробностяхъ, извѣстіе о походѣ Персидскаго царя Дарія Гистаспа противъ Скиѳовъ въ 513 году до Р. Х. Между тѣмъ сѣверные берега Понта остаются попрежнему любимою страной поэтовъ: извѣстія о нихъ встрѣчаемъ у Эсхила, Софокла и Еврипида. Возможность получать о нихъ свѣдѣнія увеличили—обширная торговля колоній и множество рабовъ, приводимыхъ въ Грецію съ сѣверныхъ береговъ Понта и потому носившихъ имя Скиѳовъ [2]); но понятно, какою вѣрностью и точностью должны были отличаться извѣстія, почерпаемыя изъ такихъ источниковъ. Вотъ почему такъ драгоцѣнны для насъ свѣдѣнія, сообщаемыя Геродотомъ, особенно тамъ, гдѣ онъ говоритъ какъ очевидецъ. Геродотовы извѣстія точнѣе относительно страны, обитаемой Скиѳами; но о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ послѣднихъ, онъ столько же знаетъ, сколько и его предшественники, т.-е. и послѣ Геродота эта страна остается страною вымысловъ. Аристотель [3]) упрекаетъ Аѳинянъ за то, что они цѣлые дни проводятъ на площади, слушая волшебныя повѣсти и разсказы людей, возвратившихся съ Фазиса (Ріона) и Борисѳена (Днѣпра). Говоря о сѣверѣ и сѣверо-востокѣ, обыкновенно прибавляли, что тамъ обитаютъ Скиѳы; послѣ Дарія Гистаспа съ ними вошелъ во враждебныя столкновенія Филиппъ Македонскій: онъ поразилъ Скиѳскаго царя Атеаса и вывелъ въ Македонію большой полонъ—20,000 человѣкъ мужчинъ и женщинъ; завоеванія Александра Македонскаго, оказавшія такія важныя услуги географіи открытіемъ новыхъ странъ и путей въ Южную Азію, не касались описываемыхъ нами странъ; съ европейской стороны македонскія завоеванія не простирались далѣе Дуная. Больше сдѣлано при наслѣдникахъ Александра: Тимэй подробно говорилъ о Скиѳахъ и сѣверномъ Океанѣ; Клеархъ, ученикъ Аристотеля, написалъ сочиненіе о Скиѳахъ; все, что до сихъ поръ было извѣстно о сѣверѣ, собралъ Эратосѳенъ.

Въ такомъ видѣ Греки передали Римлянамъ свои географическія познанія о сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря. Война съ Македоніею указала Римлянамъ берега Дуная; война съ Митридатомъ открыла путь къ сѣвернымъ берегамъ Понта. Митридатъ, въ своихъ отчаянныхъ попыткахъ противъ римскаго могущества, старался вооружить на Италію всѣхъ дикихъ жителей степей отъ Дуная до Азовскаго моря. Во время Цезаря Беребистъ основалъ на берегахъ Дуная могущественное владѣніе Гетовъ, которое впрочемъ скоро раздѣлилось и ослабѣло. Овидій, посланный въ Томы, перечисляетъ окружные народы—Гетовъ, Скиѳовъ, Сарматовъ, Языговъ, Бастарновъ; онъ не упоминаетъ о Дакахъ, которыхъ имя часто встрѣчается у Горація; но на свидѣтельствахъ поэтовъ трудно основываться: у нихъ одно народное имя идетъ за другое, древнее мѣсто новаго. Причины, почему страны къ сѣверу отъ Понта не могли быть съ точностію изслѣдованы, приводитъ Страбонъ [4]): по Танаису (Дону), говоритъ онъ, мало что можно узнать выше устьевъ по причинѣ холода и бѣдности страны; туземцы, народы кочевые, питающіеся молокомъ и мясомъ, могутъ сносить непріязненный климатъ, но иностранцы—не въ состояніи; притомъ туземцы необщительны, свирѣпы и дики, не пускаютъ къ себѣ иностранцевъ.—Вотъ почему и для Римлянъ эта страна оставалась украйною міра, которую покинули люди и боги [5]).

Но скоро сѣверные варвары начинаютъ нападать на римскія провинціи: въ 70 году по Р. Х. Роксоланы вступаютъ въ Мизію, но принуждены уйти оттуда съ большими потерями; потомъ Даки перешли Дунай, но были также отброшены назадъ. Даки были первый варварскій народъ, которому повелители свѣта должны были платить дань при Домиціанѣ; Троянъ долженъ былъ вести кровопролитную войну съ предводителемъ ихъ Децебаломъ: императору удалось превратить Дакію въ римскую провинцію; многіе изъ Даковъ выселились, другіе мало-по-малу олатинились. Тацитъ восточными сосѣдями Германцевъ полагаетъ Даковъ и Сарматовъ, сомнѣваясь, куда причислить Певциновъ, Венедовъ и Финновъ—къ Германцамъ или Сарматамъ. Вслѣдствіе частыхъ столкновеній съ варварами, извѣстія объ отдаленныхъ странахъ и народахъ умножились; но эти извѣстія приносились воинами, купцами; люди, которые хотѣли научнымъ образомъ составить изъ ихъ разсказовъ что-нибудь полное, сами не могли повѣрить чужихъ извѣстій, и пото-

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣтоп. I, стр. 107: «Се же хощу сказати, яже слышахъ прежде сихъ 4 лѣтъ, яже сказа ми Гюрятя Роговичь Новгородецъ, глаголя сице: яко послахъ отрокъ свой въ Печору, люди, яже суть дань дающе Новугороду; и пришедшю отроку моему къ нимъ, и оттуда иде въ Югру. Югра-же людье есть языкъ нѣмъ, и сѣдятъ съ Самоядью на полунощныхъ странахъ. Югра же рѣкоша отроку моему: дивьно мы находимъ чюдо, его же нѣсмы слышали прежде сихъ лѣтъ: се же третье лѣто нача быти. Суть горы зайдуче луку моря, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ, и сѣкуть гору, хотяще высѣчися; и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажуть на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножь ли, или сѣкиру, даютъ скорою противу».

[2]) Ukert, III, 28. — Въ Аѳинахъ былъ полицейскій отрядъ изъ Скиѳовъ.

[3]) Ap. Athen. I, p. 6.

[4]) XI, 493.

[5]) ... regio pars ultima mundi, quam fugere homines aique. Ovid. Trist. IV, 4, 34.

му писали наугадъ, произвольно, чему доказательствомъ служитъ сочиненіе Птоломея.

Изложивши въ немногихъ словахъ постепенное распространеніе свѣдѣній о странахъ, лежащихъ къ сѣверу отъ Понта, скажемъ нѣсколько подробнѣе о бытѣ народовъ, жившихъ въ этихъ странахъ, сколько о немъ знали древніе. Мы знаемъ, что имена господствовавшихъ здѣсь одинъ за другимъ народовъ—были Скиѳы и Сарматы, отъ чего и страна называлась Скиѳіею, преимущественно у Грековъ, и Сарматіею—преимущественно у Римлянъ. Мы не можемъ позволить себѣ вдаваться въ вопросы о происхожденіи Скиѳовъ, Сарматовъ и другихъ сосѣднихъ имъ народовъ, не имѣя достаточнаго количества данныхъ въ извѣстіяхъ древнихъ писателей: чѣмъ ближе народы къ первоначальному быту, тѣмъ сходнѣе другъ съ другомъ въ обычаяхъ, нравахъ, понятіяхъ; отсюда легкость, съ какою можно всякій младенчествующій народъ, по нѣкоторымъ чертамъ нравовъ, обычаевъ и вѣрованій, причислить къ какому угодно племени; нѣсколько словъ, оставшихся намъ отъ языка этого народа, не могутъ вести также къ твердымъ выводамъ,—для выраженія нѣкоторыхъ предметовъ у всѣхъ племенъ найдутся общіе звуки. Мы войдемъ въ изслѣдованіе миѳовъ и преданій о Скиѳахъ и другихъ древнихъ народахъ только въ той мѣрѣ, въ какой они связываются съ послѣдующими историческими явленіями, объясняютъ ихъ и взаимно объясняются ими.

Оставя всѣ многочисленныя и противорѣчивыя толкованія о положеніи скиѳскихъ рѣкъ и народовъ, упоминаемыхъ у Геродота [1]), мы изъ его разсказа можемъ вывести слѣдующія несомнѣнныя заключенія: по Днѣпру—на западъ до самаго Днѣстра, на востокъ—очень на короткое разстояніе отъ берега, живетъ народонаселеніе земледѣльческое, или, по крайней мѣрѣ, переходное, которое хотя еще и не отстало отъ своихъ степныхъ обычаевъ и не привыкло къ хлѣбу, однако сѣетъ его какъ предметъ выгодной торговли; такимъ образомъ, щедрая природа странъ приднѣпровскихъ необходимо приводила кочевника къ осѣдлости, или, по крайней мѣрѣ, заставляла его работать на осѣдлаго, европейскаго человѣка; но на довольно близкое разстояніе отъ восточнаго берега Днѣпра уже начинались жилища чистыхъ кочевниковъ, простираясь до Дона и далѣе за эту рѣку; чистые кочевники господствуютъ надъ всею страной до самаго Днѣстра и Дуная на западъ, а за ними далѣе къ востоку, за Дономъ, живутъ въ голыхъ степяхъ другіе кочевники, болѣе свирѣпые, которые грозятъ новымъ нашествіемъ Приднѣпровью. Такимъ образомъ, восточное, степное народонаселеніе господствуетъ безпрепятственно; Европа не высылаетъ ему соперниковъ; ни съ сѣвера, ни съ юга, ни съ запада не обнаруживается никакого движенія, грозитъ движеніе съ одного востока и въ тѣхъ же самыхъ формахъ—кочевники смѣнятся кочевниками. У береговъ Понта, при устьяхъ большихъ рѣкъ, греческіе города построили свои колоніи для выгодной торговли съ варварами: быть-можетъ эти мирныя убѣжища гражданственности производили хотя медленное, но замѣтное въ исторіи вліяніе на послѣднихъ? Исторія показываетъ между Скиѳами людей царскаго происхожденія, обольщенныхъ красотою греческихъ женщинъ и прелестями греческой цивилизаціи: они строятъ себѣ великолѣпные мраморные дворцы въ греческихъ колоніяхъ, даже ѣздятъ учиться въ Грецію, но гибнутъ отъ рукъ единовѣрцевъ своихъ, какъ отступники отеческаго обычая; варварство въ полномъ разгулѣ на берегахъ Понта; не греческимъ купцамъ вступить съ нимъ въ борьбу и побѣдить его: для этого нужна большая матеріальная сила, для этого нужны другіе многочисленные, крѣпкіе народы и цѣлые вѣка медленнаго, но постояннаго движенія. Около греческихъ колоній живутъ смѣшанные народы, полу-Эллины и полу-Скиѳы; но что это? Скиѳы ли огречившіеся, или греческіе переселенцы, принявшіе скиѳскіе обычаи, или, наконецъ, отрасли родственныхъ съ Греками ѳракійскихъ племенъ? На эти вопросы не даетъ отвѣта древность.

Но о Скиѳахъ она знаетъ много подробностей. По свидѣтельству Геродота, Скиѳы считали себя младшимъ изъ народовъ и аборигенами въ землѣ своей: отъ брака верховнаго божества, которое Геродотъ называетъ по-своему Зевсомъ, на дочери рѣки Борисѳена, родился въ пустынной странѣ человѣкъ Таргитавсъ; у него было трое сыновей—Лейпоксаисъ, Арпоксаисъ и Колаксаисъ. При нихъ упали съ неба плугъ, воловье иго, стрѣлы и чаша—всѣ золотые. Когда оба старшіе брата хотѣли дотронуться до этихъ вещей, то нашли ихъ огненными; только младшій братъ могъ взять ихъ въ руки и отнести въ свое жилище, вслѣдствіе чего старшіе передали ему царское достоинство. Отъ трехъ братьевъ пошли разныя скиѳскія племена: отъ старшаго—Авхаты, отъ средняго—Катіары и Траопіи, отъ младшаго—царскіе, или Паралаты; всѣ они вообще носили имя Сколотовъ, а Греки называли ихъ Скиѳами. Преданіе о томъ, что Скиѳы суть самый младшій изъ народовъ, указываетъ на смутное сознаніе о позднемъ появленіи ихъ на берегахъ Понта; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ исчезло преданіе о странѣ, откуда они пришли, то явилось другое преданіе о происхожденіи Скиѳовъ на берегахъ Днѣпра. Днѣпръ, виновникъ плодоносія береговъ своихъ, дающій питаніе всему живущему на нихъ, необходимо явился участникомъ и въ произведеніи человѣка: онъ дѣдъ по матери праотцу Скиѳовъ; если небо участвовало непосредственно въ произведеніи праотца Скиѳовъ, то оно же непосредственно научило его дѣтей средствамъ къ жизни: съ неба упали четыре орудія, четыре символа главныхъ занятій первобытнаго человѣка—земледѣлія, скотоводства, винодѣлія и звѣроловства. Младшій братъ захватилъ ихъ себѣ, сталъ

[1]) См. книгу IV-ю вообще.

распорядителемъ, раздавателемъ средствъ къ жизни, старшіе братья должны были смотрѣть у него изъ рукъ—вотъ символъ власти и подчиненія! Но почему же въ преданіи на долю младшаго брата выпала власть, на долю старшихъ—подчиненіе? Это указываетъ на историческій фактъ и объясняется мѣстомъ жительства царственныхъ, господствующихъ Скиѳовъ, Паралатовъ. Историческій фактъ—это покореніе Паралатами остальныхъ Скиѳовъ; происхожденіе Паралатовъ отъ младшаго брата указываетъ опять на то, что Паралаты пришли позднѣе съ востока, и потому остались кочевать на берегахъ Дона, подчинивъ себѣ племена, прежде пришедшія и поселившіяся далѣе на западѣ около Днѣпра; скиѳское преданіе вполнѣ объясняется послѣдующими явленіями, имѣвшими мѣсто въ этихъ странахъ: въ продолженіе многихъ вѣковъ мы видимъ здѣсь одинаковое явленіе, а именно, что позднѣе пришедшія съ востока орды подчиняютъ себѣ племена прежде пришедшія и утвердившіяся далѣе на западѣ.

У понтійскихъ Грековъ существовалъ другой миѳъ о происхожденіи Скиѳовъ. Въ немъ говорится, что Геркулесъ пришелъ въ страну, заселенную послѣ Скиѳами и которая тогда была пуста. Тамъ застигла его буря и холодъ; онъ завернулся въ львиную кожу и заснулъ. Проснувшись, Геркулесъ увидалъ, что лошади, которыхъ онъ оставилъ пастись, исчезли; онъ началъ искать ихъ по всей странѣ, и когда пришелъ въ лѣсную припонтійскую область Гюлэю, то нашелъ въ пещерѣ чудовище, ехидну, полуженщину и полузмѣю. На спросъ Геркулеса ехидна отвѣчала, что лошади у нея, но что она не отдастъ ихъ до тѣхъ поръ, пока онъ не согласится имѣть съ нею связь; Геркулесъ принужденъ былъ исполнить ея желаніе, плодомъ этой связи было трое сыновей: Агатирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, изъ которыхъ послѣдній, какъ самый достойный сынъ Геркулеса, остался обладателемъ страны и родоначальникомъ царей Скиѳскихъ. Этотъ миѳъ есть видоизмѣненіе перваго: греческіе поселенцы привели своего странствующаго героя-полубога на сѣверные берега Понта; Скиѳія гордилась слѣдомъ стопы геркулесовой, какъ однимъ изъ чудесъ своихъ, и точно духъ Греціи оставилъ здѣсь много дивныхъ слѣдовъ, открываемыхъ теперь наукою. Въ пустынѣ Геркулесъ долженъ былъ сочетаться съ чудовищемъ ехидною, дочерью Борисѳена въ скиѳскомъ преданіи, и которой форма, равно какъ обитаніе въ пещерѣ Гюлэйской, указываютъ на первобытное состояніе сѣверныхъ береговъ Понта, только-что вышедшихъ изъ-подъ воды. Отъ этого страннаго брака греческаго героя съ чудовищемъ произошли варварскіе и полуварварскіе смѣшанные народы, ибо Гелоны, по утвержденію Геродота, суть Эллины, поселившіеся среди Будиновъ. Въ этомъ миѳѣ замѣчательно также для насъ сближеніе трехъ народовъ, Агатирсовъ, Гелоновъ и Скиѳовъ, какъ происшедшихъ отъ одного прародителя.

Кромѣ миѳовъ, историкъ имѣетъ преданіе, которое онъ не усомнится принять за достовѣрное, если обратить вниманіе на положеніе страны и на событія, случившіяся уже на памяти исторіи: сѣверные берега Понта, открытая дорога между Европою и Азіею, были поэтому самому изначала мѣстомъ столкновенія народовъ, изъ которыхъ одинъ вытѣснялъ другой изъ жилищъ его, или, по крайней мѣрѣ, подчинялъ его остатки своему господству. Такъ Аристей, по свидѣтельству Геродота, разсказывалъ, что на сѣверныхъ берегахъ Понта жили Киммеріяне, къ сѣверу отъ нихъ Скиѳы, за ними Исседоны, за этими Аримаспы (одноглазые), Грифы, и наконецъ у сѣвернаго океана Гипербореи. Послѣдніе оставались спокойны; но изъ остальныхъ тѣ, которые жили сѣвернѣе, вытѣсняли жившихъ на югѣ, такъ-что Киммеріяне принуждены были совершенно оставить страну и уступить ее Скиѳамъ. У Геродота есть другое преданіе, что кочевые Скиѳы жили въ Азіи, къ югу отъ Аракса; вытѣсненные Массегетами, они двинулись къ западу, въ страны Киммеріянъ. Это преданіе имѣетъ также много за себя для историка, потому что движеніе кочевыхъ народовъ шло постоянно отъ востока къ западу; при томъ же это преданіе нисколько не противорѣчитъ Аристееву: Скиѳы, изгнанные Массегетами, двинулись къ сѣверо-западу и заняли сперва страну, лежавшую къ сѣверу отъ Киммеріянъ; потомъ тѣснимые Исседонами, принуждены были двинуться къ югу [1]).

Относительно наружности Скиѳы представляются у древнихъ бѣлокожими, краснолицыми, голубоглазыми, съ мягкими, длинными, жидкими, искрасна-желтыми волосами. Скиѳы были очень похожи другъ на друга, толсты, мясисты; браки ихъ не отличались плодовитостью; нравы ихъ—нравы всѣхъ младенчествующихъ народовъ: они были страстны, вспыльчивы, лѣнивы; ихъ обычаи—обычаи всѣхъ кочевыхъ народовъ, какихъ еще и теперь много питаютъ степи Средней Азіи; мужчины на лошадяхъ, женщины и дѣти въ кибиткахъ, запряженныхъ волами, перекочевывали съ одного пастбища на другое; пища ихъ—лошадиное молоко и мясо. Какъ всѣ варварскіе народы, Скиѳы любили опьяняться дымомъ пахучихъ травъ, потомъ полюбили привозное изъ Греціи вино, и пили его чистое, мужчины и женщины, пили и медъ. На войнѣ Скиѳы отличались храбростью и жестокостью: сдирали кожу съ убитыхъ враговъ, пили изъ череповъ ихъ; разсказы о скиѳскихъ жестокостяхъ повели къ слуху, что они людоѣды, питались даже мясомъ собственныхъ дѣтей своихъ. Сражались они конные и пѣшіе; особенно славились скиѳскіе стрѣлки; стрѣлы намазывались ядомъ. Война считалась почетнѣйшимъ занятіемъ: купцы уважались меньше, чѣмъ воины; итакъ между Скиѳами были купцы, были и земледѣльцы,

[1]) Что касается хронологіи Геродота, то на нее нельзя обращать большого вниманія (См. Ukert, V, 268).

какъ мы видѣли; для насъ очень важно извѣстіе [1]), что Скиѳы позволяли каждому селиться на своихъ земляхъ и заниматься земледѣліемъ подъ условіемъ дани; такъ поступали всегда кочевники, которымъ не было дѣла до быта подвластныхъ имъ племенъ, лишь бы послѣднія исправно платили дань; это же извѣстіе объясняетъ намъ приведенное извѣстіе Геродота о Скиѳахъ, которые сѣяли хлѣбъ не для собственнаго употребленія, а на продажу: вѣроятно, они продавали хлѣбъ, чтобъ заплатить дань господствующему племени. Трудно рѣшить, одному ли владѣльцу повиновались Скиѳы, или многимъ; вождь на войнѣ былъ судьею въ мирное время. Скиѳія раздѣлялась на округи; въ каждомъ округѣ былъ особый начальникъ; для общаго собранія, вѣча, назначалось особое мѣсто. Различіе между знатными и чернью, между богатыми и бѣдными—существовало у Скиѳовъ; были у нихъ и рабы, которыхъ они ослѣпляли. Касательно религіи Геродотъ перечисляетъ названіе слѣдующихъ божествъ: Табити (Веста), Папайосъ (Зевсъ), Апія (Земля), Ойтосиръ (Аполлонъ), Артимпаса (Афродита), Тамимасадасъ (Посейдонъ); кромѣ того, упоминается о Геркулесѣ и Марсѣ. Табити (Веста), божество семьи, домашняго очага, пользовалось особеннымъ уваженіемъ, считалось народнымъ скиѳскимъ божествомъ. Поклястся очагомъ, домашнимъ божествомъ начальника, считалось величайшею клятвой; ложная клятва этимъ божествомъ причиняла, по мнѣнію Скиѳовъ, болѣзнь начальнику. При кочевой жизни общественное богослуженіе не могло быть развито у Скиѳовъ: понятно, что у нихъ не могло быть храмовъ. Изображеніемъ Марса служилъ мечъ; этому божеству приносились годичныя жертвы, лошади и другія животныя, приносили въ жертву и плѣнныхъ, изо ста—одного. Вмѣсто жрецовъ и у Скиѳовъ, какъ у всѣхъ младенчествующихъ народовъ, видимъ толпу кудесниковъ, гадателей; припонтійскія страны славились, какъ мѣстопребываніе чародѣевъ.—По смерти начальниковъ своихъ, Скиѳы погребали вмѣстѣ съ ними ихъ наложницъ, служителей, лошадей и разныя необходимыя для жизни вещи. — Изъ этихъ главныхъ чертъ скиѳскаго быта есть ли хотя одна, которой бы мы не нашли и у другихъ младенчествующихъ племенъ? У древнихъ, какъ и у новыхъ образованныхъ народовъ, между писателями иногда встрѣчаются различные отзывы о варварскихъ племенахъ: одни, поборники своего образованнаго общества, выставляютъ бытъ варваровъ съ самой черной стороны; другіе, наоборотъ, будучи недовольны испорченностью нравовъ, господствующею въ нѣкоторыя времена у образованныхъ народовъ, любятъ превозносить грубые нравы дикарей, возвышать ихъ до идеальной простоты и невинности. Такія противоположныя мнѣнія мы встрѣчаемъ у писателей и о Скиѳахъ: одни описываютъ грубость ихъ самыми черными красками, дѣлаютъ изъ нихъ людоѣдовъ, пожирающихъ собственныхъ дѣтей; другіе превозносятъ чистоту, неиспорченность ихъ нравовъ, довольство малымъ, и упрекаютъ Грековъ и Римлянъ въ развратѣ, который они внесли къ Скиѳамъ.

Касательно быта другихъ народовъ чуждаго происхожденія, но обитавшихъ подлѣ Скиѳовъ, остались извѣстія объ Агатирсахъ, жившихъ къ западу отъ Скиѳовъ. Геродотъ называетъ ихъ самымъ изнѣженнымъ, женоподобнымъ народомъ, страстнымъ къ блестящимъ украшеніямъ; жены были у нихъ въ общемъ пользованіи будто бы для того, чтобъ всѣмъ составлять одно семейство и тѣмъ избѣжать зависти и вражды; въ остальномъ бытъ ихъ былъ похожъ на бытъ Ѳракіянъ. Изъ народовъ, обитавшихъ къ сѣверѣ отъ Скиѳовъ; о Неврахъ—ходили слухи, что они живутъ по-скиѳски, и будто въ извѣстные дни каждый Невръ обращался въ волка,—повѣрье, сильно укорененное между восточнымъ народонаселеніемъ Европы. Андрофаги отличались необыкновенною дикостью, Меланхлены имѣли скиѳскіе нравы. О Будинахъ до Геродота дошли, какъ видно, одни смутные слухи; можно понимать, что въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ жили два различные народа—Будины и Гелоны: Будины—кочевники, Гелоны—осѣдлые; у нихъ большой деревянный городъ; Геродотъ считаетъ Гелоновъ греческими переселенцами. Къ югу отъ Скиѳовъ, въ нынѣшнемъ Крыму, обитали Тавры, народъ дикій и свирѣпый, живущій грабежемъ и войною; на крышахъ домовъ ихъ, надъ печными трубами виднѣлись шесты съ воткнутыми на нихъ головами плѣнниковъ: эти варварскіе трофеи охраняли домъ отъ всякаго зла, какъ жертва, угодная божеству. Тавры приносили плѣнныхъ Грековъ въ жертву Дѣвѣ; имя божества-дѣвы: у самыхъ Тавровъ—Орейлоха; Грекамъ казалась она то Ифигеніею, то Артемидою. По природнымъ условіямъ полуострова, Тавры, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ—сѣверныхъ и земледѣльческихъ—южныхъ.

Какъ на ясной памяти исторіи, въ нынѣшней южной Россіи господство одного кочевого народа смѣнялось господствомъ другого, жившаго далѣе на востокъ, такъ и въ древнія времена господство Скиѳовъ смѣнилось господствомъ Сарматовъ; но отъ этой перемѣны исторія столь же мало выиграла, какъ отъ смѣны Печенѣговъ Половцами; перемѣнились имена, отношенія остались прежнія, потому что бытъ народовъ, смѣнявшихъ другъ друга, былъ одинакій: и Сарматы, подобно Скиѳамъ, раздѣлялись на кочевыхъ и земледѣльческихъ, на господствующихъ и подчиненныхъ. Но древніе замѣтили и нѣкоторыя особенности у Сарматовъ; главная особенность состояла въ томъ, что у Сарматовъ женщины имѣли большую силу, отличались храбростію и мужескими упражненіями: это подало поводъ къ сказкѣ, что Сарматы произошли отъ совокупленія Скиѳовъ съ Амазонками; но у древнихъ писателей сохранилось также преданіе о происхож-

[1]) Strabo, VII, 306.

*

денін Сарматовъ изъ Мидіи,—преданіе, подтверждаемое теперь [1]) наукою. Сарматы были бѣлокуры, свирѣпы на видъ, носили длинные волосы и бороду, широкую одежду, расписывались по тѣлу разными узорами; вели кочевую жизнь; не умѣли сражаться пѣшкомъ, но на лошадяхъ были неотразимы; отличались дикостью и жестокостью въ нравахъ; поклонялись мечу, по другимъ извѣстіямъ—огню, и приносили въ жертву лошадей. Изъ сарматскихъ племенъ сильнѣйшими явились Языги на западѣ, въ нынѣшней Бессарабіи и Валахіи, отчасти въ Венгріи, и Роксоланы на востокѣ, между Дономъ и Днѣпромъ; подлѣ Сарматовъ, на западныхъ границахъ Скиѳіи и восточныхъ Германіи, упоминается особый сильный народъ, Бастарны, раздѣлявшійся на три поколѣнія—Атмоновъ, Сидоновъ и Певциновъ. При первыхъ императорахъ Рима Роксоланы переходятъ Дунай и нападаютъ на области имперіи; при Адріанѣ Римляне принуждены были платить имъ ежегодно извѣстную сумму денегъ; послѣ могущество Роксоланъ и Языговъ ослабѣло вслѣдствіе усиленія Готовъ и потомъ Гунновъ. Незадолго до Рождества Христова, или въ первомъ вѣкѣ послѣ него, въ нынѣшней Европейской Россіи являются Аланы, пришедшіе, какъ говорятъ, изъ странъ прикавказскихъ; Римляне знали и этихъ страшныхъ враговъ на Дунаѣ вмѣстѣ съ Готами; но часть ихъ въ соединеніи съ Вандалами бросилась на западъ, вмѣстѣ съ Франками перешла Рейнъ, опустошила Галлію (гдѣ, какъ говорятъ, Алансонъ получилъ отъ нихъ свое имя), нападала на Италію, Сицилію, Грецію, вторгнулась въ Испанію и вѣроятно даже въ Африку. Большая часть племени оставалась впрочемъ въ странахъ припонтійскихъ до конца IV вѣка, когда Аланы на время смѣшались съ побѣдителями своими Гуннами; но въ VI вѣкѣ встрѣчаемъ ихъ опять между Дономъ и Волгою: здѣсь, равно какъ въ странахъ прикавказскихъ, византійскіе и арабскіе писатели упоминаютъ о нихъ въ продолженіе среднихъ вѣковъ. Къ какому племени приписать Аланъ—объ этомъ еще спорятъ изслѣдователи; есть основанія считать ихъ Германцами; для насъ впрочемъ и Аланы, каково бы ни было ихъ происхожденіе, остаются народомъ не-историческимъ, потому что ихъ дѣятельность не отличается ничѣмъ отъ дѣятельности ихъ предшественниковъ: ихъ слѣды также пропали въ нашихъ степяхъ.

Мы упоминали уже о греческихъ колоніяхъ на сѣверномъ берегу Понта. Самою значительною изъ нихъ была здѣсь Ольвія (Борисѳенъ, Милетополисъ), основанная Милезійцами за 655 лѣтъ до Р. Х., при устьи Гипаниса, или Буга. Старый городъ былъ разрушенъ Гетами въ половинѣ послѣдняго вѣка до Р. Х., потомъ, при участіи Скиѳовъ, Ольвія была возстановлена, но не достигла прежняго богатства и великолѣпія; старый городъ, по Геродоту, имѣлъ предмѣстье, рынокъ, дворецъ Скиѳскаго царя Скюлеса; но по надписямъ видно, что въ немъ былъ гимназіумъ, хлѣбный складочный магазинъ, базаръ, рыбный рынокъ, карабельныя верфи. Скиѳы производили здѣсь торговлю посредствомъ семи толмачей; Ольвія имѣла обширныя торговыя связи съ греческими городами до самой Сициліи. Главнымъ храмомъ считался храмъ Юпитера Ольвіоса, гдѣ граждане собирались для совѣщаній; но изъ божествъ особеннымъ уваженіемъ пользовался Ахиллесъ, пѣвцу котораго, Гомеру, также воздавались божескія почести. Въ странѣ варварской жители Ольвіи не могли сохранить въ чистотѣ греческаго языка; они переняли также и скиѳскую одежду, въ которой преобладалъ черный цвѣтъ. Вѣрную картину быта греческихъ колонистовъ можно видѣть въ разсказѣ Діона Хрисостома, который въ Ольвіи искалъ убѣжища отъ преслѣдованій Домиціана. Когда жители Ольвіи увидали заморскаго оратора, то съ греческою жадностью бросились послушать его рѣчей: старики, начальники усѣлись на ступеняхъ юпитерова храма; толпа стояла съ напряженнымъ вниманіемъ. Діонъ восхищался античнымъ видомъ своихъ слушателей, которые всѣ, подобно Грекамъ Гомера, были съ длинными волосами и съ длинными бородами, но всѣ они были также вооружены; наканунѣ толпа варваровъ показалась передъ городомъ, и въ то время, когда Діонъ произносилъ свою рѣчь, городскія ворота были заперты и на укрѣпленіяхъ развѣвалось военное знамя, когда же нужно было выступать противъ варваровъ, то въ рядахъ колонистовъ раздавались стихи Иліады, которую почти всѣ Ольвіополиты знали наизусть [1]). Время паденія новой Ольвіи трудно опредѣлить. Кромѣ Ольвіи, важными поселеніями греческими были—Пантикапея (около Керчи), служившая мѣстопребываніемъ босфорскимъ царямъ; потомъ Фанагорія, которую полагаютъ подлѣ Тамани; кромѣ того, по берегамъ и во внутренности страны было много другихъ торговыхъ мѣстъ. Постоянная опасность со стороны варваровъ заставила всѣ эти города ввѣрить правленіе одному начальнику, вслѣдствіе чего произошло Босфорское царство. Война оборонительная влекла босфорскихъ владѣльцевъ и къ наступательной; они покорили своей власти разные окрестные варварскіе народы. Какъ начальники греческихъ городовъ, носили они названіе архонтовъ, или игемоновъ; какъ владѣльцы варварскихъ народовъ—назывались василевсами, или этнархами. Такимъ образомъ, на берегахъ Понта, гдѣ сталкивалось столько разноплеменныхъ и разнообычныхъ народовъ, издавна являются странныя, смѣшанныя владѣнія, какимъ въ древности было Босфорское царство, въ позднѣйшія времена Казарское. Самую тѣсную связь

[1]) Діодоръ Сицилійскій говоритъ (II, 43), что Сарматы были мидійская колонія, выведенная скиѳскими царями на берега Дона. Плиній (Hist. nat. VI, c. 7, § 19) подтверждаетъ это извѣстіе — Sarmatae Medorum, ut ferunt, soboles. Бекъ подтверждаетъ это теперь лингвистически. Inscript. gr. 11, pars XI, p. 110.

[1]) Dionis Crysostomi Orationes, LXXX.

съ нашею исторіею имѣетъ богатая греческая колонія на Таврическомъ полуостровѣ (гдѣ теперь Севастополь) Херсонесъ (Херсонъ, Корсунь).

Существованіе многихъ торговыхъ цвѣтущихъ поселеній предполагаетъ обширную торговлю. Главнымъ предметомъ вывоза съ сѣверныхъ береговъ Понта и въ древности, какъ теперь, былъ хлѣбъ, за нимъ слѣдовала рыба, потомъ воскъ, медъ, кожи, мѣха, шерсть, лошади; рабы, какъ было сказано выше, составляли также одну изъ значительныхъ отраслей понтійской торговли. Привозъ состоялъ въ выдѣланныхъ кожахъ, которыя въ грубомъ видѣ были вывезены отсюда же, въ одеждѣ, маслѣ, винѣ, произведеніяхъ искусствъ.

Мы видѣли, что, несмотря на столкновеніе разныхъ народовъ у береговъ понтійскихъ, несмотря на ихъ движенія и борьбы, въ странахъ этихъ, во все продолженіе такъ-называемой древней исторіи, господствуетъ мертвенное однообразіе: смѣнялись имена народовъ, но бытъ ихъ оставался одинаковъ. Только однажды однообразіе этого пустыннаго міра было нарушено движеніемъ историческаго народа, походомъ Персидскаго царя Дарія Истаспа; преданія объ этомъ походѣ любопытны для историка, потому что даютъ понятіе о свойствахъ страны и народовъ въ ней обитавшихъ. За 513 лѣтъ до Р. Х., съ 700 или 800,000 войска и 600 кораблей переправился Персидскій царь черезъ ѳракійскій Босфоръ, по великолѣпному мосту, въ Европу и вступилъ въ Скиѳію. Скиѳы не встрѣтили полчищъ персидскихъ, но стали удаляться въ глубь страны, засыпая на пути колодцы, источники, истребляя всякое произрастеніе; Персы начали кружить за ними. Утомленный безплодною погонею, Дарій послалъ сказать Скиѳскому царю: „Странный человѣкъ! зачѣмъ ты бѣжишь все дальше и дальше? Если чувствуешь себя въ силахъ сопротивляться мнѣ, то стой и бейся; если же нѣтъ, то остановись, поднеси своему повелителю въ даръ землю и воду, и вступи съ нимъ въ разговоръ“. Скиѳъ отвѣчалъ: „Никогда еще ни передъ однимъ человѣкомъ не бѣгалъ я отъ страха, не побѣгу и передъ тобою; что дѣлаю я теперь, то привыкъ дѣлать и во время мира; а почему не бьюсь съ тобою, тому вотъ причины: у насъ нѣтъ ни городовъ, ни хлѣбныхъ полей, и потому намъ нечего биться съ вами изъ страха, что вы ихъ завоюете или истребите. Но у насъ есть отцовскія могилы: попробуйте ихъ разорить, такъ узнаете—будемъ ли мы съ вами биться, или нѣтъ“. Однѣ кости мертвецовъ привязывали Скиѳа къ землѣ, и ничего кромѣ могилъ не оставилъ онъ въ историческое наслѣдіе племенамъ грядущимъ. Персы увидали, что зашли въ страну могилъ,—и обратились назадъ [2]).

Вторженіе Персовъ въ Скиѳію не произвело ничего, кромѣ ускореннаго движенія ея обитателей; попытки Митридата возбудить востокъ, міръ варваровъ противъ Рима, остались тщетными. Движенія изъ Азіи не могли возбудить исторической жизни въ странахъ понтійскихъ; но вотъ слышится преданіе о противоположномъ движеніи съ запада, изъ Европы, о движеніи племенъ, давшихъ странѣ исторію

Глава III.

Славянское племя.—Его движеніе.—Венеды Тацита.—Анты и Сербы.—Движеніе Славянскихъ племенъ по русскому начальному лѣтописцу.—Родовой бытъ Славянъ.—Города.—Нравы и обычаи.—Гостепріимство.—Обращеніе съ плѣнными.—Бракъ.—Погребеніе.—Жилища.—Образъ веденія войны.—Религія.—Финское племя.—Литовское племя.—Ятвяги.—Готское движеніе.—Гунны.—Авары.—Козары.—Варяги.—Русь.

Славянское племя не помнитъ о своемъ приходѣ изъ Азіи, о вождѣ, который вывелъ его оттуда, но оно сохранило преданіе о своемъ первоначальномъ пребываніи на берегахъ Дуная, о движеніи оттуда на сѣверъ, и потомъ о вторичномъ движеніи на сѣверъ и востокъ, вслѣдствіе натиска какого-то сильнаго врага. Это преданіе заключаетъ въ себѣ фактъ, не подлежащій никакому сомнѣнію: древнее пребываніе Славянъ въ придунайскихъ странахъ оставило ясные слѣды въ мѣстныхъ названіяхъ [1]); сильныхъ враговъ у Славянъ на Дунаѣ было много: съ запада Кельты, съ сѣвера Германцы, съ юга Римляне, съ востока азіатскія орды; только на сѣверо-востокъ открытъ былъ свободный путь, только на сѣверо-востокѣ славянское племя могло найти себѣ убѣжище, гдѣ, хотя не безъ сильныхъ препятствій, успѣло основать государство и укрѣпить его въ уединеніи, вдалекѣ отъ сильныхъ натисковъ

[1]) См. Шафар. Слав. Древн., переводъ О. Бодянскаго, Т. I, кн. I, стран. 104.

[2]) Гротъ въ своей Греческой Исторіи (History of Greece, vol. IV, p. 362) произнесъ, думаемъ, вполнѣ вѣрное сужденіе объ этомъ походѣ въ слѣдующихъ словахъ: «Here (на берегахъ Дуная) we reenter the world of reality, at the north bank of the Danube the place where, we before quitted it. All that is reported to have passed in the interval, if tried by the teste of historical matter of fact, can be received as nothing better than a perplexing dream. It only acquires value when we consider it as an illustrative fiction, including, doubtless, some unknown matter of fact, but framed chiefly to exhibit in action those unattackable Nomads who formed the northeastern barbarous world of a Greek, and with whose manners Herodotus was profoundly struck. The protracted and unavailing chase ascribed to Darius who can neither overtake his game nor use his arms, and who hardly even escapes in safety, embodies in detail this formidable atri-

и вліяній Запада, до тѣхъ поръ пока оно, собравши силы, могло уже, безъ опасенія за свою независимость, выступить на поприще и обнаружить съ своей стороны вліяніе и на востокъ и на западъ.

Вотъ это преданіе о первоначальномъ мѣстѣ жительства Славянъ и движеніяхъ ихъ, какъ оно читается у нашего русскаго лѣтописца [1]): „спустя много времени послѣ Вавилонскаго столпотворенія, сѣли Славяне по Дунаю, гдѣ теперь Земля Венгерская и Болгарская. Отъ тѣхъ Славянъ разошлись по землѣ племена и прозвались своими именами гдѣ которое племя сѣло на какомъ мѣстѣ: одни пришли и сѣли на рѣкѣ именемъ Морава, и прозвались Моравами, другія назвались Чехами; а вотъ тоже Славяне—Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане. Когда Волхи нашли на Славянъ дунайскихъ, поселились среди нихъ и начали насильничать, то тѣ Славяне (т.-е. Моравы и Чехи) двинулись, сѣли на Вислѣ рѣкѣ и прозвались Ляхами, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвались Поляне (Поляки), къ племени же Ляховъ принадлежатъ Лутичи, Мазовшане и Поморяне. Также и эти Славяне (т.-е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане) двинулись и сѣли по Днѣпру“ и проч. Довольствуясь достовѣрностію явленія, мы не станемъ входить въ изслѣдованіе вопроса о томъ, кто былъ этотъ могущественный врагъ, потѣснившій Славянъ изъ подунайскихъ жилищъ ихъ. Писатели перваго вѣка нашего лѣтосчисленія знаютъ Славянъ подъ именемъ Венедовъ около Вислы, между племенами сарматскими, финскими и германскими; встрѣчается у нихъ и имя Сербовъ далѣе къ востоку [2]). Краткія указанія о бытѣ Славянъ—Венедовъ впервые встрѣчаемъ у Тацита: Тацитъ сначала обнаруживаетъ сомнѣніе, къ какимъ племенамъ причислить Венедовъ—къ германскимъ или сарматскимъ. Они много приняли изъ сарматскихъ нравовъ, говоритъ онъ, потому что какъ разбойники скитаются по странѣ, лежащей между Певцинами и Финнами. Изъ этихъ словъ мы видимъ, что въ глазахъ Тацита Венеды были похожи на Сарматовъ суровостью нравовъ; Венеды въ первомъ вѣкѣ по Р. Х. отличались воинственнымъ движеніемъ,—знакъ еще неустановившейся жизни, недавняго переселенія. Нравами Венеды показались Тациту похожи на Сарматовъ; но когда онъ вглядѣлся внимательнѣе въ ихъ бытъ, то нашелся принужденнымъ сказать, что скорѣе ихъ слѣдуетъ отнести къ племенамъ европейскимъ: они, говоритъ Тацитъ, строятъ дома, носятъ щиты и сражаются пѣши,—все это совершенно отлично отъ Сарматовъ, живущихъ въ кибиткѣ и на лошади. Такимъ образомъ, первое достовѣрное извѣстіе о бытѣ Славянъ представляетъ ихъ намъ народомъ осѣдлымъ, рѣзко отличнымъ отъ кочевниковъ; въ первый разъ Славянинъ выводится на историческую сцену въ видѣ европейскаго воина—пѣшъ и со щитомъ. Писатели слѣдующихъ вѣковъ постоянно упоминаютъ между главными народами Сарматіи—Венедовъ, далѣе на востокѣ Сербовъ [3]). Въ половинѣ VI вѣка извѣстія о племенахъ и жилищахъ славянскихъ становятся нѣсколько точнѣе: по Іорнанду [4]), многочисленное племя Венедовъ раздѣлялось на два народа—Славянъ, жившихъ отъ верховья Вислы на востокъ до Днѣпра, и Антовъ, которые были сильнѣе первыхъ и жили въ странахъ припонтійскихъ, отъ Днѣпра до Днѣстра. Прокопій [5]) знаетъ также Славянъ и Антовъ, прибавляя, что въ древности оба народа были извѣстны подъ однимъ общимъ именемъ Споровъ, въ которомъ новѣйшіе изслѣдователи не безъ вѣроятности видятъ Сербовъ. Прокопій говоритъ, что на берегахъ Азовскаго моря живутъ Утургуры, а пространство дальше отъ нихъ къ сѣверу занимаютъ безчисленные народы Антовъ.

Отъ этихъ неопредѣленныхъ указаній иностранныхъ писателей перейдемъ теперь къ точнѣйшимъ указаніямъ нашего начальнаго лѣтописца о разселеніяхъ восточныхъ Славянскихъ племенъ, вошедшихъ въ составъ Русскаго государства. Объ этомъ разселеніи лѣтопись говоритъ въ трехъ мѣстахъ; въ первомъ мѣстѣ говорится [6]), что восточная отрасль Славянъ, т.-е. Хорваты Бѣлые, Сербы и Хорутане, будучи потѣснены врагомъ, двинулись на сѣверо-востокъ, и одни сѣли по Днѣпру и назвались Полянами, а другіе—Древлянами, потому что сѣли въ лѣсахъ; далѣе сѣли между Припетью и Двиною и назвались Дреговичами; нѣкоторые сѣли на Двинѣ и назвались Полочанами, отъ имени рѣки Полоты, впадающей въ Двину. Часть Славянъ сѣла также около озера Ильменя и прозвалась своимъ именемъ—Славянами; эти Славяне построили городъ и назвали его Новгородомъ;

bute of the Scythian Nomads That Darius actually marched into the country, there can be no doubt. Nothing else is certain, except his ignominious retreat out of it to the Danube: for of the many different guesses, by which critics have attempted to act down the gigantic sketch of Herodotus in to a march with definite limits and direction, not one rests upon any positive grounds, or carries the least conviction. We can trace the pervading idea in the mind of the historian, cannot find out what were his substantive data».

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 3: «По многѣхъ же временѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ именемъ Морава, и прозвашася Морава; а друзіи Чеси нарѣкошася; а се тиже Словѣни, Хровате Бѣліи, и Серби, и Хорутане. Волхомъ бо нашедшимъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насилящемъ имъ, Словѣни же ови пришедши сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове, а отъ тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, Ляхове друзіи Лутичи, ини Мазовшане, ини Поморяне. Такоже и ти Словѣни пришедше и сѣдоша по Днѣпру», и проч.

[2]) Plinii. Hist. Nat. I. IV, c. 13: VI. c. 7 Taciti Germ.

[3]) Ptolem. Geogr. I. III. c. 5; I. V. c. 9. Marciani peripl. in Geogr. veter. script. graec. minor. ed. Hudsen. 1, 54—57.

[4]) De Gethar. orig., et reb. ges c. 5.

[5]) Procop. Caesariensis, de bello gothico, I. III, c. 14; I. IV, c. 4, 5.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I. 3.

остальные Славяне сѣли по Деснѣ, по Семи, по Сулѣ и назвались Сѣверомъ, или Сѣверянами.—Въ другомъ мѣстѣ [1]) говорится, что у Полянъ было свое княженье, у Древлянъ свое, у Дреговичей свое, у Славянъ свое—въ Новгородѣ, у Полочанъ свое. Отъ нихъ же, т.-е. отъ Полочанъ—Кривичи, которые сидятъ на верховьяхъ Волги, Двины и Днѣпра, у нихъ городъ Смоленскъ; отъ нихъ Сѣверяне. Потомъ тутъ же перечисляются племена въ томъ порядкѣ: Поляне, Древляне, Новгородцы, Полочане, Дреговичи, Сѣверяне съ прибавкою Бужанъ, назвавшихся такъ по рѣкѣ Бугу и прозванныхъ послѣ Волынянами.—Наконецъ въ третьемъ мѣстѣ [2]), говоря о Полянахъ и Древлянахъ, съ подтвержденіемъ, что они племени Славянскаго, лѣтописецъ прибавляетъ еще Радимичей и Вятичей, которые происходятъ отъ Ляховъ, т.-е. отъ западныхъ Славянъ: были два брата въ Ляхахъ—Радимъ и Вятко; Радимъ пришелъ и сѣлъ съ родомъ своимъ на рѣкѣ Сожи, а Вятко на Окѣ. Тутъ же прибавлены Хорваты, потомъ Дулѣбы, жившіе по Бугу, гдѣ во время лѣтописца были уже Волыняне; наконецъ Угличи и Тиверцы, сидѣвшіе по Днѣстру до самаго моря и Дуная,—многочисленныя племена, у которыхъ были города, существовавшіе до временъ лѣтописца.

Изъ перваго извѣстія видно, что восточные Славяне двинулись отъ Хорватовъ, изъ нынѣшней Галиціи, прямо на востокъ до Днѣпра: то были Древляне и Поляне. Потомъ славянское народонаселеніе стало распространяться на сѣверъ по правому берегу Днѣпра; между Припетью и Двиною явились Дреговичи, за ними по Двинѣ, опять прямо на сѣверъ, Полочане и наконецъ Славяне Новгородскіе. Кривичи пропущены въ первомъ извѣстіи; лѣтописецъ прямо переходитъ къ ближайшимъ къ Кіеву Сѣверянамъ, на восточный берегъ Днѣпра, къ Деснѣ, Семи и Сулѣ. Другое извѣстіе дополняетъ и объясняетъ первое: здѣсь сначала лѣтописецъ пересчитываетъ только пять главныхъ племенъ на западной сторонѣ: Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Славянъ Новгородскихъ и Полочанъ; но потомъ указываетъ на дальнѣйшее выселеніе: отъ Полочанъ разсѣлились Кривичи по верховьямъ Волги, Двины и Днѣпра—„отъ нихъ же Кривичи“; отъ Кривичей на югъ, по Днѣпру и его притокамъ, Сѣверяне. Слѣдовательно, если принимать буквально извѣстіе лѣтописца, то выйдетъ, что славянское народонаселеніе двигалось по западной сторонѣ Днѣпра на сѣверъ и потомъ спускалось на югъ по восточной сторонѣ этой рѣки. О другихъ племенахъ—Дулѣбахъ, Бужанахъ, Угличахъ и Тиверцахъ, Радимичахъ и Вятичахъ лѣтописецъ сначала не упоминаетъ ни въ первомъ, ни во второмъ извѣстіи: изъ этого умолчанія имѣемъ право заключить, что означенныя племена явились на востокѣ не вслѣдствіе извѣстнаго толчка отъ Волховъ, и не имѣютъ связи съ перечисленными выше племенами, а явились особо.

Итакъ, первыми славянскими поселенцами, которыхъ приходъ и причину его помнитъ преданіе, являются Древляне и Поляне, жители лѣсовъ и жители полей; уже эти самыя мѣстныя причины условливали разницу въ нравахъ обоихъ племенъ, большую дикость Древлянъ, большую склонность ихъ жить насчетъ сосѣдей, отъ чего терпѣли Поляне. Это послѣднее племя пріобрѣло особенное значеніе потому, что городокъ, среди него основанный, Кіевъ, сталъ главнымъ городомъ Русской Земли. На счетъ основанія Кіева, какъ вообще всѣхъ древнихъ знаменитыхъ городовъ, ходили разныя преданія. Названіе его, сходное съ прилагательною притяжательною формою, заставило предположить имя основателя Кія (Кій—Кіевъ городъ, какъ Андрей—Андреевъ, Петръ—Петровъ); названіе разныхъ городскихъ урочищъ, горъ—Щековицы и Хоревицы, повели къ предположенію первыхъ насельниковъ—Щека и Хорива; господствующія понятія заставили связать Кія, Щека и Хорива кровнымъ союзомъ, предположить въ нихъ братьевъ: названіе рѣчки Лыбеди увеличило еще эту семью сестрою Лыбедью. Самъ лѣтописецъ предложилъ очень хорошее объясненіе этого производства: Кіевъ перевозъ заставлялъ предполагать Кія перевощика [3]). Названіе городища Кіевецъ на Дунаѣ заставило предположить, что основателемъ было одно и тоже лицо; отсюда необходимо другое представленіе, что Кій былъ знаменитый владыка рода, ходившій въ Царьградъ, принявшій большую честь отъ императора и построившій на возвратномъ пути Кіевецъ [4]): позднѣйшіе походы русскихъ Кіевскихъ князей въ Грецію, къ Дунаю, естественно влекли къ такому представленію, точно такъ какъ господство родовыхъ понятій заставляло лѣтописца предполагать въ Кіѣ князя, старѣйшину рода—„и Кій княжаше въ родѣ своемъ“, хотя дальній походъ въ Грецію и желаніе поселиться на Дунаѣ, въ странѣ болѣе привольной, обличаютъ скорѣе безпокойнаго вождя дружины, чѣмъ мирнаго владыку рода. Изъ этихъ преданій историкъ можетъ вывести только то, что жители Дуная и Днѣпра были единоплеменны, судя по сходству названій Кіева и Кіевца, если только послѣднее не явилось на Дунаѣ во времена Святослава; точно такъ какъ можно видѣть признакъ общеславянскаго родства между племенами въ сходствѣ названій Кіева и Куявы польской, не предполагая впрочемъ здѣсь связи болѣе тѣсной.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 5.

[2]) Тамъ же.

[3]) Тамъ же, стр. 4: «Ини же не свѣдуще рекоша, якъ Кій есть перевозникъ былъ: у Кіева бо бяше перевозъ тогда съ оноя стороны Днѣпра, тѣмь глаголаху: на перевозъ на Кіевъ». Мы не рѣшаемся ничего сказать о словѣ Кіевъ; замѣтимъ только насчетъ производства Щековицы и Хоревицы: Щекъ, отсюда Щекова (гора), и отсюда уже Щековица; по этому же образцу должно быть производимо и слово Хоревица: Херь, Хорева, Хоревица, но Херь напоминаетъ божество Хорса.

[4]) Тамъ же.

За Древлянами слѣдуютъ Дреговичи, поселившіеся между Припетью и Двиною. Названіе Дреговичей встрѣчается у болгарскихъ Славянъ и въ Германіи [1]).—За Дреговичами слѣдуютъ Полочане, т.-е. Кривичи. Старые города у нихъ были: Изборскъ, Полоцкъ (отъ рѣки Полоты), Смоленскъ; позднѣе встрѣчающійся въ лѣтописи Торопецъ (отъ рѣки Торопы) у простого народа слыветъ теперь Кривитепскъ, Кривичъ, или Кривигъ [2]).—За Кривичами идутъ Славяне Новгородскіе. Во всѣхъ названіяхъ племенъ мы замѣчаемъ, что они происходятъ или отъ мѣстъ, или отъ именъ родоначальниковъ, или племена называются собственнымъ существительнымъ, какъ напр. Дулѣбы; одни только жители Новгорода и окрестныхъ мѣстъ „прозвашась своимъ имянемъ", какъ говоритъ лѣтописецъ, Славянами. Эта странность можетъ объясниться тѣмъ, что Славяне Ильменскіе, будучи позднѣйшими выселенцами отъ Кривичей, не успѣли пріобрѣсти еще для себя видоваго названія въ отличіе отъ соплеменниковъ, и удерживали названіе родовое въ отличіе отъ чужеплеменниковъ—Финновъ, которыми были окружены.—Сѣверяне, по лѣтописцу, пошли отъ Кривичей, и поселились на рѣкахъ Деснѣ, Семи и Сулѣ [3]).—Названія Радимичей и Вятичей лѣтописецъ прямо производитъ отъ именъ родоначальниковъ и сообщаетъ преданіе, что оба эти племени происходятъ отъ Ляховъ. Мы не имѣемъ никакого права заподозрить это преданіе, которое показываетъ, что эпоха прибытія этихъ племенъ не была слишкомъ отдаленна: о немъ помнили еще во времена лѣтописца. Что племена эти пришли позднѣе другихъ, доказываютъ избранныя ими жилища: Радимичи поселились на Сожи, а Вятичи должны были перейти далѣе на востокъ, на Оку, потому что земли по Деснѣ, лежащія между Сожью и Окою, уже были заняты Сѣверянами.

[1]) Шафар. Слав. Древн. II, 1, стр. 184, 185.

[2]) Зябловскаго—Землеопис. Росс. Импер. III, 37. Сходство имени Кривичей съ именемъ литовскаго первосвященника Криве есть случайное и не можетъ вести ни къ какимъ сближеніямъ. Литовское: Kirba топь, трясина. Отсюда вѣроятно произошло названіе Кривичей. Лѣтописецъ говоритъ: «разидошася по землѣ, и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ». Стало быть, Дреговичи и Кривичи получили названіе свое отъ мѣстности ими занятой. Мѣстность эта и теперь обильна топями, трясинами, а топь, трясина называется въ западной Россіи дрегва, дрягва, по-литовски Kirba. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Импер. Академіи Наукъ, листъ 7-й.

[3]) Нельзя согласиться съ Шафарикомъ, который непремѣнно хочетъ помѣстить между Русскими Славянами Сербовъ, основываясь на свидѣтельствѣ Константина Порфиророднаго; но очевидно, что Σέρβιοι Константина суть Сѣверяне; ибо какъ предположить, чтобы нашъ лѣтописецъ ничего не зналъ о Сербахъ, а Константинъ о Сѣверянахъ? Ясно, что Константинъ, зная также о Сербахъ, какъ о Славянскомъ племени, по легкости и созвучью слова, назвалъ этимъ именемъ нашихъ Сѣверянъ.—Шафарикъ говоритъ: «Σέρβιοι не были и не могутъ быть инымъ народомъ, какъ только Сербами.» Но если такъ, то и Константиновъ Милиниска не можетъ быть другимъ городомъ, какъ только Милинискою, тогда какъ мы знаемъ, что это—Смоленскъ.

Касательно Дулѣбовъ и Бужанъ мы принимаемъ эти два названія принадлежащими одному и тому же племени, имѣвшему жилища свои на Западномъ Бугѣ: въ лѣтописи, въ двухъ разныхъ извѣстіяхъ, эти племена помѣщены на одинакихъ мѣстахъ, съ одинакимъ прибавленіемъ, что какъ то, такъ и другое племя послѣ называлось Волынянами, и ни въ одномъ извѣстіи оба названія не поставлены вмѣстѣ рядомъ, но гдѣ есть одно, тамъ нѣтъ другого. О движеніи Дулѣбовъ-Бужанъ лѣтописецъ не знаетъ: думаемъ, что ихъ должно разсматривать, какъ отрасль хорватскаго племени, поселившуюся съ незапамятныхъ поръ на берегахъ Буга, на Волыни.—Послѣдними племенами къ югу лѣтописецъ считаетъ Угличей и Тиверцевъ. Въ приведенныхъ извѣстіяхъ о разселеніи племенъ жилища Угличей и Тиверцевъ назначены по Днѣстру до моря и Дуная: „Улучи (Угличи), Тиверцы сѣдяху по Днѣстру или до моря, суть гради ихъ и до сего дне: да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь". Но есть другое извѣстіе, изъ котораго видно, что Угличи жили прежде въ низовьяхъ Днѣпра: когда Игоревъ воевода Свѣнельдъ, послѣ упорнаго трехлѣтняго сопротивленія, взялъ ихъ городъ Пересѣченъ, то они двинулись на западъ, перешли Днѣстръ, и поселились на западномъ его берегу, гдѣ еще теперь, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, Бессарабской области [4]), находится деревня Пересѣчени, или Пересѣчина, вѣроятно основанная бѣглецами въ память прежняго ихъ города [5]). Указанія лѣтописца на мно-

[4]) Нынѣ губернія.

[5]) Никон. Лѣт. 1, 41: «И бѣ у него (у Игоря) воевода именемъ Свентеадъ, и премучи Угличи, и возложи на ня дань Игорь, и даде Свентеаду: и не дадеся ему единъ градъ именемъ Пересѣченъ, и седе около его три лѣта, и едва взятъ его. И бѣша сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ, и посемъ придоша межи вонъ дестръ, и седоша тамо».—Г. Надеждинъ (Записки Одес. Истор. Общ. I, стр. 235), нашедши въ Бессарабской области, въ Оргѣевскомъ уѣздѣ, деревню Пересѣчени, или Пересѣчину, думаетъ, что отыскалъ мѣсто жительства древнихъ Угличей или Уличей; онъ основывается на томъ, что берегъ Чернаго моря, между устьями Днѣпра и Дуная, представляетъ своею географическою фигурою настоящій уголъ, и даже донынѣ называется Угломъ по преимуществу: турецко-татарское имя Буджакъ, которое означаетъ теперь всю нижнюю или степную часть Бессарабской области, значитъ именно уголъ; славянскіе туземцы называли это мѣсто угломъ еще въ VII вѣкѣ, по свидѣтельству Византійцевъ. Для объясненія приведеннаго извѣстія о приднѣпровскихъ жилищахъ Угличей, г. Надеждинъ прибѣгаетъ къ слѣдующему предположенію (стр. 253): «Угличи были жители нынѣшней Бессарабіи, именно нижней, степной ея части, называвшейся угломъ. Но, подобно своимъ преемникамъ Печенѣгамъ, Половцамъ и Татарамъ, они не ограничивались этимъ угломъ; они простирались по Днѣстру и за Днѣстръ далеко въ глубь степей, до Буга по крайней мѣрѣ, какъ указываетъ ясно лѣтописецъ. Но Бугъ, какъ извѣстно, соединяется съ Днѣпромъ, слѣдовательно справедливы слова разсматриваемаго нами мѣста, что они «бѣша сѣдяще внизъ по Днѣпру», гдѣ ихъ должны были въ первый разъ замѣтить Кіевскіе Руссы, путешествовавшіе Днѣпромъ до Греціи».—Но, не прибѣгая къ предположеніямъ, вспомнимъ, что въ-старину изгибы морскихъ береговъ, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками, или углами, лукоморьемъ, какъ напр. Лу-

гочисленность Тиверцевъ и Угличей, на ихъ упорное сопротивленіе русскимъ князьямъ, на ихъ жилища отъ Днѣстра или даже отъ Дуная до самаго Днѣпра, и, можетъ-быть, дальше на востокъ, не оставляютъ никакого сомнѣнія, что это тѣ самыя племена, которыя Прокопію и Іорнанду были извѣстны подъ именемъ Антовъ.

Что касается быта славянскихъ восточныхъ племенъ, то начальный лѣтописецъ оставилъ намъ о немъ слѣдующее извѣстіе: „каждый жилъ съ своимъ родомъ, отдѣльно, на своихъ мѣстахъ, каждый владѣлъ родомъ своимъ“ [1]). Мы теперь почти потеряли значеніе рода, у насъ остались производныя слова — родня, родство, родственникъ, мы имѣемъ ограниченное понятіе семьи; но предки наши не знали семьи [2]), они знали только родъ, который означалъ всю совокупность степеней родства, какъ самыхъ близкихъ, такъ и самыхъ отдаленныхъ; родъ означалъ и совокупность родственниковъ и каждаго изъ нихъ [3]); первоначально предки наши не понимали никакой общественной связи внѣ родовой и потому употребляли слово родъ также въ смыслѣ соотечественника [4]), въ смыслѣ народа [5]); для означенія родовыхъ линій употреблялось слово племя [6]). Единство рода, связь племенъ поддерживались единымъ родоначальникомъ; эти родоначальники носили разныя названія—старцевъ, жупановъ, владыкъ, князей и проч.; послѣднее названіе, какъ видно, было особенно въ употребленіи у Славянъ русскихъ, и, по словопроизводству, имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства [7]).

коморскіе Половцы суть приморскіе Половцы, слѣдовательно подъ именемъ Угличей разумѣлось племя, жившее въ Лукоморьи, у морскаго залива, будь то въ низовьяхъ Днѣпра, или другой какой-нибудь рѣки; что Угличи были именно лукоморскіе жители, на это указываетъ другая форма ихъ имени—Улучи, какъ читается въ Лаврентьевскомъ спискѣ. — Г. Надеждинъ понимаетъ приведенное мѣсто о бѣгствѣ Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ такъ: «И бѣше сѣдяще Угличи по Днѣпру внизъ (до нашествія Печенѣговъ, бывшаго при Олегѣ) и посемъ преидоша вежи свои (т. е. передвинули свои вежи, свои жилища) на Днѣстръ и сѣдоша тамо».—Но такое толкованіе намъ кажется слишкомъ вольно: изъ словъ лѣтописца нельзя предположить никакого печенѣжскаго движенія, бывшаго причиною переселенія Угличей съ Днѣпра на Днѣстръ: онъ прямо говоритъ, что Угличи были премучены Свѣнельдомъ и осаждены въ Пересѣченѣ, по взятіи котораго они удалились за Днѣстръ и поселились тамъ.—Для соображенія при именахъ—Уличи и Тиверцы г. Микуцкій сообщилъ мнѣ литовскія слова: ула—скала и тирай—степь.

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 4.

[2]) Семья (отъ со-имаю) означала первоначально жену, супругу (со-прягаю, со-имаю), потомъ уже стала означать и происшедшихъ отъ супружества, живущихъ вмѣстѣ; жены въ письмахъ къ мужьямъ обыкновенно подписывались: семьица твоя такая-то; семьяниться значило соединяться: въ крестоприводныхъ грамотахъ налагается обязанность не семьяниться ни съ кѣмъ на государя.

[3]) Избравшася три братья съ роды своими, т. е. родственниками своими.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 10: «Приплу подъ Угорское (Олегъ), похоронивъ вои своя, и присла ко Аскольду и Дирови, глаголя: яко гость есмь: идемъ въ Греки отъ Олга и отъ Игоря княжича; да придѣта къ намъ, къ родамъ своимъ».

[5]) Отъ рода Русскаго, отъ рода Варяжска.

[6]) См. Изслѣдов. А. Тюрина: Общественная жизнь и земскія отношенія въ древней Руси, стр. 28.

[7]) Слово князь, или конязь происходитъ отъ корня конъ—предѣлъ, граница, вершина, начало; корень же *кон* есть санскритскій—*джан*—рождать, и князь въ санскрит. имѣетъ себѣ соотвѣтственные: джанака, джанатри, откуда латинское genitor (См. изслѣдов. Ѳ. Буслаева о вліяніи христ. на Слав. яз., стр. 164).—Отсюда древнее названіе новобрачныхъ князь и княгиня, потому что, вступая въ бракъ, они становятся домовладыками, начальниками особаго, имѣющаго произойти отъ нихъ рода. Что старшины родовъ назывались у насъ до прихода Варяговъ князьями, о томъ есть ясное свидѣтельство у лѣтописца, напр. «Се Кій княжаше въ родѣ своемъ... И по сихъ братьи держати начаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ». Или: «Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю.» Слово: князь —имѣетъ значеніе родовое, означаетъ старшаго въ родѣ, родоначальника, отца семейства. Этимъ лексиконнымъ опредѣленіемъ слова нѣкоторые возражатели воспользовались для того, чтобъ обвинить меня въ смѣшеніи рода и семьи! Но прежде, подъ предлогомъ смѣшенія, возражатели должны были объявить непозволительнымъ всякое объясненіе слова сопоставленіемъ нѣсколькихъ близкихъ другъ къ другу, по значенію, словъ. Еслибъ означенное лексиконное объясненіе слова князь было единственнымъ мѣстомъ, въ которомъ бы я высказалъ свои понятія о родѣ, то, конечно, для отстраненія всѣхъ возможныхъ придирокъ, я измѣнилъ бы это мѣсто; но если сами возражатели признаются, что въ дальнѣйшемъ разсужденіи моемъ семья и родъ различены ясно, то я не считаю себя обязаннымъ дѣлать подобныя измѣненія. Далѣе у меня сказано: «Правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти». Возражатель говоритъ, что «здѣсь, для устраненія противорѣчія, мы должны разумѣть подъ отцомъ семейства родоначальника: иначе еслибъ надъ каждымъ отцомъ семейства не было высшей власти, то родоначальникъ, въ родѣ котораго должно быть не одно семейство, не имѣлъ бы никакого смысла.» Но зачѣмъ же возражатель не потрудился выписать всей статьи, къ которой относится упомянутое мѣсто?—тогда бы каждый читатель увидѣлъ, что здѣсь нѣтъ ни смѣшенія, ни противорѣчія, что здѣсь именно говорится объ отцѣ семейства, а не о родоначальникѣ, объ отцѣ семейства, который былъ правителемъ внутри собственной семьи, имѣлъ право надъ жизнію и смертію своихъ дѣтей, право, при пользованіи которымъ надъ нимъ не было высшей власти, власти родоначальника. Возражатель имѣетъ свое понятіе о родовомъ бытѣ; онъ говоритъ, что «любовь дѣтей къ родителямъ не можетъ являться во всей чистотѣ и силѣ, когда, кромѣ отца, есть другой, верховный отецъ, патріархъ всего рода». Этого мы уже никакъ понять не можемъ, не можемъ понять, почему дѣти Мономаха не могли сохранять любви къ отцу своему во всей чистотѣ, когда старшимъ въ родѣ считался двоюродный дядя ихъ, Святополкъ Изяславичъ.—По мнѣнію возражателя выходитъ, что въ нашихъ семьяхъ дѣти не могутъ какъ должно любить отца при существованіи дѣда! Такъ отрѣшенно отъ всякой дѣйствительности составленныя положенія рушатся при первомъ появленіи живаго событія, живыхъ отношеній. Такъ же составилось положеніе возражателя, что при родовомъ устройствѣ, гдѣ каждый родъ живетъ особо, никакое общее совѣщаніе не возможно; изъ этого положенія прямо слѣдуетъ, что между отдѣльными независимыми государствами не возможно никакое общее совѣщаніе, конгрессъ. Такъ же составилось положеніе возражателя, что если предположить сходку въ отдѣльномъ родѣ, то родовое устройство уничтожается: мы видимъ съѣзды, совѣщанія князей-родичей, принадлежащихъ къ одному роду,—и родовыя отношенія между ними отъ того не рушатся.

Существуютъ различные взгляды на родовой бытъ: одни представляютъ его въ идиллическомъ видѣ, предполагаютъ въ немъ исключительное господство нѣжныхъ, родственныхъ отношеній; другіе, напротивъ, смотрятъ на него съ противоположной стороны, предполагаютъ суровость отношеній меж-

Для объясненія родоваго устройства я привелъ извѣстную старую чешскую пѣсню о Любушиномъ судѣ. Возражатель говоритъ, что здѣсь «вопросъ семейный, а не родовой; на сценѣ семья, выдѣлившаяся изъ рода, а рода нѣтъ».—Умираетъ отецъ, оставляетъ двоихъ сыновей, законъ принуждаетъ обоихъ братьевъ владѣть нераздѣльно отцовскимъ имуществомъ,—и здѣсь возражатель видитъ вопросъ семейный, а не родовой! Что же, по его мнѣнію, будетъ семья, и что родъ? до какихъ поръ будетъ простираться семья, и гдѣ долженъ начинаться родъ? Если братья, по смерти отца, составляютъ семью, а не родъ, то это все равно, что назвать зеленое желтымъ, и утверждать, что зеленаго нѣтъ. Возражатель самъ чувствовалъ невыгоду своего положенія, и потому долженъ былъ прибѣгнуть къ натяжкѣ. «Рѣчь идетъ о томъ, говоритъ онъ, что всѣ дѣти наслѣдуютъ отцу и что въ первую минуту наслѣдованія они всѣ вмѣстѣ владѣютъ наслѣдствомъ, что потомъ не мѣшало имъ послѣ выдѣляться». Но откуда взялась эта первая минута? гдѣ о ней говорится? За натяжкою слѣдуетъ неправильное толкованіе текста пѣсни: возражатель говоритъ, что Любуша предлагаетъ имъ общее владѣніе или раздѣленіе поровну—оба по старому закону, закону вѣкожизненныхъ боговъ; но Любуша говоритъ: «рѣшите: по закону боговъ владѣть имъ сообща наслѣдствомъ, или раздѣлиться поровну?» Если старый законъ говорилъ и то и другое, то нечего было бы и рѣшать, а просто отдать на выборъ тяжущимся; Любуша должна была бы сказать тогда только: «вотъ что говоритъ законъ!» ясно, что Сеймъ не имѣлъ права одному положенію закона давать преимущество передъ другимъ, когда оба предлагались на выборъ. Кромѣ стараго закона, Любуша придумала еще новое средство рѣшить споръ ровнымъ раздѣленіемъ наслѣдства, и предлагаетъ Сейму рѣшить, что лучше. Но намъ не нужно вдаваться ни въ какія разсужденія, ибо одно изъ дѣйствующихъ лицъ въ пѣснѣ, Ратиборъ, цитуетъ намъ этотъ старый законъ: по нему дѣти должны сообща владѣть имѣніемъ, о раздѣлѣ ни слова. Что же касается явленій, приводимыхъ изъ позднѣйшаго времени, изъ времени послѣ Рюрика въ Россіи, послѣ основанія государствъ вообще у славянскихъ народовъ, то эти явленія не идутъ къ нашему вопросу, ибо я признаю полное господство родоваго быта только до половины IX вѣка, а послѣ являются условія, которыя нарушаютъ эту полноту, какъ постоянно и показывается въ моей книгѣ; нарушаютъ полноту, говорю, и только: ибо и послѣ Рюрика явленія изъ родоваго быта такъ могущественны въ Русской Исторіи, что должны быть поставлены на первое мѣсто; таково напримѣръ господствующее явленіе въ древней нашей исторіи— родовыя княжескія отношенія. Какъ же разсуждаетъ о нихъ возражатель? Вотъ какъ: «замѣчательно, что если гдѣ можно, хотя отчасти (!!) найти родовое устройство, такъ это въ родѣ Рюриковомъ, призванномъ, не туземномъ». Итакъ, по мнѣнію возражателя, родовыя княжескія отношенія были у насъ явленіемъ не славянскимъ, а варяжскимъ, т. е. скандинаво-германскимъ; но въ такомъ случаѣ возражателю слѣдовало начать вопросъ именно съ этого, показать прежде всего господство родоваго быта у скандинаво-германскихъ племенъ и отвергнуть его у славянскихъ; но любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель писалъ свои возраженія тогда, когда статья моя о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ у западныхъ Славянъ была давно уже извѣстна; возражатель однако заблагоразсудилъ умолчать о ней, заблагоразсудилъ умолчать о томъ, что такія же родовыя княжескія отношенія существовали у другихъ славянскихъ народовъ, а у другихъ иноплеменныхъ народовъ не существовали!—«Неужели можно дѣлать такое предположеніе», говоритъ возражатель, «что родовое начало, привившись къ Рюрикову роду, исчезло совершенно изъ Русской Земли»—Но кто же говоритъ, что оно исчезло? Въ мѣстничествѣ оно очевидно, ибо голословное, въ скобкахъ поставленное выраженіе «хотя едва-ли справедливо»—ни для кого не можетъ имѣть силы. Кто знакомъ съ источниками нашей древней исторіи, съ лѣтописями, тотъ знаетъ, что это лѣтописи княжескія, говорящія преимущественно, исключительно почти о княжескихъ отношеніяхъ, отъ которыхъ зависѣла судьба страны: даже о вельможескихъ отношеніяхъ изъ лѣтописей мы почти ничего узнать не можемъ; подробности вельможескихъ отношеній, мѣстничества, мы узнаемъ изъ особеннаго позднѣйшаго источника, изъ Книгъ Разрядныхъ; но если о родовыхъ княжескихъ отношеніяхъ мы узнаемъ изъ лѣтописей, ибо отъ этихъ отношеній зависѣла судьба страны; если родовыя отношенія людей служилыхъ записаны въ Разрядныхъ Книгахъ, ибо эти отношенія имѣли близкую связь съ государственнымъ интересомъ, съ государственною службою: то въ какихъ лѣтописяхъ и въ какихъ разрядахъ мы найдемъ подробности о бытѣ, о родовыхъ отношеніяхъ остальнаго народонаселенія? изъ отсутствія же источниковъ, въ которыхъ мы могли бы видѣть подробности быта остальнаго народонаселенія, имѣемъ ли право заключать, что здѣсь тѣхъ или другихъ отношеній не было?

О до-Рюриковскомъ родовомъ бытѣ восточныхъ Славянъ самое ясное указаніе находимъ въ извѣстныхъ словахъ лѣтописца: «Живяху кождо съ своимъ родомъ и на своихъ мѣстахъ, владѣюще кождо родомъ своимъ.» Возражатель, отвергающій родовой бытъ, объясняетъ эти выраженія такъ, что родомъ своимъ будетъ отвѣчать не на вопросъ: чѣмъ? а на вопросъ: какъ? и приводитъ два примѣра: они играли толпами, пришли всѣмъ народомъ. Но, во-первыхъ, въ приведенныхъ примѣрахъ глаголы играть и придти имѣютъ среднее значеніе, какого не можетъ имѣть глаголъ владѣть у лѣтописца: каждый Полянинъ владѣлъ (какъ?) родомъ, но чѣмъ же онъ владѣлъ? Во-вторыхъ, любопытнѣе всего здѣсь то, что возражатель, желая опровергать родовой бытъ, доказываетъ его: онъ говоритъ, что, по словамъ лѣтописца, Поляне владѣли цѣлыми своими отдѣльными родами, по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ не одинъ, а цѣлымъ родомъ совокупно. Но если Поляне владѣли по родамъ, каждый родъ самъ по себѣ, каждый владѣлъ цѣлымъ родомъ совокупно, если каждый родъ составлялъ отдѣльное совокупное владѣніе, то спрашивается, какой же можетъ быть здѣсь другой бытъ, кромѣ родового? Да воспользуются этимъ урокомъ тѣ, которые стараются сдѣлать спорнымъ предметъ, не допускающій спора!—Доказательство противъ родового быта возражатель находитъ въ преданіи о трехъ братьяхъ, строителяхъ Кіева, ибо здѣсь говорится, что братья жили на разныхъ мѣстахъ; мы согласились бы еще съ возражателемъ насчетъ раздѣльности братьевъ, еслибъ одинъ жилъ на Деснѣ, а другой на Припети, но никакъ не согласимся потому только, что одинъ жилъ на Щековицѣ, а другой на Хоревицѣ, ибо никакъ не думаемъ, чтобы для поддержанія родового единства всѣ родичи должны были жить рядомъ въ одномъ домѣ, который, при многочисленности членовъ рода, долженствовалъ быть чѣмъ-нибудь въ родѣ хрустальнаго дворца.—По мнѣнію возражателя, употребляемое въ лѣтописи слово родъ означаетъ семью; онъ говоритъ: «въ значеніи современной совокупности живыхъ родичей, въ духѣ родового быта, въ значеніи колѣна слово родъ не употребляется».—Въ отвѣтъ раскроемъ лѣтопись; подъ 1148 годомъ Изяславъ Мстиславовичъ говоритъ двоюродному брату своему, Ростиславу Юрьевичу: «мнѣ дай Богъ васъ, братью свою, всю имѣти и весь родъ свой въ правду, аки и душу свою». Здѣсь Изяславъ родомъ своимъ называетъ современную совокупность всѣхъ живыхъ родичей своихъ,

ду отцомъ и дѣтьми, между родоначальникомъ и родичами, подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, при чемъ приводятъ въ примѣръ семью римскую и германскую, гдѣ отецъ имѣлъ право осуждать своихъ дѣтей на рабство и смерть. Мы замѣтимъ, что нельзя представлять себѣ родового быта идиллически; нельзя забывать о первобытномъ младенческомъ состояніи народа, котораго движенія, страсти мало чѣмъ обуздываются; не надобно забывать, что и у просвѣщенныхъ народовъ родственныя отношенія не исключаютъ вражды, что вражда между родичами считается самою сильною, что родовой бытъ, по самому существу своему, условливаетъ неопредѣленность, случайности. Но, съ другой стороны, мы не можемъ вполнѣ раздѣлять и противоположнаго взгляда: правда, что въ бытѣ родовомъ отецъ семейства есть вмѣстѣ и правитель, надъ которымъ нѣтъ высшей власти; но не знаемъ, въ правѣ ли мы будемъ допустить совершенное подавленіе родственныхъ отношеній правительственными, особенно при отсутствіи всякихъ опредѣленій; не имѣемъ ли мы права предположить, что родственныя отношенія, въ свою очередь, смягчали отношенія правительственныя? Какимъ образомъ осудить ихъ на совершенное бездѣйствіе даже въ быту самомъ грубомъ? Владиміръ имѣетъ право казнить жену, замышлявшую преступленіе, и хочетъ воспользоваться своимъ правомъ, но входитъ малютка сынъ,—и мечъ выпадаетъ изъ рукъ отцовскихъ. Здѣсь главный вопросъ не въ томъ, подавлялись ли родственныя отношенія правительственными, но въ томъ, какъ выражались самыя родственныя отношенія? Мы не должны только по своимъ христіанскимъ понятіямъ судить о поступкахъ языческихъ грубыхъ народовъ; такъ, напримѣръ, отецъ въ семьѣ германской и литовской осуждалъ на гибель новорожденныхъ дѣтей своихъ, если семья была уже многочисленна, или если новорожденные были слабы, увѣчны; но такое поведеніе отцовъ, приводящее насъ въ ужасъ, проистекало у язычниковъ изъ грубыхъ понятій о родственномъ состраданіи, а не изъ понятій о деспотической власти отца надъ дѣтьми; язычники смотрѣли на жизнь человѣка съ чисто матеріальной стороны; при господствѣ физической силы, человѣкъ слабый былъ существомъ самымъ несчастнымъ, и отнять жизнь у такого существа считалось подвигомъ состраданія; доказательствомъ тому служитъ обязанность дѣтей у Германцевъ и Литовцевъ убивать своихъ престарѣлыхъ, лишенныхъ силъ родителей. Эти обычаи велись преимущественно у племенъ воинственныхъ, которыя не терпѣли среди себя людей лишнихъ, слабыхъ и увѣчныхъ, не могшихъ оказывать помощи на войнѣ, защищать родичей, истить за ихъ обиды; у племенъ, жившихъ въ странѣ скудной, стремленіе предохранить отъ голодной смерти взрослыхъ заставляло жертвовать младенцами. Но у народа относительно болѣе мирнаго, земледѣльческаго, живущаго въ странѣ обильной, мы не встрѣтимъ подобныхъ обычаевъ; такъ не встрѣчаемъ ихъ у нашихъ восточныхъ Славянъ: лѣтописецъ, говоря о черной сторонѣ языческаго быта послѣднихъ, не упоминаетъ объ означенныхъ обычаяхъ; даже у Славянъ померанскихъ, которые, по воинственному характеру своему и по сосѣдству съ племенами германскими и литовскими, являются болѣе похожими на послѣднихъ, даже и у этихъ Славянъ съ престарѣлыми и слабыми родителями и родствен-

---

всѣхъ князей—Ярославичей, противополагая эту совокупность ближайшимъ, Мономаховичамъ, которыхъ называетъ братьею своею.—Возражатель не хочетъ согласиться и съ опредѣленіемъ слова племя, какъ подраздѣленіемъ рода; по мнѣнію возражателя, племя имѣетъ обширнѣйшее значеніе, чѣмъ родъ, чему доказательствомъ служитъ позднѣйшее выраженіе: ни роду—ни племени. Но когда дѣло идетъ о древнемъ бытѣ, о древнихъ понятіяхъ, то слова должны быть принимаемы въ томъ значеніи, какое они имѣли въ старину, а не въ томъ, какое имѣютъ теперь, ибо извѣстно, какъ слова перемѣняютъ значеніе; мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ родомъ своимъ называетъ совокупность всѣхъ родственниковъ, всѣхъ Ярославичей; но когда нужно было изъ этого рода назвать различныя линіи, противополагая ихъ одна другой, напримѣръ Мономаховичей Ольговичамъ, то употреблялось слово племя, напр. подъ 1140 годомъ Новгородцы говорятъ Всеволоду Ольговичу: «Не хочемъ сына твоего, ни брата, ни племени вашего, но хочемъ племени Володимеря». Возражатель на томъ основаніи, что въ извѣстномъ выраженіи: «ни роду—ни племени» племя стоитъ послѣ рода, заключаетъ, что оно должно имѣть значеніе обширнѣйшее; но мы представимъ ему изъ начала XV вѣка примѣръ, гдѣ племя стоитъ прежде рода: «А кто ли почнетъ вступатися въ таа дѣла въ монастырская, или мірьскый человѣкъ почнетъ чего взыскивати умершаго черньцѣ, или племя или родъ общежителева, а тѣмъ того не искати» (Акты Истор. I, № 24). Въ нѣкоторыхъ памятникахъ XV же вѣка племя употребляется исключительно въ значеніи рода, родства, отчего является выраженіе: ближнее племя, племянникъ означаетъ просто родственника (Псковск. Судная грам.). Когда два слова, не исчезая изъ языка, теряютъ свое прежнее различіе, начинаютъ употребляться одно вмѣсто другого, то бываетъ, что они складываются другъ съ другомъ, составляютъ двойственныя слова съ однимъ значеніемъ, какъ: «родъ—племя», «травка—муравка». Примѣръ употребленія сложнаго слова родъ—племя: «У Ивашки у Жеглова родъ племя» (Крымскія дѣла, № 1, стр. 116). Не должно забывать настоящаго значенія слова племя, съ которымъ употребляется теперь оно: это приплодъ; извѣстное выраженіе: оставить на племя; отсюда понятно, почему въ древнихъ памятникахъ племя означаетъ въ родѣ линіи, рядъ нисходящихъ отъ извѣстнаго члена рода, его приплодъ такъ-сказать; ясно также, почему въ извѣстномъ выраженіи «ни роду—ни племени» племя поставлено позади рода: чѣмъ больше родъ, тѣмъ больше силы и чести, по старымъ понятіямъ; чѣмъ меньше родъ, тѣмъ человѣкъ бѣднѣе, безпомощнѣе; человѣкъ самый бѣдный и несчастный есть тотъ, у котораго нѣтъ не только рода, обширнаго круга родственниковъ разныхъ степеней, но даже нѣтъ близкихъ, нѣтъ племени.

Наконецъ возражатели хотятъ найти спасеніе въ выраженіи: двоюродный братъ, т. е. братъ двухъ родовъ, при чемъ родъ долженъ означать семью. Но пусть возражали найдутъ это выраженіе въ какомъ-нибудь древнемъ памятникѣ; это слово позднѣйшее, ибо, при господствѣ родового быта, въ древнее время, всѣ—и двоюродные, и троюродные и т. д.—братья называются просто: братья, по единству рода; общество, въ языкѣ котораго находимъ такое явленіе, есть общество родовое.

никами обходились совершенно иначе, чѣмъ у Германцевъ и Литовцевъ [1]). Вообще же должно остерегаться дѣлать точныя опредѣленія первоначальному, родовому обществу въ томъ или другомъ смыслѣ.

Отношенія родоначальника къ родичамъ понятны, когда родъ состоитъ изъ однихъ нисходящихъ; но когда отецъ, дѣдъ или прадѣдъ умираетъ, то какимъ образомъ поддержится единство рода? Оно поддерживалось возстановленіемъ отеческой власти: одинъ изъ старшихъ родичей занималъ отцовское мѣсто. Старинная чешская пѣсня говоритъ: „Когда умретъ глава рода, то всѣ дѣти сообща владѣютъ имѣніемъ, выбравши себѣ изъ роду своего владыку“ [2]). Такъ теперь у южныхъ Славянъ, удержавшихъ черты древняго быта, часто деревня состоитъ изъ одного рода, который управляется самъ собою и сообщается съ высшими властями страны посредствомъ своего главы, старшины. Этотъ старшина не всегда бываетъ физически старшимъ въ родѣ: онъ избирается въ свою должность собраніемъ всѣхъ родичей, которые торжественно сажаютъ его на первое мѣсто подъ иконы, откуда и въ нашей древней исторіи сохранился обрядъ и выраженіе посадить князя. Избранный старшина управляетъ всѣми работами, хранитъ общественную казну, вноситъ подати, раздаетъ своимъ дѣтямъ и братьямъ пищу и одежду, наказываетъ ихъ за проступки; въ большіе праздники онъ напоминаетъ о древнемъ значеніи владыки рода, какъ жреца, потому что окруженный всѣми родичами кадитъ иконы [3]). Послѣдующая исторія Рюрикова княжескаго рода показываетъ, что и въ бытѣ нашихъ восточныхъ Славянъ имѣли мѣсто тѣ же самыя явленія: старшій братъ обыкновенно заступалъ мѣсто отца для младшихъ. Къ старшинству послѣдняго родичи привыкали еще при жизни отца: обыкновенно въ семьѣ старшій сынъ имѣетъ первое мѣсто по отцѣ, пользуется большею довѣренностью послѣдняго, является главнымъ исполнителемъ его воли; въ глубокой старости отца заступаетъ совершенно его мѣсто въ управленіи семейными дѣлами; отецъ при смерти обыкновенно благословляетъ его на старшинство послѣ себя, ему поручаетъ семью. Такимъ образомъ, по смерти отца старшій братъ естественно наслѣдуетъ старшинство, становится въ отца мѣсто для младшихъ. Младшіе братья ничего не теряли съ этою перемѣною: старшій имѣлъ обязанность блюсти выгоды рода, думать и гадать объ этомъ, имѣть всѣхъ родичей какъ душу; права его состояли въ уваженіи, которое оказывали ему какъ старшему, къ нему относились во всѣхъ дѣлахъ, касающихся рода; безъ его вѣдома и согласія ничего не дѣлалось: онъ былъ распорядителемъ занятій, раздавателемъ пищи и одежды, онъ судилъ и наказывалъ. Но всѣ эти распоряженія получали силу только при общемъ согласіи, когда всѣ видѣли, что старшій поступаетъ съ ними какъ отецъ, наблюдаетъ строгую справедливость; власть, сила старшаго основывалась на согласіи младшихъ; это согласіе было для старшаго единственнымъ средствомъ къ дѣятельности, къ обнаруженію своей власти, вслѣдствіе чего младшіе были совершенно обезпечены отъ насилій старшаго, могущаго дѣйствовать только черезъ нихъ. Но легко понять, какія слѣдствія могла имѣть такая неопредѣленность правъ и отношеній; невозможно, чтобы младшіе постоянно согласно смотрѣли на дѣйствія старшаго; каждый младшій, будучи недоволенъ рѣшеніемъ старшаго, имѣлъ возможность возстать противъ этого рѣшенія: онъ уважалъ старшаго брата какъ отца; но когда этотъ старшій братъ, по его мнѣнію, поступалъ съ нимъ не какъ братъ, не какъ отецъ, не по-родственному, но какъ чужой, даже какъ врагъ, то этимъ самымъ родственный союзъ, родственныя отношенія между ними рушились, рушились вмѣстѣ всѣ права и обязанности, ничѣмъ другимъ не опредѣленныя. Если большинство братьевъ принимало сторону старшаго противъ младшаго, то, разумѣется, послѣдній долженъ былъ или покориться общей волѣ, или выйти изъ рода; но могло очень случиться, что сторону младшаго принимали другіе братья: отсюда усобицы и распаденіе рода; если же всѣ младшіе принимали сторону одного изъ своихъ противъ старшаго, то послѣдній долженъ былъ или исполнить общую волю, или выйти изъ рода, который избиралъ другого старшаго. Такіе случаи могли быть нерѣдки, какъ увидимъ въ послѣдующей исторіи Рюрикова княжескаго рода; изъ этой исторіи мы знаемъ также, какимъ исключеніямъ подвергался обычай давать княженія всегда старшему въ родѣ; знаемъ, какъ терялись права на старшинство вслѣдствіе разныхъ случайныхъ обстоятельствъ, когда напр. личному достоинству младшаго отдавалось преимущество предъ правомъ старшаго; могло случиться, что самъ отецъ при жизни своей, будучи недоволенъ поведеніемъ старшаго, отнималъ у него значеніе старшинства, которое передавалъ младшему; случаи исключенія изъ старшинства, борьба за него должны были происходить чаще, когда родъ дробился все болѣе и болѣе, племена (линіи) расходились и родственная связь ослабѣвала; отсюда необходимо проистекала вражда, усобица между членами рода и линіями, отъ нихъ происходившими. Такая внутренняя вражда должна была оканчиваться отторженіемъ нѣкоторыхъ линій отъ общей родовой связи и выселеніемъ ихъ на другія мѣста; но такъ какъ причиною выселеній была вражда, то ясно, что выселившіяся линіи, образовавшись въ особые роды, не могли жить въ дружественныхъ отношеніяхъ съ прежними родичами.

---

[1]) Гельмгольда Lib. II, cap. XII; Statim enim ut aliquem inter eos aut debilem fecerit infirmitas, aut decrepitum aetas, haeredis curae delegatur, plena humanitate fovendus.

[2]) Краледворская рукопись. Snem.

[3]) Les Slaves de Turquie, par M. Cyprien Robert, 1, p. 78, 79. См. также въ Словарѣ Юнгмана подъ словомъ Staresta, и въ словарѣ Вука Стефановича.

Обширность и дѣвственность населенной восточными Славянами страны давали родичамъ возможность выселяться при первомъ новомъ неудовольствіи, что, разумѣется, должно было ослаблять усобицы: мѣста было много, за него, по крайней мѣрѣ, не нужно было ссориться. Но могло случаться, что особенныя удобства мѣстности привязывали къ ней родичей и не позволяли имъ такъ легко выселяться; это особенно могло случаться въ городахъ, мѣстахъ, выбранныхъ родомъ по особенному удобству и огороженныхъ, укрѣпленныхъ общими усиліями родичей и цѣлыхъ поколѣній; слѣд. въ городахъ усобицы долженствовали быть сильнѣе. О городской жизни восточныхъ Славянъ изъ словъ лѣтописца можно заключать только то, что эти огороженныя мѣста были обиталищемъ одного или нѣсколькихъ отдѣльныхъ родовъ: Кіевъ, по лѣтописцу, былъ жилищемъ рода; при описаніи междоусобій, предшествовавшихъ призванію князей, лѣтописецъ говоритъ, что всталъ родъ на родъ; изъ этого ясно видно, какъ развито было общественное устройство, видно, что до призванія князей оно не переходило еще родовой грани; первымъ признакомъ общенія между отдѣльными родами, живущими вмѣстѣ, долженствовали быть общія сходки, совѣты, вѣча; но на этихъ сходкахъ мы видимъ и послѣ одпихъ старцевъ, у которыхъ все значеніе; что эти вѣча, сходки старшинъ, родоначальниковъ не могли удовлетворить возникшей общественной потребности, потребности наряда, не могли создать связи между соприкоснувшимися родами, дать имъ единство, ослабить родовую особность, родовой эгоизмъ,—доказательствомъ служатъ усобицы родовыя, кончившіяся призваніемъ князей. Несмотря на то, первоначальный славянскій городъ имѣетъ важное историческое значеніе: городовая жизнь, какъ жизнь вмѣстѣ, была гораздо выше разрозненной жизни родовъ на особыхъ мѣстахъ; въ городахъ болѣе частыя столкновенія, болѣе частыя усобицы должны были скорѣе повести къ сознанію о необходимости наряда, правительственнаго начала. Остается вопросъ: какое отношеніе было между этими городами и народонаселеніемъ, внѣ ихъ живущимъ, было ли это народонаселеніе независимо отъ города или подчинено ему? Естественно предположить городъ первымъ пребываніемъ поселенцевъ, откуда народонаселеніе распространялось по всей странѣ: родъ являлся въ новой странѣ, селился въ удобномъ мѣстѣ, огораживался для большей безопасности, и потомъ уже, вслѣдствіе размноженія своихъ членовъ, наполнялъ и всю окрестную страну; если предположить выселеніе изъ городовъ младшихъ членовъ рода или родовъ, тамъ живущихъ, то необходимо предположить связь и подчиненіе,—подчиненіе, разумѣется, родовое, младшихъ старшимъ; ясные слѣды этого подчиненія мы увидимъ послѣ въ отношеніяхъ новыхъ городовъ или пригородовъ къ городамъ старымъ, откуда они получили народонаселеніе. Но, кромѣ этихъ родовыхъ отношеній, связь и подчиненность сельскаго народонаселенія городскому могли скрѣпляться и по другимъ причинамъ: сельское народонаселеніе было разбросано, городское совокуплено, и потому послѣднее имѣло всегда возможность обнаруживать свое вліяніе надъ первымъ; въ случаѣ опасности, сельское народонаселеніе могло находить защиту въ городѣ, необходимо примыкало къ послѣднему, и по этому уже самому не могло сохранить равнаго съ нимъ положенія. На такое отношеніе городовъ къ окружному народонаселенію находимъ указаніе въ лѣтописи: такъ говорится, что родъ основателей Кіева держалъ княженіе среди Полянъ. Но, съ другой стороны, мы не можемъ предполагать большой точности, опредѣленности въ этихъ отношеніяхъ, ибо и послѣ, въ историческое время, какъ увидимъ, отношеніе пригородовъ къ старшему городу не отличалось опредѣленностью; и потому, говоря о подчиненіи селъ городамъ, о связи родовъ между собою, зависимости ихъ отъ одного центра, мы должны строго различать эту подчиненность, связь, зависимость въ дорюриковское время отъ подчиненности, связи и зависимости, начавшихъ утверждаться мало-по-малу послѣ призванія князей Варяжскихъ; если сельчане считали себя младшими относительно горожанъ, то легко понять, въ какой степени признавали они себя зависимыми отъ послѣднихъ, какое значеніе имѣлъ для нихъ старшина городской. Городовъ, какъ видно, было немного: знаемъ, что Славяне любили жить разсѣянно, по родамъ, которымъ лѣса и болота служили вмѣсто городовъ; на всемъ пути изъ Новгорода до Кіева, по теченію большой рѣки, Олегъ нашелъ только два города—Смоленскъ и Любечъ; у Древлянъ упоминаются города, кромѣ Коростеня; на югѣ должно было находиться больше городовъ: здѣсь болѣе было нужды въ защитѣ отъ нашествія дикихъ ордъ, да и потому, что мѣсто было открытѣе; у Тиверцевъ и Угличей были города, сохранившіеся и во времена лѣтописца; въ средней полосѣ—у Дреговичей, Радимичей и Вятичей не встрѣчается упоминовенія о городахъ.

Кромѣ преимуществъ, которыя городъ (т. е. огороженное мѣсто, въ стѣнахъ котораго живетъ одинъ многочисленный, или нѣсколько отдѣльныхъ родовъ) могъ имѣть надъ окружнымъ разсѣяннымъ народонаселеніемъ, могло, разумѣется, случаться, что одинъ родъ, сильнѣйшій матеріальными средствами, получалъ преимущество передъ другими родами; что князь, начальникъ одного рода, по своимъ личнымъ качествамъ, получалъ верхъ надъ князьями другихъ родовъ. Такъ у южныхъ Славянъ, о которыхъ Византійцы говорятъ, что у нихъ много князьковъ и нѣтъ единаго государя, иногда являются князья, которые, по своимъ личнымъ достоинствамъ, выдаются впередъ, какъ напр. знаменитый Лавритасъ. Такъ и у насъ, въ извѣстномъ разсказѣ объ Ольгиной мести, у Древлянъ сначала на первомъ планѣ является князь Малъ; но замѣтимъ, что здѣсь нельзя принимать Мала непремѣнно княземъ всей Древлянской Земли: можно при-

нимать, что онъ былъ князь Коростенскій только; что въ убіеніи Игоря участвовали одни Коростенцы подъ преимущественнымъ вліяніемъ Мала, остальные же Древляне приняли ихъ сторону послѣ, по ясному единству выгодъ,—на это прямо указываетъ преданіе: „Ольга же устремися съ сыномъ своимъ на Искоростень городъ, яко тѣ бяху убили мужа ея“. Малу, какъ главному зачинщику, присудили и жениться на Ольгѣ; на существованіе другихъ князей, другихъ державцевъ земли указываетъ преданіе въ словахъ пословъ древлянскихъ: „Наши князи добри суть, иже распасли суть Деревьску землю“; объ этомъ свидѣтельствуетъ и молчаніе, которое хранитъ лѣтопись относительно Мала во все продолженіе борьбы съ Ольгою.

Родовой бытъ условливалъ общую, нераздѣльную собственность, и наоборотъ: общность, нераздѣльность собственности служила самою крѣпкою связью для членовъ рода, выдѣленіе условливало необходимо и расторженіе родовой связи. Извѣстная уже чешская пѣсня говоритъ: „когда умретъ родоначальникъ, то всѣ дѣти сообща владѣютъ оставшимся имѣніемъ, выбравши себѣ владыку изъ рода“. Общее владѣніе родовою собственностью необходимо заставляло родичей возстановлять значеніе отца, выбрать кого-нибудь изъ себя въ отца мѣсто, а выборъ кого-нибудь вмѣсто отца, слѣдов. возобновленіе прежнихъ отношеній, какъ они были при жизни отца, условливало необходимо и общее, нераздѣльное владѣніе. Должно замѣтить, что родовую связь и общую, нераздѣльную собственность поддерживала простота быта, малочисленность нуждъ, легко удовлетворяемыхъ общими первоначальными занятіями родичей [1]).

Что касается нравовъ и обычаевъ Славянъ языческихъ, то они условливаются преимущественно тогдашнимъ народнымъ бытомъ ихъ. Сличивъ извѣстія современниковъ-чужеземцевъ, мы находимъ, что вообще Славяне своею нравственностью производили на нихъ выгодное впечатлѣніе: простота нравовъ славянскихъ находилась въ противоположности съ испорченными нравами тогдашнихъ образованныхъ или полуобразованныхъ народовъ. Такъ встрѣчаемъ отзывы, что злые и лукавые попадаются очень рѣдко между Славянами. Доброта не исключала, впрочемъ, свирѣпости и жестокости въ извѣстныхъ случаяхъ; тѣ же писатели, которые хвалятъ доброту Славянъ, разсказываютъ ужасы объ обхожденіи ихъ съ плѣнными, съ проповѣдниками христіанства; здѣсь не слѣдуетъ удивляться противорѣчію свидѣтельствъ: такъ часто бываетъ у людей и цѣлыхъ народовъ, добрыхъ по природѣ, но предоставленныхъ влеченіямъ одной только природы. Одни писатели называютъ Славянъ нелукавыми, другіе —вѣроломными; это противорѣчіе объясняется извѣстіемъ, что между Славянами господствовали постоянно различныя мнѣнія: ни въ чемъ они не были между собою согласны; если одни въ чемъ-нибудь согласятся, то другіе тотчасъ же нарушаютъ ихъ рѣшеніе, потому что всѣ питаютъ другъ къ другу вражду, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другому. Такое поведеніе проистекало естественно изъ разрозненности, особности быта по родамъ, изъ отсутствія сознанія объ общемъ интересѣ внѣ родового.

Всѣ писатели единогласно превозносятъ гостепріимство Славянъ, ихъ ласковость къ иностранцамъ, которыхъ усердно провожали изъ одного мѣста въ другое, и если случится, что странникъ потерпитъ какую-нибудь бѣду по нерадѣнію своего хозяина, то сосѣдъ послѣдняго вооружается противъ него, почитая священнымъ долгомъ отмстить за странника; о сѣверо-западныхъ Славянахъ разсказываютъ, что у нихъ считалось позволеннымъ украсть для угощенія. Гостепріимство есть черта, принадлежащая не однимъ Славянамъ: у Грековъ нарушить долгъ гостепріимства значило оскорбить высшее божество—Зевеса; и теперь путешественники удивляются гостепріимству дикарей Сѣверной Америки. Чѣмъ затруднительнѣе странствованіе, чѣмъ съ большими опасностями сопряжено оно, тѣмъ сильнѣе чувствуетъ въ себѣ народъ обязанность гостепріимства; особенно должны были чувствовать эту обязанность Славяне,—народъ, болѣе другихъ подвергавшійся враждебнымъ столкновеніямъ и съ своими, и съ чужими, нападеніямъ и изгнанію. Но, кромѣ состраданія, гостепріимство имѣло еще и другія причины: для народа, живущаго въ простотѣ нравовъ, чужестранецъ, странникъ былъ явленіемъ важнымъ, любопытнымъ: сколько наслажденій могъ онъ доставить разсказомъ о своихъ похожденіяхъ! Съ другой стороны, человѣкъ, много странствовавшій, слѣд. много видѣвшій, много знающій, всегда и вездѣ пользовался большимъ уваженіемъ, являлся существомъ необыкновеннымъ, героемъ, потому что дерзалъ преодолѣвать страшныя препятствія, соединенныя тогда съ путешествіемъ,—удача въ этомъ преодолѣніи была знакомъ особенной милости боговъ; бояться одинокаго странника было нечего, научиться отъ него можно было многому, оскорбить любимца боговъ было страшно. Сюда должно присоединить и религіозныя понятія: каждое жилище, очагъ каждаго дома былъ мѣстопребываніемъ домашняго божества; странникъ, вхо-

[1]) О родовомъ бытѣ у Славянъ, кромѣ своихъ писателей, свидѣтельствуютъ также иностранные: Прокопій говоритъ, что они не повинуются одному властителю, но изъ - начала живутъ при народномъ правленіи; это нисколько не противорѣчитъ свидѣтельству Маврикія, который говоритъ, что у Славянъ много царьковъ, ибо, съ одной стороны, князья, старшины родовъ, могутъ являться съ характеромъ правителей, съ другой—равенство этихъ родоначальниковъ другъ передъ другомъ, общія ихъ сходки, или вѣча, представлялись для Грека демократіею; такъ Маврикій, упоминая о царькахъ, въ томъ же мѣстѣ говоритъ, что Славяне не знаютъ правительства; Прокопій прибавляетъ, что у Славянъ былъ обычай совѣщаться вмѣстѣ о всякихъ дѣлахъ. Арабскіе писатели о Славянахъ подтверждаютъ показанія Греческихъ.—Ср. мою статью: Очеркъ нравовъ, обычаевъ и религіи Славянъ, преимущественно восточныхъ, во времена языческія, помѣщ. въ 1-й книгѣ Архива историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ; равно изслѣдованіе А. Тюрина: Обществ. жизнь и проч.

дившій въ домъ, отдавался подъ покровительство этого божества; оскорбить странника значило оскорбить божество. Наконецъ странникъ, хорошо принятый и угощенный, повсюду разносилъ добрую славу о человѣкѣ и родѣ гостепріимномъ [1]). Славянинъ считалъ позволеннымъ украсть для угощенія странника, потому что этимъ угощеніемъ онъ возвышалъ славу цѣлаго рода, цѣлаго селенія, которое потому и снисходительно смотрѣло на кражу: это было угощеніе на счетъ цѣлаго рода [2]).

Писатели хвалятъ обхожденіе Славянъ съ плѣнными, которымъ оставлена жизнь; говорятъ, что у Славянъ плѣнные не рабствовали цѣлый вѣкъ, какъ у другихъ народовъ, но что назначенъ былъ извѣстный срокъ, по прошествіи котораго они были вольны или возвратиться къ своимъ, давши окупъ, или остаться жить между Славянами, въ качествѣ людей вольныхъ и друзей. Здѣсь должно замѣтить, что желаніе имѣть рабовъ и удерживать ихъ какъ можно долѣе въ этомъ состояніи бываетъ сильно, во-первыхъ, у народовъ, у которыхъ хозяйственныя и общественныя отправленія сложны, роскошь развита; во-вторыхъ, рабы нужны народамъ хотя и дикимъ, но воинственнымъ, которые считаютъ занятія войною и ея подобіемъ, охотою за звѣрями, единственно приличными для свободнаго человѣка, а всѣ хлопоты домашнія слагаютъ на женщинъ и рабовъ; наконецъ, какъ ко всякому явленію, такъ и къ явленію рабства посреди себя народъ долженъ привыкнуть: для этого народъ долженъ быть или образованъ и пріобрѣтать рабовъ посредствомъ купли, или воинственъ и пріобрѣтать ихъ какъ добычу, или долженъ быть завоевателемъ въ странѣ, которой прежніе жители обратились въ рабовъ. Но Славяне жили подъ самыми простыми формами быта, быта родового, ихъ хозяйственныя отправленія были не трудны и не сложны, въ одеждѣ, въ жилищахъ господствовало отсутствіе всякой роскоши; при всемъ этомъ и при постоянной борьбѣ съ своими и съ чужими, при постоянной готовности покинуть свое мѣстопребываніе и спасаться отъ врага, рабы могли только затруднять славянское семейство, а потому и не имѣли большой цѣнности. Потомъ извѣстно, что воинственность не была господствующею чертою славянскаго народнаго характера, и что Славяне вовсе не гнушались земледѣльческими занятіями. У народа, въ простотѣ родового быта живущаго, рабъ не имѣетъ слишкомъ большого различія отъ членовъ семьи; онъ бываетъ также младшимъ членомъ ея, малымъ, юнымъ; степень его повиновенія и обязанностей къ главѣ семьи одинакова со степенью повиновенія и обязанностей младшихъ членовъ къ родоначальнику [3]).

Мы замѣтили, что на иностранныхъ писателей нравы Славянъ производили благопріятное впечатлѣніе, они отзываются о нихъ съ похвалою; вовсе не такъ снисходителенъ къ древнимъ славянскимъ нравамъ и обычаямъ нашъ начальный лѣтописецъ, духовный христіанскій, который потому съ омерзѣніемъ смотрѣлъ на все, что напоминало о древнемъ язычествѣ. Исключая Полянъ, имѣвшихъ обычаи кроткіе и тихіе, стыдливыхъ передъ снохами и сестрами, матерями и отцами, свекровями и деверями, имѣвшихъ брачный обычай, нравы остальныхъ племенъ у него описаны черными красками: Древляне жили по-скотски, убивали другъ друга, ѣли все нечистое, и брака у нихъ не было, а похищеніе дѣвицъ. Радимичи, Вятичи и Сѣверяне имѣли одинакій обычай: жили въ лѣсу, какъ звѣри, ѣли все нечистое, срамословили передъ отцами и передъ снохами, браковъ у нихъ не было, но игрища между селами, гдѣ молодые люди, сговорившись съ дѣвицами, похищали ихъ; держали по двѣ и по три жены. Если кто умретъ, творили надъ нимъ тризну, сожигали трупъ, и, собравши кости, складывали въ малый сосудъ, который ставили на столпѣ, на распутіи [4]).

При этомъ описаніи нельзя не замѣтить, что лѣтописецъ, вѣрный понятіямъ своего времени, преимущественно обращаетъ вниманіе на семейные нравы и обычаи племенъ, въ нихъ полагаетъ различіе между послѣдними. Основа семьи, узелъ ея—это бракъ; отсюда понятно, какъ важно было различіе во взглядѣ на это явленіе у разныхъ племенъ; это-то различіе въ обычаѣ брака лѣтописецъ и приводитъ какъ основное нравственное различіе между племенами. У нѣкоторыхъ племенъ, по его свидѣтельству, брака не было, женъ себѣ похищали, слѣд. подъ выраженіемъ „не имѣли брака“ мы должны разумѣть только то, что они не совершали брака, какъ должно, по мнѣнію лѣтописца, т.-е. съ согласія родственниковъ невѣсты, какъ было у Полянъ. Здѣсь представляется вопросъ: при какихъ обстоятельствахъ могло происходить похищеніе дѣвицъ въ родовомъ быту? Если родъ, развѣтвляясь, сохранялъ единство, всѣ члены его жили вмѣстѣ, повинуясь одному старшинѣ, то позволялось ли имъ вступать въ бракъ въ своемъ родѣ въ извѣстныхъ степеняхъ? Впослѣдствіи князья Рюриковичи

---

[1]) Мономахъ говоритъ въ поученіи (Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 102): „Болѣ же чтите гость, откуда же къ вамъ придеть, или прость, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, и брашномъ и питьемъ; ти бо мимоходячи прославлять человѣка по всѣмъ землямъ, любо добрымъ, любо злымъ“.

[2]) Гельмгольдъ, который оставилъ намъ это извѣстіе (lib. I. cap. LXXXII), смотритъ на это, какъ на кражу; но очень вѣроятно, что въ селеніи славянскомъ, часто состоявшемъ изъ одного рода, вовсе не видѣли здѣсь кражи, ибо каждый родичъ считалъ себя въ правѣ угостить странника на общій счетъ цѣлаго рода.

[3]) Имя раба смѣшивалось съ именемъ младшаго члена семьи; что рабъ значило малый, юный, доказательствомъ служитъ производное робенокъ, или ребенокъ, также производный глаголъ отъ робъ, или рабъ. робѣю, умаляюсь духомъ; отрокъ означаетъ мальчика и раба. Въ древнемъ родовомъ обществѣ сирота былъ самое несчастное существо, сирота былъ первый нищій, первый рабъ. Отсюда сирота значитъ рабъ въ нашихъ древнихъ памятникахъ, а въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ и теперь сирота означаетъ нищаго.

[4]) Полн. Собр. Р. Л. 1, стр. 6.

вступали въ бракъ въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства[1]): у языческихъ Славянъ родъ могъ легко сохранять единство при этихъ степеняхъ; легко предположить также, что у язычниковъ браки позволялись и въ степеняхъ ближайшихъ, особенно при многоженствѣ. Если браки совершались внутри рода, то ясно, что въ такомъ случаѣ похищеніе не могло имѣть мѣста: постоянное сожительство четы долженствовало быть слѣдствіемъ согласія цѣлаго рода, воли отца—старшины; такимъ образомъ, похищеніе могло происходить только въ томъ случаѣ, когда дѣвушка была изъ чужого рода, изъ чужого села. Здѣсь похищеніе не было слѣдствіемъ одной враждебности родовъ, потому что если члены разныхъ родовъ сходились вмѣстѣ на одни игрища (по всей вѣроятности религіозныя), то нельзя предполагать между ними вражды; здѣсь, кромѣ вражды, похищеніе должно было произойти отъ того, что каждый родъ берегъ дѣвушку для себя, для своихъ членовъ, и не хотѣлъ уступить ее чужеродцамъ, и если члену одного рода понравилась на игрищѣ дѣвушка изъ чужого рода, то, чтобъ имѣть ее женою, ему необходимо было ее похитить. Это похищеніе, естественно, производило вражду между родами: родъ, оскорбленный похищеніемъ, можетъ одолѣть родъ похитителя и требовать удовлетворенія, вознагражденія: это самое ведетъ уже къ продажѣ, похититель можетъ тотчасъ послѣ увода, не дожидаясь войны, предложить вознагражденіе; на такое явленіе указываетъ свадебный обрядъ, сохранившійся и теперь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ у простого народа: „Подлѣ невѣсты садится братъ или другой какой-нибудь родственникъ. Дружко спрашиваетъ его: зачѣмъ сидишь здѣсь?—Я берегу свою сестру.—*Она уже не твоя, а наша*, возражаетъ дружко.—*А если она теперь ваша, то заплатите мнѣ за ея прокормленіе*. Я одѣвалъ ее, кормилъ, поилъ“[2])—Это вознагражденіе не могло быть малое, потому что число женщинъ не могло быть велико: вспомнимъ, что у Славянъ было въ обычаѣ многоженство; вспомнимъ также и другой обычай, по которому жены слѣдовали въ могилу за мужьями, обычай же многоженства и недостатокъ въ женщинахъ необходимо умножали случаи похищенія.

Но если похищенія могли происходить при разрозненности родовъ, жившихъ особо, въ разныхъ селахъ, и сходившихся рѣдко, только на игрища (религіозные праздники), то могли ли они происходить въ городахъ, гдѣ нѣсколько родовъ жило на одномъ мѣстѣ, гдѣ слѣд. не могло быть такой разрозненности, особности между ними, напротивъ,—сношенія безпрерывныя? Здѣсь, при безпрестанномъ столкновеніи молодыхъ людей обоего пола изъ разныхъ родовъ, было невозможно для послѣднихъ удерживать своихъ дѣвушекъ для себя и давать поводы къ похищеніямъ, которыя долженствовали быть чрезвычайно часты, вести къ ежедневнымъ ссорамъ между сосѣдями; напротивъ, старшинамъ родовъ, даже во взаимныхъ борьбахъ, часто могло быть выгодно скрѣплять свои отношенія къ другимъ родамъ взаимными брачными связями между ихъ и своими членами. Здѣсь, въ городахъ, необходимо долженъ былъ произойти обычай сватовства, брачный обычай; по выраженію лѣтописца, браки должны были заключаться съ согласія родственниковъ невѣсты. Какъ же они заключались? Разумѣется, условія должны были зависѣть отъ старшинъ, обязанныхъ блюсти выгоды рода; естественно, что обычай давать *вѣно*, или цѣну за выводъ изъ рода, могъ долго имѣть мѣсто: нужда была на сторонѣ жениха, на сторонѣ его рода, а не на сторонѣ рода невѣсты, для котораго дѣвушка не могла быть лишнею. Но, съ другой стороны, плата за содержаніе, при обычаѣ взаимныхъ браковъ между членами разныхъ родовъ съ согласія послѣднихъ, теряла свое значеніе: если родъ отпускалъ дѣвушку въ чужой родъ, то въ то же время онъ имѣлъ возможность пріобрѣсть женъ для своихъ членовъ изъ чужого рода; напротивъ, здѣсь, въ городахъ, гдѣ браки заключались съ согласія родственниковъ невѣсты, давался просторъ чувству родительской привязанности, которая, простираясь одинаково на сыновей и дочерей, требовала, чтобъ и послѣднія не исключались изъ наслѣдства, и, выходя изъ рода, брали свою часть, которая давала имъ возможность лучшаго существованія въ чужомъ родѣ; отсюда происхожденіе приданаго; въ городахъ близость поддерживала тѣсныя родственныя отношенія между родами, вошедшими въ связь посредствомъ брака своихъ членовъ; привязанность отца къ дочери поддерживалась частыми свиданіями, отецъ получалъ возможность наблюдать за поведеніемъ новыхъ родныхъ относительно дочери, за ея выгодами; дочь не выходила изъ рода, но распространяла родъ, привязывая къ своему старому роду еще новый родъ мужа; произошло явленіе, которое увидимъ послѣ въ отношеніяхъ между князьями Рюриковичами, и

---

[1]) Неволина—Исторія Росс. Гражд. Зак. т. I, стр. 197.

[2]) Бытъ русскаго народа, соч. А. Терещенки, ч. II, стр. 517, 518. Очень любопытно сравнить понятія *племенъ*, живущихъ и теперь при тѣхъ же формахъ быта, при какихъ исторія застаетъ Славянъ; такъ напр. читаемъ въ отчетѣ г. Кастрена (Bericht an die Kaïserliche Akademie, Bulletin, T. IV, 1847): «Fragen wir den Samojedischen Sänger, wie er das sc tief verachtete Weib das Ziel einer edlen Unternehmung (похищеніе) werden lässt, so antwortet er ohne Bedenken mit folgenden Worten: Schon seit den Zeiten der Väter ist bei uns ist Sitte in Ehren gehalten worden, dass wir uns Frauen nie aus unserem eigenen, sondern aus einem anderen, fremden, nicht verwandten Stamme nehmen. Nun lebten die verschiedenen Stämme früher gewöhnlich in einem feindlichen Verhältnisse zu einande und daher hielt es oft schwer, auf gütlichem Wege in den Besitz einer Frau zu gelangen. Dies konnte wenigstens nicht ohne ein Brautgeld geschehen, welches ausserordentlich hoch war, in Folge der ehemals gebräuchlshen Vielweiberei und des dadurch verursachten Mangels an unverheiratheten Weibern. Um sich besonders diesen Tribut zu entziehen, hat der Starke bei uns sich ein Weib mit dem Recht der Faust genommen».

которое, безъ сомнѣнія, имѣло мѣсто и въ другихъ родахъ, а именно: племя дочери, сестры стало сравниваться съ племенемъ сына, брата, свойственники вошли въ отношенія родственниковъ; такъ сестричичъ, сынъ сестры, хотя бы принадлежалъ къ враждебному роду, считался своимъ; такъ мужъ старшей сестры считался старшимъ братомъ относительно младшихъ шурьевъ, старшій шуринъ относительно младшихъ зятьевъ. Ужезамѣчено было, что вѣно, или плата за невѣсту—была въ тѣсной связи съ похищеніемъ: если дѣвушка, сговорясь на игрищѣ съ чужаниномъ, убѣгала съ нимъ въ чужой родъ, то тѣмъ самымъ, разумѣется, разрывала всякую связь съ покинутымъ ею родомъ, не имѣла права надѣяться чего-нибудь отъ него, и прежніе родичи заботились только о томъ, чтобъ получить за нее плату, чтобъ она не пропала для рода даромъ; но если дѣвушка оставляла родъ съ согласія его, съ согласія старшины, отца, то ясно, что послѣдній обязанъ былъ заботиться о ея благосостояніи, какъ о благосостояніи каждаго другого члена рода, обязанъ былъ надѣлить ее всѣмъ нужнымъ, вслѣдствіе чего вѣно, прежняя цѣна за выводъ дѣвушки изъ рода—у нѣкоторыхъ славянскихъ племенъ потеряла свое значеніе: вѣно вмѣстѣ съ приданымъ начало обращаться въ собственность жены [1]). Но у нашихъ Славянъ, какъ видно, вѣно, не теряя вполнѣ своего значенія, перешло въ подарки отъ жениха роднымъ невѣсты, а самое слово начало означать вообще брачныя условія, брачную запись [2]). Замѣтимъ опять, что вѣно, какъ цѣна за выведенную изъ рода дѣвушку, находится въ тѣсной связи съ похищеніемъ, а приданое—съ выдачею замужъ при согласіи родственниковъ невѣсты, и что первый обычай долженъ былъ господствовать у народонаселенія, которое жило отдѣльными родами, а второй долженъ былъ произойти въ городахъ, гдѣ на одномъ мѣстѣ жило нѣсколько родовъ [3]).

Многоженство у всѣхъ племенъ славянскихъ есть явленіе несомнѣнное; нашъ лѣтописецъ говоритъ о восточныхъ Славянахъ, что они брали по двѣ и по три жены; обычай многоженства сохранялся и долго послѣ введенія христіанства [4]). Что касается

[1]) См. о состояніи женщинъ въ Россіи до Петра В., соч. В. Шульгина, выпускъ 1-й, стр. 18, примѣч. 30.—Мы не можемъ согласиться съ авторомъ этого сочиненія, у насъ вѣно не могло означить цѣны за невѣсту, которая давалась женихомъ отцу послѣдней. Онъ ссылается на чтеніе Лаврентьевскаго списка лѣтописи, въ которомъ, какъ было замѣчено прежде и мною (см. Архивъ Калачева. Очеркъ нравовъ и проч.), ясно указывается на приданое: вечеромъ приводили невѣсту къ жениху, а «завтра приношаху по ней, что вдадуче»; но есть другое чтеніе Ипатьевскаго, древнѣйшаго списка, которое скорѣе указываетъ на куплю, чѣмъ на приданое: «А завтра приношаху что на ней вдадуче». Кромѣ этой разности въ чтеніи, мы находимъ въ лѣтописи прямое указаніе на вѣно, какъ на цѣну дѣвушки, платимую женихомъ роднымъ невѣсты; Владиміръ (женясь на Аннѣ) «вдасть за вѣно Грекомъ Корсунь царицы дѣля»; Казиміръ (женясь на сестрѣ Ярослава) «вдасть за вѣно людіе 800». Г. Шульгинъ хочетъ видѣть въ этихъ дѣйствіяхъ только дружелюбное расположеніе государей, дареніе, которое Владиміръ и Казиміръ могли дѣлать и не дѣлать, ничуть не обязанные къ тому брачнымъ обычаемъ: «Если и предположить, говоритъ г. Шульгинъ, что Владиміръ заплатилъ Корсунемъ за жену, то въ такомъ случаѣ Императоры Василій и Константинъ являются продавцами своей сестры, и если покупку женъ мы признаемъ за обычай русскій, то продажу ихъ должны будемъ признать обычаемъ христіанской Греціи. Набожный Ярославъ также не могъ продать свою сестру какъ язычникъ; но Казиміръ, породнясь съ нимъ, въ знакъ дружбы и родства, возвратилъ ему плѣнныхъ такъ точно, какъ Ярославъ, съ своей стороны, помогалъ ему усмирять мятежи въ Мазовіи». Но для насъ важно не то, какъ смотрѣли на означенныя дѣйствія сами дѣйствующія лица, но то—какъ смотрѣлъ на нихъ лѣтописецъ, который въ отдачѣ Владиміромъ Корсуня, а Казиміромъ плѣнныхъ—видитъ вѣно; слѣдовательно вѣно означало то, что женихъ давалъ за невѣсту роднымъ послѣдней. Значеніе вѣна какъ цѣны объясняется производнымъ глаголомъ вѣнити — vendere, напр. «Не пять ли птицъ вѣниться пѣнязема двѣма». Miklosich, Radices linguae slovenicae, p. 14. См. также въ Архивѣ Калачева дополненіе, сдѣланное Буслаевымъ къ Сказаніямъ Русскаго народа, изд. Сахаровымъ, I, стр. 5 и слѣд.—Наконецъ, что вѣно означаетъ куплю, видно изъ слѣдующаго мѣста въ переводѣ правилъ Іоанна Схоластика: «Одьждьнующихъ любодѣянія и прелюбодѣянія епитеміею дручитися, и въсхищеніемъ, ли нужею съ женами живущихъ, и о дѣвствахъ и о рабыняхъ дающихся самѣмъ черезъ вѣно владущихъ ими». См. у Розенкампфа о Кормчей книгѣ, стр. 111.

[2]) Въ азбуковникахъ толкуется «Вѣно написаніе: егда кто обручитъ себѣ невѣсту и творитъ писаніемъ крѣпость промежъ себя, и то писаніе наречется вѣно».

[3]) На обычай похищать дѣвицъ на игрищахъ указываетъ разсказъ Боплана о древнемъ украинскомъ обычаѣ похищенія дѣвицъ на праздникахъ (Description d'Ukranie, p. 63). На это же указываетъ обычай раскольниковъ: между нѣкоторыми расколами бракъ не считается дѣйствительнымъ, доколѣ женихъ не похитилъ дѣвицу съ ея согласія. Такое обыкновеніе было въ употребленіи еще недавно въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Витебской губерніи между раскольниками. Тамъ молодые парни и дѣвицы на масляницѣ собирались въ питейный домъ, на гулянье, называемое кирмашъ, плясать, пить и веселиться. Отцы и матери знали къ чему клонится веселье, потому что оно было обрядное. Молодой парень, условившись съ дѣвицею, уходилъ съ ней съ кирмаша и, посадивъ въ сани, отправлялся въ лѣсъ къ завѣтному дубу: объѣзжалъ его три раза, и тѣмъ оканчивалось его вѣнчанье. Въ Люценскомъ уѣздѣ находится огромное озеро, которое у раскольниковъ считается священнымъ: «мужчины, похищая дѣвушекъ, объѣзжали озеро три раза, и бракъ былъ дѣйствителенъ» (Терещенко—Бытъ русск. нар. II, 28). На этотъ же языческій обрядъ, сохраненный раскольниками, указываетъ извѣстіе о Разинѣ, который будто бы на Дону велѣлъ вѣнчать людей около деревьевъ (Ригельманъ—Исторія Донскаго войска въ чтеніяхъ Моск. Ист. Общ.). Слова лѣтописца: «Брака у нихъ не бываша, но умыкиваху у воды дѣвиця» находятся въ связи съ словами митрополита Кирилла: «Въ предѣлахъ Новгородскихъ невѣсты водятъ къ водѣ и нынѣ не велимъ тому тако быти или то проклинати повелѣваемъ» (Востокова—Описаніе Румянц. Муз., стр. 321). На употребленіе воды въ языческихъ бракахъ указываютъ также правила Іоанна митрополита, гдѣ говорится о языческомъ обрядѣ плесканія, употреблявшемся при свадьбахъ простыхъ людей (Русск. Достоп. 1, 101). Указаніе на обычай похищенія цѣлою толпою пріятелей похитителя, съ присягою стоять другъ за друга, братъ за брата, см. Этногр. Сбор. I, 255.

[4]) Митрополитъ Іоаннъ въ правилахъ говоритъ: «То же створи, иже безъ труда и бе-сраха и бе-срама двѣ женѣ имѣютъ» Рус. Дост. I, 91.

до положенія славянской женщины, то дѣвушки, какъ видно, пользовались полною свободой: лѣтописецъ говоритъ, что онѣ сходились съ молодыми людьми чужихъ родовъ на игрищахъ, имѣли возможность совѣщаться съ ними для бѣгства. Что же касается до положенія жены, то, разумѣется, при условіяхъ того быта, который мы застаемъ у языческихъ Славянъ, мы не имѣемъ права ожидать большого уваженія слабѣйшему полу отъ сильнѣйшаго; разумѣется, мы не должны искать у языческихъ Славянъ того тонкаго уваженія къ женщинѣ, которое дается только христіанскимъ взглядомъ на отношенія двухъ половъ и которое лѣтописецъ называетъ стыдѣньемъ [1]); отсутствіе этого стыдѣнья и ведетъ необходимо къ многоженству. Но при этомъ у народа первобытнаго, разумѣется, мы не встрѣтимъ никакихъ опредѣленій, которыя осуждали бы женщину на вѣчное униженіе и ничтожество, которыя не позволяли бы ей высказывать свою силу умственную, иногда и физическую, пріобрѣтать посредствомъ этой силы уваженіе и вліяніе.

Иностранные писатели удивляются привязанности славянскихъ женщинъ къ мужьямъ, за которыми онѣ слѣдовали даже въ могилу. Если женщина выходила замужъ въ чужой родъ, то при строгомъ и ревнивомъ надзорѣ новыхъ родичей мужъ было единственнымъ существомъ, отъ котораго она ждала и любви и покровительства; умиралъ мужъ— положеніе жены, лишившейся единственной подпоры, единственнаго звена, соединявшаго ее съ чужою семьей, становилось горько. Но при этомъ очень вѣроятно также, что у Славянъ, такъ какъ и у Германцевъ, было вѣрованіе, что мужчина легче достигаетъ блаженства въ будущей жизни, если переходитъ туда въ сопровожденіи женщины [2]). Впрочемъ справедливо замѣчаютъ, что этотъ обычай не былъ вкорененъ между Славянами [3]).

Послѣ брачнаго обычая, въ которомъ рѣзче всего выражаются нравственныя понятія народа, для лѣтописца, христіанскаго монаха, былъ всего важнѣе обычай погребенія, въ которомъ выражаются обыкновенно понятія народа о загробной жизни, и потому въ лѣтописи читаемъ описаніе этого обычая. Радимичи, Вятичи, Сѣверяне и Кривичи совершали тризну надъ покойникомъ, потомъ сожигали трупъ, кости собирали въ небольшой сосудъ, который ставили на столбѣ при дорогѣ. Въ чемъ состоялъ погребальный обычай у Полянъ во времена язычества, объ этомъ лѣтописецъ молчитъ,—и тѣмъ даетъ знать, что обычай Полянъ былъ одинаковъ съ обычаемъ другихъ племенъ; употребленіе тризны у Полянъ видно изъ того, что св. Ольга, жившая въ Кіевѣ, среди этого племени, запретила совершать по себѣ тризну. Подъ именемъ тризны разумѣлись, какъ видно, вообще поминки, и потомъ преимущественно борьба въ честь умершаго [4]); съ поминками соединялся веселый, пьяный пиръ [5]), также рѣзаніе и царапаніе лица, въ знакъ печали [6]). Одновременно съ обычаемъ сожиганія и ставленія урнъ съ пепломъ на придорожныхъ столбахъ существовалъ и обычай погребенія въ могилахъ, которыя сыпали холмами [7]).

Иностранные писатели говорятъ, что Славяне жили въ дрянныхъ избахъ, находящихся въ далекомъ разстояніи другъ отъ друга, и часто перемѣняли мѣста жительства. Такая непрочность и частая перемѣна жилищъ была слѣдствіемъ безпрерывной опасности, которая грозила Славянамъ и отъ своихъ родовыхъ усобицъ, и отъ нашествій чуждыхъ народовъ. Вотъ почему Славяне вели тотъ образъ жизни, о которомъ говоритъ Маврикій: «У нихъ недоступныя жилища въ лѣсахъ, при рѣкахъ, болотахъ и озерахъ; въ домахъ своихъ они устраиваютъ многіе выходы на всякій опасный случай; необходимыя вещи скрываютъ, подъ землею, не имѣя

---

[1]) Срамословіе въ нихъ предъ отци и предъ снохами.

[2]) На основаніи восточныхъ свидѣтельствъ думаютъ, будто Славяне вѣрили, что женщина вступала въ рай только посредствомъ мужчины: если умиралъ холостой Славянинъ, то его женили послѣ смерти, и жены его спѣшили обречь себя на сожженіе, чтобы души ихъ могли войти въ рай.— Мы должны, кажется, принимать это извѣстіе обратно, т.-е. что мужчина нуждается въ женской душѣ для входа въ рай; иначе, для чего было женить мертвеца? Дѣвушка могла выйти за другого и войти въ рай вмѣстѣ съ послѣднимъ.

[3]) «Если бы сожженіе вдовъ строго соблюдалось, замѣчаетъ г. Шульгинъ (стр. 66), то почему наши лѣтописи молчатъ о немъ? почему наше духовенство не нападаетъ на него?—Впрочемъ г. Шульгинъ напрасно думаетъ, что у Норманновъ самосожженіе вдовъ требовалось закономъ.

[4]) Въ рукописныхъ бесѣдахъ Іоанна Лѣствичника слово тризна переведено подвигъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № СС). Въ Новгородскомъ словарѣ XV вѣка тризна переведено: страдальство, подвигъ (Сахар. Сказ. Р. Н. т. II). У западныхъ Славянъ слово тризна, въ смыслѣ поминовенія по усопшемъ, употребляется только у Вацерада; собственно это слово означало также бой, поединокъ; тризнище — мѣсто боя, тризникъ — подвижникъ; тризнити по-чешски значитъ бить, а тризновать - не только бить, но и насмѣхаться—тоже, слѣдовательно, что наше трунить; въ словацкомъ—трузнитися, тризнитися, значитъ веселиться. Отъ литовскаго слова trîesti - ристать—происходитъ древне-литовское triesina, тризна, т.-е. скачка, ристаніе. — Статья Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣленія Академіи, листъ 7-й.

[5]) Ѳеофилактъ (Strit. Mem. pop. 11, 61), описывая впаденіе Приска въ землю Славянъ, жившихъ на сѣверѣ отъ Дуная, говоритъ, что онъ напалъ на князя ихъ врасплохъ, когда тотъ, празднуя поминки по братѣ своемъ, былъ пьянъ и народъ его забавлялся пѣснями; см. также у нашего лѣтописца описаніе тризны Ольги по Игорѣ.

[6]) Въ житіи Св. Константина Муромскаго: «Невѣрнія людіе видяще сія, дивляхуся, еже не по ихъ обычаю погребеніе творятъ, яко погребаемому благовѣрному князю Михаилу въ знакъ на востокъ лицемъ, а могилы холмомъ не сыпаху, но равно со землею; ни тризнища, ни дыни (?) не дѣяху, ни битвы, ни кожи кроенія не творяху, ни лица дранія».

[7]) Не должно думать, чтобъ этотъ обычай былъ чуждъ племенамъ славянскимъ, былъ занесенъ Варягами изъ Скандинавіи: приведенное мѣсто изъ житія Константина Муромскаго ясно указываетъ на него у Финновъ; онъ существовалъ и у славянскихъ племенъ, не знавшихъ Варяговъ, напр. у Поляковъ (Dlugosci Histor. Polon. T. I, p. 53, 57); въ Краледворской рукописи упоминается также закапываніе въ могилу.

ничего лишняго наружи, но живя какъ разбойники». Одинакая причина, дѣйствовавшая долгое время, производила одинакія слѣдствія; жизнь въ безпрестанномъ ожиданіи вражьихъ нападеній продолжалась для восточныхъ Славянъ и тогда, когда они уже находились подъ державою князей Рюрикова дома: Печенѣги и Половцы смѣнили Аваръ, Козаръ и другихъ варваровъ, усобицы княжескія смѣнили усобицы родовъ, возстававшихъ другъ на друга, слѣд. не могла исчезнуть и привычка перемѣнять мѣста, бѣгая отъ непріятеля; вотъ почему Кіявляне говорятъ Ярославичамъ, что если князья не защитятъ ихъ отъ гнѣва старшаго своего брата, то они покинутъ Кіевъ и уйдутъ въ Грецію. Половцевъ смѣнили Татары, княжескія междоусобія продолжались на сѣверѣ; какъ скоро начнутся княжескія усобицы, народъ покидаетъ жилища, а съ прекращеніемъ усобицъ возвращается назадъ; на югѣ безпрестанные набѣги усиливаютъ козачество, и послѣ на сѣверѣ разбрестися ровно отъ какого бы то ни было насилія и тяжести было ни почемъ для жителей; при этомъ должно прибавить, что природа страны сильно благопріятствовала такимъ переселеніямъ. Привычка довольствоваться малымъ и всегда быть готову покинуть жилище поддерживала въ Славянинѣ отвращеніе къ чуждому игу, о чемъ замѣтилъ Маврикій. Родовый бытъ, условливавшій разъединеніе, вражду и, слѣдовательно, слабость между Славянами, условливалъ необходимо и образъ веденія войны; не имѣя одного общаго начальника и враждуя другъ съ другомъ, Славяне уклонялись отъ сколько-нибудь правильныхъ сраженій, гдѣ бы должны были биться соединенными силами на мѣстахъ ровныхъ и открытыхъ. Они любили сражаться съ врагами въ мѣстахъ узкихъ, непроходимыхъ; если нападали, то нападали набѣгомъ, внезапно, хитростію; любили сражаться въ лѣсахъ, куда заманивали непріятеля бѣгствомъ и потомъ, возвратившись, наносили ему пораженіе. Вотъ почему императоръ Маврикій совѣтуетъ нападать на Славянъ зимою, когда имъ неудобно скрываться за обнаженными деревьями, снѣгъ препятствуетъ движенію бѣгущихъ, да и съѣстныхъ припасовъ у нихъ тогда мало. Особенно отличались Славяне искусствомъ плавать и скрываться въ рѣкахъ, гдѣ могли оставаться гораздо долѣе, чѣмъ люди другого племени; они держались подъ водою, лежа на спинѣ и держа во рту выдолбленный тростникъ, котораго верхушка выходила на поверхность рѣки и такимъ образомъ проводила воздухъ скрытому пловцу. Вооруженіе Славянъ состояло въ двухъ малыхъ копьяхъ: нѣкоторые имѣли и щиты, твердые и очень тяжелые, употребляли также деревянные луки и маленькія стрѣлы, намазанныя ядомъ, очень дѣйствительнымъ, если искусный врачъ не подастъ скорой помощи раненому. У Прокопія читаемъ, что Славяне, вступая въ битву, не надѣвали латъ, на нѣкоторыхъ не бывало даже ни плаща, ни рубашки, одни только порты; вообще Прокопій не хвалитъ Славянъ за опрятность, говоритъ, что подобно Массагетамъ, они покрыты грязью и всякою нечистотой. Какъ всѣ народы, въ простотѣ быта живущіе, Славяне были здоровы, крѣпки, легко сносили холодъ и жаръ, недостатокъ въ одеждѣ и пищѣ. О наружности древнихъ Славянъ современники говорятъ, что они всѣ похожи другъ на друга, высоки ростомъ, статны; кожа у нихъ не совершенно бѣла, волосы длинные, темнорусые, лицо красноватое.

Религія восточныхъ Славянъ поразительно сходна съ первоначальною религіей Арійскихъ племенъ: она состояла въ поклоненіи физическимъ божествамъ, явленіямъ природы и душамъ усопшихъ, родовымъ, домашнимъ геніямъ; слѣдовъ героическаго элемента, такъ сильно развивающаго антропоморфизмъ, мы не замѣчаемъ у нашихъ Славянъ,—знакъ, что между ними не образовывались завоевательныя дружины подъ начальствомъ вождей-героевъ и что переселенія ихъ совершались въ родовой, а не въ дружинной формѣ. Основываясь на опредѣленныхъ указаніяхъ современниковъ, мы находимъ у нашихъ Славянъ, при поклоненіи многимъ различнымъ явленіямъ природы подъ разными именами божествъ, поклоненіе одному верховному божеству, къ которому остальныя находились въ подчиненномъ отношеніи: это верховное божество, по свидѣтельству одного изъ древнѣйшихъ писателей о Славянахъ, Прокопія, было божествомъ молніи, которое нашъ лѣтописецъ называетъ Перуномъ. Явленіе грозы, молніи—есть самое поразительное изъ явленій природы: не мудрено, что первобытный человѣкъ далъ ему первое мѣсто между всѣми другими явленіями; онъ не могъ не замѣтить благотворнаго вліянія грозы на жизнь природы; не могъ не замѣтить, что свѣтъ молніи независимо во всякое время обнаруживаетъ свое могущество, тогда какъ напр. дѣйствія солнца ограничены, подвержены извѣстному закону, могутъ обнаруживаться только въ извѣстное время, уступая владычество другому, противоположному и, слѣдовательно, враждебному началу—мраку; солнце затмевалось, погибало въ глазахъ первобытнаго человѣка; молнія никогда въ глазахъ его не теряла своего могущества, не побѣждалась другимъ началомъ; свѣтъ молніи сопровождается обыкновенно живительнымъ для природы дождемъ; отсюда необходимое представленіе, что Перунъ ниспосылаетъ дождь жаждущей природѣ, которая безъ того погибла бы отъ жгучихъ лучей солнца. Такимъ образомъ молнія являлась для язычника силою производящей, съ характеромъ божества высшаго, дѣйствующаго, правящаго по преимуществу, умѣряющаго, исправляющаго вредъ, наносимый другими божествами, тогда какъ солнце, наприм., и для поклоняющагося ему язычника являлось чѣмъ-то страдательнымъ, не имѣющимъ распорядительной силы въ природѣ, подчиненнымъ. Наконецъ значеніе верховнаго божества—правителя—молнія получала въ глазахъ язычника, по причинѣ своей

страшной карательной силы, дѣйствующей быстро и непосредственно.

Имѣемъ право думать, что Перунъ у языческихъ Славянъ носилъ еще другое названіе Сварога [1]). Верховное божество Сварогъ—Перунъ—порождало двоихъ сыновей, двухъ Сварожичей: солнце и огонь [2]). Поклоненіе солнцу, какъ видно, было сильно распространено между Славянами: въ Словѣ о Полку Игоревѣ русскіе называются внуками Дажбога; если такъ, то къ нему имѣемъ право относить извѣстныя воззванія въ нашихъ пѣсняхъ: Дидъ (дѣдъ) Ладо; последнее названіе, означающее свѣтъ, красоту, миръ, любовь, радость, всего приличнѣе можетъ относиться къ солнцу [3]); другой припѣвъ: Люль, Лель означаетъ также дѣда [4]). Кромѣ названія Ладо и Дажбога, къ солнцу же не безъ основанія относятъ имена Хорса [5]), Сура или Тура, Волоса [6]).—Вмѣстѣ съ солнцемъ обо-

---

[1]) Сварогъ, индѣйское с в а р г а, сложено изъ двухъ частей с в а р—небо, свѣтъ, и изъ окончанія г а, означающаго хожденіе; слѣд. сварга имѣетъ смыслъ пребыванія на небѣ или хожденіе по небу (См. Ѳ. Буслаева—О вліяніи христ. на слав. языкъ, стр. 50). — Въ Ипатьевскомъ спискѣ лѣтописи читаемъ слѣдующее о С в а р о г ѣ: «И бысть по потопѣ и по раздѣленьи языкъ, пока царствовати первое Местромъ отъ рода Хамова, по немъ Еремія, по немъ Феоста, иже и Саварога нарекоша Египтяне; царствующу сему Феостѣ въ Египтѣ, во время царства его, спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье». Славянскій Сварогъ объясняется здѣсь отождествленіемъ его съ древнимъ Ѳеостомъ или Ефестомъ, Вулканомъ, египетскимъ Фтасъ; Ефестъ есть богъ молніи, ковачъ небеснаго, божественнаго оружія, въ его царствованіе «спадоша клещѣ съ небесѣ, нача ковати оружье»; но богъ молніи, богъ оружія есть Перунъ.—Что Сварогъ—Перунъ, богъ молніи, былъ верховнымъ богомъ, распорядителемъ, раздаятелемъ всего, на это ясно указываетъ одна сербская пѣсня, въ которой такъ говорится о могуществѣ молніи:

«Стаде муня даре дијелити:
Даде Богу небесне висине,
Светом Петру Петровско врутине,
А Іовану леда и снијега,
а Николи на води слободу,
а Илији муніе и стријеле».

На связь Сварога-Перуна съ оружіемъ указываетъ обычай клясться передъ Перуномъ, полагая оружіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 23), вмѣстѣ съ оружіемъ клали и золото, приговаривая: «Аще ли отъ тихъ самѣхъ прежерѣченныхъ не схранимъ: да имѣемъ клятву отъ бога, въ его же вѣруемъ, въ Перуна и въ Волоса, скотья бога, и да будемъ золоти, яко золото, и словомъ оружьемъ да исѣчены будемъ». Слова: «да будемъ золоти, яко золото» объясняютъ такъ: «изсохнемъ, сгоримъ отъ небеснаго огня». (См. Буслаева О вл. христ., стр. 13). Сварогъ-Перунъ въ народномъ воображеніи представлялся божествомъ воителемъ, котораго оружіе особенно было направлено противъ злыхъ духовъ; вѣроятно дѣйствію послѣднихъ приписывали сгущеніе атмосферы, прекращавшееся послѣ грозы. Такъ и теперь простолюдины, во время грозы, затворяютъ окна, опрокидываютъ сосуды, даже чайныя чашки и рюмки, увѣряя, что злые духи, гонимые молніею, стараются скрыться въ какое-нибудь отверстіе. Такъ точно воителемъ представляется индѣйскій Индра громовержецъ, ниспосылающій дождь на землю; воюетъ онъ противъ злыхъ духовъ, которые небесную воду скрываютъ въ густыхъ облакахъ; Индра разсѣкаетъ эти черныя облака и такимъ образомъ спускаетъ дождь. О миѳологіи Арійцевъ см. Lenormant—Manuel d'histoire ancienne III. 455 и слѣд., также въ Dunker's Geschichte des Alterthums t. II, p. 17. Касательно происхожденія слова П е р у н ъ, замѣчаютъ, что литовскій глаголъ perieti означаетъ: производить посредствомъ теплоты, рождать. Отъ санскритскаго корня p a r произошли у Славянъ двѣ формы: дѣйствительная П е р у н ъ и страдательная п а р е н ь, рожденный сынъ.—Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II Отдѣл. Академіи, листъ 7-й.

[2]) Въ приведенномъ выше мѣстѣ Ипатьевскаго списка лѣтописи читаемъ далѣе: «И по семъ (т. е. по Сварогѣ) царствова сынъ его, именемъ Солнце, его же наричаютъ Дажьбогъ... Солнце царь сынъ Свароговъ, иже есть Дажьбогъ». Братомъ Солнца, сыномъ Свароговымъ, называется также и огонь: «Огневи молятьсся, зовутъ его Сварожичемъ». (Востокова Опис. Рум. Муз. 228).

[3]) Очень естественно, имя Лада и Лады давалось также любовникамъ и супругамъ, которыхъ небесная чета—Ладо и Лада (солнце и луна) были первообразомъ; употребляется же ласкательное: мой свѣтъ!

[4]) По-древански дѣдъ lgölga, т. е. ljolja; отсюда Богъ называется nos lgolga, т. е. нашъ дѣдъ. См. Добровскаго Slovanka, 1, 13. На значеніе солнца, какъ отца народа, указываетъ извѣстная пѣсня:

Солнышко, солнышко, Твои дѣтки плачутъ,
Выгляни въ окошечко, Пить, ѣсть просятъ.

По-литовски didis или didelis, по-латышски lels—значитъ в е л и к і й. Кромѣ божества эпитетомъ в е л и к і й вѣроятно означался и родоначальникъ; съ литовскимъ d i d i s и латышскимъ l e l s совпадаютъ славянскія слова: д ѣ д ъ, д я д я, л е л я у Полабцевъ отецъ, л ѣ л а по-церковнославянски тетка. Записка Микуцкаго въ Извѣстіяхъ II-го Отдѣл. Академіи, листъ 7-й. У Арійцевъ Солнце (Surji) представляется также какъ п р о и з в о д и т е л ь и п и т а т е л ь людей. См. означ. соч. Дункера, стр. 20.

[5]) О тождествѣ Хорса и Дажбога, см. статью О. Водянскаго въ Чтен. Моск. Ист. Общ. 1846, № 2.

[6]) См. статью профессора Срезневскаго — объ обожаніи Солнца у древнихъ Славянъ (Жур. Мин. Нар. Просвѣщ. 1846, 51).—Волосъ первоначально могъ быть божествомъ солнца, но какъ объяснить, что онъ является подлѣ двухъ именъ божествъ солнца (Хорса и Дажбога) съ совершенно особымъ характеромъ, какъ скотій богъ въ противоположность Перуну, богу людей? Намъ кажется, что Волосъ принялъ преимущественно характеръ скотьяго бога, потерявъ значеніе солнца, вслѣдствіе финскаго вліянія: у Финновъ есть божество, которое считается господиномъ надъ животнымъ царствомъ, кромѣ человѣка; это божество носитъ общее имя Сторъ-юнкара, что значитъ Великій господинъ (Mone, Geschichte des Heidenthums im nördlichen Europa, 1, 36); Самоѣды и теперь боятся называть свое верховное божество его настоящимъ именемъ (Num, Nom, Nap), а охотнѣе употребляютъ эпитетъ J i l e u m b a e r t j i e, т. е. хранитель скота (Кастрена—Отчетъ Академіи. Bullet. t. IV, 1847). У Финновъ животное пользовалось особеннымъ уваженіемъ, какого не замѣчаемъ у Славянъ и другихъ европейскихъ народовъ, слѣд. у Финновъ скорѣе могло образоваться понятіе объ особомъ божествѣ для скотовъ. Замѣтимъ также, что св. Авраамій разрушилъ кумиръ Велесовъ на финскомъ сѣверѣ, въ Ростовѣ; св. Власій, смѣнившій въ народныхъ понятіяхъ Волоса, особенно почитается теперь на Финскомъ же сѣверѣ (Снегирева Р. простонар. пр. 111, 156); наконецъ въ Словѣ о полку Игоревѣ мы находимъ, что пѣвецъ Баянъ называется Волосовымъ внукомъ, изъ чего можно заключить, что пѣвцы находились подъ особеннымъ покровительствомъ этого божества: здѣсь замѣтимъ, что по-фински r u n a значитъ и пѣснь, и письмо, и матерія, и символъ, что в и т і я въ нашемъ древнемъ языкѣ значитъ пѣснотворецъ: в и т ь с т в о употреблялось въ смыслѣ колдовства (Буслаева—О вліяніи христ. 172 и слѣд.), колдовствомъ же особенно отличались Финны. Бестужевъ-Рюминъ (Рус. Ист. 1, 14) спрашиваетъ у меня: «По чьему вліянію Фебъ пасъ стадо у Адмета и былъ въ то же время и богомъ поэзіи»?

готворялись мѣсяцъ и звѣзды, находившіеся къ солнцу, какъ видно, въ родственныхъ отношеніяхъ; обоготворялись также вѣтеръ, вода и воздухъ [1]).

Если Славяне поклонялись явленіямъ природы, то легко догадаться, при какихъ случаяхъ, въ какое время года будутъ они торжествовать свои религіозные праздники. Такъ напр., они праздновали въ концѣ декабря, когда солнце начинаетъ брать силу, дни начинаютъ прибывать; этотъ праздникъ, совпадающій теперь съ праздникомъ Рождества Христова, носитъ преимущественно названіе Коляды; существенный обрядъ праздника состоитъ въ хожденіи славить (божество) и сбирать подаяніе; какъ видно, во времена языческія, приношенія собирались для общей жертвы [2]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Коляда извѣстна подъ названіемъ Авсеня или Таусеня, что можно принимать измѣненнымъ Ясень, также, по всѣмъ вѣроятностямъ, имя солнца [3]). Второй праздникъ торжествовался въ началѣ весны; но такъ какъ это время приходится въ великій постъ, то, по принятіи христіанства, празднованіе перенесено на конецъ рождественскаго мясоѣда и отчасти на Свѣтлое Воскресеніе. Итакъ, масляница есть языческій весенній праздникъ [4]). Встрѣча весны и проводы зимы празднуются у всѣхъ славянскихъ народовъ почти съ одинакими обрядами: употребляется заклинаніе весны съ разными привѣтами; въ Малороссіи и у западныхъ Славянъ зима, или смерть, олицетворяется въ образѣ женщины, подъ именимъ Мары, Мараны, Марены, чучело которой сожигаютъ. Весну встрѣчаютъ обыкновенно на Красной Горкѣ. Тутъ начинаются хороводы или короводы, религіозное значеніе которыхъ и отношеніе къ солнцу не подлежитъ сомнѣнію. Время воскресенія всей природы и усиленія желаній считалось самымъ приличнымъ временемъ для заключенія брачныхъ союзовъ и для поздравленія молодыхъ супруговъ: это поздравленіе извѣстно подъ именемъ вьюнистова [5]).

Третій праздникъ имѣетъ мѣсто 23 іюня и извѣстенъ подъ именемъ Ивана Купалы, потому что происходитъ на Ивановъ день. Этотъ праздникъ, какъ и два упомянутые выше, есть общій не только всѣмъ славянскимъ, но и многимъ чужеплеменнымъ народамъ [6]). Хотя по обрядамъ праздника можно догадываться, что онъ относился къ тремъ стихійнымъ божествамъ—обоимъ Сварожичамъ, солнцу и огню и водѣ, однако можно относить его и къ одному солнцу. Естественно могло произойти вѣрованіе, что солнце, дающее силу растеніямъ особенно даетъ ее, когда само достигаетъ высшей силы; это вѣрованіе должно было повести къ обычаю собирать травы въ лѣтній праздникъ солнца и приписывать имъ чудодѣйственную силу. Съ другой стороны, солнце, производя сильное вліяніе на все существующее, должно было производить его и на воду; отсюда вѣра въ цѣлительность купаня во время лѣтняго солнцестоянія, независимо уже отъ естественнаго обычая обмыться ночью, чтобы встрѣтить въ чистотѣ восходящее свѣтило. Наконецъ, зажиганіе костровъ было необходимо для всего ночнаго собранія, ночныхъ игръ, было необходимо также и для жертвоприношеній; прыганіе же чрезъ зажженные костры имѣло значеніе очищенія. Вотъ

отвѣтъ: былъ ли Фебъ скотьимъ богомъ? Пусть вопрошающій потрудится вникнуть въ различіе представленій Феба и финскаго скотьяго бога.

[1]) См. Кеппена — Библіогр. листы № 7, ст. 88.— Кромѣ Перуна и Хорса-Дажбога, въ Кіевѣ, во времена Владиміра, стояли кумиры Стрибога, Симарглы (Сима и Регла) и Мокоша. О первомъ, какъ богѣ вѣтровъ, можно заключать изъ Слова о полку Игоревѣ, гдѣ вѣтры называются Стрибоговыми внуками; объ остальныхъ же двухъ мы, въ настоящее время, не можемъ предложить ничего вѣрнаго. По мнѣнію покойнаго Прейса (См. Донесеніе его Министру Нар. Просвѣщ. изъ Праги, отъ 26 декабря 1840г, Ж. М. Н. Пр. 1841, часть XXIX). Чтеніе Сема (Сима) и Регла должно быть предпочтено чтенію Симарглы; Сима и Регла Прейсъ считаетъ за одно съ Ассирійскими божествами Εργέλ и Ασιμαθ, какъ они читаются въ Библіи (кн. Царствъ IV, 17, 30). Симъ оказывается божествомъ огня. Мокошъ считаетъ Прейсъ божествомъ женскаго рода, Астартою, причемъ указываетъ на древнее слово мокачный, употребленное нѣсколько разъ у Даніила Паломника.

[2]) Это видно изъ того, что въ хорутанскомъ нарѣчіи колдовати (колядовати) до сихъ поръ значитъ приносить жертву, колдовавецъ — жрецъ, колдовница—жертвенникъ (см. Срезнев. Свят. и обр. яз. богослуж. древ. Слав. стр. 66). Во время коляды на столъ кладутъ рукоять плуга, для того, чтобы мыши и кроты не портили нивы; этимъ обрядомъ объясняется старинное преданіе о плугѣ: въ навечеріи Богоявленія кликали плугу. Сообщ. пр. Булаев.

[3]) Dlugosci Hist. Pol. 1, 36. — Изъ пѣсенъ колядныхъ замѣчательна слѣдующая:

Уродилась коляда
Наканунѣ Рождества
За рѣкою за быстрою.
Въ тѣхъ мѣстахъ огни горятъ,
Огни горятъ великіе,
Вокругъ огней скамьи стоятъ,
Скамьи стоятъ дубовыя,
На тѣхъ скамьяхъ добры молодцы,
Добры молодцы, красны дѣвицы,
Поютъ пѣсни коледушки;
Въ срединѣ ихъ старикъ сидитъ,
Онъ точитъ свой булатный ножъ,
Возлѣ котла козелъ стоитъ:
Хотятъ козла зарѣзати.

[4]) На отношеніе масляницы къ солнцу указываетъ слѣдующее обыкновеніе: на огромныхъ саняхъ возятъ наряженнаго мужика, который сидитъ на колесѣ вверху столба, утвержденнаго посреди саней (см. Снег. Русск. пр. 11, 127, 128); колесо же было у языческихъ народовъ изображеніемъ солнца (Grimm. D. Mythol, 1, 578); притомъ на сѣверѣ во время масляницы поютъ также коляду, что указываетъ на отношеніе масляницы къ зимнему празднику солнца.

[5]) См. подробности у Снегирева Р. П. П. 111, 28, и Терещенки Б. Р. Н. V, 16.

[6]) Ср. Гримма D. Mythol. 1, 583 и слѣд. — Что касается названія Купалы, то проф. Буслаевъ сообщилъ намъ слѣдующее словопроизводство: Корень *куп.* имѣетъ значеніе бѣлаго, яраго, откуда купавый — бѣлый. Какъ ярый соединяетъ въ себѣ понятіе бѣлаго и кипучаго: такъ и при купалѣ оказывается глаголъ кипѣти, кыпати (звуки *у* и *ы* чередуются). Какъ съ смысломъ яраго соединяется понятіе желанія, такъ и при нашемъ кыпѣти находимъ латинское cupio; наконецъ какъ буй, ярый-дикій переходитъ въ значеніе неукротимаго, грознаго, бѣшенаго, гнѣвнаго, такъ cup въ Санскритѣ имѣетъ значеніе яриться, злиться; кромѣ того, cup въ Санскритѣ имѣетъ значеніе: блистать.

почему ночь на Ивановъ день сопровождается: 1) собираніемъ травъ, 2) купаніемъ, 3) зажиганіемъ костровъ и прыганіемъ чрезъ нихъ. Естественно также, и потому обще не однимъ только славянскимъ народамъ, принесеніе въ жертву, сожженіе бѣлаго пѣтуха, птицы привѣтствующей разсвѣтъ, угодной солнцу. Ночь Купалы исполнена, по мнѣнію простолюдиновъ, чародѣйныхъ явленій: рыбаки увѣряютъ, что поверхность рѣки бываетъ тогда подернута серебристымъ блескомъ; деревья переходятъ съ мѣста на мѣсто и шумомъ вѣтвей разговариваютъ между собою; утверждаютъ еще, что кто имѣетъ при себѣ папоротникъ, тотъ можетъ понимать языкъ каждаго творенія, можетъ видѣть, какъ сходятся дубы и составляютъ свою бесѣду, можетъ слышать, какъ разговариваютъ они про богатырскіе свои подвиги. Въ Ивановъ день солнце выѣзжаетъ изъ своего чертога на трехъ коняхъ—серебряномъ, золотомъ и брилліантовомъ—навстрѣчу своему супругу—мѣсяцу; въ проѣздъ свой оно пляшетъ и разсыпаетъ по небу огненныя искры [1]). И въ лѣтній праздникъ повторяется обрядъ истребленія чучела Мары — холода, смерти: ее топятъ въ водѣ [2]).—Солнце, дающее жизнь и ростъ всему существующему, должно было являться силою, возбуждающею естественныя желанія; отсюда празднество Купалы было соединено съ празднествомъ Ярилы [3]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и въ позднѣйшія времена праздникъ Ярилы совершался 24 іюня; но вѣроятно сопротивленіе церкви содѣйствовало тому, что празднованіе его во время поста отмѣнено было въ большей части мѣстъ и перенесено на заговѣнье, на день Всѣхъ Святыхъ, или на Троицынъ день, или на разговѣнье, на другой день праздника Петра и Павла. Такъ какъ въ древности праздникъ Ярилы, по всѣмъ вѣроятностямъ, совпадалъ съ праздникомъ Купалы, то во время его-то преимущественно и должны были происходить тѣ явленія, противъ которыхъ такъ вооружаются лѣтописецъ и позднѣйшее духовенство; здѣсь, вѣроятно, происходило и умыканіе дѣвицъ [4]).

Разсмотрѣвъ поклоненіе стихійнымъ божествамъ, теперь обратимся къ другой половинѣ славянской миѳологіи, именно къ поклоненію геніямъ и душамъ усопшихъ. При вѣрѣ въ загробную жизнь, естественно было придти къ тому мнѣнію, что душа умершаго родоначальника и по смерти блюдетъ за благосостояніемъ рода; отсюда происхожденіе духовъ-покровителей для цѣлаго рода и каждаго родича—рода и рожаницъ [5]). Что подъ именемъ рода разумѣлась душа умершаго родоначальника, доказываетъ вопервыхъ связь рода съ упыремъ, а вовторыхъ извѣстіе, что подъ именемъ рода послѣ разумѣли духъ, привидѣніе, которымъ стращали дѣтей; характеръ же привидѣнія обыкновенно принимаютъ души умершихъ и божества, тѣсно съ ними связанныя [6]). Въ значеніи рода божества—покровителя является щуръ, дѣдъ, прадѣдъ, что ясно изъ употребительнаго пращуръ; щуръ предполагаетъ форму чуръ, подъ которымъ именемъ собственно и извѣстно божество, охраняющее родъ, домъ. Это божество призывается и теперь безсознательно въ опасностяхъ, особенно когда простолюдинъ думаетъ, что онъ подверженъ злобѣ духовъ: „Чуръ меня! Чуръ меня!“ говоритъ онъ тогда. Можно положить, что Чуръ и Родъ одно и то же; можно думать также, что, съ упадкомъ ро-

---

[1]) Терещенко, Б. Р. Н. V, 79.

[2]) Естественю ожидать, что у народа, потерявшаго уже смыслъ совершаемыхъ имъ обрядовъ, должно происходить, съ теченіемъ времени, смѣшеніе послѣднихъ; такъ чучело Мары смѣшивается уже съ чучеломъ Купалы, хотя пѣсня обличаетъ различіе.

Ходыли дивочки около Мореночки,
Коло мое водыло Купала;
Гратыми сонечко на Ивана и пр.

[3]) Купало между черныо называется Ярилою въ Ярославской, Тверской и Рязанской губерніяхъ. См. Снегирева Р. П. П. 1, 179.

[4]) Схожахуся на игрища, плясанье, и на вся бѣсовская игрища, и ту умыкиваху жены себѣ, съ нею же кто съвѣщашеся. Игра горѣлки всего лучше напоминаетъ это умыкиваніе «съ нею же съвѣщашеся». Въ Стоглавѣ (вопросъ 24) читаемъ: «Русаліи о Іоаннѣ днѣ, въ навечеріи Рождества Христова и Крещенія сходятся мужи и жены и дѣвицы на нощное плещеваніе, и на безчинный говоръ, и на плясаніе и на скаканіе, и на богомерзкія дѣла, и бываетъ отрокомъ оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе, и егда нощь мимо ходитъ, тогда отходятъ къ рѣцѣ съ великимъ кричаніемъ, аки бѣсніи, умываются водою, и егда начнутъ заутреню звонити, тогда отходятъ въ домы свои и падаютъ аки мертвіи отъ великаго хлохотанія». О празднованіи купальской ночи см. Посланіе игумена Елизаровской обители Памфила въ 1505 г. въ Дополнен. къ Актамъ Историч. Т. I, № 22; также въ Чтеніяхъ Моск. Ист. Общ. № 4, 1864 года. Указаніе на сговоръ между молодыми людьми см. въ Этногр. Сбор. 1, 49.

[5]) «Молятся роду и рожаницамъ...» — «беззаконная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ», читаемъ въ древнихъ христіанскихъ поученіяхъ (Востокова Опис. Рум. Муз. № CLXXXI). Хорутане вѣрятъ, что всякій человѣкъ, какъ только родится, получаетъ въ небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою рожаницу. Важное мѣсто о родѣ и рожаницахъ найдено профессоромъ Шевыревымъ въ одномъ сборникѣ въ библіотекѣ Кириллова монастыря (См. Поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, 11, 33): «Оттуда же ізвыкоша елени класти требы, артемиду і артемидѣ, рекше роду и рожаницѣ, тацін же егуптяне. Тако і до Словѣнъ доіде се слово і ти начаша требы класти, роду и рожаницамъ преже Перуна бога ихъ, а прежс того клали требу упиремъ і берегинямъ».— Изъ этого извѣстія видимъ, что поклоненіе роду и рожаницамъ смѣнило поклоненіе Упырямъ и Берегинямъ: перемѣнилось названіе, значеніе осталось одно и то же; Упырь соотвѣтствуетъ роду, Берегиня—рожаницѣ; но извѣстно, что упырь есть мертвецъ. Изъ этого же извѣстія видно, что треба, покормъ, жертва, преимущественно назначалась для душъ умершихъ людей, и что отъ обычая покорма упырямъ и берегинямъ уже перешли къ жертвѣ Перуну;—«И бабы каши варятъ на собраніе рожаницамъ». Сборникъ Рум. Муз. № CCCLXXXIV. Отъ рода, праотца извѣстнаго рода естественное восхожденіе къ роду родовъ, къ первому обоготворенному человѣку; «То ти не родъ, сѣдя на воздусѣ, мечетъ на землю груды и въ томъ рождаются дѣти». (Архивъ истор. и юридич. свѣдѣній II, предисловіе.) Пирра, жена Девкаліонова, произведшая послѣ потопа новыхъ людей киданіемъ черезъ себя камней, не была божествомъ - создателемъ.

[6]) Дѣти бѣгаютъ рода.

добаго быта и съ усиліемъ христіанства на счетъ язычества, Чуръ или Родъ перешелъ въ Домоваго [1]).

Младенчествующій народъ не могъ понимать духовнаго существованія за гробомъ и представлялъ души праотцевъ доступными для всѣхъ ощущеній этого бѣлаго свѣта; думали, что зима есть время ночи, мрака для душъ усопшихъ; но какъ скоро весна начинаетъ смѣнять зиму, то прекращается и ночной путь для душъ, которыя поднимаются къ небесному свѣту, возстаютъ къ новой жизни. Это мнѣніе естественно проистекало изъ поклоненія природнымъ божествамъ, солнцу, лунѣ и проч., которыхъ вліяніе должно было простираться на весь міръ, видимый и невидимый [2]). Въ первый праздникъ новорожденнаго солнца, въ первую зимнюю коляду, мертвые уже вставали изъ гробовъ и устрашали живыхъ: отсюда и теперь время святокъ считается временемъ странствованія духовъ. Масляница, весенній праздникъ солнца, есть вмѣстѣ и поминовенная недѣля, на что прямо указываетъ употребленіе блиновъ, поминовеннаго кушанья [3]). Съ древней Масляницы, т.-е. съ начала весны, живые здороваются съ усопшими, посѣщаютъ ихъ могилы, и праздникъ Красной Горки соединяется съ Радуницею, праздникомъ свѣта, солнца для умершихъ [4]); думаютъ, что души покойниковъ встаютъ тогда, во время поминовенія, изъ темницъ (гробовъ) и раздѣляютъ поминовенную пищу вмѣстѣ съ принесшими [5]).

Въ непосредственной связи съ вѣрованіемъ, что весною души умершихъ встаютъ для наслажденія новою жизнію природы, находится праздникъ русалокъ, или русальная недѣля. Русалки вовсе не суть рѣчныя или какія бы то ни было нимфы: имя ихъ не происходитъ отъ русла, но отъ русый (свѣтлый, ясный) [6]); русалки суть не иное что, какъ души умершихъ, выходящія весною насладиться оживленною природой. Народъ теперь вѣритъ, что русалки суть души младенцевъ, умершихъ безъ крещенія [7]); но когда всѣ Славяне умирали безъ крещенія, то души ихъ всѣхъ должны были становиться русалками. Русалки появляются съ Страстнаго четверга (когда встарину, по Стоглаву, по-рану солому палили и кликали мертвыхъ), какъ только покроются луга весеннею водой, распустятся вербы. Если онѣ и представляются прекрасными, то всегда однако носятъ на себѣ отпечатокъ безжизненности, блѣдности. Огни, выходящіе изъ могилъ, суть огни русалокъ; онѣ бѣгаютъ по полямъ, приговаривая: «Бухъ! бухъ! соломенный духъ. Мене мати породила, некрещену положила». Русалки до Троицына дня живутъ въ водахъ: на берега выходятъ только поиграть. У всѣхъ языческихъ народовъ путь водный считался проводникомъ въ подземное царство и изъ него назадъ, поэтому и русалки являются изъ воды, живутъ сперва въ рѣкахъ и показываются при колодцахъ [8]). Съ Троицына дня до Петрова поста

---

[1]) См. мою статью въ 1-й кн. Архива, изд. Калачевымъ; тамъ же подробнѣе о Домовомъ, изслѣдованія гг. Буслаева и Аѳанасьева.—Къ доказательствамъ связи между домовымъ и душою усопшаго предка прибавимъ, что домовой въ видѣ Бадняка является у южныхъ Славянъ въ домъ вечеромъ 24 декабря, когда въ первый праздникъ новорожденнаго солнца мертвые уже вставали изъ гробовъ. Для сравненія и объясненія приведемъ Финикійскую генеалогію Санхоніатона, какъ сохранилась она у Евсевія: отъ Вѣтра и жены его Ночи произошли Αἰών καὶ Πρωτόγονος первые смертные люди, а отъ нихъ родъ и рожаница—γένος καὶ γένεα, которые населили Финикію. Ясно, слѣд., что родъ и рожаница у Финикіянъ были предки, первая чета, отъ которой пошло племя. У насъ при раздробленіи родовъ и при особности каждаго, каждый родъ имѣлъ и чтилъ своего особаго рода и рожаницу или рожаницъ, потому что у каждаго родоначальника было по нѣскольку женъ; потомъ при дальнѣйшемъ дробленіи родовъ, при образованіи семей, домовъ, родъ перешелъ естественно въ домового. Колѣно значитъ родъ, племя, и старѣйшій въ семьѣ, что вполнѣ объясняетъ таковое же значеніе рода. Опытъ Обл. Сл. стр. 88.

[2]) На это указываетъ слѣд. причитаніе: «Ужъ ты солнце, солнце ясное! ты взойди, взойди со полуночи, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки; чтобы нашимъ покойничкамъ не во тьмѣ сидѣть, не съ бѣдой горевать, не съ тоской вѣковать. Ужъ ты мѣсяцъ, мѣсяцъ ясный! ты взойди, взойди съ вечера, ты освѣти свѣтомъ радостнымъ всѣ могилушки, чтобы нашимъ покойничкамъ не крушить во тьмѣ своего сердца ретиваго, не скорбѣть во тьмѣ по свѣту бѣлому, не проливать во тьмѣ горючихъ слезъ», и проч. См. Сахарова Сказ. Русск. Нар. 11, 23.

[3]) Въ старину первый блинъ отдавался нищимъ на поминъ усопшимъ. Въ степныхъ селеніяхъ первый блинъ кладутъ на слуховое окно для душъ родительскихъ, причемъ приговариваютъ: «Честные наши родители! вотъ для вашей душки блинокъ». (Снегирева 11, 120; Сахарова 11, 72). — Обряды, какіе наблюдаютъ въ приготовленіи блиновъ, указываютъ на религіозное значеніе этого кушанья: выходятъ вечеромъ готовить опару на рѣки, колодези и озера, когда появятся звѣзды; приготовленіе первой опары содержится въ величайшей тайнѣ отъ всѣхъ домашнихъ и постороннихъ; призывается мѣсяцъ выглянуть въ окно и подуть на опару. У Арійцевъ роды имѣли священную обязанность предлагать трапезы своимъ мертвецамъ по крайней мѣрѣ въ каждое новомѣсячіе. Дункеръ, II, стр. 25 и 26.

[4]) Ср. литовское Rauda — погребальная пѣсня. — Праздникъ поминовенія усопшихъ по-литовски Chautury, слово халтура осталась у насъ до сихъ поръ съ тѣмъ же значеніемъ. Ст. Kraszewskiego — Litwa satrozytne dziejè.

[5]) Зарываютъ красныя яйца въ выкопанныя надъ могилой ямки; въ Бѣлоруссіи на могилѣ, политой медомъ и водою, раскладываютъ кушанья и привѣтствуютъ покойниковъ: «Святые радзицели! хадзице къ намъ хлаба и соли кушать». Ср. Полн. Собр. Р. Л. II, 104: «Михалка князя (Юрьевича) удариша ратніи двѣма копья въ стегно, а третьимъ въ руку, но Богъ молитвою отца его избави отъ смерти». Князь Юрій Долгорукій никогда не былъ причтенъ церковію къ лику святыхъ. — У другихъ народовъ тоже: въ «Indiculus superstitionum et paganiarum ad consilium Liptineuse» читаемъ объ обычаѣ считать всѣхъ умершихъ святыми. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ до сихъ поръ называютъ прадѣда праведникомъ. Этногр. Сбор. I, 178, 290.

[6]) Буслаева — О вл. христ. на слав. яз., стр. 15, 20.

[7]) Мура у славянскаго народонаселенія Турецкой Имперіи есть душа младенца, умершаго безъ крещенія, или безъ обрѣзанія. См. статью Княжескаго—Болгарскія повѣрья, въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1816 годъ.

[8]) Въ Новгородѣ-Сѣверскомъ есть уважаемый народомъ родникъ Заручайская Криница, или Сухомлинская, иначе родникъ Ярославовъ, впадающій въ Десну;

русалки живутъ на землѣ, въ лѣсахъ, на деревьяхъ, любимомъ пребываніи душъ по смерти [1]). Русальныя игры суть въ честь мертвыхъ, на что указываетъ переряживаніе, маски, обрядъ, который не у однихъ Славянъ былъ необходимъ при праздникѣ тѣнямъ умершихъ: человѣку свойственно представлять себѣ мертвеца чѣмъ-то страшнымъ, безобразнымъ, свойственно думать, что особенно души злыхъ людей превращаются въ страшныя, безобразныя существа для того, чтобы пугать и дѣлать зло живымъ. Отсюда естественный переходъ къ вѣрованію въ переселеніе душъ и въ оборотней; если душа по смерти можетъ принимать различные образы, то, силою чародѣйства, она можетъ на время оставлять тѣло и принимать ту или другую форму [2]). Есть извѣстіе [3]), что у Чеховъ на перекресткахъ совершались игрища въ честь мертвыхъ съ переряживаніемъ. Это извѣстіе объясняется обычаемъ нашихъ восточныхъ Славянъ, которые, по лѣтописи, ставили сосуды съ прахомъ мертвецовъ на распутіяхъ, перекресткахъ; отсюда до сихъ поръ въ народѣ суевѣрный страхъ передъ перекрестками, мнѣніе, что здѣсь собирается нечистая сила.

У русскихъ Славянъ главнымъ праздникомъ русалокъ былъ Семикъ, великъ день русалокъ; въ это время, при концѣ весны, совершались проводы послѣднихъ [4]). Конецъ русальной недѣли, Троицынъ день, былъ окончательнымъ праздникомъ русалокъ: въ этотъ день русалки уже падаютъ съ деревьевъ, перестаетъ для нихъ пора весеннихъ наслажденій [5]). Въ первый понедѣльникъ Петрова поста бывало въ нѣкоторыхъ мѣстахъ игрище— провожанье русалокъ въ могилы [6]).—Въ тѣсной связи съ русалками находятся водяные дѣдушки, лѣшіе, кикиморы и проч. Мертвецы были извѣстны еще подъ именемъ н а в ь я, и представлялись въ видѣ существъ малорослыхъ, карликовъ (людки) [7]).

Вотъ главныя, первоначальныя черты вѣрованій

на срубѣ этой Криницы, на разсвѣтѣ, въ зеленую недѣлю, по народному повѣрью, сидятъ К р и н и ц ы, прекрасныя дѣвушки съ русыми волосами, которые онѣ расчесываютъ (Снегирева 1, 172). Касательно связи душъ усопшихъ съ водою въ языческихъ вѣрованіяхъ Славянъ очень важны замѣчанія Ходаковскаго (См. Русск. Ист. Сборн. т. 191, стр. 370 и слѣд.). Авторъ, говоря о сопкахъ, или древнихъ могилахъ, замѣчаетъ: «Сколько я могъ видѣть оныхъ, всѣ насыпаны по берегамъ рѣкъ, рѣчекъ и озеръ, и даже параллельно по излучинамъ и изгибамъ оныхъ. Въ поляхъ, удаленныхъ отъ воды, нигдѣ не случалось мнѣ замѣтить оныхъ. Можетъ быть причиною тому, что первѣйшія осѣдлости были только на порѣчьяхъ и на озерьяхъ; во-вторыхъ, что совершеніе похоронныхъ обрядовъ не могло обойтись тогда безъ воды, которая по такому же случаю была потребна въ Доростолѣ Святославу Игоревичу, и которая служитъ путемъ для усопшихъ въ вѣчное обиталище, по мнѣнію, сохранившемуся въ разныхъ странахъ славянскихъ у простого народа». Тамъ же читаемъ: «Въ Южной Руси праздникъ Н а в ь с к і й д е н ь заключается тѣмъ, что бросаютъ на воду шелуху отъ крашеныхъ яицъ для донесенія покойнымъ о торжествѣ св. Пасхи». Въ связи замѣтимъ, что въ народѣ есть мнѣніе, будто не надобно оставлять въ цѣлости яичной скорлупы: иначе русалки сдѣлаютъ изъ нея себѣ лодки и будутъ плавать на зло людямъ.—Вспомнимъ о приготовленіи блинной опары у воды. Въ сказкѣ о трехъ побратимахъ говорится о русалкѣ, которая живетъ на томъ особенномъ свѣтѣ, куда путь или черезъ широкое море, или черезъ нору сквозь землю.—Русская Бесѣда III, Смѣсь, стр. 100. Днемъ, посвященнымъ памяти усопшихъ, какъ видно, была пятница. См. Этногр. Сборн. I, 215. Отсюда новыя повѣрья относительно пятницы, стр. 326.

[1]) Maciejowski - Perowtne dzieje Polski i Litwy, стр. 465. О пребываніи душъ на деревьяхъ см. Краледворскую рукопись.—Въ житіи Муромскаго князя Константина читаемъ (Карамз. I, примѣч. 236): «Кони закалающе, и по мертвымъ ременныя плетенія древолазная съ ними въ землю погребающе».

[2]) «Се же есть первое, тѣло свое хранить мертво, и летаетъ орломъ и ястребомъ, и врономъ и дятломъ, рыщутъ лютымъ звѣремъ и вепремъ дикимъ, волкомъ, летаютъ зміемъ, рыщутъ рысію и медвѣдемъ». Калайдовича, Іоан. Екс. Болгар. с. 211.

[3]) Cozm. prag. p. 197.

[4]) Мы упоминали уже о томъ, что масляница была также праздникомъ въ честь умершихъ; доказательствомъ этому, кромѣ употребленія блиновъ, служитъ еще связь семика съ масляницей,—связь, сохранившаяся у народа: семикъ считается пріятелемъ масляницы; на лубочныхъ картинахъ онъ принимаетъ ее и величаетъ. Очень вѣроятно, что до христіанства радуница соединялась съ масляницей. Въ семикъ погребали и поминали убогихъ; изъ Стоглава (вопросъ 23) видно, что въ Троицкую субботу (на русальной недѣлѣ) по селамъ и погостамъ сходились мужи и жены на жальникахъ и плакались по гробамъ съ великимъ кричаньемъ, «и егда учнутъ скоморохи, и гудцы, и прегудницы играти, они же отъ плача преставше, начнутъ скакати и плясати и въ ладони бити». Битье въ ладони есть обычай русалокъ.

[5]) Пѣсня говоритъ:

«Русалочки з е м л я н о ч к и
Н а д у б ъ л ѣ з л и, кору грызли,
Свалилися, забилися».

Здѣсь важно выраженіе з е м л я н о ч к и, указывающее на русалокъ, какъ жительницъ земныхъ нѣдръ.

[6]) «Женщины снаряжали изъ соломы два чучела, въ видѣ женщинъ. Вечеромъ выходили женщины и дѣвицы на улицу, раздѣлялись на двѣ половины, и тихими хороводами приближались къ концу улицъ. Здѣсь распѣвались попеременно хороводныя пѣсни. Во время пѣнія хороводница съ чучеломъ плясала. Послѣ пѣсенъ игроки сближались. Здѣсь открывалась война. Соломенное чучело, русалку, дѣвицы принимали на свои руки для защиты, а женщины, стоя кругомъ ихъ, нападали на другой хороводъ, или защищались сами отъ нападенія. Бойцы изъ улицы переселялись на поле, гдѣ оканчивалось побоище растерзаніемъ чучелъ и разбрасываніемъ соломы по полю. Въ это время дѣвицы причитывали похоронныя завыванія, а о т ч а я н н ы я, р а с п у с т и в ъ к о с ы, п р и п а д а л и к ъ з е м л ѣ, к а к ъ б ы к ъ м о г и л а м ъ». Сахар. II, 94.

[7]) Подъ 1092 годомъ въ лѣтописи: «Предивно бысть Полотьскѣ: въ мечтѣ ны бываше въ нощи тутънъ, станяше по улици, яко человѣчи рыщюще бѣси; аще кто вылѣзяше изъ хоромины, хотя видѣти, абье уязвенъ будяше невидимо отъ бѣсовъ язвою, и съ того умираху, и не смяху излазити изъ хоромъ. По семь же начаша въ дне явитися на конихъ, и не бѣ ихъ видѣти самѣхъ, но конь ихъ видѣти копыта; и тако уязвляху люди Полотьскыя и его область, тѣмъ и человѣци глаголаху: яко н а в ь е бьютъ П о л о ч а н ы». Изъ послѣднихъ словъ видно, что въ понятіяхъ народа злые духи, бѣсы, преимущественно представлялись мертвецами.—О связи мертвеца съ карликомъ, навья съ nâgnainn см. у Буслаева: О вліяніи христ., стр. 64. Изъ этого сближенія словъ мы видимъ, что духи въ видѣ карликовъ, славянскіе людки, были не что иное какъ души умершихъ; это представленіе, что души умершихъ имѣютъ форму человѣка, только въ уменьшенномъ видѣ, осталось до сихъ поръ въ живописи.

восточныхъ Славянъ. Съ теченіемъ времени эти первоначальныя черты могли искажаться: одно и то же божество у различныхъ племенъ носило разныя названія; послѣ при сближеніи племенъ различныя названія могли явиться уже различными божествами. Фантазія стремится олицетворять и обожать явленія природы, которыя первоначально являются произведеніемъ главной силы; естественно олицетворялись Весна и Зима, жизнь и смерть природы,—одна подъ образомъ прекрасной дѣвы, другая безобразной старухи, и т. п. Стихійныя божества первоначально не имѣютъ пола и потому послѣ легко мѣняютъ его; солнце могло быть легко и мужескаго и женскаго пола мужемъ и женою мѣсяца: такъ было не у однихъ Славянъ [1]). Но главными исказителями первоначальной религіи народа являются всегда и вездѣ жрецы и художники; вотъ почему у нашихъ восточныхъ Славянъ, у которыхъ не было класса жрецовъ, и не былъ распространенъ обычай изображать божества въ кумирахъ, религія сохранилась въ гораздо большей простотѣ, чѣмъ у западныхъ Славянъ, у которыхъ городская жизнь и сильное чуждое вліяніе повели и къ образованію жреческаго класса, и къ распространенію храмовъ и кумировъ. Лѣтописи молчатъ о существованіи храмовъ и жрецовъ у нашихъ восточныхъ Славянъ [2]); нельзя предположить, что если-бы храмы существовали, то лѣтописцы умолчали бы о ихъ разрушеніи или превращеніи въ церкви, при разсказѣ о введеніи христіанства и ниспроверженіи идоловъ [3]). Лѣтописи молчатъ также и о жрецахъ: князь ставитъ идоловъ, князь приноситъ жертвы, толпа требуетъ человѣческой крови для боговъ—о жрецахъ ни слова; князь перемѣняетъ вѣру, всѣ люди дѣлаютъ то же,—и жрецы не только не противятся, но о нихъ нѣтъ даже и помину. Эта неразвитость общественнаго богослуженія, отсутствіе храмовъ и жрецовъ не должны нисколько поражать насъ: все это необходимо при томъ бытѣ, въ которомъ жили Славяне; въ каждомъ родѣ старшій былъ вмѣстѣ и жрецомъ, онъ приносилъ жертвы, онъ гадалъ о будущемъ [4]).

Но если не было храмовъ, то гдѣ же и какъ приносились жертвы старшинами родовъ? Природными жертвенниками, алтарями для младенчествующихъ народовъ служили горы, скалы, камни огромной величины. Наша природа скупа на возвышенности и камни, за то щедра на естественныя капища (шатры, навѣсы) —многовѣтвистыя деревья; подъ ними-то преимущественно совершались религіозные обряды, приносились жертвы; дерево (по преимуществу дубъ), выбранное для этого, освящалось и становилось само предметомъ благоговѣйнаго уваженія, какъ мѣстопребываніе боговъ, куда они стекались для принятія жертвъ. Обычай приносить жертвы подъ деревьями могъ произойти и отъ того, что первоначально жертва назначалась для душъ умершихъ, а души умершихъ, по всеобщему вѣрованію, обитали въ лѣсахъ, на деревьяхъ, преимущественно на дубахъ [5]). Кромѣ деревьевъ, жертвы приносились также и у воды [6]). Славяне смотрѣли на жертву именно какъ на трапезу, поставляемую богамъ [7]); и по введеніи христіанства жертвы продолжались по-старому, въ домашнемъ кругу предлагались душамъ усопшихъ родичей и рожаницамъ [8]), и опять въ смыслѣ трапезы, по-

[1]) Такъ было и у народовъ италійскихъ и азіатскихъ: Юпитеръ являлся иногда женскаго пола, Венера мужскаго. Creuzer's Symbolik, II, 835.

[2]) Ср. образцовое разсужденіе объ этомъ митрополита Платона въ его Церковной Исторіи.

[3]) Во время Игоря стоялъ въ Кіевѣ Перунъ на холмѣ, но не въ храмѣ, ибо лѣтописецъ прямо говоритъ: «Заутра призва Игорь слы, и приде на холмъ, кде стояше Перунъ, покладоша оружье свое, и щиты и золото». Нельзя было не сказать лѣтописцу, что они вошли въ храмъ Перуна, тѣмъ болѣе что христіанская церковь св. Иліи должна была напомнить ему о храмѣ. О Владимірѣ говорится, что онъ поставилъ кумиры на холму внѣ двора теремнаго, и нисколько не говорится о храмахъ. Въ разсказѣ о введеніи христіанства читаемъ: «Яко приде (Владиміръ), повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другіе огневи предати; Перуна же повелѣ привязати къ коневи къ хвосту, и влещи съ горы», и проч. — Ни слова о разореніи храмовъ.—Въ Новгородѣ Добрыня поставилъ кумира надъ Волховомъ, но не храмъ. Слова требище и капище, употребленныя въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, древнихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ, не могутъ означать храмовъ; требище—мѣсто, гдѣ приносилась жертва, треба; капище происходитъ отъ капь, образъ (по капи нашею и образу, см. Miklosich Rad. 1 sl. p. 117), слѣдовательно, можетъ означать и самого идола, и также вмѣстилище идола, навѣсъ, шатеръ; что капище не могло означать храмъ, видно изъ словъ лѣтописца о привезеніи Владиміромъ съ *собою* двухъ мѣдныхъ капищъ изъ Херсона.

[4]) Какъ это происходило, показываетъ и теперь еще существующій обычай: въ Малороссіи, въ щедрый или богатый вечеръ, 31 декабря, каждая хозяйка готовитъ множество вареников, книшей, пироговъ, и, поставивши все это кучею на столѣ, затепливъ свѣчу передъ образами, накуривъ ладономъ, проситъ мужа исполнить законъ; отецъ семейства долженъ сѣсть на покути, за грудой всякаго печезья. Когда дѣти, войдя и молясь, спрашиваютъ: «Дежь нашъ батько?» то онъ спрашиваетъ ихъ въ свою очередь: «Хибажь вы мене не бачите?» и на слова ихъ: «Не бачимо, тату», говоритъ: «Дай же Боже, щобъ и на той рокъ не бачили». Этими словами онъ выражаетъ желаніе, чтобъ и въ будущемъ году было такое же изобиліе всего, какъ и въ настоящемъ (Срезневскій, Свят. и Обр. стр. 77, 78). У западныхъ славянъ, гдѣ, при большомъ развитіи общественнаго богослуженія, существовали храмы и жрецы, роль отца семейства въ описанномъ обрядѣ занимаетъ жрецъ. Саксонъ Грамматикъ (824,825), описавъ праздникъ въ честь Святовида, когда жрецъ перемѣняетъ вино въ рогѣ идола, прибавляетъ: «Къ этому же возношенію принадлежалъ и пирогъ сладкій, круглый (коровай) и величиною почти въ ростъ человѣка. Жрецъ, поставя его между собою и народомъ, спрашивалъ у Руянъ,—видятъ ли они его? Когда тѣ отвѣчали, что видятъ, то онъ изъявлялъ желаніе, чтобъ на слѣдующій годъ его вовсе не было видно за пирогомъ».

[5]) См. Constant. Por de Adm. imp. стр. 9. Карамз. 1, примѣч. 216. Касторскаго Начерт. Слав. Мие. 134. Полн. Собр. Р. Лѣт. II. 234. Памятн. Слов. XII в., стр. 19 Краледворская рукоп.

[6]) Кеппена—Библіогр. листы № 7; Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. II, 257; Полное Собр. Законовъ № 3771; Левъ Діак. IX, 8; Памятн. Слов. XII в.

[7]) Продолж. Древ. Росс. Вивл. I: «Ты, рече, Перунище досити еси пилъ и ялъ».

[8]) «И тако подкладываютъ имъ требы и корозаи имъ ломятъ, моленое то брашно даютъ и ѣдятъ, ставятъ ку-

корма. Есть извѣстіе, что у русскихъ Славянъ были также въ обычаѣ человѣческія жертвы, которыя у народовъ были, большею частію, умилостивительныя; при какихъ-нибудь общественныхъ бѣдствіяхъ думали, что божество гнѣвается за чьи-нибудь грѣхи, и потому искали преступника, котораго и приносили въ умилостивительную жертву; потомъ приносили обыкновенно въ жертву богамъ плѣнниковъ, по господствовавшему мнѣнію, что побѣжденный есть грѣшникъ, разгнѣвавшій божество [1]).

Если у восточныхъ Славянъ не было жреческаго класса, за то были волхвы [2]), гадатели, кудесники, вѣдуны, вѣдьмы. О волхвахъ славянскихъ мы знаемъ очень мало; но нѣтъ сомнѣнія, что они имѣютъ тѣсную связь съ волхвами финскими, по близкому сосѣдству и союзничеству этихъ двухъ народовъ, тѣмъ болѣе, что послѣ, по принятіи христіанства, волхвы преимущественно являются на финскомъ сѣверѣ, и оттуда мутятъ славянское народонаселеніе. Финское племя искони отличалось наклонностію къ волшебству, искони славилось имъ; у Финновъ преимущественно было развито ученіе о злыхъ божествахъ, о злыхъ духахъ и о сообщеніи съ ними [3]).

мирамъ трапезы котѣйныя и законьняго обѣда иже нарицаеться беззаконьная трапеза, мѣнимая роду и рожаницамъ».—У западныхъ Славянъ также находимъ извѣстія о подобныхъ законныхъ обѣдахъ; думаемъ, что здѣсь должно искать начала братчинъ или братовщинъ.

[1]) Можно думать, что средневѣковой обычай сожигать еретиковъ есть также остатокъ языческихъ понятій. Мы не согласны приписывать обычай человѣческихъ жертвъ у Славянъ чуждому вліянію, ибо думаемъ, что этотъ обычай общъ всѣмъ языческимъ народамъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ: разумѣется, человѣческія жертвы должны быть въ большемъ употребленіи у народовъ воинственныхъ, чѣмъ у мирныхъ, потому что, какъ уже сказано, въ жертву приносились взятые въ плѣнъ непріятели; такъ мы видимъ человѣческія жертвы у воинственныхъ сѣверо-западныхъ племенъ славянскихъ, особенно когда разгорѣлась религіозная борьба съ христіанами; такъ и въ Кіевѣ мы видимъ человѣческую жертву при Владимірѣ, во время борьбы двухъ религій.—Видятъ также указаніе на человѣческія жертвы въ слѣдующихъ словахъ лѣтописца: «Привожаху сыны своя и дщери, и жряху бѣсомъ, оскверняху землю теребами своими, и осквернися кровьми земля Русская и холмъ отъ» (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 34).—Но здѣсь лѣтописецъ повторилъ тѣ же слова, которыя вложилъ въ уста философу, пришедшему для обращенія Владиміра: «Посемъ же дьяволъ въ большее прельщеніе вверже человѣки, и начаша кумиры творити, ови древяны, ови мѣданы, а друзіи мраморяны, а иные златы и сребряны: кланяхуся и привожаху сыны своя и дъщери, и закалаху предъ ними, и бѣ вся земля осквернена». (Тамъ же 39).—Ср. Гельмольда: «Conveniunt viri et mulieres cum parvulis mactantque diis suis hostias de bobus et ovibus plerique etiam de hominibus christianis».

[2]) О словопроизводствѣ волхвъ и жрецъ см. у Буслаева, О вл. христ., стр. 22, 23. — Miklosich. Rad. I. sl. p. 10.

[3]) Финны знаютъ двѣ магіи — бѣлую и черную; черная—адское искусство, отклоняющее людей отъ свѣта солнечнаго, враждебное Байвѣ, богинѣ солнца; этимъ объясняется слѣдующее мѣсто лѣтописи: «Приключися нѣкоему Новгородцю придти въ Чудь, и прежде къ кудеснику, хотя волхованія отъ него; онъ же по обычаю своему, нача призывати бѣсы въ храмину свою. Новгородцю же сѣдящу на порозѣ тоя же храмины, кудесникъ же лежаще оцѣпѣвъ, и шибе имъ бѣсъ; кудесникъ же вставъ рече Новгородцю: бози не смѣютъ прити, нѣчто имаше на собѣ, его же боятся. Онъ же помянувъ на собѣ крестъ, и отшедъ постави кромѣ храмины тое; онъ же начатъ опять призывати бѣсы, бѣси же метавше имъ повѣдоша, что ради пришелъ есть. По семъ же поча прашати его: что ради боятся его, его же се носимъ на собѣ креста? Онъ же рече: то есть знаменье небеснаго Бога, его же наши бози боятся. Онъ же рече: то каци суть бози ваши, гдѣ живутъ? Онъ же рече: въ безднахъ; суть же образомъ черни, крылаты, хвосты имуще, всходятъ же и подъ небо слушающе вашихъ боговъ, ваши бо Ангели на небеси суть, аще кто умретъ отъ вашихъ людей, то взносимъ суть на небо, аще ли отъ нашихъ умираетъ, то носимъ къ вашимъ богамъ въ бездну». На это же финское вѣрованіе указываетъ другое извѣстіе лѣтописца о волхвахъ, явившихся въ Ростовской области; они говорили, что человѣкъ созданъ слѣдующимъ образомъ: «Богъ мывься въ мовницы и вспотився, отерся ветъхомъ и верже съ небесе на землю, и распрѣся сотона съ Богомъ, кому въ немъ створити человѣка? и створи дьяволъ человѣка, а Богъ душу въ него вложи; тѣмже аще умреть человѣкъ, въ землю идетъ тѣло, а душа къ Богу». Доброе или бѣлое волшебство проистекаетъ изъ существа женщины, тогда какъ чернокнижіе, по своему характеру, есть мужское. Ср. Lenormant, III, 404.

Исторія застаетъ финское племя на крайнемъ сѣверѣ: очень вѣроятно, что Геродотовы Андрофаги, Меланхлевы и Ѳиссагеты принадлежали къ этому племени [4]). Нѣмецкое названіе чудскаго племени—Финны—впервые встрѣчаемъ у Тацита [5]); Птоломей упоминаетъ также о Финнахъ [6]); у Іорнанда въ искаженныхъ именахъ народовъ, покоренныхъ Готскимъ королемъ Германарихомъ, можно узнать Чудь, Весь, Мерю, Мордву, Черемису, и быть-можетъ, даже Пермь [7]). Начальный лѣтописецъ русскій знаетъ слѣдующіе финскіе народы, жившіе въ его время въ полунощныхъ странахъ и платившіе дань Руси: Чудь, Меря, Весь, Мурома, Черемись, Мордва, Пермь, Печора, Ямь. Общеплеменное названіе Финны есть названіе нѣмецкое, Чудь—славянское, Суомалайнъ—своенародное. Финнъ на нѣмецкомъ языкѣ означаетъ жителя болотной, влажной низменности; то же означаютъ и финскія названія разныхъ племенъ, напр. Емь или Ямъ (Häm) значитъ мокрый, водяной; Весь объясняется изъ финскаго Vesi—вода. И теперь финскія имена мѣстностей встрѣчаются преимущественно на болотистыхъ пространствахъ [8]). Нашъ лѣтописецъ указываетъ намъ финскія племена преимущественно около озеръ; въ половинѣ IX вѣка южныя границы финскаго племени съ славянскимъ можно положить въ области Москвы-рѣки, гдѣ Финны должны были сталкиваться съ славянскимъ племенемъ Вятичей: селенія послѣднихъ мы имѣемъ право продолжить до рѣки Лопасни, потому что, какъ видно, всѣ Вятичи принадлежали къ Черниговскому княже-

[4]) Шафар. Древ. Т. I, кн. II, стр. 45 и слѣд.

[5]) Germ. cap. 46.

[6]) III, c. 5.

[7]) De reb. Get. c. 23: Thiudos. Vasina, Broncas (Beormas), Merens, Mordens, Sremnis ans.

[8]) Sjögren. — Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen. S. 272, 339.

ству, а городъ Лопасня былъ пограничнымъ городомъ этого княжества съ Суздальскимъ. Селенія Вятичей должны были уже соприкасаться съ селеніями финскихъ племенъ, потому что въ Бронницкомъ уѣздѣ Московской губерніи находимъ рѣку Мерскую или Нерскую, которая именемъ своимъ ясно показываетъ, что протекала чрезъ старинную землю Мери.

Если не самые древніе, то, по крайней мѣрѣ, одни изъ древнѣйшихъ обитателей русской государственной области, Финны имѣли незавидную участь: съ трехъ сторонъ тѣснили ихъ народы славянскаго, германскаго и турецкаго племени; мы видимъ какъ у насъ Финны постоянно уступаютъ предъ Славянами, подчиняются вліянію ихъ народности, приравниваются къ нимъ; причину такого явленія изъ внѣшнихъ обстоятельствъ объяснить не трудно. Сначала мы видимъ, что племена славянскія и финскія живутъ на равной ногѣ; Финны вмѣстѣ съ Славянами призываютъ князей—нарядниковъ; но старшій и скоро единственный князь утверждаетъ свой столъ среди племени славянскаго; потомъ мы видимъ движеніе князей къ югу, по великому водному пути до самаго Чернаго моря; столъ княжескій утверждается въ Кіевѣ, основы новаго государства полагаются преимущественно къ югу отъ Новгорода по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; но живущее здѣсь народонаселеніе принадлежитъ сплошь къ племени славянскому. Славянскія племена соединяются подъ одною властію, черезъ это единство пріобрѣтаютъ силу матеріальную, а потомъ и начатки образованности христіанской, и такимъ образомъ получаютъ надъ финскими племенами матеріальное и духовное преимущество, предъ которымъ тѣ и должны были преклониться. По нашему лѣтописцу видно, что Финны имѣли города, подобно Славянамъ, подобно послѣднимъ терпѣли отъ родовыхъ усобицъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ ними и призвали князей; въ скандинавскихъ преданіяхъ Финны являются искусными кузнецами, финскіе мечи славятся на сѣверѣ [1]). Отъ этихъ осѣдлыхъ, промышленныхъ Финновъ, сосѣдившихъ съ Славянами и союзными съ ними, должно отличать сѣверныхъ ихъ соплеменниковъ, Лапонцевъ, которыхъ, какъ видно, суровая природа остановила на низшей степени человѣческаго развитія; и теперь въ характерѣ собственныхъ Финновъ и Лапонцевъ замѣчается такое же различіе, какъ между мужествомъ и дѣтствомъ. Безспорно, послѣднихъ разумѣетъ Тацитъ, когда описываетъ образъ жизни Финновъ [2]), когда говоритъ объ ихъ изумительной дикости, гнусной скудости: нѣтъ у нихъ ни оружія, ни лошадей, ни домовъ; пища у нихъ трава, одежда — кожи, ложе—земля; вся надежда ихъ въ стрѣлахъ, которыя, по недостатку желѣза, заостриваются костями; охота питаетъ мужей и женъ. Дѣтямъ нѣтъ другого убѣжища отъ звѣрей и непогоды, кромѣ шатровъ, кое-какъ сплетенныхъ изъ древесныхъ вѣтвей; сюда возвращаются съ охоты молодые, здѣсь отдыхаютъ старики. Но вести такой образъ жизни, продолжаетъ Тацитъ, они считаютъ блаженнѣе, чѣмъ трудиться на полѣ, строить домы, съ надеждой и страхомъ смотрѣть на свои и чужія имущества. Безопасные отъ людей, безопасные отъ боговъ, они достигли самаго труднаго — отсутствія желаній.—Здѣсь нельзя не обратить вниманія на слова Тацита о томъ, что Финны считаютъ себя блаженными, и достигли самаго труднаго—отсутствія желаній: эти слова объясняютъ намъ происхожденіе сказки о блаженныхъ Гипербореяхъ: мыслители древнихъ образованныхъ народовъ, утомившись волненіями жизни, проистекавшими отъ ничѣмъ неудовлетворимыхъ страстей человѣка-язычника, любили съ завистью останавливаться на дикихъ народахъ, у которыхъ почти нѣтъ никакихъ желаній, которые не могутъ ни много пріобрѣтать, ни много терять, и потому не подвержены мучительнымъ колебаніямъ между страхомъ и надеждою, не боятся ни людей, ни боговъ: у Геродота боги завидуютъ человѣческому благополучію и потому не допускаютъ ему продолжаться.

Въ жалкомъ видѣ представляется намъ бытъ финскихъ племенъ, живущихъ къ югу отъ Финскаго залива; слабости духовной у этихъ племенъ соотвѣтствуетъ слабость тѣла, соединенная однако съ высшей степенью нечувствительности ко внѣшнимъ впечатлѣніямъ; ни одинъ изъ европейскихъ народовъ не обнаруживаетъ такъ мало духовнаго напряженія, не является такъ забитымъ: Эстонецъ напр. отличается рѣзко отъ своихъ сосѣдей—Русскихъ и Латышей тѣмъ, что вовсе не поетъ; пляска ему почти неизвѣстна. Неблагопріятныя историческія обстоятельства, могшія имѣть вредное вліяніе на развитіе этого племени, намъ извѣстны; поскольку сама природа племени содѣйствовала этимъ обстоятельствамъ,—рѣшить трудно [3]).

Въ тѣсной связи съ славянскими племенами на

[1]) Geijer—Geschichte Schwedens. 1, 95.
[2]) Tac. Germ. XLVI.

[3]) Kruse—Ur. Geschichte des esthnischen Volksstammes, S. 24 et squ. — Объ обычаяхъ финскаго народонаселенія, имѣющихъ необыкновенное сходство съ русскими, см. Sjögren—Ueber die finnische Bevölkerung des St. Petersb. Gouvernements. И здѣсь, и тамъ, напримѣръ, выкупъ приданаго, одинакія повѣрья и предосторожности противъ вліянія колдуновъ при свадьбѣ: такъ-же свекровь встрѣчаетъ молодую въ вывороченной шубѣ; въ такомъ же употребленіи баня; молодой называется княземъ или королемъ; умершимъ волшебникамъ такъ-же втыкаютъ колъ въ спину; вѣрятъ въ домовыхъ, русалокъ; недавно еще приносились жертвы подъ деревьями.—Такое сходство обычаевъ съ осторожностію должно приписывать заимствованію у одного племени другимъ, хотя взаимное вліяніе двухъ сосѣднихъ племенъ другъ на друга безспорно. Съ такою же осторожностію должно обходиться и съ языкомъ, утверждать о заимствованіяхъ, тогда какъ и здѣсь всего легче можетъ имѣть мѣсто общее сродство; сравнимъ, напримѣръ, славянскій кумиръ съ Чудскимъ Kummardama, Kumertaas—adorare: капь (forma, idolum), капище съ мадьярскимъ Kép, bálvánr—Kep (imago idolum); гобина съ мадьярскимъ габона (fruges); одерень, дерноватый съ финскимъ deren (firmus).

западѣ находилось племя литовское, игравшее важную роль въ нашей исторіи, и потомъ вошедшее въ составъ Русскаго государства. Къ литовскому племени принадлежали древніе Пруссы, Голяды, Судены, Корсь и нынѣшніе Литовцы и Латыши [1]). Изъ многихъ изслѣдованій о литовскихъ племенахъ и языкѣ, о сродствѣ ихъ съ сосѣдними племенами и языками, оказывается достовѣрнымъ только то, что Славяне и Литовцы изъ всѣхъ индоевропейскихъ племенъ суть самыя ближайшія другъ къ другу, и что литовское племя съ незапамятныхъ поръ обитало въ настоящихъ своихъ жилищахъ. Это давнее и постоянное пребываніе на однихъ мѣстахъ, уединеніе, которымъ литовское племя было обязано природѣ своей страны, непривлекательной и съ трудомъ доступной, дали ему возможность развить свою особую религіозную систему и строго подчинить ей свой бытъ. Этимъ литовское племя отличается отъ родственныхъ племенъ—славянскаго и германскаго, которыя исторія застаетъ въ движеніи, въ безпрестанномъ столкновеніи съ чуждыми народами и государствами, что препятствовало имъ утвердить свой религіозный бытъ на прочныхъ основахъ, а когда получили они къ тому возможность, то уже подверглись вліянію образованнѣйшихъ народовъ, и должны были принять другую, высшую религію. Германское племя только въ отдаленной Скандинавіи, славянское только на берегахъ Балтійскаго моря могли выработать для себя болѣе или менѣе прочныя формы религіознаго быта, чѣмъ и объясняется упорное сопротивленіе, встрѣченное здѣсь христіанствомъ.

У литовскаго племени подлѣ князей мы видимъ жрецовъ съ обширнымъ вліяніемъ и кругомъ дѣятельности; князь (Rikgs) вѣдалъ военныя дѣла, все что относилось къ внѣшней защитѣ страны и къ сохраненію внутренней безопасности; верховный жрецъ (Криве) завѣдывалъ не только дѣлами богослужебными, но и судебными, былъ верховнымъ судьею и нарядникомъ. Уставы, обычаи литовскаго племени, сходные въ главномъ съ уставами и обычаями другихъ сосѣднихъ племенъ, славянскихъ и германскихъ, разнятся отъ послѣднихъ тѣмъ, что проникнуты религіознымъ началомъ, истекаютъ изъ него: такъ напр., мы видимъ, что у Литовцевъ, точно такъ какъ у Германцевъ, отецъ семейства имѣлъ право убивать своихъ больныхъ или увѣчныхъ дѣтей; но у Литовцевъ этотъ обычай освященъ былъ религіознымъ основаніемъ: потому что слуги литовскихъ боговъ должны не стенать, но смѣяться; потому что бѣдствіе человѣческое причиняетъ скорбь богамъ и людямъ». На томъ же основаніи дѣти имѣли право умерщвлять престарѣлыхъ и больныхъ родителей; человѣческія жертвы дозволялись и оправдывались: «кто въ здоровомъ тѣлѣ захочетъ принесть въ жертву богамъ себя, или своего ребенка, или домочадца, тотъ можетъ сдѣлать это безпрепятственно, потому что, освященные черезъ огонь и блаженные, будутъ они веселиться вмѣстѣ съ богами». Большая часть верховныхъ жрецовъ оканчивали свою жизнь добровольнымъ сожженіемъ для умилостивленія гнѣва боговъ: эти литовскія воззрѣнія, или, лучше сказать, воззрѣнія общія всѣмъ сосѣднимъ племенамъ, но сохранившіяся у Литовцевъ въ большей опредѣленности и связи, имѣли вліяніе на германскій обычай приносить въ жертву князей во время общественныхъ бѣдствій; уже въ христіанскія времена былъ обычай у германскихъ и славянскихъ племенъ обвинять князей и церковныя власти въ общественныхъ бѣдствіяхъ. Женщины также страдали въ подобныхъ обстоятельствахъ: Литовцы прежде всего отдѣлывались отъ нихъ во время голода; а Финны, при своей наклонности къ суевѣрію, приписывали чародѣйству женщинъ непосредственное участіе въ произведеніи послѣдняго [2]). Если женатый человѣкъ будетъ уличенъ въ связи съ дѣвицею, то его должно отдать псамъ на съѣденіе, потому что онъ наругался надъ богами, живущими въ состояніи супружества и дѣвства.—Безбрачіе было необходимымъ условіемъ для Криве и для всѣхъ подчиненныхъ ему жрецовъ; женщина была видимо унижена, исключена изъ сообщества съ мужчинами [3]).

Изъ литовскихъ племенъ очень рано вошли въ составъ русскихъ владѣній Голяди или Голядь, жившіе по рѣкамъ Протвѣ и Угрѣ, замѣшанные среди племенъ славянскихъ—Радимичей, Вятичей и Новгородцевъ. Какимъ же образомъ часть литовскаго племени Голядей попала такъ далеко на востокъ? Простирались ли такъ далеко древнѣйшія жилища литовскаго племени, перерѣзанныя послѣ движеніемъ Славянъ съ юга, или Голяди явились на Протвѣ и Угрѣ вслѣдствіе движенія съ запада, точно такъ, какъ тѣмъ же путемъ явились славянскія лехитскія племена Радимичей и Вятичей? Быть можетъ, даже переселеніе Голядей на востокъ находилось въ связи съ означеннымъ переселеніемъ Радимичей и Вятичей; съ другой стороны, природа страны Голядовъ и нѣкоторыя историческія данныя дѣлаютъ вѣроятнымъ переселеніе части этого племени на востокъ вслѣдствіе недостатка жизненныхъ средствъ: Галиндія находилась къ сѣверу

---

[1]) Древн. Шафарика, Т. I, кн. II, стр. 276 и слѣд.

[2]) Lappenberg — Urkund. 1, 105. Письмо папы Григорія VII къ Датскому королю Гарадьду 1080 году. «Vos intemperiem temporum, corruptiones aeris, quascunque molestias corporum, ad sacerdotum culpas transferre. Praeterea in mulieres ob eandem causam simili immanitate barbari ritus damnatas, quidquam impietatis faciendi vobis fas esse nolite putare». Полное Собр. Р. Лѣт. III, 44: «И въздвиже (діаволъ) на Арсенія мужа кротка и смѣрена крамолу велику, простую чядь; и створше вѣче на Ярославли дворѣ, и поидоша на владычьнь дворъ, рекуче: того дѣля стоитъ тепло долго», и проч.—Тамъ же, IV, 198: «А тогда бяше моръ въ Псковѣ великъ, и тогда отрекошася Псковичи князю Даниилу Александровичу: «тебе ради моръ сей у насъ», и выѣха Князь Данило изо Пскова».—О поступкахъ волхвовъ съ женщинами см. выше.

[3]) См. о литовскомъ племени подробнѣе. Voigt — Geschichte Preussens, t. I;—Narbutt Dzieje starozytne narodu litewskiego, t. I.

отъ Мазовіи [1]), была наполнена множествомъ водъ, густыхъ лѣсовъ и пущей; разсказываютъ, что въ одно время народонаселеніе Галиндіи такъ умножилось вслѣдствіе долгаго мира, что средствъ къ жизни стало недоставать; въ такихъ обстоятельствахъ старшины опредѣлили, чтобы въ продолженіи извѣстнаго времени всѣ младенцы женскаго пола были умерщвляемы [2]).—Понятно, что ни одно изъ приведенныхъ предположеній не можетъ быть принято преимущественно передъ другимъ; но всѣ они вмѣстѣ взятыя достаточны для убѣжденія въ томъ, что наши Голяди были родственны жителямъ литовской Галиндіи.

Кромѣ Литвы, въ нашихъ лѣтописяхъ встрѣчаемъ еще народъ, съ которымъ Русь также очень рано входитъ въ непріязненныя столкновенія и котораго страна послѣ вошла въ составъ Имперіи:—это загадочный народъ Ятвяговъ. Ятвяги жили, во-первыхъ, въ западной части Подлѣсья, потомъ во всемъ Подляшьи, въ части Мазовіи, находившейся между рѣчкой Валпушей, впадающей въ Нарву, и Бугомъ; наконецъ въ древней Судавіи [3]). О происхожденіи Ятвяговъ древніе писатели разногласятъ: одни говорятъ, что Ятвяги языкомъ, религіею и нравами были схожи съ Литвою, Пруссами и Самогитами; другіе же, что Ятвяги совершенно отличались языкомъ отъ Славянъ и Литвы. Новѣйшіе изслѣдователи признаютъ ихъ потомками Язиговъ сарматскихъ [4]), но безъ положительно ясныхъ доказательствъ. Каково бы ни было происхожденіе Ятвяговъ, народъ этотъ является въ исторіи дикимъ, разбойническимъ, и очень долго сохраняетъ язычество. Вѣря въ переселеніе душъ, Ятвяги въ битвахъ не обращались въ бѣгство и не давались въ плѣнъ, но погибали вмѣстѣ съ женами; вели образъ жизни полуосѣдлый, полукочевой. Указываютъ и теперь еще остатки Ятвяговъ въ Скидельскомъ округѣ, на лѣвой сторонѣ рѣки Пѣлясы и Котры; они рѣзко отдѣляются отъ Бѣлоруссовъ и Литовцевъ смуглымъ видомъ, чернымъ платьемъ, нравами и обычаями, хотя всѣ уже говорятъ бѣлорусскимъ языкомъ съ литовскимъ произношеніемъ. У Бѣлоруссовъ въ Подляшьи существуетъ поговорка: «Смотритъ Ятвягомъ (Выгляда якъ Ядвинга)» въ значеніи: смотритъ разбойникомъ.

Таковы были ближайшіе сосѣди Славянъ въ восточныхъ жилищахъ ихъ. Первое сколько-нибудь вѣрное извѣстіе о судьбѣ этихъ народовъ мы встрѣчаемъ не ранѣе IV вѣка по Р. Х., когда они вошли во враждебныя столкновенія съ Готами. Во II или началѣ III вѣка по Р. Х. замѣчается движеніе скандинаво-германскихъ дружинъ, подъ именемъ Готовъ, отъ береговъ Балтійскаго моря къ Черному; безъ сомнѣнія, движеніе это совершалось по тому же водному пути, по которому послѣ, въ половинѣ IX вѣка, спускались дружины варяжскія. Только на трехъ корабляхъ, по преданію [5]), явилась готская дружина на Балтійскомъ морѣ, но потомъ, вобравши въ себя пришлецовъ изъ разныхъ племенъ, своихъ и чужихъ, образовалась на берегахъ Понта въ многочисленный народъ, который не давалъ покоя областямъ Имперіи: въ IV вѣкѣ готскій вождь Германарихъ положилъ-было основаніе государству въ такихъ же обширныхъ размѣрахъ, въ какихъ послѣ явились владѣнія Рюриковичей; владѣя тринадцатью племенами, между которыми легче другихъ прочитываются имена Чуди, Веси, Мери, и Мордвы, Германарихъ обратился противъ Геруловъ; покоривъ послѣднихъ, двинулся противъ Венедовъ. Венеды, говоритъ готскій историкъ [6]), неопытные въ военномъ дѣлѣ, но сильные своею многочисленностію, вздумали-было сначала сопротивляться, но принуждены были покориться Германариху, потому что множество народа ничего не значитъ на войнѣ, прибавляетъ тотъ же историкъ. Эсты, жители береговъ прибалтійскихъ, подчинились также Германариху; но въ то время, какъ его оружіе было такъ счастливо на западѣ, въ юговосточныхъ степяхъ собиралась гроза, долженствовавшая разрушить громадное государство Готовъ при самомъ его рожденіи: на берегахъ Дона явились Гунны. Какъ послѣ, въ XIII вѣкѣ, Русскіе не знали, откуда пришла на нихъ гроза татарская, такъ теперь Готы не умѣли опредѣлить происхожденія Гунновъ: только сказка говорила, что одинъ изъ готскихъ князей выгналъ въ степь злыхъ волшебницъ, которыя совокупились тамъ съ нечистыми духами, и отъ этого-то совокупленія произошли чудовищные Гунны. Сначала жили они на восточныхъ берегахъ Азовскаго моря, занимаясь охотою; потомъ, возросши въ числѣ, устремились грабить сосѣдніе народы; лань показала имъ дорогу на противоположный берегъ моря; страхъ напалъ на разноименные варварскіе народы, здѣсь обитавшіе; храбрые Аланы не могли въ битвахъ выносить ужаснаго вида Гунновъ, потому что, собственно говоря, у нихъ не было лица, но вмѣсто него безобразный кусокъ мяса, на которомъ вмѣсто глазъ виднѣлись какія-то пятна; безобразные въ самой молодости, они старѣли безъ бородъ, и жили какъ дикіе звѣри [7]): питались кореньями и полусырымъ мясомъ звѣрей, согрѣвши его только немного подъ сѣдломъ; о домахъ не хотѣли знать, считали ихъ могилами; съ молодости привыкли переносить непогоду, голодъ и жажду; разъ надѣвши платье, они не снимали его до тѣхъ поръ, пока оно само не свалится съ нихъ лоскутьями; безобразная обувь мѣшала имъ ходить; они вѣчно сидѣли на своихъ маленькихъ, но крѣпкихъ лошадяхъ,

[1]) Точнѣйшее опредѣленіе границъ Галиціи см. у Фойгта, т. I, стр. 495.
[2]) Voigt.—I, 611.
[3]) Шафар. Т. I, кн. II, стр. 125.
[4]) Таково мнѣніе Шафарика; впрочемъ это мнѣніе высказалъ уже и Татищевъ, II, примѣч. 167.
[5]) Iordanis, c. 17.
[6]) Ibid c. 23.
[7]) Ibid c. 24; Ammiani Marcell. XXXI, 2; Sidonii Apollin. Carm. II, v. 245—262.

на сѣдлахъ отправляли всѣ дѣла, ѣли, пили, спали, торговали, разсуждали. Никто изъ нихъ никогда не принимался за плугъ; военноплѣнные должны были обрабатывать земли и пасти стада. Не было у нихъ ничего постояннаго: ни жилища, ни закона, ни обычая; коварство ихъ, гнѣвъ, жадность не сдерживались никакою религіею, ни даже суевѣріемъ. Жены ихъ жили на телѣгахъ, гдѣ ткали грубый холстъ, родили и воспитывали дѣтей; въ битвахъ принимали участіе вмѣстѣ съ мужьями; многоженство было у нихъ въ обычаѣ.

Поразивши Алановъ, Гунны ударили на Готовъ: знаменитый Германарихъ умеръ на 110 году своей жизни; новорожденное государство, не успѣвши нисколько сплотиться, окрѣпнуть, не могло вынести натиска Гунновъ и распалось; часть Готовъ была откинута на юго-западъ, другая принуждена была примкнуть къ полкамъ гуннскимъ; въ какомъ отношеніи находились Гунны къ племенамъ славянскимъ, опредѣлить нельзя; сохранилось только одно извѣстіе объ отношеніяхъ Славянъ къ Готамъ и Гуннамъ: Готскій князь Винитаръ, тяготясь господствомъ Гунновъ, старался мало-по-малу отъ нихъ освобождаться, и желая показать свою храбрость, напалъ на Антовъ; въ первой стычкѣ онъ былъ разбитъ, но потомъ поправилъ свои дѣла, взялъ верхъ надъ Антами и, чтобы задать имъ страху, велѣлъ распять на крестѣ предводителя ихъ Бокса (Box, Booz, Boz) съ сыновьями и семьюдесятью другими старшинами [1]). Но Гунскій князь Баламберъ не долго позволилъ Винитару пользоваться независимостію: онъ пошелъ на него войною и въ битвѣ самъ застрѣлилъ его изъ лука. Безспорно, что славянскія племена должны были платить дань Гуннамъ, какъ послѣ платили ее Козарамъ; какъ видно также, Гунны, раскинувъ во времена Аттилы станъ свой въ Панноніи, среди Славянъ, переняли отъ послѣднихъ нѣкоторые обычаи. Вѣрно только то, что, послѣ гуннскаго нашествія, южныя страны нынѣшней Россіи опять отуманились для исторіи, какъ во времена Скиѳовъ и Сарматовъ: имена Скиѳіи и Сарматіи смѣнились именемъ Гунніи; Славяне у сосѣднихъ народовъ прослыли Гуннами. Могущество послѣднихъ рушилось по смерти Аттилы (453 г.); подчиненные прежде имъ народы выдѣлились опять изъ сплошной массы; но прошло не болѣе столѣтія, какъ азіатскія степи выслали новыя толпы варваровъ одинакаго происхожденія съ Гуннами: то были Авары. Авары, жившіе прежде на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ, въ 565 году перешли Донъ и стали угнетать Славянъ; извѣстія объ аварскихъ угнетеніяхъ сохранились въ славянскихъ преданіяхъ и занесены въ лѣтопись: Авары (Обры), по свидѣтельству послѣдней, напали на Славянъ, примучили Дулѣбовъ и звѣрски поступали съ ихъ женами: когда нужно было ѣхать Обрину, то онъ не велѣлъ впрягать въ телѣгу ни коня, ни вола, но приказывалъ впрягать по три, по четыре или по пяти женщинъ. Были Обры, продолжаетъ лѣтописецъ [2]), тѣломъ велики и умомъ горды, и Богъ истребилъ ихъ—всѣ померли, не осталось ни одного, есть поговорка въ Руси и теперь: «погибли какъ Обры». У Византійцевъ слыли они самымъ разумнымъ изъ скиѳскихъ народовъ, но вмѣстѣ и самымъ лживымъ, коварнымъ [3]). Западные Славяне, Чехи испытали также аварскія притѣсненія Въ половинѣ VII вѣка могущество ихъ начинаетъ упадать; въ 796 году Карлъ Великій нанесъ имъ страшное пораженіе въ Панноніи; въ 867 они почти всѣ были истреблены Болгарами, и остатки ихъ, принимая мало-по-малу христіанство, исчезли въ Венгріи и Болгаріи. Когда освободились отъ Аваръ наши юго-восточныя славянскія племена — неизвѣстно; но въ половинѣ IX вѣка мы застаемъ ихъ платящими дань другому степному народу—Козарамъ. Изслѣдователи не согласны относительно происхожденія Козаръ; по всѣмъ вѣроятностямъ, это былъ народъ смѣшанный изъ разныхъ племенъ, что было очень естестественно на границахъ между Европою и Азіею, на перепутьи народовъ: смѣшанности племенъ въ Козарскомъ царствѣ соотвѣтствовало смѣшеніе религіи; здѣсь уживались другъ подлѣ друга четыре религіи: языческая, магометанская, христіанская, еврейская, и послѣднюю исповѣдывалъ каганъ, верховый повелитель Козаровъ,—примѣръ единственный въ исторіи [4]). Еще во II вѣкѣ по Р. Х. армянскіе историки упоминаютъ о Козарахъ; Византійцы хорошо знаютъ ихъ въ VII вѣкѣ подъ именемъ восточныхъ Турокъ; въ этомъ вѣкѣ они утверждаются на берегахъ Понта, въ VIII овладѣваютъ большею частію Тавриды; въ какое время принуждены были имъ платить дань юго-восточныя славянскія племена—опредѣлить нельзя; лѣтописецъ говоритъ только, что Козары брали дань на Полянахъ, Сѣверянахъ, Радимичахъ и Вятичахъ. Мы назвали Козаръ степнымъ народомъ потому, что хотя у нихъ и были города, какъ напримѣръ

---

[1]) Iordanis, de reb. Get. c. 48.

[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 5.

[3]) Stritter, Memor. Popul. 1.

[4]) Fraehn — De Chasaris, p. 15: Duplex eorum genus exstat. Alteri nomen est Kara Chasar (i. e. Chasari nigri); hi fusco colore sunt, sed propter fusci intensionem ad nidredinem vergente, ita ut species Indorum esse videatur. Genus alterum albo colore est atque pulchritudine et forma insigne. Доказательства, взятыя отъ языка, свидѣтельствуютъ преимущественно въ пользу смѣшенія турецкаго съ финскимъ племенемъ, см. Клапрота (Mémoires relatifs à l'Asie, p. 155); Френа (Mémoir. de l'Academie de S.-Petersb. 1832, p. 548); Григорьева — Обзоръ политической исторіи Хозаровъ. 1835; Языкова – Опытъ исторіи Козаровъ (въ Трудахъ Императорской Россійской Академіи, ч. I, 1840 года); Kunik— Die Berufung der Schwedischen Rodsen, II, S. 247 et squ. — Въ религіозномъ отношеніи замѣчателенъ слѣдующій поступокъ Когана (Fraehn—de Chas. p. 18): «Anno trecentesimo decimo (=922 p. C.) Rex, accepto nuncio Muhammedanos ecclesiam (Christianam), quae in terra Babundsch, erat, diruisse, turrim (templi muhammedani) destrui praeconesque sacros morte affici jussit, addens: nisi timerem, ut in Muhammedanorum terris ulla superstes relinqueretur ecclesia, ipsum hoc templum etiam destruerem».

Итиль при устьи Волги, но большинство народонаселенія жило въ кибиткахъ, немногіе богатые имѣли глиняныя мазанки, и только у кагана были высокія кирпичныя хоромы. Лѣтомъ городъ пустѣлъ: жители забирали имѣніе и откочевывали въ степь.

Но въ то время, какъ Азіатцы, жившие на Дону и Волгѣ, брали дань съ племенъ славянскихъ, жившихъ преимущественно на востокъ до Днѣпра, племена, жившія отъ него къ сѣверу, платили дань Варягамъ. Кто же были эти Варяги?— Здѣсь, прежде нежели приступимъ къ разбору лѣтописныхъ свидѣтельствъ о Варягахъ, считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о географическихъ понятіяхъ лѣтописца, восколько они разнятся отъ нашихъ. Разница состоитъ въ томъ, что Балтійское или Варяжское море, по лѣтописцу, находится не на сѣверо-западѣ, но прямо на сѣверѣ; это видно изъ описанія рѣчныхъ теченій: «Днѣпръ бо потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечетъ на полъдне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идетъ на полунощье, и внадеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на Востокъ». Вслѣдствіе такого взгляда становится понятнымъ, какъ Варяги, присѣдя къ морю Варяжскому, могутъ въ то же время соприкасаться съ востокомъ, предѣломъ Симовымъ. Скандинавскій полуостровъ мы должны положить поперекъ, Балтійское (Варяжское) море будетъ находиться прямо на сѣверъ отъ русскихъ владѣній, составлять одно съ Нѣмецкимъ, это будетъ огромный рукавъ Атлантическаго океана, совершенно въ видѣ Средиземнаго моря, при чемъ сѣверный Скандинавскій берегъ Варяжскаго моря будетъ соотвѣтствовать европейскому берегу Средиземнаго, южный берегъ Варяжскаго—африканскому берегу Средиземнаго; слѣд. Скандинавскій перешеекъ, подобно Суецкому, долженъ находиться на востокѣ, около Аральскихъ горъ, соприкасаться съ частью Симовою [1]). Кончивъ перечисленіе народовъ по Византійцу Амартолу - Симитовъ, Хамитовъ и Яфетитовъ, русскій лѣтописецъ прибавляетъ отъ себя перечисленіе сѣверныхъ народовъ, которыхъ не нашелъ у Грека: также въ Яфетовой части, говоритъ онъ, сидятъ: Русь—здѣсь подъ этимъ именемъ лѣтописецъ разумѣетъ всѣ славянскія племена, находящіяся подъ властью русскихъ князей; потомъ перечисляетъ чужіе народы, племени финскаго и латышскаго, которые въ его время давали дань Руси: Чудь, Меря, Мурома, Весь, Мордва, Заволоцкая Чудь, Пермь, Печора, Ямь, Угра, Литва, Зимѣгола, Корсь, Сѣтгола, Ливь. Дошедши въ этомъ перечисленіи до береговъ Балтійскаго моря, лѣтописецъ переходитъ къ независимымъ отъ Руси разноплеменнымъ народамъ, обитавшимъ на берегахъ его: Ляхи, Пруссы, Чудь живутъ на берегахъ моря Варяжскаго, говоритъ онъ. Здѣсь онъ идетъ вѣрно отъ запада къ востоку, или сѣверо-востоку, разумѣя подъ прибрежными Ляхами Поморянъ, отъ нихъ къ востоку помѣщая Пруссовъ, потомъ Чудь, т.-е. финскія племена, живущія въ нынѣшнихъ остзейскихъ провинціяхъ, Ингерманландіи и Финляндіи. Идя далѣе къ сѣверо-востоку, лѣтописецъ, по своимъ понятіямъ, переходитъ на противоположный, сѣверный, скандинавскій берегъ Балтійскаго моря, и говоритъ, что по Варяжскому же морю сидятъ Варяги—вотъ сюда къ востоку, до предѣла Симова; по тому же морю сидятъ и къ западу, до Земли Англійской и Волошской. Не останавливаясь здѣсь, лѣтописецъ хочетъ перечислять всѣ европейскіе народы, принадлежащіе къ племени Іафетову, и начинаетъ такъ свое перечисленіе: Варяги, Свеи (Шведы), Урмане (Норвежцы), Готѣ (Русь по нѣкотор. списк.), Агняне (Англичане), Галичане (быть можеть, жители Валлиса, pays des Gals), Волхъва (вѣроятно общее названіе романскихъ народовъ), Римляне, Нѣмцы, Корлязи (быть можетъ, Французы, западные Каролинги, какъ думаетъ Кругъ), Веньдицы (Венеціане), Фрягове, (кажется, въ тѣсномъ смыслѣ, Генуезцы). Слѣдовательно, кого же лѣтописецъ разумѣетъ подъ именемъ Варяговъ? Ясно, что это имя у него есть общее: Варяги живутъ по Балтійскому морю къ востоку, до предѣла Симова, и къ западу, по тому же морю живутъ до Земли Англійской: вотъ границы Варяговъ! Мы знаемъ, и лѣтописецъ знаетъ, что въ этихъ предѣлахъ живутъ Шведы, Норвежцы, Готы: лѣтописецъ ихъ именно и называетъ до Англичанъ. Итакъ Варяги лѣтописца суть Скандинавы; если скажутъ, что лѣтописецъ разумѣлъ также южный берегъ Балтійскаго моря, гдѣ жили и Славяне, то онъ уже назвалъ ихъ прежде—«Ляхове, Пруси и Чудь присѣдять морю Варяжскому», и потомъ совершенно молчитъ о нихъ при исчисленіи народовъ варяжскихъ. Второе мѣсто лѣтописи: послы отъ соединенныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ пошли за море къ Варягамъ-Руси: эти Варяги, прибавляетъ лѣтописецъ, зовутся Русь, точно такъ, какъ другіе Варяги зовутся Шведами, иные Норвежцами, Англичанами, Готами [2]).

На приведенныхъ мѣстахъ лѣтописи [3]) основы-

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 2, 3. — Fraehn-Ibn-Fozlans und anderer Araber Berichte, S. 182, 183, 198. Арабскій писатель Бируни (X—XI в.) продолжаетъ Варяжское море до области Булгаръ, а Дшардшани (1409 г.) до китайскихъ границъ.

[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 8. — Что касается Земли Англійской, то ея названіе не можетъ вводить въ сомнѣніе, ибо съ одной стороны Варяги-Норманны живутъ собственно до Англійской Земли; но, съ другой стороны, они издавна поселились на берегахъ Англіи, завоевали ее, наконецъ завоевали окончательно изъ Нормандіи Французской; наконецъ, что кажется намъ всего вѣроятнѣе, лѣтописецъ смѣшиваетъ древнія жилища Англовъ съ новыми въ Британіи, смѣшиваетъ и Датчанъ съ Англичанами вслѣдствіе тѣсной, постоянной связи, которая издавна существовала между этими двумя народами.

[3]) Говорю на приведенныхъ мѣстахъ только потому, что изъ другихъ мѣстъ лѣтописи, гдѣ упоминаются Варяги, нѣкоторыя важны только для показанія, что Варяги жили на берегахъ Балтійскаго моря, но нисколько не могутъ противорѣчить тому мнѣнію, что подъ Варягами разумѣютъ ся всѣ Прибалтійскіе жители, слѣдовательно и Славяне

вается мнѣніе о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ Руси, и основывается крѣпко; вотъ почему это мнѣніе древнѣйшее, древнѣйшее въ наукѣ, древнѣйшее въ народѣ [1]). Свидѣтельство русскаго лѣтописца подтверждается свидѣтельствами иностранными: извѣстіемъ, находящимся въ бертинскихъ лѣтописяхъ, что народъ Росъ принадлежитъ къ племени Свеоновъ [2]); извѣстіемъ Ліутпранда, епископа Кремонскаго, о тождествѣ Руссовъ съ Норманами [3]); извѣстіемъ арабскихъ писателей о нетождествѣ Варяговъ, Руси и Славянъ [4]). Подлѣ этого мнѣнія, основаннаго на очевидности, нѣкоторые хотѣли и хотятъ дать мѣсто предположенію, что князья варяго-русскіе и дружины ихъ были происхожденія славянскаго, и указываютъ преимущественно на Поморье (Померанію), какъ на мѣсто, откуда могъ быть вызванъ Рюрикъ съ братьями: но для чего нужно подобное предположеніе въ наукѣ? [5]) Существуютъ ли въ нашей древней исторіи такія явленія, которыхъ никакъ нельзя объяснить безъ него? Такихъ явленій мы не видимъ. Скажутъ: Славяне должны были обратиться къ своимъ же Славянамъ, не могли призывать чужихъ;—но имѣетъ ли право историкъ настоящія понятія о національности приписывать предкамъ нашимъ IX-го вѣка? Мы видимъ, что племена германское и славянское, чѣмъ ближе къ языческой древности, тѣмъ сходнѣе между собою въ понятіяхъ религіозныхъ, нравахъ, обычаяхъ; исторія не провела еще между ними рѣзкихъ разграничивающихъ линій, ихъ національности еще не выработались, а потому не могло быть и сильныхъ національныхъ отвращеній. Послѣдующая наша исторія объясняетъ какъ нельзя лучше призваніе варяжскихъ князей: послѣ Новгородцы и Псковитяне охотно принимаютъ къ себѣ на столы князей литовскихъ; да и вообще въ нашихъ предкахъ мы не замѣчаемъ вовсе національной нетерпимости: Нѣмецъ, Ляхъ, Татаринъ, Бурятъ становились полноправными членами русскаго общества, если только принимали христіанство по ученію православной церкви,—это была единственная основа національнаго различія, за которую наши предки держались крѣпко; но въ половинѣ IX-го вѣка ея не существовало; поклонникъ Тора такъ легко становился поклонникомъ Перуна, потому что различіе было только въ названіяхъ. Съ другой стороны, съ Варягами скандинавскими у нашихъ сѣверныхъ Славянъ была связь издавна, издавна были они знакомы другъ съ другомъ. Наконецъ, если бы Новгородцы и Кривичи, по нашимъ настоящимъ понятіямъ, непремѣнно хотѣли имѣть своимъ княземъ Славянина, то не надобно забывать, что въ союзѣ съ ними были племена финскія, у которыхъ не могло быть этого желанія.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ еще о значеніи названій—Варяги и Русь. Сличивъ различныя толкованія ученыхъ, можно вывести вѣрное заключеніе, что подъ именемъ Варяговъ разумѣлись дружины, составленныя изъ людей, волею или неволею покинувшихъ свое отечество и принужденныхъ искать счастія на моряхъ или въ странахъ чуждыхъ [6]); это названіе, какъ видно, образовалось на западѣ, у племенъ германскихъ; на

---

[1]) Новгородцы, снесясь съ Шведскимъ королемъ объ избраніи брата его на русскій престолъ, говорили: «А прежніе государи наши и корень ихъ царской отъ нихъ же Варяжскаго княженія, отъ Рюрика и до великаго государя Ѳедора Ивановича былъ». Дополн. къ акт. истор., т. I, № 162.

[2]) Anal. Bertin an. 8 — 39; ap. Murator. scriptor rer. Ital., t. II, p. 525.

[3]) Histor. c. 46.

[4]) См. у Fraehn Ibn-Fazlans etc.

[5]) Извѣстія другихъ Византійцевъ только не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ: Варягами въ Византіи назывались дружины изъ пришлецовъ съ далекаго сѣвера, съ острова Туле, это впрочемъ не противорѣчитъ мнѣнію, что у другихъ народовъ Варягами могли называться и другіе жители Сѣвера, иного происхожденія, чѣмъ Скандинавы; если въ дружинахъ съ Туле были Славяне сѣверные, то Византіецъ не имѣлъ обязанности упоминать объ этомъ обстоятельствѣ: мы знаемъ неточность Византійцевъ относительно этнографическихъ опредѣленій, и знаемъ различіе между южными, извѣстными Византійцамъ, Славянами и сѣверными.—Позднѣйшія извѣстія нашихъ лѣтописей, гдѣ подъ Варягами разумѣются Скандинавы, Нѣмцы, также не противорѣчатъ мнѣнію о скандинавскомъ происхожденіи Варяговъ, не противорѣчатъ мнѣнію и о славянскомъ: сперва подъ Варягами могли разумѣться всѣ жители Балтійскаго прибережія; потомъ, съ принятія христіанства, начало господствовать различіе религіозное, и Варягами на сѣверѣ начали называть тѣхъ, кого на югѣ разумѣли подъ Латинами, то-есть всѣхъ не греческаго закона, всѣхъ безъ различія происхожденія; наконецъ онѣмеченіе Славянъ прибалтійскихъ заставило считать Нѣмцами всѣ народы сѣверо-западной Европы, носившіе прежде имя Варяговъ.

[6]) Warg, иначе wrag, въ западной Европѣ среднихъ вѣковъ означалъ изгнанника, изверженнаго изъ извѣстнаго округа, exul, pago expulsus; подобный человѣкъ у Англо-Саксовъ называется wraecca, въ законѣ салическомъ wargus. Послѣ этого названіе начало означать изгнанника и преступника вмѣстѣ: отсюда у Готѳовъ—wargjan condemnare, exterminare, tractare ut sceleratum; у Шведовъ werg значитъ волкъ, какъ разбойникъ между звѣрями; wrang trux ferox. Итакъ, wrag, vraec, vrang древнихъ Германцевъ, warg, frec, frank новыхъ было однозначительно съ англосаксонскимъ utlagh; warg, wrag значилъ волкъ, разбойникъ или изгнанникъ на всѣхъ языкахъ Сѣвера (ср. славянское врагъ, финское waras). Будемъ ли смотрѣть на Варяговъ какъ на Βάραγγοι φοιδεράτοι Waeringar; будемъ ли производить слово отъ var война, или отъ славянскаго варяю и сравнивать съ Δρομῖται; будемъ ли указывать на древанское warang—мечъ,—заключеніе будетъ одно, что Варягъ означалъ дружинника, воина по преимуществу, и извѣстно, что въ средніе вѣка дружины составлялись преимущественно изъ людей, носившихъ названіе wargus. слѣдовательно, если бы даже между этими двумя словами не было связи филологической, то есть историческая.—Кругъ производитъ Варяговъ отъ варяю и сравниваетъ съ Δρομῖται. Третьяковскій уже давно производилъ отъ варяю только въ смыслѣ предварители старожилы. Максимовичъ считатъ warang русскимъ врагъ, но объ этомъ сближеніи уже давно писалъ монахъ Кульчинскій въ своемъ сочиненіи: Specimen ecclesiae Ruthenicae. Отъ значенія изгнанника легкій переходъ къ значенію скитальца, пришельца, чужаго: «Omnes verangangi, qui de exteris finibus in regni nostri finibus advenerint, seque sub scuto potestatis nostrae subdiderint, legibus nostris Langobardorum vivere debeant, nisi legem suam a pietate nostra meruerint». Edict. regis Retharis. стр. 300.

востокѣ, у племенъ славянскихъ, финскихъ, у Грековъ и Арабовъ такимъ же общимъ названіемъ для подобныхъ дружинъ было Русь (Росъ), означая, какъ видно, людей—мореплавателей, приходящихъ на корабляхъ, моремъ, входящихъ по рѣкамъ внутрь странъ, живущихъ по берегамъ морскимъ [1]). Прибавимъ сюда, что названіе Русь было гораздо болѣе распространено на югѣ, чѣмъ на сѣверѣ, и что, по всѣмъ вѣроятностямъ, Русь на берегахъ Чернаго моря была извѣстна прежде половины IX-го вѣка, прежде прибытія Рюрика съ братьями [2]).

Таковы, по нашему мнѣнію, вѣроятнѣйшіе выводы, какіе можно добыть изъ многочисленныхъ толковъ о Варягахъ и Руси.

Глава IV.

Призваніе Варяговъ-Руси сѣверными племенами славянскими и финскими. — Слѣдствія этого явленія. — Обзоръ состоянія европейскихъ народовъ, преимущественно славянскихъ, въ половинѣ IX вѣка.

Мы видѣли, что въ половинѣ IX вѣка область нынѣшней Россіи, вслѣдствіе природнаго вліянія, раздѣлялась главнымъ образомъ на двѣ части: племена, жившія на юго-востокѣ, находились въ подчиненности отъ азіатскаго племени, стоявшаго лагеремъ на Дону и Волгѣ; племена, жившія на сѣверо-западѣ, должны были подчиняться знаменитымъ морскимъ королямъ, предводителямъ европейскихъ дружинъ, вышедшихъ съ береговъ Скандинавіи: „Брали дань Варяги изъ-за моря на Чуди, Славянахъ Новгородскихъ, Мери, Веси, на Кривичахъ [3]), а Козары брали на Полянахъ, Сѣверя-

[1]) Византіецъ Симеонъ Логоѳетъ объясняетъ прямо слово: Ρῶς словомъ Δρομῖται, а δρομῖται происходитъ отъ δρόμων—корабль. Корень слова съ приведеннымъ значеніемъ найдемъ въ языкахъ славянскомъ, германскомъ, финскомъ и другихъ многихъ; мѣстныхъ названій, подобнымъ образомъ звучащихъ, найдемъ много, но не думаемъ, чтобы изслѣдователь имѣлъ право выводить дружину Рюрика непремѣнно изъ какого-нибудь подобнаго мѣста.

[2]) Арабскій писатель Табари (Dorn, Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker, Mémoires de l'Academie des sciences de S.Pétersbourg t. IV, 1841; t. VI. 1844) упоминаетъ о Руссахъ вмѣстѣ съ Козарами подъ 642 годомъ по Р. Хр.—Обыкновенно думаютъ, что Греки въ первый разъ познакомились съ Руссами только послѣ Аскольдова похода; но могъ ли патріархъ Фотій, въ окружномъ посланіи своемъ 867 года, отзываться о Руссахъ такимъ образомъ: Τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον? Въ Паралипоменонѣ Зонары жительство Руссовъ полагается на берегахъ Чернаго моря (Чтенія Москов. Истор. Общ. годъ третій, № 1); тамъ же полагаютъ Русь и арабскіе писатели Fraehn-ibn-Foszlan Berichte): по Муккадези, Руссы живутъ на островѣ Вабія; число ихъ простирается до 100.000; у нихъ нѣтъ ни хлѣбопашества, ни скотоводства. По словамъ Димешки, Руссы получили свое имя отъ города Руси (Rusija), находящагося на сѣверномъ берегу названнаго отъ нихъ моря, то есть Чернаго. На этомъ морѣ семь острововъ, обитаемыхъ разбойниками Руссами. Едризи упоминаетъ также о городѣ Русѣ: „Отъ города Матехры до города Руси 27 миль; послѣдній лежитъ на большой рѣкѣ, вытекающей изъ горы Кукайя“. По Али бенъ-Саидъ-Махреби Русія, главный городъ Руссовъ, находится на берегахъ Азовскаго моря. Ибнъ-ель-Варди, при исчисленіи городовъ на Черномъ морѣ, называетъ Руссія. Такія согласныя свидѣтельства оспаривать трудно, а главное—нѣтъ нужды: древнее пребываніе Руссовъ на Черномъ морѣ только объяснитъ намъ нѣкоторыя лѣтописныя извѣстія, не противорѣча ни одному изъ нихъ.—Недавно г. Гедеоновъ снова поднялъ вопросъ о славянскомъ происхожденіи Варяговъ-Руси (Отрывки изъ изслѣдованій о Варяжскомъ вопросѣ, приложеніе къ 1-му тому Записокъ Импер. Академіи Наукъ, № 3). Изслѣдованія его замѣчательны своею отрицательною стороною, гдѣ онъ опровергаетъ нѣкоторыя мнѣнія ученыхъ, держащихся скандинавскаго происхожденія Варяговъ-Руси; но положительная сторона изслѣдованія не представляетъ ничего, на чемъ бы можно было остановиться. Г. Гедеонову принадлежитъ честь за то, что онъ заставляетъ начальнаго лѣтописца указывать на славянское происхожденіе Варяговъ-Руси, признаетъ, что лѣтописецъ подъ Варягами-Русью не разумѣлъ Славянъ, и отвергаетъ свидѣтельство лѣтописца, какъ невѣрное. Но вопросъ о невѣрности показаній лѣтописца не рѣшенъ въ изслѣдованіи, а безъ этого рѣшенія дѣло не подвинется ни на шагъ въ пользу противниковъ мнѣнія о неславянскомъ происхожденіи Руси. То же должно сказать и объ изслѣдованіяхъ г. Иловайскаго. Я уже показалъ въ своемъ мѣстѣ (въ изслѣдованіи о лѣтописи, III-й томъ Исторіи Россіи), что извѣстія о призваніи князей никакъ нельзя соединять съ хронологическими показаніями лѣтописи, что хронологія надана впослѣдствіи произвольно, по соображенію съ греческими источниками; въ извѣстіяхъ же о призваніи князей и первоначальной ихъ дѣятельности нѣтъ возможности найти систему или какое-нибудь мудрованіе. Затрудняться вопросомъ, откуда начальный лѣтописецъ почерпнулъ извѣстіе о призваніи, не слѣдуетъ; можно ли предположить, что сыновья Ярослава, правнуки Рюрикова внука, забыли о своемъ происхожденіи, объ обстоятельствахъ появленія своего предка въ странѣ, ими владѣемой, забыли, когда еще находились въ-живымъ люди, помнившіе крещеніе Русской Земли, помнившіе правнука Рюрикова?

[3]) Въ лѣтописи: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ“. Вмѣсто всѣхъ Кривичѣхъ я читаю Веси и Кривичѣхъ,—ибо если Меря платила дань, то не могла не платить Весь; что Весь платила дань и потомъ участвовала въ призваніи князей, доказательствомъ служитъ поселеніе у нея на Бѣлоозерѣ одного изъ братьевъ—Синеуса; потомъ, какъ видно, всѣ племена, платившія дань Варягамъ, вошли въ составъ Рюрикова владѣнія; но не всѣ Кривичи вошли сюда, ибо Смоленскъ былъ взятъ только при Олегѣ. Что касается до Чуди, то подъ этимъ именемъ должно разумѣть Вотъ, или Водь, жителей древней Вожской Пятины въ Новгородской области, которыхъ и теперь русскіе сосѣди ихъ не иначе называютъ какъ Чудью. См. Koeppen, Ethnographischer Ausflug in einige Kreise des St.-Petesburgischen Gouvernements въ Mélanges russes, T. I, 2 livr. 1849.

вахъ, Радимичахъ и Вятичахъ, брали по горностаю [1]) и бѣлкѣ отъ дыма" [2]). Лѣтописецъ говоритъ о Варягахъ, что они просто брали дань, а о Козарахъ, что они брали по горностаю и бѣлкѣ, — знакъ, что о дѣлахъ на югѣ лѣтописецъ имѣлъ подробнѣйшія свѣдѣнія, чѣмъ о событіяхъ на сѣверѣ. Далѣе, подъ 862 годомъ, лѣтописецъ говоритъ, что племена, платившія дань Варягамъ, изгнали послѣднихъ за море, не дали имъ дани, и начали сами у себя владѣть. Изъ этихъ словъ должно заключить, что Варяги не брали только дань съ сѣверныхъ племенъ, но владѣли у нихъ; иначе лѣтописецъ не могъ сказать, что послѣ ихъ изгнанія племена начали сами у себя владѣть, и владѣли дурно, не могли установить внутренняго порядка: не было между ними правды, продолжаетъ лѣтописецъ, всталъ родъ на родъ, начались усобицы. Въ такихъ обстоятельствахъ племена собрались и сказали: „Поищемъ себѣ князя, который бы владѣлъ нами и судилъ по праву". Порѣшивши такъ, пошли они за море къ Варягамъ, къ Руси, и сказали имъ: „Земля наша велика и обильна, а порядка въ ней нѣтъ: приходите княжить и владѣть нами". Собрались три брата съ родичами своими, взяли съ собой всю Русь и пришли.

При изображеніи нравовъ и обычаевъ Славянъ вообще, замѣчено уже было, что родовой бытъ условливалъ между ними вражду, на которую такъ прямо указываютъ писатели иностранные, знавшіе Славянъ; нашъ лѣтописецъ подтверждаетъ ихъ показанія; какъ скоро, говоритъ онъ: племена начали владѣть сами собою, то не стало у нихъ правды, то-есть безпристрастнаго рѣшенія споровъ; не было у нихъ устава, который бы всѣ согласились исполнять; не было власти, которая бы принудила ослушниковъ къ исполненію принятаго устава. При столкновеніяхъ между родами, при общихъ дѣлахъ рѣшителями споровъ долженствовали быть старшины родовъ. Но могли ли они рѣшать споры безпристрастно? Каждый старшина былъ представителемъ своего рода, блюстителемъ его выгодъ: при враждебныхъ столкновеніяхъ между членами родовъ, каждый старшина обязанъ былъ не выдавать своего родича; кто будетъ посредникомъ въ распрѣ между старшинами? Разумѣется, для ея рѣшенія родъ долженъ встать на родъ, и сила должна утвердить право. Исторія племени и города, которые имѣли такое важное значеніе въ описываемыхъ событіяхъ, исторія Славянъ Ильменскихъ, Новгорода Великаго, представляетъ лучшее доказательство сказанному. Съ теченіемъ времени, родовыя отношенія здѣсь исчезли; но концы съ своими старостами напоминали о родахъ, изъ которыхъ могло составиться первоначальное народонаселеніе [3]), и вражда между концами заступила мѣсто родовой вражды: какъ прежде возставалъ родъ на родъ, такъ послѣ возставалъ конецъ на конецъ, остальные брали сторону того или другого, а иногда оставались спокойными зрителями борьбы. Роды, столкнувшіеся на одномъ мѣстѣ и по тому самому стремившіеся къ жизни гражданской, къ опредѣленію отношеній между собою, должны были искать силы, которая внесла бы къ нимъ миръ, нарядъ, должны были искать правительства, которое было бы чуждо родовыхъ отношеній, посредника въ спорахъ безпристрастнаго, однимъ словомъ—т р е т ь я г о с у д ь ю, а такимъ могъ быть только князь изъ чужого рода [4]). Установленіе наряда, нарушеннаго усобицами родовъ, было главною единственною цѣлію призванія князей; на нее лѣтописецъ прямо и ясно указываетъ, не упоминая ни о какихъ другихъ побужденіяхъ, и это указаніе лѣтописца совершенно согласно со всѣми обстоятельствами, такъ что мы не имѣемъ никакого права дѣлать свои предположенія. Но кромѣ прямого и яснаго свидѣтельства лѣтописца, призваніе князей, какъ нельзя лучше, объясняется рядомъ подобныхъ явленій въ послѣдующей исторіи Новгорода. Лѣтописецъ начальный говоритъ, что Варяги были изгнаны и потомъ снова призваны; лѣтописцы позднѣйшіе говорятъ, что какъ скоро одинъ князь былъ изгоняемъ или самъ удалялся изъ Новгорода, то граждане послѣдняго немедленно посылали за другимъ: они не терпѣли жить безъ князя, по выраженію лѣтописца [5]); есть извѣстіе, что одинъ изъ великихъ князей хотѣлъ наказать Новгородцевъ тѣмъ, что долго не посылалъ къ нимъ князя [6]). У внука Рюрикова Новгородцы просятъ князя, и, въ случаѣ отказа, грозятъ найти другого. Вотъ что сказали они однажды сыну великаго князя Ростислава Мстиславича: „Не хотимъ тебя; мы призвали твоего отца для установленія наряда, а онъ вмѣсто того усилилъ безпокойства" [7]). Сравнимъ теперь это свидѣтель-

---

[1]) Г. П. Савельевъ справедливо замѣтилъ: „Слово б ѣ л к а показываетъ, что оно только въ позднѣйшее время перенесено на звѣря, котораго мы теперь такъ называемъ и который никогда не бываетъ бѣлымъ, говоря, что" Хозары имаху на Полянѣхъ и на Сѣверехъ и на Вятичѣхъ по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма", Несторъ разумѣлъ конечно вѣкшъ, а не горностаевъ".—Мухаммедан. Нумизмат. стр. CCVII.

[2]) Дымъ означаетъ обитаемое жилище, гдѣ топятъ, слѣдовательно живутъ; домъ просто еще ничего не значилъ, нужно, чтобъ онъ былъ обитаемъ; важенъ былъ признакъ обитаемости—дымъ. Былъ обычай для наказанія или вынужденія чего-нибудь разламывать печь, и такимъ образомъ дѣлать домъ неудобнымъ къ обитанію; отсюда важность печи, очага въ домѣ.

[3]) См. мое изслѣдованіе: Объ отношеніяхъ Новгорода къ великимъ князьямъ, стр. 7. 8. См. также Studien zur Gründliche Kenntniss der Vorzeit Russlands, S. 304.—Пиша мое изслѣдованіе о Новгородѣ, я не могъ достать изслѣдованія Неймана о томъ же предметѣ, помѣщеннаго въ названной книгѣ, которая составляетъ библіографическую рѣдкость. Послѣ, доставши книгу, я нашелъ, что во многомъ сошелся съ мнѣніями Неймана, и потому теперь спѣшу возвратить ему честь первенства.

[4]) Никон. I, 14. „Потомъ же Славяне, Чудь и Кривичи и проч., видяще великое нестроеніе въ землѣ своей, пріидоша въ чувство и совѣтъ сотвориша, еже избрати себѣ князя отъ иного рода".

[5]) Полн. Собр. Р. Лѣт. II, стр. 17.

[6]) Тамъ же.

[7]) Тамъ же, Т. III, стр. 11. Возражаютъ: если Новго-

ство съ извѣстіемъ о призваніи первыхъ князей, и увидимъ, что цѣль призванія одна и та же въ обоихъ случаяхъ: князь призывается для установленія наряда внутренняго, какъ судья, миротворецъ.

Обратимъ теперь вниманіе на нѣкоторыя другія обстоятельства, встрѣчающіяся въ лѣтописи при разсказѣ о призваніи князей [1]). Первое обстоятельство—это соединеніе племенъ славянскихъ и финскихъ; что произвело этотъ союзъ? Безъ всякаго сомнѣнія, означенныя племена были приведены въ связь завоеваніемъ варяжскимъ, какъ впослѣдствіи остальныя разрозненныя славянскія племена были приведены въ связь князьями изъ дома Рюрикова. Эта тѣсная связь между Чудью, Весью, Славянами Ильменскими и Кривичами выразилась въ дружномъ изгнаніи Варяговъ и потомъ въ призваніи князей. Этому же завоеванію, этому столкновенію съ чуждымъ началомъ сѣверныя племена были обязаны, по всѣмъ вѣроятностямъ, и относительно большею степенью общественнаго развитія, или, по крайней мѣрѣ, стремленія къ нему: послѣ изгнанія Варяговъ, они не хотятъ возвратиться къ разрозненному родовому быту, и, не видя выхода изъ него при эгоизмѣ родовъ, соглашаются призвать власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужого рода. Эта большая степень общественнаго развитія у сѣверныхъ племенъ ясно окажется впослѣдствіи: мы увидимъ, что сѣверныя племена будутъ постоянно торжествовать надъ южными. Второе обстоятельство въ разсказѣ о призваніи князей—это ихъ разселеніе: старшій братъ, Рюрикъ, поселился у Славянъ Ильменскихъ, второй—Синеусъ—между Чудью и Весью на Бѣлѣозерѣ, третій—Труворъ—у Кривичей въ Изборскѣ. Но касательно города, въ которомъ сѣлъ сначала Рюрикъ, чтенія списковъ лѣтописи разногласятъ: одни говорятъ въ Новгородѣ, другія въ Ладогѣ. По извѣстному правилу, что труднѣйшее чтеніе предпочитается легчайшему, особенно если оно находится въ большемъ числѣ лучшихъ списковъ, мы должны принять извѣстіе о Ладогѣ [2]). Почему Рюрикъ избралъ Ладогу, а не Новгородъ, объясненіе найти не трудно: положеніе Ладоги относительно начала великаго воднаго пути, отно-

---

родцы призвали первыхъ князей для наряда внутренняго, какъ судей, то Рюрикъ не сѣлъ бы въ Ладогѣ.—Но какое право имѣетъ историкъ непремѣнно предполагать, что Новгородъ въ это время имѣлъ то же значеніе, какое послѣ? Лѣтописецъ, говоря о призваніи князей, упоминаетъ постоянно названіе племени—Словене, не говоря ни слова о Новгородѣ, чего не могъ бы онъ сдѣлать, если бы Новгородъ и тогда уже имѣлъ первенствующее значеніе. См. стр. 98.

[1]) Можно было бы объяснить явленіе такимъ образомъ: въ выраженіи—всталъ родъ на родъ,—подъ родомъ разумѣть отдѣльныя племена—Чудь, Славянъ Ильменскихъ, Кривичей; эти племена, покорныя Варягамъ, какъ скоро освободились, то завели усобицы, для прекращенія которыхъ не нашли другого средства, какъ подчиниться князю изъ чужого рода, ибо въ противномъ случаѣ Варяги снова могли бы легко подчинить себѣ враждующія племена.—Но, во-первыхъ, странно было бы предположить, чтобъ отдѣльныя племена, имѣя крѣпкое удовлетворительное внутреннее устройство, захотѣли подчиниться чуждой власти потому только, что не могли сладить съ сосѣдями. Это было бы дѣйствительно примѣръ неслыханный въ исторіи: если Новгородцы поссорились съ Чудью, напримѣръ, и начали усобицу,—положимъ даже, что въ одно время они начали усобицу съ Кривичами, то соединенные Кривичи и Чудь, конечно, могли заставить Новгородцевъ уступить ихъ желанію и безъ призыва чуждой силы; далѣе, могли ли племена, говоря о взаимныхъ войнахъ своихъ другъ съ другомъ, сказать, что во всей ихъ землѣ нѣтъ наряда, если бы внутри каждаго племени онъ былъ? Наконецъ, что всего важнѣе, мы видимъ изъ послѣдующей исторіи, что въ Новгородѣ напримѣръ князь былъ необходимъ для установленія внутренняго наряда, а не для соглашенія съ сосѣдями; замѣтимъ, что относительно послѣднихъ и вообще чужихъ народовъ Новгородцы вели себя обыкновенно очень осторожно, миролюбиво, старались сколько можно болѣе избѣгать враждебныхъ столкновеній.—Предполагать новое завоеваніе историкъ не имѣетъ никакого права, ибо это значило бы строить исторію, не обращая никакого вниманія на свидѣтельство лѣтописца.—Нѣкоторые изслѣдователи объясняютъ призваніе необходимостію внѣшней защиты для призвавшихъ племенъ; такъ г. Погодинъ, согласно съ Миллеромъ и Шлецеромъ, говоритъ (Изсл. Зам. и Лекц. III, стр. 57): «Главная цѣль Новгородцевъ была—имѣть защитниковъ отъ Варяговъ, которые всегда могли грозить ихъ землѣ. Доказательство: къ нимъ пошло цѣлое колѣно—войско. Для чего бы Новгородцамъ въ противномъ случаѣ брать себѣ на содержаніе столько народа? Звать цѣлое войско княжить—нелѣпость. Если бъ имъ нуженъ былъ только князь, то взяли бы его одного безъ его племени. Но они звали князей вслѣдствіе междоусобія? Междоусобіе началось у нихъ по изгнаніи Варяговъ, вслѣдствіе перваго общаго дѣйствія, какъ догадывался и Шлецеръ, потому, можетъ быть, что всякое племя желало первенствовать; прекратить междоусобіе—это была временная нужда, а безопасность—всегдашняя». Отвѣчаемъ: къ нимъ пошло цѣлое колѣно—войско, говоритъ г. Погодинъ; но извѣстно ли намъ число людей, пришедшихъ съ Рюрикомъ? Развѣ можно принимать буквально извѣстіе: пояша по собѣ всю Русь? Лѣтописецъ XI вѣка естественно долженъ былъ предположить, что Рюрикъ вывелъ съ собою всю Русь, зная, что Русь были Варяги, и въ то же время не будучи въ состояніи отыскать между варяжскими народами особеннаго народа Руси, подобнаго Шведамъ, Норвежцамъ, Готамъ.—«Если бъ имъ нуженъ былъ только князь, говоритъ г. Погодинъ, то взяли бы его одного безъ его племени».—Но если бы князья одни не пошли къ чужому народу, на кротость котораго, какъ видно изъ нѣкоторыхъ извѣстій, вовсе не надѣялись? «Онижъ бояхусь звѣринаго ихъ обычая и нрава, и едва избрашась три брата», читаемъ въ Никоновомъ спискѣ (1, 15).—«Прекратить междоусобіе—это была временная нужда», говоритъ г. Погодинъ.—Выше было сказано, что усобицы среди Славянъ не были случайнымъ явленіемъ, но были характеристическою чертою ихъ быта. Любопытно, что г. Погодинъ въ другомъ мѣстѣ (II, стр. 371, 373), слѣдуя Шафарику, представляетъ сварливость Славянъ, неумѣнье ужиться другъ съ другомъ. Но если бы даже междоусобіе и было случайнымъ явленіемъ, да было такъ сильно, что прекратить его не предвидѣлось никакихъ средствъ, то и тогда призваніе князей для одной цѣли внутренняго наряда будетъ понятно. Правда, что разрозненный родовой бытъ и вражда между родами препятствовали племенамъ не только дружно нападать, но даже и съ успѣхомъ защищаться отъ чуждыхъ нападеній; но это было слѣдствіемъ вражды между родами; нужно было прежде всего уничтожить эту вражду, эти усобицы, утвердить нарядъ;—тогда при общемъ согласіи и спокойствіи необходимо являлась возможность дружной и успѣшной защиты; нужно было уничтожить причину, слѣдствіе уничтожалось само собою.

[2]) См. объ этомъ статью въ Сѣверн. Арх. 1826 года,

сительно близости моря, важнѣе положенія Новгорода; Ладога находится ближе къ устью Волхова; Рюрику нужно было удержаться при непосредственномъ сообщеніи съ заморьемъ въ случаѣ, если бы дѣло его пошло не такъ успѣшно въ новой странѣ; недавнее изгнаніе Варяговъ должно было научить его осторожности; въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ сказано, что князья боялись сначала суровости призывавшихъ племенъ; съ другой стороны, Рюрику нужно было также обезопасить себя и свою область отъ нападенія другихъ Варяговъ, и вотъ онъ прежде всего строитъ крѣпость въ Ладогѣ, недалеко отъ устья Волхова, и селится здѣсь [1]). Наконецъ остается послѣдній вопросъ: какое значеніе имѣетъ призваніе Рюрика въ нашей исторіи? Призваніе первыхъ князей имѣетъ великое значеніе въ нашей исторіи, есть событіе всероссійское, и съ него справедливо начинаютъ русскую исторію. Главное, начальное явленіе въ основаніи государства,—это соединеніе разрозненныхъ племенъ чрезъ появленіе среди нихъ сосредоточивающаго начала,—власти. Сѣверныя племена, славянскія и финскія соединились и призвали къ себѣ это сосредоточивающее начало, эту власть. Здѣсь, въ средоточеніи нѣсколькихъ сѣверныхъ племенъ, положено начало сосредоточенію и всѣхъ остальныхъ племенъ, потому что призванное начало пользуется силою первыхъ сосредоточившихся племенъ, чтобы посредствомъ нихъ сосредоточивать и другія [2]): соединенныя впервые силы начинаютъ дѣйствовать.

Таково было явленіе, имѣвшее мѣсто въ сѣверо-

---

[1]) I, 8: «И придоша къ Словеномъ первѣе и срубиша городъ Ладогу, и сѣде старѣйшій въ Ладозѣ Рюрикъ».

[2]) Нѣкоторые изслѣдователи не хотятъ признавать всей важности этого событія, не хотятъ называть его всероссійскимъ. Такъ г. Погодинъ говоритъ (Изсл. З. Л. III, 69): «Событіе это, каково бы оно ни было, какую бы оно ни имѣло связь съ другими, принадлежитъ одному Новгороду. Еще болѣе: преемникъ Рюрика оставилъ тотчасъ Новгородъ, оставилъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе, то-есть Новгородцы остались платить дань Варягамъ, какъ они платили ее въ 859 году; Варяги-Русь ушли въ другую сторону, и при благопріятныхъ обстоятельствахъ удержали право новгородской дани, Новгородъ напротивъ,—отдѣлился съ самаго начала и составилъ особое цѣлое, отъ котораго черезъ сто лѣтъ отпирался уже самъ Святославъ. Это почти отрѣзанный ломоть, островъ въ русской исторіи. Въ Новгородѣ, какъ въ одной части будущаго Русскаго государства, мы видимъ теперь, при Рюрикѣ, новую гражданскую форму, и то на время, точно какъ подобная форма тогда же показалась въ Кіевѣ, или послѣ во Владимірѣ. Вотъ и все. Слѣдовательно началомъ государства этого событія съ Карамзинымъ назвать нельзя. Какъ же вѣрнѣе назвать это происшествіе? По-моему, вслѣдствіе предложенныхъ изысканій, это происшествіе должно быть названо, всего приличнѣе-вѣрнѣе, прибытіе Норманновъ въ нашу Славянскую Землю,—Норманновъ, которые впослѣдствіи, въ теченіе шести вѣковъ, ославяниваясь, будутъ давать, по мѣрѣ своего размноженія, гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ. Чѣмъ же соединяется оно, хотя нѣсколько, съ послѣдующими происшествіями? Почему начинаютъ имъ россійскую исторію? Какую долю имѣетъ это происшествіе въ основаніи Русскаго государства? Главная, существенная связь этого происшествія, связь съ будущей исторіей, есть не Новгородъ, а Рюрикъ, какъ родоначальникъ будущей династіи, государь добровольно приглашенный, слѣдовательно пришедшій съ чувствами дружелюбными, а не враждебными. Здѣсь начало династіи,—и вотъ почему преимущественно это особое событіе безсмертно въ Русской исторіи, есть часть ея. Это въ нѣкоторомъ отношеніи начало начала. Воздадимъ здѣсь честь и Новгороду, старшему сыну Россіи: онъ призвалъ того князя, котораго роду предназначено было великое дѣло—преобразовать въ гражданскомъ отношеніи весь этотъ славянскій патріархальный міръ, сообщить исподволь гражданскую форму всѣмъ частямъ Россіи, довести ее до нынѣшняго состоянія, и составить величайшее государство въ мірѣ».

Мы привели это мнѣніе для того, чтобъ его опроверженіемъ подкрѣпить наше собственное мнѣніе, высказанное въ текстѣ. Во-первыхъ, событіе призванія принадлежитъ не одному Новгороду. Если странно давать здѣсь главную роль Финнамъ, то также странно приписывать все одному Новгороду, одному племени Ильменскихъ Славянъ, не обращая вниманія ни на Чудь, ни на Кривичей, которые имѣли въ призваніи одинакое участіе. Событіе принадлежитъ слѣдовательно не Новгороду, а съ одной стороны тремъ племенамъ,—сосредоточившимся около призванной власти, и посредствомъ своего сосредоточенія давшимъ этой власти средства къ сосредоточенію остальныхъ племенъ; съ другой стороны, это событіе всероссійское, потому что здѣсь положено начало сосредоточенію и наданію гражданскихъ формъ, что съ этого времени и мѣста непрерывно продолжается въ теченіе вѣковъ. Г. Погодинъ вооружается противъ этой непрерывности, но вооружается вопреки всѣмъ свидѣтельствамъ. Онъ говоритъ, что Олегъ оставилъ Новгородъ совершенно, и всѣ дѣла пришли въ первобытное положеніе. Отвѣчаемъ: вы признаете фактъ призванія, какъ онъ разсказывается въ лѣтописи, признаете, что князь былъ необходимъ призывавшимъ, по какимъ бы то ни было причинамъ, положимъ какъ защитникъ только. Но если князь былъ необходимъ для извѣстнаго народа, и князь покинулъ этотъ народъ, то что долженъ дѣлать послѣдній? Или подвергнуться всѣмъ невыгодамъ прежняго состоянія, или призвать другого князя; Новгородъ не призываетъ новаго князя; а такъ какъ князь для него необходимъ, то слѣдовательно въ Новгородѣ остается прежній князь или его намѣстникъ. Это со стороны призвавшихъ племенъ. Теперь со стороны Олега: онъ не могъ, удаляясь на югъ, оставить сѣверный конецъ своего пути не закрѣпленнымъ для себя, слѣдовательно онъ не могъ отказаться отъ Новгорода. Мы до сихъ поръ довольствовались одними соображеніями, теперь обратимся къ свидѣтельствамъ. Олегъ оставилъ *совершенно* Новгородъ, сѣверныя племена, которыми владѣлъ Рюрикъ, а между тѣмъ, идя на югъ, онъ собираетъ войско изъ этихъ племенъ, Чуди, Славянъ, Мери, Веси, Кривичей; утвердившись на югѣ, Олегъ налагаетъ дань на эти племена, на Славянъ, Кривичей, Мерю; на Новгородцевъ налагаетъ особую дань въ пользу Варяговъ; идя въ походъ на Грековъ, собираетъ войско опять изъ этихъ же племенъ; заключая миръ съ Греками, требуетъ укладовъ на сѣверные города; Игорь собираетъ войско также изъ этихъ племенъ, Ольга ходила къ Новгороду, и установила погосты въ его области.—Г. Погодинъ видитъ въ событіи только приходъ Норманновъ въ нашу Славянскую Землю: но здѣсь дѣло не въ Норманнахъ, не въ народности пришлецовъ, но въ характерѣ, съ какимъ они пришли. Г. Погодинъ говоритъ, что Норманны, пришедши въ Новгородъ, дали ему новую гражданскую форму, и потомъ, ославяниваясь и размножаясь, будутъ давать гражданскую форму поселеніямъ племенъ славянскихъ; но въ такомъ случаѣ поселеніе Норманновъ у сѣверныхъ, первыхъ племенъ и сообщеніе имъ гражданской формы развѣ не будетъ начало исторіи и начало государства?—На стр. 74 г. Погодинъ говоритъ: «Олегъ оставилъ Новгородъ, кажется, навсегда, безъ мысли о возвращеніи. Въ противномъ случаѣ на что бы увозить ему съ собою младенца Игоря»?—Но какъ бы

восточной Европѣ въ половинѣ IX-го вѣка [1]). Въ другихъ странахъ Европы въ это время происходили также явленія великой важности. Знаменитая роль франкскаго племени и вождей его кончалась въ началѣ IX-го вѣка, когда оружіемъ Карла Великаго политическія идеи Рима и Римская церковь покорили себѣ окончательно варварскій германскій міръ, и вождь Франковъ былъ провозглашенъ Императоромъ Римскимъ. Духовное единство западной Европы было скрѣплено окончательно, съ помощію Рима; теперь выступило на сцену другое, новое начало, принесенное варварами, Германцами, на почву Имперіи; теперь начинается матеріальное распаденіе Карловой монархіи, начинаютъ вырабатываться отдѣльныя національности, начинаютъ образовываться отдѣльныя государства, члены западно-европейской конфедераціи; IX-й вѣкъ есть вѣкъ образованія государствъ какъ для восточной, такъ и для западной Европы, вѣкъ великихъ историческихъ опредѣленій, которыя дѣйствуютъ во все продолженіе новой европейской исторіи, дѣйствуютъ до сихъ поръ. Въ то время, когда на западѣ совершается трудный, болѣзненный процессъ разложенія Карловой монархіи и образованія новыхъ государствъ, новыхъ національностей, Скандинавія, старинная колыбель народовъ, высылаетъ многочисленныя толпы своихъ пиратовъ, которымъ нѣтъ мѣста на родной землѣ; но континентъ уже занятъ, Скандинавамъ уже нѣтъ болѣе возможности двигаться къ югу сухимъ путемъ, какъ двигались ихъ предшественники; имъ открыто только море, они должны довольствоваться грабежемъ, опустошеніемъ морскихъ и рѣчныхъ береговъ. Въ Византіи происходитъ также важное явленіе: богословскіе споры, волновавшіе ее до сихъ поръ, прекращаются: въ 842 году, въ годъ восшествія на престолъ императора Михаила, съ котораго нашъ лѣтописецъ начинаетъ свое лѣтосчисленіе, прекращаются богословскіе споры, окончательно утверждается догматъ, который передается славянскимъ народамъ, начавшимъ въ то время принимать христіанство; тогда же является переводъ Священнаго Писанія на славянскій языкъ, благодаря святой ревности Кирилла и Меѳодія. По слѣдамъ знаменитыхъ братьевъ обратимся къ нашимъ западнымъ и южнымъ соплеменникамъ, судьбы которыхъ должны обратить за себя наше особое вниманіе. Исторія западныхъ Славянъ начинаетъ чуть-чуть проясняться со второй половины V-го вѣка, по смерти Аттилы и уничтоженіи гунскаго могущества. Народныя преданія Чеховъ знаютъ также о переселеніи этого племени изъ краевъ южныхъ въ землю кельтическихъ Бойевъ и германскихъ Маркомановъ. По своему положенію Чехи должны были съ самаго начала войти во враждебныя столкновенія съ Германцами, сперва съ Турингами, а потомъ съ Франками, подчинившими себѣ Турինговъ. Не безопасные съ запада, Чехи были мало безопасны и съ востока: долина Дуная не переставала еще наполняться азіатскими выходцами: Авары, которые оставили по себѣ такую черную память между нашими юго-восточными славянскими племенами, не менѣе тяжки были и для Чеховъ; освободителемъ послѣднихъ отъ аварскаго ига является Само, одинъ изъ загадочныхъ средневѣковыхъ героевъ, о которыхъ наука не можетъ произнести вѣрнаго приговора, которыхъ оспариваютъ другъ у друга разныя народности, тогда какъ въ эту эпоху броженія народныхъ элементовъ въ Европѣ всего менѣе обращалось вниманія на народность. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Само былъ франкскій купецъ, торговавшій съ восточными племенами; извѣстіе, очень согласное съ тогдашнимъ состояніемъ общества, когда купцами были всегда люди отважные, легко перемѣнявшіе характеръ купца на характеръ воина; этотъ первоначальный характеръ купца далъ Само средства сблизиться съ племенами, отвага указала въ немъ достойнаго предводителя противъ Аваровъ. Въ 627 году Славяне избрали освободителя Само въ короли: такъ основалось на западѣ первое славянское владѣніе, сердцемъ котораго была Земля Чешская. Ужъ при Само начинаются враждебныя столкновенія Чеховъ съ королями франкскими; конецъ жизни и правленія Самова еще менѣе извѣстенъ, чѣмъ его происхожденіе и первые подвиги. Народныя преданія чешскія знаютъ о Крокѣ, котораго золотой столъ стоялъ въ Вышеградѣ надъ Влатвою (Молдавою). Крокъ оставилъ по себѣ трехъ вѣщихъ дочерей; младшую изъ нихъ, Любушу народъ выбралъ на отцовское мѣсто; Любуша отдала руку свою и власть надъ Чехами Пршемыслу, который пахалъ, когда пришли къ нему послы отъ Любуши съ этимъ предложеніемъ. Пршемыслъ былъ родоначальникомъ всѣхъ послѣдующихъ владѣльцевъ чешскихъ; княженіе его относятъ къ первой четверти VIII вѣка. Изъ событій чешской исторіи послѣ Пршемысла до самой половины IX-го вѣка мы не знаемъ ничего вѣрнаго, кромѣ враждебныхъ столкновеній Славянъ съ Нѣмцами, то-есть съ Имперіею Франковъ. Меровинговъ смѣнили Карловинги. Германскія племена соединились въ одну массу; духъ единства, принятый германскими вождями на старинной почвѣ Римской Имперіи, не переставалъ одушевлять ихъ, руководить ихъ поступками; потомокъ Геристаля принялъ титулъ Римскаго Импе-

онъ, въ противномъ случаѣ, выполнилъ родственную обязанность, возложенную на него Рюрикомъ, отдавшимъ ему сына на руки?—Сказавши на стр. 74, что Святославъ воспитывался въ Новгородѣ, показавши слѣдовательно тѣсную связь Новгорода съ Кіевомъ, тѣсную связь рода Русскихъ князей съ Новгородомъ, на стр. 75 и 76 г. Погодинъ утверждаетъ, что Святославъ не хотѣлъ знать Новгорода, съ презрѣніемъ говорилъ: «Кто къ вамъ пойдетъ»? Г. Погодинъ утверждаетъ тамъ же, что при Святославѣ Новгородъ, кромѣ дани, нисколько не принадлежалъ ему: но развѣ дань не есть самое лучшее доказательство принадлежности? Князь распоряжается въ городѣ, налагаетъ дань, говоритъ: столько-то платите мнѣ, столько-то Варягамъ,—и городъ однако не принадлежитъ ему? Да и что намъ извѣстно объ отношеніяхъ другихъ городовъ, кромѣ дани? Потому и Кіевъ не принадлежалъ князю, ибо о Кіевѣ мы ничего не знаемъ, даже относительно дани.

[1]) Полн. Собр. Р. Л. I, стр. 8.

ратора; располагая силами западной Европы, Карлъ Великій двинулся на восточную съ проповѣдью римскихъ началъ, единства политическаго и религіознаго. Что же могла противопоставить ему восточная Европа?—народы, жившіе въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненные и враждебные другъ другу. Замѣтимъ, что нѣтъ никакого основанія дѣлать изъ разъединенія и несогласія славянскихъ племенъ отличительную черту славянской народности; разрозненность и вражда племенъ славянскихъ были необходимыми слѣдствіями ихъ формы быта, быта родового; а эта форма быта не есть исключительная принадлежность славянскаго племени; черезъ нее проходятъ всѣ народы съ тѣмъ только различіемъ, что одинъ оставляетъ ее прежде, а другой послѣ, вслѣдствіе разныхъ историческихъ обстоятельствъ; такъ народы германскаго племени оставили формы родового быта прежде, вслѣдствіе переселенія на римскую почву, гдѣ они приняли идеи и формы государственныя, и Славяне, оставаясь на востокѣ, въ уединеніи отъ древняго историческаго міра, оставались и при прежнихъ, первоначальныхъ формахъ быта. Карлъ Великій, вождь германскаго ополченія, носилъ титулъ Римскаго Императора, былъ единымъ владыкою соединенныхъ германскихъ племенъ; но исторіи извѣстно, что стоило германскому племени это соединеніе! Покрытый кровію Саксонцевъ, Карлъ двинулся противъ Славянъ; легко было предвидѣть, что новый Цезарь получитъ такіе же успѣхи надъ младенчествующими народами восточной Европы, какіе старый Цезарь получилъ нѣкогда, при покореніи варварскаго народонаселенія Европы западной. Изъ славянскихъ племенъ, соприкасавшихся съ Германцами, кромѣ Чеховъ, были Бодричи или Ободриты, жившіе въ нынѣшнемъ Мекленбургѣ; потомъ южнѣе, между Одеромъ и Эльбою, Лутичи, или Велеты, между Лутичами и Чехами жили Сербы въ нынѣшней Саксоніи и Лузаціи. Между Лутичами и Бодричами шли сильныя усобицы; съ другой стороны, Бодричи были во враждѣ съ Саксонцами: это обстоятельство заставило ихъ войти въ союзъ съ Карломъ противъ послѣднихъ, какъ общихъ враговъ, и помогать Франкамъ въ борьбѣ съ ними. Карлъ, въ благодарность за помощь, обратилъ свое оружіе противъ Лутичей подъ предлогомъ, что они обижаютъ союзниковъ его, Бодричей: такъ германскій вождь началъ искусно пользоваться славянскимъ бытомъ и его слѣдствіями. Бодричи и Сербы охотно помогали Нѣмцамъ покорять единоплеменниковъ своихъ Лутичей, которые принуждены были признать себя данниками Карла. Это было въ концѣ VIII-го вѣка; въ началѣ IX-го уже видимъ войны Карла съ Чехами. Послѣдніе, подобно всѣмъ своимъ соплеменникамъ, не давали врагу битвъ въ чистомъ полѣ, но отбивались порознь въ лѣсахъ и горахъ; войска Карла опустошивши страну, должны были возвращаться безъ рѣшительныхъ, какъ видно, успѣховъ. Несмотря однако на это, торжество Нѣмцевъ было вѣрно надъ разрозненными Славянами. Если извѣстія о дани Чеховъ Карлу Великому могутъ быть оспариваемы, то вѣрно, что Моравы уже были подчинены ему. Во второй четверти IX-го вѣка въ Моравіи мы видимъ князя Моймира, который принялъ христіанство и считается основателемъ Моравскаго государства; въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе о начаткахъ христіанства у Чеховъ: четырнадцать леховъ, или знатныхъ пановъ чешскихъ, приняли христіанство въ Регенсбургѣ у короля Людовика Нѣмецкаго; но въ борьбѣ двухъ племенъ, основнымъ различіемъ которыхъ была вѣра, для Славянина отвергнуть вѣру своего народа значило отложиться отъ послѣдняго, перейти подъ знамена враговъ: вотъ почему чешскіе лехи, какъ скоро приняли христіанство, такъ уже оставили князя своего, поддались королю нѣмецкому, изъ-подъ власти котораго трудно было высвободиться. Такъ Людовикъ Нѣмецкій, подозрѣвая Моймира Моравскаго въ намѣреніи усилиться, свергнулъ его съ престола, который отдалъ племяннику его Ростиславу. Но Ростиславъ, несмотря на то, что обязанъ былъ властію Людовику, шелъ по слѣдамъ дяди Моймира, только шелъ съ большимъ усѣхомъ: ему удалось отбиться отъ Людовика; онъ могъ объявить себя прямо врагомъ послѣдняго и принимать подъ свое покровительство всѣхъ недовольныхъ королемъ, даже собственныхъ сыновей его. Но князь Моравскій долженъ былъ понимать: что для независимаго состоянія славянскаго государства прежде всего была необходима независимая славянская церковь; что съ нѣмецкимъ духовенствомъ нельзя было и думать о народной и государственной независимости Славянъ; что съ латинскимъ богослуженіемъ христіанство не могло принести пользы народу, который понималъ новую вѣру только со внѣшней, обрядовой стороны, и, разумѣется, не могъ не чуждаться ея. Вотъ почему князь Моравскій долженъ былъ обратиться къ Византійскому Двору, который могъ прислать въ Моравію славянскихъ пропоьѣдниковъ, учившихъ на славянскомъ языкѣ, могшихъ устроить славянское богослуженіе и основать независимую славянскую церковь; близкій и недавшій примѣръ Болгаріи долженъ былъ указать Моравскому князю на этотъ путь; со стороны Византіи нечего было опасаться притязаній, подобныхъ нѣмецкимъ; она была слишкомъ слаба для этого,—и вотъ Ростиславъ посылаетъ въ Константинополь къ императору Михаилу съ просьбою о славянскихъ учителяхъ, и въ Моравіи являются знаменитые братья — Кириллъ и Меѳодій, доканчиваютъ здѣсь переводъ священныхъ и богослужебныхъ книгъ и распространяютъ славянское богослуженіе въ Моравіи и Панноніи. Призывъ Кирилла и Меѳодія, полагаемый въ 862 году, совпадаетъ со временемъ основанія Русскаго государства, которому по преимуществу суждено было воспользоваться дѣломъ святыхъ братьевъ.

Ближайшими къ Россіи изъ западныхъ славянскихъ племенъ были тѣ, которыя послѣ вошли въ составъ государства Польскаго. Область этихъ ляш-

скихъ племенъ простиралась съ сѣвера къ югу—отъ Балтійскаго моря до горъ Карпатскихъ, съ востока къ западу—отъ рѣкъ Бобра, Нарева, Буга, Вислоки до Одера, Бобра (въ Силезіи) и Чешско-Моравскаго хребта; но главное гнѣздо государства Польскаго было на рѣкѣ Вартѣ около Гнѣзна и Познаня. Вѣроятная исторія Польши начинается въ одно время съ русскою, то-есть въ половинѣ IX-го вѣка; къ 860 году относятъ тотъ переворотъ, по которому Семовитъ, сынъ земледѣльца Пяста, свергнулъ съ престола родъ Попела и самъ сталъ княжить; съ этихъ поръ начинается распространеніе польскихъ владѣній. Но въ началѣ нашей исторіи гораздо ближе польскихъ Славянъ были къ Руси Славяне болгарскіе. Исторія находитъ Славянъ въ древней Мизіи, въ нынѣшней Болгаріи, во второй половинѣ VII-го вѣка, тогда какъ до сихъ поръ Восточная имперія имѣла дѣло съ Славянами, нападавшими на нее съ сѣвернаго берега Дуная; въ 677 году Болгары, народъ единоплеменный съ Гуннами и Аварами, покорилъ семь славянскихъ племенъ, жившихъ въ Мизіи, и утвердился здѣсь; скоро побѣдители такъ смѣшались съ побѣжденными, что составили съ ними одинъ народъ славянскій: съ этихъ поръ начинается рядъ войнъ болгарскихъ владѣтелей съ императорами греческими до самой половины IX-го вѣка, когда Болгарскій князь Борисъ принялъ христіанство, крестившись подъ именемъ Михаила отъ руки славянскаго апостола Меѳодія, который послѣ этого отправился съ братомъ Кирилломъ въ Моравію. Въ тѣсной связи съ исторіей болгарскихъ Славянъ находится исторія Славянъ сербскихъ. Къ VII-му вѣку относятъ переселеніе Славянъ изъ сѣверныхъ краевъ въ Иллирію: изъ послѣдующей исторіи этихъ племенъ до половины IX-го вѣка мы знаемъ только нѣсколько именъ сербскихъ жупановъ, или старѣйшинъ, и нѣсколько извѣстій о войнахъ ихъ съ князьями болгарскими.

Глава V.

Преданія о Рюрикѣ, объ Аскольдѣ и Дирѣ. — Олегъ, его движеніе на югъ, поселеніе въ Кіевѣ. Строеніе городовъ, дани, подчиненіе племенъ.—Греческій походъ.—Договоръ Олега съ Греками.—Смерть Олега, значеніе его въ памяти народной.—Преданіе объ Игорѣ.—Походы на Константинополь.—Договоръ съ Греками. — Печенѣги.—Смерть Игоря; его характеръ въ преданіяхъ.—Свѣнельдъ.—Походы Руссовъ на Востокѣ.

До нашего начальнаго лѣтописца дошло очень мало преданій о княженіи Рюрика. Онъ знаетъ только, что, по прошествіи двухъ лѣтъ отъ призванія, младшіе братья, Синеусъ и Труворъ, умерли и всю власть принялъ одинъ старшій Рюрикъ; эта власть простиралась уже на Кривичей западнодвинскихъ, то-есть Полочанъ на югѣ, на Мерю и Мурому на сѣверо-востокѣ. Если Меря, платившая прежде данъ Варягамъ и неупомянутая въ разсказѣ о призваніи, точно въ немъ не участвовала, то должно быть, что ее снова покорилъ Синеусъ съ Бѣлаозера, по старому Варяжскому пути, а за Мерею впервые покорена и Мурома; на югѣ перейденъ волокъ между Ловатью и Западною Двиною, присоединенъ Полоцкъ. О войнахъ есть извѣстіе, что призванные князья начали воевать всюду; о правительственныхъ мѣрахъ читаемъ, что Рюрикъ роздалъ города мужамъ своимъ, при чемъ въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: „Раздая волости мужемъ своимъ и городы рубити“ [1]). Такъ съ Рюрика началась уже эта важная дѣятельность нашихъ князей—построеніе городовъ, сосредоточеніе народонаселенія. Касательно опредѣленія отношеній между призваннымъ княземъ и призвавшими племенами сохранилось преданіе о смутѣ въ Новгородѣ, о недовольныхъ, которые жаловались на поведеніе Рюрика и его родичей или единоземцевъ и въ главѣ которыхъ былъ какой-то Вадимъ; этотъ Вадимъ былъ убитъ Рюрикомъ вмѣстѣ со многими Новгородцами, его совѣтниками [2]). Сохранилось преданіе, что по смерти братьевъ Рюрикъ оставилъ Ладогу, пришелъ къ Ильменю, срубилъ городъ надъ Волховомъ, прозвалъ его Новгородомъ и сѣлъ тутъ княжить. Это мѣсто лѣтописи прямо показываетъ, что собственный Новгородъ былъ основанъ Рюрикомъ; и такъ какъ здѣсь онъ остался жить и послѣ него здѣсь же жили посадники княжескіе и князья, то изъ этого легко объясняется, почему Новгородъ затмилъ собою старый городъ, какъ бы тотъ ни назывался [3]). И послѣ переселенія Рюрика къ Иль-

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 9, вар.

[2]) Никон. 1, 16: «Того же лѣта (863) оскорбишася Новгородцы глаголюще, яко быти намъ рабомъ, и много зла всячески пострадати отъ Рюрика и отъ раба его. Того же лѣта уби Рюрикъ Вадима храбраго, и иныхъ многихъ изби Новгородцевъ совѣтниковъ его».—Степ. кн. 1, 79. Вадимъ, *водимъ* можетъ-быть и нарицательное имя: въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ оно означаетъ к о н о в о д ъ, п е р е д о в о й, п р о в о д н и к ъ. См. Опытъ Областнаго Словаря, стр. 26.

[3]) Полн. Сбор. Р. Лѣт. 1. 9, вар. «И пришедъ ко Илменю, и сруби городокъ надъ Волховомъ, и прозва Новъгородъ, и сѣде ту княжа».—О Ярославѣ сказано: «заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ»—(1, 65); о самомъ Рюрикѣ прежде сказано, что онъ срубилъ городъ Ладогу, при чемъ должно разумѣть одни укрѣпленія въ городахъ, давно существовавшихъ; но въ обоихъ приведенныхъ мѣстахъ не сказано, что князья давали имена городамъ Кіеву и Ладогѣ, что прямо сказано о Новгородѣ: «И прозва и Новъгородъ». Скажутъ, что прежде лѣтописецъ говоритъ о построеніи Новгорода Славянами. Но въ томъ же лѣтописцѣ находимъ и извѣстіе о построеніи

мению смуты, какъ видно, продолжались; такъ сохранилось преданіе, что отъ Рюрика изъ Новгорода въ Кіевъ бѣжало много новгородскихъ мужей [1]). Если и здѣсь обратимъ вниманіе на послѣдующія событія новгородской исторіи, то найдемъ сходныя явленія; и послѣ почти каждый князь долженъ былъ бороться съ извѣстными сторонами, и если побѣждалъ, то противники бѣжали изъ Новгорода къ другимъ князьямъ—или на югъ въ Русь, или въ Суздальскую Землю, смотря по обстоятельствамъ. Всего же лучше преданіе о неудовольствіи Новгородцевъ и поступкѣ Рюрика съ Вадимомъ и съ совѣтниками его объясняется разсказомъ лѣтописи о неудовольствіи Новгородцевъ на Варяговъ, нанятыхъ Ярославомъ, объ убійствѣ послѣднихъ и мести княжеской убійцамъ.

Преданіе говоритъ, что много людей перебѣжало изъ Новгорода въ Кіевъ: здѣсь на южномъ концѣ великаго воднаго пути изъ Варягъ въ Греки образовалось въ то же время другое варяго-русское владѣніе. Было, говоритъ преданіе, у Рюрика двое мужей, не родныхъ ему; они выпросились у него идти къ Царюграду съ родомъ своимъ, и когда шли, внизъ по Днѣпру, то увидѣли на горѣ городокъ и спросили у тамошнихъ жителей, чей онъ. Имъ отвѣчали, что были три брата, Кій, Щекъ и Хоривъ, построили этотъ городокъ и перемерли, а потомки ихъ платятъ теперь дань Козарамъ. Аскольдъ и Диръ остались въ городкѣ, собрали около себя много Варяговъ и начали владѣть Землею Полянъ. Это преданіе совершенно согласно съ обстоятельствами описываемаго времени: Варягамъ былъ давно извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное; давно они усаживались между племенами, жившими у его начала; дѣло невозможное, чтобы, зная начало пути, Варяги не стали пробираться тотчасъ же по немъ внизъ къ Черному морю; лѣтописецъ указываетъ путь изъ Варягъ въ Греки, прежде нежели начинаетъ разсказъ о событіяхъ, непосредственно за разсказомъ о разселеніи племенъ славянскихъ; тутъ же у него вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея по этому пути; Аскольдъ и Диръ прямо выпрашиваются у Рюрика въ Грецію и идутъ извѣстною дорогою. Вотъ почему и прежде согласились мы допустить, что Варяги-Русь, зная начало великаго воднаго пути ранѣе прихода Рюрикова, знали и конецъ его ранѣе этого времени; что шайки ихъ давно усаживались на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей и оттуда опустошали окрестныя страны, на что такъ ясно указываютъ свидѣтельства Арабовъ и нѣкоторыя другія. Но, какъ видно, до сихъ поръ Варяги являлись на великомъ водномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное только въ видѣ малочисленныхъ дружинъ, искавшихъ службы при Дворѣ Императора или мелкой добычи на берегахъ Имперіи, безъ мысли и безъ средствъ основать прочное владѣніе въ земляхъ, лежащихъ по восточному пути. Такъ Аскольдъ и Диръ отпросились у Рюрика въ Грецію, съ родомъ своимъ только! Вотъ почему они не хотѣли, да и не могли утвердиться нигдѣ по восточному пути до самаго того мѣста, начиная съ котораго Днѣпръ поворачиваетъ на востокъ, въ степь. Здѣсь, среди славянскаго племени Полянъ, платившихъ дань Козарамъ, въ городкѣ Кіевѣ, Аскольдъ и Диръ остановились. Какъ видно, Кіевъ въ то время былъ притономъ Варяговъ, всякаго рода искателей приключеній, чѣмъ впослѣдствіи были Тмуторакань и Берладъ; видно и тогда, какъ послѣ, во времена Константина Багрянороднаго, Кіевъ былъ сборнымъ мѣстомъ для Варяговъ, собиравшихся въ Черное море. Аскольдъ и Диръ здѣсь остановились: около нихъ собралось много Варяговъ; сюда же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, перебѣжало изъ Новгорода много людей, недовольныхъ Рюрикомъ; Аскольдъ и Диръ стали вождями довольно многочисленной шайки; окрестные Поляне должны были подчиниться имъ; есть извѣстія, что они дрались съ степными варварами [2]), съ сосѣдними славянскими племенами—Древлянами и Угличами [3]), съ Дунайскими Болгарами [4]). Если примемъ извѣстіе, что Варяги Аскольдъ и Диръ засѣли въ полянскомъ городкѣ Кіевѣ, то не имѣемъ права отвергать приведенныя извѣстія: владѣлецъ украинскаго городка необходимо долженъ былъ вести войны съ степными варварами и съ окольными славянскими племенами: и прежде болѣе воинственные Древляне и Угличи обижали болѣе покойныхъ Полянъ [5]); наконецъ столкновенія съ Дунайскими Болгарами были естественны по самому пути, которымъ обыкновенно Русь ходила въ Грецію. Ставши вождями довольно многочисленной дружины, Аскольдъ и Диръ вздумали сдѣлать набѣгъ на Византію, исполнить завѣтную мысль Варяга, съ какою они отправились изъ Новгорода: на 200 ладьяхъ приплыла Русь къ Царюграду; но попытка не удалась: буря, вставшая, по греческимъ свидѣтельствамъ, вслѣдствіе чудеснаго заступленія Богородицы, разбила русскія лодки, и немногіе изъ дружины Аскольдовой возвратились съ своими князьями назадъ въ Кіевъ. Вслѣдъ за этимъ извѣстіемъ, Византійцы сообщаютъ другое о принятіи христіанства Русскими, о посылкѣ къ нимъ епископа изъ Царяграда: такъ уже рано обнаружилось значеніе Кіева въ нашей исторіи, вслѣдствіе столкновеній кіевской Руси съ Византіею [6]). Даже

Новгорода Рюрикомъ. Единственное средство согласить противорѣчія—это предположить, что старый городъ былъ построенъ Славянами, а новый получилъ бытіе и названіе при Рюрикѣ.

[1]) Никон. 1, 17.

[2]) Тамъ же: «Избиша множество Печенѣгъ Оскольдъ и Диръ».—Отрицать возможность появленія Печенѣговъ въ Приднѣпровьи во время Аскольда и Дира нѣтъ основанія.

[3]) См. Воскресен. и др. списки.

[4]) Никон. I, 16: «Убіенъ бысть отъ Болгаръ Оскольдовъ сынъ».

[5]) Полн. Собр. Р. Лѣт., 1, 7: «По смерти братьѣ сея быша обидимы (Поляне) Древлями, инѣми околними».

[6]) См. подробности и указанія источниковъ у арх.

прежде еще Аскольдова похода, обыкновенно относимаго къ 866 году, мы встрѣчаемъ извѣстія о нападеніяхъ Руси на греческія области и о принятіи христіанства нѣкоторыми изъ русскихъ вождей: таково извѣстіе, находящееся въ житіи святаго Стефана Сурожскаго, о нападеніи на Сурожъ русскаго князя Бравалина и о крещеніи его тамъ: извѣстіе это относится къ началу IX-го вѣка; подобное же извѣстіе находимъ въ жизнеописаніи святого Георгія, епископа Амастрійскаго [1]).

Но владѣніе, основанное варяжскими выходцами въ Кіевѣ, не могло имѣть надлежащей прочности, ибо основано было сбродною шайкой искателей приключеній, которые могли храбро драться съ сосѣдями, могли сдѣлать набѣгъ на берега Имперіи, но не могли по своимъ средствамъ, да и не имѣли въ виду основать какой-нибудь прочный порядокъ вещей среди племенъ, жившихъ по великому водному пути. Это могли сдѣлать только сѣверные князья, имѣвшіе для того достаточную матеріальную силу и привязанные къ странѣ правительственными отношеніями къ племенамъ, ихъ призвавшимъ. Въ 869 году, по счету лѣтописца, умеръ Рюрикъ, оставивъ малолѣтняго сына Игоря, котораго отдалъ на руки родственнику своему Олегу. Послѣдній, какъ старшій въ родѣ, а не какъ опекунъ малолѣтняго князя, получилъ всю власть Рюрика и удерживалъ ее до конца жизни своей. Если Рюрикъ уже сдѣлалъ шагъ впередъ на югъ по восточному пути, перейдя изъ Ладоги въ Новгородъ, то преемникъ его двинулся гораздо далѣе и дошелъ до конца пути. Движеніе это было однако довольно медленно: три года, по счету лѣтописца, пробылъ Олегъ въ Новгородѣ до выступленія въ походъ на югъ; потомъ онъ двинулся по водному восточному пути, собравши войско изъ Варяговъ и изъ всѣхъ подвластныхъ ему племенъ—Чуди, Славянъ (Ильменскихъ), Мери, Веси, Кривичей. Это обстоятельство есть самое важное въ нашей начальной исторіи. Мы видѣли, что Варягамъ давно былъ извѣстенъ великій водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное, давно ходили они по немъ, но ходили малыми дружинами, не имѣли желанія, ни средствъ утвердиться на этомъ пути, смотрѣли на него какъ на путь только, имѣя въ виду другую цѣль. Но вотъ на сѣверномъ концѣ этого пути изъ нѣсколькихъ племенъ составляется владѣніе, скрѣпленное единствомъ власти; повинуясь общему историческому закону, новорожденное владѣніе, вслѣдствіе сосредоточенія своихъ силъ чрезъ единство власти, стремится употребить въ дѣло эти силы, подчинить своему вліянію другія общества, другія племена, менѣе сильныя. Князь сѣвернаго владѣнія выступаетъ въ походъ, но это не вождь одной варяжской шайки, дружины,—въ его рукахъ силы всѣхъ сѣверныхъ племенъ; онъ идетъ по обычному варяжскому пути, но идетъ не съ цѣлію одного грабежа, не для того, только чтобы пробраться въ Византію; пользуясь своею силой, онъ подчиняетъ себѣ всѣ встрѣчающіяся ему на пути племена, закрѣпляетъ себѣ навсегда всѣ находящіеся на немъ мѣста, города; его походъ представляетъ распространеніе одного владѣнія на счетъ другихъ, владѣнія сильнаго на счетъ слабѣйшихъ. Сила сѣвернаго князя основывается на его правительственныхъ отношеніяхъ къ сѣвернымъ племенамъ, соединившимся и призвавшимъ власть: отсюда видна вся важность призванія, вся важность тѣхъ отношеній, которыя утвердились на сѣверѣ между варяжскими князьями и призвавшими племенами.

Перешедши волокъ и достигши Днѣпра, Олегъ утверждается въ Землѣ днѣпровскихъ Кривичей, закрѣпляетъ себѣ ихъ городъ Смоленскъ, сажаетъ здѣсь своего мужа, разумѣется, не одного, но съ дружиною, достаточною для удержанія за собою новаго владѣнія [2]). Изъ Смоленска Олегъ пошелъ внизъ по Днѣпру, пришелъ въ Землю Сѣверянъ, взялъ городъ ихъ Любечъ и прикрѣпилъ его къ своему владѣнію, посадивъ и здѣсь мужа своего. Какъ достались Олегу эти города, долженъ ли былъ онъ употреблять силу, или покорились они ему добровольно,—объ этомъ нельзя ничего узнать изъ лѣтописи. Наконецъ Олегъ достигъ Кіева, гдѣ княжили Аскольдъ и Диръ; здѣсь, по преданію, онъ оставилъ большую часть своихъ лодокъ назади, скрылъ ратныхъ людей на тѣхъ лодкахъ, на которыхъ подплылъ къ Кіеву, и послалъ сказать Аскольду и Диру, что земляки ихъ—купцы, идущіе въ Грецію отъ Олега и княжича Игоря, хотятъ повидаться съ ними. Аскольдъ и Диръ пришли, но тотчасъ же были окружены ратными людьми, повыскакавшими изъ лодокъ; Олегъ будто бы сказалъ Кіевскимъ князьямъ: „Вы не князья, ни роду княжескаго, а я роду княжескаго“, и, указывая на вынесеннаго въ это время Игоря, прибавилъ: „вотъ сынъ Рюриковъ“. Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на горѣ.—Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать преданіе съ тѣми

Макарія въ его Исторіи христіанства въ Россіи, стр. 261 и слѣд.

[1]) Подробности и разборъ сказаній см. въ приведенной выше книгѣ арх. Макарія, стр. 166 и слѣд., стр. 169 и слѣд.—Принимать извѣстіе о чудѣ св. Стефана за позднѣйшее и заимствованное непремѣнно изъ сказанія о чудѣ св. Георгія мы не видимъ достаточнаго основанія: не всегда сходныя сказанія заимствуются другъ отъ друга; въ противномъ случаѣ надобно было бы допустить, что нашъ начальный лѣтописецъ читалъ Геродота и взялъ изъ него разсказъ объ извѣстной хитрости, которую приписалъ нашимъ Бѣлгорожанамъ; потомъ въ подробностяхъ сказаній о случившемся въ Сурожѣ и Амастридѣ мы находимъ большое различіе; наконецъ, главное, что заставляетъ нѣкоторыхъ изслѣдователей отвергать самостоятельность извѣстія о сурожскомъ происшествіи, это предположеніе, что русскихъ набѣговъ на Припонтійскія страны не могло быть раньше 866 года; но мы не можемъ принять этого предположенія.

[2]) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «И приде къ Смоленьску, съ Кривичи, и прія градъ, и посади мужъ свой», вмѣсто съ Кривичи должно читать въ Кривичи: переписчикъ не понялъ, что значитъ въ Кривичи, тогда какъ прежде сказано, что Олегъ уже ушелъ съ Кривичами, и потому написалъ: съ Кривичи.

подробностями, въ тѣхъ чертахъ, въ какихъ оно достигло до перваго лѣтописца и записано имъ. Въ этомъ преданіи видно какъ будто намѣреніе оправить Олега, дать сѣвернымъ князьямъ Рюрикова рода право на владѣніе Кіевомъ, гдѣ сѣли мужи Рюрика, не князья, не имѣвшіе права владѣть городомъ независимо. Олегъ представленъ не завоевателемъ, но только княземъ, возстановляющимъ свое право, право своего рода, нарушенное дерзкими дружинниками. Быть-можетъ, само преданіе о томъ, что Аскольдъ и Диръ были члены дружины Рюриковой, явилось вслѣдствіе желанія дать Рюрикову роду право на Кіевъ [1]). Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи встрѣчаемъ также подробности о непріязненныхъ отношеніяхъ Аскольда и Дира къ Рюрику: такъ есть извѣстіе, что они по неудовольствію оставили сѣвернаго князя, не давшаго имъ ни города, ни села [2]); что потомъ, утвердясь въ Кіевѣ, воевали Полочанъ и надѣлали имъ много зла [3]); очень вѣроятно, что они могли нападать на южные, ближайшіе къ нимъ предѣлы владѣній Рюриковыхъ. Также замѣчено было уже извѣстіе о бѣгствѣ Новгородцевъ, недовольныхъ Рюрикомъ, въ Кіевъ, къ Аскольду и Диру.

Какъ бы то ни было, убивъ Аскольда и Дира, Олегъ утвердился въ Кіевѣ, сдѣлавъ его своимъ стольнымъ городомъ; по свидѣтельству лѣтописца, Олегъ сказалъ, что Кіевъ долженъ быть „матерью городамъ русскимъ“ [4]). Понятно въ смыслѣ преданія, что Олегъ не встрѣтилъ сопротивленія отъ дружины прежнихъ владѣльцевъ Кіева: эта дружина и при благопріятныхъ обстоятельствахъ была бы не въ состояніи помѣряться съ войсками Олега, тѣмъ болѣе, когда такъ мало ея возвратилось изъ несчастнаго похода греческаго; часть ея могла пристать къ Олегу, недовольные могли уйти въ Грецію. Понятно также, почему Олегъ остался въ Кіевѣ: кромѣ пріятности климата, красивости мѣстоположенія и богатства страны, сравнительно съ сѣверомъ, тому могли способствовать другія обстоятельства: Кіевъ, какъ уже было замѣчено, находится тамъ, гдѣ Днѣпръ, принявъ самые большіе притоки свои справа и слѣва, Припеть и Десну, поворачиваетъ на востокъ, въ степи, жилища кочевыхъ народовъ. Здѣсь, слѣдовательно, должна была утвердиться главная защита, главный острогъ новаго владѣнія со стороны степей; здѣсь же, при началѣ степей, должно было быть, и вѣроятно было, прежде сборное мѣсто для русскихъ лодокъ, отправлявшихся въ Черное море. Такимъ образомъ, два конца великаго воднаго пути на сѣверѣ, со стороны Ладожскаго озера и на югѣ со стороны степей, соединились въ одномъ владѣніи. Отсюда видна вся важность этого пути въ нашей исторіи: по его берегамъ образовалась первоначальная русская государственная область; отсюда же понятна постоянная тѣсная связь между Новгородомъ и Кіевомъ, какую мы видимъ впослѣдствіи; понятно, почему Новгородъ всегда принадлежалъ только старшему князю, великому князю Кіевскому.

Первымъ дѣломъ Олега въ Украйнѣ было построеніе городовъ, острожковъ, сколько для утвержденія своей власти въ новыхъ областяхъ, столько же и для защиты со стороны степей. Потомъ нужно было опредѣлить отношенія къ старымъ областямъ, къ племенамъ, жившимъ на сѣверномъ концѣ воднаго пути, что было необходимо вслѣдствіе новаго поселенія на югѣ; главная форма, въ которой выражались отношенія этихъ племенъ къ князю, была дань, и вотъ Олегъ уставилъ дани Славянамъ (Ильменскимъ), Кривичамъ и Мери; Новгородцы были особо обязаны платить ежегодно 300 гривенъ для содержанія наемной дружины изъ Варяговъ, которые должны были защищать сѣверныя владѣнія. Сперва, какъ видно, эта стража состояла исключительно изъ Варяговъ, потомъ, когда эта исключительность исчезла, то вмѣсто Варяговъ встрѣчаемъ уже общее названіе гридей; наемная плата увеличивалась по обстоятельствамъ: такъ, послѣ раздавалась гридямъ уже тысяча гривенъ вмѣсто трехъ сотъ; прекратилась эта выдача денегъ со смертію Ярослава I [5]), вѣроятно потому, что съ этого времени Новгородцы не могли болѣе опасаться нападеній ни съ которой стороны; а можетъ-быть также между ними и князьями сдѣланы были другого рода распоряженія относительно внѣшней защиты.

Построивъ города и установивъ дани у племенъ сѣверныхъ, Олегъ, по преданію, начинаетъ подчинять себѣ другія племена славянскія, жившія къ востоку и западу отъ Днѣпра. Прежде всего Олегъ идетъ на Древлянъ, у которыхъ давно шла вражда съ Полянами; Древляне не поддались добровольно Русскому князю; ихъ нужно было примучить, чтобы заставить платить дань, которая состояла въ черной куницѣ съ жилья. Въ слѣдующемъ, по счету лѣтописца, году (884) Олегъ пошелъ на Сѣверянъ, побѣдилъ ихъ и наложилъ дань легкую; эта легкость должна объясняться малымъ сопротивленіемъ Сѣверянъ, которые платили дань Козарамъ и слѣдовательно могли легко согласиться платить ее

---

[1]) Стараніе связать Кіевъ съ сѣверомъ и Новгородомъ видно также въ другомъ преданіи, по которому основатели Кіева—Кій, Щекъ и Хоривъ—были разбойники въ Новгородской области; Новгородцы посадили ихъ съ сестрою Лыбедью и 27-ю товарищами въ темницу и хотѣли повѣсить, но князь изъ жалости далъ имъ свободу и проч. Синод. Библіот. книга о древности Россійскаго государства, № 529.—Какъ видно, сказка эта произошла отъ смѣшенія двухъ преданій—объ основателяхъ Кіева и о первыхъ варяжскихъ князьяхъ его.

[2]) Арханг., стр. 4.

[3]) Никон. 1, 16.

[4]) Полн. Собр. Р. Лѣт. 1, 10: «Се буди мати градомъ русскимъ». «Бѣша у него Варязи и Словѣни и прочи прозвашася Русью».—Любопытно, что, по смыслу этого извѣстія, Варяги и Славяне прозываются Русью только по утвержденіи въ Кіевѣ.

[5]) Тамъ же, стр. 56: «Ярославу же сущу Новѣгородѣ, и урокомъ дающю Кіеву двѣ тысячѣ гривнѣ отъ года до года, а тысячу Новѣгородѣ гридемъ раздаваху: а тако даяху и вси посадници Новогородстіи, а Ярославъ сего не даяше отцю своему

Русскому князю; съ своей стороны Олегъ долженъ былъ наложить на нихъ только легкую дань, чтобы показать имъ выгоду русской зависимости предъ козарскою; онъ, по преданію, говорилъ Сѣверянамъ: „Я врагъ Козарамъ, а вовсе не вамъ“. Радимичи, платившіе также дань Козарамъ, въ слѣдующемъ году не оказали никакого сопротивленія Олегу; онъ послалъ спросить у нихъ: „Кому даете дань?“ тѣ отвѣчали: „Козарамъ“.—„Не давайте Козарамъ, велѣлъ сказать имъ Олегъ, а давайте лучше мнѣ“, и Радимичи стали платить Русскому князю тѣ же два шляга отъ рала, которые давали Козарамъ. Но не такъ легко было справиться съ тѣми племенами, которыя прежде были независимы, не платили никому дани, не хотѣли и теперь платить ея Руси: мы видѣли сопротивленіе Древлянъ; потомъ, слишкомъ въ двадцать лѣтъ, по счету лѣтописца, Олегу удалось покорить Дулѣбовъ, Хорватовъ и Тиверцевъ, но Угличей не удалось [1]). Только въ 907 году Олегъ собрался въ походъ на Грековъ: оставивъ Игоря въ Кіевѣ, онъ пошелъ со множествомъ Варяговъ, Славянъ (Новгородцевъ), Чуди, Кривичей, Мери, Полянъ, Сѣверянъ, Древлянъ, Радимичей, Хорватовъ, Дулѣбовъ и Тиверцевъ, пошелъ на коняхъ и въ корабляхъ; кораблей было 2.000, на каждомъ кораблѣ по 40 человѣкъ. Разумѣется, историкъ не имѣетъ обязанности принимать буквально этотъ счетъ; для него важенъ только тонъ преданія, съ какимъ оно хранилось въ народѣ и изъ котораго видно, что предпріятіе было совершено соединенными силами всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси, сѣверныхъ и южныхъ, а не было набѣгомъ варяжской шайки: отсюда объясняется робость Грековъ, удача предпріятія. Когда русскіе корабли явились предъ Константинополемъ, говоритъ лѣтопись [2]); то Греки замкнули гавань, заперли городъ. Олегъ вышелъ безпрепятственно на берегъ, корабли были выволочены, ратные разсѣялись по окрестностямъ Царяграда и начали опустошать ихъ: много побили Грековъ, много палатъ разбили и церквей пожгли; плѣнныхъ сѣкли мечами, другихъ мучили, разстрѣливали, бросали въ море. Преданіе прибавляетъ, что Олегъ велѣлъ поставить лодки свои на колеса, и флотъ, при попутномъ вѣтрѣ, двинулся на парусахъ по сушѣ къ Константинополю. Говоря просто, Олегъ приготовился къ осадѣ города; Греки испугались и послали сказать ему: „Не губи городъ; мы беремся давать тебѣ дань, какую хочешь“. Олегъ остановился; то же преданіе разсказываетъ, что Греки выслали ему кушанье и напитки съ отравою, что Олегъ догадался о коварствѣ и не коснулся присланнаго, и что тогда Греки въ испугѣ говорили: это не Олегъ, но святый Димитрій, посланный на насъ Богомъ. Приведенный разсказъ замѣчателенъ по тому представленію, которое имѣли о характерѣ Грековъ и о характерѣ вѣщаго Олега: самый хитрый изъ народовъ не успѣлъ обмануть мудраго князя! Олегъ, продолжаетъ лѣтопись, отправилъ къ императору пословъ—Карла, Фарлофа, Велмуда, Рулава и Стемира, которые вытребовали по 12 гривенъ на корабль, да еще уклады на русскіе города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полоцкъ, Ростовъ, Любечъ и другіе, потому что въ тѣхъ городахъ сидѣли Олеговы мужи; Олегъ требовалъ также, чтобы Русь, приходящая въ Царьградъ, могла брать съѣстныхъ припасовъ, сколько хочетъ; гости (купцы) имѣютъ право брать съѣстные припасы въ продолженіе шести мѣсяцевъ—хлѣбъ, вино, мясо, рыбу, овощи; могутъ мыться въ баняхъ сколько хотятъ; а когда пойдутъ Русскіе домой, то берутъ у царя Греческаго на дорогу съѣстное, якори, канаты, паруса и все нужное. Императоръ и вельможи его приняли условія, только съ слѣдующими измѣненіями: Русскіе, пришедшіе не для торговли, не берутъ мѣсячины; князь долженъ запретить своимъ Русскимъ грабить села въ странѣ Греческой; Русскіе, пришедши въ Константинополь, могутъ жить только у Св. Мамы, императоръ пошлетъ переписать ихъ имена, и тогда они будутъ брать свои мѣсячины — сперва Кіевляне, потомъ Черниговцы,

---

[1]) Любопытно, что въ числѣ покоренныхъ Олегомъ племенъ не упоминаются Дреговичи; не упоминаются они съ Полочанами и при исчисленіи племенъ, ходившихъ съ Олегомъ въ Грецію; по всѣмъ вѣроятіямъ, Дреговичи были еще прежде покорены изъ Полоцка тамошнимъ державцемъ, по крайней мѣрѣ сѣверная ихъ половина: вотъ почему княжество Минское, образовавшееся въ ихъ странѣ, принадлежало къ Полоцкому. Въ Іоакимов. Лѣтоп. Дреговичи упомянуты въ числѣ племенъ, призвавшихъ Рюрика съ братьями.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 12. Означимъ сшивку въ лѣтописи: «И стави Олегъ вои»—до: «дабы не воевалъ Грецькой земли». Вставка эта ясна, потому что содержитъ то же самое извѣстіе, которое опять повторяется въ текстѣ съ противорѣчіемъ: сперва говорится, что Олегъ потребовалъ по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ, что по 12 гривенъ на ключъ, что гораздо правдоподобнѣе (К л ю ч ъ вм. лодка, корабль: ключемъ назывался багоръ, или крюкъ, которымъ привлекали лодки къ берегу; въ житіи Бориса и Глѣба Румян. Муз. сказано: «Имше корабль ключи привлекоша къ себѣ»). Черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ г. Ламбинъ замѣтилъ другія сшивки въ этомъ мѣстѣ лѣтописи. Журн. Мин. Нар. Просв. Іюль 1873 года. Думаемъ, что можно согласиться со мнѣніемъ проф. Срезневскаго, который во второмъ извѣстіи объ условіяхъ видитъ цѣлую грамоту, занесенную въ лѣтопись (Извѣстія II-го Отдѣл. Академіи, л. 20). Только не думаемъ, чтобы грамота была занесена въ лѣтопись самимъ начальнымъ лѣтописцемъ: во 1) по противорѣчію двухъ извѣстій; во 2) вставка договоровъ въ лѣтопись съ уничтоженіемъ разсказа начальнаго лѣтописца ясна изъ словъ, помѣщенныхъ подъ 6420 годомъ: «Посла Олегъ мужи свои построити мира и положити ряды межи Греки и Русью; и посла, глаголя равно другаго свѣщанія» и проч. Для насъ очевидно, что здѣсь послѣ г л а г о л я слѣдовалъ разсказъ начальнаго лѣтописца о томъ, что говорилъ Олегъ своимъ посламъ, но этотъ разсказъ прерванъ насильственно вставкою договора.—Г. Срезневскій думалъ также, что слово «р а в ь н о» въ выраженіи: «равно другаго совѣщанія» есть переводъ греческаго το ἴσον, paricula charta, copia противень. Это мнѣніе развито особенно г. Лавровскимъ въ сочиненіи: О в и з а н т і й с к о м ъ э л е м е н т ѣ в ъ я з ы к ѣ д о г о в о р о в ъ Р у с с к и х ъ с ъ Г р е к а м и. Это объясненіе р а в н о можетъ быть принято вполнѣ, но жаль, что филологи не обратили вниманія на слова: «при тѣхъ же царехъ», которыя оставляютъ въ полной силѣ прежнее мнѣніе, что наши договоры предполагаютъ другіе договоры, старые.

Переяславцы и другіе; входить въ городъ будутъ они одними воротами, вмѣстѣ съ чиновникомъ императорскимъ, безъ оружія, не болѣе 50 человѣкъ, и пусть торгуютъ, какъ имъ надобно, не платя никакихъ пошлинъ. Изъ этихъ условій видна недовѣрчивость Грековъ къ Русскимъ, которые любили, при удобномъ случаѣ, перемѣнять характеръ купцовъ на характеръ воиновъ. Императоры Леонъ и Александръ цѣловали крестъ въ соблюденіи договора; привели также къ присягѣ Олега и мужей его; тѣ клялись, по русскому закону, оружіемъ, Перуномъ—богомъ своимъ, Волосомъ—скотьимъ богомъ, и такимъ образомъ утвердили миръ. Преданіе прибавляетъ, будто Олегъ велѣлъ Руси сшить паруса шелковые, а Славянамъ полотняные, будто воины повѣсили щиты свои на воротахъ цареградскихъ, въ знакъ побѣды, и когда пошли они домой, то Русь подняла паруса шелковые, а Славяне полотняные; но вѣтеръ разодралъ ихъ; тогда Славяне сказали: примемся на свои холостинные паруса; не дано Славянамъ парусовъ полотняныхъ. Это преданіе любопытно потому, что въ немъ видно различіе между Русью и Славянами, различіе въ пользу первой. Подъ именемъ Руси здѣсь должно принимать не Варяговъ вообще, но дружину княжескую, подъ Славянами—остальныхъ ратныхъ людей изъ разныхъ племенъ: естественно, что корабль княжескій и другіе, везшіе бояръ и слугъ княжескихъ, были красивѣе, чѣмъ корабли простыхъ воиновъ. Олегъ, заключаетъ преданіе, возвратился въ Кіевъ съ золотомъ, дорогими тканями, овощами, винами и всякимъ узорочьемъ; народъ удивился такому успѣху и прозвалъ князя „вѣщимъ", то есть кудесникомъ, волхвомъ.

Допустивъ къ себѣ Русскихъ на продолжительное житье въ Константинополь, Греческій Дворъ долженъ былъ урядиться съ Кіевскимъ княземъ, какъ поступать при необходимыхъ столкновеніяхъ Русскихъ съ подданными Имперіи; вотъ почему въ 911 году, слѣдовательно, по счету лѣтописца, черезъ четыре года, Олегъ послалъ въ Царьградъ мужей своихъ утвердить миръ и положить рядъ между Греками и Русью, на основаніи прежняго ряда, заключеннаго тотчасъ послѣ похода [1]). Послами были отправлены тѣ же пять мужей, которые заключали и первый договоръ,—Карлъ, Фарлофъ, Велиудъ (Верекудъ), Рулавъ, Стемиръ (Стемидъ), но съ прибавкой еще девяти: Инегельдъ, Гуды, Руалдъ, Карнъ, Фрелафъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Бибульфостъ. Несмотря на искаженіе именъ, легко замѣтить, что почти всѣ они звучатъ не по-славянски: славянскіе звуки можно уловить только въ двухъ—Велмудѣ (Велемудрѣ) и Стемирѣ. Причина такому явленію можетъ заключаться въ томъ, что большинство дружины Олеговой состояло въ это время еще изъ Скандинавовъ, или, быть-можетъ, означенные Варяги потому были отправлены въ Константинополь, что, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ, уже бывали тамъ прежде, знали греческіе обычаи, языкъ. Эти мужи посланы были отъ Великаго Князя Олега, отъ всѣхъ подручныхъ ему князей (знакъ, что, кромѣ Олега и Игоря, существовали еще другіе родичи Рюриковы), бояръ и отъ всей подручной ему Руси. Послы заключили слѣдующій договоръ: 1) При каждомъ преступленіи должно основываться на ясныхъ показаніяхъ; но при заподозрѣніи свидѣтельства пусть сторона подозрѣвающая клянется въ томъ, что свидѣтельство ложно; пусть всякій клянется по своей вѣрѣ и пусть приметъ казнь если клялся ложно.—За этимъ слѣдуетъ исчисленіе преступленій и соотвѣтственныхъ имъ наказаній. 2) Если Русинъ убьетъ христіанина, то-есть Грека, или христіанинъ Русина, то преступникъ пусть умретъ на мѣстѣ; если же убѣжитъ и оставитъ имѣніе, то оно отдается родственникамъ убитаго, за исключеніемъ той части, которая, по закону, слѣдуетъ женѣ убійцы; если же преступникъ убѣжитъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ до тѣхъ поръ, пока будетъ пойманъ и казненъ смертію. 3) За ударъ мечемъ или чѣмъ бы то ни было виновный платитъ пять литръ серебра по русскому закону; если будетъ не въ состояніи заплатить означенной суммы, то пусть дастъ сколько можетъ, пусть скинетъ съ себя то самое платье, которое на немъ, и клянется по обрядамъ своей вѣры, что не имѣетъ никого, кто бы могъ заплатить за него, и тогда искъ прекращается. 4) Если Русинъ украдетъ что-либо у христіанина, или христіанинъ у Русина, и воръ будетъ пойманъ въ кражѣ, то, въ случаѣ сопротивленія, хозяинъ украденной вещи можетъ убить его безнаказанно и взять свое назадъ. Если же воръ отдается безъ сопротивленія, то его должно связать и взять съ него втрое за похищенное. 5) Если кто изъ христіанъ или Русскихъ начнетъ мучить, допытываясь гдѣ имущество, и насиліемъ явно возьметъ что-нибудь, то долженъ заплатить втрое противъ взятаго. 6) Если корабль греческій будетъ выброшенъ вѣтромъ на чужую землю, и случится при этомъ кто-нибудь изъ Русскихъ, то они должны охранять корабль съ грузомъ, отослать его назадъ въ землю христіанскую, провожать его чрезъ всякое страшное мѣсто, пока достигнетъ мѣста безопаснаго; если же противные вѣтры или мели задержатъ корабль на одномъ мѣстѣ, то Русскіе должны помочь гребцамъ и проводить ихъ съ товарами по-здорову, если случится близко тутъ Земля Греческая; если же бѣда приключится близъ Земли Русской, то корабль проводятъ въ послѣднюю, грузъ продается, и вырученное Русь приноситъ въ Царьградъ, когда придутъ туда для торговли или посольствомъ; если же кто на кораблѣ томъ будетъ прибитъ или убитъ Русью, или пропадетъ что-нибудь, то преступники подвергаются вышеозначенному наказанію. 7. Если въ какой-нибудь странѣ будутъ держать русскаго или греческаго невольника, и случится въ той

[1]) Полн. Собр. Русск Лѣт. 1, 13: Равно другаго свѣщанія, бывшаго при тѣхъ же царяхъ.

странѣ кто-нибудь изъ Русскихъ или изъ Грековъ, то послѣдній обязанъ выкупить невольника и возвратить его на родину, за что получитъ искупную цѣну невольника [1]); военноплѣнные также возвращаются на родину, плѣнившій получаетъ общую цѣну невольника. 8) Тѣ изъ Русскихъ, которые захотятъ служить императору Греческому, вольны это сдѣлать. 9) Если случится, что Русскіе невольники придутъ на продажу изъ какой-нибудь страны къ христіанамъ, а христіанскіе невольники въ Русь, то они продаются по 20 золотыхъ и отпускаются на родину. 10) Если рабъ будетъ украденъ изъ Руси, или уйдетъ самъ, или будетъ насильственно проданъ, и если господинъ раба начнетъ жаловаться и справедливость жалобы будетъ подтверждена самимъ рабомъ, то послѣдній возвращается въ Русь; также гости русскіе, потерявшіе раба, могутъ искать его и взять обратно; если же кто не позволитъ у себя дѣлать обыска, то этимъ самымъ уже проигрываетъ свое дѣло. 11) Если кто изъ Русскихъ, служащихъ христіанскому царю, умретъ, не распорядившись имѣніемъ, и не будетъ около него никого изъ родныхъ, то имѣніе отсылается къ ближнимъ его въ Русь. Если же распорядится, то имѣніе идетъ къ назначенному въ завѣщаніи наслѣднику, который получитъ его отъ своихъ земляковъ, ходящихъ въ Грецію. 12) Если взявшійся доставить это имѣніе утаитъ его и не возвратится съ нимъ въ Русь, то, по жалобѣ Русскихъ, возвращается насильно въ отечество. Такъ точно должны поступать и Русскіе относительно Грековъ.

Императоръ одарилъ русскимъ пословъ золотомъ, дорогими тканями, платьемъ и, по обычаю, приставилъ къ нимъ людей, которые должны были водить ихъ по церквамъ цареградскимъ, показывать богатства ихъ, также страсти Христовы, мощи святыхъ, при чемъ излагать ученіе вѣры. Послы возвратились къ Олегу въ 912 году; осенью этого года князь умеръ. Было преданіе, что передъ смертью Олегъ ходилъ на сѣверъ, въ Новгородъ и Ладогу: въ этомъ преданіи нѣтъ ничего невѣроятнаго; оно же прибавляетъ, что Олегъ и похороненъ въ Ладогѣ [2]); все указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ, связь необходимую. Сѣверъ хотѣлъ имѣть у себя могилу вѣщаго преемника Рюрикова, югъ—у себя: по южному преданію, Олегъ похороненъ въ Кіевѣ, на горѣ Щековицѣ [3]); въ лѣтописи находимъ также преданіе о самой смерти Олега. Спрашивалъ онъ волхвовъ-кудесниковъ, отъ чего ему умереть. И сказалъ ему одинъ кудесникъ: „Умереть тебѣ, князь, отъ любимаго коня, на которомъ ты всегда ѣздишь". Олегъ подумалъ; „такъ никогда же не сяду на этого коня и не увижу его",—и велѣлъ кормить его, но не подводить къ себѣ, и такъ не трогалъ его нѣсколько лѣтъ, до самаго греческаго похода. Возвратившись въ Кіевъ, жилъ Олегъ четыре года, на пятый вспомнилъ о конѣ, призвалъ конюшаго и спросилъ: „Гдѣ тотъ конь мой, что я поставилъ кормить и беречь?" Конюшій отвѣчалъ: „Онъ ужъ умеръ". Тогда Олегъ началъ смѣяться надъ кудесникомъ, бранить его. „Эти волхвы вѣчно лгутъ, говорилъ онъ:—вотъ конь-то умеръ, а я живъ; поѣду-ка я посмотрѣть его кости". Когда князь пріѣхалъ на мѣсто, гдѣ лежали голыя кости конскія и черепъ голый, то сошелъ съ лошади и наступилъ ногою на черепъ, говоря со смѣхомъ: „Такъ отъ этого-то черепа придется мнѣ умереть!" Но тутъ выползла изъ черепа змѣя и ужалила Олега въ ногу: князь разболѣлся и умеръ [4]).

При разборѣ преданій объ Олегѣ мы видимъ, что въ народной памяти представлялся онъ не столько храбрымъ воителемъ, сколько вѣщимъ княземъ, мудрымъ, или хитрымъ, что, по тогдашнимъ понятіямъ, значило одно и то же: хитростью Олегъ овладѣваетъ Кіевомъ, ловкими переговорами подчиняетъ себѣ безъ насилій племена, жившія на восточной сторонѣ Днѣпра; подъ Царьградомъ хитростію пугаетъ Грековъ, не дается въ обманъ самому хитрому народу, и прозывается отъ своего народа „вѣщимъ". Въ преданіи онъ является также и княземъ-нарядникомъ Земли: онъ располагаетъ дани, строитъ города: при немъ впервые почти всѣ племена, жившія по восточному водному пути, собираются подъ одно знамя, получаютъ понятіе о своемъ единствѣ, впервые соединенными силами совершаютъ дальній походъ. Таково преданіе объ Олегѣ: историкъ не имѣетъ никакого права заподозрить это преданіе, отвергнуть значеніе Олега, какъ собирателя племенъ [5]).

По счету лѣтописца, преемникъ Олеговъ Игорь, сынъ Рюрика, княжилъ 33 года (912—945), и только пять преданій записано въ лѣтописи о дѣлахъ этого князя; для княженія Олега высчитано также 33 года (879—912). Въ лѣтописи сказано, что Игорь остался по смерти отца младенцемъ; въ преданіи о занятіи Кіева Олегомъ Игорь является также младенцемъ, котораго не могли даже выве-

---

[1]) «Отъ тѣхъ аще полоняникъ обою страну держимъ есть или отъ Руси или отъ Грекъ, проданъ въ ину страну, оже обрящется или Русинъ или Гречинъ, да не купять (искупять) и възратять и скупленное (искупленное) лицо въ свою страну».—Передъ этимъ рѣчь шла о корабляхъ, застигнутыхъ бѣдою въ чужой землѣ; на Русскихъ и на Грековъ, которые могли случиться въ это время тутъ, налагалась обязанность охранять и провожать корабль изъ чужой земли домой; теперь говорится о плѣнникахъ русскихъ и греческихъ, проданныхъ въ чужую землю: на Русскихъ и Грековъ, которые могли случиться въ этой землѣ, налагается также обязанность выкупать невольниковъ союзнаго народа и возвращать ихъ въ отечество. Смыслъ ясенъ изъ самой связи пунктовъ.

[2]) Архангел. 10: «По семъ иде Ольгъ къ Новгороду, оттудѣ въ Ладогу». Стр. 11: «и есть могила его въ Ладозѣ".

[3]) Полное Собр. Р. Лѣт. 1, 16.

[4]) Тамъ же.

[5]) Въ Іоакимовской лѣтописи Олегъ названъ княземъ Урманскимъ или Норвежскимъ; въ скандинавскихъ сагахъ онъ является подъ именемъ Оддра Норвежскаго витязя, который прославился своими подвигами на востокѣ, княжилъ на Руси, умеръ, по предсказанію колдуньи, отъ любимаго коня... См. Antiquités russes t. I, p. 93 et squ.

сти, а вынесли на рукахъ; если Олегъ княжилъ 33 года, то Игорю, по смерти его, должно было быть около 35 лѣтъ [1]). Подъ 903 годомъ упоминается о женитьбѣ Игоря: Игорь выросъ, говоритъ лѣтописецъ, ходилъ по Олегѣ, слушался его, и привели ему жену изъ Пскова, именемъ Ольгу. Во время похода Олегова подъ Царьградъ, Игорь оставался въ Кіевѣ. Первое преданіе объ Игорѣ, занесенное въ лѣтопись, говоритъ, что Древляне, примученные Олегомъ, не хотѣли платить дани новому князю, затворились отъ него [2]), то-есть не стали пускать къ себѣ за данью ни князя, ни мужей его. Игорь пошелъ на Древлянъ, побѣдилъ и наложилъ на нихъ дань больше той, какую они платили прежде Олегу. Потомъ лѣтописецъ знаетъ русское преданіе и греческое извѣстіе о походѣ Игоря на Константинополь: въ 941 году Русскій князь пошелъ моремъ къ берегамъ Имперіи; Болгары дали вѣсть въ Царьградъ, что идетъ Русь; высланъ былъ противъ нея протовестіарій Ѳеофанъ, который пожегъ Игоревы лодки греческимъ огнемъ. Потерпѣвъ пораженіе на морѣ, Руссы пристали къ берегамъ Малой Азіи и, по обычаю, сильно опустошали ихъ; но здѣсь были застигнуты и разбиты патрикіемъ Вардою и доместикомъ Іоанномъ, бросились въ лодки и пустились къ берегамъ Ѳракіи; на дорогѣ были нагнаны, опять разбиты Ѳеофаномъ и съ малыми остатками возвратились назадъ въ Русь [3]). Дома бѣглецы оправдывались тѣмъ, что у Грековъ какой-то чудесный огонь, точно молнія небесная, которую они пускали на русскія лодки и жгли ихъ. Но на сухомъ пути что было причиною ихъ пораженія? Эту причину можно открыть въ самомъ преданіи, изъ котораго видно, что походъ Игоря не былъ похожъ на предпріятіе Олега, совершенное соединенными силами многихъ племенъ: это былъ скорѣе набѣгъ шайки, малочисленной дружины [4]). Что войско было мало, и этому обстоятельству современники приписывали причину неудачи, показываютъ слова лѣтописца, который тотчасъ, послѣ описанія похода, говоритъ, что Игорь, пришедши домой, началъ собирать большое войско, послалъ за море нанимать Варяговъ, чтобы идти опять на Имперію. Второй походъ Игоря на Грековъ лѣтописецъ помѣщаетъ подъ 944 годомъ; на этотъ разъ онъ говоритъ, что Игорь, подобно Олегу, собралъ много войска, Варяговъ, Русь, Полянъ Славянъ, Кривичей, Тиверцевъ, нанялъ Печенѣговъ, взявши у нихъ заложниковъ, и выступилъ въ походъ на лодьяхъ и коняхъ, чтобы отмстить за прежнее пораженіе. Корсуняцы послали сказать императору Роману: „Идетъ Русь съ безчисленнымъ множествомъ кораблей, покрыли все море кораблями“. Болгары послали также вѣсть: „Идетъ Русь, наняла и Печенѣговъ“. Тогда, по преданію, императоръ послалъ къ Игорю лучшихъ бояръ своихъ съ просьбою: „Не ходи, но возьми дань, которую бралъ Олегъ придамъ и еще къ ней“. Императоръ послалъ и къ Печенѣгамъ дорогія ткани и много золота. Игорь, дошедши до Дуная, созвалъ дружину и началъ съ ней думать о предложеніяхъ императорскихъ; дружина сказала: „Если такъ говоритъ царь, то чего намъ еще больше? не бившись, возьмемъ золото, серебро и паволоки! Какъ знать, кто одолѣетъ, мы или они? вѣдь съ моремъ нельзя заранѣе уговориться, не по землѣ ходимъ, а по глубинѣ морской, одна смерть всѣмъ“. Игорь послушался дружины, приказалъ Печенѣгамъ воевать Болгарскую Землю, взялъ у Грековъ золото и паволоки на себя и на все войско, и пошелъ назадъ въ Кіевъ. Въ слѣдующемъ 945 году былъ заключенъ договоръ съ Греками также, какъ видно, для подтвержденія краткихъ и, быть-можетъ, изустныхъ условій, заключенныхъ тотчасъ по окончаніи похода [5]). Для этого, по обычаю, отправились къ Константинополь послы и гости: послы отъ Великаго Князя и отъ всѣхъ его родственниковъ и родственницъ [6]). Они заключили миръ вѣчный, до тѣхъ поръ, пока солнце сіяетъ и весь міръ стоитъ. Кто помыслитъ изъ Русскихъ нарушить такую любовь, сказано въ договорѣ, то крещеный приметъ месть отъ Бога Вседержителя, осужденіе на погибель въ сей вѣкъ и въ будущій; некрещеные же не получатъ помощи ни отъ Бога,

---

[1]) Въ Воскресен. спискѣ о рожденіи Игоря упомянуто подъ 866 годомъ, въ Никон. подъ 865; но о 13 или 14-лѣтнемъ мальчикѣ нельзя сказать: дѣтескъ вельми! Степенная книга даетъ Игорю два года во время отцовской смерти.

[2]) Я предпочитаю чтеніе затворишася чтенію заратишася, которое есть очевидно позднѣйшее, на что прямо указываетъ предлогъ отъ, идущій къ затворишася и не идущій къ заратишася; при томъ же затворишася гораздо вѣрнѣе изображаетъ тогдашнія отношенія племенъ къ князю.

[3]) См. Византійцевъ Симеона Логоѳета, Льва Грамматика съ неизвѣстнымъ продолжателемъ Багрянороднаго, Григоріемъ монахомъ, Кедриномъ и Зонарою; Memor. popul.—Russica.

[4]) По лѣтописи, Болгары послали сказать императору, что Русь идетъ на 10,000 скедій; но Ліутпрандъ показываетъ число лодокъ — 1000 (V, 6), а Левъ Грамматикъ число войска въ 10,000 (Memor. popul., II, 967); но можемъ ли мы принять и послѣднее показаніе безошибочнымъ?

[5]) И въ договорѣ Игоря, какъ въ Олеговомъ, видимъ выраженіе: «Равно другаго свѣщанья».

[6]) Иворъ, посолъ Игоря Великаго Князя; Вуефастъ—Святослава, сына Игорева; Искусеви—Ольги княгини; Слуды—Игоря, племянника Великаго Князя отъ сестры (см. Карамз. I, примѣч. 347); Улѣбъ—Владислава; Каницаръ—Предславинъ; Шихбернъ - Сфандры, жены Улѣбовой вѣроятно вдовы, ибо имя Улѣба не упомянуто), Прастнѣъ—Турдовъ; Либіаръ—Фостовъ; Грумъ—Сфирновъ Прастѣнъ—Акуна, племянника Игорева отъ сестры; Кары—Тудковъ Каршевъ, Турдовъ, Егріевлисковъ, Воиковъ; Истръ—Аминодвъ; Прастѣнъ — Берновъ; Ятвягъ — Гунаревъ; Шибридъ—Алдановъ, Колклековъ, Стеггіетоновъ, Сфирковъ; Алвадъ—Гудовъ; Фудри—Туадовъ; Мутуръ—Утинъ. Потомъ слѣдуютъ гости или купцы: Адунь, Адулбъ, Иггивладъ, Олѣбъ, Фрутанъ, Гомолъ, Куци, Емигъ, Турбидъ Фурстенъ, Бруны, Роальдъ, Гунастръ, Фрастенъ, Игельдъ, Турбернъ, Моны, Руальдъ, Свѣнь, Стиръ, Алданъ, Тилена, Пубьксарь, Вузлѣвъ, Синько, Боричь. — Между именами, людей, отъ которыхъ идутъ послы, мы не видимъ ни Свѣнельда, ни Асмуда, тогда какъ Свѣнельдъ играетъ первую роль; это ведетъ къ заключенію, что всѣ поименованные въ договорѣ были изъ княжья, то есть изъ рода Игорева въ разныхъ степеняхъ и линіяхъ, мужеской и женской

ни отъ Перуна, не ущитятся щитами своими, будутъ посѣчены мечами своими, стрѣлами и инымъ орудіемъ, будутъ рабами въ сей вѣкъ и въ будущій. Великій Князь Русскій и бояре [1]) его посылаютъ къ великимъ царямъ Греческимъ корабли, сколько хотятъ, съ послами и гостями, какъ поставлено. Прежде послы носили печати золотыя, а гости серебряныя; теперь же они должны показать грамоту отъ князя своего, въ которой онъ долженъ написать, что послалъ столько-то кораблей: поэтому Греки и будутъ знать, что Русь пришла съ миромъ. А если придутъ безъ грамоты, то Греки будутъ держать ихъ до тѣхъ поръ, пока не обошлются съ княземъ Русскимъ; если же Русскіе будутъ противиться задержкѣ вооруженною рукою то могутъ быть перебиты, и князь не долженъ взыскивать за это съ Грековъ; если же убѣгутъ назадъ въ Русь, то Греки отпишутъ объ этомъ Русскому князю, и онъ поступитъ съ бѣглецами, какъ ему вздумается. Это ограниченіе новое, его нѣтъ въ Олеговомъ договорѣ.—Послѣ повторенія Олеговыхъ условій о мѣстѣ жительства и содержаніи русскихъ пословъ и гостей, прибавлена слѣдующая статья: къ Русскимъ будетъ приставленъ человѣкъ отъ правительства греческаго, который долженъ разбирать спорныя дѣла между Русскими и Греками. Русскіе купцы, вошедши въ городъ, не имѣютъ права покупать паволоки дороже 50 золотниковъ [2]); всѣ купленныя паволоки должны показывать греческому чиновнику, который кладетъ на нихъ клеймо: этого ограниченія мы не находимъ въ договорѣ Олеговомъ. По новому договору, Русскіе не могли зимовать у Св. Мамы: въ Олеговомъ договорѣ этого условія также нѣтъ; впрочемъ и тамъ князь требовалъ содержанія гостямъ только на 6 мѣсяцевъ.—Если убѣжитъ рабъ изъ Руси, или отъ Русскихъ, живущихъ у Св. Мамы, и если найдется, то владѣльцы имѣютъ право взять его назадъ; если же не найдется, то Русскіе должны клясться, христіане и нехристіане—каждый по своему закону, что рабъ дѣйствительно убѣжалъ въ Грецію, и тогда, какъ постановлено прежде [3]), возьмутъ цѣну раба—двѣ паволоки. Если рабъ греческій уйдетъ въ Русскимъ съ покражею, то должно возвратить и раба, и принесенное имъ, въ цѣлости, за что возвратившіе получаютъ два золотника въ награду. Въ случаѣ покражи, воръ съ обѣихъ сторонъ будетъ строго наказалъ, по греческому закону, и возвратитъ не только украденное, но и цѣну его: если же украденная вещь отыщется въ продажѣ, то и цѣну должно отдать двойную. Въ Олеговомъ договорѣ ничего не сказано о наказаніи вора, а только о возвращеніи украденнаго; въ Игоревомъ—Греки даютъ силу своему закону, требующему наказанія преступнику [4]). Если Русскіе приведутъ плѣнниковъ христіанъ, то за юношу или дѣвицу добрую платятъ имъ 10 золотниковъ, за среднихъ лѣтъ человѣка 8, за старика или дитя 5; своихъ плѣнниковъ выкупаютъ Русскіе за 10 золотниковъ; если же Грекъ купилъ русскаго плѣнника, то беретъ за него цѣну, которую заплатилъ, цѣлуя крестъ въ справедливости показанія. Князь Русскій не имѣетъ права воевать область Корсунскую и ея города: эта страна не покоряется Руси.—Въ случаѣ нужды, съ обѣихъ сторонъ обязываются помогать войскомъ. Въ случаѣ, если Русскіе найдутъ греческій корабль, выброшенный на какой-нибудь берегъ, то не должны обижать находящихся на немъ людей; въ противномъ случаѣ преступникъ повиненъ закону русскому и греческому: здѣсь опять греческій законъ подлѣ русскаго; положительная обязанность Олегова договора замѣнена здѣсь отрицательною—только не трогать Грековъ.—Русскіе не должны обижать Корсунцевъ, ловящихъ рыбу въ устьи днѣпровскомъ; Русскіе не могутъ зимовать въ устьи Днѣпра въ Бѣлобережьи и у Св. Еѳерія; но когда придетъ осень, должны возвращаться домой въ Русь. Греки хотятъ, чтобы князь Русскій не пускалъ черныхъ (Дунайскихъ) Болгаръ воевать страну Корсунскую. Если Грекъ обидитъ Русскаго, то Русскіе не должны самоуправствомъ казнить преступника; наказываетъ его греческое правительство [5]). Слѣдующія затѣмъ условія, какъ поступать въ уголовныхъ случаяхъ, сходны съ условіями Олегова договора.

Послы Игоревы пришли домой вмѣстѣ съ послами греческими; Игорь призвалъ послѣднихъ къ себѣ и спросилъ: „Что вамъ говорилъ царь?“ Тѣ отвѣчали: „Царь послалъ насъ къ тебѣ: онъ радъ миру, хочетъ имѣть любовь съ княземъ Русскимъ; твои послы водили нашихъ царей къ присягѣ, а цари послали насъ привести къ присягѣ тебя и мужей твоихъ“. Игорь обѣщалъ имъ это. На дру-

[1]) Въ договорахъ названія «князь» и «бояринъ» употребляются безъ различія одно вмѣсто другого; списки, въ свою очередь, также смѣшиваютъ оба названія: гдѣ въ одномъ стоитъ князья, тамъ въ другомъ бояре.

[2]) Да не имѣютъ волости, купити паволоки лише по 50 золотникъ.—По свидѣтельству Ліутпранда, самыя дорогія ткани было запрещено вывозить изъ Константинополя иностранцамъ. — Карамзинъ, приводя самъ свидѣтельство Ліутпранда (I примѣч. 350), несмотря на то, переводитъ статью договора такъ: «Всякая ткань, купленная Русскими цѣною выше 50 золотниковъ (или червонцевъ), должна быть ему (чиновнику) показана, чтобы онъ приложилъ къ ней печать свою».

[3]) Еще указаніе на прежнія условія, на которыхъ помирился Игорь.

[4]) Я здѣсь не принимаю чтенія Лавр. списка: «По уставу и по закону русскому», ибо и въ русскомъ законѣ нѣтъ наказанія вору. Другіе списки имѣютъ только: «По уставу Грецкому».

[5]) «Ци аще ключится проказа никака отъ Грекъ, сущихъ подъ властью царства нашего, да не имать (да не имате) власти казнити я, не повелѣньемъ царства нашего, да пріиметъ, якоже будетъ створилъ».—И вслѣдъ за этимъ слѣдуетъ условіе, что, въ случаѣ убійства, родственники убитаго не имѣютъ права умертвить убійцу, но держать его только, чтобы потомъ правительство имѣло возможность казнить его смертію: «Аще убьетъ христіанинъ Русина, или Русинъ хрестеянина, и да держимъ будетъ створливый убійство отъ ближнихъ убіенаго, да убьютъ». Тогда какъ въ Олеговомъ договорѣ прямо сказано, что убійца долженъ умереть на мѣстѣ.

гое утро онъ призвалъ пословъ и повелъ ихъ на холмъ, гдѣ стоялъ Перунъ; здѣсь Русскіе поклали оружіе свое, щиты, золото, и такимъ образомъ присягалъ Игорь и всѣ люди его, сколько было некрещеной Руси; христіанъ же приводили къ присягѣ въ церкви Св. Иліи: это была соборная церковь, потому что многіе Варяги уже были христіане. Игорь отпустилъ пословъ, одаривъ ихъ мѣхами, рабами и воскомъ.

Такъ разсказываетъ лѣтописецъ о войнѣ и мирѣ съ Греками; для насъ договоръ Игоря и разсказъ лѣтописца замѣчательны во многихъ отношеніяхъ. Прежде всего мы замѣчаемъ, что договоръ Игоря не такъ выгоденъ для Руси, какъ былъ прежде договоръ Олеговъ: ясно виденъ перевѣсъ на сторонѣ Грековъ: въ немъ больше стѣсненій, ограниченій для Русскихъ; подлѣ закона русскаго имѣетъ силу законъ греческій. Потомъ останавливаютъ насъ въ договорѣ чисто-славянскія имена между родичами князя и купцами русскими. Далѣе встрѣчаемъ замѣчательное выраженіе—Русская Земля, которое попадается здѣсь въ первый разъ: знакъ большей твердости въ отношеніяхъ къ странѣ, тѣснѣйшей связи съ нею. Наконецъ и въ договорѣ, и въ разсказѣ лѣтописца ясно обнаруживаются слѣдствія походовъ на Византію, связи съ Греками: Русь раздѣляется на языческую и христіанскую; въ Кіевѣ видимъ соборную церковь Св. Иліи.

Кромѣ столкновенія съ Греками, въ лѣтопись занесено преданіе о столкновеніяхъ Игоря съ кочующими степными народами,—съ Печенѣгами. Мы видѣли, что Олегъ утвердилъ столъ князей Русскихъ на степной границѣ; слѣдовательно постоянною обязанностью новаго владѣнія будетъ борьба со степными варварами. Въ это время господствующимъ народомъ въ степяхъ Донскихъ и Волжскихъ были Козары, бравшіе дань со многихъ племенъ славянскихъ; мы видѣли, что Олегъ заставилъ эти племена платить дань себѣ, а не Козарамъ, вслѣдствіе чего надобно было бы ожидать враждебнаго столкновенія Руси съ послѣдними; но, какъ видно, до лѣтописца не дошло преданій о немъ. Если въ самомъ дѣлѣ столкновенія не было, или было весьма слабое, то это должно приписать тому, что Козары были заняты тогда сильною борьбою съ Печенѣгами. Съ давнихъ поръ народы турецкаго племени, подъ именемъ Хангаровъ, кочевали въ Средней Азіи и распространялись на западъ до Яика и Волги, гдѣ именно историческія извѣстія застаютъ ихъ подъ именемъ Печенѣговъ. Печенѣги граничили къ западу съ Козарами, а къ востоку съ другими турецкими ордами, кочевавшими въ нынѣшнихъ Киргизъ-Кайсацкихъ степяхъ и носившими названіе Узовъ, или Гузовъ, то-есть Свободныхъ. Какъ легко угадать, между Печенѣгами и западными сосѣдями ихъ, Козарами, возникла кровавая борьба въ VIII и IX столѣтіи. Козары съ трудомъ оборонялись отъ ихъ нападеній; наконецъ, заключивши союзъ съ Узами, напали съ двухъ сторонъ на Печенѣговъ. Тогда большая часть послѣднихъ оставила свое прежнее отечество, двинулась на западъ, ударила и погнала предъ собою Угровъ, подданныхъ козарскихъ, которые и побѣжали далѣе на западъ. Немудрено, что при такихъ потрясеніямъ, происходившихъ въ степяхъ, юная Русь могла оставаться нѣкоторое время спокойною на берегахъ Днѣпра. При Олегѣ палатки Венгровъ явились у Кіева, но о столкновеніяхъ этого народа съ Русью до лѣтописца не дошло преданій. Скоро, впрочемъ, по слѣдамъ Угровъ явились на границахъ Руси побѣдители ихъ, Печенѣги, грозившіе большою опасностью преемникамъ Олега. Подъ 915 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ первое извѣстіе о появленіи Печенѣговъ въ предѣлахъ Руси; на этотъ разъ Игорь заключилъ съ ними миръ, и они отправились къ Дунаю; но чрезъ пять лѣтъ Русскій князь долженъ былъ уже силою отражать варваровъ. Потомъ видимъ Печенѣговъ союзниками его въ греческомъ походѣ.

Подъ 946 годомъ лѣтописецъ помѣщаетъ последнее преданіе объ Игорѣ. „Какъ пришла осень", разсказываетъ онъ, „то дружина стала говорить князю": „Отроки Свѣнельда богаты оружіемъ и платьемъ, а мы наги: пойди, князь, съ нами въ дань,—и ты добудешь, и мы" [1]). Послушался ихъ Игорь, пошелъ за данью къ Древлянамъ, началъ брать и у нихъ больше прежняго, дѣлалъ имъ насилія и дружина его также. Взявши дань, Игорь пошелъ въ свой городъ; на дорогѣ, подумалъ, сказалъ дружинѣ: „Идите съ данью домой, а я возвращусь, похожу еще". Отпустивъ большую часть дружины домой, Игорь съ небольшимъ числомъ ратниковъ возвратился, чтобы набрать еще больше дани. Древляне, услыхавъ, что Игорь опять идетъ, начали думать съ княземъ своимъ Маломъ: „Повадится волкъ къ овцамъ, перетаскаетъ все стадо, пока не убьютъ его, такъ и этотъ: если не убьемъ его, то всѣхъ насъ разоритъ". Порѣшивши такъ, они послали сказать Игорю: „Зачѣмъ идешь опять? Вѣдь ты взялъ всю дань"? Но Игорь не послушался ихъ. Тогда Древляне, вышедши изъ города Коростеня, убили Игоря и всѣхъ бывшихъ съ нимъ". Такъ, по преданію, погибъ Игорь [2]).

Разсмотрѣвъ занесенныя въ лѣтопись преданія объ Игорѣ, мы видимъ, что преемникъ Олега представленъ въ нихъ княземъ недѣятельнымъ, вождемъ неотважнымъ. Онъ не ходитъ за данью къ прежде подчиненнымъ уже племенамъ, не покоряетъ новыхъ, дружина его бѣдна и робка, подобно ему: съ большими силами, безъ боя, возвращаются они назадъ изъ Греческаго похода, потому что не увѣрены въ своемъ мужествѣ и боятся бури. Но къ этимъ чертамъ Игорева характера въ преданіи прибавлена еще другая—корыстолюбіе, недостойное, по

[1]) За годъ только Игорь возвратился изъ греческаго похода, взявши съ Грековъ золото и паволоки и на вся воя, а между тѣмъ дружинники его жалуются, что они наги. Или распредѣленіе событій по годамъ у лѣтописца невѣрно, или описаніе похода и его слѣдствій невѣрно, а можетъ-быть и то, и другое.

[2]) Византіецъ Левъ Діаконъ говоритъ, что Древляне, привязавъ Игоря къ двумъ деревьямъ, разорвали его.

тогдашнимъ понятіямъ, хорошаго вождя дружины, который дѣлилъ все съ нею, а Игорь, отпустивъ дружину домой, остался почти одинъ у Древлянъ, чтобы взятою еще данью не дѣлиться съ дружиною. Здѣсь также объясненіе, почему и первый походъ на Грековъ былъ предпринятъ съ малымъ войскомъ, да и во второмъ не всѣ племена участвовали.

Мы читали въ преданіи, что дружина Игорева указывала на свою бѣдность и на богатство отроковъ Свѣнельдовыхъ; есть извѣстія, объясняющія намъ причину этого богатства: воевода Свѣнельдъ взялъ на себя обязанность князя ходить за данью къ племенамъ и воевать съ тѣми, которыя не хотѣли платить ея. Такъ Свѣнельдъ кончилъ дѣло, начатое Олегомъ; ему удалось примучить Угличей; Игорь обложилъ ихъ данью въ пользу Свѣнельда. Война съ Угличами была не легка: подъ городомъ ихъ, Пересѣченомъ, Свѣнельдъ стоялъ три года, и едва взялъ его [1]). Но въ то время, какъ Свѣнельдъ продолжалъ дѣло Олегово, примучивалъ племена на берегахъ Днѣпра, нѣкоторые отряды Руссовъ, по византійскимъ извѣстіямъ, бились подъ императорскими знаменами въ Италіи [2]), а другіе, по восточнымъ преданіямъ, пустошили берега Каспійскаго моря [3]). Въ 913 или 914 году 500 русскихъ судовъ, изъ которыхъ на каждомъ было по сту человѣкъ, вошли въ устье Дона, и, приплывъ къ козарской стражѣ, послали къ кагану съ просьбою о пропускѣ черезъ его владѣнія на Волгу и въ море, обѣщая ему за это половину добычи, какую они возьмутъ съ народовъ прикаспійскихъ. Получивъ позволеніе, они поплыли вверхъ по Дону, потомъ переволокли суда свои на Волгу, устьемъ ея вышли въ Каспійское море и начали опустошать западные его берега до самой области Адербайжанской, били мужчинъ, уводили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, грабили богатства. Частыя битвы съ жителями не причиняли имъ большого вреда: опустошивши берега, они обыкновенно искали убѣжища на островахъ. Наконецъ жители собрали силы и, сѣвъ на лодки и купеческія суда, отправились къ этимъ островамъ, но Руссы поразили ихъ. Проживъ много мѣсяцевъ на морѣ, награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ устью Волги и отсюда послали къ царю Козарскому условленную часть добычи. Но мусульмане, составлявшіе гвардію кагана, и другіе, жившіе въ его странѣ, обратились къ нему съ просьбою: „Позволь намъ, говорили они, раздѣлаться съ этимъ народомъ; онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ—мусульманъ, проливалъ кровь ихъ, поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей". Каганъ не въ силахъ былъ удержать ихъ, онъ могъ только извѣстить Русскихъ о враждебныхъ замыслахъ мусульманъ. Послѣдніе отправились въ походъ вмѣстѣ со многими христіанами,—жителями Итиля: у нихъ было 15,000 войска: Руссы вышли изъ лодокъ къ нимъ на встрѣчу. Бой продолжался три дня сряду; наконецъ мусульмане побѣдили; изъ Руссовъ одни были побиты, другіе потонули, часть была истреблена Буртасами (Мордвою) и Болгарами Волжскими.—Подъ 943 или 944 годомъ у восточныхъ писателей находимъ извѣстіе о другомъ походѣ Руссовъ: на этотъ разъ они поднялись вверхъ по рѣкѣ Курѣ и внезапно явились передъ Бердаа, столицею Аррана, или нынѣшняго Карабага. Бердаа, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ прикавказскихъ, принадлежалъ Армянамъ еще въ V вѣкѣ, былъ возобновленъ Арабами въ 704 году, а въ X вѣкѣ считался однимъ изъ богатѣйшихъ городовъ Халифата. Градоначальникъ Бердаа выступилъ противъ Руссовъ и былъ разбитъ ими. Вступивъ въ Бердаа, Руссы объявили, что жизнь гражданъ будетъ пощажена, и вели себя умѣренно Войска мусульманскія собрались опять и вторично были разбиты. Во время сраженія чернь Бердаа, вышедши изъ города, стала бросать въ Руссовъ каменьями и ругать ихъ сильно. Послѣ такого поступка, разсерженные Руссы объявили, чтобы въ теченіи недѣли всѣ жители Бердаа вышли изъ города; но такъ какъ многіе остались послѣ срока. то Руссы часть ихъ перебили, часть взяли въ плѣнъ и, собравши самыхъ богатыхъ въ мечеть, объявили, что тѣ, которые не выкупятъ себя, будутъ преданы смерти. Когда тѣ не хотѣли заплатить по двадцати драхмъ, то обѣщаніе и было исполнено. Потомъ Руссы разграбили городъ, взяли въ рабство женъ и дѣтей, разбили еще разъ тридцатитысячный мусульманскій отрядъ и сдѣлали набѣгъ на окрестности Мераги (недалеко отъ Тебриза). Но излишнее употребленіе плодовъ въ Бердаа произвело заразительную болѣзнь между Руссами, отъ которой погибло большое ихъ число. Наконецъ, правителю Адербайджана, Мерзебану, удалось побѣдить Руссовъ хитростью, заманивъ ихъ въ засаду, и остатокъ ихъ осадить въ крѣпости Бердаа, Шегристанѣ. Ослабленные болѣзнями, Руссы ночью вышли изъ крѣпости, достигли береговъ Куры, сѣли на суда и отправились назадъ. Враги не смѣли ихъ преслѣдовать.—Если примемъ извѣстія о давнемъ пребываніи части Руссовъ на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, то очень легко можемъ приписать имъ и означенные походы; сильныя пораженія, претерпѣнныя ими въ это время, объяснятъ намъ ихъ исчезновеніе или, лучше сказать, ихъ подчиненіе князьямъ Кіевскимъ.

[1]) Никон. 1, 41.

[2]) Memor. popul. t. II, p. 973.

[3]) См. статьи Григорьева—о древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ (Журн. Мин. Народ. Просв. 1853, 5).—Также статьи Куника въ Bulletin de l'Acad. de Pétersb.: sur la première expédition Caspienne des Russes Normands en 914, d'après la chronique inédite de l'Arménien Mosè Caghancatevatsi.—Sur l'expedition des Russes Normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne d'après Nizâmi, Ibn-ab-Athir et Ainy.

Глава VI.

Правленіе Ольги. — Месть Древлянамъ. — Значеніе преданія объ этой мести — Характеръ Ольги въ преданіи. — Ея уставы.—Принятіе христіанства Ольгою.— Характеръ сына ея Святослава.—Его походы на Вятичей и Козаровъ.—Святославъ въ Дунайской Болгаріи.—Печенѣги подъ Кіевомъ.—Смерть Ольги.—Распоряженіе Святослава относительно сыновей.—Возвращеніе его въ Болгарію.—Война съ Греками.— Смерть Святослава. — Характеръ его въ преданіи. — Усобица между сыновьями Святослава. — Владиміръ въ Кіевѣ. — Усиленіе язычества. — Буйство Варяговъ; уходъ ихъ въ Грецію.

(946—980.)

Древляне должны были ожидать мести отъ родныхъ Игоря, отъ Руси изъ Кіева. Игорь оставилъ сына-младенца, Святослава, да жену Ольгу[1]). Воспитателемъ (кормильцемъ) Святослава былъ Асмудъ, воеводою—знаменитый Свѣнельдъ. Ольга не дожидалась совершеннолѣтія сына и отомстила сама Древлянамъ, какъ требовалъ законъ. Народное преданіе, занесенное въ лѣтопись, такъ говоритъ о мести Ольгиной. Убивъ Игоря, Древляне стали думать: „Вотъ мы убили Русскаго князя; возьмемъ теперь жену его Ольгу за нашего князя Мала, а съ сыномъ его, Святославомъ, сдѣлаемъ, что хотимъ". Порѣшивши такимъ образомъ, Древляне послали двадцать лучшихъ мужей своихъ къ Ольгѣ въ лодьѣ [2]). Узнавъ, что пришли Древляне, Ольга позвала ихъ къ себѣ и спросила, зачѣмъ они пришли. Послы отвѣчали: „Послала насъ Древлянская Земля сказать тебѣ: мужа твоего мы убили, потому что онъ грабилъ насъ, какъ волкъ, а наши князья добры, распасли Древлянскую Землю; что бы тебѣ пойти замужъ за нашего князя Мала?" Ольга сказала имъ на это: „Люба мнѣ ваша рѣчь; вѣдь въ самомъ дѣлѣ мнѣ мужа своего не воскресить! Но мнѣ хочется почтить васъ завтра предъ своими людьми; теперь вы ступайте назадъ въ свою лодью и разлягтесь тамъ съ важностью; а какъ завтра утромъ я пришлю за вами, то вы скажете посланнымъ: не ѣдемъ на коняхъ, нейдемъ пѣшкомъ, а несите насъ въ лодьѣ! Они васъ и понесутъ". Когда Дрявляне ушли назадъ въ свою лодку, то Ольга велѣла на загородномъ теремномъ дворѣ выкопать большую, глубокую яму и на другое утро послала за гостями, велѣвъ сказать имъ: „Ольга зоветъ васъ на великую честь". Древляне отвѣчали: „Не ѣдемъ ни на коняхъ, ни на возахъ и пѣшкомъ нейдемъ, несите насъ въ лодьѣ!" Кіевляне сказали на это: „Мы люди невольные; князь нашъ убитъ, а княгиня наша хочетъ замужъ за вашего князя",—и понесли ихъ въ лодьѣ, а Древляне, сидя, важничали [3]). Когда принесли ихъ на теремный дворъ, то бросили въ яму, какъ есть въ лодьѣ. Ольга нагнулась къ нимъ и спросила: „Довольны ли вы честью?" Древляне отвѣчали: „Охъ, хуже намъ Игоревой смерти!" Княгиня велѣла засыпать ихъ живыхъ, и засыпали. Послѣ этого Ольга послала сказать Древлянамъ: „Если вы въ самомъ дѣлѣ меня просите къ себѣ, то пришлите мужей нарочитыхъ, чтобы мнѣ придти къ вамъ съ великою честью, а то пожалуй Кіевляне меня и не пустятъ". Древляне выбрали лучшихъ мужей, державшихъ ихъ Землю, и послали въ Кіевъ. По пріѣздѣ новыхъ пословъ, Ольга велѣла вытопить баню, и когда Древляне вошли туда и начали мыться, то двери за ними заперли и зажгли избу: послы сгорѣли. Тогда Ольга послала сказать Древлянамъ: „Я уже на дорогѣ къ вамъ, наварите побольше медовъ въ городѣ, гдѣ убили мужа моего, я поплачу надъ его могилою и отпраздную тризну". Древляне послушались, свезли много меду и заварили. Ольга съ небольшою дружиною, налегкѣ, пришла къ Игоревой могилѣ, поплакала надъ нею и велѣла своимъ людямъ насыпать высокій курганъ, а когда насыпали, то велѣла праздновать тризну. Древляне сѣли пить, а Ольга велѣла отрокамъ своимъ служить имъ. Когда Древляне спросили Ольгу: „А гдѣ же наша дружина, что посылали за тобою?" то она отвѣчала: „Идутъ за мной вмѣстѣ съ дружиною мужа моего". Когда Древляне опьянѣли, то Ольга велѣла отрокамъ своимъ **пить** за ихъ здоровье [4]), а сама отошла прочь и приказала дружинѣ сѣчь Древлянъ. Перебили ихъ 5,000. Ольга возвратилась

---

[1]) Изъ преданій о происхожденіи Ольги можно принять за вѣрное только одно, что она была родомъ изъ сѣверныхъ областей. Это обстоятельство опять указываетъ намъ на тѣсную связь сѣвера съ югомъ при первыхъ князьяхъ.

[2]) Коростень, нынѣ Искорость, мѣстечко на рѣкѣ Уши; Ушь впадаетъ въ Днѣпръ у Чернобыля.

[3]) Они же сѣдяху въ перегъ-бѣхъ въ великихъ сустугахъ гордящеся.—Карамзинъ (I, примѣч. 370). «Перегибами назывались, кажется, нѣкоторыя особенныя лодки. **Сустуги** могутъ значить кривлянье».—Но въ лѣтописи нѣсколько разъ повторено, что Древляне пріѣхали въ **одной** лодьѣ. Что **сустугъ** можетъ значить кривлянье, нельзя заключить ни изъ чего. Гораздо скорѣе оба слова могутъ означать одежду отъ **перегибаю** и **стягиваю**.

[4]) На стр. 71 перваго тома Полн. Собр. Рус. Лѣт. читаемъ: «Единою же пьющу Ростиславу съ дружиною своею, рече Котопанъ: «Княже! хочу на тя пити». Слѣдовательно, пить на кого-нибудь значитъ пить за чье-нибудь здоровье, и слѣдовательно приказаніе Ольги отрокамъ пить за здоровье Древлянъ, которыхъ готовились умертвить, означало также насмѣшку.

въ Кіевъ и начала пристроивать войско на остальныхъ Древлянъ.

На слѣдующій годъ Ольга собрала большое и храброе войско, взяла съ собою сына Святослава и пошла на Древлянскую Землю. Древляне вышли навстрѣчу. Когда оба войска сошлись, то Святославъ сунулъ копьемъ въ Древлянъ, копье пролетѣло между ушей коня и ударило ему въ ноги, потому что князь былъ еще ребенокъ. Свѣнельдъ и Асмудъ сказали тогда: „Князь уже началъ; потянемъ, дружина, за княземъ!“ Древляне были побѣждены, побѣжали и затворились по городамъ. Ольга съ сыномъ пошла на городъ Искоростень, потому что здѣсь убили мужа ея, и обступила городъ. Коростенцы бились крѣпко, зная, что они убили князя, и потому не будетъ имъ милости, когда сдадутся. Цѣлое лѣто простояла Ольга подъ городомъ и не могла взять его; тогда она придумала вотъ что сдѣлать: послала сказать въ Коростень: „Изъ чего вы сидите? Всѣ ваши города сдались мнѣ, взялись платить дань и спокойно теперь обработываютъ свои поля; а вы одни хотите лучше помереть голодомъ, чѣмъ согласиться на дань.“ Древляне отвѣчали: „Мы рады были бы платить дань, но вѣдь ты хочешь мстить за мужа?“ Ольга велѣла имъ сказать на это: „Я уже отомстила за мужа не разъ, въ Кіевѣ, и здѣсь на тризнѣ, а теперь уже не хочу больше мстить, а хочу дань брать понемногу и, помирившись съ вами, пойду прочь“. Древляне спросили: „Чего же ты хочешь отъ насъ? ради давать медомъ и мѣхами“. Ольга отвѣчала: „Теперь у васъ нѣтъ ни меду, ни мѣховъ, и потому требую отъ васъ немного: дайте мнѣ отъ двора по три голубя да по три воробья; я не хочу накладывать на васъ тяжкой дани, какъ дѣлалъ мой мужъ, а прошу съ васъ мало, потому что вы изнемогли въ осадѣ“. Древляне обрадовались, собрали отъ двора по три голубя и послали ихъ къ Ольгѣ съ поклономъ. Ольга велѣла имъ сказать: „Вы уже покорились мнѣ и моему дитяти, такъ ступайте въ свой городъ; а я завтра отступлю отъ него и пойду назадъ къ себѣ домой“. Древляне охотно пошли въ городъ, и всѣ жители его очень обрадовались, когда узнали Ольгино намѣреніе. Между тѣмъ Ольга раздала каждому изъ своихъ ратныхъ людей по голубю, другимъ по воробью и велѣла, завернувъ въ маленькія тряпочки сѣру съ огнемъ, привязать къ каждой птицѣ и, какъ смеркнется, пустить ихъ на волю. Птицы, получивъ свободу, полетѣли въ свои гнѣзда,—голуби по голубятнямъ, воробьи подъ стрѣхи, и вдругъ загорѣлись гдѣ голубятни, гдѣ клѣти, гдѣ вежи, гдѣ одрины [1]), и не было ни одного двора, гдѣ бы не горѣло, а гасить было нельзя, потому что всѣ дворы загорѣлись вдругъ. Жители, испуганные пожаромъ, побѣжали изъ города и были перехватаны воинами Ольги. Такимъ образомъ, городъ былъ взятъ и выжженъ; старѣйшинъ городскихъ Ольга взяла себѣ; изъ остальныхъ нѣкоторыхъ отдала въ рабы дружинѣ, другихъ оставила на мѣстѣ платить дань. Дань наложена была тяжкая: двѣ части ея шли въ Кіевъ, а третья въ Вышгородъ къ Ольгѣ, потому что Вышгородъ принадлежалъ ей [2]).

Таково преданіе объ Ольгиной мести. Оно драгоцѣнно для историка, потому что отражаетъ въ себѣ господствующія понятія времени, поставлявшія месть за убійство близкаго человѣка священною обязанностью; видно, что и во времена составленія лѣтописи эти понятія не потеряли своей силы. При тогдашней неразвитости общественныхъ отношеній, месть за родича была подвигомъ по преимуществу: вотъ почему разсказъ о такомъ подвигѣ возбуждалъ всеобщее, живое вниманіе, и потому такъ свѣжо и украшенно сохранился въ памяти народной. Общество всегда, на какой бы ступени развитія оно ни стояло, питаетъ глубокое уваженіе къ обычаямъ, его охраняющимъ, и прославляетъ, какъ героевъ, тѣхъ людей, которые даютъ силу этимъ охранительнымъ обычаямъ. Въ нашемъ древнемъ обществѣ въ описываемую эпоху его развитія обычай мести былъ именно этимъ охранительнымъ обычаемъ, замѣнявшимъ правосудіе; и тотъ, кто свято исполнялъ обязанность мести, являлся необходимо героемъ правды, и чѣмъ жесточе была месть, тѣмъ больше удовлетворенія находило себѣ тогдашнее общество, тѣмъ больше прославляло мстителя, какъ достойнаго родича; а быть достойнымъ родичемъ

---

[1]) См. ниже: описаніе жилищъ, въ главѣ о народномъ бытѣ.

[2]) Здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ давать княгинямъ въ посмертное владѣніе города,—обычай, употребительный послѣ. Какъ видно, былъ обычай также, что дань (или нѣкоторая ея часть) съ покореннаго племени шла тому князю или тому мужу княжескому, который наложилъ ее: такъ извѣстно, что Угличи платили дань въ пользу Свѣнельда, ихъ примучившаго. Ольга, принимавшая такое сильное участіе въ окончательномъ покореніи Древлянъ, имѣла полное право и на дань древлянскую, а если удовольствовалась третьею частью, такъ потому, что распоряжалась именемъ своего малолѣтняго сына. Далѣе насъ останавливаютъ выраженія: «двѣ части дани идетъ Кіеву, а третья Вышегороду къ Ользѣ». Для чего вмѣсто лицъ мѣста? почему не князю Святославу, княгинѣ Ольгѣ?—Естественно употребить имя стольнаго города вмѣсто имени князя, ибо князья мѣняются, столицы же остаются, слѣдовательно именами ихъ гораздо удобнѣе выражать извѣстную, постоянную подчиненность, извѣстныя постоянныя отношенія; такъ послѣ, напримѣръ, сказано, что всѣ посадники новгородскіе платили ежегодно извѣстную сумму денегъ въ Кіевъ, то-есть великимъ князьямъ Кіевскимъ. Но въ разбираемомъ мѣстѣ показывается отношеніе не постоянное, а временное, условленное личностью Ольги, и, несмотря на то, дань шла въ Вышгородъ, хотя извѣстно, что Ольга жила въ Кіевѣ: такъ послѣ, во время нашествія Печенѣговъ, мы видимъ ее въ томъ городѣ съ внучатами; слѣдовательно, должно предположить, что казна Ольги хранилась въ Вышгородѣ. Какъ послѣ видно, что князья имѣютъ свои дворы въ разныхъ мѣстахъ, куда собираютъ много всякаго добра; такъ, вѣроятно, и въ Вышгородѣ у Ольги былъ подобный дворъ, куда собирались запасы изъ мѣстъ, ей принадлежавшихъ; тамъ же должна была складываться и древлянская дань, а въ чемъ состояла эта дань, намъ извѣстно: въ мѣхахъ и медѣ.

*

значило тогда, въ переводѣ на наши понятія, быть образцовымъ гражданиномъ. Вотъ почему въ преданіи показывается, что месть Ольги была достойною местью. Ольга—мудрѣйшая изъ людей, прославляется именно за то, что умѣла изобрѣсти достойную месть: она, говоритъ преданіе, подошла къ ямѣ, гдѣ лежали древлянскіе послы, и спросила ихъ: „Нравится ли вамъ честь“? Тѣ отвѣчали: „Охъ, пуще намъ Игоревой смерти“! Преданіе, согласно съ понятіями времени, заставляетъ Древлянъ оцѣнивать поступокъ Ольги: „Ты хорошо умѣешь мстить; наша смерть лютѣе Игоревой смерти“. Ольга не первая женщина, которая въ средневѣковыхъ преданіяхъ прославляется неумолимою мстительностью: это явленіе объясняется изъ характера женщины, равно какъ изъ значенія мести въ тогдашнемъ обществѣ; женщина отличается благочестіемъ въ религіозномъ и семейномъ смыслѣ; обязанность же мести за родного человѣка была тогда обязанностью религіозною, обязанностью благочестія.

Характеръ Ольги, какъ онъ является въ преданіи, важенъ для насъ и въ другихъ отношеніяхъ: не въ однихъ только именахъ находимъ сходство Ольги съ знаменитымъ преемникомъ Рюрика, собирателемъ племенъ. Какъ Олегъ, такъ и Ольга отличаются въ преданіи мудростью по тогдашнимъ понятіямъ, т.-е. хитростью, ловкостью: Олегъ хитростью убиваетъ Аскольда и Дира, хитростью пугаетъ Грековъ, наконецъ перехитряетъ этотъ лукавѣйшій изъ народовъ; Ольга хитростью мститъ Древлянамъ, хитростью беретъ Коростень, наконецъ, въ Царѣградѣ перехитряетъ императора. Но не за одну эту хитрость Олегъ прослылъ вѣщимъ, Ольга—мудрѣйшею изъ людей: въ преданіи являются они также какъ нарядники, заботящіеся о строѣ земскомъ; Олегъ установилъ дани, строилъ города; Ольга объѣхала всю Землю, повсюду оставила слѣды своей хозяйственной распорядительности. Преданіе говоритъ, что, немедленно послѣ мести надъ Древлянами, Ольга съ сыномъ и дружиною пошла по ихъ Землѣ, установляя у с т а в ы и уроки; на с т а н о в и щ а е я и л о в и щ а, т.-е. на мѣста, гдѣ она останавливалась и охотилась, указывали еще во времена лѣтописца. Подъ именемъ у с т а в а должно разумѣть всякое опредѣленіе, какъ что-нибудь дѣлать [1]); подъ именемъ у р о к а—всякую обязанность, которую должны выполнять къ опредѣленному сроку, будетъ ли то уплата извѣстной суммы денегъ, извѣстнаго количества какихъ-нибудь вещей, или какая-нибудь работа. Послѣ распоряженій въ Землѣ Древлянской, Ольга пошла на сѣверъ, къ Новгороду, по рѣкѣ Мстѣ установила погосты и дани, по рѣкѣ Лугѣ—оброки и дани; ловища ея, говоритъ лѣтописецъ, находятся по всей Землѣ, вездѣ встрѣчаются слѣды ея пребыванія [2]), мѣста, которыя отъ нея получили свое имя, погосты, ею учрежденные; такъ во времена лѣтописца показывали ея сани во Псковѣ, по Днѣпру и Деснѣ—п е р е в ѣ с и щ а; село ея О л ь ж и ч и существовало также во времена лѣтописца. Мы знаемъ, что Русскіе князья въ ноябрѣ мѣсяцѣ отправлялись съ дружиною къ подчиненнымъ племенамъ на п о л ю д ь е, и проводили у нихъ зиму: обязанность племенъ содержать князя и дружину во время этого полюдья называлась, кажется, о б р о к о м ъ. Обычай полюдья сохранился и послѣ: при тогдашнемъ состояніи общества это былъ для князя единственный способъ исполнять свои обязанности относительно народонаселенія, именно судъ и расправу; разумѣется, что для этого князь не могъ останавливаться при каждомъ жильѣ; онъ останавливался въ какомъ-нибудь удобномъ для себя мѣстѣ, куда окружное народонаселеніе и позывалось къ нему для своихъ надобностей. Естественно, что для большаго удобства эти мѣста княжеской стоянки, г о щ е н і я, эти п о г о с т ы могли быть опредѣлены навсегда, могли быть построены небольшіе дворы, гдѣ могли быть оставлены княжіе приказчики (тіуны), и такимъ образомъ эти погосты могли легко получить значеніе небольшихъ правительственныхъ центровъ и передать свое имя округамъ; впослѣдствіи здѣсь могли быть построены церкви, около церквей собирались торги и т. д. Хотя лѣтописецъ упоминаетъ о распоряженіяхъ Ольги только въ Землѣ Древлянской и въ отдаленныхъ предѣлахъ Новгородской области, однако, какъ видно, путешествіе ея съ хозяйственною, распорядительною цѣлью обнимало всѣ тогдашнія русскія владѣнія: по всей Землѣ оставила она слѣды свои, повсюду виднѣлись учрежденные ею погосты [3]).

[1]) Эверсъ (Recht der Rus., стр. 59) думаетъ, что подъ именемъ уставовъ разумѣются здѣсь вообще всѣ учрежденія, предпринятыя Ольгою въ Землѣ Древлянской, гдѣ, по отведеніи старшинъ въ плѣнъ, по уничтоженіи слѣдовательно всѣхъ прежнихъ отношеній, нужно было установить совершенно новый порядокъ вещей, дать новый уставъ—какъ жить, какъ дѣлать.—Но здѣсь должно замѣтить, что мщеніе Ольги постигло собственно одинъ Искоростень, тогда какъ у Древлянъ были другіе города, предавшіеся добровольно и нетронутые Ольгою: «Посла ко граду (Ольга) глаголюще: что хочете досѣдѣти? а вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы своя и земли своя». Итакъ, слова Эверса могутъ относиться только къ Искоростеню, но не къ цѣлой Древлянской Землѣ.

[2]) Такъ, по смыслу извѣстія, перевожу я слово: з н а м е н і я.

[3]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: Иде Вольга Новгороду и устави по Мстѣ повосты (погосты) и дани, и по Лузѣ оброки и дани; ловища ея суть по всей землѣ; знаменія и мѣста, и повосты, и сани ее стоять въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища, и по Деснѣ, и есть село ее Ольжичи и доселѣ». Слово: п о в о с т ы читается только въ Лаврентіевскомъ спискѣ, въ остальныхъ—п о г о с т ы. Есть еще другой варіантъ: въ Архангел. спискѣ вмѣсто по М с т ѣ читается п о м о с т и и п о г о с т и. Эверсъ (Recht der Rus. 62) даетъ предпочтеніе последнему чтенію: «Въ высочайшей степени невѣроятно, говоритъ онъ, чтобы великая княгиня предприняла означенныя учрежденія по Л у г ѣ, такъ далеко на сѣверѣ», и потому принимаетъ по «Л у з ѣ» за позднѣйшее прибавленіе. Отдѣлавшись такимъ образомъ отъ Л у г и, Эверсъ обращается ко Мстѣ и спрашиваетъ, почему именно берега этой рѣки долженствовали быть однимъ предметомъ законодательныхъ заботъ Ольги; почему той же чести не

Какъ женщина, Ольга была способнѣе ко внутреннему распорядку, хозяйственной дѣятельности; какъ женщина, она была способнѣе къ принятію христіанства. Въ 955 году, по счету лѣтописца, вѣрнѣе въ 957 [1]), отправилась Ольга въ Константинополь и крестилась тамъ, при императорахъ Константинѣ Багрянородномъ и Романѣ и патріархѣ Поліевктѣ. При описаніи этого событія лѣтописецъ основывается на томъ преданіи, въ которомъ характеръ Ольги остается до конца одинакимъ: и въ Константинополѣ, во дворцѣ императорскомъ, какъ подъ стѣнами Коростеня, Ольга отличается ловкостью, находчивостью, хитростью; перехитряетъ императора, какъ прежде перехитрила Древлянъ. Императоръ, говоритъ преданіе, предложилъ Ольгѣ свою руку; та не отреклась, но прежде требовала, чтобъ онъ былъ ея воспріемникомъ; императоръ согласился; но когда, послѣ таинства, повторилъ свое предложеніе, то Ольга напомнила ему, что, по христіанскому закону, воспріемникъ не можетъ жениться на своей крестницѣ: „Ольга! ты меня перехитрила“! воскликнулъ изумленный императоръ и отпустилъ ее съ богатыми дарами. Императоръ Константинъ Багрянородный [2]) оставилъ намъ описаніе пріемовъ, сдѣланныхъ Русской княгинѣ при Византійскомъ Дворѣ; церемоніи, соблюденныя при этихъ пріемахъ, не могли польстить честолюбію Ольги: въ нихъ слишкомъ рѣзко давали чувствовать то разстояніе, которое существовало между особами императорскаго дома и Русскою княгинею; такъ напр. Ольгѣ давали мѣсто наряду съ знатными гречанками; она сама должна была выгораживаться изъ ихъ среды, привѣтствуя императрицу только легкимъ поклономъ, тогда какъ Гречанки падали ницъ. Изъ этихъ извѣстій о пріемѣ Ольги мы узнаемъ, что съ нею былъ племянникъ, знатныя женщины, служанки, послы, гости, переводчики и священникъ; вычислены и подарки, полученные Ольгою и ея спутниками: одинъ разъ подарили ей съ небольшимъ сорокъ, въ другой — около двадцати [3]) червонцевъ. Извѣстія о подаркахъ очень важны: они могутъ показать намъ, какъ мы должны понимать лѣтописныя извѣстія, гдѣ говорится о многихъ дарахъ, о множествѣ золота, серебра и проч.

О побужденіяхъ, которыя заставили Ольгу принять христіанство, и принять его именно въ Константинополѣ, не находимъ ничего ни въ извѣстныхъ спискахъ нашей лѣтописи, ни въ извѣстіяхъ иностранныхъ. Очень легко могло быть, что Ольга отправилась въ Царь-городъ язычницею, безъ твердаго еще намѣренія принять новую вѣру, была поражена въ Константинополѣ величіемъ греческой религіи—и возвратилась домой христіанкою. Мы видимъ, что вездѣ въ Европѣ, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ, варвары, несмотря на то, что опустошали области Имперіи и брали дань съ повелителей обоихъ Римовъ, питали всегда благоговѣйное уваженіе къ Имперіи, къ блестящимъ формамъ ея жизни, которыя такъ поражали ихъ воображеніе; таковы бываютъ постоянно отношенія народовъ необразованныхъ къ образованнымъ. Это уваженіе варваровъ къ Имперіи способствовало также распространенію между ними христіанства. Не одна надежда корысти могла привлекать нашу Русь въ Константинополь, но также и любопытство посмо-

удостоились берега другихъ рѣкъ, напримѣръ Ловати и Великой?—Но, вопервыхъ, нельзя выбрасывать такъ легко цѣлыя извѣстія изъ лѣтописи, какъ выбросилъ Эверсъ о Лугѣ, потому только, что оно затрудняло; лучшіе списки имѣютъ: по Мстѣ и Лугѣ, и нельзя найти причины, почему бы это извѣстіе вставлено было позже; слѣдовательно историку остается только объяснить, почему распоряженія Ольги коснулись береговъ этихъ двухъ рѣкъ? Взглянувши на карту, мы видимъ, что Луга съ своими берегами составляетъ крайнее владѣніе Новгородской области на сѣверо-западѣ, а Мста въ противоположную сторону, на сѣверо-востокѣ; вспомнимъ, что верховье Мсты и слѣдующій за нимъ волокъ, отдѣлявшій Озерную область отъ области Верхней Волги, былъ по этому самому границею Новгородской и Ростовской областей, предѣломъ Новгородскихъ владѣній; вспомнимъ, что дѣятельность первыхъ князей до Ольги должна была касаться преимущественно великаго восточнаго пути изъ Варягъ въ Греки; до странъ, лежащихъ къ западу и востоку, она мало могла касаться. Олегъ установилъ дани на сѣверѣ у Славянъ, Кривичей и Мери; но, вѣроятно, эти дани удобно сбирались только съ народонаселенія, живущаго близъ великаго пути, которое, такъ-сказать, находилось подъ руками у Руси; народонаселеніе же дальнѣйшихъ странъ къ востоку и западу могло пользоваться большею независимостью и отбывать отъ дани, и здѣсь, слѣдовательно, нужно было сдѣлать для нея точнѣйшія опредѣленія. Наконецъ, можетъ быть и то, что эти мѣста при низовьяхъ Луги и при верховьи Мсты были недавно заняты Русскими изъ Новгорода и потому требовали уряженія.—Въ извѣстіи объ Ольгиныхъ учрежденіяхъ на сѣверѣ останавливаетъ насъ также варіантъ—погосты и повосты, очень легко могшій произойти: полустертая буква в образуетъ легко г, нѣсколько замаранное г легко можетъ показаться за в. Монахъ Лаврентій самъ признается, что ему трудно было разбирать рукопись, съ которой онъ списывалъ, потому что книги были ветшаны; скончаніе повосты прямо указываетъ на то, что это слово испорчено изъ погосты; другое дѣло, если бы было повозы: повозомъ называлась обязанность подчиненныхъ племенъ доставлять дань или оброкъ въ назначенное отъ князя мѣсто; такъ читаемъ у лѣтописца о Радимичахъ: «и платятъ дань Руси, повозъ везутъ и до сего дне». Но это слово, очень легко объясняясь въ первой половинѣ извѣстія: устави по Мстѣ повозы и дани, остается безъ смысла во второй половинѣ—«ловища ея суть по всей земли, знаменье и мѣста и повозы». Итакъ остается принять: погосты. Къ извѣстіямъ объ Ольгиныхъ уставахъ относится также слѣдующее, находимое только въ сводѣ лѣтописей Татищева (II, 45, 329): «Тогда жъ отрѣши княжее, и уложила брать отъ жениха по чернѣ кунѣ какъ князю такъ боярину, отъ его подданнаго». Обыкновенно объясняютъ княжее чрезъ jus primae noctis.—Противъ этого объясненія возражаютъ, что подобный обычай не согласовался съ извѣстными понятіями славянскихъ племенъ.—Но здѣсь прежде всего нужно обратить вниманіе на то, надъ кѣмъ имѣлось это право? надъ народонаселеніемъ княжескихъ и боярскихъ земель,—народонаселеніемъ, составленнымъ изъ военноплѣнныхъ или купленныхъ рабовъ: могли ли славянскія воззрѣнія дѣйствовать на отношенія этого народонаселенія?

[1]) Истор. Христ., арх. Макар. стр. 312.

[2]) Memor. popul. II, 986—979.

[3]) Карамз. I, примѣч. 380.

трѣть чудеса образованнаго міра: сколько дивныхъ разсказовъ приносили къ своимъ очагамъ бывальцы въ Византіи! Какъ вслѣдствіе этого возвышался тотъ, кто былъ въ Константинополѣ, и какъ у другихъ разгоралось желаніе побывать тамъ! Послѣ этого странно было бы, чтобъ Ольга, которая считалась мудрѣйшею изъ людей, не захотѣла побывать въ Византіи. Она отправляется туда. Что же прежде всего должно было обратить ея вниманіе? Разумѣется то, что всего рѣзче отличало Грековъ отъ Руси, — религія; извѣстно, что Греки обыкновенно сами обращали вниманіе варварскихъ князей и пословъ на свою религію, показывали имъ храмы, священныя сокровища; разумѣется, при этомъ основные догматы вѣры были объясняемы искусными толковниками. Если многіе изъ мужчинъ, воиновъ русскихъ, принимали христіанство въ Греціи, то нѣтъ ничего удивительнаго, что обратилась къ нему Ольга, вопервыхъ, какъ женщина, въ характерѣ которой было къ тому менѣе препятствій, чѣмъ въ характерѣ князей-воиновъ; вовторыхъ, какъ мудрѣйшая изъ людей, могшая, слѣдовательно, яснѣе другихъ понять превосходство греческой вѣры предъ русскою. Но, кромѣ этого, трудно отвергать, что Ольга была уже въ Кіевѣ знакома съ христіанствомъ и предубѣждена въ его пользу: это предубѣжденіе въ пользу христіанства могло сильно содѣйствовать къ принятію его въ Царѣ-градѣ; но отъ предубѣжденія въ пользу до рѣшительнаго шага еще далеко. Есть извѣстіе [1]), что Ольга еще въ Кіевѣ была расположена къ христіанству, видя добродѣтельную жизнь исповѣдниковъ этой религіи, даже вошла съ ними въ тѣсную связь и хотѣла креститься въ Кіевѣ, но не исполнила своего намѣренія, боясь язычниковъ. Принимая первую половину извѣстія, мы не можемъ допустить второй: опасность отъ язычниковъ не уменьшалась для Ольги и въ томъ случаѣ, когда она принимала крещеніе въ Константинополѣ; утаить обращеніе, по пріѣздѣ въ Кіевъ, было очень трудно, и притомъ Ольга, какъ видно, вовсе не хотѣла таиться: это было несовмѣстно ни съ ревностію новообращенной, ни съ характеромъ Ольги: не хотѣла она таиться и равнодушно смотрѣть, какъ сынъ ея, вся семья и весь народъ остаются въ язычествѣ, слѣдовательно лишаются вѣчнаго спасенія. Такъ, по возвращеніи въ Кіевъ, Ольга начала уговаривать сына Святослава къ принятію христіанства; но онъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ; впрочемъ, кто хотѣлъ креститься, тому не запрещали, а только смѣялись надъ нимъ. Въ этомъ извѣстіи мы находимъ прямое указаніе, что христіанство распространялось въ Кіевѣ, тогда какъ прежніе христіане изъ Варяговъ могли принимать греческую вѣру въ Константинополѣ. Надъ принимавшими христіанство начали смѣяться въ Кіевѣ; но на прежнихъ христіанъ при Игорѣ, какъ видно, не обращали вниманія; слѣдовательно хотя не было явнаго преслѣдованія, однако насмѣшки были уже началомъ преслѣдованія и знакомъ усиленія христіанства, чего обращеніе Ольги могло быть и причиною, и слѣдствіемъ; можно замѣтить, что новая религія начала принимать видное положеніе, обратила на себя вниманіе древней религіи, и это враждебное вниманіе выразилось насмѣшками. Борьба начиналась: славянское язычество, принятое и Руссами, могло противопоставить христіанству мало положительнаго, и потому должно было скоро преклониться предъ нимъ; но христіанство, само по себѣ, безъ отношенія къ славянскому язычеству, встрѣтило сильное сопротивленіе въ характерѣ сына Ольгина, который не могъ принять христіанства по своимъ наклонностямъ, а не по привязанности къ древней религіи. Ольга, по свидѣтельству лѣтописи, часто говорила ему: „Я узнала Бога и радуюсь; если и ты узнаешь Его, то также станешь радоваться". Святославъ не слушался и отвѣчалъ на то: „Какъ мнѣ одному принять другой законъ? Дружина станетъ надъ этимъ смѣяться". Ольга возражала: „Если ты крестишься, то и всѣ станутъ то же дѣлать". Святославу нечего было отвѣчать на это; не насмѣшекъ дружины боялся онъ, но собственный характеръ его противился принятію христіанства. Онъ не послушался матери, говоритъ лѣтописецъ, и жилъ по обычаю языческому (творилъ норовы поганскіе). Эта самая невозможность отвѣчать на возраженіе матери должна была раздражать Святослава, о чемъ свидѣтельствуетъ и лѣтопись, говоря, что онъ сердился на мать. Ольга даже ожидала большихъ опасностей со стороны язычниковъ, что видно изъ ея словъ патріарху: „Народъ и сынъ мой въ язычествѣ: дай мнѣ Богъ уберечься отъ всякаго зла!"

Мы видѣли, что преданіе провожаетъ Ольгу въ Константинополь и заставляетъ мудрѣйшую изъ всѣхъ людей русскихъ перехитрить Грека: тогда не знали лучшаго доказательства мудрости. Преданіе провожаетъ мудрую княгиню и домой, въ Кіевъ, заставляетъ ее и здѣсь постыдить Греческаго императора, охотника до даровъ и вспомогательнаго войска, и отмстить ему за то униженіе, которому подвергались Руссы въ Константинопольской гавани и которое, какъ видно, лежало у нихъ на душѣ. Мы знаемъ изъ Игорева договора, что Греки, опасаясь буйства Русскихъ и воинскихъ хитростей съ ихъ стороны, выговорили себѣ право не впускать ихъ въ городъ до тѣхъ поръ, пока въ точности не узнаютъ характера новоприбывшихъ, имена которыхъ должны были находиться на княжескомъ листѣ: эти мѣры предосторожности, какъ видно, очень раздражали Русскихъ, и вотъ въ преданіи Ольга мститъ за нихъ императору. Когда Ольга, говоритъ лѣтопись, возвратилась въ Кіевъ, то царь Греческій прислалъ сказать ей: „Я тебя много дарилъ, потому что ты говорила мнѣ: возвращусь на Русь, пришлю тебѣ богатые дары — рабовъ, воску, мѣховъ, пришлю и

[1]) Татищ. II, стр. 41; прим. 130.

войско на помощь". Ольга велѣла отвѣчать ему: „Когда ты столько же постоишь у меня на Почайнѣ, сколько я стояла у тебя въ гавани Цареградской, тогда дамъ тебѣ обѣщанное [1])."

Ольга воспитывала сына своего до возраста и мужества его, говоритъ лѣтописецъ. Когда князь Святославъ выросъ и возмужалъ, то началъ набирать воиновъ многихъ и храбрыхъ, ходя легко, какъ барсъ, много воевалъ. Идя въ походъ, возовъ за собой не возилъ, ни котловъ, потому что мяса не варилъ, но, изрѣзавъ тонкими ломтями конину, или звѣрину, или говядину, пекъ на угольяхъ; шатра у него не было, а спалъ онъ на конскомъ потникѣ, положивши сѣдло подъ голову; такъ вели себя и всѣ его воины. Онъ посылалъ въ разныя стороны, къ разнымъ народамъ съ объявленіемъ: „Хочу на васъ идти?" Начальныя слова преданія о Святославѣ показываютъ наборъ дружины, удальцовъ, которые, какъ обыкновенно тогда водилось, прослышавъ о храбромъ вождѣ, стекались къ нему отовсюду за славою и добычею. Поэтому Святославъ совершалъ свои подвиги съ помощію одной своей дружины, а не соединенными силами всѣхъ подвластныхъ Руси племенъ: и точно, при описаніи походовъ его, лѣтописецъ не вычисляетъ племенъ, принимавшихъ въ нихъ участіе. Святославъ набиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ, которые были во всемъ на него похожи: такъ можно сказать объ отборной дуржинѣ, а не о войскѣ многочисленномъ, составленномъ изъ разныхъ племенъ. Самый способъ веденія войны показываетъ, что она велась съ небольшою отборною дружиною, которая позволяла Святославу обходиться безъ обозу и дѣлать быстрые переходы: онъ воевалъ, ходя легко, какъ барсъ, т.-е. дѣлалъ необыкновенно быстрые переходы, прыжками, такъ сказать, подобно названному звѣрю.

При князьяхъ, предшественникахъ Святослава, не было тронуто одно только славянское племя на востокъ отъ Днѣпра: то были Вятичи. Съ нихъ-то и началъ Святославъ свои походы. Узнавъ, что это племя платило дань Козарамъ, Святославъ бросился на послѣднихъ, одолѣлъ ихъ кагана, взялъ его главный городъ на Дону, Бѣлую Вѣжу; потомъ побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ, жителей Прикавказья. Къ 968 году относятъ восточные писатели походъ Руссовъ на Волжскихъ Болгаръ, разграбленіе главнаго города ихъ (Болгаръ), который былъ складкою товаровъ, привозимыхъ изъ окрестныхъ странъ; потомъ Русь, внизъ по Волгѣ, спустилась до Казерана [2]), разграбила и этотъ городъ, равно какъ Итиль и Семендеръ [3]). Все это согласно съ русскимъ преданіемъ о походѣ Святослава на Волгу и битвахъ его съ Козарами, Ясами и Касогами [4]). Такъ отомстилъ Святославъ приволжскому народонаселенію за недавнія пораженія Руссовъ. По всѣмъ вѣроятностямъ, ко времени этихъ походовъ Святослава относится подчиненіе Тмуторакани [5]) Русскому князю. На возвратномъ пути съ востока, Святославъ, говоритъ лѣтопись, побѣдилъ Вятичей и наложилъ на нихъ дань. Съ этого времени начинаются подвиги Святослава, мало имѣющіе отношенія къ нашей исторіи. Греческій императоръ Никифоръ, угрожаемый войною съ двухъ сторонъ, и со стороны Арабовъ, и со стороны Болгаръ, рѣшился, по обычаю, вооружить противъ варваровъ другихъ варваровъ: послалъ патриція Калокира къ Русскому князю нанять его за 15 кентинарій золота [6]) и привести воевать Болгарію. Калокиръ, говорятъ греческіе историки [7]), подружился съ Святославомъ, прельстилъ его подарками и обѣщаніями: уговорились — Святославу завоевать Болгарію, оставить ее за собою и помогать Калокиру въ достиженіи императорскаго престола, за что Калокиръ обѣщалъ Святославу несмѣтныя сокровища изъ императорской казны. Въ 967 году Святославъ съ своею дружиною отправился въ Болгарію, завоевалъ ее и остался жить тамъ въ Переяславцѣ на Дунаѣ; онъ княжилъ въ Переяславцѣ, говоритъ лѣтописецъ, а Русь оставалась безъ князя; въ Кіевѣ жила престарѣлая Ольга съ малолѣтними внуками, а подлѣ была степь, откуда безпрестанно можно было ожидать нападенія кочевыхъ варваровъ. И вотъ пришли Печенѣги; оборонить было некому; Ольга затворилась въ Кіевѣ со внуками. Безчисленное множество Печенѣговъ обступило городъ, нельзя было ни выйдти изъ него, ни вѣсти послать, и жители изнемогали отъ голода и жажды. На противоположной сторонѣ Днѣпра, говоритъ преданіе, собрались ратные люди

[1]) Въ западныхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что послы отъ Ольги, княгини Русской, крестившейся въ Константинополѣ, приходили къ императору Оттону I-му съ просьбою прислать епископа и пресвитеровъ для обращенія Руси; Оттонъ послалъ въ Русь епископа Адальберта, который однако былъ изгнанъ съ безчестіемъ (См. Шлецеров. Нестор. III, 469). Много было разныхъ толковъ и объясненій этому извѣстію; но дѣло ясно изъ самыхъ словъ свидѣтельства: «Legati Helenae, reginae Russorum, quae sub Romano, Imperatore Constantinopolitano Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbiteros eidem genti petebant.»—Послы обманули, какъ послѣ оказалось; ясно, что они принадлежали къ числу такихъ Варяговъ, которые по нѣскольку разъ принимали крещеніе для того только, чтобы получать дары; на этотъ разъ, чтобы получить хорошій пріемъ и дары отъ ревностнаго къ распространенію вѣры Оттона, они объявили себя послами Елены Русской и просили епископа и священниковъ для русскаго народа.

[2]) Moitié de la ville d'Itil située à l'Est du Volga. Charmoy. Relation de Masoudy etc. p. 323.

[3]) Семендеръ находился между Дербентомъ и Волгою, около нынѣшняго Тарху. Онъ не уступалъ обширностью Итилю, окруженъ былъ плодовитыми садами и виноградниками. Въ самомъ городѣ находились мечети для мусульманъ, христіанскія церкви и синагоги Евреевъ. См. Мухам. Нумизмат. стр. LVII.

[4]) Въ преданіяхъ Атыхейцевъ есть слѣды извѣстія о походахъ Святослава на Ясовъ и Касоговъ. См. газету Кавказъ 1849 года.

[5]) Мѣсто этого княжества безспорно должно искать на берегахъ Чернаго и Азовскаго морей, тамъ, гдѣ восточные писатели указываютъ древнее обиталище Руси.

[6]) Около 132,600 голландскихъ червонцевъ. См. Черткова—Описаніе войны великаго князя Святослава Игоревича, примѣч. 39.

[7]) Левъ Діаконъ, кн. V, стр. 77—81.

въ лодкахъ, но не смѣли напасть на Печенѣговъ, и не было сообщенія между ними и Кіевлянами. Тогда послѣдніе встужили и стали говорить: „Нѣтъ ли кого, кто бы могъ пройдти на ту сторону и сказать нашимъ, что если они завтра не нападутъ на Печенѣговъ, то мы сдадимся;“ и вотъ вызвался одинъ молодой человѣкъ: „Я“, сказалъ онъ, „пойду;“ „Иди!“ закричали ему всѣ. Молодой человѣкъ вышелъ изъ города съ уздою и, ходя между Печенѣгами, спрашивалъ: не видалъ ли кто его лошади. Онъ умѣлъ говорить по-печенѣжски, и потому варвары приняли его за одного изъ своихъ. Когда онъ пошелъ къ рѣкѣ, то сбросилъ съ себя платье и поплылъ; Печенѣги догадались объ обманѣ, начали стрѣлять по немъ, но не могли уже попасть,—онъ былъ далеко, и Русскіе съ той стороны выѣхали въ лодкѣ къ нему навстрѣчу и перевезли на другой берегъ. Онъ сказалъ имъ: „Если не подступите завтра къ городу, то люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ“. Воевода, именемъ Претичъ, сказалъ на это: „Подступимъ завтра въ лодкахъ, какъ-нибудь захватимъ княгиню съ княжатами и умчимъ ихъ на эту сторону; а не то Святославъ погубитъ насъ, какъ воротится“. Всѣ согласились, и на другой день, на разсвѣтѣ, сѣдши въ лодки, громко затрубили; люди въ городѣ радостно откликнулись имъ. Печенѣги подумали, что князь пришелъ, отбѣжали отъ города, а тѣмъ временемъ Ольга со внуками успѣла сѣсть въ лодку и переѣхать на другой берегъ. Увидавъ это, Печенѣжскій князь возвратился одинъ къ воеводѣ Претичу и спросилъ у него: „Кто это пришелъ?“ Претичъ отвѣчалъ: „Люди съ той стороны“. Печенѣгъ опять спросилъ у Претича: „А ты князь ли?“ Воевода отвѣчалъ: „Я мужъ княжой, и пришелъ въ сторожахъ, а по мнѣ идетъ полкъ съ княземъ, безчисленное множество войска“. Онъ сказалъ это, чтобы пригрозить ему. Тогда князь Печенѣжскій сказалъ воеводѣ: „Будь мнѣ другомъ“. Тотъ согласился. Оба подали другъ другу руки и размѣнялись подарками: князь Печенѣжкій подарилъ Претичу коня, саблю, стрѣлы; Претичъ отдарилъ его бронею, щитомъ и мечемъ. Послѣ этого Печенѣги отступили отъ города, но стали не въ далекомъ разстояніи отъ него. Лѣтописецъ говоритъ, что Русскимъ нельзя было коней напоить: на Лыбеди стояли Печенѣги [1]). Таково преданіе, внесенное въ лѣтопись; такъ народная память передавала это событіе. Изъ характеристическихъ чертъ времени въ этомъ преданіи мы замѣтимъ описаніе подарковъ, которыми обмѣнялись Претичъ и князь Печенѣжскій; въ различіи оружія рѣзко выразилось различіе между Европою и Азіею, между европейскимъ и азіатскимъ вооруженіемъ: степной кочевникъ, всадникъ по преимуществу, даритъ коня и скиѳское оружіе — саблю, стрѣлы; воевода русскій даритъ ему оружіе воина европейскаго, большею частію — оборонительное: броню, щитъ и мечъ.

Кіевляне, продолжаетъ преданіе, послали сказать Святославу: „Ты, князь, чужой Земли ищешь и блюдешь ее, отъ своей же отрекся, чуть-чуть насъ не взяли Печенѣги, вмѣстѣ съ твоею матерью и дѣтьми; если не придешь, не оборонишь насъ, то опять возьмутъ; неужели тебѣ не жалко отчины своей, ни матери-старухи, ни дѣтей малыхъ?“ Услыхавъ объ этомъ, Святославъ немедленно сѣлъ на коней съ дружиною, пришелъ въ Кіевъ, поздоровался съ матерью и дѣтьми, разсердился на Печенѣговъ, собралъ войско,—и прогналъ варваровъ въ степь. Но Святославъ не долго нажилъ въ Кіевѣ: по преданію, онъ сказалъ матери своей и боярамъ: „Не любо мнѣ въ Кіевѣ, хочу жить въ Переяславцѣ на Дунаѣ: тамъ середина Земли моей: туда со всѣхъ сторонъ свозятъ все доброе: отъ Грековъ золото, ткани, вина, овощи разные; отъ Чеховъ и Венгровъ серебро и коней, изъ Руси мѣха, воскъ, медъ и рабовъ“. Ольга на это отвѣчала ему: „Ты видишь, что я уже больна, куда же это ты отъ меня уходишь? Когда похоронишь меня, то иди куда хочешь“. Черезъ три дня Ольга умерла, и плакались по ней сынъ, внуки и люди всѣ плачемъ великимъ. Ольга запретила праздновать по себѣ тризну, потому что у ней былъ священникъ, который и похоронилъ ее.

Здѣсь очень важно для насъ выраженіе Святослава о Переяславцѣ: „то есть середа въ Землѣ моей“. Какимъ образомъ Переяславецъ могъ быть серединою Земли Святославовой? Это выраженіе можетъ быть объяснено двоякимъ образомъ: 1) Переяславецъ въ Землѣ моей есть серединное мѣсто, потому что туда изо всѣхъ странъ свозится все доброе; Переяславецъ слѣд. названъ серединою не относительно положенія своего среди владѣній Святослава, но какъ средоточіе торговли. 2) Второе объясненіе намъ кажется легче: Святославъ своею Землею считалъ только одну Болгарію, пріобрѣтенную имъ самимъ, Русскую же Землю считалъ, по понятіямъ того времени, владѣніемъ общимъ, родовымъ. Святославъ спѣшилъ окончить свое княженіе на Руси: онъ посадилъ старшаго сына Ярополка въ Кіевѣ, другого—Олега—въ Землѣ Древлянской. Это вовсе не значитъ, чтобъ этими волостями ограничивались владѣнія Русскихъ князей: уже при Олегѣ все теченіе Днѣпра до Кіева было въ русскомъ владѣніи; въ Смоленскѣ и Любечѣ сидѣли мужи Кіевскаго князя; Ольга ѣздила и рядила Землю до самыхъ сѣверныхъ предѣловъ Новгородской области; слѣд. дѣленіе Святослава означаетъ, что у него было только двое способныхъ къ правленію сыновей, а не только двѣ волости — Кіевская и Древлянская, остальныя же волости оба брата должны были подѣлить между собою, какъ послѣ Ярославичи, усѣвшись около Днѣпра, подѣлили между собою волости отдаленнѣйшія. Какъ послѣ Ярославичи тѣснились всѣ въ привольной родинѣ своей, около Днѣпра и Кіева, около собственной Руси, не

[1]) Это объясняется послѣдующимъ извѣстіемъ, что Святославъ, возвратясь, прогналъ Печенѣговъ въ степь: значитъ, они находились не въ степи, а гдѣ-нибудь подлѣ Кіева.

любя волостей сѣверныхъ и восточныхъ, такъ и теперь оба сына Святославова садятся на югѣ, недалеко другъ отъ друга, и не хотятъ идти на сѣверъ. Но если князья не любили сѣвера, то жители сѣверной области, Новгородцы, не любили жить безъ князя, или управляться посадникомъ изъ Кіева, особенно когда Древляне получили своего князя. Новгородцы и послѣ любили, чтобъ у нихъ былъ свой князь, знавшій ихъ обычай; до сихъ поръ они терпѣли посадника кіевскаго, потому что по всей Руси былъ одинъ князь; но теперь, когда Древляне получили особаго князя, Новгородцы также хотятъ имѣть своего. Послы ихъ, по преданію, пришли къ Святославу и стали просить себѣ князя: „Если никто изъ вашего рода не пойдетъ къ намъ, говорили они, то мы найдемъ себѣ князя“. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Если бы кто къ вамъ пошелъ, то я былъ бы радъ дать вамъ князя [1])“. Ярополкъ и Олегъ были спрошены—хотятъ ли идти въ Новгородъ, — и отказались. Тогда Добрыня внушилъ Новгородцамъ: „Просите Владиміра“. Владиміръ былъ третій сынъ Святослава, рожденный отъ Малуши, ключницы Ольгиной, сестры Добрыни. Новгородцы сказали Святославу: „Дай намъ Владиміра“; князь отвѣчалъ имъ: „Возьмите“. Новгородцы взяли Владиміра къ себѣ, и пошелъ Владиміръ съ Добрынею, дядею своимъ, въ Новгородъ, а Святославъ въ Переяславецъ.

Здѣсь останавливаетъ насъ вопросъ: почему Святославъ не далъ никакой волости младшему сыну своему Владиміру самъ, сначала, и уже послѣ отправилъ его къ Новгородцамъ, по требованію послѣднихъ? Лѣтописецъ какъ будто спѣшитъ объяснить причину явленія; Владиміръ, говоритъ онъ, былъ сынъ Малуши, ключницы Ольгиной, слѣд. рабыни, ибо, по древнему уставу, человѣкъ и вольный, ставшій ключникомъ, по этому уже самому превращался въ раба. Итакъ Владиміръ былъ не совсѣмъ равноправный братъ Ярополка и Олега. Многоженство не исключало неравноправности: если было различіе между женами (водимыми) и наложницами, то необходимо долженствовало существовать различіе и между дѣтьми тѣхъ и другихъ. Но если многоженство не исключало неравноправности дѣтей, то, по крайней мѣрѣ, много ослабляло ее: было различіе между дѣтьми женъ и наложницъ — правда, но все не такое различіе, какое, по нашимъ понятіямъ, существуетъ между дѣтьми законными и незаконными. На это малое различіе указываетъ уже то явленіе, что Новгородцы приняли Владиміра, какъ князя, и послѣ не полагается между нимъ и братьями никакого различія. Здѣсь, какъ естественно, имѣло силу не столько различіе между законностью и незаконностью матери, сколько знатность и низость ея происхожденія: разумѣется, ключница, рабыня, полюбившаяся Святославу, не могла стать на-ряду съ другою его женою, какою-нибудь княжною, или дочерью знатнаго боярина; отсюда низость матери падала и на сына, не отнимая впрочемъ у него отцовскихъ правъ; Владиміръ былъ князь, но при случаѣ, когда нужно было сравнить его съ остальными братьями, могли выставить на видъ низкое происхожденіе его матери; такъ послѣ, Полоцкая княжна Рогнѣда, выбирая между двумя женихами, Ярополкомъ и Владиміромъ, говоритъ, что она не хочетъ идти замужъ за Владиміра, какъ сына рабыни. Обратить вниманіе на это обстоятельство было очень естественно княжнѣ, ибо, при многоженствѣ, женщины знатнаго происхожденія старались какъ можно рѣзче отдѣлить себя отъ наложницъ своихъ мужей, и презрѣніе, которое питали къ наложницамъ, старались переносить и на дѣтей ихъ. Святославъ сначала не далъ волости Владиміру, и потомъ отпустилъ его въ Новгородъ, могши въ самомъ дѣлѣ испугаться угрозы Новгородцевъ, что они откажутся отъ его рода и найдутъ себѣ другого князя. Добрыня хлопоталъ объ этомъ, надѣясь во время малолѣтства Владимірова занимать первое мѣсто въ Новгородѣ и не надѣясь, чтобы послѣ старшіе братья дали младшему хорошую волость; Новгородцы же приняли малолѣтняго Владиміра потому, что онъ все-таки былъ независимый князь, а не посадникъ, притомъ же надѣялись воспитать у себя Владиміра въ своемъ обычаѣ: они и послѣ любили имѣть у себя такого князя, который бы выросъ у нихъ.

Княженіе Святослава кончилось на Руси; онъ отдалъ всѣ свои владѣнія здѣсь сыновьямъ, и отправился въ Болгарію навсегда. Но на этотъ разъ онъ не былъ такъ счастливъ, какъ прежде: Болгары встрѣтили его враждебно; еще опаснѣйшаго врага нашелъ себѣ Святославъ въ Іоаннѣ Цимискія, Византійскомъ императорѣ. У нашего лѣтописца читаемъ преданіе о подвигахъ Святослава въ войнѣ съ Греками; это преданіе, несмотря на невѣрный свѣтъ, который брошенъ имъ на событія, важно для насъ потому, что представляетъ яркую картину дружинной жизни, очерчиваетъ характеръ знаменитаго вождя дружины, около котораго со-

[1]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 29: Въ се же время придоша людье Ноугородьстіи, просяще князя собѣ: «Аще не поидете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ», и рече къ нимъ Святославъ: «а бы пошелъ кто къ вамъ». И отпрѣся Ярополкъ и Олегъ.—Въ словахъ Святослава нѣтъ никакого презрительнаго смысла, какой хотятъ видѣть нѣкоторые изслѣдователи. За что Святославу было презирать Новгородцевъ? Онъ просто отвѣчалъ имъ: «да гдѣжь мнѣ взять вамъ князя: у меня только двое сыновей: еслибъ который изъ нихъ пошелъ къ вамъ?» На такой естественный смыслъ Святославовыхъ словъ прямо указываетъ слѣдующее извѣстіе, что Ярополкъ и Олегъ отказались: значитъ, Святославъ ихъ спросилъ - не хочетъ ли кто изъ нихъ идти въ Новгородъ? Мстиславъ Храбрый вовсе не презиралъ Новгородъ, однако братья насилу уговорили его идти туда княжить и оставить любимый югъ. Любопытно дополнительное извѣстіе Никон. списка: «Володимеръ бо бѣ отъ Малки, ключницы Ольгины. И бѣ рожденіе Володимеру въ Будутинѣ веси; тамо бо въ гнѣвѣ отслала ея Ольга, село бо бяше ея тамо, и умираючи даде его Св. Богородицѣ». Но чье было село Будутино,—Ольгино или Малушино? Если Малушино, то нѣтъ ничего удивительнаго, что, умирая, она отдала его Св. Богородицѣ, ибо она могла умереть послѣ крещенія Земли.

бралась толпа подобныхъ ему сподвижниковъ. По преданію, Святославъ пришелъ въ Переяславецъ; но Болгары затворились въ городѣ и не пустили его туда. Мало того: они вышли на сѣчу противъ Святослава; сѣча была сильная, и Болгары стали-было уже одолѣвать; тогда Святославъ сказалъ своимъ: „Уже намъ видно здѣсь погибнуть; потянемъ мужески, братья и дружина!“ Къ вечеру Святославъ одолѣлъ, взялъ городъ копьемъ (приступомъ), и послалъ сказать Грекамъ: „Хочу на васъ идти, хочу взять и вашъ городъ, какъ взялъ этотъ“. Греки отвѣчали: „Намъ не совладѣть съ вами; возьми лучше съ насъ дань на себя и на дружину свою, да скажите, сколько васъ, такъ мы дадимъ на каждаго человѣка“. Греки говорили это, желая обмануть Русь, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Греки лживы и до сихъ поръ. Святославъ отвѣчалъ: „Насъ 20,000“; десять-то тысячъ онъ прибавилъ, потому что Русскихъ было всего 10,000. Греки собрали 100,000 на Святослава, и не дали дани; Святославъ пошелъ на нихъ, но Русь испугалась, видя множество вражьяго войска; тогда Святославъ сказалъ дружинѣ: „Намъ некуда дѣться; волею и неволею пришлось стать противъ Грековъ: такъ не посрамимъ Русской Земли, но ляжемъ костями,—мертвымъ не стыдно; если же побѣжимъ, то некуда будетъ убѣжать отъ стыда; станемъ же крѣпко, я пойду передъ вами, и если голова моя ляжетъ, тогда промышляйте о себѣ“. Дружина отвѣчала: „Гдѣ твоя голова ляжетъ, тамъ и свои головы сложимъ“. Русь ополчилась; была сѣча большая, и Святославъ обратилъ въ бѣгство Грековъ, послѣ чего пошелъ къ Константинополю, воюя и разбивая города, которые и до сихъ поръ лежатъ пусты, прибавляетъ лѣтописецъ. Царь созвалъ бояръ своихъ въ палату, и сказалъ имъ: „Что намъ дѣлать: не можемъ стать противъ него“! Бояре отвѣчали: „Пошли къ нему дары, испытаемъ его, на что онъ больше польстится—на золото или на ткани дорогія“! Царь послалъ и золото и ткани, а съ ними мужа мудраго, которому наказалъ: „Смотри хорошенько ему въ лицо“. Святославу объявили, что пришли Греки съ поклономъ; онъ велѣлъ ихъ ввести; Греки пришли, поклонились, разложили передъ нимъ золото и ткани; Святославъ, смотря по сторонамъ, сказалъ отрокамъ своимъ: „Спрячьте это“. Послы возвратились къ царю, который созвалъ опять бояръ, и стали разсказывать: „Какъ пришли мы къ нему и отдали дары, то онъ и не посмотрѣлъ на нихъ, а велѣлъ спрятать“. Тогда одинъ бояринъ сказалъ царю: „Поиспытай-ка его еще, пошли ему оружіе“. Послали Святославу мечъ и разное другое оружіе; онъ принялъ, началъ хвалить и любоваться, и послалъ поклонъ царю. Послы возвратились съ этимъ къ послѣднему; и тогда бояре сказали: „Лютъ долженъ быть этотъ человѣкъ, что на богатство не смотритъ, а оружіе беретъ; дѣлать нечего, станемъ платить ему дань“,—и царь послалъ сказать Святославу: „Не ходи къ Царю-городу, но возьми дань, сколько хочешь“; потому что Русскіе были уже недалеко отъ Царяграда. Греки прислали дань; Святославъ взялъ и за убитыхъ, говоря: „Родъ ихъ возьметъ“. Кромѣ дани, Святославъ взялъ много даровъ, и возвратился въ Переяславецъ съ большою честію. Видя однако, что дружины осталось мало, Святославъ началъ думать: „Что какъ обманомъ перебьютъ дружину мою и меня: пойду лучше въ Русь, приведу больше дружины“. Принявши такое намѣреніе, онъ отправилъ къ царю въ Доростолъ пословъ, которые должны были сказать ему отъ имени своего князя: „Хочу держать съ тобою миръ твердый и любовь“. Царь обрадовался и послалъ къ нему дары больше первыхъ. Святославъ, принявъ дары, началъ говорить дружинѣ: „Если не заключимъ мира съ царемъ, и царь узнаетъ, что насъ мало, и Греки оступятъ насъ въ городѣ, а Русская Земля далеко, Печенѣги съ нами въ войнѣ, то кто намъ поможетъ? Заключимъ лучше миръ съ царемъ. Греки уже взялись платить намъ дань, и того будетъ съ насъ; если же они перестанутъ платить дань, то, собравши побольше войска, пойдемъ опять къ Царюгороду“. Рѣчь эта полюбилась дружинѣ, и лучшіе мужи отправились отъ Святослава къ царю въ Доростолъ. Заключенъ былъ миръ и написанъ договоръ; договоръ этотъ также внесенъ въ лѣтопись: Святославъ обязался не воевать греческихъ областей ни самъ, ни подучать на это другой какой-нибудь народъ, не воевать ни страны Корсунской, ни Болгарской; и если другой какой-нибудь народъ вздумаетъ идти на Грековъ, то Русскій князь обязался воевать съ нимъ [1]).

Преданіе, основанное, безъ сомнѣнія, на разсказахъ Свѣнельда и немногихъ товарищей его, возвратившихся въ Кіевъ послѣ гибели Святославовой, согласно съ византійскими лѣтописцами относительно гордаго вызова Святославова Грекамъ: „Хочу на васъ идти, и взять вашъ городъ, какъ взялъ этотъ;“ но эти слова у Византійцевъ Святославъ сказалъ въ отвѣтъ на мирныя предложенія императора; очень согласно съ своимъ положеніемъ Святославъ велитъ сказать Цимискію, что Русь не поденщики, которые питаются трудами рукъ своихъ [2]). Самое начало войны было уже, по Византійцамъ, несчастливо для Руси: полководецъ Цимискія, Вардъ Склиръ, разбилъ отрядъ Святославова войска, составленный, кромѣ Руси, изъ Венгровъ и Болгаръ. Несмотря однако на это, и по Византійцамъ видно, что Святославъ не думалъ унывать; русскіе отряды сильно разоряли области Имперіи, что означено у лѣтописца разрушеніемъ городовъ. Цимскій видѣлъ, что необходимо всѣми силами государства напасть на Свято-

---

[1]) Договоръ начинается: «Равно другаго свѣщанья, бывшаго при Святославѣ, велицѣмъ князи Рустѣмъ и при Свѣнальдѣ, писано при Ѳеофилѣ синкелѣ». Здѣсь можно думать, что слова: «Равно другаго свѣщанья» означаютъ договоръ, заключенный Святославомъ съ Никифоромъ.

[2]) Leo Diac., I, VI, p. 102—111,—Cedreni hist. compendium. t. II; Zonarae Annales, t. II, l. XVII.

слава и вытѣснить его изъ Болгаріи. Онъ вступилъ съ огромными войсками въ эту Землю, и началась война на жизнь и на смерть, какъ видно изъ словъ самихъ Византійцевъ, которые отдаютъ справедливость отчаянной храбрости Святославовой дружины [1]). Но эта храбрость не помогла противъ безмѣрно большаго числа враговъ, предводимыхъ полководцемъ искуснымъ и храбрымъ, среди враждебныхъ Болгаръ, противъ которыхъ Святославъ, по словамъ Византійцевъ, употреблялъ крайне насильственныя мѣры. Русскій князь принужденъ былъ просить мира у императора, съ условіемъ очистить Болгарію. Послѣ мира происходило свиданіе обоихъ вождей; для насъ важно описаніе Святославовой наружности, оставленное Львомъ Діакономъ: Святославъ приплылъ на мѣсто свиданія въ лодкѣ по Дунаю, причемъ дѣйствовалъ весломъ наравнѣ съ другими гребцами. Онъ былъ средняго роста, имѣлъ плоскій носъ, глаза голубые, густыя брови, мало волосъ на бородѣ, и длинные, косматые усы. Всѣ волосы на головѣ были у него выстрижены, кромѣ одного клока, висѣвшаго по обѣимъ сторонамъ, что означало его знатное происхожденіе. Шея у него была плотная, грудь широкая и всѣ прочіе члены очень стройные. Вся наружность представляла что-то мрачное и свирѣпое. Въ одномъ ухѣ висѣла серьга, украшенная карбункуломъ и двумя жемчужинами. Бѣлая одежда его только чистотою отличалась отъ одежды прочихъ русскихъ. — Изъ сличенія нашихъ лѣтописныхъ извѣстій съ извѣстіями Византійцевъ оказывается одно, что Святославъ потерпѣлъ неудачу, долженъ былъ заключить невыгодный для себя миръ съ императоромъ, причемъ обязался оставить Болгарію и возвратиться на Русь. Что же касается до противорѣчій между русскими и греческими извѣстіями, то ясно, что въ лѣтописное извѣстіе вошли разсказы Свѣнельда и его уцѣлѣвшихъ товарищей, которые, передавая объ однихъ подвигахъ своихъ, умолчали о неудачахъ [2]).

Заключивъ миръ съ Греками, Святославъ пошелъ въ лодьяхъ къ Днѣпровскимъ порогамъ; отцовскій воевода Свѣнельдъ говорилъ ему: „Ступай, князь, въ обходъ на коняхъ, потому что стоятъ Печенѣги въ порогахъ“. Святославъ не послушалъ его и пошелъ въ лодьяхъ; между тѣмъ Переяславцы послали сказать Печенѣгамъ: „Идетъ Святославъ въ Русь съ большимъ богатствомъ и малою дружиною“. Получивъ эту вѣсть, Печенѣги заступили пороги, и когда Святославъ приплылъ къ нимъ, то уже нельзя было пройти. Князь сталъ зимовать въ Бѣлобережьи [3]); съѣстные припасы вышли и сдѣлался большой голодъ, такъ что платили по полугривнѣ за лошадиную голову. Въ началѣ весны, Святославъ пошелъ опять въ пороги; но здѣсь былъ встрѣченъ Курею, княземъ Печенѣжскимъ, и убитъ; изъ черепа его сдѣлали чашу, оковали ее золотомъ, и пили изъ нея [4]). Свѣнельдъ пришелъ въ Кіевъ къ Ярополку.

Это преданіе, какъ оно занесено въ лѣтопись, требуетъ нѣкоторыхъ поясненій. Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: почему Святославъ, который такъ мало былъ способенъ къ страху, испугался Печенѣговъ и возвратился назадъ зимовать въ Бѣлобережье; если испугался въ первый разъ, то какую надежду имѣлъ къ безпрепятственному возвращенію послѣ, весною; почему онъ могъ думать, что Печенѣги не будутъ сторожить его и въ это время; наконецъ, если испугался Печенѣговъ, то почему не принялъ совѣта Свѣнельдова, который указывалъ ему обходный путь степью? Другой вопросъ: какимъ образомъ спасся Свѣнельдъ? Вопервыхъ, мы знаемъ, какимъ безчестіемъ покрывался дружинникъ, оставившій своего вождя въ битвѣ, пережившій его и отдавшій тѣло его на поруганіе врагамъ; этому безчестію наиболѣе подвергались самые храбрѣйшіе, т.-е. самые прибли-

[1]) Левъ Діак. кн. VIII: «Руссы сражались храбро и отчаянно; они давно пріобрѣли славу побѣдителей надъ всѣми сосѣдними народами, и почитали величайшимъ несчастіемъ быть побѣжденными императоромъ и лишиться этой славы».- Слѣдовательно показаніе Византійца согласно съ лѣтописнымъ очеркомъ Святославова характера.

[2]) Нѣкоторые думаютъ, что въ нашей лѣтописи былъ разсказъ о неудачахъ, начиная со вступленія Цимискія въ Болгарію, но что этотъ разсказъ намѣренно выпущенъ позднѣйшими переписчиками, и полагаютъ пропускъ между словами: «Возвратися въ Переяславець съ похвалою великою» и—«Видѣвъ же мало дружины», и проч. (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 30). Но позднѣйшихъ переписчиковъ нашихъ никакъ нельзя упрекнуть въ обычаѣ выпускать разсказы о неудачахъ своихъ соотечественниковъ: они такъ благоговѣли и къ труду переписыванія лѣтописей, что не могли позволить себѣ подобныхъ выпусковъ, да и странно предполагать въ нихъ сильное сочувствіе къ подвигамъ такого отдаленнаго и языческаго князя, когда они не жертвовали истиною и для славы князей болѣе любимыхъ, напримѣръ Владиміра. Потомъ, на какомъ основаніи обвинять позднѣйшихъ переписчиковъ въ выпускѣ и начальнаго составителя лѣтописи заставлять вписывать разсказъ о пораженіяхъ? Въ разсказѣ лѣтописца есть пропускъ, безспорно; но кому же принадлежитъ онъ? Позднѣйшимъ переписчикамъ, или начальному составителю, или, наконецъ, первоначальнымъ разсказчикамъ, изъ словъ которыхъ образовалось преданіе? Разумѣется, сравнивъ интересы всѣхъ троихъ, мы должны будемъ заключить, что пропускъ долженствовалъ быть сдѣланъ первоначальными разсказчиками—Свѣнельдомъ съ товарищи, а не лѣтописцами, составителями, или переписчиками. Внѣшній составъ разсказа нисколько не обличаетъ выпуска: Святославъ, возвратясь въ Переяславецъ съ побѣдою и богатыми дарами, начинаетъ разсуждать: «что если изобьютъ дружину мою нечаянно, хитростью? лучше мириться и идти домой». Какъ бы онъ могъ разсуждать такимъ образомъ послѣ страшныхъ пораженій и при голодѣ, который онъ терпѣлъ? Какая тутъ хитрость, когда Греки нанесли ему явное сильное пораженіе? Ясно, что вторая половина лѣтописнаго разсказа тѣсно связана съ первою, и выпуска никакого быть не можетъ. Наконецъ пристрастнаго разсказа во второй половинѣ мы должны ожидать уже по первой; если въ первой половинѣ выставляются однѣ побѣды Руссовъ и умалчивается о пораженіяхъ, то ясно, что будетъ умолчено о нихъ и во второй.

[3]) Подлѣ Килійскаго устья Дуная. См. статью Венелина — О соляномъ озерѣ Halmiris, въ чтеніяхъ Моск. Истор. Общ. № 6, годъ 1847,

[4]) И пиша по немъ.—Если мы предпочтемъ это чтеніе, какъ труднѣйшее, то должны будемъ предположить какой-нибудь языческій обычай.

женные къ вождю, князю; а кто былъ ближе Свѣнельда къ Святославу? Дружина обѣщала Святославу, что гдѣ ляжетъ его голова, тамъ и они всѣ головы свои сложатъ; дружина, не знавшая страха среди многочисленныхъ полчищъ греческихъ, дрогнула предъ Печенѣгами? И неужели Свѣнельдъ не постыдился бѣжать съ поля, не захотѣлъ лечь со своимъ княземъ? Вовторыхъ, какимъ образомъ онъ могъ спастись? Мы знаемъ, какъ затруднительны бывали переходы Русскихъ черезъ пороги, когда они принуждены бывали тащить на себѣ лодки и обороняться отъ враговъ, и при такой малочисленности Святославовой дружины трудно, чтобы главный по князѣ вождь могъ спастись отъ тучи облегавшихъ варваровъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ мы должны обратить вниманіе на характеръ и положеніе Святослава, какъ они выставлены въ преданіи. Святославъ завоевалъ Болгарію и остался тамъ жить; вызванный оттуда вѣстію объ опасности своего семейства, нехотя поѣхалъ въ Русь; здѣсь, едва дождался смерти матери, отдалъ волости сыновьямъ и отправился навсегда въ Болгарію, свою страну. Но теперь онъ принужденъ снова ее оставить и возвратиться въ Русь, отъ которой уже отрекся, гдѣ уже княжили его сыновья; въ какомъ отношеніи онъ находился къ нимъ, особенно къ старшему, Ярополку, сидѣвшему въ Кіевѣ? Во всякомъ случаѣ, ему необходимо было лишить послѣдняго данной ему власти, и занять его мѣсто; притомъ, какъ должны были смотрѣть на него Кіевляне, которые и прежде упрекали его за то, что онъ отрекся отъ Руси? Теперь онъ потерялъ ту страну, для которой пренебрегъ Русью, и пришелъ бѣглецомъ въ родную Землю. Естественно, что такое положеніе должно было быть для Святослава нестерпимо: неудивительно, что ему не хотѣлось возвратиться въ Кіевъ, и онъ остался зимовать въ Бѣлобережьи, пославъ Свѣнельда степью въ Русь, чтобы тотъ привелъ ему оттуда побольше дружины, съ которою можно было бы снова выступить противъ Болгаръ и Грековъ, что онъ именно и обѣщалъ сдѣлать передъ отъѣздомъ изъ Болгаріи. Но Свѣнельдъ волею и неволею мѣшкалъ на Руси, а голодъ не позволялъ Святославу медлить болѣе въ Бѣлобрежьи; идти въ обходъ степью было нельзя: кони были всѣ съѣдены, по необходимости должно было плыть Днѣпромъ чрезъ пороги, гдѣ ждали Печенѣги. Что Святославъ самъ отправилъ Свѣнельда степью въ Кіевъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Іоакимова лѣтопись [1]).

Таковы преданія о дѣятельности и смерти Святослава. Олегъ и Ольга соединены въ преданіи однимъ характеромъ: оба представляются нарядниками Земли, мудрыми, вѣщими; Игорь между ними является воиномъ неотважнымъ, княземъ недѣятельнымъ, вождемъ дружины корыстолюбивымъ. Святославъ представленъ образцомъ воина, и только воина, который съ своею отборною дружиною покинулъ Русскую Землю для подвиговъ отдаленныхъ, славныхъ для него и безполезныхъ для родной Земли; эти отношенія Святослава къ Руси преданіе выставило въ рѣчахъ пословъ кіевскихъ, отправленныхъ къ Святославу въ Болгарію. Можно сказать, что Святославъ никогда не имѣлъ на Руси значенія князя: сначала это значеніе имѣла его мать, Ольга, потомъ сыновья его. Утвержденіе Святослава въ Болгаріи, успѣхи его въ войнѣ съ Греками могли имѣть важныя слѣдствія для новорожденной Руси; но историкъ не имѣетъ права разсуждать о томъ, что могло быть; онъ имѣетъ право только сказать, что неудача Святославова произтекла отъ недостаточности его средствъ, отъ того что онъ оторвался отъ Руси, дѣйствовалъ только съ одною отборною дружиною, а не устремилъ на Грецію соединенныя силы всѣхъ племенъ, подвластныхъ Руси; только въ послѣднемъ случаѣ предпріятіе Святослава могло имѣть важное, рѣшительное вліяніе на судьбы восточной Европы. Олегъ и Ольга преданія дѣйствуютъ преимущественно хитростію, и перехитряютъ самихъ Грековъ; Святославъ отличается поведеніемъ противоположнымъ; онъ не нападаетъ на враговъ хитростію, но посылаетъ сказать имъ: „Иду на васъ!“ И когда однажды онъ вздумалъ-было схитрить съ Греками, то его неловкая хитрость обратилась во вредъ ему самому.

Каковы бы ни были причины и обстоятельства смерти Святославовой, Ярополкъ остался старшимъ въ родѣ княжескомъ и Свѣнельдъ при немъ въ большой силѣ. Для объясненія послѣдующихъ явленій, мы не должны упускать изъ виду возраста дѣтей Святославовыхъ: Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ [2]); слѣд. при немъ долженъ былъ нахо-

[1]) Татищ. I, стр. 37.

[2]) По преданію, Святославъ по смерти отца остался малюткою (дѣтескъ); въ лѣтописи годомъ рожденія Святослава означенъ 942-й. (Полн. Собр. Р. Л. I, 19); слѣдовательно въ 946 году, въ годъ смерти Игоревой, Святославу было 4 года; не имѣемъ права отвергать преданія, съ которымъ, какъ видно, сообразовался лѣтописецъ. Такъ совершеннолѣтіе Святослава и начало подвиговъ онъ полагаетъ въ 964 году, то-есть, на 22-мъ году возраста—самая пора! Положимъ, что Святославъ могъ имѣть сына, будучи 19 лѣтъ, слѣдовательно въ 970 году, въ годъ распредѣленія волостей, Ярополку могло быть 9 лѣтъ, Олегу 8. Что Владиміръ былъ малъ въ то время, объ этомъ имѣемъ опредѣленное извѣстіе: онъ былъ, какъ малолѣтній, посланъ съ дядею Добрынею въ Новгородъ; такимъ образомъ, съ кормильцами могли быть посажены и другіе братья. Слѣдовательно въ годъ смерти Святославовой, въ 972 году, Ярополку было не болѣе 11 лѣтъ. Противъ этого вывода возражаютъ, приводя извѣстіе лѣтописи, что Святославъ привелъ Ярополку жену, плѣнную греческую монахиню: слѣд. въ 970 году Ярополку не могло быть только 9 лѣтъ.—Но если мы встрѣчаемъ въ источникахъ два противорѣчивыя свидѣтельства, то должно или выбрать одно изъ двухъ, или, если можно, согласить ихъ; если бы не было возможности согласить двухъ вышеприведенныхъ извѣстій лѣтописи, то все мы предпочли бы преданіе о малолѣтствѣ Святослава по смерти отца и о томъ, что онъ родился въ 942 году, ибо на этомъ преданіи основываются извѣстія о правленіи Ольги; возражатели не подумали, что, отвергая основаніе нашего вывода, они тѣмъ самымъ отвергаютъ цѣлый рядъ важнѣйшихъ извѣстій; но дѣло въ томъ, что выборъ ненуженъ, ибо извѣстія легко согласить:

диться воспитатель; кто былъ этотъ воспитатель, въ какомъ отношеніи былъ къ нему Свѣнельдъ и какъ получилъ важное значеніе—объ этомъ лѣтописецъ ничего не знаетъ. Мы не должны только забывать, что Ярополкъ былъ малолѣтенъ, слѣд. дѣйствовалъ подъ чужимъ вліяніемъ. Единственнымъ событіемъ Ярополкова княженія, внесеннымъ въ лѣтопись, была усобица между сыновьями Святослава. Мы знаемъ, что охота, послѣ войны, была господствующею страстью средневѣковыхъ варваровъ: вездѣ князья предоставляли себѣ, касательно охоты, большія права, жестоко наказывая за ихъ нарушеніе. Это служитъ достаточнымъ объясненіемъ происшествія, разсказаннаго нашимъ лѣтописцемъ: сынъ Свѣнельда, именемъ Лютъ, выѣхалъ изъ Кіева на охоту, и, погнавшись за звѣремъ, въѣхалъ въ лѣса, принадлежавшіе къ волости Олега, князя Древлянскаго; по случаю, въ это же время охотился здѣсь и самъ Олегъ; онъ встрѣтился съ Лютомъ, спросилъ, кто это такой, и, узнавъ, что имѣлъ дѣло съ сыномъ Свѣнельдовымъ, убилъ его. Здѣсь впрочемъ, несмотря на предложенное нами выше общее объясненіе поступка Олегова, насъ останавливаетъ одна частность: Олегъ, говоритъ преданіе, освѣдомился — кто такое позволяетъ себѣ охотиться вмѣстѣ съ нимъ, и, узнавъ, что это сынъ Свѣнельдовъ, убилъ его. Зачѣмъ преданіе связываетъ части дѣйствія такъ, что Олегъ убиваетъ Люта тогда, когда узнаетъ въ немъ сына Свѣнельдова? Если бы Олегъ простилъ Люту его дерзость, узнавъ, что онъ сынъ Свѣнельда, знаменитаго боярина старшаго брата, боярина отцовскаго и дѣдовскаго, тогда дѣло было бы ясно; но лѣтописецъ говоритъ, что Олегъ убилъ Люта, именно узнавши, что онъ сынъ Свѣнельда; при этомъ вспомнимъ, что Древлянскому князю было не болѣе 13 лѣтъ! слѣд. воля его была подчинена вліянію другихъ, вліянію какого-нибудь сильнаго боярина, вродѣ Свѣнельда. Какъ бы то ни было, за это возникла ненависть между Ярополкомъ и Олегомъ; Свѣнельдъ хотѣлъ отомстить Олегу за сына, и потому не переставалъ твердить Ярополку: „Поди на брата и возьми волость его“. Черезъ два года, т.-е. когда Ярополку было 16, а Олегу 15 лѣтъ, Кіевскій князь пошелъ ратью на Древлянскаго; послѣдній вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ, и Ярополкъ побѣдилъ Олега. Олегъ побѣжалъ въ городъ, называемый Овручъ: на мосту, перекинутомъ черезъ ровъ къ городскимъ воротамъ, бѣглецы стѣснились и сталкивали другъ друга въ ровъ, причемъ столкнули и Олега; людей попадало много, за ними попадали лошади, которыя и передавили людей. Ярополкъ вошелъ въ городъ Олега, взялъ на себя власть его и послалъ искать брата. Долго искали князя, и не могли найти. Тогда одинъ Древлянинъ сказалъ: „Я видѣлъ, какъ вчера столкнули его съ моста“. Стали вытаскивать трупы изо рва съ утра до полудни, наконецъ нашли Олега подъ трупами, внесли въ княжескій домъ и положили на коврѣ. Пришелъ Ярополкъ, началъ надъ нимъ плакаться и сказалъ Свѣнельду: „Порадуйся теперь, твое желаніе исполнилось“. Заключали ли въ себѣ эти слова упрекъ, или Ярополкъ хотѣлъ ими просто объявить старику, что желаніе его удовлетворено, хотя первое правдоподобнѣе по связи съ плачемъ; во всякомъ случаѣ, преданіе признаетъ, что дѣло совершено преимущественно подъ вліяніемъ Свѣнельда, и очень естественно, что князь не дѣйствовалъ самостоятельно: ему было только 16 лѣтъ!

Ярополкъ, какъ сказано выше, взялъ братнюю волость. Третій Святославичъ, Владиміръ, узналъ въ Новгородѣ, что Ярополкъ убилъ Олега, испугался братняго властолюбія и бѣжалъ за море, а Ярополкъ послалъ въ Новгородъ своихъ посадниковъ, и сталъ владѣть одинъ на Руси.

Черезъ три года Владиміръ возвратился съ Варягами въ Новгородъ и прогналъ оттуда ярополковыхъ посадниковъ, приказавъ имъ сказать брату: „Владиміръ идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ“. Но прежде начатія борьбы обоимъ братьямъ было важно пріобрѣсти себѣ союзника во владѣтелѣ Полоцкомъ; въ это время въ Полоцкѣ сидѣлъ какой-то Рогволодъ, пришедшій изъ-за моря; каковы были отношенія этого Рогволода къ правнукамъ Рюрика, изъ лѣтописи опредѣлить довольно трудно. Дочь этого Рогволода, Рогнѣда, была сговорена за Ярополка. Владиміръ, чтобы склонить Полоцкаго державца на свою сторону, чтобъ показать, что послѣдній ничего не потеряетъ, если Кіевскій князь будетъ низложенъ, послалъ и отъ себя свататься также за дочь Рогволодову. Лѣтописецъ говоритъ, что Рогволодъ въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ отдалъ дѣло на рѣшеніе дочери, и Рогнѣда отвѣчала, что она не хочетъ выйти замужъ за сына рабы, т.-е. Владиміра, но хочетъ за Ярополка. Когда отроки Владиміра пересказали ему Рогнѣдинъ отвѣтъ, то онъ собралъ большое войско изъ Варяговъ, Новгородцевъ, Чуди и Кривичей, и пошелъ на Полоцкъ. Здѣсь мы видимъ опять не набѣгъ дружины, не однихъ Варяговъ, но походъ, въ которомъ участвовали, какъ въ походѣ Олега, всѣ сѣверныя племена. Въ то время, когда Рогнѣду готовились везти за Ярополка, Владиміръ напалъ на Полоцкъ, убилъ Рогволода съ двумя сыновьями и женился на Рогнѣдѣ. При этомъ случаѣ, въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи находимъ извѣстіе, что виновникомъ всѣхъ предпріятій былъ Добрыня, дядя Владиміровъ; что онъ посылалъ сватать Рог-

---

изъ послѣдующихъ извѣстій мы знаемъ, что князья женили малолѣтнихъ дѣтей своихъ; и Святославъ очень могъ назначить для Ярополка греческую плѣнницу необыкновенной красоты, ибо если даже предположимъ ее совершеннолѣтнею въ 970 году, то разница лѣтъ при многоженствѣ ничего не значила. Мы взяли обыкновенный, общій возрастъ—19 лѣтъ; но возьмемъ теперь исключеніе, самый меньшій возрастъ, въ который Святославъ могъ имѣть сына,—возьмемъ 15 лѣтъ, тогда въ годъ распредѣленія волостей Ярополку будетъ 13, въ годъ отцовской смерти—15 лѣтъ, другимъ братьямъ еще меньше,—все еще необходимы кормильцы.

нѣду за Владиміра; онъ, послѣ гордаго отказа полоцкой княжны, повелъ племянника и войско противъ Рогволода, позоромъ отмстилъ Рогнѣдѣ за ея презрительный отзывъ о матери Владиміра, убилъ ея отца и братьевъ. Въ самомъ дѣлѣ, странно было бы предположить, что Владиміръ, будучи очень молодъ, по прямому указанію преданія [1]), могъ дѣйствовать во всемъ самостоятельно при жизни Добрыни, своего воспитателя и благодѣтеля, потому что, какъ мы видѣли, онъ ему преимущественно былъ обязанъ новгородскимъ княженіемъ. Итакъ, говоря о дѣйствіяхъ Владиміра, историкъ долженъ предполагать Добрыню. О характерѣ Добрыни мы имѣемъ право заключать по нѣкоторымъ указаніямъ лѣтописи: видно, что это былъ старикъ умный, ловкій, рѣшительный, но жесткій; на его жесткость указываетъ приведенное свидѣтельство о поступкѣ съ Рогнѣдою и отцомъ ея; сохранилось также извѣстіе о его жестокихъ насильственныхъ поступкахъ съ Новгородцами при обращеніи ихъ въ христіанство; слѣдовательно, если замѣчается жестокость и насильственность въ поступкахъ молодаго Владиміра, то мы никакъ не можемъ приписывать это одному его характеру, не обращая вниманія на вліяніе Добрыни. Что же касается поступка Добрыни съ Рогволодомъ и его дочерью, то онъ очень понятенъ: Рогнѣда, отказывая Владиміру, какъ сыну рабы, оскорбила этимъ сколько его, столько же и Добрыню, котораго сестра была именно эта раба: черезъ нее онъ былъ дядя князю; словами Рогнѣды была преимущественно опозорена связь, родство Владиміра съ Добрынею, и вотъ послѣдній мститъ за этотъ позоръ жестокимъ позоромъ.

О дальнѣйшей судьбѣ Рогнѣды народная память сохранила слѣдующее преданіе. Когда Владиміръ утвердился въ Кіевѣ, то набралъ себѣ много другихъ женъ, а на Рогнѣду не обращалъ вниманія. Рогнѣда не могла перенести такого поведенія мужа, тѣмъ болѣе что по самому происхожденію своему имѣла право если не на исключительность, то по крайней мѣрѣ на первенство. Однажды, когда Владиміръ пришелъ къ ней и заснулъ, она хотѣла зарѣзать его ножемъ, но онъ вдругъ проснулся и схватилъ ее за руку; тутъ она начала ему говорить: „Ужь мнѣ горько стало: отца моего ты убилъ и Землю его полонилъ для меня; а теперь не любишь меня и младенца моего". Въ отвѣтъ Владиміръ велѣлъ ей одѣться во все княжеское платье, какъ была она одѣта въ день свадьбы своей, сѣсть на богатой постели и дожидаться его: онъ хотѣлъ придти и убить жену. Рогнѣда исполнила его волю, но дала обнаженный мечъ въ руки сыну своему Изяславу, и наказала ему: „Смотри, когда войдетъ отецъ, то ты выступи и скажи ему: развѣ ты думаешь, что ты здѣсь одинъ?" Владиміръ, увидавъ сына и услышавъ его слова, сказалъ: „А кто-жь тебя зналъ, что ты здѣсь?" бросилъ мечъ, велѣлъ позвать бояръ и разсказалъ имъ все какъ было. Бояре отвѣчали ему: „Ужь не убивай ея ради этого ребенка, но возстанови ея отчину и дай ей съ сыномъ". Владиміръ построилъ городъ и далъ имъ, назвавъ городъ Изяславлемъ. Съ тѣхъ поръ, заключаетъ преданіе, внуки Рогволодовы враждуютъ со внуками Ярославовыми.

Изъ Полоцка Владиміръ двинулся съ большимъ войскомъ на Ярополка; тотъ не былъ въ состояніи сопротивляться ему и затворился въ Кіевѣ, а Владиміръ окопался на Дорогожичи, между Дорогожичемъ и Капичемъ [2]). Это безсиліе Ярополка легко объяснить: храбрая дружина ушла съ Святославомъ въ Болгарію, много ли возвратилось со Свѣнельдомъ? Ярополкъ могъ и съ малою дружиною одержать верхъ въ сшибкѣ съ еще меньшею дружиною брата своего Олега, но ему нельзя было выйти съ нею противъ войска Владимірова, которое лѣтописецъ не одинъ разъ называетъ многочисленнымъ, состоявшимъ изъ наемныхъ Варяговъ и сѣверныхъ племенъ. Притомъ извѣстно, что народонаселеніе нашихъ древнихъ областей неохотно принимало участіе въ княжескихъ усобицахъ; далѣе надобно замѣтить, что сѣверное народонаселеніе—Новгородцы, Чудь и Кривичи,—котораго ратники были подъ знаменами Владиміра, сражалось за этого князя по тѣмъ же побужденіямъ, по какимъ послѣ Новгородцы съ такимъ усердіемъ отстаивали Ярослава противъ Святополка. Владиміръ былъ ихъ князь, у нихъ выросшій; съ его низложеніемъ они должны будутъ опять подчиниться посадникамъ Ярополка; но возвращеніе послѣднихъ не могло быть выгодно для Новгородцевъ, ибо трудно предположить, чтобы Владиміръ выгналъ ихъ безъ вѣдома и согласія послѣднихъ, которые поэтому не могли быть въ пріязненныхъ отношеніяхъ къ Кіевскому князю; замѣтимъ еще и то, что сѣверное народонаселеніе—Новгородцы, Чудь и Кривичи—издавна было гораздо тѣснѣе соединено между собою, чѣмъ южное: мы видимъ эти племена дѣйствующими заодно при изгнаніи Варяговъ, въ призваніи князей, слѣдовательно имѣемъ право думать, что они относительно яснѣе понимали свои выгоды и дружнѣе могли отстаивать своего князя, чѣмъ племена южныя, недавно только оружіемъ князей приведенныя въ нѣкоторую связь и зависимость отъ одной общей власти. Итакъ Ярополкъ, будучи не въ состояніи биться съ Владиміромъ въ

[1]) Полн. Собр. Р. Л. I, 131: яко Роговолоду держащю и владѣющю и княжащю Полотьскую землю, а Володимеру сущу Новѣгородѣ, дѣтьску сущю еще и погану, и бѣ у него Добрыня воевода, и храборъ и нарядень мужь, и сь посла къ Роговолоду и проси у него дщери за Володимера. . . Слышавъ же Володимеръ, разгнѣвася о той рѣчи, оже рече: «не хочу я за робичича», пожалися Добрыня и исполнися ярости... и Добрыня поноси ему (Роговолоду) и дщери его, нарекъ ей робичица и повелѣ Володимеру быти съ нею предъ отцемъ ея и матерью.

[2]) Дорогожичи между Вышгородомъ и Кіевомъ; см. Полн. Собр. Р. Лѣт. II, 100: Сняшася братья Вышегородѣ и пришедше сташа на Дорогожичи подъ святымъ Кириломъ. «Кириловскій монастырь съ 1787 года составляетъ казенный домъ для содержанія увѣчныхъ и престарѣлыхъ инвалидовъ» (Берлинскаго—Описаніе Кіева, 116).

чистомъ полѣ, затворился въ Кіевѣ съ людьми своими и съ Блудомъ, воеводою. Этотъ Блудъ является главнымъ совѣтникомъ князя, главнымъ дѣйствователемъ во время событія; князь безпрекословно исполняетъ его внушенія, что и понятно, если вспомнимъ возрастъ Ярополка, если вспомнимъ, что и при Владимірѣ роль Блуда исполнялъ Добрыня. Слѣдовательно Владиміру или Добрынѣ нужно было имѣть дѣло съ Блудомъ, а не съ Ярополкомъ. И вотъ Блудъ отъ имени Новгородскаго князя получилъ предложеніе покинуть Ярополка, предать его младшему брату. Переманить Блуда можно было только обѣщаніемъ, что онъ ничего не потеряетъ, что и при Владимірѣ онъ будетъ имѣть такое же значеніе, какое имѣлъ при Ярополкѣ, т.-е. значеніе наставника, отца при молодомъ князѣ; Владиміръ велѣлъ сказать ему: „Помоги мнѣ; если я убью брата, то ты будешь мнѣ вмѣсто отца и получишь отъ меня большую честь“. Въ лѣтописи помѣщены тутъ же слова Владиміра, въ которыхъ онъ оправдываетъ поведеніе свое относительно брата: „Не я, говоритъ онъ, началъ избивать братію, но онъ; я пришелъ на него, побоявшись такой же участи“ [1]). Блудъ велѣлъ отвѣчать Владиміру, что онъ будетъ всѣмъ сердцемъ помогать ему. Лѣтописецъ старается сложить всю вину на Блуда. По его разсказу, Блудъ сталъ обманывать Ярополка, безпрестанно ссылаясь съ Владиміромъ, совѣтуя ему приступать къ городу, а самъ придумывалъ, какъ бы убить Ярополка; но посредствомъ гражданъ нельзя было убить его. Тогда Блудъ замыслилъ погубить князя лестью: онъ не пускалъ его на вылазки изъ города и говорилъ: „Кіевляне ссылаются съ Владиміромъ, зовутъ его на приступъ, обѣщаются предать тебя ему; побѣги лучше за-городъ“. Ярополкъ послушался, выбѣжалъ изъ Кіева и затворился въ городѣ Роднѣ, на устьи рѣки Рси Владиміръ вошелъ въ Кіевъ и осадилъ Ярополка въ Роднѣ, гдѣ сдѣлался сильный голодъ, такъ что надолго осталась пословица: „Бѣда какъ на Роднѣ“. Тогда Блудъ началъ говорить Ярополку: „Видишь, сколько войска у брата твоего? намъ ихъ не перебороть, мирись съ братомъ“; Ярополкъ согласился и на это; а Блудъ послалъ сказать Владиміру: „Твое желаніе сбылось: приведу къ тебѣ Ярополка, а ты распорядись, какъ бы убить его.“ Владиміръ, получивши вѣсть, вышелъ на отцовскій теремный дворъ и сѣлъ тутъ съ дружиною; а Блудъ началъ посылать Ярополка. „Ступай къ брату и скажи ему: Что мнѣ дашь, то и возьму.“ Ярополкъ пошелъ, хотя одинъ изъ дружины, именемъ Варяжко, говорилъ ему: „Не ходи, князь, убьютъ тебя, бѣги лучше къ Печенѣгамъ и приведи отъ нихъ войско.“ Но Ярополкъ не послушалъ его, пошелъ къ Владиміру, и какъ сталъ входить въ двери, то два Варяга прокололи его мечами, а Блудъ затворилъ двери и не далъ своимъ идти за нимъ. Варяжко, видя, что князь убитъ, бѣжалъ съ двора къ Печенѣгамъ, и много разъ приходилъ съ ними на Владиміра, такъ что тотъ едва успѣлъ перезвать его къ себѣ, поклявшись не дѣлать ему никакого зла. Слѣдовательно изъ начальной Кіевской лѣтописи оказывается, что Владиміръ былъ одолженъ своею побѣдою вопервыхъ тому, что Ярополкъ не имѣлъ достаточно войска, чтобы стать противъ него въ чистомъ полѣ; вовторыхъ, измѣнѣ Блуда, который, стращая князя вѣроломствомъ Кіевлянъ, не пу-

---

[1]) Эверсъ предполагаетъ, что Владиміръ считалъ своею обязанностью отомстить Ярополку за смерть Олега. Но знаменитый изслѣдователь, обращая вниманіе только на отношенія Владиміра къ Олегу, упустилъ изъ виду отношеніе Владиміра къ Ярополку. Точно, по понятіямъ того времени, Владиміръ долженъ былъ мстить за смерть брата; но кому? Принимая въ разсчетъ родовыя отношенія, мы должны обращать вниманіе на совокупность этихъ отношеній и не брать каждое порознь. Здѣсь дѣло идетъ между родными братьями, членами одной семьи: на каждаго родича была возложена обязанность мести, ибо месть была единственнымъ средствомъ защиты отъ насилій въ то время, когда каждый родъ смотрѣлъ на себя, какъ на отдѣльное цѣлое, когда каждый зналъ только свой родъ и соблюдалъ только одни его интересы; но если обязанность мести была естественна и необходима между членами разныхъ родовъ, то ясно, что она не могла существовать между членами одного и того же рода, ибо каждый родъ составлялъ одно нераздѣльное цѣлое съ своимъ главою, будь то отецъ, дядя, старшій братъ. Здѣсь сынъ не могъ мстить отцу, племянникъ—дядѣ, братъ—брату, ни за собственную обиду, ни за обиду, нанесенную другому родичу; здѣсь всѣ дѣла рѣшались властью родоначальника или общимъ родовымъ судомъ. Такъ, напримѣръ, когда Святополкъ Изяславичъ, по наговорамъ Давида Игоревича, согласился на ослѣпленіе Василька, то цѣлый родъ вооружился противъ него; родичи говорили, что если Василько дѣйствительно виноватъ, то Святополкъ долженъ былъ доказать предъ цѣлымъ родомъ его вину и потомъ наказать.—Но могъ ли Владиміръ, оставшись вдвоемъ съ Ярополкомъ представителями рода, взять на себя право судить и наказывать старшаго брата? Уже самая исключительность положенія не допускала опредѣленности правъ: Владиміръ могъ дѣйствовать только по чувству самосохраненія, если бы могъ дѣйствовать самостоятельно; но дѣйствовалъ Добрыня, который, выставивъ со стороны Владиміра чувство самосохраненія, стремился убить Ярополка, чтобы сдѣлать своего племянника и питомца княземъ всей Русской Земли.—Вотъ почему преданіе, говоря о борьбѣ Владиміра съ Ярополкомъ, молчитъ о правѣ или обязанности перваго отомстить за смерть Олега, тогда какъ прямо говоритъ, что Свѣнельдъ уговаривалъ Ярополка къ войнѣ съ Олегомъ, желая отомстить за смерть своего сына.—Противъ нашего мнѣнія приводятъ слова Ярослава, сказанныя имъ о Святополкѣ: «Не азъ почахъ избивати братью, но онъ; да будетъ отместьникъ Богъ крове братья моея... но суди ми Господи по правдѣ». Но здѣсь Ярославъ руководится другими, новыми христіанскими понятіями: съ своей стороны онъ, подобно Владиміру, выставляетъ только право защищаться, предупреждаетъ собственную погибель и считаетъ свое дѣло правымъ, молитъ Бога, какъ Мстителя за неповинную кровь, Карателя преступленій, помочь ему въ правомъ дѣлѣ. Приводятъ также событія изъ конца XII вѣка, гдѣ братъ убійствомъ мстилъ за убійство родного брата другому родичу; но конецъ XIII вѣка былъ уже временемъ распаденія родового быта. Приводятъ, наконецъ, желаніе князя Святослава Черниговскаго отомстить Всеволоду Суздальскому за обиду; но здѣсь нѣтъ никакого соотношенія съ нашимъ событіемъ: линія Святослава и Всеволода (Ольговичи и Мономаховичи) давно уже находилась въ открытой борьбѣ, родовая связь давно была между ними расторгнута; здѣсь дѣло шло между двумя независимыми владѣльцами, и дѣло шло не объ убійствѣ (см. Изслѣдов. А. Тюрина—Обществ. жизнь и проч., стр. 46, 47).

скалъ его на вылазки и потомъ уговорилъ совершенно оставить Кіевъ.

При разсказѣ о этомъ событіи, нельзя умолчать объ извѣстномъ отрывкѣ изъ Іоакимовой новгородской лѣтописи, сохраненномъ у Татищева; не заключая въ себѣ никакого противорѣчія начальной Кіевской лѣтописи, лѣтопись Іоакимова главною причиною Владимірова торжества выставляетъ борьбу христіанства съ язычествомъ; если бы даже это объясненіе было выдумано, то и тогда нужно было бы упомянуть о немъ, какъ о догадкѣ, очень остроумной и вѣроятной. Извѣстно, что отецъ Владиміра, Святославъ, по своему характеру, не могъ склониться на увѣщанія Св. Ольги, и что поклонники Христа при немъ подвергались ругательствамъ отъ поклонниковъ Перуна, хотя собственно гоненія не было. Но во время Греческой войны, по свидѣтельству Іоакима, Святославъ перемѣнилъ свое поведеніе относительно христіанъ: повѣривъ внушеніямъ окружавшихъ его язычниковъ, будто виновниками неудачъ военныхъ были христіане, находившіеся въ дружинѣ, князь воздвигъ на нихъ гоненіе, причемъ не пощадилъ даже своего брата Глѣба [1]), и послалъ въ Кіевъ приказъ разорить христіанскіе храмы. Но, отказавшись отъ принятія христіанства самъ, Святославъ между тѣмъ оставилъ сыновей своихъ при бабкѣ-христіанкѣ: ясно, какія внушенія должны были получить отъ нея молодые князья. Въ Іоакимовской лѣтописи читаемъ, что Ярополкъ былъ кротокъ и милостивъ, любилъ христіанъ, и если самъ не крестился, боясь народа, то, по крайней мѣрѣ, другимъ не препятствовалъ. Тѣ, которые при Святославѣ ругались надъ христіанствомъ, естественно не любили князя, приверженнаго къ враждебной религіи: этимъ нерасположеніемъ къ Ярополку, воспользовался Владиміръ (т.-е. Добрыня) и успѣлъ отнять жизнь и владѣніе у брата. Ярополкъ по словамъ Іоакимовой лѣтописи, послалъ увѣщевать брата къ миру и, вмѣстѣ, войско въ землю Кривскую. Владиміръ испугался и хотѣлъ-было уже бѣжать къ Новгороду; но дядя его Добрыня, зная, что Ярополкъ нелюбимъ язычниками, удержалъ племянника и послалъ въ Ярополковъ станъ съ дарами къ воеводамъ, перезывая ихъ на сторону Владиміра. Воеводы обѣщали передаться и исполнили свое обѣщаніе въ битвѣ при рѣкѣ Другѣ, въ трехъ дняхъ пути отъ Смоленска [2]). Послѣдующія событія описаны согласно съ начальною Кіевскою лѣтописью.

Если мы примемъ во вниманіе разсказъ Іоакимовской лѣтописи, то намъ объяснится поведеніе Владиміра въ первые годы его княженія: торжество Владиміра было торжествомъ языческой стороны надъ христіанскою; вотъ почему новый князь ознаменовываетъ начало своего правленія сильною ревностью къ язычеству, ставитъ кумиры на высотахъ кіевскихъ; дядя его Добрыня поступаетъ точно такъ же въ Новгородѣ. Судя по выраженіямъ лѣтописца, никогда въ Русской Землѣ не было видно такого гнуснаго идолослуженія; хотя, какъ кажется, не слѣдуетъ принимать этихъ выраженій буквально: началъ княжить Владиміръ въ Кіевѣ одинъ, говоритъ лѣтописецъ, и поставилъ кумиры на холмѣ, внѣ двора теремнаго: Перуна деревяннаго, а голова у него серебряная, усъ золотой, Хорса Дажбога, Стрибога, Симаргла (Сима и Регла) и Мокоша. Приносили имъ жертвы, называя богами, приводили сыновей и дочерей, и приносили жертвы бѣсамъ; осквернилась кровью Земля Русская и холмъ тотъ. — Намъ извѣстно, что Славяне-язычники сильно негодовали на христіанскую религію за то, что она не допускала многоженства [3]); въ ознаменованіе торжества языческой стороны, князь, виновникъ этого торжества, предается необузданному женолюбію: кромѣ пяти законныхъ женъ, было у него 300 наложницъ въ Вышгородѣ, 300 въ Бѣлгородѣ, 200 въ селѣ Берестовѣ. Онъ былъ несытъ блуда, по выраженію лѣтописца: приводилъ къ себѣ замужнихъ женщинъ и дѣвицъ на растлѣніе, однимъ словомъ, былъ женолюбивъ какъ Соломонъ.

Но въ то время, какъ Владиміръ угождалъ язычникамъ, буйство наемныхъ Варяговъ ставило его въ затруднительное положеніе относительно Кіева. Мы видѣли, что торжество надъ Ярополкомъ, во всякомъ случаѣ, досталось ему дешево: если и была битва въ странѣ Смоленской, то въ собственной Руси все покорилось ему безъ сопротивленія. Несмотря на то, Варяги думали, что торжествомъ своимъ Владиміръ обязанъ имъ, поступали буйно съ гражданами, какъ съ завоеванными; они говорили Владиміру: „Городъ-то нашъ, мы его взяли, такъ мы хотимъ брать окупъ на народѣ, по 2 гривны съ человѣка.“ Владиміръ отвѣчалъ: „Пождите мѣсяцъ, пока соберутъ деньги.“ Варяги ждали-ждали и не получили денегъ. Тогда они сказали князю: „Обманулъ ты насъ: такъ отпусти въ Грецію.“ Владиміръ согласился; онъ выбралъ изъ нихъ мужей добрыхъ, смышленыхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города, а прочіе пошли въ Константинополь. Но почему же Варяги не попробовали силою взять денегъ? Историки догадываются, что Владиміръ именно назначилъ мѣсячный срокъ, дабы взять свои мѣры, увеличить собственно русское войско; съ одной стороны это могло быть и такъ; съ другой, хорошимъ средствомъ для Владиміра сдѣлать Варяговъ безопасны и было и то, о чемъ говоритъ лѣтописецъ, а именно: князь воспользовался срокомъ, чтобъ склонить на свою сторону лучшихъ Варяговъ, предводителей, привязавъ ихъ

---

[1]) Что у Святослава были если не родные, то двоюродные братья, доказываетъ упоминовеніе племянниковъ Игоря въ договорѣ съ Греками, племянника Ольги при описаніи угощеній ея Константиномъ Багрянороднымъ; всего легче допустить, что этотъ племянникъ послѣдовалъ въ Царѣградѣ примѣру тетки, принявъ христіанство.

[2]) Татищ. I, стр. 38.

[3]) См. Краледв. рукоп. Zaboj, Slavoj, Ludiek.

къ себѣ и къ Руси выгодами; толпа, худшіе люди, оставшись безъ предводителей, не смѣли предпринять ничего; такимъ образомъ Владиміръ ослабилъ Варяговъ, раздѣливши ихъ. Варяги спросили Владиміра: „Покажи намъ путь въ Грецію". Это могло значить, что Варяги просили у князя пропускныхъ листовъ, безъ которыхъ греческое правительство не принимало Варяговъ, по договорамъ. Владиміръ точно отправилъ посольство къ императору на счетъ Варяговъ; послы должны были сказать ему: „Идутъ къ тебѣ Варяги, не держи ихъ въ городѣ; не то натворятъ они тебѣ бѣды, какъ и здѣсь; расточи ихъ въ разныя стороны, а сюда не пускай ни одного". Выраженіе: надѣлаютъ они тебѣ бѣдъ, какъ и здѣсь — показываетъ, что Варяги буйствовали въ Кіевѣ.

Касательно внѣшнихъ отношеній при Ярополкѣ есть извѣстія: о побѣдѣ этого князя надъ Печенѣгами, о вступленіи печенѣжскаго князя Илдея въ службу къ Ярополку, который далъ ему города и волости; о заключеніи мира съ Греками на условіяхъ отцовскихъ и дѣдовскихъ; о приходѣ пословъ папскихъ

Глава VII.

Владиміръ Святый.—Ярославъ I-й.

Несостоятельность язычества — Извѣстіе о принятія христіанства Владиміромъ. — Распрастраненіе христіанства на Руси при Владимірѣ. — Средство къ утвержденію христіанства. — Вліяніе духовенства. — Войны Владиміра —Первое столкновеніе съ западными Славянами.—Борьба съ Печенѣгами.—Смерть Владиміра· его характеръ.—Усобица между сыновьями Владиміра.—Утвержденіе Ярослава въ Кіевѣ.—Отношенія къ Скандинавіи и Польшѣ.—Послѣдняя Греческая война.—Борьба съ Печенѣгами.—Внутренняя дѣятельность Ярослава.

(980—1054.)

Мы видѣли, что торжество Владиміра надъ Ярополкомъ сопровождалось торжествомъ язычества надъ христіанствомъ; но это торжество не могло быть продолжительно: русское язычество было такъ бѣдно, такъ безцвѣтно, что не могло съ успѣхомъ вести спора ни съ одною изъ религій, имѣвшихъ мѣсто въ юго-восточныхъ областяхъ тогдашней Европы, тѣмъ болѣе съ христіанствомъ; ревность Владиміра и Добрыни въ началѣ ихъ власти, устроеніе изукрашенныхъ кумировъ, частыя жертвы проистекали изъ желанія поднять сколько-нибудь язычество, дать ему средства хотя что-нибудь противопоставить другимъ религіямъ, подавляющимъ его своимъ величіемъ; но эти самыя попытки, эта самая ревность и вела прямо къ паденію язычества, потому что всего лучше показывала его несостоятельность. У насъ на Руси, въ Кіевѣ, произошло то же самое, что въ болѣе обширныхъ размѣрахъ произошло въ Имперіи, при Юліанѣ: ревность этого императора къ язычеству всего болѣе способствовала къ окончательному паденію послѣдняго, потому что Юліанъ истощилъ всѣ средства язычества, извлекъ изъ него все, что оно могло дать для умственной и нравственной жизни человѣка, и тѣмъ всего рѣзче высказалась его несостоятельность, его бѣдность предъ христіанствомъ. Такъ обыкновенно бываетъ и въ жизни отдѣльныхъ людей, и въ жизни цѣлыхъ обществъ: вотъ почему и неудивительно видѣть, какъ иногда самые страстные ревнители вдругъ, неожиданно, покидаютъ предметъ своего поклоненія и переходятъ на враждебную сторону, которую защищаютъ съ удвоенною ревностью; это происходитъ именно отъ того, что въ ихъ сознаніи истощились всѣ средства прежняго предмета поклоненія.

Подъ 983 годомъ, въ началѣ княженія Владиміра, лѣтописецъ помѣщаетъ разсказъ о слѣдующемъ событіи: Владиміръ, послѣ похода на Ятвяговъ, возвратился въ Кіевъ и приносилъ жертву кумирамъ вмѣстѣ съ своими людьми; старцы и бояре сказали: „Кинемъ жребій на отроковъ и дѣвицъ: на кого падетъ, то принесемъ въ жертву богамъ". Въ это время жилъ въ Кіевѣ одинъ Варягъ, который пришелъ изъ Греціи и держалъ христіанскую вѣру; былъ у него сынъ, прекрасный лицомъ и душою: на этого-то молодаго Варяга и палъ жребій. Посланные отъ народа (объ участіи князя не говорится ни слова) пришли къ старому Варягу и сказали ему: „Палъ жребій на твоего сына, богамъ угодно взять его себѣ, и мы хотимъ принести его имъ въ жертву." Варягъ отвѣчалъ: „У васъ не боги, а дерево; нынче есть, а завтра сгніетъ, ни ѣдятъ, ни пьютъ, ни говорятъ, но сдѣланы руками человѣческими изъ дерева; а Богъ одинъ, Которому служатъ Греки и кланяются, Который сотворилъ небо и землю, звѣзды и луну, и солнце, и человѣка, далъ ему жить на землѣ; а эти боги что сдѣлали? сами дѣланные; не дамъ сына своего бѣсамъ!" Посланные разсказали эти рѣчи народу; толпа взяла оружіе, пошла къ варягову дому и разломала заборъ вокругъ него; Варягъ стоялъ въ сѣняхъ съ сыномъ. Народъ кричалъ ему: „Дай сына своего богамъ." Онъ отвѣчалъ: „Если они боги, то пусть пошлютъ какого-нибудь одного бога взять моего сына, а вы о чемъ хлопочете?" Яростный кликъ былъ отвѣтомъ толпы, которая бросилась къ Варягамъ, подсѣкла подъ ними сѣни и убила ихъ. Несмотря на то, что смѣлый Варягъ палъ жертвою торжествующаго, повидимому, языче-

ства, событіе это не могло не произвести сильнаго впечатлѣнія: язычеству, кумирамъ сдѣланъ былъ торжественный вызовъ, надъ ними торжественно наругались; проповѣдь была произнесена громко; народъ въ пылу ярости убилъ проповѣдника, но ярость прошла, а страшныя слова остались: ваши боги дерево; Богъ одинъ, Которому кланяются Греки, Который сотворилъ все,—и безотвѣтны стали кумиры Владиміра передъ этими словами, и что могла, въ самомъ дѣлѣ, славянская религія сказать въ свою пользу, что могла отвѣчать на высокіе запросы, заданные ей проповѣдниками другихъ религій? Самые важные изъ нихъ были вопросы о началѣ міра и будущей жизни. Что вопросъ о будущей жизни дѣйствовалъ могущественно и на языческихъ Славянъ, какъ на другихъ народовъ,—видно изъ преданія о томъ, какъ царь Болгарскій обратился въ христіанство вслѣдствіе впечатлѣнія, произведеннаго на него картиною страшнаго суда. По русскому преданію, то же самое средство употребилъ и у насъ греческій проповѣдникъ и произвелъ также сильное впечатлѣніе на Владиміра; послѣ разговора съ нимъ, Владиміръ, по преданію, созываетъ бояръ и городскихъ старцевъ, и говоритъ имъ, что приходили проповѣдники отъ разныхъ народовъ, каждый хвалилъ свою вѣру; напослѣдокъ пришли и Греки,—хулятъ всѣ другіе законы, хвалятъ свой, много говорятъ о началѣ міра, о бытіи его, говорятъ хитро, любо ихъ слушать, и о другомъ свѣтѣ говорятъ: если кто въ ихъ вѣру вступитъ, то, умерши, воскреснетъ и не умретъ послѣ во-вѣки; если же въ другой законъ вступитъ, то на томъ свѣтѣ будетъ въ огнѣ горѣть. Магометанскіе проповѣдники также говорили о будущей жизни; но самое чувственное представленіе ея уже подрывало довѣренность; въ душѣ самаго простого человѣка есть сознаніе, что тотъ свѣтъ не можетъ быть похожъ на этотъ, причемъ раздражала исключительность извѣстныхъ сторонъ чувственности, противорѣчіе, по которому одно наслажденіе допускается неограниченно, другія совершенно запрещались. Владиміру, по преданію, нравился чувственный рай магометовъ, но онъ никакъ не соглашался допустить обрѣзаніе, отказаться отъ свиного мяса и отъ вина: „Руси есть веселье пить, говорилъ онъ, не можетъ быть безъ того“. Что вопросъ о началѣ міра и будущей жизни сильно занималъ всѣ языческіе народы сѣвера и могущественно содѣйствовалъ распространенію между ними христіанства, могшаго дать имъ удовлетворительное рѣшеніе на него,—это видно изъ преданія о принятіи христіанства въ Британіи: къ одному изъ королей англо-саксонскихъ явился проповѣдникъ христіанства; король позвалъ дружину на совѣтъ, и одинъ изъ вождей сказалъ при этомъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Быть-можетъ, ты припомнишь, князь, что случается иногда въ зимнее время, когда ты сидишь за столомъ съ дружиною: огонь пылаетъ, въ комнатѣ тепло, а на дворѣ и дождь, и снѣгъ, и вѣтеръ. И вотъ иногда въ это время быстро пронесется черезъ комнату маленькая птичка, влетитъ въ одну дверь, вылетитъ въ другую; мгновеніе этого перелета ей пріятно, она не чувствуетъ болѣе ни дождя, ни бури; но это мгновеніе кратко, вотъ птица уже и вылетѣла изъ комнаты, и опять прежнее ненастье бьетъ несчастную. Такова и жизнь людская на землѣ, и ея мгновенное теченіе, если сравнить его съ продолжительностью времени, которое предшествуетъ и послѣдуетъ. Это время и мрачно, и безпокойно для насъ; оно мучитъ насъ невозможностью познать его; такъ если новое ученіе можетъ дать намъ какое-нибудь вѣрное извѣстіе объ этомъ предметѣ, то стоитъ принять его“ [1]). Отсюда понятно для насъ значеніе преданія о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ, приходившихъ къ Владиміру, вѣрность этого преданія времени и обществу [2]). Видно, что все было приготовлено для переворота въ нравственной жизни новорожденнаго русскаго общества на югѣ; что религія, удовлетворявшая разсѣяннымъ, особо живущимъ племенамъ, не могла болѣе удовлетворять Кіевлянамъ, познакомившимся съ другими религіями; они употребили всѣ средства для поднятія своей старой вѣры въ уровень съ другими,—и всѣ средства оказались тщетными; чужія вѣры, и особенно одна, тяготили явно своимъ превосходствомъ; это обстоятельство и необходимость защищать старую вѣру естественно должны были вести къ раздраженію, которое, въ свою очередь, влекло къ насильственнымъ поступкамъ; но и это не помогло. При старой вѣрѣ нельзя было оставаться, нужно было рѣшиться на выборъ другой. Послѣднее обстоятельство, т. е. выборъ вѣры, есть особенность Русской Исторіи: ни одному другому европейскому народу не предстояло необходимости выбора между религіями; но не такъ было на востокѣ Европы, на границахъ ея съ Азіею, гдѣ сталкивались не только различныя религіи, а именно: магометанская, іудейская и христіанская; Козарское царство, основанное на границахъ Европы съ Азіею, представляетъ намъ это смѣшеніе разныхъ народовъ и религій; козарскимъ каганамъ, по преданію, также предстоялъ выборъ между тремя религіями [3]): они выбрали іудейскую; для азіатцевъ былъ доступнѣе деизмъ послѣдней. Но Козарское царство пало, и вотъ на границахъ также Европы съ Азіею, но уже

---

[1]) Bedae Hist. 1. II, стр. 13.

[2]) Время письменнаго составленія преданія можно опредѣлить. Жиды говорятъ Владиміру: «Разгнѣвася Богъ на отцы наши и расточи ны по странамъ грѣхъ ради нашихъ, и предана бысть земля наша Хрестеяномъ». Палестина была предана не христіанамъ, но язычникамъ, Римлянамъ, а въ описываемое время находилась во владѣніи магометанъ; слѣдовательно преданіе составлено окончательно и занесено въ лѣтопись въ то время, когда крестоносцы владѣли Іерусалимомъ. О томъ, откуда заимствованы мѣста, не находящіяся въ Библіи, см. о Древней Русской Лѣтописи, соч. Сухомлинова, стр. 54 и слѣд.

[3]) См. Іудейско-Козарское преданіе въ отвѣтѣ Козарскаго царя Іосифа испанскому Еврею Рабби Хисдай.—Чтенія Истор. Общ. 1847, № 6.

на другой сторонѣ, ближе къ Европѣ, образовалось другое владѣніе, Русское, съ европейскимъ народонаселеніемъ; кагану Русскому и его народу предстоялъ также выборъ между тремя религіями, и опять повторилось преданіе о проповѣдникахъ различныхъ вѣръ и о выборѣ лучшей; на этотъ разъ лучшею оказалась не іудейская: европейскій смыслъ избралъ христіанство. Преданіе очень вѣрно выставило также причину отверженія Іудеевъ Владиміромъ; когда онъ спросилъ у нихъ: „Гдѣ ваша земля?“ и они сказали, что Богъ въ гнѣвѣ расточилъ ихъ по странамъ чужимъ, то Владиміръ отвѣчалъ: „Какъ вы учите другихъ, будучи сами отвергнуты Богомъ и расточены?“ Вспомнимъ, какъ у средневѣковыхъ европейскихъ народовъ было вкоренено понятіе, что политическое бѣдствіе народа есть наказаніе Божіе за грѣхи, вслѣдствіе чего питалось отвращеніе къ бѣдствующему народу.

Магометанство, кромѣ видимой бѣдности своего содержанія, не могло соперничать съ христіанствомъ по самой отдаленности своей. Христіанство было уже давно знакомо въ Кіевѣ вслѣдствіе частыхъ сношеній съ Константинополемъ, который поражалъ Руссовъ величіемъ религіи и гражданственности. Бывальцы въ Константинополѣ, послѣ тамошнихъ чудесъ, съ презрѣніемъ должны были смотрѣть на бѣдное русское язычество и превозносить вѣру греческую. Рѣчи ихъ имѣли большую силу, потому что это были обыкновенно многоопытные странствователи, бывшіе во многихъ различныхъ странахъ, и на востокѣ, и на западѣ, видѣвшіе много разныхъ вѣръ и обычаевъ, и, разумѣется, имъ нигдѣ не могло такъ нравиться, какъ въ Константинополѣ. Владиміру не нужно было посылать бояръ извѣдывать вѣры разныхъ народовъ: не одинъ Варягъ могъ удостовѣрить его о преимуществахъ вѣры греческой передъ всѣми другими; митрополитъ Иларіонъ, котораго свидѣтельство, какъ почти современное, не подлежитъ никакому сомнѣнію,—Иларіонъ ни слова не говоритъ о посольствахъ для извѣдыванія вѣръ, но говоритъ, согласнѣе съ дѣломъ, что Владиміръ постоянно слышалъ о Греческой Землѣ, сильной вѣрою, о величіи тамошняго богослуженія [1]); бывальцы въ Константинополѣ и другихъ разновѣрныхъ странахъ могли именно говорить то, что́, по преданію, у лѣтописца говорятъ бояре, которыхъ Владиміръ посылалъ для извѣдыванія вѣръ: „Мы не можемъ забыть той красоты, которую видѣли въ Константинополѣ; всякій человѣкъ, какъ отвѣдаетъ разъ сладкаго, уже не будетъ послѣ принимать горькаго: такъ и мы здѣсь въ Кіевѣ больше не останемся“. Эти слова находили подтвержденіе и между городскими старцами, и между тѣми изъ бояръ Владиміра, которые не бывали въ Константинополѣ,—у нихъ было свое туземное доказательство въ пользу христіанства: „Если бы дуренъ былъ законъ греческій, говорили они, то бабка твоя, Ольга, не приняла бы его; а она была мудрѣе всѣхъ людей“. Замѣтимъ еще одно обстоятельство: Владиміръ былъ взятъ изъ Кіева малолѣтнимъ и воспитанъ въ Новгородѣ, на сѣверѣ, гдѣ было сильно язычество, а христіанство едва ли знакомо; онъ привелъ въ Кіевъ съ сѣвера тамошнее народонаселеніе—Варяговъ, Славянъ Новгородскихъ, Чудь, Кривичей, все ревностнѣйшихъ язычниковъ, которые своимъ прибытіемъ легко дали перевѣсъ кіевскимъ язычникамъ надъ христіанами, что и было причиною явленій, имѣвшихъ мѣсто въ началѣ княженія Владиміра: но потомъ время и мѣсто взяли свое: ближайшее знакомство съ христіанствомъ, съ Греціею, приплывъ бывальцевъ въ Константинополѣ должны были ослабить языческую ревность и склонить дѣло въ пользу христіанства. Такимъ образомъ, все было готово къ принятію новой вѣры, ждали только удобнаго случая: „подожду еще немного“, говорилъ Владиміръ, по свидѣтельству начальнаго лѣтописца кіевскаго. Удобный случай представился въ войнѣ съ Греками; преданіе тѣсно соединяетъ походъ на Грековъ съ принятіемъ христіанства, хочетъ выставить, что первый былъ предпринятъ для второго: Владиміръ спросилъ у бояръ: „Гдѣ принять намъ крещеніе?“—тѣ отвѣчали: „Гдѣ тебѣ любо“. И, по прошествіи года, Владиміръ выступилъ съ войскомъ на Корсунь. Корсунцы затворились въ городѣ и крѣпко отбивались, несмотря на изнеможеніе; Владиміръ объявилъ имъ, что если они не сдадутся, то онъ будетъ три года стоять подъ городомъ. Когда эта угроза не подѣйствовала, Владиміръ велѣлъ дѣлать валъ около города; но Корсуняне подкопали городскую стѣну и уносили присыпаемую Русскими землю къ себѣ въ городъ; Русскіе сыпали еще больше, и Владиміръ все стоялъ. Тогда одинъ Корсунянинъ, именемъ Анастасъ, пустилъ въ русскій станъ ко Владиміру стрѣлу, на которой было написано: „За тобою, съ восточной стороны, лежатъ колодцы; отъ нихъ вода идетъ по трубѣ въ городъ; перекопай и перейми ее“. Владиміръ, услыхавъ объ этомъ, взглянулъ на небо и сказалъ: „Если это сбудется, я крещусь“. Извѣстіе вѣрно ходу событій: это не первый примѣръ, что князь языческаго народа принимаетъ христіанство при условіи побѣды, которую долженъ получить съ помощію новаго божества. Владиміръ тотчасъ велѣлъ копать противъ трубъ,—вода была перенята; Херсонцы изнемогли отъ жажды и сдались. Владиміръ вошелъ въ городъ съ дружиною, и послалъ сказать Греческимъ императорамъ—Василію и Константину: „Я взялъ вашъ славный городъ; слышу, что у васъ сестра въ дѣвицахъ; если не отдадите ея за меня, то и съ вашимъ городомъ будетъ то же

[1]) Илар. въ Прибавл. къ Твор. Св. Отц. 240. Паче же слышано бѣ ему всегда о благовѣрней земли Грѣчьстей, христолюбивѣй же и сильнѣй вѣрою, какъ едина Бога въ Троици чтуть и кланяются, како въ нихъ дѣются силы и чудеса и знаменія; како церкви людей исплънени, како вѣси и гради благовѣрни вси въ молитвахъ прилѣжать, вси Богови предстоять.

что съ Корсунемъ". Испуганные и огорченные такимъ требованіемъ, императоры велѣли отвѣчать Владиміру: „Не слѣдуетъ христіанамъ отдавать родственницъ своихъ за язычниковъ; но если крестишься, то и сестру нашу получишь, и вмѣстѣ царство небесное, и съ нами будешь единовѣрникъ; если же не хочешь креститься, то не можемъ выдать сестры своей за тебя". Владиміръ отвѣчалъ на это царскимъ посланнымъ: „Скажите царямъ, что я крещусь; я уже прежде испыталъ вашъ законъ, люба мнѣ ваша вѣра и служенье, о которыхъ мнѣ разсказывали посланные нами мужи". Цари обрадовались этимъ словамъ, умолили сестру свою Анну выйти за Владиміра, и послали сказать ему: „Крестись, и тогда пошлемъ къ тебѣ сестру". Но Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Пусть тѣ священники, которые придутъ съ сестрою вашею, крестятъ меня". Цари послушались и послали сестру свою вмѣстѣ съ нѣкоторыми сановниками и пресвитерами; Аннѣ очень не хотѣлось идти. „Иду точно въ полонъ, говорила она,—лучше бы мнѣ здѣсь умереть"; братья утѣшали ее: „А что если Богъ обратитъ тобою Русскую Землю въ покаяніе, а Греческую Землю избавитъ отъ лютой рати; видишь, сколько зла надѣлала Русь Грекамъ? И теперь, если не пойдешь, будетъ то же". И едва уговорили ее идти. Анна сѣла въ корабль, простилась съ роднею и поплыла съ горемъ въ Корсунь, гдѣ была торжественно встрѣчена жителями. Въ это время, продолжаетъ преданіе, Владиміръ разболѣлся глазами, ничего не могъ видѣть и сильно тужилъ; тогда царевна велѣла сказать ему: „Если хочешь исцѣлиться отъ болѣзни, то крестись поскорѣй, если же не крестишься, то и не вылѣчишься". Владиміръ сказалъ на это: „Если въ самомъ дѣлѣ такъ случится, то поистинѣ великъ будетъ Богъ христіанскій", и объявилъ, что готовъ къ крещенію. Епископъ корсунскій, съ царевниными священниками, огласивъ, крестили Владиміра, и когда возложили на него руки, то онъ вдругъ прозрѣлъ; удивясь такому внезапному исцѣленію, Владиміръ сказалъ: „Теперь только я узналъ истиннаго Бога!". Видя это, и изъ дружины его многіе крестились. Послѣ крещенія совершенъ былъ бракъ Владиміра съ Анною.

Все это преданіе очень вѣрно обстоятельствамъ въ своихъ подробностяхъ, и потому не можетъ быть отвергнуто. Прежняя вѣра была во Владимірѣ поколеблена, онъ видѣлъ превосходство христіанства, видѣлъ необходимость принять его, хотя по очень естественному чувству медлилъ, ждалъ случая, ждалъ знаменія; онъ могъ отправиться и въ корсунскій походъ съ намѣреніемъ креститься въ случаѣ удачи предпріятія; могъ повторить обѣщаніе, когда Анастасъ открылъ ему средство къ успѣху, и потомъ опять медлилъ, пока увѣщанія царевны Анны не убѣдили его окончательно [1].

Владиміръ вышелъ изъ Корсуня съ царицею, взялъ съ собою Анастаса, священниковъ корсунскихъ, мощи св. Климента и Фива, сосуды церковные, иконы, взялъ два мѣдныхъ истукана [2]) и четыре мѣдныхъ коня; Корсунь отдалъ Грекамъ назадъ въ вѣно за жену свою, по выраженію лѣтописца. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, въ Корсунь же явился ко Владиміру и митрополитъ Михаилъ, назначенный управлять новою Русскою Церковію,—извѣстіе очень вѣроятное, потому что Константинопольская Церковь не могла медлить присылкою этого лица, столь необходимаго для утвержденія новаго порядка вещей на сѣверѣ [3]). По возвращеніи въ Кіевъ, Владиміръ прежде всего крестилъ сыновей своихъ [4]) и людей близкихъ. Вслѣдъ затѣмъ велѣлъ ниспровергнуть идоловъ. Этимъ должно было приступить къ обращенію народа, ниспроверженіемъ прежнихъ предметовъ почитанія нужно было показать ихъ ничтожество; это средство считалось самымъ дѣйствительнымъ почти у всѣхъ проповѣдниковъ, и дѣйствительно было таковымъ;

[1]) Вносся въ лѣтопись это преданіе, которое, какъ видно, составляло одно цѣлое съ преданіемъ о проповѣдникахъ и объ извѣдываніи вѣръ (Владиміръ говоритъ императорамъ, что онъ уже испыталъ ихъ вѣру чрезъ посланныхъ отъ него мужей), лѣтописецъ выбралъ его изъ нѣсколькихъ другихъ преданій, основываясь на свидѣтельствѣ достовѣрныхъ людей, стариковъ, помнившихъ событіе, какъ напримѣръ старецъ Янъ. Другія преданія говорили, что Владиміръ крестился въ Кіевѣ, иныя, что - въ Василевѣ, а нѣкоторыя указывали на другія мѣста. Въ Торжественникѣ Румянц. Муз. подъ № CCCCXXXV находится слѣдующее извѣстіе, котораго нѣтъ въ лѣтописяхъ: «Шедъ (Владиміръ) вза Корсунъ градъ, князя и княгиню уби, и дщерь ихъ за Жидьберномъ. Не распустивъ полковъ и посла Ольга воеводу своего съ Жидьберномъ въ Царьградъ къ царямъ просить за себя сестры ихъ».

[2]) Никон. I, 92. И два болвана мѣдяны. Лѣтоп. Переясл. Суздал. Яко жены образомъ медяны суще.

[3]) Тамъ же, I, 91.

[4]) Разумѣется, что Владиміръ, какъ отецъ, которому дорого было спасеніе дѣтей своихъ, прежде всего долженъ былъ озаботиться тѣмъ, чтобы семейство его было просвѣщено христіанствомъ; да и во всякомъ случаѣ естественно было Владиміру начать обращеніе съ своего семейства и потомъ перейти къ остальнымъ; вотъ почему мы принимаемъ извѣстіе татищевскаго свода (II, 74): «Какъ скоро Владиміръ къ Кіеву пришелъ, немедленно учинилъ совѣтъ съ митрополитомъ, крестилъ 12 сыновей своихъ и вельможъ». Съ этимъ согласны и Никон. и Степ. кн.; но въ Никон. ниспроверженіе идоловъ поставлено прежде крещенія сыновей, а у Татищева послѣ. Въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, находящейся въ Императ. Публич. Библіот., читаемъ слѣдующее преданіе о Рогнѣдѣ: «Посла (Владиміръ послѣ крещенія) къ женѣ своей Рогнѣдѣ, глаголя сице: азъ убо нынѣ крещенъ есмь, и пріяхъ вѣру и законъ христіанскій, подобаше ми едину жену имѣти, ею же поялъ въ христіанствѣ. Избери убо себѣ отъ вельможъ моихъ его же хощеши, да съчетаю тя ему Она же отвѣщавши рече ему: или ты единъ хощеше царствіе земное и небесное въсиріяти, а мнѣ маловременныхъ силъ и будущаго дати не хощеши. Ты бо отступи отъ идольскія прелести въ сыновленіе Божіе, азъ же, бывъ царицею, не хощю раба быти земному царю, ни князю, но уневѣститися хощю Христови, и въспріему ангельскій образъ. Сынъ же ея Ярославъ сѣдяще у нея, бѣ бо естествомъ таковъ отъ рожденія. И слыша глаголы и отвѣты матери своея ко Володиміру, и въздохнувъ съ плачемъ глагола матери своей: О мати моя! воистину царица еси царицамъ и госпожа госпожамъ .. И отъ сего словесе Ярославъ веста на ногу своею, а прежде бо бѣ не ходилъ». Рогнѣда постриглась и названа Анастасіею.

кромѣ того, ревность новобращеннаго не могла позволить Владиміру удержать хотя на нѣкоторое время идоловъ, стоящихъ на самыхъ видныхъ мѣстахъ города и которымъ, вѣроятно, не переставали приносить жертвы; притомъ если не всѣ, то большая часть истукановъ напоминали Владиміру его собственный грѣхъ, потому что онъ самъ ихъ поставилъ. Изъ ниспровергнутыхъ идоловъ однихъ разсѣкли на части, другихъ сожгли [1]), а главнаго, Перуна, привязали лошади къ хвосту и потащили съ горы, причемъ двѣнадцать человѣкъ били истукана палками: это было сдѣлано, прибавляетъ лѣтописецъ, не потому, чтобы дерево чувствовало, но на поруганіе бѣсу, который этимъ идоломъ прельщалъ людей,—такъ пусть же отъ людей приметъ и возмездіе. Когда волокли идола въ Днѣпръ, то народъ плакалъ; а когда Перунъ поплылъ по рѣкѣ, то приставлены были люди, которые должны были отталкивать его отъ берега, до тѣхъ поръ, пока пройдетъ пороги. Затѣмъ приступлено было къ обращенію кіевскаго народа: митрополитъ и священники ходили по городу съ проповѣдію; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, и самъ князь участвовалъ въ этомъ дѣлѣ [2]). Многіе съ радостію крестились; но больше оставалось такихъ, которые не соглашались на это; между ними были двоякаго рода люди: одни не хотѣли креститься не по сильной привязанности къ древней религіи, но по новости и важности дѣла, колебались точно такъ же, какъ, по преданію, колебался прежде и самъ Владиміръ [3]); другіе же не хотѣли креститься по упорной привязанности къ старой вѣрѣ: они даже не хотѣли и слушать о проповѣди [4]). Видя это, князь употребилъ средство посильнѣе: онъ послалъ повѣстить по всему городу, чтобы на другой день всѣ некрещеные шли къ рѣкѣ, кто же не явится, будетъ противникомъ князю. Услыхавъ этотъ приказъ, многіе пошли охотою, именно тѣ, которые прежде медлили по нерѣшительности, колебались, ждали только чего-нибудь рѣшительнаго, чтобы креститься; не понимая еще сами превосходства новой вѣры предъ старою, они естественно должны были основывать превосходство первой на томъ, что она принята высшими: „Если бы новая вѣра не была хороша, то князь и бояре не приняли бы ея“, говорили они. Нѣкоторые шли къ рѣкѣ по принужденію [5]); нѣкоторые же, ожесточенные приверженцы старой вѣры, слыша строгій приказъ Владиміра, бѣжали въ степи и лѣса [6]). На другой день послѣ объявленія княжескаго приказа, Владиміръ вышелъ съ священниками царицыными и корсунскими на Днѣпръ, куда сошлось множество народа; всѣ вошли въ воду, и стояли одни по шею, другіе по грудь; несовершеннолѣтніе стояли у берега, возрастные держали на рукахъ младенцевъ, а крещеные уже бродили по рѣкѣ, вѣроятно уча некрещеныхъ, какъ вести себя во время совершенія таинства, а также и занимая мѣсто ихъ воспріемниковъ [7]); священники на берегу читали молитвы [8]).

Непосредственнымъ слѣдствіемъ принятія христіанства Владиміромъ и распространенія его въ Русской Землѣ было, разумѣется, построеніе церквей. Владиміръ тотчасъ послѣ крещенія велитъ строить церкви и ставить ихъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ прежде стояли кумиры: такъ поставлена была церковь Св. Василія на холмѣ, гдѣ стоялъ кумиръ Перуна и прочихъ боговъ [9]). Владиміръ велѣлъ ставить церкви и опредѣлять къ нимъ священниковъ также и по другимъ городамъ, и приводить людей къ крещенію по всѣмъ городамъ и селамъ. Здѣсь останавливаютъ насъ два вопроса: по какимъ городамъ и областямъ и въ какой мѣрѣ было распространено христіанство при Владимірѣ, и потомъ—откуда явились при церквахъ священнослужители? Есть извѣстія, что митрополитъ съ епископами, присланными съ Царяграда, съ Добрынею, дядею Владиміровымъ, и съ Анастасомъ, ходили на сѣверъ и крестили народъ; естественно, что они шли сначала по великому водному пути, вверхъ по Днѣпру, волокомъ и Ловатью, до сѣвернаго конца этого пути—Новгорода Великаго. Здѣсь были крещены многіе люди, построена церковь для новыхъ христіанъ; но съ перваго раза христіанство было распространено далеко не между всѣми жителями; изъ Новгорода, по всѣмъ вѣроятностямъ, путемъ воднымъ, Шекснинскимъ, проповѣдники отправи-

---

[1]) Повелѣ кумиры испровреци, овы осѣчи, а другія огневи предати (Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 50).—О с ѣ ч и относится, думаемъ, къ каменнымъ кумирамъ, о г н е в и п р е д а т и—къ деревяннымъ.

[2]) Татищ. II, 74, Никон. I 92. Я принимаю здѣсь извѣстія позднѣйшихъ лѣтописныхъ сборниковъ по естественности разсказа: всякій согласится, что такъ должно было быть, что прежде надобно было предложить народу крещеніе, объяснить ему сколько-нибудь, въ чемъ состоитъ перемѣна, во что онъ долженъ отнынѣ вѣровать, и потомъ уже, когда явились упрямые, употребить приказъ съ угрозою, а не прямо заставлять идти всѣхъ къ рѣкѣ и дѣлать неизвѣстно что, какъ описывается въ сокращенныхъ лѣтописяхъ, хотя и дошедшихъ до насъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

[3]) Тат. II, 74: Множайшіе, размышляя, отлагали день за день.

[4]) Тамъ же.

[5]) Иларіонъ, стр. 241: И не бысть ни единогожь противящася благочестному его повелѣнію Да аще кто и не любовію, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся: понеже бѣ благовѣріе его со властію спряжено.—Въ Никон. стр. 92 почти то же: И бѣ слово его со властію.

[6]) Какъ аспиды глухіе затыкая уши свои, по выраженію лѣтописца. Тат. II, 75.

[7]) Иначе, думаемъ, нельзя понимать этихъ словъ: с в е р ш е н і и ж е б р о д я х у. С о в е р ш е н ъ въ вѣрѣ есть обычное выраженіе для крестившихся уже. С в е р ш е н і е не можетъ относиться къ возрасту, ибо прежде было сказано, что одни стояли по шею, другіе по грудь; надъ которыми совершалось таинство, должны были стоять, а не бродить.

[8]) Н а б е р е г у—прибавлено въ Никон., и несомнѣнно такъ.

[9]) Выраженіе, что князь велѣлъ строить церкви тамъ, гдѣ прежде стояли кумиры, и потомъ одинъ только примѣръ построенія на холму Перуновомъ показываетъ, что лѣтописецъ не знаетъ другихъ мѣстъ въ Кіевѣ, гдѣ еще стояли кумиры.

лись къ востоку, до Ростова. Этимъ кончилась дѣятельность перваго митрополита Михаила въ 990 г.; въ 991 онъ умеръ. Легко представить, какъ смерть его должна была опечалить Владиміра въ его новомъ положеніи; князя едва могли утѣшить другіе епископы и бояре; скоро впрочемъ былъ призванъ изъ Царяграда новый митрополитъ Леонъ; съ помощію поставленнаго имъ въ Новгородъ епископа Іоакима Корсунянина, язычество здѣсь сокрушено окончательно. Вотъ любопытное извѣстіе объ этомъ изъ такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи: „Когда въ Новгородѣ узнали, что Добрыня идетъ крестить, то собрали вѣче и поклялись всѣ не пускать его въ городъ, не давать идоловъ на ниспроверженіе; и точно, когда Добрыня пришелъ, то Новгородцы разметали большой мостъ и вышли противъ него съ оружіемъ; Добрыня сталъ-было уговаривать ихъ ласковыми словами, но они и слышать не хотѣли; вывезли двѣ камнестрѣльныя машины (пороки) и поставили ихъ на мосту; особенно уговаривалъ ихъ не покоряться главный между жрецами, т.-е. волхвами ихъ, какой-то Богомилъ, прозванный за краснорѣчіе Соловьемъ. Епископъ Іоакимъ съ священниками стояли на Торговой сторонѣ; они ходили по торгамъ, улицамъ, учили людей сколько могли, и въ два дня успѣли окрестить нѣсколько сотъ. Между тѣмъ на другой сторонѣ, новгородскій тысяцкій Угоняй, ѣздя всюду, кричалъ: „Лучше намъ помереть, чѣмъ дать боговъ нашихъ на поруганіе“; народъ на той сторонѣ Волхова разсвирѣпѣлъ, разорилъ домъ Добрыни, разграбилъ имѣніе, убилъ жену и еще нѣкоторыхъ изъ родни. Тогда тысяцкій Владиміровъ, Путята, приготовивъ лодки и выбравъ изъ Ростовцевъ пять сотъ человѣкъ, ночью перевезся выше крѣпости на ту сторону рѣки и вошелъ въ городъ безпрепятственно, ибо всѣ думали, что это свои ратники. Путята дошелъ до двора Угоняева, схватилъ его и другихъ лучшихъ людей и отослалъ ихъ къ Добрынѣ за рѣку. Когда вѣсть объ этомъ разнеслась, то народа собралось до 5000, обступили Путяту и начали съ нимъ злую сѣчу, а нѣкоторые пошли, разметали церковь Преображенія Господня и начали грабить домы христіанъ. На разсвѣтѣ приспѣлъ Добрыня со всѣми своими людьми и велѣлъ зажечь нѣкоторые дома на берегу; Новгородцы испугались, побѣжали тушить пожаръ, и сѣча перестала. Тогда самые знатные люди пришли къ Добрынѣ просить мира. Добрыня собралъ войско, запретилъ грабежъ; но тотчасъ велѣлъ сокрушить идоловъ:—деревянныхъ сжечь, а каменныхъ, изломавъ, побросать въ рѣку. Мужчины и женщины, видя это, съ воплемъ и слезами просили за нихъ, какъ за своихъ боговъ. Добрыня съ насмѣшкою отвѣчалъ имъ: „Нечего вамъ жалѣть о тѣхъ, которые себя оборонить не могутъ; какой пользы вамъ отъ нихъ ждать“? и послалъ всюду съ объявленіемъ, чтобы шли креститься. Посадникъ Ворбей, сынъ Стояновъ, воспитанный при Владимірѣ, человѣкъ краснорѣчивый, пошелъ на торгъ и сильнѣе всѣхъ уговаривалъ народъ; многіе пошли къ рѣкѣ сами собою, а кто не хотѣлъ, тѣхъ воины тащили, и крестились: мужчины выше моста, а женщины—ниже. Тогда многіе язычники, чтобъ отбыть отъ крещенія, объявляли, что крещены; для этого Іоакимъ велѣлъ всѣмъ крещенымъ надѣть на шею кресты, а кто не будетъ имѣть на себѣ креста, тому не вѣрить, что крещенъ, и крестить. Разметанную церковь Преображенія построили снова. Окончивъ это дѣло, Путята пошелъ въ Кіевъ; вотъ почему есть бранная для Новгородцевъ пословица: „Путята крестилъ мечемъ, а Добрыня огнемъ“ [1]).

Такимъ образомъ, христіанство при Владимірѣ, какъ видно, было распространено преимущественно по узкой полосѣ, прилегавшей къ великому водному пути изъ Новгорода въ Кіевъ; къ востоку же отъ Днѣпра, по Окѣ и Верхней Волгѣ, даже въ самомъ Ростовѣ, несмотря на то, что проповѣдь доходила до этихъ мѣстъ, христіанство распространялось очень слабо; мы увидимъ впослѣдствіи, что иноки Печерскаго монастыря будутъ проповѣдниками христіанства у Вятичей и Мери, и будутъ мучениками тамъ; лѣтописецъ прямо говоритъ, что въ его время Вятичи сохраняли еще языческіе обычаи; наконецъ Иларіонъ, современникъ сына Владимірова, называетъ русскихъ христіанъ малымъ стадомъ Христовымъ [2]). Самому князю принадлежитъ распространеніе христіанства на западъ отъ Днѣпра, въ странахъ, которыя онъ долженъ былъ посѣщать по отношеніямъ своимъ въ Польшѣ; есть извѣстіе, что въ 992 году онъ ходилъ съ епископами на юго-западъ, училъ, крестилъ людей, и въ Землѣ Червенской построилъ въ свое имя городъ Владиміръ и деревянную церковь Богородицы [3]).

Мы видѣли, по какимъ областямъ и городамъ было распространено христіанство при Владимірѣ; теперь обратимся къ другому вопросу: откуда первоначальная Русская Церковь получила себѣ свя-

---

[1]) Мы, согласно съ Никон. лѣт. (I, 103, 105), приняли двѣ проповѣди для Новгорода: первую митрополита Михаила, вторую уже при митрополитѣ Леонѣ, Іоакима Корсунянина. Подробное сказаніе Іоакима нисколько не противорѣчитъ извѣстіямъ Никон. лѣтоп., хотя Іоакимъ разсказываетъ только объ одномъ обращеніи; но изъ его разсказа ясно, что онъ предполагаетъ другую проповѣдь, о которой молчитъ, ибо въ ней не участвовалъ. На первую проповѣдь указываетъ прямо извѣстіе о христіанахъ въ Новгородѣ и о церкви Преображенія. Ясно также, что Добрыня съ Путятою явились во второй разъ въ Новгородъ изъ Ростова, на что указываетъ ростовскій полкъ у тысяцкаго Путяты.

[2]) Стр. 241: Не взгнушайся, аще и мало стадо.

[3]) Татищ. II, 78. Въ Никон. (I, 104) Владиміръ Волынскій смѣшанъ съ Клязменскимъ.—Татищ. въ примѣч. 196 говоритъ: «О построеніи Владиміра манускрипты № 1, 3 и 4 сказуютъ, что построенъ на Волыни, или въ Червенской Руси, но въ другихъ, не зная онаго написали, якобы на Клязьмѣ, который отъ Георгія сына Мономахова построенъ, и есть доказательство, что его Симонъ въ 1175 году пригородомъ Суздальскимъ именуетъ. На Волыни же во Владимірѣ епископія при Владимірѣ была, а на Клязьмѣ до Георгія нигдѣ не упоминается, особливо въ войнѣ Мстислава съ Ольгомъ, если бы былъ, то-бъ конечно надлежало мимо идти, и его упомянуть».

щеннослужителей? Митрополитъ и епископы были присланы изъ Царяграда; въ Кіевѣ, если прежде были христіане, была церковь, то были, разумѣется, и священники; Владиміръ привелъ изъ Корсуня тамошнихъ священниковъ и священниковъ, пріѣхавшихъ съ царевною Анною. Но все этого числа было недостаточно для крещенія и наученія людей въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ; и вотъ есть извѣстіе, совершенно согласное съ обстоятельствами, что присланы были священники изъ Болгаріи, которые были способны учить народъ на понятномъ для него языкѣ; есть даже извѣстіе, что и первые епископы и даже митрополитъ Михаилъ былъ изъ Болгаръ [1]). Но сколько бы ни пришло священниковъ греческихъ и болгарскихъ, все ихъ было мало для настоящей потребности; нужно было умножить число своихъ, русскихъ священниковъ, что не могло произойти иначе, какъ чрезъ распространеніе книжнаго ученія. Такое распространеніе было предпринято немедленно послѣ всенароднаго крещенія въ Кіевѣ, ибо въ немъ митрополитъ и князь видѣли единственное средство утвердить вѣру. Отцы и матери были мало утверждены; оставить дѣтей при нихъ—значило мало подвинуть христіанство, ибо они воспитывались бы болѣе въ языческихъ понятіяхъ и обычаяхъ; чтобы сдѣлать ихъ твердыми христіанами, необходимо было ихъ на время оторвать отъ отцовъ плотскихъ и отдать духовнымъ; притомъ, какъ выше замѣчено, только однимъ этимъ средствомъ можно было пріобрѣсть и священниковъ изъ русскихъ. Лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ велѣлъ [2]) отбирать дѣтей у лучшихъ гражданъ и отдавать ихъ въ книжное ученье: матери плакали по нихъ, какъ по мертвыхъ, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что еще не утвердились вѣрою. Дѣтей роздали учиться по церквамъ къ священникамъ и причту.

Въ непосредственномъ отношеніи къ принятію христіанства находится также слѣдующее извѣстіе, сообщаемое лѣтописью: въ княженіе Владиміра умножились разбои, и вотъ епископы сказали в. князю: „Разбойники умножились, зачѣмъ не казнишь ихъ?" Владиміръ отвѣчалъ: „Боюсь грѣха." Епископы возразили на это: „Ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ, а добрымъ на милованіе; тебѣ должно казнить разбойника, только разобравъ дѣло." Владиміръ послушался, отвергъ виры и началъ казнить разбойниковъ; но потомъ тѣ же епископы, вмѣстѣ съ старцами, сказали ему: „Рать сильная теперь; если придется вира, то пусть пойдетъ на оружіе и на коней." Владиміръ отвѣчалъ: „Пусть будетъ такъ", и сталъ онъ жить опять по устроенію отцовскому и дѣдовскому. Это извѣстіе показываетъ намъ вліяніе духовенства прямо уже на строй общественный: не въ церковныхъ дѣлахъ, не о средствахъ распространенія христіанства совѣтуется Владиміръ съ епископами, но о томъ, какъ наказывать преступниковъ; вмѣстѣ съ старцами епископы предлагаютъ князю о томъ, куда употреблять виры, заботятся о внѣшней безопасности, и князь соглашается съ ними.

Теперь обратимся ко внѣшней дѣятельности Владиміра. Къ его княженію относится окончательное подчиненіе Русскому князю племенъ, жившихъ на востокъ отъ великаго воднаго пути. Олегъ наложилъ дань на Радимичей, Святославъ на Вятичей; но или не всѣ отрасли этихъ племенъ пришли въ зависимость отъ Русскаго князя, или, что всего вѣроятнѣе, эти, болѣе отдаленныя отъ Днѣпра, племена воспользовались уходомъ Святослава въ Болгарію, малолѣтствомъ, а потомъ междоусобіемъ сыновей его, и перестали платить дань въ Кіевъ. Какъ бы то ни было, подъ 981 годомъ встрѣчаемъ у лѣтописца извѣстіе о походѣ на Вятичей, которые были побѣждены и обложены такою же данью, какую прежде платили Святославу,—ясное указаніе, что послѣ Святослава они перестали платить дань. На слѣдующій годъ Вятичи снова заратились,—и снова были побѣждены. Такая же участь постигла и Радимичей въ 986 году; лѣтописецъ говоритъ, что въ этомъ году Владиміръ пошелъ на Радимичей, а передъ собой послалъ воеводу, прозваніемъ Волчій Хвостъ; этотъ воевода встрѣтилъ Радимичей на рѣкѣ Пищанѣ [3]), и по-

---

[1]) Татищ I, 38; II, 79. Іоакимов. лѣтопись называетъ Михаила Болгариномъ, Никон.—Сириномъ (I, 92).

[2]) См. Studien zur gründlichen Kenntniss der Vorzeit Russlands, стр. 89 и слѣд. Авторъ вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній представляетъ это дѣло, какъ заведеніе училищъ, съ болѣе обширною цѣлью, именно для распространенія просвѣщенія въ народѣ. Обвиненіе, по нашему мнѣнію, несправедливое: вопервыхъ, Карамзинъ имѣлъ полное право сказать, что Владиміръ, введя грамотность, положилъ тѣмъ начало народному просвѣщенію въ Россіи; вовторыхъ, авторъ приводитъ только и разсматриваетъ конецъ разсужденія Карамзина, опустивъ начало, гдѣ содержится мысль, вполнѣ вѣрная: «Язычество господствовало въ нѣкоторыхъ странахъ Россіи до самаго XII вѣка, говоритъ Карамзинъ. Владиміръ не хотѣлъ, кажется, принуждать совѣсти (?), но взялъ лучшія, надежнѣйшія мѣры для истребленія языческихъ заблужденій: онъ старался просвѣтить христіанъ. Чтобъ утвердить вѣру на знаніи книгъ божественныхъ, великій князь завелъ для отроковъ училища, бывшія первымъ основаніемъ народнаго просвѣщенія въ Россіи». Автору статьи, помѣщенной въ Studien, непремѣнно хочется ограничить мѣру Владиміра одною цѣлію—приготовленіемъ священниковъ: но такое одностороннее толкованіе будетъ противно всѣмъ извѣстіямъ лѣтописей, ибо они говорятъ именно, что митрополитъ присовѣтовалъ эту мѣру для утвержденія вѣры, не упоминая о приготовленіи священнослужителей. Мысль просвѣщать книжнымъ ученіемъ для утвержденія въ вѣрѣ не могла быть нова для митрополита, присланнаго изъ Царьграда, который является главнымъ дѣйствователемъ въ этомъ случаѣ. Авторъ означенной статьи вооружается противъ Карамзина за то, что послѣдній говоритъ объ училищѣ, тогда какъ, по его мнѣнію, училища заведено не было, а дѣтей роздали учиться по церквамъ у священниковъ; это мнѣніе справедливо тѣмъ болѣе, что у Татищева (II, 76) читаемъ прямо то же самое: «Владиміръ повелѣлъ брать дѣтей знатныхъ, среднихъ и убогихъ, раздавая по церквамъ священникамъ со причетники въ наученіе книжное». Здѣсь же читаемъ, что нѣкоторыя матери старались дарами откупать дѣтей своихъ отъ ученія.

[3]) Пищань рѣчка, въ 6 верстахъ отъ мѣстечка Пропойска, течетъ отъ запада къ востоку и впадаетъ въ Сожь.—Щекатова Геогр. Словарь.

бѣдилъ ихъ; отъ чего, прибавляетъ лѣтописецъ, Русь смѣется надъ Радимичами, говоря: „Пищанцы волчья хвоста бѣгаютъ.“ Кромѣ означенныхъ походовъ на ближайшія славянскія племена, упоминаются еще войны съ чужими народами: съ Ятвягами въ 953 году; лѣтописецъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ на Ятвяговъ, побѣдилъ и взялъ землю ихъ; но послѣднія слова вовсе не означаютъ покоренія страны: Ятвяговъ трудно было покорить за одинъ разъ, и потомки Владиміра должны были вести постоянную, упорную, многовѣковую борьбу съ этими дикарями. Въ Скандинавскихъ сагахъ встрѣчаемъ извѣстіе, что одинъ изъ норманскихъ выходцевъ, находившійся въ дружинѣ Владиміра, приходилъ, отъ имени этого князя, собирать дань съ жителей Эстоніи; несмотря на то, что сага смѣшиваетъ лица и годы, извѣстіе объ эстонской дани, какъ нисколько не противорѣчащее обстоятельствамъ, можетъ быть принято; но нельзя рѣшить, когда Русскіе изъ Новгорода впервые наложили эту дань,—при Владимірѣ ли, т.-е. при Добрынѣ, или прежде [1]). Встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ извѣстія о войнахъ Владиміра съ Болгарами, съ какими — Дунайскими или Волжскими,— на это разные списки лѣтописей даютъ разнорѣчивые отвѣты: вѣроятно были походы и къ тѣмъ и къ другимъ, и послѣ перемѣшаны по одинаковости народнаго имени. Подъ 987 годомъ находимъ извѣстіе о первомъ походѣ Владиміра на Болгаръ; въ древнѣйшихъ спискахъ лѣтописи не упомянуто, на какихъ именно, въ другихъ прибавлено, что на Низовыхъ, или Волжскихъ; въ сводѣ же Татищева говорится о Дунайскихъ и Сербахъ [2]). Какъ бы то ни было, для насъ важны подробности преданія объ этомъ походѣ, занесенныя въ лѣтопись. Владиміръ пошелъ на Болгаръ съ дядею своимъ Добрынею, въ лодкахъ, а Торки шли на коняхъ берегомъ; изъ этого видно, что Русь предпочитала

[1]) Antiquités Russes I, 276, 278.

[2]) Карамз. I, примѣч. 436; Арцыбаш. I, примѣч. 206; Татищ. II, стр. 63. У Татищ.: «Владиміръ собралъ воинство великое, и Добрыню вуя своего призвавъ съ Новгородцы, пошелъ на Болгаръ и Сербы; а конныя войска русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенскихъ послалъ прямо въ землю Болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца и брата договоръ, — и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія. Болгары же, не хотя платить онаго, но совокупившись со Сербы, вооружились противо ему, и по жестокомъ сраженіи побѣдилъ Владиміръ Болгаровъ и Сербовъ, и поплѣни землю ихъ; но по просьбѣ ихъ учинилъ миръ съ ними, возвратился со славою въ Кіевъ, взятое же раздѣлилъ на войско, и отпустилъ въ домы ихъ». - Самыя подробности разсказа не позволяютъ намъ отвергать его, особенно если мы поостережемся отвергнуть свидѣтельство Іоакимой лѣтописи о крещеніи Владиміра, непосредственно послѣ похода въ Болгарію и о содѣйствіи Болгаръ этому дѣлу; замѣтимъ, что и въ извѣстныхъ намъ спискахъ лѣтописи разсказъ объ обращеніи Владиміра начинается непосредственно послѣ разсказа о походѣ на Болгаръ. Замѣтимъ также, что слова — низовые, или Волжскіе, обличаютъ составителя или переписчика лѣтописи, живущаго на сѣверѣ, слѣдовательно позднѣйшаго, знавшаго только сосѣдей своихъ—Волжскихъ Болгаръ.

лодки конямъ, и что конницу въ княжескомъ войскѣ составляли пограничные степные народцы, о которыхъ теперь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе и которые потомъ постепенно являются въ зависимости или полузависимости отъ Русскихъ князей. Болгары были побѣждены; но Добрыня, осмотрѣвъ плѣнниковъ, сказалъ Владиміру: „Такіе не будутъ намъ давать дани: они всѣ въ сапогахъ, пойдемъ искать лапотниковъ.“ Въ этихъ словахъ преданія выразился столѣтній опытъ. Русскіе князья успѣли наложить дань, привести въ зависимость только тѣ племена славянскія и финскія, которыя жили въ простотѣ первоначальнаго быта, разрозненныя, бѣдныя, что выражается названіемъ лапотниковъ; изъ народовъ же болѣе образованныхъ, составлявшихъ болѣе крѣпкія общественныя тѣла, богатыхъ промышленностью, не удалось покорить ни одного: въ свѣжей памяти былъ неудачный походъ Святослава въ Болгарію. Въ преданіи видимъ опять важное значеніе Добрыни, который даетъ совѣтъ о прекращеніи войны, и Владиміръ слушается. Оба народа дали клятву: „Тогда только мы нарушимъ миръ, когда камень начнетъ плавать, а хмель тонуть.“ Подъ 994 и 997 годами упоминаются удачные походы на Болгаръ [3]): въ первый разъ не сказано на какихъ, во второй означены именно Волжскіе. Мы не будемъ отвергать извѣстій о новомъ походѣ на Болгаръ Дунайскихъ, если примемъ въ соображеніе извѣтія Византійцевъ о помощи противъ Болгаръ, которую оказалъ Владиміръ родственному Двору Константинопольскому [4]). Важно также извѣстіе о торговомъ договорѣ съ Болгарами Волжскими въ 1006 году: Владиміръ, по ихъ просьбѣ, позволилъ имъ торговать по Окѣ и Волгѣ, давъ имъ для этого печати; русскіе купцы, съ печатями отъ посадниковъ своихъ, также могли свободно ѣздить въ болгарскіе города; но болгарскимъ купцамъ позволено было торговать только съ купцами по городамъ, а не ѣздить по селамъ и не торговать съ тіунами, вирниками, огнищанами и смердами [5]).

Ко временамъ Владиміровымъ относится первое столкновеніе Руси съ западными славянскими государствами. Мы оставили послѣднія въ половинѣ IX вѣка, когда Моравскіе князья обнаружили попытку основать у себя народную церковь, и когда исторія Польши начала проясняться съ появленіемъ новой княжеской династіи Пястовъ. Между тѣмъ борьба Моравовъ съ Нѣмцами продолжалась еще съ большимъ ожесточеніемъ: Чехи и Сербы принимали въ ней также участіе; Моравы вели войну по старому славянскому обычаю: они давали врагу

[3]) Никон. I, 106, 107.

[4]) Тамъ же 110; Татищ. II, 87. Memor. popul. II, 1009, 1010.

[5]) Татищ. II, 89: «А по селамъ не ѣздить тіуномъ, вѣрникомъ, огневшинѣ и смердинѣ продавать и отъ нихъ не купить».—Вѣрность этого извѣстія не можетъ подлежать сомнѣнію: печати прямо указываютъ на греческій обычай, къ которому Русскіе привыкли въ Византіи; подробности указываютъ на древность.

свободно опустошать открытыя мѣста, и врагъ, опустошивъ землю и не покоривъ народа, долженъ былъ возвращаться безъ всякаго успѣха и гибнуть съ голоду на дорогѣ. Но Ростиславъ, не побѣжденный Нѣмцами, былъ схваченъ и выданъ Карломану, сыну и наслѣднику Людовика Нѣмецкаго, племянникомъ своимъ Святополкомъ, который, чтобы имѣть себѣ опору и обезпеченіе, поддался нѣмецкому королю; Ростиславу выкололи глаза и заперли въ одинъ нѣмецкій монастырь. Гибель Ростислава однако не надолго перемѣнила ходъ дѣлъ; Святополкъ наслѣдовалъ его стремленія, и борьба возобновилась съ новою силой, причемъ Святополкъ началъ уже наступательныя движенія на нѣмецкія области. При Святополкѣ яснѣетъ и исторія Чеховъ, потому что въ это время принялъ христіанство князь Чешскій Буривой отъ Св. Меѳодія. Не Моравіи однако и не западнымъ Славянамъ вообще суждено было основать Славянскую имперію съ независимою Славянскою Церковью. Въ послѣднее десятилѣтіе IX вѣка на границахъ славянскаго міра явились Венгры. Политика Дворовъ Византійскаго и Нѣмецкаго съ самаго начала обратила этотъ народъ въ оружіе противъ Славянъ: Греки обратили ихъ противъ Болгаръ, Нѣмцы противъ Моравской державы. Арнульфъ Каринтійскій, побочный сынъ Карломана, соединившись съ Венграми, пошелъ на Святополка; Моравы, по обычаю, засѣли въ укрѣпленіяхъ и дали плѣнить землю свою врагамъ, которые и должны были только этимъ удовольствоваться. Но въ 894 г. умеръ Святополкъ и съ нимъ рушилось могущество первой Славянской державы. Въ то время, когда западнымъ Славянамъ нужно было сосредоточить всѣ свои силы для отпора двумъ могущественнымъ врагамъ, моравскія владѣнія раздѣлились на три части между тремя сыновьями Святополка. Братская вражда погубила дѣло Моймира, Ростислава и Святополка; сыновья Чешскаго Буривоя отдѣлились отъ Моравіи и поддались Арнульфу Нѣмецкому, и съ 906 года прекращаются всѣ извѣстія о Моравіи: страна стала добычею Венгровъ; подробностей о паденіи перваго Славянскаго государства нѣтъ нигдѣ. Разрушеніе Моравской державы и основаніе Венгерскаго государства въ Паннонiи имѣли важныя слѣдствія для славянскаго міра: Славяне южные были отдѣлены отъ сѣверныхъ, уничтожено было центральное владѣніе, которое начало соединять ихъ, гдѣ произошло столкновеніе, загорѣлась сильная борьба между востокомъ и западомъ, между германскимъ и славянскимъ племенемъ, гдѣ съ помощію Византіи основалась Славянская Церковь; теперь Моравія пала, и связь Славянъ съ югомъ, съ Греціею, рушилась: Венгры стали между ними, Славянская Церковь не могла утвердиться еще, какъ была постигнута бурею, отторгнута отъ Византіи, которая одна могла дать питаніе и укрѣпленіе младенчествующей Церкви. Такимъ образомъ, съ уничтоженіемъ самой крѣпкой связи съ востокомъ, самой крѣпкой основы народной самостоятельности, западные Славяне должны были по необходимости примкнуть къ западу и въ церковномъ, и въ политическомъ отношеніи. Но мало того: мадьярскимъ нашествіемъ прекращалась связь западныхъ Славянъ съ Византіею, прекращалась также и непосредственная связь ихъ съ Римомъ, и они должны были принимать христіанство и просвѣщеніе изъ рукъ Нѣмцевъ, которые оставались для нихъ теперь единственными посредниками; этимъ объясняется естественная связь западныхъ Славянъ съ Нѣмецкою имперіею, невозможность выпутаться изъ этой связи для государственной и народной независимости. Христіанское стало синонимомъ нѣмецкому, славянское—языческому, варварскому; отсюда то явленіе, что ревностные христіане между западными Славянами являются вмѣстѣ ревностными гонителями своего, славянскаго, и тянутъ народъ свой къ западному, т.-е. нѣмецкому; отсюда же обратное явленіе, что защитники своего являются свирѣпыми врагами христіанства, которое приносило съ собою подчиненіе Нѣмцамъ, отсюда несчастная борьба Полабскихъ Славянъ противъ христіанства, т.-е. противъ Нѣмцевъ, въ которой они не могли получить помощи отъ христіанскихъ единоплеменниковъ своихъ,—и должны были пасть.

Послѣ паденія Моравской державы, на первомъ планѣ въ исторіи западныхъ Славянъ являются Чехи. Чехи были обязаны мирнымъ распространеніемъ христіанства у себя тому, что князь ихъ Буривой принялъ Евангеліе чрезъ Моравовъ отъ Св. Меѳодія, чрезъ своихъ славянскихъ проповѣдниковъ. Славянская Церковь слѣд. началась-было и у Чеховъ, но, послѣ паденія Моравіи, не могла долѣе держаться. Чехи не могли высвободиться изъ-подъ государственной зависимости отъ Нѣмецкой имперіи: внукъ Буривоя, Св. Вячеславъ, обязался платить Генриху-Птицелову ежегодно 500 гривенъ серебра и 120 воловъ; невозможность поддержать христіанство безъ помощи нѣмецкаго духовенства и невозможность успѣшной борьбы съ Мадьярами безъ помощи Нѣмецкаго императора—дѣлали зависимость Чеховъ отъ имперіи необходимою. Вячеславъ погибъ отъ брата своего Болеслава I-го, который сначала думалъ-было о возможности возвратить независимость Чехамъ отъ имперіи; но, послѣ многолѣтней борьбы съ императоромъ Оттономъ I-мъ, увидалъ необходимость подчиниться ему. Между тѣмъ, въ началѣ второй половины X вѣка, Венгры, потерпѣвшіе сильное пораженіе отъ Оттона при Лехѣ и добитые Болеславомъ Чешскимъ, прекратили свои опустошительные набѣги на европейскія государства, поселились въ предѣлахъ прежде занятыхъ ими земель и, принявъ христіанство, вошли въ общество европейскихъ народовъ. Княженіе Болеслава I-го замѣчательно внутренними перемѣнами у Чеховъ, а именно: усиленіемъ власти верховнаго князя надъ остальными князьями, носившими названіе леховъ; до сихъ поръ эти лехи называются у писателей reguli, или duces, и верховный князь изъ рода Пршемыслова являлся не

болѣе какъ старшимъ между ними; но при Болеславѣ I-мъ, какъ видно, отношенія перемѣнились въ пользу власти верховнаго князя; на средства, какими Болеславъ I-й достигъ этой перемѣны, можетъ намекать прозваніе его Грозный, или Укрутный. Подчиняясь на западѣ имперіи, чешскія владѣнія начинаютъ однако при Болеславѣ расширяться къ юго-востоку, чему особенно способствуетъ обезсиленіе Мадьяровъ; такъ: присоединяется къ Чехамъ нынѣшняя Моравія и Земля Словаковъ, между Дунаемъ и Карпатами; на сѣверъ отъ Карпатъ также видимъ чешскія владѣнія. Еще болѣе распространилась область Чеховъ въ княженіе Болеслава II Благочестиваго, сына Грознаго; никогда потомъ границы Чешскаго государства не были такъ обширны, ибо все государство Святополка принадлежало теперь Чехамъ. Несмотря однако на распространеніе чешскихъ предѣловъ, въ церковномъ отношеніи Чехи принадлежали къ епархіи Регенсбургскаго архіепископа: послѣ этого нечего удивляться политической зависимости Чеховъ отъ Нѣмецкой имперіи, ибо церковныя отношенія тогда господствовали надъ политическими. Только при Болеславѣ II, въ 973 году, основано было особое Пражское епископство, гдѣ первымъ епископомъ былъ саксонскій монахъ Дитмаръ; преемникомъ его былъ знаменитый Войтехъ, родомъ изъ знатной чешской фамиліи; несмотря однако на это, никто такъ не старался о скрѣпленіи Чешской Церкви съ западомъ, никто такъ не старался объ искорененіи славянскаго богослуженія, какъ Войтехъ. Такой характеръ дѣятельности условливался самою борьбою ревнителя христіанства, какимъ былъ Войтехъ съ языческими нравами и обычаями, которые въ его глазахъ были славянскіе; въ подобной борьбѣ средина рѣдко соблюдается: отечествомъ для ревностнаго епископа была не Богемія, но западъ, страны христіанскія, тогда какъ Богемія была исполнена еще языческихъ воспоминаній, возбуждавшихъ только вражду Войтеха; церковная пѣснь на славянскомъ языкѣ звучала въ его ушахъ языческою богослужебною пѣснью, и потому была противна: слово „Богъ“ напоминало ему славянскаго идола, только слово „Deus“ заключало для него понятіе истиннаго Бога.—Смертію Болеслава II-го (999 г.) кончилось могущество Чеховъ и перешло къ Ляхамъ. При распространеніи своихъ владѣній на западѣ, Пясты встрѣтились съ Нѣмцами, императоры которыхъ также распространяли свои владѣнія на счетъ Славянъ приэльбскихъ; легко было предвидѣть послѣдствія этого столкновенія: четвертый Пястъ, Мечиславъ, или Мешко, уже является вассаломъ императора, платитъ ему дань; въ 965 году Мечиславъ женился на Дубровкѣ, дочери Чешскаго князя Болеслава I-го, и, по ея старанію, принялъ христіанство; но въ это время Славянская Церковь никла у Чеховъ, и потому не могла укорениться въ Польшѣ; отсюда новыя крѣпкія узы связали Польшу съ западомъ, съ Нѣмецкою имперіею; въ Познани была учреждена епископская каѳедра для Польши и подчинена архіепископу Магдебургскому. Второй бракъ Мечислава на Одѣ, дочери нѣмецкаго маркграфа Дитриха, еще болѣе укрѣпилъ нѣмецкое вліяніе въ Польшѣ. Тѣсная связь этой страны съ Западною Церковью и имперіею отняла у сѣверныхъ Славянъ послѣдній оплотъ ихъ независимости отъ нѣмецкаго ига: теперь польскій князь въ союзѣ съ Нѣмцами начинаетъ наступательныя движенія противъ своихъ языческихъ единоплеменниковъ. При Мечиславѣ начинаются первыя враждебныя столкновенія Руси съ Польшею: подъ 981 годомъ лѣтописецъ нашъ говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ, и занялъ города ихъ — Перемышль, Червенъ и другіе. Чешскіе историки утверждаютъ, что эти города не могли быть отняты у Поляковъ, но у Чеховъ, потому что позднѣйшая Земля Галицкая до Буга и Стыря къ востоку принадлежала въ это время Чехамъ [1]); они основываются на грамотѣ, данной Пражскому епископству при его заложеніи, гдѣ границами его къ востоку поставлены рѣки Бугъ и Стырь въ Землѣ Хорватской. Но, вопервыхъ, въ грамотѣ границы означены очень смутно; видно, что писавшій ее имѣлъ плохія географическія понятія о странѣ [2]); вовторыхъ, былъ обычай расширять какъ можно далѣе предѣлы епископствъ, заложенныхъ въ смежности съ языческими народами. Нѣкоторые ученые [3]) справедливо замѣчаютъ также, что русскій лѣтописецъ умѣетъ отличать Ляховъ отъ Чеховъ, и потому не могъ смѣшать ихъ, и принимаютъ, что Владиміръ отнялъ червенскіе города не у Чеховъ и не у Поляковъ, но покорилъ малочисленныя, до тѣхъ поръ свободныя славянскія племена, и сталъ чрезъ это сосѣдомъ Чеховъ. Но разсуждать такимъ образомъ—значитъ опять не принимать свидѣтельствъ нашего лѣтописца, который такъ-же хорошо умѣетъ отличать Хорватовъ отъ Ляховъ, какъ послѣднихъ отъ Чеховъ, и прямо говоритъ, что Владиміръ ходилъ къ Ляхамъ и у нихъ взялъ червенскіе города; всего вѣроятнѣе, что чешскія владѣнія ограничивались областью, лежащею около Кракова, о чемъ твердитъ грамота, и не простирались за Вислокъ; что страна по Сану и далѣе на востокъ была занята Хорватами, которые были подчинены уже при Олегѣ, но при Игорѣ, Святославѣ и преимущественно при сыновьяхъ его имѣли возможность свергнуть съ себя подчиненность, подобно Радимичамъ и Вятичамъ. Мы видимъ, что сначала главная дѣятельность Владиміра состоитъ въ подчиненіи тѣхъ племенъ, которыя прежде находились въ зависимости отъ Руси; Хорваты были въ томъ числѣ; но въ то время, какъ Русь, вслѣдствіе недѣятель-

[1]) Palacky. Dějiny narodu českého, I, 260.

[2]) Тамъ же, стр. 255: Deinde ad aquilonalem hi sunt termini: Psovane, Chrovati et altera Chrovati (Слѣдовательно Хорваты составляютъ границу). Inde ad orientem hos fluvios habet terminos; Bug scilicet et Ztir cum Krakova civitate, provinciaque cui Vag nomen est, cum omnibus regionibus ad praedictam urbem pertinentibus, quae Krakova est.

[3]) Roepell, Geschichte Polens I, 144

ности Игоря, далекихъ походовъ Святослава на востокъ и югъ, малолѣтства и усобицы сыновей его, теряла племена, жившія вдалекѣ отъ Днѣпра, Польша при первыхъ Пястахъ распространяла свои владѣнія, слѣд. очень вѣроятно, что Пясты заняли земли Хорватовъ, свергнувшихъ съ себя зависимость отъ Руси, или сами Ляхи перемѣнили эту зависимость на зависимость отъ Польши, и такимъ образомъ Владиміръ, возвращая прежнее достояніе своихъ предшественниковъ, долженъ былъ имѣть дѣло уже съ Ляхами. Но завоеваніемъ червенскихъ городовъ дѣло не кончилось на западѣ; лѣтописецъ упоминаетъ въ 992 году еще о походѣ Владиміра на Хорватовъ, а по нѣкоторымъ спискамъ въ это время Владиміръ воевалъ съ Мечиславомъ „за многія противности его“, и одержалъ надъ нимъ блистательную побѣду за Вислою: поводомъ къ раздору могли быть постоянно Хорваты и червенскіе города. Война 990 — 992 года могла быть ведена въ союзѣ съ Болеславомъ II Чешскимъ, который также воевалъ съ Мечеславомъ. Какъ видно по нѣкоторымъ извѣстіямъ, война продолжалась въ первый годъ княженія Болеслава Храбраго, наслѣдовавшаго отцу своему Мечиславу въ 992 г. [1]). При Болеславѣ Польша начала-было усиливаться уже на счетъ сосѣднихъ народовъ; ей выпадалъ-было жребій стать въ челѣ славянскихъ государствъ для отпора Нѣмцамъ; но неумѣнье Поляковъ вести себя среди единоплеменныхъ народовъ и связь западныхъ Славянъ съ Германскою имперіею посредствомъ Церкви не допустили Польшу принять значеніе Моравіи для славянскаго міра. Послѣ Мечислава осталось пятеро сыновей: Болеславъ и Владивой—отъ Дубровки Чешской и трое отъ Оды — Мечиславъ, Святополкъ и Болеславъ. Первымъ дѣломъ Болеслава старшаго было изгнаніе младшихъ братьевъ, съ которыми, по славянскому обычаю, онъ долженъ былъ владѣть сообща, и ослѣпленіе двоихъ другимъ родственникомъ, съ цѣлію достигнуть единовластія. Потомъ Болеславъ распространилъ свои владѣнія на сѣверѣ до Балтійскаго моря черезъ подчиненіе себѣ Поморянъ и Пруссовъ; между тѣмъ, въ 999 году умеръ Чешскій князь Болеславъ II Благочестивый; Болеславъ Польскій воспользовался этимъ, чтобы напасть на Краковъ и его область, и присоединить ихъ къ Польшѣ; вѣроятно также, что онъ захватилъ въ это время Моравію и Землю Словаковъ до Дуная: Войтехъ, или Адальбертъ, не могшій ужиться съ Чехами, прибылъ къ Болеславу; тотъ отправилъ его на проповѣдь къ Пруссамъ, которые умертвили проповѣдника; но гробъ Войтеха принесъ Болеславу свою выгоду, ибо императоръ Оттонъ III, другъ и чтитель Адальберта, явился въ Гнѣзно, чтобы поклониться праху его, и основалъ здѣсь новое архіепископство, вслѣдствіе чего Польша освобождалась отъ нѣмецкой зависимости въ церковномъ отношеніи. Но это освобожденіе не могло уже теперь принести пользы; Латинская Церковь уже успѣла укорениться въ Польшѣ, а потому борьба съ имперіею, которую скоро послѣ началъ Болеславъ, также не могла принести плодовъ: Польскій князь, какъ видно, имѣлъ въ виду набрать сколько можно болѣе пограничныхъ волостей, а не утвердить независимость и равновѣсіе славянскаго міра съ германскимъ. Между тѣмъ волненія у Чеховъ доставили Болеславу случай утвердить свою власть и въ этой странѣ. По смерти Болеслава II вступилъ на престолъ сынъ его, Болеславъ III, Рыжій, князь, по отзыву современниковъ, чрезвычайно жестокій. Рыжій началъ свое княженіе тѣмъ же, чѣмъ и родственникъ его, Болеслакъ Польскій; онъ велѣлъ одного изъ своихъ братьевъ оскопить, другого удушить въ банѣ; но обоимъ удалось бѣжать въ Баварію. Избавившись отъ братьевъ, Рыжій не могъ избавиться отъ могущественныхъ вельможъ, леховъ, изъ которыхъ главными въ это время были Вршовцы; Вршовцамъ удалось при Болеславѣ II мъ выгнать Войтеха, теперь они свергли Рыжаго, призвавъ на его мѣсто Владивоя, брата Болеслава Польскаго, который, какъ сынъ Дубровки, принадлежалъ также къ дому Пршемыслову и, какъ видно, изгнанникомъ жилъ при Дворѣ Чешскомъ. Чтобъ удержаться на престолѣ, Владивой отправился въ Регенсбургъ къ императору Генриху и отдалъ ему Богемію, которую получилъ опять въ видѣ лена. Но Владивой княжилъ только нѣсколько мѣсяцевъ, и послѣ его смерти Чехи призвали изгнанныхъ Рыжимъ Болеславичей—Яромира и Ольдриха. Однако Рыжій не думалъ уступать и обратился съ просьбою о помощи къ Храброму, который вторгся съ войскомъ въ Богемію, изгналъ Яромира и утвердилъ Рыжаго на престолѣ. Послѣдній, получивъ снова власть, думалъ только о томъ, какъ бы отомстить своимъ врагамъ. Чехи обратились съ просьбою о защитѣ опять къ Болеславу Польскому. Тотъ только этого и ждалъ: по извѣстіямъ современниковъ, онъ все это предвидѣлъ и нарочно велъ дѣло къ тому, чтобъ утвердить свою власть у Чеховъ. Подъ предлогомъ нужнаго совѣщанія, онъ заманилъ къ себѣ Рыжаго на границу, схватилъ его, ослѣпилъ и заточилъ внутрь своихъ владѣній. Вступивъ въ Прагу въ видѣ освободителя, Болеславъ Храбрый обнаружилъ намѣреніе утвердиться здѣсь. Такое усиленіе могущества польскаго князя, разумѣется, должно было возбудить сильныя опасенія въ императорѣ, который послалъ требовать отъ Болеслава ленной присяги за Богемію. Болеславъ отвергнулъ

[1]) Татищ. II, 77. Здѣсь, быть-можетъ, кому-нибудь покажется подозрительнымъ извѣстіе, что разбитый Мечиславъ едва ушелъ въ Краковъ, тогда какъ этотъ городъ еще не принадлежалъ ему; но онъ могъ захватить его временно, ибо въ то же время шла у него война съ Болеславомъ Чешскимъ. Извѣстіе, находящееся у Татищева, подтверждается иностранными свидѣтельствами: Annal. Hildesh. ap. Leibnitz, Scriptor rer. brunsvic. I, 720, anno 992. «Otto rex cum valida suorum manu iterum Braunanburg adiit.... Bolislaus vero Misachonis filius per se ipsum ad dominum regem venire nequaquam valens (imminebat quippe illi grande contra Ruscianos bellum) suos satis fideliter milites in ministerium regis direxerat».

требованіе и началъ войну. Неизвѣстно, какой исходъ имѣла бы борьба новаго Святополка съ Нѣмцами, если бы на этотъ разъ сами Поляки не ослабили могущества своего князя и съ тѣмъ вмѣстѣ единства и могущества западныхъ Славянъ: они позволяли себѣ поступать съ Чехами какъ съ побѣжденными врагами; вотъ почему, когда императоръ Генрихъ II послалъ въ Богемію войско, въ челѣ котораго находились чешскіе князья—Яромиръ и Ольрихъ, то вся страна встала противъ Поляковъ и приняла съ радостію родныхъ князей изъ нѣмецкихъ рукъ; Болеславъ Храбрый принужденъ былъ бѣжать, и въ нѣсколько дней не осталось въ Богеміи ни одного Поляка. Такимъ образомъ, Нѣмцамъ удалось разъединить два главныя западно славянскія владѣнія—Богемію и Польшу, и привязать первую еще тѣснѣе къ себѣ; въ послѣдующей борьбѣ съ Болеславомъ Польскимъ императоръ постоянно пользуется чешскою помощію; и, несмотря на всѣ старанія Болеслава, примиреніе между двумя народами было невозможно. Въ 1012 году Ольдрихъ выгналъ брата Яромира, и сталъ единовластителемъ Чешской Земли. Въ такомъ состояніи находились западныя славянскія государства при смерти Владиміра Св. Мы видѣли, что въ первый годъ княженія Болеслава у него продолжалась война съ Владиміромъ, которая однако, какъ видно, скоро кончилась [1]), потому что Болеславъ, занятый отношеніями къ Нѣмцамъ и Чехамъ, не могъ съ успѣхомъ вести еще войну на востокѣ. Миръ съ Русью скрѣпленъ былъ даже родственнымъ союзомъ съ княземъ Кіевскимъ: дочь Болеслава вышла за Святополка, князя Туровскаго, сына Владимірова. Но этотъ первый родственный союзъ князей польскихъ съ русскими повелъ къ большому раздору между ними. Болеславъ, какъ видно, лучшимъ средствомъ для собственнаго усиленія считалъ внутреннія смуты у сосѣдей; какъ воспользовался онъ ими у Чеховъ, такъ же хотѣлъ воспользоваться и на Руси. Вмѣстѣ съ дочерью Болеслава прибылъ ко Двору Туровскаго князя Рейнбернъ, епископъ колобрежскій (колберскій), который сблизился съ Святополкомъ и началъ, съ вѣдома Болеславова, подучать его къ возстанію противъ отца, Владиміра: успѣхъ этого возстанія былъ важенъ для Болеслава въ политическомъ и для Западной Церкви—въ религіозномъ отношеніи, ибо съ помощію Святополка юная Русская Церковь могла быть отторгнута отъ Восточной. Но Владиміръ узналъ о враждебныхъ замыслахъ и заключилъ Святополка въ темницу вмѣстѣ съ женою и Рейнберномъ [2]). Необходимымъ слѣдствіемъ должна была быть война съ Болеславомъ, который въ 1013 году поспѣшилъ заключить миръ съ Нѣмцами, и, нанявши отрядъ войска у послѣднихъ, равно какъ и у Печенѣговъ, двинулся на Русь. Кромѣ опустошенія страны мы не имѣемъ никакихъ другихъ извѣстій о слѣдствіяхъ Болеславова похода, во время котораго возникла распря между Поляками и Печенѣгами, и Болеславъ велѣлъ истребить своихъ степныхъ союзниковъ. Вѣроятно это обстоятельство и воспрепятствовало продолженію войны, тѣмъ болѣе что все вниманіе Болеслава было постоянно обращено на западъ, и онъ могъ удовольствоваться освобожденіемъ Святополка. Съ Чехами и Венграми были мирныя сношенія при Владимірѣ [3]), были пересылки и съ папою, слѣдствія которыхъ однако не извѣстны [4]).

Гораздо съ большими подробностями дошли до насъ преданія о борьбѣ съ степными варварами, Печенѣгмиа: борьба эта занимала народъ гораздо сильнѣе, чѣмъ отдаленныя воинскія предпріятія, потому что въ ней дѣло шло о самыхъ близкихъ его интересахъ, о собственности, свободѣ, жизни. Въ 992 году пришли Печенѣги изъ-за Сулы; Владиміръ вышелъ къ нимъ навстрѣчу на Трубежъ, подлѣ Переяславля; Русскіе стали на одной сторонѣ рѣки, Печенѣги—на другой, но ни тѣ, ни другіе не смѣли перейти на сторону противную. Тогда князь Печенѣжскій подъѣхалъ къ рѣкѣ, кликнулъ Владиміра и сказалъ ему: „Выпусти своего мужа, а я своего, пусть борются. Если твой мужъ ударитъ моимъ, то не будемъ воевать три года; если же нашъ ударитъ, то будемъ воевать три года". Владиміръ согласился, и, возвратясь въ станъ, послалъ бирючей кликать кличъ по всѣмъ палаткамъ (товарамъ): „нѣтъ ли кого, ктобъ взялся биться съ Печенѣгомъ?" И никто нигдѣ не отозвался. На другой день пріѣхали Печенѣги и привели своего бойца, а съ русской стороны никого не было. Началъ тужить Владиміръ, послалъ опять по всѣмъ ратникамъ,—вотъ пришелъ къ нему одинъ старикъ и сказалъ: „Князь, есть у меня одинъ сынъ—меньшой дома; съ четырьмя вышелъ я сюда, а тотъ дома остался; изъ дѣтства никому еще не удавалось имъ ударить; однажды я его журилъ, а онъ мялъ кожу: такъ въ сердцахъ онъ разорвалъ ее руками". Князь обрадовался, послалъ за силачемъ, и разсказалъ ему въ чемъ дѣло; тотъ отвѣчалъ: „Я не знаю, смогу ли сладить съ Печенѣгомъ; пусть меня испытаютъ: нѣтъ ли гдѣ быка большаго и сильнаго?" Нашли быка, разъярили его горячимъ желѣзомъ и пустили; когда быкъ бѣжалъ мимо силача, тотъ схватилъ его рукою за бокъ—и вырвалъ кожу съ мясомъ, сколько могъ захватить рукою. Владиміръ сказалъ: „Можешь бороться съ Печенѣгомъ". На другой день пришли Печенѣги и стали кликать:

[1]) Въ Никон. (I, 104 подъ 922 годомъ упоминается о послахъ къ Владиміру отъ Болеслава.

[2]) Dithmari ep. Merseburh. Chronic. VII, 244.

[3]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 54 Никон. I, 105.

[4]) Никон. I, 92, 106, 111.—У Татищева (II, 78) сказано, что патріархъ Цареградскій, узнавъ о сношеніяхъ съ папою, увѣщевалъ Владиміра прекратить ихъ, указывая на безнравственность папъ и отступленіе ихъ отъ обычаевъ Вселенской Церкви.—Есть извѣстіе, что императоръ Оттонъ III присылалъ въ Русь миссіонера Бруно, который будто бы склонилъ къ своему ученію нѣкоторыхъ Русскихъ; но прибывшій греческій епископъ совершенно уничтожилъ его успѣхи. См. Макарія—Исторія Христіанства въ Россіи, стр. 342, 343.

„Гдѣ же вашъ боецъ, а нашъ готовъ!“ Владиміръ велѣлъ вооружиться своему, и оба выступили другъ противъ друга. Выпустили Печенѣги своего, великана страшнаго, и когда выступилъ боецъ Владиміровъ, то Печенѣгъ сталъ смѣяться надъ нимъ, потому что тотъ былъ средняго роста; размѣрили мѣсто между обоими полками и пустили борцовъ: они схватились и стали крѣпко жать другъ друга; Русскій наконецъ сдавилъ Печенѣга въ рукахъ до смерти и ударилъ имъ о землю,—раздался крикъ въ полкахъ, Печенѣги побѣжали, Русскіе погнали за ними Владиміръ обрадовался, заложилъ городъ на бродѣ, гдѣ стоялъ, и назвалъ его Переяславлемъ, потому что борецъ русскій перенялъ славу у печенѣжскаго; князь сдѣлалъ богатыря вмѣстѣ съ отцомъ знатными мужами.

Въ 995 году пришли Печенѣги къ Василеву; Владиміръ вышелъ противъ нихъ съ малою дружиною, не выдержалъ натиска, побѣжалъ и сталъ подъ мостомъ, гдѣ едва спасся отъ враговъ. Въ 997 году Владиміръ пошелъ къ Новгороду за войскомъ, потому что война, говоритъ лѣтописецъ, была сильная и безпрестанная; а Печенѣги, узнавъ, что князя нѣтъ, пришли и стали около Бѣлгорода. Въ лѣтописи сохранилось слѣдующее любопытное преданіе о спасеніи этого города, не единственное между преданіями разныхъ народовъ. Когда Печенѣги обступили Бѣлгородъ, то сдѣлался въ немъ большой голодъ, Владиміръ не могъ подать помощи, потому что у него не было войска, а Печенѣговъ было множество. Когда осада все продолжалась, а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливался и голодъ, то Бѣлгородцы собрались на вѣче и сказали: „Намъ приходится помирать съ голоду, а отъ князя помощи нѣтъ; чтожъ развѣ лучше намъ помирать? сдадимся Печенѣгамъ: кого убьютъ, а кого и въ живыхъ оставятъ, все равно, умираемъ же съ голода.“ На томъ и порѣшили. Но одного старика не было на вѣчѣ; когда онъ спросилъ, зачѣмъ сбирались, и ему сказали, что на другой день люди хотятъ сдаться Печенѣгамъ, то онъ послалъ за городскими старѣйшинами, и спросилъ у нихъ; „Что это я слышалъ, вы хотите передаться Печенѣгамъ?“—тѣ отвѣчали: „Что жь дѣлать, не стерпятъ люди голода.“ Тогда старикъ сказалъ имъ: „Послушайтесь меня, не сдавайтесь еще три дня, и сдѣлайте то, что я велю“. Тѣ съ радостію обѣщались слушаться, и онъ сказалъ имъ: „Сберите хотя по горсти овса или пшеницы, или отрубей;“ все это сыскали. Старикъ велѣлъ женщинамъ сдѣлать кисельный растворъ, потомъ велѣлъ выкопать колодезь, вставить туда кадку и налить въ нее раствору; велѣлъ выкопать другой колодезь и вставить въ него также кадку; велѣлъ потомъ искать меду,—нашли лукошко меду въ княжей медушѣ; изъ него старикъ велѣлъ сдѣлать сыту и вылить въ кадку, что стояла въ другомъ колодцѣ. На другой день онъ велѣлъ послать за Печенѣгами; горожане пошли и сказали имъ: „Возьмите къ себѣ нашихъ заложниковъ, и пошлите своихъ человѣкъ десять къ намъ въ городъ, пусть посмотрятъ, что тамъ дѣлается“; Печенѣги обрадовались, думая, что Бѣлгородцы хотятъ имъ сдаться, взяли у нихъ заложниковъ, а сами выбрали лучшихъ мужей и послали въ городъ посмотрѣть, что тамъ такое. Когда они пришли въ городъ, то люди сказали имъ: „Зачѣмъ вы себя губите, можно ли вамъ перестоять насъ? Хотя десять лѣтъ стойте, такъ ничего намъ не сдѣлаете, потому что у насъ кормъ отъ земли идетъ, не вѣрите—смотрите своими глазами.“ Затѣмъ привели ихъ къ одному колодцу, почерпнули раствору, сварили кисель, пришли съ ними къ другому, почерпнули сыты, и начали ѣсть, прежде сами, а потомъ дали отвѣдать и Печенѣгамъ. Тѣ удивились и сказали; „Не повѣрятъ наши князья, если сами не отвѣдаютъ.“ Горожане налили корчагу раствора и сыты и дали Печенѣгамъ; тѣ пришли и разсказали все, что видѣли. Печенѣжскіе князья сварили кисель, отвѣдали, подивились, размѣнялись заложниками, отступили отъ города и пошли домой [1]).

Безпрерывныя нападенія степныхъ варваровъ заставили Владиміра подумать объ укрѣпленіи русскихъ владѣній съ востока и юга: „Худо, что мало городовъ около Кіева“, сказалъ онъ, и велѣлъ строить города по рѣкамъ—Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ и Стугнѣ; но для насъ при этомъ извѣстіи важно еще другое, какъ составилось народонаселеніе этихъ новопостроенныхъ городовъ: Владиміръ началъ набирать туда лучшихъ мужей отъ Славянъ, т.-е. Новгородцевъ, Кривичей, Чуди и Вятичей. Если мы обратимъ вниманіе на то, что эти новые города были вначалѣ не иное что, какъ военные острожки, подобные нашимъ линейнымъ укрѣпленіямъ, необходимые для защиты отъ варварскихъ нападеній, то намъ объяснится значеніе слова: **лучшіе мужи**, т.-е. Владиміръ набралъ **храбрѣйшихъ** мужей, способныхъ для военнаго поселенія Такимъ образомъ, вопервыхъ, мы видимъ, что пограничные города южной Руси получили народонаселеніе съ сѣвера, которое, какъ видно, считалось храбрѣйшимъ; слѣд. сѣверное народонаселеніе дало имъ средство и къ защитѣ южныхъ русскихъ владѣній отъ степныхъ варваровъ; вовторыхъ, эти извѣстія уясняютъ намъ характеръ народонаселенія восточной и южной окраины, или украины: изначала это сбродное, созванное отовсюду народонаселеніе изъ самыхъ удалыхъ людей; отсюда объясняется

---

[1]) Кромѣ того, въ Никон. спискѣ упоминается о набѣгахъ Печенѣжскихъ въ 990 году: Печенѣги надѣлали много зла, но Владиміръ побѣдилъ ихъ; подъ 992 также побѣда; подъ 1001 побѣда богатырей. Видно, что въ сокращенныхъ спискахъ упомянуты только набѣги, почему-нибудь особенно замѣчательные: одинъ по битвѣ богатыря, другой по основанію церкви, третій по чудесному избавленію Бѣлгорода. Есть также извѣстія въ Никоновскомъ спискѣ, что нѣкоторые печенѣжскіе и болгарскіе князья приходили креститься ко Владиміру (I, 92, 95, 103); есть извѣстіе о смерти Печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками (I, 112). Наконецъ во всѣхъ спискахъ упоминается о набѣгѣ Печенѣговъ къ самое время Владиміровой кончины. — О Брунѣ и его извѣстіи см. Русская Бесѣда, 1856, № 1.

отчасти и козачество на югѣ, и безпокойный духъ сѣверскаго народонаселенія, ибо сюда безпрерывно подбавлялись новыя толпы подобныхъ людей. Изъ самыхъ близкихъ къ Кіеву городовъ были построены Владиміромъ: Василевъ на Стугнѣ и Бѣлгородъ на Днѣпрѣ; Бѣлгородъ онъ особенно любилъ и населилъ его: „отъ иныхъ городовъ много людей свелъ въ него“, говоритъ лѣтописецъ. Какъ происходило это населеніе и переселеніе? Вѣроятнѣе всего жители привлекались на новыя мѣста особенными льготами; лучшіе, т.-е. самые удалые, которымъ скучно было сидѣть дома безъ свойственнаго имъ занятія, разумѣется, привлекались на границу, кромѣ льготъ, еще надеждою безпрестанной борьбы; кромѣ того, жителямъ бѣднаго сѣвера лестно было переселиться на житье въ благословенныя страны украинскія. Объ отношеніяхъ Владиміра къ Печенѣгамъ упоминаетъ также нѣмецкій миссіонеръ Брунъ, бывшій у Печенѣговъ въ 1007 году: „Мы направили путь къ жесточайшимъ изъ всѣхъ язычниковъ, Печенѣгамъ, пишетъ Брунъ. Князь Руссовъ, имѣющій обширныя владѣнія и большія богатства, удерживалъ меня мѣсяцъ, стараясь убѣдить, чтобъ я не шелъ къ такому дикому народу, среди котораго я не могъ снискать душъ Господу, но только умереть самымъ постыднымъ образомъ. Не могши убѣдить меня, онъ пошелъ провожать меня самъ до границъ, которыя онъ оградилъ отъ кочевниковъ самымъ крѣпкимъ частоколомъ на очень большое пространство. Когда мы вышли за ворота, князь послалъ старшину своего къ намъ съ такими словами: „Я довелъ тебя до мѣста, гдѣ кончается моя Земля, начинается непріятельская. Ради Бога, прошу тебя не погубить, къ моему безчестію, жизнь свою понапрасну. Знаю, завтра, прежде третьяго часа, безъ пользы, безъ причины, вкусишь ты горькую смерть.“ (Брунъ говоритъ, что Владиміръ имѣлъ какое-то видѣніе.)— Брунъ пять мѣсяцевъ пробылъ у Печенѣговъ, едва не погибъ, но успѣлъ крестить 30 человѣкъ и склонить старшинъ печенѣжскихъ къ миру съ Русью; когда онъ возвратился въ Кіевъ, то Владиміръ, по его просьбѣ, отправилъ къ Печенѣгамъ сына въ заложники, и, вмѣстѣ съ этимъ княземъ, отправился епископъ, посвященный Бруномъ. Участь его не извѣстна[1]).

Вотъ всѣ преданія, дошедшія до насъ, о дѣятельности Владиміра.

Въ 1014 году сынъ его Ярославъ, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, отказался присылать въ Кіевъ ежегодно по двѣ тысячи гривенъ, какъ дѣлали всѣ посадники новгородскіе, раздававшіе еще тысячу гривенъ гридямъ въ Новгородѣ. Владиміръ сказалъ: „Исправляйте дороги и мостите мосты“;— онъ хотѣлъ самъ идти на Ярослава; но разболѣлся и умеръ 15 іюля слѣдующаго 1015 года. Дѣятельность Владиміра, какъ она высказывается въ преданіяхъ, отличается отъ дѣятельности его предшественниковъ. Онъ часто ведетъ войну, но онъ ведетъ ее для того, чтобъ подчинить Руси снова тѣ племена, которыя воспользовались удаленіемъ отца его, усобицами братьевъ и перестали платить дань: такъ воюетъ онъ съ Радимичами, Вятичами, Хорватами. Онъ пользуется опытомъ отцовскимъ, совѣтомъ старика дяди, и отказывается отъ завоеванія народовъ далекихъ, сильныхъ своею гражданственностью. Онъ воюетъ съ Греками, но не пускается по-варяжски съ легкимъ флотомъ опустошать берега Имперіи: онъ хочетъ овладѣть ближайшимъ къ его волости городомъ греческимъ, Корсунемъ, который такъ легко и безопасно было присоединить къ русскимъ владѣніямъ; впрочемъ преданіе тѣсно связываетъ этотъ походъ съ намѣреніемъ принять христіанство. Но главная черта дѣятельности Владиміра состоитъ въ защитѣ Русской Земли, въ постоянной борьбѣ съ степными варварами. Святославъ заслужилъ упрекъ, что для чужой земли покинулъ свою, которою едва-было не овладѣли варвары; Владиміръ, наоборотъ, стоялъ всегда самъ насторожѣ противъ этихъ варваровъ, и устроилъ сторожевую линію изъ ряда городовъ или укрѣпленій по близкимъ къ степи рѣкамъ. Понятно, какое впечатлѣніе на народъ должна была произвести такая разница между поведеніемъ отца и сына. Но, кромѣ того, личный характеръ Владиміра былъ способенъ также возбудить сильную народную привязанность. Владиміръ вовсе не былъ княземъ воинственнымъ, не отличался удалью, подобно отцу своему, въ крайности рѣшался на бѣгство передъ врагомъ, спѣшилъ укрыться въ безопасномъ мѣстѣ; преданіе, сохранившееся въ пѣсняхъ, также не приписываетъ ему личной отваги, выставляетъ его вовсе не охотникомъ до проявленій дикой силы. Но Владиміръ имѣлъ широкую душу, которая въ молодости могла повести его къ излишествамъ, освященнымъ впрочемъ языческими понятіями, и которая въ лѣтахъ зрѣлыхъ, особенно подъ вліяніемъ христіанскимъ, сдѣлала его краснымъ солнцемъ для народа. Владиміръ не любилъ жить одинъ; онъ любилъ дружину, говоритъ лѣтописецъ, думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; любя думать съ дружиною, Владиміръ любилъ пировать съ нею; о пирахъ его остались преданія и въ лѣтописяхъ, и въ пѣсняхъ. Такъ, празднуя освященіе церкви Преображенія въ Василевѣ и вмѣстѣ избавленіе свое отъ Печенѣговъ, Владиміръ велѣлъ сварить триста варь меду, созвалъ бояръ, посадниковъ, старшинъ изо всѣхъ городовъ, всякихъ людей множество, и бѣднымъ роздалъ 300 гривенъ; праздновавъ съ Преображенья 8 дней, князь возвратился въ Кіевъ къ Успенью дню, и здѣсь опять задалъ большой праздникъ, созвалъ безчисленное множество народа. Такіе праздники по случаю торжествъ религіозныхъ имѣли тогда важное значеніе: они замѣняли для народа празднества языческія, очень много содѣйствовали къ тому, что новая религія входила въ жизнь народа; вмѣсто Коляды народъ сходился теперь праздновать Преображеніе

[1]) Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.

и освященіе церкви; кто приходилъ на это торжество, тотъ былъ христіаниномъ; вотъ почему лѣтописецъ прибавляетъ послѣ описанія праздника: „Видя людей христіанами, Владиміръ радовался душею и тѣломъ, и дѣлалъ такіе праздники по всѣ годы." Праздники имѣли еще другое значеніе: на нихъ сзывались старѣйшины изо всѣхъ городовъ, и такимъ образомъ скрѣплялась связь, единство, общеніе между русскими волостями. Для дружины и старшинъ кіевскихъ были устроены на дворѣ княжескомъ пиры каждую недѣлю, былъ ли самъ князь въ городѣ или нѣтъ; приходили на дворъ княжескій, въ гридницу, пировать бояре и гриди, сотскіе и десятскіе и нарочитые мужи. Бывало тутъ множество мяса, отъ скота и звѣрины, было много всего. И вотъ, бывало, какъ подопьютъ, разсказываетъ лѣтописецъ, то начнутъ роптать на князя, говоря: „Какое житье наше горькое: кормитъ насъ съ деревянныхъ ложекъ, а не съ серебряныхъ!" Владиміръ, услыхавъ ропотъ, велѣлъ исковать ложки серебряныя для дружины, и сказалъ: „Серебромъ и золотомъ не найду дружины, а съ дружиною найду серебро и золото, какъ доискались его дѣдъ мой и отецъ." Какое вліяніе христіанство имѣло на широкую душу Владиміра, видно изъ слѣдующихъ словъ лѣтописи: Владиміръ любилъ слова книжныя и, услыхавъ однажды какъ читали въ Евангеліи: „блажени милостивіи, яко тіи помилованы будутъ", и потомъ:—„продайте имѣнья ваша и дадите нищимъ", далѣе:—„не скрывайте себѣ сокровищъ на землѣ, идѣже тля тлитъ и татіе подкапываютъ, но скрывайте себѣ сокровище на небесѣхъ, идѣже ни тля тлитъ, ни татіе крадутъ", и слыша псаломъ „блаженъ мужъ милуя и дая", а у Соломона—„вдаяй нищему, Богу въ заимъ даетъ",—услыхавъ это, Владиміръ велѣлъ всякому нищему и убогому приходить на княжой дворъ, брать кушанье и питье, деньги изъ казны. Но этого мало: онъ сказалъ: „Дряхлые и больные не могутъ доходить до моего двора," и велѣлъ сдѣлать телѣги, куда клали хлѣбъ, мясо, рыбу, овощь разный, медъ въ бочкахъ, квасъ, и возили по городу, спрашивая: „гдѣ больные и нищіе, которые не могутъ ходить?"—такимъ и раздавали. Есть извѣстіе, что въ господскіе праздники Владиміръ ставилъ три трапезы: одну духовенству, другую нищимъ; третью себѣ и боярамъ.

Обыкновенное содержаніе старинныхъ пѣсенъ составляютъ пиры Владиміра, на которые собирались богатыри. Время Владиміра было благопріятно для богатырства: дружина не уходила съ княземъ въ далекія страны искать славы и добычи; при Святославѣ, напр., трудно было выказаться богатырямъ и внести свои подвиги въ народную память, потому что князь былъ въ челѣ дружины и былъ самъ богатырь изъ богатырей, дружинники были только похожи на него; притомъ подвиги ихъ совершались въ далекихъ странахъ; если и были пѣвцы въ дружинѣ при князьяхъ, то пѣсни ихъ мало могли найти сочувствія въ народѣ, для котораго ихъ содержаніе было чуждо. Но при Владимірѣ другое дѣло: дружина была храбрая, дѣла ей было много, шла безпрестанная борьба съ варварами, и эта борьба происходила на глазахъ русскаго народа и шла за самые близкіе его интересы; отраженіе Печенѣговъ, поимка какого нибудь страшнаго разбойника была для него поважнѣе блистательныхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи; притомъ же самъ князь Владиміръ не былъ богатыремъ изъ богатырей:—отсюда богатырство дружинниковъ выказывалось рѣзче, отдѣльныя предпріятія часто поручались мужамъ изъ дружины княжеской, которые такимъ образомъ могли выказаться. Предметъ пѣсенъ—по большей части борьба богатырей съ степными варварами, Печенѣгами, которые послѣ получили въ пѣсняхъ имя Татаръ. Упоминаются еще подвиги богатырей противъ разбойниковъ; лѣтопись также говоритъ объ умноженіи разбойниковъ, и сохранилось имя одного изъ нихъ, Могута, который былъ пойманъ въ 1008 году и покаялся въ домѣ у митрополита [1]). Можно думать, что разбойники умножились вслѣдствіе бѣгства тѣхъ закоренѣлыхъ язычниковъ, которые не хотѣли принимать христіанства; разумѣется, они должны были бѣжать въ отдаленные лѣса и жить на счетъ враждебнаго имъ общества; отсюда можетъ объясниться религіозное уваженіе, соединенное съ памятью о нѣкоторыхъ богатыряхъ Владимірова времени, напр. объ Ильѣ Муромцѣ, которому приписываются подвиги противъ разбойниковъ на отдаленномъ финскомъ сѣверѣ, гдѣ язычество долго находило себѣ убѣжище. Въ лѣтописи сохранились имена слѣдующихъ богатырей Владимірова времени: Яна Усмовича, или Усмошвеца (кожевника, отъ усміе—кожа и шью), который убилъ печенѣжскаго богатыря, и потомъ упоминается также подъ 1004 годомъ, какъ побѣдитель Печенѣговъ; Александра Поповича, разбившаго Печенѣговъ, приведенныхъ какимъ-то измѣнникомъ Володаремъ, котораго лѣтописецъ упрекаетъ въ забвеніи благодѣяній князя своего Владиміра [2]), потомъ Поповичъ разбилъ Печенѣговъ вмѣстѣ съ Усмошвецемъ въ 1001 и 1004 годахъ; Рагдая удалаго, ходившаго на триста воиновъ: его смерть показана подъ 1000 годомъ [3]); Андриха Добрянкова, отравленнаго слугами въ 1004 году [4]).

Въ лѣтописи находимъ имена двѣнадцати сыновей Владиміра, но безъ опредѣленія, въ какомъ порядкѣ они одинъ за другимъ слѣдовали по старшинству: въ одномъ мѣстѣ, при исчисленіи женъ Владиміровыхъ, молодые князья поставлены по матерямъ; въ другомъ, гдѣ говорится о разсылкѣ сыновей по областямъ, они слѣдуютъ въ другомъ порядкѣ. Постараемся, по нѣкоторымъ даннымъ, опредѣлить порядокъ старшинства между ними.

Въ Новгородъ былъ отправленъ Вышеславъ: мы знаемъ, что сюда посылался обыкновенно старшій

[1]) Никон. I, 112. Христіан. Чтен. 1849, II, 323.
[2]) Тамъ же, 110.
[3]) Тамъ же, 111.
[4]) Тамъ же, 112.

въ семьѣ великаго князя; изъ этого можемъ заключить, что Вышеславъ былъ старшій сынъ Владиміра, тѣмъ болѣе что въ извѣстіи о разсылкѣ по областямъ онъ поставленъ первымъ [1]). Но въ предшествующемъ исчисленіи женъ Владиміровыхъ [2]) Вышеславъ поставленъ послѣ сыновей Рогнѣдиныхъ и гречанки, вдовы Ярополковой, и названъ сыномъ Чехини: если Вышеславъ былъ старшій, то долженъ былъ родиться отъ перваго брака Владимірова, заключеннаго или въ Новгородѣ, или во время пребыванія Владиміра въ Скандинавіи, когда ему было лѣтъ 18; но странно, что Чехиня зашла такъ далеко на сѣверъ; Іоакимовская лѣтопись и здѣсь объясняетъ дѣло удовлетворительно, а именно: мать Вышеслава называетъ Оловою, женою варяжскою [3]). Потомъ слѣдуетъ сынъ Рогнѣды, Изяславъ, получившій волость дѣда своего по матери, Полоцкъ. Тотчасъ послѣ брака на Рогнѣдѣ Владиміръ женился на вдовѣ брата своего Ярополка, и потому рожденаго отъ послѣдней Святополка имѣемъ право поставить въ третьихъ послѣ Вышеслава и Изяслава; этотъ Святополкъ получилъ Туровскую волость, и, по смерти Вышеслава и Изяслава, оставался старшимъ въ родѣ, на что ясно указываютъ слова Св. Бориса: „Не подниму я рукъ на брата старшаго“ [4]). За Святополкомъ мы должны дать мѣсто Ярославу, также, по лѣтописямъ, сыну Рогнѣды; Ярославъ получилъ сперва Ростовъ, а потомъ, по смерти старшаго Вышеслава, переведенъ въ Новгородъ.—Этотъ переводъ Ярослава въ Новгородъ мимо старшаго Святополка Туровскаго объясняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ въ это время былъ подъ гнѣвомъ отца и даже въ заключеніи. Всеволодъ, также сынъ Рогнѣды, получилъ Владиміръ Волынскій; Святославъ и Мстиславъ, которыхъ мать въ начальной кіевской лѣтописи названа Чехинею другою, въ отличіе отъ мнимой матери Вышеслава [5]), получили—первый Землю Древлянскую, второй Тмуторакань. Мать Святослава Іоакимовская лѣтопись называетъ Малфридою; что это имя одной изъ женъ Владиміровыхъ не вымышлено, доказательствомъ служитъ извѣстіе начальной кіевской лѣтописи подъ 1002 годомъ о смерти Малфриды, которая здѣсь соединена съ Рогнѣдою [6]); мать же Мстислава Іоакимъ называетъ Аделью, или Адилью. Втораго сына Адели, Станислава, этотъ же лѣтописецъ, равно какъ и нѣкоторые другіе, отсылаетъ въ Смоленскъ, а Судислава во Псковъ [7]) Теперь остается опредѣлить мать и возрастъ Бориса и Глѣба. Въ начальной кіевской лѣтописи матерью ихъ названа Болгарыня, волостью перваго Ростовъ, второго—Муромъ. Но ясно, что здѣсь упоминается уже второе распоряженіе, потому что при первомъ распредѣленіи волостей Ростовъ былъ отданъ Ярославу; поэтому въ нѣкоторыхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ у Татищева, прибавлено [8]), что сначала Борисъ получилъ Муромъ, а Глѣбъ Суздаль. Несмотря на это, молчаніе древнѣйшихъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи о первоначальныхъ волостяхъ Бориса и Глѣба, равно какъ ихъ молчаніе о волостяхъ Станислава, Судислава и Позвизда ведетъ насъ къ заключенію, что во время первой разсылки сыновей Владиміровыхъ по волостямъ всѣ эти князья или были очень малы, или нѣкоторые изъ нихъ, быть можетъ, еще не родились [9]). Любопытно, что въ лѣтописи Іоакима матерью Бориса и Глѣба названа Анна Царевна, причемъ Татищевъ соглашаетъ свидѣтельство кіевскаго лѣтописца о болгарскомъ происхожденіи матери Борисовой тѣмъ, что эта Анна могла быть двоюродною сестрою императоровъ Василія и Константина, которыхъ тетка, дочь Романа, была въ супружествѣ за царемъ Болгарскимъ [10]). Если бы такъ было, то для насъ уяснилось бы предпочтеніе, которое оказывалъ Владиміръ Борису, какъ сыну царевны и рожденному въ христіанскомъ супружествѣ, на которое онъ долженъ былъ смотрѣть какъ на единственное законное. Отсюда уяснилось бы и поведеніе Ярослава, который, считая себя при невзгодѣ Святопока старшимъ, и видя предпочтеніе, которое оказывалъ отецъ Борису, не хотѣлъ быть посадникомъ послѣдняго въ Новгородѣ, и потому спѣшилъ объявить себя независимымъ. Какъ бы то ни было, Борисъ единогласно описывается человѣкомъ въ самой цвѣтущей юности: „аки цвѣтъ въ юности своей...... брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще.“ — Если предположимъ, что онъ былъ первымъ плодомъ брака Владимірова съ Анною, то въ годъ отцовой смерти ему было 25 лѣтъ; по по описанію можно судить, что онъ былъ гораздо моложе. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Борисъ свѣтился царски, желая, быть-можетъ, указать на его царственное происхожденіе по матери. Отецъ любилъ его болѣе другихъ сыновей и держалъ при себѣ, въ чемъ видно было намѣреніе передать ему старшій столъ кіевскій. Мы должны сказать также нѣсколько словъ о волостяхъ сыновей Владиміро-

[1]) Полн. Собр. Р. Л. I, 52.

[2]) Тамъ же, стр. 34.

[3]) Татищ. I, 40.

[4]) Полн. Собр. Р. Л. I, 57.

[5]) Тамъ же, стр. 34: Отъ Чехинѣ Вышеслава, а отъ другое Святослава и Мстислава.

[6]) Тамъ же, стр. 55: Преставися Малъфредъ. Въ се же лѣто преставися и Рогънѣдь, мать Ярославля. — Ясно, что здѣсь говорится о двухъ женщинахъ, женахъ Владиміра. Татищ. II, 87: Преставися Малфреда, Чехиня, мать Святославля.

[7]) Соф. Врем. I, 87; Никон. I, 93; Соф. 80.

[8]) II, примѣч. 191.

[9]) Лѣтоп., содерж. Росс. Ист. отъ 852 – 1598 г. стр. 40: А трехъ у себя остави: бѣ бо млади, Станиславъ, Судиславъ, Позвиздъ.

[10]) II, примѣч. 184. Извѣстіе о томъ, что Борисъ и Глѣбъ были сыновья царевны Анны, находится не въ одной Іоакимовской лѣтописи; оно находится въ такъ-называемой Тверской лѣтописи, хранящейся въ Император. Публич. Библіотекѣ: Быша у него (Владиміра) водимыя рекше большія: Рогнѣдь иже посади на Либеды въ селцѣ идеже есть нынѣ словеть селце Предславино.... а отъ другіе Чехини Святослава, и Станислава, Судислава, Болеслава. А отъ царевны Анны Бориса и Глѣба».

выхъ; сравнивъ эти волости съ волостями сыновей Ярослановыхъ, мы замѣчаемъ, что такъ какъ у Владиміра было вдвое болѣе сыновей чѣмъ у Ярослава, то и волости первыхъ должны быть гораздо болѣе размельчены: Новгородская волость была раздѣлена на двѣ—Новгородскую и Псковскую; здѣсь начало отдѣленія Пскова отъ Новгорода. Ростовъ является самостоятельнымъ столомъ, Муромъ также; въ Кіевскомъ княжествѣ являются двѣ особыя волости—Древлянская Земли и Туровъ. Но странно, что, размельчая такъ волости на сѣверѣ и западѣ, Владиміръ не далъ волостей на востокъ отъ Днѣпра, ибо не упоминается ни о Черниговѣ, ни о Переяславлѣ, какъ особыхъ волостяхъ. Мстиславъ сидѣлъ въ Тмуторакани, но Черниговъ не могъ принадлежать ему, онъ его завоевалъ впослѣдствіи уже при Ярославѣ.

Владиміръ умеръ въ Берестовѣ; окружающіе скрыли его смерть, потому что Святополкъ былъ въ Кіевѣ; и въ ночь уже, проломавъ полъ между двумя клѣтьми, на канатахъ спустили на землю тѣло, обернутое въ коверъ, положили на сани, привезли въ Кіевъ и поставили въ Десятинной церкви. Когда въ городѣ узнали объ этомъ, то безчисленное множество народа сошлось въ церковь, и начали плакаться по немъ: знатные [1]) — какъ по заступникѣ Земли своей, убогіе—какъ о заступникѣ и кормителѣ своемъ; положили тѣло въ мраморный гробъ и съ плачемъ похоронили. По всѣмъ вѣроятностямъ, хотѣли утаить смерть Владиміра для того, чтобы Святополкъ узналъ о ней не прежде гражданъ кіевскихъ, ибо тогда ему труднѣе было дѣйствовать. Какъ скоро въ Кіевѣ разнеслась вѣсть о кончинѣ Владиміра, то Святополкъ сѣлъ на отцовскомъ мѣстѣ, созвалъ Кіевлянъ и началъ раздавать имъ подарки: это уже служило знакомъ, что онъ боялся соперничества и желалъ пріобрѣсть расположеніе гражданъ; граждане принимали подарки, говоритъ лѣтописецъ, но сердце ихъ не было съ Святополкомъ, потому что братья ихъ находились на войнѣ съ Борисомъ. Слѣдов. граждане были равнодушны; они опасались одного, что какъ вдругъ братья ихъ провозгласятъ княземъ Бориса, а Святополкъ потребуетъ отъ нихъ помощи противъ послѣдняго?—ихъ пугало это междоусобіе. Борисъ, не нашедши Печенѣговъ, былъ уже на возвратномъ пути и стоялъ на рѣкѣ Альтѣ, когда пришла къ нему вѣсть о смерти отцовской. Бывшая съ Борисомъ дружина Владимірова, бояре, старые думцы, предпочитали Бориса всѣмъ его братьямъ, потому что онъ постоянно находился при нихъ, привыкъ съ ними думать думу, тогда какъ другіе князья привели бы съ собой другихъ любимцевъ, что и сдѣлалъ Святополкъ, если обратимъ вниманіе на намекъ лѣтописца о поведеніи послѣдняго: „Лютѣ бо граду тому, въ немъ же князь унъ, любяй вино пити съ гусльми и съ младыми совѣтниками“. Вотъ почему отцовская дружина уговаривала Бориса идти на столъ кіевскій; но молодой князь отвѣчалъ, что не подниметъ руки на старшаго брата, который будетъ ему вмѣсто отца; тогда войско разошлось, оставя Бориса съ малымъ числомъ приближенныхъ служителей. Святополкъ очень хорошо понималъ опасность, могущую грозить ему со стороны Бориса, и потому на первыхъ порахъ хотѣлъ и съ нимъ поступить такъ же, какъ съ гражданами, послалъ сказать ему, что хочетъ имѣть съ нимъ любовь и придастъ еще къ волости, которую тотъ получилъ отъ отца; узнавъ же, что войско разошлось отъ Бориса, онъ рѣшился на убійство послѣдняго. Мы не станемъ объяснять этого поступка Святополкова желаніемъ отомстить за смерть отца своего Ярополка, вопервыхъ уже потому, что это объясненіе кажется намъ натянутымъ само по себѣ; вовторыхъ, основывается на странномъ толкованіи словъ лѣтописца, который, желая объяснить себѣ звѣрскій поступокъ Святополка, предполагаетъ, что онъ былъ отъ двоихъ отцовъ, тогда какъ, кромѣ этого предположенія, нѣтъ въ разсказѣ ни малѣйшаго намека на то, чтобы Святополкъ не былъ сыномъ Владиміра; вводить какое-то усыновленіе для предотвращенія мести странно, когда мы знаемъ, что дядя безъ всякаго усыновленія считался отцомъ племяннику; потомъ еще новое предположеніе, что это усыновленіе охраняло Владиміра отъ мести, но не охраняло отъ нея сыновей его и проч. Давняя ненависть Святополка къ Борису, какъ сопернику, которому отецъ хотѣлъ оставить старшій столъ мимо его; явное расположеніе дружины и войска къ Борису, который могъ воспользоваться имъ при первомъ случаѣ, хотя теперь и отказался отъ старшинства; наконецъ, что, быть можетъ, важнѣе всего, примѣръ сосѣднихъ государей, съ однимъ изъ которыхъ Святополкъ находился въ тѣсной связи, объясняютъ какъ нельзя легче поведеніе Святополка: вспомнимъ, что не задолго предъ тѣмъ въ сосѣднихъ славянскихъ странахъ—Богеміи и Польшѣ—обнаружилось стремленіе старшихъ князей отдѣлываться отъ родичей насильственными средствами. Первымъ дѣломъ Болеслава Храбраго Польскаго, по восшествіи на престолъ, было изгнаніе младшихъ братьевъ, ослѣпленіе другихъ родичей; первымъ дѣломъ Болеслава Рыжаго въ Богеміи—было оскопленіе одного брата, покушеніе на жизнь другого, а Святополкъ былъ зять Болеслава Польскаго; почему же то, что объясняется само собою въ польской и чешской исторіяхъ, въ русской требуетъ для своего объясненія какого-то кодекса родовыхъ правъ?

Лѣтописецъ такъ разсказываетъ объ убіеніи Бориса. Святополкъ ночью пришелъ въ Вышгородъ, тайно призвалъ какого-то Путшу и вышегородскихъ боярцевъ—Тальца, Еловита и Лешька, и спросилъ ихъ: „Привержены ли они къ нему всѣмъ сердцемъ“? Путша съ вышегородцами отвѣчалъ: „Можемъ головы свои сложить за тебя“. Тогда онъ сказалъ имъ: „Не говоря никому ни

[1]) Такъ перевожу я здѣсь слово б о л я р е, ибо здѣсь ясно, что они противополагаются убогимъ, и потому означаютъ вообще не у б о г и х ъ, богатыхъ и знатныхъ.

слова, ступайте и убейте брата моего Бориса". Тѣ обѣщались исполнить его желаніе какъ можно скорѣе. Здѣсь останавливаетъ насъ одно обстоятельство: почему Святополкъ обратился къ вышгородскимъ боярцамъ съ предложеніемъ убить Бориса? Намъ кажется очень вѣроятнымъ, что, по освобожденіи изъ темницы, Владиміръ уже не отдалъ Святополку волости Туровской, какъ ближайшей къ границамъ польскимъ, а посадилъ его гдѣ-нибудь подлѣ Кіева, чтобъ удобнѣе наблюдать за его поведеніемъ, и что новая волость была именно Вышгородъ, куда теперь Святополкъ и обратился къ старымъ своимъ слугамъ, которые были готовы сложить за него свои головы.

Путша съ товарищами пришли ночью на Альту и, подошедши къ шатру Борисову, услыхали, что князь поетъ заутреню; несмотря на осторожность, Святополкъ не могъ утаить своихъ замысловъ, и Борисъ зналъ, что сбираются погубить его. Убійцы дождались, пока князь, помолившись, легъ въ постель, и тогда бросились на шатеръ, начали тыкать въ него копьями, пронзили Бориса и вмѣстѣ слугу его, который хотѣлъ защитить господина собственнымъ тѣломъ; этотъ отрокъ былъ родомъ Венгръ, именемъ Георгій; Борисъ его очень любилъ и далъ ему большую золотую гривну, въ которой тотъ и служилъ ему; убили тутъ же и другихъ многихъ отроковъ Борисовыхъ, и у этого Георгія отсѣкли голову, потому что не могли скоро снять гривны съ шеи; Бориса, еще дышавшаго, убійцы завернули въ шатерное полотно, положили на возъ и повезли. Но Святополкъ, узнавъ, что Борисъ еще дышетъ, послалъ двухъ Варяговъ прикончать его, что тѣ и сдѣлали, пронзивъ его мечемъ въ сердце; тѣло его принесли тайно въ Вышгородъ и положили въ церкви Св. Василія. За этимъ убійствомъ слѣдовало другое; у Бориса оставался единоутробный братъ Глѣбъ, сидѣвшій въ Муромѣ. „Бориса я убилъ, какъ бы убить Глѣба"? говоритъ Святополкъ въ разсказѣ лѣтописца; но Глѣбъ былъ далеко, и потому Святополкъ послалъ сказать ему: „Пріѣзжай поскорѣй сюда: отецъ тебя зоветъ, онъ очень боленъ". Глѣбъ немедленно сѣлъ на коня и пошелъ съ малою дружиной. Когда онъ пришелъ на Волгу, къ устью Тиы, то конь его споткнулся на полѣ во рвѣ и намялъ ему немного ногу; послѣ чего князь пришелъ къ Смоленску, а отсюда поплылъ на баркѣ и остановился въ виду города на Смядынѣ. Въ это время настигъ его посланный отъ брата Ярослава изъ Новгорода. „Не ходи, велѣлъ сказать ему Ярославъ: отецъ умеръ, а брата твоего Святополкъ убилъ". Глѣбъ сильно тужилъ по отцѣ, но еще больше по братѣ. Между тѣмъ явились и убійцы, посланные отъ Святополка; они овладѣли Глѣбовою баркою и обнажили оружіе; Глѣбовы отроки потеряли духъ; тогда главный изъ убійцъ, Горясѣръ, велѣлъ немедленно зарѣзать Глѣба, что и было исполнено поваромъ послѣдняго; этого повара звали Торчинъ: имя указываетъ на происхожденіе. Сперва тѣло Глѣба бросили на берегъ между двумя колодами, потомъ свезли въ Вышгородъ и положили вмѣстѣ съ братомъ, уже въ княженіе Ярослава [1]). Страдальческая кончина и прославленіе двухъ братьевъ-друзей не остались безъ сильнаго вліянія въ послѣдующей исторіи. Русская Земля и преимущественно родъ княжескій пріобрѣли святыхъ покровителей „молитвенниковъ за новыя люди христіанскія и сродники своя, земля благословилась ихъ кровію"! Но кто же эти новые свѣтильники?—это два князя, погибшіе отъ родного брата, который хотѣлъ единовластія! Можно думать, что святость Бориса и Глѣба и проклятіе, тяготѣвшее надъ Святополкомъ, не разъ удерживали впослѣдствіи братоубійственныя руки; мы увидимъ, какъ послѣ стѣсненный князь останавливалъ притѣснителя напоминаніемъ, что онъ хочетъ быть вторымъ Святополкомъ. Святые Борисъ и Глѣбъ и проклятый убійца ихъ Святополкъ были безпрестанно въ памяти князей, и, разумѣется, духовенство не пропускало случая напоминать имъ о нихъ [2]). Съ другой стороны, Борисъ палъ жертвою уваженія къ родовымъ понятіямъ, погибъ оттого, что не хотѣлъ поднять руки на старшаго брата, и своею смертію освятилъ эти родовыя понятія; примѣръ его долженъ былъ сдерживать попытки младшихъ пользоваться обстоятельствами и вооружаться противъ старшихъ для отнятія у нихъ этого старшинства [3]).

Ближайшій къ Кіеву князь, Святославъ, сидѣвшій въ Землѣ Древлянской, узнавъ о гибели Бориса и Глѣба, не сталъ спокойно дожидаться такой же участи и бѣжалъ въ Венгрію; но Святополкъ послалъ за нимъ въ погоню, и Святославъ былъ убитъ въ Карпатскихъ горахъ. Тогда, по словамъ лѣтописца, Святополкъ началъ думать: „Перебью всѣхъ братьевъ и приму одинъ всю власть на Руси". Но гроза пришла на него съ сѣвера. Ярославъ Новгородскій для защиты отъ отца призвалъ къ себѣ заморскихъ Варяговъ; тѣ стали обижать Новгородцевъ и женъ ихъ: тогда Новгородцы встали и перебили Варяговъ на дворѣ какого-то Парамона. Ярославъ разсердился и задумалъ отомстить хитростью главнымъ изъ убійцъ: онъ по-

---

[1]) Никон. I, 128.

[2]) Въ одномъ сборникѣ XV вѣка находится слѣдующее слово на день Св. Бориса и Глѣба: «Слышите, князи, противящеся старѣйшей братьи, и рать въздвижуща и поганыя на свою братью возводяще! Не обличилъ ти есть Богъ на страшнемъ судищи, како святый Борисъ и Глѣбъ претерпѣсте брату своему нетокмо отъятие власти, но отъятие живота. Вы же до слова брату стерпѣти не можете, и за малу обиду вражду смертоносную вздвижете: помощь приемлете отъ поганыхъ на свою братью». См. въ Москвит. № 12, годъ 1843. Или: «Видители, братіи, коль высоко покореніе еже стежаста святая къ старѣйшему брату, си аще бо быста супротивилася ему едва быста такому дару чудесному сподоблена отъ Бога, мнози бо суть нынѣ дѣтески князи не покаряющися старѣйшимъ и супротивящися имъ и убиваеми суть, ти не суть такой благодати сподоблени якоже святая сія (Опис. Рум. Муз., стр. 201).

[3]) Повѣсть о смерти Бориса и Глѣба явно вставлена въ лѣтопись послѣ; иначе лѣтописецъ не сталъ бы снова повторять (въ концѣ стр. 60): Святополкъ же оканны нача княжити Кыевѣ и проч.

слалъ сказать имъ, что на нихъ не сердится болѣе, позвалъ ихъ къ себѣ и велѣлъ умертвить; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, убито было 1000 человѣкъ, а другіе убѣжали. Но въ ту же ночь пришла къ нему вѣсть изъ Кіева отъ сестры Предславы: „Отецъ умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ, убилъ Бориса, послалъ и на Глѣба, берегись его“. Ярославъ сталъ тужить по отцѣ, по братѣ и по Новгородцамъ, которыхъ перебилъ вовсе не вовремя. На другой день онъ собралъ остальныхъ Новгородцевъ на вѣче въ полѣ и сказалъ: „Ахъ, любимая моя дружина, что вчера избилъ, а ныньче была бы надобна, золотомъ бы купилъ“, и, утерши слезы, продолжалъ: „Отецъ мой умеръ, а Святополкъ сидитъ въ Кіевѣ и убиваетъ братьевъ,—помогите мнѣ на него“. Новгородцы отвѣчали: „Хотя, князь, братья наши и перебиты, однако можемъ по тебѣ бороться“. Причину такого рѣшенія Новгородцевъ объяснить легко. Предпріятіе Ярослава противъ Владиміра было въ выгодѣ Новгородцевъ, освобождавшихся отъ платежа дани въ Кіевъ: отказаться помочь Ярославу, принудить его къ бѣгству—значило возобновить прежнія отношенія къ Кіеву, принять опять посадника Кіевскаго князя, простого мужа, чего очень не любили города, а между тѣмъ Ярославъ если убѣжитъ, то можетъ возвратиться съ Варягами, какъ Владиміръ прежде, и уже, конечно, не будетъ благосклоненъ къ гражданамъ, выгнавшимъ его отъ себя, тогда какъ, въ случаѣ побѣды Ярослава надъ Святополкомъ, они были въ правѣ ожидать, что Ярославъ не заставитъ ихъ платить дани въ Кіевъ уже потому, что самъ прежде отказался платить ее. Что же касается поступка Ярославова съ убійцами Варяговъ, то мы должны смотрѣть на его слѣдствія по отношеніямъ и понятіямъ того времени; изъ лѣтописнаго разсказа мы видимъ уже всю неопредѣленность этихъ отношеній: Новгородцы ссорятся съ Варягами; дѣло доходитъ до драки, въ которой граждане бьютъ Варяговъ; князь хитростью зазываетъ къ себѣ виновниковъ убійства и бьетъ ихъ въ свою очередь. Въ понятіяхъ Новгородцевъ, слѣд., все это было очень естественно, и потому трудно было имъ за это много сердиться; у насъ нѣтъ никакого основанія принимать убійство Варяговъ за дѣло цѣлаго города, это была частная ссора и схватка, на что указываетъ опредѣленіе мѣста—дворъ Парамоновъ; число жертвъ мести Ярославовой явно преувеличено: трудно было обманомъ зазвать такое количество людей, еще труднѣе перерѣзать ихъ безъ сопротивленія въ оградѣ княжескаго двора; мы видимъ, что не всѣ знатные Новгородцы были перерѣзаны, оставались бояре и старосты, которые послѣ собираютъ деньги для найма Варяговъ. Отвѣчали на вѣчѣ тѣ, которые остались въ живыхъ; остались въ живыхъ тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ; а тѣ, которые не участвовали въ убійствѣ Варяговъ, были по этому самому равнодушны къ дѣлу. Поступокъ Ярослава былъ совершенно въ понятіяхъ того времени: князь долженъ былъ какимъ бы то ни было способомъ схватить убійцъ варяжскихъ и отдать ихъ на месть Варягамъ, родственникамъ убитыхъ. Итакъ, если это было частное дѣло и обыкновенное, то цѣлому городу не для чего было много обращать на него вниманія; Ярославъ жалѣетъ не о томъ, что перебилъ Новгородцевъ, но о томъ только, что этимъ убійствомъ отнялъ у себя воиновъ, которые въ настоящихъ обстоятельствахъ были ему очень нужны, и Новгородцы отвѣчаютъ въ этомъ же смыслѣ: „Хотя наши братья и перебиты, но у насъ все еще достаточно народа, чтобъ биться за тебя“. Впрочемъ это мѣсто лѣтописи нуждается еще въ другомъ объясненіи: почему Ярославъ такъ испугался слѣдствій своего поступка съ Новгородцами? для чего такъ жалѣлъ объ избитіи дружины? вѣдь она была нужна ему и прежде, ибо онъ готовился къ войнѣ съ отцомъ; для чего же онъ не подумалъ объ этомъ прежде убіенія Новгородцевъ? Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ зналъ о медленныхъ сборахъ Владиміра, о его болѣзни, которая мѣшала ему спѣшить походомъ; могъ надѣяться на борьбу Святополка съ Борисомъ, которая надолго оставила бы его въ покоѣ. Но теперь дѣла перемѣнились: Владиміръ умеръ, Святополкъ началъ княжить, убилъ Бориса, послалъ убить Глѣба, хочетъ бить всѣхъ братьевъ, подобно сосѣднимъ государямъ; опасность слѣд. наступила страшная для Ярослава: сестра писала: „Берегись!“ Оставаться въ бездѣйствіи — значило жить въ безпрестанномъ страхѣ отъ убійцъ; нужно было или бѣжать за море, или выступить немедленно противъ Святополка, предупредить его, однимъ словомъ—поступить по примѣру отца своего Владиміра.

Послѣ того какъ Новгородцы рѣшились выступить въ походъ, Ярославъ собралъ оставшихся у него Варяговъ, по однимъ извѣстіямъ тысячу, по другимъ шесть тысячъ, да Новгородцевъ 40,000, и пошелъ на Святополка, призвавши имя Божіе; онъ говорилъ: „Не я началъ избивать братьевъ, но Святополкъ; да будетъ Богъ отместникъ крови братьевъ моихъ, потому что безъ вины пролита кровь праведныхъ Бориса и Глѣба; пожалуй и со мной то же сдѣлаетъ“. Мы слышимъ здѣсь тѣ же самыя слова, которыя лѣтописецъ влагаетъ и въ уста Владиміру, шедшему противъ Ярополка, съ тѣмъ только различіемъ, что христіанинъ Ярославъ призываетъ Бога въ мстители неповинной крови и отдаетъ свое дѣло на судъ Божій. Святополкъ, узнавъ, что Ярославъ идетъ на него, собралъ множество войска изъ Руси и Печенѣговъ и вышелъ къ Любечу; онъ сталъ по ту сторону Днѣпра, а Ярославъ по эту. Ярославъ, безъ сомнѣнія, прибылъ въ лодкахъ, а Святополкъ пришелъ изъ-за Десны съ Печенѣгами. Въ третій разъ Днѣпръ видѣлъ враждебное движеніе сѣверной Руси на южную: оба первые раза при Олегѣ и Владимірѣ сопротивленія было мало со стороны юга; но теперь онъ собралъ свои силы, и какъ сѣверъ явился съ естественными союзниками—Варягами, такъ югъ соединился—съ Печенѣгами. Три мѣсяца, а по другимъ

извѣстіямъ только три недѣли [1]), стояли враги по обѣимъ сторонамъ Днѣпра; ни тѣ, ни другіе не смѣли перевезтись и напасть. Былъ въ то время обычай поддразнивать враговъ, чтобы побудить ихъ начать дѣло къ своей невыгодѣ. Видя, что главная сила Ярослава состояла изъ Новгородцевъ, горожанъ и сельчанъ, воевода Святополка [2]), ѣздя подлѣ берега, бранилъ Новгородцевъ, называлъ ихъ ремесленниками, а не воинами. „Эй вы, плотники, кричалъ онъ имъ: зачѣмъ пришли сюда съ хромымъ своимъ княземъ? вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы“ Новгородцевъ сильно разсердила насмѣшка,—и они сказали Ярославу: „Завтра перевеземся на нихъ, а если кто не пойдетъ съ нами, того сами убьемъ“.

Въ лагерѣ у Святополка Ярославъ имѣлъ пріятеля, къ которому послалъ ночью спросить: „Что дѣлать? меду мало варено, а дружины много“; тотъ отвѣчалъ, что пусть Ярославъ къ вечеру отдастъ медъ дружинѣ; Новгородскій князь догадался, что ночью должно сдѣлать нападеніе. Была заморозь; Святополкъ стоялъ между двумя озерами, и всю ночь пилъ съ дружиною; а Ярославъ передъ разсвѣтомъ исполчилъ свое войско и перевезся на другой берегъ, причемъ Новгородцы, высадившись изъ лодокъ, оттолкнули ихъ отъ берега, чтобъ отнять у себя всякую возможность къ побѣгу; Ярославъ приказалъ дружинѣ повязать головы платками, чтобъ въ сѣчѣ узнавать своихъ. Враги сошлись; была сѣча злая; Печенѣги, стоявшіе за озеромъ, не могли помочь Святополку, который былъ притиснутъ съ своею дружиной къ озеру, принужденъ вступить на ледъ; ледъ обломился,—и Ярославъ одолѣлъ: Святополкъ бѣжалъ въ Польшу, а Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ, проживя на сѣверѣ 28 лѣтъ [3]). Новгородцы были отпущены домой и отдѣлены щедро: старосты получили по 10 гривенъ, смерды по гривнѣ, а горожане всѣ—по 10.

Но Святополкъ былъ живъ, и потому Ярославъ не могъ успокоиться. Для Болеслава Польскаго открылись такіе же теперь виды на востокъ, какіе онъ имѣлъ прежде на западъ; на Руси, какъ прежде у Чеховъ, семейные раздоры приглашали его къ посредничеству и къ утвержденію своего вліянія, тѣмъ болѣе что теперь Болеславъ долженъ былъ помочь своему зятю. Онъ воспользовался благопріятнымъ случаемъ: по его наущенію Печенѣги напали на Кіевъ; подъ самымъ городомъ была злая сѣча; едва къ вечеру Ярославъ могъ прогнать варваровъ [4]). Со своей стороны Ярославъ выступилъ къ польскимъ границамъ, заключивъ союзъ съ врагомъ Болеславовымъ, императоромъ Генрихомъ II-мъ; но походъ Русскаго князя окончился неудачною осадою Бреста [5]); походъ императора противъ Болеслава также не удался, онъ принужденъ былъ заключать съ нимъ миръ и, желая избавиться отъ опаснаго врага, обратить его дѣятельность на востокъ, самъ совѣтовалъ ему вооружиться противъ Русскаго князя. Въ 1017 году Болеславъ выступилъ въ походъ, усиливъ свое войско 300 Нѣмцевъ, 500 Венгровъ и 1000 Печенѣговъ; 22 іюля достигъ береговъ Буга, раздѣлявшаго польскія владѣнія отъ русскихъ; Ярославъ ждалъ его на другомъ берегу съ Русью (жителями южной Руси), Варягами и Славянами (Новгородцами). Здѣсь повторилось то же явленіе, какое видѣли на берегахъ Днѣпра у Любеча; воевода Ярославовъ Будый, ѣздя по берегу, началъ смѣяться надъ Болеславомъ; онъ кричалъ ему: „Вотъ мы тебѣ проткнемъ палкою брюхо твое толстое!“ Былъ Болеславъ, говоритъ лѣтопись, великъ и тяжелъ, такъ что и на конѣ съ трудомъ могъ сидѣть; но зато былъ смышленъ. Не вытерпѣлъ онъ насмѣшки и, обратившись къ дружинѣ своей, сказалъ: „Если вамъ это ничего, такъ я одинъ погибну“, — сѣлъ на коня и бросился въ рѣку. а за нимъ и все войско. Полки Ярослава, вовсе не ожидая такого внезапнаго нападенія, не успѣли приготовиться и обратились въ бѣгство; Ярославъ ушелъ въ Новгородъ только самъ-пять; а Болеславъ съ Святополкомъ почти безпрепятственно вошли въ Кіевъ, 14 августа. Въ городѣ нашли они мачиху [6]), жену и сестеръ Ярославовыхъ, изъ которыхъ за одну (Предславу) сватался прежде Болеславъ, получилъ отказъ и теперь въ отмщеніе взялъ ее къ себѣ въ наложницы [7]). Часть своего войска онъ отпустилъ

[1]) Татищ. II, 97.

[2]) По нѣкоторымъ лѣтописямъ, это былъ старинный воевода Владиміровъ, Волчій Хвостъ, побѣдитель Радимичей. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 209.

[3]) И бы тогда Ярославъ Новѣгородѣ лѣтъ 28 (Лавр.), бѣже тогда Ярославъ лѣтъ 28 (въ прочихъ спискахъ). — Ярославъ не могъ быть тогда (въ 1016 г.) 28 лѣтъ отъ роду, ибо это значило бы, что онъ родился въ 988 году, въ годъ принятія Владиміромъ христіанства и женитьбы на Аннѣ, тогда какъ мы знаемъ, что у Ярослава было много младшихъ братьевъ, рожденныхъ не отъ Анны, слѣдовательно рожденныхъ до принятія христіанства; онъ не могъ жить 28 лѣтъ въ Новѣгородѣ, ибо это значило бы, что онъ былъ отправленъ въ Новгородъ въ 988 году, но мы знаемъ, что въ этомъ году онъ былъ посланъ въ Ростовъ, а не въ Новгородъ, гдѣ княжилъ старшій братъ его Вышеславъ, умершій, по Татищеву, въ 1010 году (II, 89); слѣдовательно лѣтописецъ подъ пребываніемъ въ Новгородѣ считалъ все время его пребыванія на сѣверѣ, начиная отъ 988 года, подъ которымъ онъ помѣстилъ разсылку сыновей Владиміровыхъ по волостямъ, полагаемую преданіемъ тотчасъ послѣ крещенія. Счетъ лѣтъ всей жизни Ярославовой (76 лѣтъ) тоже не вѣренъ, ибо еслибъ онъ умеръ въ 1054 году 76 лѣтъ, то онъ долженъ былъ бы родиться въ 978 году; но въ такомъ случаѣ онъ не могъ бы быть сыномъ Рогнѣды, а главное—былъ бы старше Святополка, вслѣдствіе чего признаніе Св. Борисомъ послѣдняго старшимъ не имѣло бы смысла.

[4]) Dithmar Mers. VII, 264, 265: «Urbs autem Kitava nimis valida ab hostibus Pedeneis hortatu Belizlaui crebra impugnatione concutitur et incendio ravi minoratur». — О кіевскомъ пожарѣ упоминаютъ наши лѣтописи подъ 1017 годомъ (Полн. Собр. Р. Л. I, 62; подъ тѣмъ же годомъ упоминается о приходѣ Печенѣговъ подъ Кіевъ и злой сѣчѣ съ ними. Тамъ же, III, 210).

[5]) Карамз. II, примѣч. 10.

[6]) Одну изъ женъ Владиміровыхъ, неизвѣстно какую: Анна умерла прежде Владиміра, въ 1011 году.

[7]) О сватовствѣ за дочерей Владиміровыхъ см. Татищ. II, 90.

назадъ, другую велѣлъ развести по русскимъ городамъ на покормъ. Но и въ Кіевѣ повторились тѣ же явленія, какія мы видѣли въ Прагѣ у Чеховъ, и, какъ видно, по тѣмъ же причинамъ. Русскіе вооружились противъ Поляковъ и стали убивать ихъ; лѣтописецъ приписываетъ это приказу Святополка; но очень вѣроятно извѣстіе [1]), что Поляки вели себя и на Руси такъ же, какъ въ Богеміи, и возбудили противъ себя возстаніе; очень вѣроятно также, что и Святополкъ, наскучивъ непріятнымъ гостемъ, слишкомъ долго зажившимся въ Кіевѣ на его счетъ, не былъ противъ народной мести Полякамъ. Это заставило Болеслава уйти изъ Кіева: примѣръ чешскихъ событій научилъ его быть осторожнѣе въ подобныхъ обстоятельствахъ. Половину войска отослалъ домой; разосланные по русскимъ городамъ Поляки истреблены; трудно было противиться, еслибы вспыхнуло возстаніе: притомъ же вѣроятно онъ слышалъ уже о новыхъ приготовленіяхъ Ярослава. Но Болеславъ ушелъ не безъ выгоды: онъ захватилъ себѣ все имущество Ярослава, къ которому приставилъ Анастаса: хитрый Грекъ умѣлъ подольститься къ каждому сильному и мѣнялъ отечество, смотря по выгодамъ; Болеславъ ему ввѣрился лестью, говоритъ лѣтопись. Польскій князь повелъ также съ собою бояръ Ярославовыхъ, двухъ сестеръ его и множество плѣнниковъ, взятыхъ въ бою [2]); на дорогѣ Болеславъ захватилъ и Червенскіе города, пріобрѣтеніе Владиміра Св.; впрочемъ вѣроятно, что эти города были уступлены ему Святополкомъ, въ награду за помощь.

Между тѣмъ Ярославъ, явившись въ Новгородъ безъ войска, хотѣлъ бѣжать за море; но граждане вмѣстѣ съ посадникомъ Константиномъ, сыномъ Добрыни, разсѣкли княжескія лодки, приготовленныя для бѣгства, и объявили: „Хотимъ еще биться съ Болеславомъ и Святополкомъ [3])“. Такая рѣшительность понятна: имъ нечего было теперь ожидать хорошаго отъ Святополка, а защищаться отъ него безъ князя было также невыгодно. Они начали сбирать деньги—съ простого человѣка по 4 куны, со старостъ по 10 гривенъ, съ бояръ по 18 гривенъ, привели Варяговъ, дали имъ эти деньги, и такимъ образомъ у Ярослава набралось много войска [4]), и онъ двинулся противъ Святополка: тотъ былъ разбитъ, бѣжалъ къ Печенѣгамъ, и привелъ огромныя толпы ихъ противъ Ярослава въ 1019 году. Ярославъ вышелъ навстрѣчу, и сошелся на рѣкѣ Альтѣ, гдѣ былъ убитъ Борисъ. Мѣсто благопріятствовало Ярославу по воспоминанію о преступленіи Святополка; лѣтописецъ говоритъ, что Ярославъ молилъ Бога объ отомщеніи новому Каину. Онъ же говоритъ, что сѣча была злая, какой еще не бывало на Руси; сѣклись схватываясь руками, трижды сходились биться, по удольямъ текла кровь ручьями; къ вечеру одолѣлъ Ярославъ, а Святополкъ бѣжалъ въ пограничный польскій городъ Брестъ, гдѣ, вѣроятно, умеръ отъ ранъ, полученныхъ въ битвѣ; по скандинавскимъ преданіямъ, онъ палъ отъ руки Варяга Эймунда, служившаго въ войскѣ Ярослава, а по русскимъ—погибъ злою смертію въ пустынѣ между Польшею и Богеміею [5]). Ярославъ сѣлъ въ Кіевѣ, утеръ потъ съ дружиною, по выраженію лѣтописца, показавъ побѣду и великій трудъ.

Такимъ образомъ, сѣверное народонаселеніе въ четвертый разъ доставило побѣду своему князю надъ югомъ. Со Святополкомъ дѣло было кончено; но были еще другіе братья и родственники у Ярослава: изъ 12 сыновей Владиміра въ живыхъ оставались теперь только Ярославъ, Мстиславъ, Судиславъ да племянникъ Брячиславъ, сынъ Изяслава Полоцкаго. Соперниковъ у Ярослава по старшинству не могло быть: Брячиславъ Полоцкій, хотя внукъ отъ старшаго сына Владимірова, никогда не могъ надѣяться на старшинство, потому что отецъ его умеръ, не будучи старшимъ; Мстиславъ и Судиславъ были младшіе братья Ярославу; но всѣ они, какъ члены одного рода, имѣли право на равное распредѣленіе волостей; мы увидимъ, что, до самаго прекращенія родовыхъ отношеній между князьями, младшіе изъ нихъ настаиваютъ на право общаго наслѣдства всѣхъ родичей послѣ каждаго умершаго князя, т.-е. на новое распредѣленіе волостей; теперь 8 сыновей Владиміра умерло, и старшій изъ живыхъ, Ярославъ, не далъ изъ ихъ волостей ничего младшимъ. Имъ надобно было самимъ поискать, какъ обыкновенно выражались князья, и вотъ явился опасный искатель волостей съ юго-востока, изъ Тмуторакани, Мстиславъ. Изо всѣхъ сыновей Владиміра Мстиславъ больше другихъ похожъ былъ на дѣда своего Святослава, былъ князь-вождь дружины по преимуществу; жизнь ли въ Тмуторакани и постоянная борьба съ окрестными варварскими народами развила такой характеръ въ Мстиславѣ, или уже волость приходилась по нраву,—Мстиславъ явился богатыремъ, который любилъ только свою дружину, ничего не щадилъ для

---

[1]) Татищ. II, 99.

[2]) Принимаю древнѣйшее чтеніе Ипат. сп.: съ бою вмѣсто позднѣйшаго съ собою. Здѣсь говорится о плѣнникахъ, взятыхъ при Бугѣ и въ томъ городѣ, который, по Дитмару, былъ взятъ приступомъ, и жители его отданы въ рабство.

[3]) Мы слѣдовали въ своемъ разсказѣ русскимъ лѣтописямъ и Дитмару. О распространенныхъ и украшенныхъ разсказахъ польскихъ лѣтописцевъ см. у Карамзина II примѣч. 10 и слѣд.; также у Roepell, Geschichte Polenns, I, 7 Beilage.

[4]) Въ Новгородской лѣтописи сказано, что Ярославъ послѣ первой побѣды надъ Святополкомъ отпустилъ всѣхъ Новгородцевъ домой; въ Кіевской (Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62) говорится, что въ походѣ противъ Болеслава были и Славяне, то-есть Новгородцы; но ясно, что это не могли быть тѣ самые, которые привели Ярослава въ Кіевъ: старосты, смерды и собственно граждане новгородскіе не могли такъ долго оставаться на югѣ, вдали отъ семействъ своихъ; слѣд., если извѣстіе справедливо, то это былъ небольшой отрядъ верхнихъ воевъ, вытребованный Ярославомъ на помощь, или отрядъ охотниковъ, оставшихся на югѣ, чтобъ участвовать въ войнѣ Ярослава съ Польшею.

[5]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 62, 63. Какъ видно, это преданіе распространено и украшено впослѣдствіи.

нея, до остальнаго же народонаселенія ему не было дѣла. Онъ былъ славенъ въ народныхъ преданіяхъ, какъ князь-богатырь, единоборецъ. Однажды, говоритъ лѣтопись, пошелъ онъ войною на Касоговъ; Касожскій князь Редедя вышелъ къ нему навстрѣчу съ войскомъ и сказалъ ему: „Зачѣмъ губить дружину, схватимся мы сами бороться; одолѣешь ты, возьмешь мое имѣніе, жену, дѣтей и Землю мою;—я одолѣю, возьму все твое“ Мстиславъ согласился—и сталъ бороться съ Редедею; боролись крѣпко и долго. Редедя былъ великъ и силенъ. Мстиславъ уже началъ изнемогать и, видя бѣду, сказалъ: „Пречистая Богородица! помоги мнѣ; если я одолѣю, то построю церковь въ Твое имя“ Сказавши это, онъ ударилъ Редедю объ землю, вынулъ ножъ и зарѣзалъ его, потомъ пошелъ въ его Землю, взялъ его имѣніе, жену, дѣтей и наложилъ дань на Касоговъ. Обѣтъ былъ также исполненъ: церковь Богородицы, построенная Мстиславомъ, стояла въ Тмуторакани еще во времена лѣтописца. Такой-то князь, въ 1023 г., явился въ русскихъ предѣлахъ искать волостей послѣ умершихъ братьевъ; говорятъ, что онъ уже и прежде требовалъ ихъ у Ярослава, и тотъ давалъ ему Муромъ, но Мстиславу было этого мало. Ярославъ былъ въ Новгородѣ, когда Мстиславъ пришелъ къ Кіеву; Кіевляне однако не приняли его, и онъ принужденъ былъ сѣсть въ Черниговѣ. Между тѣмъ Ярославъ, управившись на Сѣверѣ, волнуемомъ остатками язычества, послалъ по заморскихъ Варяговъ, и къ нему пришелъ слѣпой Якунъ съ дружиною. Ярославъ отправился съ Якуномъ на Мстислава и встрѣтился съ нимъ у Листвена [1]). Мстиславъ съ вечера исполчилъ свое войско: поставилъ Сѣверянъ въ срединѣ противъ Варяговъ Ярославовыхъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ. Ночь была темная и бурная, съ дождетъ и грозою; Мстиславъ сказалъ дружинѣ: „Пойдемъ на нихъ“; Сѣверяне сошлись съ Варягами, и когда Варяги уже утомились въ битвѣ съ Сѣверянами, то Мстиславъ вдругъ напалъ на нихъ съ своею свѣжею дружиной; битва усилилась: какъ блеснетъ молнія, такъ и освѣтитъ оружіе; и гроза была велика, и сѣча сильная и страшная, по словамъ лѣтописца. Наконецъ Ярославъ побѣжалъ съ Якуномъ, княземъ Варяжскимъ: онъ пришелъ въ Новгородъ, а Якунъ пошелъ за море, потерявши у Листвена и золотую свою луду, или верхнюю одежду [2]). Утромъ, на другой день битвы, Мстиславъ объѣхалъ поле и сказалъ своимъ: „Какъ не порадоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ [3]), а дружина моя цѣла!“ Эта дружина состояла изъ Козаръ и Касоговъ!

Несмотря на побѣду, Мстиславъ не хотѣлъ добывать Кіева мимо старшаго брата; онъ послалъ сказать Ярославу: „Садись въ своемъ Кіевѣ, ты старшій братъ, а мнѣ будетъ та сторона“, т. е. восточный берегъ Днѣпра. Но Ярославъ не смѣлъ идти въ Кіевъ на этотъ зовъ и держалъ тамъ своихъ посадниковъ, а самъ жилъ въ Новгородѣ. Только въ слѣдующемъ 1025 году, собравши большое войско, пришелъ онъ къ Кіеву и заключилъ миръ съ Мстиславомъ у Городца [4]); братья раздѣлили Русскую Землю по Днѣпръ, какъ хотѣлъ Мстиславъ: онъ взялъ себѣ восточную сторону съ главными столомъ въ Черниговѣ, а Ярославъ—западную съ Кіевомъ. „И начали жить мирно, въ братолюбствѣ, говоритъ лѣтопись, перестала усобица и мятежъ, и была тишина великая въ Землѣ“.

Въ 1032 году умеръ сынъ Мстислава, Евстаѳій, котораго имя странно выдается между славянскими именами князей, а въ 1035 году умеръ и самъ Мстиславъ на охотѣ. Лѣтописецъ говоритъ, что онъ былъ дебелъ тѣломъ, красноватъ лицомъ, съ большими глазами, храбръ на рати, милостивъ, очень любилъ дружину; имѣнья, питья и кушанья не щадилъ для нея. Видно, что этотъ князь своимъ богатырствомъ поразилъ вниманіе народа, и долго жилъ въ его памяти: не объ одномъ изъ князей въ дошедшихъ до насъ спискахъ не встрѣчаемъ мы такихъ подробностей, напримѣръ о наружномъ видѣ.

По смерти Мстислава, Ярославъ взялъ всю его волость, и былъ самовластцемъ въ Русской Землѣ, по выраженію лѣтописца. Но видно Судиславу Псковскому не нравилось, что Ярославъ не дѣлится съ нимъ выморочными волостями братьевъ, или, по крайней мѣрѣ, Ярославу казалось, что не нравится: въ самый годъ Мстиславовой смерти Ярославъ посадилъ Судислава въ тюрьму во Псковѣ; лѣтописи прибавляютъ, что его оклеветали предъ старшимъ братомъ.

Счастливѣе былъ племянникъ Ярослава, Брячиславъ Полоцкій. Въ 1021 году онъ нечаянно напалъ на Новгородъ, побралъ въ плѣнъ гражданъ, взялъ ихъ имѣнье, и пошелъ назадъ къ Полоцку. Но Ярославъ узналъ о замыслахъ его, выступилъ поспѣшно изъ Кіева и, настигнувъ племянника, на рѣкѣ Судомири, обратилъ его въ бѣгство, отнявши всѣхъ плѣнниковъ новгородскихъ [5]). Несмотря однако на эту побѣду, Ярославъ видѣлъ, что надобно что-нибудь прибавить Брячиславу къ его волости, иначе Новгородъ никогда не будетъ безопасенъ: онъ далъ ему два города — Витебскъ [6]) и

[1]) Теперь село на рѣчкѣ Рудцѣ, впадающей въ Сновъ съ правой стороны, къ сѣверо-востоку отъ Чернигова, верстахъ въ 40; верстахъ въ 25 отъ него есть другое село Малый Листвинъ (Арцыб. I, 16, 86).

[2]) Луда. Это слово принадлежитъ столько же славянскому, столько германскому языку: въ хорват. значитъ покровъ, luditi—покрывать. См. Срезневск.—Мысли объ исторіи русскаго языка.

[3]) Ясно, слѣдовательно, что у Ярослава были только одни Варяги, а Славянъ (Новгородцевъ) не было.

[4]) Былъ Городецъ подлѣ Кіева; былъ и недалеко отъ Чернигова (въ 26 верстахъ); вѣрнѣе, что миръ былъ заключенъ въ кіевскомъ. См. Арцыб. I, 16. 89.

[5]) Указываютъ на рѣку Судому, или Судиму въ Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда. См. Арцыб. I, 15, 81.

[6]) Никон. I, 129: «А Брячиславъ бѣжаше къ Полотску. И оттолѣ изъ Киева призва его къ себѣ, и вдда ему два града: Свячь и Вибдескъ; и рече ему: буди же со мною одинъ.»—Выраженіе: «буди же со мною одинъ»,—

Усвятъ, если только онъ не далъ ихъ за жену свою, похищенную извѣстнымъ Эймундомъ, какъ говорятъ скандинавскія преданія.

Такъ кончились отношенія Ярослава къ братьямъ и племяннику. Обратимся теперь къ отношеніямъ внѣшнимъ. Съ Скандинавіею продолжалась попрежнему тѣсная связь; враждебныхъ отношеній не могло быть: съ 1024 года царствовалъ въ Швеціи король Олофъ (Schoskönig), котораго упрекали тѣмъ, что онъ потерялъ завоеванія Упсальскаго короля Эриха, сына Эймундова, на восточномъ берегу Балтійскаго моря, въ Финляндіи, Кареліи, Эстляндіи, Курляндіи [1]). По скандинавскимъ преданіямъ, на дочери этого Олофа, Ингигердѣ, былъ женатъ нашъ Ярославъ. По смерти Олофа, королемъ въ Швеціи былъ Анундъ-Яковъ [2]), котораго все вниманіе обращено было на отношенія датскія и норвежскія. Онъ поддерживалъ въ Норвегіи родственника своего Олофа Святаго противъ могущественнаго Кнута, короля Датскаго и Англійскаго; ревность Олофа къ распространенію христіанства возбудила противъ него много враговъ, и онъ принужденъ былъ бѣжать изъ отечества; въ изгнаніи онъ жилъ одно время при Дворѣ Ярослава, и сынъ его Магнусъ Добрый былъ здѣсь воспитанъ. Родственникъ Ингигерды, пріѣхавшій съ нею въ Русь и сдѣланный посадникомъ вѣковаго ея города Альдейгаборга (быть-можетъ Ладоги), Ярлъ Рагнвальдъ, имѣлъ двухъ сыновей—ярловъ: Ульфа и Ейлифа, которые наслѣдовали отцовскую должность; третій сынъ его Стенкиль былъ королемъ Шведскимъ, равно какъ и сынъ послѣдняго Инге, проведшій часть своей молодости въ Россіи у дяди Ейлифа. Къ княженію Ярослава относятся первыя положительныя извѣстія о столкновеніяхъ Русскихъ съ финскими племенами: подъ 1032 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что какой-то Улѣбъ (очень быть можетъ, что Ульфъ, сынъ Рагнвальда) ходилъ изъ Новгорода на Желѣзныя Ворота [3]); но, какъ видно, походъ былъ неудаченъ, потому что изъ дружины Улѣбовой мало возвратилось народу. 80 верстъ къ югу отъ Устьсысольска, у села Водча, находится городокъ по-зырянски К а р и л ъ, т.-е. городовой холмъ; преданіе и теперь называетъ это мѣсто Желѣзными Воротами [4]). Въ 1042 году Владиміръ, сынъ Ярослава, посаженный отцомъ въ Новгородѣ, ходилъ на Ямь, побѣдилъ это племя, но потерялъ коней въ дорогѣ отъ мора. Приведя въ связь это извѣстіе съ предыдущимъ, можно думать, что походъ Владиміра былъ предпринятъ по слѣдамъ Улѣбовымъ въ ту же сторону, на сѣверо-востокъ, къ берегамъ Сѣверной Двины; такимъ образомъ мы получимъ вѣрное извѣстіе о началѣ утвержденія русскихъ владѣній въ этихъ странахъ [5]). Еще ранѣе, въ 1030 году, самъ Ярославъ утвердилъ свою власть на западномъ берегу Чудскаго озера; это утвержденіе произошло обычнымъ образомъ, построеніемъ города: основанъ былъ Юрьевъ, нынѣшній Дерптъ [6]). Изъ походовъ на западные дикіе народы упоминается походъ на Ятвяговъ, и въ первый разъ походъ на Литву: эти походы были предприняты, какъ видно, съ цѣлію не покоренія, а только отраженія набѣговъ.

Важнѣе были отношенія къ Польшѣ: въ 1025 году, послѣ королевской коронаціи своей, умеръ Болеславъ Храбрый. Ему наслѣдовалъ сынъ его, Мечиславъ II-й, неспособный удержать отцовскія пріобрѣтенія. Мечиславъ, по обычаю, началъ тѣмъ, что выгналъ брата своего Оттона, или Безпрема; тотъ обратился къ сосѣднимъ государямъ съ просьбою о помощи, вслѣдствіе чего Венгры отняли у Польши Землю Словаковъ и часть Моравіи; скоро потеряна была и вся Моравія. Мы видѣли, что у Чеховъ младшій князь, Олдрихъ, выгналъ старшаго брата Яромира и сталъ единовластителемъ. Сынъ Олдриха, Брячиславъ, въ 1028 году выступилъ противъ Поляковъ и отнялъ у нихъ остальную часть Моравіи, прогналъ изъ другой и соединилъ снова Моравію съ Богеміею. Мечиславъ принужденъ былъ уступить Чехамъ Моравію, Нѣмцамъ Лужичей и подѣлиться съ братомъ Польшею; но этотъ братъ не былъ такъ уживчивъ, какъ русскій Мстиславъ: онъ выгналъ Мечислава въ свою очередь, но скоро былъ убитъ своими за тиранство. Мечиславъ возвратился на престолъ, однако не могъ поправить своихъ дѣлъ и призналъ себя вассаломъ императора Конрада II. Если западные сосѣди воспользовались смертію Храбраго, чтобъ отнять у Польши его завоеванія, то и Русскій князь долженъ былъ также воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ. Еще при жизни Болеслава, въ 1022 году, управившись съ Брячиславомъ Полоцкимъ, Ярославъ ходилъ осаждать Брестъ, удачно или нѣтъ — неизвѣстно; возгорѣвшаяся въ это время борьба съ Мстиславомъ Тмутораканскимъ не могла позволить Ярославу продолжать свои непріязненныя движенія на Польшу; но, помирившись съ Мстиславомъ въ 1030 году, Ярославъ снова предпринимаетъ походъ на Польшу и беретъ Бѣлзъ [7]). Въ слѣдующемъ 1031 году оба брата—Ярославъ и Мстиславъ собрали много войска и выступили въ Польшу, взяли опять города Червенскіе и повоевали Поль-

можетъ показывать желаніе Ярослава заключить союзъ съ Брячиславомъ противъ Мстислава.

[1]) Geijer, Geschichte Schwedens. I, стр. 124, 126.

[2]) Думаютъ, что это лицо могло быть тождественно съ Якуномъ Слѣпымъ русскаго преданія. Вѣроятнѣе однако, что это былъ простой переводъ скандинавскаго Hakun. Hakon, Haagen — о д н о г л а з ы й, ибо странно было въ самомъ дѣлѣ видѣть слѣпаго въ вождѣ варяжской дружины. См. Kunik, die Beruf. der Schwed. Rodsen. II, 172. (По мнѣнію г. Ламбина, должно читать въ лѣтописи не: «бѣ Якунъ слѣпъ», а «бѣ Якунъ съ лѣпъ», т.-е. красивъ. Журн. Мин. Нар. Просв. Май 1858 года.

[3]) Воскрес. I, 184, Никон. I, 132; Соф. Врем. I, 152.

[4]) Sjögren, Mém. de l'Acad. de S. Pétersb. VI Serie. t. I. livr. 6, 1832, p. 513.

[5]) Тамъ же 2 livr. die Ueber älteren, Wohnsitze der Jemen, стр. 272. На границѣ Устюжскаго уѣзда, въ сѣверо-восточномъ углу его, при устьи Вычегды въ Двину жилъ, по народнымъ преданіямъ, народъ Гамъ или Емь

[6]) Въ настоящее время опять – Юрьевъ.

[7]) Бельзъ — въ сѣверо-восточной Галиціи, при рѣкѣ Солокіи, впад. въ Бугъ.

скую Землю, много Ляховъ привели и раздѣлили между себою, говоритъ лѣтописецъ. Дурно было положеніе Польши при Мечиславѣ II, но еще хуже стало по его смерти, послѣдовавшей въ 1034 году. Дружина княжеская имѣла возможность усилиться при слабомъ Мечиславѣ и еще болѣе по смерти послѣдняго, когда вдова его, Рикса, урожденная принцесса Пфальцская, приняла опеку надъ малолѣтнимъ сыномъ своимъ, Казиміромъ. Рикса не имѣла силы дать значеніе ослабленной при Мечиславѣ княжеской власти, сдерживать стремленія вельможъ, а окружила себя своими единоплеменниками, которымъ дала большую силу въ государствѣ, въ ущербъ природнымъ Полякамъ. Это оскорбило народное чувство послѣднихъ; Рикса была изгнана, и опека надъ малолѣтнимъ княземъ перешла въ руки вельможъ, по неимѣнію другихъ родичей. Здѣсь мы видимъ начало того значенія польскаго вельможества, съ какимъ оно является во всей послѣдующей исторіи этой страны. Когда Казиміръ выросъ, и вельможи стали бояться, чтобъ онъ, взявши власть въ руки, не отомстилъ имъ за мать и вообще не уменьшилъ бы пріобрѣтеннаго ими значенія, то они выгнали и его. Польша увидала въ челѣ своемъ олигархію; знатнѣйшіе роды изгнали слабѣйшіе или подчинили ихъ себѣ, но не могли ужиться между собою въ мирѣ, и тѣмъ погубили свое дѣло, произвели анархію, которой слѣдствіемъ было то, что низшее народонаселеніе, смерды, или кметы, возстали противъ шляхты, начали истреблять господъ своихъ, брать ихъ женъ и имущество себѣ. Но возстаніе противъ шляхты было вмѣстѣ и возстаніемъ противъ христіанства, которое не успѣло пустить въ народѣ глубокихъ корней, а между тѣмъ десятины и другія церковныя подати, строгость, съ какою духовенство требовало немедленной перемѣны древнихъ языческихъ обычаевъ на новые, раздражали кметовъ и заставляли ихъ стремиться къ сверженію и этого ига; епископы, священники были изгнаны или убиты, монастыри и церкви сожжены, церковныя сокровища разграблены. Такимъ страшнымъ положеніемъ Польши воспользовались опять сосѣди; у Чеховъ, по смерти Олдриха (1037 г.), вступилъ на престолъ сынъ его, уже извѣстный прежними войнами съ Польшею, Брячиславъ І-й, одинъ изъ самыхъ талантливыхъ и дѣятельныхъ князей чешскихъ. Брячиславъ напалъ на Польшу—и бралъ города ея и цѣлыя области безъ сопротивленія. Но это усиленіе Чеховъ на счетъ Польши спасло послѣднюю; политика Германскихъ императоровъ не могла допустить усиленія одного славянскаго владѣнія на счетъ другаго: ей нужно было раздѣленіе и вражда между ними, и потому императоръ Генрихъ III объявилъ войну Брячиславу и принялъ въ свое покровительство Казиміра. Послѣ упорнаго сопротивленія, Брячиславъ принужденъ былъ признать свою подчиненность Имперіи, отказаться отъ дальнѣйшихъ видовъ на Польшу, но удержалъ свое завоеваніе—Землю Вратиславскую (Бреславскую) въ Силезіи. Между тѣмъ Казиміръ, вошедши съ нѣмецкимъ отрядомъ въ Польшу, былъ съ радостію принятъ тою частію народонаселенія, которая утомилась смутами анархіи и жаждала возстановленія порядка: порядокъ былъ возстановленъ по ту сторону Вислы; но въ Мазовіи Моиславъ, одинъ изъ дружинниковъ прежняго князя Мечислава, пользуясь анархіею, объявилъ себя независимымъ, вооружился противъ Казиміра, призвавъ на помощь языческихъ Пруссовъ, Литву и Славянъ Поморскихъ; этотъ союзъ намекаетъ, что въ борьбѣ Моислава противъ Казиміра боролось язычество съ христіанствомъ. Но Казиміръ въ этой борьбѣ нашелъ себѣ сильнаго союзника въ Русскомъ князѣ. Еще въ 1041 году, вслѣдъ за походомъ противъ Литвы, Ярославъ предпринималъ походъ въ Мазовію на лодкахъ. Быть можетъ уже тогда былъ заключенъ союзъ съ Казиміромъ; но можно полагать также, что походъ въ Мазовію былъ предпринятъ вслѣдствіе союза Моиславова съ Литовцами, врагами Ярослава, и уже союзъ съ Казиміромъ былъ слѣдствіемъ вражды противъ Моислава. Въ 1043 году Казиміръ вступилъ въ родство съ Ярославомъ, женился на сестрѣ его, Доброгнѣвѣ, или Маріи, получилъ за нею богатое приданое, но вмѣсто вѣна отдалъ Ярославу 800 плѣнниковъ, взятыхъ Болеславомъ изъ Руси. Слѣдствіемъ такого тѣснаго союза было то, что въ томъ же году упоминается о двукратномъ походѣ Ярослава въ Мазовію [1]); въ 1047 году Русскій князь отправился опять съ войскомъ на помощь Казиміру противъ Моислава; послѣдній былъ разбитъ и убитъ, Мазовія подчинилась снова Пястамъ. Союзъ съ Польшею былъ скрѣпленъ еще бракомъ Изяслава, одного изъ сыновей Ярославовыхъ, на сестрѣ Казиміровой. Есть извѣстія, болѣе или менѣе вѣроятныя, о брачныхъ союзахъ Ярославова семейства съ другими владѣльческими домами въ Европѣ: о бракѣ Гаральда Норвежскаго на Ярославовой дочери Елисаветѣ, короля Венгерскаго Андрея—на Анастасіи, Генриха І-го Французскаго на Аннѣ; о бракѣ Всеволода Ярославича на царевнѣ Греческой, дочери Константина Мономаха, также о бракѣ двоихъ неизвѣстныхъ по имени сыновей Ярославовыхъ на двухъ нѣмецкихъ княжнахъ.

Ко времени Ярослава относится послѣднее враждобное столкновеніе съ Византіею [2]). Греческая торговля была очень важна для Руси, была однимъ изъ главныхъ источниковъ обогащенія народа и казны княжеской; ея поддержаніе и послѣ было одною изъ главныхъ заботъ Ярослава. Греки поссорились съ русскими купцами, и одинъ изъ по-

---

[1]) Никон. I, 138.

[2]) Византійскія извѣстія говорятъ, что по смерти Владиміра Св. какой-то родственникъ его прибылъ на лодкахъ въ Византію, сперва объявилъ намѣреніе вступить въ императорскую службу, потомъ тайно ушелъ изъ гавани, разбилъ греческое войско, но былъ истребленъ Греками съ 800 товарищей. Быть-можетъ, это былъ одинъ изъ сыновей Владиміровыхъ, изъ которыхъ многіе пропали безъ вѣсти; одинъ, Всеволодъ, погибъ въ Скандинавіи, по тамошнимъ извѣстіямъ.

слѣднихъ былъ даже убитъ въ этой ссорѣ. Русскій князь не могъ позволить подобныхъ поступковъ, и въ 1043 году отправилъ на Грековъ старшаго сына своего Владиміра, давши ему много войска и воеводу, или тысяцкаго своего, Вышату. Владиміръ пошелъ въ лодкахъ; но на пути отъ Дуная въ Царьградъ [1]) поднялась буря, разбила русскіе корабли и, между прочимъ, корабль князя Владиміра, такъ что послѣдній долженъ былъ пересѣсть уже на корабль одного изъ воеводъ Ярославовыхъ, Ивана Творимирича. Остальные воины, числомъ 6,000, кромѣ дружины, были выкинуты на берегъ; они хотѣли возвратиться въ Русь, но никто изъ дружины не хотѣлъ идти съ ними въ начальникахъ. Тогда Вышата сказалъ: „Я пойду съ ними; живъ ли останусь, погибну ли — все лучше вмѣстѣ съ своими". Когда Греки узнали, что русскіе корабли разбиты бурею, то императоръ Константинъ Мономахъ послалъ за ними погоню; Владиміръ возвратился, разбилъ греческіе корабли и пришелъ назадъ въ Русь. Но не такъ былъ счастливъ Вышата: его отрядъ былъ окруженъ Греками при городѣ Варнѣ, взятъ въ плѣнъ и приведенъ въ Константинополь, гдѣ многихъ русскихъ ослѣпили; только черезъ три года, когда заключили миръ, отпущенъ былъ Вышата въ Русь къ Ярославу. Чѣмъ обнаруживалась вражда въ продолженіи трехъ лѣтъ,—неизвѣстно. Вѣроятно Ярославъ поспѣшилъ прекратить вражду съ Греками, занятый болѣе важнымъ предпріятіемъ относительно Польши; вѣроятно также, что слѣдствіемъ и условіемъ прекращенія вражды былъ бракъ сына Ярослава, Всеволода, на царевнѣ Греческой: въ 1053 году лѣтописецъ упоминаетъ о рожденіи сына Всеволодова Владиміра отъ царицы Грекини.

О набѣгахъ печенѣжскихъ, кромѣ упомянутыхъ выше при борьбѣ Ярослава съ Святополкомъ, древнѣйшіе списки лѣтописи сообщаютъ извѣстіе подъ 1036 годомъ. Находясь въ это время въ Новгородѣ, Ярославъ узналъ, что Печенѣги осаждаютъ Кіевъ: онъ собралъ много войска, Варяговъ и Новгородцевъ, и вступилъ въ Кіевъ. Печенѣговъ было безчисленное множество; Ярославъ вышелъ изъ города и расположилъ свое войско такъ: Варяговъ поставилъ по-серединѣ, Кіевлянъ на правомъ крылѣ, а Новгородцевъ—на лѣвомъ; и началась битва, передъ крѣпостью. Послѣ злой сѣчи едва къ вечеру успѣлъ Ярославъ одолѣть Печенѣговъ, которыхъ погибло множество отъ меча и перетонуло въ рѣкахъ во время бѣгства [2]). Послѣ этого пораженія имя Печенѣговъ хотя и не исчезаетъ совершенно въ лѣтописи, однако нападенія ихъ на Русь прекращаются.

Относительно внутренней дѣятельности Ярослава упоминаются распоряженія въ Новгородѣ. Самъ Ярославъ, княжа здѣсь, отказался платить дань въ Кіевъ: ясно, что онъ не могъ установить снова этотъ платежъ, ставши княземъ Кіевскимъ, тѣмъ болѣе что Новгородцы оказали ему такія услуги; вотъ почему онъ далъ имъ финансовую льготную грамоту, на которую они ссылаются впослѣдствіи при столкновеніяхъ съ князьями. Вмѣсто себя Ярославъ оставилъ въ Новгородѣ сначала сына своего Илью, а потомъ, по смерти его, другого сына Владиміра и, по смерти послѣдняго, третьяго сына Изяслава. Въ связи съ этими распоряженіями Ярослава находится извѣстіе о заточеніи и смерти Константина, сына Добрыни: Ярославъ, сказано въ лѣтописи, разсердился на него, заточилъ въ Ростовъ, и потомъ на третій годъ велѣлъ убить въ Муромѣ. Быть-можетъ также, Константинъ, какъ дядя в. князя, какъ сынъ Добрыни, хотѣлъ большаго для себя [3]).

Изъ дѣлъ церковныхъ въ княженіе Ярослава замѣчательно поставленіе митрополита Иларіона Русина, независимо отъ Византійскаго патріарха, соборомъ русскихъ епископовъ, что было слѣдствіемъ недавней вражды съ Греками. Какъ видно,

[1]) По греческимъ извѣстіямъ, императоръ два раза предлагалъ Владиміру миръ, обѣщаясь вознаградить за оскорбленіе, но Владиміръ слишкомъ много запрашивалъ (по 3 фунта золота на человѣка). Тогда Греки вступили въ морскую битву съ Русскими и зажгли ихъ корабли; къ этому несчастію присоединилась еще буря.

[2]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 65: «Иступишася на мѣстѣ, идежѣ стоить нынѣ Святая Софья, митрополія руськая, бѣ бо тогда поле внѣ града».—Слѣд. въ 1036 году церкви Св. Софіи еще не было, и подъ слѣдующимъ 1037 годомъ читаемъ: «Заложи Ярославъ городъ великый Кыевъ, у него же града суть златая врата; заложи и церковь Св. Софью, митрополью», и проч.—Но въ другихъ спискахъ (Никон., Соф. Врем., Воскрес. и др.) заложеніе церкви Св. Софіи отнесено къ 1017 году, послѣ перваго нашествія Печенѣговъ и битвы подъ Кіевомъ. Ясно, что это извѣстіе происходитъ отъ смѣшенія двухъ извѣстій о набѣгѣ Печенѣговъ, послѣ котораго была заложена крѣпость и церковь Св. Софіи. Теперь вопросъ: было ли два набѣга печенѣжскихъ и двѣ битвы подъ Кіевомъ, или одинъ только, и если одинъ, то въ какое время—въ 1017 или въ 1036? По внимательномъ разсмотрѣніи двухъ извѣстій, мы пришли къ мысли, что составители лѣтописныхъ сборниковъ, напримѣръ Никоновскаго, имѣли передъ глазами двѣ лѣтописи совершенно разныхъ редакцій, изъ которыхъ въ одной было помѣщено извѣстіе о набѣгѣ Печенѣговъ въ 1017 году и построеніи послѣ того крѣпости и церкви, а въ другой, какъ въ дошедшихъ до насъ древнѣйшихъ спискахъ, помѣщенъ былъ набѣгъ только подъ 1036 годомъ: составители позднѣйшихъ сборниковъ внесли въ нихъ и то и другое извѣстіе, не замѣтивъ противорѣчія, что во второмъ извѣстіи говорится о несуществованіи церкви Св. Софіи во время битвы. Теперь изъ двухъ древнихъ лѣтописей которая правильнѣе помѣщаетъ свое извѣстіе—та ли, которая помѣщаетъ набѣгъ печенѣжскій въ 1017, или та, которая помѣщаетъ его въ 1036 году? Надобно думать, что первая, потому что съ нею согласенъ Дитмаръ относительно печенѣжскаго набѣга. Въ Никон. (I, 129) еще подъ 1020 годомъ упоминается о набѣгѣ печенѣжскомъ.

[3]) Владиміръ, старшій сынъ Ярослава, родился въ 1020 году, но Ярославу было тогда около 40 лѣтъ; не можетъ быть, чтобъ онъ не былъ женатъ до Ингигерды; ясно, что Илья былъ отъ перваго брака и былъ уже въ 1019 году въ такомъ возрастѣ, въ какомъ могъ быть посаженъ на столѣ Новгородскомъ, тѣмъ болѣе что Владиміръ сажалъ малолѣтнихъ дѣтей своихъ; посаженіе Ильи могло оскорбить Константина. Мы замѣтимъ также, что въ лѣтописи не упоминается объ участіи Новгородцевъ въ борьбѣ Ярослава съ Мстиславомъ.

поведеніе прежняго митрополита Θеопемта во время этой вражды было таково, что Ярославъ хотѣлъ на будущее время предохранить себя отъ подобнаго, въ случаѣ новаго разрыва [1]).

Въ 1054 году умеръ Ярославъ. Онъ, какъ видно, не заслужилъ такой пріятной памяти въ народѣ, какъ отецъ его; несмотря на то, и его дѣятельность имѣетъ важное значеніе въ нашей начальной исторіи: въ скандинавскихъ сагахъ Ярослава называютъ скупымъ; но этотъ отзывъ можетъ служить ему только въ похвалу: и отецъ его, который вовсе не былъ скупъ, не любилъ однако удовлетворять жадности норманскихъ наемниковъ, которые особенно любили пріобрѣтать; раздача большой суммы денегъ Новгородцамъ скорѣе будетъ свидѣтельствовать о щедрости Ярослава. По отзыву лѣтописи, Ярославъ былъ на своемъ мѣстѣ: „онъ былъ хромоногъ, но умъ у него былъ добрый, и на рати былъ храбръ"; прибавлена еще замѣчательная черта, что былъ онъ христіанинъ и самъ книги читалъ [2]). Послѣднее обстоятельство было чрезвычайно важно для преемника Владимірова. Въ приведенномъ извѣстіи значеніе христіанина тѣсно связано въ Ярославѣ съ чтеніемъ книгъ; Владиміръ не читалъ самъ книгъ, онъ могъ только слушать Св. Писаніе; сынъ его Ярославъ самъ читалъ книги, былъ представителемъ новаго поколѣнія грамотныхъ христіанъ, выученныхъ при Владимірѣ, которые могли находить для себя утвержденіе въ вѣрѣ въ книгахъ священныхъ. Уже при Владимірѣ греческое духовенство единственнымъ средствомъ распространенія и утвержденія христіанства считало грамотность, ученіе книгамъ: сынъ Владиміра самъ читалъ книги, самъ былъ утвержденнымъ христіаниномъ, и потому, разумѣется, въ его княженіе христіанство и грамотность должны были распространяться. И точно, по свидѣтельству лѣтописи, христіанство начало преимущественно распространяться при Ярославѣ; при немъ начали также умножаться монахи. Ярославъ, говоритъ лѣтопись, любилъ церковные уставы, очень любилъ поповъ, но больше всего монаховъ; книги читалъ часто, ночью и днемъ, собралъ много писцовъ: они переводили книги съ греческаго на славянскій, и переписали много книгъ, много онъ и купилъ ихъ. Отецъ его Владиміръ распахалъ Землю и умягчилъ, т.-е. просвѣтилъ крещеніемъ, Ярославъ насѣялъ книжными словами сердца вѣрныхъ людей, а мы, прибавляетъ лѣтописецъ, пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Сравненіе очень важное: въ немъ ясно указано значеніе дѣятельности Владиміра и Ярослава и постепенность движенія: при одномъ имѣло мѣсто крещеніе, при другомъ—надлежащее наставленіе въ вѣрѣ [3]). При книгахъ нужны были особенно церкви и грамотные священники, которые могли бы учить народъ неграмотный. Ярославъ строилъ церкви по городамъ и мѣстамъ неогороженнымъ, ставилъ при нихъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе изъ собственнаго имущества, приказывая имъ учить людей и приходить часто къ церквамъ. При Ярославѣ въ Новгородѣ было сдѣлано то же, что при Владимірѣ въ Кіевѣ: князь велѣлъ собрать у старостъ и священниковъ дѣтей (300 человѣкъ) и учить ихъ книгамъ.

Кромѣ этой дѣятельности, княженіе Ярослава важно еще въ другихъ отношеніяхъ: подобно отцу Владиміру, Ярославъ не былъ княземъ только въ значеніи вождя дружины, который стремится въ дальнія стороны за завоеваніями, славою и добычею; Ярославъ, какъ видно, былъ болѣе княземъ-нарядникомъ страны. Онъ любилъ церковные уставы, былъ знакомъ съ ними: неудивительно, что къ его времени относится и первый писанный уставъ гражданскій, такъ-называемая Русская Правда. Подобно отцу, Владиміру, Ярославъ слѣдовалъ совѣту Добрыни, что народы, ходящіе въ сапогахъ, не будутъ охотно давать дани, и потому не любилъ войны съ ними, а преимущественно обращалъ свое оружіе на варваровъ—Чудь, Литву, Ятвяговъ [4]). Мы не знаемъ, какими собственно разсчетами руководился Ярославъ въ польскихъ отношеніяхъ; но знаемъ, что онъ, возвративъ свое, принялъ сторону порядка и христіанства, не захотѣлъ усиливать варварства, и побѣдою надъ Моиславомъ Мазовецкимъ нанесъ послѣднему сильный ударъ. Наконецъ Ярославъ, подобно отцу своему и вѣщему Олегу, населялъ пустынныя пространства, строилъ города: отъ языческаго имени его получилъ названіе Ярославль на Волгѣ, отъ христіанскаго Юрьевъ (Дерптъ) въ Землѣ Чудской; онъ огородилъ острожками южную границу Руси со степью: въ 1031 поселилъ плѣнныхъ Поляковъ по рѣкѣ Роси, въ слѣдующемъ началъ ставить здѣсь города.

---

[1]) Никон. I, 139, 140. Здѣсь прямо говорится, что Ярославъ поставилъ русскаго митрополита «соблюдающеся отъ вражды и лукавства, якоже быша тогда». Карамзинъ (II, примѣч. 49) неправильно толкуетъ слова Никонов. Сборника, какъ будто бы Русинъ былъ поставленъ потому, что въ то время была война съ Греками, и указываетъ, что во время поставленія войны не было. Въ лѣтописи нѣтъ ни слова о современности поставленія Иларіонова и войны съ Греками; здѣсь просто сказано, что были съ Греками брани и нестроенія при Ярославѣ, и потому этотъ князь рѣшился поставить своего митрополита, чтобы на будущее время избѣжать тѣхъ непріятностей, которыя были во время войны.

[2]) Это выраженіе лѣтописи отзывается глубокою древностью.

[3]) Нельзя заключать, чтобъ Ярославъ самъ писалъ или умѣлъ писать; прямо сказано только, что онъ умѣлъ читать. Единственное число прекладаше (книги) замѣняется въ спискахъ множественнымъ прекладаша, но и единственное число нисколько еще не доказательство, что онъ самъ переводилъ и писалъ: оно могло быть очень легко употреблено вмѣсто—велѣлъ переводить и писать; мы говоримъ, что такой-то построилъ домъ, зная, что не самъ онъ строилъ, но архитекторъ и плотники.

[4]) Кромѣ походовъ на Чудь, Литву и Ятвяговъ, Никонов. упоминаетъ о походѣ на Ясовъ.

Глава VIII.

Внутреннее состоянie русскаго общества въ первый перiодъ его существованiя.

Значенiе князя.—Дружина, ея отношенiя къ князю и къ землѣ.—Бояре, мужи, гриди, огнищане, тiуны, отроки.—Городовые и сельскiе полки.—Тысяцкiй.—Способъ веденiя войны. Городское и сельское народонаселенiе.—Рабы.—Русская Правда.—Нравы эпохи.—Обычаи.—Занятiя жителей.—Состоянiе религiи.—Монашество.—Управленiе и матерiальныя средства Церкви.—Грамотность.—Пѣсни.—Опредѣленiе степени норманскаго влiянiя.

Мы видѣли въ началѣ нашего разсказа, какъ среди сѣверныхъ племенъ явился князь, призванный для установленiя наряда въ Землѣ, взволнованной родовыми усобицами; теперь предстоитъ намъ вопросъ: въ какихъ же отношенiяхъ нашелся призванный къ призвавшимъ, какъ опредѣлилось значенiе князя? Для рѣшенiя этого вопроса мы должны обратиться къ понятiямъ племенъ, призвавшихъ власть.—Лѣтописецъ прямо даетъ знать, что нѣсколько отдѣльныхъ родовъ, поселившись вмѣстѣ, не имѣли возможности жить общею жизнiю вслѣдствiе усобицъ; нужно было постороннее начало, которое условило бы возможность связи между ними, возможность жить вмѣстѣ; племена знали по опыту, что миръ возможенъ только тогда, когда всѣ живущiе вмѣстѣ составляютъ одинъ родъ съ однимъ общимъ родоначальникомъ; и вотъ они хотятъ возстановить это прежнее единство, хотятъ, чтобы всѣ роды соединились подъ однимъ общимъ старшиною, княземъ, который ко всѣмъ родамъ былъ бы одинаковъ, чего можно было достичь только тогда, когда этотъ старшина, князь, не принадлежалъ ни къ одному роду, былъ изъ чужого рода. Они призвали князя, не имѣя возможности съ этимъ именемъ соединять какое либо другое, новое значенiе, кромѣ значенiя родоначальника, старшаго въ родѣ. Изъ этого значенiя князя уяснится намъ кругъ его власти, его отношенiя къ призвавшимъ племенамъ. Князь долженъ былъ княжить и владѣть по буквальному смыслу лѣтописи; онъ думалъ о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ; вождь на войнѣ, онъ былъ судьею во время мира; онъ наказывалъ преступниковъ, его дворъ—мѣсто суда, его слуги—исполнители судебныхъ приговоровъ; всякая перемѣна, всякiй новый уставъ проистекалъ отъ него; такъ Владимiръ, по предложенiю епископовъ, а потомъ епископовъ и старцевъ, дѣлаетъ постановленiе относительно виръ; Ярославъ даетъ грамоты Новгородцамъ—Правду и уставъ относительно податей; князь собираетъ дань, распоряжается ею. Но если кругъ власти призваннаго князя былъ такой же, какой былъ кругъ власти у прежняго родоначальника, то въ первое время на отношенiяхъ князя къ племенамъ отражалась еще вся неопредѣленность прежнихъ родовыхъ отношенiй, которой слѣдствiе мы увидимъ послѣ въ отношенiяхъ городовыхъ общинъ къ князю, о чемъ и будетъ рѣчь въ свое время. Теперь же мы должны обратиться къ вопросу: что́ стало съ прежними родоначальниками, прежними старшинами, князьями племенъ? Соединенiе многихъ родовъ въ одно цѣлое, въ главѣ котораго стоялъ одинъ общiй князь, необходимо должно было поколебать значенiе прежнихъ старшинъ, родоначальниковъ; прежняя тѣсная связь всѣхъ родичей подъ властiю одного старшины не была уже теперь болѣе необходима въ присутствiи другой,—высшей, общей власти. Само собою разумѣется, что это пониженiе власти прежнихъ родоначальниковъ происходило постепенно; что тѣ члены родовъ, которымъ, по извѣстнымъ счетамъ, принадлежало старшинство, долгое время пользовались еще большимъ уваженiемъ и представительствомъ: такъ долго мы видимъ городскихъ старцевъ на первомъ планѣ во всѣхъ важныхъ случаяхъ; они рѣшаютъ дѣла на вѣчѣ, съ ними совѣтуется князь. Но въ концѣ разсмотрѣннаго перiода жизнь общественная получила уже такое развитiе, что необходимо условливала распаденiе родовъ на отдѣльныя семьи, причемъ прежнее представительное значенiе старшинъ въ цѣломъ родѣ исчезаетъ, и когда князю нужно объявить, предложить что-нибудь городу, то собираются не одни старцы,—собирается цѣлый городъ, является общенародное вѣче. Первое общенародное вѣче мы видимъ въ Новгородѣ, когда князю Ярославу нужно было объявить гражданамъ о смерти Владимiра и поведенiи Святополка. Тѣ изслѣдователи, которые предполагаютъ долговременное существованiе прежнихъ славянскихъ князей или родоначальниковъ, и тѣ, которые предполагаютъ переходъ этихъ старшинъ въ бояръ съ земскимъ значенiемъ, забываютъ, что родовой бытъ славянскихъ племенъ сохранился при своихъ первоначальныхъ формахъ, не переходя въ бытъ клановъ, гдѣ старшинство было уже наслѣдственно въ одной линiи, переходило отъ отца къ сыну, тогда какъ у нашихъ Славянъ князь долженствовалъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, всѣ линiи рода были равны относительно старшинства, каждый членъ каждой линiи могъ быть старшимъ въ цѣломъ родѣ, смотря по своему физическому старшинству: слѣдовательно одна какая нибудь линiя не могла выдвинуться впередъ передъ другими, какъ скоро родовая связь между

ними рушилась; ни одна линія не могла получить большаго значенія по своему богатству, потому что при родовой связи имѣніе было общее; какъ же скоро эта связь рушилась, то имущество раздѣлялось поровну между равными въ правахъ своихъ линіями; ясно, слѣдовательно, что боярскіе роды не могли произойти отъ прежнихъ славянскихъ старшинъ, родоначальниковъ, по наслѣдственности этого званія; если старшина рода переходилъ въ дружину княжескую, то онъ сохранялъ свое родовое значеніе только при жизни, сынъ его не наслѣдовалъ этого значенія, оно переходило къ какому-нибудь четвероюродному дядѣ его, и если онъ выдѣлялся изъ рода, то доля имущества его была равна долѣ каждаго другого родича. Вотъ почему Славянскіе князья исчезаютъ съ приходомъ князей Варяжскихъ. Отсюда объясняется и то явленіе, что въ слѣдующемъ періодѣ мы увидимъ непосредственныя отношенія князей къ городскому народонаселенію, къ общинѣ. Мѣсто князя, во время его отсутствія, или въ тѣхъ городахъ, гдѣ князь не жилъ, заступалъ посадникъ, мужъ изъ дружины княжеской. Этотъ намѣстникъ княжескій, въ мнѣніи народа, не замѣнялъ вполнѣ князя, уваженія и послушанія къ нему было меньше и на войнѣ, и въ мирѣ, слѣдовательно цѣль установленія наряда достигалась не вполнѣ; отсюда стремленіе имѣть своего князя, замѣчаемое въ Новгородѣ.

Не должно думать, чтобы во все продолженіе періода отношенія племенъ къ князю были всегда и вездѣ одинакія. Сознаніе о необходимости новаго порядка вещей, власти одного общаго князя изъ чужаго рода явилось на сѣверѣ; сѣверныя племена призвали князя какъ нарядника; здѣсь слѣдовательно новый порядокъ вещей долженъ былъ приняться и развиться преимущественно; здѣсь должно было начаться опредѣленіе княжескихъ отношеній; вотъ почему въ Новгородѣ мы видимъ и нѣкоторое движеніе вслѣдствіе этого начавшагося опредѣленія. Потомъ мѣстопребываніе князя переносится на югъ, въ Кіевъ; на сѣверѣ остаются посадники до самаго Владиміра. Мы видимъ, что большему вліянію княжеской власти подчинена сначала только озерная Новгородская область и потомъ довольно узкая полоса земли по берегамъ Днѣпра, гдѣ въ городахъ Смоленскѣ и Любечѣ еще со временъ Олега сидѣли мужи княжіи. Отношенія къ князю племенъ, жившихъ далѣе къ востоку отъ Днѣпра, какъ видно, ограничивались вначалѣ платежемъ дани, для собиранія которой самъ князь съ дружиною ѣздилъ къ нимъ. По свидѣтельству Константина Багрянороднаго, Русскіе князья съ своею дружиной выходили изъ Кіева при наступленіи ноября мѣсяца, и отправлялись на полюдье, или уѣзжали въ земли подчиненныхъ имъ племенъ славянскихъ, и тамъ проводили зиму[1]). Обычай полюдья удержался надолго послѣ: князь объѣзжалъ свою волость, вершалъ дѣла судныя, оставленныя до его пріѣзда, и бралъ дары, обогащавшіе казну его. Такой обычай княжескихъ объѣздовъ для вершенія судебныхъ дѣлъ необходимо условливается самымъ состояніемъ юнаго общества: такъ мы встрѣчаемъ его въ древней скандинавской и въ древней польской исторіи [2]); ясно слѣдовательно, что это обычай общій, а не частный скандинавскій, принесенный Варягами въ Русь. Любопытно, что, въ приведенномъ свидѣтельствѣ Багрянороднаго, полюдье отдѣлено отъ зимняго пребыванія князя и дружины его у славянскихъ племенъ: изъ этого различія видно уже, что къ нѣкоторымъ ближайшимъ и болѣе подчиненнымъ племенамъ князь отправлялся для суда, къ другимъ же, отдаленнѣйшимъ,—только для собранія дани мѣхами и другими сырыми произведеніями, составлявшими предметъ заграничной торговли; что князь самъ ходилъ за данью къ племенамъ, это ясно показываетъ преданіе о судьбѣ Игоря у Древлянъ. Болѣе отдаленныя племена принуждены были платить дань Русскому князю, и платили ее тогда, когда тотъ приходилъ за нею съ войскомъ; но этимъ, какъ видно, и ограничивались всѣ отношенія; племена еще жили попрежнему, особными родами, каждый родъ имѣлъ своего старшину или князя, который владѣлъ у него, судилъ и рядилъ; у Древлянъ были свои князья въ то время, когда они платили дань Кіевскому князю; изъ этихъ князей одинъ былъ Малъ, котораго они прочили въ мужья Ольгѣ.

Дань, за которую ходилъ самъ князь, была первоначальнымъ видомъ подчиненности племени одной общей власти, связи съ другими соподчиненными племенами. Но, при такомъ видѣ подчиненности, сознаніе объ этой связи, разумѣется, было еще очень слабо: племена платили дань и Козарамъ, и все оставались попрежнему въ разъединеніи другъ съ другомъ. Гораздо важнѣе для общей связи племенъ и для скрѣпленія связи каждаго племени съ общимъ средоточеніемъ была обязанность возить повозы, обязанность, вслѣдствіе которой сами племена должны были доставлять дань въ опредѣленное княземъ мѣсто, ибо съ этимъ подчиненность племенъ, участіе ихъ въ общей жизни принимали болѣе дѣятельный характеръ. Но еще болѣе способствовала сознанію о единствѣ та обязанность племенъ, по которой они должны были участвовать въ походахъ княжескихъ на другія племена, на чужіе народы: здѣсь члены различныхъ племенъ, находившихся до того времени въ весьма слабомъ соприкосновеніи другъ съ другомъ, участвовали въ

---

[1]) De administr. imper. c. IX Memor. popul. II, 985. Egrediuntur Ciabo, et in Oppida (?) proficiscuntur quae Gyra appellantur (ἀπέρχονταί εἰς τα πολίδια ἅ λέγεται Γόρα) aut in sclabica loca Berbianorum Drungubitarum etc. У Дюканжа Γό αι—Circulationes, Circuitiones; въ частности Гирою называли выѣздъ чиновника изъ главнаго мѣста его служенія въ другія мѣста его же вѣдомства, собственно по дѣламъ службы, напр. объѣздъ провинціальнымъ начальникомъ городовъ своей провинціи. См. статью проф. Неволина — о значеніи слова Гира, въ Финск. Вѣстн. 1847, № 8. Любопытно выраженіе въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго при исчисленіи народовъ, платящихъ дань Руси: «исконніи данници и конокръмци».

[2]) Bandtkie Historia prawa Polskiego, стр. 47.

одной общей дѣятельности подъ знаменами Русскаго князя, составляли одну дружину; здѣсь нагляднымъ образомъ пріобрѣтали они понятіе о своимъ единствѣ и, возвратясь домой, передавали это понятіе своемъ родичамъ, разсказывали имъ о томъ, что они сдѣлали вмѣстѣ съ другими племенами подъ предводительствомъ Русскаго князя. Наконецъ выходу племенъ изъ особнаго, родоваго быта, сосредоточенію каждаго изъ нихъ около извѣстныхъ центровъ и болѣе крѣпкой связи всѣхъ ихъ съ единымъ, общимъ для всей Земли средоточіемъ способствовало построеніе городовъ князьями, умноженіе народонаселенія, переводъ его съ сѣвера на югъ.

Мы коснулись непосредственнаго вліянія княжеской власти на образованіе юнаго общества; но это вліяніе сильно обнаружилось еще посредствомъ дружины, явившейся вмѣстѣ съ князьями. Съ самаго начала мы видимъ около князя людей, которые сопровождаютъ его на войну, во время мира составляютъ его совѣтъ, исполняютъ его приказанія, въ видѣ посадниковъ заступаютъ его мѣсто въ областяхъ. Эти приближенные къ князю люди, эта дружина княжеская могущественно дѣйствуетъ на образованіе новаго общества тѣмъ, что вноситъ въ среду его новое начало, сословное, въ противоположность прежнему родовому. Является общество, члены котораго связаны между собою не родовою связью, но товариществомъ: дружина, пришедшая съ первыми князьями, состоитъ преимущественно изъ Варяговъ, но въ нее открытъ свободный доступъ храбрымъ людямъ изо всѣхъ странъ и народовъ, преимущественно, разумѣется, по самой близости, туземцамъ; появленіемъ дружины среди славянскихъ племенъ для ихъ членовъ открылся свободный и почетный выходъ изъ родоваго быта въ бытъ, основанный на другихъ, новыхъ началахъ; они получили возможность, просторъ развивать свои силы, обнаруживать свои личныя достоинства, получили возможность личною доблестью пріобрѣтать значеніе, тогда какъ въ родѣ значеніе давалось извѣстною степенью на родовой лѣстницѣ. Въ дружинѣ, члены родовъ получали возможность цѣнить себя и другихъ по степени личной доблести, по степени той пользы, какую они доставляли князю и народу; съ появленіемъ дружины должно было явиться понятіе о лучшихъ, храбрѣйшихъ людяхъ, которые выдѣлились изъ толпы людей темныхъ, неизвѣстныхъ, черныхъ; явилось новое жизненное начало, средство къ возбужденію силъ въ народѣ и къ выходу ихъ; темный, безразличный міръ былъ встревоженъ, начали обозначаться формы, отдѣльные образы, разграничительныя линіи.

Обозначивъ вліяніе дружины вообще, мы должны обратиться къ вопросу: въ какомъ отношеніи находилась она къ князю и къ Землѣ? Для легчайшаго рѣшенія этого вопроса сравнимъ отношенія дружины къ князю и Землѣ на западѣ и тѣ же самыя отношенія у насъ на Руси. На западѣ около доблестнаго вождя собиралась толпа отважныхъ людей съ цѣлію завоеванія какой-нибудь страны, пріобрѣтенія земель во владѣніе. Здѣсь вождь зависѣлъ болѣе отъ дружины, чѣмъ дружина отъ него; дружина нисколько не находилась къ нему въ служебныхъ отношеніяхъ, вождь былъ только первый между равными: „Мы избираемъ тебя въ вожди, говорила ему дружина [1]), и куда поведетъ тебя твоя судьба, туда пойдемъ и мы за тобою; но что будетъ пріобрѣтено общими нашими силами, то должно быть раздѣлено между всѣми нами, смотря по достоинству каждаго“, и проч. И дѣйствительно, когда дружина овладѣвала какою-нибудь страною, то каждый членъ варварскаго ополченія пріобрѣталъ участокъ земли и нужное количество рабовъ для его обработанія [2]). Но подобныя отношенія могли ли имѣть мѣсто у насъ на Руси съ призваніемъ князей? Мы видѣли, что князь былъ призванъ сѣверными племенами, какъ н а р я д н и к ъ Земли; въ значеніи князя извѣстной страны онъ расширяетъ свои владѣнія; съ нимъ приходитъ дружина, которая постоянно наполняется новыми членами, пришельцами и туземцами; но ясно, что эти дружинники не могутъ имѣть значенія дружинниковъ западныхъ: они не могли явиться только для того, чтобы дѣлить землю, ими не завоеванную, они могли явиться только для того, чтобы служить князю извѣстныхъ племенъ, извѣстной страны; тѣ изъ нихъ, которые приходили за тѣмъ, чтобы получать города и села, какъ напримѣръ Аскольдъ и Диръ, обманывались въ своей надеждѣ, и отправлялись искать лучшаго въ другомъ мѣстѣ. Рюрикъ раздаетъ города мужамъ своимъ; Олегъ сажаетъ мужей своихъ въ занятыхъ ими городахъ—Смоленскѣ и Любечѣ: они здѣсь начальники отрядовъ, они заступаютъ мѣсто князя; но при этомъ должно строго отличать характеръ правительственный отъ характера владѣльческаго; мы и послѣ будемъ постоянно видѣть вездѣ княжихъ посадниковъ, намѣстниковъ, но вездѣ только съ характеромъ правительственнымъ. Съ другой стороны, если князь съ дружиною покорялъ новыя племена, то это покореніе было особаго рода: покоренныя племена были разсѣяны на огромномъ пустынномъ пространствѣ, волею или неволею соглашались они платить дань—и только; ихъ нельзя было подѣлить между членами дружины; мы знаемъ, какъ покорялъ Олегъ племена: одни добровольно соглашались платить ему дань, какую прежде платили Козарамъ, на другихъ накладывалъ онъ дань легкую; нѣкоторыхъ примучивалъ, то-есть силою заставлялъ платить себѣ дань,—но опять только дань. Большое различіе, когда дружина займетъ страну цивилизованнаго народа, покрытую городами и селеніями, или когда займетъ страну пустынную, рѣдко населенную, построитъ острожекъ, и станетъ ходить изъ

[1]) Такъ говорили Мадьяры при избраніи своего вождя Алмоса — Anonimus Belae R. notarius, c. V. VI. Ap. Shwandtner, Script. rer. Hung. I, 9.

[2]) См. Gaupp. die Germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen.

него къ племенамъ за мѣхами. Земли было много у Русскаго князя; онъ могъ, если хотѣлъ, раздавать ее своимъ дружинникамъ; но дѣло въ томъ, выгодно ли было дружинникамъ брать ее безъ народонаселенія[1]); имъ гораздо выгоднѣе было остаться при князѣ, ходить съ нимъ за добычею на войну къ народамъ еще непокореннымъ, за данью къ племенамъ подчиненнымъ, продавать эту дань чужимъ народамъ, однимъ словомъ — получать отъ князя содержаніе непосредственно.

Замѣчено было, что князья принимали въ свою дружину всякаго витязя, изъ какого бы народа онъ ни былъ: такъ между послами Игоря мы встрѣчаемъ Ятвяга; Святославъ отовсюду собиралъ воиновъ многихъ и храбрыхъ: Владиміръ выбралъ изъ наемныхъ Варяговъ мужей добрыхъ, смысленныхъ и храбрыхъ, и роздалъ имъ города; сѣверныя саги говорятъ о знатныхъ витязахъ скандинавскихъ, которые служили въ дружинахъ нашихъ князей; каждый пришлецъ получалъ мѣсто, смотря по своей извѣстности; въ древнихъ пѣсняхъ нашихъ читаемъ, что князь встрѣчалъ неизвѣстныхъ витязей слѣдующими словами:

Гой вы еси, добры молодцы!
Скажитеся, какъ васъ по имени зовутъ;
А по имени вамъ мочно мѣсто дать,
По изотчеству можно пожаловати[2]).

Въ сагахъ читаемъ, что при Владимірѣ княгиня, жена его, имѣла такую же многочисленную дружину, какъ и самъ князь: мужъ и жена соперничали, у кого будетъ больше знаменитыхъ витязей; если являлся храбрый пришлецъ, то каждый изъ нихъ старался привлечь его въ свою дружину[3]). Подтвержденіе этому извѣстію находимъ также въ нашихъ пѣсняхъ: такъ Владиміръ, посылая богатыря на подвигъ, обращается къ нему съ слѣдующими словами:

Гой еси, Иванъ Годиновичъ!
Возьми ты у меня, Князя, сто человѣкъ
Русскихъ могучихъ богатырей,
У Княгини ты бери другое сто[4]).

Чѣмъ знаменитѣе былъ князь, тѣмъ храбрѣе и многочисленнѣе были его сподвижники; каковъ былъ князь, такова была и дружина; дружина Игорева говорила: „Кто съ моремъ совѣтенъ?“ —и шла домой безъ боя; сподвижники Святослава были всѣ похожи на него: „Гдѣ ляжетъ твоя голова, тамъ и всѣ мы головы свои сложимъ“, говорили они ему, потому что оставить поле битвы, потерявши князя, считалось ужаснымъ позоромъ для добраго дружинника[5]). И хорошій вождь считалъ постыднымъ покинуть войско въ опасности: такъ во время похода Владиміра Ярославича на Грековъ, тысяцкій Вышата сошелъ на берегъ къ выброшеннымъ бурею воинамъ и сказалъ: „Если буду живъ, то съ ними; если погибну, то съ дружиною“[6]). Было уже замѣчено, что дружина получала содержаніе отъ князя—пищу, одежду, коней и оружіе; дружина говоритъ Игорю: „Отроки Свѣнельдовы богаты оружіемъ и платьемъ, а мы босы и наги; пойдемъ съ ними въ дань“[7]). Хорошій князь не жалѣлъ ничего для дружины: онъ зналъ, что съ многочисленными и храбрыми сподвижниками могъ всегда пріобрѣсть богатую добычу; такъ говорилъ Владиміръ, и давалъ частые, обильные пиры дружинѣ; такъ о сынѣ его Мстиславѣ говорится, что онъ очень любилъ дружину, имѣнія не щадилъ, въ питьѣ и пищѣ ей не отказывалъ[8]). Лѣтописецъ, съ сожалѣніемъ вспоминая о старомъ времени, говоритъ о прежнихъ князьяхъ[9]): „Тѣ князья не собирали много имѣнія, виръ и продажъ неправедныхъ не налагали на людей; но если случится правая вира, ту брали и тотчасъ отдавали дружинѣ на оружіе“. Дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны; въ битвахъ говорили другъ другу: „Братья! потянемъ по своемъ князѣ и по Русской Землѣ!“ Не говорили князю: „Мало мнѣ ста гривенъ;“ не наряжали женъ своихъ въ золотые обручи, ходили жены ихъ въ серебрѣ;— и вотъ они расплодили Землю Русскую.“—При такой жизни вмѣстѣ, въ братскомъ кругу, когда князь не жалѣлъ ничего для дружины, ясно, что онъ не скрывалъ отъ нея своихъ думъ, что члены дружины были главными его совѣтниками во всѣхъ дѣлахъ; такъ о Владимірѣ говорится: Владиміръ любилъ дружину, и думалъ съ нею о строѣ земскомъ, о ратяхъ, объ уставѣ земскомъ[10]). Святославъ не хочетъ принимать христіанства потому, что дружина станетъ смѣяться. Бояре вмѣстѣ съ городскими старцами рѣшаютъ, что должно принести человѣческую жертву; Владиміръ созываетъ бояръ и старцевъ совѣтоваться о перемѣнѣ вѣры.

Изъ приведенныхъ извѣстій видно, что одни бояре, одни старшіе члены дружины были совѣтниками князя: два послѣднія извѣстія ограничиваютъ первое, показываютъ, съ какою дружиною думалъ Владиміръ. Какъ же раздѣлялась дружина[11]), какъ назывались младшіе ея члены, не-

---

[1]) Изъ этого не слѣдуетъ, чтобы члены княжей дружины вовсе не могли имѣть селъ, населенныхъ военноплѣнными, купленными рабами, или наймитами.

[2]) Древн. Русск. стихотвор. Кирши Данил., стр. 187.

[3]) Antiquités Russes t. I, p. 279. — То же видимъ у польскихъ князей: каждый гость, хотѣвшій вступить въ службу къ князю, принимался съ радостію. См. Gallus, p. 75.

[4]) Древн. Русск. стихотвор., стр. 138.

[5]) Ср. у Тацита: (Germ.) jam vero infame in omnem vitam et probrosum superstitem principi suo ex acie secessisse.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

[7]) Сравн. Тацита: Exigunt enim principis sui liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam victricemque frameam.—То же явленіе и въ дружинѣ польскихъ князей; сравн. Gallus p. 71: не слугою, но сыномъ княжескимъ называлъ Болеславъ Храбрый дружинника, пришедшаго служить ему изъ чужой страны, и если дружинникъ терялъ лошадь или другую какую-нибудь вещь, то князь снабжалъ его съ лихвою.

[8]) Gallus, p. 64, 39. У Болеслава Храбраго, кромѣ столовъ для мелкихъ дворянъ, ежедневно накрывалось 40 столовъ для знатнѣйшихъ дружинниковъ. Всѣ они, даже самые мелкіе дружинники, являлись съ тяжелыми золотыми кольцами.

[9]) Соф. Врем. I, 10.

[10]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. I, 90.

[11]) Слово дружина происходитъ отъ другъ, а другъ

бояре?—Для означенія отдѣльнаго члена дружины, дружинника, безъ различія степеней, употреблялось слово „мужъ“. Мужъ, мужи—значило человѣкъ, люди, но преимущественно съ почетнымъ значеніемъ; мужъ съ притяжательнымъ мѣстоимeніемъ, относящимся къ князю, означалъ дружинника: мужъ свой, мужъ его [1]). Но, какъ видно, слово „мужъ“ имѣло и болѣе тѣсное значеніе, означало дружинниковъ второго разряда, низшихъ, младшихъ членовъ дружины, въ противоположность боярамъ [2]); это видно изъ слѣдующаго мѣста лѣтописи, хотя относящагося къ позднѣйшему времени: князь Игорь Сѣверскій, попавшись въ плѣнъ къ Половцамъ, такъ горюетъ объ истребленіи своего войска: „Гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи храборствующіе, гдѣ рядъ полчный“? [3]). Итакъ бояре были лучшіе, старшіе въ дружинѣ, совѣтники, думцы князя по преимуществу; мужи были воины по преимуществу; другое, болѣе опредѣленное названіе для этого разряда дружинниковъ было гриди [4]), гридь, гридьба, что означаетъ также сборище, толпу, дружину. Комната во дворѣ княжескомъ, гдѣ собиралась дружина, называлась гридницею; такъ говорится о Владимірѣ: „Онъ учредилъ на дворѣ въ гридницѣ пиры, куда приходили бояре и гриди, соцкіе и десяцкіе, и нарочитые мужи, при князѣ и безъ князя“ [5]). Мужи княжіи, жившіе по городамъ, занимавшіе тамъ разныя должности, въ отличіе отъ бояръ, жившихъ при князѣ, въ стольномъ его городѣ, назывались уменьшительнымъ—болярцы [6]). Въ Русской Правдѣ и въ Новгородской лѣтописи мы встрѣчаемъ названіе огнищанина, подававшее поводъ къ различнымъ объясненіямъ. Единственное средство объяснить это названіе—посмотрѣть, какъ оно замѣняется въ другихъ спискахъ Правды и въ другихъ лѣтописяхъ; въ другихъ спискахъ Правды оно замѣняется постоянно выраженіемъ: княжъ мужъ, и въ этомъ значеніи противополагается смерду; въ лѣтописи Новгородской читаемъ: „Позвалъ (Ростиславъ) Новгородцевъ на порядъ: огнищанъ гридь“ [7]). Въ другой, не новгородской лѣтописи, читаемъ: „Князь Мстиславъ, собравъ ростовцевъ — боляръ, гридьбу“ [8]). Слѣдовательно то, что въ Новгородѣ были огнищане, въ другихъ мѣстахъ были бояре, то-есть старшіе члены дружины, которыхъ мѣсто прежде гридей; при этомъ должно замѣтить, что названіе огнищанъ было обширнѣе, чѣмъ бояринъ: огнищанинъ нѣкоторыхъ списковъ Правды совмѣщаетъ мужа княжа и тіуна княжа другихъ списковъ, а потому и въ Новгородѣ существовало также названіе бояринъ. Объясненіе того, почему огнищанинъ соединялъ и боярина и тіуна княжа, равно какъ объясненіе корня слову: „огнищанинъ“ найдемъ также въ Русской Правдѣ; здѣсь читаемъ: „За убійство тіуна огнищнаго и конюшнаго платить 80 гривенъ“. Если тіунъ конюшій означаетъ смотрителя за конюшнею княжескою, то тіунъ огнищный долженъ означать смотрителя за огнищемъ или домомъ княжескимъ; огнищанинъ же долженъ означать человѣка, который живетъ при огнищѣ княжескомъ, домочадца княжескаго, человѣка близкаго къ князю, его думца, боярина, въ переводѣ на наши понятія—придворнаго человѣка [9]). Объясненіемъ слова „огнищанинъ“ служитъ также позднѣйшее — „дворянинъ“ означающее человѣка, принадлежащаго ко двору, дому княжескому, а не имѣющаго свой дворъ или домъ, слѣдовательно и подъ огнищаниномъ нѣтъ нужды разумѣть человѣка, имѣющаго свое огнище. Эти-то домочадцы, или огнищане княжескіе имѣли то преимущество предъ остальнымъ народонаселеніемъ, что за ихъ голову убійца платилъ двойную пеню, или виру, именно 80 гривенъ вмѣсто 40. Подъ огнищаниномъ разумѣлся только мужъ княжъ высшаго разряда, бояринъ, думецъ княжескій, но не гридь, не простой членъ дружины, который собственно не принадлежалъ къ огнищу или двору княжескому. Къ огнищанамъ, какъ видно изъ Правды, принадлежалъ тіунъ княжъ, но не вообще, а только огнищный и конюшій. Тіунъ въ готскомъ переводѣ Библіи Улфилы является въ формѣ dius и въ значеніи οἰκέτης — домочадецъ, слуга, рабъ. Званіе тіуна, какъ оно является въ нашихъ древнихъ памятникахъ, можно означить словомъ „приставникъ“, съ неопредѣленнымъ значеніемъ: приставникъ, который смотрѣлъ за домомъ, за конюшнею, за судомъ [10]),

отъ санскритскаго д р у—и д у, слѣдую (удрать, убѣжать), см. Бусл.—О вліяніи христ. на славянскій языкъ, стр. 194. Слѣд. дружина есть товарищество, сборъ людей, идущихъ вмѣстѣ, по одной дорогѣ, откуда д о р о г а или д р а г а значитъ не только via, но и толпа, собирающаяся куда-нибудь, множество, свита (см. тамъ же, стр. 51). Мы прибавимъ, что и французское route въ древнемъ языкѣ значитъ дружина, отрядъ. Если наша дружина происходитъ отъ д р у—идти, -то нѣтъ препятствія и польское ш л я х т а привести въ связь съ стариннымъ словомъ ш л я х ъ—дорога, путь.

1) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 9: «и бяста у него два мужа, не племени его, но боярина». Изъ этого ясно, что подъ мужами вообще разумѣлись и бояре. Или: «и посади мужъ свой», значитъ посадилъ одного изъ своихъ, одного изъ дружины (I, 13). «А Ольга водиша и мужій его на роту» (1, 19); «посла Игорь мужи своя къ Роману», и т. д.

2) Слово б о я р и н ъ славянское; о боярахъ болгарскихъ упоминаетъ Ѳеофанъ подъ 764 годомъ. У Сербовъ и другихъ племенъ находимъ также это слово. См. Срезнев.—Мысли объ исторіи Русск. языка, стр. 131 и слѣд.; съ греческаго словомъ бояринъ или болярииъ переводится ἄρχων, см. древній переводъ греческаго Василикона, изъ библ. гр. Толстаго, привед. у Розенкампфа.—О кормчей книгѣ, стр. 133.

3) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 131.

4) Гридь слово славянское. Хорутанское г р и д а значитъ громада, сборище, толпа, слѣд. дружина, см. у Срезнев. въ приведенномъ сочиненіи, стр. 139.

5) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54.

6) Тамъ же, I, 57: «Святополкъ же приде ночью Вышегороду, отай призва Путшю и Вышегородскыѣ болярцѣ».

7) Тамъ же III, 14.

8) Тамъ же I, 161.

9) У западныхъ Славянъ о г н и щ а н и н ъ означалъ отпущенника (libertus), слѣд. въ обширномъ смыслѣ это слово означало первоначально домочадца, но не раба, а свободнаго, какими именно были древніе отпущенники, находившіеся въ тѣсной связи съ домомъ прежняго господина, и однако переставшіе быть рабами.

10) Что тіунъ не былъ исключительно казначеемъ, какъ того хотятъ нѣкоторые, довольно привести слѣдующее:

за сборомъ доходовъ княжихъ, за селомъ княжимъ; тіуны могли быть у князя и боярина; они могли быть и свободные, если примутъ на себя эту должность съ рядомъ; но это было уже исключеніе. Сельскій тіунъ княжій, или ратайный, если былъ холопъ, то за него положена вира въ 12 гривенъ, если же былъ свободный человѣкъ, но рядовичъ, то-есть такой тіунъ, который, вступая въ должность, не вошелъ въ холопство, но порядился, вошелъ съ рядомъ, то за такого вира была только въ 5 гривенъ, потому что для князя было гораздо важнѣе потерять своего холопа, чѣмъ вольнаго рядовича; тѣ же самыя виры брались за тіуновъ холопей и рядовичей боярскихъ. Вообще князь увеличивалъ виру за своего служителя, смотря по важности послѣдняго. Что касается до отроковъ князя, то они составляли его домашнюю прислугу; они, по лѣтописямъ, служатъ за столомъ князю и гостямъ его [1]); убираютъ вещи по княжому приказу [2]); князь посылаетъ ихъ съ порученіями [3]), и т. п.

Кромѣ дружины, войско составлялось также изъ жителей городовъ и селъ, набиравшихся по случаю похода: эти полки явственно отличаются отъ дружины подъ именемъ воиновъ (воевъ) въ тѣсномъ смыслѣ; такъ читаемъ въ разсказѣ объ убіеніи Святаго Бориса: сказала ему отцовская дружина: „Вотъ у тебя дружина отцовская и воины (вои)“ [4]). Другое мѣсто, изъ котораго также виденъ двойственный составъ княжескаго войска, встрѣчаемъ въ разсказѣ о походѣ Владиміра Ярославича на Грековъ: „Прочіе воины Владиміра были выкинуты на берегъ, числомъ 6000, и хотѣли возвратиться въ Русь, но не пошелъ съ ними никто изъ дружины княжеской“ [5]). Но мы не должны ожидать отъ лѣтописца постоянно рѣзкаго различія въ названіяхъ—дружина и вои: если онъ говоритъ, что князь взялъ съ собою много воевъ изъ разныхъ племенъ, то онъ не прибавитъ, что онъ взялъ съ собою дружину и воевъ,—подразумѣвается, что дружина должна идти съ княземъ, и въ такихъ случаяхъ вездѣ дружина включается въ число воевъ; съ другой стороны, отъ дружины не было производнаго „дружинникъ, дружинники“, и потому вмѣсто этого производнаго употреблялось также „вои“; „вои“ значило вообще всѣ военные, вооруженные люди. Наоборотъ, дружина означала въ обширномъ смыслѣ совокупность всѣхъ военныхъ, вооруженныхъ людей, войско, и въ тѣсномъ смыслѣ—приближенныхъ къ князю людей, которыхъ военное дѣло было постояннымъ занятіемъ. Это двоякое значеніе дружины всего виднѣе въ разсказѣ о войнѣ Мстислава Тмутораканскаго съ Ярославомъ: „Мстиславъ съ вечера исполчилъ дружину, и поставилъ Сѣверянъ въ чело противъ Варяговъ, а самъ сталъ съ дружиною своею по крыламъ“... Мстиславъ на другое утро, увидя лежащіе трупы Сѣверянъ и Варяговъ, сказалъ: „Какъ не радоваться? вотъ лежитъ Сѣверянинъ, вотъ Варягъ, а дружина моя цѣла“ [6]). Кромѣ собирательнаго „дружина“ въ смыслѣ войска, арміи, употреблялось еще слово: „полкъ“ [7]). Слово дружина имѣла еще не военное значеніе, въ которомъ можетъ переводиться словомъ: свои, наши; напримѣръ, Древляне спросили Ольгу: „Гдѣ же наша дружина?“ то есть послы, которыхъ они прежде отправили въ Кіевъ [8]).

Было сказано, что вои, то-есть недружина, набирались изъ народонаселенія городскаго и сельскаго: такъ набирали войско изъ племенъ Олегъ, Игорь, Владиміръ; такъ Ярославъ вывелъ противъ Святополка горожанъ Новгородскихъ и сельскихъ жителей съ ихъ старостами. Видно и въ этотъ періодъ, какъ въ послѣдующій, князь объявлялъ о походѣ въ городѣ народу, собравшемуся на вѣчѣ; здѣсь рѣшали выступить,—и сельское народонаселеніе выступало по рѣшенію городоваго вѣча. Какъ видно, отецъ выходилъ въ походъ со старшими сыновьями, сколько бы ихъ ни было, а младшій (также взрослый уже) оставался дома для охраненія семейства [9]). По окончаніи похода, войско, набранное изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, распускалось; оно пользовалось добычею: князья выговаривали у побѣжденныхъ дань въ его пользу: Олегъ требуетъ съ Грековъ по 12 гривенъ на ключъ, то есть на каждую лодку, безъ различія между дружиной и воями, набранными изъ разныхъ племенъ. Дружина, разумѣется, имѣла ту выгоду, что участвовала въ ежегодныхъ даняхъ съ Грековъ и съ своихъ племенъ, вообще во всѣхъ доходахъ княжескихъ. Ярославъ, побѣдивъ Святополка, наградилъ щедро помогшихъ ему Новгородцевъ, сельчанъ однако меньше, чѣмъ горожанъ: горожанинъ

«Константинъ князь Полотскии, нарицаемыи безрукии... молвитъ попу: тиунъ н е п р а в д у судитъ, мьзду имѣетъ, люди п р о д а е т ъ (продажа имѣетъ чисто судебное значеніе), мучитъ... И рече попъ... избираетъ (князь) тиуна или кого волостеля мужа добра, праведна, по закону Божию вся творяща и судъ вѣдуща». См Розенкампфа — О кормчей книгѣ, стр. 217.

[1]) «По семъ сѣдоша Деревляне пити, и повелѣ Ольга отрокомъ своимъ служити предъ ними». (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 24). Тамъ же: «Яко упишася Деревляне, повелѣ отрокомъ своимъ пити на ня, и повелѣ дружинѣ сѣчи Деревляне». Здѣсь прямо отличаются отроки—слуги отъ дружины.

[2]) Тамъ же I, 30: «Придоша (греческіе послы) и поклонишася ему (Святославу), положиша предъ нимъ злато и паволоки, и рече Святославъ, кромѣ зря, отрокомъ своимъ: схороните»

[3]) Тамъ же I, 32: «И придоша отроци Володимерови, и повѣдаше ему всю рѣчь Рогънѣдину».— Еще прямыя указанія, что отроки составляли домашнюю прислугу князя (I, 57 и слѣд.): «И се слышавше вои, разыдошася отъ него (Св. Бориса), Борисъ же стояше съ отроки своими.. И прободоша Бориса и слугу его, падша на немъ, прободоша съ нимъ; бѣ бо се любимъ Борисомъ. Бяше отрокъ съ родомъ сынъ угрескъ».

[4]) Тамъ же I, 55.

[5]) Тамъ же I, 66.

[6]) Тамъ же I, 64.

[7]) Тамъ же I, 98.

[8]) Тамъ же I, 19.

[9]) Тамъ же I, 53: «И приде единъ старъ мужъ ко князю и рече ему: княже! суть у мене единъ сынъ меншей дома, а съ четырми есмь вышелъ, а онъ дома».

былъ сравненъ съ сельскимъ старостою. Но ясно, что когда народонаселеніе призывалось не къ далекой наступательной войнѣ, а къ защитѣ своей земли отъ нападенія враговъ, напримѣръ Печенѣговъ, то не могло быть рѣчи о награжденіи; воины могли довольствоваться только добычею, если, прогнавъ врага, отбили обозъ, брали плѣнниковъ; дань съ побѣжденныхъ бралась и на долю убитыхъ ратниковъ, и шла къ ихъ родственникамъ. Сельчане приходили въ походъ со своими старостами; горожане, относительно военной службы, раздѣлялись, какъ видно, на десятки, сотни: таково было обыкновенное военное дѣленіе у народовъ. Въ лѣтописи упоминаются десятскіе; сотскій, безъ всякаго сомнѣнія, былъ высшій начальникъ надъ этими отдѣлами, долженствовавшій носить соотвѣтственное названіе тысяцкаго; этого названія мы не встрѣчаемъ въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей въ описываемое время, встрѣчаемъ одно неопредѣленное названіе воеводы; но въ слѣдующемъ періодѣ мы встрѣтимъ, что тысяцкій называется также воеводою [1]), вслѣдствіе чего подъ воеводою перваго періода можно разумѣть тысяцкаго. Тысяцкій, по соображеніи всѣхъ извѣстій объ этомъ санѣ, былъ воеводою земскихъ, гражданскихъ полковъ, выбиравшійся княземъ изъ дружины. Если Янъ, сынъ Вышаты, былъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, въ 1089 году, то нѣтъ сомнѣнія, что отецъ его, Вышата, занималъ ту же должность прежде, при Ярославѣ; подтвержденіе этому находимъ въ лѣтописи [2]): въ 1037 г. послалъ Ярославъ сына своего Владиміра на Грековъ и далъ ему много войска, а воеводство поручилъ Вышатѣ, отцу Янову; когда поднялась буря, и прочіе воины, то-есть земскіе полки, были выброшены на берегъ, то никто изъ дружины княжеской не хотѣлъ идти съ ними; одинъ Вышата вызвался: „Я пойду съ ними, сказалъ онъ; останусь живъ—съ ними вмѣстѣ, погибну—вмѣстѣ съ своими (съ дружиною)“. Поступокъ Вышаты объяснится, если обратимъ вниманіе на то, что этотъ воевода былъ тысяцкій, что ему было поручено отъ князя воеводство надъ земскими полками, и онъ, по совѣсти, не могъ оставить ихъ безъ предводителя. Изъ этого же извѣстія видимъ, что земское ополченіе нуждалось въ предводителѣ изъ членовъ дружины.

При Святомъ Владимірѣ мы видимъ, что, во время тяжкой оборонительной войны противъ Печенѣговъ, князь отправился разъ на сѣверъ, чтобы набрать полки изъ тамошняго народонаселенія, ходилъ по верховные вои, какъ говорится въ лѣтописи [3]). Кромѣ дружины и земскихъ полковъ, составленныхъ изъ городскаго и сельскаго народонаселенія, были еще наемныя войска, составлявшіяся изъ Варяговъ, Печенѣговъ и Торковъ; Варяги обыкновенно составляли пѣхоту, Печенѣги и Торки—конницу; въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными Варяги нанимались первыми, Печенѣги—вторыми, слѣдовательно первымъ помогала Европа, вторымъ Азія. Дружина Мстислава Тмутораканскаго состояла изъ Козаръ и Касоговъ. Надобно замѣтить, что Печенѣги ни разу не дали побѣды князьямъ, нанимавшимъ ихъ. Новгородцы и Варяги дали торжество Владиміру надъ Ярополкомъ, Ярославу надъ Святополкомъ; южно-русское, кіевское народонаселеніе не дало побѣды Святополку при Любечѣ; но сѣверское народонаселеніе дало торжество Мстиславу надъ Варягами Ярослава, выдержавши натискъ послѣднихъ; при этомъ не забудемъ, что въ пограничныхъ сѣверскихъ городахъ со временъ Владиміра жили сѣверные переселенцы. Дружина не могла быть многочисленна; дружина Игоря, если была даже многочисленна, то пострадала много отъ греческаго похода, а потомъ, безъ сомнѣнія, бо́льшая часть ея ушла съ Святославомъ; этотъ князь долженъ былъ кончить войну съ Греками по недостатку дружины, которой очень немного должно было возвратиться съ Свѣнельдомъ въ Кіевъ; что у Ярополка было мало дружины, доказываетъ также торжество Владиміра. Ярославъ перебилъ свою новгородскую дружину за Варяговъ; кіевская дружина должна была слѣдовать за Святополкомъ; нельзя предполагать, чтобы много ея осталось послѣ пораженій послѣдняго; при Ярославѣ, слѣдовательно, имѣлъ мѣсто новый наборъ дружины. Дружина жила при князѣ, другого постояннаго войска не было, а между тѣмъ предстояла безпрестанная нужда въ защитѣ границъ, угрожаемыхъ врагами: для этого также нанимались Варяги. Такъ Новгородцы со временъ Олега держатъ „мира дѣля“ отрядъ Варяговъ, которымъ даютъ опредѣленную сумму денегъ; послѣ, какъ видно, этотъ отрядъ уже пересталъ набираться изъ Варяговъ, или, по крайней мѣрѣ, исключительно изъ нихъ, и слыветъ подъ именемъ гридей; по скандинавскимъ сагамъ извѣстно, что изгнанникъ Олафъ былъ у Кіевскаго князя начальникомъ войска, посылаемаго для защиты границъ [4]); такое значеніе имѣлъ вѣроятно Ярлъ Рангвальдъ на сѣверѣ, при Ярославѣ [5]).—Войска въ битвахъ располагались обыкновенно тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; въ челѣ ставили Варяговъ наемниковъ [6]); если не было наемниковъ, то — земскіе полки, а дружину—по крыламъ, сохраняя ее для

[1]) Подъ 1089 годомъ: «Воеводство держащу Кыевскыя тысяща Яневи».

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 66.

[3]) Тамъ же I, 54. Что подъ именемъ верховныхъ, или верхнихъ воевъ разумѣлись не Варяги (какъ думаетъ г. Погодинъ), но жители русскихъ сѣверныхъ (относительно) земель, показываютъ извѣстія позднѣйшія; напр. подъ 1185 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 132): «Великій князь Всеволодичь Святославъ шелъ бяшеть въ Корачевъ и сбирашеть отъ верхънихъ земель вои». Или подъ 1148 годомъ (стр. 39): «А Ростиславъ да дары Изяславу, что отъ верхънихъ земель и отъ Варягъ». Здѣсь прямо верхнія земли отличаются отъ Варягъ.

[4]) Antiquités Russes I, 278. Rex Valdimar eum praefectum constituit copiarum, quas ad regnum suum tuendum dimittere solebat.

[5]) Тамъ же, стр. 333.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64. 65.

рѣшительнаго нападенія. Когда рѣка раздѣляла враждебныя войска, и ни одно изъ нихъ не хотѣло первое переправиться, то употреблялись поддразниванія: такъ Святополковъ воевода поддразнивалъ Новгородцевъ, воевода Ярославовъ—польскаго Болеслава. Передъ выступленіемъ въ походъ трубили. Войска сходились (сступались) и расходились по нѣскольку разъ въ битвахъ, въ ожесточенныхъ схваткахъ брали другъ друга за руки и сѣклись мечами. Было въ обычаѣ рѣшать войны единоборствомъ, боролись въ собственномъ смыслѣ слова, безъ оружія, схватывали другъ друга руками и старались задушить противника, или повалить, ударить имъ о землю. Естественно, что въ пустынной, малонаселенной странѣ, наполненной непроходимыми лѣсами, болотами, озерами, рѣками, самый удобный путь для войскъ былъ водный; водою ходили на ближайшія племена славянскія, на Грековъ, на Болгаръ, на Мазовшанъ. Если говорится, что Святославъ ходилъ въ походъ безъ возовъ, то разумѣется, что въ сухопутныхъ походахъ обыкновенно возили возы съ припасами и шатрами, потому что одинъ Святославъ съ своими богатырями спалъ на открытомъ воздухѣ, подостлавши подъ себя конскій потникъ и положивши сѣдло подъ голову. Когда въ походъ шли на лодьяхъ по рѣкамъ, то лошадей не брали, а конница, обыкновенно наемная, шла берегомъ; въ сухопутныхъ походахъ употреблялись лошади: Святославъ спалъ на конскомъ потникѣ, клалъ сѣдло въ головы, слѣдовательно онъ ходилъ въ походъ на лошади, равно какъ и вся дружина его: иначе трудно объяснить ту быстроту, съ какою онъ, по лѣтописцу, ходилъ на враговъ. Во время сраженія Ярополка съ Олегомъ дрались на лошадяхъ [1]). Въ 1042 году Владиміръ Ярославичъ ходилъ на Ямь на лошадяхъ же [2]). Но при этомъ очень вѣроятно, что Русскіе, привыкши ходить въ лодьяхъ и биться пѣши, не были отличными всадниками, какъ свидѣтельствуютъ Византійцы. О трудностяхъ сухопутныхъ походовъ можно судить по тому, что нужно было гораздо заранѣе исправлять дороги и мостить мосты. Города брали съ большимъ трудомъ, обыкновенно принуждали къ сдачѣ голодомъ или хитростью: Ольга цѣлый годъ стояла подъ Коростеномъ и взяла его только хитростью; Владиміръ осадилъ Ярополка въ Роднѣ, но не бралъ города, а полагался на голодъ и предательство Блуда; Владиміръ не могъ взять Корсуня, грозился стоять три года, и принудилъ жителей къ сдачѣ, отнявши у нихъ воду. Только разъ Святославу удалось взять копьемъ (приступомъ) Переяславецъ Дунайскій. Оружіе состояло изъ мечей, копій, стрѣлъ, ножей, сабель, броней, щитовъ. О камнестрѣльныхъ машинахъ упоминаетъ Іоакимова лѣтопись въ разсказѣ о сраженіи Новгородцевъ съ Добрынею при Владимірѣ; но Византійцы также упоминаютъ о нихъ. Употреблялись при войскѣ знамена, или стяги.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 32: «падаху людье мнози, и удавиша кони человѣци».

[2]) Тамъ же I, 66: «И потроша кони у вой Володимерь».

Обратимся къ остальному народонаселенію, городскому и сельскому. Мы видѣли, что прежніе города славянскихъ племенъ были не иное что какъ огороженныя села, жители которыхъ занимались земледѣліемъ [3]). Это занятіе всего болѣе способствуетъ сохраненію родоваго быта: по смерти общаго родоначальника, сыновьямъ его и внукамъ выгодно поддерживать родовую связь, чтобы соединенными силами обработывать землю. Какъ же скоро среди народонаселенія являются другіе промыслы, мѣна, торговля, какъ скоро для членовъ рода является возможность избирать то или другое занятіе по своимъ склонностямъ, является возможность посредствомъ собственной, самостоятельной дѣятельности пріобрѣтать больше другихъ членовъ рода,—то съ тѣмъ вмѣстѣ необходимо должно являться стремленіе выдѣлиться изъ рода для самостоятельной дѣятельности; слѣдовательно, если въ концѣ описываемаго періода мы видимъ различныя занятія, торговлю въ городахъ, то необходимо должны предположить ослабленіе родоваго быта. Различіе занятій и мѣна условливались уже тѣмъ, что среди городовъ явился новый элементъ народнаселенія—воинскіе отряды, дружины князей; въ нѣкоторыхъ городахъ поселились князья, въ другихъ—мужи княжіи съ воинскими отрядами: этотъ приплывъ народонаселенія со средствами къ жизни, но не промышленнаго само по себѣ, необходимо долженъ былъ породить торговлю и промышленность. Но замѣтимъ, что мы говоримъ все это о городахъ и именно о такихъ, гдѣ наиболѣе развивались промышленность и торговля; въ селахъ же и городахъ, сохранявшихъ попрежнему характеръ огороженныхъ селъ, безъ всякаго сомнѣнія, формы прежняго быта удерживались еще очень и очень долго. Ослабленію родоваго быта въ новыхъ городахъ, построенныхъ князьями, содѣйствовало то, что эти города обыкновенно наполнялись народонаселеніемъ, собраннымъ изъ разныхъ мѣстъ, преимущественно съ сѣвера; переселенцы эти были вообще доступнѣе для принятія новыхъ формъ быта, новыхъ условій общественной жизни, чѣмъ живущее разсѣянно, отдѣльными родами—сельское народонаселеніе; въ городахъ сталкивались чужеродцы, для которыхъ необходимы были новыя правительственныя отношенія, новая гражданская связь. Наконецъ ослабленію и паденію родоваго быта въ городахъ вообще должно было много содѣйствовать новое военное дѣленіе на десятки и сотни, надъ которыми поставлялись независимые отъ родовыхъ старшинъ начальники—десятскіе, сотскіе; что эти начальники сохраняли свое вліяніе и во время мира, доказательствомъ служитъ важное вліяніе,—гражданское значеніе тысяцкаго; эти новыя формы соединенія, новыя чисто гражданскія отношенія необходимо должны были наносить ударъ старымъ формамъ быта. Появленіе города пробуждало жизнь и въ

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 25. Ольга говоритъ Древлянамъ: «А вси гради ваши предашася мнѣ, и ялися по дань, и дѣлаютъ нивы свои и землѣ своя».

ближайшемъ къ нему сельскомъ народонаселеніи: въ городѣ образовывался правительственный центръ, къ которому должно было тянуть окружное сельское народонаселеніе; сельчане, которые прежде разъ въ годъ входили въ сношеніе съ княжескою властью при платежѣ дани, теперь входили въ сношенія съ нею гораздо чаще, потому что въ ближайшемъ городѣ сидѣлъ мужъ княжъ, посадникъ; потомъ, какъ скоро городское народонаселеніе получило другой характеръ, чѣмъ прежде, то между нимъ и окружнымъ сельскимъ народонаселеніемъ необходимо должна была возникнуть торговля, вслѣдствіе различія занятій. Съ другой стороны, подлѣ городовъ начали появляться села съ народонаселеніемъ иного рода: князья, ихъ дружинники и вообще горожане стали выводить деревни, населяя ихъ рабами, купленными, или взятыми въ плѣнъ, также наймитами. Прибавимъ, что сосредоточію народонаселенія около городовъ способствовало также церковное управленіе, учрежденіе въ городахъ епископскихъ каѳедръ, которымъ были подвѣдомственны всѣ церкви въ окружности. Такъ посредствомъ городовъ, этихъ правительственныхъ колоній, наносился ударъ родовой особности, въ какой прежде жили племена, и, вмѣсто племенныхъ названій, въ концѣ періода, мы встрѣчаемъ уже областныя, заимствованныя отъ главныхъ городовъ. Города въ описываемый періодъ упоминаются слѣдующіе: Новгородъ, Ладога, Бѣлозерскъ, Изборскъ, Псковъ, Юрьевъ, Ростовъ, Ярославль, Муромъ, Суздаль, Смоленскъ, Полоцкъ, Любечъ, Черниговъ, Лиственъ, Городецъ, Переяславль, Родня, Вышгородъ, Бѣлгородъ, Василевъ, Витичевъ, Искоростень, Овручъ, Туровъ, Владиміръ Волынскій, Курскъ, Тмуторакань, Перемышль, Червенъ и другіе безъименные. Изъ этихъ городовъ Псковъ, Юрьевъ, Владиміръ Волынскій, Ярославль достовѣрно построены князьями; многіе изъ остальныхъ, по всей вѣроятности, построены также ими; нѣтъ сомнѣнія, что и кромѣ означенныхъ городовъ нѣкоторые, встрѣчающіеся въ позднѣйшихъ извѣстіяхъ, получили начало въ описываемый періодъ.

Въ противоположность князю, все остальное народонаселеніе носило названіе смердовъ. Въ Русской Правдѣ все княжеское, княжіи люди, княжая собственность постоянно противополагается смердьему. Но какъ въ названіи мужа и дружины, такъ и въ названіи смерда мы не можемъ съ самаго начала искать точности, опредѣленности; смердъ означалъ простого человѣка, и слѣдовательно это названіе могло употребляться относительно ко всякому высшему разряду; такъ смердъ противополагается мужу княжому, такъ сельское народонаселеніе, подъ именемъ смердовъ, противополагается городскому. Въ противоположность мужу княжому, простой человѣкъ назывался также людинъ. Вообще сельское народонаселеніе въ описываемое время считалось ниже городскаго: это прямо видно изъ свидѣтельства о томъ, какъ Ярославъ одѣлялъ своихъ воиновъ послѣ побѣды надъ Святополкомъ: старостамъ (сельскимъ) далъ по 10 гривенъ, смердамъ по гривнѣ, а Новгородцамъ всѣмъ по десяти,—сельскій староста приравненъ къ простому горожанину[1]). Подлѣ свободныхъ людей, горожанъ и сельчанъ, находимъ рядъ людей зависимыхъ. Первая степень зависимости была закупничество, или наймитство. Закупнемъ, или наймитомъ назывался работникъ, нанимавшійся на извѣстный срокъ и за извѣстную плату, которую, какъ видно, онъ получалъ впередъ, въ видѣ займа. Если наймитъ бѣжалъ отъ господина до срока, то становился за это ему полнымъ (обельнымъ) холопомъ, обелью. Наймитъ былъ обязанъ платить господину за всякій вредъ въ хозяйствѣ, причиненный его нерадѣніемъ; господинъ могъ бить наймита за вину; но если прибьетъ безъ вины, то платитъ за обиду какъ свободному; наймитъ въ этомъ случаѣ воленъ идти къ князю или судьямъ жаловаться. Если бы господинъ вздумалъ продать наймита, какъ обель, то наймитъ получалъ полную свободу безъ обязанности выплатить господину взятое впередъ, а послѣдній долженъ былъ еще платить за обиду опредѣленную сумму. За преступленія наймита предъ правительствомъ отвѣчалъ господинъ, причемъ закупень становился ему обельнымъ холопомъ. Полное, или обельное холопство проистекало, кромѣ того, слѣдующими способами: рожденіе отъ холопа; если кто купитъ холопа за какую бы то ни было цѣну, хотя бы даже за полгривну, поставитъ свидѣтелей при куплѣ и отдастъ деньги предъ самимъ холопомъ; если кто женится на рабѣ безъ ряду, безъ условій съ господиномъ ея, то поступаетъ къ послѣднему въ полные холопы; если же женится съ условіями, то они имѣютъ силу; если кто пойдетъ къ кому въ тіуны или ключники также безъ ряду; наконецъ невозможность заплатить долгъ вела должника также въ рабство къ заимодавцу. Значеніе холопа увеличивалось, смотря по значенію господина и по той пользѣ, какую онъ приносилъ: такъ за убійство сельскаго старосты, или тіуна княжескаго и боярскаго платилось по 12 гривенъ, за простого холопа, равно какъ за холопа, принадлежащаго простому человѣку, смерду, платилось опять только пять гривенъ; за ремесленника и за ремесленницу, за пѣстуна и за кормилицу платилось 12 гривенъ; за женщину-рабу шесть. За вредъ, причиненный холопомъ, отвѣчалъ господинъ; если холопъ осмѣливался бить свободнаго человѣка, то, по уставу Ярославову, лишался жизни. Въ Русской Правдѣ находимъ положеніе, что за убійство чужого холопа безъ вины убійца платилъ господину цѣну убитаго, а князю 12 гривенъ продажи, пени, какъ за всякую порчу, истребленіе чужой собственности; какъ видно, господинъ имѣлъ право безнаказанно убить своего холопа, какъ безнаказанно могъ истребить всякую другую свою собственность. Произведенія или пріобрѣтенія раба составляли

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III.—Смердъ слово славянское; въ польскомъ кошубскомъ Smird значитъ бѣдный селянинъ.

собственность его господина. Холопъ не могъ быть свидѣтелемъ при слѣдствіи дѣла; при нуждѣ позволялось сослаться на закупа.—Кромѣ означенныхъ состояній, встрѣчаемъ еще особый разрядъ людей подъ именемъ изгоевъ. Изъ одного позднѣйшаго свидѣтельства [1]) узнаемъ, какіе люди принадлежатъ къ этому разряду: сынъ священника, не умѣющій грамотѣ, холопъ, выкупившійся изъ холопства, наконецъ задолжавшій купецъ. Изъ этого видимъ, что изгоемъ вообще былъ человѣкъ, почему-либо немогущій оставаться въ прежнемъ состояніи и не примкнувшій еще ни къ какому новому.

Князья были призваны для правды, вслѣдствіе того, что особные роды не могли безпристрастно разбирать дѣла при враждебныхъ столкновеніяхъ своихъ членовъ; не было у нихъ правды, говорилъ лѣтописецъ. Какъ разбирались роды,—намъ не извѣстно, но безъ всякаго сомнѣнія между ними бывали случаи мирнаго разбирательства и соглашенія, и эти случаи служили примѣромъ; но эти случаи, какъ видно, были довольно рѣдки, большею же частію столкновенія оканчивались враждебно, возстаніемъ рода на родъ, что и повело къ мысли о необходимости третьяго судьи. Если поэтому главное значеніе князя было значеніе судьи, разбирателя дѣлъ, исправителя кривдъ, то одною изъ главныхъ заботъ его былъ уставъ земскій, о которомъ онъ думалъ съ дружиною, старцами городскими, а послѣ принятія христіанства съ епископами,—и вотъ Ярославу первому приписывается подобный писанный уставъ, подъ именемъ Русской Правды. Названіе Русской Правды получилъ этотъ уставъ, какъ видно, для отличія отъ уставовъ греческихъ, которые, по принятіи христіанства, имѣли такое сильное вліяніе на юридическій бытъ Руси [2]). Русская Правда первыми строками своими напоминаетъ намъ о древнемъ бытѣ племенъ, какъ представляетъ его лѣтописецъ; но, въ то же время, указываетъ и на измѣненія, происшедшія въ этомъ быту послѣ призванія князей. При родовомъ, особномъ бытѣ главная обязанность родичей состояла въ защитѣ другъ друга, въ мести другъ за друга; и если цѣлый родъ, какъ бы онъ ни былъ обширенъ и развѣтвленъ, составлялъ одно, одинъ союзъ, подъ властью одного родоначальника, то всѣ члены его, въ какихъ бы ни было степеняхъ, имѣли одинаково, эту обязанность. Въ Русской Правдѣ установлено, что въ случаѣ убійства родственникъ убитаго долженъ мстить убійцѣ; но эта обязанность ограничена извѣстными ближайшими степенями родства—знакъ, что родовой бытъ началъ уже ослабѣвать, что распространенію родовыхъ отношеній уже положена преграда. По Ярославову уставу, въ случаѣ убійства, братъ долженъ былъ мстить за брата, отецъ—за сына и, наоборотъ: дядя

[1]) Мѣсто, найденное г. Бѣляевымъ въ уставѣ великаго князя Всеволода, хранящемся въ библіотекѣ г. Погодина. См. изслѣдованія М. Погодина т. III, стр. 408.

[2]) См. подробности въ сочиненіи Калачева—Изслѣдованіе о Русской Правдѣ, 1846.

за племянника съ братней и сестриной стороны. Въ случаѣ, если не было местника въ означенныхъ степеняхъ родства, то убійца платилъ князю пеню, виру, смотря по значенію убитаго, былъ ли то мужъ княжъ, или слуга княжій, котораго способности князь дорого цѣнилъ [3]), или простой человѣкъ: въ первомъ случаѣ убійца платилъ двойную виру (80 гривенъ), во второмъ простую (40 гривенъ), за женщину платилось полвиры. Такъ, спустя полтора вѣка послѣ призванія князей, въ судномъ уставѣ еще сохранена месть, родовое самоуправство, остатокъ родовой особности, самостоятельности; но при этомъ мы видимъ, вопервыхъ, что родовая месть ограничена ближайшими степенями родства; вовторыхъ, что въ случаѣ отсутствія родича-мстителя убійца долженъ вознаградить общество за убійство одного изъ его членовъ. Но если правительство брало съ убійцы денежную пеню, денежное вознагражденіе, то было ли въ обычаѣ, что родичъ-мститель могъ отказаться отъ своего права мстить убійцѣ, взявъ съ него денежное вознагражденіе? На этотъ вопросъ Русская Правда не даетъ намъ отвѣта; изъ ея молчанія позволительно предположить, что подобныя соглашенія были мало употребительны, могли считаться постыдными для родичей; у Германцевъ они употреблялись, но не всегда: такъ въ одной сагѣ читаемъ, что отецъ, отвергая денежный откупъ за убійство сына своего, говоритъ: „Я не хочу моего убитаго сына носить въ денежномъ кошелькѣ“ [4]). Обративъ вниманіе на бо́льшую крѣпость родовой связи у нашихъ племенъ въ описываемое время, чѣмъ у Германцевъ, можно допустить, что подобныя чувства были у насъ господствующими.

Мы видѣли, что послѣ родовой мести существовала также общественная пеня въ томъ случаѣ, когда не будетъ мстителя; но если при послѣднемъ обстоятельствѣ убійство будетъ совершено и убійца скроется, то правительство чрезъ это лишается виры; для предотвращенія такого лишенія въ означенномъ случаѣ вира платилася цѣлымъ округомъ, вервью [5]), гдѣ совершено убійство; такая ви-

[3]) Такъ напр., великій князь Изяславъ взялъ двойную виру за убійство своего старшаго конюха, что записано въ Правдѣ уже какъ правило на будущее время: «А конюхъ старый у стада 80 гривенъ, яко уставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, его же убилѣ Дорогобудьцы.

[4]) Müller—Sagabibliothek, I, 344.

[5]) Вервь, слово славянское, означаетъ и физически и нравственно: связь, вервь, веревка, союзъ; въ сербскомъ връвникъ значитъ родной, въ хорут.—сватъ. См. Срезнев. Мысли объ исторіи русскаго языка. Връвникъ происходитъ отъ физич. вервь, веревка, какъ ужикъ отъ уже—веревка. Мы думаемъ, что наше вервь получило названіе отъ верви, веревки, которую обыкновенно употребляли при земельномъ измѣреніи: «отняли, государь, у насъ деревенку въ карзинѣ курьи, дворъ и дворище; а пашни, государь, въ ней пять веревокъ». (Акты Юридическіе № 23); или въ правой грамотѣ 1535 года: «Ставъ предъ судьями, старецъ Іона и отвѣтчики Панкратъ и его товарищи тако рекли: дайте, господине, намъ цѣловальника Гаврина Ивойлова земли вервити... и старецъ Іона Панкрата и его товарыщовъ вдву третехъ въ

ра называлась общею, или дикою вирою. Вервь не платила въ томъ случаѣ, когда находили въ ней только кости, свидѣтельствовавшія о давности преступленія, не платила также за мертвеца, о которомъ никто не зналъ. Это установленіе дикой виры встрѣчаемъ мы и въ другихъ новорожденныхъ обществахъ, въ которыхъ правительственный организмъ еще незрѣлъ; при такомъ состояніи общества, полицейскія обязанности обыкновенно поручаются отдѣльнымъ округамъ, которые и отвѣчаютъ за всякій безпорядокъ, въ нихъ случившійся. Подъ дикою вирою разумѣлось также общее поручительство, по которому всѣ или нѣкоторые жители верви обязывались, въ случаѣ если одинъ изъ нихъ совершитъ убійство, помогать ему въ платежѣ виры. Существовалъ ли обычай дикой виры въ описываемое время, или явился позднѣе? Обязанность верви схватить и представить убійцу, или платить за него виру, въ случаѣ если не отыщутъ его, безспорно явилась вмѣстѣ съ опредѣленіемъ о вирахъ; труднѣе рѣшить, когда явился обычай дикой виры въ видѣ сотоварищества для вспоможенія убійцѣ платить виру: если этотъ обычай существовалъ въ описываемое время, то долженъ былъ особенно усилиться послѣ Ярослава, когда месть была окончательно замѣнена вирами. Правда различаетъ разбойничество, когда человѣкъ убилъ другого безъ всякой вражды, отъ убійства по враждѣ, въ пылу ссоры, драки. Дикая вира относительно разбойника не могла имѣть мѣста; за разбойника люди не платили, но отдавали его съ женою и дѣтьми князю на потокъ (изгнаніе), домъ его отдавался на разграбленіе. Различіе разбойничества отъ убійства въ ссорѣ, по враждѣ, должно было существовать въ описываемое время: трудно себѣ представить, чтобы безразличность между этими двумя дѣйствіями могла удержаться долго послѣ принятія христіанства, когда уже при Владимірѣ мы видимъ, что епископы настаиваютъ на необходимости казнить разбойниковъ, съ испытаніемъ однако; уже этотъ совѣтъ духовенства испытывать, обращать вниманіе на обстоятельства и побужденія, велъ необходимо къ означенному въ Правдѣ различенію между разбоемъ и убійствомъ въ ссорѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ; кромѣ того, естественно было для общества требовать, чтобы человѣкъ явно вредный, грозящій каждому гибелью, былъ исключаемъ изъ общества, не могъ въ немъ долѣе оставаться. Также должно было общество изначала смотрѣть и на зажигательство двора или гумна: зажигатель долженъ былъ заплатить за вредъ, причиненный пожаромъ, и потомъ осуждался также на потокъ, а домъ его оставался на разграбленіе.

Относительно увѣчій такое же постановленіе, какъ и относительно убійства: обиженный можетъ отомстить за себя обидчику тѣмъ же—ударъ за ударъ, увѣчье за увѣчье; если же не можетъ мстить, то беретъ себѣ денежное вознагражденіе и плату лѣкарю; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавляется, что князь получаетъ при этомъ пеню, или продажу. Увѣчье и вознагражденіе за него различались смотря по тому, какимъ образомъ оно будетъ нанесено; также смотря по тому, могъ ли излѣчиться поврежденный членъ или нѣтъ, и по важности члена; обидою считалось дѣйствіе, въ которомъ обнаруживалось намѣреніе нанести побои и увѣчье.—Относительно кражи похитившій обязанъ былъ возвратить похищенное и платить извѣстную сумму за обиду, смотря по цѣнности украденнаго; исключеніе составляетъ въ нѣкоторыхъ спискахъ коневый тать, котораго міръ выдавалъ князю на потокъ. Въ числѣ похищеній чужой собственности полагался уводъ, укрывательство бѣглаго холопа, помощь, оказанная ему во время бѣгства, нерадѣніе при поимкѣ. Упоминаются случаи порчи, истребленія чужой собственности. Большую пеню платили за поврежденіе межевыхъ знаковъ. Убійство вора не считалось убійствомъ, если было совершено при самомъ воровствѣ, когда воръ еще не былъ схваченъ; но считалось убійствомъ, если воръ былъ убитъ связанный или во время бѣгства.

Правда (слѣдованіе дѣла, исправленіе зла) происходила слѣдующимъ образомъ: обиженный долженъ былъ представить свидѣтелей своей обиды; но ясные знаки побоевъ, увѣчья—признавались достаточнымъ свидѣтельствомъ; свидѣтель долженъ былъ говорить слово въ слово, какъ самъ жалующійся; прежде всего спрашивалось, кто первый началъ драться, и зачинщикъ платилъ пеню. Если придетъ жаловаться человѣкъ съ ясными признаками побоевъ, но явятся свидѣтели, которые покажутъ, что онъ самъ былъ зачинщикомъ драки, то онъ ничего не получаетъ съ противника и самъ не платитъ: побои вмѣняются ему въ платежъ. Свидѣтель долженъ быть человѣкъ свободный; если не будетъ свободнаго, то по нуждѣ можно сослаться на боярскаго тіуна; въ маломъ искѣ по нуждѣ можно сослаться на закупня; впрочемъ истецъ могъ взять и холопа въ свидѣтели; но въ такомъ случаѣ, если отвѣтчикъ, послѣ испытанія желѣзомъ, оправдается, то истецъ платитъ ему за то, что поклепалъ его по рѣчамъ холопа. Если не найдется свидѣтель, а обвиненіе будетъ въ убійствѣ, то обвиненный долженъ былъ подвергнуться испытанію

нихъ уверви.лъ: а во се господине память веревная передъ нами... Память верев щиковъ вывервели въ Архангельской деревни полдругинадцаты веревки Горнихъ земель и Юрмолскихъ земель всихъ».—Подобный обычай былъ въ употребленіи у многихъ народовъ. Израильтяне, Греки, Германцы, Скандинавы мѣряли земли также вервями. Іис. Навин. 17, 5, 14; Herod. I, 66, Strinnholm—Wikingszüge, I, 125. Какъ у насъ имя орудія мѣры вервь перешло и къ отмѣренной землѣ, такъ точно видимъ и у Евреевъ; въ книгѣ Іисуса Навина читаемъ (17, 14): «Противу рѣша же сынове Іосифовы Іисусу, глаголюще: почто наслѣдствовалъ еси насъ жребіемъ единымъ и ужемъ единымъ». То же самое видимъ и у Римлянъ: у нихъ для измѣренія земель употреблялся шестъ или жердь—pertica (persche); pertica же означаетъ и отмѣренную землю.—Вира также слово славянское: въ хорутанскомъ вира значитъ вольная оцѣнка, вольный переходъ: завирити—обязать задаткомъ; вировати—обвинить.

желѣзомъ; это испытаніе употреблялось при обвиненіи въ воровствѣ, если поличнаго не было, и если цѣна украденной вещи была не менѣе полгривны золота; если же меньше,—то употреблялось испытаніе водою; если же цѣна похищеннаго была менѣе двухъ гривенъ серебра, то обвиненный присягалъ въ своей невинности. Обычай испытанія желѣзомъ и водою у сосѣднихъ Руси народовъ существовалъ съ незапамятныхъ временъ, вслѣдствіе чего мы и рѣшились отнести этотъ обычай къ описываемому времени. Какъ у насъ, такъ и у сосѣднихъ народовъ желѣзо предписывалось только въ тяжкихъ обвиненіяхъ [1]). Въ Богеміи подсудимый обязанъ былъ простоять извѣстное время на раскаленномъ желѣзѣ, либо держать на немъ два пальца до тѣхъ поръ, пока совершитъ предписанную присягу. У Сербовъ обвиненный долженъ былъ опустить руку въ раскаленный котелъ, либо, выхвативъ желѣзо изъ огня при дверяхъ храма, отнести его къ алтарю. Подвергшійся испытанію водою долженъ былъ сдѣлать нѣсколько шаговъ въ глубину рѣки; если онъ при этомъ робѣлъ и мѣшался, то проигрывалъ дѣло. Здѣсь начало пытки [2]). Когда обокраденный объявитъ немедленно о своей пропажѣ во всеуслышаніе на торгу, то по отысканіи своей вещи имѣлъ право взять ее, у кого нашелъ безъ всякихъ судебныхъ формъ, и тотъ, у кого найдена вещь, обязанъ заплатить хозяину за обиду, а князю продажу. Если же обокраденный не повѣститъ о своей пропажѣ на торгу и увидитъ ее у кого-нибудь другого, то не можетъ сказать ему: „это мое“, но обязанъ вести его на сводъ, чтобы тотъ указалъ, гдѣ взялъ вещь. Сводъ въ одномъ городѣ продолжался до конца, если же переходилъ черту города, то останавливался на третьемъ отвѣтчикѣ, который долженъ былъ платить истцу деньгами, а самъ бралъ вещь и отыскивалъ снова похитителя; при отыскиваніи раба сводъ шелъ во всякомъ случаѣ только до третьяго отвѣтчика, который отдавалъ истцу своего раба вмѣсто украденнаго, а самъ отыскивалъ настоящаго вора. Свода изъ своего города въ чужую землю не было; но отвѣтчикъ могъ только представить свидѣтелей или мытника (сборщика торговыхъ податей), при которыхъ купилъ искъ, послѣ чего истецъ бралъ свою вещь, не получая никакого вознагражденія за то, что вмѣстѣ съ нею пропало, а отвѣтчикъ терялъ деньги. То же самое происходило, когда отвѣтчикъ хотя и могъ посредствомъ двухъ свободныхъ свидѣтелей или мытника доказать, что онъ дѣйствительно купилъ вещь или раба, но не знаетъ у кого именно; по отысканіи же своего продавца, онъ могъ взять съ него свои деньги, и послѣдній обязанъ былъ удовлетворить перваго истца за то, что у него пропало вмѣстѣ съ краденымъ. Если хозяинъ замѣтитъ покражу, а воръ уже убѣжалъ, то съ свидѣтелями и съ чужими людьми онъ гонится по слѣдамъ вора; если слѣдъ приведетъ къ селу или шатру (товару), и жители села или владѣтели шатра не отведутъ отъ себя слѣду, не пойдутъ на слѣдъ или станутъ отбиваться, то должны платить и цѣну украденной вещи, и продажу князю; если же слѣдъ исчезнетъ на большой дорогѣ, гдѣ нѣтъ ни людей, ни жилищъ ихъ, то никто не платитъ. Въ разныхъ спискахъ Правды встрѣчаемъ уставы о процентахъ (рѣзѣ), существовавшіе до Владиміра Мономаха и при немъ изданные, о поклажѣ (дачѣ имущества на сохраненіе); о долговыхъ взысканіяхъ: если заимодавецъ станетъ требовать съ должника своихъ денегъ, а тотъ запрется, что не бралъ, то заимодавецъ выводитъ свидѣтелей, которые, если присягнутъ, что искъ его правый, то должникъ платитъ взятыя деньги, и, кромѣ того, за обиду; въ нѣкоторыхъ же спискахъ говорится: „если кто чего взыщетъ на другомъ, и послѣдній начнетъ запираться, то идти ему на изводъ предъ 12 мужей“. Если купецъ, взявши въ долгъ деньги, потерпитъ убытокъ отъ кораблекрушенія, рати или огня, то заимодавцы не имѣютъ права требовать съ него денегъ вдругъ: онъ выплачиваетъ имъ понемногу; если же должникъ пропьется или пробьется (вѣроятно, если истеряетъ имущество на виры или платежи за побои), или своимъ нерадѣніемъ погубитъ чужое имущество, то отъ заимодавцевъ зависитъ — ждать уплаты или продать должника. Если послѣдній будетъ долженъ многимъ, то заимодавцы могутъ вести его на торгъ и продать; вырученными деньгами прежде всего удовлетворяются иностранные купцы, гости, остальное дѣлятъ свои заимодавцы; если же на должникѣ будутъ княжіи деньги, то князь удовлетворяется прежде всѣхъ.

О наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ встрѣчаемъ слѣдующія статьи: если умретъ простой человѣкъ, смердъ, и сыновей у него не будетъ, то имущество его переходитъ къ князю; если останутся у него дочери, то давать часть на нихъ, какую—не сказано,—впрочемъ она зависѣла отъ князя; если же дочери будутъ замужемъ, то не давать имъ части. Если умретъ бояринъ или дружинникъ, то имѣніе нейдетъ къ князю; но если не будетъ сыновей, то дочери возьмутъ. Послѣ призванія князей, въ городахъ родоначальника замѣнилъ князь — Рюриковичъ, имѣніе бездѣтнаго смерда переходило въ распоряженіе князя, дочь наслѣдовала по старому обычаю, ибо ея назначеніе было оставить свой родъ для чужого; незамужняя женщина не могла быть самостоятельной владѣлицею, самостоятельнымъ членомъ общества. какъ прежде не могла быть самостоятельнымъ членомъ рода. Что имѣніе могло идти только къ сыновьямъ, а не въ боковыя линіи, это было необходимо въ описываемое время: родичъ, выдѣлившійся изъ рода, прерывалъ съ послѣднимъ всякую связь,—ни онъ не имѣлъ права вступаться

[1]) См. переводъ статьи Палацкаго—Сравненіе законовъ царя Стефана Душана, въ Чтеніяхъ Москов. Истор. Общ. 1846, № 2.

[2]) Рядъ земскаго Чешскаго права говоритъ ясно: Credo quod jus recipiendi candens ferrum plus fuit institutum propter terrorem et poenam quam propter aliquam temptationem Dei, ut a talibus (criminibus) eo perterriti facilius cessarent.

въ общую родовую собственность, ни остальные родичи также не имѣли права вступиться въ его имущество. Такое рѣзкое выдѣленіе было необходимымъ слѣдствіемъ твердости родовой связи: кто нарушалъ эту связь, тотъ нарушалъ ее совершенно, становился совершенно чужимъ, ничего средняго быть не могло. Такимъ образомъ, означенное положеніе Русской Правды о наслѣдствѣ служитъ признакомъ только-что начавшагося перехода отъ родоваго быта, когда еще не выработались отношенія по одной кровной связи, безъ всякаго отношенія къ единству рода и къ общему владѣнію родовою собственностью: можно выразиться такъ, что это положеніе Русской Правды знаменуетъ переходъ отъ родовыхъ отношеній къ родственнымъ. Такъ какъ выдѣлы изъ родовъ по означеннымъ выше причинамъ должны были происходить въ описываемый періодъ преимущественно въ городахъ, то мы и почли приличнымъ упомянуть здѣсь о положеніи Русской Правды относительно наслѣдства, тѣмъ болѣе что положеніе ея о наслѣдствѣ послѣ дружинника безспорно носитъ признаки глубокой древности. Мы замѣтили, что имущество простого человѣка, смерда, шло къ князю, потому что князь, Рюриковичъ, замѣнилъ для смерда прежняго князя—родоначальника: но вовсе не таково было отношеніе дружинника къ князю. Дружинникъ былъ вольный слуга князя: первоначальную дружину составляли пришельцы Варяги, которые могли оставаться въ службѣ князя, сколько хотѣли; они получали содержаніе отъ князя за свою службу; они не входили вмѣстѣ со смердами въ составъ общества: они составляли особое отъ общества тѣло, которое общество содержало для собственной защиты; отсюда казна общественная или княжеская не могла брать имущества умершаго дружинника, которое представляло не иное что какъ жалованье, полученное дружинникомъ за службу князю и землѣ. Вольный дружинникъ, вступая въ службу князю, никакъ не могъ согласиться, чтобы добытое имъ имущество на службѣ по его смерти отнималось у его дочерей и переходило къ обществу, къ которому онъ могъ имѣть только временное отношеніе: при этомъ очень часто могло случаться, что имущество это было имъ накоплено въ другихъ странахъ, на службѣ другому князю, другой землѣ. Мы назвали этотъ обычай, относительно боярскаго наслѣдства, древнимъ, отнесли его къ описываемому періоду именно потому, что онъ предполагаетъ особность дружинника, какъ пришлеца, могущаго быть только временнымъ слугою княжескимъ: это же отношеніе особенно было сильно въ началѣ нашей исторіи. Изъ остальныхъ положеній о наслѣдствѣ въ Русской Правдѣ читаемъ о правѣ отца при смерти дѣлить домъ свой дѣтямъ; если же умретъ безъ завѣщанія (безъ ряда), то имѣніе идетъ всѣмъ дѣтямъ, которыя обязаны дать часть по душѣ умершаго; дворъ отцовскій всегда идетъ меньшому сыну. Сестра при братьяхъ не получала наслѣдства, но послѣдніе обязывались выдать ее замужъ. Жена, если остается жить съ дѣтьми, имѣетъ право на часть наслѣдства; но когда мужъ назначилъ или далъ ей особый участокъ изъ своего имущества, то она уже не наслѣдуетъ вмѣстѣ съ дѣтьми. Мать можетъ раздѣлить свое имущество между всѣми сыновьями, или же отдать его кому-нибудь одному, даже одной дочери; но если она умретъ, не распорядившись, то наслѣдство послѣ нея получаетъ тотъ, у кого она жила въ домѣ, кто ее кормилъ и у кого она умерла. Изъ дѣтей отъ двухъ разныхъ отцовъ тѣ и другія получаютъ только наслѣдство послѣ своего отца; а если они отъ разныхъ матерей,—то наслѣдство послѣ своей матери. Если мать малолѣтнихъ сиротъ пойдетъ замужъ, то они съ наслѣдствомъ своимъ поступаютъ въ опеку къ ближайшему родственнику; отчимъ также могъ быть опекуномъ. Опекунъ бралъ имѣніе малолѣтнихъ передъ добрыми людьми и вноcлѣдствіи обязанъ былъ возвратить его въ цѣлости, вмѣстѣ съ приплодомъ, отъ скота и челяди, имѣя право удержать у себя только проценты или торговую прибыль, въ награду за свои попеченія. Если жена, давши слово сидѣть по смерти мужа съ дѣтьми, растеряетъ имущество послѣднихъ и пойдетъ замужъ, то должна выплатить дѣтямъ все ею потерянное. Жена имѣетъ право оставаться по смерти мужа въ его домѣ съ дѣтьми, и послѣднія не смѣютъ этому противиться. О незаконныхъ дѣтяхъ встрѣчаемъ слѣдующее положеніе: „если будутъ у мужа дѣти отъ рабы, то они не имѣютъ доли въ наслѣдствѣ, но получаютъ свободу вмѣстѣ съ матерью“. Очень важно было бы знать время появленія этого устава. Вѣроятно духовенство съ самаго начала старалось полагать различіе между законными и незаконными дѣтьми; но сомнительно, соблюдалось ли строго это различіе во времена Ярослава. Любопытно, что уставъ обращаетъ вниманіе на дѣтей отъ рабы, признаетъ ихъ, хотя несовершенно; хотя лишаетъ ихъ наслѣдства, однако даетъ имъ свободу вмѣстѣ съ матерью. Полное признаніе незаконности ихъ не допустило бы уставъ обратить на нихъ вниманіе.

На комъ лежала обязанность приводить судебный приговоръ въ исполненіе, то-есть подвергать виновнаго наказанію, собирать пени, получать судебныя пошлины, взыскивать частное вознагражденіе, и какія средства можно было употреблять въ случаѣ сопротивленія со стороны осужденнаго,—на все это нѣтъ достаточныхъ указаній въ Русской Правдѣ. Но изъ другихъ источниковъ мы узнаемъ о важномъ значеніи при судѣ тіуна княжескаго, отъ котораго зависѣло рѣшить дѣло—право или неправо, наложить справедливую или несправедливую пеню, откуда заключаемъ, что тіунъ былъ приставникомъ княжескимъ при судѣ, обязаннымъ смотрѣть за исполненіемъ устава. Кромѣ того, при судопроизводствѣ упоминаются еще слуги княжескіе съ разными названіями—ябедника, вирника, метельника, мечника (кажется одно и то же), дѣтскаго, отрока (кажется одно и то же); встрѣ-

чаемъ и писца; въ пользу этихъ лицъ установлены были особыя судныя пошлины; кромѣ того, во время слѣдствія дѣла они получали содержаніе на счетъ жителей того мѣста, гдѣ производилось слѣдствіе. Наконецъ въ Правдѣ встрѣчаемъ статьи, которыми опредѣляется пеня за то, если подвергнуть мукѣ, тѣлесному истязанію огнищанина, тіуна, мечника или простаго человѣка смерда, безъ княжескаго приказанія: слѣдовательно, эти люди могли подвергаться тѣлесному истязанію по приказу княжескому. Какъ поступалъ князь съ людьми, входившими въ столкновеніе съ его властью,—видно изъ поведенія Ярослава съ дядею его, новгородскимъ посадникомъ Константиномъ Добрыничемъ,

Разсмотрѣвъ содержаніе Русской Правды, во сколько, при настоящей, очень неудовлетворительной обработкѣ этого памятника, можно имъ воспользоваться, мы обратимся теперь къ нравамъ эпохи, какъ они представляются намъ Правдою и лѣтописью. Кровавая месть, частая возможность убійства въ ссорѣ, на пирахъ, поступки Игоря съ Древлянами и Древлянъ съ нимъ, мщеніе Ольги, умноженіе разбоевъ при Владимірѣ, поступки Добрыни въ Полоцкѣ съ семьею Рогволода, потомъ съ Ярополкомъ, поведеніе Святополка: вотъ нравы языческаго общества. Скорость къ обидѣ и скорость къ мести, преобладаніе физическихъ стремленій, мало сдерживаемыхъ религіозными и нравственными законами; сила физическая на первомъ планѣ,—ей весь почетъ, всѣ выгоды; богатырь, котораго сила доведена въ народномъ воображеніи до чудовищныхъ размѣровъ,—вотъ герой эпохи. Въ битвахъ личная, матеріальная сила преобладаетъ; отсюда видимъ частыя единоборства, въ которыхъ оружія не употребляется: борются обыкновенно, схватывая другъ друга, желая раздавить или ударить о землю; оружіе—это уже человѣческое, искусственное, замѣняющее животную силу; при владѣніи оружіемъ требуется ловкость, искусство. Съ выдѣлкою оружія въ древности соединяли всегда понятіе о мудрости, хитрости; въ сѣверныхъ преданіяхъ оружіе куютъ обыкновенно карлы—волшебники: эти существа лишены матеріальной силы, и, несмотря на то, оружіе, произведеніе ихъ искусства, ихъ духовной дѣятельности, дѣлаетъ героевъ непобѣдимыми. Но должно замѣтить, что одну животную силу и единоборство любятъ употреблять преимущественно восточные варвары: такъ Печенѣги вызываютъ на единоборство Русскаго; такъ Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава; азіатскія понятія высказываются въ томъ, что вожди въ поединкахъ рискуютъ счастіемъ, свободою семейства и подданныхъ. Высшую богатырскую природу, высшія стремленія выставляетъ Европа, Русь—въ лицѣ Святослава. Преданіе не говоритъ о его страшной физической силѣ, оно говоритъ о крѣпости духа, которая заставляла тѣло переносить всякаго рода лишенія; это герой дѣятельности, движенія: онъ ходитъ легко, какъ барсъ; онъ противоположенъ тѣмъ сказочнымъ богатырямъ, которые не двигаются отъ избытка матеріальной силы. Святославъ собственно не богатырь, онъ вождь дружины, которая похожа на него; онъ любитъ оружіе, онъ отказывается отъ поединка съ Цимискіемъ; онъ первый между дружинниками, бьется въ челѣ ихъ, но не отдѣляется отъ нихъ, не существуетъ безъ нихъ, живетъ и умираетъ съ ними. Святославу вторитъ Вышата: „Живъ ли буду—съ дружиною; погибну ли—вмѣстѣ съ нею". Вообще, въ преданіяхъ, занесенныхъ въ лѣтопись, безъ труда можемъ замѣтить эту борьбу Востока съ Западомъ, Азіи съ Европою: борьба происходитъ за Дономъ, часто за Днѣпромъ, подлѣ самаго Кіева; но вездѣ видимъ характеристическія черты борющихся сторонъ: со стороны Азіи выходитъ громадный Печенѣгъ, со стороны Руси — Янъ Усмошвецъ, человѣкъ по наружности очень обыкновенный, незначительностью своего вида возбуждаетъ насмѣшки великана, но побѣждаетъ его. Редедя, князь Касожскій, вызываетъ Мстислава на поединокъ: Мстиславъ чувствуетъ уже, что противникъ одолѣваетъ его, и однако Русскій князь побѣждаетъ Азіятца, побѣждаетъ духовною силою, вѣрою. Но, какъ бы то ни было, мы видимъ повсюду проявленія матеріальной силы: ей первое мѣсто, ей почетъ отъ князя до простолюдина; чрезъ нее простолюдинъ можетъ сдѣлаться великимъ мужемъ, какъ сдѣлался Янъ Усмошвецъ; она вѣрное средство для пріобрѣтенія славы и добычи. При господствѣ матеріальной силы, при необузданности страстей, при стремленіи юнаго общества къ расширенію, при жизни въ постоянной борьбѣ, въ постоянномъ употребленіи матеріальной силы—нравы не могли быть мягки; когда силою можно взять все, когда право силы есть высшее право, то конечно сильный не будетъ сдерживаться предъ слабымъ: „Съ дружиною пріобрѣту серебро и золото", говоритъ Владиміръ, и тѣмъ указываетъ на главное, вѣрнѣйшее средство къ пріобрѣтенію серебра и золота; они пріобрѣтались оружіемъ, пріобрѣтались сильнымъ на счетъ слабаго. Князья идутъ на Грековъ, чтобы взять золото, драгоцѣнности; если съ дружиною можно было пріобрѣсть богатство, то богатство необходимо было для содержанія дружины; хорошимъ княземъ считался тотъ, который ничего не щадилъ для дружины; дружина Игоря требуетъ, чтобъ князь шелъ съ нею въ дань; Игорь и дружина его прямо объявляютъ, что цѣль ихъ похода—золото, что если Греки дадутъ имъ его, то имъ больше ничего не нужно; дружина Владиміра жалуется, что князь кормитъ ее съ деревянныхъ ложекъ. Славные подвиги нужны были для богатства, богатство нужно было для совершенія славныхъ подвиговъ: обѣ страсти питали одна другую. Но при этомъ мы видимъ однако, что въ образцѣ тогдашняго героя чистое корыстолюбіе, страсть къ богатству для богатства было осуждено: такъ Святославъ не обращаетъ вниманія на богатые подарки Императора и любуется однимъ оружіемъ; простота, презрѣніе къ роскоши

выставлены въ Святославѣ какъ достоинство; добрый князь не можетъ быть скупымъ, онъ не щадитъ ничего для дружины: таковъ Владиміръ и сынъ его Мстиславъ. Несмотря на уваженіе къ силѣ, она не считалась единственно позволеннымъ средствомъ къ торжеству; хитрость цѣнилась также высоко, считалась мудростью; перехитрить, переклюкать, было тоже подвигъ. Легко понять, что всѣ природныя стремленія сильнаго не знали границъ при возможности удвлетворить имъ, таково женолюбіе язычника Владиміра. Богатыри послѣ подвиговъ силы не знали другихъ наслажденій, кромѣ матеріальныхъ: „Руси есть веселіе пити", говоритъ Владиміръ; въ преданіи съ восторгомъ говорится о количествѣ блюдъ на пирахъ этого князя.

Мы видѣли, какъ законъ слабо содержувалъ проявленіе матеріальной силы, позволяя частную месть или выкупъ деньгами. Представляла ли славянская языческая религія какое-нибудь противоборство имъ?—кажется, никакого. Одно только нравственное противоборство могла представить власть родительская; любопытенъ разсказъ старика, отца Усмошвецова: „однажды, говоритъ онъ, я бранилъ своего младшаго сына, и тотъ въ сердцахъ разорвалъ воловью кожу". Вотъ вѣрная картина быта! Богатырь принужденъ выслушать укоры стараго отца; матеріальная сила кипитъ, просится вонъ, но сдерживается, и оказывается только въ безсмысленномъ гнѣвѣ на невинную вещь. Игорь покорствуетъ Олегу, ходитъ по немъ, какъ сынъ; Святославъ сердится на мать за совѣты принять христіанство, но отговаривается дружиною; Владиміръ повинуется дядѣ Добрынѣ, посылаетъ сказать Блуду, что будетъ имѣть его вмѣсто отца, — бо́льшаго выраженія для чести и власти не было.—Преобладаніе матеріальной силы, разумѣется, не могло условливать уваженія къ слабѣйшему полу вообще; но, при отсутствіи опредѣленій, женщина могла, пользуясь иногда своимъ преимуществомъ духовнымъ, а иногда даже и силою матеріальною, играть важную роль; мудрѣйшею изъ людей въ описываемый періодъ является женщина—Ольга, которая правитъ Русью во время малолѣтства Святослава, да и послѣ совершеннолѣтія. Женщины провожаютъ мужей своихъ на битвы; пѣсни, содержаніе которыхъ относится ко временамъ Владиміра, упоминаютъ о женщинахъ чародѣйкахъ. По свидѣтельству тѣхъ же пѣсенъ, женщины участвовали вмѣстѣ съ мужчинами въ пирахъ княжескихъ, похваляясь своею хитростью, мудростью; стыдливости мало въ ихъ бесѣдахъ, выходки матеріальной силы и тутъ на первомъ планѣ [1]).—Владиміръ совѣтуется со своею женою Анною о церковномъ уставѣ; княгини имѣютъ свои волости, содержатъ свою дружину, спорятъ съ мужьями, кто наберетъ храбрѣйшихъ дружинниковъ. Рогволодъ Полоцкій отдаетъ дочери на рѣшеніе, за кого она хочетъ выдти замужъ; Предслава переписывается съ Ярославомъ о поступкахъ Святополковыхъ.—Въ такомъ состояніи застало нравы новорожденнаго русскаго общества христіанство, о вліяніи котораго будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

Теперь обратимся къ обычаямъ. Мы не знаемъ, какіе обряды совершались при рожденіи ребенка; знаемъ изъ лѣтописи и изъ Правды, что къ дѣтямъ приставлялись кормильцы, или воспитатели, упоминаются также кормилицы, трудно рѣшить, въ какомъ значеніи принимались послѣднія, въ одномъ ли нашемъ тѣсномъ значеніи женщинъ, кормящихъ грудью ребенка, или въ обширномъ значеніи нянекъ, точно такъ, какъ воспитатели, пѣстуны мужчины назывались кормильцами. Князья женились рано: Владиміръ, будучи очень молодъ, сватался на Рогнѣдѣ, но уже прежде былъ женатъ на матери Вышеслава. Изъ подробностей брачныхъ обычаевъ мы знаемъ только четыре: сватовство — женихъ обращался къ отцу невѣсты съ предложеніемъ; невѣста въ день свадьбы одѣвалась въ лучшее платье, княжна во всю утварь царскую; упоминается объ обычаѣ разуванія мужа молодою женою, — обычаѣ, который находимъ одинаково у племенъ славянскихъ и литовскихъ; наконецъ знаемъ, что за жену платилось вѣно.—Мертвыхъ погребали на горахъ, насыпали курганы надъ могилами, совершали тризны. Византійскій историкъ такъ описываетъ погребеніе воиновъ Святославовыхъ [2]). „Ночью, при появленіи полной луны, непріятели (Руссы) вышли изъ города на поле сраженія, собрали тѣла своихъ убитыхъ и сожгли ихъ на многихъ кострахъ, расположенныхъ у стѣны; въ то же время они умертвили, по своему обычаю, множество плѣнныхъ мужчинъ и женщинъ, утопили въ Дунаѣ грудныхъ младенцевъ и пѣтуховъ." Арабскіе писатели говорятъ, что Славяне и Руссы жгли своихъ мертвецовъ съ разными пожитками, живот-

---

[1]) Древнія Росс. стихотворенія К. Данилова, стр. 67:

У великаго князя вечеринка была,
А сидѣли на пиру честныя вдовы...
Промежду собою разговоры говорятъ,
Все были рѣчи прохладныя.—
Не отколь взялась тутъ Марина Игнатьевна,
Водилась съ дитятами княженецкими,
Она больно Марина упивалася,
Голова на плечахъ не держится,
Она больно Марина похваляется:
«Гой еси вы, княгини, боярыни!
Во стольномъ во городѣ во Кіевѣ
А и нѣтъ меня хитрѣя, мудрѣя,
А и я де обернула десять молодцовъ,
Сильныхъ могучихъ богатырей, гнѣдыми турами»
и проч.

Или, стр. 148:

Въ стольномъ было городѣ во Кіевѣ,
У ласкова, Осударь, князя Владиміра,
Было пированье, почестной пиръ,
Было столованье, почестной столъ,
Много было у князя Владиміра
И князей и бояръ, и княженецкихъ женъ.

[2]) Leo Diac. I, IX. Тѣло Владиміра спустили на землю на канатахъ, проломавши полъ; такой обычай видимъ въ древней Скандинавіи. См. Weinhold's Altnordisches Leben, 476.

ными и женами.—Жилища носили разныя названія; упоминаются терема: такъ въ Кіевѣ былъ каменный теремъ княжескій со дворомъ; онъ состоялъ изъ разныхъ покоевъ, между которыми была гридница, комната, куда собиралась дружина для пировъ и, вѣроятно, для совѣта. Подъ именемъ терема въ обширномъ смыслѣ разумѣли, какъ видно, то, что мы теперь называемъ дворцомъ, большое, видное по своей красотѣ зданіе. Общее названіе для дома было хоромы, состоявшія изъ теплаго жилья—избъ и холодныхъ, лѣтнихъ покоевъ—клѣтей. Загородные, лѣтніе дворы, какъ напримѣръ Берестовскій Святого Владиміра, состояли, разумѣется, изъ однихъ холодныхъ покоевъ, или клѣтей. Клѣти соединялись другъ съ другомъ сѣнями, переходами или помостами, какъ видно изъ описанія кончины Святого Владиміра [1]); въ хоромахъ напереди придѣлывались сѣни или крыльца на столбахъ, что́ видно изъ описанія мученической кончины двухъ Варяговъ [2]). Около хоромъ были дворы, огороженные заборомъ [3]). Кромѣ клѣтей, упоминаются одрины—спальни (отъ одръ—ложе), вежи (чердаки, вышки), голубятни (голубники [4]); изъ службъ упоминаются бани и медуши (гдѣ берегли медъ). Изъ утварей встрѣчаемъ названія—одръ (кровать), столъ въ значеніи княжескаго сѣдалища, что теперь престолъ; обыкновенно лавки въ пѣсняхъ называются бесѣдами; въ лѣтописи упоминается Пасынча бесѣда. Упоминаются ковры, которыми, вѣроятно, покрывали болѣе столы и лавки, чѣмъ полы. Изъ названія платья встрѣчаемъ порты въ обширномъ и тѣсномъ значеніи; изъ верхняго платья упоминаются корзны и луды (епанчи); къ одеждамъ отнесли мы перегибы и сустуги, въ которыхъ величались древлянскіе послы; упоминаются убрусы—платки. Обувь употреблялась та же, что и теперь—сапоги и лапти. Матеріаломъ для одежды служили ткани, паволоки греческія, льняныя и шерстяныя самодѣльныя, мѣха. По описанію Льва Діакона, Святославъ, при свиданіи съ Цимискіемъ, какъ видно, былъ въ одной рубашкѣ; въ одномъ ухѣ вдѣта была золотая серьга съ двумя жемчужинами и рубиномъ; о корзнѣ, плащѣ или кафтанѣ, который надѣвался въ одинъ рукавъ, а на другое плечо только накидывался, говоритъ арабскій писатель Ибнъ-Фоцланъ; такъ носить верхнюю одежду любитъ до сихъ нашъ народъ. По свидѣтельству Арабовъ, русскія женщины носили на груди маленькія коробочки изъ разныхъ дорогихъ и недорогихъ металловъ, смотря по достатку мужа; на коробочкѣ было кольцо, къ кольцу привязывался большой ножъ; на шеѣ женщины носили золотыя и серебряныя цѣпи, также ожерелья изъ зеленаго бисера. Носить усы и бороду было въ обычаѣ: Русская Правда упоминаетъ о ихъ поврежденіи; о Святомъ Борисѣ говорится, что у него, какъ у юноши, усъ и борода были малые.—Изъ конской сбруи упоминаются въ лѣтописи сѣдла и узды. Для ѣзды употреблялись возы въ смыслѣ нынѣшнихъ повозокъ, и кола въ смыслѣ нынѣшнихъ дрогъ или дровенъ. Названіе „сани“ употреблялось одинаково для зимней и лѣтней повозки [5]). Въ пищу употребляли хлѣбъ, мясо дикихъ животныхъ, домашняго скота, между прочимъ конское, рыбу, овощи, сыры, кисели изъ пшеницы, отрубей, овса, кисельный растворъ назывался цѣжью (отъ цѣдить [6]); кисель ѣли съ сытою. У князей были повара; мясо варили въ котлахъ, пекли на угольяхъ; посуда была: кади, лукна (лукошки), ведра, котлы [7]), корчаги, бочки, ложки (деревянныя и серебряныя), ножи; упоминаются колодцы. Пили вино, медъ, квасъ. Изъ увеселеній упоминаются охота, рыбная ловля и пиры. Если принимать свидѣтельство Русской Правды для описываемаго времени, то охота была псовая, ястребиная и соколиная; животныя эти дорого цѣнились. Любили бани, преимущественно, какъ видно, на сѣверѣ; южные жители смѣялись надъ пристрастіемъ сѣверныхъ къ банямъ [8]).

Занятіе жителей составляли: земледѣліе [9]); жители городовъ воздѣлывали нивы и земли свои. На скотоводство указываютъ слова Древлянъ: „Если повадится волкъ къ овцамъ, то выноситъ стадо“; Константинъ Багрянородный говоритъ, что Руссы покупаютъ рогатый скотъ, лошадей и овецъ у Печенѣговъ, потому что эти животныя не разводятся въ Россіи. Слова эти можно понимать такъ, что количество рогатаго скота и овецъ, питаемыхъ племенами, было недостаточно для потребленія собственно Руссовъ, которые должны были покупать скотъ у Печенѣговъ. Въ Русской Правдѣ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 54: «Ночью же межю (двѣма) клѣтми проимавше помостъ, и ужи свѣсиша на землю».

[2]) Тамъ же, стр. 35: «Онъ же стояше на сѣнехъ съ сыномъ своимъ... и кликнуша и посѣкоша сѣни подъ ними».

[3]) Тамъ же: «И розъяша дворъ около его».

[4]) Тамъ же, стр. 25: «Голуби же и воробьеве полетѣша въ гнѣзда своя, ови въ голубники, воробьеве же подъ стрѣхи; и тако възгарахуся голубници, ово клѣти, ово вежѣ, ово ли одрины».

[5]) Въ разсказѣ о кончинѣ Св. Владиміра говорится, что тѣло его повезли на саняхъ въ Кіевъ—15 іюля.

[6]) А цѣжь не составляла особаго кушанья, какъ думаютъ нѣкоторые.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 55: «И приведоша я къ кладязю, идѣ же цѣжь, и почерпоша ведромъ и льяша въ латки».—Въ другихъ спискахъ правильнѣе: «и льяша въ котлы», ибо въ латкахъ нельзя варить киселя.

[8]) И приде въ Словени, идѣже нынѣ Новгородъ; и видѣ ту люди сущая, како есть обычай имъ, и како ся мыютъ, хвощются, и удивися имъ... и рече: «Дивно видѣхъ Словеньскую землю, идучи ми сѣмо видѣхъ бани древены, и пережьгуть е рамяно, совлокуться и будутъ нази, и облѣются квасомъ усніянымъ, и возьмутъ на ся прутье младое, бьются сами и того ся добьютъ, егда влѣзутъ ли живи, облѣются водою студеною, тако оживутъ; и то творитъ по вся дни не мучими никимъ же, но сами ся мучать, и то творять не мовенье себѣ, а мученье».

[9]) Полн. Собр. Р. Лѣт. I, 25: «Дѣлаютъ нивы своя и земли своя».

упоминаются: кони, волы, бараны, козы, свиньи; мясо послѣднихъ животныхъ, какъ видно, особенно любили [1]). Птицеводство: въ Русской же Правдѣ упоминаются цѣнныя птицы—голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди. Упоминаются овощи,—слѣдовательно можно заключать объ огородничествѣ. Рыболовство, звѣроловство, пчеловодство подразумѣваются. Изъ ремеслъ встрѣчаемъ указаніе на плотничество, которымъ занимались особенно Новгородцы и вообще жители сѣверныхъ областей, рубившіе лодки въ лѣсахъ своихъ и привозившіе ихъ на продажу въ Кіевъ; о рубленіи городовъ, мощеніи мостовъ упоминаетъ и лѣтопись, и Правда; о кожевничествѣ упоминаетъ лѣтопись въ разсказѣ о Янѣ Усмошвецѣ; безъ сомнѣнія, разныя грубыя ткани для обыкновенной одежды выдѣлывались также дома, равно какъ необходимая посуда, деревянная и глиняная, напримѣръ о дѣланіи горшковъ въ Новгородѣ есть прямое указаніе [2]). Касательно искусствъ въ дохристіанское время упоминается только объ одномъ каменномъ зданіи, теремѣ княжескомъ въ Кіевѣ, построенномъ безъ сомнѣнія греческими мастерами, потому что и послѣ каменьщики и зодчіе выписывались изъ Византіи; неизвѣстно, дома или на чужбинѣ дѣлались истуканы Владиміровы. Собственно же говоря, искусство начинается на Руси вмѣстѣ съ христіанствомъ: Владиміръ послалъ въ Грецію за мастерами, которые построили въ 989 году Десятинную церковь въ Кіевѣ. По извѣстію лѣтописей, изъ Греціи пришли каменосѣчцы и зиждители палатъ каменныхъ [4]). Ярославъ построилъ каменную крѣпость въ Кіевѣ и соборную церковь Святой Софіи (митрополію), которую украсилъ золотомъ, серебромъ и сосудами; сынъ его, Владиміръ, въ Новгородѣ построилъ также крѣпость и соборъ Святой Софіи; при Ярославѣ же въ Кіевѣ построены монастыри Святаго Георгія и Святой Ирины [3]). Дитмаръ говоритъ, что въ его время въ Кіевѣ было 400 церквей и 8 торговъ [5]); Адамъ Бременскій называетъ Кіевъ соперникомъ Константинополя [6]); число церквей крайне преувеличено или цыфра искажена [7]); но общаго впечатлѣнія и отзывовъ нельзя отвергнуть.

Кіевъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ тому, что служилъ складкою товаровъ между южною и сѣверною Европою; обратимся же теперь къ торговлѣ, путемъ которой были русскія области въ описываемое время. Мы видѣли занятія племенъ: была-ли въ числѣ ихъ торговля; существовала ли мѣна произведеній между племенами до появленія среди нихъ Варяговъ-Руси? Повсемѣстная почти одинаковость произведеній въ странѣ, обитаемой славянскими племенами, сильно препятствовала мѣнѣ: что могли вымѣнивать другъ у друга Поляне и Сѣверяне, Древляне и Дреговичи, Кривичи и Радимичи? Образъ жизни ихъ былъ одинаковъ; одинакія занятія, одинакія потребности, одинакія средства къ ихъ удовлетворенію: у Древлянъ былъ хлѣбъ, медъ, воскъ, звѣриныя кожи; то же было у Полянъ и другихъ племенъ. Но съ призваніемъ варяжскихъ князей, съ появленіемъ ихъ дружины, дѣла начали перемѣняться; среди земледѣльческаго народонаселенія, добывавшаго все нужное безъ раздѣленія занятій, сосредоточенныхъ въ семьѣ, явилась воинская дружина, образовались, слѣдовательно, два различныхъ слоя народонаселенія, съ различными занятіями,—и является мѣна. Константинъ Багрянородный говоритъ, что славянскія племена, подчиненныя Руссамъ, зимою рубятъ въ лѣсахъ свои лодки—однодеревки, отдѣлываютъ ихъ, и весною, какъ ледъ растаетъ, спускаютъ въ ближнія озера, и потомъ далѣе по Днѣпру въ Кіевъ; здѣсь вытаскиваютъ ихъ на берегъ и продаютъ Руссамъ, которые покупаютъ только однѣ лодки и весла, уключины же и другія снасти дѣлаютъ сами изъ старыхъ судовъ. Вотъ начало внутренней торговли! Но любопытно, какъ и здѣсь еще раздѣленіе занятій было неполно. Руссы покупали только остовы лодокъ у Славянъ, снасти же дѣлали сами. Несмотря на то, это явленіе очень важно для историка: сѣверныя славянскія племена, эти знаменитые плотники, уже промышляютъ, рубятъ лодки, сплавляютъ ихъ, доходятъ до Кіева; Днѣпръ связываетъ сѣверъ и югъ русскихъ владѣній; сѣверныя племена двигаются, воспитываютъ въ себѣ духъ предпріимчивости; они сперва только помогаютъ внѣшней торговлѣ, приготовляютъ лодки для торговцевъ; но это приготовленіе скоро повлечетъ ихъ самихъ къ торговлѣ болѣе дѣятельной и внѣшней.

Если внутренняя торговля явилась съ прибытіемъ Варяговъ. Руси, то и внѣшняя должна была явиться вмѣстѣ съ ними же. Жилища славянскихъ племенъ—Новгородцевъ, Кривичей, Сѣверянъ, Полянъ—находились на пути изъ Балтійскаго моря въ Черное,

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 36: «Но сеему (Владиміру) бѣ не любо обрѣзанье удовъ, и неяденье мясъ свиныхъ»

[2]) Соф. Врем. I, 88: «Иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци вести въ городъ».

[3]) Никон. I, 130.

[4]) Любопытно извѣстіе о построеніи церкви Св. Георгія: «Блаженный и приснопамятны всея Русскыя земля князь Ярославъ, нареченный во святѣмъ крещеньи Георьгий, сынъ Владимѣръ крестившаго землю Русскую, братъ же святаго мученика Бориса и Глѣба: се всхотѣ создати церковь въ свое имя Святаго Георьгия, да еже всхотѣ и створи; и яко начаша здати ю, и не бѣ много дѣлатель у нея; и се видѣвъ князь призва тиуна: почто не много у церкве стражущихъ? Тиунъ же рече: понеже дѣло властелское, боятся людье трудъ подъимше наима лишени будутъ. И рече князь: да аще тако есть, то азъ сице створю. И повелѣ куны возити на телѣгахъ въ коморы злятыхъ вратъ, и возвѣстиша на торгу людемъ да возмутъ каждо по ногатѣ на день. И бысть множество дѣлающихъ». См. Кіевлянинъ, кн. III, стр. 66. Печатный Прологъ, 26 ноября.

[5]) Chron. p. 426: «in magna hac civitate... plus quam quadringenta habentur ecclesiae et mercatus VIII; у Annalista Saxo, ann. 1018 означено только 300 церквей».

[6]) Hist. Eccles. lib. II, c. 13.

[7]) Никон. I, 124. «И погорѣ градъ и церквей много, яко до седми сотъ». Здѣсь также явное преувеличеніе.—И въ Москвѣ говорятъ сорокъ сороковъ церквей, и точно считаютъ церкви сороками, но сороковъ вовсе не сорокъ.

изъ Варягъ въ Греки: здѣсь и основалось главное русское владѣніе, концами котораго и вмѣстѣ главными пунктами, соединяющими сѣверъ и югъ, были Новгородъ и Кіевъ; русское владѣніе тогда только получило полноту, когда Новгородскіе князья овладѣли и Кіевомъ; Кіевъ и Новгородъ не могли долгое время существовать отдѣльно; природа неразрывно соединила эти два города, и во все продолженіе нашей древней исторіи они находились въ неразрывномъ союзѣ; разстояніе между ними было путемъ; огромность этого разстоянія уменьшалась при удобствѣ сообщенія, потому что этотъ путь былъ водный. Новгородъ и Кіевъ—двѣ главныя стоянки на оконечностяхъ этого пути; историческая жизнь народовъ всегда загарается тамъ, на тѣхъ концахъ ихъ областей, гдѣ они сталкиваются съ другими народами историческими; для славянскихъ племенъ мѣстомъ столкновенія съ историческими народами были концы великаго воднаго пути на сѣверѣ и югѣ—Новгородъ и Кіевъ; посредниками этого столкновенія были Варяги-Русь: они-то были первыми посредниками между сѣверомъ и югомъ Европы и въ торговомъ отношеніи; другимъ побочнымъ путемъ была Западная Двина,—и здѣсь другое, менѣе важное русское владѣніе—Полоцкое княжество. Но какой жа характеръ носила первоначально эта торговля? Разумѣется, мы не можемъ перенести на нее понятія настоящаго времени о торговлѣ. Торговля въ тѣ времена была тѣсно связана съ пиратствомъ: Варягъ являлся на извѣстный берегъ подъ видомъ торговли, и дѣйствительно начиналъ торговать съ жителями; но при первомъ удобномъ случаѣ изъ купца онъ становился пиратомъ и грабилъ тѣхъ, съ которыми прежде велъ мѣну. На этотъ двойственный характеръ древнихъ русскихъ купцовъ лучше всего указываютъ договоры Грековъ съ нашими первыми князьями: въ нихъ византійское правительство постоянно выговариваетъ для себя мѣры противъ буйства Руссовъ. Но каковъ бы ни былъ характеръ послѣднихъ, они торговали съ Греціею, привозили туда товары сѣвера и брали въ обмѣнъ товары юга.

Чѣмъ же торговали Руссы въ Константинополѣ? Главнымъ предметомъ торговли, съ ихъ стороны, были невольники; ихъ—скованныхъ—вели они во время труднаго перехода черезъ пороги; о невольникахъ находимъ особыя статьи въ договорахъ [1]). Кромѣ рабовъ, русскими товарами въ Константинополѣ считались воскъ и мѣха [2]); тѣ же товары—рабы, воскъ, медъ и мѣха, шли изъ Руси въ Болгарію, привозились въ Переяславецъ Дунайскій; на нихъ Русь вымѣнивала, въ Константинополѣ и Переяславцѣ, греческія паволоки, вино, плоды, золото (какъ товаръ), серебро и лошадей, приводимыхъ изъ Венгріи. Теперь слѣдуетъ вопросъ: какъ добывали Руссы свои сѣверные товары? Конечно, они могли вымѣнивать ихъ у туземцевъ на какія-нибудь произведенія греческой промышленности, малоцѣнныя для Грека, драгоцѣнныя для Радимича; но главнымъ источникомъ пріобрѣтенія были дани и потомъ охота, которою дружина княжеская могла заниматься зимою во время пребыванія своего у племенъ. Мы знаемъ, что дань туземныхъ племенъ изначала состояла въ шкурахъ пушныхъ звѣрей; въ ноябрѣ князья съ дружиною выходили на полюдье, или отправлялись къ подчиненнымъ племенамъ, разумѣется, за данью: мы это знаемъ изъ исторіи Игоря; въ этихъ походахъ добывали и князь, и дружина. Возвратясь въ апрѣлѣ въ Кіевъ, князь и дружина привозили съ собою множество мѣховъ, которые надлежало сбыть съ рукъ,—и вотъ, немедленно послѣ пріѣзда въ Кіевъ, часть дружины отправлялась въ лодкахъ по Днѣпру и морю въ Константинополь и въ Болгарію. Воскъ и медъ могли получать тѣмъ же путемъ: мы знаемъ, что Древляне обязывались давать Ольгѣ медъ. Рабовъ могла получать Русь съ сѣвера: скандинавскіе пираты, опустошавшіе берега почти всей Европы, могли доставлять большое количество невольниковъ въ Новгородъ, мѣнять ихъ Руссамъ на товары греческіе и восточные, а безспорно и сами, въ видѣ гостей, спускались по восточному водному пути въ Константинополь. Рабовъ собственнымъ Руссамъ для торговли могли доставлять войны ихъ съ разными народами и племенами славянскими въ томъ случаѣ, когда они должны были примучивать послѣднія: такъ Ольга отдала Древлянъ въ рабство мужамъ своимъ; но мы знаемъ, что такіе случаи бывали рѣдко. Разумѣется, что, за раздачею дружинѣ, у князя оставалось еще много мѣховъ, меду, воску, и что значительнѣйшую часть товаровъ, которыми торговали Руссы, составляло имущество княжеское.

Не въ одинъ Константинополь или Переяславецъ отправлялись Руссы съ означенными товарами: они ѣздили съ ними также на востокъ, въ города козарскіе. Руссы входили изъ Азовскаго моря въ устье Дона, поднимались вверхъ по этой рѣкѣ до пограничной козарской крѣпости Серкель, или Бѣлой Вѣжи [3]), перетаскивали здѣсь суда на сушу, и, пройдя съ ними небольшой волокъ до Волги, спускались по этой рѣкѣ къ Итилю, столицѣ козарской, находившейся около нынѣшней Астрахани. Главнымъ товаромъ, который Руссы привозили въ Итиль, были также мѣха. Потребность въ мѣхахъ усиливалась на востокѣ съ распространеніемъ богатства и роскоши въ блестящее царствованіе Гаруна-аль-Решида. Шубы стали почетною одеждою и покупались дорого; до насъ дошло извѣстіе, что Зобейда, жена Гаруна, первая ввела въ моду шу-

[1]) О торговлѣ Русскихъ рабами въ Константинополѣ читаемъ въ чудесахъ Св. Николая: «И вземъ литру злата, 70 и два златникъ, и всѣдъ на конь доѣха до торгу, идѣже Русьстіи купци приходяще челядь продаютъ». См. Москвитянинъ 1845 г., № 12, статью — Нѣкоторые памятники славянской письменности.

[2]) Ихъ требуетъ императоръ отъ Ольги.

[3]) Мухам. Нумизматика Савельева, стр. XXIII.

бы, подбитыя русскими горностаями и соболями. Кромѣ мѣховъ, Руссы привозили на Волгу также и рабовъ. Въ обмѣнъ за означенные товары, Руссы могли брать у Арабовъ дорогіе камни, бисеръ, особенно зеленаго цвѣта (нитки его составляли любимое ожерелье русскихъ женщинъ, которыхъ мужья разорялись, платя нерѣдко по диргему — отъ 15 до 20 копѣекъ серебромъ—за каждую бисеринку), золотыя и серебряныя издѣлія, цѣпочки, ожерелья, запястья, кольца, булавки, рукоятки, пуговки, бляхи для украшенія одежды и конской сбруи, быть-можетъ также шелковыя, шерстяныя и бумажныя ткани, овощи, пряности и вино. Но, какъ видно, Руссы сильно желали вымѣнивать на свои товары арабскія монеты, диргемы, которыя вездѣ и во всякомъ значеніи имѣли большую цѣнность. Посредствомъ этого пути, арабскія монеты распространялись по разнымъ мѣстамъ тогдашнихъ русскихъ областей: какъ рѣдкія, всегда цѣнныя вещи, какъ украшенія, переходили онѣ изъ рода въ родъ, изъ рукъ въ руки, закапывались въ землю вмѣстѣ съ мертвецами, зарывались въ видѣ кладовъ, и такимъ образомъ дошли до насъ [1]). Но не однимъ путемъ мѣны могло дойти въ Россію большое количество монетъ [2]); значительное количество ихъ должно было достаться Руссамъ во время счастливаго похода Святослава на Козаръ, Буртасовъ и Болгаръ Волжскихъ, и вообще на востокъ, когда разорены были тамошнія торговыя мѣста; арабскія монеты могли быть завозимы въ русскія области также Болгарами. Мы замѣтили уже, что значительнѣйшая часть товаровъ должна была принадлежать князю, слѣдовательно значительнѣйшая часть вымѣненнаго на эти товары должна была возвратиться въ казну княжескую; отсюда монеты могли переходить къ дружинѣ; дружинники были люди вольные, хотѣли—служили князю, не хотѣли—шли домой, если родомъ были изъ Скандинавіи, и уносили съ собою служебную плату; они же были и купцами. Мы знаемъ также, что князья наши часто нанимали Варяговъ для одного какого-нибудь похода; разумѣется, наемники брали плату свою преимущественно серебромъ, и такимъ образомъ диргемы изъ казны княжеской переходили къ наемнымъ Варягамъ: отсюда, кромѣ торговли, объясняется, почему на скандинавскомъ берегу и на прилежащихъ къ нему островахъ находятъ такъ много кладовъ съ восточными монетами. Одною торговлею объяснить этого нельзя, ибо какъ предположить, чтобы количество и цѣнность товаровъ скандинавскихъ такъ перевышали количество и цѣнность товаровъ русскихъ, греческихъ и восточныхъ, шедшихъ чрезъ Россію, что лишекъ долженъ былъ оплачиваться деньгами? Замѣтимъ также, что, кромѣ зарытія монетъ въ могилы, клады въ понятіи народа обыкновенно соединяются съ представленіемъ о разбойникахъ, зарывшихъ въ землю награбленное; что разбои въ описываемый періодъ были сильны,—на это имѣемъ ясное свидѣтельство въ лѣтописяхъ и преданіяхъ; такимъ образомъ, можетъ объясниться происхожденіе большихъ кладовъ, какъ напримѣръ близъ Великихъ Лукъ найденъ кладъ въ семь слишкомъ тысячъ цѣлковыхъ. Предполагая разбойничество какъ одно изъ средствъ накопленія большихъ кладовъ, мы не отвергаемъ возможности накопленія значительныхъ капиталовъ и посредствомъ торговли; но здѣсь замѣтимъ, что никакъ нельзя утверждать, будто клады, въ которыхъ находятся куфическія монеты, напримѣръ X вѣка, непремѣнно были зарыты въ этомъ вѣкѣ; монеты X-го вѣка могли зайти на Русь въ этомъ вѣкѣ, но могли оставаться здѣсь въ обращеніи и въ сохраненіи и въ послѣдующіе вѣка, переходить изъ рода въ родъ, наконецъ скопляться разными средствами въ однѣхъ рукахъ и зарываться въ землю чрезъ много вѣковъ спустя послѣ ихъ перваго появленія: такимъ образомъ, отъ большихъ кладовъ съ куфическими монетами X-го вѣка никакъ еще нельзя заключать о большихъ торговыхъ капиталахъ въ этомъ вѣкѣ на Руси.

Кромѣ Руссовъ, посредниками торговли между Европою и Азіею въ описываемое время были Болгары Волжскіе. Въ рукахъ этихъ Болгаръ была торговля съ сосѣдними народами сѣверо-востока и сѣверо-запада; чтобы не допускать арабскихъ купцовъ къ непосредственнымъ сношеніямъ съ по-

---

[1]) Fraehn. Topographische Uebersicht der Ausgrabungen von altem arabischem Gelde in Russland, въ русскомъ переводѣ у Савельева Мухам. Нумизматика.

[2]) Авторъ Мухам. Нумизматики говоритъ: «За всѣ исчисленные товары (привозимые Руссами и Булгарами) Арабы, Персіяне и Харезмцы платили имъ наличными монетами царствующей династіи, или произведеніями своего края. Монеты были исключительно серебряныя величиною отъ нашего двухъ-злотаго до пяти-алтыннаго. Привозимыхъ товаровъ Азіи недоставало на обмѣнъ за мѣстныя произведенія, и денежный балансъ оставался на сторонѣ Волги.» Можно сомнѣваться еще въ томъ, чтобы товаровъ Азіи недоставало на обмѣнъ за произведенія, привозимыя Русскими и Булгарами: въ обмѣнъ за мѣха, невольниковъ, янтарь и циновки, представлялся цѣлый рядъ азіятскихъ товаровъ, имѣвшихъ всегда и вездѣ высокую цѣну (см. перечисленіе ихъ въ текстѣ): самъ авторъ приводитъ при этомъ извѣстіе, что за каждую бисерину зеленаго бисера Русскіе платили по диргему, и разорялись такимъ образомъ въ угоду женъ своихъ. Далѣе, послѣ исчисленія азіятскихъ товаровъ, авторъ говоритъ: «Все это, какъ видимъ, преимущественно предметы роскоши, тогда мало извѣстной на сѣверо-востокѣ Европы, и поэтому нисколько не удивительно, что потребленіе ихъ въ Россіи и Прибалтійскомъ краѣ далеко уступало цѣнности мѣховъ, потребныхъ для Азіи.»—Но прежде самъ авторъ сказалъ, что и мѣха на востокѣ составляли также предметъ роскоши, что шубы были почетнымъ одѣяніемъ владѣтельныхъ и знатныхъ лицъ; не думаемъ, чтобъ азіятскія драгоцѣнности были мало извѣстны на сѣверо-востокѣ Европы: самъ авторъ приводитъ извѣстіе, что Руссы разорялись на зеленый бисеръ; другое извѣстіе говоритъ, что на мертвецѣ русскомъ была парчевая одежда; если въ кладахъ вмѣстѣ съ арабскими монетами находятъ и вышеисчисленныя вещи, то ясно, что онѣ были столько же извѣстны. Замѣтимъ также, что Руссы относительно мѣховой торговли не пользовались монополіею, но имѣли сильныхъ соперниковъ въ Булгарахъ и Буртасахъ: самъ авторъ говоритъ, что дороже всего цѣнились мѣха черныхъ или чернобурыхъ лисицъ, которыя называли Буртасскими, по имени народа Буртасовъ; слѣд. чрезъ руки Руссовъ шли не самые дорогіе мѣха.

слѣдними, они представляли ихъ Арабамъ людоѣдами [1]). Болгарскіе купцы ѣздили въ страну Веси на лодьяхъ, вверхъ по Волгѣ и Шекснѣ, для закупки мѣховъ; любопытны подробности, находимыя у арабскихъ писателей о мѣховой торговлѣ Болгаръ съ Весью: Болгары пріѣзжали въ опредѣленное мѣсто, оставляли тамъ товары, помѣтивъ ихъ какими-нибудь знаками, и удалялись. Если болгарскіе купцы, по возвращеніи, находили мѣну выгодною, то брали съ собой туземные товары и оставляли свои, въ противномъ случаѣ они уходили опять на время, и это значило, что они требовали прибавки; туземцы подбавляли того или другого товара до тѣхъ поръ, пока не удовлетворятъ Болгаръ. У Арабовъ такая торговля слыла нѣмою. Разсказъ Арабовъ замѣчателенъ для насъ потому еще, что объясняетъ разсказъ новгородскаго купца, Гуряти Роговича, занесенный въ лѣтопись [2]). Такъ и позднѣе торговали Болгары съ Югрою [3]). Но кромѣ Веси, по извѣстію арабскихъ писателей, болгарскіе купцы доходили до Кіева черезъ Мордовскую Землю. Это извѣстіе подтверждается извѣстіями нашихъ лѣтописей о приходѣ болгарскихъ проповѣдниковъ магометанства въ Кіевъ, подтверждается и важнымъ извѣстіемъ, сохранившимся у Татищева, о договорѣ, заключенномъ при Владимірѣ съ Болгарами: это извѣстіе драгоцѣнно для насъ потому, что въ немъ находится первое положительное упоминовеніе о купцахъ, какъ отдѣльномъ разрядѣ людей, и городахъ—какъ торговыхъ средоточіяхъ. Примѣръ Византіи и стеченіе иностранныхъ купцовъ въ Кіевъ дали понять выгоду торговли для казны княжеской, въ которую собирались торговыя пошлины, и вотъ Кіевскій князь обязываетъ Болгаръ не покупать товаровъ въ селахъ у тіуновъ и другихъ лицъ, но покупать ихъ въ городахъ. Здѣсь ясно видимъ два рода торговли: первоначальную, по которой всякій сбывалъ всякому излишекъ своей собственности, и торговлю въ настоящемъ смыслѣ, которая, вслѣдствіе правительственныхъ распоряженій, начинаетъ вытѣснять первоначальную [4]). Русская Правда знаетъ купцовъ такъ же, какъ отдѣльный разрядъ людей.—Кромѣ Грековъ, Арабовъ, Болгаръ Волжскихъ и Дунайскихъ, Русскіе производили мѣну съ ближайшими сосѣдями своими, степными народами, Печенѣгами, которые доставляли рогатый скотъ, лошадей, овецъ. Изъ словъ Святослава видно, что въ Переяславцѣ Дунайскомъ русскіе купцы могли производить мѣну съ купцами чешскими и венгерскими. Нѣтъ сомнѣнія, что торговля изъ Новгорода съ сѣверо-восточными финскими племенами существовала уже въ описываемое время, и что изъ Новгорода же купцы съ мѣхами, восточными и греческими товарами начали являться и въ городахъ балтійскихъ Славянъ.—Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о деньгахъ,—одинъ изъ самыхъ спорныхъ вопросовъ въ нашихъ древностяхъ: по недостатку точныхъ извѣстій, мы отлагаемъ его рѣшеніе до слѣдующаго періода.

Обозрѣвъ матеріальныя силы новорожденнаго рускаго общества, обратимся теперь къ новому, духовному началу, явившемуся въ концѣ описываемаго періода, началу, богатому нравственнымъ и гражданскимъ вліяніемъ. Какъ слабо было прежде въ языческомъ обществѣ вліяніе волхвовъ, такъ могущественно явилось теперь вліяніе христіанскаго духовенства. Немедленно послѣ принятія новой вѣры, мы видимъ уже епископовъ совѣтниками князя, истолкователями воли Божіей; но христіанство принято отъ Византіи; Русская Земля составляетъ одну изъ епархій, подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; для русскаго духовенства единственнымъ образцомъ всякаго строя служитъ устройство византійское: отсюда понятно и гражданское вліяніе Имперіи на юное русское общество.—Мы видѣли, какъ было принято христіанство и какъ распространялось; видѣли, что оно принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде знакомо, но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ: первые епископы Ростова — Ѳедоръ и Иларіонъ — принуждены были бѣжать отъ ярости язычниковъ [5]); въ концѣ описываемаго періода язычество нисколько не уступало и ревности третьяго епископа ростовскаго, Святаго Леонтія, который, видя невозможность дѣйствовать на взрослое поколѣніе, окрѣпшее въ язычествѣ, обратился къ дѣтямъ, сталъ привлекать ихъ къ себѣ ласкою и учить вѣрѣ. Мы видимъ язычество господствующимъ и у племенъ средней Руси, на Окѣ до самыхъ ея низовьевъ. Оставаясь глухими къ увѣщаніямъ христіанскихъ проповѣдниковъ, жители сѣвера тѣмъ легче слушали старыхъ волхвовъ своихъ: такъ читаемъ въ лѣтописи, что въ 1024 году встали волхвы въ Суздальской Землѣ во время голода, и начали убивать старыхъ женщинъ, говоря, что онѣ скрываютъ у себя въ тѣлѣ съестные припасы. Былъ мятежъ большой по всей той странѣ, такъ что самъ великій князь Ярославъ принужденъ былъ туда отправиться: онъ переловилъ волхвовъ, однихъ разослалъ по разнымъ мѣ-

[1]) Мухам. Нумизмат. XVII.

[2]) См. Т. I, кн. I, примѣчан. 1-е, глава II, на стр. 31.

[3]) Мухам. Нумизм. CXXX и слѣд. Авторъ замѣчаетъ, что Весь Бѣлозерская была такъ образована, что не имѣла нужды вести нѣмую торговлю. Но мы не имѣемъ основанія предполагать, что она была образованнѣе нынѣшнихъ Зырянъ, которые сохраняютъ тотъ же обычай (см. тамъ же); по незнанію языковъ другъ друга, необходимо должна была ввестись нѣмая торговля.

[4]) На торговую связь съ Болгарами указываетъ лѣтописное извѣстіе подъ 1024 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 64): «Бѣ мятежь великъ и голодъ по всей той странѣ (Суздальской), идоша по Волзѣ вси людье въ Болгары, и привезоша жито, и тако ожиша». Здѣсь указаніе и на путь по Волгѣ; впрочемъ здѣсь о купцахъ говорить нельзя, ибо прямо сказано: вси людье.

[5]) Исторія Русск. Церкви епископа Рижскаго Филарета, періодъ 1-й, стр. 30.

стамъ, другихъ казнилъ, говоря: „Богъ за грѣхи наказываетъ землю голодомъ, моромъ, засухою или какою-нибудь другою казнью, а человѣкъ не знаетъ ничего“ [1]). И на югѣ языческіе обычаи, преданія, повѣрья еще очень сильны между христіанами; такъ читаемъ въ лѣтописи подъ 1044 годомъ: „Въ этотъ годъ умеръ Брячеславъ, князь Полоцкій, и Всеславъ, сынъ его, сѣлъ на столѣ; этого Всеслава мать родила отъ волхвованья, потому что когда она родила его, то была у него язва на головѣ, и волхвы сказали ей: навяжи ты на эту язву волшебную повязку, которую пусть носитъ онъ до смерти своей; Всеславъ точно носитъ ее до сихъ поръ; поэтому онъ такъ и кровожаденъ“ [2]).

Самымъ лучшимъ средствомъ къ торжеству новой вѣры надъ старою признано было — дѣйствовать на новое, молодое поколѣніе: такъ при Владимірѣ и при Ярославѣ отбирали дѣтей у лучшихъ гражданъ, учили ихъ грамотѣ и догматамъ новой вѣры; мы видѣли; что такъ дѣйствовалъ и Святый Леонтій на сѣверѣ; возможность выучиться грамотѣ существовала и въ другихъ городахъ, что видно изъ житія Святаго Θеодосія [3]). Эта мѣра скоро принесла свои плоды: скоро обозначилась дѣятельность молодого, грамотнаго поколѣнія, получившаго изъ книгъ яснѣйшее понятіе о новой вѣрѣ. Представителями этого молодого, грамотнаго поколѣнія въ въ семьѣ княжеской были сыновья Святаго Владиміра — Борисъ, Глѣбъ, Ярославъ. Христіанство прежде всего должно было подѣйствовать на самыя мягкія нѣжныя отношенія, отношенія родственныя: это всего яснѣе можно видѣть на Борисѣ и Глѣбѣ. Изъ дѣтей Владиміровыхъ они больше всѣхъ были похожи на отца своего мягкостью природы: по этому одному уже не удивительно, что у Владиміра было къ нимъ болѣе сочувствія, что онъ особенно любилъ Бориса; и вотъ эта мягкая природа двухъ братьевъ легко воспринимаетъ вліяніе христіанства, они являются образцами братской любви. „Не хочу поднять руки на старшаго брата“, говоритъ Борисъ, и падаетъ жертвою уваженія своего къ родственнымъ отношеніямъ, освященнымъ религіею. Отсюда понятно значеніе Бориса и Глѣба въ нашей исторіи: они были первомучениками въ этой нравственной борьбѣ новаго христіанскаго общества со старымъ языческимъ. Братъ ихъ—Ярославъ—является представителемъ новаго поколѣнія въ другихъ отношеніяхъ: онъ самъ любитъ читать книги, собираетъ ихъ, распространяетъ грамотность въ Землѣ, является просвѣщеннымъ христіаниномъ въ борьбѣ своей съ язычествомъ, что видно изъ приведеннаго отзыва его о волхвахъ. Послѣ сыновей Владиміровыхъ представителемъ новаго грамотнаго поколѣнія является первый Русскій митрополитъ Иларіонъ, который умѣлъ понять превосходство новаго порядка вещей предъ старымъ и умѣлъ показать другимъ это превосходство. Какъ молодое поколѣніе оцѣнило новое сокровище, пріобрѣтенное имъ съ христіанствомъ, и какъ было благодарно людямъ, которые способствовали ему къ пріобрѣтенію этого сокровища,—видно изъ отзыва лѣтописца о дѣятельности Владиміра и Ярослава: „Подобно тому, какъ если бы кто-нибудь распахалъ землю, а другой посѣялъ, а иные стали бы пожинать и ѣсть пищу обильную: такъ и князь Владиміръ распахалъ и умягчилъ сердца людей, просвѣтивши ихъ крещеніемъ; сынъ его—Ярославъ—насѣялъ ихъ книжными словами, а мы теперь пожинаемъ, принимая книжное ученіе. Велика бываетъ польза отъ ученія книжнаго; изъ книгъ учимся путямъ покаянія, въ словахъ книжныхъ обрѣтаемъ мудрость и воздержаніе: это рѣки, напояющія вселенную, это исходища мудрости; въ книгахъ неисчетная глубина, ими утѣшаемся въ печали, онѣ узда воздержанія“ [4]).

Дѣйствія книжнаго ученія, ближайшаго знакомства съ новою вѣрою, не замедлили обнаружиться въ цѣломъ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ. Для упроченія христіанства мало было взять дѣтей изъ домовъ полуязыческихъ родителей; нужно было, чтобы нѣкоторые изъ новаго поколѣнія отторглись совершенно отъ общества, сильно пропитаннаго язычествомъ; для упроченія христіанства нужно было, чтобъ оно распространилось не словомъ только, но самымъ дѣломъ; нужно было, чтобы въ нѣкоторыхъ избранныхъ обнаружилось дѣйствіе новаго ученія, и они пошли бы на проповѣдь не съ огнемъ и мечемъ, какъ Добрыня или Путята, но съ величіемъ подвига христіанскаго. При господствѣ матеріальной силы, предъ которою все преклонялось, нуженъ былъ рядъ подвижниковъ, которые показали бы подвиги, превышавшіе подвиги богатырей, которые показали бы господство духа надъ плотію, показали бы чудеса мужества другаго рода, борьбу болѣе изумительную, и пріобрѣли бы своими подвигами благоговѣніе къ себѣ и къ тому ученію, которое даетъ силы къ подобнымъ подвигамъ. Монашество, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, явилось на Руси очень рано: такъ есть преданіе, что еще первый Кіевскій митрополитъ Михаилъ построилъ въ Кіевѣ монастырь на горѣ противъ холма Перунова; есть также иностранное извѣстіе, что Кіевскій митрополитъ встрѣчалъ Святополка и Болеслава Храбраго въ монастырѣ Святой Софіи [5]); при Ярославѣ построены монастыри Георгіевскій и Ирининскій. Но эти монастыри не были такіе, какіе надобны были тогда для упроченія христіанства,—ихъ монахи не были настоящими подвижниками. „Много монастырей, говоритъ лѣтописецъ, поставлено отъ царей и бояръ на богатомъ иждивеніи, но не таковы эти монастыри, какъ тѣ, ко-

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 64.

[2]) Тамъ же, стр. 67.—О волшебныхъ повязкахъ или наузахъ см. статью проф. Буслаева, въ Архивѣ историко-юридич. свѣд., изд. Н. Калачевымъ, стр. 2, отдѣлен. IV.

[3]) «Къ симъ же и датися веля на ученіе божественныхъ книгъ единому отъ учитель».

[4]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 66.

[5]) См. о началѣ монашества въ Россіи, въ прибавленіи къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ VIII, кн. 4.

торые поставлены слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ" [1]). Когда новое поколѣніе короче познакомилось съ новою вѣрою, тогда между нѣкоторыми изъ него обнаружилось то же самое стремленіе, какое было сильно и между язычниками русскими,—стремленіе посѣтить Грецію для выгодной службы въ полкахъ Имперіи, для торговли, для грабежа, а теперь русскіе христіане стали ходить не для матеріальныхъ выгодъ, но для того, чтобы получить утвержденіе въ вѣрѣ. Такъ явился на Аѳонѣ одинъ изъ русскихъ христіанъ, житель города Любеча, по имени Антипа, и постригся въ одномъ изъ тамошнихъ монастырей подъ именемъ Антонія: недалеко отъ монастыря Есфигмена, подлѣ морского берега, показываютъ пещеру перваго русскаго инока [2]). Греческій игуменъ понялъ всю пользу, какую подвиги Антонія могли принести на Руси, и отпустилъ его назадъ на родину. Антоній пришелъ въ Кіевъ, обошелъ всѣ тамошніе монастыри, и ни въ одномъ изъ нихъ не нашелъ такой жизни, къ какой привыкъ на Аѳонѣ; онъ былъ одинокъ среди кіевскихъ монаховъ—и рѣшился жить одинъ. На берегу Днѣпра, на высокой горѣ, покрытой лѣсомъ, Антоній нашелъ пещеру, выкопанную Иларіономъ, первымъ митрополитомъ изъ русскихъ, когда еще онъ былъ священникомъ въ ближнемъ княжескомъ селѣ Берестовѣ; Иларіонъ уединялся въ пещеру временно, Антоній навсегда поселился въ ней; но онъ недолго пробылъ одинъ. Прославленіе подвиговъ Антонія и собраніе къ нему другихъ подвижниковъ не относится къ описываемому времени; но къ нему относится юность другого знаменитаго подвижника, преемника Антоніева; подробности жизни этого новаго русскаго человѣка драгоцѣнны для пополненія картины тогдашняго быта новорожденной Руси. Этотъ подвижникъ, прославившійся послѣ подъ именемъ Ѳеодосія, былъ также родомъ изъ Приднѣпровья, изъ города Василева; но родители его скоро перешли въ Курскъ, гдѣ и протекла его юность. Мальчикъ нашелъ себѣ здѣсь человѣка, у котораго могъ выучиться грамотѣ, сталъ читать книги, переселился мыслями въ другой міръ, и нашелъ въ себѣ довольно силы, чтобы немедленно начать приложеніе читаннаго къ дѣлу: онъ не пропускалъ службы церковной, дома работалъ вмѣстѣ съ рабами. Но въ домѣ у богатой матери ему было скучно, тѣсно; его томила жажда подвижничества, желаніе видѣть тѣ мѣста, гдѣ онъ жилъ постоянно мыслію,—мѣста, гдѣ происходило то, о чемъ онъ читалъ въ книгахъ, о чемъ слышалъ въ церкви. Разъ, тайкомъ отъ матери, присталъ онъ къ паломникамъ и ушелъ съ ними изъ города. Мать Ѳеодосія была похожа на тѣхъ русскихъ матерей, которыя, по словамъ лѣтописца, плакали по сыновьяхъ своихъ какъ по мертвыхъ, когда Владиміръ велѣлъ отдавать ихъ въ ученье; борьбу двухъ поколѣній—стараго—полуязыческаго и новаго — христіанскаго, просвѣщеннаго книжнымъ ученіемъ, всего лучше показываютъ намъ отношенія Святаго Ѳеодосія къ матери. Послѣдняя, узнавъ о побѣгѣ сына, догнала его, прибила и держала нѣкоторое время въ оковахъ, чтобы не вздумалъ уйти опять. Ѳеодосій остался, и по-прежнему ходилъ въ церковь; но въ церкви обѣдню служили не такъ часто, какъ бы ему хотѣлось, по недостатку просвиръ: Ѳеодосій сталъ печь просвиры. Мать оскорбилась такимъ занятіемъ сына, бранила, била его и заставила уйти въ другой городъ: здѣсь онъ пріютился у священника, и по-прежнему пекъ просвиры. Мать нашла его и тутъ, и взяла назадъ домой; но другіе съ большимъ уваженіемъ смотрѣли на дивное поведеніе молодого человѣка: городской посадникъ далъ ему средство удовлетворять своей благочестивой склонности, позволилъ ему жить у своей церкви. Ѳеодосію было мало безпрепятственной молитвы; мало рубища, къ которомъ онъ постоянно ходилъ, отдавая лучшее платье нищимъ: онъ надѣлъ вериги. Мать увидала по-случаю кровь на бѣльѣ сына, нашла, что это отъ веригъ и сорвала ихъ съ яростію съ плечъ Ѳеодосія, который уже послѣ не могъ надѣвать ихъ. Наконецъ борьба между стремленіемъ къ христіанскому подвижничеству и уваженіемъ къ родительской власти кончилась; пораженный евангельскими словами: „Иже любитъ отца или матерь паче Мене, нѣсть Мене достоинъ", Ѳеодосій рѣшился, во что бы то ни стало, покинуть материнскій домъ, и ушелъ въ Кіевъ, чтобы вступить въ одинъ изъ тамошнихъ монастырей. Но какіе это были монастыри, видно изъ того, что ни въ одинъ изъ нихъ не приняли Ѳеодосія, явившагося въ видѣ бѣднаго скитальца; не такіе монастыри нужны были Ѳеодосію и новорожденной Руси; Ѳеодосій нашелъ наконецъ убѣжище по своему желанію: онъ нашелъ пещеру Антонія. „Сынъ! говорилъ ему Антоній: трудно будетъ тебѣ жить со мною въ этой тѣсной пещерѣ; ты еще молодъ". Но подъ видомъ юноши передъ нимъ стоялъ мужъ, окрѣплый въ борьбѣ, претерпѣвшій столько тѣсноты въ просторѣ, столько лишеній въ довольствѣ, что никакая тѣснота и никакія лишенія не были для него болѣе страшными. Антоній принялъ Ѳеодосія; подвиги обоихъ мы еще увидимъ въ слѣдующемъ періодѣ.

Показавъ, какъ юная Русская Церковь приготовлялась дѣйствовать въ лицѣ представителей новаго поколѣнія, уже воспитаннаго въ христіанствѣ, мы обратимся теперь ко внѣшнему образу Церкви, ея управленію и средствамъ. Еще во времена Олега Греки полагали въ Россіи особую епархію, шестидесятую, въ числѣ подвѣдомственныхъ Константинопольскому патріарху; съ принятія христіанства Святымъ Владиміромъ въ челѣ церковнаго управленія стоялъ митрополитъ; первые митрополиты были избраны и поставлены патріархомъ Константинопольскимъ, послѣдній, Иларіонъ,—соборомъ русскихъ епископовъ. Кромѣ митрополита, упоминаются епископы; какъ видно,

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 69.
[2]) См. о началѣ монашества въ Россіи въ приведенномъ выше мѣстѣ.

епископы были въ Новгородѣ, Ростовѣ, Черниговѣ, Бѣлгородѣ, Владимірѣ Волынскомъ, вѣроятно были и въ другихъ городахъ. Ближайшіе къ Кіеву епископы собирались въ этотъ городъ: нужно было ихъ присутствіе около новообращенной власти, дѣятельность которой они должны были теперь направлять согласно съ новыми потребностями общества. Мы видѣли сильное вліяніе епископовъ относительно земскаго устава при Владимірѣ; митрополитъ Иларіонъ прямо говоритъ о частыхъ совѣтахъ Владиміра съ епископами; говоритъ, что князь съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ установить законъ среди людей, недавно познавшихъ Господа. При такомъ значеніи духовенства, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касающемся народа въ странѣ, при такомъ ихъ вліяніи—трудно предположить, чтобы кругъ дѣятельности ихъ оставался неопредѣленнымъ, и чтобъ это опредѣленіе не послѣдовало по образцу византійскому: вотъ почему такъ трудно отвергнуть уставы о церковныхъ судахъ, приписываемые Святому Владиміру и сыну его Ярославу [1]). Эти уставы естественно должны быть составлены по образцу церковныхъ уставовъ греко-римскихъ; но такъ какъ состояніе обоихъ обществъ—греко-римскаго и русскаго—въ описываемое время было различно, то и въ церковныхъ уставахъ русскихъ мы должны необходимо встрѣтить различіе отъ церковныхъ уставовъ греко-римскихъ: въ обществѣ греко-римскомъ отношенія семейныя издавна подчинялись гражданскимъ законамъ, тогда какъ въ русскомъ новорожденномъ обществѣ семейство оставалось еще неприкосновеннымъ; но Церковь, по главной задачѣ своей дѣйствовать на нравственность, должна была прежде всего обратить вниманіе на отношенія семейныя, которыя по этому самому и подчинялись церковному суду. Такъ напримѣръ, нарушеніе святости власти родительской въ римскомъ правѣ предоставлено мірскому суду, а въ уставѣ Святаго Владиміра — церковному, равно тяжбы между сыновьями умершаго о наслѣдствѣ и тяжбы между мужемъ и женою объ имѣніи. Справедливо замѣчаютъ также, что статьи объ опекѣ и наслѣдствѣ, находящіяся въ Русской Правдѣ, большею частію заимствованы изъ греко-римскаго законодательства, перешедшаго въ наше мірское законодательство посредствомъ духовенства. Повреждение церквей и могилъ въ томъ видѣ, какъ оно опредѣлено уставомъ Святаго Владиміра, мы не найдемъ въ греческихъ законахъ, ни въ гражданскихъ, ни въ церковныхъ, потому что такого рода преступленія были только мѣстныя—русскія [2]). Вслѣдствіе также юности общества, Церковь на Руси взяла подъ свое покровительство и судъ надъ людьми, которыхъ значеніе было тѣсно связано съ религіею, напримѣръ: просвирню, паломника, прощенника (человѣка, исцѣленнаго чудомъ); людей, которые содержались при церквахъ и монастыряхъ для поданія помощи страждущимъ; пришлецовъ, которые, вѣроятно, пользовались гостепріимствомъ при церквахъ и монастыряхъ; людей, отпущенныхъ на волю господами ради спасенія души; увѣчныхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, которые также преимущественно жили при церквахъ.

Справедливо замѣчаютъ, что какъ вообще утвержденіе христіанства на Руси послѣдовало только постепенно, то и утвержденіе суда церковнаго по дѣламъ семейнымъ могло совершиться также въ теченіи извѣстнаго времени; но начало утвержденія того и другого мы должны необходимо отнести къ описываемому періоду. Легко понять, какое вліяніе должна была оказать Церковь, подчинивъ своему суду отношенія семейныя, оскорбленія чистоты нравственной и преступленія, совершавшіяся по языческимъ преданіямъ [3]). Духовенство со своимъ судомъ вооружилось противъ всѣхъ прежнихъ языческихъ обычаевъ, противъ похищенія дѣвицъ, противъ многоженства, противъ браковъ въ близкихъ степеняхъ родства. Церковь взяла женщину подъ свое покровительство, и блюла особенно за ея нравственностью, возвысила ея значеніе, поднявши мать въ уровень съ отцомъ, что ясно видно изъ отношеній женщины по имуществу [4]). Духовенство блюло, чтобы родители не женили сыновей, не отдавали дочерей замужъ насильно; преслѣдовало преступленія, которыя унижаютъ человѣка, приравниваютъ его къ звѣрю [5]). Лѣтописецъ жалуется, что у языческихъ Славянъ позволялось срамословіе въ семейномъ кругу: духовенство начинаетъ преслѣдовать срамословіе. Семья, до сихъ поръ замкнутая и независимая, подчиняется надзору чужой власти, христіанство отнимаетъ у отцовъ семействъ жреческій характеръ, который они имѣли во времена языческія; подлѣ отцовъ природныхъ являются отцы духовные; что прежде подлежало суду семейному, теперь подлежитъ суду церковному. Но понятно, что древнее языческое общество не вдругъ уступило новой власти свои права, что оно боролось съ нею — и боролось долго; долго, какъ увидимъ, христіане только по имени не хотѣли допускать новую власть вмѣшиваться въ свои семейныя дѣла; долго требованія христіанства имѣли силу только въ верхнихъ слояхъ общества и съ трудомъ про-

[1]) См. статью проф. Неволина О церковномъ судѣ въ Россіи. Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія 1847 года.

[2]) «Крестъ посѣкутъ или на стѣнахъ рѣжютъ»; варіантъ: «или на стѣнахъ трески ѳмлютъ, и со креста» Объясненіе въ переводѣ Герберштейна: Et qui ad incantandum de imaginibus sanctorum aut statua Crucis quicquam avulserint.

[3]) Тайные роды убійствъ посредствомъ волшебства, зелейничества.

[4]) Отношенія матери къ дѣтямъ всего лучше указаны въ отношеніяхъ матери Св. Ѳеодосія къ сыну; по смерти мужа она наслѣдовала всю его власть надъ сыномъ.

[5]) Такъ напр., если онъ кусается.

никали внизъ, въ массу, гдѣ язычество жило еще на дѣлѣ, въ своихъ обычаяхъ. Мы видѣли, что вслѣдствіе родоваго быта у восточныхъ Славянъ не могло развиться общественное богослуженіе, не могло образоваться жреческое сословіе; не имѣя ничего противопоставить христіанству, язычество легко должно было уступить ему общественное мѣсто; но, будучи религіею рода, семьи, дома, оно надолго осталось здѣсь. Язычникъ русскій, не имѣя ни храма, ни жрецовъ, безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, оставаясь въ то же время съ прежнимъ храмомъ—домомъ, съ прежнимъ жрецомъ—отцомъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ. Борьба, вражда древняго языческаго общества противъ вліянія новой религіи и ея служителей выразилась въ суевѣрныхъ примѣтахъ, теперь безсмысленныхъ, но имѣвшихъ смыслъ въ первые вѣка христіанства на Руси: такъ появленіе служителя новой религіи закоренѣлый язычникъ считалъ для себя враждебнымъ, зловѣщимъ, потому что это появленіе служило знакомъ къ прекращенію нравственныхъ безпорядковъ, къ подчиненію его грубаго произвола нравственно-религіозному закону. Бѣжалъ закоренѣлый язычникъ, увидавъ издали служителя церкви, врага его прежняго языческаго быта, врага его прежнихъ боговъ, врага его домашнихъ духовъ-покровителей. Не имѣя силы дѣйствовать положительно противъ новой религіи, язычество дѣйствовало отрицательно, удаленіемъ отъ ея служителей; это удаленіе, разумѣется, поддерживалось стариками, ревнивыми къ своей власти, отъ которой они должны были отказаться въ пользу старцевъ Церкви, пресвитеровъ и епископовъ.

Касательно содержанія церкви въ лѣтописи находимъ извѣстіе, что Святый Владиміръ далъ въ пользу Богородичной церкви въ Кіевѣ отъ имѣнія своего и отъ доходовъ десятую часть, отъ чего и церковь получила названіе Десятинной [1]); о Ярославѣ говорится, что онъ строилъ церкви и опредѣлялъ къ нимъ священниковъ, которымъ давалъ содержаніе отъ казны своей: это уже можетъ показывать, что приношенія прихожанъ не могли быть достаточны для содержанія церквей,—въ то время стадо было малое, по словамъ Иларіона. Изъ житія Святаго Θеодосія узнаемъ, что въ курской церкви служба не могла часто совершаться по недостатку просвиръ; изъ того же источника узнаемъ, что градоначальникъ, или посадникъ въ Курскѣ имѣлъ свою церковь. Пособіемъ для церковнаго содержанія могли служить пени, взимаемыя за преступленія по церковному суду, какъ это означено въ уставѣ Ярослава. Отъ средствъ, находившихся въ распоряженіи церквей и монастырей, зависѣло призрѣніе, которое находили около нихъ бѣдные, увѣчные и странники; о частной благотворительности, которая условливалась христіанствомъ, находимъ ясныя указанія въ преданіяхъ о дѣлахъ Владиміровыхъ.

Мы видѣли тѣсную связь грамотности съ христіанствомъ, слышали отзывъ инока-лѣтописца о пользѣ книжнаго ученія, слѣдили за дѣятельностью нового, грамотнаго поколѣнія христіанъ; теперь посмотримъ, не обнаружилась ли эта дѣятельность въ словѣ, и не дошло ли до насъ какихъ-нибудь литературныхъ памятниковъ изъ разсматриваемаго періода. Дошли до насъ отъ этого времени сочиненія перваго Кіевскаго митрополита изъ русскихъ—Иларіона; его сочиненія заключаются въ Словѣ о законѣ, данномъ чрезъ Моисея, и благодати и истинѣ, явившихся чрезъ Іисуса Христа, съ присовокупленіемъ похвалы „кагану нашему Владиміру" и изложенія Вѣры. Кромѣ того, въ сборникѣ XIV или XV вѣка открыто слово Святаго Иларіона, митрополита Кіевскаго [2]). Для насъ особенно важны два первыхъ сочиненія, какъ непосредственно относящіяся къ нашему предмету. Естественно ожидать, что первымъ словомъ церковнаго пастыря послѣ введенія христіанства будетъ прославленіе новаго порядка вещей, указаніе тѣхъ благъ, которыя народъ пріобрѣлъ посредствомъ новой вѣры. И точно, въ словѣ Иларіона мы находимъ указаніе на это превосходство новой вѣры предъ старою: „Уже не зовемся болѣе идолослужителями, но христіанами, говоритъ онъ; мы болѣе уже не безнадежники, но уповаемъ въ жизнь вѣчную; не строимъ болѣе капищъ, но зиждемъ церкви Христовы; не закалаемъ бѣсамъ другъ друга, но Христосъ закалается за насъ и дробится въ жертву Богу и Отцу." Но эта противоположность христіанства съ прежнимъ русскимъ язычествомъ не составляетъ главнаго содержанія слова, въ которомъ преимущественно показывается противоположность и превосходство христіанства предъ іудействомъ, благодати Христовой предъ закономъ Моисеевымъ, какъ истины предъ тѣнью, сыновства предъ рабствомъ, общаго, всечеловѣческаго предъ частнымъ, народнымъ. Такое содержаніе Иларіонова сочиненія объясняется тѣмъ, что онъ, по собственнымъ словамъ его, писалъ не къ невѣдущимъ людямъ, но къ насытившимся сладости книжныя; обращаясь же къ новому поколѣнію грамотныхъ христіанъ, Иларіонъ не имѣлъ нужды выставлять много превосходство христіанской религіи предъ старымъ русскимъ язычествомъ: это превосходство было для нихъ ясно; Иларіону надобно было приступить къ другому, болѣе важному вопросу—объ отношеніи Новаго Завѣта къ Ветхому, о причинѣ пришествія

[1]) Полн. Собр. Рус. Лѣт. I, 53. Въ церковномъ уставѣ: «Создахъ церковь Св. Богородица десятинную и дахъ ей десятину по всей землѣ Русьстѣй: изъ княженія въ Соборную церковь отъ всего княжа суда десятую вѣкшю, а и съ торгу десятую недѣлю, а и съ домовъ на всяко лѣто отъ всякаго стада и отъ всякого жита».

[2]) Прибавленія къ Твореніямъ Св. Отцевъ, годъ 2-й, книга 2.

Христова на землю; первый вопросъ, предложенный Владиміромъ греческому проповѣднику, былъ: „Для чего Богъ сошелъ на землю и принялъ страсть?“ Этотъ же вопросъ нужно было прежде всего уяснить и новому поколѣнію. Основываясь на приведенныхъ словахъ: „Не къ невѣдущимъ бо пишетъ, но преизлиха насыщемся сладости книжныя“, мы даже позволимъ себѣ догадку, что слово Иларіона о законѣ и благодати есть посланіе митрополита къ самому великому князю Ярославу, потому что о послѣднемъ всего приличнѣе можно было сказать, что онъ насытился сладости книжныя, если сравнимъ отзывы лѣтописей объ этомъ князѣ: „И бѣ Ярославъ любя церковные уставы, и пресвитеры любяше повелику, и книги прочитая“. Или: „Ярославъ же сей любяше книги зѣло“. Объяснивши превосходство христіанской вѣры надъ іудейскою и языческою, Иларіонъ естественно переходитъ къ прославленію того князя, которому суждено было быть апостоломъ на Руси: такимъ образомъ оба сочиненія—Слово о законѣ и благодати и Похвала Владиміру—составляютъ одно цѣлое.

Но, кромѣ приведеннаго памятника, мы должны обратить вниманіе на изустно сохранившіяся произведенія народной фантазіи, которыхъ начало, первый древнѣйшій складъ относится къ описываемому времени; таковы наши древнія народныя пѣсни и сказки, въ которыхъ упоминается о Владимірѣ, о подвигахъ его богатырей. Главное содержаніе этихъ пѣсенъ и сказокъ составляютъ подвиги богатырей, защищавшихъ Русскую Землю отъ враговъ внѣшнихъ и внутреннихъ: первыми являются степные кочевники, приходящіе съ востока на Русскую Землю, на стольный городъ Владиміра, вторыми — разбойники. По характеру своему, эти пѣсни и сказки раздѣляются на такія, въ которыхъ преобладаетъ древній языческій элементъ, и на такія, въ которыхъ уже видны слѣды христіанскаго вліянія. Характеръ перваго изъ означенныхъ отдѣловъ соотвѣтствуетъ вполнѣ характеру эпохи, какъ онъ изображенъ нами въ своемъ мѣстѣ. Герой пѣсни или сказки—богатырь, обладающій страшною матеріальною силою: вотъ онъ является ко Двору княжескому; всѣ глядятъ на молодца, дивуются, ему наливаютъ чару зелена-вина въ полтора ведра, онъ принимаетъ чару единой рукой, выпиваетъ ее единымъ духомъ; бросить онъ горстъ песку по высокому терему—полтерема сшибетъ; закричитъ богатырь зычнымъ голосомъ—съ теремовъ верхи повалятся, съ горницъ охлопья попадаютъ, въ погребахъ питья всколеблются. Вотъ подвиги любимаго народнаго богатыря Ильи Муромца [1]): Илья идетъ въ послахъ отъ князя Владиміра къ хану кочевой орды, и заводитъ съ нимъ ссору; ханъ велитъ связать ему руки бѣлыя, плюетъ ему въ ясныя очи:

И тутъ Ильѣ за бѣду стало,
За великую досаду показалося,
Что плюетъ Калинъ (ханъ) въ ясны очи;
Вскочилъ въ полдрева стоячаго,
Изорвалъ чембуры на могучихъ плечахъ,
Не допустятъ Илью до добра коня,
И до его-то до палицы тяжкія,
До мѣдны латы въ три тысячи.
Схватилъ Илья Татарина за ноги,
Который ѣздилъ въ Кіевъ градъ,
И зачалъ Татариномъ помахивати:
Куда ни махнетъ,—тутъ и улицы лежатъ,
Куда отвернетъ—съ переулками,
А самъ Татарину приговариваетъ:
«А и крѣпокъ Татаринъ, не ломится,
А жиловатъ, собака, не изорвется...»

Но не одна чудовищная, матеріальная сила дѣйствуетъ въ богатыряхъ; въ нихъ дѣйствуетъ также сила чародѣйская. Мы видѣли занесенное въ лѣтопись преданіе о томъ, что Полоцкій князь Всеславъ Брячиславичъ родился отъ волшебства (волхованья); пѣсня разсказываетъ въ подробности это преданіе [2]), какъ родился богатырь Волхъ Всеславьевичъ отъ лютаго змѣя. Когда минуло Волху десять годовъ, сталъ учиться онъ премудростямъ: первый мудрости учился—обертываться яснымъ соколомъ; другой мудрости учился — обертываться сѣрымъ волкомъ; третьей мудрости учился онъ — обертываться гнѣдымъ туромъ-золотые рога. На двѣнадцатомъ году начинаетъ онъ набирать дружину; живо и согласно съ лѣтописью представляетъ намъ пѣсня дружинный бытъ: сталъ себѣ Волхъ прибирать дружину, прибиралъ три года, и набралъ себѣ дружины семь тысячъ; самъ онъ, Волхъ, въ пятнадцать лѣтъ, и вся его дружина по пятнадцати лѣтъ... Волхъ поилъ, кормилъ дружину храбрую, обувалъ, одѣвалъ добрыхъ молодцевъ.—Особенно отличаются мудростью, хитростью, то-есть чародѣйствомъ, вѣдовствомъ, женщины, знаменитыя вѣдьмы кіевскія: такова Марина Игнатьева [3]), которая водится съ змѣемъ Горынчищемъ. Осердясь на богатыря Добрыню, Марина привораживаетъ его къ себѣ.

Врала она слѣды горячіе молодецкіе,
Набирала Марина беремя дровъ,
А бремя дровъ бѣлодубовыхъ,
Клала дровца въ печку муравленную
Со тѣми слѣды горячими,
Разжигаетъ дрова палящатымъ огнемъ,
И сама она дровамъ приговариваетъ:
«Сколь жарко дрова разгораются
Со тѣми слѣды молодецкими,
Разгоралось бы сердце молодецкое»

Чары дѣйствуютъ на Добрыню: онъ влюбляется въ вѣдьму, прогоняетъ отъ нея соперника своего, Змѣя Горынчища, за что Марина обертываетъ его гнѣдымъ туромъ.—Такова Авдотья Лиховидьевна, которая искала мудрости надъ мужемъ своимъ, Потокомъ Михайлою Ивановичемъ: она взяла съ него слово, что если она умретъ прежде него, то ему зарыться съ нею въ могилу живому; и вотъ че-

[1]) Древн. Рос. стихотв., стр. 249.

[2]) Тамъ же, стр. 45.
[3]) Тамъ же, стр. 62.

резъ полтора года Лиховидьевна умираетъ, и Потокъ, вѣрный своему слову,

Съ конемъ и збруею ратною
Опустился въ тое жъ могилу глубокую,
И заворочали потолокомъ дубовымъ
И засыпали песками желтыми,
А надъ могилою поставили деревянный крестъ,
Только мѣсто оставили веревкѣ одной,
Которая была привязана къ колоколу соборному.
И стоялъ онъ, Потокъ Михайло Ивановичъ,
Въ могилѣ съ добрымъ конемъ
Съ полудни до полуночи.
И для страху, добывъ огня,
Зажигалъ свѣчи воску яраго.
И какъ пришла пора полуночная,
Собирались къ нему всѣ гады змѣиные,
А потомъ пришелъ большой змѣй:
Онъ жжетъ и палитъ пламемъ огненнымъ;
А Потокъ Михайло Ивановичъ
На то-то не робокъ былъ,
Вынималъ саблю острую,
Убиваетъ змѣя лютаго
И ссѣкаетъ ему голову,
И тою головою змѣиною
Учалъ тѣло Авдотьино мазати.
Втѣпоры она еретница
Изъ мертвыхъ пробуждалася.

Такъ отразился матеріальный, языческій бытъ юной Руси на произведеніяхъ народной фантазіи; теперь посмотримъ, какъ отразилось на нихъ вліяніе христіанства. Это вліяніе замѣтно отразилось въ пѣснѣ объ Алешѣ Поповичѣ; противникомъ Алеши является Тугаринъ Змѣевичъ, богатырь съ чудовищною матеріальною силою и чародѣй: отчество Змѣевичъ, способность палить огнемъ и склонность къ сладострастію указываютъ на его нечистое происхожденіе. Алеша Поповичъ не отличается чудовищною матеріальною силою, но ловко владѣетъ оружіемъ. За столомъ княжескимъ Тугаринъ Змѣевичъ ѣстъ и пьетъ по-богатырски: по цѣлой ковригѣ за щеку мечетъ, глотаетъ цѣликомъ по лебедю, по цѣлой чашѣ охлестываетъ, которая чаша въ полтретья ведра, и безстыдно ведетъ себя съ женщинами; все это не нравится Алешѣ, онъ сравниваетъ Тугарина съ прожорливымъ животнымъ; здѣсь уже природа человѣческая вооружается противъ животненной. Приготовляясь къ битвѣ съ Тугариномъ, Алеша не спитъ всю ночь, молится со слезами, чтобы Богъ послалъ ему въ помощь тучу грозную съ дождемъ и градомъ. Алешины молитвы доходны ко Христу: Богъ посылаетъ тучу съ дождемъ и градомъ, крылья у Тугарина обмокли, и онъ свалился на землю, принужденъ бороться обыкновеннымъ способомъ. Алеша побѣждаетъ его, но побѣждаетъ его не матеріальною силою, а хитростью; сошедшись съ Тугариномъ, Алеша говоритъ ему: „Ты хочешь драться со мною одинъ-на-одинъ, а между тѣмъ ведешь за собою силу несмѣтную"; Тугаринъ оглянулся назадъ; этимъ мгновеніемъ воспользовался Алеша, подскочилъ и отрубилъ ему голову. Любопытно видѣть, какъ, подъ вліяніемъ христіанства, передѣлывались преданія о любимомъ народномъ богатырѣ Ильѣ Муромцѣ; мы встрѣтили уже разъ Илью въ борьбѣ съ кочевою ордою, когда онъ, вмѣсто оружія, человѣкомъ билъ людей; но вотъ слышится о немъ же другое преданіе, составившееся подъ новымъ вліяніемъ: тридцать лѣтъ сидитъ Илья сиднемъ, не владѣетъ ни руками, ни ногами, и получаетъ богатырскую силу чудомъ, какъ даръ Божій, за христіанскій подвигъ, за желаніе утолить жажду двухъ странниковъ [1]); дальнѣйшіе подвиги его отмѣчены также смиреніемъ, благодушіемъ. Противъ языческаго поклоненія матеріальной силѣ христіанство выставило поклоненіе силѣ духовной, небесной, предъ которою матеріальная, земная сила ничто, противъ которой не устоитъ никакой богатырь. Мы видѣли, какъ это понятіе отразилось въ преданіи объ Алешѣ Поповичѣ и Ильѣ Муромцѣ; но всего рѣзче высказалось оно въ преданіи о томъ, какъ богатыри, побѣдивъ несмѣтную басурманскую силу, обезумѣли отъ гордости и вызвали на бой силу небесную, которая росла все болѣе и болѣе подъ ударами богатырей, и наконецъ заставила ихъ окаменѣть отъ ужаса [2]). Такъ, подъ вліяніемъ христіанства, начало упраздняться поклоненіе матеріальной силѣ.

Мы уже имѣли случай упоминать о томъ, какъ въ древнихъ богатырскихъ пѣсняхъ нашихъ, сквозь познѣйшіе слои проглядываетъ слой древній, отражающій въ себѣ бытъ первоначальнаго періода нашей исторіи; мы видимъ какъ въ нихъ отразился особенно бытъ дружины; справедливо замѣчаютъ [3]), что старинные богатыри русскіе принадлежатъ разнымъ сословіямъ, сходятся ко Двору княжескому съ разныхъ концовъ Руси: таковъ постоянно характеръ дружины, который долго держался у насъ въ чистотѣ. Укажемъ еще на нѣкоторыя черты, напоминающія время: извѣстенъ древній обычай давать кораблямъ видъ разныхъ звѣрей, драконовъ, и т. п.; и вотъ въ пѣснѣ о Соловьѣ Будиміровичѣ такъ, между прочимъ, описанъ его корабль:

Носъ, корма по туриному,
Бока взведены по-звѣриному.

Эта же пѣсня напоминаетъ о греческой торговлѣ; о судахъ, приходившихъ въ Кіевъ съ греческими товарами:

Говорилъ Соловей таково слово:
«Гой еси вы, гости корабельщики,
И всѣ цѣловальники любимые!
Какъ буду я въ городѣ въ Кіевѣ,
У ласкова князя Владиміра,
Чѣмъ мнѣ-то будетъ князя дарить,
Чѣмъ свѣта жаловати?»
Отвѣчаютъ гости корабельщики
И всѣ цѣловальники любимые:
«Ты славной, богатой гость,
Молодой Соловей, сынъ Будиміровичъ!
Есть, сударь, у васъ золота казна,
Сорокъ сороковъ черныхъ соболей,

[1]) См. это преданіе въ Исторіи Русской Словесности проф. Шевырева, вып. I, стр. 193.
[2]) Тамъ же, стр. 199.
[3]) Тамъ же, стр. 216.

Вторые сорокъ бурнастыхъ [1]) лисицъ;
Есть, сударь, дорога камка,
Что не дорога камочка—узоръ хитеръ:
Хитрости были Царя-града,
А и мудрости Іерусалима,
Замыслы Соловья Будиміровича;
На златѣ, серебрѣ не погнѣваться».
Прибѣжали корабли подъ славный Кіевъ градъ,
Якори метали въ Днѣпръ рѣку,
Сходни бросали на крутъ бережокъ [2])...

Мы знаемъ изъ лѣтописи, что Новгородцы славились плотничествомъ; пѣсня говоритъ, что они славились умѣньемъ строгать стрѣлы:

...тѣмъ стрѣламъ цѣны не было:
Колоты они были изъ трость-дерева,
Строганы тѣ стрѣлы въ Новѣгородѣ [3]).

Лѣтописецъ знаетъ о дунайскомъ городкѣ Кіевцѣ, который основанъ будто бы нашимъ же Кіемъ Полянскимъ; пѣсня знаетъ также Кіевецъ:

Чурила живетъ не въ Кіевѣ,
А живетъ онъ пониже малаго Кіевца [4]).

Мы знаемъ, что дружинники переходили отъ одного владѣльца къ другому, служили то въ одной, то въ другой странѣ; таковы и богатыри пѣсни, таковъ знаменитый Дунай Ивановичъ, который говоритъ о себѣ:

Служилъ я, Дунай, въ семи ордахъ,
Въ семи ордахъ, семи королямъ [5]).

Въ Галицкой Руси теперь еще поется объ этихъ дружинникахъ, о нашихъ старинныхъ Руссахъ, которые сбирались идти на тихій Дунай, служить царю Болгарскому, или въ Константинополь къ Императору:

„Въ чистомъ полѣ шатеръ стоитъ; въ шатрѣ сидятъ добры молодцы; сидятъ они, думу думаютъ: какъ пойдемъ мы къ кузнецу доброму, покуемъ себѣ мѣдные челна, мѣдные челна, золотыя весла; какъ пустимся мы на тихій Дунай, вдоль Дуная подъ Царьгородъ. Ой, чуемъ тамъ добраго пана, что платитъ щедро за службу молодецкую: даетъ, что годъ, по сту червонныхъ; по сту червонныхъ да по вороному коню; по вороному коню да по сабелькѣ; по сабелькѣ да по кафтанчику; по кафтанчику да по шапочкѣ; по шапочкѣ да по красной дѣвицѣ [6])“.

[1]) Не Буртасскихъ ли?
[2]) Древн. Рос. стихотвор., стр. 3, 4.
[3]) Тамъ же, стр. 24.
[4]) Тамъ же, стр. 159.
[5]) Тамъ же, стр. 96.
[6]) См. у Мацѣевскаго въ Polska.—Я въ своемъ вольномъ переводѣ соединилъ двѣ пѣсни, сходныя другъ съ другомъ въ главныхъ чертахъ; вотъ онѣ:

1.

Iszly molodci rano scercowci,
Oj iszly iszly radu radyly,
Radu radyly ne jednakoju,
Ne jednakoju, a trojahoju:
Oj chodmoz my do kowalczyka,
Do kowalczyka do zolotnika,
Pokujmoz sobi midiani czowna,
Midiani czowna, zoloti wesla,
Oj pustimez na tychyj Dunaj
Doliw Dunajem pid Carchorod,
Oj czuemo tam dobroho pana
Szczo platyt dobre za zasluženku
Oj daje na rik po sto czerwonych,
Po sto czerwonych po konykowy,
Po konykowy, taj po szabelci,
Taj po szabelci, po pari sukon,
Po pari sukon, taj po szapoczi,
Taj po szapoczi, taj po panoczci.

2.

Oj w czystim poly płysko dorohy
Stajal namet, bili szowkowi:
A w tych nametach wse hromadowe
Radonku radiat koby wradyly:
Oj ne sprawlaimo na zony szuby,
Na zony szuby na doczky zloto
Ale sprawlajmo midiani czowna,
Midiani czowna, sribrniji wesla,
Ta puskajmo na kraja Dunaja,
Czuiemoz my tam dobroho pana,
Dobroho pana, a pana Petra
Szczo platyt dobre za zasluženku,
Oj daje na rik po stu czerwonych,
Po konykowy, po woronomu,
Po županowy, po kitaijewu,
Po jasni strilci, po prasny diwci.

Въ прибавленіяхъ къ Извѣстіямъ Академіи Наукъ напечатана былина про Василису Данилову, въ которой можно найти намекъ на поведеніе Владиміра до крещенія, какъ о немъ свидѣтельствуетъ лѣтопись; потомъ можно найти слѣды смутнаго преданія объ усобицахъ между Кіевомъ и Черниговымъ; любопытно, что Кіевская рать называется силою Русскою.

Мы видѣли вліяніе христіанства на древнія наши богатырскія преданія, — видѣли, какъ подъ этимъ вліяніемъ передѣлывался характеръ богатырей, характеръ ихъ поступковъ. Но есть еще цѣлый рядъ произведеній народной фантазіи, которыя отзываются также глубокою древностью и которыя своимъ существованіемъ обязаны уже почти исключительно новой религіи: мы говоримъ о духовныхъ нашихъ пѣсняхъ, или стихахъ, которые обыкновенно поются слѣпыми нищими. Мы видѣли въ преданіи о принятіи Владиміромъ христіанства, что князя всего болѣе поразилъ разсказъ греческаго проповѣдника о началѣ и концѣ міра; мы видѣли также, что эти вопросы занимали сильно языческіе народы сѣвера;—и вотъ народная фантазія овладѣваетъ этими вопросами и рѣшаетъ ихъ посвоему, подъ непосредственнымъ однако вліяніемъ христіанства. Такъ произошли важнѣйшіе стихи о Голубиной книгѣ и о Страшномъ судѣ. Въ первой пѣснѣ говорится: какъ изъ грозной тучи вышла исполинская книга; какъ изъ многочисленнаго собора всякаго рода людей никто не могъ разогнуть ея; какъ могъ это сдѣлать одинъ царь Давидъ, совопросникомъ котораго о тайнахъ творенія является нашъ Владиміръ. Здѣсь можно видѣть связь пѣсни съ преданіемъ о томъ, какъ Вла-

димиръ спрашивалъ у греческаго проповѣдника о содержаніи Ветхаго и Новаго Завѣта [1]).

Разсмотрѣвъ событія начальнаго періода и внутреннее состояніе общества въ это время, постараемся вникнуть въ главныя, характеристическія черты эпохи Прежде всего представляются намъ племена, разбросанныя на огромныхъ пространствахъ и живущія подъ формами родоваго быта. На сѣверѣ племена эти, по всѣмъ вѣроятностямъ вслѣдствіе столкновенія съ другими историческими народами, сознаютъ необходимость выйти изъ родоваго быта; для чего призываютъ власть извнѣ, призываютъ князя изъ чужого рода. Соединенныя посредствомъ новаго начала силы дѣйствуютъ; князь сѣверныхъ племенъ пользуется силами послѣднихъ и подчиняетъ себѣ остальныя племена на всемъ огромномъ пространствѣ великой восточной равнины. Племена эти, вслѣдствіе означеннаго подчиненія, сосредоточенія, постепенно переходятъ изъ родоваго быта въ областной; въ городахъ, вслѣдствіе дѣятельности правительственнаго начала, вслѣдствіе переселеній и новаго раздѣленія жителей, родовой бытъ ослабѣваетъ. Между тѣмъ является новое могущественное начало—Церковь: князья сѣверныхъ племенъ движутся на югъ, по великому водному пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, утверждаютъ свое пребываніе въ Кіевѣ, откуда начинаются частыя сношенія съ Византіею; вслѣдствіе этихъ сношеній является на Руси христіанство, торжествуетъ надъ язычествомъ въ Кіевѣ, и отсюда мало-по-малу распространяется во всѣ стороны. Вліяніе Церкви, духовенства на общественный строй оказывается немедленно, особенно при необходимомъ столкновеніи съ семейнымъ началомъ; ясно начинаютъ обнаруживаться дѣйствія новой религіи въ концѣ періода, когда выступаетъ новое поколѣніе грамотныхъ христіанъ.—Главныя условія, которыя опредѣляли при этомъ дальнѣйшій ходъ Русской Исторіи, были: вопервыхъ, природа страны, вовторыхъ—бытъ племенъ, вошедшихъ въ составъ новаго общества, втретьихъ—состояніе сосѣднихъ народовъ и государствъ. Равнинность страны, а главное—величина и обиліе рѣкъ условили быстрое очертаніе огромной государственной области, первоначальныя основы которой положены по великому водному пути изъ сѣверной Европы въ южную, изъ Балтійскаго моря въ Черное; путь шелъ, по выраженію лѣтописца, отъ Варяговъ къ Грекамъ; этимъ условились два явленія, имѣвшія рѣшительное вліяніе на жизнь русскаго общества: отъ Варяговъ пришло правительственное начало, отъ Грековъ—христіанство.—Бытъ племенъ родовой условилъ явленія, побудившія къ призванію князей; онъ условилъ и отношенія между призваннымъ началомъ и призвавшими его; князь могъ явиться не иначе, какъ въ значеніи родоначальника: по отсутствію наслѣдственности родоваго старшинства въ одной линіи, старшины родовъ не могли выдвинуться на первый планъ съ ограничивающимъ княжескую власть значеніемъ, и дружина необходимо получаетъ характеръ только служебный [2]). Природа страны и бытъ племенъ условили и особенную форму распространенія Русской государственной области, именно—колонизацію, которую мы замѣчаемъ съ самаго начала; при этомъ замѣчаемъ также, что движеніе отправляется преимущественно съ сѣвера на югъ; замѣчаемъ большій приливъ жизненныхъ началъ на сѣверѣ: три раза вступаетъ сѣверъ въ борьбу съ югомъ, и три раза остается побѣдителемъ; но сѣверъ не только даетъ побѣду князьямъ своимъ надъ князьями юга, онъ посылаетъ часть своего народонаселенія на постоянную защиту юга отъ степныхъ варваровъ.—Третьимъ главнымъ условіемъ, опредѣлившимъ изначала ходъ Русской Исторіи, назвали мы отношенія къ сосѣднимъ государствамъ и народамъ. Русское Государство образовалось на дѣвственной почвѣ, на которой исторія, цивилизація другого народа не оставила никакихъ слѣдовъ; никакихъ преданій, никакихъ учрежденій не досталось въ наслѣдство юному русскому обществу, которое должно было начать свою историческую жизнь съ

---

[1]) Подробности о духовныхъ стихахъ см. въ Исторіи Русской Словесности проф. Шевырева, вып. I, стр. 235 и слѣд.

[2]) Много говорятъ о завоеваніи и незавоеваніи; полагаютъ главное отличіе Исторіи Русской отъ исторіи западныхъ европейскихъ государствъ въ томъ, что тамъ было завоеваніе одного племени другимъ, а у насъ его не было. Этотъ взглядъ, по нашему мнѣнію, односторонень: проводя параллель между западными европейскими государствами и нашимъ Русскимъ, преимущественно обращаютъ вниманіе на Францію, Англію, упуская изъ виду Германію, Скандинавскія государства и ближайшія къ намъ государства Славянскія: здѣсь одно племя не было завоевано другимъ, и между тѣмъ исторія этихъ государствъ столько же различна отъ исторіи нашего, сколько различна отъ нея исторія Франціи и Англіи. Ясно, слѣдовательно, что въ одномъ отсутствіи завоеванія нельзя искать объясненій главному различію; прежде всего должно искать его въ первоначальныхъ отношеніяхъ призваннаго начала къ призвавшимъ, — отношеніяхъ, условленныхъ первоначальнымъ бытомъ племенъ: дойди эти племена въ родовомъ бытѣ до кланскаго устройства, имѣй наслѣдственное старшинство, стань эти наслѣдственные старшины родовъ съ земскимъ значеніемъ около князя,—исторія приняла бы совершенно другой видъ, хотя бы также не было завоеванія. Дружина имѣла у насъ другой характеръ, чѣмъ на Западѣ; но этотъ характеръ могъ бы измѣниться, еслибъ у насъ на Руси произошли такія же явленія, какія имѣли мѣсто въ Польшѣ послѣ Болеслава Храбраго, если бы русскіе дружинники пріобрѣли скоро значеніе богатыхъ земельныхъ владѣльцевъ и областныхъ правителей: а это значеніе они могли пріобрѣсть и безъ завоеванія, вслѣдствіе одного служебнаго своего характера, вслѣдствіе пожалованій княжескихъ. Итакъ, рѣзкое различіе нашей исторіи отъ исторіи западныхъ государствъ,—различіе ощутительное въ самомъ началѣ,—не можетъ объясняться только отсутствіемъ завоеванія, но многими различными причинами, дѣйствующими и въ началѣ, и во все продолженіе исторіи: на всѣ эти причины историкъ долженъ обращать одинакое вниманіе, если не хочетъ заслужить упрека за односторонность.

одними собственными средствами. Но при такихъ обстоятельствахъ важно было то, что новорожденное общество, находясь на краю восточной Европы, вслѣдствіе отдаленности, уединенія своего, избѣгло чуждыхъ сильныхъ вліяній со стороны народовъ, поставленныхъ въ болѣе благопріятныя обстоятельства относительно гражданственности. Западныя славянскія государства основались также на дѣвственной почвѣ, но они немедленно должны были подчиниться вліянію чужого племени, германскаго, которое дѣйствовало съ помощью римскихъ началъ, усвоенныхъ имъ на почвѣ Имперіи. Это могущественное вліяніе чуждой народности, противъ котораго славянская народность не могла выставить сильнаго сопротивленія, нанесло при самомъ началѣ рѣшительный ударъ самостоятельности западныхъ Славянъ во всѣхъ отношеніяхъ, при самомъ началѣ условило ихъ будущую судьбу. Но вліяніе германскаго племени прекратилось Польшею, не могло достигнуть Россіи вслѣдствіе самой ея отдаленности, уединенія; свободная отъ вліянія чуждыхъ племенъ, Русь могла сохранить свою славянскую народность: она приняла христіанство отъ Византіи, которая вслѣдствіе этого обнаружила сильное вліяніе на жизнь южнаго русскаго общества; но это вліяніе не было нисколько вредно для славянской народности послѣдняго, потому что Восточная Имперія, по самой слабости своей, не могла насильственно втѣснять русскую жизнь въ формы своего быта, навязывать русскимъ свой языкъ, высылать къ нимъ свое духовенство, свои колоніи; византійская образованность дѣйствовала не чрезъ свой собственный органъ, но чрезъ органъ русской народности, чрезъ русскій языкъ, и такимъ образомъ, вмѣсто утушенія, содѣйствовала только къ утвержденію славянской народности на Руси; Греція обнаруживала свое вліяніе на Русь не во столько, во сколько сама хотѣла обнаруживать его, но во столько и въ такихъ формахъ, въ какихъ сами Русскіе хотѣли принимать ея вліяніе; ни свѣтская, ни духовная власть Восточной Имперіи не могли имѣть рѣшительнаго вліянія на явленія древней русской жизни, не могли выставить начала, равносильнаго господствовавшимъ въ ней началамъ, которыя потому и развивались свободно и независимо; византійскія государственныя понятія, проводимыя на Руси чрезъ духовенство, могли только тогда способствовать окончательному сокрушенію нѣкоторыхъ формъ жизни, когда эти формы были уже рѣшительно поколеблены вслѣдствіе внутреннихъ причинъ. Безопасная отъ насильственнаго вліянія имперій Римско-Греческой и Римско-Германской, древняя Русь была безопасна отъ насильственнаго вліянія и другихъ сосѣднихъ народовъ: Польша и во времена могущества своего постоянно сдерживалась западомъ, принуждена была постоянно смотрѣть въ ту сторону, притомъ же силы двухъ юныхъ государствъ были одинаковы; Польшѣ не удалось утвердить своего вліянія на востокѣ и при Болеславѣ Храбромъ, тѣмъ менѣе она могла имѣть средствъ къ тому послѣ его смерти. Дикіе Литовцы и Ятвяги могли только безпокоить русскія границы своими набѣгами. Въ Швеціи, вслѣдствіе появленія тамъ христіанства, началось разложеніе древнихъ языческихъ формъ жизни, сопровождаемое внутренними волненіями, уничтожившими для народа и князей его возможность дѣйствовать наступательно на сосѣднія страны. Съ востока, отъ степей Азіи, нѣтъ также сильныхъ напоровъ, могущихъ вырвать съ корнемъ основы новорожденнаго общества, какъ нѣкогда наплывъ гуннскій уничтожилъ въ этихъ странахъ владѣніе Готовъ. Такъ съ самаго начала уже оказывалось, что изъ всѣхъ славянскихъ государствъ одному Русскому суждено было самостоятельное существованіе въ Европѣ.

Взаключеніе мы должны обратиться къ вопросу, который такъ долго господствовалъ въ нашей исторической литературѣ, именно къ вопросу о норманскомъ вліяніи. Участіе скандинавскихъ племенъ, или Варяговъ, въ начальномъ періодѣ нашей истріи несомнѣнно, ясно съ перваго взгляда. Первоначальною областью Русскаго государства былъ путь отъ Варяговъ въ Грецію; и безспорно, что этотъ путь открытъ Варягами задолго до половины IX вѣка; безспорно также, что явленіе, знаменующее въ исторіи сѣверо-восточной Европы половину IX вѣка, соединеніе сѣверныхъ племенъ славянскихъ и финскихъ подъ одну власть, произошло вслѣдствіе столкновенія этихъ племенъ съ племенемъ скандинавскимъ, вслѣдствіе владычества Варяговъ въ этихъ странахъ. Первые призванные князья были изъ рода варяжскаго, первая дружина состояла преимущественно изъ ихъ соплеменниковъ; путемъ варяжскимъ движутся сѣверные князья на югъ; въ борьбѣ съ югомъ, съ Греками, восточными степными варварами, Польшею, Русскіе князья постоянно пользуются варяжскою помощію; Варяги—первые купцы, первые посредники между сѣверною и южною Европою и Азіею, между славянскими племенами и Греками, они же главнымъ образомъ посредничаютъ и при введеніи христіанства въ Русь. Но при этомъ должно строго отличать вліяніе народа отъ вліянія народности: вліяніе скандинавскаго племени на древнюю нашу исторію было сильно, ощутительно; вліяніе скандинавской народности на славянскую было очень незначительно. При столкновеніи двухъ народовъ, при опредѣленіи степени ихъ вліянія одного на другой, должно обратить прежде всего вниманіе на слѣдующія обстоятельства: одинъ народъ господствуетъ ли надъ другимъ, одинъ народъ стоитъ ли выше другого на ступеняхъ общественной жизни, наконецъ формы быта одного народа, его религія, нравы, обычаи рѣзко ли отличаются отъ формъ быта другого, религіи, нравовъ, обычаевъ?

Мы видимъ, что у насъ Варяги не составляютъ господствующаго народонаселенія относительно Славянъ, не являются какъ завоеватели послѣднихъ.

слѣдовательно не могутъ надать Славянамъ насильственно своихъ формъ быта, сдѣлать ихъ господствующими, распоряжаться какъ полновластные хозяева въ Землѣ. Мы видимъ, что при Владимірѣ въ совѣтахъ о строѣ земскомъ подлѣ бояръ являются старцы, слѣдовательно если мы даже предположимъ, что сначала, тотчасъ послѣ призванія, дружина преимущественно состояла изъ Варяговъ, то ея вліяніе не могло быть исключительно, потому что перевѣшивалось вліяніемъ старцевъ, представителей славянскаго народонаселенія; что было въ стольномъ городѣ княжескомъ, то самое должно было быть и въ другихъ городахъ, гдѣ мѣсто князя занимали мужи княжіи. Варяги, составлявшіе первоначально дружину князя, жили около послѣдняго, такъ-сказать, стояли подвижнымъ лагеремъ въ странѣ, а не врѣзывались сплошными колоніями въ туземное народонаселеніе; многіе изъ нихъ находились только во временной службѣ у Русскихъ князей, уходили отъ нихъ на службу къ императору Греческому или возвращались назадъ домой; наконецъ, по самому характеру дружинниковъ, они не могли переходить въ Русь съ женами; тѣ изъ нихъ, которые оставались здѣсь навсегда, женились на Славянкахъ, дѣти ихъ были уже полу-Варягами только, внуки—совершенно Славянами.

Варяги не стояли выше Славянъ на ступеняхъ общественной жизни, слѣдовательно не могли быть среди послѣднихъ господствующимъ народомъ въ духовномъ, нравственномъ смыслѣ; наконецъ, что всего важнѣе, въ древнемъ языческомъ бытѣ скандинаво-германскихъ племенъ мы замѣчаемъ близкое сходство съ древнимъ языческимъ бытомъ Славянъ; оба племени не успѣли еще выработать тогда рѣзкихъ отмѣнъ въ своихъ народностяхъ,—и вотъ горсть Варяговъ, поселившись среди славянскихъ племенъ, не находитъ никакихъ препятствій слиться съ большинствомъ.

Такъ должно было быть, такъ и было. Въ чемъ можно замѣтить сильное вліяніе скандинавской народности на славянскую?—Въ языкѣ? По послѣднимъ выводамъ, добытымъ филологіею, оказывается, что въ русскомъ языкѣ находится не болѣе десятка словъ происхожденія сомнительнаго или дѣйствительно германскаго [1]). Послѣ того какъ древнѣйшій памятникъ нашего законодательства, такъ-называемая Русская Правда,—сличена была съ законодательными памятниками другихъ славянскихъ народовъ, не можетъ быть рѣчи не только о томъ, что Русская Правда есть скандинавскій законъ, но даже о сильномъ вліяніи въ ней скандинавскаго элемента. Даже тѣ изслѣдователи юристы, которые предполагаютъ нѣсколько значительное вліяніе скандинавскаго элемента въ Русской Правдѣ, видятъ однако въ послѣдней собраніе обычаевъ преимущественно славянскихъ и частію только германскихъ [2]). Но, для яснаго пониманія событій перваго періода нашей исторіи, мало еще опредѣлить, что степень вліянія народности пришлаго элемента на народность туземнаго была незначительна: нужно тотчасъ же обратить вопросъ и слѣдить, какому вліянію съ самаго начала сталъ подвергаться пришлый элементъ отъ туземнаго, отъ новой среды, въ которой онъ нашелся; надобно слѣдить за обоими элементами въ ихъ взаимодѣйствіи, а не брать каждый порознь, заставляя ихъ дѣйствовать отъ начала до конца въ полной особности, съ ихъ первоначальнымъ чистымъ характеромъ, какой они имѣли до своего соединенія. Если Рюрикъ былъ Скандинавъ, морской король, то слѣдуетъ ли отсюда, что внуки и правнуки его, князья многихъ племенъ, владѣльцы обширной страны, должны также носить характеръ морскихъ королей? Развѣ новая среда, въ которой они стали вращаться, нисколько не могла содѣйствовать къ измѣненію ихъ характера? Говорятъ, что наши князья, отъ Рюрика до Ярослава включительно, были истые Норманны: но въ чемъ же состоитъ ихъ норманство?—Въ томъ, что они обнаруживаютъ завоевательный духъ? Но такимъ духомъ обыкновенно отличаются князья новорожденныхъ обществъ: одновременно съ Русскимъ образуется другое славянское государство—Польское: первые Пясты не Норманны; несмотря на то, они обнаруживаютъ свою дѣятельность тѣмъ же, чѣмъ и первые Рюриковичи,—распространеніемъ первоначальной области посредствомъ завоеванія. Первые Рюриковичи обнаруживаютъ свое норманское происхожденіе, быть можетъ, тѣмъ, что совершаютъ походы преимущественно водою, на лодьяхъ? Но причина этого явленія заключается не въ норманскомъ происхожденіи князей, а въ природѣ страны, малонаселенной, покрытой непроходимыми лѣсами, болотами, въ которой, слѣдовательно, самый удобный путь былъ водный; дружины, распространявшія русскія владѣнія за Уральскимъ хребтомъ въ XVII вѣкѣ, не были Норманны, но, по природѣ страны, дѣйствовали такъ-же, какъ послѣдніе, совершали свои походы воднымъ путемъ. Обычай нашихъ князей ходить на полюдье не есть норманскій, онъ необходимъ во всѣхъ новорожденныхъ обществахъ: такъ, мы видимъ его и въ Польшѣ. Военное дѣленіе на десятки, сотни и т. д. есть общее у народовъ различнаго происхожденія. Дружинная жизнь не есть исключительная принадлежность германскаго племени: Болеславъ Польскій живетъ съ своею дружиною точно такъ-же, какъ Владиміръ съ своею.

Сдѣлавши всѣхъ первыхъ князей нашихъ морскими королями, назвавши ихъ истыми Норманна-

[1]) См. Срезневскаго — Мысли объ исторіи русскаго языка. Слова, которыя до сихъ поръ считались скандинавскими, оказываются чисто славянскими, таковы: безменъ, вервь, вира, верста, Господь, гость, гридь, дума, князь, луда, лютъ, мечъ, мыто, навь, нети, обель, огнищанинъ, смердъ, теремъ, якорь.

[2]) Михайлова—Исторія образованія и развитія системы русскаго гражданскаго судопроизводства, стр. 22.

ми, опредѣливши такимъ образомъ ихъ общій характеръ, точку зрѣнія на нихъ, изслѣдователи необходимо должны были оставить въ сторонѣ ихъ главное значеніе относительно той страны, относительно тѣхъ племенъ, среди которыхъ они призваны были дѣйствовать, должны были оставить въ сторонѣ различіе характеровъ каждаго изъ нихъ, и какое вліяніе это различіе производило на судьбу страны. Обративъ преимущественно вниманіе на элементъ пришлый, на Варяговъ, изъ характера ихъ отношеній къ князю и Землѣ исключительно старались опредѣлить главный характеръ нашей исторіи, позабывъ, что характеръ дружины условился отношеніями призванныхъ князей къ призвавшему народонаселенію, и что эти отношенія условились бытомъ послѣдняго. Утверждая, что у насъ имѣло мѣсто призваніе, а не завоеваніе, не замѣтили противорѣчія, когда Варягамъ дали характеръ завоевательный, заставивъ всѣ явленія отражать на себѣ исключительно ихъ народность, заставивъ дѣйствовать одно пришлое начало, поразивъ совершеннымъ бездѣйствіемъ туземное. Таковы вредныя слѣдствія того односторонняго взгляда, по которому Варяги были исключительными дѣйствователями въ начальномъ періодѣ нашей исторіи [1]).

[1]) Такъ какъ подобный взглядъ преимущественно выраженъ въ изслѣдованіяхъ г. Погодина, то мы не можемъ здѣсь не обратить на нихъ вниманія. Въ послѣсловіи къ третьему тому своихъ Изслѣдованій г. Погодинъ говоритъ слѣдующее: «Варяги, въ продолженіи періода разсмотрѣннаго нами (862—1054) были почти совершенно отдѣльнымъ племенемъ отъ Славянъ, они жили вмѣстѣ, но не сплавлялись, не составляли одного народа; это были двѣ рѣки, которыя пали одна въ другую, но еще не слили водъ своихъ. Варяги имѣютъ свою особую исторію, или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Такъ я и разсматривалъ ихъ. Вліяніе Варяговъ на Славянъ было болѣе наружное: они образовали государство. Укажу для пояснительнаго сравненія на нынѣшнихъ Нѣмцевъ и Латышей съ Чудью въ Остзейскихъ губерніяхъ. Славяне платили дань, работали,—и только, а въ прочемъ жили попрежнему. Вліяніе Славянъ на Варяговъ было болѣе внутреннее, которое обнаружилось вполнѣ уже въ слѣдующемъ періодѣ. Тогда оба эти племени соединились въ одинъ народъ, т.-е. Варяги сдѣлались Славянами, принявъ ихъ языкъ, хотя и оставались ихъ правительствомъ. Тогда получатъ они одну общую исторію».

Варяги имѣютъ свою особую исторію или, лучше сказать, одни составляютъ ее. Славяне платили дань, работали только, а въ прочемъ жили по-прежнему: вотъ основная мысль г. Погодина! Начальная Русская Исторія есть исторія Варяговъ, по его мнѣнію; посмотримъ, вѣренъ ли этотъ взглядъ. Начальная Русская Исторія открывается тѣмъ, что нѣсколько племенъ славянскихъ и финскихъ соединяются и призываютъ князя изъ Варяговъ; князь приходитъ съ дружиною, составленною изъ его соплеменниковъ. Кто соединился, кто положилъ основы государству, кто призвалъ правительственное начало? Славяне и Финны, или Варяги? Чья же исторія начинается здѣсь? Самъ г. Погодинъ утверждаетъ, что Варяги явились у насъ съ характеромъ не завоевательнымъ, а служебнымъ; кому же они пришли служить? Князю племенъ славянскихъ и финскихъ? Они пришли служить исторіи этихъ племенъ, участвовать только въ ней, а не составлять ея исключительно. Князь племенъ сѣверныхъ—славянскихъ и финскихъ—движется на югъ, подчиняетъ себѣ, сосредоточиваетъ тамъ живущія племена; чьими же силами совершаетъ онъ это? Силами однихъ Варяговъ? Нѣтъ, силами всѣхъ сѣверныхъ племенъ; князь идетъ на Византію—съ одними Варягами? Нѣтъ, со всѣми славянскими племенами. Въ борьбахъ сѣверныхъ князей съ южными, при Владимірѣ и Ярославѣ, сѣверныя племена даютъ торжество своимъ князьямъ надъ южными; Варяги участвуютъ въ этой борьбѣ какъ наемники только, такъ, какъ съ другой стороны участвуютъ въ ней Печенѣги. Во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ,—нужно ли перемѣнить вѣру, нужно ли измѣнить законъ,—туземное народонаселеніе через своихъ старцевъ дѣйствуетъ наравнѣ съ дружиною; значитъ ли это, что Славяне только работали и платили дань? Однимъ словомъ, и въ событіяхъ внѣшнихъ—въ походахъ, завоеваніяхъ, и въ жизни внутренней Славяне составляютъ свою исторію, Варяги являются въ ней только участниками, служебниками. Славяне только работали и платили дань, а въ прочемъ жили по-прежнему, говоритъ г. Погодинъ. Какъ!—бытъ славянскихъ племенъ не измѣнился нисколько послѣ призванія князя въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ? Зачѣмъ же они призывали князя, какъ не затѣмъ, чтобы выйти изъ прежняго быта въ новый? Вся перемѣна ограничилась тѣмъ, по словамъ г. Погодина, что прежде одни Славяне платили дань Варягамъ, а другіе Козарамъ, теперь же всѣ начали платить дань однимъ Варягамъ. Далѣе г. Погодинъ говоритъ, что слитіе Варяговъ съ Славянами произошло уже въ слѣдующемъ періодѣ. Но вопросъ состоитъ въ томъ, кому было сливаться, много ли было этихъ Варяговъ, которые величаются племенемъ и противополагаются племени славянскому? Варяги находились въ дружинѣ княжеской; но самъ г. Погодинъ (III, стр. 401) говоритъ, что первоначальная дружина, первые бояре, внуки Варяговъ, пришедшихъ съ Рюрикомъ, положили головы свои въ войнахъ Святослава; Владиміръ привелъ съ сѣвера толпу наемныхъ Варяговъ, изъ которыхъ выбралъ только нѣсколько мужей, давши имъ держать пограничные острожки (такъ обыкновенно употребляли, и Варяговъ, для пограничной стражи), остальныхъ выпроводилъ въ Грецію; но при князѣ должна была находиться дружина, которая противополагалась наемнымъ Варягамъ; изъ кого же набрана была эта новая дружина, эти знаменитые богатыри Владиміровы? Что эта новая дружина состояла преимущественно изъ туземцевъ, указываютъ имена богатырей, какъ они занесены въ лѣтопись, какъ сохранились въ пѣсняхъ и сказкахъ; при Ярославѣ видимъ двухъ главныхъ воеводъ—Вышату, имя славянское, Ивана Творимирича, у этого даже и отечество славянское.

Отправившись отъ невѣрной мысли объ исключительной дѣятельности Варяговъ во все продолженіе первыхъ двухъ вѣковъ нашей Исторіи, г. Погодинъ естественно старается объяснить всѣ явленія изъ норманскаго быта. Посылаетъ Рюрикъ мужей своихъ рубить города, чтобъ удобнѣе держать въ подчиненіи окружныя племена—это норманскій обычай, какъ будто всѣ народы не поступали одинаково при подобныхъ обстоятельствахъ, Русскіе въ Сибири, Испанцы—въ Америкѣ и проч.! Сажаетъ князь вмѣсто себя мужей по городамъ—это ярлы скандинавскіе, посаженные творить судъ и собирать дань: какъ будто славянскіе князья не могли точно такъ же распорядиться! Рюрику наслѣдуетъ сынъ или родственникъ—скандинавскій обычай; въ Скандинавіи благородство уважалось очень много: какъ будто въ другихъ странахъ оно не уважалось, и какъ будто призвавшимъ племенамъ не необходима была наслѣдственность въ одномъ родѣ Рюрика для избѣжанія прежнихъ усобицъ! При желаніи видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ, г. Погодину естественно не нравится

Но если вліяніе норманской народности было незначительно; если, по признанію самыхъ сильныхъ защитниковъ норманства, вліяніе Варяговъ

было болѣе наружное; если такое наружное вліяніе могли одинаково оказать и дружины Славянъ Поморскихъ, столько же храбрыя и предпріимчивыя, какъ и дружины скандинавскія: то ясно, что вопросъ о національности Варяговъ Руси теряетъ свою важность въ нашей исторіи.

частое упоминовеніе лѣтописца объ участіи славянскихъ племенъ въ походахъ княжескихъ, и потому онъ, вслѣдъ за Полевымъ, не хочетъ принимать словъ лѣтописца въ строгомъ смыслѣ; но спрашивается: что тутъ въ извѣстіи лѣтописца невѣроятнаго, неестественнаго для всякаго, кто будетъ смотрѣть прямо, безпристрастно, на ходъ событій, безъ упорства видѣть вездѣ только однихъ Варяговъ? На какомъ основаніи можно осмѣлиться не принимать этихъ извѣстій лѣтописца въ строгомъ смыслѣ? Г. Погодинъ говоритъ, что нигдѣ болѣе въ древней лѣтописи нѣтъ слѣдовъ заключать, чтобы туземцы, т.-е. земледѣльцы, употреблялись на войну; но мы въ текстѣ показали противное на основаніи лѣтописныхъ свидѣтельствъ. Пропустивъ безъ вниманія мѣсто русской лѣтописи, гдѣ говорится о томъ, что войско Ярослава состояло и изъ смердовъ, г. Погодинъ не захотѣлъ умолчать о тождественномъ извѣстіи скандинавскаго источника, Эймундовой Саги, гдѣ говорится, что къ Ярославу собралась ближняя рать изъ вольныхъ поселянъ. Какъ же быть? Г. Погодинъ не усумнился утвердить, что если у насъ были вольные поселяне, то, разумѣется, Варяги-Русь, которые поселились у насъ и заняли пустопорожнюю землю. Но откуда взято, что Варяги селились у насъ въ качествѣ земледѣльцевъ, и какъ предположить, чтобы не было свободнаго сельскаго народонаселенія у Славянъ? Послѣ этого нужно предположить, что все народонаселеніе страны Ильменскихъ Славянъ сосредоточивалось въ одномъ Новгородѣ? Важное затрудненіе для г. Погодина представляло также то обстоятельство, что Варяги-Скандинавы кланяются славянскимъ божествамъ, и вотъ, чтобы быть послѣдовательнымъ, онъ дѣлаетъ Перуна, Волоса и другія славянскія божества—скандинавскими. Благодаря той же послѣдовательности, Русская Правда является скандинавскимъ закономъ, всѣ нравы и обычаи русскіе объясняются нравами и обычаями скандинавскими.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ второй.

Глава I.

О княжескихъ отношеніяхъ вообще.

Завѣщаніе Ярослава I-го.—Нераздѣльность рода.—Значеніе старшаго въ родѣ, или великаго князя.—Права на старшинство.—Потеря этихъ правъ.—Отчина.—Отношеніе волости младшаго князя къ старшему.

По смерти Ярослава I-го осталось пять сыновей, да внукъ отъ старшаго сына его Владиміра; въ Полоцкѣ княжили потомки старшаго сына Владиміра Святого, Изяслава; всѣ эти князья получаютъ извѣстныя волости, размножаются, отношенія ихъ другъ къ другу являются на первомъ мѣстѣ въ разсказѣ лѣтописца. Какого же рода были эти отношенія?

Въ западной латино-германской Европѣ господствовали въ это время феодальныя отношенія; права и обязанности феодальныхъ владѣльцевъ относительно главнаго владѣльца въ странѣ намъ извѣстны; въ другихъ славянскихъ странахъ между старшимъ княземъ и меньшими господствуютъ тѣ же самыя отношенія, какія и у насъ на Руси; но ни у насъ, ни въ другихъ славянскихъ земляхъ не осталось памятника, въ которомъ бы изложены были всѣ права и обязанности князей между собою и къ главному князю; намъ остается одно средство узнать что-нибудь о междукняжескихъ отношеніяхъ: искать въ лѣтописяхъ—нѣтъ-ли тамъ какихъ-нибудь указаній на эти права и обязанности князей; послушать, не скажутъ ли намъ чего-нибудь сами князья о тѣхъ правахъ, которыми они руководились въ своихъ отношеніяхъ.

Общимъ родоначальникомъ почти всѣхъ княжескихъ племенъ (линій) былъ Ярославъ I, которому приписываютъ первый письменный уставъ гражданскій, такъ называемую Русскую Правду; посмотримъ, не далъ ли онъ какого-нибудь устава и дѣтямъ своимъ, какъ вести себя относительно другъ друга? Къ счастію, лѣтописецъ исполняетъ наше желаніе: у него находимъ предсмертныя слова, завѣщаніе Ярослава своимъ сыновьямъ. По словамъ лѣтописца, Ярославъ передъ смертію сказалъ имъ слѣдующее: „Вотъ я отхожу отъ этого свѣта, дѣти мои! Любите другъ друга, потому что вы братья родные, отъ одного отца и отъ одной матери. Если будете жить въ любви между собою, то Богъ будетъ съ вами, Онъ покоритъ вамъ всѣхъ враговъ, и будете жить въ мирѣ; если же станете ненавидѣть друга друга, ссориться, то и сами погибнете, и погубите землю отцовъ и дѣдовъ вашихъ, которую они пріобрѣли трудомъ своимъ великимъ. Такъ живите же мирно, слушаясь другъ друга; свой столъ—Кіевъ—поручаю вмѣсто себя старшему сыну моему и брату вашему Изяславу; слушайтесь его, какъ меня слушались: пусть онъ будетъ вамъ вмѣсто меня“.—Раздавши остальныя волости другимъ сыновьямъ, онъ наказалъ имъ не выступать изъ предѣловъ этихъ волостей, не выгонять изъ нихъ другъ друга, и, обратясь къ старшему сыну, Изяславу, прибавилъ: „Если кто захочетъ обидѣть брата, то ты помогай обиженному“.

Вотъ всѣ наставленія, всѣ права и обязанности! Князья должны любить другъ друга, слушаться другъ друга, слушаться старшаго брата, какъ отца; ни слова о правахъ младшихъ братьевъ, объ ихъ обязанностяхъ, какъ подчиненныхъ владѣльцевъ, относительно старшаго, какъ государя всей страны; выставляются на видъ однѣ связи родственныя, однѣ обязанности родственныя; о государственной связи, государственной подчиненности нѣтъ помину. Любите другъ друга и не ссортесь, говоритъ Ярославъ сыновьямъ, потому что вы дѣти одного отца и одной матери; но когда князья не будутъ больше дѣтьми одного отца и одной матери, когда они будутъ двоюродные, троюродные, четвероюродные и т. д. братья, то по какимъ побужденіямъ будутъ они любить другъ друга и не ссориться? Когда связь

кровная, родственная ослабѣетъ, исчезнетъ, то чѣмъ замѣнится она? Замѣны нѣтъ, но за то родовая связь крѣпка: не забудемъ, что Ярославичи владѣютъ среди тѣхъ племенъ, которыя такъ долго жили подъ формами родоваго быта, такъ недавно стали освобождаться отъ этихъ формъ. Пройдетъ вѣкъ, полтора вѣка, князья размножатся, племена (линіи) ихъ разойдутся, и, несмотря на то, всѣ они будутъ называть себя братьями, безъ различія степеней родства; въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о княжескихъ отношеніяхъ мы не встрѣтимъ названій: двоюродный или троюродный братъ,—русскій языкъ до сихъ поръ не выработалъ особыхъ названій для этихъ степеней родства, какъ выработали языки другихъ народовъ. Князья не теряютъ понятія о единствѣ, нераздѣльности своего рода; это единство, нераздѣльность выражались тѣмъ, что всѣ князья имѣли одного старшаго князя, которымъ былъ всегда старшій членъ въ цѣломъ родѣ; слѣдовательно, каждый членъ рода, въ свою очередь, могъ получить старшинство, не остававшееся исключительно ни въ одной линіи. Такимъ образомъ, родъ князей Русскихъ, несмотря на все свое развѣтвленіе, продолжалъ представлять одну семью—отца съ дѣтьми, внуками и т. д. Теперь изъ словъ лѣтописца, изъ словъ самихъ князей, какъ они у него записаны, нельзя ли получить свѣдѣнія объ отношеніяхъ князей къ ихъ общему старшему, этому названному отцу? Старшій князь, какъ отецъ, имѣлъ обязанность блюсти выгоды цѣлаго рода, думать и гадать о Русской Землѣ, о своей чести и о чести всѣхъ родичей [1]), имѣлъ право судить и наказывать младшихъ [2]), раздавалъ волости, выдавалъ сиротъ дочерей княжескихъ замужъ [3]). Младшіе князья обязаны были оказывать старшему глубокое уваженіе и покорность, имѣть его себѣ отцомъ въ правду [4]) и ходить въ его послушаньи, являться къ нему по первому зову [5]), выступать въ походъ, когда велитъ [6]). Для обозначенія отношеній младшихъ князей къ старшему употреблялись слѣдующія выраженія: младшій ѣздилъ подлѣ стремени старшаго [7]), имѣлъ его господиномъ, былъ въ его волѣ [8]) смотрѣлъ на него [9]).

Но всѣ эти опредѣленія правъ и обязанностей точно такого же рода, какъ и тѣ, какія мы видѣли въ завѣщаніи Ярослава: младшій долженъ былъ имѣть старшаго отцомъ въ правду, слушаться его какъ отца; старшій обязанъ былъ любить младшаго какъ сына, имѣть весь родъ какъ душу свою [10]); всѣ права и обязанности условливались родственнымъ чувствомъ, родственною любовію съ обѣихъ сторонъ, родственною любовію между четвероюродными напримѣръ. Но какъ скоро это условіе исчезло, то вмѣстѣ рушилась всякая связь, всякая подчиненность, потому что никакого другого отношенія, кромѣ родового, не было; младшіе слушались старшаго до тѣхъ поръ, пока имъ казалось, что онъ поступаетъ съ ними какъ отецъ; если же замѣчали противное, то вооружилась: „Ты намъ братъ старшій, говорили они тогда:—но если ты насъ обижаешь, не даешь волостей, то мы сами будемъ искать ихъ“ [11]); или говорили: „Онъ всѣхъ насъ старше, но съ нами не умѣетъ жить“ [12]). Однажды старшій князь, раздраженный непослушаніемъ младшихъ, приказалъ имъ выѣхать изъ волостей, отъ него полученныхъ; тѣ послали сказать ему: „Ты насъ гонишь изъ Русской Земли безъ нашей вины... Мы до сихъ поръ чтили тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князьямъ, но какъ къ подручникамъ и простымъ людямъ, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ за всѣми“ [13]),—и прибѣгаютъ къ суду Божію, т. е. къ войнѣ, къ открытому сопротивленію. Въ этихъ словахъ выразилось ясно сознаніе тѣхъ отношеній, какихъ наши древніе князья хотѣли между собою и своимъ старшимъ, потому что здѣсь они противополагаютъ эти отношенія другимъ, какихъ они не хотятъ: обращайся съ нами, какъ отецъ съ дѣтьми, а не какъ верховный владѣтель съ владѣтелями подчиненными себѣ, съ подручниками;—здѣсь прямо и ясно родовыя отношенія противополагаются государственнымъ.

[1]) Такъ Ростиславичи въ 1195 году говорили Всеволоду III: «А ты, брате, въ Володимери племени старѣй еси насъ, а думай, гадай о Русской землѣ и о своей чести и о нашей». Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 145.

[2]) «А ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди». Тамъ же, стр. 41—Мстиславъ Владиміровичъ поточи Полотьскіи Князи... зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть на Русскую землю въ помощь. Тамъ же, стр. 12 и 15.—Святополку, какъ старшему въ родѣ, поручено было отъ родичей наказать Давида Игоревича. Тамъ же I, 112.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20: «Всеволодъ (Ольговичъ) отда двѣ Всеволодковнѣ, Володимери внуцѣ, едину за Володимира за Давидовичъ, а другу за Ярославича, за Дюрдя».

[4]) Тамъ же, стр. 83: «Оже мя въ правду зовете съ любовію, то я всяко иду Кіеву на свою волю, яко вы имѣти мя отцемъ собѣ въ правду и въ моемъ вы послушаньи ходити».

[5]) Тамъ же, стр. 8: «И наказавъ его (Ярослава Святополчича) Володимеръ о семъ, веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову».

[6]) Тамъ же, стр. 94: «Посла Ростиславъ къ братьи своей и къ сыномъ своимъ, веля имъ всимъ съвкупитися у собѣ со всими полкы своими».

[7]) Тамъ же, стр. 73: «Нынѣ, отче, кланяютися, прими мя яко сына своего Мстислава такоже и мене, ать ѣздить Мстиславъ подлѣ твой стремень по одиной сторонѣ тобѣ, а язъ по другой сторонѣ подлѣ твой стремень ѣждю, всими своими полкы». См. тамъ же, стр. 32, 39. Съ этимъ выраженіемъ: *ѣздить подлѣ стремени* должно сравнить древнѣйшее: *ходить по комъ*, которое также означало сыновное отношеніе младшаго къ старшему; такъ объ Игорѣ: «Игореви же взростшу, и хожаше по Ользѣ и слушаше его».

[8]) Тамъ же, стр. 75: «Велми радъ, господине отце, имѣю тя отцемъ господиномъ, якоже и братъ мой имѣлъ тя и въ твоей воли былъ». Тамъ же, стр. 88, 202.

[9]) Тамъ же, стр. 79: «Они же вси (рязанскіе князья) зряху на Ростислава, имѣяхуть и отцемъ собѣ». Тамъ же, стр. 149.

[10]) Тамъ же, стр. 39.

[11]) Тамъ же, стр. 18, 19.

[12]) Тамъ же, стр. 39.

[13]) Тамъ же, стр. 109.

Такъ высказывали сами князья сознаніе своихъ взаимныхъ отношеній; теперь посмотримъ: какъ выражалось понятіе о княжескихъ отношеніяхъ въ остальномъ народонаселеніи; какъ выражалъ его лѣтописецъ, представитель своихъ грамотныхъ современниковъ. Однажды младшій князь не послушался старшаго, завелъ съ нимъ вражду: лѣтописецъ, осуждая младшаго, говоритъ, что онъ не исполнилъ своихъ обязанностей; но какъ же понимаетъ онъ эти обязанности: „Дурно поступилъ этотъ князь, говоритъ онъ, поднявши вражду противъ дяди своего и потомъ противъ тестя своего“ [1]. Въ глазахъ лѣтописца князь дурно поступилъ, потому что нарушилъ родственныя обязанности относительно дяди и тестя,—и только.

Въ случаяхъ, когда выгоды младшихъ не затрогивались, то они обходились очень почтительно съ старшимъ; если старшій спрашивалъ совѣта у младшаго, то послѣдній считалъ это для себя большою честью, и говорилъ: „Братъ! ты меня старше; какъ рѣшишь, такъ пусть и будетъ, я готовъ исполнять твою волю; если же ты дѣлаешь мнѣ честь, спрашиваешь моего мнѣнія, то я бы такъ думалъ“ [2], и проч. Но другое дѣло, когда затрогивались выгоды младшихъ князей; еслибъ старшій вздумалъ сказать: вы назвали меня отцомъ, и я, какъ отецъ, имѣю право наказывать васъ,—то, разумѣется, младшій отвѣчалъ бы ему: развѣ хорошій отецъ наказываетъ безъ вины дѣтей своихъ? объяви вину, и тогда накажи. Такъ, узнавши объ ослѣпленіи Василька, Мономахъ и Святославичи послали сказать Святополку, своему старшему: „Зачѣмъ ты ослѣпилъ своего брата? еслибъ онъ даже былъ виноватъ, то и тогда ты долженъ былъ обличить его передъ нами и, доказавъ вину, наказать его“ [3]. Старшій раздавалъ волости младшимъ; когда онъ былъ дѣйствительно отецъ, то распоряжался этою раздачею по произволу, распоряжался при жизни, завѣщавалъ, чтобъ и по смерти его было такъ, а не иначе; но когда старшій былъ только отецъ названный, то онъ не могъ распоряжаться по произволу, потому что при малѣйшей обидѣ младшій считалъ себя въ правѣ вооруженною рукою доставить себѣ должное. Вообще старшій не предпринималъ ничего безъ совѣта съ младшими, по крайней мѣрѣ съ ближайшими къ себѣ по старшинству; этимъ объясняются множественныя формы въ лѣтописи: *посадили*, *выгнали* и проч., которыми означаются распоряженія цѣлаго рода; обыкновенно старшій князь, по занятіи главнаго стола, *дѣлалъ рядъ* съ младшею братьею касательно распредѣленія волостей [4]. Князья собирались также думать вмѣстѣ о земскихъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 9.

[2]) Тамъ же, стр. 38.

[3]) Тамъ же, I, 111.

[4]) Тамъ же, II, 74, 122. «Вячеславъ же посла по Святослава по Всеволодича, река ему: «Ты еси Ростиславу сынъ любимый, такоже и мнѣ, а поѣди сѣмо ко мнѣ, перебуди же у мене Кіевѣ, доколѣ же придетъ Ростиславъ, а тогда рядъ вси учинимъ». Или: «Иде Святославъ къ Любчу и призва къ собѣ братью свою, рады ему дѣющю».

уставахъ [5]), опредѣляли извѣстныя правила, съ которыми должны были сообразоваться въ своемъ поведеніи [6]). Послѣ, когда права разныхъ князей на старшинство запутались, то иногда князья условливались: если кто-нибудь изъ нихъ получитъ старшинство, то долженъ отдать другому какую-нибудь волость [7]).

Единство княжескаго рода поддерживалось тѣмъ, что каждый членъ этого рода, въ свою очередь, надѣялся достигнуть старшинства и соединеннаго съ старшинствомъ владѣнія главнымъ столомъ Кіевскимъ. Основаніемъ старшинства было старшинство физическое, причемъ дядя имѣлъ преимущество предъ племянниками, старшій братъ предъ младшими, тесть передъ зятемъ, мужъ старшей сестры передъ младшими шурьями, старшій шуринъ предъ младшими зятьями [8]); и хотя во время господства родовыхъ отношеній между князьями встрѣчаемъ борьбу племянниковъ отъ старшаго брата съ младшими дядьми, однако племянники при этомъ никогда не смѣли выставлять своихъ родовыхъ правъ, и притязанія ихъ, основывавшіяся на случайныхъ обстоятельствахъ, должны были, исключая только одного случая, уступать правамъ дядей самыхъ младшихъ. Но мы видимъ иногда, что нѣкоторые князья и цѣлыя племена (линіи) княжескія исключаются изъ родового старшинства, и это исключеніе признается правильнымъ. Какимъ же образомъ

---

[5]) Русская Правда: «По Ярославѣ же паки совкупившеся сынове его: Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ и мужи ихъ Коснячко, Перенѣгъ, Никифоръ и отложиша убіеніе за голову, но кунами ся выкупати; а ино все якоже Ярославъ судилъ, такого же и сынове его уставиша.—Володимеръ Всеволодовичъ, по Святополцѣ, созва дружину свою на Берѣстовѣмъ: Ратибора, Кіевьскаго тысячьского, Прокопію, Бѣлогородскаго тысячьского, Святослава, Переяславьского тысячьского, Нажира, Мирослава, Иванка Чюдиновича, *Олгова мужа*, и уставили до третьяго рѣза», и проч.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119. Молвяше же Романови Святославъ: «брате! я не ищу подъ тобою ничего же, но рядъ нашъ такъ есть: оже ся Князь извинитъ, то въ волость, а мужъ у голову».

[7]) Тамъ же, стр. 110: Святославъ же нача слати къ Ярославу съ жалобою, река ему: «за чѣмъ еси цаловалъ крестъ, а помяни первый рядъ; реклъ бо еси, оже я сяду въ Кіевѣ, то я тебе надѣлю, паки ли ты сядиши въ Кіевѣ, те мене надѣли».

[8]) Тамъ же, стр. 125: «Рюрикъ же размысливъ, съ мужи своими угадавъ, бѣ бо Святославъ старѣй лѣты, и урядився съ нимъ съступися ему старѣйшинства и Кіева».—Тамъ же, стр. 50: «А се ми есть яко отецъ стрый свой», тамъ же, стр. 61, 77.—Касательно преимущества старшаго брата, слова Св. Бориса: «Тось ми буди въ отца мѣсто»,—и слова Ярослава 1-го сыновьямъ.—Касательно старшинства тестя предъ зятемъ см. выше слова лѣтописца о винѣ Ярослава Святополковича передъ тестемъ своимъ Мстиславомъ; Мстиславъ Мстиславичъ Удалой доводился племянникомъ Ярославу Всеволодовичу, и между тѣмъ называетъ его своимъ сыномъ, какъ зятя; Новгор. III, 33.—О правѣ старшаго зятя предъ меньшими шурьями Изяславъ Мстиславичъ говоритъ: «Всеволода есмь имѣлъ въ правду брата старишаго, занеже ми братъ и зять старѣй меня яко отецъ»; тамъ же, стр. 23.—Король Венгерскій, женатый на младшей сестрѣ Изяслава Мстиславича, не иначе зоветъ послѣдняго, какъ отцомъ; тамъ же, стр. 66.

могло произойти подобное явленіе? Для рѣшенія этого вопроса должно посмотрѣть, какимъ образомъ князь достигалъ старшинства, приближался къ нему? Первоначально родъ состоялъ изъ отца, сыновей, внуковъ и т. д.; когда отецъ умиралъ, его мѣсто для рода заступалъ старшій братъ, онъ становился отцомъ для младшихъ братьевъ, слѣдовательно его собственные сыновья необходимо становились братьями дядьямъ своимъ, переходили во второй, высшій рядъ, изъ внуковъ въ сыновья, потому что надъ ними не было болѣе дѣда, старшина рода былъ для нихъ прямо отецъ: и точно, дядья называютъ ихъ братьями. Но другіе ихъ двоюродные братья оставались по-прежнему внуками, малолѣтними (внукъ-унукъ, юнукъ, малолѣтній по преимуществу), потому что надъ ними по-прежнему стояли двѣ степени: старшій дядя считался отцомъ ихъ отцамъ, слѣдовательно для нихъ самихъ имѣлъ значеніе дѣда. Умиралъ этотъ старшій, второй братъ заступалъ его мѣсто, становился отцомъ для остальныхъ младшихъ братьевъ, и его собственныя дѣти переходили изъ внуковъ въ сыновья, изъ малолѣтнихъ въ совершеннолѣтніе, и, такимъ образомъ, мало-по-малу, всѣ молодые князья чрезъ старшинство своихъ отцовъ достигали совершеннолѣтія и приближались сами къ старшинству. Но случись при этомъ, что князь умиралъ, не будучи старшиною рода, отцомъ для своихъ братьевъ, то дѣти его оставались навсегда на степени внуковъ, несовершеннолѣтнихъ: для нихъ прекращался путь къ дальнѣйшему движенію; отсюда теперь понятно, почему сынъ не могъ достигнуть старшинства, если отецъ его никогда не былъ старшиною рода; такъ понимали князья порядокъ восхожденія своего къ старшинству; они говорили: „Какъ прадѣды наши лѣствицею восходили на великое княженіе Кіевское, такъ и намъ должно достигать его лѣствичнымъ восхожденіемъ“ [1]). Но когда въ этой лѣстницѣ вынималась одна ступень, то дальнѣйшее восхожденіе становилось невозможнымъ; такіе исключенные изъ старшинства князья считались въ числѣ *изгоевъ* [2]).

Каждый членъ рода княжескаго, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ достигать старшинства, получать старшій столъ Кіевскій, который такимъ образомъ находился въ общемъ родовомъ владѣніи; но другія волости оставались ли постоянно въ наслѣдственномъ владѣніи извѣстныхъ племенъ княжескихъ, или, соотвѣтствуя различнымъ степенямъ старшинства, переходили къ князьямъ различныхъ племенъ, при ихъ движеніи къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ? Для рѣшенія этого вопроса посмотримъ, какъ поступали князья вначалѣ, когда различныя случайныя обстоятельства не нарушали еще чистоты ихъ отношеній. Когда

[1]) Никон. II, 265.
[2]) Изгои трои: поповъ сынъ грамоты не умѣетъ, холопъ изъ холопьства выкупиться, купецъ одолжаетъ, а се четвертое изгойство и себе приложимъ, аще князь осиротѣетъ.

умеръ четвертый сынъ Ярослава, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, то эта волость не перешла въ наслѣдство къ его сыновьямъ, но отдана была братьями пятому Ярославичу, Игорю, княжившему прежде на Волыни: ясный знакъ отсутствія наслѣдственности волостей и движенія князей изъ одной волости въ другую, по старшинству, лѣствичнымъ восхожденіемъ; потомъ, когда Святославъ Ярославичъ, по изгнаніи брата, получилъ старшинство вмѣстѣ съ главнымъ столомъ Кіевскимъ, то слѣдующій по немъ братъ, Всеволодъ, княжившій прежде въ Переяславлѣ, переходитъ на мѣсто Святослава въ Черниговъ. Извѣстная волость могла сдѣлаться наслѣдственнымъ достояніемъ какой-нибудь одной княжеской линіи только въ томъ случаѣ, когда князь, по вышеизложеннымъ причинамъ, терялъ возможность двигаться къ старшинству лѣствичнымъ восхожденіемъ: тогда, получивъ отъ родичей какую-нибудь волость, онъ и потомство его принуждены были навсегда ею ограничиться, потому что переходъ изъ одной волости въ другую условливался возможностью движенія къ старшинству, не существовавшею для изгоевъ. Такъ образовались особыя волости: Полоцкая, Галицкая, Рязанская, послѣ Туровская; линія второго Ярославича, Святослава, извѣстная больше подъ племеннымъ названіемъ Ольговичей, также, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, подверглась-было тяжкой для князей участи изгойства, и по этому самому Черниговская волость принимала-было халактеръ особнаго, выдѣленнаго княжества; но Ольговичамъ удалось наконецъ принудить Мономаховичей признать свои права на старшинство, и необходимымъ слѣдствіемъ этого признанія было возстановленіе родовой общности приднѣпровскихъ волостей для обѣихъ линій: Ольговичъ сѣлъ въ Кіевѣ, а Мономаховичъ на его мѣсто, въ Черниговѣ.

Несмотря на то, однако мы встрѣчаемъ въ лѣтописи слово—*отчина*: князья, не исключенные изъ старшинства, употребляютъ это слово для означенія отдѣльныхъ волостей; въ какомъ же смыслѣ они употребляютъ его? Въ настоящемъ ли его смыслѣ, какъ наслѣдственнаго владѣнія, или въ другомъ какомъ-либо? Въ 1097 году князья, внуки Ярославовы, собрались вмѣстѣ и рѣшили, чтобъ каждый изъ нихъ держалъ свою отчину: Святополкъ волость отца своего Изяслава—Кіевъ, Владиміръ Мономахъ отцовскую волость Переяславль, Святославичи—Черниговъ; но мы никакъ не поймемъ этого распоряженія, если станемъ принимать слово *отчина* въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія для одной линіи, потому что Кіевъ былъ столько же отчиною Святополка, сколько и отчиною всѣхъ остальныхъ князей: и Всеволодъ и Святославъ княжили въ немъ; но если здѣсь Кіевъ называется отчиною Святополка не въ смыслѣ наслѣдственнаго владѣнія исключительно для него и для потомства его, то не имѣемъ никакого права и Переяславль и Черниговъ считать отчинами Мономаха и Святославичей въ другомъ смыслѣ. Еще примѣръ на восточ-

ной сторонѣ Днѣпра: въ 1151 году Ольговичи — дядя Святославъ Ольговичъ и племянникъ Святославъ Всеволодовичъ—говорятъ Изяславу Давыдовичу: „У насъ двѣ отчины, одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давыда; ты, братъ, Давыдовичъ, а я—Ольговичъ: такъ ты, братъ, возьми отца своего Давыдово, а что Ольгово, то намъ дай, мы тѣмъ и подѣлимся“,—вслѣдствіе чего Давыдовичъ остался въ Черниговѣ, а Ольговичамъ отдалъ Сѣверскую область. Но для Святослава Всеволодовича Черниговъ былъ точно также отчиною, какъ и для Давыдовича, потому что отецъ его Всеволодъ Ольговичъ княжилъ въ Черниговѣ, и когда Давыдовичъ получилъ Кіевъ, то Черниговъ, отчину свою, уступилъ Святославу Ольговичу. Итакъ, что же такое разумѣлось подъ отчиною? Отчиною для князя была та волость, которою владѣлъ отецъ его и владѣть которою онъ имѣетъ право, если на родовой лѣствицѣ занимаетъ ту же степень, какую занималъ отецъ его, владѣя означенною волостью, потому что владѣніе волостями условливалось степенью на родовой лѣствицѣ, родовыми счетами.

Теперь остается вопросъ: въ какомъ отношеніи находились волости младшихъ князей къ старшему? Мы видѣли, что отношенія между старшимъ и младшими были родовыя, младшіе князья хотѣли быть названными сыновьями и нисколько не подручниками старшаго, а такое воззрѣніе должно было опредѣлять и отношенія ихъ къ послѣднему по волостямъ: не допуская подручничества, они никакъ не могли допустить дани, какъ самаго явственнаго знака его, не могли допустить никакого государственнаго подчиненія своихъ областей старшему въ родѣ князю; послѣдній поэтому не могъ имѣть значенія главы государства, верховнаго владыки страны, князя Всея Руси, который выдѣлялъ участки земли подчиненнымъ владѣльцамъ во временное или наслѣдственное управленіе. Волости находятся въ совершенной независимости одна отъ другой и отъ Кіева, являются отдѣльными землями и, въ то же время, составляютъ одно нераздѣльное цѣлое вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній, вслѣдствіе того, что князья считаютъ всю землю своею отчиною, нераздѣльнымъ владѣніемъ цѣлаго рода своего [1]).

Глава II.

Событія при жизни сыновей Ярослава I-го.

(1054—1093.)

Линія Рюрикова рода, Изяславичи и Ярославичи.—Распоряженія послѣднихъ на счетъ своихъ волостей.—Движенія Ростислава Владиміровича и гибель его.—Движенія Всеслава Полоцкаго и плѣнъ его.—Нашествіе Половцевъ.—Пораженіе Ярославичей.—Возстаніе Кіевлянъ и бѣгство в. князя Изяслава изъ Кіева.—Возвращеніе его и вторичное изгнаніе.—Вторичное возвращеніе Изяслава и смерть его въ битвѣ противъ обдѣленныхъ племянниковъ.—Характеръ первыхъ усобицъ.—Княженіе Всеволода Ярославича въ Кіевѣ.—Новыя движенія обдѣленныхъ князей.—Усобицы на Волыни.—Борьба съ Всеславомъ Полоцкимъ.—Смерть в. князя Всеволода Ярославовича.—Печальное состояніе Руси.—Борьба съ Половцами, Торками, финскими и литовскими племенами, Болгарами, Поляками.—Дружина Ярославичей.

По смерти Ярослава I-го [2]) княженіе цѣлымъ родомъ надолго утвердилось въ Руси; въ это время области, занятыя первыми Варяго-Русскими князьями, раздѣлялись между двумя линіями, или *племенами* Рюрикова рода: первую линію составляло потомство Изяслава, старшаго сына Св. Владиміра. Мы видѣли, что этому Изяславу отецъ отдалъ Полоцкое княжество, волость дѣда его по матери Рогволода. Изяславъ умеръ при жизни отца, не будучи старшимъ въ родѣ, или в. княземъ, слѣдовательно потомство его не могло двигаться къ старшинству, мѣнять волость и потому должно было ограничиться одною Полоцкою волостью, которая утверждена за нимъ при Ярославѣ [3]). Вторую линію составляло потомство Ярослава Владиміровича, которое и начало владѣть всѣми остальными русскими областями. По смерти Ярослава осталось пять сыновей: старшій изъ нихъ, Изяславъ, сталъ къ прочимъ братьямъ въ *отца мѣсто*; младшіе братья были: Святославъ, Всеволодъ, Вячеславъ, Игорь; у нихъ былъ еще племянникъ Ростиславъ, сынъ старшаго Ярославича, Владиміра; этотъ Ростиславъ, также, всѣдствіе преждевременной смерти отца, не могъ надѣяться получить старшинство; онъ самъ и потомство его должны были ограничиться одною какою-нибудь волостью, которую дастъ имъ судьба

[1]) Относительно дани вотъ единственное упоминовеніе въ лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132): «Ярополкъ посла Мстиславича Изяслава къ братьи Новугороду, и даша дани Печерьскыѣ и отъ Смоленска даръ».—Отъ Новгорода, находившагося въ особенныхъ отношеніяхъ къ вел. князю, послѣдній получаетъ дань, но отъ Смоленска только даръ.—На особенность волостей, какъ отдѣльныхъ земель, ясно указываетъ слѣдующее извѣстіе (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 140): «Онъ же (Святославъ Всеволодовичъ) имяся ему послати Глѣба сына,—и не посла, зане бяшеть ему тяжа съ Рюрикомъ и съ Давидомъ и смоленскою землею».—Но всѣ эти волости, всѣ племена, въ нихъ обитавшія, сперва имѣли непосредственное отношеніе къ Кіеву, платили туда дань, составляли съ нимъ одно цѣлое: что же ослабило эту государственную связь, какъ не родовыя отношенія князей.

[2]) О разнорѣчіяхъ въ показаніи дня кончины Ярославовой см. у Арцыбашева Пов. о Россіи, I, 32, примѣч. 120.

[3]) По всѣмъ вѣроятностямъ отвага Брячислава всего болѣе содѣйствовала тому, что Ярославъ согласился оставить Полоцкое княжество въ его владѣніи.

или старшіе родичи. Ярославичи распорядились такъ своими родовыми волостями: четверо старшихъ помѣстились въ области Днѣпровской; трое на югѣ,—Изяславъ въ Кіевѣ, Святославъ въ Черниговѣ, Всеволодъ въ Переяславлѣ; четвертый, Вячеславъ, поставилъ свой столъ въ Смоленскѣ; пятый, Игорь,—во Владимірѣ-Волынскомъ [1]). Что касается до отдаленнѣйшихъ отъ Днѣпра областей на на сѣверѣ и востокѣ, то видимъ, что окончательно Новгородъ сталъ въ зависимости отъ Кіева; вся

[1]) Мѣсто лѣтописи о распорядкѣ между сыновьями Ярослава I-го нуждается въ объясненіи: «Преставися великый князь Русьскый Ярославъ. И еще бо живу сущю ему, наряди сыны своя, рекъ имъ: се азъ отхожю свѣта сего, сынове мои; имѣйте въ собѣ любовь, понеже вы есте братья единого отца и матере, да аще будете въ любви межю собою, Богъ будетъ въ васъ, и покорить вы противные подъ вы, и будете мирно живуще; аще ли будете ненавидно живуще въ распряхъ которающеся, то погыбнете сами и погубите землю отецъ своихъ и дѣдъ своихъ, иже налѣзоша трудомъ своимъ великымъ, но пребывайте мирно послушающе братъ брата. Се же поручаю въ собѣ мѣсто столъ старѣйшему сыну моему и брату вашему Изяславу Кіевъ, сего послушайте якоже послушасте мене, да то вы будетъ въ мене мѣсто; а Святославу даю Черниговъ, а Всеволоду Переяславль (а Игорю Володимерь), а Вячеславу Смоленскъ.—И тако раздѣли имъ грады, заповѣдавъ имъ не преступати предѣла братня, ни сгонити; рекъ Изяславу: аще кто хощеть обиди брата своего, то ты помогай его же обидять, и тако уряди сына своя пребывати въ любви. Самому же болну сущю и пришедшю Вышегороду, разболѣся велми, Изяславу тогда сущю Новгородѣ, а Святославу Володимери, Всеволоду же тогда сущю у отця, бѣ бо любимъ отцемъ паче всее братьи, его же имяше присно у собе. Ярославу же приспѣ конецъ житья, и предасть душу свою».—Здѣсь прежде всего представляется вопросъ: Ярославъ дѣлаетъ завѣщаніе, чувствуя близость смерти, прямо говоритъ: я умираю; дѣлаетъ завѣщаніе передъ всѣми сыновьями, и между тѣмъ этихъ сыновей, кромѣ Всеволода, нѣтъ при его кончинѣ и погребеніи? Это сомнѣніе изъ самаго разсказа лѣтописца можетъ разрѣшиться такимъ образомъ, что хотя Ярославъ и чувствовалъ приближеніе кончины, однако находился еще не въ отчаянномъ положеніи, былъ довольно крѣпокъ для того, чтобъ отправиться въ Вышгородъ, и здѣсь уже «разболѣся велми». Слѣдовательно сыновья его могли отправиться въ свои прежнія волости, даже хотя бы для того, чтобъ распорядиться тамъ относительно переѣзда въ новыя волости, доставшіяся имъ по послѣднему отцовскому распредѣленію. Другое затрудненіе: въ нѣкоторыхъ спискахъ пропущено, что Игорь получилъ отъ отца Владиміръ Волынскій. Разумѣется, есть основаніе смотрѣть на это просто какъ на пропускъ, тѣмъ болѣе что Игорь въ годъ кончины отца своего не могъ быть малолѣтенъ: онъ родился, по Татищеву (II, 106), въ 1036 году, слѣд. въ 1054 имѣлъ 17 лѣтъ; еслибъ даже кто не захотѣлъ вѣрить свидѣтельству Татищева, то извѣстно, что Игорь, умершій черезъ 6 лѣтъ, въ 1060 году, былъ уже женатъ и оставилъ двоихъ сыновей, слѣдов. шесть лѣтъ тому назадъ не могъ быть малолѣтенъ. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ годъ рожденія Игоря не означенъ; въ 1036 году помѣщено рожденіе Вячеслава, которое у Татищ. помѣщено подъ 1034 годомъ. Рожденіе Всеволода подъ 1029, у Татищева подъ 1030. Третье затрудненіе: Игорь получилъ Владиміръ, но при описаніи кончины Ярославовой говорится, что во Владимірѣ былъ Святославъ, а не Игорь. Дѣло объясняется тѣмъ, что Ярославъ задолго до смерти своей уже роздалъ сыновьямъ волости; мы знаемъ, что старшій сынъ его Владиміръ княжилъ въ Новгородѣ,—имѣемъ полное право думать, что и другіе сыновья получили также волости, но не тѣ, которыя были назначены предъ кончиною, или которыя они сами взяли по кончинѣ, если не придерживаться буквально лѣтописнаго извѣстія; ясно, что прежнею волостью Святослава былъ Владиміръ, а не Черниговъ, точно такъ какъ прежнею волостью Изяслава былъ Туровъ, что прямо видно изъ свидѣтельства нѣкоторыхъ списковъ; но потомъ по смерти старшаго Ярославича, Владиміра, Изяславъ, какъ наслѣдникъ старшинства, получилъ Новгородъ.—О распорядкѣ между сыновьями Ярослава см. изслѣдованіе въ Studien zur gründl. Kenntniss der Vorzeit Russlands S. 113; также въ моей книгѣ: Истор. отн. между рус. кн. Рюр. дома, стр. 68 и слѣд. Г. Погодинъ (въ IV т. своихъ Изслѣдов.) старается изъ каждой волости княжеской сдѣлать наслѣдственное владѣніе, отчину для одной какой-нибудь линіи Ярославова потомства; при такомъ распредѣленіи отчинъ ему необходимо долженъ былъ представиться вопросъ: гдѣ же была отчина самой старшей линіи, линіи Изяслава? Г. Погодинъ полагаетъ, что эта отчина была Туровъ; основаніемъ послужили ему слова тѣхъ списковъ лѣтописи, въ которыхъ говорится, что во время смерти Ярослава старшій сынъ его Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: «Изяславу въ Туровѣ князящу»; но за то въ другихъ спискахъ находится извѣстіе, что Изяславъ княжилъ въ это время въ Новгородѣ. Г. Погодинъ отвергаетъ послѣднее чтеніе, обвиняя Г. Бередникова, зачѣмъ онъ внесъ въ текстъ извѣстіе лѣтописей новѣйшихъ, а извѣстія о Туровѣ, находящіяся въ спискахъ Ипатьевскомъ и Хлѣбниковскомъ, помѣстилъ въ варіантахъ. Карамзинъ также читалъ: «въ Новгородѣ». Но если чтеніе «въ Новгородѣ» есть чтеніе позднѣйшихъ списковъ, а чтеніе «въ Туровѣ» древнѣйшихъ, то это *одно* обстоятельство еще нисколько не можетъ рѣшить дѣла въ пользу послѣдняго: позднѣйшіе списки могли быть списаны съ древнѣйшихъ и вѣрнѣйшихъ. Надобно, слѣдовательно, по историческимъ даннымъ опредѣлить, какое чтеніе будетъ вѣрнѣе. Изяславъ былъ старшій сынъ Ярослава; но мы видимъ изначала, что старшіе сыновья великихъ князей обыкновенно сидятъ въ Новгородѣ. Такъ Владиміръ Св. посадилъ въ Новгородѣ старшаго сына своего Вышеслава, и когда тотъ умеръ, то перевелъ на его мѣсто Ярослава. Здѣсь сначала встрѣчается затрудненіе; почему же по смерти Вышеслава Владиміръ перевелъ въ Новгородъ не слѣдующаго за нимъ по старшинству Святополка, который княжилъ въ Туровѣ? Это затрудненіе отстраняется свидѣтельствомъ Дитмара, что Святополкъ находился во враждѣ съ своимъ отцомъ, и даже въ заключеніи. Ярославъ посылаетъ въ Новгородъ старшаго сына своего, Владиміра, и когда тотъ умеръ, его мѣсто долженъ былъ занять старшій по немъ Изяславъ, и вотъ мы въ самомъ дѣлѣ читаемъ въ лѣтописяхъ, что Изяславъ находился въ Новгородѣ во время предсмертной болѣзни отца своего. Мы видѣли, какъ объясняется извѣстіе списковъ, что Изяславъ княжилъ въ Туровѣ: онъ дѣйствительно долженъ былъ княжить здѣсь, но прежде смерти брата своего Владиміра. Что Туровъ не могъ быть отчиною Изяслава и дѣтей его въ томъ смыслѣ, въ какомъ хочетъ этого г. Погодинъ, доказывается тѣмъ, что, во время княженія Изяслава въ Кіевѣ, старшій сынъ его Святополкъ сидитъ въ Новгородѣ, а не въ Туровѣ; второй сынъ Ярополкъ сидитъ въ Вышгородѣ, а не въ Туровѣ; Святополкъ остается въ Новгородѣ и во время княженія Всеволода, а младшему брату его, Ярополку, послѣдній даетъ Владиміръ-Волынскій и въ *придачу* Туровъ—ясное доказательство, что этотъ городъ не былъ наслѣдственнымъ достояніемъ Изяславова потомства, а зависѣлъ отъ в. князя. Понятно, что г. Погодину не нравится это извѣстіе о распоряженіи Всеволода и онъ хочетъ перемѣнить смыслъ лѣтописи; «Ярополкъ (говоритъ онъ) вѣрно владѣлъ Туровомъ, а Всеволодъ посадилъ его въ Володимерѣ, придавъ къ Турову». Но мы не можемъ предоставить автору права измѣнять смыслъ лѣтописей въ угоду любимой мысли. Передъ смертью Всеволода, Святополкъ переходитъ изъ Новгорода на югъ, поближе къ Кіеву, въ Туровъ, и тамъ, какъ ближайшій наслѣдникъ старшинства, дожидается дядиной смерти; точно такъ же сдѣлалъ послѣ Мономаховъ сынъ Мстиславъ, перейдя передъ отцовскою смертью

область на востокъ отъ Днѣпра, включительно до Мурома съ одной стороны и Тмуторакани—съ другой, стала въ зависимости отъ князей Черниговскихъ; Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро и Поволжье отъ князей Переяславскихъ [1]). Мы сказали „окончательно" потому, что Бѣлоозеро, напр., принадлежало одно время Святославу [2]); Ростовъ также не вдругъ достался Всеволоду Переяславскому: Ярославичи отдали его сперва племяннику своему, Ростиславу Владиміровичу.—Такъ владѣло русскими областями Ярославово потомство. Но еще былъ живъ одинъ изъ сыновей Св. Владиміра, Судиславъ, 22 года томившійся въ темницѣ [3]), куда былъ посаженъ братомъ Ярославомъ. Племянники въ 1058 году освободили забытаго, какъ видно, бездѣтнаго и потому не опаснаго старика, взявши однако съ него клятву не затѣвать ничего для нихъ предосудительнаго. Судиславъ воспользовался свободою для того только, чтобъ постричься въ монахи, послѣ чего скоро и умеръ, въ 1063 году.

Ярославъ, завѣщавая сыновьямъ братскую любовь, долженъ былъ хорошо помнить поступки брата своего Святополка, и какъ будто приписывалъ вражду между Владиміровичами тому, что они были отъ разныхъ матерей: послѣднее обстоятельство заставило Владиміра предпочитать младшихъ сыновей, а это предпочтеніе и повело къ ненависти и братоубійству. Ярославичи были всѣ отъ одной матери; Ярославъ не далъ предпочтенія любимцу своему, третьему сыну Всеволоду, увѣщавалъ его дожидаться своей очереди, когда Богъ дастъ ему получить старшій столъ послѣ братьевъ, правдою, а не насиліемъ [4]),—и, точно, у братьевъ долго не было повода къ ссорѣ. Въ 1056 году умеръ Вячеславъ: братья перевели на его мѣсто въ Смоленскъ Игоря изъ Владиміра, а во Владиміръ перевели изъ Ростова племянника Ростислава Владиміровича [5]). Въ 1053 году умеръ въ Смоленскѣ Игорь Ярославичъ; какъ распорядились братья его столомъ — неизвѣстно; извѣстно только то, что не былъ доволенъ ихъ распоряженіями племянникъ ихъ *изгой*, Ростиславъ Владиміровичъ. Безъ надежды получить когда-либо старшинство, Ростиславъ, быть можетъ, тяготился всегдашнею зависимостью отъ дядей; онъ былъ добръ на рати, говоритъ лѣтописецъ; его манила Тмуторакань, то застепное приволье, гдѣ толпились остатки разноплеменныхъ народовъ, изъ которыхъ храброму вождю всегда можно было набрать себѣ храбрую дружину; гдѣ княжилъ знаменитый Мстиславъ, откуда съ воинственными толпами прикавказскихъ народовъ приходилъ онъ на Русь и заставилъ старшаго брата подѣлиться половиною отцовскаго наслѣдства. Заманчива была такая судьба для храбраго Ростислава, изгоя, который только оружіемъ могъ достать себѣ хорошую волость, и нигдѣ, кромѣ Тмуторакани, не могъ онъ добыть нужныхъ для того средствъ. По смерти Вячеслава, Ярославичи перевели Игоря въ Смоленскъ, а на его мѣсто во Владиміръ-Волынскій перевели племянника Ростислава; но теперь Игорь умеръ въ Смоленскѣ: Ростиславъ могъ надѣяться, что дядья переведутъ его туда; но это не послѣдовало; Ростиславъ могъ оскорбиться. Какъ бы то ни было, въ 1064 году онъ убѣжалъ въ Тмуторакань, и не

изъ Новгорода поближе къ Кіеву, въ Бѣлгородъ. Г. Погодинъ приводитъ въ свою пользу слова Давида Игоревича Святополку: «Аще ти отъидетъ (Василько) въ свою волость, да узрищь—аще ти не заиметъ градъ твоихъ Турова и Пиньска». Но города—Туровъ и Пинскъ были необходимо Святополковы, потому что они составляли часть Кіевскаго княжества, которымъ тогда владѣлъ Святополкъ; доказательствомъ тому служатъ слова Всеволода Ольговича Вячеславу Владиміровичу, который владѣлъ Туровомъ: «Сидиши въ Кіевской области, а мнѣ достоитъ». Г. Погодинъ говоритъ: «Важное затрудненіе представляется при разсмотрѣніи этого дѣленія (между сыновьями Ярослава): что же должно было быть отчиною старшему Ярославову сыну Изяславу? на что имѣли право его дѣти по смерти отца, когда Кіевскій столъ долженъ былъ достаться ихъ дядѣ, Черниговскому князю Святославу?» Не понимаемъ, для чего авторъ затрудняетъ себя вопросами, прямые отвѣты на которые даетъ намъ лѣтописецъ; по смерти Изяслава въ Кіевѣ началъ княжить братъ его Всеволодъ; что же досталось сыновьямъ Изяславовымъ? На это лѣтопись прямо отвѣчаетъ, что одинъ Изяславовъ сынъ княжилъ въ Новгородѣ, а другой во Владимірѣ-Волынскомъ. Надобно замѣтить, что, по Никон. сп. и Татищеву, Изяславъ также былъ на погребеніи отца вмѣстѣ съ Всеволодомъ.—Въ Воскрес. спискѣ (1, 190) за извѣстіемъ о смерти Ярослава тотчасъ же помѣщено слѣдующее: «И по семъ раздѣлиша Смоленскъ на три части». Это трудное для объясненія извѣстіе можетъ показывать только одно, что извѣстный распорядокъ между Ярославичами послѣдовалъ не вдругъ.

[1]) Карамз. II, примѣч. 50.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, 75. Здѣсь, при описаніи дѣйствій волхвовъ сказано, что встали два волхва отъ Ярославля, пришли на Бѣлоозеро, сюда же явился отъ *Святослава* за данью Янъ, сынъ Вышатинъ, и разузналъ, что эти два волхва суть смерды князя его Святослава. Событіе поставлено въ лѣтописи подъ 1070 годомъ; но нельзя непремѣнно относить его къ этому году, потому что событіе очень легко могло быть разсказано только по связи его съ другимъ, именно—съ явленіемъ волхва въ Кіевѣ, время котораго лѣтописецъ отнесъ къ 1070 году, хотя и то не очень опредѣленно: «*въ си времена*», говоритъ онъ, вмѣсто болѣе опредѣленнаго: «въ се же лѣто». Если предположить, что Янъ оставался постоянно въ Кіевѣ, имѣя тамъ большое значеніе какъ сынъ тысяцкаго, и самъ тысяцкій (такимъ, по крайней мѣрѣ, мы видимъ его въ 1089 году), то онъ могъ ходить отъ имени Святослава только тогда, когда этотъ князь сидѣлъ въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава; легко подумать, что Святославъ, сѣвши въ Кіевѣ и отдавши Всеволоду Черниговскую волость со всѣми принадлежностями, взялъ себѣ взамѣнъ Бѣлозерскую и Ростовскую область.

[3]) Въ спискахъ то 24 года, то 28—и все неправильно, потому что былъ заключенъ въ 1036 году. Судиславъ умеръ въ Кіевѣ, и погребенъ при церкви Св. Георгія, см. Арцыб. I, примѣч. 132.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 92.

[5]) Объ этомъ сказано только въ Татищевскомъ сводѣ (II, 117); но мы имѣемъ право принять извѣстіе, основываясь: во 1) на томъ, что хотя въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи и говорится, что Ростиславъ убѣжалъ въ Тмуторакань изъ Новгорода, за то въ другихъ не означено вовсе мѣста, откуда убѣжалъ. 2) По смерти Ростислава, дѣти его живутъ во Владимірѣ-Волынскомъ,—лѣтописецъ указываетъ намъ ихъ здѣсь, здѣсь они стараются утвердиться; враждуютъ съ тѣми князьями, которые также здѣсь ищутъ себѣ волостей.

одинъ: съ нимъ бѣжали двое родовитыхъ, извѣстныхъ людей — Порѣй и Вышата, сынъ Остромира, посадника новгородскаго: Изяславъ, оставляя Новгородъ, посадилъ здѣсь вмѣсто себя этого Остромира [1]). Порѣй и Вышата были самыя извѣстныя лица; но, какъ видно, около Ростислава собралось немалое число искателей счастія или недовольныхъ; онъ имѣлъ возможность, пришедши въ Тмуторакань, изгнать оттуда двоюроднаго брата своего, Глѣба Святославича, и сѣсть на его мѣсто. Отецъ Глѣба, Святославъ, пошелъ на Ростислава; тотъ не хотѣлъ поднять рукъ на дядю и вышелъ изъ города, куда Святославъ ввелъ опять сына своего; но, какъ скоро дядя ушелъ домой, Ростиславъ вторично выгналъ Глѣба, и на этотъ разъ утвердился въ Тмуторакани. Онъ сталъ ходить на сосѣдніе народы, Касоговъ и другихъ, и брать съ нихъ дань. Греки испугались такого сосѣда и подослали къ нему корсунскаго начальника (котопана). Ростиславъ принялъ котопана безъ всякаго подозрѣнія и честилъ его, какъ мужа знатнаго и посла. Однажды Ростиславъ пировалъ съ дружиною; котопанъ былъ тутъ, и, взявши чашу, сказалъ Ростиславу: „Князь! хочу пить за твое здоровье;“ тотъ отвѣчалъ: „Пей“. Котопанъ выпилъ половину, другую подалъ князю, но прежде дотронулся до края чаши и выпустилъ въ нее ядъ, скрытый подъ ногтемъ: по его разсчету, князь долженъ былъ умереть отъ этого яда въ осьмой день. Послѣ пира котопанъ отправился назадъ въ Корсунь и объявилъ, что въ такой-то день Ростиславъ умретъ, что́ и случилось; лѣтописецъ прибавляетъ, что этого котопана корсунцы побили камнями [2]). Ростиславъ, по свидѣтельству того же лѣтописца, былъ добръ на рати, высокъ ростомъ, красивъ лицомъ и милостивъ къ убогимъ [3]). Мѣсто его въ Тмуторакани занялъ опять Глѣбъ Святославичъ.

Греки и Русскіе князя избавились отъ храбраго изгоя; но когда нечего было бояться съ юго-востока, встала рать съ сѣверо-запада: тамъ поднялся также потомокъ изгоя, Всеславъ, князь Полоцкій, не милостивый на кровопролитье, о которомъ шла молва, что рожденъ былъ отъ волхвованья. Еще при жизни Ростислава, быть можетъ, пользуясь тѣмъ, что вниманіе дядей было обращено на югъ, Всеславъ началъ враждебныя дѣйствія: въ 1065 году осаждалъ безуспѣшно Псковъ; въ 1066 году, по примѣру отца, подступилъ подъ Новгородъ, полонилъ жителей, снялъ и колокола у Св. Софіи: „Велика была бѣда въ тотъ часъ!“ прибавляетъ лѣтописецъ, „и паникадила снялъ!“ [4]) Ярославичи—Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ—собрали войско и пошли на Всеслава, въ страшные холода. Они пришли къ Минску, жители котораго затворились въ крѣпости: братья взяли Минскъ, мужчинъ изрубили, женъ и дѣтей отдали на щитъ (въ плѣнъ) ратникамъ, и пошли къ рѣкѣ Нѣмизѣ [5]), гдѣ встрѣтили Всеслава въ началѣ марта [6]); несмотря на сильный снѣгъ, произошла злая сѣча, въ которой много пало народу; наконецъ Ярославичи одолѣли—и Всеславъ бѣжалъ. Лѣтомъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ послали звать Всеслава къ себѣ на переговоры, поцѣловавши крестъ, что не сдѣлаютъ ему зла; Всеславъ повѣрилъ, переѣхалъ Днѣпръ, вошелъ въ шатеръ Изяслава — и былъ схваченъ: Изяславъ привелъ его въ Кіевъ и посадилъ въ заключеніе вмѣстѣ съ двумя сыновьями [7]).

Казалось, что Ярославичи, избавившись отъ Ростислава и Всеслава, надолго останутся теперь спокойны; но вышло иначе. На небѣ явилась кровавая звѣзда, предвѣщавшая кровопролитіе; солнце стояло какъ мѣсяцъ; изъ рѣки Сѣтомли выволокли рыбаки страшнаго урода: не къ добру все это, говорилъ народъ, и вотъ пришли иноплеменники. Въ степяхъ къ востоку отъ Днѣпра произошло въ это время обычное явленіе,—господство одной кочевой орды смѣнилось господствомъ другой: Узы, Куманы, или Половцы [8]), народъ татарскаго происхожденія и языка [9]), заняли мѣсто Печенѣговъ, поразивши послѣднихъ. Въ первый годъ по смерти Ярослава Половцы съ ханомъ своимъ Болушемъ показались

[1]) Никон. I, 144; Воскр. I, 190. См. также припись къ Остромирову Евангелію. Что заставило Порѣя и Вышату бѣжать вмѣстѣ съ Ростиславомъ: страсть ли къ подвигамъ, приключеніямъ, личная ли привязанность къ молодому князю, или наконецъ какія-нибудь также неудовольствія?—можетъ быть все это вмѣстѣ.

[2]) У Татищева приведена причина: они боялись мщенія Русскихъ.

[3]) Ростиславъ умеръ 3 февраля 1065, года и похороненъ въ Тмутораканской церкви Св. Богородицы. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 1065. Ростиславъ, по Татищеву, былъ женатъ на дочери Венгерскаго короля: по смерти мужа она хотѣла ѣхать къ отцу въ Венгрію; Изяславъ ее отпустилъ, но сыновей удержалъ на Руси.

[4]) Полн. Собр. Русск. Л. III, 2.—Карамз. II, прим. 118.

[5]) Эта мѣстность спорная. Обыкновенно полагали (Карамз., Арцыб.), что Нѣмизою называется здѣсь Нѣманъ; но въ Минскѣ есть рѣка Немиза, которая могла брать истокъ свой гдѣ-нибудь дальше; между Оршею и Друцкомъ, по древнему географическому отрывку, поставленъ городъ Немиза. Очень вѣроятно, что Ярославичи, взявши Минскъ, направляли путь къ сѣверо-востоку, въ свои смоленскія волости, гдѣ хотѣли провести весну, время неудобное для войны вслѣдствіе разлитія рѣкъ и таянія снѣга, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, но были настигнуты Всеславомъ. Другой споръ касательно мѣста *Рши*, гдѣ былъ схваченъ Всеславъ; лѣтописецъ говоритъ, что это было у Смоленска, основываясь на чемъ нѣкоторые изслѣдователи никакъ не хотятъ признать здѣсь Оршу, по ея отдаленности отъ Смоленска; но кіевскій лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать, что Орша находилась у Смоленска, ибо онъ не зналъ ближайшаго къ ней и болѣе извѣстнаго города; впрочемъ указывается еще подобная мѣстность—Оршанскій Явъ, недалеко отъ Краснаго, слѣд. ближе къ Смоленску, чѣмъ Орша (Карамз. IX, примѣч. 225).—Дѣло въ томъ, что въ лѣтописи указывается рѣка: на *Рши*.

[6]) По Татищеву, Ярославичи 3 марта пришли къ Немизѣ, и битва была 10 марта; въ дошедшихъ до насъ спискахъ битва была 3 марта.

[7]) По Татищеву, Ярославичи, послѣ битвы при Немизѣ, разорили Полоцкую волость; Всеславъ прислалъ просить мира; Ярославичи зазвали его для переговоровъ и захватили, по совѣту Святослава.

[8]) Половцы—русскій переводъ Татарскаго Кипчакъ.

[9]) Слова изъ Половецкаго языка объясняются татарскими. См. статью кн. Оболенскаго, въ Москвитян. 1850, мартъ, кн. I.

въ предѣлахъ Переяславскаго княжества; но на первый разъ заключили миръ со Всеволодомъ и ушли назадъ въ степи. Ярославичи, безопасные пока съ этой стороны и незанятые еще усобицами, хотѣли нанести окончательное пораженіе пограничными варварамъ, носившимъ названіе Торковъ; до смерти Ярослава I-го лѣтописецъ не упоминалъ о непріязненныхъ столкновеніяхъ нашихъ князей съ ними; разъ только мы видѣли наемную конницу ихъ въ походѣ Владиміра на Болгаръ. Но въ 1059 году Всеволодъ уже ходилъ на Торковъ и побѣдилъ ихъ [1]); потомъ въ 1060 году трое Ярославичей, вмѣстѣ съ Всеславомъ Полоцкимъ, собрали, по выраженію лѣтописца, войско безчисленное и пошли на коняхъ и въ лодьяхъ на Торковъ. Торки, услыхавши объ этомъ, испугались и ушли въ степь; князья погнались за бѣглецами, многихъ побили, другихъ плѣнили, привели на Русь и посадили по городамъ; остальные погибли въ степяхъ отъ сильной стужи, голода и мора [2]). Но степи скоро выслали мстителей за Торковъ. Въ слѣдующій же годъ пришли Половцы воевать на Русскую Землю; Всеволодъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу, Половцы побѣдили его, повоевали землю и ушли. То было первое зло отъ поганыхъ и безбожныхъ враговъ, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1068 году опять множество Половцевъ пришло на Русскую Землю: въ этотъ разъ всѣ три Ярославича вышли къ нимъ на-встрѣчу, на рѣку Альту, потерпѣли пораженіе и побѣжали: Изяславъ и Всеволодъ—въ Кіевъ, Святославъ — въ Черниговъ. Кіевляне, возвратившись въ свой городъ, собрали (15-го сентября) вѣче на торгу и послали сказать князю: „Половцы разсѣялись по землѣ: дай намъ, князь, оружіе и коней, хотимъ еще биться съ ними“. Изяславъ не послушался; тогда народъ всталъ противъ тысяцкаго Коснячка: воевода городскихъ и сельскихъ полковъ, онъ не умѣлъ дать имъ побѣды; теперь не принимаетъ ихъ стороны, не хочетъ идти съ ними на битву, отговариваетъ князя дать имъ оружіе и коней [3]). Толпа отправилась съ вѣча на гору, пришла на дворъ Коснячковъ, но не нашла тысяцкаго дома; отсюда пошли ко двору Брячиславову [4]), остановились здѣсь подумать, сказали: „Пойдемъ, высадимъ своихъ [5]) изъ тюрьмы“, и пошли, раздѣлившись надвое,—половина отправилась къ тюрьмѣ, а другая по мосту ко двору княжескому. Изяславъ сидѣлъ на сѣняхъ съ дружиною, когда толпа народа подошла и начала споръ съ княземъ; народъ стоялъ внизу, а Изяславъ разговаривалъ съ нимъ изъ окна. Какъ видно, слышались уже голоса, что надобно искать себѣ другого князя, который бы повелъ народъ биться съ Половцами, потому что одинъ изъ бояръ — Туки, братъ Чудиновъ, сказалъ Изяславу: „Видишь, князь, люди взвыли; пошли-ка, чтобъ покрѣпче стерегли Всеслава“. Въ это время другая половина народа, отворивши тюрьму, пришла также ко двору княжескому; тогда дружина начала говорить: „Худо, князь! пошли къ Всеславу, чтобъ подозвали его обманомъ къ окошку и закололи“. Изяславъ на это не согласился,—и чего боялась дружина, то исполнилось: народъ съ крикомъ двинулся къ Всеславской тюрьмѣ. Изяславъ, увидѣвъ это, побѣжалъ съ братомъ Всеволодомъ съ своего двора; а народъ, выведши Всеслава изъ тюрьмы, поставилъ его среди двора княжескаго, т. е. провозгласилъ княземъ, причемъ имѣніе Изяслава все пограбили, взяли безчисленное [6]) множество золота и серебра; Изяславъ бѣжалъ въ Польшу.

Между тѣмъ Половцы опустошали Русь, дошли и до Чернигова; Святославъ собралъ нѣсколько войска и выступилъ на нихъ къ Сновску [7]); Половцевъ было очень много; но Святославъ не оробѣлъ, выстроилъ полки и сказалъ: „Пойдемте въ битву! намъ некуда больше дѣться“. Черниговцы ударили,—и Святославъ одолѣлъ, хотя у него было только три тысячи, а у Половцевъ 12,000; одни изъ нихъ были побиты, другіе потонули въ рѣкѣ Сновѣ; а князя ихъ Русскіе взяли руками.

Уже семь мѣсяцевъ сидѣлъ Всеславъ въ Кіевѣ, когда, весною 1069 года, явился Изяславъ вмѣстѣ Болеславомъ, королемъ Польскимъ, въ русскихъ предѣлахъ. Всеславъ пошелъ къ нимъ на-встрѣчу; но изъ Бѣлгорода ночью, тайкомъ отъ Кіевлянъ, бѣжалъ въ Полоцкъ, вѣроятно боясь стать между двухъ огней, потому что остальные Ярославичи не могли ему благопріятствовать въ борьбѣ съ Изяславомъ. Такъ этому чародѣю удалось только дотронуться копьемъ до золотаго стола Кіевскаго, и „обер-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 70. «Иде Всеволодъ на Торкы»; въ нѣкоторыхъ спискахъ прибавлено: «зимѣ къ Воиню». Что касается Воина, то, по замѣчанію гг. Надеждина и Неволина (см. изслѣд. Погод. IV, стр. 263), подобноименныхъ мѣстъ много въ Полтавской губерніи. Если это не Войницы, означенныя Арцыбашевымъ, то всего вѣроятнѣе нынѣшняя *Воинская Гребля*, большое селеніе Золотоношскаго уѣзда, близъ сліянія Сулы съ Днѣпромъ.

[2]) Извѣстіе о поселеніи плѣнныхъ Торковъ по городамъ находится только у Татищева; но мы внесли его въ текстъ, какъ достовѣрное, потому что иначе откуда же бы взялись Торки, о которыхъ такъ часто будетъ рѣчь впослѣдствіи?

[3]) Я рѣшился внести въ текстъ это мѣсто, которое находится только у Татищева, потому что оно совершенно вѣрно обстоятельствамъ: на тысяцкаго всего прежде народъ долженъ былъ обратить свой ропотъ, какъ на предводителя городовыхъ полковъ.

[4]) Арцыбашевъ (I, пр. 147) думаетъ, что этотъ дворъ принадлежалъ Полоцкимъ князьямъ, и былъ тотъ самый, гдѣ жила прежде Рогнѣда. Но почему же въ послѣднемъ случаѣ онъ не называется Рогнѣдинымъ, Изяславовымъ, а именно: Брячиславовымъ?

[5]) *Своихъ*, т. е. кіевлянъ, посаженныхъ въ тюрьму Изяславомъ. Изъ лѣтописи видно ясно, что сначала хотѣли отворить и дѣйствительно отворили только одну общую тюрьму, гдѣ содержались простые граждане; потомъ уже, послѣ спора съ Изяславомъ, рѣшили, что съ послѣднимъ дѣлать нечего, нужно себѣ добыть другаго князя, вслѣдствіе чего и былъ освобожденъ Всеславъ. Слѣд. не нужно вмѣстѣ съ Арцыбашевымъ предполагать, что выпущенные прежде изъ тюрьмы были сообщники Всеслава.

[6]) Не забудемъ, что это выраженіе: *безчисленное* мы должны принимать относительно.

[7]) Рѣка Сновъ впадаетъ въ Десну съ правой стороны, въ Черниговскомъ уѣздѣ; гдѣ находился на ней городъ Сновскъ — не извѣстно.

нувшись волкомъ, побѣжалъ онъ ночью изъ Бѣлгорода, закутанный въ синюю мглу“ [1]). Кіевляне, оставшись безъ князя, возвратились въ свой городъ, собрали вѣче и послали сказать Святославу и Всеволоду [2]) Ярославичамъ: „Мы дурно сдѣлали, что прогнали своего князя, а вотъ онъ теперь ведетъ на насъ Польскую Землю; ступайте въ городъ отца вашего! если же не хотите, то намъ нечего больше дѣлать: зажжемъ городъ и уйдемъ въ Греческую Землю“. Святославъ отвѣчалъ имъ: „Мы пошлемъ къ брату: если пойдетъ съ Ляхами губить васъ, то мы пойдемъ противъ него ратью, не дадимъ изгубить отцовскаго города; если же хочетъ придти съ миромъ, то пусть приходитъ съ малою дружиною“. Кіевляне утѣшились; а Святославъ и Всеволодъ послали сказать Изяславу: „Всеславъ бѣжалъ: такъ не води Ляховъ къ Кіеву, противника у тебя нѣтъ; если же не перестанешь сердиться и захочешь погубить городъ, то знай, что намъ жаль отцовскаго стола“. Выслушавши рѣчи братьевъ, Изяславъ повелъ съ собою только Болеслава да небольшой отрядъ Поляковъ, а впередъ послалъ въ Кіевъ сына своего Мстислава. Мстиславъ, вошедши въ городъ, велѣлъ избить тѣхъ, которые освободили Всеслава, всего семьдесятъ человѣкъ, другихъ ослѣпить; нѣкоторые при этомъ погибли невинно. Когда самъ Изяславъ приблизился къ городу, то Кіевляне встрѣтили его съ поклономъ, и опять сѣлъ онъ на своемъ столѣ (2 мая). Поляки Болеслава II-го подверглись такой же участи, какъ и предки ихъ, приходившіе въ Русь съ Болеславомъ I-мъ: ихъ распустили на покормъ по волостямъ, гдѣ жители начали тайно убивать ихъ, вслѣдствіе чего Болеславъ возвратился въ свою Землю[3]). Съ извѣстіемъ о возвращеніи Изяслава, лѣтописецъ, повидимому, связываетъ извѣстіе о томъ, что этотъ князь перевелъ торгъ съ Подола на гору [4]).

Казнивши тѣхъ Кіевлянъ, которые вывели изъ тюрьмы Всеслава, Изяславъ не медлилъ вооружиться противъ послѣдняго: выгналъ его изъ Полоцка, посадилъ тамъ сына своего Мстислава; а когда тотъ умеръ, то послалъ на его мѣсто другого сына, Святополка. Всеславъ, сказано въ лѣтописи, бѣжалъ, но не прибавлено, куда; впрочемъ, это объясняется изъ слѣдующаго извѣстія, что Всеславъ въ 1069 году явился передъ Новгородомъ, съ толпами финскаго племени Води, или Вожанъ [5]), среди которыхъ, слѣдовательно, нашелъ онъ убѣжище и помощь [6]). Въ это время въ Новгородѣ княжилъ Глѣбъ, сынъ Святослава Черниговскаго, котораго мы видѣли въ Тмуторакани. Новгородцы поставили противъ Вожанъ полкъ, и Богъ пособилъ Новгородцамъ; они задали Вожанамъ страшную сѣчу: послѣднихъ пало множество, а самого князя Всеслава Новгородцы отпустили ради Бога [7]). И послѣ этого пораженія

---

[1]) См. Слово о Полку Игореву.

[2]) Лѣтописецъ молчитъ о судьбѣ Всеволода послѣ бѣгства его изъ Кіева вмѣстѣ съ Изяславомъ: видно, что онъ не пошелъ съ нимъ въ Польшу. Не могутъ ли дополнить намъ это извѣстіе слова Мономаха въ завѣщаніи: «Первое Ростову идохъ, сквозѣ Вятичѣ, посла мя отецъ, а самъ иде Курьску, и пакы второе къ Смолиньску со Ставкомъ Скордятичемъ, той пакы и отъиде къ Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску; то и Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы то и посласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху пожгли, то и ту блюдъ городъ тихъ. Та идохъ Переяславли отцю, а по велицѣ дни изъ Переяславля же Володимерю, на Сутейску мира творить съ Ляхы. Оттуда пакы на лѣто Володимерю опять». Можно думать, что Всеволодъ, по изгнаніи Изяслава, искалъ убѣжища въ волостяхъ Святославовыхъ, именно въ Курскѣ, опасаясь жить въ Переяславлѣ, а сына послалъ на сѣверъ въ Ростовъ, потомъ Мономахъ отправился въ Смоленскъ со Ставкомъ Скордятичемъ, который изъ Смоленска отправился къ Бресту съ Изяславомъ; здѣсь намекъ на удаленіе Изяслава въ Польшу черезъ Брестъ, ибо мы не *знаемъ* никакого другаго похода Изяслава къ этому городу. Потомъ, когда Половцы, послѣ пораженія при Сновскѣ, очистили Русь, Всеволодъ возвратился въ Переяславль; что же касается до мира съ Поляками на Сутейску, то можно думать, что Святославъ и Всеволодъ посылали Мономаха договариваться съ Болеславомъ и Изяславомъ на счетъ Кіева. Что касается до Сутейска, то, по Ходаковскому, есть и теперь село Сутиски, на лѣвомъ берегу Восточнаго Буга, Подольской губерніи, въ Винницкомъ повѣтѣ, и деревня Сутескъ, въ Красноставскомъ повѣтѣ.

[3]) О разсказахъ польскихъ лѣтописцевъ о Болеславовомъ походѣ и пребываніи въ Кіевѣ, см. Roepell, Gesch. Polens, I, 193.

[4]) «Изяславъ же възгна торгъ на гору». На основаніи союза же соединяютъ эти извѣстія съ предыдущимъ, и видятъ въ этомъ мѣру князя противъ будущихъ волненій народныхъ; но Татищевъ (II, 124) прямо говоритъ, что Изяславъ не хотѣлъ, чтобъ торгъ и народное сборище были на низу, въ отдаленіи отъ его дома.

[5]) Жителей Вотской пятины.

[6]) Замѣчательно, что Всеславъ нашелъ убѣжище и помощь среди финскаго племени, ближайшаго къ Новгороду и издавна находившагося съ нимъ въ соединеніи.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 2. «Новгородцы же поставиша пълкъ противъ ихъ» (т.-е. Вожанъ); въ рукописи вырванъ уголъ и потому недостаетъ словъ: «приде Всеславъ съ Вожаны, у Звѣриньця, на Къземли». Въ другихъ лѣтописяхъ на Гзени; Гзенью назыв. мѣсто въ самомъ Новгородѣ. Карамз. II, пр. 125; Арцыб. I, пр. 156. Что такое звѣринецъ? вѣроятно мѣсто, гдѣ продавали живыхъ звѣрей.—Здѣсь представляется еще вопросъ: какимъ образомъ Новгородъ перешелъ къ Глѣбу Святославичу? Карамзинъ (II, прим. 118), на основаніи лѣтописи XV в. (въ Синодал. библ., № 349), гдѣ сказано: «въ Новгородѣ Изяславъ посади сына своего Мстислава и побѣдиша и на Черехѣ, и бѣжа къ Кыеву, и по взятіи града преста рать», догадывается, что Мстиславъ, будучи побѣжденъ Всеславомъ, ушелъ въ Кіевъ; и, точно, мы видимъ его на югѣ: онъ раздѣляетъ изгнаніе отца, его Изяславъ посылаетъ прежде себя для наказанія Кіевлянъ, выпустившихъ Всеслава. По всѣмъ вѣроятностямъ, послѣ того какъ захватили Всеслава на Рши, Изяславъ взялъ себѣ его волость Полоцкъ, гдѣ и посадилъ своего сына, а Новгородъ уступилъ Святославу, который послалъ туда Глѣба.— Всеслава отпустили ради Бога; нѣкоторые изслѣдователи сомнѣваются въ такомъ великодушіи Новгородцевъ; но изъ новгородской исторіи мы знаемъ, что граждане никогда не позволяли себѣ жестокостей съ враждебными князьями; Всеславъ былъ богатырь, внушалъ къ себѣ всеобщее уваженіе, о немъ ходили дивныя преданія, притомъ былъ несчастливъ, дядья поступили съ нимъ вѣроломно, и теперь не давали ему покоя; въ первый разъ случилось Новгородцамъ видѣть въ своихъ рукахъ плѣннаго князя-богатыря; нѣтъ ничего удивительнаго, что они увлеклись непосредственнымъ чувствомъ, и отпустили Всеслава ради Бога, взявши, разумѣется, съ него клятву, что не будетъ

Всеславъ не отказался отъ борьбы; къ храброму князю отовсюду стекались богатыри; онъ успѣлъ набрать дружину, выгналъ Святополка изъ Полоцка, и хотя былъ побѣжденъ другимъ Изяславичемъ у Голотичьска [1]), однако, какъ видно, успѣлъ удержаться на отцовскомъ столѣ. Изяславъ завелъ съ нимъ переговоры — о чемъ, не извѣстно: извѣстно только то, что эти переговоры послужили поводомъ ко вторичному изгнанію Изяслава теперь уже родными братьями. Это вторичное изгнаніе необходимо имѣетъ связь съ первымъ: Изяславъ возвратился въ Кіевъ подъ условіями, которыя предписали ему братья; въ городѣ не могли любить Изяслава, и въ то же время не могли не питать расположенія къ Святославу, который сдержалъ гнѣвъ брата и съ горстью дружины умѣлъ поразить толпы Половцевъ, очистить отъ нихъ Русь. Сынъ Изяслава Мстиславъ казнилъ Кіевлянъ, освободившихъ Всеслава, виновныхъ и вмѣстѣ съ невинными; но тѣмъ дѣло еще не кончилось; гоненія продолжались, и гонимые находили убѣжище въ Черниговѣ у Святослава. Такъ Св. Антоній, основатель Печерскаго монастыря, подвергнувшійся гнѣву великаго князя, какъ пріятель Всеслава, былъ ночью взятъ и укрытъ въ Черниговѣ Святославомъ. Если бы даже Святославъ дѣлалъ это единственно изъ любви и уваженія къ святому мужу, то Изяславъ, съ своей стороны, не могъ не оскорбиться пріязнію брата къ человѣку, въ которомъ онъ видѣлъ врага своего. Эти обстоятельства должны были возбуждать въ Святославѣ властолюбивые замыслы, питать надежду на ихъ успѣхъ, а въ Изяславѣ возбуждать вражду къ брату: и вотъ между Ярославичами началась вражда, они не ходятъ уже вмѣстѣ въ походы, какъ ходили прежде; Изяславъ одинъ воюетъ съ Всеславомъ, одинъ вступаетъ съ нимъ въ переговоры; по самой природѣ отношеній между князьями, послѣдній поступокъ Изяслава долженъ былъ возбудить негодованіе и подозрѣніе въ братьяхъ; Святославъ началъ говорить Всеволоду: „Изяславъ сносится съ Всеславомъ на наше лихо; если не предупредимъ его, то прогонитъ онъ насъ“,—и успѣлъ возбудить Всеволода противъ Изяслава. Лѣтописецъ обвиняетъ во всемъ Святослава, говоритъ, что онъ хотѣлъ больше власти, обманулъ Всеволода. Какъ бы то ни было, младшіе братья вооружились противъ старшаго; Изяславъ въ другой разъ принужденъ былъ выйти изъ Кіева, гдѣ сѣлъ Святославъ, отдавши Всеволоду Черниговскому волость; что въ Кіевѣ всѣ были за Святослава,—доказываетъ удаленіе Изяслава безъ борьбы; лѣтописецъ говоритъ, что Святославъ и Всеволодъ сѣли сперва на столѣ въ селѣ Берестовѣ, и потомъ уже, когда Изяславъ выѣхалъ изъ Кіева, Святославъ перешелъ въ этотъ городъ.

Изяславъ съ сыновьями отправился опять въ Польшу; какъ видно, на этотъ разъ онъ вышелъ изъ Кіева не торопясь, успѣлъ взять съ собою много имѣнія; онъ говорилъ: „Съ золотомъ найду войско“, позабывши слова дѣда Владиміра, что съ дружиною добываютъ золото, а не съ золотомъ дружину. Изяславъ роздалъ польскимъ вельможамъ богатыя подарки; они подарки взяли, но помощи не дали никакой [2]), и даже выслали его изъ своей страны. Чтобъ объяснить себѣ это явленіе, мы должны бросить взглядъ на состояніе западныхъ славянскихъ государствъ въ это время. Мы видѣли, что вмѣшательство Болеслава Храбраго въ дѣла Богеміи кончилось такъ же неудачно для него, какъ и вмѣшательство въ споры между Русскими князьями. Поляки были изгнаны изъ Богеміи, родные братья князья—Яромиръ и Олдрихъ—стали княжить въ странѣ, но не долго княжили мирно. Олдрихъ, по словамъ старой чешской пѣсни, былъ „воинъ славный, въ котораго Богъ вложилъ мечъ и крѣпость, въ буйную голову далъ разумъ свѣтлый“. Въ 1012 году онъ выгналъ Яромира: за что—не знаетъ ни пѣсня, ни лѣтопись. Императору Конраду II-му не нравилось однако единовластіе у Чеховъ: не разъ вызывалъ онъ Олдриха къ себѣ, и когда тотъ наконецъ явился къ нему, то былъ заточенъ въ Регенсбургъ. Яромиръ началъ опять княжить въ Богеміи сообща съ племянникомъ Брячиславомъ, сыномъ Олдриховымъ, а между тѣмъ императоръ предложилъ своему плѣннику возвратиться на родину и княжить тамъ вмѣстѣ съ старшимъ братомъ; Олдрихъ присягнулъ, что уступитъ брату половину земли; но какъ скоро возвратился домой, то велѣлъ ослѣпить Яромира.—По смерти Олдриха, единовластителемъ земли сталъ сынъ его, Брячиславъ I-й. Мы видѣли какъ этотъ дѣятельный князь воспользовался невзгодою Польши по смерти Болеслава Храбраго и расширилъ свои владѣнія на счетъ Пястовъ, за что и слыветъ возстановителемъ чешской славы. По смерти Брячислава I-го, въ Богеміи мы встрѣчаемъ такія же явленія, какія видимъ и у насъ на Руси съ того же самаго времени, именно съ 1054 года, со смерти Ярослава I-го: мы видимъ, что и въ Богеміи начинаетъ владѣть цѣлый родъ княжескій съ переходомъ главнаго стола къ старшему въ цѣломъ родѣ. По смерти Брячислава I-го, великимъ княземъ, т.-е. старшимъ въ родѣ (Dux principalis) становится старшій сынъ его, Спитигнѣвъ II-й; остальные Брячиславичи были: Вратиславъ, Конрадъ, Яромиръ и Оттонъ. Какъ у насъ Ярославичи, такъ и въ Богеміи Брячиславичи, не долго жили въ согласіи; второй

болѣе нападать на Новгородъ. Историкъ не долженъ отрицать возможности такого непосредственнаго чувства, которое очень часто встрѣчается.

[1]) Гологическъ упоминается въ древнемъ географическомъ отрывкѣ въ числѣ городовъ литовскихъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 78: Изяславъ же иде въ Ляхы со иміньемъ многымъ, глаголя: «Яко симъ налѣзу вои». Еже все взяша Ляховѣ у него, показавше ему путь отъ себе.—Что Ляхи взяли не все, доказываютъ дары, поднесенные Изяславомъ императору; что взяли однако, доказываетъ письмо папы къ королю Польскому.—Мы видѣли, что, при первомъ изгнаніи Изяслава, народъ разграбилъ княжескую казну: какими же средствами Изяславъ могъ въ такое короткое время послѣ своего возвращенія пріобрѣсть опять значительное богатство? Должно быть, онъ успѣлъ возвратить все пограбленное.

Брячиславичъ — Вратиславъ, долженъ былъ сначала искать убѣжища въ Венгріи отъ преслѣдованій старшаго брата; однако послѣ, помирившись съ послѣднимъ, возвратился на родину и въ 1061 году наслѣдовалъ въ старшинствѣ Спитигнѣву. По смерти Вратислава II-го, по извѣстному обычаю, мимо сыновей его, наслѣдовалъ старшинство братъ его Конрадъ I-й, но княжилъ только восемь мѣсяцевъ: это былъ послѣдній изъ Брячиславичей, и по смерти его, въ 1092 году, выступаетъ второе поколѣніе, внуки Брячислава 1-го. Въ Польшѣ Казимиру Возстановителю (Restaurator) наслѣдовалъ въ 1058 году сынъ его, Болеславъ II-й Смѣлый. За два года передъ тѣмъ умеръ императоръ Генрихъ III-й; смуты, послѣдовавшія во время малолѣтства сына и преемника его, Генриха IV-го, потомъ борьба этого государя съ нѣмецкими князьями и съ папою надолго освободили Польшу отъ вліянія имперіи, и Болеславъ Смѣлый, пользуясь этою свободою, имѣлъ возможность съ честью и выгодою для Польши установить свои отношенія къ сосѣднимъ странамъ. Мы видѣли, что съ его помощью Изяславъ получилъ опять Кіевъ; съ помощію же Болеслава успѣлъ овладѣть престоломъ и Венгерскій король Бела, сыновья котораго удержались въ Венгріи, также благодаря польскому оружію. Съ Чехами Болеславъ велъ почти постоянную войну: въ то время какъ нашъ Изяславъ вторично явился къ польскому Двору (1075 г.), Болеславъ воевалъ съ Вратиславомъ Чешскимъ, который находился въ тѣсномъ союзѣ съ императоромъ Генрихомъ IV-мъ; очень вѣроятно, что эти обстоятельства не позволили Болеславу подать помощь Русскому князю, который, будучи принужденъ оставить Польшу, принялъ совѣтъ дѣда, маркграфа Саксонскаго, и поѣхалъ въ Майнцъ просить заступленія у врага Болеслава, императора Генриха IV-го [1]). Такимъ образомъ, княжескія междоусобія на Руси доставляли случай Нѣмецкому императору распространить свое вліяніе и на эту страну; но, вопервыхъ, благодаря отдаленности Руси, это вліяніе никогда не могло быть очень сильно; вовторыхъ, обстоятельства, въ которыхъ находился теперь императоръ, были такого рода, что помогли даже и Польшѣ высвободиться изъ-подъ его вліянія. Принявъ отъ Изяслава богатые дары, Генрихъ IV-й послалъ къ Святославу съ требованіемъ возвратить Кіевъ старшему брату и съ угрозою войны, въ случаѣ сопротивленія. Разумѣется, что дѣло должно было и ограничиться одною угрозою. Лѣтописецъ говоритъ, что когда нѣмецкіе послы пришли къ Святославу, то онъ, желая похвастать передъ ними, показалъ имъ свою казну, и будто бы послы, увидавъ множество золота, серебра и дорогихъ тканей, повторили старыя слова Владиміра Святаго: „Это ничего не значитъ, потому что лежитъ мертво; дружина лучше,—съ нею можно доискаться и больше этого". Лѣтопись прибавляетъ, что богатство Святослава, подобно богатству Езекіи, царя Іудейскаго, разсыпалось розно по смерти владѣльца. Изъ этихъ словъ лѣтописца можно видѣть, что современники и ближайшіе потомки съ неудовольствіемъ смотрѣли на поведеніе старшихъ Ярославичей, которые не слѣдовали примѣру дѣда и копили богатства, полагая на нихъ всю надежду, тогда какъ добрый князь, по господствовавшему тогда мнѣнію, не долженъ былъ ничего скрывать для себя, но все раздавать дружинѣ, при помощи которой онъ никогда не могъ имѣть недостатка въ богатствѣ.

Если Изяславъ обратился за помощью къ императору Генриху IV-му, врагу Болеслава Смѣлаго, то Святославъ, по единству выгодъ, долженъ былъ спѣшить заключеніемъ союза съ польскимъ княземъ: и, точно, мы видимъ, что молодые князья— Олегъ Святославичъ и Владиміръ Всеволодовичъ, ходили на помощь къ Полякамъ и воевали Чеховъ, союзниковъ императорскихъ [2]). Изяславъ, не получивъ успѣха при Дворѣ Генриха, обратился къ другому владыкѣ Запада, папѣ Григорію VII-му, и отправилъ въ Римъ сына своего съ просьбою возвратить ему столъ властію Св. Петра: какъ въ Майнцѣ Изяславъ обѣщалъ признать зависимость свою отъ императора, такъ въ Римѣ сынъ его обѣщалъ подчиняться Апостольскому престолу. Слѣдствіемъ этихъ переговоровъ было то, что Григорій писалъ къ Болеславу съ увѣщаніемъ отдать сокровища, взятыя у Изяслава [3]). Быть можетъ, папа уговаривалъ также польскаго князя подать помощь Изяславу противъ братьевъ, которую тотъ наконецъ и дѣйствительно подалъ. Для объясненія этого поступка мы не нуждаемся, впрочемъ, въ предположеніи о папскихъ увѣщаніяхъ: есть извѣстіе, которое одно объясняетъ его совершенно удовлетворительно. По этому извѣстію [4]), Чешскій князь Вратиславъ, узнавъ о союзѣ Болеслава съ младшими Ярославичами, о движеніи Олега и Владиміра къ чешскимъ границамъ, прислалъ къ Болеславу просить мира, и получилъ его за 1,000 гривенъ серебра. Болеславъ послалъ сказать объ этомъ Олегу и Владиміру; но тѣ велѣли отвѣчать ему, что не могутъ безъ стыда отцамъ своимъ и землѣ возвратиться назадъ, ничего не сдѣлавши, пошли впередъ *взять свою честь*, и ходили въ Землѣ Чешской четыре мѣсяца, т.-е. опустошали ее: Вратиславъ Чешскій послалъ и къ нимъ съ предложеніемъ о мирѣ; Русскіе князья, взявши свою честь и 1,000 гривенъ серебра, помирились. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ поступокъ разсердилъ Болеслава, который потому и рѣшился помочь въ другой разъ Изяславу. Между тѣмъ умеръ Святославъ въ 1076 году. Всеволодъ сѣлъ на его мѣсто въ Кіевѣ зимою, а на лѣто долженъ былъ выступить противъ Изяслава, который шелъ съ польскими полками; на Волыни встрѣти-

[1]) Lamberti Schafnaburgensis Chronicon p. 380, ann. 1075.—Мы не должны также упустить изъ виду татищевскаго извѣстія, что за Болеславомъ была дочь Святослава.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

[3]) Histor. Russiae Monum. I, № 1, 2.

[4]) Татищ. II, 140.

лись братья и заключали миръ: Всеволодъ уступилъ Изяславу старшинство и Кіевъ, а самъ остался по-прежнему въ Черниговѣ. Помощь Поляковъ не могла быть безкорыстна, и потому очень вѣроятны извѣстія, по которымъ Изяславъ поплатился за нее Червенскими городами.

Миръ между Ярославичами не принесъ мира Русской Землѣ: было много племянниковъ, которые хотѣли добыть себѣ волостей; Всеславъ Полоцкій не хотѣлъ сидѣть спокойно на своемъ столѣ, началъ грозить Новгороду, какъ видно, пользуясь смертію Святослава и предполагаемою усобицею между Изяславомъ и Всеволодомъ. Сынъ послѣдняго, Владиміръ, ходилъ зимою 1076 года къ Новгороду на помощь его князю Глѣбу, безъ сомнѣнія противъ Всеслава [1]. Лѣтомъ, послѣ примиренія и ряда съ Изяславомъ, Всеволодъ вмѣстѣ съ сыномъ Владиміромъ ходилъ подъ Полоцкъ, а на зиму новый походъ: ходилъ Мономахъ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Святополкомъ Изяславичемъ, подъ Полоцкъ, и обожгли этотъ городъ; тогда же Мономахъ съ Половцами опустошилъ Всеславову волость до Одрьска [2]; здѣсь въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о наемномъ войскѣ изъ Половцевъ для междоусобной войны.

На сѣверо-западѣ должно было постоянно сторожить чародѣя Всеслава; а съ юго-востока начали грозить новыя войны, и не отъ однихъ степныхъ варваровъ, но отъ обдѣленныхъ князей, которые приводили послѣднихъ. Мы видѣли, что, кромѣ Владиміра Новгородскаго, умерли еще двое младшихъ Ярославичей, Вячеславъ и Игорь, оставя сыновей, которымъ, по обычаю, отчинъ не дали и другими волостями не надѣлили; изгои подросли и стали сами искать себѣ волостей. Въ то время, какъ Святославъ умеръ, а Всеволодъ выступилъ противъ Изяслава, Борисъ, сынъ Вячеслава Смоленскаго, воспользовался удаленіемъ дяди и сѣлъ въ Черниговѣ; но могъ держаться тамъ только 8 дней и убѣжалъ въ Тмутаракань, гдѣ княжилъ одинъ изъ Святославичей, Романъ. Послѣ Святослава осталось пять сыновей: Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ, Ярославъ. При жизни отца Глѣбъ сидѣлъ въ Новгородѣ, Олегъ—во Владимірѣ-Волынскомъ, Романъ—въ Тмутаракани; о Давидѣ не-извѣстно; Ярославъ былъ очень молодъ [3]. Романъ Тмутараканскій принялъ Бориса Вячеславича; но за нимъ долженъ былъ дать убѣжище и роднымъ братьямъ, потому что Изяславъ не хотѣлъ дать волостей дѣтямъ Святославовымъ. Глѣбъ былъ изгнанъ изъ Новгорода [4], Олегъ выведенъ изъ Владиміра, Глѣбъ погибъ далеко на сѣверѣ, въ странахъ Чуди Заволоцкой. Олегъ ушелъ сначала-было въ Черниговъ, къ дядѣ Всеволоду, отъ котораго могъ ждать больше милости, чѣмъ отъ Изяслава; но и Всеволодъ или не хотѣлъ, или не могъ надѣлить Святославича волостью, и тотъ отправился къ братьямъ въ Тмутаракань, извѣстное убѣжище для всѣхъ изгнанниковъ, для всѣхъ недовольныхъ. Выгнавши племянниковъ, Ярославичи распорядились волостями въ пользу своихъ дѣтей: Святополка Изяславича посадили въ Новгородѣ, брата его Ярополка—въ Вышгородѣ, Владиміра Всеволодовича Мономаха — въ Смоленскѣ. Но изгнанные князья не могли жить праздно въ Тмутаракани: въ 1078 году Олегъ и Борисъ привели Половцевъ на Русскую Землю и пошли на Всеволода; Всеволодъ [5]) вышелъ противъ нихъ на рѣку Сожицу (Оржицу), и Половцы побѣдили Русь, которая потеряла много знатныхъ людей: убитъ былъ Иванъ Жирословичъ, Туки, Чудиновъ братъ, Порѣй и многіе другіе. Олегъ и Борисъ вошли въ Черниговъ, думая, что одолѣли; Русской Землѣ они тутъ много зла надѣлали, говоритъ лѣтописецъ. Всеволодъ пришелъ къ брату Изяславу въ Кіевъ и разсказалъ ему свою бѣду; Изяславъ отвѣчалъ ему: „Братъ! не тужи, вспомни, что со мною самимъ случилось! вопервыхъ, развѣ не выгнали меня и имѣнья моего не разграбили? потомъ, въ чемъ я провинился, а былъ же выгнанъ вами, братьями своими? Не скитался ли я по чужимъ землямъ ограбленный, а зла за собою не зналъ никакого. И теперь, братъ, не станемъ тужить: будетъ ли намъ часть въ Русской Землѣ,—то обоимъ; лишимся ли ея,—то оба же вмѣстѣ: я сложу свою голову за тебя". Такими словами онъ утѣшилъ Всеволода, и велѣлъ собирать войско отъ мала до велика; другого не осталось больше ничего дѣлать, потому что Святославичи конечно не оставили бы въ покоѣ Изяслава, главнаго врага своего. Изяславъ выступилъ въ походъ съ сыномъ своимъ Ярополкомъ, Всеволодъ—съ сыномъ Владиміромъ. Послѣдній находился въ Смоленскѣ, когда узналъ о вторженіи изгнанныхъ князей; поспѣшилъ на помощь къ отцу и оружіемъ проложилъ себѣ путь сквозь половецкіе полки къ Переяславлю, гдѣ нашелъ Всеволода, пришедшаго съ битвы на Сожицѣ. Ярославичи съ сыновьями пошли къ Чернигову, жители котораго затворились отъ нихъ, хотя Олега и Бориса не было въ городѣ; есть извѣстія, что они ѣздили въ Тмутаракань собирать новое войско [6]. Черниговъ имѣлъ двойныя стѣны; князья приступили къ внѣшней оградѣ (городу); Моно-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 106. Мономахъ говоритъ о себѣ: «И Святополкъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и Смолиньска той же зимѣ та къ Новугороду, на весну Глѣбови въ помощь».

[2]) Ходаковскій пріурочиваетъ это мѣсто къ рѣкѣ Одрову, впадающей въ Днѣпръ съ правой стороны, въ Копысскомъ уѣздѣ Могилевской губерніи.

[3]) По всѣмъ вѣроятностямъ, Давидъ княжилъ въ Переяславлѣ: такъ слѣдовало по счету.

[4]) Изгнанный Глѣбъ убитъ былъ далеко на сѣверѣ въ странахъ Чуди Заволоцкой. Объ изгнаніи Глѣба см. лѣтопись во II-мъ томѣ продолж. Древ. Вивліоѳ. «И посади Святослав... своего Глѣба. И выгнаша... и бѣжа за Волокъ, и у... и Чудь». Пропуски эти дополняются тождественною съ напечатанною въ Вивл. лѣтописью, находящеюся въ Румянц. музеѣ подъ № CCXLIX: «И посла Святославъ сына своего Глѣба, и выгнаша изъ города и бѣжа за Волокъ и убиша и Чудь». См. Арцыб. I, пр. 181.

[5]) Карамз. II, 135.

[6]) Татищ. II, 133.

махъ отбилъ восточныя ворота [1]), и внѣшній городъ былъ сожженъ, послѣ чего жители убѣжали во внутренній. Но Ярославичи не имѣли времени приступить къ послѣднему, потому что пришла вѣсть о приближеніи Олега и Бориса; получивши ее, Изяславъ и Всеволодъ рано утромъ отошли отъ Чернигова и отправились на-встрѣчу къ племянникамъ, которые совѣтовались, что имъ дѣлать. Олегъ говорилъ Борису: „Нельзя намъ стать противъ четырехъ князей; пошлемъ лучше къ дядьямъ съ просьбою о мирѣ"; Борисъ отвѣчалъ: „Ты стой—смотри только, я одинъ пойду на нихъ на всѣхъ". Пошли и встрѣтились съ Ярославичами у села на Нѣжатинѣ Нивѣ [2]); полки сошлись, и была сѣча злая: вопервыхъ убили Бориса, сына Вячеславова; Изяславъ стоялъ съ пѣшими полками, какъ вдругъ наѣхалъ одинъ изъ непріятельскихъ воиновъ и ударилъ его въ плечо копьемъ: рана была смертельная. Несмотря на убіеніе двухъ князей съ обѣихъ сторонъ, битва продолжалась; наконецъ Олегъ побѣжалъ и едва могъ уйти въ Тмутаракань (3-го октября 1078 года). Тѣло Изяслава взяли, привезли въ лодкѣ и поставили противъ Городца, куда на-встрѣчу вышелъ весь городъ Кіевъ; потомъ положили тѣло на сани и повезли; священники и монахи провожали его съ пѣніемъ; но нельзя было слышать пѣнія за плачемъ и воплемъ великимъ, потому что плакалъ по немъ весь городъ Кіевъ; Ярополкъ шелъ за тѣломъ и причиталъ съ дружиною: „Батюшка, батюшка! не безъ печали ты пожилъ на этомъ свѣтѣ; много напасти принялъ отъ людей и отъ своей братьи; и вотъ теперь погибъ не отъ брата, а за брата сложилъ голову". Принесли и положили тѣло въ церкви Богородицы, въ гробѣ мраморномъ [3]). По словамъ лѣтописца, Изяславъ былъ красивъ лицомъ, высокъ и полонъ, нравомъ незлобивъ, кривду ненавидѣлъ, правду любилъ; лести въ немъ не было, прямой былъ человѣкъ и не мстительный. Сколько зла сдѣлали ему Кіевляне!—самого выгнали, домъ разграбили, а онъ не заплатилъ имъ зломъ за зло; если же кто скажетъ: онъ казнилъ Всеславовыхъ освободителей,—то вѣдь не онъ это сдѣлалъ, а сынъ его. Потомъ братья прогнали его, и ходилъ, блуждалъ онъ по чужой Землѣ; а когда сѣлъ на своемъ столѣ, и Всеволодъ прибѣжалъ къ нему побѣжденный, то Изяславъ не сказалъ ему: „А вы что мнѣ сдѣлали?" не заплатилъ зломъ за зло, а утѣшилъ, сказалъ: „Ты, братъ, показалъ ко мнѣ любовь, ввелъ меня на столъ мой и назвалъ старшимъ,—такъ и я теперь не помяну первой злобы; ты мнѣ братъ, а я тебѣ, и положу голову свою за тебя", что и случилось; не сказалъ ему: „Сколько вы мнѣ зла сдѣлали, а вотъ теперь пришла и твоя очередь!" не сказалъ: „Ступай, куда хочешь", но взялъ на себя братнюю печаль и показалъ любовь великую.—Смерть за брата, прекрасный примѣръ для враждующихъ братій, заставилъ лѣтописца и, можетъ быть, всѣхъ современниковъ, умилиться надъ участью Изяслава при господствѣ непосредственныхъ чувствъ. Однако и лѣтописецъ спѣшитъ опровергнуть возраженіе на счетъ казни виновниковъ Всеславова освобожденія, и складываетъ всю вину на сына Изяславова, Мстислава: значитъ, это возраженіе существовало въ его время; монахъ Кіевопечерскаго монастыря долженъ былъ знать и о послѣдующихъ гоненіяхъ, напр. на Св. Антонія; Всеволоду Изяславъ простилъ, потому что и прежде, какъ видно, этотъ Ярославичъ былъ мало виноватъ, да и послѣ загладилъ свою вину; наконецъ собственная безопасность принуждала Изяслава вооружиться противъ племянниковъ; но дѣтямъ Святославовымъ, конечно невиннымъ въ дѣлѣ отца, Изяславъ не могъ простить и отнялъ у нихъ волости, себѣ и Русской Землѣ на бѣду.

Какъ бы ни было, первый старшій, или великій князь послѣ Ярослава палъ въ усобицѣ. Всѣ усобицы, которыя мы видимъ при старшинствѣ Изяслава, происходили оттого, что осиротѣлые племянники не получали волостей. При отсутствіи отчиннаго права относительно отдѣльныхъ волостей, дядья смотрѣли на осиротѣлыхъ племянниковъ какъ на изгоевъ, обязанныхъ, по своему сиротскому положенію, жить изъ милости старшихъ, быть довольными всѣмъ, что дадутъ имъ послѣдніе, и потому или не давали имъ вовсе волостей, или давали такія, какими тѣ не могли быть довольны. Но если дядья считали для себя выгоднымъ отсутствіе отчиннаго права, то не могли находить для себя это выгоднымъ осиротѣлые племянники, которые, лишась преждевременною смертью отцовъ надежды на старшинство въ родѣ, хотѣли, по крайней мѣрѣ, достать то, чѣмъ владѣли отцы, или хотя другую, но болѣе или менѣе значительную волость, чтобъ не быть лишенными Русской Земли. Такимъ образомъ, мы видимъ, что первыя усобицы на Руси произошли отъ отсутствія отчиннаго права въ отдѣльныхъ волостяхъ, отъ стремленія осиротѣлыхъ князей-изгоевъ установить это право и отъ стремленія старшихъ не допустить до его установленія. Князьямъ-изгоямъ легко было доискиваться воло-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88. «Володимеръ же приступи ко вратамъ восточнымъ, отъ *стреженій* отя врата». Рѣчка Стрижень течетъ въ самомъ Черниговѣ. Арцыб. I, прим. 185.

[2]) Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ же, I, 132): «Тое же зимы придоша Ольговичи съ Половци, и взяша Городокъ и Нѣжатинъ, и села пожгоша, и Баручь пожгоша».—Подъ Нѣжатинымъ указываютъ здѣсь нынѣшній Нѣжинъ; но на это справедливо возражаютъ, что по лѣтописи мѣсто дѣйствія должно находиться подлѣ Кіева, и Городецъ тотъ самый, который находится противъ этого города. Не знаемъ, почему думаютъ, что этого Нѣжатина не должно смѣшивать съ Нѣжатиной Нивой: изъ разсказа подъ 1073 годомъ вовсе не слѣдуетъ, чтобъ Нѣжатина Нива непремѣнно должна быть подлѣ Чернигова: Ярославичи пошли противъ племянниковъ отъ Чернигова, могли встрѣтиться съ ними въ Переяславской волости; что же касается до названія, то Нѣжатинъ очень могъ называться Нѣжатина Нива, какъ Углечь назывался Углече Поле. Максимовичъ указываетъ Нѣжатинъ въ хуторѣ Нѣготинѣ, близъ села Гнѣдина (Москвит., 1854 г., № 1).

[3]) Ярослава погребли точно также, въ ракѣ мраморной.

стей; Русь граничила съ степью, а въ степи скитались разноплеменныя варьарскія орды, среди которыхъ легко было набрать войско обѣщаніемъ добычи; вотъ почему застепный Тмуторакань служитъ постояннымъ убѣжищемъ для изгоевъ, которые возвращаются оттуда съ дружинами отыскивать волостей.

Мы видѣли дѣятельность изгоя Ростислава, сына Владимірова; у него остались сыновья въ томъ же положеніи, слѣдовательно съ тѣми же стремленіями; мы видѣли судьбу изгоя—Бориса Вячеславича; у него, какъ видно, не было ни братьевъ, ни сыновей; но были сыновья у Игоря Ярославича—тоже изгои; къ числу ихъ Изяславъ захотѣлъ присоединить еще и дѣтей Святославовыхъ, тогда какъ послѣднія имѣли основаніе не считать себя изгоями: ихъ отецъ былъ старшимъ, умеръ на главномъ столѣ. Если Изяславъ могъ считать это старшинство незаконнымъ и мстить дѣтямъ своего гонителя отнятіемъ у нихъ волостей, то Всеволодъ не имѣлъ на это никакого права: Изяславъ былъ изгнанъ не однимъ Святославомъ, но Святославомъ и Всеволодомъ вмѣстѣ; Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавалъ старшинство Святослава до самой смерти послѣдняго,—на какомъ же основаніи онъ могъ считать сыновей Святославовыхъ изгоями, лишить ихъ волостей? Несмотря на то, Всеволодъ, враждуя съ Святославичами за недавнее изгнаніе и пользуясь правомъ побѣды, не думалъ приглашать ихъ въ Русь и тѣмъ готовилъ для себя и для потомковъ своихъ новую усобицу [1]).

Всеволодъ, сѣвъ въ Кіевѣ, на столѣ отца своего и брата, взялъ себѣ всѣ волости русскія, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ, а племянника Ярополка Изяславича во Владимірѣ-Волынскомъ, придавъ къ нему Туровъ. Но обдѣленные князья не могли долго оставить его въ покоѣ. Въ 1079 году явился Романъ Святославичъ съ Половцами у Воина [2]); Всеволодъ вышелъ на-встрѣчу, сталъ у Переяславля и успѣлъ заключить миръ съ Половцами, разумѣется, давши имъ вѣрное вмѣсто невѣрнаго, обѣщаннаго Романомъ. Половцы не только не сдѣлали для Романа того, за чѣмъ пришли, но даже убили его на возвратномъ пути, вслѣдствіе ссоры, которую завелъ Романъ съ ихъ князьями за обманъ, какъ говоритъ одно очень вѣроятное извѣстіе [3]). Впрочемъ, изъ послѣдующихъ извѣстій лѣтописи видно, что виновниками убійства Романова были собственно не Половцы, а Козары, знакъ, что Романово ополченіе было сбродное изъ разныхъ народовъ, и что Козары, послѣ разрушенія своего царства, существовали еще какъ особый народъ и играли нѣкоторую роль на степныхъ берегахъ Чернаго и Азовскаго морей [4]). Убивъ Романа, Козары и Половцы, разумѣется, не могли жить въ мирѣ съ братомъ его Олегомъ, и потому, какъ сказано въ лѣтописи, они заточили его за море, въ Царьградъ, откуда его отправили на островъ Родосъ; нѣтъ сомнѣнія, что Козары и Половцы могли сдѣлать это не иначе какъ съ согласія Императора, для котораго вѣроятно русскіе изгои были также опасными сосѣдями [5]): это ясно видно изъ судьбы Ростиславовой; очень вѣроятно, что заточеніе Олега произошло и не безъ вѣдома Всеволода, который воспользовался имъ и послалъ въ Тмуторакань своего посадника Ратибора.

Но Тмуторакань не долго оставалась безъ изгоевъ; черезъ годъ бѣжали туда изъ Владиміро-Волынскихъ волостей сынъ Игоря Ярославича, Давидъ, и сынъ извѣстнаго уже намъ Ростислава Владиміровича—Володарь: они выгнали Ротибора и сѣли въ Тмуторакани: но сидѣли недолго: чрезъ годъ возвратился туда изъ изгнанія Олегъ, схватилъ Давида и Володаря, сѣлъ опять въ Тмуторакани, перебилъ Козаръ, которые были совѣтниками на убіеніе Романа и на его собственное изгнаніе, а Давида и Володаря отпустилъ. Лишенные убѣжища въ Тмуторакани, эти князья должны были думать о другихъ средствахъ, какъ бы добыть себѣ волостей. Въ 1084 году Ростиславичи [6]), по словамъ лѣтописца, выбѣжали отъ Ярополка, слѣдовательно ясно, что они жили у него во Владимірѣ безъ волостей; выбѣжали—не сказано куда, потомъ возвратились съ войскомъ и выгнали Ярополка изъ Владиміра [7]). Съ кѣмъ возвратились Ростиславичи, откуда взяли дружину, какъ могли безземельные князья выгнать Ярополка изъ его волости?—на всѣ

[1]) Если Всеволодъ признавалъ изгнаніе Изяслава справедливымъ, признавъ старшинство Святослава законнымъ, то какимъ же образомъ потомки Всеволода могли считать это старшинство незаконнымъ? Въ такомъ случаѣ они обвиняли бы своего предка, какъ участника въ беззаконіи? Развѣ мы не видимъ впослѣдствіи, что Всеволодовичи, домогаясь отнять у Святославичей право на старшинство, ни слова не говорятъ о беззаконномъ старшинствѣ Святослава, а выставляютъ только какое-то завѣщаніе Ярослава I-го, по которому князья восточныхъ областей не должны были вступаться въ западныя. Ясно, что у Всеволодовичей не было никакого права исключать Святославичей изъ старшинства; что они, пользуясь правомъ сильнаго, выставляли только странные предлоги.

[2]) Подобноименныхъ мѣстъ въ нынѣшней Полтавской губерніи много. См. Арцыб. I, прим. 190; Карамз. II, 145; Погод. Изслѣд. VI, стр. 203.

[3]) Татищ. II, 136.

[4]) Хожденіе игумена Даніила.

[5]) Studien - Еверса, стр. 238.

[6]) Сколько? Ростиславичей было трое: Рюрикъ, Володарь и Василько; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано только двое—предполагается Рюрикъ и Василько, если Володарь еще не возвратился изъ Тмуторакани; но въ нѣкоторыхъ сказано просто «Ростиславичи» (Кенигсб.) и прибавленъ Давидъ: «выбѣгоста Ростиславича два отъ Ярослава» и «выбѣгоста Ростиславичи Давидъ и Ярополкъ»; смѣна легка, но мы предпочитаемъ чтеніе *Ростиславича два* какъ труднѣйшее.

[7]) «Приходи Ярополкъ ко Всеволоду на Великъ день. Въ се же время выбѣгоста Ростиславича 2 отъ Ярополка, и пришедше прогнаста Ярополка».—Ни откуда не слѣдуетъ, чтобъ Ростиславичи овладѣли Владиміромъ въ отсутствіе Ярополка, иначе какъ могло быть сказано, что пришедши они прогнали этого князя; можно только допустить, что они убѣжали въ его отсутствіе; но у Татищева читаемъ, что Ярополкъ на Великъ день приходилъ уже въ Кіевъ жаловаться на изгнаніе.

эти вопросы не даетъ отвѣта лѣтопись; но и ея краткія извѣстія могутъ показать намъ, какъ легко было тогда добыть дружину; ясно также, что Ростиславичи не могли выгнать Ярополка, не пріобрѣтя себѣ многочисленныхъ и сильныхъ приверженцевъ во Владимірѣ. Всеволодъ послалъ противъ Ростиславичей сына своего, Мономаха, который прогналъ ихъ изъ Владиміра и посадилъ здѣсь опять Ярополка. Въ лѣтописи объ этомъ сказано такъ, какъ будто бы все сдѣлалось вдругъ; но изъ собственныхъ словъ Мономаха видно, что борьба съ Ростиславичами кончалась не скоро, потому что онъ ходилъ къ Изяславичамъ за Микулинъ, въ нынѣшнюю Галицію, и потомъ два раза ходилъ къ Ярополку на Броды, весною и зимою [1]). Счастливѣе Ростиславичей былъ Давидъ Игоревичъ: онъ ушелъ съ своею дружиною въ днѣпровскія устья, захватилъ здѣсь греческихъ купцовъ, отнялъ у нихъ всѣ товары; но отъ греческой торговли зависѣло богатство и значеніе Кіева, слѣдовательно богатство казны великокняжеской, и вотъ Всеволодъ принужденъ былъ прекратить грабежи Давида обѣщаніемъ дать волость, и точно назначилъ ему Дорогобужъ [2]) на Волыни. Но этимъ распоряженіемъ Всеволодъ не прекратилъ, а еще более усилилъ княжескія распри: Ярополкъ Изяславичъ, князь Волынскій, въ отдачѣ Дорогобужа Давиду видѣлъ обиду себѣ, намѣреніе Всеволода уменьшить его волость, и потому началъ злобиться на Всеволода [3]), собирать войско, по наущенію злыхъ совѣтниковъ, прибавляетъ лѣтописецъ [4]). Узнавъ объ этомъ, Всеволодъ послалъ противъ него сына своего Владиміра, и Ярополкъ, оставая мать въ Луцкѣ [5]), бѣжалъ въ Польшу. Луцкъ сдался Мономаху, который захватилъ здѣсь мать, жену Ярополкову, дружину его и все имѣнье, а въ Владимірѣ посадилъ Давида Игоревича. Вѣроятно въ это время Червенскіе города, область последующаго Галицкаго княжества, были утверждены за Ростиславичами, потому что послѣ мы видимъ старшаго изъ нихъ, Рюрика, княземъ въ Перемышлѣ; очень вѣроятно также, что эта область была отнята Ростиславичами у Поляковъ, союзниковъ Ярополковыхъ [6]), не безъ согласія Всеволода. Но въ слѣдующемъ году Ярополкъ пришелъ изъ Польши, заключилъ миръ съ Мономахомъ и сѣлъ опять во Владимірѣ; вѣроятно такому обороту дѣлъ много содѣйствовала прежняя дружба Мономахова къ Ярополку, благодарность стараго Всеволода къ отцу его Изяславу и нежеланіе ссориться съ сыновьями послѣдняго, изъ которыхъ старшій долженъ былъ получить старшинство по смерти Всеволодовой. Ярополкъ однако недолго пользовался возвращенною волостью: посидѣвъ нѣсколько дней во Владимірѣ, онъ поѣхалъ въ Звенигородъ [7]), одинъ изъ городовъ Галицкихъ. Когда князь дорогою лежалъ на возу, то какой-то Нерадецъ, какъ видно находившійся въ дружинѣ и ѣхавшій подлѣ на лошади, ударилъ его саблею; Ярополкъ приподнялся, вынулъ изъ себя саблю и громко закричалъ: „Охъ, этотъ врагъ меня покончилъ!“ Нерадецъ бѣжалъ въ Перемышль къ Рюрику Ростиславичу, а Ярополкъ умеръ отъ раны; отроки взяли его тѣло и повезли сперва во Владиміръ, а потомъ въ Кіевъ, гдѣ и погребли его въ церкви Св. Петра, которую онъ началъ строить. Въ Кіевѣ сильно плакали на похоронахъ Ярополка; лѣтописецъ также жалѣетъ объ этомъ князѣ, говоритъ, что онъ много принялъ бѣдъ, безъ вины былъ изгнанъ братьями, обиженъ, разграбленъ и наконецъ принялъ горькую смерть; былъ онъ, по словамъ лѣтописца, тихъ, кротокъ, смиренъ, братолюбивъ, давалъ каждый годъ десятину въ Богородичную кіевскую церковь отъ всего своего имѣнія, и просилъ у Бога такой же смерти, какая постигла Бориса и Глѣба; Богъ услышалъ его молитву, заключаетъ лѣтописецъ. О причинѣ убійства лѣтописецъ говоритъ глухо: Нерадецъ, по его словамъ, убилъ Ярополка, будучи наученъ отъ дьявола и отъ злыхъ людей. Вспомнимъ сказанное нами прежде, что Ростиславичи могли овладѣть Владиміромъ только съ помощью приверженцевъ своихъ, слѣд. людей непріязненныхъ Ярополку; люди, желавшіе прежде его изгнанія, теперь не могли охотно видѣть его возстановленіе. Но убійца бѣжалъ къ Ростиславичу въ Перемышль: это одно обстоятельство могло заставить современниковъ сильно заподозрить Ростиславичей, если они и не были совершенно убѣждены въ дѣйствительномъ участіи послѣднихъ въ дѣлѣ Нерадца; послѣ Давидъ Игоревичъ прямо говорилъ, что Ярополкъ былъ убитъ Ростиславичами. Съ перваго раза кажется, что Ростиславичи или одинъ изъ нихъ, Рюрикъ, не имѣли достаточнаго основанія рѣшиться на подобное дѣло; скорѣе казалось бы можно было заподозрить Давида Игоревича и по характеру послѣдняго, да и потому, что онъ больше всѣхъ терялъ съ возстановленіемъ Ярополка на Владимірскомъ столѣ. Но объ участіи Давида нѣтъ ни малѣйшаго намека въ лѣтописи; самъ Давидъ послѣ, говоря Святополку объ убіеніи брата его, не могъ выдумать объ участіи Ростиславичей и объявить объ этомъ Святополку за новость; еслибы современники подозрѣвали Давида, то лѣтописецъ самъ, и Святополкъ Изяславичъ, и Кіевляне на вѣчѣ, и князья на съѣздѣ не преминули бы

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88 и 103.—«И пакы по Изяславичи за Микулинъ и не достигохомъ ихъ».—Но что же это за Изяславичи? Святополкъ былъ въ Новгородѣ? Мы думаемъ, что должно читать «Ростиславичи» вмѣсто Изяславичи. Есть мѣстечко Микулинцы, Подольской губерніи Винницкаго повѣта, и еще городъ ниже Тарнополя и выше Струсова.

[2]) На рѣкѣ Горынѣ, близъ Ровна. Арцыб. I, пр. 201.

[3]) Татищ. II, 137.

[4]) Прибавленіе, нужное для вѣрности характеру, который послѣ приданъ Ярополку.

[5]) Уѣздный городъ Волынской губерніи, на рѣкѣ Стырѣ.

[6]) По извѣстіямъ польскихъ лѣтописцевъ, Червенскіе города, взятые Болеславомъ II, были возвращены Ростиславичами. Арцыб. I, пр. 218.

[7]) Здѣсь можетъ быть рѣчь только объ одномъ какомъ-нибудь изъ четырехъ Звенигородовъ Галицкихъ. См. Изслѣд. Погод. IV, пр. 152.

упомянуть объ этомъ по случаю злодѣйства Давидова надъ Василькомъ. Если лѣтописецъ не указываетъ прямо на Ростиславичей, то это доказываетъ, что у современниковъ не было достаточныхъ уликъ противъ нихъ; но не безъ намѣренія лѣтописецъ выставляетъ бѣгство Нерадца къ Рюрику въ Перемышль. Что касается до побужденій, то мы не знаемъ подробностей: знаемъ только то, что Ростиславичи жили у Ярополка, пріобрѣли средства выгнать его изъ Владиміра, но потомъ сами были выгнаны въ его пользу; здѣсь очень легко могло быть положено начало смертельной вражды; Ростиславичи могли думать, что никогда не будутъ безопасны въ своей волости, пока врагъ ихъ будетъ сидѣть въ Владимірѣ: Обратимъ вниманіе еще на одно обстоятельство: посидѣвши мало времени во Владимірѣ, Ярополкъ отправился къ Звенигороду; мы не знаемъ зачѣмъ предпринялъ онъ это путешествіе; мы не знаемъ еще, кому принадлежалъ въ это время Звенигородъ; очень вѣроятно, что Ростиславичамъ; очень вѣроятно, что выраженіе лѣтописца „иде Звенигороду" означаетъ походъ воинскій. Наконецъ, что касается до характера Рюрика Ростиславича, то мы знаемъ о немъ только то, что онъ выгналъ Ярополка изъ Владиміра и потомъ принялъ къ себѣ его убійцу: эти два поступка нисколько не ручаются намъ за его нравственность [1]).

Въ томъ же 1086 году Всеволодъ самъ предпринималъ походъ къ Перемышлю на Ростиславичей, и походъ этотъ не могъ быть безъ связи съ предшествовавшими событіями. Но съ Ростиславичами, какъ видно изъ послѣдующихъ событій, трудно было воевать: походъ кончился ничѣмъ, потому что Ростиславичи остались по-прежнему въ своей волости [2]). Такъ кончились пока смуты на Волыни; но, кромѣ этихъ смутъ и борьбы на востокѣ съ Святославичами, шла еще борьба со Всеславомъ Полоцкимъ. По принятіи Всеволодомъ старшинства, Всеславъ *обжегъ* Смоленскъ, т.-е. пожегъ посады около крѣпости или города; Мономахъ изъ Чернигова погнался за нимъ на спѣхъ о *двухъ коняхъ* (т.-е. дружина взяла съ собою по парѣ коней для перемѣны); но чародѣя Всеслава трудно было настигнуть: Мономахъ не засталъ его подъ Смоленскомъ и пошелъ по его слѣдамъ въ Полоцкую волость, повоевалъ и пожегъ Землю [3]). Потомъ, въ другой разъ пошелъ Мономахъ съ Черниговцами и Половцами къ Минску, нечаянно напалъ на городъ, и не оставилъ у него ни челядина, ни скотины, по его собственному выраженію.

Въ 1093 году умеръ послѣдній изъ Ярославичей, Всеволодъ, 64 лѣтъ. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ князь былъ измлада боголюбивъ, любилъ правду, былъ милостивъ къ нищимъ, чтилъ епископовъ и священниковъ, но особенно любилъ монаховъ, давалъ имъ все потребное; былъ также воздерженъ и за то любимъ отцомъ своимъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что въ Кіевѣ Всеволоду было гораздо больше хлопотъ, чѣмъ въ Переяславлѣ: хлопоталъ онъ все съ племянниками, которые просили волостей: одинъ просилъ той, другой—этой; онъ все ихъ мирилъ и раздавалъ волости. Къ этимъ заботамъ присоединились болѣзни, старость, и сталъ онъ любить молодыхъ, совѣтоваться съ ними, а молодые старались отдалять его отъ прежней, старой дружины; до людей перестала доходить княжая правда, тіуны начали грабить, брать несправедливо пени при судѣ; а Всеволодъ ничего этого не зналъ въ своихъ болѣзняхъ.—Намъ нѣтъ нужды разумѣть здѣсь подъ *молодыми* именно молодыхъ лѣтами: трудно предположить, что Всеволодъ, на старости лѣтъ, покинулъ своихъ ровесниковъ и окружилъ себя юношами; если обратимъ вниманіе на послѣдующія явленія, то можемъ легче объяснить смыслъ словъ лѣтописца; подъ молодыми людьми разумѣются у него люди новые; новая дружина, приведенная изъ Переяславля и Чернигова, противополагается дружинѣ *первой;* князья, перемѣщаясь изъ одной волости въ другую, съ младшаго стола на старшій, приводили съ собою свою дружину, которую, разумѣется, предпочитали дружинѣ, найденной въ новомъ княжествѣ, оставшейся послѣ прежняго князя; отсюда проистекала невыгода, вопервыхъ, для народа, потому что пришельцы не соблюдали чуждой для нихъ области и старались наживаться на-счетъ гражданъ; вовторыхъ, для старыхъ бояръ, которыхъ пришельцы отстраняли отъ важныхъ должностей, отъ княжескаго расположенія, *заѣзжали* ихъ, по мѣстническому позднѣйшему выраженію Каково было грабительство тіуновъ княжескихъ при Всеволодѣ, свидѣтельствуютъ слова лучшихъ Кіевлянъ, что земля ихъ оскудѣла отъ рати и отъ *продажъ.*—Такъ сошло съ поприща первое поколѣніе Ярославичей: при первомъ уже изъ нихъ начались усобицы вслѣдствіе изгнанія осиротѣлыхъ племянниковъ; при первомъ уже изъ нихъ былъ нарушенъ порядокъ преемства, и это нарушеніе увеличило число изгоевъ и, слѣдовательно, усилило усобицы, жертвою которыхъ пало три князя. Переходы князей изъ волости въ волость,—вслѣд-

---

[1]) Мы распространились объ этомъ событіи потому, что существуетъ цѣлая статья о смерти Ярополка Изяславича, авторъ которой старался оправдать совершенно Ростиславичей, сложивъ вину на Давида (Соврем. т. XVI, отд. II). Уваженіе, питаемое нами къ ученымъ трудамъ автора статьи, заставило насъ подробнѣе коснуться ея предмета.

[2]) Что слова лѣтописца: «Ходи Всеволодъ къ Перемышлю» означаютъ воинскій походъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію: иначе для чего ходилъ Всеволодъ? Великій князь не могъ ходить просто для свиданія къ младшему. У Татищева в. князь предпринялъ походъ на Ростиславичей по жалобамъ Святополка Изяславича и Давида Игоревича, дошелъ до Звенигорода, послалъ за Ростиславичами, и помирился съ ними. (II, 140).

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130: «Пожегъ землю и повоевалъ до Лукомля и до Логожьска, та на Дрьютьскъ воюя». Лукомль—мѣстечко Могилевской губерніи, Сеннинскаго уѣзда; Друцкъ—мѣстечко Могилевскаго уѣзда; Логойскъ—Минской губерніи, въ Борисовскомъ уѣздѣ, на р. Гойнѣ, впадающей въ Березину.

ствіе родовыхъ счетовъ, показали уже народу всю невыгоду такого порядка вещей, особенно въ княженіе Всеволода, когда новые дружинники разорили Кіевскую Землю; земля разорялась также ратью, набѣги степныхъ варваровъ не прекращались, и въ челѣ Половцевъ народъ видѣлъ Русскихъ князей, приходившихъ искать волостей въ Русской Землѣ, которую безнаказанно пустошили ихъ союзники. Начались тѣ времена, когда по землѣ сѣялись и росли усобицы, и въ княжихъ крамолахъ сокращался вѣкъ людской, когда въ Русской Землѣ рѣдко слышались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля себѣ трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу [1]).

Изъ внѣшнихъ отношеній на первомъ планѣ, какъ прежде, такъ и теперь, была борьба съ степными варварами, изъ которыхъ главное мѣсто занимали Половцы. Мы упоминали о войнахъ съ ними по поводу княжескихъ усобицъ; но, кромѣ того, они часто набѣгали и безо всякаго повода [2]). Въ удачныхъ битвахъ съ этими варварами за Русскую Землю началъ славиться и пріобрѣтать народную любовь сынъ Всеволода, знаменитый Мономахъ: 12 удачныхъ битвъ выдержалъ онъ съ Половцами въ одно княженіе отца своего: если Половцы помогали Русскимъ князьямъ въ ихъ усобицахъ, за то и Мономахъ иногда ходилъ на варваровъ, ведя съ собою варваровъ же изъ другихъ племенъ [3]). Мы видѣли, что Ярославичи, свободные еще отъ усобицъ, нанесли сильное пораженіе Торкамъ, заставили часть ихъ поселиться въ предѣлахъ Руси и признать свою зависимость отъ нея; но въ 1080 году Торки, поселенные около Переяславля и потому названные въ лѣтописи переяславскими, вздумали возвратить себѣ независимость и заратились; Всеволодъ послалъ на нихъ сына своего Мономаха, и тотъ побѣдилъ Торковъ. На сѣверѣ шла борьба съ финскими и литовскими племенами. Къ первымъ годамъ княженія Изяслава относится побѣда его надъ Голядами; слѣдовательно народонаселеніе нынѣшняго Можайскаго и Гжатскаго уѣздовъ не было еще подчинено до этого времени, и неудивительно: оно оставалось въ сторонѣ отъ главныхъ путей, по которымъ распространялись русскія владѣнія [4]). Въ 1055 году посадникъ Остромиръ ходилъ съ Новгородцами на Чудь и овладѣлъ тамъ городомъ Осекъ Декипивъ, т.-е. Солнечная Рука; въ 1060 году самъ Изяславъ ходилъ на Сосоловъ и заставилъ ихъ платить дань; но скоро они выгнали русскихъ сборщиковъ дани, пожгли городъ Юрьевъ и окольныя селенія до самаго Пскова; Псковичи и Новгородцы вышли къ нимъ на-встрѣчу, сразились и потеряли 1,000 человѣкъ, а Сосоловъ пало безчисленное множество. На сѣверо-востокѣ было враждебное столкновеніе съ Болгарами, которые въ 1088 году взяли Муромъ [5]).

На западѣ Ростиславичи боролись съ Поляками; особенно въ этой борьбѣ сталъ знаменитъ третій братъ—Василько. Мы видѣли, что Болеславъ II-й Смѣлый, пользуясь смутами въ имперіи, умѣлъ возстановить прежнее значеніе Польши, которое потеряла она по смерти Болеслава I-го Храбраго; но, будучи счастливъ въ борьбѣ съ внѣшними врагами, Болеславъ Смѣлый не могъ осилить внутреннихъ: принятіе королевскаго титула, стремленіе усилить свою власть на счетъ пановъ, строгіе поступки съ ними, умерщвленіе Краковскаго епископа Станислава,—возбудили ненависть пановъ и духовенства, слѣдствіемъ чего было изгнаніе Болеслава Смѣлаго и возведеніе на престолъ брата его, слабаго Владислава-Германа. Владиславъ ввѣрился во всемъ Палатину Сецеху, который корыстолюбіемъ и насильственными поступками возбудилъ всеобщее негодованіе. Недовольные встали подъ предводительствомъ побочнаго сына Владислава, Збигнева; въ эту усобицу вмѣшались Чехи, а съ другой стороны Владиславъ долженъ былъ вести упорную борьбу съ Поморскими славянами. Легко понять, что при такихъ обстоятельствахъ Польша не только не могла обнаружить своего вліянія на дѣла Руси, но даже не могла съ успѣхомъ бороться противъ Василька Ростиславича, который съ Половцами пустошилъ ея области.

Мы разсмотрѣли внутреннія и внѣшнія отношенія на Руси при первомъ поколѣніи Ярославичей, видѣли дѣятельность князей; взаключеніе обратимъ вниманіе на другихъ дѣятелей, на мужей изъ дружины княжеской, имена которыхъ кое-гдѣ попадаются въ лѣтописи. Прежде всего мы встрѣчаемъ имя Остромира, посадника новгородскаго: сынъ его, Вышата, убѣжалъ съ Ростиславомъ Владимировичемъ въ Тмутаракань...

[1]) Слово о Полку Игореву.—Въ извѣстіи о молодой дружинѣ Всеволода и тіунахъ въ разныхъ спискахъ находятся разныя чтенія, въ однихъ: «Начаша тіуни грабити»; въ другихъ: «начаша тіи упи» молодые, о которыхъ говорилось передъ этимъ. П. С. Р. Л. I, 93.

[2]) Такъ въ 1071 году они воевали у Ростовца у и Неятина (мѣстоположеніе этихъ городовъ спорное: одни полагаютъ на западной, другіе на восточной сторонѣ Днѣпра, т.-е. одни въ Кіевской, другіе въ Черниговской волости, см. Изслѣд. Погод. IV, стр. 148). Подъ 1092 годомъ читаемъ: «рать велика бяше отъ Половецъ и отъ всюду: взяша 3 грады, Пѣсоченъ, Переволоку, Прилукъ и многа села воеваша, по обѣма странама»;—всѣ три мѣста въ Переяславской волости, въ нынѣшней Полтавской губерніи, на рѣкѣ Удаѣ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103.

[4]) Здѣсь можетъ быть только вопросъ: какимъ образомъ самъ Изяславъ предпринималъ походъ противъ Голядей? Изъ соображенія лѣтописныхъ извѣстій можно полагать, что великій князь все это время находился самъ на сѣверѣ, въ Смоленскѣ, Псковѣ и сосѣднихъ мѣстахъ.

[5]) Въ дошедшихъ до насъ спискахъ говорится кратко о взятіи Мурома Болгарами, безъ объясненія причинъ и слѣдствій; но Татищевъ, основываясь на Нижегородскомъ и Макарьевскомъ спискахъ, говоритъ, что по Окѣ и Волгѣ въ это время были сильные разбои, вредившіе болгарской торговлѣ; Болгары прислали къ князю Олегу и брату его Ярославу Святославичамъ, которымъ, по Татищеву, принадлежали въ это время Тмуторакань, Рязань и Муромъ, просить на разбойниковъ, но, не получа управы, пошли на Муромъ и взяли его.—Извѣстіе это очень любопытно и очень вѣроятно: нѣтъ основанія отвергать, чтобъ въ это время не было *ушкуйничества*, которое мы видимъ въ такой силѣ послѣ.

димiровичемъ въ Тмуторакань; о немъ больше нѣтъ извѣстiй. Но вмѣстѣ съ Вышатою спутникомъ Ростислава названъ также какой-то Порѣй; Порѣй былъ убитъ на Сожицѣ противъ Половцевъ, въ 1078 году; если это тотъ самый Порѣй, то значитъ, что, по смерти Ростислава, онъ перешелъ въ дружину Всеволода. Мы видѣли, что въ 1067 году въ Кiевѣ при Изяславѣ былъ тысяцкимъ Коснячко, вѣроятно бѣжавшiй вмѣстѣ съ Изяславомъ; этотъ же Коснячко былъ съ Изяславомъ при установленiи Правды; со стороны Святослава, изъ Чернигова былъ при этомъ дѣлѣ Перенѣгъ, со стороны Всеволода изъ Переяславля Никифоръ; если Коснячко былъ тысяцкимъ въ Кiевѣ, то можемъ заключить, что Перенѣгъ имѣлъ въ то время такую же должность въ Черниговѣ, Никифоръ въ Переяславлѣ; если такъ, то любопытно, что для установленiя Правды собираются тысяцкiе, имѣвшiе близкое отношенiе къ городскому народонаселенiю. Не знаемъ кто былъ тысяцкимъ въ Кiевѣ послѣ перваго возвращенiя Изяслава, при Святославѣ, и послѣ второго возвращенiя Изяслава; но при Всеволодѣ (1089 г.) эту должность занималъ Янъ, сынъ Вышаты, знаменитаго тысяцкаго во времена Ярослава; какъ видно, этотъ же самый Янъ ходилъ при Святославѣ за данью на сѣверъ. Потомъ мы встрѣчаемъ въ лѣтописи имена двухъ братьевъ *Чудина* и *Тукы*; имена указываютъ на финское происхожденiе; Чудинъ послѣ перваго возвращенiя Исяславова державъ Вышгородъ (1072 г.); Тукы является дѣйствующимъ во время перваго изгнанiя Изяславова: онъ совѣтовалъ Изяславу стеречь крѣпче Всеслава; изъ этого видно, какъ будто онъ принадлежалъ въ дружинѣ Кiевскаго князя; но потомъ, послѣ второго возвращенiя Изяславова, мы видимъ его въ дружинѣ Всеволода; онъ выходитъ вмѣстѣ съ этимъ княземъ противъ Половцевъ и погибаетъ въ битвѣ при Сожицѣ, значитъ—онъ перешелъ изъ дружины Изяслава въ дружину Всеволода; впрочемъ, могло быть, что онъ явился дѣйствующимъ лицомъ въ означенномъ кiевскомъ событiи, принадлежа къ дружинѣ Всеволода, который прибѣжалъ въ Кiевъ съ поля битвы вмѣстѣ съ Изяславомъ; въ такомъ случаѣ любопытно, что одинъ братъ служилъ Изяславу, а другой—Всеволоду. Въ битвѣ при Сожицѣ былъ убитъ еще Иванъ Жирославичъ, также мужъ изъ дружины Всеволода. При послѣднемъ, во время княженiя его въ Кiевѣ, видимъ Ратибора, котораго онъ назначилъ посадникомъ въ Тмуторакань. Къ чьей дружинѣ принадлежалъ Бернъ, упоминаемый при перенесенiи мощей Св. Бориса и Глѣба,—трудно рѣшить: вѣроятно къ дружинѣ Святослава Черниговскаго.

Глава III.

Событiя при внукахъ Ярослава I-го.

(1093—1125.)

Прежнiя причины усобицъ.—Характеръ Владимiра Мономаха.—Онъ уступаетъ старшинство Святополку Изяславичу.—Характеръ послѣдняго.—Нашествiе Половцевъ.—Олегъ Святославичъ въ Черниговѣ.—Борьба съ нимъ Святополка и Владимiра.—Неудача Олега на сѣверѣ.—Посланiе Мономаха къ Олегу.—Съѣздъ князей въ Любечѣ и прекращенiе борьбы на востокѣ.—Новая усобица на западѣ вслѣдствiе ослѣпленiя Василька Ростиславича.—Прекращенiя ея на витичевскомъ съѣздѣ.—Распоряженiя на счетъ Новгорода Великаго.—Судьба Ярослава Ярополковича, племянника в. князя.—Событiя въ Полоцкомъ княжествѣ.—Войны съ Половцами.—Борьба съ другими сосѣдними варварами.—Связь съ Венгрiею.—Смерть в. князя Святополка.—Кiевляне избираютъ Мономаха въ князья себѣ.—Война съ Минскимъ княземъ Глѣбомъ и съ Волынскимъ Ярославомъ.—Отношенiе къ Грекамъ и Половцамъ.—Смерть Мономаха.—Дружина при внукахъ Ярослава I-го.

Не прошло полвѣка по смерти Ярослава Стараго, какъ уже первое поколѣнiе въ потомствѣ его смѣнилось вторымъ, сыновья—внуками. Мы видѣли начало усобицъ при первомъ поколѣнiи, видѣли ихъ причины въ стремленiи осиротѣлыхъ князей добыть себѣ честь въ Русской Землѣ, которой не давали имъ дядья; усобицы усиливались, когда Изяславъ былъ изгнанъ братьями, когда, возвратившись по смерти Святослава, онъ отнялъ прежнiя волости у сыновей послѣдняго, которые должны были искать убѣжища въ отдаленномъ Тмутораканi, и, если вѣрить нѣкоторымъ извѣстiямъ, въ Муромѣ. Со вступленiемъ на поприще внуковъ Ярославовыхъ, причины усобицъ оставались прежнiя, и потому должно было ожидать тѣхъ же самыхъ явленiй, какими ознаменовано и правленiе сыновей Ярославовыхъ.

Владимiръ Мономахъ [1]) съ братомъ Ростиславомъ были въ Кiевѣ во время смерти и погребенiя отца своего; лѣтописецъ говоритъ, что Мономахъ началъ размышлять: „Если сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что

[1]) Владимiръ самъ говоритъ въ началѣ поученiя своего дѣтямъ: «Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословеннымъ, славнымъ, нарѣченъ въ крещенiи Василiй, Русьскымъ именемъ Володимiръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мьномахъ». Изъ этихъ словъ видно, что «Мономахъ» не было прозванiемъ, но именемъ, даннымъ при рожденiи, точно такимъ же, какими были Владимiръ и Василiй; Ярославъ хотѣлъ назвать первенца внука отъ любимаго сына Владимiромъ-Василiемъ въ честь отца своего; отецъ и мать Мономахомъ—въ честь дѣда по матери, императора Греческаго; естественно, что Всеволодъ гордился происхожденiемъ сына своего отъ царя.

этотъ столъ былъ прежде отца его", и, размысливъ, послалъ за Святополкомъ въ Туровъ, самъ пошелъ въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ—въ Переяславль. Если Мономахъ единственнымъ препятствіемъ къ занятію Кіевскаго стола считалъ старшинство, права Святополка Изяславича, то ясно, что онъ не видалъ никакихъ другихъ препятствій, именно не предполагалъ препятствія со стороны гражданъ кіевскихъ, былъ увѣренъ въ ихъ желаніи имѣть его своимъ княземъ [1]). Нѣтъ сомнѣнія, что уже и тогда Мономахъ успѣлъ пріобрѣсть народную любовь, которою онъ такъ славенъ въ нашей древней исторіи. Мономахъ вовсе не принадлежитъ къ тѣмъ историческимъ дѣятелямъ, которые смотрятъ впередъ, разрушаютъ старое, удовлетворяютъ новымъ потребностямъ общества: это было лицо съ характеромъ чисто охранительнымъ. Мономахъ не возвышался надъ понятіями своего вѣка, не шелъ наперекоръ имъ, не хотѣлъ измѣнить существующій порядокъ вещей; но личными доблестями, строгимъ исполненіемъ обязанностей прикрывалъ недостатки существующаго порядка, дѣлалъ его не только сноснымъ для народа, но даже способнымъ удовлетворять его общественнымъ потребностямъ. Общество, взволнованное княжескими усобицами, столько потерпѣвшее отъ нихъ, требовало прежде всего отъ князя, чтобъ онъ свято исполнялъ свои родственныя обязанности, не *которовался* (не спорилъ) съ братьею, мирилъ враждебныхъ родичей, вносилъ умными совѣтами нарядъ въ семью: и вотъ Мономахъ во время злой вражды между братьями умѣлъ заслужить названіе братолюбца. Для людей благочестивыхъ Мономахъ былъ образцомъ благочестія: по свидѣтельству современниковъ, всѣ дивились, какъ онъ исполнялъ обязанности, требуемыя Церковью [2]). Для сдержанія главнаго зла, усобицъ, нужно было, чтобъ князья соблюдали клятву, данную другъ другу: Мономахъ ни подъ какимъ предлогомъ не соглашался переступать крестнаго цѣлованія. Народъ испыталъ уже при другихъ князьяхъ бѣдствіе отъ того, что людямъ не доходила княжая правда, тіуны и отроки грабили безъ вѣдома князя: Мономахъ не давалъ сильнымъ обижать ни худого смерда, ни убогой вдовицы, самъ *оправливалъ* (давалъ правду, судъ) людей. При грубости тогдашнихъ нравовъ, люди сильные не любили сдерживать своего гнѣва, причемъ подвергнувшійся ему платилъ жизнью: Мономахъ наказывалъ дѣтямъ своимъ, чтобъ они не убивали ни праваго, ни виноватаго, не губили душъ христіанскихъ. Другіе князья позволяли себѣ невоздержаніе:—Мономахъ отличался цѣломудріемъ. Обществу сильно не нравилось въ князѣ корыстолюбіе; съ неудовольствіемъ видѣли, что внуки и правнуки Св. Владиміра отступаютъ отъ правилъ этого князя, копятъ богатство, сбирая его съ тягостію для народа; Мономахъ и въ этомъ отношеніи былъ образцомъ добрыхъ князей: съ ранней молодости рука его простиралась ко всѣмъ, по свидѣтельству современниковъ [3]), никогда не пряталъ онъ сокровищъ, никогда не считалъ денегъ, но раздавалъ ихъ обѣими руками, а между тѣмъ казна его была всегда полна, потому что при щедрости онъ былъ озбразцомъ добраго хозяина, не смотрѣлъ на служителей, самъ держалъ весь нарядъ въ домѣ. Больше всѣхъ современныхъ князей Мономахъ напоминалъ прадѣда своего, *ласковаго* князя Владиміра: „Если поѣдете куда по своимъ землямъ (наказываетъ Мономахъ дѣтямъ), не давайте отрокамъ обижать народъ ни въ селахъ, ни на полѣ, чтобъ васъ потомъ не кляли. Куда пойдете, гдѣ станете, напойте, накормите бѣдняка; больше всего чтите гостя, откуда бы къ вамъ ни пришелъ, добрый или простой человѣкъ, или посолъ; не можете одарить его, угостите хорошенько, напойте, накормите: гость по всѣмъ землямъ прославляетъ человѣка либо добрымъ, либо злымъ". Что дѣтямъ наказывалъ, то и самъ дѣлалъ: позвавши гостей, самъ служилъ имъ, и когда они ѣли и пили досыта, онъ только смотрѣлъ на нихъ. Кромѣ усобицъ княжескихъ, Земля терпѣла отъ безпрестанныхъ нападеній Половцевъ: Мономахъ съ ранней молодости стоялъ на-сторожѣ Русской Земли, бился за нее съ погаными, пріобрѣлъ имя добраго страдальца (труженика) за Русскую Землю по преимуществу. Въ тотъ вѣкъ народной юности богатырскіе подвиги Мономаха, его изумительная дѣятельность не могли не возбудить сильнаго сочувствія, особенно когда эти подвиги совершались на пользу Земли. Бо́льшую часть жизни провелъ онъ внѣ дома, бо́льшую часть ночей проспалъ на сырой землѣ; однихъ дальнихъ путешествій совершилъ онъ 83; дома и въ дорогѣ, на войнѣ и на охотѣ дѣлалъ все самъ, не давалъ себѣ покою ни ночью, ни днемъ, ни въ холодъ, ни въ жаръ; до свѣта поднимался онъ съ постели, ходилъ къ обѣднѣ, потомъ думалъ съ дружиною, *оправливалъ* (судилъ) людей, ѣздилъ на охоту, или такъ, куданибудь; въ полдень ложился спать, и потомъ снова начиналъ ту же дѣятельность. Дитя своего вѣка, Мономахъ сколько любилъ пробовать свою богатырскую силу на Половцахъ, столько же любилъ пробовать ее и на дикихъ звѣряхъ, былъ страстный охотникъ: дикихъ коней въ пущахъ вязалъ живыхъ своими руками; туръ не разъ металъ его на рога, олень бодалъ, лось топтала ногами, вепрь на боку мечъ оторвалъ, медвѣдь кусалъ, волкъ сваливалъ вмѣстѣ съ лошадью: „Не бѣгалъ я для сохраненія живота своего, не щадилъ головы своей", говорилъ онъ самъ: „Дѣти! не бойтесь ни рати, ни звѣря, дѣлайте мужеское дѣло; ничто не можетъ вамъ вредить, если Богъ не повелитъ; а отъ Бога будетъ смерть, такъ ни отецъ, ни мать, ни братья не отнимутъ; Божіе блюденье лучше человѣческаго!" Но съ этою отвагою, удалью, ненасытною жаждою дѣятельности, въ Мономахѣ соединялся здравый

[1]) У Татищева читаемъ, что Кіевляне просили Мономаха остаться у нихъ княжить.

[2] Русск. Достопам. I, стр. 63: «И видятъ вси и чудяться».

[3]) Русск. Достопамят., стр. 69.

смыслъ, смѣтливость, умѣнье смотрѣть на слѣдствіе дѣла, извлекать пользу; изъ всего можно замѣтить, что онъ былъ сынъ добраго Всеволода и вмѣстѣ сынъ царевны Греческой. Изъ родичей Мономаха были и другіе не менѣе храбрые князья, не менѣе дѣятельные, какъ напр. чародѣй Всеславъ Полоцкій, Романъ и Олегъ Святославичи; но храбрость, дѣятельность Мономаха всегда совпадала съ пользою для Русской Земли; народъ привыкъ къ этому явленію, привыкъ вѣрить въ доблести, благоразуміе, благонамѣренность Мономаха, привыкъ считать себя спокойнымъ за его щитомъ, и потому питалъ къ нему сильную привязанность, которую перенесъ и на все его потомство. Наконецъ, послѣ личныхъ доблестей, не безъ вліянія на уваженіе къ Мономаху было и то, что онъ происходилъ по матери отъ царской крови; особенно, какъ видно, это было важно для митрополитовъ грековъ [1]) и вообще для духовенства.

Кіевляне должны были желать, чтобъ Мономахъ занялъ отцовское мѣсто; они могли желать этого тѣмъ болѣе, что Мономахъ былъ имъ хорошо извѣстенъ, и извѣстенъ съ самой лучшей стороны, тогда какъ Святополкъ Изяславичъ жилъ постоянно на отдаленномъ сѣверѣ, и только недавно, по смерти брата Ярополка, перешелъ изъ Новгорода въ Туровъ, безъ сомнѣнія для того, чтобъ быть поближе къ Кіеву, на случай скорой смерти Всеволода. Но мы видѣли причины, которыя заставляли Мономаха отказаться отъ старшаго стола: онъ опасался, что Святополкъ не откажется отъ своихъ правъ и будетъ доискиваться ихъ оружіемъ; Мономахъ долженъ былъ хорошо знать, къ чему ведутъ подобныя нарушенія правъ; долженъ былъ также опасаться, что если Святополкъ будетъ грозить ему съ запада, то съ востока Святославичи также не оставятъ его въ покоѣ. Кіевляне не могли не уважать основаніе, на которомъ Владиміръ отрекся отъ ихъ стола, не могли не сочувствовать уваженію къ старшинству и притомъ не имѣли права отвергать Святополка, потому что еще не знали его характера; и когда онъ явился изъ Турова въ Кіевъ, по приглашенію Мономаха, то граждане вышли къ нему съ поклономъ и приняли его съ радостію. Но радость ихъ не могла быть продолжительна: характеръ сына Изяславова представлялъ разительную противоположность съ характеромъ сына Всеволода: Святополкъ былъ жестокъ, корыстолюбивъ и властолюбивъ безъ ума и твердости; сыновья его были похожи на отца. Кіевляне немедленно испытали неспособность своего новаго князя [2]). Въ это время пошли Половцы на Русскую Землю; услыхавши, что Всеволодъ умеръ, они отправили пословъ къ Святополку съ предложеніемъ мира, т.-е. съ предложеніемъ купить у нихъ миръ: Мономахъ говоритъ дѣтямъ, что онъ въ свою жизнь заключилъ съ Половцами девятнадцать мировъ, причемъ передавалъ имъ много своего скота и платья. Святополкъ, по словамъ лѣтописца, посовѣтовался при этомъ случаѣ не съ большою дружиною отца и дяди своего, т.-е. не съ боярами кіевскими, но съ тѣми, которые пришли съ нимъ, т.-е. съ дружиною, которую онъ привелъ изъ Турова или, вѣроятнѣе, изъ Новгорода;—мы видимъ здѣсь, слѣдовательно, опять ясную жалобу на *заѣздъ* старыхъ бояръ пришлою дружиною новаго князя,—явленіе необходимое при отсутствіи отчинности, наслѣдственности волостей. По совѣту своей дружины, Святополкъ велѣлъ посадить половецкихъ пословъ въ тюрьму: или жалѣли скота и платья на покупку мира, или стыдились начать новое княженіе этою покупкою. Половцы, услыхавши о заключеніи пословъ своихъ, стали воевать, пришло ихъ много, и обступили торческій городъ [3]), т.-е. городъ, заселенный Торками. Святополкъ испугался, захотѣлъ мира, отпустилъ половецкихъ пословъ; но уже теперь сами Половцы не хотѣли мира и продолжали воевать. Тогда Святополкъ началъ собирать войско; умные люди говорили ему: „Не выходи къ нимъ, мало у тебя войска“. Онъ отвѣчалъ: „У меня 800 своихъ отроковъ, могутъ противъ нихъ стать“; несмысленные подстрекали его: „Ступай, князь!“ а смышленые говорили: „Хотя бы ты пристроилъ и восемь тысячъ, такъ и то было бы только впору; наша Земля оскудѣла отъ рати и отъ продажъ; пошли-ка лучше къ брату своему Владиміру, чтобы помогъ тебѣ“ Святополкъ послушался и послалъ къ Владиміру; тотъ собралъ войско свое, послалъ и къ брату Ростиславу въ Переяславль, веля ему помогать Святополку, а самъ пошелъ въ Кіевъ. Здѣсь, въ Михайловскомъ монастырѣ, свидѣлся онъ съ Святополкомъ, и начались у нихъ другъ съ другомъ распри да которы. Смышленые мужи говорили имъ: „Что вы тутъ спорите, а поганые губятъ Русскую Землю; послѣ уладитесь, а теперь ступайте противъ

[1]) Русск. Достопамят. стр. 63: Митрополитъ Никифоръ говоритъ о Мономахѣ: «Его же Богъ издалеча проразумѣ и предповелѣ, его же изъ утробы освяти помазавъ отъ царской и княжеской крови смѣсивъ».

[2]) Мы видѣли, что когда Святополкъ пришелъ въ Кіевъ, то Владиміръ отправился въ Черниговъ, а братъ его Ростиславъ въ Переяславль; изъ этого уже одного извѣстія имѣемъ право заключить, что эти столы были прежде за ними при Всеволодѣ, но кромѣ того лѣтописецъ прямо говоритъ, что Всеволодъ, заступивъ мѣсто Изяслава въ Кіевѣ, посадилъ сына своего Владиміра въ Черниговѣ; потомъ въ другомъ мѣстѣ говоритъ, что Мономахъ, примирившись съ Ярополкомъ, возвратился въ Черниговъ. Но самъ Мономахъ въ поученіи дѣтямъ говоритъ: «И на весну посади мя отецъ въ Переяславли передъ братьею»; тогда какъ изъ прежнихъ словъ того же поученія видно, что онъ сидѣлъ въ Черниговѣ, ибо ходилъ въ походъ съ жителями этого города, что слѣдовательно подтверждаетъ слова лѣтописи. Но какимъ же образомъ могло случиться, что Всеволодъ далъ ему Переяславль послѣ Чернигова, когда Черниговъ былъ старше Переяславля, и что значитъ «передъ братьею», когда у Владиміра былъ только одинъ братъ Ростиславъ? Развѣ принимать здѣсь временное посаженіе для войны съ Половцами, но тогда что будетъ значить: «передъ братіею!» впереди братьевъ въ передовой рати? или, можетъ быть, здѣсь ошибка: вмѣсто: «передъ братіею» должно читать: передъ ратію»??

[3]) Теперь селеніе Торчица, на берегу Торчи, впад. слѣва въ Гось.

поганыхъ либо съ миромъ, либо съ войною". Владиміръ хотѣлъ мира, а Святополкъ хотѣлъ рати: наконецъ уладились, поцѣловали крестъ и пошли втроемъ — Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, къ Треполю [1]). Когда они пришли къ рѣкѣ Стугнѣ, то, прежде чѣмъ переходитъ ее, созвали дружину на совѣтъ, и начали думать. Владиміръ говорилъ: „Врагъ грозенъ; остановимся здѣсь и будемъ съ нимъ мириться". Къ совѣту этому пристали смышленые мужи, Янъ и другіе; но Кіевляне говорили: „Хотимъ биться, пойдемъ на ту сторону рѣки". Они осилили—и рать перешла рѣку, которая тогда сильно наводнилась. Святополкъ, Владиміръ и Ростиславъ, исполчивши дружину, пошли: на правой сторонѣ шелъ Святополкъ, на лѣвой Владиміръ, по срединѣ Ростиславъ; минули Треполь, прошли и валъ, и вотъ показалась Половцы съ стрѣльцами впереди. Наши стали между двумя валами, поставили стяги (знамена) и пустили стрѣльцовъ своихъ впередъ изъ валовъ; а Половцы подошли къ валу, поставили также стяги свои, налегли прежде всего на Святополка—и сломили отрядъ его. Святополкъ стоялъ крѣпко; но когда побѣжали люди, то побѣжалъ и онъ. Потомъ Половцы наступили на Владиміра; была у нихъ брань лютая; наконецъ побѣжалъ и Владиміръ съ Ростиславомъ; прибѣжавъ къ рѣкѣ Стугнѣ, стали переправляться въ бродъ, и, при этой переправѣ, Ростиславъ утонулъ передъ глазами брата, который хотѣлъ-было подхватить его, но едва самъ не утонулъ; потерявши брата и почти всю дружину, печальный Владиміръ пришелъ въ Черниговъ, а Святополкъ сперва вбѣжалъ въ Треполь, затворился, пробылъ тутъ до вечера, и ночью пришелъ въ Кіевъ. Половцы, видя, что одолѣли, пустились воевать по всей землѣ, а другіе возвратились къ торческому городу. Торки противились, боролись крѣпко изъ города, убили много Половцевъ; но тѣ не переставали налегать, отнимали воду, и начали изнемогать люди въ городѣ отъ голода и жажды; тогда Торки послали сказать Святополку: „Если не пришлешь хлѣба, то сдадимся"; Святополкъ послалъ; но обозу нельзя было прокрасться въ городъ отъ Половцевъ. Девять недѣль стояли они подъ Торческомъ, наконецъ раздѣлились: одни остались продолжать осаду, а другіе пошли къ Кіеву; Святополкъ вышелъ противъ нихъ на рѣку Желань [2]); полки сошлись, и опять Русскіе побѣжали; здѣсь погибло ихъ еще больше, чѣмъ у Треполя; Святополкъ пришелъ въ Кіевъ самъ-третей только; а Половцы возвратились къ Торческу. Лукавые сыны Измаиловы, говоритъ лѣтописецъ, жгли села и гумна, и много церквей запалили огнемъ; жителей били, оставшихся въ живыхъ мучили, уводили въ плѣнъ; города и села опустѣли; на поляхъ, гдѣ прежде паслись стада коней, овецъ и воловъ, теперь все стало пусто, нивы поросли—на нихъ живутъ звѣри. Когда Половцы съ побѣдою возвратились къ Торческу, то жители, изнемогши отъ голода, сдались имъ. Половцы, взявши городъ, запалили его, а жителей, раздѣливши, повели въ вежи къ *сердоболямъ* и сродникамъ своимъ, по выраженію лѣтописца. Печальные, изнуренные голодомъ и жаждою, съ осунувшими лицами, почернѣвшимъ тѣломъ, нагіе, босые, исколотые терновникомъ, шли русскіе плѣнники въ степи, со слезами разсказывая другъ другу, откуда кто родомъ—изъ какого города или изъ какой веси.

Святополкъ, видя, что нельзя ничего взять силою, помирился съ Половцами, разумѣется, заплативши имъ, сколько хотѣли, и женился на дочери хана ихъ Тугоркана. Но въ томъ же 1094 году Половцы явились опять, и на этотъ разъ ими предводительствовалъ Олегъ Святославовичъ изъ Тмутаракани: жестокое пораженіе, потерпѣнное двоюродными братьями въ прошломъ году отъ Половцевъ, дало Олегу надежду получить не только часть въ Русской Землѣ, но и всѣ отцовскія волости, на которыя онъ съ братьями имѣлъ полное право: внуки Ярослава находились теперь другъ къ другу по роду и, слѣдовательно, по волостямъ точно въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находились прежде сыновья, а считать себя изгоемъ Олегъ не хотѣлъ. Онъ пришелъ къ Чернигову, гдѣ осадилъ Мономаха въ острогѣ; окрестности города, монастыри были выжжены; восемь дней билась съ Половцами дружина Мономахова,—и не пустила ихъ въ острогъ: наконецъ Мономахъ пожалѣлъ христіанской крови, горящихъ селъ, монастырей, сказалъ: „Не хвалиться поганымъ",—и отдалъ Олегу Черниговъ, столъ отца его, а самъ пошелъ на столъ своего отца, въ Переяславль. Такъ описываетъ самъ Мономахъ свои побужденія; намъ трудно рѣшить, на сколько присоединялся къ нимъ еще разсчетъ на невозможность долгаго сопротивленія съ маленькою дружиною, въ которой, по выѣздѣ его изъ Чернигова, не было и ста человѣкъ, считая вмѣстѣ съ женами и дѣтьми; мы видѣли, что бо́льшую часть дружины потерялъ онъ въ битвѣ при Стугнѣ, гдѣ пали всѣ его бояре; попавшихся въ плѣнъ онъ послѣ выкупилъ [3]), но ихъ было, какъ видно, очень мало. Съ этою-то небольшою дружиною ѣхалъ Мономахъ изъ Чернигова въ Переяславль черезъ полки половецкіе: варвары облизывались на нихъ какъ волки, говоритъ самъ Мономахъ, но напасть не смѣли. Олегъ сѣлъ въ Черниговѣ, а Половцы пустошили окрестную страну: князь не противился, онъ самъ велѣлъ имъ воевать, ибо другимъ нечѣмъ ему было заплатить союзникамъ, доставившимъ ему отцовскую волость. „Это уже въ третій разъ, говоритъ лѣтописецъ, навелъ онъ поганыхъ на Русскую Землю: прости Господи ему этотъ грѣхъ, потому что много христіанъ было погублено, а другіе взяты въ плѣнъ и расточены

---

[1]) Триполье, мѣстечко при устьи рѣки Стугны, Кіев. уѣзда.

[2]) Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Боршагевкой, есть селеніе Жиляне.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103: «Миръ створихомъ съ Тугорканомъ и со инѣми князи Половѣчьскими, и у Глѣбови чади пояхомъ дружину свою всю».—Любопытно, что здѣсь Глѣбъ имя Половецкое.

по разнымъ землямъ". На Руси Олегу этого не простили, и сколько любили Мономаха, какъ добраго страдальца за Русскую Землю, защищавшаго ее отъ поганыхъ, столько же не любили Олега, опустошавшаго ее съ Половцами; видѣли гибельныя слѣдствія войнъ Олеговыхъ; забыли обиду, ему нанесенную; забыли, что онъ принужденъ былъ самъ добывать себѣ отцовское мѣсто, на которое не пускали его двоюродные братья [1]).

Незавидно было житье Мономаха въ Переяславлѣ: „Три лѣта и три зимы, говоритъ онъ, прожилъ я въ Переяславлѣ съ дружиною, и много бѣдъ натерпѣлись мы отъ рати и отъ голода". Половцы не переставали нападать на Переяславскую волость, и безъ того уже разоренную; Мономаху удалось разъ побить ихъ и взять плѣнниковъ [2]). Въ 1095 году пришли къ нему два половецкихъ хана—Итларь и Китанъ—на миръ, т.-е. торговаться, много ли Переяславскій князь дастъ за этотъ миръ. Итларь съ лучшими людьми вошелъ въ городъ, а Китанъ сталъ съ войскомъ между валами, и Владиміръ отдалъ ему сына своего Святослава въ заложники за безопасность Итларя, который стоялъ въ домѣ боярина Ратибора. Въ это время пришелъ къ Владиміру изъ Кіева отъ Святополка бояринъ Славата за какимъ-то дѣломъ; Славата подучилъ [3]) Ратибора и его родню [4]) пойти къ Мономаху и убѣдить его согласиться на убійство Итларя. Владиміръ отвѣчалъ имъ: „Какъ могу я это сдѣлать, давши имъ клятву?" Тѣ сказали ему на это: „Князь, не будетъ на тебѣ грѣха; Половцы всегда даютъ тебѣ клятву, и все губятъ Русскую Землю,—льютъ кровь христіанскую". Владиміръ послушался, и ночью послалъ отрядъ дружины и Торковъ къ валамъ: они выкрали сперва Святослава, а потомъ перебили Китана и всю дружину его. Это было въ субботу вечеромъ; Итларь ночевалъ на дворѣ Ратиборовомъ и не зналъ, что сдѣлалось съ Китаномъ. На другой день въ воскресенье, рано утромъ, Ратиборъ приготовилъ вооруженныхъ отроковъ и велѣлъ имъ вытопить избу, а Владиміръ прислалъ отрока своего сказать Итларю и дружинѣ его: „Обувшись и позавтракавши въ теплой избѣ у Ратибора, пріѣзжайте къ мнѣ". Итларь отвѣчалъ: „Хорошо!" Половцы вошли въ избу—и были тамъ заперты; а между тѣмъ Ратиборовцы взлѣзли на крышу, проломали ее, и Ольбегъ Ратиборовичъ, натянувъ лукъ, ударилъ Итларя стрѣлою прямо въ сердце; перестрѣляли и всю дружину его. Тогда Святополкъ и Владиміръ послали въ Черниговъ къ Олегу звать его съ собою вмѣстѣ на Половцевъ; Олегъ обѣщался идти съ ними и пошелъ, но не вмѣстѣ: ясно было, что онъ не довѣрялъ имъ [5]); быть можетъ, поступокъ съ Итларемъ былъ одною изъ причинъ этого недовѣрія. Святополкъ и Владиміръ пошли къ Половцамъ на вежи, взяли ихъ, поплѣнили скотъ, лошадей, верблюдовъ, рабовъ, и привели ихъ въ свою Землю [6]). Недовѣріе Олега сильно разсердило двоюродныхъ братьевъ; послѣ похода они послали сказать ему: „Ты не шелъ съ нами на поганыхъ, которые сгубили Русскую Землю; а вотъ теперь у тебя сынъ Итларевъ; убей его, либо отдай намъ,—онъ врагъ Русской Землѣ". Олегъ не послушался, и встала между ними ненависть. Вѣроятно въ связи съ этими событіями было движеніе на сѣверѣ брата Олегова, Давида, о которомъ до сихъ поръ дошедшіе до насъ списки лѣтописи ничего не говорили; только въ сводѣ лѣтописей Татищева читаемъ, что остальные Святославичи при Всеволодѣ имѣли волость въ Муромѣ — извѣстіе очень вѣроятное; по смерти же Всеволода, какъ видно, Мономахъ принужденъ былъ отречься не отъ одного Чернигова въ пользу Олега, но долженъ былъ уступить также и Смоленскъ Давиду. Въ концѣ 1095 года, когда загорѣлась снова вражда между Олегомъ и братьями его, Святополкомъ и Владиміромъ, послѣдніе отправились къ Смоленску, вывели оттуда Давида, дали ему Новгородъ [7]), откуда сынъ Мономаха, Мстиславъ, посаженный дѣдомъ Всеволодомъ еще по удаленіи Святополка, былъ переведенъ въ Ростовъ: вѣроятно они не хотѣли, чтобъ волости Святославичей соприкасались другъ съ другомъ, причемъ братья могли легко дѣйствовать соединенными силами; въ Смоленской волости, которая должна была раздѣлять волости Святославичей, Святополкъ и Владиміръ должны были посадить кого-нибудь изъ своихъ, и вотъ есть извѣстіе, что Владиміръ посадилъ здѣсь сына своего Изяслава [8]). Но Давидъ, можетъ быть по соглашенію съ братомъ, не долго жилъ въ Новгородѣ и отправился опять въ Смоленскъ, впрочемъ, какъ видно, съ тѣмъ, чтобы оставить и Новгородъ за собою же, потому что когда Новгородцы, въ его отсутствіе, послали въ Ростовъ за Мстиславомъ Владиміровичемъ и посадили его у себя, то Давидъ немедленно выступилъ опять изъ Смоленска къ Новгороду; но на этотъ разъ Новгородцы послали сказать ему: „Не ходи къ намъ",—и онъ принужденъ былъ возвратиться съ дороги опять въ Смоленскъ. Изгнанный имъ отсюда Изяславъ бросился

[1]) Въ словѣ о Полку Игореву Олегъ названъ Гориславичемъ: по связи слѣдующихъ выраженій должно думать, что онъ въ народномъ мнѣніи былъ славенъ не своимъ, но чужимъ горемъ; такъ смотритъ на него и лѣтописецъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: «И идохомъ на вои ихъ за Римовъ, и Богъ ны поможе».—Есть селеніе *Римъ*, значащееся на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

[3]) Я внесъ сюда извѣстіе списковъ Татищевскихъ (II, 153), безъ котораго въ лѣтописи не будетъ связи между приходомъ Славаты и совѣтомъ Ратиборовичей.

[4]) Я принимаю здѣсь чтеніе «чадь» въ смыслѣ родни, а не дружины, ибо увидимъ послѣ, что главнымъ дѣйствователемъ будетъ сынъ Ратибора; притомъ—что за дружина Ратиборова?

[5]) У Татищева прямо такъ сказано. II, 155.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 104: «И вежи ихъ взяхомъ, шедше за *Голтавомъ*». — Теперешнее мѣстечко Голтва находится при впаденіи въ Пселъ (Полтав. губ. Кобеляцкаго уѣзда) рѣчки Большой Голтовы, которая принимаетъ въ себя нѣсколько другихъ Голтвъ.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3.

[8]) Татищ. II, 156.

на волости Святославичей, сперва на Курскъ, а потомъ на Муромъ, гдѣ схватилъ посадника Олегова, и утвердился съ согласія гражданъ. Въ слѣдующемъ 1096 году Святополкъ и Владиміръ послали сказать Олегу: „Пріѣзжай въ Кіевъ, урядимся о Русской Землѣ, предъ епископами, игуменами, мужами отцовъ нашихъ и людьми городскими, чтобъ послѣ намъ можно было сообща оборонять Русскую Землю отъ поганыхъ“. Олегъ велѣлъ отвѣчать: „Не пойду на судъ къ епископамъ, игуменамъ да смердамъ“. Если прежде онъ боялся идти въ походъ вмѣстѣ съ братьями, то могъ ли онъ рѣшиться ѣхать въ Кіевъ, гдѣ зналъ, что духовенство, дружина и граждане дурно расположены къ нему; могъ ли онъ отдать свое дѣло на ихъ рѣшеніе? Притомъ князь, который привыкъ полагаться во всемъ на одинъ свой мечъ, имъ доставать себѣ управу, считалъ унизительнымъ идти на судъ предъ духовенство и простыхъ людей. Какъ бы то ни было, гордый отвѣтъ Олега возбудилъ къ нему еще сильнѣйшее нерасположеніе въ Кіевѣ; лѣтописецъ сильно укоряетъ Черниговскаго князя за смыслъ буйный, за слова величавыя, укоряетъ и злыхъ совѣтниковъ Олега. Святополкъ и Владиміръ послали послѣ этого объявить ему войну. „Ты нейдешь съ нами на поганыхъ, велѣли они сказать ему; нейдешь къ намъ на совѣтъ,—значитъ, мыслишь на насъ недоброе и поганымъ помогать хочешь; пусть же Богъ разсудитъ насъ!“ Князья выступили противъ Олега къ Чернигову; Святославичъ выбѣжалъ предъ ними и заперся въ Стародубѣ, вѣроятно для того, чтобы быть ближе къ братнимъ волостямъ и получить оттуда скорѣе помощь. Святополкъ и Владиміръ осадили Стародубъ и стояли подъ нимъ 33 дня; приступы были сильные, но изъ города крѣпко отбивались; наконецъ осажденные изнемогли; Олегъ вышелъ изъ города, запросилъ мира и получилъ его отъ братьевъ, которые сказали ему: „Ступай къ брату своему Давиду, и пріѣзжайте оба вмѣстѣ въ Кіевъ, къ столу отцовъ и дѣдовъ нашихъ,—то старшій городъ во всей Землѣ, въ немъ слѣдуетъ собираться намъ и улаживаться“. Олегъ обѣщался пріѣхать, цѣловалъ крестъ и отправился изъ Стародуба въ Смоленскъ; но Смольняне не захотѣли принять его, и онъ принужденъ былъ ѣхать въ Рязань.

Видя, что Святославичи не думаютъ пріѣзжать въ Кіевъ на уряженіе, Святополкъ съ Владиміромъ пошли-было къ Смоленску на Давида, но помирились съ нимъ; а между тѣмъ Олегъ съ Давидовыми полками пошелъ изъ Рязани къ Мурому на Изяслава, сына Мономахова. Изяславъ, узнавши, что Олегъ идетъ на него, послалъ за Суздальцами, Ростовцами, Бѣлозерцами и собралъ много войска. Олегъ послалъ сказать ему: „Ступай въ волость отца своего, въ Ростовъ, а это волость моего отца, хочу здѣсь сѣсть и урядиться съ твоимъ отцомъ; онъ выгналъ меня изъ отцовскаго города, а ты неужели и здѣсь не хочешь дать мнѣ моего же хлѣба?“ [1]) Изяславъ не послушался его, надѣясь на множество войска; Олегъ же, прибавляетъ лѣтописецъ, надѣялся на свою правду, потому что былъ онъ теперь правъ. Это замѣчаніе лѣтописца очень любопытно. Олегъ лишился Чернигова и Мурома вслѣдствіе войны, которую начали противъ него двоюродные братья, слѣд., по понятіямъ современниковъ, самая война была несправедлива: въ противномъ случаѣ лѣтописецъ не оправилъ бы Олега, потому что тогда отнятіе волости было бы только достойнымъ наказаніемъ за его неправду. Передъ стѣнами Мурома произошла битва между Олегомъ и Изяславомъ; въ лютой сѣчи Изяславъ былъ убитъ, войско его разбѣжалось—кто въ лѣсъ, кто въ городъ. Олегъ вошелъ въ Муромъ, былъ принятъ гражданами, перехваталъ Ростовцевъ, Бѣлозерцевъ, Суздальцевъ, поковалъ ихъ, и устремился на Суздаль; Суздальцы сдались; Олегъ усмирилъ городъ: однихъ жителей взялъ въ плѣнъ, другихъ разсѣялъ по разнымъ мѣстамъ, имѣнье у нихъ отнялъ. Изъ Суздаля пошелъ къ Ростову: и Ростовцы сдались: такимъ образомъ, онъ захватилъ всю Землю Муромскую и Ростовскую, посажалъ посадниковъ по городамъ, и началъ брать дани. Въ это время пришелъ къ нему посолъ отъ Мстислава Владиміровича изъ Новгорода: „Ступай изъ Суздаля въ Муромъ, велѣлъ сказать ему Мстиславъ; въ чужой волости не сиди; а я съ дружиною пошлемъ къ отцу моему, и помирю тебя съ нимъ; хотя ты и брата моего убилъ—что же дѣлать!—въ битвахъ и цари и бояре погибаютъ“. Олегъ не захотѣлъ мириться; онъ думалъ взять и Новгородъ, и послалъ брата своего Ярослава въ сторожахъ, на рѣку Медвѣдицу, а самъ сталъ на полѣ у Ростова. Мстиславъ, посовѣтовавшись съ Новгородцами, послалъ отъ себя въ сторожахъ Добрыню Рагуйловича, который прежде всего перехватилъ Олеговыхъ *данниковъ* (сборщиковъ дани). Когда Ярославъ узналъ, что данники перехвачены, то въ ту же ночь бросился бѣжать къ Олегу съ извѣстіемъ, что Мстиславъ идетъ. Олегъ отступилъ къ Ростову,—Мстиславъ за нимъ; Олегъ двинулся къ Суздалю,—Мстиславъ пошелъ за нимъ и туда; Олегъ зажегъ Суздаль и побѣжалъ къ Мурому; Мстиславъ пришелъ въ Суздаль, и, остановившись здѣсь, послалъ опять съ миромъ къ Олегу, велѣлъ сказать ему: „Я моложе тебя; пересылайся съ отцомъ моимъ, да выпусти дружину, а я во всемъ тебя послушаю“. Причина такой скромности со стороны Мстислава заключалась въ томъ, что онъ былъ крестный сынъ Олегу. Послѣдній видѣлъ, что ему трудно одолѣть Мстислава силою, и потому рѣшился дѣйствовать хитростію: послалъ къ Мстиславу съ мирнымъ отвѣтомъ, и когда тотъ, понадѣявшись на миръ, распустилъ дружину по селамъ, Олегъ неожиданно явился на Клязьмѣ; Мстиславъ обѣдалъ въ то время, когда

[1]) Эти слова вовсе не доказываютъ существованія безусловной отчинности, какъ хотятъ нѣкоторые изслѣдователи. Олегъ занималъ между двоюродными братьями то же самое мѣсто, какое отецъ его занималъ между Ярославичами; слѣд. онъ имѣлъ право владѣть и всѣми волостями послѣдняго.

ему дали знать о приближенiи Олега, который думалъ, что племянникъ, застигнутый врасплохъ, побѣжитъ; однако Мстиславъ не побѣжалъ: къ нему въ два дня собралась дружина—Новгородцы, Ростовцы и Бѣлозеры; онъ выстроилъ ее передъ городомъ, и когда явился Олегъ, то ни тотъ, ни другой не хотѣли начать нападенiе и стояли другъ передъ другомъ четыре дня; а между тѣмъ Мономахъ прислалъ на помощь къ Мстиславу другого сына своего Вячеслава съ Половцами. На пятый день Олегъ выстроилъ дружину и двинулся къ городу; Мстиславъ пошелъ къ нему на-встрѣчу и, отдавъ стягъ (знамя) Мономаховъ Половчину Кунуй, отдалъ ему также пѣшiй полкъ и поставилъ его на правомъ крылѣ. Сошлись биться: полкъ Олеговъ противъ полка Мстиславова, полкъ Ярославовъ противъ полка Вячеславова. Мстиславъ съ Новгородцами перешелъ пожаръ, схватился съ врагами на рѣкѣ Колакчѣ и началъ одолѣвать, а между тѣмъ Кунуй съ пѣшими зашелъ въ тылъ Олегу и поднялъ стягъ Владимiровъ: ужасъ напалъ тогда на Олега и на все войско его, которое бросилось бѣжать. Олегъ прибѣжалъ въ Муромъ, затворилъ здѣсь брата Ярослава, а самъ пошелъ въ Рязань. Мстиславъ по его слѣдамъ пришелъ къ Мурому, заключилъ миръ съ жителями, взялъ своихъ людей, Ростовцевъ и Суздальцевъ, захваченныхъ прежде Олегомъ, и пошелъ на послѣдняго къ Рязани; Олегъ выбѣжалъ и отсюда, а Мстиславъ договорился и съ Рязанцами, которые выдали ему также плѣнниковъ. Изъ Рязани послалъ онъ въ третiй разъ къ Олегу съ мирными предложенiями: „Не бѣгай, но шли къ братьи съ просьбою о мирѣ,—не лишатъ тебя Русской Земли; а я пошлю къ отцу своему просить за тебя“. Олегъ обѣщалъ послушаться его; Мстиславъ возвратился къ Суздалю, оттуда въ Новгородъ, и точно послалъ къ Мономаху просить за своего крестнаго отца.

Мономахъ, получивъ письмо отъ сына, написалъ къ Олегу: „Пишу къ тебѣ потому, что принудилъ меня къ тому сынъ твой крестный,—прислалъ ко мнѣ мужа своего и грамоту, пишетъ: уладимся и помиримся, а братцу моему судъ пришелъ; не будемъ за него местниками, но положимся во всемъ на Бога: они станутъ на судъ передъ Богомъ, а мы Русской Земли не погубимъ. Увидавъ такое смиренiе сына своего, я умилился и устрашился Бога, подумалъ: сынъ мой въ юности своей и въ безумiи такъ смиряется, на Бога все возлагаетъ; а я что дѣлаю?—грѣшный я человѣкъ, грѣшнѣе всѣхъ людей! Послушался я сына своего, написалъ къ тебѣ грамоту: примешь ли ее добромъ или съ поруганьемъ—увижу по твоей грамотѣ. Я первый написалъ къ тебѣ, ожидая отъ тебя смиренья и покаянья. Господь нашъ не человѣкъ, а Богъ всей вселенной, что хочетъ—все творитъ въ мгновенье ока; а претерпѣлъ же хуленье, и плеванье, и ударенье, и на смерть отдался, владѣя животомъ и смертью; а мы что люди грѣшные?—нынѣ живы, а завтра мертвы; нынѣ въ славѣ и въ чести, а завтра въ гробѣ и безъ памяти; другiе раздѣлятъ по себѣ собранное нами. Посмотри, братъ, на отцовъ нашихъ: много ли взяли съ собою, кромѣ того, что сдѣлали для своей души? Тебѣ бы слѣдовало, братъ, прежде всего прислать ко мнѣ съ такими словами. Когда убили дитя мое и твое [1]) предъ тобою, когда ты увидалъ кровь его и тѣло увянувшее, какъ цвѣтокъ только-что распустившiйся, какъ агнца заколеннаго, подумать бы тебѣ, стоя надъ нимъ: „Увы, что я сдѣлалъ! для неправды свѣта сего суетнаго взялъ грѣхъ на душу, отцу и матери причинилъ слезы! сказать бы тебѣ было тогда по Давидовски: Азъ знаю грѣхъ мой, предо мной есть выну! Богу бы тебѣ тогда покаяться, а ко мнѣ написать грамоту утѣшную, да сноху прислать, потому что она ни въ чемъ не виновата, ни въ добрѣ, ни въ злѣ: обнялъ бы я ее и оплакалъ мужа ея и свадьбу ихъ вмѣсто пѣсенъ брачныхъ; не видалъ я ихъ первой радости, ни вѣнчанья, за грѣхъ мой; ради Бога, пусти ее ко мнѣ скорѣе,—пусь сидитъ у меня, какъ горлица на сухомъ деревѣ, жалуючись, а меня Богъ утѣшитъ. Такимъ ужь видно путемъ пошли дѣти отцовъ нашихъ: судъ ему отъ Бога пришелъ. Если бы ты тогда сдѣлалъ по своей волѣ, Муромъ взялъ бы, а Ростова не занималъ, и послалъ ко мнѣ, то мы уладились бы; но разсуди самъ: мнѣ ли было первому къ тебѣ посылать, или тебѣ ко мнѣ; а что ты говорилъ сыну моему: „Шли къ отцу“,—такъ я десять разъ посылалъ. Удивительно ли, что мужъ умеръ на рати, умирали такъ и прежде наши прадѣды: не искать было ему чужого, и меня въ стыдъ и въ печаль не вводить [2]); это получили его отроки, для своей корысти, а ему на гибель. Захочешь покаяться предъ Богомъ и со мною помириться, то напиши грамоту съ правдою и пришли съ нею посла или попа: такъ и волость возьмешь добромъ и наше сердце обратишь къ себѣ, и лучше будемъ жить, чѣмъ прежде; я тебѣ ни врагъ, ни местникъ. Не хотѣлъ я видѣть твоей крови у Стародуба; но не дай мнѣ Богъ видѣть крови и отъ твоей руки, и ни отъ котораго брата, по своему попущенiю; если я лгу, то Богъ меня вѣдаетъ и крестъ честной. Если тотъ мой грѣхъ, что ходилъ на тебя къ Чернигову за дружбу твою съ погаными, то каюсь. Теперь подлѣ тебя сидитъ сынъ твой крестный съ малымъ братомъ своимъ, ѣдятъ хлѣбъ дѣдовскiй [3]), а ты сидишь въ своей волости: такъ рядись, если хочешь, а если хочешь ихъ убить, они въ твоей волѣ; а я не хочу лиха, добра хочу братьи и Русской Землѣ. Что ты хочешь теперь взять насильемъ, то мы, смиловавшись, давали тебѣ и у Стародуба, отчину твою [4]); Богъ свидѣтель, что мы рядились

---

[1]) Дядя племяннику также считался отцомъ; см. выше: первую главу.

[2]) Этими словами Мономахъ прямо говоритъ, что Изяславъ занялъ волости Святославичей безъ его вѣдома и согласiя.

[3]) Стало быть, в. кн. Всеволодъ посадилъ ихъ тамъ.

[4]) «А его же то и хощеши насильемъ, тако *вндаяла* у Стародуба и *Милкусяючи* по тебѣ отчину твою».— Здѣсь вся запутанность произошла отъ слитнаго написа-

*

съ братомъ твоимъ, да онъ не можетъ рядиться безъ тебя; мы не сдѣлали ничего дурного, но сказали ему: посылай къ брату, пока не уладимся; если же кто изъ васъ не хочетъ добра и мира христіанамъ, но пусть душа его на томъ свѣтѣ не увидитъ мира отъ Бога. Я къ тебѣ пишу не по нуждѣ,—нѣтъ мнѣ никакой бѣды; пишу тебѣ для Бога, потому что мнѣ своя душа дороже цѣлаго свѣта".

Изъ этого письма видно, что Мономахъ первый писалъ къ Олегу. Крайность, до которой былъ доведенъ послѣдній оружіемъ Мстислава, и смыслъ письма Мономахова должны были наконецъ показать Олегу необходимость искренно сблизиться съ двоюродными братьями, и вотъ въ 1097 г. князья Святополкъ, Владиміръ, Давидъ Игоревичъ, Василько Ростиславичъ, Давидъ Святославичъ и братъ его Олегъ съѣхались на *устроенье мира* въ городѣ Любечѣ, слѣд. въ Черниговской волости, по ту сторону Днѣпра; быть можетъ, это была новая уступка подозрительности Олеговой. Князья говорили: „Зачѣмъ губимъ Русскую Землю, поднимая сами на себя вражду? а Половцы Землю нашу несутъ розно, и рады, что между нами идутъ усобицы; теперь же съ этихъ поръ станемъ жить въ одно сердце и блюсти Русскую Землю". Кромѣ Василька Ростиславича, сидѣли все двоюродные братья, внуки Ярославовы; урядиться имъ было легко: стоило только раздѣлить между собою волости точно такъ-же, какъ онѣ были раздѣлены между ихъ отцами, которыхъ мѣста они теперь занимали; вся вражда пошла оттого, что Святославичамъ не дали тѣхъ волостей, какими они имѣли полное право владѣть по своему положенію въ родѣ, какъ сыновья втораго Ярославича. И вотъ князья объявили, что пусть каждое племя (линія) держитъ отчину свою: Святополкъ—Кіевъ вмѣстѣ съ тою волостью, которая изначала и до сихъ поръ принадлежала его племени, съ Туровымъ; Владиміръ получилъ всѣ волости Всеволодовы, т.-е. Переяславль, Смоленскъ, Ростовскую область, Новгородъ также остался за сыномъ его Мстиславомъ; Святославичи—Олегъ, Давидъ и Ярославъ — Черниговскую волость; теперь остались изгои—Давидъ Игоревичъ и Ростиславичи; относительно ихъ положено было держаться распоряженій великаго князя Всеволода: за Давидомъ оставить Владиміръ-Волынскій, за Володаремъ Ростиславичемъ—Перемышль, за Василькомъ—Теребовль. Уладившись, князья цѣловали крестъ: „Если теперь кто-нибудь изъ насъ поднимется на другого, говорили они, то мы всѣ встанемъ на зачинщика, и крестъ честной будетъ на него же". Всѣ повторяли: „Крестъ честной на него и вся Земля Русская". Послѣ этого князья поцѣловались и разъѣхались по домамъ.

Мы видѣли, что отсутствіе отчинности, непосредственной наслѣдственности волостей было главною причиною усобицъ, возникшихъ при первомъ поколѣніи Ярославичей и продолжавшихся при второмъ; на любецкомъ съѣздѣ князья отстранили эту главную причину, стараясь ввести каждаго родича во владѣніе тѣми волостями, которыя при первомъ поколѣніи принадлежали отцу его. И точно, борьба на востокѣ съ Святославичами за волость Черниговскую прекратилась любецкимъ съѣздомъ; не кончилась борьба на западѣ, на Волыни: тамъ сидѣли вмѣстѣ изгои—Ростиславичи и Давидъ Игоревичъ. Младшій изъ Ростиславичей, Василько, князь Теребовльскій, отличался необыкновенно предпріимчивымъ духомъ; онъ уже былъ извѣстенъ своими войнами съ Польшею, на опустошеніе которой водилъ Половцевъ; теперь онъ затѣвалъ новые походы; на его зовъ шли къ нему толпы Берендѣевъ, Печенѣговъ, Торковъ; онъ хотѣлъ идти съ ними на Польшу, повоевать и отомстить ей за Русскую Землю, за походъ обоихъ Болеславовъ; потомъ хотѣлъ идти на Болгаръ Дунайскихъ и заставить ихъ переселиться на Русь; наконецъ хотѣлъ идти на Половцевъ, и либо найти себѣ славу, либо голову свою сложить за Русскую Землю. Понятно, что сосѣдство такого князя не могло нравиться Давиду, особенно если послѣдній не зналъ настоящихъ намѣреній Василька, слышалъ только о его военныхъ приготовленіяхъ, слышалъ о приближеніи варварскихъ полковъ, и могъ думать, что воинственный Василько прежде всего устремитъ ихъ на его волости: извѣстна была вражда Ростиславичей къ прежнему Волынскому князю, Ярополку; извѣстно было подозрѣніе, которое лежало на нихъ въ смерти послѣдняго. Нашлись люди, которые возможность перемѣнили въ дѣйствительность; страннымъ могло казаться, что двое доблестнѣйшихъ князей, Мономахъ и Василько, не воспользуются своею доблестью, своею славою для возвышенія, усиленія себя на счетъ князей менѣе достойныхъ, и вотъ трое мужей изъ дружины Давидовой—Турякъ, Лазарь и Василь—начали говорить своему князю, что Мономахъ сговорился съ Василькомъ на него и на Святополка; что Мономахъ хочетъ сѣсть въ Кіевѣ, а Василько на Волыни. Давидъ испугался: дѣло шло о потерѣ волости, объ изгнаніи, которое онъ уже испыталъ; вѣроятность была въ словахъ мужей его; притомъ же мы не знаемъ, какія еще доказательства приводили они, не знаемъ, въ какой степени поведеніе Мономаха и Василька въ самомъ Любечѣ могло подать поводъ къ толкамъ: въ то время, когда князья мирились и рядились, дружинники ихъ наблюдали и толковали, и Богъ вѣсть до чего могли дотолковаться. Какъ бы то ни было, лѣтописецъ и, какъ видно, вообще современники складывали главную вину на мужей Давидовыхъ, а его обвиняли только за то, что, поддавшись страху, поспѣшилъ повѣрить лживымъ словамъ. Онъ пріѣхалъ изъ Любеча въ Кіевъ вмѣстѣ съ Святополкомъ, и разсказалъ ему за вѣрное, что слышалъ отъ мужей своихъ: „Кто убилъ брата твоего Ярополка? говорилъ онъ ему, а теперь мыслитъ и на

нія двухъ словъ вѣ (мы) *даяла* (давали)—двойственное число, т.-е. мы съ Святополкомъ давали тебѣ и у Стародуба еще Рязань и Муромъ, что теперь ты хочешь взять насиліемъ. *Милкусяюча* есть явно искаженное *милующися*.

тебя и на меня, сговорился съ Владиміромъ, промышляй о своей головѣ!" Святополкъ смутился, не зналъ—вѣрить или нѣтъ; онъ отвѣчалъ Давиду: „Если правду говоришь, то Богъ тебѣ будетъ свидѣтель; если же изъ зависти,—то Богъ тебѣ судья". Потомъ жалость взяла Святополка по братѣ, да и о себѣ сталъ думать: „Ну какъ это правда?" Давидъ постарался увѣрить его, что правда, и стали вмѣстѣ думать о Василькѣ, тогда какъ Василько съ Владиміромъ не имѣли ни о чемъ понятія. Давидъ началъ говорить Святополку: „Если не схватимъ Василька, то ни тебѣ не княжить въ Кіевѣ, ни мнѣ во Владимірѣ". Святополкъ согласился. Въ это время пріѣхалъ Василько въ Кіевъ и пошелъ помолиться въ Михайловскій монастырь, гдѣ и поужиналъ, а вечеромъ возвратился въ свой обозъ. На другой день утромъ прислалъ къ нему Святополкъ съ просьбою, чтобъ не ходилъ отъ его имянинъ [1]); Василько велѣлъ отвѣчать, что не можетъ дожидаться, боится не было бы рати дома. Давидъ прислалъ къ нему съ тѣмъ же приглашеніемъ: „Не ходи, не ослушайся старшаго брата!" Но Василько и тутъ не согласился. Тогда Давидъ сказалъ Святополку: „Видишь, не хочетъ тебя знать, находясь въ твоей волости; что же будетъ, когда придетъ въ свою Землю?—увидишь, что займетъ города твои Туровъ, Пинскъ и другіе; тогда помянешь меня; созови Кіевлянъ, схвати его и отдай мнѣ". Святополкъ послушался и послалъ сказать Васильку: „Если не хочешь остаться до имянинъ, то зайди хотя ныньче, повидаемся и посидимъ вмѣстѣ съ Давидомъ". Василько обѣщался придти, и уже сѣлъ на лошадь и поѣхалъ, какъ встрѣтился ему одинъ изъ слугъ его и сказалъ: „Не ѣзди, князь; хотятъ тебя схватить". Василько не повѣрилъ, думалъ—„Какъ, меня схватятъ? а крестъ-то мнѣ цѣловали, обѣщались, что если кто на кого первый поднимется, то всѣ будутъ на зачинщика и крестъ честной"; подумавъ такимъ образомъ, онъ перекрестился, сказалъ: „Воля Господня да будетъ!" и продолжалъ путь. Съ малою дружиною пріѣхалъ онъ на княжій дворъ; Святополкъ вышелъ къ нему на встрѣчу, ввелъ въ избу; пришелъ Давидъ, и сѣли. Святополкъ сталъ опять упрашивать Василька: „Останься на праздникъ". Василько отвѣчалъ: „Никакъ не могу, братъ; я уже и обозъ отправилъ впередъ". А Давидъ во все время сидѣлъ какъ нѣмой. Потомъ Святополкъ началъ упрашивать Василька хотя позавтракать у него; позавтракать Василько согласился, и Святополкъ вышелъ, сказавши: „Посидите вы здѣсь, а я пойду распоряжусь"; Василько сталъ разговаривать съ Давидомъ; но у того не было ни языка, ни ушей: такъ испугался! и, посидѣвши немного, спросилъ слугъ: „Гдѣ братъ Святополкъ?" ему отвѣчали: „Стоитъ на сѣняхъ". Тогда онъ сказалъ Васильку: „Я пойду за нимъ; а ты, братъ, посиди". Но только-что Давидъ вышелъ, какъ Василька заперли, заковали въ двойныя оковы и приставили сторожей на ночь. На другой день утромъ Святополкъ созвалъ бояръ и Кіевлянъ, и расказалъ имъ все, что слышалъ отъ Давида, что вотъ Василько брата его убилъ, а теперь сговорился съ Владиміромъ, хотятъ его убить, а города его побрать себѣ. Бояре и простые люди отвѣчали: „Тебѣ, князь, надобно беречь свою голову; если Давидъ сказалъ правду, то Василька должно наказать; если же сказалъ неправду, то пусть отвѣчаетъ передъ Богомъ". Узнали объ этомъ игумены, и начали просить Святополка за Василька; Святополкъ отвѣчалъ имъ: „Вѣдь это все Давидъ"; а Давидъ, видя, что за Василька просятъ и Святополкъ колеблется, началъ подучать на ослѣпленье. „Если ты этого не сдѣлаешь", говорилъ онъ Святополку,—отпустишь его, то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ". Святополкъ, по свидѣтельству лѣтописца, хотѣлъ отпустить Василька, но Давидъ никакъ не хотѣлъ, потому что сильно опасался Теребовльскаго князя. Кончилось тѣмъ однако, что Святополкъ выдалъ Давиду Василька. Въ ночь перевезли его изъ Кіева въ Бѣлгородъ на телѣгѣ, въ оковахъ, ссадили съ телѣги, ввели въ маленькую избу и посадили; оглядѣвшись, Василько увидалъ, что овчарь Святополковъ, родомъ Торчинъ, именемъ Берендп, точитъ ножъ; князь догадался, что хотятъ ослѣпить его, и „возопилъ Богу съ плачемъ великимъ и стономъ". И вотъ вошли посланные отъ Святополка и Давида, Сновидъ Изечевичъ, конюхъ Святополковъ, да Димитрій, конюхъ Давидовъ, и начали разстилать коверъ; потомъ схватили Василька и хотѣли повалить; но тотъ боролся съ ними крѣпко, такъ, что вдвоемъ не могли съ нимъ сладить, и позвали другихъ,—тѣмъ удалось повалить его и связать. Тогда сняли доску съ печи и положили ее на грудь, а по концамъ ея сѣли Сновидъ и Димитрій, и все не могли удержаться; подошло двое другихъ, взяли еще доску съ печи и сѣли: кости затрещали въ груди у Василька; тогда подошелъ Торчинъ съ ножемъ, хотѣлъ ударить въ глазъ, и не попалъ, перерѣзалъ лицо; наконецъ вырѣзалъ оба глаза одинъ за другимъ, и Василько обезпамятѣлъ. Его подняли вмѣстѣ съ ковромъ, положили на телѣгу, какъ мертваго, и повезли во Владиміръ; переѣхавши Вздвиженскій мостъ, Сновидъ съ товарищами остановились, сняли съ Василька кровавую сорочку и отдали попадьѣ вымыть, а сами сѣли обѣдать; попадья, вымывши сорочку, надѣла ее опять на Василька, и стала плакаться надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Василько очнулся и спросилъ: „Гдѣ я?"—попадья отвѣчала: „Въ городѣ Вздвиженскѣ" [2]). Тогда онъ спросилъ воды, и, напившись, опамятовался совершенно; пощупалъ сорочку и сказалъ: „Зачѣмъ сняли ее съ меня; пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ смерть

[1]) Это было 5 ноября, а имянины были 8-го; Святополка звали Михаиломъ.

[2]) Быть можетъ, нынѣшняя деревня Здвижка, на рѣкѣ Здвижи, Радомысльскаго уѣзда, Кіевской губерніи.

принялъ и сталъ передъ Богомъ". Между тѣмъ Сновидъ съ товарищами пообѣдали, и повезли Василька скоро во Владиміръ, куда пріѣхали на шестой день. Пріѣхалъ съ нимъ туда и Давидъ, какъ будто поймалъ какую добычу, по выраженію лѣтописца; къ Васильку приставили стеречь 30 человѣкъ съ двумя отроками княжескими.

Мономахъ, узнавъ, что Василька схватили и ослѣпили, ужаснулся, заплакалъ и сказалъ: „Такого зла никогда не бывало въ Русской Землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ" [1]), и тотчасъ послалъ сказать Давиду и Олегу Святославичамъ: „Приходите къ Городцу, исправимъ зло, какое случилось теперь въ Русской Землѣ и въ нашей братьи: бросили между насъ ножъ; если это оставимъ такъ, то большее зло встанетъ, начнетъ убивать братъ брата—и погибнетъ Земля Русская; враги наши Половцы придутъ и возьмутъ ее". Давидъ и Олегъ также сильно огорчились, плакали, и, собравши немедленно войско, пришли къ Владиміру. Тогда отъ всѣхъ троихъ послали они сказать Святополку: „Зачѣмъ это ты сдѣлалъ такое зло въ Русской Землѣ, бросилъ ножъ между нами; зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? Если бы онъ былъ въ чемъ виноватъ, то ты обличилъ бы его передъ нами, и тогда по винѣ наказалъ его; а теперь скажи, въ чемъ онъ виноватъ, что ты ему это сдѣлалъ?" Святополкъ отвѣчалъ: „Мнѣ сказалъ Давидъ Игоревичъ, что Василько брата моего убилъ Ярополка, хотѣлъ и меня убить, волость мою занять, сговорился съ Владиміромъ, чтобъ сѣсть Владиміру въ Кіевѣ, а Васильку на Волыни; мнѣ поневолѣ было свою голову беречь, да и не я ослѣпилъ его, а Давидъ: онъ повезъ его къ себѣ, да и ослѣпилъ на дорогѣ". Послы Мономаха и Святославичей возражали: „Нечего тебѣ оправдываться тѣмъ, что Давидъ его ослѣпилъ: не въ Давидовѣ городѣ его взяли и ослѣпили, а въ твоемъ", и, поговоривъ такимъ образомъ, ушли. На другой день князья хотѣли уже переходить Днѣпръ и идти на Святополка, и тотъ уже думалъ бѣжать изъ Кіева; но Кіевляне не пустили его, а послали къ Владиміру мачиху его, жену покойнаго в. князя Всеволода, да митрополита Николая; тѣ отъ имени гражданъ стали умолять князей не воевать съ Святополкомъ: „Если станете воевать другъ съ другомъ, говорили они, то поганые обрадуются, возьмутъ Землю Русскую, которую пріобрѣли дѣды и отцы ваши; они съ великимъ трудомъ и храбростью поборали по Русской Землѣ, да и другія земли прінскивали, а вы хотите погубить и свою Землю". Владиміръ расплакался, и сказалъ: „Въ самомъ дѣлѣ, отцы и дѣды наши соблюли Землю Русскую, а мы хотимъ погубить ее", и склонился на просьбу. Княгиня и митрополитъ возвратились назадъ и объявили въ Кіевѣ, что миръ будетъ [2]): и точно, князья начали пересылаться и уладились; Владиміръ и Святославичи сказали Святополку: „Такъ какъ это все Давидъ надѣлалъ, то ступай ты, Святополкъ, на Давида, либо схвати его, либо выгони". Святополкъ взялся исполнить ихъ волю.

Между тѣмъ Василька все держали подъ стражею во Владимірѣ; тамъ же находился въ это время и лѣтописецъ, именемъ Василій, оставившій намъ извѣстія объ этихъ событіяхъ. „Въ одну ночь, говоритъ онъ, прислалъ за мною князь Давидъ; я пришелъ и засталъ около него дружину; князь велѣлъ мнѣ сѣсть, и началъ говорить: „Этой ночью, промолвилъ Василько сторожамъ своимъ: „Слышу, что идетъ Владиміръ и Святополкъ на Давида; если бы меня Давидъ послушалъ, то я бы послалъ боярина своего къ Владиміру, и тотъ бы возвратился",—такъ сходи-ка ты, Василій, къ тескѣ своему Васильку, и скажи ему, что если онъ пошлетъ своего мужа и Владиміръ воротится, то я дамъ ему городъ какой ему любъ: либо Всеволожь, либо Шеполь, либо Перемышль" [3]). Я пошелъ къ Васильку и разсказалъ ему всѣ рѣчи Давидовы; онъ отвѣчалъ мнѣ: „Я этого не говорилъ, но надѣюся на Бога, пошлю, чтобъ не проливали ради меня крови; одно мнѣ удивительно: дастъ мнѣ свой городъ, а мой городъ—Теребовль—вотъ моя волость!" Потомъ сказалъ мнѣ: „Иди къ Давиду и скажи ему, чтобъ прислалъ ко мнѣ Кульмѣя, я его хочу послать ко Владиміру". Но, какъ видно, Давидъ побоялся поручить переговоры человѣку, котораго выбралъ Василько, и послалъ того же Василія сказать ему, что Кульмѣя нѣтъ. Въ это свиданіе Василько выслалъ слугу, и началъ говорить Василію: „Слышу, что Давидъ хочетъ отдать меня Ляхамъ; видно, мало еще насытился моей крови, хочетъ больше, потому что я Ляхамъ много зла надѣлалъ, и хотѣлъ еще больше надѣлать, отомстить имъ за Русскую Землю. Если онъ выдастъ меня Ляхамъ, то смерти не боюсь; но вотъ что скажу тебѣ: вправду Богъ навелъ на меня эту бѣду за мое высокоумье,—пришла ко мнѣ вѣсть, что идутъ ко мнѣ Берендѣи, Печенѣги и Торки; вотъ я и началъ думать, какъ придутъ они ко мнѣ, то скажу братьямъ, Володарю и Давиду: дайте мнѣ дружину мою младшую, а сами пейте и веселитесь; думалъ

[1]) Т.-е. Родичи не ослѣпляли еще другъ друга; погибали князья въ бою; было подозрѣніе, что Ярополкъ Изяславичъ погибъ отъ Ростиславичей,—но подозрѣніе только; притомъ здѣсь была также явная вражда, смута; Всеславъ былъ схваченъ вѣроломно, но не ослѣпленъ; но никогда еще не было такого вопіющаго вѣроломства и насилія.

[2]) Можетъ возникнуть вопросъ: зачѣмъ Кіевляне удержали Святополка отъ бѣгства, имъ должно было быть пріятно избавиться отъ такого князя? Но они хорошо помнили слѣдствія изгнанія отца Святополкова; хорошо знали, что Святополкъ будетъ стараться всѣми силами добыть себѣ опять свой столъ, слѣдствіемъ чего будутъ усобицы, за которыя поплатятся города и села, и особенно ихъ городъ; усобица княжеская была страшнѣе всего, потому что ею пользовались Половцы.

[3]) *Всеволожъ* быть можетъ нынѣшнее селеніе Воложки, въ 11-ти верстахъ отъ Ковеля, города Волынской губерніи. *Шеполь*—есть селеніе *Шепель* въ Луцкомъ уѣздѣ, Волынской губерніи, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города, на рѣкѣ Ставѣ, впадающей въ Стырь. *Перемиль*—есть Перемиль въ Дубенскомъ повѣтѣ, къ сѣверо-востоку отъ Берестечка, на Стырѣ.

я пойти зимою на Польскую Землю, а лѣтомъ взять ее и отомстить за Русскую Землю; потомъ хотѣлъ перенять Болгаръ Дунайскихъ и посадить ихъ у себя, а потомъ хотѣлъ проситься у Святополка и у Владиміра на Половцевъ, либо славу себѣ найти, либо голову свою сложить за Русскую Землю; а другого помышленія въ сердцѣ моемъ не было ни на Святополка, ни на Давида; клянусь Богомъ и Его пришествіемъ, что не мыслилъ зла братьи ни въ чемъ; но за мое высокоумье низложилъ меня Богъ и смирилъ".

Весною, передъ Свѣтлымъ днемъ, Давидъ выступилъ въ походъ, чтобъ взять Василькову волость; но у Бужска [1]), на границѣ, былъ встрѣченъ Володаремъ, братомъ Васильковымъ; Давидъ не посмѣлъ стать противъ него и заперся въ Бужскѣ; Володарь осадилъ его здѣсь и послалъ сказать ему: „Зачѣмъ сдѣлалъ зло и не каешься, опомнись, сколько зла ты надѣлалъ!" Давидъ началъ складывать вину на Святополка: „Да развѣ я это сдѣлалъ, развѣ въ моемъ городѣ? я и самъ боялся, чтобъ и меня не схватили, и не сдѣлали со мною того же; я поневолѣ долженъ былъ пристать, потому что былъ въ его рукахъ". Володарь отвѣчалъ: „Про то вѣдаетъ Богъ, кто изъ васъ виноватъ; а теперь отпусти мнѣ брата, и я помирюсь съ тобою". Давидъ обрадовался, выдалъ Василька Володарю, помирились и разошлись. Но миръ не былъ продолжителенъ: Давидъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [2]), не хотѣлъ возвратить Ростиславичамъ городовъ, захваченныхъ въ ихъ волости тотчасъ по ослѣпленіи Василька, вслѣдствіе чего тою же весною они пришли на Давида къ Всеволожу, а Давидъ заперся въ Владимірѣ; Всеволожъ былъ взятъ *копьемъ* (приступомъ) и зажженъ, и когда жители побѣжали отъ огня, то Василько велѣлъ ихъ всѣхъ перебить; такъ онъ отмстилъ свою обиду на людяхъ неповинныхъ, замѣчаетъ лѣтописецъ. Потомъ Ростиславичи двинулись ко Владиміру, осадили здѣсь Давида, и послали сказать гражданамъ: „Мы пришли не на городъ вашъ и не на васъ, а на враговъ своихъ—Туряка, Лазаря и Василя, которые наустили Давида; послушавшись ихъ, онъ сдѣлалъ такое зло; выдайте ихъ, а если хотите за нихъ биться, то мы готовы". Граждане собрали вѣче и сказали Давиду: „Выдай этихъ людей, не бьемся за нихъ, а за тебя станемъ биться; если же не хочешь, то отворимъ городскія ворота, и тогда промышляй о себѣ". Давидъ отвѣчалъ: „Нѣтъ ихъ здѣсь": онъ послалъ ихъ въ Луцкъ; Владимірцы послали за ними туда; Турякъ бѣжалъ въ Кіевъ, а Лазарь и Василь возвратились въ Турійскъ [3]). Владимірцы, узнавши, что они въ Турійскѣ, закричали Давиду: „Выдай ихъ Ростиславичамъ, а не то сейчасъ же сдадимся". Давидъ послалъ за Василемъ и Лазаремъ, и выдалъ ихъ; Ростиславичи заключили миръ, и, на другое утро, велѣли повѣсить и разстрѣлять выданныхъ, послѣ чего отошли отъ города. Лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ: „Это уже во второй разъ отмстилъ Василько, чего не слѣдовало дѣлать: пусть бы Богъ былъ мстителемъ".

Осенью 1097 г. обѣщался Святополкъ братьямъ идти на Давида и прогнать его, и только чрезъ годъ (1099) отправился въ Брестъ на границу для совѣщанія съ Поляками: имѣемъ право принять извѣстіе [4]), что прежде онъ боялся напасть на Давида, и рѣшился на это тогда только, когда увидалъ, что Владимірскій князь побѣжденъ Ростиславичами; но и тутъ прежде хотѣлъ заключить союзъ съ Поляками; заключилъ договоръ и съ Ростиславичами, поцѣловалъ къ нимъ крестъ на миръ и любовь. Давидъ, узнавъ о прибытіи Святополка въ Брестъ, отправился и самъ къ Польскому князю Владиславу-Герману за помощью; такимъ образомъ Поляки сдѣлались посредниками въ борьбѣ. Они обѣщались помогать и Давиду, взявши съ него за это обѣщаніе 50 гривенъ золота, причемъ Владиславъ сказалъ ему: „Ступай съ нами въ Брестъ, зоветъ меня Святополкъ на сеймъ; тамъ и помиримъ тебя съ нимъ". Давидъ послушался и пошелъ съ нимъ; но союзъ съ Святополкомъ показался Владиславу выгоднѣе: Кіевскій князь далъ также ему богатые дары, договорился выдать дочь свою за его сына; поэтому Владиславъ объявилъ Давиду, что онъ никакъ не могъ склонить Святополка къ миру, и совѣтовалъ ему идти въ свою волость, обѣщаясь впрочемъ прислать къ нему на помощь войско, если онъ подвергнется нападенію отъ двоюродныхъ братьевъ. Давидъ сѣлъ во Владимірѣ, а Святополкъ, уладившись съ Поляками, пришелъ сперва въ Пинскъ, откуда послалъ собирать войско, потомъ въ Дорогобужъ, гдѣ дождался полковъ своихъ, съ ними вмѣстѣ двинулся на Давида ко Владиміру, и стоялъ подъ городомъ семь недѣль; Давидъ все не сдавался, ожидая помощи отъ Поляковъ; наконецъ, видя, что ждать нечего, сталъ проситься у Святополка, чтобъ тотъ выпустилъ его изъ города. Святополкъ согласился, и они поцѣловали другъ другу крестъ, послѣ чего Давидъ выѣхалъ въ Червень, а Святополкъ въѣхалъ во Владиміръ. Изъ этого разсказа видно, что Давидъ при договорѣ уступилъ Владиміръ Святополку, а самъ удовольствовался Червенемъ [5]). Выгнавши Давида изъ Владиміра, Святополкъ началъ думать на Володаря и на Василька; говорилъ: „Они сидятъ въ волости отца моего и брата", и пошелъ на нихъ. Ходъ этой войны очень хорошо обнаруживаетъ передъ нами характеръ Святополка: сначала онъ долго боялся напасть на Давида; пошелъ, когда тотъ потерпѣлъ неудачу въ войнѣ съ Ростиславичами, но прежде обезопасилъ себя со

[1]) Теперь *Бускъ*, мѣстечко въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, на правой сторонѣ Западнаго Буга.

[2]) Татищ. II, 185.

[3]) Мѣстечко Волынской губерніи, Ковельскаго уѣзда, на рѣкѣ Турьѣ.

[4]) Татищ. II, 187.

[5]) У Татищева прямо такъ читаемъ. II, 188.

стороны Поляковъ; доставши наконецъ Владиміръ, вспомнилъ, что все Волынское княжество принадлежало къ Кіевскому, при отцѣ его Изяславѣ, и что послѣ здѣсь сидѣлъ братъ его Ярополкъ, а на любецкомъ съѣздѣ положено всѣмъ владѣть отчинами: и вотъ Святополкъ идетъ на Ростиславичей, забывши недавній договоръ съ ними и клятву. Но Ростиславичей трудно было вытѣснить изъ ихъ волости: они выступили противъ Святополка, взявши съ собою крестъ, который онъ цѣловалъ къ нимъ, и встрѣтили его на границахъ своихъ владѣній на Рожни полѣ [1]): передъ началомъ битвы Василько поднялъ крестъ и закричалъ Святополку: „Вотъ что ты цѣловалъ; сперва ты отнялъ у меня глаза, а теперь хочешь взять и душу; такъ пусть будетъ между нами этотъ крестъ", и послѣ ходила молва, что многіе благочестивые люди видѣли, какъ надъ Василькомъ возвышался крестъ. Битва была сильная, много пало съ обѣихъ сторонъ, и Святополкъ, увидавши наконецъ, что брань люта, побѣжалъ во Владиміръ; а Володарь и Василько, побѣдивши, остановились и сказали: „Довольно съ насъ, если стоимъ на своей межѣ", и не пошли дальше [2]). Святополкъ, между тѣмъ прибѣжалъ во Владиміръ съ двумя сыновьями—Мстиславомъ и Ярославомъ, съ двумя племянниками, сыновьями Ярополка, и Святославомъ, или Святошею, сыномъ Давида Святославича; онъ посадилъ во Владимірѣ сына своего Мстислава, другого сына, Ярослава, послалъ въ Венгрію уговаривать короля идти на Ростиславичей, а самъ поѣхалъ въ Кіевъ. Ярославу удалось склонить Венгровъ къ нападенію на волость Володаря; король Коломанъ пришелъ съ двумя епископами, и сталъ около Перемышля, по рѣкѣ Вагру, а Володарь заперся въ городѣ. Въ это время возвратился Давидъ изъ Польши, куда бѣжалъ изъ Червена передъ началомъ непріятельскихъ дѣйствій Святополка съ Ростиславичами; какъ видно, онъ не нашелъ помощи въ Польшѣ; общая опасность соединила его теперь съ Ростиславичами, и потому, оставивши жену свою у Володаря, онъ отправился нанимать Половцевъ; на дорогѣ встрѣтился съ знаменитымъ ханомъ ихъ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пошелъ на Венгровъ. Въ полночь, когда все войско спало, Бонякъ всталъ, отъѣхалъ отъ стана, и началъ выть по-волчьи, и вотъ откликнулся ему одинъ волкъ, за нимъ много другихъ; Бонякъ пріѣхалъ и сказалъ Давиду: „Завтра будетъ намъ побѣда надъ Венграми". Утромъ на другой день Бонякъ выстроилъ свое войско: у него было 300 человѣкъ, да у Давида 100; онъ раздѣлилъ всѣхъ на три полка, и пустилъ впередъ Алтунопу на Венгровъ съ отрядомъ изъ 50 человѣкъ, Давида поставилъ подъ стягомъ, а свой полкъ раздѣлилъ на двѣ половины, по 50 человѣкъ въ каждой. Венгры расположились *заступами*, или *заставами*, т.-е. отрядами, стоявшими одинъ за другимъ; отрядъ Алтунопы пригналъ къ первому *заступу*, пустилъ стрѣлы и побѣжалъ; Венгры погнались за нимъ, и когда бѣжали мимо Боняка, тотъ ударилъ имъ въ тылъ; Алтунопа въ это время также вернулся; такимъ образомъ Венгры очутились между двумя непріятельскими отрядами и не могли возвратиться къ своимъ; Бонякъ сбилъ ихъ въ мячъ, точно такъ, какъ соколъ сбиваетъ галокъ, по выраженію лѣтописца. Венгры побѣжали, много ихъ потонуло въ рѣкахъ Вагрѣ и Санѣ, потому что бѣжали горою подлѣ Сана и спихивали другъ друга въ рѣку; Половцы гнались за ними и сѣкли ихъ два дня, убили епископа и многихъ бояръ [3]). Ярославъ, сынъ Святополка, убѣжалъ въ Польшу, а Давидъ, пользуясь побѣдою, занялъ города Сутѣйскъ, Червенъ [4]), пришелъ внезапно на Владиміръ, и занялъ посады; но Мстиславъ Святополчичъ заперся въ крѣпости *засадою*, или *заставою* (гарнизономъ), состоявшею изъ Берестьянъ, Пенянъ, Выгошевцевъ [5]); Давидъ осадилъ крѣпость и часто приступалъ къ ней; однажды, когда осажденные перестрѣливались съ осаждающими, и летѣли стрѣлы какъ дождь, князь Мстиславъ хотѣлъ также выстрѣлить, но въ это время стрѣла, пройдя въ скважину стѣннаго досчатаго забрала, ударила

---

[1]) Арцыбаш. указываетъ на Рожеямполь, мѣстечко Волынской губерніи, Владимірскаго повѣта.

[2]) У Татищева (II, 189) читаются любопытныя слова Ростиславичей, оказанныя Святополку передъ началомъ битвы: «Дѣдъ нашъ Владиміръ былъ старѣйшій братъ отцу твоему, а отецъ нашъ старѣйшій тебѣ, и по смерти дѣда нашего Владиміра отецъ твой съ братьею—Святославомъ и Всеволодомъ—дали отцу нашему Владиміръ со всею Червенскою Землею, а себѣ взяли другіе удѣлы, болѣе нежели отцу нашему дали, и утвердили ротою, какъ мы имѣемъ отца твоего грамоты. По смерти отца нашего мы хотя малы осталися, но отецъ твой и Святославъ, помня свою къ отцу нашему роту, Владиміра у насъ не отнимали; но какъ отецъ твой умеръ, то братъ твой Ярополкъ, преступя отцово клятвенное обѣщаніе, и стрыя своего Всеволода увѣщаніе, насъ Владиміра лишилъ, и мы уже довольны были тѣмъ, что намъ тогда дали, и братъ твой клятвою утвердилъ. Мы болѣе того отъ тебя не требуемъ, и когда ты своимъ не доволенъ, и хочешь насъ отцовскаго владѣнія лишить, то оставляемъ на судъ Божій, кому Онъ хочетъ, тому и дастъ, а мы тебѣ не дадимъ ни села, но просимъ пока, помня клятвенное обѣщаніе отца своего и свою на съѣздѣ данную роту, оставить насъ въ покоѣ, а мы какъ тебя ничѣмъ не оскорбили, а всегда тебя почитаемъ яко старѣйшаго, то всегда обѣщаемъ сохранить».

[3]) Число венгерскаго войска въ нашихъ лѣтописяхъ до крайности преувеличено до 100,000, а число погибшихъ до 40,000. Вѣроятнѣе извѣстія Бѣльскаго и Стрыйковскаго, полагающихъ 8,000 всего войска. И то будетъ много, если возьмемъ въ соображеніе малочисленность Русскихъ и Половцевъ; впрочемъ успѣхъ послѣднихъ объяснится, если прочтемъ извѣстіе Татищева (II, 192), что Володарь, узнавши о прибытіи Давида и Боняка, сдѣлалъ, съ своей стороны, вылазку изъ Перемышля и ударилъ на станъ королевскій: это окончательно разстроило Венгровъ.

[4]) *Сутейскъ*—подобныя названія мѣстъ встрѣчаются теперь, но вдалекѣ отъ описываемой сцены дѣйствія; *Червенъ*—полагаютъ нынѣшнее мѣстечко *Червоногородъ*, въ Чортовскомъ округѣ, при рѣкѣ Дзурошъ, впадающей въ Днѣстръ.

[5]) Выгошевцы, жители города Выгошева. Указываютъ теперь подобно звучащія мѣстности; изъ нихъ можно принять къ соображенію только деревни *Выжовку* и мѣстечко *Выжву* въ Ковельскомъ уѣздѣ Волынской губерніи.

ему подъ пазуху, отчего онъ въ ту же ночь и умеръ. Три дня таили его смерть, въ четвертый объявили на вѣчѣ; народъ сказалъ: „Вотъ князя убили; если теперь сдадимся, то Святополкъ погубитъ всѣхъ насъ“; и послали сказать ему: „Сынъ твой убитъ, а мы изнемогаемъ отъ голода; если не придешь, то народъ хочетъ передаться“. Святополкъ послалъ къ нимъ воеводу своего Путяту; когда тотъ пришелъ съ войскомъ въ Луцкъ, гдѣ стоялъ Святоша Давидовичъ, то засталъ у него посланцовъ Давида Игоревича. Святоша поклялся послѣднему, что дастъ знать, когда пойдетъ на него Святополкъ; но теперь, испугавшись Путяты, схватилъ пословъ Давидовыхъ и самъ пошелъ на него съ кіевскимъ воеводою. Въ полдень пришли Святоша и Путята ко Владиміру, напали на соннаго Давида, начали рубить его дружину [1]), а Владимірцы сдѣлали вылазку изъ крѣпости съ другой стороны; Давидъ побѣжалъ съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ, а Святоша и Путята взяли городъ, посадили въ немъ посадника Святополкова Василя и разошлись—Святоша въ Луцкъ, а Путята—въ Кіевъ. Между тѣмъ Давидъ побѣжалъ къ Половцамъ, опять встрѣтился на дорогѣ съ Бонякомъ, и вмѣстѣ съ нимъ пришелъ осаждать Святошу въ Луцкѣ; Святоша заключилъ съ ними миръ, и ушелъ къ отцу въ Черниговъ, а Давидъ взялъ себѣ Луцкъ, оттуда пошелъ ко Владиміру, выгналъ изъ него Святополкова посадника Василя, и сѣлъ опять на прежнемъ столѣ своемъ, отпустивши племянника Мстислава на море перенимать купцовъ.

Подъ 1100 годомъ сообщаетъ лѣтописецъ это извѣстіе объ отправленіи Мстислава на море, и тотчасъ же говоритъ о новомъ съѣздѣ всѣхъ князей въ Увѣтичахъ, или Витичевѣ [2]): собрались—Святополкъ, Владиміръ, Олегъ и Давидъ Святославичи; пришелъ къ нимъ и Давидъ Игоревичъ, и сказалъ: „Зачѣмъ меня призвали? вотъ я! кому на меня жалоба“? Владиміръ отвѣчалъ ему: „Ты самъ присылалъ къ намъ: хочу, говорилъ, братья, придти къ вамъ и пожаловаться на свою обиду; теперь ты пришелъ и сидишь съ братьею на одномъ коврѣ,—что жь не жалуешься? на кого тебѣ изъ насъ жалоба“? Давидъ не отвѣчалъ на это ничего. Тогда всѣ братья встали, сѣли на коней и разъѣхались: каждый сталъ особо съ своею дружиною, а Давидъ сидѣлъ одинъ: никто не допустилъ его къ себѣ, особо думали о немъ. Подумавши, послали къ нему мужей своихъ — Святополкъ Путяту, Владиміръ Орогаста и Ратибора, Давидъ и Олегъ—Торчина; посланцы сказали Давиду отъ имени всѣхъ князей: „Не хотимъ тебѣ дать стола Владимірскаго, потому что ты бросилъ ножъ между нами, чего прежде не бывало въ Русской Землѣ; мы тебя не заключимъ, ни сдѣлаемъ тебѣ никакого другаго зла, ступай садись въ Бужскѣ и въ Острогѣ, Святополкъ даетъ тебѣ еще Дубно и Чарторыйскъ [3]), Владиміръ двѣсти гривенъ, Давидъ и Олегъ также двѣсти гривенъ“. Послѣ этого рѣшенія, князья послали сказать Володарю Ростиславичу: „Возьми брата своего Василька къ себѣ и пусть будетъ вамъ одна волость—Перемышль; если же не хочешь, то отпусти Василька къ намъ, мы его будемъ кормить; а холоповъ нашихъ и смердовъ выдайте“. Но Ростиславичи не послушались и каждый изъ нихъ остался при своемъ. Князья хотѣли-было идти на нихъ и силою принудить согласиться на общее рѣшеніе; но Мономахъ отрекся идти съ ними, не захотѣлъ нарушить клятвы, данной прежде Ростиславичамъ на любецкомъ съѣздѣ [4]).

Здѣсь должно дополнить опущенную лѣтописцемъ связь событій: мы видѣли, что Давидъ остался побѣдителемъ надъ Святополкомъ, удержалъ за собою Владиміръ; Святополкъ, не имѣя возможности одолѣть его, долженъ былъ обратиться къ остальнымъ двоюроднымъ братьямъ, поручившимъ ему наказать Давида, который съ своей стороны, вѣроятно прежде, при неблагопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, присылалъ также къ нимъ съ просьбою о защитѣ отъ Святополка. Въ Витичевѣ, 10-го августа, какъ сказано въ лѣтописи, братья заключили миръ между собою, т.-е. какъ видно, посредствомъ мужей своихъ рѣшили собраться всѣмъ въ томъ же мѣстѣ, и дѣйствительно собрались 30-го августа [5]). Къ Давиду было послано приглашеніе явиться: онъ не смѣлъ ослушаться, потому что не могъ надѣяться восторжествовать надъ соединенными силами всѣхъ князей, какъ прежде восторжествовалъ надъ Святополкомъ; притомъ же, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, князья посылали къ нему съ любовію, обѣщаясь утвердить за нимъ Владиміръ [6]), и, точно, надъ нимъ произнесли мягкій приговоръ: схватить князя, добро-

[1]) Причиною такой оплошности Давидовой у Татищева полагается надежда его на слово Святоши. Удивительно, какъ всѣ эти князья безпрестанно нарушали свои клятвы и все еще надѣялись на нихъ.

[2]) Полагаютъ это мѣсто на рѣкѣ Вѣтѣ. Журн. Мин. Внут. Дѣлъ, 1849, № 6.

[3]) Нѣтъ никакого основанія читать: въ *Бужскомъ острогѣ* вмѣсто въ Бужскѣ, въ острогѣ; Бужскъ встрѣчали мы прежде безъ прибавленія—острогъ, притомъ же Острогъ находится подлѣ городовъ, данныхъ Давиду,—Бужска, Дубна и Черторыйска; Дубно городъ Волынской губерніи, Черторыйскъ—мѣстечко той же губерніи, Луцкаго уѣзда, на рѣкѣ Стырѣ.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 100: Устрѣтоша бо мя слы отъ братьи моея на Волзѣ, говоритъ Мономахъ, рѣша: «потъснися къ намъ, да выженемъ Ростиславичи и волость ихъ отъимемъ; аже ли не поидеши съ нами, то мы собе будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «аще вы ся и гнѣваете, не могу вы ити, ни креста переступити».

[5]) Тамъ же, стр. 116: «Въ лѣто 6608. Выиде Мстиславъ отъ Давида на море, мѣсяца іюня въ 10. Т-мъ-же мѣсяци (читай лѣтѣ) братья створиша миръ межи собою, Святополкъ, Володимеръ, Давидъ, Олегъ въ Увѣтичихъ, мѣсяца августа въ 10 (14) день. Того же мѣсяца въ 30, томъ же мѣстѣ, братья вся сънѣшася... и приде къ нимъ Игоревичъ Давидъ». Нѣтъ слѣд. никакого основанія думать, что князья собрались 10 августа и до 30 дожидались Давида.

[6]) Никон. II, 32: «и начаша посылати по Давида Иго-

вольно явившагося на братское совѣщаніе, было бы вѣроломствомъ, которое навсегда могло уничтожить возможность подобныхъ съѣздовъ; отпустить его безъ волости значило продолжать войну: Давидъ доказалъ, что онъ умѣлъ изворачиваться при самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ, и потому рѣшили дать ему достаточную волость, наказавши только отнятіемъ Владимірскаго стола, который былъ отданъ Святополку, какъ отчина, на основаніи любецкаго рѣшенія, причемъ Святополкъ далъ еще Давиду Дорогобужъ, гдѣ тотъ и умеръ. Такъ кончилась посредствомъ двухъ княжескихъ съѣздовъ борьба, начавшаяся при первомъ преемникѣ Ярослава и продолжавшаяся почти полвѣка; изгои и потомки изгоевъ нигдѣ не могли утвердиться на цѣлыхъ отчинахъ; изъ нихъ только одни Ростиславичи успѣли укрѣпить за собою отдѣльную волость и впослѣдствіи дать ей важное историческое значеніе; но потомство Вячеслава Ярославича сошло со сцены при первомъ поколѣніи; потомство Игоря— при второмъ: послѣ оно является въ видѣ князьковъ незначительныхъ волостей безъ самостоятельной дѣятельности; полноправными родичами явились только потомки трехъ старшихъ Ярославичей, послѣ тщетной попытки включить въ число изгоевъ потомство втораго изъ нихъ, Святослава; его дѣти, послѣ долгой борьбы, получили отцовское значеніе, отцовскую волость Но легко было усмотрѣть неравенство въ распредѣленіи волостей между тремя линіями, преимущество которое получилъ сынъ Всеволода и вслѣдствіе личныхъ достоинствъ, и вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ: Мономахъ держалъ въ своей семьѣ Переяславскую, Смоленькую, Ростовскую и Новгородскую волости; Святополкъ только послѣ витичевскаго съѣзда получилъ Владиміръ-Волынскій; но Великій Новгородъ, который былъ всегда такъ тѣсно связанъ съ Кіевомъ,—Новгородъ принадлежалъ не ему; всѣхъ меньше была волость Святославичей: они ничего не получили въ прибавокъ къ первоначальной отцовской волости, притомъ же ихъ было три брата. Святополку, какъ видно, очень не нравилось, что Новгородъ не находится въ его семьѣ, но отнять его у Мономаха безъ вознагражденія было нельзя; вотъ почему онъ рѣшился пожертвовать Волынью для пріобрѣтенія Новгорода, и уговорился съ Мономахомъ, что сынъ послѣдняго Мстиславъ перейдетъ во Владиміръ-Волынскій, а на его мѣстѣ въ Новгородѣ сядетъ Ярославъ, сынъ Святополковъ, княжившій до сихъ поръ во Владимірѣ. Но тутъ Новгородцы въ первый разъ воспротивились волѣ князей: зависимость Новгорода отъ Кіева была тѣмъ невыгодна для жителей перваго, что всѣ перемѣны и усобицы, происходившія на Руси, должны были отражаться и въ ихъ стѣнахъ; мы видѣли, что изгнаніе Изяслава изъ Кіева необходимо повлекло перемѣну и въ Новгородѣ: здѣсь является княземъ сынъ Святослава—Глѣбъ, но послѣдній, въ свою очередь, долженъ былъ оставить Новгородъ вслѣдствіе вторичнаго торжества Изяслава, который послалъ туда сына своего Святополка; Святополкъ, въ концѣ княженія Всеволода, покинулъ Новгородъ для Турова, чтобъ быть ближе къ Кіеву, и Всеволодъ послалъ въ Новгородъ внука своего Мстислава. Потомъ Святополкъ и Мономахъ выводятъ Мстислава и посылаютъ на его мѣсто Давида Святославича; Давидъ также оставилъ Новгородъ, и на его мѣсто пріѣхалъ туда опять Мстиславъ. Такимъ образомъ, въ продолженіи 47 лѣтъ, отъ 1054 до 1101 г., въ Новгородѣ шесть разъ смѣнялись князья: двое изъ нихъ ушли сами, остальные выводились вслѣдствіе смѣны великихъ князей или ряду ихъ съ другими. Теперь, въ 1102 году, князья опять требуютъ у Новгородцевъ, чтобъ они отпустили отъ себя Мстислава Владиміровича и приняли на его мѣсто сына Святополкова; Новгородцы рѣшительно отказываются; при этомъ вѣроятно они знали, что, не исполняя волю Святополкову, они тѣмъ самымъ исполняютъ волю Мономахову, въ противномъ случаѣ они не могли противъ воли послѣдняго удержать у себя его сына, не могли поссориться съ двумя сильнѣйшими князьями Руси и сидѣть въ это время безъ князя. Въ Кіевѣ, на княжомъ дворѣ, въ присутствіи Святополка, произошло любопытное явленіе: Мстиславъ Владиміровичъ пришелъ туда въ сопровожденіи новгородскихъ посланцовъ; посланцы Мономаха объявили Святополку: „Вотъ Владиміръ прислалъ сына своего, а вотъ сидятъ Новгородцы, пусть они возьмутъ сына твоего и ѣдутъ въ Новгородъ, а Мстиславъ пусть идетъ во Владиміръ". Тогда Новгородцы сказали Святополку: „Мы, князь, присланы сюда, и вотъ что намъ велѣно сказать: не хотимъ Святополка, ни сына его, если у твоего сына двѣ головы, то пошли его; этого (т.-е. Мстислава) далъ намъ Всеволодъ, мы его вскормили себѣ въ князья, а ты ушелъ отъ насъ". Святополкъ много спорилъ съ ними; но они поставили на своемъ, взяли Мстислава и повели его назадъ въ Новгородъ. Указаніе на распоряженіе Всеволода вѣроятно имѣло тотъ смыслъ въ устахъ Новгородцевъ, что сами князья на любецкомъ съѣздѣ рѣшили сообразоваться съ послѣдними распоряженіями его: слова, что они вскормили себѣ Мстислава, показываютъ желаніе имѣть постояннаго князя, у нихъ выросшаго, до чего именно не допускали ихъ родовые счеты и усобицы князей; наконецъ выраженіе: „А ты ушелъ отъ насъ"—показываетъ неудовольствіе Новгородцевъ на Святополка за предпочтеніе Турова ихъ городу, и указаніе, что, оставивъ добровольно Новгородъ, онъ тѣмъ самымъ лишился на него всякаго права.

Послѣ витичевскаго съѣзда прекратились старыя усобицы вслѣдствіе изгойства; но немедленно же начались новыя, потому что и второе поколѣніе Ярославичей имѣло уже своихъ изгоевъ: у Святополка былъ племянникъ — Ярославъ, сынъ брата его Ярополка. Въ 1101 году онъ *затворился* въ

ревича, любовію вадяще его къ себѣ, и обѣщавающе ему стольный городъ Володимеръ».

Брестѣ отъ дяди Святополка—ясный знакъ, что дядя не хотѣлъ давать ему волостей, и Ярославъ насильно хотѣлъ удержать за собою хотя Брестъ. Святополкъ пошелъ на него, заставилъ сдаться и въ оковахъ привелъ въ Кіевъ. Митрополитъ и игумены умолили Святополка оставить племянника ходить на свободѣ, взявши съ него клятву при гробѣ Бориса и Глѣба, вѣроятно въ томъ, что онъ не будетъ больше посягать на дядины волости и станетъ жить спокойно въ Кіевѣ. Но въ слѣдующемъ году Ярославъ ушелъ отъ дяди; за нимъ погнался двоюродный братъ его, Ярославъ Святополчичъ, обманомъ схватилъ его за Брестомъ, на польскихъ границахъ [1]), и въ оковахъ привелъ къ отцу: на этотъ разъ Ярополковича уже не выпускали на свободу, и онъ умеръ въ заточеніи въ томъ же году [2]).

Знаменитый чародѣй, Всеславъ Полоцкій, на старости уже не безпокоилъ Ярославичей и далъ имъ возможность управиться съ своими дѣлами: онъ умеръ въ 1101 г. Съ его смертію кончилась сила Полоцкаго княжества: между сыновьями его (ихъ было человѣкъ семь), тотчасъ же, какъ видно, начались несогласія, въ которыя вмѣшались Ярославичи; такъ, въ 1104 году встрѣчаемъ извѣстіе, что Святополкъ посылалъ на Минскъ, на Глѣба, воеводу своего Путяту, Владиміръ—сына своего Ярополка, а Олегъ самъ ходилъ вмѣстѣ съ Давидомъ Всеславичемъ—знакъ, что походъ былъ предпринятъ въ пользу послѣдняго, котораго и прежде видимъ въ связи съ Ярославичами; походъ впрочемъ кончился ничѣмъ.

Таковы были междукняжескія отношенія при первомъ старшемъ князѣ изъ второго поколѣнія Ярославичей. Теперь взглянемъ на отношенія внѣшнія. Мы видѣли, какъ народъ на Руси боялся княжескихъ усобицъ болѣе всего потому, что ими могутъ воспользоваться поганые, Половцы; видѣли, что и для самихъ князей этотъ страхъ служилъ также главнымъ побужденіемъ къ миру. Южная Русь, какъ Европейская Украйна, должна была, подобно греческимъ припонтійскимъ колоніямъ древности, стоять всегда на-сторожѣ вооруженною. Мы видѣли, какъ несчастно началось княженіе Святополка, который первый подалъ примѣръ брачныхъ союзовъ съ ханами половецкими. Послѣ убіенія Итларя и удачнаго похода Русскихъ князей въ степи, Половцы, въ томъ же 1095 г., явились при рѣкѣ Роси, границѣ собственной Руси съ степью, и осадили Юрьевъ, одинъ изъ городовъ, основанныхъ здѣсь Ярославомъ Первымъ и названный по его имени; варвары цѣлое лѣто стояли подъ городомъ и едва его не взяли: Святополкъ *омирилъ* ихъ, сказано, въ лѣтописи, т. е. заплатилъ имъ за миръ; несмотря на то, они все оставались въ предѣлахъ Руси, не уходили за Рось въ степи. Юрьевцы, видя это и наскучивъ жить въ безпрестанномъ страхѣ, выбѣжали изъ своего города и пришли къ Кіевъ, а Половцы сожгли пустой Юрьевъ—явленіе замѣчательное, показывающее тогдашнее состояніе Украйны, или Южной Руси. Святополкъ велѣлъ строить новый городъ на Витичевскомъ холму, въ 56 верстахъ отъ Кіева, при Днѣпрѣ, назвалъ его Святополчемъ и велѣлъ сѣсть въ немъ Юрьевцамъ съ своимъ епископомъ; нашлись и другіе охотники селиться здѣсь изъ разныхъ близкихъ къ степи мѣстъ, которыхъ также гналъ страхъ половецкій. Въ слѣдующемъ 1096 году, пользуясь отсутствіемъ Святополка и Мономаха, воевавшихъ на сѣверѣ съ Святославичами, Половцы уже не ограничились опустошеніемъ пограничныхъ городковъ, но ханъ ихъ Бонякъ, пріобрѣтшій черную знаменитость въ нашихъ лѣтописяхъ, явился подъ Кіевомъ, опустошилъ окрестности, сжегъ княжескій загородный домъ на Берестовѣ; а на восточной сторонѣ Днѣпра другой ханъ—Куря—пустошилъ окрестности Переяславля [3]). Успѣхъ Боняка и Кури прельстилъ и тестя Святополкова Тугоркана: онъ также пришелъ къ Переяславлю и осадилъ его; но въ это время князья уже возвратились изъ похода; они выступили противъ Половцевъ къ Переяславлю и поразили ихъ, причемъ Тугорканъ съ сыномъ и другими князьями былъ убитъ; Святополкъ велѣлъ поднять тѣло Тугорканово и погребсти въ селѣ Берестовѣ. Но въ то время, какъ Русскіе князья были заняты на восточной сторонѣ Днѣпра, *шолудивый хищникъ* Бонякъ явился опять нечаянно передъ Кіевомъ; Половцы едва не въѣхали въ самый городъ, сожгли ближнія деревни, монастыри, въ томъ числѣ и монастырь Печерскій: „Пришли, говоритъ лѣтописецъ-очевидецъ, къ намъ въ монастырь, а мы всѣ спали по кельямъ послѣ заутрени; вдругъ подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами; мы бросились бѣжать задомъ [4]) монастыря, другіе взобрались на полати; а безбожныя дѣти Измаиловы высѣкли ворота и пошли по кельямъ, выламывая двери, вынося изъ келій все, что ни попадалось; потомъ выжгли Богородичную церковь, вошли въ притворъ у Ѳеодосіева гроба, взяли иконы; зажгли двери, ругаясь Богу и закону нашему". Тогда же зажгли дворъ красный, что поставилъ к. князь Всеволодъ на холму Выдубецкомъ.

Послѣ вятичевскаго съѣзда, покончившаго усобицы, князья получили возможность дѣйствовать наступательно противъ Половцевъ: въ 1101 году Святополкъ, Мономахъ и трое Святославичей собрались на рѣкѣ Золотчѣ, на правомъ берегу Днѣпра, чтобъ идти на Половцевъ; но тѣ прислали пословъ ото всѣхъ хановъ своихъ ко всей братіи, просить мира; Русскіе князья сказали имъ: „Если хотите мира, то сойдемся у Сакова" [5]); Половцы явились въ назначенное мѣсто и заключили миръ,

---

[1]) «И ятъ и на Нурѣ»;—рѣка, впадающая въ Бугъ въ Гродненской губерніи.

[2]) Братъ его—Вячеславъ Ярополчичъ—умеръ въ 1108 г.

[3]) «И Устье пожже».—Вѣроятно устье Трубежа.

[4]) Задомъ, а не за домъ, какъ напечатано въ Полн. Собр. I, 99.

[5]) На лѣвомъ берегу Днѣпра, недалеко отъ Переяславля, быть можетъ нынѣшнее село Сальковъ.

причемъ взяты были съ обѣихъ сторонъ заложники. Но, заключивши миръ, Русскіе князья не переставали думать о походѣ на варваровъ: мысль о походѣ на поганыхъ лѣтописецъ называетъ обыкновенно мыслію *доброю*, внушеніемъ Божіимъ. Въ 1103 году Владиміръ сталъ уговаривать Святополка идти весною на поганыхъ [1]); Святополкъ сказалъ объ этомъ дружинѣ, дружина отвѣчала: „Не время теперь отнимать поселянъ отъ поля", послѣ чего Святополкъ послалъ сказать Владиміру: „Надобно намъ гдѣ-нибудь собраться и подумать съ дружиною"; согласились съѣхаться въ Долобскѣ (при озерѣ того же имени), выше Кіева, на лѣвой сторонѣ Днѣпра; съѣхались и сѣли въ одномъ шатрѣ—Святополкъ съ своею дружиною, а Владиміръ съ своею; долго сидѣли молча, наконецъ Владиміръ началъ: „Братъ! ты старшій, начни же говорить, какъ бы намъ промыслить о Русской Землѣ?" Святополкъ отвѣчалъ: „Лучше ты, братецъ, говори первый!" Владиміръ сказалъ на это: „Какъ мнѣ говорить? противъ меня будетъ и твоя и моя дружина, скажутъ: хочетъ погубить поселянъ и пашни: но дивлюсь я одному, какъ вы поселянъ жалѣете и лошадей ихъ, а того не подумаете, что станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и пріѣдетъ половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ,—объ этомъ вы не подумаете!" Дружина отвѣчала: „Въ самомъ дѣлѣ такъ"; Святополкъ прибавилъ: „Я готовъ", и всталъ; а Владиміръ сказалъ ему: „Великое, братъ, добро сдѣлаешь ты Русской Землѣ!" Они послали также и къ Святославичамъ звать ихъ въ походъ. „Пойдемъ на Половцевъ, либо живы будемъ, либо мертвы"; Давидъ послушался ихъ, но Олегъ велѣлъ сказать, что не здоровъ. Кромѣ этихъ старыхъ князей, пошли еще четверо молодыхъ: Давидъ Всеславичъ Полоцкій, Мстиславъ, племянникъ Давида Игоревича Волынскаго (изгой), Вячеславъ Ярополчичъ, племянникъ Святополка (также изгой) и Ярополкъ Владиміровичъ, сынъ Мономаха. Князья пошли съ пѣхотою и конницею: пѣшіе ѣхали въ лодкахъ по Днѣпру, конница шла берегомъ. Прошедши пороги, у Хортицкаго острова пѣшіе высадились на берегъ, конные сѣли на лошадей и шли степью четыре дня. Половцы, услыхавъ, что идетъ Русь, собрались во множествѣ и начали думать; одинъ изъ хановъ, Урусоба, сказалъ: „Пошлемъ просить мира у Руси; они станутъ съ нами биться крѣпко, потому что мы много зла надѣлали ихъ Землѣ". Молодые отвѣчали ему: „Если ты боишься Руси, то мы не боимся; избивши этихъ, пойдемъ въ ихъ Землю, возьмемъ ихъ города, и кто тогда защититъ ихъ отъ насъ?" А Русскіе князья и всѣ ратники въ это время молились Богу, давали обѣты, кто кутью поставить, кто милостыню раздать нищимъ, кто въ монастырь послать нужное для братіи. Половцы послали впереди въ сторожахъ Алтунопу, который славился у нихъ мужествомъ; Русскіе выслали также передовой отрядъ провѣдать непріятеля: онъ встрѣтился съ отрядомъ Алтунопы и истребилъ его до одного человѣка; потомъ сошлись главные полки, и Русскіе побѣдили, перебили 20 хановъ, одного — Белдюза—взяли живьемъ и привели къ Святополку; Белдюзъ началъ давать за себя окупъ — золото и серебро, коней и скотъ; Святополкъ послалъ его ко Владиміру, и тотъ спросилъ плѣнника: „Сколько разъ вы клялись не воевать, и потомъ все воевали Русскую Землю? Зачѣмъ же ты не училъ сыновей своихъ и родичей соблюдать клятву, а все проливалъ кровь христіанскую? такъ будь же кровь твоя на головѣ твоей",—и велѣлъ убить его; Белдюза разсѣкли на части. Потомъ собрались всѣ братья, и Владиміръ сказалъ: „Сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся въ онь: Господь избавилъ насъ отъ враговъ, покорилъ ихъ намъ; сокрушилъ главы зміевы, и далъ ихъ брашно людямъ русскимъ". Взяли тогда наши много скота, овецъ, лошадей, верблюдовъ, вежи со всякою рухлядью и рабами, захватили Печенѣговъ и Торковъ, находившихся подъ властію Половцевъ, и пришли въ Русь съ полономъ великимъ, славою и побѣдою. Святополкъ думалъ, что надолго избавились отъ Половцевъ и велѣлъ возобновить городъ Юрьевъ, сожженный ими передъ тѣмъ.

Но живъ былъ страшный Бонякъ: черезъ годъ онъ подалъ о себѣ вѣсть, пришелъ къ Зарубу, находившемуся на западной сторонѣ Днѣпра, противъ Трубежскаго устья, побѣдилъ Торковъ и Берендѣевъ. Въ слѣдующемъ 1106 году Святополкъ долженъ былъ выслать троихъ воеводъ своихъ противъ Половцевъ, опустошавшихъ окрестности Зарѣчьска; воеводы отняли у нихъ полонъ. Въ 1107 году Бонякъ захватилъ конскіе табуны у Переяславля; потомъ пришелъ со многими другими ханами и сталъ около Лубенъ [2]), на рѣкѣ Сулѣ. Святополкъ, Владиміръ, Олегъ, съ четырьмя другими князьями, ударили на нихъ внезапно съ крикомъ; Половцы испугались отъ страха, не могли и стяга поставить, и побѣжали: кто успѣлъ схватить лошадь—на лошади, а кто пѣшкомъ; наши гнали ихъ до рѣки Хороля и взяли станъ непріятельскій; Святополкъ пришелъ въ Печерскій монастырь къ заутрени на Успеньевъ день и съ радостію здоровался съ братіею послѣ побѣды. Несмотря однако на эти успѣхи, Мономахъ и Святославичи—Олегъ и Давидъ—въ томъ же году имѣли съѣздъ съ двумя ханами, и взяли у нихъ дочерей замужъ за сыновей своихъ. Походъ троихъ князей — Святополка, Владиміра и Давида—въ 1110 году кончился ничѣмъ: они возвратились отъ города Воина [3]), по причинѣ стужи и конскаго падежа [4]); но въ слѣдующемъ году, *думою* и *похотѣніемъ*

[1]) Подробности одного и того же событія разсказаны въ Лавр. спискѣ подъ 1103 годомъ, а въ Ипатск. отнесены къ 1111.

[2]) Уѣздный городъ Полтавской губерніи.

[3]) Тамъ же. II, 206.

[4]) Воскрес. I, 254.

Мономаха, князья вздумали навѣстить Половцевъ на Дону, куда еще прежде, въ 1109 году, Мономахъ посылалъ воеводу своего Дмитра Иворовича, который и захватилъ тамъ половецкія вежи. Пошли — Святополкъ, Владиміръ и Давидъ съ сыновьями, пошли они во второе воскресенье Великаго поста, въ пятницу дошли до Сулы, въ субботу были на Хоролѣ, гдѣ бросили сани; въ Крестопоклонное воскресенье пошли отъ Хороля и достигли Псела, откуда пошли и стали на рѣкѣ Голтѣ, гдѣ дождались остальныхъ воиновъ и пошли къ Ворсклѣ; здѣсь въ середу цѣловали крестъ со многими слезами, и двинулись далѣе, перешли много рѣкъ, и во вторникъ на шестой недѣлѣ достигли Дона. Отсюда, надѣвши брони и выстроивши полки, пошли къ половецкому городу Шаруканю, причемъ Владиміръ велѣлъ священникамъ своимъ ѣхать передъ полками и пѣть молитвы; жители Шаруканя вышли на-встрѣчу князьямъ, поднесли имъ рыбу и вино; Русскіе переночевали тутъ, и на другой день, въ среду, пошли къ другому городу, Сугрову, и зажгли его; въ четвергъ пошли съ Дона, а въ пятницу—24 марта, собрались Половцы, изрядили полки свои и двинулись противъ Русскихъ. Князья наши возложили всю надежду на Бога, говоритъ лѣтописецъ, и сказали другъ другу: „Помереть намъ здѣсь; станемъ крѣпко!“ перецѣловались, и, возведши глаза на небо, призывали Бога Вышняго. И Богъ помогъ Русскимъ князьямъ: послѣ жестокой битвы Половцы были побѣждены, и пало ихъ много. Весело на другой день праздновали Русскіе Лазарево воскресенье и Благовѣщеніе, а въ воскресенье пошли дальше. Въ страстной понедѣльникъ собралось опять множество Половцевъ, и обступили полки русскіе на рѣкѣ Салницѣ. Когда полки русскіе столкнулись съ полками половецкими, то раздался точно громъ, брань была лютая, и много падало съ обѣихъ сторонъ; наконецъ выступили Владиміръ и Давидъ съ своими полками; увидавши ихъ, Половцы бросились бѣжать, и падали предъ полкомъ Владиміровымъ, невидимо поражаемые ангеломъ: многіе люди видѣли, какъ головы ихъ летѣли, ссѣкаемыя невидимою рукою. Святополкъ, Владиміръ и Давидъ прославили Бога, давшаго имъ такую побѣду на поганыхъ. Русскіе взяли полона много — скота, лошадей, овецъ; и колодниковъ много побрали руками. Побѣдители спрашивали плѣнныхъ: „Какъ это васъ была такая сила, и вы не могли бороться съ нами, а тотчасъ побѣжали?“ Тѣ отвѣчали: „Какъ намъ съ вами биться? другіе ѣздятъ надъ вами въ броняхъ свѣтлыхъ и страшныхъ, и помогаютъ вамъ“. Это ангелы, прибавляетъ лѣтописецъ, отъ Бога посланные помогать христіанамъ; ангелъ вложилъ въ сердце Владиміру Мономаху возбудить братьевъ своихъ на иноплеменниковъ. Такъ, съ Божіею помощію, пришли Русскіе князья домой, къ своимъ людямъ со славою великою, и разнеслась слава ихъ по всѣмъ странамъ дальнимъ, дошла до Грековъ, Венгровъ, Ляховъ, Чеховъ, дошла даже до Рима.

Мы привели извѣстіе лѣтописца о донскомъ походѣ князей на Половцевъ со всѣми подробностями, чтобъ показать, какое великое значеніе имѣлъ этотъ походъ для современниковъ. Времена Святослава Стараго вышли изъ памяти, а послѣ никто изъ князей не ходилъ такъ далеко на востокъ, и на кого же?—на тѣхъ страшныхъ враговъ, которыхъ Кіевъ и Переяславль не разъ видѣли подъ своими стѣнами, отъ которыхъ бѣгали цѣлые города. Половцы побѣждены не въ волостяхъ русскихъ, не на границахъ, но въ глубинѣ степей своихъ; отсюда понятно религіозное одушевленіе, съ какимъ разсказано событіе въ лѣтописи: только ангелъ могъ внушить Мономаху мысль о такомъ важномъ предпріятіи; ангелъ помогъ Русскимъ князьямъ побѣдить многочисленныя полчища враговъ. Слава похода разнеслась по дальнимъ странамъ; понятно, какъ она разнеслась на Руси, и какую славу заслужилъ главный герой предпріятія, тотъ князь, которому ангелъ вложилъ мысль возбудить братьевъ къ этому походу; Мономахъ явился подъ особеннымъ покровительствомъ неба: предъ его полкомъ, сказано, падали Половцы, невидимо поражаемые ангеломъ. И надолго остался Мономахъ въ памяти народной, какъ главный и единственный герой донского похода; долго ходило преданіе о томъ, какъ пилъ онъ Донъ золотымъ шеломомъ, какъ загналъ окаянныхъ агарянъ за Желѣзныя Ворота [1]).

Такъ славно воспользовались князья, т. е. преимущественно Мономахъ, прекращеніемъ усобицъ. Мы видѣли, что для Руси борьба съ Половцами и отношенія княжескія составляли главный интересъ; но изъ отдаленныхъ концовъ, съ сѣвера, запада и востока доходилъ слухъ о борьбѣ Русскихъ людей съ другими варварами, окружавшими ихъ со всѣхъ сторонъ. Новгородцы съ княземъ своимъ Мстиславомъ ходили на Чудь, къ западу отъ Чудского озера [2]); Полоцкіе и Волынскіе князья боролись съ Ятвягами и Латышами: иногда поражали ихъ, иногда терпѣли пораженіе [3]); наконецъ на востокѣ младшій Святославичъ—Ярославъ—бился несчастно съ Мордвою [4]); какъ видно, онъ княжилъ въ Муромѣ.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II. 155.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 3: Подъ 1105 годомъ: «Идоша въ Ладогу на войну».—«Ходи Мстиславъ на Очелу». Эта Очела есть Отела, чудское племя, упоминаемое въ 1229 году въ договорѣ между Дерптскимъ епископомъ Германомъ и Нѣмецкимъ Орденомъ; см. Шегрена—Ueber die ältesten Wohnsitze der Iemen, стр. 312. Подъ 1112: «Побѣди Мстиславъ, на Бору, Чудь».

[3]) Татищ. II, 199: Борисъ Всеславичъ Полоцкій ходилъ на Ятвягъ, и, побѣдя ихъ, возвратясь, поставилъ градъ Борисовъ въ свое имя, и людьми населилъ. Въ 1106 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120): «Побѣдиша Зимѣгола Всеславичь, всю братію, и дружины убиша 9 тысящъ». Подъ 1112 (II, 3): «Ярославъ ходи на Ятвязи, сынъ Святополчь, и побѣди я».

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 119; годъ 1110: «Бися Ярославъ съ Мордвою, и побѣженъ бысть Ярославъ». Въ Новгор.: «Побѣдиша Ярослава Мордва Муромѣ».

При Святополкѣ начинается связь нашей исторіи съ исторіею Венгріи. Мы видѣли, какое значеніе для западныхъ славянскихъ народовъ имѣло вторженіе Венгровъ и утвержденіе ихъ въ Панноніи на развалинахъ Моравскаго государства. Любопытно читать у императора Льва Мудраго описаніе, какимъ образомъ Венгры вели войну, потому что здѣсь находимъ мы объясненіе нашихъ лѣтописныхъ извѣстій о Венграхъ, равно какъ и о Половцахъ: „Венгры, говоритъ Левъ, съ младенчества привыкаютъ къ верховой ѣздѣ и не любятъ ходить пѣшкомъ; на плечахъ носятъ они длинныя копья, въ рукахъ луки, и очень искусны въ употребленіи этого оружія. Привыкши стрѣляться съ непріятелемъ, они не любятъ рукопашнаго боя; больше нравится имъ сражаться издали. Въ битвѣ раздѣляютъ они свое войско на малые отряды, которые становятъ въ небольшомъ разстояніи другъ отъ друга". Мы видѣли, что именно такъ, *заст̣упами*, расположили они свое войско въ битвѣ съ Давидомъ Игоревичемъ и Бонякомъ Половецкимъ. Въ концѣ X вѣка прекращаетъ эта кочевая орда свои опустошительные набѣги на сосѣдей и на̣чинаетъ привыкать къ осѣдлости, гражданственности, которая проникла къ Венграмъ вмѣстѣ съ христіанствомъ: въ 994 году князь Гейза вмѣстѣ съ сыномъ своимъ принялъ крещеніе; этотъ сынъ его, Св. Стефанъ, хотѣлъ дать новой религіи окончательное торжество, для чего повѣстилъ, чтобъ всякій Венгерецъ немедленно крестился; но слѣдствіемъ такого приказа было сильное возстаніе язычниковъ, которое кончилось только послѣ пораженія, претерпѣннаго ими въ кровопролитной битвѣ противъ войска княжескаго. По смерти бездѣтнаго Стефана, перваго короля Венгріи, начинаются усобицы между разными князьями изъ Арпадовой династіи: этими усобицами пользуются императоры Нѣмецкіе, чтобъ сдѣлать Венгерскихъ королей своими вассалами; пользуются вельможи, чтобъ усилить свою власть на счетъ королевской; наконецъ пользуется язычество, чтобъ возстать еще нѣсколько разъ противъ христіанства. Только въ концѣ XI вѣка, при короляхъ Владиславѣ Святомъ и Коломанѣ, Венгрія начинаетъ отдыхать отъ внутреннихъ смутъ и вмѣстѣ усиливаться насчетъ сосѣдей, вмѣшиваться въ ихъ дѣла: вотъ почему мы видѣли Коломана въ союзѣ съ Святополкомъ противъ Давида и Ростиславичей. Союзъ Коломана съ Святополкомъ былъ даже скрѣпленъ бракомъ одного изъ королевичей венгерскихъ на Предславѣ, дочери князя Кіевскаго. Самъ Коломанъ, незадолго передъ смертію, женился на дочери Мономаховой, Евфиміи; но черезъ годъ молодая королева была обвинена въ невѣрности и отослана къ отцу въ Русь, гдѣ родила сына Бориса, такъ долго безпокоившаго Венгрію своими притязаніями. Коломанъ умеръ въ началѣ 1114 года, оставивъ престолъ сыну своему Стефану II-му.

Въ началѣ 1113 года видѣли въ Кіевѣ солнечное затмѣніе; небесное знаменіе предвѣщало смерть Святополкову, по словамъ лѣтописца: князь умеръ 16 апрѣля, не долго переживши Давида Игоревича, умершаго въ маѣ 1112 года. По Святополкѣ плакали бояре и дружина его вся, говоритъ лѣтописецъ, но о плачѣ народномъ не упоминаетъ ни слова; княгиня его раздала много богатства по монастырямъ, попамъ, нищимъ, такъ что всѣ дивились: никогда не бывало такой милостыни. Святополкъ былъ благочестивъ: когда шелъ на войну или куда-нибудь, то заходилъ прежде въ Печерскій монастырь поклониться гробу Св. Ѳеодосія и взять молитву у игумена; несмотря на то, лѣтописецъ не прибавилъ ни слова въ похвалу его, хотя любитъ сказать что-нибудь доброе о каждомъ умершемъ князѣ. Въ Житіяхъ Святыхъ Печерскихъ находимъ дополнительныя извѣстія, которыя объясняютъ намъ причину молчанія лѣтописца: однажды вздорожала соль въ Кіевѣ; иноки Печерскаго монастыря помогали народу въ такой нуждѣ; Святополкъ, узнавъ объ этомъ, пограбилъ соль у монаховъ, чтобъ продавать ее самому дорогою цѣною. Игуменъ Іоаннъ обличалъ ревностно его корыстолюбіе и жестокость: князь заточилъ обличителя, но потомъ возвратилъ, изъ опасенія вооружить противъ себя Мономаха. Сынъ Святопока Мстиславъ былъ похожъ на отца: однажды разнеслась вѣсть, что двое монаховъ нашли кладъ въ пещерѣ; Мстиславъ мучилъ безъ пощады этихъ монаховъ, выпытывая у нихъ, гдѣ кладъ. Этотъ Мстиславъ былъ рожденъ отъ наложницы [1]), которая, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [2]), имѣла сильное вліяніе на безхарактернаго Святополка. При немъ, говоритъ авторъ Житій, много было насилія отъ князя людямъ; домы вельможъ безъ вины искоренилъ, имѣніе у

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 115.—По Никон. (II, 35) и Татищеву (II, 191), и второй сынъ, Ярославъ былъ также отъ этой наложницы; быть можетъ, уменьшительныя «Мстиславецъ», «Ярославецъ», какъ ихъ называли, указывали на ихъ происхожденіе.

[2]) Татищ. II, 211: Сей великій князь былъ ростомъ высокъ, сухъ, волосы черноваты и прямы, борода долгая, зрѣніе острое, читатель былъ книгъ, и вельми памятенъ, за многіе бо лѣта бывшая могъ сказать, яко написанное; болѣзней же ради мало ѣлъ, и весьма рѣдко и то по нуждѣ для другихъ упивался; къ войнѣ не былъ охотникъ, и хотя на кого скоро осердился, но скоро и запамятовалъ: притомъ вельми сребролюбивъ былъ и скупъ, для котораго жидамъ многіе предъ христіаны вольности далъ, чрезъ что многіе христіане торгу и ремеслъ лишились. Наложницу свою поялъ въ жену, и тако ее любилъ, что безъ слезъ на малое время разлучиться не могъ, и, много ее слушая, отъ князей терпѣлъ поношеніе, а часто и вредъ съ сожалѣніемъ; и ежели бы Владиміръ его не охранялъ, тобъ давно Кіева Святославичами лишенъ былъ».—У Татищ. (II, 157) къ княженію Святополкову относится походъ на Корсунцевъ: «Корсуяне, напавъ на русскіе корабли, разбили и многое богатство пограбили, о чемъ Святополкъ и Владиміръ посылали къ царю Алексѣю просить и къ Корсунянамъ, но не получили достойнаго награжденія, для котораго Владиміръ съ Давидомъ Игоревичемъ и Ярославомъ Ярополчичемъ, имѣющимъ войска Святополковы, къ тому же, взявъ Торковъ и Козаровъ, пошелъ въ Корсунь, и, сошедшись съ войсками Корсунскими, у града ихъ Кафы, побѣдилъ, по которымъ Корсупяне, заплатя всѣ убытки Владиміру, миръ испросили».—Здѣсь Татищ. ссылается на Степенныя, Стрыйковскаго и рукопись Волынскаго.

многихъ отнялъ; великое было тогди нестроеніе и грабежъ беззаконный [1]).

Таково было княженіе Святополка для Кіевлянъ. Легко понять, что племя Изяславово потеряло окончательно народную любовь на Руси; дѣти Святослава никогда не пользовались ею: мы видѣли, какую славу имѣлъ Олегъ Гориславичъ въ народѣ; въ послѣднее время онъ не могъ поправить ея, не участвуя въ самыхъ знаменитыхъ походахъ другихъ князей. Старшій братъ его, Давидъ [2]), былъ лицо незначительное; если онъ сдѣлалъ менѣе зла Русской Землѣ, чѣмъ братъ его, то, какъ видно, потому, что былъ менѣе его дѣятеленъ; но если-бы даже Давидъ и имѣлъ большое значеніе, то оно исчезало предъ значеніемъ Мономаха, который во все княженіе Святополка стоялъ на первомъ планѣ; отъ него одного только народъ привыкъ ждать всякаго добра. Мы видѣли, что въ лѣтописи онъ является любимцемъ неба, дѣйствующимъ по его внушенію, и главнымъ зачинателемъ добрыхъ предпріятій; онъ былъ старшимъ на дѣлѣ; любопытно, что лѣтописецъ, при исчисленіи князей, постоянно даетъ ему второе мѣсто послѣ Святополка, впереди Святославичей: могли ли они послѣ того надѣяться получить старшинство по смерти Святополковой? При тогдашнихъ неопредѣленныхъ отношеніяхъ, когда княжилъ цѣлый родъ, странно было бы ожидать, чтобъ Святополково мѣсто занято было кѣмъ-нибудь другимъ, кромѣ Мономаха. Мы видѣли, какъ поступили Новгородцы, когда князья хотѣли вывести изъ ихъ города любимаго ими Мстислава; такъ же поступаютъ Кіевляне по смерти Святополка, желая видѣть его преемникомъ Мономаха. Они собрали вѣче, рѣшили, что быть княземъ Владиміру, и послали къ нему объявить объ этомъ [3]): „Ступай, князь, на столъ отцовскій и дѣдовскій“, говорили ему послы. Мономахъ, узнавъ о смерти Святополка, много плакалъ, и не пошелъ въ Кіевъ: если по смерти Всеволода онъ не пошелъ туда, уважая старшинство Святополка, то ясно, что и теперь онъ поступалъ по тѣмъ же побужденіямъ, уважая старшинство Святославичей. Но у Кіевлянъ были свои разсчеты: они разграбили дворъ Путяты тысяцкаго за то, какъ говоритъ одно извѣстіе [4]), что Путята держалъ сторону Святославичей; потомъ разграбили дворы сотскихъ и жидовъ. Эти слова лѣтописи подтверждаютъ то извѣстіе, что Святополкъ изъ корыстолюбія далъ большія льготы жидамъ, которыми они пользовались въ ущербъ народу, и тѣмъ возбудили противъ себя всеобщее негодованіе. Послѣ грабежа, Кіевляне послали опять къ Владиміру съ такими словами: „Приходи, князь, въ Кіевъ; если же не придешь, то знай, что много зла сдѣлается; ограбятъ уже не одинъ Путятинъ дворъ или сотскихъ и жидовъ, но пойдутъ на княгиню Святополкову, на бояръ, на монастыри, и тогда ты, князь, дашь Богу отвѣтъ, если монастыри разграбятъ“. Владиміръ, услыхавши объ этомъ, пошелъ въ Кіевъ; на-встрѣчу къ нему вышелъ митрополитъ съ епископами и со всѣми Кіевлянами, принялъ его съ честью великою; всѣ люди были рады,—и мятежъ утихъ.

Такъ, послѣ перваго же старшаго князя во второмъ поколѣніи нарушенъ уже былъ порядокъ первенства вслѣдствіе личныхъ достоинствъ сына Всеволодова; племя Святославово потеряло старшинство, должно было ограничиться одною Черниговскою волостью, которая такимъ образомъ превращалась въ отдѣльную отъ остальныхъ русскихъ владѣній отчину, подобно Полоцкой отчинѣ Изяславичей. На первый разъ усобицы не было: Святославичамъ нельзя было спорить съ Мономахомъ; но они затаили обиду свою только на время.

Въ непосредственной связи съ приведенными обстоятельствами избранія Мономахова находится извѣстіе, что Владиміръ, тотчасъ по вступленіи на старшій столъ, собралъ мужей своихъ, Олегъ Святославичъ прислалъ также своего мужа,—и порѣшили ограничить росты [5]); очень вѣроятно, что жиды, съ позволенія Святополкова, пользовались неумѣренными ростами, за что и всталъ на нихъ народъ [6]).

Святославичи не предъявляли своихъ правъ, съ ними не было войны; несмотря на то, и княженіе Мономаха не обошлось безъ усобицъ. Мы видѣли еще при Святополкѣ походъ князей на Глѣба Всеславича Минскаго; этотъ князь, какъ видно, наслѣдовалъ духъ отца своего и дѣда и вражду ихъ съ Ярославичами: онъ не побоялся подняться на сильнаго Мономаха, опустошилъ часть Земли Дреговичей, принадлежавшую Кіевскому княжеству, сжегъ Слуцкъ [7]), и когда Владиміръ посылалъ къ нему съ требованіемъ, чтобъ унялся отъ насилій, то онъ не думалъ раскаяваться и покоряться, но отвѣчалъ укоризнами. Тогда Владиміръ, въ 1116 году, надѣясь на Бога и на правду, по выраженію лѣтописца, пошелъ къ Минску съ сыновьями своими, Давидомъ Святославичемъ и сыновьями Олеговыми.

---

[1]) Патер. Печер. листъ 141, 144, 145.

[2]) Ср. послѣ слово Ольговичей Давидовичу о волостяхъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 4: съвѣтъ створиша Кіяне, послаша къ Владиміру, глаголюще: «пойди, княже, на столъ отень и дѣдинъ».—Татищ. II, 211: «По смерти его (Святополка), Кіевляне, сошедшись въ церкви Св. Софіи, учинили совѣтъ о избраніи на великое княженіе, на которое безъ всякаго спора всѣ согласно избрали Владиміра Всеволодича».—При этомъ прибавляетъ въ примѣчаніи (359): «Сіе избраніе государя погрѣшно внесено: ибо по многимъ обстоятельствамъ видимъ, что силы Кіевлянъ въ томъ не было, и брали сущіе наслѣдники по закону или по совѣтамъ, или силою».—Вотъ лучшее доказательство добросовѣстности Татищева; ему не нравился фактъ избранія, и однако онъ оставилъ его въ текстѣ.

[4]) Татищ. II, 212.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 111.

[6]) Татищ. 213. Здѣсь читаемъ, что Владиміръ созвалъ князей, и на общемъ совѣтѣ положили выгнать жидовъ изо всей Русской Земли. Этому извѣстію противорѣчитъ извѣстіе лѣтописи подъ 1124 годомъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 10) о пожарѣ, во время котораго погорѣли въ Кіевѣ и жиды.—Впрочемъ, прежнее мѣсто жительства жидовъ могло долго удерживать ихъ имя.

[7]) Теперь уѣздный городъ Минской губерніи.

Сынъ Мономаха, Вячеславъ, княжившій въ Смоленскѣ, взялъ Оршу и Копысъ; Давидъ съ другимъ сыномъ Мономаховымъ, Ярополкомъ, княжившимъ въ Переяславлѣ, на отцовскомъ мѣстѣ, взяли Друцкъ приступомъ, а самъ Владиміръ пошелъ къ Минску и осадилъ въ немъ Глѣба. Мономахъ рѣшился взять Минскъ, сколько бы ни стоять подъ нимъ, и для того велѣлъ у стана строить прочное жилье (избу); Глѣбъ, увидавъ приготовленіе къ долгой осадѣ, испугался и началъ слать пословъ съ просьбами; Владиміръ, не желая, чтобъ христіанская кровь проливалась Великимъ постомъ, далъ ему миръ. Глѣбъ вышелъ изъ города съ дѣтьми и дружиною, поклонился Владиміру и обѣщался во всемъ его слушаться; тотъ, давши ему наставленіе, какъ впредъ вести себя, возвратилъ ему Минскъ и пошелъ назадъ въ Кіевъ; но сынъ его, Ярополкъ Преяславскій, не думалъ возвращать свой плѣнъ, жителей Друцка; тяготясь болѣе другихъ князей малонаселенностью своей степной волости, такъ часто опустошаемой Половцами, онъ вывелъ ихъ въ Переяславское княжество и срубилъ для нихъ тамъ городъ Желни [1]). Минскій князь, какъ видно, не долго исполнялъ наказъ Владиміровъ; въ 1120 году у Глѣба отняли Минскъ и самого привели въ Кіевъ, гдѣ онъ въ томъ же году и умеръ [2]).

Другая усобица происходила на Волыни. Мы видѣли, что Владиміръ жилъ дружно съ Святополкомъ; послѣдній хотѣлъ еще болѣе скрѣпить эту дружбу, которая могла быть очень выгодна для сына его Ярослава, и женилъ послѣдняго на внукѣ Мономаховой, дочери Мстислава Новгородскаго. Но самый этотъ бракъ если не былъ единственною, то, по крайней мѣрѣ, одною изъ главныхъ причинъ вражды между Ярославомъ и Мономахомъ. Подъ 1118 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Мономахъ ходилъ войною на Ярослава къ Владиміру-Волынскому, вмѣстѣ съ Давидомъ Святославичемъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Послѣ двухмѣсячной осады Ярославъ покорился, ударилъ челомъ передъ дядею; тотъ далъ ему наставленіе, велѣлъ приходить къ себѣ по первому зову, и пошелъ назадъ съ миромъ въ Кіевъ. Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи прибавлено, что причиною похода Мономахова на Ярослава было дурное обращеніе послѣдняго съ женою своею [3]),—извѣстіе очень вѣроятное, если у Ярослава были наслѣдственныя отъ отца наклонности. Но есть еще другое извѣстіе, также очень вѣроятное, что Ярославъ былъ подучаемъ Поляками ко враждѣ съ Мономахомъ и особенно Ростиславичами. Мы видѣли прежде вражду послѣднихъ съ Поляками, которые не могли простить Васильку его опустошительныхъ нападеній и завоеваній; Ярославъ, подобно отцу, не могъ забыть, что волость Ростиславичей составляла нѣкогда часть Волынской волости: интересы слѣд. были одинакіе и у Польскаго и у Волынскаго князя; но, кромѣ того, ихъ соединяла еще родственная связь. Мы видѣли, что еще на брестскомъ съѣздѣ между Владиславомъ-Германомъ и Святополкомъ было положено заключить брачный союзъ: дочь Святополкову, Сбыславу, выдать за сына Владиславова, Болеслава Кривоустаго; но бракъ былъ отложенъ по малолѣтству жениха и невѣсты. Въ 1102 году умеръ Владиславъ-Германъ, еще при жизни своей раздѣлившіи волости между двумя сыновьями — законнымъ Болеславомъ и незаконнымъ Збигнѣвомъ. Когда вельможи спрашивали у него, кому же изъ двоихъ сыновей онъ дастъ старшинство, то Владиславъ отвѣчалъ: „Мое дѣло раздѣлить волости, потому что я старъ и слабъ; но возвысить одного сына передъ другимъ или дать имъ правду и мудрость можетъ только одинъ Богъ. Мое желаніе— чтобъ вы повиновались тому изъ нихъ, который окажется справедливѣе дургого и доблестнѣе при защитѣ родной Земли". Эти слова, приводимыя польскимъ лѣтописцемъ, очень замѣчательны: они показываютъ всю неопредѣленность въ понятіяхъ о порядкѣ наслѣдства, какая господствовала тогда въ славянскихъ государствахъ. Лучшимъ между братьями оказался Болеславъ, который вовсе не былъ похожъ на отца, отличался мужествомъ, дѣятельностью. Болеславъ остался вѣренъ отцовскому договору съ Святополкомъ, женился на дочери послѣдняго — Сбыславѣ [4]), и, вслѣдствіе этого родственнаго союза, Ярославъ Волынскій постоянно помогалъ Болеславу въ усобицѣ его съ братомъ Збигнѣвомъ [5]); нѣтъ ничего страннаго, слѣдовательно, что князья Польскій и Волынскій рѣшились дѣйствовать вмѣстѣ противъ Ростиславичей. Но могъ ли Мономахъ спокойно смотрѣть на это, тѣмъ болѣе что онъ находился съ Ростиславичами въ родственной связи: сынъ его, Романъ, былъ женатъ на дочери Володаря; ясно, что онъ долженъ былъ вступиться за послѣдняго и за брата его; сначала, говоритъ то же извѣстіе, онъ посылалъ уговаривать Ярослава, потомъ звалъ его на судъ предъ князей [6]), наконецъ, когда Ярославъ не послушался, пошелъ

---

[1]) Полтавской губерніи, въ Золотоношскомъ уѣздѣ на р. Сулѣ, недалеко отъ устья ея въ Днѣпръ, находится старинное мѣстечко Жовнинъ, или Жолнинъ.

[2]) По Татищеву (II, 222), Глѣбъ началъ опять воевать Новгородскую и Смоленскую волости; Владиміръ послалъ на него сына своего Мстислава, который и отнялъ у него Минскъ.

[3]) Никон. II, 53: «бяше бо негодуя внуку его Ярославець Мстиславлю дщерь».

[4]) По свидѣтельству анонимнаго автора Vitae S. Ottonis (Ludwig, Script. rer. Bamberg. p. 649—50), передъ бракомъ этимъ была война у Святополка съ Болеславомъ; если это извѣстіе вѣрно, то поводомъ къ войнѣ должно положить дѣло племянника Святополкова, Ярослава Ярополчича, которое велось на польскихъ границахъ, и тутъ могли возникнуть непріязненныя столкновенія.

[5]) Збигнѣвъ, изгнанный Болеславомъ съ помощію Ярослава, нашелъ однако убѣжище при Дворѣ Святополка Кіевскаго и былъ примиренъ имъ съ братомъ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120; подъ годомъ 1106: «въ то же лѣто прибѣже Избыгнѣвъ къ Святополку».

[6]) Татищ. II, 219. Что это извѣстіе Татищева справедливо, доказательствомъ служатъ слова Мономаховы въ лѣтописи: «веля ему къ собѣ приходити, когда тя позову»,— ясно, что прежде Ярославъ не приходилъ на зовъ.

на него войною, исходъ которой мы изложили по дошедшимъ до насъ лѣтописямъ. Въ нихъ встрѣчаемъ еще одно важное извѣстіе, что передъ походомъ на Ярослава Мономахъ перезвалъ изъ Новгорода старшаго сына своего, Мстислава, и посадилъ его подлѣ себя, въ Бѣлгородѣ: это могло заставить Ярослава думать, что Мономахъ хочетъ по смерти своей передать старшинство сыну своему, тогда какъ Мономахъ могъ это сдѣлать именно вслѣдствіе непріязненнаго поведенія Ярослава. Принужденная покорность послѣдняго не была продолжительна: скоро онъ прогналъ свою жену, за что Мономахъ выступилъ вторично противъ него; разумѣется, Ярославъ могъ рѣшиться на явный разрывъ только собравши значительныя силы и въ надеждѣ на помощь польскую и венгерскую, потому что и съ королемъ Венгерскимъ онъ былъ также въ родствѣ; но собственные бояре отступили отъ Волынскаго князя, и онъ принужденъ былъ бѣжать сперва въ Венгрію, потомъ въ Польшу. Мономахъ посадилъ во Владимірѣ сперва сына своего, Романа, а потомъ, по смерти его,—другого сына, Андрея. Что эти событія были въ связи съ польскою войною, доказательствомъ служитъ походъ новаго Владимірскаго князя, Андрея, съ Половцами въ Польшу, въ 1120 году. Въ слѣдующемъ году Ярославъ съ Поляками подступилъ-было къ Червеню; Мономахъ принялъ мѣры для безопасности пограничныхъ городовъ: въ Червени сидѣлъ знаменитый мужъ его Ѳома Ратиборовичъ, который и заставилъ Ярослава возвратиться ни съ чѣмъ. Для Поляковъ, какъ видно, самымъ опаснымъ врагомъ былъ Володарь Ростиславичъ, который не только водилъ на Польшу Половцевъ, но былъ въ союзѣ съ другими опасными ея врагами—Поморянами и Пруссаками. Не будучи въ состояніи одолѣть его силою, Поляки рѣшились схватить его хитростью. Въ то время при Дворѣ Болеслава находился знаменитый своими похожденіями Петръ Властъ, родомъ, какъ говорятъ, изъ Даніи. Въ совѣтѣ, который держалъ Болеславъ по случаю вторженія Володаря, Властъ объявилъ себя противъ открытой войны съ этимъ княземъ, указывалъ на связь его съ Половцами, Поморянами, Пруссаками, которые всѣ въ одно время могли напасть на Польшу, и совѣтовалъ схватить Ростиславича хитростью, причемъ предложилъ свои услуги. Болеславъ принялъ предложеніе, и Властъ отправился къ Володарю въ сопровожденіи тридцати человѣкъ, выставилъ себя изгнанникомъ, заклятымъ врагомъ Польскаго князя, и успѣлъ пріобрѣсть полную довѣренность Ростиславича. Однажды оба они выѣхали на охоту; князь, погнавшись за звѣремъ, удалился отъ города, дружина его разсѣялась по лѣсу, подлѣ него остался только Властъ съ своими; они воспользовались благопріятною минутою, бросились на Володаря, схватили и умчали къ польскимъ границамъ [1]). Болеславъ достигъ своей цѣли: Василько Ростиславичъ отдалъ всю свою и братнюю казну, чтобъ освободить изъ плѣна Володаря; но что̀ было всего важнѣе, Ростиславичи обязались дѣйствовать заодно съ Поляками противъ всѣхъ враговъ ихъ: иначе мы не можемъ объяснить присутствія обоихъ братьевъ въ польскомъ войскѣ, во время похода его на Русь въ 1123 году. Въ этотъ годъ Ярославъ пришелъ подъ Владиміръ съ Венграми, Поляками, Чехами, обоими Ростиславичами—Володаремъ и Василькомъ: было у него множество войска, говоритъ лѣтописецъ. Во Владимірѣ сидѣлъ тогда сынъ Мономаховъ, Андрей; самъ Мономахъ собиралъ войска въ Кіевской волости, отправивъ напередъ себя ко Владиміру старшаго сына, Мстислава, съ небольшимъ отрядомъ; но и тотъ не успѣлъ придти, какъ осада была снята. Въ воскресенье, рано утромъ, подъѣхалъ Ярославъ самъ-третей къ городскимъ стѣнамъ и началъ кричать Андрею и гражданамъ: „Это мой городъ; если не отворитесь, не выйдете съ поклономъ, то увидите,—завтра приступлю къ городу и возьму его“ Но въ то время, когда онъ еще ѣздилъ подъ городомъ, изъ послѣдняго вышли тихонько два Поляка, безъ сомнѣнія находившіеся въ службѣ у Андрея [2]), что̀ тогда было дѣло обыкновенное, и спрятались при дорогѣ; когда Ярославъ возвращался отъ города мимо ихъ, то они вдругъ выскочили на дорогу и ударили его копьемъ; чуть-чуть живого успѣли примчать его въ станъ, и въ ночь онъ умеръ. Король Венгерскій Стефанъ II-й рѣшился-было продолжать осаду города, но вожди отдѣльныхъ отрядовъ его войска воспротивились этому, объявили, что не хотятъ безъ цѣли проливать кровь своихъ воиновъ, вслѣдствіе чего всѣ союзники Ярославовы разошлись по домамъ, отправивъ пословъ ко Владиміру съ просьбою о мирѣ и съ дарами. Лѣтописецъ распространяется объ этомъ событіи: „Такъ умеръ Ярославъ“, говоритъ онъ, „одинокъ при такой силѣ; погибъ за великую гордость, потому что не имѣлъ надежды на Бога, а надѣялся на множество войска; смотри теперь, что̀ взяла гордость? Разумѣйте, дружина и братья, по комъ Богъ: по гордомъ или по смиренномъ? Владиміръ, собирая войско въ Кіевѣ, плакался передъ Богомъ о насильи и гордости Ярославовой; и была великая помощь Божія благовѣрному князю Владиміру за честное его житіе и за смиреніе; а тотъ, молодой, гордился противъ дѣда своего, и потомъ опять противъ тестя своего, Мстислава“. Эти слова замѣчательны, вопервыхъ, потому, что въ нихъ высказывается современный взглядъ на междукняжескія отношенія: Ярославъ, въ глазахъ лѣтописца, виноватъ тѣмъ, что, будучи молодъ, гордился передъ дядею и тестемъ,—чисто родовыя отношенія,

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: «Володаря яша Ляхове лестью, Василькова брата». Roepell—Geschichte Polens, I, 266.—Жур. Мин. Нар. Просв. 1836, № 10.

[2]) Мы видѣли, что и прежде такія дѣла обыкновенно поручались иностранцамъ, Варягамъ, Торкамъ; вспомнимъ убіеніе Ярополка Святославича, Св. Глѣба, ослѣпленіе Василька. Въ Ипатьев. спискѣ не сказано, откуда вышли два Ляха; въ Воскрес. (I, 163) сказано, что изъ города; въ Никон., I, 55, что граждане, вышедши изъ города, убили Ярослава.

за исключеніемъ всякихъ другихъ. Вовторыхъ, очень замѣчательны слова объ отношеніи Ярослава къ Мстиславу; Ярославъ выставляется молодымъ предъ Мстиславомъ, порицается за гордость предъ нимъ; не заключаютъ ли эти слова намека на столкновеніе правъ тестя и зятя на старшинство? не заключалась ли гордость Ярослава преимущественно въ томъ, что онъ, будучи молодъ и зять Мстиславу, вздумалъ выставлять права свои предъ нимъ, какъ сынъ старшаго изъ внуковъ Ярославовыхъ? Намъ кажется это очень вѣроятнымъ. Какъ бы то ни было, однако и самая старшая линія въ Ярославовомъ потомствѣ потеряла право на старшинство смертію Ярослава; если и послѣдній, по мнѣнію лѣтописца, былъ молодъ предъ Мстиславомъ, то могли ли соперничать съ нимъ младшіе братья Ярославовы, Изяславъ и Брячиславъ: оба они умерли въ 1127 году [1]); потомство Святополково вмѣстѣ съ Волынью лишилось и Турова, который также отошелъ къ роду Мономахову; за Святополковичами остался здѣсь, какъ увидимъ послѣ, одинъ Клецкъ. Наконецъ, замѣтимъ, что Мономаху и племени его вездѣ благопріятствовало народное расположеніе; Ярославъ не могъ противиться Мономаху во Владимірѣ; бояре отступили отъ него, и когда онъ пришелъ съ огромнымъ войскомъ подъ Владиміръ, то граждане не думали отступать отъ сына Мономахова.

Такъ кончились при Владимірѣ междукняжескія отношенія и соединенныя съ ними отношенія польскія. Касательно другихъ европейскихъ гусударствъ при Мономахѣ останавливаютъ насъ лѣтописныя извѣстія объ отношеніяхъ греческихъ. Дочь Мономаха, Марія, была въ замужествѣ за Леономъ, сыномъ императора Греческаго Діогена; извѣстны обычные въ Византіи перевороты, которые возвели на престолъ домъ Комненовъ въ ущербъ дома Діогенова. Леонъ, безъ сомнѣнія, не безъ совѣта и помощи тестя своего, Русскаго князя, вздумалъ въ 1116 году вооружиться на Алексѣя Комнена и добыть себѣ какую-нибудь область. Нѣсколько дунайскихъ городовъ уже сдались ему; но Алексѣй подослалъ къ нему двухъ арабовъ, которые коварнымъ образомъ умертвили его въ Доростолѣ. Владиміръ хотѣлъ, по крайней мѣрѣ, удержать для внука своего, Василія, пріобрѣтенія Леоновы, и послалъ воеводу Ивана Войтишича, который посажалъ посадниковъ по городамъ дунайскимъ; но Доростолъ захваченъ былъ уже Греками: для его взятія ходилъ сынъ Мономаховъ, Вячеславъ, съ воеводою Ѳомою Ратиборовичемъ на Дунай, но принужденъ былъ возвратиться безъ всякаго успѣха [2]). По другимъ извѣстіямъ, русское войско имѣло успѣхъ во Ѳракіи, опустошило ее, и Алексѣй Комненъ, чтобы избавиться отъ этой войны, прислалъ съ мирными предложеніями къ Мономаху Неофита, митрополита Ефесскаго, и другихъ знатныхъ людей, которые поднесли Кіевскому князю богатые дары—Крестъ изъ Животворящаго древа, вѣнецъ царскій, чашу сердоликовую, принадлежавшую императору Августу, золотыя цѣпи и проч., причемъ Неофитъ возложилъ этотъ вѣнецъ па Владиміра и назвалъ его царемъ [3]). Мы видѣли, что царственное происхожденіе Мономаха по матери давало ему большое значеніе, особенно въ глазахъ духовенства; въ памятникахъ письменности XII-го вѣка его называютъ *царемъ* [4]): какую связь имѣло это названіе съ вышеприведеннымъ извѣстіемъ—было ли его причиною или слѣдствіемъ—рѣшить трудно; замѣтимъ одно, что извѣстіе это не заключаетъ въ себѣ ничего невѣроятнаго; очень вѣроятно также, что въ Кіевѣ воспользовались этимъ случаемъ, чтобъ дать любимому князю и дѣтямъ его еще болѣе правъ на то значеніе, которое они пріобрѣли въ ущербъ старшимъ линіямъ. Какъ бы то ни было, мы не видимъ послѣ возобновленія военныхъ дѣйствій съ Греками, и подъ 1122 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ брачномъ союзѣ внуки Мономаховой, дочери Мстислава, съ однимъ изъ князей династіи Комненовъ [5]).

Мы въ правѣ ожидать, что Половцамъ и другимъ степнымъ ордамъ стало не легче, когда Мономахъ сѣлъ на старшемъ столѣ Русскомъ. Узнавши о смерти Святополка, Половцы явились-было на восточныхъ границахъ [6]), но Мономахъ, соединившись съ Олегомъ, сыновьями своими и племянниками, пошелъ на нихъ и принудилъ къ бѣгству. Въ 1116 году видимъ опять наступательное движеніе Русскихъ:

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 130, 131.

[2]) Тамъ же, II, 8.

[3]) Воскрес. I, 258.

[4]) Какъ напр. Даніилъ Заточникъ называетъ Юрія Долгорукаго сыномъ великаго царя Владиміра.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 9: «Ведена Мьстиславна въ Грекы за царь». Царемъ былъ тогда Іоаннъ Комненъ, слѣд. напрасно обвиняетъ Карамзинъ Татищева за поставленіе здѣсь императора Іоанна: если кто ошибся, такъ лѣтописецъ, а не Татищевъ.—Что же касается здѣсь зятя Мономахова и сына Діогенова, то его должно отдѣлять отъ самозванца, о которомъ говоритъ Анна Комнена: по ея словамъ обманщикъ былъ сосланъ въ Херсонъ, освобожденъ оттуда Половцами, привелъ послѣднихъ во Ѳракію, былъ взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ въ 1096 году. Это событіе знаетъ и наша лѣтопись: подъ 1095 годомъ читаемъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 97): «Идоши Половци на Грьки съ Девгеновичемъ (Діогеновичемъ), воевали по Гречьскѣй землѣ; и я царь Девгенича, и повелѣ и слѣпити».—Относительно присылки даровъ Мономаху см. разсказъ Густинской лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 290), гдѣ прямо сказано, что прислалъ ихъ Мономаху царь Алексѣй Комнинъ; въ другихъ же лѣтописяхъ, также позднѣйшаго составленія, ошибкою вмѣсто Алексѣя Комнина поставленъ Константинъ Мономахъ, давно уже умершій; точно такъ какъ крестнымъ отцомъ Св. Ольги вмѣсто Константина Багрянороднаго поставленъ Цимисхій. Ошибку доказываетъ здѣсь то, что всѣ лѣтописи согласно помѣщаютъ присылку даровъ послѣ Ѳракійской войны, во время старости Мономаховой, а не младенчества его, слѣд. нѣтъ возможности на этой ошибкѣ строить какія-либо новыя предположенія. О вопросѣ, считать-ли жену Леона Діогеновича дочерью или сестрою Мономаха см. статью Васильевскаго—«Русско-византійскіе отрывки» въ Жур. Мин. Нар. Прос. 1875, декабрь.

[6]) «Придоша къ Выру» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 4). Старые Виры, на границѣ Курской и Харьковской губерніи.

Мономахъ послалъ сына своего Ярополка, а Давидъ сына своего, Всеволода, на Донъ, и князья эти взяли у Половцевъ три города. Рядъ удачныхъ походовъ Русскихъ князей, какъ видно, ослабилъ силы Половцевъ и далъ подчиненнымъ Торкамъ и Печенѣгамъ надежду освободиться отъ ихъ зависимости; они встали противъ Половцевъ, и страшная рѣзня происходила на берегахъ Дона: варвары сѣклись два дня и двѣ ночи, послѣ чего Торки и Печенѣги были побѣждены, прибѣжали въ Русь и были поселены на границахъ. Но движенія въ степяхъ не прекращались: въ слѣдующемъ году пришли въ Русь Бѣловѣжцы, также жители донскихъ береговъ; такъ русскія границы населялись варварскими народами разныхъ названій, которые будутъ играть важную роль въ нашемъ дальнѣйшемъ разсказѣ; но сначала, какъ видно, эти гости были очень безпокойны, не умѣли отвыкнуть отъ своихъ степныхъ привычекъ и уживаться въ ладу съ осѣдлымъ народонаселеніемъ: въ 1120 г. Мономахъ принужденъ былъ выгнать Берендѣевъ изъ Руси, а Торки и Печенѣги бѣжали сами. Ярополкъ послѣ того ходилъ на Половцевъ за Донъ, но не нашелъ ихъ тамъ: недаромъ преданіе говоритъ, что Мономахъ загналъ ихъ на Кавказъ. — Новгородцы и Псковичи продолжали воевать съ Чудью на западъ отъ Чудскаго озера: въ 1116 г. Мстиславъ взялъ городъ Оденпе, или Медвѣжью Голову, погостовъ побралъ безчисленное множество и возвратился домой съ большимъ полономъ; сынъ его, Всеволодъ, въ 1122 году ходилъ на финское племя Ямь и побѣдилъ его; но дорога была трудна по дороговизнѣ хлѣба [1]). На сѣверо-востокѣ борьба съ иноплеменниками шла также удачно: прежде мы встрѣчали извѣстія о пораженіяхъ, которыя претерпѣвали муромскія волости отъ Болгаръ и Мордвы; но теперь подъ 1120 годомъ читаемъ, что сынъ Мономаховъ, Юрій, посаженный отцомъ въ Ростовской области, ходилъ по Волгѣ на Болгаръ, побѣдилъ ихъ полки, взялъ большой полонъ, и пришелъ назадъ съ честью и славою.

Такъ во всѣхъ концахъ русскихъ волостей оправдались надежды народа на благословенное княженіе Мономаха. Послѣ двѣнадцатилѣтняго правленія въ Кіевѣ, въ 1125 году умеръ Мономахъ, просвѣтившій Русскую Землю, какъ солнце, по выраженію лѣтописца; слава его прошла по всѣмъ странамъ, особенно же былъ онъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ и нищелюбецъ и добрый страдалецъ (труженикъ) за Русскую Землю. Духовенство плакало по немъ, какъ по святомъ и добромъ князѣ, потому что много почиталъ онъ монашескій и священническій чинъ; давалъ имъ все потребное, церкви строилъ и украшалъ; когда входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ, потому-то Богъ и исполнялъ всѣ его прошенія, и жилъ онъ въ благополучіи; весь народъ плакалъ по немъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ или по матери [2]).

Разсмотрѣвши дѣятельность второго поколѣнія Ярославичей, взглянемъ и на дѣятельность дружинниковъ княжескихъ. Мы видѣли, что съ приходомъ Святополка изъ Турова въ Кіевъ въ послѣднемъ городѣ явились двѣ дружины: старая, бывшая при Изяславѣ и Всеволодѣ, и новая, приведенная Святополкомъ. Мы замѣтили, что лѣтописецъ явно отдаетъ предпочтеніе старой предъ новою: члены первой являются у него людьми разумными, опытными, члены второй—называются несмысленными. Любопытно замѣтить также при этомъ, что члены старой дружины, люди разумные, держатся постоянно Мономаха и его думы. Изъ нихъ на первомъ мѣстѣ у лѣтописца является Янъ Вышатичъ, котораго дѣятельность видѣли мы при первомъ поколѣніи; въ послѣдній разъ является Янъ подъ 1106 годомъ, когда онъ, вмѣстѣ съ братомъ своимъ Путятою и Иваномъ Захарьичемъ, прогналъ Половцевъ и отнялъ у нихъ полонъ. Вслѣдъ за этимъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Яна, старца добраго, жившаго лѣтъ 90: „Жилъ онъ по закону Божію, говоритъ лѣтописецъ, не хуже первыхъ праведниковъ, отъ него и я слышалъ много разсказовъ, которые и внесъ въ лѣтопись". Трудно рѣшить, разумѣлъ ли здѣсь лѣтописецъ нашего Вышатича, или другого какого-нибудь Яна: кажется, въ первомъ случаѣ онъ прибавилъ бы что-нибудь и о его гражданскихъ подвигахъ. Гораздо чаще упоминается имя брата Янова, Путяты, который былъ тысяцкимъ при Святополкѣ въ Кіевѣ. Мы видѣли, что при Всеволодѣ былъ кіевскимъ тысяцкимъ Янъ; какимъ образомъ эта должность перешла къ младшему брату отъ старшаго при жизни послѣдняго—мы не знаемъ; любопытно одно, что это званіе сохраняется въ семьѣ Вышаты, тысяцкаго Ярославова. Дѣятельность Путяты мы видѣли въ войнѣ Святополка съ Давидомъ Волынскимъ, на витичевскомъ съѣздѣ, въ походѣ на Половцевъ въ 1106 году; наконецъ, по смерти Святополка, видимъ, что народъ грабитъ домъ Путяты за приверженность его къ Святославичамъ; можно думать, что не столько личная привязанность къ этому роду могла руководить поведеніемъ Путяты, сколько привязанность къ обычному порядку старшинства, нарушеніе котораго неминуемо влекло за собою смуту и усобицы. Кромѣ братьевъ Вышатичей—Яна и Путяты, изъ мужей Святополковыхъ, бояръ кіевскихъ, упоминаются: Василь, Славата, Иванко Захарьичъ, Козаринъ. Послѣ Всеволода мужъ его Ратиборъ, котораго мы видѣли посадникомъ въ Тмуторакани, не остался въ Кіевѣ, но перешелъ къ Мономаху, у котораго въ Переяславлѣ пользовался большимъ значеніемъ, что видно изъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 5.

[2]) Портретъ Мономаха у Татищева (II, 229): «Лицемъ былъ красенъ, очи велики, власы рыжеваты и кудрявы, чело высоко, борода широкая, ростомъ не велми великъ, крѣпкій тѣломъ и силенъ велми, въ воинствѣ велми храбръ, и хитръ на устроеніе войскъ, многихъ враговъ своихъ побѣдилъ и покорилъ, самъ же единою токмо у Триполя побѣжденъ былъ, о чемъ никогда поминать не могъ, частію отъ жалости по утопшемъ тогда братѣ Ростиславѣ, котораго вельми любилъ, частію отъ стыда, что непорядкомъ Святополковымъ къ тому приведенъ».

разсказа объ убійствѣ половецкихъ хановъ; потомъ мы видимъ его на витическомъ съѣздѣ; наконецъ, когда Мономахъ занялъ старшій столъ, Ратиборъ сдѣлался тысяцкимъ въ Кіевѣ, на мѣсто Путяты: въ этомъ званіи онъ участвуетъ въ перемѣнѣ устава о ростахъ вмѣстѣ съ Прокопіемъ бѣлогородскимъ тысяцкимъ, Станиславомъ (Тукіевичемъ)—переяславскимъ, и еще двумя мужами—Нажиромъ и Мірославомъ; здѣсь въ другой разъ замѣчаемъ, что перемѣна въ земскомъ уставѣ дѣлается въ совѣтѣ тысяцкихъ разныхъ городовъ. Встрѣчаемъ имена двоихъ сыновей Ратиборовыхъ—Ольбега и Ѳомы; кромѣ нихъ, еще имена двоихъ воеводъ Мономаховыхъ—Дмитра Иворовича и Ивана Войтишича, перваго въ походѣ на Половцевъ за Донъ, второго—на Грековъ къ Дунаю; наконецъ Орогоста, дѣйствовавшаго вмѣстѣ съ Ратиборомъ на витичевскомъ съѣздѣ. Изъ черниговскихъ бояръ Святославичей встрѣчаемъ имена: Торчина—при разсказѣ о витичевскомъ съѣздѣ, и Иванка Чудиновича, бывшаго при перемѣнѣ устава о ростахъ; если этотъ Иванко—сынъ Чудина, боярина Изяславова, то любопытно, что сынъ очутился въ дружинѣ Святославичей. Изъ волынскихъ бояръ встрѣчаемъ имена Туряка, Лазаря и Василя, выставленныхъ главными виновниками ослѣпленія Василька. Что касается до происхожденія членовъ княжеской дружины, то имена Торчина, боярина Святославичей Черниговскихъ, и Козарина, боярина Святополкова, ясно на него указываютъ; имена прислуги княжеской — Торчина, овчаря Святополкова, Бяндука, отрока Мономахова, Кульмѣя, Улана и Колчка, отроковъ Давида Волынскаго, могутъ указывать также на варварское происхожденіе.

Глава IV.

Событія при правнукахъ Ярослава I-го; борьба дядей съ племянниками въ родѣ Мономаха и борьба Святославичей съ Мономаховичами—до смерти Юрія Владиміровича Долгорукаго.

(1125—1157.)

Сыновья Мономаха.—Мстиславъ в. князь.—Усобица между Святославичами Черниговскими.—Княжество Муромское.—Присоединеніе Полоцка къ волостямъ Мономаховичей.—Война съ Половцами, Чудью и Литвою.—Смерть в. князя Мстислава Владиміровича.—Братъ его Ярополкъ—великимъ княземъ.—Начало борьбы дядей съ племянниками въ племени Мономаховомъ.—Святославичи Черниговскіе вмѣшиваются въ эту борьбу.—Событія въ Новгородѣ Великомъ.—Смерть Ярополка Владиміровича.—Всеволодъ Ольговичъ Черниговскій изгоняетъ Вячеслава Владиміровича изъ Кіева и утверждается здѣсь.—Отношенія его къ роднымъ и двоюроднымъ братьямъ.—Ростиславичи Галицкіе.—Война в. князя Всеволода съ Владимiркомъ Володаревичемъ Галицкимъ.—Князья Городенскіе, Полоцкіе, Муромскіе.—Событія въ Новгородѣ Великомъ.—Вмѣшательство Русскихъ князей въ дѣла польскія.—Морской разбой Шведовъ.—Борьба Русскихъ съ Финнами и Половцами.—Предсмертныя распоряженія в. князя Всеволода Ольговича.—Смерть его.—Изгнаніе изъ Кіева Игоря Ольговича.—Изяславъ Мстиславичъ Мономашичъ княжитъ въ Кіевѣ.—Плѣнъ Игоря Ольговича.—Раздоръ между Святославичами Черниговскими.—Союзъ Изяслава Мстиславича съ Давидовичами Черниговскими; союзъ Святослава Ольговича съ Юріемъ Владиміровичемъ Мономашичемъ, княземъ Ростовскимъ, противъ Изяслава Мстиславича.—Первое упоминовеніе о Москвѣ.—Отступленіе Давидовичей Черниговскихъ отъ Изяслава Мстиславича.—Кіевляне убиваютъ Игоря Ольговича.—Миръ Изяслава Мстиславича съ Святославичами Черниговскими.—Сынъ Юрія Ростовскаго, Ростиславъ, переходитъ къ Изяславу Мстиславичу.—Изяславъ въ Новгородѣ Великомъ; походъ его на волости дяди Юрія.—Изгнаніе Ростислава Юрьевича изъ Кіева. Движеніе отца его, Юрія, на югъ.—Побѣда Юрія надъ племянникомъ Изяславомъ и занятіе Кіева.—За Изяслава вступаются Венгры и Поляки; Галицкій князь Владимірко за Юрія.—Подвиги сына Юріева, Андрея.—Онъ хлопочетъ о мирѣ между отцомъ своимъ и Изяславомъ Мстиславичемъ.—Непродолжительность мира.—Изяславъ изгоняетъ Юрія изъ Кіева, но долженъ уступить старшинство другому дядѣ, Вячеславу.—Война Изяслава съ Владимiркомъ Галицкимъ.—Юрій изгоняетъ Вячеслава и Изяслава изъ Кіева.—Изяславъ съ Венграми опять изгоняетъ Юрія изъ Кіева и опять отдаетъ старшинство Вячеславу, подъ именемъ котораго княжитъ въ Кіевѣ.—Продолженіе борьбы Изяслава съ Юріемъ.—Битва на рѣкѣ Рутѣ и пораженіе Юрія, который принужденъ оставить югъ.—Два другихъ неудачныхъ похода его на югъ.—Война Изяслава Мстиславича въ союзѣ съ Венгерскимъ королемъ противъ Владимірка Галицкаго.—Клятвопреступленіе и смерть Владимірка.—Война Изяслава съ сыномъ Владимірковымъ, Ярославомъ.—Смерть Изяслава; его характеръ.—Вячеславъ вызываетъ къ себѣ въ Кіевъ брата Изяслава, Ростислава, изъ Смоленска.—Смерть Вячеслава.—Ростиславъ уступаетъ Кіевъ Изяславу Давидовичу Черниговскому.—Юрій Ростовскій заставляетъ Давидовича выѣхать изъ Кіева и самъ окончательно утверждается здѣсь.—Усобицы между Святославичами въ Черниговской волости и Мономаховичами на Волыни.—Союзъ князей противъ Юрія.—Смерть его.—Событія полоцкія, муромскія, рязанскія, новгородскія.—Борьба съ Половцами и финскими племенами.—Дружина.

По смерти Мономаха на Кіевскомъ столѣ сѣлъ старшій сынъ его Мстиславъ; соперниковъ ему быть не могло: Олегъ и Давидъ Святославичи умерли еще при жизни Мономаха; въ Черниговѣ сидѣлъ младшій братъ ихъ Ярославъ; но этотъ незначительный князь не могъ удержать старшинства и въ собственномъ родѣ; еще менѣе могъ спорить съ Мстиславомъ Брячиславъ Святополковичъ, княжившій неизвѣстно въ какомъ городкѣ въ Пинскихъ волостяхъ. Но и болѣе сильные соперники не могли быть страшны Мстиславу при народномъ расположеніи къ роду Мономахову, тѣмъ болѣе что Мстиславъ

походилъ во всемъ на знаменитаго отца своего. Недаромъ лѣтописецъ, начиная разсказъ о княженіи Мстислава, говорилъ, что этотъ князь еще въ молодости побѣдилъ дядю своего Олега [1]): такимъ образомъ, въ личныхъ достоинствахъ Мономахова сына старались находить оправданіе тому, что онъ отстранялъ старшее племя Святославово [2]).

Кромѣ Мстислава, послѣ Мономаха оставалось еще четверо сыновей: Ярополкъ, Вячеславъ, Георгій, Андрей; Ярополкъ еще при отцѣ получилъ столъ Переяславскій [3]) и остался на немъ при братѣ; Ярополкъ былъ на своемъ мѣстѣ, потому что отличался храбростью, необходимою для Переяславскаго князя, обязаннаго постоянно биться съ степными варварами. Третій братъ, Вячеславъ, княжилъ сперва въ Смоленскѣ, а потомъ переведенъ былъ въ Туровъ; Георгій издавна княжилъ въ Ростовской области [4]), Андрей—во Владимірѣ на Волыни. Въ Новгородѣ сидѣлъ старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ; въ Смоленскѣ—третій сынъ его, Ростиславъ; гдѣ же былъ второй, Изяславъ?—должно думать, что гдѣ-нибудь подлѣ Кіева; онъ также отличался храбростью и потому нуженъ былъ отцу для рати: скоро нашлась ему и волость и дѣятельность.

Въ Черниговѣ произошло важное явленіе: сынъ Олега, Всеволодъ, напалъ врасплохъ на дядю своего, Ярослава, согналъ его съ старшаго стола, дружину его перебилъ и разграбилъ. Въ самомъ занятіи Кіевскаго стола Мстиславомъ мимо Ярослава Святославича, который приходился ему дядею, Всеволодъ могъ уже видѣть примѣръ и оправданіе своего поступка: если Ярославъ потерялъ старшинство въ цѣломъ родѣ, то могъ ли онъ сохранять его въ своей линіи? Какъ бы то ни было, Мстиславъ не хотѣлъ сначала терпѣть такого нарушенія старшинства дядей, тѣмъ болѣе что, какъ видно, онъ обязался клятвеннымъ договоромъ поддерживать Ярослава въ Черниговѣ. Вмѣстѣ съ братомъ Ярополкомъ, Мстиславъ собралъ войско, чтобъ идти на Всеволода; тотъ не могъ одинъ противиться Мономаховичамъ и послалъ за Половцами, а дядю Ярослава отпустилъ изъ неволи въ Муромъ. Половцы явились на зовъ Всеволода въ числѣ 7000 и стали за рѣкою Выремъ [5]), у Ратимировой Дубравы; но послы ихъ, отправленные къ Всеволоду, были перехвачены на рѣкѣ Локнѣ [6]) и приведены къ Ярополку, потому что послѣдній успѣлъ захватить все теченіе рѣки Сейма, посадилъ по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, а въ Курскѣ—племянника Изяслава Мстиславича Половцы, не получая вѣсти изъ Чернигова, испугались и побѣжали назадъ; это извѣстіе очень замѣчательно: оно показываетъ, какъ варвары стали робки послѣ задонскихъ походовъ Мономаха, сыновей и воеводъ его. Послѣ бѣгства Половцевъ, Мстиславъ еще больше началъ стѣснять Всеволода: „Что, взялъ?“ говорилъ онъ ему, „навелъ Половцевъ,—что же помогли они тебѣ?“ Всеволодъ сталъ упрашивать Мстислава, подучивалъ его бояръ, подкупалъ ихъ дарами, чтобъ просили за него, и такимъ образомъ провелъ все лѣто. Зимою пришелъ Ярославъ изъ Мурома въ Кіевъ, и сталъ также кланяться Мстиславу и упрашивать. „Ты мнѣ крестъ цѣловалъ, пойди на Всеволода“; а Всеволодъ съ своей стороны еще больше упрашивалъ. Въ это время въ кіевскомъ Андреевскомъ монастырѣ былъ игумномъ Григорій, котораго очень любилъ Владиміръ Мономахъ, да и Мстиславъ и весь народъ очень почитали его. Этотъ-то Григорій все не давалъ Мстиславу встать ратью на Всеволода за Ярослава; онъ говорилъ: „Лучше тебѣ нарушить клятву, чѣмъ пролить кровь христіанскую“ Мстиславъ не зналъ, что̀ ему дѣлать. Митрополита тогда не было въ Кіевѣ,—такъ онъ созвалъ соборъ изъ священниковъ и передалъ дѣло на ихъ рѣшеніе; тѣ отвѣчали: „На насъ будетъ грѣхъ клятвопреступленія“. Мстиславъ послушался ихъ, не исполнилъ своего обѣщанія Ярославу, и послѣ раскаявался въ томъ всю жизнь. На слова Григорія и на приговоръ собора можно смотрѣть какъ на выраженіе общаго народнаго мнѣнія: граждане не терпѣли княжескихъ усобицъ и вообще войнъ, не приносившихъ непосредственной пользы, не имѣвшихъ цѣлію защиты края; но какая охота была Кіевлянамъ проливать свою кровь за нелюбимаго Святославича? Со стороны же Мстислава, кромѣ рѣшенія духовенства, побужденіемъ къ миру со Всеволодомъ могла служить также и родственная связь съ нимъ: за нимъ была дочь его. Какъ бы то ни было, племянникъ удержалъ за собою старшій столъ вопреки правамъ дяди; но эта удача была, какъ увидимъ, первою и послѣднею въ нашей древней исторіи. Для Мономаховичей событіе это не осталось впрочемъ безъ матеріальной выгоды: они удержали Курскъ и все Посемье, и это пріобрѣтеніе было для нихъ очень важно, потому что затрудняло сообщеніе Святославичей съ Половцами. Ярославъ долженъ былъ идти назадъ въ Муромъ и остаться тамъ навсегда; потомки его явились уже изгоями относительно

---

[1]) Никон. II, 58.

[2]) Татищ. II, 231: «Черниговскіе князя весьма тому Мстиславлю возшествію на престолъ завріли, поставляя себя старѣйшими, но вѣдая храбрость и великой умъ Мстиславль, съ молчаніемъ оставили, понеже не былъ никто въ состояніи противорѣчить ему».

[3]) Но, какъ видно, Мстиславъ, будучи переведенъ отцомъ изъ Новгорода въ Бѣлгородъ, считался княземъ Переяславскимъ по старшинству стола, а сидѣлъ въ Бѣлгородѣ для того только, чтобъ быть поближе къ отцу. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «Въ то же лѣто Ярополкъ приведе Всеволода Мстиславича изъ Новгорода, и да ему Переяславль по хрестьному цѣлованью, яко же ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повелѣнью, яко же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ».

[4]) Мономахъ въ письмѣ къ Олегу говоритъ: «Да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестьный (Мстиславъ) съ малымъ братомъ своимъ» (Юріемъ).

[5]) Рѣка въ Харьковской губерніи, впадающая въ Сеймъ.

[6]) Впадающій въ Гырь.

племени Святославова, потеряли право на старшинство, должны были ограничиться одною Муромскою волостью, которая, вслѣдствіе этого, отдѣлилась отъ Черниговской. Такимъ образомъ, и на востокѣ отъ Днѣпра образовалась отдѣльная княжеская волость, подобная Полоцкой и Галицкой на западѣ.

Покончивши съ черниговскими, въ томъ же 1127 г. Мстиславъ послалъ войско на князей полоцкихъ: есть извѣстіе, что они не переставали опустошать пограничныя волости Мономаховичей [1]). Мстиславъ послалъ войска четырьмя путями: братьевъ—Вячеслава изъ Турова, Андрея—изъ Владиміра; сына Давида Игоревича Всеволодка [2]), зятя Мономахова,—изъ Городна и Вячеслава Ярославича [3])—изъ Клецка; этимъ четверымъ князьямъ велѣлъ идти къ Изяславлю; Всеволоду Ольговичу Черниговскому велѣлъ идти съ братьями на Стрѣжевъ къ Борисову, туда же послалъ извѣстнаго воеводу своего Ивана Войтишича съ Торками; свой полкъ отправилъ подъ начальствомъ сына, Изяслава, къ Лагожску [4]), а другого сына, Ростислава, съ Смольнянами на Друцкъ. Въ Полоцкѣ сидѣлъ въ это время тотъ самый Давидъ Всеславичъ, котораго прежде мы видѣли въ союзѣ съ Ярославичами противъ Глѣба Минскаго; за сыномъ его Брячиславомъ, княжившимъ, какъ видно, въ Изяславлѣ, была дочь Мстислава Кіевскаго. Минскъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, отошелъ къ Ярославичамъ еще при Мономахѣ, который отвелъ въ неволю князя его Глѣба; иначе Мстиславъ не направилъ бы войско свое мимо Минска на города дальнѣйшіе: быть можетъ, Всеславичи не могли забыть потери Минска, и это было главнымъ поводомъ къ войнѣ. Мстиславъ всѣмъ отправленнымъ князьямъ назначилъ срокомъ одинъ день, въ который они должны были напасть на указанныя мѣста. Но Изяславъ Мстиславичъ опередилъ одинъ всю братью и приблизился къ Лагожску; зять его, Брячиславъ, князь Изяславскій, велъ въ это время лагожскую дружину на помощь отцу своему, Давиду; но, узнавъ на серединѣ пути, что Изяславъ у города, такъ перепугался, что не зналъ что дѣлать, куда идти, и пошелъ прямо въ руки къ шурину, которому привелъ и лагожскую дружину. Лагожане, видя своихъ въ рукахъ у Изяслава, сдалися ему; пробывъ здѣсь два дня, Изяславъ отправился къ дядьямъ своимъ, Вячеславу и Андрею, которые осаждали Изяславль. Жители этого города, видя, что князь ихъ и Лагожане взяты Изяславомъ и не терпятъ никакой бѣды, объявили Вячеславу, что сдадутся, если онъ поклянется не давать ихъ на щитъ (на разграбленіе) воинамъ. Вячеславъ согласился, и вечеромъ Вратиславъ, тысяцкій князя Андрея, и Иванко, тысяцкій Вячеславовъ, послали въ городъ своихъ отроковъ; но когда на разсвѣтѣ остальные ратники узнали объ этомъ, то бросились всѣ въ городъ и начали грабить; едва князья съ своими дружинами успѣли уберечь имѣніе дочери великаго князя Мстислава, жены Брячиславовой, и то должны были биться съ своими. Между тѣмъ, съ другой стороны, шелъ къ Полоцку старшій сынъ Мстислава, Всеволодъ, князь Новгородскій [5]); тогда Полочане выгнали отъ себя Давида съ сыновьями, взяли брата его, Рогволода [6]), и послали просить Мстислава, чтоб онъ утвердилъ его у нихъ княземъ. Мстиславъ согласился. Недаромъ однако современники не умѣли объяснить себѣ этой наслѣдственной и непримиримой вражды полоцкихъ князей къ потомству Ярослава, и прибѣгали къ помощи преданія о Рогволодѣ и Рогнѣдѣ: какъ при Мономахѣ, такъ и теперь при сынѣ его дѣло могло кончиться только изгнаніемъ Изяславичей изъ волостей ихъ. Во время половецкаго нашествія въ 1129 году, Мстиславъ, собирая князей, послалъ звать и полоцкихъ на помощь противъ варваровъ; Рогволода, пріятнаго Ярославичамъ, какъ видно, не было уже въ это время въ живыхъ, и старшинство, по-прежнему, держалъ Давидъ, который съ братьями и племянниками далъ дерзкій, насмѣшливый отвѣтъ на зовъ Мстислава [7]). Половецкая война помѣшала великому князю немедленно наказать Всеславича; но когда Половцы были прогнаны, то онъ вспомнилъ обиду и послалъ за *кривскими* князьями, какъ продолжали еще называть полоцкихъ владѣльцевъ: Давида, Ростислава и Святослава Всеславичей, вмѣстѣ съ племянниками ихъ Рогволодовичами, посадили въ три лодки и заточили въ Царьградъ,—безъ всякаго сомнѣнія, Полочане выдали князей своихъ, не желая подвергать страны своей опустошеніямъ. По городамъ полоцкимъ, говоритъ лѣтописецъ, Мстиславъ посажалъ своихъ посадниковъ; но послѣ мы видимъ тамъ сына его Изяслава, переведеннаго изъ Курска [8]).

[1]) Татищ. II, 235.

[2]) По Татищеву (II, 263), это былъ сынъ Давида Игоревича; Городно считаютъ мѣстечкомъ Минской губерніи Пинскаго уѣзда.

[3]) Неизвѣстно сынъ какого Ярослава—Святополковича или Ярополковича; Карамзинъ думаетъ, что перваго. Этотъ женился въ 1112 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 3): положимъ, что Вячеславъ былъ первенецъ и родился черезъ годъ—и тогда въ 1127 году было ему только 14 лѣтъ.

[4]) Въ Борисовскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Гойнѣ, впад. въ Березину.—Друцкъ—мѣстечко Могилевскаго уѣзда, на рѣкѣ Дручѣ.

[5]) «Потомъ же и Новгородци придоша съ Мстиславичемь со Всеволодомъ къ Неколочю».—Селеніе Неклочь Витебской губерніи, Лепельскаго уѣзда, въ 19 верстахъ отъ Лепеля.

[6]) Конечно Рогволода Всеславича, а не Борисовича, потому что нельзя было взять сына мимо отца, а Борисъ умеръ послѣ.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 16. «Зане не бяхуть его воли и не слушахуть его, коли ѣ зовяшеть въ Русскую Землю на помощь, но паче молвяху Бонякови шелудивому во здоровье»—объясняется такъ у Татищева (II, 240): Полоцкіе съ ругательствомъ отказали, глаголя: «Ты съ Бонякомъ шолудякомъ здравствуйте оба, и управляйте сами, а мы имѣемъ дома что дѣлать».

[8]) Татищ. II, 241: «Императоръ же, принявъ ихъ, опредѣлилъ имъ довольное на содержаніе и послалъ въ войско, бывшее противъ Срацынъ, гдѣ они съ похвалою служили, въ Полоцкъ же Мстиславъ опредѣлилъ сына своего Изяслава».

Изъ внѣшнихъ событій, по-прежнему, записана въ лѣтописи борьба съ Половцами и другими сосѣдними варварами. Половцы обрадовались смерти Мономаховой и немедленно явились въ предѣлахъ Переяславскаго княжества. Мы видѣли, что Русскіе князья, во время счастливыхъ походовъ своихъ въ степи, взяли у Половцевъ часть подвластныхъ имъ Торковъ и Печенѣговъ; видѣли, что эти варвары послѣ сами убѣжали отъ Половцевъ въ русскіе предѣлы и были поселены здѣсь. Разумѣется, Половцамъ хотѣлось возвратить ихъ назадъ, и вотъ лѣтописецъ говоритъ, что они именно являлись для того, чтобъ перехватить русскихъ Торковъ. Но въ Переяславлѣ сидѣлъ Ярополкъ, достойный по храбрости сынъ Мономаха, привыкшій подъ отцовскимъ стягомъ громить варваровъ въ степяхъ ихъ: узнавши о нападеніи и намѣреніи Половцевъ, Ярополкъ велѣлъ вогнать Торковъ и все остальное народонаселеніе въ города; Половцы пріѣхали, но ничего не могли сдѣлать, и, узнавъ, что Ярополкъ въ Переяславлѣ, пошли воевать Посулье (мѣста по рѣкѣ Сулѣ). Ярополкъ, *благовѣрнаго князя корень и благовѣрная отрасль*, по выраженію лѣтописца, не дожидаясь помощи отъ братьевъ, съ одними Переяславцами пошелъ въ слѣдъ за Половцами, настигъ ихъ на правомъ берегу рѣки Удая [1]), призвалъ имя Божіе и *отца своего*, ударилъ на поганыхъ и одержалъ побѣду: помогъ ему Богъ и молитвы отца его, продолжаетъ лѣтописецъ. Послѣ этого нападенія Половцевъ мы встрѣтили извѣстіе о нихъ при описаніи черниговскихъ и потомъ полоцкихъ происшествій.— Мстиславъ не забылъ той борьбы, которую велъ онъ, сидя на столѣ Новгородскомъ, именно борьбы съ Чудью, и въ 1130 году послалъ на нее сыновей своихъ—Всеволода, Изяслава и Ростислава; лѣтописецъ говоритъ подробно, въ чемъ состоялъ походъ: самихъ враговъ перебили, хоромы пожгли, женъ и дѣтей привели домой. Но не такъ былъ счастливъ чудскій походъ одного Всеволода Новгородскаго въ слѣдующемъ году—сотворилась пакость великая, говоритъ лѣтописецъ: перебили много добрыхъ мужей новгородскихъ въ *Клину*;—*Клинъ*—это русскій переводъ эстонскаго слова Waija, или Wagja, какъ называлась часть нынѣшняго Дерптскаго [2]) уѣзда въ XIII вѣкѣ [3]).—Что Половцы были для юго-восточной Руси, то Литва была для западной, преимущественно для княжества Полоцкаго. Присоединивши къ волостямъ своего рода и это княжество, Мстиславъ долженъ былъ вступить въ борьбу съ его врагами; вотъ почему въ послѣдній годъ его княженія лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ на Литву: Мстиславъ ходилъ съ сыновьями своими, съ Ольговичами и зятемъ Всеволодомъ Городенскимъ. Походъ былъ удаченъ: Литву ожгли, по обыкновенію; но на возвратномъ пути кіевскіе полки пошли отдѣльно отъ княжеской дружины; Литовцы настигли ихъ и побили много народу.

Въ 1132 году умеръ Мстиславъ; его княженіе, бывшее совершеннымъ подобіемъ отцовскаго, утвердило въ народѣ вѣру въ достоинство племени Мономахова. Этотъ Мстиславъ Великій, говоритъ лѣтописецъ, наслѣдовалъ потъ отца своего, Владиміра Мономаха Великаго. Владиміръ самъ собою постоялъ на Дону, и много пота утеръ за Землю Русскую, а Мстиславъ мужей своихъ послалъ, загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу и за Яикъ, и такъ избавилъ Богъ Русскую Землю отъ поганыхъ. Здѣсь также видимъ выраженіе главнаго современнаго интереса—борьбы съ степными варварами. Народъ могъ надѣяться, что долго будетъ спокоенъ отъ ихъ нашествій, потому что Мстиславу наслѣдовалъ по всѣмъ правамъ братъ его, Ярополкъ, *благовѣрная отрасль*, который былъ извѣстенъ своею храбростію, своими счастливыми походами въ степи. У Ярополка не было соперниковъ: онъ былъ единственный князь, который могъ сѣсть на старшій столъ по отчинѣ и дѣдинѣ; онъ крѣпко сидѣлъ въ Кіевѣ и потому еще, что люди кіевскіе послали за нимъ [4]). Но ихъ надежды на Ярополка не сбылись: спокойствіе Руси кончилось смертію Мстислава; съ начала княженія Ярополкова начались усобицы, усобицы въ самой семьѣ знаменитаго князя-братолюбца; Святославичи воспользовались ими, и Кіевляне должны были терпѣть на своемъ столѣ князя недобраго племени. Усобица, начавшаяся по смерти Мстислава Великаго, носитъ характеръ, отличный отъ прежнихъ усобицъ. Прежнія усобицы проистекали главнымъ образомъ отъ *изгойства*, оттого, что, осиротѣлые при жизни дѣдовъ или старшихъ дядей, князья исключались не только изъ старшинства, не только не получали отцовскихъ волостей, но даже часто и никакихъ. Этимъ исключеніемъ изъ старшинства лучше всякихъ поэтическихъ преданій объясняется непримиримая вражда полоцкихъ Изяславичей къ потомкамъ Ярослава, объясняются движенія Ростислава Владиміровича, судьба и поведеніе сыновей его: борьбы съ изгоями на востокѣ и на западѣ, съ Вячеславичемъ, Игоревичами, Святославичами — наполняютъ время княженія Изяславова, Всеволодова, Святополкова. Всѣ эти борьбы, благодаря послѣднимъ распоряженіямъ князей-родичей на съѣздахъ, прекратились; но теперь начинается новая борьба,—борьба племянниковъ, сыновей отъ старшаго брата, съ младшими дядьми. Мы видѣли первый примѣръ этой борьбы въ Черниговѣ, гдѣ сынъ Олеговъ, Всеволодъ, согналъ дядю своего, Ярослава, съ старшаго стола. Мстиславъ допустилъ такое нарушеніе права дядей, хотя раскаявался въ этомъ во всю жизнь; по смерти его одно опасеніе

[1]) Полтавской губерніи, Пирятинскаго уѣзда, мѣстечко Полстинъ.

[2]) Юрьевскаго—въ настоящее время.

[3]) Sjögner—Ueber die älteren Wohnsitze der Jemen, p. 312.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «И сѣде по немъ братъ его Ярополкъ, княжа Кыевѣ: людье бо Кыяне посаша понь».

подобнаго явленія произвело сильную усобицу въ собственномъ племени его.

Мстиславъ оставилъ княженіе брату своему, Ярополку, говоритъ лѣтописецъ; ему же передалъ и дѣтей своихъ съ Богомъ на руки; Ярополкъ былъ бездѣтенъ и тѣмъ удобнѣе могъ заботиться о порученныхъ ему сыновьяхъ старшаго брата. Мстиславъ при жизни своей уговорился съ братомъ, чтобъ тотъ немедленно, по принятіи старшаго стола, перевелъ на свое мѣсто въ Переяславль старшаго племянника, Всеволода Мстиславича, изъ Новгорода; старшіе Мономаховичи, какъ видно изъ словъ лѣтописца, выставляли основаніемъ такого распоряженія волю отца своего, а объ этой волѣ заключали они изъ того, что Мономахъ далъ имъ Переяславль обоимъ вмѣстѣ [1],—но при тогдашнихъ понятіяхъ это еще не значило, чтобъ они имѣли право оставить этотъ городъ въ наслѣдство сыновьямъ своимъ мимо другихъ братьевъ. Переяславль былъ стольнымъ городомъ Всеволода и Мономаха и, по выдѣленіи Чернигова въ особую, непремѣнную волость Святославичей, считался старшимъ столомъ послѣ Кіева для Мономахова племени: съ Переяславскаго стола Мономахъ, Мстиславъ и Ярополкъ перешли на Кіевскій. Точно ли хотѣли старшіе Мономаховичи переводомъ Всеволода въ Переяславль дать ему преимущество передъ дядьми, возможность наслѣдовать Ярополку въ Кіевѣ, для чего, кромѣ занятія старшаго Переяславскаго стола, нужно было познакомить, сблизить его съ южнымъ народонаселеніемъ, котораго голосъ былъ такъ важенъ, рѣшителенъ въ то время,—на это историкъ не имѣетъ права отвѣчать утвердительно. Какъ бы то ни было, младшіе Мономаховичи, по крайней мѣрѣ, видѣли въ переводѣ племянника на Переяславскій столъ шагъ къ старшинству мимо ихъ, особенно когда передъ глазами былъ примѣръ Ярослава Святославича Черниговскаго, согнаннаго съ старшаго стола племянникомъ, при видимомъ потворствѣ старшихъ Мономаховичей—Мстислава и Ярополка. Вступились въ дѣло младшіе Мономаховичи, Юрій Ростовскій и Андрей Волынскій, потому что старшій по Ярополкѣ братъ ихъ, Вячеславъ Туровскій, былъ неспособенъ дѣйствовать впереди другихъ по безхарактерности и недалекости умственной. По словамъ лѣтописца, Юрій и Андрей прямо сказали: „Братъ Ярополкъ хочетъ по смерти своей дать Кіевъ Всеволоду, племяннику своему“, и спѣшили предупредить послѣдняго. Утромъ въѣхалъ Всеволодъ въ Переяславль, и до обѣда еще былъ выгнанъ дядею Юрьемъ, который однако сидѣлъ въ Переяславлѣ не болѣе восьми дней, потому что Ярополкъ, помня клятвенный уговоръ свой съ покойнымъ братомъ, вывелъ Юрія изъ Переяславля и посадилъ здѣсь другого Мстиславича, Изяслава, княжившаго въ Полоцкѣ, давши ему клятву поддержать его на новомъ столѣ [2]): вѣроятно Всеволодъ уже не хотѣлъ въ другой разъ мѣнять вѣрную волость на невѣрную. Въ Полоцкѣ, вмѣсто Изяслава, остался третій Мстиславичъ — Святополкъ; но Полочане, не любившіе, подобно Новгородцамъ, когда князь покидалъ ихъ волость для другой [3]). сказали: „А! Изяславъ бросаетъ насъ!“— выгнали брата его, Святополка, и взяли себѣ одного изъ прежнихъ князей, Василька Святославича, внука Всеславова, неизвѣстно какимъ образомъ оставшагося на Руси или возвратившагося изъ заточенія. Тогда Ярополкъ, видя, что Полоцкое княжество, оставленное храбрымъ Изяславомъ, умѣвшимъ вездѣ пріобрѣсть народную любовь, отходитъ отъ Мономахова рода, уладился съ братьями: перевелъ Изяслава неволею опять въ Минскъ, единственную волость, оставшуюся у Мономаховичей отъ Полоцкаго княжества; потомъ, чтобъ утѣшить его, придалъ ему еще Туровъ и Пинскъ, далъ ему много даровъ богатыхъ; а Вячеслава изъ Турова перевелъ въ Переяславль,

Такимъ образомъ младшіе Мономаховичи были удовлетворены: Переяславль перешелъ по порядку къ самому старшему брату по Ярополкѣ, законному его преемнику и въ Кіевѣ. Но спокойствіе въ семьѣ Мономаха и на Руси было скоро нарушено Вячеславомъ: нашелъ ли онъ, или, лучше сказать, бояре его, Переяславскую волость невыгодною для себя, стало ли страшно ему сидѣть на Украйнѣ, подлѣ Торковъ и Половцевъ,—только онъ покинулъ новую волость; на первый разъ однако, дошедши до Днѣпра [4]), возвратился назадъ; говорятъ, будто Ярополкъ послалъ сказать ему: „Что ты все скитаешься, не посидишь на одномъ мѣстѣ, точно Половчинъ“ [5])? Но Вячеславъ не послушался старшаго брата: бросилъ Переяславль въ другой разъ, пошелъ въ Туровъ, выгналъ отсюда Изяслава и сѣлъ на его мѣсто. Тогда Ярополкъ долженъ былъ рѣшиться на новый рядъ: онъ склонился на просьбу Юрія Ростовскаго и далъ ему Переяславль, съ тѣмъ однако, чтобы тотъ уступилъ ему свою прежнюю волость. Юрій согласился уступить Ростовскую область, но не всю: вѣроятно онъ оставлялъ себѣ на всякій случай убѣжище на на сѣверѣ; вѣроятно также, что Ярополкъ для того бралъ Ростовскую Землю у Юрія, чтобъ отдать ее Изяславу. Этою сдѣлкою онъ могъ надѣяться успокоить братьевъ, помѣстя ихъ всѣхъ около себя на Руси и отдавъ племянникамъ, какъ младшимъ, отдаленную сѣверную область. Но онъ уже не былъ болѣе въ состояніи исполнить свое намѣреніе: вражда между дядьми и племянниками разгорѣлась; Изяславъ, дважды изгнанный, рѣ-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «Ярополкъ приведе Всеволода Мстислава изъ Новагорода, и да ему Переяславль по крестьному цѣлованью, яко же ся бяше урядилъ съ братомъ своимъ Мстиславомъ, по отню повеленью, яко же бяше има далъ Переяславль съ Мстиславомъ».

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 122: «И посла по другаго Мстиславича въ Полтескъ, и приведе и съ *клятвою*».

[3]) Никон. II, 67.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 132: «И дошедъ Городна воротися вспять».

[5]) Никон. II, 67.

шился не дожидаться болѣе никакихъ новыхъ сдѣлокъ между дядьми, а отдать дѣло, по тогдашнимъ понятіямъ, на судъ Божій, т.-е. покончить его оружіемъ [1]). Онъ ушелъ въ Новгородъ къ брату Всеволоду, и уговорилъ его идти съ Новгородцами на область Юрія. Тогда-то Святославичи увидѣли, что пришла ихъ пора: они заключили союзъ съ недовольными Мстиславичами (сами предложили имъ его или приняли отъ нихъ предложеніе—изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей не извѣстно [2]), послали за Половцами и начали вооружаться противъ Мономаховичей: „Вы первые начали насъ губить“, говорили они имъ. Тогда народъ увидалъ, что прошло счастливое время Мономаха и Мстислава; встала опять усобица: черниговскіе, по отцовскому обычаю, привели Половцевъ на Русскую Землю, и, что̀ всего хуже, съ ними пришли сыновья Мстислава Великаго — Изяславъ съ братомъ Святополкомъ. Ярополкъ съ братьями—Юріемъ и Андреемъ—выступилъ противъ Всеволода Ольговича, переправился черезъ Днѣпръ, взялъ села около Чернигова. Всеволодъ не вышелъ противъ нихъ биться, потому что Половцы еще не пришли къ нему;. Ярополкъ, постоявъ нѣсколько дней у Чернигова, возвратился въ Кіевъ и распустилъ войско, не уладившись со Всеволодомъ: вѣроятно онъ думалъ, что довольно напугалъ его. Но вышло иначе: когда къ Всеволоду пришли съ юга Половцы, а съ сѣвера Мстиславичи, то онъ вошелъ съ ними въ Переяславскую волость, началъ воевать села и города, бить людей, дошелъ до Кіева, зажегъ Городецъ [3]). Половцы опустошили все на восточномъ берегу Днѣпра, перебивъ и перехватавъ народъ, который не могъ перевезтись на другой, кіевскій берегъ, потому что Днѣпръ покрытъ былъ пловучими льдинами; взяли и скота безчисленное множество; Ярополку, по причинѣ тѣхъ же льдовъ, нельзя было перевезтись на ту сторону и прогнать ихъ. Три дня стоялъ Всеволодъ за Городцомъ въ бору, потомъ пошелъ въ Черниговъ, откуда началъ пересылаться съ Мономаховичами и заключилъ миръ; гораздо вѣроятнѣе, впрочемъ, то извѣстіе, по которому заключено было только перемиріе до общаго съѣзда [4]), потому что немедленно за этимъ лѣтописецъ начинаетъ говорить о требованіяхъ Ольговичей, чтобъ Ярополкъ возвратилъ имъ то, что̀ ихъ отецъ держалъ при его отцѣ: „Что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отцѣ, того и мы хотимъ; если же не дадите, то не жалѣйте послѣ; если что случится, вы будете виноваты, на васъ будетъ кровь“. Безъ сомнѣнія, Ольговичи просили города Курска и всего Посемья, взятыхъ у нихъ Мономаховичами тотчасъ послѣ изгнанія Ярослава Всеволодомъ. Въ отвѣтъ на это требованіе, Ярополкъ собралъ войско кіевское, а Юрій—переяславское и 50 дней стояли у Кіева; потомъ помирились со Всеволодомъ и отдали Переяславль младшему брату своему, Андрею Владиміровичу, а прежнюю его волость—Владиміръ-Волынскій—племяннику Изяславу Мстиславичу. По всему видно впрочемъ, что это распоряженіе было не слѣдствіемъ, но причиною мира съ Ольговичами: дядья, чтобъ отвлечь племянниковъ отъ Святославичей, отнять у послѣднихъ предлогъ къ войнѣ и правду въ глазахъ народа, удовлетворили Изяслава, отдавши ему Волынь. Юрій Ростовскій, видя вѣроятно, какъ спорны русскіе столы и какъ незавидна Переяславская волость, безпрестанно подвергавшаяся нападеніямъ Ольговичей и Половцевъ, не хотѣлъ болѣе мѣнять на нее своей сѣверной, вѣрной волости; занятіе же Переяславля младшимъ братомъ не могло быть для него опасно: никогда еще младшій братъ не возставалъ противъ правъ старшаго, тогда какъ былъ примѣръ, что племянникъ отъ старшаго брата возставалъ противъ младшаго дяди. (1134 годъ.)

Что Ольговичи принуждены были мириться поневолѣ, будучи оставлены Мстиславичами,—доказательствомъ служитъ ихъ нападеніе на Переяславскую область въ слѣдующемъ 1135 году. Всеволодъ со всею братьею пришелъ къ Переяславлю, стоялъ подъ городомъ три дня, бился у воротъ; но, узнавши, что Ярополкъ идетъ на помощь къ брату, отступилъ къ верховью рѣки Супоя, и тамъ дождался Кіевскаго князя. Мы замѣтили уже, что Ярополкъ былъ въ отца отвагою; завидя врага, не могъ удержаться и ждать, пока подойдутъ другіе полки на помощь, но бросался на него съ одною своею дружиною; мы видѣли, что такая удаль сошла для него благополучно, принесла даже большую славу въ битвѣ съ Половцами при началѣ Мстиславова княженія. Точно такъ-же вздумалъ онъ поступить и теперь: не дождавшись кіевскихъ полковъ, съ одною своею дружиною и съ братьею, даже не выстроившись хорошенько, ударилъ на Ольговичей, думая: „Гдѣ имъ устоять противъ нашей силы!“ Сначала бились крѣпко съ обѣихъ сторонъ; но скоро побѣжали Всеволодовы Половцы, и лучшая дружина Мономаховичей съ тысяцкимъ кіевскимъ погналась за ними, оставя князей своихъ биться съ Ольговичами на мѣстѣ. Послѣ злой сѣчи Мономаховичи должны были уступить Черниговскимъ поле битвы, и когда тысяцкій съ боярами, поразивши Половцевъ, пріѣхали назадъ, то уже не застали князей своихъ и попались въ руки побѣдителямъ, Ольговичамъ, обманутые Ярополковымъ стягомъ,

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13: «То же все ся створи, оже выгна Гюрги Всеволода изъ Переяславля, а потомъ Изяслава выгна Вячьславъ, а потомъ Изяслава же выгна тотъ же Вячеславъ изъ Турова, а они приступиша къ Ольговичемъ».

[2]) Татищ. II, 249: «Юрій Владиміровичъ, князь Ростовскій, выпросилъ у брата Ярополка Переяславль, и вмѣсто того Ярополку далъ Ростовъ и Суздаль, но не со всею областью, которымъ Мстиславичи племянники ихъ оскорбились, представляя, что Переяславль имъ по клятвенному обѣщанію Ярополкову надлежитъ, и они ища покоя Вячеславу за просьбу ихъ уступили и просили, чтобъ имъ Переяславль возвратить, или Ростовъ и Суздаль, яко прежній отца ихъ удѣлъ, имъ отдать совсѣмъ; но, видя, что дядья ихъ не слушаютъ, просили о помощи зятя своего, Всеволода Ольговича Черниговскаго».

[3]) Такъ и Ипатьев. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 13); въ Лавр. (тамъ же, I, 132). См. прим. 2, стр. 303.

[4]) Татищ. II, 248.

который держали послѣдніе [1]). Кромѣ лучшихъ мужей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, Ярополкъ потерялъ въ числѣ убитыхъ племянника Василька Леоновича, Греческаго царевича, внука Мономахова по дочери. Возвратясь за Днѣпръ, Кіевскій князь началъ набирать новое войско, а Всеволодъ перешелъ Десну и сталъ противъ Вышгорода [2]), но, постоявши 7 дней у Днѣпра, не рѣшился переправиться, пошелъ въ Черниговъ, откуда сталъ пересылаться съ Кіевскимъ княземъ о мирѣ, безъ всякаго однако успѣха. Это было въ концѣ лѣта; зимою Ольговичи съ Половцами перешли Днѣпръ и начали опустошать всю Кіевскую область, доходили до самаго Кіева, стрѣлялись черезъ Лыбедь; изъ городовъ впрочемъ удалось имъ взять только два, да и тѣ пустые: мы видѣли уже обычай украинскихъ жителей покидать свои города при нашествіи непріятелей [3]). Ярополкъ, по словамъ лѣтописца, собралъ множество войска изо всѣхъ земель, но не вышелъ противъ враговъ, не началъ кровопролитія; онъ побоялся суда Божія, смирился предъ Ольговичами, хулу и укоръ принялъ на себя отъ братьи своей и отъ всѣхъ, исполняя заповѣдь: любите враги ваша; онъ заключилъ съ Ольговичами миръ, отдалъ имъ то, чего прежде просили, т.-е. отчину ихъ, города по Сейму. Трудно рѣшить, что собственно заставило Ярополка склониться на уступку: былъ ли онъ изъ числа тѣхъ людей, на которыхъ неудача послѣ продолжительныхъ успѣховъ сильно дѣйствуетъ, или въ самомъ дѣлѣ духовенство, и преимущественно митрополитъ Михаилъ [4]), постарались прекратить войну, столь гибельную для края [5]), и Ярополкъ дѣйствительно заслужилъ похвалы лѣтописца за христіанскій подвигъ смиренія для блага народа; быть можетъ то и другое вмѣстѣ. Не забудемъ также, что успѣхъ битвы не могъ быть вѣренъ: мы знаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ вовсе не отличался безразсчетною отвагою, уступалъ, когда видѣлъ превосходство силъ на сторонѣ противника, и если теперь не уступилъ, то это значило, что силы Ярополка вовсе не были такъ велики, какъ выставляетъ ихъ лѣтописецъ, по крайней мѣрѣ сравнительно съ силами Ольговичей (1135 г.).

Миръ не могъ быть продолжителенъ: главная причина вражды Ольговичей къ Мономаховичамъ—исключеніе изъ старшинства—существовала во всей силѣ, и при этомъ еще Черниговскіе испытали возможность успѣшной войны съ Мономаховичами, особенно при раздѣленіи послѣднихъ. Изгнаніе брата Всеволодова, Святослава, изъ Новгорода было поводомъ къ новой войнѣ въ 1138 году. Ольговичи опять призвали Половцевъ и начали воевать Переяславскую волость по рѣкѣ Сулѣ; Андрей Владиміровичъ не могъ имъ сопротивляться и, не видя помощи отъ братьевъ, хотѣлъ уже бѣжать изъ Переяславля. Но Ольговичи, узнавъ, что Андрею нѣтъ помощи отъ братьевъ, успокоили его *льстивыми* словами, по выраженію лѣтописца: изъ этого извѣстія имѣемъ право заключить, что Ольговичи хотѣли поссорить Андрея съ братьями и привлечь на свою сторону, показывая ему, какъ мало заботятся о немъ братья. Вѣсть о задержкѣ Святослава Ольговича въ Смоленскѣ, на дорогѣ его изъ Новгорода, еще болѣе усилила войну; братъ его, Всеволодъ призвалъ множество Половцевъ, взялъ Прилукъ и собирался уже старымъ путемъ къ Кіеву, какъ узналъ объ огромныхъ приготовленіяхъ Мономаховичей,—и поспѣшилъ отступить въ свою волость, къ Чернигову. Ярополкъ созвалъ братьевъ и племянниковъ, собралъ, кромѣ Кіевлянъ, и Переяславцевъ, также рать изъ *верхнихъ* земель, Суздальцевъ, Ростовцевъ, Полочанъ и Смольнянъ; Ростиславичи галицкіе и король Венгерскій прислали ему также помощь, наконецъ присоединились къ нему многочисленныя толпы пограничныхъ варваровъ, Берендѣевъ; съ такими силами Ярополкъ уже не сталъ дожидаться Ольговича въ Кіевской волости, но отправился къ нему въ Черниговскую. Всеволодъ испугался и хотѣлъ-было уже бѣжать къ Половцамъ, какъ Черниговцы остановили его: „Ты хочешь бѣжать къ Половцамъ", говорили они, „а волость свою погубить; но кчему-жъ ты тогда послѣ воротишься? лучше отложи свое высокоумье и проси мира; мы знаемъ Ярополково милосердіе,—онъ не радуется кровопролитію, Бога ради онъ помирится, онъ соблюдаетъ Русскую Землю". Всеволодъ послушался и сталъ просить мира у Ярополка: тотъ, по выраженію лѣтописца, будучи добръ, милостивъ нравомъ, богобоязливъ, подобно отцу своему, поразмыслилъ о всемъ хорошенько и не захотѣлъ кровопролитья, а заключилъ миръ у Моравска [6]), на правомъ берегу Десны. Потомъ заключенъ былъ новый договоръ между нимъ и Ольговичами, неизвѣстно на какихъ условіяхъ [7]) (1136—1139).

Такъ кончились усобицы на югѣ при старшин-

[1]) «И тако изъимаша ѣ, держаще стягъ Ярополчь». Слѣд. Ярополкъ въ бѣгствѣ своемъ оставилъ даже стягъ свой въ рукахъ враговъ, а между тѣмъ кіевскій лѣтописецъ очень искусно ослабилъ пораженіе своего князя: «Видевше же братья вся, Ярополкъ, Вячеславъ, Гюрги и Андрей, полкы своя възметены, отъѣхаша въ свояси».

[2]) Этимъ опредѣляется спорное положеніе Вышегорода относительно Кіева: чтобъ стать противъ Вышгорода, Всеволоду, идущему на сѣверъ отъ Супоя, нужно было перейти Десну.

[3]) По Ипатьев.: «Почаша воевати отъ Трьполя около Красна и Васильева и до Васильева и до Бѣлогорода, или же до Кіева и по Желанѣ и до Вышьгорода и до Деревъ, и чрезъ Лыбедь стрѣляхуся». Красное на рѣкѣ Краснѣ, впад. въ Днѣпръ у Триполя; Васильевъ—мѣстечко къ юго-западу отъ Краснаго и Триполя.—По Лавр. «Взяша Триполь и Халепъ пуста». Халепъ—нынѣ Халепье и Холопье въ 53 верстахъ отъ Кіева между Трипольемъ и Стайками.

[4]) «Ходячю межи ими честьному Михаилу митрополиту съ крестомъ».—У Татищева митрополитъ выставленъ главнымъ виновникомъ мира.

[5]) «И тако утиши благоумный князь Ярополкъ брань ту *лютую*».

[6]) Теперь мѣстечко Моровскъ, Остерскаго уѣзда, Черниговской губерніи.

[7]) Полн. Собр. Русск. Л. I, 133: «И посемъ пакы створиста миръ Ярополкъ со Всеволодомъ Ольговичемъ, и дары многы межю собою даяше».

ствѣ Ярополковомъ; но эти усобицы сильно отозвались также на сѣверѣ, въ Новгородѣ Великомъ. Мы видѣли, какъ при Святополкѣ Новгородцы настояли на томъ, чтобы княземъ у нихъ оставался выросшій въ Новгородѣ Мстиславъ Владиміровичъ. Однако они не долго жили съ этимъ любимымъ княземъ: Мономахъ въ 1116 году вызвалъ его на югъ, и въ Новгородѣ остался сынъ его, Всеволодъ. Молодость князя и смерть двухъ посадниковъ, случившаяся почти въ одинъ годъ [1]), какъ видно, подали поводъ къ смятеніямъ въ городѣ; нѣкоторые бояре и сотскій Ставръ ограбили какихъ-то двухъ гражданъ; неизвѣстно впрочемъ, какого рода былъ этотъ грабежъ, потому что иногда грабежъ происходилъ вслѣдствіе суднаго приговора, и потому трудно рѣшить, виновны ли были Ставръ и бояре въ насиліи, или только въ несправедливости. Какъ бы то ни было, Мономахъ и Мстиславъ вызвали всѣхъ бояръ новгородскихъ въ Кіевъ: товарищи Ставра были заточены, другіе отпущены назадъ въ Новгородъ, послѣ того какъ дали клятву вѣроятно въ томъ, что впередъ не будетъ подобныхъ происшествій. Кѣмъ былъ избранъ въ то время посадникъ Константинъ Моисеевичъ, неизвѣстно: вѣроятно Кіевскимъ княземъ, если обратимъ вниманіе на обстоятельства. На слѣдующій годъ онъ умеръ, и на его мѣсто пришелъ посадничать изъ Кіева Борисъ, разумѣется присланный Мономахомъ [2]). По смерти послѣдняго въ Кіевѣ посадили сына его, Мстислава, а въ Новгородѣ внука, Всеволода; относительно обоихъ въ лѣтописи употребляется одинаковое выраженіе „*посадиша*“, въ смыслѣ: граждане хотѣли, просили, призвали. Новгородцы посадили у себя Всеволода вторично, потому что, по вступленіи своемъ на старшій столъ, Мстиславъ могъ перевести его куда-нибудь поближе къ себѣ въ Русь, по примѣру отцовскому; какъ видно, въ это время Новгородцы взяли со Всеволода клятву не разлучаться съ ними. На слѣдующій годъ Всеволодъ ходилъ къ отцу въ Кіевъ, но пришелъ опять въ Новгородъ на столъ; въ тотъ же годъ дали посадничество Мірославу Гюрятиничу, причемъ лѣтописецъ не упоминаетъ о смерти прежняго посадника Бориса; къ кому относится выраженіе „*въдаша посадничество*“ — къ князьямъ ли — Мстиславу и Всеволоду, или къ гражданамъ,—рѣшить трудно. Черезъ годъ, не упоминая о смерти Міростава, лѣтопись говоритъ о назначеніи ему преемника, Давида Дмитріевича, шурина великаго князя Мстислава [3]) и сына прежде бывшаго посадника. Этотъ посадникъ умеръ въ томъ же 1120 году, и на его мѣсто, въ 1129 г., пришелъ изъ Кіева Даніилъ; но въ 1130 опять лѣтопись упоминаетъ о назначеніи новаго посадника Петрилы, съ выраженіемъ „*даша*“, и въ то же время говоритъ о походѣ Всеволода на Чудь и о поѣздкѣ его въ Кіевъ къ отцу: имѣла ли связь смѣна посадника съ этими событіями—рѣшить трудно. Такъ было при старшинствѣ Мстислава. Тотчасъ по смерти его начались смуты. Всеволодъ, несмотря на клятву не разлучаться съ Новгородцами, прельстился столомъ Переяславскимъ и уѣхалъ въ Русь, не оставивши, какъ видно, князя въ Новгородѣ. Мы уже видѣли разъ, какъ Новгородцы обижались, когда князья мѣняли ихъ городъ на другой; кромѣ того, что перемѣна князя нарушала нарядъ въ городѣ, Новгородцевъ должно было оскорблять и то, что князь, отдавая преимущество какому-нибудь Турову или Переяславлю, тѣмъ самымъ унижалъ значеніе стола Рюрикова, ибо и между самими князьями, какъ увидимъ, не исчезала память, что Новгородъ былъ старѣйшимъ столомъ въ Русской Землѣ. Легко понять теперь, что, когда Всеволодъ, прогнанный Юріемъ изъ Переяславля, явился назадъ въ Новгородъ, то нашелъ здѣсь сильное волненіе—*встанъ великую въ людяхъ*, по выраженію лѣтописца; пришли Псковичи и Ладожане въ Новгородъ,—и Всеволодъ долженъ былъ выѣхать изъ него [4]); потомъ однако граждане скоро одумались и возвратили его назадъ. Можно впрочемъ съ вѣроятностью полагать, что Всеволодъ былъ принятъ не такъ уже, какъ прежде; что здѣсь положено начало условіямъ, или рядамъ Новгородцевъ съ князьями; вѣроятно также съ этого времени и посадникъ перемѣняетъ свой характеръ чиновника княжескаго на характеръ чиновника народнаго, отъ вѣча избираемаго, хотя не безъ участія князя; въ это время, по крайней мѣрѣ, избрали посадниковъ для пригородовъ—Мірослава для Пскова и Рагуила для Ладоги; это извѣстіе можетъ навести на мысль, что Псковичи и Ладожане за тѣмъ и приходили въ Новгородъ, чтобъ требовать назначенія себѣ новыхъ посадниковъ. Есть также прямое извѣстіе, что съ этихъ поръ Всеволодъ не имѣлъ надлежащаго значенія въ Новгородѣ, не могъ заставить его жителей выслать въ Кіевъ обычную печерскую дань, за которою великій князь Ярополкъ долженъ былъ послать другого племянника Изяслава: послѣднему удалось взять дань [5]).

Между тѣмъ дѣла на югѣ запутывались все болѣе и болѣе. Въ 1134 году явился въ Новгородъ Изяславъ Мстиславичъ, съ тѣмъ чтобъ уговаривать брата и гражданъ идти войною на дядю Юрія, добыть для Мстиславичей хотя Ростовскую волость, если имъ нѣтъ части въ Русской Землѣ. Начали толковать о Суздальской войнѣ Новгородцы, и убили

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. Ш, 4: «Въ се же лѣто (1117) преставися Добрына, посадникъ Новгородьскый.—Въ лѣто 6626 (1118). Преставися Дьмитръ Завидицъ посадникъ Новгородскій, посадницявъ 7 мѣсяць одину.

[2]) Тамъ же. IV, 2.

[3]) Тамъ же. Ш, 5: «Оженися Мстиславъ Кыевѣ, поя Дмитровну Новгородѣ Завидиця».

[4]) Тамъ же, стр. 6: «И придоша Пльсковици и Ладожане Новугороду и выгониша князя Всеволода изъ города».—Здѣсь собственно должно понимать, что Псковичи и Ладожане были преимущественно виновниками изгнанія Всеволода; но отъ лѣтописца нельзя требовать такихъ точностей при необыкновенно свободной конструкціи, какую онъ обыкновенно употребляетъ.

[5]) Татищ. II, 241.

мужей своихъ, свергнули ихъ съ моста, говоритъ лѣтописецъ. Изъ этихъ словъ видно, что послѣ предложенія, сдѣланнаго Всеволодомъ о Суздальскомъ походѣ, вѣче было самое бурное: одни хотѣли защищать Мстиславичей, достать имъ волость, другіе—нѣтъ; большинство оказалось на сторонѣ первыхъ, положено идти въ походъ, а несогласное меньшинство отвѣдало Волхова. Мстиславичи съ посадникомъ Петрилою отправились на войну; но едва достигли они до рѣки Дубны [1]), какъ несогласія городскаго вѣча повторились въ полкахъ: противники похода противъ дядей въ пользу племянниковъ, противъ сына Мономахова въ пользу внуковъ его—опять подняли голосъ, и на этотъ разъ пересилили, заставили князя возвратиться, и тутъ же, отнявъ посадничество у Петрилы, какъ видно желавшаго войны, отдали его Ивану Павловичу. Такъ посадники уже начали смѣняться вслѣдствіе перевѣса той или другой враждебной стороны; видно также, что къ противникамъ войны принадлежали люди, вообще не расположенные ко Всеволоду, не хотѣвшіе принять его по возвращеніи изъ Переяславля. Но въ Новгородѣ ждало ихъ пораженіе: здѣсь противники ихъ опять пересилили, и опять Всеволодъ со всею Новгородскою областью пошелъ на Ростовскую Землю въ жестокіе морозы и мятели, несмотря на увѣщанія митрополита Михаила, который пришелъ тогда въ Новгородъ: „Не ходите, грозилъ имъ митрополитъ, меня Богъ послушаетъ“; Новгородцы задержали его и отправились: на Ждановой горѣ встрѣтились они съ ростовскими полками и потерпѣли пораженіе, потеряли храбраго посадника своего, Ивана, также Петрилу Николаича, быть можетъ его предшественника, и много другихъ добрыхъ мужей, а Суздальцевъ пало больше, прибавляетъ новгородскій лѣтописецъ; но ростовскій говоритъ, что его земляки побѣдили Новгородцевъ, побили ихъ множество и возвратились съ побѣдою великою. Новгородцы, возвратясь домой, выпустили митрополита и выбрали посадникомъ стараго Мірослава Гюрятинича.

Испытавъ вредныя для себя слѣдствія княжескихъ усобицъ, Новгородцы въ 1135 году отправили посадника своего, Мірослава, въ Русь мирить Мономаховичей съ Ольговичами; но онъ возвратился, не сдѣлавъ ничего, потому что сильно „взмялась“ вся Земля Русская, по выраженію лѣтописца. Князья не помирились при посредничествѣ Новгородцевъ, но каждый сталъ переманивать ихъ на свою сторону, давать имъ слѣдовательно право выбора. Новгородцы не замедлятъ воспользоваться этимъ правомъ; но кого же выберуть они?—кому Богъ поможетъ, на чьей сторонѣ останется побѣда. Богъ помогъ Ольговичамъ при Супоѣ,—и противники Мономаховича Всеволода воспользовались этимъ, чтобъ возстать противъ него. Въ 1136 году Новгородцы призвали Псковичей и Ладожанъ, и стали думать, какъ бы выгнать князя своего Всеволода; подумавши, посадили его въ епископскомъ дворѣ съ женою, дѣтьми и тещею, приставили сторожей стеречь его день и ночь съ оружіемъ, по 30 человѣкъ на день, и не выпускали до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ новый князь, Святославъ Ольговичъ изъ Чернигова. Вины Всеволода такъ означены въ лѣтописи: 1) не блюдетъ смердовъ; 2) зачѣмъ хотѣлъ сѣсть въ Переяславлѣ; 3) въ битвѣ при Ждановой горѣ прежде всѣхъ побѣжалъ изъ полку; 4) вмѣшиваетъ Новгородъ въ усобицы: сперва велѣлъ приступить къ Ольговичамъ, а теперь велитъ отступить.—Но изгнаніе сына Мстиславова и принятіе Ольговича не могли пройти спокойно въ Новгородѣ, потому что оставалась сильная сторона, приверженная къ Мстиславичамъ: Новгородъ *разодрался*, какъ *разодралась* Русская Земля, по выраженію лѣтописца. Въ годъ прибытія Святославова Ольговича (1136) уже встрѣчаемъ извѣстіе о смутѣ: какого-то Юрія Жирославича, вѣроятно приверженца Всеволодова, сбросили съ моста. Но у Мстиславича оставалось много другихъ приверженцевъ: они рѣшились умертвить Святослава, стрѣляли въ него, но безъ успѣха. Тогда нѣсколько добрыхъ мужей, и въ томъ числѣ посадникъ Константинъ (избранный на мѣсто Мірослава Гюрятинича, умершаго въ 1135 году [2]), побѣжали ко Всеволоду въ Вышгородъ, гдѣ пріютилъ его дядя Ярополкъ; вмѣсто Константина избрали посадникомъ Якуна Мірославича, вѣроятно сына прежняго посадника, Мірослава Гюрятинича. Новгородскіе бѣглецы сказали Всеволоду, что у него много пріятелей въ Новгородѣ и Псковѣ, которые ждутъ только его появленія: „Ступай, князь, хотятъ тебя опять“. Всеволодъ отправился съ братомъ, Святополкомъ, и, точно, былъ принятъ въ Псковѣ; когда онъ ѣхалъ мимо Полоцка, то Василько, тамошній князь, самъ вышелъ къ нему на-встрѣчу и проводилъ съ честію, ради заповѣди Божіей забылъ все зло, которое сдѣлалъ отецъ Всеволодовъ, Мстиславъ, всему роду ихъ: Всеволодъ былъ въ его рукахъ теперь, но онъ и не подумалъ мстить ему за отцовское зло; оба цѣловали другъ другу крестъ не поминать прошлаго. Когда въ Новгородѣ узнали, что Всеволодъ во Псковѣ, хочетъ сѣсть и у нихъ, то всталъ сильный мятежъ; большинство не хотѣло Мстиславича, пріятели его принуждены были бѣжать къ нему во Псковъ; большинство разграбило ихъ домы, стали искать между оставшимися боярами, нѣтъ ли между ними пріятелей Всеволодовыхъ, съ заподозрѣнныхъ взяли полторы тысячи гривенъ, и дали эти деньги купцамъ на сборы къ войнѣ; между виновными пострадали и невинные. Можно замѣтить, что къ сторонѣ Всеволодовой преимущественно принадлежали бояре, между которыми искали и находили его пріятелей; а къ противникамъ его преимущественно принадлежали простые люди, что видно также изъ

[1]) Рѣка Дубна, впадающая въ Волгу ниже города Корчевы, въ Тверской губерніи.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 4.

главнаго обвиненія: не блюдетъ смердовъ. Святославъ Ольговичъ собралъ всю Землю Новгородскую, призвалъ на помощь брата Глѣба съ жителями города Курска и съ Половцами, и пошелъ выгонять Всеволода изъ Пскова; но Псковичи съ перваго раза уже показали стойкость, какою отличались послѣ, тѣмъ болѣе что выгодно было для нихъ получить особаго князя и освободиться такимъ образомъ отъ вліянія старшаго города; они не покорились Новгородцамъ, не выгнали отъ себя Всеволода, но приняли мѣры предосторожности на случай нападенія, сдѣлали повсюду засѣки. Святославъ и Новгородцы увидали, что война будетъ трудная, успѣхъ не вѣрный, и потому возвратились съ дороги, говоря: „Не хотимъ проливать крови братьевъ своихъ; пусть Богъ все управитъ своимъ промысломъ“ [1]). Всеволодъ умеръ въ томъ же 1137 году; Псковичи взяли на его мѣсто брата его Святополка, а между тѣмъ Новгородцы испытывали большія непріятности; Мономаховичи и союзники ихъ сердились на нихъ за то, что они держали у себя Ольговича, и потому прекратили съ ними торговлю: не было мира ни съ Суздалемъ, ни съ Смоленскомъ, ни съ Кіевомъ, ни съ Полоцкомъ; отъ прекращенія подвозовъ сдѣлалась дороговизна въ съѣстныхъ припасахъ. Но здѣсь враждебное раздѣленіе, происшедшее въ княжескомъ родѣ, помогло Новгороду выйти изъ затруднительнаго положенія. Мы видѣли, что причиною торжества Ольговичей было раздѣленіе въ самой семьѣ Мономаха, раздвоеніе между старшими племянниками и младшими дядьми; пользуясь этимъ раздвоеніемъ, Ольговичи будутъ имѣть случай давать силу своимъ утраченнымъ правамъ, получать старшинство и Кіевъ. Это тройное раздѣленіе потомства Ярославова очень важно относительно новгородской исторіи: съ одной стороны частая смѣна великихъ князей изъ трехъ враждебныхъ линій заставляла Новгородцевъ, признававшихъ зависимость свою всегда отъ старшаго Ярославича, сообразоваться съ этою смѣною и также перемѣнять своихъ князей, что усиливало внутреннія волненія, производимыя приверженцами изгоняемыхъ князей и врагами ихъ; съ другой стороны—давала Новгороду возможность выбора изъ трехъ линій, что необходимо усиливало произволъ вѣча и, вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивало его значеніе, его требованія, давало Новгородцамъ видъ народа вольнаго. Такъ Новгородъ, сообразуясь съ перемѣною, послѣдовавшею на югѣ въ пользу Ольговичей, смѣняетъ Мономаховича; будучи приведенъ этою смѣною въ затруднительное положеніе, онъ находитъ средство выйти изъ него безъ вреда себѣ и униженія: онъ можетъ примириться съ Мономаховичами, не имѣя нужды принимать опять Мстиславича, онъ можетъ отдаться въ покровительство Юрія Ростовскаго, взять себѣ въ князья его сына;—Юрій защититъ его отъ Ольговичей, какъ ближайшій сосѣдъ, и примиритъ съ Мономаховичами, избавивъ отъ униженія принять Святополка, т.-е. признать торжество Псковичей. Наконецъ, призваніе Юрьевича примиряло въ Новгородѣ всѣ стороны: для приверженцевъ племени Мономахова онъ былъ внукъ его, для враговъ Всеволода—онъ не былъ Мстиславичемъ; разсчетъ былъ вѣренъ, и Ростиславъ Юрьевичъ призванъ на столъ Новгородскій, а Святославу Ольговичу указанъ путь изъ Новгорода.

Усобицы заняли все вниманіе князей въ княженіе Ярополково, и не было похода на враговъ внѣшнихъ: Половцы опомнились отъ ударовъ, нанесенныхъ имъ при Мономахѣ и Мстиславѣ, и опять получили возможность пустошить Русскую Землю; въ 1138 г. они опустошили Курскую волость; союзные отряды ихъ являлись даже въ области Новгородской. Чудь также воспользовалась смутами, возникшими въ Новгородѣ, и не только перестала платить дань, но, собравшись, овладѣла Юрьевымъ и перебила тамошнихъ жителей. Въ 1133 году Всеволодъ, по вторичномъ утвержденіи въ Новгородѣ, предпринималъ походъ на Чудь и отнялъ у ней опять Юрьевъ [2]).

Въ 1139 году умеръ Ярополкъ. Въ лѣтописи замѣчаемъ сильную привязанность къ этому князю, который напоминалъ народу отца своего мужествомъ, славою удачныхъ походовъ на Половцевъ и, какъ видно, нравственными качествами. Мы видѣли, что излишняя отвага, самонадѣянность были гибельны при Супоѣ для Ярополка и всего его племени; мы видѣли также, что несчастный уговоръ его съ старшимъ братомъ былъ причиною усобицъ, раздиравшихъ Русскую Землю во все время его старшинства; но, прежде нежели станемъ обвинять Ярополка въ недостаткѣ умѣнья или твердости, вспомнимъ о неопредѣленности родовыхъ отношеній, о слабой подчиненности младшихъ членовъ рода старшему, особенно когда старшій былъ не отецъ и даже не дядя, но братъ, и то не самый уже старшій; младшіе братья и племянники считали себя въ полномъ правѣ вооруженною рукою противиться распоряженіямъ старшаго, если имъ казалось, что эти распоряженія клонятся къ ихъ невыгодѣ; мы видѣли всю затруднительность положенія Ярополка: что ему было дѣлать съ страннымъ Вячеславомъ, который двигался изъ одной волости въ другую, и сталъ, по лѣтописи, главнымъ виновникомъ усобицы? Въ народѣ видѣли это несчастное положеніе великаго князя, его благонамѣренность и потому не утратили прежней любви къ благовѣрной отрасли знаменитаго Мономаха.

По смерти Ярополка, преемникомъ его на старшемъ столѣ былъ, по всѣмъ правамъ, братъ его Вячеславъ, который вступилъ въ Кіевъ безпрепятственно. Но какъ скоро Всеволодъ Ольговичъ узналъ о смерти Ярополка, и что въ Кіевѣ на его

---

[1]) Полн. Собран. Русск. Лѣт. III, 8: «И сдумавше князь и людье на пути, въспятишеся на *Дубровнѣ*».—Въ Порховскомъ уѣздѣ на большой дорогѣ изъ Новгорода есть погостъ Дубровно, или Дубровка, на рѣкѣ Удохѣ, впад. въ Шелонь.

[2]) Тамъ же, стр. 6; Татищ. II. 246.

мѣстѣ сидитъ Вячеславъ, то немедленно собралъ небольшую дружину, и съ братьями, роднымъ Святославомъ и двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, явился на западной сторонѣ Днѣпра и занялъ Вышгородъ; отсюда, выстроивъ полки, пошелъ къ Кіеву, сталъ въ Копыревѣ концѣ и началъ зажигать дворы въ этой части города, пославши сказать Вячеславу: „Иди добромъ изъ Кіева". Вячеславъ отправилъ къ нему митрополита съ такимъ отвѣтомъ: „Я, братъ, пришелъ сюда на мѣсто братьевъ своихъ, Мстислава и Ярополка, по завѣщанію нашихъ отцовъ; если же ты, братъ, захотѣлъ этого стола, оставя свою отчину, то пожалуй я буду меньше тебя, пойду въ прежнюю свою волость, а Кіевъ тебѣ" [1]). И Всеволодъ вошелъ въ Кіевъ съ честію и славою великою, говоритъ лѣтописецъ. Такимъ образомъ, Ольговичу, мимо стараго, отцовскаго обычая, удалось овладѣть старшимъ столомъ. Какія же были причины такого страннаго явленія? Какимъ образомъ Мономаховичи позволили Святославову внуку занять Кіевъ не по отчинѣ? Въ это время племя Мономахово было въ самомъ затруднительномъ положеніи, именно было безъ главы, и вражда шла между его членами. Старшимъ въ этомъ племени оставался Вячеславъ; но мы видѣли его характеръ, дѣлавшій его неспособнымъ блюсти выгоды рода, поддерживать въ немъ единство, нарядъ. Дѣятельнѣе, способнѣе его былъ слѣдующій братъ, Юрій Ростовскій; но, какъ младшій, онъ не могъ дѣйствовать отъ своего имени, мимо Вячеслава; притомъ его мало знали на югѣ, а это было очень важно относительно народонаселенія; да и когда узнали его, то нашли, что онъ мало похожъ на отца своего и двухъ старшихъ братьевъ. Добрымъ княземъ слылъ послѣдній Мономаховичъ—Андрей; но, какъ самый младшій, онъ также не могъ дѣйствовать въ челѣ племени. Князь, который по своимъ личнымъ доблестямъ одинъ могъ быть представителемъ Мономахова племени для народа,—это былъ Изяславъ Мстиславичъ Владиміро-Волынскій, теперь старшій сынъ старшаго изъ Мономаховичей: необыкновенно храбрый, щедрый къ дружинѣ, привѣтливый къ народу, Изяславъ былъ образцомъ князя, по тогдашнимъ понятіямъ, напоминалъ народу своего знаменитаго дѣда, и былъ потому въ его глазахъ единственною отраслью добраго племени. Но мы видѣли, какъ Изяславъ былъ поставленъ во враждебныя отношенія къ старшимъ членамъ рода, къ дядьямъ своимъ, отъ которыхъ не могъ ждать ничего хорошаго ни для себя, ни для дѣтей своихъ. Находясь, съ одной стороны, во враждѣ съ родными дядьми, съ другой—Изяславъ былъ въ близкомъ свойствѣ со Всеволодомъ Ольговичемъ, который былъ женатъ на старшей его сестрѣ, и, по тогдашнимъ понятіямъ, какъ старшій зять, заступалъ мѣсто старшаго брата и отца. Всеволодъ видѣлъ, что только вражда между членами Мономахова племени могла доставить ему старшинство, и потому спѣшилъ привлечь на свою сторону самаго доблестнаго изъ нихъ, Изяслава, что ему было легко сдѣлать по близкому свойству и по прежнимъ связямъ: онъ могъ хвалиться передъ Изяславомъ, что, только благодаря ему, тотъ могъ помириться съ дядьми и получить отъ нихъ хорошую волость. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Всеволодъ послалъ сказать Изяславу: „Послѣ отца твоего Кіевъ принадлежитъ тебѣ (это могъ сказать Всеволодъ, выгнавшій дядю); но дядья твои не дадутъ тебѣ въ немъ сѣсть: самъ знаешь, что и прежде васъ отовсюду выгоняли, и еслибъ не я, то никакой волости вамъ бы не досталось; поэтому теперь я хочу Кіевъ взять, а васъ буду держать какъ родныхъ братьевъ, и не только теперь дамъ вамъ хорошія волости, но по смерти моей Кіевъ отдамъ тебѣ; только вы не соединяйтесь съ дядьми своими на меня". Изяславъ согласился, и утвердили договоръ крестнымъ цѣлованіемъ. Этимъ только извѣстіемъ можно объяснить равнодушіе Кіевлянъ при занятіи Ольговичемъ ихъ города, тогда какъ они могли съ успѣхомъ сопротивляться его *малой* дружинѣ [2]). Безъ сомнѣнія, Всеволодъ явился къ Кіеву съ такими ничтожными силами, зная, что сопротивленія не будетъ. Но, уладивши дѣло относительно шурьевъ своихъ, Мстиславичей, Всеволодъ долженъ былъ улаживаться съ собственнымъ племенемъ, родными и двоюродными братьями—Ольговичами и Давидовичами. Чтобъ имѣть себѣ и въ тѣхъ и въ другихъ помощь при овладѣніи Кіевомъ, Всеволодъ, по извѣстіямъ лѣтописи [3]), родному Игорю и двоюродному Владиміру обѣщалъ послѣ себя Черниговъ; но, сѣвши въ Кіевѣ, отдалъ Черниговъ Владиміру Давидовичу, и такимъ образомъ перессорилъ родныхъ братьевъ съ двоюродными. Но по другимъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [4]), онъ обѣщалъ, что какъ скоро овладѣетъ Кіевомъ, то выгонитъ Мономаховичей изъ ихъ волостей, которыя отдастъ роднымъ братьямъ, а двоюродные останутся въ Черниговѣ; боясь же теперь дѣйствовать противъ Мономаховичей, чтобъ не заставить ихъ соединиться противъ себя, онъ не могъ сдержать обѣщанія роднымъ братьямъ, и радъ былъ, перессоривъ ихъ съ двоюродными: иначе трудно себѣ представить, чтобы онъ могъ съ успѣхомъ обмануть братьевъ, обѣщая всѣмъ одно и то же.

Несмотря однако на всѣ хитрости Всеволода и на то, что онъ хотѣлъ сначала щадить Мономахо-

[1]) Воскрес. I, 276. Нѣкоторые изслѣдователи изъ словъ: «по *отець нашихъ завѣщанію*» выводятъ, что былъ договоръ между Мономахомъ и Олегомъ, по которому послѣдній отрекся отъ Кіева за себя и потомство. Правда, что *завѣщаніе* въ древнемъ нашемъ языкѣ употребляется въ смыслѣ договора, однако скорѣе можно здѣсь разумѣть обычай предковъ, по которому сынъ не могъ наслѣдовать старшинства, если отецъ его не былъ старшимъ; тѣмъ болѣе что Изяславъ прямо указываетъ на Черниговъ, *отчину* Всеволода; послѣдній, по означенному обычаю, могъ быть старшимъ только въ племени Святославовомъ, владѣть Черниговомъ какъ отчиною, а никакъ не Кіевомъ.

[2]) Татищ. II, 259.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 15.

[4]) Татищ. II, 259.

вичей, только разъединяя ихъ, послѣдніе не хотѣли спокойно уступать ему старшинства. Первый, какъ слѣдовало ожидать, началъ Юрій: онъ пріѣхалъ въ Смоленскъ къ племяннику Ростиславу Мстиславичу, который былъ всегда почтителенъ къ дядьямъ, и потому могъ быть посредникомъ между ними и братьями своими. Изъ лѣтописи можно заключить, что переговоры между Мономаховичами сначала шли успѣшно, потому что когда Всеволодъ сталъ дѣлать имъ мирныя предложенія, а Изяслава Мстиславича звалъ къ себѣ въ Кіевъ на личное свиданіе, то Мономаховичи не захотѣли вступить съ нимъ ни въ какія соглашенія, продолжали пересылаться между собою, собираясь идти на него ратью [1]). Тогда Всеволодъ рѣшился предупредить ихъ, напасть на каждаго по одиночкѣ, отнять волости и раздать ихъ братьямъ по уговору: онъ надѣялся на свою силу, говоритъ лѣтописецъ, самъ хотѣлъ всю Землю держать.—Пославши двоюроднаго брата своего, Изяслава Давидовича, и галицкихъ князей, внуковъ Ростиславовыхъ, съ Половцами на Изяслава Волынскаго и дядю его, Вячеслава Туровскаго, Всеволодъ самъ съ роднымъ братомъ, Святославомъ, пошелъ къ Переяславлю на Андрея. Онъ хотѣлъ посадить здѣсь Святослава и, ставши на Днѣпрѣ, послалъ сказать Андрею: „Ступай въ Курскъ". Согласиться Андрею на это требованіе, взять незначительную, отдаленную Черниговскую волость и отдать во враждебное племя Переяславль, столъ дѣдовскій и отцовскій, значило—не только унизить себя, но и нанести безчестье цѣлому племени, цѣлой линіи Мономаховой, отнять у ней то значеніе, тѣ преимущества и волости, которыя были утверждены за нею Владиміромъ и двумя старшими его сыновьями. Ольговичи были исключены изъ старшинства, должны были ограничиться однѣми черниговскими волостями, вслѣдствіе чего всѣ остальныя русскія волости стали исключительною отчиною Мономаховичей, а теперь Ольговичи насиліемъ, мимо отцовскаго обычая, хотятъ отнять у нихъ полученныя отъ отца волости, и дать вмѣсто нихъ свои—черниговскія, худшія! Вспомнимъ, какъ послѣ члены родовъ боялись занять какое-нибудь мѣсто, котораго не занимали ихъ старшіе, чтобъ не нанести *порухи* роду, и для насъ не удивителенъ будетъ отвѣтъ Андрея; подумавши съ дружиною, онъ велѣлъ сказать Всеволоду: „Лучше мнѣ умереть съ дружиною на своей отчинѣ и дѣдинѣ, чѣмъ взять Курское княженіе; отецъ мой сидѣлъ не въ Курскѣ, а въ Переяславлѣ, и я хочу на своей отчинѣ умереть; если же тебѣ, братъ, еще мало волостей, мало всей Русской Земли, а хочешь взять и эту волость, то убей меня и возьми ее, а живой не пойду изъ своей волости. Это не въ диковину будетъ нашему роду; такъ и прежде бывало: развѣ Святополкъ не убилъ Бориса и Глѣба за волость? Но самъ долго ли пожилъ? И здѣсь жизни лишился, да и тамъ вѣчно мучится". Всеволодъ не пошелъ самъ къ Переяславлю, но послалъ туда брата, Святослава, который встрѣтился на дорогѣ съ дружиною Андреевою и былъ разбитъ: побѣдители гнались за нимъ до мѣста Корани [2]); далѣе Андрей не велѣлъ преслѣдовать. На другой день Всеволодъ помирился съ Переяславскимъ княземъ, на какихъ условіяхъ—не извѣстно: вѣроятно Андрей обѣщался отстать отъ союза съ своими, признать старшинство Всеволода, а тотъ—оставить его въ Переяславлѣ. Андрей уже поцѣловалъ крестъ, но Всеволодъ еще не успѣлъ, какъ въ ночь загорѣлся Переяславль. Всеволодъ не воспользовался этимъ несчастіемъ, и послалъ на другой день сказать Андрею: „Видишь, я еще креста не цѣловалъ, такъ еслибъ хотѣлъ сдѣлать тебѣ зло, могъ бы: Богъ мнѣ давалъ васъ въ руки, сами зажгли свой городъ; что мнѣ было годно, то-бъ я и могъ сдѣлать; а теперь ты цѣловалъ крестъ; исполнишь свою клятву—хорошо, не исполнишь—Богъ тебѣ будетъ судья". Помирившись съ Андреемъ, Всеволодъ пошелъ назадъ въ Кіевъ.

Между тѣмъ война шла на западѣ: сначала войско, посланное противъ Изяслава ко Владиміру, дошедши до рѣки Горыни, испугалось чего-то и возвратилось назадъ; потомъ галицкіе князья призвали къ себѣ Изяслава Мстиславича для переговоровъ, но не могли уладиться: быть можетъ, они хотѣли воспользоваться затруднительнымъ положеніемъ Волынскаго князя и распространить свою волость на его счетъ. Поляки, помогая Всеволоду, повоевали Волынь; Изяславъ Давидовичъ—Туровскую волость; но дѣло этимъ и кончилось: и дядя, и племянникъ остались на своихъ столахъ. Съ сѣвера однако не было сдѣлано никакихъ движеній въ ихъ пользу, ни изъ Суздаля, ни изъ Смоленска: Юрій, будучи въ послѣднемъ городѣ, послалъ къ Новгородцамъ звать ихъ на Всеволода; но тѣ не послушались, и сынъ его Ростиславъ прибѣжалъ изъ Новгорода къ отцу въ Смоленскъ; тогда Юрій, разсердившись, возвратился назадъ въ Суздальскую область и оттуда захватилъ у Новгородцевъ Торжокъ: вотъ единственная причина, которую находимъ въ лѣтописи для объясненія недѣятельности Юрія. Ростиславъ одинъ не отважился идти на помощь къ своимъ, которые, будучи предоставлены собственнымъ силамъ, принуждены были отправить пословъ къ Всеволоду съ мирными предложеніями; Всеволодъ сперва-было не хотѣлъ заключать мира на предложенныхъ ими условіяхъ, но потомъ разсудилъ, что ему нельзя быть безъ Мономаховичей, согласился на ихъ условія и цѣловалъ крестъ. Какія были эти условія,—лѣтописецъ не говоритъ; какъ видно, договорились, чтобъ каждому изъ Мономаховичей остаться при своихъ волостяхъ. Почему Всеволодъ думалъ, что ему нельзя обойтись безъ Мономаховичей,—довольно ясно: при черниговской,

[1]) Татищ. II, стр. 261. У Татищева сказано, будто Изяслава увѣдомили, что зять хочетъ схватить его, и потому онъ не поѣхалъ къ нему въ Кіевъ.

[2]) Деревня Карань, въ 5 верстахъ отъ Переяславля, на Трубежѣ.

галицкой и польской помощи ему не удалось силою лишить волости ни одного изъ нихъ, несмотря на то, что южные были оставлены сѣверными, дѣйствовали порознь, только оборонительно: народное расположеніе было на ихъ сторонѣ.

Мономаховичи были разъединены враждою, чѣмъ единственно и держался Всеволодъ въ Кіевѣ; но за то и между Ольговичами была постоянная размолвка. Святославъ Ольговичъ, призванный въ другой разъ въ Новгородъ, опять не могъ ужиться съ его жителями и бѣжалъ оттуда въ Стародубъ; Всеволодъ вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ, но братья не уладились о волостяхъ; Святославъ пошелъ въ Курскъ, которымъ владѣлъ вмѣстѣ съ Новгородомъ-Сѣверскимъ: чѣмъ владѣлъ Игорь—не извѣстно; потомъ скоро Всеволодъ далъ Святославу Бѣлгородъ [1]). Игорь продолжалъ враждовать съ Давыдовичемъ за Черниговъ, ходилъ на него войною, но заключилъ миръ. Смерть Андрея Владиміровича Переяславскаго, случившаяся въ 1142 г., подала поводъ къ новымъ перемѣщеніямъ и смутамъ: Всеволоду, какъ видно, неловко было сидѣть въ Кіевѣ, окруженномъ со всѣхъ сторонъ волостями Мономаховичей, и потому онъ послалъ сказать Вячеславу Туровскому: „Ты сидишь въ Кіевской волости, а она мнѣ слѣдуетъ; ступай въ Переяславль, отчину свою". Вячеславъ не имѣлъ никакого предлога не идти въ Переяславль, и пошелъ; а въ Туровѣ посадилъ Всеволодъ сына своего, Святослава. Это распоряженіе должно было озлобить Ольговичей; тяжко стало у нихъ на сердцѣ, говоритъ лѣтописецъ: волости даетъ сыну, а братьевъ ничѣмъ не надѣлилъ. Тогда Всеволодъ позвалъ къ себѣ рядиться всѣхъ братьевъ, родныхъ и двоюродныхъ; они пришли и стали за Днѣпромъ: Святославъ Ольговичъ, Владиміръ и Изяславъ Давидовичи въ Ольжичахъ, а Игорь у Городца; прямо въ Кіевъ слѣдовательно не поѣхали, вели переговоры черезъ Днѣпръ; Святославъ поѣхалъ къ Игорю и спросилъ: „Что тебѣ даетъ братъ старшій?" Игорь отвѣчалъ: „Даетъ намъ по городу,—Брестъ и Дрогичинъ [2]), Чарторыйскъ и Клецкъ, а отчины своей, Земли Вятичей, не даетъ" Тогда Святославъ поцѣловалъ крестъ съ Игоремъ, а на другой день цѣловали и Давидовичи на томъ, чтобы стоять всему племени заодно противъ неправды старшаго брата; сказали при этомъ: „Кто изъ насъ отступится отъ крестнаго цѣлованія, тому крестъ отомститъ" Когда послѣ этого Всеволодъ прислалъ звать ихъ на обѣдъ, то они не поѣхали и велѣли сказать ему: „Ты сидишь въ Кіевѣ, а мы просимъ у тебя Черниговской и Новгородской (Сѣверской) волости, Кіевской не хотимъ". Всеволодъ никакъ не хотѣлъ уступить имъ Вятичей, вѣрно приберегалъ ихъ на всякій случай своимъ дѣтямъ, а все давалъ имъ тѣ четыре города, о которыхъ было прежде сказано. Братья велѣли сказать ему на это: „Ты намъ братъ старшій; но если не дашь, такъ мы сами будемъ искать"; и, разсорившись съ Всеволодомъ, поѣхали ратью къ Переяславлю на Вячеслава,—вѣрно надѣялись такъ-же легко выгнать его изъ этого города, какъ братъ ихъ, Всеволодъ, выгналъ его изъ Кіева; но обманулись въ надеждѣ, встрѣтили отпоръ у города, а между тѣмъ Всеволодъ послалъ на помощь Вячеславу воеводу Лазаря Саковскаго съ Печенѣгами и Кіевлянами; съ другой стороны, Изяславъ Мстиславичъ, услыхавъ, что Черниговскіе пришли на его дядю, поспѣшилъ отправиться съ полкомъ своимъ къ Переяславлю и разбилъ ихъ: четверо князей не могли устоять противъ одного и побѣжали въ свои города; а между тѣмъ явился Ростиславъ съ смоленскимъ полкомъ и повоевалъ Черниговскую волость по рѣкѣ Сожѣ [3]). Тогда Изяславъ, услыша, что братъ его выгналъ Черниговскихъ, бросился на волость ихъ отъ Переяславля, повоевалъ села по Деснѣ и около Чернигова, и возвратился домой съ честью великою. Игорь съ братьями хотѣлъ отмстить за это: поѣхали въ другой разъ къ Переяславлю, стали у города, бились три дня, и опять, ничего не сдѣлавши, возвратились домой. Тогда Всеволодъ вызвалъ изъ монастыря брата своего двоюроднаго, Святошу (Святослава-Николая Давидовича, постригшагося въ 1106 году) и послалъ къ братьямъ, велѣвъ сказать имъ: „Братья мои! возьмите у меня съ любовію, что вамъ даю — Городецъ [4]), Рогачевъ, Брестъ, Дрогичинъ, Клецкъ; не воюйте больше съ Мстиславичами". На этотъ разъ, потерявши смѣлость отъ неудачъ подъ Переяславлемъ, они исполнили волю старшаго брата, и когда онъ позвалъ ихъ къ себѣ въ Кіевъ, то всѣ явились на зовъ. Но Всеволоду, который сохранилъ свое пріобрѣтеніе только вслѣдствіе разъединенія, вражды между остальными князьями, не нравился союзъ между братьями; чтобъ разсорить ихъ, онъ сказалъ Давидовичамъ: „Отступите отъ моихъ братьевъ, я васъ надѣлю"; тѣ прельстились обѣщаніемъ, нарушили клятву и перешли отъ Игоря и Святослава на сторону Всеволода. Всеволодъ обрадовался ихъ разлученью, и

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17: «Въ то же время Всеволодъ, разлучивая съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлъгородъ».—Это мѣсто подозрительно: *разлучивать съ братомъ* своимъ не имѣетъ смысла; необходимо предположить здѣсь еще третье лицо, кромѣ Всеволода и Святослава; это предположеніе необходимо и вслѣдствіе союза «и», поставленнаго послѣ дѣепричастія; это третье лицо очень можетъ быть Игорь.

[2]) Мѣстечко Гродненской губерніи, Кобринскаго уѣзда.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 18: «И взя около Гомія волость, ихъ всю».—Гомій (Гомель),—мѣстечко Могилевской губерніи, Бѣлицкаго уѣзда.

[4]) Городецъ Остерскій, или Юрьевъ, принадлежавшій Юрію Долгорукому Ростовскому и отнятый у него недавно Всеволодомъ; Рогачевъ—уѣздный городъ Могилевской губерніи; о Рогачевѣ Волынскомъ нельзя думать, потому что между Святославичами дѣло шло о дѣлежѣ Турово-Пинскаго княжества, пріобрѣтеннаго теперь этою линіею вслѣдствіе переселенія Вячеслава въ Переяславль; Всеволодъ и даетъ туровскіе города или черниговскіе, за нимъ оставшіеся, а волынскихъ онъ не могъ отдавать: они принадлежали Изяславу Мстиславичу; Чарторыйскъ могъ находиться на границахъ Владимірскаго княжества съ Туровскимъ и принадлежать къ послѣднему.

такъ распорядился волостями: Давидовичамъ далъ Брестъ, Дрогичинъ, Вщижъ и Ормину [1]), а роднымъ братьямъ далъ—Игорю Городецъ Остерскій и Рогачевъ, а Святославу—Клецкъ и Черторыйскъ. Ольговичи помирились поневолѣ на двухъ городахъ, и подняли снова жалобы, когда Вячеславъ, по согласію съ Всеволодомъ, помѣнялся съ племянникомъ своимъ, Изяславомъ,—отдалъ ему Переяславль, а самъ взялъ опять прежнюю свою волость, Туровъ, откуда Всеволодъ вывелъ своего сына во Владиміръ; понятно, что Вячеславу не правилось въ Переяславлѣ, гдѣ уже его не разъ осаждали Черниговскіе, тогда какъ храбрый Изяславъ могъ отбиться отъ какого угодно врага. Не понравилось это перемѣщеніе Ольговичамъ; стали роптать на старшаго брата, что поблажаетъ шурьямъ своимъ—Мстиславичамъ: „Это наши враги", говорили они, „а онъ осажался ими около, намъ на безголовье и безмѣстье, да и себѣ". Они наскучивали Всеволоду просьбами своими идти на Мстиславичей; но тотъ не слушался: это все показываетъ, что прежде точно Всеволодъ обѣщалъ братьямъ помѣстить ихъ въ волостяхъ Мономаховскихъ; но теперь Ольговичи должны были видѣть, что исполненіе этого обѣщанія вовсе не легко, и настаиваніе на это можетъ показывать только ихъ неразсчетливость, хотя очень понятны ихъ раздражительность и досада на старшаго брата. Изяслава Мстиславича однако, какъ видно, безпокоила вражда Ольговичей; изъ поведенія Всеволода съ братьями онъ очень ясно видѣлъ, что это за человѣкъ, можно ли на него въ чемъ-нибудь положиться; могъ ясно видѣть, что Всеволодъ только по нуждѣ терпитъ Мономаховичей въ хорошихъ волостяхъ, и потому рѣшился попытаться, нельзя ли помириться съ дядею Юріемъ. Онъ самъ отправился къ нему въ Суздаль; но не могъ уладиться, и поѣхалъ изъ Суздаля сперва къ брату Ростиславу въ Смоленскъ, а потомъ къ брату Святополку въ Новгородъ, гдѣ и зимовалъ.

Таковы были отношенія между двумя главными линіями Ярославова потомства, при старшинствѣ внука Святославова. Обратимся теперь къ другимъ. Здѣсь первое мѣсто занимаютъ Ростиславичи, которые начали тогда носить названіе князей Галицкихъ. Извѣстные намъ Ростиславичи — Володарь и Василько—умерли оба въ 1124 году; послѣ Володаря осталось два сына—Ростиславъ [2]) и Владиміръ, извѣстный больше подъ уменьшительнымъ именемъ Владимірка; послѣ Василька—Григорій и Иванъ. Изъ князей этихъ самымъ замѣчательнымъ явился второй Володаревичъ, Владимірко: несмотря на то, что отовсюду былъ окруженъ сильными врагами, Владимірко умѣлъ не только удержаться въ своей волости, но и успѣлъ оставить ее своему сыну могущественнымъ княжествомъ, котораго союзъ или вражда получили большую важность для народовъ сосѣднихъ. Будучи слабымъ между многими сильными, Владимірко не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли: большею частію дѣйствовалъ ловкостью, хитростью, не смотрѣлъ на клятвы. Призвавъ на помощь Венгровъ, онъ всталъ на старшаго брата своего Ростислава въ 1127 году; но Ростиславу помогли двоюродные братья Васильковичи и великій князь Кіевскій—Мстиславъ Владиміровичъ. Съ Ростиславомъ ему не удалось сладить; но когда умеръ Ростиславъ, равно какъ оба двоюродные братья Васильковичи, то Владимірко взялъ себѣ обѣ волости—Перемышльскую и Теребовльскую, и не подѣлился съ племянникомъ своимъ, Иваномъ Ростиславичемъ, княжившимъ въ Звенигородѣ. Усобицы, возникшія на Руси по смерти Мстислава Великаго, давали Владимірку полную свободу дѣйствовать. Мы видѣли, что въ войнѣ Всеволода Ольговича съ Мономаховичами, Владимірко съ однимъ изъ двоюродныхъ братьевъ своихъ, Иваномъ Васильковичемъ [3]), помогалъ Всеволоду; но отношенія перемѣнились, когда на столѣ Волынскомъ, вмѣсто Изяслава Мстиславича, сѣлъ сынъ Всеволодовъ — Святославъ. Князь съ такимъ характеромъ и стремленіями, какъ Владимірко, не могъ быть хорошимъ сосѣдомъ; Святославъ и отецъ его также не были уступчивы, и потому не удивительно читать въ лѣтописи подъ 1144 годомъ, что Всеволодъ разсорился съ Владимíркомъ за сына, начали искать другъ на другѣ вины, и Владимірко отослалъ въ Кіевъ крестную грамоту. Всеволодъ пошелъ на него съ обоими родными братьями, съ двоюроднымъ Владиміромъ Давидовичемъ, Мономаховичами—Вячеславомъ Туровскимъ, двумя Мстиславичами—Изяславомъ и Ростиславомъ, съ сыномъ Святославомъ, двумя сыновьями Всеволода Городенскаго, съ Владиславомъ, Польскимъ княземъ; нудили *многоглаголиваго* Владимірка неволею пріѣхать ко Всеволоду поклониться; но тотъ не хотѣлъ и слышать объ этомъ, и привелъ къ себѣ на помощь Венгровъ. Всеволодъ пошелъ къ Теребовлю; Владимірко вышелъ къ нему на-встрѣчу, но биться не могли, потому что между ними была рѣка Сереть, и оба пошли по берегамъ рѣки къ Звенигороду [4]). Всеволодъ,

[1]) Вщижъ, село Орловской губерніи, въ 40 верстахъ отъ Брянска; есть два села Воршиныхъ въ Могилевскомъ уѣздѣ.

[2]) Я ставлю Ростислава старшимъ потому, что ему достался старшій столъ Перемышль, тогда какъ Владиміру достался Звенигородъ, по извѣстію Стрыйковскаго.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 17, подъ годомъ 1141: «Преставися у Галичи Васильковичъ Иванъ, и прія волость его Володимерко Володаревичъ, сѣде въ обою волостью княжа въ Галичи».

[4]) Изъ многихъ Звенигородовъ вѣроятно здѣсь и въ другихъ мѣстахъ разумѣется тотъ, который находился подъ Львовымъ въ Бережанскомъ округѣ. Вотъ опущенныя въ текстѣ подробности лѣтописныя по Лавр. списку, который здѣсь исправнѣе Ипатьевскаго: «И не могоша битися, зане бяшеть межи има рѣка Серетъ, идоша обои подлѣ рѣку, за недѣлю, къ Звенигороду: и на Рожнѣ полѣ не могоша ся бити, зане Володимеръ стоя на Голыхъ горахъ. Приде же къ нему (т.-е. Всеволоду) Изяславъ Давидовичъ съ Половци, переемъ два города, Ушицю и Микулинъ. И иде Всеволодъ къ Звенигороду и ста по сей сторонѣ города, а Владимеръ объ одну страну, сшедъ съ горы, а межи

къ которому пришелъ двоюродный братъ Изяславъ Давидовичъ съ Половцами, сталъ объ одну сторону Звенигорода, а Владимірко—по другую: мелкая рѣка раздѣляла оба войска. Тогда Всеволодъ велѣлъ чинить гати; войска его перешли рѣку и зашли въ тылъ Владимірку, отрѣзавъ его отъ Перемышля и Галича. Видя это, Галичане встосковались: „Мы здѣсь стоимъ, говорили они, а тамъ женъ нашихъ возьмутъ". Тогда ловкій Владимірко нашелся, съ какой стороны начать дѣло; онъ послалъ сказать брату Всеволодову, Игорю: „Если помиришь меня съ братомъ, то по его смерти помогу тебѣ сѣсть въ Кіевѣ". Игорь прельстился обѣщаніемъ и началъ хлопотать о мирѣ, приступая къ брату то съ мольбою, то съ сердцемъ: „Не хочешь ты мнѣ добра: зачѣмъ ты мнѣ назначилъ Кіевъ послѣ себя, когда не даешь друга сыскать"? Всеволодъ послушался его и заключилъ миръ. Владимірко выѣхалъ къ нему изъ стана, поклонился и далъ за трудъ 1,400 гривенъ серебра: прежде онъ много говорилъ, а послѣ много заплатилъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Всеволодъ, поцѣловавшись съ Владимірκомъ, сказалъ ему: „Се цѣлъ еси, къ тому не согрѣшай", и отдалъ ему назадъ два города—Ушицу и Микулинъ, захваченные Изяславомъ Давидовичемъ. Серебра себѣ Всеволодъ не взялъ одинъ всего, но раздѣлилъ со всею братью. Неудача Владимірка ободрила внутреннихъ враговъ его, приверженцевъ племянника, Ивана Ростиславича. Когда, зимою, Всеволодъ отправился на охоту [1]), то жители Галича послали въ Звенигородъ за Иваномъ и ввели его къ себѣ въ городъ [2]). Владимірко, услыхавъ объ этомъ, пришелъ съ дружиною къ Галичу, бился съ осажденными три недѣли и все не могъ взять города, какъ однажды ночью Иванъ вздумалъ сдѣлать вылазку, но зашелъ слишкомъ далеко отъ города, и былъ отрѣзанъ отъ него полками Владимірковыми; потерявъ много дружины, онъ пробился сквозь вражье войско и бросился къ Дунаю, а оттуда степью въ Кіевъ къ Всеволоду; Владимірко вошелъ въ Галичъ, многихъ людей перебилъ, а иныхъ показнилъ казнью злою, по выраженію лѣтописца. Быть можетъ, покровительство, оказанное Всеволодомъ Ростиславичу, послужило поводомъ къ новой войнѣ между Кіевскимъ и Галицкимъ князьями: въ 1146 году Владимірко взялъ Прилукъ [3]), пограничный кіевскій городъ. Всеволодъ опять собралъ братьевъ и шурьевъ, соединился съ Новгородцами, которые прислали отрядъ войска подъ воеводою Нервиномъ, съ Поляками и дикими Половцами, и осадилъ Звенигородъ со множествомъ войска: на первый день осады пожженъ былъ острогъ, на другой Звенигородцы собрали вѣче и рѣшили сдаться, но не хотѣлъ сдаваться воевода, Владимірковъ бояринъ, Иванъ Халдѣевичъ; чтобъ настращать гражданъ, онъ схватилъ у нихъ три человѣка, убилъ ихъ, и, разсѣкши каждаго пополамъ, выбросилъ вонъ изъ города. Онъ достигъ своей цѣли: Звенигородцы испугались, и съ тѣхъ поръ начали биться безъ лести. Видя это, Всеволодъ рѣшился взять городъ приступомъ: на третій день все войско двинулось на городъ, бились съ зари до поздняго вечера, зажгли городъ въ трехъ мѣстахъ; но граждане утушили пожаръ. Всеволодъ принужденъ былъ снять осаду и возвратился въ Кіевъ; какъ видно, впрочемъ, продолженію войны много помѣшала болѣзнь его.

Относительно другихъ княжескихъ линій встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Всеволода Давидовича Городенскаго, въ 1141 году; послѣ него осталось двое сыновей, Борисъ и Глѣбъ, да двѣ дочери, изъ которыхъ одну великій князь Всеволодъ отдалъ за двоюроднаго брата своего Владиміра Давидовича, а другую—за Юрія Ярославича. Здѣсь въ первый разъ упоминается этотъ Юрій, сынъ Ярослава Святополчича, слѣдовательно представитель Изяславовой линіи; гдѣ онъ княжилъ,—не извѣстно. Полоцкіе князья воспользовались смутами, ослабившими племя Мономахово, и возвратились изъ изгнанія въ свою волость. Мы видѣли, что при Ярополкѣ княжилъ въ Полоцкѣ Василько Святославичъ; о возвращеніи двоихъ другихъ князей полоцкихъ изъ изгнанія лѣтописецъ упоминаетъ подъ 1139 годомъ. Ярославичи обѣихъ линій—Мономаховичи и Ольговичи—теперь вмѣсто вражды входили въ родственные союзы съ полоцкими: такъ Всеволодъ женилъ сына своего Святослава на до-

---

ними рѣка мелка; и повелѣ Всеволодъ чинити гати, комуждо своему полку; и заутра перейдоша рѣку и взяша горы за Володимеромъ. Володимеръ же мня, ако къ нему идутъ, ста исполчився передъ городомъ на болоньи. Симъ же полкомъ не лзѣ бяше биться съ ними, тѣсноты ради, зане болота пришла ноли подъ горы; тѣмже взидоша Рускыи полцы на горы; и зайдоша и отъ Перемышля и отъ Галича».—Касательно мѣстностей— Микулинъ теперь находится въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ, на рѣкѣ Середѣ, слѣд. и Ушица должно быть нынѣшнее селеніе Ушня, въ Золочовскомъ округѣ Галиціи, близъ городка Бѣлый-Камень, въ верховьи Западнаго Буга, не вдалекѣ отъ верховья Середа.—Г. Погодинъ возражаетъ противъ этого (Изслѣд. Т. IV, стр. 168): «Какимъ образомъ Изяславъ Давыдовичь могъ зайти съ этой стороны?» Но если г. Погодинъ затрудняется тѣмъ, что Изяславъ, для взятія города, на верховьи Середа, зашелъ слишкомъ далеко съ сѣвера, то почему не затрудняется предположеніемъ, что Черниговскій князь зашелъ слишкомъ далеко съ юга, если двигался, какъ онъ думаетъ, отъ Ушицы Подольской къ Теребовлю? Гораздо легче, по нашему мнѣнію, предположить, что онъ шелъ съ Половцами по степной Украйнѣ Кіевскаго княжества, и прямо вошелъ въ Галицкія владѣнія при верховьи Середа, а не дѣлалъ крюка отъ Винницы къ Ушицѣ и отъ Ушицы къ Теребовлю.—Между верховьями Западнаго Буга, Середа и Стыря есть и теперь селеніе *Рожня*; близко отсюда находится и мѣстечко *Гологоры*.

[1]) «Вышедшю Володимеру въ Тисмяничю, на ловы».—Городъ Тисманица, на правомъ берегу рѣки Вороны, недалеко отъ Станиславова.

[2]) Слѣд. Иванъ Ростиславичъ княжилъ въ Звенигородѣ, а не былъ изгнанъ, или лишенъ законнаго наслѣдства, какъ говоритъ Карамзинъ; изъ лѣтописи видно только, что Владимірко не подѣлился съ племянникомъ Теребовльскою волостью; см. выше, на стран. 386, примѣч. 3.

[3]) Теперь Прилуки, большое мѣстечко въ Бердичевскомъ уѣздѣ Кіевской губерніи.

чери Василька, а Изяславъ Мстиславичъ отдалъ дочь свою за Рогволода Борисовича. Въ линіи Ярослава Святославича Муромскаго умеръ сынъ его Святославъ въ 1144 году; его мѣсто заступилъ братъ его Ростиславъ, пославши сына своего Глѣба княжить въ Рязань.

Что касается до Новгорода, то легко предвидѣть, что, при усобицахъ между Мономаховичами и Ольговичами, въ немъ не могло быть спокойно. По изгнаніи Вячеслава Всеволодомъ изъ Кіева, при торжествѣ Ольговичей, Новгородцы опять стали между двухъ огней, опять вовлекались въ междоусобіе; должны были поднять оружіе противъ великаго князя Кіевскаго, отъ котораго обязаны были зависѣть. Мы видѣли, что Юрій Ростовскій, собравшись на Всеволода, потребовалъ войска у Новгородцевъ: граждане отказались поднять руки на великаго князя, какъ прежде отказались идти противъ Юрія; отказъ на требованіе отца послужилъ знакомъ къ отъѣзду сына: Ростиславъ уѣхалъ въ Смоленскъ, Новгородъ остался безъ князя; а между тѣмъ разсерженный Юрій взялъ Торжокъ. Въ такой крайности Новгородцы обратились къ Всеволоду, должны были принять снова Святослава Ольговича, прежде изгнаннаго, т.-е. поднять опять у себя всѣ поутихшія-было вражды. Новгородцы принуждены были дать клятву Святославу [1]); въ чемъ она состояла,—не извѣстно; но еще до пріѣзда Святослава въ Новгородъ лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, произведенномъ безъ сомнѣнія врагами Святослава, приверженцами Мономаховича. Святославъ не забылъ также враговъ своихъ, бывшихъ причиною его изгнанія, вслѣдствіе чего Новгородцы начали вставать на него на вѣчахъ, за его злобу, по выраженію лѣтописца. Святославу самому скоро наскучило такое положеніе; онъ послалъ сказать Всеволоду: „Тяжко мнѣ, братъ, съ этими людьми, не могу съ ними жить; кого хочешь, того и пошли сюда". Всеволодъ рѣшился отправить сына своего Святослава, и послалъ сказать объ этомъ Новгородцамъ извѣстнаго уже намъ Ивана Войтишича; но, вѣроятно, для того, чтобъ ослабить сторону Мономаховскую и приготовить сыну спокойное княженіе, велѣлъ Войтишичу выпросить у Новгородцевъ лучшихъ мужей и прислать ихъ въ Кіевъ, что и было исполнено: такъ заточенъ былъ въ Кіевъ Константинъ Микулиничъ, который былъ посадникомъ прежде при Святославѣ и потомъ бѣжалъ къ Всеволоду Мстиславичу; вслѣдъ за Константиномъ отосланы были въ оковахъ въ Кіевъ еще шестеро гражданъ. Но эти мѣры, какъ видно, только усилили волненіе. На вѣчахъ начали бить Святославовыхъ пріятелей за его насилія; кумъ его, тысяцкій, далъ ему знать, что сбираются схватить и его: тогда Святославъ тихонько ночью убѣжалъ изъ Новгорода вмѣстѣ съ посадникомъ Якуномъ; но Якуна схватили, привели въ Новгородъ вмѣстѣ съ братомъ Прокопіемъ, чуть не убили до смерти, раздѣли донага и сбросили съ моста. Ему посчастливилось однако прибресть къ берегу; тогда уже больше его не стали бить, но взяли съ него 1000 гривенъ, да съ брата его сто гривенъ, и заточили обоихъ въ Чудь, приковавши руки къ шеѣ; но послѣ перевелъ ихъ къ себѣ Юрій Ростовскій и держалъ въ милости. Между тѣмъ епископъ Новгородскій съ другими послами пріѣхалъ въ Кіевъ и сказалъ Всеволоду: „Дай намъ сына твоего, а Святослава, брата твоего, не хотимъ". Всеволодъ согласился и отправилъ къ нимъ сына Святослава; но, когда молодой князь былъ уже на дорогѣ въ Черниговъ, Новгородцы перемѣняли мнѣніе и объявили Всеволоду: „Не хотимъ ни сына твоего, ни брата и никого изъ вашего племени, хотимъ племени Владимірова; дай намъ шурина твоего Мстиславича" Всеволодъ, услыхавъ это требованіе, воротилъ епископа съ послами и задержалъ ихъ у себя. Не желая передать Новгорода Владимірову племени, Всеволодъ призвалъ къ себѣ шурьевъ своихъ—Святополка и Владиміра, далъ имъ Брестъ и сказалъ: „О Новгородѣ не хлопочите, пусть ихъ сидятъ одни, пусть берутъ себѣ князя, какого хотятъ". 9 мѣсяцевъ сидѣли Новгородцы безъ князя, чего они не могли терпѣть, по выраженію лѣтописца; притомъ же сдѣлалась дороговизна, хлѣбъ не шелъ имъ ни откуда. При такихъ обстоятельствахъ, естественно упала сторона, такъ сильно дѣйствовавшая противъ Святослава, и восторжествовала сторона противная; но эта сторона перемѣнила теперь направленіе: мы видѣли, что Юрій Ростовскій принялъ къ себѣ Якуна и держалъ его въ милости; въ Суздаль же бѣжали и другіе пріятели Святослава и Якуна—Судила, Нѣжата, Страшко; ясно, что Юрій милостивымъ пріемомъ привлекъ ихъ всѣхъ на свою сторону; теперь, когда сторона ихъ усилилась, и они были призваны въ Новгородъ, а Судила былъ избранъ даже посадникомъ, то легко понять, что они стали дѣйствовать въ пользу своего благодѣтеля Юрія, тѣмъ болѣе что теперь не оставалось другого средства, какъ обратиться къ послѣднему, и вотъ Новгородцы послали за Юріемъ; тотъ самъ къ нимъ не поѣхалъ, а отправилъ сына своего Ростислава. Тогда Всеволодъ увидалъ, что ошибся въ своемъ разсчетѣ, сильно разсердился на Юрія, захватилъ его городъ, Городецъ на Острѣ, и другіе, захватилъ коней, рогатый скотъ, овецъ, всякое добро, какое только было у Юрія на югѣ; а между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать сестрѣ своей, женѣ Всеволодовой: „Выпроси у зятя Новгородъ-Великій брату своему Святополку". Она стала просить мужа, и тотъ наконецъ согласился: разумѣется, не одна просьба жены заставила его согласиться на это: ему выгоднѣе было видѣть въ Новгородѣ шурина своего Мстиславича, чѣмъ сына Юрьева; притомъ изгнаніе послѣдняго въ пользу перваго усиливало еще больше вражду между Юріемъ и племянниками, что было очень выгодно для Всеволода.—Когда

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 8: «И послашася Новгородци Кыеву по Святослава по Олговича, заходивше ротѣ».

*

въ Новгородѣ узнали, что изъ Кіева идетъ къ нимъ Святополкъ Мстиславичъ съ епископомъ и лучшими людьми, задержанными прежде Всеволодомъ, то сторона Мстиславичей поднялась опять, тѣмъ болѣе что теперь надобно было выбрать изъ двухъ одно: удержать сына Юріева—и войти во вражду съ великимъ княземъ и Мстиславичами, или принять Святополка—и враждовать съ однимъ Юріемъ. Рѣшились на послѣднее: Святополкъ былъ принятъ, Ростиславъ отправленъ къ отцу,—и Новгородъ успокоился.

Таковы были внутреннія отношенія во время старшинства Всеволода Ольговича; обратимся теперь ко внѣшнимъ. Мы оставили Польшу подъ правленіемъ Болеслава III Кривоустова; княженіе Болеслава было одно изъ самыхъ блистательныхъ въ польской исторіи по удачнымъ войнамъ его съ Поморянами, Чехами, Нѣмцами. Мы видѣли также постоянную борьбу его съ братомъ Збигнѣвомъ, противъ котораго онъ пользовался русскою помощью. Очень важно было для Руси, что дѣятельность такого энергическаго князя отвлекалась преимущественно на западъ, сдерживалась домашнею борьбою съ братомъ, и что современники его на Руси были Мономахъ и сынъ его Мстиславъ, которые могли дать всегда сильный отпоръ Польшѣ, въ случаѣ вражды съ ея княземъ: такъ кончилось ничѣмъ вмѣшательство Болеслава въ дѣла волынскія, когда онъ принялъ сторону Изяславовой линіи, ему родственной. По смерти Мстислава Великаго, когда начались смуты на Руси, герой польскій уже устарѣлъ, да и постоянно отвлекался западными отношеніями; а по смерти Болеслава усобицы между сыновьями его не только помѣшали имъ воспользоваться русскими усобицами, но даже заставили ихъ дать мѣсто вмѣшательству Русскихъ князей въ свои дѣла. Болеславъ умеръ въ 1139 году, оставивъ пятерыхъ сыновей, между которыми начались тѣ же самыя родовыя отношенія, какія мы видѣли до сихъ поръ между князьями Русскими и Чешскими. Старшій изъ Болеславичей сидѣлъ на главномъ столѣ въ Краковѣ; меньшіе братья имѣли свои волости и находились къ старшему только въ родовыхъ отношеніяхъ. Легко понять, какое слѣдствіе для Польши должны были имѣть подобныя отношенія между князьями; когда значеніе вельможъ успѣло уже такъ усилиться. Владиславъ II, старшій между Болеславичами, былъ самъ человѣкъ кроткій и миролюбивый; но не такова была жена его, Агнесса, дочь Леопольда, герцога Австрійскаго. Нѣмецкой принцессѣ казались дикими родовыя отношенія между князьями, ея гордость оскорблялась тѣмъ, что мужъ ея считался только старшимъ между братьями; она называла его полукняземъ и полумужчиною за то, что онъ терпѣлъ подлѣ себя столько равноправныхъ князей. Владиславъ поддался увѣщаніямъ и насмѣшкамъ жены: онъ началъ требовать дани съ волостей, принадлежавшихъ братьямъ, забирать города послѣднихъ и обнаруживалъ намѣреніе совершенно изгнать ихъ изъ Польши. Но вельможи и прелаты встали за младшихъ братьевъ, и Владиславъ принужденъ былъ бѣжать въ Германію; старшинство принялъ второй послѣ него братъ, Болеславъ IV, Кудрявый. Въ этихъ усобицахъ принималъ участіе Всеволодъ Ольговичъ, по родству съ Владиславомъ, за старшимъ сыномъ котораго, Болеславомъ, была дочь его Звенислава, или Велеслава [1]). Въ 1142 году Всеволодъ посылалъ сына своего Святослава, двоюроднаго брата Изяслава Давидовича и Владимірка Галицкаго на помощь Владиславу противъ меньшихъ братьевъ; русскіе полки не спасли Владислава отъ изгнанія; нашъ лѣтописецъ самъ признается, что они удовольствовались только опустошеніемъ страны, побравши въ плѣнъ больше мирныхъ, чѣмъ ратныхъ людей. Въ походѣ на Владимірка Владиславъ былъ въ войскѣ Всеволодовомъ. Въ 1145 году, на зовъ Владислава, не пероставав шаго хлопотать о возвращеніи стола то на Руси, то у Нѣмцевъ, отправился на меньшихъ Болеславичей Игорь Ольговичъ съ братьями: въ срединѣ Земли Польской, говоритъ лѣтописецъ, встрѣтились они съ Болеславомъ Кудрявымъ и братомъ его Мечиславомъ (Межко); Польскіе князья не захотѣли биться, пріѣхали къ Игорю съ поклономъ, и помирились на томъ, что уступили старшему брату Владиславу четыре города во владѣніе, а Игорю съ братьями дали городъ Визну [2]), послѣ чего Русскіе князья возвратились домой и привели съ собою большой полонъ; тѣмъ и кончились польскія отношенія.—Шведскому князю, который въ 1142 году приходилъ въ 60 шнекахъ на заграничныхъ купцовъ, шедшихъ въ трехъ лодьяхъ, не удалось овладѣть послѣдними; купцы отбились отъ Шведовъ, убивши у нихъ полтораста человѣкъ.—Съ финскими племенами продолжалась борьба по-прежнему: въ 1142 году приходила Емь изъ Финляндіи и воевала область Новгородскую; но ни одного человѣка изъ нихъ не возвратилось домой: Ладожане истребили у нихъ 400 человѣкъ; въ слѣдующемъ году упоминается о походѣ королевы на Емь. О половецкихъ нашествіяхъ не встрѣчаемъ извѣстій въ лѣтописяхъ: подъ 1139 годомъ читаемъ, что приходила вся Половецкая Земля, всѣ князья половецкіе на миръ; ходилъ къ нимъ Всеволодъ изъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 19: «Того же лѣта (1142) отда Всеволодъ дчерь свою Звениславу въ Ляхы за Болеслава». Наши историки сочли этого Болеслава за Кудряваго, брата Владиславова; но у Татищева (II, 264) Болеславъ показанъ сыномъ Владиславовымъ, чѣмъ и объясняется постоянный союзъ Всеволода съ Владиславомъ противъ младшихъ братьевъ послѣдняго. Владиславъ назывался въ лѣтописи *зятемъ* Всеволодовымъ: это заставило историковъ предположить, что и за Владиславомъ была также дочь Всеволода: но кромѣ того, что они заставили двухъ родныхъ братьевъ жениться на двухъ родныхъ сестрахъ, они заставили Владислава имѣть двухъ женъ въ одно время. Дѣло въ томъ, что или лѣтописецъ смѣшалъ отца съ сыномъ, что очень легко предположить, или слово *зять* употреблялось въ-старину въ значеніи также *свата*, какъ употреблялось въ значеніи *жениха*.

[2]) Теперь есть мѣстечко Визна въ Августовской губерніи, царства Польскаго, при сліяніи Бобра съ Наревомъ.

Кіева и Андрей изъ Переяславля къ Малотину [1]), и помирились: разумѣется, миръ этотъ можно было только купить у варваровъ. Послѣ видимъ, что Половцы участвуютъ въ походѣ Всеволода на Галичъ.

Мы видѣли, что еще во время галицкаго похода Игорь Ольговичъ упоминалъ объ обѣщаніи брата Всеволода оставить ему послѣ себя Кіевъ: въ 1145 Всеволодъ, въ присутствіи братьевъ своихъ, родныхъ и двоюродныхъ, и шурина Изяслава Мстиславича, прямо объявилъ объ этомъ распоряженіи своемъ. „Владиміръ Мономахъ, говорилъ онъ, посадилъ послѣ себя на старшемъ столѣ сына своего Мстислава, а Мстиславъ—брата своего Ярополка: такъ и я, если Богъ меня возьметъ, отдаю Кіевъ по себѣ брату своему Игорю". Преемство Мстислава послѣ Мономаха и преемство Ярополка послѣ Мстислава нарушили въ глазахъ Ольговича старый порядокъ, по которому старшинство и Кіевъ принадлежали всегда самому старшему въ родѣ; такъ какъ Мономаховичи первые нарушили этотъ обычай въ пользу своего племени, то теперь онъ, Всеволодъ, считаетъ себя въ правѣ поступить точно такъ-же,—отдать Кіевъ послѣ себя брату, хотя Игорь и не былъ послѣ него самымъ старшимъ въ цѣломъ родѣ Ярославовомъ. Изяславъ Мстиславичъ сильно вооружился противъ этого распоряженія; но дѣлать было нечего, по нуждѣ цѣловалъ онъ крестъ, что признаетъ старшинство Игоря. Когда всѣ братья, продолжаетъ лѣтописецъ, сѣли у Всеволода на сѣняхъ, то онъ началъ говорить: „Игорь! цѣлуй крестъ, что будешь любить братьевъ; а вы, Владиміръ, Святославъ и Изяславъ, цѣлуйте крестъ Игорю, и будьте довольны тѣмъ, что̀ вамъ дастъ по своей волѣ, а не по нуждѣ". И всѣ братья цѣловали крестъ. Когда, въ 1146 году, Всеволодъ больной возвратился изъ галицкаго похода, то остановился подъ Вышгородомъ на островѣ, велѣлъ позвать къ себѣ лучшихъ Кіевлянъ, и сказалъ имъ: „Я очень боленъ; вотъ вамъ братъ мой Игорь, возьмите его себѣ въ князья"; тѣ отвѣчали: „Возьмемъ съ радостью". Игорь отправился съ ними въ Кіевъ, созвалъ всѣхъ гражданъ, и всѣ цѣловали ему крестъ, говоря: „Ты намъ князь"; но они обманывали его, прибавляетъ лѣтописецъ. На другой день поѣхалъ Игорь въ Вышгородъ, и Вышгородцы также цѣловали ему крестъ; Всеволодъ былъ еще все живъ: онъ послалъ зятя своего Болеслава Польскаго къ Изяславу Мстиславичу, а боярина Мірослава Андреевича къ Давидовичамъ спросить: стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи Игорю? и тѣ отвѣчали, что стоятъ. 1-го августа умеръ Всеволодъ, князь умный, дѣятельный, гдѣ дѣло шло о его личныхъ выгодахъ, умѣвшій пользоваться обстоятельствами, но не разбиравшій средствъ при достиженіи цѣли [2]).

Послѣ братнихъ похоронъ, Игорь поѣхалъ въ Кіевъ, опять созвалъ всѣхъ Кіевлянъ на гору, на дворъ Ярославовъ, и опять всѣ присягнули ему. Но потомъ вдругъ собрались всѣ у Туровой божницы и послали сказать Игорю: „Князь! пріѣзжай къ намъ". Игорь вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ поѣхалъ, остановился съ дружиною, а брата Святослава послалъ на вѣче. Кіевляне стали жаловаться на тіуна Всеволодова, Ратшу, и на другого тіуна вышгородскаго, Тудора, говорили: „Ратша погубилъ у насъ Кіевъ, а Тудоръ—Вышгородъ; такъ теперь, князь Святославъ, цѣлуй крестъ намъ и съ братомъ своимъ, что если кого изъ насъ обидятъ, то ты разбирай дѣло". Святославъ отвѣчалъ: „Я цѣлую крестъ за брата, что не будетъ вамъ никакого насилія, будетъ вамъ тіунъ по вашей волѣ". Сказавши это, онъ сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на вѣчѣ; Кіевляне также всѣ сошли съ лошадей и цѣловали крестъ, говоря: „Братъ твой князь и ты клялись и съ дѣтьми не мыслить зла ни противъ Игоря, ни противъ Святослава". Послѣ этого Святославъ, взявши лучшихъ мужей, поѣхалъ съ ними къ Игорю и сказалъ ему: „Братъ! я поклялся имъ, что ты будешь судить ихъ справедливо и любить". Игорь сошелъ съ лошади и цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на братней, послѣ чего князья поѣхали обѣдать. Но Кіевляне бросились съ вѣча на Ратшинъ дворъ грабить, и на мечниковъ: Игорь выслалъ къ нимъ брата Святослава съ дружиною, и тотъ едва утишилъ ихъ. Въ то же самое время Игорь послалъ сказать Изяславу Мстиславичу: „Брата нашего Богъ взялъ; стоишь ли въ крестномъ цѣлованіи?" Изяславъ не далъ отвѣта и даже не отпустилъ посла назадъ, потому что Игорь не сдержалъ обѣщанія, даннаго Кіевлянамъ, и тѣ послали сказать Изяславу въ Переяславль: „Поди, князь, къ намъ: хотимъ тебя". Изяславъ принялъ приглашеніе, собралъ своихъ ратныхъ людей и пошелъ изъ Переяславля; когда онъ перешелъ Днѣпръ у Заруба, то прислало къ нему все пограничное варварское народонаселеніе, Черные Клобуки, и всѣ жители пограничныхъ городовъ на рѣкѣ Роси (все Поросье); посланные говорили; „Ты нашъ князь; Ольговичей не хотимъ; ступай скорѣе, а мы съ тобою" [3]). Изяславъ пошелъ къ Дерновому, и тутъ соединились съ нимъ всѣ Черные Клобуки и Поршане (жители городовъ по Роси); туда же прислали къ нему Бѣлгородцы и Василевцы съ тѣми же рѣчами: „Ступай, ты нашъ князь, Ольговичей не хотимъ". Ско-

[1]) Селеніе Малютенцы, въ 20 верстахъ отъ Пирятина.

[2]) У Татищева читаемъ о Всеволодѣ (II, 281): «Сей великій князь ростомъ былъ мужъ великъ и вельми толстъ, власовъ мало на главѣ имѣлъ, брада широкая, очи не малыя, носъ долгій, мудръ былъ въ совѣтахъ и судѣхъ, для того кого хотѣлъ, того могъ оправдать или обвинить. Много наложницъ имѣлъ, и болѣе въ веселіяхъ, нежели расправахъ, упражнялся. Чрезъ сіе Кіевлянамъ отъ него тягость была великая, и какъ умеръ, то едва кто по немъ кромѣ бабъ любимыхъ заплакалъ, и болѣе были ради, но притомъ болѣе еще тягости отъ Игоря, вѣдая его нравъ свирѣпый и гордый, опасалися». Въ самомъ дѣлѣ, въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописей нѣтъ похвалы Всеволоду, и нѣтъ упоминовенія, чтобъ о немъ плакали.

[3]) Воскрес. I, 283.

ро явились новые послы изъ Кіева и сказали: „Ты нашъ князь, ступай, не хотимъ переходить къ Ольговичамъ точно по наслѣдству[1]); гдѣ увидимъ твой стягъ, тутъ и мы будемъ готовы съ тобою". Эти слова очень важны: они показываютъ, что современники не были знакомы съ понятіями о наслѣдственности въ одной линіи. Изяславъ собралъ все свое войско въ степи, христіанъ и поганыхъ, и сказалъ имъ: „Братья! Всеволода я считалъ по правдѣ братомъ старшимъ, потому что старшій братъ и зять мнѣ какъ отецъ; а съ этими какъ меня Богъ управитъ и сила крестная,—либо голову свою положу передъ вами, либо достану столъ дѣдовскій и отцовскій". Сказавши это, онъ двинулся къ Кіеву, а между тѣмъ Игорь послалъ къ двоюроднымъ братьямъ своимъ, Давидовичамъ, спросить у нихъ, стоятъ ли они въ крестномъ цѣлованіи. Тѣ хотѣли дорого продать свою вѣрность клятвѣ, и запросили у него волостей много; Игорь, въ крайности, далъ имъ все, лишь бы только шли къ нему на помощь, и они отправились. Но еще важнѣе было для Игоря уладиться съ дружиною, привязать ее къ себѣ; онъ призвалъ къ себѣ главныхъ бояръ,—Улѣба, Ивана Войтишича, Лазаря Саковскаго, и сказалъ имъ: „Какъ были у брата моего, такъ будете и у меня"; а Улѣбу оказалъ: „Держи ты тысячу (т.-е. будь тысяцкимъ), какъ у брата моего держалъ". Изъ этого видно, что при каждой перемѣнѣ князя бояре боялись лишиться прежняго значенія, и теперь Игорь спѣшитъ увѣрить ихъ, что они ничего не потеряютъ при немъ. Но Ольговичъ опоздалъ: эти бояре уже передались Изяславу; они могли видѣть всеобщее нерасположеніе къ Игорю, видѣть, что вся Русь становится подъ стягъ Мономахова внука, и спѣшили отстать отъ проиграннаго дѣла. Они послали сказать Изяславу: „Ступай, князь, скорѣе,—идутъ Давидовичи Игорю на помощь". Кромѣ означенныхъ бояръ, въ Святославовомъ полку передались на сторону Мстиславича Василь Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичъ), внукъ Хиличъ; они впятеромъ собирали Кіевлянъ и совѣтовались, какъ бы обмануть Игоря; а къ Изяславу послали сказать: „Ступай, князь; мы уговорились съ Кіевлянами; бросимъ стягъ Ольговича и побѣжимъ съ полкомъ своимъ въ Кіевъ". Изяславъ подошелъ къ Кіеву и сталъ съ сыномъ своимъ Мстиславомъ у вала, подлѣ Надова озера, а Кіевляне стояли особо, у Ольговой могилы, огромною толпою. Скоро Игорь и все войско его увидали, что Кіевляне послали къ Изяславу и взяли у него тысяцкаго со стягомъ; а вслѣдъ за тѣмъ Берендѣи переѣхали черезъ Лыбедь и захватили Игоревъ обозъ передъ Золотыми воротами и подъ огородами. Видя это, Игорь сказалъ брату Святославу и племяннику Святославу Всеволодовичу: „Ступайте въ свои полки, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ"; велѣлъ ѣхать въ свои полки также и Улѣбу тысяцкому съ Иваномъ Войтишичемъ. Но какъ скоро пріѣхали они въ свои полки, то бросили стяги и поскакали къ Жидовскимъ воротамъ. Ольговичъ съ племянникомъ не смутились отъ этого и пошли противъ Изяслава; но имъ нельзя было проѣхать къ нему Надовымъ озеромъ; они пошли верхомъ и попали въ самое невыгодное мѣсто между двумя канавами изъ озера и изъ сухой Лыбеди. Берендѣи заѣхали имъ въ задъ и начали сѣчь ихъ саблями, а Изяславъ съ сыномъ Мстиславомъ и дружиною заѣхали сбоку; Ольговичи побѣжали. Игорь заѣхалъ въ болото, конь подъ нимъ увязъ, а идти онъ не могъ, потому что былъ боленъ ногами; братъ его Святославъ бѣжалъ на устье Десны, за Днѣпръ, а племянникъ Святославъ Всеволодичъ прибѣжалъ въ Кіевъ и спрятался въ Иринискомъ монастырѣ, гдѣ его и взяли; дружину Ольговича гнали до самаго Днѣпра, до устья Десны и до Кіевскаго перевоза.

Изяславъ съ великою славою и честью въѣхалъ въ Кіевъ; множество народа вышло къ нему навстрѣчу; игумены съ монахами и священниками со всего Кіева въ ризахъ; онъ пріѣхалъ къ Св. Софіи, поклонился Богородицѣ и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Когда привели къ нему Святослава Всеволодовича, то онъ сказалъ ему: „Ты мнѣ родной племянникъ", и началъ водить его подлѣ себя. Бояръ, вѣрныхъ Ольговичамъ, перехватали много: Данила Великаго, Юрья Прокопьича, Ивора Юрьевича, внука Мірославова и другихъ, и пустили ихъ, взявши окупъ. Черезъ четыре дня схватили въ болотѣ Игоря и привели къ Изяславу, который сначала послалъ его въ Выдубицкій монастырь, а потомъ, сковавши, велѣлъ посадить въ Переяславскій-Ивановскій; тогда же Кіевляне съ Изяславомъ разграбили домы дружины Игоревой и Всеволодовой, села, скотъ, взяли много имѣнья въ домахъ и монастыряхъ. Такимъ образомъ, старшій столъ перешелъ опять въ родъ Мономаха, но перешелъ къ племяннику мимо двухъ дядей; причины этого явленія мы уже видѣли прежде: племянникъ Изяславъ личною доблестью превосходилъ дядей, былъ представителемъ Мономахова племени въ глазахъ народа. Самъ Изяславъ сначала не хотѣлъ нарушить право дяди Вячеслава; отправившись въ походъ противъ Игоря Ольговича, онъ объявилъ, что идетъ возвратить старшій столъ Вячеславу. Но дѣла перемѣнились, когда онъ дѣйствительно овладѣлъ Кіевомъ; если жители этого города заставили Мономаха нарушить старшинство Святославичей, то нѣтъ сомнѣнія, что они же заставили и внука его Изяслава нарушать старшинство дяди Вячеслава,—желая избавиться отъ Ольговичей, они прямо послали къ Изяславу, ему говорили: „Ты нашъ князь!" Послѣ увидимъ, что, призывая его вторично къ себѣ, они прямо скажутъ ему, что не хотятъ Вячеслава; когда Юрій хотѣлъ-было также уступить Кіевъ Вячеславу,

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 23: «Ты нашъ князь, поѣди, Олговичь не хочимъ быти акы въ задничи».—Задница—наслѣдство (см. статью проф. Неволина, въ Ж. М. Пр. 1851, № 1.—Городокъ Дерновый Максимовичъ полагаетъ на правомъ берегу Роси, гдѣ теперь село Деренковецъ; позднѣе упоминаемый городъ Дверенъ онъ считаетъ за одно съ Дерновымъ (Москвит., 1854 г., № 1).

то бояре сказали, что онъ напрасно это дѣлаетъ, ибо Вячеславу все равно—не удержать же Кіева: таково было общее мнѣніе о старшемъ изъ Мономаховичей; Юрій подчинился этому общему мнѣнію, долженъ былъ подчиниться ему и племянникъ его Изяславъ. Но если Русь не хотѣла Вячеслава, признавая его неспособнымъ, то не такъ смотрѣли на дѣло собственные бояре Вячеславовы, которые управляли слабымъ княземъ, и хотѣли управлять Кіевомъ при его старшинствѣ. Послушавши бояръ, Вячеславъ сталъ распоряжаться какъ старшій: захватилъ города, которые отняты были у него Всеволодомъ [1]); захватилъ и Владиміръ-Волынскій, и посадилъ въ немъ племянника, Владиміра Андреевича, сына покойнаго Переяславскаго князя. Но Изяславъ поспѣшилъ увѣрить его, что не онъ старшій; онъ послалъ на дядю брата Ростислава и племянника Святослава Всеволодовича; тѣ взяли у Вячеслава Туровъ, схватили въ немъ епископа Іоакима и посадника Жирослава. Въ Туровѣ посадилъ Изяславъ сына своего Ярослава; старшій сынъ его Мстиславъ сѣлъ въ Переяславлѣ. Такое распоряженіе могло оскорбить братьевъ Изяславовыхъ, особенно старшаго Ростислава Смоленскаго; но вѣроятно этотъ князь не хотѣлъ мѣнять вѣрное на невѣрное, и самъ отказался отъ Переяславля: здѣсь онъ безпрестанно долженъ былъ отбиваться отъ Черниговскихъ и отъ Половцевъ; притомъ Украинское Переяславское княжество вѣроятно было бѣднѣе Смоленскаго; наконецъ въ предшествовавшія смуты Переяславль много потерялъ изъ прежняго своего значенія;—мы видѣли, что Юрій Ростовскій отказался отъ него въ пользу младшаго брата Андрея, дядя Вячеславъ—въ пользу племянника Изяслава.—У племянника отъ сестры, Святослава Всеволодовича, Изяславъ взялъ Владиміръ-Волынскій, и вмѣсто того далъ ему пять городовъ на Волыни [2]). Города въ землѣ южныхъ Дреговичей, которые Всеволодъ Ольговичъ роздалъ по братьямъ своимъ, остались за Давидовичами.

Такъ устроились дѣла въ собственной Руси; между тѣмъ Святославъ Ольговичъ съ малою дружиною прибѣжалъ въ Черниговъ, и послалъ спросить у двоюродныхъ братьевъ, Давидовичей, хотятъ ли они сдержать клятву, которую дали пять дней тому назадъ. Давидовичи отвѣчали, что хотятъ. Тогда Святославъ, оставя у нихъ мужа своего Коснятка, поѣхалъ въ свои волости *уставливать* людей, то-есть взять съ нихъ присягу въ вѣрности, сперва въ Курскъ, а потомъ въ Новгородъ-Сѣверскій. Но какъ скоро Святославъ уѣхалъ, Давидовичи начали думать втайнѣ отъ его боярина. Коснятко, узнавъ, что они замышляютъ схватить Святослава, послалъ сказать ему: „Князь! думаютъ о тебѣ, хотятъ схватить,—когда они за тобой пришлютъ, то не ѣзди къ нимъ“. Давидовичи боялись, что теперь Ольговичи, лишенные надежды получить волости на западной сторонѣ Днѣпра, будутъ добиваться волостей Черниговскихъ, и положили соединиться съ Мстиславичемъ противъ двоюродныхъ братьевъ; они послали сказать Изяславу: „Игорь какъ до тебя былъ золъ, такъ и до насъ; держи его крѣпко“, а къ Святославу послали сказать: „Ступай прочь изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Путивль; а отъ брата Игоря отступись“. Святославъ отвѣчалъ: „Не хочу ни волости, ни чего другого, только отпустите мнѣ брата“; но Давидовичи все настаивали: „Цѣлуй крестъ, что не будешь ни просить, ни искать брата, а волость держи“. Святославъ заплакалъ и послалъ къ Юрію въ Суздаль: „Брата моего Всеволода Богъ взялъ, а Игоря Изяславъ взялъ; пойди въ Русскую Землю въ Кіевъ, помилосердуй, сыщи мнѣ брата; а я здѣсь, съ помощію Божіею, буду тебѣ помогать“. Въ самомъ дѣлѣ, Святославъ дѣйствовалъ: послалъ къ половецкимъ ханамъ, дядьямъ жены своей [3]), за помощью, и тѣ прислали ему немедленно 300 человѣкъ. Въ то же время прибѣжалъ къ нему отъ дяди изъ Мурома Владиміръ Святославичъ, внукъ Ярославовъ; мы видѣли, что, по смерти Святослава Ярославича, въ Муромѣ сѣлъ братъ его Ростиславъ; а въ Рязань послалъ сына своего Глѣба; это уже самое распоряженіе обижало сына Святославова Владиміра, который, не получивъ, быть можетъ, и вовсе волостей, прибѣжалъ теперь къ Святославу Ольговичу; вслѣдъ за нимъ прибылъ въ Новгородъ-Сѣверскій и другой изгнанникъ — Иванъ Ростиславичъ Галицкій, который носитъ названіе Берладника: молдавскій городъ Берладъ былъ, подобно Тмуторакани, притономъ всѣхъ бѣглецовъ, князей и простыхъ людей; Иванъ также находилъ въ немъ убѣжище и дружину [4]). Между тѣмъ, Давидовичи спѣшили кончить дѣло съ опаснымъ Ольговичемъ; по словамъ лѣтописца, они говорили: „Мы начали злое дѣло; такъ уже окончимъ братоубійство; пойдемъ, искоренимъ Святослава и переймемъ волость его“; они видѣли, что Святославъ употребитъ всѣ средства для освобожденія брата; помнили, что и при жизни Всеволода Игорь съ братомъ не давали имъ покоя, требуя Чернигова и волостей его, и сдерживались только обѣщаніемъ Кіева и волостей Заднѣпровскихъ; а теперь что будетъ ихъ сдерживать?—отсюда понятна раздражительность Давидовичей. Они стали проситься у Изяслава идти на Святослава къ Новгороду-Сѣверскому. Изяславъ ходилъ къ нимъ на съѣздъ, гдѣ порѣшили—Давидовичамъ вмѣстѣ съ сыномъ Изяславовымъ Мстиславомъ, Переяславцами и Берендѣями идти къ Новгороду-Сѣверскому. Изяславъ сказалъ имъ: „Сту-

[1]) Должно быть тѣ, которые Всеволодъ отдалъ братьямъ.

[2]) Бужскъ, Межибожье, Котельницу и еще два неизвѣстныхъ. Котельница, на рѣкѣ Гунвѣ въ Житомирскомъ уѣздѣ; недалеко отъ нея находится Межибожъ; Бужска должно искать на берегахъ рѣки Божекъ, или Бужекъ, соединяющейся съ Восточнымъ Бугомъ у Межибожа.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 120: «Идѣ Володимеръ (Мономахъ), и Давидъ, и Олегъ къ Аепѣ и другому Аепѣ, и створиша миръ; и поя Володимеръ за Юрья Аепину дщерь, Осеневу внуку, а Олегъ поя за сына Аепину дщерь Гиргеневу внуку (1107) г.).

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 25: «И тогда съ полку прибѣже къ нему Иванъ Берладникъ».—Мы думаемъ, что должно читать: съ полкомъ или у полку.

пайте; если Святославъ не выбѣжитъ передъ вами изъ города, то осадите его тамъ; когда вы устанете, то я съ свѣжими силами приду къ вамъ и стану продолжать осаду, а вы пойдете домой". Давидовичи отправились къ Новгороду, стали у вала и два раза приступали къ двумъ воротамъ, бились у нихъ сильно, какъ вдругъ получили вѣсть отъ Мстислава Изяславича, чтобъ не приступали безъ него къ городу, потому что такъ отецъ его велѣлъ. Давидовичи послушались, дождались Мстислава и всѣ вмѣстѣ пустили стрѣльцовъ своихъ къ городу, христіанъ и Берендѣевъ, и сами стали полками и начали биться; граждане были сильно стѣснены: ихъ втиснули въ острожныя ворота, причемъ они много потеряли убитыми и ранеными. Бой продолжался до самаго вечера, но городъ не былъ взятъ; осаждающіе отступили, стали въ селѣ Мелтековѣ, и, пославши отсюда, заграбили стада Игоревы и Святославовы въ лѣсу по рѣкѣ Рахнѣ, кобылъ 3,000 да коней 1000; послали и по окрестнымъ селамъ жечь хлѣбъ и дворы.

Въ это время пришла вѣсть, что Юрій Ростовскій заключилъ союзъ съ Святославомъ и идетъ къ нему на помощь. Услыхавъ, что дядя поднялся на него, Изяславъ Мстиславичъ отправилъ степью гонца въ Рязань къ Ростиславу Ярославичу съ просьбою, чтобъ напалъ на Ростовскую область, и такимъ образомъ отвлекъ бы Юрія; Ростиславъ согласился: мы видѣли, что враждебный ему племянникъ находился у Святослава Ольговича, союзника Юріева, и ему слѣдовало вступить въ союзъ съ врагами послѣдняго; да и безъ того Ярославичи муромскіе едва ли могли быть въ дружелюбныхъ отношеніяхъ къ Ольговичамъ, изгнавшимъ отца ихъ изъ Чернигова. Юрій былъ уже въ Козельскѣ, когда узналъ, что Ростиславъ Рязанскій воюетъ его волость; это извѣстіе заставило его возвратиться и отпустить къ Святославу только сына Ивана; когда тотъ пришелъ въ Новгородъ къ Святославу, то послѣдній далъ ему Курскъ съ волостями по рѣкѣ Сейму: какъ видно, Ольговичъ рѣшился не щадить ничего, отдавать послѣднее, лишь бы только удержать въ союзѣ Юрія и съ его помощію достигнуть своей цѣли,—освободить брата. Отдавши половину волости Юрьевичу, Святославъ, по думѣ бояръ своихъ, попробовалъ еще разъ разжалобить Давидовичей и послалъ священника своего сказать имъ: „Братья! землю мою вы повоевали, стада мои и братнія взяли, хлѣбъ пожгли и *всю жизнь мою* (все имѣнье, всѣ животы) погубили,—теперь вамъ остается убить меня". Давидовичи отвѣчали по-прежнему, чтобъ оставилъ брата; Святославъ на это отвѣчалъ также по-прежнему: „Лучше мнѣ помереть, чѣмъ оставить брата; буду искать его, пока душа въ тѣлѣ". Давидовичи продолжали пустошить волости Ольговичей; взяли сельцо Игорево, гдѣ онъ устроилъ себѣ дворъ добрый; было тутъ въ погребахъ наготовлено много вина и меду, и всякаго тяжелаго товару, желѣза и мѣди, такъ что нельзя было всего и вывезти; Давидовичи велѣли все это покласть на возы и потомъ велѣли зажечь дворъ и церковь Св. Георгія, и гумно, гдѣ было 900 стоговъ. Потомъ, услыхавъ, что Изяславъ Мстиславичъ идетъ къ нимъ на помощь изъ Кіева, они пошли къ Путивлю, и приступили къ городу, пославши сказать жителямъ: „Не бойтесь; клянемся Св. Богородицею, что не дадимъ васъ въ полонъ". Но Путивльцы не послушались и крѣпко бились до тѣхъ поръ, пока пришелъ Изяславъ Мстиславичъ съ силою кіевскою; тогда Путивльцы послали къ нему сказать съ поклономъ: „Мы тебя только дожидались, князь, цѣлуй намъ крестъ". Изяславъ поцѣловалъ крестъ, и только вывелъ отъ нихъ прежняго посадника и посадилъ своего. Этотъ поступокъ Путивльцевъ очень замѣчателенъ: онъ показываетъ довѣренность ко внуку Мономахову и недовѣріе ко внукамъ Святославовымъ у самихъ жителей Черниговскихъ волостей; не удивительно, что на той сторонѣ Днѣпра такъ не любили Святославичей. Въ Путивлѣ Изяславъ и Давидовичи взяли дворъ Святославовъ, и все добро, какое нашли тамъ, раздѣлили на четыре части, взяли 500 берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; взяли всю утварь изъ церкви Вознесенія и 700 человѣкъ рабовъ. Узнавши, что Путивль взятъ, имѣнье его пограблено, и что Изяславъ идетъ на него, хочетъ осадить въ Новгородѣ, Святославъ призвалъ на совѣтъ князей Ивана Юрьича, Ивана Ростиславича Берладника, дружину, Половцевъ дикихъ, дядей своихъ, и спрашивалъ, что дѣлать. Тѣ отвѣчали ему: „Князь! ступай отсюда, не мѣшкая; здѣсь тебѣ не причемъ оставаться; нѣтъ ни хлѣба, ничего, ступай въ лѣсную землю,—тамъ тебѣ близко будетъ пересылаться съ *отцомъ своимъ* Юріемъ". Святославъ послушался и побѣжалъ изъ Новгорода въ Корачевъ съ женою и дѣтьми и съ женою брата своего Игоря; изъ дружины—одни пошли за нимъ, другіе оставили его.

Новгородцы-Сѣверскіе дали знать Изяславу и его союзникамъ, что Святославъ убѣжалъ отъ нихъ; это извѣстіе сильно раздосадовало Давидовичей; они знали, что пока Святославъ будетъ на свободѣ, до тѣхъ поръ не перестанетъ отыскивать свободы брату; въ сердцахъ Изяславъ Давидовичъ сказалъ братьямъ: „Пустите меня за нимъ; если ему самому удастся уйти отъ меня, то жену и дѣтей у него отниму, имѣніе его возьму!"—и, взявши съ собою три тысячи конной дружины, безъ возовъ, налегкѣ отправился въ погоню за Ольговичемъ, которому не оставалось болѣе ничего дѣлать, какъ или семью и дружину свою отдать въ плѣнъ, или голову свою сложить. Подумавъ съ союзными князьями, Половцами и дружиною, онъ вышелъ навстрѣчу къ Давидовичу и разбилъ его. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давидовичъ шли съ полками вслѣдъ за Изяславомъ Давидовичемъ, и, остановившись въ лѣсу, сѣли-было обѣдать, какъ вдругъ пригналъ къ нимъ одинъ мужъ съ вѣстію, что Изяславъ разбитъ Ольговичемъ. Эта вѣсть сильно раздосадовала Изяслава Мстиславича, котрый, по выраженію лѣтописца, былъ храбръ и крѣпокъ на

рать; онъ выстроилъ свое войско и пошелъ на Святослава къ Корачеву; на дорогѣ встрѣчали его бѣглецы изъ дружины Изяслава Давидовича и присоединялись къ войску; самого Давидовича долго не было, наконецъ и онъ явился въ полдень; князья шли весь этотъ день до ночи, и остановились ночевать недалеко отъ Корачева; а Святославъ, узнавъ о ихъ приходѣ, ушелъ за лѣсъ, въ Землю Вятичей. Тогда Изяславъ Мстиславичъ сказалъ Давидовичамъ: „Какихъ хотѣли вы волостей, тѣ я вамъ добылъ: вотъ вамъ Новгородъ-Сѣверскій и всѣ Святославовы волости; что же будетъ въ этихъ волостяхъ Игорево—рабы, или товаръ какой, то мое; а что будетъ Святославовыхъ рабовъ и товара, то раздѣлимъ на части".—Урядившись такимъ образомъ, Изяславъ возвратился въ Кіевъ; а между тѣмъ Игорь Ольговичъ сильно разболѣлся въ тюрьмѣ и прислалъ сказать ему: „Братъ, я очень боленъ, и прошу у тебя постриженія; хотѣлъ я этого, когда еще былъ княземъ, а теперь въ нуждѣ я сильно разболѣлся, и не думаю, что останусь въ живыхъ" Изяславъ сжалился и послалъ сказать ему: „Если была у тебя мысль о постриженіи, то ты воленъ; а я тебя и безъ того выпускаю для твоей болѣзни". Надъ Игоремъ розняли верхъ тюрьмы и вынесли больнаго въ келью; восемь дней онъ ни пилъ, ни ѣлъ, но потомъ ему полегчало, и онъ постригся въ кіевскомъ Ѳеодоровскомъ монастырѣ въ схимѣ.

Между тѣмъ въ Землѣ Сѣверской и у Вятичей по-прежнему шла война между Давидовичами и Ольговичами. Изяславъ Мстиславичъ, уходя въ Кіевъ, имѣлъ неосторожность оставить съ Давидовичами Святослава Всеволодовича, родного племянника Святославова, котораго выгоды были тѣсно связаны съ выгодами дяди, съ выгодами племени Ольговичей: окончательное пораженіе дяди Святослава, окончательное торжество Давидовичей отнимало у него навсегда надежду княжить въ Черниговѣ, на что онъ имѣлъ со-временемъ полное право, какъ сынъ старшаго изъ Ольговичей. Вотъ почему онъ долженъ былъ поддерживать дядю, и, точно, вмѣсто преслѣдованія, увѣдомлялъ его о движеніяхъ непріятельскихъ [1]). Несмотря на отступленіе Ивана Берладника, который, взявши у Святослава 200 гривенъ серебра и 12 золота, перешелъ къ Ростиславу Мстиславичу Смоленскому, дѣла Ольговича поправились, потому что Юрій Ростовскій прислалъ ему на помощь бѣлозерскую дружину. Святославъ уже хотѣлъ идти съ нею на Давидовичей, какъ вдругъ опасно занемогъ сынъ Юрьевъ, Иванъ; Ольговичъ не поѣхалъ отъ больного, и дружины не отпустилъ. Давидовичи, съ своей стороны, услыхавъ, что Святославъ получилъ помощь отъ Юрія, не посмѣли идти на него, но, созвавши лучшихъ Вятичей, сказали имъ: „Святославъ такой же врагъ и вамъ, какъ намъ; старайтесь убить его какъ-нибудь обманомъ и дружину его перебить, а имѣнье его вамъ",—послѣ чего сами пошли назадъ. Двое сыновей Юрьевыхъ—Ростиславъ и Андрей — дѣйствовали успѣшно съ другой стороны: заставили Рязанскаго князя Ростислава бѣжать къ Половцамъ; но въ это время умеръ братъ ихъ Иванъ у Святослава, который послѣ того перешелъ на устье рѣки Протвы. Сюда прислалъ утѣшать его Юрій: „Не тужи о моемъ сынѣ, велѣлъ онъ сказать ему; если этого Богъ взялъ, то другого къ тебѣ пришлю"; тогда же прислалъ онъ и богатые дары Святославу—ткани и мѣха, дарилъ и жену его, и дружину (1146 г.).

Весною Юрій съ союзникомъ своимъ началъ наступательное движеніе: самъ вошелъ въ область Новгородскую, взялъ Торжокъ и землю по Мстѣ; а Святославъ пошелъ на Смоленскую волость, взялъ Голядей, на верховьяхъ Протвы, и обогатилъ дружину свою полономъ, послѣ чего получилъ зовъ отъ Юрія пріѣхать къ нему въ Москву, имя которой здѣсь впервые упомянуто. Святославъ поѣхалъ къ нему съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и съ небольшою дружиною; Олегъ поѣхалъ напередъ и подарилъ Юрію барса (вѣроятно кожу этого звѣря). Дружески поздоровались Юрій съ Ольговичемъ и начали пировать; на другой день Юрій сдѣлалъ большой обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Владиміра Рязанскаго и всю дружину. Но одними дарами дѣло не ограничилось: Юрій обѣщалъ Святославу прислать сына на помощь, и обѣщаніе было исполнено. Получивши также наемное войско отъ Половцевъ, Святославъ началъ съ успѣхомъ наступательныя движенія: послалъ Половцевъ воевать Смоленскую волость, и они опустошили земли у верховьевъ Угры; тогда посадники Давидовичей бросились бѣжать изъ городовъ вятичскихъ, и Святославъ занялъ послѣдніе; а между тѣмъ изъ степей пришли къ нему новыя толпы Половцевъ, да съ сѣвера Глѣбъ, сынъ Юрія Ростовскаго. Изяславъ Давидовичъ не смѣлъ долѣе оставаться въ Новгородѣ-Сѣверскомъ, ушелъ къ брату Владиміру въ Черниговъ, и Давидовичи вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодовичемъ отправили къ Ольговичу пословъ, которые должны были сказать ему: „Не жалуйся на насъ, будемъ всѣ заодно, позабудь нашу злобу; цѣлуй къ намъ крестъ, и возьми свою отчину, а что мы взяли твоего, то все отдадимъ назадъ". Изъ этого видно, что Святославъ Всеволодовичъ уже успѣлъ снестись съ Давидовичами; безъ сомнѣнія, онъ былъ здѣсь главнымъ дѣйствователемъ, тѣмъ болѣе что прежнее усердіе его къ дядѣ Ольговичу давало ему возможность быть посредникомъ. Какъ видно, уже тогда между Давидовичами и Всеволодовичемъ положено было заманить Изяслава Мстиславича на восточный берегъ Днѣпра, потому что, прося мира и союза у Ольговича, Давидовичи въ то же время

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28: «Давидовичи идоста къ Дьбрянску (Брянску), а Всеволодовичъ Святославъ въ Корячевѣ и посла Козельску ко Святославу стрьеви своему, рекъ ему: «Изяславъ ти Мстиславичь пошелъ Кыеву, а Давидовичи съ Смоленьскимъ Ростиславомъ хочета ити по тобѣ».

послали сказать Изяславу: „Братъ! Святославъ Ольговичъ занялъ нашу волость Вятичи; пойдемъ на него; когда его прогонимъ, то пойдемъ на Юрія въ Суздаль, и либо помиримся тамъ съ нимъ, либо будемъ биться". Изяславъ согласился; но Всеволодовичу нужно было прежде него быть на восточномъ берегу Днѣпра, чтобъ окончательно устроить свое дѣло; для этого онъ пріѣхалъ къ Изяславу и сталъ проситься у него въ Черниговъ: „Батюшка, говорилъ онъ, отпусти меня въ Черниговъ, тамъ у меня вся жизнь; хочу просить волости у братьевъ, у Изяслава и Владиміра".—„И прекрасно ты это придумалъ, отвѣчалъ ему Изяславъ: ступай скорѣе". Всеволодовичъ поѣхалъ, и дѣло было окончательно улажено: уговорились перезвать Изяслава Кіевскаго на ту сторону Днѣпра и схватить его обманомъ, послѣ чего, видя медленность Кіевскаго князя, Давидовичи послали торопить его: „Земля наша погибаетъ, а ты нейдешь", велѣли сказать ему. Изяславъ созвалъ бояръ своихъ, всю дружину и Кіевлянъ, и сказалъ имъ: „Я уговорился съ братьями своими Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ,—хотимъ пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю за то, что дядя принялъ врага моего Святослава. Братъ Ростиславъ придетъ также къ намъ съ Смольнянами и Новгородцами". Кіевляне отвѣчали на это: „Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ [1]) не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи". Изяславъ отвѣчалъ: „Нельзя; они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ, не могу никакъ отложить похода; собирайтесь". Тогда Кіевляне сказали: „Ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя рукъ поднять; вотъ еслибъ на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми". Изяславъ отвѣчалъ на это: „Тотъ будетъ добрый человѣкъ, кто за мною пойдетъ". Набралось много такихъ добрыхъ людей, и онъ выступилъ съ ними въ походъ, оставивъ въ Кіевѣ брата Владиміра. Переправившись за Днѣпръ и ставши между Черниговскою и Переяславскою волостью, Изяславъ послалъ въ Черниговъ боярина своего Улѣба разузнать, что тамъ дѣлается. Улѣбъ скоро возвратился съ вѣстью, что Давидовичи и Всеволодовичъ отступили отъ него и соединились съ Ольговичемъ; тогда же черниговскіе пріятели Изяслава прислали сказать ему: „Князь! не двигайся никуда съ мѣста,—ведутъ тебя обманомъ, хотятъ убить, либо схватить вмѣсто Игоря; цѣловали крестъ Ольговичу, послали и къ Юрію съ крестомъ,—задумали и съ нимъ на тебя".

Изяславъ возвратился и отправилъ пословъ въ Черниговъ сказать Давидовичамъ: „Мы замыслили путь великій, и утвердились крестнымъ цѣлованіемъ, по обычаю дѣдовъ и отцовъ нашихъ; утвердимся еще, чтобъ въ походѣ послѣ не было никакой ссоры, никакого препятствія". Тѣ отвѣчали: „Что это намъ безъ нужды еще крестъ цѣловать? вѣдь мы уже поклялись Изяславу; въ чемъ же провинились?" Посолъ сказалъ на это: „Какой же тутъ грѣхъ еще крестъ поцѣловать по любви?—то намъ на спасеніе". Но Давидовичи никакъ не соглашались; Изяславъ, отпуская посла, наказалъ ему, что если Черниговскіе не станутъ въ другой разъ крестъ цѣловать, то скажи имъ все, что мы слышали; и вотъ посолъ объявилъ Давидовичамъ отъ имени своего князя: „Дошелъ до меня слухъ, что ведете меня обманомъ: поклялись Святославу Ольговичу схватить меня на дорогѣ, либо убить за Игоря; такъ, братья, было дѣло, или не такъ?" Давидовичи не могли ничего отвѣчать на это; только молча переглядывались другъ другомъ; наконецъ Владиміръ сказалъ послу: „Выйди вонъ, посиди; мы тебя опять позовемъ". Долго они думали вмѣстѣ, потомъ позвали посла и велѣли ему передать Изяславу: „Братъ! точно мы цѣловали крестъ Святославу Ольговичу; жаль намъ стало брата нашего Игоря; онъ уже чернецъ и схимникъ, выпусти его, тогда будемъ подлѣ тебя ѣздить; развѣ тебѣ было бы любо, еслибъ мы брата твоего держали?" Въ отвѣтъ на это Изяславъ послалъ бросить имъ договорныя грамоты, причемъ велѣлъ сказать: „Вы клялись быть со мною до самой смерти, и я отдалъ вамъ волости обоихъ Ольговичей; прогналъ съ вами Святослава, волость его вамъ добылъ, далъ вамъ Новгородъ и Путивль, имѣнье его мы взяли и раздѣлили на части, Игорево я взялъ себѣ; а теперь, братья, вы клятву свою нарушили, привели меня сюда обманомъ, хотѣли убить; да будетъ со мною Богъ и сила животворящаго креста,—стану управляться какъ мнѣ Богъ дастъ". Тогда же Изяславъ послалъ сказать брату своему Ростиславу въ Смоленскъ: „Братъ! Давидовичи крестъ намъ цѣловали и думу думали идти вмѣстѣ на дядю нашего; но все обманывали, хотѣли убить меня; Богъ и сила крестная объявили ихъ умыселъ; а теперь уже, братъ, гдѣ было мы думали идти на дядю, то уже не ходи, ступай сюда ко мнѣ; а тамъ наряди Новгородцевъ и Смольнянъ, пусть сдерживаютъ Юрія, и къ присяжникамъ своимъ пошли, въ Рязань и всюду". Распорядившись на счетъ брата Ростислава, Изяславъ послалъ въ Кіевъ къ другому брату Владиміру, къ митрополиту Климу и къ Лазарю тысяцкому, чтобъ они созвали Кіевлянъ на дворъ къ къ Св. Софіи, и пусть тамъ посолъ его скажетъ народу княжеское слово и объявитъ обманъ Черниговскихъ. Кіевляне сошлись всѣ отъ мала до велика, и когда стали на вѣчѣ, то посолъ Изяславовъ началъ говорить имъ: „Князь вашъ вамъ кланяется и велѣлъ вамъ сказать: я вамъ прежде объявлялъ, что задумалъ съ братомъ Ростиславомъ и Давидовичами идти на дядю Юрія, и звалъ васъ съ собою въ походъ; но вы мнѣ тогда сказали, что не можете на Владимірово племя рукъ поднять, на на Юрія, а на Ольговичей однихъ пошли бы и съ дѣтьми; такъ теперь вамъ объявляю,—Давидовичи

[1]) Кіевляне называютъ Ольговичами вообще всѣхъ Святославичей, потому что фигура знаменитаго Гориславича выдавалась въ ихъ воображеніи на первый планъ; Давидъ вовсе не былъ столь извѣстенъ.

и Всеволодичъ Святославъ, которому я много добра сдѣлалъ, цѣловали тайкомъ отъ меня крестъ Святославу Ольговичу, послали и къ Юрію, а меня или хотѣли схватить, или убить за Игоря; но Богъ меня заступилъ и крестъ честной, что ко мнѣ цѣловали. Такъ теперь, братья Кіевляне, чего сами хотѣли, что мнѣ обѣщали, то и сдѣлайте: ступайте ко мнѣ къ Чернигову на Ольговичей, сбирайтесь всѣ отъ мала до велика; у кого есть конь,—тотъ на конѣ, у кого нѣтъ,—тотъ въ лодьѣ. Вѣдь они не меня одного хотѣли убить, но и вась всѣхъ искоренить". Кіевляне отвѣчали на это: „Рады, что Богъ сохранилъ тебя намъ отъ большой бѣды [1]); идемъ за тобой и съ дѣтьми". Но въ это самое время кто-то изъ толпы сказалъ: „По князѣ-то мы своемъ пойдемъ съ радостью; но прежде надобно вотъ о чемъ промыслить,—какъ прежде при Изяславѣ Ярославичѣ злые люди выпустили изъ заточенія Всеслава, и поставили княземъ себѣ, и за то много зла было нашему городу; а теперь Игорь, врагъ нашего князя и нашъ,—не въ заточеніи, а въ Ѳедоровскомъ монастырѣ; убьемъ его и пойдемъ къ Чернигову за своимъ княземъ; покончимъ съ ними". Народъ, услыхавши это, бросился къ Ѳедоровскому монастырю. Напрасно говорилъ имъ князь Владиміръ: „Братъ мой не велѣлъ вамъ этого дѣлать, Игоря стерегутъ крѣпко; пойдемъ лучше къ брату, какъ онъ намъ велѣлъ". Кіевляне отвѣчали ему; „Мы знаемъ, что добромъ не кончить съ этимъ племенемъ ни вамъ, ни намъ". Митрополитъ также ихъ удерживалъ, и Лазарь тысяцкій, и Рагуйло, Владиміровъ тысяцкій; но они никого не послушали, и съ воплемъ кинулись на убійство. Тогда князь Владиміръ сѣлъ на коня и погналъ къ Ѳедоровскому монастырю; на мосту не могъ онъ проѣхать за толпами народа, и поворотилъ направо мимо Глѣбова двора; но этотъ крюкъ заставилъ его потерять время; Кіевляне пришли прежде него въ монастырь, бросились въ церковь, гдѣ Игорь, стоялъ у обѣдни, и потащили его съ криками: „Побейте! побейте"! Въ монастырскихъ воротахъ встрѣтился имъ Владиміръ; Игорь, увидавъ его, спросилъ: „Охъ, братъ! куда это меня ведутъ?" Владиміръ бросился съ лошади и одѣлъ Игоря своимъ корзномъ, уговаривая Кіевлянъ: „Братья мои! не дѣлайте этого зла, не убивайте Игоря". Но толпа не слушала, и начали бить Ольговича; нѣсколько ударовъ пришлось и на долю Владиміра, который держался близко послѣдняго, защищая его. Владиміру однако, съ помощію боярина Михаила, удалось ввести Игоря во дворъ своей матери и затворить за собою ворота. Но толпа, избивши Михаила, оторвавши на немъ крестъ съ цѣпями, выломала ворота и, увидавши Игоря на сѣняхъ, разбила сѣни, стащила съ нихъ Игоря и повергла его безъ чувствъ на землю; потомъ привязали ему веревку къ ногамъ и потащили съ Мстиславова двора, чрезъ Бабинъ торжокъ на Княжъ дворъ, и тамъ его прикончили; отсюда, положивши на дровни, повезли на Подолъ и бросили на торгу. Владиміръ, услыхавъ, что тѣло Игоря лежитъ на торгу, послалъ туда двоихъ тысяцкихъ, Лазаря и Рагуйла: тѣ пріѣхали и сказали Кіевлянамъ: „Вы уже убили Игоря, такъ похоронимъ тѣло его". Кіевляне отвѣчали: „Не мы его убили; убили его Давидовичи и Всеволодичъ, которые замыслили зло на нашего князя, хотѣли убить его обманомъ; но Богъ за нашего князя и Св. Софія". Тогда Лазарь велѣлъ взять Игоря и положить въ Михайловской церкви, въ Новгородской божницѣ, а на другой день похоронили его въ Семеновскомъ монастырѣ.

Изяславъ стоялъ на верховьяхъ Супоя, на границахъ Черниговскаго княжества, когда пришла къ нему вѣсть объ убійствѣ Игоря; онъ заплакалъ и сказалъ дружинѣ: „Если бы я зналъ, что это случится, то отослалъ бы его подальше и сберегъ бы его; теперь мнѣ не уйти отъ людскихъ рѣчей,—станутъ говорить, что я велѣлъ убить его; но Богъ свидѣтель, что я не приказывалъ и не научалъ. Богъ разсудитъ дѣло". Дружина отвѣчала: „Нечего тебѣ заботиться о людскихъ рѣчахъ; Богъ знаетъ, да и всѣ люди знаютъ, что не ты его убилъ, а братья его; крестъ къ тебѣ цѣловали и потомъ нарушили клятву, хотѣли убить тебя". Изяславъ сказалъ на это: „Если уже такъ случилось, то дѣлать нечего,—всѣмъ намъ тамъ быть и судиться предъ Богомъ"; но все не пересталъ жаловаться на Кіевлянъ.—Между тѣмъ война продолжалась. Изяславъ, какъ видно, прежде всего поспѣшилъ овладѣть Курскомъ и городами по Сейму, чтобъ прервать связь Черниговскихъ съ Половцами; въ Курскѣ уже сидѣлъ сынъ его Мстиславъ, когда къ этому городу пришелъ Святославъ Ольговичъ съ Глѣбомъ Юрьичемъ. Мстиславъ объявилъ жителямъ Курска, что непріятель близко; тѣ отвѣчали точно такъ же, какъ прежде Кіевляне отвѣчали отцу его: „Ради биться и съ дѣтьми за тебя противъ Ольговичей, но на племя Владимірово, на Юрьевича, не можемъ поднять рукъ". Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславъ уѣхалъ къ отцу, а жители Курска послали къ Глѣбу Юрьевичу и взяли у него себѣ посадника; какъ видно, Ольговичъ уступилъ и Глѣбу ту самую волость, т.-е. Курскъ съ Посемьемъ, которую прежде отдалъ брату его Ивану; вотъ почему Глѣбъ посадилъ своихъ посадниковъ также по рѣкамъ Сейму и Вырю, гдѣ заключилъ союзъ со многими половецкими ордами. Впрочемъ, нѣкоторые города по Вырю остались вѣрны Изяславу,

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II: 33. Кіяне же рекоша: «ради, оже ны Богъ тебѣ избавилъ отъ великія льсти братью нашю». Любопытныя подробности объ Игорѣ Ольговичѣ см. у Татищева, II, 312: здѣсь обнаружены причины вражды къ Ольговичамъ.—О характерѣ и наружности Игоря, тамъ же, стр. 313: «Сей Игорь Ольговичъ былъ мужъ храбрый и великій охотникъ къ ловлѣ звѣрей и птицъ, читатель книгъ, и въ пѣніи церковномъ ученъ. Чинъ священническій мало почиталъ, и постовъ не хранилъ; того ради у народа мало любимъ былъ, ростомъ былъ средній и сухъ, смуглъ лицомъ, власы подъ обычай, какъ попъ, носилъ долги, брада же узка и мала. Егда же въ монастырѣ былъ подъ стражею, тогда прилѣжно уставы иноческіе хранилъ».

несмотря на угрозы Черниговскихъ, что они отдадутъ ихъ въ плѣнъ Половцамъ; одинъ изъ этихъ городовъ, Вьяхань, съ успѣхомъ выдержалъ осаду; другой—Попашь—былъ взятъ. Услыхавъ о движеніи Черниговскихъ и Юрьевича, Изяславъ собралъ большое войско, полки дяди Вячеслава и волынскіе, и пошелъ къ Переяславлю, гдѣ пришла къ нему вѣсть отъ брата Ростислава, что тотъ уже на походѣ: „Подожди меня, велѣлъ сказать ему Ростиславъ: я Любечъ пожегъ, много воевалъ и зла Ольговичамъ много надѣлалъ; сойдемся вмѣстѣ, и посмотримъ, что намъ дальше дѣлать". Получивъ эту вѣсть, Изяславъ пошелъ потихоньку, поджидая брата, и сталъ на урочищѣ Черная Могила, куда пришелъ къ нему Ростиславъ съ полками смоленскими. Оба брата стали думать съ дружиною и Черными Клобуками, куда бы имъ пойти теперь. Ростиславъ говорилъ: „Теперь Богъ насъ соединилъ въ одномъ мѣстѣ, а тебя избавилъ отъ великой бѣды; такъ медлить намъ нечего, пойдемъ прямо къ нимъ, гдѣ будетъ ближе, и какъ насъ съ ними Богъ разсудитъ" Мнѣніе было принято, и князья пошли на Сулу. Когда въ станѣ черниговскихъ князей узнали, что Изяславъ идетъ на нихъ, то бо́льшая часть Половцевъ покинула ночью станъ и ушла въ степь; оставленные Давидовичи и Ольговичи пошли къ Чернигову; Изяславъ хотѣлъ пересѣчь имъ дорогу у города Всеволожа [1]), но уже не засталъ здѣсь Черниговскихъ: они прошли Всеволожъ. Мстиславичи не пошли за ними дальше, но *взяли на щитъ* (разграбили) Всеволожъ, въ которомъ находились тогда жители изъ двухъ другихъ городовъ, какъ видно менѣе укрѣпленныхъ: мы уже видѣли этотъ обычай на Украйнѣ, по которому вдругъ города пустѣли при вѣсти о приближеніи непріятеля. Когда въ другихъ городахъ узнали, что Всеволожъ взятъ, то и они вдругъ опустѣли: жители ихъ бросились бѣжать къ Чернигову [2]); Мстиславичи послали за ними въ погоню и нѣкоторыхъ перехватали, а другіе ушли; пустые города Изяславъ велѣлъ зажечь. Только жители города Глѣбля не успѣли убѣжать, и счастливо отбились отъ Мстиславичей, которые пошли оттуда въ Кіевъ, сказавши дружинѣ своей — Кіевлянамъ и Смольнянамъ: „Собирайтесь всѣ; когда рѣки установятся, тогда пойдемъ къ Чернигову, и какъ насъ съ ними Богъ управитъ". Поживши весело нѣкоторое время въ Кіевѣ, Мстиславичи рѣшили разлучиться; Изяславъ говорилъ Ростиславу: „Братъ! тебѣ Богъ далъ верхнюю землю: ты тамъ и ступай противъ Юрія; тамъ у тебя Смольняне, Новгородцы и другіе присяжники,—удерживай съ ними дядю; а я здѣсь останусь, и буду управляться съ Ольговичами и Давидовичами". Ростиславъ отправился въ Смоленскъ.

Когда рѣки стали, то Черниговскіе начали наступательное движеніе: они послали дружину свою съ Половцами и повоевали мѣста на правомъ берегу Днѣпра [3]); а союзникъ ихъ, Глѣбъ Юрьевичъ, занялъ Городецъ-Остерскій, принадлежавшій прежде отцу его [4]). Изяславъ послалъ звать его къ себѣ въ Кіевъ, и Глѣбъ сначала было-обѣщался пріѣхать, но потомъ раздумалъ, потому что вошелъ въ сношенія съ Переяславцами, часть которыхъ была почему-то недовольна Изяславомъ или сыномъ его Мстиславомъ, княжившимъ у нихъ, и звала Глѣба, обѣщаясь передать ему городъ. Глѣбъ немедленно пошелъ на ихъ зовъ; на разсвѣтѣ, когда Мстиславъ съ дружиною еще спалъ, пригнали къ нему сторожа и закричали: „Вставай, князь! Глѣбъ пришелъ на тебя!" Мстиславъ вскочилъ, собралъ дружину и выступилъ изъ города противъ Юрьича; оба, увидавъ другъ друга, не рѣшились вступить въ битву; Глѣбъ стоялъ до утра другого дня и возвратился; Мстиславъ же, соединясь съ остальною дружиною и Переяславцами, погнался за нимъ, настигъ, захватилъ часть его войска; но самому Глѣбу удалось уйти въ Городецъ. Изяславъ, услыхавъ объ этихъ попыткахъ противъ Переяславля, собралъ дружину, Берендѣевъ, и пошелъ къ Городцу; Юрьичъ послалъ объявить объ этомъ въ Черниговъ: „Идетъ на меня Изяславъ, помогите мнѣ"!—велѣлъ онъ сказать тамошнимъ князьямъ; а между тѣмъ Изяславъ пришелъ и осадилъ Городецъ. Не видя ни откуда помощи, Юрьичъ чрезъ три дня поклонился Изяславу и помирился съ нимъ: какъ видно, тотъ оставилъ за нимъ отцовскій городъ. Но Глѣбъ не былъ ему за это благодаренъ: какъ скоро Изяславъ возвратился въ Кіевъ, онъ опять послалъ сказать Черниговскимъ: „Я поневолѣ цѣловалъ крестъ Изяславу,—онъ обступилъ меня въ городѣ, а отъ васъ не было помощи; но теперь опять хочу быть вмѣстѣ съ вами" [5]). Въ 1148 году Изяславъ нако-

[1]) Теперь село Сиволожь, Черниговской губерніи, въ Борзнинскомъ уѣздѣ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 36: «Слышавше ины гради, Унепѣжь, Беловежа, Бохмачь, оже Всеволожь взятъ, и побѣгоша Чернигову и иніи гради мнози бѣжаша». Бѣлая Вѣжа - въ Черниговской губерніи, въ Борзнинскомъ уѣздѣ, при верховьяхъ Остра; Бохмачъ въ Конотопскомъ уѣздѣ, у верховьевъ рѣчки Борзны. Положеніе Уненежа необъяснено удовлетворительно.

[3]) Воеваша Брягинь. — Мѣстечко Брагинъ, Минской губерніи, Рѣчицкаго уѣзда.

[4]) «Зая городокъ Отень у Изяслава». — Здѣсь *Отень* есть прилагательное—отцовскій. Мы видѣли, что Всеволодъ Ольговичъ отнялъ этотъ городецъ у Юрія; къ Изяславу онъ перешелъ вѣроятно въ то время, когда этотъ князь находился въ союзѣ съ Давидовичами противъ Ольговича, или, быть можетъ, былъ взятъ имъ у Давидовичей уже при разрывѣ, когда были взяты Курскъ съ Посемьемъ.

[5]) Въ Лавр. спискѣ упоминается разъ о покушеніи Глѣба на Переяславль: «Послушавъ Жирослава, рекуща ему: поиди Переяславлю, хотятъ тебе людье; онъ же послушавъ его, приде къ Переяславлю вборзѣ».—Это извѣстіе помѣщено въ началѣ 1148 года; въ Ипатьев. сп. почти въ тѣхъ же словахъ помѣщено оно въ концѣ 1147 г.; но потомъ подъ 1148 годомъ, послѣ извѣстія о походѣ Изяслава Мстиславича на Черниговъ, помѣщено опять извѣстіе о покушеніи Глѣба на Переяславль, въ существенныхъ чертахъ сходное съ первымъ: «Въ то же время свѣщався Гюргевичь Глѣбъ Переяславци, и ѣха къ нимъ изъ Городца; увѣдавъ же Мстиславъ Изяславичь, иже идутъ нань, изъѣде противу полкомъ своимъ съ Переяславци, Глѣбъ же узрѣ, оже идетъ нань Мьстиславъ, Глѣбъ же

нецъ собралъ всю свою силу, взялъ полкъ у дяди Вячеслава и полкъ владимірскій, призвалъ отрядъ Венгровъ на помощь, соединился съ Берендѣями, перешелъ Днѣпръ и сталъ въ осьми верстахъ отъ Чернигова [1]). Три дня стоялъ онъ подъ городомъ, дожидаясь не выйдутъ ли Ольговичи и Давидовичи на битву, но никто не выходилъ; а онъ между тѣмъ пожегъ всѣ ихъ села [2]). Наскучивъ дожидаться, Изяславъ сталъ говорить дружинѣ: „Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ, имѣнье взяли, а они къ намъ не выходятъ; пойдемъ лучше къ Любечу, гдѣ у нихъ вся жизнь". Когда Изяславъ подошелъ къ Любечу, то Давидовичи и Ольговичи съ рязанскими князьями и Половцами явились также сюда, и оба войска стали другъ противъ друга по берегамъ рѣки: Изяславъ выстроилъ войско и пошелъ-было противъ Черниговскихъ, но рѣка помѣшала; только стрѣльцамъ съ обѣихъ сторонъ можно было стрѣляться черезъ нее. Ночью пошелъ сильный дождь,—и Днѣпръ началъ вздуваться. Тогда Изяславъ началъ говорить дружинѣ и Венграмъ: „Здѣсь эта рѣка мѣшаетъ биться, а тамъ Днѣпръ разливается: пойдемъ лучше за Днѣпръ". Только-что успѣли перейти Днѣпръ, какъ на другой день ледъ тронулся; Изяславъ дошелъ благополучно до Кіева; но Венгры обломились на озерѣ и нѣсколько ихъ потонуло.

Несмотря однако на то, что походъ Изяслава, предпринятый съ такими большими сборами, кончился, повидимому, ничѣмъ, Черниговскіе не могли долго вести борьбы: опустошая села ихъ, Изяславъ дѣйствительно отнималъ у нихъ *всю жизнь*, по тогдашнему выраженію; нечѣмъ было содержать дружину, нечѣмъ было платить Половцамъ; жители городовъ неохотно помогали князьямъ въ ихъ усобицахъ; Юрій ограничился только присылкою сына, самъ не думалъ идти на югъ, а безъ него силы Черниговскихъ вовсе не были въ уровень съ силами Мстиславичей. Въ такихъ обстоятельствахъ они послали сказать Юрію: „Ты крестъ цѣловалъ, что пойдешь съ нами на Изяслава, и не пошелъ; а Изяславъ пришелъ, за Десною города наши пожегъ и землю повоевалъ; потомъ въ другой разъ пришелъ къ Чернигову, и села наши пожегъ до самаго Любеча, и всю жизнь нашу повоевалъ; а ты ни къ намъ не пошелъ, ни на Ростислава не наступилъ; теперь, если хочешь идти на Изяслава, такъ ступай, и мы съ тобою; если же не пойдешь, то мы будемъ правы въ крестномъ цѣлованіи,—нельзя намъ однимъ гибнуть отъ рати". Не получивъ отъ Юрія благопріятнаго отвѣта, они обратились къ Изяславу Мстиславичу съ мирными предложеніями, послали сказать ему: „То бывало и прежде при дѣдахъ и при отцахъ нашихъ: миръ стоитъ до рати, а рать до мира; не жалуйся на насъ, что мы первые встали на рать,—жаль было намъ брата нашего Игоря, мы того только и хотѣли, чтобъ ты выпустилъ его; а такъ какъ теперь онъ убитъ, пошелъ къ Богу, гдѣ и всѣмъ намъ быть, то Богъ всѣхъ насъ и разсудитъ; а здѣсь намъ до какихъ поръ губить Русскую Землю? чтобъ намъ уладиться?" Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Братья! доброе дѣло христіанъ блюсти; но вы всѣ вмѣстѣ совѣтовались, такъ и я пошлю къ брату Ростиславу, подумаемъ, и тогда пришлемъ отвѣтъ".—Немедленно отправилъ Изяславъ пословъ къ брату съ такими словами: „Присылали ко мнѣ братья—Давидовичи, Святославъ Ольговичъ и Святославъ Всеволодовичъ,—мира просятъ; а я съ тобою хочу посовѣтоваться, какъ намъ обоимъ будетъ годно; хочешь мира? хотя они и зло намъ сдѣлали, но теперь мира просятъ у насъ; но если хочешь войны,—скажи, какъ хочешь, я на тебя во всемъ полагаюсь" Уже изъ этихъ словъ Ростиславъ могъ понять, что самъ старшій братъ хочетъ мира, и потому велѣлъ отвѣчать ему: „Братъ! кланяюсь тебѣ; ты меня старше, ты какъ хочешь, такъ и дѣлай, а я всюду готовъ съ тобою; но если ты уже мнѣ дѣлаешь такую честь, спрашиваешь моего совѣта, то я бы такъ думалъ: ради русскихъ земель и ради христіанъ—миръ лучше; они встали на рать, но что взяли? а теперь, братъ, ради христіанъ и всей Русской Земли, помирись, если только обѣщаютъ, что за Игоря всякую вражду отложатъ и впередъ не задумаютъ сдѣлать съ тобою того, что хотѣли прежде сдѣлать; если же не перестанутъ злобиться за Игоря, то лучше съ ними воевать, какъ Богъ управитъ". Получивъ этотъ отвѣтъ, Изяславъ послалъ къ Черниговскимъ епископа Бѣлгородскаго Ѳеодора и Печерскаго игумена Ѳеодосія съ боярами сказать имъ: „Вы мнѣ крестъ цѣловали, что вамъ брата Игоря не искать; но клятву свою нарушили, и много надѣлали мнѣ досадъ; но теперь я все это забываю для Русской Земли и христіанъ; если вы сами ко мнѣ прислали просить мира, и раскаиваетесь въ томъ, что хотѣли сдѣлать, то цѣлуйте крестъ, что отложите всякую вражду за Игоря, и не задумаете впередъ того, что прежде хотѣли сдѣлать со мною". Черниговскіе поклялись отложить вражду за Игоря, блюсти Русскую Землю, быть всѣмъ за одинъ братъ; Курскъ съ Посемьемъ остались за Владиміромъ Давидовичемъ.

Въ это время явился къ Изяславу старшій изъ сыновей Юрія, Ростиславъ, котораго мы видѣли въ Новгородѣ. Ростиславъ объявилъ, что онъ разсорился съ отцомъ, который не хотѣлъ дать ему волости въ Суздальской Землѣ, и потому онъ пришелъ къ Изяславу съ поклономъ: „Отецъ меня обидѣлъ, говорилъ Юрьевичъ Кіевскому князю, волости

бяше вмалѣ, и рече: прельстили мя Переяславци, не терпя противу стати, поскочи: они же постигаже дружину его изоимаша, и другыя избиша, и Станиславича ту яша и казниша казнью злою, и ины многы изоимаша, а самъ Глѣбъ убѣжа у Городокъ, и не стерпя въ немъ быти, бѣжа въ Чернигову».—Мы думаемъ, что это два извѣстія объ одномъ и томъ же событіи.

[1]) «И пришедъ ста на Олговѣ поли».—Теперь въ 8 верстахъ отъ Чернигова находятся два хутора: Льговъ и Льговскій.

[2]) *Оли и до Боловоса*.—Теперь село Старый Бѣлоусъ въ 6 верстахъ отъ Чернигова.

мнѣ не далъ,—и вотъ я пришелъ сюда, поручивши себя Богу да тебѣ, потому что ты старше всѣхъ насъ между внуками Владиміра: хочу трудиться за Русскую Землю и подлѣ тебя ѣздить". Изяславъ отвѣчалъ ему: „Всѣхъ насъ старше отецъ твой [1]), но онъ не умѣетъ съ нами жить; а мнѣ дай Богъ васъ, братью свою всю и весь родъ свой, имѣть въ правду, какъ душу свою; если отецъ тебѣ волости не далъ, такъ я тебѣ даю". И далъ ему тѣ пять городовъ, которые прежде держалъ Святославъ Всеволодичъ; кромѣ того, Ростиславъ получилъ Городецъ-Остерскій, гдѣ Изяславъ не хотѣлъ видѣть брата его Глѣба, которому послалъ сказать: „Ступай къ Ольговичамъ; ты къ нимъ пришелъ, такъ пусть тебѣ и дадутъ волость" [2]). У этого Городца-Остерскаго съѣхался осенью Изяславъ Мстиславичъ съ Давидовичами; Ростиславъ Юрьевичъ пріѣхалъ вмѣстѣ съ Кіевскимъ княземъ; Ольговичи — ни дядя, ни племянники—не пріѣхали. Изяславъ сказалъ Давидовичамъ: „Вотъ братъ Святославъ и племянникъ не пріѣхали, а вы всѣ клялись мнѣ, что кто будетъ до меня золъ, на того вамъ быть вмѣстѣ со мною; дядя мой Юрій изъ Ростова обижаетъ мой Новгородъ, дани у Новгородцевъ поотнималъ, по дорогамъ проѣзду имъ нѣтъ; хочу пойти и управиться съ нимъ либо миромъ, либо бранью: а вы крестъ цѣловали, что будете вмѣстѣ со мною". Владиміръ Давидовичъ отвѣчалъ: „Это ничего, что братъ Святославъ и племянникъ твой не пріѣхали; все равно, мы здѣсь [3]); а мы всѣ клялись, что гдѣ твои будутъ обиды, такъ намъ быть съ тобою". Князья уладились, что какъ скоро ледъ станетъ на рѣкахъ, идти на Юрія къ Ростову: Изяславъ пойдетъ изъ Смоленска, а Давидовичи и Ольговичъ изъ Земли Вятичей, и всѣмъ сойтись на Волгѣ. Послѣ ряду князья весело пообѣдали вмѣстѣ и разъѣхались. Возвратясь въ Кіевъ, Изяславъ сказалъ Ростиславу Юрьичу: „Ступай въ Бужскъ и побудь тамъ, постереги Русскую Землю, пока я схожу на отца твоего, и помирюсь съ нимъ или какъ-нибудь иначе съ нимъ управлюсь"

Въ Кіевѣ оставилъ Изяславъ брата Владиміра, въ Переяславлѣ сына Мстислава, и пошелъ въ Смоленскъ къ брату Ростиславу, куда велѣлъ полкамъ идти за собою. Въ Смоленскѣ Мстиславичи провели вмѣстѣ время весело, пируя съ дружиною и Смольнянами, дарили другъ друга богатыми дарами: Изяславъ дарилъ Ростислава товарами, которые идутъ изъ Русской Земли и изъ всѣхъ *царскихъ* (греческихъ) земель, а Ростиславъ Изяслава товарами, которые шли изъ *верхнихъ* (сѣверныхъ) земель и отъ Варяговъ. Готовясь къ войнѣ, братья пытались однако кончить дѣло мирными переговорами, и отправили посла къ дядѣ Юрію; но тотъ, вмѣсто отвѣта, задержалъ посла. Тогда, приказавши брату Ростиславу идти съ полками по Волгѣ и дожидаться при устьи Медвѣдицы, Изяславъ пошелъ съ небольшою дружиною въ Новгородъ. Новгородцы, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, сильно обрадовались и вышли къ нему на-встрѣчу, одни за день, другіе за три дня пути отъ города. Въ это время княжилъ въ Новгородѣ уже не братъ Изяславовъ Святополкъ, но сынъ Ярославъ. Изяславъ велѣлъ имъ помѣняться волостями, вывелъ Святополка во Владиміръ-Волынскій изъ Новгорода „злобы его ради", какъ говоритъ новгородскій лѣтописецъ. Въ воскресенье въѣхалъ Изяславъ въ Новгородъ съ великою честію, встрѣченъ былъ сыномъ Ярославомъ и боярами, и поѣхалъ съ ними къ Св. Софіи къ обѣднѣ; послѣ обѣдни, князья послали подвойскихъ и бирючей кликать кличъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ всѣхъ отъ мала до велика: обѣдали весело и съ честью разошлись по домамъ. На другой день, въ понедѣльникъ, послалъ Изяславъ на Ярославовъ дворъ, велѣлъ звонить къ вѣчу, и когда сошлись Новгородцы и Псковичи на вѣчѣ, то онъ сказалъ имъ: „Братья! сынъ мой и вы прислали ко мнѣ жаловаться, что дядя мой Юрій обижаетъ васъ; и вотъ я, оставя Русскую Землю, пришелъ сюда на него, для васъ, ради вашихъ обидъ; думайте, гадайте, братья, какъ на него пойти, и какъ—мириться ли съ нимъ, или ратью покончить дѣло". Народъ отвѣчалъ: „Ты нашъ князь, ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ: рады съ тобой идти всюду мстить за свои обиды; пойдемъ всѣ; только одни духовные останутся Бога молить". И, въ самомъ дѣлѣ, Новгородцы собрали въ походъ всю свою волость, пошли Псковичи и Корела. Пришедши на устье Медвѣдицы, Изяславъ ждалъ брата Ростислава четыре дни; потомъ, когда Ростиславъ пришелъ съ полками русскими и смоленскими, то всѣ вмѣстѣ пошли внизъ по Волгѣ, пришли къ городу Константинову на устьи Большой Нерли, и, не получая вѣстей отъ Юрія, стали жечь его города и села, и воевать по обѣимъ сторонамъ Волги, оттуда пошли къ Угличу и потомъ на устье Мологи. Здѣсь получили они вѣсть, что Владиміръ Давидовичъ и Святославъ Ольговичъ стоятъ въ

---

[1]) Любопытно, что о Вячеславѣ даже не упоминаетъ: такъ ничтоженъ былъ этотъ князь въ глазахъ родичей.

[2]) Приходъ Ростислава Юрьича въ разныхъ спискахъ лѣтописи описанъ различно. Ипатьевскій списокъ говоритъ, что Ростиславъ пришелъ, *роскоторався* съ отцомъ своимъ, который не далъ ему волости. Но иначе разсказываетъ Лаврентьевскій списокъ: «Поиде Ростиславъ Гюргевичь изъ Суждаля съ дружиною своею, въ помочь Олговичемъ, на Изяслава Мстиславича, посланъ отъ отца своего. И сдумавъ Ростиславъ съ дружиной своею река: любо си ся на мя отцю гнѣвати, не иду къ ворогомъ своимъ, то суть были ворози и дѣду моему и строемъ моимъ, но поидѣмъ, дружино моя, къ Изяславу». Вѣроятно Юрій послалъ Ростислава на югъ съ тѣмъ, чтобъ тотъ добылъ себѣ тамъ волость, подобно тому, какъ добыли волость прежде сынъ его Иванъ, потомъ Глѣбъ; но, пришедши на югъ и увидавши, что дѣла Черниговскихъ идутъ плохо, и что они хотятъ заключить миръ съ Изяславомъ, Ростиславъ заблагоразсудилъ обратиться также къ послѣднему, тѣмъ болѣе что прежде Изяславъ звалъ къ себѣ брата его Глѣба. Такъ могутъ быть соглашены извѣстія обоихъ списковъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 39: «Аже братъ Святославъ не пріѣхалъ, ни сестричичь твой, *явѣ есвѣ*».— Здѣсь ошибка въ текстѣ: *явѣ есвѣ*, должно поправить изъ сноски; «*а вѣ есвѣ*»—а мы есьмы, т. е. мы тутъ.

Землѣ Вятичей, ожидая, что будетъ между Юрьемъ и Изяславомъ, и не идутъ къ устью Медвѣдицы, какъ обѣщали. Изяславъ сказалъ при этомъ брату: „Пусть ихъ къ намъ нейдутъ: былъ бы съ нами Богъ“, и отпустилъ Новгородцевъ и Русь воевать къ Ярославлю; когда тѣ возвратились съ большою добычей, то уже стало тепло, была Вербная недѣля, вода на Волгѣ и Мологѣ поднялась по брюхо лошади; оставаться долѣе было нельзя, и Мстиславичи пошли назадъ, Ростиславъ—въ Смоленскъ и Изяславъ—въ Новгородъ, и оттуда въ Кіевъ; изъ дружины русской одни пошли съ Ростиславомъ, а другіе куда кому угодно [1]). Этотъ походъ стоилъ Ростовской Землѣ 7000 жителей, уведенныхъ въ плѣнъ войсками Мстиславичей (1149 г.).

Въ Кіевѣ ждали Изяслава непріятные вѣсти; бояре донесли ему на Ростислава Юрьича, будто тотъ много зла замыслилъ, подговорилъ противъ него Берендѣевъ и Кіевлянъ: если-бы Богъ помогъ его отцу, то онъ пріѣхалъ бы въ Кіевъ, взялъ Изяславовъ домъ и семью: „Отпусти его къ отцу, говорили бояре князю: это твой врагъ, держишь его на свою голову“. Изяславъ немедленно послалъ за Юрьевичемъ; и когда тотъ пріѣхалъ, то пришли къ нему Изяславовы бояре и сказали отъ имени своего князя: „Братъ! ты пришелъ ко мнѣ отъ отца, потому что отецъ тебя обидѣлъ, волости тебѣ не далъ; я тебя принялъ какъ брата, и волости тебѣ далъ, чего и родной отецъ тебѣ не далъ, да еще велѣлъ Русскую Землю стеречь; а ты, братъ, за это хотѣлъ, если бы отцу твоему Богъ помогъ, въѣхать въ Кіевъ, взять мой домъ и семью!“ Ростиславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Братъ и отецъ! Ни на умѣ, ни на сердцѣ у меня того не было; если же кто донесъ на меня тебѣ, князь ли который, то я готовъ съ нимъ перевѣдаться; мужъ ли который изъ христіанъ или поганыхъ, то ты старше меня, ты меня съ ними и суди“. Изяславъ велѣлъ сказать ему на это: „Суда у меня ты не проси; я знаю, ты хочешь меня поссорить съ христіанами или съ погаными; ступай-ка къ отцу своему“. Ростислава посадили въ барку только съ четырьмя отроками, и отправили вверхъ по Днѣпру; дружину его взяли, а имѣнье отняли. Ростиславъ, пришедши къ отцу въ Суздаль, ударилъ передъ нимъ челомъ и сказалъ: „Я слышалъ, что хочетъ тебя вся Русская Земля и Черные Клобуки; жалуются, что Изяславъ ихъ обезчестилъ; ступай на него“ Эти слова могутъ показывать, что доносъ на Ростислава былъ основателенъ, что Ростиславъ сносился съ недовольными, или, по крайней мѣрѣ, они сносились съ нимъ. Юрія сильно огорчилъ позоръ сыновній; онъ сказалъ: „Такъ ни мнѣ, ни дѣтямъ моимъ нѣтъ части въ Русской Землѣ!“ собралъ силу свою, нанялъ Половцевъ и выступилъ въ походъ на племянника. Это рѣшеніе можно объяснить и не однимъ гнѣвомъ на позорное изгнаніе сына: мы видѣли, какъ медленно, нерѣшительно дѣйствовалъ до сихъ поръ Юрій, несмотря на то, что могъ надѣяться на успѣхъ, будучи въ союзѣ съ Черниговскими; теперь же могъ онъ спѣшить на югъ, въ полной увѣренности, что найдетъ тамъ болѣе сильныхъ союзниковъ, послѣ того какъ Ростиславъ обстоятельно увѣдомилъ его о неудовольствіи гражданъ и варварскаго пограничнаго народонаселенія на Изяслава, если даже предположимъ, что самъ Ростиславъ и не былъ главнымъ виновникомъ этого неудовольствія.

Какъ бы то ни было, Юрій былъ уже въ Землѣ Вятичей, когда Владиміръ Давидовичъ Черниговскій прислалъ сказать Изяславу: „Дядя идетъ на тебя, приготовляйся къ войнѣ“. Изяславъ сталъ собирать войско, и вмѣстѣ съ Давидовичами отправилъ пословъ въ Новгородъ-Сѣверскъ къ Святославу Ольговичу, напомнить ему о договорѣ. Святославъ не далъ посламъ сначала никакого отвѣта, и задержалъ на цѣлую недѣлю, приставивъ сторожей къ ихъ шатрамъ, чтобъ никто не приходилъ къ нимъ; а самъ между тѣмъ послалъ спросить Юрія: „Вправду ли ты идешь? скажи навѣрное, чтобъ мнѣ не погубить понапрасну своей волости“. Юрій велѣлъ отвѣчать ему: „Какъ мнѣ не идти вправду?—племянникъ приходилъ на меня, волость мою повоевалъ и пожегъ, да еще сына моего выгналъ изъ Русской Земли, волости ему не далъ, осрамилъ меня; либо стыдъ этотъ съ себя сложу, за Землю свою отомщу и честь свою добуду, либо голову сложу“. Получивъ отъ Юрія такой отвѣтъ, Святославъ не хотѣлъ прямо нарушить клятвы, данной прежде Изяславу, и, чтобъ найти предлогъ, велѣлъ сказать ему чрезъ его же пословъ: „Возврати мнѣ братнино имѣніе, тогда буду съ тобою“. Изяславъ немедленно отвѣчалъ ему: „Братъ! крестъ честный ты цѣловалъ ко мнѣ, что вражду всякую за Игоря и имѣнье его отложишь, а теперь, братъ, ты опять вспомнилъ объ этомъ, когда дядя идетъ на меня: либо соблюди клятву вполнѣ, будь со мною; — а не хочешь, такъ ты уже нарушилъ крестное цѣлованіе. Я безъ тебя и на Волгу ходилъ, да развѣ мнѣ худо было? Такъ и теперь,—былъ бы со мной Богъ да крестная сила“. Святославъ соединился съ Юріемъ; они послали и къ Давидовичамъ звать ихъ на Изяслава; но тѣ отвѣчали Юрію: „Ты клялся быть съ нами, а между тѣмъ Изяславъ пришелъ, Землю нашу повоевалъ и города наши пожегъ; теперь мы цѣловали крестъ къ Изяславу, не можемъ душою играть“.

Юрій, видя, что Давидовичи не хотятъ быть съ нимъ, пошелъ на старую Бѣлувѣжу, и стоялъ тамъ мѣсяцъ, дожидаясь Половцевъ и покоренія отъ Изяслава; но, не получивъ отъ послѣдняго никакой вѣсти, пошелъ къ рѣкѣ Супою. Сюда пріѣхалъ къ нему Святославъ Всеволодовичъ, по-неволѣ, какъ

---

[1]) Въ Лавр. спискѣ этотъ походъ разсказанъ съ оттѣнкомъ, обличающимъ сѣвернаго лѣтописца: «Иде Изяславъ Новгороду, въ помочь Новгородцемъ на Гюргя, а воемъ повелѣ по себѣ ити; и поидоша по немъ и похромаша кони у нихъ, и самъ съ Новгородци дошедъ Волгы и повоевавъ ю, и не успѣ ничто же Гюргеви, и дошедъ Углеча поля поворотися Новгороду».

говоритъ лѣтописецъ, не желая отступить отъ родного дяди, Святослава Ольговича; сюда же пришло къ Юрію и множество Половцевъ дикихъ. Тогда Изяславъ послалъ въ Смоленскъ сказать брату Ростиславу: „Мы съ тобой уговорились, что когда Юрій минуетъ Черниговъ, то тебѣ идти ко мнѣ; теперь Юрій Черниговъ уже миновалъ,—приходи, посмотримъ оба вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ“. Ростиславъ двинулся съ полками къ брату; а Юрій подступилъ къ Переяславлю, все дожидаясь, что тутъ по крайней мѣрѣ Изяславъ пришлетъ къ нему съ поклономъ. Но тотъ не хотѣлъ кланяться дядѣ: „Еслибъ онъ пришелъ только съ дѣтьми, говорилъ онъ, то взялъ бы любую волость; но когда привелъ на меня Половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то хочу съ нимъ биться“. Изъ этихъ словъ ясно видно, что Изяславъ придумывалъ только предлоги; предлоги были нужны, потому что Кіевляне не хотѣли сражаться съ сыномъ Мономаховымъ и теперь, какъ прежде: еслибъ даже и не было на югѣ того неудовольствія на Изяслава, о которомъ объявлялъ отцу Ростиславъ Юрьевичъ, то и тогда трудно было Кіевлянамъ поднять руки на Юрія, вопервыхъ, какъ на сына Мономахова, вовторыхъ, какъ на дядю, старшаго, который по общему современному сознанію имѣлъ болѣе права, чѣмъ Изяславъ; притомъ же Кіевляне до сихъ поръ не имѣли сильныхъ причинъ враждовать противъ Юрія, и потому говорили Изяславу: „Мирись, князь, мы нейдемъ“. Изяславъ все уговаривалъ ихъ: „Пойдемте со мною; ну, хорошо ли мнѣ съ ними мириться, когда я не побѣжденъ, когда у меня есть сила“ [1])? Кіевляне пошли наконецъ, но, разумѣется, неохотно, что не могло предвѣщать добра Изяславу, хотя силы его и были значительны: къ нему пришелъ Изяславъ Давидовичъ на помощь, пришелъ и братъ Ростиславъ съ большимъ войскомъ. Изяславъ рѣшился перейдти Днѣпръ и приблизиться къ Переяславлю, подъ которымъ и встрѣтился съ дядиными полками. Передовые отряды — Черные Клобуки и молодая дружина Изяслава—имѣли дѣло съ Половцами Юрія, и отогнали ихъ отъ города; когда же сошлись главные полки, то цѣлый день стояли другъ противъ друга; только стрѣльцы съ обѣихъ сторонъ бились между ними; а въ ночь Юрій прислалъ сказать племяннику: „Братъ! [2]) ты на меня приходилъ, Землю мою повоевалъ и старшинство снялъ съ меня; а теперь, братъ и сынъ, ради Русской Земли и христіанъ, не станемъ проливать христіанской крови, но дай мнѣ посадить въ Переяславлѣ сына своего, а ты сиди себѣ, царствуя въ Кіевѣ; если же не хочешь такъ сдѣлать, то Богъ насъ разсудитъ“. Изяславу не понравилось это предложеніе, онъ задержалъ посла, и вывелъ все войско свое изъ города на поле.

На другой день, когда онъ отслушалъ обѣдню въ Михайловской церкви и уже хотѣлъ выйти изъ нея, епископъ Евѳимій со слезами сталъ упрашивать его: „Князь! помирись съ дядею; много спасенія примешь отъ Бога, и Землю свою избавишь отъ великой бѣды“. Но Изяславъ не послушался; онъ надѣялся на множество войска, и отвѣчалъ епископу: „Своею головою добылъ я и Кіевъ и Переяславль“, и выѣхалъ изъ города. Опять до самыхъ вечеренъ стояли противные полки другъ противъ друга, раздѣленные рѣкою Трубежомъ; Изяславъ съ братьями, Ростиславомъ и Владиміромъ, и съ сыновьями, Мстиславомъ и Ярополкомъ, созвалъ бояръ и всю дружину, и начали думать, переправиться ли первымъ за Трубежъ и ударить на Юрія. Мнѣнія раздѣлились,—одни говорили Изяславу: „Князь! не переправляйся за рѣку; Юрій пришелъ отнимать твои земли, трудился-трудился, и до сихъ поръ ни въ чемъ не успѣлъ, и теперь уже оборотился назадъ, въ ночь непремѣнно уйдетъ; а ты, князь, не ѣзди за нимъ“. Другіе говорили противное: „Ступай, князь! Богъ тебѣ отдаетъ врага въ руки, нельзя же упускать его“ Къ несчастію, Изяславъ прельстился послѣднимъ мнѣніемъ, выстроилъ войско и перешелъ рѣку. Въ полдень на другой день, переметчикъ поскакалъ изъ войска Юрьева, оттуда погнались за нимъ; сторожа Изяславовы переполошились, закричали: „Рать“! и Мстиславичи повели полки свои впередъ; Юрій съ Ольговичами, увидавъ это движеніе, также пошли къ нимъ на-встрѣчу, и, пройдя валъ, остановились; остановились и Мстиславичи, и опять дѣло кончилось одною перестрѣлкою, потому что когда наступилъ вечеръ, то Юрій оборотилъ полки и пошелъ назадъ въ свой станъ. Изяславъ опять началъ думать съ братьями и дружиною, и опять мнѣнія раздѣлились,—одни говорили: „Не ходи, князь! пусти ихъ въ станъ; теперь вѣрно, что битвы не будетъ“; но другіе говорили: „Уже они бѣгутъ передъ тобою; ступай скорѣе за ними!“ И на этотъ разъ Изяславъ принялъ послѣднее мнѣніе, и двинулся впередъ; тогда Юрій съ Ольговичами возвратились и устроили войска: сыновей своихъ Юрій поставилъ по правую, Ольговичей по лѣвую сторону. На разсвѣтѣ 23-го августа полки сошлись, и началась злая сѣча: первые побѣжали Поршане (жители городовъ поросскихъ, къ которымъ должно относить и Черныхъ Клобуковъ), за ними Изяславъ Давидовичъ, а за Давидовичемъ и Кіевляне: Переяславцы измѣнили,—мы видѣли, что они и прежде сносились съ сыномъ Юрьевымъ, теперь снеслись съ отцомъ, и во время битвы не вступили въ дѣло, крича: „Юрій намъ князь свой, его было намъ искать издалека“ [3]). Видя измѣну и бѣгство, дружины Мстиславичей смялись: въ на-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43: «Пойдите со мною; ать ми ся добро съ ними отъ силы мирити».

[2]) Читатели припомнятъ сказанное въ первой главѣ о томъ, почему племянники отъ старшаго брата считались братьями дядьямъ своимъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 41: И бысть лесть въ Переяславчехъ, рекуче: «Гюрги намъ князь свой, того было намъ искати и далече», то рекуче и поскачиша.— Тамъ же, Ш, II: «И Переяславьци сѣдоша на щитѣ наущѣніемъ Гюргя».

чалѣ дѣла Изяславъ съ дружиною схватился съ Святославомъ Ольговичемъ и, съ половиною полка Юріева, проѣхалъ сквозь нихъ, и, будучи уже за ними, увидалъ, что собственные полки его бѣгутъ; тутъ онъ побѣжалъ и самъ, переѣхалъ Днѣпръ у Канева и самъ-третей явился въ Кіевъ. Измѣна Переяславцевъ и бѣгство Поршанъ всего лучше показываютъ справедливость извѣстія, принесеннаго отцу Ростиславомъ Юрьичемъ; да и, кромѣ того, несчастный исходъ битвы для Изяслава можно было предвидѣть: этотъ князь вступилъ въ борьбу за свои личныя права противъ всеобщаго нравственнаго убѣжденія; Кіевляне, уступая этимъ личнымъ правамъ, пошли за сыномъ Мстиславовымъ противъ Юрія, но пошли неохотно, съ видимымъ колебаніемъ, съ видимою внутреннею борьбою,—а такое расположеніе не могло дать твердости и побѣды.

На другое утро Юрій вошелъ въ Переяславль, и, пробывъ здѣсь три дня, отправился къ Кіеву, и сталъ противъ Михайловскаго монастыря, по лугу. Мстиславичи объявили Кіевлянамъ: „Дядя пришелъ; можете ли за насъ биться"? Тѣ отвѣчали: „Господа наши князья! не погубите насъ до конца; отцы наши и братья, и сыновья, одни взяты въ плѣнъ, другіе избиты, и оружіе съ нихъ снято, возьмутъ и насъ въ полонъ; поѣзжайте лучше въ свою волость; вы знаете, что намъ съ Юріемъ не ужиться; гдѣ потомъ увидимъ ваши стяги, будемъ готовы съ вами". Услыхавъ такой отвѣтъ, Мстиславичи разъѣхались — Изяславъ во Владиміръ, Ростиславъ въ Смоленскъ; а дядя ихъ Юрій въѣхалъ въ Кіевъ: множество народа вышло къ нему на-встрѣчу, *съ радостію великою*, и сѣлъ онъ на столѣ отца своего, хваля и славя Бога, какъ говоритъ лѣтописецъ. Прежде всего Юрій наградилъ своего союзника—Святослава Ольговича: онъ послалъ въ Черниговъ за Владиміромъ Давидовичемъ, и велѣлъ ему отдать Святославу Курскъ съ Посемьемъ, а у Изяслава Давидовича Ольговичъ взялъ землю южныхъ Дреговичей. Потомъ Юрій началъ раздавать волости сыновьямъ своимъ: старшаго сына Ростислава посадилъ въ Переяславлѣ, Андрея въ Вышгородѣ, Бориса въ Бѣлгородѣ, Глѣба въ Каневѣ, Василька въ Суздалѣ.

Между тѣмъ Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавъ во Владиміръ, послалъ за помощью къ роднѣ [1]) своей—королю Венгерскому, князьямъ польскимъ и чешскимъ, прося ихъ, чтобъ сѣли на коней сами и пошли къ Кіеву, а если самимъ нельзя, то чтобъ отпустили полки свои съ меньшею братіею или съ воеводами. Король Венгерскій Гейза II-й сначала отказался, велѣлъ сказать Изяславу: „Теперь у меня рать съ императоромъ Греческимъ; когда буду свободенъ, то самъ пойду къ тебѣ на помощь или полки свои отпущу". Польскіе князья велѣли отвѣчать: „Мы недалеко отъ тебя; одного брата оставимъ стеречь свою Землю, а вдвоемъ къ тебѣ поѣдемъ"; Чешскій князь также отвѣчалъ, что готовъ самъ идти съ Поляками. Но Изяславу мало было однихъ обѣщаній; онъ опять отправилъ пословъ въ Венгрію, Польшу и Богемію съ большими дарами; послы должны были говорить князьямъ: „Помоги вамъ Богъ за то, что взялись мнѣ помогать; садитесь, братья, на коней съ Рождества Христова". Тѣ обѣщались, и король Венгерскій послалъ десятитысячный вспомогательный отрядъ, велѣлъ сказать Изяславу: „Отпускаю къ тебѣ полки свои, а самъ хочу идти на Галицкаго князя, чтобъ не дать ему на тебя двинуться; ты между тѣмъ управляйся съ тѣми, кто тебя обидѣлъ; когда у тебя войско истомится, то я пришлю новое, еще больше, или и самъ сяду на коня". Болеславъ Польскій самъ поѣхалъ съ братомъ Генрихомъ, а Мечислава оставили стеречь землю отъ Пруссовъ. Между тѣмъ Изяславъ, приготовляясь къ войнѣ и зная теперь, какъ трудно идти противъ общаго убѣжденія въ правахъ дядей предъ племянниками, обратился къ старику Вячеславу, который сидѣлъ тогда въ Пересопницѣ [2]), и послалъ сказать ему: „Будь мнѣ вмѣсто отца, ступай, садись въ Кіевѣ, а съ Юріемъ не могу жить; если же не хочешь принять меня въ любовь и не пойдешь въ Кіевъ на столъ, то я пожгу твою волость". Вячеславъ испугался угрозъ и послалъ сказать брату Юрію: „Венгры уже идутъ; польскіе князья сѣли на коней; самъ Изяславъ готовъ выступить; либо мирись съ нимъ, дай ему, чего онъ хочетъ, либо приходи ко мнѣ съ полками, защити мою волость; пріѣзжай, братъ, посмотримъ на мѣстѣ, что намъ Богъ дастъ—добро или зло; а если, братъ, не поѣдешь, то на меня не жалуйся". Юрій собралъ свое войско и выступилъ изъ Кіева съ дикими Половцами; а Изяславъ съ своими союзниками двинулся изъ Владиміра. Въ Пересопницу къ Вячеславу собрались сперва племянники его—Ростиславъ и Андрей Юрьичи, потомъ пришелъ самъ Юрій; Владимірко Галицкій прислалъ свои полки, самъ также подвинулся къ границѣ и тѣмъ напугалъ Поляковъ и Венгровъ; страхъ польскихъ князей еще увеличился, когда они получили вѣсть отъ брата, что Пруссы идутъ на ихъ Землю. Изяславу эта вѣсть была очень не по сердцу, потому что Поляки не могли теперь оставаться долѣе; положено было отъ имени союзныхъ князей послать къ Вячеславу и Юрію съ такими словами: „Вы намъ всѣмъ вмѣсто отцовъ; теперь вы заратились съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ, а мы по Богѣ всѣ христіане, братья между собою, и намъ всѣмъ надобно быть вмѣстѣ заодно; такъ мы хотимъ, чтобы вы уладились съ своимъ братомъ и сыномъ Изясла-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 45: «Поча ся слати въ Угры къ зятю своему королеви, и въ ляхы къ свату своему Болеславу и Межку и Индрихови, и къ Ческому князю къ свату своему Володиславу». - За королемъ Венгерскимъ была меньшая сестра его Евфросинія; польскіе князья были ему сваты по супружеству племянницы его, дочери Всеволода Ольговича съ Болеславомъ Владиславичемъ; Чешскій князь былъ сватомъ по супружеству брата его Святополка на одной изъ чешскихъ княженъ. См. Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 9.

[2]) Мѣстечко Ровенскаго уѣзда Волынской губерніи.

вомъ, вы бы сидѣли въ Кіевѣ—сами знаете, кому изъ васъ приходится тамъ сидѣть, а Изяславу пусть останется Владиміръ да Луцкъ и что еще тамъ его городовъ, да пусть Юрій возвратит Новгородцамъ всѣ ихъ дани". Вячеславъ и Юрій велѣли отвѣчать имъ: „Богъ помоги нашему зятю королю и нашему брату Болеславу, и нашему сыну Генриху за то, что между нами добра хотите; но если вы велите намъ мириться, то не стойте на нашей Землѣ, животовъ нашихъ и селъ не губите; но пусть Изяславъ идетъ въ свой Владиміръ и вы всѣ ступайте также въ свои земли; тогда мы будемъ вѣдаться съ своимъ братомъ и сыномъ Изяславомъ". Союзники поспѣшили исполнить это требованіе, разъѣхались въ свои земли, а Мономаховичи начали улаживаться съ племянникомъ; дѣло остановилось за тѣмъ, что Изяславъ непремѣнно хотѣлъ возвращенія всѣхъ даней Новгородцамъ, на что Юрій никакъ не соглашался; особенно уговаривалъ его не мириться Юрій Ярославичъ, правнукъ Изяслава I-го, котораго имя мы уже разъ прежде встрѣтили: не извѣстно, былъ ли этотъ Юрій обиженъ какъ-нибудь Изяславомъ, или просто думалъ найти свою выгоду въ изгнаніи Мстиславичей изъ Волыни. Какъ бы то ни было, дядя Юрій слушался его совѣтовъ, тѣмъ болѣе что теперь союзники Изяславовы ушли, и ему казалось, что нетрудно будетъ управиться съ племянникомъ: „Прогоню Изяслава, возьму всю его волость", говорилъ онъ, и двинулся съ братомъ Вячеславомъ и со всѣми своими дѣтьми къ Луцку. Двое старшихъ сыновей его, Ростиславъ и Андрей, шли впередъ съ Половцами и остановились ночевать у Муравицы [1]); вдругъ ночью Половцы отъ чего-то переполошились и побѣжали назадъ; но Андрей Юрьичъ, который находился напереди, не испугался и устоялъ на своемъ мѣстѣ, не послушался дружины, которая говорила ему: „Что это ты дѣлаешь, князь! поѣзжай прочь, осрамимся мы". Дождавшись разсвѣта и видя, что всѣ Половцы разбѣжались, Андрей отступилъ къ Дубну къ братьямъ и Половцамъ, ожидавшимъ подмоги отъ Юрія; потомъ, услыхавъ, что Юрій идетъ, подступили всѣ къ Луцку, гдѣ затворился братъ Изяславовъ, Владиміръ. Когда они приближались къ городу, то изъ воротъ его вышелъ отрядъ пѣхоты и началъ съ ними перестрѣливаться; остальные Юрьичи никакъ не думали, что Андрей захочетъ ударить на эту пѣхоту, потому что и стягъ его не былъ поднятъ. Не величавъ былъ Андрей на ратный чинъ, говоритъ лѣтописецъ,—искалъ онъ похвалы отъ одного Бога; и вотъ вдругъ онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскую толпу, дружина его за нимъ,—и началась жаркая схватка. Андрей переломилъ копье свое и подвергся величайшей опасности: непріятельскіе ратники окружили его со всѣхъ сторонъ; лошадь подъ нимъ была ранена двумя копьями, третье попало въ сѣдло, а со стѣнъ городскихъ сыпались на него камни, какъ дождь; уже одинъ Нѣмецъ хотѣлъ просунуть его рогатиною, но Богъ спасъ его. Самъ Андрей видѣлъ бѣду—и думалъ: „Будетъ мнѣ такая же смерть, какъ Ярославу Святополчичу"; помолился Богу, призвалъ на помощь Св. Θеодора, котораго память праздновалась въ тотъ день, вынулъ мечъ—и отбился. Отецъ, дядя и всѣ братья обрадовались, увидя его въ живыхъ, а бояре отцовскіе осыпали его похвалами, потому что онъ дрался храбрѣе всѣхъ въ томъ бою. Конь его, сильно раненый, только успѣлъ вынести своего господина, и палъ; Андрей велѣлъ погребсти его надъ рѣкою Стыремъ.—Шесть недѣль потомъ стоялъ Юрій у Луцка; осажденные изнемогли отъ недостатка воды; Изяславъ хотѣлъ идти къ нимъ на помощь изъ Владиміра, но Галицкій князь загородилъ ему дорогу. Однако послѣднему, какъ видно, хотѣлось продолженія борьбы между Мономаховичами, а не окончательнаго торжества одного соперника надъ другимъ: ему выгоднѣе было, чтобъ сосѣдняя Владимірская волость принадлежала особому князю; вотъ почему, когда Изяславъ прислалъ сказать ему: „Помири меня съ дядею Юріемъ, я во всемъ виноватъ передъ Богомъ и передъ нимъ", то Владимірко сталъ просить Юрія за Изяслава. Юрій Ярославичъ и старшій сынъ Юрія Долгорукаго Ростиславъ, питавшій ненависть къ Изяславу за изгнаніе изъ Руси, не давали мириться; но второй Юрьичъ, Андрей, взялъ сторону мира, и началъ говорить отцу: „Не слушай Юрія Ярославича, помирись съ племянникомъ, не губи отчины своей". Вячеславъ также хлопоталъ о мирѣ; у этого были свои причины: „Братъ! говорилъ онъ Юрію, мирись; ты не помирившись прочь пойдешь, а Изяславъ мою волость пожжетъ!" Юрій наконецъ согласился на миръ: племянникъ уступилъ ему Кіевъ, а онъ возвратилъ ему всѣ дани Новгородскія. Изяславъ пріѣхалъ къ дядьямъ въ Пересопницу, и здѣсь уговорились возвратить другъ другу все захваченное послѣ Переяславской битвы какъ у князей, такъ и у бояръ ихъ. Послѣ этого Юрій возвратился въ Кіевъ, и хотѣлъ-было уступить этотъ столъ по старшинству Вячеславу, но бояре отсовѣтовали ему: „Брату твоему не удержать Кіева, говорили они, не достанется онъ ни тебѣ, ни ему". Тогда Юрій вывелъ изъ Вышгорода сына своего Андрея, и посадилъ тамъ Вячеслава.

Между тѣмъ (1150 г.) Изяславъ отправилъ бояръ своихъ и тіуновъ искать въ Кіевѣ у Юрія имѣнья и стадъ, пограбленныхъ на войнѣ; бояре также поѣхали отыскивать свое—одни сами, другіе послали тіуновъ своихъ; но когда посланные опознали свое и начали требовать его назадъ, то Юрій не отдалъ, и возвратились они ни съ чѣмъ къ Изяславу. Тотъ послалъ къ дядьямъ съ жалобою: „Исполните крестное цѣлованіе, а не хотите, такъ я не могу оставаться въ обидѣ". Дядья не отвѣчали, и Мстиславичъ снова вооружился, призываемый, какъ говорятъ, Кіевлянами. Въ Пересопницѣ сидѣлъ въ это время, вмѣсто Вячеслава, сынъ

[1]) Мѣстечко Волынской губерніи, Дубенскаго повѣта.

Юрія Глѣбъ, который стоялъ тогда выше города на рѣкѣ Стублѣ, въ шатрахъ; Изяславъ неожиданно пришелъ на него, взялъ станъ, дружину, лошадей. Глѣбъ едва успѣлъ убѣжать въ городъ, и послалъ съ поклономъ къ Изяславу: „Какъ мнѣ Юрій отецъ, такъ мнѣ и ты отецъ, и я тебѣ кланяюсь; ты съ моимъ отцомъ самъ вѣдаешься, а меня пусти къ отцу и клянись Богородицей, что не схватишь меня, а отпустишь къ отцу,—такъ я къ тебѣ самъ пріѣду и поклонюсь". Изяславъ поклялся, и велѣлъ сказать ему: „Вы мнѣ свои братья, о васъ и рѣчи нѣтъ; обижаетъ меня отецъ твой и съ нами не умѣетъ жить". Угостивъ Глѣбъ обѣдомъ, Изяславъ отправилъ его съ сыномъ своимъ Мстиславомъ, который, проводивъ его за Корческъ [1]), сказалъ ему: „Ступай, братъ, къ отцу, а эта волость отца моего и моя, по Горынь". Глѣбъ поѣхалъ къ отцу, а Изяславъ вслѣдъ за нимъ отправился къ Чернымъ Клобукамъ, которые съѣхались къ нему всѣ съ большою радостью. Юрій до сихъ поръ ничего не зналъ о движеніяхъ Изяслава, и, услыхавъ, что онъ уже у Черныхъ Клобуковъ, побѣжалъ изъ Кіева, переправился за Днѣпръ и сѣлъ въ своемъ городкѣ Остерскомъ; только-что успѣлъ Юрій выѣхать изъ Кіева, какъ на его мѣсто явился старый Вячеславъ и расположился на дворѣ Ярославовомъ. Но Кіевляне, услыхавъ, что Изяславъ идетъ къ нимъ, вышли къ нему на-встрѣчу большою толпою и сказали: „Юрій вышелъ изъ Кіева, а Вячеславъ сѣлъ на его мѣсто; но мы его не хотимъ; ты нашъ князь, поѣзжай къ Св. Софіи, сядь на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ". Изяславъ, слыша это, послалъ сказать Вячеславу: „Я тебя звалъ на Кіевскій столъ, но ты тогда не захотѣлъ; а теперь, когда братъ твой выѣхалъ, такъ ты садишься. Ступай теперь въ свой Вышгородъ". Вячеславъ отвѣчалъ: „Хоть убей меня на этомъ мѣстѣ не съѣду". Изяславъ въѣхалъ въ Кіевъ, поклонился Св. Софіи, оттуда поѣхалъ на дворъ Ярославовъ со всѣми своими полками и со множествомъ Кіевлянъ. Вячеславъ въ это время сидѣлъ на сѣняхъ, и многіе начали говорить Изяславу: „Князь! возьми его и съ дружиной"; а другіе уже начали кричать: „Подсѣчемъ подъ нимъ сѣни"; но Изяславъ остановилъ ихъ: „Сохрани меня Богъ, говорилъ онъ: я не убійца своей братьи; дядя мнѣ вмѣсто отца, я самъ пойду къ нему",—и, взявши съ собою немного дружины, пошелъ на сѣни къ Вячеславу и поклонился ему; Вячеславъ всталъ, поцѣловался съ племянникомъ, и когда оба сѣли, то Изяславъ сталъ говорить: „Батюшка! кланяюсь тебѣ; нельзя мнѣ съ тобою рядиться, видишь, какая сила стоитъ народу, много лиха противъ тебя замышляютъ; поѣзжай въ свой Вышгородъ, оттуда и будемъ рядиться". Вячеславъ отвѣчалъ: „Ты меня самъ, сынъ, звалъ въ Кіевъ, а я цѣловалъ крестъ брату Юрію; теперь уже если такъ случилось, то Кіевъ тебѣ, а я поѣду въ свой Вышгородъ", и, сошедши съ сѣней, уѣхалъ изъ Кіева, а Изяславъ сѣлъ здѣсь, и послалъ сына Мстислава въ Каневъ, велѣлъ ему оттуда добыть Переяславля. Мстиславъ послалъ на ту сторону Днѣпра къ дружинѣ и къ варварскому пограничному народонаселенію, которое называлось Турпѣями, перезывая ихъ къ себѣ. Въ Переяславлѣ сидѣлъ въ это время Ростиславъ Юрьичъ; онъ послалъ къ отцу въ Городокъ за помощью, и когда тотъ прислалъ къ нему брата Андрея, то, оставивъ послѣдняго въ Переяславлѣ, погнался за Турпѣями, настигъ ихъ у Днѣпра, перехваталъ и привелъ назадъ въ Переяславль. Между тѣмъ Юрій соединился съ Давидовичами и Ольговичами, а съ запада явился къ нему на помощь сватъ его [2]) Владимірко Галицкій. Услыхавъ о приближеніи Владимірка, Изяславъ послалъ сказать сыну, чтобъ ѣхалъ къ нему скорѣе съ Берендѣями, а самъ съ боярами поѣхалъ въ Вышгородъ къ Вячеславу, и сказалъ ему: „Ты мнѣ отецъ; вотъ тебѣ Кіевъ, и какую еще хочешь волость возьми, а остальное мнѣ дай". Вячеславъ сначала отвѣчалъ на это съ сердцемъ: „А зачѣмъ ты мнѣ не далъ Кіева тогда, заставилъ меня со стыдомъ изъ него выѣхать; теперь, когда одно войско идетъ изъ Галича и другое изъ Чернигова, такъ ты мнѣ Кіевъ даешь". Изяславъ говорилъ на это: „Я къ тебѣ посылалъ, и Кіевъ отдавалъ тебѣ, объявлялъ, что со тобою могу быть, только съ братомъ твоимъ Юріемъ мнѣ нельзя управиться; но тебя люблю какъ отца, и теперь тебѣ говорю:—ты мнѣ отецъ, и Кіевъ твой, поѣзжай туда". Размягчили старика эти слова, любо стало, и онъ поцѣловалъ крестъ на гробѣ Бориса и Глѣба, что будетъ имѣть Изяслава сыномъ, а Изяславъ поклялся имѣть его отцомъ; цѣловали крестъ и бояре ихъ, что будутъ хотѣть добра между обоими князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ. Изяславъ поклонился Св. мученикамъ Борису и Глѣбу, потомъ отцу своему Вячеславу, и сказалъ ему: „Я ѣду къ Звенигороду противъ Владимірка; а ты, батюшка, самъ не трудись, отпусти только со мною дружину свою, самъ же поѣзжай въ Кіевъ, коли тебѣ угодно". Вячеславъ отвѣчалъ: „Всю дружину свою отпускаю съ тобою".

Уладивши дѣло съ дядею, Изяславъ поѣхалъ опять въ Кіевъ, ударилъ въ трубы, созвалъ Кіевлянъ и пошелъ противъ Владимірка: „Кто ко мнѣ ближе, на того и пойду прежде",—говорилъ онъ. Сначала Изяславъ сталъ у Звенигорода; потомъ, слыша о приближеніи Галичанъ, перешелъ къ Тумащу, куда пришли къ нему Черные Клобуки, затворивши женъ и дѣтей своихъ въ городахъ на Пороcьи. На другой день на-разсвѣтѣ Изяславъ выстроилъ войско и повелъ его противъ Владимірка, который стоялъ у верховьевъ рѣки Ольшаницы; стрѣльцы начали уже перестрѣливаться черезъ рѣку, какъ вдругъ Черные Клобуки, увидавъ, что

[1]) Корецъ—мѣстечко Волынской губерніи, Новгородъ-Волынскаго уѣзда.

[2]) За сыномъ Владиміровымъ Ярославомъ была дочь Юрія.

Галичанъ очень много, испугались, и стали говорить Изяславу: „Князь! сила у Владимірка велика, а у тебя дружины мало; какъ вздумаетъ онъ перейти черезъ рѣку, то намъ плохо придется; не погуби насъ, да и самъ не погибни; ты нашъ князь, когда силенъ будешь, и мы тогда съ тобою, а теперь не твое время, поѣзжай прочь“. Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Лучше намъ, братья, помереть здѣсь, чѣмъ такой стыдъ взять на себя“; но Кіевляне начали тоже говорить, и побѣжали; Черные Клобуки бросились за ними къ своимъ вежамъ; оставшись съ одною дружиною, Изяславъ также пошелъ назадъ въ Кіевъ. Къ счастію его, Владимірко никакъ не могъ подумать, что противное войско побѣжало безъ битвы, счелъ это хитростью, и не велѣлъ своимъ гнаться за Изяславомъ, который поэтому благополучно доѣхалъ до Кіева; пострадалъ только задній отрядъ дружины, часть котораго была захвачена, а другая перебита Галичанами. Изяславъ засталъ въ Кіевѣ дядю Вячеслава; потолковавши другъ съ другомъ, они сѣли вмѣстѣ обѣдать, какъ вдругъ пришла вѣсть, что Юрій со всѣми Черниговскими у Кіева, и уже множество Кіевлянъ поѣхали въ лодкахъ къ Юрію, а другіе стали перевозить его дружину на эту сторону. Видя это, Вячеславъ и Изяславъ сказали: „Теперь не наше время“, и поѣхали изъ Кіева—Вячеславъ въ Вышгородъ, а Изяславъ во Владиміръ, занявши мѣста по рѣкѣ Горынѣ и посадивши сына Мстислава въ Дорогобужѣ.

На другой день Владимірко Галицкій подошелъ къ Кіеву и сталъ у Ольговой могилы; сюда пріѣхалъ къ нему Юрій со всѣми Черниговскими, и здоровались, не сходя съ коней. Введя Юрія въ Кіевъ, Владимірко объѣхалъ всѣ святыни кіевскія, былъ и въ Вышгородѣ у Бориса и Глѣба, и потомъ, разставшись пріятельски съ Юріемъ въ Печерскомъ монастырѣ, отправился назадъ въ Галичъ. Услыхавъ о его приближеніи, Мстиславъ Изяславичъ бросился бѣжать изъ Дорогобужа въ Луцкъ къ дядѣ Святополку. Владимірко, побравши города по Горынѣ и отдавши ихъ Мстиславу Юрьичу, котораго взялъ съ собою изъ Кіева [1]), подошелъ-было къ Луцку, но не могъ взять его, и ушелъ въ Галичъ, а Мстиславъ Юрьичъ остался въ Пересопницѣ; но скоро потомъ Юрій отдалъ этотъ городъ вмѣстѣ съ Туровомъ и Пинскомъ сыну Андрею, который и сѣлъ въ Пересопницѣ; цѣль этого перемѣщенія и предпочтенія Пересопницы Турову ясны: Андрей, самый храбрый изъ Юрьевичей, долженъ былъ оберегать границу со стороны Волыни, откуда Юрій ждалъ нападенія отъ племянника. Зимою Изяславъ прислалъ въ Пересопницу просить Андрея: „Братъ! помири меня съ отцомъ; мнѣ отчины нѣтъ ни въ Венгріи, ни въ Польшѣ, а только въ Русской Землѣ; выпроси мнѣ у отца волость по Горынь“. Онъ послалъ въ Пересопницу какъ будто за этимъ, а между тѣмъ наказалъ послу разсмотрѣть хорошенько весь нарядъ Андреевъ и какъ городъ стоитъ: ему уже удалось разъ напасть здѣсь врасплохъ на брата Андреева Глѣба, то же хотѣлось теперь сдѣлать и съ Андреемъ; но у этого было все крѣпко и дружина большая. Не подозрѣвая хитрости, Андрей сталъ опять просить отца за Изяслава, но Юрій не хотѣлъ ничего дать племяннику; тогда Изяславъ сталъ думать: „Дядя мнѣ волости не даетъ, не хочетъ меня въ Русской Землѣ, а Владимірко Галицкій, по его приказу, волость мою взялъ, да еще сбирается придти на меня къ Владиміру“, и, подумавъ такимъ образомъ, послалъ брата Владиміра сказать зятю своему, королю Венгерскому: „Ты мнѣ самъ говорилъ, что Владимірко не смѣетъ головы высунуть; но я выгналъ Юрія изъ Кіева, Юрій передо мною бѣгаетъ, а Владимірко, согласившись съ Ольговичами, пришелъ, да погналъ меня изъ Кіева; теперь, братъ, исполни свое обѣщаніе, сядь на коня“. Король немедленно собралъ всю свою силу и сѣлъ на коня, пославши сказать Изяславу: „Я ужъ выступилъ съ братомъ твоимъ Владиміромъ, выступай и ты; узнаетъ Владимірко, кого затронулъ“!

Но у Владимірка были пріятели въ Венгріи; они дали ему знать, что король идетъ на него, и Галицкій князь, бросивъ обозъ свой у Бѣльза, гдѣ стоялъ тогда, поскакалъ съ дружиною къ Перемышлю, гдѣ уже король началъ воевать. Владимірко видѣлъ, что ему нельзя бороться съ Венграми, и началъ посылать къ архіепископу да еще къ двумъ епископамъ венгерскимъ и къ боярамъ съ просьбою, чтобъ уговорили короля возвратиться, не жалѣлъ золота—и достигъ своей цѣли. Король послушался подкупленныхъ епископовъ и бояръ, и сталъ говорить: „Теперь уже не время воевать; рѣки замерзаютъ; вотъ когда рѣки установятся, тогда пойдемъ опять“. Отпуская Владиміра Мстиславича въ Кіевъ, король наказалъ ему: „Отцу моему и своему брату Изяславу поклонись и скажи ему: царь на меня Греческій встаетъ ратью и потому этою зимою и весною нельзя мнѣ сѣсть на коня для тебя; но твой щитъ и мой не будутъ разно,—если мнѣ самому нельзя, то помощь пошлю, 10,000, больше ли, сколько хочешь; а лѣтомъ, Богъ дастъ, въ твоей волѣ буду, отомстимъ за свои обиды“. Изяславъ, выслушавъ эти рѣчи отъ Владиміра, отправилъ его назадъ въ Венгрію. „Братъ! говорилъ онъ ему: Богъ тебѣ помоги, что потрудился для моей и своей чести; ты былъ въ Венгріи у зятя своего короля, вѣдаешь тамъ всю мысль ихъ и думу, такъ потрудиться бы тебѣ, братъ, и теперь, поѣхать туда опять для моей чести и своей“. Владиміръ отвѣчалъ: „Я, братъ, этимъ не тягочусь: для твоей чести и для чести брата Ростислава съ радостью поѣду“. Владиміру было наказано говорить королю: „Если царь

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 52: «Володимеръ же отъя городы всѣ, *идя*, и приде къ Лючьску». - Здѣсь *идя* не имѣетъ смысла; въ Ипатьев. древнѣйшемъ спискѣ стоитъ *и да* съ пропускомъ кому далъ; мы возстанавливаемъ текстъ такъ, что Владиміръ отдалъ Погоринскіе города Мстиславу Юрьевичу.

всталъ ратью и тебѣ самому нельзя пріѣхать ко мнѣ, то отпусти помощь, какъ обѣщался, а мнѣ Богъ поможетъ на Юрія, на Ольговичей и на Галицкаго князя; твоя обида—моя, а моя—твоя". Король отпустилъ съ Владиміромъ десятитысячный отрядъ, съ которымъ Изяславъ и отправился опять къ Кіеву, потому что звали его бояре Вячеславовы, Берендѣи и Кіевляне. На дорогѣ у Пересопницы, получивъ вѣсть, что Владимірко Галицкій идетъ за нимъ съ войскомъ, Изяславъ собралъ на совѣтъ дружину. „Князь! говорили бояре: самъ видишь, что намъ пришлось плохо; ты идешь на Юрія, а сзади за тобою идетъ Владимірко,—очень трудно будетъ намъ справиться!" Изяславъ отвѣчалъ имъ: „Вы за мною изъ Русской Земли вышли, селъ своихъ и животовъ лишились, да и я своей дѣдины и отчины не могу покинуть: либо голову свою сложу, либо отчину свою добуду и ваши всѣ животы; если нагонитъ меня Владимірко, то значитъ—Богъ даетъ мнѣ съ нимъ судъ; встрѣтитъ ли меня Юрій, и съ тѣмъ судъ Божій вижу; какъ Богъ разсудитъ, такъ и будетъ".

Отпустивъ брата Святополка оберегать Владиміръ, Изяславъ пошелъ впередъ къ Дорогобужу съ братомъ Владиміромъ, сыномъ Мстиславомъ, съ княземъ Борисомъ Городенскимъ, внукомъ извѣстнаго Давида Игоревича, и съ Венграми. Дорогобужцы вышли къ нему на-встрѣчу съ крестами и поклонились; Изяславъ сказалъ имъ: „Вы люди дѣда моего и отца, Богъ вамъ помощь"; Дорогобужцы сказали на это: „Съ тобою, князь, чужеземцы, Венгры; какъ бы они не надѣлали зла нашему городу?" Изяславъ отвѣчалъ: „Я вожу Венгровъ и всякихъ другихъ чужеземцевъ не на своихъ людей, а на враговъ; не бойтесь ничего". Миновавъ Дорогобужъ, Изяславъ перешелъ Горынь; жители Корсуни вышли къ нему также съ радостью и съ поклономъ; Изяславъ миновалъ и ихъ городъ, не желая, какъ видно, пугать жителей приводомъ иноземной рати, и подавать поводъ къ враждебнымъ столкновеніямъ. Между тѣмъ Владимірко Галицкій соединился съ Андреемъ Юрьичемъ, котораго вызвалъ изъ Пересопницы, и скоро къ Изяславу пришла вѣсть, что князь Галицкій, Андрей Юрьичъ и Владиміръ Андреевичъ (изгой, сынъ младшаго изъ Мономаховичей) переправляются съ большими силами черезъ Горынь; когда Мстиславичи переправились перезъ рѣки Случъ и Ушу, то на противоположномъ берегу послѣдней уже показались непріятельскіе стрѣльцы, и стали биться объ рѣку; а иные поудалѣе перебрались даже съ одного берега на другой; одинъ изъ галицкихъ стрѣлковъ былъ схваченъ, приведенъ къ Изяславу, и, на спросъ „Гдѣ твой князь?"—отвѣчалъ: „Вотъ за городомъ Ушескомъ первый лѣсъ, тутъ онъ остановился; узнавъ, что ты близко, не посмѣлъ пойти черезъ лѣсъ, говоритъ: какъ пойдемъ сквозь лѣсъ, то нападутъ на насъ, а сила наша далеко назади, подождемъ ее здѣсь".—Услыхавъ это, Изяславъ сказалъ своимъ: „Пойдемъ на него назадъ". Но дружина отвѣчала: „Князь! нельзя тебѣ на него идти, передъ тобою рѣка, да еще злая, какъ же ты хочешь на него ѣхать? онъ же стоитъ лѣсомъ заложившись! Это уже оставь теперь, а поѣзжай къ своимъ въ Кіевъ; гдѣ насъ Владимірко нагонитъ, тамъ и будемъ биться; самъ же ты такъ прежде говорилъ, что если и Юрій встрѣтится, то и съ нимъ будемъ биться. А теперь, князь, не мѣшкай, ступай: когда будешь на Тетеревѣ, то вся тамошняя дружина къ тебѣ пріѣдетъ; а если, Богъ дастъ, дойдешь до Бѣлгорода, то еще больше дружины къ тебѣ пріѣдетъ; больше будетъ у тебя силы".

Изяславъ послушался, пошелъ впередъ, Владимірко—за нимъ. Когда Изяславъ сталъ у Святославовой криницы, то его сторожа видѣли галицкіе огни; Изяславъ велѣлъ раскласть большой огонь, чтобъ обмануть непріятеля, а самъ въ ночь двинулся къ городу Мичьску, гдѣ встрѣтило его множество народа, съ береговъ Тетерева, съ криками: „Ты нашъ князь!" Перешедъ за Тетеревъ, Изяславъ далъ себѣ и конямъ отдыхъ, и потомъ пошелъ ко Вздвиженску, гдѣ держалъ совѣтъ съ дружиною: „Владимірко ѣдетъ за нами, говорилъ онъ, такъ скажите, здѣсь ли намъ остановиться и ждать его, или уже не жалѣть силъ, выступить въ ночь дальше? если здѣсь остановимся и будемъ дожидаться Владимірка, то не дождаться бы намъ съ другой стороны Юрія,—тогда будетъ намъ трудно; лучше уже, по-моему, не давать себѣ отдыха, ѣхать; какъ будемъ въ Бѣлгородѣ, то Юрій непремѣнно побѣжитъ; то мы поѣдемъ въ свой Кіевъ; а какъ въ сильный кіевскій полкъ въѣдемъ, то, уже я знаю, будутъ за меня биться; если же нельзя будетъ ѣхать на Бѣлгородъ, то поѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ, а какъ пріѣдемъ къ Чернымъ Клобукамъ и съ ними соединимся, то уже нечего намъ будетъ бояться ни Юрія, ни Владимірка". Венгры отвѣчали ему на это: „Мы у тебя гости; если надѣешься на Кіевлянъ, то тебѣ лучше знать своихъ людей; лошади подъ нами; доброе дѣло, когда другъ прибудетъ и новая сила, поѣдемъ въ ночь". Тогда Изяславъ сказалъ брату Владиміру: „Ступай ты напередъ къ Бѣлгороду; мы всѣ отпустимъ съ тобою свою младшую дружину, и пойдемъ за вами вслѣдъ; если придешь къ Бѣлгороду и станутъ съ тобою биться, то ты дай намъ знать, а самъ бейся съ утра до обѣда; я же между тѣмъ либо переѣду на Абрамовъ мостъ, либо въѣду къ Чернымъ Клобукамъ, и, соединясь съ ними, пойду на Юрія къ Кіеву; а если ты займешь Бѣлгородъ, то дай намъ также знать, и мы къ тебѣ поѣдемъ". Владиміръ пріѣхалъ къ Бѣлгороду, а тамошній князь Борисъ Юрьичъ спокойно пировалъ на сѣнницѣ съ дружиною, да съ попами бѣлгородскими: если-бы *мытникъ* (сборщикъ податей) не устерегъ и не развелъ моста, то князя захватили бы. Владимірова дружина, подъѣхавъ къ мосту, затрубила въ трубы; Борисъ вскочилъ въ испугѣ и ускакалъ съ дружиною изъ города, а горожане побѣжали къ мосту, кланялись Владимі-

ру и, крича: „Ступай, князь, Борисъ бѣжалъ", тотчасъ же опять навели мостъ. Въѣхавъ въ Бѣлгородъ, Владиміръ послалъ, какъ было улажено, гонца къ брату: „Я въ Бѣлгородъ въѣхалъ, а Борисъ выбѣжалъ; онъ ничего не зналъ о моемъ приходѣ, и Юрій ничего не знаетъ: ступай скорѣе". Изяславъ тотчасъ же поѣхалъ къ нему, до свѣта переправилъ полки черезъ мостъ и, оставивъ въ Бѣлгородѣ Владиміра на случай пріѣзда Галицкаго князя, самъ съ Венграми отправился къ Кіеву. Между тѣмъ Борисъ прибѣжалъ къ отцу съ вѣстью, что рать идетъ; Юрій былъ въ это время на Красномъ дворѣ; въ испугѣ не нашелся за что приняться, сѣлъ въ лодку, переплылъ на другой берегъ и спрятался въ Городкѣ; а Кіевляне вышли съ радостью на встрѣчу къ Изяславу. Есть очень вѣроятное извѣстіе, что Юрій поведеніемъ своимъ возбудилъ у нихъ сильное негодованіе, разсердилъ и Черныхъ Клобуковъ, которые вмѣстѣ съ Кіевлянами и стали звать къ себѣ Мстиславича. Перехвативши дружину Юрьеву, Изяславъ поѣхалъ къ Св. Софіи, а оттуда на Ярославовъ дворъ, куда позвалъ на обѣдъ Венгровъ и Кіевлянъ; было тутъ большое веселье; послѣ обѣда Венгры, славные всадники, удивляли Кіевскій народъ своимъ искусствомъ въ ристаніи!

Между тѣмъ Владимірко и Андрей Юрьичъ, ничего не зная, стояли у Мичьска, какъ вдругъ пришла имъ вѣсть, что Юрій въ Городкѣ, а Изяславъ въ Кіевѣ; сильно раздосадовало это Владимірка; онъ сказалъ князьямъ Андрею и Владиміру Андреевичу: „Не понимаю, какъ это княжитъ сватъ мой; рать идетъ на него съ Волыни, какъ объ этомъ не узнать? и вы, сыновья его, сидѣли одинъ въ Пересопницѣ, а другой въ Бѣлгородѣ,— какъ же это вы не устерегли? Если такъ княжите съ отцомъ своимъ, то управляйтесь сами, какъ хотите, а я не могу одинъ идти на Изяслава; онъ хотѣлъ вчера со мною биться, идучи на вашего отца, а на меня оборачиваясь; теперь же у него вся Русская Земля, я не могу одинъ на него ѣхать!" Причина изумительнаго въ самомъ дѣлѣ успѣха Изяславова заключалась не столько въ оплошности Юрія и сыновей его, сколько во всеобщемъ нерасположеніи къ нимъ народа, и въ стараніи многихъ людей вводить ихъ въ эту оплошность [1]).

Владимірко выполнилъ свою угрозу, оставилъ дѣло Юрія и пошелъ назадъ въ Галичъ; онъ хотѣлъ однако чѣмъ-нибудь вознаградить себя за походъ, и потому объявилъ жителямъ города Мичьска: „Дайте мнѣ серебра, сколько хочу, а не то возьму васъ на щитъ". У нихъ не было столько серебра, сколько онъ запрашивалъ, и потому они принуждены были вынимать серьги изъ ушей женъ и дочерей своихъ, снимать ожерелья съ шеи, слили все это и отдали Владимірку, который пошелъ отъ нихъ дальше и по всѣмъ городамъ на дорогѣ бралъ также серебро до самой своей границы; а сынъ Юрьевъ Андрей и племянникъ Владиміръ Андреевичъ поѣхали на устье Припети, и оттуда къ отцу въ Городецъ-Остерскій. Между тѣмъ Изяславъ, на другой же день, какъ въѣхалъ въ Кіевъ, послалъ сказать дядѣ Вячеславу: „Батюшка! кланяюсь тебѣ; если Богъ отца моего Мстислава взялъ, то ты у меня отецъ; кланяюсь тебѣ, согрѣшилъ я предъ тобою сначала тогда, а теперь каюсь; и снова, когда мнѣ Богъ далъ побѣдить Игоря у Кіева, то я на тебѣ чести не положилъ же, и потомъ опять у Тумаща; но теперь, батюшка, во всемъ томъ каюсь передъ Богомъ и передъ тобою; если ты меня, батюшка, простишь, то и Богъ проститъ; отдаю тебѣ, батюшка, Кіевъ, поѣзжай, сядь на столѣ дѣда и отца своего!" Этими словами Изяславъ призналъ полное господство права по родовому старшинству, право дядей предъ сыновьями старшаго брата, право, противъ котораго ничего не могли сдѣлать ни личныя достоинства, ни уваженіе и любовь народа. Вячеславъ велѣлъ отвѣчать племяннику: „Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что на меня честь положилъ, давно бы тебѣ такъ сдѣлать; если ты мнѣ честь воздалъ, то и Богу честь воздалъ; ты говоришь, что я твой отецъ, а я тебѣ скажу, что ты мой сынъ; у тебя отца нѣтъ, а у меня сына нѣтъ; ты мой сынъ, ты мой и братъ". Здѣсь старый дядя ясно также выразилъ господствующее представленіе, что сыновья отъ старшаго брата считаются братьями дядьямъ своимъ, хотя и младшими. Дядя и племянникъ цѣловали крестъ — не разлучаться ни въ добрѣ, ни въ злѣ (1150 г.).

Послѣ ряду съ племянникомъ, Вячеславъ въѣхалъ въ Кіевъ (1151 г.) и, поклонившись Св. Софіи, позвалъ къ себѣ на обѣдъ сына своего Изяслава, всѣхъ Кіевлянъ и Венгровъ; и дядя и племянникъ оказали большую честь послѣднимъ, богато одарили ихъ сосудами, платьемъ, лошадями, паволоками и всякими дарами. На другой день послѣ

---

[1]) Татищ. III, 13; годъ 1149: «Половцы, увѣдавъ о войнѣ Русскихъ князей, пришедшихъ во множествѣ чрезъ Днѣпръ, градъ Торческъ взяли, и много селеній пожгли и поплѣнили; но Юрій, по нѣкоей клеветѣ, гнѣваясь на Черныхъ Клобуковъ, якобы они Изяславу доброхотствуютъ, въ помощь имъ войскъ не послалъ, за что они, весьма оскорбясь, послали тайно къ Изяславу говорить, чтобъ, собравъ войско, шелъ къ Кіеву».—Тамъ же, стр. 23, годъ 1150: «Изяславъ Мстиславичъ послалъ къ Андрею въ Пересопницу просить, чтобъ его съ отцемъ примирили... Юрій же не токмо волость по Горыню отдать Изяславу не хотѣлъ, но возгордясь сказалъ присланному: «Когда Изяславъ не уляжется во Владимирѣ, то я ему дамъ такую же область, какову онъ далъ Игорю». Сіе слышавъ Кіевляне, что Юрій намѣренъ Изяслава погубить, многіе о томъ плакали, и всѣ какъ знатные, такъ и подлые Юрія *наипаче* не возлюбили, и тайно стали старатися, чтобъ Изяслава паки на Кіевѣ имѣть, но явно учинить не могли; токмо тайно нѣкоторые устроили для Юрія различныя увеселенія и пиры со многимъ питіемъ, чтобъ его отъ намѣренія къ войнѣ тѣмъ отвратить, а его войска праздностію въ слабость привести. Другіе тайно Черниговскимъ опасность отъ Юріева властолюбія и ненависть его вкореняли, по всѣмъ городамъ Юріеву злость и свирѣпость разсѣвали, понося его безпорядочное житіе и правленіе, и со Изяславомъ имѣли пересылку; но все такъ тайно происходило, что Юрій въ своихъ веселіяхъ ничего увѣдать не могъ».

пира, Вячеславъ послалъ сказать Изяславу: „Сынъ! Богъ тебѣ помоги, что воздалъ мнѣ честь, какъ отцу; а я вотъ тебѣ скажу: я уже старъ, и всѣхъ рядовъ не могу рядить, останемся оба въ Кіевѣ; а какой намъ придется рядъ рядить, между христіанами или погаными, то пойдемъ оба по мѣсту; дружина и полки будутъ у насъ общіе, ты ими ряди; гдѣ намъ можно будетъ обоимъ—ѣхать, оба поѣдемъ, а гдѣ нельзя,—тамъ ты одинъ поѣдешь съ моимъ полкомъ и своимъ".—Изяславъ съ великою радостью и съ великою честью поклонился отцу своему, и сказалъ: „Батюшка, кланяюсь тебѣ; какъ мы уговорились, такъ намъ дай Богъ и быть до конца жизни". На третій день оба князя отпустили Венгровъ домой и, вслѣдъ за ними, отправили сына Изяславова Мстислава, который долженъ былъ сказать королю: „Ты намъ то сдѣлалъ, что можетъ сдѣлать только братъ родному брату, или сынъ отцу; дай намъ Богъ быть съ тобою неразлучно во всемъ; гдѣ будетъ твоя обида, тамъ дай намъ Богъ быть самимъ и мстить за твою обиду, или, если не самимъ, такъ братьямъ нашимъ и сыновьямъ, а намъ тебѣ нечѣмъ больше заплатить за твое добро, какъ только своею головою; теперь же докончи доброе дѣло; самого тебя не зовемъ, потому что у тебя война съ Греками, но отпусти къ намъ войско на помощь или такое же, какое теперь было, а хорошо если и побольше, потому что Юрій силенъ,—Давидовичи и Ольговичи съ нимъ, и Половцы дикіе, которыхъ приманиваютъ золотомъ. Теперь, братъ, этою весною помоги намъ; если этою же весною мы управимся съ своимъ дѣломъ, то пойдемъ съ войскомъ къ тебѣ на помощь; а если ты управишься съ Греческимъ царемъ, то будь намъ помощникъ; остальное все разскажутъ тебѣ твои мужи и *братъ* твой Мстиславъ, какъ намъ Богъ помогъ, какъ встала за насъ вся Русская Земля и Черные Клобуки". Отрядивъ Мстислава въ Венгрію, Вячеславъ послалъ въ то же время бояръ своихъ въ Смоленскъ, сказать Ростиславу Мстиславичу: „Братъ! Богъ соединилъ насъ съ твоимъ братомъ, а съ моимъ сыномъ Изяславомъ; добывъ Русскую Землю, онъ на мнѣ честь положилъ, посадилъ меня въ Кіевѣ; а я, сынъ, тебѣ скажу: какъ мнѣ сынъ братъ твой Изяславъ, такъ и ты; потрудись пріѣхать сюда къ намъ, чтобъ всѣмъ вмѣстѣ подумать о томъ, что впередъ дѣлать". Изяславъ съ своей стороны послалъ сказать Ростиславу: „Ты меня, братъ, много понуждалъ положить честь на дядѣ и на отцѣ; и вотъ когда Богъ привелъ меня опять въ Русскую Землю, то я посадилъ дядю нашего въ Кіевѣ, для тебя и для всей Русской Земли; а теперь я скажу тебѣ: тамъ у тебя, въ Новгородѣ, сынъ мой и твой сынъ же крестный Ярославъ, тамъ же у тебя и Смоленскъ; такъ, урядивши все въ верхнихъ земляхъ у себя, пріѣзжай къ намъ сюда, посмотримъ вмѣстѣ, что намъ Богъ дастъ".

Изяславъ съ дядею не ошибались, призывая къ себѣ отовсюду союзниковъ: Юрій не думалъ оставлять ихъ въ покоѣ, и послалъ сказать Давидовичамъ и Ольговичамъ: „Изяславъ уже въ Кіевѣ, ступайте ко мнѣ на помощь". Святославъ Ольговичъ выступилъ немедленно; соединился въ Черниговѣ съ Владиміромъ Давидовичемъ и на лодкахъ приплыли вмѣстѣ въ Городокъ къ Юрію. Но другой Давидовичъ, Изяславъ, перешелъ на сторону Вячеслава и Изяслава: какъ видно, этотъ Давидовичъ поневолѣ былъ до сихъ поръ съ Юріемъ, на котораго сердился за отнятіе Дреговичскихъ земель въ пользу Святослава Ольговича. Скоро пріѣхалъ въ Кіевъ и Ростиславъ Мстиславичъ съ полками смоленскими; а между тѣмъ Юрій выступилъ съ союзниками изъ Городка и сталъ у Днѣпра, при устьи рѣчки Радуни, куда пришло къ нему на помощь много дикихъ Половцевъ. На этотъ разъ Изяславъ былъ остороженъ, не далъ непріятельскому войску переправиться чрезъ Днѣпръ, и потому съ обѣихъ сторонъ начали биться въ лодкахъ, отъ Кіева до устья Десны. Въ этой рѣчной битвѣ Юрій не могъ получить успѣха, потому что Изяславъ, по выраженію лѣтописца, дивно исхитрилъ свои лодки: гребцовъ на нихъ не было видно, видны были тольки одни весла, потому что лодки были покрыты досками, и на этой крышкѣ стояли ратники въ броняхъ и стрѣляли, а кормчихъ было подвое на каждой лодкѣ, одинъ на носу, а другой на кормѣ, — куда хотятъ, туда и пойдутъ, не оборачивая лодокъ. Видя, что нельзя переправиться черезъ Днѣпръ противъ Кіева, Юрій съ союзниками рѣшился идти внизъ къ Витичевскому броду; но, не смѣя пустить лодокъ мимо Кіева, пустили ихъ въ Долобское озеро, оттуда волокли берегомъ въ рѣку Золотчу, по Золотчѣ уже впустили ихъ въ Днѣпръ, а Половцы шли по лугу. Но Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ, съ Изяславомъ Давидовичемъ, съ Городенскимъ княземъ Борисомъ, Кіевлянами и Черными Клобуками шли рядомъ съ ними по западной сторонѣ Днѣпра, по нагорному берегу, а лодки плыли по рѣкѣ, такъ что когда войско Юрія достигло Витичевскаго брода, то уже тамъ стояла кіевская рать, и опять началась рѣчная битва за переправу. Тогда Юрій позвалъ къ себѣ союзниковъ и сказалъ: „Стоимъ мы здѣсь, и чего достоимся? лучше постараемся перехватить у нихъ Зарубскій бродъ и перейти на ту сторону". Всѣ согласились, и отпустили къ броду сыновей Юрьевыхъ съ Половцами, да Святослава Всеволодовича; а сами, выстроивши полки, пошли подлѣ лодокъ берегомъ. Между тѣмъ передовой отрядъ ихъ пріѣхалъ къ Зарубскому броду, который стерегъ бояринъ Изяславовъ Шварнъ съ небольшой дружиной. Половцы, видя, что сторожей мало, бросились на лошадяхъ и въ полномъ вооруженіи въ рѣку, подъ ихъ прикрытіемъ переѣхали и Русскіе въ лодкахъ; а Шварнъ испугался и побѣжалъ къ своему князю; по замѣчанію лѣтописца, вся бѣда произошла оттого, что при бродѣ былъ не князь, а бояринъ, тогда какъ боярина не всѣ слушались. Пе-

реправившись черезъ Днѣпръ, Юрьевичи послали сказать отцу: „Ступай скорѣе, мы уже перешли Днѣпръ; чтобъ не ударилъ на насъ однихъ Изяславъ“! Юрій пошелъ немедленно къ Зарубу и также переправился. Получивъ вѣсть объ этой переправѣ, Мстиславичи возвратились въ Кіевъ, и начали думать, что теперь дѣлать. Оба Мстиславича хотѣли идти на-встрѣчу къ дядѣ и биться; но дружина всѣхъ князей не соглашалась, особенно отговаривали отъ этого Черные Клобуки,—они говорили Изяславу: „Князь! нельзя намъ ѣхать къ нимъ, потому что наши ратники не всѣ на коняхъ; ты къ нимъ поѣдешь, а они передъ тобою поѣдутъ къ Руси; тогда тебѣ надобно будетъ оставить свою пѣхоту и ѣхать за ними съ одною конницею. По-нашему, надобно вотъ что сдѣлать: ступайте вы всѣ въ Кіевъ, а къ намъ приставьте брата своего Владиміра, мы пойдемъ съ нимъ къ своимъ вежамъ, заберемъ женъ, дѣтей, стада, и пойдемъ тогда къ Кіеву; побудьте тамъ только до вечера, мы къ вамъ придемъ непремѣнно,—хотимъ за отца вашего Вячеслава, за тебя, за брата твоего Ростислава и за вашу братью головы свои сложить; либо честь вашу отыщемъ, либо изомремъ съ вами, а Юрья не хотимъ“. Мстиславичи съ дядею послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ, отрядили брата Владиміра за вежами съ Торками, Коуями, Берендѣями и Печенѣгами (имена варварскихъ народцевъ, слывшихъ подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ), а сами пошли къ Треполю, и, переночевавши здѣсь, на солнечномъ восходѣ отправились къ Кіеву; въ городъ не вошли, а стали около него,—Изяславъ Мстиславовичъ передъ Золотыми воротами, Изяславъ Давидовичъ—между Золотыми и Жидовскими воротами, Ростиславъ съ сыномъ Романомъ—передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій—у Лядскихъ воротъ, Кіевляне, конные и пѣшіе, стали между князьями. Скоро пришелъ и Владиміръ съ Черными Клобуками, съ вежами и стадами ихъ. Эти союзники надѣлали вреда не меньше враговъ, вламывались въ монастыри, жгли села, огороды всѣ посѣкли. Мстиславичи велѣли Владиміру пойти съ Берендѣями, вежами и стадами ихъ къ Ольговой могилѣ и стать отъ нея до Ивановскаго огорода и потомъ до Щековицы; а Коуи, Торки и Печенѣги стали отъ Золотыхъ воротъ до Лядскихъ, и потомъ до Клова, Берестова, Угорскихъ воротъ и Днѣпра. Такимъ образомъ князья, дружина, Кіевляне и Черные Клобуки рѣшили не ходить къ непріятелю на-встрѣчу, но подпустить его къ себѣ и биться подъ Кіевомъ. Изяславъ говорилъ: „Если Богъ намъ поможетъ, отобьемъ ихъ, то вѣдь они не птицы,—перелетѣвши Днѣпръ, должны сѣсть гдѣ-нибудь; а когда поворотятъ отъ насъ, тогда уже какъ Богъ насъ съ ними управитъ“.

Но старикъ Вячеславъ прежде битвы хотѣлъ попытаться кончить дѣло миромъ; онъ сказалъ племянникамъ: „Теперь, братья, мы готовы биться; но вѣдь Юрій мнѣ братъ, хотя и младшій; хотѣлось бы мнѣ послать къ нему и свое старшинство оправить; когда намъ будетъ съ нимъ Божій судъ, то Богъ на правду призритъ“. Племянники согласились, и Вячеславъ, подозвавши къ себѣ своего боярина, сказалъ ему: „Ступай къ брату Юрію, кланяйся ему отъ меня; а вы, братья и сыновья, Изяславъ и Ростиславъ, слушайте, передъ вами отряжаю. Такъ ты вотъ что скажи отъ меня Юрію: я вамъ обоимъ, Изяславу и тебѣ, много разъ говорилъ:—не проливайте крови христіанской, не губите Русской Земли; васъ удерживалъ отъ войны, о себѣ не заботился, что меня оба вы обидѣли, и не одинъ разъ; а вѣдь у меня полки есть и сила есть, Богъ мнѣ далъ; но я для Русской Земли и христіанъ не поминалъ того, какъ Изяславъ, ѣдучи биться съ Игоремъ, говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, но отцу моему Вячеславу, онъ старшій братъ; а какъ Богъ ему помогъ, то онъ Кіевъ себѣ, да еще Туровъ и Пинскъ у меня отнялъ,—это меня Изяславъ обидѣлъ; а ты, братъ, ѣдучи къ Переяславлю биться съ племянникомъ, то же говорилъ: я Кіева не себѣ ищу, есть у меня старшій братъ Вячеславъ, все равно мнѣ что и отецъ,—ему ищу Кіева; а какъ Богъ тебѣ помогъ, то ты и Кіевъ себѣ, да еще Пересопницу и Дорогобужъ у меня отнялъ, обидѣлъ меня, одинъ Вышгородъ мнѣ далъ; а я во всемъ томъ не искалъ управы для Русской Земли и для христіанъ, не передо мною въ васъ правды не было, а передъ Богомъ; я еще и васъ удерживалъ отъ войны, но вы меня не слушали; ты мнѣ тогда говорилъ: младшему не могу поклониться; но вотъ Изяславъ, хотя два раза слова своего не сдерживалъ, за то теперь, добывши Кіевъ, поклонился мнѣ, честь мнѣ воздалъ, въ Кіевъ меня посадилъ и отцомъ себѣ назвалъ, а я его сыномъ; ты говорилъ: младшему не поклонюсь; а я тебя старше не мало, а много; я уже былъ бородатъ, когда ты родился [1]): если же хочешь на мое старшинство поѣхать, то какъ насъ Богъ разсудитъ“. Юрій отвѣчалъ на это: „Я тебѣ, братъ, кланяюсь, рѣчи твои правыя: ты мнѣ вмѣсто отца; но если хочешь со мною рядиться, то пусть Изяславъ поѣдетъ во Владиміръ,

---

[1]) Годъ рожденія ни Вячеслава, ни Юрія изъ дошедшихъ до насъ списковъ лѣтописи не можетъ быть съ точностію опредѣленъ; но извѣстенъ годъ рожденія старшаго Мономаховича Мстислава (1076) и самаго младшаго Андрея (1102); если даже предположимъ, что слѣдующіе за Мстиславомъ сыновья Мономаха были погодки: Изяславъ род. въ 1077, Ярополкъ въ 1078, Святославъ въ 1079, Вячеславъ въ 1080, Романъ въ 1081, то Юрій долженъ былъ родиться между 1081 и 1102 годомъ, чтобъ Вячеславу быть бородатымъ прежде рожденія Юрія, принимая даже за бородатость время, когда только начинаетъ пробиваться борода (лѣтъ 15). Юрій долженъ былъ родиться въ 1096 г., но въ 1107 году онъ женился, стало-быть онъ женился 10 лѣтъ? Братъ его Андрей женился 15 лѣтъ (1117 г.); это нисколько не можетъ затруднять насъ, потому что Константинъ Всеволодовичъ женился 11 лѣтъ; Всеволодъ III отдалъ осьмилѣтнюю дочь свою Верхуславу за Ростислава Рюриковича. Но у Татищева сказано, что Юрій умеръ (1157 г.) 66 лѣтъ отъ роду, значитъ—родился въ 1091 г.; странно, что у Вячеслава пробивалась борода 10 лѣтъ, или даже 11-ти, если предположимъ, что онъ былъ старше Святослава; скорѣе предположимъ ошибку у Татищева.

а Ростиславъ въ Смоленскъ, тогда мы съ тобою урядимся". Вячеславъ послалъ опять сказать ему: „У тебя семеро сыновей, и я ихъ отъ тебя не отгоняю, а у меня только два—Изяславъ и Ростиславъ, да еще другіе млашіе; я, братъ, тебѣ вотъ что скажу: для Русской Земли и для христіанъ, ступай въ свой Переяславль и въ Курскъ, съ сыновьями, а тамъ у тебя еще Ростовъ Великій; Ольговичей отпусти домой, тогда и станемъ рядиться, а крови христіанской не будемъ проливать; если же хочешь пойти по своему замыслу, то этой Пречистой Госпожѣ съ Сыномъ Своимъ и Богомъ нашимъ судить насъ въ этотъ вѣкъ и будущій". Говоря эти слова, Вячеславъ показывалъ на образъ Богородицы, висѣвшій на Золотыхъ воротахъ. Юрій, не давши на это никакого отвѣта, на другой день явился съ войскомъ у Кіева и сталъ по ту сторону Лыбеди. Начали перестрѣливаться объ рѣку и перестрѣливались до вечера, а нѣкоторые изъ войска Юрьева переѣхали Лыбедь. Андрей Юрьевичъ и здѣсь, какъ прежде у Луцка, занесся впередъ и проскакалъ почти до самыхъ непріятельскихъ полковъ; одинъ Половецъ схватилъ подъ нимъ коня и воротилъ назадъ, браня своихъ, зачѣмъ всѣ отстали отъ князя. Изяславъ, видя, что непріятельскіе отряды переѣзжаютъ Лыбедь, велѣлъ ударить на нихъ выборной изъ всѣхъ полковъ дружинѣ, которая и вмяла непріятеля въ рѣку, гдѣ онъ потерялъ много убитыми и взятыми въ плѣнъ; между прочими убили и Савенча Боняковича, дикаго Половчина, который хвастался: „Хочу ударить мечемъ въ Золотыя ворота, какъ отецъ мой въ нихъ ударилъ"; послѣ этого ни одинъ человѣкъ уже не переѣзжалъ больше черезъ Лыбедь, и Юрій, оборотя полки, пошелъ прочь: дали ему вѣсть, что сватъ его Владимірко идетъ къ нему на помощь изъ Галича;—такъ онъ и пошелъ къ нему на-встрѣчу. Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали: „Они прочь поѣхали, пойдемъ за ними"; но Вячеславъ удержалъ ихъ: „Это уже начало намъ Божіей помощи, говорилъ онъ; они сюда пріѣхали и ничего не успѣли сдѣлать, только стыда добыли; а вамъ нечего спѣшить; Богъ дастъ,—выступимъ вечеромъ, а пожалуй даже и завтра, подумавши". Тогда Изяславъ обратился къ къ Борису Городенскому и сказалъ ему: „Они вѣрно пойдутъ къ Бѣлгороду, ступай-ка, братъ, туда же боромъ",—и Борисъ отправился.

Юрій въ самомъ дѣлѣ подошелъ къ Бѣлгороду, и послалъ сказать гражданамъ: „Вы мои люди:—отворите мнѣ городъ". Бѣлгородцы отвѣчали: „А Кіевъ тебѣ развѣ отворилъ ворота?—наши князья Вячеславъ, Изяславъ и Ростиславъ". Услыхавъ такой отвѣтъ, Юрій пошелъ дальше; а между тѣмъ Мстиславичи съ дядею Вячеславомъ выступили за нимъ изъ Кіева, чтобъ предупредить соединеніе его со Владимірком. Равнодушіе Кіевлянъ или нежеланіе ихъ поднимать руки на Мономаховичей прошли, они сказали Мстиславичамъ: „Пусть идутъ всѣ, кто можетъ хоть что-нибудь взять въ руки, а кто не пойдетъ, выдай намъ того, мы его сами побьемъ":—такая ревность служитъ знакомъ сильнаго нерасположенія къ Юрію. Всѣ пошли съ радостью по своимъ князьямъ, говоритъ лѣтописецъ, на коняхъ и пѣши, многое множество. На дорогѣ Изяславъ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, который прислалъ сказать ему: „Король, твой зять, отпустилъ къ тебѣ помощь, какой прежде не бывало, многое-множество; я уже съ ними прошелъ горы; если мы будемъ тебѣ скоро надобны, то дай знать, мы скорѣе пойдемъ". Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Мы уже идемъ на судъ Божій, а вы намъ всегда нужны; ступайте какъ можно скорѣе". У рѣки Рута настигли Мстиславичи Юрія; мирные переговоры, начатые-было снова, остались тщетными, потому что Ольговичи и Половцы не дали мириться: понятно, что тѣ и другіе много теряли съ примиреніемъ всѣхъ Мономаховичей. Юрію не хотѣлось вступить въ битву до прихода Владимірка; та же самая причина заставляла Изяслава какъ можно скорѣе начать сраженіе. Когда всѣ уже были готовы, вдругъ мгла покрыла все поле, такъ что можно было видѣть только до конца копья, потомъ пошелъ дождь, къ полудню туманъ разсѣялся, и враги увидали, что озеро раздѣляетъ ихъ; Юрій выступилъ, перешелъ рѣчку Малый Рутецъ, и остановился на ночь; Мстиславичи съ дядею не отставали отъ него, и остановились ночевать на перелетъ стрѣлы отъ непріятельскихъ шатровъ. На другой день, на зарѣ, въ станѣ у Юрія ударили въ бубны, затрубили въ трубы, полки стали готовиться къ бою; скоро тѣ же звуки раздались и въ станѣ Мстиславичей. Выстроивши полки, Юрій съ сыновьями и союзниками пошелъ на верхъ Рутца, Мстиславичи также двинулись противъ него; но Юрій, дошедши до верховьевъ Рутца, поворотилъ полки и пошелъ къ Большому Руту: онъ не хотѣлъ биться, но хотѣлъ зайдти за Рутъ, и тамъ дожидаться Владимірка-Мстиславичи, увидавъ его отступленіе, послали вслѣдъ за нимъ стрѣльцовъ своихъ, Черныхъ Клобуковъ и Русь, которые начали наѣзжать на задніе отряды, стрѣляться съ ними и отнимать возы. Тогда Юрій, видя, что непріятель не даетъ ему перейти за Рутъ, принужденъ былъ остановиться и вступить въ битву. Сынъ его Андрей, какъ старшій между братьями (Ростиславъ умеръ въ 1150 году въ Переяславлѣ), началъ рядить отцовскіе полки; на другой сторонѣ Мстиславичи подъѣхали къ дядѣ Вячеславу и сказали ему: „Ты много хотѣлъ добра, но братъ твой не согласился; теперь, батюшка, хотимъ головы сложить за тебя, или честь твою найти". Вячеславъ отвѣчалъ имъ: „Братья и сыновья! отъ роду не охотникъ я былъ до кровопролитія; братъ мой довелъ до того, что вотъ стоимъ на этомъ мѣстѣ, Богъ насъ разсудитъ". Племянники поклонились ему—и поѣхали въ свои полки; Изяславъ разослалъ повѣстить по всѣмъ войскамъ: „Смотрите на мой полкъ! какъ онъ пойдетъ, такъ и вы всѣ ступайте". Лишь только съ обѣихъ сторонъ начали сходиться на битву, Андрей Юрьевичъ схватилъ копье, по-

ѣхалъ напереди и прежде всѣхъ столкнулся съ непріятелями; копье его было изломано, щитъ оторванъ, шлемъ спалъ съ головы, конь, раненый въ ноздри, началъ соваться подъ нимъ въ разныя стороны. Съ противной стороны то же самое сдѣлалъ Изяславъ Мстиславичъ и подвергся той же опасности: онъ въѣхалъ прежде всѣхъ въ непріятельскіе полки, изломалъ копье, получилъ рану въ руку и въ стегно, и слетѣлъ съ павшаго коня. Послѣ общей схватки и злой сѣчи, войска Мстиславичей побѣдили; степные союзники Юрьевы, Половцы, любили пускать тучи стрѣлъ издали и мало приносили пользы въ схваткахъ: не вынувши ни одной стрѣлы изъ колчановъ, они пустились бѣжать первые, за ними Ольговичи, а за Ольговичами побѣжалъ и Юрій съ дѣтьми; много дружины ихъ было побито, взято въ плѣнъ, потонуло въ топкомъ Рутѣ; въ числѣ убитыхъ былъ Владиміръ Давидовичъ, князь Черниговскій, въ числѣ плѣнныхъ много князей половецкихъ. Когда побѣдители возвратились съ погони на поле битвы, то изъ кучи раненыхъ одинъ началъ привставать; толпа пѣшихъ Кіевлянъ подбѣжала къ нему и хотѣла убить, какъ вдругъ онъ сказалъ: „Я князь"!—„Ну такъ тебя-то намъ и надобно", отвѣчалъ одинъ изъ Кіевлянъ, думая, что это Юрьевичъ или Ольговичъ, и началъ сѣчь его мечемъ по шлему; тогда раненый сказалъ: „Я Изяславъ, князь вашъ", и снялъ шлемъ; Кіевляне узнали его, схватили съ радостью на руки, какъ царя и князя своего, по выраженію лѣтописца, и воскликнули: „Киріеелейсонъ"! И во всѣхъ полкахъ была большая радость, когда при побѣдѣ узнали еще, что и князь живъ. Мстиславичъ былъ очень слабъ, изшелъ кровію; но, услыша, что Изяславъ Давидовичъ плачется надъ братомъ своимъ Владиміромъ, собралъ силы, сѣлъ на коня и поѣхалъ туда поплакать вмѣстѣ; долго плакавши, онъ сказалъ Давидовичу: „Уже намъ его не воскресить; такъ, взявши тѣло, поѣзжай-ка лучше въ Черниговъ, я тебѣ помощь дамъ". Мстиславичи отпустили съ нимъ Романа, сына Ростиславова съ дружиною; до вечера Давидовичъ съ Романомъ были уже въ Вышгородѣ, въ ночь перевезлись черезъ Днѣпръ, а утромъ на другой день пріѣхали въ Черниговъ, гдѣ Изяславъ, похоронивши брата, сѣлъ на столѣ. Между тѣмъ Юрій съ сыновьями переѣхалъ Днѣпръ у Треполя и остановился въ Переяславлѣ; Половцы ушли въ степи, а Ольговичи переправились за Днѣпръ выше Заруба и бѣжали въ Городецъ. Святославъ Ольговичъ былъ очень толстъ, сильно усталъ; потому, пріѣхавши въ Городецъ, не могъ уже ѣхать дальше и отправилъ къ Чернигову одного племянника, Святослава Всеволодича; тотъ, пріѣхавши къ перевозу на Десну, узналъ, что Изяславъ Давидовичъ уже въ Черниговѣ, и поскакалъ тотчасъ же назадъ, пославъ сказать дядѣ, чтобъ ѣхалъ въ Новгородъ-Сѣверскій, а Черниговъ уже занятъ. Съ другой стороны, Владимірко Галицкій шелъ къ свату своему Юрію на помощь, но, узнавши на дорогѣ, что Юрій разбитъ, поспѣшно пошелъ назадъ. Такъ Мстиславичамъ нечего было бояться съ запада, и они съ торжествомъ вступили съ дядею въ Кіевъ, гдѣ начали жить очень весело и очень дружно.

Но дядя Юрій все сидѣлъ въ Переяславлѣ; Изяславу нельзя было позволить ему остаться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ, и онъ съ дядею Вячеславомъ сталъ сбираться на него, а брата Ростислава отпустилъ въ Смоленскъ. Въ это время пришла къ нему непріятная новость съ запада: Владимірко Галицкій, возвращаясь домой, узналъ, что Мстиславъ Изяславичъ ведетъ отрядъ Венгровъ на помощь отцу своему, и рѣшился напасть на него. Мстиславъ, ничего не зная, сталъ у Сапогиня, близъ Дорогобужа, откуда Владиміръ Андреевичъ (посаженный здѣсь, какъ видно, Владимірком[1]) прислалъ къ нему много вина, и велѣлъ сказать, что Владимірко идетъ на него. Мстиславъ сталъ пить съ Венграми, и, во время пира, объявилъ имъ о приближеніи Галицкаго князя; пьяные Венгры отвѣчали: „Пусть его приходитъ! мы съ нимъ побъемся". Въ полночь, когда все улеглось въ станѣ, сторожа прибѣжали къ Мстиславу съ вѣстью, что идетъ Владимірко. Мстиславъ съ дружиною сѣли на коней и начали будить Венгровъ; но тѣ послѣ попойки лежали какъ мертвые, нельзя было никакъ ихъ добудиться; на разсвѣтѣ, Владимірко напалъ на станъ и перебилъ почти всѣхъ Венгровъ, немного только взялъ въ плѣнъ, а Мстиславъ съ дружиною убѣжалъ въ Луцкъ. Когда Изяславъ въ Кіевѣ получилъ вѣсть, что сынъ его побѣжденъ и Венгры перебиты, то сказалъ поговорку, которую лѣтописецъ и прежде слыхалъ отъ него: „Не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту; но далъ бы Богъ здоровье мнѣ и королю; а Владимірку будетъ месть". Но прежде надобно было раздѣлаться съ Юріемъ, и Вячеславъ съ племянниками—Изяславомъ и Святополкомъ—и съ Берендѣями пошли къ Переяславлю, бились здѣсь два дня, на третій пѣхота ворвалась въ городъ и зажгла предмѣстья. Тогда Вячеславъ съ Изяславомъ послали сказать Юрію: „Кланяемся тебѣ; иди въ Суздаль, а сына посади здѣсь въ Переяславлѣ; съ тобою не можемъ быть здѣсь,—приведешь на насъ опять Половцевъ". Юрій въ это время не могъ ждать скоро ни откуда помощи, хотя пересылался и съ Владимірком, и съ Половцами: изъ дружины его одни были убиты, другіе взяты въ плѣнъ; и потому онъ послалъ сказать брату и племяннику: „Пойду въ Городокъ, и, побывъ тамъ, пойду въ Суздаль". Тѣ велѣли от-

[1]) Владиміръ Андреевичъ, вмѣстѣ съ Андреемъ Юрьичемъ, отправился за Днѣпръ къ Юрію, и вмѣстѣ съ послѣднимъ явился опять на западной сторонѣ Днѣпра. Послѣ неудачнаго сраженія подъ Кіевомъ, на дорогѣ отъ Бѣлогорода къ Руту, Юрій отправилъ Владиміра Андреевича къ Владимірку Галицкому звать его скорѣе на помощь. Посаженный Владиміромъ въ Дорогобужѣ, Владим. Андр. вѣроятно хотѣлъ снискать расположеніе побѣдителей и вошелъ въ сношеніе съ Мстиславомъ; впрочемъ, быть можетъ, онъ послалъ ему много вина въ угоду Галицкому князю.

вѣчать ему, что можетъ оставаться въ Городкѣ мѣсяцъ, а потомъ чтобъ шелъ въ Суздаль; если же не пойдетъ, то они осадятъ его въ Городкѣ точно такъ же, какъ теперь въ Переяславлѣ. Юрію нечего было дѣлать, неволею цѣловалъ крестъ съ сыновьями, что пойдетъ черезъ мѣсяцъ въ Суздаль и не будетъ искать Кіева подъ Вячеславомъ и Изяславомъ; долженъ былъ также отказаться отъ союза съ Святославомъ Ольговичемъ, и не могъ включить его въ договоръ. Оставивъ въ Переяславлѣ сына Глѣба, онъ пошелъ въ Городокъ, а старшій сынъ его Андрей отпросился идти напередъ въ Суздаль: „Намъ здѣсь, батюшка, говорилъ онъ, нечего больше дѣлать, уйдемъ за тепло“. Святославъ Ольговичъ, слыша, что Юрій уладился съ братомъ и племянникомъ, послалъ въ Черниговъ къ Изяславу Давидовичу сказать ему отъ своего имени и отъ имени племянника Святослава Всеволодича: „Братъ! миръ стоитъ до рати и рать до мира; вѣдь мы тебѣ братья, прими насъ къ себѣ, отчины у насъ двѣ: одна моего отца Олега, а другая твоего отца Давида,—ты Давидовичъ, а я—Ольговичъ; такъ ты, братъ, возьми отцовское Давидовское, а что Ольгово, то отдай намъ, мы тѣмъ и подѣлимся“. Изяславъ поступилъ по-христіански, говоритъ лѣтописецъ, принялъ братьевъ и отчину имъ отдалъ, но, какъ видно, съ условіемъ отстать отъ Юрія и быть вмѣстѣ съ Мстиславичами. Юрій не могъ разстаться съ Русскою Землею, нарушилъ клятву, пробылъ въ Городкѣ болѣе мѣсяца; но Изяславъ хотѣлъ сдержать свое слово—и явился осаждать его въ городкѣ съ Берендѣями, Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ, Святославомъ Всеволодовичемъ и вспомогательнымъ отрядомъ Святослава Ольговича; послѣдній не пошелъ однако самъ противъ своего стараго союзника. Юрій затворился въ Городкѣ и долго отбивался; наконецъ стало ему тяжко, помощи не было ни откуда; онъ долженъ былъ цѣловать крестъ, что пойдетъ въ Суздаль, и на этотъ разъ дѣйствительно пошелъ, оставивъ въ Городкѣ сына Глѣба; Переяславль, какъ видно, былъ у него отнятъ за прежнее нарушеніе клятвы; Изяславъ посадилъ въ немъ послѣ сына своего Мстислава. Юрій пошелъ въ Суздаль на Новгородъ-Сѣверскій, заѣхалъ къ старому пріятелю Святославу Ольговичу, принятъ былъ отъ него съ честью и получилъ все нужное для дороги.

Быть можетъ, это пріятельское свиданіе Юрія съ Ольговичемъ было одною изъ причинъ, заставившихъ Изяслава Мстиславича съѣхаться въ 1152 году съ Изяславомъ Давидовичемъ Черниговскимъ и Святославомъ Всеволодовичемъ. На этомъ съѣздѣ рѣшено было избавиться отъ опаснаго притона [1]), который былъ у Юрія на Руси между Черниговскою и Переяславскою волостью, вслѣдствіе чего князья разрушили Городокъ и сожгли его вмѣстѣ съ Михайловскою церковью. Услыхавъ объ этомъ, Юрій вздохнулъ отъ сердца, по выраженію лѣтописца, и началъ собирать войско; пришелъ къ нему Рязанскій князь Ростиславъ Ярославичъ съ братьею, съ полками рязанскими и муромскими; соединился съ нимъ и Святославъ Ольговичъ Сѣверскій; наконецъ пришло множество Половцевъ, всѣ орды, что между Волгою и Дономъ. Юрій сказалъ: „Они мой Городецъ пожгли и церковь,—такъ я имъ отожгу за это“, и пошелъ прямо къ Чернигову. Между тѣмъ, услыхавъ о дядиномъ походѣ, Изяславъ Мстиславичъ послалъ сказать брату Ростиславу въ Смоленскъ: „Тамъ у тебя Новгородъ сильный и Смоленскъ; собравшись, постереги свою Землю; если Юрій пойдетъ на тебя, то я къ тебѣ пойду, а если минуетъ твою волость, то приходи ты сюда ко мнѣ“. Когда Ростиславъ узналъ, что дядя миновалъ Смоленскую область и пошелъ прямо на Черниговъ, то отправился немедленно и самъ туда же, опередилъ Юрія, и, вмѣстѣ съ Святославомъ Всеволодичемъ, затворился въ Черниговѣ, къ которому скоро явились Юрьевы Половцы и стали жечь окрестности. Осажденные князья, видя множество Половцевъ, велѣли жителямъ всѣмъ перебраться въ ночь изъ острога въ кремль (дѣтинецъ); а на другое утро подошли къ городу Юрій и Святославъ Ольговичъ со всѣми своими полками; Половцы бросились къ городу, разломали острогъ, зажгли всѣ предмѣстья и начали биться съ Черниговцами, которые держались крѣпко Видя это, осаждающіе князья стали думать: „Некрѣпко станутъ биться дружины и Половцы, если не поѣдемъ съ ними сами“; Андрей Юрьичъ, по обычаю своему, вызвался первый идти впередъ: „Я начну день свой“, сказалъ онъ,—взялъ дружину, поѣхалъ подъ городъ, ударилъ на осажденныхъ, которые вздумали сдѣлать вылазку, и втопталъ ихъ въ городъ; другіе князья, ободренные примѣромъ Андрея, также стали ѣздить подлѣ города, и напуганные Черниговцы уже не смѣли болѣе дѣлать вылазокъ. Уже 12 дней стоялъ Юрій подъ Черниговомъ, какъ пришла къ нему вѣстъ о приближеніи Изяслава Мстиславича съ дядею Вячеславомъ. Половцы, храбрые, когда надобно было жечь черниговскія предмѣстья и стрѣляться издали съ осажденными, теперь первые струсили и начали отъѣзжать прочь; Юрій и Ольговичъ, видя бѣгство Половцевъ, принуждены были также отступить отъ Чернигова; Юрій пошелъ на Новгородъ-Сѣверскій, оттуда къ Рыльску; изъ Рыльска хотѣлъ идти уже въ Суздаль, какъ былъ остановленъ Святославомъ Ольговичемъ: „Ты хочешь идти прочь, говорилъ ему Святославъ, а меня оставить, погубивши мою волость, потравивши Половцами весь хлѣбъ; Половцы теперь ушли, а за ними вслѣдъ явится Изяславъ и погубитъ остальную мою волость за союзъ съ тобою“. Юрій обѣщался оставить ему помощь,—и оставилъ сына Василька съ 50 человѣкъ дружины! Ольговичъ не обманулся въ своихъ опасеніяхъ: Изяславъ Мстиславичъ стоялъ уже на рѣкѣ Альтѣ со всѣми своими силами; отпустивши старика Вячеслава въ Кіевъ, а сына Мстислава съ Черными Клобуками на Половцевъ, вѣроятно для того, чтобъ

---

[1]) См. у Татищ. III, 58.

отвлечь ихъ отъ поданія помощи Сѣверскому князю, Изяславъ самъ отправился къ Новгороду-Сѣверскому, гдѣ соединились съ нимъ Изяславъ Давидовичъ, Святославъ Всеволодовичъ и Романъ, сынъ Ростислава Смоленскаго. Когда острогъ былъ взятъ и осажденные вбиты въ крѣпость, то, на третій день послѣ осады, Святославъ Ольговичъ прислалъ къ Изяславу съ поклономъ и съ просьбою о мирѣ. Изяславъ сначала не хотѣлъ слушать его просьбы, но потомъ, раздумавъ, что время уже подходитъ къ веснѣ, помирился [1])—и пошелъ назадъ къ Чернигову, гдѣ получилъ вѣсть отъ сына Мстислава, что тотъ разбилъ Половцевъ на рѣкахъ Углѣ и Самарѣ, самихъ прогналъ, вежи ихъ, лошадей, скотъ побралъ, и множество душъ христіанскихъ избавилъ изъ неволи и отпустилъ по домамъ. Послѣ этого, въ 1154 г., Юрій еще разъ собрался на Русскую Землю—и опять неудачно: на дорогѣ открылся въ его войскѣ сильный конскій падежъ; пришедши въ Землю Вятичей, онъ остановился, не доходя Козельска; здѣсь пришли къ нему Половцы; онъ подумалъ и отпустилъ сына Глѣба къ Половцамъ въ степь, а самъ возратился въ Суздаль. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Юрій принужденъ былъ къ возвращенію тѣмъ, что Половцевъ пришло гораздо меньше, чѣмъ сколько онъ ожидалъ, и вотъ онъ отправилъ сына Глѣба въ степи для найма еще другихъ варваровъ [2]).

Такъ кончилась борьба Юрія съ Изяславомъ. Мы видѣли, что въ этой борьбѣ главнымъ союзникомъ Ростовскаго князя на востокѣ былъ Святославъ Ольговичъ, который теперь долженъ былъ принять миръ на всей волѣ Изяславовой; но еще болѣе дѣятельнаго союзника имѣлъ Юрій на западѣ—въ сватѣ своемъ, князѣ Галицкомъ Владимиркѣ: на этого Изяславъ долженъ былъ еще болѣе сердиться, чѣмъ на Ольговича; мы видѣли, какъ онъ обѣщался отомстить ему за пораженіе Венгровъ. Еще въ 1151 году, сбираясь выгнать Юрія изъ Городка, Изяславъ послалъ сказать королю Венгерскому: „Владимірко Галицкій дружину мою и твою избилъ; такъ теперь, братъ, тебѣ надобно подумать объ этомъ; не дай Богъ намъ этого такъ оставить, дай Богъ намъ отомстить за дружину; собирайся, братъ, у себя, а я—здѣсь, и какъ намъ съ нимъ Богъ дастъ“. Король отвѣчалъ, что онъ уже собирается; но Изяславъ побоялся, чтобъ сборы не были долги, и послалъ сына Мстислава въ Венгрію торопить зятя; Гейза назначилъ срокъ, когда сбираться, и послалъ сказать Изяславу: „Я уже сажусь на коня, и сына твоего Мстислава беру съ собою; садись и ты на коня“. Изяславъ тотчасъ собралъ дружину, взялъ съ собою весь полкъ Вячеславовъ, всѣхъ Черныхъ Клобуковъ, лучшихъ Кіевлянъ, всю русскую дружину, и пошелъ на Галичъ; на дорогѣ у Дорогобужа соединился съ нимъ родной братъ Владиміръ, у Пересопницы—двоюродный Владиміръ Андреевичъ и другой родной Святополкъ изъ Владиміра [3]); Изяславъ велѣлъ Святополку оставаться въ своемъ городѣ, и, взявъ его полкъ, пошелъ далѣе. Перешедши рѣку Санъ, онъ встрѣтилъ королевскаго посла, который пріѣхалъ съ сотнею ратныхъ и сказалъ Изяславу: „Зять твой король тебѣ кланяется и велѣлъ сказать, что онъ уже пятый день дожидается тебя,—ступай скорѣе“. Изяславъ пошелъ немедленно впередъ, и, на другой день, послѣ обѣда, подошелъ къ венгерскому стану, расположенному за Ярославлемъ. Король съ дружиною выѣхалъ къ нему на-встрѣчу; они обнялись, говоритъ лѣтописецъ, съ великою любовью и съ великою честью, и, вошедши въ королевскій шатеръ, стали думать какъ бы на другой день рано ѣхать биться къ рѣкѣ Сану. На разсвѣтѣ король ударилъ въ бубны, выстроилъ полки и послалъ сказать Изяславу: „Ступай съ своими полками подлѣ моего полку; гдѣ я стану, тамъ и ты становись, чтобъ намъ вмѣстѣ можно было обо всемъ думать“. Союзники пришли къ Сану ниже Перемышля; на противоположномъ берегу уже стоялъ Владимірко, но скоро долженъ былъ отодвинуться дальше отъ натиска Венгровъ. Передъ началомъ битвы Изяславъ сказалъ своей дружинѣ: „Братья и дружина! Богъ никогда Русской Земли и Русскихъ сыновъ въ безчестіи не оставлялъ; вездѣ они честь свою брали; теперь, братья, поревнуемъ тому: дай намъ Богъ въ этихъ земляхъ и передъ чужими народами честь свою взять“. Сказавши это, Изяславъ бросился со всѣми своими полками въ бродъ; Венгры, видя, что Русскіе уже переправляются, бросились также въ бродъ, съ разныхъ сторонъ въѣхали въ полки галицкіе и обратили ихъ въ бѣгство; самъ Владимірко, убѣгая отъ Венгровъ, попался-было къ Чернымъ Клобукамъ, и едва самъ-другъ успѣлъ скрыться въ Перемышлѣ; этотъ городъ былъ бы тогда непремѣнно взятъ, потому что некому было отстаивать его, но, къ счастію для Владимірка, за городомъ на лугу находился княжій дворъ, гдѣ было много всякаго добра,—туда ринулось все войско, а о городѣ позабыли. Владимірко между тѣмъ, видя бѣду, сталъ посылать къ королю, просить мира; ночью послалъ, по старому обычаю, къ архіепископамъ и къ воеводамъ королевскимъ, притворился, что жестоко раненъ, лежитъ при смерти, и потому велѣлъ сказать имъ: „Просите за меня короля; я жестоко раненъ, каюсь предъ нимъ, что тогда огорчилъ его, перебивши Венгровъ, и что теперь опять сталъ противъ него; Богъ грѣхи отпускаетъ, пусть и король проститъ меня и не выдастъ Изяславу, потому что я очень боленъ; если меня Богъ возьметъ, то отдаю королю сына моего на руки; я отцу

[1]) У Татищева (III, 72) условіе мира: Чтобы Святославъ учиненные убытки Черниговской волости заплатилъ, или два города Изяславу Давидовичу далъ, въ чемъ имъ между собою договориться, отъ Юрія отстать и никакими мѣрами съ нимъ не сообщаться.

[2]) Татищ. III, 81.

[3]) Выходитъ, что теперь въ Дорогобужѣ княжилъ уже Владиміръ Мстиславичъ, а Владиміръ Андреевичъ въ Пересопницѣ. Татищевъ говоритъ, что Владиміръ Андреевичъ пріѣхалъ изъ Луцка.

королеву много послужилъ своимъ копьемъ и своими полками, за его обиду и съ Ляхами бился; пусть король припомнитъ это и проститъ меня". Много даровъ, золота, серебра, сосудовъ золотыхъ и серебряныхъ, платья выслалъ Владимірко архіепископамъ и вельможамъ венгерскимъ, чтобъ просили короля не губить его, не исполнять желаніе королевы, сестры Изяславовой. На другой день Гейза съѣхался съ Изяславомъ и сказалъ ему: „Батюшка, кланяюсь тебѣ; Владимірко присылалъ ко мнѣ,—молится и кланяется, говоритъ, что сильно раненъ и не останется живъ; что ты скажешь на это?" Изяславъ отвѣчалъ: „Если Владимірко умретъ, то это Богъ убилъ его за клятвопреступленіе намъ обоимъ; исполнилъ ли онъ тебѣ хотя что-нибудь изъ того, что обѣщалъ? мало того,—опозорилъ насъ обоихъ; такъ какъ ему теперь вѣрить? два раза онъ нарушалъ клятву; а теперь самъ Богъ отдалъ намъ его въ руки,—такъ возьмемъ его вмѣстѣ съ волостью". Особенно говорилъ противъ Владимірка и выставлялъ всѣ вины его Мстиславъ Изяславичъ, который былъ сердитъ на Галицкаго князя за дорогобужское дѣло. Но король не слушался ихъ, потому что былъ уже уговоренъ архіепископомъ и вельможами, подкупленными Владиміркомъ; онъ отвѣчалъ Изяславу: „Не могу его убить: онъ молится и кланяется, и въ винѣ своей прощенья проситъ; но если теперь, поцѣловавъ крестъ, нарушитъ еще разъ клятву, тогда уже либо я буду въ Венгерской Землѣ, либо онъ въ Галицкой". Владимірко прислалъ и къ Изяславу съ просьбою: „Братъ! кланяюсь тебѣ и во всемъ каюсь, во всемъ я виноватъ; а теперь, братъ, прими меня къ себѣ и прости, да и короля понудь, чтобъ меня принялъ; а мнѣ дай Богъ съ тобою быть". Изяславъ самъ-по-себѣ не хотѣлъ и слышать о мирѣ; но одному ему нельзя было противиться королю и его вельможамъ,—поневолѣ долженъ былъ начать переговоры; король требовалъ отъ Владимірка клятвы въ томъ, что онъ возвратитъ всѣ захваченные имъ русскіе города Изяславу, и будетъ всегда въ союзѣ съ послѣднимъ, при всякихъ обстоятельствахъ, счастливыхъ или несчастныхъ. Когда король хотѣлъ послать бояръ своихъ къ Владимірку съ крестомъ, который тотъ долженъ былъ поцѣловать, то Изяславъ говорилъ, что не для чего заставлять цѣловать крестъ человѣка, который играетъ клятвами; на это король отвѣчалъ: „Это самый тотъ крестъ, на которомъ былъ распятъ Христосъ Богъ нашъ; Богу угодно было, чтобъ онъ достался предку моему Св. Стефану. Если Владимірко поцѣлуетъ этотъ крестъ, нарушитъ клятву и останется живъ, то я тебѣ, батюшка, говорю, что либо голову свою сложу, либо добуду Галицкую Землю; а теперь не могу его убить". Изяславъ согласился, но сынъ его Мстиславъ сказалъ: „Вы поступаете, какъ должно, похристіански, честному кресту вѣрите и съ Владимірко мъ миритесь; но я вамъ передъ этимъ честнымъ крестомъ скажу, что онъ непремѣнно нарушитъ свою клятву; тогда ты, король, своего слова не забудь и приходи опять съ полками къ Галичу"; король отвѣчалъ: „Ну, право же, тебѣ говорю, что если Владимірко нарушитъ клятву, то какъ до сихъ поръ отецъ твой Изяславъ звалъ меня на помощь, такъ тогда уже я позову его къ себѣ на помощь". Владимірко цѣловалъ крестъ, что исполнитъ королевскія требованія; цѣловалъ онъ крестъ лежа, показывая видъ, что изнемогъ отъ ранъ, тогда какъ ранъ на немъ никакихъ не было.

Простившись съ королемъ, Изяславъ пошелъ назадъ въ Русскую Землю, и когда былъ во Владимірѣ, то послалъ посадниковъ [1]) своихъ въ города, которые Влидимірко обѣщалъ ему возвратить; но посадники пришли назадъ: Владимірко не пустилъ ихъ ни въ одинъ городъ. Изяславъ продолжалъ путь въ Кіевъ, только послалъ сказать королю: „Ни тебѣ, ни мнѣ теперь уже не ворочаться назадъ, я только объявляю тебѣ, что Владимірко нарушилъ клятву; такъ не забудь своего слова". Владимірко спѣшилъ нарушить и другое условіе мира: узнавъ, что сватъ его Юрій идетъ на племянника, онъ такъ же выступилъ противъ Изяслава, но возвратился, когда дали ему вѣсть, что тотъ идетъ къ нему на-встрѣчу. Управившись съ дядею, Изяславъ послалъ въ Галичъ боярина своего Петра Бориславича, который былъ свидѣтелемъ клятвы Владимірковой предъ крестомъ Св. Стефана. Петръ долженъ былъ сказать Галицкому князю отъ имени Изяслава: „Ты намъ съ королемъ крестъ цѣловалъ, что возвратишь русскіе города,—и не возвратилъ; теперь я всего того не понимаю; но если хочешь исполнить свое крестное цѣлованіе и быть съ нами въ мирѣ, то отдай мнѣ города мои; а не хочешь отдать, то клятву свою ты нарушилъ, и мы съ королемъ будемъ перевѣдываться съ тобою, какъ намъ Богъ дастъ". Владимірко отвѣчалъ на это послу: „Скажи отъ меня Изяславу вотъ что: „ты нечаянно напалъ на меня самъ и короля навелъ; такъ если буду живъ, то либо голову свою сложу, либо отомщу тебѣ за себя". Петръ сказалъ ему на это: „Князь, вѣдь ты крестъ цѣловалъ Изяславу и королю, что все исправишь и будешь съ ними въ союзѣ; такъ ты нарушилъ крестное цѣлованіе." Владимірко отвѣчалъ: „Вотъ еще: что мнѣ этотъ маленькій крестикъ!" — „Князь! возразилъ ему великій бояринъ: хотя крестикъ и малъ, да сила его велика на небеси и на землѣ; вѣдь тебѣ король объявилъ, что это самый тотъ крестъ, на которомъ Христосъ былъ распятъ; да и то было тебѣ говорено, что если, поцѣловавъ тотъ крестъ, ты слова своего не сдержишь, то живъ не останешься; слышалъ ли ты обо всемъ этомъ отъ королевскаго посла?" Владимірко отвѣчалъ: „Да, помню, досыта вы тогда наговорились; а теперь ступай вонъ, по-

[1]) Города эти были: Бужскъ, Шумскъ, Тихомль, Выгошевъ, Гнойница. О положеніи трехъ первыхъ изъ нихъ было упомянуто; есть теперь селеніе Тихомель въ Острожскомъ уѣздѣ Волынской губерніи, въ 60 верстахъ отъ Острога; въ томъ же уѣздѣ, на рѣкѣ Горыни, есть мѣста — Большая и Малая Гнойница.

ѣзжай назадъ къ своему князю". Петръ, положивъ предъ нимъ крестныя грамоты, пошелъ вонъ, и когда собрался ѣхать, то не дали ему ни повозки, ни корма, такъ что онъ принужденъ былъ отправиться на своихъ лошадяхъ. Петръ съѣзжалъ съ княжаго двора, а Владимірко шелъ въ то время въ церковь къ вечернѣ, и, видя, что Петръ уѣзжаетъ, сталъ смѣяться надъ нимъ: „Смотрите-ка, русскій-то бояринъ поѣхалъ, побравши всѣ волости!" Когда вечерня отошла, и Владимірко, возвращаясь изъ церкви, дошелъ до того самаго мѣста, гдѣ смѣялся надъ Петромъ, то вдругъ сказалъ: „Что это, какъ будто кто меня ударилъ по плечу!"—и не могъ двинуть больше ногами; еслибъ не подхватили его, то упалъ бы съ лѣстницы; понесли его въ горенку, положили въ укропъ; къ вечеру ему стало хуже, а къ ночи умеръ. Между тѣмъ Петръ Бориславичъ, выѣхавши изъ Галича, остановился ночевать въ селѣ Большовѣ [1]); вдругъ на разсвѣтѣ скачетъ къ нему гонецъ изъ Галича: „Князь не велѣлъ тебѣ ѣхать дальше, дожидайся, пока пришлетъ за тобою". Петръ, ничего не зная о Владимірковой смерти, сталъ тужить, что ему надобно ѣхать назадъ въ городъ и вѣрно придется вытерпѣть тамъ разныя притѣсненія; и, точно, еще до обѣда прискакалъ къ нему новый гонецъ съ приказомъ отъ князя ѣхать въ городъ; Петръ отправился, и когда въѣхалъ на княжій дворъ, то къ нему на-встрѣчу вышли изъ сѣней слуги княжіи всѣ въ черномъ; онъ удивился — что бы это такое значило? вошелъ въ сѣни, смотритъ — на княжомъ мѣстѣ сидитъ сынъ Владимірковъ Ярославъ въ черномъ платьи и въ черной шапкѣ, такъ же и всѣ бояре въ черномъ. Петру поставили стулъ, и когда онъ сѣлъ, то Ярославъ, взглянувши на него, залился слезами. Петръ сидѣлъ въ недоумѣніи, смотря на всѣ стороны; наконецъ спросилъ: „Да что же это такое значитъ?" Тутъ ему объявили, что ночью князь умеръ. „Какъ умеръ? возразилъ Петръ: когда я поѣхалъ, онъ былъ совсѣмъ здоровъ!" Ему отвѣчали, что былъ здоровъ, да вдругъ схватился за плечо, началъ съ того изнемогать и умеръ. „Воля Божія", сказалъ на это Петръ, „намъ всѣмъ тамъ быть". Тогда Ярославъ началъ говорить Петру: „Мы позвали тебя для того, что вотъ Богъ сотворилъ волю свою; поѣзжай ты теперь къ отцу моему Изяславу, поклонись ему отъ меня и скажи: Богъ взялъ моего отца, такъ ты будь мнѣ вмѣсто него; ты съ покойникомъ самъ вѣдался, что тамъ между васъ было, уже Богъ разсудитъ васъ; Богъ отца моего къ себѣ взялъ, а меня оставилъ на его мѣсто, полкъ и дружина его у меня, только одно копье поставлено у его гроба, да и то въ моихъ рукахъ; теперь кланяюсь тебѣ, батюшка: прими меня какъ сына своего Мстислава; пусть Мстиславъ ѣздитъ подлѣ твоего стремени съ одной стороны, я буду ѣздить по другой сторонѣ со всѣми своими полками". Петръ съ этимъ и отправился.

[1]) Село Голышевъ въ Святославовскомъ округѣ.

Ярославъ, или, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [2]), бояре его—только манили Изяслава, чтобъ выиграть время, а въ самомъ дѣлѣ и не думали возвращать ему городовъ, захваченныхъ Владимиркомъ. Это заставило Кіевскаго князя пойти въ другой разъ на Галичъ (1153 г.); съ нимъ пошли сынъ его Мстиславъ съ Переяславцами, полкъ Изяслава Давидовича Черниговскаго и всѣ Черные Клобуки; а на дорогѣ присоединились къ нему братья — Владиміръ изъ Дорогобужа, Святополкъ изъ Владиміра, Владиміръ Андреичъ изъ Бреста [3]). У Теребовля встрѣтился Изяславъ съ полками Ярославовыми, и, передъ битвою, галицкіе бояре сказали своему князю: „Ты, князь, молодъ, отъѣзжай прочь и смотри на насъ; отецъ твой насъ кормилъ и любилъ,—такъ мы хотимъ за честь твоего отца и за твою сложить свои головы; ты у насъ одинъ; если съ тобой что случится, то что намъ тогда дѣлать? такъ ступай-ка, князь, къ городу, а мы станемъ биться съ Изяславомъ, и кто изъ насъ останется живъ, тотъ прибѣжитъ къ тебѣ, затворится съ тобою въ городѣ". Злая сѣча продолжалась уже отъ полудня до вечера, когда сдѣлалось въ обѣихъ ратяхъ смятеніе: не видно было, которые побѣдили. Изяславъ гналъ Галичанъ, а братья его бѣжали отъ нихъ; Изяславъ побралъ въ плѣнъ галицкихъ бояръ, а Галичане Изяславовыхъ. Время шло уже къ ночи, когда Кіевскій князь остановился съ небольшою дружиною на мѣстѣ боя и поднялъ галицкіе стяги; Галичане побѣжали къ нимъ, думая, что тутъ свои, и были перехватаны; но въ ночь Изяславу стало страшно: дружины у него осталось мало, плѣнниковъ было больше, чѣмъ дружины, между тѣмъ изъ Теребовля Ярославъ могъ напасть на него; подумавши, Изяславъ велѣлъ перебить плѣнниковъ, оставя только лучшихъ мужей, и выступилъ назадъ къ Кіеву, потому что братья и дружина его разбѣжались; не съ кѣмъ было продолжать походъ. Былъ послѣ этого плачъ великій по всей Землѣ Галицкой, говоритъ лѣтописецъ.

Этимъ печальнымъ походомъ заключалась дѣятельность Изяслава. Въ 1154 году, женившись во второй разъ на царевнѣ Грузинской, Изяславъ схоронилъ брата Святополка, а потомъ скоро самъ занемогъ и умеръ. Лѣтописецъ называетъ его честнымъ, благороднымъ, христолюбивымъ, славнымъ; говоритъ, что плакала по немъ вся Русская Земля и всѣ Черные Клобуки, какъ по царѣ и господинѣ своемъ, а больше какъ по отцѣ. Причина такой любви народной ясна: при необыкновенной храбрости (въ которой равнялся съ нимъ, быть можетъ, изъ князей одинъ Андрей Юрьевичъ), не уступая никому перваго мѣста въ битвѣ, гоня враговъ и въ то время, когда полки его бывали разбиты, Изяславъ отличался также искусствомъ, былъ хитеръ на

[2]) Татищ. III, 77.

[3]) Такимъ образомъ, Владиміръ Андреевичъ еще разъ перемѣнилъ волость: вмѣсто Пересопницы видимъ его въ Брестѣ.

воинскія выдумки. Но, будучи, похожъ на знаменитаго дѣда своего храбростью, отвагою, онъ напоминалъ его также ласковостью къ народу: мы видѣли, какъ онъ обращался съ нимъ въ Кіевѣ, въ Новгородѣ; непріятное правленіе дяди Юрія только оттѣнило добрыя качества Изяслава, заставило смолкнуть всякое нерасположеніе, какое у кого было къ нему, и мы видѣли, какъ ревностно бились за него и граждане, и Черные Клобуки, прежде равнодушные. Поговорка его „*не идетъ мѣсто къ головѣ, а голова къ мѣсту*"—показываетъ его стремленіе, его положеніе, и, по всѣмъ вѣроятностямъ, служила для него оправданіемъ этихъ стремленій и происшедшей отъ нихъ новизны положенія его; поговорка эта оправдываетъ стремленіе дать личнымъ достоинствамъ силу предъ правомъ старшинства. Дѣйствительно, Изяславъ, въ сравненіи съ своими старшими дядьями, былъ въ родѣ Мономаховомъ единственною головою, которая шла къ мѣсту. Но мы видѣли, что Изяславъ долженъ былъ уступить; ему не удалось дать преимущества личнымъ достоинствамъ своимъ и даже другому праву своему,—праву завоевателя, перваго пріобрѣтателя старшей волости. Несмотря на то, что онъ *головою* добылъ Кіевъ, онъ принужденъ былъ наконецъ признать старшинство и права дяди Вячеслава, котораго голова уже никакъ не шла къ мѣсту. А преждевременная смерть Изяслава нанесла окончательный ударъ притязаніямъ племянниковъ и Мстиславовой линіи: изъ братьевъ Изяславовыхъ ни одинъ не былъ способенъ замѣнить его; дѣятельнѣе, предпріимчивѣе дядей былъ сынъ его Мстиславъ, но онъ не могъ дѣйствовать одинъ мимо родныхъ дядей и противъ нихъ; его положеніе было одинаково съ положеніемъ отца, только гораздо затруднительнѣе; замѣтимъ еще, что преждевременная смерть отца Изяслава, отказавшагося отъ старшинства въ пользу дяди, въ глазахъ многихъ должна была отнимать у молодого Мстислава право считаться отчичемъ на столѣ Кіевскомъ.

Старый дядя Вячеславъ плакалъ больше всѣхъ по племянникѣ, за щитомъ котораго онъ только-что успокоился: „Сынъ! причиталъ старикъ надъ его гробомъ: это было мое мѣсто; но видно передъ Богомъ ничего не сдѣлаешь!" Въ Кіевѣ всѣ плакали, а на той сторонѣ Днѣпра сильно радовались смерти Изяславовой и не тратили времени. Изяславъ Давидовичъ Черниговскій немедленно поѣхалъ въ Кіевъ; но на перевозѣ у Днѣпра встрѣтилъ его посолъ отъ старика Вячеслава съ вопросомъ: „Зачѣмъ пріѣхалъ, и кто тебя звалъ? ступай назадъ въ свой Черниговъ". Изяславъ отвѣчалъ: „Я пріѣхалъ плакаться надъ братомъ покойникомъ; я не былъ при его смерти, такъ позволь теперь хотя на гробѣ его поплакать". Но Вячеславъ, по совѣту съ Мстиславомъ Изяславичемъ и боярами своими, не пустилъ его въ Кіевъ. Трудно рѣшить, насколько было справедливо подозрѣніе Мстислава и кіевскихъ бояръ; для оправданія ихъ мы должны припомнить, что въ 1153 году Изяславъ Давидовичъ имѣлъ съѣздъ съ Святославомъ Ольговичемъ, гдѣ двоюродные братья обѣщали другъ другу стоять заодно. Въ Кіевѣ съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Ростислава Мстиславича изъ Смоленска, и между тѣмъ рѣшились разъединить Черниговскихъ, привлекши на свою сторону Святослава Всеволодича, которому легче всего было стать на сторонѣ Мстиславичей и по родству, да и потому, что изъ всѣхъ Черниговскихъ онъ одинъ былъ отчичъ относительно старшинства и Кіева. Къ нему-то старикъ Вячеславъ послалъ сказать: „Ты Ростиславу сынъ любимый, также и мнѣ; пріѣзжай сюда, побудь въ Кіевѣ, пока пріѣдетъ Ростиславъ, а тогда всѣ вмѣстѣ урядимся о волостяхъ". Всеволодичъ, не сказавшись дядьямъ своимъ, поѣхалъ въ Кіевъ и дождался тамъ Ростислава, которому всѣ очень обрадовались, по словамъ лѣтописца: и старикъ Вячеславъ, и вся Русская Земля, и всѣ Черные Клобуки. Вячеславъ, увидавъ племянника, сказалъ ему: „Сынъ! я уже старъ, всѣхъ рядовъ не могу рядить; даю ихъ тебѣ, какъ братъ твой держалъ и рядилъ; а ты почитай меня, какъ отца, и уважай, обходись, какъ братъ твой со мною обходился; вотъ мой полкъ и дружина моя, ты ихъ ряди". Ростиславъ поклонился и сказалъ: „Очень радъ, господинъ батюшка, почитаю тебя, какъ отца господина, и буду уважать тебя, какъ братъ мой Изяславъ уважалъ тебя и въ твоей волѣ былъ". Кіевляне, посадивши у себя Ростислава, также сказали ему: „Какъ братъ твой Изяславъ обходился съ Вячеславомъ, такъ и ты обходись, а до твоей смерти Кіевъ твой".

Первымъ дѣломъ Ростислава было урядиться съ *сестричичемъ* своимъ (племянникомъ отъ сестры), Святославомъ Всеволодичемъ; онъ сказалъ ему: „Даю тебѣ Туровъ и Пинскъ за то, что ты пріѣхалъ къ отцу моему Вячеславу и волости мнѣ сберегъ, за то и надѣляю тебя волостью"; Святославъ принялъ это надѣленіе съ радостью. Нужно было богатою волостью привязать къ себѣ сына Всеволодова, потому что на той сторонѣ Днѣпра дядья его уже дѣйствовали заодно съ Юріемъ Суздальскимъ; еще до пріѣзда Ростислава въ Кіевъ, они стали пересылаться съ Юріемъ, слѣдствіемъ чего было движеніе сына Юрьева Глѣба со множествомъ Половцевъ на Переяславль: мы видѣли, что этотъ князь былъ посланъ отцомъ въ кочевья привесть какъ можно болѣе варваровъ. Переяславля взять Глѣбу не удалось; но онъ взялъ Пирятинъ на рѣкѣ Удаѣ. Ростиславъ и Святославъ Всеволодовичъ выступили къ Днѣпру и стали собирать дружину, какъ пригналъ къ нимъ посолъ отъ Мстислава Изяславича Переяславскаго съ вѣстью, что Половцы уже у города и стрѣляются съ жителями; тогда Ростиславъ немедленно отрядилъ сына своего Святослава въ Переяславль, куда тотъ и успѣлъ пробраться. На другой день Половцы начали крѣпче приступать къ городу; но когда узнали, что къ Мстиславу пришла подмога, то испугались и ушли за Сулу. Узнавъ о бѣгствѣ Половцевъ, Ростиславъ,

по совѣту съ братьею, рѣшился, не заходя въ Кіевъ, идти прямо на Изяслава Давидовича Черниговскаго: „Нужно намъ, говорилъ Ростиславъ, предупредить Юрія, либо прогнать его, либо миръ заключить“. Кіевскіе полки и Торки подъ начальствомъ трехъ князей—Ростислава, Святослава Всеволодича и Мстислава Изяславича—перешли уже Днѣпръ у Вышгорода и хотѣли идти къ Чернигову, какъ вдругъ прискакалъ къ Ростиславу гонецъ изъ Кіева и объявилъ: „Отецъ твой Вячеславъ умеръ“.—„Какъ умеръ?“ сказалъ Ростиславъ: „Когда мы поѣхали, онъ былъ здоровъ?“ Гонецъ отвѣчалъ: „Въ эту ночь пировалъ онъ съ дружиною и пошелъ спать здоровъ; но какъ легъ, такъ больше уже не вставалъ“. Ростиславъ тотчасъ же поскакалъ въ Кіевъ, похоронилъ дядю, роздалъ все имѣніе его духовенству и нищимъ и, поручивъ остальныя дѣла всѣ матери своей, вдовѣ Мстиславовой, отправился опять на ту сторону Днѣпра. Пріѣхавши къ войску, онъ началъ думать съ племянниками и дружиною — идти или нѣтъ на Черниговъ; бояре совѣтовали не ходить: „Дядя твой Вячеславъ умеръ, говорили они, а ты еще съ людьми кіевскими не утвердился; лучше поѣзжай въ Кіевъ, утвердись тамъ съ людьми, и тогда если дядя Юрій придетъ на тебя, то захочешь помириться съ нимъ—помиришься, а не захочешь—будешь воевать“. Любопытно, что кіевскіе бояре хотятъ, чтобъ Ростиславъ ѣхалъ въ Кіевъ и урядился съ его жителями, тогда какъ послѣдніе уже прежде объявили ему, что Кіевъ принадлежитъ ему до самой смерти; притомъ Ростиславъ только-что пріѣхалъ изъ Кіева; если бы граждане хотѣли объявить ему что-нибудь новое, то объявили бы послѣ похоронъ Вячеславовыхъ. Должно думать, что боярамъ самимъ хотѣлось возвратиться въ Кіевъ и урядить тамъ свои дѣла по смерти стараго князя; быть можетъ, имъ хотѣлось заставить Кіевлянъ утвердиться съ Ростиславомъ на счетъ новой дружины его смоленской. Какъ бы то ни было, Ростиславъ не послушался бояръ и пошелъ къ Чернигову, пославши напередъ сказать Изяславу Давидовичу: „Цѣлуй крестъ, что будешь сидѣть въ своей отчинѣ, въ Черниговѣ, а мы будемъ въ Кіевѣ“. Изяславъ отвѣчалъ: „Я теперь вамъ ничего не сдѣлалъ; не знаю, зачѣмъ вы на меня пришли; а пришли, такъ уже какъ намъ Богъ дастъ“. Но вѣдь онъ подвелъ Глѣба Юрьевича съ Половцами, и былъ съ нимъ вмѣстѣ у Переяславля, замѣчаетъ лѣтописецъ. На другой день Давидовичъ соединился съ Глѣбомъ и Половцами, и вышелъ противъ Мстиславичей; Ростиславъ, увидавъ множество враговъ, а у себя небольшую дружину, испугался и сталъ пересылаться съ Изяславомъ на счетъ мира, отдавалъ ему подъ собою Кіевъ, а подъ племянникомъ Мстиславомъ Переяславль. Такое недостойное поведеніе, трусость, неумѣнье блюсти выгоды племени сильно раздосадовали Мстислава Изяславича: „Такъ не будетъ же ни мнѣ Переяславля, ни тебѣ Кіева“, сказалъ онъ дядѣ, и поворотилъ коня въ Переяславль; Ростиславъ, оставленный племянникомъ, былъ обойденъ Половцами, и, послѣ двухдневной битвы, обратился въ бѣгство; преслѣдуемый врагами, онъ потерялъ коня, сынъ Святославъ отдалъ ему своего, а самъ сталъ отбиваться отъ Половцевъ, и такимъ образомъ далъ отцу время уйти.

Ростиславъ переправился за Днѣпръ ниже Любеча и поѣхалъ въ Смоленскъ; Мстиславъ Изяславичъ съ двоюроднымъ братомъ Святославомъ Ростиславичемъ ускакалъ въ Переяславль, здѣсь взялъ жену и уѣхалъ въ Луцкъ; а Святославъ Всеволодичъ былъ захваченъ Половцами; Изяславъ Давидовичъ съ женою выручили его изъ плѣна, и другихъ Русскихъ много выручили, много добра сдѣлали, говоритъ лѣтописецъ: если кто изъ плѣнниковъ убѣгалъ въ городъ, тѣхъ не выдавали назадъ. Быть можетъ, Давидовичъ съ намѣреніемъ поступалъ такъ, желая пріобрѣсть расположеніе жителей Русской Земли, которыхъ нелюбовь ко всему его племени онъ долженъ былъ знать хорошо. Онъ послалъ сказать Кіевлянамъ: „Хочу къ вамъ поѣхать“. Кіевляне были въ самомъ затруднительномъ положеніи: покинутые Ростиславомъ, они видѣли приближеніе Половцевъ, отъ которыхъ могло спасти ихъ только немедленное принятіе Давидовича, и они послали сказать ему: „Ступай въ Кіевъ, чтобъ насъ не взяли Половцы, ты нашъ князь, пріѣзжай“. Изяславъ пріѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ, а Глѣба Юрьевича послалъ княжить въ Переяславль, окрестности котораго были сильно опустошены союзниками ихъ—Половцами. Но Юрія Ростовскаго нельзя было удовлетворить однимъ Переяславлемъ: только-что услыхалъ онъ о смерти Изяславовой и о пріѣздѣ другого Мстиславича въ Кіевъ, какъ уже выступилъ въ походъ и приблизился къ Смоленску, имѣя теперь дѣло преимущественно съ тамошнимъ княземъ; тутъ пришла къ нему вѣсть, что Вячеславъ умеръ, Ростиславъ побѣжденъ, Давидовичъ сидитъ въ Кіевѣ, а Глѣбъ въ Переяславлѣ. Ростиславъ, между тѣмъ, прибѣжавши въ Смоленскъ, успѣлъ собрать войско и вышелъ противъ дяди; но мы видѣли, что Ростиславъ не былъ похожъ на брата отвагою; видѣли также, что онъ не былъ охотникомъ и до споровъ съ дядьми, и потому послалъ къ Юрію просить мира: „Батюшка!—велѣлъ онъ сказать ему:—кланяюсь тебѣ; ты и прежде до меня былъ добръ и я до тебя; и теперь кланяюсь тебѣ,—дядя мнѣ вмѣсто отца“ Юрій отвѣчалъ: „Правду говоришь, сынъ; съ Изяславомъ я не могъ быть; но ты мнѣ свой братъ и сынъ“. Послѣ этой пересылки, дядя съ племянникомъ поцѣловали крестъ на всей любви, по выраженію лѣтописца, и Юрій отправился къ Кіеву, а Ростиславъ въ Смоленскъ; вѣроятно, что необходимость спѣшить въ Кіевъ и большое войско Ростислава также имѣли вліяніе на миролюбіе дяди. Недалеко отъ Стародуба встрѣтилъ Юрія сватъ его и старый союзникъ, Святославъ Ольговичъ, пріѣхалъ къ нему и Святославъ Всеволодичъ съ повинною: „Совсѣмъ обезумѣлъ я, говорилъ онъ Юрію, прости“. По просьбѣ

дяди Ольговича Юрій помирился съ Всеволодовичемъ, заставивъ его покляться не отступать отъ себя и отъ дяди, послѣ чего всѣ трое пошли къ Чернигову. Не доходя еще до города, Святославъ Ольговичъ послалъ въ Кіевъ сказать Давидовичу: „Ступай, братъ, изъ Кіева, идетъ на тебя Юрій; вѣдь мы оба съ тобою позвали его“. Но Давидовичъ не слушался; тогда Святославъ въ другой разъ послалъ къ нему изъ Чернигова: „Ступай изъ Кіева, идетъ туда Юрій; а я тебѣ Черниговъ уступаю ради христіанскихъ душъ“. Изяславъ все не хотѣлъ выйти изъ Кіева, потому что этотъ городъ сильно понравился ему, говоритъ лѣтописецъ. Наконецъ самъ Юрій послалъ сказать ему: „Мнѣ отчина Кіевъ, а не тебѣ“. Безъ права и безъ особеннаго народнаго расположенія Давидовичъ не могъ болѣе оставаться въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Юрію: „Развѣ я самъ поѣхалъ въ Кіевъ? посадили меня Кіевляне; Кіевъ твой, только не дѣлай мнѣ зла“.

Юрій помирился съ нимъ (1156 г.) и вошелъ въ Кіевъ съ четырьмя старшими сыновьями, которыхъ посажалъ около себя; Андрея—въ Вышгородѣ, Бориса—въ Туровѣ, Глѣба—въ Переяславлѣ, Василька — на Поросьи. На Волыни сидѣли Мстиславичи: Владиміръ съ племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ; первый, какъ видно, успѣлъ помириться съ Юріемъ, обѣщаясь дѣйствовать за-одно съ нимъ противъ племянниковъ, на которыхъ Юрій послалъ стараго союзника своего и врага Мстиславичей, Юрія Ярославича съ внуками брата его Вячеслава [1]); они прогнали Мстислава изъ Пересопницы въ Луцкъ; но и здѣсь онъ не могъ долго оставаться спокойнымъ: Юрій велѣлъ идти на Луцкъ зятю своему Ярославу Галицкому; тогда Мстиславъ, оставивъ брата Ярослава въ Луцкѣ, самъ ушелъ въ Польшу за помощью; Галицкій князь вмѣстѣ съ Владиміромъ Мстиславичемъ подошелъ къ Луцку, но, постоявши нѣсколько времени подъ городомъ, ушелъ, ничего не сдѣлавъ ему. Юрій не могъ продолжать войны съ Изяславичами, потому что Черниговскій Давидовичъ, въ надеждѣ на вражду Юрія съ остальными Мономаховичами и на нерасположеніе къ нему народа въ Руси, не оставлялъ своихъ притязаній: немедленно по пріѣздѣ въ Черниговъ онъ уже началъ уговаривать Святослава Ольговича къ войнѣ съ Юріемъ; но тотъ удовольствовался тѣмъ, что отобралъ у племянника Святослава Всеволодовича три города (Сновскъ, Корачевъ, Воротынскъ), давши ему въ-замѣнъ какіе-то три похуже, и не захотѣлъ вооружиться противъ стараго союзника; Юрій вѣроятно зналъ о замыслахъ Давидовича; съ другой стороны безпокоили его Половцы; и потому онъ послалъ въ Смоленскъ сказать Ростиславу Мстиславичу: „Сынъ! пріѣзжай сюда, а то мнѣ не съ кѣмъ удержать Русской Земли“. Ростиславъ пріѣхалъ къ нему и устроилъ миръ между дядею и племянниками своими, причемъ Владиміръ Мстиславичъ и Ярославъ Изяславичъ имѣли личное свиданіе съ Юріемъ; но Мстиславъ Изяславичъ не поѣхалъ изъ страха, что Кіевскій князь схватитъ его. Уладившись теперь съ своими, Юрій послалъ сказать Давидовичу рѣшительно: „Приходи къ намъ на миръ, а не придешь, такъ мы къ тебѣ придемъ“. Давидовичъ, видя, что всѣ Мономаховичи въ соединеніи, испугался и пріѣхалъ вмѣстѣ съ Святославомъ Ольговичемъ на съѣздъ, гдѣ уладились; Юрій далъ имъ по городу на западной сторонѣ Днѣпра: Давидовичу—Корецкъ на Волыни, Ольговичу—Мозырь въ Туровской области; кромѣ того, Юрій женилъ сына своего Глѣба на дочери Изяслава Черниговскаго.

Казалось, что послѣ этого миръ долженъ былъ водвориться во всѣхъ волостяхъ русскихъ; но вышло иначе; въ разныхъ концахъ обнаружилась борьба съ тѣмъ же характеромъ, съ какимъ велась она незадолго прежде, обнаружились усобицы между племянниками и дядьми: такъ, въ Черниговской волости племянникъ Изяславовъ Святославъ, сынъ старшаго брата его Владиміра, вѣроятно будучи недоволенъ волостью, полученною отъ дяди, выбѣжалъ изъ Березаго (въ окрестностяхъ Чернигова) во Вщижъ, захватилъ всѣ города по Деснѣ и, отступивъ отъ родного дяди, отдался въ покровительство Ростислава Мстиславича Смоленскаго; Святославъ Всеволодовичъ также всталъ противъ дядей. Послѣдніе пошли-было противъ племянниковъ, но заключили съ ними миръ, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Въ то же время подобное явленіе обнаружилось на Волыни: мы видѣли, что здѣсь сидѣлъ Владиміръ Мстиславичъ съ двумя племянниками — Мстиславомъ и Ярославомъ Изяславичами; Мстиславъ, по примѣру отца, думалъ, что голова Владиміра не идетъ къ старшему мѣсту, ибо Владиміръ хотя былъ ему и дядя, но вѣроятно даже моложе его лѣтами [2]), и притомъ былъ сыномъ мачихи Изяславовой, второй жены Мстислава Великаго, почему и называется въ лѣтописи относительно Изяславичей не дядею (стрыемъ), но *мачешичемъ*. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Мстиславъ напалъ нечаянно на дядю во Владимірѣ, захватилъ его жену, мать, все имѣніе, а самого прогналъ въ Венгрію. Юрій, самъ будучи младшимъ дядею, долженъ былъ вступиться за Владиміра, и дѣйствительно пошелъ на Мстислава (1157 г.) съ зятемъ своимъ Ярославомъ Галицкимъ, сыновьями, племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ, княжившимъ, какъ мы видѣли, въ Брестѣ, и съ Берендѣями; Чернигов-

[1]) Объ этомъ Вячеславѣ см. Полн. Собр. Рус. Л. II, 11.

[2]) Владиміръ родился въ 1132 году, слѣд. въ описываемое время, въ 1152 году ему было только 24 года; въ 1146 году, когда Изяславъ впервые овладѣлъ Кіевомъ, ему было только 14 лѣтъ: но въ этотъ самый годъ мы уже видимъ Мстислава Изяславича начальникомъ вспомогательнаго отряда, который отецъ его послалъ къ Черниговскимъ; младшій братъ его Ярославъ сидитъ на столѣ въ Туровѣ—неужели имъ было тогда меньше 14 лѣтъ? Въ 1114 году сестра ихъ уже вышла замужъ за Полоцкаго князя. О Мачешичѣ см. въ IV т.

скіе также хотѣли съ нимъ идти, но, по совѣту Ярослава Галицкаго, Юрій не взялъ ихъ съ собою. Скоро оказалось, что Юрій началъ эту войну не за Владиміра Мстиславича, но за другого племянника своего—Владиміра Андреевича, потому что далъ клятву покойному брату своему Андрею и потомъ сыну его—добыть для послѣдняго Владиміръ-Волынскій. Взять нечаянно этотъ городъ Юрію не удалось; онъ началъ осаду, во время которой Владиміръ Андреевичъ отпросился у Юрія воевать другіе города, и когда подъѣхалъ къ Червеню, то началъ говорить жителямъ: „Я пришелъ къ вамъ не ратью, потому что вы были люди милые отцу моему, и я вамъ свой княжичъ, отворитесь". Въ отвѣтъ, одинъ изъ жителей пустилъ стрѣлу и угодилъ въ горло Владиміру; рана была впрочемъ не опасна, и Владиміръ успѣлъ отмстить Червенцамъ страшнымъ опустошеніемъ ихъ волости. Десять дней стоялъ Юрій у Владиміра, не видя ни малѣйшаго успѣха; есть даже извѣстіе, что Мстиславъ сдѣлалъ вылазку, и нанесъ сильное пораженіе галицкимъ полкамъ [1]); тогда Юрій, посовѣтовавшись съ сыновьями и дружиною, пошелъ назадъ въ Кіевъ, а Ярославъ въ Галичъ; Мстиславъ шелъ вслѣдъ за Юріемъ до самаго Дорогобужа, пожигая села, и много зла надѣлалъ, говоритъ лѣтописецъ. Пришедши въ Дорогобужъ, Юрій сказалъ въ утѣшеніе Владиміру Андреевичу: „Сынъ! мы цѣловали крестъ съ твоимъ отцомъ, что кто изъ насъ останется живъ, тотъ будетъ отцомъ для дѣтей умершаго и волости за ними удержать, а потомъ я и тебѣ поклялся имѣть тебя сыномъ и Владиміра искать тебѣ; теперь, если Владиміра не добылъ, то вотъ тебѣ волость — Дорогобужъ, Пересопница и всѣ Погоринскіе города".

Нападеніе Юрія на племянниковъ и не въ пользу брата, отнятіе у нихъ волости въ пользу Владиміра Андреевича должно было разсердить Ростислава Смоленскаго, обязаннаго заботиться о выгодахъ племени Мстиславова. Это помогло Изяславу Давидовичу Черниговскому уговорить его начать войну противъ Юрія; разумѣется, что Мстислава Волынскаго не нужно было уговаривать къ союзу противъ дѣда. Давидовичъ попытался-было уговорить къ тому же и Святослава Ольговича, но понапрасну,—тотъ отвѣчалъ: „Я крестъ цѣловалъ Юрію, не могу безъ причины встать на него". Отказъ Ольговича не помѣшалъ однако союзникамъ порѣшить походомъ противъ Юрія: Изяславъ долженъ былъ выступить съ полками черниговскими и смоленскими, которыми начальствовалъ Романъ, сынъ Ростиславовъ; въ то же время Мстиславъ Изяславичъ долженъ былъ ударить на Юрія съ запада; но въ тотъ самый день, когда Давидовичъ хотѣлъ двинуться къ Кіеву, оттуда прискакалъ къ нему гонецъ съ вѣстью: „Ступай, князь, въ Кіевъ,—Юрій умеръ". Это посольство отъ Кіевлянъ служитъ доказательствомъ, что они знали о намѣреніи союзниковъ и были готовы къ принятію Давидовича: иначе не послали бы прямо къ нему съ вѣстью о смерти Юрія и съ приглашеніемъ пріѣхать княжить у нихъ. Изяславъ, получивъ эту вѣсть, заплакалъ и сказалъ: „Благословенъ еси Господи, что разсудилъ меня съ нимъ смертью, а не кровопролитіемъ". 10-го мая (1157 г.) Юрій пировалъ у осменика Петрилы [2]), въ ночь занемогъ и черезъ пять дней умеръ. Въ день похоронъ (16-го мая) надѣлалось много зла, говоритъ лѣтописецъ: разграбили дворъ Юрьевъ—Красный—и другой дворъ его за Днѣпромъ, который онъ самъ звалъ раемъ, также дворъ Василька, сына его, въ городѣ; перебили Суздальцевъ по городамъ и селамъ, имѣніе ихъ разграбили; эти дѣйствія Кіевлянъ служатъ яснымъ знакомъ нерасположенія ихъ къ Юрію и его суздальской дружинѣ, которую онъ привелъ съ сѣвера [3]).

Смертію Юрія кончилось третье поколѣніе Ярославичей. Главнымъ характеромъ княжескихъ отношеній въ ихъ время была, какъ мы видѣли, борьба младшихъ дядей съ племянниками отъ старшаго брата, кончившаяся торжествомъ дядей, т.-е. торжествомъ права всѣхъ родичей на старшинство; въ это же время успѣли возстановить свое право на старшинство обѣ линіи Святославичей—Ольговичи и Давидовичи. Изъ событій въ отдѣльныхъ княжествахъ мы упоминали о дѣятельности Владимірка Галицкаго и сына его Ярослава; видѣли дѣятельность потомковъ Изяслава Ярославича — Юрія Ярославича и внуковъ Вячеслава Ярославича, причемъ однако ничего не знаемъ о ихъ волостяхъ; изъ потомковъ Давида Игоревича встрѣчали извѣстія о внукѣ его Борисѣ Всеволодовичѣ, князѣ Городенскомъ. Мы видѣли, что Изяславичи полоцкіе, по смерти Мстислава, возвратились изъ изгнанія въ свою волость, успѣли овладѣть и Минскомъ; послѣ Василька Святославича, княжилъ въ Полоцкѣ Рогволодъ Борисовичъ, женатый на дочери Изяслава Мстиславича; но во все продолженіе борьбы въ Днѣпровской области не слышно о полоцкихъ князьяхъ, хотя по родственному союзу Рогволодъ и могъ бы помогать Изяславу Мстиславичу,—знакъ, что онъ не имѣлъ къ тому или средства, или времени. Въ 1151 году Полочане, не безъ участія князей, схватили Рогволода, отослали въ Минскъ, держали его здѣсь въ большой нуждѣ, а къ себѣ приняли, вѣроятно изъ Минска, Ростислава, сына извѣстнаго намъ Глѣба Всеславича; но, какъ видно, Полочане

---

[1]) Татищ. III, 100.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81. «Пивъ бо Гюрги въ осменика у Петрила, въ тъ день на ночь разболѣся».

[3]) У Татищева (III, 103) прибавлено: будто Кіевляне приговаривали, побивая Суздальцевъ: «Вы насъ грабили, разоряли, женъ и дочерей нашихъ насильствовали; нѣсть намъ братія, но непріятели».—Тамъ же о наружности и характерѣ Юрія: «Былъ роста немалаго, толстый, лицомъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ долгій и накривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ, но все оное состояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ».

боялись, чтобы торжествующій тогда Изяславъ Мстиславовичъ не вступился за зятя своего Рогволода, и потому отдались въ покровительство Изяславова врага, Святослава Ольговича Сѣверскаго; Глѣбовичъ поклялся Святославу почитать его отцомъ и ходить въ его послушаньи. Быть можетъ, этотъ союзъ Ольговича съ Полоцкимъ княземъ, врагомъ зятя Изяславова, Рогволода, былъ не безъ вліянія на враждебныя дѣйствія Изяслава противъ Юрія, пріятеля Святославова: мы видѣли, что тотчасъ послѣ этого союза Изяславъ разоряетъ Городецъ Юрія.—Въ областяхъ муромскихъ и рязанскихъ мы видѣли борьбу между дядею Ростиславомъ Ярославичемъ и племянникомъ Владиміромъ Святославичемъ: племянникъ дѣйствовалъ заодно съ Ольговичемъ и Юріемъ, дядя съ Мстиславичами противъ Юрія, за что и былъ изгнанъ въ степи къ Половцамъ сыновьями послѣдняго; когда онъ возвратился,—не знаемъ; знаемъ только то, что въ 1147 году князья рязанскіе являются *ротниками* Ростислава Мстиславича Смоленскаго, т.-е. признаютъ его за отца и ходятъ въ его послушаніи [1]); но въ 1152 году тотъ же самый Ростиславъ Ярославичъ Муромскій съ братьею шелъ вмѣстѣ съ Юріемъ на его племянниковъ; въ 1154 году видимъ опять вражду Юрія съ Ростиславомъ; возвратясь изъ-подъ Козельска, Юрій выгналъ Ростислава изъ его волости и отдалъ ее сыну своему Андрею; но Ростиславъ скоро явился опять съ Половцами, напалъ на Андрея ночью, перебилъ его дружину; самъ Андрей объ одномъ сапогѣ бѣжалъ изъ Рязани въ Муромъ, а оттуда въ Суздаль; наконецъ въ 1155 году опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Ростиславъ Мстиславичъ Смоленскій цѣловалъ крестъ съ рязанскими князьями на всей любви; они всѣ смотрѣли на Ростислава, имѣли его себѣ отцомъ. — Въ Новгородѣ мы оставили княземъ Святополка Мстиславича; посадникомъ, какъ видно, оставался по-прежнему Судила. Святополкъ, принявши Новгородъ изъ рукъ Всеволода Ольговича, не могъ свергнуть стараго пріятеля Ольговичей; только черезъ годъ или больше, въ 1144 году, читаемъ извѣстіе, что посадничество было дано Нѣжатѣ Твердятичу, также товарищу Судилину. Смерть Всеволода Ольговича и утвержденіе въ Кіевѣ Изяслава Мстиславича не могли перемѣнить хода дѣлъ въ Норгородѣ; Святополкъ оставался по-прежнему тамъ княземъ; только отняли посадничество у Нѣжаты, стараго пріятеля Ольговичей, и дали его Константину Микулиничу, старому приверженцу Мстиславичей, за что онъ и страдалъ въ заточеніи у Ольговича въ Кіевѣ. Въ 1147 году, по смерти Константина, посадникомъ избранъ опять Судила Ивановичъ, какъ видно успѣвшій примириться со стороною Мономаховичей. Между тѣмъ шла война у Новгорода съ сосѣдомъ Юріемъ Ростовскимъ: въ 1147 году Святополкъ со всею областью Новгородскою выступилъ противъ дяди, но возвратился отъ Торжка за распутьемъ. Въ слѣдующемъ году архіепископъ Нифонтъ отправился въ Суздаль къ Юрію за миромъ; Юрій принялъ его съ любовію, освободилъ по его просьбѣ всѣхъ Новоторжцевъ и гостей, и отпустилъ ихъ съ честью въ Новгородъ, но мира не далъ. Въ томъ же году, какъ мы видѣли, Изяславъ вывелъ изъ Новгорода брата Святополка, *злобы его ради*, и прислалъ на его мѣсто сына Ярослава. По нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [2]), Изяславъ вывелъ Святополка за то, что тотъ позволилъ Новгородцамъ безъ его вѣдома сноситься съ Юріемъ о мирѣ; быть можетъ, это желаніе Новгородцевъ помириться съ Юріемъ было въ связи съ избраніемъ Судилы, пріятеля Ростовскаго князя. Мы видѣли подробности пріѣзда Изяславова въ Новгородъ и похода его съ Новгородцами на Ростовскую Землю. Должно быть пребываніе ласковаго Мстиславича надолго оставило въ Новгородѣ пріятную память, потому что во время борьбы его съ дядею Юріемъ на югѣ, несмотря на неоднократное торжество послѣдняго, Новгородцы продолжали держать Ярослава Изяславича и враждовать въ ущербъ себѣ съ Ростовскимъ княземъ: такъ, въ 1149 году, небольшой отрядъ Новгородцевъ пошелъ за данью въ Двинскую область; Юрій, узнавшій, что Новгородцевъ немного, послалъ перехватать ихъ извѣстнаго Ивана Берладника, находившагося тогда, какъ видно, въ его службѣ; но Ивану не удалось перехватить Новгородцевъ; они отбились, причемъ много легло съ обѣихъ сторонъ; впрочемъ Суздальцевъ гораздо больше, по замѣчанію новгородскаго лѣтописца. Но, держа Изяславича во время неудачъ отца его, Новгородцы вдругъ выгнали его въ 1154 году; о причинахъ лѣтописецъ молчитъ; видно только одно, что Ярославъ нарушилъ нарядъ, т.-е. былъ причиною борьбы сторонъ, для примиренія которыхъ Новгородцы призываютъ изъ Смоленска Ростислава Мстиславича—знакъ, что они не хотѣли разрывать съ Мстиславичами и Кіевскимъ княземъ: не могъ Ростиславъ безъ согласія старшаго брата занять Новгородъ. Но и Ростиславъ не установилъ наряда; позванный въ Кіевъ по смерти Изяславовой, онъ оставилъ въ Новгородѣ сына Давида при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, при сильномъ неудовольствіи на послѣднія его распоряженія; Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, разсердились на Ростислава за то, что онъ не установилъ у нихъ порядка, но еще больше надѣлалъ смуты, и показали по немъ путь сыну его, взявши къ себѣ въ князья Мстислава, сына Юріева; утвержденіе самого Юрія на столѣ Кіевскомъ утвердило и сына его на столѣ Новгородскомъ. Но мы видѣли, что Юрій недолго былъ спокоенъ въ Кіевѣ, недолго спокойствіе могло сохраняться и въ Новгородѣ; союзъ всѣхъ Мстиславичей и Давидовича противъ Юрія, какъ видно, послужилъ знакомъ къ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 32. Изяславъ говоритъ брату Ростиславу: «И къ ротникомъ ся сли, въ Рязань, и всямо».

[2]) Татищ. II, 322.

возстанію стороны Мстиславичей и въ Новгородѣ; еще въ 1156 году отнято было посадничество у Судилы, и отдано старому Якуну Мірославичу. Въ 1157 году встала злая распря между жителями Новгорода: вооружились противъ князя Мстислава Юрьевича и начали выгонять его, но Юрьевичъ успѣлъ уже пріобрѣсти приверженцевъ; Торговая сторона вооружилась за него, и едва дѣло не дошло до кровопролитія. Пріѣздъ двоихъ Ростиславичей, Святослава и Давида, и бѣгство Юрьевича дало торжество сторонѣ Мстиславичей. Черезъ три дня пріѣхалъ въ Новгородъ самъ Ростиславъ изъ Смоленска, и на этотъ разъ успѣлъ примирить стороны. Зла не было никакого, говоритъ лѣтописецъ; уѣзжая изъ Новгорода, Ростиславъ оставилъ здѣсь сына Святослава, а Давида посадилъ въ Торжкѣ, какъ видно, для обереганія границы со стороны суздальской.

Касательно внѣшнихъ отношеній по-прежнему продолжалась борьба съ пограничными варварами, на югѣ—съ Половцами, на сѣверѣ—съ финскими племенами. Усобица Юрія съ племянникомъ Изяславомъ давала Половцамъ средства жить насчетъ Руси. Мы видѣли, что, по утвержденіи Юрія въ Кіевѣ, въ 1155 году, Поросье получило особаго князя, сына его Василька; Половцы не замедлили навѣстить послѣдняго въ новой волости; но Василько съ Берендѣями разбилъ ихъ и пріѣхалъ къ отцу со славою и честью, по выраженію лѣтописца. Скоро послѣ этого Юрій отправился къ Каневу на съѣздъ съ ханами половецкими: они начали просить освобожденія плѣнниковъ своихъ, взятыхъ Берендѣями въ послѣдней битвѣ; но Берендѣи не выдали и сказали Юрію: „Мы умираемъ за Русскую Землю съ твоимъ сыномъ, и головы свои складываемъ за твою честь". Юрій не захотѣлъ насильно взять у нихъ плѣнниковъ, потому что опасно было раздражить эту пограничную стражу; онъ обдарилъ Половцевъ и отпустилъ ихъ; это любопытное извѣстіе показываетъ намъ отношенія пограничныхъ варваровъ къ князьямъ, за честь которыхъ они складывали свои головы. Въ томъ же году Половцы опять пришли на границу за миромъ; Юрій пошелъ толковать съ ними о мирѣ такъ, какъ обыкновенно ходили на добрую войну, взялъ съ собою обоихъ Мстиславичей—Ростислава и Владиміра, Ярослава Изяславича, отрядъ галицкаго войска, и послалъ сказать Половцамъ: „Ступайте ко мнѣ на миръ". Половцы пріѣхали сначала въ небольшомъ числѣ, поглядѣть только, много ли у Русскихъ войска, и сказали Юрію: „Завтра придемъ къ тебѣ всѣ"; но въ ночь всѣ убѣжали.—На сѣверѣ въ 1149 году Финны (Ямь) пришли ратью на Новгородскую волость, на Водскую пятину; Новгородцы съ Водью вышли къ нимъ на-встрѣчу въ числѣ 500 человѣкъ, и не упустили ни одного человѣка изъ непріятелей: всѣхъ перебили или побрали въ плѣнъ.

Что касается бояръ, дѣйствовавшихъ въ разсмотрѣнный періодъ времени, то изъ тѣхъ, которыхъ мы видѣли у Мономаха, Иванъ Войтишичъ продолжалъ служить и сыну Мономахову Мстиславу, ходилъ съ Торками на полоцкихъ князей; оставался въ Кіевѣ и при Всеволодѣ Ольговичѣ, который посылалъ его устанавливать народъ въ Новгородѣ, но, вмѣстѣ съ другими главными боярами, дѣйствовалъ противъ брата его Игоря въ пользу внука Мономахова. Мы видѣли при Мономахѣ переяславскимъ тысяцкимъ Станислава; въ разсказѣ о Супойской битвѣ, при Ярополкѣ, лѣтописецъ говоритъ, что въ числѣ убитыхъ бояръ находился Станиславъ Добрый Тукіевичъ; имѣемъ право принять этого Станислава за прежняго переяславскаго тысяцкаго и считать его сыномъ Тукія, Чудинова брата, извѣстнаго намъ прежде. Вмѣстѣ съ Станиславомъ въ Супойской битвѣ палъ и тысяцкій кіевскій Ярополковъ—Давидъ Яруновичъ; по его смерти неизвѣстно кто былъ тысяцкимъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ эту должность исправлялъ Улѣбъ, дѣйствовавшій противъ Игоря Ольговича въ пользу Изяслава Мстиславича, и потомъ ѣздившій посломъ отъ Изяслава Мстиславича къ Давидовичамъ въ 1147 году; вмѣстѣ съ Улѣбомъ дѣйствовали заодно и Лазарь Саковскій, бывшій тысяцкимъ послѣ Улѣба, Василій Полочанинъ и Мірославъ (Андреевичъ) Хиличъ внукъ; мы встрѣчали имя Василя при Святополкѣ; извѣстное время Василь былъ посадникомъ этого князя во Владимірѣ-Волынскомъ; если это тотъ самый, то ему могло быть въ 1146 году лѣтъ 75, 80; имя Мірослава видѣли мы въ числѣ бояръ, участвовавшихъ въ составленіи устава Мономахова. Послѣ торжества Изяславова надъ Игоремъ, взяты были бояре, преданные Ольговичамъ; нѣтъ права утверждать, что эти бояре были именно черниговскіе бояре Ольговичей,—они могли быть и старинные кіевскіе, но преданные Ольговичамъ; ихъ имена: Данило Великій, Юрій Прокопьичъ, Иворъ Юрьевичъ, внукъ Мірославовъ. Что касается до отечества втораго изъ нихъ — Юрія Прокопича, то мы видѣли Прокопія, бѣлогородскаго тысяцкаго, участникомъ при составленіи Мономахова устава о ростахъ. Въ 1146 году, при осадѣ Новгорода-Сѣверскаго Давидовичами и Мстиславомъ Изяславичемъ, упоминаются въ числѣ убитыхъ Димитрій Жирославичъ и Андрей Лазаревичъ; если послѣдній былъ съ Мстиславомъ, то могъ быть сыномъ Лазаря Саковскаго. Въ 1147 году, по случаю убіенія Игоря Ольговича, упоминаются въ Кіевѣ извѣстный уже Лазарь Саковскій, имѣвшій теперь должность тысяцкаго, и Рагуйло Добрыничъ (быть можетъ, сынъ Добрыни, или Добрынка, боярина въ дружинѣ Изяслава Мстиславича), тысяцкій Владиміра Мстиславича, и другой бояринъ его, Михаилъ, помогавшій своему князю защищать Игоря отъ убійцъ; послами отъ Изяслава въ Кіевъ съ вѣстью объ измѣнѣ черниговскихъ князей были—Добрынко и Радилъ. Любопытно, что Лазарь былъ тысяцкимъ еще при жизни прежняго тысяцкаго Улѣба, который находился въ это время въ войскѣ вмѣстѣ съ княземъ Изяславомъ; быть можетъ, отказъ Кіевлянъ идти съ Изяславомъ противъ Юрія былъ причиною

отреченія Улѣбова отъ должности тысяцкаго. Подъ 1151 годомъ упоминается воевода Изяслава Мстиславича—Шварнъ, который не умѣлъ уберечь Зарубскаго брода; подъ слѣдующимъ годомъ видимъ Изяславова боярина Петра Борисовича, который ѣздилъ посломъ къ Владимірку Галицкому. Наконецъ, по случаю смерти Юрія Долгорукаго, лѣтописецъ упоминаетъ о какомъ-то Петрилѣ-Осменикѣ, у котораго Юрій пировалъ передъ кончиною.—Изъ бояръ Вячеслава Владиміровича Туровскаго упоминается подъ 1127 годомъ тысяцкій его Иванко, ходившій вмѣстѣ съ своимъ княземъ на Полоцкую волость при в. князѣ Мстиславѣ. Быть можетъ, это лицо тождественно съ извѣстнымъ намъ прежде Иванкомъ Захарьичемъ; потомъ не разъ упоминается имя сына этого Иванка, Жирослава Ивановича; въ 1146 году Вячеславъ, по наученью бояръ своихъ, началъ распоряжаться какъ старшій, не обращая вниманія на племянника Изяслава,—послѣдній отнялъ у него за это Туровъ, гдѣ вмѣстѣ съ епископомъ Іоакимомъ захваченъ былъ посадникъ Жирославъ; по связи разсказа можно заключать, что этотъ Жирославъ былъ однимъ изъ главныхъ сановниковъ Вячеслава; послѣ, неизвѣстно какимъ образомъ, Жирославъ освободился изъ плѣна, и мы видимъ уже его въ дружинѣ Юрія Ростовскаго; онъ пришелъ вмѣстѣ съ сыномъ послѣдняго, Глѣбомъ, на югъ, и подучалъ его захватить Переяславль, представлялъ, что Переяславцы охотно передадутся ему; быть можетъ, онъ же былъ воеводою половецкаго отряда въ войнѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году; наконецъ, въ 1155 году Юрій посылалъ Жирослава выгнать Мстислава Изяславича изъ Пересопницы.—Изъ волынскихъ бояръ Андрея Владиміровича упоминается тысяцкій его Вратиславъ. Изъ галицкихъ бояръ упоминается Иванъ Халдеевичъ, такъ дѣятельно защищавшій Звенигородъ отъ Всеволода Ольговича въ 1146 году; потомъ Избыгнѣвъ Ивачевичъ, съ которымъ самъ-другъ бѣжалъ Владимірко съ поля битвы въ Перемышль въ 1152 году; наконецъ Кснятинъ, или Константинъ Сѣрославичъ, подъ 1157 годомъ, въ посольствѣ отъ Ярослава къ Юрію Долгорукому. Изъ бояръ Святослава Ольговича Сѣверскаго упомянутъ Коснятко, хлопотавшій по дѣламъ своего князя у Давидовичей въ Черниговѣ въ 1146 году; потомъ Петръ Ильичъ, бывшій бояриномъ еще у Олега Святославича; онъ умеръ въ 1147 году, 90 лѣтъ, не будучи въ состояніи уже отъ старости садиться на коня; лѣтописецъ называетъ его добрымъ старцемъ [1]); тіунами Всеволода Ольговича были въ Кіевѣ Ратша, а въ Вышгородѣ Тудоръ, которые такъ раздражили народъ своими грабительствами. Изъ ростовскихъ бояръ упоминается подъ 1130 годомъ ростовскій тысяцкій Юрій. Въ битвѣ Глѣба Юрьевича съ Мстиславомъ Изяславичемъ у Переяславля, въ 1118 году, послѣдній взялъ въ плѣнъ какого-то Станиславича, который былъ казненъ казнью злою, вѣроятно за крамолу съ Переяславцами; быть можетъ, это былъ сынъ переяславскаго тысяцкаго Станислава Тукіевича, о которомъ мы говорили выше; Станиславичъ въ это время передавался на сторону Юрія, за что и былъ казненъ казнью злою.

Глава V.

Событія отъ смерти Юрія Владиміровича до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго.

(1157—1169.)

Изяславъ Давидовичъ вторично княжитъ въ Кіевѣ; причины этого явленія.—Перемѣщенія въ Черниговской волости.—Неудачный походъ князей на Туровъ.—Изяславъ Давидовичъ заступается за галицкаго изгнанника Ивана Берладника. Это вооружаетъ противъ него многихъ князей.—Неудачный походъ Изяслава на князей Ярослава Галицкаго и Мстислава Изяславича Волынскаго.—Онъ принужденъ оставить Кіевъ, куда Мстиславъ Изяславичъ Волынскій перезываетъ дядю своего Ростислава Мстиславича изъ Смоленска.—Уговоръ дяди и племянника насчетъ двоихъ митрополитовъ-соперниковъ.—Война съ Изяславомъ Давидовичемъ.—Смерть послѣдняго.—Ссора в. князя Ростислава съ племянникомъ, Мстиславомъ Волынскимъ.—Смерть Святослава Ольговича Черниговскаго и смута по этому случаю на восточной сторонѣ Днѣпра.—Смерть в. князя Ростислава; характеръ его.—Мстиславъ Изяславичъ княжитъ въ Кіевѣ.—Неудовольствіе князей на него.—Войско Андрея Боголюбскаго изгоняетъ Мстислава изъ Кіева и опустошаетъ этотъ городъ.—Смерть Ивана Берладника.—Смуты полоцкія.—Событія въ Новгородѣ Великомъ.—Борьба Новгородцевъ со Шведами.—Война Андрея Боголюбскаго съ Камскими Болгарами.—Борьба съ Половцами.—Дружина.

Въ другой разъ Святославичъ, теперь племени Давидова, получилъ родовое старшинство и Кіевъ; успѣхомъ своимъ Изяславъ Давидовичъ былъ обязанъ тѣмъ же самымъ обстоятельствамъ, какія дали возможность получить Кіевъ и двоюродному брату его Всеволоду Ольговичу; старшимъ въ пле-

---

[1]) Что касается до Василя Половчина, Судиміра Кучебича и Горѣна, упоминаемыхъ подъ 1147 годомъ, то мы не рѣшимся включить ихъ въ дружину Святослава Ольговича; очень вѣроятно, что эти были чистые Половцы, изъ которыхъ Василь былъ крещенъ, Судиміръ могъ носить славянское имя точно такъ, какъ русскіе люди иногда носили половецкія, послѣ татарскія имена. Вообще должно замѣтить, что если принятіе въ дружину княжескую людей изъ разныхъ народовъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что всѣ мужи, носившіе нерусскія имена, были именно иностранцами; въ противномъ случаѣ мы должны будемъ отца галицкаго боярина Ивана Халдеевича произвести прямо изъ древней Вавилоніи.

мени Мономаховомъ былъ Ростиславъ Мстиславичъ, нисколько не похожій на доблестнаго брата своего, могшій съ успѣхомъ дѣйствовать только при послѣднемъ и рѣзко обнаружившій свою незначительность, когда пришлось дѣйствовать одному, въ челѣ родичей; бѣгство его предъ полками Изяслава Давидовича, по смерти Вячеславовой, могло ли ручаться за успѣхъ вторичной его борьбы съ тѣмъ же княземъ? Нѣтъ сомнѣнія, что, заключая союзъ противъ Юрія съ Черниговскимъ княземъ, Ростиславъ отказался отъ старшинства въ пользу послѣдняго, который, по родовымъ счетамъ, точно приходился ему дядею; Мстиславъ Изяславичъ, самый даровитый и дѣятельный князь въ племени Мстиславичей, не могъ дѣйствовать одинъ ни въ пользу дяди противъ воли послѣдняго, тѣмъ менѣе въ свою собственную пользу: примѣръ отца показывалъ ему, что нельзя затрогивать господствующихъ понятій о правахъ дядей, особенно старшихъ. И вотъ, вслѣдствіе этихъ-то причинъ, Изяславъ Давидовичъ въ другой разъ въѣхалъ въ Кіевъ, теперь уже по согласію всѣхъ Мономаховичей; о сынѣ Юрія, Андреѣ Боголюбскомъ, не было, по крайней мѣрѣ, ничего слышно. Но перемѣщеніе Давидовича на столъ Кіевскій не могло не повлечь за собою перемѣщеній въ Черниговской волости: по родовымъ счетамъ, Черниговъ долженъ былъ перейти къ Святославу Ольговичу, не только старшему по Изяславѣ въ племени Святославовомъ, но и въ цѣломъ родѣ Ярославичей, и вотъ Ольговичъ съ племянникомъ своимъ Святославомъ Всеволодовичемъ явился передъ Черниговомъ, но не былъ впущенъ туда роднымъ племянникомъ Изяслава, Святославомъ Владиміровичемъ, котораго дядя, отъѣзжая въ Кіевъ, оставилъ здѣсь со всѣмъ полкомъ своимъ; лѣтописецъ говоритъ *оставилъ*, а не посадилъ,—знакъ, что Изяславъ не передалъ ему Чернигова во владѣніе, но не хотѣлъ только, какъ видно, впускать туда Ольговича, съ которымъ былъ не въ ладахъ, потому что послѣдній не согласился идти съ нимъ вмѣстѣ на Юрія. Ольговичи, не впущенные въ Черниговъ, отступили отъ города и стали за Свиною рѣкою, на противоположномъ берегу которой скоро показались полки Изяслава Давидовича, пришедшаго вмѣстѣ съ Мстиславомъ Изяславичемъ. Дѣло не дошло однако до битвы; Давидовичу трудно было удержать Черниговъ за собою, странно отдать племяннику вмѣсто дяди; оба дѣйствія одинаково сильно противорѣчили современнымъ понятіямъ; вотъ почему Давидовичъ сталъ пересылаться съ Ольговичемъ, и положили на томъ, что Черниговъ достанется послѣднему, а Сѣверская область Святославу Всеволодовичу; но Святославу Ольговичу досталась не вся Черниговская волость: большую часть ея удержалъ Изяславъ за собою и за роднымъ племянникомъ Святославомъ Владиміровичемъ; Мозырь, уступленный прежде Юріемъ Святославу, также отошелъ къ Кіевской волости.

На западѣ, въ области Туровской, произошло также любопытное явленіе: мы видѣли, что Юрій, утвердившись въ Кіевѣ, отдалъ Туровъ сыну своему Борису; по смерти отца, при всеобщемъ нерасположеніи къ нему на югѣ, Борисъ не могъ удержаться въ Туровѣ и былъ смѣненъ здѣсь извѣстнымъ Юріемъ Ярославичемъ, представителемъ Изяславовой линіи; очень вѣроятно даже, что Юрій выгналъ Бориса [1]). Но ни Давидовичъ, ни Мстиславичи не хотѣли позволить этому изгою владѣть такою важною волостью, тѣмъ болѣе что, какъ видно, они прежде уговорились отдать ее младшему Мстиславичу—Владиміру, не имѣвшему стола. Вслѣдствіе этого, Изяславъ отправился на Ярославича къ Турову; съ нимъ пошелъ Владиміръ Мстиславичъ, Ярославъ Изяславичъ изъ Луцка, Ярополкъ Андреевичъ отъ брата изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичъ отъ отца изъ Смоленска, пошли полоцкій и галицкій отряды; не пошелъ Мстиславъ Изяславичъ Волынскій: вѣрно не хотѣлъ онъ добывать сильной волости враждебному дядѣ, который въ случаѣ удачи похода долженъ былъ сдѣлаться опаснымъ ему сосѣдомъ. Туровская и Пинская волости были опустошены; но Юрій бился крѣпко на вылазкахъ изъ Турова. Несмотря на то, онъ видѣлъ, что ему одному не устоять противъ союзниковъ, и посылалъ съ просьбою къ Изяславу: „Братъ! прими меня къ себѣ въ любовь!“ Изяславъ не соглашался, хотѣлъ непремѣнно взять Туровъ и Пинскъ; но, простоявши 10 недѣль понапрасну, принужденъ былъ отступить, потому что въ войскѣ открылся конскій падежъ; изгой Ярославичъ остался спокойно княжить въ Туровѣ, а Владиміръ Мстиславичъ попрежнему—безъ волости.

Въ слѣдующемъ 1158 году встала смута въ Галичѣ, подавшая поводъ къ изгнанію Изяслава Давидовича изъ Кіева и переходу послѣдняго опять въ родъ Мономаховъ. Не разъ упоминали мы объ изгнанномъ Галицкомъ князѣ, Иванѣ Ростиславичѣ Берладникѣ, который принужденъ былъ служить разнымъ князьямъ русскимъ; въ послѣдній разъ мы видѣли его на сѣверѣ, въ службѣ Юрія Долгорукаго, который посылалъ его перехватывать Новгородцевъ. Когда Юрій окончательно утвердился въ Кіевѣ, то, нуждаясь въ помощи зятя своего, Ярослава Галицкаго, согласился выдать ему несчастнаго Берладника, котораго уже и привели въ оковахъ изъ Суздаля въ Кіевъ, гдѣ дожидались его послы отъ Ярослава съ большою дружиною. Но духовенство вооружилось противъ такого гнуснаго поступка; митрополитъ и всѣ игумены сказали Юрію: „Грѣшно тебѣ, целовавши крестъ, держать Ивана въ такой нуждѣ, да еще теперь хочешь выдать его на убійство“. Юрій послушался, не выдалъ Берладника Галичанамъ, только отправилъ его назадъ въ Суздаль въ оковахъ. Но Изяславъ Давидовичъ Черниговскій, узнавъ, что Берладника ведутъ опять въ Суздаль, послалъ перехватить его на дорогѣ и при-

---

[1]) Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году. Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

вести къ себѣ. По смерти Юрія, когда Изяславъ занялъ его мѣсто въ Кіевѣ, Берладникъ оставался здѣсь на свободѣ, имѣлъ полную возможность сноситься съ недовольными Галичанами. Легко понять, что Ярославъ не могъ оставаться при этомъ покойнымъ: онъ началъ искать двоюроднаго брата своего Ивана, говоритъ лѣтописецъ, и подмолвилъ всѣхъ князей русскихъ, короля Венгерскаго, польскихъ князей, чтобъ были ему помощниками на Ивана; трудно теперь объяснить, что заставило всѣхъ этихъ князей и короля согласиться на просьбу Ярослава; что возбуждало ихъ ненависть противъ несчастнаго Берладника, развѣ то, что, взявши деньги у одного князя, онъ переходилъ къ другому, потомъ къ третьему; быть можетъ также, Ярославъ, подобно отцу, дѣйствовалъ хитро,—каждому князю умѣлъ обѣщать что-нибудь выгодное. Какъ бы то ни было, одинъ Изяславъ Давидовичъ продолжалъ защищать Берладника, и когда явились къ нему послы отъ всѣхъ почти князей русскихъ (Ярослава Галицкаго, Святослава Ольговича, Ростислава Мстиславича, Мстислава Изяславича, Ярослава Изяславича, Владиміра Андреевича, Святослава Всеволодовича), отъ Венгерскаго короля и князей польскихъ съ требованіемъ выдачи Берладника, то Изяславъ переспросилъ ихъ всѣхъ, и отпустилъ съ рѣшительнымъ отказомъ. Берладникъ однако испугался почти всеобщаго союза князей противъ себя, убѣжалъ въ степь къ Половцамъ, занялъ съ ними подунайскіе города, перехватилъ два судна галицкія, взялъ много товару, и началъ преслѣдовать галицкихъ рыболововъ. Собравши много Половцевъ, присоединивши къ нимъ еще 6000 берладниковъ, такихъ же изгнанниковъ, козаковъ, какъ онъ самъ, Иванъ пошелъ съ ними въ Галицкую область, захватилъ городъ Кучельмину и осадилъ Ушицу; *засада* (гарнизонъ) Ярослава крѣпко билась изъ города, но смерды начали перескакивать черезъ стѣну къ Ивану, и перескочило ихъ 300 человѣкъ; Половцы хотѣли взять городъ, но Иванъ не позволилъ, за что варвары озлобились на него и ушли, а между тѣмъ Изяславъ прислалъ звать его съ остальнымъ войскомъ въ Кіевъ, готовясь къ войнѣ. Мономаховичамъ южнымъ, главнымъ изъ которыхъ на дѣлѣ былъ Мстиславъ Изяславичъ Волынскій, открылся теперь удобный случай изгнать Давидовича изъ Кіева и опять перевести этотъ городъ въ свое племя: всѣ князья были сердиты на Изяслава за отказъ выдать Берладника, и вотъ Мстиславъ и Владиміръ Андреевичъ согласились съ Ярославомъ Галицкимъ идти на Кіевскаго князя. Изяславъ, видя бѣду, спѣшилъ, по крайней мѣрѣ, примириться съ собственнымъ племенемъ, и послалъ сказать Святославу Ольговичу, что уступаетъ ему два города, Мозырь и Чичерскъ въ Кіевской волости. Святославъ велѣлъ отвѣчать ему: „Правду сказать, братъ, я сердился на тебя за то, что не отдаешь мнѣ всей Черниговской волости, но лиха тебѣ не хотѣлъ; а если теперь хотятъ на тебя идти, то избави меня Богъ *волоститься* (помогать тебѣ изъ волости); ты мнѣ братъ, дай мнѣ Богъ съ тобою пожить въ добрѣ“. Въ Лутавѣ (4 версты отъ Остра) съѣхались всѣ Святославичи—Ольговичъ, съ сыновьями и роднымъ племянникомъ Всеволодовичемъ, Давидовичъ съ своимъ племянникомъ, Владиміровичемъ; была любовь великая между ними три дня и дары большіе, по выраженію лѣтописца; они немедленно отправили пословъ въ Галичъ и на Волынь объявить тамошнимъ князьямъ о своемъ тѣсномъ союзѣ, и это объявленіе достигло цѣли: Ярославъ и Мстиславъ отложили походъ. Но Изяславъ видѣлъ, что онъ можетъ быть покоенъ только на короткое время; вѣсти приходили къ нему изъ Владиміра, что Ярославъ Галицкій и Мстиславъ Волынскій все думаютъ идти къ Кіеву, и потому онъ рѣшился предупредить ихъ; обстоятельства были благопріятны, потому что Берладникъ получилъ приглашеніе отъ Галичанъ: „Только покажутся твои знамена, то мы тотчасъ же отступимъ отъ Ярослава“, приказывали они говорить ему. Только свергнувши Ярослава и посадивши на его мѣсто Берладника, Давидовичъ могъ спокойно сидѣть въ Кіевѣ, и потому послалъ сказать Ольговичамъ, чтобъ шли къ нему съ войскомъ на помощь. Но Черниговскій князь не умѣлъ или не хотѣлъ понять необходимости войны для Изяслава, и посылалъ не разъ говорить послѣднему: „Братъ! кому ищешь волости—брату или сыну? лучше-бъ тебѣ не начинать первому; а если пойдутъ на тебя съ похвальбою, то и Богъ будетъ съ тобою, и я, и племянники мои“. Мало того,—когда Изяславъ, не послушавшись этихъ увѣщаній, выступилъ въ походъ, то въ Васильевъ явился къ нему посолъ отъ Святослава съ такими словами: „Братъ не велитъ тебѣ начинать рати, велитъ тебѣ возвратиться“. Справедливо раздосадованный, Изяславъ не удержался и съ сердцемъ отвѣчалъ послу: „Скажи брату, что не возвращусь, когда уже пошелъ, да прибавь еще: если ты самъ нейдешь со мною и сына не отпускаешь, то смотри,—когда, Богъ дастъ, успѣю въ Галичѣ, то уже не жалуйся тогда на меня, какъ начнешь ползти изъ Чернигова къ Новгороду-Сѣверскому“. Святославъ сильно разобидѣлся этими словами: „Господи! говорилъ онъ, Ты видишь мое смиреніе; я на свои выгоды не смотрѣлъ, хотѣлъ только одного, чтобъ кровь христіанская не лилась и отчина моя не гибла, взялъ Черниговъ съ семью городами пустыми, въ которыхъ сидятъ только псари да Половцы, а всю волость Черниговскую онъ за собою держитъ, да за своимъ племянникомъ, и того ему мало:—велитъ мнѣ изъ Чернигова выйти; ну, братъ, Богъ разсудитъ насъ и крестъ честный, который ты цѣловалъ, что не искать подо мною Чернигова никакимъ образомъ; а я тебѣ не лиха хотѣлъ, когда запрещалъ идти на войну, хотѣлъ я добра и тишины Русской Землѣ“.

Между тѣмъ Изяславъ, отойдя немного отъ Кіева, остановился, чтобъ дождаться племянника, котораго послалъ за Половцами, и когда тотъ пришелъ, то двинулся къ Бѣлгороду, уже занятому

союзными князьями, Волынскимъ и Галицкимъ. Изяславъ осадилъ ихъ въ городѣ и не сомнѣвался въ успѣхѣ, имѣя 20,000 Половцевъ, какъ измѣна Берендѣевъ перемѣнила все дѣло: или надѣясь выиграть съ перемѣною, или дѣйствительно доброхотствуя сыну любимаго князя своего Изяслава, они вошли въ сношенія съ осажденными, послали сказать Мстиславу: „Отъ насъ теперь зависитъ, князь, и добро твое, и зло; если хочешь насъ любить, какъ любилъ насъ отецъ твой, и дашь намъ по городу лучшему, то мы отступимъ отъ Изяслава“.[1]). Мстиславъ обрадовался такому предложенію, и въ ту же ночь поцѣловалъ крестъ, что исполнитъ всѣ ихъ желанія, послѣ чего Берендѣи не стали медлить, и въ полночь поскакали съ крикомъ къ Бѣлгороду Изяславъ понялъ, что варвары затѣяли недоброе, сѣлъ на коня и поскакалъ къ ихъ стану; но, увидавъ, что станъ горитъ, возвратился назадъ, взялъ племянника Святослава Владиміровича, съ безземельнымъ Владиміромъ Мстиславичемъ, и побѣжалъ къ Днѣпру на Вышгородъ; въ Гомелѣ дождался жены, и бросился въ Землю Витячей, которую занялъ за то, что Святославъ Всеволодовичъ ни самъ не пришелъ къ нему на помощь, ни сына не отпустилъ. Святославъ отмстилъ дядѣ на боярахъ его: велѣлъ побрать всюду ихъ имѣніе, женъ и взялъ на нихъ окупъ.

Освобожденный Берендѣями отъ осады, Мстиславъ съ двумя союзниками вошелъ въ Кіевъ, захватилъ имѣніе дружины Изяславовой, отправилъ его къ себѣ во Владиміръ-Волынскій и послалъ въ Смоленскъ звать дядю Ростислава на старшій столъ, потому что прежде похода еще союзники цѣловали крестъ — искать Кіева Ростиславу. Но послѣдній понималъ затруднительность своего положенія въ Кіевѣ, гдѣ его, послѣ бѣгства передъ Давидовичемъ, не могли много любить и много уважать; на первомъ мѣстѣ здѣсь стоялъ дѣятельный и храбрый племянникъ, который теперь, подобно отцу своему, добылъ головою Кіева, и только по необходимости уступаетъ его дядѣ; Ростиславъ могъ думать, что племянникъ захочетъ смотрѣть на него, какъ прежде Изяславъ смотрѣлъ на стараго дядю Вячеслава, оказывать наружное уваженіе, называть отцомъ и, между тѣмъ, на дѣлѣ быть настоящимъ княземъ-правителемъ; вотъ почему Ростиславъ послалъ сказать союзнымъ князьямъ: „Если зовете меня вправду съ любовію, то я пойду въ Кіевъ на свою волю, чтобъ вы имѣли меня отцомъ себѣ вправду и въ моемъ послушаніи ходили, и прежде всего объявляю вамъ, — не хочу видѣть Клима митрополитомъ, потому что онъ не взялъ благословенія отъ Св. Софіи и отъ патріарха“. Но Мстиславъ крѣпко держался за Клима и никакъ не хотѣлъ признать митрополитомъ грека Константина за то, что послѣдній проклиналъ отца его, Изяслава. Тогда Ростиславъ послалъ въ Вышгородъ старшаго сына своего Романа, уговариваться съ Мстиславомъ насчетъ митрополита; послѣ долгихъ и крѣпкихъ рѣчей, князья положили свести обоихъ и Клима, и Константина. и принять новаго митрополита изъ Константинополя.

Уладившись съ племянникомъ, Ростиславъ въѣхалъ въ Кіевъ, въ 1159 году, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ; а Мстиславъ получилъ изъ кіевскихъ волостей Бѣлгородъ, Торческъ, Триполь. Имѣя одного врага въ Изяславѣ Давидовичѣ, князья кіевскіе и черниговскіе должны были необходимо соединиться, и дѣйствительно скоро съѣхались въ Моравскѣ на великую любовь, по выраженію лѣтописца; князья обѣдали другъ у друга безо всякаго извѣта и дарились: Ростиславъ дарилъ Святослава соболями, горностаями, черными куницами, песцами, бѣлыми волками, рыбьими зубьями; Святославъ отдарилъ Ростислава барсомъ и двумя борзыми конями въ кованыхъ сѣдлахъ; лѣтописецъ счелъ нужнымъ прибавить, что князья — Мономаховичъ и Ольговичъ — угощали другъ друга безъ всякаго извѣта; страненъ и подозрителенъ казался этотъ союзъ въ Кіевѣ, не ждали здѣсь ничего добраго отъ Святослава Ольговича, постояннаго врага Мстиславичей, постояннаго союзника Юрьева; не думали, чтобъ онъ могъ забыть убійство брата своего Игоря. Чтобъ успокоить Кіевлянъ и Берендѣевъ, Ростиславъ долженъ былъ взять къ себѣ Всеволода, сына Святослава Всеволодовича [2]), взамѣнъ своего сына Рюрика, котораго отправилъ къ Святославу въ Черниговъ, на помощь противъ Давидовича. Послѣдній не остался сидѣть спокойно въ Землѣ Вятичей: онъ набралъ множество Половцевъ и сталъ съ ними по Деснѣ, но принужденъ былъ ограничиться однимъ опустошеніемъ селъ, потому что войска Ольговича не пустили его черезъ рѣку. Несмотря на то однако, оба Святослава — и дядя, и племянникъ — видѣли недостаточность своихъ силъ, и послали въ Кіевъ за новою помощью; Ростиславъ отправилъ къ нимъ Ярослава Изяславича Луцкаго, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго и галицкій отрядъ; Давидовичъ испугался и ушелъ съ Половцами въ степь; но на дорогѣ догналъ его гонецъ отъ черниговскихъ пріятелей, которые велѣли сказать ему: „Не уходи, князь, никуда: братъ твой Святославъ боленъ, а племянникъ его пошелъ въ Новгородъ-Сѣверскій, отпустивши дружину“. Получивъ эту вѣсть, Изяславъ немедленно поскакалъ къ Чернигову, а Святославъ Ольговичъ ничего не зналъ и стоялъ спокойно передъ городомъ въ палаткахъ, съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ пришли сказать ему, что Изяславъ уже переправляется черезъ Десну, и Половцы жгутъ села; Святославъ тотчасъ же выстроилъ полки, послалъ возвратить съ дороги Владиміра Андреевича и Рюрика, и тѣ явились въ тотъ же день, вмѣстѣ съ Галичанами. Такимъ образомъ, Изяславу не удалось напасть

[1]) А по Никонов. II, 163: «Воста на него крамола отъ домашнихъ его, и мнози отбѣжаша отъ него въ градъ; а иніи явѣ идоша ко князю Мстиславу Изяславичу.»

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 86: «Ростиславъ баше поялъ у Святослава Всеволода, сына его, увѣряя Кіаны и Берендѣѣ, бяху бо не вѣрующе за свое съгрѣшеніе.»

врасплохъ на Ольговича: тотъ ждалъ съ многочисленными и выстроенными полками, а Берендѣи между тѣмъ напали на Половцевъ и побили ихъ. Видя, что Половцы бѣгутъ раненые, а другіе тонутъ въ Деснѣ, Изяславъ спросилъ: „Что это значитъ?" и, получивъ въ отвѣтъ, что у города стоятъ сильные полки, бросился опять за Десну и потомъ въ степь, а союзники стали опустошать занятыя имъ волости; но Изяславъ скоро опять явился съ толпами Половцевъ, изъ Черниговской прошелъ въ Смоленскую волость, и страшно опустошилъ ее: Половцы повели въ плѣнъ болѣе 10,000 человѣкъ, не считая убитыхъ.

Видя противъ себя и Мстиславича и Ольговича, Изяславъ обратился къ сѣверному князю, Андрею Юрьевичу, сидѣвшему во Владимірѣ-Клязменскомъ: Изяславъ послалъ просить у него дочери въ замужество за племянника своего Святослава Владиміровича, князя Вщижскаго, и вмѣстѣ помощи, потому что женихъ былъ осажденъ въ своемъ городѣ Ольговичами: дядею и племянникомъ, и Рюрикомъ Ростиславичемъ. Андрей отправилъ къ нему на помощь сына своего Изяслава со всѣми своими полками и муромскою помощью; вѣсть о приближеніи большой ростовской силы заставила сначала Ольговича отступить отъ Вщижа; но когда Андреевы полки ушли назадъ въ Ростовскую Землю, то Ольговичи съ союзниками опять обступили Вщижъ, стояли около него пять недѣль и заставили Владиміровича отстать отъ союза съ роднымъ дядею, признать старшинство двоюроднаго, Ольговича, имѣть его вмѣсто отца и ходить въ его волѣ.

Несмотря однако на всѣ неудачи, Изяславъ не думалъ еще уступать; въ Кіевѣ и въ степной Украйнѣ смотрѣли съ неудовольствіемъ и подозрительностью на тѣсный союзъ Ростислава съ Ольговичемъ; этимъ нерасположеніемъ могъ воспользоваться Давидовичъ, чтобъ разорвать союзъ Кіевскаго князя съ Черниговскимъ, союзъ, отнимавшій у него всякую надежду на успѣхъ. Есть извѣстіе, что онъ дѣйствительно воспользовался имъ, успѣлъ подкупить бояръ кіевскихъ и черниговскихъ, которые взялись перессорить князей своихъ; но сначала имъ это не удалось: князья не вѣрили навѣтамъ, переслались между собою, и еще крѣпче утвердили союзъ свой [1]). Чтобъ сблизить, помирить Ольговича съ Кіевлянами и пограничнымъ варварскимъ народонаселеніемъ, принимавшимъ такое важное участіе въ дѣлахъ Южной Руси, Ростиславъ послалъ сказать Черниговскому князю: „Отпусти ко мнѣ сына своего Олега, пусть ознакомится съ лучшими Кіевлянами, Берендѣями и Торками". Святославъ, ничего не подозрѣвая, отпустилъ сына, который былъ принятъ очень хорошо Ростиславомъ, два дня сряду обѣдалъ у него; но на третій день, выѣхавши изъ стана на охоту [2]), Олегъ встрѣтилъ одного кіевскаго боярина, который сказалъ ему: „Князь! есть у меня до тебя важное дѣло; поклянись, что никому ничего не скажешь"; Олегъ поклялся, и бояринъ объявилъ ему, чтобъ онъ остерегался, потому что хотятъ его схватить. Олегъ повѣрилъ и, подъ предлогомъ материнской болѣзни, сталъ проситься у Ростислава назадъ въ Черниговъ; тотъ сначала не хотѣлъ отпустить его, но потомъ отпустилъ; надобно замѣтить, что лѣтописецъ совершенно оправдываетъ Ростислава и складываетъ всю вину на бояръ: князь, говоритъ онъ, не имѣлъ на сердцѣ никакого злого умысла,—все это сдѣлали злые люди, не хотѣвшіе видѣть добра между братьею. Когда Олегъ пріѣхалъ назадъ въ Черниговъ, то не сказалъ ничего отцу, но втайнѣ сердился на него, и сталъ проситься въ Курскъ; Святославъ, нечего не зная, отпустилъ его туда; на дорогѣ Олега встрѣтили послы Давидовича съ дружелюбными рѣчами, съ приглашеніемъ вступить въ союзъ съ ихъ княземъ, съ извѣстіемъ, что двоюродные братья его, Святославъ и Ярославъ Всеволодовичи, уже приступили къ этому союзу. Олегъ объявилъ обо всемъ этомъ своимъ боярамъ, и тѣ отвѣчали: „Князь! развѣ это хорошо, что хотѣли схватить тебя въ Кіевѣ, а Черниговъ отдаютъ подъ отцомъ твоимъ; послѣ этого вы оба правы въ крестномъ цѣлованіи къ нимъ". Олегъ послушался и вступилъ въ союзъ съ Изяславомъ, безъ отцовскаго совѣта. Когда старикъ Святославъ узналъ, что племянники Всеволодовичи и родной сынъ его Олегъ соединились съ Изяславомъ, то съ большимъ горемъ разсказалъ объ этомъ боярамъ своимъ; но тѣ отвѣчали ему: „Удивительно намъ, князь, что жалуешься на племянниковъ и на Олега, а жизни своей не бережешь; уже это не ложь, что Романъ Ростиславичъ изъ Смоленска посылалъ попа своего сказать Изяславу: отдаетъ тебѣ батюшка Черниговъ, живи со мною въ мирѣ, а потомъ самъ Ростиславъ хотѣлъ схватить сына твоего въ Кіевѣ; ты, князь, волость свою погубилъ, держась за Ростислава, а онъ тебѣ очень лѣниво помогаетъ". Такимъ образомъ, Святославъ поневолѣ отведенъ былъ отъ Ростиславовой любви къ Изяславу, говоритъ лѣтописецъ. Давидовичъ спѣшилъ пользоваться выгоднымъ оборотомъ дѣлъ, собралъ большія толпы Половцевъ, соединился съ Всеволодовичами сѣверскими, съ роднымъ племянникомъ Владиміровичемъ, съ Олегомъ Святославичемъ; но отецъ послѣдняго, несмотря ни на что, не пошелъ вмѣстѣ съ Изяславомъ, остался въ Черниговѣ. Давидовичу хотѣлось поднять на Ростислава и зятя своего, Глѣба Юрьевича, княжившаго въ Переяславлѣ; но тотъ не поѣхалъ съ нимъ, вслѣдствіе чего союзники подошли къ Переяславлю, простояли подъ нимъ двѣ недѣли, и ничего не сдѣлали. Этимъ временемъ воспользовался Ростиславъ; собралъ большое войско, выступилъ къ Днѣпру и находился въ Триполѣ, когда Изяславъ, узнавши о его приближеніи, обратился въ бѣгство, и всѣ Половцы его ушли въ степь. Вѣроятно бѣгство Половцевъ, которые не любили сражаться съ многочисленными войсками, и заста-

[1]) Татищ. III, 129.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 89: «Ѣдущу Олгови изъ товаръ на поѣздьство».

вило Давидовича бѣжать предъ Ростиславомъ. Но какъ скоро послѣдній, возвратясь въ Кіевъ, распустилъ войско, то Изяславъ опять собралъ союзныхъ себѣ князей и Половцевъ, перешелъ замерзшій Днѣпръ за Вышгородомъ и явился у Кіева. Здѣсь съ Ростиславомъ былъ только одинъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ; послѣ кровопролитной схватки, которая показалась лѣтописцу вторымъ пришествіемъ, Изяславъ началъ одолѣвать, и Половцы пробивались уже сквозь частоколъ въ городахъ, когда дружина Ростиславова сказала своему князю: „Князь! братьевъ твоихъ еще нѣтъ, нѣтъ ни Берендѣевъ, ни Торковъ, а у непріятелей сила большая; ступай лучше въ Бѣлгородъ, и тамъ поджидай помощи“. Ростиславъ послушался, поѣхалъ въ Бѣлгородъ съ полками и съ княгинею; въ тотъ же день пришелъ къ нему племянникъ Ярославъ Изяславичъ Луцкій съ братомъ Ярополкомъ, а Владиміръ Андреевичъ отправился въ Торческъ за Торками и Берендѣями [1]). Давидовичъ вошелъ въ третій разъ въ свой любимый Кіевъ, простилъ всѣхъ гражданъ, попавшихся въ плѣнъ, и пошелъ немедленно осаждать Бѣлгородъ Ростиславовъ; но Святославъ Черниговскій опять прислалъ ему сказать, чтобъ мирился: „Если даже и не помирятся съ тобою, во всякомъ случаѣ ступай за Днѣпръ; когда будешь за Днѣпромъ, то вся твоя правда будетъ“. Изяславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Братья мои, возвратившись за Днѣпръ, пойдутъ въ свои волости; а мнѣ куда возращаться? Къ Половцамъ нельзя мнѣ идти, а у Выря не хочу помирать съ голоду; лучше мнѣ здѣсь умереть“. Четыре недѣли понапрасну простоялъ онъ около бѣлгородскаго кремля; а между тѣмъ Мстиславъ Изяславичъ изъ Владиміра шелъ на выручку къ дядѣ, съ галицкою помощью; съ другой стороны шелъ Рюрикъ Ростиславичъ съ Владиміромъ Андреевичемъ и Василькомъ Юрьичемъ изъ Торческа, ведя съ собою толпы пограничныхъ варваровъ—Берендѣевъ, Коуевъ, Торковъ, Печенѣговъ; у Котельницы соединились они съ Мстиславомъ, и пошли вмѣстѣ къ Бѣлгороду [2]). На дорогѣ Черные Клобуки стали проситься у Мстислава ѣхать напередъ: „Мы посмотримъ, князь, говорили они, велика ли рать?“ Мстиславъ отпустилъ ихъ, а между тѣмъ дикіе Половцы Изяславовы со своей стороны также подстерегали непріятельское войско, и, прискакавши къ Изяславу, сказали ему, что идетъ рать огромная. Давидовичъ испугался и, не видавши самъ Мстиславовыхъ полковъ, побѣжалъ отъ Бѣлгорода; осажденные князья вышли тогда изъ города, и, дождавшись своихъ избавителей, погнались вмѣстѣ съ черниговскими; Торки нагнали ихъ, стали бить и брать въ плѣнъ; одинъ изъ Торковъ, Воиборъ Негечевичъ [3]), нагналъ самого Изяслава и ударилъ его по головѣ саблею; другой Торчинъ прокололъ его въ стегно и повалилъ съ лошади; при послѣднемъ издыханіи уже нашелъ его Мстиславъ и отправилъ въ кіевскій Семеновскій монастырь, гдѣ онъ и умеръ; тѣло его отослали въ Черниговъ [4]) (1160—1161 г.).

Въ другой разъ Ростиславъ получилъ Кіевъ, благодаря племяннику своему Мстиславу; и это уже самое обстоятельство могло вести къ ссорѣ между князьями: Мстиславъ могъ считать себя въ правѣ предъявлять большія требованія за свои услуги, тѣмъ болѣе что онъ, подобно отцу, держась пословицы: не идетъ мѣсто въ головѣ, а голова къ мѣ-

---

[1]) У Татищева прибавлено: «Ростиславъ для пользы Ольговой говорилъ, чтобъ онъ съѣздилъ къ Берендичамъ, и не худо, еслибъ съ ними на Половцевъ сходилъ, дабы тѣмъ оныхъ поприласкать; а клеветникъ Олгу толковалъ, что тамъ его Ростиславъ хочетъ поимать... Ростиславъ не имѣлъ никакого злаго намѣренія, но отъ любви къ Олгу не хотѣлъ его отпустить (въ Черниговъ), а клеветники злые тѣмъ наиболѣе Олга возмущали».—Извѣстія очень вѣроятныя, тѣмъ болѣе что Ростиславъ и призывалъ Олега съ тѣмъ, чтобъ познакомить его съ Торками и Берендѣями.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 90: «И сняшася у Котелнича со Мьстиславомъ; и оттуда подошла къ Бѣлгороду на Мутижиръ, и быша на Кучари».—Гг. Надеждинъ и Неволинъ справедливо полагаютъ, что здѣсь и подъ 1193 годомъ разумѣется одинъ Торческъ, близкій къ Половцамъ, за Росью. Отсюда Рюрикъ соединился съ Мстиславомъ, въ Котельнѣ на Гнилѣ. Потомъ они пошли на Бѣлогородку, на Мутижиръ, или нынѣшній Житомиръ, невдалекѣ отъ Котельни вверхъ по Гнилѣ, или село Матижинъ, близъ нынѣшней Бѣлогородки (послѣднее разумѣется вѣроятнѣе). Кучары должны быть: или Кошарище, деревня на рѣкѣ Тетеревѣ; или село Кочерево, на дорогѣ изъ Махновки въ Радомыслъ; оба въ Радомысльскомъ уѣздѣ, на пути изъ Котельни къ Бѣлогородкѣ. Между Бѣлгородкой и Кіевомъ, на рѣчкѣ, называемой нынѣ Борщаговкой, есть селенія: Жиляне и Бѣличи, оба въ весьма близкомъ разстояніи другъ отъ друга и отъ Кіева. Всѣ эти мѣста вполнѣ соотвѣтствуютъ приведеннымъ лѣтописнымъ указаніямъ: «Торцы же постигоша возы ихъ на Желяни, полки же ихъ постигоша отъ Буличь».—Г. Погодинъ (И. З. Л. IV, 190) не хочетъ согласиться, чтобы Торцьскій былъ Торческъ на рѣкѣ Роси, и, указывая на нынѣшній Торчинъ между Луцкомъ и Владиміромъ, приводитъ слѣдующее доказательство своему мнѣнію: зачѣмъ бы Рюрику отъ Руси отдаляться на Волынь, чтобъ послѣ оттуда придти къ Бѣлугороду, столь близкому отъ Торческа Кіевскаго?—Но въ лѣтописи ясно указана причина такого движенія Рюрика: онъ пошелъ къ Котельнѣ, чтобъ соединиться съ Мстиславомъ, который шелъ изъ Владиміра.

[3]) Что этотъ Воиборъ былъ Торчинъ,—ясно изъ разсказа лѣтописи: одни Торки были въ дѣлѣ; далѣе подъ тѣмъ же годомъ сказано: «Придоша Половци мнози къ Гюргеву, и взяша вѣжи многи по Роту и Въибора убиша, иже бяше Изяслава убилъ». Здѣсь опять говорится о вежахъ, о Торкахъ, между которыми былъ убитъ Воиборъ. Слѣд. нѣтъ основанія включить этого Воибора въ число дружинниковъ княжескихъ.

[4]) Въ Никон. (II, 174) читаемъ слѣдующее описаніе кончины Изяславовой: «И еще ему живу сущу лежащу, пріидоша надъ него князь Ростиславъ Мстиславичъ и князь Мстиславъ Изяславичъ, и нача кричати и плакати, глаголюща: господине великой княже Изяславъ Давидовичь! не досыти ли тебѣ было великое княженіе черниговское, что мя еси выгналъ изъ Кіева, и уже и Кіевъ еси взялъ, почто же изъ Бѣлгорода гнати умыслилъ еси? Онъ же лежаше и воздыхаше тяжко зѣло, и кровь много течаше отъ него, тоже вопроси воды пити. Князь же Ростиславъ и князь Мстиславъ повелѣша ему дати вина, онъ же рече: хощу воды. Они же даша ему вина, онъ же испивъ вина, усну сномъ вѣчнымъ».

сту, не отличался сыновнею покорностью передъ дядьми; мы видѣли, какъ прежде поступилъ онъ съ Ростиславомъ, когда тотъ вздумалъ-было, ему въ ущербъ, мириться съ Давидовичемъ. Ростиславъ, съ своей стороны, не хотѣлъ походить на дядю своего Вячеслава; мы видѣли, что онъ пошелъ въ Кіевъ только на условіи быть настоящимъ старшимъ въ родѣ. Вотъ почему неудивительно намъ читать въ лѣтописи, что, скоро послѣ вторичнаго вступленія Ростислава въ Кіевъ, Мстиславъ выѣхалъ изъ этого города въ-сердцахъ на дядю, и что между ними были крупныя рѣчи. Въ то же время одинъ изъ сыновей Ростиславовыхъ, Давидъ, безъ отцовскаго впрочемъ приказа, поѣхалъ въ Торческъ и схватилъ тамъ посадника Мстиславова, котораго привелъ въ Кіевъ: было необходимо занять Торческъ, для того, чтобъ отрѣзать Мстиславу сообщеніе съ Черными Клобуками. Въ Бѣлгородъ Ростиславъ отправилъ другого сына своего Мстислава. Волынскому князю трудно было одному бороться съ дядею; онъ хотѣлъ пріобрѣсть союзниковъ, но придумалъ для этого странное средство: съ войскомъ двинулся къ Пересопницѣ, приказывая Владиміру Андреевичу отступить отъ Ростислава; Владиміръ не послушался, и Мстиславъ принужденъ былъ возвратиться назадъ [1]); а между тѣмъ Ростиславъ помирился съ Ольговичами и дядею, и племянниками [2]), помирился и съ Юріемъ Ярославичемъ, которому, благодаря враждѣ и слабости Мономаховичей, удалось утвердиться въ Туровѣ. Оставался еще одинъ безземельный князь, младшій братъ Ростислава, Владиміръ Мстиславичъ; мы видѣли, что онъ былъ прогнанъ изъ Волыни племянникомъ Мстиславомъ, потомъ находился въ войскѣ Изяслава Давидовича и вмѣстѣ съ послѣднимъ бѣжалъ отъ Бѣлгорода за Днѣпръ; что случилось съ нимъ послѣ того, неизвѣстно, но подъ 1162 годомъ лѣтописецъ говоритъ о походѣ князей—Рюрика Ростиславича, Святополка, сына Юрія Туровскаго, обоихъ Всеволодовичей Сѣверскихъ—Святослава и Ярослава, Святослава Владиміровича Вщижскаго, Олега Святославича и полоцкихъ князей—къ Слуцку [3]) на Владиміра Мстиславича; когда и какъ послѣдній овладѣлъ этимъ городомъ—не извѣстно. Видя, что нельзя противиться такому большому войску, Владиміръ отдалъ городъ союзнымъ князьямъ, а самъ отправился къ брату Ростиславу въ Кіевъ; тотъ далъ ему Триполь въ четырьмя городами. Наконецъ, въ слѣдующемъ 1163 году, Ростиславъ заключилъ миръ и съ племянникомъ своимъ Мстиславомъ; вѣроятно послѣдній, видя, что всѣ остальные князья въ дружбѣ съ дядею, сталъ посговорчивѣе; Ростиславъ возвратилъ ему Торческъ и Бѣлгородъ, а за Триполь далъ Каневъ.

Но въ то время, какъ все успокоилось на западной сторонѣ Днѣпра, встала смута на восточной, по случаю смерти Святослава Ольговича, послѣдовавшей въ 1164 году. Черниговъ, по всѣмъ правамъ, принадлежалъ послѣ него племяннику отъ старшаго брата, Святославу Всеволодовичу; но вдова Ольговича, по согласію съ епископомъ Антоніемъ и лучшими боярами мужа своего, три дня таила смерть послѣдняго, чтобъ имѣть время послать за сыномъ своимъ Олегомъ и передать ему Черниговъ; Олегу велѣли сказать: „Ступай, князь, поскорѣе, потому что Всеволодовичъ неладно жилъ съ отцомъ твоимъ и съ тобою, не замыслилъ бы какого лиха.“ Олегъ успѣлъ пріѣхать прежде Святослава, который узналъ о дядиной смерти отъ епископа Антонія; мы видѣли, что этотъ Антоній былъ въ заговорѣ съ княгинею и даже цѣловалъ Спасителевъ образъ съ клятвою, что никому не откроетъ о княжеской смерти, причемъ еще тысяцкій Юрій сказалъ; „Не годилось бы намъ давать епископу цѣловать Спасовъ образъ, потому что онъ святитель, а подозрѣвать его было намъ нельзя, потому что онъ любилъ своихъ князей“; и епископъ отвѣчалъ на это: „Богъ и Его Матерь мнѣ свидѣтели, что самъ не пошлю къ Всеволодовичу никакимъ образомъ, да и вамъ, дѣти, запрещаю, чтобъ не погибнуть вамъ душою и не быть предателями, какъ Іуда“. Такъ говорилъ онъ на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому что былъ родомъ грекъ, прибавляетъ лѣтописецъ: первый поцѣловалъ онъ Спасовъ образъ, первый и нарушилъ клятву, послалъ къ Всеволодовичу грамоту, въ которой писалъ: „Дядя твой умеръ; послали за Олегомъ; дружина по городамъ далеко; княгиня сидитъ съ дѣтьми безъ памяти, а имѣнья у нея множество; ступай поскорѣе. Олегъ еще не пріѣхалъ, такъ ты урядишься съ нимъ на всей своей волѣ“. Святославъ, прочтя грамоту, немедленно отправилъ сына въ Гомель, по другимъ городамъ послалъ посадниковъ, а самъ сбирался ѣхать въ Черниговъ; но, услыхавъ, что Олегъ предупредилъ его, сталъ пересылаться съ нимъ, улаживаясь насчетъ волостей; Олегъ уступилъ ему Черниговъ, а себѣ взялъ Новгородъ-Сѣверскій; Всеволодовичъ цѣловалъ также крестъ, что надѣлитъ изъ своихъ волостей братьевъ Олеговыхъ, Игоря и Всеволода, но не исполнилъ клятвы. Олегъ, какъ видно, на первый разъ смолчалъ, но скоро представился новый случай къ ссорѣ: въ 1167 году умеръ князь Вщижскій Святославъ Владиміровичъ, представитель старшей линіи въ Святославовомъ родѣ, имѣвшій поэтому болѣе Ольговичей права на Черниговъ, но, какъ видно, не хотѣвшій вступить въ споръ по болѣзни или по какимъ-нибудь другимъ причинамъ. Выморочную волость должны были подѣлить между

[1]) Въ Никонов. (II, 189) читаемъ, что Владиміръ Андр. послалъ сказать Мстиславу: «Аще хощеши и моея власти, и се азъ исхожу изъ града своего, и отъ всея власти своея, съ женою и дѣтьми своими, имѣніе же и богатство все оставихъ, точію мало на потребу себѣ и дѣтемъ своимъ взяхъ и умыслихъ въ чужой землѣ нищенствовати, ниже кровь проліяти бѣдне и грѣшне... Князь же Мстиславъ Изяславичъ удивился разуму его, и посла къ нему дары многи, и моляше его да паки возвратится въ свою волость».

[2]) Ник. II, 199: Миръ этотъ устроилъ митрополитъ Ѳеодоръ.

[3]) По другимъ лѣтописямъ къ Луцку, что также очень вѣроятно, см. Воскрес. II, 64.

собою остальные родичи [1]); но Святославъ не далъ ничего Олегу, отдалъ лучшую волость родному брату своему Ярославу, а во Вщижѣ посадилъ сына. Тогда Ростиславъ Кіевскій, видя, что Святославъ обижаетъ Олега, вступился за послѣдняго, тѣмъ болѣе что за нимъ была его дочь [2]), и нѣсколько разъ посылалъ уговаривать Всеволодовича, чтобъ надѣлилъ Олега какъ слѣдуетъ; а между тѣмъ Стародубцы, недовольные почему-то Всеволодовичемъ, послали также звать къ себѣ Олега; тотъ было-поѣхалъ, но былъ предупрежденъ Ярославомъ Всеволодовичемъ, и гражданамъ нельзя было исполнить своего намѣренія; тогда Олегъ, въ-сердцахъ на неудачу, побралъ въ плѣнъ множество сельскихъ жителей около Стародуба. Святославъ хотѣлъ отмстить ему тѣмъ, что послалъ брата Ярослава съ Половцами къ Новгороду-Сѣверскому; но это войско, не дошедши 15 верстъ отъ города, возвратилось назадъ. Олегъ не могъ самъ продолжать военныхъ дѣйствій, потому что сильно занемогъ, и потому легко согласился на предложеніе Ростислава помириться съ Черниговскимъ княземъ, взявши у послѣдняго четыре города.

Такимъ образомъ, Ростиславу удалось умирить всѣхъ князей и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра; оставалось урядить дѣла на сѣверѣ. Въ 1168 году онъ отправился туда, заѣхавши напередъ къ зятю своему, Олегу Сѣверскому; Смольняне, лучшіе люди, начали встрѣчать его еще за 300 верстъ отъ своего города, потомъ встрѣтили его внуки, за ними сынъ Романъ, епископъ, тысяцкій и мало не весь городъ вышелъ къ нему на встрѣчу: такъ всѣ обрадовались его приходу, и множество даровъ надавали ему. Изъ Смоленска Ростиславъ отправился въ Торопецъ, откуда послалъ въ Новгородъ къ сыну Святославову, чтобъ пріѣзжалъ съ лучшими гражданами къ нему въ Великія Луки, потому что болѣзнь не позволяла ему ѣхать дальше. Урядившись съ Новгородцами, взявши много даровъ у нихъ и у сына, онъ возвратился въ Смоленскъ совсѣмъ больной; сестра Рогнѣда начала просить его, чтобъ остался въ Смоленскѣ и легъ въ построенной имъ церкви; но Ростиславъ отвѣчалъ: „Не могу здѣсь лечь, везите меня въ Кіевъ; если Богъ пошлетъ по душу на дорогѣ, то положите меня въ отцовскомъ благословеніи у Св. Ѳеодора; а если, Богъ дастъ, выздоровлю, то постригусь въ Печерскомъ монастырѣ". Передъ смертію онъ говорилъ духовнику своему, священнику Семену: „Отдашь ты отвѣтъ Богу, что не допустили меня до постриженія". Ростиславъ постоянно имѣлъ эту мысль, часто и говорилъ печерскому игумену Поликарпу: „Тогда мнѣ пришла мысль о постриженіи, какъ получилъ я вѣсть изъ Чернигова о смерти Святослава Ольговича". Съ тѣхъ поръ онъ все твердилъ игумену: „Поставь мнѣ келью добрую, боюсь напрасной смерти". Но Поликарпъ отговаривалъ ему: „Вамъ Богъ такъ велѣлъ быть, говорилъ игуменъ: правду блюсти на этомъ свѣтѣ, судъ судить праведный и стоять въ крестномъ цѣлованіи". Ростиславъ отвѣчалъ на это: „Отецъ! княженіе и миръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало пожилъ на этомъ свѣтѣ,—такъ хотѣлось бы поревновать святымъ". Поликарпъ не хотѣлъ болѣе противиться, и отвѣчалъ: „Если уже ты сильно этого хочешь, князь, то да будетъ воля Божія". Ростиславъ сказалъ на это: „Подожду еще немного; есть у меня кое-какія дѣла".—Теперь всѣ дѣла были устроены, и больной Ростиславъ спѣшитъ въ Кіевъ съ тѣмъ, чтобы лечь тамъ или постричься, какъ на дорогѣ изъ Смоленска, будучи въ сестриномъ селѣ Зарубѣ, почувствовалъ приближеніе смерти и послалъ за духовникомъ; самъ прочелъ отходную, и умеръ въ полной памяти, отирая платкомъ слезы. — И этотъ Мстиславичъ представляетъ также замѣчательное явленіе между древними князьями нашими: далеко уступая старшему брату своему Изяславу въ дѣятельности, отвагѣ и распорядительности ратной, Ростиславъ отличался охранительнымъ характеромъ; постоянно почтительный предъ старшимъ братомъ, покорный его волѣ, онъ былъ почтителенъ и передъ дядьми, съ неудовольствіемъ смотрѣлъ на борьбу съ ними старшаго брата, уговаривалъ его уступить имъ; и когда самому пришла очередь быть старшимъ въ родѣ, то потребовалъ отъ младшихъ такого же повиновенія, какое самъ оказывалъ своимъ старшимъ. Принявши старшинство, онъ не уступилъ пылкому племяннику своему Мстиславу въ требованіяхъ, какъ по всему видно, неумѣренныхъ; но и его послѣ, и всѣхъ остальныхъ младшихъ родичей ни въ чемъ не обидѣлъ, всѣхъ старался примирить, всѣхъ надѣлилъ волостями, такъ что при концѣ его жизни повсюду водворилось спокойствіе (1168 г.).

По смерти Ростислава, старшинство въ родѣ принадлежало прежде всего Святославу Всеволодовичу Черниговскому по старшинству племени; но Мономаховичи не хотѣли признавать этого старшинства; въ племени Мономаховомъ старшимъ по линіи былъ послѣдній сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ Мстиславичъ; но этотъ князь, какъ мы видѣли, былъ *мачешичъ* и, вѣроятно, моложе своего племянника лѣтами, былъ изгнанъ Мстиславомъ даже изъ Волыни; могъ ли онъ надѣяться, что послѣдній уступитъ ему Кіевъ? Наконецъ, послѣ Владиміра на старшинство въ родѣ имѣлъ права сынъ Юрія Долгорукаго, Андрей Боголюбскій; но сѣверныхъ князей вообще не любили на югѣ, а Андрей поведеніемъ своимъ относительно братьевъ своихъ не могъ нисколько уменьшить этого нерасположенія. Вотъ почему по смерти Ростислава, взоры всѣхъ обратились на смѣлаго племянника его, князя Владимірскаго на Волыни, который два раза уже овладѣвалъ Кіевомъ, два раза уступалъ его родному и старшему дядѣ, но, кромѣ послѣдняго, не могъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: «Олегъ бо просяще *въ правду* надѣленья».

[2]) Тамъ же. «Ведена бысть Ростиславна Огаѳья за Олга за Святославича».

уступить никому другому. Несмотря однако на это, спорность правъ Мстислава, спорность самой отчинности его (ибо отецъ его умеръ, не будучи собственно старшимъ въ родѣ) давала родичамъ его надежду, что Изяславичъ щедро наградитъ ихъ за уступку ему старшинства, дастъ имъ все, чего они сами захотятъ; но они ошиблись въ своемъ разсчетѣ: Мстиславъ, подобно дядѣ Ростиславу, хотѣлъ быть старшимъ на дѣлѣ, а не по имени только. Получивъ приглашеніе ѣхать въ Кіевъ отъ братьи—Владиміра Мстиславича, Рюрика и Давида Ростиславичей, — также особое приглашеніе отъ Кіевлянъ и особое отъ Черныхъ Клобуковъ, Мстиславъ отправилъ немедленно въ Кіевъ племянника Василька Ярополчича съ своимъ тіуномъ. Здѣсь въ Кіевѣ пріятели Мстислава разсказали Васильку, что князья Владиміръ Мстиславичъ и Андреевичъ, также Ярославъ Изяславичъ Луцкій и Ростиславичи цѣловали крестъ, что будутъ стоять заодно и возьмутъ у Мстислава волости по своей волѣ: Владиміръ Мстиславичъ возьметъ въ придачу къ Триполю Торческъ со всѣмъ Поросьемъ, Владиміръ Андреевичъ—Брестъ, Ярославъ—Владиміръ. Василько немедленно далъ знать объ этомъ дядѣ Мстиславу, и тотъ, передавши вѣсть союзникамъ своимъ—Ярославу Галицкому, Всеволодовичамъ городенскимъ и князьямъ польскимъ, выступилъ съ своими полками и съ галицкою помощью къ Кіеву. Какъ видно, главою княжескаго заговора былъ Владиміръ Мстиславичъ, давній врагъ своего племянника; вотъ почему, услыхавъ о приближеніи послѣдняго къ Кіеву, онъ бросился бѣжать съ семьею изъ Триполя въ Вышгородъ, гдѣ и затворился вмѣстѣ съ Ростиславичами. Мстиславъ между тѣмъ вошелъ въ Кіевъ, урядился съ братьями, дружиною и Кіевлянами, и въ тотъ же день отправился осаждать Вышгородъ; послѣ крѣпкихъ схватокъ между осаждающими и осажденными, князья начали пересылаться, и уладились наконецъ на-счетъ волостей, послѣ чего Мстиславъ вторично вошелъ въ Кіевъ и сѣлъ на столѣ Ярославовомъ, на столѣ отца своего и дѣдовъ своихъ.

Но легко понять, что князья, особенно старые, обманувшись въ своихъ надеждахъ, затаили горечь въ сердцѣ; особенно злобился на племянника Владиміръ Мстиславичъ, и тотчасъ послѣ ряду уже началъ затѣвать новые замыслы противъ Мстислава; бояринъ Давида Ростиславича, Василь Настасьичъ, узнавши объ этихъ замыслахъ, объявилъ о нихъ своему князю, а тотъ разсказалъ все Мстиславу. Когда Владиміръ увидалъ, что умыселъ его открылся, то пріѣхалъ въ Кіевъ оправдываться передъ племянникомъ Почти въ одно время съѣхались они въ Печерскомъ монастырѣ; Мстиславъ вошелъ въ игуменскую келью, а Владиміру велѣлъ сѣсть въ экономской, и послалъ спросить его: „Братъ! зачѣмъ ты пріѣхалъ? я за тобою не посылалъ". Владиміръ велѣлъ отвѣчать: „Братъ! слышалъ я, что злые люди наговорили тебѣ на меня".—„Говорилъ мнѣ братъ Давидъ",—велѣлъ отвѣчать на это Мстиславъ. Послали къ Давиду въ Вышгородъ; Давидъ послалъ Василя для улики; приставили къ нему тысяцкаго и еще другого боярина,—и начался судъ. Черезъ три дня Мстиславъ опять пріѣхалъ въ Печерскій монастырь; Владиміръ прислалъ двоихъ бояръ своихъ, которые начали спорить съ Василемъ; но за послѣдняго явился новый свидѣтель. Дѣло это наконецъ наскучило Мстиславу; онъ сказалъ дядѣ: „Братъ! Ты крестъ цѣловалъ и еще губы у тебя не обсохли; вѣдь это отцовское и дѣдовское утвержденіе: кто нарушаетъ клятву, тому Богъ будетъ судья; такъ теперь, если ты не думалъ никакого зла и не думаешь, то цѣлуй крестъ". Владиміръ отвѣчалъ: „Съ радостію, братецъ, поцѣлую; все это на меня выдумали ложь",—поцѣловалъ крестъ, и поѣхалъ въ Котельницу. Но въ томъ же году сталъ онъ опять сноситься съ Черными Клобуками, подучать ихъ на племянника; и когда варвары дали ему слово дѣйствовать заодно, то онъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; но дружина отвѣчала ему: „Ты, князь, задумалъ это самъ собою,—такъ не ѣдемъ по тебѣ; мы ничего не знали". Владиміръ разсердился и, взглянувъ на молодыхъ дружинниковъ, сказалъ: „Вотъ у меня будутъ бояре", и поѣхалъ къ Берендѣямъ, съ которыми встрѣтился ниже Ростовца. Но варвары, увидавши, что онъ пріѣхалъ одинъ, встрѣтили его словами: „Ты намъ сказалъ, что всѣ братья съ тобою заодно; гдѣ же Владиміръ Андреевичъ, гдѣ Ярославъ и Давидъ? да и дружины-то у тебя нѣтъ; ты насъ обманулъ: такъ и намъ лучше въ чужую голову, чѣмъ въ свою",—и начали пускать по Владиміра стрѣлы, изъ которыхъ двѣ и попали въ него. Владиміръ сказалъ тогда: „Сохрани Богъ вѣрить поганому, а я уже погибъ и душою и жизнью", и побѣжалъ къ Дорогобужу, потерявъ своихъ отроковъ, которыхъ перебили Черные Клобуки. Но Владиміръ Андреевичъ разорилъ мостъ на рѣкѣ Горыни и не пустилъ къ себѣ Мстислава, который принужденъ былъ обратиться къ востоку и, чрезъ Землю Радимичей, пустился въ Суздальскую область къ Андрею Боголюбскому; и послѣдній не принялъ его къ себѣ, а послалъ сказать ему: „Ступай въ Рязань, къ тамошнему князю, а я тебя надѣлю" [1]). Владиміръ послушался и отправился въ Рязань. Мстиславъ Кіевскій не хотѣлъ послѣ того терпѣть, чтобы и мать Владимірова оставалась гдѣ-нибудь на Руси, и велѣлъ сказать ей: „Ступай за Днѣпръ въ Городокъ, а оттуда иди куда хочешь: не могу жить съ тобою въ одномъ мѣстѣ, потому что сынъ твой всегда ловитъ головы моей, вѣчно нарушаетъ клятвы". Она отправилась въ Черниговъ къ Святославу Всеволодовичу.

Казалось, что, съ удаленіемъ дяди Владиміра на дальній сѣверо-востокъ, Мстиславъ долженъ былъ успокоиться; но вышло иначе. Мы видѣли, что князья не могли распорядиться волостями такъ, какъ имъ хотѣлось при вступленіи на старшій

[1]) Полн. Соб. Русск. Лѣт. II, 97: Андрей велѣлъ сказать ему: «Иди въ Рязань къ *отчичю* своему Глѣбови».

столъ Мстислава; это оставило горечь во всѣхъ сердцахъ, которая должна была обнаруживаться при всякомъ удобномъ случаѣ. Послѣ удачнаго похода на Половцевъ, въ 1168 году, князья разсердились на Мстислава за то, что онъ тайкомъ отъ нихъ отпускалъ слугъ своихъ разорять половецкія вежи; скоро послѣ этого Мстиславъ снова собралъ всю братью въ Кіевѣ и предложилъ новый походъ въ степи. Рѣчь его полюбилась всѣмъ князьямъ, они выступили въ походъ и остановились у Канева. Въ это время двое изъ дружины, Бориславичи, родные братья, Петръ и Несторъ, начали говорить Давиду Ростиславичу злыя рѣчи на Мстислава; послѣдній прогналъ ихъ отъ себя за то, что холопы ихъ покрали его лошадей изъ стада и положили на нихъ свои пятна (клейма), такъ теперь Бориславичи хотѣли отмстить ему клеветою. Давидъ повѣрилъ имъ и началъ говорить брату Рюрику: „Братъ! пріятели говорятъ мнѣ, что Мстиславъ хочетъ насъ схватить“.—„А за что? за какую вину? отвѣчалъ Рюрикъ,—давно ли онъ къ намъ крестъ цѣловалъ?“ Чтобъ увѣрить больше Ростиславичей, клеветники сказали имъ: „Мстиславъ положилъ схватить васъ у себя за обѣдомъ; такъ если онъ начнетъ звать васъ на обѣдъ, то значитъ, что мы сказали правду“. И точно: Мстиславъ, ничего не зная, позвалъ на обѣдъ Рюрика и Давида. Тѣ послали сказать ему въ отвѣтъ на зовъ: „Поцѣлуй крестъ, что не замыслишь на насъ никакого лиха, такъ поѣдемъ къ тебѣ“. Мстиславъ ужаснулся и сказалъ дружинѣ: „Что это значитъ? братья велятъ мнѣ крестъ цѣловать, а я не знаю за собою никакой вины!“ Дружина отвѣчала: „Князь! нелѣпо велятъ тебѣ братья крестъ цѣловать; это вѣрно какія-нибудь злые люди, завидуя твоей любви къ братьѣ, пронесли злое слово. Злой человѣкъ хуже бѣса; и бѣсу того не выдумать, что злой человѣкъ замыслитъ; а ты правъ предъ Богомъ и предъ людьми: вѣдь тебѣ безъ насъ нельзя было ничего замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братьѣ; пошли сказать имъ, что ты крестъ цѣлуешь, но чтобъ они выдали тѣхъ, кто васъ ссоритъ“. Давидъ не согласился выдать Бориславичей: „Кто-жь мнѣ тогда что-нибудь скажетъ послѣ, если я этихъ выдамъ“, говорилъ онъ. Несмотря на то, Мстиславъ цѣловалъ крестъ, и Ростиславичи оба поцѣловали; однако сердце ихъ не было право съ нимъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Въ то же самое время Владиміръ Андреевичъ началъ припрашивать волости у Мстислава; тотъ понялъ, что Владиміръ припрашиваетъ нарочно, чтобъ имѣть только случай къ ссорѣ, и послалъ сказать ему: „Братъ Владиміръ! давно ли ты крестъ цѣловалъ ко мнѣ и волость взялъ?“ Владиміръ въ-сердцахъ уѣхалъ въ свой Дорогобужъ. Этимъ всеобщимъ нерасположеніемъ южныхъ князей къ Мстиславу воспользовался Андрей Боголюбскій, чтобъ предъявить права свои на старшинство и на Кіевъ: онъ такъ же не любилъ Мстислава, какъ отецъ его Юрій не любилъ отца Мстиславова Изяслава, и точно такъ же, какъ прежде отецъ его, началъ открытую войну, удостовѣрившись, что найдетъ союзниковъ на югѣ. Ждали только повода; поводъ открылся, когда Мстиславъ исполнилъ просьбу Новгородцевъ и отправилъ къ нимъ на княженіе сына своего Романа; тогда всѣ братья стали сноситься другъ съ другомъ и утвердились крестомъ на Мстислава, объявивши старшимъ въ родѣ Андрея Юрьевича. Боголюбскій выслалъ сына своего Мстислава и воеводу Бориса Жидиславича съ Ростовцами, Владимірцами, Суздальцами; къ этому ополченію присоединилось 10 князей: Глѣбъ Юрьевичъ изъ Переяславля, Романъ изъ Смоленска, Владиміръ Андреевичъ изъ Дорогобужа, Рюрикъ Ростиславичъ изъ Овруча, братья его—Давидъ и Мстиславъ изъ Вышгорода; Сѣверскіе — Олегъ Святославичъ съ братомъ Игоремъ; наконецъ младшій братъ Боголюбскаго, знаменитый впослѣдствіи Всеволодъ Юрьевичъ, и племянникъ отъ старшаго брата, Мстиславъ Ростиславичъ. Не пошелъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, не желая, какъ видно, отнимать Кіевъ у Мстислава въ пользу князя, старшинства котораго не могъ онъ признать; не пошелъ и одинъ изъ родныхъ братьевъ Боголюбскаго, Михаилъ Юрьевичъ; его Мстиславъ отправилъ съ Черными Клобуками въ Новгородъ, на помощь сыну своему Роману; но Ростиславичи—Рюрикъ и Давидъ, узнавши, что рать Боголюбскаго и родного брата ихъ Романа уже приближается, послали въ погоню за Михаиломъ и схватили его, недалеко отъ Мозыря, благодаря измѣнѣ Черныхъ Клобуковъ.

Зналъ ли Мстиславъ о собравшейся на него грозѣ, или нѣтъ, трудно рѣшить; скорѣе можно предположить, что не зналъ, иначе не послалъ бы онъ Черныхъ Клобуковъ съ Юрьевичемъ въ Новгородъ. Въ Вышгородѣ соединились всѣ князья — непріятели Мстислава—и отсюда пошли и обступили Кіевъ. Мстиславъ затворился въ городѣ и крѣпко бился изъ него; любовь къ сыну Изяславову, и еще больше, быть можетъ, нелюбовь къ Юріеву, заставила Кіевлянъ въ первый разъ согласиться выдержать осаду; лѣтописецъ не говоритъ, что кто-нибудь изъ нихъ, какъ прежде, вышелъ на-встрѣчу къ осажденнымъ князьямъ, или всѣ вѣчемъ говорили Мстиславу: „Ступай, князь, теперь не твое время“; одни только Черные Клобуки, по обычаю, начали предательствовать. Послѣ трехдневной осады, дружины осаждавшихъ князей успѣли ворваться въ городъ; тогда дружина Мстиславова сказала своему князю: „Что стоишь? поѣзжай изъ города; намъ ихъ не перемочь“; Мстиславъ послушался и побѣжалъ на Василевъ; отрядъ Черныхъ Клобуковъ гнался за нимъ, стрѣлялъ въ задъ, побралъ въ плѣнъ много дружины; но самому Мстиславу удалось соединиться съ братомъ Ярославомъ и пробраться вмѣстѣ съ нимъ во Владиміръ Волынскій. Въ первый разъ [1]) Кіевъ былъ взятъ вооруженною

[1]) Несправедливо возражаетъ Арцыбашевъ (1188, прим.

рукою, при всеобщемъ сопротивленіи жителей, и въ первый разъ „мать городовъ русскихъ“ должна была подвергнуться участи города, взятаго *на щитъ*. Два дня побѣдители грабили городъ; не было никому и ничему помилованія: церкви жгли, жителей—однихъ били, другихъ вязали, женъ разлучали съ мужьями и вели въ плѣнъ, младенцы рыдали, смотря на матерей своихъ; богатства непріятеля взяли множество, церкви всѣ были пограблены; Половцы зажгли-было и монастырь Печерскій, но монахамъ удалось потушить пожаръ; были въ Кіевѣ тогда, говоритъ лѣтописецъ, на всѣхъ людяхъ стонъ и тоска, печаль неутѣшная и слезы непрестанныя.—Но не старшій сынъ Юрія, во имя котораго совершенъ былъ походъ, взятъ и разоренъ стольный городъ отцовъ, не Боголюбскій сѣлъ въ Кіевѣ; сынъ его Мстиславъ посадилъ здѣсь дядю, Глѣба Переяславскаго, который отдалъ Переяславль сыну своему Владиміру; старшій въ родѣ князь остался жить на сѣверѣ, въ далекомъ Владимірѣ-Клязменскомъ, и сынъ его Мстиславъ пошелъ назадъ къ отцу съ великою честью и славою, говоритъ лѣтописецъ; но въ нѣкоторыхъ спискахъ стоитъ: „съ проклятіемъ“.

Изъ событій въ особыхъ княжествахъ по смерти Юрія Долгорукаго мы упоминали, какъ потомству Изяслава Ярославича удалось утвердиться въ Туровѣ; потомство Игоря Ярославича продолжало княжить въ Городцѣ. Ярославъ Галицкій освободился наконецъ отъ опаснаго соперника своего, Ивана Берладника: подъ 1161 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Берладникъ умеръ въ Солунѣ; есть слухъ, прибавляетъ онъ, что смерть приключилась ему отъ отравы. Въ Полоцкѣ происходили большія смуты. Мы видѣли, что въ 1151 году Полочане выгнали князя Рогволода Борисовича и взяли на его мѣсто Ростислава Глѣбовича, который вошелъ въ сыновнія отношенія къ Святославу Ольговичу. Но, какъ видно, Ростиславъ впослѣдствіи позабылъ о своихъ обязанностяхъ относительно Черниговскаго князя, потому что послѣдній принялъ къ себѣ изгнанника Рогволода, и даже въ 1158 году далъ ему свои полки для отысканія волостей. Пріѣхавши въ Слуцкъ, Рогволодъ началъ пересылаться съ жителями Друцка; тѣ обрадовались ему, стали звать къ себѣ: „Пріѣзжай, князь, не мѣшкай, рады мы тебѣ; если придется, станемъ биться за тебя и съ дѣтьми“. И, въ самомъ дѣлѣ, больше трехъ сотъ лодокъ выѣхало къ нему навстрѣчу, съ честью ввели его Другане въ свой городъ, а Глѣба Ростиславича выгнали, дворъ и дружину его разграбили. Когда Глѣбъ пришелъ къ отцу, Ростиславу, въ Полоцкъ, и когда узнали здѣсь, что Рогволодъ сидитъ въ Друцкѣ, то сильный мятежъ всталъ между Полочанами, потому что многіе изъ нихъ захотѣли Рогволода, и съ большимъ трудомъ могъ Ростиславъ установить людей. Обдаривши ихъ богато и приведя ко кресту, онъ пошелъ со всею братьею на Рогволода къ Друцку, но встрѣтилъ сильный отпоръ: Другане бились крѣпко, и много падало людей съ обѣихъ сторонъ; тогда Ростиславъ, видя, что не возьметъ ничего силою, помирился съ Рогволодомъ, придалъ ему волостей и возратился домой. Но дѣло этимъ не кончилось: въ томъ же году Полочане сговорились выгнать Ростислава, позабывши, что говорили ему при крестномъ цѣлованіи: „Ты нашъ князь, и дай намъ Богъ съ тобою пожить“. Они послали тайкомъ въ Друцкъ сказать Рогволоду Борисовичу: „Князь нашъ! согрѣшили мы предъ Богомъ и предъ тобою, что встали на тебя безъ вины, имѣнье твое и дружины твоей—все разграбили, а самого, схвативши, выдали Глѣбовичамъ на великую муку; если ты позабудешь все то, что мы тебѣ сдѣлали своимъ безуміемъ, и поцѣлуешь къ намъ крестъ, то мы твои люди, а ты нашъ князь; Ростислава отдадимъ тебѣ въ руки, дѣлай съ нимъ, что хочешь“. Рогволодъ поклялся, что забудетъ все прошлое; но, какъ обыкновенно водилось въ городахъ, у Ростислава между Полочанами были также пріятели, которые дали ему знать, что остальные сбираются схватить его. Положено было позвать его обманомъ на братовщину къ Святой Богородицѣ къ старой на Петровъ день, и тутъ его схватить; но Ростиславъ, предувѣдомленный, какъ сказано выше, пріятелями, поддѣлъ броню подъ платье, и заговорщики не смѣли напасть на него тутъ, но на другой день опять послали звать его къ себѣ на вѣче: „Пріѣзжай къ намъ, князь! велѣли они сказать ему: намъ съ тобою нужно кой-о-чемъ переговорить“. Ростиславъ отвѣчалъ посламъ: „Вѣдь я вчера былъ у васъ: что-жь вы со мною ни о чемъ не говорили?“ Несмотря однако на прежнее предувѣдомленіе, онъ поѣхалъ на этотъ разъ въ городъ (а жилъ онъ тогда на загородномъ дворѣ въ Бѣлчицѣ, въ трехъ верстахъ отъ Полоцка, на другомъ берегу Двины) Но не успѣлъ Ростиславъ еще доѣхать до города, какъ встрѣтилъ отрока своего, который сказалъ ему: „Не ѣзди, князь! въ городѣ на тебя вѣче, уже дружину твою бьютъ, и тебя хотятъ схватить“. Ростиславъ возвратился, собралъ дружину на Бѣлчицѣ, и пошелъ полкомъ въ Минскъ, къ брату Володарю, опустошая Полоцкую волость, забирая скотъ и челядь. Рогволодъ, по зову Полочанъ, пріѣхалъ княжить на его мѣсто, и не хотѣлъ оставить Глѣбовичей въ покоѣ: собралъ большое войско изъ Полочанъ, выпросилъ у Ростислава Смоленскаго на помощь двухъ сыновей его, Романа и Рюрика, съ бояриномъ Внѣздомъ, полками смолен-

1, 165), что Кіевъ брали прежде—Изяславъ въ 1146 г. и Юрій въ 1150. Изяславъ былъ призванъ Кіевлянами, которые и помогли ему побѣдить Игоря; Юрій былъ перевезенъ Кіевлянами чрезъ Днѣпръ, и принятъ остальными съ честію, безъ сопротивленія; слѣд. о взятіи въ обоихъ случаяхъ не можетъ быть рѣчи. Скорѣе можно было сказать, что Кіевъ былъ взятъ Изяславомъ Давидовичемъ, но и тутъ битва была подлѣ Кіева: сражались противъ Изяслава только нѣкоторые Кіевляне, которые были взяты въ плѣнъ и прощены побѣдителемъ. По Никон. (II, 204) Кіевъ былъ взятъ измѣною бояръ Петра Борисовича, Нестора Жирославича и Якова Дигиневича.

скими, новгородскими и псковскими, и пошелъ сперва къ Изяславлю, гдѣ затворился Всеволодъ Глѣбовичъ; этотъ Всеволодъ прежде былъ большимъ пріятелемъ Рогволоду, и потому, понадѣявшись на старую дружбу, поѣхалъ въ станъ къ Борисовичу и поклонился ему; Рогволодъ принялъ его хорошо, но не отдалъ назадъ Изяславля, который слѣдовалъ, какъ отчина, Брячеславу Васильковичу, а далъ вмѣсто того Стрѣжевъ; потомъ Рогволодъ отправился къ Минску; но, простоявши подъ городомъ 10 дней безъ успѣха, заключилъ съ Ростиславомъ миръ и возвратился домой. Глѣбовичи, уступя на время силѣ, скоро начали опять дѣйствовать противъ остальныхъ двоюродныхъ братьевъ: въ 1159 году овладѣли опять Изяславлемъ, схватили тамъ двоихъ Васильковичей, Брячислава и Володаря, и заключили ихъ въ Минскѣ. Это заставило Рогволода опять идти на Минскъ, и Ростиславъ Мстиславичъ изъ Кіева прислалъ ему на помощь 600 Торковъ; Рогволодъ шесть недѣль стоялъ около города и заключилъ миръ на всей своей волѣ, т.-е. заставилъ освободить Васильковичей; но Торки, потерявши лошадей и сами помирая съ голоду, возвратились пѣшкомъ на югъ, не дождавшись мира. Потомъ лѣтописецъ опять упоминаетъ о новомъ походѣ Рогволода на Ростислава къ Минску и о новомъ мирѣ. Въ 1161 году Рогволодъ предпринималъ новый походъ на одного изъ Глѣбовичей, Володаря, княжившаго теперь въ Городцѣ; Володарь не сталъ биться съ нимъ днемъ, но сдѣлалъ вылазку ночью и съ Литвою нанесъ осаждавшимъ сильное пораженіе; Рогволодъ убѣжалъ въ Слуцкъ и, пробывъ здѣсь три дня, пошелъ въ старую свою волость—Друцкъ, а въ Полоцкъ не посмѣлъ явиться, погубивши столько тамошней рати подъ Городцемъ. Полочане посадили на его мѣсто одного изъ Васильковичей, Всеслава. Изъ полоцкихъ волостей мы встрѣчаемъ упоминовеніе о Минскѣ, Изяславлѣ, Друцкѣ, Городцѣ, какъ объ отдѣльныхъ столахъ княжескихъ; мы видѣли выше, что Ярославъ I-й уступилъ Полоцкому князю Брячиславу Витебскъ [1]); теперь, подъ 1165 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Витебскѣ сѣлъ Давидъ Ростиславичъ Смоленскій, отдавши прежнему Витебскому князю Роману два смоленскихъ города—Васильевъ и Красный [2]). Между тѣмъ Глѣбовичи не могли равнодушно видѣть, что Полоцкъ вышелъ изъ ихъ племени и отъ Борисовича перешелъ къ Васильковичу; въ 1167 году Володарь Глѣбовичъ Городецкій пошелъ на Полоцкъ. Всеславъ Васильковичъ вышелъ къ нему на-встрѣчу; но Володарь, недавши ему собраться и выстроить хорошенько полки, ударилъ внезапно на Полочанъ, многихъ убилъ, другихъ побралъ руками и заставилъ Всеслава бѣжать въ Витебскъ, а самъ пошелъ въ Полоцкъ и уладился съ тамошними жителями, цѣловалъ съ ними крестъ, какъ говоритъ лѣтописецъ. Утвердившись здѣсь, Володарь пошелъ къ Витебску на Давида и Всеслава, сталъ на берегу Двины и началъ биться объ рѣку съ непріятелями; Давидъ не хотѣлъ вступать съ нимъ въ рѣшительное сраженіе, поджидая брата своего Романа съ Смольнянами, какъ вдругъ въ одну ночь ударилъ страшный громъ, ужасъ напалъ на все войско полоцкое, и дружина стала говорить Володарю: „Чего стоишь, князь, не ѣдешь прочь? Романъ переправляется черезъ рѣку, а съ другой стороны ударитъ Давидъ". Володарь испугался и побѣжалъ отъ Витебска; на другое утро, узнавъ о бѣгствѣ врага, Давидъ послалъ за нимъ погоню, которая однако не могла настичь самого князя, а переловила только многихъ ратниковъ его, заблудившихся въ лѣсу; Всеславъ впрочемъ отправился по слѣдамъ Володаревымъ къ Полоцку и опять успѣлъ занять этотъ городъ.

Мы видѣли, что въ Новгородѣ нарядъ былъ установленъ Ростиславомъ, который въ 1158 году посадилъ здѣсь сына своего Святослава, а въ Торжкѣ другого сына—Давида. Скоро самъ Ростиславъ былъ позванъ племянникомъ на столъ Кіевскій, и слѣдовало ожидать, что это обстоятельство упрочитъ тишину въ Новгородѣ; но вышло противное: Андрей Боголюбскій, вступившись за Изяслава Давидовича, вошедши съ нимъ въ родственную связь, захотѣлъ нанести Ростиславу чувствительный ударъ на сѣверѣ, и послалъ сказать Новгородцамъ; „Будь вамъ вѣдомо: хочу искать Новгорода и добромъ и лихомъ" [3]). Услыхавъ грозное слово, Новгородцы не знали что дѣлать; начались волненія и частыя вѣча. Не желая оскорбить Кіевскаго князя, они начали сперва дѣйствовать полумѣрами, надѣясь, что Святославъ догадается и самъ выѣдетъ отъ нихъ. Такъ они стали просить его, чтобъ вывелъ брата Давида изъ Торжка, потому что содержаніе двухъ князей тяжко для ихъ области. Святославъ исполнилъ ихъ требованіе, не разсердился и не оставилъ города. Тогда надобно было приступить къ мѣрамъ рѣшительнымъ; не должно забывать также, что въ Новгородѣ существовала сторона, противная Мстиславичамъ и которая должна была теперь сильно дѣйствовать при этихъ благопріятныхъ для нея обстоятельствахъ. Святославъ сидѣлъ на Городищѣ, у Св. Благовѣщенія, какъ вдругъ пригналъ къ нему вѣстникъ и сказалъ: „Князь! большое зло дѣлается въ городѣ, хотятъ тебя люди схватить".

---

[1]) См. т. I-й, стр. 204, прим. 6.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 93: «Давыдъ Ростиславичъ сѣде Витебьски, а Романови, Вячеславлю внуку да Ростиславъ Васильевъ и Краснъ».—Связь этихъ двухъ событій необходимо заставляетъ предполагать, что Романъ былъ прежній князь Витебскій, съ которымъ смоленскіе князья помѣнялись волостями; но теперь вопросъ: кто былъ этотъ Романъ, внукъ Вячеславовъ? У Татищева онъ названъ Романомъ Вячеславичемъ, внукомъ Ростиславовымъ: въ такомъ случаѣ онъ можетъ быть внукомъ Ростислава Всеславича. Васильевъ и Красный оба находятся въ Смоленской области.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 88: «Вѣдомо буди, хочю искати Новагорода и добромъ и лихомъ; а хрестъ есте были цѣловали ко мнѣ на томъ, яко имѣти мене князёмъ собѣ, а мнѣ вамъ добра хотѣти».—Когда былъ такой рядъ у Новгородцевъ съ Андреемъ,—не извѣстно.

Святославъ отвѣчалъ; „А какое я имъ зло сдѣлалъ? развѣ они не цѣловали крестъ отцу моему, что будутъ держать меня княземъ, пока я живъ, да вчера и мнѣ самому всѣ цѣловали образъ Богородицы?" Не успѣлъ онъ еще сказать этого, какъ толпа народа нахлынула, схватили его, заперли въ избѣ, княгиню послали въ монастырь, дружину поковали, имѣніе разграбили; потомъ отправили Святослава въ Ладогу, приставивши къ нему крѣпкую стражу. Когда Ростиславъ въ Кіевѣ узналъ, что сына его схватили въ Новгородѣ, то велѣлъ перехватить всѣхъ Новгородцевъ и пометать ихъ въ пересѣченское подземелье, гдѣ въ одну ночь померло ихъ четырнадцать человѣкъ; узнавши объ этомъ несчастіи, Ростиславъ сталъ сильно тужить, и велѣлъ остальныхъ выпустить изъ подземелья и развести по разнымъ городамъ. Между тѣмъ Новгородцы послали къ Андрею просить у него сына къ себѣ на княженіе; онъ не далъ имъ сына, давалъ брата своего Мстислава, а Новгородцы не хотѣли Мстислава, потому что онъ уже прежде у нихъ княжилъ; наконецъ уладились такъ, что въ Новгородъ поѣхалъ Мстиславъ Ростиславичъ, племянникъ Андреевъ отъ старшаго брата: а Святославу удалось бѣжать изъ Ладоги въ Полоцкъ, откуда Рогволодъ Борисовичъ проводилъ его къ роднымъ въ Смоленскъ. Смѣна князя, какъ обыкновенно бывало, повлекла смѣну посадника: вмѣсто Якуна Мірославича выбранъ былъ Нѣжата. Но это не положило конца новгородскимъ смутамъ: скоро Андрей урядился съ Ростиславомъ: князья уговорились, чтобы Новгородъ опять перешелъ къ сыну Кіевскаго князя—Святославу. Мы видѣли, что Новгородцы не любили брать князей, которые прежде были у нихъ, по очень естественной причинѣ: такой князь не могъ установить наряда, доброхотствуя своимъ прежнимъ пріятелямъ, преслѣдуя враговъ, усиліями которыхъ былъ изгнанъ. Но что они могли сдѣлать теперь противъ согласной воли двухъ сильнѣйшихъ князей на Руси?—Они принуждены были принять Святослава *на всей волѣ его*. Это выраженіе въ первый разъ упомянуто здѣсь лѣтописцами; если Святославъ былъ принятъ на всей волѣ его, то мы должны прямо заключать, что предшественники его были принимаемы на всей волѣ новгородской, т.-е., что прежде Святослава начали заключаться между Новгородомъ и князьями условія, изложеніе которыхъ мы видимъ въ послѣдующихъ грамотахъ. Иначе и быть не могло въ смутное время, послѣдовавшее за смертью Мстислава Владиміровича; вторичное принятіе Всеволода Мстиславича, послѣ бѣгства его изъ Переяславля, можно считать временемъ, когда возникли первыя условія, первый рядъ Новгородцевъ съ княземъ; вторичное принятіе Святослава, когда онъ данъ былъ Новгородцамъ противъ воли ихъ силою двухъ соединенныхъ князей, нарушало установившійся-было обычай; это лишеніе пріобрѣтенныхъ льготъ произвело сильную ненависть Новгородцевъ къ Святославу, которая видна будетъ изъ послѣдующихъ событій. Первымъ слѣдствіемъ перемѣны князя была смѣна посадника. Нѣжата былъ избранъ послѣ изгнанія Святослава, вслѣдствіе торжества непріязненной послѣднему стороны; теперь, послѣ вторичнаго принятія Святослава, Нѣжата былъ свергнутъ, и должность его отдана Захаріи. Но, какъ надобно было ожидать, силою посаженный князь не могъ сидѣть спокойно въ Новгородѣ. Мы видѣли, что Ростиславъ Кіевскій еще при концѣ жизни своей долженъ былъ отправиться на сѣверъ для установленія спокойствія въ Новгородѣ: онъ зналъ, что Новгородцы дурно живутъ съ его сыномъ. Въ Великихъ Лукахъ имѣлъ Ростиславъ свиданіе съ лучшими Новгородцами, и взялъ съ нихъ клятву не искать другого князя, кромѣ сына его Святослава, только смертью разлучиться съ нимъ [1]). Но, въ самый годъ смерти Ростислава, недовольные уже начали собирать тайныя вѣча на сына его. Пріятели послѣдняго пріѣхали къ нему на городище и сказали: „Князь! народъ сбирается на вѣча по ночамъ, хотятъ тебя схватить; промышляй о себѣ". Святославъ объявилъ объ этомъ дружинѣ: та отвѣчала: „Только-что теперь цѣловали всѣ они тебѣ крестъ послѣ отцовской смерти: но что же съ ними дѣлать? кому изъ князей были они вѣрны? Станемъ промышлять о себѣ, не то начнутъ о насъ другіе промышлять". Святославъ выѣхалъ изъ города, засѣлъ въ Великихъ Лукахъ и послалъ отсюда сказать Новгородцамъ, что не хочетъ у нихъ княжить. Тѣ въ отвѣтъ поцѣловали образъ Богородицы съ клятвою не хотѣть Святослава и пошли прогонять его изъ Лукъ; Святославъ выѣхалъ въ Торопецъ, оттуда отправился на Волгу, и, получивъ помощь отъ Андрея Суздальскаго, пожегъ Новый Торгъ; братья его, Романъ и Мстиславъ, пожгли Луки; изъ Лучанъ одни заперлись въ крѣпости, другіе ушли во Псковъ; собрался на Новгородъ Андрей Суздальскій съ Смольнянами и Полочанами, пути всѣ заняли, пословъ перехватали, не дали имъ послать вѣсти въ Кіевъ къ тамошнему князю Мстиславу Изяславичу, чтобъ отпустилъ къ нимъ сына: Андрей съ Ростиславичами хотѣли силою помѣстить опять Святослава въ Новгородѣ: „Нѣтъ вамъ другого князя, кромѣ Святослава", говорили они. Это извѣстіе лѣтописца показываетъ намъ, что Новгородцы входили въ переговоры съ Андреемъ и просили себѣ князя отъ его руки, только не Святослава. Но упорство Андрея пуще ожесточило Новгородцевъ; они убили пріятелей Святославовыхъ: Захарію посадника, Неревина, знатнаго боярина, котораго мы видѣли уже разъ воеводою, Нѣзду бирюча, обвинивши всѣхъ троихъ въ перевѣтѣ къ Святославу; наконецъ отыскали путь на югъ чрезъ владѣнія полоцкихъ князей, Глѣбовичей, враждебныхъ Ростиславичамъ смоленскимъ по вышеописаннымъ отношеніямъ, и Даниславъ Лазутиничъ съ дружиною отправился въ

[1]) Любопытно, что въ Новгородской лѣтописи нѣтъ ни слова объ этой клятвѣ.

Кіевъ къ Мстиславу, за сыномъ его, а другой воевода Якунъ (вѣроятно Міроcлавичъ, старый посадникъ) отправился на-встрѣчу къ Святославу, шедшему къ Русѣ съ братьями, Смольнянами и Полочанами. Непріятели не дошли до Русы, возвратились назадъ, ничего не сдѣлавши, а Новгородцы выбрали Якуна въ посадники, и стали съ нимъ дожидаться прихода Романа Мстиславича съ юга. Въ 1168 году Романъ пришелъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говоритъ ихъ лѣтописецъ. Получивъ желаннаго князя, Новгородцы пошли съ нимъ мстить за свои обиды: пошли сперва съ Псковичами къ Полоцку, опустошили всю волость и возвратились, не дойдя тридцати верстъ до города; потомъ Романъ ходилъ на Смоленскую волость, къ Торопцу, пожегъ домы, взялъ множество плѣнниковъ. Но мы видѣли, какъ посылка Романа въ Новгородъ ускорила грозу, сбиравшуюся надъ отцомъ его Мстиславомъ, какъ заставила раздраженныхъ Ростиславичей тѣсно соединиться съ Андреемъ, чтобъ отмстить Кіевскому князю, вытѣснявшему ихъ съ сыномъ изъ Новгорода; изгнаніе отца изъ Кіева не могло предвѣщать сыну долгаго княженія въ Новгородѣ.

При сильныхъ внутреннихъ волненіяхъ, происходившихъ во время вторичнаго княженія Святослава Ростиславича, Новгородцы должны были выдержать довольно значительную внѣшнюю борьбу съ Шведами. Со временъ Рюрика Шведы не безпокоили русскихъ владѣній [1]), и было замѣчено [2]), что такою безопасностью сѣверо-западныя русскія волости была обязаны внутреннимъ волненіямъ, происходившимъ въ Швеціи вслѣдствіе принятія христіанства, которое повело къ разложенію древнихъ языческихъ формъ жизни. Тесть Ярослава 1-го, король Олофъ (Schosskönig), принявши христіанство, не могъ болѣе называться Упсальскимъ королемъ, потому что это названіе означало верховнаго жреца; такимъ образомъ, онъ потерялъ свое значеніе въ верхней Швеціи, жители который большею частію были язычники. По прекращеніи рода упсальскихъ королей, происходившихъ отъ знаменитаго Сигурда Ринга, избранъ былъ королемъ Стенкиль, сынъ извѣстнаго намъ ярла Рагнвальда, ревностный христіанинъ; его избраніе показывало уже господство христіанской стороны; несмотря на то, когда христіанскіе проповѣдники убѣждали его разорить языческій храмъ въ Упсалѣ, то онъ отвѣчалъ имъ, что слѣдствіемъ такого поступка будетъ ихъ смерть, а его изгнаніе. По смерти Стенкиля, послѣдовавшей въ 1066 году, въ Швеціи встала сильная усобица: два короля, оба носившіе одно имя—Ериха, стали спорить о престолѣ, и оба пали въ этой войнѣ вмѣстѣ со всѣми знатнѣйшими Шведами; язычество опять такъ усилилось во время усобицы, что ни одинъ епископъ не хотѣлъ ѣхать въ Швецію, боясь преслѣдованій. Борьба продолжалась до половины XII вѣка (1150 г.), т.-е. до вступленія на престолъ Ериха Святого, который далъ окончательное торжество христіанству. Но усобицы между разными претендентами на престолъ продолжались: Ерихъ Св. лишился жизни въ битвѣ съ Датскимъ принцемъ Магнусомъ, который имѣлъ притязанія на шведскій престолъ по родству съ домомъ Стенкиля; Магнусъ черезъ годъ былъ также убитъ, и ему наслѣдовалъ Готскій король Карлъ Сверкерсонъ, первый которыйноситъ названіе короля Шведовъ и Готовъ; онъ оставилъ по себѣ память короля мудраго и благонамѣреннаго; при немъ не было усобицъ, вслѣдствіе чего Шведы получили возможность къ наступательному движенію на сосѣдей; подъ 1164 годомъ лѣтописецъ новгородскій говоритъ, что они пришли подъ Ладогу; Ладожане пожгли свои хоромы, затворились въ кремлѣ съ посадникомъ Нѣжатою, и послали звать князя Святослава съ Новгородцами на помощь. Шведы приступили къ крѣпости, но были отражены съ большимъ урономъ, и отступили къ рѣкѣ Воронай [3]), а на пятый день пришелъ князь Святославъ съ Новгородцами и посадникомъ Захаріею, ударилъ на Шведовъ и разбилъ ихъ: изъ 55 шнекъ Шведы потеряли 43; мало ихъ спаслось бѣгствомъ, да и то раненые.

Въ томъ самомъ году, какъ Новгородцы такъ счастливо отбились отъ Шведовъ, Андрей Боголюбскій съ сыномъ Изяславомъ, братомъ Ярославомъ и Муромскимъ княземъ Юріемъ удачно воевалъ съ Камскими Болгарами, перебилъ у нихъ много народу, взялъ знамена; едва съ малою дружиною успѣлъ убѣжать князь Болгарскій въ Великій городъ; послѣ этой побѣды Андрей взялъ славный городъ болгарскій Бряхимовъ и пожегъ три другіе города. На юго-востокѣ по-прежнему продолжалась борьба съ Половцами. Въ началѣ княженія Ростислава они понесли пораженіе отъ волынскихъ князей и Галичанъ; неудачно кончилось въ 1162 году нападеніе ихъ подъ Юрьевымъ на Черныхъ Клобуковъ, у которыхъ сначала побрали они много вежъ, но потомъ Черные Клобуки собрались всѣ и побили ихъ на берегахъ Роси, отняли весь полонъ и самихъ взяли больше 500 человѣкъ съ нѣсколькими княжичами. Несмотря на то, въ слѣдующемъ году Ростиславъ почелъ за нужное заключить съ ними миръ и женить сына своего Рюрика на дочери хана Белука. Общаго продолжительнаго мира не могло быть съ этими варварами, раздѣлявшимися на многія орды подъ начальствомъ независимыхъ хановъ. Въ 1165 году племянникъ Ростислава Василько Ярополковичъ побилъ Половцевъ на рѣкѣ Роси; много взялъ плѣнниковъ, которыхъ далъ на выкупъ за дорогую цѣну; дружина его обогатилась

[1]) Упомянутое подъ 1142 годомъ нападеніе какого-то шведскаго князька съ 60 шнеками на три купеческія лодки не можетъ считаться въ числѣ непріязненныхъ покушеній на страну.

[2]) Томъ 1-й, гл. VII, стр. 205.

[3]) Теперь Воронока, или Воронега, впадающая въ Ладожское озеро, между Пашею и Сясью.

оружіемъ и конями. Въ слѣдующемъ году Половцы потерпѣли пораженіе въ черниговскихъ предѣлахъ отъ Олега Святославича; но другимъ Половцамъ въ то же время за Переяславлемъ удалось разбить Шварна, перебить его дружину; Шварнъ долженъ былъ заплатить за себя большой окупъ. Одни извѣстія говорятъ, что этотъ Шварнъ былъ воевода князя Глѣба Переяславскаго [1]); другіе—что богатырь [2]). Послѣ этого, въ лютую зиму, Ольговичи—Олегъ Святославичъ и двоюродный братъ его Ярославъ Всеволодовичъ—ходили удачно на Половцевъ, взяли ихъ вежи. Но варвары были опасны не одними только прямыми опустошеніями своими: они вредили торговлѣ Руси съ Греками, которая была главною причиною благосостоянія Кіева, обогащенія казны великокняжеской. Мы знаемъ изъ свидѣтельства Константина Багрянороднаго, какъ опасно было встарину плаваніе Русскихъ въ низовьяхъ Днѣпра, въ степи, гдѣ ждали ихъ обыкновенно толпы Печенѣговъ; эти затрудненія не прекратились и теперь, когда въ степяхъ приднѣпровскихъ господствовали кочевые варвары съ новымъ только именемъ; торговыя лодки не могли безопасно плавать внизъ и вверхъ по Днѣпру. Въ 1166 году Половцы засѣли въ порогахъ и начали грабить *гречниковъ*, т.-е. купцовъ греческихъ, или вообще купцовъ, производящихъ торговлю съ Греціею; Ростиславъ послалъ боярина своего, Владислава Ляха, съ войскомъ, подъ прикрытіемъ котораго гречники безопасно прошли пороги и поднялись до Кіева. Какъ важна была греческая торговля для русскихъ князей и какъ важна была опасность для этой торговли отъ Половцевъ, доказываетъ извѣстіе лѣтописца подъ 1166 годомъ; Ростиславъ послалъ къ братьямъ и сыновьямъ своимъ съ приказомъ собираться имъ у себя со всѣми своими полками; пришли: Мстиславъ Изяславичъ изъ Владиміра съ братьями — Ярославомъ изъ Луцка и Ярополкомъ изъ Бужска, Владиміръ Андреевичъ, Владиміръ Мстиславичъ, Глѣбъ Юрьевичъ, Глѣбъ Городенскій, Иванъ Юрьевичъ Туровскій, сыновья Ростислава—Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ, галицкая помощь, и всѣ стояли у Канева долгое время, дожидаясь до тѣхъ поръ, пока поднялись торговыя суда,—тогда всѣ князья разошлись по домамъ. При наслѣдникѣ Ростислава, Мстиславѣ, походы на Половцевъ съ тою же цѣлію продолжались; въ 1167 году вложилъ Богъ въ сердце Мстиславу мысль добрую о Русской Землѣ, говоритъ лѣтописецъ,—созвалъ онъ братью свою и началъ имъ говорить: „Братья! пожалѣйте о Русской Землѣ, о своей отчинѣ и дѣдинѣ; ежегодно Половцы уводятъ христіанъ въ свои вежи, клянутся намъ не воевать и вѣчно нарушаютъ клятву; а теперь уже у насъ всѣ торговые пути отнимаютъ [3]); хорошо было бы намъ, братья, возложивши надежду на помощь Божію и на молитву Святой Богородицѣ, поискать отцовъ и дѣдовъ своихъ пути и своей чести". Рѣчь Мстислава была угодна Богу, всей братьѣ и мужамъ ихъ; князья отвѣчали: „Помоги тебѣ Богъ, братъ, за такую добрую мысль; а намъ дай Богъ за христіанъ и за всю Русскую Землю головы свои сложить и къ мученикамъ быть причтеннымъ". Мстиславъ послалъ и за черниговскими князьями, и всѣмъ была угодна его дума; собрались въ Кіевъ съ полками—два Ростиславича Рюрикъ и Давидъ, четверо черниговскихъ—Всеволодовичи Святославъ и Ярославъ, Святославичи—Олегъ и Всеволодъ. Изяславичи волынскіе—Ярославъ и Ярополкъ, Мстиславъ Всеволодковичъ Городенскій, Святополкъ Юрьевичъ Туровскій, Юрьевичи—Глѣбъ Переяславскій съ братомъ Михаиломъ. Уже девять дней шли князья изъ Кіева по каневской дорогѣ, какъ одинъ изъ ихъ войска далъ знать Половцамъ о приближеніи русскихъ полковъ, и варвары побѣжали, бросивши своихъ женъ и дѣтей; князья русскіе погнались за ними налегкѣ, оставивши за собою у обоза Ярослава Всеволодовича; по рѣкамъ Углу и Снопороду захвачены были вежи, у Чернаго лѣса настигли самихъ Половцевъ, притиснули къ лѣсу, много перебили, еще больше взяли въ плѣнъ; всѣ русскіе воины обогатились добычею, колодниками, женами и дѣтьми, рабами, скотомъ, лошадьми; отполоненныхъ христіанъ отпустили всѣхъ на свободу, причемъ изъ русскихъ полковъ было только двое убитыхъ и одинъ взятъ въ плѣнъ. Мстиславъ впрочемъ не думалъ успокоиваться послѣ такой удачи; скоро онъ созвалъ опять князей и сталъ говорить имъ: „Мы, братья, Половцамъ много зла надѣлали, вежи ихъ побрали, дѣтей и стада захватили; такъ они будутъ мстить надъ нашими гречниками и залозниками; надобно намъ будетъ выйти на-встрѣчу къ гречникамъ". Братьѣ полюбилась эта рѣчь, они всѣ отвѣчали: „Пойдемъ; вѣдь это будетъ выгодно и намъ, и всей Русской Землѣ". По-прежнему, какъ при Ростиславѣ, князья дошли до Канева и *здѣсь дожидались* гречниковъ. Не одни только Половцы мѣшали греческой торговлѣ: въ 1159 году Берлядники овладѣли Олешьемъ; великій князь Ростиславъ отправилъ на нихъ Днѣпромъ двухъ воеводъ, которые настигли разбойниковъ, перебили ихъ и отняли награбленное.

---

[1]) Татищ. III, 148.

[2]) Никон. II, 196: «Половцы воеваша Русь и убиша двy богатырей Андрея Жирославича и брата его Шварня за Переславлемъ, сестричича ихъ такожъ Шварня нарицаемаго плѣниша».

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 97: «И гречьскій путь изъотимаютъ и Соляный и Залозный». Выраженіе: «греческій путь» понятно съ перваго раза; «Соляный» правдоподобно объясняютъ (Арцыб. I, примѣч. 1196) путемъ, которымъ приходили барки съ солью изъ Крыма; «Залозный» неудовлетворительно объясняютъ (см. тамъ же) Заолэнымъ, т. е. Заолешенскимъ. Чрезъ Олешье должны были проходить тѣ же самыя греческія суда; мы видѣли прежде, что Давидъ Игоревичъ захватывалъ гречниковъ въ Олешьѣ, слѣд. Заолешенскій путь былъ бы то же самое, что греческій, не говоря уже о трудномъ переходѣ словъ изъ Залешья въ Заолзье. Залозный—желѣзный по товару.

Изъ дружины княжеской въ описанное время упоминаются слѣдующія имена: въ Кіевѣ при Изяславѣ Давидовичѣ былъ Глѣбъ Ракошичъ, котораго князь посылалъ къ двоюродному брату своему Святославу Черниговскому; послѣ, при Изяславѣ, во время борьбы его съ Ростиславомъ, видимъ Шварна, быть можетъ того самаго, который былъ воеводою при Изяславѣ Мстиславичѣ; двоихъ братьевъ, Милятичей—Степана и Якуна, и Нажира Переяславича; всѣ они были захвачены въ плѣнъ въ той битвѣ, гдѣ погибъ Изяславъ; потомъ, при Ростиславѣ, упоминаются Юрій Нестеровичъ и Якунъ, ходившій на Берладниковъ, которые взяли Олешье, и Жирославъ Нажировичъ, ходившій съ Торками изъ Кіева на помощь Рогволоду Полоцкому; Гюрата Семковичъ, посланный Ростиславомъ въ Константинополь къ императору по дѣламъ церковнымъ; Владиславъ Вратиславичъ Ляхъ, посыланный Ростиславомъ для охраны гречниковъ отъ Половцевъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, тысяцкимъ въ Кіевѣ при Ростиславѣ былъ Жирославъ Андреевичъ [1]); близкими людьми къ этому князю были также *покладникъ*, или спальникъ его Иванко Фроловичъ и Борисъ Захарьичъ. Изъ дружины Мстислава Изяславича, когда еще онъ сидѣлъ на Волыни, упоминается — Жирославъ Васильевичъ, котораго онъ отправлялъ посломъ къ Изяславу Давидовичу, по дѣлу Берладника; потомъ, во время войны его съ Изяславомъ, Кузьма Сновидичъ и Олбырь Шерошевичъ (происхожденіе котораго явно не-русское); посадникомъ его въ Торческѣ былъ Вышко, котораго схватилъ Давидъ Ростиславичъ; Владиславъ Вратиславичъ Ляхъ, котораго Мстиславъ посылалъ предъ собою въ Кіевъ, позванный туда братьями и гражданами; но мы видѣли этого Владислава бояриномъ и воеводою Ростислава въ Кіевѣ; можно думать, что, немедленно по смерти Ростислава, Владиславъ явился къ Мстиславу въ послахъ отъ Кіевлянъ съ приглашеніемъ на столъ. Наконецъ, при бѣгствѣ Мстислава изъ Кіева, упоминаются дружинники, взятые въ плѣнъ врагами: Димитрій Храбрый, Алексѣй Дворскій, Сбыславъ Жирославичъ, быть можетъ сынъ упомянутаго Жирослава Васильевича, Иванко Творимиричъ, Родъ, или Родіонъ. Изъ галицкихъ упоминаются извѣстный уже намъ прежде Избигнѣвъ Ивачевичъ, отправленный въ послахъ къ Изяславу Давидовичу; въ войнѣ съ послѣднимъ воеводою галицкаго отряда упоминается Тудоръ Елцичъ. Изъ бояръ другихъ юго-западныхъ князей упоминаются бояре Владиміра Мстиславича Трепольскаго — Рагуйло Добрыничъ и Михаилъ, которые спорили съ Василемъ Настасьичемъ, обвинявшимъ ихъ князя во враждебныхъ замыслахъ противъ Мстислава Изяславича; потомъ эти Рагуйло и Михаилъ, вмѣстѣ съ третьимъ бояриномъ Завидомъ, отъѣхали отъ него, когда онъ безъ нихъ замыслилъ опять вражду на Кіевскаго князя; обоихъ первыхъ—Рагуйла и Михаила—мы видѣли прежде: они вмѣстѣ съ своимъ княземъ старались защищать Игоря Ольговича отъ убійцъ; Рагуйло былъ тогда въ санѣ тысяцкаго при Владимірѣ; упоминаются луцкій бояринъ Онофрій и дорогобужскій Гаврило Васильевичъ въ послахъ отъ князей своихъ къ Изяславу Давидовичу. Изъ черниговскихъ бояръ Святослава Ольговича упоминается извѣстный намъ Жирославъ Иванковичъ, старый бояринъ Вячеслава и Юрія; естественно, что по смерти послѣдняго Жирославъ отъѣхалъ къ Святославу Ольговичу, постоянному и единственному пріятелю Юріеву; потомъ упоминается Георгій Ивановичъ, братъ Шакушановъ, котораго Святославъ отправилъ въ послахъ къ Давидовичу въ Кіевъ съ увѣщаніемъ не вступаться за Берладника; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ же и былъ тысяцкимъ въ Черниговѣ во время смерти Святославовой; у сына Святославова, Олега, упоминается бояринъ Иванъ Родиславичъ. Изъ сѣверскихъ бояръ Святослава Всеволодовича упоминается *Кіянинъ*; имя указываетъ въ немъ выходца изъ Кіева. Изъ переяславскихъ бояръ въ битвѣ съ Половцами упоминается Шварнъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ воевода князя Глѣба, по другимъ—богатырь. Изъ смоленскихъ бояръ Ростислава Мстиславича упоминается Иванъ Ручечникъ въ послахъ отъ своего князя къ южнымъ князьямъ, звавшимъ Ростислава на столъ Кіевскій; потомъ Внѣздъ, какъ видно, тысяцкій смоленскій, занимающій мѣсто послѣ князя и епископа [2]); его видимъ также вмѣстѣ съ смоленскими князьями въ походѣ на помощь Полоцкому князю Рогвольду противъ родичей. Изъ вышегородскихъ бояръ Давида Ростиславича упоминаются Василь Настасьичъ, тысяцкій вышегородскій Радило [3]), быть можетъ, тотъ самый, котораго мы видѣли прежде въ дружинѣ Изяслава Мстиславича, и Василій Волковичъ; потомъ, какъ видно, двое братьевъ Бориславичей отъѣхали отъ Мстислава Кіевскаго также къ Давиду; имя одного изъ нихъ, Петръ, можетъ указывать намъ въ немъ одно лицо съ упомянутымъ прежде бояриномъ Изяславовымъ, Петромъ Борисовичемъ, или Бориславичемъ. Изъ суздальскихъ бояръ Андрея Боголюбскаго упоминается воевода Борисъ Жидиславичъ, участвовавшій во взятіи Кіева; взявши въ соображеніе перемѣну его отчества Жидиславичъ на Жирославичъ, можно предположить,

---

[1]) Никон. II, 172.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 94: «И затѣмъ срете и (Ростислава) сынъ Романъ и епископъ Мануилъ и Внѣздъ.»

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 96: «И послаша къ Давидови Вышегороду, и присла Давыдъ Василя на тяжю, и пристави къ нему Родила тысячьскаго и Василія Волковича».—Но прежде, при описаніи осады Вышгорода Мстиславомъ Изяславичемъ, сказано: «И на болоньи отъ Днѣпра зажгоша дворъ тысяцкаго Давыда, Радиловъ, а иныхъ дворовъ 7 сгорѣ».—Соглашая первое извѣстіе со вторымъ, можно исправить первое такъ: «зажгоша дворъ тысяцкаго Давыдова (т.-е. князя Давида Ростиславича), Радиловъ». Если же дѣлать особаго тысяцкаго Давида, который былъ смѣненъ впослѣдствіи Радиломъ, то можно предположить, что этотъ старый тысяцкій Давидъ былъ именно тотъ Давидъ Борыничъ, который подтверждалъ послѣ показанія Василя Настасьича.

что это былъ сынъ извѣстнаго Жирослава Иванковича. Наконецъ упоминаются имена лицъ, неизвѣстно къ чьей дружинѣ принадлежавшихъ, напр.: Давидъ Борыничъ, который подтверждалъ извѣстіе Василя Настасьича на счетъ замысловъ Владиміра Мстиславича; потомъ въ битвѣ съ Половцами убитъ былъ Константинъ Васильевичъ, Яруновъ братъ, и Константинъ Хотовичъ взятъ въ плѣнъ.

Глава VI.

Отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго.

(1169—1228.)

Андрей Боголюбскій остается на сѣверѣ: значеніе этого явленія.—Характеръ Андрея и его поведеніе на сѣверѣ.—Владиміръ-на-Клязьмѣ.—Братъ Андрея Глѣбъ княжитъ въ Кіевѣ.—Война его съ Мстиславомъ Изяславичемъ.—Смерть обоихъ соперниковъ.—Андрей Боголюбскій отдаетъ Кіевъ Роману Ростиславичу Смоленскому.—Ссора Ростиславичей съ Андреемъ.—Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый.—Неудачный походъ рати Андреевой противъ Ростиславичей.—Ярославъ Изяславичъ княжитъ въ Кіевѣ.—Борьба его съ Святославомъ Всеволодовичемъ Черниговскимъ.—Убіеніе Андрея Боголюбскаго и слѣдствія этого событія.—Соперничество Ростова и Владиміра; соперничество дядей Юрьевичей и племянниковъ Ростиславичей сѣверныхъ.—Торжество Михаила Юрьевича надъ племянниками и Владиміра надъ Ростовомъ.—Возобновленіе борьбы по смерти Михаила.—Торжество Всеволода Юрьевича надъ племянниками и окончательное паденіе Ростова.—На югѣ усобица между Мономаховичами и Ольговичами.—Походъ Святослава Всеволодовича Черниговскаго на Всеволода Юрьевича Суздальскаго.—Святословъ утверждается въ Кіевѣ.—Слабость Кіевскаго князя предъ Суздальскимъ.—Борьба Ярослава Галицкаго съ боярами.—Смерть его.—Усобица между его сыновьями, Владиміромъ и Олегомъ.—Бояре изгоняютъ Владиміра и принимаютъ къ себѣ Романа Мстиславича Волынскаго.—Венгерскій король Бела III вмѣшивается въ эту усобицу и сажаетъ въ Галичѣ сына своего Андрея.—Гибель Берладникова сына Ростислава.—Насилія Венгровъ въ Галичѣ.—Владиміръ Ярославичъ съ помощью Поляковъ утверждается здѣсь.—Смерть Святослава Всеволодовича Кіевскаго.—Рюрикъ Ростиславичъ занимаетъ его мѣсто по волѣ Всеволода Суздальскаго.—Послѣдній ссоритъ Рюрика съ зятемъ его Романомъ Волынскимъ.—Участіе Романа въ польскихъ усобицахъ.—Война Мономаховичей съ Ольговичами.—Романъ Волынскій утверждается въ Галичѣ по смерти Владиміра Ярославича.—Онъ изгоняетъ Рюрика Ростиславича изъ Кіева.—Рюрикъ опять въ Кіевѣ и отдаетъ его на разграбленіе Половцамъ.—Романъ постригаетъ Рюрика въ монахи.—Романъ гибнетъ въ битвѣ съ Поляками; его характеръ.—Малолѣтніе сыновья его Даніилъ и Василько окружены врагами.—Рюрикъ снова въ Кіевѣ и воюетъ противъ Романовичей.—Послѣдніе должны бѣжать изъ Галича. Галицкіе бояре призываютъ къ себѣ на княженіе Игоревичей сѣверскихъ.—Бѣдственная судьба маленькихъ Романовичей.—Венгры овладѣваютъ Галичемъ и свирѣпствуютъ здѣсь.—Игоревичи сѣверскіе изгоняютъ Венгровъ, но вооружаютъ противъ себя бояръ, которые, съ помощью Венгровъ, возводятъ на престолъ Даніила Романовича.—Новыя волненія бояръ и бѣгство Даніила.—Бояринъ Владиславъ княжитъ въ Галичѣ.—Венгры и Поляки дѣлятъ между собою Галичъ.—Продолженіе усобицы между Мономаховичами и Ольговичами за Кіевъ; Мономаховичъ въ Черниговѣ.—Усиленіе Всеволода III Юрьевича на сѣверѣ.—Отношенія его къ Рязани, Смоленску и Новгороду Великому.—Дѣятельность Мстислава Храбраго на сѣверѣ.—Смерть его.—Перемѣны въ Новгородѣ Великомъ.—Мстиславъ Мстиславичъ Торопецкій, сынъ Храбраго, избавляетъ Новгородъ отъ Всеволода III.—Предсмертныя распоряженія Всеволода III.—Кончина его.—Усобица между его сыновьями Константиномъ и Юріемъ.—Мстиславъ Торопецкій вмѣшивается въ эту усобицу и Липецкою побѣдою даетъ торжество Константину.—Смерть послѣдняго.—Юрій опять великимъ княземъ во Владимірѣ.—Событія рязанскія и новгородскія.—Дѣятельность Мстислава Торопецкаго въ Галичѣ.—Перемѣны въ Кіевѣ, Черниговѣ и Переяславлѣ.—Дружина.—Нѣмцы въ Ливоніи.—Смуты въ Новгородѣ и Псковѣ.—Войны Новгородцевъ съ Ямью.—Ихъ заволоцкіе походы.—Борьба суздальскихъ князей съ Болгарами.—Основаніе Нижняго Новгорода.—Войны съ Литвою, Ятвягами и Половцами.—Татарское нашествіе.—Общій обзоръ событій отъ кончины Ярослава I-го до кончины Мстислава Торопецкаго.

Казалось, что по смерти Ростислава Мстиславича событія на Руси примутъ точно такой же ходъ, какой приняли они прежде по смерти Всеволода Ольговича: старшій столъ, Кіевъ, занялъ Мстиславъ Изяславичъ вопреки правамъ дяди своего, Андрея Суздальскаго, точно такъ-же, какъ отецъ Мстислава, Изяславъ, занялъ Кіевъ вопреки правамъ отца Андреева, Юрія; какъ послѣдній вооружился за это на племянника и нѣсколько разъ изгонялъ его изъ Кіева, какъ теперь и Андрей вооружается противъ Мстислава, изгоняетъ его, беретъ старшинство,—имѣемъ право ожидать продолженія борьбы, которая опять можетъ быть ведена съ перемѣннымъ счастіемъ, смотря по тому, поддержится ли союзъ Андрея съ одиннадцатью князьями, удовлетворитъ ли онъ ихъ желаніямъ, или нѣтъ. Но мы обманываемся совершенно въ своихъ ожиданіяхъ: Андрей не самъ привелъ войска свои къ Кіеву, не пришелъ въ стольный городъ отцовъ и дѣдовъ и послѣ, отдалъ его, опустошенный, младшему брату, а самъ остался на сѣверѣ, въ прежнемъ мѣстѣ своего пребыванія, во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. Этотъ поступокъ Андрея былъ событіемъ величайшей важности, событіемъ *поворотнымъ*, отъ котораго исторія принимала новый ходъ, съ котораго начинался на Руси новый порядокъ вещей. Это не было перенесеніе столицы изъ одного мѣста въ другое, потому что на Руси не было единаго государя; въ ней владѣлъ большой княжескій родъ, единство котораго поддерживалось тѣмъ, что ни одна линія въ немъ не имѣла первенствующаго значенія и не подчиняла себѣ другія въ государственномъ смыслѣ

но каждый членъ рода, въ свою очередь, вслѣдствіе старшинства физическаго, имѣлъ право быть старшимъ, главнымъ, великимъ княземъ, сидѣть на главномъ столѣ, въ лучшемъ городѣ русскомъ — Кіевѣ; отсюда для полноправныхъ князей—родичей—отсутствіе отдѣльныхъ волостей, отчинъ. Отчиною для каждаго была цѣлая Русская Земля; отсюда общность интересовъ для всѣхъ князей, понятіе объ общей, одинаковой для всѣхъ обязанности защищать Русскую Землю, эту общую отчину, складывать за нее свои головы; отсюда то явленіе, что во все продолженіе описанныхъ выше княжескихъ усобицъ предѣлы ни одной волости, ни одного княжества не увеличивались, по крайней мѣрѣ примѣтно, на счетъ другихъ, потому что князю не было выгоды увеличивать волость, которой онъ былъ только временнымъ владѣльцемъ; мы видѣли, напримѣръ, что Изяславъ Мстиславичъ перемѣнилъ въ свою жизнь шесть волостей. Какую надобность имѣлъ онъ заботиться объ увеличеніи предѣловъ, объ усиленіи какой-нибудь изъ нихъ, когда главная забота всей его жизни состояла въ борьбѣ съ дядьми за право старшинства, за возможность быть старшимъ и княжить въ Кіевѣ? Или: какая надобность была князю Новгорода-Сѣверскаго заботиться о своей волости, когда онъ зналъ, что по смерти дяди своего, князя Черниговскаго, онъ перейдетъ въ Черниговъ, и прежнюю свою волость, Сѣверскую, долженъ будетъ уступить двоюродному брату, сыну прежняго князя Черниговскаго? потомъ онъ зналъ, что и въ Черниговѣ долго не останется, умретъ княземъ Кіевскимъ, а сына своего оставитъ въ Туровѣ, или на Волыни, или въ Новгородѣ Великомъ; слѣд. главная цѣль усобицъ была—поддержать свое право на старшинство, свое мѣсто въ родовой лѣствицѣ, отъ чего зависѣло владѣніе тою или другою волостью. Но если верховнымъ желаніемъ, главною, завѣтною цѣлію для каждаго полноправнаго князя-родича было достиженіе первой степени старшинства въ цѣломъ родѣ, и если съ этою степенью старшинства необходимо связывалось владѣніе лучшимъ городомъ на Руси, „матерью городовъ русскихъ“, Кіевомъ, то понятно великое значеніе этого города для князей. Самою крѣпкою основою для родоваго единства княжескаго было отсутствіе отдѣльности владѣній, отсутствіе отдѣльной собственности для членовъ рода, общее право на главный столъ; къ Кіеву стремились самыя пламенныя желанія князей, около Кіева сосредоточивалась ихъ главная дѣятельность; Кіевъ былъ представителемъ единства княжескаго рода и единства земскаго, наконецъ единства церковнаго, какъ мѣстопребываніе верховнаго пастыря Русской Церкви; Кіевъ, по словамъ самихъ князей, былъ *старшимъ* городомъ по всей Землѣ [1]); Изяславъ Давидовичъ не хотѣлъ выйти изъ Кіева, „потому что, говоритъ лѣтописецъ [2]), сильно полюбилось ему великое княженіе Кіевское; да и кто не полюбитъ Кіевскаго княженія?—вѣдь здѣсь вся честь и слава, и величіе, глава всѣмъ Землямъ Русскимъ Кіевъ: сюда отъ многихъ дальнихъ царствъ стекаются всякіе люди и купцы, и всякое добро отъ всѣхъ странъ собирается въ немъ“

И вотъ нашелся князь, которому не полюбилось Кіевское княженіе, который предпочелъ славному и богатому Кіеву бѣдный, едва только начавшій отстраиваться городъ на сѣверѣ, Владиміръ-Клязменскій. Легко понять слѣдствіе переворота, произведеннаго такимъ поступкомъ Боголюбскаго; еслибъ перемѣна въ мѣстопребываніи старшаго князя произошла съ согласія всѣхъ князей-родичей, если-бы Кіевъ для всѣхъ нихъ утратилъ совершенно свое прежнее значеніе, передалъ его Владиміру-Клязменскому; еслибъ всѣ князья, и сѣверные и южные, и Мономаховичи, и Ольговичи, стали теперь добиваться Владиміра, какъ прежде добивались Кіева:—то и тогда произошли бы большія перемѣны въ отношеніяхъ княжескихъ, и тогда велики были бы слѣдствія этого перенесенія главной сцены дѣйствія на новую почву, имѣвшую свои особенности. Но этого не было и быть не могло: для всѣхъ южныхъ князей, и для Мономаховичей, и для Ольговичей, Кіевъ не потерялъ своего прежняго значенія; ни одинъ изъ нихъ не хотѣлъ предпочитать далекой и бѣдной Суздальской Земли той благословенной сторонѣ, которая по преимуществу носила названіе Земли Русской. Кіевъ остался по-прежнему старшимъ городомъ Русской Земли, и между тѣмъ самый старшій и самый могущественный князь не живетъ въ немъ, но, оставаясь на отдаленномъ сѣверѣ, располагаетъ Кіевомъ, отдаетъ его старшему послѣ себя князю; такимъ образомъ, сѣверный Суздальскій князь, несмотря на то, что, подобно прежнимъ великимъ князьямъ, признается только старшимъ въ родѣ, является внѣшнею силою, тяготѣющею надъ Южною Русью, силою отдѣльною, независимою. И прежде было нѣсколько отдѣльныхъ волостей—Галицкая, Полоцкая, Рязанская, Городенская, Туровская; но эти волости обособились вслѣдствіе изгойства князей ихъ, которые были относительно такъ слабы, что не могли обнаруживать рѣшительнаго вліянія на дѣла Руси; но сѣверная Ростовская и Суздальская область обособилась не вслѣдствіе изгойства своихъ князей; князь ея признается первымъ, старшимъ въ цѣломъ родѣ и, кромѣ того, матеріально сильнѣйшимъ, обладающимъ, слѣдовательно, двойною силою; сознаніе этой особенности, независимости и силы побуждаетъ его перемѣнить обращеніе съ слабѣйшими, младшими князьями, требовать отъ нихъ безусловнаго повиновенія, къ чему не привыкли князья при господствѣ неопредѣленныхъ, исключительно родовыхъ отношеній между старшимъ и младшими. Такимъ образомъ, родовымъ отношеніямъ впервые наносится ударъ, впервые сталкиваются они съ отношеніями другого рода, впервые выказывается возможность перехода

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп., I, 107: «То есть старѣйшій градъ въ земли во всей Кыевъ».

[2]) Никон. II, 146.

родовыхъ отношеній въ государственныя. Еслибъ сѣверные князья могли постоянно удерживать свое господствующее положеніе относительно южныхъ, то судьба послѣднихъ, разумѣется, скоро стала бы зависѣть отъ произвола первыхъ, отъ чего произошло бы необходимо измѣненіе въ цѣломъ бытѣ Южной Руси, въ отношеніяхъ ея къ Сѣверной. Если же сѣверные князья потеряютъ на время свою силу, свое вліяніе на судьбу Южной Руси, то отсюда необходимо произойдетъ окончательное раздѣленіе обѣихъ половинъ Руси, имѣющихъ теперь каждая свое особое средоточіе, свою особую сферу. Но легко понять, что это отдѣленіе Сѣверной Руси отъ Южной будетъ гораздо богаче послѣдствіями, чѣмъ, напримѣръ, отдѣленіе небольшихъ волостей — Галицкой, Полоцкой или Рязанской; теперь отдѣлится обширная область съ особымъ характеромъ природы, народонаселенія, съ особыми стремленіями, особыми гражданскими отношеніями. То важное явленіе, которое послужило поводомъ къ раздѣлеленію Южной и Сѣверной Руси, именно поступокъ Боголюбскаго, когда онъ не поѣхалъ въ Кіевъ, остался на сѣверѣ и создалъ себѣ тамъ независимое, могущественное положеніе, давшее ему возможность перемѣнить прежнее поведеніе старшаго князя относительно младшихъ,—это явленіе будетъ ли имѣть слѣдствія, повторится ли оно, станутъ ли старшіе князья подражать Боголюбскому, станутъ ли каждый оставаться въ своей прежней волости, ее увеличивать, усиливать, создавать для себя въ ней независимое, могущественное положеніе, и, пользуясь этимъ могуществомъ, измѣнять родовыя отношенія къ младшимъ или слабѣйшимъ князьямъ въ государственныя? и въ какой именно части Руси, въ южной или сѣверной, примѣръ Боголюбскаго окажется плодотворнымъ, найдетъ подражателей?

Въ южной половинѣ Руси онъ не нашелъ подражателей; здѣсь не умѣли и не хотѣли понять важности этого явленія, не могли подражать ему. Здѣсь самые доблестные князья обнаружили отчаянное сопротивленіе ему; здѣсь старыя преданія были слишкомъ сильно укоренены; здѣсь ни одинъ князь не обладаетъ достаточною матеріальною силою для того, чтобъ создать для себя независимое и могущественное положеніе въ своей волости; здѣсь, при борьбѣ разныхъ племенъ (линій) Ярославова потомства за старшинство, это старшинство и столъ Кіевскій обыкновенно доставались старшему въ томъ племени, которое одерживало верхъ; власть великаго князя была крѣпка не количествомъ волостей, но совокупною силою всей родовой линіи, которой онъ былъ старшимъ; онъ поддерживался этою совокупною силою,—и раздавалъ ближайшіе къ Кіеву города своимъ сыновьямъ, братьямъ, племянникамъ, что было для него все равно, или даже еще выгоднѣе, чѣмъ раздавать ихъ посадникамъ: посадникъ скорѣе могъ отъѣхать къ чужому князю, чѣмъ князь измѣнить своему племени и его старшему. Наконецъ, утвержденію новаго порядка вещей на югѣ препятствовали разныя другія отношенія, основанныя, или по крайней мѣрѣ развивавшіяся, укрѣплявшіяся въ силу родовыхъ отношеній княжескихъ: мы говоримъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ, городамъ, войску, составленному изъ пограничнаго варварскаго народонаселенія, извѣстнаго подъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и т. п. Но другое дѣло на сѣверѣ: здѣсь была почва новая, дѣвственная, на которой новый порядокъ вещей могъ приняться гораздо легче, и точно принялся, какъ увидимъ впослѣдствіи. Здѣсь не было укорененныхъ старыхъ преданій о единствѣ рода княжескаго; сѣверъ начиналъ свою историческую жизнь этимъ шагомъ князя своего къ новому порядку вещей; Всеволодъ III-й наслѣдуетъ стремленія брата своего; всѣ князья сѣверные происходятъ отъ этого Всеволода III-го, слѣдовательно между ними новое преданіе о княжескихъ отношеніяхъ есть преданіе родовое, преданіе отцовское и дѣдовское; но главное обстоятельство здѣсь было то, что новымъ стремленіямъ князей на сѣверѣ открылось свободное поприще, они не могли встрѣтить себѣ препятствій въ другихъ отношеніяхъ, въ отношеніяхъ къ народонаселенію страны. Мы видѣли, какое значеніе имѣли города при родовыхъ счетахъ и усобицахъ княжескихъ, какое вліяніе оказывали они на исходъ этихъ усобицъ, на измѣненія въ этихъ счетахъ. Мы видѣли значеніе Кіева при нарушеніи правъ Святославова племени въ пользу Мономаха и сыновей его; видѣли, какъ, по смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне объявили, что не хотятъ переходить къ его брату, какъ будто по *наслѣдству*, слѣдовательно, зовя Мономаха къ себѣ на столъ и передавая этотъ столъ сыновьямъ его мимо черниговскихъ, Кіевляне не хотѣли утвердить правъ наслѣдства въ одномъ какомъ-нибудь племени, вообще были противъ наслѣдства. Въ Полоцкѣ мы видѣли также явленія въ этомъ родѣ; увидимъ такія же явленія и въ Смоленскѣ; слѣдовательно, если-бы на югѣ какой-нибудь князь захотѣлъ ввести новый порядокъ вещей относительно счетовъ по волостямъ, то встрѣтилъ бы сильное сопротивленіе въ городахъ, которое, вмѣстѣ съ сопротивленіемъ многочисленной толпы князей-родичей,—помѣшало бы ему достигнуть своей цѣли. Но существовало ли это препятствіе на сѣверѣ? господствовали ли тамъ тѣ неопредѣленныя отношенія между князьями и гражданами, какія существовали въ старыхъ городахъ, старыхъ общинахъ, какія были остаткомъ прежнихъ родовыхъ отношеній народонаселенія къ старшинамъ и поддерживались родовыми отношеніями, безпрестанными переходами и усобицами князей Рюриковичей? Здѣсь, на сѣверѣ, въ обширной области, граничащей съ одной стороны съ областями, принадлежавшими изгнанной линіи Святославичей, а съ другой соприкасавшейся съ владѣніями Великаго Новгорода,—въ этой суровой и рѣдко населенной странѣ находился только одинъ древній городъ, упоминаемый лѣтописцемъ еще до прихода Варяговъ: то былъ Ростовъ Великій, отъ котораго вся окружная

страна получила названіе Земли Ростовской. Скоро начали возникать около него города новые; сынъ Мономаха, Юрій, особенно прославилъ себя какъ строитель неутомимый [1]); но мы знаемъ, что города новопостроенные входили къ древнимъ въ отношеніе младшихъ къ старшимъ, становились ихъ пригородами и должны были находиться въ ихъ волѣ; отсюда младшіе города, или пригороды не имѣли самостоятельнаго быта и во всемъ зависѣли отъ рѣшенія старшихъ, которые для ихъ управленія посылали своего посадника или тіуна. Эта зависимость выражается въ лѣтописи такъ: „На чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ". Ясно, что если въ этихъ младшихъ городахъ, не имѣвшихъ самостоятельности, привыкшихъ повиноваться вѣчевымъ приговорамъ старшихъ, князь утвердитъ свой столъ, то власть его будетъ развиваться гораздо свободнѣе; при этомъ не забудемъ, что въ Ростовской волости всѣ эти новые города были построены и населены князьями; получивъ отъ князя свое бытіе, они необходимо считали себя его собственностью. Такимъ образомъ, на сѣверѣ, въ области Ростовской, вокругъ старыхъ вѣчниковъ, вокругъ одинокаго Ростова, князь создалъ себѣ особый міръ городовъ, гдѣ былъ властелиномъ неограниченнымъ, хозяиномъ полновластнымъ, считалъ эти города своею собственностью, которою могъ распоряжаться; неудивительно послѣ того, что здѣсь явился первый князь, которому лѣтописецъ приписываетъ стремленіе къ единовластію; неудивительно, что здѣсь впервые явились понятія объ отдѣльной собственности княжеской, которую Боголюбскій поспѣшилъ выдѣлить изъ общей родовой собственности Ярославичей, оставивъ примѣръ своимъ потомкамъ, могшимъ безпрепятственно имъ воспользоваться. Если вникнемъ въ свидѣтельство лѣтописи о различіи старыхъ и новыхъ городовъ, о торжествѣ послѣднихъ надъ единственнымъ изъ первыхъ на сѣверѣ; если вникнемъ въ ту противоположность и враждебность, какая обнаружилась впослѣдствіи между городами Сѣверо-восточной и городами Западной Россіи; если вникнемъ въ бытъ западно-русскихъ городовъ въ періодъ литовскаго владычества, бытъ, явно носящій слѣды древности и не сходный съ бытомъ городовъ сѣверо-восточныхъ:—то, конечно, не усомнимся уступить этому различію важное вліяніе на бытъ Сѣверо-восточной и потомъ на бытъ Россіи вообще. Если намъ укажутъ вначалѣ и на сѣверо-востокѣ такія же явленія, какія видимъ на западѣ и югѣ, то мы спросимъ: почему эти явленія, происходившія на сѣверо-востокѣ вслѣдствіе извѣстныхъ благопріятныхъ обстоятельствъ, не повторились, остались безъ слѣдствій? Ясно, что почва здѣсь была не по нимъ. Наконецъ, не забудемъ обратить вниманіе на указанное выше [2]) различіе между Сѣверною и Южною Русью, различіе въ характерѣ ея народонаселенія; это различіе необходимо содѣйствовало также установленію новаго порядка вещей на сѣверѣ, содѣйствовало тому значенію, какое имѣла сѣверная Суздальская волость для остальныхъ частей Россіи.

[1]) См. томъ I-й, стр. 12, прим. 1.

[2]) См. томъ 1-й, стр. 20.

Мы видѣли втораго сына Юріева, Андрея, во время борьбы отца его съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Мстиславичемъ за старшинство, за Кіевъ; онъ выдавался здѣсь своею необыкновенною храбростью, любилъ начинать битву впереди полковъ, заноситься на ретивомъ конѣ въ середину вражьяго войска, пренебрегать опасностями, но, въ то же время, видно было въ немъ какое-то нерасположеніе къ югу, къ собственной Руси, влеченіе къ сѣверу, что́ рѣзко отличало его отъ отца и другихъ братьевъ, раздѣлявшихъ со всѣми остальными Ярославичами любовь къ Кіеву. Когда Юрій, проигравши свое дѣло на югѣ, все еще не хотѣлъ разстаться съ нимъ, медлилъ исполнить требованія брата и племянника, объявившихъ, что не могутъ жить съ нимъ вмѣстѣ, Андрей спѣшилъ впереди отца на сѣверъ, утверждая, что на югѣ уже больше дѣлать нечего. Потомъ, когда Юрій, по смерти старшаго брата и племянника, окончательно утвердился въ Кіевѣ и посадилъ Андрея подлѣ себя въ Вышгородѣ [3]), то онъ не просидѣлъ и году въ своей южной волости, безъ отцовскаго позволенія ушелъ на сѣверъ, который послѣ никогда уже не оставлялъ. Для объясненія этого явленія замѣтимъ, что Андрей, безспорно и родившійся на сѣверѣ [4]),

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 77: «Тогды же, сѣдъ раздая волости дѣтемъ: Андрея посади Вышегородѣ, а Бориса Туровѣ, Глѣба Переяславлѣ, и Василькови да Поросье». Почему же Юрій посадилъ Андрея не въ Переяславлѣ? По той же причинѣ, по какой Мономахъ посадилъ Мстислава въ Бѣлгородѣ, а не въ Переяславлѣ, хотя онъ и считался княземъ Переяславскимъ (см. выше); Юрію нужно было имѣть подлѣ себя храбраго Андрея, который бы защищалъ его отъ нападеній Мстиславичей. Почему теперь посадилъ онъ въ Переяславлѣ не Бориса, но младшаго Глѣба?—потому, что Глѣбъ былъ воинственнѣе Бориса, что мы видимъ изъ предыдущаго его поведенія, тогда какъ Борисъ вовсе не отличался ратнымъ духомъ, а Переяславль былъ опасный столъ по сосѣдству съ князьями черниговскими и Половцами.

[4]) Что Андрей прежде сидѣлъ во Владимірѣ, объ этомъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтописецъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 144): Андрей же рече (отцу): «на томъ есмы цѣловати крестъ яко поити ны Суждалю, и иде въ свою волость Володимерю».—Есть извѣстіе, что въ удаленіи Андрея на сѣверъ участвовали приближенные къ нему люди, именно родственники по женѣ, Кучковичи: «Приде изъ Кіева въ градъ Володимерь Князь Великій Андрей Юрьевичъ безъ отча повелѣнія, его же лестію подъяша Кучковичи». (Карамз. II, примѣч. 383).—Что приближеннымъ къ Андрею людямъ, особенно Кучковичамъ, имѣвшимъ, какъ видно, села на сѣверѣ, не нравилось въ Вышегородѣ, безъ большой надежды скоро и даже когда-либо утвердиться въ Кіевѣ, очень вѣроятно; вѣроятно также, что Кучковичи могли оставаться на сѣверѣ и перезывали туда Андрея, ибо имъ выгоднѣе было, чтобъ владѣлъ здѣсь ихъ родственникъ, а не младшіе Юрьевичи; но въ чемъ состоялъ обманъ, лесть Кучковичей?—быть можетъ они давали знать Андрею, что вся Земля Ростовская хочетъ имѣть его своимъ княземъ, чего на дѣлѣ не было до самой смерти Юрія. Въ другихъ извѣстіяхъ такъ описы-

провелъ тамъ большую половину жизни, и ту именно половину, впечатлѣнія которой ложатся крѣпко на душу человѣка и никогда его не покидаютъ; Юрій жилъ уже не въ Ростовѣ, а въ Суздалѣ, городѣ относительно новомъ, подчиненномъ. Андрей, какъ видно, получилъ отъ отца въ волость Владиміръ-на-Клязьмѣ; слѣдовательно онъ воспитался и окрѣпъ въ новой средѣ, при тѣхъ отношеніяхъ, которыя господствовали въ новыхъ городахъ или пригородахъ ростовскихъ. Уже только въ 1149 году, лѣтъ 30-ти слишкомъ отъ рожденія, пришелъ Андрей на югъ, въ Русь, съ полками отца своего; онъ привыкъ къ сѣверу, къ тому порядку вещей, который тамъ господствовалъ: немудрено, что не понравился ему югъ, что чуждъ, непонятенъ и враждебенъ показался ему порядокъ вещей, здѣсь существовавшій. На югѣ всѣ князья съ ранней молодости привыкли жить въ общемъ родовомъ кругу, видѣться другъ съ другомъ въ челѣ полковъ и во время мирныхъ совѣщаній, живя вблизи другъ отъ друга, находясь въ безпрерывныхъ сношеніяхъ, съ ранней молодости привыкли дѣятельно участвовать во всѣхъ родовыхъ столкновеніяхъ и принимать къ сердцу всѣ родовые счеты и распри, находя въ этомъ самый главный, самый живой интересъ. Но Андрей 30 слишкомъ лѣтъ прожилъ на сѣверѣ, въ одной своей семьѣ, въ удаленіи отъ остальныхъ племенъ (линій) княжескихъ, рѣдко видясь, мало зная въ лицо остальныхъ князей—родственниковъ своихъ, близкихъ и дальнихъ; издали только доносились до него слухи о событіяхъ изъ этого чуждаго для него міра; такимъ образомъ, вслѣдствіе долговременнаго удаленія, для Андрея необходимо должна была ослабѣть связь, соединявшая его съ остальными родичами, почему приготовлялась для него возможность явиться впослѣдствіи такимъ старшимъ княземъ, который станетъ поступать съ младшими не по-родственному. Но мало одного удаленія: Андрея отдѣляла отъ южныхъ родичей, и самыхъ близкихъ, отъ двоюродныхъ братьевъ Мстиславичей, вражда; онъ привыкъ смотрѣть на нихъ, какъ на заклятыхъ враговъ, которые старались отнять у отца его и всей семьи Юрія должное ей значеніе. Это отчужденіе, холодность относительно всѣхъ родичей, вражда къ Мстиславичамъ и отчужденіе отъ юга вообще не могли измѣниться, когда Андрей явился на Руси, гдѣ, какъ мы видѣли, отецъ и вся семья его не могли пріобрѣсти народнаго расположенія, когда, вслѣдствіе этого, было такъ мало надежды скоро или даже когда-нибудь занять старшій столъ и удержать его. Послѣ всего этого неудивительно покажется намъ удаленіе Андрея изъ Вышгорода на сѣверъ; здѣсь онъ утвердился въ своей прежней волости, Владимірѣ-Клязменскомъ [1]), и во все остальное время отцовской жизни не былъ княземъ главныхъ сѣверныхъ волостей, ни Ростова, ни Суздаля, потому что всѣ сѣверныя волости вообще Юрій хотѣлъ оставить младшимъ сыновьямъ своимъ, а старшихъ испомѣстить на югѣ, въ собственной Руси, и, какъ видно, города при жизни Юрія не хотѣли прямо возстать противъ его распоряженія. Но какъ скоро Юрій умеръ, то Ростовцы и Суздальцы, посовѣтовавшись вмѣстѣ, взяли къ себѣ въ князья Андрея и посадили его въ Ростовѣ на отцовскомъ столѣ и въ Суздалѣ [2]). Изъ это-

ваются побужденія, заставившія Андрея удалиться на сѣверъ: Никон. II, 150: «Иде Князь Андрей Боголюбивый съ Вышегородскаго своего княженія великаго къ отцу своему Юрью Долгорукому въ Кіевъ и пришедъ въ Кіевъ радостнѣ бысть пріятъ отъ отца своего, и пребысть у него въ Кіевѣ нѣколико время, и смущашеся о нестроеніи братіи своея, и братаничовъ и сродниковъ, и всего племени своего, яко всегда въ мятежи и въ волненіи вси бяху, и мнози крови ліяшеся, вся желающе и хотяще великаго княженія Кіевскаго, и нѣсть никому ни съ кѣмъ мира, и отъ сего вси княженія опустѣша, и по Дунаю, и по Мети, и по Астри чужія обладающа и населиша, а отъ поля Половцы выплѣниша, и пусто сотвориша и скорбяше много о семъ, и болѣзноваше душею и сердцемъ, и мысляше себѣ въ тайнѣ сердца своего, никакоже повѣдая сего отцу своему. И восхотѣ ити на великое княженіе въ Суждаль и Ростовъ, яко тамъ, рече, покойнѣе есть».—Татищ. III, 97: «Андрей Юрьевичъ видя, что всюду миръ по его желанію учиненъ, и ему дѣла никакого не было, а Бѣлая (Сѣверная) Русь безъ князя стояла въ великомъ непорядкѣ, просилъ не однова отца своего Юрія, чтобъ его туда отпустилъ; но Юрій вѣдая, что во время войны ему безъ Андрея ни на кого столько надѣяться не можно, ему отказалъ. Онъ же потерпя нѣколико, и оскорбясь дѣлами и веселіями отцовыми, за что всѣ на отца его негодовали, убрався тайнѣ, уѣхалъ въ Бѣлую Русь... Пришедши же въ Бѣлую Русь, избѣгая у отца на себя подозрѣнія и большаго гнѣва, не сталъ жить въ Суздалѣ, яко престольномъ отца его градѣ, но построилъ себѣ домъ во Владимірѣ-на-Клязмѣ, яко ближайшемъ къ Суздалю граду».

[1]) На первомъ планѣ здѣсь дѣйствуютъ Ростовцы; что касается Суздаля, то Юрій, утвердивши въ немъ свой столъ, выдвинулъ его изъ ряда другихъ пригородовъ, далъ ему важное значеніе, и вотъ сказано, что Ростовцы дѣйствуютъ вмѣстѣ съ Суздальцами, точно такъ, какъ въ Новгородской лѣтописи обыкновенно читаемъ, что въ важныхъ случаяхъ въ Новгородѣ на вѣче сходятся Псковичи и Ладожане—только о другихъ пригорожанахъ ни слова. Мы предпочитаемъ чтеніе лѣтописи, составленной на сѣверѣ по Лавр. списку; Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: «Ростовци и Суждалци сдумавше вси, поняша Андрея» и проч., чтенію лѣтописи, составл. на югѣ, и слѣд. не такъ знакомой съ дѣломъ; по Ипатьев. сп., тамъ же, II, 81: «Сдумавши Ростовци, и Суждальци и Володимерцы вси» и проч., тѣмъ болѣе, что послѣ Владимірскій лѣтописецъ, какъ увидимъ, отречется отъ этого избранія, да и какъ было Владимірцамъ снова выбирать Андрея, когда онъ уже княжилъ у нихъ.

[2]) Хотя есть извѣстіе, довольно вѣроятное, что его утвержденіе произошло не вдругъ; что Андрей, не желая нарушить вдругъ обычая, сперва нѣкоторое время жилъ въ Суздалѣ; Татищ. III, 135: «Андрей Юрьевичъ Великій Князь ни о чемъ болѣе какъ о строеніи Владиміра и другихъ градовъ, якоже и о земскомъ распорядкѣ прилѣже, распространялъ Владиміръ, его же вельми полюбилъ и положилъ намѣреніе всегда тутъ пребывать, къ тому и Митрополію учинить: но Ростовцамъ и Суздальцамъ, яко старымъ городамъ и княжескимъ престоламъ, весьма то было противно, и сколько могли препятствовали, представляя, что сіи города издревле престольные, и Владиміръ есть новый пригородъ Суздальскій. Онъ же, нехотя народъ озлоблять, жилъ въ Суздали, а во Владиміръ часто ѣздилъ на охоту, и пребывалъ по нѣскольку дней».—Никон. II, 175: «И хотяше (Андрей) града сего (Владиміра)

го извѣстія лѣтописца мы видимъ ясно, что жители Ростова, какъ жители другихъ старыхъ городовъ, не считали своею обязанностью исполнить волю покойнаго князя, отдавшаго ихъ волость младшимъ сыновьямъ своимъ; думали, что имѣютъ право выбирать кого хотятъ въ князья. Андрей принялъ столъ Ростовскій и Суздальскій, но утвердилъ свое пребываніе въ прежней волости, Владимірѣ [1]), его украшалъ по-преимуществу, въ немъ хотѣлъ даже учредить особую митрополію для Сѣверной Руси, чтобъ дать ей независимость отъ Южной и въ церковномъ отношеніи, зная, какое преимущество будетъ сохранять Кіевъ, если въ немъ будетъ по-прежнему жить верховный пастырь Русской Церкви. Такое поведеніе Андрея не могло нравиться Ростовцамъ; его поведеніе не нравилось, какъ видно, почему-то и старымъ боярамъ отцовскимъ; какъ видно, Андрей не жилъ съ ними по товарищески, не объявлялъ имъ всѣхъ своихъ думъ, къ чему привыкли бояре въ старой Руси; предлогъ къ смутѣ недовольные могли найти легко: Андрей овладѣлъ волостью вопреки отцовскому распоряженію; младшіе Юрьевичи, которымъ отецъ завѣщалъ Суздальскую Землю, жили тамъ, ихъ именемъ недовольные могли дѣйствовать; и вотъ Андрей гонитъ съ сѣвера своихъ младшихъ братьевъ, этихъ опасныхъ соперниковъ, Мстислава, Василька и Всеволода, которые отправились въ Грецію [2]); мы видѣли, что двое другихъ Юрьевичей имѣли волости на югѣ: Глѣбъ княжилъ въ Переяславлѣ, Михаилъ, какъ видно, въ Торческѣ; скоро Всеволодъ Юрьевичъ съ племянниками Ростиславичами возвратился также изъ Греціи и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [3]), княжилъ въ Городцѣ-Остерскомъ. Вмѣстѣ съ братьями Андрей выгналъ племянниковъ своихъ отъ старшаго брата Ростислава; наконецъ выгналъ старыхъ отцовскихъ бояръ, мужей отца своего переднихъ, по выраженію лѣтописца; онъ это сдѣлалъ, продолжаетъ лѣтописецъ, желая быть самовластцемъ во всей Суздальской Землѣ. Но при этомъ необходимо рождается вопросъ: если Ростовцы и Суздальцы были недовольны, если передніе мужи были недовольны, если братья княжескіе были недовольны,—то какая же сила поддерживала Андрея, дала ему возможность, несмотря на неудовольствіе Ростовцевъ и Суздальцевъ, выгнать братьевъ, выгнать бояръ и сдѣлаться самовластцемъ? Необходимо должно предположить, что сила его утверждалась на повиновеніи младшихъ, новыхъ городовъ или пригородовъ. Андрей, какъ видно, хорошо понималъ, на чемъ основывается его сила, и не оставилъ этихъ новыхъ городовъ, когда войска его взяли самый старшій и самый богатый изъ городовъ русскихъ—Кіевъ.

Глѣбъ Юрьевичъ, посаженный племянникомъ въ Кіевѣ, не могъ княжить здѣсь спокойно, пока живъ былъ изгнанный Мстиславъ Изяславичъ. Послѣдній началъ съ ближайшаго сосѣда своего, Владиміра Андреевича Дорогобужскаго, который, какъ мы видѣли, былъ союзникомъ Юрьевичей при его изгнаніи; съ братомъ Ярославомъ и съ Галичанами приступилъ Мстиславъ къ Дорогобужу, сталъ биться около города, но, несмотря на болѣзнь Владиміра Андреевича, который не могъ лично распоряжаться своимъ войскомъ; несмотря на то, что Глѣбъ Кіевскій, вопреки своему обѣщанію, не далъ ему никакой помощи, Мстиславу не удалось взять Дорогобужъ: онъ долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ другихъ, менѣе крѣпкихъ городовъ Владиміровыхъ, и возвратился къ себѣ домой. Скоро Владиміръ Андреевичъ умеръ, какъ видно, не оставивъ дѣтей; но волости его уже дожидался безземельный князь, Владиміръ Мстиславичъ, пріѣхавшій съ сѣверо-востока и жившій теперь въ волынскомъ городѣ Полонномъ, который принадлежалъ кіевской Десятинной церкви. Узнавъ о смерти Андреевича, онъ явился передъ Дорогобужемъ; но дружина покойнаго князя не пустила его въ городъ; тогда онъ послалъ сказать ей: „Цѣлую крестъ вамъ и княгинѣ вашей, что ни вамъ, ни ей не сдѣлаю ничего дурного"; поцѣловалъ крестъ, вошелъ въ городъ, и тотчасъ же позабылъ свою клятву, потому что, говоритъ лѣтописецъ, былъ онъ вертлявъ между всею братьею; онъ накинулся на имѣніе, на стада и на села покойнаго Андреевича, и погналъ княгиню его изъ города. Взявши тѣло мужа своего, она отправилась въ Вышгородъ, откуда хотѣла ѣхать въ Кіевъ, но князь Давидъ Ростиславичъ не пустилъ ея: „Какъ я могу отпустить тебя", говорилъ онъ; „ночью пришла мнѣ вѣсть, что Мстиславъ въ Василевѣ, пусть кто нибудь пойдетъ съ тѣломъ изъ дружины". Но дружина дорогобужская отвѣчала ему на это: „Князь, самъ ты знаешь, что мы надѣлали Кіевлянамъ, нельзя намъ идти, убьютъ насъ". Тогда игуменъ Поликарпъ сказалъ Давиду: „Князь, дружина его не ѣдетъ съ нимъ: такъ отпусти кого-нибудь изъ своей, чтобъ было кому коня повести и стягъ (знамя) понести". Но Да-

столъ быти В. княжескія. Ростовцемъ же и Суздальцемъ не хотящимъ сего, глаголюще: яко Ростовъ есть старой и большой градъ, и Суждаль, градъ же Владимеръ пригородъ нашъ есть».

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91: «Выгна Андрей епископа Леона изъ Суждаля, и братью свою погна Мстислава и Василка и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего передніи... Идоста Гюргевичи Царюгороду, Мстиславъ и Василко съ матерью, и Всеволода молодаго пояша съ собою третьяго брата: и дастъ царь Василкови въ Дунаи городы, а Мьстиславу дасть волость Отъскалана». См. Арцыб. I, прим. 1087.—Изъ остальныхъ Юрьевичей Борисъ умеръ на сѣверѣ въ 1159 году (Полн. Собр. Русск. Лѣт. 149); другой Ярославъ въ 1166 году (тамъ же, стр. 151). Святославъ, одержимый со дня рожденія злою болѣзнію, въ 1174 году. Никон. II, 177: «Ненавидяху князя Андрея своего суще домашніи, и лстивно и лукавно глаголаху къ нему. И тако соврождоваше и ссоориша его съ братьею, и съ предними мужи отца его; и тако изгна братью свою. Еще же и преднихъ мужей отца своего овехъ изгна, овехъ же емъ въ темницы затвори: и бысть брань люта въ Ростовской и Суждальской землѣ.

[2]) Татищ. III, 165.

[3]) Тамъ же, 175.

виду не хотѣлось отпускать своей дружины въ такое опасное время; онъ отвѣчалъ Поликарпу: „Его стягъ и почесть отошли вмѣстѣ съ душою, возьми поповъ борисоглѣбскихъ и ступайте одни". Поликарпъ отправился и вмѣстѣ съ Кіевлянами похоронилъ Владиміра въ Андреевскомъ монастырѣ.

Между тѣмъ Мстиславъ съ большою силою, братомъ Ярославомъ, полками галицкими, туровскими и городенскими, пошелъ къ Чернымъ Клобукамъ; соединившись съ ними, отправился къ Триполю, оттуда къ Кіеву, и безпрепятственно вошелъ въ него, потому что Глѣбъ былъ въ это время въ Переяславлѣ по дѣламъ половецкимъ. Первымъ дѣломъ Мстислава по занятіи Кіева былъ рядъ съ союзниками своими, которые помогли ему овладѣть опять старшимъ столомъ; тутъ же договорился онъ и съ Владиміромъ Мстиславичемъ: какъ видно изъ слѣдующихъ извѣстій, Владиміръ отказался искать Кіева не только подъ Мстиславомъ, но и подъ братомъ его Ярославомъ и подъ сыновьями, за что племянники позволили ему остаться въ Дорогобужѣ. О содержаніи договоровъ съ другими союзниками ничего не извѣстно; заключенъ былъ рядъ съ Кіевлянами, также и съ Черными Клобуками; но послѣдніе, по обычаю, только обманывали князей. Урядившись со всѣми, Мстиславъ пошелъ къ Вышгороду и сталъ крѣпко биться съ осажденными; тѣ не уступали, потому что у князя ихъ Давида было много своей дружины, да братья прислали ему помощь, князь Глѣбъ прислалъ также тысяцкаго своего съ отрядомъ; кромѣ того, были у него Половцы дикіе и свои Берендѣи, тогда какъ союзники Мстислава начали расходиться. Первый ушелъ галицкій воевода Константинъ съ своими полками; онъ послалъ сказать Мстиславу: „Князь Ярославъ велѣлъ мнѣ только пять дней стоять подъ Вышгородомъ, а потомъ идти домой". Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему на это: „Братъ Ярославъ мнѣ такъ говорилъ: пока не уладишься съ братьею, до тѣхъ порѣ не отпускай полковъ моихъ отъ себя". Тогда Константинъ написалъ ложную грамоту, въ которой будто бы князь Ярославъ приказывалъ ему возвратиться, и ушелъ съ галичанами; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ, извѣстіямъ, Константинъ былъ подкупленъ Давидомъ Вышегородскимъ [1]); иначе трудно объяснить причину его поступка. По удаленіи Галичанъ, Мстиславъ отступилъ къ Кіеву и сталъ передъ Золотыми воротами, въ огородахъ, а изъ Вышгорода выѣзжали Половцы съ Берендѣями и наносили большой вредъ его полкамъ. Видя, что союзники его всѣ расходятся, изнемогли отъ упорнаго боя, и слыша съ другой стороны, что Глѣбъ съ Половцами переправляется черезъ Днѣпръ, а къ Давиду пришли еще вспомогательные отряды, Мстиславъ созвалъ на совѣтъ братью; тѣ сказали: „Отъ насъ войско расходится, а къ тѣмъ приходитъ свѣжее; Черные Клобуки насъ обманываютъ,—нельзя намъ дольше стоять, поѣдемъ лучше въ свои волости и, отдохнувши немного, возвратимся назадъ". Мстиславъ видѣлъ, что князья говорятъ правду, и пошелъ на Волынь, выдержавши на дорогѣ перестрѣлку съ Половцами, которыхъ Давидъ послалъ за нимъ въ погоню. Половцы не могли нанести большого вреда Мстиславу, но за то сильно опустошили страну, чрезъ которую проходили; племянникъ Мстислава, Василько Ярополковичъ, сидѣвшій въ Михайловѣ, одномъ изъ городовъ поросскихъ, хотѣлъ-было ударить на него нечаянно, но потерялъ только дружину и едва самъ успѣлъ убѣжать въ свой городъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Глѣбомъ съ тремя Ростиславичами: Рюрикомъ, Давидомъ и Мстиславомъ; союзники сожгли Михайловъ, раскопали ровъ, а Василька отпустили въ Черниговъ.

Мстиславъ обѣщалъ, отдохнувши немного, возвратиться опять къ Кіеву, но не могъ исполнить своего обѣщанія. Въ августѣ 1170 года онъ сильно разболѣлся и послалъ за братомъ Ярославомъ, чтобъ урядиться съ нимъ на-счетъ дѣтей своихъ; Ярославъ поклялся ему, что не отниметъ у нихъ волости, послѣ чего Мстиславъ скоро умеръ [2]), не успѣвши, подобно отцу, удержать старшинства предъ дядьми. Неизвѣстно, что заставило Ярослава отказаться отъ Владиміра въ пользу племянниковъ и остаться въ прежней волости своей Луцкѣ, хотя старшинство въ племени осталось за нимъ; мы увидимъ послѣ, что онъ располагалъ силами всей Волынской Земли и явился представителемъ племени, удерживая свое право на Кіевъ. Мы видѣли примѣры, какъ волости перемѣняли иногда свое значеніе, смотря по обстоятельствамъ; какъ, напримѣръ, Кіевскій князь сажалъ старшаго сына въ Вышгородѣ или Бѣлгородѣ, а младшаго въ Переяславлѣ; съ другой стороны, Мстиславъ добылъ силою себѣ Владиміръ и отстоялъ его отъ Юрія и его союзниковъ, слѣдовательно имѣлъ полное право требовать отъ брата, чтобъ онъ уже не отнималъ у племянниковъ волости, которую отецъ ихъ добылъ *головою*.—Глѣбъ Юрьевичъ Кіевскій недолго пережилъ своего соперника: онъ умеръ въ слѣдующемъ 1171 году, оставивъ по себѣ добрую память братолюбца, свято сохранявшаго клятвы. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ князь, отличавшійся противоположнымъ свойствомъ, именно Владиміръ Мстиславичъ. Трое Ростиславичей, сидѣвшихъ около Кіева, послали звать его, какъ дядю, на старшій столъ; всѣ Ростиславичи, слѣдуя отцовскому примѣру, уважали старшинство, притомъ

[1]) Татищ. III, 175.

[2]) Тамъ же, стр. 178: «Сей князь роста былъ не вельми великаго, но широкъ плечами и крѣпокъ, яко лукъ едва кто натянуть могъ, лицомъ красенъ, власы кудрявы и краткіе носилъ, мужественъ былъ во брани, любитель правды, храбрости его ради всѣ князи его боялись и почитали, хотя часто съ женами и дружиною веселился, но жены ни вино имъ не обладали. Онъ всегда къ расправѣ и распорядку былъ готовъ, для того мало сыпалъ, но много книгъ читалъ, и въ совѣтахъ о расправѣ земской съ вельможи упражнялся, и дѣтей своихъ прилѣжно тому наставлялъ, сказуя имъ, что честь и польза князя состоитъ въ правосудіи, расправѣ и храбрости».

не имѣли предъ Владиміромъ того преимущества, какое имѣлъ Мстиславъ, т.-е. старшинства физическаго: наконецъ имъ выгоднѣе было видѣть въ Кіевѣ Владиміра, чѣмъ Изяславича, съ которымъ были въ явной враждѣ. Такимъ образомъ, Владиміръ, такъ долго беземельный, изгнанный отовсюду, вдругъ, благодаря обстоятельствамъ, получилъ возможность сѣсть въ Кіевѣ, тайкомъ отъ остальныхъ волынскихъ князей — Ярослава съ племянниками, которымъ прежде поклялся не искать старшинства. Владиміръ уѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ Дорогобужъ сыну Мстиславу: но счастіе его было и тутъ непродолжительно: Кіевъ былъ уже теперь въ зависимости отъ сѣвернаго князя Андрея Боголюбскаго, которому, говоритъ лѣтописецъ, было нелюбо, что Владиміръ сѣлъ въ Кіевѣ; онъ послалъ сказать ему, чтобъ шелъ оттуда, а на его мѣсто приказывалъ идти Роману Ростиславичу Смоленскому; онъ могъ сердиться на Владиміра и за то, что тотъ вступилъ въ союзъ съ Изяславичами волынскими, и за то, что сѣлъ безъ его позволенія въ Кіевѣ; родныхъ младшихъ братьевъ своихъ онъ не любилъ по извѣстнымъ причинамъ, и былъ расположенъ къ однимъ Ростиславичамъ, которые признали его старшинство и крѣпко до сихъ поръ держались его: „Вы назвали меня отцомъ, велѣлъ онъ сказать имъ,—такъ и хочу вамъ добра, и даю брату вашему Роману Кіевъ". Такъ скоро обнаружились уже тѣ слѣдствія, какія должны были произойти для Южной Руси отъ усиленія Сѣверной, которой самовластецъ вмѣсто родовыхъ правъ поставлялъ свой произволъ, и такимъ образомъ перепутывалъ всѣ прежніе родовые счеты: по родовымъ правамъ Кіевъ прежде всего принадлежалъ Владиміру Мстиславичу, потомъ младшимъ братьямъ Андрея, если онъ самъ не хотѣлъ сидѣть на немъ, наконецъ Ярославу Изяславичу Луцкому; но Андрей мимо всѣхъ этихъ князей отдаетъ его Ростиславичу. Смерть избавила Владиміра отъ изгнанія: онъ умеръ въ Кіевѣ, побывши только четыре мѣсяца старшимъ княземъ. „Много перенесъ онъ бѣдъ, говоритъ лѣтописецъ, бѣгая отъ Мстислава то въ Галичъ, то въ Венгрію, то въ Рязань, то къ Половцамъ, но все по своей винѣ, потому что не устойчивъ былъ въ крестномъ цѣлованіи".

Романъ, по приказу Андрея, пріѣхалъ въ Кіевъ и былъ принятъ всѣми людьми съ радостью; но радость эта не могла быть продолжительна: мы видѣли, какъ самовластно началъ обходиться Андрей съ младшими, южными князьями, изгоняя одного изъ Кіева, посылая другого на его мѣсто, не разбирая правъ ихъ. Ростиславичи молчали, когда это самовластіе было въ ихъ пользу: но скоро и они должны были увидать необходимость или безпрекословно исполнять всѣ приказанія Андрея, или вступить съ нимъ въ отчаянную борьбу за старыя права родичей. Въ этой борьбѣ Ростиславичей съ Юрьевичами высказалась противоположность храктера сѣверныхъ и южныхъ князей, противоположность ихъ стремленій. До сихъ поръ мы были свидѣтелями борьбы или вслѣдствіе изгойства, когда князья-сироты, по отсутствію отчинности, лишались волостей и принуждены бывали добывать ихъ силою; или борьба шла за старшинство между различными племенами (линіями), или въ одномъ племени между дядьми и племянниками. Борьба за старшинство въ племени Мономаховомъ, во время которой нельзя не замѣтить также борьбы между Сѣверною и Южною Русью, оканчивается собственно взятіемъ Кіева войсками Боголюбскаго, торжествомъ Сѣверной Руси надъ Южною: съ этихъ поръ потомство старшаго сына Мстислава Великаго, Изяслава, сходитъ со сцены въ борьбѣ за старшинство, въ которой до этого времени играло главную роль, и удаляется на западъ, гдѣ начинаетъ играть другую роль, не менѣе блестящую. Ему на смѣну въ борьбѣ съ князьями сѣверными, или Юрьевичами, выступаетъ потомство второго сына Мстислава Великаго, Ростислава: но эта третья борьба нашихъ князей носитъ опять новый характеръ: здѣсь борются не беземельные князья, изгои, для того чтобъ получить волости; борьба идетъ и не за старшинство;— но князья южные, или Ростиславичи, борются за старый порядокъ вещей, за старую Русь, за родовыя отношенія, которыя хотятъ упразднить Юрьевичи. Въ этой многозначительной борьбѣ оба враждебныя племени или, лучше сказать, обѣ Руси выставляютъ каждая по двое князей для борьбы: Русь старая, Ростиславичи, выставляютъ двоихъ Мстиславовъ—отца и сына; новая, Сѣверная Русь—имѣетъ представителями двоихъ братьевъ Юрьевичей, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III-го.

Андрею дали знать, что братъ его Глѣбъ умеръ въ Кіевѣ насильственною смертью и указали убійцъ: Григорія Хотовича, бывшаго, какъ мы видѣли, тысяцкимъ у Глѣба, потомъ какого-то Степанца и Олексу Святославича. Андрей могъ легко повѣрить извѣту, зная, какъ не терпѣли Юрьевичей на югѣ [1]), и потому прислалъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 100: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи, и присла къ нимъ Михна, река тако: выдайте ми Григоря Хотовича» и проч.—Мы не можемъ согласиться съ южнымъ пристрастнымъ лѣтописцемъ, что первая присылка Андрея съ требованіемъ выдачи Хотовича съ товарищами была слѣдствіемъ желанія придраться къ Ростиславичамъ, найти какую-нибудь вину; ни изъ чего не видно, чтобъ онъ могъ желать ихъ смѣны. Слова эти: «Нача Андрей вины покладывати на Ростиславичи» могутъ имѣть смыслъ только тогда, когда будемъ читать ихъ въ связи съ предшествующими событіями, какъ они читаются у Татищева (III, 185): здѣсь говорится, что у Андрея съ Ростиславичами началась прежде распря за Новгородъ.—Тамъ же: «Бяше бо тако урядилъся, яко же Володимера Ярославича Галичьскаго, сестричича Михалкова (который поссорившись съ отцемъ прибѣжалъ вмѣстѣ съ матерью въ Русь, сперва былъ у Михаила, и потомъ отправился въ Черниговъ), дати Ростиславичемъ и пустити и къ отцю, а Ростиславичемъ пустити Всеволода и Ярополка и всю дружину; Всеволода же пустиша, а Ярополка не пустиша; «не вмѣнилъ ны еси того». Выходитъ, что Михаилъ не выполнилъ всѣхъ условій, не выдалъ имъ

сказать Ростиславичамъ: „Выдайте мнѣ Григорія Хотовича, Степанца и Олексу Святославича; это враги всѣмъ намъ,—они уморили брата моего Глѣба". Ростиславичи, считая, какъ видно, доносъ на бояръ неосновательнымъ, не послушались Андрея, но только отпустили отъ себя Григорія Хотовича. Тогда Андрей послалъ сказать Роману: „Не ходишь въ моей волѣ съ братьями своими, такъ ступай вонъ изъ Кіева, Давидъ — изъ Вышгорода, Мстиславъ — изъ Бѣлгорода; ступайте всѣ въ Смоленскъ, и дѣлитесь тамъ, какъ хотите". Сильно обидѣлись Ростиславичи, что Андрей гонитъ ихъ изъ Русской Земли и отдаетъ Кіевъ брату своему Михаилу; старшій изъ нихъ, Романъ, не хотѣлъ противиться и выѣхалъ въ Смоленскъ; но остальные братья не выѣзжали изъ своихъ волостей; боясь, какъ видно, ихъ, и Михаилъ не ѣхалъ изъ Торческа въ Кіевъ, а послалъ туда младшаго брата Всеволода съ племянникомъ Ярополкомъ Ростиславичемъ. Уже пять недѣль сидѣлъ Всеволодъ въ Кіевѣ, когда Ростиславичи—Рюрикъ, Давидъ и Мстиславъ—послали сказать Андрею: „Братъ! мы назвали тебя отцомъ себѣ, крестъ тебѣ цѣловали, и стоимъ въ крестномъ цѣлованіи, хотимъ тебѣ добра; но вотъ теперь брата нашего Романа ты вывелъ изъ Кіева, и намъ путь кажешь изъ Русской Земли безъ нашей вины; такъ пусть разсудитъ насъ Богъ и сила крестная". Не получивши на это никакого отвѣта, Ростиславичи, сговорившись, въѣхали тайно ночью въ Кіевъ, схватили Всеволода Юрьевича, племянника его Ярополка, всѣхъ бояръ ихъ, и посадили въ Кіевѣ брата своего Рюрика. Потомъ отправились они къ Торческу на Михаила: тотъ держался шесть дней, а на седьмой помирился съ Ростиславичами, обѣщалъ быть съ ними заодно противъ Андрея и Святослава Черниговскаго, за что Ростиславичи обѣщали добыть ему къ Торческу Переяславль, гдѣ сидѣлъ молодой племянникъ его, Владиміръ, сынъ покойнаго Глѣба; братъ Михаиловъ, Всеволодъ, былъ выпущенъ изъ плѣна, но племянникъ Ярополкъ удержанъ, и братъ его, Мстиславъ, выгнанъ изъ своей волости, Треполя [1]).

Услышавъ объ этихъ происшествіяхъ на югѣ, Андрей сильно разсердился, чему очень обрадовались Ольговичи черниговскіе; они послали къ Андрею подущать его на Ростиславичей, велѣли сказать ему: „Кто тебѣ врагъ,—тотъ и намъ; мы готовы идти съ тобою". Андрей, говоритъ лѣтописецъ, принялъ совѣтъ ихъ, исполнился высокоумія, сильно разсердился, надѣясь на плотскую силу, огородившись множествомъ войска, разжегся гнѣвомъ, призвалъ мечника своего Михна и наказалъ ему:

Владиміра Ярославича Галицкаго, котораго отпустилъ въ Черниговъ; а Ростиславичи требовали послѣдняго видно для того, чтобъ посредствомъ него пріобрѣсти союзъ съ Ярославомъ Галицкимъ.

[1]) Такъ говоритъ все южный лѣтописецъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 109), но сѣверный иначе (I, 155): «Непокоршимся Ростиславичемъ князю Андрею и въ воли его неходящимъ, паче же Давидъ Ростиславичъ Вышегородьскый князь, сдумалъ съ братьею своею» и проч.

„Поѣзжай къ Ростиславичамъ и скажи имъ: не ходите въ моей волѣ, такъ ступай же ты, Рюрикъ, въ Смоленскъ къ брату, въ свою отчину; Давиду скажи: ты ступай въ Берладъ, въ Русской Землѣ не велю тебѣ быть; а Мстиславу молви: ты всему зачинщикъ, не велю тебѣ быть въ Русской Землѣ". Мстиславъ, по словамъ лѣтописца, смолоду привыкъ не бояться никого, кромѣ одного Бога; онъ велѣлъ Андрееву послу остричь передъ собою голову и бороду, и отослалъ его назадъ къ Андрею съ такими словами: „Ступай къ своему князю и скажи отъ насъ ему: мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви; но если ты прислалъ къ намъ съ такими рѣчами, не какъ къ князю, но какъ къ подручнику и простому человѣку, то дѣлай, что замыслилъ, а Богъ насъ разсудитъ". Роковое слово: *подручникъ*, въ противоположность князю, было произнесено; южные князья поняли перемѣну въ обхожденіи съ ними сѣвернаго самовластца, поняли, что онъ хочетъ прежнія родственныя отношенія старшаго къ младшимъ замѣнить новыми, подручническими, не хочетъ болѣе довольствоваться только тѣмъ, чтобъ младшіе имѣли его какъ отца по любви, но хочетъ, чтобъ они безусловно исполняли его приказанія, какъ подданные. — Андрей опалъ въ лицѣ, когда услыхалъ отъ Михна отвѣтъ Мстиславовъ, и велѣлъ тотчасъ же собирать войско. Собрались Ростовцы, Суздальцы, Владимірцы, Переяславцы, Бѣлозерцы, Муромцы, Новгородцы и Рязанцы; Андрей счелъ ихъ и нашелъ 50,000; онъ послалъ съ ними сына своего Юрія да воеводу Бориса Жидиславича съ такимъ наказомъ: „Рюрика и Давида выгоните изъ моей отчины, а Мстислава схватите и, не дѣлая ему ничего, приведите ко мнѣ". Уменъ былъ князь Андрей, говоритъ лѣтописецъ, во всѣхъ дѣлахъ и доблестенъ; но погубилъ смыслъ свой невоздержаніемъ, и, распалившись гнѣвомъ, сказалъ такія дерзкія слова. Когда рать Андреева шла мимо Смоленска, то князь тамошній Романъ принужденъ былъ отпустить съ нею свои полки и сына на родныхъ братьевъ, потому что былъ въ рукахъ Андреевыхъ; князьямъ полоцкимъ, туровскимъ, пинскимъ и городенскимъ также велѣно было идти всѣмъ: въ Землѣ Черниговской присоединились къ Андреевой рати Ольговичи; потомъ подошли Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, племянники ихъ Мстиславъ и Ярополкъ [2]) Ростиславичи, Владиміръ Глѣбовичъ изъ Переяславля, Берендѣи, Поросье всѣхъ князей было больше двадцати. Они перешли Днѣпръ и въѣхали въ Кіевъ безпрепятственно, потому что Ростиславичи не затворились въ этомъ городѣ, но разъѣхались каждый въ свои прежнія волости: Рюрикъ затворился въ Бѣлгородѣ, Мстиславъ съ Давидовымъ полкомъ затворились въ Вышгородѣ, а самъ Давидъ поѣхалъ въ Галичъ просить помощи у князя Ярослава. Старшимъ лѣтами и племенемъ между всѣми союзными князьями былъ

[2]) Но мы видѣли, что Ростиславичи не выпускали Ярополка изъ плѣна: стало быть послѣ отпустили.

Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій, почему и получилъ главное начальство надъ всею ратью; онъ отрядилъ сперва къ Вышгороду Всеволода Юрьевича съ Игоремъ Святославичемъ Сѣверскимъ и другими младшими князьями. Когда они подошли къ городу, то Мстиславъ Ростиславичъ выстроилъ свои полки и выѣхалъ противъ непріятеля; съ обѣихъ сторонъ сильно желали боя, и стрѣльцы уже начали свое дѣло; Андреева рать была расположена тремя отдѣлами: съ одной стороны стояли Новгородцы, съ другой—Ростовцы, а въ серединѣ ихъ Всеволодъ Юрьевичъ съ своимъ полкомъ. Мстиславъ, видя, что его стрѣльцы смѣшались уже съ непріятельскими ратниками, погналъ вслѣдъ за ними, закричалъ дружинѣ: „Братья! ударимъ съ Божіею помощью и святыхъ мучениковъ Бориса и Глѣба". Они смяли средній полкъ Всеволодовъ и смѣшались съ непріятелемъ, который обхватывалъ со всѣхъ сторонъ малочисленную дружину; встало страшное смятеніе, говоритъ лѣтописецъ: слышались стоны, крики, какіе-то странные голоса, раздавался трескъ копій, звукъ мечей, въ густой пыли нельзя было различить ни коннаго, ни пѣшаго; наконецъ, послѣ сильной схватки, войска разошлись; много было раненыхъ, но мертвыхъ немного. Послѣ этой битвы младшихъ князей, подступили къ Вышгороду всѣ остальные, старшіе, съ своими полками; каждый день дѣлались приступы; Мстиславъ много терялъ своихъ добрыхъ воиновъ убитыми и ранеными, но не думалъ о сдачѣ. Такимъ образомъ девять недѣль стояли уже князья подъ Вышгородомъ, когда явился Ярославъ Изяславичъ Луцкій со всею Волынскою Землю; онъ пришелъ искать себѣ старшинства; но Ольговичи не хотѣли уступить ему Кіева. Тогда онъ завелъ переговоры съ Ростиславичами; тѣ уступили ему Кіевъ, и онъ отправился къ Рюрику въ Бѣлгородъ. Страхъ напалъ на Андреевыхъ союзниковъ; они говорили, что Ростиславичи непремѣнно соединятся съ Галичанами и Черными Клобуками, и нападутъ на нихъ; въ войскѣ наступило страшное смятеніе и, не дождавшись свѣта, все бросилось переправляться черезъ Днѣпръ, причемъ много людей перетонуло Мстиславъ, увидавши всеобщее бѣгство, выѣхалъ съ дружиною изъ Вышгорода и ударилъ на непріятельскій станъ, гдѣ взялъ много плѣнниковъ. Такъ возвратилась вся сила Андрея князя Суздальскаго, говоритъ лѣтописецъ; собралъ онъ всѣ земли и войску его не было числа; пришли они съ высокомысліемъ, и со смиреніемъ отошли въ домы свои. Причина такого неожиданнаго успѣха Ростиславичей ясна изъ разсказа лѣтописца. Огромная рать пришла въ надеждѣ на вѣрный успѣхъ, и съ перваго же раза увидала, что успѣхъ этотъ долженъ быть купленъ большимъ трудомъ; это уже одно обстоятельство должно было произвести упадокъ духа въ войскѣ осаждающихъ. Извѣстно изъ послѣдующихъ событій, что сѣверное народонаселеніе вовсе не отличалось воинскимъ духомъ; смоленскіе полки бились по-неволѣ; нельзя думать, чтобъ и Новгородцы сражались съ большою охотою, равно какъ и князья полоцкіе, туровскіе, пинскіе, городенскіе, которымъ рѣшительно было все равно, кто побѣдитъ—Андрей или Ростиславичи. Юрьевичи не могли усердно сражаться въ угоду брату, съ которымъ вовсе не были въ дружескихъ отношеніяхъ, особенно когда видѣли, что двое князей — Черниговскій и Волынскій—спорятъ, кому долженъ достаться Кіевъ; можно думать, что Андрей обѣщалъ Кіевъ Святославу Черниговскому, а если не обѣщалъ никому, если ни одинъ изъ князей не зналъ, кто воспользуется побѣдою Суздальскаго князя надъ Ростиславичами, на кого изъ нихъ сѣверный самовластецъ броситъ благосклонный взглядъ,—то ясно, какъ это незнаніе должно было ослаблять усердіе князей. И вотъ, когда увидали, что Волынскій князь перешелъ на сторону Ростиславичей, когда, слѣдовательно, онъ съ Рюрикомъ могъ ударить на осаждающихъ съ одной стороны отъ Бѣлгорода, Мстиславъ изъ Вышгорода, Давидъ могъ явиться съ галицкою помощью, и Черные Клобуки перейти на сторону Ростиславичей,—то неудивительно, что ужасъ напалъ на сборную Андрееву рать—и она бросилась бѣжать за Днѣпръ [1]).

---

[1]) См. Татищ. III, 193. — Въ Ипатьев. спискѣ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 109) находится неискусная вставка, о которой г. Погодинъ разсуждаетъ слѣдующимъ образомъ (Журн. Мин. Нар. Просв. Часть LXIV, 1849): «Кіевская лѣтопись разсказываетъ о первомъ требованіи Андрея, объ отказѣ Ростиславичей, о второмъ приказѣ Андрея братьямъ—идти въ Смоленскъ, о послушаніи Романа, о занятіи Кіева братомъ Андреевымъ Всеволодомъ, которому уступилъ его Михалко, о попыткѣ прочихъ Ростиславичей умилостивить Андрея, оставшейся безъ отвѣта, о занятіи ими Кіева изъѣздомъ, о плѣненіи тамъ Всеволода, о договорѣ съ Михалкомъ, и послѣ всѣхъ сихъ происшествій вдругъ опять повторяетъ: «Того же лѣта Андрей князь Суждальскій, розгнѣвася на Ростиславичи про Григорья про Хотовича, за не воли его не учиниша—и се слышавше Ольговичи, ради быша... поводяче и на Ростиславиче... Андрей же прімъ съвѣтъ ихъ... посла Михна» и проч.— Ясно, что было два описанія этихъ происшествій, кои лѣтописатель, редакторъ, или переписчикъ, списалъ сряду, а не размѣстилъ по мѣстамъ.—Такъ заключаетъ г. Погодинъ, и на этомъ заключеніи должно было бы остановиться. Дѣйствительно, *послѣдній* лѣтописецъ составлялъ свой разсказъ по двумъ извѣстіямъ; окончивъ разсказъ событій до третьяго посольства Андреева словами «а Михалко не прія его», лѣтописецъ долженъ былъ помѣстить извѣстіе объ участіи Ольговичей въ дѣлѣ, извѣстіе, которое находилось въ другой лѣтописи, и помѣстилъ его безъ всякой связи съ прежнимъ разсказомъ; какъ видно, эта вторая лѣтопись была кратче первой, въ родѣ Суздальской; въ ней это извѣстіе объ Ольговичахъ помѣщено было прямо послѣ извѣстія о Хотовичѣ; а можетъ быть даже разсказъ о войнѣ прямо начинался съ этихъ словъ, только съ легкимъ намекомъ на дѣло Хотовича. Итакъ, въ разсказѣ Ипатьев. списка мы замѣчаемъ только вставку объ Ольговичахъ, послѣ которой опять слѣдуетъ разсказъ о сношеніяхъ Андрея съ Ростиславичами, и потому намъ кажутся совершенно лишними дальнѣйшія затрудненія, которыя выставляетъ г. Погодинъ; нѣтъ ничего страннаго, что Андрей въ третьемъ приказѣ не упомянулъ ни слова о взятіи Кіева и плѣненіи брата, а повторяетъ все старое: «не ходите въ моей волѣ»; развѣ въ первомъ приказѣ онъ упоминалъ, въ чемъ состояло нехожденіе Ростиславичей въ его волѣ? Объ освобожденіи Михна говорить нечего: лѣтописецъ прямо говоритъ, что между князьями положено было освободить дружину, а если послѣ гово-

Ростиславичи послѣ побѣды исполнили свое обѣщаніе, положили старшинство на Ярослава и дали ему Кіевъ; но онъ недолго сидѣлъ здѣсь спокойно; Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій прислалъ сказать ему: „Вспомни прежній нашъ уговоръ, на чемъ ты мнѣ цѣловалъ крестъ; ты мнѣ горорилъ: если я сяду въ Кіевѣ, то я тебя надѣлю; если же ты сядешь въ Кіевѣ, то ты меня надѣли; теперь ты сѣлъ—право ли, криво ли—надѣли же меня“. Ярославъ велѣлъ отвѣчать ему: „Зачѣмъ тебѣ наша отчина? тебѣ эта сторона не надобна“. Святославъ прислалъ опять сказать ему на это: „Я не Венгерецъ и не Ляхъ, мы всѣ одного дѣда внуки, и сколько тебѣ до него, столько же и мнѣ (т.-е. я имѣю одинакую съ тобою степень старшинства на родовой лѣствицѣ); если не хочешь исполнять стараго договора, то твоя воля“. Въ то время, когда Мстиславичи боролись съ новыми стремленіями, явившимся на сѣверѣ, отстаивали родовыя отношенія между старшимъ княземъ и младшими,

ритъ, что одинъ князь Ярополкъ былъ задержанъ, то ясно, что изъ дружины никто не былъ задержанъ; притомъ же, съ другой стороны, не знаемъ, должно ли непремѣнно настаивать на томъ, что взятый въ Кіевѣ бояринъ Михнъ былъ непремѣнно мечникъ Андреевъ; зачѣмъ было этому посланцу такъ долго оставаться въ Кіевѣ послѣ перваго пріѣзда своего съ обвиненіемъ Хотовича? ибо лѣтопись ничего не говоритъ о томъ, чтобъ второе посольство къ Роману съ приказомъ идти въ Смоленскъ было отправлено Михномъ. Не знаемъ, на какомъ основаніи г. Погодинъ позволяетъ себѣ заключать, что было пространное описаніе княженія Андреева, которое лѣтописатели различно сократили и неправильно размѣстили, такъ что теперь недостаетъ многихъ среднихъ извѣстій, и оставшіяся представлены сбивчиво. Предъ нами разсказъ полный, носящій ясные слѣды составленія, пополненія, а не сокращенія; какихъ же среднихъ извѣстій недостаетъ?—Далѣе, въ разсказѣ о самой войнѣ г. Погодинъ находитъ также затрудненія и пропуски, которыхъ мы не видимъ: такъ онъ говоритъ: «Ольговичи не уступили Кіева Ярославу Изяславичу, значитъ, что Кіевъ Андреемъ былъ предоставленъ теперь имъ (обстоятельство, пропущенное всѣми лѣтописателями). Безъ воли Андреевой они не могли бы имѣть притязанія на Кіевъ». Но спрашиваемъ: какъ же могъ имѣть притязаніе на Кіевъ Ярославъ Изяславичъ мимо воли Андреевой?—Потомъ г. Погодинъ говоритъ: «Ярополкъ пошелъ на помощь къ Рюрику, сидѣвшему въ Бѣлгородѣ. А почему не остался онъ помогать осажденному Мстиславу? Можетъ быть потому, что Рюрикъ собственно уступалъ ему Кіевъ, бывшій въ его владѣніи. Если Рюрику нужна была помощь, то ясно, что часть Андреевой рати осаждала брата его въ Вышегородѣ (обстоятельство, пропущенное лѣтописателями)».—Но спрашиваемъ: на какомъ основаніи г. Погодинъ прибавилъ отъ себя, что Ярославъ пошелъ *на помощь* къ Рюрику? въ лѣтописи этого не сказано; по смыслу ея разсказа выходитъ, что Ярославъ пошелъ для соединенія съ Рюрикомъ, осаждающіе побѣжали, боясь именно соединенія Ростиславичей съ союзниками. Также безъ всякаго права г. Погодинъ предполагаетъ, что выраженіе: «И то видѣвше и убояшася» относится къ Ольговичамъ; на этомъ предположеніи г. Погодинъ основываетъ еще новое, столько же неосновательное, онъ говоритъ: «Не было ли еще какой измѣны со стороны Ольговичей, замѣченной Андреевыми воями, которая побудила ихъ еще болѣе оставить осаду? Можетъ быть была и измѣна; по крайней мѣрѣ мы читаемъ въ лѣтописи, что, по занятіи Кіева Ярославомъ, Святославъ Черниговскій прислалъ сказать ему: «на чемъ ты цѣловалъ крестъ? вспомни первый рядъ; ты сказалъ мнѣ, что надѣлишь меня, когда сядешь въ Кіевѣ, равно какъ и я надѣлилъ бы тебя, если бы сѣлъ въ Кіевѣ; нынѣ ты сѣлъ, право или криво; надѣли же меня». Спрашивается: когда былъ этотъ первый рядъ у Ярослава со Святославомъ? Нельзя предполагать здѣсь какого-нибудь прежняго ряда, умолченнаго лѣтописателями, потому что если бы онъ и былъ, то уничтожился бы новыми отношеніями, раздоромъ подъ Вышгородомъ, и упоминать о немъ было бы невозможно. За что-бъ просить Святославу надѣленья? Онъ помогалъ Андрею, онъ не уступалъ Ярославу Кіева, который получилъ князь Луцкій, уже урядясь не съ Олеговичами, а съ Ростиславичами. Ясно, что Святославъ не имѣлъ права требовать никакого надѣленья, еслибъ дѣло было только такъ, какъ записано. Ясно, что рядъ этотъ, о которомъ напоминаетъ Святославъ, былъ тайный, подъ Вышгородомъ, т.-е. всѣ князья тамъ сговорились, уладились: Ольговичи, Ростиславичи и Ярославъ. Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ; Ростиславичи освобождались отъ грозы Андреевой и оставались на своихъ прежнихъ удѣлахъ; Святославъ Кіевскій получилъ надѣленье изъ Кіевской области. Всѣ переговоры происходили втайнѣ отъ Андреевской рати, а чтобы сохранить личину передъ ней, Ольговичи бросились, какъ будто испугавшись грозившей галицкой помощи. Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и удалилась. Вотъ объясненіе этого, иначе непонятнаго происшествія».—

Такъ разсуждаетъ г. Погодинъ. Замѣтимъ, вопервыхъ, что никакъ нельзя предполагать, чтобы рядъ, о которомъ напоминалъ послѣ Святославъ Ярославу, былъ заключенъ между ними тайно подъ Вышегородомъ съ вѣдома Ростиславичей; если-бы, какъ говоритъ г. Погодинъ, князья уладились подъ Вышегородомъ такъ, что Ярославъ Луцкій получилъ Кіевъ, а Святославъ надѣленье, послѣ чего Святославъ побѣжалъ, давая такимъ образомъ Ярославу просторъ владѣть Кіевомъ, то какимъ образомъ Черниговскій князь будетъ говорить послѣ, что рядъ ихъ былъ при предположеніи, что Кіевъ могъ достаться тому или другому? При условіи ряда, предположеннаго г. Погодинымъ, Святославъ непремѣнно долженъ былъ бы говорить Ярославу: «Я тебѣ уступилъ Кіевъ подъ условіемъ надѣленья; ты теперь сидишь въ Кіевѣ, такъ надѣли меня». Вовторыхъ, еслибъ рядъ былъ заключенъ подъ Вышгородомъ, то Святославъ не сказалъ бы: «А помяни *первый* рядъ», потому что рядъ подъ Вышгородомъ былъ бы послѣднимъ, ясно, что первый означаетъ здѣсь *прежній, древній*. Объ уничтоженіи этого прежняго ряда новыми отношеніями нечего было думать Святославу; ему нуженъ былъ только предлогъ получить волости или предлогъ взять ихъ силою; притомъ же этотъ рядъ былъ такъ неопредѣленъ; во всякомъ случаѣ, когда одному удастся сѣсть въ Кіевѣ, онъ долженъ надѣлить другаго. Далѣе: если-бы Святославъ точно урядился съ Ярославомъ и Ростиславичами, то онъ могъ бы удалиться спокойнѣе, не топя своихъ ратниковъ въ Днѣпрѣ, и зачѣмъ же въ такомъ случаѣ Мстиславъ ударилъ на станъ осаждающихъ и побралъ много колодниковъ? Какъ уже было замѣчено, г. Погодинъ не имѣетъ основанія отдѣлять войска Ольговичей отъ остальныхъ полковъ Андреевыхъ, потому что лѣтописецъ говоритъ безразлично. Если г. Погодинъ слова: «и то видѣвше и убояшася» относитъ къ Ольговичамъ, то долженъ отнести къ Ольговичамъ же и послѣднія слова: «И то видѣвъ Мьстиславъ, и выѣде изъ города съ дружиною своею, и гнавш дружина его и ударишася на товарѣ ихъ; и много колодникъ изъимаша». Все войско испугалось, все войско бросилось бѣжать, и потому г. Погодинъ не имѣетъ никакого права сказать: «Такимъ образомъ рать Андреева, предоставленная самой себѣ, не могла ничего дѣлать противъ Мстислава и *удалилась*». Она не удалялась послѣ Ольговичей, а бѣжала въ ужасѣ вмѣстѣ съ другими. Наконецъ, если-бы Ольговичи побѣжали первые, то уже конечно лѣтописецъ не преминулъ бы сказать это имъ въ укоръ.

въ то самое время, съ другой стороны, они должны были вести борьбу съ княземъ, для котораго они сами являлись нововводителями, нарушителями стараго порядка вещей, съ княземъ, который стоитъ не только за родовыя отношенія между старшимъ и младшими князьями, но напоминаетъ о единствѣ всего потомства Ярославова, борется за общность владѣнія всею Русскою Землею, тогда какъ Мстиславичи хотятъ удержать Кіевъ навсегда за собою. Черниговскій князь, видя, что Ярославъ не хочетъ вспоминать старинныхъ уговоровъ, рѣшился, по примѣру отца и дяди, попытаться силою овладѣть Кіевомъ; время было благопріятное: Андрей утратилъ свое вліяніе на югъ; Ростиславичи, силою обстоятельствъ вынужденные признать старшинство Ярослава, равнодушны къ нему, Юрьевичи—также: и вотъ Святославъ, соединяясь съ братьею, явился нечаянно подъ Кіевомъ. Ярославъ, боясь затвориться въ городѣ одинъ, побѣжалъ въ Луцкъ, а Черниговскій князь въѣхалъ въ Кіевъ, захватилъ все имѣніе Ярославово, жену его, сына, всю дружину, и отослалъ въ Черниговъ. Но онъ самъ не могъ долго оставаться въ Кіевѣ, потому что двоюродный братъ его Олегъ Святославичъ напалъ на Черниговскую волость, желая, какъ видно, быть здѣсь преемникомъ Святослава. Но послѣдній, занявши Кіевъ нечаянно (изъѣздомъ), не надѣялся окончательно утвердиться здѣсь, боялся судьбы Изяслава Давидовича, и потому не хотѣлъ уступить прежней волости двоюродному брату; онъ пошелъ на Олега, пожегъ его волость, надѣлалъ, по обычаю, много зла; а между тѣмъ Ярославъ, узнавъ, что Кіевъ стоитъ безъ князя, пріѣхалъ опять, и въ-сердцахъ задумалъ взять на Кіевлянахъ то, что отнято было у него Святославомъ: „Вы подвели на меня Святослава“, сказалъ онъ имъ, “такъ промышляйте, чѣмъ выкупить княгиню и сына“. Когда Кіевляне не знали что́ ему на это отвѣчать, то онъ велѣлъ грабить весь Кіевъ, игумновъ, поповъ, монаховъ, монахинь, иностранцевъ, гостей, даже кельи затворниковъ. Святослава было ему нечего бояться: тотъ, сбираясь идти на Олега, помирился съ Ярославомъ, чтобъ свободнѣе защищать свою вѣрную волость. Въ это время Ростиславичи вошли опять въ сношенія съ Андреемъ; они вѣроятно знали, или, по крайней мѣрѣ, должны были догадываться, какъ непріятно смотрѣлъ онъ на то, что Кіевъ достался опять враждебному племени Изяславичей, которое не думало признавать его старшинства, и потому рѣшились послать къ нему съ просьбою, чтобы помогъ овладѣть Кіевомъ опять брату ихъ Роману, противъ котораго онъ не могъ питать вражды. „Подождите немного, велѣлъ отвѣчать имъ Андрей: послалъ я къ братьѣ своей въ Русь; какъ придетъ мнѣ отъ нихъ вѣсть, тогда дамъ вамъ отвѣтъ“. Изъ этихъ словъ видно, что Андрей не хотѣлъ оставлять въ покоѣ юга, сносился съ братьями, вѣроятно замышляя тамъ новыя перемѣны, и Ростиславичи спѣшили хлопотать о томъ, чтобъ эти перемѣны были къ ихъ выгодѣ. Но Андрей не дождался вѣстей отъ братьевъ.

Мы видѣли, что Андрей выгналъ изъ своей волости старыхъ бояръ отцовскихъ и окружилъ себя новыми; видѣли также, какимъ повелительнымъ тономъ говорилъ Андрей даже и съ князьями; можемъ заключить, что онъ былъ повелителенъ и строгъ съ окружавшими его; такъ онъ казнилъ смертью одного изъ ближнихъ родственниковъ своихъ по женѣ, Кучковича; тогда братъ казненнаго, Якимъ, вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Петромъ и нѣкоторыми другими слугами княжескими, рѣшился злодѣйствомъ освободиться отъ строгаго господина. Мы знаемъ также, что русскіе князья принимали къ себѣ въ службу пришельцевъ изъ разныхъ странъ и народовъ; Андрей подражалъ въ этомъ отношеніи всѣмъ князьямъ, охотно принималъ пришельцевъ изъ земель христіанскихъ и нехристіанскихъ, латиновъ и православныхъ, любилъ показывать имъ свою великолѣпную церковь Богоматери во Владимірѣ, чтобъ иновѣрцы видѣли истинное христіанство и крестились, и многіе изъ нихъ крестились дѣйствительно. Въ числѣ этихъ новокрещенныхъ иноземцевъ находился одинъ Ясъ, именемъ Анбалъ; онъ пришелъ къ Андрею въ самомъ жалкомъ видѣ, былъ принятъ въ княжескую службу, получилъ мѣсто ключника и большую силу во всемъ домѣ; въ числѣ приближенныхъ къ Андрею находился также какой-то Ефремъ Моизичъ, котораго отчество—Моизичъ или Моисеевичъ—указываетъ на жидовское происхожденіе. Двое этихъ-то восточныхъ рабовъ выставлены лѣтописцемъ, вмѣстѣ съ Кучковичемъ и зятемъ его, какъ зачинщики дѣла; всѣхъ же заговорщиковъ было двадцать человѣкъ; они говорили: „Ныньче казнилъ онъ Кучковича, а завтра казнитъ и насъ; такъ промыслимъ объ этомъ князѣ!“ Кромѣ злобы и опасенія за свою участь, заговорщиковъ могла побуждать и зависть къ любимцу Андрееву, какому-то Прокопію. 28 іюня 1174 года, въ пятницу, въ обѣднюю пору, въ селѣ Боголюбовѣ, гдѣ обыковенно жилъ Андрей, собрались они въ домѣ Кучкова зятя Петра, и порѣшили убить князя на другой день, 29 числа, ночью. Въ условленный часъ заговорщики вооружились и пошли къ Андреевой спальнѣ; но ужасъ напалъ на нихъ, они бросились бѣжать изъ сѣней, зашли въ погребъ, напились вина, и, ободрившись имъ, пошли опять на сѣни. Подошедши къ дверямъ спальни, одинъ изъ нихъ началъ звать князя: „Господинъ! Господинъ!“ чтобъ узнать, тутъ ли Андрей. Тотъ, услыхавши голосъ, закричалъ: „Кто тамъ?“ Ему отвѣчали: „Прокопій“.— „Мальчикъ!“ сказалъ тогда Андрей спавшему въ его комнатѣ слугѣ: „вѣдь это не Прокопій?“ Между тѣмъ убійцы, услыхавши Андреевъ голосъ, начали стучать въ двери и выломали ихъ. Андрей вскочилъ, хотѣлъ схватить мечъ, который былъ всегда при немъ (онъ принадлежалъ Св. Борису); но меча не было: ключникъ Анбалъ укралъ его днемъ изъ спальни. Въ это время, когда Андрей искалъ меча, двое убійцъ вскочили въ спальню и бро-

сились на него; но Андрей былъ силенъ, и уже успѣлъ одного повалить, какъ вбѣжали остальные и, не различивъ сперва въ потьмахъ, ранили своего, который лежалъ на землѣ, потомъ бросились на Андрея; тотъ долго отбивался, несмотря на то, что со всѣхъ сторонъ сѣкли его мечами, саблями, кололи копьями. „Нечестивцы! кричалъ онъ имъ: зачѣмъ хотите сдѣлать то же, что Горясѣръ (убійца Св. Глѣба)? Какое я вамъ зло сдѣлалъ? Если прольете кровь мою на землѣ, то Богъ отомститъ вамъ за мой хлѣбъ". Наконецъ Андрей упалъ подъ ударами; убійцы, думая, что дѣло кончено, взяли своего раненаго, вышли вонъ изъ спальни, дрожа всѣмъ тѣломъ. Но какъ скоро они вышли, Андрей поднялся на ноги и пошелъ подъ сѣни, громко стоная; убійцы услыхали стоны и возвратились назадъ; одинъ изъ нихъ говорилъ: „—Я самъ видѣлъ, какъ князь сошелъ съ сѣней".—„Ну такъ пойдемте искать его," отвѣчали другіе. Войдя въ спальню и видя, что его тутъ нѣтъ, начали говорить: „Погибли мы теперь! станемъ искать поскорѣе". Зажгли свѣчи и нашли князя по кровавому слѣду; Андрей сидѣлъ за лѣстничнымъ столпомъ; на этотъ разъ борьба не могла быть продолжительна съ ослабѣвшимъ отъ ранъ княземъ: Петръ отсѣкъ ему руку; другіе покончили его.

Порѣшивши съ княземъ, заговорщики пошли — убили любимца его, Прокопія; потомъ пошли на сѣни, вынули золото, дорогіе камни, жемчугъ, ткани и всякое имѣніе, навьючили на лошадей и до свѣта отослали къ себѣ по домамъ, а сами разобрали княжое оружіе и стали набирать дружину, боясь, чтобъ Владимірцы не ударили на нихъ; для отнятія у послѣднихъ возможности къ этому, они придумали также завести смуту въ городѣ, произвести рознь, вражду между гражданами, для чего послали сказать имъ: „Не сбираетесь ли вы на насъ? такъ мы готовы принять васъ и покончить съ вами; вѣдь не одною нашею думою убитъ князь, есть и между вами наши сообщники". Владимірцы отвѣчали: „Кто съ вами въ думѣ, тотъ пусть при васъ и остается, а намъ не надобенъ". Убійцы впрочемъ боялись напрасно. Владимірцы не двинулись на нихъ: безъ князя, въ неизвѣстности о будущей судьбѣ, не привыкши дѣйствовать самостоятельно, они не могли ничего предпринять рѣшительнаго, дожидались, что начнутъ старшіе города, а между тѣмъ безначаліе вездѣ произвело волненія, грабежи; мы видѣли, что убійцы начали расхищеніе казны княжеской; вслѣдъ за ними явились на княжій дворъ жители Боголюбова и остальные дворяне, пограбили, что осталось отъ заговорщиковъ, потомъ бросились на церковныхъ и палатныхъ строителей, призванныхъ Андреемъ въ Боголюбовъ, пограбили ихъ [1]); грабежи и убійства происходили по всей волости; пограбили и побили посадниковъ княжескихъ, тіуновъ, дѣтскихъ, мечниковъ. Надежда добычи подняла и сельскихъ жителей: они приходили въ города и помогали грабить; грабежи начались и во Владимірѣ, но прекратились, когда священники съ образомъ Богородицы стали ходить по городу. По словамъ лѣтописца, народъ грабилъ и билъ посадниковъ и тіуновъ, не зная, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много; эти слова показываютъ, что при Боголюбскомъ точно было много обидъ на сѣверѣ.

Во время этихъ смутъ тѣло убитаго князя оставалось непогребеннымъ; въ первый же день послѣ убійства, преданный покойному слуга, Кузьма Кіевлянинъ, пошелъ на княжій дворъ и, видя, что тѣла нѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Андрей, сталъ спрашивать: „Гдѣ же господинъ?" Ему отвѣчали: „Вонъ лежитъ выволоченъ въ огородъ; да ты не смѣй брать его: всѣ хотятъ выбросить его собакамъ; а если кто за него примется, тотъ намъ врагъ, убьемъ и его". Кузьма пошелъ къ тѣлу и началъ плакаться надъ нимъ: „Господинъ мой, господинъ мой! какъ это ты не почуялъ скверныхъ и нечестивыхъ враговъ, когда они шли на тебя? какъ это ты не сумѣлъ побѣдить ихъ: вѣдь ты прежде умѣлъ побѣждать полки поганыхъ Болгаръ?" Когда Кузьма плакался надъ тѣломъ, подошелъ къ нему ключникъ Анбалъ. Кузьма, взглянувши на него, сказалъ: „Анбалъ, вражій сынъ! дай хоть коверъ или что-нибудь подостлать и прикрыть господина нашего".—„Ступай прочь, отвѣчалъ Анбалъ, мы хотимъ бросить его собакамъ".—„Ахъ, ты еретикъ, сказалъ ему на это Кузьма: собакамъ выбросить? да помнишь ли ты, жидъ, въ какомъ платьѣ пришелъ ты сюда? теперь ты стоишь въ бархатѣ, а князь нагой лежитъ; но прошу тебя честью, сбрось мнѣ что-нибудь". Анбалъ усовѣстился и сбросилъ коверъ и корзно; Кузьма обвертѣлъ тѣло и понесъ его въ церковь; но когда сталъ просить, чтобъ отворили ему ее, то ему отвѣчали: „Брось тутъ въ притворѣ; вотъ носится, нечего дѣлать";—уже всѣ были пьяны. Кузьма сталъ опять плакаться: „Уже тебя, господинъ, и холопы твои знать не хотятъ; бывало, придетъ гость изъ Царягорода, или изъ иной какой страны, изъ Руси ли, латынецъ, христіанинъ или поганый, прикажешь: поведите его въ церковь, въ ризницу, пусть посмотритъ на истинное христіанство и крестится, что и бывало,—крестилось много; Болгары и жиды и всякая погань, видѣвши славу Божію и украшеніе церковное, сильно плачутъ по тебѣ; а эти не пускаютъ тебя и въ церковь положить". Поплакавши, Кузьма положилъ тѣло въ притворѣ, покрывъ корзномъ, и здѣсь оно пролежало двое сутокъ. На третій день пришелъ Козмодемьянскій игуменъ Арсеній и сказалъ: „Долго ли намъ смотрѣть на старшихъ игуменовъ и долго ли этому князю лежать? Отоприте церковь, отпою надъ нимъ и положимъ его въ гробъ; когда злоба эта перестанетъ, придутъ изъ Владиміра и понесутъ его туда". Пришли клирошане боголюбскіе, внесли тѣло въ церковь, положили въ каменный гробъ и от-

[1]) Это за что? подъ *дѣлателями* можно разумѣть архитекторовъ, иностранцевъ; послѣднее обстоятельство могло быть также причиною народнаго нерасположенія къ нимъ.

пѣли съ Арсеніемъ. На шестой уже день, когда волненіе утихло во Владимірѣ, граждане сказали игумену Ѳеодулу и Лукѣ, демественнику Богородичной церкви: „Нарядите носильщиковъ, поѣдемъ, возьмемъ князя и господина нашего Андрея“; а протопопу Микулицѣ сказали: „Собери всѣхъ поповъ, облачитесь въ ризы и выходите передъ Серебряныя ворота съ Святою Богородицею, тутъ и дожидайтесь князя“. Ѳеодулъ исполнилъ ихъ волю: съ клирошанами Богородичной церкви и съ нѣкоторыми Владимірцами поѣхалъ въ Боголюбовъ, и, взявши тѣло, привезъ во Владиміръ съ честію и съ плачемъ великимъ. Увидавши издали княжескій стягъ, который несли передъ гробомъ, Владимірцы, оставшіеся ждать у Серебряныхъ воротъ, не могли удержаться отъ рыданій и начали приговаривать: „Уже не въ Кіевъ ли поѣхалъ ты, господинъ нашъ, въ ту церковь у Золотыхъ воротъ, которую послалъ ты строить на великомъ дворѣ Ярославовомъ; говорилъ ты: хочу построить церковь такую же, какъ и ворота эти Золотыя, да будетъ память всему отечеству моему“. Андрея похоронили въ построенной имъ церкви Богородичной (1174 г.).

Какъ скоро вѣсть о смерти Андреевой разнеслась по волости, то Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина отъ мала и до велика съѣхались во Владиміръ и сказали: „Дѣлать нечего, такъ уже случилось, князь нашъ убитъ, дѣтей у него здѣсь нѣтъ, сынокъ его молодой въ Новгородѣ, братья въ Руси; за какимъ же княземъ намъ послать? Сосѣди у насъ князья муромскіе и рязанскіе,—надобно бояться, чтобъ они не пришли на насъ внезапно ратью; пошлемъ-ка къ Рязанскому князю Глѣбу (Ростиславичу), скажемъ ему: князя нашего Богъ взялъ, такъ мы хотимъ Ростиславичей Мстислава и Ярополка, твоихъ шурьевъ“ (сыновей старшаго сына Юріева).—„Они забыли, говоритъ лѣтописецъ, что цѣловали крестъ князю Юрію посадить у себя меньшихъ сыновей его, Михаила и Всеволода, нарушили клятву, посадили Андрея, а меньшихъ его братьевъ выгнали; и теперь послѣ Андрея не вспомнили о своей прежней клятвѣ, но все слушали Дѣдильца да Бориса, рязанскихъ пословъ“.—Какъ было рѣшено, такъ и сдѣлали; поцѣловали образъ Богородицы и послали сказать Глѣбу: „Твои шурья будутъ нашими князьями; приставь къ нашимъ посламъ своихъ и отправь всѣхъ вмѣстѣ за ними въ Русь“. Глѣбъ обрадовался такой чести, что выбрали его шурьевъ въ князья, и отправилъ къ нимъ пословъ въ Черниговъ, гдѣ они тогда жили. Послы отъ сѣверной дружины сказали Ростиславичамъ: „Вашъ отецъ добръ былъ, когда жилъ у насъ; поѣзжайте къ намъ княжить, а другихъ не хотимъ“. Эти другіе были младшіе Юрьевичи Михаилъ и Всеволодъ, которые тогда находились также въ Черниговѣ: какъ видно, всѣ четверо, и дяди и племянники, прибѣжали вмѣстѣ съ Святославомъ изъ-подъ Вышгорода и не смѣли послѣ того возвратиться въ прежнія свои волости на Пороси. Ростиславичи отвѣчали посламъ: „Помоги Богъ дружинѣ, что не забываетъ любви отца нашего“; но, несмотря на то, что звали ихъ однихъ, они не захотѣли ѣхать безъ дядей Юрьевичей, и сказали: „Либо добро, либо лихо всѣмъ намъ; пойдемъ всѣ четверо, Юрьевичей двое да Ростиславичей двое“. Напередъ поѣхали двое—Михаилъ Юрьевичъ и Ярополкъ Ростиславичъ; Михаилу дали старшинство, причемъ всѣ цѣловали крестъ изъ рукъ Черниговскаго епископа[1]). Когда князья пріѣхали въ Москву, то Ростовцы разсердились, узнавши, что вмѣстѣ съ Ростиславичемъ пріѣхалъ и Юрьевичъ; они послали сказать Ярополку: „Ступай сюда“, а Михаилу: „Подожди немного на Москвѣ“. Ярополкъ тайкомъ отъ дяди поѣхалъ къ Переяславлю, гдѣ стояла тогда вся дружина, выѣхавшая на-встрѣчу къ князьямъ; а Михаилъ, узнавъ, что Ростиславичъ отправился по Ростовской дорогѣ, поѣхалъ во Владиміръ и затворился здѣсь съ одними гражданами, потому что дружина владимірская, въ числѣ 1500 человѣкъ, отправилась также въ Переяславль по приказанію Ростовцевъ. Здѣсь вся дружина поцѣловала крестъ Ярополку и отправилась съ нимъ ко Владиміру выгонять оттуда Михаила; ко всѣмъ силамъ Земли Ростовской присоединились полки муромскіе и рязанскіе; окрестности были пожжены, городъ обложенъ. Что же заставило Владимірцевъ, не привыкшихъ къ самостоятельной дѣятельности, воспротивиться приговору старшихъ городовъ, взять себѣ особаго князя и отстаивать его противъ соединенныхъ силъ всей Земли Ростовской и Рязанской? Къ этому принудила ихъ явно высказавшаяся вражда старшаго города Ростова, который съ ненавистью смотрѣлъ на свой пригородокъ, населенный большею частью людьми простыми, ремесленными, жившими преимущественно отъ строительной дѣятельности князя Андрея, и, несмотря на то, похитившій у стараго города честь имѣть у себя столъ княжескій. Ростовцы и Суздальцы говорили: „Пожжемъ Владиміръ, или пошлемъ туда посадника,—то наши холопы каменьщики“. Нельзя не замѣтить также, что здѣсь въ этихъ словахъ слышится преимущественно голосъ высшаго разряда ростовскихъ жителей, бояръ, дружины вообще, которая, какъ видно, особенно не любила Андрея за нововведенія[2]). Какъ бы то ни было, важно было начало борьбы между старыми и новыми городами, борьбы, которая должна была рѣшить вопросъ: гдѣ утвердится столъ княжескій — въ старомъ ли Ростовѣ, или новомъ Владимірѣ, отъ чего зависѣлъ ходъ исторіи на сѣверѣ; заодно съ Владиміромъ, какъ слѣдуетъ ожидать, были и другіе новые города; Переяславцы хотѣли также Юрьевичей, и поневолѣ признали Ростиславичей[3]). Семь недѣль Владимірцы отби-

[1]) См. любопытныя подробн. у Татищ., III, 203 и слѣд.

[2]) И дружина владимірская была съ осаждающими; но она могла это дѣлать поневолѣ; лѣтописецъ говоритъ, что она пошла къ Переяславлю по приказанію Ростовцевъ, здѣсь присягнули Ярополку; отстать отъ общаго ополченія не было уже болѣе возможности.

[3]) Лѣтоп. Переясл. Сузд., изд. кн. Оболен., стр. 85, 86: «А съ Переславци имяхуть Володимирци едино серд[illegible]е».

вались отъ осаждающихъ, наконецъ голодъ принудилъ ихъ сказать Михаилу: „Мирись, либо промышляй о себѣ". Михаилъ отвѣчалъ: „Вы правы; не погибать же вамъ для меня",—и поѣхалъ изъ города назадъ въ Русь; Владимірцы проводили его съ плачемъ великимъ, говоритъ лѣтописецъ. По отъѣздѣ Михаила, они заключили договоръ съ Ростиславичами; тѣ поклялись, что не сдѣлаютъ никакого зла городу, послѣ чего Владимірцы отворили ворота и встрѣтили князей со крестами; въ Богородичной церкви заключенъ былъ окончательный договоръ; во Владимірѣ оставался княжить младшій Ростиславичъ, Ярополкъ, а въ Ростовѣ—старшій Мстиславъ. Такимъ образомъ, благодаря мужеству Владимірцевъ, торжество Ростовцевъ было неполное; правда, столъ старшаго брата поставленъ былъ у нихъ, но за то ненавистный пригородъ Владиміръ получилъ своего князя, а не посадника изъ Ростова. Но Ростовцы, и особенно бояре, принужденные уступить требованіямъ Владимірцевъ, продолжали враждовать къ послѣднимъ и вызвали ихъ къ возобновленію борьбы, столь важной для судебъ сѣвера. Южныя волости нерѣдко испытывали неудобство отъ перемѣщенія князей, когда новые князья приводили съ собою свою дружину, своихъ слугъ, которымъ раздавали разныя должности, и тѣ спѣшили обогащаться насчетъ гражданъ, зная, что недолго среди нихъ останутся; теперь сѣверъ, въ свою очередь, испыталъ то же неудобство. Ростиславичи пріѣхали въ Ростовскую область съ дружинниками, набранными на югѣ, и роздали имъ посадническія должности; эти *русскіе* (т.-е. южнорусскіе) дѣтскіе, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, скоро стали очень тяжки для народа судебными взысками и взятками; но Владимірцы терпѣли не отъ однихъ русскихъ дѣтскихъ: князья, говоритъ лѣтописецъ, были молоды, слушались бояръ, а бояре подучали ихъ какъ можно больше брать,—и вотъ взяли они изъ церкви Владимірской Богородицы золото и серебро, въ первый же день отобрали ключи отъ ризницы, отняли городъ и всѣ дани, которыя назначилъ для этой церкви князь Андрей. Видно, что, кромѣ корыстолюбія, здѣсь дѣйствовала ненависть къ памяти Андрея, ко всему, имъ сдѣланному: хотѣли ограбить владимірскій соборъ, великолѣпный памятникъ, который оставилъ по себѣ Андрей. Грабежъ церквей позволяли себѣ князья и дружины ихъ только въ завоеванныхъ городахъ; легко послѣ этого понять, какъ должны были смотрѣть Владимірцы на ограбленіе своего собора, лучшаго украшенія, которымъ такъ гордился ихъ городъ. Они стали сбираться и толковать: „Мы приняли князей на всей нашей волѣ; они крестъ цѣловали, что не сдѣлаютъ никакого зла нашему городу, а теперь они точно не въ своей волости княжатъ, точно не хотятъ долго сидѣть у насъ, грабятъ не только всю волость, но и церкви; такъ промышляйте, братья!" Изъ этихъ словъ видно какъ будто, что Владимірцы не только оскорблялись тѣмъ, что князья поступаютъ съ ихъ волостью, какъ съ завоеванною, но еще боялись, что Ярополкъ, ограбивши волость, уйдетъ отъ нихъ, и Ростовцы пришлютъ къ нимъ своего посадника. „Князь поступаетъ такъ, какъ будто не хочетъ сидѣть у насъ", говорили они. Но, по старой привычкѣ, Владимірцы прежде обратились къ старшимъ городамъ, Ростову и Суздалю, съ жалобою на свою обиду; Ростовцы и Суздальцы на словахъ были за нихъ, а на дѣлѣ нисколько не думали за нихъ вступаться; бояре же крѣпко держались за Ростиславичей, прибавляетъ лѣтописецъ, и тѣмъ опять даетъ знать, что преимущественно боярамъ хотѣлось вести дѣла въ противность тому, какъ шли они при Андреѣ. Тогда Владимірцы, видя явное недоброжелательство старшихъ городовъ и бояръ, рѣшились вмѣстѣ съ Переяславцами дѣйствовать собственными силами, и послали въ Черниговъ сказать Михаилу: „Ты старшій между братьями; приходи къ намъ во Владиміръ; если Ростовцы и Суздальцы задумаютъ что-нибудь на насъ за тебя, то будемъ управляться съ ними, какъ Богъ дастъ и Святая Богородица". Михаилъ съ братомъ Всеволодомъ и съ Владиміромъ Святославичемъ, сыномъ Черниговскаго князя, отправился на сѣверъ; но едва успѣлъ онъ отъѣхать верстъ 11 отъ Чернигова, какъ сильно занемогъ, и больной пріѣхалъ въ Москву, гдѣ дожидался его отрядъ Владимірцевъ съ молодымъ княземъ Юріемъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, который жилъ у нихъ, будучи изгнанъ изъ Новгорода. Между тѣмъ Ростиславичи, узнавъ о приближеніи Михаила, совѣтовались въ Суздалѣ съ дружиною, что дѣлать. Рѣшено было, чтобъ Ярополкъ шелъ съ своимъ войскомъ противъ Юрьевичей къ Москвѣ, биться съ ними и не пускать ко Владиміру. Михаилъ сѣлъ обѣдать, когда пришла вѣсть, что племянникъ Ярополкъ идетъ на него; Юрьевичи собрались и пошли по Владимірской дорогѣ на-встрѣчу къ непріятелю, но разошлись съ Ярополкомъ въ лѣсахъ; тогда Москвичи, услыхавши, что Ярополкъ, миновавъ ихъ войско, продолжаетъ идти къ Москвѣ, возвратились съ дороги отъ Михаила для обереганія своихъ домовъ; а Ярополкъ, видя, что разошелся съ Михаиломъ, пошелъ отъ Москвы вслѣдъ за нимъ, пославъ между тѣмъ сказать брату Мстиславу въ Суздаль: „Михалко боленъ; несутъ его на носилкахъ, и дружины у него мало; я иду за нимъ, захватывая задніе его отряды; а ты, братъ, ступай поскорѣе къ нему навстрѣчу, чтобъ онъ не вошелъ во Владиміръ". Мстиславъ объявилъ объ этой вѣсти дружинѣ и, на другой день рано, выѣхалъ изъ Суздаля; помчался быстро, точно на зайцевъ, такъ что дружина едва успѣвала за нимъ слѣдовать, и, въ пяти верстахъ отъ Владиміра, встрѣтился съ Юрьевичами; полкъ Мстиславовъ, готовый къ битвѣ, въ броняхъ, съ поднятымъ стягомъ вдругъ выступилъ отъ села Загорья; Михаилъ началъ поскорѣе выстраивать свое войско, а враги шли на него съ страшнымъ крикомъ, точно хотѣли пожрать его дружину, по выраженію лѣтописца. Но

эта отвага была непродолжительна; когда дошло до дѣла и стрѣльцы начали перестрѣливаться съ обѣихъ сторонъ, то Мстиславова дружина, не схватившись ни разу съ непріятелемъ, бросила стягъ и побѣжала; Юрьевичи взяли много плѣнныхъ; взяли бы и больше, но многихъ спасло то, что побѣдители не могли различать,—кто свои и кто чужіе. Мстиславъ убѣжалъ въ Новгородъ; Ярополкъ, узнавши о его пораженіи, побѣжалъ въ Рязань; но мать ихъ и жены попались въ руки Владимірцамъ. Съ честію и славою вступилъ Михаилъ во Владиміръ; дружина и граждане, бывшіе въ сраженіи, вели плѣнниковъ. Первымъ дѣломъ Юрьевича было возвращеніе городовъ, отнятыхъ у Богородичной церкви Ярополкомъ. „И была, говоритъ лѣтописецъ, радость большая во Владимірѣ, когда онъ увидалъ опять у себя великаго князя всей Ростовской Земли. Подивимся, продолжаетъ тотъ же лѣтописецъ, чуду новому, великому и преславному Божія Матери, когда заступила Она свой городъ отъ великихъ бѣдъ и гражданъ своихъ укрѣпляетъ: не вложилъ имъ Богъ страха, не побоялись двоихъ князей и бояръ ихъ, не посмотрѣли на ихъ угрозы, семь недѣль прожили безъ князя, положивши всю надежду на Святую Богородицу и на свою правду [1]). Новгородцы, Смольняне, Кіевляне и Полочане и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ; а здѣсь городъ старый—Ростовъ и Суздаль, и всѣ бояре захотѣли свою правду поставить, а не хотѣли исполнять правды Божіей, говорили: „Какъ намъ любо, такъ и сдѣлаемъ, Владиміръ пригородъ нашъ". Воспротивились они Богу и Святой Богородицѣ и правдѣ Божіей, послушались злыхъ людей ссорщиковъ, не хотѣвшихъ намъ добра по зависти. Не сумѣли Ростовцы и Суздальцы правды Божіей исправить, думали, что они старшіе, такъ и могутъ дѣлать все по-своему; но люди новые, худые Владимірскіе,—уразумѣли, гдѣ правда, стали за нее крѣпко держаться, сказали: „Либо Михаила князя себѣ добудемъ, либо головы свои сложимъ за Святую Богородицу и за Михаила князя"; и вотъ утѣшилъ ихъ Богъ и Св. Богородица: прославлены стали Владимірцы по всей землѣ за ихъ правду" [2]).

Скоро явились во Владиміръ къ Михаилу послы отъ Суздальцевъ: „Мы, князь, говорили они, не воевали противъ тебя съ Мстиславомъ, а были съ нимъ одни наши бояре,—такъ не сердись на насъ

---

[1]) Съ перваго разу можетъ показаться, что лѣтописецъ говоритъ здѣсь о прежней борьбѣ Владимірцевъ съ Ростиславичами, когда они выдержали семидневную осаду; но тогда у нихъ былъ князь Михаилъ, а здѣсь прямо сказано: «За семь недѣль безо Князя будуще въ Володимери градѣ». Слѣд. здѣсь говорится о послѣднемъ времени, и выходитъ, что Владиміръ былъ оставленъ княземъ; очень вѣроятно, что Ярополкъ бросилъ Владиміръ и уѣхалъ жить въ Суздаль, а Владимірцы взяли пока сына Андрея Боголюбскаго, Юрія. Въ этомъ отношеніи очень любопытны извѣстія, находящіяся у Татищева (III, 213); «Владимиръ (говорилъ лѣтописецъ) до днесь чрезъ семь *мѣсяцевъ* (а не недѣль) былъ безъ князя, и тогда оной видя Ростовцы и Суздальцы отъ князей оставленъ, презирали, и на совѣтъ не призывали, говоря: Новгородцы, Кіевляне, Смольяне, Полочане и всѣ главные грады издревле на общей совѣтъ пригородовъ не призывали; и что уложатъ оные, по тому должны и пригороды исполнять, въ Бѣлой же Руси старѣйшіе грады Ростовъ и Суздаль, а Переяславль, и Владимиръ и прочіе суть пригороды сихъ двухъ, того ради ихъ совѣта не потребно слушать».—Въ разсказѣ о побѣдѣ Юрьевичей надъ Ростиславичами находятся противорѣчія между сѣверною и южною лѣтописями, также есть кой-что недосказанное. Въ сѣверной лѣтописи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159) говорится, что Михаилъ съ Ярополкомъ разошлись въ лѣсахъ, а въ южной (II, 118) читаемъ: «Услышавъ же Ярополкъ, и уступи имъ на сторону»,—дѣйствіе намѣренное, а не случайное; развѣ предположить, что Ярополкъ нарочно отступилъ на сторону, чтобъ поставить Юрьевичей между собою и братомъ Мстиславомъ, на что указываетъ присылка его къ послѣднему, помѣщенная въ сѣверной лѣтописи. Но далѣе требуетъ объясненія извѣстіе южной лѣтописи о поступкѣ Москвичей: «Москьвляне же слышавше, оже идетъ на нѣ (въ нѣкот. списк. *за нь*) Ярополкъ; и възвратишась вспять, блюдуче домовъ своихъ»;—если мы примемъ чтеніе *за нь*, то связь съ предыдущимъ возстановится: Ярополкъ отступилъ въ сторону, далъ пройти Юрьевичамъ, и потомъ пошелъ вслѣдъ за ними, пославши сказать брату, чтобъ тотъ шелъ къ нимъ на-встрѣчу; но въ такомъ случаѣ съ какой стати Москвичамъ было возвращаться назадъ для того, чтобъ оберегать свой городъ?—они услыхали, что Ярополкъ слѣдуетъ за ними, а не идетъ на Москву, и слѣд. домы ихъ безопасны; гораздо опаснѣе было имъ идти назадъ и встрѣтиться съ Ярополкомъ; гораздо лучше слѣд. принять чтеніе *на нь* въ смыслѣ: собственно на Москвичей, на ихъ городъ, на ихъ волость, и предположить, согласно съ сѣверною лѣтописью, что Ярополкъ нечаянно миновалъ Юрьевичей и продолжалъ идти къ Москвѣ. Потомъ, какимъ образомъ Москвичи могли оставить свой городъ, если знали, что Ярополкъ идетъ къ нему? Южная лѣтопись прямо говоритъ, что Юрьевичи вышли изъ Москвы, узнавши, что Ярополкъ идетъ противъ нихъ. Здѣсь необходимо предположить, что Юрьевичи вышли изъ Москвы именно съ намѣреніемъ встрѣтиться съ Ярополкомъ и сразиться съ нимъ, иначе Москвичи не покинули бы своего города. Наконецъ въ томъ и другомъ разсказѣ нѣтъ ни слова о дѣйствіяхъ Ярополка во время битвы; онъ шелъ по слѣдамъ Юрьевичей; зачѣмъ же онъ не напалъ на нихъ въ то время, какъ войско брата его встрѣтилось съ ними? Не сказано также объ очень важномъ обстоятельствѣ: когда была вынесена изъ Андреевой Владимірской церкви икона Богородицы и отдана Глѣбу Рязанскому вмѣстѣ съ книгами и другимъ духовномъ имуществомъ.

[2]) Въ южной лѣтописи находимъ еще слѣдующія дополнительныя извѣстія послѣ разсказа о торжествѣ Юрьевичей: «Михалко же и Всеволодъ, одаривше Володимера Святославича, отпусти и во свояси... И потомъ посла Святославъ жены ихъ Михалковую и Всеволожюю, пристави къ нимъ сына своего Олга проводити до Москвѣ; Олегъ же проводивъ и възвратися въ свою волость въ Лопасну (село въ 27 верстахъ отъ Серпухова по Московской дорогѣ). Оттуда пославъ Олегъ зая Сврилескъ, бяшетъ бо и та волость Черниговская; Глѣбъ же, увѣдавъ то, посла сыновца своего Гюргевича на Ольга; Олегъ, совокупя дружину свою, и выйде къ нему, и бьяхуться на Свирильскѣ, и побѣди Олегъ Святославичъ, шюрина своего, и много дружины изойма, а самъ едва утече».—Здѣсь любопытно то, что Олегъ провожалъ княгинь только до Москвы; по всему видно, что Москва былъ первый, пограничный Суздальскій городъ на пути съ юга, изъ Чернигова чрезъ Землю Вятичей.

и пріѣзжай къ намъ". Михаилъ поѣхалъ въ Суздаль, оттуда въ Ростовъ, устроилъ весь нарядъ людямъ, утвердился съ ними крестнымъ цѣлованіемъ, взялъ много даровъ у Ростовцевъ и, посадивши брата своего Всеволода въ Переяславлѣ, самъ возвратился во Владиміръ. Такимъ образомъ, послѣдній пригородъ, населенный холопами каменьщиками, сдѣлался опять стольнымъ городомъ князя всей Ростовской Земли; князь опять освобождалъ себя изъ-подъ вліянія городовъ, которые привыкли рѣшать дѣла на вѣчѣ, и приговоровъ этого вѣча должны были слушаться города младшіе; мало того: младшій братъ Михаила, Всеволодъ, сѣлъ также въ новомъ городѣ—Переяславлѣ-Залѣсскомъ, а не въ Ростовѣ; выказалось ли въ этомъ явное предпочтеніе князей къ новымъ городамъ предъ старыми, хотѣли ли наградить усердіе Переяславцевъ, дѣйствовавшихъ заодно съ Владимірцами,—во всякомъ случаѣ явленіе было очень важное, свидѣтельствовавшее полную побѣду пригородовъ, полное низложеніе того начала, которое могло противодѣйствовать новому порядку вещей.

Если первымъ дѣломъ Михаила по вступленіи во Владиміръ было возвращеніе соборной церкви городовъ, отнятыхъ у нея Ростиславичами,—то, по утвержденіи своемъ въ цѣлой Землѣ Ростовской, онъ долженъ былъ прежде всего идти на Рязанскаго князя Глѣба, въ рукахъ котораго также находилось много сокровищъ, пограбленныхъ изъ этой церкви, и, между прочимъ, самый образъ Богородицы, привезенный Андреемъ изъ Вышгорода, и книги. Михаилъ отправился съ полками на Рязань, но встрѣтилъ на дорогѣ пословъ Глѣбовыхъ, которымъ поручено было сказать ему: „Князь Глѣбъ тебѣ кланяется и говоритъ: я во всемъ виноватъ, и теперь возвращаю все, что́ взялъ у шурьевъ своихъ, Ростиславичей, все до послѣдняго золотника";—и, точно, возвратилъ все. Михаилъ, уладившись съ нимъ [1]), поѣхалъ назадъ во Владиміръ; здѣсь, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, казнилъ убійцъ Андреевыхъ, и потомъ отправился зачѣмъ-то въ Городецъ-Волжскій, занемогъ въ немъ и умеръ (1176) г.). Ростовцы, не дождавшись даже вѣрнаго извѣстія о смерти Михаиловой, послали сказать въ Новгородъ прежнему своему князю Мстиславу Ростиславичу: „Ступай, князь, къ намъ; Михалка Богъ взялъ на Волгѣ въ Городцѣ, а мы хотимъ тебя, другого не хотимъ". Мстиславъ пріѣхалъ на зовъ, собралъ Ростовцевъ, всю дружину и отправился съ ними ко Владиміру. Но здѣсь былъ уже князь: тотчасъ по смерти Михаиловой, Владимірцы вышли передъ Золотыя во́рота, и, помня старую присягу свою Юрію Долгорукому, цѣловали крестъ Всеволоду Юрьевичу и дѣтямъ его,—явленіе любопытное: Владимірцы присягаютъ не только Всеволоду, но и дѣтямъ его, значитъ—не боятся, подобно Кіевлянамъ, переходить по наслѣдству отъ отца къ сыновьямъ, не думаютъ о правѣ выбирать князя. Всеволодъ, узнавши о пріѣздѣ Ростиславича въ Ростовъ, собралъ Владимірцевъ, дружину свою, бояръ, оставшихся при немъ (большая часть бояръ, какъ видно, перешла къ Ростовскому князю [2]), и отправился съ ними на-встрѣчу къ сопернику, а за Переяславцами послалъ племянника Ярослава Мстиславича. Но, по своему характеру, Всеволодъ не хотѣлъ отдать всей своей будущности на произволъ военнаго счастія, не хотѣлъ судиться съ племянникомъ судомъ Божіимъ, битвою, какъ любили судиться южные князья, и послалъ сперва сказать Ростиславичу: „Братъ! если тебя привела старшая дружина, то ступай въ Росто́въ, тамъ и помиримся; тебя Ростовцы привели и бояре, а меня съ братомъ Богъ привелъ, да Владимірцы съ Переяславцами; а Суздальцы пусть выбираютъ изъ насъ двоихъ, кого хотятъ". Но Ростовцы и бояре не дали мириться своему князю; ихъ злоба на Владимірцевъ и Юрьевичей еще болѣе усилилась отъ недавняго униженія; они сказали Ростиславичу: „Если ты хочешь съ нимъ мириться, то мы не хотимъ"; особенно подстрекали къ войнѣ бояре—Добрыня Долгій, Матѣяшъ Бутовичъ и другіе. Всеволодъ, получивъ отказъ, поѣхалъ къ Юрьеву, здѣсь дождался Переяславцевъ и объявилъ имъ, что Ростовцы не хотятъ мира; Переяславцы отвѣчали: „Ты Мстиславу добра хотѣлъ, а онъ головы твоей ловитъ,—такъ ступай, князь, на него; а мы не пожалѣемъ жизни за твою обиду, не дай намъ Богъ никому возвратиться назадъ; если отъ Бога не будетъ намъ помощи, то пусть, переступивъ черезъ наши трупы, возьмутъ женъ и дѣтей нашихъ [3]), брату твоему еще десяти дней нѣтъ какъ умеръ, а они уже хотятъ кровь проливать". На Юрьевскомъ полѣ, за рѣкою Кзою, произошла битва: Владимірцы съ своимъ княземъ опять побѣдили, съ ничтожною для себя потерею, тогда какъ со стороны непріятелей часть бояръ была побита, другіе взяты въ плѣнъ; самъ Мстиславъ бѣжалъ сперва въ Ростовъ, а оттуда въ Новгородъ; побѣдители взяли боярскія села, коней, скотъ; въ другой и послѣдній разъ старый городъ былъ побѣжденъ новымъ, послѣ чего уже не предъявлялъ больше своихъ притязаній.

Но Юрьевская побѣда не прекратила борьбы Всеволода съ племянниками. Когда Мстиславъ Ростиславичъ прибѣжалъ въ Новгородъ, то жители встрѣтили его словами: „Какъ тебя позвали Ростовцы, такъ ты ударилъ Новгородъ пятою, пошелъ на дядю своего Михаила; Михаилъ умеръ, а съ братомъ его Всеволодомъ Богъ разсудилъ тебя; зачѣмъ же къ намъ идешь?" Непринятый Новгородцами, Мстиславъ поѣхалъ къ зятю своему, Глѣбу Рязанскому, и сталъ подстрекать его къ войнѣ со Всеволодомъ.

[1]) По Татищеву (III, 215), Глѣбъ обязался не помогать шурьямъ; между возвращенными вещами находился также и мечъ Св. Бориса, который Михаилъ повѣсилъ въ церкви Богоматери.—Вслѣдъ за рязанскимъ походомъ у Татищева помѣщено извѣстіе о казни убійцъ Андреевыхъ, съ ссылкою на Еропкинскую рукопись; см. также Степен. кн. I, 285.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 161: «И что бяше бояръ осталося у него».

[3]) Лѣтоп. Переясл. Сузд., стр. 89.

Глѣбъ тою же осенью пришелъ на Москву и пожегъ весь городъ; Всеволодъ поѣхалъ къ нему навстрѣчу; но когда былъ за Переяславлемъ, явились Новгородцы и сказали ему: „Князь, не ходи безъ Новгородцевъ, подожди ихъ". Всегда осторожный, любившій дѣйствовать навѣрное, Всеволодъ согласился ждать Новгородцевъ, чтобъ съ удвоенными силами ударить на враговъ, и возвратился. Но онъ понапрасну дожидался Новгородцевъ: тѣ не приходили; вмѣсто нихъ явились на помощь двое княжичей черниговскихъ, Олегъ и Владиміръ Святославичи, да князь Переяславля-Южнаго, или Русскаго, Владиміръ Глѣбовичъ. Всеволодъ выступилъ съ ними въ Коломнѣ; но здѣсь получилъ извѣстіе, что Глѣбъ съ Половцами другою дорогою пошелъ ко Владиміру, разграбилъ соборную церковь Андрееву, пожегъ другія церкви, села боярскія, а женъ, дѣтей и всякое имѣніе отдалъ на щитъ (въ добычу) поганымъ. Всеволодъ немедленно пошелъ назадъ, въ свою волость, и встрѣтилъ Глѣба на рѣкѣ Колакшѣ; цѣлый мѣсяцъ стояли непріятели безъ дѣйствій по обѣимъ сторонамъ рѣки, наконецъ завязался бой, и Всеволодъ побѣдилъ опять: опять Мстиславъ Ростиславичъ первый обратился въ бѣгство, а за нимъ побѣжалъ и Глѣбъ; но враги догнали ихъ обоихъ, взяли также въ плѣнъ сына Глѣбова Романа, перевязали всю дружину рязанскую; между прочими попался въ плѣнъ Борисъ Жидиславичъ, знаменитый воевода Боголюбскаго, который, какъ видно, отъѣхалъ въ Рязань или прямо, или вмѣстѣ съ Ростиславичемъ, не желая служить Юрьевичамъ; попался въ плѣнъ и Дѣдилецъ, который такъ сильно способствовалъ призванію Ростиславичей въ Ростовъ по смерти Боголюбскаго. Была большая радость во Владимірѣ, говоритъ лѣтописецъ; но онъ тутъ же говоритъ: судъ безъ милости тому, кто самъ не зналъ милости. Эти слова показываютъ расположеніе духа Владимірцевъ, которыхъ ненависть къ Глѣбу и Ростиславичамъ должна была дойти до высшей степени вслѣдствіе еще новаго бѣдствія, претерпѣннаго ими отъ послѣднихъ. Два дня ждали они отъ Всеволода суда безъ милости надъ племянниками; на третій день поднялся сильный мятежъ, встали бояре и купцы, и сказали ему: „Князь, мы тебѣ добра хотимъ, и головы за тебя складываемъ; а ты держишь враговъ своихъ на свободѣ; враги твои и наши—Суздальцы и Ростовцы [1])—либо казни ихъ, либо ослѣпи, либо отдай намъ". Всеволодъ не хотѣлъ исполнить этого требованія и, для утишенія мятежа, велѣлъ только посадить плѣнниковъ въ тюрьму; послѣ чего послалъ сказать Рязанцамъ: „Вы дайте мнѣ нашего врага (Ярополка Ростиславича), или я приду къ вамъ". Рязанцы рѣшились исполнить это требованіе: „Князь нашъ и братья наши погибли изъ-за чужого князя", говорили они; поѣхали въ Воронежъ, схватили тамъ Ярополка и привезли во Владиміръ, гдѣ Всеволодъ велѣлъ посадить и его также въ тюрьму. Между тѣмъ зять Глѣба Рязанскаго, знаменитый Мстиславъ Ростиславичъ Смоленскій, послалъ сказать Святославу Черниговскому, чтобъ онъ попросилъ Всеволода за Ростиславичей; и княгиня Рязанская, жена Глѣбова, присылала съ тѣмъ же, прося за мужа и сына; Святославъ отправилъ во Владиміръ Черниговскаго епископа Порфирія и Ефрема игумена вести переговоры по дѣлу плѣнниковъ; онъ предлагалъ, чтобъ Глѣбъ, получивъ свободу, отказался отъ Рязани и ѣхалъ на житье въ Русь; но Глѣбъ никакъ не соглашался на такія условія; „Лучше умру въ тюрьмѣ, говорилъ онъ, а не пойду въ Русь на изгнаніе". Дѣло затянулось на два года; Глѣбъ между тѣмъ умеръ, а сынъ его Романъ былъ отпущенъ въ Рязань, подъ условіемъ полной покорности Владимірскому князю [2]). Иначе рѣшена была судьба Ростиславичей; Владимірцы, видя, что идутъ переговоры объ освобожденіи плѣнниковъ, никакъ не хотѣли отпустить Ростиславичей, не отмстивши имъ за свои обиды; они собрались опять большою толпою, пришли на княжій дворъ и стали говорить Всеволоду: „До чего ихъ еще додержать? хотимъ ослѣпить ихъ". Всеволоду очень не нравилось это требованіе, но дѣлать было нечего. Ростиславичей ослѣпили, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлали видъ, что ослѣпили, и отослали въ Смоленскъ [3]). Такимъ образомъ кончилась борьба на сѣверѣ въ пользу послѣдняго изъ Юрьевичей, который сталъ такъ-же силенъ, какъ и братъ его

---

[1]) Странно, что Владимірцы не говорятъ ничего о Глѣбѣ Рязанскомъ и Мстиславѣ Ростиславичѣ, а толкуютъ только о Ростовцахъ и Суздальцахъ, которые уже давно были взяты въ плѣнъ, и давно слѣд. нужно было бы разсуждать о ихъ наказаніи. У Татищева (III, 226) рѣчь Владимірцевъ представлена полнѣе и связнѣе: «Ты же на нихъ злодѣевъ рязанскихъ князей и ихъ вельможъ и плѣненныхъ нашими руками держишь на свободѣ... а съ другую сторону злодѣи наши Ростовцы и Суздальцы между нами кроются, смотря только удобнаго времени, како бы намъ какое зло учинить».

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120: «Тогда же князь Глѣбъ мертвъ бысть (довольно странное выраженіе), іюня въ 30 (1177), а Романа сына его едва выстояша, цѣловавше крестъ».

[3]) «Мьстиславъ и Ярополкъ въ порубѣ бяста, и потомъ изведше я и слѣпивше пустиша».—Въ сѣверной лѣтописи сказано просто: «и пустиша ею изъ земля». (Лѣтоп. Пер. Сузд., стр. 91). Въ Новгород... «Слѣпленъ бысть Мьстиславъ князь, съ братомъ Яропълкомъ, отъ стрья своего Всеволода, и пусти я въ Русь; ведома же има слѣпома и гньющема очима, и яко доидоста Смольньска и придоста на Смедино въ церковь святую мученику Бориса и Глѣба, и ту абіе съпостиже и божія благодать, и ту прозрѣста». У Татищева (III, 228): «Всеволодъ, видя, что никакъ ихъ отъ намѣренія отвратить неудобно, обѣщалъ имъ вскорѣ сыновцевъ ослѣпить и отпустить. И того же дня предъ вечеромъ велѣлъ сыновцамъ своимъ сверхъ очей кожу надрѣзать, и довольно окровавленіи сдѣлавъ, объявилъ народу, что имъ глаза выколоты, и, тотчасъ посадя на телѣгу, за городъ велѣлъ проводить, доколѣ отъ народа безопасны будутъ, и отпустили ихъ къ Смоленску». Примѣч. 522: о семъ ослѣпленіи въ раскольничьѣ Хрущова написано: помазавъ очи кровію; въ Симоновѣ такъ, какъ здѣсь точно положено; въ Ростовскомъ и Новгородскомъ одномъ просто отпустилъ; а въ прочихъ «ослѣпи Всеволодъ Ростиславичевъ и пусти», и проч. съ происшествіемъ на Смядынѣ.

Андрей, и немедленно пошелъ по слѣдамъ братнимъ: приведши рязанскихъ князей въ свою волю, онъ захотѣлъ также быть самовластцемъ въ Суздальской Землѣ, единодержателемъ всего отцовскаго наслѣдства, и выгналъ изъ своей волости племянника Юрія Андреевича, который принужденъ былъ искать счастія въ Грузіи[1]); второй племянникъ, Ярославъ Мстиславичъ, также не получилъ волости въ Землѣ Ростовской. Но если Всеволодъ вошелъ совершенно въ положеніе Андрея на сѣверѣ, то мы должны ожидать, что и относительно Южной, Старой Руси и относительно Новгорода Великаго онъ приметъ то же самое значеніе.

На югѣ смерть Андрея дала свободу разыграться прежнимъ усобицамъ между Мономаховичами и Ольговичами; къ этимъ усобицамъ присоединились, съ одной стороны, враждебныя отношенія въ самомъ племени Олеговомъ, а съ другой—между Ростиславичами и Изяславичами въ племени Мономаховомъ. Мы видѣли, какъ Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій принужденъ былъ оставить намѣренія свои относительно Кіева, чтобъ свободнѣе отбивать Черниговскую волость отъ нападенія двоюроднаго брата своего, Олега Сѣверскаго; мы видѣли, что онъ опустошеніемъ отплатилъ послѣднему за опустошеніе и возвратился въ Черниговъ; но Олегъ не думалъ такъ окончить это дѣло: онъ заключилъ союзъ съ шурьями своими, Ростиславичами, также съ Ярославомъ Кіевскимъ,—и союзники рѣшились съ двухъ сторонъ напасть на Святослава. Но Ростиславичи и Ярославъ, пожегши два черниговскихъ города[2]), заключили миръ съ Святославомъ и предоставили Олега однимъ собственнымъ средствамъ. Тотъ съ братьями пришелъ къ Стародубу, города не взялъ, но захватилъ скотъ изо всѣхъ окрестностей Стародуба и погналъ его къ Новгороду-Сѣверскому, куда скоро явился за нимъ Святославъ съ черниговскимъ войскомъ, и приступилъ къ городу. Олегъ вышелъ-было къ нему на-встрѣчу, но не успѣла дружина его пустить по стрѣлѣ, какъ обратилась въ бѣгство; самъ князь успѣлъ вбѣжать въ городъ, но половина дружины его была перехвачена, другая перебита; острогъ пожженъ; Олегъ на другой день запросилъ мира и получилъ его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Между тѣмъ, на другой сторонѣ Днѣпра произошла перемѣна: къ Ростиславичамъ пришелъ на помощь старшій братъ ихъ Романъ изъ Смоленска, и Ярославъ Изяславичъ увидалъ въ этомъ намѣреніе Ростиславичей выгнать его изъ Кіева; онъ послалъ сказать имъ: „Вы привели брата своего Романа, даете ему Кіевъ“, и выѣхалъ добровольно изъ этого города въ прежнюю волость свою Луцкъ. Мы видѣли, что Ростиславичи просили еще прежде у Андрея Кіева для Романа, слѣд. Ярославъ имѣлъ право подозрѣвать ихъ во враждебныхъ для себя замыслахъ; скорая же уступка его двоюроднымъ братьямъ объясняется тѣмъ, что онъ никакъ не могъ полагаться на защиту Кіевлянъ послѣ недавняго поступка съ ними, когда онъ ограбилъ весь городъ. Ростиславичи послали за нимъ, чтобъ ѣхать опять въ Кіевъ, но онъ не послушался, и Романъ сѣлъ на его мѣсто; дѣйствительно ли Ростиславичи не хотѣли его выгонять, или показывали только видъ, что не хотѣли,—рѣшить трудно. Романъ не долго княжилъ спокойно въ Кіевѣ: Половцы напали на Русь, взяли шесть городовъ берендѣевскихъ и сильно поразили Ростиславичей у Ростова, по винѣ Давида Ростиславича, который завелъ ссору съ братьями и помѣшалъ успѣху дѣла. Бѣдою Ростиславичей спѣшилъ воспользоваться Святославъ Черниговскій; нуженъ былъ однако предлогъ, и онъ послалъ сказать Роману: „Братъ! я не ищу

[1]) Вотъ, что читаемъ о похожденіяхъ Юрія въ грузинскихъ лѣтописяхъ (Histoire de la Géorgie, traduite par M. Brosset. I, p. 412). Когда искали жениха для знаменитой царицы Тамари, то явился Абулазанъ, эмиръ тифлисскій, и сказалъ: «Я знаю сына государя Русскаго, великаго князя Андрея, которому повинуются 300 царей въ тѣхъ странахъ; потерявши отца въ молодыхъ лѣтахъ, этотъ князь былъ изгнанъ дядею своимъ Савалтомъ (Sawalth, Всеволодъ), убѣжалъ, и находится теперь въ городѣ Свинди (Swindj), царя Кипчакскаго (Половецкаго)».—Юрій явился въ Грузію, духовенство и вельможи упросили Тамарь какъ можно скорѣе обвѣнчаться съ нимъ; Юрій храбро воевалъ съ врагами своего новаго отечества, но скоро возникли между нимъ и женою непріятности, о которыхъ такъ разсказываетъ грузинскій лѣтописецъ (въ переводѣ г. Броссе, стр. 316): «Satan entra dans le coeur du misérable Russe, véritable Scythe, aux pensées barbares, aux passions monstrueuses. Il se mit, au sein de l'ivresse a faire des actions inconvenantes, abominables qu'il est inutile de décrire; il osa offenser Thamar, le soleil des souverains, la splendeur matinale des rois. Iudas envers luimeme, vaincu par sept esprits impurs, pires que le premier, et leur servant de temple il marcha sur les traces des habitants de Sodome le pervers, le damné qu'il etait».—Тамарь долго терпѣла, долго увѣщевала Юрія исправиться, и сама, и чрезъ монаховъ, наконецъ рѣшилась развестись съ нимъ, и Юрій былъ отправленъ въ Константинополь съ большими впрочемъ богатствами. Но скоро онъ явился опять въ Грузіи, въ его пользу объявили себя многіе начальники городовъ, и сынъ Боголюбскаго возведенъ былъ на престолъ царей Грузинскихъ; Тамарь однако не отчаявалась: она собрала вѣрныхъ себѣ вельможъ и съ ихъ помощію побѣдила Юрія, который опять долженъ былъ оставить Грузію, возвратился еще разъ и снова потерпѣлъ пораженіе.—Въ этомъ разсказѣ встрѣчаются затрудненія относительно собственныхъ именъ лицъ и городовъ. Въ первомъ извѣстіи по смыслу подлинника выходитъ, что Юрій скрывался въ городѣ Swindj, принадлежавшемъ царю Кипчакскому, но потомъ это слово является, какъ собственное имя лица, напр. на стр. 437 говорится, что на помощь къ Тамари приходилъ Sewindj-Sawalth, братъ царя Кипчакскаго; г. Броссе въ Sawalth основательно видитъ испорченное Всеволодъ, что совершенно идетъ къ первому извѣстію относительно изгнанія Юрія; *но кто же* будетъ этотъ Sewindj-Sawalth, который приходилъ послѣ на помощь къ Тамари? Онъ названъ братомъ царя Кипчакскаго, слѣдовательно хана Половецкаго; если предположить здѣсь смѣшеніе, и подъ кипчакскими царями разумѣть князей южно-русскихъ, сосѣднихъ съ Половцами, то дѣло можетъ объясниться легче: Swindj перваго извѣстія можетъ быть испорченное Святославъ (Свентославъ), князь Черниговскій, у котораго Юрій могъ найти убѣжище, какъ прежде находили его дядья и двоюродные братья; подъ вторымъ же Sewindj-Sawalth можетъ разумѣться Святославичъ-Всеволодъ Трубчевскій, второй герой Слова о полку Игореву».

[2]) Лутаву (село въ 4 верстахъ отъ Остра) и Моравскъ (мѣстечко Остерскаго уѣзда).

подъ тобою ничего, но у насъ такой рядъ: если князь провинится, то платитъ волостью, а бояринъ головою; Давидъ виноватъ,—отними у него волость". Романъ не послушался; тогда братья Святослава—Ярославъ и Олегъ,—перешли Днѣпръ и послали сказать зятю своему Мстиславу Владиміровичу, сыну покойнаго Владиміра Мстиславича, чтобъ перешелъ на ихъ сторону; Мстиславичъ послушался и сдалъ имъ Треполь. Въ то время самъ Святославъ стоялъ съ полками своими у Витичева, куда пріѣхали къ нему Черные Клобуки съ Кіевлянами и объявили, что Романъ ушелъ въ Бѣлгородъ. Святославъ поѣхалъ въ Кіевъ и сѣлъ тамъ, но опять не надолго; на помощь къ братьямъ явился знаменитый Мстиславъ изъ Смоленска, и Ростиславичи объявили, что на другой же день дадутъ битву Святославу; Святославъ испугался и побѣжалъ за Днѣпръ, потому что Половцы, за которыми онъ послалъ, еще не пришли, а съ одною дружиною выступить противъ Мстислава трудно было рѣшиться. Несмотря на то, однако Ростиславичи почли за лучшее уступить Кіевъ Святославу: Романъ, князь, какъ видно, вовсе не воинственный, зналъ, что онъ будетъ сидѣть въ Кіевѣ въ безпрерывномъ страхѣ отъ Святослава, который уже разъ выгналъ его и, конечно, не откажется отъ дальнѣйшихъ попытокъ на Кіевъ, вслѣдствіе чего будутъ безпрерывныя усобицы. Союзники Святослава, Половцы, уже явились у Торческа и захватили много людей: и вотъ Ростиславичи, не желая губить Русской Земли и проливать христіанской крови, по словамъ лѣтописца, подумали и отдали Кіевъ Святославу, а Романъ пошелъ назадъ въ Смоленскъ [1]): Черниговъ, какъ видно, достался Олегу Святославичу; но онъ скоро умеръ, и въ Черниговѣ сѣлъ братъ Кіевскаго князя, Ярославъ Всеволодовичъ, а братъ Олеговъ, Игорь, сѣлъ въ Новгородѣ-Сѣверскомъ,—такъ и слѣдовало по родовому счету [2]).

До сихъ поръ Святославъ Всеволодовичъ жилъ въ дружбѣ со Всеволодомъ Суздальскимъ; мы видѣли, какую дѣятельную помощь оказалъ онъ послѣднему въ борьбѣ его съ племянниками; союзъ этотъ былъ еще болѣе скрѣпленъ родствомъ: Всеволодъ вызвалъ къ себѣ сына Святославова, Владиміра, и женилъ его на родной племянницѣ своей, дочери Михаила Юрьевича. Но скоро эта дружба перемѣнилась во вражду, виною которой были отношенія рязанскія. Мы видѣли, что Романъ Глѣбовичъ съ братьями поклялся ходить въ волѣ Всеволодовой; но Романъ былъ зять Святослава, который вслѣдствіе этого родства считалъ себя также въ правѣ вмѣшиваться въ рязанскія дѣла, причемъ его вліяніе необходимо сталкивалось съ вліяніемъ Всеволода; Святославъ могъ думать, что Всеволодъ, въ благодарность за прежнее добро, уступитъ его вліянію въ Рязани, но жестоко обманулся въ своемъ ожиданіи. Въ 1180 году младшіе братья Романа Рязанскаго, Всеволодъ и Владиміръ Глѣбовичи, прислали сказать Всеволоду Юрьевичу Владимірскому: „Ты нашъ господинъ, ты нашъ отецъ; братъ нашъ старшій Романъ отнимаетъ у насъ волости, слушаясь тестя своего Святослава, а тебѣ крестъ цѣловалъ и нарушилъ клятву". Всеволодъ немедленно выступилъ въ походъ, и когда приближался къ Коломнѣ, то двое Глѣбовичей встрѣтили его съ поклономъ; но въ Коломнѣ сидѣлъ сынъ Святослава, Глѣбъ, посланный отцомъ на помощь Роману Рязанскому; Всеволодъ послалъ сказать Глѣбу, чтобъ явился къ нему; тотъ сначала не хотѣлъ, но потомъ, видя, что сопротивляться нельзя, поѣхалъ; Всеволодъ велѣлъ его схватить, и въ оковахъ отослалъ во Владиміръ, гдѣ приставили къ нему стражу; дружина его подверглась той же участи. Между тѣмъ передовой отрядъ Романа, переправившійся черезъ Оку, потерпѣлъ пораженіе отъ передоваго отряда Всеволодова; часть его попалась въ плѣнъ, часть потонула въ рѣкѣ; Романъ, услыхавши объ этомъ несчастьи, побѣжалъ мимо Рязани въ степь, затворивши въ городѣ двоихъ братьевъ, Игоря и Святослава, которые не думали сопротивляться Всеволоду, когда тотъ явился подъ Рязанью, и заключили съ нимъ миръ на всей его волѣ: Владимірскій князь урядилъ всю братью, роздалъ каждому волости по старшинству, и возвратился домой.

Легко понять, какъ роздосадованъ былъ Святославъ, когда узналъ о поступкѣ Всеволода съ его сыномъ; чѣмъ меньше ждалъ онъ этого, тѣмъ сильнѣе была его ярость. Онъ распалился гнѣвомъ, разжегся яростію, по словамъ лѣтописца, и сказалъ: „Отомстилъ бы я Всеволоду, да нельзя,—подлѣ меня Ростиславичи; эти мнѣ во всемъ дѣлаютъ досады въ Русской Землѣ; ну, да мнѣ все равно, кто ко мнѣ изъ Владимірова племени ближе,—тотъ и мой". Изъ этихъ словъ видно также, что Святославу очень не нравилось близкое сосѣдство Ростиславичей, которыми былъ окруженъ. Въ это самое время Давидъ Ростиславичъ охотился въ лодкахъ по Днѣпру, а Святославъ охотился противъ него на черниговской сторонѣ; случай этотъ показался Кіевскому князю очень удобнымъ для исполненія своего замысла; посовѣтовавшись только съ княгинею, да любимцемъ своимъ Кочкаремъ, не сказавши ничего луч-

[1]) Гораздо прежде прихода Романова на югъ, подъ 1175 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: «Смольняне выгнаша отъ себе Романовича Ярополка, а Ростиславича Мстислава въведоша Смоленьску княжить».—Но въ это время въ Смоленскѣ сидѣлъ не Ярополкъ, а отецъ его Романъ; и такъ мы должны отнести это событіе къ позднѣйшему времени, когда Романъ ушелъ на югъ, оставивъ сына своего Ярополка вмѣсто себя въ Смоленскѣ; но Смольняне, согласно съ правомъ старшинства, выгнали племянника и призвали дядю.

[2]) Что по отъѣздѣ Святослава въ Кіевъ мѣсто его въ Черниговѣ занялъ Олегъ Святославичъ, видно изъ послѣдовательности лѣтописнаго разсказа: «Преставися Олегъ Святославичъ, потомъ же Игорь братъ его сѣде въ Новгородѣ сѣверскомъ, а Ярославъ Всеволодицъ въ Черниговѣ сѣде».—Ярославъ садится въ Черниговѣ только по смерти Олега; *думаемъ*, что когда Олегъ переѣхалъ въ Черниговъ, Ярославъ Всеволодичъ переѣхалъ на его мѣсто въ Новгородъ-Сѣверскій, а потомъ, по смерти Олега, Ярославъ переѣхалъ въ Черниговъ, а Игорь Святославичъ въ Новгородъ.

шимъ боярамъ своимъ, онъ переправился черезъ Днѣпръ и ударилъ на Давидовъ станъ, разсуждая: „Схвачу Давида, Рюрика выгоню, завладѣю одинъ съ братьями Русскою Землею, и тогда стану мстить Всеволоду за свою обиду“. Но замыселъ не удался: Давидъ съ женою своею успѣлъ сѣсть въ лодку и уплыть, непріятельскія стрѣлы не сдѣлали ему никакого вреда; успѣвъ захватить только дружину и станъ Давидовъ, Святославъ отъѣхалъ къ Вышгороду, и, проведши подъ нимъ ночь, сталъ искать повсюду Давида, но, послѣ долгихъ, безуспѣшныхъ поисковъ, отправился на восточный берегъ Днѣпра, сказавши своимъ: „Теперь уже я объявилъ свою вражду Ростиславичамъ, нельзя мнѣ больше оставаться въ Кіевѣ“. Пріѣхавши въ Черниговъ, онъ созвалъ всѣхъ сыновей своихъ, младшую братью, собралъ всѣ силы Черниговской волости, всю дружину, и сталъ говорить имъ: „Куда намъ ѣхать? Въ Смоленскъ или въ Кіевъ?“ На это отвѣчалъ ему двоюродный братъ, Игорь Сѣверскій: „Батюшка! лучше была бы тишина; но если уже такъ случилось, то далъ бы только Богъ тебѣ здоровья“. Святославъ тогда сказалъ: „Я старше Ярослава, а ты, Игорь, старше Всеволода; такъ я теперь вамъ остался вмѣсто отца, и приказываю тебѣ, Игорь, оставаться здѣсь съ Ярославомъ оберегать Черниговъ и всю волость, а я со Всеволодомъ пойду къ Суздалю выручать сына своего Глѣба, какъ насъ тамъ Богъ разсудитъ со Всеволодомъ Юрьевичемъ“. Святославъ раздѣлилъ и Половцевъ надвое: половину взялъ съ собою, а другую половину оставилъ братьѣ, послѣ чего отправился въ походъ, взявши съ собою Ярополка Ростиславича. Подлѣ устья Тверцы соединился онъ съ сыномъ Владиміромъ и со всѣми полками новгородскими (потому что Владиміръ княжилъ тогда въ Новгородѣ), положилъ всю Волгу пусту, по выраженію лѣтописца, пожегъ всѣ города, и, въ сорока верстахъ отъ Переяславля-Залѣсскаго, на рѣкѣ Вленѣ, встрѣтился со Всеволодомъ, который вышелъ съ полками суздальскими, рязанскими и муромскими. Прежде обыкновенно князья любили находиться въ челѣ полковъ своихъ, любили первые врѣзываться въ ряды непріятелей, спѣшили рѣшить дѣло битвою, въ которой видѣли судъ Божій. Но Всеволодъ руководствовался другими понятіями: онъ выбралъ для своего войска выгодное положеніе, огородился горами, рытвинами, и, несмотря на просьбу дружины, не хотѣлъ вступить въ рѣшительную битву съ южными полками, отличавшимися своею стремительностью въ нападеніяхъ, тогда какъ сѣверное народонаселеніе отличалось противоположнымъ характеромъ,—было слабо въ чистомъ полѣ и неодолимо при защитѣ мѣстъ. Всеволодъ послалъ только рязанскихъ князей, которые ворвались въ обозъ Святославовъ и сначала имѣли-было успѣхъ, но потомъ были прогнаны съ большимъ урономъ. Уже двѣ недѣли стояли такимъ образомъ непріятели другъ противъ друга, перестрѣливаясь черезъ рѣку; Святославу наконецъ наскучило такое положеніе, и онъ послалъ своихъ священниковъ сказать Всеволоду: „Братъ и сынъ! много я тебѣ добра сдѣлалъ и не чаялъ получить отъ тебя такой благодарности; если же ты уже задумалъ на меня зло, захватилъ сына моего, то недалеко тебѣ меня искать; отступи подальше отъ этой рѣчки, дай мнѣ дорогу, чтобъ мнѣ можно было къ тебѣ переѣхать, и тогда насъ Богъ разсудитъ; если же ты мнѣ не хочешь дать дороги, то я тебѣ дамъ, переѣзжай ты на эту сторону, и пусть насъ Богъ разсудитъ“. Вмѣсто отвѣта, Всеволодъ задержалъ пословъ, отослалъ ихъ во Владиміръ, а самъ по-прежнему не двигался съ мѣста; Святославъ постоялъ еще нѣсколько времени, и, боясь оттепели, пошелъ назадъ налегкѣ, бросивъ обозы, которыми овладѣли полки Всеволодовы, но, по приказанію князя своего, не смѣли гнаться за удалившимся Святославомъ. Послѣдній, отпустивъ брата Всеволода, сына Олега и Ярополка Ростиславича въ Русь, самъ съ сыномъ Владиміромъ поѣхалъ въ Новгородъ-Великій.

Между тѣмъ Давидъ Ростиславичъ, спасшись отъ плѣна, которымъ угрожалъ ему Святославъ, прибѣжалъ въ Бѣлгородъ, къ брату Рюрику; тотъ, услыхавши, что Кіевъ оставленъ Святославомъ, поѣхалъ туда, и сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ; но, предвидя сильную борьбу, сталъ набирать союзниковъ: послалъ за князьями луцкими, сыновьями Ярослава, Всеволодомъ и Ингваремъ, и привелъ ихъ себѣ, послалъ за помощью къ Галицкому князю Ярославу, которая явилась съ бояриномъ Тудоромъ, а брата Давида послалъ въ Смоленскъ, на помощь къ старшему брату Роману. Но Давидъ встрѣтилъ на дорогѣ гонца, который везъ ему вѣсть о смерти Романа; Давидъ со слезами продолжалъ путь; при въѣздѣ въ Смоленскъ былъ встрѣченъ духовенствомъ со крестами всѣми гражданами, и занялъ братнее мѣсто. По Романѣ, говоритъ лѣтописецъ, плакали всѣ Смольняне, вспоминая его доброту (добросердіе), а княгиня его, стоя у гроба, причитала: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный и правдивый! вправду дано было тебѣ имя Романъ, всею добродѣтелью похожъ ты былъ на Св. Романа (т.-е. Св. Бориса); много досадъ принялъ ты отъ Смольнянъ, но никогда не видала я, чтобъ ты мстилъ имъ зломъ за зло“. И лѣтописецъ повторяетъ, что этотъ князь былъ необыкновенно добръ и правдивъ. — Давидъ, похоронивши брата, прежде всего долженъ былъ думать о защитѣ своей волости, потому что оставшіеся въ Черниговѣ князья, Ярославъ съ Игоремъ, не видя ни откуда нападеніи на свою волость, рѣшились сами напасть на волость Смоленскую, и пошли съ Половцами сначала въ Друцку, гдѣ сидѣлъ союзникъ Ростиславичей, Глѣбъ Рогволодовичъ. Но если одинъ изъ половцкихъ князей былъ за Ростиславичей, то большинство его родичей было противъ нихъ; мы видѣли здѣсь усобицу между тремя племенами, или линіями — Борисовичами, Глѣбовичами и Васильковичами, причемъ Ростиславичи смоленскіе дѣятельно помогали Бо-

рисовичамъ и Васильковичамъ; но теперь, вѣроятно вслѣдствіе родственной связи съ Ростиславичами сѣверными [1]), видимъ Васильковичей въ союзѣ съ черниговскими князьями противъ Ростиславичей смоленскихъ. У Друцка соединились съ черниговскими полками Всеславъ Васильковичъ Полоцкій, братъ его Брячиславъ Витебскій и нѣкоторые другіе родичи ихъ съ толпами Ливовъ и Литвы: такъ, вслѣдствіе союза полоцкихъ князей съ черниговскими, въ одномъ станѣ очутились Половцы вмѣстѣ съ Ливами и Литвою, варвары черноморскіе съ варварами прибалтійскими. Давидъ Смоленскій со всѣми полками пріѣхалъ къ Глѣбу въ Друцкъ, и хотѣлъ дать сраженіе Черниговскимъ до прихода Святослава изъ Новгорода; но Ярославъ съ Игоремъ не смѣли начать битвы безъ Святослава, выбрали выгодное положеніе на берегу Другчи, и стояли цѣлую недѣлю, перестрѣливаясь съ непріятелемъ черезъ рѣку; но какъ скоро явился къ нимъ Святославъ, то построили гать на Другчѣ съ тѣмъ, чтобъ перейти рѣку и ударить на Давида; тогда послѣдній, въ свою очередь, не захотѣлъ биться и побѣжалъ въ Смоленскъ. Святославъ приступилъ къ Друцку, пожегъ острогъ, но не сталъ медлить подъ городомъ и, отпустивъ Новгородцевъ, самъ пошелъ въ Рогачевъ, а изъ Рогачева Днѣпромъ поплылъ въ Кіевъ, тогда какъ Игорь съ Половцами дожидался его противъ Вышгорода.

Услыхавъ о приближеніи Святослава, Рюрикъ выѣхалъ изъ Кіева въ Бѣлгородъ, и отправилъ войско противъ Половцевъ, которые съ Игоремъ Сѣверскимъ расположились станомъ у Долобскаго озера; войскомъ начальствовалъ князь Мстиславъ Владиміровичъ, при немъ находился тысяцкій Рюриковъ Лазарь съ младшею дружиною; Борисъ Захарычъ, любимый воевода Мстислава Храбраго, съ людьми молодого княжича своего Владиміра, котораго отецъ, умирая, отдалъ ему на руки, и Сдѣславъ Жирославичъ, воевода Мстислава Владиміровича съ трипольскими полками. Половцевъ было много; они лежали безъ всякой осторожности, не разставивъ сторожей, надѣясь на силу свою и на Игоревъ полкъ. Черные Клобуки, не слушаясь приказа русскихъ воеводъ, бросились на Половцевъ, врѣзались въ ихъ станъ, но были отброшены назадъ, и въ бѣгствѣ смяли дружину Мстиславову, которая также обратилась въ бѣгство, а за нею и самъ князь. Но лучшіе люди остались: Лазарь, Борисъ Захарычъ и Сдѣславъ Жирославичъ; не смутившись ни мало, они ударили на Половцевъ и потоптали ихъ; много варваровъ перетонуло въ рѣкѣ Чарторыѣ, другіе были перебиты или захвачены въ плѣнъ, а князь Игорь сѣлъ въ лодку и переправился на восточный берегъ. Но Рюрикъ воспользовался этою побѣдою только для того, чтобъ получить выгодный миръ у Святослава, у котораго никакъ не надѣялся отнять старшинство; Святославу также не хотѣлось еще разъ выѣзжать изъ Кіева, и онъ обрадовался предложенію Рюрика, который уступалъ ему старшинство и Кіевъ, а себѣ бралъ всю Русскую Землю, т.-е. остальные города Кіевской волости. Вслѣдъ за этимъ былъ заключенъ миръ и со Всеволодомъ Суздальскимъ, который возвратилъ Святославу сына его Глѣба; миръ между Мономаховичами и Ольговичами былъ скрѣпленъ двойнымъ родственнымъ союзомъ: одинъ сынъ Святослава, Глѣбъ, женился на Рюриковнѣ, другой, Мстиславъ,—на свояченицѣ Всеволода (1182 г.).

Такимъ образомъ, сыну Всеволода Ольговича удалось окончательно утвердить за собою старшинство и Кіевъ; но это старшинство имѣло значеніе только на югѣ; старшій въ племени Мономаховомъ не вступалъ съ Святославомъ въ борьбу за Кіевъ, потому что Кіевъ не имѣлъ уже для него прежняго значенія, какое имѣлъ для отца его Юрія. Всеволодъ наслѣдовалъ все могущество того князя, который давалъ Кіевъ изъ своихъ рукъ кому хотѣлъ; какъ много потерялъ Кіевъ изъ своего матеріальнаго значенія послѣ погрома отъ войскъ Боголюбскаго,— ясно видно изъ всѣхъ описанныхъ событій: при всѣхъ смѣнахъ и усобицахъ князей не слышно объ участіи Кіевлянъ, о сильномъ полку кіевскомъ, который рѣшилъ судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ; теперь страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ не обнаруживаютъ признаковъ жизни. Какъ силенъ былъ сѣверный князь Всеволодъ и какъ слабъ былъ предъ нимъ старшій князь Южной Руси, Святославъ, доказательствомъ служитъ слѣдующее происшествіе: въ 1194 году Святославъ созвалъ братьевъ своихъ — родного Ярослава и двоюродныхъ Игоря и Всеволода, и началъ съ ними совѣтоваться, какъ бы пойти на рязанскихъ князей, съ которыми давно уже у Черниговскихъ были ссоры за пограничныя волости; но Ольговичи не смѣли прямо выступить въ походъ, а послали сперва къ Всеволоду Суздальскому просить у него на то позволенія; Всеволодъ не согласился,—и Святославъ долженъ былъ отложить походъ. Съ Ростиславичами Святославъ жилъ мирно, также, какъ видно, изъ страха предъ Всеволодомъ. Въ 1190 году грозила-было вспыхнуть между ними ссора по причинамъ, о которыхъ лѣтопись говоритъ очень не-

[1]) Ярополкъ Ростиславичъ, ставши княземъ Владимірскимъ, женился на дочери Всеслава, князя Витебскаго: такъ говоритъ лѣтописецъ, но ошибочно, ибо Всеславъ былъ князь Полоцкій, а не Витебскій; Витебскимъ былъ братъ его Брячиславъ; теперь Ярополкъ Ростиславичъ находился въ полкахъ Святослава Черниговскаго, который боролся со всѣми Мономаховичами, и со Всеволодомъ Суздальскимъ и съ Ростиславичами южными, слѣд. Васильковичи, заступаясь за зятя, естественно должны были быть въ союзѣ съ Святославомъ. Какимъ образомъ Витебскъ перешелъ опять отъ Ростиславичей смоленскихъ къ полоцкимъ князьямъ,—неизвѣстно. Имена полоцкихъ князей, находившихся въ союзѣ съ черниговскими, суть слѣдующія: «Васильковича—Брячьславъ изъ Витебьска, братъ его Всеславъ съ Полочаны, съ нимъ же бяхуть и Либь и Литва, Всеславъ Микуличь изъ Логажеска, Андрей Володшичь и сыновецъ его Изяславъ, и Василько Брячьславичь».

опредѣленно: у Святослава, по ея словамъ, была тяжба съ Рюрикомъ, Давидомъ и Смоленскою Землею; поэтому онъ ѣздилъ и за Днѣпръ сговориться съ братьями, чтобъ какъ-нибудь не потерять своихъ выгодъ; но Рюрикъ принялъ также свои мѣры; онъ переслался со Всеволодомъ и съ братомъ Давидомъ Смоленскимъ,—и всѣ втроемъ послали сказать Святославу: „Ты, братъ, намъ крестъ цѣловалъ на Романовомъ ряду, который былъ заключенъ тобою, когда братъ нашъ Романъ сидѣлъ въ Кіевѣ; если стоишь на этомъ ряду, то ты намъ братъ; а если хочешь вспомнить давнишнія тяжбы, которыя были при Ростиславѣ, то ты договоръ нарушилъ, чего мы терпѣть не будемъ; а вотъ тебѣ и крестныя грамоты назадъ". Святославъ сначала много спорилъ съ послами и опустилъ-было уже ихъ съ отказомъ, но потомъ надумался, возвратилъ ихъ съ дороги и цѣловалъ крестъ на всей волѣ Мономаховичей.

Могущественное вліяніе Всеволода Суздальскаго обнаружилось даже и въ судьбахъ отдаленнаго Галича. Въ этомъ пограничномъ Русскомъ княжествѣ въ семидесятыхъ годахъ XII вѣка обнаружилось явленіе, подобныхъ которому не видимъ въ остальныхъ волостяхъ русскихъ,—именно важное значеніе бояръ, предъ которымъ никнетъ значеніе князя. Мы уже разъ имѣли случай замѣтить своевольный поступокъ галицкаго боярина, Константина Сѣрославича, который, вопреки волѣ князя своего Ярослава, увелъ свои полки отъ Мстислава Изяславича. Этотъ Константинъ играетъ важную роль и въ смутахъ своего княжества. Велико казалось въ другихъ странахъ могущество Ярослава Владиміровича Галицкаго, единовластнаго князя богатой и цвѣтущей волости; вотъ какъ описывается это могущество въ Словѣ о полку Игореву: „Ярославъ Осмосмыслъ Галицкій! высоко сидишь ты на своемъ златокованномъ столѣ; ты подперъ горы Венгерскія своими желѣзными полками, заступилъ путь королю Венгерскому, затворилъ ворота къ Дунаю, отворяешь ворота къ Кіеву". Но этотъ могущественный князь окруженъ былъ людьми, которые были сильнѣе его, могли подчинять его волю своей. Ярославъ дурно жилъ съ женою своею Ольгою, сестрою суздальскихъ Юрьевичей, и держалъ любовницу, какую-то Настасью; въ 1173 году Ольга ушла изъ Галича въ Польшу съ сыномъ Владиміромъ, извѣстнымъ уже намъ бояриномъ Константиномъ Сѣрославичемъ и многими другими боярами. Проживши восемь мѣсяцевъ въ Польшѣ, Владиміръ съ матерью пошелъ на Волынь, гдѣ думалъ поселиться на время, какъ на дорогѣ встрѣтилъ его гонецъ отъ бояръ изъ Галича. „Ступай домой, велѣли они сказать ему: отца твоего мы схватили, пріятелей его перебили, и врагъ твой—Настасья—въ нашихъ рукахъ". Галичане сожгли несчастную на кострѣ, сына ея послали въ заточеніе, а съ Ярослава взяли клятву, что будетъ жить съ княгинею какъ слѣдуетъ. Въ 1187 году умеръ Ярославъ, князь, по словамъ лѣтописца, мудрый, краснорѣчивый, богобоязливый, честный во всѣхъ земляхъ и славный полками; когда бывала ему отъ кого обида, то онъ самъ не ходилъ съ полками, а посылалъ воеводъ. Чувствуя приближеніе смерти, онъ созвалъ бояръ, бѣлое духовенство, монаховъ, нищихъ, и говорилъ имъ со слезами: „Отцы, братья и сыновья! вотъ я отхожу отъ этого свѣта суетнаго и иду къ Творцу моему, согрѣшилъ я больше всѣхъ; отцы и братья! простите и отдайте". Три дня плакался онъ предъ всѣми людьми, и велѣлъ раздавать имѣніе свое по монастырямъ и нищимъ; три дня раздавали по всему Галичу—и не могли всего раздать. Обратясь къ боярамъ, умирающій князь сказалъ: „Я одною своею худою головою удержалъ Галицкую Землю; а вотъ теперь приказываю свое мѣсто Олегу, меньшому сыну моему, а старшему, Владиміру, даю Перемышль". Этотъ Олегъ родился отъ Настасьи, и потому былъ милъ Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, а Владиміръ не ходилъ въ его волѣ: мы видѣли, что онъ уѣзжалъ отъ отца вмѣстѣ съ матерью и возвратился вслѣдствіе торжества враговъ Настасьи. Владиміръ, вмѣстѣ со всѣми боярами, долженъ былъ присягнуть отцу, что не будетъ искать подъ братомъ Галича. Но можно ли было надѣяться на эту клятву, можно ли было думать, что убійцы Настасьи будутъ спокойно видѣть на старшемъ столѣ сына ея? И вотъ, едва только умеръ Ярославъ, какъ сильный мятежъ всталъ въ Галицкой Землѣ; Владиміръ и бояре нарушили клятву и выгнали Олега изъ Галича; тотъ принужденъ былъ бѣжать въ Овручъ къ Рюрику, а Владиміръ сѣлъ на столѣ отцовскомъ и дѣдовскомъ. Но бояре скоро увидали, что ошиблись въ своемъ выборѣ: Владиміръ, по словамъ лѣтописца, любилъ только пить, а не любилъ думу думать съ своими боярами; отнялъ у попа жену и сталъ жить съ нею, прижилъ двоихъ сыновей; мало того,—понравится ему чья-нибудь жена или дочь, бралъ себѣ насильно. Въ это время ближайшимъ сосѣдомъ Галицкаго князя, на столѣ Владиміро-Волынскомъ, сидѣлъ Романъ Мстиславичъ, получившій въ наслѣдство отъ отца и дѣда необыкновенную дѣятельность, предпріимчивость, неутомимость; не любилъ онъ отставать отъ разъ предпринятаго намѣренія и не разбиралъ средствъ при его выполненіи. Романъ находился въ близкомъ свойствѣ съ Владиміромъ Галицкимъ: дочь его была за старшимъ сыномъ послѣдняго [1]); несмотря на то, узнавши, что бояре галицкіе не хорошо живутъ съ своимъ княземъ, Романъ сталъ пересылаться съ ними, побуждая ихъ выгнать Владиміра, на мѣсто котораго предлагалъ имъ себя въ князья. Многіе бояре охотно согласились на его предложеніе, собрали полки, утвердились крестнымъ цѣлованіемъ между собою, но не смѣли явно возстать на Владиміра,

---

[1]) За какимъ—не извѣстно; лѣтопись упоминаетъ только о двоихъ сыновьяхъ Владиміра, прижитыхъ имъ отъ попадьи; если Романовна была за старшимъ изъ нихъ, то выходитъ, что Владиміръ сталъ жить съ ихъ матерью давно уже, еще при жизни отца своего Ярослава. По разсказу Татищева, выходитъ такъ (III, 285).

схватить или убить его, потому что не всѣ бояре были противъ князя: были между ними и его пріятели. Заговорщики придумали другое средство освободиться отъ Владиміра; они послали сказать ему: „Князь! мы не на тебя встали, но не хотимъ кланяться попадьѣ, хотимъ ее убить; а ты гдѣ хочешь, тамъ и возьми жену". Они надѣялись, что онъ никакъ не отпуститъ попадьи, и потому грозились убить ее, чтобы тѣмъ скорѣе прогнать его самого, въ чемъ и не ошиблись: Владиміръ, опасаясь, чтобъ и его любовницу не постигла та же участь, какая постигла Настасью, забралъ много золота и серебра, жену, двоихъ сыновей, дружину, и поѣхалъ въ Венгрію. Мы оставили эту страну подъ властью короля Гейзы II-го, зятя и союзника Изяславова; самымъ опаснымъ врагомъ Гейзы былъ знаменитый Греческій императоръ, Мануилъ Комненъ, послѣдній изъ великихъ государей, сидѣвшихъ на престолѣ Византійскомъ; вмѣшательство Гейзы въ дѣла Сербіи дало Мануилу поводъ враждебно выступить противъ Венгровъ съ цѣлію распространить предѣлы имперіи на ихъ счетъ; сначала онъ поддерживалъ противъ Гейзы извѣстнаго уже намъ Бориса, сына дочери Мономаховой, а потомъ, когда Борисъ палъ въ битвѣ, сталъ поддерживать родныхъ братьевъ Гейзы, Стефана и Владислава, нашедшихъ убѣжище при Дворѣ Византійскомъ. Гейза умеръ въ 1161 году, оставивъ престолъ двѣнадцатилѣтнему сыну своему, Стефану III-му. Малолѣтство короля дало Мануилу полную возможность къ осуществленію своихъ честолюбивыхъ плановъ относительно Венгріи, и немедленно выступилъ онъ съ большимъ войскомъ и обоими князьями, Стефаномъ и Владиславомъ, къ границамъ этой страны, пославъ сказать ея вельможамъ, что по старому обычаю престолъ долженъ переходить не къ сыну, а къ брату умершаго короля, и что потому они должны возвести на престолъ Стефана, брата покойнаго Гейзы. Венгры велѣли ему отвѣчать на это, что они не знаютъ ни о какомъ подобномъ обычаѣ въ своемъ отечествѣ, гдѣ съ незапамятныхъ поръ наслѣдуетъ корону старшій сынъ, а не братъ умершаго короля; они не могутъ, слѣдовательно, принять къ себѣ въ короли герцога Стефана старшаго; не примутъ его уже и потому, что не хотятъ имѣть королемъ подручника императорскаго. Несмотря однако на этотъ смѣлый отвѣтъ, деньги и обѣщанія Мануила произвели свое дѣйствіе, и многіе изъ вельможъ отстали отъ молодого Стефана, который и принужденъ былъ уступить престолъ дядѣ своему, не Стефану впрочемъ, а младшему—Владиславу. Владиславъ черезъ полгода умеръ; тогда брату его, Стефану, удалось захватить престолъ, но не надолго, ибо когда въ Венгріи узнали, что онъ обѣщалъ Мануилу, въ награду за помощь, отдать Сирмію, то почти всѣ перешли на сторону племянника его, который вслѣдствіе этого и утвердился окончательно на престолѣ. Тогда Мануилъ, видя всеобщее нерасположеніе Венгровъ къ Стефану-дядѣ, объявилъ, что признаетъ королемъ племянника; мало того,—не имѣя сыновей, выдаетъ дочь свою за Белу, младшаго брата Стефана III-го, и назначаетъ его наслѣдникомъ своего престола, съ тѣмъ только условіемъ, чтобъ онъ былъ воспитанъ въ Константинополѣ и удержалъ со собою Сирмію, какъ полученный отъ отца удѣлъ. Король и вельможи согласились на предложеніе, и молодой Бела отправился въ Константинополь, гдѣ получилъ имя Алексѣя, былъ обрученъ съ дочерью императора, провозглашенъ наслѣдникомъ престола, какъ вдругъ неожиданное обстоятельство перемѣнило совершенно ходъ дѣла: у Мануила отъ второй жены его родился сынъ. Обрадованный императоръ велѣлъ немедленно короновать младенца и отнялъ у Белы не только надежду на престолъ, но даже невѣсту, свою дочь, и обручилъ его на свояченицѣ. Но въ это время умеръ братъ Белы, король Венгерскій, двадцатичетырехлѣтній Стефанъ III, какъ говорятъ, отравленный братомъ (1173 г.); Бела поспѣшилъ въ Венгрію, но засталъ тамъ уже три партіи: одна хотѣла имѣть его королемъ; другая, состоящая преимущественно изъ высшаго духовенства, боясь, чтобъ, воспитанный въ Константинополѣ, Бела не сталъ дѣйствовать подъ вліяніемъ императора и враждовать къ католицизму, хотѣла ждать разрѣшенія отъ бремени жены Стефана III-го; третья, наконецъ, стояла за младшаго брата Белы; въ челѣ этой партіи находилась старая вдовствующая королева, жена Гейзы II-го, Евфросинья Мстиславовна, которой хотѣлось видѣть на престолѣ младшаго, любимаго сына. Долго боролся Бела III-й съ двумя враждебными партіями, наконецъ осилилъ ихъ.

Болѣе десяти лѣтъ Бела спокойно правилъ Венгріею, какъ явился къ нему галицкій изгнанникъ, Владиміръ, съ просьбою о помощи; спокойствіе внутри и внѣ давало Белѣ полную возможность вмѣшаться въ галицкія дѣла, и онъ пошелъ къ Галичу со всѣми своими полками. Романъ, сѣвшій было здѣсь на столѣ, не видалъ средствъ противиться войскамъ Белы, и, захвативъ остатокъ княжеской казны, убѣжалъ назадъ на Волынь; но и Владиміръ не получилъ отцовскаго стола, потому что Бела, устроивши Галичанамъ всѣ ихъ дѣла, счелъ полезнѣе для себя и для нихъ дать имъ въ князья сына своего, Андрея, а Владиміра повелъ опять въ Венгрію неволею, отнялъ у него все имѣніе и посадилъ въ башню [1]); онъ взялъ также съ собою въ Венгрію сыновей или братьевъ лучшихъ бояръ,

[1]) Такъ разсказываетъ русскій лѣтописецъ; по польскимъ же извѣстіямъ, Олегъ Ярославичъ, не найдя помощи у Рюрика Ростиславича въ Овручѣ, пошелъ къ Польскому королю Казимиру, и вмѣстѣ съ нимъ отправился на Владиміра Галицкаго; тотъ, соединившись съ Всеволодомъ Мстиславичемъ Бельзскимъ, братомъ Романа Волынскаго, вышелъ имъ на-встрѣчу, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Венгрію; Олегъ сѣлъ въ Галичѣ, но скоро былъ отравленъ, и тогда бояре призвали на его мѣсто Романа Волынскаго. См. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 321. Извѣстіе о смерти Олега, пропадающаго безъ вѣсти въ нашихъ лѣтописяхъ, заставляетъ обратить вниманіе на этотъ разсказъ.

чтобъ имѣть ручательство въ вѣрности послѣднихъ. Между тѣмъ Романъ съ тѣми изъ галицкихъ бояръ, которые перезвали его къ себѣ, скитался по разнымъ странамъ, ища волости. Отъѣзжая княжить въ Галичъ, онъ отдалъ Владиміръ брату своему, Всеволоду, сказавши ему: „Больше мнѣ не нужно этого города". Теперь, убѣгая предъ Венграми изъ Галича, онъ пріѣхалъ-было назадъ во Владиміръ, но уже не былъ впущенъ сюда братомъ; тогда онъ поѣхалъ въ Польшу искать тамъ помощи, а жену свою отправилъ въ Овручъ къ отцу ея, Рюрику Ростиславичу. Не получивши отъ польскихъ князей никакой помощи, онъ и самъ отправился къ тестю, Рюрику, вмѣстѣ съ преданными ему галицкими боярами. Пріѣхавши къ тестю, онъ сталъ проситься у него опять на Галичъ: „Галичане зовутъ меня къ себѣ на княженіе", говорилъ онъ ему: „отпусти со мной сына своего, Ростислава". Рюрикъ согласился, и Романъ отправилъ передовой отрядъ свой, чтобъ занять одинъ изъ пограничныхъ городовъ—Плѣснескъ [1]); но отрядъ этотъ былъ разбитъ наголову Венграми и Галичанами. Романъ, услыхавъ объ этомъ несчастіи, отпустилъ шурина, Ростислава, домой, а самъ опять поѣхалъ въ Польшу. На этотъ разъ онъ былъ здѣсь счастливѣе: получилъ помощь и пошелъ съ нею на брата, Всеволода, ко Владиміру; но Всеволодъ въ другой разъ не пустилъ его, и Романъ опять отправился къ тестю; тотъ далъ ему пока волость—Торческъ, а между тѣмъ послалъ къ Всеволоду съ угрозами, которыя подѣйствовали, и Романъ получилъ опять Владиміръ, а Всеволодъ отправился въ свою прежнюю волость—Бельзъ.

Романа звали опять въ Галичъ, слѣдовательно были тамъ люди, недовольные Венгерскимъ королевичемъ; съ другой стороны, Бела не могъ думать, чтобы русскіе князья спокойно стали смотрѣть на владычество иноземца въ старинной Русской волости; вотъ почему онъ спѣшилъ обѣщаніями склонить на свою сторону Святослава Кіевскаго. Въ 1189 году онъ прислалъ сказать ему: „Братъ! присылай сына своего ко мнѣ,—хочу исполнить свое обѣщаніе, въ чемъ тебѣ крестъ цѣловалъ". Тогда Святославъ, тайкомъ отъ Рюрика, отправилъ къ королю сына своего—Глѣба, думая, что Бела дастъ ему Галичъ [2]). Рюрикъ, узнавши объ этомъ, послалъ сказать Святославу [3]): „Ты отправилъ сына своего къ королю, не спросившись со мною,—такъ ты уговоръ нашъ нарушилъ" [4]). Начались сильные споры между князьями; однако дѣло не дошло до ссоры; Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Братъ и сватъ! вѣдь я сына своего послалъ не на тебя поднимать короля, а за своими дѣлами; если хочешь идти на Галичъ, такъ я также готовъ съ тобою идти". Особенно помогалъ прекращенію спора митрополитъ, которому очень не нравилось, что католикъ владѣетъ Галичемъ; онъ говорилъ и Святославу и Рюрику: „Иноплеменники отняли вашу отчину, надобно-бъ вамъ потрудиться возвратить ее опять себѣ". Князья послушались и отправились вмѣстѣ добывать Галичъ—Святославъ съ сыновьями, а Рюрикъ—съ братьями; но, прежде чѣмъ добыли волость, стали рядиться на-счетъ ея, и опять поссорились: Святославъ отдавалъ Галичъ Рюрику, а себѣ хотѣлъ взять всю Русскую Землю около Кіева; но Рюрикъ не хотѣлъ лишиться своей отчины и промѣнять старое вѣрное на новое и невѣрное, а хотѣлъ подѣлиться Галичемъ съ Святославомъ [5]); на это не соглашался послѣдній и, такимъ образомъ, сваты разошлись по домамъ, ничего не сдѣлавши.

Потерявши надежду получить помощь отъ кого-либо изъ сильныхъ русскихъ князей, недовольные королевичемъ Галичане обратились къ потомку своихъ родныхъ князей — Ростиславичей, Ростиславу Ивановичу, сыну знаменитаго Берладника. Ростиславъ, безземельный князь подобно отцу, жилъ въ это время у Смоленскаго князя, Давида Ростиславича; получивши приглашеніе, онъ отправился немедленно къ галицкимъ предѣламъ, захватилъ два пограничныхъ города и оттуда поѣхалъ къ самому Галичу. Тамошніе бояре не всѣ одинаково ему благопріятствовали: нѣкоторые изъ нихъ крѣпко держались за королевича, потому что сыновья ихъ и братья находились у Белы, который въ это время прислалъ на помощь сыну большое войско, боясь враждебныхъ покушеній со стороны русскихъ князей. Королевичъ и венгерскіе воеводы, услыхавши о приходѣ Ростислава, вызваннаго галицкими боярами, собрали послѣднихъ и начали приводить ихъ къ кресту: правые цѣловали охотно, ничего за собою не зная, а виноватые—по нуждѣ, боясь Венгровъ. Между тѣмъ Ростиславъ съ малою дружиною подошелъ къ галицкимъ полкамъ, въ надеждѣ, что тѣ, по обѣщанію своему, тотчасъ перейдутъ на его сторону, какъ только завидятъ его полкъ; и, точно, нѣсколько галицкихъ бояръ прі-

---

[1]) Въ «Вѣнкѣ на обжинки Русинамъ» (ч. II, стр. 162) говорится, что на мѣстѣ города Плѣсниска существуютъ нынѣ окопы и великіе курганы, заросшіе лѣсомъ, недалеко отъ Подгорца, первой почт. станціи изъ Бродъ къ Золочову.

[2]) Изъ этого видно, что король обѣщался подѣлиться съ Святославомъ, и послѣдній могъ думать, что Бела уступитъ ему Галичъ, а самъ возьметъ Перемышль или другія какія-нибудь волости.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 137: «Рюрикъ же увѣдавъ то наряди по немъ (по Глѣбѣ) Святослава Володимерича, приставя къ нему мужъ свой».—Для чего и куда онъ отправилъ Святослава? Какъ видно, также къ королю, чтобъ противодѣйствовать своекорыстнымъ видамъ Святослава Кіевскаго. Кто былъ этотъ Святославъ Владиміровичъ? Карамзинъ догадывается, что—сынъ Владиміра Мстиславича, что очень вѣроятно.

[4]) Стало быть, у нихъ былъ договоръ дѣйствовать заодно относительно Галича.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 138: «Рюрикъ же не улюбишеть лишитися отчины своея, не хотѣ подѣлитися Галичемъ».—Это чтеніе, по моему мнѣнію, должно быть исправлено: какимъ образомъ Рюрикъ не хотѣлъ отдать Святославу и своихъ старыхъ владѣній, и не хотѣлъ дѣлиться Галичемъ, слѣдовательно цѣлію похода ставилъ только одну свою пользу? Но совершенно ясно будетъ, если вмѣсто *не* исправимъ *но*: «но хотѣ подѣлитися Галичемъ».

ѣхали къ нему; но они бросили его, какъ только увидѣли, что остальные не трогаются. Тогда дружина сказала Ростиславу: „Видишь, что они тебя обманули; поѣзжай прочь!" — „Нѣтъ, братья! отвѣчалъ Ростиславъ: вы знаете, на чемъ они мнѣ цѣловали крестъ; если же теперь ищутъ головы моей, то Богъ имъ судья и тотъ крестъ, что мнѣ цѣловали; а уже мнѣ наскучило скитаться на чужой землѣ; хочу голову положить на своей отчинѣ". — Сказавши это, онъ бросился въ средину галицкихъ и венгерскихъ полковъ; тѣ обхватили его со всѣхъ сторонъ, сбили съ лошади и полумертваго отъ ранъ понесли въ Галичъ; въ городѣ встало смятеніе, жители начали толковать, какъ бы отнять Ростислава у Венгровъ и провозгласить его своимъ княземъ; тогда Венгры нашли средство покончить дѣло: они приложили яду къ ранамъ Ростиславовымъ, и желаніе Берладникова сына исполнилось, — онъ легъ на отчинѣ подлѣ предковъ своихъ.

Удостовѣрившись при этомъ случаѣ, что Галичане хотятъ русскаго князя, Венгры начали мстить имъ насиліями: стали отнимать у нихъ женъ и дочерей и брать себѣ въ наложницы, начали ставить лошадей своихъ въ церквахъ и избахъ; встужили тогда Галичане и сильно раскаялись, что прогнали своего князя Владиміра. И, вотъ, пронесся слухъ, что Владиміру удалось убѣжать изъ венгерской неволи (1190 г.): на башнѣ ему поставленъ былъ шатеръ; онъ изрѣзалъ полотно, свилъ изъ него веревку и спустился по ней на землю; двое сторожей было подкуплено; они довели его до Нѣмецкой земли, къ императору Фридриху-Барбароссѣ, который, узнавши, что Владиміръ родной племянникъ по матери князю Всеволоду Суздальскому, принялъ его съ любовью и большою честью, и когда Владиміръ обѣщалъ ему давать ежегодно по двѣ тысячи гривенъ серебра, то Фридрихъ отправилъ его при своемъ послѣ къ Польскому князю Казиміру, съ приказомъ, чтобъ тотъ помогъ ему получить обратно Галицкій столъ; Казиміръ послушался и отправилъ съ Владиміромъ къ Галичу воеводу Николая. Когда Галичане узнали о приближеніи своего *дѣдича* съ польскими войсками, то съ радостью вышли къ нему на-встрѣчу, провозгласили княземъ своимъ, а королевича прогнали изъ Земли. Но Владиміръ не считалъ себя безопаснымъ отъ сосѣднихъ князей иноземныхъ и русскихъ до тѣхъ поръ, пока не пріобрѣтетъ покровительства дяди своего, сильнаго князя Суздальскаго, и потому послалъ къ нему съ слѣдующими словами: „Отецъ и господинъ! удержи Галичъ подо мною, а я Божій и твой со всѣмъ Галичемъ и въ твоей волѣ всегда". Всеволодъ отправилъ пословъ ко всѣмъ русскимъ князьямъ и въ Польшу, и взялъ со всѣхъ присягу не искать Галича подъ его племянникомъ. И съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, Владиміръ утвердился въ Галичѣ, и никто не поднимался на него войною.

Вліяніе сѣвернаго князя на дѣла Южной Руси еще болѣе обозначились по смерти Святослава Всеволодовича (1194 г.), оставившаго по себѣ въ лѣтописи память мудраго князя. Преемникомъ его въ Кіевѣ былъ Рюрикъ Ростиславичъ, котораго всѣ на Руси приняли съ большою радостью: и Кіевляне, и христіане, и поганые, потому что, говоритъ лѣтописецъ, онъ всѣхъ принималъ съ любовію, и христіанъ, и поганыхъ, и не отгонялъ отъ себя никого. Сѣвши въ Кіевѣ, Рюрикъ послалъ сказать брату своему Давиду въ Смоленскъ: „Братъ! мы теперь остались старше всѣхъ въ Русской Землѣ, пріѣзжай ко мнѣ въ Кіевъ, повидаемся и подумаемъ, погадаемъ вмѣстѣ о Русской Землѣ, о братьяхъ, о Владиміровомъ племени, и покончимъ всѣ дѣла". Но этотъ князь, считавшій себя старшимъ въ Русской Землѣ, получилъ старшинство по волѣ другого князя старѣйшаго и сильнѣйшаго, князя Суздальской Земли: Всеволодъ, говоритъ сѣверный лѣтописецъ, послалъ мужей своихъ въ Кіевъ, и тѣ посадили тамъ Рюрика Ростиславича. Давидъ Смоленскій согласился на предложеніе брата и поплылъ къ нему внизъ по Днѣпру; въ Вышгородѣ свидѣлись братья и стали пировать; сперва Рюрикъ позвалъ на обѣдъ Давида; князья повеселились, обдарили другъ друга и разстались въ большой любви; потомъ позвалъ Давида къ себѣ въ Бѣлгородъ племянникъ его Ростиславъ Рюриковичъ: здѣсь было также большое веселье. Давидъ отплатилъ также угощеніями и дарами: сперва позвалъ на обѣдъ брата Рюрика и племянниковъ; потомъ позвалъ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ большую милостыню; наконецъ позвалъ Черныхъ Клобуковъ, напоилъ ихъ всѣхъ и одарилъ богато. Кіевляне, съ своей стороны, позвали Давида на обѣдъ и обдарили, и Давидъ отблагодарилъ ихъ веселымъ пиромъ. Пируя, братья занимались и дѣломъ: покончили всѣ ряды о Русской Землѣ, о братьѣ своей, о Владиміровомъ племени, послѣ чего Давидъ отправился назадъ въ Смоленскъ. Но Ростиславичи скоро увидали, что имъ не приходилось оканчивать всѣхъ рядовъ своихъ о Русской Землѣ безъ вѣдома князя Суздальскаго; въ Кіевъ пріѣхали послы изъ Владиміра и сказали Рюрику отъ имени своего князя: „Вы назвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени; теперь ты сѣлъ въ Кіевѣ, а мнѣ не далъ никакой части въ Русской Землѣ, роздалъ другимъ, младшей братьѣ; ну, если мнѣ въ ней нѣтъ части, то какъ ты тамъ себѣ хочешь: кому далъ въ ней часть, — съ тѣмъ ее и стереги; посмотрю, какъ ты ее съ нимъ удержишь, а мнѣ не надобно". По словамъ владимірскихъ пословъ выходило, что князь ихъ сердился на Рюрика за то, что онъ отдалъ лучшую волость зятю своему, Роману Волынскому, именно пять городовъ: Торческъ, Треполь, Корсунь, Богуславъ, Каневъ, лежащихъ на рѣкѣ Роси, по границѣ съ степью, въ странѣ, населенной Черными Клобуками, игравшими такую важную роль въ усобицахъ княжескихъ. Рюрикъ началъ думать съ боярами, какъ бы уладить дѣло; ему ни-

какъ не хотѣлось брать назадъ волость у Романа, потому что онъ поклялся ему не давать ея никому другому; онъ предлагалъ Всеволоду другіе города; но тотъ не хотѣлъ ничего, кромѣ Поросья, и грозился начать войну въ случаѣ отказа. Въ такихъ затруднительныхъ обстоятельствахъ Рюрикъ обратился къ митрополиту Никифору и разсказалъ ему все дѣло, какъ онъ цѣловалъ крестъ Роману не отнимать у него Поросья, какъ не хочетъ нарушить клятвы, и изъ-за этого начинается у него война со Всеволодомъ. Митрополитъ отвѣчалъ: „Князь! мы приставлены отъ Бога къ Русской Землѣ удерживать васъ отъ кровопролитія; если станетъ проливаться христіанская кровь въ Русской Землѣ изъ-за того, что ты далъ волость младшему, обойдя старшаго, и крестъ цѣловалъ, то я снимаю съ тебя крестное цѣлованіе и беру его на себя, а ты послушайся меня,—возьми волость у зятя и отдай ее старшему, а Роману дай вмѣсто нея другую". Рюрикъ послалъ сказать Роману: „Всеволодъ проситъ подъ тобою волости, и жалуется на меня изъ-за тебя". Романъ отвѣчалъ: „Батюшка! нечего тебѣ изъ-за меня начинать ссору съ сватомъ; ты мнѣ можешь или другую волость дать вмѣсто прежней, или заплатить за нее деньгами". Рюрикъ, подумавъ съ братьею и боярами, послалъ сказать Всеволоду: „Ты жаловался на меня, братъ, за волость; такъ вотъ тебѣ та самая, которую просилъ". Нельзя думать, чтобъ одно только наслѣдственное нерасположеніе Всеволода къ Изяславовымъ потомкамъ заставляло его требовать именно той волости, которая была отдана Роману; Юрій могъ ненавидѣть дѣда Романова Изяслава, потому что тотъ отнималъ у него старшинство; Андрей Боголюбскій могъ не любить отца Романова, Мстислава, потому что и этотъ не признавалъ его старшинства, хотѣлъ сидѣть въ Кіевѣ старшимъ и независимымъ княземъ; но Всеволоду не за что было сердиться на Романа, который не представлялъ никакихъ притязаній: Всеволодъ былъ признанъ ото всѣхъ и старшимъ, и сильнѣйшимъ княземъ. Онъ могъ желать волости для пріобрѣтенія большей матеріальной силы на Руси; но почему же онъ требовалъ именно Поросья? Онъ могъ придавать большое значеніе этой пограничной волости и поселённымъ въ ней Чернымъ Клобукамъ, но послѣ онъ не обратилъ большого вниманія, когда Рюрикъ отобралъ ее у него назадъ. Всеволодъ могъ не желать усиленія Романа, обнаружившаго уже въ галицкихъ событіяхъ предпріимчивость и честолюбіе; но, все равно, Рюрикъ далъ бы ему другую волость равнозначительную или деньги, на которыя можно нанять Половцевъ и переманить Черныхъ Клобуковъ. Наконецъ, Всеволодъ могъ оскорбляться, что Рюрикъ, распоряжаясь волостями, не сдѣлалъ ему чести, обошелъ волостью; но такое притязаніе было странно въ положеніи Всеволода: онъ былъ признанъ старшимъ, Кіевъ принадлежалъ ему, онъ могъ пріѣхать въ этотъ городъ и распоряжаться всѣми окружными волостями; но онъ, по примѣру брата, пренебрегъ Кіевомъ, отдалъ его младшему, а теперь оскорбляется, что этотъ младшій не надѣлилъ его волостью [1]). Если всѣ эти разсчеты и могли въ какой-нибудь мѣрѣ имѣть вліяніе на поведеніе Всеволода, то главнымъ однако побужденіемъ его мы должны принять желаніе поссорить южныхъ Мономаховичей, тѣсный дружественный союзъ которыхъ необходимо уменьшалъ вліяніе сѣвернаго князя на югъ. Получивъ отъ Рюрика требуемую волость, Всеволодъ немедленно отдалъ лучшій городъ Торческъ сыну его, а своему зятю, Ростиславу, а въ остальные четыре города послалъ своихъ посадниковъ. Разсчетъ былъ вѣренъ, ибо когда Романъ узналъ, что Торческъ взятъ у него и черезъ руки Всеволода переданъ Рюрикову же сыну, то началъ посылать къ тестю съ жалобами, будучи увѣренъ, что тотъ сговорился нарочно со Всеволодомъ и отнялъ у него волость для того только, чтобъ передать ее своему сыну. Рюрикъ послалъ отвѣчать ему на его жалобы: „Я прежде всѣхъ далъ тебѣ эту волость, какъ вдругъ Всеволодъ наслалъ на меня съ жалобами, что чести на него не положили прежде всѣхъ; вѣдь я тебѣ объявлялъ всѣ его рѣчи, и ты добровольно отступился отъ волости; самъ знаешь, что намъ нельзя было не сдѣлать по его, намъ безъ него нельзя быть: вся братья положила на немъ старшинство во Владиміровомъ племени; а ты мнѣ сынъ свой, вотъ тебѣ и волость, такая же какъ та". Но Романа нельзя уже было успокоить и увѣрить, что тутъ не было никакого злого умысла противъ него; онъ началъ совѣтоваться съ своими боярами, какъ бы отмстить за обиду, и придумали послать въ Черниговъ къ Ярославу Всеволодовичу, уступить ему старшинство и звать въ Кіевъ на Рюрика; Ярославъ обрадовался случаю и принялъ предложеніе. Тогда Рюрикъ послалъ объявить Всеволоду о замыслахъ Романа и Ольговичей. „Ты, братъ, во Владиміровомъ племени старше всѣхъ насъ, велѣлъ онъ сказать ему: такъ думай, гадай о Русской Землѣ, о своей чести и о нашей;" а къ зятю Роману послалъ бояръ своихъ обличить его и бросить предъ нимъ крестныя грамоты. Романъ испугался; увидавъ, что тесть узналъ о его сношеніяхъ съ Ольговичами, и, не будучи приготовленъ такъ скоро начать войну, отправился въ Польшу за помощью.

Мы оставили польскія событія послѣ изгнанія Владислава II-го, когда старшинство принялъ братъ его, Болеславъ IV Кудрявый (1142 г.). Изгнанникъ Владиславъ, послѣ неудачныхъ попытокъ получить опять старшинство, умеръ въ Германіи; но три сына его—Болеславъ, Мечиславъ и Конрадъ, вѣроятно, по настоянію императора, возвратились въ отечество и получили Силезію. По смерти Болеслава IV Кудряваго, старшинство перешло къ брату его, третьему Болеславичу, Мечиславу III-му; но Мечиславъ скоро возбудилъ противъ себя негодованіе

[1]) Ник. II, 262: «Сія же глаголя, Всеволодъ извѣтъ творя».

вельможъ, которые, изгнавъ его, провозгласили великимъ княземъ послѣдняго изъ Болеславичей, Казимира Справедливаго (четвертый Болеславичъ, Генрихъ, умеръ прежде). Мы видѣли участіе, какое принималъ Казимиръ и знаменитый палатинъ его Николай при возстановленіи Владиміра Ярославича на столѣ Галицкомъ. По смерти Казимира (1194 г.) раждался вопросъ: кому должно достаться старшинство, потому что былъ живъ еще одинъ изъ Болеславичей, прежде лишенный старшинства, Мечиславъ Старый. Мечиславу нельзя было надѣяться вторично занять Краковскій столъ: прежнее нерасположеніе къ нему было еще живо въ вельможахъ, которымъ, сверхъ того, было гораздо выгоднѣе имѣть княземъ несовершеннолѣтняго племянника, чѣмъ стараго дядю,—и вотъ прелаты и вельможи, собранные въ Краковѣ, рѣшили передать старшій столъ Лешку, малолѣтнему сыну Казимира Справедливаго. Но Мечиславъ не думалъ отказываться отъ своихъ правъ, и сталъ готовиться къ войнѣ съ племянниками. Въ это самое время явился къ послѣднимъ въ Краковъ Романъ Волынскій съ просьбою о помощи противъ тестя Рюрика; онъ имѣлъ право надѣяться на помощь, потому что вдова Казимирова, Елена, была ему родная племянница отъ брата Всеволода Мстиславича Бельзскаго. Казимировичи отвѣчали Роману: „Мы бы ради были тебѣ помочь, но обижаетъ насъ дядя Межко (Мечиславъ), ищетъ подъ нами волости; прежде помоги ты намъ, а когда будемъ всѣ мы Поляки за однимъ щитомъ, то пойдемъ мстить за твои обиды". Романъ послушался и поѣхалъ на Межка съ Казимировичами; тотъ не хотѣлъ биться съ Романомъ, но прислалъ къ нему съ просьбою быть посредникомъ въ спорѣ между нимъ и племянниками. Романъ не послушался ни его, ни бояръ своихъ и вступилъ въ битву, въ которой потерпѣлъ сильное пораженіе, и, раненый, убѣжалъ въ Краковъ къ Казимировичамъ, откуда дружина принесла его во Владиміръ-Волынскій. Видя надъ собой такую бѣду, онъ отправилъ посла къ тестю Рюрику съ поклонами и мольбою, чтобъ простилъ его; послалъ просить и митрополита Никифора, чтобъ тотъ ходатайствовалъ за него предъ Рюрикомъ. Митрополитъ исполнилъ просьбу, и Рюрикъ, послушавшись его, созвалъ бояръ и сказалъ имъ: „Если Романъ проситъ и раскаявается въ своей винѣ, то я его приму, приведу ко кресту и волость дамъ; если онъ устоитъ въ крестномъ цѣлованіи, будетъ вправду имѣть меня отцомъ и добра моего хотѣть, то я буду имѣть его сыномъ, какъ прежде имѣлъ и добра ему хотѣлъ". И, дѣйствительно, Рюрикъ послалъ сказать Роману, что перестал на него сердиться, привелъ его къ кресту на всей своей волѣ и далъ ему волость [1].

Романъ былъ смиренъ; но нельзя было забыть, что онъ предлагалъ старшинство и Кіевъ Ярославу Черниговскому и тотъ принялъ предложеніе; вотъ почему Рюрикъ, переславшись съ сватомъ Всеволодомъ и братомъ Давидомъ, послалъ сказать Ярославу и всѣмъ Ольговичамъ отъ имени всѣхъ Мономаховичей: „Цѣлуй намъ крестъ со всею своею братьею, что не искать вамъ нашей отчины, Кіева и Смоленска, подъ нами и подъ нашими дѣтьми, и подъ всѣмъ нашимъ Владиміровымъ племенемъ; дѣдъ нашъ Ярославъ раздѣлилъ насъ по Днѣпръ, потому и Кіева вамъ не надобно" [2]). Ольговичи обидѣлись такимъ предложеніемъ и послали сказать Всеволоду: „У насъ былъ уговоръ не искать Кіева подъ тобою [3]) и подъ сватомъ твоимъ Рюрикомъ; мы и стоимъ на этомъ договорѣ; но если ты приказываешь намъ отказаться отъ Кіева навсегда, то мы не Венгры и не Ляхи, а внуки одного дѣда, — при вашей жизни мы не ищемъ Кіева, но послѣ васъ кому Богъ его дастъ". И были между ними распри многія и рѣчи крупныя, и не уладились, говоритъ лѣтописецъ [4]). Всеволодъ хотѣлъ тою же зимою идти на Черниговъ; Ольговичи испугались, и послали къ нему игумена съ поклономъ и обѣщаніемъ исполнить его волю; тотъ повѣрилъ имъ и сошелъ съ коня. Въ то же время черниговскіе послы явились и къ Рюрику съ слѣдующими словами отъ своихъ князей: „Братъ! у насъ съ тобою не было никогда ссоры: мы этой зимой еще не успѣ-

---

[1]) «И да ему Полоный и полътъртака Корсьсуньскаго».— Этотъ Полоный не можетъ быть около Луцка, ни на рѣкѣ Стырѣ, потому что за Горынью не могло быть кіевскихъ владѣній; не можетъ быть и тѣмъ Полынымъ, который упоминается подъ 1172 (1169) годомъ, ибо послѣдній Полоный принадлежалъ Десятинной кіевской церкви, и потому Рюрикъ не могъ отдать его Роману. Что же касается до: «полътъртака корьсуньскаго», то конечно удобнѣе принять чтеніе—«полторска (т. е. полторческа) русскаго», ибо нельзя, кажется, было Рюрику отдавать что-либо корсунское, когда Корсунь отданъ былъ уже Всеволоду; но, съ другой стороны, и Торческъ былъ отдатъ также Всеволоду, который отъ себя далъ его зятю Ростиславу; трудно думать, чтобъ Рюрикъ, безъ вѣдома Всеволода, рѣшился отнять у Ростислава половину волости для Романа при тогдашнемъ положеніи послѣдняго; другого же Торческа, кромѣ Поросскаго, мы не можемъ разумѣть, ибо только послѣднему могло быть прилично названіе русскій, т. е. кіевскій; далѣе—никогда ни одинъ Торческъ не называется русскимъ; наконецъ чтеніе «Полторска Русскаго» будетъ гораздо легче «полътъртака Корьсуньскаго», и потому послѣднее должно быть предпочтено, несмотря на его непонятность.

[2]) Здѣсь явная неправда: Днѣпромъ Ярославъ никогда не дѣлилъ Всеволодовичей отъ Святославичей: и Святославу и Всеволоду онъ далъ волости по одной восточной сторонѣ Днѣпра. Здѣсь любопытно впрочемъ то, что Мономаховичи требуютъ отъ Ольговичей, чтобъ тѣ не искали подъ ними Смоленска,—новое доказательство отсутствія отчинности, ибо какое право могли имѣть Ольговичи на Смоленскъ? Но если Мономаховичи хотѣли дѣлиться Днѣпромъ, то необходимо должны были отдать Переяславль Ольговичамъ, и, точно, объ этомъ городѣ они не упоминаютъ, тогда какъ этотъ городъ и былъ именно ихъ отчина по Ярославову дѣленію.

[3]) Вотъ доказательство, что Кіевъ принадлежалъ Всеволоду, какъ старшему, и уже изъ его рукъ былъ отданъ Рюрику.

[4]) Никон. II, 265: Ярославъ говоритъ: «Но якоже и отъ прадѣдъ нашихъ лѣствицею кождо восхожаше на великое княженіе кіевское, еще же и намъ и вамъ лѣствичнымъ восхожденіемъ, кому аще Господь Богъ дастъ, взыти на великое княженіе».

ли заключить окончательнаго договора ни со Всеволодомъ, ни съ тобою, ни съ братомъ твоимъ Давидомъ; а такъ какъ ты ближе всѣхъ къ намъ, то цѣлуй крестъ не начинать съ нами войны до тѣхъ поръ, пока мы не кончимъ переговоры со Всеволодомъ и Давидомъ". Рюрикъ, посовѣтовавшись съ боярами, принялъ предложеніе Ярослава, отправилъ въ Черниговъ своего посла, и взялся хлопотать о томъ, чтобъ помирить съ Ольговичами Всеволода и Давида; при этомъ Рюрикъ обѣщалъ Ярославу уступить ему Витебскъ, и отправилъ въ Смоленскъ посла объявить объ этой уступкѣ брату своему Давиду, послѣ чего, надѣясь на миръ, распустилъ по домамъ дружину, братьевъ, сыновей, Половцевъ, богато одаривши ихъ, а самъ отправился въ Овручъ по своимъ дѣламъ. Но Ярославъ, не дождавшись окончанія переговоровъ о Витебскѣ, послалъ племянника своего, Олега Святославича, захватить этотъ городъ, гдѣ сидѣлъ одинъ изъ полоцкихъ князей, зять Давида Смоленскаго. Послѣдній, ничего еще не зная о сдѣлкѣ Рюрика съ Ярославомъ и слыша, что отрядъ Ольговичей, не доѣхавши до Витебска, сталъ пустошить Смоленскую область, выслалъ противъ него войско подъ начальствомъ племянника своего, Мстислава Романовича. Мстиславъ ударилъ на Олега, потопталъ его стяги, изрубилъ его сына. Но, въ то время какъ Мстиславъ получилъ успѣхъ на одной сторонѣ, смоленскій тысяцкій Михалко потерпѣлъ пораженіе отъ Полочанъ, союзниковъ Черниговскаго князя; Мстиславъ, возвращаясь съ преслѣдованія побѣжденнаго Олега, встрѣтилъ побѣдителей Полочанъ; думая, что это свои, спокойно въѣхалъ въ ряды ихъ,—и былъ взятъ въ плѣнъ; тогда обрадованный Олегъ Святославичъ послалъ вѣсть къ дядѣ въ Черниговъ, приписывая себѣ весь успѣхъ дѣла: „Мстислава я взялъ въ плѣнъ и полкъ его побѣдилъ, и Давидовъ полкъ смоленскій, а плѣнные Смольняне сказываютъ мнѣ, что братья ихъ не въ ладу живутъ съ Давидомъ; такого, батюшка, удобнаго времени уже больше не будетъ; собравши братью, поѣзжай поскорѣе, возьмемъ честь свою". Ярославъ и всѣ Ольговичи обрадовались, помчались къ Смоленску, но перехвачены были на дорогѣ посломъ Рюриковымъ, который сказалъ Ярославу отъ своего князя: „Если ты, обрадовавшись случаю, поѣхалъ убить моего брата, то нарушилъ нашъ договоръ и крестное цѣлованіе, и вотъ тебѣ твои крестныя грамоты; ступай къ Смоленску, а я пойду къ Чернигову, и какъ насъ Богъ разсудитъ, да крестъ честный". Ярославъ испугался, возвратился въ Черниговъ и отправилъ своего посла къ Рюрику, оправдывая себя, обвиняя Давида, зачѣмъ помогаетъ зятю своему. Рюрикъ отвѣчалъ ему на это: „Я тебѣ Витебскъ уступилъ и посла отправилъ къ брату Давиду, давая ему знать объ этой уступкѣ; ты, не дождавшись конца дѣлу, послалъ своихъ племянниковъ къ Витебску, а они, идучи, стали воевать Смоленскую волость; Давидъ и послалъ на нихъ племянника своего Мстислава". Долго спорили и не могли уладиться [1]).

Въ 1196 году Рюрикъ послалъ сказать свату своему Всеволоду Суздальскому: „Мы уговорились садиться всѣмъ на коней съ Рождества Христова и съѣхаться въ Черниговѣ; я и собрался съ братьею, дружиною, съ дикими Половцами, и сидѣлъ наготовѣ, дожидаясь отъ тебя вѣсти; но ты той зимой не сѣлъ на коня, повѣрилъ Ольговичамъ, что станутъ на всей нашей волѣ; я, услыхавъ, что ты на коня не садишься, распустилъ братью, дикихъ Половцевъ, и поцѣловалъ съ Черниговскимъ Ярославомъ крестъ, что не воевать до тѣхъ поръ, пока или уладимся всѣ, или не

[1]) Все это дѣло для насъ очень темно по недостатку обстоятельныхъ извѣстій о полоцкихъ отношеніяхъ. Мы видѣли, что Витебскъ, сначала принадлежавшій къ Полоцкому княжеству, перешелъ впослѣдствіи къ Смоленскому; но потомъ опять видимъ, что здѣсь сидитъ одинъ изъ полоцкихъ князей, именно Брячиславъ Васильковичъ, бывшій въ 1180 году въ союзѣ съ Ольговичами; теперь сидитъ въ Витебскѣ зять Давидовъ,—кто именно? тотъ же ли самый Брячиславъ или сынъ его, Василько Брячиславичъ, упоминаемый въ 1180 году,—не извѣстно. Неизвѣстно, по какимъ побужденіямъ Рюрикъ хотѣлъ отнять у братняго зятя Витебскъ и отдать его Ольговичамъ; любопытно здѣсь только, что наши князья не обращаютъ никакого вниманія на чрезполосность владѣній и что Мономаховичи, толкуя о Днѣпрѣ, какъ границѣ владѣній Ольговичей, уступаютъ имъ отдаленный городъ на Двинѣ. Подъ 1180 годомъ видимъ въ Друцкѣ Глѣба Рогволодовича, союзника Ростиславичей; подъ 1195 является здѣсь Борисъ, союзникъ Ольговичей. Вотъ извѣстіе по Ипатьев. списку: «Ярославъ же не дождавъ ряду послалъ сыновця своя ко Витебьску, на зятя на Давида (выходитъ, что должно читать на зятя Давидова)... Олговичи же, не доѣхавъше Витебьска, воеваша смоленьскую волость. Слышавъ же Давидъ Ольговича, посла Мьстислава Романовича сыновця своего, и Ростислава Володимерича (по Карамзину, сына Владиміра Мстиславича) съ полкомъ своимъ, и рязанскаго княжича зятя своего Глѣба со Смольняны противу имъ»... и проч. см. въ нашемъ текстѣ.—Въ сѣверной лѣтописи по Лавр. списку читаемъ: «Тое же зимы посла Давидъ и Смолиньска сыновца Мстислава, свата в. князя Всеволода, въ помощь зятю своему на Витебскъ, и побѣди его Василко съ черниговци».—Кто этотъ Василько? уже конечно не Брячиславичъ, ибо послѣдній, какъ князь или княжичъ витебскій, не могъ сражаться противъ Давидова войска, посланнаго ему на помощь; южная лѣтопись изъ полоцкихъ князей, бывшихъ въ дѣлѣ съ Ольговичами, упоминаетъ только одного Бориса Друцкаго, и не знаетъ никакого Василька; быть можетъ этотъ Василько былъ Володаревичъ, князь Логожскій? Въ сѣверной лѣтописи находимъ слѣдующее среднее извѣстіе подъ 1186 годомъ: «Того жъ лѣта на зиму иде на Полтескъ Давидъ Ростиславичъ изъ Смолиньска, а сынъ его Мстиславъ изъ Новгорода, изъ Ложска (Логожска) Василько Володаревичъ, изъ Дреютьска Всеславъ, и слыша Полочане, и сдумаша рекуще: «не можемъ мы стати противу Новгородцемъ и Смолняномъ; аще попустимъ ихъ на землю свою, аще и миръ створимъ съ ними, а много ны зла створять, попустять ны землю идучи до насъ; пойдемъ къ нимъ на сумежье. И собрашася вси, и идоша къ нимъ, и срѣтоша я на межахъ съ поклономъ и честью и даша ему дары многы, и уладишася». Здѣсь Друцкимъ княземъ названъ не Борисъ и не Глѣбъ, а Вячеславъ, Логожскимъ княземъ является Василько Володаревичъ, а въ извѣстіи подъ 1180 годомъ Всеславъ Микуличъ.

уладимся; а теперь, братъ, и твой, и мой сынъ Мстиславъ сидятъ въ плѣну у Ольговичей, такъ не мѣшкая сѣлъ бы ты на коня, и, съѣхавшись всѣ, помстили бы мы за свою обиду и срамъ, и племянника своего выстояли, и правду свою нашли". Долго не было вѣсти отъ Всеволода, наконецъ онъ прислалъ сказать Рюрику: „Ты начинай, а я буду готовъ". Рюрикъ собралъ братью свою, дикихъ Половцевъ и сталъ воевать съ Ольговичами; тогда Ярославъ прислалъ сказать ему: „Зачѣмъ, братъ, сталъ ты воевать мою волость, и поганымъ руки наполнять? изъ-за чего намъ съ тобою ссориться; развѣ я ищу подъ тобою Кіева? а что Давидъ послалъ на моихъ племянниковъ Мстислава, а Богъ насъ тамъ разсудилъ, то я выдаю тебѣ Мстислава безъ выкупа, по любви. Цѣлуй со мной крестъ, да и съ Давидомъ меня помири; а Всеволодъ захочетъ съ нами уладиться— уладимся, а тебѣ съ братомъ Давидомъ нѣтъ до того дѣла". Рюрикъ отвѣчалъ ему: „Если вправду хочешь мира, то дай мнѣ путь черезъ твою волость; я отправлю посла и ко Всеволоду, и къ Давиду, и, согласившись всѣ, уладимся съ тобою". Рюрикъ, по словамъ лѣтописца, точно хотѣлъ отправить посла для того только, чтобъ устроить общій миръ; но Ярославъ не вѣрилъ Рюриковымъ рѣчамъ: онъ думалъ, что Мономаховичи хотятъ сговориться на него, и потому не пускалъ Рюриковыхъ пословъ черезъ свою волость; Ольговичи заняли всѣ пути, и цѣлое лѣто до самой осени продолжалась война набѣгами. Осенью Ольговичи пріобрѣли себѣ союзника: Романъ Волынскій, принужденный въ бѣдѣ прибѣгнуть къ милости тестя, теперь оправился и хотѣлъ воспользоваться случаемъ, чтобъ отмстить за прежнее униженіе; онъ послалъ отрядъ своихъ людей въ пограничный городъ Полонный, и велѣлъ имъ оттуда опустошать Кіевскую волость набѣгами. Услыхавъ объ этомъ новомъ врагѣ [1]), Рюрикъ обратился къ князю, котораго могъ считать естественнымъ союзникомъ своимъ по враждѣ къ Роману, именно къ Владиміру Ярославичу, князю Галицкому, и послалъ къ нему племянника своего, Мстислава Мстиславича, сына знаменитнаго Мстислава Ростиславича, соперника Андреева. Мстиславъ долженъ былъ сказать Владиміру отъ имени Рюрика: „Зять мой нарушилъ договоръ и воевалъ мою волость; такъ ты, братъ, съ племянникомъ моимъ изъ Галича воюйте его волость; я и самъ хотѣлъ идти ко Владиміру (Волынскому), да пришла мнѣ вѣсть, что сватъ мой Всеволодъ сѣлъ на коня, соединился съ братомъ моимъ Давидомъ и вмѣстѣ жгутъ волость Ольговичей, города Вятичей взяли и пожгли; такъ я сижу наготовѣ, дожидаясь вѣсти вѣрной". Владиміръ поѣхалъ съ Мстиславомъ, повоевалъ и пожегъ волость Романову, а съ другой стороны повоевалъ и пожегъ ее Ростиславъ Рюриковичъ съ Владиміровичами (сыновьями Владиміра Мстиславича) и съ Черными Клобуками, набрали много рабовъ и скота.

Вѣсть, полученная Рюрикомъ о движеніи Всеволода и Давида, была справедлива; они дѣйствительно вступили въ землю Ольговичей и пожгли ее. Услыхавъ объ этомъ, Ярославъ собралъ братью, посадилъ двоихъ Святославичей—Олега и Глѣба— въ Черниговѣ, укрѣпилъ остальные города, боясь Рюрикова прихода, а самъ съ остальными родичами и Половцами отправился противъ Всеволода и Давида; онъ сталъ подъ своими лѣсами, огородился засѣками, на рѣкахъ велѣлъ мосты разобрать, и, приготовившись такимъ образомъ, послалъ сказать Всеволоду: „Братъ и сватъ! отчину нашу и хлѣбъ нашъ ты взялъ; если хочешь мириться съ нами и жить въ любви, то мы любви не бѣгаемъ и на всей волѣ твоей станемъ; а если ты замыслилъ что другое, и отъ того не бѣгаемъ, какъ насъ Богъ разсудитъ съ вами и Св. Спасъ". Всеволодъ былъ не охотникъ до рѣшительныхъ битвъ, этихъ судовъ Божіихъ по понятіямъ южныхъ князей; притомъ же Ольговичи обѣщали безъ битвы стать на всей его волѣ; онъ началъ думать съ Давидомъ, рязанскими князьями, боярами, на какихъ бы условіяхъ помириться съ Ольговичами. Давидъ никакъ не хотѣлъ мира, но требовалъ непремѣнно, чтобъ Всеволодъ шелъ къ Чернигову; онъ говорилъ ему: „Ты уговорился съ братомъ Рюрикомъ и со мною сойтись всѣмъ въ Черниговѣ и тамъ мириться на всей нашей волѣ, а теперь ты не далъ знать Рюрику о своемъ приходѣ; онъ воюетъ съ нимъ, волость свою пожегъ для тебя, а мы безъ его совѣта и вѣдома хотимъ мириться; какъ хочешь, братъ, а я только тебѣ то скажу, что такой миръ не понравится брату моему". Но Всеволоду не понравились рѣчи Давидовы и рязанскихъ князей; онъ началъ переговоры съ Ольговичами, требуя у нихъ, во-первыхъ, отреченія отъ Кіева и Смоленска; во-вторыхъ, освобожденія Мстислава Романовича; въ-третьихъ, изгнанія давняго врага своего, Ярополка Ростиславича, который жилъ тогда въ Черниговѣ; въ-четвертыхъ, прекращенія связи съ Романомъ Волынскимъ. Ярославъ соглашался на три первыя требованія; но не хотѣлъ отступать отъ Романа, который оказалъ ему такую важную услугу, напавши на тестя и отвлекши его отъ похода на Черниговъ, Всеволодъ не настаивалъ и тѣмъ подтвердилъ подозрѣніе, что хотѣлъ продолженія безпокойствъ на югѣ, не хотѣлъ окончательнаго усиленія здѣсь Ростиславичей. Помирившись съ Ярославомъ, онъ послалъ сказать Рюрику: „Я помирился съ Ярославомъ; онъ цѣловалъ крестъ, что не будетъ искать Кіева подъ тобою, а Смоленска подъ братомъ твоимъ". Рюрикъ сильно разсердился и послалъ ему такой отвѣтъ: „Сватъ! ты клялся, что кто мнѣ врагъ, тотъ и тебѣ врагъ; просилъ ты у меня части въ Русской Землѣ, и я далъ тебѣ волость лучшую, не отъ изобилья, но отнявши у братьи своей

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 149: «Слышавъ же Рюрикъ, аже изъ полоцкаго ѣхавше воевали волость брата его Давидову и сына его Ростиславлю».—Значитъ, и Смоленскій князь имѣлъ волость въ кіевскихъ владѣніяхъ.

и у зятя своего Романа; Романъ послѣ этого сталъ моимъ врагомъ не изъ-за кого другого, какъ только изъ-за тебя; ты обѣщалъ сѣсть на коня и помочь мнѣ, но провелъ все лѣто и зиму, а теперь и сѣлъ на коня,—но какъ помогъ? Самъ помирился, заключилъ договоръ, какой хотѣлъ, а мое дѣло съ Романомъ оставилъ на волю Ярославову: Ярославъ будетъ насъ съ нимъ рядить. А изъ-за кого же все дѣло-то стало? для чего я тебя и на коня-то посадилъ? Отъ Ольговичей мнѣ какая обида была? они подо мною Кіева не искали; для твоего добра я былъ съ ними недобръ и воевалъ, и волость свою пожегъ; ничего ты не исполнилъ, о чемъ уговаривался, на чемъ мнѣ крестъ цѣловалъ". Въ сердцахъ Рюрикъ отнялъ у Всеволода всѣ города, которые прежде далъ, и роздалъ опять своей братьѣ. Всеволодъ, повидимому, оставилъ это безъ вниманія, но уже, разумѣется, не могъ послѣ этого желать добра Рюрику. На западномъ берегу Днѣпра Всеволодъ потерялъ волость, но на восточномъ продолжалъ держать въ своемъ племени Переяславль Южный, или Русскій; здѣсь, по смерти Владиміра Глѣбовича, сидѣлъ другой племянникъ Всеволодовъ, Ярославъ Мстиславичъ, ходившій совершенно въ волѣ дяди; доказательствомъ служитъ то, что Переяславль даже и въ церковномъ отношеніи зависитъ отъ Всеволода: въ 1197 году онъ посадилъ туда епископа. Въ слѣдующемъ 1198 году умеръ Ярославъ Мстиславичъ, и на его мѣсто Всеволодъ отправилъ въ Переяславль сына своего Ярослава (1201); Всеволодъ послалъ также (1194 г.) возобновить отцовскій Городокъ на Острѣ, разрушенный еще Изяславомъ Мстиславичемъ.

Недаромъ Рюрикъ такъ безпокоился насчетъ отношеній своихъ къ Волынскому князю: скоро (1198) могущество послѣдняго удвоилось, потому что по смерти Владиміра Ярославича ему удалось опять, съ помощью Поляковъ, сѣсть на столѣ Галицкомъ, и на этотъ разъ уже утвердиться здѣсь окончательно. Лѣтопись ничего не говоритъ, почему черезъ три года послѣ этого (1201) Рюрикъ собрался идти на Романа. Очень естественно, что Кіевскому князю не нравилось утвержденіе Романа въ Галичѣ; но почему же онъ такъ долго медлилъ походомъ на зятя [1])? Подъ 1197 годомъ лѣтопись говоритъ о смерти брата Рюрикова, Давида Смоленскаго, который, по обычаю, передалъ столъ свой племяннику отъ старшаго брата, Мстиславу Романовичу, а своего сына Константина отослалъ старшему брату Рюрику на руки. Въ 1198 г. умеръ Ярославъ Черниговскій, и его столъ, по тому же обычаю, занялъ двоюродный братъ его Игорь Святославичъ Сѣверскій, знаменитый герой „Слова о Полку"; но скоро и онъ умеръ (1202), оставя Черниговскій столъ старшему племяннику Всеволоду Святославичу Чермному, внуку Всеволода Ольговича. Всѣ эти перемѣны и особенно, какъ видно, неувѣренность въ Ольговичахъ, могли мѣшать Рюрику вооружиться на Романа; но въ 1202 году онъ успѣлъ уговорить Всеволода Чермнаго Черниговскаго дѣйствовать съ нимъ за-одно противъ Галицко-Волынскаго князя; Ольговичи явились въ Кіевъ, какъ союзники тамошняго князя, Мономаховича, чего давно уже не бывало; но Романъ предупредилъ враговъ, собралъ полки галицкіе и владимірскіе, и въѣхалъ въ Русскую Землю. Произошло любопытное явленіе, напомнившее время борьбы дѣда Романова, Изяслава, съ дядею Юріемъ; или Рюрикъ не умѣлъ пріобрѣсть народнаго расположенія, или жива была память и привязанность къ дѣду и отцу Романову, или наконецъ Романъ успѣлъ переманить Черныхъ Клобуковъ на свою сторону обѣщаніями, или наконецъ всѣ эти причины дѣйствовали вмѣстѣ,—Русь (Кіевская область) поднялась противъ Рюрика, все бросилось къ Роману: первые отъѣхали къ нему отъ Рюрика сыновья Владиміра Мстиславича, какъ видно, безземельные, подобно отцу [2]); за ними пріѣхали всѣ Черные Клобуки, наконецъ явились отряды изъ жителей всѣхъ кіевскихъ городовъ; Романъ, видя это всеобщее движеніе въ свою пользу [3]), со всѣми полками спѣшилъ къ Кіеву; Кіевляне отворили ему Подольскія ворота, и онъ занялъ Подолъ, тогда какъ Рюрикъ съ Ольговичами стояли въ верхней части города (на горѣ); видя все противъ себя, они, разумѣется, не могли болѣе держаться въ Кіевѣ, и вступили въ переговоры съ Романомъ. Рюрикъ отказался отъ Кіева и поѣхалъ въ Овручъ, Ольговичи отправились за Днѣпръ въ Черниговъ, а Кіевъ отданъ былъ великимъ княземъ Всеволодомъ и Романомъ двоюродному брату послѣдняго, Ингварю Ярославичу Луцкому. Явленіе замѣчательное, бывшее необходимымъ слѣдствіемъ преобладанія сильнѣйшаго сѣвернаго князя и вмѣстѣ старшаго въ родѣ, который пересталъ жить въ Кіевѣ. Всеволодъ, враждуя съ Рюрикомъ, не хочетъ поддерживать его противъ Романа и, по уговору съ послѣднимъ, отдаетъ Кіевъ младшему изъ Мстиславичей, не имѣвшему никакого права даже предъ Романомъ, не только предъ Рюрикомъ. Самъ Романъ не могъ сѣсть въ Кіевѣ; очень вѣроятно, что и Всеволодъ не хотѣлъ позволить этого, не хотѣлъ допустить

[1]) Есть даже извѣстіе, что Романъ, утвердившись въ Галичѣ, сдѣлалъ много зла Рюрику. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 326.

[2]) Мстиславъ Владиміровичъ, котораго мы видѣли подъ 1180 годомъ, когда онъ побѣжалъ отъ Половцевъ: въ лѣтописи сказано, что Рюрикъ сильно разсердился на него за это: «Рюрикъ же пожалова на Володимирича на Мьстиславъ, река ему: въ первое Трьполь переда Олговичемъ; ать нынѣ аче и хотя же еси побѣглъ, Ольговичемъ и Половцемъ добро творя, но Богъ и крестъ помоглъ бояромъ, а ты ѣ хотя кончати—и велми на него жалова». Какъ видно, Трнполь былъ отнятъ у Мстислава, быть можетъ даже по этому случаю; другого Владиміровича, Ростислава, мы видѣли въ Смоленской области, въ битвѣ съ Ольговичами и Полочанами. Потомъ Мстиславъ Владиміровичъ былъ взятъ въ 1203 году Рюрикомъ и Ольговичами въ Кіевѣ, и одинъ изъ черниговскихъ князей, Ростиславъ Ярославичъ, отвелъ его съ собою въ Сновскъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 176.

соединенія Кіевской, Владиміро-Волынской и Галицкой волостей въ рукахъ одного князя и особенно въ рукахъ такого князя, каковъ былъ Романъ; а съ другой стороны и самъ Романъ не искалъ чести сидѣть въ Кіевѣ: его присутствіе было необходимо въ новопріобрѣтенномъ Галичѣ.

Но Рюрикъ не хотѣлъ спокойно перенесть своего изгнанія и видѣть въ Кіевѣ племянника; въ слѣдующемъ 1203 году онъ опять соединился съ Ольговичами, нанялъ множество Половцевъ и взялъ съ ними Кіевъ. Какъ видно, союзники, не имѣя чѣмъ заплатить варварамъ, обѣщали отдать имъ Кіевъ на разграбленіе; Рюрику нечего было жалѣть Кіевлянъ, которые отворили ворота Роману; и вотъ Половцы разсыпались по городу, пожгли не только Подолъ, но и гору, ограбили Софійскій соборъ, Десятинную церковь и всѣ монастыри [1]); монаховъ и монахинь, священниковъ и женъ ихъ, старыхъ и и увѣчныхъ перебили, а молодыхъ и здоровыхъ повели въ плѣнъ, также и остальныхъ Кіевлянъ; пощадили только иностранныхъ купцовъ, спрятавшихся по церквамъ; у нихъ взяли половину имѣнія и выпустили на свободу. Послѣ этого страшнаго опустошенія Рюрикъ не хотѣлъ сѣсть въ Кіевѣ: или не хотѣлъ онъ княжить въ пожженномъ, ограбленномъ и пустомъ городѣ, ждалъ времени, пока онъ оправится, или боялся опять прихода Романова; какъ бы то ни было, онъ уѣхалъ назадъ въ Овручъ, гдѣ скоро былъ осажденъ Романомъ, пришедшимъ, по выраженію лѣтописца, отвести его отъ Ольговичей и отъ Половцевъ; Рюрикъ принужденъ былъ цѣловать крестъ великому князю Всеволоду и *дѣтямъ его*, т.-е. отказался отъ старшинства въ родѣ и, по смерти Всеволода, обѣщался снова быть въ волѣ великаго князя Суздальскаго и дѣтей его, послѣ чего Романъ сказалъ ему: „Ты уже крестъ цѣловалъ, такъ отправь посла къ свату своему, а я пошлю своего боярина къ отцу и господину великому князю Всеволоду; и ты проси, и я буду просить, чтобъ далъ тебѣ опять Кіевъ“. Всеволодъ согласился, и Рюрикъ опять сталъ княжить въ Кіевѣ; Всеволодъ помирился и съ Ольговичами также по просьбѣ Романа.

Изъ всѣхъ этихъ извѣстій видно, что Романъ дѣйствительно хотѣлъ мира на Руси, вѣроятно для того, чтобы свободнѣе управляться въ Галичѣ и дѣйствовать противъ враговъ внѣшнихъ; но его желаніе не исполнилось. Возвратившись въ 1203 году изъ похода противъ Половцевъ, князья Романъ и Рюрикъ съ сыновьями остановились въ Треполѣ и начали толковать о распредѣленіи волостей, подняли споръ, и дѣло кончилось тѣмъ, что Романъ схватилъ Рюрика, отослалъ въ Кіевъ и тамъ велѣлъ постричь въ монахи вмѣстѣ съ женою и дочерью, своею женою, съ которою развелся, а сыновей Рюриковыхъ, Ростислава и Владиміра, взялъ съ собою въ Галичъ; кого оставилъ въ Кіевѣ,—дошедшіе до насъ лѣтописи не говорятъ [2]). Но Всеволодъ Суздальскій не могъ смотрѣть на это спокойно; онъ отправилъ пословъ своихъ къ Роману, и тотъ принужденъ былъ отпустить сыновей Рюриковыхъ и старшему изъ нихъ Ростиславу, зятю Всеволодову, отдать Кіевъ. Рюрикъ—однако не долго оставался въ монастырѣ. Мы видѣли тѣсную связь Романа съ князьями польскими, Казимиромъ Справедливымъ и сыновьями его; видѣли, какъ онъ помогалъ послѣднимъ въ борьбѣ съ дядею ихъ Мечиславомъ, и какъ они, въ свою очередь, помогли ему овладѣть Галичемъ по смерти Владиміра Ярославича. Несмотря на неудачу Романа въ битвѣ съ Мечиславомъ, послѣднему не удалось овладѣть старшинствомъ и Краковомъ; но, неуспѣвши достигнуть своей цѣли оружіемъ, онъ прибѣгнулъ къ переговорамъ, убѣжденіямъ, и успѣлъ наконецъ склонить вдову Казимира и сына ея Лешка къ уступкѣ ему старшинства: имъ показалось выгоднѣе отказаться на время отъ Кракова и потомъ получить его по праву родоваго княжескаго преемства, чѣмъ владѣть имъ по милости вельможъ и въ зависимости отъ послѣднихъ. Вторично получилъ Мечиславъ старшинство и Краковъ, и вторично былъ изгнанъ; вторично успѣлъ обольстить вдову Казимирову и ея сына обѣщаніями, въ третій разъ занялъ Краковъ и удержался въ немъ до самой смерти, послѣдовавшей въ 1202 году. Смертію Мечислава Стараго пресѣклось первое поколѣніе Болеславичей. Краковскіе вельможи, опять мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ, отправили пословъ къ Лешку Казимировичу звать его на старшій столъ, но съ условіемъ, чтобъ онъ отдалилъ отъ себя сендомірскаго палатина Говорека, имѣвшаго на него сильное вліяніе; краковскіе вельможи, слѣдовательно, хотѣли отвратить отъ себя ту невыгоду, которую терпѣли русскіе бояре отъ княжескихъ перемѣщеній изъ одной волости въ другую, причемъ новые бояре *заѣзжали* старыхъ; здѣсь же видимъ и начало условій, предлагаемыхъ польскими вельможами князьямъ ихъ; но легко понять, что при таковомъ значеніи вельможъ родовые счеты княжескіе не могли продолжаться въ Польшѣ. Лешко, который прежде уступилъ старшинство дядѣ для того, чтобъ избавиться зависимости отъ вельможъ (особенно самаго могущественнаго изъ нихъ, извѣстнаго уже намъ палатина краковскаго Николая), и теперь не хотѣлъ для Кракова согласиться на условіе, предложенное вельможами; онъ отвѣчалъ посламъ, что пусть вельможи выбираютъ себѣ другого князя, который способенъ будетъ согласиться на ихъ условіе. Тогда вельможи обратились къ князю, имѣвшему болѣе права на старшинство, чѣмъ Лешко, именно къ Владиславу Ласконогому, сыну

[1]) Лѣтописецъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 176) говоритъ: «И створися велико зло въ русстѣй землѣ, якогоже зла не было отъ крещенья надъ Кыевомъ, напасти были и взятья, не яко же нынѣ зло се сстася». Но грабежъ по взятіи Кіева войсками Боголюбскаго описывается съ одинаковыми подробностями, и тогда также пограблены были церкви.

[2]) По Татищеву (III, 338) оставилъ опять Ингваря Луцкаго.

Мечиславову, и провозгласили его великимъ княземъ; но Владиславъ скоро вооружилъ противъ себя прелатовъ, которые, вмѣстѣ съ вельможами, изгнали его изъ Кракова и перезвали на его мѣсто опять Лешка Казимировича, на этотъ разъ, какъ видно, безъ условій, вѣроятно потому, что палатина Николая не было уже въ живыхъ. Обязанный старшинствомъ преимущественно старанію прелатовъ и, вѣроятно, желая найти въ духовенствѣ опору противъ вліянія вельможъ, Лешко, немедленно послѣ занятія Краковскаго стола, предалъ себя и свои земли въ покровительство Св. Петра, обязавшись платить въ Римъ ежегодную подать. Духовенство поспѣшило отблагодарить своего доброжелателя; уже давно оно смотрѣло враждебно на родовыя отношенія и счеты между князьями; уже по смерти Казимира Справедливаго епископъ Краковскій Фулконъ защищалъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну противъ родоваго старшинства, и успѣлъ утвердить Краковъ за сыномъ Казимировымъ; теперь же, когда Лешко отдалъ себя и потомство свое въ покровительство Св. Петра, церковь римская торжественно утвердила его наслѣдственнымъ княземъ Кракова съ правомъ передать этотъ столъ послѣ себя старшему сыну своему. Такъ родовыя отношенія княжескія встрѣтили въ Польшѣ два могущественныя начала—власть вельможъ и власть духовенства, предъ которыми и должны были поникнуть.

Романъ Волынскій, постоянный союзникъ Лешка, продолжалъ враждовать и съ Мечиславомъ, и съ сыномъ его Владиславомъ Ласконогимъ; но когда Лешко утвердился въ Краковѣ, то Романъ потребовалъ отъ него волости въ награду за прежнюю дружбу; Лешко не согласился; притомъ же, по словамъ лѣтописца, Владиславъ Ласконогій много содѣйствовалъ ссорѣ Лешка съ Романомъ [1]), вслѣдствіе чего Галицкій князь осадилъ Люблинъ; потомъ, услыхавъ, что Лешко съ братомъ Кондратомъ идутъ противъ него, оставилъ осаду и двинулся къ нимъ на-встрѣчу; перейдя Вислу, онъ расположился станомъ подъ городомъ Завихвастомъ, куда прибыли къ нему послы отъ Лешка и завязали переговоры; положено было прекратить военныя дѣйствія до окончанія послѣднихъ, и Романъ, понадѣявшись на это, съ малою дружиною отъѣхалъ отъ стана на охоту; но тутъ въ засадѣ ждалъ его польскій отрядъ, и Романъ, послѣ мужественнаго сопротивленія, легъ на мѣстѣ съ дружиною (1205 г.). Такъ погибъ знаменитый внукъ Изяслава Мстиславича; предпріимчивостью, отвагою будучи похожъ на отца и дѣда, получивши чрезъ пріобрѣтеніе Галича и большія матеріальныя средства, находясь въ безпрестанныхъ сношеніяхъ съ пограничными иностранными государствами, гдѣ въ это время родовыя отношенія княжескія смѣнились государственными, Романъ, необходимо подчиняясь вліянію того порядка вещей, который господствовалъ въ ближайшихъ западныхъ странахъ, могъ, повидимому, явиться проводникомъ этихъ новыхъ понятій для Южной Руси [2]), содѣйствовать въ ней смѣнѣ родовыхъ княжескихъ отношеній государственными; онъ могъ, подобно отцу и дѣду, вступить въ борьбу съ сѣверными князьями, въ борьбу, которая однако должна была носить уже новый характеръ, еслибъ и Романъ сталъ стремиться къ самовластію на югѣ, точно такъ же, какъ стремились къ нему Юрьевичи на сѣверѣ. Но это сходство положенія Романа съ положеніемъ сѣверныхъ князей есть сходство обманчивое, потому что почва Юго-Западной Руси, преимущественно почва Галицкаго княжества, вовсе не заключала въ себѣ тѣхъ условій крѣпкаго государственнаго быта, которыя существовали на сѣверѣ и которыми воспользовались тамошніе князья для собранія Русской Земли, для утвержденія въ ней единства и наряда. Мы видѣли, какою силою пользовались бояре въ Галичѣ, силою, предъ которою никло значеніе князя; легко понять, что князь съ такимъ характеромъ, какъ Романъ, скоро долженъ былъ враждебно столкнуться съ этою силою. „Не передавивши пчелъ, меду не ѣсть", говорилъ онъ, и вотъ лучшіе бояре погибли отъ него, какъ говорятъ, въ страшныхъ мукахъ; другіе разбѣжались; Романъ возвратилъ ихъ обѣщаніемъ всякихъ милостей, но скоро, подъ разными предлогами, подвергъ ихъ той же участи [3]).—Оставя по себѣ такую кровавую память въ Галичѣ, въ остальной Руси Романъ слылъ грознымъ бичемъ окрестныхъ варваровъ, Половцевъ, Литвы, Ятвяговъ, добрымъ подвижникомъ за Русскую Землю, достойнымъ наслѣдникомъ прадѣда своего Мономаха. „Онъ стремился на поганыхъ, какъ левъ, говоритъ народное поэтическое преданіе; сердитъ былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, перелеталъ земли ихъ какъ орелъ и храбръ онъ былъ какъ туръ, ревновалъ дѣду своему, Мономаху". Мы видѣли, что одною изъ главныхъ сторонъ дѣятельности князей нашихъ было построеніе городовъ, населеніе пустынныхъ пространствъ: Романъ заставлялъ побѣжденныхъ Литовцевъ расчищать лѣса подъ пашню; но тщетно казалось для современниковъ стараніе Романа отучить дикарей отъ грабежа, пріучить къ мирнымъ, земледѣльческимъ занятіямъ, и вотъ осталась поговорка: „Романъ! Романъ! худымъ живешь, Литвою орешь" [4])

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156. «Бѣ бо Володиславъ лестя межи ими».

[2]) У Татищева (III, 336) помѣщена любопытная рѣчь Романа къ другимъ князьямъ, въ которой онъ уговариваетъ ихъ установить въ волостяхъ порядокъ преемства отъ отца къ сыну, и болѣе опредѣленный порядокъ въ преемствѣ старшаго стола; но никто не согласился на предложеніе Романа.

[3]) Kadlubek II, p. 127.

[4]) Это извѣстіе находится у Стрыйковскаго, который говоритъ, что Романъ впрягалъ плѣнныхъ Литовцевъ и Ятвяговъ въ плуги и заставлялъ выпахивать коренья по новымъ мѣстамъ.—Мы не думаемъ, впрочемъ, чтобъ должно было, какъ здѣсь, принимать эту поговорку буквально. Романъ заставлялъ Литовцевъ и Ятвяговъ заниматься земледѣліемъ, отъ-чего современники видѣли мало проку, и про-

Какъ видно, Романъ не успѣлъ передавить всѣхъ пчелъ, и дѣти его долго не могли спокойно ѣсть меда. У него отъ втораго брака осталось двое сыновей: Даніилъ—четырехъ лѣтъ и Василько—двухъ. Но кромѣ бояръ галицкихъ, Романъ оставилъ другихъ враговъ своимъ дѣтямъ: Рюрикъ, какъ только узналъ о смерти Романа, такъ тотчасъ же скинулъ монашескую рясу и объявилъ себя княземъ Кіевскимъ, вмѣсто сына; онъ хотѣлъ-было разстричь и жену, но та не согласилась и постриглась въ схиму. Ольговичи также поднялись, явились съ полками у Днѣпра; Рюрикъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу, и уговорились всѣмъ вмѣстѣ идти на Галичъ, отнимать наслѣдство у сыновей Романовыхъ. На рѣкѣ Серетѣ [1]) встрѣтили союзники галицкое и владиміро - волынское войско, бились съ нимъ цѣлый день и принудили отступить къ Галичу; но они не могли ничего сдѣлать этому городу и возвратились домой безо всякаго успѣха. Причиною неудачи было то, что въ Галичѣ находился сильный венгерскій гарнизонъ, изъ страха передъ которымъ Галичане не смѣли передаться непріятелямъ Романовичей. Въ Венгріи въ это время королемъ былъ сынъ Белы III-го, Андрей II-й, который нѣкоторое время княжилъ въ Галичѣ; Андрей по смерти отца велъ постоянную борьбу съ старшимъ братомъ своимъ, королемъ Емерихомъ, и потомъ съ сыномъ послѣдняго, малолѣтнимъ Владиславомъ III-мъ, до тѣхъ поръ, пока послѣдній не умеръ и не очистилъ для него престола. Какъ видно изъ лѣтописи, Андрей во время этой борьбы не только не предъявлялъ своихъ притязаній на Галичъ, но даже находился въ тѣсномъ союзѣ съ Романомъ; они поклялись другъ другу, что кто изъ нихъ переживетъ другого, тотъ будетъ заботиться о семействѣ послѣдняго. Андрей вступилъ на королевскій столъ въ годъ смерти Романовой и долженъ былъ исполнить свою обязанность относительно семейства послѣдняго; въ Санокѣ онъ имѣлъ свиданіе со вдовствующей княгиней Галицкой, принялъ Даніила, какъ милаго сына, по выраженію лѣтописца, и послалъ пятерыхъ вельможъ съ сильнымъ войскомъ, которое и спасло Галичанъ отъ Рюрика и его союзниковъ.

Но опасности и бѣды для сыновей Романовыхъ только еще начинались. Въ слѣдующемъ 1206 году всѣ Ольговичи собрались въ Черниговъ на сеймъ—Всеволодъ Святославичъ Чермный съ своею братьею и Владиміръ Игоревичъ Сѣверскій съ своею братьею; къ нимъ пришелъ Смоленскій князь Мстиславъ Романовичъ съ племянниками, пришло множество Половцевъ, и всѣ двинулись за Днѣпръ; въ Кіевѣ соединился съ ними Рюрикъ съ двумя сыновьями—Ростиславомъ и Владиміромъ—и племянниками, Берендѣи, и пошли къ Галичу, а съ другой стороны шелъ туда же Лешко Польскій. Галицкая княгиня съ приверженными къ ней людьми, слыша новую сильную рать, идущую со всѣхъ сторонъ, испугалась и послала просить помощи у Венгерскаго короля; Андрей поднялся самъ со всѣми своими полками. Но вдова Романова съ дѣтьми не могла дождаться прихода королевскаго: около нихъ всталъ сильный мятежъ, который принудилъ ихъ бѣжать въ старинную отцовскую волость Романову—Владиміръ-Волынскій. Галичане остались безъ князя, а между тѣмъ король перешелъ Карпаты, съ двухъ другихъ сторонъ приближались русскіе князья и Поляки; но тѣ и другіе остановились, услыхавъ о приходѣ королевскомъ; Андрей также остановился, боясь столкнуться вдругъ съ двумя непріятельскими войсками. Внутреннія смуты, возбуждаемыя поведеніемъ королевы Гертруды и братьевъ ея, отзывали Андрея домой; онъ спѣшилъ вступить въ мирные переговоры съ Лешкомъ Польскимъ, уговорился съ Галичанами, чтобъ они приняли къ себѣ въ князья Ярослава, князя Переяславскаго, сына великаго князя Всеволода Суздальскаго, и отправился назадъ въ Венгрію. Русскіе князья еще прежде двинулись назадъ; но Галичане, ожидая двѣ недѣли пріѣзда Ярославова и боясь, чтобъ Ольговичи, узнавъ объ отступленіи короля, не возвратились къ ихъ городу, рѣшились послать тайно къ Владиміру Игоревичу Сѣверскому звать его къ себѣ въ князья; этому рѣшенію ихъ много содѣйствовали два боярина, которые, будучи изгнаны Романомъ, проживали въ Сѣверской области, а теперь возвратились и расхваливали Игоревичей. Владимръ Игоревичъ съ братомъ Романомъ, получивъ приглашеніе, въ ночь, украдкою отъ остальныхъ князей, поскакали въ Галичъ; Владиміръ сѣлъ здѣсь, а Романъ въ Звенигородѣ; Ярославъ Всеволодовичъ также былъ на дорогѣ въ Галичъ, но опоздалъ тремя днями, и, узнавъ, что Игоревичъ уже принятъ Галичанами, возвратился назадъ въ Переяславль.

Но ни Игоревичи, ни галицкіе бояре, затѣявшіе мятежъ противъ сыновей Романовыхъ, не хотѣли успокоиться до тѣхъ поръ, пока послѣдніе были живы и на свободѣ въ своей отчинѣ, Владимірѣ-Волынскомъ; сюда явился священникъ, посолъ отъ Галицкаго князя, и объявилъ гражданамъ отъ имени послѣдняго: „Не останется въ вашемъ городѣ камня на камнѣ, если не выдадите мнѣ Романовичей и не примете къ себѣ княжить брата моего Святослава.“ Разсерженные Владимірцы хотѣли-было убить священника; но трое какихъ-то людей уговорили ихъ, что не годится убивать посла. Эти трое людей [2]) дѣйствовали впрочемъ не изъ уваженія къ званію посла, а потому, что благопріятствовали Галицкому князю. Когда, на другой день, княгиня узнала, что пріѣжалъ посолъ изъ Галича, и что во Владимірѣ есть люди, которые стоятъ за Игоревичей, то начала совѣтоваться съ дядькою сына своего, Мірославомъ; тотъ говорилъ, что дѣлать нечего, надобно скорѣе бѣ-

изошла приведенная поговорка; впослѣдствіи же эта поговорка объяснена буквально.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 156: «У Микулина на рѣкѣ Серетѣ». Теперь Микулинцы въ Галиціи, въ Тарнопольскомъ округѣ.

[2]) Мстибогъ, Мончукъ и Никифоръ.

жать изъ города. Ночью, въ проломъ городской вышла жена Романа Великаго вчетверомъ съ дядькою Мірославомъ, священникомъ и кормилицею, которые несли маленькихъ князей Даніила и Василько; бѣглецы не знали, куда имъ идти:—со всѣхъ сторонъ враги!—рѣшились бѣжать въ Польшу къ Лешку, хотя и отъ этого не могли ожидать хорошаго пріема. Романъ былъ убитъ на войнѣ съ нимъ, послѣ чего миръ еще не былъ заключенъ. Къ счастію, въ Лешкѣ жалость пересилила вражду; онъ съ честію принялъ бѣглецовъ, говоря: „Не знаю, какъ это случилось, самъ дьяволъ поссорилъ насъ съ Романомъ". Онъ отправилъ малютку Даніила въ Венгрію и съ нимъ посла своего сказать королю: „Я позабылъ свою ссору съ Романомъ, а тебѣ онъ былъ другъ; вы клялись другъ другу, что кто изъ васъ останется въ живыхъ, тотъ будетъ заботиться о семействѣ умершаго; теперь Романовичи изгнаны отовсюду; пойдемъ, возвратимъ имъ отчину ихъ". Андрей сначала принялъ-было къ сердцу предложеніе Лешка; но потомъ, когда Галицкій князь Владиміръ прислалъ богатые дары имъ обоимъ, то усердіе ихъ къ Романовой семьѣ охладѣло, и когда Игоревичи перессорились другъ съ другомъ, то одинъ изъ нихъ, Романъ, пріѣхавши въ Венгрію, успѣлъ убѣдить Андрея дать ему войско на помощь, и съ этимъ войскомъ выгнать изъ Галича Владиміра, который принужденъ былъ бѣжать назадъ въ свою волость, въ Путивль [1]). Въ слѣдующемъ (1207 году) польскіе князья Лешко и братъ его Кондратъ двинулись наконецъ на Владиміръ, гдѣ послѣ бѣгства сыновей Романовыхъ княжилъ третій Игоревичъ—Святославъ; но и тутъ Лешко шелъ на Владиміръ не для того, чтобъ возвратить этотъ городъ Романовичамъ: онъ хотѣлъ посадить тамъ своего дядю по матери, родного племянника Романова, Александра Всеволодовича Бельзскаго. Жители Владиміра отворили ворота передъ Александромъ. „Вѣдь это племянникъ Романа", говорили они. Но союзники Александра, Поляки, несмотря на то, что вошли въ городъ безпрепятственно, ограбили его, стали-было уже отбивать двери и у соборной Богородичной церкви, какъ по просьбѣ Александровой пріѣхали Лешко съ братомъ и отогнали ихъ. Владимірцы сильно жаловались на Поляковъ. „Мы повѣрили ихъ клятвѣ, говорили они: вѣдь еслибъ съ ними не было Александра, то мы не дали-бъ имъ перейти и Бугъ". Святослава Игоревича взяли въ плѣнъ и отвели въ Польшу; на его мѣсто польскіе князья посадили сперва Александра, но потомъ передумали: старшимъ во всемъ племени Изяслава Мстиславича былъ Ингварь Ярославичъ Луцкій, котораго мы видѣли въ Кіевѣ,—его-то посадили теперь во Владимірѣ; но и здѣсь онъ сидѣлъ недолго; бояре не полюбили его, и, съ согласія Лешка, Александръ опять пріѣхалъ княжить во Владиміръ, а Ингварь отправился назадъ въ свой Луцкъ; младшій братъ его Мстиславъ, прозвищемъ Нѣмой, княжилъ въ Пересопницѣ; малолѣтному Васильку Романовичу Лешко отдалъ Брестъ, по просьбѣ тамошнихъ гражданъ, которые съ радостію приняли малютку, видя въ немъ какъ бы живого Романа; послѣ мать Василька прислала къ Лешку съ новою просьбою: „Александръ, говорила княгиня, держитъ всю нашу Землю и отчину, а сынъ мой сидитъ въ одномъ Брестѣ". Лешко велѣлъ Александру отдать Бельзъ Романовичу [2]), а братъ Александра, Всеволодъ, сѣлъ въ Червнѣ. Такимъ образомъ смерть сильнаго Романа дала Польскому князю возможность распоряжаться Волынскими волостями.

Между тѣмъ въ Галичѣ продолжали происходить безпокойства. Кіевскій князь Рюрикъ, по соглашенію съ Венгерскимъ королемъ, отправилъ въ Галичъ сына своего Ростислава; Галичане приняли его съ честію, выгнали Романа, но потомъ скоро выгнали Ростислава и опять приняли Романа [3]); это побудило короля Андрея покончить съ Галичемъ, присоединить его къ своимъ владѣніямъ. Онъ послалъ на Романа Игоревича палатина Бенедикта Бора, который схватилъ Романа въ банѣ, сталъ именемъ королевскимъ самъ управлять въ Галичѣ, и управлялъ такъ, что его прозвали антихристомъ: мучилъ и бояръ, и простыхъ гражданъ, сладострастію своему не зналъ предѣловъ, безчестилъ женъ, монахинь, попадей. Угнетенные Галичане послали звать къ себѣ на помощь Мстислава Ярославича, князя Пересопницкаго; тотъ пріѣхалъ, но не нашелъ еще Галичанъ готовыми къ возстанію, или, что́ всего вѣроятнѣе, дружина, приведенная Мстиславомъ, была, по мнѣнію Галичанъ, слишкомъ слаба для того, чтобъ съ нею можно было возстать противъ Венгровъ, и одинъ изъ главныхъ бояръ, Илья Щепановичъ, взведши Мстислава на Галичину могилу, сказалъ ему въ насмѣшку: „Князь!

---

[1]) Потому что Новгородъ-Сѣверскій былъ, вѣроятно, занятъ уже кѣмъ-нибудь изъ другихъ Ольговичей.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 157: «Олександръ прія Угровескъ, Верещинъ, Столпье, Комовъ и да Василкови Бѣлзъ».—Значитъ, Александръ отдалъ Васильку Бельзъ, но означенные четыре города Бельзской волости удержалъ за собою.—Угровескъ, теперь Угруйскъ, село при Бугѣ, подлѣ Верещина, а Верещинъ—мѣстечко въ юго-восточной части царства Польскаго, по дорогѣ изъ Грубешова въ Бельзъ; Столпье—село къ сѣверо-западу отъ Хельма по дорогѣ въ Люблинъ; Комовъ—теперь Кумовъ—на полпути изъ Хельма къ Ухани. См. Погодина И. З. и Л. т. IV, стр. 197.

[3]) Въ Волынской лѣтописи о княженіи Ростислава Рюриковича нѣтъ; но есть въ Воскресенскомъ (II, 150), Никоновскомъ (III, 365) и другихъ сборникахъ; у Татищева (III, 365), дѣло разсказано обстоятельно и понятно. Такіе факты не выдумываются; притомъ въ Волынской лѣтописи здѣсь явный пропускъ... «Бѣда бо бѣ въ землѣ володимерьстей отъ воеванья литовьскаго и ятвяжьскаго. Мы же на прежнее возвратимся случившихся въ Галичѣ. *Андрей же король увѣдивъ безаконье галичкое и мятежь*, и посла Бенедикта и проч.». Но о какомъ беззаконіи и мятежѣ галицкомъ увѣдалъ Андрей?—ясно, что пропущенъ разсказъ о Ростиславѣ и его изгнаніи; на пропускъ прямо указываетъ частица *же*, которая должна соединять слова: «Андрей же король» съ какимъ-нибудь предыдущимъ разсказомъ опущеннымъ.

ты на Галичинѣ могилѣ посидѣлъ, такъ все равно что княжилъ въ Галичѣ". Осмѣянный Мстиславъ отправился назадъ въ Пересопницу. Тогда Галичане обратились опять къ Игоревичамъ Сѣверскимъ, послали сказать Владиміру и Роману, которому удалось между тѣмъ уйти изъ венгерскаго плѣна: „Виноваты мы передъ вами; избавьте насъ отъ этого томителя Бенедикта". Игоревичи явились на зовъ съ сильною ратью, заставили Бенедикта бѣжать въ Венгрію, и усѣлись опять въ Галицкомъ княжествѣ: Владиміръ въ самомъ Галичѣ, Романъ въ Звенигородѣ, Святославъ въ Перемышлѣ; сыну своему Изяславу Владиміръ далъ Теребовль, а другого, Всеволода, отправилъ въ Венгрію задаривать короля, чтобъ тотъ оставилъ ихъ спокойно княжить за Карпатами.

Отъ Венгерскаго короля можно было избавиться дарами; притомъ же у него было много дѣла внутри своего государства; но чѣмъ было Игоревичамъ избавиться отъ бояръ галицкихъ, которые не давали имъ покоя своими крамолами? Игоревичи рѣшились дѣйствовать по примѣру Романа, рѣшились передавить пчелъ, чтобы ѣсть спокойно медъ, и вотъ, воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, они велѣли бить галицкую дружину; 500 человѣкъ изъ нея погибло, въ томъ числѣ двое знатнѣйшихъ бояръ: Юрій Витановичъ и Илья Щепановичъ; но другіе разбѣжались, между ними Владиславъ, которому преимущественно Игоревичи были обязаны Галицкою волостью, и двое другихъ— Судиславъ и Филиппъ,—отправились въ Венгрію. Они стали просить короля Андрея: „Дай намъ отчича нашего Даніила, мы пойдемъ съ нимъ и отнимемъ Галичъ у Игоревичей". Король согласился, послалъ изгнанныхъ бояръ и съ ними молодого Даніила въ Галичъ, давши ему сильное войско подъ начальствомъ осьми воеводъ. Владиславъ пришелъ прежде всего къ Перемышлю, и послалъ сказать тамошнимъ жителямъ: „Братья! что вы колеблетесь? не Игоревичи ли перебили отцовъ вашихъ и братьевъ, имѣніе ваше разграбили, дочерей вашихъ отдали за рабовъ вашихъ, наслѣдствомъ вашимъ завладѣли пришельцы! такъ неужели вы хотите положить за нихъ свои души?" Слова подѣйствовали на Перемышльцевъ; они схватили князя своего Святослава Игоревича и сдали городъ на имя Даніилово. Оттуда бояре съ Венграми пошли къ Звенигороду, но Звенигородцы были за Игоревичей и стали сильно отбиваться отъ осаждающихъ, несмотря на то, что на помощь къ послѣднимъ пришли полки изъ Бельза отъ Василька Романовича; изъ Польши отъ Лешка, пришли волынскіе князья—Мстиславъ Нѣмой изъ Пересопницы, Александръ съ братомъ изъ Владиміра, Луцкій князь Ингварь также прислалъ свои полки. На помощь къ Роману Игоревичу Звенигородскому явились только Половцы, которыхъ привелъ племянникъ его Изяславъ Владиміровичъ, и, несмотря на успѣхъ, который получили Половцы и Звенигородцы въ дѣлѣ съ Венграми, Романъ видѣлъ, что не могъ долго держаться въ городѣ, и бѣжалъ; но на дорогѣ былъ схваченъ и приведенъ въ станъ къ Даніилу и воеводамъ венгерскимъ, которые тотчасъ же послали сказать Звенигородцамъ: „Сдавайтесь, князь вашъ схваченъ". Тѣ сначала было не повѣрили, но потомъ, узнавши, что Романъ дѣйствительно въ плѣну, сдали свой городъ. Отъ Звенигорода Даніилъ съ союзниками пошелъ къ Галичу; Владиміръ Игоревичъ съ сыномъ, не дожидаясь непріятельскаго прихода, бѣжали, и Даніилъ безпрепятственно въѣхалъ въ Галичъ, гдѣ всѣ бояре владимірскіе и галицкіе посадили его на отцовскій столъ въ соборной церкви Богородицы.

Но бояре недовольны были торжествомъ своимъ и хотѣли мести: въ рукахъ у Венгровъ были плѣнные Игоревичи; воеводы хотѣли вести ихъ къ королю; но бояре галицкіе, задаривши воеводъ, выпросили себѣ Игоревичей и повѣсили ихъ. Легко понять, что эти бояре посадили Даніила не для того, чтобъ усердно повиноваться малюткѣ; за послѣдняго хотѣла-было управлять его мать, пріѣхавшая въ Галичъ, какъ скоро узнала объ успѣхѣ сына; но бояре немедленно же ее выгнали. Маленькій Даніилъ не хотѣлъ разставаться съ матерью, плакалъ, и когда Александръ, шумавинскій тіунъ, хотѣлъ насильно отвести его коня, то Даніилъ выхватилъ мечъ, чтобъ ударить Александра, но не попалъ и ранилъ только его коня; мать поспѣшила вырвать у него изъ рукъ мечъ, упросила успокоиться и остаться въ Галичѣ, а сама отправилась въ Бельзъ опять къ Васильку и оттуда къ королю въ Венгрію Андрей принялъ ея сторону, призвалъ бояръ владимірскихъ, князя Ингваря Луцкаго и пошелъ въ Галичъ, гдѣ, по изгнаніи княгини, всѣмъ управлялъ бояринъ Владиславъ съ двумя другими своими товарищами — Судиславомъ и Филиппомъ. Король велѣлъ схватить всѣхъ троихъ и подвергнуть тяжкому заключенію; Судиславъ успѣлъ деньгами откупиться отъ неволи; но Владиславъ принужденъ былъ слѣдовать за королемъ въ Венгрію, гдѣ впрочемъ пробылъ недолго; двое братьевъ его, Яволдъ и Ярополкъ, успѣли спастись бѣгствомъ въ Пересопницу и убѣдили тамошняго князя, Мстислава Нѣмаго, пойти съ ними въ другой разъ на Галичъ. Бояре, узнавши о вступленіи Мстислава въ ихъ Землю, передались ему, и Даніилъ съ матерью опять принужденъ былъ бѣжать въ Венгрію, а братъ его Василько потерялъ Бельзъ, который взялъ у него Лешко Польскій, чтобъ отдать опять Александру Всеволодовичу Владимірскому; Василько принужденъ былъ удалиться въ Каменецъ [1]) Но въ то время, когда братья Владиславовы такъ успѣшно хлопотали въ Пересопницѣ и Галичѣ, самъ

[1]) Прежде было сказано въ лѣтописи, что, убѣгая предъ Мстиславомъ, Даніилъ удалился въ Венгрію, а Василько съ дядькою своимъ Мірославомъ въ Бельзъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 159); должно думать, что когда Василько отправился въ Галичъ, то Лешко съ Александромъ, не желая увеличивать силы Романовича, взяли у Василька Бельзъ, ибо старшій братъ могъ дать ему волость въ Галиціи; иначе трудно объяснить эту жестокость Лешка къ изгнаннику.

Владиславъ дѣйствовалъ въ Венгріи у короля Андрея; какъ видно изъ послѣдующаго лѣтописнаго разсказа, онъ убѣдилъ Андрея не давать Галича никому изъ русскихъ князей, а взять его себѣ, причемъ обѣщалъ приготовить все въ Галичѣ къ новому порядку. Иначе трудно будетъ объяснить то извѣстіе, что король, сбираясь идти на Галичъ, отправилъ туда въ передовыхъ Владислава. Король однако не могъ слѣдовать за Владиславомъ: его задержали страшныя событія въ Венгріи, на которыя мы должны обратить вниманіе по однородности ихъ съ знаменитыми явленіями въ Галичѣ, не могшемъ загородиться Карпатами отъ венгерскаго вліянія; поведеніе галицкихъ бояръ объясняется поведеніемъ вельможъ венгерскихъ. Во время усобицъ, предшествовавшихъ воцаренію Андрея, значеніе вельможъ такъ возросло, что Андрей, вступая на престолъ, первый изъ королей Венгерскихъ долженъ былъ клятвенно подтвердить права и преимущества высшаго сословія; но мы уже замѣтили, что при этомъ поведеніе королевы Гертруды и ея братьевъ постоянно возбуждало неудовольствіе вельможъ, и наконецъ повело къ явному возстанію, когда одинъ изъ братьевъ королевы, Екбертъ, съ вѣдома сестры и даже въ ея комнатахъ, обезчестилъ жену извѣстнаго намъ галицкаго антихриста, палатина Бенедикта Бора. Бенедиктъ, несмотря на то, что самъ позволялъ себѣ подобные поступки въ Галичѣ, пылалъ местью къ виновникамъ своего позора и составилъ заговоръ вмѣстѣ съ другими вельможами. Пользуясь выступленіемъ Андрея въ галицкій походъ, заговорщики ворвались во дворецъ и изрубили королеву въ куски, послѣ чего дворецъ былъ разграбленъ. Король долженъ былъ отложить походъ, чтобъ имѣть возможность управиться съ своими мятежниками; этимъ обстоятельствомъ воспользовался Владиславъ, въѣхалъ съ торжествомъ въ Галичъ, послѣ бѣгства оттуда Мстислава Пересопницкаго, *вокняжился и сѣлъ на столъ*, по выраженію лѣтописца, признавая впрочемъ, какъ видно, верховную власть Венгерскаго короля.

Между тѣмъ Даніилъ, видя страшную смуту въ Венгріи, удалился оттуда сперва въ Польшу и, не получивъ отъ Лешка ничего, кромѣ почетнаго пріема, поѣхалъ въ Каменецъ къ брату Васильку. На этотъ разъ началъ дѣло Мстиславъ Нѣмой Пересопницкій: онъ поднялъ Лешко въ походъ на Галичъ, тотъ взялъ Даніила изъ Каменца, Александра изъ Владиміра, брата его, Всеволода, изъ Бельза, и отправился противъ новаго Галицкаго князя изъ бояръ. Владиславъ оставилъ братьевъ защищать Галичъ, а самъ съ войскомъ, набраннымъ изъ Венгровъ и Чеховъ (какъ видно наемныхъ), вышелъ на-встрѣчу къ непріятелю на рѣку Боброкъ. Союзникамъ удалось поразить Владислава, но не удалось взять Галича; они должны были удовольствоваться опустошеніемъ волости, и возвратились назадъ, послѣ чего Лешко велѣлъ Александру, князю Владимірскому, отдать Романовичамъ два города — Тихомль и Перемышль; здѣсь, говоритъ лѣтписецъ, стали княжить Даніилъ и Василько съ матерью, а на Владиміръ смотрѣли, говоря: „Рано или поздно Владиміръ будетъ нашъ" Между тѣмъ король Андрей, освободившись нѣсколько отъ внутреннихъ своихъ дѣлъ, выступилъ въ походъ на Лешка за опустошеніе Галицкой волости, которую онъ считалъ своею; Лешко не хотѣлъ войны съ королемъ, и послалъ къ нему воеводу своего Пакослава съ предложеніемъ слѣдующей сдѣлки: „Не годится боярину княжить въ Галичѣ; но возьми лучше мою дочь за своего сына Коломана и посади его тамъ". Андрей согласился, имѣлъ личное свиданіе съ Лешкомъ, свадьба устроилась, и молодой Коломанъ сталъ княжить въ Галичѣ; а бояринъ Владиславъ былъ схваченъ и умеръ въ заточеніи, надѣлавъ много зла дѣтямъ своимъ и всему племени, потому что ни одинъ князь не хотѣлъ пріютить у себя сыновей боярина, который осмѣлился похитить княжеское достоинство. Кромѣ выгоднаго брака для своей дочери, Лешко получилъ отъ короля изъ Галицкой волости Перемышль и Любачевъ; послѣдній городъ былъ отданъ воеводѣ Пакославу, который умѣлъ устроить этотъ выгодный союзъ; Пакославъ былъ пріятель молодымъ Романовичамъ и ихъ матери; по его совѣту, Лешко послалъ сказать Александру Всеволодовичу: „Отдай Владиміръ Романовичамъ, а не дашь, такъ пойду на тебя вмѣстѣ съ ними". Александръ не далъ волею, и потомъ принужденъ былъ отдать неволею.

Такимъ образомъ, иноплеменники подѣлили между собою отчину Ростиславичей; русскіе князья одинъ за другимъ должны были оставить Галичъ, или гибли въ немъ позорною смертію; остальные князья на Руси сильно сердились на Галичанъ за безчестье, которое они нанесли роду ихъ, повѣсивши Игоревичей; но были безсильны отмстить имъ за это безчестье, потому что Мономаховичи съ Ольговичами продолжали свою обычную борьбу. Въ 1206 году, по возвращеніи изъ втораго похода подъ Галичъ, Ольговичи обрадовались тому, что успѣли занять его своими родичами, Игоревичами, рѣшились отнять у Мономаховичей старшинство и Кіевъ. Всеволодъ Святославичъ Чермный сѣлъ въ Кіевѣ, надѣясь на свою силу, какъ говоритъ лѣтописецъ, и послалъ посадниковъ по кіевскимъ городамъ; а Рюрикъ, видя свое безсиліе или, какъ выражается лѣтописецъ, *непогодье*, уѣхалъ въ свою прежнюю волость Овручъ, сынъ его Ростиславъ— въ Вышгородъ, а племянникъ Мстиславъ Романовичъ—въ Бѣлгородъ [1]). Отнявши Кіевъ у Мономаховичей, Ольговичи захотѣли отнять у нихъ и Переяславль, тѣмъ больше, что, какъ мы видѣли, Переяславскій князь Ярославъ Всеволодовичъ былъ соперникомъ Игоревичей по Галицкому столу; и вотъ Всеволодъ Чермный посылаетъ сказать Яро-

[1]) А прежде, послѣ перваго похода на Галичъ въ предыдущемъ году, Рюрикъ отдалъ Бѣлгородъ Ольговичамъ, которые посадили здѣсь Глѣба Святославича.

славу: „Ступай изъ Переяславля къ отцу въ Суздаль, а Галича не ищи подъ моею братьею; если же не пойдешь добромъ, такъ пойду на тебя ратью". Ярославъ, не имѣя надежды получить отъ кого-либо помощь, послалъ къ Всеволоду просить свободнаго пропуска на сѣверъ чрезъ черниговскія владѣнія, и получилъ его, поцѣловавши крестъ Ольговичамъ на всей ихъ волѣ, а въ Переяславлѣ сѣлъ на его мѣсто сынъ Чермнаго. Но послѣдній самъ недолго сидѣлъ въ Кіевѣ: въ томъ же году Рюрикъ, соединясь съ сыновьями и племянниками своими, выгналъ Ольговичей изъ Кіева и изъ Переяславля, самъ сѣлъ въ Кіевѣ, а сына своего Владиміра посадилъ въ Переяславлѣ. Чермный явился зимою съ братьею и съ Половцами добывать Кіева, стоялъ подъ нимъ три недѣли, но не могъ взять и ушелъ назадъ ни-съ-чѣмъ. Счастливѣе былъ онъ въ слѣдующемъ 1207 году: съ трехъ сторонъ пришли враги Мономаховичей—изъ Чернигова Чермный съ братьею, изъ Турова князь Святополкъ, изъ Галича Владиміръ Игоревичъ. Рюрикъ, слыша, что идетъ на него отовсюду безчисленная рать, а помощи нѣтъ ни отъ кого, бѣжалъ изъ Кіева въ Овручъ; Треполь, Бѣлгородъ, Торческъ были отняты у Мономаховичей, которые, по причинѣ голода, не могли выдерживать продолжительныхъ осадъ: Всеволодъ сѣлъ опять въ Кіевѣ, надѣлавъ много зла Русской Землѣ чрезъ своихъ союзниковъ Половцевъ. Тогда поднялся-было на него Всеволодъ Суздальскій: услыхавъ, что Ольговичи съ погаными воюютъ Землю Русскую, онъ пожалѣлъ о ней и сказалъ: „Развѣ тѣмъ однимъ отчина Русская Земля, а намъ уже не отчина? какъ меня съ ними Богъ управитъ, хочу пойдти къ Чернигову". Всеволодъ собралъ сильное войско, но дѣла рязанскія помѣшали его походу на Черниговъ; когда рязанскіе князья были схвачены, то Рюрикъ, обрадовавшись успѣху Всеволода надъ союзниками Ольговичей, явился нечаянно у Кіева и выгналъ изъ него Чермнаго; тотъ напрасно послѣ старался получить обратно этотъ городъ силою, ему удалось овладѣть имъ только посредствомъ переговоровъ со Всеволодомъ: въ 1210 году Чермный и всѣ Ольговичи прислали въ Суздаль митрополита Матѳея, прося мира и во всемъ покоряясь Всеволоду. Послѣдній, получивши незадолго передъ тѣмъ непріятность отъ одного изъ Ростиславичей, Мстислава Мстиславича Удалого въ Новгородѣ, не могъ быть очень расположенъ въ пользу этого племени, и потому согласился, чтобъ Всеволодъ Чермный, какъ старшій между пятиюродными братьями въ Ярославомъ родѣ, сѣлъ въ Кіевѣ, а Рюрику отдалъ Черниговъ. Такимъ образомъ, когда на сѣверѣ обозначались ясно стремленія къ новому порядку вещей, въ Южной Руси послѣ долгой борьбы старинныя представленія о единствѣ рода Ярославова и ненаслѣдственности волостей въ одномъ племени получаютъ полное торжество;—мало того, что Ольговичъ получаетъ Кіевъ,—старшій по немъ Мономаховичъ садится въ Черниговѣ; возобновляется, слѣдовательно, тотъ первоначальный порядокъ княжескихъ переходовъ по волостямъ, который былъ нарушенъ еще при Мономахѣ исключеніемъ Ольговичей изъ старшинства. Миръ Суздальскаго князя съ Ольговичами былъ скрѣпленъ бракомъ сына Всеволодова Юрія на дочери Чермнаго.

Но въ то время, когда Южная Русь оставалась такъ вѣрна своей старинѣ, которая не могла дать ей силы, возвратить утраченное значеніе, первенство, сѣверный князь усиливалъ себя все болѣе и болѣе. Съ 1179 года рязанскіе князья Глѣбовичи находились въ волѣ Всеволодовой; въ 1186 году встала между ними опять усобица: старшіе братья—Романъ, Игорь и Владиміръ—вооружились противъ младшихъ—Всеволода и Святослава, сидѣвшихъ въ Пронскѣ. Чтобъ легче раздѣлаться съ послѣдними, старшіе братья послали звать ихъ на общій съѣздъ, намѣреваясь тутъ схватить ихъ; младшіе узнали объ умыслѣ и, вмѣсто того, чтобъ ѣхать къ старшимъ, стали укрѣплять свой городъ, ожидая нападенія; ждали они недолго: старшіе явились съ большимъ войскомъ, и стали опустошать все около города. Тогда Всеволодъ Суздальскій послалъ сказать имъ: „Братья! что это вы дѣлаете? удивительно ли, что поганые воевали насъ; вы вотъ теперь хотите и родныхъ братьевъ убить". Но тѣ, вмѣсто послушанія, стали сердиться на Всеволода за его вмѣшательство, и еще больше поднимать вражду на братьевъ. Тогда младшіе Глѣбовичи послали просить Всеволода о помощи, и тотъ отправилъ къ нимъ сперва триста человѣкъ изъ владимірской дружины, которые сѣли въ Пронскѣ и отбивались вмѣстѣ съ осажденными, а потомъ отправилъ еще другое войско, къ которому присоединились князья муромскіе. Слыша о приближеніи войска изъ Владиміра, старшіе Глѣбовичи сняли осаду Пронска и побѣжали къ себѣ въ Рязань, а Всеволодъ Глѣбовичъ поѣхалъ на-встрѣчу къ полкамъ *Великаго* Всеволода: тѣ, узнавши отъ него, что осада Пронска снята и имъ идти дальше не зачѣмъ, пошли назадъ во Владиміръ, куда поѣхалъ также и Глѣбовичъ, чтобъ посовѣтоваться со Всеволодомъ, какъ быть имъ со старшими братьями. Но въ это время рязанскіе князья, узнавши, что владимірское войско возвратилось и что въ Пронскѣ одинъ Святославъ, пошли и осадили опять этотъ городъ, перехватили воду у жителей, а къ брату Святославу послали сказать: „Не мори себя голодомъ съ дружиною, и людей не мори, ступай лучше къ намъ, вѣдь ты намъ свой братъ, развѣ мы тебя съѣдимъ; только не приставай къ брату своему Всеволоду". Святославъ объявилъ объ этомъ своимъ боярамъ; тѣ сказали: „Братъ твой ушелъ во Владиміръ, а тебя выдалъ, такъ что-жь тебѣ его дожидаться"? Святославъ послушался и отворилъ городъ, братья отдали ему Пронскъ назадъ, но взяли жену, дѣтей, дружину Всеволода Глѣбовича и повели въ Рязань; вмѣстѣ съ дружиною Всеволода Глѣбовича перевязали дружину Великаго Всеволода, сидѣвшую въ Пронскѣ въ осадѣ. Всеволодъ Глѣбовичъ, услыхавъ, что семья и дружина его взяты,

а братъ Святославъ передался на сторону старшихъ, сталъ сначала сильно горевать, потомъ захватилъ Коломну и началъ изъ нея пустошить волости братьевъ; тѣ мстили ему тѣмъ же, и ненависть между ними разгоралась все больше и больше.

Всеволода Великаго также сильно раздосадовалъ поступокъ Святослава, который позволилъ братьямъ перевязать владимірскую дружину; онъ послалъ сказать ему: „Отдай мнѣ мою дружину добромъ, какъ ты у меня ее взялъ; захотѣлъ помириться съ братьями—мирись, а людей моихъ зачѣмъ выдалъ? Я къ тебѣ ихъ послалъ по твоей же просьбѣ, ты у меня ихъ челомъ выбилъ; когда ты былъ ратенъ,—и они были ратны, когда ты помирился,—и они стали мирны". Глѣбовичи, услыхавъ, что Всеволодъ Великій хочетъ идти на нихъ, послали ему сказать: „Ты отецъ нашъ, ты господинъ, ты братъ; гдѣ твоя обида будетъ, то мы прежде тебя головы свои положимъ за тебя, а теперь не сердись на насъ; если мы воевали съ братомъ своимъ, то оттого, что онъ насъ не слушается, а тебѣ кланяемся и дружину твою отпускаемъ". Всеволодъ не захотѣлъ мира; а когда Всеволодъ не хотѣлъ мира, то это значило, что война была очень выгодна и успѣхъ вѣренъ. Но въ слѣдующемъ году (1187) явился во Владиміръ Черниговскій епископъ Порфирій съ ходатайствомъ за Глѣбовичей, потому что Рязань принадлежала къ черниговской епархіи; онъ уговорилъ Владимірскаго епископа Луку дѣйствовать съ нимъ заодно, и оба вмѣстѣ стали просить Всеволода за Глѣбовичей. Всеволодъ послушался ихъ и послалъ Порфирія въ Разань съ миромъ; вмѣстѣ съ епископомъ отправились послы Всеволодовы и послы князей черниговскихъ; они повели и плѣнниковъ рязанскихъ, отпущенныхъ Всеволодомъ въ знакъ своего расположенія къ миру. Но Порфирій, пришедши въ Рязань, повелъ дѣло не такъ, какъ хотѣлъ Всеволодъ, и тайкомъ отъ его пословъ. Всеволодъ разсердился, хотѣлъ-было послать въ погоню за Порфиріемъ, но потомъ раздумалъ; впрочемъ, оставя въ покоѣ Порфирія, онъ не хотѣлъ оставить въ покоѣ Глѣбовичей, и тѣмъ же годомъ выступилъ противъ нихъ въ походъ, взявши съ собою князя Муромскаго и Всеволода Глѣбовича изъ Коломны; онъ переправился черезъ Оку и страшно опустошилъ Рязанскую волость [1]). Этимъ походомъ Всеволодъ, какъ видно, достигъ своей цѣли, потому что послѣ, во время войны съ Ольговичами, мы видимъ рязанскихъ князей въ его войскѣ; притомъ же Пронскъ былъ возвращенъ Всеволоду Глѣбовичу, который тамъ вскорѣ и умеръ. Но когда, въ 1207 году, Всеволодъ Великій собрался идти на Ольговичей къ Чернигову, и, соединившись въ Москвѣ съ сыномъ своимъ, Константиномъ Новгородскимъ, дожидался здѣсь также и прихода князей рязанскихъ, то вдругъ пришла къ нему вѣсть, что послѣдніе обманываютъ его, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему для того, чтобъ послѣ удобнѣе предать его. Всѣ Рязанскіе дѣйствительно явились съ дружинами; ихъ было восьмеро: Романъ и Святославъ Глѣбовичи, послѣдній съ двумя сыновьями, да племянники ихъ, сыновья умершихъ Игоря и Владиміра, двое Игоревичей—Ингварь и Юрій, и двое Владиміровичей—Глѣбъ и Олегъ. Всеволодъ принялъ ихъ всѣхъ радушно и позвалъ къ себѣ на обѣдъ; столъ былъ накрытъ въ двухъ шатрахъ; въ одномъ сѣли шестеро рязанскихъ князей, а въ другомъ—великій князь Всеволодъ и съ нимъ двое остальныхъ Рязанскихъ именно:—Владиміровичи, Глѣбъ и Олегъ. Послѣдніе стали говорить Всеволоду: „Не вѣрь, князь, братьямъ нашимъ,—они сговорилисъ на тебя съ Черниговскими" [2]). Всеволодъ послалъ уличать рязанскихъ князей, князя Давида Муромскаго и боярина своего Михаила Борисовича; обвиненные стали клясться, что и не думали ничего подобнаго; князь Давидъ и бояринъ Михаилъ долго ходили изъ одного шатра въ другой, наконецъ въ шатеръ къ Рязанскимъ явились родичи ихъ—Глѣбъ и Олегъ, и стали уличать ихъ; Всеволодъ, слыша, что истина обнаружилась наконецъ [3]), велѣлъ схватить уличенныхъ князей вмѣстѣ съ ихъ думцами, отвести во Владиміръ, а самъ на другой же день переправился черезъ Оку и пошелъ къ Пронску, гдѣ сидѣлъ сынъ умершаго Всеволода Глѣбовича, Михаилъ. Этотъ князь, слыша, что дядья его схвачены и Всеволодъ приближается съ войскомъ къ его городу, испугался и убѣжалъ къ тестю своему въ Черниговъ,— знакъ, что онъ былъ также на сторонѣ схваченныхъ князей и на сторонѣ Черниговскаго князя, своего тестя: иначе для чего было бы ему бояться Всеволода, всегда благосклоннаго къ отцу его?

Жители Пронска взяли къ себѣ третьяго Владиміровича, Изяслава, не бывшаго, какъ видно, заодно съ родными братьями, и затворились въ городѣ. Всеволодъ послалъ къ нимъ боярина Михаила Борисовича съ мирными предложеніями; но они не хотѣли о нихъ слышать; лѣтописецъ называетъ отвѣтъ ихъ буйною рѣчью. Тогда Всеволодъ велѣлъ приступить къ городу со всѣхъ сторонъ и отнялъ воду у жителей; но тѣ не унывали, бились крѣпко изъ города и ночью крали воду; Всеволодъ велѣлъ стеречь день и ночь, и разставилъ полки свои у всѣхъ воротъ: старшаго сына своего Константина съ Новгородцами и Бѣлозерцами поставилъ на горѣ у однихъ воротъ, Ярослава съ Переяславцами у другихъ, Давида съ Муромцами—у третьихъ, а самъ съ сыновьями Юріемъ и Владиміромъ и съ двумя Владиміровичами сталъ за рѣкою съ поля Половецкаго (степи). Проняне все не сдавались, и дѣ-

---

[1]) «Идоша Коповову».—Копоново—село въ Касимовскомъ уѣздѣ, въ 42 верстахъ отъ города.

[2]) Ясно, что и первое извѣстіе прислано было отъ Владиміровичей: иначе зачѣмъ бы Всеволодъ посадилъ только ихъ двоихъ у себя обѣдать, скорѣе онъ посадилъ бы старшихъ Романа и Святослава съ собою. Владимірскій лѣтописецъ вѣритъ справедливости доноса, новгородскій называетъ Владиміровичей клеветниками.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 182: «Князь же великій слышавъ, яко въображена бысть истина».

лали частыя вылазки не для того впрочемъ, чтобы биться съ осаждающими, но чтобъ достать воды, потому что помирали отъ жажды. Между тѣмъ у осаждающихъ стали выходить съѣстные припасы; и Всеволодъ отправилъ отрядъ войска, подъ начальствомъ Олега Владиміровича, на Оку, гдѣ стояли лодки его съ хлѣбомъ; на дорогѣ Олегъ узналъ, что двоюродный братъ его, третій Игоревичъ Романъ, оставленный дядьми въ Рязани, вышелъ изъ нея съ войскомъ и напалъ на владимірскихъ лодочниковъ, стоявшихъ у Ольгова [1]); получивши эту вѣсть, Владиміровичъ бросился на помощь къ лодочникамъ; Рязанцы оставили послѣднихъ и сразились съ новоприбывшимъ отрядомъ, но были побѣждены, ставши между двумя непріятелями, между полкомъ Олега и лодочниками. Олегъ возвратился къ войску съ побѣдою и хлѣбомъ; тогда Проняне, послѣ трехнедѣльной осады, принуждены были сдаться; Всеволодъ далъ имъ въ князья Олега Владиміровича, а самъ пошелъ къ Рязани, сажая по всѣмъ городамъ своихъ посадниковъ, чѣмъ обнаруживалъ намѣреніе укрѣпить ихъ за собою. Онъ уже былъ въ двадцати верстахъ отъ Старой Рязани, у села Добраго Сота, и хотѣлъ переправляться черезъ рѣку Проню, какъ явились къ нему рязанскіе послы съ поклономъ, чтобъ не приходилъ къ ихъ городу; епископъ Рязанскій Арсеній также не разъ присылалъ къ нему говорить: „Князь великій! не пренебреги мѣстами честными, не пожги церквей святыхъ, въ которыхъ жертва Богу и молитва приносится за тебя; а мы исполнимъ всю твою волю, чего только хочешь". Всеволодъ склонился на ихъ просьбу и пошелъ назадъ черезъ Коломну во Владиміръ; воля Всеволода состояла въ томъ, чтобъ Рязанцы выдали ему всѣхъ остальныхъ князей своихъ и съ княгинями; Рязанцы повиновались и, въ слѣдующемъ 1208 году, пріѣхалъ къ нимъ княжить сынъ Всеволода Ярославъ. Рязанцы присягнули ему, но, замышляя измѣну, стали хватать и ковать людей его и нѣкоторыхъ уморили, засыпавши въ погребахъ. Тогда Всеволодъ пошелъ въ Рязань, подъ которою былъ встрѣченъ сыномъ Ярославомъ; Рязанцы, по приказанію Всеволода, вышли на Оку *на ряды*, т.-е. на судъ съ княземъ своимъ Ярославомъ, но, вмѣсто оправданія, прислали буйную рѣчь, по своему обычаю и непокорству, говоритъ лѣтописецъ; тогда Всеволодъ приказалъ захватить ихъ, потомъ послалъ войско въ городъ захватить ихъ женъ и дѣтей; городъ былъ зажженъ, а жители его расточены по разнымъ городамъ; такимъ же образомъ поступилъ онъ и съ Бѣлгородомъ, и пошелъ назадъ во Владиміръ, ведя съ собою всѣхъ Рязанцевъ и епископа ихъ Арсенія. Прежній князь Пронскій, Михаилъ Всеволодовичъ, съ двоюроднымъ братомъ Изяславомъ Владиміровичемъ (выпущеннымъ, какъ видно, по сдачѣ Пронска) приходили въ томъ же году воевать волости Всеволодовы около Москвы, но были побѣждены сыномъ великаго князя, Юріемъ, и спаслись только бѣгствомъ, потерявши всѣхъ своихъ людей [2]). Такъ расказывается въ большей части извѣстныхъ намъ лѣтописей; но въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго читаемъ, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь Муромскаго князя Давида, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изаславъ Владиміровичи и князь Михаилъ Всеволодовичъ рязанскіе приходили въ Пронску на Давида, говоря: „Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?" Давидъ, послалъ имъ сказать: „Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ, посадилъ меня въ немъ Всеволодъ; а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость". Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ Михаилъ, Олегъ же Владиміровичь умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Думаемъ, что должно предпочесть это извѣстіе, ибо трудно предположить, чтобы приходъ рязанскихъ князей къ Пронску на Давида былъ выдуманъ со всѣми подробностями. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его Ярослава изъ Переяславля-Южнаго.

Также грозенъ былъ Всеволодъ и другимъ сосѣднимъ князьямъ, смоленскимъ: подъ 1206 годомъ находимъ въ лѣтописи извѣстіе, что Смоленскій епископъ Михаилъ вмѣстѣ съ игуменомъ Отроча монастыря пріѣзжали во Владиміръ упрашивать Всеволода, чтобъ простилъ ихъ князя Мстислава Романовича за союзъ съ Ольговичами [3]). Новгороду Великому при Всеволодѣ также начинала-было грозить перемѣна въ его старомъ бытѣ. Мы оставили Новгородъ въ то время, когда, вопреки волѣ Боголюбскаго и Ростиславичей, жители его приняли къ себѣ въ князья сына Мстислава Изяславича, знаменитаго Романа, вслѣдствіе чего должны были готовиться къ опасной борьбѣ съ могущественнымъ княземъ Суздальскимъ. Въ 1169 году Даниславъ Лазутиничъ, тотъ самый, который успѣлъ провести Романа въ Новгородъ, отправился на Сѣверную Двину за данью, съ 400 человѣкъ дружины; Андрей

---

[1]) Теперь Льговъ, въ 11 верстахъ отъ Рязани по Спасской дорогѣ.

[2]) Подъ 1210 годомъ встрѣчаемъ еще слѣдующее извѣстіе: «В. князь Всеволодъ посла съ полкомъ Кузму Ратьшича, меченошю своего, и взя Тепру, и възвратися со многымъ полономъ въ Володимеръ».—Въ нѣкоторыхъ спискахъ вмѣсто *Тепра* стоитъ просто *Пра*; Пра—рѣка Рязанской губерніи Спасскаго уѣзда, и въ такомъ случаѣ походъ этотъ будетъ окончаніемъ покоренія Рязанской волости; но по Татищеву походъ Ратши былъ на Болгаръ; у Татищева же (III, 363) послѣднее поведеніе Рязанцевъ относительно Ярослава приписано проискамъ Глѣба Владиміровича, который, будучи недоволенъ тѣмъ, что получилъ отъ Всеволода въ награду за свою клевету, сносился съ Черниговцами и подучалъ Рязанцевъ на Ярослава; намъ неизвѣстно, что получилъ Глѣбъ отъ Всеволода.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178; Карамз. III, примѣч. 118.

послалъ семитысячный отрядъ войска перехватить его; но Даниславъ обратилъ въ бѣгство Суздальцевъ [1]), убивши у нихъ 1300 человѣкъ, а своихъ потерявши только 15. Послѣ этого Лазутиничъ отступилъ, какъ видно, боясь идти дальше; но потомъ, спустя нѣсколько времени, двинулся опять впередъ и благополучно взялъ всю дань, да еще на суздальскихъ подданныхъ другую. Андрей однако не долго сносилъ торжество Новгородцевъ; выгнавши отца изъ Кіева, онъ послалъ сильную рать выгонять сына изъ Новгорода; это было зимою 1169 года; войско повели сынъ Андреевъ Мстиславъ да воевода Борисъ Жирославичъ, была тутъ вся дружина и всѣ полки ростовскіе и суздальскіе; къ нимъ присоединились князья смоленскіе — Романъ и Мстиславъ Ростиславичи, потомъ князья рязанскіе и муромскіе; войску, по свидѣтельству лѣтописца, и числа не было. Послѣ страшнаго опустошенія Новгородской волости, оно подошло къ городу; но жители его затворились съ своимъ молодымъ княземъ Романомъ, съ посадникомъ Якуномъ, и бились крѣпко; четыре приступа не удались; въ послѣдній изъ нихъ, продолжавшійся цѣлый день, князь Мстиславъ [2]) въѣхалъ-было уже въ ворота городскія и убилъ нѣсколько человѣкъ, но былъ принужденъ возвратиться къ своимъ. Новгородцы и Романъ торжествовали побѣду, а между тѣмъ въ полкахъ у осаждающихъ обнаружился моръ на людяхъ и конскій падежъ. Рать Андреева должна была отступить, ничего не сдѣлавши, и отступленіе это было гибельно по опустошенной странѣ: одни померли на дорогѣ, другіе кое-какъ дошли пѣшкомъ до домовъ; много попалось въ плѣнъ къ Новгородцамъ, которые продавали по двѣ ногаты человѣка. Но опустошеніе, причиненное Андреевою ратью, имѣло тяжкія слѣдствія и для Новгорода; въ немъ сдѣлался сильный голодъ, а хлѣба можно было только достать съ востока, изъ областей Андреевыхъ; притомъ же Мстиславъ Изяславичъ умеръ, не было больше основанія держать его сына, и вотъ Новгородцы показали путь Роману, а сами послали къ Андрею за миромъ и за княземъ. Къ нимъ явился княжить Рюрикъ Ростиславичъ; неизвѣстно, какимъ образомъ Якунъ лишился посадничества: по всѣмъ вѣроятностямъ, миръ съ Андреемъ и Ростиславичами условливалъ смѣну посадника, такъ сильно поддерживавшаго въ Новгородцахъ сопротивленіе Суздальскому князю. Преемникомъ Якуна является Жирославъ; но Рюрикъ отнялъ посадничество и у этого, и далъ его Ивану Захарьичу, сыну прежняго посадника Захаріи, который былъ убитъ народомъ за приверженность къ брату Рюрикову, Святославу; Рюрикъ не только отнялъ посадничество у Жирослава, но даже выгналъ его изъ города, и тотъ ушелъ къ Андрею въ Суздаль. Но въ тотъ же годъ самъ Рюрикъ ушелъ изъ Новгорода; братъ его, Романъ, сѣвши въ Кіевѣ, далъ ему волость на Руси, и Новгородцы отправили къ Андрею пословъ просить другого князя; Андрей пока отпустилъ къ нимъ Жирослава посадничать съ своими боярами, а потомъ, въ слѣдующемъ году, прислалъ сына Юрія; но Жирославомъ, какъ видно, были недовольны въ Новгородѣ, и архіепископъ Илья отправился во Владиміръ къ Андрею, чтобъ уладить окончательно все дѣло; слѣдствіемъ поѣздки было то, что посадничество опять отдали Ивану Захарьевичу

Смерть Боголюбскаго повела снова къ перемѣнамъ въ Новгородѣ. Сынъ его, Юрій, долженъ былъ уступить мѣсто сыну Мстислава Ростиславича, призваннаго Ростовцами; но въ тотъ же годъ самъ Мстиславъ, разбитый дядею Михаиломъ и выгнанный изъ Ростова, смѣнилъ сына въ Новгородѣ. Въ томъ же 1175 году умеръ посадникъ Иванъ Захарьевичъ; посадничество получилъ опять-было Жирославъ, но въ концѣ года лишился его снова, и мѣсто заступилъ Завидъ Неревиничъ, сынъ того боярина Неревина, который былъ убитъ вмѣстѣ съ Захаріею. Только-что успѣлъ Мстиславъ Ростиславичъ жениться въ Новгородѣ на дочери стараго Якуна Мирославича, какъ былъ позванъ опять Ростовцами, опять былъ побѣжденъ, выгнанъ дядею Всеволодомъ, и пришелъ назадъ въ Новгородъ; но здѣсь показали ему путь вмѣстѣ съ сыномъ, котораго, какъ видно, онъ вторично оставилъ вмѣсто себя, и взяли князя изъ рукъ побѣдителя Всеволода, который прислалъ въ Новгородъ племянника своего, Ярослава Мстиславича; но Ростиславичъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, оставилъ по себѣ въ Новгородѣ сильную сторону, въ челѣ которой, разумѣется, долженъ былъ стоять тесть его Якунъ; въ слѣдующемъ же 1177 году онъ явился въ Новгородѣ, былъ посаженъ на столъ; брату его Ярополку дали Торжокъ, а Ярославу, прежнему князю, Волокъ-Ламскій — знакъ, что онъ отступилъ отъ Всеволода къ врагамъ его, Ростиславичамъ. Легко понять, что Всеволодъ не могъ спокойно видѣть послѣднихъ князьями въ сосѣднихъ волостяхъ новгородскихъ; притомъ же не могъ онъ простить Новгородцамъ нарушеніе обѣщанія признавать его верховную власть и другого обѣщанія—придти къ нему на помощь въ войнѣ съ Глѣбомъ Рязанскимъ; въ 1178 году, когда Мстиславъ Ростиславичъ умеръ и Новгородцы посадили себѣ княземъ брата его—Ярополка, Всеволодъ велѣлъ захватить по своей волости купцовъ новгородскихъ; Новгородцы испугались и выгнали Ярополка; но князю новыхъ городовъ мало было одной чести давать изъ своихъ рукъ князей старому городу: онъ хотѣлъ какой-нибудь болѣе существенной пользы, и выступилъ въ походъ къ Торжку, жители котораго обѣщали давать ему дань. Подойдя къ городу, Всеволодъ сначала не хотѣлъ-было брать его приступомъ, дожидаясь исполненія обѣщаній; но дружина стала жаловаться и понуждать его

[1]) По Ник. (II, 209) встрѣча была на Бѣлѣозерѣ.

[2]) Который—Андреевичъ или Ростиславичъ? По отвагѣ можно думать, что второй.

къ приступу, говоря: „Мы не цѣловаться съ ними пріѣхали; они, князь, Богу лгутъ и тебѣ". Войско бросилось къ городу и взяло его; жителей перевязали, городъ сожгли — за новгородскую неправду, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что Новгородцы на одномъ днѣ цѣлуютъ крестъ и нарушаютъ свою клятву. Отправивъ плѣнныхъ Новоторжанъ во Владиміръ, Всеволодъ пошелъ къ Волоку-Ламскому; жители его успѣли выбѣжать, но князь ихъ Ярославъ Мстиславичъ былъ схваченъ и городъ сожженъ. Новгородцы между тѣмъ послали за ближайшимъ къ себѣ княземъ, Романомъ Ростиславичемъ Смоленскимъ, который и пріѣхалъ къ нимъ; а Всеволодъ, довольный большою добычею и не желая, какъ видно, имѣть дѣла съ Ростиславичами южными, возвратился во Владиміръ.

Романъ недолго пожилъ въ Новгородѣ: въ слѣдующемъ же 1179 году онъ уѣхалъ назадъ въ Смоленскъ, и Новгородцы послали звать на княженіе брата его Мстислава Ростиславича, знаменитаго своею борьбою съ Боголюбскимъ. Здѣсь начинается союзъ Новгорода съ двумя Мстиславами — отцомъ и сыномъ, самыми блестящими представителями старой, Юго-Западной Руси, въ борьбѣ ея съ новою, Сѣверо-Восточною. Союзъ этотъ былъ необходимъ по одинаковости стремленій: какъ Новгородъ, такъ и Мстиславы хотѣли поддержать старый порядокъ вещей противъ новаго, поддержать родовыя отношенія между князьями и, вмѣстѣ, старый бытъ старыхъ городовъ. Сперва Мстиславъ не хотѣлъ-было идти въ Новгородъ по общей князьямъ этого племени привязанности къ югу, къ собственной Руси, и по опасности, которая грозила тамъ Мономаховичамъ отъ Ольговичей: „Не могу выйти изъ своей отчины и разойтись съ братьями", говорилъ Мстиславъ. Онъ всѣми силами старался, говоритъ лѣтописецъ, трудиться для отчины своей; всегда стремился онъ къ великимъ дѣламъ, думая думу съ мужами своими, желая быть вѣренъ своему происхожденію, своему значенію княжескому (хотя исполнити отечествіе свое). Но братья и дружина уговаривали его идти въ Новгородъ; они говорили ему: „Если зовутъ тебя съ честію, то ступай; развѣ тамъ не наша же отчина?" Мстиславъ пошелъ, но положилъ на умѣ: „Если Богъ дастъ мнѣ здоровья, то никакъ не могу забыть Русской Земли". Каковъ былъ характеръ этого Мстислава, представителя нашихъ старыхъ князей, какъ понималъ онъ обязанности своего званія, *исполненіе отечествія своего*, видно изъ того, что едва успѣлъ онъ придти въ Новгородъ, какъ началъ думать, куда бы пойти повоевать. Не задолго передъ тѣмъ, въ 1176 году, Чудь приходила на Псковскую Землю, имѣла злую битву съ Псковичами, въ которой съ обѣихъ сторонъ легло много народу. И вотъ Мстиславъ вздумалъ пойти на Чудь; онъ созвалъ Новгородцевъ и сказалъ имъ: „Братья! поганые насъ обижаютъ; что бы намъ, призвавши на помощь Бога и Святую Богородицу, отомстить за себя и освободить Землю Новгородскую отъ поганыхъ?" Люба была его рѣчь всѣмъ Новгородцамъ, и они отвѣчали ему: „Князь! если это Богу любо и тебѣ, то мы готовы". Мстиславъ собралъ новгородское войско, и, сочтя его, нашелъ 20,000 человѣкъ; съ такими-то сильными полками вошелъ онъ въ Чудскую Землю, пожегъ ее всю, набралъ въ плѣнъ челяди и скота, и возвратился домой съ побѣдою, славою и честью великою, по словамъ лѣтописца. Возвращаясь изъ Чудской Земли, по дорогѣ заѣхалъ Мстиславъ во Псковъ, перехваталъ тамъ сотскихъ, которые не хотѣли имѣть княземъ племянника его Бориса Романовича, и, утвердившись съ людьми, пошелъ въ Новгородъ, гдѣ и провелъ зиму.

На весну онъ опять сталъ думать съ дружиною, куда бы еще пойти повоевать. И придумалъ пойти на зятя своего, Полоцкаго князя Всеслава; слишкомъ лѣтъ сто тому назадъ ходилъ дѣдъ Всеславовъ на Новгородъ, взялъ утвари церковныя и одинъ новгородскій погостъ завелъ за Полоцкъ; такъ теперь Мстиславъ хотѣлъ возвратить Новгородскую волость и отмстить за обиду; онъ уже стоялъ съ войскомъ на Лукахъ, когда явился къ нему посолъ отъ старшаго брата Романа изъ Смоленска; Романъ велѣлъ сказать ему: „Всеславъ тебя ничѣмъ не обижалъ, а если идешь на него такъ, безъ причины, то прежде ступай на меня". Вѣрный во всемъ старинѣ, Мстиславъ не хотѣлъ оскорбить старшаго брата, тѣмъ болѣе что послѣдній уже отправилъ сына своего на помощь Всеславу, и Новгородцамъ пришлось бы сражаться съ Смольнянами вмѣсто Полочанъ. По возвращеніи въ Новгородъ, Мстиславъ крѣпко занемогъ, потерялъ всѣ силы, едва могъ говорить; чувствуя, что долженъ скоро умереть, онъ взглянулъ на дружину свою, потомъ на княгиню, вздохнулъ глубоко, заплакалъ и началъ говорить: „Приказываю дитя свое, Владиміра, Борису Захарьевичу, и обоихъ ихъ отдаю братьямъ Рюрику и Давиду и съ волостью на руки; а обо мнѣ какъ Богъ промыслитъ" [1]. Послѣ этого распоряженія Мстиславъ поднялъ руки къ небу, вздохнулъ, прослезился опять—и умеръ. Новгородцы похоронили его въ той же гробницѣ, гдѣ лежалъ первый князь, умершій у нихъ, Владиміръ Ярославичъ, основатель Софійской церкви. Плакала по Мстиславѣ вся Земля Новгородская, говоритъ лѣтописецъ, особенно

[1]) Почему же Мстиславъ отдалъ сына на руки братьямъ Давиду и Рюрику, а не старшему Роману? Быть можетъ вслѣдствіе недавней размолвки за Полоцкъ; впрочемъ, и прежде были у нихъ столкновенія: въ 1175 году Романъ, отправляясь въ Кіевъ, отдалъ Смоленскъ сыну своему Ярополку, но Смольняне выгнали послѣдняго и призвали на его мѣсто дядю Мстислава. Впрочемъ, у Мстислава остался старшій сынъ, знаменитый послѣ Мстиславъ Мстиславичъ Удалой; онъ, вѣроятно, остался княжить въ отцовской волости, въ Торопцѣ; а младшаго, Владиміра, отецъ отдалъ Рюрику и Давиду, княжившимъ въ Кіевской области, чтобъ они тамъ дали ему волость; и, дѣйствительно, въ 1180 году мы видимъ его въ Треполи съ дядькою Борисомъ Захарьичемъ, который предводительствуетъ полкомъ малолѣтнаго князя.

плакали горько лучшіе мужи; они такъ причитали на похоронахъ: „Уже нельзя теперь намъ будетъ поѣхать съ тобою на чужую Землю, привести поганыхъ рабами въ область Новгородскую; ты замышлялъ много походовъ на всѣ стороны поганыя; лучше бы намъ теперь было умереть съ тобою! Ты далъ намъ большую свободу отъ поганыхъ, точно такъ, какъ дѣдъ твой, Мстиславъ, освободилъ насъ отъ всѣхъ обидъ; ты поревновалъ ему и наслѣдовалъ путь дѣда своего, а теперь уже не увидимъ тебя больше; солнце наше зашло и остались мы беззащитные, всякій можетъ теперь обижать насъ". Мстиславъ, по свидѣтельству лѣтописца, былъ средняго роста, хорошъ лицомъ, украшенъ всякою добродѣтелью и благонравенъ, имѣлъ ко всѣмъ любовь, особенно былъ щедръ къ бѣднымъ, снабжалъ монастыри, кормилъ монаховъ и съ любовію принималъ ихъ, снабжалъ и мірскія церкви, попамъ и всему святительскому чину воздавалъ достойную честь; былъ крѣпокъ на рати, не жалѣлъ жизни за Русскую Землю и за христіанъ; когда видѣлъ христіанъ, уводимыхъ въ плѣнъ погаными, то говорилъ дружинѣ своей: „Братья! не сомнѣвайтесь; если теперь умремъ за христіанъ, то очистимся отъ грѣховъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашу въ мученическую; если Богъ подастъ милость свою, то слава Богу, а если придется умереть, то все равно,—надобно же когда-нибудь умирать" Такими словами онъ придавалъ смѣлость дружинѣ, и отъ всего сердца бился за отчину свою; а дружину свою любилъ, имѣнія не щадилъ для нея, золота и серебра не собиралъ, а раздавалъ дружинѣ, или раздавалъ церквамъ и нищимъ для спасенія души своей. Не было уголка на Руси, гдѣ бы его не хотѣли и не любили; сильно горевали братья, услыхавши о его смерти, плакала по немъ вся Русская Земля, не могши забыть доблестей его, и Черные Клобуки всѣ не могли забыть его *приголубленія* (1180 г.).

По смерти Мстислава, Новгородцамъ предстоялъ выборъ: у кого просить себѣ князя,—взять ли его изъ рукъ Всеволода III-го Суздальскаго, князя новой, Сѣверной Руси, или изъ рукъ Святослава Всеволодовича, который сидѣлъ въ Кіевѣ, и потому считался старшимъ въ старой, Южной Руси. Новгородцы поступили по старинѣ, и взяли у Святослава сына его Владиміра, тѣмъ болѣе что Всеволодъ недавно показалъ уже свою непріязнь къ Новгороду, показалъ, что былъ братомъ Боголюбскаго. Взявши къ себѣ въ князья Владиміра, Новгородцы участвовали въ войнѣ отца его Святослава со Всеволодомъ и, конечно, по желанію Святослава, посадили опять въ Торжкѣ племянника и стараго врага Всеволодова, Ярополка Ростиславича, что не могло не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ съ Суздальскимъ княземъ. Въ то время, когда Новгородцы отправили полки свои къ Друцку, на помощь Святославу, Всеволодъ явился въ другой разъ у Торжка и осадилъ въ немъ Ярополка; Новоторжане пять недѣль сидѣли въ осадѣ, терпя страшный голодъ, и когда князь ихъ Ярополкъ былъ раненъ въ сшибкѣ, то сдались Всеволоду; тотъ повелъ съ собою въ оковахъ Ярополка, вывелъ и всѣхъ Новоторжанъ съ женами и дѣтьми, а городъ ихъ сжегъ. Новгородцы увидали, что опасность отъ Всеволода близка и велика, а на помощь изъ Чернигова плохая надежда, и потому, выгнавши Владиміра Святославича, послали за княземъ къ Всеволоду; тотъ далъ имъ свояка своего, Ярослава Владиміровича, безземельнаго сына безземельнаго отца, Владиміра Мстиславича. Но Ярославъ немного нажилъ въ Новгородѣ: онъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе, и Всеволодъ вывелъ его изъ Новгорода, жители котораго, какъ видно, не безъ вѣдома и согласія его, призвали къ себѣ изъ Смоленска Мстислава Давидовича[1]). Посадникъ Завидъ Неревиничъ былъ смѣненъ тотчасъ по прибытіи Владиміра Святославича въ Новгородъ—знакъ, что онъ не былъ за Ольговича; мѣсто его получилъ Михаилъ Степановичъ; изгнаніе Ольговича должно было повести и къ смѣнѣ посадника: Михаилъ Степановичъ былъ сверженъ, и на его мѣсто возведенъ опять Завидъ; но въ 1186 году Завидъ снова потерялъ свою должность и ушелъ къ Давиду въ Смоленскъ, а на его мѣсто былъ возведенъ опять Михаилъ Степановичъ. Родственники и пріятели Завида не переставали однако дѣйствовать, но были пересилены противною стороною: родной братъ Завида, Гаврило Неревиничъ, былъ свергнутъ съ моста вмѣстѣ съ какимъ-то Ивачемъ Свеневичемъ. Любопытно, что въ то же время вспыхнуло возстаніе Смольнянъ противъ князя Давида, и пало, говоритъ лѣтописецъ, много головъ лучшихъ мужей. Быть можетъ, эти событія въ Новгородѣ и Смоленскѣ имѣютъ какую-нибудь связь между собою; нѣтъ сомнѣнія, что новгородскія волненія, борьба сторонъ Завидовой и Михайловой были связаны съ перемѣною князей. Завидъ, бывшій посадникомъ при Мстиславѣ Храбромъ, стоялъ за Ростиславичей; на это указываетъ смѣна его при Ольговичѣ и уходъ къ Давиду въ Смоленскъ послѣ вторичной потери должности. Сторона Михаила Степановича была вмѣстѣ стороною князя Ярослава, и потому неудивительно, что когда она восторжествовала надъ противною стороною, то въ слѣдующемъ же 1187 году Мстиславъ Давидовичъ былъ изгнанъ, и Новгородцы послали къ Всеволоду во Владиміръ опять просить Ярослава Владиміровича—знакъ, что послѣдній былъ прежде выведенъ не вслѣдствіе всеобщаго негодованія, но вслѣдствіе негодованія одной только стороны. Посадникъ при этомъ не былъ смѣненъ; но черезъ годъ противная сторона начала брать верхъ: у Михаила Степановича отняли посадничество и дали его Мирошкѣ Нездиничу, котораго

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 18: «Выведе Всеволодъ, приславъ, своякъ свой изъ Новагорода Ярослава Володимирица: негодовахуть бо ему новгородьци, зане много творяху пакости волости новгородьскѣй». — *Кто же творяху?* дружина, пріятели Ярославовы? Но если Всеволодъ самъ вывелъ Ярослава, то можно заключить, что не безъ его согласія былъ призванъ Мстиславъ.

отецъ Незда былъ убитъ за приверженность къ Ростиславичамъ смоленскимъ; слѣдовательно имѣемъ право думать, что Мирошка наслѣдовалъ отъ отца эту приверженность и стоялъ за Мстислава Давидовича противъ Ярослава. Въ справедливости послѣдняго утверждаетъ насъ извѣстіе, что въ 1195 году Мирошка, вмѣстѣ съ Борисомъ Жирославичемъ и сотскимъ Никифоромъ, Иванкомъ, Ѳомою, отправились къ Всеволоду съ просьбою смѣнить Ярослава и дать на его мѣсто сына своего. Что же сдѣлалъ Всеволодъ? Чтобъ оставить Ярослава спокойнымъ въ Новгородѣ, онъ задержалъ Мирошку съ товарищами, какъ главу противной Ярославу стороны; потомъ отпустилъ Бориса и Никифора, но продолжалъ держать Мирошку, Иванка и Ѳому, несмотря на просьбы изъ Новгорода о ихъ возвращеніи; наконецъ отпустилъ Ѳому, но все держалъ Мирошку и Иванка. Это разсердило Новгородцевъ, т.-е. сторону, противную Ярославу; послѣдній былъ изгнанъ, и посолъ отправился въ Черниговъ просить сына у тамошняго князя; что здѣсь дѣйствовала только одна сторона,—доказываютъ слова лѣтописца, который говоритъ, что добрые люди жалѣли о Ярославѣ, а злые радовались его изгнанію. Но прошло то время, когда изгнанные князья уѣзжали изъ Новгорода, не думая о мести; мы видѣли, что уже Святославъ Ростиславичъ, надѣясь на помощь Боголюбскаго, не хотѣлъ спокойно оставить области Новгородской; Ярославъ Владиміровичъ послѣдовалъ его примѣру: онъ засѣлъ въ Торжкѣ, гдѣ жители приняли его съ поклономъ, и сталъ брать дани по всему верху, по Мстѣ, и даже за Волокомъ, а Всеволодъ въ то же время перехватывалъ вездѣ Новгородцевъ и не пускалъ изъ Владиміра; впрочемъ, здѣсь держалъ ихъ не взаперти.

Между тѣмъ изъ Чернигова пріѣхалъ князь Ярополкъ Ярославовичъ, но просидѣлъ въ Новгородѣ только шесть мѣсяцовъ; вражда съ Владимірскимъ княземъ и съ Ярославомъ, который сидѣлъ въ Торжкѣ и бралъ дани, не могла быть выгодна для Новгородцевъ; пользуясь этимъ, сторона Ярославова восторжествовала, изгнала въ 1197 году Ярополка, и послала въ Торжокъ за Ярославомъ; тотъ однако не поѣхалъ прямо въ Новгородъ, но сперва отправился во Владиміръ къ Всеволоду, который, какъ видно, не хотѣлъ позволить, чтобъ Новгородцы присвоили себѣ право ссориться и мириться съ князьями безъ его вѣдома. Во Владиміръ должны были ѣхать изъ Новгорода лучшіе люди (передніе мужи) и сотскіе; тамъ изъ рукъ Всеволода приняли они Ярослава со всею правдою и честію, по выраженію лѣтописца; когда, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Ярославъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то помирился съ людьми, и стало все по-добру, возвратился по-здорову и посадникъ Мирошка, просидѣвши два года за Новгородъ, и рады были въ Новгородѣ всѣ отъ мала до велика; сынъ Ярославовъ, Изяславъ, былъ посаженъ въ Лукахъ, чтобъ быть защитою (оплечьемъ) Новгороду отъ Литвы [1]). Есть очень вѣроятное по обстоятельствамъ извѣстіе [2]), что Новгородцы приняли Ярослава на всей волѣ Великаго Всеволода, который съ этихъ поръ сталъ располагать Новгородомъ, какъ располагалъ имъ Мономахъ или сынъ его Мстиславъ. Но миръ Ярослава съ Мирошкою и его стороною былъ непродолжителенъ, и черезъ годъ (1199 г.) пріѣхали во Владиміръ изъ Новгорода лучшіе люди, родственники и пріятели Мирошки, которые отдали князю поклонъ и просьбу отъ всего Новгорода; „Ты господинъ, говорили они, ты Юрій, ты Владиміръ! просимъ у тебя сына княжить въ Новгородъ, потому что тебѣ отчина и дѣдина Новгородъ". Всеволодъ согласился, вывелъ Ярослава изъ Новгорода, приказалъ ѣхать къ себѣ, а владыкѣ, посаднику Мирошкѣ и лучшимъ людямъ велѣлъ также явиться во Владиміръ и взять оттуда къ себѣ на княженіе сына своего, десятилѣтняго Святослава, на всей волѣ великокняжеской [3]); на дорогѣ преставился архіепископъ Мартирій, и Всеволодъ, вопреки старому обычаю новгородцевъ—выбирать владыку на вѣчѣ, самъ, поговоря только съ посадникомъ, выбралъ и послалъ къ нимъ архіепископа Митрофана, котораго потомъ отправили къ митрополиту на поставленіе съ новгородскими мужами и Всеволодовыми. Въ 1203 году умеръ посадникъ Мирошка, и его мѣсто заступилъ соперникъ его, старый посадникъ Михаилъ Степановичъ; черезъ годъ Всеволодъ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Въ Землѣ вашей рать ходитъ [4]), а князь вашъ, сынъ мой Святославъ, малъ, такъ даю вамъ старшаго сына своего, Константина". О рати въ продолженіи трехъ предъидущихъ лѣтъ нѣтъ извѣстій, а что Всеволодъ при этой перемѣнѣ могъ руководиться какими-нибудь внутренними волненіями въ Новгородѣ,—доказательствомъ служитъ смѣна посадника тотчасъ по смѣнѣ князя, или, лучше сказать, по смѣнѣ бояръ владимірскихъ, управлявшихъ именемъ малолѣтняго Святослава: у Михаила Степановича посадничество отняли и дали сыну покойнаго Мирошки Димитрію [5]); что малолѣтній Святославъ и посадникъ Михаилъ были смѣнены по жалобамъ Новгородцевъ, доказываютъ слова лѣтописца, что по прибытіи Константина весь городъ обрадовался исполненію своего желанія Владимірскій лѣтописецъ говоритъ, что когда Всеволодъ отпускалъ Константина въ Новгородъ, то сказалъ ему; „Сынъ мой Константинъ! на тебя Богъ положилъ старшинство во всей братьѣ твоей,

[1]) Но Изяславъ и другой братъ его Ростиславъ умерли оба въ слѣдующемъ 1198 году. Въ томъ же году Ярославъ со всею областію Новгородскою ходилъ на Полоцкъ; но на озерѣ Каспле былъ встрѣченъ Полочанами и взялъ съ ними миръ.

[2]) Татищ. III, 327.

[3]) Лѣт. Пер. Сузд., стр. 104; Воскр. II, 129.

[4]) Три года назадъ лѣтописецъ упомянулъ о набѣгѣ Литвы, и—только; больше ни о какой рати нѣтъ извѣстій; съ Варягами въ 1201 году была ссора, но тогда же кончилась миромъ.

[5]) Михаилъ умеръ въ слѣдующемъ 1206 году.

а Новгородъ Великій—старшее княженіе во всей Русской Землѣ; по имени твоемъ и хвала твоя такая: не только Богъ положилъ на тебѣ старшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской Землѣ; и я тебѣ даю старшинство, поѣзжай въ свой городъ".

Новый посадникъ Мирошкиничъ, съ братьею и пріятелями, опираясь на силу Суздальскаго князя, захотѣли обогащаться насчетъ жителей и позволили себѣ такіе поступки, которые возстановили противъ нихъ весь городъ; въ челѣ недовольныхъ, какъ видно, стоялъ какой-то Алексѣй Сбыславичъ; братъ посадника, Борисъ Мирошкиничъ, отправился во Владиміръ къ Всеволоду и возвратился оттуда съ бояриномъ послѣдняго Лазаремъ, который привезъ повелѣніе убить Алексѣя Сбыславича, и повелѣніе было исполнено: Алексѣя убили на Ярославовомъ дворѣ — безъ вины, прибавляетъ лѣтописецъ, потому что обычнаго условія съ княземъ — не казнить безъ объявленія вины—не существовало болѣе; Всеволодъ распоряжался самовластно въ Новгородѣ. Вслѣдъ за этимъ событіемъ, Всеволодъ пошелъ на Черниговъ и велѣлъ Константину съ новгородскими полками слѣдовать за собою въ походъ; мы видѣли, что Константинъ соединился съ отцомъ въ Москвѣ; но вмѣсто Чернигова пошли на Рязань. Какъ видно, во время этого похода Новгородцамъ удалось довести до свѣдѣнія великаго князя о поступкахъ посадника съ товарищами; по окончаніи похода, отпуская Новгородцевъ съ Коломны домой, Всеволодъ щедро одарилъ ихъ и, по выраженію лѣтописца, далъ имъ всю волю и уставы старыхъ князей, чего они именно хотѣли; онъ сказалъ имъ: „Кто до васъ добръ,—того любите, а злыхъ казните". Сына Константина, посадника Димитрія, тяжело раненаго подъ Пронскомъ, и семерыхъ изъ лучшихъ мужей онъ оставилъ при себѣ; первое и послѣднее обстоятельство могутъ показывать, что новыя распоряженія Всеволода происходили именно вслѣдствіе жалобъ новгородскихъ, возбудившихъ неудовольствіе великаго князя на посадника съ пріятелями его и на самого сына, который позволялъ имъ насильственные поступки. Какъ бы то ни было, когда новгородскіе полки пришли домой, то немедленно созвали вѣче на посадника Димитрія и на братью его, обвиняя ихъ въ томъ, что они приказывали на Новгородцахъ и по волости брать лишніе поборы, купцамъ велѣли платить дикую виру и возить повозы, и въ разныхъ другихъ насильственныхъ поступкахъ,—во всякомъ злѣ, по выраженію лѣтописца. На вѣчѣ положили идти на домы обвиненныхъ грабежемъ, дворъ Мирошкинъ и дворъ Димитріевъ зажгли [1]), имѣніе ихъ взяли, села и рабовъ распродали и раздѣлили по всему городу, а долговыя записки оставили князю; кто при этомъ тайкомъ нахваталъ разныхъ вещей, о томъ Богъ одинъ знаетъ, говоритъ лѣтописецъ; извѣстно только, что многіе разбогатѣли послѣ грабежа Мирошкиничей. Народное озлобленіе противъ бывшаго посадника дошло дотого, что когда привезли тѣло Димитрія, умершаго во Владимірѣ, то Новгородцы хотѣли сбросить его съ моста; едва архіепископъ Митрофанъ успѣлъ удержать ихъ. Княземъ явился въ Новгородъ прежде бывшій здѣсь Святославъ Всеволодовичъ, а въ посадники выбрали Твердислава Михайловича, по всѣмъ вѣроятностямъ, сына покойнаго Михаила Степановича, соперника Мирошки; ненависть къ роду послѣдняго естественно должна была побудить къ этому выбору; Новгородцы поцѣловали крестъ, что не хотятъ держать у себя ни дѣтей Димитріевыхъ, ни братьевъ, ни пріятелей, и новый князь Святославъ отослалъ ихъ въ заточеніе къ отцу, другіе откупились большими деньгами.

Перемѣна князя впрочемъ не перемѣнила дѣлъ въ Новгородѣ, не удовлетворила всѣмъ сторонамъ: сынъ Всеволода, какъ бы онъ ни назывался, Константинъ или Святославъ, не могъ обходиться съ Новгородцами, какъ обходились съ ними прежніе князья изъ Юго-Западной Руси, и вотъ, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, недовольные послали въ Торопецъ къ тамошнему князю, Мстиславу, сыну знаменитаго Мстислава Храбраго, съ просьбою избавить Новгородъ отъ суздальскихъ притѣсненій. Мстиславъ согласился принять на себя наслѣдственную обязанность ратовать за старую Русь, за старый порядокъ вещей противъ новаго, который вводили Юрьевичи сѣверные; но, не будучи увѣренъ еще, какъ видно, хотятъ ли его Новгородцы всѣмъ городомъ, захватилъ сперва Торжокъ, заковалъ дворянъ Святославовыхъ и посадниковъ, имѣніе ихъ разграбили, чья только рука до него дошла, послѣ чего послалъ сказать Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и всѣмъ Новгородцамъ; пришелъ я къ вамъ, услыхавъ о насиліяхъ, которыя вы терпите отъ князей, жаль мнѣ стало своей отчины". Новгородцы послали къ нему съ отвѣтомъ: „Ступай, князь, на столъ"; а Святослава Всеволодовича заперли въ архіепископскомъ домѣ и съ дружиною до тѣхъ поръ, пока управятся съ отцомъ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Новгородъ, былъ принятъ съ большою радостію, и тотчасъ же двинулся къ Торжку, потому что Всеволодъ захватилъ купцовъ новгородскихъ по своимъ волостямъ, и отправилъ сыновей съ войскомъ къ новгородскимъ границамъ; но битвы не было; мы видѣли, какъ Всеволодъ остерегался вступать въ рѣшительныя сраженія съ князьями старой Руси, притомъ же теперь сынъ его сидѣлъ плѣнникомъ въ Новгородѣ. Всеволодъ,

---

[1]) Здѣсь дворъ покойнаго Мирошки отдѣленъ отъ двора сына его Димитрія; можно оставить и это чтеніе: «А Мирошкинъ дворъ и Дмитровъ зажьгоша», и тогда будетъ надобно предположить, что дворъ стараго Мирошки, по обычаю, достался младшему сыну, Борису; но есть другое чтеніе: «А Мирошкинъ дворъ Дмитровъ жгоша», т.-е. Мирошкинича дворъ Дмитровъ; послѣднему чтенію противорѣчатъ впрочемъ слѣдующія выраженія: «а житіе ихъ поимаша».

по словамъ лѣтописца, прислалъ сказать Мстиславу слова, совершенно тому понятныя: „*Ты мнѣ сынъ, а я тебѣ отецъ;* отпусти Святослава съ дружиною, и отдай все, что захватилъ, а я также отпущу гостей и товары ихъ". Мстиславъ согласился, и миръ былъ заключенъ [1]). Какъ видно изъ послѣдующаго поведенія посадника Твердислава, такъ сильно стоявшаго за старину, онъ не могъ быть на сторонѣ Юрьевичей; вѣроятно, онъ не менѣе другихъ радовался и содѣйствовалъ перемѣнѣ, и потому не могъ быть смѣненъ вслѣдствіе этой перемѣны. Но, скоро по утвержденіи Мстислава въ Новгородѣ, явился съ юга изъ Руси Димитрій Якуновичъ, сынъ старшаго посадника Якуна Мирославича; мы видѣли, что Якунъ былъ въ тѣсной связи съ Ростиславичами сѣверными, врагами Всеволода,—дочь его была за Мстиславомъ Ростиславичемъ; когда Всеволодъ утвердилъ свою власть надъ Новгородомъ, то сынъ Якуна, Димитрій, принужденъ былъ искать убѣжища въ Руси, и возвратился теперь въ Новгородъ, когда уже нечего было болѣе бояться Суздальскаго князя; Твердиславъ уступилъ ему добровольно посадничество, какъ старшему. Но если Твердиславъ не могъ быть заподозрѣнъ въ пріязни къ Всеволоду, то очень легко могъ быть заподозрѣнъ архіепископъ Митрофанъ, данный Новгороду Всеволодомъ, вопреки старому обычаю; и вотъ Мстиславъ вмѣстѣ съ Новгородцами свергнулъ Митрофана, который былъ отведенъ въ Торопецъ (1211 г.).

Такимъ образомъ, и Великій Всеволодъ при концѣ жизни своей, подобно брату Андрею, долженъ былъ потерпѣть неудачу съ своихъ стремленіяхъ, благодаря князьямъ старой Руси: войска Андрея бѣжали со стыдомъ отъ Мстислава-отца, Всеволодъ долженъ былъ уступить Новгородъ Мстиславу-сыну, долженъ былъ заговорить съ нимъ его языкомъ. Въ 1212 году Всеволодъ сталъ изнемогать, и хотѣлъ при жизни урядить сыновей, которыхъ у него было шестеро: Константинъ, Юрій, Ярославъ, Святославъ, Владиміръ, Иванъ. Онъ послалъ за старшимъ Константиномъ, княжившимъ въ Ростовѣ, желая дать ему послѣ себя Владиміръ, а въ Ростовъ послать втораго сына Юрія. Но Константинъ не соглашался на такое распоряженіе, ему непремѣнно хотѣлось получить и Ростовъ и Владиміръ; старшинство обоихъ городовъ, какъ видно, было еще спорное и тогда, и Константинъ боялся уступить тотъ или другой младшему брату; какъ видно, онъ опасался еще старинныхъ притязаній Ростовцевъ, которыми могъ воспользоваться Юрій. „Батюшка! велѣлъ онъ отвѣчать Всеволоду: если ты хочешь меня сдѣлать старшимъ, то дай мнѣ старый начальный городъ Ростовъ и къ нему Владиміръ; или, если тебѣ такъ угодно, дай мнѣ Владиміръ—и къ нему Ростовъ" [2]). Всеволодъ разсердился, созвалъ бояръ и долго думалъ съ ними, какъ быть. Потомъ послалъ за епископомъ Іоанномъ и, по совѣту съ нимъ, порѣшилъ отдать старшинство младшему сыну Юрію, мимо старшаго, ослушника воли отцовской. Явленіе важное: мало того, что на сѣверѣ отнято было старшинство у стараго города и передано младшему, пригороду, отнято было отцомъ старшинство у старшаго сына въ пользу младшаго; нарушенъ былъ коренной обычай, и младшіе князья на сѣверѣ не преминутъ воспользоваться этимъ примѣромъ; любопытно, что бояре не рѣшились присовѣтовать князю эту мѣру, рѣшился присовѣтовать ее епископъ.—14 апрѣля умеръ Всеволодъ, на 64 году своей жизни, княживъ въ Суздальской Землѣ 37 лѣтъ. Онъ былъ украшенъ всѣми добрыми нравами, по отзыву сѣвернаго лѣтописца, который не упускаетъ случая оправдывать вводимый Юрьевичами порядокъ и хвалить ихъ за это. Всеволодъ, по его словамъ, злыхъ казнилъ, а добромысленныхъ миловалъ, потому что князь не даромъ мечъ носитъ, въ месть злодѣямъ и въ похвалу добро творящимъ; одного имени его трепетали всѣ страны, по всей землѣ пронеслась его слава, всѣхъ враговъ (зломысловъ) Богъ покорилъ подъ его руки. Имѣя всегда страхъ Божій въ

---

[1]) Такъ разсказываетъ лѣтописецъ новгородскій. Но у Татищева читаемъ, что Всеволодъ, узнавъ о занятіи Торжка Мстиславомъ, отправилъ противъ него троихъ сыновей своихъ: Константина, Юрія и Ярослава; Новгородцы испугались и послали къ Константину просить мира, отправивъ вмѣстѣ и захваченнаго ими Святослава и надлежащую великому князю дань. Константинъ, слѣдуя всегдашней своей умѣренности, вопреки совѣту младшихъ братьевъ, согласился на миръ, вслѣдствіе котораго Мстиславъ удалился назадъ въ Торопецъ, и на его мѣсто Всеволодъ прислалъ сына своего Владиміра. Новгородцы, видя, что возстаніе не имѣло успѣха, выместили свою злобу на тѣхъ, которые уговаривали ихъ къ нему: они хотѣли умертвить друзей Мстиславовыхъ, и едва были укрощены владыкою. Но въ 1211 году Новгородцы снова послали за Мстиславомъ; тогда Владиміръ, опасаясь участи брата, уѣхалъ тотчасъ къ отцу, а Мстиславъ вступилъ въ Новгородъ и удержался въ немъ.—Изъ извѣстій въ лѣтописяхъ, до насъ дошедшихъ, можно усмотрѣть, какимъ образомъ составился татищевскій разсказъ. Въ Никонов. сбор. (II, 308) читаемъ извѣстіе: «К. В. Всев. Юр. послалъ сына своего, князя Константина, съ братіею его на князя Мстислава Мстиславича на Торжекъ, князь же Мстиславъ Мстиславичъ слышавъ отъиде въ Новгородъ, и оттуда иде въ Торопецъ въ свою власть. Князь же Константинъ Вс. съ братьею своею возвратился со Твери, и князь Святославъ Вс. братъ ихъ приде къ нимъ изъ Новгорода».—То же читается въ Пушкинскомъ спискѣ, который цитуетъ Карамзинъ (III, примѣч. 132). Это извѣстіе, распространенное въ спискѣ, которымъ пользовался Татищевъ, вошло явственно въ его разсказъ; князь Владиміръ Всеволодовичъ является на сцену вслѣдствіе смѣшенія его съ княземъ Псковскимъ Владиміромъ, братомъ Мстиславовымъ, который въ Новгор. лѣтописи подъ 1210 годомъ ходилъ съ Новгородцами на Литву, подъ 1211 посаженъ братомъ въ Лукахъ; извѣстіе объ уходѣ Мстислава отъ Торжка въ Торопецъ объясняется извѣстіемъ, находящимся въ Новгор. лѣтоп. подъ 1211 годомъ: «И посла князь Мстиславъ Дмитрія Якупиця на Луки съ новгородцами города ставить; а самъ иде на Тържькъ блюсть волости, изъ Търожку иде въ Торопчь, изъ Торопця иде на Луки». Какъ видно, онъ укрѣплялъ города отъ литовскихъ набѣговъ. Наконецъ извѣстіе о возстаніи Новгородцевъ на пріятелей Мстиславовыхъ можетъ быть въ связи съ извѣстіемъ о смутѣ по поводу архіепископа Митрофана.

[2]) Никон. II, 310

сердцѣ своемъ, онъ подавалъ требующимъ милостыню, судилъ судъ истинный и нелицемѣрный, не взирая на сильныхъ бояръ своихъ, которые обижали меньшихъ людей.

Сѣверная Русь лишилась своего Всеволода; умирая, онъ ввергнулъ мечъ между сыновьями своими, и злая усобица между ними грозила разрушить дѣло Андрея и Всеволода, если только это дѣло было произведеніемъ одной ихъ личности; Юго-Западная, старая Русь высвобождалась отъ тяготѣвшаго надъ нею вліянія сѣверной, послѣдняя связь между ними — старшинство и сила Юрьевичей — рушилась, и надолго теперь они разрознятся, будутъ жить особою жизнью до тѣхъ поръ, пока на сѣверѣ явятся опять государи единовластные, собиратели Русской Земли; тогда опять послышится слово, что нельзя Южной Руси быть безъ Сѣверной, и послѣдуетъ окончательное соединеніе ихъ. Но по смерти Всеволода казалось, что Южная Русь не только освободится отъ вліянія Сѣверной, но, въ свою очередь, подчинитъ ее своему вліянію; ибо когда Сѣверная Русь лишилась Всеволода и сыновья его губили свои силы въ усобицахъ, у Руси Южной оставался Мстиславъ, котораго доблести начали съ этихъ поръ обнаруживаться самымъ блистательнымъ образомъ. Ни въ русской, ни въ сосѣднихъ странахъ не было князя храбрѣе его; куда ни явится,—всюду принесетъ съ собою побѣду; онъ не будетъ дожидаться, пока сѣверный князь пришлетъ на югъ многочисленные полки, чтобъ отразить ихъ, какъ отецъ его отразилъ полки Андреевы: онъ самъ пойдетъ въ глубь этого страшнаго суроваго, сжимающаго сѣвера, и тамъ поразитъ его князей, надѣющихся на свое громадное ополченіе, и вмѣстѣ уничтожитъ завѣщаніе Всеволода. Въ Руси Днѣпровской онъ не дастъ Мономахова племени въ обиду Ольговичамъ; наконецъ вырветъ Галичъ изъ рукъ иноплеменниковъ. Казалось бы, какая блистательная судьба должна была ожидать Юго-Западную Русь при Мстиславѣ; какія важныя, продолжительныя слѣдствія должна была оставить въ ней его дѣятельность, — если только судьба Юго-Западной Руси могла зависѣть отъ одной личности Мстиславовой!

Въ 1212 г. умеръ Всеволодъ Великій, и въ 1213 г. уже встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ сыновей его. Константинъ не могъ спокойно сносить потерю старшинства; по словамъ лѣтописи, онъ разгорѣлся яростью, воздвигнулъ брови свои гнѣвомъ на брата Юрія и на всѣхъ думцевъ, которые присовѣтовали старому Всеволоду отнять у него старшинство, и тотчасъ же наступило сильное волненіе въ Суздальской Землѣ, люди толпами стали перебѣгать съ одной стороны на другую [1]). Между прочими, князь Святославъ Всеволодовичъ, разсердившись за что-то на брата Юрія, бѣжалъ отъ него къ больному брату Константину въ Ростовъ; другой Всеволодовичъ, Владиміръ, князь Юрьевскій, также былъ противъ Владимірскаго князя. Видя это, послѣдній спѣшилъ заключить крѣпкій союзъ по крайней мѣрѣ съ Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ; онъ сказалъ ему: „Братъ Ярославъ! если пойдетъ на меня Константинъ или Владиміръ, будь ты со мною заодно; а если противъ тебя пойдутъ, то я приду къ тебѣ на помощь“. Ярославъ согласился, поцѣловалъ съ Юріемъ крестъ и отправился въ свой Переяславль, гдѣ созвалъ жителей къ Св. Спасу и сказалъ имъ: „Братья Переяславцы! отецъ мой отошелъ къ Богу, васъ отдалъ мнѣ, а меня далъ вамъ на руки; скажите же, братцы, хотите ли имѣть меня своимъ княземъ и головы свои сложить за меня?“ Переяславцы отвѣчали въ одинъ голосъ: „И очень хотимъ; ты нашъ господинъ, ты Всеволодъ!“ Послѣ чего всѣ цѣловали ему крестъ [2]). Въ то время, какъ это происходило въ Переяславлѣ, въ Ростовѣ Константинъ все злобился на Юрія, толковалъ: „Ну развѣ можно сидѣть на отцовскомъ столѣ меньшому, а не мнѣ большому?“ и сбирался идти на Владиміръ съ братомъ Святославомъ. Юрій боялся войны, и послалъ сказать ему: „Братъ Константинъ! Если хочешь Владиміра, то ступай садись въ немъ, а мнѣ дай Ростовъ“. Но Константинъ не хотѣлъ этого; онъ хотѣлъ въ Ростовѣ посадить сына своего Василька, а самъ хотѣлъ сѣсть во Владимірѣ, и отвѣчалъ Юрію: „Ты садись въ Суздалѣ“. Юрій не согласился, и послалъ сказать брату Ярополку: „Идетъ на меня братъ Константинъ; ступай къ Ростову, и какъ тамъ Богъ дастъ,—уладимся или станемъ биться“. Ярославъ пошелъ съ своими Переяславцами, а Юрій съ Владимірцами и Суздальцами, и стали у Ростова за рѣкою Ишнею, а Константинъ разставилъ свои полки на бродахъ подлѣ рѣки, и начали биться объ нее; рѣка была очень грязна, и потому Юрію съ Ярославомъ нельзя было подойти къ городу, они пожгли только села вокругъ, скотъ угнали, да жито потравили; потомъ, простоявши другъ противъ друга четыре недѣли, братья помирились и разошлись по своимъ городамъ. Но усобица была далека до конца; Юрій зналъ, что миръ ненадеженъ, и принималъ свои мѣры: ему, какъ видно, трудно было удерживать за собою отцовское пріобрѣтеніе,—Рязанскія волости, которыхъ князья и дружины ихъ томились въ тюрьмахъ владимірскихъ; онъ освободилъ ихъ, одарилъ и князей, и дружину золотомъ, серебромъ, конями, утвердился крестнымъ цѣлованіемъ и отпустилъ въ Рязань.

Скоро началась опять усобица; началъ ее Владиміръ Всеволодовичъ; онъ выбѣжалъ изъ своего Юрьева сперва на Волокъ, а оттуда на Москву и сѣлъ здѣсь, отнявши этотъ городъ у Юрія. Потомъ началъ наступать и Константинъ: отнялъ у Юрія Солигаличъ, пожегъ Кострому, а у Ярослава отнялъ Нерехту; обиженные братья собрали полки и

---

[1]) Никон. II, стр. 311.

[2]) Лѣтоп. Пер. Сузд., стр. 110. «И тако сѣде Ярославъ въ Переяславлѣ на столѣ, идеже родися».

*

пошли опять къ Ростову вмѣстѣ съ княземъ Давидомъ Муромскимъ; остановились на старомъ мѣстѣ, за рѣкою Ишнею, и велѣли людямъ своимъ жечь села. Между тѣмъ Владиміръ съ Москвичами и дружиною своею пошелъ къ Дмитрову, городу Ярославову; Дмитровцы сами пожгли всѣ посады, затворились и отбили всѣ приступы, и Владиміръ, испуганный вѣстью о приближеніи Ярослава, бѣжалъ отъ города назадъ въ Москву, потерявши заднiй отрядъ своей дружины, который перерѣзали Дмитровцы, гнавшіеся за бѣглецами. Юрій и Ярославъ стояли все у Ростова, не вступая въ битву, по сѣверному обычаю, и опять помирились, выговоривши у Константина, чтобъ онъ не только не помогалъ Владиміру, но чтобъ еще далъ полки свои для отнятія у послѣдняго Москвы. Пришедши къ Москвѣ, Юрій послалъ сказать Владиміру: „Пріѣзжай ко мнѣ; не бойся, я тебя не съѣмъ, ты мнѣ свой братъ". Владиміръ поѣхалъ, и братья уговорились, чтобъ Владиміръ отдалъ Москву назадъ Юрію, а самъ отправился княжить въ Переяславль южный.

Такимъ образомъ, два раза младшій Всеволодовичъ, Юрій, одержалъ верхъ надъ старшимъ Константиномъ, и казалось, что послѣдній, потерпя два раза неудачу, долженъ былъ отказаться отъ попытокъ добыть Владиміръ, какъ вдругъ Сѣверная Русь пришла въ столкновеніе съ Южной; послѣдняя одержала блистательную побѣду надъ первою, необходимымъ слѣдствіемъ чего было возстановленіе старины, хотя на время. Мѣстомъ столкновенія былъ Новгородъ Великій. Три года княжилъ здѣсь Мстиславъ, ходилъ на Чудь до самаго моря, бралъ съ нее дань, двѣ части отдавалъ Новгородцамъ, третью—дружинѣ своей; Новгородцамъ нравился такой князь; все было тихо, какъ вдругъ, въ 1214 году, пришла къ Мстиславу вѣсть изъ Руси отъ братьевъ, что Ольговичи обижаютъ тамъ Мономаховичей. Рюрикъ Ростиславичъ, какъ видно, умеръ почти въ одно время съ сватомъ своимъ, Всеволодомъ Великимъ [1]), и Всеволодъ Чермный спѣшилъ воспользоваться ихъ смертью, чтобъ вытѣснить изъ Руси Мономаховичей; предлогомъ къ войнѣ послужили событія галицкія, именно: повѣшеніе Игоревичей боярами; такъ какъ мѣсто Ольговичей занялъ въ Галичѣ Мономаховичъ Даніилъ, то Чермный объявилъ ближайшимъ къ себѣ Мономаховичамъ: „Вы повѣсили въ Галичѣ двоихъ братьевъ моихъ, князей, какъ злодѣевъ, и положили укоризну на всѣхъ; такъ нѣтъ вамъ части въ Русской Землѣ!" Тогда внуки Ростиславовы послали въ Новгородъ сказать Мстиславу: „Всеволодъ Святославичъ не даетъ намъ части въ Русской Землѣ; приходи, поищемъ своей отчины". Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и сталъ звать Новгородцевъ въ Кіевъ на Всеволода Чермнаго. Новгородцы отвѣчали ему: „Куда, князь, ты посмотришь, туда мы бросимся головами своими". Мстиславъ пошелъ съ ними на югъ; но въ Смоленскѣ Новгородцы завели ссору съ жителями, убили одного Смольнянина, и не хотѣли идти дальше; по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ [2]), Новгородцы не хотѣли уступить перваго мѣста полкамъ смоленскимъ, которые велъ Мстиславъ Романовичъ, старшій между внуками Ростиславовыми. Мстиславъ Мстиславичъ сталъ звать Новгородцевъ на вѣче, но они не пошли; тогда онъ, перецѣловавши всѣхъ, поклонился и пошелъ одинъ съ дружиною при смоленскихъ полкахъ. Новгородцы начали одумываться, собрались на вѣче и стали разсуждать, что дѣлать. Посадникъ Твердиславъ [3]) сказалъ имъ: „Какъ трудились наши дѣды и отцы за Русскую Землю, такъ, братья, и мы пойдемъ за своимъ княземъ". Новгородцы послушались посадника, нагнали Мстислава и начали всѣ вмѣстѣ воевать Черниговскія волости по Днѣпру, взяли Рѣчицу *на щитъ* и многіе другіе города; подъ Вышгородомъ встрѣтилъ ихъ Чермный и далъ битву, въ которой Мстиславъ съ братьями остался побѣдителемъ; двое Ольговичей [4]) попались въ плѣнъ, Вышгородцы отворили ворота, а Всеволодъ бѣжалъ за Днѣпръ въ Черниговскую волость; посадивши въ Кіевѣ Мстислава Романовича, Мстиславъ Новгородскій осадилъ Черниговъ, простоялъ подъ нимъ 12 дней и заключилъ миръ съ Чермнымъ, который скоро послѣ того умеръ.

Мстиславъ Мстиславичъ возвратился въ Новгородъ, но не долго здѣсь оставался; при постоянной борьбѣ сторонъ, при наслѣдственныхъ ненавистяхъ и стремленіяхъ, ни одинъ князь не могъ быть пріятенъ всѣмъ одинаково; каждый долженъ былъ держаться одной какой-нибудь стороны, которая, въ свою очередь, поддерживала его самого. Сторона, державшаяся князей Суздальскихъ, должна была уступить враждебному большинству, образовавшемуся вслѣдствіе поведенія Всеволодова; но теперь Всеволода не было болѣе, а между тѣмъ Мстиславъ и его сторона преслѣдовали сторону противную, что ясно показываетъ извѣстіе объ участи владыки Митрофана; Якуничъ пришелъ изъ

[1]) Хотя лѣтописи и полагаютъ смерть его въ 1215 году, но неупоминовеніе имени его при описаніи борьбы Ольговичей съ Мономаховичами заставляетъ положить смерть его ранѣе 1214 года.

[2]) Татищ. III, 379.

[3]) Не сказано, какимъ образомъ Твердиславъ явился опять посадникомъ; очень вѣроятно, что Димитрій Якуничъ остался отправлять свою должность въ Новгородѣ, а Твердиславъ называется посадникомъ въ смыслѣ стараго.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32: «И яша два князя Ростислава Ярославица и Ярополка брата его, вънука Олгова».—Такъ разсказываетъ лѣтописецъ новгородскій; почти также въ Никон.; въ Воскресен. прибавлено (II, 154), что въ союзѣ съ Ростиславичами былъ Ингварь Ярославичъ Луцкій: «Всеволодъ же Святославичь не утрьпѣ, бѣже за Днѣпръ, а братью своею и мнози люди истопоша въ Днѣпрѣ... идоша по немъ князи Чернигову, и оступиша во градѣ Глѣба брата его, а Всеволодъ преставися. И стояша около города 3 недѣли... и цѣловавши крестъ межь собою разидошася и сѣде въ Кіевѣ Инъгварь Ярославичь... потомъ уже управившася, даша Кіевъ Мстиславу Романовичу, а Инъгварь опять иде къ Лучьску». Подробности вышгородской битвы см. у Татищ. III, 380.

Руси и получилъ посадничество; а каждый знаменитый домъ имѣлъ своихъ приверженцевъ и своихъ враговъ; враги тѣхъ бояръ, которые держались Мстислава, необходимо, поэтому, были и врагами послѣдняго, искали случая, какъ бы избавиться отъ него. И вотъ Мстиславъ узналъ, что враждебная сторона собираетъ тайныя вѣча, хочетъ изгнать его [1],—быть можетъ, она воспользовалась его отсутствіемъ, чтобы усилиться; посадникомъ былъ уже не Димитрій Якуничъ, ни Твердиславъ, но Юрій Ивановичъ [2]). Мстиславъ не сталъ дожидаться, чтобъ ему показали путь, но созвалъ самъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „У меня есть дѣла въ Руси, а вы вольны въ князьяхъ". Проводивши Мстислава, Новгородцы долго думали; наконецъ отправили посадника Юрія Ивановича, тысяцкаго Якуна и старшихъ купцовъ 10 человѣкъ за Ярославомъ Всеволодовичемъ, княземъ Переяславскимъ — ясный знакъ, что пересилила сторона, державшаяся Суздальскихъ князей; знакомъ ея торжества служитъ и то, что Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, схватилъ двоихъ бояръ, и, сковавши, заточилъ въ свой ближній городъ [3]) Тверь; оклеветанъ былъ и тысяцкій Якунъ Намнѣжичъ; князь Ярославъ созвалъ вѣче, народъ бросился съ него ко двору Якуна, домъ его разграбили, жену схватили; самъ Якунъ съ посадникомъ пришелъ къ князю, и тотъ велѣлъ схватить сына его Христофора [4]). Но волненіе, возбужденное враждою сторонъ, этимъ не кончилось: жители Прусской улицы убили боярина Овстрата съ сыномъ и бросили тѣла ихъ въ ровъ. Такое своеволіе не понравилось Ярославу; онъ не захотѣлъ оставаться долѣе въ Новгородѣ, выѣхалъ въ Торжокъ, сѣлъ здѣсь княжить, а въ Новгородъ послалъ намѣстника, послѣдовавши въ этомъ случаѣ примѣру дѣда, дядей и отца, которые покинули старый городъ Ростовъ и утвердили свое пребываніе въ новыхъ.

Скоро представился ему благопріятный случай стѣснить Новгородъ и привести его окончательно въ свою волю; морозъ побилъ осенью весь хлѣбъ въ Новгородской волости, только на Торжку все было цѣло; Ярославъ не велѣлъ пропускать въ Новгородъ ни одного воза съ хлѣбомъ изъ Низовой Земли; въ такой нуждѣ Новгородцы послали къ нему троихъ бояръ, съ просьбою переѣхать къ нимъ опять Князь задержалъ посланныхъ. А между тѣмъ голодъ усиливался: кадь ржи покупали по десяти гривенъ, овса—по три гривны, возъ рѣпы—по двѣ гривны; бѣдные люди ѣли сосновую кору, липовый листъ, мохъ, отдавали дѣтей своихъ въ вѣчное холопство; поставили новую скудельницу, наклали полную труповъ—недоставало больше мѣста; по торгу валялись трупы, по улицамъ трупы, по полю трупы, собаки не успѣвали съѣдать ихъ; бо́льшая часть вожанъ померла съ голоду, остальные разбѣжались по чужимъ странамъ. „Такъ разошлась наша волость и нашъ городъ!" говоритъ лѣтописецъ. Новгородцы, оставшіеся въ живыхъ, послали къ Ярославу посадника Юрія Ивановича, Степана Твердиславича и другихъ знатныхъ людей звать его опять къ себѣ; онъ велѣлъ задержать и этихъ, а вмѣсто отвѣта послалъ въ Новгородъ двухъ своихъ бояръ, вывести оттуда жену свою, дочь Мстислава Мстиславича. Тогда Новгородцы послали къ нему Мануила Яголчевича съ послѣднею рѣчью: „Ступай въ свою отчину, къ Св. Софіи, а нейдешь, такъ скажи прямо"; Ярославъ задержалъ Яголчевича, задержалъ и всѣхъ гостей новгородскихъ,—и были въ Новгородѣ печаль и вопль, говоритъ лѣтописецъ. Разсчетъ Ярослава былъ вѣренъ; ста́ринѣ новгородской трудно было устоять при такихъ обстоятельствахъ. Но старая Русь была еще сильна своимъ Мстиславомъ: узнавши какое зло дѣлается въ Новгородѣ, Мстиславъ пріѣхалъ туда (11 февраля 1216 г.), схватилъ Ярославова намѣстника Хота Григорьевича, перековалъ всѣхъ его дворянъ, въѣхалъ на дворъ Ярославовъ и цѣловалъ крестъ къ Новгородцамъ, а Новгородцы къ нему—не разставаться ни въ животѣ, ни въ смерти; „Либо отыщу мужей новгородскихъ и волости, либо головою повалю за Новгородъ", сказалъ Мстиславъ.—Между тѣмъ Ярославъ, узнавши о новгородскихъ новостяхъ, сталъ готовиться къ защитѣ, велѣлъ подѣлать засѣки по Новгородской дорогѣ и рѣкѣ Тверцѣ, а въ Новгородъ отправилъ сто человѣкъ изъ его жителей, казавшихся ему преданными, съ порученіемъ поднять противную Мстиславу сторону и выпроводить его изъ города; но эти сто человѣкъ, какъ скоро пришли въ Новгородъ, такъ единодушно стали вмѣстѣ со всѣми другими за Мстислава, который отправилъ въ Торжикъ священника сказать Ярославу: „Сынъ! кланяюсь тебѣ; мужей моихъ и гостей отпусти, изъ Торжка выйди, а со мною

[1]) Никоп. II, 318; Татищ. III, 382; у Татищева прибавлено, что простой народъ былъ за Мстислава.

[2]) Имя отца его Иванка упоминается подъ 1195 и 1196 годомъ вмѣстѣ съ именемъ Мирошки.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 33: «Князь Ярополкъ и Якуна Зуболомиця, а по Ѳому посла по Доброщиниця по Новоторжьскыи посадникъ, и оковавъ потоци и на Тъхверь».

[4]) Весь этотъ разсказъ новгородскаго лѣтописца не совсѣмъ ясенъ; вотъ онъ въ подлинникѣ: «И по грѣхомъ нашимъ обади Ѳедоръ Лозутиниць и Иворъ Новотоържичь Якуна Тысяцьскаго Намнѣжиця; князь же Ярославъ створи вѣче на Ярославѣ дворѣ; идоша на дворъ Якунь и розграбиша, и жену его яша, а Якунъ заутра иде съ посадникомъ къ князю, и князь повелѣ яти сына его Христофора мая въ 21. Тъгдаже, на Сборъ, убиша Пруси Овъстрата, и сына его Лугату, и въвъргоша и въ греблю мьртвъ; князь же о томъ пожали на Новгородцѣ. Того же лѣта поиде князь Ярославъ на Тържькъ, поимя съ собою Твьрдислава Михалковиця, Микифора, Полюда, Сбыслава, Семена, Ольксу и много бояръ, и одаривъ присла въ Новъгородъ; а самъ сѣде на Тържку». Въ Никонов. спискѣ событія разсказаны не совсѣмъ такъ, а именно; князь захватываетъ сына посадничья, а не тысяцкаго.—Что касается Овстрата, убитаго жителями Прусской улицы, то онъ принадлежалъ къ числу тѣхъ пріятелей Димитрія Мирошкинича, которыхъ Новгородцы не хотѣли держать у себя въ 1209 году, и которые были потому отосланы въ Суздальскую Землю; когда онъ возвратился, неизвѣстно.

любовь возьми". Ярославу не полюбилось такое предложеніе; онъ отпустилъ священника безъ мира, и всѣхъ Новгородцевъ, задержанныхъ въ Торжкѣ, числомъ больше 2000, созвалъ на поле за городъ, велѣлъ схватить ихъ, перековать и разослать по своимъ городамъ; имѣніе ихъ и лошадей роздалъ дружинѣ. Вѣсть объ этомъ сильно опечалила Новгородцевъ; ихъ оставалось мало: лучшіе люди были схвачены Ярославомъ, а изъ меньшихъ одни разошлись, другіе померли съ голоду; но Мстиславъ не унывалъ; онъ созвалъ вѣче на Ярославскомъ дворѣ и сказалъ народу: „Пойдемте искать свою братью и своихъ волостей, чтобъ не былъ Торжокъ Новгородомъ, а Новгородъ Торжкомъ, но гдѣ Св. Софія,—тамъ и Новгородъ; и въ-силѣ Богъ, и въ-малѣ Богъ да правда!" — и Новгородцы рѣшились идти за нимъ.

1-го марта 1216 года, въ первый день новаго года по тогдашнему счету, выступилъ Мстиславъ съ Новгородцами на зятя своего Ярослава, и черезъ день же обнаружилось, какъ сильно было раздѣленіе и вражда сторонъ въ Новгородѣ: несмотря на то, что въ Новгородѣ всѣ цѣловали крестъ стоять единодушно за Мстислава, четыре человѣка, собравшись съ женами и дѣтьми, побѣжали къ Ярославу [1]). Мстиславъ отправился озеромъ Селигеромъ, и, вошедши въ свою Торопецкую волость, сказалъ Новгородцамъ: „Ступайте сбирать припасы, только людей не берите въ плѣнъ"; — тѣ пошли, набрали корму для себя и для лошадей, и когда достигли верховьевъ Волги, то получили вѣсть, что братъ Ярославовъ, Святославъ Всеволодовичъ, съ десятитысячнымъ войскомъ осадилъ Мстиславовъ городъ Ржевку, гдѣ посадникъ Ярунъ отбивался отъ него съ сотнею человѣкъ. У Мстислава съ братомъ Владиміромъ Псковскимъ было всего 500 человѣкъ войска; несмотря на то, они двинулись на выручку Ржевки, и Святославъ побѣжалъ отъ нея, не дожидавшись новгородскихъ полковъ; а Мстиславъ пошелъ дальше и занялъ Зубцовъ, городъ Ярославовъ. На рѣкѣ Вазузѣ настигъ его двоюродный братъ, Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій, съ своими полками; несмотря на эту помощь, Мстиславъ не хотѣлъ идти дальше и, ставши на рѣкѣ Холохольнѣ [2]), послалъ въ Торжокъ къ Ярославу съ мирными предложеніями; но тотъ велѣлъ отвѣчать: „Мира не хочу; пошли,—такъ ступайте; на одного вашего придется по сту нашихъ". Ростиславичи, получивъ этотъ отвѣтъ, сказали другъ другу: „Ты, Ярославъ съ плотію, а мы съ крестомъ честнымъ",—и стали думать, куда бы пойти дальше; Новгородцы, которымъ прежде всего хотѣлось очистить свою волость, уговаривали князей идти къ Торжку; но тѣ отвѣчали имъ: „Если пойдемъ къ Торжку, то попустошимъ Новгородскую волость; пойдемъ лучше къ Переяславлю: тамъ у насъ есть третій другъ": Ростиславичи были увѣрены, что Константинъ Ростовскій вступитъ въ союзъ съ ними противъ младшихъ братьевъ. Они двинулись къ Твери, и стали брать села и жечь ихъ, а объ Ярославѣ не знали, гдѣ онъ—въ Торжкѣ или Твери! Услыхавъ, что Ростиславичи воюютъ тверскія села, онъ выѣхалъ изъ Торжка въ Тверь, взявши съ собою старшихъ бояръ и Новгородцевъ, молодыхъ по выбору, а Новоторжцевъ—всѣхъ, и послалъ изъ нихъ сто человѣкъ съ небольшимъ отборныхъ людей въ-сторожу; но въ 15 верстахъ отъ города, 25 марта, наѣхалъ на нихъ воевода Мстиславовъ Ярунъ съ молодою дружиною, тридцать три человѣка взялъ въ плѣнъ, семьдесять положилъ на мѣстѣ, остальнымъ удалось убѣжать въ Тверь.

Получивши этотъ первый успѣхъ, который далъ ратникамъ ихъ возможность безпрепятственно собирать съѣстные припасы, Ростиславичи послали смоленскаго боярина Яволода въ Ростовъ, къ князю Константину Всеволодовичу, приглашать его къ союзу противъ братьевъ; провожать посла до рубежа отправили Владиміра Псковскаго съ Псковичами и Смольнянами, а сами съ Новгородцами пошли дальше, пожгли села по рѣкамъ Шошѣ и Дубнѣ, тогда какъ Владиміръ Псковскій взялъ городъ Константиновъ (Кснятинъ), на устьи Большой Мерли, и пожегъ все Поволжье. Константинъ Ростовскій не замедлилъ отвѣтомъ; онъ послалъ воеводу своего Еремѣя сказать Ростиславичамъ: „Князь Константинъ кланяется вамъ; обрадовался онъ, услыхавши о вашемѣ приходѣ, и посылаетъ вамъ въ помощь 500 человѣкъ, а для остальныхъ рядовъ пошлите къ нему шурина его Всеволода (сына Мстислава Романовича Кіевскаго)". Ростиславичи отпустили къ нему Всеволода съ сильнымъ отрядомъ, а сами пошли внизъ по Волгѣ; потомъ, чтобъ скорѣе окончить походъ, бросили возы и, сѣвши на коней, поѣхали къ Переяславлю. 9 апрѣля, въ Свѣтлое Воскресенье, къ Ростиславичамъ, стоявшимъ на рѣкѣ Сарѣ [3]), пришелъ Константинъ Ростовскій съ своими полками; но онъ боялся, что оставилъ свой городъ безъ защиты, почему Ростиславичи отправили въ Ростовъ Владиміра Псковскаго съ дружиною, а сами съ Константиномъ пошли къ Переяславлю и стали противъ него на Ѳоминой недѣлѣ. Здѣсь, подъ городскими стѣнами, они захватили въ плѣнъ одного человѣка, отъ котораго узнали, что Ярослава нѣтъ въ городѣ,—пошелъ къ брату Юрію съ полками, съ Новгородцами и Новоторжанами, а князь Юрій съ братьями, Святославомъ и Владиміромъ, выступилъ также изъ своего города. Войско младшіе Всеволодовичи собрали большое, Муромцевъ, Бродниковъ, Городчанъ и всю силу Суздальской Земли, погнали всѣхъ и изъ селъ; у кого не было лошади, тотъ шелъ пѣшкомъ. „Страшное было чудо и дивное, братья! говоритъ лѣтописецъ: пошли сыновья на отца, отцы на дѣтей, братъ на брата, рабы на господина, а господинъ на рабовъ" [4]). Яро-

[1]) Ихъ имена: Володиславъ, Завидицъ, Гаврила Игоревицъ, Гюрги Олъксиницъ, Гаврилицъ Милятиницъ.

[2]) Впадаетъ въ Волгу, ниже обѣихъ рѣкъ Старицъ, при селеніи Холохольнѣ.

[3]) Ярославской губерніи, Ростовскаго уѣзда.

[4]) Какимъ же образомъ это случилось? Не должно

славъ и Юрій съ братьями стали на рѣкѣ Кзѣ, Мстиславъ и Владиміръ съ Новгородцами поставили полки свои близъ Юрьева, а Константинъ Ростовскій сталъ дальше съ своими полками, на рѣкѣ Липицѣ. Когда Ростиславичи завидѣли полки Ярославовы и Юрьевы, то послали сотскаго Ларіона сказать Юрію: „Кланяемся; у насъ съ тобою нѣтъ ссоры, ссора у насъ съ Ярославомъ"; Юрій отвѣчалъ: „Мы съ братомъ Ярославомъ одинъ человѣкъ". Тогда они послали сказать Ярославу: „Отпусти Новгородцевъ и Новоторжанъ, возврати волости новгородскія, которыя ты захватилъ, Волокъ; съ нами помирись и крестъ цѣлуй, а крови не проливай". Ярославъ отвѣчалъ: „Мира не хочу, Новгородцевъ и Новоторжанъ при себѣ держу; вы далеко шли и вышли какъ рыба на сухо". Когда Ларіонъ пересказалъ всѣ эти слова Ростиславичамъ, тѣ отправили къ обоимъ братьямъ съ послѣднею рѣчью: „Мы пришли, братъ князь Юрій и Ярославъ, не на кровопролитіе; крови не дай намъ Богъ видѣть, лучше управиться прежде; мы всѣ одного племени,—такъ дадимъ старшинство князю Константину, и посадите его во Владимірѣ, а вамъ Суздальская Земля вся". Юрій отвѣчалъ на это послу: „Скажи братьѣ моей, князьямъ Мстиславу и Владиміру: пришли, такъ ступайте куда хотите; а брату князю Константину скажи: перемоги насъ,—и тогда тебѣ вся Земля".

Младшіе Всеволодовичи, ободренные мирными предложеніями враговъ, видя въ этомъ признакъ слабости, отчаяннаго положенія, начали пировать съ боярами; на пиру одинъ старый бояринъ, Андрей Станиславичъ [1]), сталъ говорить молодымъ князьямъ: „Миритесь, князья Юрій и Ярославъ! а меньшая братья въ вашей волѣ; по моему лучше бы помириться и дать старшинство князю Константину; нечего смотрѣть, что передъ нами мало Ростиславова племени, да князья-то все они мудрые, смышленые, храбрые; мужи ихъ — Новгородцы и Смольняне смѣлы на бою, а про Мстислава Мстиславича и сами знаете въ томъ племени, что дана ему отъ Бога храбрость больше всѣхъ; такъ подумайте-ка, господа, объ этомъ!" Не люба была эта рѣчь князьямъ Юрію и Ярославу, и одинъ изъ Юрьевыхъ бояръ сказалъ: „Князья Юрій и Ярославъ! не было того ни при прадѣдахъ, ни при дѣдѣ, ни при отцѣ вашемъ, чтобъ кто-нибудь вошелъ ратью въ сильную Землю Суздальскую и вышелъ изъ нея цѣлъ, хотябъ тутъ собралась вся Русская Земля, и Галицкая, и Кіевская, и Смоленская, и Черниговская, и Новгородская, и Рязанская,—никакъ имъ не устоять противъ нашей силы; а эти-то полки— да мы ихъ сѣдлами закидаемъ". Эта рѣчь понравилась князьямъ; они созвали бояръ своихъ и начали имъ говорить: „Когда достанется намъ непріятельскій обозъ въ руки, то вамъ будутъ кони, брони, платье, а кто вздумаетъ взять живого человѣка, тотъ будетъ самъ убитъ; у кого и золотомъ будетъ шитое платье,—и того убивай, не оставимъ ни одного въ живыхъ; кто изъ полку побѣжитъ и будетъ схваченъ,—такихъ вѣшать или распинать; а о князьяхъ, если достанутся намъ въ руки, подумаемъ послѣ". Отпустивши людей своихъ, князья вошли въ шатеръ и начали дѣлить волости; князь Юрій сказалъ: „Мнѣ, братъ Ярославъ, Владимірская земля и Ростовская, тебѣ— Новгородъ, Смоленскъ—брату нашему Святославу, Кіевъ отдай черниговскимъ князьямъ, а Галичъ намъ же". Младшіе братья согласились, поцѣловали крестъ и написали грамоты. Здѣсь всего любопытнѣе для насъ презрѣніе сѣверныхъ князей къ Кіеву, съ которымъ для ихъ предковъ и для всѣхъ южныхъ князей соединялась постоянно мысль о старшинствѣ, о высшей чести; но богатый Галичъ Всеволодовичи берутъ себѣ.

Подѣливши между собою всѣ русскіе города, Юрій съ Ярославомъ стали звать враговъ на бой; Ростиславичи, съ своей стороны, призвали князя Константина, долго думали съ нимъ, взяли съ него клятву, что не будетъ въ немъ перевѣту къ братьямъ, и двинулись въ ночь къ ростовскому стану на рѣку Липицу; во всѣхъ полкахъ ихъ раздавались крики, въ Константиновомъ войскѣ трубили въ трубы. Это навело страхъ на Юрія и Ярослава, они отступили за дебрь и расположили свои полки на Авдовой горѣ; Ростиславичи на разсвѣтѣ пришли къ Липицамъ, и видя, что враги отступили на Авдову гору, расположились на противоположной горѣ, Юріевой, и послали къ Всеволодичамъ троихъ мужей опять съ мирными предложеніями: „А не дадите мира, велѣли они сказать имъ, такъ отступите подальше на ровное мѣсто, а мы пойдемъ на вашу сторону; или мы отойдемъ къ Липицамъ, а вы перейдете на наши станы". Князь Юрій отвѣчалъ: „Ни мира не беру, ни отступаю; вы прошли черезъ всю землю, такъ неужели этой дебри не перейдете?" Всеволодовичи надѣялись на свои укрѣпленія: они обвели свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ, боясь, чтобъ Ростиславичи не ударили на нихъ въ ночь. Получивши ихъ отвѣтъ, Ростиславичи послали своихъ молодыхъ людей биться противъ Ярославовыхъ полковъ; тѣ бились цѣлый день до ночи, но бились не усердно, потому что была буря и очень холодно. На другое утро, 21 апрѣля, въ четвергъ, на второй недѣлѣ по пасхѣ, Ростиславичи рѣшились-было идти прямо ко Владиміру, не схватываясь съ непріятелемъ, и полки ихъ стали уже готовиться къ вы-

---

забывать лѣтописнаго извѣстія, гдѣ говорится о смутѣ по смерти Всеволода, когда одни признали старшинство Юрія и остались у него, а другіе пошли къ Константину въ Ростовъ; могло случиться, что члены одного семейства могли разойтись такимъ образомъ въ разныя стороны; бояре, убѣжавшіе въ Ростовъ, оставили села во Владимірской области, и теперь рабы ихъ, погнанные изъ поселій, шли противъ нихъ съ Юріемъ; не забудемъ также, что Новгородцы, преданные Ярославу, шли противъ своихъ братій, находившихся съ Мстиславомъ.

[1]) Никон. II, 325.

ступленію; видя это, полки Юрьевы начали также сходить съ своей горы, думая, что враги бѣгутъ; но тѣ остановились и опрокинули ихъ назадъ. Въ это время явился князь Владиміръ Псковскій изъ Ростова; Ростиславичи стали думать куда идти, причемъ Константинъ сказалъ имъ: „Братья, князь Мстиславъ и Владиміръ! если пойдемъ мимо нихъ, то ударятъ на насъ въ тылъ, а потомъ мои люди на бой не охочи, того и гляди, что разойдутся по городамъ". На это Мстиславъ отвѣчалъ: „Князь Владиміръ и Константинъ! гора намъ не поможетъ, гора насъ и не побѣдитъ; призвавши на помощь крестъ честный и свою правду, пойдемъ къ нимъ". Всѣ согласились и начали ставить полки: Владиміръ Рюриковичъ Смоленскій поставилъ полки свои съ краю, подлѣ него сталъ Мстиславъ и Всеволодъ съ Новгородцами, да Владиміръ Псковскій съ Псковичами, а подлѣ него сталъ князь Константинъ съ Ростовцами; съ противной стороны Ярославъ сталъ своими полками, т.-е. переяславскими и тверскими, также съ муромскими, съ Городчанами и Бродниками противъ Владиміра и Смольнянъ; Юрій сталъ противъ Мстислава и Новгородцевъ со всею Землею Суздальскою, а меньшіе братья—противъ князя Константина.

Мстиславъ и Владиміръ начали ободрять своихъ Новгородцевъ и Смольнянъ: „Братья! говорили они имъ, вошли мы въ землю сильную,—такъ, положивши надежду на Бога, станемъ крѣпко; нечего намъ озираться назадъ: побѣжавши не уйти; забудемъ, братья, про домы, женъ и дѣтей; вѣдь надобно же будетъ когда нибудь умереть! ступайте, кто какъ хочетъ, кто пѣшъ, кто на конѣ". Новгородцы отвѣчали: „Мы не хотимъ помирать на коняхъ; хотимъ биться пѣши, какъ отцы наши бились на Кулакшѣ". Мстиславъ обрадовался этому, и Новгородцы, сойдя съ лошадей, посметавши съ себя порты и сапоги, ударались бѣжать босые на враговъ, Смольняне побѣжали за ними также пѣшкомъ, за Смольнянами князь Владиміръ отрядилъ Ивора Михайловича съ полкомъ, а старшіе князья и всѣ воеводы поѣхали сзади на лошадяхъ. Когда полкъ Иворовъ въѣхалъ въ дебрь, то подъ Иворомъ споткнулся конь, что заставило его пріостановиться; но пѣшіе, не дожидаясь Ивора, ударили на пѣшіе полки Ярославовы съ крикомъ, бросая палки и топоры; Суздальцы не выдержали и побѣжали; Новгородцы и Смольняне стали ихъ бить, подсѣкли стягъ Ярославовъ, а когда приспѣлъ Иворъ, то досѣклись и до другого стяга. Увидавши это, Мстиславъ сказалъ Владиміру Рюриковичу: „Не дай намъ Богъ выдать добрыхъ людей!" — и всѣ князья разомъ ударили на враговъ сквозь свою пѣхоту. Мстиславъ трижды проѣхалъ по вражьимъ полкамъ, посѣкая людей; былъ у него на рукѣ топоръ съ паворозою, которымъ онъ и рубилъ; князь Владиміръ не отставалъ отъ него; и, послѣ лютой битвы, досѣклись наконецъ до обоза Всеволодовичей; тогда послѣдніе, видя, что Ростиславичи жнутъ ихъ полки какъ колосья, побѣжали вмѣстѣ съ муромскими князьями, а князь Мстиславъ закричалъ своимъ: „Братья Новгородцы! не останавливайтесь надъ товаромъ, доканчивайте бой, а то воротятся назадъ и взметутъ васъ". „Новгородцы, говоритъ лѣтописецъ, отстали отъ обоза и бились, а Смольняне напали на добычу, одирали мертвыхъ, о битвѣ же не думали. Великъ, братья, промыслъ Божій, говоритъ тотъ же лѣтописецъ: на этомъ страшномъ побоищѣ пало только пять человѣкъ Новгородцевъ, да одинъ Смольянинъ,—всѣ сохранены были силою честнаго креста и правдою; съ противной стороны было убито множество, а въ плѣнъ взято 60 человѣкъ во всѣхъ станахъ; если бы князь Юрій и Ярославъ знали это да вѣдали, то мирились бы, потому что слава ихъ и хвала погибла, и полки сильные ни во что пошли; было у князя Юрія 13 стяговъ, трубъ и бубновъ 60; говорили и про Ярослава, что у него было стяговъ 16, а трубъ и бубновъ 40. Люди больше всего жаловались на Ярослава: отъ тебя, говорили они, потерпѣли мы такую бѣду, о твоемъ клятвопреступленіи сказано: придите, птицы небесныя, напитайтесь крови человѣческой; звѣри! наѣшьтесь мясъ человѣческихъ. Не десять человѣкъ убито, не сто, но всѣхъ избито 9233 человѣка: крикъ, вытье раненыхъ слышны были въ Юрьевѣ и около Юрьева; не было кому погребать, многіе перетонули во время бѣгства въ рѣкѣ; иные, раненые, зашедши въ пустое мѣсто, умерли безъ помощи; живые побѣжали—одни къ Владиміру другіе къ Переяславлю, нѣкоторые въ Юрьевъ".

Юрій прибѣжалъ во Владиміръ на четвертомъ конѣ, а трехъ заморилъ, прибѣжалъ въ одной первой сорочкѣ, подкладъ и тотъ бросилъ; онъ пріѣхалъ около полудня, а схватка была въ обѣденную пору. Во Владимірѣ оставался одинъ безоружный народъ, попы, монахи, жены да дѣти; видя издали, что кто-то скачетъ къ нимъ на конѣ, они обрадовались, думая, что то вѣстникъ отъ князя съ побѣдою: „Наши одолѣваютъ", говорили они. И вдругъ пріѣзжаетъ самъ князь Юрій одинъ, начинаетъ ѣздить около города, кричитъ: „Укрѣпляйте стѣны!" Всѣ смутились; вмѣсто веселья поднялся плачъ; къ вечеру и въ ночь стали прибѣгать и простые люди; одинъ прибѣжитъ раненый, другой нагой. На другое утро Юрій созвалъ народъ и сталъ говорить: „Братья Владимірцы! затворимся въ городѣ, авось отобьемся отъ нихъ". Ему отвѣчали: „Князь Юрій! съ кѣмъ намъ затвориться? братья наши избиты, другіе взяты въ плѣнъ, остальные пришли безъ оружья,—съ кѣмъ намъ стать?" Юрій сказалъ: „Все это я самъ знаю; только не выдайте меня брату Константину и Ростиславичамъ, чтобъ можно было выйдти по своей волѣ изъ города". Это Владимірцы ему обѣщали.—Ярославъ также прибѣжалъ въ Переяславль на пятомъ конѣ, а четырехъ заморилъ, и затворился въ городѣ. Не довольно было ему перваго зла, говоритъ лѣтописецъ, не насытился крови человѣческой, избивши въ Нов-

городѣ много людей и въ Торжкѣ, и на Волокѣ; этого было ему все мало; прибѣжавши въ Переяславль, онъ велѣлъ и тутъ теперь перехватить всѣхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, зашедшихъ въ землю его для торговли, и велѣлъ ихъ покидать—однихъ въ погреба, другихъ запереть въ тѣсной избѣ, гдѣ они и перемерли всѣ, числомъ полтораста; на Смольнянъ онъ не такъ злобился, и велѣлъ запереть ихъ 15 человѣкъ особо, отчего они всѣ и остались живы. Не такъ поступали князья изъ милостиваго племени Ростиславова: они остальную часть дня оставались на мѣстѣ побоища; а если-бы погнались за непріятелемъ, то князьямъ Юрію и Ярославу не уйти бы, да и Владиміръ былъ бы взятъ врасплохъ; но Ростиславичи тихо пришли ко Владиміру, объѣхали и стали думать, откуда взять; а когда ночью загорѣлся княжій дворъ и Новгородцы хотѣли воспользоваться этимъ случаемъ для приступа, то Мстиславъ не пустилъ ихъ; черезъ день вспыхнулъ опять пожаръ въ городѣ и горѣло до свѣта; Смольняне также стали проситься на приступъ, но князь Владиміръ не пустилъ ихъ [1]). Тогда князь Юрій выслалъ къ осаждающимъ князьямъ съ челобитьемъ: „Не ходите на меня ныньче, а завтра самъ пойду изъ города." И, точно, на другой день, рано утромъ, выѣхалъ онъ изъ города, поклонился князьямъ Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, и сказалъ: „Братья! вамъ челомъ бью; вамъ животъ дать и хлѣбомъ меня накормить, а братъ мой Константинъ въ вашей волѣ".—Онъ далъ имъ богатые дары; тѣ помирились съ нимъ, помирили его и съ братомъ Константиномъ, который взялъ себѣ Владиміръ, а Юрій долженъ былъ удовольствоваться Радиловымъ городцомъ на Волгѣ; владыка, княгиня и весь дворъ сѣли немедленно въ лодки и поплыли внизъ по Клязьмѣ, а самъ князь Юрій, зашедши передъ отъѣздомъ въ соборную церковь, сталъ на колѣни у отцовскаго гроба и со слезами сказалъ: „Суди Богъ брату моему Ярославу, что довелъ меня до этого". Проводивши Юрія, Владимірцы—духовенство и народъ—пошли встрѣчать новаго князя Константина, который богато одарилъ въ тотъ день князей и бояръ, а народъ привелъ къ присягѣ себѣ. Между тѣмъ, Ярославъ все злобился и не хотѣлъ покоряться, заперся въ Переяславлѣ и думалъ, что отсидится здѣсь; но когда Ростиславичи съ Константиномъ двинулись къ Переяславлю, то онъ испугался и сталъ слать къ нимъ съ просьбою о мирѣ, а наконецъ и самъ пріѣхалъ къ брату Константину, ударилъ ему челомъ и сказалъ: „Господинъ! я въ твоей волѣ; не выдай меня тестю моему Мстиславу и Владиміру Рюриковичу, а самъ накорми меня хлѣбомъ". Константинъ помирилъ его съ Мстиславомъ еще на дорогѣ, и когда князья пришли къ Переяславлю, то Ярославъ одарилъ ихъ и воеводъ богатыми дарами; Мстиславъ, взявши дары, послалъ въ городъ за дочерью своей, женою Ярославовою, и за Новгородцами, которые остались въ живыхъ и которые находились въ полкахъ съ Ярославомъ; тотъ не разъ послѣ этого посылалъ къ нему съ просьбою отдать ему жену, но Мстиславъ не согласился.

Такъ Мстиславъ уничтожилъ завѣщаніе Всеволода III, возстановилъ повидимому старину на сѣверѣ, хотя собственно здѣсь торжествомъ Константина прокладывался путь къ торжеству новаго порядка вещей, потому что старшій братъ становился матеріально несравненно сильнѣе младшихъ, получивъ и Ростовъ, и Владиміръ, чего прежде желалъ. Племени Константинову слѣдовало теперь усиливаться на счетъ остальныхъ сыновей Всеволодовыхъ; но судьба хотѣла иначе и предоставляла честь собранія Сѣверной Руси племени третьяго сына Всеволода, того самаго Ярослава, который былъ виновникомъ описанныхъ событій. Слабый здоровьемъ, Константинъ не долго накняжилъ во Владимірѣ; онъ чувствовалъ приближеніе смерти, видѣлъ сыновей своихъ несовершеннолѣтними, потому спѣшилъ помириться съ братомъ Юріемъ, чтобъ не оставить въ немъ для послѣднихъ опаснаго врага; уже въ слѣдующемъ 1217 году онъ вызвалъ къ себѣ Юрія, далъ ему Суздаль, обѣщалъ и Владиміръ по своей смерти, много дарилъ и заставилъ поцѣловать крестъ—разумѣется, на томъ, чтобъ быть отцомъ для племянниковъ. Въ 1218 году Константинъ послалъ старшаго сына своего Василька на столъ Ростовскій, а Всеволода—на Ярославскій; по словамъ лѣтописца, онъ говорилъ имъ: „Любезные сыновья мои! будьте въ любви между собою, всею душою бойтесь Бога, соблюдая Его заповѣди, подражайте моимъ нравамъ и обычаямъ: нищихъ и вдовъ не презирайте, церкви не отлучайтеся, іерейскій и монашескій чинъ любите, книжнаго поученья слушайтесь, слушайтесь и старшихъ, которые васъ добру учатъ, потому что вы оба еще молоды; я чувствую, дѣти, что конецъ мой приближается, и поручаю васъ Богу, Пречистой Его Матери, брату и господину Юрію, который будетъ вамъ вмѣсто меня". Константинъ умеръ 2 февраля 1218 года; лѣтописецъ распространяется въ похвалахъ его кротости, милосердію, попеченію о церквахъ и духовенствѣ; говоритъ, что онъ часто читалъ книги съ прилежаньемъ и дѣлалъ все по писанному въ нихъ. Послѣ имя Константина поминается съ прозваніемъ *добрый*. — Братъ его Юрій сталъ по-прежнему княжить во Владимірѣ.

Съ княжествомъ Суздальскимъ по природнымъ условіямъ тѣсно были соединены княжества Рязанское и Муромское. Князь Муромскій Давидъ [2]) ходилъ постоянно въ волѣ Великаго Всеволода, помогалъ ему въ покореніи рязанскихъ князей; во время Липицкой битвы муромскіе князья съ своими полками находились въ войскѣ младшихъ Всеволодовичей. Рязанскіе князья были отпущены Юріемъ

[1]) Этотъ двукратный пожаръ, быть можетъ, былъ произведенъ пріятелями Константина.

[2]) Наслѣдовавшій Владиміру Юрьевичу, умершему въ 1203 году.

изъ плѣна въ свои волости, но недолго жили здѣсь въ мирѣ: тотъ самый Глѣбъ Владиміровичъ, который прежде съ братомъ Олегомъ обносилъ остальную братью предъ Всеволодомъ III, теперь съ другимъ братомъ Константиномъ вздумалъ истребить всѣхъ родичей и княжить вдоемъ во всей Землѣ Рязанской. Мы видѣли причины сильной вражды между Ярославичами рязанскими въ крайнемъ раздробленіи волостей; причину же братоубійственнаго намѣренія Владиміровичей, почти единственнаго примѣра [1]) между русскими князьями послѣ Ярослава, можно объяснить изъ большой грубости, одичалости нравовъ въ Рязани, этой оторванной, отдаленной славяно-русской колоніи на финскомъ востокѣ. Какъ бы то ни было, въ 1217 году, во время съѣзда рязанскихъ князей для родственнаго совѣщанія, Владиміровичи позвали остальную братью— шестерыхъ князей [2])—на пиръ къ себѣ въ шатеръ; тѣ, ничего не подозрѣвая, отправились къ нимъ съ своими боярами и слугами; но когда начали пить и веселиться, то Глѣбъ съ братомъ, вынувши мечи, бросились на нихъ съ своими слугами и Половцами, скрывшимися подлѣ шатра; всѣ гости были перебиты. Остался въ живыхъ не бывшій на съѣздѣ Ингварь Игоревичъ, который и удержалъ за собою Рязань; Глѣбъ въ 1219 году пришелъ на него съ Половцами, но былъ побѣжденъ и едва успѣлъ уйти.

Мстиславъ, возвратившись съ побѣдою въ Новгородъ, не долго оставался въ немъ: въ слѣдующемъ же 1217 году онъ ушелъ въ Кіевъ, оставивъ въ Новгородѣ жену и сына Василія, и взявши съ собою троихъ бояръ, въ томъ числѣ стараго посадника Юрія Иванковича; какъ видно, отъ взялъ ихъ въ заложники за безопасность жены и сына: такъ сильна была вражда сторонъ и возможность торжества стороны суздальской! На существованіе этой вражды, на существованіе въ Новгородѣ людей, непріязненныхъ Мстиславу, указываетъ извѣстіе, что Мстиславъ, по возвращеніи въ Новгородъ въ томъ же году, долженъ былъ схватить Станимира Дерновича съ сыномъ Нѣздилою, заточить ихъ въ оковахъ, взявши себѣ богатое имѣніе ихъ, а въ 1218 году онъ пошелъ въ Торжокъ, и схватилъ тамъ Борислава Некуришинича, причемъ также овладѣлъ большимъ имѣніемъ; послѣ однако всѣ эти люди были выпущены на свободу. Въ томъ же году Мстиславъ созвалъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софіи, гробу отца моего и вамъ; хочу поискать Галича, а васъ не забуду; дай мнѣ Богъ лечь подлѣ отца у Св. Софіи". Новгородцы сильно упрашивали его: „Не ходи, князь!"—но не могли удержать его. Проводивши Мстислава, Новгородцы послали въ Смоленскъ за племянникомъ его, Святославомъ, сыномъ Мстислава Романовича; но въ томъ же 1218 году встала смута: какъ-то Матей Душильчевичъ, связавши одного чиновника Моисеича, убѣжалъ; бѣглеца схватили и привели на Городище, какъ вдругъ пронесся въ городѣ ложный слухъ, что посадникъ Твердиславъ выдалъ Матея князю [3]); встало волненіе: жители Зарѣчья (Онипловцы) зазвонили у Св. Николы и звонили цѣлую ночь, а жители Неревскаго конца стали звонить у 40 Святыхъ, сбирая также людей на Твердислава. Князь, услыхавъ о мятежѣ, выпустилъ Матея; но народъ уже не могъ успокоиться: Ониполовцы выступили въ броняхъ [4]), какъ на рать; Неревляне—также, а Загородцы не присоединились ни къ тѣмъ, ни къ другимъ, но смотрѣли что будетъ. Тогда Твердиславъ, взглянувши на Св. Софію, сказалъ: „Если я виноватъ, то пусть умру; если же правъ, то Ты меня оправи, Господи!"—и пошелъ на бой съ Людинымъ концомъ и съ жителями Прусской улицы. Битва произошла у городскихъ воротъ, и Ониполовцы съ Неревцами обратились въ бѣгство, потерявши изъ своихъ Ивана Душильчевича, Матеева брата, а Неревляне—Константина Прокопьича, да, кромѣ этихъ, еще шесть человѣкъ. Побѣдители, жители Людина конца и Прусской улицы, потеряли по одному человѣку, а раненыхъ было много съ обѣихъ сторонъ. Цѣлую недѣлю послѣ этого побоища все были вѣча въ городѣ; наконецъ сошлись братья вмѣстѣ единодушно и цѣловали крестъ. Но тутъ князь Святославъ прислалъ своего тысяцкаго на вѣче: „Не могу, говорилъ князь, быть съ Твердиславомъ, и отнимаю у него посадничество". Новгородцы спросили: „А какая вина его"?—„Безъ вины", велѣлъ отвѣчать князь. Тогда Твердиславъ сказалъ: „Тому я радъ, что вины на мнѣ нѣтъ никакой; а вы, братья, вольны и въ посадничествѣ, и въ князьяхъ". Новгородцы велѣли отвѣчать Святославу: „Князь! если Твердиславъ ни въ чемъ не виноватъ, то ты намъ клялся безъ вины не отнимать ни у кого должности; тебѣ кланяемся, а вотъ нашъ посадникъ, и до того не допустимъ, чтобъ отняли у него безъ вины посадничество". Святославъ не настаивалъ больше,—и наступило спокойствіе.

Въ слѣдующемъ году Мстиславъ Романовичъ, князь Кіевскій, прислалъ въ Новгородъ сына своего Всеволода: „Примите къ себѣ, велѣлъ онъ сказать Новгородцамъ, этого Всеволода, а Святослава старшаго отпустите ко мнѣ". Новгородцы исполнили его волю. Тою же зимою Семьюнъ Еминъ съ отрядомъ изъ четырехъ сотъ человѣкъ пошелъ на финское племя Тоймокаровъ [5]); но суздальскіе князья, ни

---

[1]) Вспомнимъ, что Ростиславичей галицкихъ только подозрѣвали въ смерти Ярополка Изяславича.

[2]) Изяслава, Кюръ Михаила, Ростислава, Святослава, Глѣба и Романа.

[3]) Какъ принимать здѣсь слово *выдалъ?* въ смыслѣ ли физическомъ—отдалъ, сдалъ, или въ томъ смыслѣ, что онъ выдалъ его на судѣ, т. е. не вступился за него предъ княземъ? По слѣдующему извѣстію, что князь выпустилъ Матея, можно принимать первое, но можно также принять и то, и другое.

[4]) «И пойдоша они половици и до дѣтіи въ бръняхъ».— Принимать ли здѣсь и *до дѣтіи*, т. е. даже и до дѣтей, или видѣть въ: и *до дѣтіи* испорченное *изодѣтіи?*

[5]) Арцыбашевъ думаетъ, что эти Тоймокары были жители рѣки Тоймы; онъ приводитъ слѣдующее мѣсто изъ

Юрій, ни Ярославъ не пропустили ихъ чрезъ свою землю; принужденные возвратиться назадъ въ Новгородъ, Семьюнъ съ товарищами стали шатрами по полю, а въ городѣ начали распускать слухъ, что посадникъ Твердиславъ и тысяцкій Якунъ нарочно заслали къ Юрію, чтобъ онъ не пускалъ ихъ, и этими слухами взволновали городъ; Твердиславъ и Якунъ лишены были своихъ должностей, посадничество отдано Семену Борисовичу, кажется, внуку знаменитаго Мирошки, а тысяча Семьюну Емину. Но оба они и году не пробыли въ своихъ должностяхъ: въ томъ же 1219 году посадничество опять отдано было Твердиславу, а тысяча Якуну. Смуты, борьба сторонъ касались даже и владыкъ: мы видѣли, что Мстиславъ съ своими приверженцами свергнулъ владыку Митрофана, какъ избранника Всеволодова; но, по уходѣ Мстислава, въ 1218 году Митрофанъ возвратился изъ Владиміра въ Новгородъ и сталъ жить въ Благовѣщенскомъ монастырѣ; въ 1218 году, когда преемникъ его, Антоній, пошелъ въ Торжокъ, Новгородцы провозгласили опять Митрофана своимъ владыкою; а къ Антонію послали сказать: „Ступай, куда тебѣ любо"; онъ отправился на житье въ Спасонередицкій монастырь; наконецъ князь Всеволодъ и Новгородцы сказали обоимъ владыкамъ: „Ступайте къ митрополиту въ Кіевъ, и кого онъ изъ васъ пришлетъ опять къ намъ,—тотъ и будетъ нашимъ владыкою". Въ 1220 году пришелъ назадъ архіепископъ Митрофанъ, оправданный Богомъ и Св. Софіею, по выраженію лѣтописца. Антонія же митрополитъ удержалъ у себя въ чести, и далъ ему епископство Перемышльское.

Всеволодъ Мстиславичъ наслѣдовалъ вражду брата своего Святослава къ посаднику Твердиславу: въ 1220 году онъ отправился по своимъ дѣламъ въ Смоленскъ, оттуда проѣхалъ въ Торжокъ, и когда возвратился въ Новгородъ, то поднялъ половину его жителей на Твердислава, хотѣлъ убить его, а Твердиславъ былъ въ это время боленъ. Всеволодъ пошелъ съ городища, гдѣ жилъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, одѣвшись въ брони, какъ на рать, и пріѣхалъ на дворъ Ярославовъ, куда сошлись къ нему Новгородцы, также вооруженные, и стали полкомъ на княжомъ дворѣ; больного Твердислава вывезли на саняхъ къ Борисоглѣбской церкви, куда къ нему на защиту собрались жители Прусской улицы, Людина конца, Загородцы, и стали около него пятью полками. Князь, увидавши, что они хотятъ крѣпко отдать свой животъ, по выраженію лѣтописца, не поѣхалъ на нихъ, но прислалъ владыку Митрофана съ добрыми рѣчами, и владыка успѣлъ помирить обѣ стороны. Но Твердиславъ самъ отказался отъ посадничества по причинѣ болѣзни, и, видя, что болѣзнь все усиливается, тайкомъ отъ жены и дѣтей, и всей братьи, ушелъ въ Аркажь монастырь и тамъ постригся. Въ преемники ему былъ избранъ Иванко Дмитріевичъ, какъ видно, сынъ Димитрія Якунича.

Между тѣмъ примиреніе князя Всеволода съ Твердиславовою стороною не было прочно; въ слѣдующемъ же 1221 году Новгородцы показали путь Всеволоду; „Не хотимъ тебя, ступай, куда хочешь", сказали они ему. Необходимымъ слѣдствіемъ изгнанія Ростиславича было обращеніе къ Юрьевичамъ Суздальскимъ, и вотъ владыка Митрофанъ, посадникъ Иванко, старѣйшіе мужи отправились во Владиміръ къ Юрію Всеволодовичу за сыномъ, и тотъ далъ имъ сына Всеволода на всей ихъ волѣ. Послѣ Липицкой битвы суздальскимъ князьямъ нельзя было вдругъ опять начать прежнее поведеніе съ Новгородцами; Юрій, какъ видно, былъ очень радъ обращенію Новгородцевъ къ своему племени; богато одарилъ владыку и другихъ пословъ, и прислалъ брата своего Святослава съ войскомъ на помощь Новгородцамъ противъ Чуди. Но Юрьеву сыну не понравилось въ Новгородѣ: въ томъ же году онъ тайкомъ выѣхалъ оттуда со всѣмъ дворомъ своимъ; Новгородцы опечалились и отправили снова старшихъ мужей сказать Юрію: „Если тебѣ не угодно держать Новгорода сыномъ, такъ дай намъ брата". И Юрій далъ имъ брата своего Ярослава, того самаго, который прежде поморилъ ихъ голодомъ. Новгородцы были рады Ярославу, говоритъ лѣтописецъ, и когда, въ 1223 году, онъ ушелъ отъ нихъ въ свою волость—Переяславль-Залѣсскій, то они кланялись ему, уговаривали: „Не ходи, князь"; но онъ не послушалъ ихъ просьбы; опять Новгородцы послали за княземъ къ Юрію, и тотъ опять далъ имъ сына своего Всеволода. Въ 1224 году пришелъ Всеволодъ вторично въ Новгородъ, и въ томъ же году, опять тайкомъ, ночью, ушелъ оттуда; на этотъ разъ впрочемъ дѣло только этимъ не окончилось: Всеволодъ, по примѣру дяди, засѣлъ въ Торжкѣ, куда пришелъ къ нему отецъ Юрій съ полками, дядя Ярославъ, двоюродный братъ Василько Константиновичъ съ Ростовцами, шуринъ Юрьевъ—Михаилъ съ Черниговцами. Новгородцы послали сказать Юрію: „Князь! отпусти къ намъ сына своего, а самъ пойди съ Торжка прочь". Юрій велѣлъ отвѣчать: „Выдайте мнѣ Якима Ивановича, Никифора Тудоровича, Иванка Тимошкинича, Сдилу Савинича, Вячка, Иваца, Радка; а если не выдадите, то я поилъ коней Тверцою, напою и Волховомъ". Новгородцы собрали всю волость, около города поставили острогъ, и послали опять сказать Юрію: „Князь! кланяемся тебѣ, а братьи своей не выдадимъ; и ты крови не проливай, впрочемъ какъ хочешь,—твой мечъ, а наши головы". И въ то же время Новгородцы разставили сторожей по дорогамъ, подѣлали засѣки, твердо рѣшась умереть за Св. Софію; Юрій не рѣшился идти поить коней Волховомъ и послалъ сказать Новгородцамъ: „Возьмите у меня въ князья шурина моего Михаила Черниговскаго". Новгородцы согласились и послали за Михаиломъ; Юрій вышелъ изъ Торжка, но не да-

---

книги—Большой Чертежъ (стр. 195, по изд. Спасскаго): «Рѣки, которыя въ Двину пали… ниже Ухтюхи 50 верстъ, пала рѣка Тойма верхняя, а ниже Тоймы 20 верстъ, пала Тойма нижняя: протоку верхнія Тоймы 150 верстъ, а нижнія Тоймы 70 верстъ.

ромъ: Новгородцы заплатили ему семь тысячъ; здѣсь въ первый разъ они принуждены были откупиться деньгами отъ сѣвернаго князя; преемники Юрія не преминутъ воспользоваться его примѣромъ.

Южный князь изъ старой Руси былъ по нраву Новгородцамъ: при немъ было легко ихъ волости. Но, подобно всѣмъ князьямъ, Михаилъ не могъ долго у нихъ оставаться. Онъ пошелъ сперва во Владиміръ, выпрашивать у Юрія назадъ товаровъ новгородскихъ, которые тотъ захватилъ на Торжку и по своей волости; возвратясь съ товарами въ Новгородъ, онъ сталъ на Ярославовомъ дворѣ и сказалъ Новгородцамъ: „Не хочу у васъ княжить, иду въ Черниговъ; пускайте ко мнѣ купцовъ; пусть ваша Земля будетъ какъ моя Земля". Новгородцы много упрашивали его остаться,—и не могли упросить. Проводивши Михаила съ честью, Новгородцы принуждены были опять послать въ Переяславль къ Ярославу. Тотъ пришелъ къ нимъ, и на этотъ разъ пробылъ въ Новгородѣ почти три года, и когда уходилъ назадъ въ свой Переяславль, то оставилъ Новгородцамъ двоихъ сыновей, Ѳедора и Александра съ бояриномъ Ѳедоромъ Даниловичемъ и съ тіуномъ Якимомъ. Но при Ярославѣ и сыновьяхъ его Новгородской волости не было такъ легко, какъ при Михаилѣ Черниговскомъ: явились новыя подати, новыя распоряженія, какихъ не было означено въ старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Съ другой стороны, молодымъ князьямъ—или, лучше сказать, дядькѣ ихъ Ѳедору Даниловичу—не могло нравиться въ Новгородѣ, гдѣ происходили безпрерывныя волненія и вѣчевыя самоуправства, неизвѣстныя въ низовой землѣ. Осенью 1228 года полили сильные дожди день и ночь, съ Успеньева дня до Николина не видать было солнца; ни сѣна нельзя было добыть, ни пашни пахать. Тогда дьяволъ, по выраженію лѣтописца, завидуя христіанскимъ подвигамъ владыки Арсенія, возбудилъ противъ него чернь: собрали вѣче на Ярославовомъ дворѣ, и пошли на дворъ владычинъ, крича: „Это изъ-за Арсенія такъ долго стоитъ у насъ тепло; онъ выпроводилъ прежняго владыку Антонія на Хутынь, а самъ сѣлъ, задаривши князя";—вытолкали его за ворота какъ злодѣя; чуть-чуть не убили: едва успѣлъ онъ запереться въ Софійской церкви, откуда пошелъ въ Хутынь монастырь. На его мѣсто вывели опять прежняго архіепископа Антонія; но этимъ дѣло не кончилось; взволновался весь городъ; вооружились и пошли съ вѣча на тысяцкаго Вячеслава, разграбили дворъ его, дворъ брата его Богуслава, дворъ Андреича, владыкина стольника, и другихъ; послали грабить дворъ и Душильца, липитскаго старосты, а самого хотѣли повѣсить, но онъ успѣлъ убѣжать къ Ярославу, такъ взяли его жену, говоря: „Эти люди наводятъ князя на зло". Отнявши должность тысяцкаго у Вячеслава и давши ее Борису Нѣговичу, Новгородцы послали сказать князю Ярославу: „Пріѣзжай къ намъ, новыя пошлины оставь, судей по волости не шли, будь нашимъ княземъ на всей волѣ нашей и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, или ты себѣ, а мы себѣ" [1]). Вмѣсто отвѣта, Ѳедоръ Даниловичъ и тіунъ Якимъ, взявши двухъ княжичей, побѣжали изъ Новгорода; Новгородцы сказали: „Что же это онъ побѣжалъ? развѣ какое зло задумалъ на Св. Софію; а мы ихъ не гнали, только братью свою казнили, а князю никакого зла не сдѣлали, пусть на нихъ будетъ Богъ и крестъ честный, а мы себѣ князя промыслимъ",—поцѣловали образъ Богородицы, что быть всѣмъ заодно, и послали за Михаиломъ въ Черниговъ; послы ихъ были задержаны въ Смоленскѣ тамошними князьями, по Ярославову наученію, да и потому вѣроятно, что Ростиславичи не могли желать добра Новгородцамъ послѣ изгнанія Всеволода. Несмотря на то, Михаилъ какъ-то узналъ о новгородскихъ происшествіяхъ, о томъ, что послы, отправленные за нимъ, задержаны въ Смоленскѣ, и поскакалъ въ Торжокъ, а оттуда, въ 1229 году, явился въ Новгородѣ, къ величайшей радости Новгородцевъ, которымъ онъ цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ и на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, освободилъ смердовъ отъ платежа дани на пять лѣтъ, платежъ сбѣжавшимъ на чужую землю установилъ на основаніи распоряженій прежнихъ князей. Получивъ желаннаго князя, сторона Михаилова обратилась противъ своихъ противниковъ, приверженцевъ Ярославовыхъ, преимущественно Городищанъ: дворовъ ихъ не грабили, но взяли съ нихъ много денегъ, и дали на строеніе большого моста. Тогда же отняли посадничество у Ивана Дмитріевича и отдали его Внѣзду Водовику, а Иванку дали Торжокъ; но жители этого города не приняли его, и онъ пошелъ къ Ярославу.

Михаилъ впрочемъ и на этотъ разъ не долго оставался въ Новгородѣ: въ томъ же 1229 году, оставивъ здѣсь сына Ростислава и взявши съ собою нѣсколько знатныхъ Новгородцевъ, онъ пошелъ въ Черниговъ къ братьямъ; къ Ярославу послали сказать: „Отступися отъ Волока и отъ всего новгородскаго, что взялъ силою, и цѣлуй крестъ". Ярославъ отвѣчалъ: „Ни отъ чего не отступаюсь и креста не цѣлую; вы себѣ, а я себѣ",—и продержалъ пословъ все лѣто. Въ слѣдующемъ году Михаилъ явился въ Новгородъ, справилъ постриги своему сыну Ростиславу, посадилъ его на столѣ, а самъ опять пошелъ въ Черниговъ. Имѣть малолѣтняго князя для Новгородцевъ было все равно, что не имѣть его вовсе; начались опять сильныя волненія: новый посадникъ Водовикъ поссорился съ сыномъ стараго посадника Степаномъ Твердиславичемъ, сторону котораго принялъ Иванко Тимошкиничъ; слуги посадничьи прибили Тимошкинича, который на другой день собралъ вѣче на Ярославовомъ дворѣ, вслѣдствіе чего дворъ посадничій былъ разграбленъ. Но Водовикъ вмѣстѣ съ Семеномъ Борисовичемъ, старымъ посадникомъ, соперникомъ Твердислава, а слѣ

---

[1]) «Поѣди къ намъ, забожницье отложи, судье по волости не слати ти».—Что такое *забожничье?* объясняютъ данью за божницы, церкви—иновѣрческія?—не отвѣчаемъ за справедливость этого объясненія. Нельзя ли скорѣе принять *збожничье отъ збоже* (жито).

довательно и сына его, подняли снова весь городъ на Иванка и его пріятелей, пошли съ вѣча и много дворянъ разграбили, а Волоса Блудкинича убили на вѣчѣ, причемъ Водовикъ приговаривалъ: „Ты мой дворъ хотѣлъ зажечь". Водовикъ послѣ убилъ также и Тимошкинича, сбросивши его въ Волховъ. Но зимою, когда посадникъ вмѣстѣ съ княжичемъ Ростиславомъ поѣхалъ въ Торжокъ, то на другой же день враги его убили Семена Борисовича, домъ и села его разграбили, жену схватили; также разграбили дворъ и села Водовиковы, брата его и пріятелей, тысяцкаго Бориса. Услыхавъ объ этомъ, Водовикъ съ братьями, тысяцкій Борисъ и торжковскіе бояре побѣжали къ Михаилу въ Черниговъ, а въ Новгородѣ дали посадничество Степану Твердиславичу, должность тысяцкаго Никитѣ Петриловичу, имѣніе Семена и Водовика раздѣлили по сотнямъ, а князю Ростиславу показали путь изъ Торжка, послали сказать ему: „Твой отецъ обѣщался сѣсть на коня и въ походъ идти съ Воздвиженія, а теперь уже Николинъ день; съ насъ крестное цѣлованіе долой, а ты ступай прочь, мы себѣ князя промыслимъ",—и послали за Ярославомъ на всей волѣ новгородской [1]). Тотъ пріѣхалъ немедленно, поклялся исполнить всѣ громаты Ярославовы, но по-прежнему не постоянно жилъ въ Новгородѣ, гдѣ занимали его мѣсто сыновья—Ѳедоръ и Александръ; новыя льготы, данныя Михаиломъ, были уничтожены, по нѣкоторымъ извѣстіямъ.

Такимъ образомъ, слѣдствія дѣла Мстиславова, Липицкой побѣды, не были продолжительны на сѣверѣ: Юрій по-прежнему сидѣлъ во Владимірѣ, и Новгородцы, послѣ многихъ волненій и перемѣнъ, должны были опять принять Ярослава, который, несмотря на всѣ неудачи, не перемѣняетъ своего поведенія, не отказывается отъ намѣренія стѣснять старинный бытъ новгородскій, вопреки южному Черниговскому князю, который даетъ старымъ вѣчникамъ новыя льготы. Обратимся теперь въ дѣятельности Мстиславовой на юго-западѣ. Сваты—Андрей Венгерскій и Лешко Польскій—скоро поссорились; король отнялъ у Лешка Перемышль и Любачевъ, и тотъ, не имѣя возможности самъ отмстить за свое безчестье и овладѣть Галичемъ, послалъ сказать Мстиславу: „Ты мнѣ братъ; приходи и садись въ Галичѣ". Мстиславъ долженъ былъ обрадоваться этому приглашенію, потому что въ Новгородѣ въ это время (1215 г.) [2]) приходилось ему плохо; онъ явился въ Галичъ; Венгры побѣжали, и Мстиславъ утвердился на столѣ Романа, выдавши за сына его Даніила дочь свою Анну. Даніилъ возмужалъ, и скоро всѣ увидали, что онъ пойдетъ въ знаменитаго отца своего. Пользуясь слабостью Волыни по смерти Романа и во время малолѣтства сыновей его, Поляки овладѣли пограничными мѣстами, украйною; теперь Даніилъ вздумалъ отнять у нихъ эту украйну, и, пріѣхавъ къ тестю Мстиславу, сказалъ ему: „Батюшка! Ляхи держатъ мою отчину"! Тотъ отвѣчалъ ему: „Сынъ! за прежнюю любовь я не могу подняться на Лешка, ищи себѣ другихъ союзниковъ". У Даніила былъ одинъ неизмѣнный союзникъ во всю жизнь—родной братъ Василько; вмѣстѣ съ нимъ онъ пошелъ на Поляковъ, и возвратилъ волынскую украйну. Лешко сильно разсердился за это на Романовичей, послалъ противъ нихъ войско; но войско это возвратилось пораженное. Несмотря на то, что Мстиславъ отказался помогать зятю противъ Лешка, онъ не избѣжалъ подозрѣнія, что война начата по его совѣту, и Лешко, злобясь на него, соединился снова съ Венгерскимъ королемъ, приглашая его опять овладѣть Галичемъ для сына своего, зятя Лешкова. Королевичъ Коломанъ пришелъ съ сильными полками, противъ которыхъ Мстиславъ, по нерасположенію бояръ, съ одною своею дружиною не могъ бороться; онъ вышелъ изъ страны, сказавши молодому Даніилу, который отличался необыкновенною храбростью при отступленіи изъ Галича: „Князь! ступай во Владиміръ, а я пойду къ Половцамъ; отомстимъ за стыдъ свой".

Но не къ Половцамъ отправился Мстиславъ: онъ пошелъ на сѣверъ, тамъ освободилъ Новгородъ отъ Ярослава Всеволодовича, одержалъ Липицкую побѣду, и только въ 1218 году явился опять на югѣ. Нанявши Половцевъ, въ слѣдующемъ году онъ пошелъ на Галичъ; войсками Коломана начальствовалъ воевода Филя, которому лѣтописецъ придаетъ названіе „прегордаго". Филя съ презрѣніемъ отзывался о русскихъ полкахъ, онъ говаривалъ: „Одинъ камень много горшковъ побиваетъ"; говаривалъ также: „Острый мечъ, борзый конь—много Руси". Но въ тяжкой битвѣ съ Мстиславомъ не спасли его ни острый мечъ, ни борзый конь, ни польская помощь: онъ проигралъ битву и былъ взятъ въ плѣнъ. Послѣ побѣды Мстиславъ осадилъ Галичъ; Венгры заперлись на крѣпкой башнѣ, которую Филя построилъ надъ Богородичною церковію, и тамъ защищались, стрѣляя и метая камни на гражданъ. Лѣтописецъ смотритъ на это обращеніе церкви въ крѣпость, какъ на оскверненіе святаго мѣста, укоряетъ Филю и говоритъ, что Богородица, не стерпѣвши поруганія надъ домомъ своимъ, предала башню и защитниковъ ея въ руки Мстиславу; Венгры, изнемогая отъ жажды, сдались.

[1]) Такъ говоритъ Новгородская лѣтопись, но иное Татищевъ, (III, 451): «Ярославъ, выслушавъ присланныхъ отъ Новгородцевъ, сказалъ имъ: есть ли данную Михаиломъ неистовую грамоту отринутъ, и учинятъ ему роту по прежнему обычаю, то онъ къ нимъ пойдетъ, и отъ непріятелей ихъ Нѣмецъ своими войсками оборонять будетъ; есть ли же оной не отрекутся, то не пойдетъ. Послы послали наскоро въ Новгородъ, и Новгородцы многу распрю имѣли. Напослѣдокъ принуждены оную грамоту оставить отдать ему, а сами учинили роту Ярославу попрежнему».—Можно согласить эти извѣстія такъ, что Ярославъ цѣловалъ крестъ на старыхъ грамотахъ Ярославовыхъ, а Новгородцы должны были отказаться отъ новыхъ льготъ Михаиловыхъ.

[2]) Въ Волынской лѣтописи первое прибытіе Мстислава въ Галичъ полагается въ 1212 году; но мы предпочитаемъ хронологію Новгородской лѣтописи.

Была радость большая, говоритъ лѣтописецъ: спасъ Богъ отъ иноплеменниковъ, потому что изъ Венгровъ и Ляховъ одни были перебиты, другіе взяты въ плѣнъ, иные перетонули въ рѣкахъ, нѣкоторыхъ перебили сельскіе жители, ни одинъ не ушелъ. Между плѣнными находился и знаменитый бояринъ Судиславъ; когда его привели къ Мстиславу, то онъ припалъ къ ногамъ побѣдителя, клянясь быть ему вѣрнымъ слугою; Мстиславъ повѣрилъ, сталъ держать его въ большой чести и отдалъ Звенигородъ въ управленіе.—Когда Романовичи, во время отсутствія Мстислава, должны были бороться съ опасными врагами, Венграми и Поляками, и не было имъ ни откуда помощи, кромѣ одного Бога, по выраженію лѣтописца, противъ нихъ всталъ также ближній родственникъ, двоюродный братъ, Александръ Всеволодовичъ Бѣльзскій; но теперь, когда Мстиславъ восторжествовалъ надъ Венграми и Лешко поспѣшилъ примириться съ Романовичами, то послѣдніе пошли отмстить Александру, и поплѣнили всю его землю; только заступничеству Мстислава Бѣльзскій князь былъ обязанъ сохраненіемъ своей волости.

Но понятно, что злоба Александрова на двоюродныхъ братьевъ не уменьшилась отъ этого, и ему скоро представился случай отмстить имъ, потому что Даніилъ не долго жилъ въ дружбѣ съ тестемъ. Причинъ къ нерасположенію не могло не быть, потому что права ихъ на Галичъ сталкивались: Мстиславъ добылъ Галичъ оружіемъ отъ иноплеменниковъ; но Даніилъ не забывалъ, что это была волость отца его; притомъ же смутниковъ было много: бояре крамолили, Александръ Бѣльзскій поджигалъ еще больше. Узнавши, что Мстиславъ не въ ладахъ съ зятемъ, онъ сильно обрадовался и сталъ понуждать Мстислава къ рати противъ Романовичей. Началась усобица между двумя изъ знаменитѣйшихъ князей русскихъ стараго и новаго поколѣнія: Даніилъ соединился съ Поляками, Мстиславъ привелъ Половцевъ, поднялъ и Владиміра Рюриковича, князя Кіевскаго; но въ этой усобицѣ больше всѣхъ потерпѣлъ главный виновникъ ея, Александръ Бѣльзскій; Мстиславъ дѣйствовалъ какъ-то вяло въ его пользу, и волость Бѣльзская снова была страшно опустошена Романовичами. Озлобленный Александръ еще больше сталъ поджигать Мстислава на Даніила: „Зять твой хочетъ тебя убить“,—твердилъ онъ ему; но напослѣдокъ Удалому открыли глаза,—онъ увидалъ, что все это была клевета на Даніила, и помирился съ зятемъ. Но и послѣ этого спокойствіе не возстановилось; бояринъ Жирославъ завелъ смуту: онъ увѣрилъ остальныхъ бояръ, что Мстиславъ идетъ въ степь къ тестю своему, Половецкому хану Котяну, дабы тамъ перебить ихъ всѣхъ. Бояре всполошились и побѣжали въ Перемышльскій округъ, въ Карпатскія горы, откуда послали объявить Мстиславу о причинѣ своего бѣгства, прямо указывая на Жирослава. Мстиславъ, который, по увѣренію лѣтописца, и не думалъ ничего предпринимать противъ бояръ, послалъ къ нимъ духовника своего Тимоѳея разувѣрить ихъ; Тимоѳей исполнилъ порученіе и привелъ назадъ бояръ, послѣ чего Жирославъ былъ изгнанъ Мстиславомъ отъ себя. Жирославъ былъ изгнанъ, но товарищи его остались, и потому смута слѣдовала за смутой. Бояре уговорили Мстислава обручить меньшую свою дочь венгерскому королевичу Андрею, и дать нареченному зятю Перемышль; Андрей не долго пожилъ здѣсь въ покоѣ: послушавшись боярина Семена Чермнаго, онъ бѣжалъ къ отцу въ Венгрію и поднялъ его на войну противъ Мстислава; съ Венграми соединились Поляки, и король съ сильнымъ войскомъ сталъ забирать галицкіе города; но подъ Звенигородомъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ Мстислава и поспѣшилъ уйти назадъ, въ свою землю. Романовичи, пріѣхавшіе на помощь къ Мстиславу, побуждали его преслѣдовать короля; но послѣднему благопріятствовали бояре, и одинъ изъ самыхъ знаменитыхъ, Судиславъ, да другой еще Глѣбъ Зеремѣевичъ; они не только удержали Мстислава отъ преслѣдованія, но уговорили его выдать дочь за обрученнаго жениха, королевича, и отдать послѣднему не Перемышль только, но все Галицкое княжество. Они говорили Мстиславу: „Князь! самъ ты не можешь держать Галича, бояре не хотятъ тебя; если отдашь его королевичу, то можешь взять его подъ нимъ назадъ, когда захочешь; если же отдашь Даніилу, то уже никогда не будетъ больше твой Галичъ, потому что народъ крѣпко любитъ Даніила“. Мстиславъ исполнилъ желаніе бояръ, отдалъ королевичу Андрею Галичъ, а самъ взялъ Понизье; потомъ раскаялся и послалъ сказать Даніилу: „Сынъ! согрѣшилъ я, что не далъ тебѣ Галича, но отдалъ его иноплеменнику, по совѣту льстеца Судислава,—обольстилъ онъ меня; но если Богу угодно, то дѣло еще можно поправить: пойдемъ на нихъ—я съ Половцами, а ты съ своими; когда Богъ намъ поможетъ, то ты возьмешь Галичъ, а я Понизье“. Но Удалой не успѣлъ загладить своей неосторожности, и до самой смерти не могъ высвободиться изъ-подъ вліянія Глѣба Зеремѣевича, который не допустилъ его предъ кончиною повидаться съ Даніиломъ, и отдать послѣднему домъ свой и дѣтей на руки. Мстиславъ умеръ въ 1228 году [1]),—князь знаменитый подвигами славными, но безполезными, показавшій ясно несостоятельность старой, Южной Руси, неспособность ея къ дальнѣйшему государственному развитію. На сѣверѣ Мстиславъ освободилъ Новгородъ сперва отъ Всеволода, потомъ отъ сына Всеволодова, наконецъ Липицкою побѣдою нарушилъ завѣщаніе Всеволода; но мы видѣли, продолжительны ли были слѣдствія Липицкой побѣды; на югѣ Мстиславъ овладѣлъ Галичемъ, отнялъ его у Венгровъ, но потомъ самъ добровольно отдалъ

---

[1]) Въ Волын. лѣтоп. нѣтъ подробностей о кончинѣ Мстислава; въ Воскресен. (II, 185) читаемъ: «Преставися Мстиславъ Мстиславичь, князь Торопецкій, княживъ въ Галичи и поиде въ Кіевъ, разболѣжеся на пути и пострижеся въ схиму и такъ преставися».

имъ назадъ это русское княжество, изъявилъ только передъ смертью безполезное раскаяніе въ своей безхарактерности; — и все здѣсь на югѣ осталось по-прежнему, какъ будто бы Мстислава и не было: по-прежнему, Южная Русь стала доживать свой вѣкъ въ безконечныхъ ссорахъ Мономаховичей съ Ольговичами, Ростиславичей съ Изяславичами.

Мы видѣли, что Мстиславъ Удалой въ 1214 году, выгнавши изъ Кіева Всеволода Чермнаго, посадилъ на его мѣсто старшаго между Ростиславовыми внуками, Мстислава Романовича, который и сидѣлъ на старшемъ столѣ до 1224 г.; по смерти Романовича Кіевъ достался по-очереди старшему по немъ двоюродному брату Владиміру Рюриковичу. Въ Черниговѣ, по смерти Всеволода Чермнаго, княжилъ братъ его Мстиславъ, а по смерти послѣдняго, въ 1224 году, племянникъ его, сынъ Всеволода Чермнаго Михаилъ, котораго мы видѣли дѣйствующимъ въ Новгородѣ; но занялъ ли Михаилъ Черниговъ тотчасъ по смерти Мстислава, трудно рѣшить утвердительно, ибо какъ-то странно, что въ 1224 г. онъ рѣшился промѣнять Черниговъ на Новгородъ; вѣрно одно, что Михаилъ не могъ утвердиться въ Черниговѣ безъ борьбы съ дядею своимъ Олегомъ Курскимъ. Неизвѣстно, чѣмъ бы кончилась эта борьба, если-бы на помощь къ Михаилу не явился сильный союзникъ, зять его, князь Суздальскій Юрій съ двумя племянниками Константиновичами (1226 г.). Разумѣется, Курскій князь не могъ противиться соединеннымъ силамъ Суздальскаго и Черниговскаго князей и долженъ былъ уступить права свои племяннику. Въ лѣтописи сказано, что Юрій помирилъ ихъ съ помощью митрополита Кирилла: такъ, сѣверному князю удалось нарушить старину и на югѣ, еще при жизни Мстислава Удалого. — Племя Ольговичей было многочисленно: лѣтопись упоминаетъ о князьяхъ козельскихъ, трубчевскихъ, путивльскихъ, рыльскихъ. — Старшіе Юрьевичи Суздальскіе, уступая Кіевъ слѣдующимъ послѣ нихъ по племенному старшинству Мстиславичамъ, удерживаютъ Переяславль для своихъ младшихъ Юрьевичей, которые соотвѣтствуютъ по старшинству Мстиславичамъ, сидящимъ въ Кіевѣ. Мы видѣли, какъ сынъ Всеволода, Ярославъ, былъ изгнанъ изъ Переяславля Всеволодомъ Чермнымъ въ 1207 году, послѣ чего Переяславль одно время былъ за Ростиславичами; но въ 1213 году Всеволодовичи послали туда младшаго брата своего Владиміра, который было-засѣлъ на время въ Москвѣ; взятый въ плѣнъ Половцами въ 1215 году, и освободившись изъ плѣна въ 1218 г., Владиміръ отправился съ братьями на сѣверъ, гдѣ получилъ отъ нихъ Стародубъ и нѣкоторыя другія волости, и умеръ въ 1227 г. Въ этомъ же самомъ году Юрій Всеволодовичъ отправилъ въ Переяславль на столъ племянника своего Всеволода Константиновича; кто же сидѣлъ здѣсь во время плѣна Владимірова и пребыванія его на сѣверѣ —не извѣстно; но Всеволодъ Константиновичъ не пробылъ и года въ Переяславлѣ, куда на его мѣсто Юрій отправилъ брата своего Святослава.—На западъ отъ Днѣпра мы видѣли судьбу старшей линіи Изяслава Мстиславича, княжившей во Владимірѣ-Волынскомъ; что касается до младшей линіи, князей луцкихъ, то по смерти Ярослава Изяславича въ Луцкѣ княжилъ Ингварь, сынъ его, котораго мы видѣли одно время и въ Кіевѣ; по смерти Ингваря въ Луцкѣ сѣлъ братъ его Мстиславъ Нѣмой, который, умирая, поручилъ отчину свою и сына Ивана Даніилу Романовичу; Иванъ скоро умеръ, и Луцкъ былъ занятъ двоюроднымъ братомъ его, Ярославомъ Ингваревичемъ, а Чарторыйскъ—княземъ Пинскимъ Ростиславомъ; но Даніилъ взялъ и Луцкъ и Чарторыйскъ, и отдалъ Луцкъ и Пересопницу брату своему Васильку, который владѣлъ также и Брестомъ, а Ярославу далъ Перемышль и Межибожь. Мы упомянули о князѣ Пинскомъ; послѣ того какъ внуку Святополкову, Юрію Ярославичу, удалось утвердиться въ Туровской волости, волость эта стала дѣлиться въ его поколѣніи между двумя княжескими линіями, пошедшими отъ сыновей его—Святополка и Глѣба; главнымъ образомъ Туровская волость дѣлилась на два княжества — Туровское и Пинское, кромѣ того, были другія мельчайшія волости. Святополкъ Юрьевичъ, шуринъ Рюрика Ростиславича, умеръ въ 1195 году [1]). — Между разными линіями князей полоцкихъ по-прежнему происходили усобицы, ни чѣмъ особенно не замѣчательныя [2]).

Разсматривая дѣятельность князей русскихъ въ періодъ времени отъ взятія Кіева войсками Боголюбскаго до смерти Мстислава Удалого, мы замѣтили при нихъ бояръ и слугъ: на сѣверѣ, въ Суздальской области видѣли знаменитаго воеводу Боголюбскаго, Бориса Жидиславича, который, по смерти Андрея, вмѣстѣ съ другими своими товарищами держалъ сторону Ростиславичей противъ Юрьевичей, вслѣдствіе торжества послѣднихъ перешелъ въ службу къ врагу ихъ, князю Глѣбу Рязанскому, вмѣстѣ съ которымъ попался въ плѣнъ къ Всеволоду III, въ сраженіи при Прусковой горѣ. На одной сторонѣ съ Борисомъ были Добрыня Долгій, Иванко Степановичъ, Матеяшъ Бутовичъ; двое первыхъ погибли въ битвѣ Всеволода III съ Мстиславомъ Ростовскимъ; послѣдній, какъ видно, тутъ же былъ взятъ въ плѣнъ. Кромѣ именъ лицъ, находившихся при дворѣ Андреевомъ и участвовавшихъ въ заговорѣ на его жизнь, мы встрѣчаемъ имя Михна, посла его къ Ростиславичамъ южнымъ. Изъ мужей Всеволода III встрѣчаемъ исполнителями его поруче-

---

[1]) У Татищева (III, 443) именно сказано, что Олегъ Игоревичъ Курскій, возвратясь отъ Калки, взялъ себѣ Черниговъ, но Михаилъ призвалъ Юрія на помощь, и Олегъ, несмотря на то, что митрополитъ Кириллъ заступался за его старшинство, долженъ былъ уступить Черниговъ.—Преемство и родство князей туровскихъ и пинскихъ трудно опредѣлить: подъ 1190 годомъ читаемъ: «Рюрикъ Ростиславичъ бысть въ Пинески у тещи своея и у шюрьи своея, тогда бо бяше свадба Ярополча».— Подъ 1204 г. видимъ въ Пинскѣ князя Владиміра; а въ 1228 Ростислава.

[2]) Татищ. III, 247.

ній: Михаила Борисовича (быть можетъ, сына Бориса Жидиславича), который водилъ Ольговичей ко кресту въ 1207 году, участвовалъ въ дѣлахъ рязанскихъ и новгородскихъ; Лазаря, который распоряжался именемъ своего князя въ Новгородѣ; тіуна Гюря, котораго Всеволодъ посылалъ на югъ для обновленія Городца-Остерскаго въ 1295 году; меченошу Кузьму Ратьшича, который воевалъ Тепру въ 1210 году; Ѳому Лазковича и Дорожая, участвовавшихъ въ болгарскомъ походѣ 1182 года; боярина Якова, племянника великаго князя отъ сестры. Изъ бояръ при сыновьяхъ Всеволодовыхъ упоминаются: Иванъ Родиславичъ, убитый въ сраженіи подъ Ростовомъ [1]); Андрей Станиславичъ, который уговаривалъ младшихъ Всеволодовичей предъ Липицкою битвою мириться съ Мстиславомъ Удалымъ [2]); Еремѣй Глѣбовичъ, служившій сперва Константину, а потомъ Юрію; Воиславъ Добрыничъ, ростовскій воевода при сыновьяхъ Константиновыхъ. Изъ бояръ при князьяхъ Южной Руси подъ 1171 годомъ упоминается шумскій посадникъ Паукъ, кормилецъ Дорогобужскаго князя Владиміра Андреевича; при Глѣбѣ Юрьевичѣ въ Кіевѣ тысяцкимъ былъ Григорій — неизвѣстно кіевскій ли бояринъ, или пришлый съ Глѣбомъ изъ Переяславля. Извѣстный намъ прежде выѣзжій Полякъ Владиславъ Вратиславичъ, по изгнаніи Мстислава изъ Кіева, отступилъ отъ послѣдняго къ враждебнымъ ему князьямъ; Давыдъ Ростиславичъ Вышегородскій посылаетъ его преслѣдовать Мстислава въ 1127 году; во время войны Глѣба и Михаила Юрьевичей съ Половцами (1172 г.) воеводою у нихъ былъ Владиславъ, Яневъ братъ — быть можетъ тотъ же самый Ляхъ, быть можетъ и другой, и *Яневъ братъ* сказано именно для отличія его отъ извѣстнаго Ляха; по смерти Глѣба, послѣдній оставался въ Кіевѣ и держалъ сторону Боголюбскаго противъ Ростиславичей, которые захватили его тамъ вмѣстѣ съ Всеволодомъ Юрьевичемъ въ 1174 году. Поводомъ къ знаменитой борьбѣ Боголюбскаго съ Ростиславичами было обвиненіе троихъ кіевскихъ бояръ:—Григорія Хотовича, Степанца и Олексы Святославича—въ отравленіи князя Глѣба: Григорій Хотовичъ былъ вѣроятно упомянутый выше тысяцкій Григорій, братъ Константина Хотовича, плѣненнаго прежде Половцами. Изъ бояръ въ Кіевѣ при Святославѣ Всеволодовичѣ упоминается любимецъ его Кочкарь, по всѣмъ вѣроятностямъ, приведенный ими изъ Чернигова; лѣтописецъ говоритъ, что князь открывалъ свои тайныя намѣренія одному этому Кочкарю мимо другихъ. По походамъ на Половцевъ извѣстны черниговскіе бояре Ольстинъ Олексичъ и Романъ Нѣздиловичъ (1184, 1185, 1187 г.). У Рюрика Ростиславича Бѣлгородскаго и потомъ Кіевскаго упоминаются: воевода Лазарь, Сдѣславъ Жирославичъ, Борисъ Захарьичъ, кормилецъ Владиміра, сына Мстислава Храбраго; Сдѣславъ Жирославичъ упоминается послѣ въ числѣ бояръ Мстислава Удалаго; потомъ у Рюрика въ Бѣлгородѣ встрѣчаемъ воеводу Славна Борисовича, бывшаго потомъ тысяцкимъ въ Кіевѣ, гдѣ видимъ также при Рюрикѣ боярина Чурыню, посыланнаго въ 1187 году вмѣстѣ съ Славномъ за дочерью Всеволода III. У сына Рюрикова, Ростислава, былъ бояринъ Рогволдъ, котораго онъ въ 1192 году посылалъ къ отцу толковать о Половецкомъ походѣ. Смоленскимъ тысяцкимъ при князѣ Давыдѣ Ростиславичѣ былъ Михалко; у Владиміра Рюриковича во время Липицкаго боя упоминается бояринъ Яволодъ, и потомъ Иворъ Михайловичъ, быть-можетъ, сынъ упомянутаго выше Михалка. Изъ бояръ князя Глѣба Рязанскаго упоминаются Борисъ и Дѣдилецъ, которые такъ много содѣйствовали отстраненію Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по смерти Боголюбскаго; Дѣдилецъ вмѣстѣ съ другимъ рязанскимъ бояриномъ Олстинымъ попался въ плѣнъ Всеволоду III, въ 1177 году [3]); потомъ изъ рязанскихъ бояръ во время войны Святослава Черниговскаго со Всеволодомъ III упоминается Иванъ Мирославичъ.

Разсмотрѣвши отношенія внутреннія, обратимся къ внѣшнимъ, которыя въ послѣднее время начинаютъ принимать особый, очень важный характеръ. Мы знаемъ, что древнія русскія владѣнія въ Прибалтійскихъ областяхъ дѣлились на двѣ части: сѣверную, зависѣвшую болѣе или менѣе отъ Новгорода, и южную, зависѣвшую отъ Полоцка. Къ берегамъ этой-то южной части русскихъ владѣній, къ устью Двины, въ 1158 году, прибитъ былъ бурею корабль бременскихъ купцовъ. Негостепріимно встрѣтили ихъ туземцы; но послѣ схватки, въ которой побѣда осталась на сторонѣ Нѣмцевъ, Ливы стали сговорчивѣе и позволили пришельцамъ производить мѣну. Выгода этой мѣны заставила Бременцевъ нѣсколько разъ возвращаться съ товарами къ устью Двины; наконецъ выпросили они себѣ у туземцевъ позволеніе основать здѣсь постоянную контору; мѣсто было выбрано подлѣ Двины на горѣ, гдѣ построили большой домъ и острожекъ, который получилъ названіе Уксуль; скоро потомъ построена была другая факторія Даленъ [4]).

Извѣстіе о поселеніяхъ, заведенныхъ Нѣмцами при устьи Двины среди языческаго народонаселенія, обратило на себя вниманіе Бременскаго архіепископа, который не могъ пропустить благопріятнаго случая для распространенія предѣловъ церкви. Онъ объявилъ объ этомъ папѣ Александру III, и тотъ велѣлъ ему отправить въ Ливонію искуснаго миссіонера; архіепископъ отправилъ туда Мейнгарда, монаха Августинскаго ордена [5]). Мейнгардъ

[1]) Лѣтоп. Пер.Užд., стр. 111.
[2]) Никон. II, 325.

[3]) Мы не упоминаемъ здѣсь о боярахъ новгородскихъ, галицкихъ и волынскихъ, которыхъ дѣятельность и отношенія ясно обозначены въ своемъ мѣстѣ.
[4]) Scriptores rer. Livonicar. II, I; Russow's lifländische Chronic, S. II.
[5]) Ibidem, I, 1; Chronicon livonicum vetus, S. 50.

выпросилъ позволенiе у князя Полоцкаго проповѣдывать Евангелiе между подвластными ему язычниками, построилъ церковь въ Укскулѣ, и успѣлъ обратить нѣсколько туземцевъ. Скоро Литовцы напали на окрестности Укскуля; Мейнгардъ съ жителями послѣдняго спрятался въ лѣсахъ, гдѣ имѣлъ бой съ врагами. По ихъ удаленiи онъ началъ укорять Ливовъ за то, что они живутъ сплошно, не имѣютъ крѣпостей, и обѣщалъ имъ построить крѣпкiе замки, если они за это обяжутся принять христiанство. Ливы согласились, и на слѣдующее лѣто явились изъ Готланда строители и каменосѣчцы Еще прежде чѣмъ начали строить зàмокъ Укскуль, часть народа окрестилась; остальные обѣщали креститься, какъ скоро весь зàмокъ будетъ готовъ. Зàмокъ выстроили, Мейнгардъ посвященъ былъ въ епископы,—но никто не думалъ креститься; подъ условiемъ такого же обѣщанiя выстроили другой зàмокъ—Гольмъ; и также никто не думалъ принимать христiанство; мало того,—язычники начали явно обнаруживать непрiязненныя намѣренiя противъ епископа, грабили его имѣнiе, били его домашнихъ; но всего больше огорчало Мейнгарда то, что уже крещеные туземцы стали погружаться въ Двину, чтобъ, по его словамъ, смыть съ себя крещенiе и отослать его въ Германiю [1]). У Мейнгарда былъ товарищъ въ дѣлѣ проповѣди, братъ Ѳеодорихъ, монахъ Цистерцiенскаго ордена; этого Ѳеодориха Ливонцы вздумали однажды принесть въ жертву богамъ, чтобъ жатва была обильнѣе, чтобъ дожди не повредили ей. Народъ собрался, положили копье на землю, вывели священнаго коня; смотрятъ, какою ногою прежде ступитъ конь: правою—опредѣлитъ смерть, лѣвою—жизнь; конь ступаетъ ногою жизни; но волхвъ противится, утверждая, что тутъ чары со стороны враждебной религiи; опять ведутъ коня, опять ступаетъ онъ лѣвою ногою,—и Ѳеодорихъ спасенъ. Въ другой разъ тотъ же Ѳеодорихъ находился въ Эстонiи, когда въ день Св. Iоанна Крестителя случилось солнечное затмѣнiе; несчастному монаху грозила опять страшная опасность отъ язычниковъ, которые приписали затмѣнiе ему, говоря, что онъ съѣдаетъ солнце.

Когда Мейнгардъ увидалъ, что мирными средствами трудно будетъ распространить христiанство между Ливами, то отправилъ посла къ папѣ—представить жалкое положенiе юной церкви своей; папа велѣлъ проповѣдывать крестовые походъ противъ ливонскихъ язычниковъ; но Мейнгардъ не дождался прибытiя крестоваго ополченiя: онъ умеръ въ 1196 г.; въ этомъ же году Датскiй король Канутъ VI присталъ къ эстонскому берегу и утвердился здѣсь, принудивъ туземцевъ силою принять христiанство. Между тѣмъ ливонскiе христiане отправили посольство къ Бременскому архiепископу съ просьбою о присылкѣ преемника Мейнгарду; новый епископъ, Бартольдъ, явился сперва безъ войска, собралъ туземныхъ старшинъ и пытался привлечь ихъ къ себѣ угощенiями и подарками, однако напрасно: при первомъ удобномъ случаѣ они завели споръ о томъ, какимъ способомъ погубить новаго епископа—сжечь ли его въ церкви или убить, или утопить въ Двинѣ. Бартольдъ тихонько ушелъ на корабль и отплылъ сперва на Готландъ, а потомъ въ Германiю, откуда послалъ къ папѣ съ извѣстiемъ о своемъ печальномъ положенiи; папа объявилъ отпущенiе грѣховъ всѣмъ, кто отправится въ крестовый походъ противъ Ливонцевъ, вслѣдствiе чего около Бартольда собрался значительный отрядъ крестоносцевъ, съ которымъ онъ и отправился назадъ въ Ливонiю. Туземцы вооружились и послали спросить епископа, зачѣмъ онъ привелъ съ собою войско. Когда Бартольдъ отвѣчалъ, что войско пришло для наказанiя отступниковъ, то Ливонцы велѣли сказать ему: „Отпусти войско домой и ступай съ миромъ на свое епископство, кто крестился, тѣхъ ты можешь принудить оставаться христiанами; другихъ убѣждай словами, а не палками" [2]). Урокъ не подѣйствовалъ на Бартольда: онъ позволилъ себѣ принять участiе въ битвѣ между крестоносцами и туземцами, и когда послѣднiе были обращены въ бѣгство, то быстрый конь занесъ епископа въ ряды язычниковъ, которые изрубили его. Нѣмцы воспользовались своею побѣдою и страшно опустошили страну; туземцы принуждены были къ покорности, крестились, приняли къ себѣ священниковъ, опредѣлили на ихъ содержанiе извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ съ плуга; но только-что крестоносцы успѣли сѣсть на корабли, какъ уже Ливонцы начали окунываться въ Двину, чтобъ смыть съ себя крещенiе, ограбили священниковъ, выгнали ихъ изъ страны; хотѣли сдѣлать то же и съ купцами, но тѣ задарили старшинъ—и остались.

Скоро возвратились также и священники; съ ними прiѣхалъ новый епископъ Альбертъ въ сопровожденiи крестоваго отряда, помѣщавшагося на 23 корабляхъ. Альбертъ принадлежалъ къ числу тѣхъ историческихъ дѣятелей, которымъ предназначено измѣнять бытъ сстарыхъ обществъ, полагать твердыя основы новымъ; прiѣхавши въ Ливонiю, онъ мгновенно уразумѣлъ положенiе дѣлъ, нашелъ вѣрныя средства упрочить торжество христiанства и своего племени надъ язычествомъ и туземцами, съ изумительнымъ постоянствомъ стремился къ своей цѣли и достигъ ея. Враждебно встрѣтили туземцы новаго епископа; онъ долженъ былъ выдержать отъ нихъ осаду въ Гольмѣ; новоприбывшiе крестоносцы освободили его; но Альбертъ хорошо видѣлъ, что съ помощью этихъ временныхъ гостей нельзя утвердиться въ Ливонiи; туземцы не умѣли выдерживать битвъ съ искусными нѣмецкими ополченiями; потерпѣвъ пораженiе, видя жилища и нивы свои опустошенными, они покорялись, обѣщая принять хри-

[1]) Chron. Liv. vet. p. 52: Babtismum, quem in aqua susceperant in Duna se lavando removere putant, remittendo in Teutoniam.

[2]) Ibid, p. 64. Tu tantum, remisso exercitu, cum tuis ad Episcopatum tuum cum pace revertaris, eos, qui fidem susceperunt, ad eam servandum compellas, alios ad suscipiendam verbis, non verberibus, allicias.

стіанство; но стоило только крестоносцамъ сѣсть на корабли, какъ они возвращались къ прежней вѣрѣ и начинали враждебно дѣйствовать противъ пришельцевъ. Нужно было, слѣдовательно, вести борьбу не временными, случайными наѣздами; нужно было стать твердою ногою на новой почвѣ, вывести сильную нѣмецкую колонію, основать городъ, въ стѣнахъ котораго юная церковь могла бы находить постоянную защиту. Съ этою цѣлью, въ 1200 году Альбертъ основалъ при устьи Двины городъ Ригу; но мало было основать, нужно было дать народонаселеніе новому городу, и Альбертъ самъ ѣздилъ въ Германію набирать колонистовъ, и привозилъ ихъ съ собою. Но одного города съ нѣмецкимъ народонаселеніемъ было еще недостаточно: народонаселеніе это не могло предаваться мирнымъ занятіямъ, потому что должно было вести постоянную борьбу съ туземцами; нужно было, слѣдовательно, военное сословіе, которое бы приняло на себя обязанность постоянно бороться съ туземцами, обязанность защищать новую колонію; для этого Альбертъ сперва началъ-было вызывать рыцарей изъ Германіи и давать имъ зȧмки въ ленное владѣніе; но это средство могло вести къ цѣли только очень медленно, и потому онъ скоро придумалъ другое, болѣе вѣрное, именно: основаніе ордена воинствующихъ братій, по образцу военныхъ орденовъ въ Палестинѣ; папа Иннокентій III-й одобрилъ мысль Альберта, и въ 1202 году былъ основанъ орденъ Рыцарей Меча, получившій уставъ Храмоваго ордена; новые рыцари носили бѣлый плащъ съ краснымъ мечемъ и крестомъ, вмѣсто котораго послѣ стали нашивать звѣзду; первымъ магистромъ ихъ былъ Винно-фонъ-Рорбахъ.

Такимъ образомъ, Нѣмцы стали твердою ногою при устьяхъ Двины. Какъ же смотрѣли на это князья полоцкіе? Они привыкли ходить войною на Чудь и брать съ нея дань силою, если она не хотѣла платить ея добровольно. Точно также хотѣли они теперь дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: въ 1203 году Полоцкій князь внезапно явился предъ Укскулемъ и осадилъ его; не приготовленные къ осадѣ, жители предложили ему дань; онъ взялъ ее и пошелъ осаждать другой зȧмокъ — Гольмъ; но сюда епископъ уже успѣлъ послать гарнизонъ, и Русскіе, потерявъ много лошадей отъ стрѣльбы осажденныхъ, отступили отъ зȧмка. Въ Ливоніи, по берегамъ Двины, роду полоцкихъ князей принадлежали двѣ волости—Кукейносъ (Кокенгузенъ) и Герсикъ; князь послѣдняго съ Литовцами (которые для полоцкихъ князей служили тѣмъ же, чѣмъ Половцы служили для остальныхъ русскихъ князей) опустошилъ окрестности Риги; но всѣ эти набѣги не могли нанести большого вреда пришельцамъ. Наконецъ, въ 1206 году, отношенія между послѣдними и полоцкими князьями начали, повидимому, принимать болѣе важный оборотъ. Альбертъ, желая безпрепятственно утвердиться въ низовьяхъ Двины, рѣшился на время усыпить вниманіе Полоцкаго князя, и потому отправилъ къ нему аббата Ѳеодориха съ подарками и дружелюбными предложеніями. Прибывши въ Полоцкъ, Ѳеодорихъ узналъ, что тамъ находятся посланцы отъ ливонскихъ старшинъ, пріѣхавшіе жаловаться князю на насилія Нѣмцевъ и просить его объ изгнаніи ненавистныхъ пришельцевъ. Въ присутствіи Ливонцевъ, князь спросилъ Ѳеодориха, зачѣмъ онъ пришелъ къ нему, и когда тотъ отвѣчалъ, что за миромъ и дружбою, то Ливонцы закричали, что Нѣмцы не хотятъ и не умѣютъ сохранять мира [1]). Князь отпустилъ епископскихъ пословъ, приказавъ имъ дожидаться рѣшенія въ отведенномъ для нихъ домѣ: онъ не хотѣлъ отпустить ихъ тотчасъ въ Ригу, чтобъ тамъ не узнали о его непріятельскихъ намѣреніяхъ. Но аббату удалось подкупить одного боярина, который и открылъ ему, что Русскіе, въ согласіи съ туземцами, готовятся къ нападенію на пришельцевъ; аббатъ, узнавши объ этомъ, не терялъ времени: онъ отыскалъ въ городкѣ какого-то нищаго изъ зȧмка Гольмъ и нанялъ его отнести къ епископу въ Ригу письмо, въ которомъ извѣщалъ его о всемъ видѣнномъ и слышанномъ. Епископъ приготовился къ оборонѣ, а князь, узнавши, что его намѣреніе открылось, вмѣсто войска отправилъ пословъ въ Ригу съ наказомъ выслушать обѣ стороны—какъ епископа, такъ и Ливонцевъ, и рѣшить, на чьей сторонѣ справедливость. Послы, пріѣхавши въ Кукейносъ, послали оттуда дьякона Стефана въ Ригу къ епископу звать его на съѣздъ съ ними и ливонскими старшинами для рѣшенія всѣхъ споровъ, а сами между тѣмъ разсѣялись по странѣ для созванія туземцевъ. Альбертъ оскорбился предложеніемъ Стефана и отвѣчалъ, что по обычаю всѣхъ земель послы должны являться къ тому владѣльцу, къ которому посланы, а не онъ долженъ выходить къ нимъ навстрѣчу. Между тѣмъ Ливонцы, собравшись въ назначенное время и мѣсто и видя, что Нѣмцы не явились на съѣздъ, рѣшили захватить зȧмокъ Гольмъ и оттуда добывать Ригу; но ихъ намѣреніе не имѣло желаннаго конца: потерпѣвъ сильное пораженіе, потерявъ старшинъ, изъ которыхъ одни пали въ битвѣ, другіе были отведены въ оковахъ въ Ригу, они принуждены были снова покориться пришельцамъ; въ числѣ убитыхъ находился старшина Ако, котораго лѣтописецъ называетъ виновникомъ всего зла: онъ возбудилъ Полоцкаго князя противъ Рижанъ, онъ собралъ Леттовъ и всю Ливонію противъ христіанъ [2]). Епископъ послѣ обѣдни находился въ церкви, когда ему одинъ рыцарь поднесъ окровавленную голову Ако, какъ вѣсть побѣды.

Когда все опять успокоилось, хотя на время, неутомимый Альбертъ поспѣшилъ въ Германію, чтобъ

---

[1]) Chron. Liv. vetus. p. 85: Livones e contrario, nec eos pacem velle, nec servare, proclamant. Quorum os, male dictione et amaritudine plenum, magis ad bella struenda, quam ad pacem faciendam cor et animum regis incitalat.

[2]) Ibid. p. 101. Erat autem inter eos Ako, princeps ac senior ipsorum; qui totius traditionis et omnium malorum existerat auctor.

набрать новыхъ крестоносцевъ; онъ предвидѣлъ новую, продолжительную борьбу Его отсутствіемъ воспользовались туземцы и отправили пословъ къ Полоцкому князю, съ просьбою освободить ихъ отъ притѣснителей. Князь приплылъ съ войскомъ по Двинѣ и осадилъ Гольмъ; по его призыву встало окружное народонаселеніе, но мало принесло ему пользы при осадѣ: гарнизонъ гольмскій, при всей своей малочисленности, наносилъ сильный вредъ русскому войску камнестрѣльными машинами, употребленія которыхъ не знали Полочане; они сдѣлали-было себѣ также маленькую машину, по образцу нѣмецкихъ, но первый опытъ не удался: машина била своихъ. Несмотря однако на это, жители Гольма и Риги не долго могли держаться противъ Русскихъ, потому что должны были бороться также противъ враговъ, находившихся внутри стѣнъ,— туземцевъ, которые безпрестанно сносились съ Русскими;—какъ вдругъ на морѣ показались нѣмецкіе корабли; князь, потерявши много народу отъ камнестрѣльныхъ машинъ при осадѣ Гольма, не рѣшился вступить въ борьбу съ свѣжими силами непріятеля и отплылъ назадъ въ Полоцкъ. Эта неудача нанесла страшный ударъ дѣлу туземцевъ; самые упорные изъ нихъ отправили пословъ въ Ригу требовать крещенія и священниковъ; Нѣмцы исполнили ихъ просьбу, взявши напередъ отъ старшинъ ихъ сыновей въ заложники. Торжество пришельцевъ было понятно: въ челѣ ихъ находился человѣкъ, одаренный необыкновеннымъ смысломъ и дѣятельностію, располагавшій сильными средствами—рыцарскимъ орденомъ и толпами временныхъ крестоносцевъ, приходившихъ на помощь рижской церкви; противъ него были толпы безоружныхъ туземцевъ; что же касается до Русскихъ, то епископъ и орденъ имѣли дѣло съ однимъ Полоцкимъ княжествомъ, которое, вслѣдствіе извѣстнаго отдѣленія Рогволодовыхъ внуковъ отъ Ярославичей, предоставлено было собственнымъ силамъ, а силы эти были очень незначительны: князья разныхъ полоцкихъ волостей вели усобицу другъ съ другомъ, боролись съ собственными гражданами, наконецъ имѣли опасныхъ враговъ въ Литовцахъ: могли ли они послѣ того успѣшно дѣйствовать противъ Нѣмцевъ? Доказательствомъ разъединенія между ними и происходившей отъ того слабости служитъ поступокъ князя Кукейносскаго, Вячеслава [1]): не будучи въ состояніи собственными средствами и средствами родичей бороться съ Литвою, онъ въ 1207 году явился въ Ригу и предложилъ епископу половину своей земли и города, если тотъ возьмется защищать его отъ варваровъ. Епископъ съ радостію согласился на такое предложеніе; несмотря на то однако, изъ дальнѣйшаго разсказа лѣтописца не видно, чтобъ онъ немедленно имъ воспользовался; вѣроятно Вячеславъ обѣщался принять къ себѣ нѣмецкій гарнизонъ только въ случаѣ литовскаго нападенія. Какъ бы то ни было, Русскій князь скоро увидалъ на опытѣ, что вмѣсто защитниковъ онъ нашелъ въ рыцаряхъ враговъ, которые были для него опаснѣе Литовцевъ. Между ними и рыцаремъ Даніиломъ фонъ-Леневарденъ произошла частная ссора; послѣдній напалъ нечаянно ночью на Кукейносъ, овладѣлъ имъ безъ сопротивленія, перевязалъ жителей, забралъ ихъ имѣніе, самого князя заключилъ въ оковы. Епископъ, узнавъ объ этомъ, послалъ приказъ Даніилу немедленно освободить князя, возвратить ему городъ и все имѣніе; потомъ позвалъ Вячеслава къ себѣ, принялъ съ честью, богато одарилъ лошадьми и платьемъ, помирилъ съ Даніиломъ, — но при этомъ припомнилъ прежнее обѣщаніе его сдать Нѣмцамъ половину крѣпости и отправилъ въ Кукейносъ отрядъ войска для занятія и укрѣпленія города на случай литовскаго нападенія. Князь выѣхалъ изъ Риги съ веселымъ лицомъ, но въ душѣ затаилъ месть: онъ видѣлъ, что въ Ригѣ все готово было къ отъѣзду епископа и многихъ крестоносцевъ въ Германію, и рѣшился воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ для освобожденія своего города отъ непріятныхъ гостей. Думая, что епископъ съ крестоносцами уже въ морѣ, онъ посовѣтовался съ дружиною, и вотъ въ одинъ день, когда почти всѣ Нѣмцы спустились въ ямы, гдѣ добывали камень для городскихъ построекъ, а мечи свои и прочее оружіе оставили наверху, отроки княжескіе и мужи прибѣгаютъ къ ямамъ, овладѣваютъ оружіемъ и умерщвляютъ беззащитныхъ его владѣльцевъ. Троимъ изъ послѣднихъ однако удалось спастись бѣгствомъ и достигнуть Риги; они разсказали, что случилось съ ними и ихъ товарищами въ Кукейносѣ. Вячеславъ, думая, что положено доброе начало дѣлу, послалъ къ Полоцкому князю коней и оружіе непріятельское, съ приглашеніемъ идти какъ можно скорѣе на Ригу, которую легко взять: лучшіе люди перебиты имъ въ Кукейносѣ, другіе отъѣхали съ епископомъ въ Германію. Полоцкій князь повѣрилъ и началъ уже собирать войска. Но Вячеславъ жестоко ошибался въ своихъ надеждахъ: противные вѣтры задержали Альберта въ двинскомъ устьи, и когда пришла въ Ригу вѣсть о происшествіяхъ въ Кукейносѣ, то онъ немедленно возвратился, убѣдилъ и спутниковъ своихъ опять послужить святому дѣлу; Нѣмцы, разсѣянные по всѣмъ концамъ Ливоніи, собрались въ Ригу. Тогда Русскіе, видя, что не въ состояніи бороться противъ соединенныхъ силъ ордена, собрали свои пожитки, зажгли Кукейносъ и ушли далѣе на востокъ, а окружные туземцы въ глубинѣ дремучихъ лѣсовъ своихъ искали спасенія отъ мстительности пришельцевъ; но не всѣмъ удалось найти его: Нѣмцы преслѣдовали ихъ по лѣсамъ и болотамъ, и если кого отыскивали, то умерщвляли жестокою смертью.

Паденіе Кукейноса скоро повлекло за собою покореніе и другого княжества русскаго въ Ливоніи—Герсика. Въ 1209 году епископъ, говоритъ

[1]) Объ этомъ Вячеславѣ, или Вячкѣ, и братѣ его Василькѣ, сыновьяхъ Бориса Давидовича Полоцкаго, и мачихѣ ихъ Святохнѣ, см. любопытный разсказъ у Татищева III, стр. 403 и слѣд.

лѣтописецъ, постоянно заботясь о защитѣ лифляндской церкви, держалъ совѣтъ съ разумнѣйшими людьми, какъ бы освободить юную церковь отъ вреда, который наносятъ ей Литва и Русь. Рѣшено было выступить въ походъ противъ враговъ христіанскаго имени; лѣтописецъ впрочемъ спѣшитъ оговориться, и прибавляетъ, что князь Герсика, Всеволодъ, былъ страшнымъ врагомъ христіанскаго имени, *преимущественно латынянъ* [1]); онъ женатъ былъ на дочери Литовскаго князя, былъ съ Литовцами въ постоянномъ союзѣ и часто являлся предводителемъ ихъ войска, доставлялъ имъ безопасную переправу черезъ Двину и съѣстные припасы. Литовцы тогда, продолжаетъ лѣтописецъ, были ужасомъ всѣхъ сосѣднихъ народовъ: рѣдкіе изъ Леттовъ отваживались жить въ деревняхъ: большая часть ихъ искали безопасности отъ Литвы въ дремучихъ лѣсахъ, но и тамъ не всегда находили ея; Литовцы преслѣдовали ихъ и въ лѣсахъ, били однихъ, уводили въ плѣнъ другихъ, отнимали у нихъ все имѣніе. И Русскіе бѣгали также предъ Литовцами, многіе предъ немногими, какъ зайцы предъ охотниками; Ливы и Летты были пищею Литовцевъ, какъ овцы безъ пастыря бываютъ добычею волковъ. И вотъ Богъ послалъ имъ добраго и вѣрнаго пастыря, именно епископа Альберта. Добрый и вѣрный пастырь нечаянно напалъ съ большимъ войскомъ на Герсикъ и овладѣлъ имъ; князь Всеволодъ успѣлъ спастись на лодкахъ черезъ Двину, но жена его со всею своею прислугою попалась въ плѣнъ. Нѣмецкое войско пробыло цѣлый день въ городѣ, собрало большую добычу, снесло изо всѣхъ угловъ города платье, серебро, изъ церквей колокола, иконы и всякія украшенія. На слѣдующій день, приведши все въ порядокъ, Нѣмцы собрались въ обратный путь и зажгли городъ. Когда князь Всеволодъ увидалъ съ другого берега Двины пожаръ, то сталъ жалостно вопить: „Герсикъ! любимый городъ, дорогая моя отчина! пришлось мнѣ увидать, бѣдному, сожженіе моего города и гибель моихъ людей"! Епископъ и все войско, подѣливши между собою добычу, съ княгинею и со всѣми плѣнниками возвратились въ Ригу, куда послали звать и князя Всеволода, если хочетъ получить миръ и освобожденіе своихъ. Князь пріѣхалъ въ Ригу, называлъ епископа отцомъ, всѣхъ латинцевъ братьями, просилъ только, чтобъ выпустили изъ плѣна жену и другихъ Русскихъ. Ему предложили условіе: „Хочетъ онъ отдать свое княжество на-вѣки въ даръ церкви Св. Богородицы, и потомъ взять его назадъ изъ рукъ епископа, такъ отдадутъ ему княгиню и другихъ плѣнниковъ". Всеволодъ согласился [2]) и поклялся открывать епископу и ордену всѣ замыслы Русскихъ и Литовцевъ; но когда возвратился домой съ женою и дружиною, то забылъ обѣщаніе, началъ опять сноситься съ Литовцами, и подводить язычниковъ противъ Нѣмцевъ кукейносскихъ.

Въ то время, когда Нѣмцы утверждались въ Ливоніи, отнимая низовыя двинскія страны у Полоцка, Новгородцы и Псковичи продолжали бороться съ Чудью, жившею на югѣ и на сѣверѣ отъ Финскаго залива; въ 1176 году вся Чудская Земля, по выраженію лѣтописца, приходила подъ Псковъ, но была отбита съ большимъ урономъ; но мы видѣли какъ Мстиславъ Храбрый отмстилъ Чуди за эти обиды: обыкновенно наступательныя движенія Новгородцевъ на Чудь происходили въ минуты ладовъ ихъ съ своими князьями; но такія минуты были очень рѣдки, и потому движенія Новгородцевъ не могли отличаться постоянствомъ; вотъ причина, почему они не могли утвердиться въ Эстоніи и успѣшно спорить съ Нѣмцами о господствѣ надъ нею. Въ 1190 году Чудь снова пришла ко Пскову на судахъ по озеру, но и на этотъ разъ Псковичи не упустили изъ нея ни одного живаго. Юрьевъ былъ снова захваченъ Чудью, и снова взятъ Новгородцами и Псковичами въ 1191 году, причемъ, по обычаю, Земля Чудская была пожжена, полону приведено безчисленное множество: а въ слѣдующемъ году Псковичи снова ходили на Чудь и взяли у нея Медвѣжью-Голову (Оденпе). Потомъ не слышно о походахъ на Эстонію до 1212 года: въ этомъ году, по счету нашего лѣтописца, и двумя годами ранѣе, по счету нѣмецкаго, Мстиславъ Удалой съ братомъ Владиміромъ вторгнулись въ страну Чуди-Тормы, обитавшей въ нынѣшнемъ Дерптскомъ (Юрьевскомъ) уѣздѣ, и,по обычаю, много людей поплѣнили, скота безчиленное множество домой привели. Потомъ назиму пошелъ Мстиславъ съ Новгородцами на чудской городъ Медвѣжью-Голову; истребивши села вокругъ, пришли подъ городъ; Чудь поклонилась, дала дань, и Новгородцы по-здорову возвратились домой. Но лѣтописецъ нѣмецкій гораздо подробнѣе описываетъ этотъ походъ; князь Новгородскій съ княземъ Псковскимъ и со всѣми своими Русскими пришли съ большимъ войскомъ въ Унганнію и осадили крѣпость Оденпе. Восемь дней отбивалась отъ нихъ Чудь: наконецъ, почувствовавши недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, запросили мира; Русскіе дали ей миръ, окрестили нѣкоторыхъ своимъ крещеніемъ, взяли 400 марокъ *ногатъ* [3]), и отступили въ свою землю, обѣщавшись, что пришлютъ своихъ священниковъ, чего однако потомъ не сдѣлали, изъ страха предъ Нѣмцами, прибавляетъ лѣтописецъ; должно думать, что не столько изъ страха предъ Нѣмцами, сколько по недостатку надлежащаго вниманія къ дѣламъ эстонскимъ. Такъ Новгородцы, пока жилъ у нихъ Мстиславъ, ходили сквозь Чудскую Землю къ самому морю, села жгли, укрѣпленія брали и заставляли

[1]) Cron. Liv. vetus, p. 134: Erat namque rex Wissewalde de Gercike Christani nominis et maxime Latinorum, semper infensus inimicus.—Wissewalde сходнѣе со Всеволодомъ; но въ точности ручаться нельзя; очень можетъ быть, что это и Василько.

[2]) Scriptor. rer. Livonic. I, 1, p. 409.

[3]) Chron. Liv. vetus, p. 138: Et acceperunt ab eis quadringentas marcas nagatarum. Эстонское слово nahk, gen. nahha, значитъ: кожа.

Чудь кланяться и давать дань [1]); но Мстиславъ скоро ушелъ на югъ, Новгородцы по-прежнему начали ссориться съ сѣверными суздальскими князьями, Чудь была опять забыта: а Нѣмцы между тѣмъ соединенными силами дѣйствовали постоянно въ одномъ направленіи, съ одною цѣлію. Чтобъ удобнѣе заняться покореніемъ Эстовъ, Леттовъ и другихъ туземцевъ, и чтобъ обогатить Ригу торговлею съ странами, лежащими при верхнихъ частяхъ Двины и Днѣпра, они рѣшились заключить мирный договоръ съ Полоцкимъ княземъ, причемъ епископъ обязался вносить послѣднему ежегодную дань за Ливовъ, порабощенныхъ рижской церкви и ордену.

Въ то время, когда Полоцкій князь, довольный данью, заключилъ миръ съ опасными пришельцами, Псковъ впервые обнаруживаетъ къ нимъ ту сильную непріязнь, какою будетъ отличаться во всей послѣдующей исторіи своей: въ 1213 году Псковичи выгнали князя своего Владиміра за то, что онъ выдалъ дочь свою за брата епископа Альберта; изгнанникъ пошелъ-было сначала въ Полоцкъ, но, найдя тамъ не очень привѣтливый пріемъ, отправился къ зятю въ Ригу, гдѣ принятъ былъ съ честію, по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца. Владиміръ скоро имѣлъ случай отблагодарить епископа за это гостепріимство. Полоцкій князь, видя, что орденъ воспользовался временемъ мира съ Русскими для того только, чтобъ тѣмъ удобнѣе покорить туземцевъ и принудить ихъ къ принятію христіанства, назначилъ въ Герсикѣ съѣхаться Альберту для переговоровъ. Епископъ явился на съѣздъ съ княземъ Владиміромъ, рыцарями, старшинами Ливовъ и Леттовъ и съ толпою купцовъ, которые были всѣ хорошо вооружены. Князь сперва говорилъ съ Альбертомъ ласково, потомъ хотѣлъ угрозами принудить его къ тому, чтобъ онъ перестал насильно крестить туземцевъ, его подданныхъ. Епископъ отвѣчалъ, что онъ не отстанетъ отъ своего дѣла, не пренебрежетъ обязанностью, возложенною на него великимъ первосвященникомъ Рима. Но, кромѣ насильственнаго крещенія, изъ словъ лѣтописца можно замѣтить, что епископъ не соблюдалъ главнаго условія договора,—не платилъ дани князю, подъ тѣмъ предлогомъ, что туземцы, не желая работать двумъ господамъ,—и Нѣмцамъ, и Русскимъ,—умоляли его освободить ихъ отъ ига послѣднихъ [2]). Князь, продолжаетъ лѣтописецъ, не хотѣлъ принимать справедливыхъ причинъ, грозился, что сожжетъ Ригу и всѣ нѣмецкіе за́мки, и велѣлъ войскамъ своимъ выйти изъ стана и выстроиться къ бою: провожатые епископа сдѣлали то же самое; въ это время Іоаннъ, пробстъ Рижской Богородичной церкви, и псковскій изгнанникъ, князь Владиміръ, подошли къ Полоцкому князю и начали уговаривать его, чтобъ онъ не начиналъ войны съ христіанами, представили, какъ опасно сражаться съ Нѣмцами, людьми храбрыми, искусными въ бою и жаждущими помѣрить силы свои съ Русскими. Князь будто бы удивился ихъ отвагѣ, велѣлъ войску своему возвратиться въ станъ, а самъ подошелъ къ епископу, называя его духовнымъ отцомъ; тотъ, съ своей стороны, принялъ его какъ сына; начались мирные переговоры, и князь, какъ будто подъ внушеніемъ свыше, уступилъ епископу всю Ливонію безо всякой обязанности платить дань, съ условіемъ союза противъ Литвы и свободнаго плаванія по Двинѣ. Какъ ни мало удовлетворителенъ является этотъ разсказъ нѣмецкаго лѣтописца, историкъ долженъ принять одно за достовѣрное, что епископъ пересталъ платить дань Полоцкому князю, и что тотъ не имѣлъ средствъ принудить его къ тому. Владиміръ Псковскій былъ награжденъ за свои услуги мѣстомъ фохта въ одной изъ провинцій ливонскихъ; но, творя судъ и расправу надъ туземцами, онъ много пожиналъ такого, чего никогда не сѣялъ, по выраженію лѣтописца; не понравился его судъ Ратцебургскому епископу и всѣмъ другимъ, такъ что онъ увидѣлъ себя въ необходимости отправиться въ Россію, исполняя желаніе многихъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Скоро однако онъ опять возвратился съ женою, сыновьями и всѣмъ семействомъ, и вступилъ снова въ исправленіе своей должности, не къ удовольствію подчиненныхъ, прибавляетъ тотъ же лѣтописецъ, потому что скоро опять поднялись противъ него жалобы, опять онъ долженъ былъ выслушивать упреки нѣмецкихъ духовныхъ. Это ему наскучило наконецъ, и онъ въ другой разъ выѣхалъ въ Россію, гдѣ былъ принятъ снова Псковичами. Избавившись отъ Владиміра, Нѣмцы захотѣли избавиться и отъ другого русскаго князя, оставшагося въ Ливоніи, хотя въ качествѣ подручника епископскаго — князя Всеволода Герсикскаго. Кокенгаузенскіе (Кукейносскіе) рыцари начали обвинять его въ томъ, что онъ не является къ епископу, своему отцу и господину, держитъ совѣтъ съ Литвою, подаетъ ей помощь во всякое время. Нѣсколько разъ требовали они его къ отвѣту,—Всеволодъ не являлся; тогда рыцари, по соглашенію съ епископомъ, подступили нечаянно къ городу, взяли его хитростью, ограбили жителей и ушли назадъ; это было въ 1214 году; въ слѣдующемъ—1215—Нѣмцы опять собрали войско и въ другой разъ овладѣли Герсикомъ, въ другой разъ опустошили его; но Всеволодъ уже успѣлъ послать къ Литовцамъ за помощью; тѣ явились, принудили Нѣмцевъ оставить городъ и нанесли имъ сильное пораженіе. Такъ разсказываетъ древнѣйшій лѣтописецъ ливонскій [3]); но въ позднѣйшихъ хроникахъ читаемъ иное, а именно, что князь Всеволодъ былъ убитъ во время второго нападенія Нѣмцевъ на его

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 32.

[2]) Sed neque Regi tributa sua dari prohibebat, secundum quod Dominus in Euangelio suo iterum ait. Reddite, quæ sunt Cæsaris, Cæsari et. c. Quia et ipse episcopus versa vice quandoque eundem censum etiam regi pro Livonibus persolverat. Livones, autem, nolentes duobus dominis servire, tam Rutthenis videlicet, quam Teutonicis, suggerebant Episcopo in omni tempore, quatenus eos a jugo Ruthenorum omnino liberaret.

[3]) Chron. Liv. vetus., p. 186.

городъ, и послѣдній окончательно разрушенъ; о литовской помощи не говорится ни слова [1]), тогда какъ въ древнѣйшей лѣтописи подъ 1225 годомъ упоминается опять о Герсикскомъ князѣ Всеволодѣ, который пріѣзжалъ въ Ригу видѣться съ папскимъ легатомъ [2]). Какъ бы то ни было, вѣрно одно, что Герсикъ раньше или позднѣе подпалъ власти Нѣмцевъ. Между тѣмъ Владиміру Псковскому удалось отмстить за свои обиды: въ 1217 году онъ отправился съ Новгородцами и Псковичами къ постоянной цѣли русскихъ походовъ—къ Оденпе, и сталъ подъ городомъ. Чудь, по обычаю, начала слать съ поклономъ, но на этотъ разъ обманывала, потому что послала звать Нѣмцевъ на помощь; Новгородцы собрали вѣче поодаль отъ стана, и начали толковать съ Псковичами о предложеніяхъ Чуди; ночные сторожа сошли съ своихъ мѣстъ, а дневные еще не пришли къ нимъ на смѣну, какъ вдругъ нечаянно явились Нѣмцы и ворвались въ покинутыя палатки. Новгородцы побѣжали съ вѣча въ станъ, схватили оружіе и выбили Нѣмцевъ, которые побѣжали къ городу, потерявши трехъ воеводъ; Новгородцы взяли также 700 лошадей и возвратились поздорову домой [3]); нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе заключили договоръ съ Нѣмцами, чтобы послѣдніе оставили Оденпе, причемъ Владиміръ захватилъ зятя своего Θеодориха, епископскаго брата, и отвелъ во Псковъ. Вѣроятно удачный походъ Владиміра ободрилъ Эстовъ, и они рѣшились свергнуть иго пришельцевъ. Съ этою цѣлію они отправили пословъ въ Новгородъ просить помощи; Новгородцы обѣщали придти къ нимъ съ большимъ войскомъ, и не исполнили обѣщанія, потому что у нихъ съ 1218 по 1224 годъ пять разъ смѣнялись князья, происходили постоянныя смуты, ссоры князей съ знаменитымъ посадникомъ Твердиславомъ. Эсты, понадѣявшись на новгородскія обѣщанія, встали, но не могли одни противиться Нѣмцамъ и принуждены были опять покориться.

Новгородцы явились уже поздно въ Ливонію съ княземъ своимъ Всеволодомъ, въ 1219 году; имѣли успѣхъ въ битвѣ съ Нѣмцами, но понапрасну простояли двѣ недѣли подъ Венденомъ, и возвратились домой поздорову. Также безъ слѣдствій остались два другіе похода Новгородцевъ въ 1222 подъ Венденъ и 1223 году—подъ Ревель; въ обычныхъ выраженіяхъ разсказываетъ лѣтописецъ, что они повоевали всю Чудскую Землю, полона привели безъ числа, золота много взяли, но городовъ не взяли, и возвратились всѣ поздорову. Тутъ же въ лѣтописи видимъ и причины, почему всѣ эти походы, кромѣ опустошенія страны, не имѣли другихъ слѣдствій: послѣ перваго похода въ 1223 году князь Всеволодъ тайкомъ ушелъ изъ Новгорода со всѣмъ дворомъ своимъ и оставилъ граждапъ въ печали; послѣ втораго князь Ярославъ также ушелъ въ свою постоянную волость—Переяславль-Залѣсскій, сколько Новгородцы ни упрашивали его остаться. А между тѣмъ Нѣмцы дѣйствовали: въ роковой 1224 годъ, когда Южная Русь впервые узнала Татаръ, на западѣ пало предъ Нѣмцами первое и самое крѣпкое поселеніе русское въ Чудской Землѣ—Юрьевъ, или Дерптъ. Здѣсь начальствовалъ въ это время тотъ самый князь Вячеславъ, или Вячко, который принужденъ былъ Нѣмцами покинуть свою отчину Кукейносъ. Вячко хорошо помнилъ обиду и былъ непримиримымъ врагомъ своихъ гонителей: бралъ онъ дань со всѣхъ окружныхъ странъ, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ, а которыя не давали дани, на тѣ посылалъ войско и опустошалъ, причиняя Нѣмцамъ всякое зло, какое только было въ его власти [4]); въ немъ находили себѣ защиту всѣ туземцы, возстававшіе противъ пришельцевъ. Это особенно возбуждало злобу послѣднихъ къ Вячку; наконецъ рѣшились они собрать всѣ свои силы, чтобъ овладѣть ненавистнымъ притономъ, гдѣ, по словамъ ихъ лѣтописца, собраны были всѣ злодѣи, измѣнники и убійцы, всѣ враги церкви ливонской, подъ начальствомъ того князя, который изстари былъ корнемъ всѣхъ золъ для Ливоніи. Отправились подъ Юрьевъ всѣ рыцари ордена, слуги Римской церкви, пришлые крестоносцы, купцы, граждане рижскіе, крещеные Ливы и Летты, и 15-го августа, въ день Успенія Богородицы, Юрьевъ былъ осажденъ. Нѣмцы приготовили множество осадныхъ машинъ, изъ огромныхъ деревьевъ выстроили башню въ уровень съ городскими стѣнами, и, подъ ея защитою, начали вести подкопъ; ночь и день трудилась надъ этимъ половина войска, одни копали, другіе относили землю. На слѣдующее утро большая часть подкопаннаго рухнула, и машина была придвинута ближе къ крѣпости. Несмотря на то, осаждающіе пытались еще завести переговоры съ Вячко: они послали къ нему нѣсколько духовныхъ особъ и рыцарей предложить свободный выходъ изъ крѣпости со всею дружиною, лошадьми, имѣніемъ, если согласится покинуть отступниковъ туземцевъ; Вячко, ожидая прихода Новгородцевъ, не принялъ никакихъ предложеній. Тогда осада началась съ новою силою и продолжалась уже много дней безъ всякаго успѣха: искусство и мужество съ обѣихъ сторонъ было равное, осаждающіе и осажденные равно не знали покоя ни днемъ, ни ночью, днемъ сражались, ночью играли и пѣли. Наконецъ Нѣмцы собрали совѣтъ; двое вождей пришлыхъ крестоносцевъ, Фридрихъ и Фредегельмъ, подали мнѣніе: „Необходимо, сказали они, сдѣлать приступъ, и, взявши городъ, жестоко наказать жителей, въ примѣръ другимъ. До сихъ поръ при взятіи крѣпостей оставляли гражданамъ жизнь и свободу, и оттого остальнымъ не задано никакого страха. Такъ теперь положимъ: кто изъ нихъ первый взойдетъ на стѣну, того превознесемъ почестями; дадимъ ему

[1]) Monum. Liv. antiquæ. III, p. 78.

[2]) Chron. Liv. vetus. p. 296.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 35; ср. Chron, Liv. vet. p. 206.

[4]) Chron. Liv. vet. p. 208, 284.

лучшихъ лошадей и знатнѣйшаго плѣнника, исключая этого вѣроломнаго князя, котораго мы вознесемъ выше всѣхъ, повѣсивши на самомъ высокомъ деревѣ". Мнѣніе было принято. На слѣдующее утро осаждающіе устремились на приступъ, и были отбиты. Осажденные сдѣлали въ стѣнѣ большое отверстіе и выкатили оттуда раскаленныя колеса, чтобъ зажечь башню, которая наносила столько вреда крѣпости; осаждающіе должны были сосредоточить всѣ свои силы, чтобъ затушить пожаръ и спасти свою башню. Между тѣмъ братъ епископа, Іоганъ фонъ-Аппельдернъ, неся огонь въ рукѣ, первый начинаетъ взбираться на валъ, за нимъ слѣдуетъ слуга его, Петръ Оге, и оба безпрепятственно достигаютъ стѣны; увидавъ это, остальные ратники бросаются за ними; каждый спѣшитъ, чтобъ взойти первому въ крѣпость, но кто взошелъ первый—осталось неизвѣстнымъ; одни поднимали другъ друга на стѣны, другіе ворвались сквозь отверстіе, сдѣланное недавно самими осажденными для пропуска раскаленныхъ колесъ. За Нѣмцами ворвались Летты и Ливы, и началась рѣзня: никому не было пощады; Русскіе долго еще бились внутри стѣнъ, наконецъ были истреблены; Нѣмцы окружили отовсюду крѣпость и не позволили никому спастись бѣгствомъ. Изъ всѣхъ мужчинъ, находившихся въ городѣ, оставили въ живыхъ только одного слугу князя Суздальскаго; ему дали лошадь и отправили въ Новгородъ донести своимъ о судьбѣ Юрьева, и новгородскій лѣтописецъ записалъ: „Того же лѣта убиша князя Вячка Нѣмцы въ Гюргевѣ, а городъ взяша [1])".

Что же Новгородцы: перенесли спокойно уничтоженіе русскихъ владѣній въ Чудской Землѣ? Слѣдующій разсказъ лѣтописца всего лучше покажетъ намъ, имѣли ли возможность Новгородцы предпринять что нибудь рѣшительное. Въ 1228 году князь Переяславля-Залѣсскаго, Ярославъ Всеволодовичъ, призванный княжить въ Новгородъ, отправился съ посадникомъ и тысяцкимъ во Псковъ. Псковичи, узнавши, что идетъ къ нимъ князь, затворились въ городѣ и не пустили его къ себѣ; пронеслась вѣсть во Псковѣ, что Ярославъ везетъ съ собою оковы, хочетъ ковать лучшихъ мужей. Ярославъ возвратился въ Новгородъ, созвалъ вѣче на Владычнемъ дворѣ и объявилъ гражданамъ, что не мыслилъ никакого зла на Псковичей: „Я, говорилъ онъ, везъ къ нимъ не оковы, а дары въ коробьяхъ, ткани дорогія, овощи, а они меня обезчестили";—и много жаловался на нихъ Новгородцамъ. Скоро послѣ этого онъ привелъ полки изъ Переяславля, съ тѣмъ, чтобъ идти на Ригу. Псковичи, узнавши объ этомъ, заключили отдѣльный миръ съ Нѣмцами, дали имъ 40 человѣкъ въ заложники, съ условіемъ, чтобъ они помогли имъ въ случаѣ войны съ Новгородцами. Но послѣдніе также заподозрили Ярослава, стали говорить: „Князь то насъ зоветъ на Ригу, а самъ хочетъ идти на Псковъ". Ярославъ опять послалъ сказать Псковичамъ: „Ступайте со мною въ походъ: я зла на васъ не думалъ никакого, а тѣхъ мнѣ выдайте, кто наговорилъ вамъ на меня". Псковичи велѣли отвѣчать ему: „Тебѣ, князь, кланяемся и вамъ, братья Новгородцы, но въ походъ нейдемъ, и братьи своей не выдаемъ, а съ Рижанами мы помирились; вы къ Колываню (Ревелю) ходили, взяли серебро, и возвратились, ничего не сдѣлавши, города не взявши, также и у Кеси (Вендена) и у Медвѣжьей Головы (Оденпе), и за то нашу братью Нѣмцы побили на озерѣ, а другихъ въ плѣнъ взяли; Нѣмцевъ только вы раздразнили, да сами ушли прочь, а мы поплатились. А теперь на насъ, что-ли, идти вздумали?—такъ мы противъ васъ съ Святой Богородицею и съ поклономъ: лучше вы насъ перебейте, а женъ и дѣтей нашихъ въ полонъ возьмите, чѣмъ поганые; на томъ вамъ и кланяемся". Новгородцы сказали тогда князю: „Мы безъ своей братьи, безъ Псковичей, нейдемъ на Ригу, а тебѣ, князь, кланяемся"; много уговаривалъ ихъ Ярославъ, но все понапрасну; тогда онъ отпустилъ свои полки назадъ въ Переяславль. — Можно ли было при такихъ отношеніяхъ успѣшно бороться съ Нѣмцами?

На сѣверъ отъ Финскаго залива Новгородцы ходили на чудское племя Ямь; походы эти имѣли такой же характеръ, какъ и походы на Эстовъ: такъ въ 1188 ходили на Ямь новгородскіе *молодцы* съ какимъ-то Вышатою Васильевичемъ, и пришли домой поздорову, добывши полона. Въ 1191 году ходили Новгородцы вмѣстѣ съ Корелою на Ямь, землю ея повоевали и пожгли, и скотъ перебили. Въ 1227 году князь Ярославъ Всеволодовичъ пошелъ съ Новгородцами на Ямь, землю всю повоевали, полона привели безъ числа; но въ слѣдующемъ году Ямь захотѣла отмстить за опустошеніе своей земли, пришла Ладожскимъ озеромъ на судахъ и стала опустошать новгородскія владѣнія [2]). Новгородцы, услыхавши о набѣгѣ, сѣли на суда и поплыли Волховомъ къ Ладогѣ; но Ладожане съ своимъ посадникомъ Владиславомъ не стали дожидаться ихъ, погнались на лодкахъ за Ямью, настигли и вступили въ битву, которую прекратила ночь; ночью Ямь прислала просить мира, но Ладожане не согласились; тогда Финны, перебивши плѣнниковъ и побросавши лодки, побѣжали въ лѣсъ, гдѣ большая часть ихъ была истреблена Корелою. Что же дѣлали въ это время Новгородцы?—они стояли на Невѣ, да вѣче творили, хотѣли убить одного изъ своихъ, какого-то Судимира, да князь скрылъ его въ своей лодьѣ; потомъ возвратились домой,

[1]) По Татищ. (III, 431), Нѣмцы взяли Юрьевъ обманомъ, заключили перемиріе, и, воспользовавшись неосторожностью осажденныхъ, надѣявшихся на это перемиріе, зажгли городъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 42: «Воевали бо бяху около озера на Исадѣхъ и Олоньсъ».—Гг. Надеждинъ и Неволинъ замѣчаютъ: «Есть и нынѣ село Изсадъ, на Волховѣ, близъ впаденія его въ озеро Ладожское, между Старою и Новою Ладогою. Но городъ Олонецъ очень далеко отсюда». Но мы не знаемъ подробностей, откуда и какъ прошла Ямь; она опустошала новгородскія мѣста на берегахъ Ладожскаго озера: Олонецъ недалеко отъ послѣдняго.

ничего не сдѣлавши.—Были также столкновенія у Новгородцевъ съ финскими племенами за Волокомъ, въ области Сѣверной Двины и далѣе на востокъ: подъ 1187 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что новгородскіе сборщики даней (ясака) были перебиты въ Печерѣ и за Волокомъ, погибло ихъ человѣкъ сто; возстаніе, какъ видно, было въ разныхъ мѣстахъ въ одно время. Въ 1193 году Новгородцы пошли ратью за Уралъ, въ Югру, съ воеводою Ядреемъ, пришли въ Югру, взяли одинъ городъ, потомъ осадили другой и стояли подъ нимъ пять недѣль; осажденные стали подсылать къ нимъ обманомъ, говорили: „Мы копимъ серебро, соболей и разное другое добро; зачѣмъ же вы хотите погубить своихъ смердовъ и свои дани?“ Но, вмѣсто серебра и соболей, они копили войско, да сносились съ измѣнникомъ новгородскимъ, какимъ-то Савкою, который держалъ перевѣтъ къ Югорскому князю. Когда войско было собрано, то осажденные послали сказать новгородскому воеводѣ, чтобъ приходилъ къ нимъ въ городъ съ 12 лучшими людьми за данью; тотъ, ничего не подозрѣвая, пошелъ—и былъ убитъ вмѣстѣ съ товарищами; потомъ было приманено въ городъ еще тридцать человѣкъ, потомъ еще пятьдесятъ. Измѣнникъ Савка сказалъ при этомъ князю Югорскому: „Если, князь, не убьешь Якова Прокшинича и пустишь его въ Новгородъ живаго, то онъ опять приведетъ сюда войско и опустошитъ твою землю; вели убить его“;—и Яковъ былъ убитъ, сказавши передъ смертію Савкѣ: „Братъ! судитъ тебѣ Богъ и Св. Софья, что подумалъ на свою братью; станешь ты съ нами передъ Богомъ и отдашь отвѣтъ за кровь нашу“. Наконецъ осажденные, истребивши лучшихъ людей, ударили на остальныхъ, полумертвыхъ отъ голода, и большую часть ихъ истребили; спаслось только 80 человѣкъ, которые съ великою нуждою добрались до Новгорода. Приходъ ихъ, разумѣется, долженъ былъ произвести сильное волненіе, когда узнали, что бѣда приключилась отъ измѣны; сами путники убили троихъ гражданъ, обвиняя ихъ въ зломъ умыслѣ на свою братью; другіе обвиненные откупились деньгами; лѣтописецъ говоритъ, что одному Богу извѣстно, кто тутъ былъ правъ, кто виноватъ [1]). Изъ этихъ, хотя очень рѣдкихъ извѣстій лѣтописи мы можемъ составить себѣ понятіе объ отношеніяхъ Новгорода къ его заволоцкимъ владѣніямъ, къ тамошнему финскому народонаселенію: ходили отряды такъ называемыхъ *данниковъ* (сборщиковъ дани) собирать ясакъ съ туземцевъ серебромъ и мѣхами; иногда эти данники встрѣчали сопротивленіе, были истребляемы вдругъ въ разныхъ мѣстахъ; неизвѣстно, походъ Ядрея былъ ли попыткою взять ясакъ съ племенъ, еще до сихъ поръ его не платившихъ, или съ старыхъ плательщиковъ, отказавшихся на этотъ разъ платить; слова князька: „Мы копимъ серебро....зачѣмъ вы хотите губить своихъ смердовъ“—могутъ указывать на послѣднее [2]). Но если новгородскіе данники не всегда были счастливы въ своихъ заволоцкихъ походахъ, то новгородскимъ выходцамъ, принужденнымъ оставить по разнымъ причинамъ родную землю, удалось въ послѣдней четверти XII вѣка утвердиться въ сторонѣ Прикамской, на берегахъ рѣки Вятки, гдѣ они основали независимую общину, ставшую на сѣверо-востокѣ притономъ всѣхъ бѣглецовъ, подобно Южному Берладу и Тмутораканю.

Если Новгородцы боролись съ финскими племенами за Волокомъ, въ нынѣшней Финляндіи и Эстоніи—тамъ для того, чтобъ сбирать съ нихъ богатый ясакъ серебромъ и мѣхами, здѣсь—частію также для добычи, частію для защиты собственныхъ владѣній, опустошаемыхъ дикарями, то сѣверные, суздальскіе князья, повинуясь природнымъ указаніямъ, распространяли свои владѣнія внизъ по Волгѣ, причемъ постоянно должны были бороться съ Болгарами, Мордвою и другими инородцами. Зимою 1178 года Андрей Боголюбскій отправилъ на Болгаръ сына своего Мстислава, съ которымъ должны были соединиться сыновья Муромскаго и Рязанскаго князей; походъ этотъ, говоритъ лѣтописецъ, не нравился всѣмъ людямъ, потому что не время воевать зимою Болгаръ, и полки шли очень медленно и неохотно; при устьи Оки соединенные князья двѣ недѣли дожидались разныхъ людей, и рѣшились наконецъ ѣхать съ одною передовою дружиною, въ которой всѣмъ распоряжался тогда воевода Борисъ Жидиславичъ. Русскіе неожиданно въѣхали въ поганую землю, взяли шесть селъ, да седьмой городъ; мужчинъ перебили, женщинъ и дѣтей побрали въ плѣнъ; Болгары, услыхавъ, что князья пришли съ небольшою дружиною, собрали шесть тысячъ человѣкъ рати и погнались за Русскими, но, не дошедши до нихъ 20 верстъ, возвратились. Наши, говоритъ лѣтописецъ, прославили Бога, потому что очевидно спасла ихъ отъ неминуемой бѣды Святая Богородица и христіанская молитва. Въ 1184 году Всеволодъ III-й вздумалъ пойти на Болгаръ, и послалъ просить помощи у Кіевскаго князя Святослава Всеволодовича; тотъ отправилъ къ нему сына Владиміра, велѣвъ сказать сѣверному князю: „Дай Богъ, братъ и сынъ, повоевать намъ въ наше время съ погаными“. Съ осьмью князьями [3]) выступилъ Всеволодъ въ походъ водою, по Окѣ и Волгѣ: вышедши на берегъ, великій князь оставилъ у лодокъ бѣлозерскій полкъ съ двумя воеводами—Ѳомою Лясковичемъ и Дорожаемъ, и пошелъ съ остальнымъ войскомъ на коняхъ къ Великому Городу Серебряныхъ Болгаръ, отправя впередъ сторожевой отрядъ. Сторожа увидали въ полѣ войско и подумали сначала, что это Болгары; но оказалось, что то были Половцы; пять человѣкъ

---

[1]) О походѣ на Тоймокаровъ было упомянуто выше.

[2]) Послѣ этого явно, какъ мы должны понимать выраженія, что Новгороду принадлежали обширныя страны отъ Сѣверной Двины до Урала и за Уралъ.

[3]) Съ племянникомъ своимъ Изяславомъ Глѣбовичемъ, съ Владиміромъ Святославичемъ Черниговскимъ, Мстиславомъ Давидовичемъ Смоленскимъ, съ четырьмя Глѣбовичами рязанскими: Романомъ, Игоремъ, Всеволодомъ и Владиміромъ, да съ Муромскимъ Владиміромъ.

изъ нихъ пріѣхали къ Всеволоду, ударили передъ нимъ челомъ и сказали: „Кланяются тебѣ, князь, Половцы Ямяковскіе; пришли мы также воевать Болгаръ". Всеволодъ, подумавши съ князьями и дружиною, привелъ Половцевъ къ присягѣ по ихъ обычаю, и пошелъ съ ними вмѣстѣ къ Великому Городу, приблизившись къ которому, сталъ думать съ дружиною; въ это время племянникъ его, Изяславъ Глѣбовичъ, схвативъ копье, помчался съ своею дружиною къ городу, подлѣ котораго пѣшіе Болгары устроили себѣ укрѣпленіе; Изяславъ выбилъ ихъ отсюда и проскакалъ къ самымъ городскимъ воротамъ, но здѣсь изломалъ свое копье, получилъ рану стрѣлою сквозь броню подъ самое сердце и полумертвый принесенъ былъ въ станъ. А между тѣмъ бѣлозерскій полкъ, оставленный при лодкахъ, выдержалъ нападеніе отъ Болгаръ, приплывшихъ Волгою изъ разныхъ городовъ въ числѣ 5,000 человѣкъ, и обратилъ ихъ въ бѣгство, причемъ перетонуло ихъ больше тысячи человѣкъ. Всеволодъ стоялъ еще 10 дней подъ Великимъ Городомъ, но, видя, что племянникъ изнемогаетъ, а Болгары просятъ мира, отправился назадъ къ своимъ лодкамъ, гдѣ Изяславъ и умеръ; великій князь послѣ этого возвратился во Владиміръ, пославши конницу на Мордву. Въ 1186 году Всеволодъ посылаетъ опять воеводъ своихъ съ Городчанами на Болгаръ; Русскіе взяли много селъ и возвратились съ полономъ. Послѣ того при Всеволодѣ не встрѣчаемъ больше извѣстій о походахъ на Болгаръ; по смерти его усобица между его сыновьями долго не давала Русскимъ возможности обратить вниманіе на сосѣдніе народы; пользуясь тѣмъ, Болгары предприняли наступательное движеніе и взяли Устюгъ въ 1217 году. Только въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ собрался послать сильную рать на Болгаръ; онъ послалъ брата своего Святослава, князя Юрьевскаго, и съ нимъ полки свои подъ начальствомъ воеводы Еремѣя Глѣбовича; Ярославъ Всеволодовичъ Переяславскій послалъ также свои полки; племяннику Васильку Константиновичу великій князь велѣлъ послать полки изъ Ростова и изъ Устюга на верхъ Камы; Муромскій князь Давидъ послалъ сына своего Святослава, Юрій — Олега и всѣ сиялись на устьи Оки, откуда поплыли на лодкахъ внизъ по Волгѣ и высадились на берегъ противъ города Ошела. Святославъ выстроилъ войско; ростовскій полкъ поставилъ по правую руку, переяславскій—по лѣвую, а самъ сталъ съ муромскими князьями по-серединѣ, и въ такомъ порядкѣ двинулся къ лѣсу, оставивъ одинъ полкъ у лодокъ. Прошедши лѣсъ, русскіе полки вышли на поле къ городу; здѣсь были они встрѣчены болгарскою конницею, которая, постоявши немного, пустила въ нашихъ по стрѣлѣ, и помчалась къ городу; Святославъ двинулся за нею и осадилъ Ошелъ. Около города былъ сдѣланъ острогъ, огороженный крѣпкимъ дубовымъ тыномъ; за острогомъ были еще два укрѣпленія и между ними валъ; по этому валу бѣгали осажденные и бились съ Русскими. Князь Святославъ, подошедши къ городу, отрядилъ напередъ людей съ огнемъ и топорами, а за ними стрѣльцовъ и копейниковъ; Русскіе подсѣкли тынъ, разорили и два другихъ укрѣпленія, и зажгли ихъ, потомъ зажгли и самый городъ; но тутъ поднялся противный вѣтеръ и понесъ клубы дыма на русскіе полки; дымъ, въ которомъ нельзя было различить человѣка, зной и пуще всего бездождіе заставили осаждающихъ отступить отъ города. Когда они отдохнули отъ трудовъ, то Святославъ сказалъ: „Пойдемъ теперь за вѣтромъ на другую сторону города!"—полки встали и пошли, и когда были у городскихъ воротъ, то князь сказалъ имъ: „Братья и дружина! сегодня предстоитъ намъ или добро, или зло, такъ пойдемте скорѣе!"—и самъ князь поскакалъ впереди всѣхъ къ городу, за нимъ остальное войско, посѣкли тынъ и оплоты и зажгли ихъ, потомъ зажгли городъ со всѣхъ сторонъ, причемъ встала сильная буря, такъ что страшно было смотрѣть, а въ городѣ раздавался громкій вопль. Князь Болгарскій успѣлъ убѣжать на лошадяхъ съ малою дружиною, а которые Болгары выбѣжали пѣшкомъ, тѣхъ всѣхъ Русскіе перебили, женъ и дѣтей въ плѣнъ побрали, другіе Болгары сгорѣли въ городѣ, а иные перебили сперва своихъ женъ и дѣтей, а потомъ и сами себя лишили жизни; нѣкоторые изъ русскихъ ратниковъ осмѣлились войти въ городъ за добычею, но едва убѣжали отъ пламени, а иные такъ и сгорѣли. Пожегши городъ, Святославъ пошелъ назадъ къ лодкамъ; когда онъ пришелъ къ нимъ, то поднялась сильная буря съ дождемъ, такъ-что съ трудомъ можно было удержать лодки у берега; потомъ буря начала стихать, и Святославъ, переночевавши тутъ и пообѣдавши, на другой день поплылъ назадъ вверхъ по Волгѣ. Между тѣмъ Болгары изъ Великаго и другихъ городовъ, услыхавши объ истребленіи Ошела, собрались съ князьями своими и пришли къ берегу; Святославъ зналъ о приближеніи враговъ и велѣлъ своимъ приготовиться къ битвѣ: пошли — полкъ за полкомъ, били въ бубны, играли въ трубы и сопѣли, а князь шелъ сзади всѣхъ. Болгары, подошедши къ берегу, увидали между Русскими своихъ плѣнниковъ, кто отца, кто сына и дочь, кто братьевъ и сестеръ, и стали вопить, кивая головами и закрывая глаза; но напасть на Русскихъ не посмѣли, и Святославъ благополучно достигъ устья Камы, гдѣ соединился съ ростовскимъ и устюжскимъ полками, бывшими подъ начальствомъ воеводы Воислава Добрынича. Ростовцы и Устюжане пришли съ большою добычею, потому что воевали внизъ по Камѣ, взяли много городовъ и селъ. Съ устья Камы пошли всѣ къ Городцу, здѣсь вышли на берегъ и отправились на коняхъ къ Владиміру. Князь Юрій встрѣтилъ брата у Боголюбова, и задалъ ему и всему войску большой пиръ; пировали три дня, причемъ Святославъ и все войско получили богатые подарки. Слѣдствіемъ Святославова похода было то, что на ту же зиму болгарскіе послы явились къ великому князю съ прось-

бой о мирѣ; но Юрій сначала не согласился на миръ и послалъ собирать войско, хотѣлъ самъ теперь идти въ походъ, и дѣйствительно выступилъ къ Городцу; на дорогѣ встрѣтили его новые послы отъ Болгаръ съ челобитьемъ, но онъ и тѣхъ не послушалъ; наконецъ уже въ Городецъ пришли къ нему еще послы съ дарами и съ выгодными условіями, на которыя в. князь и согласился; заключенъ былъ миръ по-прежнему, какъ было при отцѣ и дядѣ Юрія.

Послѣ этого удачнаго похода на Болгаръ, Юрій рѣшился укрѣпить за Русью важное мѣсто при устьи Оки въ Волгу, гдѣ привыкли собираться суздальскія и муромскія войска: здѣсь въ 1221 году заложенъ былъ Нижній-Новгородъ. Онъ былъ основанъ на землѣ Мордвы, съ которою слѣдовательно необходимо должна была возникнуть борьба; въ 1226 г. в. князь посылалъ братьевъ своихъ Святослава и Ивана на Мордву, которую они побѣдили и взяли нѣсколько селъ. Въ 1228 году, въ сентябрѣ, Юрій послалъ-было на Мордву племянника Василька Константиновича Ростовскаго съ воеводою своимъ, извѣстнымъ Еремѣемъ Глѣбовичемъ, но возвратилъ ихъ за непогодою, потому что лили дожди день и ночь; а зимою, въ январѣ мѣсяцѣ отправился въ походъ самъ съ братомъ Ярославомъ, племянниками Константиновичами и Муромскимъ княземъ Юріемъ; Русскіе вошли въ землю мордовскаго князя Пургаса, пожгли и потравили хлѣбъ, перебили скотъ, а плѣнниковъ отправили домой; Мордва скрылась въ лѣсахъ и твердяхъ, а которые не успѣли спрятаться, тѣхъ перебила младшая дружина Юрьева. Видя успѣхъ Юрьевой дружины, младшая дружина Ярославова и Константиновичей тайкомъ отправились на другой день въ дремучій лѣсъ на поиски за Мордвою. Мордва дала имъ зайти въ глубину лѣса, потомъ окружила ихъ и однихъ истребила на мѣстѣ, другихъ поволокла въ свои укрѣпленія, и тамъ перебила [1]). Между тѣмъ Болгарскій князь пришелъ-было на Пуреша, присяжнаго князька Юрьева, но, услыхавъ, что великій князь жжетъ села мордовскія, побѣжалъ ночью назадъ, а Юрій съ братьею и со всѣми полками возвратились домой поздорову. Вообще, несмотря на всю медленность, недружность наступательнаго движенія Руси на финскія племена, послѣднимъ не было возможности съ успѣхомъ противиться ей, потому что Русь, мимо всѣхъ препятствій къ государственному развитію, все шла впередъ по пути этого развитія, тогда какъ финскія племена оставались и теперь на той же ступени, на какой славянскія племена, Дреговичи, Сѣверяне, Вятичи, находились въ половинѣ IX вѣка, жили особными и, потому, безчисленными племенами, которыя, раздробляясь, враждовали другъ съ другомъ. Мѣстное преданіе очень вѣрно указываетъ на причину подчиненія финскихъ племенъ Руси: на мѣстѣ Нижняго-Новгорода, говоритъ оно, жилъ нѣкогда Мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья Разбойника; было у него 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятелъ предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то останутся владѣтелями отцовскаго наслѣдія, а если поссорятся, то будутъ покорены Русскими; потомки Скворца начали враждовать между собою, и Андрей Боголюбскій изгналъ ихъ съ устья Оки.

Не таковы были отношенія Руси къ западнымъ ея дикимъ сосѣдямъ—Литовцамъ, которыхъ набѣги становятся все сильнѣе и дружнѣе: въ 1190 году Рюрикъ Ростиславичъ, будучи еще княземъ Бѣлгородскимъ, по родству своему съ князьями пинскими, которые должны были особенно терпѣть отъ Литвы, предпринялъ-было походъ на нее, но не могъ дойти до Земли Литовской, потому что сдѣлалось тепло и снѣгъ растаялъ, а въ этой болотистой странѣ только и можно было воевать въ сильные холода. Счастливѣе былъ зять его, знаменитый Романъ Волынскій, о поведеніи котораго относительно плѣнныхъ Литвы и Ятвяговъ уже было упомянуто; въ 1196 году, по словамъ лѣтописи, Романъ ходилъ на Ятвяговъ *отмщеваться*, потому что они воевали его волость; когда Романъ вошелъ въ ихъ землю, то они не могли стать противъ его силы, и бѣжали въ свои тверди, а Романъ пожегъ ихъ волость, и, *отомстившись*, возвратился домой [2]). Усобицы, возникшія на Волыни по смерти Романа Великаго, дали Ятвягамъ и Литвѣ возможность опустошать эту страну: подъ 1205 годомъ читаемъ извѣстіе, что Литва и Ятвяги повоевали землю отъ Турійскаго до Червеня, бились у самыхъ воротъ червенскихъ; бѣда была въ Землѣ Владимірской отъ воеванья литовскаго и ятвяжскаго, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1215 г. литовскіе князья, числомъ 21, дали миръ вдовѣ Романовой, которая немедленно употребила ихъ противъ Поляковъ. Въ 1227 году Ятвяги пришли-было воевать около Бреста, но потерпѣли пораженіе отъ Даніила Романовича.—Сѣверо-западныя русскія границы не были также безопасны отъ Литвы: въ 1183 году бились Псковичи съ Литвою, и много потерпѣли зла отъ нея. Въ 1200 году Литовцы опустошили берега Ловати [3]); Новгородцы погнались за ними и обратили ихъ въ бѣгство, убивши 80 человѣкъ и отнявши добычу. Въ тотъ же годъ воевода великолуцкій, Нѣздила Пехчиничъ, ходилъ съ небольшою дружи-

[1]) Такъ понимаютъ это мѣсто; но мы не рѣшаемся признавать это пониманіе совершенно правильнымъ; вотъ самый текстъ: «То видѣвше молодіи Ярослави и Василкови Всеволожи, утаившеся, назаутріе ѣхаша въ лѣсъ глубокъ, а Мордва, давше имъ путь, а сами лѣсомъ обидоша ихъ около, избиша и, а иныхъ изъимаша; бѣжаша въ тверди, тѣхъ тамо избиша, и княземъ нашимъ не бысть кого воевати».

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 179: «Той же зимы (1208) бишася Олговичи съ Литвою».—Гдѣ, неизвѣстно.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 25: «Ловоть възяша Литва и до Налюця, съ Бѣлѣ до Свинорта и до Ворча Середу; и гнашася Новгородцы по нихъ и до Цьрпянъ».—Изъ этихъ мѣстъ съ вѣрностію можно опредѣлить Свинортъ въ Новгородскомъ уѣздѣ при р. Шелони, и Налюча въ Демянскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Полѣ, предъ сліяніемъ ея съ Ловатью.

ною на Летголу, засталъ непріятелей спящими, убилъ 40 человѣкъ, а женъ и дѣтей увелъ въ плѣнъ. Подъ 1210 годомъ упоминается снова о набѣгѣ Литовскомъ на Новгородскую область; въ 1213 Литовцы пожгли Псковъ; въ 1217 Литва опять воевала по Шелони; въ 1225 около Торопца; въ 1224 пришла къ Русѣ: посадникъ Ѳеодоръ выѣхалъ-было противъ нея, но былъ побѣжденъ; въ 1225 Литовцы, въ числѣ 7,000, страшно опустошили села около Торжка, не дошедши до города только трехъ верстъ, побили много купцовъ, поплѣнили и Торопецкую волость всю; князь Ярославъ Всеволодовичъ нагналъ ихъ близъ Усвята, разбилъ, истребилъ 2,000 человѣкъ, отнялъ добычу; изъ Русскихъ палъ здѣсь Торопецкій князь Давидъ, сынъ Мстислава Храбраго.

На югѣ и юго-востокѣ продолжалась прежняя борьба съ степняками, или Половцами. Когда Андрей Боголюбскій посадилъ брата своего Глѣба въ Кіевѣ, то въ русскихъ предѣлахъ явилось множество Половцевъ; одна половина ихъ вошла въ предѣлы Переяславскаго княжества, а другая—Кіевскаго, и обѣ послали къ Глѣбу съ такими рѣчами: „Богъ и князь Андрей посадили тебя на твоей отчинѣ и дѣдинѣ въ Кіевѣ, а мы хотимъ урядиться съ тобою обо всемъ, послѣ чего мы присягнемъ тебѣ, а ты намъ, чтобъ вы насъ не боялись, а мы васъ". Глѣбъ отвѣчалъ: „Я готовъ идти къ вамъ на сходку", и сталъ думать съ дружиною, къ какимъ Половцамъ идти прежде;—рѣшили, что лучше идти сперва къ Переяславлю, потому что князь томашній, Владиміръ Глѣбовичъ, былъ тогда малъ, всего 12 лѣтъ. Глѣбъ и пошелъ на сходку къ переяславскимъ Половцамъ, а другимъ, русскимъ (т.-е. кіевскимъ) послалъ сказать: „Подождите меня здѣсь: теперь я ѣду къ Переяславлю, и когда умирюсь съ тѣми Половцами, то приду и къ вамъ на миръ". Но кіевскіе Половцы, услыхавъ, что Глѣбъ пошелъ на ту сторону Днѣпра, начали разсуждать: „Глѣбъ-то поѣхалъ на ту сторону, къ тѣмъ Половцамъ, и тамъ долго пробудетъ, а къ намъ не поѣхалъ, такъ мы пойдемъ за Кіевъ, возьмемъ села и пойдемъ домой съ добычею". И дѣйствительно отправились воевать кіевскія волости, жители которыхъ, не ожидая нападенія, не успѣли убѣжать [1],—были всѣ перехвачены и вмѣстѣ со стадами погнаны въ степи. Глѣбъ возвращался отъ Переяславля и хотѣлъ-было отправиться къ Корсуню, гдѣ стояли прежде Половцы, какъ дали ему знять, что варвары, не дождавшись съѣзда, поѣхали воевать—и воюютъ. Глѣбъ хотѣлъ немедленно самъ гнаться за ними, но Берендѣи схватили за поводъ его коня и сказали: „Князь, не ѣзди! тебѣ пристойно только ѣздить въ большомъ полку, когда соберется вся братья, а теперь пошли кого-нибудь изъ князей, да съ нимъ отрядъ изъ насъ, Берендѣевъ". Глѣбъ послушался и отправилъ брата своего Михаила съ сотнею Переяславцевъ и съ 1,500 Берендѣевъ; Михаилъ перенялъ у Половцевъ дорогу, напалъ безъ вѣсти на сторожей ихъ, которыхъ было 300 человѣкъ, и однихъ перебилъ, а другихъ взялъ въ плѣнъ; когда у этихъ начали спрашивать, „много ли вашихъ назади?" и они отвѣчали, что много, тысячъ семь, то Русскіе стали думать: „Половцевъ назади много, а насъ мало; если оставимъ плѣнниковъ въ-живыхъ, то во время битвы они будутъ намъ первые враги", и перебили ихъ всѣхъ; потомъ пошли на другихъ Половцевъ, разбили ихъ, добычу отняли и опять спросили у плѣнниковъ: „Много ли еще вашихъ назади"? тѣ отвѣчали: „Теперь великій полкъ идетъ". Русскіе дождались и великаго полка, и поѣхали противъ него; у поганыхъ было 900 копій, а у Русскихъ только 90. Переяславцы хотѣли-было ѣхать напередъ съ княземъ Михаиломъ; но Берендѣи опять схватили у Михаила коня за поводъ, и сказали: „Вамъ не слѣдъ ѣхать напередъ, потому что вы нашъ *городъ* (защита), а мы—стрѣльцы—пойдемъ напередъ". Битва была злая, князь Михаилъ получилъ три раны, наконецъ Половцы побѣжали, причемъ полторы тысячи ихъ попалось нашимъ въ плѣнъ. Зимою 1174 года Половцы снова явились на кіевской сторонѣ и взяли множество селъ; больной Глѣбъ выслалъ противъ нихъ Торковъ и Берендѣевъ, подъ начальствомъ двоихъ братьевъ своихъ Михаила и Всеволода, которые нагнали и разбили Половцевъ за рѣкою Бугомъ, притомъ отполонили 400 человѣкъ своихъ.

По смерти Глѣба, въ княженіе Романа Ростиславича въ Кіевѣ, лѣтописецъ упоминаетъ о половецкихъ набѣгахъ на пограничныя земли по рѣкѣ Роси; но гораздо замѣчательнѣе шла борьба съ варварами по ту сторону Днѣпра, гдѣ Сѣверскій князь Игорь Святославичъ пошелъ на Половцевъ въ степи за Ворсклу. Узнавши на дорогѣ, что два хана, Кобякъ и Кончакъ, отправились пустошить Переяславскую волость, Игорь поднялся за ними, принудилъ бѣжать и отнялъ всю добычу; такъ счастливо началъ борьбу свою съ Половцами Игорь Святославичъ, которому суждено было пріобрѣсти такую знаменитость отъ несчастнаго похода своего на нихъ. Въ 1179 году Кончакъ много зла надѣлалъ христіанамъ у Переяславля; въ 1184 году новое извѣстіе о нашествіи Кончака. До сихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами на югѣ не давали князьямъ возможности отплачивать Половцамъ походами въ степи; но теперь, съ окончательнымъ утвержденіемъ Святослава Всеволодовича въ Кіевѣ, усобицы прекратились, и начинается рядъ степныхъ походовъ. Уже въ 1184 году, послѣ нашествія Кончака, князь Святославъ, посовѣтовавшись съ сватомъ своимъ Рюрикомъ, пошелъ на Половцевъ, и сталъ у Ольжичь, ожидая Ярослава Всеволодовича изъ Чернигова; Ярославъ пріѣхалъ и сказалъ имъ: „Теперь, братья, не ходите, но лучше назначимъ срокъ и пойдемъ, дастъ Богъ, на лѣто". Старшіе князья послушались его и возвратились, приказавши вмѣсто себя идти въ степь

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153: «И взяша села безъ утеча съ людьми».

младшимъ: Святославъ отправилъ Игоря Святославича Сѣверскаго, а Рюрикъ—Владиміра Глѣбовича Переяславскаго. Но эти младшіе — Мономаховичъ Владиміръ и Ольговичъ Игорь—сейчасъ же начали споръ за старшинство и поссорились; Владиміръ сталъ проситься у Игоря ѣхать напереди, а Игорь не пустилъ его; тогда Владиміръ разсердился и, вмѣсто Половцевъ, пошелъ на сѣверскіе города, гдѣ взялъ большую добычу; Игорь одинъ съ своими Ольговичами отправился на Половцевъ и принудилъ ихъ бѣжать; но далеко не могъ идти за ними, потому что отъ дождя вода поднялась въ рѣкахъ. Старшіе князья—Святославъ и Рюрикъ—исполнили свое обѣщаніе, лѣтомъ повѣстили походъ на Половцевъ, собрали князей—Переяславскаго, Волынскихъ, Смоленскихъ, Туровскихъ, взяли вспомогательный галицкій отрядъ, и пошли внизъ по Днѣпру. Черниговскіе отказались идти вмѣстѣ; они послали сказать Святославу Всеволодовичу: „Далеко намъ идти внизъ Днѣпромъ, не можемъ своихъ земель оставить пустыми; но если пойдешь на Переяславль, то сойдемся съ тобою на Сулѣ“. Святославу не понравилось это неповиновеніе младшей братьи; онъ продолжалъ безъ нихъ путь по Днѣпру, вышелъ на восточный берегъ при Инжирѣ бродѣ, и отрядилъ младшихъ князей на поискъ за Половцами съ 2,100 Берендѣевъ; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій отпросился у него ѣхать прежде всѣхъ: „Моя волость пуста отъ Половцевъ, говорилъ онъ, такъ пусти меня, батюшка Святославъ, напередъ съ сторожами!“ Половцы, увидавши идущій на себя полкъ Владиміровъ, ударились бѣжать, такъ что русскій сторожевой отрядъ не могъ нагнать ихъ и возвратился къ рѣкѣ Ерелу; остановились и Половцы, и ханъ Кобякъ, думая, что Русскихъ всего только, что съ Владиміромъ, погнался за послѣднимъ и сталъ перестрѣливаться съ его отрядомъ черезъ рѣку; услыхавъ объ этомъ, Святославъ и Рюрикъ отправили на помощь къ сторожамъ большіе полки, вслѣдъ за которыми пошли и сами; но Половцы, увидавши первые полки, отправленные на помощь къ сторожамъ, подумали, что это сами Святославъ и Рюрикъ идутъ, и побѣжали; Русскіе за ними, стали ихъ бить и хватать въ плѣнъ и набрали 7,000 человѣкъ; взяли тутъ самого Кобяка съ двумя сыновьями и много другихъ князей [1]), и возвратились Святославъ и Рюрикъ со славою и честію великою, по словамъ лѣтописца. Между тѣмъ Игорь Святославичъ Сѣверскій, услыхавъ, что Кіевскій Святославъ пошелъ на Половцевъ, призвалъ къ себѣ брата Всеволода, племянника Святослава Ольговича, сына Владиміра, дружину, и сказалъ имъ: „Половцы обратились теперь противъ русскихъ князей, такъ мы безъ нихъ ударимъ на ихъ вежи“ Князья поѣхали и за рѣкою Мерломъ встрѣтились съ половецкимъ отрядомъ въ 400 человѣкъ, которые пробирались воевать Русь; Игорь ударилъ на нихъ и прогналъ назадъ.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II. стр. 167: «Князій одинѣхъ было Половьцьскихъ 400 и 17».

Въ слѣдующемъ 1185 году пошелъ окаянный, безбожный и треклятый Кончакъ со множествомъ Половцевъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ поплѣнить города русскіе и пожечь ихъ огнемъ; нашелъ онъ одного бусурмана, который стрѣлялъ живымъ огнемъ; были у Половцевъ также луки тугіе самострѣльные, которые едва могли натянуть 50 человѣкъ. Половцы сначала пришли и стали на рѣкѣ Хоролѣ; Кончакъ хотѣлъ обмануть Ярослава Всеволодовича Черниговскаго, послалъ къ нему какъ будто мира просить, и Ярославъ, ничего не подозрѣвая, отправилъ къ нему своего боярина для переговоровъ. Но Святославъ Кіевскій послалъ сказать Ярославу: „Братъ! не вѣрь имъ и не посылай боярина; я на нихъ пойду“; и, дѣйствительно, вмѣстѣ съ Рюрикомъ Ростиславичемъ и всѣми своими полками пошелъ на Половцевъ, отправивши впередъ молодыхъ князей—Владиміра Глѣбовича и Мстислава Романовича. На дорогѣ купцы, ѣхавшіе изъ Земли Половецкой, указали князьямъ мѣсто, гдѣ стоялъ Кончакъ; Владиміръ и Мстиславъ напали на него и обратили въ бѣгство, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ и тотъ бусурманъ, что стрѣлялъ живымъ огнемъ; хитреца привели къ Святославу со всѣмъ снарядомъ его.—Ярославъ Черниговскій не ходилъ съ братомъ на Половцевъ; онъ велѣлъ сказать ему: „Я уже отправилъ къ нимъ боярина, и не могу ѣхать на своего мужа“. Но не такъ думалъ Игорь Святославичъ Сѣверскій; онъ говорилъ: „Не дай Богъ отрекаться отъ похода на поганыхъ,—поганые всѣмъ намъ общій врагъ“, и началъ думать съ дружиною, куда бы поѣхать, чтобъ нагнать Святослава; дружина сказала ему: „Князь! по птичью нельзя перелетать; пріѣхалъ къ тебѣ бояринъ отъ Святослава въ четвергъ, а самъ онъ идетъ въ воскресенье изъ Кіева,—какъ же тебѣ его нагнать?“ Игорю не нравилось, что дружина такъ говоритъ; онъ хотѣлъ ѣхать степью возлѣ Сулы рѣки; но вдругъ сдѣлалась такая оттепель, что никакъ нельзя было никуда идти. Святославъ, возвратясь въ Кіевъ, тою же весною послалъ боярина своего Романа Нѣздиловича съ Берендѣями на Половцевъ, и Романъ въ самое Свѣтлое Воскресенье (21 апрѣля) взялъ половецкія вежи, забралъ въ нихъ много плѣнниковъ и лошадей.

Между тѣмъ Игорь Святославичъ не хотѣлъ оставить своего намѣренія идти на Половцевъ; сѣверскимъ князьямъ не давали покоя счастливые походы съ той стороны Днѣпра, въ которыхъ они не участвовали: „Развѣ уже мы не князья, говорили они: добудемъ и мы такой же себѣ чести“. И вотъ 23-го апрѣля Игорь выѣхалъ изъ Новгорода-Сѣверскаго, велѣвши идти съ собою брату Всеволоду изъ Трубчевска, племяннику Святославу Ольговичу изъ Рыльска, сыну Владиміру изъ Путивля, а у Ярослава Черниговскаго выпросилъ боярина Олстина Олексича съ Коуями черниговскими. Сѣверскіе князья шли тихо, собирая дружину, потому что кони у нихъ были очень тучны. Какъ дошли они до рѣки Донца, время было уже къ ве-

черу, Игорь взглянулъ на небо, и увидалъ, что солнце стоитъ точно мѣсяцъ: „Посмотрите-ка, что это значитъ?“ спросилъ онъ у бояръ и у дружины. Тѣ посмотрѣли и опустили головы. „Князь! сказали они потомъ: не на добро это знаменіе“. Игорь отвѣчалъ имъ на это: „Братья и дружина! тайны Божіей никто не знаетъ, а знаменію всякому и всему міру своему Богъ творецъ; увидимъ, что сотворитъ намъ Богъ, на добро или на зло наше“. Сказавши это, Игорь переправился за Донецъ и пришелъ къ Осколу, гдѣ два дня дожидался брата Всеволода, который шелъ инымъ путемъ изъ Курска, и изъ Оскола отправились всѣ къ рѣкѣ Сальницѣ, куда пріѣхали сторожа, посланные ловить языка, и объявили князьямъ: „Видѣлись мы съ непріятелемъ, непріятели ваши ѣздятъ на-готовѣ: такъ или ступайте скорѣе, или ворочайтесь домой, потому что не наше теперь время“. Игорь и другіе князья сказали на это: „Если мы теперь не бившись возвратимся, то стыдъ намъ будетъ хуже смерти; поѣдемъ на милость Божію“, и ѣхали всю ночь, а утромъ, въ обѣднее время, встрѣтили полки половецкіе: поганые собрались отъ мала до велика и стояли по той сторонѣ рѣки Сююрлія. Русскіе князья выстроили шесть полковъ: Игоревъ полкъ стоялъ по срединѣ, по правую сторону—полкъ брата его Всеволода, по лѣвую—племянника Святослава, напереди—полкъ сына Владиміра съ отрядомъ Коуевъ черниговскихъ, а напереди этого полка стояли стрѣльцы, выведенные изъ всѣхъ полковъ. Игорь сказалъ братьѣ: „Братья! мы этого сами искали, такъ пойдемъ!“—и пошли. Изъ половецкихъ полковъ поѣхали стрѣльцы; пустили по стрѣлѣ на Русь, и бросились бѣжать; Русь не успѣла еще переѣхать рѣку, какъ побѣжали и остальные Половцы; передовой русскій полкъ погнался за ними, началъ бить ихъ и хватать въ плѣнъ, а старшіе князья—Игорь и Всеволодъ—шли потихоньку, не распуская своего полка; Половцы пробѣжали мимо своихъ вежъ, Русскіе заняли послѣднія и захватили много плѣнныхъ. Три дня стояли здѣсь сѣверскіе полки, и веселились, говоря: „Братья наши съ великимъ княземъ Святославомъ ходили на Половцевъ и бились съ ними, озираясь на Переяславль, въ Землю Половецкую не смѣли войти; а мы теперь въ самой Землѣ Половецкой поганыхъ перебили, жены и дѣти ихъ у насъ въ плѣну; теперь пойдемъ на нихъ за Донъ и до конца истребимъ ихъ; если тамъ побѣдимъ ихъ, то пойдемъ въ Лукоморье, куда и дѣды наши не хаживали, и возьмемъ до конца свою славу и честь“. Когда передовой полкъ возвратился съ погони, то Игорь сталъ говорить братьямъ и боярамъ своимъ: „Богъ далъ намъ побѣду, честь и славу; мы видѣли полки половецкіе, много ихъ было, всѣ ли они тутъ были собраны? пойдемъ теперь въ ночь, а остальные пусть идутъ за нами завтра утромъ“. На это Святославъ Ольговичъ отвѣчалъ дядьямъ: „Я далеко гонялся за Половцами и утомилъ лошадей; если теперь опять поѣду, то останусь на дорогѣ“. Дядя Всеволодъ принялъ его сторону, и положено было еще переночевать тутъ. Но на другой день, на разсвѣтѣ, начали вдругъ выступать одинъ за другимъ полки половецкіе; Русскіе князья изумились; Игорь сказалъ: „Сами мы собрали на себя всю Землю“; князья стали совѣтоваться, какъ быть. „Если побѣжимъ, говорили они, то сами спасемся, но черныхъ людей оставимъ, и будетъ на насъ грѣхъ предъ Богомъ, что ихъ выдали; уже лучше—умремъ ли, живы ли будемъ, всѣ на одномъ мѣстѣ“. Порѣшивши на этомъ, всѣ сошли съ коней и пошли на битву, хотя уже изнемогли отъ безводья; бились крѣпко цѣлый день до вечера, и много было раненыхъ и мертвыхъ въ полкахъ русскихъ; бились вечеръ и ночь, на разсвѣтѣ замѣшались Коуи и побѣжали. Игорь еще въ началѣ битвы былъ раненъ въ руку и потому сѣлъ на лошадь; увидавъ, что Коуи бѣгутъ, онъ поскакалъ къ нимъ, чтобъ удержать бѣглецовъ, но тутъ былъ захваченъ въ плѣнъ; окруженный Половцами, которые держали его, Игорь увидалъ брата Всеволода, отбивавшагося отъ враговъ, и сталъ просить себѣ смерти, чтобы только не видать гибели брата своего; но Всеволодъ не погибъ, а былъ также взятъ въ плѣнъ; изъ многочисленныхъ полковъ сѣверскихъ спаслось очень мало: Русскихъ ушло человѣкъ 15, а Коуевъ еще меньше, потому что какъ стѣнами крѣпкими были они огорожены полками половецкими. Ведомый въ плѣнъ, Игорь вспомнилъ грѣхъ свой, какъ однажды, взявши на щитъ городъ Глѣбовъ, у Переяславля, не пощадилъ крови христіанской: „Недостоинъ былъ я жизни, говорилъ онъ; теперь вижу месть отъ Господа Бога моего; гдѣ теперь возлюбленный мой братъ, гдѣ племянникъ, гдѣ сынъ, гдѣ бояре думающіе, гдѣ мужи *храборствующіе*, гдѣ рядъ полчный? гдѣ кони и оружіе многоцѣнное? всего я лишился, и связаннаго предалъ меня Богъ въ руки беззаконнымъ!“

Въ это время Святославъ Кіевскій былъ въ Корачевѣ [1]), и собиралъ въ верхнихъ земляхъ войско, хотѣлъ идти на Половцевъ къ Дону на все лѣто. На возвратномъ пути изъ Корачева, будучи у Новгорода-Сѣверскаго, онъ узналъ, что Игорь съ братьею пошли на Половцевъ тайкомъ отъ него, и не понравилось ему это своевольство. Изъ Новгорода-Сѣверскаго Святославъ приплылъ по Деснѣ въ Черниговъ, и тутъ дали ему знать о бѣдѣ сѣверскихъ князей. Святославъ заплакалъ и сказалъ: „Ахъ, любезные мои братья и сыновья, и бояре Русской Земли! далъ бы мнѣ Богъ притомить поганыхъ; но вы не сдержали молодости своей и отворили имъ ворота въ Русскую Землю; воля Господня да будетъ; какъ прежде сердитъ я былъ на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало“. Святославъ однако не терялъ времени въ пустыхъ жалобахъ и отправилъ сыновей своихъ—Олега и Владиміра—въ Посемье (страну по рѣкѣ Сейму); плачъ поднялся по всѣмъ

[1]) Стало быть, Святославъ, не считая себя крѣпкимъ въ Кіевѣ, подобно отцу Всеволоду, оставилъ за собою страну Вятичей.

городамъ посемскимъ, въ Новгородѣ-Сѣверскомъ и во всей волости Черниговской, о томъ, что князья въ плѣну, а изъ дружины одни схвачены, другіе перебиты; жители метались въ отчаяніи; по словамъ лѣтописца, не стало никому мило свое ближнее, но многіе отрекались отъ душъ своихъ изъ жалости по князьямъ. Святославъ принималъ и другія мѣры, послалъ сказать Давиду Смоленскому: „Мы было-сговорились идти на Половцевъ и лѣтовать на Дону, а теперь вотъ Половцы побѣдили Игоря съ братьею; такъ пріѣзжай, братъ, постереги Русскую Землю". Давидъ приплылъ по Днѣпру; пришли и другіе полки на помощь и стали у Треполя; а Ярославъ, собравши войска свои, стоялъ на-готовѣ въ Черниговѣ.

Между тѣмъ Половцы, побѣдивши Игоря съ братьею, загордились, собрали весь свой народъ на Русскую Землю; но когда стали думать, въ какую сторону идти имъ, то начался споръ между ихъ ханами: Кончакъ говоритъ: „Пойдемъ на Кіевскую сторону, гдѣ перебита наша братья и великій князь нашъ Бонякъ"; а другой ханъ, Кза, говорилъ: „Пойдемъ на Сеймъ, гдѣ остались одни жены да дѣти, готовъ намъ тамъ полонъ собранъ, возьмемъ города безъ всякой трудности", и раздѣлились надвое: Кончакъ пошелъ къ Переяславлю, осадилъ городъ и бился цѣлый день; въ Переяславлѣ былъ княземъ извѣстный Владиміръ Глѣбовичъ, смѣлый и крѣпкій на рати, по словамъ лѣтописца; онъ выѣхалъ изъ города и ударилъ на Половцевъ съ очень небольшою дружиною, потому что остальные не осмѣлились выйти на вылазку; Владиміръ былъ окруженъ множествомъ Половцевъ и раненъ тремя копьями; тогда остальная дружина, видя князя въ опасности, ринулась изъ города и высвободила Владиміра, который, тяжело раненый, въѣхалъ въ свой городъ и утеръ мужественный потъ за отчину свою. Онъ слалъ и къ Святославу, и къ Рюрику, и къ Давиду: „Половцы у меня, помогите мнѣ"! Святославъ слалъ къ Давиду, а Давидъ не трогался съ мѣста, потому что его Смольняне собрали вѣче и толковали: „Мы шли къ Кіеву только; еслибъ здѣсь была рать, то мы и стали-бъ биться, а теперь намъ нельзя искать другой рати, мы уже и такъ устали". Давидъ принужденъ былъ идти назадъ съ ними въ Смоленскъ. Но Святославъ съ Рюрикомъ сѣли на суда и поплыли Днѣпромъ внизъ противъ Половцевъ, которые, услыхавъ объ этомъ, отошли отъ Переяславля, но по дорогѣ осадили городъ Римовъ[1]); Римовичи затворились и взошли на стѣны биться, какъ вдругъ двѣ *городницы* (стѣнныя укрѣпленія) рухнули вмѣстѣ съ людьми прямо къ Половцамъ; ужасъ напалъ на остальныхъ жителей, и городъ былъ взятъ; спаслись отъ плѣна только тѣ изъ Римовичей, которые вышли изъ города и бились съ непріятелемъ по римскому болоту. Такимъ образомъ, Половцы, благодаря медленности князей, дожидавшихся понапрасну Давида Смоленскаго, успѣли взять Римовъ и съ добычею безопасно возвратиться въ свои степи; князья не преслѣдовали ихъ туда, но съ печалію разошлись по волостямъ своимъ. Другіе Половцы съ ханомъ Кзою пошли къ Путивлю, пожгли села вокругъ, острогъ у самаго Путивля—и возвратились съ добычею.

Игорь Святославичъ все жилъ въ плѣну у Половцевъ, которые, какъ будто стыдясь воеводства его, по выраженію лѣтописца, не дѣлали ему никакихъ притѣсненій; приставили къ нему 20 сторожей, но давали ему волю ѣздить на охоту, куда хочетъ, и брать съ собою слугъ своихъ, человѣкъ по пяти и шести; да и сторожа слушались его и оказывали всякую честь: куда кого пошлетъ,—исполняли приказъ безпрекословно Игорь вызвалъ-было уже къ себѣ и священника со всею службою, думая, что долго пробудетъ въ плѣну. Но Богъ, говоритъ лѣтописецъ, избавилъ его по христіанской молитвѣ, потому что многіе проливали слезы за него. Нашелся между Половцами одинъ человѣкъ, по имени Лаворъ; пришла ему добрая мысль, и сталъ онъ говорить Игорю: „Пойду съ тобою въ Русь". Игорь сперва не повѣрилъ ему: по молодости своей держалъ онъ мысль высокую, думалъ, схвативши Лавора, бѣжать съ нимъ въ Русь; онъ говорилъ: „Я для славы не бѣжалъ во время бою отъ дружины, и теперь безславнымъ путемъ не пойду". Съ Игоремъ вмѣстѣ были въ плѣну сынъ тысяцкаго и конюшій его; оба они понуждали князя принять предложеніе Лавора, говорили: „Ступай, князь, въ Русскую Землю, если Богъ захочетъ избавить тебя"; Игорь все медлилъ. Но когда возвратились Половцы отъ Переяславля, то думцы его начали опять говорить: „У тебя, князь, мысль высокая и Богу неугодная; ты все ждешь случая, какъ бы схватить Лавора и бѣжать съ нимъ, а о томъ не думаешь, какой слухъ идетъ,—говорятъ, будто Половцы хотятъ перебить васъ всѣхъ князей и всю Русь; такъ не будетъ тебѣ ни славы, ни жизни". На этотъ разъ Игорь послушался ихъ, испугался половецкаго прихода и сталъ искать случая къ бѣгству,—нельзя было бѣжать ни днемъ, ни ночью, потому что сторожа стерегли его, только и было можно, что на самомъ солнечномъ закатѣ. И вотъ Игорь послалъ конюшаго своего сказать Лавору, чтобъ тотъ переѣхалъ на ту сторону рѣки съ поводнымъ конемъ. Наступило назначенное время, стало темнѣть, Половцы напились кумыса, пришелъ конюшій и объявилъ, что Лаворъ ждетъ. Игорь всталъ въ ужасѣ и трепетѣ, поклонился Спасову образу и кресту честному, говоря: „Господи сердцевѣдче! спаси меня, недостойнаго";—надѣлъ на себя крестъ, икону, поднялъ стѣну и вылѣзъ вонъ. Сторожа играли, веселились, думая что Игорь спитъ, а онъ уже былъ за рѣкою и мчался по степи; въ одиннадцать дней достигъ онъ города Донца, откуда поѣхалъ въ свой Новгородъ-Сѣверскій, а изъ Новгорода сперва по-

[1]) Селеніе Римъ на границѣ уѣздовъ Роменскаго, Лохвицкаго и Прилуцкаго.

ѣхалъ къ брату Ярославу въ Черниговъ. а потомъ къ Святославу въ Кіевъ просить помощи на Половцевъ; всѣ князья обрадовались ему и обѣщались помогать.

Но только черезъ годъ (1187 г.) Святославъ съ сватомъ своимъ, Рюрикомъ, собрались на Половцевъ, хотѣли напасть на нихъ внезапно, получивши вѣсть, что Половцы у Татинца на днѣпровскомъ бродѣ [1]). Владиміръ Глѣбовичъ пріѣхалъ къ нимъ изъ Переяславля съ дружиною и выпросился ѣхать напередъ съ Черными Клобуками; Святославу не хотѣлось-было отпустить Владиміра впереди своихъ сыновей; но Рюрикъ и всѣ другіе хотѣли этого, потому что Переяславскій князь былъ смѣлъ и крѣпокъ въ битвѣ, всегда стремился на добрыя дѣла. Въ это время Черные Клобуки дали знать сватамъ своимъ Половцамъ, что русскіе князья идутъ на нихъ,—и тѣ убѣжали; а князьямъ нельзя было ихъ преслѣдовать, потому что Днѣпръ уже трогался, весна наступала. По возвращеніи изъ этого похода разболѣлся и умеръ знаменитый защитникъ украйны отъ Половцевъ, Переяславскій князь Владиміръ Глѣбовичъ; плакали по немъ всѣ Переяславцы, говоритъ лѣтописецъ, потому что онъ любилъ дружину, золота не собиралъ, имѣнія не щадилъ, но раздавалъ дружинѣ, былъ князь добрый, мужествомъ крѣпкимъ и всякими добродѣтелями исполненный. Украйна много стонала о немъ, и не даромъ, потому что немедленно Половцы начали воевать ее. Зимою Святославъ сталъ опять пересылаться съ Рюрикомъ, звать его на Половцевъ. Рюрикъ отвѣчалъ ему: „Ты, братъ, поѣзжай въ Черниговъ, сбирайся тамъ съ своею братьею, а я здѣсь буду сбираться съ своею“. Всѣ князья собрались и пошли по Днѣпру; иначе нельзя было идти, потому что снѣгъ былъ очень великъ; у рѣки Снопорода перехватили сторожей половецкихъ, и тѣ объявили, что вежи и стада половецкія у Голубаго лѣса. Ярославу Черниговскому не хотѣлось идти дальше, и сталъ онъ говорить брату Святославу: „Не могу идти дальше отъ Днѣпра: земля моя далеко, а дружина изнемогла“. Рюрикъ началъ слать къ Святославу, понуждая его продолжать походъ: „Братъ и сватъ!—говорилъ онъ ему—исполнилось то, чего намъ слѣдовало у Бога просить, пришла вѣсть, что Половцы только за полдень пути отъ насъ; если же кто раздумываетъ и не хочетъ идти, то вѣдь мы съ тобой вдвоемъ до сихъ поръ ни на кого не смотрѣли, а дѣлали что намъ Богъ давалъ“. Святославу самому хотѣлось продолжать походъ, и онъ отвѣчалъ Рюрику: „Я, братъ, готовъ; но пошли къ брату Ярославу, понудь его, чтобъ намъ всѣмъ вмѣстѣ поѣхать“. Рюрикъ послалъ сказать Ярославу: „Братъ! не слѣдовало бы тебѣ дѣло разстроивать; къ намъ дошла вѣрная вѣсть, что вежи половецкія всего отъ насъ на полдень пути,—велика ли эта ѣзда? прошу тебя, братъ, поѣзжай еще только полдня для меня, а я для тебя десять дней ѣду“. Но Ярославъ никакъ не соглашался. „Не могу поѣхать одинъ, говорилъ онъ, полкъ мой пѣшъ; вы бы мнѣ дома сказали, что такъ далеко идти“. Князья завели распрю; Рюрикъ понуждалъ Всеволодовичей идти впередъ. Святославъ хотѣлъ идти дальше, но вмѣстѣ съ братомъ, и когда тотъ не согласился, то всѣ возвратились ни съ чѣмъ домой. Въ концѣ года, зимою Святославъ съ Рюрикомъ отправили Черныхъ Клобуковъ съ воеводою Романомъ Нѣздиловичемъ на Половцевъ за Днѣпръ; Романъ взялъ вежи и возвратился домой со славою и честью великою, потому что Половцевъ не было дома, подошли къ Дунаю. Подъ 1190 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что Святославъ съ Рюрикомъ утишили Русскую Землю и Половцевъ примирили въ свою волю, послѣ чего поѣхали на охоту внизъ по Днѣпру на лодкахъ къ устью Тясмины, наловили множество звѣрей и провели время очень весело. Но миръ съ Половцами не былъ продолжителенъ. Осенью того же года Святославъ, по доносу, схватилъ Кондувдѣя, Торцкаго князя; Рюрикъ вступился за Торчина, потому что былъ онъ отваженъ и надобенъ въ Руси, по словамъ лѣтописца; Святославъ послушался Рюрика, привелъ Кондувдѣя къ присягѣ и отпустилъ на свободу. Но Торчинъ хотѣлъ отмстить за свой позоръ и ушелъ къ Половцамъ, которые обрадовались случаю и стали съ нимъ думать, куда бы поѣхать имъ на Русскую Землю; рѣшили ѣхать на Чурпаевъ (городъ князя Чурпая); взяли острогъ, зажгли княжій дворъ, захватили имѣніе князя, двухъ женъ, множество рабовъ; потомъ, давши отдохнуть конямъ, пошли-было къ другому городу Боривому, но, услыхавъ, что Ростиславъ Рюриковичъ въ Торческѣ, возвратились къ своимъ ватагамъ, и отсюда стали часто наѣзжать съ Кондувдѣемъ на мѣста по рѣкѣ Роси. Святослава этою осенью не было въ Кіевѣ, онъ поѣхалъ за Днѣпръ къ братьямъ на думу; Рюрикъ также поѣхалъ въ Овручъ по своимъ дѣламъ, оставивъ на всякій случай сына Ростислава въ Торческѣ; онъ зналъ, что Кондувдѣй станетъ воевать Русь изъ мести Святославу. Съ этою же мыслію онъ послалъ сказать Святославу: „Мы вотъ свои дѣла дѣлаемъ, такъ и Русской Земли не оставимъ безъ обороны; я оставилъ сына своего съ полкомъ, оставь и ты своего“. Святославъ обѣщалъ ему послать сына Глѣба, и не послалъ, потому что ссорился съ Мономаховичами; но, къ счастію, князья скоро помирились. Между тѣмъ зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали въ Торческъ къ Рюриковичу и сказали ему: „Половцы этою зимою часто насъ воюютъ, и не знаемъ, Подунайцы что ли мы? отецъ твой далеко, а къ Святославу нечего и слать: онъ сердитъ на насъ за Кондувдѣя“. Ростиславъ послѣ этого послалъ сказать Ростиславу Владиміровичу (сыну Владиміра Мстиславича): „Братъ! хотѣлось бы мнѣ поѣхать на вежи половецкія; отцы наши далеко. а другихъ старшихъ нѣтъ,—такъ бу-

[1]) Близъ устья Золотоноши въ Днѣпръ, напротивъ города Черкасъ, есть село Мутатинцы.

демъ мы за старшихъ, пріѣзжай ко мнѣ поскорѣе". Соединившись съ Черными Клобуками, Ростиславъ Рюриковичъ внезапно напалъ на половецкія вежи, захватилъ женъ, дѣтей и стадъ множество. Половцы, услыхавъ, что вежи взяты, поднялись за Ростиславомъ и настигли его; Рюриковичъ не испугался, что Половцевъ было много, и велѣлъ молодымъ стрѣльцамъ своимъ начать дѣло. Половцы начали-было съ ними перестрѣливаться,—но когда увидали знамена самого Ростислава, то ударились бѣжать, причемъ русскіе стрѣльцы и Черные Клобуки взяли 600 человѣкъ плѣнныхъ; Черные Клобуки взяли между прочимъ половецкаго хана Кобана, но не повели его въ полкъ, опасаясь князя Ростислава, а тайкомъ договорились съ нимъ о выкупѣ и отпустили. Тою же зимою Половцы съ двумя ханами въѣхали въ Русь, Ростиславовою дорогою; но, заслышавъ, что самъ Святославъ Кіевскій стоитъ на-готовѣ, бросились бѣжать, побросавши знамена и копья. Святославъ послѣ этого поѣхалъ въ Кіевъ, оставивъ сына Глѣба въ Каневѣ, и вотъ Половцы, услыхавъ, что Святославъ поѣхалъ домой, возвратились съ Кондувдѣемъ, но были встрѣчены Глѣбомъ, побѣжали и обломились на рѣкѣ Роси: тутъ ихъ много перехватали и перебили, другіе потонули, а Кондувдѣй ушелъ.

Въ слѣдующемъ 1191 году уходилъ Игорь Сѣверскій опять на Половцевъ, и на этотъ разъ удачно; на зиму пошли въ другой разъ Ольговичи въ степи, но Половцы приготовились встрѣтить ихъ, и Русскіе не рѣшились биться съ ними. ночью ушли назадъ. Въ 1192 году Святославъ съ Рюрикомъ и со всею братьею стояли цѣлое лѣто у Канева, уберегли землю свою отъ поганыхъ, и разошлись по домамъ. Потомъ Святославъ и Ростиславъ Владиміровичи съ Черными Клобуками пошли-было на Половцевъ; но Черные Клобуки не захотѣли идти за Днѣпръ, потому что тамъ сидѣли ихъ сваты, и, поспорившн съ князьями, возвратились назадъ. Наконецъ Рюрику удалось перезвать къ себѣ отъ Половцевъ Кондувдѣя: онъ посадилъ его въ своей волости, далъ ему городъ на Роси, Дверенъ.

Помирившись съ Кондувдѣемъ, захотѣли договориться и съ прежними союзниками его, Половцами; въ 1193 году Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Ты договорился съ Половцами лукоморскими: а теперь пошлемъ за остальными, за Бурчевичами". Рюрикъ послалъ за лукоморскими, за двумя ханами, а Святославъ за Бурчевичами, также за двумя ханами. На осень Святославъ съ Рюрикомъ съѣхались въ Каневѣ; лукоморскіе ханы пришли туда же; но Бурчевичи остановились на той сторонѣ Днѣпра, и послали сказать князьямъ: „Если хотите договориться съ нами, то пріѣзжайте къ намъ на эту сторону". Князья, подумавши, велѣли отвѣчать имъ: „Ни дѣды, ни отцы наши не ѣзжали къ вамъ; если хотите, то пріѣзжайте сюда къ намъ, а не хотите, то ваша воля". Бурчевичи не согласились и уѣхали прочь; тогда Святославъ не захотѣлъ мириться и съ лукоморцами: „Нечего намъ мириться съ одною половиною", говорилъ онъ Рюрику; и такимъ образомъ князья разъѣхались по домамъ, ничего не сдѣлавши. Рюрикъ послѣ этого, подумавши съ боярами своими, послалъ сказать Святославу: „Вотъ, братъ, ты мира не захотѣлъ, такъ намъ уже теперь нельзя не быть наготовѣ, станемъ же думать о своей землѣ: идти ли намъ зимою?—такъ ты объяви заранѣе, я велю тогда братьямъ и дружинѣ готовиться; если же думаешь только стеречь свою землю, то объяви и объ этомъ". Святославъ отвѣчалъ: „Теперь, братъ, нельзя намъ идти въ походъ, потому что жито не уродилось у насъ; теперь дай Богъ только свою землю устеречь". Тогда Рюрикъ велѣлъ сказать ему: „Братъ и сватъ! если въ походъ мы не пойдемъ на Половцевъ, то я пойду на Литву по своимъ дѣламъ". Святославъ съ сердцемъ отвѣчалъ ему: „Братъ и сватъ! если ты идешь изъ отчины по своимъ дѣламъ. такъ и я пойду за Днѣпръ по своимъ же дѣламъ, а въ Русской Землѣ кто останется?"—и этими рѣчами онъ помѣшалъ Рюрику идти на Литву. Но зимою лучшіе люди между Черными Клобуками пріѣхали къ Ростиславу Рюриковичу и стали опять звать его на Половцевъ: „Князь, говорили они: поѣзжай съ нами на вежи половецкія, теперь самое время; прежде мы хотѣли-было просить тебя у отца, да услыхали, что отецъ твой сбирается идти на Литву, такъ пожалуй тебя и не отпуститъ; а ужъ такого случая, какъ теперь, послѣ долго ждать". Ростиславъ согласился и прямо съ охоты поѣхалъ въ Торческъ, не сказавшись отцу, а къ дружинѣ послалъ сказать: „Время намъ теперь вышло удобное, поѣдемъ на Половцевъ; а что отецъ мой идетъ на Литву, такъ еще успѣемъ съѣздить до его похода". Въ три дня собралась дружина: Ростиславъ послалъ и въ Треполь за двоюроднымъ братомъ Мстиславомъ Мстиславичемъ (Удалымъ); тотъ немедленно поѣхалъ съ бояриномъ своимъ Сдѣславомъ Жирославичемъ и нагналъ Ростислава за Росью. Соединившись съ Черными Клобуками, князья перехватали половецкихъ сторожей, отъ которыхъ узнали, что Половцы стоятъ съ вежами и стадами своими на западной, русской сторонѣ Днѣпра за день пути; по этимъ указаніямъ, русскіе князья отправились ночью, на разсвѣтѣ ударили на Половцевъ и взяли безчисленную добычу. Услыхавъ объ этомъ, Святославъ послалъ сказать Рюрику: „Вотъ ужъ твой сынъ затронулъ Половцевъ, зачалъ рать, а ты хочешь идти въ другую сторону, покинувъ свою землю; ступай лучше въ Русь, стеречь свою землю". Рюрикъ послушался, и отложилъ походъ въ Литву, поѣхалъ со всѣми своими полками въ Русь. Долго стояли Святославъ съ Рюрикомъ у Василева, сторожа свою землю; Половцы не показались; но только-что Святославъ уѣхалъ за Днѣпръ въ Корачевъ, а Рюрикъ въ свою волость, то поганые стали опять воевать Украйну.

Святославу и Рюрику даже во время мира не подъ-силу были наступательныя движенія на Половцевъ; если они и ходили въ степи, то озираясь на Переяславль; удалые сѣверскіе князья взду-

мали-было пойти подальше: но дорого заплатили за свою отвагу. Сила, которая давала Мономаху и сыну его Мстиславу возможность прогнать поганыхъ за Донъ, къ морю, эта сила теперь шла на сѣверъ, и вотъ подъ 1198 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Великій Всеволодъ съ сыномъ Константиномъ выступили въ походъ на Половцевъ, какимъ путемъ,— не извѣстно[1]). Половцы, услыхавши объ этомъ походѣ, бѣжали съ вежами къ морю; великій князь походилъ по зимовищамъ ихъ возлѣ Дона, и возвратился назадъ. Скоро потомъ на югѣ явился сильный князь, который могъ напомнить Половцамъ времена Мономаховы: то былъ Романъ Волынскій и Галицкій. Въ 1202 году зимою онъ ходилъ на Половцевъ, взялъ ихъ вежи, привелъ много плѣнныхъ, отполонилъ множество христіанскихъ душъ, и была радость большая въ Землѣ Русской. Но радость эта перемѣнилась въ печаль, когда въ слѣдующемъ году Рюрикъ и Ольговичи со всею Половецкою Землею взяли и разграбили Кіевъ, когда жителей послѣдняго иноплеменники повели къ себѣ въ вежи. Потомъ Всеволодъ и Романъ умирили-было на время всѣхъ князей; южные князья въ 1208 году, въ жестокую зиму, отправились на Половцевъ, и была поганымъ большая тягость, говоритъ лѣтописецъ, и большая радость всѣмъ христіанамъ Русской Земли; въ то же время рязанскіе князья ходили также на Половцевъ и взяли ихъ вежи. Но скоро опять встали смуты между князьями; знаменитый Романъ умеръ, Половцамъ некого стало бояться на югѣ, и въ 1210 году они сильно опустошили окрестности Переяславля. Въ 1215 году Половцы опять отправились къ Переяславлю; тамошній князь Владиміръ Всеволодовичъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу съ полками, но былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ.

Въ то время какъ Русь, Европейская Украйна, вела эту безконечную и однообразную борьбу съ степными народами, Половцами, въ дальнихъ, восточныхъ степяхъ Азіи произошло явленіе, которое должно было дать иной ходъ этой борьбѣ. Изстари китайскіе лѣтописцы въ степяхъ на сѣверо-западъ отъ страны своей обозначали два кочевыхъ народа подъ именемъ Монгкуловъ и Тата[2]); образъ жизни этихъ народовъ былъ одинаковъ съ образомъ жизни другихъ собратій ихъ, являвшихся прежде въ исторіи, — Скиѳовъ, Гунновъ, Половцевъ. Въ первой четверти XIII-го вѣка среди нихъ обнаружилось сильное движеніе: одинъ изъ монгольскихъ хановъ, Темучинъ, извѣстный больше подъ именемъ Чингизъ-хана, началъ наступательныя движенія на другихъ хановъ, сталъ покорять ихъ; орда присоединялась къ ордѣ подъ одну власть, и вотъ образовалась огромная воинственная масса народа, которая, пробужденная отъ вѣковаго сна къ кровавой дѣятельности, безсознательно повинуясь разъ данному толчку, стремится на осѣдлые народы къ востоку, югу и западу, разрушая все на своемъ пути. Въ 1224 году двое полководцевъ Чингиз-хановыхъ, Джебе и Субутъ, прошли обычныя ворота кочевниковъ между Каспійскимъ моремъ и Уральскими горами, поплѣнили Ясовъ, Обезовъ, и вошли въ Землю Половецкую. Половцы вышли къ нимъ на-встрѣчу съ сильнѣйшимъ ханомъ своимъ Юріемъ Кончаковичемъ, но были поражены и принуждены бѣжать къ русскимъ границамъ, къ Днѣпру. Ханъ ихъ Котянъ, тесть Мстислава Галицкаго, сталъ умолять зятя своего и другихъ князей русскихъ о помощи, не жалѣлъ даровъ имъ, роздалъ много коней, верблюдовъ, буйволовъ, невольницъ; онъ говорилъ князьямъ: „Нашу землю нынче отняли Татары, а вашу завтра возьмутъ,—защитите насъ; если же не поможете намъ, то мы будемъ перебиты нынче, а вы—завтра". Князья съѣхались въ Кіевъ на совѣтъ; здѣсь было трое старшихъ: Мстиславъ Романовичъ Кіевскій, Мстиславъ Святославичъ Черниговскій, Мстиславъ Мстиславичъ Галицкій; изъ младшихъ были—Даніилъ Романовичъ Волынскій, Всеволодъ Мстиславичъ, сынъ князя Кіевскаго, Михаилъ Всеволодовичъ, племянникъ Черниговскаго. Мстиславъ Галицкій сталъ упрашивать братью помочь Половцамъ; онъ говорилъ: „Если мы, братья, не поможемъ имъ, то они передадутся Татарамъ, и тогда у нихъ будетъ еще больше силы". Послѣ долгихъ совѣщаній, князья наконецъ согласились идти на Татаръ; они говорили: „Лучше намъ принять ихъ на чужой землѣ, чѣмъ на своей". Татары, узнавши о походѣ русскихъ князей, прислали сказать имъ: „Слышали мы, что вы идете противъ насъ, послушавшись Половцевъ, а мы вашей земли не занимали, ни городовъ вашихъ, ни селъ, на васъ не приходили; пришли мы попущеніемъ Божіимъ на холопей своихъ и конюховъ, на поганыхъ Половцевъ, а съ вами намъ нѣтъ войны; если Половцы бѣгутъ къ вамъ, то вы бейте ихъ оттуда, и добро ихъ себѣ берите; слышали мы, что они и вамъ много зла дѣлаютъ, потому же и мы ихъ отсюда бьемъ" Въ отвѣтъ русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, и шли дальше; когда они стояли на Днѣпрѣ, не доходя Олѣшья, пришли къ нимъ новые послы отъ Татаръ и сказали: „Если вы послушались Половцевъ, пословъ нашихъ перебили и все идете противъ насъ, то ступайте, пусть насъ Богъ разсудитъ, а мы васъ ничѣмъ не трогаемъ". На этотъ разъ князья отпустили пословъ живыми. Когда собрались всѣ полки русскіе и половецкіе, то Мстиславъ Удалой съ 1,000 человѣкъ перешелъ Днѣпръ, ударилъ на татарскихъ сторожей, и обратилъ ихъ въ бѣгство; Татары хотѣли скрыться въ половецкомъ курганѣ, но и тутъ имъ не было помощи, не удалось имъ спрятать и воеводу своего Гемябека: Русскіе нашли его и выдали Половцамъ на смерть. Услыхавъ о разбитіи непріятельскихъ сторожей, всѣ русскіе князья переправились за Днѣпръ, и вотъ имъ дали знать, что пришли Татары осматривать русскія лодки; Даніилъ Романовичъ съ другими

[1]) По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ шелъ отъ верховьевъ Дона внизъ по этой рѣкѣ.

[2]) Schott. älteste Nachrichten von Mongolen und Tataren, Berlin 1846.

князьями и воеводами сѣлъ тотчасъ на коня и поскакалъ посмотрѣть новыхъ враговъ; каждый судилъ о нихъ по-своему: одни говорили, что они хорошіе стрѣльцы, другіе, что хуже и Половцевъ; но галицкій воевода Юрій Домамеричъ утверждалъ, что Татары добрые ратники. Когда Даніилъ съ товарищами возвратились съ этими вѣстями о Татарахъ, то молодые князья стали говорить старымъ: „Нечего здѣсь стоять, пойдемъ на нихъ". Старшіе послушались, и всѣ полки русскіе перешли Днѣпръ; стрѣльцы русскіе встрѣтили Татаръ на Половецкомъ полѣ, побѣдили ихъ, гнали далеко въ степи, отняли стада, съ которыми и возвратились назадъ къ полкамъ своимъ. Отсюда восемь дней шло войско до рѣки Калки, гдѣ было новое дѣло съ татарскими сторожами, послѣ котораго Татары отъѣхали прочь, а Мстиславъ Галицкій велѣлъ Даніилу Романовичу съ нѣкоторыми полками перейти рѣку; за ними перешло и остальное войско, и расположилось станомъ, пославши въ сторожахъ Яруна съ Половцами. Удалой выѣхалъ также изъ стана, посмотрѣлъ на Татаръ, возвратившись, велѣлъ поскорѣе вооружаться своимъ полкамъ, тогда какъ другіе два Мстислава сидѣли спокойно въ станѣ, ничего не зная. Удалой не сказалъ имъ ни слова изъ зависти, потому что, говоритъ лѣтописецъ, между ними была большая распря. Битва началась 16 іюня; Даніилъ Романовичъ выѣхалъ напередъ, первый схватился съ Татарами, и получилъ рану въ грудь, но не чувствовалъ ея по молодости и пылу: ему было тогда 17 лѣтъ и былъ онъ очень силенъ, смѣлъ и храбръ, отъ головы до ногъ не было на немъ порока. Увидавши Даніила въ опасности, дядя его, Мстиславъ Нѣмой Луцкій, бросился къ нему на-выручку; уже Татары обратили тылъ передъ Даніиломъ съ одной стороны и передъ Олегомъ Курскимъ— съ другой, когда Половцы и здѣсь, какъ почти вездѣ, побѣжали предъ врагами, и потоптали станы русскихъ князей, которые, по милости Мстислава Удалого, не успѣли еще ополчиться. Это рѣшило дѣло въ пользу Татаръ; Даніилъ, видя, что послѣдніе одолѣваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить, и тутъ только почувствовалъ на себѣ рану. Между тѣмъ Русскіе потерпѣли повсюду совершенное пораженіе, какого, по словамъ лѣтописца, не было отъ начала Русской Земли. Мстиславъ Кіевскій съ зятемъ своимъ Андреемъ и Александромъ Дубровицкимъ[1]), видя бѣду, не двинулся съ мѣста: стоялъ онъ на горѣ надъ рѣкою Калкой; мѣсто было каменистое; Русскіе огородили его кольемъ и три дня отбивались изъ этого укрѣпленія отъ Татаръ, которыхъ осталось тутъ два отряда съ воеводами Чегирканомъ и Ташуканомъ, потому что другіе Татары бросились въ погоню къ Днѣпру за остальными русскими князьями. Половцы дали побѣду Татарамъ; другая варварская сбродная толпа докончила ихъ дѣло, погубивъ Мстислава Кіевскаго: съ Татарами были Бродники, съ воеводою своимъ Плоскинею; послѣдній поцѣловалъ крестъ Мстиславу и другимъ князьямъ, что если они сдадутся, то Татары не убьютъ ихъ, но отпустятъ на выкупъ; князья повѣрили, сдались и были задавлены. Татары положили ихъ подъ доски, на которыя сѣли обѣдать. Шестеро [2]) другихъ князей погибло въ бѣгствѣ къ Днѣпру, и между ними князь Мстиславъ Черниговскій съ сыномъ; кромѣ князей, погибъ знаменитый богатырь Александръ Поповичъ съ семидесятью собратіями. Василько Ростовскій, посланный дядею Юріемъ на помощь къ южнымъ князьямъ, услыхалъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ и возвратился назадъ. Мстиславу Галицкому съ остальными князьями удалось переправиться за Днѣпръ, послѣ чего онъ велѣлъ жечь, рубить лодки, отталкивать ихъ отъ берега, боясь татарской погони; но Татары, дошедши до Новгорода Святополчскаго, возвратились назадъ къ востоку; жители городовъ и селъ русскихъ, лежавшихъ на пути, выходили къ нимъ на-встрѣчу со крестами, но были всѣ убиваемы; погибло безчисленное множество людей, говоритъ лѣтописецъ; вопли и вздохи раздавались по всѣмъ городамъ и волостямъ. Не знаемъ, продолжаетъ лѣтописецъ, откуда приходили на насъ эти злые Татары Таурмени, и куда опять дѣлись. Нѣкоторые толковали, что это должно быть тѣ нечистые народы, которыхъ нѣкогда Гедеонъ загналъ въ пустыню, и которые предъ концомъ міра должны явиться и поплѣнить всѣ страны.

Обозрѣвъ главныя явленія, характеризующія стосемидесятичетырехлѣтній періодъ отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Мстиславича Торопецкаго, скажемъ нѣсколько словъ вообще о ходѣ этихъ явленій. Сыновья Ярослава начали владѣть Русскою Землею цѣлымъ родомъ, не раздѣляясь, признавая за старшимъ въ цѣломъ родѣ право сидѣть на главномъ столѣ и быть названнымъ отцомъ для всѣхъ родичей. Но при первыхъ же князьяхъ начинаются уже смуты и усобицы: вслѣдствіе общаго родоваго владѣнія, по отсутствію отдѣльныхъ волостей для каждаго князя, наслѣдственныхъ для его потомства, являются изгои, князья-сироты, преждевременною смертію отцовъ лишенные права на старшинство, на правильное движеніе къ нему по ступенямъ родовой лѣствицы, предоставленные милости старшихъ родичей, осужденные сносить тяжкую участь сиротства. Эти князья-сироты, изгои, естественно стремятся выйти изъ своего тяжкаго положенія, силою добыть себѣ волости въ Русской Землѣ; средства у нихъ къ тому подъ руками: въ степяхъ всегда можно набрать многочисленную толпу, готовую подъ чьими угодно знаменами броситься на

[1]) Дубровица была волость Туровско-Пинская, слѣд. эти князья принадлежали къ племени Святополкову.

[2]) Князь Святославъ Яневскій, быть можетъ сынъ Владиміра Мстиславича, тѣмъ болѣе что въ нѣкоторыхъ спискахъ онъ названъ Мстиславомъ; Изяславъ Ингваровичъ, внукъ Ярослава Луцкаго; Святославъ Шумскій— Шумскъ также Волынская волость; Юрій Несвѣжскій — Несвѣжъ, мѣстечко Слуцкаго уѣзда, Минской губерніи, Туровская волость.

Русь въ надеждѣ грабежа. Но сюда присоединяются еще другія причины смутъ: отношенія городскаго народонаселенія къ князьямъ непрочны, неопредѣленны; старшій сынъ Ярослава, Изяславъ, долженъ оставить Кіевъ, гдѣ на его мѣсто садится князь Полоцкій, мимо родовыхъ правъ и счетовъ. Послѣдній недолго оставался на старшемъ Русскомъ столѣ; Изяславъ возвратился на отцовское мѣсто, но скоро былъ изгнанъ опять родными братьями; возвратился въ другой разъ по смерти брата Святослава, но это возвращеніе повело къ новымъ усобицамъ, потому что Изяславъ включилъ въ число изгоевъ и сыновей Святославовыхъ; Изяславъ погибаетъ въ битвѣ съ племянниками-изгоями; княженіе брата его Всеволода проходитъ также въ смутахъ. При первомъ старшемъ князѣ изъ втораго поколѣнія Ярославичей прекращаются усобицы, отъ изгойства происшедшія, и на восточной и на западной сторонѣ Днѣпра, прекращаются на двухъ съѣздахъ княжескихъ; Святославичи входятъ во всѣ права отца своего и получаютъ отцовскую Черниговскую волость; на западѣ, вслѣдствіе испомѣщенія изгоевъ, кромѣ давно отдѣленной Полоцкой волости, является еще отдѣльная волость Галицкая съ князьями, не имѣющими права двигаться къ старшинству и переходить на другіе столы; образуется также отдѣльная маленькая волость Городенская для потомства Давида Игоревича. Казалось, что послѣ родовыхъ княжескихъ рядовъ при сынѣ Изяславовомъ смуты должны были прекратиться; но вышло иначе, когда, по смерти Святополка, Кіевляне провозглашаютъ княземъ своимъ Мономаха, мимо старшихъ двоюродныхъ братьевъ его Святославичей. Благодаря матеріальному и нравственному могуществу Мономаха, и онъ, и старшій сынъ его Мстиславъ владѣли спокойно Кіевомъ; родовая общность владѣнія между тремя линіями Ярославова помства и слѣдовательно самая крѣпкая связь между ними должна была рушиться: Святославичи черниговскіе должны было навсегда ограничиться восточною стороною Днѣпра, ихъ волость должна была сдѣлаться такою же отдѣльною волостію, каковы были на западѣ волость Полоцкая или Галицкая; между самими Святославичами дядя потерялъ старшинство передъ племянникомъ, онъ самъ и потомки его должны были ограничиться одною Муромскою волостью, которая, вслѣдствіе этого, явилась также особною отъ остальныхъ волостей черниговскихъ; старшая линія Изяславова теряетъ также старшинство и волости вслѣдствіе неуваженія Ярослава Святополковича къ дядѣ и тестю. Впослѣдствіи она пріобрѣтаетъ волость Туровскую въ особное владѣніе. Но вотъ по смерти Мстислава Великаго и въ самомъ племени Мономаховомъ начинается усобица между племянниками отъ старшаго брата и младшими дядьми, что даетъ возможность Ольговичамъ черниговскимъ добиться старшинства и Кіева, и возстановить такимъ образомъ нарушенное-было общее владѣніе между двумя линіями Ярославова потомства. По смерти Всеволода Ольговича, вслѣдствіе всеобщаго народнаго нерасположенія къ Ольговичамъ на западной сторонѣ Днѣпра, они лишаются старшинства, которое переходитъ къ сыну Мстислава Великаго мимо старшихъ дядей; это явленіе могло быть богато слѣдствіями, еслибъ Изяславу Мстиславичу удалось удержать за собою старшинство; благодаря исключенію изъ старшинства и изъ общаго владѣнія Ольговичей съ одной стороны, и Младшаго Мономаховича Юрія—съ другой, главныя, центральныя владѣнія Рюриковичей распадались на три отдѣльныя части: Русь Кіевскую, Русь Черниговскую и Русь Ростовскую, или Суздальскую. Но крѣпкія еще родовыя понятія на югѣ, въ старой Руси, и другія важныя характеристическія черты ея древняго быта, неопредѣленность въ отношеніяхъ городскаго народонаселенія и пограничныхъ варваровъ помѣшали раздѣленію, нарушенію общаго родового владѣнія между князьями; когда дядя Юрій явился на югѣ, то племянникъ его Изяславъ услыхалъ съ разныхъ сторонъ: „Поклонись дядѣ, мирись съ нимъ, мы не пойдемъ противъ сына Мономаха", и вотъ Изяславъ, несмотря на всѣ свои доблести, на расположеніе народное къ нему, долженъ былъ покаяться въ грѣхѣ своемъ и признать старшинство дяди Вячеслава, вступить къ нему въ сыновнія отношенія. Изяславъ умеръ прежде дядей, братъ его не былъ въ-уровень своему положенію, и представленіе о старшинствѣ всѣхъ дядей надъ племянниками торжествуетъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ торжествуетъ представленіе объ общности родового владѣнія. Юрій умираетъ на старшемъ столѣ въ Кіевѣ; послѣ него садится здѣсь черниговскій Давидовичъ; послѣдній изгоняется Мстиславомъ, сыномъ знаменитаго Изяслава Мстиславича; Мстиславъ призываетъ въ Кіевъ изъ Смоленска дядю Ростислава, по смерти котораго занимаетъ старшій столъ, но сгоняется съ него дядею—Андреемъ Боголюбскимъ. Андрей даетъ событіямъ другой ходъ: онъ не ѣдетъ въ Кіевъ, отдаетъ его младшему брату, а самъ остается на сѣверѣ, гдѣ является новый міръ отношеній, гдѣ старые города уступаютъ новымъ, отношенія которыхъ къ князю опредѣленнѣе, гдѣ подлѣ городовъ, жившихъ по старинѣ, нѣтъ и Черныхъ Клобуковъ, которые не привыкли ни къ чему государственному. Въ силу поступка Андреева, Южная, старая Русь явственно подпала вліянію Сѣверной, гдѣ сосредоточилась и сила матеріальная и вмѣстѣ нравственная, ибо здѣсь сидѣлъ старшій въ племени Мономаховомъ; всѣ эти отношенія, существовавшія при Андреѣ, повторяются и при братѣ его Всеволодѣ III-мъ. Такимъ образомъ, поколѣніе младшаго сына Мономахова Юрія, благодаря поселенію его на сѣверѣ, усиливается передъ всѣми другими поколѣніями Ярославичей, и въ этомъ усиленіи является возможность уничтоженія родовыхъ отношеній между князьями, общаго родоваго владѣнія, является возможность государственнаго объединенія Руси. Но какая же судьба предназначена доблестному потомству старшаго Мономаховича, Мсти-

*

слава Великаго? Мы видѣли, что Изяславъ Мстиславичъ и сынъ его Мстиславъ потерпѣли неудачу въ борьбѣ съ господствующимъ представленіемъ о старшинствѣ дядей надъ племянниками; Мстиславъ Изяславичъ, по изгнаніи своемъ изъ Кіева войсками Боголюбскаго, долженъ былъ удовольствоваться одною Волынью, и здѣсь онъ самъ и потомки его обнаруживаютъ наслѣдственныя стремленія, обнаруживая притомъ наслѣдственные таланты; обстоятельства были благопріятны: Волынь была пограничною русскою областью, въ безпрерывныхъ сношеніяхъ съ западными государствами, гдѣ въ это время, благодаря различнымъ условіямъ и столкновеніямъ, родовыя княжескія отношенія рушатся; въ ближайшей Польшѣ духовные сановники разсуждаютъ о преимуществѣ наслѣдственности въ одной нисходящей линіи предъ общимъ родовымъ владѣніемъ; въ Венгріи давно уже говорили, что не хотятъ знать о правахъ дядей предъ племянниками отъ старшаго брата; все это какъ нельзя лучше согласовалось съ наслѣдственными стремленіями потомковъ Изяслава Мстиславича. Быть можетъ, сначала безсознательныя, вынужденныя обстоятельствами, эти стремленія получаютъ теперь оправданіе, освященіе, и вотъ, быть можетъ, недаромъ старшій столъ на Волыни, Владиміръ, перешелъ по смерти Мстислава къ сыну его Роману мимо брата; недаромъ, говорятъ [1]), Романъ увѣщевалъ русскихъ князей перемѣнить существовавшій порядокъ вещей на новый, какъ водилось въ другихъ государствахъ; но князья старой Руси остались глухи къ увѣщанію Романову; ихъ можно было только силою заставить подчиниться новому порядку, и Романъ ищетъ пріобрѣсти эту силу, пріобрѣтаетъ княжество Галицкое, становится самымъ могущественнымъ княземъ на югѣ; для Южной Руси слѣдовательно открывается возможность государственнаго сосредоточенія; все зависитъ оттого, встрѣтитъ ли потомство старшаго Мономахова сына на юго-западѣ такія же благопріятныя для своихъ стремленій условія и обстоятельства, какія потомство младшаго Мономахова сына встрѣтило на сѣверѣ? Почва Юго-Западной Руси такъ-же ли способна къ воспринятію новаго порядка вещей, какъ почва Руси Сѣверо-Восточной? Исторія немедленно же дала отвѣтъ отрицательный, показавши ясно по смерти Романа галицкія отношенія, условія быта Юго-Западной Руси. А между тѣмъ умеръ Всеволодъ III-й; Сѣверная Русь на время замутилась, потеряла свое вліяніе на Южную, которой, наоборотъ, открылась возможность усилиться насчетъ Сѣверной, благодаря доблестямъ знаменитаго своего представителя Мстислава Удалого. Но въ дѣйствіяхъ этого полнаго представителя старой Руси и обнаружилась вся ея несостоятельность къ произведенію изъ самой себя новаго, прочнаго государственнаго порядка: Мстиславъ явился только странствующимъ героемъ, покровителемъ утѣсненныхъ, безо всякаго государственнаго пониманія, безо всякихъ государственныхъ стремленій, и отнялъ Галичъ у иноплеменника для того только, чтобъ послѣ добровольно отдать его тому же иноплеменнику! Но Сѣверная Русь идетъ своимъ путемъ: съ одной стороны ея князья распространяютъ свои владѣнія все дальше и дальше на востокъ, съ другой — не перестаютъ тѣснить Новгородъ—рано или поздно ихъ вѣрную добычу, наконецъ обнаруживаютъ сильное вліяніе на ближайшія къ себѣ области Южной Руси, утверждаютъ на Черниговскомъ столѣ племянника мимо дяди.

Такимъ образомъ, вначалѣ мы видимъ, что единство Русской Земли поддерживается единствомъ рода княжескаго, общимъ владѣніемъ. Несмотря на независимое, въ смыслѣ государственномъ, управленіе каждымъ княземъ своей волости, князья представляли рядъ временныхъ областныхъ правителей, смѣняющихся если не по волѣ главнаго князя, то, по крайней мѣрѣ, вслѣдствіе рядовъ съ нимъ, общихъ родовыхъ счетовъ и рядовъ, такъ что судьба каждой волости не была независимо опредѣлена внутри ея самой, но постоянно зависѣла отъ событій, происходившихъ на главной сценѣ дѣйствія, въ собственной Руси, въ Кіевѣ, около старшаго стола княжескаго; Сѣверская, Смоленская, Новгородская, Волынская области перемѣняли своихъ князей смотря по тому, что происходило въ Кіевѣ: смѣнялъ ли тамъ Мономаховичъ Ольговича, Юрьевичъ Мстиславича или наоборотъ, а это необходимо поддерживало общій интересъ, сознаніе о земскомъ единствѣ.

Но мы скоро видимъ, что нѣкоторыя области выдѣляются въ особыя княжества, отпадаютъ отъ общаго единства, области крайнія на западѣ и востокѣ, которыхъ особность условливалась и прежде причинами физическими и историческими: отпадаетъ область Западной Двины, область Полоцкая, которая при самомъ началѣ исторіи составляетъ уже владѣніе особаго княжескаго рода; отпадаетъ область Галицкая, издавна переходная и спорная между Польшею и Русью; на востокѣ отпадаетъ отдаленный Муромъ съ Рязанью; далекая Тмуторакань перестаетъ быть русскимъ владѣніемъ. Обособленіе этихъ крайнихъ волостей не могло имѣть вліянія на ходъ событій въ главныхъ срединныхъ волостяхъ; здѣсь, въ южной, Днѣпровской половинѣ мы не замѣчаетъ измѣненія въ господствующемъ порядкѣ вещей, обособленія главныхъ волостей, ибо никакія условія, ни физическія, ни племенныя, ни политическія не требуютъ этого обособленія; но какъ скоро одна вѣтвь, одно племя княжескаго рода утверждается въ сѣверной, Волжской половинѣ Руси; какъ скоро князь изъ этого племени получаетъ родовое старшинство: то немедленно же и происходитъ обособленіе Сѣверной Руси, столь богатое послѣдствіями; но обособленіе произошло не по требованію извѣстныхъ родовыхъ княжескихъ отношеній, а по требованію особыхъ условій историческихъ и физическихъ; нарушеніе об-

[1]) Татищ. III, 337.

щаго родового владѣнія и переходъ родовыхъ княжескихъ отношеній въ государственныя условливались различіемъ двухъ главныхъ частей древней Руси, и проистекавшимъ отсюда стремленіемъ къ особности.

Благодаря состоянію окружныхъ государствъ и народовъ, всѣ эти внутреннія движенія и перемѣны на Руси могли происходить безпрепятственно. Въ Швеціи еще продолжалась внутренняя борьба, и столкновенія ея съ Русью, происходившія въ минуту отдыха, были ничтожны. Польша, кромѣ внутреннихъ смутъ, усобицъ, была занята внѣшнею борьбою съ опасными сосѣдями—Нѣмцами, Чехами, Пруссами; Венгрія находилась въ томъ же самомъ положеніи, хотя оба эти сосѣднія государства принимали иногда дѣятельное участіе въ событіяхъ Юго-Западной Руси, каково напримѣръ было участіе Венгріи въ борьбѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ; но подобное участіе никогда не имѣло рѣшительнаго вліянія на ходъ событій, никогда не могло измѣнить этого хода, условленнаго внутренними причинами. Вліяніе быта Польши и Венгріи на бытъ Руси было ощутительно въ Галичѣ; можно замѣтить его и въ пограничной Волыни; но дальше это вліяніе не простиралось. Польша и Венгрія не могли быть для Руси проводниками западно-европейскаго вліянія, скорѣе можно сказать,—уединяли ее отъ него, потому что и сами, кромѣ религіозной связи, имѣли мало общихъ формъ быта съ западною Европою; но если и Польша съ Венгріею, несмотря на религіозную связь, мало участвовали въ общихъ явленіяхъ европейской жизни того времени, тѣмъ менѣе могла участвовать въ нихъ Русь, которая не была связана съ западомъ церковнымъ единеніемъ, принадлежала къ Церкви Восточной, слѣдовательно должна была подвергаться духовному вліянію Византіи. Византійская образованность, какъ увидимъ, проникла въ Русь, греческая торговля богатила ее; но главная сцена дѣйствія уже перенеслась на сѣверо-востокъ, далеко отъ великаго воднаго пути, соединившаго сѣверо-западную Европу съ юго-восточною; Русь уходила все далѣе и далѣе въ глубь сѣверо-востока, чтобъ тамъ, въ уединеніи отъ всѣхъ постороннихъ вліяній, выработать для себя крѣпкія основы быта; Новгородъ не могъ быть для нея проводникомъ чуждаго вліянія уже по самой враждебности, которая проистекла отъ различія его быта съ бытомъ остальныхъ сѣверныхъ областей. Но если Русь въ описываемое время отдѣлялась отъ западной Европы Польшею, Венгріею, Литвою, то ничѣмъ не отдѣлялась отъ востока, съ которымъ должна была вести безпрерывную борьбу. Собственная Южная Русь была украйною, такъ сказать, европейскимъ берегомъ степи, и берегомъ низкимъ, не защищеннымъ нисколько природою, слѣдовательно подверженнымъ частому наплыву кочевыхъ ордъ; искусственныя плотины, города, которые начали строить еще первые князья наши, не достаточно защищали Русь отъ этого наплыва. Мало того, что степняки, или Половцы, сами нападали на Русь,—они отрѣзывали ее отъ черноморскихъ береговъ, препятствовали сообщенію съ Византіею. Русскіе князья съ многочисленными дружинами должны были выходить на-встрѣчу къ греческимъ купцамъ и провожать ихъ до Кіева, оберегать отъ степныхъ разбойниковъ; варварская Азія стремится отнять у Руси всѣ пути, всѣ отдушины, которыми та сообщалась съ образованною Европою. Южная Русь, украйна, европейскій берегъ степи, заносится уже съ разныхъ сторонъ степнымъ народонаселеніемъ; по границамъ Кіевской, Переяславской, Черниговской области садятся варварскія толпы, *свои поганые*, какъ называли ихъ въ отличіе отъ дикихъ, т.-е. независимыхъ степняковъ, или Половцевъ. Находясь въ полузависимости отъ русскихъ князей, чуждое гражданскихъ связей съ новымъ европейскимъ отечествомъ своимъ, это варварское пограничное народонаселеніе, по численной значительности и воинственному характеру своему, имѣетъ важное вліяніе на ходъ событій въ Южной Руси, умножая вмѣстѣ съ дикими Половцами грабежи и безнарядье, служа самою сильною поддержкою для усобицъ, представляя всегда ссорящимся князьямъ готовую дружину для опустошенія родной страны. Точно такъ какъ позднѣйшіе Черкасы и пограничные варвары описываемаго времени повидимому служатъ государству, борются за него съ степняками, но между тѣмъ находятся съ послѣдними въ тѣсныхъ, родственныхъ связяхъ, берегутъ ихъ выгоды, выдаютъ имъ государство. Будучи совершенно равнодушны къ судьбамъ Руси, къ торжеству того или другого князя, сражаясь только изъ-за добычи, и дикіе Половцы, и свои поганые, или Черные Клобуки, первые измѣняютъ, первые обыкновенно обращаются въ бѣгство. Съ такими-то народами должна имѣть постоянное дѣло Южная Русь, а между тѣмъ историческая жизнь отливаетъ отъ нея къ сѣверу, она лишается матеріальной силы, которая переходитъ къ области Волжской, лишается политическаго значенія, матеріальнаго благосостоянія, честь и краса ея, старшій стольный городъ во всей Руси, Кіевъ, презрѣнъ, покинутъ старѣйшими и сильнѣйшими князьями, нѣсколько разъ разграбленъ.

Дополненія ко второму тому.

Изложенный нами во второмъ томѣ взглядъ на междукняжескія отношенія встрѣтилъ съ разныхъ сторонъ возраженія, когда впервые былъ высказанъ въ книгѣ нашей: „Исторія отношеній между Русскими князьями Рюрикова дома“. Теперь считаемъ небезполезнымъ разобрать эти возраженія.

Г. Кавелинъ въ рецензіи своей, напечатанной въ „Современникѣ“ 1847 года, представилъ слѣдующія возраженія:

„Г. Соловьевъ говоритъ о родовыхъ отношеніяхъ, потомъ о государственныхъ, которыя сначала съ ними боролись и наконецъ ихъ смѣнили. Но въ какомъ отношеніи они находились между собою, откуда взялись государственныя отношенія въ нашемъ быту вслѣдъ за родовыми—этого онъ не объясняетъ или объясняетъ слишкомъ неудовлетворительно. Вопервыхъ, онъ не показываетъ естественной преемственности быта юридическаго послѣ родоваго; вовторыхъ, взглядъ его не вполнѣ отрѣшился отъ преувеличеній, которыя такъ изукрасили древнюю Русь, что ея нельзя и узнать. Правда, его взглядъ несравненно простѣе, естественнѣе; но надо было сдѣлать еще одинъ шагъ, чтобъ довершить полное высвобожденіе древней русской исторіи отъ несвойственныхъ ей представленій; а его-то г. Соловьевъ и не сдѣлалъ. Этимъ и объясняется, почему авторъ по необходимости долженъ былъ прибѣгнуть къ остроумной, но невѣрной гипотезѣ—о различіи новыхъ княжескихъ городовъ отъ древнихъ вѣчевыхъ, для объясненія новаго порядка вещей, народившагося въ Сѣверо-Восточной Россіи. Представляя себѣ въ нѣсколько неестественныхъ размѣрахъ Владимірскую и Московскую Русь, г. Соловьевъ увидѣлъ въ нихъ то, чего онѣ или вовсе не представляли, или представляли, но не въ томъ свѣтѣ, который имъ придаетъ авторъ. Отъ того у г. Соловьева между Русью—до и послѣ XIII вѣка цѣлая пропасть, которую наполнить можно было чѣмъ-нибудь внѣшнимъ, не лежавшимъ въ органическомъ развитіи нашего древняго быта. Такимъ вводнымъ обстоятельствомъ является у автора система новыхъ городовъ; вывести эту систему изъ родовыхъ началъ, наполнявшихъ своимъ развитіемъ государственную исторію Россіи до Іоанна III, нѣтъ никакой возможности. Объяснимся. Мы уже сказали, что государственный политическій элементъ одинъ сосредоточиваетъ въ себѣ весь интересъ и всю жизнь древней Руси. Если этотъ элементъ выразился въ родовыхъ патріархальныхъ формахъ,—ясно, что въ то время онѣ были высшей и единственно возможной формой быта для древней Руси. Никакихъ сильныхъ переворотовъ во внутреннемъ составѣ нашего отечества не происходило; отсюда можно a priori безошибочно заключить, что всѣ измѣненія, происшедшія постепенно въ политическомъ быту Россіи, развились органически изъ самаго патріархальнаго, родоваго быта. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что исторія нашихъ князей представляетъ совершенно естественное перерожденіе кровнаго быта въ юридическій и гражданскій. Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею Русскою Землею. Отношеній по собственности нѣтъ и быть не можетъ, потому что нѣтъ прочной осѣдлости. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто, изъ одного владѣнія въ другое, считаясь между собою только по родству, старшинствомъ. Впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. Какъ только это сдѣлалось, княжескій родъ раздробился на вѣтви, изъ которыхъ каждая стала владѣть особеннымъ участкомъ земли—областью, или княжествомъ. Вотъ первый шагъ къ собственности. Правда, въ каждой отдѣльной территоріи продолжали еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе, стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе какъ княжеская вотчина, наслѣдственная собственность, которою владѣлецъ можетъ распорядиться безусловно. Когда эта мысль, конечно безсознательно, наконецъ укрѣпилась и созрѣла, территоріальные, владѣльческіе интересы должны были одержать верхъ надъ личными, т.-е. по тогдашнему кровными и родственными... Братья между собою считались старшинствомъ и, такимъ образомъ, даже по смерти отца, составляли цѣлое, опредѣляемое постоянными законами; но дѣти каждаго изъ нихъ имѣли ближайшее отношеніе къ отцу, и только второстепенное, посредственное къ роду. Для нихъ

ихъ семейные интересы были главное и первое; родъ былъ уже гораздо дальше и не могъ такъ живо и всецѣло поглощать ихъ вниманіе и любовь. Прибавьте къ этому, что и для ихъ отца выгоды своей семьи были близки и во многихъ случаяхъ, приходя въ столкновеніе съ выгодами рода, могли ихъ перевѣшивать. Но пока родъ былъ немногочисленъ и линіи еще далеко не разошлись, родъ еще могъ держаться; а что-жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три-четыре поколѣнія; — когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, а общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно, къ роду, обратившемуся теперь въ призракъ, всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же?—Вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга не зависящія части или отрасли. Этотъ процессъ повторялся нѣсколько разъ: изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно"...

Объяснимся и мы теперь съ своей стороны.

Г. Кавелинъ говорить: „Сначала князья составляютъ цѣлый родъ, владѣющій сообща всею Русскою Землею. Князья безпрестанно переходятъ съ мѣста на мѣсто; впослѣдствіи они начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ. — Вотъ первый шагъ къ собственности". — Но спрашиваемъ: почему же они вдругъ начинаютъ осѣдаться на мѣстахъ? Что ихъ къ этому принудило? Рѣшеніе этого-то вопроса, отысканіе причины, почему князья начинаютъ усаживаться на мѣстахъ, и есть главная задача для историка. Князья могли усѣсться тогда только на мѣстахъ, когда получили понятіе объ отдѣльной собственности; а по мнѣнію г. Кавелина выходитъ наоборотъ; у него слѣдствіе поставлено причиною, и какъ произошло основное явленіе—не объяснено. — „Правда, говоритъ онъ, въ каждой отдѣльной территоріи продолжался еще прежній порядокъ вещей: общее владѣніе, единство княжеской вѣтви, имъ обладавшей, и переходы князей. Но не забудемъ, что эти территоріи были несравненно меньше, княжескія вѣтви малочисленнѣе; стало быть, теперь гораздо легче могла возникнуть мысль, что княжество ни болѣе, ни менѣе, какъ княжеская отчина, наслѣдственная собственность". — Но не забудемъ, что когда территорія меньше, когда княжеская вѣтвь малочисленнѣе, тогда-то и представляется полная возможность развиться родовымъ отношеніямъ, укорениться понятію объ общемъ владѣніи, потому что обширная территорія и многочисленность княжескихъ вѣтвей всего болѣе содѣйствуютъ раздробленію рода, порванію родовой связи; такимъ образомъ здѣсь г. Кавелинъ причиною явленія ставитъ то, что должно необходимо вести къ слѣдствіямъ противоположнымъ; но намъ не нужно возражать г. Кавелину, онъ самъ себѣ возражаетъ: „Пока родъ, говоритъ онъ, былъ не многочисленъ и линіи еще не далеко разошлись, родъ еще могъ держаться; а что-жъ должно было произойти, когда послѣ родоначальника смѣнились три-четыре поколѣнія, когда каждая княжеская линія имѣла уже свои семейныя и родовыя преданія, и общеродовые интересы ступили на третье, четвертое мѣсто? Естественно къ роду должны были всѣ охладѣть".—Развѣ здѣсь не противорѣчіе? Сперва говорится, что родовое начало рушится, когда княжеская вѣтвь становится малочисленнѣе; а потомъ утверждаютъ, что родовое начало ослабѣло вслѣдствіе развѣтвленія рода! — Родъ раздробляется вслѣдствіе развѣтвленія, къ роду всѣ должны были охладѣть. Вслѣдствіе чего же?—спрашиваетъ г. Кавелинъ, и отвѣчаетъ: вслѣдствіе того, что вотчинное, семейное начало нисходящія разорвали родъ на самостоятельныя, другъ отъ друга не зависящія части или отрасли". Но теперь, когда большой родъ разорвался на малые роды, или семьи, то что мѣшаетъ имъ развиваться опять въ роды или большія семьи? быть можетъ, малочисленность вѣтвей, какъ прежде говорилъ г. Кавелинъ? Нѣтъ, ничто не мѣшаетъ: „Этотъ процессъ, говоритъ г. Кавелинъ, повторялся нѣсколько разъ; изъ вѣтвей развивались роды. Эти роды разлагались семейнымъ началомъ и т. д. до тѣхъ поръ, пока родовое начало не износилось совершенно". — Итакъ, сначала говорилось, что родовое начало ослабѣвало вслѣдствіе малочисленности княжеской вѣтви; потомъ говорилось, что оно ослабѣвало вслѣдствіе развѣтвленія рода, многочисленности его членовъ; наконецъ показали намъ, что ни то, ни другое ни могло уничтожить родовыхъ отношеній: ибо когда родъ раздробится на нѣсколько отдѣльныхъ княжескихъ линій, то эти линіи стремятся опять развиваться въ роды; слѣд. малочисленность княжеской вѣтви нисколько этому не мѣшаетъ. Что же уничтожило родовыя отношенія?—да такъ, ничто, родовое начало износилось само собою! Какъ будто бы въ исторіи и въ природѣ вообще можетъ что-нибудь исчезнуть, износиться само собою, безъ вліянія внѣшнихъ условій?

Нужно ли говорить, какъ приведенное мнѣніе г. Кавелина соотвѣтствуетъ дѣйствительности, фактамъ? Но оно именно явилось вслѣдствіе отрѣшенности отъ фактовъ, отъ всякой живой, исторической связи событій, отъ живыхъ историческихъ взаимнодѣйствующихъ началъ, между которыми главное мѣсто занимаютъ личности историческихъ дѣятелей и почва, на которой они дѣйствуютъ, ея условія. Родовымъ княжескимъ отношеніямъ нанесенъ былъ первый сильный ударъ, когда Сѣверо-Восточная Русь отдѣлилась отъ Юго-Западной, получила возможность дѣйствовать на послѣднюю, благодаря дѣятельности Андрея Боголюбскаго; но какъ образовался характеръ, взглядъ, отношенія послѣдняго, почему онъ пренебрегъ югомъ, почему началъ новый порядокъ вещей, и почему этотъ порядокъ вещей принялся и укоренился на сѣверѣ и не могъ приняться на югѣ,— это объяснитъ

только изслѣдованіе почвы сѣвера и юга, а не сухое, отвлеченное представленіе о томъ, какъ семейное начало разлагало родовое, но не могло разложить, пока то само не износилось совершенно. Сперва старшіе князья смотрѣли и могли только смотрѣть на младшихъ какъ на равноправныхъ родичей, ибо, кромѣ вкорененныхъ понятій, не имѣли матеріальной силы, зависѣли отъ младшихъ родичей; но потомъ явился князь, который получилъ независимость отъ родичей, матеріальную силу, требуетъ отъ младшихъ, чтобъ они повиновались ему безпрекословно,—тѣ ясно понимаютъ, что онъ хочетъ перемѣнить прежнія родовыя отношенія на новыя, государственныя, хочетъ обращаться съ ними не какъ съ равноправными родственниками, но какъ съ подручниками, простыми людьми; начинается продолжительная борьба, въ которой мало-по-малу младшіе должны признать новыя отношенія, должны подчиниться старшему, какъ подданные государю. Историкъ смотритъ на эту борьбу родовыхъ отношеній съ государственными, начавшуюся въ XII и кончившуюся полнымъ торжествомъ государственныхъ отношеній въ XVI вѣкѣ; а ему возражаютъ, что онъ о государственныхъ отношеніяхъ не долженъ говорить до самаго Петра Великаго; что со временъ Андрея Боголюбскаго начинаетъ господствовать семейное начало, которое разлагаетъ, смѣняетъ родовое, а до государственнаго еще далеко. Но, стало быть, Андрей Боголюбскій перемѣнилъ родовыя отношенія къ Ростиставичамъ на семейныя? новыя подручническія отношенія, какихъ не хотѣли признать Ростиславичи, выходятъ семейныя въ противоположность родовымъ? Что можетъ быть проще, естественнѣе, непосредственнѣе перехода отъ значенія великаго князя, какъ старшаго въ родѣ только, зависимаго отъ родичей, къ значенію государя, какъ скоро онъ получаетъ независимость отъ родичей, матеріальную силу? А г. Кавелинъ говоритъ, что между этими двумя значеніями цѣлая пропасть, которую мы ничѣмъ не наполнили, и которая, по его мнѣнію, наполняется господствомъ семейнаго начала.

Но г. Кавелинъ, объясняя исчезновеніе родоваго начала разложеніемъ его посредствомъ начала семейнаго, изнашиваніемъ безъ причины, безъ всякаго посторонняго вліянія, отвергая объясненіе наше относительно старыхъ и новыхъ городовъ, самъ, на стр. 193, принимаетъ вліяніе городовъ за разлагающее родовой бытъ начало, и упрекаетъ насъ въ томъ, что мы не выставили его какъ движущее начало, тогда какъ мы именно выставили отношенія городовъ движущимъ началомъ, выставили отношенія новыхъ городовъ къ князьямъ главнымъ условіемъ въ произведеніи новаго порядка вещей, и отношенія старыхъ городовъ —условіемъ для поддержанія стараго: потому что старыя общины не понимали наслѣдственности и потому препятствовали князьямъ усаживаться въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ, смотрѣть на послѣднія, какъ на отдѣльную собственность; если старыя общины перемѣняли иногда княжескія родовые счеты, то этимъ онѣ подавали поводъ къ усобицамъ, но не могли вести къ разложенію родоваго начала, ибо предпочтенное племя развивалось опять въ родъ съ прежними счетами и отношеніями, а на отношеніяхъ къ старымъ общинамъ князя опереться не могли, по шаткости, неопредѣленности этихъ отношеній.—Прежде г. Кавелинъ утверждаетъ, что родовое начало исчезло само собою вслѣдствіе повторительнаго разложенія семейнымъ началомъ безъ всякаго участія постороннихъ условій, которыхъ, по мнѣнію г. Кавелина, вовсе не было на Руси, а потомъ подлѣ семейнаго или вотчиннаго начала онъ ставитъ вліяніе общинъ на разложеніе родоваго быта. Мы видимъ здѣсь непослѣдовательность, противорѣчіе, но все рады за автора, что онъ призналъ наконецъ возможность постороннихъ вліяній; но если онъ призналъ вліяніе городовъ, то зачѣмъ же онъ такъ сильно вооружается на насъ за то, что мы выставили это вліяніе, а не приняли его объясненіе, по которому родовое начало должно было, безо всякой причины, безо всякаго посторонняго вліянія, само собою изноститься? Мы принимаемъ вліяніе городовыхъ отношеній, и онъ принимаетъ это вліяніе; слѣдовательно вопросъ долженъ идти о томъ только, какъ разсматривать это вліяніе, а не о томъ, нужно или не нужно вводить его? Зачѣмъ же г. Кавелинъ говоритъ, что наша гипотеза о вліяніи городовыхъ отношеній не нужна въ наукѣ?

Г. Кавелинъ утверждаетъ, что рядомъ съ родовыми, кровными интересами у древнихъ князей нашихъ развивались и другіе, владѣльческіе, которые впослѣдствіи мало-по-малу вытѣснили всѣ другіе. Онъ говоритъ: „Мы позволимъ себѣ даже пойти далѣе и утверждать, въ противность мнѣнію г. Соловьева, что эти интересы уже стояли теперь на первомъ планѣ, но только прикрывались формами родовыхъ отношеній, такъ сказать сдерживались ими, и потому-то борьба за старшинство, которою авторъ характеризуетъ междукняжескія отношенія въ эту эпоху, не что иное какъ выраженіе тѣхъ же владѣльческихъ стремленій, которыя князья старались узаконить господствовавшимъ тогда родовымъ правомъ". — Отвѣчаемъ: историку нѣтъ дѣла до владѣльческихъ интересовъ, отрѣшенно взятыхъ; ему дѣло только до того, какъ выражались эти владѣльческіе интересы, какъ владѣютъ князья, что даетъ имъ возможность владѣть тѣми или другими волостями, какъ эта возможность опредѣляется ими самими и цѣлымъ современнымъ обществомъ, потому что только эти опредѣленія характеризуютъ извѣстный вѣкъ, извѣстное общество, а эта-то характеристика прежде всего и нужна для историка. Впрочемъ, это мнѣніе о преобладаніи владѣльческихъ интересовъ болѣе развито г. Погодинымъ, который въ статьѣ: „О междоусобныхъ войнахъ"— выражается такъ:

„Гдѣ право, тамъ и обида, говоритъ русская

пословица. У насъ же наслѣдственное право состояло въ одномъ семейномъ обычаѣ, который искони передавался отъ отцовъ къ дѣтямъ, изъ рода въ родъ, безъ всякой опредѣленной формы, всего менѣе юридической. Простираясь, по самому естеству вещей, только на ближайшее потомство и завися во многихъ отношеніяхъ отъ произвола дѣйствующихъ лицъ, онъ подавалъ легко поводы къ недоразумѣніямъ, спорамъ, и слѣд. войнамъ при всякихъ *новыхъ* случаяхъ, вслѣдствіе неизбѣжнаго умноженія княжескихъ родовъ. Присоедините бранный духъ господствующаго племени, избытокъ физической силы, неукротимость первыхъ страстей, жажду дѣятельности, которая нигдѣ болѣе, по перемѣнившимся обстоятельствамъ, не находила себѣ поприща,—и вы поймете, почему междоусобія занимаютъ самое видное мѣсто въ нашей исторіи отъ кончины Ярослава до владычества Монголовъ, 1055—1240. Впрочемъ, они были совсѣмъ не таковы, какими у насъ, безъ ближайшаго разсмотрѣнія, представлялись и представляются. Итакъ подвергнемъ ихъ строгому, подробному химическому анализу, или разложенію, и изслѣдуемъ: за что, какъ, гдѣ, когда, кѣмъ они велися, и какое могли имѣть вліяніе на дѣйствующія лица, на всю землю и ея судьбы. Постараемся вести наши изслѣдованія путемъ строгимъ, *математическимъ*".

Мы видимъ здѣсь, что г. Погодинъ начинаетъ свое изслѣдованіе какъ должно, съ главной причины разбираемаго вліянія, указываетъ на главный источникъ—семейный обычай. Но, найдя главную причину, главный источникъ междоусобій въ семейномъ обычаѣ, мы должны, идя *путемъ строгимъ*, прежде всего изслѣдовать: какой же это былъ семейный обычай, какъ подавалъ онъ поводы къ спорамъ, какіе это были новые случаи, зарождавшіе войны? Для этого мы должны разсмотрѣть всѣ междоусобныя войны, изъ года въ годъ, по лѣтописямъ, и, зная, что источникъ каждой войны заключался въ семейномъ обычаѣ, должны объяснять, какая междоусобная война произошла, вслѣдствіе какихъ семейныхъ счетовъ и разсчетовъ, какое право, по господствовавшимъ тогда понятіямъ, имѣлъ извѣстный князь считать себя обиженнымъ и начинать войну; за то ли начата она, что младшему дали больше волостей, чѣмъ старшему, или старшій обидѣлъ младшаго, или, быть можетъ, младшій не уважилъ правъ старшаго? Такъ мы должны изслѣдовать междоусобныя войны, если хотимъ идти путемъ строгимъ, математическимъ. Но такъ ли поступаетъ г. Погодинъ? Показавъ въ началѣ статьи главную причину междоусобій въ семейномъ обычаѣ, онъ потомъ задаетъ вопросъ: за что князья воевали? и отвѣчаетъ: „Главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ междоусобныхъ войнъ были *волости*, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, именно (начинаетъ пересчитывать): Ростиславъ отнялъ Тмутораканъ у Глѣба Святославича, Всеславъ Полоцкій взялъ Новгородъ, Изяславъ воротилъ себѣ Кіевъ и отнялъ Полоцкъ у Всеслава", и проч.

Прежде всякаго возраженія, попробуемъ взглянуть точно такимъ же образомъ на событія всеобщей исторіи, и начнемъ разсуждать такъ: главною причиною, источникомъ, цѣлью всѣхъ войнъ между народами въ древней, средней и новой исторіи были волости, т.-е. владѣнія. Переберите всѣ войны, и въ сущности, при началѣ или концѣ, вы не найдете никакой другой причины, а именно: Персы воевали съ Греками, взяли Аѳины и другіе города; Греки возвратили свои города отъ Персовъ; Спартанцы воевали съ Аѳинянами, взяли Аѳины; Аѳиняне возвратили свой городъ отъ Спартанцевъ; Филиппъ Македонскій побѣдилъ Грековъ; Александръ Македонскій завоевалъ Персію; Римляне взяли Карѳагенъ; Крестоносцы овладѣли Іерусалимомъ; Испанцы взяли Гренаду, и т. д. — До сихъ поръ мы думали, что историкъ обязанъ представить событія въ связи, объяснять причины явленій, а не разрывать всякую связь между событіями; если одинъ князь пошелъ и взялъ городъ, а другой пришелъ и отнялъ у него добычу, то неужели это только и значитъ, что князья воевали именно за этотъ городъ, и слѣдовательно война Юрія Долгорукаго съ племянникомъ его Изяславомъ Мстиславичемъ совершенно похожа на войну Карѳагенянъ съ Римлянами, потому что и здѣсь и тамъ воюютъ за волости. Войны характеризуются причинами, а не формою, которая постоянно вездѣ и всегда одинакова; г. Погодинъ назвалъ статью свою „Междоусобныя войны"; но изъ этой статьи нельзя догадаться, чтобы войны, о которыхъ говорится, были междоусобныя; въ выпискахъ изъ лѣтописи читатель рѣшительно не пойметъ, какія отношенія между воющими князьями, что они—независимые владѣльцы совершенно отдѣльныхъ государствъ, или есть между ними какая-нибудь связь? Видно, что они родня другъ другу; но по какимъ отношеніямъ дѣйствуютъ они, и какое значеніе имѣютъ города, которые они отнимаютъ другъ у друга,—этого не видно. На пяти печатныхъ листахъ помѣщены выписки изъ лѣтописей, и въ концѣ статьи узнаемъ, что жили въ старину князья, которые отнимали другъ у друга владѣнія,—и только. Но взглянемъ на эти выписки: „1064 года Ростиславъ отнялъ Тмутораканъ у Глѣба Святославича". Какая же причина этому явленію?—Не знаемъ. По крайней мѣрѣ г. Погодинъ не объясняетъ намъ ея; онъ говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что Ростиславъ взялъ Тмутораканъ безо всякаго предлога. Да кто же такой былъ Ростиславъ? Онъ былъ сынъ старшаго сына Ярославова, Владиміра, князя Новгородскаго; стало быть и Ростиславъ былъ князь Новгородскій же?—нѣтъ. Но какимъ же это образомъ могло случиться? Сынъ старшаго сына Ярославова не получилъ не только старшаго стола—Кіева, но даже и отцовскаго стола—Новгорода, принужденъ добывать себѣ волость мечемъ? Это явленіе объясняется семей-

нымъ обычаемъ, по которому Ростиславъ считался изгоемъ. Итакъ, причиною взятія Тмуторакани Ростиславомъ у Глѣба былъ семейный обычай, который и самъ г. Погодинъ въ началѣ статьи поставилъ главною причиною междоусобій; вслѣдствіе того же семейнаго обычая, происходили и другія междоусобія въ волости Черниговской и Волынской. Волости раздавались вслѣдствіе родовыхъ отношеній, вслѣдствіе родоваго обычая (который г. Погодинъ называетъ семейнымъ, боясь употребить слово „родовой," какъ будто здѣсь дѣло въ словахъ), на основаніи старшинства; старшій получилъ больше, младшій меньше; *обида* происходила, если тотъ, кто считалъ себя *старшимъ*, получилъ меньше, нежели тотъ, кого онъ считалъ младшимъ или равнымъ себѣ; обиженный начиналъ дѣйствовать вооруженною рукою, и происходило междоусобіе. Отчего же происходило оно? гдѣ главная его причина, источникъ? Родовой счетъ по старшинству, а не волость, которая сама условливается старшинствомъ; междоусобіе происходило отъ обиды, а обида отъ неправильнаго, по мнѣнію обиженнаго, счета, неправильнаго представленія о его старшинствѣ. Я обиженъ потому, что мнѣ дали мало; но почему я думаю, что мнѣ дали мало: вотъ главная причина, ибо ее только я могу выставить при отыскиваніи своего права. Но пусть говорятъ за насъ сами дѣйствующія лица: по смерти в. к. Всеволода, сынъ его Владиміръ сказалъ: „Если я сяду на столѣ отца своего, то будетъ у меня война съ Святополкомъ, потому что этотъ столъ принадлежалъ прежде отцу его". „Будетъ междоусобіе, говоритъ Мономахъ, *потому что* (главная и единственная причина междоусобій!) Святополкъ старше мени,—онъ сынъ старшаго Ярославича, который прежде моего отца сидѣлъ на старшемъ столѣ." На этотъ разъ Мономахъ не нарушилъ права старшинства,—и междоусобія не было; съ уничтоженіемъ причины уничтожилось и слѣдствіе; но по смерти Святополка Мономахъ принужденъ былъ нарушить право старшинства Святославичей черниговскихъ,—и отсюда междоусобіе между Мономаховичами и Ольговичами. Послушаемъ опять, какъ разсуждаютъ сами дѣйствующія лица, сами князья; Всеволоду Ольговичу удалось возстановить свое право старшинства и овладѣть Кіевомъ; приближаясь къ смерти, онъ говоритъ: „Мономахъ нарушилъ наше право старшинства, сѣлъ въ Кіевѣ мимо отца нашего Олега, да и послѣ себя посадилъ Мстислава, сына своего, а тотъ послѣ себя посадилъ брата своего Ярополка, такъ и я сдѣлаю то же,—послѣ себя отдаю Кіевъ брату своему Игорю". Нарушеніе права старшинства Святославичей со стороны Мономаха и его потомковъ заставляетъ и Ольговича дѣйствовать такимъ же образомъ. Противъ этого, разумѣется, должны были возстать Мономаховичи,—и вотъ междоусобіе. Но опять послушаемъ, какую причину этому междоусобію выставляетъ Мономаховичъ Изяславъ—опять тѣ же родовые счеты, родовой обычай: „Я терпѣлъ Всеволода на столѣ Кіевскомъ, говоритъ Изяславъ, *потому что* онъ былъ *старшій* братъ; братъ и зять старшій для меня вмѣсто отца, а съ этими (братьями Всеволода) хочу управиться, какъ мнѣ Богъ дастъ".— Выписывая извѣстія изъ лѣтописи, гдѣ упоминаются волости, хотятъ убѣдить насъ, что за нихъ идетъ все дѣло, и скрываютъ всѣ причины, всю связь событій; но, раздробивъ событія, отнявъ у нихъ связь, можно доказать все, что угодно. Такъ и война у Мономаховичей, между дядею Юріемъ и племянникомъ Изяславомъ, причиною которой были родовые счеты, споръ о старшинствѣ, у г. Погодина представлена только борьбою за волости; читаемъ: „Юрій говорилъ: я выгоню Изяслава и возьму его область. Изяславъ возвратилъ Кіевъ отъ Георгія и хотѣлъ взять Переяславль. Георгій отнялъ Кіевъ". — Но при этомъ выпущены изъ княжескихъ рѣчей самыя важныя мѣста; Юрій говоритъ Изяславу: „Дай мнѣ Переяславль, и я посажу тамъ сына, а ты царствуй въ Кіевѣ". Но эта рѣчь въ подлинникѣ начинается такъ: „Се, брате, на мя еси приходилъ, и землю повоевалъ, *старѣйшинство съ мене снялъ*". Пропущена и рѣчь Вячеслава къ брату Юрію, въ которой объявлена прямая причина войны: „Ты мнѣ говорилъ (Юрій Вячеславу): *не могу поклониться младшему* (т.-е. племяннику Изяславу); но вотъ теперь Изяславъ добылъ Кіевъ, поклонился мнѣ, назвалъ меня отцомъ, и я сижу въ Кіевѣ; если ты прежде говорилъ: младшему не поклонюсь, то я старше тебя, и не малымъ".— Скажите человѣку, вовсе незнакомому съ Русской исторіей, что междоусобныя войны, происходившія въ древней Руси, были родовые споры между князьями, владѣвшими своими волостями по старшинству,—и всякій пойметъ васъ, для всякаго будетъ ясенъ характеръ древняго періода нашей исторіи, отличіе ея отъ исторіи другихъ народовъ; но сказать, что причиною, источникомъ нашихъ древнихъ междоусобныхъ войнъ были волости, владѣнія, значитъ все равно, что не сказать ничего; какое понятіе о древней Русской исторіи можно получить отъ такого опредѣленія? чѣмъ отличить тогда древній періодъ нашей исторіи отъ феодальнаго періода въ исторіи западныхъ народовъ? и здѣсь, и тамъ происходили междоусобныя войны—за владѣнія?

Вотъ почему въ предисловіи къ Исторіи отнош. между русск. кн. Рюр. дома мы почли необходимымъ вооружиться противъ обычныхъ выраженій: раздѣленіе Россіи на удѣлы, удѣльные князья, удѣльный періодъ, удѣльная система,—ибо эти выраженія должны приводить къ ложному представленію о нашей древней исторіи; они ставятъ на первый планъ раздѣленіе, владѣнія, области, тогда какъ на первомъ планѣ должны быть отношенія владѣльцевъ, то, какъ они владѣютъ. Г. Кавелинъ говоритъ: „Мы не скажемъ съ авторомъ, что князья бьются за старшинство, тѣмъ менѣе, что Святославичи хотятъ Кіева не для Кіева, а для старшинства. Напротивъ, мы утверждаемъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія

владѣнія, оправдывая себя родовымъ старшинствомъ". — Но прежде всего спросимъ у г. Кавелина: что давало князю возможность получить лучшую волость?—право старшинства? Самъ г. Кавелинъ говоритъ: „Изяславъ самъ собою не могъ удержаться въ Кіевѣ и долженъ былъ признать Кіевскимъ княземъ и отцомъ ничтожнаго дядю своего Вячеслава, потому что послѣдній былъ старшій. Это признаніе было пустой формой; Вячеславъ ни во что не вмѣшивался, не имѣлъ дѣтей, и вся власть на дѣлѣ принадлежала Изяславу". — Здѣсь историкъ видитъ не ничтожную форму, но могущественное, господствующее представленіе о правѣ, которое заставило доблестнаго Изяслава преклониться предъ слабымъ дядею; Вячеславъ былъ неспособенъ сдѣлать для себя что-либо, и одно право старшинства дало ему все, отнявши все у доблестнаго племянника его; если Вячеславъ далъ всѣ ряды Изяславу, то на то была его добрая воля. Г. Кавелинъ говоритъ: „По той же самой причинѣ, т.-е. потому, что нужны были предлоги, не искали кіевскаго престола безспорно младшіе въ княжескомъ родѣ".— Но это-то и важно для историка, что нужны были извѣстнѣе предлоги, ибо эти-то предлоги и характеризуютъ время: сперва младшій не могъ безъ предлога доискиваться старшаго города, а потомъ могъ дѣлать это безо всякаго предлога; историкъ и раздѣляетъ эти два періода: въ одномъ показываетъ господство родовыхъ отношеній, въ другомъ—выставляетъ господство владѣльческихъ интересовъ съ презрѣніемъ родовыхъ счетовъ.—Вовторыхъ, г. Кавелинъ говоритъ, что князья стараются пріобрѣсти лучшія и возможно большія владѣнія. Но дѣло въ томъ, что въ описываемое время сила князя основывалась не на количествѣ и качествѣ волостей, а на силѣ племени; но чтобъ пользоваться силою племени—нужно было быть въ немъ старшимъ; а первое право и вмѣстѣ первая обязанность старшаго по занятіи старшаго стола была—раздача волостей племени, такъ что ему самому иногда не оставалось, кромѣ Кіева, ничего и онъ не имѣлъ никакого матеріальнаго значенія, а одно значеніе нравственное, основанное на его старшинствѣ. Племя зоветъ Ростислава Мстиславича на старшій Кіевскій столъ; еслибъ онъ имѣлъ въ виду получить только лучшую волость, то, разумѣется, онъ пошелъ бы безо всякихъ условій, а еслибъ Кіевъ давалъ ему матеріальное значеніе, силу, то онъ не хлопоталъ бы ни о какомъ другомъ значеніи; но Ростиславъ хочетъ идти въ Кіевъ только съ условіемъ, чтобъ члены племени дѣйствительно признавали его старшимъ, отцомъ, и слушались бы его; слѣд., вотъ что нужно было Ростиславу, а не лучшая волость; Вячеславъ, какъ скоро услыхалъ, что племянникъ зоветъ его отцомъ и честь на немъ покладываетъ, успокоился и отказался отъ участія въ правленіи. Святославъ Всеволодовичъ, осердившись на Всеволода III, говоритъ: „Давида схвачу, а Рюрика выгоню вонъ изъ земли, и приму одинъ власть Русскую *и съ братьею*, и тогда мьщуся Всеволоду обиды свои". Въ-третьихъ, г. Кавелину хорошо извѣстно, къ какимъ поступкамъ побуждало бояръ нашихъ опасеніе нарушить родовую честь при мѣстническихъ спорахъ; какъ же онъ хочетъ, чтобъ древніе князья, находясь въ такихъ же отношеніяхъ, думали только о волостяхъ? Подъ 1195 годомъ одинъ изъ Ольговичей, видя возможность осилить Мономаховичей, пишетъ къ своему старшему въ Черниговъ: „Теперь, батюшка удобный случай; ступай скорѣе собравшись съ братьею, возьмемъ *честь* свою!" Не говоритъ же онъ: возьмемъ волости, добудемъ Кіева!

Въ 1867 году вышла книги г. Сергѣевича: *Вѣче и князь*. Авторъ говоритъ: „Несмотря на неполноту нашихъ лѣтописныхъ источниковъ, они представляютъ, одинако, указанія на существованіе вѣча не только во всѣхъ главныхъ городахъ, но и въ очень многихъ изъ городовъ второстепеннаго и даже третьестепеннаго значенія". Затѣмъ авторъ начинаетъ перечислять всѣ извѣстія о вѣчахъ. Но такой неосторожный пріемъ не ведетъ къ цѣли. Мы знаемъ, что въ нашихъ источникахъ слово *вѣче* употребляется въ самомъ широкомъ, неопредѣленномъ смыслѣ, означаетъ всякое совѣщаніе нѣсколькихъ лицъ и всякое собраніе народа; слѣдовательно надобно обращать вниманіе на то, при какихъ обстоятельствахъ упоминается о народномъ собраніи и его рѣшеніяхъ; но, главное, надобно смотрѣть на дѣло исторически, слѣдить за развитіемъ вѣча, за условіями, способствовавшими его усиленію или ослабленію, а не собирать изъ различныхъ эпохъ извѣстія о явленіи и заключать, что оно было повсемѣстно. Первое извѣстіе, приводимое г. Сергѣевичемъ о вѣчѣ, относится къ 997 году: „Бѣлгородцы должны были выдержать продолжительную осаду Печенѣговъ. Когда всѣ запасы истощились, а помощи отъ князя не предвидѣлось, они сотворили вѣче и рѣшили сдаться". Городъ въ страшной опасности покинутъ на время безъ помощи, предоставленъ самому себѣ, и вотъ жители его собираются и рѣшаютъ сдаться. Но спрашивается: въ какомъ городѣ, въ какой странѣ и въ какое время при подобныхъ условіяхъ мы не будемъ имѣть права предположить то же явленіе? Если начальникъ школы броситъ въ минуту опасности ввѣренныхъ ему дѣтей, то первымъ дѣломъ послѣднихъ будетъ собраться и толковать о томъ какъ быть. Теперь пойдемъ путемъ историческимъ. Первое извѣстіе, приводимое г. Сергѣевичемъ, относится къ 997 году, а второе къ 1097 году. Въ продолженіи 100 лѣтъ авторъ не могъ отыскать извѣстія о вѣчѣ! Для историка это имѣетъ важный смыслъ. Съ конца XI вѣка о вѣчахъ начинаемъ встрѣчать болѣе частыя упоминовенія; что же это значитъ? Это значитъ, что явилось благопріятное условіе для усиленія вѣча; и, дѣйствительно, благопріятное условіе налицо: это родовые счеты княжескіе съ своимъ слѣдствіемъ,—усобицами. Во время этихъ счетовъ и усобицъ князья, воюя другъ съ другомъ, стараются поднять народонаселеніе извѣст-

ныхъ городовъ противъ князя ихъ, склонить его на свою сторону; народонаселеніе или остается глухо къ этимъ внушеніямъ, или склоняется на нихъ,—явленіе обычное во всѣ времена, у всѣхъ народовъ, изъ котораго о повсемѣстномъ развитіи вѣчеваго быта ничего заключить нельзя. Наполеонъ I, во время нашествія на Россію, также дѣлалъ нашему народу разныя внушенія; но кому придетъ въ голову отъ этого поступка заключить къ формамъ быта нашего народа въ 1812 году? А наши изслѣдователи именно это дѣлаютъ, заключая изъ извѣстій о подговорѣ городскихъ жителей враждующими князьями къ развитію вѣчеваго быта этихъ городовъ. Историкъ замѣтитъ, что частое повтореніе подобныхъ подговоровъ въ извѣстныхъ городахъ, частное повтореніе случаевъ, гдѣ горожанамъ давалась возможность самимъ рѣшать свою участь, должны были развить вѣчевой бытъ, привычку къ вѣчамъ; но никакъ не позволитъ себѣ заключать, что это развитіе было повсемѣстное, ибо если какому-нибудь городу во время своего существованія случилось разъ принять самостоятельное участіе въ рѣшеніи своей судьбы, то этотъ одинъ случай не можетъ установить новой привычки и уничтожить старую; а въ чемъ состояла старая привычка,—объ этомъ свидѣтельствуетъ знаменитое мѣсто лѣтописи, что къ вѣчамъ привыкли главные, старшіе города, а младшіе, пригороды, привыкли исполнять рѣшенія старшихъ: „На чемъ старшіе положатъ, на томъ пригороды станутъ“. Пока существуетъ это мѣсто въ лѣтописи, до тѣхъ поръ будетъ непоколебимо основанное на немъ объясненіе происхожденія новаго порядка вещей на сѣверѣ изъ этого отношенія старыхъ и новыхъ городовъ. Г. Сергѣевичъ въ своемъ стремленіи приписать вѣчевой бытъ младшимъ городамъ цитуетъ извѣстіе о народныхъ волненіяхъ въ Москвѣ: одно—относящееся къ XIV, а другое—къ XV вѣку; въ обоихъ случаяхъ жители взволновались, покинутые правительствомъ; мы опять обращаемся къ нашему сравненію и утверждаемъ, что даже и дѣти въ школѣ сдѣлали бы то же самое, если бы были покинуты своимъ надзирателемъ. Но почему же г. Сергѣевичъ не пошелъ дальше, не указалъ на волненія Москвичей въ царствованіи Алексѣя Михайловича и потомъ въ XVIII вѣкѣ, во время чумы? Явленія совершенно однородныя! Неужели потому, что слово *вѣче* для обозначенія этихъ явленій уже вышло изъ употребленія? Но онъ указываетъ же вѣчевыя явленія и тамъ, гдѣ это слово не употреблено. Онъ относитъ къ вѣчевымъ явленіямъ и возстаніе сѣверныхъ городовъ противъ Татаръ; но въ такомъ случаѣ возстанія Башкирцевъ и другихъ инородцевъ будетъ свидѣтельствовать о сильномъ развитіи у нихъ вѣчеваго быта.

Знаменитое мѣсто лѣтописца объ отношеніяхъ между старшими городами и пригородами стало подвергаться въ нашей литературѣ такой же ученой пыткѣ, какой прежде подвергались мѣста лѣтописца о призваніи первыхъ князей съ яснымъ доказательствомъ ихъ скандинавскаго происхожденія. Разумѣется, очень утѣшительно, что вопросъ о происхожденіи Варяговъ-Руси смѣненъ вопросъ о внутреннихъ отношеніяхъ; но не утѣшительно то, что при стараніи какъ-нибудь отвязаться отъ непріятнаго свидѣтельства употребляются прежніе пріемы, прежняя пытка. „На что же старѣйшіе сдумаютъ, на томъ же пригороды станутъ“, говоритъ лѣтописецъ, и вотъ, согласно съ этими отношеніями, Владимірцы, которые находились въ пригородныхъ отношеніяхъ къ Ростову, притѣсняемые князьями, обращаются съ жалобою къ Ростовцамъ въ силу привычки къ природной подчиненности старшимъ городамъ, привычки, которая не могла очень ослабѣть въ короткое время, хотя этому ослабленію содѣйствовало очень важное обстоятельство — поднятіе значенія Владиміра вслѣдствіе утвержденія въ немъ княжескаго стола Андреемъ Боголюбскимъ. Ростовцы на словахъ были за Владимірцевъ, но на дѣлѣ не удовлетворяли ихъ жалобамъ,—и тогда Владимірцы призываютъ другихъ князей. Г. Сергѣевичъ разсуждаетъ: „Лѣтописецъ не говоритъ, что Владимірцы, недовольные своимъ княземъ, не должны были высказываться противъ него, и такимъ образомъ возбуждать вопросъ о его перемѣнѣ. Высказанное ими желаніе изгнать Ростиславичей онъ приводитъ какъ фактъ, и не порицаетъ ихъ за него. Ростовцы и Суздальцы, съ своей стороны, въ отвѣтъ на это желаніе, не говорятъ, что призваніе князя есть ихъ исключительное право, и что поэтому Владимірцы должны оставаться при Ростиславичахъ до тѣхъ поръ, пока это будетъ угодно имъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Наоборотъ, *на словахъ* они были за Владимірцевъ и тѣмъ показали, что послѣднимъ принадлежитъ такое же участіе въ дѣлѣ призванія князей, какъ имъ самимъ“. Но съ какой же стати было лѣтописцу говорить то, чего не бывало? Будучи далеки отъ преувеличенныхъ представленій о высокой степени развитія древней Руси, о высокой степени свободы, которою она пользовалась, мы однако никакъ не рѣшимся предположить, чтобы въ ней существовали такія отношенія, что обиженный не имѣлъ права высказываться противъ обидчика и жаловаться на него. Владимірцы жалуются своимъ старшимъ, Ростовцамъ, на обижающихъ ихъ князей, которыхъ Ростовцы же имъ дали или, лучше сказать, навязали; Ростовцамъ также не нужно было говорить, что призваніе князей есть ихъ исключительное право, по той простой причинѣ, что и вопроса объ этомъ не было: Владимірцы являются жалобщиками только; дѣло Ростовцевъ рѣшить, справедлива или не справедлива жалоба, а не толковать о своихъ правахъ, которыхъ никто не затрогивалъ; напротивъ, Владимірцы признали торжественно эти права, обратившись съ своею жалобою въ старшій городъ. Но всего лучше слѣдующій выводъ, сдѣланный г. Сергѣевичемъ: „На словахъ они (Ростовцы) были за Владимірцевъ и тѣмъ по-

казали, что послѣднимъ принадлежитъ такое же участіе въ дѣлѣ призванія князей, какъ и имъ самимъ". Городъ жалуется на губернатора королю; король объявляетъ, что жалоба справедлива; *слѣдовательно* король этимъ самымъ объявляетъ, что горожанамъ принадлежитъ такое же право въ назначеніи губернатора, какъ и самому королю! Лѣтописецъ заступается за Владимірцевъ, за меньшихъ, слабыхъ, которымъ однако Богъ помогъ въ ихъ дѣлѣ; лѣтописецъ заступается за нихъ потому, что имѣетъ два основанія для этого: вопервыхъ, Владимірцы были обижены, не получили управы, и потому естественно возбуждали сочувствіе въ каждомъ человѣкѣ, въ которомъ не угасло чувство правды; вовторыхъ, Владимірцы были правы еще потому, что обратились къ законнымъ князьямъ, законнымъ по старшинству и по распоряженію Юрія Долгорукаго, тогда какъ Ростовцы не обратили никакого вниманія на эту законность. Слѣдовательно здѣсь двоякаго рода отношенія—отношенія къ старшему городу и отношенія къ князю. Отношенія эти сталкиваются въ данномъ случаѣ, и обязанность историка обращать одинаковое вниманіе на обои отношенія и смотрѣть, какія изъ нихъ и при какихъ условіяхъ возьмутъ верхъ.

Что касается собственно княжескихъ отношеній, то г. Сергѣевичъ слѣдуетъ взгляду г. Погодина: князья воюютъ, захватываютъ волости другъ у друга, какъ владѣльцы, не имѣющіе никакихъ отношеній между собою. Читая книгу г. Сергѣевича, мы видимъ себя среди какихъ-то звѣрей, а не людей, всегда чувствующихъ потребность оправдывать свои дѣйствія. Отвергая родовыя отношенія между князьями, г. Сергѣевичъ естественно старается отвергнуть господство этихъ отношеній и въ обществѣ. Онъ, разумѣется, обходитъ молчаніемъ извѣстія о крѣпости родоваго союза въ XVI и XVII вѣкахъ; онъ выставляетъ статью Русской Правды о наслѣдованіи, гдѣ говорится, что имущество смерда, не оставившаго сыновей, переходитъ къ князю; но понятно, что въ Правдѣ разумѣется имущество смерда безроднаго, потому что при общемъ родовомъ владѣніи не можетъ быть и рѣчи о наслѣдствѣ, ибо не можетъ быть рѣчи объ отдѣльной собственности. Но любопытно, что г. Сергѣевичъ, ища въ Русской Правдѣ доказательствъ противъ рода, позволилъ себѣ обойти первую статью — о родовой мести. Съ знаменитымъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ такъ ясно указывается господство родоваго быта у Славянъ (живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ и пр.) также г. Сергѣевичу много хлопотъ. При изслѣдованіи о *вѣчѣ* ему нужно было скрыть то, что слово *вѣче* имѣетъ обширное значеніе; теперь относительно *рода* ему надобно показать, что слово *родъ* имѣетъ обширное значеніе, значитъ и происхожденіе, и народъ; но изъ этого ничего не выходитъ, ибо оно означаетъ такъ-же и то, что мы разумѣемъ подъ именемъ рода. Видя это, г. Сергѣевичъ рѣшается на отчаянное средство и говоритъ: „Каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ *единственно* въ смыслѣ семьи". Но гдѣ доказательства?—ихъ нѣтъ. Развѣ принять за доказательство непосредственно слѣдующія слова автора: „Общее владѣніе братьевъ и другихъ родственниковъ могло встрѣчаться и въ древнѣйшія времена. Есть даже основаніе думать, что тогда оно должно было встрѣчаться чаще, чѣмъ теперь. При отсутствіи развитой правительственной власти, частному человѣку для самосохраненія необходимо было вступать въ какіе-либо частные союзы; союзъ съ родственниками представляется самымъ естественнымъ".— Смыслъ кажется ясенъ: обстоятельства времени были таковы, что условливали необходимо стремленіе къ родовому союзу, къ его поддержанію; слѣдовательно каждый Полянинъ могъ имѣть свой родъ *единственно* въ смыслѣ семьи!

Неумолимый лѣтописецъ преслѣдуетъ насъ съ своимъ родомъ. Говоря объ усобицахъ, возникшихъ между Славянами по изгнаніи Варяговъ, онъ говоритъ, что родъ всталъ на родъ и „Воевати почаша сами на ся". Какъ же разсуждаетъ г. Сергѣевичъ?—„Возстали, говоритъ онъ, не разные роды одинъ на другаго, а члены одного и того же рода (т. е происхожденія), дѣти на родителей, братья на братьевъ. Это только примѣненіе къ явленіямъ своего времени хорошо извѣстныхъ лѣтописцу словъ евангелиста Марка: предастъ же братъ брата на смерть и отецъ чада, и возстанутъ чада на родители и убіютъ ихъ". Г. Сергѣевичъ забываетъ, что лѣтописецъ никакъ не могъ имѣть въ виду словъ евангелиста, ибо хорошо зналъ, что побуждало къ такой страшной усобицѣ, о которой говорится въ Евангеліи, и хорошо зналъ, что причиною усобицы между Славянами было отсутствіе правды, а это условіе не могло повести къ тому, чтобъ возставали чада на родителей и убивали ихъ; отсутстіе правды ведетъ именно къ тому, что отдѣльные роды въ своихъ столкновеніяхъ прибѣгаютъ къ самоуправству, рѣшаютъ дѣло оружіемъ.

Есть еще любопытные примѣры обращенія г. Сергѣевича съ источниками. Лѣтописецъ говоритъ слѣдующее объ Андреѣ Боголюбскомъ: „Выгна Андрей епископа Леона изъ Суздаля, и братью свою погна Мстислава и Василька и два Ростиславича сыновца своя, мужи отца своего переднія. Се же створи хотя самовластецъ быти". Г. Сергѣевичъ говоритъ: „Самовластецъ употреблено здѣсь по отношенію къ другимъ князьямъ, внукамъ и младшимъ сыновьямъ Юрія; оно означаетъ собственно *единовластителя*, въ противоположность раздѣленію волости между нѣсколькими князьями, не заключая въ себѣ никакого указанія на самый характеръ власти". Конечно такъ, если пропустить слова: „Мужи отца своего переднія", какъ дѣлаетъ г. Сергѣевичъ; но если оставить эти слова, то выйдетъ, что князь, изгоняющій вліятельныхъ бояръ, стремится не къ единовластію, а къ самовластію. Притомъ, какъ хорошо извѣстно г. Сергѣевичу, мнѣніе о самовласти Андрея Боголюбскаго основано не на одномъ приведенномъ мѣстѣ лѣтописца: о характерѣ

Андрея свидѣтельствуютъ князья-современники, которые жалуются, что Андрей обращается съ ними не какъ съ родственниками, а какъ съ подручниками; наконецъ о характерѣ Андрея свидѣтельствуетъ смерть его, побужденія, которыя заставили убійцъ рѣшиться на ихъ дѣло, неслыханное прежде на Руси.

Подъ 1174 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Приглашася Ростиславичи къ князю Андреевi, просяче Романовичи Ростиславичу княжить въ Кіевѣ". Г. Сергѣевичъ говоритъ: „Можно подумать, что Андрею принадлежитъ *право* раздавать русскія княженія. Изъ предыдущаго мы видѣли, что Андрей, какъ князь сильной Владимірской волости, могъ въ союзѣ съ другими князьями овладѣть Кіевомъ и ограбить его; но и это только въ томъ случаѣ, когда на его сторонѣ было болѣе союзниковъ, чѣмъ на сторонѣ Кіевскаго князя. Лучшаго же права онъ не имѣлъ. Обращеніе къ нему Ростиславичей есть ни что иное, какъ предложеніе ему союза, одною изъ цѣлей котораго долженствовало быть доставленіе Кіевскаго стола Роману. Подобное же выраженіе находимъ еще подъ 1202 годомъ: „Слися къ свату своему, къ в. к. Всеволоду, говоритъ Романъ Мстиславичъ своему тестю Рюрику, и азъ слю къ нему, и молимся ему дабы ти Кіевъ опять далъ", т. е. далъ въ силу того фактическаго преобладанія, которое принадлежало сильному Владимірскому князю, а не въ силу верховнаго права".— Мы не слыхивали, чтобъ дѣлались предложенія о союзѣ въ видѣ мольбы о пожалованіи чего-нибудь; но дѣло не въ этомъ. Г. Сергѣевичу хочется доказать, что въ древней Руси признавалось только право сильнаго, а не какое-нибудь другое *лучшее* право. Съ этою цѣлью онъ заботливо исключаетъ всѣ извѣстія о томъ, что князья признавали это лучшее право. Такъ онъ не упоминаетъ о томъ, что Ростиславичи не признавали за Андреемъ одно право сильнаго, что они признавали это право и за собою, потому что вооружились противъ Андрея; но за послѣднимъ они признавали еще другое право—право родоваго старшинства, по которому они считали его себѣ отцомъ, и обращались къ нему такъ: „Мы называли тебя отцомъ себѣ; мы до сихъ поръ почитали тебя какъ отца по любви". Такое же право было и за в. к. Всеволодомъ, который самъ свидѣтельствуетъ о своемъ правѣ, говоря Ростиславичамъ: „Вы назвали меня старшимъ въ своемъ Владиміровомъ племени".

Что признавалось это право, по которому князья должны были занимать столы не захватомъ, а вслѣдствіе родоваго старшинства, неопровержимымъ свидѣтельствомъ служатъ приведенныя въ лѣтописи слова в. к. Ярослава 1-го сыну его Всеволоду: „Аще ти подастъ Богъ приять власть стола моего, *по братьи* своей *съ правдою*, и не съ насиліемъ, то да ляжеши у гроба моего". Какъ же г. Сергѣевичъ раздѣлывается съ этимъ мѣстомъ лѣтописи, которое онъ спряталъ въ длинномъ примѣчаніи, гдѣ говорится о завѣщаніяхъ московскихъ князей? „Такъ какъ это мѣсто, говоритъ г. Сергѣевичъ, находится въ посмертной похвалѣ Всеволоду, написанной очень дружественной ему рукой, то скорѣе надо думать, что оно сочинено самимъ лѣтописцемъ для оправданія совершившихся событій". Но отчаянное средство помочь не можетъ: если-бы даже и позволительно было предположить, что лѣтописецъ неизвѣстно для чего выдумалъ слова Ярославовы, то его свидѣтельство нисколько не теряетъ своего значенія, ибо онъ могъ высказать только представленіе о правдѣ, какое господствовало въ современномъ ему обществѣ.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ третій.

Глава I.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ смерти Ярослава I-го до смерти Мстислава Торопецкаго.

(1054—1228.)

Значеніе князя.—Титулъ.—Посаженіе князя.—Кругъ его дѣятельности.—Доходы княжескіе.—Бытъ князей.—Отношенія къ дружинѣ.—Дружина старшая и младшая.—Войско земское.—Вооруженіе.—Образъ веденія войны.—Число войскъ.—Богатыри.—Земля и волость.—Города старшіе и младшіе.—Новгородъ и Псковъ.—Вѣче.—Особенности новгородскаго быта.—Внѣшній видъ города.—Пожары.—Народонаселеніе города.—Погосты и станы.—Слободы.—Сельское народонаселеніе.—Количество городовъ въ областяхъ.—Препятствія къ увеличенію народонаселенія.—Торговля.—Монетная система.—Искусство.—Домашній бытъ.—Борьба язычества съ христіанствомъ.—Распространеніе христіанства.—Церковное управленіе.—Матеріальное благосостояніе Церкви.—Дѣятельность духовенства.—Монашество.—Законодательство.—Народное право.—Религіозность.—Двувѣріе.—Семейная нравственность.—Состояніе нравственности вообще.—Грамотность.—Сочиненія Св. Ѳеодосія Печерскаго, митрополита Никифора, епископа Симона, митрополита Іоанна, монаха Кирика, епископа Луки Жидяты, Кирилла Туровскаго.—Безыменныя поученія.—Поученіе Владиміра Мономаха.—Путешествіе игумена Даніила.—Посланіе Даніила Заточника.—Поэтическія произведенія.—Слово о полку Игореву.—Пѣсни.—Лѣтопись.

При обозрѣніи перваго періода нашей исторіи мы видѣли, какъ племена соединились подъ властію одного общаго главы, или князя, призваннаго сѣверными племенами изъ чужаго рода. Достоинство князей Русской Земли остается исключительно въ этомъ призванномъ родѣ; въ X-мъ вѣкѣ Новгородцы говорили Святославу, что если онъ не дастъ имъ князя изъ своихъ сыновей, то они выберутъ себѣ князя изъ другого рода; но послѣ мы не слышимъ нигдѣ подобныхъ словъ. Члены Рюрикова рода носятъ исключительно названіе князей; оно принадлежитъ всѣмъ имъ по праву происхожденія, не отнимается ни у кого ни въ какомъ случаѣ. Это званіе князя, пріобрѣтаемое только рожденіемъ отъ Рюриковой крови, неотъемлемое, независящее ни отъ какихъ другихъ условій, равняетъ между собою всѣхъ Рюриковичей: они прежде всего братья между собою. Особенное значеніе, связанное съ княжескимъ родомъ, ясно выражается въ лѣтописи: въ 1151 г. Кіевляне не могли помѣшать непріятелямъ переправиться черезъ Днѣпръ по Зарубскому броду, потому, говоритъ лѣтописецъ, что князя тутъ не было, а боярина не всѣ слушаютъ. „Не крѣпко бьются дружина и Половцы, если съ ними не ѣздимъ мы сами", говорятъ князья въ 1125 году. Когда галицкій бояринъ Владиславъ похитилъ княжеское достоинство, то лѣтописецъ говоритъ, что онъ ради княженія нашелъ зло племени своему и дѣтямъ своимъ, ибо ни одинъ князь не призрѣлъ дѣтей его за дерзость отцовскую. По княжескому уговору, князь за преступленіе не могъ быть лишенъ жизни, какъ бояринъ, а наказывался только отнятіемъ волости [1]). Олегъ Святославичъ не хотѣлъ позволить, чтобъ его судили епископъ, игумены и простые люди (смерды). Братья приглашаютъ его въ Кіевъ: „Пріѣзжай, говорятъ они, посовѣтуемся о Русской Землѣ предъ епископами, игуменами, предъ мужами отцовъ нашихъ и предъ людьми городскими".

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 119: «Рядъ нашъ такъ есть: оже ся князь извинитъ, то въ волость, а мужь у голову».—Тамъ же, III, 32: «Изгони Всеволодъ Чермьныи внукы Ростиславлѣ изъ Руси, такъ река: брата моя есть 2 князя повѣсили вы въ Галици, яко злодѣя, и положили есте укоръ на всѣхъ».

Олегъ отвѣчаетъ: „Неприлично судить меня епископу, либо игуменамъ, либо смердамъ“. Изъ этихъ словъ опять видно, что все остальное народонаселеніе (исключая духовенства), въ отношеніи къ князю носило названіе смердовъ, простыхъ людей, не исключая и дружины, бояръ, ибо Олегъ и мужей отцовскихъ, и людей городскихъ означаетъ общимъ именемъ смердовъ.—Въ этомъ же значеніи слово смерды смѣняется выраженіемъ: „черные люди“; такъ сѣверскіе князья, во время знаменитаго похода на Половцевъ, говорятъ: „Если побѣжимъ, и сами спасемся, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ намъ будетъ ихъ выдать“.

Князь было общее, неотъемлемое названіе для всѣхъ членовъ Рюрикова рода. Старшій въ родѣ князь назывался Великимъ; но сначала въ лѣтописи мы встрѣчаемъ очень рѣдко этотъ титулъ при имени старшаго князя; обыкновенно онъ придается только важнѣйшимъ князьямъ, и то при описаніи ихъ кончины, гдѣ лѣтописецъ обыкновенно въ украшенной рѣчи говоритъ имъ похвалы. Ярославъ 1-й называется великимъ княземъ Русскимъ; здѣсь слово Русскій однозначительно съ „Всероссійскій“, князь всея Руси, потому что Ярославъ, по смерти брата Мстислава, владѣлъ, за исключеніемъ Полоцка, всѣми русскими волостями. Послѣ Ярослава названіемъ великаго князя величаются: сынъ его Всеволодъ, внукъ Мономахъ, правнукъ Мстиславъ, сыновья и внуки послѣдняго, но все только при описаніи кончины. Рюрикъ Ростиславичъ называется великимъ княземъ при жизни, и тогда, когда онъ не былъ еще старше всѣхъ на Руси, не сидѣлъ еще въ Кіевѣ; изъ этого можно заключить, что названіе: „Великій Князь“ употреблялось иногда просто изъ учтивости; отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю, не имѣло еще постояннаго опредѣленнаго смысла [1]). Но если въ южной лѣтописи мы такъ рѣдко встрѣчаемъ названіе: „Великій Князь“, то въ Сѣверной Руси оно начинаетъ прилагаться постоянно къ имени Всеволода III-го и сыновей его, державшихъ старшинство; здѣсь даже это названіе употребляется одно безъ собственнаго имени для означенія Всеволода III-го [2]). Великими князьями всея Руси названы Мономахъ при описаніи его кончины, и Юрій Долгорукій—при описаніи кончины Всеволода III-го, первый съ достаточнымъ правомъ; второй, какъ видно, изъ особеннаго усердія сѣвернаго лѣтописца къ князьямъ своимъ. Въ одномъ мѣстѣ лѣтописи, въ похвалѣ Мономаху и сыну его Мстиславу, слово: „Великій“ поставлено позади собственныхъ именъ ихъ [3]); также не разъ поставлено оно позади имени Всеволода III-го, но одинъ разъ явно для отличія его отъ другаго Всеволода, князя Рязанскаго [4]).

[1]) Особенное усердіе современнаго лѣтописца къ Рюрику Ростиславичу видно изъ похвалы этому князю при описаніи построенія стѣны у Выдубецкаго монастыря.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 174.

[3]) Тамъ же, II, 15.

[4]) Тамъ же, I, 169; II, 125, 136.

Мы видѣли, каковы были отношенія старшаго князя къ младшимъ; видѣли, что старшій, если онъ былъ только названнымъ, а не настоящимъ отцомъ для младшихъ, распоряжался обыкновенно съ вѣдома, совѣта и по договору съ послѣдними; отсюда понятно, что когда князь избавлялся отъ родичей, становился единовластителемъ, то вмѣстѣ онъ дѣлался чрезъ это и самовластителемъ въ странѣ; вотъ почему слово „самовластецъ“ въ лѣтописи употребляется въ значеніи „единовластецъ“: такъ сказано про Ярослава I-го, что по смерти брата своего Мстислава онъ сталъ самовластецъ въ Русской Землѣ. Для означенія высшей власти, также изъ большей учтивости и усердія, относительно князей употреблялись слова: „Царь, царскій“; такъ Юрій Долгорукій говоритъ племяннику Изяславу: „Дай мнѣ посадить сына въ Переяславѣ, а ты сиди, царствуя въ Кіевѣ“; т.-е. „а ты владѣй Кіевомъ спокойно, независимо, безопасно, не боясь никого, и не подчиняясь никому.“ Говоря о епископѣ Ѳеодорѣ, лѣтописецъ прибавляетъ, что Богъ спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою, царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Когда, послѣ Рутскаго сраженія, воины Изяславовы, нашедши своего князя въ-живыхъ, изъявили необыкновенную радость, то лѣтописецъ говоритъ, что они величали Изяслава какъ царя. Даніилъ Заточникъ пишетъ къ Юрію Долгорукому: „Помилуй меня, сынъ Великаго Царя Владиміра!“ [5]) Жена Смоленскаго князя Романа причитаетъ надъ гробомъ его: „Царь мой благій, кроткій, смиренный!“ Употребляются выраженія: „самодержецъ“ и греческое: „киръ [6]).“ Въ изустныхъ обращеніяхъ къ князьямъ употреблялось слово: „господинъ“, или чаще просто „князь“, иногда то и другое вмѣстѣ.

При спорности правъ, при неопредѣленности отношеній, новый старшій князь иногда нуждался въ признаніи и родичей, и горожанъ, и пограничнаго варварскаго народонаселенія [7]); отъ нихъ ото всѣхъ приходили къ нему послы съ зовомъ идти на столъ. Первымъ знакомъ признанія князя владѣющимъ въ извѣстной волости было посаженіе его на столѣ; этотъ обрядъ считался необходимымъ, безъ него князь не былъ вполнѣ княземъ и потому къ выраженію: „вокняжился“ прибавляется: „и сѣлъ на столѣ“ [8]). Это посаженіе происходило въ главной городской церкви, въ Кіевѣ и Новгородѣ у Св. Софіи. Для указанія того, что князь садился на столъ по законному преемству, принадлежитъ къ роду княжескому и не изгой въ этомъ родѣ, употреблялось выраженіе: „сѣлъ на столѣ отца и дѣда.“ [9]) Признаніе князя сопровождалось прися-

[5]) Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 231.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 153.

[7]) Тамъ же, стр. 96.

[8]) Тамъ же, стр. 159. «Володиславъ же въѣха въ Галичь, и вокняжися и сѣдѣ на столѣ».

[9]) Послѣ увидимъ, что считалось незаконнымъ вступленіе князя на столъ не по отчинѣ и дѣдинѣ: это, по нашему мнѣнію, прекращаетъ споръ объ изгойствѣ князей.—

гою, цѣлованіемъ креста: „Ты нашъ князь!“ говорили присягавшіе. Когда родовое право князя было спорное, когда его признанію предшествовало какое-нибудь особенное обстоятельство, измѣнить или поддержать которое считалось нужнымъ, то являлся рядъ, уговоръ; такъ видимъ уговоръ о тіунахъ съ Ольговичами, Игоремъ и Святославомъ, по смерти старшаго брата ихъ Всеволода. По смерти Изяслава Мстиславича, братъ его Ростиславъ былъ посаженъ въ Кіевѣ съ уговоромъ, чтобъ почиталъ дядю своего Вячеслава какъ отца; рядъ и цѣлованіе креста назывались утвержденіемъ. Ряды по тогдашнимъ отношеніямъ бывали троякіе: съ братьею, дружиною, горожанами [1]).

Князь и въ описываемый періодъ времени, какъ прежде, заботился о строѣ земскомъ, о ратяхъ и объ уставѣ земскомъ. Онъ сносился съ иностранными государями, отправлялъ и принималъ пословъ, велъ войну и заключалъ миръ. О походѣ иногда самъ князь объявлялъ народу на вѣчѣ; мы видѣли, какъ во время усобицы Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ Кіевляне сначала не могли рѣшиться поднять рукъ на сына Мономахова, старшаго въ племени, послѣ чего Изаславъ долженъ былъ ограничиться одними охотниками, людьми себѣ преданными; въ Новгородѣ замѣчаемъ такія же явленія; вообще народонаселеніе очень неохотно брало участіе въ княжескихъ усобицахъ. Князья обыкновенно сами предводительствовали войскомъ, рѣдко посылали его съ воеводами; кромѣ личной отваги, собственной охоты къ бою, мы видѣли и другую причину тому: безъ князя полки бились вяло, боярина не всѣ слушались, тогда какъ значеніе воеводы тѣсно соединялось съ значеніемъ князя. Старшему, большому князю, считалось неприличнымъ предводительствовать малымъ отрядомъ; такъ, однажды Берендѣи схватили за поводъ коня у Кіевскаго князя Глѣба Юрьевича и сказали ему: „Князь, не ѣзди; тебѣ прилично ѣздить въ большомъ полку, когда соберешься съ братьею, а теперь пошли кого-нибудь другого изъ братьи“ [2]). Для молодыхъ князей считалось почетомъ ѣздить съ передовымъ полкомъ, потому что для этого требовалась особенная отвага [3]). Право рядить полки передъ битвою принадлежало старшему въ войскѣ князю [4]), и сохранялось еще преданіе, что добрый князь долженъ первый начинать битву; въ-старину маленькаго Святослава перваго заставили бросить копье въ Древлянъ; въ описываемое время Изяславъ Мстиславичъ и Андрей Боголюбскій первые въѣзжали въ непріятельскіе полки.

Князю принадлежало право изданія судныхъ уставовъ; послѣ Ярослава сыновья его—Изяславъ, Святославъ, Всеволодъ съ пятью боярами (тысяцкими) собрались для сдѣланія нѣкоторыхъ измѣненій въ судномъ уставѣ отцовскомъ; Владиміръ Мономахъ съ боярами установилъ законъ о рѣзахъ или процентахъ; здѣсь можно видѣть разницу въ княжескихъ отношеніяхъ, когда старшимъ былъ братъ и когда былъ отецъ остальнымъ князьямъ: Изяславъ для перемѣны въ уставѣ собирается съ братьями, а Мономахъ не имѣетъ нужды созывать сыновей, которые во всякомъ случаѣ обязаны принять уставъ отцовскій; при немъ видимъ только Иванка Чудиновича, черниговскаго боярина (Олгова мужа), быть можетъ присланнаго принять участіе въ дѣлѣ отъ имени своего князя. Князю по-прежнему принадлежали судъ и расправа; во время болѣзненной старости Всеволодовой до людей перестала доходить княжая правда; Мономахъ между другими занятіями князя помѣщаетъ оправливаніе людей; лѣтописецъ, хваля князя Давыда Смоленскаго, говоритъ, что онъ казнилъ злыхъ, какъ подобаетъ творить царямъ. Для этого оправливанія, суда и расправы князья объѣзжали свою волость, что называлось ѣздить, быть на полюдьи [5]). Князь изъ числа приближенныхъ къ себѣ людей и слугъ назначалъ для отправленія разныхъ должностей въ посадники, тіуны, и т. п.; онъ налагалъ подати.

Доходы казны княжеской состояли попрежнему въ даняхъ. Мы видѣли, что покоренныя племена были обложены данью; нѣкоторыя платили мѣхами съ дыма или обитаемаго жилища, нѣкоторыя—по шлягу отъ рала; встрѣчаемъ извѣстія, что и во времена лѣтописца подчиненное народонаселеніе платило дань, возило повозы князьямъ; что послѣдніе посылали мужей своихъ по областямъ для сбора дани: такъ Янъ Вышатичъ приходилъ за этимъ отъ князя Святослава на Бѣлоозеро; такъ Олегъ Святославичъ, овладѣвъ Землею Муромскою и Ростовскою, посажалъ посадниковъ по городамъ и началъ брать дани. Въ уставной грамотѣ Смоленскаго князя Ростислава епископіи Смоленской (1150 г.) гово-

---

Представлено мнѣніе, что въ выраженіи: «аще князь осиротѣетъ» нельзя видѣть первоначальное значеніе сиротства, но производное—именно лишеніе волости, ибо въ нѣкоторыхъ областныхъ нарѣчіяхъ сирота значитъ нищій. Но во 1) въ древнихъ памятникахъ сирота имѣетъ совсѣмъ другое производное; во 2) для насъ важно то, что при господствѣ родовыхъ отношеній въ обществѣ всякаго рода лишенія происходили вслѣдствіе сиротства, слѣд. если бы даже князь-сирота и означалъ князя, лишеннаго владѣнія, то главною причиною лишенія владѣнія остается сиротство, на что прямо указываетъ языкъ; въ 3) возраженіе, что если принимать здѣсь слово осиротѣетъ въ первоначальномъ смыслѣ, то выйдетъ, что всѣ князья будутъ изгои, ибо всѣ рано или поздно осиротѣютъ,—это возраженіе не имѣетъ смысла, ибо сиротами называются малолѣтніе, неимѣющіе самостоятельнаго существованія; сорокалѣтняго человѣка никто не назоветъ сиротою, если онъ и лишится отца.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 96.

[2]) Тамъ же, I, 153.

[3]) Тамъ же, II, 134: «Володимеръ же Глѣбовичъ испросился у Святослава и во Рюрика ѣздити на переди съ Чернымъ Клобукомъ. Святославу же не любо бяшеть пустити Володимера напередъ передъ сыны своими: но Рюрикъ и иніи вси улюбиша, зане мужъ бодръ и дерзокъ и крѣпокъ на рати».

[4]) Тамъ же, стр. 63: «Андрей поча рядити полкъ отца своего, зане бѣ старѣй тогда въ братьѣ».—При войскѣ былъ и отецъ его Юрій, но, подобно брату Вячеславу, онъ не принималъ личнаго участія въ битвѣ.

[5]) Тамъ же, I, 172.

рится, что въ погостахъ каждый платитъ свою дань и передмеръ, также платятъ истужники, по силѣ, кто что можетъ, и съ княжества Смоленскаго сходило дани болѣе 3,000 гривенъ; кромѣ дани, въ грамотѣ Ростиславовой упоминается полюдье и погородіе [1]). Извѣстно также, что Кіевскій князь получалъ дань изъ Новгорода [2]). Другими источниками дохода для казны княжеской служили пошлины торговыя, судныя, для старшаго князя дары отъ младшихъ, наконецъ доходы съ частной собственности, земель, князьямъ принадлежавшихъ. Эта частная собственность вѣроятно произошла вслѣдствіе перваго занятія, населенія земель пустыхъ, никому не принадлежавшихъ; потомъ средствомъ пріобрѣтенія были купля: о купленныхъ князьями слободахъ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись подъ 1158 годомъ [3]); наконецъ источникомъ пріобрѣтенія могло служить отнятіе земель у провинившихся бояръ и другихъ людей; когда, напримѣръ, одинъ князь изгонялъ изъ волости другого, то отбиралъ у бояръ послѣдняго ихъ имущество. При общемъ родовомъ владѣніи, князья, разумѣется, имѣли частную собственность, разбросанную въ разныхъ волостяхъ; отецъ раздавалъ сыновьямъ села свои безъ всякаго соотвѣтствія столамъ, на которыхъ они должны были сидѣть, тѣмъ болѣе что столы эти не были постоянные; можно думать также, что въ описываемое время, при общемъ родовомъ владѣніи, князья не уговаривались, какъ послѣ, не пріобрѣтать земель куплею въ чужихъ волостяхъ. На земляхъ, принадлежавшихъ князьямъ въ частную собственность, они могли строить города и отдавать ихъ дѣтямъ въ частную же собственность: такъ, думаемъ, Владиміръ Мономахъ, построивши Городецъ-Остерскій на своей землѣ, отдалъ его въ частную собственность младшему сыну Юрію, и тотъ владѣлъ имъ, будучи княземъ Суздальскимъ; такъ Ростиславъ Мстиславичъ, князь Смоленскій, получилъ отъ дѣда или отца въ частную собственность земли или доходы въ Суздальской области [4]); такъ Ярополкъ Изяславичъ, княжившій въ Туровѣ и на Волыни, имѣлъ разныя частныя волости, даже около Кіева, и отдалъ ихъ всѣ при жизни въ Печерскій монастырь.

Земли, составлявшія частную собственность князей, были населены челядью; здѣсь-то на этихъ земляхъ князья устраивали себѣ дворы, гдѣ складывалось всякаго рода добро. На путивльскомъ дворѣ Святослава Ольговича было семь сотъ человѣкъ рабовъ, кладовыя (скотницы), погреба (бретьяницы), въ которыхъ стояло пять сотъ берковцевъ меду, 80 корчагъ вина; въ сельцѣ у Игоря Ольговича былъ устроенъ дворъ добрый, гдѣ много было вина и меду, и всякаго тяжелаго товара, желѣза и мѣди, на гумнѣ было 900 стоговъ. Большія стада составляли одно изъ главныхъ богатствъ княжескихъ: подъ Новгородомъ-Сѣверскимъ непріятели взяли у Ольговичей 3,000 кобылъ и 1,000 коней. Значеніе этихъ земель, дворовъ, запасовъ для князей показываетъ ихъ названіе: жизнь. „Братья! говоритъ Святославъ Ольговичъ Давыдовичамъ: землю вы мою повоевали, стада мои и братніи взяли, жито пожгли и всю жизнь погубили!" Изяславъ Мстиславичъ говорилъ дружинѣ о черниговскихъ князьяхъ: „Вотъ мы села ихъ пожгли всѣ и жизнь ихъ всю, а они къ намъ не выходятъ; такъ пойдемъ къ Любечу, тамъ у нихъ вся жизнь".

Взглянемъ теперь на жизнь князя русскаго въ описываемое время, отъ дня рожденія до смерти. При рожденіи младенца въ семьѣ княжеской давалось ему одно имя славянское, или варяжское, которое называлось княжимъ именемъ, а при св. крещеніи другое—по греческимъ святцамъ; первое употреблялось преимущественно; оба давались въ честь кого-нибудь изъ старшихъ родственниковъ, живыхъ или умершихъ [5]); этотъ обычай употреблялся относительно младенцевъ обоего пола [6]). Есть извѣстіе, что при самомъ рожденіи князю назначалась волость, городъ [7]); давалась ли эта волость изъ частной собственности князя-отца, или новорожденный считался княземъ этой волости, города и мѣнялъ его впослѣдствіи по общему племенному и родовому распорядку, — рѣшить нельзя. Воспріемниками при купели бывали князья-родичи [8]). Лѣтъ двухъ-трехъ-четырехъ надъ младенцемъ мужескаго пола совершался обрядъ—постриги, то-есть первое стриженіе волосъ, сопровождаемое церковнымъ благословеніемъ, посаженіемъ малютки на коня и пирами въ отцовскомъ домѣ; иногда постриги дѣлались въ имянины постригаемаго, иногда постригали двухъ князей разомъ. Для воспитанія князей употреблялись по-прежнему кормильцы; о воспитаніи княженъ встрѣчается въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе подъ 1198 годомъ: „Родилась дочь у Ростислава Рюрико-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт II, стр. 36: «Быша же Радимичи отъ рода Ляховъ: пришедъ же ту ся вселиша, и платятъ дань Руси, повозъ везуть и до сего дне». Допол. къ Акт. Истор. I, № 4. Проф. Осокинъ (внутр. тамож. пошл. въ Россіи, стр. 5) думаетъ, что передмѣръ—это помѣрное позднѣйшаго времени.

[2]) Объ этой дани см. т. II, стр. 286, примѣч. 1. Въ Никон. «отъ Смоленска и отъ Дунайска». Въ Псковской губ. Холмскаго уѣзда, на р. Ловати есть деревня Дунаева.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

[4]) «Суждали Залѣская дань, аже воротить Гюгри, а что будетъ въ ней изъ того св. Богородицѣ десятина». Допол. къ Акт. Историч. т. I, № 4.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 107: «Рюрикови же идущю изъ Новагорода, родися у него сынъ и нарекоша и въ святѣмъ крещеньи дѣдне имя Михайло, а княже Родиславъ дѣдне же имя».

[6]) Тамъ же, стр. 122: «Родися у В. К. Всеволода четвертая дчи, и нарекоша имя во св. крещеніи Полагья, а княже Сбыслава».

[7]) Тамъ же, стр. 107: «И дастъ ему (Ростиславу) отецъ его Лучинъ городъ, въ немъ же родися, и поставиша на томъ мѣстѣ церковь св. Михаила, иде ся родилъ».

[8]) Крестнымъ отцомъ Мономахова сына Мстислава былъ Олегъ Святославичъ; княжну Сбыславу Всеволодовну крестила тетка ея Ольга, княгиня Галицкая; сказано: «и крести ю тетка Олга»; о крестномъ отцѣ не упомянуто.

вича, и назвали ее Ефросиньей, прозваніемъ Измарагдъ, то-есть дорогой камень; пріѣхалъ Мстиславъ Мстиславичъ (Удалой) и тетка ея Переяслава, взяли ее къ дѣду и бабкѣ, и такъ воспитана она была въ Кіевѣ на Горахъ". Участвовали въ походахъ и разсылались по волостямъ князья очень рано: иногда пяти-семи лѣтъ. Женили князья сыновей своихъ также вообще довольно рано, иногда одиннадцати лѣтъ [1]), дочерей иногда выдавали замужъ осьми лѣтъ. Вотъ описаніе свадьбы дочери Всеволода III, Верхуславы, выходившей за Ростислава Рюриковича, княжившаго въ Бѣлгородѣ: „Послалъ князь Рюрикъ Глѣба, князя Туровскаго, шурина своего съ женою, Славна тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою и другихъ многихъ бояръ съ женами, къ Юрьевичу великому Всеволоду, въ Суздаль, вести дочь его Верхуславу за сына своего Ростислава. На Борисовъ день отдалъ великій князь Всеволодъ дочь свою Верхуславу, и далъ за нею безчисленное множество золота и серебра, и сватовъ одарилъ большими дарами и отпустилъ съ великою честію; ѣхалъ онъ за милою своею дочерью до трехъ становъ, и плакали по ней отецъ и мать, потому что была она имъ мила и молода: только осьми лѣтъ; великій князь послалъ съ нею сына сестры своей Якова съ женою и иныхъ бояръ съ женами. Князь Рюрикъ, съ своей стороны, сыгралъ сыну Ростиславу свадьбу богатую, какой не бывало на Руси; пировали на ней слишкомъ 20 князей; снохѣ же своей далъ много даровъ и городъ Брягинъ; Якова свата и бояръ отпустилъ къ Всеволоду въ Суздаль съ великою честью, одаривши ихъ богато." Изъ этого извѣстія, какъ изъ многихъ другихъ [2]), мы видимъ, что браки устраивались родителями брачущихся; видимъ, что лица, употреблявшіяся для переговоровъ, посылаемыя за невѣстою отъ жениxова отца и провожавшія невѣсту со стороны ея отца, назывались **сватами**; отецъ невѣсты снабжалъ ее золотомъ и серебромъ, **давалъ за нею** или **по ней**, что ясно указываетъ на приданое, тогда какъ свекоръ давалъ снохѣ дары и городъ для ея содержанія; что княгини имѣли города, видно изъ другихъ мѣстъ лѣтописи [3]); въ нѣкоторыхъ небогатыхъ волостяхъ упоминаются у княгинь только села [4]); княжны, не выходившія замужъ, оставшіяся въ волостяхъ отцовскихъ или братнихъ, имѣли также села [5]).

Князья вступали въ бракъ преимущественно въ своемъ родѣ, въ седьмой и даже шестой степени родства, въ шестой и пятой степени свойства [6]); вступали въ родственные союзы съ сосѣдними владѣтельными домами: Скандинавскими, Англо-Саксонскимъ, Польскимъ, Чешскимъ, Венгерскимъ, Византійскими, очень часто съ ханами Половецкими [7]); иногда наши князья брали женъ изъ прикавказскаго народа Ясовъ [8]); наконецъ женились на дочеряхъ бояръ (новгородскихъ) и даже выдавали дочерей своихъ за бояръ [9]). Мы видѣли, что у князей Святополка Изяславича и Ярослава Галицкаго были незаконные сыновья, которыхъ отцы ничѣмъ не хотѣли отличать отъ законныхъ [10]). Если князья въ первый разъ женились рано, то во второй бракъ вступали иногда очень поздно: такъ Всеволодъ III-й женился вторично слишкомъ 60 лѣтъ. Встрѣчаемъ извѣстія о разводахъ князей по случаю болѣзни жены и желанія постричься въ монахини [11]).

О занятіяхъ взрослаго князя, сидѣвшаго на столѣ, можно получить понятіе изъ словъ Мономаха къ сыновьямъ: „Не будьте лѣнивы ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь: да не застанетъ васъ солнце на постели; такъ дѣлывалъ мой отецъ и всѣ добрые мужи. Возвратясь изъ церкви, надобно садиться думать съ дружиною, или людей **оправливать** (творить судъ и расправу), или на охоту ѣхать, или такъ поѣхать куда, или спать лечь; для спанья время отъ Бога присуждено—полдень."—Охота составляла любимое препровожденіе времени князей; по словамъ Мономаха, онъ вязалъ руками въ пущахъ дикихъ лошадей, охотился на тура, на оленя, на лося, на вепря, на медвѣдя, на волка (лютаго звѣря); охотились и на зайцевъ [12]), ловили ихъ тенетами; Мономахъ говоритъ, что онъ самъ держалъ весь нарядъ въ ловчихъ, самъ заботился о соколахъ и

[1]) См. родословную таблицу.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 170, 180, 184, 193; II. 9, 19, 39, 87, 92, 94, 121.

[3]) Тамъ же, II, 85: «Изяславъ же съ княгинею пойде изъ Гомья къ Вятичемъ, и взя городъ Княгининъ на щитъ Святославлей».

[4]) Тамъ же, стр. 101.

[5]) Тамъ же, стр. 95.

[6]) Неволина.—Исторія Росс. Гражд. Зак. т. I, стр. 197.

[7]) Не только князья женились на Половчанкахъ, но и княгини выходили за половецкихъ хановъ. Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 84: «Приде же Изяславу болши помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячь, отчимъ Святославль Володимирича: бѣ бо мати его бѣжала въ Половцы и шла за нь».—Эта княгиня, жена Владиміра Давыдовича, была дочь Всеволода Городенскаго, внучка Мономахова.

[8]) Буткова—О бракахъ князей Русскихъ съ Грузинками и Ясынями въ XII вѣкѣ; Сѣвер. Архивъ, 1825, № IV.

[9]) Въ приведенномъ выше извѣстіи о свадьбѣ Ростислава Рюриковича на дочери Всеволода III говорится, что послѣдній отправилъ съ невѣстою **сестричича** своего Якова и ины бояры: ясно, что этотъ Яковъ былъ сынъ простаго боярина, за которымъ была сестра Всеволодова.

[10]) См. выше т. II, стр. 352, 552. Упомянемъ также о слѣдующемъ любопытномъ извѣстіи (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 136): «Тогда же приде Володимеръ изъ Половецъ съ Кончаковною и створи свадбу Игорь сынови своему, вѣнча его и съ дѣтятемъ».

[11]) Такъ жена Всеволода III-го, будучи 8 лѣтъ больна, постриглась отъ живаго мужа въ монахини; подъ 1228 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе: «Святославъ отпусти княгиню свою по свѣту, всхотѣвши ей въ монастырь, и дастъ ей надѣлокъ многъ; иде въ Муромъ къ братіи и пострижеся».—Здѣсь по **свѣту** значитъ: по совѣту, по взаимному согласію.

[12]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 159: «Заутра поѣха изъ Суждаля борзо, якоже и на заяць, дружинѣ постигающи его». Воскр. I, 218: «Всеволоду дѣющу ловы за Вышегородомъ, и меташа тенетъ на заяци».

*

ястребахъ. Князья отправлялись на охоту на долгое время [1]), забирали съ собою женъ и дружину; охотились въ лодкахъ по Днѣпру, изъ Кіева ходили внизъ по этой рѣкѣ до устья Тясмина (до границъ Кіевской и Херсонской губерніи) [2]); Игорь Святославичъ въ плѣну у Половцевъ утѣшался ястребиною охотою; въ Никоновскомъ спискѣ о Всеволодѣ Новгородскомъ говорится, что онъ любилъ играть и утѣшаться, а людей не управлялъ, собиралъ ястребовъ и собакъ, а людей не судилъ.

Изъ лѣтописныхъ извѣстій видно, что князья три раза въ день садились за столъ: завтракали, обѣдали, ужинали [3]); часъ завтрака, обѣда и ужина опредѣлить нельзя, можно видѣть только, что обѣдали прежде полуденъ; это будетъ понятно, если вспомнимъ, что вставали до свѣта и скоро послѣ того завтракали; при описаніи Липицкой битвы говорится, что князь Юрій прибѣжалъ во Владиміръ о полудни, а битва началась въ обѣднюю пору (въ обѣдъ годъ) [4]); въ полдень уже ложились спать. Князья попрежнему любили пировать съ дружиною. Кромѣ дружины, они угощали иногда священниковъ: такъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Борисъ Юрьевичъ угощалъ въ Бѣлгородѣ на сѣнницѣ дружину и священниковъ; Ростиславъ Мстиславичъ въ Великій постъ каждую субботу и воскресенье сажалъ за обѣдомъ у себя 12 чернецовъ съ тринадцатымъ игуменомъ, а въ Лазареву субботу сзывалъ на обѣдъ всѣхъ монаховъ кіевскихъ изъ Печерскаго и другихъ монастырей; въ обыкновенное время угощалъ Печерскую братію по постнымъ днямъ, середамъ и пятницамъ; въ лѣтописи называется это утѣшеньемъ [5]). Большіе пиры задавали князья при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ: на крестинахъ, постригахъ, имянинахъ, свадьбахъ, по случаю пріѣзда другихъ князей, причемъ гость и хозяинъ взаимно угощали и дарили другъ друга, по случаю восшествія на престолъ; такъ, въ Никоновскомъ спискѣ читаемъ, что Всеволодъ Ольговичъ, сѣдши въ Кіевѣ, учредилъ свѣтлый пиръ, поставилъ по улицамъ вино, медъ, перевару, всякое кушанье и овощи. Мы видѣли, что князья иногда сзывали къ себѣ на обѣдъ всѣхъ гражданъ и граждане давали обѣды князьямъ; князья пировали также у частныхъ людей: такъ, Юрій Долгорукій передъ смертію пилъ у Осьменика Петрила. Большіе пиры задавали князья по случаю духовныхъ торжествъ, освященія церквей: такъ, Святославъ Всеволодовичъ, по освященіи Васильевской церкви въ Кіевѣ на Великомъ дворѣ, созвалъ на пиръ духовный митрополита, епископовъ, игуменовъ, весь святительскій чинъ, Кіевлянъ [6]). На пирахъ у князей обыкновенно играла музыка [7]). Хоронили князей немедленно послѣ смерти, если не было особенныхъ препятствій; такъ, напримѣръ Юрій Долгорукій умеръ 15-го мая въ среду на ночь, а похоронили его на другой день въ четвергъ. Родственники, бояре, слуги умершаго князя надѣвали черное платье и черныя шапки; когда везли тѣло князя, то передъ гробомъ вели коня и несли стягъ (знамя); у гроба становили копье [8]); послѣ похоронъ князя родственники его обыкновенно раздавали богатую милостыню духовенству и нищимъ: такъ, Ростиславъ Мстиславичъ, по смерти дяди Вячеслава, роздалъ все его движимое имѣніе, себѣ оставилъ только одинъ крестъ на благословенье [9]). Ярославъ Галицкій самъ передъ смертію роздалъ имѣніе по монастырямъ и нищимъ. Родственники, бояре, слуги и народъ плакались надъ гробомъ князя, причитали похвалы умершему; похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца состояла въ слѣдующемъ: онъ былъ храбръ на рати, почиталъ, снабжалъ, утѣшалъ духовенство, раздавалъ щедрую милостыню бѣднымъ, любилъ и уважалъ дружину, имѣнія не щадилъ для нея; особенною заслугою выставляется также вѣрность клятвѣ, соблюденіе тѣлесной чистоты, правосудіе, строгость къ злымъ людямъ, безстрашіе передъ сильными, обижающими слабыхъ. Объ одеждѣ князей можемъ имѣть понятіе изъ картины, приложенной къ извѣстному Святославову Сборнику: здѣсь Святославъ и сыновья его, Глѣбъ и Ярославъ, представлены въ кафтанахъ немного ниже колѣна; кафтанъ у Святослава зеленый и сверхъ него корзно синее съ краснымъ подбоемъ, застегнутое на правомъ плечѣ красною запоною съ золотыми отводами; у сыновей кафтаны малиноваго цвѣта и золотые пояса съ четырьмя концами. Воротники, рукава у молодыхъ князей, подолъ у Ярославова кафтана и края Святославова корзна наведены золотомъ; подолъ Святославова и Глѣбова кафтановъ красный; у маленькаго Ярослава отъ шеи до пояса золотая обшивка съ треия поперечными золотыми полосами; сапоги у Святослава зеленые, у Ярослава красные, у обоихъ востроносые. На молодыхъ князьяхъ высокія синія шапки съ красными наушниками и зеленоватымъ подбоемъ (если только не принимать этого подбоя за особенную нижнюю шап-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 20.

[2]) Тамъ же, стр. 122, 139, 133.

[3]) Тамъ же, I, 110.

[4]) Что обѣдали гораздо прежде полудня; см. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 28.

[5]) Тамъ же, II, 95: «А во ины дни въ среду и въ пятокъ утѣшиваше братью Печерскую».

[6]) Тамъ же, стр. 128; см. также стр. 152. Обыкновенное у лѣтописца выраженіе: пить вмѣсто пировать, показываетъ, въ чемъ преимущественно состояли пиры.

[7]) Житіе Св. Ѳеодосія въ Патер. Печер. Однажды Св. Ѳеодосій, вошедши къ в. к. Святославу, засталъ у него: «овыхъ гуслныя гласы испущающихъ, иныхъ органныя писки гласящихъ, иныхъ же иныя мусикійскія, и тако всѣхъ веселящихся, якоже обычай есть предъ княземъ».

[8]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 81, 101, 73.

[9]) Тамъ же, стр. 75: «И тако Ростиславъ спрятавъ тѣло его, и ѣха на Ярославль дворъ, и съзва мужи отца своего Вячеславли и тивуны и ключники, каза нести имѣнье отца своего передъ ся, и порты, и золото, и серебро; и снесъ все, и нача роздавати по монастыремъ, и по церквамъ и по затворомъ, и нищимъ, и тако раздая все, а собѣ ни прія ничто, толико крестъ честный взя на благословеніе собѣ, а прокъ имѣнія да чимъ же надъ нимъ дѣяти на послѣднія дни, чимъ свѣчю и просфу у его побдѣти».

ку); на Святославѣ шапка не такъ высокая, желтоватаго цвѣта, съ синими наушниками и темно-красною опушкою; на маленькомъ Ярославѣ синяя, не очень высокая. Святославъ и Романъ съ усами безъ бородъ. На княгинѣ покрывало, завязанное подъ бородою; верхняя одежда краснаго цвѣта съ широкими рукавами, съ широкою желтою полосою на подолѣ и съ золотымъ поясомъ; видны рукава нижней одежды съ золотыми поручами; башмаки золотые [1]).

Отношенія князя къ дружинѣ оставались, въ главныхъ чертахъ, прежнія. При Ярославѣ произошелъ новый наборъ дружины; но при сыновьяхъ его уже начались усобицы, перемѣщенія князей изъ одной волости въ другую; легко понять, какъ такой порядокъ вещей долженъ былъ дѣйствовать на положеніе дружины. Дружинники должны были или переѣзжать вмѣстѣ съ князьями изъ одной волости въ другую, или, оставаясь въ прежней, вступая въ службу новаго князя, ждать, что старая дружина послѣдняго, которая пріѣдетъ съ нимъ изъ прежней волости, займетъ первое мѣсто: въ княженіе Всеволода Ярославича и племянника его Святополка мы видимъ ясныя указанія лѣтописца на подобныя отношенія старой и новой дружины при перемѣнѣ князей. Таково было непріятное положеніе дружины и при безспорныхъ смѣнахъ князей; но каково же было ея положеніе при борьбахъ, усобицахъ, когда одинъ князь силою выгонялъ другого изъ волости? Тогда дружина побѣжденнаго князя по необходимости должна была бѣжать съ нимъ изъ прежняго города въ другой какой-нибудь, уступая мѣсто дружинѣ побѣдителя. Такимъ образомъ, вслѣдствіе перемѣщеній княжескихъ, и дружина не могла получить осѣдлости. Отъ 1051 до 1228 года мы встрѣчаемъ въ лѣтописи полтораста именъ дружинниковъ; изъ этого числа не наберемъ и пятнадцати такихъ, которыхъ отечества указывали бы намъ, что это сыновья прежде извѣстныхъ лицъ, да и здѣсь изслѣдователи руководствуются, по большей части, одними предположеніями; вѣроятно, можетъ быть, что такой-то Лазаревичъ былъ сынъ извѣстнаго прежде Лазаря. Потомъ изъ этого количества именъ мы наберемъ едва шесть примѣровъ, чтобъ дружинникъ служилъ послѣ отца сыну, и съ другой стороны не болѣе шести примѣровъ, чтобъ дружинники оставались въ однѣхъ и тѣхъ же волостяхъ; наконецъ встрѣчаемъ не болѣе двухъ примѣровъ наслѣдственности сана тысяцкаго въ одних родахъ [2]).

Понятно, что при такой неосѣдлости дружинѣ трудно было во все это время вступить въ прочныя, непосредственныя отношенія къ волостямъ, получить важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями; бояре попрежнему оставались боярами князей, а не боярами княжествъ, дѣйствовали изъ личныхъ выгодъ, тѣсно связанныхъ съ выгодами того или другого князя, но не изъ выгодъ сословныхъ. Дѣйствія дружины имѣли значеніе, силу, когда ея выгоды совпадали съ выгодами города, волости; такъ случилось въ Кіевѣ по смерти Всеволода Ольговича; въ Ростовской области, по смерти Боголюбскаго; здѣсь, во второмъ примѣрѣ, бояре дѣйствуютъ противъ младшихъ Юрьевичей въ пользу Ростиславичей, по согласію съ Ростовцами, но дѣло рѣшается не въ ихъ пользу вслѣдствіе особыхъ отношеній новыхъ городовъ. При этомъ надобно замѣтить также, что съ самаго начала у насъ, на Руси, вслѣдствіе размноженія членовъ княжескаго рода, управленіе сколько-нибудь значительными волостями и городами переходитъ къ князьямъ-родичамъ, а не къ боярамъ, которые по этому самому теряютъ возможность пріобрѣсти важное значеніе въ качествѣ областныхъ правителей; это важное значеніе остается за князьями же. — Исключеніе составляютъ галицкіе бояре. Галицкая волость, ставши особымъ владѣніемъ Ростиславичей, князей, исключенныхъ изъ старшинства въ родѣ Ярославовомъ, по этому самому не перемѣняла князей своихъ; съ другой стороны, не дробилась на мельчайшія волости въ племени Ростиславичей, потому что Владиміру удалось избавиться отъ всѣхъ родичей и стать единовластителемъ въ Галичѣ; единовластіе продолжалось и при единственномъ сынѣ его Ярославѣ. Вслѣдствіе этого, боярамъ галицкимъ была возможность установиться въ странѣ, получить важное земское значеніе въ качествѣ богатыхъ землевладѣльцевъ и областныхъ правителей; вотъ почему вліяніе дружины въ Галичѣ на дѣла страны оказывается такимъ исключительнымъ; сколько-нибудь сильнаго участія городовъ въ событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа Великаго, не замѣчаемъ, хотя народонаселеніе ихъ вообще питало привязанность къ молодому Даніилу. Прибавимъ сюда еще вліяніе быта сосѣднихъ Галичу государствъ, Польскаго и Венгерскаго.

Но если такъ частъ и такъ необходимъ былъ переходъ дружины изъ одной волости въ другую и отъ одного князя къ другому, то легко понять, что не было возможности для точнаго опредѣленія отношеній ея къ князю; дружинникъ имѣлъ полную свободу переходить изъ службы одного князя въ

[1]) См. Іоаннъ екзархъ Болгарскій, стр. 216; Истор. Опис. одежды и вооруженія Росс. войскъ, т. I, стр. 7; Древности Россійск. Государства, отд. IV, стр. 7.

[2]) См. статью г. Погодина—о наслѣдственности древнихъ сановъ, въ Архивѣ Историко-Юридическихъ свѣдѣній, изд. Н. Калачева кн. 1-я.—Этою статьею должно пользоваться съ осторожностью, вопервыхъ потому, что въ ней есть лишнія имена, такъ: причисленъ къ русскимъ дружинникамъ Польскій князь Збигнѣвъ, пріѣзжавшій въ Кіевъ къ в. к. Святополку просить помощи противъ брата своего; потомъ въ число дружинниковъ включены также двое полоцкихъ князей, попъ Лихачъ, дьячекъ Имормыжъ и проч., а нѣкоторыя имена пропущены. Вовторыхъ, выводы противорѣчатъ фактамъ; такъ, напр., выведено, что бояре служили большею частію у однихъ князей, т. е. послѣ отцовъ дѣтямъ.

службу другого: каждый князь принималъ его съ радостію, ибо каждый нуждался въ храбрыхъ дружинникахъ; переходъ былъ легокъ для дружинника и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, потому что Русская Земля сохраняла свое единство, равно какъ и родъ княжескій, слѣд. дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской Землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Князья не могли условиться не допускать этого перехода, потому что очень рѣдко случалось, что всѣ они находились въ мирѣ и добромъ согласіи между собою, а при первой усобицѣ друженникамъ открывался свободный путь для перехода отъ одного враждебнаго князя къ другому; такъ, въ силу обстоятельствъ, обычай перехода скоро долженъ былъ превратиться въ право, и послѣ въ княжескихъ договорахъ мы увидимъ, что князья обязываются не препятствовать переходу дружинниковъ: „А боярамъ между нами и слугамъ вольнымъ — воля". Существовало ли такое условіе въ княжескихъ договорахъ описываемаго времени, или подразумѣвалось, какъ естественное и необходимое, и явилось только послѣ, при ослабленіи родовой связи между князьями, обособленіи княжествъ, — рѣшить нельзя по неимѣнію княжескихъ договорныхъ грамотъ изъ описываемаго періода; мы знаемъ одно только, что такія грамоты существовали въ это время. Хорошій князь, по современнымъ понятіямъ, не отдѣлялъ своихъ выгодъ отъ выгодъ дружины, ничего не щадилъ для послѣдней, ничего не откладывалъ собственно для себя; жилъ онъ съ нею въ братскомъ, задушевномъ кружку, не скрывая отъ нея имѣнія, не тая думъ своихъ, намѣреній. „Князь! говоритъ дружина Мстиславу Изяславичу: тебѣ безъ насъ нельзя было ничего ни замыслить, ни сдѣлать, а мы всѣ знаемъ твою истинную любовь ко всей братіи". А Владиміру Мстиславичу дружина говоритъ: „Ты самъ собою это, князь, замыслилъ, такъ мы не ѣдемъ за тобою, мы ничего не знали". Изъ тона лѣтописи видно, что не нравилось, когда князь имѣлъ одного любимца, которому открывалъ свои думы, скрывая ихъ отъ остальной дружины; такъ, расказывая о дурномъ поступкѣ Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами, лѣтописецъ говоритъ: „Святославъ посовѣтовался съ княгинею, да съ Кочкаремъ, любимцемъ своимъ, а лучшимъ мужамъ думы своей не объявилъ". Князь почти все время свое проводилъ съ дружиною: съ нею думу думалъ, на охоту ѣздилъ, пировалъ; въ житіи Св. Ѳеодосія читаемъ, что когда князь Изяславъ хотѣлъ ѣхать къ преподобному, то распускалъ всѣхъ бояръ по домамъ и являлся въ монастырь съ однимъ малымъ отрокомъ; это разсказывается, такъ исключеніе изъ обычая. При такихъ близкихъ отношеніяхъ бояръ къ князю естественно ожидать, что совѣты ихъ и внушенія не оставались безъ слѣдствій въ распряхъ и усобицахъ княжескихъ: въ дѣлѣ ослѣпленія Василька лѣтописецъ прямо обвиняетъ извѣстныхъ бояръ Давыдовыхъ; не-разъ попадается извѣстіе, что князь поступилъ дурно, послушавшись злыхъ совѣтниковъ; если дружинникъ по неудовольствію оставлялъ одного князя и переходилъ къ другому, то конечно не могъ содѣйствовать пріязни между ними. Мстиславъ Изяславичъ отпустилъ отъ себя двоихъ бояръ, братьевъ Бориславичей, озлобивъ, по выраженію лѣтописца, потому что холопи ихъ покрали княжескихъ коней изъ стада; Бориславичи перешли къ Давыду Ростиславичу и начали ссорить его съ Мстиславомъ. Вслѣдствіе такихъ отношеній встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что при княжескихъ договорахъ и бояре цѣловали крестъ— добра хотѣть между князьями, честь ихъ беречь и не ссорить ихъ.

Попрежнему встрѣчаемъ различіе между старшею и младшею дружиною. Когда Святославу Ольговичу дали знать о смерти брата Игоря, то сказано, что онъ созвалъ дружину свою старѣйшую и объявилъ ей объ этомъ. Всеволодъ III послалъ сказать племяннику Мстиславу Ростиславичу: „Братъ! если тебя привела дружина старѣйшая, то ступай въ Ростовъ". Но старѣйшая дружина въ этомъ же самомъ разсказѣ переводится словомъ бояре. Въ противоположность старшей, встрѣчаемъ названіе „младшая" дружина; такъ Изяславъ Мстиславичъ говоритъ брату Владиміру: „Ступай впередъ на Бѣлгородъ, а мы всѣ отпускаемъ съ тобою дружину свою младшую"; младшая дружина называется также просто: молодь, молодые, молодые люди, продолжаетъ носить названіе гридей, гридьбы. Члены старшей дружины, бояре, были по-преимуществу, княжескими думцами, совѣтниками; но встрѣчаемъ извѣстіе, что иногда князья сзываютъ на совѣтъ бояръ и всю дружину свою [1]). Въ составъ дружины входила также собственная прислуга князя, жившая постоянно при немъ, въ его домѣ, дворцѣ: это такъ-называемые отроки, дѣтскіе, пасынки, которые естественно раздѣлялись опять на старшихъ и младшихъ, или меньшихъ. Такимъ образомъ дружина состояла изъ трехъ частей: бояръ, гридьбы и пасынковъ; лѣтописецъ говоритъ, что Мстиславъ Ростиславичъ, пріѣхавши въ Ростовъ, собралъ бояръ, гридьбу и пасынковъ, и всю дружину. Третій отдѣлъ дружины, служня, слуги княжескіе, живущіе при немъ въ домѣ, на сѣверѣ начинаютъ носить названіе двора, дворянъ [2]); естественно впрочемъ ожидать, что, въ противоположность городовымъ полкамъ, подъ именемъ дворянъ разумѣлась и вся дружина, все княжеское войско. Бояре имѣли свои домы въ стольномъ городѣ княжескомъ, имѣли свои села [3]); какого рода были эти села, кромѣ отчинъ полу-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 43, 87, 124; I, 213, 312; II, 43.

[2]) Тамъ же, III, 20, 81; I, 157. О меньшихъ дѣтскихъ см. II, 47.

[3]) Тамъ же, I, 162: «а села балярьская взяша, и кони, и скотъ».

чали ли дружинники помѣстья отъ князей,—ничего неизвѣстно. Кромѣ стольнаго города, дружина (преимущественно, думаемъ, младшая) жила также по другимъ городамъ, гдѣ отряды ея составляли засады, или гарнизоны [1]), жила и по селамъ своимъ; послѣ каждаго похода дружина распускалась. Княжескіе слуги жили при дворѣ, но могли также чередоваться службою, имѣя на сторонѣ свои дома. Бояре имѣли около себя въ походѣ свою служню, своихъ отроковъ [2]).

Изъ бояръ князь назначалъ тысяцкихъ; что же касается до посадниковъ, то они могли быть назначаемы и изъ дѣтскихъ [3]). Тіуны княжескіе и боярскіе имѣютъ прежнее значеніе. Изъ должностей судебныхъ въ домѣ, дворѣ княжескомъ встрѣчаемъ названіе ключниковъ; на ихъ должность указываетъ слѣдующее извѣстіе: когда Ростиславъ Мстиславичъ похоронилъ дядю своего Вячеслава, то, созвавши бояръ послѣдняго, тіуновъ и ключниковъ, велѣлъ принести передъ себя все имѣніе покойнаго князя. Покладникъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, соотвѣтствовалъ позднѣйшему спальнику. Званія конюшій [4]), стольникъ, меченоша [5]) объясняются изъ самыхъ словъ. Упоминаются мечники; кощеи, которыхъ, производя отъ слова кошъ, можно принять за обозную прислугу; упоминаются сѣдельники, названіе которыхъ указываетъ на ихъ занятіе; и кощеи, и сѣдельники находились при войскѣ во время похода [6]); сѣдельники жили, какъ видно, цѣлыми селеніями въ извѣстныхъ мѣстахъ [7]). Въ Новгородской лѣтописи подъ 1181 годомъ встрѣчаемъ названіе: кметство для лучшихъ ратниковъ, ибо это названіе въ нѣкоторыхъ спискахъ переводится чрезъ: мужи доброименитые. Мономахъ говоритъ, что онъ взялъ въ плѣнъ живыми пятерыхъ князей полоцкихъ, и иныхъ кметій молодыхъ пятнадцать.

По-прежнему находимъ въ лѣтописи ясныя указанія на различіе между дружиною и полками, собираемыми изъ остальнаго народонаселенія, городскаго и сельскаго; дружина отличается отъ полка. Вячеславъ Владиміровичъ говоритъ племяннику Изяславу: „Дружина моя и полкъ мой будутъ у насъ съ тобою общіе"; Ярославъ Галицкій говоритъ кіевскому боярину объ отцѣ своемъ: „Полкъ его и дружина его у меня" [8]); хотя, разумѣется, слово „полкъ" сохраняетъ и свое общее значеніе войска, точно такъ же, какъ и дружина, а съ другой стороны полкъ имѣетъ значеніе извѣстнаго отдѣла въ войскѣ. Кіевскіе полки рѣзко отличаются отъ княжескихъ дружинъ въ разсказѣ о битвѣ Изяслава Мстиславича съ дядею Юріемъ подъ Кіевомъ: „Вячеславъ и Изяславъ, не входя въ городъ, раскинули станъ передъ Золотыми воротами; Изяславъ Давыдовичъ сталъ между Золотыми воротами и Жидовскими; Ростиславъ съ сыномъ Романомъ—передъ Жидовскими воротами, Борисъ Городенскій у Лядскихъ воротъ, а между князьями стали Кіевляне на коняхъ и пѣши"; тутъ же говорится, что Вячеславъ и племянники его послушались дружины, Кіевлянъ и Черныхъ Клобуковъ. На участіе сельскаго народонаселенія въ походахъ указываютъ прямо извѣстія лѣтописи о сборахъ Мономаха и Святополка на Половцевъ; дружина говорила, что весною не время идти въ походъ, ибо для этого нужно отнять поселянъ (смердовъ) и лошадей ихъ отъ полевыхъ работъ; Мономахъ отвѣчалъ на это: „Странно мнѣ, что вы поселянъ и лошадей ихъ жалѣете, а о томъ не подумаете, какъ весною начнетъ поселянинъ пахать лошадью, и пріѣдетъ Половчинъ, ударитъ поселянина стрѣлою, а лошадь его возьметъ себѣ". Если бы кто-нибудь задалъ вопросъ: какъ участвовали поселяне въ походахъ, для чего собственно употреблялись здѣсь они и лошади ихъ?—то на этотъ вопросъ не можетъ быть отвѣта по недостатку свидѣтельствъ; приведемъ только одно извѣстіе, что во время войны Мстислава Торопецкаго съ младшими сыновьями Всеволода III, послѣдніе погнали на войну и „изъ поселей", какъ сказано въ лѣтописи. Въ лѣтописи же читаемъ, что Изяславъ Мстиславичъ и въ Кіевѣ, и въ Новгородѣ на вѣчѣ объявлялъ о походѣ; было ли это постояннымъ обычаемъ—утверждать нельзя. Какъ выходили граждане на войну, это видно также изъ словъ бояръ Изяславовыхъ, которые звали Кіевлянъ въ походъ отъ имени князя: „Теперь, братья Кіевляне, ступайте за мной къ Чернигову на Ольговичей, собирайтесь всѣ отъ мала до велика, у кого есть конь, тотъ на конѣ, а у кого нѣтъ коня,—тотъ пусть ѣдетъ въ лодкѣ". Изъ этого и изъ многихъ другихъ извѣстій видно, что ополченіе состояло изъ конницы (копейщиковъ) и пѣхоты (стрѣльцовъ); встрѣчаемъ названіе: кони поводные, т.-е. употребляемые подъ верхъ, и товарные, обозные, также кони сумные; стрѣльцы обыкновенно завязывали дѣло, когда главная масса войскъ, копейщики,—еще не вступали въ битву. Во время похода оружіе везли на возахъ [9]); ору-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92»: а дружина ти по городомъ далече».

[2]) Тамъ же, 147, I, 108: «и роспусти дружину по селомъ».—Объ отрокахъ боярскихъ I, 131. О содержаніи дружины см. томъ XIII, гл. I.

[3]) Тамъ же, стр. 117.

[4]) Тамъ же, I, 169; II, 133.

[5]) Тамъ же, I, 184, 194.

[6]) Тамъ же, II, 98: «Братья же вси пожаловаша на Мьстислава оже утаився ихъ пусти на воронъ сѣдельникы своѣ и кощѣѣ».

[7]) Тамъ же, стр. 102: «Глѣбъ шедше сташа за Васильевомъ у сѣдельниковъ... Половци же съвкупишеся съ сѣдельникы бишася съ ними».

[8]) См. также Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 105: «Андрей же посла сына Мстислава со всею дружиною и со всѣми полкы Ростовскыми и Суждальскими».—Замѣчательно тамъ же стр. 55 выраженіе Изяслава Мстиславича: «А мы поѣдемъ въ свой Кіевъ, а въ сильный полкъ въ Кіевскій аже въѣдемъ въ пѣ, то азъ вѣдѣ, ти ся за мя біютъ».

[9]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 103. Мономахъ говоритъ: «И срѣтоша ны внезапу Половѣчьскыѣ князи 8 тысячъ,

жіе состояло изъ броней, шлемовъ, щитовъ, мечей, копій, сабель, стрѣлъ, кіевъ, сулицъ, ножей - засапожниковъ, рогатинъ, оскѣповъ и топоровъ, топоры бывали съ паворозою; въ Словѣ о полку Игореву щиты называются красными (червлеными); шлемы были съ острымъ верхомъ и съ желѣзнымъ забраломъ, или личиною въ видѣ полумаски. Для защиты щекъ и затылка, къ шлему приклѣплялась кольчужная желѣзная сѣтка, застегивавшаяся запонкою у шеи [1]). Употреблялись знамена, или стяги, также трубы и бубны. Не только оружіе везли на возахъ, но и сами ратники ѣхали на нихъ же; кромѣ возовъ съ оружіемъ, должно думать, что войско сопровождали обозы съ съѣстными припасами: по-крайней мѣрѣ есть извѣстіе, что иногда припасы эти возили на лодкахъ по рѣкамъ [2]); но есть также и не одно извѣстіе, что князья, вступая въ непріятельскую землю, посылали для сбора съѣстныхъ припасовъ: это называлось ѣхать въ зажитіе, а люди, посылаемые для такого сбора, — зажитниками. Въ ожиданіи битвы, ратники надѣвали брони; но предъ Липицкою битвою Мстиславъ Удалой далъ Новгородцамъ на выборъ: сражаться на коняхъ или пѣшкомъ; тѣ отвѣчали, что не хотятъ помирать на лошадяхъ, но хотятъ биться пѣши, какъ бились отцы ихъ на Колакчѣ и, сбросивъ съ себя порты и сапоги, побѣжали босые на непріятеля. Князья устраивали войско, говорили рѣчи; войска располагались по-прежнему тремя отдѣленіями: большой полкъ, или чело, и два крыла; но въ описываемое время упоминается и передовой полкъ, или передъ [3]), упоминается и сторожевой полкъ, или сторожье, который давалъ знать главному полку о мѣстѣ пребыванія и движеніи непріятеля. При бѣгствѣ непріятеля, побѣдители бросались на станъ его, одирали мертвыхъ; о дѣлежѣ добычи встрѣчаемъ одно извѣстіе, что Мстиславъ Удалой, взявши дань на Чуди, двѣ части ея отдалъ Новгородцамъ, третью дворянамъ своимъ. Встрѣчаемъ извѣстіе объ укрѣпленныхъ станахъ: такъ предъ Липицкою битвою младшіе Всеволодовичи обвили свой станъ плетнемъ и насовали кольевъ; былъ обычай также огораживаться засѣками: такъ сказано о Ярославѣ Всеволодовичѣ Черниговскомъ, что онъ сталъ подъ своими лѣсами, засѣкшись отъ непріятеля; въ станахъ находились шатры и полстницы: въ разсказѣ о взятіи рязанскихъ князей Всеволодомъ III говорится, что великій князь, поздоровавшись съ ними, велѣлъ сѣсть имъ въ шатрѣ, а самъ сѣлъ въ полстницѣ; также въ разсказѣ объ убіеніи рязанскихъ князей родичами читаемъ, что убійца Глѣбъ скрылъ вооруженныхъ слугъ и Половцевъ въ полстницѣ близъ шатра, гдѣ должны были пировать жертвы его.

И въ описываемое время войска переправлялись иногда по рѣкамъ; такъ подъ 1185 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Святославъ Всеволодовичъ плылъ въ лодкахъ Десною изъ Новгорода-Сѣверскаго въ Черниговъ; встрѣчаемъ даже извѣстіе о рѣчной битвѣ на Днѣпрѣ между войсками Изяслава Мстиславича и дяди его Юрія, когда Изяславъ дивно исхитрилъ лодки, по выраженію лѣтописца: видны были одни только весла, а гребцовъ было не видать, потому что лодки были покрыты, ратники стояли на этихъ крышкахъ въ броняхъ и стрѣляли, кормчихъ было два,—одинъ на носу, другой на кормѣ, и куда хотѣли, туда и шли, не оборачивая лодокъ. Походы преимущественно совершались зимою: это будетъ понятно, если вспомнимъ состояніе страны, покрытой множествомъ рѣкъ и болотъ, чрезъ которыя зима прокладывала ледяные мосты и такимъ образомъ облегчала путь; князья обыкновенно спѣшили окончить походъ до того времени, какъ начнутъ таять снѣга и разливаться рѣки. Кромѣ затруднительности дорогъ противъ незимнихъ походовъ могли говорить также причины, приводимыя дружиною Мономаху противъ весенняго похода на Половцевъ: нужно было отрывать земледѣльцевъ отъ работъ въ полѣ. Пространство пути считали днями, наприм. подъ 1187 годомъ Рюрикъ Ростиславичъ говоритъ Ярославу Черниговскому: „Вѣсть ны правая есть, ажъ вѣжи половецкія восе за полъдне, ты мене дѣля пойди до полуднья, а язъ тебе дѣля ѣду десять днев". Или подъ 1159 годомъ: „Бродишася по немъ (Изяславѣ Давыдовичѣ) за Десну, Святослава оба и Рюрикъ, и отшедше за днище и не обрѣтше его". Новгородцы въ 1147 г. выходили на-встрѣчу къ Изяславу Мстиславичу, одни „три днищь, другіе днище отъ Новгорода". — Упоминаются взятія городовъ копьемъ (приступомъ) и взятія на щитъ (сожженіе, разграбленіе, плѣнъ, истребленіе жителей); нѣтъ права думать, чтобы тамъ, гдѣ упоминается взятіе на щитъ, непремѣнно прежде было взятіе приступомъ. При осадахъ городовъ почти никогда не упоминается о машинахъ, стѣнобитныхъ орудіяхъ, подкопахъ; обыкновенно говорится, что городъ обступали и бились съ осажденными у воротъ. Разъ говорится въ Псковской лѣтописи подъ 1065 годомъ, что Всеславъ Полоцкій приходилъ подъ Псковъ, и много трудился и пороками шибавъ; но Псковская лѣтопись—позднѣйшаго составленія, и притомъ означенное выраженіе у псковскаго лѣтописца форменное. Осады продолжались отъ двухъ дней до десяти недѣль; болѣе продолжительныхъ осадъ не видимъ [4]). Изо ста съ чѣмъ-нибудь случаевъ, гдѣ говорится о нападеніяхъ на города, одинъ только разъ упоминается

и хотѣхомъ съ ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ».

[1]) Истор. Опис. од. и воор. Русск. войск. I, стр. 40, прим. 96.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 182, 212.

[3]) Тамъ же, II, 137.

[4]) Самую продолжительную десятинедѣльную осаду выдержали Туровцы отъ Изяслава Давыдовича въ 1158 году. Ср. статью Погодина о междуусобныхъ войнахъ во Временникѣ Моск. Истор. Общества.

о взятіи копьемъ, разъ двадцать девять о взятіи на щитъ, опустошеніи городовъ, разъ сорокъ о сдачѣ и просто о занятіи городовъ, причемъ раза три употребляется выраженіе, что города были заняты внезапно, изъѣздомъ; разъ семь осажденные должны были принимать условія осаждающихъ, разъ пять говорится просто о мирѣ, послѣдовавшемъ за осадою, наконецъ разъ двадцать пять упоминаются осады неудачныя.—Здѣсь, разумѣется, намъ было бы очень важно знать число войскъ во время походовъ и осадъ; къ сожалѣнію, мы встрѣчаемъ объ этомъ предметѣ очень скудныя извѣстія въ лѣтописяхъ; подъ 1172 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о битвѣ Русскихъ съ Половцами: у поганыхъ, сказано, было 900 копій, а у Руси 90; но число копій не означаетъ числа всего войска, ибо послѣ сказано, что, побѣдивши Половцевъ (900 копій), Русскіе взяли у нихъ въ плѣнъ 1,500 человѣкъ, другихъ перебили, а нѣкоторые убѣжали. Изъ связи цѣлаго разсказа можно сдѣлать нѣкоторыя соображенія; прежде говорится, что когда Русскіе, перехвативши половецкихъ сторожей, спросили у нихъ: „Много ли вашихъ назади", то тѣ отвѣчали, что 7,000; Русскіе пошли противъ этого семитысячнаго отряда, разбили его, и когда спросили у плѣнныхъ, много ли еще вашихъ назади, то тѣ отвѣчали: „Теперь большой полкъ идетъ";—и въ этомъ-то большомъ полку насчитывалось 900 копій, слѣдовательно полкъ, насчитывавшій въ себѣ 900 копій, имѣлъ всѣхъ ратниковъ въ себѣ гораздо болѣе 7,000, ибо относился къ семитысячному отряду, какъ большой полкъ. Русскій полкъ, состоявшій изъ 90 копій, считался маленькимъ отрядомъ, такъ что старшему князю неприлично было имъ предводительствовать. Когда великій князь Святополкъ Изяславичъ, въ 1093 году, объявилъ кіевскимъ боярамъ, что у него 800 своихъ отроковъ, которые могутъ стать противъ Половцевъ, то бояре отвѣчали: „Если бы ты набралъ 8,000, то не дурно было бы, потому что наша земля оскудѣла". Это извѣстіе о 800 (по нѣкоторымъ спискамъ 500) отрокахъ можетъ указывать намъ на число собственной служни княжеской, которую должно отдѣлять отъ другихъ составныхъ частей дружины—бояръ и гридей. Когда Мономахъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Переяславль передъ Олегомъ, то у него не было и ста человѣкъ дружины, — но это было послѣ бѣдственнаго сраженія съ Половцами, гдѣ Мономахъ такъ много потерялъ своего войска; Игоревичи перебили въ Галичѣ 500 бояръ. Великій Новгородъ во второй половинѣ XII вѣка могъ выставлять 20,000 войска [1]); Сѣверная Русь—области: Новгородская, Ростовская съ Бѣлоозеромъ, Муромская и Рязанская могли выставить 50,000 [2]); на Липицкой битвѣ изъ войска младшихъ Всеволодовичей погибло 9,233 человѣка, взято въ плѣнъ только 60 человѣкъ, но были, кромѣ того, и спасшіеся бѣгствомъ, нѣкоторые потонули въ рѣкахъ Здѣсь, разумѣется, не должно упускать изъ вниманія того, происходили ли войны соединенными усиліями нѣсколькихъ княжествъ, или два князя боролись съ однѣми собственными силами; если мы предположимъ, что Южная Русь могла выставить около 50,000 войска, то мы должны раздѣлять это количество на шесть частей по областямъ (Черниговская, Переяславская, Смоленская, Туровская, Волынская, Кіевская); а если борьба шла между князьями одной изъ этихъ областей, напр. между Черниговскимъ и Сѣверскимъ, то мы не можемъ предположить, чтобы каждый изъ нихъ могъ вывести въ поле больше 5,000 войска. Но, съ другой стороны, должны замѣтить также, что во всѣхъ почти войнахъ принимали участіе толпы дикихъ Половцевъ и своихъ Черныхъ Клобуковъ; такъ напр., на помощь Всеволоду Ольговичу, въ 1127 году, пришло 7,000 Половцевъ; на помощь Изяславу Давидовичу пришло 20,000 Половцевъ. Наконецъ въ Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ 1135 году Всеволодъ Мстиславичъ Новгородскій имѣлъ въ своемъ войскѣ Нѣмцевъ; на югѣ подъ 1149 годомъ упоминаются также Нѣмцы въ русскомъ войскѣ.

И въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстіе о богатыряхъ; и въ этотъ періодъ человѣкъ, благодаря физической силѣ, могъ выдѣлиться, пріобрѣсть особенное значеніе и давать побѣду тому или другому князю; къ богатырямъ, какъ видно, питали особенное уваженіе, называли ихъ людьми Божіими. Замѣчателенъ разсказъ лѣтописи подъ 1148 годомъ о богатырѣ Демьянѣ Куденевичѣ. Этотъ богатырь жилъ въ Переяславлѣ Южномъ у князя Мстислава Изяславича въ то время, когда сынъ Юрія Долгорукаго, Глѣбъ, хотѣлъ врасплохъ напасть на Переяславль. Узнавши о приближеніи Глѣба, князь Мстиславъ отправился немедленно къ Демьяну и сказалъ ему: „Человѣкъ Божій! теперь время Божіей помощи и Пречистой Богородицы и твоего мужества и крѣпости". Демьянъ тотчасъ же сѣлъ на коня съ слугою своимъ Тарасомъ и пятью молодыми отроками, потому что остальные разошлись неизвѣстно куда. Богатырь выѣхалъ изъ города, встрѣтилъ князя Глѣба Юрьевича на полѣ у посада, съ яростію напалъ на его войско и многихъ убилъ нещадно. Князь Глѣбъ испугался, побѣжалъ назадъ, а Демьяну Куденевичу послалъ сказать: „Я приходилъ на любовь и на миръ, а не на рать." — Но скоро Глѣбъ съ Половцами пришелъ опять къ Переяславлю. Демьянъ одинъ выѣхалъ изъ города, безъ доспѣховъ, перебилъ много непріятелей, но самъ былъ прострѣленъ во многихъ мѣстахъ отъ Половцевъ и въ изнеможеніи возвратился въ городъ. Князь Мстиславъ пришелъ къ нему, принесъ много даровъ, обѣщалъ дать волости; богатырь отвѣчалъ ему: „О суета человѣческая! кто, будучи мертвъ, желаетъ даровъ тлѣнныхъ и власти погибающей!" Съ этими словами Демьянъ уснулъ вѣчнымъ сномъ, и былъ по немъ плачъ вс-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 120.
[2]) Тамъ же, стр. 109.

кій во всемъ городѣ. — Въ разсказѣ о Липицкой битвѣ упоминаются также богатыри, бывшіе на сторонѣ Мстислава Торопецкаго. Въ разсказахъ о Калкской битвѣ говорится, что тутъ пало 80 храбрецовъ, или богатырей.

Обратимся теперь къ народонаселенію городскому и сельскому. Русская Земля въ самомъ обширномъ смыслѣ слова, т.-е. всѣ русскія владѣнія, раздѣлялась на нѣсколько отдѣльныхъ земель или волостей: Русская Земля (въ тѣсномъ смыслѣ, т.-е. Кіевская), Волынская, Смоленская, Суздальская и т. д.; слово волость, власть означало и княженіе (власть), и княжество (владѣніе, область). Между словами волость и земля можно впрочемъ замѣтить различіе; земля имѣла чисто географическое значеніе, тогда какъ волость содержитъ въ себѣ всегда значеніе зависимости извѣстнаго участка земли отъ князя или главнаго города; въ этомъ смыслѣ названіе волости носитъ окружная земля въ противоположность городу, и жители ея—въ противоположность горожанамъ; Новгородская Земля есть Новгородія, земля, обитаемая Новгородцами, какъ Польская Земля есть Польша, Чешская Земля — Богемія; Новгородская же волость означаетъ земли, подвѣдомственныя, подчиненныя Новгороду Великому. Переходъ слова „власть“ (волость) отъ означенія владѣющаго къ означенію владѣемаго былъ очень легокъ: князь, старшій городъ—были власти, владѣли окружающими населенными мѣстами, здѣсь была ихъ власть, эти мѣста были въ ихъ власти, они были ихъ власть. Первоначально, до призванія Рюрика лѣтописецъ указываетъ намъ племена независимыя другъ отъ друга; это видно изъ его словъ, что каждое племя имѣло свое княженье; встрѣчаемъ сначала и названія земель отъ имени племенъ, напр. Деревская Земля; слѣдовательно можно думать, что первоначально границы земель соотвѣтствовали границамъ племенъ. Но съ тѣхъ поръ какъ началась дѣятельность князей Рюриковичей, это совпаденіе границъ было нарушено, и въ послѣдующемъ дѣленіи земель или волостей между князьями мы не можемъ отыскать прежняго основанія; такъ Земля Новгородская заключаетъ въ себѣ землю и Славянъ, и Кривичей, Земля Полоцкая—землю Кривичей и Дреговичей, Смоленская—Кривичей и Радимичей, Кіевская—Полянъ, Древлянъ и Дреговичей, Черниговская—Сѣверянъ и Вятичей. Уже самая перемѣна названій, исчезновеніе именъ племенныхъ, замѣненіе ихъ именами, заимствованными отъ главныхъ городовъ, показываетъ намъ, что основаніе дѣленія здѣсь другое, а не прежнее племенное. Несмотря впрочемъ на то, что явилось новое могущественное начало, власть княжеская, подъ вліяніемъ которой несомнѣнно совершился переходъ народонаселенія изъ племеннаго быта въ областной, прежнее значеніе древнихъ главныхъ городовъ не утратилось для окружнаго народонаселенія, чему, разумѣется, прежде всего способствовала первоначальная неопредѣленность отношеній городоваго народонасенія къ князьямъ, неопредѣленность, преимущественно зависѣвшая отъ родовыхъ княжескихъ отношеній, отъ частаго перехода князей изъ одной волости въ другую; при спорности правъ княжескихъ относительно наслѣдства, при усобицахъ, отсутствіи князей, волости необходимо должны были смотрѣть на главные, старшіе города, сообразоваться съ ихъ рѣшеніемъ. Отсюда главные, древніе, старшіе города въ волости удерживаютъ относительно послѣдней, относительно младшихъ городовъ или пригородовъ значеніе властей, называются властями: „Новгородцы изначала, и Смольняне, и Кіевляне, и Полочане, и всѣ власти какъ на думу на вѣча сходятся, и на чемъ старшіе положатъ, на томъ и пригороды станутъ“, говоритъ лѣтописецъ. Такихъ мѣстъ въ лѣтописи, изъ которыхъ можно было бы узнать объ отношеніяхъ младшихъ городовъ въ волости къ старшимъ, очень мало; тутъ же въ разсказѣ лѣтописца подъ 1175 г. видимъ, что Ростовцы считаютъ себя въ правѣ посадить посадника въ пригородѣ своемъ Владимірѣ, и Владимірцы потомъ, утѣсненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ жителямъ старшихъ городовъ, Ростовцамъ и Суздальцамъ. Лѣтописецъ Новгородскій сообщаетъ намъ также нѣсколько скудныхъ извѣстій объ отношеніяхъ Новгорода къ своимъ пригородамъ, преимущественно Пскову и Ладогѣ. Мы не можемъ искать первоначальныхъ пригородныхъ отношеній Пскова къ Новгороду въ дорюриковское время: Псковъ былъ городомъ совсѣмъ другого племени, племени Кривичей; мы не знаемъ, какимъ образомъ Псковъ получилъ значеніе главнаго мѣста въ окружной странѣ вмѣсто Изборска или Словенска (какъ онъ называется въ Псковской лѣтописи), стольнаго города Труворова; но какъ бы то ни было, мы не имѣемъ права предполагать зависимости Изборскихъ Кривичей отъ Славянъ Новгородскихъ во время призванія князей; и думать, что позднѣйшая зависимость Пскова отъ Новгорода была слѣдствіемъ этой давней зависимости. Весь Бѣлозерская, подобно Кривичамъ Изборскимъ, участвовала въ призваніи князей, среди нея утвердилъ свой столъ второй братъ Рюриковъ, Синеусъ, и однако потомъ Бѣлозерскъ отошелъ отъ Новгорода къ области другого княжества. Поэтому съ достовѣрностью можно положить, что зависимость Пскова отъ Новгорода началась во время князей и вслѣдствіе княжескихъ отношеній. Братья Рюрика, по свидѣтельству лѣтописца, скоро умерли, и Рюрикъ принялъ одинъ всю ихъ волость; слѣдовательно страна Изборскихъ Кривичей, вмѣстѣ со Псковомъ, подчинились, по смерти Трувора, Рюрику, утвердившему столъ свой въ Новгородѣ, который поэтому сталъ главнымъ городомъ, правительственнымъ средоточіемъ во всей странѣ, признававшей своимъ княземъ Рюрика. Вотъ гдѣ должно искать начала зависимости Пскова отъ Новгорода, или, лучше сказать, отъ власти, пребывающей въ Новгородѣ: князь Новгородскій былъ вмѣстѣ и княземъ Псковскимъ, и назначалъ во Псковъ своего посадника; отсюда обы-

чай брать Пскову всегда посадника изъ Новгорода. Въ 1132 году, по случаю сильной смуты вслѣдствіе отъѣзда князя Всеволода Мстиславича въ Южный Переяславль, Псковичи и Ладожане пришли въ Новгородъ и здѣсь получили для себя посадниковъ. Въ 1136 году Новгородцы, вздумавши передаться Ольговичамъ, призвали Псковичей и Ладожанъ. Это извѣстіе показываетъ, что старшіе города не рѣшали иногда важныхъ дѣлъ безъ вѣдома пригородовъ; говоримъ иногда, потому что при неопредѣленности тогдашнихъ отношеній не имѣемъ права изъ одного или двухъ извѣстій заключать, что такъ необходимо всегда было. Подъ 1148 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь Изяславъ Мстиславичъ, пріѣхавши въ Новгородъ, созвалъ вѣче, на которое сошлись Новгородцы и Псковичи: пришли ли Псковичи и на этотъ разъ нарочно, по случаю пріѣзда великаго князя, или сошлись на вѣче Псковичи, бывшіе тогда по своимъ дѣламъ въ Новгородѣ, — рѣшить нельзя. Неопредѣленность этихъ отношеній видна уже изъ того, что иногда являются Псковичи и Ладожане, иногда одни Псковичи; о жителяхъ другихъ пригородовъ не встрѣчаемъ ни малѣйшаго упоминовенія. Та же неопредѣленность въ отношеніяхъ старшихъ городовъ къ младшимъ и въ Землѣ Ростовской: по смерти Боголюбскаго, Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы и вся дружина, отъ мала до велика, съѣзжаются на совѣщаніе къ Владиміру и рѣшаютъ призвать князей; дружина Владимірская, по приказанію Ростовцевъ, присоединяется также къ дружинѣ означенныхъ городовъ, но остальное народонаселеніе владимірское противится, не желая покориться Ростовцамъ, которые грозятъ распорядиться Владиміромъ, какъ своимъ пригородомъ; потомъ Владимірцы, притѣсненные Ростиславичами, обращаются съ жалобою къ Ростовцамъ и Суздальцамъ вмѣстѣ, а не къ однимъ Ростовцамъ, точно такъ, какъ на совѣщаніе собираются Ростовцы, Суздальцы, Переяславцы, Владимірцы, а о другихъ городахъ не упоминается.

Мы видѣли, что лѣтописецъ жителей старыхъ городовъ называетъ властями, которыя какъ на думу на вѣче сходятся, и рѣшеніе ихъ принимаютъ жители младшихъ городовъ или пригородовъ; лѣтописецъ говоритъ здѣсь о Новгородцахъ наравнѣ съ Кіевлянами, Смольнянами, Полочанами; слѣдовательно мы не имѣемъ права въ описываемое время рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ значительнѣйшихъ русскихъ городовъ [1]).

Какъ въ другихъ городахъ, такъ и въ Новгородѣ вѣче является съ неопредѣленнымъ характеромъ, неопредѣленными формами. Слово вѣче означало неопредѣленно всякое совѣщаніе, всякій разговоръ, всякіе переговоры, а не означало именно народное собраніе, народную думу. Мы видимъ, что князья сами созываютъ вѣче, имѣя что-нибудь объявить гражданамъ; обыкновенно вѣча созываются князьями для объявленія войны, похода гражданамъ. Созывалось вѣче обыкновенно по звону колокола, откуда и выраженіе сзвонить вѣче; собиралось оно на извѣстныхъ мѣстахъ, удобныхъ для многочисленнаго стеченія народа, напр. въ Новгородѣ на дворѣ Ярославовомъ, въ Кіевѣ—на площади у Св. Софіи. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видимъ, что князь собираетъ на совѣтъ бояръ и городскихъ старцевъ, представителей городскаго народонаселенія; но теперь, когда народонаселеніе въ городахъ увеличилось, роды раздробились, то мѣсто собранія старцевъ естественно заступило общенародное собраніе, или вѣче; мы видимъ иногда въ лѣтописи даже составныя части вѣча, указывающія, что оно именно замѣнило прежній совѣтъ дружины и старцевъ: такъ великій князь Изяславъ созвалъ на вѣче бояръ, всю дружину и Кіевлянъ; въ одномъ спискѣ лѣтописи читаемъ, что народъ сталъ на вѣче, а въ другомъ, что Кіевляне сѣли у Св. Софіи; въ обоихъ говорится, что сошлось многое множество народа, сошлись всѣ Кіевляне отъ мала до велика [2]). Видимъ, что вѣче собирается въ важныхъ случаяхъ для города, напр. послѣ потери князя, когда граждане оставлены самимъ себѣ, какъ то случилось съ Владимірцами на Волыни въ 1097 г.; въ крайней опасности, какъ наприм. когда, въ томъ же году, Ростиславичи послали сказать тѣмъ же Владимірцамъ, что они должны выдать злодѣевъ, наустившихъ князя Давыда ослѣпить Василька. Наконецъ вѣчемъ называется всякое собраніе недовольныхъ гражданъ противъ князя или другого какого-нибудь лица. На такія вѣча начали смотрѣть послѣ какъ на заговоры и возстанія, когда въ Северо-Восточной Руси точнѣе опредѣлились отношенія; Новгородцы въ глазахъ сѣверо-восточнаго народонаселенія являются вѣчниками—крамольниками, вѣче принимаетъ значеніе крамолы, волненія народнаго. Но иначе смотрѣли на это въ описываемое время: въ 1209 году самъ Всеволодъ III-й далъ Новгородцамъ позволеніе управиться съ людьми, заслужившими ихъ негодованіе, и лѣтописецъ говоритъ при этомъ, что в. князь отдалъ Новгородцамъ ихъ прежнюю волю любить добрыхъ и казнить злыхъ. Но если, съ одной стороны, нельзя рѣзко выдѣлять новгородскій бытъ изъ быта другихъ старшихъ городовъ, то, съ другой стороны, нельзя также не замѣтить, что въ Новгородѣ было болѣе благопріятныхъ условій для развитія вѣчеваго быта, чѣмъ гдѣ-либо: князья смѣнялись чаще по своимъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, стр. 168.

[2]) Безспорно, что на вѣчахъ отцы рѣшали за сыновей, и даже старшіе братья за младшихъ и дяди за племянниковъ; но этого нельзя выводить изъ словъ Кіевлянъ Изяславу Мстиславичу: «Не можемъ на Владимірово племя руки поднять, а на Ольговичей хоть и съ дѣтьми» (какъ это думаетъ г. Сергѣевичъ), ибо въ такомъ случаѣ надобно было бы предположить, что обыкновенно ходили въ походы одни старики, а на Ольговичей пошли бы и сыновья: тридцати и сорокалѣтніе! Ясно, что это выраженіе фигурное: «даже и малыхъ дѣтей поведемъ», хотя на дѣлѣ этого быть не могло.

родовымъ отношеніямъ и тѣмъ чаще вызывали народъ къ принятію участія въ рѣшеніи самыхъ важныхъ вопросовъ; народъ этотъ былъ развитѣе вслѣдствіе обширной торговой дѣятельности, богатство способствовало образованію сильныхъ фамилій, которыя стремились къ болѣе самостоятельному участію въ правительственныхъ дѣлахъ, а между тѣмъ главная сцена княжеской дѣятельности была далеко на югѣ; сильнѣйшіе князья не имѣли ни охоты, ни времени, ни средствъ заниматься новгородскими дѣлами. Когда сильнѣйшіе князья явились на сѣверѣ, то сейчасъ же начали стѣснять Новгородъ; но сначала южные князья были еще сильны, и Новгородъ могъ найти у нихъ защиту отъ сѣверныхъ. Новгородъ имѣетъ дѣло съ младшими князьями, другіе города со старшими, сильнѣйшими; изъ этого уже прямо выводъ, что вѣчевому быту было легче развиваться въ Новгородѣ, чѣмъ въ другихъ городахъ.

Мы объяснили явленіе вѣча и усиленіе его значенія въ нѣкоторыхъ городахъ исторически изъ извѣстныхъ условій времени. Но есть свидѣтельство, что Новгородъ пользовался какими-то особенными правами, утвержденными для него грамотою Ярослава 1-го; какого же рода была эта грамота? Изъ условій, въ соблюденіи которыхъ послѣдующіе великіе князья клялись Новгородцамъ, мы можемъ имѣть полное понятіе о правахъ послѣднихъ: главное, основное изъ этихъ правъ есть право сопоставлять съ княземъ посадника; посмотримъ, можно ли уступку этого права отнести ко временамъ Ярослава 1-го.

Главною обязанностью князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, была обязанность верховнаго судьи, при исполненіи которой онъ соображался съ законами, имѣвшими силу въ городѣ. Если бы князь родился, воспитывался и постоянно жилъ въ Новгородѣ, то онъ зналъ бы обычаи и всѣ отношенія своей родины и умѣлъ бы измѣнять ихъ, сообразуясь съ требованіями. Но князья смѣнялись безпрестанно; они приходили изъ странъ отдаленныхъ, изъ областей— Кіевской, Волынской, Смоленской, Черниговской, Суздальской; князья-пришельцы не имѣли понятія объ обычаяхъ новгородскихъ, точно такъ, какъ Новгородцы не знали обычаевъ другихъ русскихъ областей; отсюда въ судѣ княжескомъ должны были происходить безпрестанныя недоразумѣнія. Для отвращенія такихъ неудобствъ, Новгородцы требовали отъ всякаго новаго князя, чтобъ онъ судилъ всегда въ присутствіи чиновника, избраннаго изъ гражданъ, знакомаго со всѣми обычаями и отношеніями страны: „А безъ посадника ти, княже, не судити“.

Вторымъ правомъ князя въ Новгородѣ, какъ и вездѣ, было право назначать правителей по волостямъ. Но мы видѣли, какую невыгоду въ этомъ отношеніи имѣло для гражданъ частое перемѣщеніе князей съ одного стола на другой; каждый приводилъ изъ прежней волости дружину, которая отстраняла старыхъ бояръ и возбуждала неудовольствіе народа, поступая съ новыми согражданами, какъ съ чужими, спѣша обогатиться на ихъ счетъ. Въ Новгородѣ это неудобство было еще чувствительнѣе, ибо смѣна князей происходила чаще; отсюда второе главное условіе, чтобъ князья назначали въ судьи не своихъ мужей, но гражданъ новгородскихъ; но такъ какъ безпрестанно смѣнявшіеся князья не могли знать гражданъ, достойныхъ довѣренности, и притомъ могли раздавать должности исключительно своимъ приверженцамъ, то сюда присоединялось необходимое условіе, чтобъ князь не раздавалъ волостей безъ посадника: „А безъ посадника ти, княже, ни волостей раздавати“. Третьимъ правомъ князя было право давать грамоты, сообщать и скрѣплять своимъ именемъ извѣстныя права: и здѣсь князья-пришельцы не могли обойтись безъ руководства туземнаго сановника, ибо не знали обычныхъ границъ правъ и могли вредить выгодамъ общественнымъ въ пользу частныхъ лицъ, къ нимъ приверженныхъ; отсюда третье необходимое условіе: „А безъ посадника, княже, ни грамотъ ти даяти“.

Безпрерывная смѣна князей, почти всегда враждебныхъ другъ другу, влекла за собою еще другія неудобства, а именно: каждый новый князь, враждебный своему предшественнику, естественно недоброжелательными глазами смотрѣлъ на все, сдѣланное послѣднимъ; чиновники, назначенные Ольговичемъ, естественно не нравились Мономаховичу; грамота, данная Мстиславичемъ, должна была являться незаконною въ глазахъ Юрьевича; отсюда каждая перемѣна князя влекла за собою перемѣну чиновниковъ и лишеніе пріобрѣтенныхъ правъ. Для отвращенія этого неудобства, каждый новый князь обязывался: вопервыхъ, не лишать никого безъ суда, безъ вины, должностей; вовторыхъ, не пересуживать грамотъ, данныхъ предшественникомъ: „А безъ вины ти, княже, мужа, безъ вины не лишити волости, а грамотъ ти не посужати“. Но посадникъ былъ лицо необходимое при каждомъ судѣ и пересудѣ.—Если теперь сопоставленіе съ княземъ посадника есть главная отмѣта новгородскаго быта, главное право Новгорода, и если это право уступлено ему Ярославомъ I-мъ, то посадникъ тотчасъ же послѣ уступки права долженъ явиться въ качествѣ чиновника народнаго, ограничивающаго власть князя; но изъ обзора событій мы видимъ, что посадникъ съ такимъ характеромъ является въ Новгородѣ гораздо позднѣе: Мономахъ и сынъ его Мстиславъ посылаютъ въ Новгородъ посадниковъ изъ Кіева. Изъ этого мы должны заключить, что первоначально посадникъ новгородскій былъ то же самое, что впослѣдствіи намѣстникъ — бояринъ, присылаемый в. княземъ вмѣсто себя изъ Твери или изъ Москвы. Но какое же значеніе имѣли въ Новгородѣ посадники, присылаемые изъ Кіева Мономахомъ и сыномъ его, когда въ Новдородѣ и безъ нихъ былъ уже князь, именно сынъ Мстислава, Всеволодъ; какое значеніе имѣлъ посадникъ при князѣ, какъ чиновникъ послѣдняго, а не тузем-

пый? Естественно, что онъ былъ помощникомъ князя, помогалъ ему въ судѣ, исполнялъ его приказанія, преимущественно же заступалъ мѣсто князя во время отсутствія послѣдняго: возможность существованія посадника при князѣ доказываетъ намъ примѣръ Полоцка [1]). Теперь остается рѣшить вопросъ: когда и какъ посадникъ изъ чиновника княжескаго сталъ городовымъ? Если главная обязанность посадника состояла въ томъ, чтобъ замѣнять князя на время его отсутствія изъ города, то посадникъ всего болѣе былъ необходимъ въ томъ городѣ, гдѣ отсутствіе князя случалось чаще; но мы знаемъ, что всего чаще смѣнялись князья въ Новгородѣ. Если князь смѣнялся вслѣдствіи неудовольствія, то до прибытія новаго необходимъ былъ посадникъ, который бы заступалъ его мѣсто; но могъ ли оставаться посадникомъ чиновникъ изгнаннаго князя? Смѣна князя необходимо влекла за собою и смѣну его посадника; но кто же будетъ заступать княжеское мѣсто до прибытія новаго князя? Необходимо было избирать посадника городомъ. Впрочемъ и послѣ, когда въ городѣ находился князь, назначеніе посадника не изъято было совершенно изъ-подъ его вліянія, князь избиралъ посадника вмѣстѣ съ городомъ [2]). Если посадникъ сперва былъ назначенъ княземъ, то срокъ отправленія его должности естественно зависѣлъ отъ воли князя; впослѣдствіи, когда посадникъ сталъ чиновникомъ городовымъ, то онъ смѣнялся по волѣ города, смотря по обстоятельствамъ: мы видѣли, что посадники постоянно смѣняются вслѣдствіе смѣны князей, вслѣдствіе торжества той или другой стороны, причемъ иногда старые посадники вступаютъ снова въ должность настоящихъ или степенныхъ. Одинъ только разъ встрѣтили мы указаніе, что при избраніи въ посадники, при всѣхъ равныхъ обстоятельствахъ, обращалось вниманіе на старшинство; такъ, въ 1211 году, Твердиславъ уступилъ посадничество Димитрію Якуничу, потому что послѣдній былъ старше его. Иногда видимъ, что посадникъ, сверженный въ Новгородѣ, шелъ посадничать въ пригородъ [3]), причемъ случалось, что пригорожане не принимали его, опять, вѣроятно, по отношеніямъ своимъ къ городскимъ партіямъ [4]); но при этомъ легко замѣтить, что посадники избираются обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга боярскихъ фамилій. Все вышесказанное о превращеніи посадника изъ чиновника княжескаго въ городоваго объясняется примѣромъ тысяцкаго. Тысяцкій существуетъ вездѣ подлѣ князя въ качествѣ его чиновника; въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія, что такой-то князь далъ тысячу такому-то изъ своихъ приближенныхъ; въ Новгородѣ же и этотъ чиновникъ, вмѣстѣ съ посадникомъ, сталъ подлежать народному избранію.

Если право сопоставлять съ княземъ посадника не могло быть уступлено Новгороду Ярославомъ I-мъ, произошло во времена позднѣйшія, то нельзя отнести ко временамъ Ярослава I-го и другихъ условій, встрѣчаемыхъ въ договорныхъ новгородскихъ грамотахъ съ великими князьями, напр.: „Изъ Суздальской земли тебѣ Новгорода не рядить и волостей не раздавать", или: „А на Низу, князь, Новгородца не судить", ибо мы знаемъ, что Мономахъ рядилъ Новгородъ, судилъ Новгородцевъ и раздавалъ волости изъ Кіева. Къ этому должно прибавилъ еще, что сами Новгородцы, требуя отъ великихъ князей клятвы въ соблюденіи вышеозначенныхъ условій и приводя въ примѣръ прежнихъ князей, дававшихъ подобную клятву, нигдѣ однако не упоминаютъ имени Ярослава I-го. Приведенное обстоятельство тѣмъ болѣе важно, что въ другихъ случаяхъ Новгородцы именно указываютъ на грамоты Ярославовы. О содержаніи этихъ грамотъ мы должны заключить по обстоятельствамъ, въ которыхъ онѣ упоминаются. Въ 1228 году Новгородцы поссорились съ княземъ своимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ за то, что онъ поступилъ не по грамотамъ Ярославовымъ, а именно: наложилъ новую пошлину и посылалъ судей по волостямъ. На слѣдующій годъ прибылъ къ нимъ князь Михаилъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ, вслѣдствіе чего тотчасъ же сдѣлалъ финансовое распоряженіе, а именно: далъ свободу смердамъ на пять лѣтъ не платить дани. Въ 1230 году Ярославъ, снова призванный, уступилъ Новгородцамъ и цѣловалъ крестъ на всѣхъ грамотахъ Ярославовыхъ. Въ 1339 году, когда великій князь Іоаннъ Даниловичъ прислалъ требовать у Новгородцевъ ханскаго запроса, то они отвѣчали: „Того у насъ не бывало отъ начала міра, и ты, князь, цѣловалъ крестъ къ Новгороду по старой пошлинѣ и по Ярославовымъ грамотамъ". Вотъ всѣ случаи, гдѣ Новгородцы упоминаютъ о грамотахъ Ярославовыхъ. Видя, что во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о финансовыхъ льготахъ, можно заключать, что льготныя грамоты Ярославовы касались только финансовыхъ постановленій, и точно: въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы получили подобную грамоту отъ Ярослава I. Въ одной только „Степенной книгѣ" сказано, что Ярославъ I далъ Новгородцамъ позволеніе брать изъ его племени себѣ князя, какого захотятъ [5]). Но, вопервыхъ,

---

[1]) Татищ. III, стр. 407.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 63.

[3]) Тамъ же, стр. 13: «Нежата былъ посадникомъ въ Новгородѣ, потомъ видимъ его въ Ладогѣ.

[4]) Тамъ же, стр. 45: «Отняша посадничьство у Иванка у Дъмитровиця и даша Вънѣзду Водовику, а Иванку даша Тържькъ; иде на Тържькъ, и не прiяша его Новоторжьцѣ».

[5]) Соф. Врем. 1, 252: «И людемъ написа грамоту, рехъ: по сей грамотѣ дадите дань». Никон. I, 133.—Въ родословной книгѣ сказано о Ярославлѣ: «Егожъ грамота пошлинная въ Новѣгородѣ» (Времен. Моск. Истор. общ. № 10). Степен. кн. I, 300: «Древле убо людіе Великаго Новгорода Словени зовоми бяху, имяху же у себя перваго Самодержца отъ Прусскія земли князя Рюрика отъ рода Августа кесаря, его же сами къ себѣ призваша по совѣту множества людей всея Русскія земля, и той владый надъ ними не яко они хотяху, но яко онъ хотяше, тако судя и управляя, враждебниковъ безъ боязни смерти

Новгородцы никогда не упоминаютъ объ этомъ правѣ, полученномъ ими отъ Ярослава I-го; наприм., когда они не хотѣли принять къ себѣ Святополкова сына на мѣсто любимаго ими Мстислава, то имъ прежде всего слѣдовало бы указать на это право, но они молчатъ о немъ, а указываютъ другія причины, именно—уходъ Святополка отъ нихъ и распоряженіе великаго князя Всеволода. Во-вторыхъ, въ лѣтописяхъ читаемъ, что Новгородцы освобождены прежними князьями, прадѣдами князей, а не Ярославомъ [1]), что потомъ подтверждается и въ самой „Степенной книгѣ." Соображая всѣ обстоятельства, можно съ вѣроятностью положить, что особенности въ быту Новгорода произошли мало-помалу, вслѣдствіе извѣстныхъ историческихъ условій, а не вслѣдствіе пожалованія Ярославова, о которомъ, кромѣ „Степенной книги," не знаетъ ни одна лѣтопись [2]).

Что касается внѣшняго вида русскаго города въ описываемое время, то онъ обыкновенно состоялъ изъ нѣсколькихъ частей: первую, главную, существенную часть составлялъ собственно городъ, огороженное стѣнами пространство; впослѣдствіи времени около города образуются новыя поселенія, которыя также обводятся стѣнами; отсюда городъ получаетъ двойныя укрѣпленія: городъ внутренній (внѣшній) и городъ наружный (окольный [3]), кромный); внутренній городъ носилъ также названіе дѣтинца, внѣшній—острога; поселенія, расположенныя около главнаго города или дѣтинца, назывались передгородіемъ [4]). Стѣны бывали каменныя и деревянныя (преимущественно) съ досчатыми забралами [5]), башнями (вежами) и воротами, которыя носили названія или по положенію въ извѣстную сторону, напр. восточныя, или по украшеніямъ, напр. Золотыя, Серебряныя, или по тѣмъ частямъ города, къ которымъ прилегали, по ихъ народонаселенію; напр. въ Кіевѣ были ворота Жидовскія, Лядскія; или по церквамъ, которыя находились въ башняхъ надъ воротами, или, быть можетъ, даже по образамъ, или наконецъ по какимъ-нибудь другимъ обстоятельствамъ, напр. Водяныя въ Новгородскомъ Дѣтинцѣ, выводящія къ рѣкѣ, и т. п. Упоминаются два вала, и мѣсто, находящееся между ними, носитъ названіе болонья [6]). Передгородіе раздѣлялось на концы [7]), концы—на улицы. Городское строеніе было тогда исключительно деревянное; церкви были каменныя и деревянныя; что касается до количества церквей въ городахъ, то въ Новгородѣ съ 1054 года по 1229-й построено было 69 церквей, изъ которыхъ 15 были навѣрно деревянныя, ибо о нихъ или прямо сказано такъ, или сказано, что онѣ были срублены; изъ остальныхъ о нѣкоторыхъ прямо сказано, что онѣ были каменныя, о другихъ же ничего не сказано; въ число 69 включены и церкви монастырскія; нельзя думать, чтобы до 1054 года находилось уже очень много церквей въ Новгородѣ. Это количество церквей во второмъ по богатству (послѣ Кіева) русскомъ городѣ можетъ дать намъ приблизительное понятіе о количествѣ церквей въ Кіевѣ [8]). Изъ городныхъ

предавая, а неповинныхъ снабдевая и милуя, такоже послѣди покорни бяху и сыну его Игорю и внуку его Свѣтославу, и правнуку его св. равноапостольному Владиміру. Егдаже Ярославъ по отцѣ своемъ блаженномъ Владимірѣ побѣдивъ братоубійцу Святополка изыде отъ Новограда въ Кіевъ державствовати, и тогда отъ святаго князя Ярославъ Владимировича за великое ихъ къ нему исправленіе получиша отъ него милость, да по волѣ ихъ, его же они возлюбятъ князя, и той господствуетъ ими отъ сыновъ Ярославлихъ и отъ внучатъ его въ роды и роды во вѣки. И тако оттолѣ убо держаху себѣ князя, его же хотяху отъ рода Ярославля».

[1]) Нейманъ справедливо заключаетъ: «Es ist unwahrscheinlich, dass sie (Новгородцы) sich nicht irgend ein Mal ausdrücklich auf sie (грамоту Яр.) bezogen hätten, wenn ihnen eine solche verliehen wäre» (Studien zur gründl. Kent. s. 269). Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1. 154: «Не глаголемъ же: прави суть Новгородци, яко издавна суть свобожени прадѣды князь нашихъ; но аще бы тако было, то велѣли ли имъ предніи князи крестъ преступати, или внукы или правнукы соромляти?».—Здѣсь выраженіе: но аще бы тако было» показываетъ сомнѣніе.

[2]) Подъ 1196 годомъ лѣтописецъ новгородскій, говоря о мирѣ между Всеволодомъ III и черниговскими князьями, прибавляетъ: «а Новгородъ выложиша вси князи въ свободу, гдѣ имъ любо туже собѣ князя поимаютъ». Здѣсь трудно рѣшить, относятся ли эти слова къ условіямъ мира между Всеволодомъ и черниговскими князьями, или относятся ко всѣмъ князьямъ вообще; но въ томъ и другомъ случаѣ ясно, что выложеніе Новгорода въ свободу было дѣломъ цѣлыхъ поколѣній и особенныхъ историческихъ обстоятельствъ, не дѣломъ одного Ярослава 1-го, къ которому обыкновенно любили относить начатки разныхъ правъ, хотя съ явною несправедливостію; напр. Мономаховичи говорили же, что Ярославъ раздѣлилъ ихъ Днѣпромъ съ Ольговичами. Какъ можно было выложить городъ въ свободу, это всего лучше видно изъ условія, предложеннаго Всеволодомъ III племяннику его Мстиславу Ростиславичу: «Тебе Ростовци привели и боляре, а мене былъ съ братомъ Богъ привелъ и Володимерци, а Суздаль буди намъ обче, да кого всхотять, то имъ буде князь».

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 86: «Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, отъ стреженій отя врата, и отвориша градъ околній и пожгожа и людемъ же вбѣгшимъ въ дънѣшній градъ».

[4]) Тамъ же, II, 70, говорится о томъ же Черниговѣ: «повелѣша людемъ всимъ бѣжати изъ острога въ дѣтинецъ... множество Половецъ идоша къ городу биться, и отъемше острогъ зажгоша передгородье все и пришедше всею силою сташа около города».

[5]) Тамъ же, 1, 115: «Единою поступиша къ граду подъ вежами, овѣмъ же бьющимъ съ града, и стрѣляющимъ между собою, идяху стрѣлы аки дождь; Мстиславу же хотящу стрѣлити, внезапу ударенъ бысть подъ пазуху стрѣлою, на заборолѣхъ, сквозѣ дску скважнею».—Кромѣ выраженій: «срубить городъ», что означаетъ стѣны деревянныя и «заложить городъ каменъ», встрѣчаемъ въ лѣтописи еще выраженіе: «обложить городъ» (III, 25).

[6]) См. мѣстоположеніе древняго Новгорода, соч. Н. Красова, 1851.—Błona, по-польски—оболочка.

[7]) На концы раздѣлялся не одинъ Новгородъ, но также и Кіевъ, въ которомъ лѣтопись упоминаетъ Копыревъ конецъ.

[8]) Относительно пространства древняго Новгорода г. Красовъ (стр. 137) дѣлаетъ слѣдующій выводъ: «Древній Новгородъ занималъ за землянымъ валомъ очень незначительное пространство. На Софійской сторонѣ, кромѣ небольшаго пространства на концѣ Чудинцевы улицы, входило въ составъ города пространство, занимаемое нынѣ слободами Новою Ямскою и Воскресенскою и заключающееся между землянымъ валомъ и рѣчкою Гзенью; на Торговой

построекъ лѣтописи упоминаютъ о мостахъ деревянныхъ, которые разбирались; Новгородская лѣтопись упоминаетъ о построеніи мостовъ черезъ Волховъ; въ Кіевѣ Владиміръ Мономахъ устроилъ мостъ черезъ Днѣпръ въ 1115 г. Изъ общественныхъ зданій въ городѣ памятники упоминаютъ о тюрьмахъ или погребахъ; о постройкѣ ихъ узнаемъ, вопервыхъ, то, что у нихъ были окна (небольшія, оконца). Дружина Изяславова совѣтовала этому князю подозвать заточеннаго Всеслава Полоцкаго къ оконцу его тюрьмы и убить; описывая освобожденіе Игоря Ольговича изъ тюрьмы, лѣтописецъ говорилъ, что в. князь Изяславъ приказалъ „надъ нимъ порубъ розоимати, и тако выяша изъ поруба вельми больнаго и несоша у келью.“ Въ „Степенной книгѣ,“ при описаніи чудесъ Свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что в. князь Святополкъ Изяславичъ посадилъ двухъ человѣкъ въ тюрьму безъ изслѣдованія вины ихъ, по клеветѣ, и, посадивши, позабылъ о нихъ. Они молились Свв. Борису и Глѣбу, и въ одну ночь—„дверемъ сущимъ погребнымъ заключеннымъ, лѣствицы же внѣ лежащи извлечены“,—одинъ изъ узниковъ чудеснымъ образомъ освободился отъ оковъ, и, явившись въ церковь, разсказалъ всѣмъ объ этомъ; отправились къ тюрьмѣ—„и видѣша ключи невреженны и замокъ, лѣствицу жъ, по ней же восходятъ и исходятъ, внѣ лежащу.“ Каждый городъ имѣлъ торговыя площади, торги, торговища; изъ лѣтописи извѣстно, что торги производились по пятницамъ [1]).

Вслѣдствіе почти исключительно деревяннаго строенія, въ городахъ, пожары были опустошительны. Въ Новгородѣ отъ 1054 до 1228 года упоминается одинадцать большихъ пожаровъ: въ 1097 году погорѣло Зарѣчье (онъ-полъ) и дѣтинецъ; въ 1102 году погорѣли хоромы отъ ручья мимо Славна до церкви Св. Иліи; въ 1113 погорѣлъ (онъ-полъ) и городъ кромный; въ 1139 погорѣлъ торговый полъ, причемъ сгорѣло 10 церквей; въ 1144 погорѣлъ холмъ; въ 1152 погорѣлъ весь торгъ съ осьмью церквами и девятою варяжскою, т.-е. латинскою; въ 1175 сгорѣли три церкви; въ 1177 погорѣлъ Неревскій конецъ съ пятью церквами; въ 1181 двѣ церкви и много дворовъ; въ 1194 году лѣтомъ, въ недѣлю на Всѣхъ Святыхъ, загорѣлся одинъ дворъ на Ярышевѣ улицѣ, и всталъ пожаръ сильный: сгорѣло три церкви; потомъ перекинуло на Лукину улицу; на другой день сгорѣло еще 10 дворовъ; въ концѣ недѣли еще новый пожаръ,—сгорѣло семь церквей и домы большіе, послѣ чего каждый день загоралось мѣстахъ въ шести и больше, такъ что люди не смѣли жить (жировать) въ домахъ, а жили по полю; потомъ погорѣло Городище и Людинъ конецъ; пожары продолжались отъ Всѣхъ Святыхъ до Успеньева дня. Въ томъ же году погорѣла Ладога и Руса. Въ 1211 году сгорѣло въ Новгородѣ 15 церквей и 4,300 дворовъ; въ 1217 погорѣло все Зарѣчье, кто вбѣжалъ въ каменныя церкви съ имѣніемъ—и тѣ всѣ сгорѣли со всѣмъ добромъ своимъ; въ варяжской божницѣ сгорѣлъ весь товаръ нѣмецкихъ купцовъ, церквей сгорѣло 15 деревянныхъ, а у каменныхъ сгорѣли верхи и притворы.—Изъ другихъ городовъ упоминается подъ 1183 г. сильный пожаръ во Владимірѣ-Клязьменскомъ: сгорѣлъ почти весь городъ съ 32-мя церквами; въ 1192 году сгорѣла половина города съ 14 церквами; въ 1198 году опять сильный пожаръ въ томъ же городѣ: сгорѣло 16 церквей и почти половина города; въ 1211 году погорѣлъ Ростовъ едва не весь съ 15 церквами; въ 1221 г. погорѣлъ весь Ярославль съ 17 церквами; 1227 погорѣлъ опять Владиміръ съ 27 церквами; въ слѣдующемъ году новый пожаръ: сгорѣли княжіи хоромы и двѣ церкви. Въ 1124 году сгорѣлъ почти весь Кіевъ, однѣхъ церквей погорѣло около шести сотъ (??). Въ 1183 году погорѣлъ весь Городецъ отъ молніи.

Мы сказали о внѣшнемъ видѣ русскаго города въ описываемое время; теперь должны обратить вниманіе на его народонаселеніе. Мы видѣли, что въ городахъ жила дружина съ своими различными подраздѣленіями; но отъ этой дружины явственно различаются собственные граждане, горожане, такъ напр. явственно различается дружина кіевскихъ князей и Кіевляне, владимірская дружина и Владимірцы; на вѣчахъ Кіевляне отдѣляются отъ дружины. Изъ кого же состояла эта масса собственно городскаго народонаселенія и какъ дѣлилась она? Современные источники указываютъ намъ въ городахъ людей торговыхъ и ремесленниковъ, людей промышленныхъ разнаго рода; о купцахъ не нужно приводить извѣстій: они такъ часто встрѣчаются въ лѣтописи; Ростовцы называютъ жителей Владиміра каменьщиками, Въ Новгородѣ упоминается серебряникъ вѣсецъ [2]); въ Вышгородѣ упоминаются огородники съ ихъ старѣйшиною [3]); очень вѣроятно, что и въ описываемое время, какъ впослѣдствіи, люди, занимающіеся какою-нибудь одною отраслью промышленности, жили вмѣстѣ на особыхъ мѣстахъ, имѣя своихъ старостъ или старѣйшинъ: названіе концовъ новгородскихъ—Плотницкій, Гончарскій могутъ указывать на это [4]). Встрѣчаемъ извѣстія о смердахъ въ городахъ; думаемъ, что здѣсь должно разумѣть подъ смердами простыхъ

же сторонѣ за валомъ было населенное пространство, принадлежащее городу, не далѣе Антоніева монастыря и старой Никольской слободы. Были конечно вблизи города на той и другой сторонѣ монастыри; но они считались уже загородными, не входившими въ составъ города. Въ послѣдней половинѣ XIV столѣтія даже ближайшіе къ городу монастыри Духовъ и Антоніевъ считались загородными, какъ видно изъ перечисленія сожженныхъ за городомъ монастырей во время нашествія на Новгородъ в. к. Димитрія Іоанновича».

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 22: «Въ пятницы, въ торгъ, загорѣся» и проч. Но вѣроятно были и другіе торговые дни, очень можетъ быть, что середа и воскресенье, какъ теперь.

[2]) Тамъ же, стр. 25.

[3]) Степен. кн. I, 206.

[4]) Впрочемъ, по мнѣнію г. Красова (стр. 26), названіе Гончарскаго конца явилось позднѣе, древнѣйшее его названіе—Людинъ конецъ.

людей, черныхъ, чернь, или даже вообще всѣхъ горожанъ въ противоположность дружинѣ: такъ подъ 1152 годомъ читаемъ, что Иванъ Берладникъ осадилъ галицкій городъ Ушицу, куда взошла засада князя Ярослава и билась крѣпко, но смерды стали перескакивать черезъ стѣнныя забрала къ Ивану, и перебѣжало ихъ 300 человѣкъ; здѣсь смерды, жители Ушицы противополагаются засадѣ, дружинѣ княжеской; послѣдняя билась крѣпко противъ Берладника, а смерды перебѣгали къ нему. Какъ прежде, такъ и теперь, собственно городовое народонаселеніе дѣлилось на сотни, ибо, кромѣ прямыхъ извѣстій [1]), продолжаемъ встрѣчать названіе сотскихъ съ важнымъ значеніемъ; понятно, какое близкое отношеніе къ собственно городскому народонаселенію долженъ былъ имѣть тысяцкій и въ мирное, и въ военное время. Итакъ, начальствующими лицами въ городѣ были въ стольномъ: князь, державшій подлѣ себя тіуна, въ нестольномъ—посадникъ, державшій также вѣроятно подлѣ себя тіуна; тысяцкій, сотскіе, десятскіе, старосты концовъ, улицъ, старосты для отдѣльныхъ промысловъ; изъ лицъ, употреблявшихся при управленіи и судѣ, встрѣчаемъ названія подвойскихъ, биричей, ябедниковъ: биричей и подвойскихъ князь Изяславъ Мстиславичъ посылалъ въ Новгородѣ кликать народъ по улицамъ, звать къ князю на обѣдъ [2]). Особыхъ чиновниковъ для сохраненія порядка въ городѣ, какъ видно, не было; въ лѣтописи подъ 1115 годомъ, при описаніи торжества перенесенія мощей. Свв. Бориса и Глѣба, читаемъ, что Мономахъ, видя какъ толпы народа, налегая со всѣхъ сторонъ, мѣшаютъ шествію, приказалъ разметать народу деньги, чтобъ онъ отхлынулъ въ сторону. Кромѣ туземнаго народонаселенія, въ нѣкоторыхъ торговыхъ городахъ, преимущественно въ Кіевѣ и Новгородѣ, видимъ иноземное народонаселеніе, постоянное и временное (насельницы [3]). Въ Новгородѣ живутъ нѣмецкіе купцы, имѣютъ свою особую церковь (божницу варяжскую), въ Кіевѣ постоянно, или по крайней мѣрѣ, въ извѣстное время, видимъ жидовъ, живущихъ особымъ кварталомъ или улицею, отъ чего и ворота носятъ названіе Жидовскихъ; Лядскія ворота въ Кіевѣ указываютъ на польскій кварталъ или улицу; латина упоминается въ числѣ кіевскаго народонаселенія подъ 1174 годомъ.

Изъ волостнаго раздѣленія намъ извѣстно попрежнему раздѣленіе на погосты; встрѣчаемъ извѣстіе и о станахъ: такъ говорится, что Всеволодъ III ѣхалъ за своею дочерью до трехъ становъ; не знаемъ, имѣлъ ли уже въ это время станъ значеніе извѣстнаго правительственнаго средоточія или еще означалъ только станцію; во всякомъ случаѣ замѣтимъ, что значеніе стана совершенно совпадаетъ со значеніемъ погоста, какъ оно объяснено выше: оба—и погостъ, и станъ—изъ мѣстъ временной остановки правителя сдѣлались постояннымъ правительственнымъ средоточіемъ. Кромѣ городовъ, населенныя мѣста въ волости носятъ названіе слободъ (свободъ) и селъ; названіе слободы носило вновь заведенное поселеніе, пользующееся поэтому нѣкоторою особенностью, нѣкоторыми льготами, свободою отъ извѣстныхъ повинностей; изъ современныхъ источниковъ извѣстно, что слободы, наравнѣ съ селами, могли быть въ частномъ владѣніи, могли пріобрѣтаться покупкою [4]). Сельское народонаселеніе, въ противоположность городскому, вообще называется смердами; но мы имѣемъ полное право раздѣлять сельское народонаселеніе на свободное и несвободное, находящееся въ частной собственности князя, бояръ и другихъ людей, ибо встрѣчаемъ извѣстія о селахъ съ челядью, рабами; сказанное о положеніи наймитовъ и холопей въ эпоху до смерти Ярослава I-го должно относиться и къ описываемому времени; замѣтимъ только въ Новгородской лѣтописи выраженіе о д е р е н ь въ смыслѣ полнаго холопа, что прежде выражалось словомъ обельный, обель [5]). — Кромѣ описанныхъ слоевъ народонаселенія, въ юго-восточныхъ предѣлахъ русскихъ владѣній, по границамъ княжествъ Кіевскаго, Переяславскаго, Черниговскаго, мы видимъ инородное народонаселеніе, слывущее подъ общимъ именемъ Черныхъ Клобуковъ и подъ частными названіями Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ; мы видѣли ихъ значеніе, дѣятельность въ событіяхъ описываемаго времени; изъ лѣтописи видно, что они находились подъ властію своихъ князьковъ, какимъ былъ, напр., извѣстный Кондувдѣй; видно также, что образъ жизни ихъ былъ полукочевой, полуосѣдлый; лѣтомъ, по всей вѣроятности, они выходили въ пограничныя степи съ вежами и стадами своими: такъ, въ 1151 году они отпросились у Изяслава идти за своими вежами, стадами и семьями; но зимою жили въ городахъ, которые, кромѣ того, были имъ нужны для укрытія семействъ на случай непріятельскаго нападенія; такъ, они говорятъ Мстиславу Исяславичу: „Если дашь намъ по лучшему городу, то мы передадимся на твою сторону". Святославъ Ольговичъ жаловался, что у него города пустые, живутъ въ нихъ псари да Половцы; можно думать, что подъ Половцами онъ разумѣетъ не дикихъ, но своихъ поганыхъ, Черныхъ Клобуковъ; Торческій князь Чурнай жилъ въ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 46: «А добытъкъ Смьновъ и Водовиковъ по стомъ раздѣлиша».

[2]) Объ Осменникѣ см. ниже, т. V, гл. V.—Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ также слѣдующее извѣстіе подъ 1197 годомъ: «Постави монастырь св. Еуфимія, въ Плътьникихъ, Полюжая г о р о д ь ш и н и ц я Жирошкина дщи».—Здѣсь женское городьшиница предполагаетъ мужеское г о р о д ш и н и к ъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 154: «Днесь и множество вѣрныхъ Кыянъ и населници ихъ».

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: «и да ей много имѣнья, и свободы купленныя и съ даньми и села лѣпшая».—Думаютъ, что въ описываемое время употреблялось также названіе: деревня, на основаніи слѣдующаго мѣста лѣтописи подъ 1096 годомъ: «И вѫжгоша Стефаначь монастырь, и деревнѣ, и Германечь». Но и по смыслу, и по варіантамъ видно, что здѣсь д е р е в н ѣ не значатъ деревни, а скорѣе эпитетъ къ монастырю.

[5]) Тамъ же, III, 33: «дѣти своя даяхуть одьрень».

своемъ городѣ. Постоянное названіе поганые показываетъ ясно, что Черные Клобуки не были христіанами; на это уже указываетъ многоженство, ибо сказано, что у Чурная было двѣ жены, хотя, разумѣется, нѣкоторые изъ Черныхъ Клобуковъ и могли креститься. Кромѣ Черныхъ Клобуковъ, и на югѣ и на сѣверѣ упоминаются бродники, по всѣмъ вѣроятностямъ, сбродныя и бродячія шайки въ родѣ позднѣйшихъ козаковъ.

О количествѣ народонаселенія русскихъ городовъ и волостей въ описываемое время нѣтъ показаній въ источникахъ. О количествѣ городовъ въ разныхъ княжествахъ можно имѣть приблизительное понятіе, выбравши всѣ мѣстныя названія изъ лѣтописи и распредѣливши ихъ приблизительно по княжествамъ [1]). Но, во-первыхъ, нельзя предполагать, чтобъ всѣ имена мѣстностей попались въ лѣтописяхъ; особенно этого нельзя сказать о княжествахъ, далекихъ отъ главной сцены дѣйствія,— Полоцкомъ, Смоленскомъ, Рязанскомъ, Новгородскомъ, Суздальскомъ; во-вторыхъ, нельзя опредѣлить изъ лѣтописи — упоминаемая мѣстность городъ или село. Въ Кіевскомъ княжествѣ можно насчитать по лѣтописи болѣе 40 городовъ, въ Волынскомъ столько же, въ Галицкомъ около 40; въ Туровскомъ болѣе 10; въ Черниговскомъ съ Сѣверскимъ, Курскимъ и Землею Вятичей около 70; въ Рязанскомъ около 15; въ Переяславскомъ около 40; въ Суздальскомъ около 20; въ Смоленскомъ около 8; въ Полоцкомъ около 16; въ Новгородскомъ около 15; слѣдовательно во всѣхъ русскихъ областяхъ упоминается слишкомъ 300 городовъ. Мы знаемъ, что князья тяготились малочисленностью жителей въ волостяхъ своихъ и старались населять ихъ, перезывая отовсюду народъ; но, разумѣется, однимъ изъ главныхъ средствъ къ населенію было населеніе плѣнниками и рабами купленными: такъ князь Ярополкъ перевелъ народонаселеніе цѣлаго города (Друцка) изъ непріятельской волости въ свою; въ селахъ княжескихъ видимъ народонаселеніе изъ челяди, рабовъ.

Но подлѣ старанія князей умножать народонаселеніе видимъ препятствія для этого умноженія: препятствія были политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ). Относительно междоусобныхъ войнъ, если мы въ періодѣ времени отъ 1055 до 1228 года вычислимъ года, въ которые велись усобицы и въ которые ихъ не было, то первыхъ найдемъ 80, а вторыхъ 93, тринадцатью годами больше [2]); слѣдовательно круглымъ числомъ усобицы происходили почти черезъ годъ, иногда продолжались по 12 и по 17 лѣтъ сряду. Это грустное впечатлѣніе ослабляется представленіемъ объ огромности русской государственной области и въ то время, и выводами, что усобицы не были повсемѣстныя; такъ оказывается, что Кіевское княжество, въ продолженіи означеннаго времени, было мѣстомъ усобицъ не болѣе 23 разъ, Черниговское не болѣе 20, Волынское 15, Галицкое до смерти Романовой не болѣе 6, Туровское 4, Полоцкое 18, Смоленское 6, Рязанское 7, Суздальское 11, Новгородское 12 [3]). Но если вредъ, который терпѣли русскія волости отъ усобицъ, значительно уменьшается въ нашихъ глазахъ послѣ означенныхъ выводовъ, то, съ другой стороны, мы не должны впадать въ крайность и уже слишкомъ уменьшать этотъ вредъ. Такъ нѣкоторые изслѣдователи [4]) замѣчаютъ, что „войска обыкновенно было немного; жители путей должны были, разумѣется, доставлять ему продовольствіе, котораго было вездѣ въ изобиліи,—а больше взять съ нихъ, говоря вообще, было нечего; жившіе по сторонамъ могли быть спокойными" —Положимъ, что войска русскаго было немного; но не должно забывать, что съ русскимъ войскомъ почти постоянно находились толпы Половцевъ, славныхъ своими грабительствами; быть можетъ, кромѣ продовольствія съ сельскаго народонаселенія и нечего было болѣе взять, но враждебное войско брало въ плѣнъ самихъ жителей,—въ этомъ состояла главная добыча, били стариковъ, жгли жилища; по тогдашнимъ понятіямъ воевать значило—опустошать, жечь, грабить, брать въ плѣнъ; Мстиславъ Мстиславичъ, посылая въ 1216 году Новгородцевъ въ зажитіе въ свою Торопецкую волость, наказываетъ: „Ступайте въ зажитіе, только головъ (людскихъ) не берите". Если войску нужно было наказывать, чтобъ оно не брало плѣнниковъ въ союзной странѣ, то понятно, какъ оно поступало въ волости непріятельской. Несправедливо также замѣчаніе, что князья воевали другъ съ другомъ, а не противъ народа; что они хотѣли владѣть тѣми городами, на которые нападали, слѣдовательно не могли, для своей собственной пользы, разорять ихъ. Князья воевали другъ съ другомъ, но войско ихъ, преимущественно Половцы, воевали противъ народа, потому что другого образа веденія войны не понимали; Олегъ Святославичъ добивался Черниговской волости, но, добившись ея, позволилъ союзникамъ своимъ, Половцамъ, опустошать эту волость; въ 1160 году Половцы, приведенные Изяславомъ Давидовичемъ на Смоленскую волость, вывели оттуда больше 10,000 плѣнныхъ, не считая убитыхъ; походъ Изяслава Мстиславича на Ростовскую Землю (1149 г.) стоилъ послѣдней 7,000 жителей.

Кромѣ постояннаго участія въ усобицахъ княжескихъ, Половцы и сами по себѣ нерѣдко пустошили русскія волости; лѣтопись указываетъ 37 зна-

[1]) См. у Погодина IV-й т. Изслѣд. Замѣч. и Лекціи, гл. III. Авторъ пользовался только списками лѣтописей, изд. Археогр. Коммисіей; въ Никонов. спискѣ упоминаются еще нѣкоторые города, существованія которыхъ въ описываемое время нѣтъ основанія отвергать; такъ подъ 1146 г. упоминаются Тула, Дубокъ на Дону, Елецъ, Ростиславль (1153), Дмитровъ (1155).

[2]) См. второй томъ.

[3]) Г. Погодинъ напрасно пропускаетъ бѣдствіе, причиненное Новгородской волости Ярославомъ Всеволодовичемъ, и потому у него выходитъ только 11 разъ.

[4]) Г. Погодинъ въ приведенной выше статьѣ.

чительнѣйшихъ половецкихъ нападеній [1]); но видно были другія, не записанныя подробно по порядку. Черниговское и Переяславское княжества страшно страдали: Святославъ Ольговичъ Черниговскій говоритъ, что у него города пустые, живутъ въ нихъ только псари да Половцы; Владиміръ Глѣбовичъ Переяславскій говоритъ, что его волость пуста отъ Половцевъ; Кіевскому княжеству также много доставалось отъ нихъ, а Волынскому, Туровскому, Полоцкому и Новгородскому доставалось много отъ Литвы и Чуди, особенно въ послѣднее время; въ первыя 28 лѣтъ XII вѣка упоминается 8 разъ о литовскихъ нашествіяхъ; но до насъ не дошло Полоцкой лѣтописи, и потому о сильныхъ опустошеніяхъ, какія Полоцкое княжество терпѣло отъ Литвы, можемъ судить только изъ извѣстій нѣмецкихъ лѣтописцевъ и Слова о полку Игореву; можно думать, что Рязанское и Муромское княжества терпѣли тоже отъ Половцевъ и другихъ окружныхъ варваровъ; спокойнѣе всѣхъ и относительно усобицъ, и относительно варварскихъ нападеній было княжество Ростовское, или Суздальское,—явленіе, на которое нельзя не обратить вниманія: это обстоятельство не только содѣйствовало сохраненію народонаселенія въ Суздальской области, но могло также побуждать къ переселенію въ нее народа изъ другихъ, болѣе опасныхъ мѣстъ. Итакъ, если изъ 93 мирныхъ лѣтъ относительно усобицъ исключимъ 45 важнѣйшихъ, записанныхъ нашествій половецкихъ и литовскихъ, то не много останется времени, въ которое какая-нибудь волость не терпѣла бы отъ опустошеній.

При бѣдствіяхъ политическихъ упоминаются и бѣдствія физическія—голодъ, моръ. Относительно юга, обильной хлѣбомъ Малороссіи, мы не можемъ встрѣчать въ лѣтописи частыхъ жалобъ на неурожаи; встрѣчаемъ извѣстіе о неурожаѣ мимоходомъ, напр. въ 1193 году Кіевскій князь Святославъ говоритъ, что нельзя идти въ походъ на Половцевъ, потому что жито не родилось; разумѣется, голодъ могъ происходить, когда нашествія иноплеменниковъ или усобицы прекращали полевыя работы; но это же самое обстоятельство уменьшало и число потребителей, ибо непріятель билъ жителей, уводилъ ихъ въ плѣнъ. Относительно Ростовской области лѣтописецъ упоминаетъ о неурожаѣ подъ 1070 годомъ. Чаще страдала отъ голода Новгородская область: подъ 1127 годомъ читаемъ, что снѣгъ лежалъ до Яковлева дня, а на осень морозъ побилъ хлѣбъ, и зимою былъ голодъ,—осьмина ржи стоила полгривны; въ слѣдующемъ году также голодъ; люто было, говоритъ лѣтописецъ: осьмина ржи стоила гривну, и ѣли люди листъ липовый, кору березовую, насѣкомыхъ, солому, мохъ, конину; падали мертвые отъ голода, трупы валялись по улицамъ, по торгу, по путямъ и всюду; наняли наемщиковъ возить мертвецовъ изъ города; отъ смрада нельзя было выйти изъ дому; печаль, бѣда на всѣхъ! Отцы и матери сажали дѣтей своихъ на лодки, отдавали даромъ купцамъ; одни перемерли, другіе разошлись по чужимъ землямъ. Подъ 1137 г. все лѣто большая осьминка продавалась по семи рѣзань; эта дороговизна произошла вслѣдствіе прекращенія подвозовъ изъ окрестныхъ земель—Суздальской, Смоленской, Полоцкой—ясный знакъ, что Новгородъ не могъ пробавляться своимъ хлѣбомъ. Въ 1161 году все лѣто стояла ясная погода, жито погорѣло, а осенью морозъ побилъ яровое, зима была теплая съ дождемъ, вслѣдствіе чего покупали малую кадку по семи кунъ; великая скорбь была въ людяхъ и нужда, говоритъ лѣтописецъ. Въ 1170 году кадь ржи продавалась въ Новгородѣ по 4 гривны, а хлѣбъ по 2 ногаты, медъ по 10 кунъ—пудъ; какъ видно, впрочемъ, эта дороговизна произошла вслѣдствіе опустошенія волости войсками Боголюбскаго и прекращенія торговыхъ связей съ Суздальскою Землею. Въ 1188 году покупали хлѣбъ по 2 ногаты, а кадь ржи по 6 гривенъ; наконецъ въ 1215 году—сильный голодъ и моръ, вслѣдствіе осеннихъ морозовъ и того, что князь Ярославъ остановилъ подвозъ хлѣба изъ Торжка. Такимъ образомъ, отъ 1054 до 1228 года лѣтописецъ упоминаетъ только семь разъ о голодѣ и дороговизнѣ. О сильной смертности лѣтопись упоминаетъ подъ 1092 годомъ на югѣ: въ Полоцкѣ люди поражались вдругъ какою-то язвою, которую современники приписали ударамъ мертвецовъ (навья), ѣздившихъ по воздуху; язва эта началась отъ Друцка; лѣтомъ стояла ясная погода, боры и болота загорались сами, и на всемъ югѣ много умирало народа отъ различныхъ болѣзней; продавцы гробовъ (должно быть въ Кіевѣ) сказывали, что продали отъ Филиппова дня до масляницы 7,000 гробовъ. Новгородскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ и скотскомъ падежѣ въ своемъ городѣ подъ 1158 годомъ; погибло много людей, лошадей и рогатаго скота, такъ что отъ смрада нельзя было пройти до торга сквозь городъ ни по рву, ни на поле; подъ 1203 годомъ упоминается также о сильномъ конскомъ падежѣ въ Новгородѣ и по селамъ. Суздальскій лѣтописецъ упоминаетъ о сильной смертности подъ 1187 годомъ: не было ни одного двора безъ больного, а на иномъ дворѣ некому было и воды подать. О врачебныхъ пособіяхъ при этихъ случаяхъ мы не встрѣчаемъ извѣстій, хотя лѣкаря были въ Россіи: въ Русской Правдѣ упоминается о платѣ лѣкарю; въ житіи Св. Агапита Печерскаго читаемъ, что въ его время былъ въ Кіевѣ знаменитый врачъ Армянинъ, которому стоило только взглянуть на больнаго, чтобъ узнать день и часъ смерти его; Св. Агапитъ лѣчилъ больныхъ травами, изъ которыхъ приготовлялъ себѣ кушанье Армянинъ, взглянувши на эти травы, назвалъ ихъ александрійскими, причемъ святый посмѣялся невѣжеству его. У князя Святослава (Святоши) Давыдовича Черниговскаго былъ искусный лѣкарь, именемъ Петръ, родомъ изъ Сиріи. Мы ви-

[1]) См. въ текстѣ II-го тома обзоры борьбы съ Половцами при концѣ каждой главы.

дѣли, что разбитаго параличемъ Владимірка Галицкаго положили въ укропъ; но что такое укропъ: трава ли этого имени или теплая ванна?—ибо теплая вода называется также укропомъ [1]).

Таковы были пособія и препятствія къ умноженію народонаселенія на обширной сѣверо-восточной равнинѣ, относительно пространства своего, очень скудно населенной. По смерти Ярослава I-го, границы русскихъ владѣній не распространялись болѣе на западъ, югъ и юго-востокъ; усобицы препятствовали распространенію насчетъ Венгріи, Польши, Литвы; напротивъ, Русь должна была уступить свои владѣнія въ Прибалтійскихъ областяхъ Нѣмцамъ; на югѣ и юго-востокѣ усобицы и Половцы мѣшали распространенію; видимъ и здѣсь потери, ибо Тмуторакань не принадлежитъ болѣе Руси; оставалась только одна сторона, сѣверо-востокъ, куда можно было распространяться безпрепятственно: отъ разрозненной дикой Чуди не могло быть сильнаго сопротивленія; притомъ же сѣверо-восточная русская волость, Суздальская, по извѣстнымъ причинамъ, была способнѣе всѣхъ другихъ къ наступательнымъ движеніямъ; а съ другой стороны Новгородцевъ манила на сѣверо-востокъ выгодная мѣна съ туземцами и богатый ясакъ серебромъ и мѣхами. Такимъ образомъ, мы видимъ русскія владѣнія по Сѣверной Двинѣ, Камѣ; новгородскіе отряды доходятъ до Уральскаго хребта. Но мы должны замѣтить, что съ большою осторожностью должно говорить объ обширной Новгородской области отъ Финскаго залива до Уральскихъ горъ, ибо избіеніе новгородскихъ сборщиковъ ясака за Волокомъ и Ядрѣевъ походъ на Югру показываютъ всю непрочность тамошнихъ отношеній; притомъ же не одни Новгородцы имѣли владѣнія за Волокомъ: не забудемъ, что тамъ были и суздальскіе смерды (подданные), что Устюгъ принадлежалъ ростовскимъ князьямъ. Вѣрно одно, что новгородская колонія Вятка, хотя и значала независимая отъ митрополіи, является въ Прикамской области, и что суздальскіе князья, построеніемъ Нижняго-Новгорода въ Землѣ Мордовской, закрѣпляютъ за собою устье Оки; слѣдовательно, относительно границъ государственной области описываемое время характеризуется потерями на западѣ и югѣ и пріобрѣтеніями—на сѣверѣ и востокѣ: все указываетъ на главный путь историческаго движенія.

Сосредоточенію народонаселенія въ извѣстныхъ мѣстахъ способствовала выгода этихъ мѣстъ, относительно торговли. Великимъ торговымъ путемъ сѣверо-восточной равнины былъ водный путь изъ Балтійскаго моря въ Черное,—отсюда самыми важными торговыми городами на Руси должны были явиться города, находившіеся на двухъ концахъ этого пути: Новгородъ—складка товаровъ сѣверныхъ, и Кіевъ—складка товаровъ южныхъ. Новгородскіе купцы сами производили заграничную торговлю со странами, лежащими по берегамъ Балтійскаго моря: такъ мы видѣли, что въ 1142 году Шведы напали на гостей, возвращавшихся изъ-за моря; то же самое доказывается и свидѣтельствами иностранными [2]); иностранные купцы, съ другой стороны, жили постоянно въ Новгородѣ; до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Нѣмцами и Готландцами, заключенный при князѣ Ярославѣ Владиміровичѣ около 1195 года [3]). Изъ этого договора, равно какъ изъ нѣкоторыхъ другихъ иностранныхъ извѣстій [4]), можно имѣть довольно подробное понятіе объ иностранной торговлѣ въ Новгородѣ. Нѣмецкіе купцы, пріѣзжавшіе торговать сюда, раздѣлялись на гильдію морскихъ и гильдію сухопутныхъ купцовъ; на это раздѣленіе указываетъ и наша лѣтопись, говоря, что Варяги приходили и горою (сухимъ путемъ, 1201 г.). Какъ тѣ, такъ и другіе дѣлились еще на зимнихъ и лѣтнихъ; зимніе пріѣзжали осенью, вѣроятно по послѣднему пути, и зимовали въ Новгородѣ; весною они отъѣзжали за море, и на смѣну имъ пріѣзжали лѣтніе. По упомянутому договору, если убьютъ новгородскаго посла, заложника или попа за моремъ и нѣмецкаго въ Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову; если же убьютъ купца, то 10 гривенъ. Если мужа свяжутъ безъ вины, то 12 гривенъ за безчестье старыми кунами. Если ударятъ мужа оружіемъ или коломъ, то 6 гривенъ за рану старыми кунами. Если ударятъ жену или дочь мужа, то князю 40 гривенъ старыми кунами и столько же обиженной Если кто сорветъ съ чужой жены или дочери головной уборъ и явится простоволосая, то 6 гривенъ старыхъ за безчестье. Если будетъ тяжба безъ крови, сойдутся свидѣтели, Русь и Нѣмцы, то бросать жребій: кому вынется, тѣ идутъ къ присягѣ и свою правду возьмутъ. Если Варягъ на Русинѣ или Русинъ на Варягѣ станетъ искать денегъ и должникъ запрется, то при 12 свидѣтеляхъ идетъ къ присягѣ и возьметъ свое. Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой Землѣ не сажать въ тюрьму, но брать свое у виноватаго. Кто рабу подвергнетъ насиліямъ, но не обезчеститъ, за обиду гривна; если же обезчеститъ, то свободна себѣ.

Принимая къ себѣ иностранныхъ гостей, сами отправлялись за море для торговли, и, любя пріобрѣтать чужое серебро, а не отдавать своего за иностранные товары, Новгородцы должны были стараться скупать въ другихъ странахъ товары, которые потомъ могли съ выгодою сбывать гостямъ забалтійскимъ. Понятно, почему они пробирались все дальше и дальше на сѣверо-востокъ, къ хребту Уральскому, получая тамъ ясакъ мѣхами, имѣвшими большую цѣнность въ ихъ заграничной торговлѣ; но области совершенно русскія, внутреннія, были также богаты мѣхами и другими сырыми произведеніями, а въ Кіевѣ была складка товаровъ греческихъ, которые Новгородцы могли скупать тамъ и

[1]) Памятник. Рос. Слов. XII в., стр. 223.

[2]) См. Сарторіуса—Geschichte des Hanseat. Band. I, 191.

[3]) Грам., касающ. до сношен. Россіи съ Ригою и проч.

[4]) Сарторіуса—Urkundliche Geschichte des Ursprunges der deutschen Hanse.

*

потомъ съ выгодою отпускать въ сѣверо-западную Европу. Вотъ почему мы видѣли, что Новгородцы живали въ большомъ числѣ въ Кіевѣ, гдѣ у нихъ была своя церковь, или божница Св. Михаила, которая, какъ видно, была около торговой площади [1]). Много новгородскихъ купцовъ бывало всегда и въ Суздальской волости; Михаилъ Черниговскій, отправляясь изъ Новгорода, выговариваетъ, чтобъ Новгородцы пускали къ нему гостей въ Черниговъ.

О важности греческой торговли, средоточіемъ которой былъ Кіевъ, намъ не нужно много распространяться послѣ того, что было сказано о ней при обозрѣніи начальнаго періода; извѣстный путешественникъ, жидъ Веніаминъ Тудельскій, нашелъ русскихъ купцовъ и въ Константинополѣ, и въ Александріи [2]). Но любопытно, что лѣтописецъ нигдѣ не упоминаетъ о пребываніи греческихъ купцовъ въ Кіевѣ, тогда какъ ясно говоритъ о пребываніи купцовъ западныхъ, латинскихъ; очень вѣроятно, что Греки сами рѣдко пускались на опасное плаваніе по Днѣпру чрезъ степи, довольствуясь продажею своихъ товаровъ русскимъ купцамъ въ Константинополѣ. Веніаминъ Тудельскій говоритъ о Византійцахъ, что они любятъ наслаждаться удовольствіями, пить и ѣсть, сидя каждый подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею [3]). Изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшагося надъ трупомъ Андрея Боголюбскаго, узнаемъ, что гости изъ Константинополя приходили иногда и во Владиміръ-Залѣсскій [4]); но Плано-Карпини также говоритъ, что въ Кіевъ и послѣ монгольскаго нашествія пріѣзжали купцы изъ Константинополя, и однакоже эти купцы оказываются Италіянцами [5]). Изъ иностранныхъ извѣстій видно, что въ Кіевѣ живали купцы изъ Регенсбурга, Эмса, Вѣны [6]). Нельзя предполагать, чтобъ въ описываемое время пресѣклись торговыя сношенія съ востокомъ: подъ 1184 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ извѣстіе, что князья наши, отправившись въ походъ на Половцевъ, встрѣтили на дорогѣ купцовъ, ѣхавшихъ изъ Земли Половецкой. Мы не думаемъ, чтобъ здѣсь непремѣнно нужно было предполагать русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Половцами; купцы эти легко могли быть иностранные изъ восточныхъ земель, шедшіе въ Кіевъ чрезъ половецкія степи. Наконецъ путешественники XIII вѣка указываютъ на берегу Чернаго и Азовскаго морей города, служившіе средоточіемъ торговли между Россіею и Востокомъ: монахъ Бенедиктъ, спутникъ Плано-Карпини, говоритъ, что въ городъ Орнасъ въ старину, до разоренія его Татарами, стекались купцы русскіе, аланскіе и козарскіе; Рубруквисъ говоритъ, что къ Солдайѣ, городу, лежащему на южномъ берегу Тавриды, противъ Синопе, пристаютъ всѣ купцы, идущіе изъ Турціи въ сѣверныя страны, и наоборотъ—сюда же сходятся купцы, идущіе изъ Россіи и сѣверныхъ странъ въ Турцію. Кромѣ Новгородцевъ и Кіевлянъ, заграничную торговлю производили также жители Смоленска, Полоцка и и Витебска; объ ихъ торговлѣ мы узнаемъ изъ договора Смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ Ригою и Готскимъ берегомъ въ 1229 году [7]). Изъ словъ договора видно, что доброе согласіе между Смольнянами и Нѣмцами было нарушено по какому-то случаю, и, для избѣжанія подобнаго разлюбья, чтобъ русскимъ купцамъ въ Ригѣ и на Готскомъ берегѣ, а нѣмецкимъ въ Смоленской волости любо было и добросердье во вѣки стояло, написана была **правда**, договоръ. Условились: за убійство вольнаго человѣка платить 10 гривенъ серебра, а за холопа гривну, за побои холопу гривну кунъ; за поврежденіе частей тѣла 5 гривенъ серебра, за вышибенный зубъ 3 гривны: за ударъ деревомъ до крови $1^1/_2$ гривны; кто ударитъ по лицу, схватитъ за волосы, ударитъ батогомъ — платитъ безъ четверти гривну серебра, за рану безъ поврежденія тѣла платитъ $1^1/_2$ гривны серебра: священнику и послу платится вдвое за всякую обиду. Виноватаго можно посадить въ колодку, тюрьму или желѣзы только въ томъ случаѣ, когда не будетъ въ немъ поруки [8]). Долги выплачиваются прежде иностранцамъ; иностранецъ не можетъ выставить свидѣтелемъ одного или двоихъ изъ своихъ единоземцевъ; истецъ не имѣетъ права принудить отвѣтчика къ испытанію желѣзомъ или вызвать на поединокъ; если кто застанетъ иностранца у своей жены, то беретъ за позоръ 10 гривенъ серебра; то же платится за насиліе свободной женщинѣ, которая не была прежде замѣчена въ развратѣ. Какъ скоро волоцкій тіунъ услышитъ, что нѣмецкій гость пріѣхалъ на Волокъ (между Двиною и Днѣпромъ), то немедленно шлетъ приказъ Волочанамъ, чтобъ привезли гостей съ товарами и заботились о ихъ безопасности, потому что много вреда терпятъ Смольняне отъ поганыхъ (Литовцевъ); Нѣмцамъ кидать жребій, кому идти напередъ; если-же между ними случится русскій гость, то ему идти назади; пріѣхавши въ городъ, нѣмецкій гость долженъ дать княгинѣ поставъ полотна, а тіуну волоцкому рукавицы перстовыя готскія (перчатки); въ случаѣ гибели товара при перевозѣ, отвѣчаютъ всѣ Волочане. Торгуютъ иностранные купцы безо всякаго пре-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 138, II, 34.

[2]) Voyages de Benjamin de Tudelle, et. c. Paris, 1830; 23, 103.

[3]) Тамъ же, стр. 25. Въ житіи Св. Антонія Римлянина говорится, что святый нашелъ въ Новгородѣ гостя изъ Греческой Земли, но послѣ этотъ гость наз. Готфинъ и Гречинъ. Здѣсь же говорится, что купцы изъ Рима въ Новгородъ приходили въ полгода.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 115.

[5]) Recueil de Voyages et de Mémoires, publiés par la société de Geographie t. IV, p. 772.

[6]) См. Изслѣдованіе Даниловича о Польскихъ городахъ въ Рус. Истор. Сборн. IV.

[7]) Собр. Гос. Гр. и Дог. т. II, № 1; Карамзинъ III, прим. 248. Тобіена Die ältesten Tractate Ruslands.—Русск. Достоп. ч. II.—Bulletin de la classe hist. et. c. t. V, № 99. О городѣ Орнасѣ см. статью проф. Леонтьева: Розысканія на мѣстѣ древняго Танаиса; Пропилеи, кн. IV.

[8]) Сажаніе въ дыбу или колоду употреблялось у Нѣмцевъ; въ тюрьму и желѣза—у Русскихъ.

пятствія; безпрепятственно же могутъ отъѣхать съ товаромъ своимъ и въ другой городъ. Товаръ, взятый и вынесенный изъ двора, не возвращается. Истецъ не можетъ принудить отвѣтчика идти на чужой судъ, а только къ князю Смоленскому; къ иностранцу нельзя приставить сторожа, не извѣстивъ прежде старшину; если кто объявитъ притязаніе на иностранный товаръ, то не можетъ схватить его силою, но долженъ вести дѣло судебнымъ порядкомъ, по законамъ страны. За взвѣшиваніе товара платится вѣсовщику съ 24 пудовъ куна смоленская. При покупкѣ драгоцѣнныхъ металловъ Нѣмецъ платитъ вѣсовщику за гривну золота ногату, за гривну серебра двѣ векши, за серебряный сосудъ отъ гривны куну при продажѣ не платитъ; когда же покупаетъ вещи на серебро, то съ гривны вноситъ куну смоленскую. Для повѣрки вѣсовъ хранится одна к а п ь въ церкви Богородицы на горѣ, а другая—въ нѣмецкой церкви Богородицы: съ этимъ вѣсомъ и Волочане свѣряютъ пудъ, данный имъ Нѣмцами. Иностранцы торгуютъ безмытно; они не обязаны ѣздить на войну вмѣстѣ съ туземцами; но если захотятъ — могутъ; если иностранецъ поймаетъ вора у своего товара, то можетъ сдѣлать съ нимъ все, что хочетъ. Иностранцы не платятъ судныхъ пошлинъ ни у князя, ни у тіуна, ни на судѣ добрыхъ мужей. Епископъ Рижскій, магистръ ордена и всѣ волостели Рижской Земли дали Двину вольную отъ устья до верху, по водѣ и по берегу, всякому гостю рижскому и нѣмецкому, ходящему внизъ и вверхъ. Если случится съ нимъ какая бѣда, то вольно ему привезти свой товаръ къ берегу, и если принайметъ людей на помочь, то не брать съ него больше того, сколько сулилъ при наймѣ.

О торговлѣ смоленской во внутреннихъ русскихъ областяхъ узнаемъ, изъ лѣтописнаго извѣстія подъ 1216 годомъ, о заключеніи княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ пятнадцати смоленскихъ купцовъ, зашедшихъ для торговли въ его волость. О приходѣ купцовъ иностранныхъ и русскихъ во Владиміръ-Залѣсскій при Андреѣ Боголюбскомъ узнаемъ изъ словъ Кузьмы Кіянина, плакавшаго надъ трупомъ своего князя. Причинами, могшими содѣйствовать усиленію русской торговли въ означенное время, было: положеніе русской государственной области между Европою и Азіею, что, при отсутствіи морскихъ обходныхъ путей, давало ей важное торговое значеніе; усиленіе торговой дѣятельности сѣверныхъ нѣмецкихъ городовъ, которые должны были обратить свое вниманіе на востокъ и войти съ нимъ въ тѣсныя торговыя сношенія; уменьшеніе пиратства на Балтійскомъ морѣ вслѣдствіе того, что скандинавское народонаселеніе покидаетъ свой прежній варяжскій характеръ; удобство водныхъ путей сообщенія; стараніе князей о торговлѣ, обогащавшей народъ ихъ; уживчивый вообще характеръ народонаселенія, терпимость относительно вѣры, уваженіе, расположеніе къ иностранцамъ, готовность уступать имъ разныя выгоды. Вслѣдъ за этими благопріятствующими для торговли обстоятельствами мы должны упомянуть и о препятствіяхъ, которыя встрѣчала она въ описываемое время: встрѣчаемъ извѣстіе о ссорахъ съ иностранцами, вслѣдствіе чего прерывались торговыя сношенія; такъ въ 1134 году купцовъ новгородскихъ посадили въ тюрьму въ Даніи [1]); въ 1188 году новгородскіе купцы подверглись той же участи отъ Нѣмцевъ, за моремъ, за что изъ Новгорода весною не пустили ни одного изъ своихъ купцовъ за море, Варягамъ посла не дали и отпустили ихъ безъ мира [2]); въ 1201 году Варяговъ отпустили безъ мира за море, а осенью пришли Варяги сухимъ путемъ на миръ, и тутъ Новгородцы дали имъ миръ на всей своей волѣ [3]). Только три извѣстія о ссорахъ съ иностранцами; если приложится сюда одно извѣстіе о нападеніи Шведовъ на торговыя суда, плывшія въ Новгородъ, то увидимъ, что съ этой стороны препятствій для торговли было не много. Гораздо больше препятствій для внѣшней, греческой торговли Кіевлянъ представляли Половцы, грабившіе торговыя суда по Днѣпру; мы видѣли, какъ иногда князья съ многочисленными дружинами принуждены были выступать для защиты Грековъ: Мстиславъ Изяславичъ жаловался, что Половцы отняли у Руси всѣ торговые пути. Препятствіемъ для торговли внутренней и внѣшней служили также внутреннія войны, усобицы княжескія; во время двудневнаго грабежа войсками Боголюбскаго, когда, по словамъ лѣтописца, не было никому помилованія въ Кіевѣ, безъ сомнѣнія пострадали также купцы иностранные; потомъ Ярославъ Изяславичъ въ 1174 году взялъ большія деньги (попродалъ) со всѣхъ Кіевлянъ, не исключая Латину и гостей; въ 1203 году, Половцы съ Рюрикомъ, взявши Кіевъ, страшно пограбили его, а у иноземныхъ гостей взяли половину товара; здѣсь хотя и видимъ нѣкоторое снисхожденіе къ иностраннымъ купцамъ, однако послѣдніе не могли легко забыть своей потери. Новгородскіе купцы терпѣли вслѣдствіе ссоръ ихъ согражданъ съ разными князьями, кіевскими и суздальскими: въ 1161 году, Ростиславъ Мстиславичъ, услыхавъ, что сынъ его схваченъ въ Новгородѣ, велѣлъ перехватить новгородскихъ купцовъ, бывшихъ въ Кіевѣ, и посадить ихъ въ Пересѣченскій погребъ, гдѣ въ одну ночь умерло изъ нихъ 14 человѣкъ, послѣ чего Ростиславъ велѣлъ выпустить остальныхъ изъ тюрьмы и развести по городамъ; о захватываніи новгородскихъ купцовъ по суздальскимъ волостямъ встрѣчаемъ извѣстія разъ семь; въ 1215 году Ярославъ Всеволодовичъ захватилъ въ Торжкѣ Новгородцевъ и купцовъ больше 2,000. Сообразивши всѣ эти препятствія и сличивши число извѣстій о нихъ съ числомъ лѣтъ описаннаго періода времени, мы должны придти къ тому заключенію, что вообще препятствій для торговли было не много.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 6.
[2]) Тамъ же, стр. 20.
[3]) Тамъ же, стр. 25.

Съ вопросомъ о торговлѣ тѣсно связанъ вопросъ о монетной системѣ. Общимъ названіемъ, соотвѣтствующимъ теперешнему нашему деньги, было куны, которое замѣнило встрѣчавшееся въ начальномъ періодѣ названіе скотъ. Высшею монетною единицею была гривна—кусокъ металла въ извѣстной формѣ, равный извѣстному вѣсу, носившему то же самое названіе — гривны. Что гривна была ходячею монетою, это очевидно изъ слѣдующаго, хотя позднѣйшаго (впрочемъ не очень) извѣстія: въ 1288 году Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ велѣлъ серебряныя блюда, золотые и серебряные кубки передъ своими глазами побить и перелить въ гривны. Кромѣ гривенъ, существовала еще серебряная монета — сребреники; о ея существованіи есть ясное свидѣтельство лѣтописи подъ 1115 годомъ: „Повелѣ Володимеръ рѣжючи поволоки, орницы, бѣль, размѣтати народу, овоже сребреники метати“ [1]). О существованіи кожаныхъ денегъ имѣемъ ясныя свидѣтельства иностранцевъ и своихъ; въ одномъ хронографѣ прямо говорится: „куны еже есть мордъ куней“ [2]). Въ доказательство противнаго, что подъ кунами и бѣлью разумѣлись монеты металлическія, золотыя и серебряныя, приводятъ слѣдующее мѣсто изъ лѣтописи подъ 1066 годомъ: „Дворъ же княжъ разграбиша безчисленное множество злата и сребра, кунами и бѣлью.“ Приводя всѣ эти слова въ тѣсную связь и соотвѣтствіе, полагаютъ, что кунами и бѣлью есть необходимое дополненіе и объясненіе къ: злата и сребра. Но во 1) мы знаемъ, что лѣтописецъ употребляетъ конструкцію очень свободную, вслѣдствіе чего кунами и бѣлью можетъ стоять совершенно независимо отъ злата и сребра; въ 2) бѣль означаетъ мѣхъ, шкуру извѣстнаго животнаго или, какъ думаютъ нѣкоторые, ткань особаго рода: такъ подъ 1116 годомъ говорится, что Мономахъ велѣлъ рѣзать бѣль и бросать народу, и тутъ же бѣль ясно отличается отъ серебряной монеты, отъ серебряниковъ; въ 3) въ приведенномъ мѣстѣ Ипатьевскій списокъ имѣетъ: скорою (шкурами) вмѣсто бѣлью, вслѣдствіе чего мы имѣемъ полное право принимать здѣсь подъ именемъ кунъ деньги вообще, а подъ именемъ бѣли—мѣха. Наконецъ еще извѣстіе, впрочемъ позднѣйшее: въ 1257 году Даніилъ Романовичъ Галицкій велѣлъ взять дань на Ятвягахъ „черныя куны и бѣль сребро.“ Ясно, что здѣсь слова: бѣль и сребро должны быть принимаемы совершенно отдѣльно, ибо лѣтописецъ не имѣлъ никакой нужды объяснять, что бѣль означаетъ серебро; но позднѣйшіе переписчики, не понявши дѣла, въ соотвѣтствіе чернымъ кунамъ поставили бѣло сребро, какъ читается въ нѣкоторыхъ спискахъ.—Что касается до счета, то подъ 1160 годомъ въ лѣтописи встрѣчаемъ счетъ тьмами: „Много зла сотвориша Половци, взяша душь болѣ тьмы.“

Торговля въ описываемое время была главнымъ средствомъ накопленія богатствъ на Руси, ибо не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о выгодныхъ походахъ въ Грецію или на Востокъ, о разграбленіи богатыхъ городовъ и народовъ. Умноженіе богатствъ при столкновеніи съ болѣе образованными народами обнаружилось въ стремленіи къ украшенію жизни, къ искусству. Искусство прежде всего служило религіи: часто, съ подробностями разсказываетъ лѣтописецъ о построеніи церквей. Въ концѣ XI-го вѣка извѣстенъ былъ охотою къ постройкамъ митрополитъ Ефремъ, жившій въ Переяславлѣ, гдѣ сначала была митрополія; онъ построилъ въ Переяславлѣ церковь Святаго Михаила, украсивши ее всякою красотою, по выраженію лѣтописца; докончивъ эту церковь, онъ заложилъ другую на городскихъ воротахъ, во имя Святаго Ѳеодора, потомъ третью—Св. Андрея, и у церкви отъ воротъ строеніе банное [3]), чего не было прежде на Руси; заложилъ вокругъ города стѣну каменную, однимъ словомъ, украсилъ городъ Переяславль зданіями церковными и разными другими. Въ 1115 году соединенные князья построили въ Вышгородѣ каменную церковь, куда перенесли изъ деревянной мощи Свв. Бориса и Глѣба, надъ ракою которыхъ поставили теремъ серебряный. На сѣверѣ, какъ строитель и украситель церквей, славился Андрей Боголюбскій; главнымъ памятникомъ его ревности осталась здѣсь Богородичная церковь во Владимірѣ-Залѣсскомъ, построенная въ 1158 г., вся изъ бѣлаго камня, привезеннаго водою изъ Болгаріи; новѣйшія изслѣдованія подтверждаютъ извѣстіе [4]), что церковь эта построена западными художниками, присланными Андрею отъ императора Фридриха I-го. Въ этой церкви стояла знаменитая икона Богородицы, принесенная изъ Царяграда; въ нее, по словамъ лѣтописи, Андрей вковалъ больше тридцати гривенъ золота, кромѣ сребра, драгоцѣнныхъ каменьевъ и жемчуга. Въ 1194 г., при Всеволодѣ III-мъ, эта церковь была обновлена послѣ большаго пожара; при Всеволодѣ же построенъ во Вла-

[1]) О найденныхъ недавно въ Кіевѣ серебряныхъ монетахъ съ именами князей—Владиміра, Святополка, Ярослава, Георгія, см. Москвитян. 1852 года, № 16 и 17.

[2]) Статья Бѣляева—Очеркъ исторіи древней монетной системы на Руси, въ Чтеніяхъ М. И. О. № 3; 1846 г.—Карамз. I, прим. 524. Подробнѣе ниже, т. IV, гл. 3 Исторіи Россіи.

[3]) О банномъ строеніи было много толковъ. Карамзинъ (II, прим. 160), вмѣстѣ съ Болтинымъ, принимаетъ, что это Баптистиріонъ (aedes juxta ecclesiam, in qua baptizantur fideles, по Дюканжу), и прибавляетъ: «Невѣжды думали, что митрополитъ строилъ народныя или торговыя бани».—Но такъ могутъ думать не одни невѣжды; митрополитъ очень могъ построить зданіе первой необходимости, строилъ же онъ городскую стѣну? Банное строеніе онъ могъ заложить съ цѣлію благотворительною, чтобъ дать бѣднымъ и странникамъ средство къ омовенію. Арцыбашевъ (I, прим. 221) приводитъ слѣдующее мѣсто изъ Кедрина по русскому переводу: «Императрицѣ Ѳеодорѣ, имѣвшей обыкновеніе ходить во св. Влахернской храмъ Богородицы, ово ради моленія, овоже для омовенія съ своими дщерьми».

[4]) Татищ. III, примѣч. 483.—Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149; Гр. С. Г. Строгонова—Дмитріевскій соборъ.

димірѣ Дмитріевскій соборъ, „дивно украшенный иконами и писаніемъ.“ Въ 1194 году обновлена была Богородичная церковь въ Суздалѣ, которая, по словамъ лѣтописца, опадала отъ старости и безпарядья; покрыли ее оловомъ отъ верху до комаръ (наружныхъ сводовъ) и притворовъ. Чудное дѣло! говоритъ при этомъ лѣтописецъ: епископъ Іоаннъ не искалъ мастеровъ у Нѣмцевъ, а нашелъ ихъ между служками при Богородичной Владимірской церкви и своими собственными; они сумѣли и олово лить, и покрыть, известью выбѣлить. Здѣсь лѣтописецъ прямо говоритъ, что епископъ не искалъ мастеровъ между Нѣмцами — знакъ, что другихъ мастеровъ (греческихъ), кромѣ западныхъ нѣмецкихъ, на сѣверѣ не знали; что предшествующія зданія, церкви Боголюбскаго были построены послѣдними. Но поновленная такимъ образомъ церковь не долго простояла: въ 1222 году князь Юрій Всеволодовичъ принужденъ былъ сломать ее, потому что начала разрушаться отъ старости и верхъ обвалился; построена она была при Владимірѣ Мономахѣ. Упомянутая выше церковь Св. Михаила въ Переяславѣ упала въ 1122 году, не простоявши и 50 лѣтъ. Строили церкви и каменныя очень скоро; такъ, наприм. въ Новгородѣ, въ 1179 году, заложили церковь Благовѣщенія 21-го мая, а кончили 25-го августа; въ 1196 году заложили церковь Св. Кирилла въ апрѣлѣ, а кончили 8-го іюля; въ 1198 году въ Русѣ заложили церковь Преображенія 21-го мая, а кончили 31-го іюля; въ томъ же году въ Новгородѣ начали строить церковь Преображенія 8-го іюля, а кончили въ сентябрѣ; въ 1219 г. заложили церковь каменную малую Свв. Трехъ Отрокъ, и кончили ее въ 4 дня. Снаружи церкви покрывались оловомъ, верхъ или главы золотились, внутри украшались иконами, стѣнною живописью, серебряными паникадилами; иконы украшались золотомъ и финифтью [1]), дорогими каменьями и жемчугомъ. Изъ русскихъ иконописцевъ упоминается Св. Алимпій Печерскій, выучившійся своему искусству у греческихъ мастеровъ, приходившихъ для расписыванія церкви въ Печерскомъ монастырѣ; какъ видно, онъ занимался также и мозаикою [2]). Подъ 1200 годомъ упоминается о строеніи каменной стѣны подъ церковью Св. Михаила у Днѣпра, на Выдубечи; строителемъ былъ Милонегъ Петръ, котораго великій князь Рюрикъ выбралъ между своими пріятелями, какъ сказано въ лѣтописи.

Матеріальное благосостояніе, зависѣвшее въ главныхъ городахъ Руси по преимуществу отъ торговли и побуждавшее къ построенію болѣе или менѣе прочныхъ, украшенныхъ зданій общественныхъ, преимущественно церквей, должно было, разумѣется, дѣйствовать и на удобства частной, домашней жизни русскихъ людей описываемаго времени; къ сожалѣнію, объ этой частной жизни до насъ дошли чрезвычайно скудныя извѣстія; знаемъ, что были очень богатые люди, въ домахъ которыхъ можно было много пограбить, таковы были, наприм., Мирошкиничи въ Новгородѣ, у которыхъ народъ въ 1209 году взялъ безчисленныя сокровища, остатокъ раздѣлили по зубу, по три гривны по всему городу, но другіе побрали еще тайкомъ, и отъ того многіе разбогатѣли; какъ ни толковать это мѣсто, все выходитъ, что каждый Новгородецъ получилъ по три гривны. Но мы не знаемъ, въ какихъ удобствахъ житейскихъ выказывали свое богатство богачи новгородскіе и другихъ городовъ; у нихъ были села, много челяди-рабовъ, большія стада; разумѣется, домы ихъ были обширнѣе, но о расположеніи и украшеніи домовъ мы ничего не знаемъ. И общественныя зданія, церкви строились непрочно, нѣкоторыя сами падали, другія должно было разбирать и строить снова; неудивительно, что частныя зданія не могли долго сохраняться, будучи, преимущественно, если не исключительно, построены изъ дерева, и нѣтъ основанія думать, чтобъ они разнились отъ построекъ предшествовавшаго времени. Простота постройки, дешевизна матеріала, лѣса, который былъ въ такомъ изобиліи, простота и малочисленность того, что мы называемъ мебелью, должны были много помогать народу въ перенесеніи бѣдствій отъ усобицъ и непріятельскихъ нашествій: деньги, немногія дорогія вещи, дорогое платье легко было спрятать, легко унести съ собою; укрывшись въ ближайшемъ лѣсу, или городѣ во время бѣды, возвращались назадъ по уходѣ непріятеля, и легко опять обстраивались. Такое отсутствіе прочности жилищъ вмѣстѣ съ простотою быта содѣйствовали той легкости, съ какою жители цѣлыхъ городовъ переселялись въ другія мѣста; цѣлые города бѣжали отъ непріятеля и затворялись въ другихъ городахъ; иногда князья переводили цѣлые города изъ одной области въ другую; Кіевляне говорятъ Ярославичамъ, что они зажгутъ свой городъ и уйдутъ въ Грецію; такимъ образомъ наши деревянные города представляли переходъ отъ вежи Половца и Торчина къ каменнымъ городамъ Западной Европы, и народонаселеніе древней Руси, несмотря на свою осѣдлость, не могло имѣть сильной привязанности къ своимъ деревяннымъ, непрочнымъ городамъ, которые не могли рѣзко отличаться другъ отъ друга; природа страны была также одинакова: вездѣ былъ просторъ, вездѣ были одинакія удобства для поселенія, князья тяготились малолюдностью, были рады переселенцамъ; отсюда понятно, почему не только въ описываемое время, но и гораздо позднѣе мы замѣчаемъ легкость, съ какою русскіе люди переселялись изъ одного мѣста въ другое, легко имъ было при всякомъ неблагопріятномъ обстоятельствѣ разбрестись розно

Мы замѣтили, что относительно постройки, расположенія жилищъ и мебели почти ничего нельзя прибавить противъ того, что было сказано о древнѣйшемъ періодѣ; видимъ, что князья любили сидѣть и пировать съ дружиною на сѣнницахъ; встрѣ-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 123.
[2]) См. Патерикъ Печерскій.

чаемъ названіе столецъ въ значеніи маленькой скамьи или стула, поставляемаго гостямъ [1]). Касательнно одежды встрѣчаемъ извѣстіе о сорочкахъ, метляхъ и корзнахъ, о шапкахъ (клобукахъ), которыя не снимались ни въ комнатѣ, ни даже въ церкви [2]). Изъ договора съ Нѣмцами узнаемъ объ употребленіи рукавицъ перстатыхъ, т.-е. перчатокъ, покупаемыхъ, какъ видно, у иностранцевъ; отъ употребленія рукавицъ перстатыхъ имѣемъ право заключать и объ употребленіи простыхъ, русскихъ рукавицъ. Изъ мужскихъ украшеній упоминаются золотыя цѣпи [3]); изъ женскихъ одеждъ упоминаются повои, или повойники, изъ украшеній—ожерелья и серьги серебряныя [4]). Изъ матерій, употреблявшихся на одежды, упоминается полотно или частина [5]), аксамитъ [6]); одежды боярскія съ шитыми золотомъ оплечьями [7]); подъ 1183 годомъ лѣтописецъ, говоря о пожарѣ во Владимірѣ-Залѣсскомъ, прибавляетъ: погорѣла и соборная церковь Св. Богородицы Златоверхая, со всѣми пятью верхами золотыми, и со всѣми узорочьями, которыя были въ ней внутри и внѣ, паникадилами серебряными, сосудами золотыми и серебряными безъ числа, съ одеждами, шитыми золотомъ и жемчугомъ, которыя на праздникъ развѣшивали въ двѣ веревки отъ Золотыхъ воротъ до Богородицы, и отъ Богородицы до Владычныхъ сѣней въ двѣ же веревки [8]). Здѣсь прежде всего можно разумѣть подъ этими одеждами (портами) облаченія священно-служительскія; но по другимъ извѣстіямъ, князья имѣли обычай вѣшать свое дорогое платье въ церквахъ на память о себѣ [9]); впрочемъ, очень вѣроятно, что изъ этихъ одеждъ перешивались и священно-служительскія облаченія. Касательно украшеній и вообще роскоши, замѣчательна приписка, находящаяся въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, говоритъ лѣтописецъ, приклоните уши ваши разумно, послушайте о томъ, какъ жили древніе князья и мужи ихъ, какъ защищали Русскую Землю, и чужія страны брали подъ себя. Тѣ князья не сбирали много имѣнія, лишнихъ виръ и продажъ не налагали на людей, но гдѣ приходилось взять правую виру, то брали и отдавали дружинѣ на оружіе. А дружина этимъ кормилась, воевала чужія страны, и бившись говорила: „Братья, потянемъ по своемъ князѣ и по Русской Землѣ!“ Не говорили: „Мало мнѣ, князь, 200 гривенъ“; не рядили женъ въ золотые обручи, но ходили жены ихъ въ серебрѣ“ [10]).

Таково было матеріальное состояніе русскаго общества въ описываемое время; теперь обратимся къ нравственному его состоянію, причемъ, разумѣется, прежде всего должны будемъ обратиться къ состоянію религіи и Церкви. Мы видѣли [11]), что вначалѣ христіанство принялось скоро въ Кіевѣ, на югѣ, гдѣ было уже и прежде давно знакомо; но медленно, съ большими препятствіями распространялось оно на сѣверѣ и востокѣ. Первые епископы Ростовскіе, Ѳеодоръ и Илларіонъ, принуждены были бѣжать изъ своей епархіи отъ ярости язычниковъ; преемникъ ихъ, Св. Леонтій, не покинулъ своей паствы, состоявшей преимущественно изъ дѣтей, въ которыхъ онъ надѣялся удобнѣе вселить новое ученіе,—и замученъ былъ взрослыми язычниками. Язычество на финскомъ сѣверѣ не довольствовалось оборонительною войною противъ христіанства, но иногда предпринимало и наступательную въ лицѣ волхвовъ своихъ. Однажды въ Ростовской области сдѣлался голодъ, и вотъ явились два волхва изъ Ярославля и начали говорить: „Мы знаемъ, кто хлѣбъ-то держитъ;“ они пошли по Волгѣ и въ каждомъ погостѣ, куда придутъ, указывали на лучшихъ женщинъ, говоря: „Вотъ эти жито держатъ, эти медъ, эти рыбу, эти мѣха“ Жители приводили къ нимъ сестеръ своихъ, матерей, женъ; волхвы разрѣзывали у нихъ тѣло за плечомъ, показывая видъ, что вынимаютъ оттуда либо жито, либо рыбу, и такимъ образомъ убивали много женщинъ, забирая имѣнія ихъ себѣ. Когда они пришли на Бѣлоозеро, то съ ними было уже 300 человѣкъ народу. Въ это время случилось придти туда отъ князя Святослава за данью Яну, сыну Вышатину; Бѣлоозерцы разсказали ему, что вотъ два кудесника побили много женщинъ по Волгѣ и по Шекснѣ, пришли и къ нимъ. Онъ сталъ доискиваться, чьи смерды эти волхвы, и, узнавши, что они Святославовы, послалъ сказать провожавшей ихъ толпѣ: „Выдайте мнѣ волховъ, потому что они смерды моего князя“;—но тѣ не послушались. Тогда Янъ самъ пошелъ къ нимъ сначала безъ оружія, но отроки сказали ему: „Не ходи безъ оружія, опозорятъ тебя,“ и Янъ велѣлъ отрокамъ взять оружіе. Съ 12-ю отроками вошелъ Янъ въ лѣсъ и съ топоромъ въ рукахъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 72.

[2]) Тамъ же: «И видѣ Ярослава сидяща на отни мѣстѣ въ черни мятли и въ клобуцѣ, такоже и вси мужи его». Воск. 1205: «И начаша пѣти св. литорьгію. И рече Святославъ ко Бръновинѣ, что мя на главѣ бодетъ, и сня клобукъ».

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. 1, 138: И отторгоша на немъ крестъ и чепи въ гривну золота». Висѣлъ ли крестъ на этой золотой цѣпи, или здѣсь говорится о крестѣ натѣльномъ?

[4]) Тамъ же, II, 56: «Они же емлюче серебро и съ ушью и съ шіи.

[5]) См. договоръ съ Ригою. Что касается «орницы» (стр. 53), то въ Студійскомъ уставѣ (рукоп. XII вѣка) читается, что для зимы у иноковъ должны быть: «толстые изъ чернаго орница учащены«. Зап. Археол. Общества III, 120.

[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 114: «Ты нынѣ въ оксамитѣ стоиши, а князь нагъ лежитъ».

[7]) Тамъ же, I, 113: «Аще и золотомъ шито оплечье будетъ, убій».

[8]) Тамъ же, II, 127.

[9]) Тамъ же, I, 176.

[10]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 87. Нѣкоторые относятъ эту приписку ко временамъ монгольскимъ, основываясь на слѣдующемъ выраженіи: «за наше несытьство навелъ Богъ на ны поганыя, а и скоти наши, и села наши, и имѣнія за тѣми суть; и мы злыхъ своихъ не останемъ». Но во 1) то же самое лѣтописецъ могъ сказать и о половецкихъ нашествіяхъ; во 2) трудно предположить, чтобъ при Монголахъ роскошь была сильнѣе, чѣмъ до нихъ.

[11]) См. Исторіи Р. т. I, стр. 260.

отправился прямо къ волхвамъ; изъ среды окружавшей ихъ толпы вышли къ нему три человѣка и сказали: „Идешь ты на явную смерть, не ходи лучше!“ Въ отвѣтъ Янъ велѣлъ убить ихъ, и шелъ дальше къ остальнымъ; тѣ было-ринулись на него, и одинъ занесъ уже топоръ, но промахнулся, а Янъ, обратя топоръ, ударилъ въ него тыльемъ, приказавши отрокамъ своимъ бить остальныхъ, которые и побѣжали; но въ схваткѣ былъ убитъ священникъ Яновъ. Возвратившись въ городъ къ Бѣлозерцамъ, Янъ сказалъ имъ: „Если вы не перехватаете этихъ волхвовъ, то я цѣлое лѣто пробуду у васъ.“ Бѣлозерцы схватили волхвовъ и привели ихъ къ Яну, который спросилъ у нихъ: „За что вы загубили столько душъ?“ — „За то, отвѣчали волхвы, что они держатъ всякое добро; если истребимъ ихъ, то будетъ во всемъ обиліе; хочешь, передъ твоими глазами выймемъ жито, рыбу или что иное.“ Янъ сказалъ имъ на это: „Все это ложь; сотворилъ Богъ человѣка отъ земли, составленъ онъ изъ костей, жилъ и крови; и ничего другого въ немъ нѣтъ, да и ничего другого о себѣ человѣкъ и знать не можетъ, одинъ Богъ знаетъ.“ Волхвы видѣли, что дѣло дурно для нихъ кончится, и потому начали говорить: „Намъ должно стать предъ Святославомъ, а ты не можешь намъ ничего сдѣлать.“ Янъ въ отвѣтъ велѣлъ ихъ бить и драть имъ бороды; и когда ихъ били, то Янъ спросилъ: „Что вамъ боги ваши говорятъ?“ Волхвы отвѣчали: „Стать намъ предъ Святославомъ.“ Тогда Янъ велѣлъ положить имъ деревянной отрубокъ въ ротъ, привязать къ лодкѣ, и самъ отправился за ними внизъ по Шекснѣ. Когда приплыли къ устью этой рѣки, то Янъ велѣлъ остановиться, и опять спросилъ у волхвовъ: „Что вамъ ваши боги говорятъ?“ Тѣ отвѣчали: „Боги говорятъ, что не быть намъ живымъ отъ тебя.“—„Правду сказали вамъ ваши боги,“ отвѣчалъ имъ Янъ; тогда волхвы начали говорить: „Если отпустишь насъ, то много тебѣ добра будетъ; если же убьешь, то большую печаль примешь и зло“. Онъ сказалъ имъ на это: „Если я отпущу васъ, то зло мнѣ будетъ отъ Бога,“ и потомъ, обратившись къ лодочникамъ, сказалъ имъ: „У кого изъ васъ они убили родныхъ?“ Одинъ отвѣчалъ: „У меня убили мать,“ другой—„У меня сестру,“ третій—„У меня дочь.“—„Ну такъ мстите за своихъ,“ сказалъ имъ Янъ. Лодочники схватили волхвовъ, убили и повѣсили на дубѣ, а Янъ пошелъ домой; на другую ночь медвѣдь взлѣзъ на дубъ и съѣлъ трупы волхвовъ. Лѣтопись прибавляетъ при этомъ любопытное извѣстіе, что въ его время волховали преимущественно женщины чародѣйствомъ и отравою и другими бѣсовскими кознями.

Какъ слабо еще было вкоренено христіанство на сѣверѣ, лучшимъ доказательствомъ служитъ слѣдующій разсказъ лѣтописца: всталъ волхвъ въ Новгородѣ, при князѣ Глѣбѣ Святославичѣ, сталъ говорить къ народу, выдавать себя за бога, и многихъ прельстилъ, почти что весь городъ. Онъ хулилъ вѣру христіанскую, говорилъ, что все знаетъ и что передъ всѣми перейдетъ Волховъ какъ посуху. Въ городѣ всталъ мятежъ, всѣ повѣрили волхву и хотѣли убить епископа; тогда епископъ облачился въ ризы, взялъ крестъ, и, ставши, сказалъ: „Кто хочетъ вѣрить волхву, тотъ пусть идетъ къ нему, а кто вѣруетъ во Христа, тотъ пусть идетъ ко кресту.“ Жители раздѣлились на-двое: князь Глѣбъ съ дружиною пошли и стали около епископа, а простые люди всѣ шли къ волхву, и былъ мятежъ большой между ними. Тогда князь Глѣбъ, взявши потихоньку топоръ, подошелъ къ волхву и спросилъ у него: „Знаешь ли, что будетъ завтра утромъ или вечеромъ?“—„Все знаю,“ отвѣчалъ волхвъ.—„А знаешь ли, спросилъ опять Глѣбъ, что будетъ нынче?“ „Нынче, отвѣчалъ волхвъ, я сдѣлаю большія чудеса.“ Тутъ Глѣбъ вынулъ топоръ и разрубилъ кудесника, а люди, видя его мертвымъ, разошлись. Въ 1091 году явился опять волхвъ въ Ростовѣ, но скоро погибъ.—Изъ этихъ разсказовъ видно, что волхвы вставали и имѣли успѣхъ преимущественно на сѣверѣ, въ странахъ финскихъ; такъ встали волхвы въ Ярославлѣ, въ странѣ финскаго племени Мери; въ Чудь, издавна славную своими волхвами, ходилъ гадать Новгородецъ; въ Ростовѣ Св. Авраамій низвергнулъ послѣдняго каменнаго идола Велеса [1]); въ Муромѣ искорененіе язычества приписывается князю Константину [2]). Изъ славянскихъ племенъ позднѣе другихъ приняли христіанство Вятичи, удаленные вначалѣ отъ главныхъ дорогъ, вслѣдствіе чего послѣ всѣхъ племенъ они подчинились русскимъ князьямъ, послѣ всѣхъ подчинились и христіанству; во второй половинѣ XI вѣка скончался у нихъ мученическою смертію проповѣдникъ христіанства, Св. Кукша, монахъ кіевопечерскій; въ XII вѣкѣ, по словамъ лѣтописца, Вятичи еще сохраняли языческіе обычаи, сожигали мертвецовъ и проч. [3]). Что на югѣ, въ Кіевѣ христіанство было крѣпче утверждено, чѣмъ на сѣверѣ, доказываетъ разсказъ лѣтописца о волхвѣ, который было-явился въ Кіевѣ, но не имѣлъ здѣсь такого успѣха, какъ ему подобные на сѣверѣ; этотъ волхвъ

[1]) Житіе Св. Авраамія, Прологъ 29 октября: «Видѣвъ же преподобный Авраамій прелесть идольскую сущу во градѣ Ростовѣ, не убо бѣша еще граждане пріяли св. крещеніе, по Чудьски живуще и покланяющеся идолу». Тутъ же сказано, что святый былъ оклеветанъ бѣсомъ предъ Владимірскимъ княземъ. По другимъ извѣстіямъ, Велесу поклонялись въ Чудскомъ концѣ города.

[2]) Прологъ мая 21: «Константинъ Святославичъ пришелъ изъ Кіева съ сыновьями Михаиломъ и Ѳеодоромъ къ Мурому, гдѣ нашелъ язычниковъ. «Еще прежде его Св. Глѣбъ много покусився не возможе одолѣти его (Мурома) и обратити во св. крещеніе, но поживѣ вдале его два поприща два лѣта и отъ Святополка позванъ лестію». Константинъ взялъ Муромъ съ большимъ впрочемъ трудомъ, причемъ былъ убитъ сынъ его Михаилъ.—Соображая указаніе на Св. Глѣба, какъ на непосредственнаго предшественника, должно принять, что подъ именемъ Константина разумѣется здѣсь одинъ изъ первыхъ Святославичей, занявшихъ Муромъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 6. Есть преданіе, что жители города Мценска окончательно приняли христіанство только въ XV вѣкѣ, въ княженіе Василія Дмитріевича. Русск. Вивліоѳ. Полеваго, стр. 361.

проповѣдывалъ, что черезъ пять лѣтъ Днѣпръ потечетъ вверхъ, и страны помѣняются мѣстами своими: Греческая Земля станетъ на мѣстѣ Русской, а Русская на мѣстѣ Греческой. Люди несмысленные, говоритъ лѣтописецъ, слушали его, но вѣрные насмѣхались надъ нимъ, говоря: „Бѣсъ играетъ тобою тебѣ же на пагубу," что и сбылось,—въ одну ночь пропалъ волхвъ безъ вѣсти. Въ какихъ слояхъ общества крѣпче была утверждена новая религія, въ какихъ слабѣе, можно видѣть изъ разсказа о новгородскомъ волхвѣ: князь и дружина пошли на сторону епископа, все остальное народонаселеніе, простые люди пошли къ волхву.

Несмотря однако на всѣ эти препятствія, христіанство распространялась постоянно по областямъ, подчиненнымъ Руси; если въ началѣ описываемаго времени все низшее народонаселеніе Новгорода стало на сторону волхва, то въ концѣ, именно въ 1227 году, въ Новгородѣ сожгли четырехъ волхвовъ. Несмотря на то, что и въ Ростовской области финское язычество выставляло сильный отпоръ христіанству, проповѣдники послѣдняго шли далѣе на сѣверъ: въ 1147 г. преподобный Герасимъ, монахъ кіевскаго Глушинскаго монастыря, проповѣдывалъ христіанство въ окрестностяхъ нынѣшней Вологды [1]); новгородскіе выселенцы приносили съ собою свою вѣру въ область Сѣверной Двины и Камы; мы видѣли, вслѣдствіе какихъ обстоятельствъ Русская Церковь не могла успѣшно бороться съ Римскою въ Ливоніи; но за то подъ 1227 годомъ читаемъ, что князь Ярославъ Всеволодовичъ крестилъ множество Корелъ [2]).

Касательно управленія своего, Церковь Русская попрежнему зависѣла отъ Константинопольскаго патріарха, который поставлялъ для нея митрополитовъ, произносилъ окончательный приговоръ въ дѣлахъ церковныхъ, и на судъ его не было аппеляціи. Извѣстія о митрополитахъ русскихъ описываемаго времени очень скудны, что объясняется ихъ чужимъ, греческимъ происхожденіемъ, много препятствовавшимъ обнаруженію ихъ дѣятельности; это чуждое происхожденіе, быть можетъ, было одною изъ причинъ, почему сначала митрополиты жили не въ Кіевѣ, но въ Переяславлѣ [3]): предлагали же послѣ патріарху Іереміи быть Московскимъ патріархомъ, но жить не въ Москвѣ, а во Владимірѣ, по причинѣ его чуженародности. Изъ шестнадцати митрополитовъ [4]), бывшихъ въ это время, замѣчательны: 1) Іоаннъ II-й (1080—1089), о которомъ лѣтописецъ говоритъ, что былъ онъ хитръ книгамъ и ученью, милостивъ къ убогимъ и вдовицамъ, ласковъ со всякимъ, богатымъ и убогимъ, смиренъ и кротокъ, молчаливъ и вмѣстѣ рѣчистъ, когда нужно было книгами святыми утѣшать печальныхъ; такого не было прежде на Руси, да и не будетъ, заключаетъ лѣтописецъ свою похвалу. 2) Никифоръ (1107—1121), замѣчательный своими посланіями къ Владиміру Мономаху. 3) Климентъ Смолятичъ, книжникъ и философъ, какого не было въ Русской Землѣ, по выраженію лѣтописца. Въ начальномъ періодѣ нашей исторіи мы видѣли примѣръ поставленія митрополита изъ Русскихъ русскими епископами, независимо отъ Византійскаго патріарха; въ описываемый періодъ примѣръ этотъ повторился въ 1147 году, когда князь Изяславъ Мстиславичъ поставилъ митрополитомъ Клима, или Климента, родомъ изъ Смоленска, отличавшагося, какъ мы видѣли, ученостью. Думаютъ, что поводомъ къ такому явленію могли быть замѣшательства, происходившія въ то время на патріаршемъ византійскомъ престолѣ, и неудовольствіе князя на бывшаго предъ тѣмъ митрополита Михаила, самовольно уѣхавшаго въ Грецію [5]). Какъ бы то ни было, между собравшимися для посвященія Клима въ Кіевъ епископами обнаружилось сильное сопротивленіе желанію князя; они были не прочь отъ поставленія русскаго митрополита, но требовали, чтобъ Климъ взялъ благословеніе у Константинопольскаго патріарха; они говорили ему: „Нѣтъ того въ законѣ, чтобъ ставить епископамъ митрополита безъ патріарха, а ставитъ патріархъ митрополита; не станемъ мы тебѣ кланяться, не станемъ служить съ тобою, потому что ты не взялъ благословенія у Св. Софіи и отъ патріарха; если же исправишься, благословишься у патріарха, тогда и мы тебѣ поклонимся: мы взяли отъ митрополита Михаила рукописаніе, что не слѣдуетъ намъ безъ митрополита у Св. Софіи служить" [6]). Тогда Онуфрій, епископъ Черниговскій, предложилъ средство къ соглашенію епископовъ, а именно: предложилъ поставить новаго митрополита главою Св. Климента, по примѣру Грековъ, которые ставили рукою Св. Іоанна. Епископы согласились, и Климъ былъ посвященъ. Одинъ только Нифонтъ Новгородскій упорствовалъ до конца, за что терпѣлъ гоненіе отъ Изяслава, а отъ патріарха получилъ грамоты, гдѣ тотъ прославлялъ его и причиталъ къ святымъ; и въ нашей лѣтописи Нифонтъ называется поборникомъ всей Русской Земли [7]). Вообще лѣтописецъ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ сторону Нифонта противъ Изяславова нововведенія; быть можетъ, здѣсь замѣшивались и другія отношенія: лѣтописецъ говоритъ, что Нифонтъ былъ друженъ съ Святославомъ Ольговичемъ; понятно, что въ самомъ Новгородѣ сторона, привер-

[1]) Словарь Историч. о святыхъ, прославленныхъ въ Русс. Церкви.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 191.

[3]) Тамъ же, стр. 89: «Вѣ бо прежде въ Переяславли митрополья».

[4]) Георгій, Іоаннъ II, Іоаннъ III, Ефремъ (?), Николай, Никифоръ, Никита, Михаилъ II, Климентъ Смолятичъ, Константинъ I-й, Ѳеодоръ, Іоаннъ IV, Константинъ II, Никифоръ II, Матѳей, Кириллъ I-й.

[5]) Очеркъ исторіи Русской Церкви въ періодъ до-татарскій, соч. Арх. Макарія, Спб., стр. 47.

[6]) Эти послѣднія слова любопытны: они показываютъ, что Михаилъ уѣхалъ по неудовольствію, и, боясь отъ русскаго правительства попытки къ отложенію, взялъ слово съ епископовъ не служить въ Софійскомъ соборѣ безъ митрополита, присланнаго изъ Византіи.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 79.

женная къ Мстиславичамъ, непріязненно смотрѣла на Нифонта, и лѣтописецъ даетъ знать, что многіе здѣсь говорили про него дурно [1]). — Когда, по смерти Изяслава, Юрій Долгорукій получилъ старшинство, то сторона, стоявшая за право патріарха, восторжествовала, Климъ былъ свергнутъ и на его мѣсто былъ присланъ изъ Царяграда митрополитъ Константинъ I-й. Первымъ дѣломъ новаго митрополита было проклясть память покойнаго князя Изяслава; но этотъ поступокъ не остался безъ вредныхъ слѣдствій для Русской Церкви и для самого Константина. Когда, по смерти Долгорукаго, сынъ Изяслава, Мстиславъ доставилъ Кіевскій столъ дядѣ Ростиславу, то требовалъ непремѣнно сверженія Константина за то, что послѣдній клялъ отца его; съ своей стороны, дядя его Ростиславъ не хотѣлъ возстановить Клима, какъ неправильно избраннаго; наконецъ, для прекращенія смуты, князья положили свести обоихъ митрополитовъ и послать къ патріарху за третьимъ; патріархъ исполнилъ ихъ желаніе и прислалъ новаго митрополита, Грека Өеодора.

Несмотря на возстановленіе права патріарха присылать въ Кіевъ отъ себя митрополита, великіе князья не отказывались отъ права принимать только такихъ митрополитовъ, которые были имъ угодны. Такъ, въ 1164 году, в. князь Ростиславъ Мстиславичъ возвратилъ назадъ митрополита Іоанна, присланнаго патріархомъ безъ его воли; много труда и даровъ стоило императору убѣдить Ростислава принять этого Іоанна; есть извѣстіе, что великій князь отвѣчалъ императорскому послу: „Если патріархъ безъ нашего вѣдома впередъ поставитъ въ Русь митрополита, то не только не приму его, но и постановимъ однажды навсегда—избирать и ставить митрополитовъ епископамъ русскимъ съ повелѣнія великаго князя“ [2]). Послѣ неудачной попытки освободить русскаго митрополита изъ-подъ власти Константинопольскаго патріарха, видимъ неудачную попытку къ освобожденію Сѣверной Руси отъ церковнаго вліянія Южной, къ освобожденію Владимірскаго епископа изъ-подъ власти Кіевскаго митрополита. Въ лѣтописи [3]) встрѣчаемъ извѣстіе, что Андрей Боголюбскій хотѣлъ имѣть для Владиміра-Залѣсскаго особаго митрополита, и просилъ объ этомъ Константинопольскаго патріарха, но тотъ не согласился. Князь покорился рѣшенію патріарха, но не хотѣлъ покориться ему епископъ Өеодоръ, не хотѣлъ подчиниться Кіевскому митрополиту на томъ основаніи, что поставился въ Константинополѣ, отъ самого патріарха [4]), и когда князь Андрей сталъ уговаривать его идти въ Кіевъ для полученія благословенія отъ митрополита, то Өеодоръ затворилъ церкви во Владимірѣ. Андрей послалъ его насильно въ Кіевъ, гдѣ митрополитъ Константинъ II-й, Грекъ, рѣшился неслыханною строгостью задавить попытку сѣвернаго духовенства къ отложенію отъ Кіева: Өеодора обвинили всѣми винами и наказали страшнымъ образомъ. Вотъ самый разсказъ лѣтописца объ этомъ: „Въ 1172 году сотворилъ Богъ и Св. Богородица новое чудо въ городѣ Владимірѣ; изгналъ Богъ и Св. Богородица Владимірская злаго, пронырливаго и гордаго льстеца, лживаго владыку Өеодорца, изъ Владиміра отъ Св. Богородицы церкви Златоверхой, и отъ всей Земли Ростовской. Нечестивецъ этотъ не захотѣлъ послушаться христолюбиваго князя Андрея, приказывавшаго ему идти ставиться къ митрополиту въ Кіевъ, не захотѣлъ, но, лучше сказать, Богъ не захотѣлъ его и Св. Богородица, потому что, когда Богъ захочетъ наказать человѣка, то отниметъ отъ него умъ. Князь былъ къ нему расположенъ, хотѣлъ ему добра, а онъ не только не захотѣлъ поставленія отъ митрополита, но и церкви всѣ во Владимірѣ затворилъ и ключи церковные взялъ, и не было ни звона, ни пѣнія по всему городу и въ соборной церкви, въ которой чудотворная Матерь Божія,—и ту церковь дерзнулъ затворить, и такъ разгнѣвалъ Бога и Св. Богородицу, что въ тотъ же день былъ изгнанъ. Много пострадали люди отъ него: одни лишались селъ, оружія, коней, другіе обращены были въ рабство, заточены, разграблены, и не только простые люди, но и монахи, игумены, іереи; немилостивый былъ мучитель,—однимъ головы рубилъ и бороды рѣзалъ, другимъ глаза выжигалъ и языки вырѣзывалъ, иныхъ распиналъ на стѣнѣ и мучилъ немилостиво, желая исторгнуть отъ нихъ имѣніе: до имѣнія былъ жаденъ какъ адъ. Князь Андрей послалъ его къ митрополиту въ Кіевъ, а митрополитъ Константинъ обвинилъ его всѣми винами, велѣлъ отвести на Песій островъ, гдѣ ему отрѣзали языкъ, какъ злодѣю еретику, руку правую отсѣкли и глаза выкололи, потому что хулу произнесъ на Св. Богородицу... Безъ покаянія пробылъ онъ до послѣдняго издыханія. Такъ почитаютъ бѣсы почитающихъ ихъ: они довели его до этого, вознесли мысль его до облаковъ, устроили въ немъ втораго Сатаніила, и свели его въ адъ... Видя Богъ озлобленіе кроткихъ людей своихъ Ростовской Земли, погибающихъ отъ звѣрояднаго Өеодорца, посѣтилъ, спасъ людей своихъ рукою крѣпкою, мышцею высокою, рукою благочестивою царскою правдиваго, благовѣрнаго князя Андрея. Это мы написали для

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 12. «Шьлъ бяше (Нифонтъ) Кыеву противу митрополита, иніи же мнози глаголаху яко получивъ св. Софію, поиде къ Царюграду, и много глаголаху нань». Никон. II, 154: «Имѣнія много истощи и раздаде ово патріарху Константино-градскому и прочимъ сущимъ тамо, ово митрополиту Кіевскому и инымъ многимъ».

[2]) Эти слова находятся только въ сводѣ лѣтописей Татищева; но что отвѣтъ в. князя находился и въ другихъ спискахъ, доказательствомъ служитъ его изглаженіе или пропускъ въ нихъ: такъ Археогр. Коммисія свидѣтельствуетъ, что послѣ словъ императорскаго посла Ростиславу: «аще приметши съ любовью благословеніе отъ св. Софьи», находится пропускъ во всѣхъ спискахъ, съ пробѣломъ въ одномъ (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 92); Карамзинъ говоритъ также, что въ его экземплярахъ Кіевской лѣтописи въ этомъ именно мѣстѣ пропускъ (II, прим. 414).

[3]) Никон. II, 179.

[4]) Никон. II, стр. 296.

того, чтобъ впередъ другіе не наскакивали на святительскій санъ, но пусть удостоиваются его только тѣ, кого Богъ позоветъ[1])".—Изъ приведеннаго мѣста лѣтописи видно, что лежитъ на основѣ обвиненія: бѣсы вознесли мысль Ѳеодора до облаковъ и устроили въ немъ втораго Сатаніила: „Мы написали это, говорится взаключеніе, дабы впередъ никто не смѣлъ наскакивать на святительскій санъ". Во сколько преступленія Ѳеодора преувеличены тѣми, которые могли желать обвинить его всѣми винами,—теперь рѣшить трудно; для историка это явленіе особенно замѣчательно, какъ попытка епископа Сѣверной Руси отложиться отъ Кіевскаго митрополита.

Попытка эта не удалась; митрополитъ Кіевскій продолжалъ поставлять епископовъ во всѣ епархіи Русской Церкви, которыхъ были 15 въ описываемое время[2]); но какъ в. князья кіевскіе позволяли Константинопольскому патріарху присылать къ нимъ митрополитовъ только съ ихъ согласія, такъ и князья другихъ волостей не позволяли Кіевскому митрополиту назначать епископовъ въ ихъ города по собственному произволу: такъ, напр., когда въ 1183 году митрополитъ Никифоръ поставилъ епископомъ въ Ростовъ Грека Николая, то Всеволодъ III-й не принялъ его и послалъ сказать митрополиту: „Не избрали его люди земли нашей; но если ты его поставилъ, то и держи его гдѣ хочешь, а мнѣ поставь Луку, смиреннаго духомъ и кроткаго игумена Св. Спаса на Берестовѣ[3])". Митрополитъ сперва отказался поставить Луку, но послѣ принужденъ былъ уступить волѣ Всеволода и Кіевскаго князя Святослава, и посвятилъ его въ епископы Суздальской Земли, а своего Николая Грека послалъ въ Полоцкъ; къ Грекамъ, какъ видно, не были вообще очень расположены, что замѣчаемъ изъ отзыва лѣтописца о Черниговскомъ епископѣ Антоніи: „Онъ говорилъ это на словахъ, а въ сердцѣ затаилъ обманъ, потому, что былъ родомъ Грекъ".—Такимъ образомъ избраніе епископовъ не принадлежало исключительно митрополиту. Но какъ же происходило это избраніе? Въ Новгородѣ, при избраніи епископа, въ совѣщаніи участвовали: князь, игумены, Софьяны (люди, принадлежавшіе къ вѣдомству Софійскаго собора), бѣлое духовенство (попы); въ случаѣ несогласія бросали жребій, и избраннаго такимъ образомъ посылали къ митрополиту на поставленіе; вотъ лѣтописный разсказъ объ избраніи владыки Мартирія[4]): „Преставился Гавріилъ, архіепископъ Новгородскій; Новгородцы, съ княземъ Ярославомъ, съ игуменами, Софьянами и съ попами стали разсуждать, кого бы поставить на его мѣсто: одни хотѣли поставить Митрофана, другіе Мартирія, третьи—Грека; начались споры, для прекращенія которыхъ положили въ Софійской церкви на престолѣ три жребія, и послали съ вѣча слѣпца вынуть ихъ; вынулось Мартирію, за которымъ немедленно послали въ Русу, привезли и посадили во дворѣ Св. Софіи, а къ митрополиту послали сказать: „Поставь намъ владыку". Митрополитъ прислалъ за нимъ съ великою честію, и пошелъ Мартирій въ Кіевъ съ лучшими мужами, былъ принятъ съ любовію княземъ Святославомъ и митрополитомъ, и посвященъ въ епископы". Въ другихъ областяхъ выборъ зависѣлъ, большею частію, отъ воли князя: такъ читаемъ въ лѣтописи, что, по смерти Бѣлгородскаго епископа Максима, великій князь Рюрикъ поставилъ на его мѣсто отца своего духовнаго, Адріана, игумена Выдубицкаго[5]). Какъ старались иногда князья объ избраніи епископовъ, указываетъ мѣсто изъ письма епископа Симона къ Печерскому монаху Поликарпу: „Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, хочетъ поставить тебя епископомъ, или во Новгородъ на Антоніево мѣсто, или въ Смоленскъ на Лазарево мѣсто, или въ Юрьевъ на Алексѣево мѣсто; пишетъ, что если понадобится для этого раздать и тысячу гривенъ серебра, то не пожалѣетъ[6])." Какъ при избраніи епископовъ имѣли вліяніе то народъ, то князь, такъ точно возстаніе народа или неудовольствіе князя могли быть причинами низложенія и изгнанія епископовъ; мы видѣли примѣръ, какъ однажды въ Новгородѣ простой народъ выгналъ владыку Арсенія потому, что на дворѣ долго стояла теплая погода; при этомъ слышались обвиненія, что Арсеній выпроводилъ предшественника своего, владыку Антонія, въ монастырь, а самъ сѣлъ на его мѣсто, задаривши князя. Это обвиненіе указываетъ на сильное вліяніе князя при избраніи епископа даже въ Новгородѣ; съ другой стороны, Всеволодъ III-й не хочетъ принять епископа Николая, потому что не избрали его люди Земли Суздальской; Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ говоритъ, что онъ привелъ епископа въ Смоленскъ, сдумавъ съ людьми своими. Въ 1159 году Ростовцы и Суздальцы выгнали своего епископа Леона[7]); но, по другимъ извѣстіямъ, виновникомъ изгнанія былъ князь Андрей Боголюбскій[8]), который возвратилъ потомъ изгнаннаго, и снова изгналъ.

---

[1]) При внимательномъ изслѣдованіи этого мѣста лѣтописи можно подумать, что это оффиціальный современный актъ, именно посланіе митрополита, извѣщающее о преступленіи и наказаніи епископа Ѳеодора, и занесенное въ лѣтопись ея составителемъ, съ перемѣною нѣкоторыхъ немногихъ формъ; въ этомъ мнѣніи утверждаетъ меня сличеніе приведеннаго мѣста съ извѣстными посланіями митрополитовъ и другихъ духовныхъ лицъ.—Любопытно выраженіе нѣкоторыхъ лѣтописей о Ѳеодорѣ: «бѣлый клубучекъ» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 12).

[2]) Новгородская, Ростовская, Владимірская, Волынская, Бѣлогородская, Черниговская, Юрьевская, Переяславская, Холмская, Полоцкая, Туровская, Смоленская, Перемышльская, Галицкая, Рязанская, Владимірская на Клязьмѣ.

[3]) Воскрес. (II, 108) прибавляетъ: «зане поставилъ бѣ на мъздѣ Николу Гречина».

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 21.

[5]) Тамъ же, II, 138; Никон. II, 363.

[6]) Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 255.

[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149.

[8]) Тамъ же, II, 91.

Кромѣ права рукополагать епископовъ, митрополитъ имѣлъ право суда и расправы надъ ними: въ 1055 г. Новгородскій епископъ Лука Жидята, по ложному доносу на него, осужденъ былъ митрополитомъ Ефремомъ, и три года содержался въ Кіевѣ до оправданія [1]); Ростовскій епископъ Несторъ, оклеветанный своими же домашними, лишенъ былъ на время епархіи митрополитомъ Константиномъ [2]); наконецъ мы видѣли поведеніе митрополита относительно Владимірскаго епископа Ѳеодора. Въ важныхъ случаяхъ, напр. при поставленіи Клима Смолятича въ митрополиты, также особенно по поводу ересей и неправыхъ толковъ, созывались соборы въ Кіевѣ. Ереси въ описываемое время были: ересь Павликіанъ, или Богомиловъ, которую пытался распространить на Руси монахъ Адріанъ еще въ 1004 году; Адріанъ, заключенный въ темницу, отказался отъ своего ученія; но въ 1123 году попытка была возобновлена какимъ-то Дмитромъ, который однако былъ скоро сосланъ въ заточеніе [3]); въ 1149 году явился въ Кіевъ изъ Константинополя еретикъ Мартинъ, изложившій свое ученіе въ особой книгѣ, носившей названіе „Правда". Семь лѣтъ распространялъ Мартинъ свое ученіе въ Кіевѣ, успѣлъ привлечь на свою сторону не только множество простаго народа, но и многихъ изъ духовенства, пока наконецъ Кіевскій соборъ, въ 1157 году, не осудилъ его ученіе; Константинопольскій соборъ подтвердилъ рѣшеніе Кіевскаго, и еретикъ былъ сожженъ въ Царѣградѣ. Мы упоминали уже о епископѣ Леонѣ, изгнанномъ Ростовцами и Суздальцами; въ Сѣверной лѣтописи, подъ 1159 годомъ, причиною изгнанія приводится то, что онъ разорялъ священниковъ умноженіемъ церквей [4]). Подъ 1162 г., тотъ же лѣтописецъ говоритъ о началѣ ереси Леонтиніанской; по его разсказу, епископъ Леонъ не по правдѣ поставился епископомъ въ Суздаль, потому что прежній Суздальскій епископъ Несторъ былъ еще живъ. Леонъ сталъ учить, что не должно ѣсть мяса въ господскіе праздники, если они случатся въ середу или пятницу, ни въ Рождество Господне, ни въ Крещенье; по этому случаю былъ сильный споръ [5]) предъ княземъ Андреемъ и всѣми людьми; Леона переспорили, но онъ отправился въ Константинополь для рѣшенія дѣла; здѣсь оспорилъ его Адріанъ, епископъ Болгарскій, предъ императоромъ Мануиломъ, причемъ Леонъ началъ-было говорить противъ самаго императора, слуги котораго ударили Леона въ шею и хотѣли-было утопить въ рѣкѣ; свидѣтелями всего этого были послы — кіевскій, суздальскій, переяславскій и черниговскій. Иначе разсказываетъ дѣло южная лѣтопись [6]) подъ 1162 годомъ: по ея словамъ, князь Андрей Боголюбскій выгналъ епископа Леона вмѣстѣ съ братьями своими и боярами отцовскими, желая быть самовластцемъ, потомъ епископа возвратилъ, покаялся въ грѣхѣ своемъ, возвратилъ впрочемъ въ Ростовъ, а не въ Суздаль, и держалъ его четыре мѣсяца на епископіи; но послѣ сталъ у него просить позволенія ѣсть мясо по середамъ и по пятницамъ отъ Свѣтлаго Воскресенія до Всѣхъ Святыхъ; епископъ не позволилъ ему этого, и былъ изгнанъ вторично, пришелъ въ Черниговъ къ Святославу Ольговичу; тотъ утѣшилъ его и отпустилъ въ Кіевъ къ Ростиславу. Но этимъ дѣло не кончилось; незадолго до взятія Кіева войсками Андрея Боголюбскаго, Печерскій игуменъ Поликарпъ съ братіею положили ѣсть сыръ, масло, яица и молоко во всѣ господскіе праздники, если случатся въ середу или пятницу. На это соглашался Святославъ, князь Черниговскій, и другіе князья и епископы, но митрополитъ запрещалъ,— и были по этому случаю большіе споры и распри. Тогда великій князь Мстиславъ Изяславичъ положилъ созвать соборъ изъ всѣхъ епископовъ, игуменовъ, священниковъ и ученыхъ монаховъ, и сошлось ихъ до полутораста. На соборѣ мнѣнія раздѣлились: одни держались митрополита, между прочими два епископа, Антоній Черниговскій и Антоній Переяславскій, другіе — Поликарпа; но большая часть, не желая досаждать ни митрополиту, ни князьямъ, отговаривались, что не въ состояніи рѣшить этого вопроса, и что положить такъ или иначе зависитъ отъ митрополита и отъ игуменовъ въ ихъ монастыряхъ; нѣкоторые наконецъ думали, что надобно отослать дѣло на рѣшеніе патріарха. Андрей Боголюбскій писалъ къ Мстиславу, что надобно свергнуть митрополита, выбрать русскимъ епископамъ новаго, и потомъ разсмотрѣть дѣло безпристрастно на соборѣ, представляя, что зависимость отъ патріарха Константинопольскаго тяжела и вредна для Руси. Но князь Мстиславъ, зная уже нерасположеніе къ себѣ многихъ князей и боясь, съ другой стороны, раздражить и епископовъ, оставилъ дѣло безъ рѣшенія; но когда всѣ несогласные съ митрополитомъ епископы разошлись, тогда митрополитъ съ двумя Антоніями, Черниговскимъ и Переяславскимъ, осудили Поликарпа на заточеніе; а князь Святославъ Всеволодовичъ Черниговскій выгналъ изъ своего города епископа Антонія [7]). Любопытно, что сѣверный лѣтописецъ во взятіи и опустошеніи Кіева войсками Боголюбскаго видитъ наказаніе за грѣхи Кіевлянъ, особенно за неправду митрополита, который запретилъ Поликарпа [8]).

Относительно матеріальнаго благосостоянія Церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили: 1) Десятина, которую опредѣляли князья изъ своихъ доходовъ на главныя церкви въ своихъ волостяхъ: такъ еще Св. Владиміръ опредѣлилъ въ пользу кіевской Богородичной

---

[1]) Никон. I, 150, 151.
[2]) Тамъ же, II, 156.
[3]) Никон. II, 56.
[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 149: «зане умножилъ баше церкви грабяй попы».
[5]) Тамъ же, стр. 150.
[6]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 91.
[7]) Татищ. III, 160.
[8]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 151.

церкви десятую часть имѣнія и доходовъ своихъ; о князѣ Ярополкѣ Изяславичѣ Волынскомъ лѣтописецъ говоритъ, что онъ давалъ десятину отъ всего своего имѣнія Св. Богородицѣ, но безъ точнаго опредѣленія, именно ли въ кіевскую Богородичную церковь давалъ онъ десятину [1]), потому что подъ Св. Богородицею могъ разумѣться и монастырь Печерскій, какъ разумѣется онъ послѣ, въ разсказѣ о щедрости того же Ярополка [2]). Андрей Боголюбскій далъ Богородичной Владимірской церкви десятины въ стадахъ своихъ и торгъ десятый [3]). 2) Недвижимыя имѣнія: кіевской Десятинной церкви принадлежалъ городъ Полонный [4]); Андрей Боголюбскій далъ владимірской Богородичной церкви городъ Гороховецъ [5]), кромѣ того далъ слободы и села; и городъ былъ не одинъ: это видно какъ изъ лѣтописи [6]), такъ и изъ письма епископа Владимірскаго Симона къ кіевопечерскому монаху Поликарпу: „Кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ — красота всего города, да другая въ Суздалѣ, которую самъ построилъ? Сколько у нихъ городовъ и селъ? и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость“; по всѣмъ вѣроятностямъ, эти доходы шли не на одного митрополита и епископовъ, но также на поддержаніе и украшеніе самихъ церквей, на содержаніе клира, больницъ, богадѣленъ [7]), училищъ. 3) Судныя духовныя пошлины; 4) Ставленныя пошлины, взимаемыя за поставленіе священно и церковно-служителей. Относительно содержанія низшаго духовенства до насъ не дошло никакихъ извѣстій; мы видимъ, что Ярославъ I-й, строя церкви повсюду, назначилъ содержаніе духовенству; должно думать, что и впослѣдствіи князья и частные люди, строя церковь, назначали извѣстные имущества или доходы на ея содержаніе и причта. Это всего лучше можно видѣть изъ уставной грамоты Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, данной церкви Св. Іоанна Предтечи на Опокахъ [8]). Въ этой грамотѣ князь Всеволодъ говоритъ, что онъ поставилъ церковь Св. Іоанна на Петрятинѣ дворищѣ, снабдилъ ее иконами многоцѣнными и всякими книгами, приставилъ поповъ, дьякона и дьяка, на церковное строеніе далъ отъ имѣнія своего вѣсъ вощаной, съ оставленіемъ только части для себя, да въ Торжкѣ пудъ вощаной, половина Св. Спасу, а половина Св. Іоанну. Изъ этого вощанаго вѣсу попы, дьяконъ, дьякъ и сторожа получаютъ свои оброки (годовое жалованье). При этой церкви Св. Іоанна устроена была торговая община; князь Всеволодъ говоритъ въ грамотѣ: „Я поставилъ Св. Іоанну троихъ старостъ отъ житыхъ людей, а отъ черныхъ тысяцкаго, отъ купцовъ двоихъ старостъ, пусть управляютъ всякими дѣлами Ивановскими, и торговыми, и гостинными, и судомъ торговымъ, а посадники и бояре новгородскіе ни во что Ивановское не вступаются. А кто захочетъ вложиться въ Ивановское купечество, долженъ дать купцамъ пошлымъ (старымъ членамъ общины) вкладу пятьдесятъ гривенъ серебра, а тысяцкому сукно ипское, и часть этой суммы купцы должны положить въ казну церковную. Вѣсъ вощаной долженъ всегда находиться въ притворѣ Св. Іоанна; вѣшаютъ старосты ивановскіе, двое купцовъ пошлыхъ, добрыхъ людей, не пошлымъ купцамъ староства не держать и вѣсу не вѣсить Ивановскаго“. Потомъ опредѣляется въ грамотѣ величина вѣсовыхъ пошлинъ съ гостей—низовыхъ, полоцкихъ и смоленскихъ, новоторжскихъ и Новгородцевъ: низовый гость платилъ больше всѣхъ, полоцкій и смоленскій меньше, Новоторжанинъ еще меньше, свой Новгородецъ—меньше всѣхъ.

Кромѣ грамоты, данной церкви Іоанна Предтечи, Всеволодъ далъ Новгороду еще другую, сходную съ уставомъ Св. Владиміра, съ нѣкоторыми впрочемъ дополненіями и перемѣнами. Въ ней читаемъ: „Возвахъ есмь 10 сотскихъ и старосту Болеслава и бирича Мирошку и старосту Иванскаго Васяту, и погадалъ есмь со владыкою и съ своею княгинею и съ своими боляры и со десятью сотскими и съ старостами. Далъ есми судъ и мѣрила въ Новгородѣ Св. Софіи и епископу, и старостѣ Ивановскому, и всему Новуграду мѣрила торговая, скалвы вощаныя, пуды медовые и гривенку рублевую, и локоть Иванскій, и свой оброкъ купецъ черн(и)цамъ; а попу Иванскому русская пись съ Борисоглѣбскимъ на полы; и сторожу Иванскому русской порочицы пятно, да десять конюховъ соли. Домъ Св. Софіи владыкамъ строити съ сотскими; а старостамъ и торговцамъ докладывая владыки или кто будетъ нашего роду князей въ Новѣградѣ, строити домъ Св. Ивана. Торговая вся вѣсы, мѣрила. . . епископу блюсти безъ пакости, ни умаливати, ни умноживати и на всякій годъ извѣшивати. А скривится, а кому приказано, и того казнити близко смерти, а животъ его на трое; треть живота Св. Софіи, а другая треть Св. Ивану, а третья треть сотскимъ и Новуграду. А се церковныи люди: игуменъ, игуменія, попъ, діаконъ и дѣти ихъ; а и кто въ крылоси: попадья, чернецъ, черница, поломникъ (при-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88.

[2]) Тамъ же, II, 82.

[3]) По свидѣтельству Степенной книги (I, 157), Св. Владиміръ опредѣлилъ давать десятину каждому князю главной соборной церкви въ его волости.

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 153.

[5]) Тамъ же, II, 117; I, 201.

[6]) Тамъ же, I, 160: «да городы».

[7]) Опис. Рукоп. Румянц. Муз. стр. 294.

[8]) Въ подлинности этой грамоты не можетъ быть сомнѣнія: къ счастію, до насъ дошло два ея списка (Дополн. къ Акт. Истор. I, № 3), изъ сличенія которыхъ можно ясно видѣть, какимъ искаженіямъ подвергались грамоты отъ переписчиковъ: въ началѣ одного списка читаемъ: «Се язъ князь великій Всеволодъ, нареченный во св. крещеніи Гавріилъ, самодержецъ сынъ Мстиславль, внукъ Володимеровъ Мономаха властвующа всею Русскою Землею и властію Новгородскою». А въ другомъ спискѣ послѣднія слова отнесены не къ Мономаху, а къ самому Всеволоду, и читаемъ: «владычествующю ми всею Русскою Землею и всею областью Новгородскою», откуда выходитъ историческая несообразность, заставляющая заподозрить подлинность грамоты.

шлецъ), свѣщегасъ, сторожникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, пущеникъ, задушный человѣкъ, изгойской (изгои трои): поповъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, холопъ изъ холопства выкупится, купецъ одолжаетъ; а и четвертое изгойство и себе приложимъ: аще князь осиротѣетъ.... А се изыскахомъ: у третьей женѣ и у четвертой дѣтямъ прелюбодѣйная часть въ животѣ. Аще будетъ полнъ животомъ, ино дастъ дѣтемъ третіей жены и четвертой по уроку; занеже тѣ и отъ закона отлучени. Изъ велика живота дать урочная часть по оскуду; а изъ мала живота какъ рабочичищу часть, коня да доспѣхъ и покрутъ".

Къ 1137 году относится Уставъ, данный княземъ Святославомъ Ольговичемъ новгородскому Софійскому собору; въ началѣ его князь Святославъ ссылается на прадѣдовъ и дѣдовъ своихъ, которые установили брать епископамъ десятину отъ даней, виръ и продажъ, отъ всего, что входитъ въ княжой дворъ [1]). Къ 1150 году относятся уставныя грамоты Смоленскаго князя Ростислава Мстиславича и епископа Мануила, данныя епископіи Смоленской [2]). Вслѣдствіе давняго соединенія Смоленской волости съ Переяславскою подъ властію одного князя, церковь Смоленская находилась подъ вѣдомствомъ епископа Переяславскаго. Это соединеніе должно было имѣть впослѣдствіи большія невыгоды уже по самому отдѣленію Смоленской волости отъ Переяславской, отрѣзываемыхъ другъ отъ друга почти всегда враждебною волостію Черниговскою; уже сынъ Мономаха, Мстиславъ имѣлъ намѣреніе учредить въ Смоленскѣ особую епископію; понятно, что сынъ его, Смоленскій князь Ростиславъ спѣшилъ привести въ исполненіе мысль отцовскую. Ростиславъ говоритъ въ началѣ грамоты, что онъ устанавливаетъ епископію, посовѣтовавшись съ людьми своими, по повелѣнію отца своего святаго, и для содержанія епископа съ клиросомъ даетъ церкви Св. Богородицы и епископу прощениковъ съ медомъ, кунами и продажами, съ запрещеніемъ судить ихъ кому-либо другому, кромѣ епископа; даетъ церкви и епископу десятину отъ всѣхъ даней смоленскихъ, что сходится въ нихъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи, виры и кромѣ полюдья. Сверхъ того, князь далъ нѣсколько селъ, съ изгоями и съ землею; судъ церковный утвержденъ исключительно за епископомъ. Въ концѣ грамоты Ростиславъ говоритъ, что если кто захочетъ по зависти приложить опять Смоленскую епископію къ Переяславской, то князь имѣетъ право отнять все данное на содержаніе епископа.

Эта грамота Ростислава Мстиславича, не представляющая никакихъ несообразностей, не могущая слѣдовательно подать поводъ ни къ какимъ заподозриваніямъ, служитъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу церковныхъ уставовъ Владиміра Св. и Ярослава І-го, потому что, подобно имъ, заключаетъ въ себѣ уставъ о судахъ церковныхъ, принадлежавшихъ епископу. Выше было замѣчено, что необходимо отнести начало церковнаго суда ко временамъ введенія христіанства въ Русь, необходимо отнести первые уставы о немъ ко временамъ Владиміра и Ярослава, хотя бы и не въ той формѣ, въ какой они дошли до насъ; что же касается до признанія и употребленія этихъ уставовъ въ описываемое время, т.-е. отъ 1054 до 1228 года, то въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Руководствомъ, кормчею книгою при церковномъ управленіи и судахъ былъ принятъ у насъ съ самаго начала Номоканонъ, которымъ руководствовалась Церковь Греческая. Должно думать, что онъ употреблялся въ описываемое время и въ греческомъ подлинникѣ, потому что митрополиты и нѣкоторые епископы были изъ Грековъ, и въ славянскомъ переводѣ, ибо есть свидѣтельства изъ XVI вѣка о существованіи тогда харатейныхъ славянскихъ кормчихъ, писанныхъ при Ярославѣ І-мъ и сынѣ его Изяславѣ [3]);—что же касается до правъ духовенства, какъ сословія, то оно было свободно отъ гражданскаго суда, службы и податей гражданскихъ [4]).

Мы видѣли важное значеніе духовенства въ первыя времена введенія христіанской вѣры въ Русь, когда епископы являлись необходимыми совѣтниками князя во всемъ, касавшемся наряда въ странѣ; въ описываемое время это значеніе нисколько не уменьшилось: духовенство принимаетъ сильное участіе въ событіяхъ, въ примиреніяхъ князей, въ утишеніи народныхъ возстаній; мы видѣли, что послѣ ослѣпленія Василька Кіевляне отправили къ Мономаху митрополита Николая, который уговорилъ князя помириться съ Святополкомъ; Мономахъ послушался митрополита, ибо чтилъ санъ святительскій, говоритъ лѣтописецъ. Игуменъ Григорій помѣшалъ войнѣ между Мстиславомъ Владиміровичемъ и Всеволодомъ Ольговичемъ Черниговскимъ. Вячеславъ употребилъ митрополита для переговоровъ съ тѣмъ же Всеволодомъ Ольговичемъ. Бѣлогородскій епископъ Ѳеодоръ и Печерскій игуменъ Ѳеодосій были посредниками при заключеніи мира между великимъ княземъ Изяславомъ Мстиславичемъ и черниговскими князьями. Когда Юрій Долгорукій хотѣлъ выдать Ярославу Галицкому двоюроднаго брата его, то митрополитъ сталъ говорить Юрію: „Грѣхъ тебѣ, поцѣловавши Ивану крестъ, держать его въ такой нуждѣ, а теперь еще хочешь выдать на убійство",—и Юрій послушался митрополита. Когда Венгры завладѣли Галичемъ,

---

[1]) Русскія достопамятн. I, стр. 82.
[2]) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 4.

[3]) Обозрѣніе Кормчей книги, барона Розенкампфа. Очеркъ Истор. Рус. Цар. Мак., стр. 127. Вообще о значеніи Кормчей—статья Калачева въ Чтеніяхъ М. И. О. годъ III, № 3.
[4]) Исторія Русск. церк. I, 191, 192. Посланіе патріарха Германа къ митрополиту Кириллу 1228 г.: «Нѣкоторые въ странѣ русской покупаютъ людей, выучиваютъ ихъ и приводятъ къ епископамъ для поставленія въ духовный санъ, не освободивъ отъ рабства».—Патріархъ требуетъ прекращенія этого. См. Опис. Рум. Муз., стр. 304.

то митрополитъ поднималъ князей отнять русскую волость у иноплеменниковъ. Митрополитъ Никифоръ, для предупрежденія войны между Рюрикомъ Ростиславичемъ и Всеволодомъ III-мъ, взялъ на себя клятву, данную Рюрикомъ зятю своему Роману Волынскому, причемъ сказалъ: „Князь! мы приставлены въ Русской Землѣ отъ Бога удерживать васъ отъ кровопролитія". Тотъ же митрополитъ помирилъ послѣ Рюрика съ Романомъ. Тимоѳей, духовникъ Мстислава Торопецкаго, помирилъ этого князя съ боярами. Въ Новгородѣ архіепископъ не разъ является укротителемъ народныхъ возстаній, примирителемъ враждующихъ сторонъ, посредникомъ между гражданами и князьями. Въ тотъ вѣкъ когда понятія о народномъ правѣ были слабы, и не стыдились убивать или задерживать пословъ, если рѣчи ихъ не нравились, послами обыкновенно отправлялись духовныя лица, потому что за нихъ менѣе можно было опасаться, при всеобщемъ уваженіи къ ихъ сану.

Въ людяхъ описываемаго времени не трудно замѣтить особенное расположеніе и уваженіе къ монашеству; уваженіе это пріобрѣли по праву древніе русскіе иноки, особенно иноки Кіевопечерскаго монастыря своими подвигами. Въ тогдашнемъ обществѣ, грубомъ, полу-языческомъ еще, въ которомъ новыя, лучшія понятія, принесенныя христіанствомъ, встрѣчали могущественное сопротивленіе, первые монастыри представляли особое, высшее общество, гдѣ новый порядокъ вещей, новая религія проповѣдывалась не словомъ только, но дѣломъ. За стѣнами монастыря грубымъ страстямъ давался полный разгулъ при первомъ удобномъ случаѣ; въ стѣнахъ монастыря—одинъ ѣстъ черезъ день просвиру, носитъ власяницу, никогда не ляжетъ спать, но вздремнетъ иногда сидя, не выходитъ на свѣтъ изъ пещеры; другой не ѣстъ по цѣлымъ недѣлямъ, надѣлъ вериги и закопался по плеча въ землю, чтобы убить въ себѣ похоть плотскую; третій поставилъ у себя въ пещерѣ жернова, бралъ изъ закромовъ зерновой хлѣбъ и ночью мололъ его, чтобъ заглушить въ себѣ корыстолюбивые помыслы, и достигъ наконецъ того, что сталъ считать золото и серебро за ничто. Входя въ монастырскія ворота, мірянинъ переселялся въ иной, высшій міръ, гдѣ все было чудесно, гдѣ воображеніе его поражалось дивными сказаніями о подвигахъ иноческихъ, чудесахъ, видѣніяхъ, о сверхъестественной помощи въ борьбѣ съ нечистою силою; неудивительно, что монастырь привлекалъ къ себѣ многихъ и лучшихъ людей. Какъ скоро разнесся по Кіеву слухъ о подвигахъ Антонія въ пещерѣ, то подвижникъ не могъ долго оставаться одинъ: около него собралась братія; бояре великокняжескіе являлись къ нему, сбрасывали боярскую одежду къ ногамъ игумена и давали обѣтъ нищеты и подвиговъ духовныхъ. Ѳеодосій поддержалъ и усилилъ славу новаго монастыря. Еще Антоній вступилъ во враждебное столкновеніе съ в. княземъ Изяславомъ: послѣдній, видя, что вельможи покидаютъ его дворъ для тѣсной пещеры Антонія, разсердился на печерскихъ иноковъ, грозилъ выгнать ихъ изъ Кіева и раскопать ихъ пещеры; злобился на Антонія и за расположеніе его къ Всеславу Полоцкому, такъ что Антоній принужденъ былъ искать убѣжища у князя Святослава въ Черниговѣ. Несмотря однако на такія непріязненныя отношенія Изяслава къ монастырю, Ѳеодосій взялъ сторону этого князя противъ брата его Святослава; когда Черниговскій князь отнялъ столъ у старшаго брата, и всѣ признали право сильнаго, одинъ игуменъ Печерскій не призналъ этого права, въ одномъ Печерскомъ монастырѣ на ектеніяхъ продолжали поминать Изяслава, какъ стольнаго князя и старшаго въ родѣ; Святославъ терпѣлъ и съ уваженіемъ слушалъ увѣщанія Ѳеодосія. Не одинъ изгнанникъ Изяславъ находилъ въ Печерскомъ игуменѣ своего ходатая: обиженный въ судѣ шелъ съ жалобою къ Ѳеодосію, и судья долженъ былъ перерѣшать дѣло. У себя, въ кельѣ Ѳеодосій ходилъ за больнымъ, разслабленнымъ инокомъ, а ночью, когда всѣ успокоивались, отправлялся въ жидовскую часть города и тамъ вступалъ въ споры съ врагами своей вѣры. Но кромѣ Антонія и Ѳеодосія, Печерскій монастырь выставилъ рядъ проповѣдниковъ христіанства, епископовъ, лѣтописцевъ: Св. Кукша, Св. Леонтій, Св. Исаія были его постриженниками; постриженникъ же его Никонъ, убѣгая гнѣва Изяслава, ушелъ въ Тмуторакань, служившій убѣжищемъ для всякаго рода изгнанниковъ, и князей и монаховъ. Христіанство было очень слабо распространено въ Тмуторакани, о монахахъ не имѣли тамъ понятія; дикій народъ объятъ былъ изумленіемъ, когда увидалъ иноческіе подвиги Никона, толпами сходился смотрѣть на дивнаго человѣка, и скоро подчинился его вліянію; скоро мы видимъ этого Никона въ челѣ народа, посредникомъ въ сношеніяхъ его съ княземъ.—Послѣ этого неудивительно читать намъ въ памятникахъ XII вѣка слѣдующія слова: „Подвиги св. монаховъ сіяютъ чудесами больше мірской власти, и ради ихъ мірскіе вельможи преклоняютъ главу свою предъ монахами". Епископъ Симонъ пишетъ къ печерскому иноку Поликарпу: „Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь и князья, и бояре, и всѣ друзья твои" [1]).

Монастыри распространялись и по другимъ городамъ: упоминаются монастыри въ Туровѣ, Переяславлѣ, Черниговѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, въ княжествѣ Галицкомъ, Полоцкѣ, Смоленскѣ, Ростовѣ, Новгородѣ Великомъ. Основаны были и женскіе монастыри: въ 1086 году в. князь Всеволодъ Ярославичъ перестроилъ въ Кіевѣ монастырь Андреевскій, гдѣ постригалась дочь его дѣвица—Янка; она собрала около себя много монахинь и жила съ ними по монастырскому чину [2]). Предслава, дочь Полоцкаго князя Георгія Всеславича [3]), въ

---

[1]) Памятн. Слов. XII вѣка, стр. 127, 249.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 88.

[3]) Лѣтопись не знаетъ Георгія между сыновьями Всеслава, но вѣроятно это христіанское имя Ростислава Всеславича.

молодости ушла въ монастырь, гдѣ уже была монахинею тетка ея, жена Романа Всеволодовича, постриглась здѣсь подъ именемъ Евфросиніи, сначала выпросила у епископа позволеніе жить при соборной Софійской церкви въ голубцѣ, гдѣ проводила время въ списываніи книгъ, продавала ихъ и выручаемыя деньги раздавала нищимъ, потомъ основала свой монастырь при церкви Св. Спаса, гдѣ постригла родную и двоюродную сестру (дочь Бориса Всеславича) и двухъ племянницъ; наконецъ захотѣла видѣть Іерусалимъ, гдѣ и скончалася въ русскомъ Богородичномъ монастырѣ [1]). Но не однѣ княжны и вдовыя княгини постригались въ полномъ здоровьи; встрѣчаемъ и князя, произвольно оставившаго волость и постригшагося въ Кіевопечерскомъ монастырѣ: то былъ извѣстный уже намъ по лѣтописи Святоша, или Святославъ-Николай Давыдовичъ Черниговскій. Три года пробылъ онъ въ поварнѣ монастырской, работая на братію, рубя дрова и нося ихъ на своихъ плечахъ съ берега въ монастырь; потомъ три года служилъ привратникомъ, наконецъ перешелъ на службу при трапезѣ. По окончаніи искуса, перешелъ жить въ свою келію, при которой развелъ садъ, и никогда во всю жизнь не видали его празднымъ, но всегда имѣлъ онъ въ рукахъ какое-нибудь дѣло; питался онъ постоянно одною монастырскою пищею [2]).

Для содержанія своего монастыри уже въ то время имѣли недвижимыя имущества, такъ напр., князь Ярополкъ Изяславичъ далъ Кіевопечерскому монастырю три волости [3]); дочь его дала пять селъ и съ челядью; Ефремъ, епископъ Суздальскій, далъ тому же монастырю дворъ въ Суздалѣ съ церковью Св. Дмитрія и съ селами [4]). До насъ дошла въ подлинникѣ грамота в. князя Мстислава Владиміровича (1128—1132 г.) новгородскому Юрьеву монастырю на волость съ данями, вирами и продажами и на нѣкоторую часть княжескихъ доходовъ [5]). Отъ конца XII вѣка дошла до насъ подлинная вкладная грамота преподобнаго Варлаама Хутынскому монастырю на земли, рыбныя и птичьи ловли [6]). Должно думать, что всякій постригавшійся, если имѣлъ состояніе, приносилъ какой нибудь вкладъ въ монастырь движимымъ или недвижимымъ имуществомъ; кромѣ того, и другіе набожные люди давали въ монастыри деньги и разныя другія цѣнныя вещи; раздавать милостыню по монастырямъ было въ обычаѣ у князей: Глѣбъ Всеславичъ Полоцкій далъ Кіевопечерскому монастырю 600 гривенъ серебра и 50 золота; по его смерти жена его дала 100 гривенъ серебра и 50 золота. Монахи въ монастыряхъ удерживали при себѣ имущество, отчего были монахи богатые и бѣдные; такъ напримѣръ, въ Патерикѣ разсказывается, что когда умеръ одинъ инокъ, по имени Аѳанасій, то никто изъ братіи не хотѣлъ похоронить его, потому что онъ былъ бѣденъ; также читаемъ, что инокъ Ѳеодоръ вступилъ въ монастырь, раздавши все свое имѣніе нищимъ, но потомъ сталъ жалѣть о розданномъ; тогда другой инокъ, Василій, сказалъ ему: „Если ты хочешь имѣть, то возьми все, что у меня есть.“ Третій инокъ—Арефа—имѣлъ много богатства въ своей келіи, и никогда ничего не подавалъ нищимъ.

Относительно управленія встрѣчаемъ извѣстія объ игуменахъ (архимандритахъ), экономахъ и келаряхъ [7]). Избраніе игуменовъ зависѣло отъ братіи, причемъ иногда происходили возстанія и насильственныя смѣны игуменовъ. Иногда монахи выбирали себѣ въ игумены изъ бѣлаго духовенства; подъ 1112 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Братія Кіевопечерскаго монастыря, оставшись безъ игумена, собрались и нарекли себѣ игуменомъ Прохора священника (попина), объявили объ этомъ митрополиту и князю Святополку, и князь съ радостію велѣлъ митрополиту поставить Прохора.“ Подъ 1182 годомъ встрѣчаемъ слѣдующій разсказъ: „Умеръ блаженный архимандритъ, игуменъ Печерскій Поликарпъ, и былъ по смерти его мятежъ въ монастырѣ: никакъ не могли избрать себѣ игумена, и братія очень тужила, потому что такому сильному дому не подобало и одного часу быть безъ пастуха. Во вторникъ ударили братья въ било, сошлись въ церковь, начали молиться Св. Богородицѣ и—чудо!—въ одинъ голосъ сказали всѣ: „Пошлемъ къ попу Василію на Щековицу, чтобъ былъ игуменомъ и управителемъ стаду черноризцевъ Печерскаго монастыря.“ Пришли къ Василію, поклонились и сказали ему: „Мы вся братія и черноризцы кланяемся тебѣ и хотимъ имѣть тебя отцомъ игуменомъ.“ Попъ Василій изумился, поклонился имъ и сказалъ: „Отцы и братія! мысль о постриженіи была у меня; но съ какой же стати вы придумали выбрать меня себѣ въ игумены?“ Много спорилъ онъ съ ними, наконецъ согласился, и монахи повели его въ монастырь“. Касательно отношенія Кіевопечерскаго монастыря къ в. князю Кіевскому, замѣчательны слова Св. Ѳеодосія, сказанныя имъ предъ кончиною князю Святославу: „Се отхожю свѣта сего, и се предаю ти монастырь на соблюденіе, еда будетъ что смятеніе въ немъ; и се поручаю игуменство Стефану, не дай его въ обиду.“ Но въ нѣкоторыхъ рукописныхъ патерикахъ прибавлено: „И да не обладаетъ имъ ни архіепископъ, ни инъ никто же отъ клерикъ Софійскихъ, но точію завѣдаетъ имъ твоя держава и по тебѣ дѣти твои и до послѣднихъ роду твоему.“ Согласно съ этимъ, есть преданіе, что Андрей Боголюбскій утвердилъ независимость Печерскаго монастыря отъ Кіевскаго митрополита, назвавши монастырь лаврою и ставропигіею княжескою и патріаршею [8]).

[1]) Степен. кн. I, 280.
[2]) Тамъ же, стр. 235.
[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 82.
[4]) Тамъ же, I, 108.
[5]) Дополн. къ Акт. Истор. I, № 2.—Примѣчаніе на эту грамоту митропол. Евгенія въ Трудахъ Москов. Истор. Общ. ч. III.
[6]) Тамъ же, № 5.
[7]) Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.
[8]) Патерикъ Печер. Житіе Св. Ѳеодосія, объ игуменѣ Стефанѣ.—Полн. Собр. Русск. Лѣт. т. II.—Зернина—объ

Говоря о нравственномъ состояніи общѣства, необходимо обратить вниманіе на юридическія понятія, господствовавшія въ немъ въ извѣстное время. Къ уставамъ, явившимся безспорно въ описываемое время на Руси, принадлежитъ, во-первыхъ, измѣненіе, сдѣланное сыновьями Ярослава I-го въ „Правдѣ“ отца ихъ относительно мести за убійство: въ „Правдѣ“ говорится, что трое Ярославичей, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, собрались вмѣстѣ съ мужами своими (тысяцкими) и отложили убіеніе за голову, но опредѣлили убійцѣ откупаться кунами, во всемъ же остальномъ положили держаться суда Ярославова; такимъ образомъ родовая месть, самоуправство, остатокъ прежней родовой особности, перестаетъ существовать на Руси юридически въ началѣ второй половины XI вѣка; но убійство, совершенное по личнымъ отношеніямъ одного члена общества къ другому, случайно, въ ссорѣ, дракѣ, на пиру, въ нетрезвомъ видѣ, продолжаетъ считаться дѣломъ частнымъ, не считается уголовнымъ преступленіемъ; убійца такого рода продолжаетъ попрежнему считаться полноправнымъ членомъ общества; только разбойника, одинаково всѣмъ опаснаго, общество не хочетъ держать у себя, но отдаетъ князю на потокъ со всѣмъ семействомъ. Такимъ образомъ, убійство перваго рода не влекло болѣе за собою ни частной, ни общественной мести, наказанія; что убійства такого рода были нерѣдки, доказательствомъ служитъ обычай соединяться для платежа виры, вкладываться въ дикую виру [1]). Какъ новость, сравнительно съ предыдущимъ временемъ, встрѣчаемъ извѣстіе о поединкѣ, въ значеніи судебнаго доказательства. Къ описываемому же времени относится ограниченіе ростовъ, сдѣланное Мономахомъ по поводу, какъ видно, злоупотребленій, какія позволили себѣ по этому предмету Жиды въ княженіе Святополка. Большіе росты бываютъ обыкновенно слѣдствіемъ неувѣренности въ возвращеніи капитала, неудовлетворительнаго состоянія правосудія въ странѣ. Относительно послѣдняго мы встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ громкія жалобы; мы видѣли главную причину этого явленія въ частыхъ перемѣщеніяхъ княжескихъ изъ одной волости въ другую; съ описываемаго времени, со времени господства родовыхъ княжескихъ отношеній, дружинники, или челядинцы княжескіе привыкли смотрѣть на отправленіе правительственной или судейской должности, какъ на кормленіе, слѣд. привыкли извлекать изъ этихъ должностей всевозможную для себя пользу, не будучи ничѣмъ связаны съ волостію, гдѣ были пришельцами. Для уясненія себѣ этихъ отношеній, мы должны представить себѣ стариннаго дружинника, отправляющаго правосудіе за князя, въ видѣ стариннаго ратника, стоящаго на постоѣ. При Всеволодѣ Ярославичѣ лѣтописецъ жалуется на разореніе земли вслѣдствіе дурнаго состоянія правосудія; при Святополкѣ не имѣемъ права ожидать лучшаго; подъ 1148 годомъ читаемъ, что была пагуба Посульцамъ (жителямъ береговъ Сулы рѣки) частію отъ Половцевъ, частію отъ своихъ посадниковъ; при Всеволодѣ Ольговичѣ тіуны разорили Кіевъ и Вышгородъ; при Ростиславичахъ на сѣверѣ посадники, поставленные изъ южно-русскихъ дѣтскихъ, разорили Владимірскую волость; лучшимъ доказательствомъ дурнаго состоянія правосудія на Руси въ описываемое время служитъ понятіе, какое имѣли современники о тіунѣ. Въ Словѣ Даніила Заточника читаемъ: „Не имѣй себѣ двора близъ княжа двора, не держи села близъ княжа села, потому что тіунъ его какъ огонь, и рядовичи его какъ искры“ [2]). Дошло до насъ любопытное извѣстіе, какъ однажды Полоцкій князь спрашивалъ священника: какая судьба ожидаетъ тіуна на томъ свѣтѣ? тіунъ несправедливо судитъ, взятки беретъ, людей отягощаетъ, мучитъ [3]). Названіе должностнаго лица ябедникъ приняло также дурное значеніе. Не умѣя или не желая объяснить такое дурное состояніе правосудія, лѣтописецъ принужденъ сказать, что гдѣ законъ, тамъ и обидъ много!

Мѣриломъ нравственнаго состоянія общества могутъ служить также понятія о народномъ правѣ. Мы видѣли, что вести войну значило причинять непріятельской волости какъ можно больше вреда— жечь, грабить, бить, отводить въ плѣнъ; если плѣнные непріятельскіе ратники отягощали движеніе войска, были опасны при новыхъ встрѣчахъ

отношенія Константинопольскаго патріарха къ Русской іерархіи.—Преданіе о ставропигіи очень вѣроятно; но акты, составленные для доказательства этого, подозрительны; противъ приписки возражаютъ, что писецъ, ее составившій, не зналъ даже тогдашняго порядка престолонаслѣдія въ Ярославовомъ потомствѣ (П. Б., Отвѣтъ на новый вопросъ о Несторѣ, стр. 7); на это впрочемъ могутъ сказать, что послѣ изгнанія Изяслава трудно было говорить объ обычномъ престолонаслѣдіи; мы не можемъ знать всѣхъ тогдашнихъ обстоятельствъ, всѣхъ отношеній Святослава къ Всеволоду.

[1]) См. Ист. Р, т. I.—Здѣсь рождается вопросъ: Когда Ярославичи сдѣлали такое опредѣленіе? Въ Правдѣ говорится только о троихъ старшихъ, слѣд. можно думать, что дѣло было по смерти двоихъ младшихъ; но съ другой стороны можно думать и то, что рѣшеніе старшихъ было обязательно для младшихъ. Нѣкоторое затрудненіе можно найти въ извѣстіи лѣтописца, помѣщенномъ подъ 1071 годомъ о распоряженіи Яна на Бѣлоозерѣ съ волхвами: «И рече Янъ повозникомъ: цы кому васъ кто родинъ убьенъ отъ сею! Они же реша: мнѣ мати, другому сестра, тому роженье. Онъ же рече имъ: мьстите своихъ. Они же поимше убиша я».—Мы видѣли (II, стр. 289 пр. 2), что это событіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, должно отнести ко времени княженія Святослава въ Кіевѣ послѣ изгнанія Изяслава, слѣд. послѣ опредѣленія объ отложеніи мести; но теперь Янъ позволяетъ повозникамъ мстить за родичей.—Но ясно, что это явленіе выходило изъ ряду обыкновенныхъ; убійства, совершенныя волхвами, не принадлежали къ разряду частныхъ убійствъ, за которыя можно было откупаться деньгами: это были преступленія противъ цѣлаго общества, противъ вѣры; Янъ могъ казнить ихъ, какъ разбойниковъ, но почелъ за лучшее заставить самихъ обольщенныхъ убить обольстителей, придать ихъ казни характеръ общей мести.

[2]) О словѣ рядовичь см. въ I-мъ томѣ Исторіи Рос.

[3]) Розенкампфа, о Кормчей книгѣ, стр. 217.

съ врагомъ, то ихъ убивали [1]); иногда князья послѣ войны уговаривались возвратить все взятое съ обѣихъ сторонъ [2]); но есть примѣръ, что князь послѣ войны уводитъ жителей цѣлаго города, имъ взятаго, и селитъ ихъ въ своей волости [3]). Въ способѣ веденія войны у себя, въ русскихъ областяхъ и въ чужихъ странахъ, христіанскихъ и нехристіанскихъ, не видимъ никакой разницы. При заключеніи мира употреблялась клятва—крестное цѣлованіе, утвержденіе дѣдовское и отцовское, по словамъ князей [4]), и грамоты съ условіями мира назывались потому крестными. Нарушенія клятвы встрѣчаемъ часто, особенно были знамениты ими два князя: Владимірко Галицкій и младшій сынъ Мстислава Великаго, Владиміръ; твердостію въ клятвѣ славился Мономахъ; но и онъ разъ позволилъ уговорить себя нарушить клятву относительно половецкихъ хановъ на томъ основаніи, что поганые также безпрестанно нарушаютъ клятву. Сынъ Мономаха—Мстиславъ, несмотря на разрѣшеніе духовенства, всю жизнь раскаивался въ томъ, что нарушилъ клятву, данную Ярославу Черниговскому; изъ послѣднихъ князей за твердое сохраненіе клятвы лѣтописецъ хвалитъ Глѣба Юрьевича. Война объявлялась отсылкою крестныхъ грамотъ [5]). Мы упоминали, что послами отправлялись часто духовныя лица, какъ подвергавшіяся меньшей опасности; но Всеволодъ III не усумнился задержать священниковъ, присланныхъ къ нему для переговоровъ Святославомъ Черниговскимъ; Мстиславъ Храбрый велѣлъ остричь голову и бороду послу Боголюбскаго; Изяславову послу, Петру Бориславичу, не дали въ Галичѣ ни повозки, ни корма, и онъ боялся дальнѣйшихъ притѣсненій отъ Владимірка; впрочемъ, было признано, что убивать посла не слѣдуетъ; когда Владимірцы (на Волыни) хотѣли убить священника, присланнаго отъ Игоревичей галицкихъ, то пріятели послѣднихъ стали говорить, что не подобаетъ убить посла [6]). Христіанство, разумѣется, дѣйствовало и здѣсь благодѣтельно. Игорь Сѣверскій признается, что, отдавъ на щитъ городъ Глѣбовъ, не пощадивши христіанъ, онъ сдѣлалъ великій грѣхъ, за который Богъ отомстилъ ему плѣномъ у Половцевъ; Мономахъ заключилъ миръ съ Глѣбомъ Минскимъ, не желая, чтобы кровь христіанская проливалась въ великій постъ; по воскресеньямъ не дѣлали приступовъ къ городамъ [7]); Всеволодъ Ольговичъ, исполнившись страха Божія, по словамъ лѣтописца, не хочетъ пользоваться пожаромъ въ Переяславлѣ, чтобъ взять этотъ городъ; такую же совѣстливость обнаруживаютъ Ростиславичи въ борьбѣ съ Юрьевичами послѣ Липицкой битвы.

Повсюду, и между князьями, и между простыми людьми, видимъ борьбу новыхъ лучшихъ, христіанскихъ понятій и стремленій со страстями, слабо обуздываемыми въ новорожденномъ обществѣ, и съ прежними языческими обычаями. Въ жизни многихъ князей замѣчаемъ сильное религіозное направленіе: Мономахъ былъ религіозенъ не на словахъ только, не въ наставленіяхъ только дѣтямъ; по словамъ лѣтописца, онъ всею душою любилъ Бога и доказывалъ это на дѣлѣ, храня заповѣди Божіи, имѣя всегда страхъ Божій въ сердцѣ, будучи милостивъ неимовѣрно; данъ былъ ему отъ Бога такой даръ, прибавляетъ лѣтописецъ, что когда онъ входилъ въ церковь и слышалъ пѣніе, то не могъ удерживаться отъ слезъ. Мы видѣли иноческіе подвиги Святослава Давыдовича Черниговскаго, религіозное направленіе Ростислава Мстиславича, христіанскую кончину Ярослава Галицкаго. Но у нѣкоторыхъ благочестіе ограничивалось только внѣшнимъ исполненіемъ обрядовъ, и когда дѣло шло объ удовлетвореніи страстямъ, то на заповѣди религіи и на служителей ея обращали мало вниманія: братъ Мономаха, Ростиславъ не усумнился умертвить Св. инока Григорія за обличеніе; Святополкъ Изяславичъ былъ благочестивъ, уважалъ монастырь Кіевопечерскій и его иноковъ; но когда дѣло шло объ удовлетвореніи корыстолюбія, то мучилъ этихъ самыхъ монаховъ, гналъ игумена за обличенія; сынъ его, Мстиславъ, умертвилъ Св. Ѳеодора и Василія. Владимірко Галицкій, наругавшись надъ клятвою, сказавши: „Что мнѣ сдѣлаетъ этотъ маленькій крестикъ?"—пошелъ въ церковь къ вечернѣ. Не щадя сокровищъ для сооруженія и украшеній церквей, не считали за грѣхъ жечь и грабить церкви въ волостяхъ непріятельскихъ. Вслѣдъ за людьми, которые шли въ монастырь для борьбы со страстями, шли туда же люди для удовлетворенія страстямъ своимъ: въ духовныхъ посланіяхъ XII вѣка встрѣчаемъ сильные укоры монахамъ, которые милуютъ свое тѣло, перемѣняютъ платье, подъ предлогомъ праздниковъ учреждаютъ особую трапезу съ пивомъ, и долго сидятъ за нею, ищутъ надъ старѣйшими взять свою волю, собираются вмѣстѣ не Бога ради, не для того, чтобы разсуждать о пользѣ, но для яростныхъ споровъ, для безстыдныхъ нападеній на эконома и келаря [8]). Пастыри церкви вооружаются противъ обычаевъ давать въ монастыряхъ пиры, на которые созываются мужчины и женщины [9]). Споръ, такъ сильно и долго занимавшій русское общество, споръ о томъ, что ѣсть въ извѣстные дни, принадлежитъ также къ характеристическимъ явленіямъ эпохи.

Вооружаясь противъ уклоненій отъ правилъ христіанской нравственности, Церковь должна была вооружаться противъ старыхъ языческихъ понятій и обычаевъ, которые были еще такъ сильны въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ, особенно въ низ-

[1]) Исторія Россіи т. II, стр. 463.
[2]) Тамъ же, стр. 430.
[3]) Тамъ же, стр. 354.
[4]) Тамъ же, стр. 412.
[5]) Тамъ же, стр. 453.
[6]) Тамъ же, стр. 576.
[7]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 145: «Бѣ же тогды день недѣльный, тѣмже не идоша къ городу».

[8]) Памятн. Слов. XII в., стр. 108, 251.
[9]) Русскія достопам. I, стр. 91.

шемъ его слоѣ. Мы видили, какъ въ Новгородѣ весь простой народъ отошелъ къ волхву, и только князь съ дружиною сталъ подлѣ епископа; встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время продолжали приносить жертвы бѣсамъ (т. е. прежнимъ божествамъ), болотамъ и колодцамъ; что были люди, которые имѣли по двѣ жены; что простой народъ не бралъ для брака благословенія церковнаго, считая это обрядомъ, установленнымъ только для князей и бояръ, и довольствуясь однимъ языческимъ обрядомъ плесканія; что женщины носили больныхъ дѣтей къ волхвамъ, и если замѣчали охлажденіе любви въ мужѣ, то омывали тѣло свое водою, и эту воду давали пить мужу [1]). Особенно трудно было изгнать память о древней религіи изъ народныхъ увеселеній, пѣсенъ, плясокъ, игръ, которыя были языческаго происхожденія; вотъ почему Церковь изначала такъ сильно стала вооружаться противъ этихъ увеселеній: „Развѣ мы не погански живемъ, говоритъ лѣтописецъ [2]), когда во встрѣчу вѣруемъ? Если кто встрѣтитъ черноризца на дорогѣ, то возвращается назадъ: развѣ это не значитъ поступать язычески? Вѣдь это все ведется по дьяволову наученію; другіе и чиханью вѣруютъ, будто бы оно бываетъ на здоровье головѣ. Всѣми этими обычаями дьяволъ отвлекаетъ насъ отъ Бога, трубами, скоморохами, гуслями, русальями. На игрищахъ видимъ множество людей; какъ начнутъ бороться другъ съ другомъ, то сбѣгаются смотрѣть на дѣло, отъ дьявола замышленное, а церкви стоятъ пусты: въ часъ молитвы мало найдешь народу въ церкви". — Изъ этихъ словъ лѣтописца видно, что любимымъ народнымъ зрѣлищемъ въ его время были борьбы, или кулачные бои.

Касательно семейной нравственности мы встрѣчаемъ въ лѣтописи похвалу двумъ князьямъ за соблюденіе тѣлесной чистоты: о Всеволодѣ Ярославичѣ говорится, что онъ воздерживался отъ пьянства и отъ похоти, да о Святославѣ Всеволодовичѣ говорится, что онъ сохранялъ чистоту тѣлесную. Въ дошедшихъ до насъ спискахъ лѣтописи говорится о Святополкѣ Изяславичѣ, что онъ имѣлъ дѣтей отъ наложницы; въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей находимъ другіе подобные примѣры [3]). Уваженіе къ старшимъ въ родѣ было провозглашаемо постоянно какъ добродѣтель, уклоненія отъ которой подвергаются сильнымъ укоризнамъ; но мы видѣли, что эти уклоненія были часты. Видимъ нѣсколько примѣровъ непослушанія волѣ отцовской: примѣръ Андрея Боголюбскаго, ушедшаго, безъ отцовскаго согласія, съ юга на сѣверъ; примѣръ Олега Святославича Черниговскаго, который, безъ отцовскаго вѣдома, присталъ къ Изяславу Давыдовичу [4]); примѣръ Константина Всеволодовича, отказавшагося выполнить отцовскую волю относительно волостей. Относительно важнаго вопроса — о положеніи женщины въ древнемъ русскомъ обществѣ — мы встрѣчаемъ очень скудныя извѣстія въ памятникахъ, дошедшихъ отъ описываемаго времени. Видимъ, что княгини имѣли свое имущество движимое и недвижимое, распоряжались имъ по произволу, какъ напримѣръ распорядилась жена князя Глѣба Всеволодовича Полоцкаго, отдавши свои деньги и волости Кіевопечерскому монастырю; жена Святополка Изяславича раздаетъ по смерти его большое богатство по монастырямъ, церквамъ и нищимъ. Объ уваженіи, какое оказывалось женщинамъ родственниками, свидѣтельствуетъ примѣръ Мономаха, который послушался увѣщаній мачихи своей, причемъ лѣтописецъ говоритъ: „Преклонился онъ на мольбу княгинину, потому что почиталъ ее какъ мать". Объ уваженіи и любви, которыми пользовались княгини въ семьѣ своей и среди гражданъ, можемъ видѣть изъ описанія кончины княгини Маріи, жены Всеволода III-го: „Постриглась великая княгиня въ монашескій чинъ, въ монастырѣ Св. Богородицы, который сама построила, и проводилъ ее до монастыря самъ великій князь Всеволодъ со многими слезами, сынъ его Григорій, дочь Верхослава, жена Ростислава Рюриковича, которая пріѣзжала тогда къ отцу и матери; былъ тутъ епископъ Іоаннъ, духовникъ ея игуменъ Симонъ, и другіе игумены и чернецы всѣ, и бояре всѣ и боярыни, и чернецы изъ всѣхъ монастырей, и горожане всѣ проводили ее со слезами многими до монастыря, потому что была до всѣхъ очень добра. Въ этомъ же мѣсяцѣ она умерла, и плакалъ надъ нею великій князь и сынъ его Юрій плакалъ, и не хотѣлъ утѣшиться, потому что былъ любимъ ею" [5]). О вліяніи княгинь на событія, какъ совѣтницъ мужей своихъ, указываетъ извѣстіе о поступкѣ князя Святослава Всеволодовича съ Ростиславичами подъ 1180 г.: Святославъ, сказано въ лѣтописи, напалъ на Давыда Ростиславича, посовѣтовавшись только съ княгинею да съ любимцемъ своимъ Кочкаремъ, и не сказавши своей думы лучшимъ мужамъ своимъ. Изъ отзыва лѣтописца впрочемъ можно усмотрѣть, что такой поступокъ Святослава возбуждалъ всеобщее негодованіе въ обществѣ, являлся исключеніемъ изъ принятаго обычая совѣтоваться обо всемъ съ дружиною. О вліяніи княгинь на дѣла можетъ указывать также приведенное выше мѣсто изъ письма епископа Симона къ чернецу Поликарпу о томъ, что княгиня Верхослава старается доставить Поликарпу епископство, не жалѣя издержекъ. Но всѣ эти извѣстія не могутъ дать намъ понятія объ отношеніи обоихъ половъ, о жизни женщины въ обществѣ; ибо кня-

---

[1]) Русскія достопам. I.— Памятн. Слов. XII в., стр. 176.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 73.

[3]) Особенно о Юріи Долгорукомъ.

[4]) Истор. Рос. т. II. Примѣръ Ростислава Юрьевича, отступившаго отъ отца къ врагу послѣдняго, Изяславу Мстиславичу, мы не приводимъ, потому что, можетъ быть, онъ перешелъ на сторону Изяслава съ отцовскаго согласія; не приводимъ также примѣра Владиміра Ярославича Галицкаго, потому что тутъ были особенныя обстоятельства.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 178.

тини и вообще матери семействъ имѣли точно такое же важное значеніе и послѣ въ Московскомъ государствѣ, гдѣ однако, въ высшихъ слояхъ общества, женщина жила въ удаленіи отъ мужчины. Въ этомъ отношеніи важно для насъ свидѣтельство, приведенное выше, объ обычаѣ устраивать въ монастыряхъ пиры, куда собирались мужчины и женщины, также вопросъ черноризца Іакова митрополиту Іоанну:—позволять ли на пирахъ цѣловаться съ женщинами? Мономахъ, въ наставленіи дѣтямъ, касается и отношеній мужа къ женѣ: онъ говоритъ: „Женъ своихъ любите, но не давайте имъ власти надъ собою". Но въ какомъ отношеніи находилось это правило, извлеченное изъ извѣстнаго посланія апостольскаго, къ обычаю,—рѣшить нельзя. Какъ христіанскія понятія содѣйствовали возвышенію женщины, показываетъ вопросъ извѣстнаго Кирика и отвѣтъ на него епископа Нифонта [1]). Кирикъ спрашиваетъ; „Если случится, что женскій платокъ будетъ вшитъ въ платье священническое, то можно ли священнику служить въ этомъ платьи"? Нифонтъ отвѣчаетъ: „Можно!—развѣ женщина погана"?

Что же касается вообще до состоянія нравственности въ описываемое время на Руси, то, принявши въ соображеніе время, обстоятельства и состояніе нравственности другихъ европейско-христіанскихъ народовъ въ описываемое же время, историкъ не можетъ произнести очень строгаго приговора древнему русскому обществу до тридцатыхъ годовъ XIII-го вѣка. Въ это время на первомъ планѣ видимъ княжескія усобицы, но много ли насильственныхъ, кровавыхъ поступковъ замѣчаемъ въ этихъ усобицахъ? Убіеніе Ярополка Изяславича, ослѣпленіе Василька, братоубійство между рязанскими князьями, убіеніе Игоря Ольговича Кіевлянами, убіеніе Андрея Боголюбскаго приближенными къ нему людьми, повѣшаніе Игоревичей галицкими боярами, ослѣпленіе (по всѣмъ вѣроятностямъ, мнимое) Ростиславичей во Владимірѣ-Залѣсскомъ. Важное дѣло, когда князья постоянно толкуютъ, что они братья, и потому обязаны жить дружно, а не враждовать, защищать Русскую Землю отъ враговъ, а не проливать кровь христіанскую въ усобицахъ. Пусть намъ скажутъ, что слова были въ разладѣ съ дѣломъ; мы отвѣтимъ, что и слова имѣютъ силу, когда безпрестанно повторяются съ убѣжденіемъ въ ихъ правдѣ, когда ихъ повторяютъ и сами князья, и духовенство, и народъ, отказывающійся принимать участіе въ усобицахъ. Если эти слова не могли прекратить усобицъ, то, по крайней мѣрѣ, могли смягчать ихъ; важное дѣло, когда притѣсненный князь могъ грозить притѣснителю напоминаніемъ, что поведеніе его похоже на поведеніе Святополка Окаяннаго; важное дѣло, когда князья ужасались и плакали объ ослѣпленіи Василька, говоря, что такого зла не бывало въ Русской Землѣ ни при дѣдахъ, ни при отцахъ ихъ; очень важно, когда Изяславъ Мстиславичъ жалуется на Кіевлянъ за убійство Игоря Ольговича, говоря, что ему теперь не уйдти отъ нареканій. Отношенія между княземъ, дружиною и городовымъ народонаселеніемъ были вообще довольно мягки, сколько могли быть, разумѣется, при тогдашней неопредѣленности: „Если уйдемъ сами, говоритъ Игорь Сѣверскій съ братьею, а черныхъ людей оставимъ, то грѣхъ будетъ намъ предъ Богомъ" [2]). Впрочемъ, при внимательномъ изученіи лѣтописи можно усмотрѣть бо́льшую жесткость въ нравахъ на востокъ и сѣверо-востокъ отъ Днѣпра; вообще замѣчаемъ бо́льшую жесткость въ княжескомъ племени Святославичей черниговскихъ, еще бо́льшую въ линіи этихъ Святославичей, которая утвердилась на дальнѣйшемъ востокѣ, въ области Муромской и Рязанской, замѣчаемъ на сѣверо-востокѣ большую жесткость въ самыхъ формахъ, въ самыхъ выраженіяхъ.

Мы видѣли, какъ вмѣстѣ съ христіанствомъ принялась на Руси грамотность, и принялась крѣпко: почва нашлась удобная; въ описываемое время мы не видимъ препятствій къ распространенію грамотности, напротивъ,—видимъ обстоятельства благопріятствующія; связь съ Византіею постоянная, оттуда приходятъ митрополиты и епископы; греческія царевны выходятъ замужъ за нашихъ князей; наши княжны выходятъ за греческихъ царевичей, путешествуютъ въ Константинополь, въ Іерусалимъ, какъ напр.: Янка Всеволодовна, Св. Евфросинія Полоцкая; путешествуютъ въ Іерусалимъ духовныя лица, простые люди; страсть къ паломничеству такъ усилилась, что духовенство начало вооружаться противъ нея, прямо запрещая отправляться въ Іерусалимъ, увѣщевая вести христіанскую жизнь на мѣстѣ жительства, накладывая даже эпитемьи на дающихъ обѣты идти въ Іерусалимъ; эти обѣты, говорило духовенство, губятъ землю нашу. Частыя и тѣсныя сношенія даже съ Польшею и Венгріею открыли въ Русь доступъ и латинскому языку. Не забудемъ, что просвѣщеніе было тѣсно соединено съ религіею: кто больше читалъ, тотъ, значило, былъ больше утвержденъ въ вѣрѣ; отсюда религіозное направленіе, столь могущественное, необходимо влекло за собою стремленіе къ распространенію грамотности, пріобрѣтенію книгъ. Сыновья и внуки Ярослава I наслѣдовали его ревность къ распространенію книжнаго ученія. Сынъ его, Святославъ, собиралъ книги, которыми наполнилъ свои клѣти; изъ этихъ книгъ дошло до насъ два сборника [3]). Другой сынъ Ярослава I, Всеволодъ, говорилъ на пяти иностранныхъ языкахъ, которые онъ изучалъ сидя дома, какъ выражается сынъ его Мономахъ, и этимъ даетъ знать, что Всеволодъ изучилъ языки не по необходимости во время стран-

[1]) Памятн. Слов. XII в., стр. 196.

[2]) См. также Никонов. II, 121, рѣчь Изяслава Мстиславича.

[3]) См. проф. Шварева: Исторія Русской Словесн. т. I, ч. 2, стр. 52. Его же поѣздка въ Кирилло-Бѣлозерскій монастырь, II, стр. 30. Оказывается, что первый сборникъ собранъ для Болгарскаго царя Симеона.

ствованія по чужимъ землямъ, но единственно изъ любознательности. Мономахъ говоритъ при этомъ, что знаніе языковъ доставляетъ почетъ отъ иностранцевъ. Религіозная начитанность Мономаха видна изъ его сочиненій. Святославъ (Святоша) Давыдовичъ собиралъ книги, которыя подарилъ Кіевопечерскому монастырю; по его побужденію инокъ Ѳеодосій перевелъ съ греческаго посланіе Льва, папы Римскаго, къ Флавіану, архіепископу Константинопольскому [1]). Въ сводѣ лѣтописей Татищева, въ подлинности которыхъ нѣтъ основанія сомнѣваться, часто встрѣчаемъ извѣстіе объ образованности князей; напр. о Святославѣ Ростиславичѣ говорится, что онъ зналъ греческій языкъ и книги охотно читалъ; о Святославѣ Юрьевичѣ, что онъ охотникъ былъ читать и милостиво принималъ ученыхъ людей, приходившихъ изъ Греціи и странъ западныхъ, часто съ ними разговаривалъ и спорилъ [2]); о Романѣ Ростиславичѣ Смоленскомъ,—что онъ многихъ людей побуждалъ къ ученію, устроилъ училища, при которыхъ содержалъ учителей, греческихъ и латинскихъ, на свой счетъ, и не хотѣлъ имѣлъ священниковъ неученыхъ; на это онъ издержалъ все свое имѣніе, такъ что по смерти его ничего не осталось въ казнѣ, и Смольняне похоронили его на свой счетъ [3]). Михаилъ Юрьевичъ, по словамъ того же свода лѣтописей, очень хорошо зналъ Св. Писаніе, съ Греками и Латинами говорилъ на ихъ языкахъ такъ-же свободно, какъ по-русски, но не любилъ спорить о вѣрѣ. О Ярославѣ Владиміровичѣ Галицкомъ говорится, что онъ зналъ иностранные языки, читалъ много книгъ, такъ что могъ самъ наставлять правой вѣрѣ, понуждалъ духовенство учить мірянъ, опредѣлялъ монаховъ учителями, и монастырскіе доходы назначалъ для содержанія училищъ [4]). О Константинѣ Всеволодовичѣ въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ говорится, что онъ всѣхъ умудрялъ духовными бесѣдами, потому что часто и прилежно читалъ книги [5]), а въ Татищевскомъ сводѣ лѣтописей говорится, что онъ былъ очень ученъ, держалъ при себѣ людей ученыхъ, накупалъ много старинныхъ книгъ греческихъ дорогою цѣною и велѣлъ переводить ихъ на русскій языкъ, собиралъ извѣстія о дѣлахъ древнихъ славныхъ князей, самъ писалъ и другіе съ нимъ трудились; однѣхъ греческихъ книгъ было у него болѣе тысячи, которыя частію самъ купилъ, частію получилъ въ даръ отъ патріарховъ [6]).

Если при Владимірѣ и Ярославѣ посылали дѣтей учиться къ священникамъ при церквахъ, то обычай этотъ долженъ былъ продолжаться и распространяться въ описываемое время; имѣемъ полное право принять извѣстіе о существованіи училищъ при церквахъ, дворахъ епископскихъ и заводимыхъ князьями на свой счетъ; также извѣстіе, что въ этихъ училищахъ учили греческому языку, ибо для утвержденія въ вѣрѣ необходимо было распространять переводы духовныхъ книгъ съ греческаго языка; училища эти служили и для образованія священниковъ, на что прямо указываетъ приведенное извѣстіе о цѣли училища, устроеннаго въ Смоленскѣ княземъ Романомъ Ростиславичемъ; встрѣчаемъ также извѣстіе объ училищахъ на Волыни [7]). Что духовенство описываемаго времени ясно понимало необходимость образованія для своего сословія, видно изъ слѣдующихъ словъ одного духовнаго лица XII вѣка: „Если властели міра сего и люди, занятые заботами житейскими, обнаруживаютъ сильную охоту къ чтенію, то тѣмъ больше нужно учиться намъ, и всѣмъ сердцемъ искать свѣдѣнія въ словѣ Божіемъ, писанномъ о спасеніи душъ нашихъ“ [8]). Этими словами всего лучше подтверждаются приведенныя извѣстія о любви къ чтенію и вообще образованности князей.

Какіе же дошли до насъ памятники этой образованности? Мы видѣли, что уже при Ярославѣ I-мъ русскіе люди начали испытывать свои силы въ собственныхъ сочиненіяхъ религіознаго содержанія; видѣли этотъ первый опытъ, сдѣланный первымъ нашимъ митрополитомъ изъ Русскихъ, Иларіономъ; при означенныхъ выше благопріятныхъ условіяхъ для грамотности въ описываемое время, имѣемъ право ожидать большаго числа подобныхъ памятниковъ; и, дѣйствительно, до насъ дошелъ рядъ сочиненій религіознаго содержанія, принадлежащихъ извѣстнѣйшимъ духовнымъ лицамъ эпохи. Большая часть ихъ составляютъ поученія, обращенныя къ одному какому-нибудь лицу по извѣстному случаю, или къ цѣлому народу, къ цѣлой паствѣ. Изъ первыхъ упомянемъ объ отвѣтѣ Св. Ѳеодосія Печерскаго на вопросъ великаго князя Изяслава: слѣдуетъ ли въ день воскресный закалать животныхъ и употреблять ихъ мясо. Ѳеодосій отвѣчаетъ, что послѣ того, какъ Господь сошелъ на землю, жидовское все умолкло. Нѣтъ грѣха закалать животныхъ въ воскресенье; если же будемъ закалать въ субботу, а ѣсть въ воскресенье, то это явное жидовство. Потомъ Ѳеодосій говоритъ, въ какіе дни слѣдуетъ поститься. На вопросъ великаго князя Изяслава о вѣрѣ латинской, или варяжской, Ѳеодосій отвѣчалъ: вѣра ихъ зла и законъ ихъ не чистъ; они иконъ не цѣлуютъ, въ постъ мясо ѣдятъ, на опрѣснокахъ служатъ; христіанамъ не слѣдуетъ отдавать за нихъ дочерей, и брать ихъ дочерей за себя замужъ, не должно ни брататься съ ними, ни кумиться, ни ѣсть, ни пить изъ одного сосуда. Но если они попросятъ у васъ ѣсть, то дайте имъ пищу въ ихъ сосудахъ; если же у нихъ сосудовъ не будетъ, то дайте въ своихъ, только потомъ вымойте эти сосуды и молитву надъ ними прочтите. Латины Евангеліе и Апостолъ имѣютъ, иконы свя-

[1]) Чтенія въ Москов. Истор. Общ. годъ III, № 7.
[2]) Татищ. III, стр. 177, 196.
[3]) Тамъ же, стр. 238.
[4]) Тамъ же, стр. 220, 280.
[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 188.
[6]) Татищ. кн. III, стр. 416.
[7]) Тамъ же, II, 181. О преподаваніи греческаго языка см. также Никон. I, 132.
[8]) Памятн. Слов. XII-го вѣка, стр. 133.

тыя и въ церковь ходятъ, но вѣра ихъ и законъ не чисты, множествомъ ересей своихъ они всю землю обезчестили, потому что во всей землѣ живутъ Варяги. Нѣтъ жизни вѣчной живущимъ въ вѣрѣ латинской, армянской, сарацинской. Не слѣдуетъ ихъ вѣры хвалить, свою вѣру безпрестанно хвали и подвизайся въ ней добрыми дѣлами. Будь милостивъ не только къ своимъ домочадцамъ, но и къ чужимъ: еретика и латынина помилуй и отъ бѣды избавь—и мзды отъ Бога не лишишься. Если встрѣтишь иновѣрниковъ, спорящихъ съ вѣрными, то помогай правовѣрнымъ на зловѣрныхъ. А если кто скажетъ: и ту, и эту вѣру Богъ далъ, то отвѣчай: по твоему Богъ двоевѣрный? Развѣ ты не слыхалъ, что написано: единъ Богъ, едина вѣра и едино крещеніе?—Посланіе митрополита Никифора къ великому князю Владиміру Мономаху [1]) важно для насъ: во 1) по отзывамъ о поведеніи Мономаха; во 2) по высказывающимся въ немъ отношеніямъ власти духовной къ свѣтской,—митрополита къ князю. Посланіе написано во время великаго поста, когда, по словамъ митрополита, уставъ церковный и правило есть—говорить князьямъ что-нибудь полезное. Митрополитъ разсматриваетъ различные виды грѣховъ, и не находитъ, въ которомъ бы изъ нихъ можно было упрекнуть Мономаха: этому князю не нужно говорить въ похвалу поста, потому что онъ благочестіемъ воспитанъ и постомъ воздоенъ, потому что воздержаніе его во время поста всѣ видятъ и чудятся. „Что говорить такому князю, продолжаетъ Никифоръ, который больше на сырой землѣ спитъ, дому бѣгаетъ, платье свѣтлое отвергаетъ, по лѣсамъ ходя сиротинскую [2]) носитъ одежду, и только по нуждѣ, входя въ городъ, облекается въ одежду властелинскую. Что говорить такому князю, который другимъ любитъ готовить обѣды обильные, а самъ служитъ гостямъ, работаетъ своими руками, подаяніе его доходитъ даже и до палатей; другіе насыщаются и упиваются, а самъ князь сидитъ и смотритъ только, какъ другіе ѣдятъ и пьютъ, довольствуясь малою пищею и водою: такъ угождаетъ онъ своимъ подданнымъ, сидитъ и смотритъ, какъ рабы его упиваются; руки его ко всѣмъ простерты; никогда не прячетъ онъ сокровищъ, никогда не считаетъ золота или серебра, но все раздаетъ, а между тѣмъ казна его никогда не бываетъ пуста.“ —Наконецъ митрополитъ находитъ возможность преподать наставленіе князю, находитъ въ немъ слабую сторону: „Кажется мнѣ, князь мой, говоритъ онъ, что, не будучи въ состояніи видѣть всего самъ своими глазами, ты слушаешь другихъ, и въ отверстый слухъ твой входитъ стрѣла. Такъ подумай объ этомъ, князь мой, изслѣдуй внимательнѣе, подумай объ изгнанныхъ тобою, осужденныхъ, презрѣнныхъ, вспомни обо всѣхъ, кто на кого сказалъ что-нибудь, кто кого оклеветалъ, самъ разсуди таковыхъ, всѣхъ помяни и отпусти, да и тебѣ отпустится, отдай, да и тебѣ отдастся... Только не опечалься, князь, словомъ моимъ: не подумай, что кто-нибудь пришелъ ко мнѣ съ жалобою, и потому я написалъ это тебѣ; нѣтъ!—такъ просто я пишу къ тебѣ для напоминанія, въ которомъ нуждаются владыки земные: многимъ пользуются они, но за то и многимъ искушеніямъ подвержены.“ Здѣсь мы видимъ уже обычай печалованія, который былъ въ употребленіи у нашего духовенства въ продолженіи древней исторіи нашей; замѣтимъ также обращеніе митрополита къ князю: „Къ тебѣ, добляя глава наша и всей христолюбивѣй земли, слово се есть: его же изъ утробы освяти и помазавъ, отъ царское и княжеское крови смѣсивъ.“ Другое посланіе митрополита Никифора къ Мономаху было написано въ отвѣтъ на вопросъ в. князя: какъ отвергнуты были латины отъ Св. Соборной и Правовѣрной Церкви? Митрополитъ приводитъ 20 причинъ уклоненія Западной церкви отъ Восточной [3]). Взаключеніе митрополитъ говорилъ Мономаху: „Прочитай это, князь, и не разъ, но два раза и больше, самъ и сыновья твои. Князьямъ, какъ отъ Бога избраннымъ и призваннымъ на правовѣрную вѣру, надобно разумѣть слова Христовы и основаніе церковное твердое на свѣтъ и наставленіе порученнымъ имъ отъ Бога людямъ.“ Одинаковаго съ этимъ посланіемъ содержанія посланіе митрополита Іоанна къ архіепископу Римскому объ опрѣснокахъ [4]).

Посланіе Симона, епископа Владимірскаго и Суздальскаго къ Поликарпу, черноризцу печерскому, важно по нѣкоторымъ историческимъ указаніямъ, которыми и воспользовались мы въ своемъ мѣстѣ [5]). Сочинитель посланія, Симонъ, былъ сначала монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, потомъ игуменомъ владимірскаго (на Клязьмѣ) Рождественскаго монастыря, наконецъ въ 1214 году поставленъ епископомъ на Владимірскую и Суздальскую епархію. Поликарпъ былъ также монахомъ Кіевопечерскаго монастыря, и страдалъ честолюбіемъ, для укрощенія котораго Симонъ и написалъ ему упомянутое посланіе [6]). „Братъ! начинаетъ Симонъ

[1]) Учен. Зап. II-го Отд. Акад. Наукъ, кн. II, вып. 2, стр. 218 и сл. Русск. Достопам. I, стр. 61.

[2]) Сиротинскій—рабскій и нищенскій, ибо сирота значитъ и рабъ, нищій. До сихъ поръ въ Архангел. губерніи сиротами называютъ нищихъ (Опыт. обл. Слов., стр. 203); это показываетъ, кто былъ нищимъ и рабомъ въ первоначальномъ родовомъ обществѣ. Въ послѣдующихъ памятникахъ постоянно встрѣчаемъ выраженіе при челобитьяхъ: «сироты твои государевы».

[3]) Памят. Слов. XII в., стр. 157. Относительно современныхъ понятій любопытны третій и двадцатый. Митрополиту Никифору приписывается еще другое посланіе противъ латинянъ къ неизвѣстному князю, которое начинается такъ: «Такъ какъ въ судахъ у тебя есть земля Лядская, и живущіе въ ней служатъ на оплаткахъ и приняли латинское ученіе; то я извѣщаю тебѣ, по какой причинѣ отступили они отъ св. собор. апостольской церкви». Здѣсь вмѣсто: «въ судахъ» не должно ли читать: въ «сусѣдѣхъ». Между прочимъ, сочинитель упрекаетъ латинянъ за то, что они запрещаютъ хвалить Бога на другомъ языкѣ, кромѣ еврейскаго, еллинскаго и римскаго.

[4]) Тамъ же, стр. 209.

[5]) См. выше о значеніи монашества.

[6]) Памятн. Слов. XII в., стр. 249.

свое посланіе: сѣдши въ безмолвіи, собери умъ свой и скажи самъ въ себѣ: человѣкъ! не оставилъ ли ты міръ и родителей по плоти? пришелъ ты сюда на спасеніе, а поступаешь не по духовному. Зачѣмъ ты назвался чернецомъ? Вѣдь черное платье не избавитъ тебя отъ мукъ. Смотри, какъ уважаютъ тебя здѣсь князья, и бояре, и всѣ друзья твои; говорятъ: счастливецъ! возненавидѣлъ міръ и славу его, уже не печется ни о чемъ земномъ, желая одного небеснаго. Но ты живешь не по-монашески; стыдно мнѣ за тебя: тѣ, которые насъ здѣсь ублажаютъ, получатъ царство небесное, а мы будемъ мучиться. Возстань, братъ, возстань и попекись мысленно о своей душѣ! Не будь одинъ день кротокъ, а другой яръ и золъ, а то немного помолчишь, и опять начнешь роптать на игумена и на служителей его. Не будь лживъ:—подъ предлогомъ немощи тѣлесной не отлучайся собранія церковнаго: какъ дождь ростить сѣмя, такъ и церковь влечетъ душу на добрыя дѣла; все дѣлаемое наединѣ, въ кельѣ ничтожно; двѣнадцать псалмовъ, прочтенные наединѣ, не стоятъ одного „Господи помилуй", пропѣтаго въ церкви. — Надобно было тебѣ подумать, зачѣмъ захотѣлъ ты выйти изъ святаго, блаженнаго, честнаго и спасеннаго того мѣста Печерскаго? Думаю, братъ, что Богъ побудилъ тебя къ тому, не терпя твоей гордости, и извергнулъ тебя, какъ нѣкогда сатану съ отступными силами, потому что не захотѣлъ ты служить святому мужу, своему господину, а нашему брату, архимандриту Анкиндину, игумену Печерскому. Печерскій монастырь—море, не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасываетъ вонъ. Горе тебѣ, что написалъ ко мнѣ о своей досадѣ; погубилъ ты свою душу. Спрашиваю тебя: чѣмъ хочешь спастись? Будь ты постникъ и нищъ, не спи по ночамъ, но если досады не можешь снести—не получишь спасенія. — Пишетъ ко мнѣ княгиня Ростиславова, Верхуслава, что хочетъ поставить тебя епископомъ или въ Новгородъ, или въ Смоленскъ, или въ Юрьево; пишетъ: не пожалѣю и тысячи серебра для тебя и для Поликарпа. Я ей отвѣчалъ: дочь моя Анастасія! дѣло небогоугодное хочешь сдѣлать: если-бы онъ пробылъ въ монастырѣ неисходно съ чистою совѣстію, въ послушаніи игумену и всей братіи, трезвясь во всемъ, то не только облекся бы въ святительскую одежду, но и вышняго царства достоинъ былъ бы. Ты хочешь быть епископомъ?—хорошо; но прочти посланіе апостола Павла къ Тимоѳею и подумай, таковъ ли ты, какимъ слѣдуетъ быть епископу? Если бы ты былъ достоинъ этого сана, то я не отпустилъ бы тебя отъ себя, но своими руками поставилъ бы тебя намѣстникомъ въ обѣ епископіи, во Владиміръ и Суздаль, какъ и хотѣлъ князь Георгій; но я не согласился, видя твое малодушіе. Совершенство состоитъ не въ томъ, что быть славиму ото всѣхъ, но въ томъ, чтобъ исправить житіе свое и сохранить себя въ чистотѣ. Оттого изъ Печерскаго монастыря такъ много епископовъ поставлено было во всю Русскую Землю; прочти старую лѣтопись Ростовскую: въ ней найдешь, что ихъ было больше тридцати; а если считать всѣхъ до меня, грѣшнаго, то будетъ около пятидесяти. Разсуди же теперь, какова слава этого монастыря? Постыдившись, покайся, и будь доволенъ тихимъ и безмятежнымъ житіемъ, къ которому Господь привелъ тебя. Я бы съ радостію оставилъ епископство и сталъ работать игумену, но самъ знаешь, что меня удерживаетъ. Всѣ знаютъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь, красота всему городу Владиміру, а другая суздальская церковь, которую самъ построилъ; сколько у нихъ городовъ и селъ; и десятину собираютъ по всей той землѣ, и всѣмъ этимъ владѣетъ наша худость; но предъ Богомъ скажу тебѣ: всю эту славу и власть счелъ бы я за ничто, если бы мнѣ только хворостиною пришлось торчать за воротами, или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ и быть попираему людьми".

По указаніямъ на обычаи и нравы замѣчательно посланіе митрополита Іоанна (по всѣмъ вѣроятностямъ втораго) черноризцу Іакову, въ отвѣтъ на нѣкоторые вопросы, касавшіеся дисциплины церковной [1]). „Не надобно, говоритъ митрополитъ, сообщаться и служить со звѣроядцами и съ тѣми, которые служатъ на опрѣснокахъ; но ѣсть съ ними ради Христовой любви не запрещается; если кто хочетъ убѣгать этого для чистоты или немощи, пусть убѣгаетъ; но блюдите, чтобъ не произошло отъ этого соблазна, не родилась бы вражда: надобно изъ двухъ золъ выбирать меньшее.—Если, какъ ты говоришь, нѣкоторые въ Русской Землѣ не пріобщаются въ великій постъ, ѣдятъ мясо и все нечистое, то надобно ихъ всячески отвращать отъ этого; если же будутъ упорствовать, то не давать имъ Св. Причащенія и смотрѣть на нихъ, какъ на иноплеменниковъ и противниковъ вѣры. Также должно поступать и съ тѣми, которые держатъ по двѣ жены и которые занимаются волхвованіемъ; ослушниковъ должно строго наказывать, но не убивать до смерти и не увѣчить."—Такъ какъ въ то время не было утверждено, чтобъ русскія княжны, выходя замужъ за иновѣрныхъ владѣльцевъ, сохраняли православную вѣру, то митрополитъ и вооружился противъ обычая выдавать дочерей княжескихъ замужъ въ чужія страны, гдѣ служатъ на опрѣснокахъ, т.-е. въ страны католическія.— Митрополитъ приказываетъ всѣми силами направлять на вѣру правую тѣхъ, которые приносятъ жертвы бѣсамъ, болотамъ и колодезямъ, которые женятся безъ благословенія церковнаго, разводятся и берутъ другихъ женъ. Называетъ беззаконниками тѣхъ, которые продаютъ рабовъ-христіанъ Жидамъ или еретикамъ; вооружается противъ тѣхъ,

[1]) Русск. Достопам. I, стр. 89.—Этому Іакову приписываютъ сочиненіе житія Св. Владиміра, Свв. Бориса и Глѣба, посланіе къ в. князю Изяславу о воздержаніи отъ запойства и блуда; см. статью Погодина въ Извѣстіяхъ Академіи Наукъ т. I, листъ 21.

которые волею, для торговли, ходятъ къ поганымъ и ѣдятъ съ ними вмѣстѣ нечистое; противъ тѣхъ, которые часто въ монастыряхъ пиры устроиваютъ, созываютъ мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ и стараются превзойти другъ друга въ томъ, кто лучше устроитъ пиръ. „Эта ревность не по Богѣ, говоритъ митрополитъ, но отъ лукаваго происходитъ.“

Въ томъ же родѣ вопросы черноризца Кирика, предложенные Новгородскому епископу Нифонту и другимъ духовнымъ лицамъ съ ихъ отвѣтами [1]. Изъ этого памятника узнаемъ объ обычаѣ ходить на поклоненіе Св. мѣстамъ; Кирикъ удерживалъ нѣкоторыхъ отъ этого и спрашивалъ, хорошо ли онъ дѣлаетъ?—„Очень хорошо, былъ отвѣтъ: идетъ онъ для того, чтобъ ѣсть и пить, ничего не дѣлая“.—Вопросъ: если роду и рожаницѣ рѣжутъ хлѣбы и сыры и медъ?—въ отвѣтѣ читаемъ: „Горе пьющимъ рожаницѣ.“ Встрѣчаемъ извѣстіе объ обычаѣ оглашать предъ крещеніемъ Булгарина, Половчина, Чудина въ продолженіи 40 дней, а Славянина въ продолженіи 8 дней: такимъ образомъ узнаемъ, что во время Кириково продолжалось крещеніе Славянъ. Понятія времени выражаются въ слѣдующемъ правилѣ: по захожденіи солнца не надобно хоронить мертвеца; хоронить его,—когда еще солнце высоко, потому что послѣднее видитъ солнце до общаго воскресенія. Относительно нравовъ узнаемъ, что нѣкоторые явно жили съ наложницами. Узнаемъ объ обычаѣ женщинъ обмывать тѣло свое водою и эту воду давать пить мужьямъ, если видятъ, что послѣдніе перестаютъ любить ихъ; на такихъ налагается эпитемья, равно какъ и на тѣхъ, которыя дѣтей своихъ носятъ къ латинскому священнику на молитву или носятъ больныхъ дѣтей къ волхвамъ.

Теперь обратимся къ поученіямъ, обращеннымъ къ цѣлому народу. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ поученіе Св. Ѳеодосія Печерскаго о казняхъ Божіихъ: „Наводитъ Богъ по гнѣву Своему казнь какую-либо или поганыхъ, потому что не обращаемся къ Богу; междоусобная рать бываетъ отъ соблазна дьявольскаго и отъ злыхъ людей. Страну согрѣшившую казнитъ Богъ смертью, голодомъ, наведеніемъ поганыхъ, бездождіемъ и другими разными казнями“.... Слѣдующія слова важны относительно нравовъ и обычаевъ времени: „Не погански ли мы поступаемъ? Если кто встрѣтитъ монаха или монахиню, свинью или коня лысаго, то возвращается. Суевѣрію по дьявольскому наущенію предаются! Другіе чиханью вѣруютъ, будто бываетъ на здравіе главѣ. Дьяволъ прельщаетъ и отвлекаетъ отъ Бога волхвованіемъ, чародѣйствомъ, блудомъ, запойствомъ, рѣзоиманіемъ, прикладами, воровствомъ, лжею, завистью, клеветою, трубами, скоморохами, гуслями, сопѣлями, всякими играми и дѣлами неподобными. Видимъ и другія злыя дѣла: всѣ падки къ пьянству, блуду и злымъ играмъ. А когда стоимъ въ церкви, то какъ смѣемъ смѣяться или шептаться?.... На праздники большихъ пировъ не должно затѣвать, пьянства надобно бѣгать. Горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ ангела-хранителя отклоняемъ отъ себя, злаго бѣса привлекаемъ къ себѣ; Духъ Святый отъ пьянства далекъ, адъ близокъ“... Какъ языческіе обычаи примѣшивались къ христіанскимъ, видно изъ поученія, приписываемаго также Св. Ѳеодосію: „Для обѣда двѣ молитвы:—одна въ началѣ, другая въ концѣ. Установлена за упокой кутья, обѣдовъ же и ужиновъ за упокой не установлено, воды не велѣно приставлять къ кутьѣ; также яицъ класть на кутью. Тропарей не должно говорить чашамъ въ пиру, кромѣ трехъ: при поставленіи обѣда славится Христосъ, по окончаніи прославляется Дѣва Марія, потомъ чествуется хозяинъ“. Дошло до насъ также нѣсколько поученій Св. Ѳеодосія, обращенныхъ къ братіи его монастыря; въ одномъ изъ нихъ Святый говоритъ: „Если-бы только можно было, то каждый день говорилъ бы я, со слезами молилъ и къ ногамъ вашимъ припадалъ, чтобъ никто изъ насъ не пропустилъ молитвеннаго времени. Кто воздѣлывалъ ниву или виноградникъ и видитъ плоды, то не помнитъ труда отъ радости, и молитъ Бога, чтобъ сподобилъ собрать плодъ; если же видитъ, что нива терніемъ поросла, то что сдѣлаетъ! Сколько лѣтъ минуло, и никого не вижу, кто-бъ пришелъ ко мнѣ и сказалъ: какъ мнѣ спастись?“ Поученіе митрополита Русскаго Никифора замѣчательно по своему началу, изъ котораго видно, что митрополитъ Грекъ, по незнанію русскаго языка, не произносилъ самъ поученій своихъ къ народу, а только писалъ ихъ. „Не данъ мнѣ даръ языковъ: оттого я стою посреди васъ безгласенъ и совершенно безмолвенъ. А такъ какъ нынѣ потребно поученіе по случаю наступающихъ дней св. великаго поста, то я разсудилъ предложить вамъ поученіе чрезъ писаніе“. Проповѣдникъ вооружается противъ большихъ ростовъ и противъ пьянства. Замѣчательно по своей простотѣ, вполнѣ соотвѣтствующей состоянію паствы, къ которой было обращено, поученіе Луки Жидяты, епископа Новгородскаго, умершаго въ 1060 году: „Вотъ, братія, прежде всего эту заповѣдь должны мы всѣ христіане держать: вѣровать во единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили Апостолы, утвердили Св. Отцы. Вѣруйте воскресенію, жизни вѣчной, мукѣ грѣшникамъ вѣчной. Не лѣнитесь въ церковь ходить, къ заутренѣ и къ обѣднѣ, и къ вечернѣ; и въ своей клѣти прежде Богу поклонись, а потомъ уже спать ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ; не разговаривайте, не думайте ни о чемъ другомъ, но молите Бога всею мыслію, да отдастъ Онъ вамъ грѣхи. Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, и

[1]) Памятн. Словес. XII, в., стр. 173. См. въ IV-й ч. Трудовъ Московск. Историч. Общества статью митрополита Евгенія: Свѣдѣніе о Кирикѣ. Кирикъ въ 1134 году былъ дьякономъ и доместикомъ въ новгородскомъ Антоніевѣ монастырѣ; онъ оставилъ еще сочиненіе: «Ученіе имже вѣдати человѣку числа всѣхъ лѣтъ».

больше съ братьею, и не будь у васъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ; не рой брату яму, чтобъ тебя Богъ не ввергнулъ въ худшую. Терпите обиды, не платите зломъ за зло; другъ друга хвалите, и Богъ васъ похвалитъ. Не ссорь другихъ, чтобъ не назвали тебя сыномъ дьявола, помири, да будешь сынъ Богу. Не осуждай брата и мысленно, поминая свои грѣхи; да и тебя Богъ не осудитъ. Помните и милуйте странныхъ, убогихъ, заключенныхъ въ темницы, и къ своимъ сиротамъ (рабамъ) будьте милостивы. Игрищъ бѣсовскихъ (московолудства) вамъ, братія, нелѣпо творить, также говорить срамныя слова, сердиться ежедневно; не презирай другихъ, не смѣйся никому, въ напасти терпи, имѣя упованіе на Бога. Не будьте буйны, горды, помните, что можетъ быть завтра будете смрадъ, гной, черви. Будьте смиренны и кротки: у гордаго въ сердцѣ дьяволъ сидитъ, и Божіе слово не прильнетъ къ нему. Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь Божіимъ именемъ, и другаго не заклинайте и не проклинайте. Судите по правдѣ, взятокъ не берите, денегъ въ ростъ не давайте; Бога бойтесь, князя чтите; рабы, повинуйтесь сначала Богу, потомъ господамъ своимъ; чтите отъ всего сердца іерея Божія, чтите и слугъ церковныхъ. Не убей, не украдь, не лги, лживымъ свидѣтелемъ не будь, не враждуй, не завидуй, не клевещи; блуда не твори, ни съ рабою, ни съ кѣмъ другимъ; не пей не во-время и всегда пейте съ умѣренностію, а не до пьянства; не будь гнѣвливъ, дерзокъ, съ радующимися радуйся, съ печальными будь печаленъ, не ѣшьте нечистаго, святые дни чтите; Богъ же мира со всѣми вами, аминь"[1]). — Повторяемъ: слово это драгоцѣнно для историка, потому что вполнѣ обрисовываетъ общество, къ которому обращено для поученія; при этомъ замѣтимъ также, что въ поученіи Луки Жидяты выражается и общій духъ новгородскаго народонаселенія, какой замѣчаемъ постоянно въ новгородскихъ памятникахъ; какъ въ лѣтописи Новгородской, такъ и здѣсь замѣчаемъ одинакую простоту, краткость, сжатость, отсутствіе всякихъ украшеній; для насъ одинъ слогъ поученія Жидяты можетъ служить доказательствомъ, что оно написано въ Новгородѣ.

Другимъ характеромъ отличаются поученія южнаго владыки, Кирилла Туровскаго[2]), какъ вообще памятники южно-русской письменности отличаются отъ сѣверныхъ памятниковъ большею украшенностію, что, разумѣется, происходитъ отъ различія въ характерѣ народонаселенія: иной рѣчи требовалъ Новгородецъ отъ своего владыки, иной—южный Русинъ отъ своего. Содержаніе слова Жидяты составляетъ краткое изложеніе правилъ христіанской нравственности; слова Кирилла Туровскаго большею частію представляютъ краснорѣчивыя представленія священныхъ событій, празднуемыхъ Церковью въ тотъ день, въ который говорится слово; цѣль словъ его—показать народу важность, величіе празднуемаго событія, пригласить народъ къ его празднованію, къ прославленію Христа или святыхъ его; отсюда сходство словъ Кирилловыхъ съ церковными пѣснями, отъ которыхъ онъ заимствуетъ иногда не только форму, но и цѣлыя выраженія; какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ видимъ одинаковое распространеніе, оживленія событія разговоромъ дѣйствующихъ лицъ. Въ сочиненіяхъ Кирилла замѣчаемъ также особенную любовь къ иносказаніямъ, притчамъ, стремленіе давать событіямъ прообразовательный характеръ, особенное искусство въ сравненіяхъ, сближеніяхъ событій, явленій, такъ что, изучая внимательно сочиненія древняго владыки Туровскаго, нетрудно открыть въ немъ предшественника и земляка позднѣйшимъ церковнымъ витіямъ изъ Юго-Западной Руси, которые такъ долго были у насъ почти единственными духовными ораторами и образцами. Какъ слогъ поученія Луки Жидяты обличаетъ Новгородца, такъ слогъ словъ Кирилла Туровскаго обличаетъ въ сочинителѣ южнаго Русина.

Изъ дошедшихъ до насъ сочиненій Кирилла первое мѣсто занимаютъ десять словъ, сказанныхъ въ десять воскресныхъ дней, начиная отъ Недѣли Вай до Троицына дня включительно. Въ первомъ уже словѣ (въ Недѣлю Вай) мы знакомимся вполнѣ съ образомъ изложенія сочинителя: „Днесь Христосъ отъ Виѳаніи въ Іерусалимъ входитъ, всѣдши на жребя осла, да совершится пророчество Захаріино. Уразумѣвая это пророчество, станемъ веселиться; души святыхъ дщери вышняго Іерусалима нарицаются, жребя же—это вѣровавшіе язычники, которыхъ посланные Христомъ Апостолы отрѣшили отъ лести дьявольской... Нынѣ Апостолы на жребя ризы свои возложили, на которыя сѣлъ Христосъ. Здѣсь видимъ обнаруженіе преславной тайны: ризы—это христіанскія добродѣтели Апостоловъ, которые своимъ ученіемъ устроили благовѣрныхъ людей въ престолъ Божій и вмѣстилище Св. Духу. Нынѣ народы постилаютъ Господу по пути—одни: ризы своя, а другіе—вѣтви древесныя Добрый правый путь міродержителямъ и всѣмъ вельможамъ Христосъ показалъ: постлавши этотъ путь милостынею и незлобіемъ, безъ труда они входятъ въ царство небесное; ломающіе же древесныя вѣтви суть простые люди и грѣшники, которые сокрушеннымъ сердцемъ и умиленіемъ душевнымъ, постомъ и молитвами свой путь равняютъ и къ Богу приходятъ".... и проч. Окончаніе слова замѣчательно, потому что показываетъ главную цѣль всѣхъ словъ Кирилловыхъ: „Сокративши слово, пѣснями какъ цвѣтами Святую Церковь увѣнчаемъ и праздники украсимъ, и Богу славословіе вознесемъ, и Христа Спасителя нашего возвеличаемъ". Роскошная весенняя природа юга дала много цвѣтовъ Кириллу въ словѣ на Ѳомино Воскресенье: „Теперь весна красуется, оживляя земное естество;

[1]) Русская Достопам. I, стр. 7. Уч. Зап. II отд. Акад. кн. II, вып. II.

[2]) Памятн. Слов. XII в.

вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодамъ обиліе, и земля, сѣмена питая, зеленую траву раждаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество: вѣтры—грѣхотвореній помыслы, которые, претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, душеполезные плоды приносятъ; земля же естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, слово Божіе, и боля постоянно страхомъ Божіимъ, духъ спасенія раждаетъ. Нынѣ новорожденные агнцы и юнцы скачутъ быстро и весело возвращаются къ матерямъ своимъ, а пастухи на свирѣляхъ съ веселіемъ хвалятъ Христа; агнцы—это кроткіе люди отъ язычниковъ, а юнцы—кумирослужители невѣрныхъ странъ, которые, Христовымъ вочеловѣченіемъ и апостольскимъ ученіемъ и чудесами къ Святой Церкви возвратившись, сосутъ млеко ученія; а учители Христова стада, о всѣхъ моляся, Христа Бога славятъ, всѣхъ волковъ и агнцовъ въ одно стадо собравшаго. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты—благоуханіе, и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ, и дѣлатели, съ надеждою трудяся, плододавца Христа призываютъ; были мы прежде какъ древа дубравныя, плодовъ неимущія, а нынѣ привилась Христова вѣра къ нашему невѣрію, и держась корня Іесеева, испуская добродѣтели какъ цвѣты, райскаго пакибытія о Христѣ ожидаемъ, и святители, трудясь о Церкви, отъ Христа мзды ожидаютъ. Нынѣ оратаи слова, словесныхъ воловъ къ духовному ярму приводя, и крестное рало въ мысленныхъ браздахъ погружая, и проводя бразду покаянія, всыпая сѣмя духовное, надеждами будущихъ благъ веселятся", и проч.

Слово въ Недѣлю Мироносицкую напоминаетъ совершенно церковныя пѣсни и стихиры, поемыя и читаемыя въ послѣдніе дни Страстной седмицы; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаемъ одни и тѣ же почти выраженія; таковъ вначалѣ плачъ Богородицы: „Тварь соболѣзнуетъ ми, Сыну! твоего зрящи безъ правды умерщвленія. Увы мнѣ, чадо мой, свѣтъ и творче тварямъ", и проч. Или, далѣе слова Іосифа Пилату представляютъ не иное что, какъ распространеніе церковной пѣсни: „Пріидите, ублажимъ Іосифа приснопамятнаго". Слово оканчивается похвалою Іосифу, замѣчательною по обычной въ древнемъ краснорѣчіи формѣ: „Кому уподоблю этого праведника? небомъ ли тебя назову: но ты былъ свѣтлѣе неба благочестіемъ, потому что во время страсти Христовой небо помрачалось и свѣтъ свой скрыло, а ты, радуясь, на своихъ рукахъ Бога носилъ. Землею ли тебя благоцвѣтущею назову? Но ты явился честнѣе земли, потому что она въ то время отъ страху потрясалась, а ты вмѣстѣ съ Никодимомъ весело Божіе тѣло плащаницею обвивъ положилъ", и пр.—Слово въ Недѣлю Разслабленнаго представляетъ самый лучшій образецъ слога Кириллова; въ жалобѣ разслабленнаго на свои страданія видимъ эту образность, какою обыкновенно отличаются писатели — земляки нашего оратора: „Мертвымъ ли себя назову, говоритъ разслабленный; но чрево мое пищи желаетъ, и языкъ отъ жажды изсыхаетъ. Живымъ ли себя почту?—но не только встать съ одра, даже и подвинуть себя не могу: ноги мои не ходятъ, руки не только-что ничего не дѣлаютъ, но и осязать ими я себя не могу; я—непогребенный мертвецъ, одръ мой—гробъ мой: мертвый между живыми и живой между мертвецами, потому что какъ живой питаюсь, и какъ мертвый ничего не дѣлаю; мучусь я какъ въ адѣ отъ безстыдно поносящихъ меня; смѣхъ я юношамъ, укоряющимъ мною другъ друга, а старцамъ лежу притчею къ наказанію; всѣ мною глумятся, и я отъ того вдвойнѣ страдаю. Внутри терзаетъ меня болѣзнь, внѣ—оскорбляюсь досадами укоряющихъ меня: слюни плюющихъ на меня покрываютъ тѣло мое, голодъ пуще болѣзни одолѣваетъ меня, потому что если и найду пищу, то не могу рукою положить ее въ ротъ; всѣхъ умоляю, чтобъ накормили меня, и дѣлюсь бѣднымъ кускомъ моимъ съ питающими меня, стоная со слезами, томимый мучительною болѣзнію, и никто не придетъ посѣтить меня", и проч.—Таковъ же и отвѣтъ Христа: „Какъ ты говоришь: человѣка не имамъ? Я ради тебя сдѣлался человѣкомъ, тебя ради оставилъ скипетры горнаго царства, и нижнимъ служа, обхожу: не пришелъ я, да мнѣ послужатъ, но да послужу другимъ. Тебя ради, будучи безплотнымъ, плотію облекся, да исцѣлю душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради, невидимый ангельскимъ силамъ, явился всѣмъ человѣкомъ, ибо не хочу презрѣть моего образа лежащаго въ тлѣніи, но хочу спасти его и въ разумъ истинный привести, а ты говоришь: человѣка не имамъ! Я сдѣлался человѣкомъ, да сотворю человѣка богомъ, ибо сказалъ: боги будутъ и Сына Вышняго всѣ, и кто другой вѣрнѣе меня служитъ тебѣ? Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ; небо и земля тебѣ служатъ—небо влагою, земля—плодомъ; солнце служитъ свѣтомъ и теплотою, луна съ звѣздами ночь обѣляетъ; для тебя облака дождемъ землю напояютъ, и земля всякую траву сѣмянистую и деревья плодовитыя на твою службу возращаетъ; тебе ради рѣки рыбъ носятъ, и пустыни звѣрей питаютъ, а ты говоришь: человѣка не имамъ", и проч. Слово въ недѣлю пятую по Пасхѣ содержитъ въ себѣ упрекъ народу за нехожденіе въ церковь для слушанія словъ епископа: „Я, друзья и братья, надѣялся, что съ каждою недѣлею все больше и больше будетъ собираться народу въ церковь, а теперь вижу, что собирается его все меньше и меньше: если бы я свое что-нибудь говорилъ вамъ, то хорошо бы дѣлали, если бы не приходили, но я возвѣщаю вамъ владычнее и прочитываю вамъ грамоту Христову".—Кириллу же Туровскому приписывается слово о состояніи души по разлученіи съ тѣломъ; здѣсь сочинитель, исчисляя мытарства, седьмымъ изъ нихъ полагаетъ: „Буе слово, срамословіе, безстыдная словеса и плясаніе, еже въ пиру и на свадьбахъ и въ павечерницахъ, и на игрищахъ, и на улицахъ"; пятнадцатымъ: „Всякая ересь, и вѣруютъ въ стрѣчу,

въ чехъ, въ полазъ и въ птичьи грай, ворожю, и еже басни баютъ и въ гусли гудуть".

Отъ описываемаго времени дошли до насъ еще нѣкоторыя любопытныя поученія, неизвѣстно какой области и какому лицу принадлежащія. Здѣсь, между прочимъ, видимъ, какъ Церковь вооружалась противъ явленій, бывшихъ слѣдствіемъ родовыхъ отношеній княжескихъ, и какъ изначала содѣйствовала утвержденію отношеній государственныхъ Сочинитель слова обращается къ дружинѣ княжеской съ слѣдующими словами: „Если начнете доброжелательствовать другимъ князьямъ отъ своего, то подобны будете замужней женщинѣ, невѣрной своему мужу". Но тутъ встрѣчаемъ увѣщаніе къ храбрости, вполнѣ согласное съ понятіями времени: „Сынъ! когда на рать съ княземъ идешь, то съ храбрыми напереди ѣзди: этимъ и роду своему чести добудешь, и себѣ доброе имя. Что можетъ быть лучше того, какъ умереть передъ княземъ!"—О волхвахъ: „Волхвовъ же, чада моя, блюдитеся". О священникахъ: „Если возьмете чернеца въ свой домъ или иного причетника и захотите его угостить, то больше трехъ чашъ не нудьте его, но дайте ему волю,—если самъ напьется, то самъ за то и отвѣчаетъ; нельзя слугъ Божіихъ до срама упоить, но съ поклономъ должно отпускать, взявши благословеніе у нихъ". — О рабахъ: „Сиротъ домашнихъ не обидьте, но больше милуйте, голодомъ не морите, ни наготою, потому что это домашніе твои нищіе: нищій въ другомъ мѣстѣ себѣ выпроситъ, а рабы только въ твоей рукѣ; милуйте своихъ рабовъ и учите ихъ на спасеніе и покаяніе, а старыхъ на свободу отпускайте... Если холопа своего или рабу не кормишь и не обуваешь, и убьютъ ихъ у воровства, то за кровь ихъ ты отвѣтишь. Ты какъ Апостолъ въ дому своемъ: научай грозою и ласкою. Если рабы и рабыни не слушаются, по твоей волѣ не ходятъ, то лозы не жалѣй до шести ранъ и до двѣнадцати; а если велика вина, то и до 20 ранъ; если же очень велика вина, то до 30 ранъ лозою, а больше 30 ранъ не велимъ... Рабовъ, которыхъ возьмешь съ собою въ походъ, чести и люби, чтобъ они были тебѣ въ обидѣ и въ рати добрыми помощниками"[1]). О средствахъ, какія употребляли проповѣдники, средствахъ, напоминающихъ намъ извѣстіе объ обращеніи Владиміра, и о судьбѣ, какой подвергались иногда ревностные проповѣдники, находимъ любопытныя извѣстія въ житіи Св. Авраамія Смоленскаго: „Такъ бо бѣ (Авраамій) благодатію Христовою утѣшая приходящія и плѣняя ихъ души смыслъ, якоже и самому игумену не стерпѣти, многія къ нему видя притекающая. И хотя того сего отлучити и глаголаше: азъ за тя отвѣщаю у Бога, ты же престани уча, и много озлобленіе нань возложи. И оттолѣ вниде въ градъ и пребысть въ единомъ монастырѣ у честнаго Креста; и ту начаша болѣ приходити и ученіе его множайше быти. Написа же двѣ иконѣ, едину страшный судъ втораго пришествія, а другую—испытанія воздушныхъ мытарствъ, ихже всѣмъ нѣсть избѣжати. И ко всѣмъ приходящимъ одного страшнаго дня не престая о томъ глаголя, и почитая великаго онаго и свѣтлаго учителя вселенныя Іоанна Златоустаго, и преподобнаго Ефрема и всѣхъ богогласныхъ святыхъ. И вшедъ сатана въ сердце безчинныхъ, воздвиже нань; и начаша овіи клеветати къ епископу, иніи же хулити и досажати, овіи еретика нарицати и, а иніи глаголаху нань глубинныя книги почитаетъ, иніи же къ женамъ прекладающе, попове же зіающе и глаголюще: уже наша дѣти всѣ обратилъ есть; реку тако: никто же аще бы не глаголя на блаженнаго Авраамія въ градѣ. Собращася же всѣ отъ мала и до велика весь градъ нань: иніи глаголютъ заточити, а иніи на стѣнѣ ту пригвоздити и зажещи, а друзіи потопити и проведьше сквозѣ градъ, всѣмъ же собравшимся на дворъ епископь, игуменомъ же и попомъ и черноризцемъ, княземъ и боляромъ"...

Кромѣ поученій, принадлежащихъ духовнымъ лицамъ, до насъ дошло поученіе, написанное знаменитѣйшимъ изъ князей описываемаго времени, Владиміромъ Мономахомъ, для дѣтей своихъ; оно обнимаетъ обязанности человѣка вообще и князя, религіозныя, семейныя и общественныя, и представляетъ первообразъ тѣхъ домостроевъ, которые мы увидимъ въ послѣдующихъ вѣкахъ. „Страхъ имѣйте Божій въ сердцѣ и милостыню творите неоскудную, потому что здѣсь начало всякому добру",—такъ начинаетъ Мономахъ свое поученіе. Потомъ онъ объявляетъ поводъ, по которому написалъ поученіе: по окончаніи усобицы съ Давыдомъ Игоревичемъ на Витическомъ съѣздѣ, поѣхалъ онъ на сѣверъ въ Ростовскую область, и, будучи на Волгѣ, получилъ посольство отъ двоюродныхъ братьевъ съ приглашеніемъ идти на Ростиславичей галицкихъ, которые не хотѣли исполнять общаго княжескаго приговора; двоюродные братья велѣли сказать Мономаху: „Ступай скорѣе къ намъ, прогонимъ Ростиславичей и волость у нихъ отнимемъ; если же не пойдешь съ нами, то мы себѣ, а ты себѣ". Мономахъ велѣлъ отвѣчать: „Сердитесь, сколько хотите, не могу съ вами идти и преступить крестное цѣлованіе".—Угроза братьевъ разъединиться съ нимъ сильно опечалила Мономаха; въ этой печали онъ разогнулъ псалтырь и попалъ на мѣсто: „Вскую печалуеши, душе? вскую смущаеши мя?" и проч. Утѣшенный псалмомъ, Мономахъ рѣшился тутъ же написать своимъ сыновьямъ поученіе, въ которомъ господствуетъ та мысль, что человѣкъ никогда не долженъ совращаться съ праваго пути, во всѣхъ случаяхъ жизни долженъ полагаться на одного Бога, Который не дастъ по-

[1]) Москвит. 1851 г., № 6.—Думаемъ, что къ описываемому же времени надобно будетъ отнести и извѣстное «Слово нѣкоего христолюбца», которымъ мы уже пользовались прежде, говоря о языческихъ повѣрьяхъ; вооружаясь противъ послѣднихъ, авторъ говоритъ, что ихъ держатся «не токмо невѣжи, но и вѣжи, и попы, и книжницы».

гибнуть человѣку, творящему волю Его. Выписавши изъ псалма тѣ мѣста, въ которыхъ выражается эта мысль, также наставленіе изъ Василія Великаго, Мономахъ продолжаетъ: „Тремя добрыми дѣлами побѣждается врагъ нашъ дьяволъ: покаяніемъ, слезами и милостынею. Бога ради не лѣнитесь, дѣти мои, не забывайте этихъ трехъ дѣлъ; они не тяжки: не одиночество, не чернечество, не голодъ, которые терпятъ нѣкоторые добродѣтельные люди; такимъ малымъ дѣломъ можете вы получить милость Божію... Послушайте меня, если не можете всего исполнить, то хотя половину. Просите Бога о прощеніи грѣховъ со слезами, и не только въ церкви дѣлайте это, но и ложась спать; не забывайте ни одну ночь класть поклоновъ, потому что ночнымъ поклономъ и пѣніемъ человѣкъ побѣждаетъ дьявола и получаетъ прощеніе грѣховъ. Когда и на лошади сидите, да ни съ кѣмъ не разговариваете, то чѣмъ думать безлѣпицу, повторяйте безпрестанно въ умѣ: „Господи помилуй“! Если другихъ молитвъ не умѣете, эта молитва лучше всѣхъ. Больше же всего не забывайте убогихъ, но сколько можете по силѣ кормите, больше другихъ подавайте сиротѣ, сами оправдывайте вдовъ, а не позволяйте сильнымъ погубить человѣка. Ни праваго, ни виноватаго не убивайте, ни приказывайте убивать. Въ разговорѣ, что бы вы ни говорили, никогда не клянитесь Богомъ: нѣтъ въ этомъ никакой нужды; когда придется вамъ крестъ поцѣловать къ братьѣ, то цѣлуйте подумавши, можете ли сдержать клятву, и разъ поцѣловавши,—берегитесь, чтобъ не погубить души своей. Съ любовію принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игуменовъ, не устраняйтесь отъ нихъ, по силѣ любите и снабжайте ихъ, пусть молятся за васъ Богу. Пуще всего не имѣйте гордости въ сердцѣ и умѣ,—говорите: всѣ мы смертны, нынѣ живы, а завтра въ гробѣ; все, что Ты, Господи, далъ намъ, не наше, а Твое, поручилъ намъ на малое число дней; въ землю ничего не зарывайте: это большой грѣхъ. Старыхъ чти какъ отцовъ, молодыхъ какъ братью. Въ домѣ своемъ не лѣнитесь, но за всѣмъ присматривайте сами; не надѣйтесь ни на тіуна, ни на отрока, чтобъ гости не посмѣялись ни дому, ни обѣду вашему. Вышедши на войну, также не лѣнитесь, не надѣйтесь на воеводъ; питью, ѣдѣ, спанью не предавайтесь; сторожей сами наряжайте; распорядившись всѣмъ, ложитесь, но вставайте рано, и оружія не снимайте съ себя; отъ лѣни человѣкъ внезапно погибаетъ. Остерегайтесь лжи, пьянства и блуда: въ этихъ порокахъ и душа, и тѣло погибаютъ. Если случится вамъ ѣхать куда по своимъ землямъ, то не давайте отрокамъ обижать жителей, ни чужихъ, ни въ селахъ, ни на поляхъ, чтобъ послѣ васъ не проклинали. На дорогѣ или гдѣ остановитесь, напойте, накормите нищаго: особенно же чтите гостя, откуда бы онъ къ вамъ ни пришелъ, простой или знатный человѣкъ, или посолъ; если не можете чѣмъ инымъ одарить его, то угостите хорошенько: странствуя, они разносятъ по всѣмъ землямъ хорошую или дурную славу о человѣкѣ. Больнаго навѣстите и къ мертвому ступайте, потому что мы всѣ смертны, человѣка не пропустите не поздоровавшись, всякому доброе слово скажите. Женъ своихъ любите, но не давайте имъ надъ собою власти. Что знаете добраго, того не забывайте, а чего еще не знаете, тому учитесь; не лѣнитесь ни на что доброе; прежде всего не лѣнитесь ходить въ церковь; да не застанетъ васъ солнце на постели“... Взаключеніе Мономахъ разсказываетъ дѣтямъ о своихъ трудахъ: этимъ важнымъ для историка разсказомъ мы уже воспользовались въ своемъ мѣстѣ.

Мы встрѣчали извѣстія о страсти къ паломничеству, къ путешествіямъ во Св. Землю, распространившейся въ описываемое время между русскими людьми: до насъ дошло описаніе одного изъ такихъ путешествій, совершеннаго игуменомъ Даніиломъ [1]). Это описаніе особенно замѣчательно отсутствіемъ духа нетерпимости относительно латинскихъ христіанъ, обладавшихъ тогда Іерусалимомъ. Король Балдуинъ обласкалъ русскаго игумена, который за это распустилъ о немъ добрую славу по своей землѣ: „Позвалъ мя бяше добрѣ и любя мя вельми, якоже есть мужъ благодѣленъ и смиренъ вельми, и не гордитъ. Язъ рекохъ ему: княже мой господинѣ! молю ти ся Бога дѣля и князей дѣля русьскыхъ, повели ми, да быхъ и язъ поставилъ свое кандило на гробѣ святомъ отъ всея русьскыя земли. Онъ же съ тщаніемъ и съ любовью повелѣ ми поставити кандило; посла со мною мужа своего... Богъ тому послухъ и св. гробъ Господень, яко во всѣхъ мѣстахъ святыхъ не забыхъ именъ князей русскихъ и княгинь, и епископъ, и игуменъ, и бояръ, и дѣтей моихъ духовныхъ. И о семъ похвалю Бога моего благо, яко сподобилъ мя, худаго, имени князей русьскыхъ написати въ лаврѣ св. Саввы, и нынѣ поминаются имена ихъ въ ектеньяхъ и съ женами, и съ дѣтьми. Се же имена ихъ: Михаилъ Святополкъ, Василій Владиміръ, Давыдъ Святославичъ, Михаилъ Олегъ, Панкратій-Святославъ, Глѣбъ-Мѣнской, и сколько есть помнилъ, опричь всѣхъ князей русскихъ, и боляръ и отпѣхомъ литургію за князей русьскыхъ и за вся хрестьяне 50 литургій, и за усопшія литургію отпѣхомъ. И буди же всѣмъ почитающимъ се съ вѣрою и любовію благословенье отъ Бога и отъ св. гроба и отъ всѣхъ мѣстъ святыхъ. Бога дѣля, братіе и господіе мои, не зазрите худоумью моему и грубости моей. Да не будетъ въ похваленье написанье се мене ради, но гроба Господня ради кто съ любовью почтетъ, да мзду приметъ отъ Бога Спаса нашего, и Богъ мира съ всѣми вами въ вѣки вѣковъ, Аминь.“—Даніилъ встрѣтилъ въ Іерусалимѣ многихъ русскихъ паломниковъ—Новгородцевъ и Кіевлянъ.

---

[1]) Сахарова, Сказ. Русск. Нар. т. II. Сохранилось также путешествіе Добрыни Я[illegible]ковича въ Царьградъ, 1210 г.

Къ описываемому времени относится сочиненіе другаго Даніила, такъ называемое Посланіе Даніила Заточника къ князю Юрію Владиміровичу Долгорукому [1]). Изъ самаго умилостивительнаго посланія этого можно узнать только то, что молодой еще человѣкъ, неизвѣстно какого происхожденія и званія, разгнѣвалъ князя и былъ заточенъ на озеро Лаче; въ посланіи Даніилъ ничего не говорить о винѣ своей; но по сильнымъ выходкамъ противъ приближенныхъ къ князю людей и женщинъ можно догадываться, что онъ ихъ наговорамъ приписывалъ свое несчастіе. Какъ видно, впослѣдствіи сочиненіе это было извѣстно грамотнымъ людямъ [2]) и цѣнилось, благодаря украшеніямъ слога, которыя нравились встарину; самъ Даніилъ, какъ видно изъ его словъ, считалъ себя мудрецомъ; выпишемъ нѣсколько строкъ, чтобъ имѣть понятіе объ этой мудрости. „Вострубимъ, братія, яко во златокованныя трубы, въ разумъ ума своего и начнемъ бити сребренныя органы, и возвѣемъ мудрости своя... Не возри на мя, княже господине, яко волкъ на ягня; но возри на мя, господине мой, аки мати на младенца. Возри, господине, на птицы небесныя, яко ти ни орютъ, ни сѣютъ, ни въ житницу собираютъ, но уповаютъ на милость Божію; такъ и мы, княже господине, желаемъ твоея милости; зане, господине, кому Боголюбово, а мнѣ горе лютое; кому Бѣлозеро, а мнѣ чернѣе смолы; кому Лачь озеро, а мнѣ, на немъ сѣдя, плачь горки... Княже мой, господине мой! избави мя отъ нищиты сія, яко серну отъ тенета, яко птицу отъ кляпцы, яко утя отъ ногтей носимаго ястреба, яко овцу отъ устъ лвовыхъ. Азъ бо есми, княже господине, яко древо при пути: мнози посѣкаютъ его и на огнь вмещутъ; такоже и азъ всѣми обидимъ есмь, зане огражень есмь страхомъ грозы твоея.... Весна бо украшаетъ цвѣты землю; а ты, княже господине, оживляеши вся человѣки своею милостью, сироты и вдовы, отъ вельможь погружаемы.... Видѣхъ великъ звѣрь, а главы не имѣетъ: тако и добрыя полки безъ добраго князя погибаютъ. Гусли бо строются персты, тѣло основается жилами, а дубъ крѣпится множествомъ коренія: такъ и градъ нашъ крѣпится твоею державою; зане князь щедръ отецъ есть всѣмъ: слузи бо мнози отца и матери лишаются и къ нему прибѣгаютъ. Добру бо господину служа, дослужится свободы; а злу господину служа, дослужится большія работы. Зане князь щедръ, аки рѣка безъ береговъ текуще всквозѣ дубравы, напояюща не токмо человѣцы, но и скоти и вся звѣри; а князь скупъ, аки рѣка великъ брегъ имуще каменны: нельзя пити, ни коня напоити. А бояринъ щедръ, аки кладезь сладокъ; а скупъ бояринъ, аки кладезь солонъ. Не имѣй себѣ двора близь княжа двора; не держи села близь княжа села: тіунъ бо его яко огнь трепетицею накладенъ, а рядовичи его яко искры; аще отъ огня устережешися, но отъ искры не можешь устрещися жженія портъ. Княже, господине мой! не лиши хлѣба нища мудра, ни вознеси до облакъ богатаго безумна, несмысленнъ; нищь бо мудръ, яко злато въ калнѣ сосудѣ, а богатъ красенъ несмысленъ, то аки паволочитое зголовье, соломы наткано. Господине мой! не зри внѣшняя моя, но зри внутреная: азъ бо одѣяніемъ есмь скуденъ, но разумомъ обиленъ; юнъ возрастъ имѣю, а старъ смысломъ; быхъ мыслію яко орелъ паряй по воздуху. Но постави сосуды скудельничьи подъ потокъ капля языка моего, да накаплютъ ти сладчайши меду словеса устъ моихъ... Не море топитъ корабли, но вѣтри, и не огнь творитъ разженіе желѣзу, но подыманіе мѣшное: также и князь не самъ впадаетъ въ многія въ вещи злыя, но думцы вводятъ: Съ добрымъ бо думцею князь высока стола додумаетца, а съ лихимъ думцею думаетъ и малаго стола лишенъ будетъ... Не мужъ въ мужехъ, кѣмъ своя жена владѣетъ; не работа въ работахъ, подъ жонками возъ возити... Что есть жена зла? гостница неусыпаемая, купница бѣсовская, мірскы мятежь, ослѣпленіе уму, начальница всякой злобѣ... Азъ ни заморе ходилъ, ни отъ философъ научился; но быхъ яко падая пчела по различнымъ цвѣтомъ и совокупляя яко медвеный сотъ; тако и азъ по многимъ книгамъ собирая сладость словесную и разумъ, и совокупихъ яко мѣхъ воды морьскія, а не отъ своего разума, но отъ Божія промысла".—Къ Посланію прибавлено слѣдующее извѣстіе: „Сіи словеса азъ Данилъ писахъ въ заточеніи на Бѣлѣозерѣ, и запечатавъ въ воску, и пустихъ въ озеро, и земь рыба пожре, и ята бысть рыба рыбаремъ, и принесена бысть ко князю, и нача ея пороти, и узрѣ князь сіе написаніе, и повелѣ Данила свободити отъ горкаго заточенія".

Древнѣйшія произведенія народной фантазіи относятся ко временамъ Владиміра Святаго; содержаніе ихъ составляютъ подвиги богатырей, борьба ихъ съ степными варварами, съ которою былъ соединенъ важнѣйшій интересъ для народа. Въ описанное время продолжалась та же борьба, и попрежнему служила главнымъ содержаніемъ пѣсенъ и сказаній; богатырей смѣнили князья; самымъ славнымъ, самымъ народнымъ именемъ въ борьбѣ съ погаными было имя Мономахъ; не могло быть, чтобъ походы добраго страдальца за Русскую Землю на поганыхъ не служили содержаніемъ народныхъ поэтическихъ сказаній; слѣды этихъ сказаній находимъ въ началѣ Волынской лѣтописи: „По смерти же великаго князя Романа, приснопамятнаго самодержца всея Руси, одолѣвша всѣмъ поганьскымъ языкомъ, ума мудростью ходяща по заповѣдемъ Божіимъ: устремилъ бо-ся бяше на поганыя яко и

[1]) Памятн. Слов. XII в., стр. 229.

[2]) Въ позднѣйшихъ лѣтописяхъ, при упоминовеніи о Лачѣ озерѣ встрѣчаемъ прибавку: «идеже бѣ Данило заточеникъ». Въ какой славѣ было слово Даніила, видно изъ того, что послѣ нѣкоторые приноравливали его къ своимъ обстоятельствамъ и посылали къ князьямъ. См. новую редакцію слова въ Русск. Бесѣдѣ 1856, № 2. Здѣсь авторъ обращается не къ Юрію, но къ Ярославу Всеволодовичу Переяславскому.

левъ, сердитъ же бысть яко и рысь, и губяше яко и коркодилъ и проходжаше землю ихъ яко и орелъ, х권оръ бо бѣ яко и туръ. Ревноваше бо дѣду своему Мономаху, погубившему поганыя Измалтяны, рекомыя Половци, изгнавшю Отрока въ Обезы за желѣзныя врата. Сърчанови же оставшю у Дону, рыбою оживившю; тогда Володимеръ Мономахъ пилъ золотымъ шоломомъ Донъ, пріемши землю ихъ всю и загнавши окаянныя Агаряны. По смерти же Володимерѣ, оставшю у Сырьчана единому гудьцѣ же, Ореви, посла и въ Обезы, рекъ: Володимеръ умерлъ есть, а воротися, брате, пойди въ землю свою; молви же ему моя словеса, пой же ему пѣсни половецкія; оже ти не восхочетъ, дай ему поухати зелья именемъ евшанъ. Оному же не восхотѣвшю обратитися ни послушати, и дасть ему зелье, оному же обухавшю и восплакавшю, рче: да луче есть на своей землѣ костью лечи, нели на чюжѣ славну быти. И приде во свою землю, отъ него родившюся Концаку, иже снесе Сулу, пѣшь ходя, котелъ нося на плечеву".

Но въ цѣлости дошло до насъ поэтическое сказаніе о несчастномъ походѣ сѣверскихъ князей, Игоря Святославича съ братьею на Половцевъ, Слово о полку Игоревѣ. Особенныя доблести этихъ князей, ихъ ревность добыть себѣ славы въ борьбѣ съ погаными, ихъ великодушіе, по которому они не захотѣли покинуть въ бѣдѣ черныхъ людей, заслуженная слѣдовательно народная любовь къ этимъ князьямъ, любопытныя подробности похода, необыкновенная удача вначалѣ, необыкновенное бѣдствіе въ концѣ, которое однако не уменьшило, но еще увеличило славу князей, наконецъ удивительное спасеніе Игоря изъ плѣна [1]), — все это должно было возбуждать сильный интересъ въ народѣ къ этому событію, которое потому и стало предметомъ украшеннаго поэтическаго сказанія; самыя подробности похода, какъ онѣ сохранились въ лѣтописи, всего лучше показываютъ намъ интересъ, связанный для древней Руси съ этимъ событіемъ, всего лучше объясняютъ намъ возможность и необходимость существованія Слова. Намъ нѣтъ нужды даже предполагать, что сочинитель Слова былъ житель страны Сѣверской, ибо вспомнимъ, что въ это время племя Ольговичей стояло на первомъ мѣстѣ во всей Южной Руси: старшій въ этомъ племени, Святославъ Всеволодовичъ, сидѣлъ тогда на столѣ Кіевскомъ, слѣд. бѣдствіе сѣверскихъ князей должно было найти сильное сочувствіе и на западномъ берегу Днѣпра.

Сочинитель Слова о полку Игореву не хочетъ начинать своего разсказа прямо съ похода сѣверскихъ князей на Половцевъ, но хочетъ предпослать ему старыя слова, ограничиваясь однако **былинами** позднѣйшаго времени, именно начиная со временъ Владиміра Мономаха или, какъ онъ называетъ его, Владиміра Стараго, въ противоположность другимъ, младшимъ Владимірамъ. Эти **былины** позднѣйшаго времени, начиная со временъ Владиміра Мономаха, онъ противополагаетъ пѣснямъ, сочиненнымъ по замышленію вѣщаго Бояна. Кто бы ни былъ этотъ Боянъ, сочинитель ли старыхъ русскихъ пѣсенъ, истинный или мнимый, или даже Гомеръ, какъ думаютъ нѣкоторые [2]), очевидно только то, что сочинитель Слова о полку Игореву противополагаетъ свое сочиненіе сочиненіямъ Бояна, противополагаетъ по времени, не хочетъ заноситься въ отдаленные вѣка, къ отдаленнымъ событіямъ, воспѣтымъ Бояномъ, или, что очень кажется намъ вѣроятнымъ, противополагая **былину замышленію**, противополагая слово, разсказъ объ истинномъ происшествіи безъ малѣйшаго отступленія отъ него,—пѣсни, сочинитель которой позволялъ себѣ большую свободу, хотя бы воспѣвалъ дѣйствительное событіе, дѣйствительно существовавшее лицо: „Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ, Игоря Святославича! начати же ся тый пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояна. Боянъ бо вѣщій, аще кому хотяше пѣснь творити, то растѣкашется мыслію по древу, сѣрымъ волкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы".

Итакъ, продолжаетъ сочинитель Слова, начнемъ, братія, повѣсть эту „отъ стараго Владиміра и дойдемъ до нынѣшняго Игоря, который препоясалъ умъ крѣпостію, изострилъ сердце мужествомъ, наполнился ратнаго духа, и навелъ свои храбрые полки на землю половецкую за землю русскую"— послѣ этого непосредствено слѣдуютъ слова: „Тогда Игорь взглянулъ на свѣтлое солнце, и увидалъ, что всѣ воины его прикрыты тьмою". Здѣсь съ перваго взгляда очевиденъ пропускъ, ибо сочинитель обѣщалъ начать повѣсть отъ стараго Владиміра; мы необходимо должны предположить здѣсь разсказы о борьбѣ Мономаха и послѣдующихъ князей съ Половцами, и потомъ естественный переходъ къ походу Игоря на поганыхъ; очень вѣроятно, что приведенное нами выше поэтическое сказаніе о походахъ Мономаха и о томъ, что происходило въ степи по его смерти, находилось между этими сказаніями, которыми началъ свою повѣсть сочинитель Слова о полку Игореву.

Послѣдній вѣренъ своему обѣщанію разсказывать **по былинамъ**: разсказъ его совершенно одинаковъ съ разсказомъ лѣтописца, лишняго въ немъ одни только поэтическія украшенія; что же касается подробностей, то ихъ гораздо больше въ лѣтописи. Любопытно, что въ Словѣ гораздо больше

---

[1]) См. Истор. Рос. т. II. Прибавимъ отзывъ лѣтописца о Всеволодѣ Святославичѣ, братѣ Игоревѣ: «Того же лѣта (1196) въ Олговичѣхъ преставися князь Всеволодъ Святославичъ, братъ Игоревъ, и тако спрятавше тѣло его вся братья съ великою честью и съ плачемъ великимъ и рыданіемъ: понеже бѣ во Ольговичѣхъ всѣхъ удалѣе рожаемъ и воспитаніемъ, и возрастомъ и всею добротою и мужественною доблестью, и любовь имѣяше ко всимъ».

[2]) См. статью кн. Вяземскаго во Временникѣ Моск. Истор. Общ.

превозносится похвалами Всеволодъ Святославичъ, чѣмъ Игорь, старшій братъ; въ битвѣ на первомъ планѣ поставленъ Всеволодъ; этимъ разсказъ сочинителя Слова отличается отъ разсказа лѣтописнаго; но такое предпочтеніе Всеволода объясняется словами лѣтописца, который, сказавши о смерти Всеволода, прибавляетъ, что этотъ князь превосходилъ всѣхъ Ольговичей доблестію. Особенно же замѣчательны для насъ слова автора объ усобицахъ княжескихъ: въ сильныхъ выраженіяхъ описываетъ онъ усобицы, происходившія вслѣдствіе лишенія волостей Олега Святославича: „Тогда земля сѣялась и росла усобицами, погибала жизнь Даждбогова внука, въ княжихъ крамолахъ вѣкъ человѣческій сократился. Тогда по Русской Землѣ рѣдко раздавались крики земледѣльцевъ, но часто каркали вороны, дѣля между собою трупы, часто говорили свою рѣчь галки, сбираясь летѣть на добычу". Въ другомъ мѣстѣ: „Сказалъ братъ брату: это мое, и это мое же, и за малое стали князья говорить большое, начали сами на себя ковать крамолу; а поганые со всѣхъ сторонъ приходили съ побѣдами на Землю Русскую". Описывая общее горе на Руси, когда услыхали здѣсь объ истребленіи полковъ Игоревыхъ, сочинитель Слова опять начинаетъ говорить объ усобицахъ: „Встоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастями; тоска разлилась по Русской Землѣ; а князья сами на себя крамолу ковали, а поганые наѣзжали на Русскую Землю, брали дань по бѣлкѣ отъ двора". Въ этомъ отношеніи замѣчательна также жалоба стараго Святослава Кіевскаго, когда онъ узналъ о бѣдѣ сѣверскихъ князей: „Все зло мнѣ происходитъ отъ княжаго непособія; благопріятное время отъ него упущено... великій князь Всеволодъ (III)! чтобъ тебѣ перелетѣть сюда издалека, отцовскаго золотаго стола поблюсти! Вѣдь ты можешь Волгу раскропить, а Донъ шлемами вычерпать; если-бы ты былъ здѣсь, то была бы у насъ половецкая раба по нагатѣ, а рабъ по резани". Сочинитель, отъ имени Святослава, обращается также и къ другимъ князьямъ съ требованіемъ помощи Русской Землѣ и мести поганымъ за обиду Игореву. Обращаясь къ племени Всеславову, князьямъ полоцкимъ, онъ упрекаетъ ихъ какъ зачинщиковъ усобицъ, которыя дали возможноотъ поганымъ нападать на Руссую Землю: здѣсь разумѣется первая усобица по смерти Ярослава, начатая Всеславомъ Полоцкимъ. „Охъ"! прибавляетъ сочинитель: „стонать Русской Землѣ, припомнивши первую годину и первыхъ князей: того стараго Владиміра (Мономаха) нельзя было пригвоздить къ горамъ кіевскимъ" [1].

Въ древнихъ русскихъ стихотвореніяхъ изъ лицъ историческихъ описываемаго времени является дѣйствующимъ Новгородецъ Василій Буслаевъ [2]). Пѣсня [3]) въ нѣкоторыхъ чертахъ вѣрно изображаетъ старину новгородскую, въ нѣкоторыхъ старину общую русскую. „Въ славномъ Великомъ Новгородѣ жилъ Буслай до девяноста лѣтъ; съ Новгородомъ жилъ, не перечился, съ мужиками новгородскими поперекъ словечка не говаривалъ. По смерти Буслая осталась вдовою жена его Амелфа Тимофеевна, да сынъ молодой, Василій Буслаевичъ". Этотъ-то Василій представленъ въ пѣсни образцомъ и предводителемъ новгородской буйной молодежи, славной походами своими на сѣверѣ, ходившей всюду безъ новгородскаго слова, не дававшей покоя ни своимъ, ни чужимъ. Василій сталъ водиться съ пьяницами, безумницами, удалыми добрыми молодцами, пьяный сталь буйствовать по улицамъ, бить, уродовать прохожихъ. Пошли жалобы на молодаго буяна; Новгородцы однако не попытались его взять и наказать; надъ нимъ была другая власть, къ которой и обратился городъ съ жалобою,—власть старухи матери: къ ней посадскіе, богатые мужики новгородскіе принесли великую жалобу на буйство сына; она стала журить, бранить Василія; журьба не полюбилась ему, и онъ вздумалъ набрать себѣ дружину такихъ же молодцовъ, чтобъ съ ними буйствовать безнаказанно; онъ кликнулъ кличь: „Кто хочетъ пить и ѣсть готовое, вались къ Васькѣ на широкій дворъ, пей и ѣшь готовое, носи платье разноцвѣтное". Охот-

[1]) Что и здѣсь и прежде подъ именемъ стараго Владиміра разумѣется Мономахъ, доказательствомъ служитъ связь выраженій: «Того стараго Владиміра нельзя бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ: сего бо нынѣ сташа стязи Рюриковы, а друзіи Давидовы». Здѣсь разумѣются Рюрикъ и Давидъ Ростиславичи, представители Мономахова племени въ Юго-Западной Руси.—Укажемъ здѣсь также кстати нѣкоторыя мѣста Слова, которыя, по нашему мнѣнію, неправильно переводятся. Вначалѣ: «Не лѣпо ли ны бяшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстій о пълку Игоревѣ». Начати старыми словесы—нельзя переводить: «Начать прежнимъ складомъ важныхъ повѣстей», ибо ясно изъ послѣдующаго, что сочинитель хотѣлъ начать свое слово старыми словами, сказаніями о старыхъ событіяхъ—отъ стараго Владиміра.—«Спала князю умъ похоти»—нельзя переводить чрезъ: «залегла въ душѣ князя дума», но чрезъ «затмило князю умъ сильное желаніе» уже по самому соотвѣтствію слѣдующаго предложенія: «и жалость ему знаменіе заступи»; здѣсь не нужно предполагать описки и читать с п а л а; стоитъ только сравнить это выраженіе съ послѣдующимъ: «заря свѣтъ запала». «Хощу копіе приломити конецъ поля Половецкаго»—должно переводить: хочу копье переломить н а к о н ц ѣ п о л я, а не объ п о л е.—Прекрасное выраженіе: «уже бѣда его пасетъ птицъ» совершенно теряется въ отдаленномъ переводѣ: «уже птицы алчутъ его погибели».—«Ту криваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты попоиша, а сами полегоша за землю Русскую»; здѣсь с в а т ы нужно оставить безъ измѣненія, а не переводить чрезъ «гостей». Въ выраженіи: «пустыни силу прикрыла»—п у с т ы н и есть именительный падежъ, а не мѣстный.—«А мы дружина жадни веселія» должно переводить: «мы лишены, чужды веселія», а не «жаждемъ уже повеселиться на пиру свадебномъ».—Въ выраженіи «сильнаго, и богатаго и м н о г о в о и брата моего Ярослава» слово м н о г о в о и не есть описка, но прекрасный эпитетъ Ярославу—м н о г о в о я, князь, у котораго много воевъ.—«Нъ се зло княже ми непособіе» должно переводить: «зло мнѣ княжеское непособіе», а не: «теперь же гибель князей мнѣ не помощь».

[2]) Никон. II, 125: подъ 1171 г. «Преставися въ Новгородѣ посадникъ Васка Буславичь».

[3]) Древнія Росс. стихотвор., стр. 72.

ники нашлись, собралось ихъ двадцать девять человѣкъ. Пришли они въ братчину Никольщину. Василій заплатилъ за каждаго брата по пяти рублей, а за себя пятьдесятъ рублей, и церковный староста принялъ ихъ въ братчину; вечеромъ начались потѣхи, которыя лѣтописецъ называетъ отъ бѣса замышленнымъ дѣломъ; стали бороться, а въ иномъ кругу на кулачки биться, и отъ кулачнаго бою дошло до большой драки; нѣмецкіе купцы, въ договорѣ съ Новгородцами, обезопасивали свой дворъ относительно обычной новгородской забавы—драки: недаромъ въ Новгородѣ ходило преданіе, что Перунъ, когда его тащили въ Волховъ черезъ большой мостъ, бросилъ свою палку и сказалъ: „Пусть Новгородцы этимъ меня поминаютъ!“ Этою палкою и теперь безумные убиваются, утѣху творятъ бѣсамъ, прибавляетъ лѣтописецъ. Василій вмѣшался въ драку, и кто-то его очень неловко задѣлъ; онъ закричалъ своимъ, что его бьютъ; дружина выскочила—и началась схватка: „Скоро они улицу очистили, прибили уже много до смерти, вдвое-втрое перековеркали, руки, ноги переломали. Буслаевичъ, видя, что его взяла, вызываетъ на бой весь Новгородъ, заключаетъ съ жителями его условіе, что если онъ съ дружиною побьетъ Новгородцевъ, то послѣдніе платятъ ему дань по смерть; а если Новгородцы побьютъ его, то онъ обязанъ давать имъ дань. „Началась у нихъ драка-бой великая. Дерутся день до вечера,—Буслаевичъ съ дружиною начинаютъ одолѣвать. Новгородцы, видя, что дѣло плохо, обращаются опять съ просьбою и подарками къ матери Буслаевича, и материнская власть является во всей силѣ: того, кто вызвалъ на бой цѣлый Новгородъ и побѣдилъ, того одна материнская служанка беретъ за бѣлыя руки и тащитъ на дворъ родительскій, гдѣ мать велитъ запереть его въ глубокихъ погребахъ, за желѣзными дверями, за булатными замками. Между тѣмъ, пользуясь отсутствіемъ вождя, Новгородцы одолѣваютъ дружину Буслаевича; побѣжденные, увидя служанку матери Васильевой, шедшую на Волховъ за водою, просятъ ее, чтобъ она не подала ихъ, освободила ихъ предводителя. Служанка исполняетъ просьбу, отпираетъ погребъ, гдѣ сидѣлъ Василій, и тотъ, возвратившись къ своимъ, далъ снова имъ побѣду: „У ясныхъ соколовъ крылья отросли, у нихъ-то молодцовъ д у м у ш к и прибыло“ и „ужъ мужики (Новгородцы) покорилися, покорилися и помирилися“.

Сложилась и другая пѣсня о томъ же Буслаевѣ, какъ онъ ѣздилъ молиться [1]). Буслаевичъ приходитъ къ матери, какъ вьюнъ около нея увивается, проситъ благословеніе великое идти въ Іерусалимъ градъ со всею дружиною храброю. Мать въ отвѣтъ говоритъ ему любопытныя слова, рѣзко очерчивающія эпоху: „Если ты пойдешь на добрыя дѣла, дамъ тебѣ благословеніе великое; если же ты, дитя, на разбой пойдешь, не дамъ благословенія великаго, не носи Василья сыра земля“. Буслаевичъ поплылъ съ дружиною въ Іерусалимъ; на дорогѣ встрѣчаетъ гостей корабельщиковъ, и на вопросъ ихъ, куда погуливаетъ, отвѣчалъ также очень замѣчательными словами: „Гой, еси вы, гости корабельщики! А мое-то вѣдь гулянье неохотное: смолоду бито много, граблено, подъ старость надо душу спасти“. Василій пріѣзжаетъ въ Іерусалимъ; „Пришелъ въ церковь соборную, служилъ обѣдни за здравіе матушки и за себя, Василья Буслаевича; и обѣдню съ панихидою служилъ по родимомъ своемъ батюшкѣ и по всему роду своему; на другой день служилъ обѣдни съ молебнами про удалыхъ добрыхъ молодцевъ, что смолоду бито много, граблено“. Буслаевичу не суждено было возвратиться домой изъ этого путешествія; не вѣруя ни въ сонъ, ни въ чохъ, вѣруя только въ свой червленый вязъ, онъ пренебрегъ предостереженіемъ не скакать вдоль заколдованнаго камня, и убился подъ нимъ. Такимъ образомъ, разгульная жизнь новгородской вольницы оставила по себѣ память въ народѣ, и предводитель новгородскихъ ушкуйниковъ является въ произведеніяхъ народной фантазіи среди богатырей Владимірова времени.

Изъ историческихъ лицъ описываемаго времени являются дѣйствующимъ въ старинныхъ пѣсняхъ новгородскій сотскій, Ставръ съ женою. Лѣтопись подъ 1118 годомъ говоритъ, что Владиміръ Мономахъ разсердился на новгородскаго сотскаго Ставра, вызвалъ его къ себѣ въ Кіевъ и заточилъ; изъ лѣтописнаго извѣстія можно понять, что Ставръ былъ виноватъ въ томъ же, въ чемъ и другіе заточенные съ нимъ вмѣстѣ бояре новгородскіе, а именно: въ грабежѣ какихъ-то двухъ гражданъ; но пѣсня приводитъ другую вину, именно—хвастовство Ставра своимъ богатствомъ, предъ которымъ онъ ни во что ставилъ богатство и великолѣпіе великокняжеское: „Что это за крѣпость въ Кіевѣ, у в. князя Владиміра? у меня-де, Ставра боярина, широкой дворъ не хуже города Кіева: — а дворъ у меня на семи верстахъ, а гридни, свѣтлицы бѣлодубовы, покрыты гридни сѣдымъ бобромъ, потолокъ въ гридняхъ черныхъ соболей, полъ, середа одного серебра, крюки на пробои по булату злачены.“ Здѣсь въ этомъ описаніи убранства Ставрова дома для насъ любопытно то, что всѣ украшенія состоятъ въ дорогихъ металлахъ и дорогихъ мѣхахъ: другого ничего фантазія разсказчика не могла представить.—Лѣтопись Новгородская подъ 1167 годомъ упоминаетъ о Садкѣ Сытиничѣ, который построилъ каменную церковь Св. Бориса и Глѣба. Пѣсня знаетъ о богатомъ гостѣ новгородскомъ Садкѣ, который, принесши отъ Волги поклонъ брату ея Ильменю, получилъ отъ послѣдняго чудеснымъ образомъ въ подарокъ несмѣтное сокровище, такъ что Садко могъ выкупить всѣ товары въ Новгородѣ; здѣсь вмѣсто удалаго предводителя вольницы видимъ богатаго купца, который, подпивши на бра-

[1]) Древняя Росс. стихотвор., стр. 166.

товщинѣ, хвастаетъ не силою своею, но богатствомъ: такимъ образомъ, и другая сторона новгородской жизни оставила по себѣ память въ произведеніяхъ народной фантазіи. Сходство пѣсеннаго Садка съ лѣтописнымъ заключается въ томъ, что и въ пѣсни богатый гость—охотникъ строить церкви. Благочестіе Садки не осталось безъ награды: другая пѣсня говоритъ, какъ Садко, находясь во власти морскаго царя, спасся отъ бѣды совѣтами Св. Николая. Изъ книжниковъ, сочиненія которыхъ не извѣстны, упоминается въ лѣтописи подъ 1295 годомъ, въ Галичѣ, Тимоѳей премудрый книжникъ, родомъ изъ Кіева; этотъ Тимоѳей притчами говорилъ противъ мучителя Галичанъ, венгерскаго воеводы Бенедикта: „Яко въ послѣдняя времена треми имены наречется антихристъ."

Но если память о важныхъ событіяхъ и лицахъ знаменитыхъ, выдавшихся почему бы то ни было изъ среды современниковъ, сохраняется въ народѣ и передается изъ вѣка въ вѣкъ въ украшенныхъ повѣствованіяхъ; если при условіи грамотности являются люди, которые въ украшенной рѣчи передаютъ письму извѣстія о какомъ-нибудь важномъ событіи, не позволяя себѣ никакихъ уклоненій, замышленій поэтическихъ, невозможныхъ уже по самой близости событія всѣмъ извѣстнаго, причемъ очевидно желаніе высказать господствующую мысль, господствующую потребность времени, какова была въ описываемую эпоху, потребность прекращенія княжескихъ усобицъ, княжескаго непособія другъ другу, потребность, столь ясно высказавшаяся въ Словѣ о Полку Игореву; если народу, въ самомъ младенческомъ состояніи врождено стремленіе знать свое прошедшее, объяснить себѣ, какъ произошло то общество, въ которомъ онъ живетъ; если религіозное уваженіе къ отцамъ требуетъ сохраненія памяти о нихъ; если это врожденное человѣку уваженіе заставляетъ находить въ преданіяхъ старины живое поученіе; если всѣ народы съ величайшимъ наслажденіемъ прислушиваются къ сказаніямъ о дѣлахъ предковъ; если эти сказанія, при отсутствіи грамотности, передаются устно, а при зачаткахъ грамотности первыя записываются; если таковъ общій законъ жизни народовъ: — то нѣтъ никакого основанія предполагать, что въ жизни Русскаго народа было иначе, и отодвигать появленіе лѣтописей какъ можно далѣе отъ времени появленія христіанства съ грамотностью, тѣмъ болѣе что съ Византіею были частыя, непосредственныя связи. Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ гражданственности, и Византія представила образецъ лѣтописей, съ которыми можно было познакомиться даже и въ славянскихъ переводахъ.

Сказавши, что Византія служила образцомъ во всемъ, относящемся къ письменности, мы уже рѣшили вопросъ относительно формы, въ какой должны были явиться у насъ первые памятники собственно историческаго содержанія: они должны были явиться въ видѣ лѣтописи (хроники, анналовъ), погоднаго записыванія извѣстій о событіяхъ, безъ всякой собственно исторической, научной связи между ними. Выраженія: сухое, краткое записываніе, никакъ не могутъ идти въ общихъ признакахъ для опредѣленія лѣтописи; лѣтописныя извѣстія отличаются сухостію и украшенностію, краткостію и обиліемъ, вслѣдствіе различныхъ условій—мѣстныхъ, личныхъ, случайныхъ и постоянныхъ, какъ увидимъ впослѣдствіи. Теперь же слѣдуетъ вопросъ: кто у насъ на Руси долженъ былъ первоначально заняться записываніемъ событій, составленіемъ лѣтописей? Мы видѣли, что если между князьями, а вѣроятно и въ дружинѣ ихъ, были охотники собирать и читать книги, то это были только охотники, тогда какъ на Руси существовало сословіе, котораго грамотность была обязанностію и которое очень хорошо сознавало эту обязанность,—сословіе духовное. Только лица изъ этого сословія имѣли въ то время досугъ и всѣ средства заняться лѣтописнымъ дѣломъ; говоримъ: „всѣ средства" потому, что при тогдашнемъ положеніи духовныхъ, особенно монаховъ, они имѣли возможность знать современныя событія во всей ихъ подробности и пріобрѣтать отъ вѣрныхъ людей свѣдѣнія о событіяхъ отдаленныхъ. Въ монастырь приходилъ князь прежде всего сообщить о замышляемомъ предпріятіи, испросить благословенія на него, въ монастырь прежде всего являлся съ вѣстію объ окончаніи предпріятія; духовныя лица отправлялись обыкновенно послами, слѣд. имъ лучше другихъ былъ извѣстенъ ходъ переговоровъ. Имѣемъ право думать, что духовныя лица отправлялись послами, участвовали въ заключеніи договоровъ сколько изъ уваженія къ ихъ достоинству, могущему отвратить отъ нихъ опасность, сколько вслѣдствіе большаго умѣнія ихъ убѣждать словами писанія и большей власти въ этомъ дѣлѣ, столько же и вслѣдствіе грамотности, умѣнья написать договоръ, знанія обычныхъ формъ: иначе для чего бы Смоленскій князь поручилъ священнику Іереміи заключеніе договора съ Ригою? Должно думать, что духовныя лица, какъ первые грамотѣи, были первыми дьяками, первыми секретарями нашихъ древнихъ князей. Припомнимъ также, что въ затруднительныхъ обстоятельствахъ князья обыкновенно прибѣгали къ совѣтамъ духовенства; прибавимъ наконецъ, что духовныя лица имѣли возможность знать также очень хорошо самыя подробности походовъ, ибо сопровождали войска, и, будучи сторонними наблюдателями и вмѣстѣ приближенными людьми къ князьямъ, могли сообщить вѣрнѣйшія извѣстія, чѣмъ самые ратные люди, находившіеся въ дѣлѣ. Изъ одного уже соображенія всѣхъ этихъ обстоятельствъ мы имѣли бы полное право заключить, что первыя лѣтописи наши вышли изъ рукъ духовныхъ лицъ, а если еще въ самой лѣтописи мы видимъ ясныя доказательства тому, что она составлена въ монастырѣ, то обязаны успокоиться на этомъ и не искать другого какого-нибудь мѣста и другихъ лицъ для составле-

нія первоначальной, краткой лѣтописи, первоначальныхъ, краткихъ записокъ [1]).

[1]) Г. Погодинъ (Изслѣдов. т. IV, стр. 6 и слѣд.) говоритъ: «Есть ли въ лѣтописяхъ промежутки между годами, т. е. есть ли годы неописанные? Нѣтъ. Изъ этого явленія мы должны заключить, что лѣтописное дѣло не подвергалось случайностямъ: слѣд. было возлагаемо всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому. Возлагать и передавать было не кому, кромѣ князя. Въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро. Слѣд. лѣтописи наши имѣли характеръ оффиціальный. Вотъ заключеніе, выводимое нами изъ разсматриванія лѣтописей. Нѣтъ ли ему подтвержденій положительныхъ? Есть, хотя нѣкоторыя изъ нихъ принадлежатъ позднѣйшему времени, но, безъ сомнѣнія, могутъ быть отнесены и къ древности. Важнѣйшимъ, драгоцѣннѣйшимъ считаю я слѣдующее: лѣтописецъ, описавъ подъ 1409 годомъ нашествіе Едигеево на Москву, прибавляетъ: «И сія вся написанная аще и нелѣпо кому видится иже толико отъ случившихъ въ нашей земли не сладостная неуласканная намъ изглаголавшимъ, но взустительная и къ пользѣ обрѣтающаяся, и возставляющая на благая и не забытная; мы бо не досажающе, ни поношающе, не завидяще чти честныхъ, таковая вчинихомъ; якоже бо обрѣтаемъ начальнаго лѣтословца кіевскаго, иже вся времена бытства земская необвинуяся показуетъ, но и первіи наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвающе вся добрая и не добрая прилучившаяся написовати, да и прочія по нихъ образы явлени будутъ, якоже при Володимерѣ Мономасѣ онаго великаго Селиверста Выдобытскаго не украшая пишущаго, да аще хощещи прочти тамо прилежно... мы же симъ учащеся таковая вся прилучившаяся во дни наша не примѣнухомъ властодержецъ нашихъ дозрящихъ сихъ и прилежно внимающихъ, да таковымъ вещемъ разсужденіе разсудно да разсуждаютъ». Итакъ, продолжаетъ г. Погодинъ, лѣтописи ведены были по повелѣнію князей. Г. Погодинъ приводитъ также свидѣтельство изъ XIII вѣка о князѣ Мстиславѣ Васильковичѣ, который въ грамотѣ своей 1289 г. говоритъ: «А вписалъ есмь въ лѣтописецъ коромолу ихъ» (жителей Берестья).

На это замѣтимъ: во 1) что изъ отсутствія промежутковъ между годами никакъ не слѣдуетъ непремѣнно, что лѣтописное дѣло возлагаемо было всегда на извѣстное лицо, и по смерти его передавалось другому: списки лѣтописей, дошедшихъ до насъ, являются въ видѣ сборниковъ изъ разныхъ лѣтописей, писанныхъ разными лицами въ одно время въ разныхъ мѣстахъ; одинъ лѣтописецъ кончилъ прежде, другой послѣ; понятно, почему въ сборникахъ, до насъ дошедшихъ, нѣтъ годовъ неописанныхъ, а напротивъ, есть года, дважды описанные по неловкости (впрочемъ драгоцѣнной для насъ) позднѣйшихъ составителей лѣтописныхъ сборниковъ; 2) мнѣніе, что въ монастыряхъ не могли дѣлаться извѣстными происшествія такъ скоро, достаточно опровергается сказаннымъ нами въ текстѣ; прибавимъ слѣдующее: если первоначальная лѣтопись составлялась при дворѣ княжескомъ, то спрашивается, въ какомъ отношеніи находилась она къ лѣтописи монастырской, до насъ дошедшей? Если существованіе первоначальной лѣтописи г. Погодинъ предполагаетъ на томъ основаніи, что въ монастырѣ не могли знать подробности событій, то эту первоначальную лѣтопись необходимо предположить подробною; но въ такомъ случаѣ, что же оставалось писать монаху? Если же первоначальная лѣтопись была краткая, и въ монастырѣ распространяли ее подробностями, то, значитъ, въ монастырѣ подробности были извѣстны, и лѣтописцу-монаху не нужно было пользоваться краткимъ указаніемъ событій, когда онъ имѣлъ средство описать эти событія подробно; слѣд. предположеніе о существованіи какой-то первоначальной оффиціальной лѣтописи, кромѣ монастырской, до насъ дошедшей, вовсе не нужно. 3) Важнѣйшее, драгоцѣннѣйшее и положительное подтвержденіе, какое находитъ г. Погодинъ своему мнѣнію въ свидѣтельствѣ лѣтописца XV вѣка, служитъ не подтвержденіемъ, но полнымъ опроверженіемъ этому мнѣнію: лѣтописецъ XV вѣка говоритъ, что онъ хочетъ писать такъ, какъ писалъ начальный лѣтописецъ кіевскій, которому первые властодержцы повелѣвали писать все доброе и недоброе; но какая же это начальная лѣтопись? Та самая, которая дошла до насъ подъ именемъ Несторовой, и которую дописывалъ или переписывалъ Селивестръ Выдубицкій, слѣд. оффиціальность, участіе князей, которыя г. Погодинъ хочетъ отнести къ первоначальной лѣтописи, относятся прямо къ монастырской, до насъ дошедшей; что дворцовыхъ лѣтописей не было не только въ XII, но даже и въ первой половинѣ XV вѣка, ясно доказываютъ приведенныя слова лѣтописца этого времени, который говоритъ, что пишетъ и хочетъ писать лѣтопись, какъ писали ее въ старину, писать всѣ событія безъ украшенія, чего не могъ бы сказать дьякъ, обязанный писать то, что ему велятъ. Лѣтопись монастырская, съ прежнимъ характеромъ, который хочетъ поддержать лѣтописецъ XV вѣка, очевидно исчезаетъ и замѣняется лѣтописью дворцовою со второй половины XV вѣка, что всякій можетъ легко усмотрѣть изъ дошедшихъ до насъ лѣтописей того времени; слова лѣтописца первой половины XV вѣка указываютъ на приближеніе этого перехода и его необходимость вслѣдствіе измѣненія историческихъ обстоятельствъ.—Нужно ли прибавлять, что лѣтопись, въ которую князь Мстиславъ Волынскій велѣлъ внести крамолу Берестьянъ, есть не первоначальная дворцовая, но та же самая Волынская лѣтопись, которая дошла до насъ, и въ которой именно находится грамота Мстиславова.

Зная, что дошедшая до насъ первоначальная лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства, мы должны теперь обратиться къ вопросу: въ какомъ видѣ дошла до насъ эта лѣтопись?

Лѣтопись дошла до насъ во множествѣ списковъ, изъ которыхъ самый древній не ранѣе XIV вѣка; изъ всѣхъ этихъ списковъ нѣтъ ни одного, въ которомъ бы не было замѣтно явныхъ вставокъ; слѣдовательно всѣ списки лѣтописей, древніе и позднѣйшіе, представляются намъ въ видѣ сборниковъ. При разсматриваніи этихъ списковъ мы замѣчаемъ, что въ нихъ начальная лѣтопись о Русской Землѣ, сохраняя явственно одну общую основу, разнится не только по языку, что легко объясняется временемъ составленія того или другого списка или сборника, но также разнится въ подробностяхъ событій, и въ однихъ спискахъ недостаетъ подъ извѣстными годами такихъ событій, какія находимъ въ другихъ. Отсюда рождается первый, главный для историка вопросъ: какъ пользоваться этими подробностями, этими лишними извѣстіями, которыя находятся въ однихъ, преимущественно позднѣйшихъ сборникахъ, и недостаютъ въ другихъ? Критика историческая прошедшаго столѣтія рѣшила этотъ вопросъ такъ, что должно пользоваться только извѣстіями, находящимися въ древнихъ спискахъ, и считать прибавочныя извѣстія позднихъ сборниковъ за позднѣйшія сочиненія, вымыслы. Но въ наше время, при возмужалости исторической критики, такимъ приговоромъ удовольствоваться нельзя. Одно обстоятельство поздняго составленія сборника не можетъ въ глазахъ историка заподозрить вѣрности извѣстій, въ немъ содержащихся, потому что составитель позднѣйшаго сборника, напримѣръ XVII-го вѣка, могъ пользоваться списками древнѣйшими, для насъ по-

*

терянными; слѣдовательно всякое новое извѣстіе, находящееся въ позднѣйшихъ сборникахъ, должно быть подвергаемо критикѣ само по себѣ, безъ отношенія къ позднему составленію. Обычныя старинныя возраженія, что составитель позднѣйшаго, напримѣръ, Никоновскаго сборника выдумалъ то или другое извѣстіе, не находящееся въ древнихъ харатейныхъ спискахъ, не имѣетъ для насъ теперь никакого значенія: можно заподозрить грамоту или извѣстіе какое-нибудь, если они говорятъ въ пользу лица или сословія, имѣющаго близкое отношеніе къ составителю сборника, но и тогда только, когда эта грамота или извѣстія будутъ заключать въ себѣ другіе подозрительные признаки; легко замѣтить извѣстіе, носящее на себѣ слѣды народной фантазіи и занесенное простодушнымъ составителемъ лѣтописи въ рядъ событій достовѣрныхъ; за это, впрочемъ, историкъ долженъ быть только благодаренъ составителю сборника, а не упрекать его самого въ выдумкѣ; никто не обязываетъ вѣрить догадкѣ старинкаго грамотѣя, который старается объяснить названія извѣстныхъ мѣстностей и для этого придумываетъ рядъ небывалыхъ лицъ и событій. Но никто не имѣетъ права сказать, чтобы составитель позднѣйшаго лѣтописнаго сборника выдумалъ событіе, случившееся за много вѣковъ назадъ, событіе, ничего не объясняющее, напримѣръ, что въ XI-мъ вѣкѣ, въ такомъ-то году, приходили Печенѣги на Русскую Землю, что Аскольдъ и Диръ ходили на Болгаръ, что въ такомъ-то году крестился ханъ печенѣжскій, поймали разбойника;—подозрительность относительно подобныхъ извѣстій будетъ служить не въ пользу критика. Но освобожденіе отъ предразсудка относительно извѣстій позднѣйшихъ списковъ, которыхъ нѣтъ въ древнѣйшихъ, значительно измѣняетъ взглядъ нашъ на лѣтопись. Разсматривая начальную нашу лѣтопись, какъ по древнимъ спискамъ, такъ и позднѣйшимъ, болѣе полнымъ, мы прежде всего должны различать извѣстія кіевскія и новгородскія, ибо единовременно съ начальною южною, или Кіевскою лѣтописью мы должны положить и начальную сѣверную, Новгородскую; извѣстія обѣихъ соединены въ позднѣйшихъ спискахъ, каковы такъ-называемый Софійскій, Никоновскій и другіе.

Такъ, напримѣръ, Кіевская начальная лѣтопись не знаетъ, какую брали дань Варяги съ сѣверныхъ племенъ; составитель Софійскаго списка, пользовавшійся начальною Новгородскою лѣтописью, знаетъ: „отъ мужа по бѣлѣ веверицѣ“. Счетъ годовъ въ Никоновскомъ спискѣ, оканчивающійся Владиміромъ Ярославичемъ, обличаетъ новгородское составленіе; извѣстіе о Вадимѣ также.—Южный начальный лѣтописецъ не знаетъ, гдѣ были посажены двое сыновей Владиміровыхъ — Станиславъ и Судиславъ; Новгородскій знаетъ: Станиславъ—въ Смоленскѣ, Судиславъ—во Псковѣ. Подъ 991 годомъ явственная вставка новгородскаго преданія о Перунѣ: „Крестивcя Володимеръ, и взя у Фотія патріарха у Царьградскаго перваго митрополита Кіеву Леона, а Новугороду архіепископа Якима Корсунянина... и пріиде къ Новугороду архіепископъ Акимъ, и требище разори, и Перуна посѣче и повелѣ въврещи въ Волховъ, и повязавше ужи, влечахуть и по калу, біюще жезліемъ и пихающе, и въ то время вшелъ бы въ Перуна бѣсъ, и нача кричати: о горе, охъ мнѣ! достахся немилостивымъ симъ рукамъ; и вринуша его въ Волховъ. Онъ же плови сквозѣ великій мостъ, верже палицю свою и рече: на семъ мя поминаютъ новгородскіе дѣти, ею же и нынѣ безумніи убивающеся, утѣху творятъ бѣсомъ. И заповѣда никому же нигдѣ же переняти его; иде Пидьблянинъ рано на рѣку, хотя горнеци везти въ городъ, оли Перунъ приплы къ берви, и отрину и шестомъ: ты, рече, Перунище, до сыта еси ѣлъ и пилъ, а нынича поплови прочь; плы изъ свѣта некощное.“ — Подъ 1034 годомъ въ Софійскомъ и Никоновскомъ спискѣ встрѣчаемъ явственно новгородское извѣстіе: „Великій князь Ярославъ иде въ Новгородъ, и посади сына своего Володимера въ Новѣгородѣ, и епископа Жидяту; и людямъ написа грамоту, рекъ: „по сей грамотѣ дадите дань“. Вяша же хромоногъ, но умомъ свершенъ и храборъ на рати, и христіанъ, чтяше самъ книги.“ Извѣстіе о походѣ Улѣба на Желѣзныя Ворота, встрѣчающееся въ позднѣйшихъ спискахъ, есть извѣстіе чисто новгородское, и потому его нѣтъ въ Кіевской лѣтописи, равно какъ извѣстіе о епископѣ Лукѣ Жидятѣ и проч. Когда написана первоначальная Новгородская лѣтопись—на это есть указаніе; въ Софійскомъ спискѣ и въ нѣкоторыхъ спискахъ собственно Новгородской лѣтописи, подъ 1030 г., встрѣчаемъ слѣдующее извѣстіе: „Того же лѣта преставися архіепископъ ноугородскый Акимъ, бяше ученикъ его Ефремъ, же ны учааше.“ На основаніи этого извѣстія, мы имѣемъ полное право отнести составленіе Новгородской начальной лѣтописи къ XI вѣку. Такимъ образомъ объясняется часть дополненій, внесенныхъ въ начальную Кіевскую лѣтопись составителями позднихъ списковъ: эти дополненія взяты изъ лѣтописи Новгородской. Но въ позднѣйшихъ спискахъ мы встрѣчаемъ такія дополненія, которыя никакъ не могли быть заимствованы изъ сѣверной, Новгородской лѣтописи, ибо содержатъ въ себѣ извѣстія о событіяхъ южныхъ, кіевскихъ. Такъ напр., въ началѣ Игорева княженія слѣдующее мѣсто: „И бѣ у него воевода, именемъ Свентелдъ, и премучи Углеци и възложи на нихъ дань Игорь и вдасть Свентелду, и не вдадяшатся единъ градъ, именемъ Пересѣченъ, и сѣдѣ около его три лѣта, и едва взя и. И бѣша сѣдяще Углици по Днепру внизъ, и по семъ пріидоша межи во Днѣстръ, и сѣдоша тамо. И дасть же и дань Деревскую Свентелду, имаше же по чернѣ кунѣ отъ дыма, и рѣша дружина Игорева: „се далъ еси единому мужу много“ [1]) Не могли быть взяты изъ Новгородской лѣ-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 97.—Любопытны лишнія

тописи дополнительныя извѣстія о печенѣжскихъ набѣгахъ, находящіяся въ Никоновскомъ спискѣ подъ 990, 991, 1001 годами, извѣстія краткія, не имѣющія никакого значенія для позднѣйшаго лѣтописца; также извѣстія о крещеніи болгарскихъ и печенѣжскихъ князей, о смерти печенѣжскаго князя Темира, убитаго родственниками [1]). Такимъ образомъ, должно заключить, что начальная лѣтопись, сохранившаяся въ древнихъ спискахъ, есть сокращенная сравнительно съ тою, которая сохранилась въ позднѣйшихъ.

Сдѣлавши эти предварительныя заключенія, обратимся къ разсмотрѣнію начальной лѣтописи. Съ первыхъ строкъ ея виденъ уже источникъ и образецъ—лѣтопись византійская: русскій лѣтописецъ начинаетъ свою повѣсть точно такъ же, какъ и лѣтописецъ византійскій, исчисленіемъ странъ, которыя достались потомству троихъ сыновей Ноевыхъ; это исчисленіе взято изъ греческаго лѣтописца, Георгія Амартола; но русскій лѣтописецъ вставилъ въ него: подлѣ Иллиріи (Илюрикъ) Словене, и потомъ въ концѣ исчисленіе сѣверныхъ рѣкъ и народовъ, причемъ Карпатскія горы называются Кавкасійскими, или Угорскими. Включивши въ число семидесяти двухъ народовъ и народъ славянскій, отъ племени Афетова, лѣтописецъ указываетъ первоначальное жилище Славянъ на Дунаѣ, и потомъ выселеніе ихъ на сѣверъ и сѣверо-востокъ, сперва добровольное, потомъ вынужденное притѣсненіями враговъ, Волховъ; для опредѣленія этихъ Волховъ, по понятіямъ лѣтописца, можно пользоваться другимъ мѣстомъ лѣтописи, гдѣ говорится о нашествіи Венгровъ на Дунайскія страны: „Пришедъ отъ востока (Угры) и устремишася черезъ горы великія и почаша воевати на живущая ту Волхи и Словѣни. Сѣдяху бо ту преже Словѣни, и Волъхве пріяша землю словѣньску; посемъ же Угри прогнаша Волъхи, и наслѣдиша землю, и сѣдоша съ Словѣны, покоривше я подъ ся". Итакъ Венгры застали Волховъ вмѣстѣ съ Славянами. Въ разсказѣ о поселеніи славянскихъ племенъ въ нынѣшней Россіи, ихъ бытѣ и судьбѣ, тотчасъ видно, что составитель лѣтописи житель Кіева, принадлежитъ къ племени Полянъ,—это племя на первомъ мѣстѣ, имъ особенно занимается лѣтописецъ, о немъ больше всего знаетъ, его нравственность превозноситъ въ ущербъ всѣмъ остальнымъ племенамъ. Лѣтописецъ знаетъ, что въ отдаленныя времена, когда еще Поляне жили особо, отдѣльными родами по горамъ кіевскимъ [2]), уже шелъ путь изъ Скандинавіи въ Грецію, по Днѣпру и сѣвернымъ рѣкамъ озерной области; на первыхъ страницахъ лѣтописи уже дается уразумѣть значеніе географическаго положенія Европейской Россіи, значеніе водныхъ путей. Послѣ извѣстія о морѣ Понтскомъ, или Русскомъ, въ лѣтопись вставлено сказаніе о путешествіи апостола Андрея на сѣверъ до Новгорода; понятно, что сказаніе это могло явиться только во времена христіанскія, когда узнали, что апостолъ Андрей проповѣдывалъ въ Скиѳіи; вставка начинается словами: „яко же рѣша" [3]).

За вставкою о путешествіи апостола Андрея слѣдуетъ разсказъ о построеніи города Кіева. Во время лѣтописца составилось уже обычное объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ, будто бы тутъ жившихъ: явились братья Кій, Щекъ, Хоривъ съ сестрою Лыбедью, для объясненія названій Кіева, горъ Щековицы и Хоревицы и рѣчки Лыбеди. Лѣтописецъ сообщаетъ намъ два преданія о Кіи: одно мы должны назвать собственно толкованіемъ; были во времена лѣтописца люди, которые, основываясь на выраженіи: „Кіевъ перевозъ", толковали, что Кій было имя перевозчика; лѣтописецъ отвергаетъ это сухое толкованіе, онъ принимаетъ преданіе о Кіи-князѣ, который ходилъ въ Царьградъ, принялъ большую честь отъ царя, и, на возвратномъ пути, основалъ на Дунаѣ маленькій городокъ Кіевецъ. Но здѣсь для насъ очень важно выраженіе лѣтописца: „якоже сказаютъ". Здѣсь виденъ источникъ, которымъ пользовался лѣтописецъ—это народныя сказанія. Принимая преданіе о Кіи-князѣ, лѣтописецъ и роду его, потомству всѣхъ братьевъ, приписываетъ княженіе между Полянами: „И по сихъ братьи держати почаша родъ ихъ княженье въ Поляхъ"; потомъ, чтобъ показать особность всѣхъ остальныхъ племенъ, прибавляетъ: „въ Деревляхъ свое, а Дреговичи свое" и т. д.;—т.-е въ Деревахъ, у Древлянъ свое, независимое княженье, а Дреговичи держатъ свое. Но мы знаемъ, какъ лѣтописецъ вывелъ заключеніе о важномъ владѣльческомъ значеніи Кія и его рода; источники его относительно дреговическихъ и древлянскихъ княженій еще болѣе скудны, и въ лѣтописи Переяславля-Суздальскаго читаемъ: „А Деревлянѣ собѣ, а Дрягвичи собѣ жить (начаша), а Словяне собѣ Новгородци, а Полочане такожъ безъ князей" и проч.

подробности въ разсказѣ о мести Ольгиной, находящіяся въ лѣтописи Переяславля Суздальскаго, наприм.: «Князю же веселіе творящу къ браку и сонъ часто зряше Малъ князь: се бо пришедъ Олга даяша ему пръты многоценьны червены вси жемчюгомъ иссажены и одѣяла чръны съ зелеными узоры и лодіи, въ нихъ же несеннымъ быти, смолны... И посла къ Деревляномъ (Ольга) написавъ... Она же (Ольга) рече (Деревлянамъ): мало у васъ прошу дати богомъ жерътву отъ васъ и ослабу вамъ подавать себе на лекарство главныя болѣзни»—Составъ очевидно позднѣйшій, но объ источникахъ нельзя сказать этого утвердительно, и во всякомъ случаѣ они любопытны.

[1]) Никон. I, 92, 95, 103.

[2]) Поляномъ же жившимъ особѣ по горамъ симъ.—Надобно замѣтить, что съ Кіевомъ въ древности неразрывно было представленіе о горахъ; и въ языкѣ къ имени Кіева присоединилось еще на горахъ; такъ читаемъ подъ 1198 годомъ: «Тако воспитана бысть въ Кіевѣ на Горахъ»;—въ словѣ о Полку Иг.: «Того стараго Владиміра не льзѣ бѣ пригвоздити къ горамъ Кіевскимъ».

[3]) Подъ 983 годомъ читаемъ: «Сдѣже мнашеся оканьный: яко сдѣ ми суть жилище, сдѣ бо не суть апостоли учили, ни пророци прорекли. Не вѣдый пророка глаголюща: и нареку не люди моя люди моя... Аще и тѣломъ апостоли не суть здѣ были, но ученья ихъ аки трубы гласятъ по вселеннѣй въ церквахъ».

Сказавши о разселеніи племенъ славянскихъ, о народахъ чужихъ, которые въ это время платили дань Руси, лѣтописецъ сообщаетъ извѣстія о нашествіи разныхъ степныхъ народовъ съ востока на Славянъ—единственныя событія въ жизни послѣднихъ; здѣсь источниками служатъ для него отчасти греческія лѣтописи, отчасти туземныя, славянскія преданія и пословицы. Такъ изъ византійскихъ источниковъ онъ знаетъ, что Угры Бѣлые явились при царѣ Иракліи и ходили на Хозроя, царя Персидскаго; изъ славянскихъ преданій знаетъ онъ о притѣсненіяхъ, которымъ дулѣбскія женщины подвергались отъ Аваровъ; изъ пословицы: погибоша, аки Обры, заключаетъ о гибели этого народа безъ племени и наслѣдника.—Потомъ лѣтописецъ переходитъ къ описанію нравовъ и обычаевъ племенъ славянскихъ. Свѣдѣнія объ этомъ предметѣ, разумѣется, онъ могъ получить изъ разныхъ преданій и пѣсенъ; но онъ самъ указываетъ на другой, вѣрный источникъ: старинные нравы и обычаи племенъ, сохранившіеся въ его время: „Это дѣлаютъ Вятичи и нынѣ", прибавляетъ онъ, говоря о древнихъ языческихъ похоронныхъ обрядахъ; должно замѣтить и здѣсь, что о сѣверныхъ отдаленныхъ племенахъ лѣтописецъ знаетъ мало, говоритъ неопредѣленно, вообще: „Си же творяху обычаи Кривичи, прочіи поганіи". Подлѣ описанія славянскихъ нравовъ и обычаевъ вставлено описаніе нравовъ и обычаевъ различныхъ народовъ изъ греческой хроники Георгія (Амартола). Извѣстія о дорюриковскомъ бытѣ восточныхъ Славянъ оканчиваются извѣстіемъ о притѣсненіяхъ, которымъ подверглись Поляне отъ Древлянъ и другихъ окрестныхъ племенъ, и потомъ извѣстіемъ о нашествіи Козаръ, которые принудили Полянъ платить себѣ дань; здѣсь вставлено сказаніе о дани по мечу съ дыма,—сказаніе очевидно позднѣйшее, сочиненное уже въ то время, когда Козары пали подъ ударами русскихъ князей: „Нашли Козары Полянъ, сидящихъ по этимъ горамъ въ лѣсахъ, и сказали Козары: платите намъ дань; Поляне, подумавши, дали по мечю отъ дыма; понесли эту дань Козары къ князю своему и старѣйшинамъ, и сказали имъ: вотъ мы нашли дань новую.—Тѣ спросили ихъ: откуды вы это взяли? Въ лѣсу, на горахъ, надъ рѣкою Днѣпровскою, отвѣчали они. Старцы козарскіе сказали тогда: не добра эта дань, князь! мы доискались ея оружіемъ, которое остро только съ одной стороны, саблями, а у этихъ оружіе обоюду острое, мечъ; будутъ они брать дань на насъ и на другихъ странахъ". Такъ и случилось, прибавляетъ лѣтописецъ: владѣютъ Козарами Русскіе и до сего времени.

Вотъ все, что находимъ въ лѣтописи о дорюриковскомъ времени: картина, повидимому, очень скудная въ подробностяхъ; но мы не имѣемъ никакого права предполагать, что лѣтописецъ утаилъ отъ насъ что-нибудь, что онъ зналъ больше, чѣмъ сколько записалъ; слѣдовательно и въ самой дѣйствительности историкъ не долженъ искать ничего больше; и въ самомъ дѣлѣ, какихъ еще нужно болѣе подробностей? Живетъ каждый особо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, владѣетъ родомъ своимъ; когда изгоняются завоеватели, то родъ встаетъ на родъ, и начинаются усобицы; лѣтописецъ упоминаетъ о городахъ; но тутъ же и даетъ знать, какъ мы должны представлять себѣ эти города, ихъ отношенія между собою и къ остальному народонаселенію: жители ихъ пашутъ землю, присутствіе городовъ не мѣшаетъ людямъ жить въ лѣсу подобно звѣрямъ, убивать другъ друга, похищать дѣвицъ; вотъ весь бытъ, и что еще сказать кромѣ того, что сказано у лѣтописца? Разсказъ его ясенъ и полонъ. Племена воюютъ другъ съ другомъ, сильнѣйшія обижаютъ слабѣйшихъ; но что представляютъ подробности этихъ усобицъ, и можно ли надѣяться найти ихъ въ лѣтописи? Но лѣтописецъ записалъ преданія о движеніяхъ варварскихъ народовъ изъ Азіи, о внезапномъ исчезновеніи, смѣнѣ одного другимъ, притѣсненіяхъ, которымъ подвергались отъ нихъ племена осѣдлыя, но слабыя по причинѣ разъединенія своего; таковы главныя явленія въ жизни племенъ, населявшихъ искони великую восточную равнину Европы; лѣтописецъ русскій продолжаетъ въ этомъ отношеніи историковъ древности. Перечислены племена по свѣжимъ слѣдамъ, какъ они сохранились во время лѣтописца; наконецъ записано сказаніе о происхожденіи города, главнаго города всей Русской Земли, сказаніе, составившееся по общему закону, чрезъ объясненіе мѣстныхъ названій именами лицъ.

Послѣ сказанія о козарской дани начинается собственная лѣтопись, т.-е. погодное записываніе событій. Съ какого же времени лѣтописецъ начинаетъ свою лѣтопись? Онъ начинаетъ ее съ 852 г. по Р. Х.: „Съ царствованія Михаила, императора Греческаго, является впервые названіе Русской Земли; объ этомъ мы узнали, продолжаетъ лѣтописецъ, потому, что при царѣ Михаилѣ приходили Русскіе на Царьградъ, какъ пишется въ лѣтописцѣ греческомъ; поэтому-то отсюда начнемъ и числа положимъ".

По образцу греческаго лѣтописца, и нашъ начинаетъ перечисленіе: отъ Адама до потопа столько-то лѣтъ; отъ потопа до Авраама столько-то, и т. д., доходитъ до царя Михаила, и отъ него переходитъ къ Русской Исторіи: „Отъ перваго лѣта Михаилова до перваго лѣта Олгова, Русскаго князя, лѣтъ 29; а отъ перваго лѣта Олгова, понеже сѣде въ Кіевѣ, до перваго лѣта Игорева лѣтъ 31; а отъ перваго лѣта Игорева до перваго лѣта Святославля лѣтъ 33; а отъ перваго лѣта Святославля до перваго лѣта Ярополча лѣтъ 28; а Ярополкъ княжи лѣтъ 8; а Володимеръ лѣтъ 37; а Ярославъ княжи лѣтъ 40. Тѣмъ же отъ смерти Святославли до смерти Ярославли лѣтъ 85; а отъ смерти Ярославли до смерти Святополчи лѣтъ 60". Любопытно мѣсто Никоновскаго списка, гдѣ время призванія князей означено такъ: „При Михаилѣ и Ва-

силѣ царема и при Фотіи патріарсѣ придоша Словене" и проч. Потомъ важно окончаніе смертію Святополка Изяславича—знакъ, что лѣтопись составлена во время между смертію Святополка и смертію преемника его, Владиміра Мономаха.

Послѣ означеннаго исчисленія слѣдуетъ подъ 858 годомъ извѣстіе изъ Греческой, или Болгарской лѣтописи о крещеніи Болгаръ; подъ слѣдующимъ 859 годомъ извѣстіе: „Имаху дань Варязи изъ заморья на Чуди и на Словѣнехъ, на Мери и на всѣхъ Кривичѣхъ; а Козари имаху на Полянѣхъ и на Северѣхъ, и на Вятичѣхъ, имаху по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма". Любопытное выраженіе: „имаху" вмѣсто: „пріидоша Варязи" и тому подобн. По прошествіи двухъ лѣтъ полныхъ отъ извѣстія о дани помѣщено извѣстіе объ изгнаніи Варяговъ и призваніи князей; по прошествіи двухъ лѣтъ по смерти Рюрика Олегъ оставляетъ Новгородъ. Здѣсь очень любопытенъ также сплошной разсказъ подъ однимъ 862 годомъ о призваніи Рюрика, о смерти его младшихъ братьевъ, о раздачѣ городовъ, объ отпускѣ Аскольда и Дира на югъ.

Вездѣ здѣсь явственны слѣды того, что извѣстія о пришествіи князей и утвержденіи ихъ первоначально составляли отдѣльный сплошной разсказъ безъ годовъ, которые внесены послѣ; насильственный разрывъ разсказа внесеніемъ годовъ особенно замѣтенъ въ извѣстіи о походѣ Аскольда и Дира на Грековъ: „Рюрику же княжащу въ Новгородѣ—въ лѣто 6371, въ лѣто 6372, въ лѣто 6373, въ лѣто 6374 — иде Аскольдъ и Диръ на Греки" и проч.

Къ этому первоначальному сказанію вмѣстѣ съ предисловіемъ о дорюриковскомъ времени и можетъ только относиться заглавіе: „Се повѣсти временныхъ лѣтъ, откуду есть пошла Русская Земля, кто въ Кіевѣ нача первѣе княжити и откуду Русская Земля стала есть."

Начальный Кіевскій лѣтописецъ почти ничего не знаетъ о подробностяхъ призванія, о событіяхъ княженія Рюрикова: преданія о Гостомыслѣ и Вадимѣ внесены въ позднѣйшіе списки изъ начальной Новгородской. Извѣстіе о походѣ Олега на югъ и утвержденіи въ Кіевѣ очевидно взято изъ устныхъ преданій, въ которыхъ Олегъ являлся первымъ собирателемъ племенъ, первымъ учредителемъ наряда; къ его времени относились всѣ древніе уставы, наприм., дань новгородская. События раздѣлены по годамъ: на каждый годъ по походу на одно изъ племенъ; потомъ извѣстія о дѣятельности Олеговой прекращаются въ продолженіи 17 лѣтъ; подъ 903 годомъ помѣщено извѣстіе о бракѣ Игоря на Ольгѣ; замѣтимъ, что лѣтописцу нужно было помѣстить это извѣстіе позднѣе по соображеніямъ съ малолѣтствомъ Святослава при смерти отцовой. Подъ 907 годомъ помѣщено извѣстіе о походѣ Олега на Грековъ. Извѣстный характеръ разсказа о походѣ Олеговомъ ясно указываетъ на источникъ—устныя народныя сказанія, причемъ въ лѣтописи нельзя не замѣтить явную спивку двухъ извѣстій: она обличается повтореніемъ одного и того же извѣстія о дани сперва по 12 гривенъ на человѣка, а потомъ по 12 гривенъ на ключъ.

Подъ 911 годомъ помѣщено извѣстіе о кометѣ, взятое очевидно изъ Греческой или Болгарской лѣтописи; подъ 912 годомъ договоръ съ Греками. Неоспоримыя свидѣтельства греческихъ источниковъ о договорахъ, заключаемыхъ Имперіею съ разными варварскими народами; свидѣтельства о договорахъ, именно заключенныхъ съ Русью; соотвѣтствіе послѣднихъ договоровъ договорамъ, заключеннымъ съ другими народами; необходимость, какую чувствовало греческое правительство уладиться съ Русскимъ княземъ относительно того, какъ поступать въ случаяхъ столкновенія Русскихъ съ подданными Имперіи въ Константинополѣ, случаяхъ, немогшихъ быть рѣдкими; полное соотвѣтствіе содержанія договоровъ обстоятельствамъ времени, наконецъ языкъ, во многихъ мѣстахъ темный, показавающій ясные слѣды перевода съ греческаго:—не оставляютъ никакого сомнѣнія въ подлинности договоровъ—Олегова, Игорева, Святославова [1]). По всѣмъ вѣроятностямъ, до лѣтописца дошелъ переводъ, современный подлиннику; переводъ этотъ долженъ былъ храниться въ Кіевѣ у князей, и храниться тщательно, потому что торговыя сношенія Русскихъ съ Византіею были предметомъ первой важности для Руси и князей, а нѣтъ сомнѣнія, что и впослѣдствіи поступали съ Русскими въ Константинополѣ на основаніи древнихъ договоровъ; странно думать, что Норманы вообще заботились мало о сохраненіи и исполненіи договоровъ: норманскіе пираты, быть можетъ, мало заботились объ этомъ; но уже показано было прежде, что Русскіе князья не могли оставаться норманскими пиратами, и гдѣ доказательство, что они мало заботились объ ихъ исполненіи и сохраненія? Послѣ заключенія Олегова договора, Игорь пошелъ на Грековъ; но гдѣ доказательства, что онъ пошелъ не вынужденный нарушеніемъ договора со стороны Грековъ? Когда послѣдніе объявили ему, что будутъ платить столько же, сколько платили Олегу, то онъ заключилъ съ ними миръ; имѣемъ право думать, что походъ былъ именно и предпринятъ для того, чтобъ возстановить прежнія отношенія. Святославъ завоевалъ Болгарію по договору съ Греками же, и потомъ велъ противъ нихъ войну оборонительную; походъ Владиміра тѣсно связанъ въ лѣтописи съ намѣреніемъ принять христіанство; Ярославъ послалъ сына на Грековъ именно потому, что въ Константинополѣ обидѣли русскихъ купцовъ, слѣдовательно не выполнили договора. Надобно замѣтить, что у насъ вообще походы древнихъ Русскихъ князей на Византію представляются чѣмъ-то безпрерывнымъ, обычнымъ, тогда какъ всѣхъ ихъ было только шесть,

[1]) Krug—Kritischer Versuch zur Ausklärung der Byzant. Chronolog s. 108; Ewers—das älteste Recht der Russen s. 118; Погодина—Несторъ, с. 113.

Записавъ преданіе о смерти Олеговой, лѣтописецъ вставляетъ извѣстія о волхвахъ, являвшихся у другихъ народовъ; вставка понятная по тому интересу, который возбуждали волхвы между современниками лѣтописца. Долговременное княженіе Игоря, отъ котораго дошло очень мало преданій, пополняется извѣстіями изъ Греческой и Болгарской лѣтописи. Извѣстіе о первомъ походѣ Игоревѣ на Грековъ взято изъ тѣхъ же источниковъ, извѣстіе о второмъ—изъ туземныхъ преданій; изъ нихъ же взято оправданіе въ неудачѣ перваго похода; очевиденъ тотъ же самый источникъ въ извѣстіяхъ о смерти Игоря, о мести Ольги, о ея распоряженіяхъ, о крещеніи, которое описано исключительно по туземнымъ преданіямъ, безъ всякаго соображенія съ греческими источниками; это доказываетъ имя императора, при которомъ крестилась Ольга, Цимискій, и годъ событія. Еще въ княженіе Игоря, 943 годомъ оканчиваются выписки изъ Греческой или Болгарской лѣтописи о тамошнихъ событіяхъ, и съ этихъ поръ очевидно исключительное пользованіе туземными устными преданіями. Уже выше было замѣчено, когда должно было окончательно образоваться преданіе о проповѣдникахъ разныхъ вѣръ при Владимірѣ; здѣсь замѣтимъ любопытное показаніе: во времена лѣтописца жили люди, которые помнили крещеніе Земли Русской; несмотря на то, во времена же лѣписца уже существовали различныя противорѣчивыя преданія объ этомъ событіи, о мѣстѣ крещенія Владимірова; утверждая, что Владиміръ крестился въ Корсуни, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же не свѣдуще право глаголютъ, яко крестился есть въ Кіевѣ; иніи же рѣша Василиви; друзіи же инако скажутъ"; такъ въ одномъ дошедшемъ до насъ житіи Владиміра сказано, что этотъ князь предпринималъ походъ на Корсунь на третій годъ по принятіи крещенія. Замѣтимъ явную спивку въ началѣ княженія Святополкова; тотчасъ послѣ извѣстія о смерти Владиміровой, послѣ заглавія: о убіеніи Борисовѣ, читаемъ: „Святополкъ же сѣде Кыевѣ по отцѣ своемъ, и съзва Кыяны, и нача даяти имъ имѣнье",—а послѣ извѣстія о смерти Святослава Древлянскаго, читаемъ опять: „Святополкъ же окаянный нача княжити Кыевѣ. Созвавъ люди, нача даяти овѣмъ корзна, а другымъ кунами, и раздая множество". Очевидно, что объ убіеніи Св. Бориса и Глѣба вставлено особое сказаніе въ лѣтопись: это доказываетъ особое заглавіе; замѣтимъ, что, вслѣдствіе сильнѣйшаго развитія церковной литературы, въ позднѣйшихъ спискахъ лѣтописи мы встрѣчаемъ распространенныя сказанія не только объ убіеніи Св. Бориса и Глѣба, но также и о страданіи первомучениковъ русскихъ, Варяговъ—Θеодора и Іоанна. Въ разныхъ сказаніяхъ о Св. Борисѣ и Глѣбѣ замѣчаются разногласія: такъ, въ сказаніи, вставленномъ въ лѣтопись, читается, что Св. Глѣбъ ѣхалъ изъ Мурома, полагая, что умирающій отецъ зоветъ его къ себѣ, а въ другихъ сказаніяхъ говорится, что Глѣбъ, во время кончины Св. Владиміра, находился въ Кіевѣ, а не въ Муромѣ, и, узнавъ, что Святополкъ послалъ убійцъ на Бориса, отправился тайно вверхъ по Днѣпру, но былъ настигнутъ убійцами подъ Смоленскомъ. Противъ перваго извѣстія приводятъ, что въ 43 дня, протекшіе между убіеніемъ Бориса 24-го іюля и Глѣба 5-го сентября, не могли умѣститься всѣ событія, разсказанныя въ томъ извѣстіи; что гонецъ, посланный отъ Святополка въ Муромъ, не могъ возвратиться къ своему князю съ вѣстію, что Глѣбъ отправился ранѣе первыхъ чиселъ сентября, и если Святополкъ, по этой вѣсти, отправилъ убійцъ вверхъ по Днѣпру, то какъ они успѣли проплыть въ три или четыре дня около 650 верстъ [1])? Но, вопервыхъ, изъ сказанія вовсе не видно, чтобъ Святополкъ послалъ убійцъ тогда только, когда получилъ вѣсть, что Глѣбъ отправился; въ ожиданіи, что Глѣбъ отправится по извѣстному пути, онъ могъ послать убійцъ гораздо прежде. Вовторыхъ, въ сказаніи нѣтъ никакихъ хронологическихъ указаній. Замѣтимъ также, что въ сказаніи, помѣщенномъ въ лѣтописи, нѣтъ никакихъ противорѣчій, нѣтъ словъ Борисовыхъ: „Поне узрю лице брата моего меньшаго Глѣба, якоже Іосифъ Веніамина". Во всякомъ случаѣ видно, что и о событіяхъ, послѣдовавшихъ за смертію Владиміра, ходили такія же разнорѣчивыя преданія, какъ и о событіяхъ, сопровождавшихъ крещеніе Руси. Съ другой стороны, замѣтимъ, что въ извѣстіяхъ о первыхъ событіяхъ княженія Ярославова можно видѣть спивки извѣстій изъ начальной Кіевской лѣтописи съ извѣстіями изъ начальной Новгородской, такъ что мѣсто, начинающееся послѣ словъ: „Обладающе ими", и оканчивающееся словами: „И поиде на Святополька: слышавъ же Святополкъ идуще Ярослава, пристрои безъ числа вои, Руси и Печенѣгъ, и изыде противу Любчю, онъ полъ Днѣпра, а Ярославъ объ сю"—можно считать вставкою изъ Новгородской лѣтописи: вопервыхъ потому, что это мѣсто содержитъ извѣстіе собственно о новгородскомъ событіи, вовторыхъ потому, что въ разсказѣ подъ слѣдующимъ годомъ опять повторяется: „Приде

[1]) Разборъ трехъ древнихъ памятниковъ русской духовной литературы; соч. П. Б. Житіе, вставленное въ лѣтопись, кѣмъ бы ни было написано, заслуживаетъ предпочтеніе по самой краткости своей, по отсутствію противорѣчій, даже по отсутствію числовыхъ показаній, все обличаетъ въ немъ первоначальное составленіе. Противорѣчіе—признакъ позднѣйшаго составленія изъ разныхъ сказаній. Чѣмъ украшеннѣе, многоглаголивѣе сказаніе, тѣмъ подозрительнѣе относительно своей древности. Авторъ житія Св. Владиміра, помѣщеннаго въ Степенной книгѣ, говоритъ: «О немъ же (Владимірѣ) и прежде сего обрѣтаеми суть многія повѣсти, глаголемыя и пишемыя, и похвалами достойно украшены, но обаче не во единомъ мѣстѣ, но на многи части особь кождо: ова въ лѣтописанiихъ, иная же индѣ, прочая же вкратцѣ писана въ житіи его, многая же въ похвалѣ его. И отъ всѣхъ сихъ, яко отъ многоразличныхъ цвѣтецъ хотящу собратися во едину словесную пленицу». – Но такъ поступалъ не одинъ авторъ житія Степенной книги. Отсюда и противорѣчія.

Ярославъ, и сташа противу оба полъ Днѣпра".

Между извѣстіями о княженіи Ярослава, подъ 1051 годомъ, въ разсказѣ о началѣ Кіевскаго монастыря, встрѣчаемъ первое указаніе на автора извѣстій, на время его жизни: „Өеодосьеви же живущю въ монастыри, и правящю добродѣтельное житье и чернечьское правило, и пріимающю всякаго приходящаго къ нему, къ нему же и азъ придохъ худый и недостойный рабъ, и пріятъ мя лѣтъ ми сущю 17 отъ роженья моего. Се же написахъ и положихъ, въ кое лѣто почалъ быти монастырь и что ради зовется Печерьскій; а о Өеодосовѣ житьи пакы скажемъ". Подъ 1064 годомъ встрѣчаемъ новое указаніе, что съ XI-го вѣка извѣстія записаны очевидцемъ событій, тогда какъ прежде повсюду встрѣчаемъ явственные слѣды устныхъ преданій [1]). Разсказывая между прочими дурными предвѣщаніями, что рыбаки вытащили изъ рѣки Сѣтомли урода, лѣтописецъ прибавляетъ: „Его же позоровахомъ до вечера".—Такимъ образомъ, во второй половинѣ XI-го вѣка открываемъ мы слѣды автора извѣстій начальной Кіевской лѣтописи, какъ въ томъ же вѣкѣ, но ранѣе, открыли слѣдъ составителя начальной Новгородской лѣтописи.

Съ этихъ поръ, какъ ясно обозначился очевидецъ при записываніи событій, встрѣчаемъ и числовыя показанія событій, напр. подъ 1060 годомъ: „Придоша половци первое на русскую землю воевать, Всеволодъ же изиде противу ихъ, мѣсяца февраля въ 2 день". Этого прежде мы не встрѣчаемъ при описаніи самыхъ важныхъ событій, кромѣ дня кончинъ княжескихъ, и то начиная съ христіанскаго времени. Что съ этихъ поръ лѣтописецъ есть очевидецъ или современникъ событій,—доказывается подробностями, которыя легко отличить отъ подробностей предыдущихъ народныхъ сказаній: легко понять, какого рода подробности въ сказаніи о мести Ольгиной, напримѣръ, и какого рода подробности въ извѣстіи о побѣдѣ Половцевъ въ 1066 году и ея слѣдствіяхъ. Мы видѣли, что подъ 1051 годомъ лѣтописецъ обѣщалъ опять сказать о житіи Св. Өеодосія: „А о Өеодосовѣ житьи пакы скажемъ"; теперь подъ 1074 годомъ, по случаю извѣстія о смерти Св. Өеодосія, лѣтописецъ дѣйствительно сообщаетъ свѣдѣнія о его житіи: какъ онъ проводилъ постъ, какъ училъ братію поститься, о цвѣтущемъ состояніи монастыря при Өеодосіи и о томъ, какъ братія жили въ любви, какъ меньшіе покорялись старшимъ, не смѣя предъ ними говорить, что ясно выставлено съ цѣлію показать противоположность такого поведенія съ событіемъ, случившимся по смерти Өеодосія, относительно игумена Стефана, — о великихъ подвижникахъ, какіе были при Өеодосіи, и обращеніи съ ними послѣдняго, о Даміанѣ чудотворцѣ и другихъ; здѣсь, въ разсказѣ о жизни Св. Исакія, встрѣчаемъ слѣдующія слова: „И ина многа повѣдаху о немъ, а другое и самовидецъ быхъ". Подъ 1091 годомъ встрѣчаемъ разсказъ объ открытіи мощей Св. Өеодосія, въ которомъ повѣствователь говоритъ о себѣ, какъ о главномъ дѣйствователѣ, и взаключеніе называетъ себя рабомъ и ученикомъ Өеодосія. Подъ 1093 годомъ, въ благочестивомъ размышленіи о Божіихъ наказаніяхъ, встрѣчаемъ слова; „Се бо азъ грѣшный и много и часто Бога прогнѣваю, и часто согрѣшаю по вся дни". Подъ 1096, въ разсказѣ о нашествіи Половцевъ на Печерскій монастырь, читаемъ: „И придоша въ монастырь Печерьскый, намъ сущимъ по кельямъ почивающимъ по заутрени.... намъ же бѣжащимъ задомъ монастыря". Подъ тѣмъ же годомъ, въ одномъ изъ древнѣйшихъ списковъ, такъ называемомъ Лаврентьевскомъ, находится позднѣйшая вставка поученія Мономаха къ дѣтямъ, перемѣшаннаго съ письмомъ его къ Олегу Святославичу; вставка позднѣйшая—потому, что начальный составитель лѣтописи, современникъ Мономаха, конечно могъ имѣть въ рукахъ оба эти памятника и вставить ихъ въ свою лѣтопись, но не могъ вставить ихъ именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ находимъ ихъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ, ибо здѣсь они вставлены между извѣстіями, которыя не могутъ быть раздѣлены, а именно: описавши нашествіе Половцевъ, лѣтописецъ начинаетъ говорить о происхожденіи разныхъ варварскихъ народовъ: „А Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже сходятъ отъ пустынѣ, и по сихъ 8 колѣнъ къ кончинѣ вѣка изидуть, заключеніи въ горѣ Александромъ Македонскымъ, нечистыя человѣкы". За этими словами непосредственно долженъ слѣдовать разсказъ лѣтописца о людяхъ, заключенныхъ въ гору, о которыхъ онъ слышалъ отъ Новгородца Гюряти Роговича, тогда какъ между этимъ разсказомъ и послѣдними приведенными словами: „нечистые человѣкы", вставлено поученіе Мономаха и его письмо къ Олегу. Но потомъ насъ останавливаетъ еще одно обстоятельство; по окончаніи разсказа о войнѣ Мстислава Владиміровича Новгородскаго съ дядею Олегомъ Святославичемъ: „И посла къ Ольгови (Мстиславъ), глаголя: не бѣгай никаможе, но пошлися къ братьи своей съ молбою, не лишать тя Русьскыѣ земли и азъ пошлю къ отцю молится о тебѣ. Олегъ же „обѣщаяся тако створити", — лѣтописецъ прибавляетъ: „Мстиславъ же

---

[1]) Нѣкоторые разсуждаютъ такъ: Лѣтописецъ говоритъ: «Воевада бѣ Свѣнелдъ, *тоже отецъ Мистишинъ*». Вѣрно, это писано тогда, когда жилъ сей неизвѣстный Мистиша, слѣд. не позднѣе начала XI вѣка: сынъ современника Свѣнельдова (?) не могъ жить долѣе. Не можетъ быть, чтобъ эти слова принадлежали Нестору; кчему бы ему означать неизвѣстнаго боярина родствомъ съ Мистишею, о которомъ почти онъ не говоритъ ни слова.— Но если самъ Мистиша не могъ жить позднѣе начала XI вѣка, то пѣсня, преданіе о немъ, его домъ, его улица могли существовать гораздо позднѣе: естественно предположить, что лѣтописецъ позднѣйшій приводитъ въ родственную связь два лица, воспоминаніе о которыхъ начинаетъ слабѣть; неестественно предположить, чтобъ современникъ Мистиши почелъ нужнымъ напомнить, что этотъ Мистиша-Свѣнельдичъ.

възвратився вспять Суждалю, оттуда поиде Новугороду въ свой градъ, **молитвами преподобнаго епископа Никиты**". Странно, что Кіевскій лѣтописецъ сдѣлалъ эту прибавку, тогда какъ мы знаемъ обычай Новгородскаго лѣтописца приписывать успѣхъ дѣла молитвамъ современнаго событію владыки; напр. подъ 1169 г.: „И къ вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородьци силою крестною и Св. Богородицы и молитвами благовѣрнаго владыки Иліѣ". Можно возразить одно, что упомянутый здѣсь владыка Никита былъ знаменитый своею святостію инокъ кіевопечерскій; это и могло побудить Кіевскаго лѣтописца, инока Печерскаго монастыря, приписать побѣду Мстислава молитвамъ Св. Никиты; но, съ другой стороны, трудно предположить, чтобъ это событіе не было подробно разсказано въ Новгородской лѣтописи, когда преданіе о славной войнѣ Мстислава и Новгородцевъ съ Олегомъ переходило изъ рода въ родъ въ Новгородѣ; въ 1216 году Новгородцы вспоминаютъ, какъ ихъ предки бились на Кулакшѣ. Карамзинъ также замѣтилъ отличіе этого разсказа отъ остальныхъ мѣстъ Несторовой лѣтописи: индиктъ и годъ означены въ концѣ [1]).

Подъ слѣдующимъ 1097 годомъ встрѣчаемъ вставочный разсказъ объ ослѣпленіи Василька. Нашли [2]), что слогъ этого разсказа явственно отличается отъ слога цѣлой лѣтописи, въ которой не замѣчается выраженій, подобныхъ слѣдующему, наприм.: „Бонякъ же раздѣлился на три полкы: и сбиша Угры аки въ мячь, яко и соколъ сбиваетъ галицѣ"; замѣтили, что подобныя выраженія просятся въ Слово о Полку Игореву; но они просятся не въ это сочиненіе, а въ Волынскую лѣтопись, которая именно отличается подобнымъ слогомъ и которой первая часть, до смерти Романа Великаго, не дошла до насъ, кромѣ этого отрывка объ ослѣпленіи Василька. Это происшествіе собственно волынское, имѣвшее важное вліяніе преимущественно на судьбы Волыни, и потому долженствовавшее быть въ подробности описано тамъ же; лѣтописецъ, составлявшій свою лѣтопись въ Кіевѣ, не могъ написать: „И по ту ночь ведоша и Бѣлгороду, иже градъ малъ у Кіева яко 10 верстъ въ дале". Авторъ сказаянія является самъ дѣйствующимъ лицомъ въ разсказѣ, открываетъ свое имя, приводя слова князя Давыда Игоревича, который называетъ его тезкою князя Василька. Вставка этого мѣста изъ Волынской лѣтописи явственна еще потому, что послѣ него опять повторяются прежнія извѣстія по порядку годовъ, изъ лѣтописи, въ которую вставленъ упомянутый разсказъ о Василькѣ. Подъ 1106 годомъ читаемъ: „Преставися Янъ, старець добрый, живъ лѣтъ 90, въ старостѣ маститѣ; живъ по закону Божью, не хужій бѣ первыхъ праведникъ, отъ него же и азъ много словеса слышахъ, еже и вписахъ въ лѣтописаньи семъ отъ него же слышахъ". Наконецъ, послѣ 1110 года встрѣчаемъ слѣдующую приписку: „Игуменъ Селивестръ святаго Михаила написахъ книгы си лѣтописець, надѣяся отъ Бога милость пріяти, при князѣ Володимери, княжащу ему Кыевѣ, а мнѣ въ то время игуменящу у святаго Михаила, въ 6624, индикта 9 лѣта, а иже чтеть книгы сія, то буди ми въ молитвахъ".— Такимъ образомъ, въ началѣ XII вѣка мы встрѣчаемъ ясное свидѣтельство объ извѣстномъ Сильвестрѣ Выдубецкомъ, которой говоритъ о себѣ, что онъ написалъ лѣтописецъ. Возрастъ этого Сильвестра нисколько не препятствовалъ бы признать его первымъ составителемъ начальной Кіевской лѣтописи, относить къ нему извѣстіе подъ 1064 годомъ; будучи ребенкомъ, лѣтъ 7, онъ могъ ходить смотрѣть урода, вытащеннаго рыбаками, и случай этотъ могъ сохраниться живо въ его памяти. Но есть преданіе, которое приписываетъ составленіе древней Кіевской лѣтописи иноку Кіевопечерскаго монастыря, преподобному Нестору; въ пользу этого преданія свидѣтельствуетъ самая приписка Сильвестрова, ибо на ея основаніи гораздо естественнѣе было бы объявить Сильвестра лѣтописцемъ, а не предполагать другого, Нестора; извѣстіе подъ 1064 годомъ можетъ относиться столько же и къ Нестору, сколько къ Сильвестру; но за то мѣста, встрѣченныя нами въ разсказѣ о Печерскомъ монастырѣ, о кончинѣ Ѳеодосія, объ открытіи мощей его, о нападеніи Половцевъ на монастырь,—прямо свидѣтельствуютъ о лѣтописцѣ — инокѣ Кіевопечерскаго монастыря. Для соглашенія извѣстій о Несторѣ лѣтописцѣ съ свидѣтельствомъ Сильвестра, написавшаго въ 1116 году лѣтописецъ, предполагаютъ, что Сильвестръ былъ переписчикомъ или продолжателемъ Несторовой лѣтописи. Въ 1116 г Сильвестръ могъ переписать лѣтопись, оконченную въ 1110 году, и продолжать записываніе событій дальнѣйшихъ годовъ [3]). Но относительно Нестора являются новыя возраженія: указываютъ на поразительныя разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ сказаніемъ объ убіеніи Бориса и Глѣба, и извѣстіями, помѣщенными въ лѣтописи; на разнорѣчія, какія находятся между Несторовымъ житіемъ Св. Ѳеодосія и тѣми извѣстіями о Св. Ѳеодосіи и объ авторѣ житія его, какія находятся въ лѣтописи. Такъ какъ безъ крайнихъ натяжекъ нѣтъ возможности согласить эти разнорѣчія, то, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, должно принять, что или Несторова лѣтопись подверглась большимъ измѣненіямъ и дополненіямъ, или что не Несторъ, а другой кто-либо составлялъ дошедшую до насъ первую лѣтопись [4]). Но для насъ нѣтъ еще рѣшительныхъ дока-

[1]) II, прим. 1, 78.

[2]) Статья Бѣляева о Несторѣ въ Чтеніяхъ Московск. Истор. Общ.

[3]) *Написахъ* можетъ значить переписалъ, но не должно означать этого непремѣнно; въ противномъ случаѣ и Несторъ будетъ только переписчикомъ, ибо и о немъ сказано: «Несторъ иже написа лѣтописецъ».

[4]) См. о противорѣчіяхъ между Несторовыми сочиненіями и лѣтописью въ статьѣ г. Казанскаго: «Еще вопросъ о Несторѣ» (Временникъ Московск. Истор. Общ. № 1); отвѣтъ его на возраж. П. Б. (Отеч. Зап. т. LXXIV, отд. VIII), отвѣтъ П. Б. въ разборѣ трехъ древнихъ памятниковъ.

зательствъ, которыя могли бы заставить предпочесть второе положеніе первому. Для насъ важно то: что со второй половины XI вѣка въ Кіевѣ мы замѣчаемъ ясные признаки лѣтописца—очевидца событій; что еще прежде открываемъ слѣды Новгородскаго лѣтописца; что въ концѣ XI вѣка открываемъ извѣстія, обличающія Волынскаго лѣтописца; что дошедшіе до насъ списки начальной лѣтописи представляютъ сборники, составленные изъ Кіевской, Новгородской и Волынской лѣсописей; что, по свидѣтельству Владимірскаго епископа Симона въ посланіи его къ монаху Поликарпу, существовалъ еще старый лѣтописецъ Ростовскій, въ которомъ можно было найдти имена всѣхъ епископовъ, поставленныхъ изъ монаховъ кіевопечерскихъ; что древнѣйшіе списки начальной лѣтописи представляютъ лѣтопись сокращенную, пополненіе которой должно искать въ извѣстіяхъ, содержащихся въ позднѣйшихъ спискахъ, напримѣръ въ Никоновскомъ и другихъ. Извѣстія эти не могутъ подлежать никакому сомнѣнію, не выдуманы позднѣйшими составителями лѣтописи; возраженія въ родѣ такихъ: „Это извѣстіе Никоновскаго списка выдумано, потому что его нѣтъ въ харатейномъ Несторѣ",—не имѣютъ болѣе смысла въ наукѣ; тотъ же самый выводъ должно распространить и на извѣстія, находимыя въ Татищевомъ сводѣ лѣтиписей, ибо противъ ихъ достовѣрности употребляли то же самое возраженіе: выдумано, потому что этого нѣтъ въ древнѣйшихъ спискахъ.

Послѣ приписки Сильвестра и древнѣйшіе списки болѣе или менѣе расходятся другъ съ другомъ въ подробностяхъ. Всѣ они содержатъ въ себѣ лѣтопись общую, всероссійскую, или, лучше сказать, княжескую лѣтопись, ибо главное, почти исключительное содержаніе ея оставляютъ отношенія Рюрикова княжескаго рода; но и въ лѣтописи XII-го и начала XIII-го вѣка, какъ въ разсмотрѣнной лѣтописи XI-го вѣка, въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, легко замѣтить, что они принадлежатъ то кіевскому, то черниговскому, то полоцкому, то суздальскому лѣтописцу; въ концѣ же XII-го вѣка извѣстія Кіевскаго лѣтописца явственно прекращаются, и у насъ остаются двѣ лѣтописи,—одна явно написана на Волыни, а другая на сѣверѣ, въ Суздальской Землѣ; впрочемъ еще прежде, съ явственнаго отдѣленія Сѣверной Руси отъ Южной, съ княженія Всеволода III-го, замѣчаемъ и явственное, такъ-сказать, сплошное отдѣленіе сѣверной лѣтописи отъ южной [1]). Приведемъ нѣсколько мѣстъ изъ лѣтописи событій XII-го вѣка, въ которыхъ опять видимъ ясные признаки лѣтописца-очевидца, современника событій, или признаки мѣстныхъ лѣтописей. Подъ 1114 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ читаемъ: „Въ се же лѣто Мстиславъ заложи Новгородъ боліи перваго. Въ се же лѣто заложена бысть Ладога каменіемъ на приспѣ Павломъ посадникомъ, при князѣ Мстиславѣ. Пришедшю ми въ Ладогу, повѣдаша ми Ладожане, яко сдѣ есть, егда будетъ туча велика, и находять дѣти наши глазкы стеклянныи, и малые и великыи, провертаны, а другые подлѣ Волховъ беруть, еже выполаскываетъ вода, отъ нихъ же взяхъ болѣе ста; суть же различни. Сему же ми ся дивлящу, рекоша ми: се не дивно; и еще мужи старіи ходили за Югру и за Самоядь, яко видивше сами на полунощныхъ странахъ спаде туча и въ той тучи спаде вѣверица млада, акы топерво рожена и възрастши и расходится по землѣ, и пакы бываетъ другая туча, и испадаютъ оленци мали въ ней, и възрастаютъ и расходятся по земли. Сему же ми есть послухъ посадникъ Павелъ Ладожскый и всѣ Ладожане." Здѣсь ясно, что лѣтописецъ былъ современникъ построенія каменной крѣпости въ Ладогѣ, ибо имѣлъ разговоръ съ посадникомъ Павломъ, ее построившимъ; но откуда родомъ былъ этотъ лѣтописецъ, гдѣ писалъ, изъ какой лѣтописи это извѣстіе занесено въ Ипатьевскій списокъ—этого рѣшить нельзя; замѣтимъ, что въ Новгородской лѣтописи заложеніе Ладожской крѣпости помѣщено двумя годами позднѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ спискѣ.—Подъ 1151 годомъ: „И рече (Изяславъ Мстиславичъ) слово то, ако же и переже слышахомъ: не идетъ мѣсто къ головѣ, но голова къ мѣсту." Очевиденъ современникъ событій и человѣкъ, имѣвшій случай разговаривать съ княземъ. Подъ 1161 годомъ: „Бысть брань крѣпка... и тако страшно бѣ зрѣти яко второму пришествію быти." Подъ 1171 годомъ: „На утрья же въ субботу поидохомъ съ Володимеромъ изъ Вышегорода." Подъ 1187 годомъ: „И на ту осень бысть зима зла велми, тако иже въ нашю память не бывало николи же." Подъ 1199 годомъ,

[1]) Вотъ почему мы не можемъ принять выраженій о лѣтописяхъ XII вѣка: «Кіевская лѣтопись, Суздальская лѣтопись; Кіевская, дошедшая до насъ въ Ипатьевскомъ спискѣ, Суздальская въ Лаврентьевскомъ» и т. д. Во всѣхъ спискахъ мы встрѣчаемъ одно и то же содержаніе: въ Лаврентьевскомъ спискѣ мы находимъ собственно кіевскія событія, разсказанныя такъ же подробно или еще подробнѣе, чѣмъ въ Ипатьевскомъ, и наоборотъ,—въ Ипатьевскомъ суздальскія происшествія разсказаны гораздо подробнѣе, чѣмъ въ Лаврентьевскомъ; неправильность этихъ названій для общей лѣтописи XII вѣка тѣмъ очевиднѣе, что у насъ есть дѣйствительно лѣтописи, принадлежащія по содержанію одному городу или одной волости, таковы лѣтописи новгородскія, псковскія; но въ нихъ съ первой страницы всякій читатель увидитъ, что содержаніемъ однѣхъ служатъ событія новгородскія, другихъ—псковскія, тогда какъ этого вовсе не замѣтитъ онъ въ спискахъ Лаврентьевскомъ, Ипатьевскомъ и другихъ, содержащихъ въ себѣ общую, или княжескую лѣтопись.—Вотъ почему странно встрѣчать слѣдующіе выводы или выраженія: «Какъ лѣтописатели кіевскіе для суздальскихъ происшествій сокращали лѣтопись Суздальскую, такъ точно лѣтописатели суздальскіе сокращали обыкновенно Кіевскую лѣтопись; между тѣмъ сохранили извѣстія о Кіевѣ такія, какихъ нѣтъ въ Кіевской лѣтописи». (Погодина—И. З. Л. IV стр. 67).—Лѣтописатели кіевскіе и суздальскіе записывали одно и то же или разныя событія независимо, не переписывая ихъ другъ у друга и не сокращая, брали же у тѣхъ и другихъ эти событія и сшивали позднѣйшіе составители списковъ, до насъ дошедшихъ, отъ чего и вышло, что мы для XII вѣка не имѣемъ ни Кіевской, ни Суздальской лѣтописи.

въ разсказѣ о построеніи стѣны у Выдубецкаго монастыря: „Въ тое же время благоволи Богъ... и вдохнувъ мысль благу во богопріятное сердце великому князю Рюрикову... тъ же съ радостію пріимъ, акы благый рабъ вѣрный потщася немедленно сугубити дѣломъ... Но о Христѣ державно милосердуя о всѣхъ, по обычаю ти благому, и нашея грубости писаніе пріими, акы даръ словесенъ на похваленіе добродѣтелій.“ Здѣсь очевиденъ и современникъ событія и монахъ Выдубецкаго монастыря; но нельзя рѣшить, принадлежитъ ли ему и записываніе предыдующихъ событій, или разсказъ о построеніи стѣны составляетъ отдѣльный памятникъ и вставленъ въ лѣтопись какъ замѣчательное риторическое произведеніе. Есть извѣстіе, изъ котораго можно вывести отрицательно, что лѣтописецъ не принадлежалъ къ братіи Кіевопечерскаго монастыря,—въ Лавр. спискѣ подъ 1128: „Преяша церковь Димитрія Печеряне, и нарекоша ю Петра, съ грѣхомъ великимъ и неправо“

Разность лѣтописцевъ—одного черниговскаго, а другаго кіевскаго или, по крайней мѣрѣ, принадлежащаго къ сторонѣ Мономаховичей, видна въ разсказѣ объ изгнаніи Ольговичей изъ Кіева и вступленіи туда Изяслава Мстиславича подъ 1146 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ: сначала намѣреніе изгнать Ольговича называется постоянно совѣтомъ злымъ, вложеннымъ отъ дьявола, а потомъ говорится о томъ же самомъ событіи, т.-е. объ изгнаніи Ольговича и торжествѣ Изяслава Мстиславича: „Се же есть пособіемъ Божіимъ, и силою Честнаго Хреста, и заступленіемъ Св. Михаила, и молитвами Св. Богородицы“. Потомъ опять слышенъ голосъ другого, прежняго лѣтописца, укоряющаго Давыдовичей за то, что они не хотѣли воевать съ Мстиславичемъ, отыскивать свободы Игорю Ольговичу, брату своему (двоюродному): „Лукавый и пронырливый дьяволъ, не хотяй добра межи братьею, хотяй приложити зло къ злу, и вложи имъ (Давыдовичамъ) мысль не взыскати брата Игоря, ни помянути отецьства и о хрестѣ утверженіе, ни божественные любве, яко же бѣ лѣпо жити братья единомысленно укупѣ, блюдучи отецьства своего“. По всему видно, что лѣтописецъ стоитъ за Ольговичей; Кіевскій лѣтописецъ не могъ бы принимать такого горячаго участія въ дѣлахъ Святослава Ольговича, не могъ бы, говоря о приходѣ союзниковъ къ послѣднему, выразиться, что это случилось Божіимъ милосердіемъ; не могъ сказать, что Святославъ Божіимъ милосердіемъ погналъ Изяслава Давыдовича и бывшую съ нимъ кіевскую дружину; сшивка изъ двухъ разныхъ лѣтописей въ этомъ разсказѣ ясна: лѣтописецъ Ольговича говоритъ о неприличныхъ словахъ Изяслава Давыдовича, о походѣ его на Святослава Ольговича, о рѣшительности послѣдняго и побѣдѣ надъ врагами — все дѣло кончено; но потомъ опять о томъ же самомъ происшествіи новый разсказъ, очевидно кіевскаго лѣтописца: „Изяславъ Мстиславичъ и Володиміръ Давыдовичъ послаша брата своего Изяслава съ Шварномъ, а сами по немъ идоста“. Ясно также, что первое извѣстіе о Москвѣ принадлежитъ не кіевскому лѣтописцу, а черниговскому или сѣверскому, который такъ горячо держитъ сторону Святослава Ольговича и знаетъ о его движеніяхъ такія подробности; кіевскаго лѣтописца, явно враждебнаго Ольговичамъ, не могли занимать и даже не могли быть ему извѣстны подробности пировъ, которые давалъ Юрій Суздальскій Святославу; не могла занимать смерть сѣверскаго боярина, добраго старца Петра Ильича [1]). Разсказъ подъ 1159 годомъ въ Ипатьевскомъ спискѣ о полоцкихъ происшествіяхъ, по своимъ подробностямъ и вмѣстѣ отрывочности, ибо вообще лѣтопись очень скудна относительно полоцкихъ событій, обличаетъ вставку изъ Полоцкой лѣтописи. Примѣты сѣвернаго, суздальскаго лѣтописца также ясны; напр., разсказъ о переходѣ Ростислава Юрьевича на сторону Изяслава Мстиславича—въ Лаврентьевскомъ спискѣ отличается отъ разсказа о томъ же событіи въ Ипатьевскомъ: въ первомъ поступокъ Ростислава выставленъ съ хорошей стороны, ни слова не упомянуто о ссорѣ его съ отцомъ; первый очевидно принадлежитъ суздальскому лѣтописцу, второй — кіевскому. Различенъ разсказъ сѣвернаго и южнаго лѣтописца; о походѣ Изяслава Мстиславича на Ростовскую область; о мирѣ Юрія съ Изяславомъ въ 1149 году, о епископѣ Леонѣ и князѣ Андреѣ; объ отношеніяхъ Ростиславичей къ Андрею Боголюбскому. Въ описаніи похода рати Андреевой на Новгородъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ читаемъ: „Новгородцы же затворишася въ городѣ съ княземъ Романомъ, и бьяхуться крѣпко съ города, и многы избиша отъ нашихъ“,—очевиденъ суздальскій лѣтописецъ; но и въ Ипатьевскомъ спискѣ вставлено также суздальское сказаніе, ибо и здѣсь читаемъ: се же бысть за наша грѣхы“. Объ убіеніи Андрея Боголюбскаго въ обоихъ спискахъ вставлено суздальское сказаніе съ варіантами; но въ Лаврентьевскомъ, между прочимъ, попадаются слѣдующія слова въ обращеніи къ Андрею: „Молися помиловати князя нашего и господина Всеволода; своего же присная брата“,—прямое указаніе на время и мѣсто написанія разсказа. Разсказъ о событіяхъ по смерти Андрея принадлежитъ очевидно сѣверному, и именно владимірскому лѣтописцу: встрѣчается выраженіе, что Ростовцы слушались злыхъ людей, „не хотящихъ намъ добра; завистью граду сему“. Подъ 1180 очевиденъ владимірскій лѣтописецъ, ибо въ разсказѣ о войнѣ Всеволода III съ Рязанью употребляетъ выраженіе: „наши сторожи, наши погнаша“. Подъ 1185 г. въ разсказѣ о постановленіи епископа Луки лѣтописецъ обращается къ нему съ такими словами: „Молися за порученное тебѣ стадо, за люди хрестьяньскыя, за князя и за землю ростовьскую“; отсюда ясно также, что писано это уже по смерти епископа Луки. Подъ тѣмъ же годомъ любопытенъ въ Лаврентьевскомъ спискѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. II, стр. 22 и слѣд.

разсказъ о подвигахъ князя Переяславля Южнаго, Владиміра Глѣбовича, разсказъ, обличающій сѣвернаго лѣтописца, приверженнаго къ племени Юрія Долгорукаго: у суздальскаго лѣтописца вся честь побѣды надъ Половцами приписана Владиміру Глѣбовичу; у кіевскаго—дѣло разсказано иначе. Любопытно также разногласіе въ разсказѣ суздальскаго (Лавр. спис.) и кіевскаго (Ипатьев. спис.) лѣтописцевъ о войнѣ Всеволода III и Рюрика Ростиславича съ Ольговичами: суздальскій—во всемъ оправдываетъ Всеволода, кіевскій—Рюрика. Подъ 1227 годомъ читаемъ: „Поставленъ бысть епископъ Митрофанъ въ богохранимѣмъ градѣ Володимерѣ, въ чюднѣй святѣй Богородици, Суждалю и Володимерю, Переяславлю, сущю ту благородному князю Гюргю и съ дѣтми своими, и братома его Святославу, Іоанну, и всѣмъ бояромъ и множество народа; приключися и мнѣ грѣшному ту быти“.

Мы сказали, что лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Несторовой съ продолжателями, въ томъ видѣ, въ какомъ она дошла до насъ, есть лѣтопись всероссійская; ей, по содержанію, противоположны лѣтописи мѣстныя: Волынская и Новгородская. Мы признали сказаніе Василія объ ослѣпленіи князя Василька Теребовльскаго за отрывокъ изъ первой части Волынской лѣтописи, которая не дошла до насъ, дошла вторая половина, начинающаяся съ 1201 года, съ заглавіемъ: „Начало княженія великаго князя Романа, самодержца бывша всей русской земли, князя Галичкого“; но, вмѣсто того, тотчасъ послѣ заглавія, читаемъ: „По смерти же великаго князя Романа“, послѣ чего слѣдуетъ похвала этому князю, сравненіе его съ Мономахомъ; потомъ съ 1202 года начинается разсказъ о событіяхъ, происходившихъ по смерти Романа. Примѣту лѣтописца современника, очевидца событій, можно отыскать подъ 1226 годомъ въ разсказѣ о борьбѣ Мстислава Торопецкаго съ Венграми: „Мстиславъ же выѣхалъ противу съ полкы; онѣмъ же позоровавшимъ насъ, и ѣхаша Угре въ станы своя“.—Начальной Новгородской лѣтописи не дошло до насъ въ чистотѣ; въ извѣстныхъ намъ спискахъ извѣстія изъ нея находятся уже въ смѣшеніи съ начальною Кіевскою лѣтописью: въ древнѣйшемъ, такъ называемомъ Синодальномъ, спискѣ недостаетъ первыхъ пятнадцати тетрадей. Другой списокъ, такъ-называемый Толстовскій, начинается любопытнымъ мѣстомъ, очевидно принадлежащимъ позднѣйшему составителю, соединявшему Новгородскую лѣтопись съ Кіевскою: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія, како избра Богъ страну нашу на послѣднее время и грады почаша (бывати) по мѣстомъ, преже Новгородская волость и потомъ Кіевская, и о поставленіи Кіева, како во имя (Кія) назвася Кіевъ. Якоже древле царь Римъ, прозвася во имя его градъ Римъ, и паки Антіохъ, и бысть Антіохія, и пакы Селевкъ, бысть Селевкія, и паки Александръ, бысть Александрія во имя его. И по многа мѣста тако прозвани быша гради ты во имяна царевъ тѣхъ и князь тѣхъ. Яко въ нашей странѣ прозванъ бысть градъ великій Кіевъ во имя Кія, его же древле нарицаютъ перевозника бывша, иніи же яко и ловы дѣяша около града своего. Великъ бо есть промыслъ Божій, еже яви въ послѣдняя времена! Куда же древле погани жряху бѣсомъ на горахъ, туда же нынѣ церкви святыя стоятъ златоверхія каменозданныя, и монастыреве исполнени черноризцевъ, безпрестанно славящихъ Бога въ молитвахъ и въ бдѣніи, въ постѣ, въ слезахъ, ихже ради молитвъ міръ стоитъ. Аще бы кто къ святымъ прибѣгнетъ церквамъ тѣмъ велику пользу пріиметъ души же и тѣлу. Мы же на послѣднее возвратимся. О началѣ Русьскыя земля и о князяхъ, како и откуда быша“. За этимъ слѣдуетъ не разъ приведенное мѣсто о древнихъ князьяхъ и дружинѣ съ увѣщаніемъ современникамъ подражать имъ: „Васъ молю, стадо Христово, съ любовію, приклоните ушеса ваша разумно; како быша древня князи и мужи ихъ“ и проч. Здѣсь можно примѣтить, что первое заглавіе: „Временникъ, еже нарицается лѣтописаніе князей и земля русскія“ и слѣдующее за нимъ разсужденіе о началѣ городовъ принадлежитъ позднѣйшему составителю; а второе заглавіе: „О началѣ Русьскыя земля и о князихъ“—съ разсужденіемъ о древнихъ князьяхъ взято имъ изъ древнѣйшаго лѣтописца — какого, новгородскаго или кіевскаго—рѣшить трудно. Разсужденіе о древнихъ князьяхъ и боярахъ оканчивается такъ: „Да отселѣ, братія возлюбленная моя, останемся отъ несытьства своего: доволни будите урокы вашими. Яко и Павелъ пишетъ: ему же дань, то дань, ему же урокъ, то урокъ; ни кому же насилія творяще, милостынею цвѣтуще, страннолюбіемъ въ страсѣ Божіи и правовѣріи свое спасеніе содѣвающе, да и здѣ добрѣ поживемъ, и тамо вѣчнѣй жизни причастници будемъ. Сеже таковая. Мы же отъ начала Русьской земли до сего лѣта и вся по ряду извѣстно да скажемъ, отъ Михаила Царя до до Александра и Исакія“.—Выше было указано на примѣту перваго лѣтописца новгородскаго, ученика Ефремова; примѣту другого позднѣйшаго составителя находимъ подъ годомъ 1144: „Въ то же лѣто постави мя попомъ архіепископъ Святый Нифонтъ“.

Въ связи съ вопросомъ о Новгородской лѣтописи находится вопросъ о такъ-называемой Іоакимовой лѣтописи, помѣщенной въ первомъ томѣ Исторіи Россійской Татищева. Нѣтъ сомнѣнія, что составитель ея пользовался начальною Новгородскою лѣтописью, которая не дошла до насъ и которую онъ приписываетъ первому Новгородскому епископу Іоакиму — на какомъ основаніи, рѣшить нельзя; быть можетъ, онъ основался только на слѣдующемъ мѣстѣ разсказа о крещеніи Новгородцевъ: „Мы же стояхомъ на торговой странѣ, ходихомъ по торжищамъ и улицамъ, учахомъ люди елико можахомъ [1]).

---

[1]) Объ этомъ подробнѣе ниже, при оцѣнкѣ трудовъ Татищева.

Изслѣдовавши составъ нашихъ лѣтописей въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ дошли до насъ, скажемъ нѣсколько словъ объ общемъ ихъ характерѣ и о нѣкоторыхъ мѣстныхъ особенностяхъ. Лѣтопись вышла изъ рукъ духовенства; это обстоятельство, разумѣется, сильнѣе всего должно было опредѣлить ея характеръ. Лѣтописецъ—духовное лицо—ищетъ въ описываемыхъ имъ событіяхъ религіозно-нравственнаго смысла, предлагаетъ читателямъ свой трудъ, какъ религіозно-нравственное поученіе: отсюда высокое религіозное значеніе этого труда въ глазахъ лѣтописца и въ глазахъ всѣхъ современниковъ его; Сильвестръ въ своей припискѣ говоритъ, что онъ написалъ лѣтописецъ, надѣясь принять милость отъ Бога; слѣдовательно написаніе лѣтописи считалось подвигомъ религіознымъ, угоднымъ Богу. Говоря вначалѣ о событіяхъ древней языческой исторіи, лѣтописецъ удерживается отъ благочестивыхъ наставленій и размышленій: поступки людей, невѣдающихъ закона Божія, не представляютъ ему приличнаго къ тому случая. Только съ разсказа объ Ольгѣ-христіанкѣ начинаются благочестивыя размышленія и поученія; непослушаніе язычника Святослава святой матери подаетъ первый къ тому поводъ. „Онъ же не послуша матери, творяще норовы поганьскіе, не вѣдый, аще кто матери не послушаетъ, въ бѣду впадаетъ; яко же рече: аще кто отца, ли матере не послушаетъ, смертью да умреть“. Такимъ образомъ, бѣдственная кончина Святослава представляется слѣдствіемъ его непослушанія матери. Смерть Св. Ольги доставляетъ поводъ къ другому размышленію о славѣ и блаженствѣ праведниковъ. Потомъ не встрѣчаемъ благочестивыхъ размышленій до разсказа о предательствѣ Блуда: „О злая лесть человѣчьска! Се есть съвѣтъ золъ, иже свѣщеваютъ на кровопролитья; то суть неистовіи, иже пріемше отъ князя или отъ господина своего честь, ли дары ти мыслять о главѣ князя своего на погубленье, горьше суть бѣсовъ таковіи“. Святополкъ Окаянный съ самаго разсказа о зачатіи его подвергается уже нареканію, предсказывается въ немъ будущій злодѣй: „Отъ грѣховьнаго бо корени золъ плодъ бываетъ“. Противоположность Владиміра язычника и Владиміра христіанина также подаетъ поводъ къ поученію; смерть двухъ Варяговъ-христіанъ не могла остаться безъ благочестиваго размышленія о преждевременной радости дьявола, который не предвидѣлъ скораго торжества истинной вѣры. При извѣстіи о началѣ книжнаго ученія лѣтописецъ обнаруживаетъ сильную радость и прославляетъ Бога за неизреченную милость Его: „Симъ же раздаяномъ [1]) на ученье книгамъ, събыстся пророчество на Рустѣй Земли, глаголющее: во оны дніи услышать глусіи словеса книжная, и ясенъ будетъ языкъ гугнивыхъ. Се бо не бѣша преди слышали словесе книжнаго, но по Божью строю, и по милости своей помилова Богъ, яко же рече Пророкъ: помилую, его же аще помилую“, и проч. За извѣстіемъ о смерти Владиміра слѣдуетъ похвала этому князю, изъ которой узнаемъ, что во времена лѣтописца Владиміръ не былъ еще причтенъ къ лику святыхъ: „Дивно же есть ее, колико добра створилъ Русьтѣй земли, крестивъ ю. Мы же христіане суще, не въздаемъ почестья противу онаго възданью. Аще бы онъ не крестилъ бы насъ, то нынѣ были быхомъ въ прельсти дьяволи, яко же и прородители наши погынуша. Да аще быхомъ имѣли потщанье и мольбы приносили Богу зань, въ день преставленья его, и видя бы Богъ тщанье наше къ нему, прославилъ бы и; намъ бо достоить зань Бога молити, понеже тѣмъ Бога познахомъ“. Мы уже прежде упоминали о похвалѣ книжному ученію, внесенной въ лѣтопись по поводу извѣстія о ревности князя Ярослава къ нему.

По смерти Ярослава, явленія, стоящія на первомъ планѣ въ лѣтописи, суть отношенія княжескія, усобицы и потомъ нашествія степныхъ варваровъ, Половцевъ. Понятно, что лѣтописецъ, вмѣстѣ со всѣми современниками, видитъ въ усобицахъ главное зло и сильно противъ нихъ вооружается. Лѣтописецъ смотритъ на усобицу, какъ на слѣдствіе дьявольскаго внушенія и нашествія иноплеменниковъ; пораженія отъ нихъ суть наказанія Божіи за грѣхъ усобицы: „Наводитъ бо Богъ по гнѣву своему иноплеменьникы на землю, и тако сокрушеннымъ имъ въспомянути къ Богу; усобная же рать бываетъ отъ соблажненья дьяволя“ [2]). Мы видѣли, какъ часто князья преступали клятвы, данныя другъ другу, отъ чего и происходили усобицы; по двумъ основаніямъ—религіозному и политическому—лѣтописецъ долженъ былъ сильно вооружаться противъ клятвопреступленій, которыя вмѣстѣ были крестопреступленіями, ибо клятвы запечатлѣвались цѣлованіемъ креста. Ярославичи цѣловали крестъ Всеславу Полоцкому—и тотчас же нарушили клятву, посадили Всеслава въ тюрьму. Но Всеславъ освободился изъ заключенія вслѣдствіе изгнанія Изяслава: по этому случаю лѣтописецъ говоритъ: „Се же Богъ яви силу крестную, понеже Изяславъ цѣловавъ крестъ, и я и (Всеслава); тѣмже наведе Богъ поганыя, сего же явѣ избави крестъ честный, въ день бо Въздвиженья Всеславъ вздохнувъ рече: „О, кресте честный! понеже къ тобѣ вѣровахъ, избави мя отъ рва сего“. Богъ же показа силу крестную на показанье землѣ Русьстѣй, да не преступаютъ честнаго креста, цѣловавше его, аще ли преступить кто, то и здѣ пріиметъ казнь, и на придущемъ вѣцѣ казнь вѣчную“.—Начало усобицы между Ярославичами, изгнаніе Изяслава меньшими братьями, преступленіе заповѣди отцовской—даетъ случай лѣтописцу сказать грозное слово: „Въздвиже дьяволъ котору въ братьи сей Ярославичахъ... Велій бо есть грѣхъ преступати заповѣдь отца своего: ибо сперва преступиша сынове Хамове

[1]) Это слово раздаяномъ также свидѣтельствуетъ о раздачѣ дѣтей по церквамъ, а не о соединеніи ихъ въ одну школу.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., I, стр. 72. См. выше о соч. Св. Ѳеодосія.

на землю Сиѳову, и по 400 лѣтъ отмщенье пріяша отъ Бога; отъ племене бо Сиѳова суть Евреи, же избивше Хананѣйско племя, всиріяше свои жребіи и свою землю. Пакы преступи Исавъ заповѣдь отца своего, и прія убійство; не добро бо есть преступати предѣла чюжего". Смерть Изяслава, положившаго голову свою за брата, даетъ лѣтописцу случай распространиться въ похвалу братолюбію: „Поистинѣ аще, что створилъ есть (Изяславъ) въ свѣтѣ семъ етеро согрѣшенье, отдастьси ему, занеже положи главу свою за брата своего, не желая болшее волости, ни имѣнья хотя болша, но за братню обиду". Говоря о мести Василька Теребовльскаго, сперва на невинныхъ жителяхъ города Всеволожа, а потомъ на боярахъ Давыда Игоревича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же второе мщенье створи, егоже не бяше лѣпо створити, дабы Богъ отместникъ былъ, и взложити было на Бога мщенье свое". Въ разсказѣ о борьбахъ и счетахъ княжескихъ лѣтописецъ стоитъ за старшихъ противъ младшихъ: никогда не находимъ оправданія послѣднимъ, не разъ находимъ упрекъ имъ; такъ на югѣ лѣтописецъ вооружается противъ Ярослава Святополковича за гордость противъ дяди и тестя; на сѣверѣ, разсказавши о побѣдѣ Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „Богу наказавшю князей креста честнаго не преступати и старѣйшаго брата чтити". Мы видѣли, что по привязанности лѣтописца къ тому или другому князю можно опредѣлить, къ какой волости принадлежитъ лѣтописецъ; у сѣвернаго лѣтописца замѣчаемъ особенную привязанность къ своимъ князьямъ, потомкамъ Юрія Долгорукаго, особенное уваженіе ко власти, стараніе внушить къ ней уваженіе. Здѣсь видимъ почти постоянное величаніе князя именемъ и отчествомъ съ прибавленіемъ: Великій князь, часто съ прибавленіемъ: благовѣрный, христолюбивый; здѣсь встрѣчаемъ упоминовеніе о семейныхъ торжествахъ князей, напримѣръ, о постригахъ, доставлявшихъ великую радость цѣлому городу. Особенно въ этомъ отношеніи замѣчательно описаніе отъѣзда князя Константина Всеволодовича въ Новгородъ въ 1206 году. Уваженіе ко власти, которое сѣверный лѣтописецъ старается внушить, высказано также подъ 1175 годомъ, по поводу смерти Андрея Юрьевича; потомъ по случаю смерти Всеволода Юрьевича въ 1212 году. Замѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца и особенную привязанность къ владыкамъ своимъ. Понятно, что въ самомъ уже началѣ встрѣчаемъ у сѣвернаго лѣтописца мало сочувствія къ Новгородцамъ: по случаю похода Андреевой рати въ 1169 году онъ упрекаетъ Новгородцевъ въ частомъ нарушеніи клятвъ, въ гордости, хотя и соглашается, что бытъ новгородскій получилъ начало свое издавна, отъ прадѣдовъ княжескихъ, но никакъ не хочетъ уступить Новгородцамъ права нарушать клятвы и выгонять князей. Подъ 1186 годомъ нерасположеніе лѣтописца къ новгородскому быту также ясно высказывается: „Въ се же лѣто выгнаша Новгородцы Ярослава Володиміровича, а Давыдовича Мстислава пояша къ собѣ княжить Новгороду: такъ бо бѣ ихъ обычай". Подъ 1178 годомъ, по поводу взятія и опустошенія Торжка Всеволодомъ III, лѣтописецъ распространяется противъ клятвопреступленій: „Взяша городъ, мужи повязаша, а жены и дѣти на щитъ и товаръ взяша, и городъ пожгоша весь за новгородскую неправду, оже по дни цѣлуютъ крестъ честный, и преступаютъ. Тѣмже пророкомъ глаголетъ намъ" и проч.

О нашествіи варваровъ лѣтописецъ отзывается постоянно, какъ о наказаніи Божіемъ за грѣхи народа; подъ 1093 годомъ: „Бысть плачь въ градѣ, а не радость, грѣхъ ради нашихъ великихъ и неправды, за умноженье беззаконій нашихъ. Се бо на ны Богъ попусти поганымъ, не яко милуя ихъ, но насъ кажа, да быхомъ ся востягнули отъ злыхъ дѣлъ, симъ казнитъ ны нахоженьемъ поганыхъ, се бо есть батогъ его, да негли встягнувшеся вспомянемъ ся отъ злаго пути своего". Подобное разсужденіе повторяется и впослѣдствіи. Таково же воззрѣніе лѣтописца и на всѣ другія бѣдствія: „Богъ бо казнитъ рабы своя напастьми различными, огнемъ и водою и ратью и иными различными казньми, хрестьянину бо многыми напастьми внити въ царство небесное, согрѣшихомъ казними есмы, яко створихомъ, тако и пріяхомъ, но кажетъ ны добрѣ Господь нашъ. Но да никтоже можетъ рѣщи, яко ненавидитъ насъ Богъ; не буди!" [1]). Болѣзни, всякаго рода страданія, напрасная смерть очищаютъ человѣка отъ грѣховъ; по свидѣтельству лѣтописца, князь Ярополкъ Изяславичъ молился: „Господи Боже мой! пріими молитву мою и дажь ми смерть, яко же двѣма братома моима Борису и Глѣбу, отъ чюжю руку, да омыю грѣхы вся своею кровью". Сказавши о смерти князя Святослава Юрьевича, лѣтописецъ прибавляетъ: „Си же князь избранникъ Божій бѣ: отъ рожества и до свершенья мужьства бысть ему болѣзнь зла, ея же болѣзни просяхутъ на ся святіи апостоли и святіи отци у Бога: кто бо постражетъ болѣзнью тою, якоже книгы глаголютъ, тѣло его мучится, а душа его спасается. Такоже и тъ во истину святый Святославъ, Божій угодникъ избранный въ всѣхъ князехъ: не да бо ему Богъ княжити на земли, но да ему царство небесное". Ту же мысль выражаетъ лѣтописецъ и въ разсказѣ о смерти Андрея Боголюбскаго. Мстиславъ Ростиславичъ Храбрый говаривалъ дружинѣ своей предъ битвою: „Братья! ничтоже имете во умѣ своемъ, аще нынѣ умремъ за хрестьяны, то очистимся грѣховъ своихъ и Богъ вмѣнитъ кровь нашю съ мученикы". Лѣтописецъ держится того же мнѣнія, даже относительно христіанскихъ воиновъ другихъ исповѣданій, напримѣръ крестоносцевъ [2]). Успѣхъ, избавленіе отъ опасности приписывается, обыкновенно послѣ милости Божіей и молитвъ святыхъ, также молитвѣ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 166, 168.
[2]) Тамъ же, стр. 139.

предковъ умершихъ, отца, дѣда и прадѣда; наприм., описавши торжество Юрьевичей надъ племянниками, лѣтописецъ прибавляетъ: „И поможе Богъ Михалку и брату его Всеволоду, отца и дѣда его молитва и прадѣда его". Мы видѣли, съ какимъ неудовольствіемъ лѣтописецъ отзывается о народныхъ увеселеніяхъ, въ которыхъ видны были остатки язычества.

Разсмотрѣвши религіозныя, нравственныя и политическія понятія лѣтописца, обратимся къ его понятіямъ научнымъ. Вотъ его разсужденіе о происхожденіи Половцевъ въ образчикъ этнографическихъ, историческихъ и географическихъ понятій: „Исшьли бо суть си отъ пустыне Нитривьскые, межю востокомъ и сѣверомъ; исшьли же суть ихъ колѣнъ 4 Торкъмени и Печенѣзи, Торци, Половци. Меѳодій же свидѣтельствуетъ о нихъ, яко 8 колѣнъ пробѣгли суть, едва и сѣче Гедеонъ, да 8 ихъ бѣже въ пустыню, а 4 исѣче. Друзіи же глаголютъ: сыны Амоновы. Се же нѣсть тако: сынове бо Моавли Хвалиси, а сынове Аммонови Болгаре, а Сарацины отъ Измаила творяться Сарини, и прозваша имена себѣ Саракыне, рекше: Сарини есмы. Тѣмже Хвалиси и Болгаре суть отъ дочерю Лотову, иже зачаста отъ отца своего, тѣмже нечисто есть племя ихъ; а Измаилъ роди 12 сына, отъ нихъ же суть Торкъмени, и Печенѣзи, и Торци, и Кумани, рекше Половци, иже исходятъ отъ пустынѣ и по сихъ 8 колѣнъ въ кончинѣ вѣка изыдуть, заклепеніи въ горѣ Александромъ Македонскымъ, нечистыя человѣкы, якожо сказаеть о нихъ Меѳодій Патарійскый: и взиде на восточныя страны до моря, наричемое Солнче мѣсто, и видѣ ту человѣкы нечистые, отъ племени Афетова; ихъ же нечистоту видѣхъ: ядяху скверную всяку, комары и мухы, котки, зміѣ, и мертвецъ не погребаху, но ядяху и женьскыя извороги и скоты вся нечистыя; то видѣвъ Александръ убояся, еда како умножаться и осквернять землю, и загна ихъ на полунощныя страны въ горы высокія; и Богу повелѣвшю, сступишася о нихъ горы полунощныя, токмо не ступишася о нихъ горы на 12 локоть и ту створишася врата мѣдяна, и помазашася сунклитомъ, и аще хотять огня взяти, не възмогутъ и жещи; вещь бо сунклитова сице есть: ни огнь можетъ вжещи его, ни желѣзо его приметь; въ послѣднія же дни по сихъ изидуть 8 колѣнъ отъ пустыне Етривьскыя, изидутъ и си скверніи языкы, яже суть въ горахъ полунощныхъ, по повелѣнью Божію" О другихъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ свѣдѣніяхъ начальнаго лѣтописца говорено было выше въ своемъ мѣстѣ; теперь же взглянемъ на отзывы лѣтописца о разныхъ физическихъ явленіяхъ: каждое необыкновенное физическое явленіе предвѣщаетъ что-нибудь необыкновенное въ мірѣ нравственномъ, обыкновенно что-нибудь недоброе: въ 1603 году щелъ Волховъ въ Новгородѣ назадъ 5 дней; это знаменіе было не къ добру, говоритъ лѣтописецъ: на четвертый годъ князь Всеславъ пожегъ городъ. Въ слѣдующемъ году „бысть знаменье на западѣ, звѣзда превелика, лучѣ имущи акы кровавы, выходящи съ вечера по заходѣ солнечнѣмъ и пребысть за 7 дній, се же проявляше не на добро: по семъ бо быша усобицѣ много и нашествіе поганыхъ на Русьскую землю, си бо звѣзда бѣ аки кровава, проявляющи кровопролитье. Въ си же времена бысть дѣтищь вверьженъ въ Сѣтомль, сего же дѣтища выволокоша рыболове въ неводѣ, его же позоровахомъ до вечера, и пакы ввергоша и въ воду, бяшеть бо сиць: на лици ему срамніи удове, иного нелзѣ казати срама ради. Предъ симъ же временемъ и солнце премѣнися, и не бысть свѣтло, но акы мѣсяць бысть, его же невѣгласи глаголютъ снѣдаему сущю. Се же бываетъ сица знаменья не на добро, мы бо по сему разумѣемъ". Слѣдуетъ исчисленіе необыкновенныхъ явленій, видѣнныхъ въ разныхъ странахъ и предвозвѣстившихъ народныя бѣдствія; это исчисленіе лѣтописецъ оканчиваетъ слѣдующими словами: „Знаменья бо въ небеси, или звѣздахъ, ли сонци, ли птицами, ли етеромъ чимъ, на благо бываютъ: но знаменья сиця на зло бывають, ли проявленье рати, ли гладу, ли смерть проявляють". Подъ 1091 годомъ читаемъ: „Бысть Всеволоду ловы дѣющю звѣриные за Вышегородомъ, заметавшимъ тенета и кличаномъ кликнувшимъ, спаде превеликъ змій отъ небесе; ужасошася вси людье. Въ се же время земля стукну, яко мнози слышаша". Подъ 1102: „Бысть знаменье на небеси, мѣсяца генваря въ 29 день, по 3 дни: аки пожарная заря отъ востока и уга и запада и сѣвера, и бысть тако свѣтъ всю нощь, акы отъ луны полны свѣтящыя. Въ то же лѣто бысть знаменье въ лунѣ, мѣсяца февраля въ 5-й день. Того же мѣсяца въ 7-й день бысть знаменемъ въ солнци; огородилося быше солнце въ три дугы, и быша другыя дугы хребты къ собѣ. И си видяще знаменья, благовѣрніи человѣци со въздыханьемъ моляхуся къ Богу и со слезами, дабы Богъ обратилъ знаменья си на добро: знаменья бо бываютъ ова на зло, ова ли на добро". Подъ 1104 годомъ: „Стояше солнце въ крузѣ, а посреди круга крестъ, а спереди креста солнце, а внѣ круга оба полы два солнца, а надъ солнцемъ кромѣ круга дуга, рогома на сѣверъ; такоже знаменье и въ лунѣ тѣмъ же образомъ, мѣсяца февраля въ 4, 5 и 6 день, въ дне по три дни, а въ нощь въ лунѣ по три нощи". Подъ 1110: „Въ 11-й день февраля мѣсяца явися столпъ огненъ отъ земли до небеси, а молнья освѣтиша всю землю, и въ небеси погремѣ въ часъ 1-й нощи". Подъ 1141 годомъ: „Дивьно знаменье бысть на небеси и страшно: быша три солнца сіюща межи собою, а столпи 3 отъ земли до небесе, надо всѣми горѣ бяше акы дуга мѣсяць особѣ стояче". Подъ 1203 годомъ: „Бысть во едину нощь, въ пятый часъ нощи, потече небо все и бысть чермно, по земли же и по хоромемъ снѣгъ, мнѣти же всѣмъ человѣкомъ зряче, аки кровь прольяна по снѣгу; и видѣша же нѣціи теченіе звѣздное бысть на небеси, отторгаху бо ся звѣзды на землю, мнѣти видящимъ я яко кончину". Подъ 1186 годомъ описаніе солнечнаго затмѣнія: „Мѣ-

сяца мая въ 1-й день, въ среду на вечерни, бысть знаменье въ солнци, и морочно бысть велми, яко и звѣзды видѣти, человѣкомъ въ очью яко зелено бяше, и въ солнци учинися яко мѣсяць, изъ рогъ его яко угль жаровъ исхожаше: страшно бѣ видѣти человѣкомъ знаменье Божье". Описавъ солнечное затмѣніе въ 1113 году, предвозвѣстившее, по тогдашнему мнѣнію, смерть великаго князя Святополка, лѣтописецъ прибавляетъ: „Се же бываютъ знаменія не на добро, бываютъ знаменья въ солнци и въ лунѣ или звѣздами не по всей землѣ, но въ которой либо землѣ аще будетъ знаменье, то та земля и видитъ". Подъ 1143 годомъ, читаемъ описаніе бури: „Бысть буря велика, ака же не была николиже, около Котелничѣ, и разноси хоромы, и товаръ, и клѣти, и жито изъ гуменъ, и просто рещи, яко рать взяла, и не остася у клѣтехъ ничтоже; и нѣции налѣзоша бронѣ у болотѣ, занесены бурею". Подъ слѣдующимъ годомъ читаемъ: „Бысть знаменіе за Днѣпромъ, въ Кіевской волости: летящю по небеси до земли яко кругу огнену, и остася по слѣду его знаменіе въ образѣ змья великаго, и стоя по небу съ часъ дневный и разидося. Въ то же лѣто паде снѣгъ великъ въ Кіевской сторони, коневи до череви, на великъ день". Подъ 1161 годомъ: „Бысть знаменіе въ лунѣ страшно и дивно: идяше бо луна черезо все небо отъ въстока до запада, измѣняючи образы своя: бысть первое и убываніе помалу, дондеже вся погибе, и бысть образъ ея яко скудна, черна, и пакы бысть яко кровава, и потомъ бысть яко двѣ лица имущи, едино зелено, а другое желто, и посреди ея яко два ратьная сѣкущеся мечема, и единому ею яко кровь идяше изъ главы, а другому бѣло акы млеко течаше; сему же рекоша старіи люди: не благо есть сяково знаменіе, се прообразуетъ княжю смерть—еже бысть" (убитъ былъ Изяславъ Давыдовичъ).—Подъ 1195: „Тоеже зимы, по Ѳедоровѣ недѣли во вторникъ въ 9-й часъ потрясеся земля по всей области Кіевской и по Кыеву: церкви каменныя и деревянныя колебахуся, и вси людіе видяще, отъ страху не можаху стояти, овіи падаху ници, инии же трепетаху. И рекоша игумени, блаженіи: се Богъ проявилъ есть показая силу свою за грѣхи наша, да быхомъ остали отъ злого пути своего; инии же молвяхуть другъ ко другу: сіи знаменія не на добро бываютъ, но на паденіе многихъ, и на кровопролитіе, и на мятежь многъ въ Русской землѣ, еже и сбыстся" (усобица Мономаховичей съ Ольговичами).

Изложивъ общія черты нашей древней лѣтописи, скажемъ нѣсколько словъ объ особенностяхъ изложенія, которыми отличаются различныя мѣстныя лѣтописи. До насъ отъ описываемаго времени дошли двѣ лѣтописи сѣверныя—Новгородская и Суздальская, и двѣ южныя—Кіевская, съ явными вставками изъ Черниговской, Полоцкой и, вѣроятно, другихъ лѣтописей, и Волынская. Новгородская лѣтопись отличается краткостію, сухостію разсказа; такое изложеніе происходитъ, вопервыхъ, отъ бѣдности содержанія: Новгородская лѣтопись есть лѣтопись событій одного города, одной волости; съ другой стороны, нельзя не замѣтить и вліянія народнаго характера, ибо въ рѣчахъ новгородскихъ людей, внесенныхъ въ лѣтопись, замѣчаемъ также необыкновенную краткость и силу; какъ видно, Новгородцы не любили разглагольствовать, они не любятъ даже договаривать своей рѣчи, и однако хорошо понимаютъ другъ друга; можно сказать, что дѣло служитъ у нихъ окончаніемъ рѣчи; такова знаменитая рѣчь Твердислава: „Тому есмь радъ, оже вины моеи нѣту; а вы, братье, въ посадничествѣ и въ князехъ".—Разсказъ южнаго лѣтописца, наоборотъ, отличается обиліемъ подробностей, живостію, образностію, можно сказать,—художественностію; преимущественно Волынская лѣтопись отличается особеннымъ поэтическимъ складомъ рѣчи: нельзя не замѣтить здѣсь вліянія южной природы, характера южнаго народонаселенія; можно сказать, что Новгородская лѣтопись относится къ южной—Кіевской и Волынской—какъ поученіе Луки Жидяты относится къ словамъ Кирилла Туровскаго. Что же касается до разсказа суздальскаго лѣтописца, то онъ сухъ, не имѣя силы новгородской рѣчи, и вмѣстѣ многоглаголивъ безъ художественности рѣчи южной; можно сказать, что южная лѣтопись—Кіевская и Волынская—относятся къ сѣверной Суздальской, какъ Слово о Полку Игореву относится къ сказанію о Мамаевомъ побоищѣ.

Глава II.

Отъ смерти Мстислава Торопецкаго до опустошенія Руси Татарами.

(1228—1240.)

Событія новгородскія.—Война суздальскихъ князей съ Черниговомъ.—Вражда Новгорода со Псковомъ.—Войны съ Мордвою, Болгарами, Нѣмцами и Литвою.—Усобица въ Смоленскѣ—Дѣятельность Даніила Романовича Галицкаго.—Участіе его въ польскихъ дѣлахъ.—Тевтонскій орденъ.—Батыево нашествіе.—Свѣдѣнія о Татарахъ.

Отношенія новгородскія, столкновенія здѣсь князей сѣверныхъ съ южными грозило-было во второй разъ нарушить покой на сѣверѣ. Мы видѣли [1]), что въ 1228 году Новгородцы, недовольные Ярославомъ Всеволодовичемъ, призвали къ себѣ вторично Михаила Черниговскаго; послѣдній былъ шуринъ великому князю Юрію Владимірскому, который въ первый разъ посадилъ его въ Новгородѣ; Ярославу

[1]) Исторія Россіи, т. II, стр. 623.

стали говорить, что и теперь Михаилъ посаженъ въ Новгородѣ по старанію Юрія; Ярославъ повѣрилъ наговорамъ: въ самомъ дѣлѣ, могъ ли Владимірскій князь спокойно видѣть, что младшій братъ его, князь Переяславля-Залѣсскаго, усиливается на счетъ Новгорода; не имѣлъ ли Юрій важныхъ причинъ мѣшать этому усиленію? Какъ бы то ни было, Ярославъ сталъ сердиться на старшаго брата и, чтобъ успѣшнѣе дѣйствовать противъ него, поссорилъ съ дядею и троихъ Константиновичей ростовскихъ — Василька, Всеволода и Владиміра. Юрій, узнавши объ этомъ, спѣшилъ предупредить усобицу, и въ 1229 году повѣстилъ всѣмъ родичамъ, чтобъ съѣхались къ нему во Владиміръ на сеймъ; Ярославъ сначала не хотѣлъ-было ѣхать, но, узнавъ, что племянники поѣхали, отправился и самъ во Владиміръ. Здѣсь Юрію удалось дѣло; всѣ родичи поклонились ему, называя отцомъ себѣ и господиномъ, весело отпраздновали Рождество Богородицы, получили подарки сами и бояре ихъ, и разъѣхались довольные по волостямъ своимъ [1]). Ярославъ, обезпеченный со стороны старшаго брата, сталъ готовиться къ войнѣ съ Михаиломъ; тогда во Владиміръ явилось посольство съ Южной Руси отъ князя Кіевскаго — Владиміра Рюриковича и Черниговскаго — Михаила, обоихъ близкихъ свойственниковъ великаго князя Юрія (который въ томъ же 1230 году женилъ сына своего Всеволода на дочери Владиміра Кіевскаго); пріѣхалъ самъ митрополитъ Кириллъ съ Черниговскимъ епископомъ Порфиріемъ; новое могущественное значеніе Сѣверной Руси уже не въ первый разъ заставляетъ митрополитовъ отправляться туда и стараться, чтобъ обѣ половины Руси были въ политическомъ единеніи, которое условливало и единеніе церковное. Митрополитъ достигъ цѣли своей поѣздки: Ярославъ послушался старшаго брата Юрія, отца своего, митрополита, и заключилъ миръ съ Михаиломъ [2]). Слѣдствіемъ мира было то, что, какъ мы видѣли, Михаилъ уѣхалъ изъ Новгорода, оставя тамъ сына своего Ростислава, и Новгородцы не могли дождаться его съ войскомъ, чтобъ идти вмѣстѣ на Ярослава. Но опять новыя волненія въ Новгородѣ, торжество стороны суздальской, изгнаніе Ростислава, бѣгство приверженцевъ Михаиловыхъ къ нему въ Черниговъ и утвержденіе Ярослава въ Новгородѣ могли снова возбудить вражду Суздаля съ Черниговомъ; сюда присоединялась еще другая причина вражды, къ которой не могъ быть нечувствителенъ и самъ великій князь Юрій: въ 1232 году Михаилъ Черниговскій, вмѣстѣ съ Владиміромъ Кіевскимъ, двинулись на волынскихъ князей — Даніила и Василька Романовичей, бывшихъ въ близкомъ свойствѣ съ Юріемъ Владимірскимъ, ибо дочь послѣдняго была за Василькомъ [3]). Какъ бы то ни было, но въ томъ же 1232 году великій князь Юрій съ братомъ Ярославомъ и племянниками Константиновичами вступилъ въ черниговскія волости; самъ Юрій возвратился, не доходя Серенска [4]); но Ярославъ съ новгородскимъ войскомъ взялъ и сжегъ Серенскъ, осадилъ-было и Мосальскъ, но отступилъ безъ успѣха и безъ мира, истребивши только много хлѣба во владѣніяхъ врага своего.

У послѣдняго, какъ мы видѣли, жило много Новгородцевъ, его приверженцевъ, бѣжавшихъ вслѣдствіе перевѣса стороны суздальской. Внѣздъ Водовикъ умеръ; но у него остался сынъ, который, вмѣстѣ съ пятью другими изгнанниками, подговоривши Трубчевскаго князя Святослава, явился въ предѣлахъ новгородскихъ; но Святославъ, увидавши, что товарищи его обмануты своими пріятелями въ Новгородѣ, что тамъ нѣтъ никакой надежды на успѣхъ, уѣхалъ назадъ; тогда новгородскіе изгнанники бросились во Псковъ и получили здѣсь успѣхъ, благодаря, вѣроятно, недавней враждѣ Псковичей съ Ярославомъ; они схватили намѣстника послѣдняго, Вячеслава, прибили его, заключили въ оковы; смута вставала и въ Новгородѣ; вѣроятно и здѣсь поднялась враждебная Ярославу сторона, пользуясь отсутствіемъ князя; но пріѣздъ Ярослава утишилъ волненіе; князь велѣлъ схватить Псковичей, бывшихъ въ Новгородѣ, посадилъ ихъ на Городищѣ въ гридницѣ, и послалъ во Псковъ объявить его жителямъ: „Мужа моего отпустите, а тѣмъ путь покажите прочь, пусть идутъ, откуда пришли". Но Псковичи не послушались, стали крѣпко за изгнанниковъ и велѣли отвѣчать Ярославу и Новгородцамъ: „Вышлите къ нимъ женъ ихъ и все имѣніе, тогда мы отпустимъ Вячеслава, или мы себѣ, а вы себѣ". Такъ прошло все лѣто безъ мира. Но Псковичи не могли жить долго во враждѣ съ Новгородомъ; когда Ярославъ не велѣлъ пускать къ нимъ купцовъ, и берковецъ соли сталъ продаваться по 7 гривенъ, то они опустили Вячеслава, а князь опустилъ къ нимъ женъ новгородскихъ изганниковъ; но мира все еще не было; наконецъ зимою явились псковскіе послы въ Новгородъ, поклонились Ярославу, сказали ему: „Ты нашъ князь", и стали просить у него себѣ въ князья сына его Ѳеодора; Ярославъ не далъ имъ сына, но далъ шурина, князя Юрія [5]). Псковичи взяли Юрія, а изгнанникамъ новгородскимъ показали отъ себя путь, и тѣ отправились къ Нѣмцамъ въ Оденпе.

Таковы были внутреннія событія на сѣверѣ. Извнѣ великій князь Владимірскій продолжалъ борьбу съ Мордвою, которая въ 1229 году приходила съ княземъ своимъ Пургасомъ къ Нижнему-Новгороду; но жители отбились отъ нея; варварамъ удалось только сжечь Богородичный монастырь, да загородную

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 192; Татищ. III, 453.

[2]) У Карамзина читаемъ: «Ярославъ упрекалъ Черниговскаго князя вѣроломствомъ». «Коварныя его внушенія»—говорилъ онъ—«возбудили противъ меня Новгородцевъ». Но въ текстѣ Пушкинскаго списка, приведенномъ въ примѣч. 333, этихъ словъ нѣтъ; въ лѣтописи сказано только: «бѣ бо Михаилъ неправъ въ крестномъ цѣлованьи при Ярославѣ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, стр. 149.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 336.

[4]) Теперь село на рѣкѣ Серенѣ, въ Калужской губерніи.

[5]) Если Ярославъ не женился въ третій разъ, то Юрій долженъ быть сынъ Мстислава Торопецкаго.

церковь. Между самою Мордвою шла усобица; въ томъ же году сынъ русскаго присяжника Пуреша напалъ съ Половцами на Пургаса, избилъ всю его Мордву и Русь [1]), и самъ Пургасъ едва успѣлъ спастись бѣгствомъ. Подъ 1232 годомъ лѣтописецъ говорить о походѣ на Мордву сына великокняжескаго Всеволода съ князьями рязанскими и муромскими; Русскіе пожгли непріятельскія села и перебили Мордвы много. Съ Болгарами, послѣ трехлѣтняго мира, въ 1124 году началась опять вражда; въ чемъ она обнаруживалась,—неизвѣстно; извѣстно только то, что въ 1230 г. Болгары опять поклонились великому князю Юрію и заключили миръ, размѣнявшись плѣнными и заложниками. На сѣверо-западѣ Новгородцы боролись съ Нѣмцами и Литвою. Мы видѣли, что изгнанники новгородскіе, Борисъ Нѣгочевичъ и другіе, будучи принуждены выѣхать изъ Пскова, удалились къ Нѣмцамъ въ Оденпе, разумѣется, не на добро своей родинѣ; тамъ же у Нѣмцевъ жилъ изгнанный князь Ярославъ, сынъ извѣстнаго уже намъ Владиміра Псковскаго. Въ 1233 г. эти изгнанники — Ярославъ и Новгородцы вмѣстѣ съ Нѣмцами ворвались нечаянно въ русскія владѣнія и захватили Изборскъ; но Псковичи отняли назадъ у нихъ этотъ городъ. Въ томъ же году Нѣмцы опять показались въ новгородскихъ владѣніяхъ [2]); князя Ярослава не было въ то время въ Новгородѣ; но скоро онъ пришелъ съ сильными полками переяславскими, чтобъ отмстить Нѣмцамъ за обиды. Время было удобное дѣйствовать противъ Нѣмцевъ: Новгородъ и Псковъ въ соединеніи подъ однимъ княземъ, а между тѣмъ Ливонія лишилась своего великаго Альберта, умершаго въ 1229 году. Магистръ ордена Волквинъ, которому тяжка была зависимость отъ Альберта, рѣшился воспользоваться его смертію, чтобъ высвободить себя изъ-подъ зависимости отъ преемника Альбертова, которымъ былъ назначенъ Николай изъ Магдебурга. Съ этою цѣлію онъ рѣшился соединить свой орденъ съ Нѣмецкимъ орденомъ, который процвѣталъ тогда подъ начальствомъ магистра Германа Фонъ-Зальца; но Германъ отклонилъ на этотъ разъ предложеніе Волквина, и, такимъ образомъ, орденъ Ливонскій былъ пока предоставленъ собственнымъ силамъ, которыхъ вовсе не было достаточно для отпора Русскимъ, еслибъ только послѣдніе могли сообщить постоянство своимъ движеніямъ. Въ 1234 году князь Ярославъ съ своими полками и новгородскими выступилъ на Нѣмцевъ подъ Юрьевъ и сталъ недалеко отъ города, отпустивъ людей своихъ воевать окрестную страну для сбора съѣстныхъ припасовъ, что называлось тогда: „воевать въ зажитіе.“ Нѣмцы сдѣлали вылазку изъ Юрьева, другіе изъ Оденпе; но Русскіе побили ихъ; нѣсколько лучшихъ Нѣмцевъ пало въ битвѣ, но больше погибло ихъ въ рѣкѣ, когда подъ ними обломился ледъ; Русскіе, воспользовавшись побѣдою, опустошили ихъ землю, истребили хлѣбъ; тогда Нѣмцы поклонились князю, и Ярославъ заключилъ съ ними миръ на всей своей правдѣ. Послѣднія слова могутъ вести къ тому заключенію, что тутъ-то Ярославъ выговорилъ дань съ Юрьева для себя и для всѣхъ преемниковъ своихъ, ту знаменитую дань, которая послѣ послужила Іоанну IV-му поводомъ лишить Ливонію независимости. Этотъ походъ Ярослава былъ, вѣроятно, одною изъ главныхъ причинъ, почему Волквинъ возобновилъ стараніе о соединеніи обоихъ орденовъ въ одинъ. Въ 1235 году Германъ Фонъ-Зальца, чтобъ разузнать состояніе дѣлъ въ Ливоніи, отправилъ туда Еренфрида Фонъ-Неуенбургъ, коммандора Альтенбургскаго, и Арнольда Фонъ-Неуендорфъ, коммандора Негельстандскаго. Они возвратились и привели съ собою троихъ депутатовъ отъ ливонскихъ рыцарей. Лудвигъ Фонъ-Оттингенъ, намѣстникъ великаго магистра въ Пруссіи, собралъ капитулъ въ Марбургѣ, гдѣ ливонскіе рыцари обстоятельно были допрашиваемы объ ихъ правилахъ, образѣ жизни, владѣніяхъ и притязаніяхъ; потомъ спрошены были коммандоры, посыланные въ Ливонію. Еренфридъ фонъ-Неуенбургъ представилъ поведеніе рыцарей Меча вовсе не въ привлекательномъ свѣтѣ, описалъ ихъ людьми упрямыми и крамольными, не любящими подчиняться правиламъ своего ордена, ищущими прежде всего личной корысти, а не общаго блага, — „А эти, прибавилъ онъ, указывая пальцемъ на присутствующихъ рыцарей ливонскихъ, да еще четверо мнѣ извѣстныхъ, хуже всѣхъ тамъ“ [3]). Арнольдъ Фонъ-Неуендорфъ потвердилъ слова своего товарища, послѣ чего неудивительно было, что когда стали собирать голоса—принимать ли Меченосцевъ въ соединеніе,—то сначала воцарилось всеобщее молчаніе, а потомъ единогласно рѣшили дожидаться прибытія великаго магистра. Но медлить

[1]) Вѣроятно измѣненное Ерза, - одно изъ названій Мордвы.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 49.

[3]) Что донесенія нѣмецкихъ рыцарей относительно поведенія Меченосцевъ были справедливы, доказываютъ посланія папъ: въ 1238 году папа Григорій IX писалъ епископу Моденскому, своему легату въ Ливоніи, чтобъ обращенные въ христіанство язычники не подвергались рабству (Histor. Russ. Monum. I, № XLVIII); въ томъ же году онъ писалъ, чтобъ рабамъ дали облегченіе и позволили ходить въ церковь. (Тамъ же № XLIX.) Въ 1245 г. Иннокентій IX писалъ къ рыцарямъ: «Ne igitur in rapina cedant qui custodiri a potentioribus debuerant, vestri contenti stipendiis al exactionibus in debitis manus vestros innoxias conservate, conteratis capita humilium populi Domini super terram». (Тамъ же, № LX.) Въ 1318 г. папа Іоаннъ XXII писалъ къ нимъ же: «Quia posteriora non fuerunt confirmata prioribus, sed priora potius posterioribus deformata, dum in primas ecclesias, et alias de novo ad fidem conversas, qui praecipuis fuerant prosequendi favoribus, ut ad susceptionem fide, mentes allicerentur aliorum, sic fuisse crudeliter inhumaniter de se vitum, quod plerique, volentes ad fidem converti, se a conversione hujus modi retraxerunt». (Тамъ же, № XCIX.), О поведеніи завоевателей свидѣтельствуетъ также слѣдующая пѣсня:

Diss Land den Teutschen gegeben ist,
Schier für Vierhundert Jahren
Dass sie dein Nahmen Herr Jesu Christ
Die Heiden solten lehren:
Sie aber gesucht vielmehr,
Ihr eigen—Nutz, Lust und Ehr,
Deiner wenig geachtet etc.

скоро нельзя стало болѣе: въ 1236 году [1]) магистръ Волквинъ сдѣлалъ опустошительный набѣгъ на Литву, но скоро былъ окруженъ многочисленными толпами враговъ и погибъ со всѣмъ своимъ войскомъ; псковской отрядъ изъ 200 человѣкъ сопровождалъ магистра въ этомъ несчастномъ походѣ: изъ десяти одинъ возвратился домой. Тогда остальные Меченосцы отправили посла въ Римъ представить папѣ безпомощное состояніе ордена, церкви ливонской, и настоятельно просить о соединеніи ихъ съ орденомъ Тевтонскимъ. Папа Григорій IX-й призналъ необходимость этого соединенія, и оно воспослѣдовало въ 1237 году: первымъ провинціальнымъ магистромъ ливонскимъ былъ назначенъ Германъ Балкъ, извѣстный уже своими подвигами въ Пруссіи.

Литва по-прежнему продолжала свои набѣги: въ 1229 году она опустошила страну по озеру Селигеру и рѣкѣ Полѣ, въ нынѣшнемъ Демьянскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи [2]); Новгородцы погнались за ними, настигли, били и отняли весь полонъ. Въ 1234 году Литовцы явились внезапно передъ Русою и захватили посадъ до самаго торгу; но жители и засада (гарнизонъ) успѣли вооружиться: огнищане и гридьба, купцы и гости ударили на Литву, выгнали ее изъ посада, и продолжали бой на полѣ; Литовцы отступили. Князь Ярославъ, узнавши объ этомъ, двинулся на враговъ съ конницею и пѣхотою, которая ѣхала въ насадахъ по рѣкѣ Ловати; но у Муравьина [3]) князь долженъ былъ отпустить пѣхоту назадъ, потому что у ней недостало хлѣба, а самъ продолжалъ путь съ одною конницею; въ Торопецкой волости на Дубровнѣ встрѣтилъ онъ Литовцевъ и разбилъ ихъ; побѣжденные потеряли 300 лошадей, весь товаръ и побѣжали въ лѣсъ, побросавши оружіе, щиты, совни, а нѣкоторые тутъ и костью пали. Новгородцы потеряли 10 человѣкъ убитыми.

Изъ событій въ другихъ княжествахъ лѣтопись упоминаетъ объ усобицѣ въ Смоленскѣ: по смерти Мстислава Давыдовича (1230 г.), столъ этотъ, по родовымъ счетамъ, долженъ былъ перейти въ третье поколѣніе Ростиславичей, именно—достаться внуку Романову, Святославу Мстиславичу; но Смольняне почему-то не хотѣли имѣть его своимъ княземъ; тогда Святославъ въ 1232 г., съ помощію Полочанъ, взялъ Смоленскъ на щитъ, перебилъ его жителей, себѣ враждебныхъ, и сѣлъ на столѣ.

Подвиги Мстислава Торопецкаго не принесли никакой существенной пользы для Южной Руси; но по смерти Мстислава судьба дала ей другого князя, котораго характеръ вполнѣ былъ способенъ доставить ей прочную и великую будущность,—если только будущность Южной Руси могла зависѣть отъ личности одного князя; этотъ князь былъ молодой Даніилъ, сынъ Романа Великаго. Съ блестящимъ мужествомъ, славолюбіемъ, наслѣдственнымъ въ племени Изяславовомъ, Даніилъ соединялъ способность къ обширнымъ государственнымъ замысламъ и къ государственной распорядительности; съ твердостію, умѣньемъ неуклонно стремиться къ разъ предположенной цѣли онъ соединялъ мягкость въ поведеніи, разборчивость въ средствахъ, въ чемъ походилъ на прадѣда своего Изяслава, и рѣзко отличался отъ отца своего, Романа. Начиная разсказъ о подвигахъ Даніиловыхъ, лѣтописецъ имѣлъ полное право сказать: „Начнемъ разсказывать о безчисленныхъ ратяхъ, великихъ трудахъ, частыхъ войнахъ, многихъ крамолахъ, частыхъ возстаніяхъ, многихъ мятежахъ“; имѣлъ полное право сказать, что сыновьямъ Романовымъ измлада не было покоя. По смерти Мстислава они остались окруженные со всѣхъ сторонъ врагами: въ Галичѣ—королевичъ Венгерскій и непріязненные бояре; въ Пинскѣ—князь Ростиславъ, злобившійся на Даніила за отнятіе Черторыйска и плѣнъ сыновей; въ Кіевѣ—Владиміръ Рюриковичъ, наслѣдовавшій вражду отца своего къ Роману Великому и сыновьямъ послѣдняго; князья черниговскіе не хотѣли также забыть притязаній племени своего на Галичъ и злой обиды, полученной тамъ. Тщетно митрополитъ Кириллъ, котораго мы уже въ третій разъ застаемъ въ святомъ дѣлѣ миротворства и котораго лѣтописецъ величаетъ преблаженнымъ и святымъ, старался отвратить усобицу; Ростиславъ Пинскій не переставалъ клеветать на Даніила и подвигать другихъ князей, и вотъ Владиміръ Кіевскій собралъ войско. „Отецъ Даніиловъ постригъ отца моего“, говорилъ онъ, и была у него въ сердцѣ боязнь великая, прибавляетъ лѣтописецъ; значитъ, Владиміръ боялся, что молодой Даніилъ пойдетъ по слѣдамъ отца своего, и плохо придется отъ него сосѣдямъ. Владиміръ посадилъ и половецкаго хана Котяна на коня, всѣхъ Половцевъ, и, вмѣстѣ съ Михаиломъ Черниговскимъ, осадилъ Каменецъ; въ рати осаждающихъ были: Куряне (жители Курска), Пиняне, Новгородцы (Сѣверскіе), Туровцы. Даніилъ видѣлъ, что нельзя ему противиться такой рати, тѣмъ болѣе что въ Галичѣ королевичъ и главный совѣтникъ его, бояринъ Судиславъ, были въ союзѣ съ Кіевскимъ княземъ; онъ началъ мирные переговоры, чтобъ выиграть время и раздѣлить союзниковъ, что и удалось ему относительно половецкаго хана Котяна: „Батюшка!“ послалъ сказать Даніилъ Половчину: „разстрой эту войну, прими меня въ любовь къ себѣ“. Котянъ отдѣлился отъ союзниковъ, опустошилъ Галицкую Землю, и ушелъ назадъ къ себѣ въ степи; остальные союзники, не успѣвши взять Каменецъ, также отступили въ свои владѣнія. А между тѣмъ Даніилъ спѣшилъ въ Польшу за помощью, и, получивши ее, предпринялъ съ своей стороны наступательное движеніе,—пошелъ къ Кіеву; но на дорогѣ встрѣтили его послы отъ Кіевскаго и Черниговскаго князей, и заключили миръ.

---

[1]) По Новгор. Лѣт. въ 1237.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 45: «Придоша Литва и воеваша Любнѣ и Мореву и Серегеръ».

[3]) Муравейка на Ловати, въ Холмскомъ уѣздѣ, Псковской губерніи.

Въ слѣдующемъ 1229 году успѣхъ ждалъ Даніила на другой сторонѣ, въ Галичѣ: когда онъ былъ въ Угровскѣ, то преданные ему Галичане прислали сказать ему: „Ступай скорѣе къ намъ: Судиславъ ушелъ въ Понизье, а королевичъ одинъ остался въ Галичѣ“. Даніилъ немедленно съ небольшою дружиною пошелъ къ этому городу, а тысяцкаго своего Дамьяна послалъ на Судислава; на третьи сутки въ ночь подошелъ Даніилъ къ Галичу, гдѣ успѣлъ уже затвориться Судиславъ, ускользнувшій отъ Дамьяна; Волынцамъ только удалось захватить его дворъ подлѣ Галича, гдѣ они нашли много вина, овощей, корму всякаго, копій, стрѣлъ. Даніилъ стоялъ противъ города, на другомъ берегу Днѣстра; Галичане и Венгры выѣзжали и бились на льду; но къ вечеру ледъ поднялся, рѣка наводнилась, и враждебный Даніилу бояринъ Семьюнко (котораго лѣтописецъ сравниваетъ съ лисицею по краснотѣ лица), зажегъ мостъ. Въ это время явился къ Даніилу Дамьянъ со многими галицкими боярами, принявшими сторону сына Романова, у котораго такимъ образомъ набралась многочисленная рать. Даніилъ очень обрадовался ей, жалѣлъ только, что мостъ зажженъ и не-почему перейти Днѣстра; но когда поѣхалъ онъ посмотрѣть на мѣсто, то увидалъ, что конецъ моста погасъ—и переправа возможна: радость была большая, и на другой же день все войско перешло Днѣстръ и обступило Галичъ съ четырехъ сторонъ; осажденные не могли держаться долѣе и сдали городъ, причемъ королевичъ достался въ плѣнъ Даніилу; но тотъ вспомнилъ прежнюю любовь къ себѣ отца его Андрея и отпустилъ его къ послѣднему; изъ бояръ галицкихъ съ королевичемъ пошелъ только одинъ Судиславъ, въ котораго народъ бросалъ каменями, крича: „Вонъ изъ города, мятежникъ земскій!“ Но Судиславъ спѣшилъ отомстить народу новымъ мятежомъ; пріѣхавши въ Венгрію, онъ не переставалъ твердить королю и королевичу: „Ступайте на Галичъ, возьмите Землю Русскую; если же не пойдете, то они укрѣпятся на васъ“. Андрей послушался, собралъ большое войско и объявилъ походъ: „Не останется въ Галичѣ камень на камнѣ, говорилъ онъ; никто уже теперь не избавитъ его отъ моей руки“. Но какъ скоро вступилъ онъ въ Карпаты, то полили сильные дожди, лошади тонули, люди едва могли спастись на высокихъ мѣстахъ. Несмотря на то, король шелъ дальше и осадилъ Галичъ, для защиты котораго Даніилъ оставилъ извѣстнаго намъ тысяцкаго Дамьяна. Этотъ воевода не испугался высокомѣрнаго вызова королевскаго и не сдалъ города; Андрею же нельзя было долѣе оставаться подъ Галичемъ, потому что въ войскахъ его открылась страшная болѣзнь, кожа падала у Венгровъ съ ногъ, какъ обувь. Король снялъ осаду; Галичане напали на отсталыхъ, и много перебили и побрали въ плѣнъ, еще больше умерло на дорогѣ отъ болѣзни.

Даніилъ избавился отъ враговъ внѣшнихъ, но лѣтописецъ опять начинаетъ разсказъ свой зловѣщими словами: „Скажемъ многій мятежъ, великія льсти, безчисленныя рати“. Бояре галицкіе привыкшіе къ крамоламъ, находившіе свою выгоду въ безпорядкѣ, въ возможности переходить отъ одного князя къ другому, не могли сносить спокойно установленіе наряда, утвержденіе сына Романова на столѣ отцовскомъ. Они стали сноситься съ давнимъ врагомъ Романовичей, Александромъ Бѣльзскимъ, какъ бы убить Даніила и взять къ себѣ въ князья его, Александра. Однажды заговорщики сидѣли вмѣстѣ и совѣтовались, какъ бы зажечь дворъ княжескій и такимъ образомъ погубить Даніила; въ это время братъ его Василько входитъ къ нимъ и въ шутку бросается съ обнаженнымъ мечемъ на одного слугу, вырываетъ щитъ у другого; заговорщики испугались, думая, что Василько поступаетъ такъ съ намѣреніемъ, открывши ихъ замыселъ, и бросились бѣжать. Даніилъ съ братомъ никакъ не могли догадаться, отчего побѣжали бояре, какъ одинъ изъ оставшихся, Филиппъ, сталъ звать къ себѣ Даніила на пиръ; Даніилъ поѣхалъ, но на дорогѣ нагналъ его посолъ отъ тысяцкаго Дамьяна: „Пиръ затѣянъ злой, сказалъ ему посолъ; Филиппъ съ Александромъ Бѣльзскимъ сговорились убить тебя“. Даніилъ возвратился въ Галичъ и послалъ сказать брату Васильку во Владиміръ, чтобъ шелъ на Александра; Василько выгналъ Александра въ Перемышль, взялъ Бѣльзъ, а сѣдельничаго своего, Ивана Михайловича, послалъ захватить бояръ, которыхъ и взято было 28 человѣкъ; но Даніилъ не хотѣлъ поступать по примѣру отца и простилъ крамольщиковъ. Великодушіе однако не помогло, а только еще усилило дерзость бояръ: одинъ изъ этихъ безбожниковъ, по выраженію лѣтописца, залилъ на пиру князю лицо виномъ; Даніилъ стерпѣлъ и это оскорбленіе. Но онъ не хотѣлъ оставить безъ наказанія Александра Бѣльзскаго, который засѣлъ въ Перемышлѣ съ своими галицкими соумышленниками. Изъ всей дружины у Даніила осталось только 18 отроковъ, на которыхъ можно было положиться; онъ созвалъ ихъ на вѣче вмѣстѣ съ Дамьяномъ тысяцкимъ и спросалъ: „Хотите ли оставаться мнѣ вѣрными и идти со мною на враговъ моихъ?“ Тѣ отвѣчали: „Вѣрны мы Богу и тебѣ, господину нашему; ступай съ Божіею помощью“; а сотскій Микула прибавилъ при этомъ: „Господинъ! не раздавивши пчелъ, меду не ѣсть“. Старый дядька Даніила, Мирославъ, привелъ къ нему на помощь еще немного отроковъ, и съ такою-то небольшою дружиною Даніилъ выступилъ къ Перемышлю; на дорогѣ впрочемъ присоединились къ нему и невѣрные бояре, показывая только видъ вѣрности. Александръ, узнавши о приближеніи Даніила, бросилъ все свое имѣніе и убѣжалъ въ Венгрію, гдѣ вмѣстѣ съ Судиславомъ сталъ опять поднимать короля на Даніила; король послушался и съ двумя сыновьями выступилъ къ Ярославлю, гдѣ заперся воевода Даніиловъ, Давыдъ Вышатичъ, который отбивался цѣлый день отъ Венгровъ, и отбился. Но у Давыда была теща, большая пріятель-

ница Судиславу, который звалъ ее не иначе какъ матерью; она стала стращать зятя и успѣла напугать его; тщетно товарищъ его, Василько Гавриловичъ, мужъ крѣпкій и храбрый, уговаривалъ не сдаваться; тщетно переметчикъ, пріѣхавшій изъ полковъ венгерскихъ, говорилъ Давыду, что ослабленные Венгры не въ состояніи взять города,— Давыдъ сдалъ Ярославль, только самъ вышелъ цѣлъ со всѣмъ войскомъ. Взявши Ярославль, король пошелъ къ Галичу, а между тѣмъ отступленіе отъ Даніила боярина Климяты, убѣжавшаго съ Голыхъ горъ къ королю, послужило знакомъ къ измѣнѣ всѣхъ остальныхъ бояръ галицкихъ. Отнявши Галичъ у Даніила, король перешелъ теперь въ дѣдовскую волость его и осадилъ Владиміръ-Волынскій; король Андрей, по словамъ лѣтописца, удивленъ былъ видомъ этого города, многочисленностію ратниковъ, которыхъ оружіе и щиты блистали какъ солнце: „Такого города не находилъ я и въ нѣмецкихъ земляхъ", сказалъ онъ. И начальникъ въ городѣ былъ надежный — старый дядька Даніиловъ, Мірославъ: „Богъ знаетъ, что съ нимъ случилось, говоритъ лѣтописецъ: въ старину онъ былъ храбръ, а тутъ смутился умомъ и заключилъ миръ съ королемъ, безъ совѣта съ своими князьями—Даніиломъ и Василькомъ, обязался уступить Бѣлзъ и Червень Александру". Сильно упрекали за это Романовичи Міросдава: „Зачѣмъ мирился, имѣя такое большое войско?" Старикъ отпирался, что не уступалъ Венграмъ Червени. Какъ бы то ни было, король достигъ своей цѣли, посадилъ опять сына въ Галичѣ, и ушелъ-было въ Венгрію, но скоро опять сынъ его Андрей поднялъ рать на Даніила: съ королевичемъ былъ Александръ Бѣльзскій, Глѣбъ Зеремѣевичъ, князья болховскіе [1]) и множество Венгровъ. Соперники — королевичъ и Даніилъ—видѣлись на рѣкѣ Вельѣ [2]), но не уладились; изъ словъ лѣтописца видно, что виною этого была гордость Даніила, слишкомъ понадѣявшагося на свою силу [3]). На другой день Даніилъ перешелъ рѣку у Шумска и далъ кровопролитную битву Венграмъ, причемъ воеводы уговаривали Романовичей воспользоваться выгоднымъ положеніемъ на высокихъ горахъ, но Даніилъ отвѣчалъ словами Писанія: „Медляй на брань страшливу душу имать", и спустилъ полки свои внизъ на непріятеля; оба брата приняли дѣятельное участіе въ битвѣ, подвергаясь страшной опасности; но дружина Даніилова не отвѣчала храбрости князя своего и въ концѣ дѣла обратились въ бѣгство; впрочемъ уронъ, претерпѣнный Венграми, былъ такъ великъ, что они не смѣли преслѣдовать непріятеля и отступили въ Галичъ. Даніилъ съ успѣхомъ продолжалъ войну до конца года; мѣриломъ его успѣха служитъ то, что заклятый врагъ Романовичей, Александръ Бѣльзскій, перешелъ отъ королевича на ихъ сторону, прислалъ сказать имъ: „Не годится мнѣ быть ни гдѣ, кромѣ васъ"; и братья приняли его съ любовію. Въ слѣдующемъ 1232 году королевичъ и Судиславъ выслали противъ Даніила воеводу Діаниша; Даніилъ поѣхалъ въ Кіевъ, привелъ оттуда на помощь князя Владиміра Рюриковича, Изяслава, котораго считаютъ обыкновенно Владиміровичемъ, внукомъ Игоря Сѣверскаго [4]), Половцевъ, и выступилъ противъ Венгровъ, которые послѣ нерѣшительной битвы должны были возвратиться назадъ; Изяславъ въ самомъ началѣ похода отступилъ отъ Даніила, и вмѣсто того, чтобъ помогать ему, опустошилъ его же волость. Слѣдующій 1233 годъ былъ счастливъ для Даніила: Глѣбъ Зеремѣевичъ перешелъ на его сторону, послѣ чего Даніилъ и Василько немедленно отправились къ Галичу, гдѣ были встрѣчены большею частію бояръ: ясно, что переходъ Глѣба произошелъ съ согласія цѣлой стороны боярской; Даніилъ занялъ всю волость, роздалъ города боярамъ и воеводамъ (какъ видно, съ этимъ условіемъ они и призвали его, не надѣясь получить того же отъ Венгровъ), и осадилъ королевича съ Діанишемъ и Судиславомъ въ Галичѣ. 9 недѣль стоялъ Даніилъ у города, гдѣ осажденные изнемогли отъ недостатка пищи, и дожидался только льду на Днѣстрѣ, чтобъ идти на приступъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Судиславъ придумалъ средство ослабить осаждающихъ; онъ послалъ сказать Александру Бѣльзскому: „Дамъ тебѣ Галичъ, только отступи отъ брата"; Александръ прельстился обѣщаніемъ и отступилъ. Но это вѣроломство не повредило нисколько Даніилу: скоро королевичъ умеръ, и Галичане прислали звать Даніила на его мѣсто; Судиславу удалось уйти въ Венгрію, но Александръ Бѣльзскій былъ схваченъ на дорогѣ въ Кіевъ.

Даніилъ утвердился опять въ Галичѣ; но ему суждено было измлада не имѣть покоя: вражда встала на востокѣ между Мономаховичами и Ольговичами, и Даніилъ вмѣшался въ нее. Еще въ 1231 году Владиміръ Кіевскій, угрожаемый Михаиломъ Черниговскимъ, присылалъ звать на помощь Даніила, и тотъ ѣздилъ по этому случаю въ Кіевъ; Владиміръ уступилъ ему изъ Русской Земли часть Торческа, которую Даніилъ тотчасъ же отдалъ дѣтямъ Мстислава Торопецкаго, шурьямъ своимъ, сказалъ имъ: „За добро отца вашего возьмите и

[1]) Карамзинъ и Арцыбашевъ считаютъ этихъ князей Ольговичами; владѣнія ихъ, по Ходаковскому, были въ нынѣшной Подольской губерніи, на дорогѣ изъ Галича въ Кіевъ. Если это были дѣйствительно Ольговичи, то ихъ должно считать внуками Игоревыми, братьями родными или двоюродными Изяслава Владиміровича (см. ниже), которымъ удалось удержаться въ части Галицкихъ волостей послѣ несчастнаго 1208 года.

[2]) Впадаетъ въ Горынь, близъ Острога.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 172: «Видѣвшу же ся Данилу о рѣку съ королевичемъ, и нѣкое слово похвально рекшу, его же Богъ не любить».

[4]) Такъ думаютъ Карамзинъ и Арцыбашевъ; Густинская лѣтопись (Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337) называетъ его Мстиславичемъ (храбрымъ); Татищевъ—сыномъ Мстислава Ростиславича Смоленскаго; Троицкая называетъ также Мстиславичемъ; Ростовская, Воскрес. и Никонов. лѣтописи подтверждаютъ показаніе Татищева.

держите этотъ городъ". Но нападеніе Венгровъ вызвало Даніила изъ Кіева. Въ 1233 г. Владиміръ опять прислалъ звать его на помощь, потому что Михаилъ стоялъ у Кіева; Даніилъ, спокойный теперь въ Галичѣ со стороны Венгровъ, пошелъ къ Днѣпру и заставилъ Михаила удалиться. Не удовольствовавшись этимъ, Мономаховичи перешли Днѣпръ, стали пустошить Черниговскую волость, забирать города по Деснѣ, наконецъ осадили Черниговъ, поставили таранъ и били изъ него стѣну камнями, а камни были въ подъемъ только человѣкамъ четыремъ сильнымъ; но Михаилу удалось обмануть осаждающихъ, выйти изъ города и побить галицкіе полки [1]). Мономаховичи — Даніилъ и Владиміръ—возвратились въ Кіевъ, истомленные продолжительною войною, которую вели отъ Крещенья до Вознесенья, и Даніилъ уже собирался идти домой лѣсною стороною, какъ пришла вѣсть, что Изяславъ съ Половцами воюетъ Русскую Землю. Владиміръ сталъ просить Даніила помочь ему и противъ поганыхъ, старый дядька Мірославъ просилъ за Владиміра, и Даніилъ, несмотря на изнеможеніе полковъ своихъ, отправился въ новый походъ. У Звенигорода встрѣтились они съ варварами; Владиміръ и Мірославъ стали теперь уговаривать Даніила возвратиться, но уже онъ не захотѣлъ: „Воинъ, говорилъ онъ, вышедши разъ на брань, долженъ или побѣдить, или пасть; прежде я самъ вамъ отговаривалъ идти въ походъ, а теперь вижу, что вы трусы; развѣ я вамъ не говорилъ, что не слѣдуетъ выходить усталымъ полкамъ противъ свѣжихъ? а теперь чего испугались, ступайте"! Сѣча была лютая; Даніилъ погналъ Половцевъ, но потерялъ коня, и, видя, что всѣ другіе бѣгутъ, побѣжалъ и самъ, а Владиміръ и Міроставъ со многими другими боярами были взяты въ плѣнъ. Даніилъ прибѣжалъ въ Галичъ и, по ложной вѣсти, что Изяславъ съ Половцами у Владиміра, отправилъ всѣ свои полки съ братомъ Василькомъ на помощь этому городу; но какъ скоро бояре галицкіе увидали, что князь остался безъ полковъ, то подняли крамолу, и Даніилъ принужденъ былъ уѣхать въ Венгрію. Цѣль этой поѣздки состояла, какъ видно, въ томъ, чтобъ убѣдить новаго короля Бѣлу IV не мѣшаться въ галицкія дѣла и дать время Романовичамъ управиться съ врагами единоплеменными [2]). Владиміръ Рюриковичъ освободился изъ половецкаго плѣна, но не могъ занять Кіева [3]), гдѣ сидѣлъ уже Изяславъ, а союзникъ его, Михаилъ Черниговскій, занялъ между тѣмъ Галичъ; такимъ образомъ у Романовичей осталась опять одна Волынь.

Слѣдующіе годы прошли, какъ слѣдуетъ ожидать, въ безпрерывной борьбѣ; враги Романовичей предприняли наступательное движеніе на ихъ волость, отправили войска съ князьями болховскими къ Каменцу; но бояре Даніиловы, съ помощію Торковъ, поразили ихъ и взяли въ плѣнъ князей болховскихъ. Михаилъ и Изяславъ стали тогда присылать къ Даніилу съ угрозою: „Отдай нашу братью [4]), а не то придемъ на тебя войною". Даніилъ не исполнилъ ихъ требованій, и они навели на него Ляховъ, Русь и Половцевъ. Но Польскій князь, узнавши о разбитіи своего отряда у Червеня, побѣжалъ назадъ, потопивши много войска въ рѣкѣ Вепрѣ; Половцы же пришли не для того, чтобъ биться съ Даніиломъ, а чтобъ опустошить Галицкую волость, принадлежавшую союзнику ихъ Михаилу. Тогда Романовичи, въ свою очередь, предприняли наступательное движеніе на Михаила; два раза мирились, и послѣдній разъ Михаилъ уступилъ Даніилу Перемышль. Между тѣмъ въ Кіевѣ произошла перемѣна: князь Переяславля-Залѣсскаго и Новгорода Великаго, Ярославъ Всеволодовичъ, рѣшился воспользоваться усобицею на югѣ и утвердиться въ Олеговой столицѣ, какъ утвердился въ Рюриковой; съ другой стороны, усиліе врага его Михаила Черниговскаго и вообще усиленіе Ольговичей на счетъ Мономаховичей могло также побудить Ярослава вмѣшаться въ дѣла юга, но, разумѣется, онъ вмѣшался въ дѣло не для того только, чтобы дать перевѣсъ Мономаховичамъ надъ Ольговичами, какъ дѣлывалъ Мстиславъ Торопецкій; оставя въ Новгородѣ сына Александра, взявши съ собою нѣсколькихъ знатныхъ Новгородцевъ, 100 человѣкъ Новоторжанъ, полки переяславскіе и ростовскую помощь отъ племянниковъ, Ярославъ двинулся къ югу, опустошилъ область Черниговскую и сѣлъ на столѣ въ Кіевѣ, выгнавъ оттуда Изяслава. Но страшныя вѣсти съ сѣверо-востока о татарскомъ нашествіи не позволили Ярославу долго оставаться въ Кіевѣ [5]). Удаленіемъ Ярослава спѣ-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 337: «Князь же Михаилъ сотвори нѣкую прелесть: изыде изъ града и поби многое множество Галичанъ, Володимеръ же видя сію побѣду и поразумѣ, яко уже не одолѣти ему Михаилу, пойде со Даниломъ Романовичемъ и сядѣ въ Кіевѣ».—По Татищеву (III, 464) Михаилъ подкупилъ совѣтниковъ Даніиловыхъ уговаривать своего князя къ миру; Даніилъ сталъ уговаривать къ миру Владиміра, и, видя, что тотъ не соглашается, отступилъ отъ него по совѣту подкупленныхъ бояръ своихъ; тогда Михаилъ, воспользовавшись разъединеніемъ союзниковъ, ночью напалъ на Даніиловы полки и разбилъ ихъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 174.

[3]) По словамъ Волынской лѣтописи можно думать, что Владиміръ, освободившись изъ плѣна, оставался у Торковъ, ибо сказано подъ 1235 годомъ: «Въ то же время послалъ бяше Володимеръ Данилови помощь Торкы и Данила Нажировича». Но та же лѣтопись, подъ 1229 годомъ упоминаетъ еще о какомъ-то Владимірѣ Ингваровичѣ, союзникѣ Даніила; этотъ долженъ быть внукъ Ярослава Изяславича Луцкаго.

[4]) Вотъ единственное основаніе считать Изяслава Ольговичемъ.

[5]) Густинская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ выгналъ изъ Кіева Изяслава, но самъ былъ изгнанъ Владиміромъ Рюриковичемъ, возвратившимся изъ плѣна половецкаго, а Владиміра Рюриковича выгналъ Михаилъ. По Татищеву же (III, 464) Ярославъ, отправляясь на сѣверъ, заключилъ договоръ съ Изяславомъ, чтобъ тотъ остался въ Кіевѣ, заплатилъ окупъ за Владиміра, который отправился въ Смоленскъ. Въ Волын. лѣтописи: «Приде Ярославъ Суждальскій и взя Кіевъ подъ Владимеромъ, не

шилъ воспользоваться Михаилъ Черниговскій: онъ занялъ и Кіевъ, отдавши Галичъ сыну своему, Ростиславу и отнявши Перемышль у Даніила, съ которымъ надѣялся легко теперь управиться, но обманулся въ надеждѣ, потому что какъ только Даніилъ получилъ вѣсть, что Ростиславъ съ дружиною отправился на Литву, то появился немедленно предъ стѣнами Галича и сталъ говорить его жителямъ: „Люди городскіе! до какихъ поръ хотите вы терпѣть державу иноплеменныхъ князей?“ Тѣ закричали въ отвѣтъ: „Вотъ нашъ держатель Богомъ данный“!—и пустились къ Даніилу, какъ дѣти къ отцу, какъ пчелы къ маткѣ, какъ жаждущіе воды къ источнику, по выраженію лѣтописца. Епископъ Артемій и дворскій Григорій сперва удерживали жителей отъ сдачи; но, видя, что не могутъ болѣе удержать, явились къ Даніилу со слезами на глазахъ, съ осклабленнымъ лицомъ, облизывая губы, по-неволѣ сказали ему: „Приди, князь Данило, прими городъ“. Даніилъ вошелъ въ свой городъ, и, въ знакъ побѣды, поставилъ хоругвь свою на Нѣмецкихъ воротахъ, а на другое утро пришла ему вѣсть, что Ростиславъ возвратился-было къ Галичу, но, узнавши, что городъ уже взятъ, бѣжалъ въ Венгрію. Тогда бояре, лишенные послѣдней надежды, пришли къ Даніилу, упали ему въ ноги и стали просить милости, говоря: „Виноваты, что иного князя держали“. Даніилъ отвѣчалъ: „Милую васъ, только смотрите, впередъ этого не дѣлайте, чтобъ хуже не было“.

Таковы были внутреннія дѣла въ Юго-Западной Руси до татарскаго нашествія; касательно внѣшнихъ мы видѣли столкновенія съ Польшею и Венгріею по поводу Галича. Въ Польшѣ въ это время происходили событія, имѣвшія послѣ важное вліяніе на судьбы восточной Европы. Послѣ того какъ Владиславъ Ляксоногій, принужденный уступить Краковъ Лешку Казимировичу [1]), возвратился въ свою отчину, встала усобица между нимъ и племянникомъ его, сыномъ Оттоновымъ, Владиславомъ, обыкновенно называемымъ Одоничемъ (Оттоновичемъ). Эта усобица скоро обхватила всю Польшу и страшно опустошила ее, способствуя, съ другой стороны, большему ослабленію власти княжеской и усиленію власти прелатовъ и вельможъ. Въ 1227 году Владиславъ Одоничъ нанесъ страшное пораженіе Лясконогому и занялъ почти всѣ его владѣнія; тогда на помощь Лясконогому встали противъ Одонича князья — Лешко Краковскій, братъ его Конрадъ Мазовецкій и князь Генрихъ Бреславскій [2]), а на сторону Одонича сталъ зять его (женинъ братъ), Святополкъ, князь Поморскій. Святополкъ и Одоничъ напали нечаянно на враждебныхъ князей и поразили ихъ, причемъ Лешко Краковскій лишился жизни. Тогда братъ его, Конрадъ Мазовецкій, призвалъ на помощь противъ Одонича Даніила и Василька, постоянныхъ союзниковъ покойнаго Лешка; Романовичи пошли вмѣстѣ съ Конрадомъ и осадили Калишъ; Даніилъ хотѣлъ непремѣнно взять городъ, но Поляки не шли биться, несмотря на то, что Конрадъ, любя русскій бой, понуждалъ ихъ идти вмѣстѣ съ Русью. Между тѣмъ осажденные, видя приготовленія Даніиловыхъ ратниковъ къ приступу, послали просить Конрада, чтобъ прислалъ къ нимъ двоихъ мужей своихъ для переговоровъ; одинъ изъ послѣднихъ, Пакославъ, сказалъ Даніилу: „Переодѣнься, и поѣдемъ вмѣстѣ съ нами на переговоры“. Даніилъ сперва не хотѣлъ ѣхать, но братъ Василько уговорилъ его: „Ступай, послушай ихъ вѣче“,—потому что Конрадъ не вѣрилъ одному изъ посланныхъ, Мстію. Даніилъ, надѣвши шлемъ Пакославовъ, сталъ позади пословъ и слушалъ, что осажденные говорили съ забралъ вельможамъ Конрадовымъ: „Скажите вотъ что великому князю Конраду, наказывали имъ граждане,—этотъ городъ не твой ли, и мы развѣ чужіе, ваши же братья, чтожъ надъ нами не сжалитесь? Если насъ Русь плѣнитъ, то какую славу Конрадъ получитъ? Если русская хоругвь станетъ на забралахъ, то кому честь доставишь? Не Романовичамъ ли однимъ? А свою честь унизишь; ныньче брату твоему служимъ, а завтра будемъ твои; не дай славы Руси, не погуби нашего города“. Пакославъ отвѣчалъ имъ на это: „Конрадъ-то бы и радъ васъ помиловать, да Даніилъ очень лютъ, не хочетъ отойти прочь, не взявши города: да вотъ онъ и самъ стоитъ, поговорите съ нимъ“, прибавилъ онъ, смѣясь и указывая на Даніила. Князь снялъ съ себя шлемъ, и граждане закричали ему: „Смилуйся, помирись“! Романовичъ много смѣялся и долго разговаривалъ съ ними, потомъ, взявъ у нихъ двухъ человѣкъ, пошелъ къ Конраду, и тотъ заключилъ съ ними миръ. Русскіе поплѣнили множество челяди и боярынь; но тутъ Русь и Поляки заключили между собою условіе и утвердили его клятвою: если впередъ будетъ между ними война, то не воевать Полякамъ русской челяди, а Руси—польской. Послѣ этого Романовичи возвратились домой съ честью и славою; ни одинъ другой князь не входилъ такъ глубоко въ землю Польскую, кромѣ Владиміра Великаго, который землю крестилъ, говоритъ лѣтописецъ. Мы уже видѣли, что Конрадъ отплатилъ Романовичамъ за услугу, соединившись съ ихъ врагами; Даніилъ за это навелъ на него Литовскаго князя Миндовга и русскаго, Изяслава Новогрудскаго (Новгородскаго).

Этотъ Конрадъ знаменитъ въ исторіи восточной Европы, какъ виновникъ событія, имѣвшаго важное вліяніе на послѣдующія судьбы ея. Въ то время, когда западныя русскія области терпѣли отъ опустошительныхъ набѣговъ Литвы, волости Польскія, преимущественно Мазовія, терпѣли еще больше отъ набѣговъ единоплеменныхъ ей Пруссовъ. Конрадъ доведенъ былъ до отчаянія этими набѣгами, ибо не

мога его держати иде пакы Суждалю, и вэя подъ нимъ Михаилъ».—Трудно согласить удовлетворительно всѣ эти извѣстія.—Неизвѣстно, на какихъ основаніяхъ Карамзинъ говоритъ, что Ярославъ занялъ Кіевъ вслѣдствіе переговоровъ Даниила съ в. княземъ Георгіемъ.

[1]) См. Исторію Россіи т. II, стр. 553.

[2]) Потомокъ Владислава II; см. Исторію Россіи т. II, стр. 391.

имѣлъ никакихъ средствъ вести не только наступательной, но и оборонительной войны съ варварами: мы видѣли уже, какъ повиновались ему подданные на войнѣ. Однажды шайка Пруссовъ пришла къ нему требовать лошадей и платья; Конрадъ не смѣлъ не исполнить требованія и, между тѣмъ, не имѣлъ средствъ удовлетворить ему. Что же онъ сдѣлалъ въ такихъ обстоятельствахъ? Зазвалъ къ себѣ на пиръ знатнѣйшихъ пановъ своихъ съ женами, и во время пира велѣлъ отобрать ихъ лошадей и верхнее платье и отослать Пруссамъ. Но не всегда же можно было употреблять подобныя средства, и потому Конрадъ началъ думать о другихъ. Въ это время въ Ливоніи рыцари Меча успѣшно дѣйствовали противъ туземцевъ. Конраду пришла мысль учредить подобный рыцарскій орденъ на границѣ своихъ владѣній, для постоянной борьбы съ Пруссами; орденъ былъ учрежденъ подъ именемъ Христова ордена, и Конрадъ далъ ему во владѣніе замокъ Добрынь. Пруссы, свѣдавъ о новомъ врагѣ, нѣсколько разъ подступали къ замку, взять его не могли, но за то нагнали такой страхъ, что четверо или пятеро язычниковъ спокойно грабили подъ самыми валами Добрыня, и никто не смѣлъ остановить ихъ. Конрадъ видѣлъ, что на подвиги добрыньскихъ рыцарей плохая надежда, и потому обратился къ другому, болѣе знаменитому своею храбростью ордену. Въ 1192 году, во время послѣднихъ попытокъ христіанъ удержаться въ Палестинѣ, тевтонскій орденъ рыцарей Богородицы получилъ окончательное утвержденіе. Новые рыцари носили черную тунику и бѣлый плащъ съ чернымъ крестомъ на лѣвомъ плечѣ; кромѣ обыкновенныхъ монашескихъ обѣтовъ, они обязывались ходить за больными и биться съ врагами вѣры; только Нѣмецъ и членъ стараго дворянскаго рода имѣлъ право на вступленіе въ орденъ. Уставъ его былъ строгій: рыцари жили вмѣстѣ, спали на твердыхъ ложахъ, ѣли скудную пищу за общею трапезой, не могли безъ позволенія начальниковъ выходить изъ дому, писать и получать письма; не смѣли ничего держать подъ замкомъ, чтобъ не имѣть и мысли объ отдѣльной собственности, не смѣли разговаривать съ женщиной. Каждаго вновь вступающаго брата встрѣчали суровыми словами: „Жестоко ошибаешься, ежели думаешь жить у насъ спокойно и весело; нашъ уставъ—когда хочешь ѣсть, то долженъ поститься, когда хочешь поститься, тогда долженъ ѣсть; когда хочешь идти спать, долженъ бодрствовать; когда хочешь бодрствовать, долженъ идти спать. Для ордена ты долженъ отречься отъ отца, отъ матери и сестры, и въ награду за это орденъ дастъ тебѣ хлѣбъ, воду да рубище“.

Къ этому-то ордену обратился Конрадъ Мазовецкій, съ просьбою о помощи противъ Пруссовъ. Тевтонскіе рыцари были славны своими подвигами въ Палестинѣ, богаты недвижимымъ имуществомъ, которое пріобрѣли въ даръ отъ государей въ разныхъ странахъ Европы; но они хорошо видѣли, что имъ нельзя долго держаться въ Палестинѣ, и потому не могли не согласиться на предложеніе Конрада. Оно обѣщало имъ новое поприще, новое средство продлить существованіе ордена, которое условливалось возможностью постоянной борьбы съ врагами Креста Христова. Въ 1225 году послы Конрада предложили магистру ордена, Герману Фонъ-Зальца землю Хельмскую или Кульмскую (terra Culmensis), съ обязанностью защищать польскія владѣнія отъ язычниковъ; въ 1226 году императоръ Фридрихъ II предоставилъ ордену владѣніе Кульмскою землею и всѣми странами, которыя онъ отниметъ впередъ у Пруссовъ, но въ видѣ имперскаго лена, безъ всякой зависимости отъ мазовецкихъ князей; въ 1228 году явился въ новыхъ владѣніяхъ ордена первый областной магистръ Пруссіи, Германъ Балкъ, съ сильнымъ отрядомъ рыцарей; въ 1230 году послѣдовало окончательное утвержденіе условій съ Конрадомъ, и орденъ началъ свою дѣятельность на новой почвѣ.

Пруссія была раздѣлена на одиннадцать областей, не связанныхъ другъ съ другомъ никакимъ политическимъ союзомъ; жители этихъ областей могли безнаказанно опустошать владѣнія Польши, слабой отъ раздѣла, усобицъ и внутренняго нестроенія; но сами, въ свою очередь, были неспособны ни къ какому соединенному, дружному предпріятію; ихъ нападенія на Польшу были набѣгами разбойничьихъ шаекъ; при оборонѣ собственной земли, они не могли выставить также общаго, дружнаго сопротивленія; каждая область, каждое племя боролось по-одиночкѣ съ своимъ новымъ врагомъ, а этотъ врагъ былъ—военное братство, которое существовало съ цѣлію постоянной, неусыпной борьбы и которое обладало всѣми средствами къ этой борьбѣ; на его сторонѣ была постоянная, самая строгая дисциплина, на его сторонѣ было военное искусство, на его сторонѣ было религіозное одушевленіе. Потери ордена были для него нечувствительны; послѣ каждаго пораженія онъ возставалъ съ болѣе грозными силами, потому что ряды погибшихъ братьевъ быстро замѣщались новыми подвижниками, стекавшимися со всѣхъ сторонъ, чтобъ пролить кровь свою въ священной борьбѣ, подъ славною хоругвію Дѣвы Маріи и Св. Георгія. Противъ суроваго дикаря западная Европа выставила столь же суроваго рыцаря, но со всѣми преимуществами образованности. Вѣренъ былъ успѣхъ на сторонѣ ордена; но орденъ дорого заплатилъ за этотъ успѣхъ. Первое занятіе прусскихъ земель Нѣмцами совершилось довольно быстро; городки старшинъ прусскихъ полегли передъ рыцарями, и замки послѣднихъ строились безпрепятственно: что шагъ впередъ, то новая твердыня. Но однимъ построеніемъ крѣпостей въ новозанятыхъ странахъ орденъ не ограничивался; льготами привлекались нѣмецкіе колонисты въ новопостроенные города; люди, стекавшіеся изъ разныхъ странъ помогать ордену въ священныхъ войнахъ, получали отъ него въ ленъ земельные участки, на которыхъ строили новые замки; ту-

земцы, оставшіеся отъ истребленія, принуждены были или бѣжать въ Литву, или принять христіанство и подчиниться игу новыхъ господъ. Для утвержденія новой вѣры среди Пруссовъ, орденъ отбиралъ дѣтей у туземцевъ и отсылалъ ихъ учиться въ Германію съ тѣмъ, чтобъ эти молодые люди, возвратясь потомъ на родину, содѣйствовали распространенію христіанства и нѣмецкой народности среди своихъ соплеменниковъ. Несмотря однако на эти средства, Пруссы, озлобленные жестокими притѣсненіями, тяжкими работами, надменнымъ обхожденіемъ побѣдителей, пять разъ возставали противъ послѣднихъ и противъ новой вѣры, принятой неволею. Въ первое изъ этихъ возстаній только двѣ области, прежде всѣхъ занятыя Нѣмцами, остались вѣрны ордену; въ другихъ же областяхъ прусскихъ рыцари едва успѣли удержать за собою нѣсколько замковъ, и такое состояніе дѣлъ продолжалось четырнадцать лѣтъ. Казалось, что орденъ долженъ былъ отказаться отъ надежды вторично покорить Пруссію; но вышло иначе, по причинамъ выше изложеннымъ: орденъ нельзя было окончательно обезсилить опустошеніемъ его владѣній, ибо онъ получалъ свое питаніе извнѣ, изъ всей Германіи, изо всей Европы. А Пруссы? Благодаря побужденію и подкрѣпленію извнѣ, отъ князей литовскихъ, они умѣли единовременно возстать противъ пришельцевъ; но при самомъ этомъ единодушномъ и единовременномъ возстаніи каждая область выбрала особаго вождя—дурное предвѣщаніе для будущаго единства въ борьбѣ. И точно: когда орденъ началъ снова наступательное движеніе, борьба приняла прежній характеръ,—каждая область снова защищалась отдѣльно, и, разумѣется, при такой особности, не могла устоять предъ дружнымъ и постояннымъ напоромъ рыцарей. Наконецъ продолжительное знакомство съ христіанствомъ, съ высшею образованностію пришельцевъ должно было произвести среди Пруссовъ свое дѣйствіе: несмотря на упорную привязанность къ родной старинѣ, на жестокую ненависть къ пришельцамъ-поработителямъ, нѣкоторые изъ Пруссовъ, разумѣется лучшіе, не могли не замѣтить превосходства вѣры и быта послѣднихъ; и вотъ иногда случалось, что среди сильнаго возстанія избранный вождь этого возстанія, лучшій человѣкъ въ области, вдругъ покидалъ дѣло соплеменниковъ, переходилъ на сторону рыцарей и принималъ христіанство съ цѣлымъ родомъ своимъ,—такъ начала обнаруживаться слабость въ самой основѣ сопротивленія со стороны Пруссовъ, въ религіозномъ одушевленіи. Второе возстаніе было послѣднимъ обнаруженіемъ силъ прусской народности; третье возстаніе, случившееся въ послѣдней четверти XIII вѣка, показало только, что эта народность находится уже при послѣднемъ своемъ часѣ: вспыхнувши вслѣдствіе личныхъ, своекорыстныхъ побужденій одного человѣка, оно тотчасъ же потухло; четвертое и пятое возстанія носили такой же характеръ; при пятомъ жители одной прусской области—Самбіи, видя, что всѣ лучшіе люди прямятъ ордену, положили истребить сперва ихъ, и потомъ уже броситься на Нѣмцевъ; они выбрали себѣ въ предводители одного молодого человѣка, но тотъ принялъ это званіе для того только, чтобъ удобнѣе предать главныхъ враговъ въ руки рыцарей. Ясны были признаки безсилія Пруссовъ, а между тѣмъ рыцари не отдыхали на лаврахъ, неутомимо и неуклонно преслѣдовали свою цѣль и, послѣ пятидесятидвухлѣтней кровавой борьбы, покончили завоеваніе Пруссіи [1]).

Такимъ образомъ, благодаря Конраду Мазовецкому, Пруссія и даже нѣкоторыя изъ старыхъ славянскихъ земель уступлены были въ пользу нѣмецкой народности. О непосредственномъ столкновеніи новыхъ завоевателей съ Русью лѣтописецъ оставилъ намъ неполный и смутный разсказъ подъ 1235 годомъ; по его словамъ, Даніилъ сказалъ: „Не годится держать нашу отчину крестовымъ рыцарямъ",—и пошелъ съ братомъ на нихъ въ силѣ тяжкой, взялъ городъ, захватилъ въ плѣнъ старшину Бруно, ратниковъ, и возвратился во Владиміръ. Даніилъ хотѣлъ-было также принять участіе въ войнѣ императора Фридриха II-го съ австрійскимъ герцогомъ Фридрихомъ Воинственнымъ, помогать послѣднему, но былъ остановленъ въ этомъ намѣреніи королемъ Венгерскимъ. Кромѣ того, лѣтопись упоминаетъ о войнахъ съ Литвой и Ятвягами: въ 1229 году, во время отсутствія Романовича въ Польшу на помощь Конраду, жители Бреста съ княземъ Владиміромъ Пинскимъ истребили толпу Литовцевъ. Надъ Ятвягами Романовичи одержали побѣду въ 1226 году. Половцы по-прежнему участвуютъ въ княжескихъ усобицахъ, но о походахъ на нихъ не слышно.

Въ такомъ положеніи находились дѣла въ Сѣверной и Южной Руси, когда въ другой разъ услыхали о Татарахъ. Въ 1227 году умеръ Чингисъ-Ханъ; ему наслѣдовалъ сынъ его Угедей (Октай); старшій сынъ Чингиса—Джучи, назначенный владѣльцемъ страны, лежащей между Яикомъ и Днѣпромъ, Кипчака, прежнихъ кочевьевъ половецкихъ, умеръ при жизни отца, и Чингисъ отдалъ Кипчакъ сыну его Батыю (Бату). Еще подъ 1229 годомъ наши лѣтописи упоминаютъ, что Саксины и Половцы прибѣжали съ низовьевъ Волги къ Болгарамъ, гонимые Татарами, прибѣжали и сторожа болгарскіе, разбитые послѣдними на рѣкѣ Яикѣ. Въ 1236 году 300,000 Татаръ, подъ начальствомъ Батыя, вошли въ землю Болгарскую, сожгли славный городъ Великій, истребили всѣхъ жителей, опустошили всю землю; толпы Болгаръ, избѣжавшихъ истребленія и плѣна, явились въ предѣлахъ русскихъ и просили князя Юрія дать имъ здѣсь мѣсто для поселенія; Юрій обрадовался и указалъ развести ихъ по городамъ поволжскимъ и другимъ [2]). Въ слѣдующемъ году лѣсною стороною съ востока явились въ рязанскихъ предѣлахъ и Татары. Ставши на одномъ

---

[1]) См. Rogalskiego-Dzieje Krzyzaków, 1847.
[2]) Татищ. III, 465.

изъ притоковъ Суры [1]), Батый послалъ жену чародѣйку и съ нею двухъ мужей къ князьямъ рязанскимъ требовать десятины отъ всего—князей, простыхъ людей и коней, десятины отъ коней бѣлыхъ, десятины отъ вороныхъ, бурыхъ, рыжихъ, пѣгихъ. Князья рязанскіе, Юрій Игоревичъ съ двумя племянниками Ингваревичами—Олегомъ и Романомъ, также князья Муромскій и Пронскій, не подпуская Татаръ къ городамъ, отправились къ нимъ на-встрѣчу въ Воронежъ и объявили имъ: „Когда никого изъ насъ не останется, тогда все будетъ ваше". Между тѣмъ, они послали во Владиміръ къ князю Юрію объявить ему о бѣдѣ и просить помощи; но Юрій не исполнилъ ихъ просьбы, и хотѣлъ одинъ оборониться. Услыхавши отвѣтъ князей рязанскихъ, Татары двинулись дальше, и 16-го декабря осадили Рязань, а 21-го взяли приступомъ и сожгли, истребивши жителей; князя Юрія удалось имъ выманить обманомъ изъ города; они повели его къ Пронску, гдѣ была у него жена, выманили и ее обманомъ, убили обоихъ, опустошили всю Землю Рязанскую и двинулись къ Коломнѣ. Здѣсь дожидался ихъ сынъ великаго князя Юрія, Всеволодъ, съ бѣглецомъ рязанскимъ, княземъ Романомъ Ингваревичемъ, и воеводою Еремѣемъ Глѣбовичемъ; послѣ крѣпкой сѣчи, великокняжеское войско потерпѣло пораженіе; въ числѣ убитыхъ былъ князь Романъ и воевода Еремѣй, а Всеволодъ Юрьевичъ успѣлъ спастись бѣгствомъ во Владиміръ съ малою дружиною. Татары шли дальше,—взяли Москву, гдѣ убили воеводу Филиппа Няньку, захватили князя Владиміра Юрьевича и отправились съ нимъ ко Владиміру. Великій князь оставилъ здѣсь своихъ сыновей, Всеволода и Мстислава съ воеводою Петромъ Ослядуковичемъ, а самъ съ тремя племянниками—Константиновичами—поѣхалъ на Волгу и сталъ на рѣкѣ Сити; потомъ, оставивъ здѣсь воеводу Жирослава Михайловича, онъ отправился по окрестнымъ волостямъ собирать ратныхъ людей, поджидалъ и братьевъ — Ярослава и Святослава. 3 февраля толпы татарскія, безчисленныя какъ саранча, подступили ко Владиміру, и, подъѣхавши къ Золотымъ воротамъ съ плѣнникомъ своимъ, княземъ Владиміромъ Московскимъ, стали спрашивать у жителей: „Великій князь Юрій въ городѣ ли?" Владимірцы, вмѣсто отвѣта, пустили въ нихъ стрѣлы, Татары отплатили имъ тѣмъ же, потомъ закричали: „Не стрѣляйте!" и, когда стрѣльба прекратилась, подвели поближе къ воротамъ и показали имъ Владиміра, спрашивая: „Узнаете ли вашего княжича?" Братья, бояре и весь народъ заплакали, увидавши Владиміра блѣднаго, исхудалаго. Возбужденные этимъ видомъ, князья Всеволодъ и Мстиславъ хотѣли-было немедленно выѣхать изъ Золотыхъ воротъ и биться съ Татарами, но были удержаны воеводою Ослядуковичемъ. Между тѣмъ Татары, урядивши, гдѣ стать имъ около Владиміра, пошли сперва къ Суздалю, сожгли его, и, возвратившись опять ко Владиміру, начали ставить лѣса и пороки (стѣнобитныя орудія), ставили съ утра до вечера, и въ ночь нагородили тынъ около всего города. Утромъ князь Всеволодъ и владыка Митрофанъ, увидавши эти приготовленія, поняли, что города не отстоять, и начали приготовляться къ смерти; 7-го февраля Татары приступили къ городу, до обѣда взяли новый городъ и запалили его, послѣ чего князья Всеволодъ и Мстиславъ и всѣ жители бросились бѣжать въ старый, или Печерный городъ; князь Всеволодъ, думая умилостивить Батыя, вышелъ къ нему изъ города съ малою дружиною, неся дары; но Батый не пощадилъ его молодости, велѣлъ зарѣзать передъ собою. Между тѣмъ, епископъ Митрофанъ, великая княгиня съ дочерью, снохами и внучатами, другія княгини со множествомъ бояръ и простыхъ людей заперлись въ Богородичной церкви на полатяхъ. Татары отбили двери, ограбили церковь, потомъ наклали лѣсу около церкви и въ самую церковь, и зажгли ее; всѣ бывшіе на полатяхъ задохнулись отъ дыма или сгорѣли, или были убиты. Изъ Владиміра Татары пошли дальше, раздѣлившись на нѣсколько отрядовъ: одни отправились къ Ростову и Ярославлю, другіе—на Волгу и на Городецъ, и поплѣнили всю страну поволжскую до самаго Галича Мерскаго; иные пошли къ Переяславлю, взяли его, взяли другіе города: Юрьевъ, Дмитровъ, Волоколамскъ, Тверь, гдѣ убили сына Ярославова; до самого Торжка не осталось ни одного мѣста, гдѣ бы не воевали; въ одинъ февралъ мѣсяцъ взяли четырнадцать городовъ, кромѣ слободъ и погостовъ.

Великій князь Юрій стоялъ на Сити, когда пришла къ нему вѣсть о сожженіи Владиміра и гибели семейства; онъ послалъ воеводу Дорожа съ трехтысячнымъ отрядомъ разузнать о непріятелѣ; Дорожъ прибѣжалъ назадъ и объявилъ, что Татары уже обошли русское войско кругомъ. Тогда князь сѣлъ на коня и, вмѣстѣ съ братомъ Святославомъ и тремя племянниками, выступилъ противъ враговъ 4-го марта 1238 года; послѣ этой сѣчи русскіе полки побѣжали предъ иноплеменниками, причемъ князь Юрій былъ убитъ и множество войска его погибло, а Василько Константиновичъ былъ взятъ въ плѣнъ. Татарамъ очень хотѣлось, чтобъ Василько принялъ ихъ обычаи и воевалъ вмѣстѣ съ ними; но Ростовскій князь ни ѣлъ, ни пилъ, чтобъ не оскверниться пищею поганыхъ, укоризнами отвѣчалъ на ихъ убѣжденія, и раздосадованные варвары наконецъ убили его [2]). Лѣтописецъ очень

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. I, 221: «Сташа первое станомъ на Онузѣ»; въ др. спискахъ: Нузлѣ, Онозѣ, Унузѣ, Тунузѣ. Думаютъ слышать подобные звуки въ Сурскихъ притокахъ: Узѣ, Инзѣ, Инсарѣ, Пензѣ.—См. о томъ же Русскій Временникъ I, стр. 110. и слѣд.: здѣсь разсказывается, что Рязанскій князь послалъ сначала къ Батыю сына своего Ѳеодора, у котораго ханъ сталъ просить жены красавицы; Ѳеодоръ отказалъ и былъ убитъ; жена его, услыхавши объ этомъ, ринулась вмѣстѣ съ малюткою сыномъ съ высокихъ хоромъ и убилась до смерти, и проч.

[2]) Василько былъ убитъ въ Ширинскомъ лѣсу. Село

хвалитъ этого князя: былъ онъ красивъ лицомъ, имѣлъ ясный и вмѣстѣ грозный взглядъ, былъ необыкновенно храбръ, отваженъ на охотѣ, сердцемъ легокъ, до бояръ ласковъ; бояринъ, который ему служилъ, хлѣбъ его ѣлъ, чашу пилъ и дары бралъ, тотъ бояринъ никакъ не могъ быть у другихъ князей,—такъ Василько любилъ своихъ слугъ.—Отъ Сити Татары пошли къ юго-западу, осадили Торжокъ, били въ него пороками двѣ недѣли и наконецъ взяли 23-го марта, истребили всѣхъ жителей. Отъ Торжка пошли Селигерскимъ путемъ, посѣкая людей какъ траву; но, не дошедши ста верстъ до Новгорода, остановились [4]), боясь, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, приближенія весенняго времени, разлива рѣкъ, таянія болотъ, и пошли къ юго-востоку, на степь. На этой дорогѣ Батый былъ задержанъ семь недѣль у города Козельска, гдѣ княжилъ одинъ изъ Ольговичей, молодой Василій; жители Козельска рѣшились не сдаваться Татарамъ: „Хотя князь нашъ и молодъ, сказали они, но положимъ животъ свой за него; и здѣсь славу, и тамъ небесные вѣнцы отъ Христа Бога получимъ". Татары разбили наконецъ городскія стѣны и взошли на валъ, но и тутъ встрѣтили упорное сопротивленіе: горожане рѣзались съ ними ножами, а другіе вышли изъ города, напали на татарскіе полки и убили 4,000 непріятелей, пока сами всѣ не были истреблены; остальные жители, жены и младенцы подверглись той же участи; что случилось съ княземъ Василіемъ,—не извѣстно: одни говорятъ, что онъ утонулъ въ крови, потому что былъ еще молодъ. Съ тѣхъ поръ, прибавляетъ лѣтописецъ, Татары не смѣли называть Козельскъ настоящимъ его именемъ, а называли злымъ городомъ.

По взятіи Козельска, Батый отправился въ степи, въ землю Половецкую, и разбилъ здѣсь хана Котяна, который съ 40,000 своего народа удалился въ Венгрію, гдѣ получилъ земли для поселенія. Въ слѣдующемъ 1239 году татарскія толпы снова явились на сѣверо-востокѣ, взяли Землю Мордовскую, повоевали по Клязьмѣ, пожгли городъ Гороховецъ, принадлежавшій владимірской Богородичной церкви. Вѣсть о новомъ ихъ нашествіи нагнала такой ужасъ, что жители городовъ и селъ бѣжали, сами не зная куда. На этотъ разъ впрочемъ Татары не шли далѣе Клязьмы на сѣверо-востокѣ; но за то путемъ половецкимъ явились въ предѣлахъ Южной Руси, взяли и сожгли Переяславль южный, половину жителей истребили, другихъ повели въ плѣнъ. Въ то же время Батый отправилъ отрядъ войска и на Черниговъ; на помощь осажденнымъ явился двоюродный братъ Михаила, Мстиславъ Глѣбовичъ, но потерпѣлъ пораженіе и убѣжалъ въ Венгрію. Черниговъ былъ взятъ и сожженъ, но епископъ былъ пощаженъ: такъ уже обозначилось обыкновеніе Татаръ—уважать религію каждаго народа и ея служителей. По взятіи Чернигова, племянникъ Батыя, сынъ Угедея, Менгу-Ханъ пріѣхалъ къ Песочному Городку, на лѣвый берегъ Днѣпра, противъ Кіева, чтобъ посмотрѣть на этотъ городъ; по словамъ лѣтописца, Татаринъ удивился красотѣ и величеству Кіева, и отправилъ пословъ къ князю Михаилу и гражданамъ склонять ихъ къ сдачѣ; но тѣ не послушались—и послы были убиты. Михаилъ однако не дождался осады и бѣжалъ въ Венгрію; несмотря на опасность, красота и величество Кіева привлекали еще князей къ этому городу, и на мѣсто Михаила явился изъ Смоленска внукъ Давыдовъ, Ростиславъ Мстиславичъ; но старшій по родовой лѣстницѣ, четвероюродный братъ его, Даніилъ Галицкій, не позволилъ ему долго оставаться въ Кіевѣ: онъ схватилъ Ростислава и взялъ Кіевъ себѣ; самъ однако не остался въ немъ, а поручилъ оборонять его отъ Татаръ тысяцкому Димитрію. Между тѣмъ, во время бѣгства Михаилова въ Венгрію, жена его (сестра Даніилова) и бояре были захвачены княземъ Ярославомъ [2]), который овладѣлъ также Каменцомъ. Услыхавъ объ этомъ, Даніилъ послалъ сказать ему: „Отпусти ко мнѣ сестру, потому что Михаилъ на обоихъ насъ зло мыслитъ". Ярославъ исполнилъ Даніилову просьбу, отправилъ черниговскую княгиню къ брату, а между тѣмъ дѣла мужа ея шли неудачно въ Венгріи; король не захотѣлъ выдать дочери своей за сына его Ростислава и прогналъ его отъ себя; Михаилъ съ сыномъ отправились тогда въ Польшу къ дядѣ своему Конраду. Но и здѣсь, какъ видно, они не могли получить помощи и потому должны были смириться предъ Романовичами, послали сказать имъ: „Много разъ грѣшили мы предъ вами, много надѣлали вамъ вреда, и обѣщаній своихъ не исполняли; когда и хотѣли жить въ дружбѣ съ вами, то невѣрные Галичане не допускали насъ до этого; но теперь клянемся, что никогда не будемъ враждовать съ вами". Романовичи позабыли зло, отпустили сестру свою къ Михаилу и привели его самого къ себѣ изъ Польши; мало того,—обѣщали отдать ему Кіевъ, а сыну его Ростиславу отдали Луцкъ; но Михаилъ, боясь Татаръ, не смѣлъ идти въ Кіевъ, и ходилъ по волости Романовичей, которые надавали ему много пшеницы, меду, быковъ и овецъ.

Боязнь Михаилова была основательна; въ 1240 году явился Батый подъ Кіевомъ: окружила го-

---

Ширинское, прежде бывшій монастырь, отъ Кашина въ 23 верстахъ, отъ Калязина въ 38—40, при рѣкѣ Ширинкѣ, впадающей въ Медвѣдицу, и теперь въ лѣсной сторонѣ.

[4]) Татищ. III, 416.—Татары дошли до Игнача Креста; быть можетъ это нынѣшнее Крестцы.

[2]) Какимъ Ярославомъ? по всѣмъ вѣроятностямъ Ингваревичемъ Волынскимъ. Въ Волын. лѣтоп. и въ Пушкин. сп. у Карамзина сказано просто «Ярославъ»; въ позднѣйшемъ Никоновскомъ сборникѣ прибавлено «Всеволодовичъ»; но эта прибавка позднѣйшаго составителя объясняется естественно; въ разсказѣ Волынскаго лѣтописца ясно видно, что Ярославъ былъ ближайшій мѣстный князь, который перехватилъ на дорогѣ жену и бояръ Михаиловыхъ: «Яко бѣжалъ есть Михаилъ изъ Кыева въ Угры, Ярославъ ѣхавъ я княгиню его и бояръ его пойма».

родъ и остолпила сила татарская, по выраженію лѣтописца; Кіевлянамъ нельзя было разслышать другъ друга отъ скрипа телѣгъ татарскихъ, рева верблюдовъ, ржанія лошадей. Батый поставилъ пороки возлѣ воротъ Лядскихъ, потому что около этого мѣста были дебри; пороки били безпрестанно день и ночь, и выбили наконецъ стѣны; тогда граждане взошли на остатокъ укрѣпленій и все продолжали защищаться; тысяцкій Димитрій былъ раненъ, Татары овладѣли и послѣдними стѣнами, и расположились провести на нихъ остатокъ дня и ночь. Но въ ночь граждане выстроили новыя деревянныя укрѣпленія около Богородичной церкви, и Татарамъ на другой день нужно было брать ихъ опять съ кровопролитнаго бою. Граждане спѣшили спастись съ имѣніемъ своимъ на церкви; но стѣны церковныя рухнули подъ ними отъ тяжести, и Татары окончательно овладѣли Кіевомъ 6-го декабря; раненаго Димитрія Батый не велѣлъ убивать за его храбрость. Вѣсть о гибели Кіева послужила знакомъ къ отъѣзду князей—Михаила въ Польшу къ Конраду, Даніила въ Венгрію. Узнавши объ этомъ, Батый двинулся на Волынь; подошедши къ городу Ладыжину на Бугѣ [1]), онъ поставилъ противъ него 12 пороковъ — и не могъ разбить стѣнъ; тогда льстивыми словами началъ уговаривать гражданъ къ сдачѣ; тѣ повѣрили его обѣщаніямъ, сдались—и были всѣ истреблены. Потомъ взятъ былъ Каменецъ, Владиміръ, Галичъ и много другихъ городовъ, обойденъ одинъ Кременецъ по своей неприступности. Тогда плѣнный тысяцкій Димитрій, видя гибель Земли Русской, сталъ говорить Батыю: „Будетъ тебѣ здѣсь воевать, время идти на Венгровъ; если же еще станешь медлить, то тамъ Земля сильная, соберутся и не пустятъ тебя въ нее“. Батый послушался и направилъ путь къ венгерскимъ границамъ.

Страхъ напалъ на западную Европу, когда узнали о приближеніи Татаръ къ границамъ католическаго міра. Извѣстія объ ужасахъ, испытанныхъ Русью отъ Татаръ, страшные разсказы объ ихъ дикости, въ соединеніи съ чудесными баснями объ ихъ происхожденіи и прежнихъ судьбахъ, распространились по Германіи и далѣе на западъ. Разсказывали, что татарское войско занимаетъ пространство на двадцать дней пути въ длину и пятнадцать въ ширину, огромные табуны дикихъ лошадей слѣдуютъ за нимъ; что Татары вышли прямо изъ ада и потому наружностію не похожи на другихъ людей. Императоръ Фридрихъ II-й разослалъ воззваніе къ общему вооруженію противъ страшныхъ враговъ: „Время, писалъ онъ, пробудиться отъ сна, открыть глаза духовные и тѣлесные. Уже сѣкира лежитъ при деревѣ, и по всему свѣту разносится вѣсть о врагѣ, который грозитъ гибелью цѣлому христіанству. Уже давно мы слышали о немъ, но считали опасностью отдаленною, когда между нимъ и нами находилось столько храбрыхъ народовъ и князей. Но теперь, когда одни изъ этихъ князей погибли, а другіе обращены въ рабство,—теперь пришла наша очередь стать оплотомъ христіанству противъ свирѣпаго непріятеля“. Но воззваніе доблестнаго Гогенштауфена не достигло цѣли: въ Германіи не тронулись на призывъ ко всеобщему вооруженію, ибо этому мѣшала борьба императора съ папою и проистекавшее отъ этой борьбы разъединеніе; Германія ждала враговъ въ бездѣйственномъ страхѣ, и одни Славянскія государства должны были взять на себя борьбу съ Татарами.

Весною 1241 года Батый перешелъ Карпаты и поразилъ Венгерскаго короля на рѣкѣ Солоной (Сайо); король убѣжалъ въ Австрію,—и владѣнія его были опустошены. Еще прежде другой отрядъ Татаръ опустошилъ волость Сендомирскую; потомъ Татары перешли Вислицу, поразили двухъ польскихъ князей, и въ концѣ апрѣля вторглись въ Нижнюю Силезію. Здѣшній герцогъ Генрихъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу у Лигница, палъ въ битвѣ, и уже Татарамъ открытъ былъ путь чрезъ Лузацкія долины къ Эльбѣ, во внутренность Германіи, какъ, день спустя послѣ Лигницкой битвы, передъ ними явились полки Чешскаго короля Вячеслава. Татары не рѣшились вступить во вторичную битву, и пошли назадъ въ Венгрію; на этомъ пути опустошили Силезію и Моравію, но при осадѣ Ольмюца потерпѣли пораженіе отъ чешскаго воеводы, Ярослава изъ Штернберга, и удалились поспѣшно въ Венгрію. Отсюда въ томъ же году они попытались вторгнуться въ Австрію, но здѣсь загородило имъ дорогу большое ополченіе подъ начальствомъ короля Чешскаго Вячеслава, герцоговъ Австрійскаго и Каринтійскаго; Татары опять не рѣшились вступить въ битву, и скоро отхлынули на востокъ [2]). Западная Европа была спасена; но сосѣдняя съ степями Русь, европейская Украйна, надолго подпала вліянію Татаръ. Чтобъ впослѣдствіи вѣрнѣе опредѣлить степень этого вліянія, мы должны теперь познакомиться съ нравами и бытомъ этихъ послѣднихъ азіатскихъ владыкъ восточной европейской равнины. Мы будемъ пользоваться извѣстіями западныхъ путешественниковъ, сводя ихъ съ восточными извѣстіями, намъ доступными [3]).

По этимъ извѣстіямъ, наружностью своею новые завоеватели нисколько не походили на другихъ людей: большее, чѣмъ у другихъ племенъ разстояніе между глазами и щеками, выдавшіяся скулы, приплюснутый носъ, маленькіе глаза, небольшой ростъ, рѣдкіе волосы на бородѣ — вотъ отличительныя черты ихъ наружности. Женъ Татаринъ

[1]) Теперь мѣстечко Подольской губерніи Гайсинскаго уѣзда.

[2]) Roepele's—Geschichte Polens, II, 466.

[3]) Iohannis de Plano-Carpini, Antivariensis Archiepiscopi historia Mongolorum.—Въ Recueil de voyages et de mémoires, publié par la société de Géographie, t. IV. In appendice: De itinere fratrum minorum ad Tartaros quae frater Benedictus Polonus viva voce retulit. О восточныхъ извѣстіяхъ см. Geschichte der golden Horde, von Hammer-Purgstall, 2 und 5 Buch.

имѣетъ столько, сколько можетъ содержать; женятся не разбирая родства, не берутъ за себя только мать, дочь и сестру отъ одной матери; женъ покупаютъ дорогою цѣною у родителей послѣднихъ. Живутъ они въ круглыхъ юртахъ, сдѣланныхъ изъ хворосту и тонкихъ жердей, покрытыхъ войлокомъ; наверху находится отверстіе для освѣщенія и выхода дыма, потому что по серединѣ юрты всегда у нихъ разведенъ огонь. Нѣкоторыя изъ этихъ юртъ легко разбираются и возятся на телѣгахъ какъ есть, и, куда бы ни пошли Татары, на войну или такъ куда-нибудь, всюду возятъ ихъ за собою. Главное богатство ихъ состоитъ въ скотѣ: верблюдахъ, быкахъ, овцахъ, козахъ и лошадяхъ; у нихъ столько скота, сколько нѣтъ во всемъ остальномъ мірѣ.—Вѣрятъ въ одного Бога, Творца всего видимаго и невидимаго, виновника счастія и бѣдствій. Но этому Богу они не молятся и не чествуютъ его, а приносятъ жертвы идоламъ, сдѣланнымъ изъ разныхъ матеріаловъ на-подобіе людей и помѣщаемымъ противъ дверей юрты; подъ этими идолами кладутъ изображеніе сосцовъ, считая ихъ охранителями стадъ. Боготворятъ также умершихъ хановъ своихъ, изображеніямъ которыхъ приносятъ жертвы, и творятъ поклоны, смотря на югъ; обожаютъ солнце, луну, воду и землю. Держатся разныхъ суевѣрныхъ преданій; напр., считаютъ грѣхомъ дотронуться ножемъ до огня, бичемъ до стрѣлъ, ловить или бить молодыхъ птицъ, переломить кость другою костью, пролить на землю молоко или другой какой-нибудь напитокъ и т. п. Молнію считаютъ огненнымъ дракономъ, падающимъ съ неба и могущимъ оплодотворять женщинъ. Вѣрятъ въ будущую жизнь, но думаютъ, что и по смерти будутъ вести такую же жизнь, какъ и здѣсь на землѣ. Сильно вѣрятъ гаданіямъ и чарамъ; думаютъ, напримѣръ, что огонь все очищаетъ; и потому иностранныхъ пословъ и князей съ дарами ихъ проводятъ сперва между двухъ огней, чтобъ они не могли принести хану какого-нибудь зла.—Нѣтъ ни одного народа въ мірѣ, который бы отличался такимъ послушаніемъ и уваженіемъ къ начальникамъ своимъ, какъ Татары. Бранятся они рѣдко между собою и никогда не дерутся; воровъ у нихъ нѣтъ, и потому юрты и кибитки ихъ не запираются; другъ съ другомъ общительны, помогаютъ въ нуждѣ; воздержны и терпѣливы: случится день-два не поѣсть — ничего: поютъ и играютъ, какъ будто бы сытно пообѣдали; легко переносятъ также холодъ и жаръ; жены ихъ цѣломудренны на дѣлѣ, но нѣкоторыя невоздержны на непристойныя слова. Любятъ пить, но и въ пьяномъ видѣ не бранятся и не дерутся.—Описавъ добрыя качества Татаръ, западный путешественникъ — миноритъ Іоаннъ Плано-Карпини переходитъ къ дурнымъ; прежде всего поразила его въ нихъ непомѣрная гордость, презрѣніе ко всѣмъ другимъ народамъ. Мы видѣли, говоритъ онъ, при дворѣ ханскомъ великаго князя Русскаго Ярослава, сына царя Грузинскаго и многихъ другихъ владѣтельныхъ особъ, и ни одному изъ нихъ не было воздаваемо должной почести: приставленные къ нимъ Татары, люди незначительные, всегда брали передъ ними первое мѣсто. Татары сколько обходительны другъ съ другомъ, столько же раздражительны, гнѣвливы съ чужими, лживы, коварны, страшно жадны и скупы, свирѣпы,—убить человѣка имъ ничего не стоитъ; наконецъ очень неопрятны. По законамъ Чингисъ-хана, смертная казнь назначалась за 14 преступленій: за супружескую невѣрность, воровство, убійство и, между прочимъ, за то, если кто убьетъ животное не по принятому обычаю. Между дѣтьми отъ жены и наложницы нѣтъ у нихъ различія, однако наслѣдникомъ престола считался младшій сынъ, котораго мать была знатнѣе по происхожденію своему всѣхъ другихъ ханшъ; младшій сынъ считался охранителемъ домашняго очага, онъ поддерживалъ семью въ случаѣ, если старшіе будутъ убиты на войнѣ. Мужчины ничѣмъ не занимались, кромѣ стрѣльбы, да еще немного заботились о стадахъ; большую же часть времени проводили на охотѣ и въ стрѣльбѣ, потому что всѣ они отъ мала до велика хорошіе стрѣлки: дѣти съ двухъ или трехъ лѣтъ начинаютъ ѣздить верхомъ и стрѣлять въ цѣль. Дѣвушки и женщины ѣздятъ верхомъ, какъ мужчины, носятъ луки и стрѣлы; на женщинахъ лежатъ всѣ хозяйственныя заботы.—Вообще женщины пользовались уваженіемъ, щадить ихъ по возможности было закономъ; ханши имѣли сильное вліяніе на дѣла, имъ принадлежало регентство; въ торжественныхъ случаяхъ подлѣ хана сидѣла и жена его или жены; даже магометанинъ Узбекъ садился по пятницамъ на золотомъ тронѣ, окруженный справа и слѣва женами. Касательно военнаго устройства, Чингисъ-Ханъ опредѣлилъ, чтобъ надъ каждыми десятью человѣками былъ одинъ начальникъ, десятникъ; надъ десятью десятниками начальствовалъ сотникъ, надъ десятью тысячниками—особый начальникъ, а число войска, ему подчиненнаго,—называлось т ь м о ю [1]); сторожевыя отряды назывались к а р а у л а м и. Бѣглецы съ поля битвы (если только бѣгство не было всеобщимъ) всѣ умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько храбро бились, а остальные не слѣдовали ихъ примѣру, то послѣдніе умерщвлялись; если изъ десятка одинъ или нѣсколько были взяты въ плѣнъ, а товарищи ихъ не освободили, то послѣдніе также умерщвлялись. Каждый Татаринъ долженъ имѣть лукъ, колчанъ, наполненный стрѣлами, топоръ и веревки для того, чтобъ тащить осадныя машины. Богатые, сверхъ того, имѣютъ кривыя сабли, шлемы, брони и лошадей, также защищенныхъ; нѣкоторыя дѣлаютъ брони для себя и для лошадей изъ

[1]) Et ille numerus vocatur t e n e b r a e apud eos. Издатели замѣчаютъ: «Le mot tartare auquel il est ici fait allusion est celui de t o u m â n signifiant dix mille, facile a confondre, par un étranger, avec celui de t h o u m ê n, signifiant nuages, fumée, obcurité.—Но любопытно, что у насъ 10.000 также называется тьмою, и татарскій начальникъ этого числа воиновъ —«темникомъ», точно также какъ у татаръ: Dehe Sade, Hesare, Temnik.

кожи, нѣкоторые вооружаются также копьями; щиты у нихъ хворостяные. Вступая въ непріятельскую землю, Татары посылаютъ передовые отряды, которые ничего не опустошаютъ, но стараются только убивать людей или обратить ихъ въ бѣгство; за ними слѣдуетъ цѣлое войско, которое, наоборотъ, истребляетъ все на пути своемъ. Если встрѣтится большая рѣка, то переправляются сидя на кожаныхъ мѣшкахъ, наполненныхъ пожитками и привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ! Завидя непріятеля, передовой отрядъ бросаетъ въ него по три или четыре стрѣлы, и если замѣчаетъ, что не можетъ одолѣть его въ схваткѣ, обращается въ бѣгство, чтобъ заманить преслѣдующаго непріятеля въ засаду; на войнѣ—это самый хитрый народъ, и немудрено: больше сорока лѣтъ ведутъ они безпрестанныя войны. Вожди не вступаютъ въ битву, но стоятъ далеко отъ непріятеля, окруженные дѣтьми и женщинами на лошадяхъ, иногда сажають на лошадей чучелъ, чтобъ казалось больше войска. Прямо противъ непріятеля высылаютъ отряды изъ покоренныхъ народовъ, а толпы самыхъ храбрыхъ людей посылаютъ направо и налѣво въ дальнемъ разстояніи, чтобъ послѣ неожиданно обхватить врага. Если послѣдній крѣпко бьется, то обращаются въ бѣгство, и въ бѣгствѣ бьютъ стрѣлами преслѣдующаго непріятеля. Вообще они не охотники до ручныхъ схватокъ, но стараются сперва перебить и переранить какъ можно больше людей и лошадей стрѣлами, и потомъ уже схватываются съ ослабленнымъ такимъ образомъ непріятелемъ. При осадѣ крѣпостей разбиваютъ стѣны машинами, бросая стрѣлы въ осажденныхъ и не перестаютъ бить и биться ни днемъ, ни ночью, чтобъ не давать нисколько покоя послѣднимъ, а сами отдыхаютъ, потому что одинъ отрядъ смѣняетъ другой; бросаютъ на крыши домовъ жиръ убитыхъ людей и потомъ греческій огонь [1]), который отъ того лучше горитъ; отводятъ рѣки отъ городовъ или, наоборотъ, наводняютъ послѣдніе, дѣлаютъ подкопы; наконецъ огораживаютъ свой станъ, чтобъ быть безопасными отъ стрѣльбы непріятелей и долгимъ облежаніемъ принуждаютъ послѣднихъ къ сдачѣ. При этомъ они стараются сперва обѣщаніями уговорить гражданъ къ сдачѣ, и когда тѣ согласятся, то говорятъ имъ: „Выходите, чтобъ, по своему обычаю, мы могли пересчитать васъ", и когда всѣ жители выйдутъ изъ города, то спрашиваютъ, кто между ними знаетъ какое-нибудь искусство?—и тѣхъ сохраняютъ, а остальныхъ же убиваютъ, кромѣ тѣхъ, которыхъ выбираютъ въ рабы; но при этомъ лучшіе, благородные люди никогда не дождутся отъ нихъ пощады. По приказанію Чингисъ-Хана, не должно щадить имѣнія и жизни враговъ, потому что плодъ пощады—сожалѣніе. Миръ заключаютъ они только съ тѣми народами, которые соглашаются признать ихъ господство, потому что Чингисъ-Ханъ завѣщалъ имъ покорить всѣ народы.

[1]) Сравни это извѣстіе съ извѣстіемъ о Половчинѣ, который стрѣлялъ живымъ огнемъ, т. II.

Условія, на которыхъ Татары принимаютъ къ себѣ въ подданство какой нибудь народъ, суть слѣдующія: жители подчиненной страны обязаны ходить съ ними на войну по первому востребованію, потомъ давать десятину отъ всего, отъ людей и отъ вещей; берутъ они десятаго отрока и дѣвицу, которыхъ отводятъ въ свои кочевья и держатъ въ рабствѣ, остальныхъ жителей перечисляютъ для сбора подати. Требуютъ также, чтобъ князья подчиненныхъ странъ являлись безъ замедленія въ Орду и привозили богатые подарки хану, его женамъ, тысячникамъ, сотникамъ, однимъ словомъ—всѣмъ, имѣющимъ какое-нибудь значеніе; нѣкоторые изъ этихъ князей лишаются жизни въ Ордѣ; нѣкоторые возвращаются, но оставляютъ въ заложникахъ сыновей или братьевъ, и принимаютъ въ свои земли баскаковъ, которымъ какъ сами князья, такъ и всѣ жители обязаны повиноваться; въ противномъ случаѣ, по донесенію баскаковъ, является толпа Татаръ, которая истребляетъ ослушниковъ, опустошаетъ ихъ городъ или страну; не только самъ ханъ или намѣстникъ его, но всякій Татаринъ, если случится ему пріѣхать въ подчиненную страну, ведетъ себя въ ней какъ господинъ [2]), требуетъ все, чего только захочетъ, и получаетъ.—Во время пребыванія въ Ордѣ у великаго хана, Плано-Карпини замѣтилъ необыкновенную терпимость послѣдняго относительно чуждыхъ вѣроисповѣданій; терпимость эта была предписана закономъ: въ самомъ семействѣ хана были христіане; на собственномъ иждивеніи содержалъ онъ христіанскихъ духовныхъ греческаго исповѣданія, которые открыто отправляли свое богослуженіе въ церкви, помѣщавшейся передъ большою его палаткою. Другой западный путешественникъ, миноритъ Рубруквисъ, самъ былъ свидѣтелемъ, какъ передъ ханомъ Мангу совершали службу сперва христіанскіе несторіанскіе духовные, потомъ муллы магометанскіе, наконецъ языческіе жрецы. Рубруквисъ описываетъ также любопытный споръ, происходившій, по ханскому приказанію, между проповѣдниками трехъ религій—христіанской, магометанской и языческой. Рубруквисъ, защищавшій христіанство противъ языческаго жреца, позванъ былъ послѣ того къ хану, который сказалъ ему: „Мы, Татары, вѣруемъ во единаго Бога, Которымъ живемъ и умираемъ; но какъ рукѣ Богъ далъ различные пальцы, такъ и людямъ далъ различные пути къ спасенію: вамъ Богъ далъ писаніе, и вы его не соблюдаете; намъ далъ колдуновъ, мы дѣлаемъ то, что они намъ говорятъ, и живемъ въ мирѣ." По уставу Чингисъ-Хана и Откая, подтвержденному впослѣдствіи, служители всѣхъ религій освобождены отъ платежа дани [3]).

[2]) До сихъ поръ у насъ народъ называетъ Татаръ князьями, но теперь уже больше дразнятъ ихъ этимъ именемъ; мальчишки, сдѣлавши изъ полы свиное ухо, бѣгутъ за Татариномъ и кричатъ: «князь! князь!».

[3]) Объ ордынскомъ устройствѣ относительно Россіи см. ниже, въ IV томѣ.

Глава III.

Отъ Батыева нашествія до борьбы между сыновьями Александра Невскаго.

(1240—1276.)

Ярославъ Всеволодовичъ на сѣверѣ.—Его поѣздки къ Татарамъ и смерть.—Война съ Литвою, Шведами и Ливонскими рыцарями.—Дѣятельность Александра Ярославича Невскаго.—Михаилъ Ярославичъ, князь Московскій.—Отношенія между сыновьями Ярослава—Александромъ и Андреемъ.—Андрей изгнанъ.—Александръ великимъ княземъ.—Ссора Александра съ Новгородомъ.—Татарская перепись.—Движеніе противъ Татаръ.—Смерть Александра Невскаго.—Внѣшнія войны.—Ярославъ Тверской великимъ княземъ.—Отношенія его къ Новгороду.—Княженіе Василія Ярославича Костромскаго.—Ослаба отъ насилія татарскаго.—Продолженіе борьбы съ Литвою и Нѣмцами.—Событія въ разныхъ княжествахъ Сѣверо-Восточной Руси.—Бояре.—Событія въ Юго-Западной Руси.

Узнавши о гибели великаго князя, старшій по немъ братъ, Ярославъ Всеволодовичъ пріѣхалъ княжить во Владиміръ; онъ очистилъ церкви отъ труповъ, собралъ оставшихся отъ истребленія людей, утѣшилъ ихъ, и, какъ старшій, началъ распоряжаться волостями: брату Святославу отдалъ Суздаль, другому Ивану—Стародубъ сѣверный [1]). При этомъ распоряженіи волостями видимъ господство отчинности: Переяславль, прежняя волость Ярослава, остается за нимъ; Ростовъ, старшій столъ послѣ Владиміра, остается постоянно въ племени Константиновомъ; и здѣсь видимъ то же самое явленіе,—по смерти старшаго Константиновича, Василька, старшая волость Ростовская не переходитъ къ брату его Владиміру, который остается на прежнемъ столѣ своемъ въ Угличѣ, Ростовская волость переходитъ къ сыновьямъ Василька, изъ которыхъ старшій, Борисъ, остался въ Ростовѣ, а младшій, Глѣбъ, сѣлъ на Бѣлѣ-озерѣ; Ярославль остается за сыномъ убитаго Всеволода, Васильемъ.

Татары [2]) оставляли въ покоѣ только тѣ народы, которые признавали надъ собою власть ихъ; противиться имъ не было средствъ у Владимірскаго князя: мы видѣли, какой ужасъ напалъ на жителей при вѣсти о вторичномъ появленіи Татаръ въ русскихъ предѣлахъ; надобно было покориться, надобно было изъявить эту покорность лично предъ ханомъ,—и Ярославъ отправился въ Орду къ Батыю, который раскинулъ станъ свой на берегу Волги. Батый, по словамъ лѣтописца, принялъ Ярослава съ честію, и, отпуская, сказалъ ему: „Будь ты старшій между всѣми князьями въ русскомъ народѣ". Вслѣдъ за Ярославомъ, отправились къ Батыю и всѣ родичи его, а сынъ великокняжескій—Константинъ—поѣхалъ дальше, къ великому хану; но присутствіемъ сына не удовольствовались; въ 1245 г. Константинъ возвратился въ Русь, и отецъ его Ярославъ долженъ былъ самъ отправиться въ Татарію, гдѣ въ августѣ 1246 года былъ свидѣтелямъ воцаренія Куюка, сына Угедеева. Извѣстный уже намъ путешественникъ, монахъ Плано-Карпини, встрѣтился съ Ярославомъ въ Ордѣ; не велика была, по его словамъ, честь, которою пользовался здѣсь старшій князь Русскій; но все же эта честь была относительно велика, ибо Ярославу давали высшее мѣсто передъ всѣми другими владѣльцами [3]). Тотъ же путешественникъ оставилъ намъ нѣкоторыя подробности и о смерти великаго князя, послѣдовавшей въ 1246 году; Ярослава позвали къ матери великаго хана, которая, какъ бы желая оказать честь Русскому князю, дала ему ѣсть и пить изъ собственныхъ рукъ; но, возвратившись отъ ханши, Ярославъ заболѣлъ, и чрезъ семь дней умеръ, причемъ тѣло его удивительнымъ образомъ посинѣло, почему всѣ и думали, что ханша отравила его, дабы Татары могли свободнѣе владѣть Русью; доказательствомъ служитъ еще и то, прибавляетъ Плано-Карпини, что ханша поспѣшила отправить посла въ Россію къ сыну Ярославову, Александру, съ обѣщаніемъ дать ему отцовское наслѣдство, если пріѣдетъ къ ней; но Александръ не поѣхалъ.—Догадка Плано-Карпини о причинѣ отравленія Ярославова невѣроятна, ибо смерть одного Ярослава не перемѣняла дѣлъ на сѣверѣ, слѣдовательно не могла быть полезна для Татаръ, которымъ надобно было истребить всѣхъ князей для того, чтобъ свободно владѣть Россіею.

---

[1]) По книгѣ Большой Чертежъ, Стародубъ на Клязьмѣ, ниже Владиміра въ 60, выше устья Тезы въ 30 верстахъ; это соотвѣтствуетъ селенію: Клязменскій городокъ, въ 14 верстахъ отъ уѣзднаго города Коврова.—Отъ Ивана Стародубскаго происходятъ князья Пожарскіе. Напрасно думаютъ, что мнѣніе о происхожденіи князей Пожарскихъ изъ Малороссіи было утверждено въ нашей историч. литературѣ. См. противное у Татищева кн. III, примѣч. 599 и въ Истор. Россіи отнош. между русск. князьями Рюр. дома.

[2]) Быть можетъ, нѣкоторые упрекнутъ меня за это названіе, которое ведетъ къ смѣшенію разноплеменныхъ народовъ, ибо народъ, извѣстный теперь у насъ подъ именемъ Татаръ, принадлежитъ къ турецкому племени: но во 1-хъ, смѣшеніе безвредно, потому что различіе всѣмъ извѣстно; во 2-хъ, нельзя выкинуть изъ Русской Исторіи слова, которымъ предки наши исключительно называли своихъ поработителей; и древніе и настоящіе Русскіе люди не знаютъ Монголовъ, а знаютъ только Татаръ. Точно также странно, по моему мнѣнію, писать Бату вмѣсто Батый, ибо это слово уже русское. Никто не требуетъ, чтобы писали Пари вмѣсто Парижъ, Рома вмѣсто Римъ; почему же только въ монгольскихъ именахъ мы должны покинуть древнія русскія формы?

[3]) Плано-Карпини, стр. 757: «Nobis autem et duci Ierosiao semper dabant locum superiorem».

Извѣстія нашихъ лѣтописей проливаютъ новый, хотя неясный свѣтъ на событіе: по этимъ извѣстіямъ, виною смерти Ярославовой была крамола его соотечественниковъ, именно какого-то Ѳеодора Яруновича, который оклеветалъ великаго князя; но трудно предположить, чтобъ Яруновичъ дѣйствовалъ здѣсь лично отъ себя и для себя; гораздо легче подумать, что смерть Ярослава въ Ордѣ была явленіемъ, одинакимъ съ смертію другихъ князей русскихъ тамъ же,—была слѣдствіемъ наговора родичей, слѣдствіемъ родовыхъ княжескихъ усобицъ.

Въ то время какъ на востокѣ русскіе князья принуждены были ѣздить съ поклономъ къ ханамъ степныхъ варваровъ, на западѣ шла борьба съ сильными врагами, которые начали грозить Руси еще прежде Татаръ. Тотчасъ по занятіи старшаго стола, въ 1239 году, Ярославъ долженъ былъ выступить противъ Литвы, которая воевала уже въ окрестностяхъ Смоленска; великій князь побѣдилъ Литовцевъ, взялъ въ плѣнъ ихъ князя; потомъ урядилъ Смольнянъ, посадивши у нихъ княземъ Всеволода, сына Мстислава Романовича, и возвратился домой съ большою добычею и честію. Но у Литвы оставалось много князей и много силы; съ двухъ другихъ сторонъ нападаютъ на Сѣверо-Западную Русь враги не менѣе опасные: Шведы и Ливонскіе рыцари. Владимірскимъ князьямъ нельзя было оборонять ее постоянно отъ всѣхъ этихъ враговъ: у нихъ было много дѣла у себя, на востокѣ, вслѣдствіе утвержденія новаго порядка вещей, безпрестанныхъ усобицъ для усиленія одного княжества на счетъ всѣхъ другихъ и татарскихъ отношеній. Тогда Новгородъ Великій долженъ былъ взять на свою долю борьбу со Шведами, а Псковъ, бѣдный средствами, долженъ былъ вести борьбу съ двумя самыми опасными врагами, Литвою и Нѣмцами, при внутреннемъ неустройствѣ, при частомъ отсутствіи князя, при ссорахъ съ старшимъ братомъ своимъ, Новгородомъ Великимъ.

Самымъ сильнымъ ударамъ съ трехъ сторонъ Новгородъ и Псковъ подверглись съ 1240 года: они выдержали ихъ, и этимъ преимущественно обязаны были сыну великаго князя Ярослава, Александру, который сталъ княжить у нихъ одинъ послѣ отца съ 1236 года [1]). Въ Швеціи борьба между готскимъ и шведскимъ владѣтельными домами, кончившаяся въ 1222 году, усилила власть вельможъ, между которыми первое мѣсто занималъ родъ Фолькунговъ, владѣвшій наслѣдственно достоинствомъ я р л а. Могущественный представитель этой фамиліи, Биргеръ, побуждаемый папскими посланіями, предпринялъ крестовый походъ противъ Руси. Какъ скоро пришла въ Новгородъ вѣсть, что Шведы явились въ устьи Ижоры и хотятъ идти на Ладогу, то Александръ не сталъ дожидаться ни полковъ отцовскихъ, ни пока соберутся всѣ силы Новгородской волости, съ небольшою дружиной выступилъ противъ непріятеля, и 15-го іюля нанесъ ему пораженіе, за которое получилъ славное прозваніе „Невскаго". Самъ Александръ разсказывалъ послѣ о подвигахъ шестерыхъ мужей изъ дружины своей: одинъ изъ нихъ, Гаврило Олексичъ, прорвался вслѣдъ за бѣгущимъ Биргеромъ до самаго корабля его, былъ низвергнутъ и съ конемъ въ воду, но вышелъ невредимъ, и опять поѣхалъ биться съ воеводою шведскимъ, который называется въ лѣтописи Спиридономъ; этотъ воевода остался на мѣстѣ, а по нѣкоторымъ извѣстіямъ, та же участь постигла и епископа [2]). Другой Новгородецъ, Сбыславъ Якуновичъ, удивилъ также всѣхъ своею силою и храбростью, не разъ врываясь съ однимъ топоромъ въ толпы непріятельскія. Якуновичу въ храбрости не уступалъ княжескій ловчій, Яковъ Полочанинъ, съ мечемъ въ рукахъ ворвавшійся въ шведскіе ряды. Четвертый Новгородецъ, Миша, пѣшкомъ съ отрядомъ своимъ ударилъ на непріятельскіе корабли и погубилъ три изъ нихъ; пятый, отрокъ княжескій, Савва, пробился до большаго златоверхаго шатра Биргерова и подсѣкъ у него столпъ, шатеръ повалился и паденіе его сильно обрадовало Новгородцевъ въ битвѣ; шестой слуга княжескій—Ратміръ—бился пѣшъ, былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ врагами, и палъ отъ множества ранъ; всѣхъ убитыхъ со стороны новгородской было не болѣе 20 человѣкъ. Зная, какой характеръ носила эта борьба, съ какимъ намѣреніемъ приходили Шведы, мы поймемъ то религіозное значеніе, которое имѣла Невская побѣда для Новгорода и остальной Руси; это значеніе ясно видно въ особенномъ сказаніи о подвигахъ Александра: здѣсь Шведы неиначе называются какъ Римлянами,—прямое указаніе на религіозное различіе, во имя котораго предпринята была война. Побѣда была одержана непосредственною помощію свыше; былъ старшина въ землѣ Ижорской, именемъ Пелгусій, которому было поручено сторожить непріятеля на морѣ; Пелгусій былъ крещенъ и носилъ христіанское имя Филиппа, хотя родъ его находился еще въ язычествѣ; Пелгусій жилъ богоугодно, держалъ строгій постъ по середамъ и пяткамъ, и сподобился видѣнія: однажды пробылъ онъ всю ночь безъ сна, и, при восходѣ солнечномъ, вдругъ слышитъ сильный шумъ на морѣ и видитъ, что гребетъ къ берегу насадъ, а посреди насада стоятъ Св. мученики Борисъ и Глѣбъ въ пурпурныхъ одеждахъ: гребцы сидятъ, какъ будто мглою одѣты, и слышитъ онъ, что Борисъ говоритъ Глѣбу: „Братъ Глѣбъ! вели грести, поможемъ сроднику своему великому князю Александру Ярославичу". Пелгусій разсказалъ потомъ видѣніе Александру, и тотъ запретилъ ему больше никому не разсказывать объ немъ.

Новгородцы любили видѣть Александра въ челѣ дружинъ своихъ; но не долго могли ужиться съ нимъ, какъ съ правителемъ, ибо Александръ шелъ по слѣдамъ отцовскимъ и дѣдовскимъ: въ самый

[1]) Старшій братъ Александра, Ѳеодоръ умеръ въ 1233 г.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53; V, 178.

годъ Невской побѣды онъ выѣхалъ изъ Новгорода, разсорившись съ жителями. А между тѣмъ Нѣмцы, опять съ княземъ Ярославомъ Владиміровичемъ, взяли Изборскъ; Псковичи вышли къ нимъ навстрѣчу и были разбиты, потеряли воеводу Гаврилу Гориславича [1]), а Нѣмцы, по слѣдамъ бѣгущихъ, подступили ко Пскову, пожгли посады, окрестныя села и цѣлую недѣлю стояли подъ городомъ. Псковичи принуждены были исполнить всѣ ихъ требованія, и дали дѣтей своихъ въ заложники; въ Псковѣ началъ владѣть вмѣстѣ съ Нѣмцами какой-то Твердило Ивановичъ, который и подвелъ враговъ, какъ утверждаетъ лѣтописецъ; мы уже видѣли во враждѣ сторонъ причину такихъ измѣнъ. Приверженцы противной стороны бѣжали въ Новгородъ, который остался безъ князя, а между тѣмъ Нѣмцы не довольствовались Псковомъ: вмѣстѣ съ Чудью напали они на Вотскую пятину, завоевали ее, наложили дань на жителей, и, намѣреваясь стать твердою ногою въ Новгородской волости, построили крѣпость въ Копорьи погостѣ; по берегамъ Луги побрали всѣхъ лошадей и скотъ; по селамъ нельзя было земли пахать, да и не чѣмъ; по дорогамъ, въ тридцати верстахъ отъ Новгорода, непріятель билъ купцовъ. Тогда Новгородцы послали въ Низовую Землю къ Ярославу за княземъ, и тотъ далъ имъ другого сына своего Андрея; но надобенъ былъ Александръ, а не Андрей. Новгородцы подумали и отправили опять владыку съ боярами за Александромъ; Ярославъ далъ имъ его опять, на какихъ условіяхъ—не извѣстно, но, вѣроятно, не на всей волѣ новгородской; мы увидимъ послѣ самовластіе Александра въ Новгородѣ; жалобы гражданъ на это самовластіе остались въ договорахъ ихъ съ братомъ Александровымъ.

Пріѣхавши въ Новгородъ въ 1241 году, Александръ немедленно пошелъ на Нѣмцевъ къ Копорью, взялъ крѣпость, гарнизонъ нѣмецкій привелъ въ Новгородъ, часть его отпустилъ на волю, только измѣнниковъ Вожанъ и Чудь перевѣшалъ. Но нельзя было такъ скоро освободить Псковъ; только въ слѣдующемъ 1242 году Александръ выступилъ ко Пскову и взялъ его, причемъ погибло семьдесятъ рыцарей со множествомъ простыхъ ратниковъ, шесть рыцарей взяты въ плѣнъ и замучены, говоритъ нѣмецкій лѣтописецъ [2]). Послѣ этого Александръ вошелъ въ Чудскую Землю, во владѣнія Ордена; войско послѣдняго встрѣтило одинъ изъ русскихъ отрядовъ и разбило его на-голову; когда бѣглецы принесли Александру вѣсть объ этомъ пораженіи, то онъ отступилъ ко Псковскому озеру и сталъ дожидаться непріятеля на льду его, который былъ еще крѣпокъ 5-го апрѣля. На солнечномъ восходѣ началась знаменитая битва, слывущая въ нашихъ лѣтописяхъ подъ именемъ Л е д о в а г о п о б о и щ а. Нѣмцы и Чудь пробились с в и н ь е ю (острою колонною) сквозь русскіе полки и погнали уже бѣгущихъ, какъ Александръ обогналъ враговъ съ тыла и рѣшилъ дѣло въ свою пользу; была злая сѣча, говоритъ лѣтописецъ, льда на озерѣ стало не видно,—все покрылось кровію. Русскіе гнали Нѣмцевъ по льду до берега на разстояніи семи верстъ, убили у нихъ 500 человѣкъ, а Чуди безчисленное множество, взяли въ плѣнъ 50 рыцарей. „Нѣмцы", говоритъ лѣтописецъ, „хвалились: возьмемъ князя Александра руками, а теперь ихъ самихъ Богъ предалъ ему въ руки". Когда Александръ возвращался во Псковъ послѣ побѣды, то плѣнныхъ рыцарей вели пѣшкомъ подлѣ коней ихъ; весь Псковъ вышелъ на встрѣчу къ своему избавителю, игумены и священники со крестами. „О, Псковичи! (говоритъ авторъ повѣсти о великомъ князѣ Александрѣ) если забудете это и отступите отъ рода великаго князя Александра Ярославича, то похожи будете на Жидовъ, которыхъ Господь напиталъ въ пустынѣ, а они забыли всѣ благодѣянія Его; если кто изъ самыхъ дальнихъ Александровыхъ потомковъ пріѣдетъ въ печали жить къ вамъ во Псковъ, и не примете его, не почтете, то назоветесь вторые Жиды".—Послѣ этого славнаго похода Александръ долженъ былъ ѣхать во Владиміръ прощаться съ отцомъ, отправляющимся въ Орду; въ его отсутствіе, Нѣмцы прислали съ поклономъ въ Новгородъ; послы ихъ говорили: „Что зашли мы мечемъ—Воть, Лугу, Псковъ, Летголу,—отъ того отъ всего отступаемся; сколько взяли людей вашихъ въ плѣнъ,—тѣми размѣняемся; мы вашихъ пустимъ, а вы нашихъ пустите"; отпустили также заложниковъ псковскихъ и помирились.

Но оставалась еще Литва; въ 1245 году толпы Литовцевъ явились около Торжка и Бѣжецка; въ Торжкѣ въ это время сидѣлъ возвратившійся вѣроятно послѣ мира изъ Ливоніи князь Ярославъ Владиміровичъ; онъ погнался-было съ Новоторжцами за Литвою, но потерпѣлъ пораженіе, потерялъ всѣхъ лошадей; потомъ Новоторжцы и Ярославъ погнались опять вмѣстѣ съ Тверичами и Дмитровцами; на этотъ разъ Литовцы были разбиты подъ Торопцемъ, и князья ихъ вбѣжали въ городъ. Но утромъ на другой день приспѣлъ Александръ съ Новгородцами, взялъ Торопецъ, отнялъ у Литовцевъ весь плѣнъ и перебилъ князей ихъ, больше восьми человѣкъ. Новгородскіе полки возвратились отъ Торопца; но Александръ съ однимъ дворомъ своимъ погнался опять за Литовцами, разбилъ ихъ снова у озера Жизца [3]), не оставилъ въ живыхъ ни одного человѣка, побилъ и остатокъ князей. Послѣ этого онъ отправился въ Витебскъ, откуда, взявши сына, возвращался назадъ, какъ вдругъ наткнулся опять на толпу Литовцевъ подлѣ Усвята; Александръ ударилъ на непріятелей,—и снова разбилъ ихъ.

Такъ были отбиты со славою всѣ три врага Сѣ-

---

[1]) Нѣмецкіе анналисты сдѣлали изъ этого Гаврилы Гориславича Герпольта, потомъ князя Ярополка, заставили его жить послѣ битвы и сдавать имъ Псковъ.

[2]) Russow's livl. Chron. p. 17.

[3]) Озеро Жизцо Псков. губ., Торопецк. уѣзда.

веро-Западной Руси; Александръ не могъ долго оставаться здѣсь, ибо дѣла на востокѣ перемѣнились со смертію отца его. Послѣ Ярослава старшинство и столъ Владимірскій наслѣдовалъ по старинѣ братъ его, Святославъ, который утвердилъ племянниковъ своихъ, сыновей Ярослава, на удѣлахъ [1]), данныхъ имъ покойнымъ великимъ княземъ. Еще въ 1242 году Невскій ѣздилъ въ Орду, потому что Батый прислалъ сказать ему: „Мнѣ покорилъ Богъ многіе народы; неужели ты одинъ не хочешь покориться моей державѣ? Если хочешь сберечь землю свою, то приходи поклониться мнѣ, и увидишь честь и славу царства моего". Лѣтописецъ говоритъ, что ханъ, увидавши Александра, сказалъ своимъ вельможамъ: „Все, что мнѣ ни говорили о немъ, все правда; нѣтъ подобнаго этому князю". По смерти отца, Александръ отправился къ Батыю вмѣстѣ съ братомъ Андреемъ; съ береговъ Волги поѣхали они, по обычаю, въ Татарію; а между тѣмъ, въ отсутствіе старшихъ [2]) Ярославичей, въ Руси произошла важная перемѣна: одинъ изъ младшихъ братьевъ ихъ, Михаилъ, по прозванію Хоробритъ, князь Московскій [3]), отнялъ у дяди Святослава великое княженіе, и самъ заступилъ его мѣсто. Это явленіе очень важно, потому что здѣсь мы видимъ совершенный произволъ, полное невниманіе ко всякому родовому праву, исключительное преобладаніе права сильнаго; Михаилъ не былъ даже и старшимъ сыномъ отъ старшаго брата. Михаилъ скоро погибъ въ битвѣ съ Литовцами, еще до возвращенія старшихъ братьевъ изъ Орды, гдѣ Александръ былъ утвержденъ на столѣ Кіевскомъ и Новгородскомъ, удерживая также на сѣверо-востокѣ, какъ отчину, Переяславль-Залѣсскій; Андрей же получилъ великое княженіе Владимірское. Изгнанный дядя Святославъ ѣздилъ въ Орду; не извѣстно, требовалъ ли онъ у хана возвращенія великокняжескаго достоинства, или нѣтъ; извѣстно только то, что не получилъ его и скоро умеръ (въ 1252 г.). Оставался князь, который по старинѣ могъ предъявить права свои на великое княженіе: именно Владиміръ Углицкій, сынъ Константина Ростовскаго, старшаго изъ сыновей Всеволода III-го; но кто могъ думать о правѣ Владиміра въ то время, когда Михаилъ Московскій не обращалъ никакого вниманія ни на свое безправіе, ни на право дяди? Ярославичи были сильнѣе Углицкаго князя: этого было довольно, чтобъ заставить позабыть о послѣднемъ.

Но раздѣлъ между Ярославичами не былъ миренъ; есть извѣстіе [4]), что Александръ съ Андреемъ имѣли въ Ордѣ большой споръ, кому быть во Владимірѣ, кому въ Кіевѣ, и ханъ отдалъ Кіевъ Александру, а Владиміръ—Андрею, основываясь на завѣщаніи покойнаго великаго князя Ярослава. Что же могло заставить Ярослава завѣщать старшему, Александру,—Кіевъ, а младшему, Андрею,—Владиміръ? Быть можетъ, особенная любовь къ Андрею, который оставался всегда при немъ; быть можетъ также, что Ярославъ, желая удержать и Южную Русь въ своемъ родѣ, отдалъ Кіевъ Александру, какъ болѣе способному держать его. Но если подобное завѣщаніе существовало въ самомъ дѣлѣ, то оно исключало необходимо брата Святослава, тогда какъ лѣтопись говоритъ прямо, что Святославъ утвердилъ племянниковъ на удѣлахъ, какъ распорядился покойный Ярославъ. Впрочемъ, есть средство согласить оба свидѣтельства: Ярославъ, при жизни, назначилъ Александра въ Кіевъ, Андрей оставался на сѣверѣ; по изгнаніи Святослава Михаиломъ и по смерти послѣдняго, Андрей, желая получить Владимірскій столъ, настаивалъ на томъ, что уже старшій братъ его получилъ старшій столъ — Кіевъ и Русскую Землю, по распоряженію покойнаго отца, и тѣмъ убѣдилъ хана, который, для собственной безопасности, могъ не желать усиленія Александра. Но Александръ, какъ старшій, не могъ быть доволенъ такимъ рѣшеніемъ, ибо давно уже Владиміръ получилъ первенство надъ Кіевомъ относительно старшинства, давно уже кіевскіе князья не могли быть безъ владимірскихъ; теперь особенно когда Южная Русь была опустошена, когда Кіевъ представлялъ однѣ развалины, владѣніе имъ не могло быть лестно. Вотъ почему Невскій могъ считать себя въ правѣ сердиться на младшаго брата, видѣть въ немъ хищника правъ своихъ (1249 г.). — Какъ бы то ни было, Андрей два года спокойно сидѣлъ во Владимірѣ; Александръ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ [5]), хотѣлъ идти въ Кіевъ, но былъ удержанъ Новгородцами, представившими ему опасность отъ Татаръ на югѣ. Въ 1250 году Андрей вступилъ въ тѣсную связь съ Даніиломъ Галицкимъ, женившись на его дочери; а въ 1252 году Александръ отправился на Донъ [6]), къ сыну Батыеву, Сартаку, съ жалобою на брата, который отнялъ у него старшинство и не исполняетъ своихъ обязанностей относительно Татаръ [7]). Александръ получилъ старшинство, и

---

[1]) Здѣсь впервые считаемъ себя въ правѣ употребить это слово, означающее отдѣльное, выдѣленное владѣніе, остающееся постоянно при одной княжеской линіи, ибо прежнія волости княжескія не были удѣлами, и древній лѣтописецъ не знаетъ этого слова.

[2]) По свидѣтельству лѣтописей, Александръ былъ самый старшій, Андрей слѣдовалъ за нимъ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 38. Рукоп. Москов. Истор. Общ. № 128.

[4]) Татищ. Ш, 22. Это мѣсто испорчено: вмѣсто Михаила должно читать Андрей, ибо говорится уже послѣ смерти Михаиловой.

[5]) Татищ. IV, 22.

[6]) Быть можетъ, есть связь между этими двумя событіями.

[7]) Татищ. IV, 24. Справедливость этого извѣстія подтверждается, во 1) словами Андрея: «Господи! что се есть, доколѣ намъ межъ собою бранитися и наводити другъ на друга татаръ». 2) Александръ былъ въ это время въ Ордѣ и взялъ старшинство отъ хана: если-бы онъ не былъ противъ брата, то почему не умилостивилъ Сартака, какъ умилостивлялъ его послѣ, по случаю восстаній народныхъ? 3) Бѣгство Андрея въ Швецію и радушный пріемъ со стороны Шведовъ также можетъ показывать, что они видѣли въ Андреѣ врага Александрова.—Предположеніе кн. Щербат., что всему виною былъ дядя Святославъ,

толпы Татаръ, подъ начальствомъ Неврюя, вторгнулись въ Землю Суздальскую. Андрей при этой вѣсти сказалъ: „Что это, Господи! покуда намъ между собою ссориться и наводить другъ на друга Татаръ; лучше мнѣ бѣжать въ чужую землю, чѣмъ дружиться съ Татарами и служить имъ.“ Собравши войско, онъ вышелъ противъ Неврюя, но былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ, не былъ тамъ принятъ и удалился въ Швецію, гдѣ былъ принятъ съ честію. Татары взяли Переяславль, захватили здѣсь семейство Ярослава, брата Андреева [1]), убили его воеводу, поплѣнили жителей и пошли назадъ въ Орду. Александръ пріѣхалъ княжить во Владиміръ; Андрей также возвратился на Русь и помирился съ братомъ, который помирилъ его съ ханомъ и далъ въ удѣлъ Суздаль [2]).

Но скоро началась у Александра вражда съ другимъ братомъ, Ярославомъ, княжившимъ въ Твери. Вслѣдствіе появленія на сѣверѣ отдѣльныхъ отчинъ, удѣловъ, между князьями необходимо обнаруживается стремленіе усиливать эти удѣлы на счетъ другихъ; уже въ Ярославѣ Всеволодовичѣ ясно обнаружилось это стремленіе: недовольный своимъ Переяславскимъ удѣломъ, онъ старался утвердиться въ Новгородѣ, даже въ Кіевѣ; сынъ его Ярославъ Тверской шелъ по слѣдамъ отцовскимъ. Въ 1254 г. онъ отправился княжить во Псковъ (а по другимъ извѣстіямъ—въ Ладогу), гдѣ приняли его съ большою честію; но Псковъ находился въ тѣсной связи съ Новгородомъ, а въ Новгородѣ не всѣ были довольны великимъ княземъ Александромъ, вмѣсто котораго княжилъ теперь здѣсь сынъ его Василій, и вотъ въ 1255 году Новгородцы выгнали Василія и перевели къ себѣ изо Пскова Ярослава Тверскаго. Но Василій не думалъ уступать дядѣ безъ борьбы и, засѣвши, по обычаю, въ Торжкѣ, дожидался отца своего съ полками, и ждалъ не долго; Александръ явился съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Димитріемъ Святославичемъ, и, присоединивъ къ себѣ сына съ Новоторжцами, выступилъ противъ Новгорода; на дорогѣ встрѣтилъ его какой-то Ратишка съ перевѣтомъ: „Ступай, князь! говорилъ онъ: братъ твой Ярославъ убѣжалъ“. Несмотря однако на бѣгство князя, Новгородцы не хотѣли безусловно покориться Александру и выстроили два полка, конный и пѣшій, причемъ въ первый разъ высказались двѣ сословныя партіи; меньшіе люди, собравши вѣче у Св. Николы, сказали: „Братья! а что какъ князь скажетъ: выдайте мнѣ враговъ моихъ“? Въ отвѣтъ всѣ меньшіе цѣловали образъ Богородицы стать всѣмъ заодно,—либо животъ, либо смерть за правду новгородскую, за свою отчину. Но лучшіе люди думали иначе: имъ хотѣлось побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ, и Михалко, сынъ послѣдняго посадника, внукъ Твердиславовъ, предводитель стороны лучшихъ людей, уже побѣжалъ изъ города къ Св. Георгію (къ Юрьеву монастырю), чтобъ оттуда съ своимъ полкомъ ударить на меньшихъ. Посадникомъ въ это время на мѣсто Твердиславова сына Степана (умершаго въ 1243 году) былъ Ананія, который, желая добра Михалку, послалъ за нимъ тайно; но вѣсть о замыслѣ Михалковомъ уже разнеслась между черными людьми, и они погнали-было грабить его дворъ, но были удержаны посадникомъ: „Братья, говорилъ имъ Ананія: если хотите убить Михалка, то убейте прежде меня!“ Онъ не зналъ, что лучшіе люди уже порѣшили схватить его самого и посадничество отдать Михалку. Между тѣмъ посолъ Александровъ явился на вѣче и объявилъ народу волю княжескую: „Выдайте мнѣ Ананію посадника; а не выдадите, то я вамъ не князь, ѣду на городъ ратью“. Новгородцы отправили къ нему съ отвѣтомъ владыку и тысяцкаго: „Ступай князь, на свой столъ, а злодѣевъ не слушай, на Ананію и всѣхъ мужей новгородскихъ перестань сердиться“. Но князь не послушалъ просьбъ владыки и тысяцкаго; тогда Новгородцы сказали: „Если, братья, князь согласился съ нашими измѣнниками, то Богъ имъ судья и Св. Софія, а князь безъ грѣха“, — и стоялъ весь полкъ три дня за свою правду, а на четвертый день Александръ прислалъ объявить новое условіе: „Если Ананія не будетъ посадникомъ, то помирюсь съ вами“. Это требованіе было исполнено; Ананія свергнутъ, его мѣсто занялъ Михалко Степановичъ, и Василій Александровичъ опять сталъ княжить въ Новгородѣ.

Черезъ годъ (1257 г.) злая вѣсть, что Татары хотятъ наложить тамги и десятины на Новгородъ, опять смутила его жителей. Первая перепись татарская для сбора дани должна была происходить еще въ началѣ княженія Ярослава; Плано-Карпини говоритъ, что во время пребыванія его въ Россіи ханы Куюкъ и Батый прислали сюда баскакомъ одного Сарацина, который у каждаго отца семейства, имѣвшаго трехъ сыновей, бралъ одного, захватилъ всѣхъ неженатыхъ мужчинъ и женщинъ, не имѣвшихъ законныхъ мужей, также всѣхъ нищихъ, остальныхъ же перечислилъ, по обычаю татарскому, и обложилъ данью; каждый человѣкъ мужескаго пола, какого бы возраста и состоянія ни былъ, обязанъ былъ платить по мѣху медвѣжью, бобровому, соболиному, хорьковому и

не имѣетъ основанія, ибо Святославъ не получилъ отъ перемѣны никакой пользы; связь между событіями, какую выставляетъ Степенная книга (I, 367), не держится: «В. князь Александръ паки пріиде въ орду къ новому царю Сартаку. Славный же градъ Владимиръ и всю Суздальскую землю поручи брату своему князю Андрею. Онъ же аще и преудобренъ бѣ благородіемъ и храбростію, но обаче правленіе державы яко подѣліе вмѣняя, и на ловитвы животныхъ упражняяся, и совѣтникомъ младоумнымъ внимая; отъ нихъ же бысть зѣло многое нестроеніе, и оскуденіе въ людехъ, и тщета имѣнію. Его же ради царь Сартакъ посла воеводу своего» и проч.

[1]) Это очень замѣчательно: по извѣстію Татищева, Переяславль оставался за Александромъ (IV, 22); какимъ образомъ очутилось здѣсь семейство Ярослава Ярославича? Очень вѣроятно, что онъ былъ заодно съ Андреемъ противъ Александра, и овладѣлъ удѣломъ послѣдняго; мы и послѣ увидимъ его непріязненныя отношенія къ старшему брату.

[2]) Татищ. IV, 27.

лисьему; кто не могъ заплатить, того отводили въ рабство. Въ 1255 году умеръ Батый [1]); ему наслѣдовалъ сынъ его Сартакъ, или Сертакъ, скоро умершій. Золотая Орда досталась брату Батыеву, Берге, или Берке. По воцареніи этого новаго хана въ 1257 году, по русскимъ извѣстіямъ, происходила вторая перепись: пріѣхали численники, сочли всю Землю Суздальскую, Рязанскую и Муромскую, поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, не считали только игуменовъ, чернецовъ, священниковъ и клирошанъ. Подобная же перепись происходила одновременно во всѣхъ странахъ, подвластныхъ Татарамъ, и вездѣ служители всѣхъ религій, исключая еврейскихъ раввиновъ, были освобождены отъ подати. Въ Новгородѣ послѣ вѣсти о переписи все лѣто продолжалось смятеніе; а зимою убили посадника Михалка: „Еслибы кто добро другъ другу дѣлалъ, прибавляетъ лѣтописецъ, то добро бы и было, а кто копаетъ подъ другимъ яму, тотъ самъ въ нее попадаетъ“. Вслѣдъ за этимъ пріѣхалъ въ Новгородъ великій князь съ татарскими послами, которые начали требовать десятины и тамги; Новгородцы не соглашались, дали дары для хана и отпустили пословъ съ миромъ; самъ Василій, сынъ Невскаго, былъ противъ дани, слѣдовательно противъ воли отцовской, и выѣхалъ во Псковъ, какъ только отецъ пріѣхалъ въ Новгородъ; Александръ выгналъ его оттуда и отправилъ въ Суздальскую область, а совѣтниковъ его наказалъ жестоко Волненія не прекращались въ Новгородѣ; тою же зимою убили Мишу, быть можетъ, того самаго, который такъ славно бился со Шведами при Невѣ; посадничество дано было Михаилу Ѳедоровичу, выведенному изъ Ладоги. Цѣлый слѣдующій годъ однако прошелъ безъ слуховъ о требованіяхъ татарскихъ; но въ 1259 году пріѣхалъ съ Низу (изъ Суздальской волости) Михайла Пинещиничъ съ ложнымъ посольствомъ: „Если не согласитесь на перепись, говорилъ онъ Новгородцамъ, то уже полки татарскіе въ Низовой Землѣ“. Новгородцы испугались и согласились; но когда зимою пріѣхалъ Александръ и съ нимъ окаянные Татары сыроядцы съ женами, то опять всталъ сильный мятежъ; Татары испугались и начали говорить Александру: „Дай намъ сторожей, а то убьютъ насъ“, и князь велѣлъ ихъ стеречь по ночамъ сыну посадничью со всѣми дѣтьми боярскими. Татарамъ наскучило дожидаться: „Дайте намъ число, или побѣжимъ прочь“, говорили они. Но въ Новгородѣ и въ этомъ случаѣ, какъ въ предыдущемъ, высказались двѣ враждебныя сословныя партіи; одни граждане никакъ не хотѣли дать числа: „Умремъ честію за Св. Софію и за домы ангельскіе“, говорили они; но другіе требовали согласія на перепись и наконецъ осилили, когда Александръ съ съ Татарами съѣхали уже съ Городища. И начали ѣздить окаянные Татары по улицамъ, переписывая домы христіанскіе. Взявши число, татары уѣхали; вслѣдъ за ними отправился и князь Александръ, оставивши въ Новгородѣ сына Димитрія.

Въ Новгордѣ стало тихо; но поднялись волненія на востокѣ, въ Землѣ Ростовской: здѣсь въ 1262 г. народъ былъ выведенъ изъ терпѣнія насиліями татарскихъ откупщиковъ дани; поднялись вѣча и выгнали откупщиковъ изъ Ростова, Владиміра, Суздаля, Переяславля и Ярославля; въ послѣднемъ городѣ убитъ былъ въ это время отступникъ Изосимъ, который принялъ магометанство въ угоду татарскому баскаку и хуже иноплеменниковъ угнеталъ своихъ прежнихъ согражданъ. Понятно, что въ Ордѣ не могли спокойно снести этого событія, и полки татарскіе уже посланы были плѣнить христіанъ; тогда Александръ, чтобъ отмолить людей отъ бѣды, отправился въ четвертый разъ въ Орду; какъ видно, онъ успѣлъ въ своемъ дѣлѣ, благодаря, быть можетъ, Персидской войнѣ, которая сильно занимала хана Берге. Но это было уже послѣднимъ дѣломъ Александра; больной поѣхалъ онъ изъ Орды, проведши тамъ всю зиму, и на дорогѣ, въ Городцѣ Волжскомъ, умеръ 14-го ноября 1263 года. „Много потрудившись за Землю Русскую, за Новгородъ и за Псковъ, за все великое княженіе, отдавая животъ свой и за правовѣрную вѣру“. Соблюденіе Русской Земли отъ бѣды на востокѣ, знаменитые подвиги за вѣру и землю на западѣ доставили Александру славную память на Руси, сдѣлали его самымъ виднымъ историческимъ лицомъ въ нашей древней исторіи отъ Мономаха до Донскаго. Знакомъ этой памяти и славы служитъ особое сказаніе о подвигахъ Александровыхъ, дошедшее до насъ вмѣстѣ съ лѣтописями, написанное современникомъ и, какъ видно, человѣкомъ близкимъ къ князю. Великій князь Александръ Ярославичъ, говоритъ авторъ сказанія, побѣждалъ вездѣ, а самъ не былъ нигдѣ побѣжденъ; приходилъ въ Новгородъ отъ западныхъ странъ знаменитый рыцарь, видѣлъ Александра и, возвратясь въ свою землю, разсказывалъ: „Прошелъ я много странъ и народовъ, но нигдѣ не видалъ такого ни въ царяхъ царя, ни въ князьяхъ князя“; такой же отзывъ сдѣлалъ о немъ и ханъ. Когда Александръ, послѣ отцовой смерти, пріѣхалъ во Владиміръ, то былъ грозенъ пріѣздъ его, промчалась вѣсть о немъ до самыхъ устій Волги, и жены Моавитскія начали стращать дѣтей своихъ: „Молчи, великій князь Александръ ѣдетъ!“ Однажды явились къ нему послы изъ великаго Рима отъ папы, который велѣлъ сказать Александру: „Слышали мы о тебѣ, князь, что ты честенъ и дивенъ, и велика Земля твоя; поэтому прислали мы къ тебѣ отъ двѣнадцати кардиналовъ двоихъ хитрѣйшихъ — Галда и Гемонта, да послушаешь ученія нашего“. Александръ, подумавши съ мудрецами своими, описалъ папѣ все

[1]) Ему приписывается основаніе Сарая, столицы Волжской, Золотой Орды или Джучіева улуса; основаніе города полагается между 1242 и 1254 годомъ; мѣстоположеніе его въ урочищѣ Царевы-Воды, около и на мѣстѣ нынѣшняго города Царева. См. Григорьева: о мѣстоположеніи столицы Золотой Орды.

случившееся отъ сотворенія міра до Седьмого Вселенскаго Собора, прибавивъ: „Все это мы знаемъ хорошо, но отъ васъ ученія не принимаемъ“ [1]). Идя по слѣдамъ отцовскимъ, Александръ передавалъ много золота и серебра въ Орду на выкупъ плѣнныхъ. Митрополитъ Кириллъ былъ во Владимірѣ, когда узналъ о смерти Александра; онъ такъ объявилъ объ этомъ народу: „Дѣти мои милыя! знайте, что зашло солнце Земли Русской“, и всѣ люди завопили въ отвѣтъ: „Уже погибаемъ!“

Занимаясь по смерти отца преимущественно отношеніями ордынскими, Александръ долженъ былъ слѣдить и за обычною борьбою на западѣ, въ которой прежде принималъ такое славное участіе. Мы видѣли, что Михаилъ Московскій не долго пользовался старшимъ столомъ, отнятымъ у дяди, и палъ въ битвѣ съ Литвою; но другіе Ярославичи отмстили за его смерть, поразивши Литву изъ Зубцова (1249 году); около этого же времени Псковичи потерпѣли пораженіе отъ Литвы на Кудепи; въ 1253 году Литва явилась въ области Новгородской; но князь Василій съ Новгородцами нагнали ее у Торопца, разбили, отняли полонъ. Въ 1258 г. пришла Литва съ Полочанами къ Смоленску и взяла городъ Войщину [2]) на щитъ; послѣ этого Литовцы явились у Торжка, жители котораго вышли къ нимъ на-встрѣчу, но потерпѣли пораженіе и городъ ихъ много пострадалъ; подъ 1262 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о мирѣ Новгородцевъ съ Литвою.—Шведы и Датчане съ Финнами пришли въ 1256 году и стали чинить городъ на Наровѣ; Новгородцы, сидѣвшіе въ это время безъ князя, послали въ Суздальскую Землю къ Александру за полками, разослали и по своей волости собирать войско; непріятель испугался этихъ приготовленій и ушелъ за море [3]). На зиму пріѣхалъ въ Новгородъ князь Александръ и отправился въ походъ — куда, никто не зналъ; думали, что князь идетъ на Чудь, но онъ отъ Копорья пошелъ на Ямь; путь былъ трудный, войско не видѣло ни дня, ни ночи отъ мятели; несмотря на то, Русскіе вошли въ непріятельскую землю и опустошили ее. Послѣ мира 1242 года Нѣмцы десять лѣтъ не поднимались на Русь; только въ 1253 году, ободренные удачными войнами съ Литвою, они нарушили договоръ, пришли подъ Псковъ и сожгли посадъ, но самихъ ихъ много Псковичи били, говоритъ лѣтописецъ. Видно впрочемъ, что осада крѣпости тянулась до тѣхъ поръ, пока пришелъ полкъ новгородскій на-выручку; тогда Нѣмцы испугались, сняли осаду и ушли. Въ Новгородѣ въ это время было покойно, и потому рѣшились не довольствоваться освобожденіемъ Пскова, а идти пустошить Ливонію: пошли за Нарову и положили пусту Нѣмецкую волость; Корелы также ей много зла надѣлали. Псковичи, съ своей стороны, не хотѣли оставаться въ долгу, пошли въ Ливонію и побѣдили нѣмецкій полкъ, вышедшій къ нимъ на-встрѣчу. Тогда Нѣмцы послали во Псковъ и въ Новгородъ просить мира на всей волѣ новгородской и псковской, и помирились. Въ 1262 г. собрались князья идти къ старой отчинѣ своей, къ Юрьеву Ливонскому. Этотъ походъ замѣчателенъ тѣмъ, что здѣсь въ первый разъ видимъ русскихъ князей въ союзѣ съ литовскими, для наступательнаго движенія противъ Нѣмцевъ. Русскіе князья — братъ Невскаго, Ярославъ, и сынъ Димитрій съ Миндовгомъ Литовскимъ, Тройнатомъ Жмудьскимъ и Тевтивиломъ Полоцкимъ—уговорились ударить вмѣстѣ на Орденъ. Миндовгъ явился передъ Венденомъ, но тщетно дожидался Русскихъ и возвратился назадъ, удовольствовавшись однимъ опустошеніемъ страны. Когда ушла Литва, явились русскіе полки и осадили Юрьевъ. Нѣмцы сильно укрѣпили его. „Былъ городъ Юрьевъ твердъ, говоритъ лѣтописецъ, въ три стѣны, и множество людей въ немъ всякихъ, и оборону себѣ пристроили на городѣ крѣпкую“. Посадъ былъ взятъ приступомъ, сожженъ: Русскіе набрали много полону и товара всякаго, но крѣпости взять не могли и ушли назадъ. Нѣмецкій лѣтописецъ прибавляетъ, что Русскіе оставили Юрьевъ, слыша о приближеніи магистра Вернера Фонъ-Брейтгаузена, и что магистръ, по ихъ слѣдамъ, вторгнулся въ русскія владѣнія, опустошилъ ихъ, но болѣзнь принудила его возвратиться [4]).

Прежній великій князь, Андрей Ярославичъ, не долго пережилъ брата своего: онъ умеръ весною 1264 года. Сохранилось извѣстіе [5]), что Андрей, по смерти Александра, снова хотѣлъ занять столъ Владимірскій, но что братъ его Ярославъ перенесъ дѣло на рѣшеніе хана, и тотъ утвердилъ Ярослава. Это извѣстіе подтверждается тѣмъ, что въ лѣтописяхъ вступленіе Ярослава на великокняжескій престолъ означено не тотчасъ по смерти Александра въ 1263, но уже по смерти Андрея въ 1264 году. Неизвѣстно, гдѣ Невскій имѣлъ пребываніе:—въ отчинномъ ли городѣ, Переяславлѣ-Залѣсскомъ [6]), или во Влади-

[1]) Грамоту Иннокентія IV къ Александру см. въ Historica Russiae Monum. I, № LXXVIII; Иннокентій уговариваетъ Александра обратиться къ Римской церкви по примѣру отца Ярослава, который будто бы, по свидѣтельству Плано-Карпини, обратился въ латинство въ Ордѣ; но у Плано-Карпини нѣтъ ни слова объ этомъ. Еще въ 1207 г. папа Иннокентій III писалъ къ духовенству и мірянамъ въ Россіи о посылкѣ легата — ut filiam reducat ad matrem et membrum ad caput. Потомъ Григорій IX писалъ о томъ же къ в. к. Юрію Всеволодовичу. См. тамъ же № III, XXXIII.

[2]) Карамзинъ (IV, прим. 102): Войщину (нынѣ Боево); Арцыбаш. (II, прим. 208): «мы не знаемъ Войщины, Боево—мѣстечко Могилевской губерніи, Оршанскаго повѣта».

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 56: «Придоша Свѣи и Емь, и Сумь и Дидманъ». Дидманъ, по вѣроятнѣйшей догадкѣ Арцыбашева (II, прим. 175), былъ извѣстный датскій вассалъ; сомнительно, были ли здѣсь Свѣи.—О посольствѣ Александра въ Норвегію, см. Torfaei. Hist. Norveg. IV, 265.

[4]) Russof., p. 20.

[5]) Татищ. IV, 32.

[6]) Переяславль-Залѣсскій былъ удѣломъ отца его Ярослава, и потому, по новому порядку вещей, переходитъ постоянно къ старшему по нисходящей линіи; вотъ почему онъ достался старшему сыну Ярослава—Александру, потомъ старшему сыну послѣдняго Димитрію, наконецъ сыну

мірѣ, по крайней мѣрѣ погребенъ былъ въ послѣднемъ; братъ же его, Ярославъ, какъ видно, жилъ то въ Твери [1]), то во Владимірѣ, то въ Новгородѣ, и былъ похороненъ въ Твери [2]). Смерть Невскаго повела прежде всего къ перемѣнѣ въ Новгородѣ; сынъ его Димитрій былъ изгнанъ; мы видѣли, что посадникъ Ананія былъ сверженъ по требованію Александра, и на его мѣсто поставленъ Михалко Степановичъ—необходимо угодный великому князю; но Михалко былъ убитъ меньшими людьми, постоянно не ладившими съ Александромъ, слѣдовательно и посадника, ими выбраннаго, Михаила Ѳеодоровича, мы не имѣемъ права считать въ числѣ приверженцевъ послѣдняго. Поэтому неудивительно встрѣтить въ лѣтописи извѣстіе, что Новгородцы изгнали Димитрія Александровича, по совѣту съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, и послали въ Тверь сына посадникова и лучшихъ бояръ звать Ярослава къ себѣ на столъ; вспомнимъ, что и прежде Ярославъ былъ позванъ въ Новгородъ вслѣдствіе желанія меньшихъ людей, которые такъ сильно послѣ того противились Александру. Рядъ Новгородцевъ съ Ярославомъ дошелъ до насъ во всей полнотѣ въ двухъ грамотахъ; Новгородцы называютъ предложенныя князю условія древними [3]): быть можетъ, они были предложены впервые Всеволоду, внуку Мономахову; внесено также въ условія, чтобъ поступки Невскаго не повторялись [4]). Несмотря на то, Новгородцы недолго нажили въ мирѣ и съ новымъ княземъ. Первая размолвка произошла по поводу Псковичей, которые посадили у себя княземъ Довмонта Литовскаго, тогда какъ прежде сидѣлъ у нихъ сынъ Ярославовъ, Святославъ [5]); въ 1266 году Ярославъ пришелъ въ Новгородъ съ полками низовыми, чтобъ идти на Псковичей и Довмонта, уже славнаго подвигами своими за Русскую Землю; Новгородцы воспротивились этому походу и сказали князю: „Прежде перевѣдайся съ нами, а потомъ уже поѣзжай во Псковъ.“ Ярославъ отослалъ полки свои назадъ. Намѣстникомъ Ярославовымъ въ Новгородѣ сидѣлъ племянникъ его, Юрій Андреевичъ [6]); но въ 1269 году приходилъ туда самъ великій князь, и сталъ жаловаться: „Мужи мои и братья мои и ваши побиты въ войнѣ съ Нѣмцами“; князь складывалъ всю вину на трехъ граждавъ—Жирослава Давидовича, Михаила Мишинича и Юрія Сбыславича, желая лишить ихъ волостей. Но Новгородцы были за нихъ; князь въ сердцахъ собрался выѣхать изъ города: жители стали кланяться ему: „Князь! перестань сердиться на Жирослава, Михайла и Юрія, и отъ насъ не ѣзди“, потому что миръ съ Нѣмцами былъ еще не проченъ. Ярославъ не послушался и уѣхалъ; но они послали за нимъ владыку и лучшихъ мужей, и воротили его съ Бронницъ; чтобъ угодить ему, выбрали тысяцкаго Ратибора Клуксовича по его волѣ, а посадникомъ на мѣсто Михаила Ѳеодоровича, умершаго въ 1268 году, былъ избранъ тогда же еще сынъ извѣстнаго Ананіи, Павша.

Новгородцы хотѣли мира съ Ярославомъ изъ страха передъ Нѣмцами только, и когда этотъ страхъ прошелъ, то въ слѣдующемъ же 1270 году всталъ мятежъ въ городѣ: начали выгонять князя, собрали вѣче на Ярославомъ дворѣ, убили пріятеля княжескаго Иванка; а другіе пріятели Ярославовы, и между ними тысяцкій Ратиборъ, скрылись къ князю на Городище; Новгородцы разграбили ихъ домы, хоромы разнесли, а къ князю послали грамоту съ жалобою, что отнятъ Волховъ гогольными ловцами, а поле отнято заячьими ловцами, взятъ дворъ Алексы Морткинича, взято серебро на Никифорѣ Манускиничѣ, на Романѣ Болдыжевичѣ, на Варѳоломеѣ; кромѣ того, выводятся иноземцы, которые живутъ въ Новгородѣ. Ярославъ, несмотря на всѣ свои старанія, долженъ былъ выѣхать, и Новгородцы послали за Димитріемъ Александровичемъ, но ошиблись въ разсчетѣ,—Димитрій отказался ѣхать къ нимъ, сказавши: „Не хочу взять стола передъ дядею“. Новгородцы пріуныли, особенно когда узнали, что Ярославъ копитъ полки на нихъ, мало того,—послалъ къ хану ихъ прежняго тысяцкаго Ратибора просить помощи на Новгородъ; Ратиборъ говорилъ хану: „Новгородцы тебя не слушаютъ; мы просили у нихъ дани для тебя, а они насъ выгнали, другихъ убили, домы наши разграбили и Ярослава обесчестили.“ Ханъ повѣрилъ и отправилъ уже войско къ Ярославу. Въ такой крайней опасности Новгородъ былъ спасенъ не княземъ Южной, старой Руси, но роднымъ братомъ в. князя, Василіемъ Ярославичемъ Костромскимъ: этотъ князь вступился за старый городъ не по сочувствію съ его бытомъ, но изъ соперничества съ братомъ; какъ князь Костромской, Василій боялся усиленія князя Тверскаго, ибо такое усиленіе грозило не только правамъ его на княжество Владимірское, но даже независимости его княжества—Костромскаго. Василій послалъ сказать Новгородцамъ: „Кланяюсь Св. Софіи и мужамъ Новгородцамъ; слышалъ я, что Ярославъ идетъ на Новгородъ со всею своею силою, Димитрій съ Переяславцами и Глѣбъ съ Смольнянами; жаль мнѣ своей отчины.“ Но Василій не ограничился однимъ сожалѣніемъ: самъ поѣхалъ въ Орду, сказалъ хану, что Новгородцы правы, а Яро-

---

Димитрія – Ивану, съ которымъ пресѣклась старшая линія Ярославова рода. Что Невскій былъ княземъ Переяславля-Залѣсскаго, см. Никон. III, 13: «Размолвиша Новгородцы съ Александромъ Ярославичемъ, и отыде Александръ скоро къ отцу своему и мало пребывъ у отца и иде въ Переяславль на княженіе, иже на Клещинѣ озерѣ»; стр. 14: «Новгородцы послаша съ челобитьемъ къ в. князю просяще у него сына его князя Александра, иже въ Переяславлѣ на Клещинѣ озерѣ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 53: «Выиде князь Александръ изъ Новгорода къ отцу въ Переяславль».

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58.

[2]) Тамъ же, стр. 62.

[3]) Собр. Гос. грам. и дог. т. I, № 1. «На семъ, княже, цѣлуй крестъ къ всему Новгороду, на цѣмъ то цѣловали дѣды и отци».

[4]) Тамъ же. «А кто княже, братъ твой Александръ дѣялъ насилье въ Новгородѣ, а того ся, княже, отступи».

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 58. «Тогда вбѣгоша въ Пльсковъ 300 Литвы съ женами и дѣтми, и крести я князь Святославъ».

[6]) Воскрес. II, 243.

славъ виноватъ, и возвратилъ съ дороги татарскую рать. Между тѣмъ Новгородцы поставили острогъ около города, имѣніе свое вывезли въ крѣпость, и когда явились сторожа Ярославовы, то весь городъ вышелъ съ оружіемъ отъ мала до велика. Ярославъ, узнавъ объ этомъ, засѣлъ въ Русѣ, а въ Новгородъ послалъ съ мирными предложеніями: „Обѣщаюсь впередъ не дѣлать ничего того, за что на меня сердитесь; всѣ князья въ томъ за меня поручаться“. Новгородцы отвѣчали: „Князь! ты вздумалъ зло на Св. Софію, такъ ступай; а мы изомремъ честно за Св. Софію; у насъ князя нѣтъ, но съ нами Богъ и правда, и Св. Софія, а тебя не хотимъ“. Новгородцы могли такъ разговаривать: къ Ярославу Татары не приходили, а къ нимъ собралась вся ихъ волость—Псковичи, Ладожане, Корела, Ижора, Вожане, пошли всѣ къ устью Шелони [1]) и стояли недѣлю на бродѣ, а полкъ Ярославовъ по другую сторону рѣки. Дѣло впрочемъ не дошло до битвы, потому что явился новый посредникъ,—прислалъ митрополитъ грамоту, въ которой писалъ: „Мнѣ поручилъ Богъ архіепископію въ Русской Землѣ; вамъ надобно слушаться Бога и меня; крови не проливайте, а Ярославъ не сдѣлаетъ вамъ ничего дурнаго, я за то ручаюсь; если же вы крестъ цѣловали не держать его, то я за это принимаю епитимью на себя и отвѣчаю передъ Богомъ“. Митрополичья грамота подѣйствовала [2]), и когда Ярославъ опять прислалъ въ новгородскій полкъ съ поклономъ, то Новгородцы помирились съ нимъ на всей своей волѣ, посадили его опять у себя на столѣ и привели къ кресту. Зимою Ярославъ отправился во Владиміръ, а оттуда въ Орду, оставя въ Новгородѣ намѣстникомъ Андрея Вратиславича, а во Псковѣ—князя Августа Литовскаго.

Въ 1272 году Ярославъ умеръ на возвратномъ пути изъ Орды. По старому порядку вещей, великое княжество перешло къ брату его Василію Костромскому; но относительно Новгорода явился ему соперникъ, и такимъ образомъ Новгородцы получили право выбора: послы Василія Костромскаго и племянника его, Димитрія Переяславскаго, въ одно время съѣхались въ Новгородѣ; оба князя просили себѣ этого стола. Казалось, что выборъ будетъ легокъ для Новгородцевъ; благодарность заставляла ихъ избрать Василія, недавно избавившаго ихъ отъ страшной опасности. Несмотря на то, они посадили у себя Димитрія. Есть извѣстіе [3]), объясняющее причину такого поступка: Василій требовалъ уничтоженія грамотъ брата своего; слѣдовательно Новгородцы выбрали того, кто согласился княжить у нихъ на всей ихъ волѣ. Однако новый великій князь не думалъ уступать своихъ правъ: съ Татарами и племянникомъ своимъ, княземъ Тверскимъ Святославомъ, онъ повоевалъ волости новгородскія, взялъ Торжокъ, пожегъ хоромы, посадилъ своего тіуна, торговля съ Низовою Землею прекратилась, купцовъ новгородскихъ перехватали тамъ, и хлѣбъ сильно вздорожалъ въ городѣ. Зимою 1273 года князь Димитрій съ Новгородцами пошелъ къ Твери, а къ Василію послали сказать: „Возврати волости новгородскія и помирись съ нами“; но Василій не хотѣлъ мириться; тогда въ Новгородѣ возмутились люди и захотѣли Василія; Димитрій, не дожидаясь изгнанія, добровольно уѣхалъ въ свой Переяславль, и Василій сѣлъ на столѣ Новгородскомъ; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, Василій наказалъ своихъ противниковъ, въ числѣ которыхъ былъ тысяцкій [4]); судя по обстоятельствамъ, съ вѣроятностію можно положить, что прежнія требованія Василія относительно грамотъ были исполнены. Перемѣна князя повлекла и перемѣну посадника: еще до пріѣзда Васильева отняли посадничество у Павши (Павла Семеновича) и дали Михаилу Мишиничу (вѣроятно сыну убитаго прежде Миши); Павша бѣжалъ сперва къ Димитрію, но потомъ раздумалъ и поѣхалъ съ поклономъ къ Василію, который, какъ видно, принялъ его милостиво, потому что какъ скоро Василій утвердился въ Новгородѣ, то отняли посадничество у Михаила и отдали опять Павшѣ, выведши его изъ Костромы; но въ слѣдующемъ же 1274 году Павша умеръ, и Михаилъ сталъ опять посадникомъ. Въ 1276 году умеръ великій князь Василій и погребенъ въ своей отчинѣ, Костромѣ; съ нимъ прекратилось первое поколѣніе потомства Ярослава Всеволодовича, и старшинство со столомъ Владимірскимъ перешло по старинѣ къ старшему сыну Невскаго, Димитрію Александровичу Переяславскому. Такимъ образомъ, при ослабленіи родовой связи и общности владѣнія, при образованіи удѣловъ, отдѣльныхъ отчинъ и при необходимо слѣдующемъ отсюда стремленіи каждаго великаго князя усилить свое собственное княжество, причемъ всѣ они начинаютъ съ Новгорода, жребій—усилиться и стать чрезъ это сосредоточивающимъ пунктомъ Руси—выпалъ сперва Твери; но недостатокъ твердости въ Ярославѣ Тверскомъ и соперничество брата его Василія воспрепятствовали усиленію Твери; Василій Костромской едва получилъ великокняжескую область, какъ началъ дѣйствовать точно такимъ же образомъ, какой охуждалъ въ братѣ; подобно ему, привелъ Татаръ на Новгородцевъ, тогда какъ прежде заступился за послѣднихъ и отклонилъ отъ нихъ татарское нашествіе; но кратковременное пятилѣтнее правленіе не позволило ему усилить Костромское княжество, онъ умеръ бездѣтенъ, и очередь перешла къ Переяславлю-Залѣсскому.

Касательно ордынскихъ отношеній по смерти Невскаго: въ 1266 году кончилось первое, самое тяжкое двадцатипятилѣтіе татарскаго ига; въ этомъ году, говорятъ лѣтописи, умеръ ханъ Берге, и была ослаба Руси отъ насилія татарскаго. Берге былъ

---

[1]) «И идоша въ Голино». Село Новгородскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу у устья Шелони. Арцыб.

[2]) По Никон. (III, 53) митрополитъ грозился въ случаѣ непослушанія наложить на Новгородъ запрещеніе.

[3]) Татищ. IV, 45.

[4]) Тамъ же, стр. 46.

первый ханъ, который принялъ магометанство, и потому неудивительно читать въ лѣтописяхъ, что какой-то Изосимъ принялъ исламъ въ угодность татарскому баскаку. Берге наслѣдовалъ Менгу-Тимуръ, внукъ Батыя отъ втораго сына его Тутукана. Въ 1275 году происходила вторичная перепись народа на Руси и въ Новгородѣ. — На западѣ попрежнему шла борьба съ Литвою и Нѣмцами. Въ Литвѣ въ это время произошли усобицы, вслѣдствіе которыхъ въ 1266 г. прибѣжалъ во Псковъ одинъ изъ литовскихъ князей, именемъ Довмонтъ, съ дружиною и съ цѣлымъ родомъ, принялъ крещеніе подъ именемъ Тимоѳея, и былъ посаженъ Псковитянами на столѣ Св. Всеволода: здѣсь въ первый разъ видимъ то явленіе, что русскій городъ призываетъ къ себѣ въ князья Литвина вмѣсто Рюриковича,—явленіе любопытное, потому что оно объясняетъ намъ тогдашнія понятія и отношенія, объясняетъ древнее призваніе самого Рюрика, объясняетъ ту легкость, съ какою и другіе западные русскіе города, въ это время и послѣ, подчинялись династіи князей литовскихъ. Псковичи не ошиблись въ выборѣ: Довмонтъ своими доблестями, своею ревностію по новой вѣрѣ и новомъ отечествѣ напомнилъ Руси лучшихъ князей ея изъ рода Рюрикова—Мстиславовъ, Александра Невскаго. Чрезъ нѣсколько дней послѣ того, какъ Псковичи провозгласили его княземъ, Довмонтъ, взявши т р и д е в я н о с т а дружины отправился на Литовскую Землю, и повоевалъ свое прежнее отечество, плѣнилъ родную тетку свою, жену князя Гердена, и съ большимъ полономъ возвращался во Псковъ. Переправившись черезъ Двину и отъѣхавъ верстъ пять отъ берега, онъ сталъ шатрами на бору, разставилъ сторожей по рѣкѣ, отпустилъ два девяносто ратныхъ съ полономъ во Псковъ, и самъ остался съ однимъ девяностомъ, ожидая за собою погони. Гердена и другихъ князей не было дома, когда Довмонтъ пустошилъ ихъ землю; возвратившись, они погнались съ 700 человѣкъ вслѣдъ за нимъ, грозясь схватить его руками и предать лютой смерти, а Псковичей изсѣчь мечами. Стража, разставленная Довмонтомъ на берегу Двины, прибѣжала и объявила ему, что Литва уже переправилась черезъ рѣку. Тогда Довмонтъ сказалъ своей дружинѣ: „Братья-мужи Псковичи! кто старъ,—тотъ отецъ, а кто молодъ,—тотъ братъ! слышалъ я о мужествѣ вашемъ во всѣхъ сторонахъ; теперь передъ нами, братья, животъ и смерть; братья-мужи Псковичи! потянемъ за Св. Троицу и за свое отечество". Поѣхалъ князь Довмонтъ съ Псковичами на Литву и однимъ девяностомъ семьсотъ побѣдилъ. Въ слѣдующемъ 1267 году Новгородцы съ Довмонтомъ и Псковичами ходили на Литву и много повоевали; въ 1275 году русскіе князья ходили на Литву вмѣстѣ съ Татарами и возвратились съ большою добычею. Въ 1268 году Новгородцы собрались-было опять на Литву, но на дорогѣ раздумали и пошли за Нарву къ Раковору (Везенбергъ); много земли попустошали, но города не взяли, и, потерявши 7 человѣкъ, возвратились домой; но скоро потомъ рѣшились предпринять походъ поважнѣе и, подумавши съ посадникомъ своимъ Михаиломъ, послали за княземъ Димитріемъ Александровичемъ, сыномъ Невскаго, звать его изъ Переяславля съ полками; послали и къ великому князю Ярославу, и тотъ прислалъ сыновей своихъ съ войскомъ. Тогда Новгородцы сыскали мастеровъ, умѣющихъ дѣлать стѣнобитныя орудія, и начали чинить п о р о к и на Владычнемъ дворѣ. Нѣмцы — Рижане, Феллинцы, Юрьевцы—услыхавши о такихъ сборахъ, отправили въ Новгородъ пословъ, которые объявили гражданамъ: „Намъ съ вами миръ, перевѣдывайтесь съ Датчанами-Колыванцами (Ревельцами) и Раковорцами (Везенбергцами), а мы къ нимъ не пристаемъ, на чемъ и крестъ цѣлуемъ;" — и точно поцѣловали крестъ. Новгородцы однако этимъ не удовольствовались, послали въ Ливонію привести къ кресту всѣхъ п и с к у п о в ъ и Б о ж ь и х ъ д в о р я н ъ (рыцарей), и тѣ всѣ присягнули, что не будутъ помогать Датчанамъ. Обезопасивъ себя такимъ образомъ со стороны Нѣмцевъ, Новгородцы выступили въ походъ подъ предводительствомъ семи князей, въ числѣ которыхъ былъ и Довмонтъ со Псковичами. Въ январѣ мѣсяцѣ вошли они въ Нѣмецкую Землю и начали опустошать ее по обычаю; въ одномъ мѣстѣ Русскіе нашли огромную непроходимую пещеру, куда спряталось множество Чуди; три дня стояли полки передъ пещерою и никакъ не могли добраться до Чуди; наконецъ одинъ изъ мастеровъ, который былъ при машинахъ, догадался пустить въ нее воду; этимъ средствомъ Чудь принуждена была покинуть свое убѣжище, и была перебита. Отъ пещеры Русскіе пошли дальше къ Раковору; но когда достигли рѣки Кеголы, 18-го февраля, то вдругъ увидали передъ собою полки нѣмецкіе, которые стояли, какъ лѣсъ дремучій, потому что собралась вся Земля Нѣмецкая, обманувши Новгородцевъ ложною клятвою. Русскіе однако не испугались, пошли къ Нѣмцамъ за рѣку и начали ставить полки: Псковичи стали по правую руку, князь Димитрій Александровичъ съ Переяславцами и съ сыномъ великаго князя Святославомъ стали по правую же руку повыше; по лѣвую,—сталъ другой сынъ великаго князя, Михаилъ съ Тверичами, а Новгородцы стали въ лицо желѣзному полку противъ великой с в и н ь и, и въ такомъ порядкѣ схватились съ Нѣмцами. Было побоище страшное, говоритъ лѣтописецъ, какого не видали ни отцы, ни дѣды. Русскіе сломили Нѣмцевъ и гнали ихъ семь верстъ вплоть до города Раковора; но дорого стоила имъ эта побѣда: посадникъ съ тринадцатью знаменитѣйшими гражданами полегли на мѣстѣ, много пало и другихъ добрыхъ бояръ, а черныхъ людей безъ числа; иные пропали безъ вѣсти, и въ томъ числѣ тысяцкій Кондратъ. Сколько пало непріятелей — видно изъ того, что конница русская не могла пробираться по ихъ трупамъ; но у нихъ оставались еще свѣжіе полки, которые, во время бѣгства остальныхъ, успѣли врѣзаться с в и н ь е ю въ обозъ новгородскій; князь Димитрій хотѣлъ немедленно

напасть на нихъ, но другіе князья его удержали: „Время уже къ ночи, говорили они, въ темнотѣ смѣшаемся и будемъ бить своихъ“. Такимъ образомъ, оба войска остановились другъ противъ друга, ожидая разсвѣта, чтобъ начать снова битву; но когда разсвѣло, то нѣмецкихъ полковъ уже не было болѣе видно,—они бѣжали въ ночь. Новгородцы стояли три дня на костяхъ (на полѣ битвы), на четвертый тронулись, везя съ собою избіенныхъ братій, честно отдавшихъ животъ свой, по выраженію лѣтописца. Но Довмонтъ съ Псковичами хотѣли воспользоваться побѣдою, опустошили Ливонію до самаго моря и, возвратившись, наполнили землю свою множествомъ полона. Латины (Нѣмцы), собравши остатокъ силъ, спѣшили отмстить Псковичамъ; пришли тайно на границу, сожгли нѣсколько псковскихъ селъ и ушли назадъ, не имѣя возможности предпринять что нибудь важное; ихъ было только 800 человѣкъ; но Довмонтъ погнался за ними съ 60 человѣками дружины и разбилъ. Въ слѣдующемъ 1269 году магистръ пришелъ подъ Псковъ съ силою тяжкою; 10 дней стояли Нѣмцы подъ городомъ и съ урономъ принуждены были отступить; между тѣмъ явились Новгородцы на помощь и погнались за непріятелемъ, который успѣлъ однако уйти за рѣку, и оттуда заключилъ миръ на всей волѣ новгородской. Оставалось покончить съ Датчанами ревельскими, и въ томъ же году самъ великій князь Ярославъ послалъ сына Святослава въ Низовую Землю собирать полки; собрались всѣ князья и безчисленное множество войска пришло въ Новгородъ; былъ тутъ и баскакъ великій владимірскій, именемъ Амраганъ, и всѣ вмѣстѣ хотѣли выступить на Колывань. Датчане испугались и прислали просить мира: „Кланяемся на всей вашей волѣ; Наровы всей отступаемся, только крови не проливайте“. Новгородцы подумали—и заключили миръ на этихъ условіяхъ.

До сихъ поръ мы преимущественно обращали вниманіе на преемство великихъ князей владимірскихъ и отношенія ихъ къ родичамъ; теперь взглянемъ на отношенія князей въ другихъ волостяхъ Сѣверо-Восточной Руси. Лѣтописецъ не говоритъ, гдѣ княжилъ Святославъ Всеволодовичъ, лишенный Владимірскаго стола, и сынъ его Димитрій, ибо прежній удѣлъ ихъ, Суздаль, отданъ былъ Невскимъ брату его Андрею Ярославичу, также лишившемуся Владиміра. Мы видимъ послѣ, что этотъ Димитрій помогаетъ Невскому въ войнѣ противъ Новгорода; наконецъ, подъ 1269 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти Димитрія и погребеніи его въ Юрьевѣ—знакъ, что онъ княжилъ въ этомъ городѣ, который держалъ отецъ его Святославъ по смерти Всеволода III; слѣдовательно Юрьевъ, какъ неотъемлемая вотчина, осталась за Святославомъ и тогда, когда онъ получилъ отъ брата Ярослава Суздаль. По смерти Андрея Ярославича остались сыновья—Юрій и Михайла; перваго мы видѣли въ Новгородѣ.—Въ 1249 г. умеръ послѣдній сынъ Константина Всеволодовича, Владиміръ Углицкій, оставивъ двоихъ сыновей—Андрея и Романа, изъ которыхъ Андрей умеръ въ 1261 г. Въ одинъ годъ съ Владиміромъ умеръ племянникъ его, Василій Всеволодовичъ Ярославскій, не оставивъ сыновей, вслѣдствіе чего произошло любопытное явленіе: прежде въ старой Руси волости не считались собственностью отдѣльныхъ князей, но собственностію цѣлаго рода, и если какой-нибудь князь умиралъ, то волость его не переходила даже и къ сыновьямъ, но къ старшему въ родѣ или племени; на сѣверѣ мы видимъ, что волости начинаютъ переходить прямо къ сыновьямъ, исключая одной старшей волости Владимірской; но мало этого: понятіе о собственности, отдѣльности владѣнія такъ утвердилось, что удѣлъ, за неимѣніемъ сыновей, переходитъ къ дочери покойнаго князя, вслѣдствіе чего дочь Василія Всеволодовича начала княжить въ Ярославлѣ съ матерью, которая стала искать ей жениха. Въ это время въ Смоленской волости княжили трое сыновей Ростислава Мстиславича, внука Давыда Ростиславича: Глѣбъ, котораго мы видѣли союзникомъ Ярослава Ярославича противъ Новгорода, Михаилъ и Θеодоръ. По словамъ лѣтописца, Глѣбъ и Михаилъ обидѣли Θеодора, давши ему одинъ только Можайскъ; этого-то Θеодора Можайскаго вдова Василія Всеволодовича выбрала въ мужья своей дочери, и такимъ образомъ одинъ изъ Ростиславичей смоленскихъ получилъ въ приданое за женою волость суздальскихъ Юрьевичей. Въ житіи князя Θеодора находимъ слѣдующія дополнительныя извѣстія: отъ первой жены, княжны Ярославской, онъ имѣлъ сына Михаила; во время отсутствія князя въ Орду, жена его умерла, и теща съ боярами, провозгласивъ княземъ молодаго Михаила, не впустили въ городъ Θеодора, когда онъ пріѣхалъ изъ Орды. Θеодоръ отправился назадъ въ Орду, тамъ женился на ханской дочери, прижилъ съ нею двоихъ сыновей — Давида и Константина, и, услыхавъ о смерти старшаго своего сына, Михаила, возвратился въ Ярославль, гдѣ утвердился съ ханской помощью.

Изъ князей муромскихъ упоминается Ярославъ, по случаю брака Ростовскаго князя Бориса Васильевича на его дочери. Въ Рязани княжилъ Олегъ Ингваревичъ, внукъ Игоревъ, правнукъ Глѣбовъ, оставившій (1258 г.) столъ сыну Роману. Въ 1270 году на Романа донесли хану Менгу-Тимуру, будто онъ хулитъ хана и ругается вѣрѣ татарской; ханъ напустилъ на Романа Татаръ, которые стали принуждать его къ своей вѣрѣ; тотъ не соглашался, и когда стали его бить, то онъ продолжалъ восхвалять христіанство и бранить вѣру татарскую; тогда разъяренные Татары отрѣзали ему языкъ, заткнули ротъ платкомъ и, изрѣзавши всего по составамъ, отняли наконецъ голову и взоткнули на копье. Разсказавши смерть Романову, лѣтописецъ обращается къ русскимъ князьямъ и увѣщеваетъ ихъ не плѣняться суетною славою свѣта сего, не обижать другъ друга, не лукавствовать между собою, не похищать

чужаго, не обижать меньшихъ родичей. Не извѣстно, кто оклеветалъ Романа.

Изъ бояръ при князьяхъ Сѣверо-Восточной Руси упоминается Жидиславъ, воевода князя Ярослава Ярославича, котораго Татары убили въ Переяславлѣ въ 1252 году; именемъ своимъ онъ напоминаетъ прежнихъ славныхъ па сѣверѣ Жидиславовъ или Жирославовъ. У князя Василія Костромскаго упоминается воевода Семенъ, опустошавшій въ 1272 году Новгородскую волость; можно думать, что это одно лицо съ знаменитымъ впослѣдствіи Семеномъ Тониліевичемъ.

Обратимся теперь къ Юго-Западной Руси.

Плано-Карпини, проѣхавшій чрезъ древнюю собственную Русь (Кіевскую область) въ 1245 году, говоритъ, что онъ во все продолженіе пути находился въ безпрестанномъ страхѣ предъ Литовцами, которые начали опустошать теперь и Приднѣпровье, благодаря тому, что некому было противиться: большая часть жителей Руси или была побита, или взята въ плѣнъ Татарами; Кіевъ послѣ Батыева опустошенія сдѣлался ничтожнымъ городкомъ, въ которомъ едва насчитывалось домовъ съ двѣсти; жители находились въ страшномъ рабствѣ; по окрестностямъ путешественники находили безчисленное множество череповъ и костей человѣческихъ, разбросанныхъ по полямъ. Такимъ образомъ, Русь находилась между двумя страшными врагами: Татарами—съ востока и Литвою—съ запада, которые не замедлятъ вступить въ борьбу за нее. Но у нея оставался еще знаменитый князь, подъ знаменемъ котораго она могла еще съ успѣхомъ отстаивать свою независимость, хотя и тутъ, разумѣется, собственная Русь не могла играть по-прежнему первенствующей роли; Кіевъ уже прежде потерялъ свое первенствующее значеніе, перешедшее теперь къ богатой области Прикарпатской, отчинѣ знаменитаго правнука Изяслава Мстиславича. Но къ этой волости перешло также роковое преимущество Кіевскаго княжества—быть предметомъ усобицъ между Мономаховичами и Ольговичами; несмотря на татарское опустошеніе, за Галичъ продолжали бороться двое представителей обѣихъ враждебныхъ линій — Даніилъ Романовичъ Мономаховичъ и Михаилъ Всеволодовичъ Ольговичъ.

Даніилъ еще до взятія Кіева Батыемъ поѣхалъ въ Венгрію, но былъ дурно принятъ королемъ, который отказался выдать дочь свою за его сына. Даніилъ выѣхалъ изъ Венгріи, и, встрѣтивъ на дорогѣ толпы народа, спасавшагося бѣгствомъ отъ Татаръ, долженъ былъ возвратиться назадъ: потомъ, услыхавъ, что братъ, жена и дѣти спаслись въ Польшу, отправился и самъ туда-же; на дорогѣ соединился съ семействомъ и вмѣстѣ съ ними поѣхалъ къ Кондратову сыну Болеславу, который далъ ему на время Вышгородъ, гдѣ Даніилъ и пробылъ до тѣхъ поръ, пока узналъ, что Татары вышли изъ его волости. Обстоятельство, что Даніилъ уѣхалъ въ Венгрію только съ однимъ сыномъ Львомъ, оставивши семейство въ Галичѣ, заставляетъ думать, что онъ не бѣжалъ предъ Татарами, а ѣздилъ для сватовства и заключенія союза съ королемъ противъ Татаръ. Въ Галичѣ ждали Даніила прежнія непріятности: когда онъ подъѣхалъ къ городу Дрогичину, то намѣстникъ тамошній не позволилъ ему войти въ городъ; другіе города были опустошены,—изъ Бреста нельзя было выйти въ поле отъ смрада гніющихъ труповъ; во Владимірѣ не осталось ни одного живаго человѣка; Богородичный соборъ и другія церкви были наполнены трупами. Между тѣмъ и Михаилъ Черниговскій съ сыномъ Ростиславомъ возвратились изъ Польши, гдѣ также скрывались отъ Татаръ, и проѣхали мимо Владиміра къ Пинску, не давши знать Романовичамъ о своемъ пріѣздѣ, чѣмъ явно выказывали вражду свою къ нимъ; изъ Пинска Михаилъ отправился въ Кіевъ и жилъ подъ этимъ городомъ на островѣ, а сынъ его Ростиславъ поѣхалъ княжить въ Черниговъ. Когда такимъ образомъ Черниговскіе обнаруживали непріязнь свою къ Романовичамъ, послѣдніе должны были бороться со внутренними врагами. Бояре галицкіе, по словамъ лѣтописца, называли Даніила своимъ княземъ, а между тѣмъ сами держали всю землю; главными изъ нихъ были въ это время Доброславъ Судьичъ, поповъ внукъ, и Григорій Васильевичъ [1]): первый взялъ себѣ Бакоту [2]) и все Понизье, а другой хотѣлъ овладѣть горною стороною Перемышльскою, и былъ мятежъ большой въ землѣ и грабежъ отъ нихъ. Даніилъ послалъ стольника своего Якова сказать Доброславу: „Я вашъ князь, а вы меня не слушаетесь, землю грабите; я не велѣлъ тебѣ принимать черниговскихъ бояръ, велѣлъ дать волости галицкимъ, а коломыйскую соль отписать на меня.“—„Хорошо, отвѣчалъ Доброславъ, такъ и будетъ сдѣлано“; но въ это самое время вошли къ нему Лазарь Домажиричъ и Иворъ Молибожичъ, два беззаконника отъ племени смердьяго, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ; они поклонились Доброславу до земли; Яковъ удивился и спросилъ: „За что это они такъ тебѣ низко кланяются“?—„За то, что я отдалъ имъ Коломыю“, отвѣчалъ Доброславъ.—„Какъ же ты смѣлъ это сдѣлать безъ княжескаго приказа? сказалъ Яковъ: великіе князья держатъ эту Коломыю [3]) на раздачу оруженосцамъ своимъ, а эти чего стоятъ?“—„Чтожъ мнѣ говорить“? отвѣчалъ смѣясь Доброславъ:—другого ничего Яковъ не могъ отъ него добиться. Къ счастію Даніила, оба боярина—Доброславъ и Григорій—скоро перессорились; Доброславу не хотѣлось имѣть товарища, и потому онъ прислалъ къ князю съ доно-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 179. «Доброславъ же вокняжилъся бѣ и Судьичь, поповъ внукъ, и грабяше всю землю, въшедъ во Бакоту все понисье прія».—Я считаю здѣсь «и» вставленнымъ ошибкою: Доброславъ Судьичъ былъ одно лицо, ибо во всей послѣдующей рѣчи говорится только о немъ да Григорьѣ Васильевичѣ.

[2]) Бакота находилась на лѣвомъ берегу Днѣстра, ниже Хотина, Арцыб. II, прим. 15.

[3]) Городъ Коломыя находился близъ сѣвернаго берега рѣки Прута.

сомъ на Григорія, и оба потомъ явились съ навѣтами другъ на друга къ Даніилу, который былъ особенно оскорбленъ гордостію Доброслава: этотъ бояринъ пріѣхалъ къ князю въ одной сорочкѣ, закинувъ вверхъ голову, въ сопровожденіи толпы Галичанъ, шедшихъ у его стремени. Романовичи увидали, что оба боярина лгутъ, оба не хотятъ ходить по волѣ княжеской, и потому велѣли схватить обоихъ, потомъ отправили печатника Кирилла въ Бакоту собрать подробныя свѣдѣнія о грабительствахъ боярскихъ и успокоить землю, въ чемъ Кириллъ и успѣлъ.

Но только-что установилось спокойствіе внутреннее, какъ Романовичи должны были приняться за оружіе для отраженія враговъ внѣшнихъ: въ 1241 году Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій, собравши князей болховскихъ и Галичанъ, себѣ преданныхъ, осадилъ Кирилла въ Бакотѣ; послѣ битвы у городскихъ воротъ, Ростиславъ потребовалъ свиданія съ печатникомъ, надѣясь склонить его на свою сторону, но Кириллъ отвѣчалъ ему: „Такъ-то ты благодаришь дядей своихъ за ихъ добро? ты позабылъ, какъ тебя выгналъ и съ отцомъ король Венгерскій, и какъ тогда приняли тебя господа мои, твои дядья! отца твоего въ великой чести держали и Кіевъ ему обѣщали, тебѣ Луцкъ отдали, а мать твою и сестру изъ Ярославовыхъ рукъ освободили.“ Много умныхъ рѣчей говорилъ Кириллъ, но Ростиславъ не послушался; тогда печатникъ принялся за другое средство подѣйствительнѣе, и вышелъ на Черниговскаго князя съ пѣхотою: тотъ не рѣшился вступить въ битву и ушелъ за Днѣпръ. Даніилъ, услыхавши, что Ростиславъ приходилъ на Бакоту съ князьями болховскими, пошелъ немедленно на послѣднихъ, потому что эти князья также отплатили ему злою неблагодарностью за добро: когда онъ жилъ въ Вышгородѣ у Болеслава Мазовецкаго, то князья болховскіе прибѣжали также въ Польшу отъ Татаръ; но Болеславъ не хотѣлъ принимать ихъ, а хотѣлъ ограбить: „Это особенные князья, а не твои ратники“, говорилъ онъ Даніилу, который вступился за нихъ; Галицкій князь хотѣлъ-было даже биться за нихъ съ Болеславомъ, насилу братъ его Василько умолилъ послѣдняго не трогать Болховскихъ, которые обѣщались служить Полякамъ. Но теперь они забыли все это, и Даніилъ безъ милости опустошалъ ихъ землю, оставленную Татарами въ цѣлости для того, чтобъ жители сѣяли на нихъ пшеницу и просо; семь городовъ ихъ взялъ Даніилъ и сжегъ. Но Ростиславъ Черниговскій не думалъ еще отставать отъ своихъ враждебныхъ намѣреній; соединившись съ измѣнникомъ Даніиловымъ, бояриномъ Владиславомъ, и съ рязанскимъ изгнанникомъ, братоубійцею княземъ Константиномъ Владиміровичемъ, овладѣлъ Галичемъ, но былъ скоро выгнанъ оттуда Романовичами и спасенъ былъ отъ дальнѣйшаго преслѣдованія только вѣстію, что Татары вышли изъ Венгріи и идутъ на Землю Галицкую; Константинъ съ крамольнымъ владыкою Перемышльскимъ также принужденъ былъ бѣжать передъ дворецкимъ Даніиловымъ, Андреемъ; Андрей настигъ и разграбилъ гордыхъ слугъ владыкиныхъ, разодралъ тулупы ихъ бобровые, прилбицы (опушки у шапокъ подлѣ лба) волчьи и барсуковыя: тутъ же попался въ плѣнъ и славный пѣвецъ Митуса, который прежде по гордости не хотѣлъ служить князю Даніилу. Черезъ три года (въ 1245) Ростиславъ, женившійся между тѣмъ на дочери короля Венгерскаго, пришелъ съ тестевымъ войскомъ опять на волость Даніила, разбилъ бояръ послѣдняго, но былъ выгнанъ самимъ Даніиломъ.

Черезъ нѣсколько времени Ростиславъ съ полками венгерскими и польскими вошелъ въ послѣдній разъ въ Землю Галицкую и осадилъ Ярославль. Во время сильныхъ боевъ передъ городомъ Венгры и Поляки укрѣпили свой лагерь, чтобъ не терпѣть никакого вреда отъ осажденныхъ до тѣхъ поръ, пока не будутъ готовы осадныя машины. Ростиславъ хвастался передъ войскомъ своимъ: „Еслибъ я зналъ только, гдѣ Даніилъ и Василько, то поѣхалъ бы на нихъ съ десятью человѣками“. Онъ устроилъ военную игру передъ городомъ и, сражаясь съ какимъ-то Воршемъ, упалъ съ лошади и вывихнулъ себѣ плечо—примѣта была не на добро, замѣчаетъ лѣтописецъ. Даніилъ и Василько, услыхавши о его приходѣ, помолились Богу и стали собирать войска. На рѣкѣ Санѣ произошла послѣдняя кровопролитная битва между Мономаховичами и Ольговичами; передъ сраженіемъ, говоритъ лѣтописецъ, пролетѣла надъ полкомъ стая птицъ хищныхъ, орловъ и вороновъ, и стали птицы играть, клоктать и плавать по воздуху—знаменіе было на добро. Первый напалъ на полки Ростиславовы дворецкій Андрей; когда съ обѣихъ сторонъ переломали копья, то послышался трескъ, какъ отъ грома, и много съ обѣихъ сторонъ попадало всадниковъ съ коней своихъ; Даніилъ послалъ къ Андрею 20 отборныхъ мужей на помощь, но тѣ испугались и прибѣжали назадъ къ Сану, оставя храбраго дворскаго среди враговъ съ малою дружиною. Между тѣмъ Поляки, поднявши страшный крикъ, поя Кирлешъ (Киріе елеисонъ), двинулись на Василька; съ ними былъ самъ Ростиславъ, а въ заднемъ полку стоялъ съ хоругвію извѣстный венгерскій воевода Филя; онъ по-прежнему хвастался и укорялъ Русь: „Русскіе, говорилъ онъ своимъ, горячо наступаютъ, но долго не выдерживаютъ боя, стоитъ намъ только выдержать ихъ первый натискъ“. Даніилъ бросился на выручку брата, попался-было въ плѣнъ, вырвался, выѣхалъ изъ полковъ, но потомъ возвратился опять, ударилъ на Филю, смялъ полкъ его, разодралъ хоругвь пополамъ; увидавши это, Ростиславъ побѣжалъ, а за нимъ и всѣ Венгры. Мы оставили Василька, ожидать нападенія Поляковъ, которые кричали другъ другу: „Погонимъ длинныя бороды“.—„Лжете“, прокричалъ имъ въ отвѣтъ Василько: „Богъ помощникъ намъ“,—и, съ этими словами, пришпоривъ коня, двинулся къ нимъ на-встрѣчу. Поляки не вы-

держали натиска и обратились въ бѣтство. Даніилъ, гоня Венгровъ и Русь Ростиславову черезъ глубокую дебрь, сильно тужилъ, не зная что дѣлается съ братомъ, какъ вдругъ увидалъ хоругвь его и самаго князя, гонящаго Поляковъ; Даніилъ остановился на могилѣ противъ города и подождалъ брата, съ которымъ сталъ совѣтоваться—продолжать ли преслѣдованіе. Василько отговаривалъ его гнаться дальше. Пораженіе непріятелей было полное: множество Венгровъ и Поляковъ было побито и взято въ плѣнъ; въ числѣ плѣнныхъ находился гордый Филя, схваченный Андреемъ дворскимъ, и знаменитый измѣнникъ галицкій, бояринъ Владиславъ: оба казнены были въ тотъ же день вмѣстѣ съ многими другими венгерскими плѣнниками [1]).

Ярославская побѣда окончательно утвердила Даніила на столѣ Галицкомъ: съ этихъ поръ никто изъ русскихъ князей уже не безпокоилъ его болѣе своимъ соперничествомъ; Венгры также оставили свои притязанія; должны были успокоиться и внутренніе враги наряда, бояре, не имѣя болѣе возможности крамолить, не находя соперниковъ сыну Романову. Но сколько славенъ былъ для Даніила 1249 годъ, столько же тяжекъ слѣдующій 1250; отъ Татаръ пришло грозное слово: „Дай Галичъ!" Въ глубокой грусти оба Романовича стали думать, что дѣлать; въ чистомъ полѣ не было возможности сопротивляться Татарамъ, городовъ не успѣли укрѣпить; наконецъ Даніилъ сказалъ: „Не отдамъ пол-отчины моей, лучше поѣду самъ къ Батыю" [2]). Даніилъ отправился въ путь, пріѣхалъ въ опустошенный Кіевъ, гдѣ сидѣлъ бояринъ Димитрій Ейковичъ, посланный туда в. княземъ Ярославомъ Суздальскимъ; въ Кіевѣ Даніилъ остановился въ Выдубицкомъ монастырѣ, созвалъ братію, попросилъ ихъ отслужить молебенъ, чтобъ Богъ помиловалъ его, и поплылъ по Днѣпру въ сильной тоскѣ, видя предъ собою бѣду грозную. Въ Переяславлѣ, стольномъ городѣ прадѣда своего Мономаха, онъ уже встрѣтилъ Татаръ; упомянутые выше западные путешественники разсказываютъ о тяжкомъ впечатлѣніи, которое произвело на нихъ первое знакомство съ Татарами, показавшимися имъ какими-то демонами; такое же тяжкое впечатлѣніе произвели Татары и на Даніила, по свидѣтельству лѣтописца: варварскіе обряды, суевѣрія внушали глубокое отвращеніе сыну Романову; съ ужасомъ думалъ онъ, что всѣ приходящіе къ хану подчиненные владѣльцы должны исполнять эти обряды, ходить около куста, кланяться солнцу, лунѣ, землѣ, дьяволу, умершимъ, находящимся въ адѣ предкамъ ихъ ханскимъ. Въ черныхъ мысляхъ пріѣхалъ Даніилъ на Волгу, въ Орду Батыеву, и первая вѣсть, услышанная имъ здѣсь, не могла его утѣшить,—пришелъ къ нему слуга в. князя Ярослава Суздальскаго и сказалъ: „Братъ твой Ярославъ кланялся кусту, и тебѣ кланяться". — „Дьяволъ говоритъ твоими устами, отвѣчалъ ему на это Даніилъ: да заградитъ ихъ Богъ". Къ счастію, Батый не потребовалъ отъ него исполненія суевѣрныхъ обрядовъ; когда Даніилъ, при входѣ въ вежу, поклонился по татарскому обычаю, то Батый встрѣтилъ его словами: „Данило! зачѣмъ такъ долго не приходилъ; но все хорошо, что теперь пришелъ; пьешь ли черное молоко, наше питье, кобылій кумысъ!"—„До сихъ поръ не пилъ, отвѣчалъ Даніилъ, но теперь если велишь, буду пить".—„Ты уже нашъ Татаринъ, продолжалъ Батый, пей наше питье". Даніилъ выпилъ, поклонился по ихъ обычаю, и, сказавши хану, что слѣдовало, о дѣлахъ своихъ, попросилъ позволенія идти къ ханшѣ; Батый сказалъ: „Иди". Князь пошелъ поклониться ханшѣ; потомъ Батый прислалъ къ нему вина, велѣвши сказать: „Не привыкли вы пить молоко, пей вино". Сѣверный лѣтописецъ, довольный относительнымъ уваженіемъ, какимъ пользовались наши князья въ Ордѣ, повторяетъ постоянно, что они принимались тамъ съ честію; но южный, разсказавши о принятіи Даніила ханомъ, разражается громкими жалобами: „О, злѣе зла честь татарская! Даніилъ Романовичъ князь былъ великій, обладалъ вмѣстѣ съ братомъ Русскою Землею, Кіевомъ, Владиміромъ и Галичемъ; а теперь сидитъ на колѣняхъ, и холопомъ называется, дани хотятъ, живота не чаетъ и грозы приходятъ. О злая честь татарская! Отецъ былъ царемъ въ Русской Землѣ, покорилъ Половецкую Землю и воевалъ на иныя всѣ страны: и такого отца сынъ не принялъ чести, кто-жъ другой послѣ того получитъ отъ нихъ что-нибудь? Злобѣ и лести ихъ нѣтъ конца!" Пробывши двадцать пять дней въ Ордѣ, Даніилъ достигъ цѣли своей поѣздки: ханъ оставилъ за нимъ всѣ его земли. Пріѣхавши въ Русь, онъ былъ встрѣченъ братомъ и сыновьями, и былъ плачъ о его обидѣ, говорилъ лѣтописецъ; но еще больше радовались, что увидѣли его опять здоровымъ.

Даніилъ могъ немного утѣшиться немедленнымъ полезнымъ слѣдствіемъ своей поѣздки къ хану; король Венгерскій, испуганный не столько Ярославскою побѣдою, сколько благосклонностью Батыя къ Даніилу, тотчасъ же прислалъ къ послѣднему съ предложеніемъ мира и родственнаго союза, который прежде отвергнулъ; Даніилъ изъявилъ сперва

[1]) Въ Ипатьев. спискѣ назначенъ 1249 годъ для этого событія; въ другихъ спискахъ неопредѣленно сказано: «потомъ же»; что 1249 годъ означенъ неправильно, видно изъ извѣстія о помощи Конрада Мазовецкаго Даніилу, а Конрадъ умеръ въ 1247 году.—О дальнѣйшей судьбѣ Ростислава Михаиловича на чужбинѣ см. статью Палацкаго: о Русскомъ князѣ Ростиславѣ (Чтенія Москов. Истор. Общ. № 3, годъ 1846) и Палаузова: Ростиславъ Михайловичъ, князь Мачвы (Журн. Мин. Нар. Прос. 1851 г. Августъ).

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 184: «Не дамъ полуотчины своей, но ѣду къ Батыеви самъ».—Что за смыслъ этихъ словъ? онъ можетъ объясниться только изъ смысла требованія татарскаго: «дай Галичъ». Хотѣли ли Татары только дани съ Галича, или требовали себѣ всей земли въ полное, непосредственное владѣніе? Въ послѣднемъ случаѣ Даніилъ могъ сказать: «Не уступлю пол-отчины моей, не уступлю Галича, не ограничусь одною Волынью, лучше поѣду къ Батыю, умолю его оставить за мною всѣ мои волости».

сомнѣніе въ искренности короля; но митрополитъ Кириллъ съѣздилъ въ Венгрію и уладилъ дѣло: Левъ Даниловичъ женился на дочери королевской, и Даніилъ отдалъ королю плѣнниковъ венгерскихъ, взятыхъ при Ярославлѣ. Но чѣмъ спокойнѣе было княженіе Даніила внутри, чѣмъ славнѣе становился онъ между сосѣдними государями европейскими, тѣмъ тягостнѣе была для него злая честь татарская, и онъ сталъ искать средствъ къ сверженію ига. Съ одними средствами Галича и Волыни нельзя было и думать объ этомъ; сломить могущество Татаръ, отбросить ихъ въ степи можно было только съ помощію новыхъ крестовыхъ походовъ, съ помощію союза всей Европы, или, по крайней мѣрѣ, всей восточной ея половины. Но о крестовомъ союзѣ католическихъ государствъ нельзя было думать безъ главы Римской церкви, отъ котораго должно было изойти первое, самое сильное побужденіе; князь Русскій могъ быть принятъ въ этотъ союзъ только въ качествѣ сына Римской церкви, и вотъ Даніилъ завязалъ сношенія съ папою Иннокентіемъ IV-о соединеніи церквей. Легко понять, какъ обрадовался папа предложеніямъ Галицкаго князя; письмо за письмомъ, распоряженіе за распоряженіемъ слѣдовали отъ его имени по случаю присоединенія Галицкой Руси. Онъ отправилъ доминиканскаго монаха Алексѣя съ товарищемъ для безотлучнаго пребыванія при дворѣ Даніила, поручилъ архіепископу Прусскому и Эстонскому легатство на Руси, позволилъ русскому духовенству совершать службу на заквашенныхъ просвирахъ, призналъ законнымъ бракъ Даніилова брата Василька на одной изъ родственницъ, уступилъ требованію Даніила, чтобъ никто изъ крестоносцевъ и другихъ духовныхъ лицъ не могъ пріобрѣтать имѣній въ русскихъ областяхъ безъ позволенія князя. Но съ самаго уже начала обнаружилось, что связь съ Римомъ не будетъ продолжительна: время крестовыхъ походовъ прошло, папа не имѣлъ уже прежняго значенія, не могъ своими буллами подвинуть цѣлой Европы противъ востока; въ 1253 году онъ писалъ ко всѣмъ христіанамъ Богеміи, Моравіи, Сербіи и Помераніи объ отраженіи татарскихъ набѣговъ на земли христіанскія и проповѣдываніи крестоваго похода; но это посланіе не произвело никакого дѣйствія; то же въ слѣдующемъ году писалъ онъ къ христіанамъ Ливоніи, Эстоніи и Пруссіи,—и также безуспѣшно. Вмѣсто помощи противъ Татаръ, папа предлагалъ Даніилу королевскій титулъ, въ награду за соединеніе съ Римскою церковію. Но Даніила не могъ прельстить королевскій титулъ; „Рать татарская не перестаетъ; какъ я могу принять вѣнецъ, прежде чѣмъ ты подашь мнѣ помощь“? приказывалъ онъ отвѣчать папѣ. Въ 1254 году, когда онъ былъ въ Краковѣ, у князя Болеслава, туда же явились и послы папскіе съ короною, требуя свиданія съ Даніиломъ; тотъ отдѣлался на этотъ разъ, велѣвши сказать имъ, что не годится ему съ ними видѣться въ чужой землѣ. На слѣдующій годъ послы явились опять съ короною и съ обѣщаніемъ помощи; Даніилъ, не полагаясь на пустыя обѣщанія, не хотѣлъ сперва и тутъ принимать короны, но былъ уговоренъ матерью своею и князьями польскими, которые говорили ему: „Прими только вѣнецъ, а мы уже будемъ помогать тебѣ на поганыхъ“; съ другой стороны, папа проклиналъ тѣхъ, которые хулили православную вѣру Греческую, и обѣщалъ созвать соборъ для разсужденія объ общемъ соединеніи церквей. Даніилъ короновался въ Дрогичинѣ; но событіе это осталось безъ слѣдствій; видя, что отъ папы не дождаться помощи, Даніилъ прервалъ съ нимъ всякія сношенія, не обращая вниманія на укоры Александра IV-го [1]); впрочемъ титулъ королевскій остался навсегда за княземъ Галицкимъ.

Предоставленный однимъ собственнымъ средствамъ, Даніилъ не хотѣлъ однако отказаться отъ мысли о сопротивленіи Татарамъ: укрѣплялъ города и не позволялъ баскакамъ утверждаться въ низовьяхъ днѣпровскихъ. Ближайшимъ сосѣдомъ Даніиловымъ въ Приднѣпровьи былъ баскакъ Куремса, не могшій внушить большаго страха Галицкому князю, такъ что въ 1257 году послѣдній рѣшился предпринять наступательное движеніе противъ Татаръ, и побралъ всѣ русскіе города, непосредственно отъ нихъ зависѣвшіе [2]). Въ 1259 году войско Куремсы явилось у Владиміра, но было отбито жителями; самъ Куремса не могъ взять Луцка, потому что сильный вѣтеръ относилъ отъ города каменья, бросаемые Татарами изъ машинъ. Но въ 1260, вмѣсто Куремсы, явился другой баскакъ, Бурундай, съ которымъ не такъ легко было управиться. Бурундай прислалъ сказать Даніилу: „Я иду на Литву; если ты миренъ съ нами, то ступай со мною въ походъ“. Опечаленный Даніилъ сѣлъ думать съ братомъ и сыномъ; они хорошо знали, что если Даніилъ самъ поѣдетъ къ Бурундаю, то не воротится съ добромъ за явную войну съ Куремсою, и потому рѣшили, что Василько поѣдетъ за брата. Василько отправился, на дорогѣ встрѣтилъ отрядъ Литовцевъ, разбилъ ихъ и привезъ сайгатъ (трофеи) къ Бурундаю; это понравилось Татарину, онъ похвалилъ Василька, поѣхалъ съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву и послѣ войны отпустилъ домой. Но этимъ дѣло не кончилось; въ слѣдующемъ 1261 году Бурундай опять прислалъ сказать Романовичамъ: „Если вы мирны со мною, то встрѣтьте меня, а кто не встрѣтитъ, тотъ мнѣ врагъ“. Опять поѣхалъ къ нему Василько, взявши съ собою племянника Льва и владыку Холмскаго Ивана (на Руси узнали уже, что Монголы уважаютъ служителей всѣхъ религій); Татаринъ встрѣтилъ ихъ сильною бранью, такъ что владыка Иванъ стоялъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха; наконецъ

---

[1]) Папскія посланія см. въ Historica Russiae Monumenta, t. I, LXII—XCV. Плано-Карпини разсказываетъ, что на Волыни у князя Василька онъ читалъ русскимъ епископамъ папскія грамоты, и увѣщевалъ обратиться къ Римской церкви, но что они не могли дать рѣшительнаго отвѣта, ибо князя Даніила не было тогда въ Руси.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 194, 195.

Бурундай сказалъ Васильку: „Если вы со мною мирны, то размечите всѣ свои города“. Надобно было исполнить приказаніе: Левъ разметалъ Даниловъ [1]), Истожекъ [2]), послалъ и Львовъ разметать, а Василько послалъ разрушить укрѣпленія Кременца и Луцка. Владыко Иванъ отправленъ былъ ими къ Даніилу съ вѣстію о гнѣвѣ Бурундая; Даніилъ испугался и уѣхалъ сперва въ Польшу, потомъ въ Венгрію, а между тѣмъ Бурундай вмѣстѣ съ Василькомъ пріѣхалъ къ Владиміру, и приказалъ разрушить городскія укрѣпленія; Василько видѣлъ, что такія обширныя укрѣпленія нельзя скоро разрушить, и потому велѣлъ зажечь ихъ, и горѣли они цѣлую ночь. Сжегши свой городъ, Василько на другой день долженъ былъ угощать Бурундая въ беззащитномъ Владимірѣ; но Татарину и этого было мало: онъ потребовалъ, чтобы рвы городскіе были раскопаны, и это было исполнено. Изъ Владиміра Бурундай и Василько пріѣхали къ Холму, любимому городу короля Даніила; городъ былъ затворенъ, въ немъ сидѣли бояре и люди добрые съ **пороками** и самострѣлами, такъ что взять его не было никакой надежды у Бурундая, и онъ сталъ говорить Васильку: „Это городъ брата твоего, ступай, скажи гражданамъ, чтобъ сдались“; Василько поѣхалъ, а при немъ три Татарина, и толмачъ, знавшій русскій языкъ,—слушать, что Василько будетъ говорить съ Холмовцами. Но Василько догадался, какъ сдѣлать: набралъ въ руки камней, и, подъѣхавши къ стѣнамъ, началъ кричать главнымъ боярамъ: „Константинъ холопъ и ты другой холопъ, Лука Иванычъ! это городъ брата моего и мой, сдавайтесь“ и, сказавши это три раза, ударилъ камнемъ объ землю, давая этимъ знать, чтобъ не сдавались, а бились съ Татарами. Константинъ, стоя на забралахъ, увидалъ знакъ, понялъ его смыслъ и отвѣчалъ Васильку: „Ступай прочь, если не хочешь, чтобъ ударили тебя камнемъ въ лицо, ты уже не братъ королю, а врагъ ему“. Татары, бывшіе съ Василькомъ, разсказали Бурундаю отвѣтъ Константиновъ, и тотъ, не смѣя приступить къ Холму, отправился пустошить Польшу, а оттуда возвратился въ степи. Такимъ образомъ, Даніилъ, обманутый слабостью Куремсы, рано началъ дѣйствовать противъ Татаръ, и поплатился за преждевременную смѣлость городами галицкими и волынскими; но съ другой стороны Даніилъ не ошибся относительно выбора главнаго средства сопротивленія противъ степныхъ полчищъ, именно—укрѣпленія городовъ; наиболѣе укрѣпленный Холмъ остался цѣлъ; должно замѣтить впрочемъ, что предъ этимъ городомъ былъ одинъ баскакъ съ своимъ отрядомъ; конечно и Холмъ не могъ бы устоять противъ тѣхъ полчищъ, которыя приводилъ Батый на Русь.

Но если Даніилъ не имѣлъ успѣха въ борьбѣ съ Востокомъ, за то онъ вознагражденъ былъ счастливою борьбою съ европейскими своими сосѣдями. Здѣсь первое мѣсто занимаетъ борьба его съ Литвою, среди которой произошли важныя перемѣны, имѣвшія рѣшительное вліяніе на судьбы Юго-Западной Руси. До сихъ поръ Литовцы, подобно соплеменникамъ своимъ Пруссамъ, были разъединены, повиновались многимъ князьямъ; такое разъединеніе, не препятствуя Литовцамъ собираться многочисленными толпами и опустошать сосѣднія страны, препятствовало единству, постоянству въ движеніяхъ, не могло сообщать этимъ движеніямъ завоевательнаго, прочнаго характера. Для этого нужно было единовластіе; и вотъ въ то время, какъ Пруссы гибнутъ отъ меча нѣмецкихъ рыцарей или теряютъ свою народность вслѣдствіе разъединенія, среди Литовцевъ, значительно усиленныхъ, безъ сомнѣнія, бѣглецами прусскими, являются князья, которые начинаютъ стремиться къ единовластію; самымъ замѣчательнымъ изъ нихъ былъ Миндовгъ. Характеръ Миндовга ручался за успѣхъ дѣла въ обществѣ варварскомъ: этотъ князь былъ жестокъ, хитръ, не разбиралъ средствъ для достиженія цѣли; никакое злодѣйство не могло остановить его; но гдѣ нельзя было дѣйствовать силою, тамъ онъ сыпалъ золото, употреблялъ обманъ. Изъ разсказа Плано-Карпини мы видѣли, что Литовцы, послѣ нашествія Батыева, безнаказанно опустошали русскія области; но въ 1246 году, возвращаясь съ набѣга на окрестности Поресопницы, они были настигнуты у Пинска обоими Романовичами и поражены на-голову; въ слѣдующемъ году встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ пораженіи ихъ отъ князей—Галицкаго и Волынскаго. Въ 1252 году Миндовгъ отправилъ дядю своего Выкынта и двоихъ племянниковъ—Тевтивила и Едивида—воевать къ Смоленску; онъ сказалъ имъ: „Что кто возьметъ, то пусть и держитъ при себѣ“. Но этотъ походъ былъ хитростію со стороны Миндовга: онъ воспользовался отсутствіемъ родичей, чтобъ захватить ихъ волости и богатство, послѣ чего отправилъ войско, чтобъ нагнать и убить ихъ самихъ. Князья однако во-время узнали о намѣреніяхъ Миндовга и убѣжали къ Даніилу, за которымъ была сестра Тевтивила и Едивида. Миндовгъ послалъ сказать Даніилу, чтобъ тотъ не вступался за изгнанниковъ; но Даніилъ не послушался сколько по родству съ послѣдними, столько же и потому, что хотѣлъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для обезсиленія Литвы; посовѣтовавшись съ братомъ, онъ послалъ сказать князьямъ польскимъ: „Время теперь христіанамъ идти на поганыхъ, потому что у нихъ встали усобицы“. Поляки обѣщались идти съ нимъ вмѣстѣ на войну,—и не исполнили обѣщанія. Тогда Романовичи стали искать противъ Миндовга другихъ союзниковъ, и отправили Выкынта къ Ятвягамъ, въ Жмудь и къ Нѣмцамъ въ Ригу; Выкынту удалось серебромъ и дарами уговорить Ятвяговъ и половину Жмуди подняться на Миндовга; Нѣмцы также прислали сказать Даніилу: „Для тебя помирились мы съ Выкын-

[1]) Плано-Карпини, стр. 737: Antequam in Kioviam venіremus, in D a n i l o v e usque ad mortem fuimus infirmati.

[2]) Не тутъ ли, гдѣ Стожитскій монастырь, Дубненскаго повѣта? спрашиваетъ Арцыбаш. II, примѣч. 232.

томъ, хотя онъ погубилъ много нашей братьи", и обѣщались также идти на помощь къ изгнанникамъ. Обнадеженные этимъ, Романовичи выступили въ походъ: Даніилъ послалъ брата на Волковыйскъ, сына—на Слонимъ, а самъ пошелъ къ Здитову; побрали много городовъ и возвратились домой; потомъ отправилъ Даніилъ Тевтивила съ Русью и Половцами воевать Миндовгову землю; но Нѣмцы не двигались, и Тевтивилъ самъ отправился въ Ригу, гдѣ принялъ крещеніе: это подѣйствовало, и Орденъ сталъ готовиться къ войнѣ.

Миндовгъ увидалъ, что не можетъ противиться въ одно время двумъ врагамъ — и Романовичамъ, и Ордену, и потому принялся за другія средства,—онъ послалъ тайно къ магистру Ордена, Андрею Фонъ Штукланду съ богатыми дарами и слѣдующимъ предложеніемъ: „Если убьешь или выгонишь Тевтивила, то еще больше получишь". Андрей принялъ дары и отвѣчалъ, что питаетъ къ Миндовгу сильную дружбу, но не можетъ помогать ему до тѣхъ поръ, пока онъ не приметъ крещенія. Миндовгъ просилъ личнаго свиданія съ магистромъ, и, за роскошнымъ обѣдомъ, было улажено все дѣло[1]). Миндовгъ крестился[2]), и папа былъ въ восторгѣ: онъ принялъ Литовскаго князя, по обычаю, подъ покровительство Св. Петра[3]), писалъ къ Литовскому епископу, чтобъ никто не смѣлъ оскорблять новообращеннаго[4]); поручилъ епископу Кульмскому вѣнчать Миндовга королевскимъ вѣнцомъ[5]), писалъ объ установленіи соборной церкви въ Литвѣ и епископа[6]); но Миндовгъ принялъ христіанство точно такъ же, какъ Пруссы принимали его подъ мечемъ рыцарей, только для вида, до первой возможности возвратиться къ отцовской вѣрѣ. „Крещеніе его было льстиво, говоритъ лѣтописецъ, потому что втайнѣ онъ не переставалъ приносить жертвы своимъ прежнимъ богамъ, сожигалъ мертвецовъ; а если когда выѣдетъ на охоту, и заяцъ перебѣжитъ дорогу, то ужъ ни за что не войдетъ въ лѣсъ, не посмѣетъ и вѣтки сломить тамъ". Какъ бы то ни было, Миндовгу удалось отстранить опасность, грозившую ему отъ Ордена, и Тевтивилъ долженъ былъ бѣжать изъ Риги въ Жмудь, къ дядѣ своему Выкынту; онъ собралъ войско изъ Ятвяговъ, Жмуди, вспомогательнаго русскаго отряда, присланнаго ему Даніиломъ, и выступилъ противъ Миндовга, на помощь къ которому пришли Нѣмцы. Война не ознаменовалась никакимъ рѣшительнымъ дѣйствіемъ въ 1252 году; въ слѣдующемъ 1253 самъ Даніилъ принялъ въ ней участіе, опустошилъ область Новгородскую (Новоградскую); потомъ Василько съ племянникомъ Романомъ Даніиловичемъ взялъ Городенъ, а сынъ Миндовговъ за то опустошилъ окрестности Турійска. Но этотъ набѣгъ не могъ перевѣсить успѣховъ русской рати, и Миндовгъ прислалъ къ Даніилу съ предложеніемъ мира и руки своей дочери для Шварна, сына Даніилова. Литовскій князь впрочемъ и тутъ нашелъ средство заставить Даніила благосклоннѣе выслушать его предложенія: въ одно время съ Миндовговыми послами явился къ Даніилу Тевтивилъ и объявилъ, что Миндовгъ подкупилъ Ятвяговъ,—и тѣ не хотятъ больше воевать съ нимъ. Даніилъ разсердился на Ятвяговъ; но дѣлать было нечего. Почти два года послѣ того не встрѣчаемъ извѣстій о дѣлахъ литовскихъ; въ концѣ 1255 года лѣтописецъ разсказываетъ о мирѣ между Даніиломъ и сыномъ Миндовговымъ, Воишелкомъ, княземъ Новгородскимъ (Новогрудскимъ). Характеръ и жизнь этого Воишелка очень замѣчательны для насъ, потому что подобныя явленія всего лучше показываютъ состояніе нравовъ въ извѣстный вѣкъ, въ извѣстномъ обществѣ. Жестокъ былъ и Миндовгъ, но безчеловѣчіе Воишелка превосходило всякое вѣроятіе; наивный разсказъ лѣтописца наводитъ ужасъ: „Воишелкъ сталъ княжить въ Новгородѣ, будучи въ поганствѣ, и началъ проливать крови много,—убивалъ всякій день по три, по четыре человѣка; въ который день не убивалъ никого, былъ печаленъ, а какъ убьетъ кого, такъ и развеселится". И вдругъ пронеслась вѣсть, что Воишелкъ христіанинъ; мало того, онъ оставляетъ княженіе свое и постригается въ монахи. Этотъ-то Воишелкъ явился въ 1265 году къ королю Даніилу посредникомъ мира между нимъ и отцомъ своимъ Миндовгомъ; условія были такъ выгодны, что нельзя было не принять ихъ: Шварнъ Даниловичъ получалъ руку Миндовговой дочери, а старшій братъ его, Романъ, получалъ Новогрудекъ отъ Миндовга, да Слонимъ съ Волковыйскомъ и другими городами отъ Воишелка, съ обязанностью впрочемъ признавать надъ собою власть Миндовга. При заключеніи этого мира, Воишелкъ просилъ Даніила дать ему возможность пробраться на Аѳонскую гору, и Даніилъ выхлопоталъ для него свободный путь чрезъ Венгерскія владѣнія; но смуты, происходившія тогда на Балканскомъ полуостровѣ, заставили Воишелка возвратиться назадъ изъ Болгаріи, послѣ чего онъ построилъ себѣ свой особый монастырь на рѣкѣ Нѣманѣ, между Литвою и Новогрудекомъ.

Такимъ образомъ, южнымъ Мономаховичамъ удалось снова утвердиться въ волостяхъ, занятыхъ-было Литвою; но за то Изяславичи полоцкіе должны были уступить свои волости князьямъ литовскимъ. Послѣднимъ Полоцкимъ княземъ является въ нашихъ лѣтописяхъ Брячиславъ, котораго имя записано подъ 1239 годомъ, по случаю брака Александра Невскаго на его дочери;

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 188.

[2]) Впрочемъ есть извѣстіе, что Миндовгъ еще прежде принялъ православіе, Густин. лѣтоп., стр. 341. Подъ годомъ 1246: „Въ сіе лѣто в. князь Литовскій Миндовгъ пріятъ вѣру христіанскую отъ востока, со многими своими бояры".

[3]) Historica Russiae Monumenta, I, № LXXXII.

[4]) Тамъ же, № LXXXIII.

[5]) Тамъ же, № LXXXIV.

[6]) Тамъ же, LXXXV.

но потомъ (1262 г.) Полоцкимъ княземъ является уже Литвинъ Тевтивилъ, племянникъ Миндовговъ отъ сестры [1]). Но и Роману Даниловичу трудно было княжить въ своей новой волости, среди родственниковъ, подобныхъ Воишелку; подъ 1260 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что король Даніилъ и братъ его Василько воевали Литву, ища Романа Даниловича, схваченнаго Воишелкомъ и Тевтивиломъ; чѣмъ кончилось дѣло, какъ освободился Романъ—не извѣстно; извѣстно только то, что въ 1262 году Миндовгъ, желая отмстить Васильку, который вмѣстѣ съ Татарами воевалъ его землю, послалъ на Волынь двѣ рати, набравшія добычи; но одну изъ нихъ Василько нагналъ у города Небла [2]). Литовцы стояли у озера и, увидавши непріятеля, сѣли въ три ряда за щитами, по своему обычаю; Василько ударилъ на нихъ и побѣдилъ, причемъ не осталось изъ нихъ ни одного человѣка; одни погибли отъ меча, другіе потонули въ озерѣ. Василько отправилъ сайгатъ къ брату своему Даніилу, который былъ тогда на дорогѣ въ Венгрію и сильно тосковалъ по братѣ и молодомъ племянникѣ Владимірѣ, зная, что они пошли въ походъ, какъ вдругъ одинъ изъ слугъ началъ говорить: „Господинъ! какіе-то люди ѣдутъ за щитами съ сулицами, и кони съ ними въ поводахъ“. Король вскочилъ съ радостію и сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи! это Василько побѣдилъ Литву“! Посланный подъѣхалъ и привелъ сайгатъ: коней въ сѣдлахъ, щиты, сулицы, шлемы. Эта война Романовичей съ Литвою была послѣднею при жизни Миндовга. Въ то время, какъ сынъ его Воишелкъ жилъ въ монастырѣ, Миндовгъ ждалъ случая отвергнуть новую вѣру и прервать связь съ Орденомъ или, лучше сказать, зависимость отъ него; онъ долго выказывалъ себя передъ рыцарями ревностнымъ христіаниномъ, послушнымъ сыномъ папы, союзникомъ Ордена; уступилъ послѣднему значительныя земли; мало того,—завѣщалъ ему всю Литву въ случаѣ своей безпотомственной смерти, а между тѣмъ толпы Литовцевъ, въ 1259 г., вторгнулись въ Курляндію и пустошили тамъ орденскія владѣнія; отрядъ Тевтонскихъ рыцарей вышелъ къ нимъ на-встрѣчу, и на берегахъ рѣки Дурбы произошла битва, которая служила печальнымъ предвѣщаніемъ для Ордена: Литовцы одержали блистательную побѣду и отпраздновали ее сожженіемъ плѣнныхъ рыцарей въ жертву богамъ. Эта побѣда Литвы служила знакомъ къ волненію Пруссовъ, подстрекнутыхъ, какъ говорятъ, Миндовгомъ; а въ 1260 г., въ условленный день, вспыхнуло повсемѣстное возстаніе. Миндовгъ еще медлилъ, все выжидалъ; наконецъ, видя, что часъ пробилъ, рѣшился дѣйствовать открыто: отрекся отъ христіанства и королевскаго титула, вступилъ съ войскомъ въ Пруссію и страшно опустошилъ ее. Съ другой стороны, его войско счастливо воевало польскія владѣнія, убило одного князя, взяло въ плѣнъ другого; съ литовскимъ войскомъ въ этомъ походѣ находился рязанскій выходецъ Евстаѳій, сынъ извѣстнаго намъ братоубійцы, князя Константина; сынъ, какъ видно, былъ похожъ на отца, потому что лѣтописецъ называетъ Евстаѳія окаяннымъ и беззаконнымъ. Такіе успѣхи не могли быть перевѣшены неудачею, которую Литовцы въ послѣднее время потерпѣли отъ Василька Волынскаго, и лѣтописецъ говоритъ, что Миндовгъ началъ сильно гордиться и не признавалъ себѣ никого равнымъ. Въ 1262 году умерла у него жена, о которой онъ очень жалѣлъ. У покойной была сестра за Довмонтомъ, княземъ Нальщанскимъ; Миндовгъ послалъ сказать ей: „Сестра твоя умерла, пріѣзжай сюда плакаться по ней“; но когда та пріѣхала, то онъ сталъ говорить ей: „Сестра твоя, умирая, велѣла мнѣ жениться на тебѣ, чтобъ другая дѣтей ея не мучила“,—и женился на свояченицѣ. Мужъ послѣдней, Довмонтъ, озлобившись за это на Миндовга, сталъ думать, какъ бы убить его, но открыто сдѣлать этого не могъ, потому что сила его была мала, а Миндовгова велика; тогда Довмонтъ сталъ искать себѣ союзника и нашелъ его въ племянникѣ Миндовговомъ отъ сестры, Тренятѣ, князѣ Жмудскомъ. Въ 1263 году Миндовгъ послалъ всѣ свои войска за Днѣпръ на князя Романа Брянскаго, и Довмонтъ находился также въ этомъ ополченіи; усмотря удобное время, онъ объявилъ другимъ вождямъ, что волхвы предсказываютъ ему дурное, и потому не можетъ продолжать походъ; возвратившись назадъ, онъ немедленно отправился ко двору Миндовга, засталъ его врасплохъ и убилъ вмѣстѣ съ двумя сыновьями. Тренята, вѣроятно вслѣдствіе прежняго ряда съ Довмонтомъ, сталъ княжить въ Литвѣ, на мѣстѣ Миндовга, и въ Жмуди, и послалъ сказать брату своему, Тевтивилу Полоцкому: „Пріѣзжай сюда, раздѣлимъ землю и все имѣніе Миндовгово“; но дѣлежъ повелъ къ ссорѣ между братьями: Тевтивилъ сталъ думать, какъ бы убить Треняту, а Тренята какъ бы отдѣлаться отъ Тевтивила; бояринъ послѣдняго, Прокопій Полочанинъ, донесъ Тренятѣ о замыслахъ своего князя;—тотъ предупредилъ брата, убилъ его, и сталъ княжить одинъ, но не долго накняжилъ: четверо конюшихъ Миндовговыхъ составили заговоръ отмстить убійцамъ прежняго князя своего, и убили Треняту, когда тотъ шелъ въ баню. Тогда началъ дѣйствовать единственный оставшійся въ живыхъ сынъ Миндовга, Воишелкъ: когда онъ узналъ о смерти отца своего, то испугался и ушелъ изъ Литвы въ Пинскъ; но когда услыхалъ, что Тренята убитъ, то съ пинскимъ войскомъ отправился въ Новогрудекъ, и, взявши здѣсь другіе полки, пошелъ въ Литву, гдѣ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 201: Тевтивилъ полоцкій—братъ Треняты, а послѣдній называется сестричичемъ Миндовговымъ; тогда какъ прежній Тевтивилъ называется сыновцемъ его. Тамъ же, стр. 187. О литовскихъ полоцкихъ князьяхъ см. грамоты, касающ. до сношеній Сѣверо-Западн. Россіи съ Ригою, № 11.

[2]) Мѣстечко Нобель Пинскаго уѣзда, Минской губерніи.

былъ принятъ съ радостію отцовскими приверженцами. Воишелкъ сталъ княжить и, какъ бы желая привести въ забвеніе, что онъ былъ когда-нибудь монахомъ, началъ поступать точно такъ же, какъ поступалъ, будучи княземъ въ Новогрудкѣ: „Онъ сталъ княжить во всей Землѣ Литовской, говоритъ лѣтописецъ, и началъ избивать своихъ враговъ, и перебилъ ихъ безчисленное множество, а другіе разбѣжались." Воишелкъ утвердился въ Литвѣ съ помощію зятя своего Шварна Даниловича и дяди его Василька Романовича Волынскаго, котораго онъ назвалъ отцомъ своимъ и господиномъ; вмѣстѣ съ Шварномъ, приведшимъ въ Литву сильное войско, Воишелкъ пошелъ на своихъ враговъ, города ихъ побралъ, самихъ перебилъ; въ числѣ убитыхъ находился и рязанскій изгнанникъ—Евстаѳій Константиновичъ.

Такимъ образомъ отношенія литовскія при жизни Даніила кончились съ явною выгодою для Руси: Миндовга не было болѣе, а сынъ его Воишелкъ, обязанный утвержденіемъ своимъ въ Литвѣ русскому войску, призналъ зависимость свою отъ брата Даніилова, ибо таково значеніе словъ, что онъ назвалъ Василька отцомъ и господиномъ. Съ такимъ же успѣхомъ шла борьба и съ другимъ сосѣднимъ варварскимъ народомъ—Ятвягами: въ 1248 году Ятвяги потерпѣли сильное пораженіе отъ Василька Романовича при Дрогичинѣ, потеряли сорокъ князьковъ своихъ. Въ 1251 году отправились на Ятвяговъ оба Романовича съ Поляками и Половцами, перешли болота и вошли въ страну ихъ, причемъ Поляки не утерпѣли, зажгли первую весь; Романовичи сильно разсердились на нихъ за это, потому что пожаръ далъ вѣсть варварамъ о рати; Ятвяги собрались всею землею, и, какъ видно, зная о гнѣвѣ Даніила на Поляковъ, прислали сказать ему: „Оставь намъ Поляковъ, а самъ ступай съ миромъ изъ земли нашей"; Даніилъ не согласился. Ночью Ятвяги напали на укрѣпленный станъ польскій и готовились проломить острогъ, но Польскій князь Семовитъ послалъ просить стрѣльцовъ у Романовичей на помощь; русскіе князья насилу отправили стрѣльцовъ, все еще сердясь на Поляковъ. Стрѣльцамъ удалось откинуть Ятвяговъ отъ острога, хотя во всю ночь не было отъ нихъ покоя. На другой день Даніилъ двинулся впередъ, а братъ его Василько съ Семовитомъ остался на мѣстѣ, имѣя позади отрядъ половецкій; Ятвяги ударили на послѣдній, обратили его въ бѣгство, отняли хоругвь и схватились потомъ съ Василькомъ и Семовитомъ; сѣча была лютая, и съ обѣихъ сторонъ падало много народу; извѣстный намъ Андрей Дворскій, крѣпкій сердцемъ и больной тѣломъ, поскакалъ-было по привычкѣ на непріятеля, но не могъ удержать копья въ слабыхъ рукахъ и едва не лишился жизни; Василько послалъ къ брату за помощью, и возвращеніе Даніила дало перевѣсъ Русскимъ. Земля непріятельская была пожжена и поплѣнена, много князей ея побито; но скоро къ Ятвягамъ пришли на помощь Пруссы и Борты [1]; Русскіе и Поляки сошли съ коней и пѣшкомъ двинулись на-встрѣчу къ врагамъ: щиты ихъ сіяли какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья казались густымъ тростникомъ, а князь Даніилъ разъѣзжалъ на конѣ среди Поляковъ и рядилъ войско. Тогда Пруссы сказали Ятвягамъ: „Можете ли дерево поддержать сулицами и дерзнуть на эту рать"? Ятвяги отступили; Даніилъ также возвратился въ свою землю, избавивши изъ плѣна многихъ христіанъ, которые пѣли побѣдителямъ славныя пѣсни: какъ видно, эти пѣсни имѣли вліяніе и на разсказъ лѣтописца.

Черезъ три года (въ 1255 году) Даніилъ съ сыномъ Львомъ и Польскимъ княземъ Семовитомъ отправился опять на Ятвяговъ; молодой Левъ Даниловичъ, узнавши, что одинъ изъ князей ятвяжскихъ, Стекиндъ, укрѣпился (осѣкся) съ своими въ лѣсу, пошелъ на него, убилъ самого Стекинда, ранилъ брата его, обратилъ въ бѣгство остальныхъ Ятвяговъ, и принесъ къ отцу оружіе Стекиндово и брата его, обличая тѣмъ свою побѣду; королю была большая радость. Ятвяги прислали просить мира, обѣщаясь быть въ подданствѣ у Даніила; но это возбудило зависть Поляковъ, и они стали благопріятствовать поганымъ. Узнавши объ этомъ, Даніилъ велѣлъ опустошить Землю Ятвяжскую, причемъ истребленъ былъ весь домъ Стекиндовъ, такъ что и теперь, говоритъ лѣтописецъ, пусто на этомъ мѣстѣ. Въ 1256 году Даніилъ, съ сыновьями Львомъ, Шварномъ, Романомъ, который княжилъ въ Новогрудкѣ, съ двумя изъ остальныхъ Изяславичей полоцкихъ (минскихъ) [2]) и съ Семовитомъ Польскимъ, наполнилъ ятвяжскія болота своими многочисленными полками. Князья русскіе и польскіе собрали совѣтъ и сказали Даніилу: „Ты король, голова всѣмъ полкамъ; если кого-нибудь изъ насъ пошлешь напереди, то другіе не будутъ слушаться; а ты ратный чинъ знаешь, война тебѣ за обычай, всѣ тебя побоятся и постыдятся; ступай самъ напереди". Даніилъ, устроивши полки, поѣхалъ самъ напереди съ небольшимъ отрядомъ вооруженныхъ отроковъ, передъ собою пустилъ стрѣльцовъ, а другіе стрѣльцы шли по обѣимъ сторонамъ дороги; Дворскій ѣхалъ за королемъ, къ которому присоединились потомъ и сыновья его Левъ и Романъ. Узнавши, что Ятвяги дожидались непріятелей въ веси Привищѣ, Даніилъ послалъ сказать Дворскому: „Какъ скоро увидишь, что мы поскакали впередъ, то немедленно ступай за нами, распустивши полкъ, чтобъ всякій могъ ѣхать, и какъ можно скорѣе"; но посланный молодой отрокъ не понялъ приказанія и передалъ его совершенно иначе Дворскому; это подвергло короля и сыновей

---

[1]) Арцыбашевъ (II, прим. 101) думаетъ, что это жители Растенбургскаго округа въ Старой Пруссіи, гдѣ городъ Бартенштейнъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 192. «И приде къ нему Романъ, со всѣми Новгородци и со цтемъ своимъ Глѣбомъ, и со Изяславомъ со Вислочьскымъ». Свислочъ—Минской губерніи, Игуменскаго уѣзда.

его страшной опасности, потому что, надѣясь на подкрѣпленіе отъ Дворскаго, они ударили на весь, крича: „Бѣги, бѣги!“ Ятвяги точно дрогнули сначала и побѣжали, но потомъ остановились по серединѣ веси, и Даніилу съ Львомъ стоило большихъ усилій обратить ихъ вторично въ бѣгство; Дворскій пріѣхалъ уже тогда, когда одержана была полная побѣда, слѣдствіе которой было—обычное опустошеніе страны. На другой день Ятвяги прислали просить мира, и предлагали заложниковъ, чтобъ только Русскіе не убивали ихъ плѣнныхъ. Неизвѣстно, какое слѣдствіе имѣло это предложеніе; лѣтописецъ говоритъ, что Даніилъ, возвратившись съ честію и славою домой, сбирался опять идти на Ятвяговъ, но тѣ поспѣшили отправить къ нему пословъ съ данью и съ обѣщаніями служить ему и строить города въ землѣ своей, въ удостовѣреніе чего прислали дѣтей своихъ въ заложники. Такъ Даніилъ достигъ того, что началъ отецъ его, Романъ Великій: тотъ заставлялъ дикарей расчищать землю подъ пашни, Даніилъ заставилъ ихъ строить города въ землѣ своей; торжество Галицкаго князя надъ Ятвягами было торжествомъ гражданственности надъ варварствомъ въ Восточной Европѣ, и торжество это тѣмъ замѣчательнѣе, что въ описываемое время цивилизующее племя само находилось подъ гнетомъ азіятскихъ варваровъ. Въ 1257 году Даніилъ послалъ боярина своего взять дань съ Ятвяговъ черными куницами, бѣлками и серебромъ; часть дани послана была польскому воеводѣ: пусть узнаетъ вся Земля Польская, что Ятвяги платятъ дань королю Даніилу.

Но не одною счастливою борьбою съ варварами знаменитъ былъ король Даніилъ въ сосѣднихъ государствахъ; борьба съ варварами не мѣшала ему принимать участіе въ дѣлахъ этихъ государствъ, возвысить и здѣсь значеніе Руси. Въ Польшѣ борьба между Владиславомъ Ласконогимъ и племянникомъ его, Владиславомъ Одоничемъ, кончилась въ 1231 г. смертію Ласконогаго, вслѣдствіе чего Одоничъ сталъ единовластителемъ Великой Польши. Но усобица началась съ другой стороны: по смерти Лешка, братъ его, Конрадъ Мазовецкій, спѣшилъ взять въ свои руки управленіе его волостями—Краковомъ и Сендомиромъ, въ качествѣ опекуна надъ малолѣтнимъ племянникомъ своимъ Болеславомъ; но мать и вельможи послѣдняго предложили эту опеку герцогу Силезскому, Генриху I; отсюда война между Генрихомъ и Конрадомъ, въ которой Конрадъ остался побѣдителемъ и удержалъ за собою опеку надъ Болеславомъ Краковскимъ. Когда Болеславъ, возмужавъ, потребовалъ отъ дяди очищенія отцовскихъ владѣній, то Конрадъ захватилъ его въ плѣнъ; но племянникъ успѣлъ убѣжать изъ заключенія и опять обратился съ просьбою о помощи къ Генриху Силезскому; тотъ вступился въ дѣло и помогъ Болеславу Лешковичу противъ дяди, но за эту помощь взялъ себѣ Краковъ и часть Сендомирской волости. Съ такимъ же успѣхомъ кончилъ Генрихъ и войну съ Великопольскимъ княземъ Владиславомъ Одоничемъ въ 1234 г. Одоничъ долженъ былъ уступить Силезскому герцогу всѣ свои земли, лежащія къ югу отъ Варты. Благодаря этимъ успѣхамъ Генриха Силезскаго, самая старшая линія Пястовъ усилилась надъ всѣми остальными линіями. Но, пролагая, съ одной стороны, путь своему потомству къ усиленію себя насчетъ всѣхъ остальныхъ родичей и къ собранію Земли Польской, Генрихъ, съ другой стороны, сильно содѣйствовалъ преобладанію нѣмецкой народности надъ славянскою въ областяхъ польскихъ. Не разъ замѣчали мы, какъ наши русскіе князья тяготились малонаселенностію земли своей и старались отовсюду призывать въ нее колонистовъ; та же самая потребность чувствовалась и въ другихъ земляхъ славянскихъ; монастыри, получившіе большія земли во владѣніе, искали средствъ разчистить свои лѣса, населить, обработать пустоши; для этого они стали перезывать къ себѣ нѣмецкихъ колонистовъ. Князья перезывали ихъ частію съ той же цѣлію, частію селили ихъ въ старыхъ городахъ и основывали для нихъ новые, дабы посредствомъ нихъ усилить промыслы, торговлю, и такимъ образомъ увеличить свои доходы; остальные землевладѣльцы послѣдовали примѣру духовенства и князей, и вотъ Нѣмцы распространяются по всѣмъ западно-славянскимъ землямъ. Примѣръ къ выводу нѣмецкихъ колонистовъ въ польскія владѣнія должна была подать, по своимъ особеннымъ обстоятельствамъ, Силезія. Родоначальникъ силезскихъ князей, Владиславъ II, по изгнаніи своемъ съ старшаго стола, нашелъ дружественный пріемъ въ Германіи; сыновья его, рожденные отъ нѣмецкой принцессы, были здѣсь воспитаны, и съ помощію императора Фридриха-Барбаруссы получили отъ дядей волость въ родной землѣ — Силезію. Это все повело къ тѣснѣйшей связи ихъ съ Германіею. Съ другой стороны дѣйствовала Церковь: монастыри, наполненные нѣмецкими монахами и монахинями, рыцарскіе ордена, получившіе себѣ земли отъ щедрости князей, стали, съ позволенія послѣднихъ, вызывать въ свои владѣнія нѣмецкихъ колонистовъ: скоро города начали также наполняться Нѣмцами, причемъ важно было то, что послѣдніе сохраняли вполнѣ свою народность, судились и рядились своимъ правомъ. Особенную склонность къ Нѣмцамъ обнаружилъ Генрихъ I-й Силезскій, и легко понять, какое значеніе для всей Польши должна была имѣть эта склонность, когда Генрихъ сталъ самымъ сильнымъ изъ ея владѣтелей [1]). Генрихъ умеръ въ 1238 году, оставя сыну своему, Генриху II-му Благочестивому, княжество, которое превосходило величиною владѣнія всѣхъ остальныхъ Пястовъ: но впаденіе Монголовъ, въ битвѣ съ которыми палъ Генрихъ Благочестивый, воспрепятствовало усиленію Силезіи насчетъ другихъ польскихъ областей; владѣнія Генриха раздѣлились между тремя его сыновьями; старшій изъ нихъ Болеславъ, которому

---

[1]) Roepell's Geschichte Polens, t. I, zweites Buch. V стр.

достался Краковъ и часть Великой Польши, безпорядочнымъ поведеніемъ и наслѣдственною въ своемъ родѣ любовію къ Нѣмцамъ вооружилъ противъ себя вельможъ, которые провозгласили своимъ княземъ Болеслава, Лешкова сына, а жители Великой Польши передались сыновьямъ стараго князя Владислава Одонича. Но этого мало: скоро началась усобица между Болеславомъ Генриховичемъ и его родными братьями, причемъ соперники обращались къ нѣмецкимъ князьямъ и платили за помощь частію своихъ владѣній, а между тѣмъ прелаты, пользуясь недальновидною щедростью князей и ихъ ослабленіемъ вслѣдствіе усобицъ, все болѣе и болѣе усиливали свое значеніе, и въ Польшѣ повторились явленія, о которыхъ началъ уже забывать дальнѣйшій Западъ: въ 1258 году Болеславъ Генриховичъ принужденъ былъ, въ одеждѣ кающагося, босыми ногами, отправиться въ бреславскую церковь Іоанна Крестителя, чтобы избавиться отъ проклятія, надъ нимъ тяготѣвшаго...

Мы видѣли, что слабостію Силезіи воспользовался Болеславъ (Стыдливый), сынъ Лешка (Бѣлаго), для возвращенія своей отчины, стола Краковскаго; но прежде утвержденія своего здѣсь, онъ долженъ былъ выдержать войну съ дядею, Конрадомъ Мазовецкимъ. Даніилъ Галицкій снова находился въ союзѣ съ послѣднимъ, и потому въ 1245 году встрѣчаемъ извѣстіе о войнѣ его съ Болеславомъ Лешковичемъ: въ первый походъ, вошедши въ Польшу четырьмя дорогами, Романовичи опустошили Люблинскую область до рѣки Вислы и Сана; во второй походъ осадили Люблинъ, и сняли осаду только тогда, когда Люблинцы дали слово не помогать Болеславу [1]). Слѣдствіемъ этихъ войнъ было то, что въ битвѣ подъ Ярославлемъ Поляки Болеславовы находились въ войскѣ Ростислава Черниговскаго, а Романовичи, заслышавъ приходъ послѣдняго, послали сказать Конраду: „Изъ-за тебя пришли на насъ Ляхи Болеславовы, потому что мы помогали тебѣ“,—и Конрадъ послалъ имъ вспомогательный отрядъ, который не успѣлъ однако принять участіе въ битвѣ. Въ 1247 году умеръ Конрадъ, славный, предобрый, по выраженію лѣтописца, и Даніилъ съ Василькомъ жалѣли о немъ; еще при жизни своей онъ раздѣлилъ Мазовію между двумя сыновьями,—Казиміромъ и Болеславомъ; послѣдній умеръ вскорѣ послѣ отца и, по просьбамъ князя Даніила, отдалъ свою волость младшему брату Семовиту, за которымъ была племянница Даніилова, дочь Александра Бѣльзскаго; дружескія отношенія между Даніиломъ и Семовитомъ не прерывались до самой смерти послѣдняго; съ Болеславомъ Краковскимъ Галицкій князь находился также въ мирѣ.

Ярославскою битвою кончились, какъ мы видѣли, враждебныя отношенія къ Венгріи, и за союзомъ родственнымъ скоро послѣдовалъ политическій, когда, по смерти послѣдняго австрійскаго герцога Фридриха, за владѣнія его возникла упорная борьба между королями Чешскимъ и Венгерскимъ; послѣдній обратился съ просьбою о помощи къ Даніилу, и заключилъ съ ними договоръ, по которому сынъ Даніила, Романъ, женился на сестрѣ покойнаго герцога Гертрудѣ и въ приданое бралъ Австрію. Слѣдствіемъ этого договора была война Даніила съ Чехами. Въ 1254 году Даніилъ предпринялъ походъ въ землю Опавскую (Троппау) сколько для короля Венгерскаго, говоритъ лѣтописецъ, столько же и для славы, потому что ни одинъ князь русскій, ни Святославъ Храбрый, ни Владиміръ Святый, не воевали Земли Чешской. Даніилъ выступилъ въ походъ вмѣстѣ съ Болеславомъ Стыдливымъ Краковскимъ, женатымъ на дочери Венгерскаго короля; союзники, приближаясь къ Опавѣ, отправили къ городу сторожевой отрядъ изъ Поляковъ, который былъ разбитъ Чехами, выѣхавшими изъ Опавы. Такое неудачное начало навело сильный страхъ на Поляковъ, и Даніилъ долженъ былъ увѣщевать ихъ быть пободрѣе: „Чего вы испугались? говорилъ онъ имъ; развѣ вы не знаете, что война безъ мертвыхъ не бываетъ? развѣ вы не знали, что вышли на мужчинъ вооруженныхъ, а не на женщинъ? если воинъ убитъ на рати, то какое тутъ чудо? другіе и дома умираютъ безъ славы, а эти со славою умерли; укрѣпите сердца ваши и ступайте бодро впередъ“. Но тщетно Даніилъ уговаривалъ Поляковъ подступить поближе къ городу: тѣ никакъ не согласились; Даніилъ сильно горевалъ, тѣмъ болѣе что большая часть его войска съ сыномъ Львомъ отправились другимъ путемъ и неизвѣстно гдѣ находились; наконецъ пришелъ Левъ Даниловичъ,—и началась осада, которая однако не имѣла успѣха по причинѣ глазной болѣзни Даніиловой; взятъ былъ только ближній городъ Насилье (Носсельтъ). Опустошивши въ-конецъ всю Землю Опавскую, Даніилъ и Болеславъ возвратились домой.

Даніилъ, по уговору съ королемъ Венгерскимъ, опустошилъ чешскія владѣнія, но король не исполнилъ своихъ обѣщаній, данныхъ Роману, оставилъ его въ городѣ Нейбургѣ, подлѣ Вѣны, безо всякой помощи. Чешскій король Оттокаръ осадилъ Нейбургъ, и, не будучи въ состояніи взять его силою, прислалъ сказать Роману: „Ты мнѣ родня и своякъ (Оттокаръ былъ женатъ на Маргаритѣ, другой сестрѣ австрійскаго герцога Фридриха),—оставь Венгерскаго короля, и мы раздѣлимъ съ тобою пополамъ Австрію; король тебѣ много обѣщаетъ и ничего не сдѣлаетъ; а я тебѣ говорю правду и по-

[1]) Подъ 1251 годомъ читаемъ: „И посемъ пойде Буранда вборзѣ къ Люблину, отъ Люблина же пойде къ Завихвосту. И придоша къ рѣцѣ къ Вислѣ и ту изнайдоша собѣ бродъ у Вислѣ, и пойдоша на ону страну рѣкы и начаша воевати землю Лядскую».—Слѣд. Лядская Земля начиналась за Вислою.—Подъ 1301 годомъ, въ Волынск. лѣтописи прямо сказано: «Люблинъ Ляхи оттукали отъ Руси; былъ Люблинъ подъ Русью 57 лѣтъ». Но, съ другой стороны, въ грамотахъ князей краковскихъ и сендомирскихъ встрѣчаемъ извѣстія о люблинскихъ кастеллянахъ въ означенныя 57 лѣтъ (Roeppel, стр. 524); въ Волынской лѣтописи также есть указанія, что Люблинъ не былъ въ русскихъ владѣніяхъ, подъ годомъ 1282, 1287.

ставлю свидѣтелей—папу и 12 епископовъ". Романъ отвѣчалъ: „Не могу имѣть съ тобою никакого дѣла, потому что стыдно будетъ мнѣ и грѣхъ, вопреки обѣщаніямъ, покинуть короля Венгерскаго",—и послалъ объявить послѣднему о предложеніи Оттокара, прося немедленной помощи. Но король явно его обманывалъ,—хотѣлъ Австрію для себя, а Роману обѣщалъ дать города въ Венгріи, и не посылалъ ему помощи, а между тѣмъ осажденные терпѣли сильный голодъ въ Нейбургѣ: одна женщина тайкомъ прокрадывалась въ Вѣну и покупала тамъ съѣстные припасы для князя. Тогда жена Романова стала уговаривать мужа ѣхать къ отцу, и Романъ, воспользовавшись доброхотствомъ какого-то Веренгера Просвѣла, выбрался изъ города и уѣхалъ въ Галицію. Въ 1260 году Даніилъ опять соединилъ полки свои съ войскомъ Белы противъ Оттокара Богемскаго; но союзники были разбиты послѣднимъ при рѣкѣ Моравѣ [1]), и Даніилъ долженъ былъ отказаться отъ надежды видѣть сына своего на престолѣ австрійскомъ, тѣмъ болѣе что татарскія отношенія занимали тогда все его вниманіе.

Король Даніилъ не долго пережилъ разрушеніе своихъ надеждъ на успѣшную борьбу съ Татарами; онъ умеръ между 1264—1266 годомъ; такимъ образомъ, почти въ одно время Восточная Европа лишилась троихъ знаменитѣйшихъ своихъ владѣтелей: въ Руси Сѣверной не стало Александра Невскаго, въ Южной—Даніила, въ Литвѣ—Миндовга. Не трудно замѣтить сходство въ дѣятельности обоихъ князей русскихъ, Невскаго и короля Даніила: оба прославились воинскими подвигами на западѣ и оба должны были поникнуть предъ Монголами, причемъ неудача предпріятій Даніиловыхъ служитъ самымъ лучшимъ объясненіемъ постоянной покорности Александровой и выставляетъ съ выгодной стороны проницательность и осторожность внука Всеволода III-го; легко замѣтить, какъ оба князя — представители — одинъ Сѣверной, другой—Южной Руси, представители двухъ, долго враждебныхъ линій Мономахова племени,—остаются вѣрны каждый своей странѣ и своему племени по личному характеру своему, несмотря на извѣстное сходство въ характерѣ ихъ дѣятельности. Даніилъ сдѣлалъ для Южной Руси все, что можно было ожидать отъ него при тѣхъ тяжкихъ обстоятельствахъ, которымъ могъ быть въ уровень только князь, талантливый подобно Даніилу и, подобно Даніилу, испытанный бѣдствіями, съ ранней молодости не знавшій покоя. Крѣпости срыты по приказанію татарскаго баскака, но Холмъ сбереженъ, и вообще отношенія монгольскія не такъ тяжки на югѣ, гроза Бурундаева прошла какъ-то мимо; Литва и Ятвяги въ зависимости; среди сосѣднихъ христіанскихъ государствъ Русь получила важное мѣсто съ признаннымъ необходимымъ вліяніемъ, чему много способствовало то, что главная сцена дѣйствія перенесена была съ востока изъ области Днѣпровской на западъ, въ область Днѣстровскую. Но, кромѣ подвиговъ внѣшнихъ, Даніилъ прославился особенно внутреннею распорядительностью: послѣ монгольскаго опустошенія успѣлъ привести свою Землю въ цвѣтущее состояніе, населилъ, обстроилъ города, усилилъ промышленность, торговлю. При этомъ должно замѣтить однако, что Даніилъ, населяя города свои, наполнилъ ихъ Нѣмцами, Поляками, Армянами, Жидами [2]), что не могло не имѣть вліянія на будущую судьбу страны.

По смерти короля Даніила, мысль Романа Великаго была приведена въ исполненіе: Галицкая Земля перешла прямо къ сыновьямъ Даніиловымъ, Льву, Мстиславу и Шварну (Романъ больше не упоминается), а дядя ихъ Василько остался княжить по-прежнему на Волыни. Литва готовилась окончательно слиться съ Русью подъ властью одного изъ сыновей Даніиловыхъ; въ 1268 году Воишелкъ снова заключился въ монастырѣ, отдавъ всѣ свои владѣнія зятю Шварну. Послѣдній, боясь, какъ видно, возобновленія внутреннихъ волненій въ Литвѣ въ пользу князей природныхъ, уговаривалъ Воишелка покняжить еще вмѣстѣ, но тотъ рѣшительно отказался, говоря: „Много согрѣшилъ я предъ Богомъ и передъ людьми; ты княжи и Земля тебѣ безопасна". Живя въ Угровскомъ Даниловомъ монастырѣ, Воишелкъ говорилъ: „Вотъ здѣсь, подлѣ меня сынъ мой Шварнъ, а тамъ господинъ мой отецъ князь Василько,—буду ими утѣшаться". Но онъ не долго утѣшался: Шварнъ умеръ бездѣтнымъ, и Литовцы снова вызвали Воишелка изъ монастыря для управленія дѣлами княжества; это возбудило вражду въ братѣ Шварновомъ, Львѣ Даниловичѣ, которому хотѣлось быть наслѣдникомъ брату въ Литвѣ, а Воишелкъ не склонялся на его желаніе. Между обоими князьями готовы уже были начаться непріятельскія дѣйствія, какъ Василько Романовичъ, князь Волынскій, предложилъ имъ съѣхаться вмѣстѣ для примиренія. Воишелкъ и Левъ пріѣхали къ Васильку во Владиміръ-Волынскій, гдѣ Маркольдъ, родомъ Нѣмецъ, старый совѣтникъ короля Даніила, позвалъ всѣхъ троихъ князей къ себѣ на обѣдъ; обѣдали весело, много пили, и Василько, послѣ обѣда, поѣхалъ къ себѣ домой спать, а Воишелкъ поѣхалъ въ Михайловскій монастырь, гдѣ стоялъ. Но этимъ дѣло не кончилось: Левъ пріѣхалъ въ монастырь къ Воишелку и сталъ говорить ему: „Кумъ! попьемъ-ка еще!" Тотъ согласился—и началась опять попойка, во время которой князья опять поссорились, отъ брани дошло до драки, и Воишелкъ былъ убитъ Львомъ. Послѣдній хотѣлъ-было воспользоваться смертію Воишелка и пріобрѣсти себѣ Литву; но онъ не получилъ успѣха въ этомъ дѣлѣ, и Литовцы выбрали себѣ единоплеменнаго князя [3]). Такъ порвано было въ

[1]) Histor. Russiae Monum. II, № V.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 196.—Зубрицкаго - Исторія Галицкой Руси, въ перев. О. Бодянскаго, стр. 153 и слѣд.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 204; Narbutt—Dzieje

самомъ началѣ мирное соединеніе Литвы съ Русью.— Съ Поляками, именно съ Болеславомъ Краковскимъ, началась война скоро по смерти Даніиловой; въ ней Русскіе потерпѣли пораженіе вслѣдствіе неосторожности Шварна, который, не послушавшись совѣта стараго дяди Василька, не дождался полковъ волынскихъ и ударилъ одинъ на соединенныхъ враговъ, тогда какъ Василько именно говорилъ: „Не бейтесь спачала съ Поляками, но отпустите ихъ въ свою землю; когда пойдутъ, раздѣлившись, тогда нападайте". Въ 1271 году умеръ Василько Волынскій, оставивъ столъ свой сыну Владиміру. Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются трое князей пинскихъ,—Θедоръ, Демидъ и Юрій Владиміровичи, въ союзѣ съ Василькомъ Волынскимъ (1262 г.); Изяславъ—князь Свислочьскій (1256); Глѣбъ Ростиславичъ—Степанскій.

Обратимся теперь къ другимъ княжествамъ Южной Руси, на восточномъ берегу Днѣпра. Мы оставили Михаила Черниговскаго въ Кіевѣ, гдѣ онъ жилъ подъ городомъ на островѣ. Узнавши, что король Венгерскій выдалъ наконецъ дочь свою за его сына Ростислава, онъ поѣхалъ въ Венгрію, но не получилъ почетнаго пріема ни отъ свата, ни отъ сына, и, разсердившись на Ростислава, поѣхалъ въ Черниговъ, а оттуда къ Батыю просить себѣ ярлыка на это княжество. Пріѣхавши въ Орду, онъ никакъ не хотѣлъ, обратившись па югъ, поклониться изображенію умершаго Чингисъ-Хана, говоря, что охотно поклонится хану и даже рабамъ его, но христіанинъ не долженъ кланяться изображенію мертваго человѣка. Напрасно князь Борисъ Ростовскій уговаривалъ его со слезами исполнить обрядъ, а бояре ростовскіе обѣщались принять на себя за него епитимью и со всею своею областью, Михаилъ оставался непреклоннымъ, тѣмъ болѣе что бояринъ его, Θеодоръ, напоминалъ ему увѣщанія духовника не губить души идолопоклонствомъ. Михаилъ умеръ мучительною смертію; лѣтопись называетъ палачемъ его русскаго отступника, Путивльца Домана; бояринъ Θеодоръ былъ также убитъ [1]) (1264 г.). Въ Черниговѣ началъ княжить Андрей Всеволодовичъ, какъ видно, братъ Михаиловъ.—Изъ другихъ черниговскихъ князей упоминается Романъ Брянскій, который въ 1264 году поразилъ литовское войско, напавшее на его волость [2]). Подъ 1241 годомъ упоминается князь Рыльскій Мстиславъ, убитый Татарами. Въ одной лѣтописи [3]) подъ 1245 годомъ упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитаго Батыемъ; Плано-Карпини называетъ его княземъ Черниговскимъ [4]).

Глава IV.

Борьба между сыновьями Александра Невскаго.

(1276—1304.)

Исчезновеніе прежнихъ понятій о правѣ старшинства.—Великій князь Димитрій Александровичъ Переяславскій стремится къ усиленію. — Возстаніе противъ него младшаго брата, Андрея Городецкаго съ помощію Орды. — Вліяніе боярина Семена Тониліевича.—Союзъ князей противъ Димитрія.—Осторожность сѣверныхъ князей.—Раздѣленіе Орды, и Димитрій пользуется этимъ раздѣленіемъ.—Убіеніе Семена Тониліевича.—Новая усобица.—Торжество Андрея.— Безуспѣшный съѣздъ князей.—Князь Переяславскій Иванъ Димитріевичъ отказываетъ свою волость князю Даніилу Александровичу Московскому.—Смерть Андрея.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.—Отношенія къ Татарамъ, Шведамъ, Нѣмцамъ и Литвѣ.—Дѣла на юго-западѣ.

Мы достигли того времени, когда прежнія понятія о правѣ старшинства исчезаютъ; великіе князья показываютъ ясно, что они добиваются не старшинства, но силы. Каждый князь, получивъ область Владимірскую, старается увеличить свою собственность насчетъ другихъ княжествъ. Но когда преобладаніе понятія о собственности, отдѣльности владѣнія заставляло каждаго великаго князя заботиться только о самомъ себѣ,—то всѣ остальные князья не могутъ уже болѣе довѣрять родственной связи, должны также заботиться о самихъ себѣ, всѣми средствами должны стараться пріобрѣсть силу, потому что имъ оставалось на выборъ: быть жертвою сильнѣйшаго, или другихъ сдѣлать жерт-

narodu Litewskiego t. IV, p. 239. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Воишелкъ назывался въ иночествѣ Давидомъ; Довмонтъ Псковскій былъ родной ему братъ. См. Сборникъ Синодал. Библіот. № 850.

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 181; V, 185.—Plano Carpini p. 621.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 198. Романъ Брянскій считается сыномъ Михаиловымъ; другіе сыновья его указываются: Мстиславъ въ Корачевѣ, Симеонъ въ Глуховѣ, Юрій въ Торусѣ.

[3]) Карамзинъ, IV, примѣч. 62.

[4]) Стр. 623. Andreas dux de Cherneglove quod est in Russia, fuit apud Bati accusatus quod educeret equos Tartarorum de terra et venderet alias: et cum tamen non esset probatum, fuit occisus. Quod audiens junior frater ejus, venit cum uxore occisi ad ducem praedictum Bati, volentes supplicare ne terra tolleretur eisdem: qui dixit puero quod uxorem fratris carnalis praedicti duceret in uxorem, et mulieri praecepit ducere illum in virum secundum consuetudinem Tartarorum, qui respondit dicens quod prius vellet occidi quam facere contra legem; at ille nihilominus tradidit eam illi, quamvis ambo renuerent quantum possent, et duxerunt eos ambos in lecto, et posuerunt puerum super illam clamantem et plorantem, et coegerunt eos pariter commisceri.

вами своей силы. Вотъ почему мы видимъ теперь возстаніе князей на великаго, съ попраніемъ всѣхъ старинныхъ правъ, родовыхъ отношеній.

Князь Димитрій Александровичъ Переяславскій, присоединивши къ своей отчинѣ область Владимірскую, началъ тѣмъ же, чѣмъ начинали его предшественники—стремленіемъ усилиться насчетъ Новгорода, который, по смерти Василія, поспѣшилъ признать его своимъ княземъ. Въ 1279 году онъ, по словамъ лѣтописца, выпросилъ у Новгородцевъ позволеніе поставить для себя крѣпость Копорье, пошелъ и самъ срубилъ ее; въ слѣдующемъ году онъ поѣхалъ туда вторично съ посадникомъ Михаиломъ, съ лучшими гражданами; заложили въ Копорьи крѣпость каменную. Въ томъ же году посадникъ Михаилъ Мишиничъ, возведенный въ это достоинство при Василіи, былъ смѣненъ, и на его мѣсто былъ возведенъ Семенъ Михайловичъ, неизвѣстно сынъ какого изъ прежде бывшихъ посадниковъ — Михалка Степановича или Михаила Ѳедоровича. Лѣтопись говоритъ, что у Мишинича отнято было посадничество княземъ и Новгородцами вмѣстѣ:—все показывало, слѣдовательно, согласіе города съ Димитріемъ; но въ слѣдующемъ 1281 году вдругъ встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ Новгородцами. Очень вѣроятно [1]), что ссора эта произошла по поводу Копорья, на который Димитрій хотѣлъ смотрѣть какъ на свою собственность, что не нравилось Новгородцамъ. Какъ бы то ни было, когда Новгородцы отправили къ Димитрію владыку съ мольбою, то онъ не послушалъ его, пришелъ съ войскомъ на волость Новгородскую и сильно опустошилъ ее, послѣ чего заключенъ былъ миръ, какъ видно, на всей волѣ великаго князя. Быть можетъ, этотъ поступокъ Димитрія, обличавшій стремленіе его усилить себя на-счетъ другихъ, послужилъ Андрею Александровичу Городецкому знакомъ къ возстанію на старшаго брата; быть можетъ, онъ хотѣлъ подражать дядѣ своему Василію Ярославичу, который посредствомъ хана не позволилъ брату своему Ярославу усилиться окончательно на-счетъ Новгорода; впрочемъ, лѣтописцы указываютъ на бояръ Андреевыхъ, и особенно на одного изъ нихъ, Семена Тониліевича, какъ главнаго виновника этого возстанія. Мы видѣли у князя Василія Костромскаго воеводу Семена, который водилъ полки своего князя противъ Димитрія и Новгородцевъ. Очень вѣроятно, что, вслѣдствіе этихъ отношеній къ Димитрію, Семенъ, по смерти Василія, перешелъ не къ Переяславскому князю, а къ Городецкому Андрею, тѣмъ болѣе что Кострома, по смерти бездѣтнаго Василія, перешла къ Андрею. Этотъ-то Семенъ началъ вооружать своего новаго князя противъ Димитрія, и вотъ Андрей отправляется въ Орду, имѣя споспѣшникомъ себѣ и помощникомъ Семена Тониліевича и другихъ многихъ, говоритъ лѣтописецъ.

Задаривши хана Менгу-Тимура, Андрей получилъ ярлыкъ на Владиміръ и войско противъ Димитрія, потому что послѣдній не думалъ повиноваться слову ханскому, и нужно было принудить его къ тому силою, причемъ всѣ князья, ближніе и дальніе родственники, соединились съ Андреемъ противъ Димитрія. Мы не станемъ предполагать, что Димитрій дурно обходился съ ними,—пусть Димитрій былъ добрый, кроткій князь: для насъ важна здѣсь недовѣрчивость князей къ великому князю Владимірскому, постоянное нерасположеніе ихъ къ каждому князю, присоединявшему къ своему удѣлу Владимірскую область. Димитрій, видя союзъ князей и татарскіе полки противъ себя, поѣхалъ къ Новгороду, желая засѣсть въ своемъ Копорьи, но на озерѣ Ильменѣ встрѣтилъ полки новгородскіе;—Новгородцы показали князю путь, самого не схватили, но взяли двухъ дочерей его и бояръ въ заложники: „Отпустимъ ихъ тогда, сказали они Димитрію, когда дружина твоя выступитъ изъ Копорья". Но дружина эта не думала оставлять крѣпости, потому что ею начальствовалъ зять Димитрія, знаменитый Довмонтъ Псковскій; онъ нечаянно напалъ на Ладогу и высвободилъ оттуда имѣніе Дмитріево; но когда новгородскіе полки подошли къ Копорью, то дружина великокняжеская не могла долѣе здѣсь держаться, и, получивъ безпрепятственный выходъ, оставила крѣпость, которую разрыли Новгородцы [2]). Между тѣмъ Димитрій отправился за море, а Татары, пришедшіе съ Андреемъ, ища Димитрія, разсыпались по всей Землѣ, опустошили все около Мурома, Владиміра, Юрьева, Суздаля, Переяславля, Ростова, Твери, до самаго Торжка и далѣе къ Новгороду. Андрей сѣлъ во Владимірѣ, угостилъ богатымъ пиромъ, одарилъ князей ордынскихъ и, отпустивъ ихъ домой, поѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ былъ честно посаженъ на столъ. Но скоро пришла къ нему вѣсть, что Димитрій возвратился изъ-за моря съ наемными войсками [3]), засѣлъ въ своемъ Переяславлѣ, укрѣпляется тамъ и собираетъ полки. Андрей немедленно выѣхалъ изъ Новгорода во Владиміръ, оттуда въ Городецъ, а изъ Городца поѣхалъ въ Орду, опять вмѣстѣ съ Семеномъ Тониліевичемъ, жаловаться на брата хану Тудай-Менгу, брату и преемнику Менгу-Тимурову, доносить, что Димитрій не хочетъ повиноваться Татарамъ, платить имъ дани; а между

[1]) Догадка Карамзина.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 64. Иначе Никон. III, 73: «Того же лѣта иде князь Димитрей Александровичъ иззаморья къ Переяславлю; а въ Копорье бяша бояре его и слуги и вся казна его и весь бытъ его, и изыде изъ Пскова зять его Дамантъ Псковскій и взя изъ Копорьи всю казну тестя своего; а бояръ его и слугъ его изведе изъ Копорьи, и отосла ихъ ко тестю своему къ в. к. Дмитрею Алекс. И шедъ взя Ладогу, въ ней бѣ многи людіе В. К. Дм. Ал. Онъ же изведъ ихъ такожъ отосла къ тестю своему».

[3]) Татищ. VI, 58.

тѣмъ, въ его отсутствіе, князья: Святославъ Ярославичъ Тверской, Даніилъ Александровичъ Московскій и Новгородцы двинулись на Димитрія: союзъ также замѣчательный! Враждебныя войска сошлись у Дмитрова, стояли пять дней, ссылаясь о мирѣ, и наконецъ заключили его, неизвѣстно на какихъ условіяхъ. Становится замѣтнымъ, какъ рѣдко на сѣверѣ князья вступаютъ въ битвы другъ съ другомъ: обыкновенно сошедшись, они заключаютъ миръ и расходятся (1281—1283 г.).

Между тѣмъ Андрей пришелъ изъ Орды съ полками татарскими; Димитрій бѣжалъ вторично, но на этотъ разъ уже не за Балтійское море, а къ берегамъ Чернаго: тамъ въ степяхъ раскинулась другая Орда, независимая и враждебная Золотой, или Волжской,—Орда Ногайская. Повелитель ея, Ногай, князь рода Джучіева и полководецъ со временъ Берге, изъ соперничества съ ханомъ Золотой Орды, принялъ съ честію Димитрія и далъ ему свои полки; на этотъ разъ Андрей долженъ былъ уступить, и возвратилъ брату Владиміръ. Какъ же Димитрій воспользовался своею побѣдою? Въ 1283 году двое переяславскихъ бояръ, Антонъ и Θеофанъ, явились въ Кострому, схватили нечаянно Семена Тониліевича и начали допытываться у него о прежнихъ и настоящихъ намѣреніяхъ его князя. Семенъ отвѣчалъ: „Напрасно допрашиваете меня; мое дѣло служить вѣрою и правдою своему князю; если же были между нимъ и братомъ его какіе раздоры, то они сами лучше знаютъ ихъ причины.“—„Ты поднималъ Ордынскаго царя, ты приводилъ Татаръ на нашего князя“,—продолжали переяславскіе бояре.—„Ничего не знаю,“ отвѣчалъ Семенъ: „если хотите знать подробнѣе объ этомъ, спросите у господина моего, князя Андрея Александровича, тотъ отвѣтитъ вамъ на всѣ ваши вопросы.“—„Если ты не разскажешь намъ о всѣхъ замыслахъ своего князя, продолжали Димитріевы бояре, то мы убьемъ тебя“.—„А гдѣ же клятва, которою клялся вашъ князь моему, отвѣчалъ Семенъ; клятва мира и любви? Неужели вашъ князь и вы думаете исполнить эту клятву, убивая бояръ нашего господина?“ — Переяславскіе бояре исполнили порученіе своего князя—убили Семена Тониліевича.

Легко было предвидѣть, что убійство Семена не потушитъ вражды между братьями: Андрей сильно тужилъ о своемъ бояринѣ и началъ ссылаться съ Новгородцами; въ Торжкѣ (въ 1284 г.) они обмѣнялись клятвою стоять другъ за друга противъ Димитрія. Но послѣдній былъ силенъ. Андрей уступилъ и на этотъ разъ, и даже нашелся принужденнымъ, вмѣстѣ съ Димитріемъ и его Татарами, опустошать волости новгородскія. Послѣ этого Андрей обратился къ Татарамъ и привелъ на Димитрія какого-то царевича изъ Орды; но когда Татары разсѣялись для грабежа, то Димитрій собралъ большую рать и ударилъ на нихъ; царевичъ убѣжалъ въ Орду, бояре Андрея попались въ плѣнъ, и Городецкій князь долженъ былъ опять уступить; Новгородцы приняли къ себѣ Димитрія, конечно не на всей своей волѣ. Есть извѣстіе о наказаніи людей ему непріязненныхъ [1]); посадникъ Семенъ Михайловичъ, отправлявшій свою должность во все время дружбы Новгорода съ Андреемъ и потому необходимо пріятный послѣднему, былъ свергнутъ при торжествѣ Димитрія; его мѣсто заступилъ Андрей Климовичъ. Но Семенъ не отдѣлался однимъ лишеніемъ посадничества: въ 1287 году всталъ на него весь Новгородъ понапрасну (безъ исправы), говоритъ лѣтописецъ, пошли на него изъ всѣхъ концовъ, какъ сильная рать, каждый съ оружіемъ, пришли на дворъ къ нему, взяли весь домъ съ шумомъ; Семенъ прибѣжалъ къ владыкѣ, а владыка проводилъ его въ Софійскую церковь, гдѣ онъ и пробылъ въ безопасности до другого дня, пока смятеніе утихло. Семенъ чрезъ нѣсколько дней умеръ; но и Андрей Климовичъ не долго посадничалъ; въ 1289 г. онъ былъ свергнутъ, и на его мѣсто возведенъ братъ прежде бывшаго посадника Юрій Мишиничъ; а ладожское посадничество отдано было Матвѣю Семеновичу, какъ видно, сыну Семена Михайловича. Неизвѣстно, въ связи-ли съ этими перемѣнами было убіеніе Самойлы Ратшинича жителями Прусской улицы на Владычнемъ дворѣ; Новгородцы сзвонили вѣче у Св. Софіи и у Св. Николы, откуда пошли вооруженные, взяли улицу Прусскую, домы разграбили, улицу всю пожгли. Въ слѣдующемъ году крамольники пограбили торгъ; на другой день Новгородцы собрались на вѣче и сбросили двухъ крамольниковъ съ мосту.

Между тѣмъ Димитрій, смиривъ брата и Новгородцевъ, хотѣлъ, какъ видно, раздѣлаться и съ тѣми княжествами, которыя помогали Андрею противъ него; въ 1288 году Димитрій, вмѣстѣ съ Ростовскимъ княземъ и Новгородцами, пошелъ на Тверскаго князя Михаила Ярославича, наслѣдовавшаго брату своему Святославу, неизвѣстно когда умершему; но Михаилъ встрѣтилъ Димитрія съ полками у Кашина, и дѣло кончилось безъ боя—миромъ. Неизвѣстны подробности, какъ Димитрій поступилъ съ другими князьями; извѣстно только то, что въ 1292 году отправились жаловаться на него въ Орду князья: Андрей Городецкій, Димитрій Ростовскій съ сыномъ и братомъ Константиномъ Углицкимъ, двоюродный братъ ихъ—Михаилъ Глѣбовичъ Бѣлозерскій, тесть послѣдняго, Θеодоръ Ростиславичъ Ярославскій съ Ростовскимъ епископомъ Тарасіемъ. Въ Ордѣ Волжской Тудай-Менгу былъ свергнутъ четырьми племянниками своими, внуками Тутукана, которые скоро, въ свою очередь, были истреблены сыномъ Менгу-Тимура, Тохтою, или Токтаемъ. Тохта, выслушавъ жалобы князей, хотѣлъ сначала послать въ Русь за Димитріемъ, но потомъ раздумалъ и отправилъ туда большое войско. Переяславцы, узнавши о приближеніи Татаръ, всѣ разбѣжались, и Димитрій долженъ былъ бѣжать изъ своего города сперва на Волокъ, а оттуда

[1]) Татищ. VI, 68.

во Псковъ: Татары же, съ Андреемъ Городецкимъ и Өеодоромъ Ярославскимъ, взяли Владиміръ, разграбили Богородичную церковь, взяли потомъ 14 другихъ городовъ и опустошили всю землю. Тверь наполнилась бѣглецами со всѣхъ сторонъ, которые уговаривались не пускать Татаръ дальше и биться съ ними; но Татары хотѣли идти съ Волока къ Новгороду и Пскову; тогда Новгородцы послали къ предводителю ихъ, Дуденю, богатые дары, и варвары, удовольствовавшись ими, отправились назадъ въ степи. Союзники—Андрей Городецкій и Өедоръ Ярославскій—подѣлили между собою волости: Андрей взялъ себѣ Владиміръ и Новгородъ, Өедоръ Переяславль; сына Димитріева, Ивана, вывели въ Кострому. По удаленіи Татаръ, Димитрій хотѣлъ-было пробраться изъ Пскова въ Тверь, ибо Михаилъ не нарушилъ съ ними мира и не показанъ въ числѣ жалобщиковъ на него; самъ Димитрій успѣлъ проѣхать въ Тверь, но обозъ его было захваченъ Андреемъ и Новгородцами съ новымъ посадникомъ ихъ Андреемъ Климовичемъ, заступившимъ мѣсто Юрія Мишинича, какъ видно, вслѣдствіе торжества Городецкаго князя. Димитрій принужденъ былъ просить мира у брата, который принялъ предложеніе: какъ видно, взявши Владиміръ, Андрей уступилъ старшему брату опять Переяславль, ибо встрѣчаемъ извѣстіе, что Өедоръ Ярославскій пожегъ этотъ городъ, вѣроятно съ досады, что долженъ былъ отступиться отъ своего пріобрѣтенія, и послѣ видимъ въ Переяславлѣ сына Димитріева [1]); Волокъ возвращенъ Новгородцамъ. Но Димитрій не достигъ своей отчины: онъ умеръ на дорогѣ въ Волокѣ, въ 1294 году, погребенъ же, по обычаю, въ своемъ Переяславлѣ.

Андрей заступилъ мѣсто брата, и потому, при тогдашнихъ отношеніяхъ, не могъ оставить другихъ князей въ покоѣ, ни самъ остаться отъ нихъ въ покоѣ. Мы видѣли, что и прежде Андрей былъ въ союзѣ съ княземъ Өеодоромъ Ярославскимъ; союзъ остался ненарушимъ и теперь; на ихъ же сторонѣ стоялъ и князь Константинъ Ростовскій; но противъ этихъ троихъ князей образовался другой союзъ также изъ трехъ князей: Михаила Тверскаго, Даніила Московскаго и Ивана Переяславскаго, который впрочемъ былъ въ это время въ Ордѣ и поручилъ защищать свою волость двумъ первымъ. Въ 1296 году, въ присутствіи ханскаго посла, князья собрались во Владиміръ для окончанія своихъ споровъ, но чуть-чуть дѣло не дошло до кровопролитія; владыка Симеонъ отвратилъ его, но не надолго: въ томъ же году Андрей, собравши большое войско, пошелъ къ Переяславлю; но Даніилъ Московскій и Михаилъ Тверской заступили ему дорогу; битвы, по обычаю, не было, князья стали пересылаться и помирились. Въ 1301 году князья опять съѣхались въ Дмитровѣ; Андрей и Даніилъ уладили свои дѣла, но Иванъ Переяславскій и Михаилъ Тверской разъѣхались въ распрѣ,—знакъ, что на этихъ новыхъ съѣздахъ каждый князь толковалъ отдѣльно о своихъ интересахъ и, уладивши дѣло съ однимъ, могъ не уладиться съ другимъ. Въ слѣдующемъ 1302 году произошло событіе, важное по своимъ слѣдствіямъ и подавшее непосредственно поводъ къ новой борьбѣ между князьями: князь Иванъ Димитріевичъ Переяславскій умеръ бездѣтнымъ; кому-же должна была достаться его отчина, старшій удѣлъ въ племени Ярослава Всеволодовича? По-старинѣ, великій князь долженъ былъ распорядиться этою родовою собственностью по общему совѣту со всѣми родичами, сдѣлать съ ними рядъ,—по древнему выраженію. Но теперь на сѣверѣ смотрѣли на волости, удѣлы, какъ на частную собственность, и каждый князь, какъ частный собственникъ, отдѣленный отъ рода, считалъ себя въ правѣ завѣщать свою собственность кому хотѣлъ, и вотъ Иванъ Димитріевичъ завѣщеваетъ Переяславль, мимо старшаго дяди Андрея, младшему—Даніилу Московскому. Легко понять, какое значеніе это событіе имѣло въ то время, когда каждый князь стремился къ усиленію своего удѣла насчетъ другихъ: область княжества Московскаго увеличивалась цѣлою областью другаго княжества! [2]) Великій князь Андрей не хотѣмъ позволить Даніилу воспользоваться завѣщаніемъ племянника, и, тотчасъ по смерти Ивана, отправилъ въ Переяславль своихъ намѣстниковъ. Но Даніилъ не думалъ отступать: онъ выгналъ намѣстниковъ Андреевыхъ и посадилъ своихъ; Андрей отправился въ Орду, вѣроятно, жаловаться хану. Въ слѣдующемъ 1303 году умеръ Даніилъ Александровичъ Московскій; старшій сынъ его, Юрій, былъ совершенно въ уровень своему времени: пріобрѣтать и усиливаться во что бы то ни стало—было главною его цѣлію, и когда Андрей возвратился изъ Орды съ ярлыками ханскими, то Юрій не уступилъ ему Переяславля [3]), жители котораго хотѣли непремѣнно имѣть его своимъ княземъ и, доставшись отцу его по завѣщанію, не толковали, какъ нѣкогда Кіевляне, что не хотятъ доставаться по наслѣдству. Въ 1304 году умеръ Андрей; смерть его служила знакомъ къ борьбѣ между Москвою и Тверью.

Описавши борьбу между сыновьями Невскаго, обратимся къ событіямъ, происходившимъ въ другихъ княжествахъ. Въ Ростовѣ, по смерти князя Бориса Васильковича (1277 г.), взялъ опять перевѣсъ старый обычай: здѣсь сталъ княжить братъ покойнаго, Глѣбъ Васильковичъ Бѣлозерскій. Но Глѣбъ

---

[1]) Арцыбашевъ (II, прим. 496) упрекаетъ Карамзина въ голословіи; но мнѣніе Карамзина имѣетъ за себя всѣ вѣроятности, и основывается на мѣстѣ лѣтописи (Никон. III, 92).—Карамзина (IV, прим. 172) соблазняетъ свидѣтельство лѣтописи, что Андрей пошелъ въ Городецъ: но куда же ему было идти, когда онъ жилъ въ Городцѣ и, будучи в. княземъ Владимірскимъ, какъ Ярославъ жилъ въ Твери, Василій въ Костромѣ, Димитрій въ Переяславлѣ, Михаилъ въ Твери, Калита въ Москвѣ.

[2]) Странно, впрочемъ, что послѣ Переяславль считался не въ числѣ городовъ московскихъ, но владимірскихъ. См. духовныя кн. московскія въ 1-мъ томѣ Собр. Гос. гр. и дог. также Никон. III, 219.

[3]) Карамз. IV, примѣч. 191.

умеръ въ слѣдующемъ же 1278 году; онъ смолоду, говоритъ лѣтописецъ, служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ нихъ изъ плѣна; ему наслѣдовалъ въ Ростовѣ племянникъ отъ старшаго брата, Димитрій Борисовичъ; на Бѣлѣозерѣ остался княжить сынъ покойнаго Глѣба, Михаилъ. Димитрій Борисовичъ, по обычаю времени, захотѣлъ усилиться на-счетъ этого младшаго двоюроднаго брата, и отнялъ у него волости съ грѣхомъ и неправдою, по выраженію лѣтописца; отъ двоюроднаго брата Димитрій скоро (1271 г.) перешелъ къ родному, Константину Борисовичу, княжившему съ нимъ вмѣстѣ въ Ростовѣ; была между ними крамола и вражда великая, говоритъ лѣтописецъ; быть можетъ, эта вражда произошла вслѣдствіе смерти Углицкаго князя Романа Владиміровича (1269 г.), не оставившаго наслѣдниковъ. Напрасно старался примирить ихъ владыка Игнатій: Константинъ долженъ былъ выѣхать изъ Ростова, а Димитрій сталъ собирать войско и укрѣплять городъ, боясь нападенія отъ брата. Тогда владыка Игнатій отправился къ великому князю Димитрію Александровичу и упросилъ его пріѣхать въ Ростовъ; тотъ пріѣхалъ —и помирилъ братьевъ. Въ 1287 году братья раздѣлились: старшій—Димитрій—остался въ Ростовѣ; младшій—Константинъ—сѣлъ въ Угличѣ. Въ 1294 году умеръ князь Димитрій Борисовичъ Ростовскій; мѣсто его занялъ братъ Константинъ Борисовичъ, оставивъ въ Угличѣ сына своего Александра.—Изъ другихъ князей племени Всеволода III упоминается подъ 1281 годомъ внукъ его, князь Михаилъ Ивановичъ Стародубскій, дядя сыновьямъ Невскаго, но не могшій быть старшимъ ни по праву, потому что не былъ отчинникомъ, ни по силѣ.—Подъ 1278 годомъ упоминается внукъ Ярослава Всеволодовича, Давидъ Константиновичъ, князь Галицкій и Дмитровскій; онъ умеръ въ 1280 году.—Изъ князей суздальскихъ, сыновей Андрея Ярославича, Юрій Андреевичъ умеръ въ 1279 году, и его мѣсто занялъ братъ его Михаилъ. — Въ Рязани княжилъ Ѳеодоръ, сынъ убитаго въ Ордѣ Романа; онъ умеръ въ 1294 году, и мѣсто его заступилъ братъ, Константинъ Романовичъ; третій Романовичъ, Ярославъ, князь Пронскій, умеръ въ 1299 году. Въ 1278 году умеръ Смоленскій князь Глѣбъ Ростиславичъ; мѣсто его занялъ братъ Михаилъ Ростиславичъ, но и этотъ умеръ въ слѣдующемъ 1279 году; тогда Смоленскъ перешелъ къ третьему Ростиславичу, Ѳеодору Ярославскому. Соединеніе двухъ княжествъ — Смоленскаго и Ярославскаго — могло бы повести къ важнымъ слѣдствіямъ для Сѣверной Руси при тогдашнихъ обстоятельствахъ, еслибъ географическое разъединеніе этихъ княжествъ въ самомъ началѣ не положило препятствія ихъ политическому соединенію. Племянникъ Ѳеодора отъ старшаго брата, Александръ Глѣбовичъ, овладѣлъ Смоленскомъ подъ дядею; послѣдній въ 1298 году съ большимъ войскомъ пошелъ на Александра, долго стоялъ подъ Смоленскомъ и бился крѣпко, но взять города не могъ и возвратился въ Ярославль безъ успѣха. Смоленское княжество удержало свою независимость; послѣ, въ 1301 году, видимъ здѣсь усобицы между Александромъ Смоленскимъ и Андреемъ Вяземскимъ: Александръ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ Романомъ, осадилъ Дорогобужъ и людямъ зла много сдѣлалъ, отнявши у нихъ воду; но Андрей Вяземскій подоспѣлъ на помощь къ Дорогобужцамъ, и Александръ, раненый, потерявши сына, долженъ былъ съ большимъ урономъ отступить отъ города.— На судьбу обоихъ княжествъ, и Рязанскаго и Смоленскаго, въ описываемое время начало оказывать вліяніе сосѣднее имъ обоимъ срединное княжество на сѣверѣ, Московское, гдѣ, какъ мы видѣли, княжилъ третій, младшій сынъ Невскаго, Даніилъ, сперва бывшій въ союзѣ съ братомъ Андреемъ противъ старшаго Димитрія, потомъ, когда Андрей сталъ в. княземъ, вооружившійся противъ него вмѣстѣ съ князьями Тверскимъ и Переяславскимъ. Кромѣ этого любопытнаго поведенія и пріобрѣтенія, по завѣщанію племянника, Переяславскаго княжества, Даніилъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что въ 1301 году году явился съ войскомъ у Переяславля-Рязанскаго, одолѣлъ тамошняго князя Константина Романовича, перебилъ много бояръ и простыхъ людей, и наконецъ взялъ въ плѣнъ самого князя Константина какою-то хитростію, вслѣдствіе измѣны бояръ рязанскихъ; Даніилъ, по словамъ лѣтописца [1]), держалъ племянника своего въ чести, хотѣлъ укрѣпиться съ нимъ крестнымъ цѣлованіемъ и отпустить его въ Рязань. Сынъ Даніиловъ, Юрій, въ самый годъ отцовской смерти отправился съ братьями на другое сосѣднее княжество, Можайское. Городъ взялъ, князя Святослава Глѣбовича привелъ плѣннымъ въ Москву. Такъ уже первые московскіе князья начинаютъ собирать Русскую Землю. — Въ Новгородѣ, послѣ торжества Андреева надъ братомъ, княжилъ сынъ в. князя Борисъ Андреевичъ; посадникъ Андрей былъ смѣненъ братомъ Семеномъ Ивановичемъ, неизвѣстно въ которомъ году; но въ 1303 году Семена смѣнилъ опять Андрей. Въ послѣдніе годы отношенія Новгорода къ великому князю Андрею, какъ видно, перемѣнились: до насъ дошелъ договоръ Новгородцевъ съ Михаиломъ Тверскимъ, въ которомъ этотъ князь, объявляя о союзѣ своемъ съ Даніиломъ Московскимъ и Иваномъ Переяславскимъ, обязываетъ Новгородцевъ, чтобъ они помогали ему въ случаѣ притѣсненія отъ в. князя Андрея или отъ Татарина, или отъ кого-либо другого; Новгородцы, съ своей стороны, обязываютъ Михаила, чтобъ онъ, въ случаѣ обиды Новгороду, защищалъ его вмѣстѣ съ братомъ своимъ Даніиломъ [2]).

[1]) Никон. III, 98. Въ Воскресен. (II, 272) и Лавр. (209) прибавлено, что Юрій при осадѣ Рязани много Татаръ избилъ, почему и полагаютъ здѣсь первую побѣду Русскихъ надъ Татарами; но во 1) избить еще не значитъ побѣдить: Александръ Тверской также избилъ дружину Шевкала, однако никто не признаетъ это побѣдою; во 2) мы уже видѣли, что еще Димитрій Александровичъ заставилъ бѣжать татарскаго царевича, призваннаго Андреемъ.

[2]) Собр. Гос. грам. и дог. I, № 4 и 5.

Касательно внѣшнихъ отношеній въ описываемое время мы видѣли, что Татары опустошали Сѣверную Русь, помогая враждующимъ князьямъ, какъ прежде Половцы пустошили Южную. Въ 1277 году русскіе князья,—Андрей Городецкій, Глѣбъ Ростовскій съ сыномъ и племянникомъ, Ѳедоръ Ярославскій,—будучи въ Ордѣ у хана Менгу-Тимура, должны были вмѣстѣ съ нимъ отправиться въ походъ противъ Ясовъ, взяли ихъ городъ Дедяковъ, и возвратились съ честію и дарами отъ хана. Въ слѣдующемъ году Ѳедоръ Ярославскій и Михаилъ, сынъ Глѣба Ростовскаго, ходили опять съ Татарами на войну. Въ томъ же году Татары приходили на Рязань и, надѣлавши много зла, возвратились домой. Черезъ десять лѣтъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о нападеніи Татаръ на Рязань и Муромъ. Въ 1293 году былъ тяжекъ для Твери царевичъ татарскій; въ Ростовѣ, въ 1290 году, жители встали вѣчемъ на Татаръ и разграбили ихъ.—На западѣ продолжалась прежняя борьба Новгородцевъ со Шведами, Новгородцевъ и Псковичей съ Нѣмцами и Литвою. Въ 1283 году Шведы вошли Невою въ озеро Ладожское, перебили Новгородцевъ — обонежскихъ купцовъ, Ладожане вышли къ нимъ на-встрѣчу и бились, но счастливо ли,—не извѣстно; въ слѣдующемъ году такое же новое покушеніе Шведовъ, хотѣвшихъ взять дань на Корелѣ; но на этотъ разъ Новгородцы и Ладожане встрѣтили враговъ въ устьи Невы, побили ихъ и заставили бѣжать. Въ 1292 году пришли Шведы въ числѣ 800 человѣкъ—400 пошли на Корелу, 400—на Ижору; но Ижора перебила своихъ, а Корела—своихъ. Это были покушенія неважныя; но въ 1293 году Шведы обнаружили намѣреніе стать твердою ногою въ новгородскихъ владѣніяхъ и построили городъ на корельской землѣ; небольшое новгородское войско съ Смоленскимъ княземъ Романомъ Глѣбовичемъ подошло къ городу, но должно было отступить отъ него по причинѣ оттепели и недостатка въ конскомъ кормѣ; въ 1295 году Шведы построили другой городъ на корельской же землѣ; но этотъ городъ Новгородцы раскопали, истребивши гарнизонъ шведскій. Шведы однако не отстали отъ своего намѣренія и въ 1300 году вошли въ Неву съ большою силою, привели мастеровъ изъ своей Земли и изъ Италіи, и поставили городъ при устьи Охты, утвердили его твердостію несказанною, по словамъ лѣтописца, поставили въ немъ пороки и назвали въ похвальбу Вѣнцомъ земли (Ландскрона). Маршалъ Торкель Кнутсонъ, правившій Швеціей въ малолѣдство короля Биргера, самъ присутствовалъ при постройкѣ Ландскроны, и оставилъ въ ней сильный гарнизонъ съ воеводою Стеномъ. Противъ такой опасности нужно было вооружиться всѣми силами, и вотъ въ слѣдующемъ году самъ великій князь Андрей съ полками низовыми и новгородскими подступилъ къ Ландскронѣ: городъ былъ взятъ, раскопанъ, гарнизонъ частію истребленъ, частію отведенъ въ неволю. Шведамъ не удалось утвердиться въ новгородскихъ владѣніяхъ; такъ-же неудачна была и попытка Датчанъ изъ Ревеля поставить городъ на русской сторонѣ Наровы: въ 1294 году Новгородцы пожгли городъ, и въ 1302 году заключенъ былъ миръ, за которымъ новгородскіе послы ѣздили въ Данію.—Псковъ продолжалъ бороться съ Ливонскимъ Орденомъ: въ 1298 году Довмонтъ въ другой разъ отбилъ отъ него Нѣмцевъ; это былъ послѣдній его подвигъ: въ 1299 году онъ умеръ, много пострадавши (потрудившись) за Св. Софію и за Св. Троицу (т. е. за Новгородъ и за Псковъ)—лучшая похвала князю отъ лѣтописца: литовскій выходецъ сравнялся ею съ Мономахомъ. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Довмонтъ былъ милостивъ безмѣрно, священниковъ любилъ, церкви украшалъ, нищихъ миловалъ, всѣ праздники честно проводилъ, за сиротъ, вдовъ и всякихъ обиженныхъ заступался. Непріятельскія дѣйствія Литвы противъ Новгородской области ограничились въ описываемое время однимъ опустошеніемъ береговъ Ловати въ 1285 году; но въ слѣдующемъ году Литовцы напали на Олешню, церковную волость Тверскаго владыки. Тверичи, Москвичи, Волочане, Новгородцы, Дмитровцы, Зубчане, Ржевичи соединились, догнали разбойниковъ, побили ихъ, отняли добычу, взяли въ плѣнъ князя. Съ финскими племенами продолжалась борьба съ прежнимъ характеромъ: въ 1292 году новгородскіе молодцы ходили съ княжими воеводами воевать Емскую (Ямь) землю, и, повоевавши ее, пришли всѣ поздорову; но въ описываемое время одно изъ ближайшихъ финскихъ племенъ, Корела, давно платившее дань Новгороду и еще до Татаръ покрещенное, стало возмущаться. Еще въ 1269 году князь Ярославъ Ярославичъ сбирался идти на Корелу; но на этотъ разъ Новгородцы упросили его не ходить. Подъ 1278 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Димитрій Александровичъ съ Новгородцами и со всею Низовскою Землею казнилъ Корелянъ и взялъ землю ихъ на щитъ,

Князей Юго-Западной Руси—Льва Даниловича Галицкаго и двоюроднаго брата его Владиміра Васильковича Волынскаго,— занимали преимущественно отношенія польскія, литовскія и татарскія. Съ Болеславомъ Лешковичемъ Краковскимъ они помирились и даже помогали ему въ войнѣ съ Болеславомъ Генриховичемъ Бреславскимъ (Силезскимъ). Мы видѣли, что Мазовія, по смерти Конрада, раздѣлилась между двумя его сыновьями, сначала между Казимиромъ и Болеславомъ, потомъ, по смерти послѣдняго, между Казимиромъ и Семовитомъ. Казимиръ, умершій въ 1267 году, оставилъ свою часть пяти сыновьямъ: Лешку Черному, Земомыслу, Владиславу Локетку, Семовиту и Казимиру; Семовитъ оставилъ свою часть двумъ сыновьямъ, Болеславу и Конраду. Съ послѣднимъ у Волынскаго князя было враждебное столкновеніе по поводу Ятвяговъ: эти дикари возволновались-было снова по смерти Даніила, но воеводы сыновей его—Льва и Мстислава—и племянника Владиміра заставили ихъ смириться; въ 1279 году былъ сильный голодъ по всей Землѣ Русской и

Польской, у Литвы и Ятвяговъ; послы ятвяжескіе пріѣхали къ князю Владиміру Волынскому и стали ему говорить: „Господинъ князь Владиміръ! пріѣхали мы къ тебѣ ото всѣхъ Ятвяговъ, понадѣясь на Бога и на твое здоровье. Господинъ! не помори насъ, а перекорми, пошли къ намъ жито свое на продажу, мы съ радостію станемъ покупать, что хочешь,—то и будемъ давать: воску, бѣлокъ, бобровъ, черныхъ куницъ, серебро". Владиміръ сжалился и послалъ къ нимъ жито изъ Бреста въ лодкахъ по Бугу съ людьми добрыми, кому вѣрилъ. Волынцы изъ Буга вошли въ Наревъ, поплыли по этой рѣкѣ; но когда остановились ночевать подъ Полтовскомъ (Пултускомъ), то всѣ были перебиты, жито унесено, лодки потоплены. Владиміръ сталъ доискиваться, кто это сдѣлалъ, и послалъ сказать Конраду: „Подъ твоимъ городомъ перебиты мои люди; либо ты приказалъ ихъ убить, либо кто другой; ты долженъ знать, что дѣлается въ твоей землѣ; объяви мнѣ".—Конрадъ заперся: „Самъ не билъ и другого никого не знаю". Но дядя его, Болеславъ Краковскій, бывшій въ ссорѣ съ племянникомъ, послалъ сказать Владиміру: „Конрадъ лжетъ, самъ избилъ твоихъ людей, перевѣдайся съ нимъ, осрамилъ онъ тебя, смой свой позоръ". Владиміръ послушался и послалъ на Конрада войско, которое опустошило земли по сю сторону Вислы и взяло много плѣну; Конрадъ прислалъ просить мира у Владиміра, тотъ согласился, и началась между обоими князьями большая любовь: Владиміръ возвратилъ Конраду всю челядь, которую побрало его войско.

Смерть бездѣтнаго Болеслава Краковскаго, послѣдовавшая въ 1279 году, подала поводъ къ новымъ смутамъ. Болеславу наслѣдовалъ старшій изъ двоюродныхъ племянниковъ—Лешко Черный, князь Мазовецкій-Сераджскій, сынъ Казиміра Конрадовича, и это преемство утверждено было избраніемъ краковской шляхты [1]). Левъ Даниловичъ Галицкій, не успѣвши получить Литвы послѣ брата, захотѣлъ попытаться, не успѣетъ ли овладѣть наслѣдствомъ Болеслава Краковскаго; но бояре, сильные, по выраженію лѣтописца, не дали ему земли. Тогда Левъ захотѣлъ, по крайней мѣрѣ, овладѣть нѣкоторыми порубежными городами, и послалъ просить войска у хана Ногая; тотъ исполнилъ его просьбу, и Левъ, съ татарскими полками и сыномъ Юріемъ, вступилъ въ польскія владѣнія, а братъ его Мстиславъ, съ сыномъ Даніиломъ, и двоюродный братъ, Владиміръ Волынскій, пошли туда же неволею татарскою. Левъ шелъ къ Кракову съ гордостью великою, говоритъ лѣтописецъ, но возвратился съ великимъ безчестіемъ, потому что при Гошличѣ, въ двухъ миляхъ отъ Сендомира, Поляки поразили его на-голову; а въ слѣдующемъ 1281 году Лешко отплатилъ ему вторженіемъ въ Галицкую область, гдѣ взялъ городъ Переворескъ (Пршеворскъ) и сжегъ его, перебивши всѣхъ жителей. Съ другой стороны Поляки вошли въ Волынскія владѣнія у Бреста, взяли десять селъ и пошли назадъ; но жители Бреста, съ воеводою Титомъ, въ числѣ 70 человѣкъ, ударили на 200 Поляковъ, убили у нихъ 80 человѣкъ, другихъ взяли въ плѣнъ и возвратили все пограбленное. Скоро стала усобица между Семовитовичами мазовецкими—извѣстнымъ намъ Конрадомъ и братомъ его Болеславомъ. Конрадъ обратился съ просьбою о помощи къ Владиміру Васильковичу Волынскому; тотъ принялъ къ сердцу его обиду и со слезами отвѣчалъ его послу: „Скажи брату: Богъ будетъ мстителемъ за твой позоръ, а я готовъ тебѣ на помощь", — и дѣйствительно сталъ собираться на Болеслава, послалъ и къ племяннику Юрію Львовичу Холмскому за помощью, и тотъ отвѣчалъ: „Дядюшка! съ радостію бы пошелъ и самъ съ тобою, но некогда: ѣду въ Суздаль жениться, а съ собою беру немногихъ людей; такъ всѣ мои люди и бояре Богу на руки да тебѣ, когда тебѣ будетъ угодно, тогда съ ними и ступай". Владиміръ собралъ рать и выступилъ къ Бресту, но прежде отправилъ къ Конраду посла, который, опасаясь невѣрныхъ бояръ послѣдняго, сказалъ при нихъ князю: „Братъ твой Владиміръ велѣлъ тебѣ сказать: съ радостію бы помогъ тебѣ, да нельзя—Татары мѣшаютъ". Сказавши это, посолъ взялъ Конрада за руку и сильно пожалъ ее; князь догадался, вышелъ съ нимъ вонъ, и посолъ началъ опять говорить: „Братъ велѣлъ тебѣ сказать: приготовляйся самъ и лодки приготовь на Вислѣ, рать у тебя будетъ завтра". Конрадъ сильно обрадовался, велѣлъ поскорѣе готовить лодки и самъ приготовился; рать волынская пришла, перевезлась черезъ Вислу и пошла вмѣстѣ съ Конрадомъ во владѣнія Болеслава, гдѣ осадили городъ Гостинный. Конрадъ, ѣздя по полкамъ, началъ говорить: „Братья моя, милая Русь! ступайте, бейтесь дружнѣе!" Полки двинулись подъ стѣны, другіе стали неподвижно, оберегая товарищей отъ внезапнаго нападенія Поляковъ. Осажденные сыпали на русскихъ каменья, какъ градъ сильный, но тѣ ловко отстрѣливались; дѣло дошло и до копій, и Поляки начали валиться со стѣнъ, какъ снопы; наконецъ городъ былъ взятъ; побѣдители захватили въ немъ много всякаго добра и плѣнныхъ, остальныхъ перебили, городъ сожгли, и возвратились домой съ побѣдою и честью великою, потерявши только двухъ человѣкъ убитыми, но и тѣ были убиты не подъ городомъ, а въ наѣздѣ,—одинъ былъ родомъ Пруссъ, а другой придворный слуга князя Владиміра, любимый его сынъ боярскій, Рахъ Михайловичъ. Когда войска шли мимо Сохачева (Сохоцинъ), то князь Болеславъ выѣхалъ изъ этого города, чтобъ поймать когонибудь изъ непріятелей въ разгонѣ; князь Владиміръ наказывалъ своимъ воеводамъ не распускать войска, а идти всѣмъ вмѣстѣ къ городу; но тридцать человѣкъ отдѣлились отъ войска и поѣхали въ лѣсъ ловить челядь, которая скрылась тамъ изъ

[1]) Съ польскими источниками, приводимыми Рёппелемъ (стр. 526), согласна и Волынская лѣтопись (стр. 208): «бояре же Лядьціи избраша себѣ одного отъ нихъ, Лестька, и посадиша и Краковѣ на столѣ Болеславли».

селъ; въ это время Болеславъ ударилъ на нихъ; всѣ разбѣжались, не побѣжали только двое—Рахъ съ Пруссомъ: послѣдній пустился на самого Болеслава, и былъ убитъ окружавшими князя; Рахъ убилъ знатнаго боярина Болеславова, но также заплатилъ жизнію за свой подвигъ. Они умерли мужественно, говоритъ лѣтописецъ, оставили по себѣ славу будущимъ вѣкамъ. Въ 1282 году два хана—Ногай и Телебуга—пошли на Венгровъ съ огромнымъ войскомъ, велѣли идти съ собою и русскимъ князьямъ. Пользуясь этимъ, Болеславъ напалъ съ небольшою дружиною на русскія границы, взялъ нѣсколько селъ и пошелъ назадъ, величаясь, какъ будто бы всю землю завоевалъ. Левъ Даниловичъ, возвратясь изъ похода, послалъ сказать Владиміру Васильковичу: „Братъ! смоемъ съ себя позоръ, наведи Литву на Болеслава". Владиміръ послалъ за Литвою и получилъ отвѣтъ: „Владиміръ, добрый князь, правдивый! можемъ за тебя свои головы сложить; если тебѣ любо, то мы готовы". Левъ и Владиміръ, собравши полки, пошли къ Бресту, дожидаясь Литвы, но Литва не пришла къ сроку, и князья отпустили однихъ своихъ воеводъ, которые повоевали Болеславову землю, взяли безчисленное множество челяди, скота, коней. Послѣ пришли Литовцы къ Бресту и стали говорить Владиміру: „Ты насъ поднялъ, такъ веди куда-нибудь, мы готовы, мы на то и пришли". Князь сталъ думать, куда ихъ вести:—своя рать ушла уже далеко, рѣки разливаются, и вспомнилъ, что Лешко Краковскій посылалъ Люблинцевъ, которые взяли одно пограничное волынское село; Владиміръ нѣсколько разъ ему напоминалъ, чтобъ онъ возвратилъ плѣнныхъ, но Лешко не возвратилъ, и за это теперь Владиміръ послалъ на него Литву, которая повоевала около Люблина и взяла множество плѣнныхъ. Скоро возвратились и русскіе воеводы изъ польскаго похода съ большою добычею; но Болеславъ все не переставалъ враждовать; Владиміръ съ племянникомъ Юріемъ опять собрали войско, опять привели Литву; Русскіе и Литовцы взяли у Болеслава Сохачевъ и возвратились назадъ съ большою добычею.

Съ Литовскимъ княземъ Тройденомъ Владиміръ Васильковичъ воевалъ цѣлый 1274 годъ мелкою войною; потомъ Тройденъ взялъ городъ Дрогичинъ у Льва Даниловича. Левъ послалъ къ хану Менгу-Тимуру за помощью; Татары пришли, а это значило, что всѣ русскіе князья должны идти съ ними вмѣстѣ, и пошли на Литву—Левъ, Мстиславъ, Владиміръ, Романъ Брянскій съ сыномъ Олегомъ, Глѣбъ Смоленскій, князья пинскіе и туровскіе. Левъ съ Татарами пришелъ прежде всѣхъ къ Новогрудку и, не дожидаясь другихъ князей, взялъ окольный городъ; на другой день пришли остальные князья и стали сердиться на Льва, что безъ нихъ началъ дѣло; въ этихъ сердцахъ они не пошли дальше и возвратились отъ Новогрудка. Волынскій князь звалъ тестя своего, Романа Брянскаго, заѣхать къ нему во Владиміръ; „Господинъ батюшка! пріѣзжай, побудешь въ своемъ домѣ и дочери своей здоровье увидишь"; Романъ отвѣчалъ: „Сынъ Владиміръ! не могу отъ своего войска уѣхать, хожу въ землѣ ратной, кто проводитъ войско мое домой? Пусть вмѣсто меня ѣдетъ сынъ мой Олегъ".—Въ 1276 году толпы Пруссовъ, спасаясь отъ притѣсненій Ордена, явились къ Литовскому князю съ просьбою о помѣщеніи; Тройденъ одну часть ихъ посадилъ въ Гроднѣ, а другую—въ Слонимѣ; Владиміру и Льву это сосѣдство показалось опаснымъ; они послали рать свою къ Слониму и взяли Пруссовъ. За это Тройденъ послалъ воеватъ около Каменца (Литовскаго); Владиміръ отмстилъ ему взятіемъ Турійска-Нѣманскаго. Борьба на этотъ разъ кончилась, и лѣтописецъ говоритъ, что оба князя—Тройденъ и Владиміръ—начали жить въ большой любви. Но послѣдній, какъ видно, не полагался на долговременность этого мира, и сталъ думать, гдѣ бы поставить городъ за Брестомъ. Въ этомъ раздумьи онъ взялъ книги пророческія и разогнулъ ихъ на слѣдующемъ мѣстѣ: „Духъ Господень на мнѣ, его же ради помаза мя... и созижютъ пустыни вѣчная, запустѣвшая прежде, воздвигнути городы пусты, запустѣвшая отъ рода". Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, уразумѣлъ къ себѣ милость Божію и началъ искать мѣста, гдѣ бы поставить городъ, для чего послалъ мужа искуснаго, именемъ Алексу, съ туземцами на челнахъ вверхъ по рѣкѣ Лоснѣ; Алекса нашелъ удобное мѣсто и объявилъ объ этомъ князю, который самъ отправился на берега Лосны и заложилъ городъ, названный Каменцомъ, потому что почва была каменистая [1]).

На этотъ разъ Татары не дали русскимъ и литовскимъ князьямъ пожить въ мирѣ; въ 1277 году Ногай прислалъ къ русскимъ князьямъ грамоту: „Вы все мнѣ жалуетесь на Литву, такъ вотъ вамъ войско и съ воеводою, ступайте съ нимъ на своихъ враговъ". Зимою пошли русскіе князья—Мстиславъ, Владиміръ и Юрій Львовичъ—на Литву къ Новогрудку; но когда пришли они къ Бресту, то получили вѣсть, что Татары опередили ихъ; тогда князья стали думать: „Что намъ идти къ Новогрудку?—тамъ Татары все уже извоевали; пойдемъ куда-нибудь къ цѣлому мѣсту",—и пошли къ Гродну. Минувши Волковыйскъ, они остановились ночевать, и тутъ Мстиславъ съ Юріемъ тайкомъ отъ Владиміра послали лучшихъ своихъ бояръ и слугъ съ воеводою Тюймою воевать окрестную страну. Тѣ, повоевавши, расположились также на ночлегъ, вдалекѣ отъ главной рати, сторожей не разставили и доспѣхи сняли. Тогда одинъ переметчикъ убѣжалъ отъ нихъ прямо въ городъ и объявилъ жителямъ: „Тамъ-то и тамъ-то на селѣ люди лежатъ безо всякаго порядка". Пруссы и Борты выѣхали изъ города и ударили на сонныхъ Русскихъ: половину избили, другую повели плѣнными въ городъ, а Тюйму повезли на саняхъ, потому что былъ тя-

[1]) Каменецъ—мѣстечко Гродненской губерніи, Брестскаго уѣзда, на рѣкѣ Льснѣ; какой же Каменецъ упоминается выше, около котораго воевала Литва?

жело раненъ. На другой день, когда главная рать подошла къ городу, прибѣжалъ къ ней одинъ изъ посланныхъ съ Тюймою, нагъ и босъ, и объявилъ о пораженіи своихъ; князья, погоревавши, начали промышлять, какъ бы взять городъ: передъ нимъ стояла высокая каменная башня, гдѣ заперлись Пруссы и стрѣльбою своею никакъ не давали приблизиться къ городу. Русскіе поэтому приступили сперва къ башнѣ и взяли ее; тогда страхъ напалъ на горожанъ; они стояли какъ мертвые на заборалахъ, потому что вся ихъ надежда была на башню; стали рядиться съ осаждающими и порѣшили на томъ, что Русскіе не будутъ брать города, за что осажденные выдали имъ всѣхъ бояръ, взятыхъ въ плѣнъ ночью.

Татары же водили русскихъ князей и на Поляковъ въ 1287 году: Телебуга послалъ звать съ собою въ походъ всѣхъ князей волынскихъ и заднѣпровскихъ. Князья, каждый на границѣ своей волости, встрѣчали хана съ напитками и дарами; они боялись, что Татары перебьютъ ихъ и города возьмутъ себѣ. Этого не случилось, но насиліямъ татарскимъ въ городахъ и по волости не было конца. Телебуга, отправившись въ Польшу, оставилъ около Владиміра отрядъ Татаръ кормить любимыхъ коней своихъ; эти Татары опустошили всю Землю Владимірскую, не давали никому выйти изъ города за съѣстными припасами: кто выѣдетъ, тотъ непремѣнно будетъ или убитъ, или схваченъ, или ограбленъ, и оттого въ городѣ Владимірѣ померло людей безчисленное множество. Пробывши десять дней въ Польшѣ, Телебуга на возвратномъ пути остановился въ Галицкомъ княжествѣ на двѣ недѣли, и опустошилъ его точно такъ же, какъ Татары его опустошили Волынское.

Въ то время еще, когда Телебуга былъ на Волыни, тамошній князь Владиміръ, уже давно страдавшій тяжкою болѣзнію (гніеніемъ нижней челюсти), почувствовалъ, что становится ему гораздо хуже, и послалъ сказать двоюродному брату своему, Мстиславу Даниловичу Луцкому: „Братъ! ты видишь мою немощь, а дѣтей у меня нѣтъ,—такъ даю тебѣ, брату своему, землю свою всю и города, по смерти своей, и даю это тебѣ при ханѣ и его вельможахъ.“ Послалъ также сказать и другому двоюродному брату Льву и племяннику Юрію: „Объявляю вамъ, что я отдалъ брату Мстиславу землю свою и города“. Левъ отвѣчалъ Владиміру: „И хорошо сдѣлалъ, что отдалъ; мнѣ развѣ искать подъ нимъ послѣ твоей смерти? всѣ мы подъ Богомъ ходимъ, а мнѣ далъ бы только Богъ и своимъ княжествомъ управить въ нынѣшнее время.“ Потомъ Мстиславъ послалъ сказать брату Льву и племяннику: „Братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города; если чего захочешь искать по смерти брата Владиміра, такъ скажи лучше теперь, когда здѣсь ханъ.“ Левъ не отвѣчалъ на это ни слова. Телебуга пошелъ въ Польшу со всѣми князьями и съ Владиміромъ; но послѣдній долженъ былъ воротиться съ дороги, потому что жалко было смотрѣть на него. Пробывъ нѣсколько дней во Владимірѣ, онъ началъ говорить княгинѣ и боярамъ: „Хотѣлось бы мнѣ поѣхать въ Любомль [1]), потому что погань эта (Татары) сильно мнѣ опротивѣла: я человѣкъ больной, нельзя мнѣ съ ними толковать, пусть вмѣсто меня остается здѣсь епископъ Маркъ“. Князь поѣхалъ въ Любомль съ княгинею и слугами придворными, изъ Любомля—въ Брестъ, а изъ Бреста въ Каменецъ (Литовскій), гдѣ и слегъ въ постель, говоря княгинѣ и слугамъ: „Когда эта погань выйдетъ изъ земли, то поѣдемъ въ Любомль“ Чрезъ нѣсколько дней пріѣхали къ нему слуги, бывшіе въ Польшѣ на войнѣ съ Татарами; онъ сталъ спрашивать ихъ о Телебугѣ, пошелъ ли онъ назадъ изъ Польши,—тѣ отвѣчали, что пошелъ;—„А братъ мой Левъ, и Мстиславъ, и племянникъ здоровы ли?“—тѣ отвѣчали, что всѣ здоровы, бояре и слуги, причемъ сказали, что Мстиславъ уже раздаетъ своимъ боярамъ города и села волынскіе. Владиміръ очень разсердился и сталъ говорить: „Я лежу боленъ, а братъ придалъ мнѣ еще болѣзни; я еще живъ, а онъ уже раздаетъ города мои и села, могъ бы подождать, когда умру.“ И отправилъ посла къ Мстиславу съ жалобою: „Братъ! вѣдь ты меня ни на полону взялъ, ни копьемъ добылъ, ни ратью выбилъ меня изъ городовъ моихъ,—что такъ со мною поступаешь! ты мнѣ братъ; но вѣдь есть у меня и другой братъ Левъ и племянникъ Юрій; изъ васъ троихъ я выбралъ тебя одного и отдалъ тебѣ свою землю и города, по своей смерти; а пока живъ, тебѣ не вступаться ни во что; я такъ распорядился, отдалъ тебѣ землю за гордость брата Льва и племянника Юрія.“ Мстиславъ спѣшилъ успокоить больнаго: „Братъ и господинъ! велѣлъ онъ отвѣчать ему: земля Божія и твоя и города твои, и я надъ ними не воленъ, самъ я въ твоей волѣ, и дай мнѣ Богъ имѣть тебя какъ отца и служить тебѣ со всею правдою до смерти, чтобъ ты, господинъ, здоровъ былъ, а мнѣ главная надежда на тебя.“ Эта рѣчь была люба Владиміру, онъ успокоился и поѣхалъ въ Рай-городъ [2]); здѣсь онъ началъ говорить княгинѣ: „Хочу послать за братомъ Мстиславомъ, урядиться съ нимъ о землѣ и о городахъ, и о тебѣ, княгиня моя милая Ольга, и объ этомъ ребенкѣ Изяславѣ, которую люблю какъ дочь родную; Богъ, за грѣхи мои, не далъ мнѣ дѣтей, такъ эта была мнѣ вмѣсто родной, потому что взялъ ее отъ матери въ пеленахъ и вскормилъ.“ За Мстиславомъ послали, и когда онъ пріѣхалъ, то Владиміръ поднялся съ постели, сѣлъ и сталъ его разспрашивать про походъ; Мстиславъ разсказалъ ему все по порядку, какъ было; и когда пришелъ къ себѣ не подворье, то Владиміръ послалъ епископа и двухъ бояръ сказать ему: „Братъ! я за тѣмъ тебя призвалъ, что хочу урядиться съ тобою о землѣ и о городахъ, о княгинѣ своей и о ребенкѣ Изяславѣ, хочу грамоты писать“.

---

[1]) Любомль, мѣстечко при Западномъ Бугѣ, почти между Холмомъ и Ковлемъ.

[2]) Недалеко отъ Августова, въ царствѣ Польскомъ.

Мстиславъ отвѣчалъ: „Братъ и господинъ! Я развѣ хотѣлъ искать твоей земли по твоей смерти? Самъ ты прислалъ ко мнѣ въ Польшу объявить, что отказываешь мнѣ свою землю;—если хочешь грамоты писать, то пиши, какъ Богу любо и тебѣ". Епископъ возвратился съ этимъ отвѣтомъ, и Владиміръ велѣлъ писцу писать грамоты: въ одной отказалъ Мстиславу всю свою землю и города, въ другой—отказалъ женѣ своей городъ Кобринъ съ нѣсколькими селами и монастырь Апостольскій съ селами же. „А княгиня моя, сказано въ концѣ грамоты, захочетъ идти въ монастырь послѣ меня, пусть идетъ, а не захочетъ, то какъ ей любо: мнѣ вѣдь не смотрѣть, вставши изъ гроба, что кто станетъ дѣлать по моей смерти".

Когда грамоты были написаны, Владиміръ послалъ сказать Мстиславу: „Цѣлуй крестъ на томъ, что не отнимешь ничего у княгини моей и у ребенка Изяславы, не отдашь ея неволею ни за кого, но за кого захочетъ княгиня моя, за того отдашь". Мстиславъ поцѣловалъ крестъ, послѣ чего поѣхалъ во Владиміръ, въ Богородичную церковь, куда созваны были бояре и граждане, Русскіе и Нѣмцы; передъ ними прочли Владимірову духовную, въ которой отказана была вся земля Мстиславу, и епископъ благословилъ послѣдняго крестомъ воздвизальнымъ на княженіе; Мстиславъ уже хотѣлъ начать послѣ этого княжить, но опять былъ остановленъ больнымъ Владиміромъ, который велѣлъ ему подождать до своей кончины. Мстиславъ отправился въ свою Луцкую волость, а Владиміръ изъ Рая переѣхалъ въ Любомль, гдѣ лежалъ больной всю зиму, разсылая слугъ своихъ на охоту, потому что былъ страстный охотникъ и храбрый: завидитъ вепря или медвѣдя—не станетъ дожидаться слугъ, самъ убьетъ всякаго звѣря. Но больному князю не дали успокоиться; какъ наступило лѣто, прислалъ къ нему Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій; „Братъ и господинъ! велѣлъ сказать ему Конрадъ: ты былъ мнѣ вмѣсто отца, держалъ подъ своею рукою, своею милостью; тобою я княжилъ и города свои держалъ, отъ братіи отступился и былъ грозенъ; а теперь, господинъ! слышалъ я, что ты отказалъ свои земли брату своему Мстиславу; такъ послалъ бы ты къ нему своего посла вмѣстѣ съ моимъ, чтобъ и онъ принялъ меня подъ свою руку, и стоялъ бы за меня, какъ ты". Владиміръ исполнилъ желаніе Конрада, послалъ къ Мстиславу, и тотъ обѣщался не давать въ обиду Мазовецкаго князя и, если случится, голову свою за него сложить. Мстиславу хотѣлось также видѣться лично съ Конрадомъ; тотъ соглисился съ радостію, заѣхалъ сперва къ Владиміру, въ Любомль, гдѣ горько плакалъ, увидѣвши, какъ болѣзнь истощила красивое тѣло князя Волынскаго; оттуда поѣхалъ къ Мстиславу, который встрѣтилъ его съ боярами и слугами своими, и принялъ съ честію и любовію подъ свою руку, сказавши: „Какъ тебя братъ мой Владиміръ честилъ и дарилъ, такъ дай Богъ и мнѣ честить тебя и дарить и стоять за тебя, когда кто-нибудь тебя обидитъ". Потомъ князья начали веселиться: Мстиславъ одарилъ Конрада конями красивыми въ сѣдлахъ дивныхъ, платьемъ дорогимъ и другими дарами многими, и такъ съ честію отпустилъ его.

За Конрадомъ явился къ больному Владиміру другой гость,—прислалъ князь Юрій Львовичъ посла своего сказать дядѣ: „Господинъ дядюшка! Богъ знаетъ и ты знаешь, какъ я служилъ тебѣ со всею правдою, почиталъ я тебя какъ отца; что-бъ тебѣ сжалиться за мою службу? теперь отецъ прислалъ ко мнѣ, отнимаетъ у меня города, что прежде далъ—Бѣлзъ, Червень и Холмъ, а велитъ мнѣ быть въ Дрогичинѣ и Мельникѣ [1]); бью челомъ Богу и тебѣ,—дай мнѣ, господинъ дядюшка, Брестъ". Владиміръ велѣлъ отвѣчать ему: „Племянникъ! не дамъ; самъ знаешь, что я не двурѣчивъ и не лгунъ, не могу нарушить договора, что заключилъ съ братомъ Мстиславомъ,—далъ ему всю землю и всѣ города, и грамоты написалъ". Отправивши съ этимъ отвѣтомъ Юрьева посла, Владиміръ отрядилъ къ брату Мстиславу вѣрнаго слугу своего Ратьшу съ такимъ наказомъ: „Присылалъ ко мнѣ племянникъ Юрій просить Бреста, но я не далъ ему ни города, ни села", и, взявши изъ-подъ постели клокъ соломы, прибавилъ: „Не давай и такого клока соломы никому послѣ моей смерти". Мстиславъ велѣлъ отвѣчать ему: „Ты мнѣ и братъ, ты мнѣ и отецъ—Данило король, когда принялъ меня подъ свои руки; что ни велишь мнѣ, все съ радостію исполню". Но этимъ дѣло не кончилось; чрезъ нѣсколько времени вошли слуги и объявили больному: „Владыка, господинъ, пріѣхалъ".—„Какой владыка?" спросилъ Владиміръ.—„Перемышльскій Мемнонъ, отъ брата твоего Льва пріѣхалъ".—Догадался Владиміръ, зачѣмъ пріѣхалъ владыка, но дѣлать нечего, велѣлъ позвать; владыка вошелъ, поклонился князю до земли, промолвилъ: „Братъ тебѣ кланяется", сѣлъ и началъ править посольство: „Братъ твой велѣлъ тебѣ сказать, господинъ! дядя твой Данило король, а мой отецъ, лежитъ въ Холмѣ у Св. Богородицы, и сыновья его, братья мои и твои, Романъ и Шварнъ, и всѣхъ кости тутъ лежатъ; а теперь, братъ, слышалъ я про твою болѣзнь тяжкую: что-бъ тебѣ, братецъ, не погасить свѣчи надъ гробомъ дяди своего и братіи своей, дать бы тебѣ свой городъ Брестъ? То бы твоя свѣча была". Владиміръ, говоритъ лѣтописецъ, разумѣлъ всякія притчи и темныя слова, и началъ съ епископомъ длинный разговоръ отъ книгъ, потому что былъ книжникъ большой и философъ, какого не было во всей землѣ, да и по немъ не будетъ; наконецъ отпустилъ епископа къ брату съ такими словами: „Братъ Левъ! что ты думаешь, что я уже изъ ума выжилъ и не пойму твоей хитрости? мало тебѣ твоей земли, что еще Бреста захотѣлъ, когда самъ три княженья держишь,—Галицкое, Перемышльское и Бѣльзское, и того всего мало? Мой отецъ, а твой дядя лежитъ у Св. Богородицы во Владимірѣ, а

[1]) Мѣстечко при Бугѣ, повыше Дрогичина.

много-ль ты надъ нимъ свѣчъ поставилъ? какой городъ далъ, чтобъ свѣча была? Сперва просилъ ты живымъ, а теперь уже мертвымъ просишь; не дамъ не только города, села у меня не выпросишь, разумѣю я твою хитрость, не дамъ".

Волость свою Владиміръ отдалъ брату; что же касается движимаго имѣнія, то, еще будучи на ногахъ, роздалъ его бѣднымъ: золото, серебро, камни драгоцѣнные, пояса отцовскіе и свои, золотые и серебряные,—все роздалъ; блюда большія серебряныя, кубки золотые и серебряные самъ предъ глазами своими побилъ и полилъ въ гривны, полилъ и монисты, большія золотыя—бабки и матери своей, и разослалъ милостыню по всей землѣ; и стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого лошадей нѣтъ, кто потерялъ ихъ во время Телебугина нашествія. Владиміръ умеръ въ 1288 году, послѣ двадцатилѣтняго княженія. Княгина и слуги придворные обмыли тѣло, обвили бархатомъ съ кружевами, какъ слѣдуетъ хоронить царей, и, положивши на сани (10-го декабря), повезли во Владиміръ; граждане отъ мала до велика съ громкимъ плачемъ проводили своего господина. Привезши во Владиміръ вечеромъ того же дня, на другой день похоронили въ соборной Богородичной церкви, причемъ княгиня причитала: „Царь мой добрый, кроткій, смиренный, правдивый! въ правду назвали тебя въ крещеніи Иваномъ, всякими добродѣтелями похожъ ты былъ на него: много досадъ принялъ ты отъ сродниковъ своихъ, но не видала я, чтобъ ты отомстилъ имъ зломъ за зло"; а бояре причитали: „Хорошо-бъ намъ было съ тобою умереть; какъ дѣдъ твой Романъ, ты освободилъ насъ отъ всякихъ обидъ, поревновалъ ты дѣду своему и наслѣдовалъ путь его; а ужъ теперь нельзя намъ больше тебя видѣть; солнце наше зашло и остались мы въ обидѣ" [1]). Такъ плакали надъ нимъ множество Владимірцевъ, мужчины, женщины и дѣти, Нѣмцы, Сурожцы, Новгородцы; Жиды плакали точно такъ, какъ отцы ихъ, ведомые въ плѣнъ Вавилонскій.

Мстиславъ, пріѣхавши послѣ похоронъ и поплакавши надъ братнимъ гробомъ, спѣшилъ разослать засады (гарнизоны) по всѣмъ городамъ, боясь Льва и Юрія. Страхъ его не былъ напрасенъ: на югѣ не всѣ такъ охотно исполняли завѣщанія князей своихъ, какъ на сѣверѣ, и Мстиславу дали знать, что Юрьева дружина уже сидитъ въ трехъ городахъ: Брестѣ, Каменцѣ (Литовскомъ) и Бѣльскѣ [2]). Еще во время болѣзни Владиміровой жители Бреста поклялись признать своимъ княземъ Юрія, и тотъ сейчасъ же послѣ дядиной смерти пріѣхалъ въ Брестъ и сталъ здѣсь княжить. Но бояре Мстиславовы, старые луцкіе и новые владимірскіе, начали говорить своему князю: „Господинъ! племянникъ осрамилъ тебя, отнялъ то, что далъ тебѣ Богъ, братъ, молитва отцовская и дѣдовская; можемъ и съ дѣтьми положить за тебя свои головы, ступай, возьми сначала Юрьевы города—Бѣлзъ и Червень, а потомъ пойдешь къ Бресту". Мстиславъ отвѣчалъ: „Не дай мнѣ Богъ пролить кровь неповинную; я исправлю дѣло Богомъ и благословеніемъ брата своего Владиміра",—и послалъ сказать племяннику: „Племянникъ! добро бы ты не былъ самъ на томъ пути и ничего не слыхалъ,—а то самъ слышалъ и отецъ твой и вся рать слышала, что братъ Владиміръ отдалъ мнѣ землю свою и города всѣ, при ханѣ и при его вельможахъ, и мы оба, я и Владиміръ, вамъ объ этомъ объявляли; если ты чего хотѣлъ, то почему тогда ничего не сказалъ мнѣ при ханѣ? Теперь объяви мнѣ: самъ ли ты сѣлъ въ Брестѣ своею волею, или по приказанію отца своего? Не на мнѣ будетъ кровь, а на виноватомъ; я пошлю за Татарами, а ты сиди пожалуй; не поѣдешь добромъ, такъ зломъ—поѣдешь". Потомъ отправилъ епископа Владимірскаго къ брату Льву сказать ему: „Жалуюсь Богу и тебѣ, потому что ты мнѣ больше всѣхъ по Богѣ, братъ ты мнѣ старшій; скажи мнѣ правду: своею ли волею сынъ твой сѣлъ въ Брестѣ, или по твоему приказанію? Если по твоему приказанію, то объявляю тебѣ прямо: я послалъ за Татарами и самъ собираю войско; какъ меня Богъ съ вами разсудитъ". Левъ испугался, потому что еще у него не сошла оскомина послѣ Телебугина нашествія, говоритъ лѣтописецъ, и велѣлъ отвѣчать брату: „Сынъ мой это сдѣлалъ безъ моего вѣдома, своимъ молодымъ умомъ, и объ этомъ, братецъ, не безпокойся, я пошлю къ нему, чтобъ онъ выѣхалъ изъ Бреста." И дѣйствительно послалъ сказать Юрію: „Ступай вонъ изъ города, не погуби земли; братъ послалъ за Татарами; если же не поѣдешь, то я самъ буду помогать брату на тебя, и отрѣшу тебя отъ наслѣдства, все отдамъ брату Мстиславу, если меня, отца своего, не послушаешься." Юрій поѣхалъ изъ Бреста, съ большимъ позоромъ, взявши съ собою главныхъ крамольниковъ, которыхъ поклялся не выдавать дядѣ, пограбивши всѣ дома дядины, и не осталось камня на камнѣ ни въ Брестѣ, ни въ Каменцѣ, ни въ Бѣльскѣ. Мстиславъ пріѣхалъ въ Брестъ и наказалъ его жителей тѣмъ, что заставилъ ихъ содержать ловчихъ княжескихъ, и тѣмъ, что извѣстіе о крамолѣ ихъ велѣлъ внести въ лѣтопись.

Покончивъ такъ удачно съ родственниками, Мстиславъ былъ одинаково счастливъ и въ отношеніяхъ литовскихъ: двое тамошнихъ князей отдали ему свой городъ Волковыйскъ, чтобъ только быть съ ними въ мирѣ. Со стороны Польши не могло быть также никакой опасности: въ то время, когда Конрадъ Семовитовичъ Мазовецкій былъ въ Луцкѣ у Мстислава, въ Любомль къ больному Владиміру пріѣхалъ Ляхъ изъ Люблина и объявилъ, что ищетъ Конрада, потому что Лешко-Черный Краковскій умеръ, и Люблинцы послали за Конрадомъ, хотятъ, чтобъ онъ княжилъ въ Краковѣ. Владиміръ велѣлъ дать гонцу свѣжую лошадь, и онъ нагналъ Конрада во Владимірѣ; тотъ сильно обрадовался Кра-

[1]) Ср. томъ II-й Исторіи Россіи; значитъ, для причитаній была одна общая форма.

[2]) Есть Бяла недалеко отъ Бреста на западъ; есть Бѣльскъ выше.

ковскому княженію, и, взявши у Владиміра воеводу волынскаго Дуная, чтобъ было почетнѣе пріѣхать въ Люблинъ, немедленно отправился туда, но нашелъ ворота городскія запертыми. Остановившись въ монастырѣ, онъ послалъ сказать гражданамъ: „Зачѣмъ же вы привели меня, когда теперь городъ передо мною затворили?“ Тѣ отвѣчали: „Мы тебя не приводили и не посылали за тобою, голова намъ Краковъ,—тамъ воеводы наши и бояре большіе; если станешь княжить въ Краковѣ, то и мы будемъ твои.“ Послѣ этого вдругъ разнеслась вѣсть, что рать идетъ литовская къ городу; Конрадъ переполошился и вбѣжалъ въ башню къ монахамъ; но оказалось, что рать была не литовская, а русская;—привелъ ее князь Юрій Львовичъ, хотѣвшій овладѣть Люблиномъ, но граждане не приняли и его, стояли вооруженные на стѣнахъ и кричали ему: „Князь! плохо ѣздишь, рать съ тобою малая, придетъ Ляховъ много, позоръ тебѣ будетъ большой.“ Юрій долженъ былъ удовольствоваться опустошеніемъ окрестностей краковскихъ, и отправился назадъ съ добычею; поѣхалъ назадъ и Конрадъ Мазовецкій, взявши себѣ позоръ великій, такъ что лучше было бы ему умереть, говоритъ лѣтописецъ.

Шляхта краковская позвала къ себѣ на престолъ старшаго брата его, Болеслава Семовитовича; но княженіе Болеслава не могло быть продолжительно и спокойно, ибо если прежде въ Польшѣ на княжескія отношенія обнаруживали сильное вліяніе вельможи и прелаты, то теперь сюда присоединилось третье сословіе, не туземное, какъ въ Европѣ западной такъ называемое среднее сословіе, выступившее тогда на сцену вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, но иностранное,—нѣмецкое. Нѣмцы краковскіе, сендомирскіе и изъ другихъ городовъ, которымъ не понравился новый князь Болеславъ, обратили свои взоры на Генриха IV, князя Силезскаго-Вратиславскаго (Бреславскаго), Пяста, но совершенно онѣмеченнаго, который сочинялъ нѣмецкія любовныя пѣсни (Minnelieder) и былъ вассаломъ Нѣмецкаго императора. Генрихъ принялъ предложеніе краковскихъ гражданъ, часть шляхты приняла также его сторону, и онъ успѣлъ выгнать Болеслава. Но тотъ не думалъ еще уступать ему: онъ собралъ войско и призвалъ на помощь роднаго брата Конрада и двоюроднаго Владислава Локетка, собственно законнаго наслѣдника Кракову по родномъ братѣ своемъ Лешкѣ Черномъ. Мазовецкіе князья пошли на Генриха, и тотъ выѣхалъ въ Бреславль, поручивши охранять Краковскую крѣпость Нѣмцамъ, лучшимъ мужамъ своимъ, задобривъ ихъ обѣщаніями даровъ и волостей и оставя имъ много съѣстныхъ припасовъ. Нѣмцы объявили, что сложатъ за него свои головы, а крѣпости не сдадутъ, и сдержали слово: Болеславъ вошелъ въ городъ (посадъ), но крѣпости взять не могъ; при этомъ граждане отказались биться съ крѣпостнымъ гарнизономъ, говоря: „Кто будетъ княжить въ Краковѣ, тотъ нашъ и князь“. Цѣлое лѣто стояли мазовецкіе князья подъ крѣпостью; наконецъ на помощь къ нимъ явился Левъ Даниловичъ Галицкій, сталъ ѣздить около крѣпости, стращая гарнизонъ, но приступить ни откуда нельзя было: вся она была каменная, утверждена пороками и самострѣлами, большими и малыми, которые поворачивались во всѣ стороны. Видя невозможность взять крѣпость, Левъ послалъ войско въ Силезію къ Бреславлю—пустошить наслѣдственную волость Генрихову, и галицкая рать взяла множество добычи, потому что никакое другое войско до нея не входило такъ глубоко въ эту область. Удовольствовавшись этимъ, Левъ окончилъ походъ и поѣхалъ на свиданіе къ Чешскому королю Вячеславу; очень вѣроятно, что при этомъ свиданіи была рѣчь и уговоръ насчетъ Краковскаго княжества, ибо когда, по смерти Генриха Силезскаго (1290 г.), за Краковъ подняли вражду Пршемыславъ Великопольскій, внукъ Владислава Одонича, съ Владиславомъ Локеткомъ Мазовецкимъ, Краковцы послали къ Вячеславу съ предложеніемъ ему короны, и Вячеславъ согласился принять ее. Ни Пршемыславъ Великопольскій, ни Владиславъ Локетекъ Мазовецкій не хотѣли сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу чужеземца, слѣдствіемъ чего была усобица: кому изъ нихъ помогали русскіе князья—Левъ и Мстиславъ Даниловичи—неизвѣстно; извѣстно только то, что они во время этой усобицы входили въ Сендомирскую Землю и опустошили ее [1]). Наконецъ, по смерти Пршемыслава, Вячеславу Чешскому удалось утвердиться въ Краковѣ. Пясты, княжившіе въ другихъ польскихъ областяхъ, должны были признать свою зависимость отъ него, какъ отъ короля всей Польши, а самъ Вячеславъ былъ вассалъ императора Нѣмецкаго (1300) [2]).

Кромѣ потомковъ Романа Великаго, на западной сторонѣ Днѣпра упоминаются еще другіе князья изъ другихъ племенъ: такъ, подъ 1289 годомъ упоминается Юрій, князь Пороскій, служившій волынскимъ князьямъ — Владиміру и потомъ Мстиславу; подъ 1292 годомъ помѣщены извѣстія о смерти Пинскаго князя Юрія Владиміровича и Степанскаго [3]) князя Ивана Глѣбовича, послѣ котораго сталъ княжить сынъ его Владиміръ.

Изъ князей на восточной сторонѣ Днѣпра мы встрѣтили опять Романа Брянскаго съ сыномъ Олегомъ; этотъ Романъ извѣстенъ не по одной борьбѣ своей съ Литвою: въ 1286 году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, пожегъ окрестности, посадъ, при

[1]) По Густин. лѣт. Русь воевала подъ начальствомъ Петра Галки, но была разбита подъ Люблиномъ.

[2]) Въ лѣтописи сохранилось еще слѣдующее извѣстіе объ участіи Русскихъ князей въ польскихъ дѣлахъ—подъ годомъ 1289: «Пріѣхалъ бяшетъ Кондратъ князь Сомовитовичь къ Мьстиславу, прося себѣ помочи на Ляхы, пойти хотя на княженіе судимирьское; Мьстиславъ же обѣща ему, а Кондрата одари и бояры его вси и отпусти, рекъ ему: ты поѣдь, а я по тоби пошлю рать свою. Кондратови же поѣхавшу, Мьстиславъ же совокупи рать свою, посла ю нарекъ Чудина воеводу; и тако сѣде Кондратъ князь въ Судомирѣ княземъ Мьстиславомъ и его помочью».

[3]) Степань—мѣстечко на лѣвомъ берегу Горыни, выше Домбровицы.

ступалъ къ крѣпости, но, не взявши ея, ушелъ прочь. Изъ другихъ черниговскихъ Ольговичей упоминается Олегъ—князь Рыльскій и Волгорскій, и Святославъ—князь Липецкій, по поводу слѣдующаго происшествія. Былъ въ Курскѣ ханскій баскакъ, именемъ Ахматъ, сынъ Темировъ; онъ откупилъ въ Ордѣ всякія дани Курскаго княжества, и тяжко было отъ него и князьямъ, и чернымъ людямъ; мало того,—онъ построилъ себѣ двѣ большія слободы во владѣніяхъ князя Олега Рыльскаго и Волгорскаго и князя Святослава Липецкаго. Олегъ и Святославъ были родственники между собою; но, какъ обыкновенно тогда водилось, то жили въ мирѣ, то воевали другъ съ другомъ; нападали они и на Ахматовы слободы, враждовали съ нимъ и опять мирились, такъ что въ Ордѣ ничего объ этомъ не знали. Но скоро князьямъ нельзя стало болѣе терпѣть у себя этихъ слободокъ, которыхъ народонаселеніе увеличилось бѣглецами отовсюду, и окрестнымъ жителямъ стало отъ нихъ уже слишкомъ тяжко. Олегъ и Святославъ начали думать, какъ помочь злу, и рѣшили, чтобъ Олегъ шелъ съ жалобою въ Орду, къ Телебугѣ. Ханъ рѣшилъ дѣло въ пользу князей, велѣлъ имъ разорить слободы и жителей ихъ вывести въ свою волость; князья исполнили приказъ ханскій. Тогда Ахматъ, видя, что Телебуга принялъ сторону русскихъ князей, обратился съ жалобою на нихъ къ сопернику Телебугину, Ногаю. „Князь Олегъ и родственникъ его, князь Святославъ, говорилъ онъ Ногаю, именемъ только князья, а на самомъ дѣлѣ разбойники и тебѣ непріятели; если не вѣришь, то испытай: есть въ Олеговой волости много ловищъ лебединыхъ; ты пошли своихъ сокольниковъ—пусть наловятъ тебѣ лебедей, и князь Олегъ пусть съ ними же ловитъ, а потомъ пусть они позовутъ его къ тебѣ; если Олегъ послушается, придетъ къ тебѣ, то я солгалъ, а Олегъ правъ". Ногай сдѣлалъ по Ахматову, послалъ звать къ себѣ Олега, и тотъ не пошелъ: онъ боялся, что хотя самъ онъ и не грабилъ слободъ Ахматовыхъ, но люди его и князь Святославъ Липецкій грабили: къ этому можно прибавить также, что пойти къ Ногаю, признать надъ собою его судъ и власть,—значило разсердить Телебугу. Сокольники возвратились и объявили Ногаю, что Ахматъ правъ, а Олегъ съ Святославомъ разбойничаютъ и не слушаются хана. Ногай разсердился и послалъ вмѣстѣ съ Ахматомъ войско для опустошенія волости Олеговой и Святославовой. Татары пришли къ городу Ворголу [1]) въ январѣ мѣсяцѣ, въ сильную стужу; Олегъ, услыхавъ о Ногаевой рати, бросился бѣжать въ Орду къ своему хану Телебугѣ, съ женою и дѣтьми, а Святославъ побѣжалъ въ Рязанское княжество, въ лѣса воронежскіе; бояре Олеговы побѣжали-было вслѣдъ за своимъ княземъ, но были перехвачены Татарами, въ числѣ одиннадцати человѣкъ. Двадцать дней стояли Татары въ Рыльскомъ и Липецкомъ княжествахъ, воюя повсюду и складывая добычу въ слободахъ Ахматовыхъ, которыя наполнились людьми и скотомъ и всякимъ богатствомъ. Въ числѣ плѣнниковъ находились и купцы иностранные, нѣмецкіе и цареградскіе, которыхъ привели закованныхъ въ желѣза нѣмецкія; но Татары, узнавши, что они купцы, освободили ихъ и отдали имъ всѣ товары, сказавши: „Вы—купцы, торгуете, ходите по всякимъ землямъ, такъ разсказывайте всюду, что̀ бываетъ тому, кто станетъ спорить съ своимъ баскакомъ". Бояръ Олеговыхъ Ахматъ велѣлъ перебить и трупы ихъ развѣшать по деревьямъ, а въ слободахъ оставилъ двухъ своихъ братьевъ, съ отрядомъ войска изъ Татаръ и Русскихъ.

Въ слѣдующемъ году, по веснѣ, случилось обоимъ братьямъ Ахматовымъ идти изъ одной слободы въ другую, а съ ними шло 35 человѣкъ Русскихъ, слугъ ихъ. Липецкій князь Святославъ, услыхавъ объ этомъ, подстерегъ ихъ съ своими боярами и дружиною, ударилъ нечаянно, убилъ 25 человѣкъ Русскихъ да двухъ Татаръ, а братья Ахматовы успѣли убѣжать въ слободу; Святославъ преслѣдовалъ ихъ и туда, но слобожане встрѣтили его съ оружіемъ, и съ обѣихъ сторонъ пало много людей въ бою. Братья Ахматовы побоялись однако остаться долѣе въ слободѣ и побѣжали въ Курскъ къ брату, а за ними разбѣжались и всѣ остальные слобожане. Ахматъ прислалъ къ Святославу съ миромъ, но тотъ убилъ посла. Въ это время возвратился изъ Орды отъ Телебуги князь Олегъ Рыльскій, сдѣлалъ поминки по боярамъ своимъ и всѣмъ побитымъ, послѣ чего послалъ сказать Святославу: „Что это ты, братъ, сдѣлалъ! правду нашу погубилъ, наложилъ на себя и на меня имя разбойничье, знаешь обычай татарскій. да и у насъ на Руси разбойниковъ не любятъ, ступай въ Орду—отвѣчай". Святославъ велѣлъ сказать ему на это: „Изъ чего ты хлопочешь? какое тебѣ до меня дѣло? я самъ знаю про себя; что̀ хочу, то и дѣлаю; а что баскаковы слободы грабилъ, въ томъ я правъ,—не человѣка я обидѣлъ,—а звѣря; врагамъ своимъ отомстилъ; не буду отвѣчать ни передъ Богомъ, ни передъ людьми въ томъ, что поганыхъ кровопійцевъ избилъ". Олегъ послалъ опять сказать ему: „Мы цѣловали съ тобою крестъ, что ходить намъ по одной думѣ обоимъ: когда рать была, то ты со мною къ царю не бѣжалъ, остался въ Руси, спрятался въ воронежскихъ лѣсахъ, чтобъ послѣ разбойничать; а теперь погубилъ и мою, и свою правду. нейдешь ни къ своему царю, ни къ Ногаю на исправу, такъ какъ тебя со мною Богъ разсудитъ". Объявивши войну Святославу, Олегъ отправился въ Орду, пришелъ оттуда съ толпою Татаръ и убилъ Святослава. Мѣсто послѣдняго занялъ братъ его Александръ; онъ не могъ стерпѣть, чтобы не ото-

[1]) Ворголъ, рѣка Орловской губерніи, впадающая въ Сосну: Ворголъ (по Карамз.)—село Орловской губерніи, Елецкаго уѣзда.—Ворголъ Елецкій будетъ далеко отъ Рыльска; не Вольговскій ли (Льговъ-Вольговъ—естественно)?—Вмѣсто Липецкій у Татищева поставлено сперва Ливецкій; быть можетъ и здѣсь надобно разумѣть Ливны Орловскія—вмѣсто Липецка Тамбовскаго.

мстить за брата,—пошелъ въ Орду съ богатыми дарами и, взявши отъ хана войско, убилъ князя Олега Рыльскаго съ двумя сыновьями. Лѣтописецъ говоритъ о своемъ разсказѣ, что въ немъ пропущено много подробностей, потому что и малая эта повѣсть можетъ исторгнуть слезы у разумнаго человѣка.

Глава V.

Борьба между Москвою и Тверью до кончины великаго князя Іоанна Даниловича Калиты.

(1304—1341.)

Соперничество между Михаиломъ Ярославичемъ Тверскимъ и Юріемъ Даниловичемъ Московскимъ.—Борьба за Переяславль.—Юрій увеличиваетъ свою волость.—Наступательныя движенія Твери на Москву.—Борьба Новгорода съ Михаиломъ.—Юрій женится на сестрѣ ханской и воюетъ съ Михаиломъ, который побѣждаетъ его.—Жена Юрія умираетъ въ плѣну тверскомъ.—Вызовъ Михаила въ Орду и убіеніе его.—Юрій получаетъ ярлыкъ на великое княженіе.—Димитрій Михаиловичъ Тверской усиливается противъ него въ Ордѣ.—Димитрій убиваетъ Юрія и самъ убитъ по ханскому приказу.—Ханъ отдаетъ великое княженіе брату Димитріеву, Александру Михайловичу.—Событія въ другихъ княжествахъ.—Продолженіе борьбы у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Набѣгъ Литвы.—Война Новгородцевъ съ Устюжанами.—Іоаннъ Даниловичъ Калита княжитъ въ Москвѣ.—Митрополитъ Петръ утверждаетъ свой престолъ въ Москвѣ.—Истребленіе Татаръ въ Твери.—Калита съ Татарами опустошаетъ Тверское княжество.—Александръ спасается сперва въ Псковѣ, а потомъ въ Литвѣ.—Онъ мирится съ ханомъ и возвращается въ Тверь.—Возобновленіе борьбы между Александромъ и Калитою.—Александръ вызывается въ Орду и умерщвляется тамъ.—Московскій князь примышляетъ къ своей волости.—Судьба Ростова и Твери.—Событія въ другихъ сѣверныхъ княжествахъ.—Событія въ Новгородѣ и Псковѣ.—Смерть Калиты и его духовныя грамоты.—Усиленіе Литвы на западѣ.—Поляки овладѣваютъ Галичемъ.—Событія на восточной сторонѣ Днѣпра.

По смерти Андрея Александровича, по прежнему обычаю, старшинство принадлежало Михаилу Ярославичу Тверскому [1]), потому что онъ былъ внукомъ Ярослава Всеволодовича, а Юрій Даниловичъ Московскій—правнукомъ, и отецъ его, Даніилъ, не держалъ старшинства. Но мы уже видѣли, что мѣсто родовыхъ споровъ между князьями заступило теперь соперничество по праву силы: Юрій Московскій былъ также силенъ, если еще не сильнѣе Михаила Тверскаго, и потому считалъ себя въ правѣ быть ему соперникомъ. Когда Михаилъ отправился въ Орду за ярлыкомъ, то и Юрій поѣхалъ туда же. Когда онъ былъ въ Владимірѣ, митрополитъ Максимъ уговаривалъ его не ходить въ Орду, не спорить съ Михаиломъ, ставилъ себя и Тверскую княгиню, мать Михаилову, поруками, что Михаилъ дастъ ему волости, какія только захочетъ [2]). Юрій отвѣчалъ: „Я иду въ Орду такъ, по своимъ дѣламъ, а вовсе не искать великаго княженія". Онъ оставилъ въ Москвѣ брата своего Ивана, а другого—Бориса—отправилъ въ Кострому; но здѣсь Борисъ былъ схваченъ тверскими боярами, которые хотѣли перехватить и самого Юрія на дорогѣ, но тотъ пробрался другимъ путемъ. Опасность грозила Переяславлю, и князь Иванъ Даниловичъ переѣхалъ изъ Москвы сюда оборонять отцовское пріобрѣтеніе отъ Тверичей. Ему дали тайно вѣсть изъ Твери, что хотятъ оттуда придти внезапно подъ Переяславль съ войскомъ, и дѣйствительно подъ городомъ скоро явились тверскіе полки подъ начальствомъ боярина Акинѳа [3]). Этотъ Акинѳъ былъ прежде бояриномъ у великаго князя Андрея Александровича Городецкаго, по смерти котораго вмѣстѣ съ другими боярами перешелъ въ Москву; но туда же пришелъ тогда на службу знаменитый кіевскій бояринъ Родіонъ Несторовичъ съ сыномъ и привелъ собственный дворъ, состоявшій изъ 1,700 человѣкъ; московскіе князья обрадовались такому слугѣ и дали ему первое мѣсто между своими боярами. Но этимъ оскорбился Акинѳъ, отъѣхалъ къ Михаилу Тверскому и теперь спѣшилъ отомстить Даниловичамъ московскимъ за свое безчестье. Онъ три дня держалъ Ивана въ осадѣ; но на четвертый день явился на выручку Родіонъ изъ Москвы, зашелъ Тверичамъ въ тылъ; Иванъ въ то же время сдѣлалъ вылазку изъ города, непріятель потерпѣлъ совершенное пораженіе; Родіонъ собственноручно убилъ Акинѳа, взоткнулъ голову его на копье и поднесъ князю Ивану съ такими словами: „Вотъ, господинъ, твоего измѣнника, а моего мѣстника голова" [4]).

Между тѣмъ въ Ордѣ рѣшился споръ между князьями другимъ образомъ: когда Юрій пріѣхалъ въ Орду, то князья татарскіе сказали ему: „Если ты даешь выходу (дани) больше князя Михаила Тверскаго, то мы дадимъ тебѣ великое княженіе. Юрій обѣщалъ дать больше Михаила, но тотъ надбавилъ еще больше, Юрій отказался—и Михаилъ получилъ ярлыкъ [5]). Въ 1305 году Михаилъ возвратился изъ Орды и, узнавъ о смерти боярина своего Акинѳа, пошелъ на Юрія; чѣмъ кончилась

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V. 207: «Ему же по старѣйшиньству дошелъ бяше степень княженія великаго».

[2]) «Чего всхочеши изъ отчины вашея, то ти дастъ».—По всѣмъ вѣроятностямъ, дѣло шло о Переяславлѣ.

[3]) Акинѳъ Ботринъ у Татищева (IV, 84).

[4]) Карамз. IV, примѣч. 325.

[5]) Татищ. IV, стр. 86.

эта война, на какихъ условіяхъ помирились соперники,—не извѣстно: но извѣстно, что послѣ этого Юрій Московскій началъ стремиться къ усиленію своей волости, не разбирая средствъ; онъ убилъ Рязанскаго князя, плѣненнаго отцомъ его Даніиломъ, и удержалъ за собою Коломну, и въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ братьевъ Юріевыхъ изъ Москвы въ Тверь. Черезъ два года года (1308) Михаилъ опять пошелъ къ Москвѣ, бился подъ ея стѣнами, надѣлалъ много зла, но ушелъ, не взявши города. Подъ 1312 годомъ находимъ въ лѣтописяхъ трудное для объясненія извѣстіе, что двѣнадцатилѣтній сынъ Михаила Тверскаго, Димитрій, отправился въ походъ на Нижній-Новгородъ, на князя Юрія, но во Владимірѣ былъ удержанъ отъ своего намѣренія митрополитомъ Петромъ, и распустилъ войско [1]).

До сихъ поръ мы видѣли наступательныя движенія на Москву со стороны Твери; но въ 1313 г. дѣла перемѣнились: ханъ Тохта умеръ, престолъ ханскій занялъ молодой племянникъ его Узбекъ, и Михаилъ спѣшилъ въ Орду взять ярлыкъ отъ новаго хана; этимъ отсутствіемъ рѣшились воспользоваться Новгородцы, чтобъ съ помощію Московскаго князя избавиться отъ притѣсненій Тверскаго. Уже давно сѣверные князья, по примѣру родоначальника своего, Всеволода III, стремились привести Новгородъ въ свою волю, и только соперничеству между ними послѣдній былъ обязанъ продленіемъ своего быта. Когда, по смерти Андрея Александровича, оба князья соперники—и Московскій, и Тверской—отправились въ Орду, Тверичи хотѣли силою ввести въ Новгородъ намѣстниковъ своего князя; но послѣдніе не были приняты Новгородцами, которые немедленно отправили рать оберегать Торжокъ на случай нападенія Тверичей; тверскіе полки дѣйствительно явились у Торжка, но не рѣшились напасть, потому что Новгородцы собрали всю свою Землю противъ нихъ; наконецъ положено было, что Новгородцы на свободѣ будутъ дожидаться ханскаго рѣшенія, признаютъ своимъ княземъ того изъ соперниковъ, кто привезетъ ярлыкъ на Владимірское княжество. Ярлыкъ привезъ Михаилъ, и Новгородцы въ 1308 году посадили его у себя на столѣ на обычныхъ условіяхъ [2]). Однако въ самомъ началѣ мы уже встрѣчаемъ повторительныя договорныя грамоты Новгородцевъ съ Михаиломъ, и въ ихъ числѣ находится слѣдующая жалоба Новгородцевъ на двоихъ волостелей [3]).

„Князь великій Андрей и весь Новгородъ дали Ѳедору Михайловичу городъ стольный Псковъ, и онъ ѣлъ хлѣбъ; а какъ пошла рать, то онъ отъѣхалъ, городъ бросилъ, новгородскаго и псковскаго поклона не послушалъ, да еще, пріѣхавши въ село, Новгородскую волость пусту положилъ, братью нашу испродалъ. Тебѣ, князь, не кормить его новгородскимъ хлѣбомъ, кормить его у себя, а за села его мы деньги ему отдадимъ. Бориса Константиновича кормилъ Новгородъ Корелою, а онъ Корелу всю истерялъ и за Нѣмцевъ загналъ, да и на Новгородѣ бралъ больше, чѣмъ слѣдуетъ. Какъ будешь въ Новгородѣ у отца своего владыки и у своихъ мужей, то намъ съ нимъ судъ передъ тобою, господинъ, и теперь серебра не вели ему брать. И тебѣ, господинъ, новгородскимъ хлѣбомъ не кормить его, пусть выѣдетъ изъ Новгородской волости; а за села его деньги отдадимъ". Четыре года впрочемъ прошли мирно; на пятый встала ссора: Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ, захватилъ Торжокъ, Бѣжецкъ со всѣми волостями и остановилъ подвозъ хлѣба, что всего хуже было для Новгородцевъ; весною, въ распутье, отправили они владыку Давыда въ Тверь, и тотъ успѣлъ заключить миръ. Михаилъ о т в о р и л ъ в о р о т а для обозовъ и прислалъ опять своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, взявши съ него за миръ 1,500 гривенъ серебра. Легко догадаться, что тверскіе намѣстники не стали воздержнѣе послѣ этого: было отъ нихъ Новгородцамъ много обидъ и нужды; и вотъ въ 1314 году, въ отсутствіе Михаила, Новгородцы послали въ Москву звать къ себѣ князя Юрія. Тотъ отправилъ къ нимъ сначала князя Ѳедора Ржевскаго, который перехваталъ тверскихъ намѣстниковъ, и пошелъ съ новгородскими полками къ Волгѣ, куда на-встрѣчу вышелъ къ нему сынъ Михаиловъ Димитрій съ тверскою ратью. Битвы впрочемъ не было: простоявши до морозовъ у Волги, Новгородцы заключили миръ съ Димитріемъ и послали въ другой разъ въ Москву звать къ себѣ князя Юрія на всей волѣ новгородской; Юрій на этотъ разъ пріѣхалъ самъ вмѣстѣ съ братомъ Аѳанасьемъ, и рады были Новгородцы своему хотѣнію, говоритъ ихъ лѣтописецъ.

Не долго радовались Новгородцы: ханъ прислалъ звать Юрія въ Орду, и тотъ поѣхалъ, вмѣстѣ съ послами новгородскими [4]), оставивъ въ Новгородѣ брата Аѳанасія; тогда же пришла вѣсть, что Михаилъ идетъ на Русь, ведетъ съ собою Татаръ.

[1]) Арцыбашевъ II, 72 говоритъ: «Можетъ быть, чтобъ перехватить его (Юрія) на дорогѣ въ Орду».—Но нѣтъ никакого повода думать, чтобъ Юрій ѣздилъ въ это время въ Орду: объ этомъ происшествіи лѣтописецъ, по обычаю, сказалъ бы непремѣнно. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: «И не благослови его митрополитъ столомъ въ Володимери, и стоялъ три недѣли и възвратися въ свояси».

[2]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 6.

[3]) Эти грамоты напечатаны въ Собр. Гос. гр. и дог. т. I, подъ № 9, 10 и 11; онѣ относятся ко времени, слѣдующему тотчасъ послѣ перваго вступленія Михаилова на столъ новгородскій, т. е. къ 1308 году, ибо къ нимъ привѣшаны печати архіепископа Ѳеоктиста, а Ѳеоктистъ отказался отъ архіепископства въ 1308 году. (Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 68.) Посадникъ въ нихъ означенъ Г ю р г и, вѣроятно старый Юрій Мишиничъ, о новомъ избраніи котораго хотя и нѣтъ извѣстія въ лѣтописи, но на лѣтопись въ этомъ случаѣ положиться нельзя, ибо въ ней нѣтъ о смѣнѣ Юрія Мишинича въ 1293 году, нѣтъ о смѣнѣ послѣдняго Семеномъ и есть только о смѣнѣ Семена Андреемъ въ 1303 году; въ 1309 году сказано: «Даша посадничество Михаилу Павшиничу», но не сказано: у кого оно было отнято, слѣд. имѣемъ право между Андреемъ и Михаиломъ помѣстить снова Юрія Мишинича.

[4]) Карамз. IV, прим. 219.

Новгородцы не могли теперь ждать отъ него милости, и рѣшились защищаться силою; князь Аѳанасій вышелъ съ полками къ Торжку и стоялъ здѣсь шесть недѣль, чтобъ перенять вѣсть; вѣсть пришла, что Михаилъ со всею Низовою Землею и Татарами идетъ на Новгородъ. На этотъ разъ дѣло не обошлось безъ битвы, и битва была злая: Новгородцы потеряли много мужей добрыхъ, бояръ и купцовъ, и потерпѣли совершенное пораженіе; князь Аѳанасій съ остаткомъ рати затворился въ Торжкѣ, куда побѣдитель прислалъ сказать Новгородцамъ: „Выдайте мнѣ Аѳанасія и Ѳедора Ржевскаго, такъ я съ вами миръ заключу". Новгородцы отвѣчали: „Не выдаемъ Аѳанасія, но помремъ всѣ честно за Св. Софію"! Михаилъ прислалъ опять, требовалъ выдачи по крайней мѣрѣ одного Ѳедора Ржевскаго; Новгородцы сперва не соглашались, но потомъ поневолѣ выдали его, кромѣ того заплатили Михаилу 50,000 гривенъ серебра [1]) (по другимъ извѣстіямъ только 5,000) [2]), и заключили миръ. Но Михаилъ, несмотря на мирное постановленіе, призвавши къ себѣ князя Аѳанасія и бояръ новгородскихъ, перехваталъ ихъ и отправилъ заложниками въ Тверь, на жителей Торжка наложилъ окупъ, сколько кто могъ заплатить за себя, отобралъ у нихъ все оружіе, и тогда отправилъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ, гдѣ посадничество дано было Семену Климовичу; но по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Михаилъ далъ посадничество изъ своей руки Михаилу Климовичу и Ивану Димитріевичу. Заключенъ былъ договоръ [3]): „Что сталось между княземъ и Новгородомъ, какое розратье, что въ эту замятню взято въ княжой волости, или у намѣстниковъ, или у пословъ, или гостиный товаръ, или купеческій, или въ церквахъ, или у котораго боярина, и по всей волости, то все князь отложилъ; а что взято новгородскаго товара по всей волости, того всего Новгороду не поминать. Которыя села ли или люди новгородскіе заложились въ эту замятню за князя и за княгиню, или за дѣтей ихъ и бояръ, или кто купилъ села — тотъ возьметъ свои деньги, а села отойдутъ Новгороду, по прежней грамотѣ владыки Ѳеоктиста, что утвердилъ въ Твери. Что взято полону по всей волости Новгородской, то пойдетъ къ Новгороду, безъ окупа. Князю великому Михаилу и боярамъ его не водить рати на Новгородъ ни за что, гостя не задерживать въ Суздальской Землѣ нигдѣ; а за все это взять князю у Новгорода 12,000 серебра, а что взято у заложниковъ, то пойдетъ въ счетъ этихъ 12,000; брать эти деньги въ низовый вѣсъ, въ четыре срока; а когда князь все серебро возьметъ, то всѣхъ заложниковъ долженъ отпустить. Нелюбье князь отложилъ отъ Новгорода и отъ Пскова и отъ всѣхъ пригородовъ, и недругамъ своимъ мстить не будетъ; Новгороду держать княженье безъ обиды, а князю великому держать Новгородъ безъ обиды, по старинѣ; опять сѣлъ князь великій Михаилъ на Ѳеоктистовой грамотѣ, которую утвердилъ съ владыкою и послами новгородскими въ Твери. Если Новгородъ заплатитъ все серебро, 12,000, то великій князь долженъ изрѣзать двѣ прежнія грамоты, одну, которая утверждена была къ Городцѣ, на Волгѣ, и другую, новоторжскую, что утвердили въ Торжкѣ".

Договоръ не былъ исполненъ; Новгородцы отправили пословъ къ хану жаловаться на Михаила, но Тверичи поймали пословъ и привели ихъ въ Тверь; въ 1316 году намѣстники Михаиловы выѣхали изъ Новгорода,—по другимъ извѣстіямъ, были выгнаны [4]), и Михаилъ отправился къ Новгороду со всею Низовскою Землею, а Новгородцы сдѣлали острогъ около города по обѣ стороны, и къ нимъ на помощь сошлась вся волость: Псковичи, Ладожане, Рушане, Корела, Ижора, Вожане, схватили какого-то Игната Бѣска, били его на вѣчѣ и сбросили съ моста въ Волховъ, подозрѣвая, что онъ держитъ перевѣтъ къ Михаилу, но правда ли это — Богъ одинъ знаетъ, по замѣчанію лѣтописца; тогда же убитъ былъ и Данилко Писцовъ своимъ холопомъ, который донесъ горожанамъ, что господинъ посылалъ его съ грамотами къ князю Михаилу. Между тѣмъ Михаилъ приближался съ войскомъ и сталъ въ 50 верстахъ отъ города [5]); но собственная болѣзнь, моръ на лошадей, вѣсть о враждебныхъ намѣреніяхъ Юрія Московскаго заставили его отступить [6]), и отступленіе было гибельно: тверскіе ратники заблудились въ озерахъ и болотахъ, начали мереть отъ голода, ѣли конину, оружіе свое пожгли или побросали, и пришли пѣшкомъ домой. Въ надеждѣ, что эта бѣда сдѣлаетъ Михаила уступчивымъ, Новгородцы, въ слѣдующемъ 1317 году отправили къ нему владыку Давыда съ мольбою от-

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 71: пять темъ гривенъ серебр.

[2]) Никон. III, 110.

[3]) Этотъ договоръ я читаю въ грамотѣ, напечатанной въ С. Г. Г. и Д. подъ № 12 и утвержденной въ Новгородѣ и Твери.—Карамзинъ (IV, примѣч. 221) думалъ, что эта грамота утверждена въ Торжкѣ, и по ней поправлялъ противорѣчивыя показанія лѣтописей относительно суммы окупа; но онъ не обратилъ вниманія на окончаніе грамоты, имъ самимъ выписанное: здѣсь прямо говорится, что в. князь долженъ изрѣзать прежнюю грамоту, написанную въ Торжкѣ, вмѣстѣ съ тою, которая написана была въ Городцѣ на Волгѣ.—Далѣе Карамзинъ говоритъ: «Грамота же, писанная въ Городкѣ на Волгѣ (нынѣ Городня, близъ Твери), содержала въ себѣ, чаятельно, договоръ архіепископа Давыда, заключенный имъ съ в. княземъ въ 1312».—Но въ лѣтописи сказано, что владыка ходилъ для заключенія этого договора въ Тверь.—Мы думаемъ, что эта грамота утверждена была Новгородцами съ княземъ Димитріемъ Михайловичемъ, когда они сошлись съ нимъ на Волгѣ, въ 1314 году.

[4]) Никон. III, 171; здѣсь же находимъ извѣстіе, что Новгородцы съ княземъ Аѳанасіемъ Даниловичемъ ходили въ Торжокъ и потерпѣли опять здѣсь пораженіе отъ Михаила.

[5]) «Ста въ Устьянѣхъ».—Устьянскій погостъ—Деревской пятины Щедковскаго стана, въ 50 верстахъ отъ Новгорода.—Арцыб. II, прим. 547.—У Татищева (IV, 96) вмѣсто Устьянѣхъ—на усть Цны. По Никонов. ратники заблудились, идя къ Новгороду, зашли на р. Ловать, и тамъ начали терпѣть бѣдствія.

[6]) Татищ. IV, 96.

пустить на окупъ новгородскихъ заложниковъ, но Михаилъ не послушалъ просьбы архіепископской; ему, какъ видно, нужно было имѣть въ рукахъ новгородскихъ заложниковъ въ предстоящей борьбѣ съ Юріемъ Московскимъ.

Юрій недаромъ жилъ въ Ордѣ: онъ не только оправдался въ обвиненіяхъ Михайловыхъ, но умѣлъ сблизиться съ семействомъ хана и женился на сестрѣ его, Кончакѣ, которую при крещеніи назвали Агаѳіею. Ханскій зять возвратился въ Русь съ сильными послами татарскими, изъ которыхъ главный былъ Кавгадый; одинъ Татаринъ отправился въ Новгородъ звать на Михаила его жителей; но послѣдніе, еще не зная, гдѣ князь Юрій, заключили съ Михаиломъ договоръ въ Торжкѣ, по которому обязались не вступаться ни за одного изъ соперниковъ, послѣ чего Тверской князь, собравши войско и снесшись съ другими князьями, пошелъ къ Костромѣ на-встрѣчу Юрію; долго соперники стояли на берегу Волги, наконецъ заключили договоръ, въ содержаніи котораго источники разногласятъ: по однимъ извѣстіямъ—Юрій уступилъ великое княженіе Михаилу [1]), по другимъ, наоборотъ,—Михаилъ уступилъ его Юрію [2]). Какъ бы то ни было, дѣло этимъ не кончилось; Михаилъ, возвратясь въ Тверь, сталъ укрѣплять этотъ городъ, ожидая, какъ видно, къ себѣ врага, и дѣйствительно Юрій остался въ Костромѣ, собирая отовсюду войска. Когда пришли къ нему князья суздальскіе и другіе, то онъ двинулся изъ Костромы къ Ростову, изъ Ростова пошелъ къ Переяславлю, изъ Переяславля къ Дмитрову, изъ Дмитрова—къ Клину; а Новгородцы уже дожидались его въ Торжкѣ. Наконецъ войска Юрьевы пошли въ Тверскую волость и сильно опустошили ее; послы Кавгадыевы ѣздили въ Тверь къ Михаилу съ лестію, по выраженію лѣтописца, но мира не было, и, въ 40 верстахъ отъ Твери, при селѣ Бортеневѣ, произошелъ сильный бой, въ которомъ Михаилъ остался побѣдителемъ; Юрій съ небольшою дружиною успѣлъ убѣжать въ Новгородъ, но жена его, братъ Борисъ, многіе князья и бояре остались плѣнными въ рукахъ побѣдителя. Кавгадый, видя торжество Тверскаго князя, велѣлъ дружинѣ своей бросить стяги и бѣжать въ станъ, а на другой день послалъ къ Михаилу съ мирными предложеніями, и поѣхалъ къ нему въ Тверь. Михаилъ принялъ его съ честію, и Татары стали говорить ему: „Мы съ этихъ поръ твои, да и приходили мы на тебя съ княземъ Юріемъ безъ ханскаго приказа, виноваты и боимся отъ хана опалы, что такое дѣло сдѣлали и много крови пролили". Князь Михаилъ повѣрилъ имъ, одарилъ и отпустилъ съ честію.

Между тѣмъ Юрій явился опять у Волги, и съ нимъ весь Новгородъ и Псковъ съ владыкою своимъ Давыдомъ: понятно, что Новгородъ долженъ былъ вступиться за Юрія, не ожидая себѣ добра отъ усиленія Михаилова. Тверской князь вышелъ къ непріятелю на-встрѣчу, но битвы не было: заключили договоръ, по которому оба соперника обязались идти въ Орду и тамъ рѣшить свои споры; Михаилъ обязался также освободить жену Юріеву и брата; Новгородцы заключили съ нимъ особый договоръ, какъ съ постороннимъ владѣльцемъ [3]) (1317 г.). Но жена Юрьева не возвратилась въ Москву: она умерла въ Твери, и пронесся слухъ, что ее отравили. Этотъ слухъ былъ выгоденъ Юрію и опасенъ для Михаила въ Ордѣ, и когда Тверской князь отправилъ въ Москву посла Александра Марковича съ мирными предложеніями, то Юрій убилъ посла и поѣхалъ въ Орду съ Кавгадыемъ, со многими князьями, боярами и Новгородцами.

Начальникомъ всего зла лѣтописецъ называетъ Кавгадыя: по Кавгадыеву совѣту, Юрій пошелъ въ Орду, Кавгадый наклеветалъ хану на Михаила, и разсерженный Узбекъ велѣлъ схватить сына Михайлова, Константина, посланнаго отцомъ предъ собою въ Орду; ханъ велѣлъ-было уморить голодомъ молодаго князя, но нѣкоторые вельможи замѣтили ему, что если онъ умертвитъ сына, то отецъ никогда не явится Орду, и Узбекъ приказалъ выпустить Константина. Что же касается до Кавгадыя, то онъ боялся присутствія Михаилова въ Ордѣ, и послалъ толпу Татаръ перехватить его на дорогѣ и убить; но это не удалось; чтобъ воспрепятствовать другимъ способомъ пріѣзду Михаилову, Кавгадый сталъ говорить хану, что Тверской князь никогда не пріѣдетъ въ Орду, что нечего его дожидаться, а надобно послать на него войска. Но въ августѣ 1318 года Михаилъ отправился въ Орду, и когда былъ во Владимірѣ, то явился туда къ нему посолъ изъ Орды, именемъ Ахмылъ, и сказалъ ему: „Зоветъ тебя ханъ, поѣзжай скорѣе, поспѣвай въ мѣсяцъ; если же не пріѣдешь къ сроку, то уже назначена рать на тебя и на города твои; Кавгадый обнесъ тебя передъ ханомъ, сказалъ, что не бывать тебѣ въ Ордѣ". Бояре стали говорить Михаилу: „Одинъ сынъ твой въ Ордѣ; пошли еще другого". Сыновья его, Димитрій и Александръ, также говорили ему: „Батюшка! Не ѣзди въ Орду самъ, но пошли кого-нибудь изъ насъ, хану тебя оклеветали, подожди, пока гнѣвъ его пройдетъ". Михаилъ отвѣчалъ имъ: „Ханъ зоветъ не васъ, и ни кого другого, а моей головы хочетъ; не поѣду,—такъ вотчина моя вся будетъ опустошена и множество христіанъ избито; послѣ когда-нибудь надобно же умирать, такъ лучше теперь положу душу мою за многія души". Давши рядъ сыновьямъ, раздѣливъ имъ отчину свою, написавши грамоту, Михаилъ отправился въ Орду, настигъ хана на устьи Дона, по обычаю отнесъ подарки всѣмъ князьямъ ордынскимъ, женамъ ханскимъ, самому хану, и полтора мѣсяца жилъ спокойно; ханъ далъ ему пристава, чтобъ никто не смѣлъ обижать его. Наконецъ Узбекъ вспомнилъ о дѣлѣ и сказалъ князьямъ своимъ: „Вы мнѣ гово-

[1]) Никон. III, 112.
[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 208.

[3]) Собр. Гос. гр. т. I, № 14.

рили на князя Михаила:—такъ разсудите его съ Московскимъ княземъ, и скажите мнѣ, кто правъ и кто виноватъ". Начался судъ; два раза приводили Михаила въ собраніе вельможъ ордынскихъ, гдѣ читали ему грамоты обвинительныя: „Ты былъ гордъ и непокорливъ хану нашему, ты позорилъ посла ханскаго Кавгадыя, бился съ нимъ и Татаръ его побилъ, дани ханскія бралъ себѣ, хотѣлъ бѣжать къ Нѣмцамъ съ казною, и казну въ Римъ къ папѣ отпустилъ, княгиню Юрьеву отравилъ". Михаилъ защищался; но судьи стояли явно за Юрія и Кавгадыя, причемъ послѣдній былъ вмѣстѣ и обвинителемъ, и судьею. Въ другой разъ Михаила привели на судъ уже связаннаго; потомъ отобрали у него платье, отогнали бояръ, слугъ и духовника, наложили на шею тяжелую колоду и повели за ханомъ, который ѣхалъ на охоту; по ночамъ руки у Михаила забивали въ колодки, и такъ какъ онъ постоянно читалъ псалтирь, то отрокъ сидѣлъ передъ нимъ и перевертывалъ листы. Орда остановилась за рѣкою Терекомъ, на рѣкѣ Севенцѣ, подъ городомъ Дедяковымъ, недалеко отъ Дербента. На дорогѣ отроки говорили Михаилу: „Князь! Проводники и лошади готовы, бѣги въ горы, спаси жизнь свою". Михаилъ отказался: „Если я одинъ спасусь, говорилъ онъ, а людей своихъ оставлю въ бѣдѣ, то какая мнѣ будетъ слава?" Уже двадцать четыре дня Михаилъ терпѣлъ всякую нужду, какъ однажды Кавгадый велѣлъ привести его на торгъ, созвалъ всѣхъ заимодавцевъ, велѣлъ поставить князя передъ собою на колѣни, величался и говорилъ много досадныхъ словъ Михаилу, потомъ сказалъ ему: „Знай, Михайло! Таковъ ханскій обычай: если ханъ разсердится на кого и изъ родственниковъ своихъ, то такъ-же велитъ держать его въ колодкѣ, а потомъ, когда гнѣвъ минетъ, то возвращаетъ ему прежнюю честь; такъ и тебя завтра или послѣзавтра освободятъ отъ всей этой тяжести, и въ большой чести будешь";—послѣ чего, обратясь къ сторожамъ, прибавилъ: „Зачѣмъ не снимете съ него колоды"? Тѣ отвѣчали: „Завтра или послѣзавтра снимемъ, какъ ты говоришь". — „Ну, по крайней мѣрѣ, поддержите колодку, чтобъ не отдавила ему плечъ", сказалъ на это Кавгатый, и одинъ изъ сторожей сталъ поддерживать колодку. Наругавшись такимъ образомъ надъ Михаиломъ, Кавгадый велѣлъ отвести его прочь; но тотъ захотѣлъ отдохнуть и велѣлъ отрокамъ [1]) своимъ подать себѣ стулъ; около него собралась большая толпа Грековъ, Нѣмцевъ, Литвы и Руси; тогда одинъ изъ приближенныхъ сказалъ ему: „Господинъ князь! Видишь, сколько народа стоитъ и смотритъ на позоръ твой, а прежде они слыхали, что былъ ты княземъ въ Землѣ своей, пошелъ бы ты въ свою вежу". Михаилъ всталъ и пошелъ домой. Съ тѣхъ поръ на глазахъ его были всегда слезы, потому что онъ предугадывалъ свою участь. Прошелъ еще день, и Михаилъ велѣлъ отпѣть заутреню, часы, прочелъ со слезами правило къ причащенію, исповѣдался, призвалъ сына своего Константина, чтобъ объявить ему послѣднюю свою волю, потомъ сказалъ: „Дайте мнѣ псалтирь, очень тяжело у меня на душѣ". Открылся псаломъ: „Сердце мое смутися во мнѣ, и страхъ смертный пріиде на мя". — „Что значитъ этотъ псаломъ"? спросилъ князь у священниковъ; тѣ, чтобъ не смутить его еще больше, указали ему на другой псаломъ: „Возверзи на Господа печаль свою, и той тя препитаетъ, и не дастъ во-вѣки смятенія праведному". Когда Михаилъ пересталъ читать и согнулъ книгу, вдругъ вскочилъ отрокъ въ вежу, блѣдный, и едва могъ выговорить: „Господинъ князь! Идутъ отъ хана Кавгадый и князь Юрій Даниловичъ со множествомъ народа прямо къ твоей вежѣ"! Михаилъ тотчасъ всталъ и со вздохомъ сказалъ: „Знаю, зачѣмъ идутъ,—убить меня",—и послалъ сына своего Константина къ ханшѣ. Юрій и Кавгадый отрядили къ Михаилу въ вежу убійцъ, а сами сошли съ лошадей на торгу, потому что торгъ былъ близко отъ вежи на перелетъ камня. Убійцы вскочили въ вежу, разогнали всѣхъ людей, схватили Михаила за колоду и ударили его объ стѣну, такъ что вежа проломилась; несмотря на то, Михаилъ вскочилъ на ноги, но тогда бросилось на него множество убійцъ, повалили на землю и били пятами нещадно; наконецъ одинъ изъ нихъ, именемъ Романецъ, выхватилъ большой ножъ, ударилъ имъ Михаила въ ребро и вырѣзалъ сердце [2]). Вежу разграбили Русь и Татары, тѣло мученика бросили нагое. Когда Юрію и Кавгадыю дали знать, что Михаилъ уже убитъ, то они пріѣхали къ тѣлу, и Кавгадый съ серцемъ сказалъ Юрію: „Старшій братъ тебѣ вмѣсто отца; чего же ты смотришь, что тѣло его брошено нагое"? Юрій велѣлъ своимъ прикрыть тѣло, потомъ положили его на доску, доску привязали къ телѣгѣ и перевезли въ городъ Маджары [3]); здѣсь гости, знавшіе покойника, хотѣли прикрыть тѣло его дорогими тканями и поставить въ церкви съ честію, со свѣчами, но бояре московскіе не дали имъ и поглядѣть на покойника, и съ бранью поставили его въ хлѣвѣ за сторожами; изъ Маджаръ повезли тѣло въ Русь, привезли въ Москву и похоронили въ Спасскомъ монастырѣ. Изъ бояръ и слугъ Михайловыхъ спаслись только тѣ, которымъ удалось убѣжать къ ханшѣ; другихъ же ограбили до-нага, били какъ злодѣевъ и заковали въ желѣза (1319 г.).

Въ 1320 году Юрій возвратился въ Москву съ ярлыкомъ на великое княженіе, и привелъ съ собою молодаго князя Тверскаго Константина и бояръ его въ видѣ плѣнниковъ; мать и братья Константиновы, узнавши о кончинѣ Михаила и погребеніи его въ Москвѣ, прислали просить Юрія, чтобъ отпустилъ тѣло въ Тверь; Юрій исполнилъ ихъ просьбу не прежде, какъ сынъ Михаиловъ, Александръ, явился къ нему во Владиміръ и заключилъ миръ, вѣроятно,

[1]) Значитъ не всѣхъ отроковъ отогнали.

[2]) 22 ноября въ среду, въ седьмомъ часу дня.

[3]) Теперь городище на рѣкѣ Кумѣ, Кавказской губерніи, Георгіевскаго уѣзда.

на условіяхъ, предписанныхъ Московскимъ княземъ. Въ томъ же году Юрій отправилъ въ Новгородъ брата своего Аѳанасія и ходилъ войною на Рязанскаго князя Ивана, съ которымъ заключилъ миръ, а подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о сборахъ Юрія на тверскихъ князей; но войны не было: князь Димитрій Михайловичъ отправилъ къ Юрію въ Переяславль пословъ и заключилъ миръ, по которому заплатилъ Московскому князю 2,000 рублей серебра и обязался не искать подъ нимъ великаго княженія. Двѣ тысячи рублей взяты были для хана; но Юрій не пошелъ съ ними на-встрѣчу къ татарскому послу, отправился въ Новгородъ, куда призывали его для дѣлъ ратныхъ. Этимъ воспользовался Димитрій Тверской, поѣхалъ въ Орду и выхлопоталъ себѣ ярлыкъ на великое княженіе; есть извѣстіе, что онъ объяснилъ хану всю неправду Юрія и особенно Кавгадыя, и что ханъ велѣлъ казнить послѣдняго, а Димитрію далъ великое княженіе, узнавши отъ него, что Юрій сбираетъ дань для хана и удерживаетъ ее у себя [1]). Послѣднее извѣстіе тѣмъ вѣроятнѣе, что находится въ прямой связи съ приведеннымъ выше извѣстіемъ лѣтописи объ удержаніи тверскаго выхода Юріемъ; въ связи съ извѣстіемъ о гнѣвѣ ханскомъ на Юрія находится также извѣстіе о татарскомъ послѣ Ахмылѣ, который сдѣлалъ много зла Низовской Землѣ, много избилъ христіанъ, а другихъ повелъ рабами въ Орду. Какъ бы то ни было, впрочемъ, Тверь взяла перевѣсъ; Юрій видѣлъ необходимость идти опять въ Орду, и усердно просилъ Новгородцевъ, чтобъ проводили его; но на дорогѣ, на рѣкѣ Урдомѣ [2]), онъ былъ захваченъ врасплохъ братомъ Димитріевымъ Александромъ, казна его была отнята, самъ же онъ едва спасся въ Псковъ, откуда опять пріѣхалъ въ Новгородъ, ходилъ съ Новгородцами на берега Невы, потомъ въ Заволочье, и оттуда уже отправился въ Орду по Камѣ, будучи позванъ посломъ ханскимъ, въ 1324 году. Димитрій Тверской не хотѣлъ пускать соперника одного въ Орду и поспѣшилъ туда самъ. Мы не знаемъ подробностей о встрѣчѣ двухъ враговъ; лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій убилъ Юрія, понадѣявшись на благоволеніе ханское. Узбекъ однако сильно осердился за это самоуправство, долго думалъ, наконецъ велѣлъ убить Димитрія (1325 г.); но великое княженіе отдалъ брату его Александру; такимъ образомъ Тверь не теряла ничего ни отъ смерти Михаила, ни отъ смерти Димитрія; въ третій разъ первенство и сила перешли къ ея князю.

Взглянемъ теперь, что происходило въ другихъ княжествахъ во время этой первой половины борьбы между Москвою и Тверью. Въ годъ смерти великаго князя Андрея Александровича (1304) вспыхнулъ мятежъ въ Костромѣ: простые люди собрали вѣче на бояръ, и двое изъ послѣднихъ были убиты; въ слѣдующемъ году въ Нижнемъ-Новгородѣ черные люди избили бояръ князя Андрея Александровича; но въ томъ же году возратился изъ Орды князь Михаилъ Андреевичъ и перебилъ всѣхъ вѣчниковъ, которые умертвили бояръ. Здѣсь представляется вопросъ: кто былъ этотъ князь Михаилъ Андреевичъ? До сихъ поръ утверждено было мнѣніе, что всѣ князья суздальскіе происходятъ отъ Андрея Ярославича, брата Александра Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей—Михаилъ—Василій—Константинъ—Димитрій и т. д. Въ самомъ дѣлѣ лѣтопись говоритъ, что послѣ Андрея Ярославича осталось двое сыновей—Юрій и Михаилъ [3]). Юрій умеръ въ 1279 году, и вмѣсто него садится въ Суздалѣ братъ его Михаилъ [4]); потомъ лѣтопись упоминаетъ о смерти сына Михаилова, Василія, въ 1309 году [5]); потомъ встрѣчаемъ Александра и Константина Васильевичей Суздальскихъ, которыхъ легко принять за дѣтей Василья Михайловича. И, дѣйствительно, въ большей части родословныхъ эти князья показаны происходящими отъ Андрея Ярославича. Но вотъ, подъ 1364 годомъ, читаемъ въ лѣтописи извѣстіе о кончинѣ князя Андрея Константиновича Суздальскаго, и этотъ князь называется потомкомъ не Андрея Ярославича, но Андрея Александровича, сына Невскаго, въ такомъ порядкѣ: Андрей — Михаилъ — Василій — Константинъ [6]). Въ извѣстіи о кончинѣ брата Андреева, Димитрія Константиновича, повторена та же родословная. Эта послѣдняя родословная объявлена ошибочною; утверждено, что князь Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, у котораго дѣтей не было, кромѣ Бориса, умершаго при жизни отца. Но на чемъ же основано такое утвержденіе? Основываются на томъ [7]), что, по смерти Андрея Александровича, бояре, не имѣя государя, уѣхали къ Михаилу Тверскому. Но еслибъ Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Александровича, то бояре послѣдняго могли по разнымъ причинамъ отъѣхать къ Михаилу Тверскому, имѣя за собою право отъѣзда. Мы привели извѣстія лѣтописи объ избіеніи бояръ черными людьми въ Нижнемъ-Новгородѣ и о наказаніи мятежниковъ княземъ Михаиломъ Андреевичемъ; но если Михаилъ Андреевичъ былъ сынъ Андрея Ярославича, а не Александровича, то почему бояре послѣдняго являются въ его княжествѣ и распоряжаются такъ, что возбуждаютъ противъ себя черныхъ людей? Это показываетъ съ другой стороны, что не всѣ бояре Андрея Александровича отъѣхали въ Тверь; часть ихъ и, можетъ быть, большая, дожидалась въ Нижнемъ прибытія князя Михаила Андреевича, сына своего прежняго князя. Итакъ отъѣздъ бояръ не причина признавать Михаила Андреевича сы-

---

[1]) Татищ. IV, 111.—О Кавгадыѣ Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 214: «Смерть же грѣшниковъ люта, еже бысть беззаконному и проклятому Кавгодыю и не пробывъ убо ни единаго лѣта и злѣ изверже окаянный животъ свой».

[2]) Ярославской губерніи, Романовскаго уѣзда».

[3]) Никон. III, 43.

[4]) Никон. III, 67.

[5]) Никон. III, 105.

[6]) Тамъ же, IV, 8.

[7]) Карамз. IV, примѣч. 209.

немъ Андрея Ярославича, а не Александровича. Но есть еще другія указанія, подтверждающія родословную лѣтописи: царь Василій Ивановичъ Шуйскій, въ грамотѣ о своемъ избраніи, говоря о происхожденіи своемъ, ведетъ общій родъ до Александра Невскаго, котораго называетъ своимъ прародителемъ, и послѣ Александра начинаетъ развѣтвленіе рода на двѣ отрасли,—отрасль Андрея Александровича, отъ котораго пошли они, князья Суздальскіе-Шуйскіе, и отрасль Даніила Александровича, отъ котораго пошли князья, потомъ цари Московскіе: „Учинились мы на отчинѣ прародителей нашихъ, царемъ и великимъ княземъ на Россійскомъ государствѣ, которое даровалъ Богъ прародителю нашему Рюрику, и потомъ, въ продолженіе многихъ лѣтъ, до прародителя нашего великаго князя Александра Ярославича Невскаго на Россійскомъ государствѣ были прародители мои, а потомъ на Суздальскій удѣлъ отдѣлились, не отнятіемъ, не по неволѣ, но какъ обыкновенно большіе братья на большія мѣста садились“ [1]). Линія Андрея Александровича отдѣлилась на Суздальскій удѣлъ, какъ обыкновенно большіе братья саживались на большія мѣста: въ самомъ дѣлѣ, Андрей Александровичъ былъ большой братъ Даніилу Александровичу, и Суздаль былъ большое мѣсто относительно Москвы. Итакъ вопросъ о происхожденіи князей суздальскихъ-нижегородскихъ не можетъ быть рѣшенъ окончательно.

Въ Ростовѣ, въ 1309 году умеръ князь Константинъ Борисовичъ, и мѣсто его заступилъ сынъ Василій; другого, Александра, мы видѣли въ Угличѣ; подъ 1320 годомъ упоминается о смерти сына его, Юрія Александровича. Въ Ярославлѣ въ 1321 году умеръ князь Давыдъ, сынъ Ѳеодора Ростиславича-Чернаго, Смоленскаго; мѣсто его занялъ сынъ Василій Давыдовичъ. Въ Галичѣ упоминается подъ 1310 годомъ князь Василій Константиновичъ, внукъ Ярослава Всеволодовича, княжившій, какъ видно, по братѣ своемъ Давыдѣ. Въ Стародубѣ, по смерти внука Всеволода III, Михаила Ивановича, княжилъ сынъ его Иванъ, умершій въ 1315 году: мѣсто покойнаго заступилъ сынъ его Ѳеодоръ Ивановичъ. Въ Рязани, послѣ Константина Романовича, убитаго въ Москвѣ, княжилъ сынъ его Василій, который былъ убитъ въ Ордѣ въ 1308 году; въ 1320 году видимъ въ Рязани двоюроднаго брата Василіева, князя Ивана Ярославича, противъ котораго предпринималъ походъ Юрій Московскій. Въ 1313 году умеръ князь Александръ Глѣбовичъ Смоленскій, оставивъ двоихъ сыновей, Василія и Ивана.

Касательно внѣшнихъ отношеній упоминается подъ 1308 годомъ о нашествіи Татаръ на Рязань, имѣвшемъ, какъ видно, связь съ убіеніемъ тамошняго князя Василія Константиновича въ Ордѣ. Въ 1318 году приходилъ изъ Орды лютый посолъ, именемъ Конча, убилъ 120 человѣкъ у Костромы, потомъ пошелъ и весь Ростовъ повоевалъ ратью. Въ 1320 г. посолъ Байдера много зла надѣлалъ во Владимірѣ; въ 1321 г. Татаринъ Таянчаръ былъ тяжекъ Кашину; въ 1321 году посолъ Ахмылъ надѣлалъ много зла низовымъ городамъ, Ярославль взялъ и повелъ много плѣнниковъ въ Орду [2]). — На сѣверо-западѣ продолжалась старая борьба — у Новгорода со Шведами, у Пскова съ ливонскими Нѣмцами. Въ 1310 году Новгородцы въ ладьяхъ и лойвахъ вошли въ Ладожское озеро, въ рѣку Узерву, и построили на порогѣ новый городъ, разрушивши старый [3]). Въ слѣдующемъ году, подъ начальствомъ князя Димитрія Романовича Смоленскаго, они отправились войною за море, въ шведскія владѣнія, въ Финляндію (Емь); переѣхавши море, повоевали сначала берега Купецкой рѣки, села пожги, людей побрали въ плѣнъ, скотъ побили; потомъ взяли всю Черную рѣку, по ней подплыли къ городу Ванаю, городъ взяли и сожгли; Шведы заперлись во внутренной крѣпости, или дѣтинцѣ, построенномъ на высокой неприступной скалѣ, и прислали къ Новгородцамъ съ поклономъ просить мира; но тѣ мира не дали и стояли трое сутокъ подъ городомъ, опустошая окрестную страну: села большія пожгли, хлѣбъ весь потравили, а изъ скота не оставили ни рога, потомъ пошли—взяли мѣста по рѣкомъ Кавгалѣ и Пернѣ, выплыли этими рѣками въ море и возвратились въ Новгородъ всѣ здоровы [4]). Шведы отомстили Новгородцамъ сожженіемъ Ладоги въ 1313 году. Мы уже видѣли попытки Корелы отложиться отъ Новгорода и попытки Шведовъ утвердиться въ Корельской Землѣ; видѣли и причину неудовольствія Корелы въ жалобѣ Новгородцевъ на княжескаго намѣстника, Бориса Константиновича, который своими притѣсненіями заставлялъ Корелянъ бѣжать къ Шведамъ; въ 1314 году встрѣчаемъ новое извѣстіе о возстаніи Корелянъ: они перебили Русскихъ, находившихся въ Корельскомъ городкѣ, и ввели къ себѣ Шведовъ. Новгородцы однако не долго позволяли Корелѣ оставаться за Шведами: въ томъ же году пошли они съ намѣстникомъ великаго князя Михаила Ярославовича, Ѳеодоромъ, къ городу, и перебили въ немъ всѣхъ Шведовъ и перевѣтниковъ Корелянъ. Черезъ два года непріятельскія дѣйствія возобновились: Шведы въ 1317 году вошли въ Ладожское озеро и побили много обонежскихъ купцовъ; а въ слѣдующемъ году Новгородцы отправились за море, и много воевали: взяли Або и находившійся недалеко отъ него епископскій за-

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. II, № 141.

[2]) Никон. III, 127: «И Ярославль взяша и сожгоша». Не Солигаличъ ли?

[3]) Книга Больш. Черт.: на усть рѣки Узервы на острову городъ Корела.

[4]) Мѣста, здѣсь означенныя,—спорныя, по однимъ Ванай близъ Тавастгуса, гдѣ теперь приходъ Вавая, Купецкая рѣка—Кумо, Черная—Нокія; по другимъ Купецкая рѣка есть заливъ Пойо, Черная Карисъ.—Рѣка Перно въ Кименегородской губерніи; Кавгалу принимаютъ за Борго, отдѣляющую Кименегородскую губернію отъ Тавастгусской. См. Карамз. IV, примѣч. 214; Арцыбаш. II, прим. 528—533. Lehrberg—Untersuchungen, стр. 232.

мокъ. Въ 1322 году Шведы опять пришли драться къ Корельскому городку, но не могли взять его; вслѣдъ за этимъ Новгородцы съ в. к. Юріемъ пошли къ Выборгу и били его 6-ю пороками, но взять не могли, перебили только много Шведовъ въ городѣ и взяли въ плѣнъ; изъ плѣнниковъ—однихъ перевѣшали, другихъ отправили въ Суздальскую Землю (на Низъ), потеряли нѣсколько и своихъ добрыхъ мужей. Надобно было ждать мести отъ Шведовъ, и Новгородцы въ 1323 году укрѣпили истокъ Невы изъ Ладожскаго озера, поставили городъ на Орѣховомъ островѣ (Орѣшекъ); но, вмѣсто рати, явились послы шведскіе съ мирными предложеніями, и заключенъ былъ миръ вѣчный постаринѣ. Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепя [1]). Подъ 1320 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о враждебномъ столкновеніи съ Норвежцами: какой-то Лука, сказано, ходилъ на Норвежцевъ, которые разбили суда какого-то Игната Молыгина.

По смерти Довмонта для Пскова наступило тяжелое время; на востокѣ князья заняты усобицами, тамъ идетъ важный вопросъ о томъ, какому княжеству пересилить всѣ остальныя и собрать Землю Русскую; Новгородъ также занятъ этими усобицами и борьбою со Шведами; притомъ же у него со Псковомъ начинаются непріятности, переходящія иногда въ открытую вражду, причины которой въ лѣтописи не высказаны ясно. Стремленіе Пскова выйти изъ-подъ опеки старшаго брата своего, Новгорода, мы замѣчаемъ съ самаго начала; послѣ это стремленіе все болѣе и болѣе усиливается; Новгородцы, разумѣется, не могли смотрѣть на это равнодушно и не могли близко принимать къ сердцу затруднительное положеніе младшихъ братьевъ; отсюда жалобы послѣднихъ на холодность Новгородцевъ, оставленіе безъ помощи, что еще болѣе усиливало размолвку; притомъ же, не имѣя возможности давать чувствовать Псковичамъ свое господство въ политическомъ отношеніи, Новгородцы сильно давали чувствовать его въ церковномъ, вслѣдствіе того, что Псковъ былъ подвѣдомственъ ихъ владыкѣ,—отсюда новыя непріятности и стремленіе Псковичей отложиться отъ Новгородскаго владыки, получить для себя особаго епископа [2]). Когда князья русскіе пріѣзжали во Псковъ, то граждане принимали ихъ съ честью, отъ всего сердца [3]); но эти князья не могли ходить съ Псковичами на Нѣмцевъ или отсиживаться въ осадѣ отъ нихъ; такъ были во Псковѣ по необходимости на короткое время—князь Димитрій Александровичъ и Юрій Даниловичъ. Не видя помощи отъ русскихъ князей, Псковитяне принуждены бывали посылать за литовскими. Въ 1322 году Нѣмцы, во время мира, перебили псковскихъ купцовъ на озерѣ и рыболововъ на рѣкѣ Наровѣ, опустошили часть Псковской волости; Псковичи послали въ Литву за княземъ Давыдомъ; пошли съ нимъ за Нарову и опустошили землю до самаго Ревеля. Въ мартѣ 1323 года пришли Нѣмцы подъ Псковъ со всею силою, стояли у города три дня и ушли съ позоромъ; но въ маѣ явились опять, загордившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога; пришли на корабляхъ, въ лодкахъ и коняхъ, со стѣнобитными машинами, подвижными городками и многимъ замышленіемъ. На первомъ приступѣ убили посадника; стояли у города 18 дней, били стѣны машинами, придвигали городки, приставляли лѣстницы. Въ это время много гонцовъ гоняло изъ Пскова къ великому князю Юрію Даниловичу и къ Новгороду, со многою печалію и тугою, потому что очень тяжко было въ то время Пскову; какъ вдругъ явился изъ Литвы князь Давыдъ съ дружиною, ударилъ вмѣстѣ съ Псковичами на Нѣмцевъ, прогналъ ихъ за рѣку Великую, машины отнялъ, городки зажегъ. и—побѣжали Нѣмцы со стыдомъ: а князь великій Юрій и Новгородцы не помогли, прибавляетъ Псковскій лѣтописецъ.

Литовцы въ 1323 году напали на страну по рѣкѣ Ловати, но были прогнаны Новгородцами.—Мы видѣли волненія среди Корелъ, видѣли и прежде возстанія финскихъ племенъ въ Двинской области противъ Новгородцевъ; въ 1323 году началась у послѣднихъ вражда съ Устюжанами, которые перехватили Новгородцевъ, ходившихъ на Югру, и ограбили ихъ. Задвинскія дани и торговля были главнымъ источникомъ богатства для Новгородцевъ. и потому они не могли оставить этого дѣла безъ вниманія: въ слѣдующемъ же году, съ княземъ Юріемъ Даниловичемъ, они пошли въ Заволочье и взяли Устюгъ на щитъ; когда они были на Двинѣ, то князья устюжскіе прислали къ Юрію и Новгородцамъ просить мира и заключили его на старинныхъ условіяхъ. Въ чемъ состояли эти старинныя условія,—мы не знаемъ; знаемъ только то, что еще въ 1220 году великій князь Юрій Всеволодовичъ, собирая войско на Болгаръ, велѣлъ Ростовскому князю взять также и полки устюжскіе; изъ этого извѣстія можно только заключать о зависимости Устюга отъ ростовскихъ князей.

Таковы были отношенія Сѣверной Руси къ сосѣднимъ народамъ въ первую половину борьбы между Тверью и Москвою, до смерти Димитрія Тверскаго и Юрія Московскаго. Димитрію наслѣдовалъ, какъ мы видѣли, братъ его Александръ Михайловичъ, съ ярлыкомъ и на великое княженіе, Юрію также братъ—Іоаннъ Даниловичъ Калита, остальные братья котораго—Александръ, Аѳанасій, Борисъ—умерли еще при жизни Юрьевой. Калита, слѣдовательно, княжилъ одинъ въ Московской волости; какъ видно, онъ управлялъ Москвою гораздо прежде смерти Юрія, когда послѣдній находился то въ Ордѣ, то въ Новгородѣ; иначе онъ не имѣлъ бы времени сблизиться съ митрополитомъ Петромъ, ибо

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 72; Арцыб. II, прим. 558, 559. Буткова—Три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Д. 1837 г., ч. 23.—Неволина—О пятинахъ Новгор. въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII; Antiquités Russes, t. II.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 183. «Бысть Псковичемъ немирье со владыкою Ѳеоктистомъ и съ Новгородцы».

[3]) Тамъ же, стр. 184.

Юрій убитъ въ 1325 году, а митрополитъ Петръ умеръ въ 1326. Еще въ 1299 году митрополитъ Максимъ оставилъ опустошенный Кіевъ, гдѣ не могъ найти безопасности, и переѣхалъ на жительство во Владиміръ. Послѣдній городъ былъ столицею великихъ, или сильнѣйшихъ князей только по имени, ибо каждый изъ нихъ жилъ въ своемъ наслѣдственномъ городѣ; однако пребываніе митрополита во Владимірѣ, при тогдашнемъ значеніи и дѣятельности духовенства, сообщало этому городу видъ столицы болѣе, чѣмъ преданіе и обычай. Послѣ этого ясно, какъ важно было для какого-нибудь города, стремившагося къ первенству, чтобъ митрополитъ утвердилъ въ немъ свое пребываніе; это необходимо давало ему видъ столицы всея Руси, ибо единство послѣдней поддерживалось въ это время единымъ митрополитомъ, мало того,—способствовало его возрастанію и обогащенію, ибо въ него со всѣхъ сторонъ стекались лица, имѣвшія нужду до митрополита, какъ въ средоточіе церковнаго управленія: наконецъ митрополитъ долженъ былъ дѣйствовать постоянно въ пользу того князя, въ городѣ котораго имѣлъ пребываніе. Калита умѣлъ пріобрѣсть расположеніе митрополита Петра, такъ что этотъ святитель живалъ въ Москвѣ больше, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, умеръ и погребенъ въ ней. Гробъ святаго мужа былъ для Москвы такъ же драгоцѣненъ, какъ и пребываніе живаго святителя; выборъ Петра казался внушеніемъ Божіимъ, и новый митрополитъ Ѳеогностъ уже не хотѣлъ оставить гроба и дома чудотворцева. Петръ, увѣщевая Калиту построить въ Москвѣ каменную церковь Богоматери, говорилъ: „Если меня, сынъ, послушаешься, храмъ Пречистой Богородицы построишь и меня упокоишь въ своемъ городѣ, то и самъ прославишься больше другихъ князей, и сыновья, и внуки твои, и городъ этотъ славенъ будетъ, святители станутъ въ немъ жить, и подчинитъ онъ себѣ всѣ остальные города". Другіе князья хорошо видѣли важныя послѣдствія этого явленія—и сердились; но помочь было уже нельзя.

Но въ то время, какъ Московскій князь утвержденіемъ у себя митрополичьяго престола пріобрѣталъ такія важныя выгоды, Александръ Тверской необдуманнымъ поступкомъ погубилъ себя и все княжество свое. Въ 1327 году пріѣхалъ въ Тверь ханскій посолъ, именемъ Шевкалъ (Чол-ханъ), или Щелканъ, какъ его называютъ наши лѣтописи, двоюродный братъ Узбека, и, по обыкновенію всѣхъ пословъ татарскихъ, позволялъ себѣ и людямъ своимъ всякаго рода насилія. Вдругъ въ народѣ разнесся слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ княжить въ Твери, своихъ князей татарскихъ посажать по другимъ русскимъ городамъ, а христіанъ привести въ татарскую вѣру. Трудно допустить, чтобъ этотъ слухъ былъ основателенъ: Татары изначала отличались вѣротерпимостью и, по принятіи магометанства, не были ревнителями новой религіи. Узбекъ, по приказу котораго долженъ былъ дѣйствовать Шевкалъ, покровительствовалъ христіанамъ въ Кафѣ, позволилъ католическому монаху Іонѣ Валенсу обращать въ христіанство Ясовъ и другіе народы по берегу Чернаго моря; онъ же, какъ мы видѣли, выдалъ сестру свою за Юрія Московскаго и позволилъ ей креститься [1]). Еще страннѣе былъ слухъ, что Шевкалъ хочетъ самъ сѣсть на великомъ княженіи въ Твери, а другіе города раздать своимъ Татарамъ. Когда пронеслась молва, что Татары хотятъ исполнить свой замыселъ въ Успеньевъ день, пользуясь большимъ стеченіемъ народа по случаю праздника, то Александръ съ Тверичами захотѣли предупредить ихъ намѣреніе, и рано утромъ, на солнечномъ восходѣ, вступили въ бой съ Татарами, бились цѣлый день и къ вечеру одолѣли. Шевкалъ бросился въ старый домъ князя Михаила, но Александръ велѣлъ зажечь отцовскій дворъ, и Татары погибли въ пламени; купцы старые ордынскіе и новые, пришедшіе съ Шевкаломъ, были истреблены, несмотря на то, что не вступали въ бой съ Русскими: однихъ изъ нихъ перебили, другихъ перетопили, иныхъ сожгли на кострахъ.

Но въ такъ-называемой Тверской лѣтописи Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе и безъ упоминовенія о замыслѣ Шевкала относительно вѣры: Шевкалъ, говорится въ этой лѣтописи, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра со двора его, и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Несмотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15-го августа: дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на пойло; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи,—и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ [2]).

Узбекъ очень разсердился, узнавъ объ участи Шевкаловой, и, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, послалъ за Московскимъ княземъ; но, по другимъ извѣстіямъ, Калита поѣхалъ самъ въ Орду, тотчасъ послѣ тверскихъ происшествій, и возвратился оттуда съ 50,000 татарскаго войска. Присоединивъ къ себѣ еще князя Суздальскаго, Калита вошелъ въ Тверскую волость, по ханскому приказу; Татары пожгли города и села, людей повели въ плѣнъ и, просто сказать, положили пусту всю Землю Русскую, по выраженію лѣтописца; но спаслась Москва, отчина Калиты, да Новгородъ, который далъ татарскимъ

---

[1]) См. Изслѣдованіе г. Григорьева: О достовѣрности ярлыковъ, данныхъ русскому духовенству, стр. 59.

[2]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ лѣтописи Александръ говоритъ тѣ же самыя слова, какія древній лѣтописецъ заставляетъ говорить Ярослава стараго передъ битвою съ Святополкомъ: «Не азъ почахъ избивати, но онъ и да будетъ отмѣстникъ Богъ крови отца моего Михаила и брата моего Дмитрія, зане прольяша кровь праведную, егда мнѣ сеже створитъ»? Если бы Александръ дѣйствительно говорилъ что-нибудь подобное, то этимъ указалъ бы намъ главную причину возстанія, а въ вопросѣ: «егда мнѣ сеже створитъ»? видѣли бы мы только опасеніе, и нисколько не убѣжденіе въ справедливости слуховъ о татарскихъ замыслахъ.

воеводамъ 2,000 серебра и множество даровъ. Александръ, послышавъ о приближеніи Татаръ, хотѣлъ бѣжать въ Новгородъ, но Новгородцы не захотѣли подвергать себя опасности изъ-за сына Михаилова и приняли намѣстниковъ Калиты; тогда Александръ бѣжалъ во Псковъ, а братья его нашли убѣжище въ Ладогѣ. Въ слѣдующемъ 1328 году Калита и Тверской князь Константинъ Михайловичъ поѣхали въ Орду; Новгородцы отправили туда также своего посла; Узбекъ далъ великое княженіе Калитѣ; Константину Михайловичу далъ Тверь и отпустилъ ихъ съ приказомъ искать князя Александра. И вотъ во Псковъ явились послы отъ князей Московскаго, Тверскаго, Суздальскаго и отъ Новгородцевъ уговаривать Александра, чтобъ ѣхалъ въ Орду къ Узбеку; послы говорили ему отъ имени князей: „Царь Узбекъ всѣмъ намъ велѣлъ искать тебя и прислать къ нему въ Орду; ступай къ нему, чтобъ намъ всѣмъ не пострадать отъ него изъ-за тебя одного; лучше тебѣ за всѣхъ пострадать, чѣмъ намъ всѣмъ изъ-за тебя одного попустошить всю землю“. Александръ отвѣчалъ: „Точно, мнѣ слѣдуетъ съ терпѣніемъ и любовію за всѣхъ страдать и не мстить за себя лукавымъ крамольникамъ; но и вамъ не дурно было бы другъ за друга и братъ за брата стоять, а Татарамъ не выдавать, и всѣмъ вмѣстѣ противиться имъ, защищать Русскую Землю и православное христіанство“. Александръ хотѣлъ ѣхать въ Орду, но Псковитяне не пустили его, говоря: „Не ѣзди, господинъ, въ Орду; что-бъ съ тобою ни случилось, умремъ, господинъ, съ тобою на одномъ мѣстѣ“. Надобно было дѣйствовать силою; но сѣверные князья не любили дѣйствовать силою тамъ, гдѣ успѣхъ былъ не вѣренъ; они разсуждали: „Псковичи крѣпко взялись защищать Александра, обѣщались всѣ умереть за него, а близко ихъ Нѣмцы,—тѣ подадутъ имъ помощь“. Придумали другое средство, и придумалъ его Калита, по свидѣтельству Псковскаго лѣтописца: уговорили митрополита Ѳеогноста проклясть и отлучить отъ церкви князя Александра и весь Псковъ, если они не исполнятъ требованіе князей. Средство подѣйствовало,—Александръ сказалъ Псковичамъ: „Братья мои и друзья мои! не будь на васъ проклятія ради меня; ѣду вонъ изъ вашего города и снимаю съ васъ крестное цѣлованіе, только цѣлуйте крестъ, что не выдадите княгини моей“. Псковичи поцѣловали крестъ и отпустили Александра въ Литву, хотя очень горьки были имъ его проводы; тогда, говоритъ лѣтописецъ, была во Псковѣ туга и печаль, и молва многая по князѣ Александрѣ, который добротою и любовію своею пришелся по сердцу Псковичамъ. По отъѣздѣ Александра, послы псковскіе отправились къ великому князю Московскому и сказали ему: „Князь Александръ изо Пскова поѣхалъ прочь; а тебѣ, господину своему князю великому, весь Псковъ кланяется отъ мала и до велика: и попы, и чернецы, и черницы, и сироты, и вдовы, и жены, и малыя дѣти“. Услыхавъ, что Александръ уѣхалъ изъ Пскова, Калита заключилъ съ Псковичами миръ вѣчный по старинѣ, по отчинѣ, и по дѣдинѣ, послѣ чего митрополитъ Ѳеогностъ съ Новгородскимъ владыкою благословили посадника и весь Псковъ (1329 г.).

Полтора года пробылъ Александръ въ Литвѣ, и, когда гроза пріутихла, возвратился къ женѣ во Псковъ, жители котораго приняли его съ честію и посадили у себя на княженіи. Десять лѣтъ спокойно княжилъ Александръ во Псковѣ, но тосковалъ по своей родной Твери; Псковъ, по формамъ своего быта, не могъ быть наслѣдственнымъ княжествомъ для сыновей его; относительно же родной области онъ зналъ старый обычай, по которому дѣти изгнаннаго князя не могли надѣяться на наслѣдство; по словамъ лѣтописи, Александръ разсуждалъ такъ: „Если умру здѣсь, то что будетъ съ дѣтьми моими? всѣ знаютъ, что я выбѣжалъ изъ княжества моего и умеръ на чужбинѣ,—такъ дѣти мои будутъ лишены своего княжества“. Въ 1336 году Александръ послалъ въ Орду сына Ѳеодора попытаться, нельзя-ли какъ-нибудь умилостивить хана, и, узнавши, что есть надежда на успѣхъ, въ 1337 году отправился самъ къ Узбеку. „Я сдѣлалъ много зла тебѣ“, сказалъ онъ хану, „но теперь пришелъ принять отъ тебя смерть или жизнь, будучи готовъ на все, что Богъ возвѣститъ тебѣ“. Узбекъ сказалъ на это окружавшимъ: „Князь Александръ смиренною мудростію избавилъ себя отъ смерти“, и позволилъ ему занять Тверской столъ; князь Константинъ Михайловичъ, волею или неволею уступилъ княжество старшему брату.

Но возвращеніе Александра служило знакомъ къ возобновленію борьбы между Москвою и Тверью: скоро встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что Тверской князь не могъ поладить съ Московскимъ, и не заключили они между собою мира. Еще прежде видимъ, что бояре тверскіе отъѣзжаютъ отъ Александра къ Московскому князю[1]). Споръ могъ окончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и Калита рѣшился предупредить врага; въ 1339 году онъ отправился съ двумя сыновьями въ Орду, и вслѣдъ за этимъ Александръ получилъ приказъ явиться туда же; зовъ этотъ послѣдовалъ думою Калиты, говоритъ лѣтопись [2]). Александръ уже зналъ, что кто-то оклеветалъ его предъ ханомъ, который опять очень сердитъ на него, и потому отправилъ передъ собою сына Ѳеодора, а за нимъ уже отправился самъ по новому зову изъ Орды. Ѳеодоръ Александровичъ встрѣтилъ отца и объявилъ ему, что дѣла

---

[1]) Карамзинъ говоритъ при этомъ: «Вѣроятно, что Александръ, бывъ долгое время внѣ отчизны, возвратился туда съ новыми любимцами, коимъ старые вельможи завидовали».—Догадка эта очень основательна; это явленіе объясняется мѣстничествомъ: новые бояре Александровы заѣхали старыхъ тверскихъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 79: Никон. III, 164; Татищ. IV, 136; по Никон. нѣцы и клеветаша; по Татищ. оклеветали его нѣмецкіе и литовскіе вельможи, которымъ Александръ не могъ исполнить прежнихъ обязательствъ. Но извѣстіе кажется намъ позднѣйшимъ объясненіемъ дѣла.

идутъ плохо; проживши мѣсяцъ въ Ордѣ, Александръ узналъ отъ Татаръ, пріятелей своихъ, что участь его рѣшена. Узбекъ опредѣлилъ ему смерть, назначили и день казни. Въ этотъ день, 29-го октября, Александръ всталъ рано, помолился, и, видя, что время проходитъ, послалъ къ ханшѣ за вѣстями, сѣлъ и самъ на коня и поѣхалъ по знакомымъ разузнавать о своей участи, но вездѣ былъ одинъ отвѣтъ, что она рѣшена, что онъ долженъ ждать въ этотъ самый день смерти; дома ждалъ его посланный отъ ханши съ тою же вѣстію. Александръ сталъ прощаться съ сыномъ и боярами, сдѣлалъ распоряженіе на счетъ княжества своего, исповѣдался, причастился; то же самое сдѣлали и сынъ его Ѳеодоръ и бояре, потому что никто изъ нихъ не думалъ остаться въ живыхъ. Ждали послѣ того не долго: вошли отроки съ плачемъ и объявили о приближеніи убійцъ; Александръ вышелъ самъ къ нимъ на-встрѣчу—и былъ рознятъ по составамъ вмѣстѣ съ сыномъ. Калита еще прежде уѣхалъ изъ Орды съ великимъ пожалованіемъ и съ честію; сыновья его возвратились послѣ смерти Александровой, пріѣхали въ Москву съ великою радостію и веселіемъ, по словамъ лѣтописи. Тверской столъ перешелъ къ брату Александрову, Константину Михайловичу, который называется собирателемъ и возстановителемъ Тверской волости послѣ татарскаго опустошенія [1]).

Мы видѣли, что князья хорошо понимали, къ чему поведетъ усиленіе одного княжества на-счетъ другихъ при исчезновеніи родовыхъ отношеній, и потому старались препятствовать этому усиленію, составляя союзы противъ сильнѣйшаго. Что предугадывали они, то и случилось: Московскій князь, ставши силенъ и безъ соперника, спѣшилъ воспользоваться этою силою, чтобъ примыслить сколько можно больше къ своей собственности. Начало княженія Калиты было, по выраженію лѣтописца, началомъ насилія для другихъ княжествъ, гдѣ Московскій собственникъ распоряжался своевольно. Горькая участь постигла знаменитый Ростовъ Великій: три раза проигралъ онъ свое дѣло въ борьбѣ съ пригородами, и хотя послѣ перешелъ, какъ собственность, какъ опричнина, въ родъ старшаго изъ сыновей Всеволодовыхъ, однако не помогло ему это старшинство безъ силы: ни одинъ изъ Константиновичей ростовскихъ не держалъ стола великокняжескаго, ни одинъ слѣдовательно не могъ усилить свой наслѣдственный Ростовъ богатыми примыслами, и скоро старшій изъ городовъ сѣверныхъ долженъ былъ испытать тяжкія насилія отъ младшаго изъ пригородовъ; отнялись отъ князей ростовскихъ власть и княженіе, имущество, честь и слава! говоритъ лѣтописецъ [2]). Присланъ былъ изъ Москвы въ Ростовъ отъ князя Ивана Даниловича, какъ воевода какой-нибудь, вельможа Василій Кочева, и другой съ нимъ Минай. Наложили они великую нужду на городъ Ростовъ и на всѣхъ жителей его; не мало Ростовцевъ должны были передавать Москвичамъ имѣніе свое по нуждѣ, но, кромѣ того, принимали еще отъ нихъ раны и оковы; старшаго боярина ростовскаго, Аверкія, Москвичи стремглавъ повѣсили и, послѣ такого поруганія, чуть-жива отпустили. И не въ одномъ Ростовѣ это дѣлалось, но во всѣхъ волостяхъ и селахъ его, такъ что много людей разбѣжалось изъ Ростовскаго княжества въ другія страны. — Мы не знаемъ, по какому случаю, вслѣдствіе какихъ предшествовавшихъ обстоятельствъ позволилъ себѣ Калита такіе поступки въ Ростовскомъ княжествѣ; должно полагать, что Ростовскимъ княземъ въ это время былъ Василій Константиновичъ [3]). Со стороны утѣсненныхъ князей не обошлось безъ сопротивленія; такъ Московскій князь встрѣтилъ врага въ зятѣ своемъ, Василіи Давыдовичѣ Ярославскомъ, внукѣ Ѳеодора Ростиславича-Чернаго; Василій, какъ видно, дѣйствовалъ заодно съ Александромъ Тверскимъ и помогалъ ему въ Ордѣ, ибо есть извѣстіе, что Калита посылалъ перехватить его на дорогѣ къ хану, но Ярославскій князь отбился отъ московскаго отряда, состоявшаго изъ 500 человѣкъ, достигъ Орды, благополучно возвратился оттуда и пережилъ Калиту. По смерти Александра и Тверь не избѣжала насилій московскихъ: Калита велѣлъ снять отъ Св. Спаса колоколъ и привезти въ Москву,—насиліе, очень чувствительное по тогдашнимъ понятіямъ о колоколѣ вообще, и особенно о колоколѣ главной церкви въ городѣ.—Изъ другихъ князей упоминаются: князь Александръ Васильевичъ Суздальскій, помогавшій Калитѣ опустошать тверскія волости; Александръ умеръ въ 1332 году, его мѣсто занялъ братъ его, Константинъ Васильевичъ, участвовавшій въ походѣ подъ Смоленскъ. Стародубскій князь Ѳеодоръ Ивановичъ былъ убитъ въ Ордѣ въ 1329 г. Мы видѣли, что Галичъ и Дмитровъ достались брату Александра Невскаго, Константину Ярославичу, у котораго упоминаются сыновья—Давыдъ, князь Галицкій и Дмитровскій, и Василій, послѣ котораго видимъ раздѣленіе волости, ибо подъ 1333 годомъ говорится о смерти князя Бориса Дмитровскаго, а подъ 1334 годомъ—о смерти Ѳеодора Галицкаго. Упоминается князь Романчукъ Бѣлозерскій. Подъ 1338 годомъ упоминается князь Иванъ Ярославичъ Юрьевскій: это должно-быть потомокъ Святослава Всеволодовича.—Объ убіеніи князя Ивана Ярославича Рязанскаго въ лѣтописи упомянуто въ разсказѣ о походѣ Татаръ съ Калитою на Тверь; сынъ и преемникъ Ивана Ярославича, Иванъ Ивановичъ Коротополъ, возвращаясь въ 1340 году изъ Орды, встрѣтилъ родственника своего, двоюроднаго брата Александра Михайловича Пронскаго, отправлявшагося туда же съ данью, или выходомъ, ограбилъ его, привелъ въ Переяславль-Рязанскій и тамъ велѣлъ убить. Явленіе это объясняется тѣмъ, что

[1]) Никон. III, 167.
[2]) Тамъ же, IV, 204.
[3]) Хотя въ Никонов. лѣтоп. подъ 1340 годомъ упоминается опять въ живыхъ умершій Константинъ Борисовичъ.

старшіе или сильнѣйшіе князья въ каждомъ княжествѣ, въ видахъ усиленія своего на-счетъ младшихъ, слабѣйшихъ, хотѣли одни знать Орду, т.-е. собирать дань и отвозить ее къ хану.—Въ Смоленскѣ княжилъ Иванъ Александровичъ; какъ видно, надѣясь на отдаленность своего княжества, онъ не хотѣлъ подчиняться хану и возить выходъ въ Орду, и потому Узбекъ въ 1340 году послалъ войско къ Смоленску, куда велѣлъ также идти и всѣмъ князьямъ русскимъ—Рязанскому, Суздальскому, Ростовскому, Юрьевскому, Друцкому, Ѳоминскому и мордовскимъ князьямъ. Московскій великій князь самъ не пошелъ, но отправилъ свое войско подъ начальствомъ двоихъ воеводъ—Александра Ивановича и Ѳедора Акинѳовича. Эта рать пожгла посады смоленскіе, пограбила села и волости, нѣсколько дней постояла подъ Смоленскомъ и пошла назадъ; Татары пошли въ Орду съ большимъ полономъ и богатствомъ, а русскіе князья возвратились домой здоровы и цѣлы.

Новгородцы, освобожденные Московскимъ княземъ отъ насилій Тверскаго, не могли доброжелательствовать наслѣдникамъ Михайловымъ; они признали своимъ княземъ Димитрія, потомъ Александра Михайловича [1]), когда онъ возвратился съ ярлыкомъ изъ Орды; но не приняли къ себѣ Александра послѣ убійства Шевкалова, взяли намѣстниковъ Московскаго князя и стояли за послѣдняго противъ Александра и Псковичей. Но Калита скоро показалъ Новгородцамъ, что перемѣнилось только имя, и что значеніе Твери относительно Новгорода перешло къ Москвѣ. Что же теперь спасетъ Новгородъ?—отъ Твери спасла его Москва, отъ Москвы долженъ спасти его какой-нибудь другой городъ, Москвѣ враждебный: слѣдовательно Новродцы должны искать враговъ московскимъ князьямъ, пользоваться ссорами въ семействѣ послѣднихъ; но когда эти ссоры прекратятся, когда уже не будетъ другихъ князей, кромѣ Московскаго, то что тогда останется Новгородцамъ? Останется или отказаться отъ своего стараго быта, приравняться къ Москвѣ, или искать соперника Московскому князю въ Литвѣ. Но московскимъ князьямъ нужны были еще прежде всего деньги, чтобъ, съ одной стороны, задаривать хана, съ другой—накупать какъ можно больше селъ и городовъ въ другихъ княжествахъ; вотъ почему Новгородъ могъ еще на нѣсколько времени сохранить свой прежній бытъ, удовлетворяя денежнымъ требованіямъ великихъ князей, усиливая послѣднихъ на свой счетъ. Въ 1332 году Калита запросилъ у Новгородцевъ серебра закамскаго, старинной дани печерской, а за отказъ взялъ Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, а въ слѣдующемъ году пришелъ въ Торжокъ со всѣми князьями низовскими и рязанскими, и началъ опустошать новгородскія волости. Новгородцы отправили пословъ звать великаго князя въ Новгородъ, но онъ ихъ не послушалъ и, не давши мира, поѣхалъ прочь. Новгородцы отправили за нимъ новыхъ пословъ, съ владыкою Василіемъ, которые нашли Калиту въ Переяславлѣ; давали ему пять сотъ рублей, только бы отступился отъ слободы, которую построилъ на новгородской землѣ; много упрашивалъ его владыка, чтобъ помирился,—но онъ не послушался его. Любопытно, что, тотчасъ по возвращеніи изъ своего неуспѣшнаго посольства къ Калитѣ, владыка Василій отправился въ Псковъ, гдѣ уже новгородскіе архіепископы не бывали семь лѣтъ; въ Псковѣ княжилъ въ это время врагъ Московскаго князя, Александръ Тверской, у котораго владыка Василій окрестилъ сына Михаила: можно думать, что все это происходило вслѣдствіе размолвки Новгорода съ Калитою. Александръ и Псковичи находились въ тѣсной связи съ Литвою, и вотъ, подъ тѣмъ же 1333 годомъ, Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что вложилъ Богъ въ сердце князю Нариманту-Глѣбу, сыну великаго князя Литовскаго Гедимина, прислать въ Новгородъ съ просьбою позволить ему поклониться Св. Софіи. Новгородцы послали звать его, и онъ немедленно пріѣхалъ, принятъ былъ съ честію, цѣловалъ крестъ ко всему Новгороду, и получилъ пригороды—Ладогу, Орѣшекъ, Корельскій городокъ съ Корельскою Землею и половину Копорья въ отчину и дѣдину. По другимъ извѣстіямъ, Новгородцы еще прежде уговорились объ этомъ съ Наримантомъ [2]). Какъ бы то ни было, уговоръ этотъ былъ исполненъ тогда, когда Новгороду сталъ нуженъ союзъ Литвы противъ Московскаго князя. На слѣдующій годъ Калита принялъ съ любовію пословъ новгородскихъ и самъ ѣздилъ въ Новгородъ; неизвѣстно, что было причиною такой перемѣны: Новгородцы ли уступили всѣмъ требованіямъ Калиты, или послѣдній смягчилъ свои требованія, опасаясь связи Новгородцевъ съ Литвою и Александромъ Псковскимъ. Можно думать также, что миръ заключенъ былъ не безъ участія митрополита, у котораго передъ тѣмъ былъ владыка Василій. Въ краткихъ извѣстіяхъ лѣтописи причины явленій не показаны; но по всему видно, что Калита не могъ долго сносить пребыванія Александра Тверскаго въ Псковѣ. Въ 1335 году Калита собрался съ Новгородцами и со всею Низовскою Землею идти на Псковъ, но почему-то походъ былъ отложенъ, хотя Псковичамъ и не дали мира; намѣреніе, слѣдовательно, воевать съ ними не было оставлено, и Московскій князь продолжалъ ласкать Новгородцевъ; въ томъ же году онъ позвалъ къ себѣ въ Москву на честь владыку, посадника, тысяцкаго, знатнѣйшихъ бояръ, и они, говоритъ лѣтописецъ, бывши въ Москвѣ, много чести видѣли. Но въ тотъ самый 1337 годъ, когда Александръ Тверской отправился изъ Пскова въ Орду и помирился съ ханомъ, Калита, вдругъ, забывши крестное цѣлованіе, послалъ рать свою на

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 15.

[2]) Никон. III, 160: «что ему (Нариманту) рекли въ Литвѣ идуще къ Ѳеоктисту митрополиту и слово право дали».

Двину за Волокъ, ибо заволоцкія владѣнія и доходы Новгородцевъ всего больше должны были соблазнять Московскаго князя; но предпріятіе не удалось: московскія войска были посрамлены и поражены, какъ выражается лѣтописецъ; имѣли ли какую-нибудь связь эти два событія—поѣздка Александра въ Орду и разрывъ Калиты съ Новгородомъ—не извѣстно. Новгородцы могли надѣяться, что возстановленіе Александра на отцовскомъ столѣ и новая борьба его съ Калитою помѣшаютъ послѣднему тѣснить ихъ; но Московскій князь не терялъ времени, и Александръ погибъ въ Ордѣ. Новгородцы отправили къ великому князю пословъ съ выходомъ; но Калита послалъ къ нимъ своихъ просить другого выхода: „Дайте мнѣ еще царевъ запросъ, чего у меня царь запросилъ". Новгородцы отвѣчали: „Этого у насъ не бывало отъ начала міра, а ты цѣловалъ крестъ по старой пошлинѣ новгородской и по Ярославовымъ грамотамъ". Калита велѣлъ своимъ намѣстникамъ выѣхать изъ Новгорода,—и не было ему съ нимъ мира.

Прежде, когда было много князей-соперниковъ, перемѣнявшихъ охотно волости свои, Новгородъ рѣдко оставался долгое время безъ князя; на смѣну одного спѣшилъ другой; но теперь, когда князья усѣлись неподвижно, каждый въ своей наслѣдственной волости, то въ Новгородѣ вмѣсто князя видимъ уже бояръ—намѣстниковъ великокняжескихъ, которые выѣзжаютъ при первой размолвкѣ Новгородцевъ съ великимъ княземъ, и Новгородъ предоставляется самому себѣ. Вслѣдствіе этого новаго порядка вещей, стороны, партіи княжескія должны были исчезнуть: какія могли быть княжескія партіи въ Новгородѣ во время Калиты, когда Новгородъ могъ имѣть дѣло только съ однимъ великимъ княземъ, который разъ, много два пріѣдетъ въ Новгородъ на самое короткое время? Тверской партіи не могло быть, потому что ни Михаилъ, ни сыновья его не жили въ Новгородѣ, не могло быть и вслѣдствіе постоянно враждебныхъ отношеній; великимъ князьямъ и не нужно теперь имѣть въ Новгородѣ приверженную къ себѣ сторону; ихъ цѣль рано или поздно уничтожить самостоятельность Новгорода, а пока имъ нужно брать съ него какъ можно больше денегъ; они знаютъ, что Новгородъ будетъ ихъ, если они будутъ сильны, сильнѣе всѣхъ другихъ, но измѣнчивое расположеніе Новгородцевъ не дастъ имъ этой силы. Любопытно, что съ описываемаго времени лѣтописецъ Новгородскій становится видимо равнодушенъ къ смѣнѣ посадниковъ, начинаетъ часто пропускать ихъ; мы уже прежде упоминали объ этихъ пропускахъ. Подъ 1315 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о врученіи посадничества Семену Климовичу и послѣ того до самаго 1331 года нѣтъ ни слова о посадникахъ въ лѣтописи; въ этомъ году встрѣчаемъ извѣстіе о посадникѣ Варѳоломеѣ; но подъ слѣдующимъ 1332 годомъ говорится, что встали крамольники, отняли посадничество у Ѳеодора Ахмыла и дали Захару Михайловичу, причемъ пограбили дворъ Семена Судокова, а у брата его, Ксенофонта, села пограбили; но Захаръ не долго былъ посадникомъ: въ томъ же году онъ былъ сверженъ, и на его мѣсто выбранъ Матвѣй. Подъ 1335 годомъ упоминается новый посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, неизвѣстно когда и на чье мѣсто избранный. Прежде еще, подъ 1327 годомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о мятежѣ, во время котораго народъ пограбилъ и пожегъ дворъ Евстаѳія Дворянинца; потомъ, подъ 1335 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе объ усобицѣ, во время которой едва не дошло до кровопролитія: по обѣимъ сторонамъ Волхова граждане стояли съ оружіемъ, но потомъ сошлись въ любовь. Что касается до принятаго на кормленіе Литовскаго князя Нариманта, то Новгородцы съ самаго начала увидали ненадежность этихъ союзовъ съ Литвою: въ 1338 году, когда Новгородцы вели войну со Шведами, Наримантъ былъ въ Литвѣ; Новгородцы много разъ посылали за нимъ, но онъ не пріѣхалъ, даже и сына своего Александра вывелъ изъ Орѣшка, оставилъ только своихъ намѣстниковъ.

По извѣстіямъ Новгородской лѣтописи, Псковичи, взявши къ себѣ въ князья Александра Тверскаго, признали въ то же самое время зависимость свою отъ Литвы: естественно, Псковъ долженъ былъ употребить это средство, чтобъ защитить себя въ случаѣ новаго движенія сѣверо-восточныхъ русскихъ князей, по настоянію Калиты и по приказу ханскому. Имѣя особаго князя, Псковичи хотѣли получить полную независимость отъ Новгорода, хотѣли имѣть и особаго епископа. Въ 1331 году новоизбранный Новгородскій владыка Василій отправился для посвященія своего на Волынь, гдѣ находился тогда митрополитъ Ѳеогностъ. Но въ то же время къ митрополиту явились послы изо Пскова, отъ князя Александра, вмѣстѣ съ послами отъ Гедимина и всѣхъ другихъ князей литовскихъ; они привели съ собой монаха Арсенія, прося митрополита, чтобъ поставилъ его владыкою во Псковъ; но Ѳеогностъ отказалъ имъ въ просьбѣ. Новгородскій лѣтописецъ говоритъ при этомъ: „Псковичи хотѣли поставить себѣ Арсенія на владычество, но осрамились, пошли прочь ни съ чѣмъ отъ митрополита изъ Волынской Земли; они Новгородъ считали за ничто уже; вознеслись высокоуміемъ своимъ, но Богъ и Св. Софія низлагаютъ всегда высокомыслящихъ, потому что Псковичи измѣнили крестному цѣлованію къ Новгороду, посадили къ себѣ князя Александра изъ литовской руки". Мы видѣли, что въ 1333 году было сближеніе Новгорода со Псковомъ и его княземъ, вслѣдствіе разрыва Новгородцевъ съ княземъ Московскимъ; но потомъ, когда, въ 1335 году, Новгородцы помирились съ Калитою, то снова началась вражда со Псковомъ; въ 1337 году, владыка Василій поѣхалъ во Псковъ для своихъ святительскихъ дѣлъ, на подъѣздъ, какъ тогда выражались; но Псковичи суда ему не дали, и онъ поѣхалъ прочь, проклявши ихъ.

Еще въ 1316 и 1326 году источники запад-

ные упоминаютъ о враждебныхъ столкновеніяхъ Новгородцевъ съ Норвегіею; въ 1326 г. заключенъ былъ миръ между ними на 10 лѣтъ. Въ 1337 г. у Новгородцевъ началась война со Шведами, опять по поводу Корелъ, которые подвели Шведовъ, побили новгородскихъ и ладожскихъ купцовъ и всѣхъ христіанъ, находившихся въ ихъ землѣ, а сами убѣжали въ Выборгъ и, выходя оттуда, били Новгородцевъ. Въ слѣдующемъ году Новгородцы съ посадникомъ Ѳедоромъ Даниловичемъ отправились въ Неву и стояли подъ Орѣшкомъ, пересылаясь съ шведскимъ воеводою Стеномъ; но переговоры кончились ничѣмъ; Новгородцы возвратились домой, а Шведы съ Корелою много воевали по Обонежью, а потомъ сожгли посадъ у Ладоги. Мстить имъ за это ходили молодцы новгородскіе съ воеводами: они повоевали Шведскую Корелу около Выборга, сильно опустошили землю, хлѣбъ пожгли, скотъ изрубили и пришли домой всѣ здоровы съ полономъ. По ихъ удаленіи, Шведы вышли изъ Выборга, воевали Толдогу[1]), и оттуда пошли на Вотскую Землю, но здѣсь ничего не взяли, потому что жители поостереглись; Копорьяне напали на нихъ въ небольшомъ числѣ и разбили. Послѣ этого пришли послы въ Новгородъ изъ Выборга, отъ воеводы Петрика, и объявили, что Шведскій князь ничего не знаетъ о войнѣ, началъ ее своевольно Стенъ-воевода. Новгородцы отправили въ Выборгъ своихъ пословъ, которые и заключили миръ на тѣхъ же условіяхъ, на какихъ помирился князь Юрій Даниловичъ на Невѣ; относительно же Кобылитской Корелы положено было послать къ Шведскому князю. Въ слѣдующемъ 1339 г. Новгородцы отправили двоихъ пословъ, да еще третьяго отъ владыки, за море, къ Шведскому князю, и заключили съ нимъ миръ по старымъ грамотамъ; о Корелѣ же сказали такъ: „Если наши побѣгутъ къ вамъ, то сѣките ихъ и вѣшайте; если и ваши прибѣгутъ къ намъ, то и мы съ ними дѣлать будемъ то же самое, чтобъ изъ-за нихъ ссоры между нами не было; которые же прежде были за нами, тѣхъ не выдадимъ, потому что они покрещены въ нашу вѣру, да и мало ихъ осталось, всѣ померли гнѣвомъ Божіимъ“. На западѣ волновались Корелы, на сѣверо-востокѣ, въ Двинской области—финскія племена также не хотѣли быть спокойны: подъ 1329 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, шедшіе въ Югру, были перебиты устюжскими князьями.—Въ 1326 году пріѣхали въ Новгородъ послы изъ Литвы: братъ Гедимина Воинъ, князь Полоцкій, Василій—князь Минскій и князь Ѳедоръ Святославичъ; они заключили миръ съ Новгородцами и Нѣмцами. Но въ 1335 году, несмотря на этотъ миръ и несмотря на то, что Литовскій князь Наримантъ кормился на пригородахъ новгородскихъ, Литва повоевала Новгородскую волость; великій князь былъ въ это время въ Торжкѣ и немедленно послалъ свое войско въ Литву; оно пожгло городки литовскіе—Осѣченъ[2]), Рясну и много другихъ.

Подъ 1329 годомъ лѣтопись упоминаетъ объ убіеніи въ Дерптѣ новгородскаго посла, мужа честнаго, Ивана Сыпа, но о слѣдствіяхъ этого убійства не говоритъ ничего. И въ Псковской лѣтописи съ 1323 до 1341 года года мы не встрѣчаемъ извѣстій о войнѣ съ Орденомъ Ливонскимъ. Причина была та, что уже давно, еще съ конца XIII вѣка въ Ливоніи происходили усобицы. Мы видѣли, что главнымъ дѣятелемъ при утвержденіи нѣмецкаго владычества въ Ливоніи былъ епископъ Рижскій, по старанію котораго былъ учрежденъ рыцарскій Орденъ, необходимо становившійся въ служебное отношеніе къ Рижской церкви. Но миръ не могъ долго сохраниться между двумя учрежденіями, изъ которыхъ у одного были матеріальныя средства, право силы, меча, у другого же—одни права историческія и духовныя; первое не могло долго подчиняться послѣднему; но епископы также не хотѣли уступить магистрамъ Ордена своего первенствующаго положенія,—и слѣдствіемъ этого была усобица. Особенно разгорѣлась она при магистрѣ Бруно и архіепископѣ Іоаннѣ фонъ-деръ-Фехте, причемъ, не имѣя достаточно собственныхъ матеріальныхъ средствъ для борьбы съ рыцарями, епископъ и Рижане призвали себѣ на помощь Литовцевъ-язычниковъ! Началась ожесточенная война: въ теченіи 18 мѣсяцевъ дано было девять битвъ, большую часть которыхъ выиграли рыцари; но въ 1298 году Литовскій князь Витинесъ вторгнулся въ Ливонію, встрѣтился съ войскомъ рыцарей на рѣкѣ Аа и нанесъ имъ страшное пораженіе: магистръ Бруно, 60 рыцарей и множество простаго войска полегли въ битвѣ; ободренные побѣдою, войска рижскія и Литовцы осадили орденскую крѣпость Неумюль, но потерпѣли подъ нею пораженіе отъ Тевтонскихъ рыцарей, пришедшихъ на помощь своимъ ливонскимъ собратіямъ. Не видя возможности одолѣть Орденъ матеріальными средствами, епископы ливонскіе прибѣгли къ другимъ: въ это время, т. е. въ началѣ XIV вѣка, вниманіе западной Европы обращено было на страшный процессъ Храмовыхъ рыцарей; великій магистръ ихъ уже былъ въ оковахъ вмѣстѣ съ братіями, находившимися во Франціи, и ненависть Филиппа Красиваго грозила печальнымъ окончаніемъ процесса. Это подало надежду ливонскимъ епископамъ, что подобная же участь можетъ постигнуть и Нѣмецкій Орденъ въ Пруссіи и Ливоніи. Въ 1308 году они подали папѣ обвинительный листъ, въ которомъ приписывали Ордену неуспѣхъ въ обращеніи Литовцевъ, обвиняли рыцарей въ истребленіи жителей Семигалліи, когда тѣ были уже христіанами, и проч.; нашлось обвиненіе и въ родѣ тѣхъ, которыя тяготѣли надъ

[1]) Толдожскій погостъ между Ямою и Копорьемъ, въ 160 верстахъ отъ Новгорода. Арцыбаш. II, примѣч. 652.—О договорѣ съ Норвежцами см. Бюшинговъ Магазинъ, III, 177. Карамз. IV, прим. 310, 311.

[2]) Рясно, или Рисна, мѣстечко Могилевской губерніи, Чаусскаго уѣзда. Осѣченъ находимъ подлѣ Рясны. Арцыб. II, прим. 642.

несчастными Тампліерами: епископы доносили, что когда рыцарь получалъ рану въ битвѣ, то остальные товарищи добивали его и сожигали тѣло по обычаю явычниковъ. Папа Климентъ V нарядилъ коммисію на мѣстѣ для изслѣдованія справедливости жалобъ; дѣло кончилось ничѣмъ; епископы не удовлетворились такимъ окончаніемъ его, и когда король Польскій завелъ споръ съ Орденомъ о Землѣ Поморской, когда архіепископъ Гнѣзенскій, епископы Куявскій, Плоцкій и Познанскій встали противъ Ордена, то архіепископъ Рижскій соединился съ ними въ надеждѣ, что такое сильное возстаніе достигнетъ наконецъ своей цѣли—низложенія Ордена. Всего больше архіепископъ и Рижане настаивали на томъ, что князья литовскіе и народъ ихъ давно были бы христіанами и католиками, еслибъ не препятствовали тому рыцари,—обвиненіе, имѣвшее на своей сторонѣ вѣроятность: еслибъ въ самомъ дѣлѣ Литва приняла христіанство, то Орденъ, котораго цѣлію было обращеніе язычниковъ, тѣмъ самымъ долженъ былъ прекратить свое существованіе. Несмотря однако на всѣ старанія епископовъ, великій магистръ фонъ-Беффартъ выигралъ въ Авиньонѣ дѣло въ пользу Ордена, который былъ оправданъ во всѣхъ взводимыхъ на него обвиненіяхъ: самымъ лучшимъ доказательствомъ въ пользу Ордена послужило представленное Беффартомъ папѣ оригинальное письмо архіепископа и Рижанъ къ Литовскому князю съ просьбою напасть на владѣнія Ордена. Но дѣло, рѣшенное въ Авиньонѣ, далеко было до окончанія своего въ Ливоніи, потому что, при такой долгой борьбѣ за самые существенные интересы, ненависть съ обѣихъ сторонъ достигла вышей степени и не могла скоро потухнуть. Обманувшись въ надеждѣ повредить Ордену процессомъ у папы, Рижане обратились опять къ прежнему средству и вошли въ сношенія съ литовскими язычниками противъ рыцарей. Тогда магистръ ливонскій Эбергартъ фонъ-Монгеймъ рѣшился покончить дѣло оружіемъ и, собравши большое войско, осадилъ Ригу. Около года длилась осада; но наконецъ Рижане, терпя сильный голодъ, запросили мира, и получили его на тяжкихъ условіяхъ: лучшіе граждане должны были явиться въ станъ рыцарей и у ногъ магистра положить всѣ свои привилегіи. Потомъ, велѣвши засыпать часть городскихъ рвовъ и понизить валы, магистръ заложилъ новую крѣпость, которая должна была сдерживать безпокойное народонаселеніе.

Съ тѣхъ поръ, говоритъ лѣтописецъ, какъ Московскій князь Іоаннъ Даниловичъ сталъ великимъ княземъ, наступила тишина великая по всей Русской Землѣ и перестали Татары воевать ее [1]). Таково было непосредственное слѣдствіе усиленія одного княжества Московскаго насчетъ всѣхъ другихъ; въ одномъ древнемъ памятникѣ дѣятельность Калиты обозначена тѣмъ, что онъ избавилъ Русскую Землю отъ воровъ (татей [2]), — видно, что предки наши представляли себѣ Калиту установителемъ тишины, безопасности, внутренняго наряда, который до тѣхъ поръ постоянно былъ нарушаемъ сперва родовыми усобицами княжескими, потомъ усобицами князей или, лучше сказать, отдѣльныхъ княжествъ для усиленія себя насчетъ всѣхъ другихъ, что вело къ единовластію. Борьба эта для усиленія себя насчетъ другихъ, съ презрѣніемъ родовой связи и счетовъ, началась давно: Михаилъ Хоробритъ Московскій, Ярославъ Тверской, Василій Костромской, Андрей Городецкій—показали ясно новый характеръ борьбы; борьба Твери съ Москвою была послѣднею сильною, ожесточенною, кровавою борьбою двухъ княжествъ, стремившихся къ окончательному усиленію. Для Москвы средства къ этой борьбѣ были приготовлены еще при Даніилѣ; началъ борьбу и неутомимо продолжалъ Юрій Даниловичъ. Калита умѣлъ воспользоваться обстоятельствами, окончить борьбу съ полнымъ торжествомъ для своего княжества, и далъ современникамъ почувствовать первыя добрыя слѣдствія этого торжества; далъ имъ предвкусить выгоды единовластія, почему и перешелъ въ потомство съ именемъ перваго собирателя Русской Земли [3]).

Калита умеръ 31 марта 1341 года, не успѣвъ окончить дѣлъ своихъ съ Новгородомъ. До насъ дошли двѣ его духовныя грамоты [4]); между тремя сыновьями и женою подѣлилъ онъ свое движимое и недвижимое имѣніе: старшему, Семену, отдано 26 городовъ и селеній, въ числѣ которыхъ примыслы Юрія Даниловича—Можайскъ и Коломна; второму сыну, Ивану, 23 города и селенія, изъ нихъ главные Звенигородъ и Руза; третьему, Андрею,—21 городъ и селеніе, изъ нихъ извѣстнѣе Серпуховъ; княгинѣ съ меньшими дѣтьми—опять 26. Такимъ образомъ, величина удѣловъ слѣдуетъ старшинству: самый старшій и матеріально сильнѣе, притомъ города его значительнѣе, напримѣръ Можайскъ былъ особымъ княжествомъ; старшему же должно было получить и великокняжескую область Владимірскую съ Переяславлемъ [5]).

Въ то самое время какъ на сѣверо-востокѣ Русская Земля собиралась около Москвы, такое же собираніе русскихъ волостей въ одно цѣлое происходило и на юго-западѣ. Давно уже можно было ожи-

[1]) Никон. III, 141.

[2]) Опис. Румянц. Музея, № CCCLVIII.

[3]) Калитою онъ названъ потому, что носилъ мѣшокъ (калиту) съ деньгами, которыя раздавалъ нищимъ.

[4]) Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 21 и 22.

[5]) Калита купилъ Угличъ, Бѣлоозеро и Галичъ, но ни въ духовной самого Іоанна, ни въ духовныхъ сыновей его эти прикупы не упоминаются, и только уже Димитрій Донской говоритъ о нихъ, какъ о куплѣ дѣда своего.—Карамзинъ (IV, гл. IX) дѣлаетъ предположеніе, что эти прикупы принадлежали не къ Москвѣ, но къ великому княженію Владимірскому. Но какъ могъ Калита прикупать къ великому княженію, которое вовсе не принадлежало въ собственность его роду, и по смерти его могло перейти къ князю Тверскому или Нижегородскому? Это значило бы обогащать другихъ князей на свой счетъ. Дѣло объясняется тѣмъ, что Калита купилъ эти города у князей, но оставилъ еще имъ нѣкоторыя права владѣтельныхъ, подчиненныхъ однако князю Московскому, а при Димитріи Донскомъ они были лишены этихъ правъ.

дать, что дѣло собранія старой, Юго-Западной Руси предназначено князьямъ галицко-волынскимъ, потомкамъ Романа Великаго. Случайныя обстоятельства были въ пользу этихъ князей, въ пользу скораго собранія Юго-Западной Руси: въ старшемъ сынѣ Романовомъ съ блестящею храбростью соединялся ясный смыслъ, государственное пониманіе; отношенія его къ брату Васильку Волынскому представляютъ образецъ братской любви и согласія. Волости не дробятся, ибо сынъ Василька, Владиміръ, умирая бездѣтнымъ, отказываетъ Волынь сыну Даніилову Мстиславу; мало того, — при сынѣ Льва, Юріи, видимъ соединеніе Галича и Волыни подъ одну власть; при внукѣ этого Юрія, Юріи II-мъ, видимъ также соединеніе обѣихъ волостей, потому что этотъ князь пишетъ свои грамоты то во Львовѣ, то во Владимірѣ. Несмотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, Юго-Западная Русь не собралась въ одно государство подъ знаменемъ своихъ родныхъ князей изъ племени Романа Великаго: мы не знаемъ никакихъ подробностей о княженіи внуковъ Даніиловыхъ, мы знаемъ только имена ихъ и титулы, какъ они сохранились въ грамотахъ ихъ къ Нѣмецкому Ордену: читаемъ въ этихъ грамотахъ имя Юрія, который называетъ себя королемъ Русскимъ и княземъ Владимірскимъ; въ другой грамотѣ находимъ имена сыновей его, Андрея и Льва; наконецъ есть позднѣйшія грамоты отъ Андреева сына Юрія, князя всей Малой Россіи [1]). Эти грамоты важны для насъ еще въ другомъ отношеніи; онѣ показываютъ, что въ Галичѣ и на Волыни бояре и дружина сохранили по-прежнему свое важное значеніе, ибо грамоты написаны не отъ имени одного князя, но также отъ имени знатнѣйшихъ бояръ и дружины вообще [2]); въ числѣ бароновъ (бояръ) упоминается и епископъ Галицкій; послѣдняя грамота Юрія II-го относится къ 1335 году. Но въ то время, какъ Юго-Западная Русь не воспользовалась благопріятными обстоятельствами и закоснѣла въ старинѣ своей, сосѣднія государства, Литовское и Польское, успѣли усилиться внутри единовластіемъ и пріобрѣли такимъ образомъ возможность дѣйствовать наступательно на Русь. Мы видѣли, что по смерти Миндовговой, предположенное соединеніе Руси съ Литвою не состоялось: Литовцы, послѣ убіенія Воишелкова, выбрали себѣ князя изъ своего народа. При этомъ князѣ и его преемникахъ продолжалось и кончилось начатое еще прежде утвержденіе литовскаго господства въ русскихъ княжествахъ — Полоцкомъ, Туровскомъ и отчасти Волынскомъ. Въ 1315 г., послѣдовала перемѣна въ династіи князей литовскихъ, произведенная знаменитымъ Гедиминомъ. Примѣромъ сильныхъ противорѣчій, которыми наполнены источники Литовской и Малороссійской исторіи, служатъ извѣстія о происхожденіи Гедимина: одни [3]) говорятъ, что Гедиминъ былъ конюшимъ великаго князя Витенеса, въ заговорѣ съ молодою женою послѣдняго убилъ своего государя и овладѣлъ его престоломъ; другіе утверждаютъ [4]), что Гедиминъ былъ сынъ Витенеса и получилъ престолъ литовскій по смерти отца, пораженнаго громомъ; наконецъ есть извѣстіе, что Гедиминъ былъ братъ Витенеса [5]).

Въ самомъ началѣ княженія Гедимина уже упоминается о столкновеніяхъ его съ князьями русскими, галицкими и волынскими; можемъ принять извѣстіе, что эти князья хотѣли, сообща съ Нѣмецкимъ Орденомъ, сдержать опасныя стремленія Литовскаго владѣльца и первые начали противъ него наступательное движеніе. Но за вѣрность дальнѣйшихъ извѣстій о ходѣ борьбы историкъ ручаться уже не можетъ; по однимъ свидѣтельствамъ, въ 1320 году Гедиминъ предпринялъ походъ на Владиміръ-Волынскій, гдѣ княжилъ Владиміръ Владиміровичъ, подъ предводительствомъ котораго граждане оказали упорное сопротивленіе; наконецъ князь Владиміръ палъ, и стольный городъ его отворилъ ворота побѣдителю, причемъ въ войскѣ Гедиминовомъ Литва занимала незначительную часть, большинство же состояло изъ Русскихъ—Полочанъ, жителей Новгородка, Гродна [6]). Такимъ образомъ, по однимъ извѣстіямъ Владимірское княжество завоевано Гедиминомъ; но по другимъ [7])—Владиміръ, Луцкъ и вся Земля Волынская достались Любарту, сыну Гедиминову, котораго послѣдній князь этой страны, не имѣя сыновей, принялъ къ дочери. Здѣсь сказано, что Луцкъ, вмѣстѣ съ Владиміромъ, взятъ былъ Любартомъ въ приданое за женою; а по другимъ извѣстіямъ, въ Луцкѣ княжилъ особый князь, Левъ Юрьевичъ, который, испугавшись участи князя Владимірскаго, бросилъ свой стольный городъ и убѣжалъ въ Брянскъ, гдѣ у него были родственники; Луцкъ поддался Гедимину, и бояре, собранные со всей Волыни, признали его своимъ княземъ, удержавъ прежніе права, обычаи, вѣру. На слѣдующій 1321 годъ [8]) Гедиминъ двинулся къ Кіеву, которымъ владѣлъ какой-то князь Станиславъ; на помощь къ нему пришелъ Олегъ, князь Переяславскій, Святославъ и Василій, князья брянскіе, и,

[1]) Карамз. IV, прим. 268, 276.

[2]) Cum nostris Baronibus, nec non commilitaribus, или пог una cum dilectis et fidelibus, nostris Baronibus militibusque.

[3]) Annales Oliviensis, Dlugosz, Miehovita, Bielski, Kromer.

[4]) Хроника Быховца, Стрыйковскій.

[5]) Такъ какъ выгодно было измѣнить послѣ первое преданіе въ пользу Гедимина и его сильнаго потомства, то мы соглашаемся вѣрить болѣе этому первому преданію. Нарбутъ (Dzieje narod. Litew. t. IV, p. 455) старается подтверждать второе преданіе или мнѣніе письмомъ Гедимина къ папѣ Іоанну XXII: «Ista enim, pater reverende, vobis scripsimus, ut sciatis, quare progenitores nostri in errore infidelitatis et incredulitatis decesserunt».— Нарбутъ находитъ здѣсь доказательство, что Гедиминъ происходитъ отъ Витенеса; но можно понимать progenitores nostri такъ, что Гедиминъ, отъ лица всѣхъ Литовцевъ, говоритъ о своихъ отцахъ. И въ этомъ же письмѣ находимъ ясное доказательство противнаго: Гедиминъ называетъ Витенеса только предшественникомъ своимъ (praedecessor), а не отцомъ.

[6]) Narbut IV, p. 486; Густин. лѣтоп., стр. 348.

[7]) Лѣтописецъ Даниловича, стр. 27.

[8]) Но мы видѣли, что во Владимірѣ еще въ 1335 г. былъ особый князь Юрій Андреевичъ.

вмѣстѣ съ ними, бѣжавшій изъ Волыни князь Левъ. Надъ рѣкою Ирпенемъ сошлись непріятели—и Гедиминъ побѣдилъ; князья Олегъ и Левъ были убиты, Станиславъ убѣжалъ въ Брянскъ съ тамошними князьями; Бѣлгородъ сдался побѣдителю, но Кіевъ выдержалъ двухмѣсячную осаду; наконецъ граждане, не видя ни откуда помощи, собрались на вѣче и рѣшили поддаться Литовскому князю, который съ тріумфомъ въѣхалъ въ Золотыя ворота. Другіе города русскіе послѣдовали примѣру Кіева; Гедиминъ оставилъ вездѣ старый порядокъ, только посажалъ своихъ намѣстняковъ и гарнизоны по городамъ. Намѣстникомъ въ Кіевѣ былъ назначенъ Миндовгъ, князь Гольшанскій. Новгородская лѣтопись подъ 1331 годомъ упоминаетъ о Кіевскомъ князѣ Ѳедорѣ, который, вмѣстѣ съ татарскимъ баскакомъ, гнался, какъ разбойникъ, за Новгородскимъ владыкою Василіемъ, шедшимъ отъ митрополита изъ Волыни: Новгородцы, провожавшіе владыку, остереглись—и Ѳедоръ не посмѣлъ напасть на нихъ [1]).

Какъ бы то ни было, переворотъ, произведенный на сѣверѣ своими князьями, потомками Св. Владиміра, былъ произведенъ на югѣ княземъ Литовскимъ, который, тѣмъ или другимъ способомъ, собралъ Русскую Землю подъ одну власть. Гедиминъ умеръ въ 1339 году, оставивъ семерыхъ сыновей: Монвида, князя Корачевскаго и Слонимскаго, который скоро послѣдовалъ за отцомъ въ могилу; Нариманта-Глѣба, князя Туровскаго и Пинскаго, котораго мы видѣли въ Новгородѣ; отъ второй жены Ольги, Русской родомъ, Гедиминъ оставилъ Олгерда, который, женившись на дочери князя Витебскаго, получилъ это княжество за женою въ приданое; кромѣ Олгерда, отъ Ольги Гедиминъ имѣлъ другого сына, Кейстута, князя Троцкаго. Отъ третьей жены, Еввы, также княжны Русской, онъ оставилъ Любарта-Владиміра, князя Волынскаго; Коріата-Михаила, князя Новгородскаго, наконецъ Евнутія, князя Виленскаго. Послѣдній, несмотря на то, что былъ младшій, получилъ однако стольный городъ отцовскій, быть можетъ, по стараніямъ матери своей; но двое старшихъ Гедиминовичей—Олгердъ и Кейстутъ—отняли у Евнутія старшій столъ. Олгердъ и Кейстутъ жили между собою очень дружно, говоритъ лѣтописецъ Западной Руси [2]), а князь великій Евнутій, державшій старшинство, не полюбился имъ, и сговорились они между собою, какъ бы Евнутія изъ Вильны выгнать. Сговорившись, положили срокъ, въ который день взять Вильну подъ братомъ Евнутіемъ. Князь Олгердъ изъ Витебска не поспѣлъ къ тому сроку, а князь Кейстутъ одинъ напалъ на Вильну и прорвался въ городъ; великій князь Евнутій спасся бѣгствомъ въ горы, отморозилъ ноги и попался въ плѣнъ. Привезли его къ брату Кейстуту; тотъ отдалъ его подъ стражу, а самъ послалъ гонца сказать Олгерду, чтобъ шелъ скорѣе въ Вильну, и что Евнутій уже въ ихъ рукахъ. Когда Олгердъ пришелъ, то Кейстутъ сказалъ ему: „Тебѣ слѣдуетъ быть великимъ княземъ въ Вильнѣ, ты старшій братъ, а я съ тобою буду жить заодно", и посадилъ его на великомъ княженіи въ Вильнѣ, а Евнутію дали Изяславль. Потомъ уговорились оба князя между собою, чтобъ всей братіи слушаться князя Олгерда; условились—что добудутъ, городъ ли, волость ли, все дѣлить пополамъ, и жить до смерти въ любви, не мыслить лиха одному на другого. Олгердъ и Кейстутъ поклялись и сдержали клятву. Такъ разсказываетъ лѣтописецъ Литовскій; Московскій же лѣтописецъ говоритъ, что Олгердъ и Кейстутъ напали внезапно въ Вильнѣ на двухъ братьевъ, Нариманта и Евнутія; жители города испугались, и Наримантъ бѣжалъ въ Орду, а Евнутій сперва во Псковъ, оттуда въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Москву, къ преемнику Калиты, Симеону Ивановичу, здѣсь былъ крещенъ и названъ Иваномъ [3]) (1346 г.).

Но въ то время, какъ единовластіе утверждалось въ Восточной Руси, благодаря князьямъ Московскимъ, и въ Западной, вслѣдствіе подчиненія ея князьямъ Литовскимъ, въ Польшѣ также утвердилось оно послѣ великихъ смутъ, происходившихъ въ этой странѣ въ концѣ XIII и началѣ XIV вѣка. Мы видѣли, что въ 1300 году въ Краковѣ утвердился чужой князь, Вячеславъ, король Чешскій. Но по смерти Вячеслава, Владиславу Локетку, котораго характеръ исправился въ школѣ бѣдствій, удалось, послѣ безчисленныхъ затрудненій, утвердиться на тронѣ и успокоить Польшу (1319 г.). Правленіе Локетка особенно замѣчательно тѣмъ, что съ его времени аристократія въ Польшѣ уступаетъ мѣсто шляхетской демократіи, потому что король, имѣя нужду въ шляхтѣ, по причинѣ безпрестанныхъ и тяжкихъ войнъ, призвалъ ее на сеймъ для совѣщанія о дѣлахъ общественныхъ; такимъ образомъ, при Локеткѣ положено начало той шляхетской волѣ и власти, которыя имѣли такое сильное вліяніе на будущую судьбу Польши, были главною

[1]) Карамзинъ считаетъ этого Ѳедора княземъ Россійскимъ; но для этого нѣтъ никакого основанія. Стадницкій (Synowie Gedymina, II, 25) старается такъ представить дѣло: «Гедиминъ началъ войну съ двумя князьями, господствовавшими на Руси Червонной и на Волыни. Занявши Брестъ и Пинскую область, двинулся дальше въ глубь Волыни и поразилъ обоихъ князей, причемъ старшій Андрей (Владиміръ лѣтописи) лишился жизни. Но побѣда не была такъ рѣшительна, какъ ее представляетъ лѣтописецъ: это видно уже изъ того, что Гедиминъ не занялъ Руси Червонной. Умершій Андрей имѣлъ сына Юрія, съ которымъ должно было войти въ договоры. Этотъ Юрій до смерти своей владѣлъ Русью Червонною и Владимірскимъ княжествомъ. Дядя его, Левъ, князь Луцкій, имѣлъ только дочь, которую выдалъ за Любарта, сына Гедиминова. Кіево-Печерская рукопись XVI вѣка говоритъ, что Гедиминъ въ 1333 году пошелъ на князя Кіевскаго Станислава, разбилъ его русско-татарское войско на рѣкѣ Ирпени, и, выгнавши Татаръ, подчинилъ себѣ Кіевъ. По Литовской лѣтописи, Левъ Луцкій, тесть Любарта, поспѣшилъ на помощь кіевскому собрату, и нашелъ смерть въ битвѣ».

[2]) Лѣтопись Даниловича, стр. 27. Стадницкій не безъ основанія думаетъ, что Монвидъ былъ князь Керновскій, а не Корачевскій.

[3]) Никон. III, 182.

причиною ея паденія. Тщетно сынъ и преемникъ Владислава Локетка, Казиміръ Великій, старался обуздать эту волю и власть и защищать низшее народонаселеніе: онъ не могъ произвести никакой перемѣны въ этомъ отношеніи [1]). Въ исторіи Юго-Западной Руси Казиміръ Великій замѣчателенъ тѣмъ, что ему удалось присоединить къ Польшѣ королевство Галицкое. Какъ видно, потомство Романа Великаго въ мужескомъ колѣнѣ пресѣклось смертію Юрія II-го, и преемникомъ послѣдняго въ Галичѣ мы видимъ племянника его отъ сестры Маріи, Болеслава, князя Мазовецкаго. Но Болеславъ возбудилъ противъ себя сильное негодованіе новыхъ подданныхъ: онъ угнеталъ ихъ тяжкими податями, насиловалъ ихъ женъ и дочерей, окружилъ себя Поляками, Чехами, Нѣмцами, раздавалъ имъ должности мимо туземцевъ, наконецъ старался ввести латинство. Галичане отравили его ядомъ; тогда Казиміръ Великій, пользуясь несогласіемъ бояръ относительно выбора князя, въ два похода успѣлъ овладѣть княжествомъ Мстислава Торопецкаго и Даніила Романовича (1340 г.).

На восточной сторонѣ Днѣпра замѣчательны для насъ событія, происходившія въ княжествѣ Брянскомъ; замѣчательны они по соотвѣтствію событіямъ, которыя видимъ въ другихъ княжествахъ русскихъ въ описываемое время: вездѣ князья обнаруживаютъ одинакія стремленія—усилиться во что бы то ни стало насчетъ другихъ, и вездѣ борьба эта, ведущаяся по инстинкту самосохраненія, принимаетъ суровый характеръ, сопровождается кровавыми явленіями. Подъ 1309 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Святославъ Глѣбовичъ выгналъ племянника своего, князя Василія, изъ Брянска, и самъ сѣлъ на его мѣсто. Василій ушелъ въ Орду жаловаться хану на дядю, и въ слѣдующемъ году пришелъ подъ Брянскъ съ татарскимъ войскомъ. Въ городѣ всталъ сильный мятежъ. Въ это время находился здѣсь митрополитъ Петръ, который сталъ уговаривать Святослава подѣлиться волостью съ племянникомъ, или, оставивши ему все, бѣжать изъ города, а не биться. Но Святославъ надѣялся на свою силу и на мужество; былъ онъ крѣпокъ тѣломъ, очень храбръ и потому не послушался митрополита, отвѣчалъ ему: „Господинъ! Брянцы меня не пустятъ, они хотятъ за меня головы свои сложить“. Святославъ не хотѣлъ даже защищаться въ стѣнахъ города, но вышелъ на полдень пути отъ Брянска и сразился съ Татарами. Послѣдніе, по обычаю, сначала помрачили воздухъ стрѣлами, потомъ, когда дѣло дошло до копій и сабель, то Брянцы - крамольники, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, выдали князя Святослава, бросили стяги и побѣжали; Святославъ остался только съ однимъ дворомъ своимъ, бился долго, наконецъ былъ убитъ. Митрополитъ Петръ затворился въ церкви и тамъ спасся отъ Татаръ. Князь Василій, овладѣвши Брянскомъ, не терялъ времени и случая: въ томъ же году ходилъ съ Татарами къ Корочеву и убилъ тамошняго князя Святослава Мстиславича. Смерть Василія Брянскаго помѣщена подъ 1314 годомъ; въ 1333 упоминается о походѣ князя Димитрія Брянскаго на Смоленскъ съ Татарами: бились много и заключили миръ [2]). Въ 1340 году Брянцы, злые крамольники, по выраженію лѣтописца, сошлись вѣчемъ и убили князя своего Глѣба Святославича, несмотря на увѣщанія митрополита Ѳеогноста.— Въ Корочевскомъ княжествѣ князь Андрей Мстиславичъ былъ убитъ племянникомъ своимъ, Василіемъ Пантелеичемъ, въ 1339 году.

---

[1]) Dlugossi Histor. Polon lib. IX, p. 1163. Et cmethonibus colonisque, ut a militaribus et Nobilibus non fierent oppressiones et injuriae: quo factum est, ut cmethones et coloni, sub militaribus Nobilibus degentes, quotiescumque per suos dominos et haeredes gravabantur, toties ad illum habebant fidum responsum atque recursum, ipseque pro illis et lorum injuriis, effectualem oppositionem severe et rigide interponebat, ut nemo, quantumcunque magnus, potens et dives auderet in suos esse cmethones violentus, gravis et injurius, rege Casimiro, unumquemque per sua factione, excessu, aut demerito digna multa coercente. Ob quam rem asperius (ut militaribus apparebat) in eos practicatam, sugillationem vitare non potuit, quin R u s t i c o r u m R e x a Nobilibus et militaribus vocitaretur... Tantae sane justitiae cultu et moderamine in omnes, tam nobiles quam agrestes, propensus, ut colonis propriis dominos et haeredes iniquitatem et injuriam inferre prohibuerit ipsosque juxsta ac peculiares tutatus est, homini de haerede suo querenti, monens ut ignili mercato et silice in campo reperto (si aliter non daretur) incendio se ultum iret, illum tradebat. Eaque licentia multorum hominum militarium, fortunas subjectorum expilantium, aut illos gravantium refrenavit.

[2]) Никонов. списокъ считаетъ Василія Брянскаго сыномъ Александра Глѣбовича Смоленскаго, дядю его Святослава Глѣбовичемъ, который былъ лишенъ Можайскаго княжества и взятъ въ плѣнъ Юріемъ Московскимъ; Карамзинъ (IV, прим. 242), обвиняя (голословно) Никон. въ смѣшеніи разныхъ князей, говоритъ, что Василій м о г ъ б ы т ь внукомъ прежде-упомянутаго Брянскаго князя Романа. Димитрій Брянскій по родословнымъ считается также Александровичемъ Смоленскимъ, слѣд. братомъ Василія.

Глава VI.

Событія въ княженіе сыновей Іоанна Калиты.

(1341—1362.)

Симеонъ Гордый; подручническія отношенія князей къ нему.—Походы Симеона на Смоленскъ и Новгородъ.—Волненія въ Новгородѣ, Твери и Рязани.—Событія въ Ярославлѣ и Муромѣ.—Дѣла татарскія и литовскія.—Олгердъ и борьба его съ Тевтонскимъ Орденомъ.—Войны Пскова съ литовскими Нѣмцами, Новгорода со Шведами.—Договоръ в. к. Симеона съ братьями.—Черная смерть.—Кончина и завѣщеніе Симеона Гордаго.—Соперничество преемника его Іоанна съ Суздальскимъ княземъ.—Война съ Рязанью.—Судьба Московскаго тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста.—Усобицы въ Муромѣ, Твери и Новгородѣ.—Отношенія къ Ордѣ и Литвѣ.—Смерть в. к. Іоанна.—Торжество сына его Димитрія надъ Суздальскимъ княземъ.—Московскіе бояре.

По смерти Калиты, всѣ русскіе князья отправились въ Орду; но соперничество ихъ съ богатымъ и сильнымъ Московскимъ княземъ было не возможно, и ханъ объявилъ старшаго сына Калиты, Симеона, великимъ княземъ Владимірскимъ. Благодаря усиленію Москвы, это уже не былъ теперь одинъ только титулъ; но чего опасались князья еще со временъ Мстислава Храбраго, то исполнилось:—они перестали быть родичами равноправными и стали подручниками. „Всѣ князья Русскіе даны были подъ руки Симеона“, говорятъ лѣтописи. Что князья хорошо понимали эту перемѣну; что сынъ Калиты заставилъ ихъ ее почувствовать,—доказательствомъ служитъ прозваніе Гордаго, которое ему они дали. Есть извѣстіе [1]), что Симеонъ, созывая князей для извѣстныхъ цѣлей своихъ, напоминалъ имъ, что Русь была только тогда сильна и славна, когда князья безпрекословно повиновались старшему, и что теперь только такимъ же безпрекословнымъ повиновеніемъ ему, Симеону, они могутъ освободиться отъ Татарскаго ига; но князья знали разницу между прежними и настоящими отношеніями; знали, къ чему поведетъ такая покорность.

Какъ бы то ни было, князья повиновались Симеону; Тверь не думала болѣе о борьбѣ: князь ея, Всеволодъ Александровичъ, отказался отъ мести за отца своего сыну Калиты, и отдалъ за Симеона Московскаго сестру свою, Марію, въ 1346 г., а въ 1349 г. племянникъ Александровъ, Михаилъ, сынъ великаго князя Тверскаго, Василія Михайловича, женился на дочери Симеоновой. Въ 1351 году лѣтопись упоминаетъ о походѣ Симеона съ двумя братьями—Иваномъ и Андреемъ—на Смоленскъ; но послы смоленскіе встрѣтили его на рѣкѣ Угрѣ и заключили миръ; причины похода и условія мира не извѣстны [2]).—

Въ то время, какъ Симеонъ, по смерти отца своего, находился въ Ордѣ, новгородскіе молодцы, какъ называетъ ихъ лѣтописецъ, повоевали и пожгли Устюжну; жители послѣдней нагнали ихъ и отняли добычу; но потомъ молодцы эти повоевали Бѣлозерскую волость. Мы видѣли, что Калита купилъ Бѣлозерскъ; Симеонъ долженъ былъ смотрѣть на этотъ городъ уже какъ на свою собственность: когда онъ возвратился изъ Орды, то первымъ его дѣломъ было послать въ Торжокъ за сборомъ дани, причемъ сборщики стали притѣснять жителей. Новоторжцы послали просить помощи у Новгородцевъ, и тѣ отправили войско, которое внезапно овладѣло Торжкомъ, схватило великокняжескихъ намѣстниковъ и сборщиковъ дани, перековало ихъ съ женами и дѣтьми, укрѣпило городъ, а Новгородцы между тѣмъ послали въ Москву сказать Симеону: „Ты еще не сѣлъ у насъ на княженіи, а уже бояре твои насильничаютъ“. Новоторжцы, боясь мести великаго князя, послали сказать Новгородцамъ, чтобъ они садились на коней и спѣшили къ нимъ на помощь; но чернь новгородская не захотѣла выступить въ походъ. Тогда новоторжская чернь, видя, что изъ Новгорода рать не приходитъ, встала на бояръ, говоря: „Зачѣмъ вы призвали Новгородцевъ? Они перехватили княжихъ людей, и намъ теперь приходится за это погибать!“ Черные люди вооружились, надѣли брони, пошли на дворы, гдѣ содержались московскіе плѣнники, освободили ихъ, а Новгородцевъ выпроводили изъ города, потомъ бросились на своихъ бояръ, домы ихъ разграбили, хоромы развезли, села опустошили; одного боярина, Семена Внучка, убили на вѣчѣ, остальные убѣжали въ Новгородъ. Между тѣмъ въ Москвѣ былъ съѣздъ всѣмъ князьямъ русскимъ:—Симеонъ Гордый шелъ въ походъ на Новгородъ; съ нимъ вмѣстѣ отправился и митрополитъ Ѳеогностъ. Новгородцы, узнавъ, что великій князь въ Торжкѣ со всею Землею Низовскою, начали собирать всю свою волость къ себѣ въ городъ, но сперва попытались кончить дѣло миромъ: владыку Василія от-

---

[1]) Татищ. IV, 346.

[2]) Никон. III, 195: «Князь великій Семенъ Ивановичъ съ братьею со княземъ Иваномъ и Андреемъ, и прочими князи собравше силу многу идоша ратью къ Смоленску. И дошедшимъ имъ Вышегорода на Поротви (между Вереею и Боровскомъ, Арцыб. II, 743), и ту пріидоша къ нему послы отъ в. князя литовскаго Олгерда Гедиминовича со многими дары о миру; онъ же не остави слова Олгердова миръ вся и послы отпусти съ миромъ, а самъ подвижесь еще ко Угри, хотя ити къ Смоленску, и ту пріидоша къ нему послы смоленскія. Онъ же стоявъ на Угри осмь дней, и своя послы посла въ Смоленскъ, и взя миръ возвратился къ Москвѣ».—Нѣтъ никакого основанія соединять приходъ пословъ Олгердовыхъ съ смоленскими дѣлами и думать, что Олгердъ присылалъ ходатайствовать о мирѣ съ Смоленскомъ; литовскіе послы приходили за миромъ для своего князя, получили миръ, послѣ чего Симеонъ продолжалъ походъ къ Смоленску и заключилъ съ послѣднимъ миръ на Угрѣ.

правили бить челомъ къ митрополиту, а тысяцкаго съ боярами—къ великому князю. Симеонъ согласился на миръ по старымъ грамотамъ новгородскимъ, но взялъ за это черный боръ по всей волости и 1,000 рублей съ Торжка, послѣ чего отпустилъ намѣстника въ Новгородъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Симеонъ, кромѣ денегъ, потребовалъ еще неслыханнаго до тѣхъ поръ униженія отъ пословъ новгородскихъ; прозваніе „Гордый" побуждаетъ вѣрить этому свидѣтельству [1]). Только въ 1347 году Симеонъ, по зову владыки Василія, пріѣзжавшаго за тѣмъ въ Москву, отправился въ Новгородъ, гдѣ сѣлъ на столъ и пробылъ три недѣли.

Сторонъ княжескихъ теперь не могло быть болѣе въ Новгородѣ, ибо нельзя стало болѣе выбирать изъ многихъ князей; но существованіе сильныхъ сторонъ боярскихъ очевидно изъ разсказовъ лѣтописца о внутреннихъ дѣлахъ Новгорода. Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о смерти посадника Варѳоломея, сына Юрія Мишинича; мѣсто его заступилъ прежній посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ. Вскорѣ послѣ этого Лука Варѳоломеичъ, какъ видно сынъ умершаго посадника, противъ воли Новгорода, не взявши благословенія ни у митрополита, ни у владыки, собравши бродячихъ холопей, пошелъ за Волокъ на Двину, поставилъ городокъ Орлецъ и, набравши Ечманъ [2]), опустошилъ всю Землю Заволоцкую по Двинѣ, взялъ всѣ погосты на щитъ; потомъ, отпустивши сына своего Онисифора на Вагу, выѣхалъ воевать только съ двумя стами человѣкъ, и былъ убитъ Заволочанами. Когда пришла въ Новгородъ вѣсть о смерти Луки, то черные люди встали на какого-то Андрюшку, да на посадника Ѳедора Даниловича, пограбили ихъ домы и села, обвиняя ихъ въ убійствѣ Луки. Ѳедоръ и Андрюшка убѣжали въ Копорье и сидѣли тамъ всю зиму до Великаго поста, когда возвратился съ Ваги Онисифоръ и сталъ бить на нихъ челомъ Новгороду: „Ѳедоръ и Андрюшка заслали убить моего отца",—говорилъ онъ. Владыка и Новгородъ послали архимандрита съ боярами въ Копорье привести оттуда обвиненныхъ; Ѳедоръ и Андрей пріѣхали и объявили: „Не думали мы на брата своего Луку, чтобъ его убить, не засылали на него". Тогда Онисифоръ вмѣстѣ съ Матвѣемъ [3]) собрали вѣче у Св. Софіи, а Ѳедоръ и Андрей собрали другое вѣче на Ярославовомъ дворѣ; Онисифоръ и Матвѣй послали-было на это вѣче владыку, но, не дождавшись его возвращенія, ударили на Ярославовъ дворъ, были разбиты, Матвѣй Коска (Козка) съ сыномъ попались въ руки враговъ, а Онисифоръ убѣжалъ съ своими пособниками. Это случилось утромъ; а послѣ обѣда вооружился весь городъ, раздѣлившись на двѣ стороны; однако владыко Василій съ великокняжескимъ намѣстникомъ Борисомъ помирили гражданъ; крестъ былъ возвеличенъ, а дьяволъ посрамленъ, говоритъ лѣтописецъ. Послѣ этого, какъ видно, посадникомъ былъ избранъ Евстаѳій Дворянинецъ; но въ 1345 г. онъ былъ лишенъ посадничества, которое было отдано упомянутому выше Матвѣю Варѳоломеевичу, по всѣмъ вѣроятностямъ дядѣ Онисифорову, сыну покойнаго посадника Варѳоломея: „Божею благодатію, говоритъ лѣтописецъ, не было лиха между ними", т.-е. между старымъ и новымъ посадникомъ. Потомъ, какъ видно, Матвѣй опять скоро былъ свергнутъ и замѣщенъ Дворянинцемъ, по смерти котораго видимъ, въ 1348 году, посадникомъ опять Ѳедора Даниловича. Въ 1350 году Ѳедоръ Даниловичъ былъ свергнутъ, и посадничество отдано извѣстному Онисифору Лукиничу; но этимъ дѣло не кончилось: скоро Ѳедора выгнали съ тремя братьями, пограбили домы ихъ и всю Прусскую улицу; изгнанники отправились сперва во Псковъ, а потомъ въ Копорье.

Въ остальныхъ княжествахъ происходили волненія другого рода. Въ Твери до 1346 года княжилъ Константинъ Михайловичъ. Стремясь, подобно всѣмъ князьямъ, усилить себя насчетъ родичей, онъ началъ тѣснить вдову брата своего Александра, Анастасію, и сына его, Всеволода Александровича, князя Холмскаго, силою захватывалъ бояръ и слугъ ихъ [4]). Всеволодъ не могъ сносить этихъ притѣсненій—и ушелъ въ Москву къ Симеону; потомъ, въ томъ же 1346 году, и Константинъ и Всеволодъ поѣхали въ Орду, гдѣ Константинъ умеръ, а Всеволодъ выхлопоталъ у хана ярлыкъ на княженіе, несмотря на то, что у него оставался еще дядя, Василій Михайловичъ, князь Кашинскій. Послѣдній, услыхавъ о братней смерти, спѣшилъ также въ Орду, но зная, что туда не зачѣмъ ѣздить съ пустыми руками, взялъ дань съ племянниковой Холмской волости и отправился; Всеволодъ, узнавши о поступкѣ дяди и о поѣздкѣ его въ Орду, выѣхалъ оттуда къ нему на-встрѣчу вмѣстѣ съ ханскимъ посломъ и ограбилъ его, вслѣдствіе чего Василій долженъ былъ возвратиться въ свою отчину—Кашинъ. Понятно, что вражда между дядею и племянникомъ не кончилась этимъ, а только началась: „Была между ними ссора, говоритъ лѣтописецъ, а людямъ тверскимъ тягость, и многіе люди тверскіе отъ такого нестроенія разошлись; вражда была сильная между князьями, чуть-чуть не дошло до кровопролитія". Однако любопытно, что кровопролитія не было: не любили его сѣверные князья, старались кончить дѣло какими-нибудь другими средствами. Въ 1349 году епископу Ѳеодору удалось помирить князей: Всеволодъ уступилъ Тверь дядѣ, и оба укрѣпились между со-

[1]) Татищ. IV, 147: «Князь же великій рече имъ: аще хощутъ милости и мира отъ меня, да пріидутъ предъ мя посадники и тысяцкій боси, просятъ при всѣхъ князѣхъ на колѣняхъ» и проч.

[2]) См. Исторію Рос. т. I, стр. 206, пр. 5.

[3]) Подъ 1340 годомъ упоминается Матвѣй Варѳоломеевичъ, посланный въ Торжокъ дѣйствовать тамъ противъ в. князя; отечество показываетъ, какъ будто бы онъ былъ дядя Онисифору.

[4]) Никонъ III, 184: «И нача имати бояръ ихъ слуги въ серебрѣ заволости, чрезъ людцкую силу».

бою крестнымъ цѣлованіемъ, поклялись жить въ совѣтѣ и единствѣ; и вотъ, когда узнали, что князья помирились, то пошли къ нимъ отовсюду люди въ города ихъ и волости, народонаселеніе умножилось, и всѣ Тверичи сильно радовались. Но радовались они не долго: только-что Василій получилъ ярлыкъ изъ Орды, какъ началъ опять сердиться на племянника, припоминая, какъ тотъ ограбилъ его на дорогѣ въ Орду; средства къ угнетенію племянника употреблены были и Василіемъ тѣ же самыя, какія прежде употреблялъ Константинъ: онъ сталъ притѣснять бояръ и слугъ Холмскаго князя. Но подобныя явленія происходили не въ одномъ Тверскомъ княжествѣ: мы видѣли, что Рязанскій князь Иванъ Ивановичъ Коротополъ убилъ родственника своего Александра Михайловича Пронскаго. Въ 1342 году сынъ убитаго Александра, Ярославъ, выхлопоталъ себѣ ярлыкъ и выгналъ самого Коротопола изъ Переяславля-Рязанскаго [1]); потомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Коротополъ былъ убитъ — не извѣстно гдѣ, кѣмъ и какъ, а подъ 1344 годомъ упоминается о смерти Ярослава Пронскаго.—Подъ 1349 годомъ упоминается о смерти Рязанскаго князя Василія Александровича, какъ видно, брата Ярославова, послѣ чего видимъ въ Рязани княземъ знаменитаго Олега Іоанновича. Въ 1344 году умерли князья — Василій Давыдовичъ Ярославскій и Василій Муромскій; преемникъ послѣдняго, Юрій Ярославичъ обновилъ отчину свою Муромъ, запустѣлый издавна, со временъ первыхъ князей; Юрій поставилъ дворъ свой въ этомъ городѣ; его примѣру послѣдовали бояре, вельможи, купцы и черные люди.

Въ Ордѣ въ 1340 году умеръ ханъ Узбекъ; старшій сынъ и преемникъ его, Тинбекъ (Инсанбегъ) былъ убитъ въ 1342 году младшимъ братомъ своимъ Чанибекомъ. Пять разъ ходилъ Симеонъ Московскій въ Орду, и всякій разъ возвращался оттуда со многою честію и пожалованіемъ, по выраженію лѣтописца: о татарскихъ опустошеніяхъ, насиліяхъ баскаковъ и пословъ не слышно и въ княженіе Симеона, какъ въ княженіе отца его; только разъ, подъ 1347 годомъ, лѣтописецъ упоминаетъ о приходѣ ордынскаго князя Темира подъ городъ Алексинъ: Татары сожгли посадъ и возвратились въ Орду съ большой добычею. Съ отношеніями татарскими при Симеонѣ соединились литовскія. Мы видѣли, что въ то самое время, какъ на сѣверо-востокѣ усилились Московскіе князья и стали собирать Русскую Землю, на юго-западѣ то же самое дѣло совершено было князьями Литовскими; но какъ скоро обѣ половины Руси собрались въ два сильныя тѣла, то и вступили въ борьбу между собою. Гедиминъ занятъ былъ подчиненіемъ себѣ волостей Юго-Западной Руси; сынъ его, Олгердъ, спокойный съ этой стороны, обратилъ вниманіе на Сѣверо-Восточную. Олгердъ, по отзыву нашего лѣтописца, былъ очень уменъ, говорилъ на разныхъ языкахъ, не любилъ забавъ, и занимался дѣлами правительственными день и ночь; былъ воздерженъ, вина, пива, меду и никакого хмельнаго напитка не пилъ, и отъ этого пріобрѣлъ великій разумъ и смыслъ, коварствомъ своимъ многія земли повоевалъ и увеличилъ свое княжество [2]). Въ 1341 году Олгердъ явился подъ Можайскомъ, опустошилъ окрестности, пожегъ посадъ, но города взять не могъ [3]). Мы видѣли, что Евнутій, братъ Олгердовъ, нашелъ убѣжище въ Москвѣ у Симеона. Но литовскіе князья, подобно соперникамъ своимъ, князьямъ московскимъ, отличаются большою осторожностію въ своемъ поведеніи, не любятъ рѣшительныхъ средствъ, открытой борьбы, гдѣ въ одной битвѣ можно потерять собранное многолѣтними трудами. Олгердъ, коварству котораго удивляется лѣтописецъ, вздумалъ погубить Московское княжество посредствомъ Татаръ, для чего въ 1349 году отправилъ брата своего, Коріада, къ Чанибеку просить у него помощи на Симеона. Тотъ, узнавши объ этомъ, немедленно послалъ сказать хану: „Олгердъ опустошилъ твои улусы (юго-западныя Русскія волости) и вывелъ ихъ въ плѣнъ, теперь то же хочетъ сдѣлать и съ нами, твоимъ вѣрнымъ улусомъ, послѣ чего, разбогатѣвши, вооружится и на тебя самого". Ханъ былъ столько уменъ, что понялъ справедливость словъ Симеоновыхъ, задержалъ Коріада и выдалъ его Московскому князю. Олгердъ присмирѣлъ на время, и отправилъ пословъ въ Москву съ дарами и челобитьемъ, прося освободить брата; Симеонъ исполнилъ просьбу. Мало того: оба брата, Олгердъ и Любартъ, женатые и прежде на княжнахъ русскихъ и овдовѣвшіе въ одинъ годъ, прислали къ Симеону просить за себя двухъ его родственницъ: Любартъ—племянницу, княжну Ростовскую, а Олгердъ—свояченицу, княжну Тверскую. Симеонъ спросился митрополита, и тотъ разрѣшилъ эти браки, вѣроятно имѣя въ виду пользу, какая могла произойти отъ нихъ для православной Юго-Западной Руси, гдѣ Любартъ Волынскій боролся съ Казимиромъ Польскимъ, угнетавшимъ православіе [4]).—Съ Новгородомъ также было у Олгерда враждебное столкновеніе въ 1346 году: Литовскій князь вошелъ въ новгородскіе предѣлы со всею братьею и со всею Литовскою Землею, сталъ на рѣкѣ Шелони, при впаденіи въ нее Пшаги, и послалъ объявить Новгородцамъ: „Хочу съ вами видѣться: бранилъ меня посадникъ вашъ, Евстаѳій Дворянинецъ, называлъ псомъ",—послѣ чего опустошилъ страну по рѣкамъ Шелони и Лугѣ, и пошелъ домой; Новгородцы вышли-было противъ него на Лугу, но возвратились къ себѣ въ городъ, собрали вѣче и убили посадника своего Дворя-

[1]) Никон. III, 178: «А князь Ярославъ Пронскій сяде во градѣ Ростиславѣ рязанскомъ». — Погостъ Рощисловъ, или Ратисловъ, см. Арц. II, прим. 705.

[2]) Никон. III, 174; у Татищева (IV, 165) въ такихъ же выраженіяхъ говорится и о Симеонѣ Московскомъ.

[3]) Никон. III, 174; тамъ же: «Того же лѣта взяша Литва Тишиновъ и со многимъ полономъ возвратишася во свояси».

[4]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 84.

ница, крича ему: „Изъ-за тебя опустошили нашу волость“.

Но не одна врожденная осторожность заставляла Олгерда дѣйствовать нерѣшительно противъ Сѣверо-Восточной Руси: онъ сдерживался на западѣ опасною борьбою съ Нѣмецкимъ Орденомъ, вліяніе котораго на судьбы восточной Европы становится такимъ образомъ еще важнѣе. Мы видѣли, что торжествомъ своимъ надъ Пруссами Орденъ былъ обязанъ преимущественно ихъ раздѣленію на многія независимыя племена, не могшія потому выставить завоевателямъ дружнаго сопротивленія. Но борьба перемѣнила характеръ, когда рыцари, окончивъ завоеваніе Пруссіи, обратились на Литву, ибо здѣсь, благодаря стремленіямъ Миндовга и его преемниковъ, они должны были имѣть дѣло съ соединенными силами цѣлой страны, силами, которыя постоянно увеличивались,—сначала толпами Пруссовъ, которыя бѣжали отъ ига Нѣмцевъ, потомъ русскими волостями, входившими въ составъ великаго княжества Литовскаго. Послѣдніе годы тринадцатаго и первые четырнадцатаго вѣка протекли въ опустошительныхъ набѣгахъ рыцарей на Литовскія области и Литовцевъ—на владѣнія рыцарей; послѣднимъ не удалось стать твердою ногою на литовскомъ берегу Нѣмана. Неудачны были рѣчные походы рыцарей по Нѣману; огромная барка ихъ, сдѣланная въ видѣ пловучаго острожка, сѣла на мель и была сожжена Литовцами; одинаково неудачны были и походы сухопутные; взятіе литовскихъ крѣпостей стоило Ордену много трудовъ и крови. Въ 1336 году прибыли въ Пруссію маркграфъ Бранденбургскій, графъ Геннебергскій и графъ Намурскій съ многочисленными войсками, чтобъ помогать Ордену въ войнѣ съ язычниками. Магистръ Ордена воспользовался удобнымъ случаемъ, двинулся вмѣстѣ съ союзниками на Литву и осадилъ Пунэ, острожекъ, служившій пристанищемъ для Литвы, возвращавшейся съ набѣговъ. На этотъ разъ въ острожкѣ укрылось четыре тысячи окрестныхъ жителей съ женами, дѣтьми и со всѣмъ имуществомъ. Въ христіанскомъ ополченіи было много военныхъ машинъ, которыя такъ успѣшно били въ стѣны острожка, что осажденные скоро увидали невозможность защищаться долѣе и, несмотря на то, рѣшились лучше погибнуть съ женами и дѣтьми, чѣмъ сдаться врагу; оборонялись до послѣдней крайности, потратили много народа на вылазкахъ; всѣ способные къ бою были покрыты ранами, а между тѣмъ часть стѣнъ была уже раскачена таранами, другая грозила рухнуть отъ подкоповъ. Тогда Литвины перебили женъ и дѣтей, поклали трупы ихъ на огромный костеръ, сгроможденный среди крѣпости, зажгли его, и потомъ стали сами умерщвлять другъ друга; большую часть перебилъ Маргеръ, начальникъ крѣпости, поклявшійся, что, по умерщвленіи товарищей, самъ себя лишитъ жизни; много помогла Маргеру одна старуха, которая обезглавила топоромъ сто ратниковъ и потомъ убила сама себя; при видѣ входящихъ непріятелей. Нѣмцы безпрепятственно вступили въ крѣпость; оставшіеся въ живыхъ Литвины бросались сами подъ удары ихъ мечей. Маргеръ сдержалъ свое слово; онъ бился еще съ горстью отчаянныхъ храбрецовъ, и, когда всѣ они пали, бросился въ подземелье, гдѣ спряталъ жену, убилъ сперва ее, а потомъ и самого себя. Въ такомъ положеніи находились дѣла до 1346 г., когда великимъ магистромъ Ордена былъ избранъ Генрихъ фонъ-Арфбергъ. Новый магистръ началъ дѣйствовать рѣшительнѣе своихъ предшественниковъ, и борьба началась съ обѣихъ сторонъ съ большими усиліями, съ большимъ ожесточеніемъ. Арфбергъ проникъ до Трокъ, страшно опустошилъ ихъ окрестности, потомъ встрѣтился съ литовскими и русскими полками Олгерда и поразилъ ихъ въ злой сѣчѣ, какой еще не было до сихъ поръ между рыцарями и Литвою. Слѣдствіемъ побѣды было новое опустошеніе литовскихъ областей. Но Олгердъ не долго заставилъ ждать мести: онъ вторгнулся съ братьями въ предѣлы орденскихъ владѣній и съ лихвою отплатилъ за недавнее опустошеніе Литвы: войско Олгердово возвращалось уже домой, обремененное добычею, какъ было настигнуто великимъ магистромъ; произошла новая злая битва, и опять Литовцы потерпѣли пораженіе. Съ такимъ-то опаснымъ врагомъ долженъ былъ бороться Олгердъ на западѣ.

Прекращеніе внутренней борьбы дало возможность Ливонскому Ордену возобновить свои нападенія на Псковъ. Въ 1341 году, безъ объявленія войны, Нѣмцы убили псковскихъ пословъ; Псковичи отомстили имъ опустошеніемъ Ливонской области, и, видя, что скоро должно ожидать сильнаго нападенія, начали кланяться Новгородцамъ, чтобъ тѣ дали имъ намѣстника и помощь; Новгородцы не дали ни того, ни другого, а между тѣмъ Нѣмцы пришли со всею силою, поставили городокъ на псковской землѣ [1]). Псковичи начали мелкую войну, ѣздили воевать нѣмецкія села. Какъ производилась эта война, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа лѣтописца: двое удальцовъ—Филиппъ Ледовичъ и Олферій Селковичъ, подговоривши 60 человѣкъ По-

[1]) «Въ лѣто 6849, мѣсяца сентября въ 9 убиша Нѣмцы въ Латыгорѣ, на селѣ на Олочнѣ, псковскихъ пословъ пять мужъ Михаля Любиновича, Власія Колотиловича, Анѳима Полутарановича, на миру; и Псковичи, ѣхавше, повоеваше Латыгорѣ о князѣ Александрѣ о Всеволодовичѣ (неизвѣстномъ), мѣсяца декабря въ 21, тогда бяшетъ ему въ Псковѣ на княженіи. И князь Александръ учинивъ розратье съ Нѣмци, разгнѣвася на Псковичь и побѣже изъ Пскова, и Псковичи ѣхаше по немъ съ поклономъ до св. Пантелеймона и потомъ послаша Псковичи послове съ поклономъ и до Новгорода, и биша ему челомъ много (князю), и неворотишася (т. е. не воротися) и отречеся Псковичемъ. Поставиша новый городокъ (Нейгаузенъ) на рѣкѣ на Пивжѣ (Пимжѣ), и Псковичи въ то же время, коли Нѣмцы городокъ ставили, ѣхавше за Норову въ малѣ дружинѣ, взяша посадъ у Ругодива (Нарвы)... И тое весны поѣхавше въ лодьяхъ воевать, о Ильѣ о посадникѣ въ рѣку Омовжу, и повоевавше село нѣмецкое по обѣ стороны Омовжѣ до городка до Могилева». Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 186, 187.—Амовжа—Эмбахъ.

рѣчанъ [1]), послали спросить Островичей [2]): Хотите ли ѣхать воевать Латыгору? Островичи согласились и назначили срокъ, когда собраться всѣмъ вмѣстѣ на княжемъ селѣ—Изгояхъ. Порѣчане выѣхали въ назначенное мѣсто и время; но Островичи замедлили, а между тѣмъ нѣмецкій отрядъ, состоявшій болѣе чѣмъ изъ 200 человѣкъ, явился опустошать Псковскую область; 60 человѣкъ Псковичей, не дожидаясь товарищей, схватились биться съ Нѣмцами, бились съ солнечнаго восхода до полудня, потеряли Ледовича и Селковича и еще семь человѣкъ своихъ, утомились и отступили: очень было имъ тогда притужно, говоритъ лѣтописецъ. Нѣмцы не преслѣдовали ихъ, а начали переправлять трупы своихъ убитыхъ за рѣку Великую; въ это время явились Островичи съ посадникомъ своимъ Васильемъ Онисимовичемъ, ударили съ свѣжими силами на Нѣмцевъ, однихъ убили, другіе потонули въ рѣкѣ, а тѣ, которые переплыли ее съ трупами, бросились бѣжать, покинувши мертвыхъ. Потомъ 50 молодыхъ Псковичей сговорились идти на Нѣмцевъ, подъ начальствомъ Калеки Карпа Даниловича, и въ то же самое время Нѣмцы переѣхали Нарову рѣку и стали воевать псковскія села по берегу; Карпова дружина встрѣтилась съ ними на Кушели, у села, на болотѣ, схватились биться крѣпко, и убили на припорѣ 20 Нѣмцевъ, а остальные побѣжали прочь со стыдомъ, бросивши все, что пограбили. Зимою 1342 года Володша Строиловичъ поднялъ Псковичей воевать нѣмецкія села; поѣхали по озеру, по льду, и, услыхавъ, что Нѣмцы воюютъ село псковское Ремду, отправились туда и поразили ихъ.

Еще при самомъ началѣ непріятельскихъ дѣйствій, Псковичи, видя, что ни откуда нѣтъ помощи, послали въ Витебскъ, къ Литовскому князю Олгерду, велѣли сказать ему: „Братья наши Новгородцы насъ покинули, не помогаютъ намъ; помоги намъ ты, господинъ"! Олгердъ не оставилъ псковскаго слова безъ вниманія, и пріѣхалъ во Псковъ самъ съ братомъ своимъ Кейстутомъ, полками литовскими и русскими. Воевода Олгердовъ, князь Юрій Витовтовичъ, отправился на границу добывать языка и наткнулся на сильную рать нѣмецкую, которая шла къ Изборску. Потерявши 60 человѣкъ своей дружины, Юрій прибѣжалъ къ Изборскъ, и на другой день явились подъ этимъ городомъ Нѣмцы, „загородившись, въ силѣ тяжкой, безъ Бога, съ пороками, городами и со многимъ замышленіемъ, и обступили городъ Изборскъ, хотя плѣнить домъ Св. Николы". Тяжко было въ то время Изборску; послали жители его гонца во Псковъ „со многою тугою и печалію"; но князь Олгердъ и Кейстутъ и мужи ихъ Литовники отреклись идти противъ нѣмецкой силы; Олгердъ говорилъ Псковичамъ: „Сидите въ городѣ, не сдавайтесь, бейтесь съ Нѣмцами, и если только не будетъ у васъ крамолы, то ничего вамъ не сдѣлаютъ. А если мнѣ пойти съ своею силою на великую ихъ силу, то сколько тамъ падетъ мертвыхъ, и кто знаетъ, чей будетъ верхъ! Если, Богъ дастъ, и мы возьмемъ верхъ, то сколько будетъ побито народу; а какая будетъ изъ этого польза?" [3]) Пять дней стояли Нѣмцы подъ Изборскомъ, и вдругъ отступили, пожегши пороки и города свои, не зная, что въ Изборскѣ воды не было, и что онъ потому не могъ долго держаться. Послѣ этого Псковичи приняли много труда, уговаривая князя Олгерда креститься и сѣсть у нихъ во Псковѣ на княженіи; Олгердъ отвѣчалъ: „Я уже крещенъ, я уже христіанинъ, въ другой разъ креститься не хочу, и садиться у васъ на княженіе не хочу". Онъ согласился только на то, чтобъ сынъ его, Андрей, крестился и остался княжить въ Псковѣ [4]). Но, уѣзжая изъ Пскова, Олгердъ и Кейстутъ истребили въ Псковской области хлѣбъ и травы, такъ что зимою у жителей пало много лошедей и скота отъ безкормицы. Тогда Псковичи, видя, что помощи нѣтъ ни откуда, помирились съ Новгородомъ. Иначе разсказываетъ дѣло Новгородскій лѣтописецъ: въ началѣ войны, по его словамъ, псковскіе послы пріѣхали въ Новгородъ съ поклономъ: „Идетъ на насъ рать нѣмецкая, говорили они, кланяемся вамъ, господамъ своимъ, обороните насъ". Новгородцы, не медля ни мало, запечатали всѣ общины [5]), и выступили въ походъ, кто въ великую пятницу, а кто въ субботу. Но когда они дошли до села Мелетова [6]), пріѣхали опять послы псковскіе и объявили: „Кланяемся вамъ: рати на насъ нѣтъ; пришли Нѣмцы, но они ставятъ городъ на рубежѣ на своей землѣ". Новгородцы сначала хотѣли продолжать путь, но потомъ послушались просьбы пословъ и возвратились домой.

Въ маѣ 1334 года Псковичи, уговорившись съ

---

[1]) Село Порѣчье въ Псковскомъ уѣздѣ.

[2]) Городъ Островъ—Псковской губерніи.

[3]) Никон. III, 177. Эти слова вполнѣ очерчиваютъ характеръ Литовскаго князя.

[4]) Подробности въ Псковской лѣтописи: «И Юрей князь подъимъ Псковичь, и пріѣхавше къ Изборску и подъяша Изборянъ съ собою, и поѣхаша на сумежье языка добывать, и срѣтошася съ великою ратью съ нѣмецкою на Мекужизкомъ полѣ у Мекужицѣ у рѣчки... оступиша городъ Изборескъ... А Олигердъ князь и братъ его Кестутъ повелѣ своимъ Литовникомъ и Видбяномъ и Псковичемъ, бродитися за Великую рѣку, не вѣдаючи подъ Изборскомъ рати; и они перебродившеся сташе стаями на камнѣ. А князь Олигердъ посла своихъ людей 60 сторожу передъ полкомъ, и они ѣхавши языкъ яша за Холохолпомъ и приведоша ко князю Олигерду; и онъ повѣда силу велику нѣмецкія рати подъ городомъ Изборскимъ. И князь Олигердъ и братъ его Кестутъ осташася взади съ своими Литовниками и съ мужи Псковичи, въ малѣ дружинѣ, и поѣхаше въ Грамское болото и нача перепытывати нѣмецкіе рати. А Любко князь, сынъ Воиневъ полоцкаго князя, самъ другъ отъѣхаша отъ князя Олигерда и въѣхавше въ сторожевый полкъ нѣмецкій, не вѣдающу ему сторожеваго полка, и тако его убиша самодруга».—Теперь въ Псковскомъ уѣздѣ есть деревня Халахальня.

[5]) Обчины всѣ попечатавъ. Думаемъ, что здѣсь подъ именемъ обчинъ должно разумѣть все общественное, казенное зданіе, архивъ, деньги.

[6]) Псковскаго уѣзда.

Изборянами, подняли всю область Псковскую и поѣхали воевать Нѣмецкую Землю. Пять дней и пять ночей воевали они непріятельскія села около Медвѣжьей Головы (Оденпе), не слѣзая съ лошадей; воевали тамъ, гдѣ не бывали ихъ отцы и дѣды, и поѣхали назадъ во Псковъ съ большимъ полономъ. Нѣмцы, собравши силу, погнали вслѣдъ за ними и догнали недалеко отъ Новаго Городка (Нейгаузена) нѣмецкаго, на Маломъ Борку[1]). Стали Псковичи на бой, помолились Святой Троицѣ, Святымъ князьямъ своимъ — Всеволоду и Тимоѳею (Довмонту), простились другъ съ другомъ и сказали: „Не опозоримъ отцовъ, потянемъ за Св. Троицу и за Св. церкви, за свое отечество!" Была сѣча большая, и Богъ помогъ Псковичамъ: побили они Нѣмцевъ и стали на костяхъ, потерявши 17 человѣкъ убитыми; кромѣ того, нѣкоторые изъ нихъ обезпамятѣли отъ безсонницы и погибли, блуждая по лѣсу; иные, впрочемъ, вышли послѣ рати. Между тѣмъ, еще при самомъ началѣ битвы, Руда, священникъ борисоглѣбскій, пригналъ въ Изборскъ и распустилъ лихую вѣсть, что всѣхъ Псковичей и Изборянъ Нѣмцы побили; ту же вѣсть перенесъ и во Псковъ. Здѣсь поднялся плачъ и вопль, какого никогда прежде не бывало; отрядили гонцомъ въ Новгородъ Ѳому, старосту поповскаго, сказать тамъ: „Псковичи всѣ побиты, а вы, Новгородцы, братья наши, ступайте скорѣе, чтобы Нѣмцы не взяли прежде васъ города". Опамятовавшись однако немного, послали провѣдать, точно ли правду сказалъ Руда, и нашли, что Псковичи, которыхъ считали мертвыми, спокойно спятъ въ станѣ подъ Изборскомъ. Сильная радость смѣнила горе, когда пришла во Псковъ эта добрая вѣсть. — Лѣтъ шесть потомъ не было слышно о Нѣмцахъ; но въ 1348 г., когда войско псковское находилось въ новгородскихъ областяхъ, помогая Новгороду въ войнѣ со Шведами, Нѣмцы начали жечь псковскія села, а весною 1349 года отрядъ ихъ явился внезапно у Изборска. Въ это время жилъ во Псковѣ Литовскій князь Юрій Витовтовичъ; онъ вышелъ противъ Нѣмцевъ и былъ убитъ при первой стычкѣ; была тогда во Псковѣ скорбь и печаль великая, все духовенство проводило князя, и положили его въ церкви Св. Троицы. Въ томъ же году Нѣмцы поставили новую крѣпость надъ рѣкою Наровою. Псковичи подняли всю свою область и поѣхали — одни въ лодкахъ, другіе на лошадяхъ, пріѣхали къ Новому Городку, обступили и зажгли его; Нѣмцы и Чудь, которые въ немъ были, одни сгорѣли, другіе пометались изъ крѣпости, и были побиты Псковичами. Во всѣхъ этихъ войнахъ не упоминается о князѣ Андреѣ Олгердовичѣ; онъ не жилъ самъ въ Псковѣ, а держалъ намѣстника. Пока этимъ намѣстникомъ былъ храбрый и любимый Юрій Витовтовичъ, Псковичи молчали; но послѣ смерти его они послали сказать Андрею: „Тебѣ было, князь, сидѣть самому во Псковѣ на княженіи, а намѣстниками Пскова не держать; когда тебѣ не угодно сидѣть у насъ, въ другомъ мѣстѣ княжишь, то намѣстниковъ твоихъ не хотимъ". Этимъ поступкомъ Псковичи накликали на себя новыхъ враговъ: Олгердъ и Андрей немедленно захватили въ своихъ владѣніяхъ всѣхъ купцовъ псковскихъ, товаръ у нихъ отняли, самихъ отпустили только тогда, когда они заплатили окупъ; кромѣ того, Андрей изъ Полоцка повоевалъ псковскія села: Псковичи отомстили ему тѣмъ же.

Въ отношеніяхъ Пскова къ Новгороду произошла важная перемѣна вслѣдствіе войны Шведской. Еще во время малолѣтства короля Магнуса Эрихсона собрана была въ Швеціи десятина, для крестоваго похода на Русскихъ — язычниковъ, какъ величались они въ папскихъ буллахъ. Въ 1348 г. Магнусъ предпринялъ этотъ походъ. Послы его явились въ Новгородъ и объявили вѣчу отъ имени короля: „Пришлите на съѣздъ своихъ философовъ, а я пришлю своихъ, пусть они поговорятъ о вѣрѣ: хочу я узнать, какая вѣра будетъ лучше; если ваша будетъ лучше, то я иду въ вашу вѣру; если же наша лучше, — то вы ступайте въ нашу вѣру и будемъ всѣ какъ одинъ человѣкъ; если же не хотите соединиться съ нами, то иду на васъ со всею моею силою". Владыка Василій, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ, тысяцкій Авраамъ и всѣ Новгородцы, подумавши, велѣли отвѣчать Магнусу: „Если хочешь узнать, какая вѣра лучше, наша или ваша, то пошли въ Царьградъ къ патріарху, потому что мы приняли отъ Грековъ православную вѣру, а съ тобою намъ нечего спорить о вѣрѣ; если же тебѣ есть какая-нибудь отъ насъ обида, то шлемъ къ тебѣ на съѣздъ", и послали къ нему Авраама тысяцкаго съ боярами. Но Магнусъ отвѣчалъ посламъ: „Обиды мнѣ отъ васъ нѣтъ никакой; ступайте въ мою вѣру, а не пойдете, такъ иду на васъ со всею моею силою;" — и, отпустивши пословъ съ этимъ отвѣтомъ, осадилъ Орѣшекъ, сталъ крестить Ижорянъ въ свою вѣру, а которые не захотѣли креститься, на тѣхъ рать пустилъ, всѣмъ попавшимся въ его руки Русскимъ велѣлъ стричь бороды и потомъ перекрещивать ихъ въ латинство. Но Русскіе скоро показали, что у нихъ бороды опять отросли, говоритъ шведская хроника[2]); Новгородцы отправили противъ непріятеля извѣстнаго намъ Онцифора Лукича съ малою дружиною; но Онцифору удалось съ потерею только трехъ человѣкъ изъ своего войска перебить 500 человѣкъ Шведовъ, другихъ взять въ плѣнъ и казнить перевѣтниковъ. Между тѣмъ, посадникъ Ѳедоръ Даниловичъ съ намѣстниками великокняжескими, со всею волостью Новгородскою и Псковичами, двинулся къ Ладогѣ, пославши сказать великому князю Симеону: „Приходи, князь, къ намъ, оборонять свою отчину, идетъ

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 189: «Поѣхаше воевати земли нѣмецкія о князѣ Иванѣ, и о Изборскомъ князѣ Остафье о посадникѣ Володшѣ... А Нѣмци, скопивше силу, надгониша Псковичи за 2 поприща не доѣхавши Новаго Городка Углецкаго, на Маломъ Борку, на тѣсни».

[2]) Gejer-Geschichte Schwedens I, 185.

на насъ король Шведскій, нарушивши крестное цѣлованіе". Симеонъ отвѣчалъ: „Съ радостію иду, но держатъ меня дѣла ханскія". Спустя нѣсколько времени [1]), Симеонъ выступилъ въ походъ, но, дошедши до Ситна [2]), возвратился назадъ въ Москву: гонецъ привезъ ему извѣстіе, что ханъ выдалъ ему Олгердова брата Коріада; тогда московскіе полки повелъ въ Новгородъ братъ Симеоновъ, Іоаннъ. Этотъ князь пришелъ въ Новгородъ, но въ Ладогу, къ новгородскому войску не отправился, а между тѣмъ королю удалось овладѣть Орѣшкомъ, гдѣ онъ захватилъ и пословъ новгородскихъ, Авраама тысяцкаго съ товарищами. Удовольствовавшись взятіемъ Орѣшка, Магнусъ оставилъ въ немъ намѣстниковъ, а самъ отправился въ Швецію; князь Іоаннъ, услыхавъ о взятіи Орѣшка, также ушелъ назадъ въ Москву, и Новгородцы съ Псковичами одни отправились осенью къ Орѣшку, и взяли его. Но, идучи къ Орѣшку, Новгородцы, по выраженію лѣтописца, дали жалованье Пскову, опредѣлили: посадникамъ новгородскимъ во Псковѣ не сидѣть, ни судить; отъ владыки судить во Псковѣ Псковичу, изъ Новгорода Псковитянъ на судъ не вызывать ни дворянами, ни подвойскими, ни Софьянами, ни извѣтниками, ни биричами, и назвали Псковъ младшимъ братомъ Новгороду [3]). Впрочемъ, есть извѣстіе [4]), что Псковитяне плохо отблагодарили Новгородцевъ за это жалованье: они не хотѣли долго стоять подъ Орѣшкомъ, а когда Новгородцы просили, чтобъ они ушли по крайней мѣрѣ ночью, то Псковичи не хотѣли исполнить и этой просьбы, но вышли изъ стана нарочно въ полдень, съ громкою музыкою. Черезъ годъ Магнусъ приплылъ опять къ русскимъ берегамъ, переночевалъ подъ Копорьемъ, и, узнавши о приближеніи новгородскаго войска, ушелъ назадъ въ море, гдѣ ждала его буря, истребившая много шведской рати въ устьи рѣки Наровы; а Новгородцы пошли къ Выборгу, пожгли окрестности, посадъ и разбили Шведовъ, сдѣлавшихъ вылазку изъ города; наконецъ въ Дерптѣ размѣняли плѣнныхъ съ обѣихъ сторонъ, и заключили миръ [5]).

Опасная борьба шла на западныхъ границахъ; внутри разныхъ княжествъ происходили волненія, усобицы княжескія, заставлявшія народъ выселяться изъ родной страны; но Московское княжество было спокойно и при Симеонѣ, какъ при отцѣ его; народъ не терпѣлъ ни отъ Татаръ, ни отъ усобицъ. Симеонъ жилъ мирно съ братьями; до насъ дошелъ любопытный договоръ его съ ними [6]). Договоръ начинается такъ: „Я, князь великій Симеонъ Іоанновичъ всея Руси съ своими братьями младшими, съ княземъ Иваномъ и княземъ Андреемъ, цѣловали между собою крестъ у отцовскаго гроба. Быть намъ заодно до смерти, брата старшаго имѣть и чтить въ отцово мѣсто; а тебѣ, господинъ, князь великій, безъ насъ не доканчивать ни съ кѣмъ". Всѣ эти выраженія, съ перваго разу, напоминаютъ старину, но въ старину князья не иначе называли другъ друга какъ: братъ, отецъ, сынъ; въ договорѣ же Симеона младшіе братья, обѣщая, что будутъ держать старшаго въ отцово мѣсто, не смѣютъ однако, или не хотятъ, или не умѣютъ назвать его: отче! но постоянно называютъ: „Господинъ, князь великій!" Любопытно также, что братья всего больше толкуютъ о собственности, о своихъ участкахъ; младшіе выговариваютъ, чтобъ старшій братъ не обидѣлъ, чего не отнялъ у нихъ; также: „Кто изъ насъ что примыслилъ или прикупилъ, или кто впередъ что прикупитъ или примыслитъ чужое къ своимъ волостямъ, то все блюсти, не обидѣть".

Если въ княженіе Симеона Русь не испытала ни кровавыхъ усобицъ, ни татарскихъ опустошеній, за то въ 1352 году явилась страшная язва—Черная смерть [7]); въ 1353 году она поразила въ Москвѣ митрополита Ѳеогноста, самого великаго князя, двоихъ сыновей его и брата Андрея. Симеонъ умеръ еще очень молодъ, 36 лѣтъ; онъ также оставилъ завѣщаніе, въ которомъ отказалъ удѣлъ свой и все движимое и недвижимое имѣніе женѣ, по смерти которой все это переходило къ брату Симеонову, великому князю Іоанну. Это обстоятельство важно въ томъ отношеніи, что два удѣла Московскаго княжества соединились теперь въ одинъ, и такимъ образомъ сила великаго князя Іоанна увеличивалась вдвое. Мы видѣли, что третій сынъ Калиты, Андрей, умеръ въ одно время съ Симеономъ, и уже по смерти его родился у него сынъ Владиміръ, получившій только одинъ удѣлъ отцовскій [8]). Въ завѣщаніи Симеона любопытно слѣдующее наставленіе братьямъ, изъ котораго оказывается осѣдлость бояръ, вслѣдствіе новаго порядка вещей, явленіе старыхъ отцовскихъ бояръ, хранителей правительственныхъ преданій, добрыхъ совѣтниковъ, которыхъ мы такъ мало видимъ прежде: „По отца нашего благословенью, что приказалъ намъ жить за одинъ, также и я вамъ приказываю, своей братьѣ, жить за одинъ; лихихъ людей не слушайте, которые станутъ васъ ссорить; слушайте отца нашего владыки Алексѣя, до старыхъ бояръ, которые отцу нашему и намъ добра хотѣли. Пишу вамъ это слово для того, чтобъ не перестала память родитетелей нашихъ и наша чтобъ свѣча не угасла".

У брата Симеонова Іоанна явился соперникъ въ

---

[1]) Любопытны различія: въ новгород. лѣтоп. «медливъ же князь долго»; въ Соф. вр. «медливъ же князь великій не много».

[2]) Ситенскій погостъ—во 120 верстахъ отъ Новгорода.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 226.

[4]) Никон. III, 189.

[5]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 227. Карамз. IV, пр. 348.

[6]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23. Годъ здѣсь 1341 выставленъ издателями произвольно; нѣтъ достаточныхъ причинъ полагать, чтобъ договоръ былъ написанъ тотчасъ по смерти Калиты.

[7]) Подробности см. ниже, въ IV томѣ.

[8]) Кажется у Симеона остался малолѣтній сынъ, который скоро умеръ; это видно изъ слѣдующихъ словъ завѣщанія: «Приказываю своей братьи свою княгиню и своего»...; если только это «своего» не относится къ дядѣ Василью, о которомъ сказано прежде: «даю рядъ своей княгини: велѣлъ есмь у нее быти своему дядѣ Василью».

исканіи великаго княженія Владимірскаго: то былъ Константинъ Васильевичъ, князь Суздальскій. Если мы предположимъ, что Константинъ происходилъ отъ Андрея Ярославича, а не Александровича, и былъ, такимъ образомъ, дядею сыновьямъ Калиты, то и тогда онъ не имѣлъ права на старшинство, ибо взялъ бы его не по отчинѣ и не по дѣдинѣ: ни отецъ, ни дѣдъ его не были великими князьями [1]). Константинъ Суздальскій искалъ великаго княженія не по старымъ правамъ, но по новымъ понятіямъ и отношеніямъ, по которымъ всякій князь имѣлъ право въ томъ случаѣ, когда былъ отваженъ, богатъ и силенъ. Объ отвагѣ Константина свидѣтельствуетъ лѣтопись, говоря, что онъ княжилъ честно и грозно, оборонялъ отчину свою отъ сильныхъ князей и отъ Татаръ, причемъ подъ сильными князьями нельзя разумѣть другихъ, кромѣ Московскихъ. Если Константинъ не могъ быть богатъ собственною казною, чтобъ перекупить ярлыкъ у Московскаго князя, то могъ получить денежную помощь изъ Новгорода, жители котораго, притѣсненные Калитою, смиренные Симеономъ, не могли надѣяться добра отъ сильной Москвы, и старались, чтобъ великое княженіе перешло къ другому князю послабѣе; узнавши о смерти Симеона, они отправили немедленно посла своего въ Орду просить великаго княженія Константину Суздальскому. Но всѣ ихъ старанія были напрасны: ханъ отдалъ ярлыкъ Іоанну Московскому. Впрочемъ, сначала ни Суздальскій князь, ни Новгородцы не обратили вниманія на ярлыкъ; Константинъ помирился съ Іоанномъ передъ своею смертію въ 1354 году; съ Новгородомъ у Московскаго князя полтора года не было мира.

Въ годъ смерти Симеоновой, Рязанцы взяли Лопасню, захватили здѣсь намѣстника Александра Михайловича, отвели въ Рязань и держали тамъ въ большомъ томленіи, пока не выкупили его изъ Москвы. Лопасня, принадлежавшая къ удѣлу малолѣтняго Серпуховскаго князя, Владиміра Андреевича, и шесть другихъ мѣстъ были потеряны; но этотъ уронъ былъ вознагражденъ другими пріобрѣтеніями въ Рязанской области [2]).

Внутри Московскаго княжества въ правленіе Іоанна произошло слѣдующее замѣчательное событіе. Мы уже имѣли случай говорить что при осѣдлости князей и бояре ихъ должны были пріобрѣсти большое значеніе въ княжествѣ; большое значеніе долженъ былъ пріобрѣсти и тысяцкій, получившій возможность отправлять свою важную должность при нѣсколькихъ князьяхъ сряду безъ смѣны, могла даже явиться наслѣдственность должности въ одномъ родѣ [3]). Но при такихъ обстоятельствахъ власть тысяцкаго, при непосредственныхъ отношеніяхъ этой власти къ городовому народонаселенію, могла быть опасна другимъ боярамъ, которыхъ вліяніе стѣснялось вліяніемъ тысяцкаго, потомъ могла быть опасна и самой власти княжеской. Въ описываемое время должность московскаго тысяцкаго отправлялъ бояринъ Алексѣй Петровичъ Хвостъ При Семеонѣ Гордомъ онъ поднялъ крамолу противъ великаго князя, былъ изгнанъ, лишенъ своихъ волостей; всѣ три брата—Симеонъ, Іоаннъ и Андрей—поклялись не принимать къ себѣ въ службу мятежнаго боярина, ни дѣтей его; Іоаннъ особенно поклялся не отдавать Алексѣю Петровичу той части его имѣнія, которую онъ, Іоаннъ, получилъ отъ брата своего, великаго князя Симеона [4]);—и, несмотря на все это, Алексѣй Петровичъ является тысяцкимъ въ княженіе Іоанна. Но зимою, 3 февраля 1357 года, рано, во время заутрени, тѣло Алексѣя Петровича было найдено на площади со всѣми признаками насильственной смерти; никто не видалъ, какъ совершилось убійство; но слухъ шелъ, что бояре собирали на тысяцкаго тайный совѣтъ, строили ковы, и погибъ онъ отъ своихъ товарищей, общею всѣхъ думою, какъ погибъ Андрей Боголюбскій отъ Кучковичей [5]). Сильный мятежъ всталъ въ городѣ вслѣдствіе этого убійства, и большіе бояре московскіе отъѣхали въ Рязань съ женами и дѣтьми; но въ слѣдующемъ году великій князь перезвалъ къ себѣ опять изъ Рязани двоихъ бояръ—Михаила и зятя его Василія Васильевича.

Въ другихъ княжествахъ продолжались прежнія явленія. Въ Муромской волости, въ 1354 г. князь Ѳедоръ Глѣбовичъ, собравши большое войско, пошелъ къ Мурому на тамошняго князя Юрія Ярославича, выгналъ его и самъ сѣлъ на его мѣсто. Муромцы были ему рады и пошли съ нимъ въ Орду; но, спустя недѣлю по отъѣздѣ Ѳедора, пришелъ въ

[1]) Карамзинъ (IV, примѣч. 302) упоминаетъ о лѣтописи въ Син. библіот. XV вѣка (№ 34), гдѣ говорится, что Узбекъ подѣлилъ между Александромъ Васильевичемъ Суздальскимъ и Калитою, причемъ Владиміръ достался первому, и уже по смерти его перешелъ къ Московскому князю.—Но это извѣстіе съ царемъ Албугомъ и съ поэтическимъ разсказомъ о колоколѣ—не заслуживаетъ большаго вниманія.

[2]) См. духовную в. князя Іоанна въ С. г. г. и д. I, 26: «А что ся мнѣ достали мѣста Рязаньская на сей сторонѣ Оки, и съ тыхъ мѣстъ далъ есмь князю Володимиру въ Лопастны мѣста, новый городокъ на усть Поротли, а иныя мѣста Рязаньская отъмѣньная сыну моему князю Димитрію и Ивану подѣлятся на полы безъ обиды».

[3]) Пріѣхавъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Ѳедоровичъ, прозвище ему было Половой, и былъ въ Твери бояринъ, у Бориса сынъ Ѳедоръ и тамъ во Твери бояринъ же былъ, у Ѳедора сынъ Михайло Шетенъ, а во Твери былъ Тысяцкой, у Михайла сынъ Константинъ Шетневъ, а во Твери былъ Тысяцкой же. А у Константина дѣтей: Иванъ Шетневъ, тотъ былъ во Твери Тысяцкой же. (Москвит. 1843 г. № 1).

[4]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 23; на тождество Алексѣя Петровича Тысяцкаго съ бояриномъ Гордаго указалъ еще князь Щербатовъ въ своей Исторіи.

[5]) Никонов. III, 207, 209: «Убіеніе же его страшно и незнаемо и невѣдомо отъ кого же; точію обрѣтеся убіенъ лежа на площади егда заутреню благовѣстятъ. И нѣцыи глаголютъ о немъ, яко совѣтъ сей сотворися, или отъ бояръ, или отъ иныхъ втайнѣ. И тако убіенъ бысть, якоже князь великій Андрей Боголюбскій отъ Кучковичевъ». Троицкая лѣтопись (у Карамз. IV, пр. 381): «Нѣціи же рѣкоша, яко втаю свѣтъ створиша и ковы коваша нань и тако всѣхъ общею думою, да якоже Андрей Боголюбивый отъ Кучковичь, тако и сій отъ своей дружины пострада».

Муромъ прежній князь Юрій, собралъ остальныхъ жителей Мурома и пошелъ также въ Орду судиться съ Ѳедоромъ. По суду ханскому, Муромское княженіе досталось Ѳедору Глѣбовичу; Юрій былъ выданъ сопернику, который посадилъ его въ крѣпкую тюрьму, гдѣ онъ и умеръ.—Въ Твери продолжалась вражда между дядею Василіемъ Михайловичемъ и племянникомъ Всеволодомъ Александровичемъ Холмскимъ. Въ 1357 году митрополитъ Алексѣй пріѣхалъ во Владиміръ, и туда явился къ нему князь Всеволодъ Александровичъ съ жалобою на дядю. По митрополичью слову, Василій Михайловичъ, заключивъ договоръ съ великимъ княземъ Московскимъ, также пріѣхалъ во Владиміръ судиться съ племянникомъ предъ митрополитомъ; съ нимъ вмѣстѣ пріѣхалъ и владыка Тверской Ѳедоръ; много было между князьями споровъ, глаголанія, какъ говоритъ лѣтописецъ, но конечный миръ и любовь не состоялись. Московскій князь, какъ видно, держалъ сторону дяди Василія, потому что, когда потомъ оба соперника отправились въ Орду, и Всеволодъ хотѣлъ пробраться туда черезъ Переяславль, то намѣстники московскіе не пустили его, и онъ принужденъ былъ уѣхать въ Литву. Немудрено, что и въ Ордѣ дѣло было рѣшено также въ пользу дяди: здѣсь ханъ и ханша безъ суда выдали Всеволода Василію; и было, по словамъ лѣтописца, Всеволоду отъ дяди томленіе большое, много натерпѣлись и бояре и слуги Холмскаго князя, и черные люди.

Но у сына Александрова былъ могущественный союзникъ, Олгердъ, князь Литовскій, женатый на родной сестрѣ его. Неизвѣстно, какимъ образомъ удалось Всеволоду уѣхать въ Литву; но когда онъ возвратился оттуда въ 1360 году, то Василій уступилъ племянникамъ треть ихъ отчины.—Изъ другихъ князей лѣтопись упоминаетъ подъ 1354 годомъ о смерти Димитрія Ѳедоровича Стародубскаго, которому наслѣдовалъ братъ его Иванъ Ѳедоровичъ. Въ 1359 г. умеръ Смоленскій князь Иванъ Александровичъ, и его мѣсто заступилъ сынъ его Святославъ.

Въ Новгородѣ въ 1354 году посадникъ Онисифоръ Лукичъ добровольно отказался отъ своей должности, и на его мѣсто былъ избранъ Александръ, братъ убитаго Дворянинца. Но потомъ въ 1359 году упоминается уже другой посадникъ, Адріанъ Захарычъ, у котораго въ этомъ году было отнято посадничество, но не всѣмъ городомъ, а только однимъ Славенскимъ концомъ; на мѣсто Адріана былъ избранъ Сильвестръ Лентѣевичъ. Но другія части города не согласились на это избраніе, и на Ярославовѣ дворѣ произошла сѣча, потому что жители Славенскаго конца явились въ доспѣхахъ и разогнали безоружныхъ Зарѣчанъ, бояръ многихъ били и грабили, одного убили до смерти. Это повело къ новой усобицѣ: Софійская сторона вооружилась, чтобъ отомстить за безчестье братьевъ своихъ, а Славенская, по необходимости, чтобъ защищать имѣніе и головы свои; три дня враждебныя стороны стояли другъ противъ друга, Славенцы переметали уже мостъ, какъ пришли два владыки — старый Моисей изъ монастыря, гдѣ жилъ на покоѣ, и новый, Алексѣй, съ архимандритами и игуменами. Владыки стали благословлять народъ, говоря: „Дѣти! не накликайте себѣ брани, а поганымъ похвалы, Святымъ церквамъ и мѣсту этому пустоты, не сходитесь на бой". Толпы послушались и разошлись; но села Селивестровы были опустошены, взяли много селъ и у другихъ славенцовъ, причемъ погибло много и невиноватыхъ; посадникомъ былъ избранъ Никита Матвѣевичъ [1]), какъ видно, сынъ прежняго посадника Матвѣя.

Въ Ордѣ ханъ Чанибекъ былъ убитъ въ 1357 г. сыномъ своимъ Бердибекомъ; Русскій лѣтописецъ говоритъ объ убитомъ, что онъ былъ очень добръ къ христіанству, и при немъ была большая льгота Землѣ Русской. Въ этомъ же году лѣтописецъ упоминается о татарскомъ послѣ Кошакѣ, отъ котораго была большая истома князьямъ русскимъ. Бердибекъ былъ убитъ сыномъ своимъ Кулпою, Кулпа—Неврусомъ. Въ 1358 году сынъ Бердибековъ Маматхожа, пришедши въ Рязанскую Землю, прислалъ въ Москву къ великому князю съ предложеніемъ установить твердыя границы между Московскимъ и Рязанскимъ княжествами; но великій князь не пустилъ Маматхожу въ свою отчину. — Опаснѣе былъ врагъ на западѣ: подъ 1356 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Литовцы овладѣли Ржевою [2]); въ тотъ же самый годъ Олгердъ приходилъ подъ Брянскъ и подъ Смоленскъ, и плѣнилъ сына у князя Василія Смоленскаго [3]). Этотъ Василій въ томъ же году пришелъ изъ Орды съ ярлыкомъ на Брянскъ, утвердился здѣсь, но скоро умеръ; послѣ его смерти, по словамъ лѣтописца, былъ въ Брянскѣ мятежъ отъ лихихъ людей, смута великая и опустѣніе города, послѣ чего сталъ владѣть Брянскомъ великій князь Литовскій. Въ 1358 году войско тверское и можайское отняло Ржеву у Литовцевъ; въ 1359 г. Смольняне воевали Бѣльчу [4]). Но Олгердъ не любилъ отдавать назадъ разъ что-нибудь взятое; въ томъ же году онъ приходилъ подъ Смоленскъ, сынъ его, Андрей, взялъ опять Ржеву, и въ 1360 году самъ Олгердъ пріѣзжалъ смотрѣть этотъ городъ, вѣрно боясь, чтобъ Русскіе въ другой разъ не отняли его у Литвы. Но, къ счастію для слабыхъ княжествъ—Смоленскаго и Тверскаго, — Олгердъ постоянно сдерживался на западѣ Тевтонскимъ Орденомъ:

---

[1]) Подъ слѣдующимъ 1360 годомъ: «поиде Алексѣй на поставленіе во Володимерь; а съ нимъ бояръ бѣ Новгородскихъ, Александръ посадникъ, Юрьи Ивановъ».—Но быть можетъ здѣсь разумѣется старый посадникъ, какимъ и былъ дѣйствительно Александръ, братъ Дворянинца.

[2]) Никон. III, 207: «Сижскаго сынъ Иванъ седе съ Литвою во Ржевѣ» (теперь городъ Тверской губерніи).

[3]) Кто былъ этотъ Василій? По родословнымъ онъ могъ быть сыномъ Ивана Александровича Смоленскаго, братомъ Святослава; у этого Василія означенъ сынъ Иванъ. Но онъ могъ быть также и Василіемъ Александровичемъ, о которомъ см. Татищ. IV. 346.

[4]) Никон. III, 213. Не Бѣлую ли?

борьба съ рыцарями шла одинаково неудачно для Литвы и при наслѣдникѣ Арфберга, Винрихѣ фонъ Книпродѣ. Въ 1360 году Олгердъ, Кейстутъ и сынъ послѣдняго, Патрикій, сошлись съ великимъ магистромъ на границахъ литовскихъ; битва продолжалась цѣлый день, и рыцари одержали побѣду. Напрасно Кейстутъ старался остановить бѣгущихъ и возобновить битву; его свалили съ коня; Патрикій ринулся въ середину непріятелей для спасенія отца, но также былъ сброшенъ съ лошади, поднялся и отбивался до тѣхъ поръ, пока подоспѣлъ отрядъ Литовцевъ и выручилъ его изъ бѣды; но отца спасти не могъ. Кейстута отвезли въ Маріенбургъ, столицу Ордена, и засадили въ тѣсную тюрьму; день и ночь стояла у дверей стража и не пускала къ плѣннику никого, кромѣ слуги, приносившаго пищу; но этотъ слуга, приближенный къ магистру, отличавшійся своею вѣрностью, былъ родомъ Литвинъ, въ молодости захваченный въ плѣнъ и окрещенный. Ежедневный разговоръ съ Кейстутомъ на родномъ языкѣ, злая судьба и знаменитые подвиги литовскаго богатыря разбудили въ немъ давно уснувшую любовь къ старому отечеству: онъ далъ средство Кейстуту уйти изъ заточенія и достичь двора зятя своего, князя Мазовецкаго. Кейстутъ не хотѣлъ возвращаться на родину, не отомстивши рыцарямъ: онъ взялъ у нихъ два замка, и съ добычею возвращался домой, какъ на дорогѣ былъ захваченъ орденскимъ отрядомъ, вторично попался въ неволю, вторично ушелъ изъ нея, и опять началъ готовиться къ вторженію въ Пруссію. Къ 1362 или 1363 году относятъ побѣду Олгерда надъ Татарами при Синихъ водахъ, слѣдствіемъ которой было очищеніе Подоліи отъ Татаръ.

У Новгорода со Шведами, а у Пскова съ Ливонскимъ Орденомъ войны не было въ княженіе Іоанна; встрѣчаемъ только извѣстіе о двукратномъ походѣ Псковичей къ Полоцку [1]).

Въ 1359 году умеръ Іоаннъ Московскій, кроткій, тихій и милостивый князь, по словамъ лѣтописца. Іоаннъ умеръ еще очень молодъ, 33 лѣтъ, оставивъ двухъ малолѣтнихъ сыновей, Димитрія и Ивана, и малолѣтняго племянника Владиміра Андреевича. Слѣдовательно, Московское княжество по смерти Іоанна находилось точно въ томъ же положеніи, какъ и по смерти Калиты, раздѣлялось на три участка, а именно: старшій сынъ Іоанна—Димитрій получилъ удѣлъ дяди Симеона, младшій, Иванъ—участокъ отца своего, а двоюродный ихъ братъ, Владиміръ—удержалъ волость отца своего Андрея. Но Иванъ скоро умеръ (1365 г.), и Димитрій опять соединилъ два участка, при которыхъ владѣлъ еще Владимірскою великокняжескою областью, съ прикупами дѣдовскими; Владиміръ Андреевичъ имѣлъ только одинъ участокъ—отцовскій; борьба между братьями была поэтому невозможна, и Владиміръ должень былъ подчиняться распоряженіямъ Димитрія, какъ увидимъ впослѣдствіи [2]).

Казалось, что ранняя смерть Іоанна будетъ гибельна для Москвы, ибо малютка сынъ его могъ ли хлопотать въ Ордѣ, могъ ли бороться съ притязаніями другихъ князей? И, дѣйствительно, когда всѣ князья явились въ Ордѣ и недоставало одного Московскаго, то ханъ отдалъ великокняжескую Владимірскую область князю Суздальскому, который получилъ ее не по отчинѣ и не по дѣдинѣ, повторяетъ лѣтописецъ, слѣдовательно безо всякаго права. Еще замѣчательнѣе здѣсь то, что добылъ у хана ярлыкъ не старшій изъ суздальскихъ князей—Андрей Константиновичъ, но младшій—Димитрій. Андрей, по словамъ лѣтописца, не захотѣлъ взять ярлыка; есть извѣстіе, будто онъ говорилъ: „Доискиваться ярлыка—потратить только деньги, а потомъ, когда выростетъ законный наслѣдникъ, Димитрій Московскій, то надобно будетъ воевать съ нимъ, притомъ должно нарушить клятву, данную отцу его" [3]). Димитрій Константиновичъ думалъ иначе: онъ поѣхалъ во Владиміръ и, чтобъ упрочить его за собою, остался жить въ этой древней столицѣ великокняжеской. Но Москва не думала уступать. Бояре ея, привыкшіе быть боярами сильнѣйшихъ князей всея Руси, не хотѣли сойти на низшую степень, а начали стараться добыть ярлыкъ своему князю. Малютка Димитрій отправился въ Орду; но тамъ нельзя было ничего добиться при сильной смутѣ, когда одинъ ханъ смѣнялъ другого: Неврусъ былъ свергнутъ и убитъ Заяицкимъ ханомъ Хидыремъ (Хидрбегъ), Хидыръ былъ убитъ сыномъ своимъ Темиръ-Ходжею, наконецъ Орда раздѣлилась между двумя ханами: Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго правилъ сильный темникъ Мамай, и Мюридомъ. Московскіе бояре отправили пословъ къ послѣднему, и онъ далъ ярлыкъ малолѣтнему ихъ князю. Есть извѣстіе [4]), что за Димитрія Московскаго хлопотали въ Ордѣ также родственники его, князья ростовскіе и тверскіе, вѣроятно думавшіе, что гораздо безопаснѣе для нихъ имѣть на Владимірскомъ столѣ малютку, чѣмъ взрослаго. Бояре посадили на коней всѣхъ трехъ

---

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 191.—Въ оба похода Псковичами предводительствовалъ князь Евстаѳій. Подъ 1357 годомъ: «Пріѣхаше князь Василей Будиволна на княженіе во Псковъ».

[2]) Мы видимъ, что Семенъ отказалъ свой участокъ женѣ своей Марьѣ, которая еще была жива, когда Іоаннъ писалъ свое завѣщаніе, и владѣла многими мѣстами въ участкѣ Димитрія, почему и сказано, что по ея смерти всѣ ея владѣнія переходятъ къ Димитрію; но она же, по завѣщанію мужа, должна была владѣть Можайскомъ и Коломною? Стало-быть, она уступила ихъ послѣ в. к. Ивану. Въ завѣщаніи послѣдняго упоминается еще о какой-то княгинѣ Ульянѣ, послѣ которой владѣнія раздѣляются между Димитріемъ, Иваномъ и Владиміромъ, ибо на то была воля Калиты, т.-е. Калита далъ кн. Ульянѣ волости съ тѣмъ, чтобы, по ея смерти, онѣ были раздѣлены между его сыновьями, а теперь онѣ должны были дѣлиться между ихъ потомствомъ. Карамзинъ называетъ Ульяну женою Андреевою, что не можетъ быть принято, ибо Андрей женился въ 1348 году (Никон. III, 181), по смерти Калиты; и потому послѣдній не могъ распоряжаться дѣлами невѣстки, которой еще не было.

[3]) Татищ. IV, 188.

[4]) Тамъ же, стр. 195.

малолѣтнихъ князей своихъ, Димитрія, Ивана и Владиміра, и выступили съ ними на Димитрія Константиновича. Послѣдній не могъ противиться московскимъ полкамъ, и внукъ Калиты получилъ великое княженіе Владимірское (1362 г.).

Такимъ образомъ, бояре московскіе, упрочивъ первенство за молодымъ княземъ своимъ, оправдали отзывъ о нихъ Симеона Гордаго. Но кто же были эти бояре, которые, по выраженію Симеона, отцу его добра хотѣли? Мы видѣли, что еще къ Юрію Даниловичу въ Москву пришелъ служить изъ Южной Руси бояринъ Родіонъ Несторовичъ. Въ 1340 году великій князь Іоаннъ Даниловичъ Калита отправилъ рать свою подъ Смоленскъ съ двумя воеводами: Александромъ Ивановичемъ и Ѳедоромъ Акинѳовичемъ. Послѣдній долженъ быть сынъ знаменитаго Акинѳа, который, по неудовольствію на Родіона, отъѣхалъ въ Тверь и погибъ при Переяславлѣ; сыновья Акинѳа могли перейти опять изъ Твери въ Москву, тѣмъ болѣе что лѣтописецъ упоминаетъ передъ тѣмъ объ отъѣздѣ многихъ тверскихъ бояръ въ Москву, а что у Акинѳа были два сына—Ѳедоръ и Иванъ—это мы знаемъ также изъ лѣтописи [1]). Въ 1348 году, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ, ходилъ въ Новгородъ воеводою изъ Москвы Иванъ Акинѳовичъ. Наконецъ мы видѣли дѣйствующимъ въ Ростовѣ бoярина Василія Кочеву. При Симеонѣ Гордомъ намѣстниками его въ Торжкѣ были Михаилъ Давыдовичъ и Иванъ Рыбкинъ, да сборщикъ податей Борисъ Семеновъ. Вознамѣрившись жениться на княжнѣ Тверской, Симеонъ послалъ за невѣстою Андрея Кобылу и Алексѣя Босоволокова. Вскорѣ послѣ этого, по очень важному дѣлу, Симеонъ отправилъ въ Орду Ѳеодора Хлѣбовича (въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ—князя Ѳеодора Глѣбовича, слѣд. Муромскаго) и съ нимъ киличеевъ, или мечниковъ—Ѳедора Шубачеева и Аминя. Въ 1352 году Симеонъ отправилъ въ Константинополь послами Дементія Давыдова и Юрія Воробьева; мы видѣли уже прежде одного Давыдовича—Михаила—намѣстникомъ въ Торжкѣ. Въ 1353 году намѣстникомъ Серпуховскаго князя въ Лопаснѣ былъ Михаилъ Александровичъ, тогда какъ прежде мы видѣли Александра воеводою при Калитѣ. Большими боярами въ Москвѣ при Іоаннѣ Іоанновичѣ были, какъ мы видѣли, Михаилъ и зять его, Василій Васильевичъ, безспорно тысяцкій, родъ котораго производится отъ Протасія, пріѣхавшаго въ Москву съ княземъ Даніиломъ Александровичемъ, и бывшаго здѣсь тысяцкимъ. Сынъ, его Василій, отецъ нашего Василія, по родословнымъ книгамъ, былъ также тысяцкимъ; отсюда объясняется соперничество и вражда этого рода съ Алексѣемъ Петровичемъ Хвостомъ; дѣдъ нашего Василія называется Протасіемъ въ родословныхъ книгахъ, въ лѣтописи же Вельяминомъ; могло быть, что онъ имѣлъ два имени по обычаю того времени. Въ духовной Калиты упоминается Борисъ Ворковъ, который служилъ великому князю и за это получилъ отъ него село въ Ростовской области. Свидѣтелями договора между великимъ княземъ Симеономъ и братьями его были: Василій... тысяцкій, Михаилъ Александровичъ... Васильевичъ, Василій Окатьевичъ, Ананій Окольничій... Иванъ Михайловичъ [2]). Дьякомъ при Іоаннѣ Калитѣ былъ Кострома, при сынѣ его Іоаннѣ—Нестерко.

Глава VII.

Княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго.

(1362—1389.)

Слѣдствія усиленія Москвы для другихъ княжествъ.—Св. Алексѣй и Св. Сергій.—Вторая борьба Москвы съ Тверью.—Война Рязанская.—Торжество Московскаго князя надъ Тверскимъ.—Событія въ Литвѣ по смерти Олгерда.—Борьба Москвы съ Ордою.—Пораженіе Русскихъ на рѣкѣ Пьянѣ.—Побѣда ихъ на Вожѣ.—Куликовская битва.—Нашествіе Тохтамыша.—Сынъ в. князя въ Ордѣ.—Война съ Рязанью.—Событія въ Нижнемъ-Новгородѣ.—Отношенія в. князя Димитрія къ двоюродному брату Владиміру Андреевичу.—Уничтоженіе сана тысяцкаго и судьба боярина Вельяминова.—Отношеніе Москвы къ Новгороду.—Войны Пскова съ ливонскими Нѣмцами.—Событія въ Литвѣ.—Смерть в. князя Димитрія и его завѣщаніе.—Значеніе княженія Димитріева.—Московскіе бояре.

Преждевременная смерть Іоанна и малолѣтство сына его вмѣсто вреда, какого, повидимому, должно было ожидать отъ нихъ для Московскаго княжества, послужили только для того, чтобы показать всю силу послѣдняго; благодаря этой силѣ, скопленной дѣдомъ, дядею и отцомъ, одиннадцатилѣтній Димитрій Московскій получилъ первенство между всѣми князьями Сѣверо-Восточной Руси. Мы видѣли, что бояре московскіе купили ярлыкъ для своего князя у одного изъ хановъ-соперниковъ—Мюрида; но когда, въ 1363 году, во время пребыванія молодого Димитрія во Владимірѣ, явился туда къ нему посолъ изъ Мамаевой Орды, отъ хана Абдула, съ ярлыками на великое княженіе Владимірское, то великій князь принялъ и этого посла съ честію и проводилъ съ дарами. Это разсердило Мюрида, который, чтобъ отомстить Димитрію Московскому, прислалъ съ княземъ Иваномъ Бѣло-

[1]) Никон. III, 193.

[2]) Точками означены слова, стершіяся въ подлинникѣ.

зерскимъ новый ярлыкъ на Владиміръ Димитрію Суздальскому. Тотъ обрадовался и сѣлъ другой разъ во Владимірѣ, но сидѣлъ только двѣнадцать дней, потому что Димитрій Московскій опять пришелъ на него съ большимъ войскомъ, выгналъ изъ Владиміра, осадилъ въ Суздалѣ, опустошилъ окрестности этого города, и взялъ наконецъ надъ его княземъ свою волю, по выраженію лѣтописца. Но если торжество Москвы надъ Тверью при Калитѣ сопровождалось бѣдою для другихъ княжествъ, то и торжество внука Калитина надъ соперникомъ его, княземъ Суздальскимъ, имѣло такія же слѣдствія: подъ тѣмъ же 1363 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Димитрій Московскій взялъ свою волю надъ княземъ Константиномъ Ростовскимъ [1]), а князя Ивана Ѳедоровича Стародубскаго и Димитрія Галицкаго выгналъ изъ ихъ княжествъ. Изгнанники удалились къ Димитрію Константиновичу Суздальскому; но время удачныхъ союзовъ многихъ младшихъ князей противъ великаго прошло: Суздальскій князь, два раза уже испытавъ силу Москвы, не хотѣлъ начинать борьбы въ третій разъ; и потомъ, когда въ 1365 г. ему снова вынесли изъ Орды ярлыкъ на Владиміръ, онъ отказался навсегда отъ своихъ притязаній въ пользу Московскаго князя съ тѣмъ, чтобъ тотъ помогъ ему управиться съ младшимъ братомъ, а въ 1366 году выдалъ дочь свою за Димитрія Московскаго.

Между тѣмъ моровая язва сильно опустошила Россію, умерло много князей: молодой братъ Димитрія Московскаго, Иванъ; Ростовскій князь Константинъ; тверскіе—Семенъ Константиновичъ, Всеволодъ, Андрей и Владиміръ Александровичи; Андрей Константиновичъ Суздальскій. Между оставшимися въ живыхъ князьями начались споры за выморочные удѣлы; древній Суздаль, подобно Ростову, давно уже утратилъ свое значеніе; старшіе князья жили и погребались не въ Суздалѣ и не въ Городцѣ, а въ Новгородѣ-Нижнемъ, уже тогда значительномъ по своей торговлѣ, благодаря выгодному положенію; старшій изъ Константиновичей—Андрей—княжилъ въ Нижнемъ, предоставивъ Суздаль младшему Димитрію; но по смерти Андрея Нижнимъ овладѣлъ третій, самый младшій братъ, Борисъ Константиновичъ; Димитрій, не будучи въ силахъ самъ отнять у брата Нижній, послалъ просить помощи въ Москву. Димитрій Московскій (четырнадцатилѣтній) отправилъ къ Константиновичамъ пословъ съ увѣщаніемъ помириться и подѣлиться вотчиною; но Борисъ не послушался. Тогда Москва употребила другую силу: митрополитъ Алексѣй отнялъ епископію Нижегородскую и Городецкую у Суздальскаго владыки Алексѣя, и, въ то же время, посломъ отъ Московскаго князя явился въ Нижнемъ преподобный Сергій, игуменъ Радонежскій; онъ позвалъ Бориса Константиновича въ Москву, и когда тотъ не послушался, то Сергій, по приказу митрополита и великаго князя Московскаго, затворилъ всѣ церкви въ Нижнемъ. Послѣ этого присланы были изъ Москвы полки на помощь Димитрію Константиновичу, а когда послѣдній приблизился съ ними и своею ратью къ Нижнему, то Борисъ вышелъ къ нему на-встрѣчу съ поклонами и покореніемъ, уступая ему захваченную волость. Димитрій помирился съ нимъ, взялъ себѣ Нижній, а брату отдалъ Городецъ.

Въ Твери князь Василій Михайловичъ началъ опять войну съ племянниками Александровичами: въ 1363 году онъ пошелъ-было съ войскомъ на Михаила Александровича, князя Микулинскаго, но скоро помирился съ нимъ. Смерть князя Семена Константиновича подала новый поводъ къ борьбѣ, потому что Семенъ отказалъ удѣлъ свой двоюродному брату Михаилу Александровичу, мимо дяди Василія и роднаго брата Еремѣя Константиновича. Въ 1366 году Василій и Еремѣй начали споръ, который былъ отданъ на рѣшеніе Тверскаго владыки Василія: Василій судилъ князей по благословенію и повелѣнію митрополита, и оправилъ князя Михаила Александровича. Но этотъ князь былъ самый дѣятельный и смѣлый изъ всѣхъ потомковъ Св. Михаила, и потому менѣе другихъ былъ способенъ терпѣть насилія отъ могущественной Москвы. Подъ 1367 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Димитрій Ивановичъ Московскій заложилъ у себя каменный кремль, и всѣхъ князей русскихъ приводилъ подъ свою волю, посягнулъ и на князя Михаила Александровича Тверскаго. Михаилъ рѣшился на борьбу, но, разумѣется, онъ не могъ противиться Москвѣ собственными силами и потому обратился къ зятю своему, Олгерду Литовскому; слѣдовательно на эту вторую борьбу Твери съ Москвою мы должны смотрѣть собственно, какъ на борьбу Московскаго князя съ Литовскимъ по поводу Тверскаго князя. Михаилъ уѣхалъ въ Литву; этимъ воспользовались князья Василій и Еремѣй, чтобъ съ помощію Москвы низложить соперника; прежде всего они позвали владыку Василія въ Москву на судъ къ митрополиту, зачѣмъ не по правдѣ рѣшилъ споръ объ удѣлѣ Семена Константиновича. За это рѣшеніе владыка Василій понесъ большіе убытки (проторъ великъ) въ Москвѣ; жители Твери испытали также большую бѣду: князь Василій съ сыномъ Михаиломъ, съ княземъ Еремѣемъ, со всею силою кашинскою и съ полками московскими, пріѣхалъ въ Тверь, многихъ людей мучилъ и грабилъ безъ милости; приступалъ и къ крѣпости, но не могъ ея взять, опустошилъ только волости и села, и много народу поведено было тогда въ плѣнъ войсками московскими и волоцкими, которыя пожгли и поплѣнили по сю сторону Волги, не исключая и волостей, принадлежащихъ церкви Св. Спаса. Изъ этихъ словъ лѣтописца мы видимъ, что Тверь не принадлежала болѣе Василію, но Михаилу; когда произошла эта перемѣна, мы не знаемъ: быть мо-

[1]) Который велъ усобицу съ родичами. Сбивчивыя подробности объ этой усобицѣ собраны у Арцыбаш. II, примѣч. 795, 797.

жетъ она-то и повела къ враждебнымъ столкновеніямъ Михаила съ Москвою.

Въ этомъ же году Михаилъ пришелъ назадъ съ полками литовскими, захватилъ въ плѣнъ женъ—Еремѣеву и Васильеву, бояръ и слугъ ихъ, и отправился съ своею ратью и литовскою къ Кашину. Но на дорогѣ, въ селѣ Андреевскомъ, ждали его послы отъ дяди и отъ Тверскаго епископа Василія; Богъ, по словамъ лѣтописца, утишилъ ярость Михаилову, и онъ помирился съ дядею, а потомъ помирился и съ двоюроднымъ братомъ Еремѣемъ, и съ Московскимъ княземъ Димитріемъ. Но еще годъ не кончился, какъ Еремѣй сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Михаилу Александровичу и уѣхалъ въ Москву. Въ 1368 году великій князь Димитрій и митрополитъ Алексѣй зазвали ласкою къ себѣ въ Москву князя Михаила на третейскій судъ; послѣ этого суда Тверскаго князя схватили вмѣстѣ со всѣми боярами и посадили въ заключеніе; но вдругъ узнали о неожиданномъ пріѣздѣ трехъ князей ордынскихъ. Этотъ пріѣздъ напугалъ враговъ Михаила, и они выпустили его на свободу, заставивши отказаться отъ Городка [1]), части удѣла Семена Константиновича, гдѣ великій князь Димитрій посадилъ намѣстника своего вмѣстѣ съ княземъ Еремѣемъ. Понятно, что Михаилъ выѣхалъ изъ Москвы непримиримымъ врагомъ ея князю [2]), который спѣшилъ предупредить его, пославши сильное войско на его волость. Михаилъ и на этотъ разъ ушелъ въ Литву, и сталъ упрашивать со слезами Олгерда, чтобъ тотъ оборонилъ его, пошелъ войною на Москву, отмстилъ Димитрію; научилъ и сестру свою упрашивать мужа, и тотъ рѣшился исполнить ихъ просьбу, тѣмъ болѣе что еще съ 1363 года встрѣчаемъ извѣстія о враждебныхъ столкновеніяхъ Литвы съ Москвою.

У Олгерда Гедиминовича, говоритъ лѣтописецъ, былъ такой обычай, что никто не зналъ, ни свои, ни чужіе, куда онъ замышляетъ походъ, на что собираетъ большое войско; этою-то хитростью онъ и забралъ города и земли, и поплѣнилъ многія страны; воевалъ онъ не столько силою, сколько мудростію. Такъ и на этотъ разъ Димитрій Московскій узналъ о замыслахъ Олгердовыхъ, когда уже тотъ стоялъ на границѣ, съ братомъ Кейстутомъ, молодымъ сыномъ его Витовтомъ, своими сыновьями, другими князьями литовскими, Михаиломъ Тверскимъ и полками смоленскими. Великій князь разослалъ по всѣмъ городамъ грамоты для сбора войска; но ратники не успѣли прійти изъ дальнихъ мѣстъ, и Димитрій могъ выслать противъ Олгерда въ заставу только сторожевой полкъ изъ Москвичей, Коломенцевъ и Дмитровцевъ, подъ начальствомъ своего воеводы Димитрія Минина и воеводы двоюроднаго брата, Владиміра Андреевича—Акинѳа Ѳедоровича Шубы. Между тѣмъ Олгердъ уже воевалъ порубежныя мѣста, т.-е. жегъ, грабилъ, сѣкъ; встрѣтился съ княземъ Семеномъ Димитріевичемъ Стародубскимъ-Крапивою и убилъ его, потомъ въ Оболенскѣ убилъ князя Константина Юрьевича, наконецъ, 21 ноября, на рѣкѣ Троснѣ, встрѣтилъ московскій сторожевой полкъ и разбилъ его: князья, воеводы и бояре всѣ погибли [3]). Узнавши здѣсь, что Димитрій не успѣлъ собрать большаго войска и заперся въ Москвѣ, Олгердъ быстро пошелъ къ этому городу, гдѣ Димитрій велѣлъ пожечь посады, а самъ съ митрополитомъ, двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, со всѣми боярами и со всѣми людьми затворился въ новомъ кремлѣ. Три дня стоялъ подъ нимъ Олгердъ, взять его не могъ, но страшно опустошилъ окрестности, повелъ въ плѣнъ безчисленное множество народа, погналъ съ собою и весь скотъ. Впервые, по прошествіи сорока лѣтъ, то-есть начиная отъ перваго года княженія Калиты, Московское княжество испытало теперь непріятельское нашествіе. Михаилъ Тверской былъ отомщенъ, Димитрій принужденъ былъ уступить ему Городокъ и всѣ части удѣла Семена Константиновича; дядя его, Василій Кашинскій, умеръ еще прежде похода Олгердова, оставивъ удѣлъ свой сыну Михаилу, который, въ слѣдующемъ 1369 году, уже пріѣзжалъ въ Москву жаловаться митрополиту Алексѣю на владыку своего Василія.

Олгердъ не могъ стоять болѣе трехъ дней подъ Москвою, потому что на западѣ Нѣмцы не давали ему отдыха. Еще въ 1362 году они взяли Ковно, а въ 1369 году въ милѣ отъ этого города заложили замокъ Готтесвердеръ. Олгердъ и Кейстутъ поспѣшили взять его, но принуждены были снова отдать Нѣмцамъ. Въ 1370 году сильное ополченіе, состоявшее изъ Литвы, Жмуди, Руси и Татаръ, подъ предводительствомъ Олгерда, Кейстута и двоихъ молодыхъ сыновей ихъ, Ягайла и Витовта, вторгнулось въ Пруссію, гдѣ великій магистръ встрѣтилъ его подъ замкомъ Рудавою и поразилъ на-голову. Въ это время, Москва, отдохнувши годъ, начала наступательное движеніе; ея войска, вмѣстѣ съ Волочанами, воевали Смоленскія волости, вѣроятно мстя ихъ князю за союзъ съ Олгердомъ; потомъ Димитрій посылалъ ратъ къ Брянску; наконецъ, въ августѣ 1370 года, послалъ объявить

[1]) Можно думать, что это Старица, см. Арцыб. II, примѣч. 827.

[2]) Никон. IV, 19: «Князь же Михайло Ал. Твер. о томъ велми ажались, и не любезно бысть ему сіе, и негодовавше о семъ. И положи то въ измѣну и въ ненависть подвижесь и размиріе про то нача имѣти къ в. князю Дм. Ив., гнѣвашежеся и жаловавшеся наипаче на митрополита глаголя, колику любовь и вѣру имѣхъ паче всѣхъ къ митрополиту сему и онъ толико мя посрами и поруга».

[3]) Никон. IV, 21: «На стрѣчи уби князя Сем. Дмитр. Старод., нарицаемаго Крапиву (сынъ Димитрія Ѳедоровича, племянникъ Ивана), во власти глаголеми Холохалѣ; и потомъ въ Обленскѣ уби князя Константина Юрьева сына, внука Михаила Черниговскаго».—Оболенскъ недалеко отъ устья Протвы въ Оку; рѣка Тросна въ Рузскомъ уѣздѣ Московск. губерніи.—Холхолъ находился въ Можайской волости, см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34. Это должно быть нынѣшняя Хохлова въ Гжатскомъ уѣздѣ, см. л. XXIV Спеп. Кар. Зап. Росс.

войну Михаилу Тверскому, который, по обычаю, спѣшилъ уйти въ Литву, а московскія войска, по обычаю, опустошили Тверскую волость. Но это была только еще часть рати; скоро самъ великій князь Димитрій явился въ тверскихъ владѣніяхъ съ большою силою, взялъ и пожегъ города—Зубцовъ, Микулинъ, пожегъ также всѣ волости и села, а людей многое множество вывелъ въ свою землю со всѣмъ ихъ богатствомъ и скотомъ.

Сильно опечалился и оскорбился Михаилъ, когда пришло къ нему въ Литву извѣстіе о страшномъ опустошеніи Тверской волости. Отъ Олгерда нельзя было надѣяться помощи въ настоящую минуту, потому что онъ занятъ былъ нѣмецкими дѣлами, и вотъ Михаилъ вздумалъ попытаться, нельзя ли побороть Димитрія старымъ средствомъ — Ордою; онъ поѣхалъ туда; но пріятели изъ Москвы дали ему вѣсть, что повсюду на дорогѣ разставлены заставы московскія, чтобъ перехватить его. Михаилъ возвратился опять въ Литву, опять сталъ кланяться Олгерду, и на этотъ разъ съ успѣхомъ. Зимою, въ Рождественскій постъ, Олгердъ двинулся на Москву съ братомъ Кейстутомъ, съ Михаиломъ Тверскимъ и Святославомъ Смоленскимъ. Они подошли къ Волоку-Ламскому, пожгли посадъ, окрестности, но, простоявъ три дня подъ городомъ [1]), не взяли его и пошли дальше къ Москвѣ, которую осадили 6 декабря. В. князь Димитрій и на этотъ разъ заперся съ кремлѣ московскомъ; но братъ его, Владиміръ Андреевичъ, стоялъ въ Перемышлѣ, собирая силу; къ нему на помощь пришелъ князь Владиміръ Димитріевичъ Пронскій и полки Олега Ивановича Рязанскаго. Олгердъ испугался, услышавъ о сборахъ въ Перемышлѣ, и сталъ просить мира, предлагая выдать дочь свою за князя Владиміра Андреевича; но в. князь Димитрій, вмѣсто вѣчнаго мира, согласился только на перемиріе до Петрова дня. Олгердъ двинулся назадъ и шелъ съ большою осторожностью, озираясь на всѣ стороны, боясь за собою погони.

Михаилъ Тверской возвратился въ Тверь, также помирившись съ Димитріемъ; но испугъ Олгерда и желаніе Литовскаго князя породниться съ Московскимъ показывали ему, что надобно искать помощи въ другой сторонѣ: весною 1371 года онъ исполнилъ прежнее свое намѣреніе, отправился въ Орду и возвратился оттуда съ ярлыкомъ на великое княженіе Владимірское и съ посломъ ханскимъ Сарыхожею. Но Димитрій Московскій по всѣмъ городамъ взялъ присягу съ бояръ и черныхъ людей не предаваться Тверскому князю и не пускать его на Владимірское княженіе, а самъ съ братомъ Владиміромъ сталъ съ войсками въ Переяславлѣ. Владимірцы, исполняя присягу, не пустили къ себѣ Михаила, и когда Сарыхожа послалъ звать Димитрія во Владиміръ къ ярлыку, то Московскій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Къ ярлыку не ѣду, Михаила на княженіе Владимірское не пущу; а тебѣ послу путь чистъ.“ Сарыхожа сначала не хотѣлъ ѣхать къ Димитрію, но потомъ прельстился дарами и, отдавши ярлыкъ Михаилу, поѣхалъ изъ Мологи въ Москву, а Михаилъ, недовольный оборотомъ дѣла, повоевалъ Кострому, Мологу, Угличъ, Бѣжецкій Верхъ [2]), и, возвратясь въ Тверь, отправилъ въ Орду сына своего Ивана. Между тѣмъ Сарыхожа пировалъ въ Москвѣ у Димитрія, набралъ у него много даровъ и, возвратясь въ Орду, началъ расхваливать Московскаго князя, его добрый нравъ и смиреніе. Вѣроятно обнадеженный Сарыхожею въ добромъ пріемѣ, Димитрій самъ рѣшился отправиться въ Орду, чтобъ положить конецъ проискамъ Михаиловымъ. Митрополитъ Алексѣй проводилъ его до Оки и, давъ благословеніе на путь, возвратился въ Москву, куда въ это время пріѣхали послы литовскіе обручать Олгердову дочь Елену за князя Владиміра Андреевича.

Въ Ордѣ Московскій князь успѣлъ задобрить и Мамая, и хана, и ханшъ, и всѣхъ князей; пожалованъ былъ опять великимъ княженіемъ Владимірскимъ и отпущенъ съ большою честію, а Тверскому князю ханъ послалъ сказать: „Мы тебѣ дали великое княженіе, давали и войско, чтобъ посадить тебя на немъ; но ты войска нашего не взялъ, говорилъ, что сядешь одною своею силою; такъ сиди теперь съ кѣмъ хочешь, а отъ насъ помощи не жди.“ Молодой Тверской князь Иванъ задолжалъ въ Ордѣ 10,000 рублей; Димитрій Московскій заплатилъ эти деньги и взялъ Ивана съ собою въ Москву, гдѣ онъ сидѣлъ на дворѣ митрополичьемъ до тѣхъ поръ, пока отецъ не выкупилъ его. Для насъ здѣсь важно то, что Тверской князь принужденъ былъ задолжать въ Ордѣ 10,000 р., а Московскій имѣлъ средства выкупить его—борьба была неравная! Такимъ образомъ, говоритъ лѣтописецъ, великій князь Димитрій твердо укрѣпилъ подъ собою великое княженіе, а враговъ своихъ посрамилъ. Но одного посрамленія было мало: въ Бѣжецкомъ Верхѣ Тверской князь держалъ своего намѣстника, и Димитрій отправилъ туда войско. Намѣстникъ Михаиловъ былъ убитъ, Тверскія волости пограблены; но война рязанская помѣшала тверской. Мы видѣли, что, во время втораго нашествія Олгердова, князь Пронскій вмѣстѣ съ рязанскими полками приходилъ на помощь войску московскому, собиравшемуся въ Перемышлѣ; но послѣ доброе согласіе между Москвою и Рязанью было нарушено неизвѣстно по какимъ причинамъ, и въ 1371 году, въ декабрѣ, великій князь отправилъ на Олега Рязанскаго воеводу своего, Димитрія Михайловича Волынскаго, съ большимъ войскомъ; Олегъ собралъ также большое войско и вы-

[1]) Никон. IV, стр. 27: «Тогда жъ раненъ бысть князь Василей Ивановичъ Березуйскій у града у Волока; стоящу убо на мосту предъ градомъ, и се внезапу тайно изъ подмостья, сквозѣ мостъ, Литвинъ прободѣ его копіемъ. Онъ же язвенъ зѣло изнѣможе, и въ той часъ пострижеся въ иноческій чинъ, и преставися».—Въ родословной сказано только, что родъ князей Ооминскихъ и Березуйскихъ отъ князя Константина Березуйскаго.

[2]) Село Бѣжицы, Тверской губерніи, Бѣжецкаго уѣзда.

шелъ на-встрѣчу московскимъ полкамъ [1]), причемъ, по словамъ лѣтописца, Рязанцы говорили другъ другу: „Не берите съ собою ни доспѣховъ, ни щитовъ, ни коней, ни сабель, ни стрѣлъ,—берите только ремни да веревки, чѣмъ вязать боязливыхъ и слабыхъ Москвичей". Московскій лѣтописецъ поблагодарилъ ихъ за такое мнѣніе въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Рязанцы люди суровые, свирѣпые, высокоумные, гордые, чаятельные, вознесшись умомъ и возгордившись величаніемъ, помыслили въ высокоуміи своемъ полуумные людища, какъ чудища". „Господь низложилъ гордыхъ, продолжаетъ лѣтописецъ: въ злой сѣчѣ Рязанцы пали какъ снопы, и самъ князь Олегъ едва спасся бѣгствомъ съ небольшою дружиною" [2]). Мы видѣли, что въ Рязани шла постоянная вражда между двумя княжескими линіями, Рязанскою и Пронскою; эта борьба помогала Москвѣ точно такъ, какъ въ Твери помогали ей усобицы между князьями тверскими и кашинскими. Какъ только князь Владиміръ Димитріевичъ Пронскій узналъ о бѣдѣ Олеговой, то явился въ Рязани и сѣлъ здѣсь на княженіи; но Олегъ скоро выгналъ его, взялъ въ плѣнъ и привелъ въ свою волю.

По окончаніи войны рязанской, въ 1372 году, началась опять война тверская. Князю Михаилу Александровичу удалось снова заключить союзъ съ Литвою, и, въ надеждѣ на него, онъ началъ наступательное движеніе,—послалъ племянника своего, Димитрія Еремѣевича, съ войскомъ къ городу Кистмѣ [3]), воеводы котораго были схвачены и приведены въ Тверь. Тотчасъ послѣ этого князь Михаилъ Васильевичъ Кашинскій отправилъ пословъ въ Москву, заключилъ миръ съ княземъ Димитріемъ и сложилъ крестное цѣлованіе къ князю Михаилу. Тверской князь не удовольствовался Кистмою; онъ пошелъ самъ къ Дмитрову, взялъ съ города окупъ, посады, волости и села пожегъ, бояръ и людей побралъ въ плѣнъ. Въ то же время онъ подвелъ тайно подъ Переяславль рать литовскую—Олгердова брата Кейстута съ сыномъ Витовтомъ, Андрея Олгердовича Полоцкаго и Димитрія Друцкаго. Переяславль имѣлъ участь Дмитрова; скоро раздѣлилъ ее и Кашинъ, котораго князь принужденъ былъ подчиниться Михаилу и опять цѣловать ему крестъ. Отъ Кашина союзники пошли къ Торжку, взяли его, и Тверской князь посадилъ въ немъ своихъ намѣстниковъ. Но въ Петровъ постъ явились въ Торжокъ Новгородцы, укрѣпились съ Новоторжцами крестнымъ цѣлованіемъ, выслали намѣстниковъ Михайловыхъ изъ города, а купцовъ тверскихъ и других людей пограбили и побили, послѣ чего укрѣпили городъ и сѣли въ немъ дожидаться прихода Михаилова. 31-го мая пришелъ Михаилъ подъ Торжокъ и послалъ сказать гражданамъ, чтобъ выдали ему тѣхъ, которые били и грабили Тверичей, и чтобъ приняли опять его намѣстниковъ, послѣ чего онъ оставитъ ихъ въ покоѣ. Новгородцы не согласились и вышли на бой: первый встрѣтилъ Тверичей на Подолѣ Александръ Абакумовичъ, и палъ костью за Св. Спаса и за обиду новгородскую, трое товарищей его были также убиты, и Новгородцы потерпѣли совершенное пораженіе: одни побѣжали въ поле по новгородской дорогѣ, другіе заперлись въ крѣпости (городѣ) торжокской. Но Тверичи скоро зажгли посадъ, сильный вѣтеръ потянулъ на городъ, и пошелъ огонь по всему городу; несчастные Новгородцы побросались оттуда съ женами и дѣтьми прямо въ руки врагамъ; иные сгорѣли, другіе задохнулись въ церкви Св. Спаса или перетонули въ рѣкѣ; добрыя женщины и дѣвицы, видя себя раздѣтыми до-нага, отъ стыда сами бросались въ рѣку; Тверичи до-нага обдирали всѣхъ, даже чернецовъ и черницъ; иконныхъ окладовъ и всякаго серебра много побрали, чего и поганые не дѣлаютъ, заключаетъ лѣтописецъ; кто изъ оставшихся въ живыхъ не поплачетъ, видя, сколько людей приняло горькую смерть, святыя церкви пожжены, городъ весь пустъ? И отъ поганыхъ никогда не бывало такого зла; убитыхъ, погорѣлыхъ, утопшихъ наметали пять скудельницъ, а иные сгорѣли безъ остатка, другіе потонули и безъ вѣсти поплыли внизъ по Тверцѣ,

Истребивши Торжокъ, Михаилъ отправился для соединенія съ Олгердомъ, который стоялъ у Любутска [4]). На этотъ разъ Димитрій приготовился, встрѣтилъ съ сильнымъ войскомъ Олгерда у Любутска и разбилъ сторожевой полкъ литовскій. Все войско литовское переполошилось, самъ Олгердъ побѣжалъ и остановился за крутымъ и глубокимъ оврагомъ, который не допустилъ непріятелей до битвы; много дней Литва и Москвичи стояли въ бездѣйствіи другъ противъ друга, наконецъ заключили миръ и разошлись. Миръ, или, лучше сказать, перемиріе, было заключено на короткій срокъ: отъ 31 іюля по 26 октября (отъ Спожина заговѣнья до Димитріева дня). Договоръ заключенъ отъ имени Олгерда, Кейстута и Смоленскаго великаго князя Святослава Ивановича, въ него включены также: князь Михаилъ Тверской, Димитрій Брянскій и тѣ князья, которые будутъ въ имени Олгерда и Святослава Смоленскаго; трое князей рязанскихъ, которые одинаково называются великими [5]), находятся на сторонѣ Димитрія Московскаго. Олгердъ поручился, что Михаилъ Тверской возвратитъ все пограбленное имъ въ волостяхъ московскихъ, и сведетъ оттуда своихъ намѣстниковъ и волостелей. Если Михаилъ въ перемирный срокъ станетъ гра-

---

[1]) У Скорнищева.

[2]) Никон. IV, 32: «Рязанцы убо махающесь взенми и ременьемъ и ужищи, и ничтоже успѣша, но падоша мертвии аки снопы, аки свиньи заклани быша».—Выходитъ, какъ будто Рязанцы въ самомъ дѣлѣ вмѣсто оружія взяли ремни да веревки.—Быть можетъ, рязанскіе ратники въ Скорнищевской битвѣ впервые употребили арканы.

[3]) Рѣчка Кесма впадаетъ въ Мологу, верстъ около 10 ниже Весьегонска, Тверской губерніи; есть и село Кесьма Бѣжецкаго уѣзда. Арцыб. II, примѣч. 852.

[4]) Село Любудское, въ Калужскомъ уѣздѣ.

[5]) Олегъ, Романъ и Владиміръ Пронскій.

*

бить волости Димитрія, то послѣдній воленъ развѣдываться съ нимъ, и литовскіе князья за него не вступятся. Димитрій предоставилъ себѣ также право покончить съ Михаиломъ посредствомъ хана: „А что пошли въ Орду къ царю люди жаловаться на князя Михаила, то мы въ Божіей волѣ и въ царевой,—какъ повелитъ, такъ мы и будемъ дѣлать, а то отъ насъ не въ измѣну".

Раздоры между княземъ Тверскимъ и Кашинскимъ не допустили до продолжительнаго мира, ибо если князь Тверской отъ притѣсненій Москвы находилъ защиту въ Литвѣ, то слабый князь Кашинскій отъ притѣсненій Твери искалъ постоянно защиты въ Москвѣ. Подъ 1373 годомъ опять встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Михаилъ Васильевичъ Кашинскій сложилъ крестное цѣлованіе къ Михаилу Тверскому и уѣхалъ въ Москву, а изъ Москвы отправился въ Орду, откуда возвратился въ Кашинъ неизвѣстно съ чѣмъ. Скоро послѣ этого онъ умеръ, а сынъ его, Василій, по совѣту бабки и бояръ, пріѣхалъ въ Тверь къ князю Михаилу Александровичу съ челобитьемъ, и отдался въ его волю; за этимъ примиреніемъ послѣдовало и примиреніе Тверскаго князя съ Московскимъ. Димитрій отпустилъ изъ Москвы сына Михаилова Ивана, приведеннаго, какъ мы видѣли, имъ изъ Орды [1]); а Михаилъ вывелъ своихъ намѣстниковъ изъ занятыхъ имъ волостей великокняжескихъ. Но на слѣдующій годъ молодой Кашинскій князь Василій Михайловичъ побѣжалъ изъ Твери въ Москву: за то теперь и Тверской князь нашелъ внутри самой Москвы враговъ Димитрію. По поводу насильственной смерти тысяцкаго Алексѣя Петровича, мы упоминали о важномъ и опасномъ значеніи этого сановника. Въ 1374 г. умеръ тысяцкій Василій Васильевичъ Вельяминовъ, и в. князь не назначилъ другого на его мѣсто, которое по всѣмъ вѣроятностямъ надѣялся занять сынъ покойнаго, Иванъ. Обманутый въ этой надеждѣ, онъ сговорился съ другимъ недовольнымъ, Некоматомъ Сурожаниномъ, то-есть купцомъ, торгующимъ дорогими южными товарами, и въ 1375 г. бѣжали оба къ Тверскому князю, со многою лжею и льстивыми словами, и отъ этого загорѣлся огонь, по выраженію лѣтописца. Михаилъ Александровичъ, повѣривъ льстивымъ словамъ московскихъ бѣглецовъ, отправилъ Вельяминова съ Некоматомъ къ хану, а самъ поѣхалъ въ Литву, гдѣ, пробывши малое время, возвратился въ Тверь; скоро возвратился изъ Орды и Некоматъ съ ханскимъ посломъ и ярлыкомъ Михаилу на великое княженіе Владимірское, и на великую погибль христіанскую, говоритъ лѣтописецъ. Тогда Михаилъ, увѣренный, какъ видно, въ помощи и съ востока, и съ запада, послалъ объявить войну Димитрію Московскому, и въ то же время отправилъ намѣстниковъ въ Торжокъ и рать въ Угличъ.

Но помощь не приходила къ нему ни съ востока, ни съ запада, а между тѣмъ Димитрій собрался со всею силою и двинулся къ Волоку-Ламскому, куда пришли къ нему князья: тесть его Димитрій Константиновичъ Суздальскій съ двумя братьями и сыномъ, двоюродный братъ Владиміръ Андреевичъ Серпуховской, трое князей ростовскихъ, князь Смоленскій, двое князей ярославскихъ, князь Бѣлозерскій, Кашинскій, Моложскій, Стародубскій, Брянскій, Новосильскій, Оболенскій и Торусскій. По словамъ лѣтописца, всѣ эти князья сильно сердились на Михаила Тверскаго за то, что онъ прежде нѣсколько разъ приводилъ Литву, надѣлавшую столько зла христіанамъ, а теперь соединился съ Мамаемъ; но, съ другой стороны, замѣтимъ, что нѣкоторые изъ этихъ князей были подручники Димитрія и не могли ослушаться его приказанія, нѣкоторые же были только по имени князьями извѣстныхъ волостей, какъ, напримѣръ, князь Стародубскій, а Бѣлозерскъ былъ купленъ еще Калитою. — Всѣ эти князья двинулись изъ Волока къ Твери и стали воевать, взяли Микулинъ, поплѣнили и пожгли окружныя мѣста, наконецъ осадили Тверь, гдѣ заперся князь Михаилъ. Обнесши весь городъ тыномъ, наведя два большихъ моста на Волгѣ, Димитрій послалъ за Новгородцами; тѣ, желая почтить великаго князя и вмѣстѣ отомстить Тверичамъ за торжокское пораженіе, собрались въ три дня, пришли къ Твери и много надѣлали зла. Тогда осаждающіе приступили со всѣми силами къ городу, приставили туры, приметали приметъ около всей крѣпости, зажгли мостъ у Тмакскихъ воротъ и стрѣльницы; но осажденные—хотя съ большимъ трудомъ—потушили пожаръ, и когда Димитріева рать немного отступила отъ крѣпости, то Михаилъ сдѣлалъ изъ нея удачную вылазку, посѣкъ туры, другіе пожегъ и побилъ много людей у осаждающихъ. Но этотъ успѣхъ не принесъ ему пользы: волость его была опустошена въ-конецъ, города Зубцовъ, Бѣлгородъ и Городокъ (Старица) взяты; онъ все ждалъ помощи изъ Литвы и отъ хана; литовскіе полки пришли, но, услыхавъ, какая безчисленная рать стоитъ у Твери, испугались и ушли назадъ. Тогда Михаилъ, потерявъ послѣднюю надежду, отправилъ владыку Евѳимія и большихъ бояръ своихъ къ Димитрію просить мира, отдаваясь во всю волю Московскаго князя [2]), и тотъ заключилъ съ ними миръ, котораго условія дошли до насъ. Независимый в. князь Тверской, соперникъ Московскаго по Владимірскому великому княженію, не утрачивая своего названія „великій князь", обязывается считать себя младшимъ

[1]) И Карамзинъ, и Арцыбашевъ, каждый съ особой стороны, несправедливо заподозриваютъ здѣсь извѣстія Никоновской лѣтописи. Карамзинъ хочетъ положить освобожденіе Ивана гораздо прежде; но какъ могло это случиться, когда до сихъ поръ не было мира между Михаиломъ и Димитріемъ? Арцыбашевъ же не хочетъ допустить извѣстіе о мирѣ, полагая, что миръ былъ заключенъ вмѣстѣ съ Олгердомъ; но въ самомъ договорѣ предположена возможность, что Михаилъ будетъ продолжать непріятельскія дѣйствія, притомъ же заключенъ былъ не миръ, а краткое перемиріе.

[2]) По словамъ Новгородскаго лѣтописца, Михаилъ Тверской сталъ просить мира, испугавшись приближенія новгородской рати.

братомъ Димитрія, равнымъ младшему двоюродному брату послѣдняго, удѣльному — Владиміру Андреевичу. Обязанности младшаго брата къ старшему опредѣлены: когда великій князь Московскій или братъ его выступятъ въ походъ, то и Тверской князь обязанъ садиться на коня; если пошлютъ воеводъ, то и онъ обязанъ послать своихъ воеводъ. Михаилъ обязался не искать ни Москвы, ни великаго княженія Московскаго, ни Новгорода, обязался не только за себя, но и за дѣтей своихъ и племянниковъ; обязался самъ не искать великаго княженія Владимірскаго и не принимать его отъ Татаръ, за что Димитрій, съ своей стороны, обѣщался не принимать Твери отъ Татаръ. Но онъ вытребовалъ, чтобъ княжество Кашинское было независимо отъ Тверскаго,—условіе важное, выгодное для Москвы, тяжкое для Тверскаго княжества, которое обезсиливалось раздробленіемъ на двѣ волости независимыя: „Въ Кашинъ тебѣ не вступаться, и что потянуло къ Кашину, то вѣдаетъ вотчичъ князь Василій, и выходомъ не надобно Кашину тянуть къ Твери; князя Василія тебѣ не обижать, а будешь обижать, то стану его оборонять". Также важное условіе постановлено относительно Татаръ: „Будемъ ли мы въ мирѣ съ Татарами—это зависитъ отъ насъ; дадимъ ли выходъ—это зависитъ отъ насъ; не захотимъ дать—это зависитъ также отъ насъ. Если же Татары пойдутъ на насъ или тебя, то намъ биться вмѣстѣ; если же мы пойдемъ на нихъ, то и тебѣ идти съ нами вмѣстѣ". Михаилъ отказался отъ союза съ Олгердомъ, его братьями, дѣтьми и племянниками, — мало того, обязался воевать съ Литвою, если она нападаетъ на Московскаго или на Смоленскаго князя. Съ великимъ Новгородомъ и Торжкомъ Тверской князь обязался жить по старинѣ и въ мирѣ, и возвратить всѣ церковныя вещи, пограбленныя въ Торжкѣ во время его взятія, также все пограбленное послѣ мира 1373 года. Право отъѣзда отъ одного князя къ другому съ удержаніемъ селъ въ прежнихъ волостяхъ утверждено за боярами и слугами вольными, за исключеніемъ Ивана Васильевича Вельяминова и Некомата, села которыхъ удержалъ Московскій князь за собою. Замѣчательно, что, при затрудненіяхъ въ смѣсномъ судѣ, дѣла Москвитянъ и Тверичей положено отдавать на рѣшеніе великаго князя Рязанскаго Олега [1]).

Такъ счастливо для Москвы кончилась борьба съ Тверью, т.-е. съ Литвою, по поводу Твери. Въ томъ же году Олгердъ попустошилъ Смоленскую волость за то, что князь ея воевалъ противъ Михаила Тверскаго; съ другой стороны, Татары опустошили волости Нижегородскую и Новосильскую за то же самое; но Московскій князь оставался въ покоѣ, и въ 1376 году посылалъ Владиміра Андреевича съ войскомъ ко Ржеву; Серпуховской князь, по обычаю, пожегъ посадъ, но, простоявъ три дня подъ крѣпостью, возвратился назадъ. Тверской князь не думалъ разрывать союза съ Литвою: еще въ 1375 г. въ Тверь приведена была дочь Кейстутова Марья, окрещена и выдана за сына в. князя Михаила, Ивана. Но союзъ этотъ былъ безполезенъ для Тверскаго князя, ибо въ 1377 годъ умеръ Олгердъ, постригшись передъ смертью въ монахи, причемъ мірское православное имя Александра перемѣнилъ на имя Алексѣя. Еще прежде умеръ братъ его князь Волынскій, Любартъ, который всю жизнь провелъ въ борьбѣ съ Поляками, стремившимися овладѣть и Волынью, какъ овладѣли Галичемъ. Великимъ княземъ сталъ сынъ Олгерда, Ягайло—въ православія Яковъ, и дядя Кейстутъ, князь Троцкій, присягнулъ племяннику. Но Ягайло, подобно дядѣ Евнутію, взялъ старшинство не по праву, мимо старшаго брата, Вингольда-Андрея, рожденнаго отъ первой жены Олгердовой; Андрей, княжившій въ Полоцкѣ, объявилъ-было свои притязанія на старшинство, но, не получая ни откуда подкрѣпленія, долженъ былъ уступить Ягайлу, лишился своей волости и бѣжалъ въ Псковъ, гдѣ жители посадили его на княженіе, съ согласія великаго князя Димитрія, къ которому Андрей ѣздилъ въ Москву. Димитрій хотѣлъ воспользоваться этою смутою, и въ 1379 году Андрей Олгердовичъ, вмѣстѣ съ Серпуховскимъ княземъ, Владиміромъ Андреевичемъ, и московскимъ воеводою, Димитріемъ Михайловичемъ Волынскимъ, отправились на литовскія владѣнія, взяли города Трубчевскъ и Стародубъ, повоевали много становъ и волостей, и возвратились съ большимъ богатствомъ домой. Братъ Андрея, Димитрій Олгердовичъ, князь Трубчевскій, не сопротивлялся московскимъ полкамъ: онъ вышелъ изъ города съ семействомъ и боярами, поѣхалъ въ Москву и вступилъ въ службу великаго князя, или, какъ выражается лѣтописецъ, урядился въ рядъ и крѣпость взялъ; Димитрій принялъ его съ честію, любовію и далъ ему Переяславль со всѣми пошлинами.

За этою смутою, которая доставила Московскому князю двухъ вѣрныхъ слугъ между сыновьями Олгердовыми, послѣдовала другая, болѣе опасная для Литвы, болѣе выгодная для враговъ ея. Ягайло не походилъ на отца и дѣда своего: былъ лѣнивъ, любилъ удовольствія и не имѣлъ твердаго характера, вслѣдствіе чего подвергался вліянію окружавшихъ его. Самымъ приближеннымъ изъ нихъ былъ Войдылло, о которомъ вотъ что говоритъ лѣтописецъ [2]): былъ у великаго князя Олгерда паробокъ, крѣпостной холопъ; звали его Войдылломъ; сначала былъ онъ хлѣбникомъ, полюбился великому князю, который взялъ его къ себѣ постелю стлать и пить подавать, а наконецъ далъ ему держать городъ Лиду. Силенъ былъ Войдылло при Олгердѣ; еще сильнѣе сталъ при Ягайлѣ, который даже отдалъ за него родную сестру. Старому князю Кейстуту очень не понравилось, что племянницу его выдали за холопа; сталъ онъ попрекать и вдовѣ Олгердовой, и Ягайлу, и самой племянницѣ, отсюда пошла ненависть между Кейстутомъ и Войдыллою, и по-

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 28.

[2]) Лѣт. изд. Даниловичемъ, стр. 40.

слѣдній сталъ думать, какъ бы избавиться отъ старика. Съ этой цѣлію онъ началъ наговаривать Ягайлу на Кейстута и поднимать на него нѣмецкихъ рыцарей. Куно Либштейнъ, командоръ Остеродскій, кумъ Кейстута, послалъ сказать послѣднему: „Ты ничего не знаешь, какъ Ягайло безпрестанно посылаетъ Войдылла къ намъ и уже договоръ съ нами написалъ, чтобъ отнять у тебя волости". Кейстутъ, получивъ эту вѣсть, послалъ сказать сыну своему Витовту: „Ты живешь съ Ягайломъ въ тѣсной дружбѣ, а онъ договорился съ Нѣмцами на наше лихо". Витовтъ отвѣчалъ отцу, что ничему не надобно вѣрить, что онъ живетъ съ Ягайломъ душа въ душу, знаетъ всѣ его думы. Скоро однако правда обнаружилась. Въ Полоцкѣ, по изгнаніи Андрея Олгердовича, княжилъ сынъ Кейстута, Андрей, прозвищемъ Горбатый. Ягайлу или Войдыллу хотѣлось отнять эту волость у Кейстутовича и отдать ее родному брату Ягайлову, Скиригайлу; но Полочане, старые вѣчники, никакъ не согласились на эту перемѣну и съ позоромъ выгнали отъ себя Скиригайла. Великій князь выслалъ противъ нихъ сильное войско, съ которымъ соединились и Нѣмцы; но Полочане не потеряли духа: они объявили, что скорѣе поддадутся Нѣмцамъ, чѣмъ Скиригайлу, и вмѣстѣ съ Андреемъ мужественно отразили всѣ приступы [1]). Старикъ Кейстутъ, услыхавъ о полоцкихъ происшествіяхъ, опять сталъ жаловаться сыну своему Витовту на Ягайла [2]): „За Войдыллу отдалъ мою племянницу, уговорился съ Нѣмцами на мое лихо; а вотъ теперь съ кѣмъ мы воевали,—съ Нѣмцами? а онъ съ ними заодно добываетъ Полоцка". Витовтъ отвѣчалъ и на этотъ разъ, что онъ все еще не совсѣмъ вѣритъ коварству Ягайла, и выѣхалъ въ Дрогичинъ, откуда скоро отправился въ Гродно. Но старикъ Кейстутъ не раздѣлялъ сомнѣній сына своего: онъ рѣшился для собственной безопасности предупредить Ягайла, врасплохъ явился съ войскомъ передъ Вильною, овладѣлъ ею, взялъ въ плѣнъ Ягайла со всѣмъ семействомъ, захватилъ всѣ грамоты и, между прочимъ, послѣдній договоръ Ягайла съ Нѣмцами.

Витовтъ, извѣщенный чрезъ гонца о торжествѣ отцовскомъ, въ одинъ день прискакалъ изъ Гродна въ Вильну. Кейстутъ показалъ ему грамоту: „Ты мнѣ все не вѣрилъ, а вотъ тебѣ и грамота на лицо; написали на наше лихо, да Богъ насъ остерегъ. А я великому князю Ягайлу за это никакого зла не сдѣлалъ, не дотронулся ни до имѣнья его, ни до стадъ, и самъ онъ у меня не въ плѣну, ходитъ только за малой стражей; отчину его — Витебскъ и Крево, и всѣ мѣста, что отецъ его держалъ, все отдаю ему, и ни во что его не вступаюсь; а что я теперь сдѣлалъ, того нельзя было мнѣ не сдѣлать,— берегъ свою голову". Ягайло долженъ былъ присягнуть, что никогда не вооружится противъ Кейстута и не выйдетъ изъ его воли, послѣ чего со всѣми родными и имѣніемъ отправился въ Витебскъ.

Кейстутъ сталъ великимъ княземъ, но недолго пользовался своимъ новымъ положеніемъ. Вдова Олгердова, Іуліанія, и дѣти ея не могли спокойно видѣть, что столъ великокняжескій перешелъ къ Кейстуту, и потому, посредствомъ Скиригайла, изгнанника полоцкаго, завязали снова сношенія съ Нѣмцами, которые были рады смутамъ въ Литвѣ. Но пока Кейстутъ жилъ въ Вильнѣ, никто не смѣлъ противъ него подняться, тѣмъ болѣе что Ягайла трудно было уговорить на какое-нибудь важное предпріятіе. Только когда Кейстутъ велѣлъ повѣсить плѣнника своего Войдылла, Ягайло позволилъ сестрѣ и ея приверженцамъ уговорить себя дѣйствовать рѣшительно противъ дяди. Въ это время старый Кейстутъ велъ войну съ племянникомъ Димитріемъ Олгердовичемъ; Ягайло обязанъ былъ также выступить въ походъ; но, вмѣсто того, чтобъ идти съ войскомъ на Русь, онъ двинулся нечаянно къ Вильнѣ, гдѣ Кейстута тогда не было, и овладѣлъ городомъ; та же участь постигла и Троки. Кейстутъ собралъ большое войско и, соединившись съ сыномъ Витовтомъ, обложилъ Троки; противъ него стоялъ Ягайло съ своими союзниками Нѣмцами. Но Олгердовъ сынъ побоялся рѣшить дѣло оружіемъ, и предпочелъ коварство. Онъ началъ просить Витовта, чтобъ тотъ помирилъ его съ отцомъ, для чего просилъ обоихъ князей пріѣхать къ нему въ станъ, и князь Скиригайло именемъ брата поклялся, что съ ними не случится ничего дурнаго. Въ надеждѣ на эту клятву, Кейстутъ и Витовтъ пріѣхали въ станъ къ Ягайлу, чтобъ договариваться о мирѣ, но, вмѣсто того, были схвачены, и Кейстутъ былъ отданъ въ руки самымъ злымъ врагамъ своимъ, которые сковали его, отвезли въ Крево, заперли въ тюрьму и на пятую ночь удавили.

Больной Витовтъ былъ также отвезенъ вмѣстѣ съ женою Анною въ Крево, гдѣ держали его подъ крѣпкою стражею. И, выздоровѣвши, Витовтъ все еще притворялся хворымъ; жена навѣщала его ежедневно вмѣстѣ съ двумя служанками; наконецъ она получила отъ Ягайла для одной себя позволеніе ѣхать въ Моравію. Въ ночь, наканунѣ отъѣзда, она пришла проститься съ мужемъ и замѣшкалась у него, какъ слѣдовало ожидать, долѣе обыкновеннаго; въ это время Витовтъ переодѣвался въ платье одной изъ жениныхъ служанокъ, Елены, которая осталась на его мѣстѣ, а онъ, вышедши съ женою изъ тюрьмы и спустившись со стѣны, нашелъ лошадей, высланныхъ изъ Волковыйска, отъ тамошняго тіуна, въ короткое время достигъ Слонима, оттуда отправился въ Брестъ, и на пятый день былъ уже въ Плоцкѣ. Елена, не вставая съ постели, такъ хорошо представляла больнаго князя, что только на третій день узнали о его бѣгствѣ. Она поплатилась жизнью за свое самоотверженіе.

Эти смуты отняли у литовскихъ князей средства враждебно дѣйствовать противъ Москвы и дали по-

[1]) Narbutt V, 277.

[2]) Лѣтоп. изд. Данилов., стр. 22.

слѣдней возможность безпрепятственно управиться съ Татарами. Димитрій выросъ въ неповиновеніи хану, два раза младенцемъ ходилъ онъ отнимать Владимірское княженіе у Димитрія Суздальскаго, у котораго былъ ярлыкъ ханскій. Княжество Московское постоянно усиливалось; его князья еще со временъ Калиты привыкли располагать полками князей подручныхъ, убѣждались все болѣе и болѣе въ своей силѣ, тогда какъ Орда видимо ослабѣвала вслѣдствіе внутреннихъ смутъ и усобицъ, и ничтожные ханы, подчиненные могущественнымъ вельможамъ, свергаемые ими, теряли все болѣе и болѣе свое значеніе, переставали внушать страхъ. Отъ страха передъ Татарами началъ отвыкать русскій народъ и потому, что со временъ Калиты пересталъ испытывать ихъ нашествія и опустошенія; возмужало цѣлое поколѣніе, которому чуждъ былъ трепетъ отцовъ предъ именемъ татарскимъ. Московскій князь, находившійся въ цвѣтѣ лѣтъ, въ самомъ полномъ развитіи силъ, былъ представителемъ этого новаго поколѣнія. Съ малолѣтства привыкъ Димитрій дѣйствовать иначе, нежели дѣйствовали дѣдъ, дяди и отецъ его; малюткою съ оружіемъ въ рукахъ добылъ онъ себѣ старшинство между русскими князьями; послѣ, до тридцатилѣтняго возраста, не выпускалъ изъ рукъ оружія, выдержалъ опасную борьбу съ Литвою, Тверью, Рязанью, и вышелъ изъ нея побѣдителемъ съ полнымъ сознаніемъ своихъ силъ. Неудивительно, что такой князь рѣшился первый поднять оружіе противъ Татаръ.

Мы видѣли, что въ началѣ княженія Димитріева Орда дѣлилась между двумя ханами — Мюридомъ (Амуратомъ) и Абдуломъ (Abdullah), именемъ котораго управлялъ темникъ Мамай. Но, кромѣ ихъ, въ древней странѣ Болгарской утвердился третій ханъ Пуладъ-Темиръ, а въ странѣ Мордовской—князь Тогай. Послѣдній въ 1365 году напалъ нечаянно на Переяславль-Рязанскій, взялъ, сжегъ его, поплѣнилъ окрестныя волости и села, и уже съ большою добычею возвращался въ степь, какъ былъ настигнутъ князьями — Олегомъ Ивановичемъ Рязанскимъ, Владиміромъ Пронскимъ и Титомъ Козельскимъ: былъ между ними бой лютый, пало много мертвыхъ съ обѣихъ сторонъ, но русскіе князья наконецъ одолѣли, и Тогай едва убѣжалъ съ небольшою дружиною [1]). Въ 1367 году Булатъ, или Пуладъ-Темиръ, напалъ на нижегородскія владѣнія, но прогнанъ былъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ за рѣку Пьяну съ большимъ урономъ, прибѣжалъ въ Золотую Орду, и былъ тамъ убитъ ханомъ Азизомъ, или Озизомъ, преемникомъ Мюридовымъ. Въ 1370 году Димитрій Константиновичъ съ братомъ Борисомъ, сыномъ Василіемъ и ханскимъ посломъ Ачихожею (Хаджи-Ходжа) ходилъ войною на Болгарскаго князя Асана; тотъ встрѣтилъ ихъ съ челобитьемъ и дарами: они дары взяли, но посадили на княженіе Салтана, Бакова сына. Въ 1373 году Татары изъ Орды Мамаевой опустошили Рязанское княжество; великій князь Московскій все лѣто простоялъ на берегу Оки (куда пришелъ къ нему и Владиміръ Андреевичъ) [2]), и не пустилъ Татаръ на свою сторону. Сопротивленіе Татарамъ и даже наступательное движеніе на нихъ обнаруживалось повсюду; въ 1374 году Новгородцы перебили пословъ Мамаевыхъ и съ ними 1,500 Татаръ; старшаго посла—Сарайку—съ дружиною заперли въ крѣпости. На слѣдующій годъ князь Димитрій Константиновичъ приказалъ развести плѣнниковъ по разнымъ мѣстамъ: но Сарайка съ товарищами своими вырвался, убѣжалъ на архіерейскій дворъ, зажегъ его и началъ отбиваться отъ Нижегородцевъ, многихъ перебилъ и переранилъ; наконецъ народъ одолѣлъ Татаръ и перебилъ ихъ всѣхъ. Въ томъ же году Татары Мамаевы опустошили берега рѣки Киши, притока Суры, и мѣста за рѣкою Пьяною [3]). Мы упоминали уже о нападеніи Татаръ на Нижегородское и Новисильское княжество за помощь, оказанную ихъ князьями Димитрію Московскому противъ Михаила Тверскаго, послѣ чего Московскій князь ходилъ съ войскомъ за Оку, оберегая Землю свою отъ Татаръ. Еще въ XII и XIII вѣкѣ мы видѣли стремленіе Сѣверо-Восточной Руси къ естественному распространенію своему на востокъ внизъ по Волгѣ, насчетъ Болгаръ, Мордвы и другихъ туземныхъ племенъ. Стремленіе это было надолго остановлено татарскимъ нашествіемъ и внутренними движеніями, которыя имѣли слѣдствіемъ усиленіе Московскаго княжества; теперь же, какъ скоро Сѣверо-Восточная Русь снова усилилась единовластіемъ, а татарское владычество ослабѣло, опять начинается наступательное движеніе Русскихъ на древнюю Болгарскую Землю. По окончаніи борьбы съ Литвою и Тверью, весною 1376 года великій князь послалъ воеводу своего Димитрія Михайловича Волынскаго на Болгаръ; съ Волынскимъ отправились двое молодыхъ князей нижегородскихъ—Василій и Иванъ Димитріевичи, и подступили подъ Казань. Казанцы вышли противъ нихъ изъ города, стрѣляя изъ луковъ и самострѣловъ; другіе производили какой-то громъ, чтобъ испугать Русскихъ, а нѣкоторые выѣхали

[1]) Никон. IV, 10: «Тагай князь Ордынскій, иже по разрушеніи Ординскомъ прінде въ Норучай, и тамо самъ о себѣ княжаше въ Наручавтцкой странѣ. И потомъ восхотѣ воевати Русь... князь же великій Олегъ... Постиже его на мѣстѣ, нарицаемомъ подъ Шишевскимъ лѣсомъ на Воинѣ».—Наровчатъ—городъ Пензенской губерніи, Тагай — городъ Симбирской губерніи.

[2]) Рѣка Пьяна—Нижегородской и Симбирской губерній, впадающая въ Суру. Никон. III, 37: «Князь великій Димитр. Ив. Московск. собрався со всею силою своею и стоялъ у рѣки Оки на березе, и братъ его иже изъ двоюродныхъ князь Володимеръ Ондр. прінде къ нему изъ Нижняго-Новгорода».—Карамзинъ (V, прим. 31) говоритъ: «Владиміръ Андреевичъ послѣ войны литовской жилъ одно лѣто въ Новѣгородѣ Великомъ до іюля мѣсяца, въ слѣдующее занимался строеніемъ Серпухова: когда же могъ простоять все лѣто на берегахъ Оки?»—Но развѣ лѣтопись говоритъ, что Владиміръ Андр. стоялъ все лѣто? Не прямо ли она говоритъ, что онъ пришелъ къ в. князю изъ Новгорода? Вся ошибка здѣсь только въ томъ, что вмѣсто Великаго Новгорода поставленъ Нижній.

[3]) Арцыбаш. II, прим. 872.

на верблюдахъ, чтобы переполошить лошадей. Но всѣ эти хитрости не удались: Русскіе вогнали непріятеля въ городъ, и князья казанскіе Асанъ и Магометъ-Солтанъ принуждены были добить челомъ великому князю; заплатили тысячу рублей Димитрію Московскому, тысячу Новгородскому, три тысячи воеводамъ и ратнымъ людямъ; кромѣ того, лѣтописецъ говоритъ, что Русскіе посадили въ Казани своего сборщика податей (дорогу) и таможенниковъ.

Въ 1377 году въ Москву пришла вѣсть, что въ странахъ Посурскихъ явился новый царевичъ татарскій, Арапша, перебѣжавшій за Волгу съ береговъ Яика и Аральскаго моря. Димитрій Московскій тотчасъ собралъ большое войско и пошелъ на помощь къ тестю своему, Димитрію Нижегородскому; но объ Арапшѣ долго не было вѣсти, и великій князь возвратился въ Москву, оставивши воеводъ своихъ съ полками владимірскими, переяславскими, юрьевскими, муромскими и ярославскими, съ которыми соединилось и нижегородское войско, подъ начальствомъ своего молодаго князя Ивана. Собралась большая рать и двинулась за рѣку Пьяну, гдѣ воеводы получили вѣсть, что Арапша далеко, на рѣкѣ Волчьи Воды, притокѣ Донца. Князья и воеводы русскіе обрадовались и не обращали уже болѣе вниманія на другія, приходившія къ нимъ вѣсти: кто можетъ стать противъ насъ? говорили они,— и стали ѣздить въ простомъ платьи (охабняхъ и сарафанахъ), а доспѣхи свои поклали на телѣги и въ сумы, рогатины, сулицы и копья не были приготовлены, иныя не были еще насажены, также не были приготовлены щиты и шлемы. Было время въ концѣ іюля, стояли сильныя жары, и ратники разъѣзжали, спустивши платье съ плечъ, разстегнувши петли, растрепавшись точно въ банѣ; если случалось гдѣ найти пиво и медъ,—напивались до-пьяна, и хвастались, что одинъ изъ нихъ выѣдетъ на сто Татаръ. Князья, бояре и воеводы также забыли всякую осторожность, ѣздили на охоту, пировали, величались, да ковы другъ противъ друга строили [1]). Въ это время мордовскіе князья подвели тайно Арапшу, который, раздѣливъ свою рать на пять полковъ, втораго августа нечаянно ударилъ со всѣхъ сторонъ на русское войско; послѣднее не имѣло возможности сопротивляться и побѣжало въ ужасѣ къ рѣкѣ Пьянѣ. Князь Иванъ Димитріевичъ Нижегородской утонулъ при переправѣ вмѣстѣ со множествомъ бояръ, слугъ и простыхъ ратниковъ; другіе были перебиты Татарами. Арапша явился передъ Нижнимъ, откуда князь Димитрій Константиновичъ выбѣжалъ въ Суздаль, а жители разбѣжались на судахъ по Волгѣ къ Городцу; Татары перехватили тѣхъ, которые не успѣли спастись, сожгли городъ, опустошили окрестности и ушли назадъ. Въ томъ же году Арапша пограбилъ и мѣста за Сурою (Засурье), потомъ перебилъ русскихъ гостей; пришелъ нечаянно на Рязань, взялъ ее, причемъ самъ князь Олегъ, изстрѣленный, едва вырвался изъ рукъ татарскихъ. Надѣясь, что послѣ Пьянскаго пораженія Нижегородское княжество осталось безъ защиты, и Мордва захотѣла попытать счастья противъ Русскихъ: приплыла нечаянно по Волгѣ въ Нижегородскій уѣздъ и пограбила то, что осталось отъ Татаръ; но князь Борисъ Константиновичъ настигъ ее у рѣки Пьяны и поразилъ; одни потонули, другіе были побиты. Оба князя, и Московскій и Нижегородскій, не хотѣли этимъ ограничиться, и зимою, несмотря на страшные морозы, нижегородское войско, подъ начальствомъ князей—Бориса Константиновича и Семена Димитріевича, и московское—подъ начальствомъ воеводы Свибла—вошло въ Мордовскую Землю, и „сотворило ее пусту" [2]), по выраженію лѣтописца: плѣнниковъ, приведенныхъ въ Нижній, казнили смертію, травили псами на льду на Волгѣ. Въ слѣдующемъ, 1378 г., Татары явились опять нечаянно передъ Нижнимъ; князя не было тогда въ городѣ, а жители разбѣжались за Волгу. Пріѣхавши къ Нижнему изъ Городца, князь Димитрій Константиновичъ увидалъ, что нельзя отстоять города отъ Татаръ, и потому послалъ къ нимъ окупъ; но Татары не взяли окупа и сожгли Нижній, потомъ повоевали весь уѣздъ и Березовое поле. Управившись съ Димитріемъ Нижегородскимъ, Мамай отправилъ князя Бегича съ большимъ войскомъ на Димитрія Московскаго. Но тотъ узналъ о приближеніи непріятеля, собралъ силу и выступилъ за Оку въ Землю Рязанскую, гдѣ встрѣтился съ Бегичемъ на берегахъ рѣки Вожи [3]). 11-го августа, къ вечеру, Татары переправились черезъ эту рѣку и, съ крикомъ, помчались на русскіе полки, которые храбро ихъ встрѣтили: съ одной стороны ударилъ на нихъ князь Пронскій Даніилъ, съ другой—московскій окольничій Тимоѳей; а самъ великій князь Димитрій ударилъ на нихъ въ лицо. Татары не выдержали, побросали копья и бросились бѣжать за рѣку, причемъ множество ихъ перетонуло и было перебито. Ночь помѣшала преслѣдовать Татаръ, а на другое утро былъ сильный туманъ, такъ что только къ обѣду Русскіе могли двинуться впередъ и нашли въ степи весь обозъ непріятельскій. Мамай собралъ остатокъ своей рати и, въ сентябрѣ, ударилъ на Рязанскую Землю; князь Олегъ, никакъ не ожидая нападенія послѣ Вожской битвы, бросилъ города и перебѣжалъ на лѣвую сторону Оки, а Татары взяли города Дубокъ и Переяславль-Рязанскій, сожгли ихъ и опустошили всю землю, но дальше за Оку не пошли.

Борьба была открытая; послѣ Вожской битвы Московскій князь не могъ надѣяться, что Мамай

---

[1]) Никон. IV, 52: «Утешающесь и веселящесь піюще и ковы дѣюще, мнящесь дома суще, аки въ своихъ сиротахъ величающесь возносящеся, забыша смиренныя мудрости, яко Богъ смиреннымъ даетъ благодать, и яко вси есмя Адамовы внуцы». — «И доидоша на Шипару» (Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 73).

[2]) Тамъ же, стр. 54: «И пришедше воеваше землю Мордовскую власти и села и погосты и зимницы пограбиша». — Зимницы — должно быть зимнія жилища.

[3]) Вожа впадаетъ въ Оку съ правой стороны, въ Рязанскомъ уѣздѣ.

ограничится местію на Рязанской области. До сихъ поръ смуты и раздѣленіе въ Ордѣ внушали смѣлость Московскому князю не обращать большаго вниманія на ярлыки ханскіе; Димитрій былъ свидѣтелемъ ослабленія Орды въ самой Ордѣ; лучшимъ доказательствомъ этого ослабленія было то, что Мамай долженъ былъ отказаться отъ прежней дани, какую получали ханы изъ Россіи во время Чанибека, и удовольствоваться меньшимъ ея количествомъ. Мы видѣли, до какой самонадѣянности дошли русскіе воеводы и ратники передъ Пьянскимъ пораженіемъ: эта самонадѣянность была наказана; однако битва Вожская снова убѣдила Русскихъ въ возможности побѣждать Татаръ. Но отношенія должны были измѣниться, когда Мамай, правивши до сихъ поръ именемъ хановъ—Абдула и потомъ Магомеда, избавился наконецъ отъ послѣдняго и провозгласилъ себя ханомъ; теперь онъ имѣлъ возможность двинуть всю Орду для наказанія Московскаго князя, котораго нельзя было смирить однимъ отрядомъ; времена Андрея Ярославича прошли: чтобъ снова поработить Россію, нужно было повторить Батыево нашествіе. Говорятъ, что Вожское пораженіе привело въ ярость Мамая, и онъ не хотѣлъ успокоиться до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Димитрію. Есть любопытное извѣстіе, будто совѣтники Мамая говорили ему: „Орда твоя оскудѣла, сила твоя изнемогла; но у тебя много богатства, пошли нанять Генуезцевъ, Черкесъ, Ясовъ и другіе народы“. Мамай послушался этого совѣта, и когда собралось къ нему множество войска со всѣхъ сторонъ, то лѣтомъ 1380 года онъ перевезся за Волгу и сталъ кочевать при устьи рѣки Воронежа. Ягайло Литовскій, который имѣлъ много причинъ недоброжелательствовать Московскому князю, вступилъ въ союзъ съ Мамаемъ и обѣщалъ соединиться съ нимъ 1 сентября. Узнавши объ этомъ, Димитрій Московскій сталъ немедленно собирать войска, послалъ за полками и къ князьямъ подручнымъ — ростовскимъ, ярославскимъ, бѣлозерскимъ; есть извѣстіе, что князь Тверской прислалъ войско съ племянникомъ своимъ Иваномъ Всеволодовичемъ Холмскимъ [1]). Не соединился съ Москвою одинъ потомокъ Святослава Черниговскаго, Олегъ Рязанскій; болѣе другихъ князей русскихъ онъ былъ настращенъ Татарами; еще недавно княжество его подверглось страшному опустошенію отъ не очень значительнаго отряда Татаръ, а теперь Мамай стоитъ на границахъ съ громаднымъ войскомъ, котораго пограничная Рязань будетъ первою добычею, въ случаѣ сопротивленія. Не надѣясь, чтобъ и Димитрій Московскій дерзнулъ выйти противъ Татаръ, Олегъ послалъ сказать ему о движеніяхъ Мамая, а самъ спѣшилъ войти въ переговоры съ послѣднимъ и съ Ягайломъ Литовскимъ. Говорятъ, будто Олегъ и Ягайло разсуждали такъ: „Какъ скоро князь Димитрій услышитъ о нашествіи Мамая и о нашемъ союзѣ съ нимъ, то убѣжитъ изъ Москвы въ дальнія мѣста, или въ Великій Новгородъ, или на Двину, а мы сядемъ въ Москвѣ и во Владимірѣ; и когда ханъ придетъ, то мы его встрѣтимъ съ большими дарами и упросимъ, чтобъ возвратился домой, и сами, съ его согласія, раздѣлимъ Московское княжество на двѣ части—одну къ Вильнѣ, а другую—къ Рязани, и возьмемъ на нихъ ярлыки и для потомства нашего“.

Но Димитрій не думалъ бѣжать ни въ Новгородъ Великій, ни на Двину, а назначилъ всѣмъ полкамъ собираться въ Коломну къ 15 августа, отправивши напередъ сторожей въ степь, которые должны были извѣщать его о движеніяхъ Мамая. Передъ выступленіемъ изъ Москвы, в. князь отправился въ Троицкій монастырь, недавно основанный Св. пустынникомъ Сергіемъ, о которомъ было уже разъ упомянуто въ разсказѣ о нижегородскихъ событіяхъ; Сергій благословилъ Димитрія на войну, обѣщая побѣду, хотя соединенную съ сильнымъ кровопролитіемъ, и отпустилъ съ нимъ въ походъ двухъ монаховъ—Пересвѣта и Ослябя, изъ которыхъ первый былъ прежде бояриномъ въ Брянскѣ, и оба отличились своимъ мужествомъ.—Оставя въ Москвѣ при женѣ и дѣтяхъ воеводу Ѳедора Андреевича, Димитрій выѣхалъ въ Коломну, куда собралась огромная рать, какой прежде никогда не видывали на Руси—150,000 человѣкъ! Кромѣ князей, воеводами были: у коломенскаго полка Николай Васильевичъ Вельяминовъ, сынъ послѣдняго тысяцкаго, у владимірскаго—Тимоѳей Валуевичъ, у костромскаго—Иванъ Родіоновичъ, у переяславскаго—Андрей Серкизовичъ; пришли и два князя иноплеменныхъ, два Олгердовича—Андрей и Димитрій. Вѣсть о сильномъ вооруженіи Московскаго князя, должно быть, достигла Мамая, и онъ попытался-было сначала кончить дѣло миромъ; послы его явились въ Коломну съ требованіемъ дани, какую великіе князья платили при Узбекѣ и Чанибекѣ; но Димитрій отвергнулъ это требованіе, соглашаясь платить только такую дань, какая была опредѣлена между нимъ и Мамаемъ въ послѣднее свиданіе ихъ въ Ордѣ

20 августа великій князь выступилъ изъ Коломны и, пройдя границы своего княжества, сталъ на Окѣ, при устьи Лопасны [2]), освѣдомляясь о движеніяхъ непріятельскихъ; здѣсь соединился съ нимъ двоюродный братъ его, Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, пріѣхалъ и большой воевода московскій Тимоѳей Васильевичъ Вельяминовъ съ остальными полками. Тогда, видя всѣ полки свои въ сборѣ, Димитрій велѣлъ переправляться черезъ Оку; въ воскресенье, за недѣлю до Семенова дня (1 сентября), переправилось войско; въ понедѣльникъ переѣхалъ самъ великій князь съ дворомъ своимъ, и шестаго сентября достигли Дона. Тутъ приспѣ-

[1]) Извѣстіе очень вѣроятно, ибо мы видѣли, что Михаилъ обязался помогать Димитрію въ войнѣ съ Татарами.— Замѣчательно, что не упоминается о князьяхъ нижегородскихъ.

[2]) Какъ видно, это движеніе въ сторону на западъ нарочно было предпринято, для соединенія съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ.

ла грамота отъ Преподобнаго игумена Сергія, благословеніе отъ Святаго старца идти на Татаръ: „Чтобъ еси, господине, таки пошелъ, а поможетъ ти Богъ и Святая Богородица“, писалъ Сергій. Устроили полки, начали думать; одни говорили: „Ступай, князь, за Донъ“; а другіе—„Не ходи, потому что враговъ много, не одни Татары, но и Литва и Рязанцы.“ Димитрій принялъ первое мнѣніе—и велѣлъ мостить мосты и искать броду; въ ночь 7-го сентября начало переправляться войско за Донъ; утромъ на другой день, 8 сентября, на солнечномъ восходѣ, былъ густой туманъ, и когда, въ третьемъ часу, просвѣтлѣло, то русскіе полки строились уже за Дономъ, при устьи Непрявды. Часу въ двѣнадцатомъ начали показываться Татары: они спускались съ холма на широкое поле Куликово; Русскіе также сошли съ холма, и сторожевые полки начали битву, какой еще никогда не бывало прежде на Руси: говорятъ, что кровь лилась какъ вода на пространствѣ десяти верстъ, лошади не могли ступать по трупамъ, ратники гибли подъ конскими копытами, задыхались отъ тѣсноты. Пѣшая русская рать уже лежала, какъ скошенное сѣно, и Татары начали одолѣвать. Но въ засадѣ, въ лѣсу, стояли еще свѣжіе русскіе полки подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и извѣстнаго уже намъ воеводы московскаго Димитрія Михайловича Волынскаго-Боброка. Владиміръ, видя пораженіе Русскихъ, началъ говорить Волынскому: „Долго-ль намъ здѣсь стоять, какая отъ насъ польза? Смотри, уже всѣ христіанскіе полки лежатъ мертвы“! Но Волынскій отвѣчалъ, что еще нельзя выходить изъ засады, потому что вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо Русскимъ. Но чрезъ нѣсколько времени вѣтеръ перемѣнился: „Теперь пора!“ сказалъ Волынскій,—и засадное ополченіе бросилось на Татаръ. Это появленіе свѣжихъ силъ на сторонѣ Русскихъ рѣшило участь битвы. Мамай, стоявшій на холмѣ съ пятью знатнѣйшими князьями и смотрѣвшій оттуда на сраженіе, увидалъ, что побѣда склонилась насторону Русскихъ,—и обратился въ бѣгство; Русскіе гнали Татаръ до рѣки Мечи [1]) и овладѣли всѣмъ ихъ станомъ.

Возвратившись съ погони, князь Владиміръ Андреевичъ сталъ на костяхъ и велѣлъ трубить въ трубы; всѣ оставшіеся въ живыхъ ратники собрались на эти звуки, но не было великаго князя Димитрія; Владиміръ сталъ разспрашивать, не видалъ ли кто его? Одни говорили, что видѣли его жестоко раненаго, и потому должно искать его между трупами; другіе,—что видѣли, какъ онъ отбивался отъ четырехъ Татаръ и бѣжалъ, но не знаютъ, что послѣ съ нимъ случилось; одинъ объявилъ, что видѣлъ, какъ великій князь раненый пѣшкомъ возвращался съ боя. Владиміръ Андреевичъ сталъ со слезами упрашивать, чтобъ всѣ искали великаго князя, обѣщалъ богатыя награды тому, кто найдетъ. Войско разсѣялось по полю: нашли трупъ любимца Димитріева, Михаила Андреевича Бренка, котораго предъ началомъ битвы великій князь поставилъ подъ свое черное знамя, велѣлъ надѣть свои латы и шлемъ; остановились надъ трупомъ одного изъ князей бѣлозерскихъ, похожаго на Димитрія; наконецъ двое ратниковъ, уклонившись въ сторону, нашли великаго князя, едва дышащаго, подъ вѣтвями недавно срубленнаго дерева. Получивши вѣсть, что Димитрій найденъ, Владиміръ Андреевичъ поскакалъ къ нему и объявилъ о побѣдѣ; Димитрій съ трудомъ пришелъ въ себя, съ трудомъ распозналъ, кто съ нимъ говоритъ и о чемъ; панцырь его весь былъ избитъ, но на тѣлѣ не было ни одной смертельной раны [2]).

Лѣтописцы говорятъ, что такой битвы, какъ Куликовская, еще не бывало прежде на Руси; отъ подобныхъ битвъ давно уже отвыкла Европа. Побоища подобнаго рода происходили и въ западной ея половинѣ въ началѣ такъ-называемыхъ среднихъ вѣковъ, во время великаго переселенія народовъ, во время страшныхъ столкновеній между европейскими и азіатскими ополченіями: таково было побоище Каталонское, гдѣ полководецъ римскій спасъ западную Европу отъ Гунновъ; таково было побоище Турское, гдѣ вождь франкскій спасъ западную Европу отъ Аравитянъ. Западная Европа была спасена отъ азіатцевъ, но восточная ея половина надолго еще оставалась открытою для ихъ нашествій; здѣсь, въ половинѣ IX-го вѣка, образовалось государство, которое должно было служить оплотомъ для Европы противъ Азіи; въ XIII-мъ вѣкѣ этотъ оплотъ былъ, повидимому, разрушенъ; но основы европейскаго государства спаслись на отдаленномъ сѣверовостокѣ; благодаря сохраненію этихъ основъ, государство въ полтораста лѣтъ успѣло объединиться, окрѣпнуть—и Куликовская побѣда послужила доказательствомъ этой крѣпости. Она была знакомъ торжества Европы надъ Азіею; она имѣетъ въ исторіи восточной Европы точно такое же значеніе, какое побѣды Каталонская и Турская имѣютъ въ исторіи Европы западной, и носитъ одинаковый съ ними характеръ,—характеръ страшнаго, кроваваго побоища, отчаяннаго столкновенія Европы съ Азіею, долженствовавшаго рѣшить великій въ исторіи человѣчества вопросъ:— которой изъ этихъ частей свѣта восторжествовать надъ другою.

Таково всемірно-историческое значеніе Куликовской битвы; собственно въ Русской Исторіи она служила освященіемъ новому порядку вещей, начавшемуся и утвердившемуся на сѣверо-востокѣ. Полтораста лѣтъ назадъ татарскія полчища встрѣтились впервые съ русскими князьями въ степи на берегахъ Калки: здѣсь была въ сборѣ Южная Русь, которая носила преимущественно названіе Руси; здѣсь было много храбрыхъ князей и богатырей; здѣсь былъ самый храбрый изъ князей—Мстиславъ

[1]) Рѣка Красивая Меча—Тульской губерніи, Ефремовскаго, Богородицкаго и Крапивинскаго уѣздовъ.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75; Никонов. IV, 86. Объ украшенныхъ сказаніяхъ см. ниже, въ IV томѣ Исторіи Россіи.

Мстиславичъ Торопецкій; но этотъ самый Мстиславъ завелъ распрю (котору) съ братьею и погубилъ войско. На сѣверѣ исполнилось то, чего такъ боялся отецъ Мстиславовъ: младшіе братья-князья стали подручниками старшаго, великаго князя, и когда этотъ князь вывелъ ихъ противъ Татаръ на берега Дона, то не было между ними никакихъ которъ—и побѣда осталась за Русью.

Но Куликовская побѣда была изъ числа тѣхъ побѣдъ, которыя близко граничатъ съ тяжкимъ пораженіемъ. Когда, говоритъ преданіе, великій князь велѣлъ счесть, сколько осталось въ живыхъ послѣ битвы, то бояринъ Михайла Александровичъ донесъ ему, что осталось всего сорокъ тысячъ человѣкъ, тогда какъ въ битву вступило больше четырехъ сотъ тысячъ. Если историкъ и не имѣетъ обязанности принимать буквально послѣдняго показанія, то для него важно выставленное здѣсь отношеніе живыхъ къ убитымъ. Четверо князей (двое бѣлозерскихъ и двое тарусскихъ), тринадцать бояръ и Троицкій монахъ Пересвѣтъ были въ числѣ убитыхъ. Вотъ почему въ украшенныхъ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ мы видимъ, что событіе это, представляясь, съ одной стороны, какъ великое торжество, съ другой—представляется какъ событіе плачевное, жалость. Была на Руси радость великая, говоритъ лѣтописецъ; но была и печаль большая по убитыхъ отъ Мамая на Дону; оскудѣла совершенно вся Земля Русская воеводами и слугами и всякимъ воинствомъ, и отъ этого былъ страхъ большой по всей Землѣ Русской. Это оскудѣніе дало Татарамъ еще кратковременное торжество надъ Куликовскими побѣдителями.

Мамай, возвратившись въ Орду, собралъ опять большое войско съ тѣмъ, чтобъ идти на Московскаго князя, но былъ остановленъ другимъ врагомъ: на него напалъ ханъ Заяицкій Тохтатышъ, потомокъ Орды старшаго сына Джучіева. На берегахъ Калки встрѣтился Мамай съ Тохтамышемъ, былъ разбитъ, и бѣжалъ въ Каѳу къ Генуезцамъ, которые убили его. Тохтамышъ, овладѣвши Золотою Ордою, отправилъ къ Московскому и другимъ князьямъ русскимъ пословъ извѣстить ихъ о своемъ воцареніи. Князья приняли пословъ съ честію и отправили своихъ пословъ въ Орду съ дарами для новаго хана. Въ 1381 году Тохтамышъ отправилъ къ великому князю посла Ахкозю, который называется въ лѣтописи царевичемъ, съ семью стами Татаръ; но Ахкозя, доѣхавши до Нижняго-Новгорода, возвратился назадъ, не смѣлъ ѣхать въ Москву; онъ послалъ-было туда нѣсколько человѣкъ изъ своихъ Татаръ, но и тѣ не осмѣлились въѣхать въ Москву. Тохтамышъ рѣшился разогнать этотъ страхъ, который напалъ на Татаръ послѣ Куликовской битвы; въ 1382 году онъ велѣлъ пограбить русскихъ гостей въ Болгаріи, перехватить ихъ суда, а самъ внезапно съ большимъ войскомъ перевезся черезъ Волгу и пошелъ къ Москвѣ, наблюдая большую осторожность, чтобъ въ Русской Землѣ не узнали о его походѣ. Эта скрытность и поспѣшность Тохтамыша показываютъ всего лучше перемѣну въ татарскихъ отношеніяхъ, вслѣдствіе Куликовской битвы: ханъ надѣется имѣть успѣхъ, только напавши врасплохъ на Московскаго князя; боится встрѣтить его войско въ чистомъ полѣ, употребляетъ осторожность, хитрость—орудіе слабаго, и тѣмъ самымъ обнаруживаетъ слабость Орды передъ новымъ могуществомъ Руси.

Нижегородскій князь, узнавши о походѣ Тохтамыша, послалъ къ нему двоихъ сыновей своихъ, Василія и Семена, которые едва могли нагнать хана на границахъ рязанскихъ. Здѣсь же встрѣтилъ Тохтамыша и князь Олегъ Рязанскій, упросилъ его не воевать Рязанской области, обвелъ его около нея и указалъ броды на Окѣ. Димитрій Московскій, узнавши о приближеніи Татаръ, хотѣлъ-было выйти къ нимъ на-встрѣчу, но область его, страшно оскудѣвшая народомъ послѣ Куликовскаго побоища, не могла выставить вдругъ достаточнаго числа войска, и великій князь уѣхалъ сперва въ Переяславль, а потомъ въ Кострому собирать полки. Тохтамышъ взялъ Серпуховъ и приближался къ Москвѣ, гдѣ безъ князя встало сильное волненіе: одни жители хотѣли бѣжать, а другіе хотѣли запереться въ кремлѣ. Начались распри, отъ распрей дошло до разбоя и грабежа: кто хотѣлъ бѣжать вонъ изъ города, — тѣхъ не пускали, били и грабили; не пустили ни митрополита Кипріана, ни великую княгиню Евдокію, ни большихъ бояръ; во всѣхъ воротахъ кремлевскихъ стояли съ обнаженнымъ оружіемъ, а со стѣнъ метали камнями въ тѣхъ, кто хотѣлъ выйти изъ города; насилу наконецъ согласились выпустить митрополита и великую княгиню.

Мятежъ утихъ, когда явился въ Москвѣ Литовскій князь Остей, котораго лѣтописецъ называетъ внукомъ Олгердовымъ; Остей принялъ начальство, укрѣпилъ кремль и затворился въ немъ съ Москвичами. 23 августа показались передовые татарскіе отряды; они подъѣхали къ кремлю и спросили: „Въ городѣ ли великій князь Димитрій?“ имъ отвѣчали, что нѣтъ. Тогда они объѣхали вокругъ всего кремля, осмотрѣли его со всѣхъ сторонъ: все вокругъ было чисто, потому что сами граждане пожгли посады, и не оставили ни одного тына или дерева, боясь примета къ городу. Между тѣмъ внутри кремля добрые люди молились день и ночь, а другіе вытащили изъ погребовъ боярскихъ меды и начали пить; хмель ободрилъ ихъ, и они стали хвастаться: „Нечего намъ бояться Татаръ, городъ у насъ каменный, крѣпкій, ворота желѣзныя; Татары долго не простоятъ подъ городомъ, потому что имъ будетъ двойной страхъ,—изъ города будутъ насъ бояться, а съ другой стороны княжескаго войска, скоро побѣгутъ въ степь“. Нѣкоторые взошли на стѣны, и начали всячески ругаться надъ Татарами; тѣ грозили имъ издали саблями.... . .

На другой день, 24 числа, подошелъ къ кремлю самъ Тохтамышъ,—и началась осада. Татары пускали стрѣлы какъ дождь, стрѣляли безъ промаха, и много падало осажденныхъ въ городѣ и на стѣнныхъ за-

бралахъ; непріятель подѣлалъ уже лѣстницы и лѣзъ на стѣны, но граждане лили на него изъ котловъ горячую воду, кидали камнями, стрѣляли изъ самострѣловъ, пороковъ, тюфяковъ (ружей) и пушекъ, которыя здѣсь въ первый разъ упоминаются. Одинъ купецъ-суконникъ, именемъ Адамъ, стоявшій надъ Фроловскими воротами, пустилъ стрѣлу изъ самострѣла и убилъ одного знатнаго князя татарскаго, о которомъ очень жалѣлъ Тохтамышъ. Три дня уже бились Татары подъ кремлемъ, и не было надежды взять его силою; тогда ханъ вздумалъ употребить хитрость: на четвертый день подъѣхали къ стѣнамъ большіе князья ордынскіе и съ ними двое князей нижегородскихъ, Василій и Семенъ, шурья великаго князя Димитрія. Они стали говорить осажденнымъ: „Царь хочетъ жаловать васъ, своихъ людей и улусниковъ, потому что вы не виноваты; не на васъ пришелъ царь, а на князя Димитрія; отъ васъ же онъ требуетъ только, чтобъ вы встрѣтили его съ княземъ Остеемъ и поднесли небольшіе дары; хочется ему поглядѣть вашъ городъ и побывать въ немъ, а вамъ дастъ миръ и любовь". Нижегородскіе князья дали Москвитянамъ клятву, что ханъ не сдѣлаетъ имъ никакого зла. Тѣ повѣрили, отворили кремлевскія ворота, и вышли лучшіе люди съ княземъ Остеемъ, со крестами и съ дарами. Но Татары сперва взяли къ себѣ тайкомъ въ станъ князя Остея и убили его; потомъ подошли къ воротамъ и начали безъ милости рубить духовенство, ворвались въ кремль, всѣхъ жителей побили или поплѣнили, церкви разграбили, взяли казну княжескую, имѣніе частныхъ людей; пожгли и книги, которыхъ множество отовсюду было снесено въ кремль. Эта бѣда случилась 26-го августа.

Взявши Москву, Тохтамышъ распустилъ рать свою къ Владиміру и Переяславлю; другіе отряды взяли Юрьевъ, Звенигородъ, Можайскъ, Боровскъ, Рузу, Дмитровъ; волости и села поплѣнили; Переяславль былъ сожженъ, но многіе жители его успѣли спастись въ лодкахъ на озеро. В. князь Димитрій съ семействомъ своимъ укрылся въ Костромѣ, митрополитъ Кипріанъ въ Твери. Тверской князь Михаилъ послалъ къ Тохтамышу киличея своего съ честію и съ большими дарами, за что ханъ послалъ къ нему свое жалованье, ярлыкъ и не тронулъ тверскихъ владѣній. Между тѣмъ князь Владиміръ Андреевичъ стоялъ близъ Волока съ большою силою; одинъ изъ тохтамышевскихъ отрядовъ, не зная объ этомъ, подъѣхалъ къ нему и былъ разбитъ; испуганные Татары прибѣжали къ своему хану съ вѣстію о большомъ русскомъ войскѣ,—и тогда опять ясно обнаружилась рѣшительная перемѣна въ отношеніяхъ Руси къ Татарамъ,—обнаружилось слѣдствіе Куликовской битвы: едва успѣлъ узнать Тохтамышъ, что великій князь стоитъ въ Костромѣ, а братъ его, Владиміръ, у Волока, какъ тотчасъ стянулъ къ себѣ всѣ свои войска и пошелъ назадъ, взявши на дорогѣ Коломну и опустошивши Рязанскую Землю. По уходѣ Татаръ, великій князь и братъ его Владиміръ возвратились съ свою опустошенную отчину, поплакали и велѣли хоронить убитыхъ: Димитрій давалъ за погребеніе 80 тѣлъ по рублю и издержалъ на это 300 рублей, слѣдовательно погребено было 24,000 человѣкъ [1]).

Бѣдою Москвы спѣшилъ воспользоваться Тверской князь Михаилъ Александровичъ; вмѣстѣ съ сыномъ Александромъ онъ поѣхалъ въ Орду, и поѣхалъ не прямою дорогою (не прямицами), но околицами, опасаясь и таясь отъ великаго князя Димитрія: онъ хотѣлъ искать себѣ великаго княженія Владимірскаго и Новгородскаго. Это заставило великаго князя отправить въ Орду сына своего Василія съ старшими боярами вѣрными и лучшими, тягаться съ Михаиломъ о великомъ княженіи. Весною 1383 года отправился Василій въ Орду, и лѣтомъ того же года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Тохтамыша съ добрыми рѣчами и съ пожалованіемъ. Но за эти добрыя рѣчи и пожалованіе надобно было дорого заплатить: „Былъ во Владимірѣ лютый посолъ отъ Тохтамыша, именемъ Адашъ, и была дань великая по всему княженію Московскому, съ деревни по полтинѣ, тогда же и золотомъ давали въ Орду", говоритъ лѣтописецъ подъ 1384 годомъ. Къ такимъ уступкамъ великій князь приневоленъ былъ не одною невозможностью опять вступить въ открытую борьбу съ Ордою послѣ недавнихъ разореній, но еще и тѣмъ, что сынъ его Василій былъ задержанъ Тохтамышемъ, который требовалъ за него 8,000 окупа, и только въ концѣ 1385 года молодой князь успѣлъ спастись бѣгствомъ изъ плѣна. Послѣ этого мы ничего не знаемъ объ отношеніяхъ Московскаго князя къ Тохтамышу; лѣтопись упоминаетъ только о двукратномъ нашествіи Татаръ на Рязанскія земли,

Не одни отношенія татарскія занимали Димитрія послѣ Куликовской битвы. Союзникъ Мамаевъ, Олегъ Рязанскій, зналъ, что ему нечего ожидать добра отъ Московскаго князя, и потому, приказавъ по возможности препятствовать возвращенію московскихъ войскъ чрезъ свою Землю [2]), самъ убѣжалъ въ Литву. Димитрій послалъ-было въ Рязань своихъ намѣстниковъ, но увидалъ, что еще трудно будетъ удержать ее противъ Олега, и потому помирился съ послѣднимъ. Договоръ дошелъ до насъ [3]): Олегъ, подобно Михаилу Тверскому, признаетъ себя младшимъ братомъ Димитрія и равнымъ московскому удѣльному князю—Владиміру Андреевичу; опредѣлены границы между обоими княжествами [4]), причемъ Олегъ уступилъ Димитрію три мѣста; Мещера, купленная княземъ Московскимъ, остается за нимъ; упоминается о мѣстахъ татарскихъ, которыя оба князя, и Московскій и

[1]) Но по нѣкоторымъ извѣстіямъ, вдвое меньше: см. Карамз. V, прим. 100.

[2]) Въ договорѣ Василія Димитріевича съ Олеговымъ сыномъ Ѳедоромъ говорится о московскихъ воинахъ, возвращавшихся съ Дону и захваченныхъ въ Землѣ Рязанской: Собр. Гос. гр. и дог. I, № 36.

[3]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 32.

[4]) Объ этихъ границахъ см. ниже, въ IV т мѣ Исторіи Россіи.

Рязанскій, взяли за себя; Олегъ обязался разорвать союзъ съ Литвою и находиться съ нею въ тѣхъ же же самыхъ отношеніяхъ, въ какихъ и великій князь Московскій; точно также и съ Ордою и со всѣми русскими князьями. Мы видѣли, что во время Тохматышева нашествія Олегъ Рязанскій послѣдовалъ примѣру Димитрія Нижегородскаго, вышелъ навстрѣчу къ хану съ челобитьемъ и обвелъ Татаръ мимо своей области; но слѣдствія этого поступка для Олега были иныя, чѣмъ для князя Нижегородскаго: прежде всего Татары на возвратномъ пути опустошили Рязанское княжество; но едва Тохтамышъ выступилъ изъ рязанскихъ предѣловъ, какъ московскіе полки явились въ волостяхъ Олега и разорили то, что не было тронуто Татарами; злѣе ему стало и татарской рати, говоритъ лѣтописецъ. Олегъ, собравшись съ силами, отомстилъ за это въ 1385 году: онъ напалъ нечаянно на Коломну, взялъ и разграбилъ ее; Димитрій отправилъ противъ него войско подъ начальствомъ Владиміра Андреевича. Но Москвитяне потерпѣли пораженіе, потеряли много бояръ и воеводъ. Димитрій сталъ хлопотать о мирѣ, отправлялъ къ Рязанскому князю пословъ, но никто не могъ умолить Олега; наконецъ, по просьбѣ великаго князя, отправился въ Рязань Троицкій игуменъ, Св. Сергій. Лѣтописецъ говоритъ, что этотъ чудный старецъ тихими и кроткими рѣчами много бесѣдовалъ съ Олегомъ о душевной пользѣ, о мирѣ и любви: князь Олегъ перемѣнилъ свирѣпость свою на кротость, утихъ и умилился душою, устыдясь такого Святаго мужа, и заключилъ съ Московскимъ княземъ вѣчный миръ. Этотъ миръ былъ скрѣпленъ даже семейнымъ союзомъ: сынъ Олега женился на дочери Димитрія.

Въ 1383 году умеръ Димитрій Константиновичъ Нижегородскій; Тохтамышъ отдалъ ярлыкъ на Нижній, по-старинѣ, брату его Борису; но племянники, сыновья Димитрія, вооружились, по-новому, противъ дяди, и съ помощію зятя своего, Димитрія Московскаго, принудили его къ уступкѣ Нижняго. Лѣтописецъ говоритъ, будто Борисъ пророчилъ племянникамъ, что они будутъ плакать отъ враговъ своихъ. Пророчество это исполнилось, какъ увидимъ впослѣдствіи.

Съ именемъ Димитрія Донскаго въ нашей исторіи неразлучно имя двоюроднаго брата его, Владиміра Андреевича, который называется также Донскимъ и Храбрымъ. Мы видѣли, что великіе князья Тверской и Рязанскій въ договорахъ съ великимъ княземъ Московскимъ приравниваются къ Владиміру Андреевичу, и потому для насъ очень любопытно знать отношенія послѣдняго къ старшему двоюродному брату. Къ счастію, до насъ дошли три договорныя грамоты, заключенныя между ними. Первая написана въ 1362 году [1]). Братья обязываются жить такъ, какъ жили отцы ихъ съ старшимъ своимъ братомъ, великимъ княземъ Симеономъ. Симеонову договорную грамоту съ братьями мы знаемъ, но въ ней нѣтъ такихъ любопытныхъ мѣстъ, какія находимъ въ грамотѣ Димитрія и Владиміра; напримѣръ: „Тебѣ брату моему младшему князю Владиміру держать подъ мною княженье мое великое честно и грозно; тебѣ брату моему младшему служить мнѣ безъ ослушанья по уговору (по згадцѣ), какъ будетъ мнѣ надобно и тебѣ: а мнѣ тебя кормить по твоей службѣ". Владиміръ обязывается не искать подъ Димитріемъ удѣла Симеонова; этимъ вводится новый обычай, по которому выморочный удѣлъ поступаетъ прямо къ великому князю безъ раздѣла съ родичами. Большая статья посвящена боярамъ. Несмотря на допущеніе перехода бояръ отъ великаго князя къ удѣльному, и наоборотъ, старшій братъ уже дѣлаетъ попытку распространить свое вліяніе на бояръ младшаго; къ этому онъ приступаетъ слѣдующимъ образомъ: „Если случится мнѣ отпускать своихъ воеводъ изъ великаго княженія, то ты долженъ послать своихъ воеводъ съ моими вмѣстѣ безъ ослушанья; а кто ослушается, того я буду казнить, а ты вмѣстѣ со мною. Если захочешь кого-нибудь изъ бояръ оставить при себѣ, то ты долженъ мнѣ объ этомъ доложить, и мы рѣшимъ вмѣстѣ—кому остаться и кому ѣхать". Въ 1371 г. былъ заключенъ второй договоръ [2]), по которому Владиміръ обязался не искать Московской отчины Димитріевой и великаго княженія Владимірскаго не только подъ Димитріемъ, но и подъ сыновьями его, обязался, въ случаѣ смерти Димитріевой, считать старшаго сына его, а своего племянника, старшимъ братомъ и служить ему. Мы видѣли, что еще въ первомъ договорѣ съ двоюроднымъ братомъ великій князь выговаривалъ себѣ право наказать Владиміровыхъ бояръ въ извѣстномъ случаѣ. Въ 1389 году Димитрій захотѣлъ воспользоваться этимъ правомъ, хотя намъ и неизвѣстно, чѣмъ именно бояре Владиміровы навлекла на себя гнѣвъ великаго князя; послѣдній велѣлъ схватить старшихъ изъ нихъ и развести по разнымъ городамъ, гдѣ держали ихъ подъ крѣпкою стражею, подъ надзоромъ жестокихъ приставниковъ. О непріязненныхъ дѣйствіяхъ со стороны Владиміра сохранилось извѣстіе: онъ захватилъ нѣсколько деревень великокняжескихъ [3]). Ссора впрочемъ была непродолжительна, и братья заключили третій договоръ [4]). Въ этомъ договорѣ окончательно и ясно опредѣлены отношенія Владиміра къ семейству старшаго двоюроднаго брата. Димитрій называетъ себя уже не старшимъ братомъ, но отцомъ Владиміру; старшій сынъ великаго князя Василій называется старшимъ братомъ Владиміра, второй сынъ Юрій—просто братомъ, т.-е равнымъ; а меньшіе сыновья—младшими братьями. Въ остальныхъ статьяхъ этотъ договоръ сходенъ съ первымъ; замѣтимъ

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 27.

[2]) Тамъ же, № 29.

[3]) Извѣстіе это находится въ духовномъ завѣщаніи Донскаго: «А которы деревни отнималъ быхъ князь Володимеръ отъ Лыткинскаго села».

[4]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 33.

только слѣдующія выраженія, которыя показываютъ также новыя отношенія между родичами; Димитрій говоритъ Владиміру: „Ты мнѣ челомъ добилъ чрезъ отца моего Алексѣя митрополита всея Руси, и я тебя пожаловалъ, далъ тебѣ Лужу и Боровскъ".

Строго началъ поступать великій князь Московскій съ боярами удѣльнаго князя; злая участь постигла и московскаго боярина, дерзнувшаго возстать противъ своего князя. Мы упоминали объ уничтоженіи сана тысяцкаго въ Москвѣ и о поведеніи Ивана Вельяминова и Некомата Сурожанина: мы видѣли, что Некоматъ возвратился изъ Орды въ Тверь съ ханскимъ ярлыкомъ для князя Михаила; но Вельяминовъ остался въ Ордѣ и, какъ видно, продолжалъ свои происки въ стѣнахъ московскихъ; лѣтописецъ говоритъ глухо: „Много нѣчто нестроенія бысть". Въ битвѣ на Вожѣ Русскіе поймали какого-то попа, шедшаго съ Татарами изъ Орды по порученію Ивана Вельяминова; у этого попа обыскали ядовитые коренья, допросили его и сослали въ заточеніе. Въ 1378 году Вельяминовъ самъ рѣшился явиться на Руси; но слѣды его были открыты, онъ схваченъ въ Серпуховѣ и приведенъ въ Москву. На Кучковомъ полѣ, гдѣ теперь Срѣтенка, была совершена первая торжественная смертная казнь, и былъ казненъ сынъ перваго сановника въ княжествѣ; лѣтописецъ говоритъ: „Бѣ множество народа стояща, и мнози прослезишася о немъ и опечалишася о благородствѣ его и величествѣ его". Какъ знаменитъ былъ родъ Вельяминовыхъ, видно изъ того, что лѣтописецъ, говоря о смерти послѣдняго тысяцкаго, приводитъ его родословную. Родной братъ казненнаго Ивана, Николай, былъ женатъ на родной сестрѣ великой княгини Московской, дочери Димитрія Константиновича Нижегородскаго, и великій князь, въ своихъ грамотахъ, называетъ Василія Вельяминова тысяцкаго дядею [1]. Даже и послѣ, несмотря на измѣну и казнь Ивана Вельяминова, родъ его не потерялъ своего значенія: послѣдній сынъ Донскаго, Константинъ, былъ крещенъ Марьею, вдовою Василія Вельяминова тысяцкаго.

Если Калита и Симеонъ Гордый давали уже чувствовать Новгороду силу московскую, то еще большей грозы должны были ждать Новгородцы отъ смѣлаго внука Калитина. По смерти Іоанна Московскаго, желаніе ихъ исполнилось-было: Димитрій Константиновичъ Суздальскій, за отца котораго они и прежде такъ хлопотали въ Ордѣ, сѣлъ на великомъ княженіи во Владимірѣ и немедленно послалъ своихъ намѣстниковъ въ Новгородъ; Новгородцы посадили ихъ у себя и судъ дали, уговорившись съ княземъ. Неизвѣстно, когда Новгородъ призналъ своимъ княземъ Димитрія Московскаго; только подъ 1366 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ прямо уже о ссорѣ Новгорода съ великимъ княземъ. Причиною этой ссоры были разбои новгородской вольницы. Еще въ 1360 году, въ княженіе Димитрія Константиновича, новгородская вольница взяла городъ Жукотинъ на рѣкѣ Камѣ, перебила тамъ множество Татаръ и разграбила ихъ богатства. Жукотинскіе князья жаловались хану, и тотъ велѣлъ русскимъ князьямъ переловить разбойниковъ и прислать къ нему въ Орду, что и было исполнено тремя князьями—Суздальскимъ, Нижегородскимъ и Ростовскимъ, которые нарочно для того съѣзжались въ Кострому. Подъ 1363 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что пріѣхали съ Югры дѣти боярскія и молодые люди съ воеводами—Александромъ Абакуновичемъ и Степаномъ Ляпою: воевали они по рѣкѣ Оби до моря, а другая половина рати воевала верховье Оби; Двиняне стали противъ нихъ полкомъ, но были разбиты [2]. Въ 1366 году пошли опять изъ Новгорода молодые люди на Волгу, безъ новгородскаго слова, съ тремя воеводами: Осипомъ Варѳоломеичемъ, Василіемъ Ѳедоровичемъ, Александромъ Абакуновичемъ; много бусурманъ побили подъ Нижнимъ, и въ томъ же году возвратились по-здорову. Но великій князь разорвалъ за это миръ съ Новгородцами, велѣлъ сказать имъ: „Зачѣмъ вы ходили на Волгу, и гостей моихъ пограбили?" Новгородцы отвѣчали: „Ходили люди молодые на Волгу, безъ нашего слова; но твоихъ гостей не грабили, били только бусурманъ; и ты нелюбье отложи отъ насъ". Въ Вологдѣ слуги Московскаго князя задержали Новгородца Василія Даниловича Машкова съ сыномъ и Прокопья Кіева, шедшихъ съ Двины; но рати не было: Новгородцы отправили пословъ къ Димитрію и заключили миръ, вслѣдствіе чего великій князь прислалъ своего намѣстника въ Новгородъ. Къ этому времени долженъ относиться дошедшій до насъ договоръ Новгородцевъ съ великимъ княземъ Димитріемъ и двоюроднымъ братомъ его Владиміромъ Андреевичемъ: князья обязались помогать Новгороду въ войнѣ съ Литвою, Тверью и Нѣмцами; а Новгородцы обязались помогать князьямъ въ войнѣ съ Литвою и Тверью; Димитрій обязался также, въ случаѣ войны, или самъ быть въ Новгородѣ, или послать туда брата Владиміра и до окончанія войны Новгорода не метать, исключая того случая, когда непріятель нападетъ на собственныя его области [3]. Вслѣдствіе этого договора, въ 1364 году, во время войны съ Нѣмцами, князь Владиміръ Андреевичъ пріѣзжалъ въ Новгородъ.

---

[1]) Дополн. къ акт. историч. т. I, № 7.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 65: «И избиша Двинянъ на Курьи».

[3]) Карамзинъ относитъ этотъ договоръ къ 1372 году, на томъ основаніи, что упомянутые здѣсь посадникъ Юрій и тысяцкій Елисей упоминаются подъ 1371 годомъ; но они могли исправлять свои должности и въ 1367 году.—«Вслѣдствіе сего условія, говоритъ Карамзинъ, князь Владиміръ Андреевичъ въ 1373 году пріѣзжалъ на нѣсколько мѣсяцевъ въ Новгородъ». Но князь Владиміръ пріѣхалъ въ Новгородъ въ первый разъ въ 1368 году, что и заставляетъ насъ отнести упомянутый договоръ къ 1367 году, тѣмъ болѣе что подъ этимъ годомъ въ лѣтописи именно упоминается о докончаніи мира, объ отправленіи пословъ новгородскихъ въ Москву. См. договоръ въ Актахъ Арх. эксп. I, № 8.

Но тогда борьба между Московскимъ и Тверскимъ княземъ была еще далека до окончанія; ханъ не былъ расположенъ къ Димитрію, Михаилъ домогался ярлыка въ Ордѣ, и Новгородцы заключили съ Тверскимъ княземъ обычный договоръ, съ условіемъ: „Вынесутъ тебѣ изъ Орды княженіе великое, и ты намъ будешь князь великій; если же не вынесутъ тебѣ княженія великаго изъ Орды, то пойти твоимъ намѣстникамъ изъ Новгорода прочь, и изъ новгородскихъ пригородовъ, и Новгороду въ томъ измѣны нѣтъ" [1]). Вслѣдствіе этого условія, Новгородцы и признали великимъ княземъ Димитрія Московскаго, когда тотъ не пустилъ Михаила во Владиміръ и самъ вынесъ себѣ ярлыкъ изъ Орды. Мы упоминали уже о враждебномъ столкновеніи Новгорода съ Тверскимъ княземъ, о взятіи Торжка и страшномъ его опустошеніи. Принужденный послѣ того къ миру съ великимъ княземъ Московскимъ, Михаилъ долженъ былъ заключить миръ и съ Новгородцами на всей ихъ волѣ [2]); Тверской князь обязался свести своихъ намѣстниковъ съ Торжка и со всѣхъ волостей новгородскихъ, возвратить всѣхъ плѣнныхъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ безъ окупа, возвратить товары, пограбленные у новгородскихъ и новоторжскихъ купцовъ, тогда какъ Новгородцы не обязались вознаградить Тверскаго князя за убійства и грабежи, причиненные ихъ вольницею на Волгѣ; Михаилъ обязался также возвратить всѣ товары, захваченные у купцовъ новгородскихъ и новоторжкихъ до взятія Торжка.— Московскіе князья исполнили свой договоръ съ Новгородцами; въ 1373 г. князь Владиміръ Андреевичъ опять былъ у нихъ, вѣроятно для обереганья отъ Твери; но потомъ, какъ видно, отношенія измѣнились, потому что въ 1380 году Новгородцы сказали своему архіепископу Алексѣю: „Что-бъ тебѣ, господинъ, поѣхать къ великому князю Димитрію Ивановичу?" Владыка принялъ челобитье дѣтей своихъ всего Новгорода, и поѣхалъ въ Москву вмѣстѣ со многими боярами и житыми мужами. Великій князь принялъ ихъ въ любовь, а къ Новгороду цѣловалъ крестъ на всей старинѣ новгородской и на старыхъ грамотахъ [3]). Между тѣмъ разбои новгородской вольницы не прекращались; въ 1369 году осенью шло Волгою 10 ушкуевъ (разбойничьихъ судовъ), а иные шли Камою, и били ихъ подъ Болгарами; въ слѣдующемъ году дважды ходили Новгородцы Волгою и много зла надѣлали. Въ 1371 году ушкуйники разграбили Ярославль и Кострому. Въ 1374 году разбойники въ 90 ушкуяхъ пограбили Вятку; потомъ взяли Болгары и хотѣли зажечь городъ, но жители откупились 300 р., послѣ чего разбойники раздѣлились: 50 ушкуевъ пошли внизъ по Волгѣ — къ Сараю, а 40 — вверхъ, дошли до Обухова, опустошили все Засурье и Маркващъ, высадились на лѣвый берегъ Волги, истребили суда свои, отправились къ Вяткѣ на лошадяхъ, и дорогою разорили много селъ по берегамъ Ветлуги [4]). Въ 1375 году, въ то время, когда великій князь Димитрій стоялъ подъ Тверью, новгородскіе разбойники на 70 ушкуяхъ, подъ начальствомъ Прокопа и какого-то Смолнянина, явились подъ Костромою; тамошній воевода Плещеевъ вышелъ къ нимъ на-встрѣчу съ 5,000 рати, тогда какъ разбойниковъ было только 1,500 человѣкъ; но Прокопъ раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ части: съ одною вступилъ въ битву съ Костромичами, а другую отправилъ тайкомъ въ лѣсъ въ засаду. Ударъ этой засады въ тылъ Плещееву рѣшилъ дѣло въ пользу разбойниковъ, которые взошли въ беззащитный городъ и жили здѣсь цѣлую недѣлю, грабя домы и забирая въ плѣнъ жителей; они забрали съ собою только то, что было подороже и полегче, остальное побросали въ Волгу или пожгли, плѣнниковъ взяли на суда и поплыли дальше внизъ. Ограбивши и зажегши Нижній-Новгородъ, они повернули въ Каму и, помедливши здѣсь нѣкоторое время, вошли въ Волгу; въ городѣ Болгарахъ продали бусурманамъ женъ и дѣвицъ, плѣненныхъ въ Костромѣ и Нижнемъ, и поплыли въ насадахъ по Волгѣ внизъ къ Сараю, грабя гостей христіанскихъ, а бусурманъ побивая; они доплыли такимъ образомъ до самой Астрахани, но князь Астраханскій перебилъ ихъ всѣхъ обманомъ. Будучи занятъ отношеніями ордынскими, великій князь Димитрій не могъ обратить большаго вниманія на подвиги Волжанъ, какъ называли ратниковъ Прокопа; но, окончивши дѣла рязанскія, покойный со стороны Тохтамыша и, для сохраненія этого спокойствія имѣя нужду въ деньгахъ, Димитрій рѣшился раздѣлаться и съ Новгородцами. Въ 1385 году пріѣзжали отъ него въ Новгородъ бояре брать черный боръ по тамошнимъ волостямъ, причемъ дѣло не обошлось безъ ссоры: новгородскіе бояре ѣздили на Городище тягаться съ московскими боярами объ обидахъ, причемъ дворня (чадь) главнаго московскаго боярина, Ѳедора Свибла, побѣжала прямо съ Городища въ Москву, не удовлетворивши Новгородцевъ за обиды. Впрочемъ, другіе Низовцы (Москвичи) остались въ городѣ добирать черный боръ; а въ слѣдующемъ году отправился къ Новгороду самъ великій князь съ войскомъ, собраннымъ изъ 29 волостей, въ числѣ которыхъ упоминается Бѣжецкая и Новоторжская; причиною похода были выставлены разбои Волжанъ, взятіе ими Костромы и Нижняго, и

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 8.

[2]) Тамъ же, № 17.—Послѣ Торжковскаго взятія Новгородцы отправили пословъ къ Михаилу съ требованіемъ отпустить безъ окупа захваченныхъ имъ Новгородцевъ и Новоторжцевъ и вывести намѣстниковъ тверскихъ изъ Торжка. Наказъ посламъ см. Собр. Гос. гр. и дог. I, № 13. Что этотъ наказъ относится ко временамъ Михаила Александровича, доказываютъ надписи на печатяхъ.

[3]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ сказано: «И пріѣхаша съ миромъ». Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 75. Были ли Новгородцы на Куликовскомъ полѣ? Молчаніе новгородскихъ лѣтописей объ этомъ заставляетъ насъ отвергнуть извѣстіе украшенныхъ сказаній, что и Новгородцы участвовали въ битвѣ.

[4]) Въ Казанской губерніи, Свіяжскаго уѣзда, есть два селенія Маркваша; рѣка Ветлуга впадаетъ въ Волгу между Васильсурскомъ и Козмодемьянскомъ.

еще то, что Новгородцы не платили княжескихъ пошлинъ. Новгородцы отправили на-встрѣчу къ великому князю пословъ съ челобитьемъ о мирѣ, но Димитрій отпустилъ ихъ безъ мира и остановился въ 15 верстахъ отъ Новгорода [1]). Сюда пріѣхалъ къ нему владыка Алексѣй и сказалъ: „Господинъ князь великій! я благословляю тебя, а Великій Новгородъ весь челомъ бьетъ, чтобы ты заключилъ миръ, а кровопролитія бы не было, за виноватыхъ же людей Великій Новгородъ доканчиваетъ и челомъ бьетъ тебѣ 8,000 рублей". Но великій князь, сильно сердясь на Новгородъ, не послушалъ и владыки; тотъ поѣхалъ назадъ безъ мира, пославши напередъ себя сказать Новгородцамъ: „Великій князь мира не далъ, хочетъ идти къ Новгороду, берегитесь!" Тогда Новгородцы поставили острогъ и пожгли около города 24 монастыря великихъ и всякое строеніе внѣ города за рвомъ; много было убытку Новгородцамъ и монашескому чину, говорилъ лѣтописецъ; кромѣ того, великокняжескіе ратники много волостей повоевали, у купцовъ много товару пограбили, много мужчинъ, женщинъ и дѣтей отослали въ Москву; Новоторжцы, большіе люди вбѣжали въ Новгородъ и изъ иныхъ волостей много народу побѣжало туда же. Наконецъ Новгородцы отправили третье посольство къ великому князю: послали архимандрита Давыда, семь священниковъ и пять человѣкъ житыхъ, съ конца по человѣку, которымъ и удалось уговорить Димитрія къ миру по старинѣ: Новгородцы взяли съ полатей у Св. Софіи 3,000 рублей и послали къ великому князю съ двумя посадниками, остальные же 5,000 рублей обѣщали взять на заволоцкихъ жителяхъ, потому что они также грабили по Волгѣ.

Въ то время, когда рать московская стояла подъ Новгородомъ, начальниками рати новгородской были князья: Патрикій Наримантовичъ, Романъ Юрьевичъ и какіе-то копорскіе князья. Не наученные примѣромъ Нариманта, Новгородцы продолжали принимать къ себѣ на кормленіе литовскихъ князей: въ 1379 году пріѣхалъ въ Новгородъ Юрій Наримантовичъ, въ 1389—братъ его Патрикій, которому Новгородцы дали въ кормленіе пригороды: Орѣховъ, Корельскій городъ, половину Копорья и Лузское село; но въ слѣдующемъ году Орѣховцы и Кореляне пріѣхали съ жалобою къ Новгороду на князя Патрикія, который пріѣхалъ также въ Новгородъ, поднялъ посуломъ Славянскій конецъ и смутилъ весь городъ. Славяне стали за князя и цѣлыя двѣ недѣли звонили вѣче на Ярославовомъ дворѣ, а на другой сторонѣ три конца собрали свое вѣче у Св. Софіи; тысяцкій Осипъ съ Плотничанами и добрыми людьми перешелъ къ софійскому вѣчу, за что Славянскій конецъ съ ярославодворскаго вѣча ударилъ на его дворъ; но Плотничане не выдали Осипа, били Славянъ и ограбили ихъ. Тогда три конца—Неревскій, Загородскій и Людинъ—вооружились на Славянскій конецъ, и стояли у Св. Софіи на вѣчѣ отъ обѣда до вечерни; съ ними сначала согласился и Плотницкій конецъ, желая также идти на Славянъ, но на другой день отказался, и только три конца написали три одинакія грамоты обѣтныя—стоять за одно, а Славяне съ княземъ Патрикіемъ все стояли на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Наконецъ всѣ пять концовъ уладились: отняли прежніе города у Патрикія, а вмѣсто нихъ дали ему Русу, Ладогу и Наровскій берегъ; написали съ нимъ договорную грамоту и запечатали на вѣчѣ на Ярославовомъ дворѣ. Подъ 1388 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о другой смутѣ: встали три конца Софійской стороны на посадника Осипа Захарьича, созвонили вѣче у Св. Софіи и пошли на дворъ Осиповъ, какъ рать сильная, всѣ вооруженные, взяли домъ его и хоромы развезли, а посадникъ Осипъ бѣжалъ за рѣку въ Плотницкій конецъ; Торговая сторона встала за него вся: начали людей грабить, перевозчиковъ отбивать отъ берега, лодки ихъ разсѣкать; и такъ продолжалось двѣ недѣли; наконецъ сошлись въ любовь и дали посадничество Василью Ивановичу. Послѣ того какъ лѣтописецъ пересталъ упоминать постоянно объ избраніи и сверженіи посадниковъ, мы потеряли возможность представлять непрерывный рядъ этихъ сановниковъ и отличать посадниковъ степенныхъ отъ старыхъ. Подъ 1360 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи имя посадника Александра; подъ 1371 и 1375 годомъ упоминается посадникъ Юрій Ивановичъ; подъ 1386—посадникъ Өеодоръ Тимоөеевичъ; подъ 1388—Осипъ Захарьичъ, смѣненный, какъ мы видѣли, Василіемъ Ивановичемъ, но въ томъ же году упоминаются посадники (старые) Василій Өеодоровичъ и Михаилъ Даниловичъ. Въ договорныхъ грамотахъ съ великимъ княземъ Димитріемъ Московскимъ и Михаиломъ Тверскимъ встрѣчаемъ имя посадника Юрія; въ наказѣ посламъ, отправленнымъ изъ Новгорода къ князю Михаилу Тверскому, читаемъ имя посадника Михаила; на печатяхъ, приложенныхъ къ этому наказу, читаемъ имена посадниковъ: Якова, Андріана, Юрія Ивановича.

Псковъ по-прежнему велъ войну съ Нѣмцами ливонскими, въ которой принималъ участіе и Новгородъ. Въ 1362 году пригнали Нѣмцы и перебили на Лудвѣ [2]) нѣсколько головъ на миру; за это Псковичи задержали нѣмецкихъ купцовъ, которыхъ было тогда много во Псковѣ [3]). Въ слѣдующемъ году пріѣхали въ Новгородъ послы нѣмецкіе изъ Юрьева и Феллина договариваться съ Псковичами, пріѣхали и Псковичи, наговорили много [4]), а поѣхали прочь безъ мира, за что купцовъ новгород-

[1]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. III, 94: «И стоя въ Ямнѣхъ».

[2]) Рѣка Лудва Петербургской губерніи, Гдовскаго уѣзда.

[3]) Эта причина выставлена въ Псковской лѣтописи, въ Новгородской другая. «Поимаша Плесковичи гость нѣмецкій, поморскій и заморскій, а ркуще: отъимали Юрьевцы съ Вилневици у насъ земли и воду».

[4]) Такъ выражается Новгородскій лѣтописецъ, постоянно непріязненный къ Псковичамъ: «И повѣствоваше много поидоша прочь». Впрочемъ, здѣсь можетъ высказаться и нелюбовь Новгородцевъ вообще къ многословію.

скихъ задержали въ Юрьевѣ. Тогда Новгородцы отправили туда своихъ пословъ, по боярину изъ каждаго конца, которымъ удалось помирить (смолвить въ любовь) Нѣмцевъ съ Псковичами. Нѣмцы отпустили новгородскихъ купцовъ, а Псковичи нѣмецкихъ, взявши съ нихъ серебро за головы убитыхъ на Лудвѣ. Миръ, какъ обыкновенно, былъ непродолжителенъ; на этотъ разъ миротворцемъ хотѣлъ быть великій князь Московскій, и, въ 1367 году, посолъ его Никита пріѣхалъ въ Юрьевъ, жилъ здѣсь долго, но, не сдѣлавши ничего добраго, возвратился во Псковъ, а вслѣдъ за нимъ явилась рать нѣмецкая и пожгла посадъ; но стояла только одну ночь подъ городомъ и ушла назадъ. Въ то же время другая нѣмецкая рать явились у Велья[1]) и разбила псковскую погоню: много пало головъ добрыхъ людей. Потомъ Псковичи съ какимъ-то княземъ Александромъ отправились къ Новому Городку (Нейгаузену) воевать Чудь, причемъ небольшой отрядъ охочихъ людей, подъ начальствомъ Селила Скертовскаго, поѣхалъ въ разгонъ къ Киремпе[2]), наткнулся на отрядъ нѣмецкій—и былъ разбитъ имъ; князь Александръ пріѣхалъ на мѣсто битвы, похоронилъ убитыхъ, собралъ раненыхъ, разсѣявшихся по лѣсу, и возвратился назадъ.

Псковичи отправили пословъ сказать Новгородцамъ: „Господа братья! Какъ вы заботитесь о насъ, своей братьѣ младшей?“ Новгородцы задержали пословъ нѣмецкихъ, потому что новгородскіе купцы были задержаны въ Юрьевѣ и другихъ городахъ ливонскихъ, и въ 1368 году отправили войска къ Изборску, осажденному Нѣмцами. Нѣмцы бросили осаду, заслышавши о приближеніи Новгородцевъ, но въ слѣдующемъ году явились опять подъ Псковъ, выстояли подъ нимъ три дня и двѣ ночи, и ушли, ничего не взявши; лѣтописецъ упоминаетъ только имена двухъ убитыхъ Псковичей и одного, взятаго въ плѣнъ и затравленнаго Нѣмцами. Въ 1370 году Новгородцы и Псковичи захотѣли отомстить рыцарямъ за ихъ нападенія, и пошли къ Новому Городку, но не взяли его, потому что былъ твердъ, говоритъ новгородскій лѣтописецъ, а псковскій жалуется на Новгородцевъ, зачѣмъ они отъ Городка не пошли въ Нѣмецкую Землю, а возвратились назадъ, не пособивши ни мало Псковичамъ, которые одни сожгли Киремпе и взяли множество добычи. Нѣмцы—одни были побиты, а другіе задохнулись отъ зноя въ погребахъ. Въ 1371 году новгородскій посадникъ Юрій Ивановичъ съ тысяцкимъ и двумя другими боярами заключилъ миръ съ Нѣмцами подъ Новымъ Городкомъ[3]); но подъ 1377 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ новгородскихъ молодыхъ людей къ Новому Городку нѣмецкому; они стояли долго подъ городомъ, посадъ весь взяли, волость всю потравили, полона много привели и сами пришли всѣ по-здорову.

Во все это время во Псковѣ и въ пригородахъ мы видимъ разныхъ князей неизвѣстнаго намъ происхожденія. Такъ упоминается Изборскій князь Евстаѳій, умершій въ 1360 году вмѣстѣ съ двумя сыновьями; потомъ упоминается князь Александръ; въ 1375 году встрѣчаемъ князя Матоея; но въ слѣдующемъ году прибѣжалъ во Псковъ бывшій уже прежде здѣсь княземъ Андрей Олгердовичъ; Псковичи посадили его къ себѣ на княженіе съ согласія великаго князя Московскаго, и Андрей водилъ псковскіе полки на Куликовскую битву, когда братъ его, великій князь Литовскій Ягайло, велъ войско для соединенія съ Мамаемъ. Днемъ или еще меньше опоздалъ Ягайло, и, узнавши у Одоева о пораженіи своего союзника, возвратился назадъ. Послѣ онъ уже не могъ продолжать борьбы съ Димитріемъ Московскимъ, потому что внутреннія дѣла заняли все его вниманіе. Мы видѣли, что Витовтъ освободился изъ плѣна, слѣдовательно Ягайлу начала грозить борьба съ опаснымъ врагомъ; но изгнанникъ не могъ дѣйствовать противъ двоюроднаго брата одними собственными средствами и вошелъ въ сношенія съ Нѣмецкимъ Орденомъ, обязался въ случаѣ, если рыцари помогутъ ему возвратить отчину, объявить себя подручникомъ Ордена. Для послѣдняго не могло быть ничего лестнѣе подобной сдѣлки: онъ достигалъ такимъ образомъ верховной власти надъ Литвою, подѣленною между враждебными князьями. Великій магистръ послалъ объявить Ягайлу, чтобъ онъ позволилъ возвратиться въ Литву и вступить во владѣніе отчиною Кейстутовичамъ, находящимся подъ высокою рукою Ордена. Ягайло не послушался—и война открылась. Самъ великій магистръ, Конрадъ Цольнеръ, вступилъ въ Литву съ сильнымъ войскомъ, но подлѣ хоругви Ордена развѣвалось знамя литовско-жмудское, подъ которымъ шелъ Витовтъ съ отрядомъ своихъ приверженцевъ. Число этихъ приверженцевъ все болѣе и болѣе увеличивалось, когда войско вступило на правый берегъ Нѣмана. Витовтъ овладѣлъ Троками, и какъ скоро вѣсть объ этомъ разнеслась по краю, толпы Литвы и Жмуди начали сбѣгаться къ сыну Кейстутову, который скоро увидалъ себя обладателемъ почти всего Тропкаго княжества. Но едва только великій магистръ оставилъ Литву, какъ подъ Троками явилось многочисленное войско Ягайлово и принудило нѣмецкій гарнизонъ къ сдачѣ крѣпости. Въ такой бѣдѣ Витовтъ рѣшился на самыя большія пожертвованія, чтобъ получить болѣе дѣятельную помощь отъ Ордена; онъ принялъ католицизмъ, объявилъ себя вассаломъ Ордена и уступилъ послѣднему въ полное владѣніе лучшую часть собственной Литвы и Жмуди. Въ 1384 году Нѣманъ опять покрылся многочисленными судами, наполненными всякаго рода матеріалами; положено было возобновить старое Ковно, чтобъ изъ этой крѣпости удобнѣе дѣйствовать противъ Ягайла. Самъ великій магистръ опять предводилъ ополченіемъ. Шесть недѣль безъ отдыха

[1]) Мѣстечко Псковской губерніи, Опочкинскаго уѣзда.
[2]) Кирьиппга—Киремпе, мыза въ Дерптскомъ уѣздѣ.
[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. IV, 193: «Тоже бысть Псковичемъ Богомъ дарована война: а то розратье бысть съ Нѣмци про Жолчь (Жалачко, V, 16) обида много время, али по 5 лѣтъ».

работало множество народа, стѣны новаго Ковна поднялись; но крѣпость уже носила новое чуждое названіе Риттерсвердера. Такимъ образомъ, становилось ясно, что Литвѣ готовится участь Пруссіи: но, къ счастію для Литвы, князья ея поспѣшили вовремя прекратить усобицу. Ягайло предложилъ Витовту значительныя волости и возобновленіе прежней братской любви, если онъ захочетъ отказаться отъ союза съ общимъ врагомъ. Витовтъ охотно принялъ предложеніе, захватилъ два орденскіе зàмка, перемѣнилъ католицизмъ на православіе, и оба брата начали сообща собирать силы для борьбы съ Нѣмцами. Цѣлью ихъ усилій былъ новый ковенскій зàмокъ—Риттерсвердеръ — ключъ ко всей Литвѣ; они осадили его и стали добывать съ необыкновенною дѣятельностью. Нѣмецкій гарнизонъ, составленный изъ выборныхъ ратниковъ орденскаго войска, выставилъ также упорное сопротивленіе. Каждый день происходили кровавыя стычки; въ ловкости брали верхъ Нѣмцы, въ смѣлости и отвагѣ—Литва и Русь; особенно литовскія пушки плохо дѣйствовали въ сравненіи съ нѣмецкими. Наконецъ, послѣ трехнедѣльныхъ усилій, Литовцамъ и Русскимъ удалось сдѣлать проломъ въ стѣнѣ, и крѣпость сдалась въ виду нѣмецкаго отряда, который не могъ подать никакой помощи осажденнымъ.

Примиреніе Витовта съ двоюроднымъ братомъ принесло Ордену большія потери; но эти потери были только предвѣстницами страшной опасности, которая начала грозить ему отъ соединенія Литвы съ Польшею, вслѣдствіе брака Ягайла на Ядвигѣ, наслѣдницей польскаго престола. Польскій король Казиміръ Великій, не имѣя дѣтей, назначилъ наслѣдникомъ по себѣ племянника своего, Людовика, короля Венгерскаго; король не могъ исполнить своего желанія безъ согласія сейма, и сеймъ воспользовался этимъ благопріятнымъ случаемъ для усиленія своихъ правъ насчетъ правъ королевскихъ. Еще при жизни Казиміра, въ 1355 году, послы отъ сейма вытребовали у Людовика подтвержденіе шляхетскихъ правъ [1]). Двѣнадцатилѣтнее правленіе Людовика ознаменовано было безпрестанными смутами, потому что король жилъ въ Венгріи и не обращалъ большого вниманія на Польшу, предоставленную такимъ образомъ самой себѣ [2]). Въ 1382 году умеръ Людовикъ; не имѣя сыновей, онъ назначилъ наслѣдникомъ по себѣ въ Польшѣ мужа старшей своей дочери Маріи, Сигизмунда, маркграфа Бранденбургскаго, сына Чешскаго короля и Нѣмецкаго императора Карла IV. Но польскіе вельможи, собравшись у Радома, постановили: присягнуть второй дочери короля Людовика, Ядвигѣ, и выбрать ей въ мужья князя на всей своей волѣ. Нашелся и женихъ: то былъ князь отъ крови Пяста, Семовитъ Мазовецкій, котораго и выбрали по согласію большинства. Началась война между Семовитомъ и Сигизмундомъ, сопровождаемая внутренними вольненіями и кровопролитіями. Наконецъ, въ 1384 году, Ядвига пріѣхала въ Краковъ и была принята съ большою радостію всѣмъ народомъ, который ждалъ отъ нея избавленія отъ смутъ междуцарствія. Надобно было теперь думать о ея бракѣ; Семовитъ Мазовецкій уже успѣлъ пріобрѣсть нерасположеніе Поляковъ насильственными поступками противъ тѣхъ, которые не хотѣли признать его; кромѣ того, присоединеніе Мазовіи къ владѣніямъ Казиміра Великаго мало льстило вельможамъ: по той же причинѣ отвергнутъ былъ и другой искатель—Владиславъ, князь Опольскій, также потомокъ Пяста. У Ядвиги былъ еще другой женихъ, съ которымъ она вмѣстѣ воспитывалась, къ которому была привязана нѣжною страстью: то былъ Вильгельмъ, герцогъ Австрійскій. Но Вильгельмъ не нравился польскимъ вельможамъ, потому что отъ него нельзя было ожидать скорой помощи [3]). Ихъ вниманіе обратилъ на себя болѣе выгодный женихъ: въ 1385 году явились къ Ядвигѣ послы литовскіе съ предложеніями, что князь Ягайло приметъ Римскую вѣру не только самъ, но и со всѣми родственниками, вельможами и народомъ, выдастъ безъ окупа польскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ Литовцами въ предыдущихъ войнахъ, соединитъ на-вѣки съ Польшею свои наслѣдственныя и пріобрѣтенныя владѣнія, поможетъ Польшѣ возвратить потерянныя ею земли, привезетъ въ нее нѣкоторыя изъ отцовскихъ и дѣдовскихъ сокровищъ, заплатитъ сумму, должную Вильгельму Австрійскому за несдержаніе обѣщанія насчетъ руки королевиной. Ядвигѣ не очень пріятно было это предложеніе, но сильно нравилось оно вельможамъ польскимъ; они представили королевѣ высокую заслугу апостольскаго подвига, успѣли поколебать ея отвращеніе и отправили уже пословъ къ Ягайлу для окончательныхъ переговоровъ, какъ вдругъ неожиданно является къ Кракову Вильгельмъ Австрійскій. Тщетно вельможи запретили ему входъ въ Краковскій замокъ; Ядвига устроила съ нимъ свиданіе въ францисканскомъ монастырѣ, и здѣсь страсть ея къ прежнему жениху возобновилась и усилилась до такой степени, что она, какъ говорятъ [4]), и слышать не хотѣла о Ягайлѣ, и обвѣнчалась съ Вильгельмомъ; но когда онъ хотѣлъ пользоваться правами супруга въ самомъ Краковскомъ замкѣ, то съ безчестіемъ былъ оттуда изгнанъ вельможами. Ядвига хотѣла за нимъ слѣдовать, но была удержана силою; тогда Вильгельмъ, опасаясь чего-нибудь еще худшаго, поспѣшилъ скрыться изъ Кракова. Между тѣмъ Ягайло приближался къ этому городу; вельможи и прелаты снова подступили къ Ядвигѣ съ просьбами не отказаться отъ брака съ Литовскимъ княземъ и заслужить названіе просвѣтительницы его народа; молодая королева, охлажденная нѣсколько отсутствіемъ Вильгельма, опять начала колебаться. Ее сильно

[1]) Dlugossi-Histor. Polon., IV, p. 1101.
[2]) Ibid. X, p. 68.
[3]) Ibid. X, p. 98.
[4]) Ibid. p. 102. Fama insuper et plurimorum asserione probitum est.

безпокоила молва, что Ягайло былъ варваръ нравомъ и уродъ тѣломъ; чтобъ увѣриться въ справедливости этихъ слуховъ, она отправила къ нему на-встрѣчу самаго преданнаго себѣ человѣка съ порученіемъ разсмотрѣть хорошенько наружность жениха и извѣдать его нравъ. Ягайла предувѣдомили о цѣли посольства; онъ принялъ посланнаго съ необыкновенною ласкою, и тотъ, возвратившись къ Ядвигѣ, донесъ ей, что Литовскій князь наружностію пріятенъ, красивъ и строенъ, роста средняго, длиннолицъ, во всемъ тѣлѣ нѣтъ у него никакого порока, въ обхожденіи важенъ и смотритъ государемъ. Ядвига успокоилась на этотъ счетъ и позволила убѣдить себя.

Въ 1386 году совершенъ былъ бракъ Ягайла съ Ядвигою, имѣвшій такое великое вліяніе на судьбы восточной Европы. Согласно съ условіями, Ягайло отрекся отъ православія, причемъ прежнее имя Якова перемѣнилъ на имя Владислава; ему послѣдовали родные братья, Олгердовичи, и двоюродный—Витовтъ, пріѣхавшій съ нимъ на свадьбу въ Краковъ. Ягайло спѣшилъ исполнить и обѣщаніе относительно распространенія католицизма въ Литвѣ; здѣсь уже прежде было распространено православіе; половина виленскихъ жителей исповѣдовала его; но такъ какъ православіе распространялось само собою, безъ особеннаго покровительства и пособій со стороны свѣтской власти, то по этому самому оно распространялось медленно. Иначе стали дѣйствовать латинскіе проповѣдники, пріѣхавшіе теперь съ Ягайломъ въ Литву: они начали истребленеімъ священныхъ мѣстъ стараго языческаго богослуженія, и народъ, котораго прежнія вѣрованія были ослаблены давнимъ знакомствомъ съ христіанскою религіей посредствомъ Русскихъ, безъ большаго труда согласился на принятіе новой вѣры. Впрочемъ, латинскіе проповѣдники дѣйствовали успѣшно только въ тѣхъ мѣстахъ, которыя давно уже находились подъ русскимъ вліяніемъ; въ Жмуди же они встрѣтили упорное сопротивленіе и были выведены по приказанію Витовта, напуганнаго тѣмъ, что многочисленныя толпы народа начали переселяться, чтобъ спастись отъ принужденія къ новой религіи. Но если католицизму легко было сладить съ язычниками собственной Литвы, то очень трудно было бороться съ православіемъ, имѣвшимъ здѣсь издавна многочисленныхъ и вѣрныхъ приверженцевъ; наступательныя дѣйствія латинства противъ него начались немедленно: постановлено было, что Русскія, выходившія замужъ за католиковъ, должны принимать исповѣданіе мужей своихъ, а мужья православной вѣры должны принимать исповѣданіе женъ; есть даже извѣстіе, что православная церковь въ Литвѣ имѣла мучениковъ при Ягайлѣ [1].

Вмѣстѣ съ новостями религіозными явились и политическія: князья племени Рюрика и Гедимина принуждены были присягать коронѣ польской и королевѣ Ядвигѣ; такъ, въ 1386 году, князь Θедоръ Острожскій утвержденъ былъ на своей отчинѣ съ тѣмъ условіемъ, чтобъ онъ и его наслѣдники служили Ягайлу, его преемникамъ и коронѣ польской, какъ прежде служилъ князь Θедоръ князю Любарту Гедиминовичу Волынскому [2]) Но подобный порядокъ вещей не могъ безпрепятственно утвердиться; Литва и Русь не могли легко и добровольно подчиняться Польшѣ въ религіозномъ и политическомъ отношеніи; началась борьба: началась она подъ покровомъ личныхъ стремленій князей литовскихъ, кончилась возстаніемъ Малой Руси за вѣру и паденіемъ Польши.

Неизвѣстно, какимъ образомъ Андрей-Вингольтъ Олгердовичъ, котораго мы видѣли во Псковѣ, въ Москвѣ и на Куликовомъ полѣ со Псковичами, успѣлъ овладѣть опять Полоцкомъ; извѣстно только то, что онъ вторично возсталъ на Ягайла подъ тѣмъ предлогомъ, что послѣдній, принявши католицизмъ, не имѣетъ болѣе права владѣть православными областями. Андрей соединился съ нѣмецкими рыцарями, которые опустошили литовскія владѣнія больше чѣмъ на 60 миль. Эта война кончилась тѣмъ, что другой братъ Ягайловъ, Скиргайло, взялъ Полоцкъ, захватилъ въ плѣнъ Андрея, а сына его убилъ [3]). Но опаснѣе для Ягайла была новая борьба съ Витовтомъ. Новый Польскій король назначилъ намѣстникомъ Литвы брата своего, Скиргайла, съ титуломъ великаго князя, но столица его была въ Трокахъ, въ Вильнѣ же сидѣлъ Полякъ, староста королевскій [4]). Характеръ Скиргайла польскіе историки описываютъ самыми черными красками: онъ былъ дерзокъ и жестокъ, не дрожалъ ни передъ какимъ злодѣйствомъ, былъ почти постоянно въ нетрезвомъ видѣ, и потому былъ нестерпимъ для окружающихъ, которые никогда не могли считать себя безопасными въ его присутствіи [5]). Иначе отзываются о немъ православные лѣтописцы, называя его князем чуднымъ и добрымъ [6]); причина такого разнорѣчія ясна: Скиргайло оставался вѣренъ православію, и потому былъ любимъ русскимъ народомъ [7]). Между

---

[1]) Dlugossi-Histor. Polon., X, p. 118; Лѣтоп. Данил., стр. 204 и 205.

[2]) Zrzòdla do dziejow polskich-Grabowsk. t. I, p. 145. Въ 1393 году эту грамоту князю Θедору подтвердила уже одна Ядвига, которая называетъ себя: Littuaniae princeps Suprema, Pomeraniae Russiaeque domina et haeres.—О присягѣ Симеона. Лугвенія Ягайлу и Ядвигѣ см. ниже, въ IV томѣ.

[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. V, 240.

[4]) Лѣтоп. Даниловича, стр. 44. Еслибъ Скиргайло владѣлъ въ Волыни, то Длугошъ (стр. 120) не называлъ бы его Троцкимъ княземъ.

[5]) Dlugossi, I, X., p. 120.

[6]) Лѣтоп. Данилов., стр. 47

[7]) Dlugossi, I. X, p. 120; Hunc (Scirgallonem) Vithaudus Grodnensis dux, magis modesti, magisque vegeti et semper sobrii vir ingenii, et propter Ruthenorum assistentiam, qui illi propter ritus cui indentitatem magnopere afficiebantur, et propter Wladislai Poloniae regis germanitatem, pertimescens, etc. Ясно, что здѣсь приверженность русскаго народа за единство вѣры относится къ Скиргайлу, а не къ Витовту; но Зубрицкій утверждаетъ противное (Исторія Галицкой Руси, стр. 221).

*

Троцкимъ княземъ Скиргайломъ и Гродненскимъ Витовтомъ скоро возникли несогласія: Витовту наговаривали, что Скиргайло хочетъ извести его какимъ бы то ни было образомъ [1]), не желая имѣть соперника въ Литвѣ; въ нерасположеніи Ягайла Кейстутовичъ могъ убѣдиться уже изъ того, что король не хотѣлъ дать ему грамотъ на уступленныя области, не согласился придать ему волости князя Любарта Волынскаго; потомъ это нерасположеніе обнаружилось еще сильнѣе, когда Ягайло заключилъ въ оковы посланца Витовтова и вымучивалъ у него показанія о сношеніяхъ его князя съ княземъ Московскимъ [2]). Все это заставило Витовта вооружиться снова противъ двоюродныхъ братьевъ; онъ хотѣлъ-было нечаянно овладѣть Вильною, но попытка не удалась, и онъ принужденъ былъ съ семействомъ и дворомъ удалиться сперва въ Мазовію, а потомъ къ нѣмецкимъ рыцарямъ.

Опять Ордену открылся удобный случай утвердить свое вліяніе въ Литвѣ, соединеніе которой съ Польшею грозило ему страшною опасностью въ двухъ отношеніяхъ: съ одной стороны—онъ не могъ съ успѣхомъ бороться противъ соединенныхъ силъ двухъ государствъ, съ другой стороны—самое существованіе его стало теперь болѣе ненужнымъ, ибо онъ учрежденъ былъ для борьбы съ язычниками, для распространенія между ними христіанства по ученію Западной церкви; но теперь самъ великій князь Литовскій, ставши Польскимъ королемъ и принявши католицизмъ, обязался утвердить послѣдній и въ своихъ наслѣдственныхъ волостяхъ, и усердно исполнялъ свое обязательство. Немудрено послѣ этого, что рыцари забили сильную тревогу, когда узнали о намѣреніи Ягайла вступить въ бракъ съ Ядвигою; они стали разглашать, что это соединеніе Польши съ Литвою грозитъ гибелью христіанству, потому что Литва непремѣнно обратитъ Польшу въ язычество; мы видѣли, что они поддерживали Андрея Полоцкаго противъ Ягайла, а теперь охотно приняли сторону Витовта, который отдалъ имъ Жмудь и Гродно подъ залогъ. Но Ягайлу удалось взять Гродно. Чтобъ поправить дѣло, Орденъ, въ 1390 году, выслалъ въ Литву сильное войско, при которомъ въ числѣ заграничныхъ гостей находился графъ Дерби, послѣ ставшій герцогомъ Ланкастерскимъ и наконецъ королемъ Англійскимъ, подъ именемъ Генриха IV. Послѣ удачной битвы на берегахъ Виліи, крестоносцы осадили Вильну, взяли нижній замокъ измѣною пріятелей Витовтовыхъ, но верхняго взять не могли и принуждены были отступить по причинѣ холодныхъ осеннихъ ночей, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и болѣзней. Въ 1391 году, усиленный толпами новыхъ пришельцевъ изъ Германіи, Франціи, Англіи и Шотландіи, великій магистръ, Конрадъ Валленродъ, въ челѣ 46-тысячнаго войска, вступилъ въ Литву. Витовтъ съ своею Жмудью и магистръ Ливонскаго Ордена соединились также съ нимъ, и всѣ двинулись опять на Вильну; но на дорогѣ получили вѣсть, что вся страна на пять миль въ окружности этой столицы опустошена въ-конецъ самими Литовцами. Великій магистръ, потерявъ надежду прокормить свое войско въ опустошенной странѣ, не могъ болѣе думать объ осадѣ Вильны и возвратился назадъ, удовольствовавшись построеніемъ деревянныхъ острожковъ на берегахъ Нѣмана, охрана которыхъ поручена была Витовту. Послѣдній съ нѣмецкимъ отрядомъ осадилъ Гродно, гдѣ королевскій гарнизонъ состоялъ большею частію изъ Русскихъ и Литвы, потомъ изъ Поляковъ. Сначала осажденные оказали сильное сопротивленіе; Витовтъ уже терялъ надежду взять крѣпость, какъ вдругъ вспыхнулъ въ ней пожаръ, а вмѣстѣ съ пожаромъ ссора между Поляками и Литовцами, вѣроятно вслѣдствіе подозрѣнія, что пожаръ произведенъ послѣдними, расположенными къ Витовту. Литовцы пересилили Поляковъ, заперли ихъ, загасили пожаръ и сдали крѣпость Кейстутову сыну. Между тѣмъ члены королевскаго совѣта въ Краковѣ дѣйствовали благоразумнѣе гродненскаго гарнизона: они старались всѣми силами оторвать опять Витовта отъ Ордена, и успѣли въ этомъ, потому что сыну Кейстутову тяжко было видѣть себя подручникомъ ненавистныхъ рыцарей и вмѣстѣ съ ними пустошить свою отчину; притомъ король выполнялъ всѣ его требованія, давалъ ему грамоту на Литву и Жмудь. И вотъ нечаянно, съ значительнымъ отрядомъ войска, явился Витовтъ передъ Ковно, гдѣ былъ принятъ какъ союзникъ и вѣрный слуга Ордена; но едва успѣлъ онъ войти въ крѣпость, какъ велѣлъ своимъ людямъ занять всѣ важныя мѣста, перехваталъ рыцарей, нѣмецкихъ купцовъ, приказалъ разломать мосты на Нѣманѣ и Виліи, потомъ также нечаянно овладѣлъ Гродномъ и новыми осторожками Ордена. Съ тѣхъ поръ, т.-е. съ 1392 года, миръ между Ягайломъ и Витовтомъ не прерывался болѣе. Скиргайло, принужденный отказаться отъ Литвы въ пользу Витовта, получилъ дипломъ на достоинство великаго князя Русскаго и Кіевъ—столицею; но въ Кіевѣ сидѣлъ другой Олгердовичъ, Владиміръ, посаженный здѣсь отцомъ своимъ, который выгналъ изъ Кіева прежняго князя Өедора [3]). Владиміръ не хотѣлъ уступить Руси брату, и Витовтъ долженъ былъ оружіемъ доставить Кіевскій столъ Скиргайлу.

Всѣ эти внутреннія происшествія не давали князьямъ литовскимъ возможности думать о наступательныхъ движеніяхъ на Сѣверо-Восточную Русь; но они со славою и выгодою успѣли уничтожить попытку смоленскихъ князей къ наступательному движенію на Литву. Въ 1386 году Смоленскій князь Святославъ Ивановичъ, съ сыновьями Глѣбомъ и Юріемъ и племянникомъ Иваномъ Васильевичемъ, собралъ большое войско и пошелъ къ Мстиславлю, ко-

[1]) Dlugossi, l. X., p. 120.
[2]) Narbut, V. 433.
[3]) Полн. Собр. Русск. Лѣт. II, 350.

торый прежде принадлежалъ смоленскимъ князьямъ и потомъ былъ у нихъ отнятъ Литовцами. Идучи Литовскою Землею, Смольняне воевали ее, захватывая жителей, мучили ихъ нещадно различными казнями, мужчинъ, женщинъ и дѣтей: иныхъ, заперши въ избахъ, сжигали, младенцевъ на колъ сажали. Жители Мстиславля затворились въ городѣ съ намѣстникомъ своимъ, княземъ Коригайломъ Олгердовичемъ; десять дней стояли Смольняне подъ Мстиславлемъ и ничего не могли сдѣлать ему, какъ въ одиннадцатый день поутру показался въ полѣ стягъ литовскій: то шелъ великій князь Скиргайло Олгердовичъ; немного подальше выступалъ другой полкъ—велъ его князь Димитрій - Корибутъ Олгердовичъ; за полкомъ Корибутовымъ шелъ полкъ Симеона-Лугвенія Олгердовича; наконецъ показалась и рать Витовтова. Литовскіе полки быстро приближались; Смольняне смутились, увидавши ихъ, начали скорѣе одѣваться въ брони, выступили на бой и сошлись съ Литовцами на рѣкѣ Вехрѣ, подъ Мстиславлемъ, жители котораго смотрѣли на битву, стоя на городовыхъ забралахъ. Битва была продолжительна, наконецъ Олгердовичи одолѣли; самъ князь Святославъ Ивановичъ былъ убитъ однимъ Полякомъ въ дубравѣ; племянникъ его, Иванъ, былъ также убитъ, а двое сыновей попались въ плѣнъ. Литовскіе князья вслѣдъ за бѣгущими пошли къ Смоленску, взяли съ него окупъ и посадили княземъ изъ своей руки Юрія Святославича, а брата его—Глѣба—повели въ Литовскую Землю.

Въ такомъ положеніи находились дѣла на востокѣ и западѣ, когда, въ 1389 году, умеръ великій князь Московскій Димитрій, еще только 39 лѣтъ отъ рожденія. Дѣдъ, дядя и отецъ Димитрія въ тишинѣ приготовили богатыя средства къ борьбѣ открытой, рѣшительной. Заслуга Димитрія состояла въ томъ, что онъ умѣлъ воспользоваться этими средствами, умѣлъ развернуть приготовленныя силы и дать имъ во-время надлежащее употребленіе. Мы не станемъ взвѣшивать заслугъ Димитрія сравнительно съ заслугами его предшественниковъ; замѣтимъ только, что употребленіе силъ происходитъ обыкновенно громче и виднѣе ихъ приготовленія, и богатое событіями княженіе Димитрія, протекшее съ начала до конца въ упорной и важной борьбѣ, легко затмило бѣдныя событіями княженія предшественниковъ; событія, подобныя битвѣ Куликовской, сильно поражаютъ воображеніе современниковъ, надолго остаются въ памяти потомковъ, и потому неудивительно, что побѣдитель Мамая получилъ подлѣ Александра Невскаго такое видное мѣсто между князьями новой Сѣверо-Восточной Руси. Лучшимъ доказательствомъ особенно важнаго значенія, придаваемаго дѣятельности Димитрія современниками, служитъ существованіе особаго сказанія о подвигахъ этого князя, особаго украшенно написаннаго житія его. Наружность Димитрія описывается такимъ образомъ: „Бяше крѣпокъ и мужественъ, и тѣломъ великъ и широкъ, и плечистъ, и чреватъ вельми и тяжекъ собою зѣло, брадою-жъ и власы черпъ, взоромъ же дивенъ зѣло" [1]). Въ житіи прославляется строгая жизнь Димитрія, отвращеніе отъ забавъ, благочестіе, незлобіе, цѣломудріе до брака и послѣ брака; между прочимъ говорится: „Аще и книгамъ неученъ бѣаше добрѣ, но духовныя книги въ сердцѣ своемъ имяше" [2]). Кончина Димитрія описывается такимъ образомъ: „Разболѣся и прискорбенъ бысть вельми, потомъ же легчае бысть ему; и паки впаде въ большую болѣзнь и стенаніе пріиде къ сердцу его, яко торгати внутрънимъ его и уже приближится къ смерти душа".

Важныя слѣдствія дѣятельности Димитрія обнаруживаются въ его духовномъ завѣщаніи [3]); въ немъ встрѣчаемъ неслыханное прежде распоряженіе: Московскій князь благословляетъ старшаго своего сына Василія великимъ княженіемъ Владимірскимъ, которое зоветъ своею отчиною. Донской уже не боится соперниковъ для своего сына ни изъ Твери, ни изъ Суздаля. Кромѣ Василія, у Димитрія оставалось еще пять сыновей: Юрій, Андрей, Петръ, Иванъ и Константинъ; но двое послѣднихъ были малолѣтни; Константинъ родился только за четыре дня до смерти отцовской, и великій князь поручаетъ свою отчину, Москву, только четверымъ сыновьямъ. Въ этой отчинѣ, т.-е. въ городѣ Москвѣ и въ станахъ, къ ней принадлежавшихъ, Донской владѣлъ двумя жребіями,—жребіемъ отца своего Ивана и дяди Симеона, третьимъ жребіемъ владѣлъ Владиміръ Андреевичъ; онъ остался за нимъ и теперь. Изъ двухъ своихъ жребіевъ великій князь половину отдаетъ старшему сыну Василію, на старшій путь; другая половина раздѣлена на три части между остальными сыновьями. Другіе города Московскаго княжества раздѣлены между четырьмя сыновьями: Коломна—старшему, Василію, Звенигородъ — Юрію, Можайскъ — Андрею, Дмитровъ — Петру. Благословляя старшаго Василія областію великаго княженія Владимірскаго, къ которому принадлежали области Костромская и Переяславская, Димитрій отдаетъ остальнымъ троимъ сыновьямъ города, купленные еще Калитою и окончательно присоединенные только имъ: Юрію—Галичъ, Андрею—Бѣлоозеро, Петру—Угличъ. Предпослѣдній сынъ, Иванъ, сильно обдѣленъ: ему ничего не назначено изъ собственно Московской отчины; удѣлъ его ничтоженъ въ сравненіи съ удѣлами другихъ братьевъ. Такую, повидимому, несправедливость объясняютъ слова завѣщателя: „Въ томъ удѣлѣ воленъ сынъ мой князь Иванъ, который братъ до него будетъ добръ, тому дастъ". Изъ этихъ словъ видно, что князь Иванъ былъ боленъ, и не могъ имѣть надежды на потомство; вотъ почему Донской даетъ ему право распорядиться своимъ маленькимъ удѣломъ въ пользу того брата, который будетъ до

[1]) Никон. IV, 119.

[2]) Полн. Собр. Русск. Лѣт., IV, 531. Хотя и есть варіантъ: научень, однако по связи обоихъ предложеній скорѣе можно принять: неучень.

[3]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 34.

него добръ; въ самомъ дѣлѣ, Иванъ умеръ скоро по смерти отца [1]). Завѣщаніе было написано прежде рожденія самаго младшаго сына, Константина, и потому на его счетъ сказано слѣдующее: „А дастъ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по доли у большихъ его братьевъ". Княгинѣ своей Димитрій завѣщалъ по нѣскольку волостей изъ удѣловъ каждаго сына съ тѣмъ, чтобъ по смерти ея эти волости отошли къ тому князю, къ удѣлу котораго принадлежали; но тѣми волостями, которыя примыслилъ самъ Димитрій и далъ женѣ, или которыя она сама примыслила, великая княгиня могла распорядиться по произволу: „Сыну ли которому дастъ, по душѣ ли дастъ". Великой княгинѣ уступлена также неограниченная власть при дальнѣйшемъ распредѣленіи волостей между сыновьями въ слѣдующихъ случаяхъ: когда умретъ одинъ изъ князей, то удѣломъ его княгиня дѣлитъ остальныхъ сыновей; если у котораго-нибудь изъ князей убудетъ отчины, то княгиня вознаграждаетъ его за потерю, отдѣливъ ему часть изъ удѣловъ остальныхъ братьевъ; если умретъ старшій сынъ [2]) князь Василій, то его удѣлъ переходитъ къ старшему по немъ брату; удѣлъ послѣдняго княгиня дѣлитъ между всѣми сыновьями. Наконецъ завѣщатель выражаетъ надежду, что сыновья его перестанутъ давать выходъ въ Орду [3]).

Говоря о важномъ значеніи княженія Димитріева въ исторіи Сѣверо-Восточной Руси, мы не должны забывать и дѣятельности бояръ московскихъ: они, пользуясь обстоятельствами, отстояли права своего малолѣтняго князя и своего княжества, которымъ и управляли до возмужалости Димитрія. Послѣдній не остался неблагодаренъ людямъ, которые такъ сильно хотѣли ему добра; доказательствомъ служатъ слѣдующія мѣста житія его [4]), обнаруживающія всю степень вліянія бояръ на событія Димитріева княженія. Чувствуя приближеніе смерти, Димитрій, по словамъ сочинителя житія, далъ сыновьямъ слѣдующее наставленіе: „Бояръ своихъ любите, честь имъ достойную воздавайте противъ ихъ службы, безъ воли ихъ ничего не дѣлайте". Потомъ умирающій князь обратился къ боярамъ съ такими словами: „Вы знаете каковъ мой обычай и нравъ, родился я передъ вами, при васъ выросъ, съ вами царствовалъ; воевалъ вмѣстѣ съ вами на многія страны, противникамъ былъ страшенъ, поганыхъ низложилъ съ Божіею помощію и враговъ покорилъ, великое княженіе свое сильно укрѣпилъ, миръ и тишину далъ Русской Землѣ, отчину свою съ вами сохранилъ, вамъ честь и любовь оказывалъ, подъ вами города держалъ и большія волости, дѣтей вашихъ любилъ, никому зла не сдѣлалъ, не отнялъ ничего силою, не досадилъ, не укорилъ, не ограбилъ, не обезчестилъ, но всѣхъ любилъ, въ чести держалъ, веселился съ вами, съ вами и скорбѣлъ, и вы не назывались у меня боярами, но князьями Земли моей".

Кто же были эти бояре? Первое мѣсто между ними принадлежитъ Димитрію Михайловичу Волынскому-Боброку, побѣдителю Рязанцевъ и рѣшителю Куликовской битвы; онъ выѣхалъ изъ Волыни въ Москву при Донскомъ и женился на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ; между свидѣтелями, подписавшимися на второй духовной в. князя, имя Димитрія Михайловича стоитъ на первомъ мѣстѣ. Послѣ Волынскаго слѣдуетъ Тимоѳей Васильевичъ окольничій, который называется также великимъ воеводою; по родословнымъ книгамъ онъ былъ братъ послѣдняго тысяцкаго, Василія Васильевича Вельяминова; въ первой духовной Донскаго онъ подписался свидѣтелемъ на первомъ мѣстѣ, во второй духовной—на второмъ, уступивъ первое Димитрію Михайловичу Волынскому; подпись эта доказываетъ, что онъ не былъ убитъ на Куликовскомъ сраженіи, какъ говорится въ сказаніяхъ. Послѣ Тимоѳея окольничаго на духовныхъ грамотахъ слѣдуетъ подпись Ивана Родіоновича Квашни, который въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ называется костромскимъ воеводою; это былъ сынъ извѣстнаго Родіона Несторовича, боярина Калитина. Послѣ имени Ивана Родіоновича въ духовныхъ великаго князя слѣдуютъ имена двухъ Ѳеодоровъ Андреевичей: первый былъ сынъ извѣстнаго уже въ предъидущее княженіе боярина Андрея Кобылы; но сынъ, Ѳеодоръ Андреевичъ, носилъ уже другое названіе—Кошка; о знатности этого боярина свидѣтельствуетъ то, что великій князь Тверской Михаилъ Александровичъ женилъ своего сына на его дочери [5]). Другой бояринъ Ѳеодоръ Андреевичъ Свиблъ былъ правнукъ знаменитаго Акинѳа чрезъ сына его, извѣстнаго уже намъ Ивана. Свиблъ, какъ мы видѣли, былъ начальникомъ рати, опустошившей Землю Мордовскую; кто изъ обоихъ Ѳеодоровъ Андреевичей былъ оставленъ въ Москвѣ воеводою во время Донскаго похода и кто изъ нихъ вытягалъ у Смольнянъ два мѣста, какъ значится въ духовной великаго князя, — рѣшить нельзя, ибо прозваній въ обоихъ случаяхъ нѣтъ. Во второй духовной встрѣчаемъ имена двоихъ Ивановъ Ѳеодоровичей: одинъ изъ нихъ долженъ быть сынъ боярина Ѳеодора Кошки; что же касается до другого, то въ родословныхъ книгахъ значится, что у послѣдняго тысяцкаго Василія Васильевича былъ братъ Ѳеодоръ Воронецъ, у котораго былъ сынъ Иванъ, носившій боярское званіе. Но очень можетъ быть также и Иванъ Ѳеодоровичъ Уда, происходившій, по родословнымъ, отъ князей Ѳоминскихъ-Смоленскихъ; имя одного Ивана Ѳеодоровича встрѣчается и въ первой духовной и въ договорной грамотѣ съ Олгер-

[1]) Никон. IV, 191.

[2]) Здѣсь должно предполагать смерть безпотомственную.

[3]) «А перемѣнитъ Богъ Орду, дѣти мои не имутъ давати выхода въ Орду, и который сынъ мой возметъ дань на своемъ удѣлѣ, то тому и есть».

[4]) Пусть эта рѣчь выдумана, изукрашена сочинителемъ: для насъ важны не собственныя слова в. князя, но то, какъ представлялись современникамъ отношенія его къ боярамъ.

[5]) Никон. IV, 202.

домъ. Что касается до остальныхъ именъ, встрѣчаемыхъ въ подписяхъ на грамотахъ: Ивана Михайловича, Димитрія Александровича, Симеона Васильевича, Александра Андреевича, Ивана Андреевича, то мы видѣли прежде имена Михаила, Александра, Василія и Андрея между боярами московскими; Димитрій Александровичъ можетъ быть или Димитрій Александровичъ Всеволожъ, сынъ выходца смоленскаго, князя Александра Всеволодовича, который вмѣстѣ съ братомъ Владиміромъ упоминается въ сказаніяхъ о Донской битвѣ, или внукъ мурзы Чета, выѣхавшаго при Калитѣ, предка Сабуровыхъ и Годуновыхъ [1]). Относительно Александра Андреевича должно замѣтить, что по родословнымъ между боярами великаго князя Димитрія значится Андрей Одинецъ, у котораго былъ сынъ Александръ Белеутъ; Александръ Белеутъ, вмѣстѣ съ Ѳедоромъ Свибломъ и Иваномъ Ѳедоровичемъ Удою, былъ посланъ въ 1384 г въ Новгородъ брать черный боръ; но, кромѣ того, между братьями Ѳедора Андреевича Свибла встрѣчаемъ имена—Александра и Ивана. Въ лѣтописи подъ 1367 годомъ встрѣчаемъ воеводу Димитрія Минина, родоначальника Софроновскихъ и Проѣстевыхъ, посланнаго противъ Олгерда вмѣстѣ съ воеводою князя Владиміра Андреевича, Акинѳомъ Ѳедоровичемъ Шубою [2]). Посломъ въ Константинополь съ нареченнымъ митрополитомъ Митяемъ отправленъ былъ большой бояринъ Юрій Васильевичъ Кочевинъ-Олешенскій [3]), сынъ извѣстнаго намъ при Калитѣ Василія Кочевы. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается владимірскій воевода Тимоѳей Валуевичъ, переяславскій—Андрей Серкизовичъ; по родословнымъ книгамъ, къ великому князю Димитрію выѣхалъ изъ Орды царевичъ Серкизъ, у котораго былъ сынъ Андрей; бояриномъ же Донскаго называется Владиміръ Даниловичъ Красный Снабдя, потомокъ князей муромскихъ. Въ извѣстіяхъ о Куликовской битвѣ упоминается бояринъ и крѣпкій воевода Семенъ Меликъ; въ родословныхъ значится: „Семенъ Меликъ да Василій, оба изъ Нѣмецъ пришли". Между убитыми на Дону упоминаются: Михаилъ Андреевичъ Бренко, любимецъ великокняжескій, Семенъ Михайловичъ, Михайла и Иванъ Акинѳовичи, Иванъ Александровичъ, Андрей Шуба, Валуй Окатьевичъ, Левъ Мазыревъ [4]), Тарасъ Шетневъ [5]). Упоминается бояринъ Михалко Александровичъ, который сказалъ великому князю, сколько осталось въ живыхъ послѣ Куликовской битвы. Подъ 1382 годомъ упоминаются бояре: Симеонъ Тимоѳеевичъ (сынъ окольничаго, по родословнымъ) и Михаилъ, быть можетъ Михайлъ Андреевичъ Челядня, братъ Ѳедора Свибла, ѣздившіе за митрополитомъ Кипріаномъ. Подъ 1375 годомъ упоминается намѣстникъ великаго князя въ Новгородѣ, Иванъ Прокшиничъ; посломъ отъ великаго князя въ Псковъ пріѣзжалъ Никита. Подъ 1375 годомъ упоминается костромской воевода Александръ Плещей: по родословнымъ, это былъ меньшой братъ Св. митрополита Алексѣя, сынъ боярина Ѳедора Бяконты, вышедшаго изъ Чернигова [6]).—Дьякомъ при великомъ князѣ Димитріи былъ сначала прежній Несторъ, а потомъ Внукъ.

---

[1]) Родослов. Четъ, а во крещеніи имя ему Захарія, и у Захарія сынъ Олександръ, а у Олександра сынъ Дмитрій Зерно.

[2]) Въ родосл. родъ Софроновскихъ да Проѣстевыхъ: Димитрій Миничъ былъ бояринъ у в. князя Василья Димитріевича.

[3]) Показаніе родословныхъ о Татаринѣ Кочевѣ, предкѣ Поливановыхъ, не подходитъ къ извѣстію лѣтописи.

[4]) Т. е. какъ видно Морозовъ, «Иванъ Семеновичъ Морозовъ, и братъ у него большой Ѳедоръ, а подъ Ѳедоромъ Левъ, а убили его на Дону».

[5]) Въ родословныхъ тверскихъ бояръ Шетневыхъ нѣтъ Тараса.

[6]) По родословнымъ между боярами в. к. Димитрія значатся: Владиміръ Даниловичъ Красный, потомъ окольничій Маргосъ Погожъ, выѣхавшій съ Олгердовичами изъ Литвы.—Ср. статью Погодина: о Русск. Аристокр. Москв. 1847, № 1.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ четвертый.

Глава I.

Княженіе Василія Димитріевича.

(1389—1425.)

Присоединеніе къ Москвѣ княжества Нижегородскаго.—Столкновеніе великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ Донскимъ.—Договоры великаго князя съ родными братьями.—Отношенія къ Новгороду Великому.—Внутреннія движенія въ Новгородѣ.—Ссора Новгорода со Псковомъ.—Отношенія Москвы къ Рязани и Твери.—Усобицы между тверскими князьями.—Нашествіе Эдигея на Москву.—Отношеніе великаго князя къ Татарамъ послѣ Эдигеева нашествія.—Отношенія литовскія: взятіе Смоленска Витовтомъ; намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ; битва Витовта съ Татарами на Ворсклѣ; вторичное взятіе Смоленска Витовтомъ; борьба Московскаго князя съ Литовскимъ и миръ на Угрѣ; взглядъ лѣтописца на литовскія и татарскія отношенія. - Отношенія Литвы къ Польшѣ и Тевтонскому Ордену.—Борьба Пскова и Новгорода съ Ливонскимъ Орденомъ.—Борьба Новгорода со Шведами.—Смерть Василія Димитріевича.—Его духовныя грамоты.—Бояре Василія.

Молодой сынъ Донскаго въ самомъ началѣ княженія своего показалъ, что останется вѣренъ преданію отцовскому и дѣдовскому. Черезъ годъ послѣ того, какъ посолъ ханскій посадилъ его на великокняжескій столъ во Владимірѣ, Василій отправился въ Орду и купилъ [1]) тамъ ярлыкъ на княжество Нижегородское, которое незадолго передъ тѣмъ выпросилъ себѣ въ Ордѣ же Борисъ Константиновичъ. Услыхавъ о замыслахъ Васильевыхъ, Борисъ созвалъ къ себѣ бояръ своихъ и сталъ говорить имъ со слезами: „Господа и братья, бояре и друзья мои! вспомните свое крестное цѣлованіе, вспомните, какъ вы клялись мнѣ!“ Старшимъ бояриномъ у него былъ Василій Румянецъ, который и отвѣчалъ князю: „Не печалься, господинъ князь! всѣ мы тебѣ вѣрны, и готовы головы свои сложить за тебя и кровь пролить“. Такъ онъ говорилъ своему князю, а между тѣмъ пересылался съ Василіемъ Димитріевичемъ, обѣщаясь выдать ему Бориса. Василій на возвратномъ пути изъ Орды, доѣхавши до Коломны, отправилъ оттуда въ Нижній Тохтамышева посла съ своими боярами. Борисъ сначала не хотѣлъ пускать ихъ въ городъ, но Румянецъ сталъ говорить ему: „Господинъ князь, посолъ ханскій и бояре московскіе идутъ сюда за тѣмъ, чтобъ миръ подкрѣпить и любовь утвердить вѣчную, а ты самъ хочешь поднять брань и рать; впусти ихъ въ городъ; что они могутъ тебѣ сдѣлать? мы всѣ съ тобою“ Но только-что посолъ и бояре въѣхали въ городъ, какъ велѣли звонить въ колокола, собрали народъ и объявили ему, что Нижній принадлежитъ уже князю Московскому. Борисъ, услыхавъ объ этой новости, послалъ за боярами и сталъ говорить имъ: „Господа мои и братья, милая дружина! вспомните крестное цѣлованіе, не выдайте меня врагамъ моимъ“. На это отвѣчалъ ему тотъ же Румянецъ: „Господинъ князь! не надѣйся на насъ, мы уже теперь не твои, и не съ тобою, а на тебя“. Борисъ былъ схваченъ. Немного спустя пріѣхалъ въ Нижній Василій Димитріевичъ, посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ, а князя Бориса съ женою, дѣтьми и доброхотами велѣлъ развести въ оковахъ по разнымъ городамъ и держать за крѣпкою стражею. По тому же ярлыку, кромѣ Нижняго, Василій пріобрѣталъ Городецъ, Муромъ, Мещеру, Торусу [2]).

Но у Бориса Нижегородскаго оставалось двое племянниковъ — Василій и Семенъ Димитріевичи, родные дядья по матери Московскому князю; какъ видно, они оставались княжить въ Суздальской волости, обхваченной теперь со всѣхъ сторонъ московскими владѣніями, или, по крайней мѣрѣ, оставались жить въ Суздалѣ; но, въ 1394 году, тот-

---

[1]) Никон. IV. 239: «И умзди князей царевыхъ, чтобъ печаловались о немъ царю Тахтамышу. Они же взяша много злато и сребро и великіе дары, такоже и царь Тахтамышъ взя многое злато и сребро и великіе дары».

[2]) Мещера была куплена еще Донскимъ; Торуса имѣла особыхъ князей. См. Собр. Гос. гр. и дог. 1, № 32.

часъ по смерти Бориса Константиновича, оба племянника его, вслѣдствіе притѣсненій отъ Московскаго князя, какъ шелъ слухъ, выбѣжали изъ Суздаля въ Орду добиваться ярлыковъ на отчину свою—Нижній, Суздаль и Городецъ. Московскій князь послалъ за ними погоню, но имъ удалось избѣжать ея и благополучно достигнуть Орды. Въ 1399 году князь Семенъ Димитріевичъ вмѣстѣ съ какимъ-то татарскимъ царевичемъ Ейтякомъ, у котораго было 1,000 человѣкъ войска, подступилъ къ Нижнему-Новгороду, гдѣ затворились трое московскихъ воеводъ; три дня бились Татары подъ городомъ, и много людей пало отъ стрѣлъ; наконецъ Нижегородцы сдали городъ, взявши съ Татаръ клятву, что они не будутъ ни грабить христіянъ, ни брать въ плѣнъ. Но Татары нарушили клятву, ограбили всѣхъ Русскихъ до-нага, а князь Семенъ говорилъ: „Не я обманулъ, а Татары, я въ нихъ не воленъ, я съ ними ничего не могу сдѣлать". Двѣ недѣли пробыли Татары въ Нижнемъ съ Семеномъ, но потомъ, услыхавши, что Московскій князь собирается на нихъ войскомъ, убѣжали въ Орду. Василій Димитріевичъ послалъ большую рать съ братомъ своимъ княземъ Юріемъ, воеводами и старшими боярами; они вошли въ Болгарію, взяли города Болгары, Жукотинъ, Казань, Кременчукъ, въ три мѣсяца повоевали всю землю и возвратились домой съ большою добычею.

Послѣ этого Семенъ крылся все въ татарскихъ мѣстахъ, не отказываясь отъ надежды возвратить себѣ родовое владѣніе. Это заставило Московскаго князя, въ 1401 году, послать двоихъ воеводъ своихъ, Ивана Уду и Ѳедора Глѣбовича, искать князя Семена, жену, дѣтей, бояръ его. Въ Землѣ Мордовской отыскали они жену Семенову, княгиню Александру, на мѣстѣ, называемомъ Цыбирца, у Св. Николы, гдѣ бусурманинъ Хазибаба поставилъ церковь [1]). Княгиню ограбили и привели вмѣстѣ съ дѣтьми въ Москву, гдѣ она сидѣла на дворѣ Белеутовѣ до тѣхъ поръ, пока мужъ ея не прислалъ къ великому князю съ челобитьемъ и покорился ему. Василій, быть можетъ по увѣщанію Св. Кирилла Бѣлозерскаго, далъ ему опасную грамоту, получивши которую Семенъ пріѣхалъ въ Москву, заключилъ миръ съ великимъ княземъ, взялъ семейство и больной отправился въ Вятку, издавна зависѣвшую отъ Суздальскаго княжества: здѣсь онъ черезъ пять мѣсяцевъ умеръ. Этотъ князь, говоритъ лѣтописецъ, испыталъ много напастей, претерпѣлъ много истомы въ Ордѣ и на Руси, все добиваясь своей отчины; восемь лѣтъ не зналъ онъ покоя, служилъ въ Ордѣ четыремъ ханамъ, все поднимая рать на великаго князя Московскаго; не имѣлъ онъ своего пристанища, не зналъ покоя ногамъ своимъ — и все понапрасну. Братъ Семеновъ, Василій, какъ видно, также помирился съ великимъ княземъ Московскимъ, потому что подъ 1403 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти его, случившейся въ Городцѣ, и въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ онъ называется прямо княземъ Городецкимъ; но Василій не могъ оставить Городца сыну своему Ивану, котораго мы видимъ послѣ въ изгнаніи, а Городецъ—въ числѣ московскихъ владѣній.

Неизвѣстно, какимъ образомъ освободились сыновья Бориса Константиновича — Иванъ и Даніилъ. Имѣемъ впрочемъ право отнести къ Ивану Борисовичу слѣдующее мѣсто въ договорной грамотѣ великаго князя съ дядею своимъ Владиміромъ Андреевичемъ; уступая дядѣ Городецъ съ волостями, великій князь говоритъ: „А чѣмъ я пожаловалъ князя Ивана Борисовича, въ то князю Владиміру и его дѣтямъ не вступаться". Но въ 1411 году встрѣчаемъ уже извѣстіе о боѣ между сыновьями Борисовыми и княземъ Петромъ Димитріевичемъ на Лысковѣ [2]): изгнанники съ союзниками своими, князьями болгарскими и Жукотинскимъ, остались побѣдителями. Въ томъ же году, князь Даніилъ Борисовичъ, призвавши къ себѣ какого-то татарскаго царевича Талыча, послалъ вмѣстѣ съ нимъ ко Владиміру тайно лѣсомъ боярина своего Семена Карамышева. Татары и дружина Даніилова подкрались къ городу въ полдень, когда всѣ жители спали, захватили городское стадо, взяли посады и пожгли ихъ, людей побили множество. Въ соборной Богородичной церкви затворился ключарь, священникъ Патрикій, родомъ грекъ; онъ забралъ, сколько могъ, сосудовъ церковныхъ и другихъ вещей, снесъ все это въ церковь, посадилъ тамъ нѣсколько людей, заперъ ихъ, сошелъ внизъ, отбросилъ лѣстницы и сталъ молиться со слезами предъ образомъ Богородицы. И вотъ Татары прискакали къ церкви, кричатъ порусски, чтобъ имъ ее отперли; — ключарь стоитъ неподвижно передъ образомъ и молится; Татары отбили двери, вошли, ободрали икону Богородицы и другіе образа, ограбили всю церковь, а Патрикія схватили и стали пытать: гдѣ остальная казна церковная и гдѣ люди, которые были съ нимъ вмѣстѣ? Ставили его на огненную сковороду, втыкали щепы за ногти, драли кожу,— Патрикій не сказалъ ни слова; тогда привязали его за ноги къ лошадиному хвосту, и такимъ образомъ умертвили. Весь городъ послѣ того былъ пожженъ и пограбленъ, жителей повели въ плѣнъ; всей добычи Татары не могли взять съ собою, такъ складывали въ копны и жгли, а деньги дѣлили мѣрками; колокола растопились отъ пожару, городъ и окрестности наполнились трупами. Въ 1412 году Борисовичи успѣли выхлопотать себѣ въ Ордѣ ярлыки на отчину свою; но одинъ ярлыкъ давно уже потерялъ значеніе на Руси, и въ 1416 году пріѣхали въ Москву нижегородскіе князья Иванъ Васильевичъ, внукъ Димитрія, и Борисовичъ Иванъ, а сынъ послѣдняго — Иванъ — пріѣхалъ еще за два года

[1]) Арцыбашевъ догадывается, что Цыбирца можетъ быть испорченное Симбирскъ; но въ такомъ случаѣ не скорѣе ли Цывильскъ.—См. Акты истор. I, № 12.

[2]) Село Нижегородской губерніи, Макарьевскаго уѣзда.

передъ тѣмъ; въ слѣдующемъ году явился и князь Даніилъ Борисовичъ, но въ 1418 году убѣжалъ отсюда опять вмѣстѣ съ братомъ Иваномъ. Дальнѣйшихъ лѣтописныхъ извѣстій о судьбѣ князей суздальскихъ не встрѣчаемъ; но имѣемъ право заключать, что Суздальская волость оставалась за ними, потому что великій князь Василій въ завѣщаніи своемъ ни слова не говоритъ о Суздалѣ, отказывая сыну только два примысла свои—Нижній и Муромъ.

Утвержденіе новаго порядка вещей не обошлось безъ сопротивленій и въ самомъ родѣ князей московскихъ: въ первый же годъ княженія Василіева встрѣчаемъ извѣстіе о ссорѣ великаго князя съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ, который выѣхалъ изъ Москвы сперва въ свой наслѣдственный городъ Серпуховъ, а потомъ въ Новгородскую область, въ Торжокъ. Но въ началѣ слѣдующаго года находимъ уже извѣстіе о мирѣ между дядею и племянникомъ: Василій придалъ Владиміру къ его отчинѣ два города—Волокъ и Ржевъ. Договоръ дошелъ до насъ [1]): великій князь выговариваетъ себѣ право посылать дядю въ походъ, и тотъ долженъ садиться на коня безъ ослушанія. Слѣдующее условіе показываетъ сильную недовѣрчивость между родственниками: „Если я, говоритъ великій князь дядѣ, самъ сяду въ осадѣ въ городѣ (Москвѣ), а тебя пошлю изъ города, то ты долженъ оставить при мнѣ свою княгиню, своихъ дѣтей и своихъ бояръ: если же я тебя оставлю въ городѣ, а самъ поѣду прочь, то я оставлю при тебѣ свою мать, своихъ братьевъ младшихъ и бояръ". Предположеніе: „Если перемѣнитъ Богъ Орду"—находится въ договорѣ; видно также, что при заключеніи договора Василій уже имѣлъ намѣреніе примыслить Муромъ или Торусу и другія мѣста: „Найду я себѣ Муромъ, или Торусу, или другія мѣста, то ты (князь Владиміръ) не участвуешь въ издержкахъ, которыя я понесу при этомъ; если же тебѣ Богъ дастъ какія другія мѣста, кромѣ Мурома и Торусы, то мы (великій князь съ братьями) не участвуемъ въ твоихъ издержкахъ". Потомъ заключенъ былъ второй договоръ [2]) съ Владиміромъ, по которому онъ уступилъ великому князю Волокъ и Ржевъ, и взялъ вмѣсто нихъ Городецъ, Угличъ, Козельскъ и нѣкоторыя другія мѣста. Владиміръ обязался не вступаться въ примыслы великаго князя—Нижній-Новгородъ, Муромъ, Мещеру и ни въ какія другія мѣста татарскія и мордовскія, которыя были за дѣдомъ Васильевымъ, Димитріемъ Константиновичемъ, и за нимъ самимъ. Владиміръ обязался, въ случаѣ смерти великаго князя, признать старшимъ, отцомъ, сына его, а своего внука, Ивана; здѣсь впрочемъ выговорена небольшая перемѣна въ отношеніяхъ: „Если, господинъ! (говоритъ Владиміръ) будетъ сынъ твой на твоемъ мѣстѣ, и сядетъ сынъ твой на коня, то и мнѣ съ нимъ вмѣстѣ садиться на коня; если же сынъ твой не сядетъ на коня, то и мнѣ не садиться, а пошлетъ дѣтей моихъ, то имъ сѣсть на коня безъ ослушанья". Въ 1410 году умеръ князь Владиміръ Андреевичъ. Въ завѣщаніи [3]) онъ раздѣлилъ свою волость на пять частей по числу сыновей своихъ, которыхъ, вмѣстѣ съ княгинею своею и боярами, приказалъ великому князю Василію, съ просьбою печаловаться о нихъ; споры между сыновьями рѣшаетъ княгиня-мать ихъ, и великій князь долженъ привести въ исполненіе приговоръ ея, причемъ завѣщатель прибавляетъ: „А вотчинѣ бы ихъ и удѣламъ было безъ убытку". Въ случаѣ смерти одного изъ сыновей, завѣщатель распорядился такъ „Если не будетъ у него сына, и останется дочь, то всѣ дѣти мои брата своего дочь выдадутъ за мужъ, а брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну".

До насъ дошли также договорныя грамоты Василія Димитріевича съ родными его братьями [4]). Въ нихъ нѣтъ отмѣнъ противъ прежнихъ подобнаго же рода грамотъ. Для объясненія послѣдующихъ событій нужно замѣтить, что князья—Андрей и Петръ Димитріевичи—обязываются, въ случаѣ смерти Василія, блюсти великое княженіе и подъ сыномъ его, тогда какъ въ договорной грамотѣ Юрія этого условія не находится. Подобно Юрію, и самый младшій братъ великокняжескій, Константинъ, не хотѣлъ сначала отказаться отъ правъ своихъ въ пользу племянника. Мы видѣли, что Константинъ родился незадолго до смерти отца, такъ что ему въ духовной Донскаго не было назначено никакого удѣла, и Василій Димитріевичъ въ первомъ завѣщаніи своемъ, распорядившись на счетъ роднаго сына, говоритъ: „А брата своего и сына, князя Константина, благословляю, даю ему въ удѣлъ Тошню да Устюжну, по душевной грамотѣ отца нашего, великаго князя". Но когда Василій, въ 1419 году, потребовалъ отъ братьевъ, чтобы они отреклись отъ правъ своихъ на старшинство въ пользу племянника, то Константинъ оказалъ явное сопротивленіе: „Этого отъ начала никогда не бывало," говорилъ молодой князь. Василій разсердился, отнялъ у него удѣлъ, и Константинъ ушелъ въ Новгородъ, убѣжище всѣхъ недовольныхъ князей; однако скоро онъ уступилъ требованіямъ старшаго брата и возвратился въ Москву.

Съ Новгородомъ Великимъ началась у Московскаго князя вражда въ 1393 году. Давно уже Новгородцы однимъ изъ главныхъ условій своихъ съ великими князьями ставили, чтобъ не звать ихъ къ суду въ низовые города; въ 1385 году они вздумали пріобрѣсть то же право и въ отношеніи къ суду церковному; посадникъ и тысяцкій созвали вѣче, гдѣ всѣ укрѣпились крестнымъ цѣлованіемъ не ходить въ Москву на судъ къ митрополиту, а

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 35.
[2]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 38.
[3]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 40.
[4]) Собр. Гос. гр. и дог. I, № 37; Акты Арх. Эксп. I, № 10.

судиться у своихъ владыкъ по закону греческому; написали объ этомъ и утвержденную грамоту. Когда, въ 1391 году, митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ, то цѣлыя двѣ недѣли уговаривалъ гражданъ разодрать эту грамоту. Новгородцы отвѣчали одними устами: „Цѣловали мы крестъ за-одно, грамоты пописали и попечатали и души свои запечатали“. Митрополитъ говорилъ имъ на это: „Цѣлованье крестное съ васъ снимаю, у грамотъ печати порву, а васъ благословляю и прощаю, только мнѣ судъ дайте, какъ было при прежнихъ митрополитахъ“. Новгородцы не послушались, и Кипріанъ поѣхалъ отъ нихъ съ большимъ гнѣвомъ. Московскій князь, хорошо зная, что зависѣть отъ митрополита значило зависѣть отъ Москвы, не хотѣлъ позволить Новгородцамъ отложиться отъ суда митрополичьяго; примысливши Нижній-Новгородъ, онъ послалъ сказать гражданамъ Великаго, чтобъ дали ему черный боръ, заплатили всѣ княжескія пошлины (княжчины) и чтобъ отослали грамоту о судѣ къ митрополиту, который снимаетъ съ нихъ грѣхъ клятвопреступленія. Новгородцы не согласились, и великій князь отправилъ дядю своего Владиміра Андреевича и брата Юрія съ войскомъ къ Торжку. Новоторжцы побѣжали съ женами и дѣтьми въ Новгородъ и другія мѣста, и много народу изъ Новгородскихъ волостей сбѣжалось съ домочадцами своими въ Новгородъ. Князь Владиміръ и Юрій сѣли въ Торжкѣ, а рать распустили воевать новгородскія волости; взяты были Волокъ Ламскій и Вологда. Остальные жители Торжка возмутились-было и умертвили великокняжескаго боярина Максима; но Василій послалъ перехватать убійцъ, которые были привезены въ Москву и казнены различными муками. Между тѣмъ новгородская охочая рать, съ двумя князьями (Романомъ Литовскимъ и Константиномъ Бѣлозерскимъ) и пятью своими воеводами, начала воевать великокняжескія волости, взяла Кличенъ городокъ и Устюжну, а изъ Заволочья Новгородцы съ Двинянами взяли Устюгъ. Много было кровопролитія съ обѣихъ сторонъ, и Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не желая видѣть большаго кровопролитія между христіанами, отправили пословъ къ великому князю съ челобитіемъ о старинѣ, а къ митрополиту отослали грамоту цѣловальную; митрополитъ отвѣчалъ: „Я грамоту цѣловальную беру, грѣхъ съ васъ снимаю и благословляю васъ“. Великій князь также принялъ новгородское челобитье и взялъ миръ по старинѣ. Новгородцы дали князю черный боръ по своимъ волостямъ, заплатили 350 рублей князю и митрополиту за то, что послѣдній благословилъ ихъ владыку и весь Новгородъ; тѣ, за которыми были княжчины, поклялись ихъ не утаивать [1]).

Три года прошло мирно: въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ пріѣхалъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ посломъ патріаршимъ и запросилъ суда; Новгородцы суда ему не дали и, несмотря на то, при отъѣздѣ, онъ благословилъ владыку Ивана и весь Великій Новгородъ. Но въ 1397 году великій князь вдругъ послалъ за Волокъ на Двину бояръ своихъ, приказавши объявить всей Двинской свободѣ (колоніи): „Что-бъ вамъ задаться за великаго князя, а отъ Новгорода бы отняться? Князь великій хочетъ васъ отъ Новгорода оборонять, хочетъ стоять за васъ“. Въ дошедшихъ до насъ лѣтописяхъ выставлена одна причина такого поступка великокняжескаго: Василій Димитріевичъ вмѣстѣ съ Витовтомъ Литовскимъ отправили пословъ своихъ къ Новгородцамъ съ требованіемъ разорвать миръ съ Нѣмцами; Новгородцы не послушались князей и дали такой отвѣтъ въ Москву: „Князь Василій! Съ тобою у насъ миръ, съ Витовтомъ другой, съ Нѣмцами третій!“ Но есть очень вѣроятное извѣстіе, что великій князь рѣшился захватить Заволоцкую свободу, узнавши о сношеніяхъ Новгородцевъ съ Витовтомъ Литовскимъ, который склонялъ ихъ поддаться ему [2]). Какъ бы то ни было, бояре двинскіе и всѣ Двиняне задались за великаго князя и цѣловали ему крестъ; но Василій не удовольствовался этимъ, послалъ войско захватить Волокъ Ламскій, Торжокъ, Бѣжецкій Верхъ, Вологду, послѣ чего сложилъ съ себя крестное цѣлованіе къ Новгороду и крестную грамоту скинулъ. Новгородцы сдѣлали то же самое, но хотѣли кончить дѣло миромъ, и когда митрополитъ прислалъ ко владыкѣ, чтобъ тотъ ѣхалъ въ Москву по святительскимъ дѣламъ, то вмѣстѣ съ архіепископомъ Новгородцы отправили къ великому князю пословъ своихъ: владыка подалъ великому князю благословеніе и доброе слово, а послы челобитье отъ Новгорода; владыка говорилъ Василію: „Что-бъ тебѣ, господинъ сынъ, князь великій, мое благословеніе и доброе слово и новгородское челобитье принять, отъ Новгорода отъ своихъ мужей вольныхъ нелюбье отложить, принять ихъ въ старину; чтобы при твоемъ, сынъ, княженіи другого кровопролитія между христіанами не было; а что ты, сынъ князь великій, на крестномъ цѣлованіи отнялъ у Новгорода Заволочье, Торжокъ, Волокъ, Вологду, Бѣжецкій Верхъ, того, князь великій, отступись, пусть пойдетъ то къ Новгороду по старинѣ, и общій судъ на порубежьи отложи, потому что это

---

[1]) По Никонов. лѣтоп. (IV, 253), Новгородцы заплатили 350 рублей митрополичьему послу за то, что привезъ имъ благословеніе, а потомъ послали митрополиту еще 600 рублей. Въ Новгор. IV-й (П. С. Р. Л. IV, 100) подъ 1394 г.: «а отъ митрополита Кипріана боярянъ Дмитрокъ пріѣхалъ прошать сребра получетверстаста рублевъ, что ѣздилъ Кюръ Созоновъ да Василай Щечкинъ въ Царьградъ къ Патріарху посломъ отъ Новагорода о благословеніи, и скопилъ долгу, а Новгородцы даша Дмитроку то сребро». Архангел., стр. 114: «И послаша Новгородцы и владыка Іоаннъ въ Ростовъ къ Ѳедору архіепископу Ростовскому, чтобъ ѣхалъ къ Москвѣ да билъ челомъ в. к. Вас. Дм. о миру. А митрополиту послаша грамоту цѣловалную... и арх. Ѳедоръ в. к. челомъ и даша Новгородцы в. князю 10,000 рублей, а владыка далъ в. князю 1,000 рублей».

[2]) Татищ. IV, 388. Что подобныя сношенія съ Витовтомъ дѣйствительно были, о томъ прямо говоритъ Новгородская лѣтопись. См. ниже.

не старина". Но великій князь не принялъ ни благословенія, ни добраго слова отъ владыки, ни челобитья отъ пословъ новгородскихъ, и мира не взялъ.

Тогда, на слѣдующій (1398) годъ, весною, Новгородцы сказали своему господину владыкѣ, отцу Іоанну: „Не можемъ, господинъ отецъ, терпѣть такого насилія отъ своего князя великаго, Василія Димитріевича, что отнялъ у насъ, у Св. Софіи и у Великаго Новгорода пригороды и волости, нашу отчину и дѣдину, хотимъ поискать ихъ";— и цѣловали крестъ всѣ за одинъ братъ, что отыскивать имъ пригородовъ и волостей Св. Софіи и Великаго Новгорода, сказали: „Или найдемъ свою отчину, или головы свои положимъ за Св. Софію и за своего господина, за Великій Новгородъ". Владыка Іоаннъ благословилъ своихъ дѣтей — и Новгородцы съ тремя воеводами отправились за Волокъ, на Двину, къ городку Орлецу. На дорогѣ встрѣтилъ ихъ Вельскій волостель Владыкинъ, Исаія, и сказалъ: „Господа воеводы новгородскіе! наѣхалъ князя великаго бояринъ Андрей съ Двинянами на Софійскую волость Вель, въ самый великъ день, волость Св. Софіи повоевали, а на головахъ окупъ взяли; отъ великаго князя пріѣхалъ въ засаду, на Двину, князь Ѳеодоръ Ростовской городокъ беречь, судить и пошлины брать съ новгородскихъ волостей, а двинскіе воеводы, Иванъ да Кононъ, съ своими друзьями, волости новгородскія и бояръ новгородскихъ подѣлили себѣ на части". Услыхавши объ этомъ, новгородскіе воеводы сказали другъ другу: „Братья! если такъ вздумалъ господинъ нашъ князь великій съ клятвопреступниками двинскими воеводами, то лучше намъ умереть за Св. Софію, чѣмъ быть въ обидѣ отъ своего великаго князя",—и пошли на великокняжескія волости, на Бѣлоозеро, взяли ихъ на щитъ, повоевали и пожгли; старый городокъ бѣлозерскій пожгли, а изъ новаго вышли князья бѣлозерскіе съ великокняжескими воеводами и добили челомъ воеводамъ новгородскимъ и всему войску, заплативши 60 рублей окупа. Новгородцы захватили и Кубенскія волости, воевали около Вологды, взяли и сожгли Устюгъ, гдѣ оставались четыре недѣли, отсюда двое воеводъ съ дѣтьми боярскими ходили къ Галичу, и только одного дня не дошли до него. Добычу взяли Новгородцы страшную; плѣнниковъ отпустили на окупъ, потому что уже ладьи не подымали, и многое принуждены были бросить. Съ Устюга, Двиною, пошли Новгородцы къ городку Орлецу, стояли подъ нимъ четыре недѣли; но когда начали бить пороками, то Двиняне вышли изъ городка съ плачемъ, и воеводы, по новгородскому слову, приняли ихъ челобитье, схватили только воеводъ заволоцкихъ, которые водили Двинскую Землю на зло, по словамъ лѣтописца; однихъ казнили смертію, другихъ сковали, у князя Ѳеодора Ростовскаго взяли присудъ и пошлины, которые онъ побралъ, а самого съ товарищами оставили въ живыхъ; у гостей великокняжескихъ взяли окупа 300 рублей; у Двинянъ, за ихъ вину, взяли 2,000 рублей, да 3,000 лошадей. Съ торжествомъ возвратилось новгородское войско домой, изъ 3,000 человѣкъ потерявши только одного. Плѣнный воевода заволоцкій, Иванъ Никитинъ, какъ главный перевѣтникъ, скинутъ былъ съ моста; братья его Герасимъ и Родіонъ выпросили себѣ у Великаго Новгорода жизнь, съ условіемъ постричься въ монахи; четвертый, Анфалъ, убѣжалъ съ дороги; за нимъ погнался Яковъ Прокофьевъ съ 700 человѣкъ и пригналъ къ Устюгу, гдѣ въ то время былъ Ростовскій архіепископъ Григорій и князь Юрій Андреевичъ; Яковъ спросилъ владыку Григорія, князя Юрія и Устюжанъ: „Стоите ли за бѣглеца новгородскаго Анфала?" Тѣ отвѣчали, что не стоятъ. Тогда Яковъ пошелъ дальше за Анфаломъ и настигъ его за Медвѣжьею горою, гдѣ бѣглецъ съ товарищами своими устроилъ себѣ острогъ и бился изъ-за него съ Новгородцами; Устюжане обманули Якова, и, въ числѣ 2,000 человѣкъ, пришли на помощь къ Анфалу, и бились съ Новгородцами крѣпко на рѣкѣ Сухонѣ, у порога Стрѣльнаго; Яковъ побѣдилъ, убилъ 400 человѣкъ Устюжанъ и дружины Анфаловой, перетопилъ другихъ въ Сухонѣ, но самъ Анфалъ убѣжалъ въ Устюгъ. Это было уже въ 1399 году, но еще въ предыдущемъ 1398 Новгородцы, несмотря на свои успѣхи, отправили къ великому князю архимандрита, посадника, тысяцкаго и двоихъ житыхъ людей со вторичною просьбою о мирѣ, и получили его на старинныхъ условіяхъ [1]).

Но въ Москвѣ не могли забыть неудачи относительно Заволоцкаго края, не могли забыть и того, что владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ на войну съ великимъ княземъ. Въ 1401 году владыка

---

[1]) Любопытенъ разсказъ Архангел. лѣтописи (стр. 116): «И пришедше на Устюгъ (Новгородцы) въ соймахъ, и повоеваша, посады пожгоша, и волости многія повоеваша, а города Гледѣна не могоша взяти и стояша подъ городомъ три недѣли... а у Устюжанъ съ города и съ церквей копейщины просиша и они имъ не дали. И воеводы новгородскія на Устюжанъ разгнѣвашася, да и церковь соборную Пречистыя пограбиша, а иконы чудотворныя Одигитріе взяша въ полонъ, а иные многи, и несше въ насадъ поставиша, и насадъ отъ берегу не пойде. Единъ Ляпунъ старъ вскочи въ насадъ, и связа икону убрусомъ, и глагола тако: Никой половянинъ не связанъ на чужую землю нейдетъ. И поидоша прочь, а церковь соборную зажгоша... И бысть на нихъ гнѣвъ Божій и пречистые его Матери, и бысть на нихъ на пути коркота, начало имъ корчити руки и ноги, хребты имъ ломати, и мало ихъ пріидоша здоровыхъ въ Новгородъ, и тамъ на нихъ слѣпота бысть.... Владыка же повелѣ имъ, обѣщався поставити церковь соборную на Устюзѣ, и чудотворныя иконы отвезти со всею крутою и съ полономъ назадъ. И сотвориша обѣтъ, иконы поставиша во св. Софѣи, и пѣвше молебны. И бысть имъ милость отъ Бога. Въ лѣто 6907, владыка Иванъ и Новгородцы послаша мастеровъ церковныхъ на Устюгъ, и съ ними гостей своихъ, людей добрыхъ, и проводи владыка и весь Новгородъ иконы чудотворныя до Ладоги; а гости многія проводиша до Устюга. И поставиша церковь на Устюзѣ древяну велику единаго лѣта, соборную Успеніе Пресвятыя Богородицы».

былъ позванъ къ митрополиту Кипріану въ Москву для святительскихъ дѣлъ, но былъ задержанъ тамъ, и пробылъ въ наказаніи и смиреніи слишкомъ три года. Въ то же время на Двинѣ возобновлена была прежняя попытка; извѣстный намъ Анфалъ Никитичъ съ братомъ Герасимомъ, которому удалось выбѣжать изъ новгородскаго монастыря [1]), съ полками великокняжескими явились нежданно въ Двинской Землѣ и взяли ее всю на щитъ, жителей посѣкли и повѣшали, имѣніе ихъ забрали, захватили и посадниковъ двинскихъ; но трое изъ нихъ, собравши Вожанъ, нагнали Анфала и Герасима, бились съ ними на Холмогорахъ, и отняли у нихъ бояръ новгородскихъ. Въ то же время великій князь послалъ двоихъ бояръ своихъ съ 300 человѣкъ въ Торжокъ, гдѣ они захватили двоихъ бояръ новгородскихъ и взяли имѣніе ихъ, хранившееся въ церкви. Какъ шли дѣла дальше—неизвѣстно; въ 1402 году великій князь отпустилъ бояръ новгородскихъ, захваченныхъ въ Торжкѣ, а въ 1404 отпущенъ былъ и владыко Іоаннъ [2]). Потомъ подъ 1406 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о пріѣздѣ въ Новгородъ князя Петра, брата великокняжескаго; въ 1408 году великій князь послалъ намѣстникомъ въ Новгородъ брата своего, Константина, чего уже давно не бывало. Анфалъ Никитичъ не безпокоилъ болѣе владѣній новгородскихъ; въ 1409 году онъ пошелъ съ Вятчанами Камою и Волгою на городъ Болгары, но былъ разбитъ Татарами и отведенъ въ Орду; избавившись отъ плѣна, онъ явился опять въ Вятку, но былъ здѣсь убитъ другимъ новгородскимъ бѣглецомъ Разсохинымъ; въ 1418 году этотъ Разсохинъ шелъ по слѣдамъ Анфала относительно Новгорода; въ 1417 году изъ Вятки, изъ отчины великаго князя, какъ выражается Новгородскій лѣтописецъ, бояринъ князя Юрія Димитріевича, Глѣбъ Семеновичъ съ новгородскими бѣглецами — Жадовскимъ и Разсохинымъ, съ Устюжанами и Вятчанами, наѣхали въ насадахъ, безъ вѣсти, на Заволоцкую Землю и повоевали волости Борокъ, Емцу [3]) и Холмогоры, захватили и двоихъ бояръ новгородскихъ. Но четверо другихъ бояръ новгородскихъ нагнали Глѣба Семеновича и отбили свою братью со всѣми другими плѣнниками и добычею, послѣ чего четверо воеводъ новгородскихъ пошли съ Заволочанами въ погоню за разбойниками и пограбили Устюгъ [4]). Это было послѣднее враждебное столкновеніе Москвы съ Новгородомъ въ княженіе Василія Димитріевича, который первый ясно показалъ намѣреніе примыслить къ Москвѣ Заволоцкія владѣнія. Овладѣвши Нижнимъ-Новгородомъ съ помощію тамошнихъ бояръ, великій князь попытался сдѣлать то же самое и въ Двинской области; первая попытка была неудачна; но Московскій князь, вѣрный преданіямъ своего рода, не теряетъ надежды на успѣхъ, повторяетъ попытку, не упускаетъ изъ виду разъ намѣченной цѣли. Почетный пріемъ, оказанный Новгородцами въ 1419 году князю Константину Димитріевичу, поссорившемуся со старшимъ братомъ, какъ видно, не имѣлъ непріятныхъ слѣдствій для Новгорода [5]).

---

[1]) И потому онъ называется въ лѣтописи разстригою.

[2]) Никон. IV, 300: «Иванъ владыка архіепископъ Новгородскій пріиде изъ Новагорода на Москву къ Кипріану митрополиту, позванъ о святительскихъ дѣлахъ, и пребысть у Кипріана митрополита въ наказаніи и смиреніи. Того же лѣта бысть соборъ на Москвѣ... отписася архіепископъ Иванъ Новгородцкій свое епископьи».— Архангел. (121): «Пріѣха владыка Иванъ Новгородскій на Москву бити челомъ в. князю о Торжку, и Кипріанъ, по в. князя слову, владыку поймалъ, да посадилъ въ Чудовскомъ монастырѣ, за мѣсячной судъ, что не дали».— Татищ. IV. 404: «В. князь Василій, увѣдавъ, яко Новгородцевъ владыка Іоаннъ на нихъ зло поучаетъ и въ волости Заволоцкой ропта возстаетъ, рекъ митрополиту Кипріану: «отче! не добрѣ творитъ владыка Іоаннъ съ Новгородцы: посылая на Волокѣ дани емлютъ и людей отчины моея пужаютъ и сольщаютъ къ себѣ; а вы поставлены къ миру и любве учити, мнѣ же имѣніе собирати и возноситися. И митрополитъ вскорѣ посла въ Новгородъ стольника своего Новосильца, повели ему развѣдати добрѣ и владыку звати о святительскихъ дѣлахъ».

[3]) Ниже устья рѣки Ямцы 50 верстъ градъ Колмогоры; есть и село Емецкое.—Арцыб. II, прим. 699.

[4]) Арханг. лѣтоп. прямо говоритъ, что в. князь велѣлъ брату своему Юрію воевать Двинскую землю.

[5]) Мы видѣли, что въ 1388 году свергнутъ былъ посадникъ Осипъ Захаровичъ и на его мѣсто возведенъ Василій Ивановичъ; подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ имена старыхъ посадниковъ—Василія Ѳедоровича, Богдана Обакумовича, Ѳедора Тимоѳеевича; подъ слѣдующимъ годомъ упоминается о смерти двоихъ посадниковъ—Василія Ѳедоровича и Михаила Даниловича; но неизвѣстно, какъ лишился своей должности Василій Ивановичъ, и когда возведенъ опять въ степенные посадники свергнутый прежде Осипъ Захаровичъ; а въ 1394 году прямо говорится о вторичномъ сверженіи Осипа Захаровича и возведеніи на его мѣсто одного изъ старыхъ посадниковъ, Богдана Обакумовича. Подъ 1397 годомъ видимъ въ посадникахъ уже Тимоѳея Юрьевича, вѣроятно сына прежняго посадника Юрія Ивановича. Этотъ-то Тимоѳей Юрьевичъ, вмѣстѣ съ старымъ посадникомъ Юрьемъ Дмитріевичемъ и другимъ бояриномъ, Василіемъ Борисовичемъ, возвратилъ Новгороду заволоцкія его владѣнія, захваченныя Московскимъ княземъ, посломъ къ которому, для заключенія мира, отправлялся старый посадникъ Осипъ Захаровичъ. Въ 1404 году степеннымъ посадникомъ былъ Александръ Ѳоминичъ. Подъ 1405 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о смерти посадника Василія Ивановича, возведеннаго, какъ мы видѣли, въ 1388 году; но умеръ ли онъ снова степеннымъ посадникомъ, или только старымъ—неизвѣстно. Въ 1409 г. умерли двое извѣстныхъ намъ посадниковъ—Тимоѳей Юрьевичъ и Осипъ Захаровичъ; въ слѣдующемъ году умеръ неизвѣстный намъ посадникъ Кириллъ Адріановичъ; степеннымъ же въ то время былъ Григорій Богдановичъ, какъ видно, сынъ стараго, Богдана Обакумовича. Подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ имена посадниковъ: Юрія Онцифоровича, Ѳомы Есиповича (вѣроятно сына Осипа Захаровича) и Александра Ѳомича. Подъ 1414 г., встрѣчаемъ извѣстіе о смерти неизвѣстнаго намъ посадника Кирилла Дмитріевича (который былъ тысяцкимъ въ 1404 году), подъ слѣдующимъ годомъ—Ѳеодосія Обакумовича, какъ видно, брата Богдана Обакумовича. Въ 1416 г. степеннымъ посадникомъ является Иванъ Богдановичъ, какъ видно, другой сынъ Богдана Обакумовича; въ 1417 г. Семенъ Васильевичъ; въ томъ же году умерли посадники: Юрій Онцифоровичъ, Иванъ Александровичъ, Борисъ Васильевичъ; въ 1418 году степеннымъ былъ Василій Осиповичъ, быть можетъ, сынъ Осипа Захаровича. Иванъ Богдановичъ умеръ въ 1419 году. Подъ 1420 встрѣчаемъ имя стараго посадника Аѳанасія Ѳедоровича; въ слѣдующій годъ умерли двое посадниковъ —Ѳедоръ Тимоѳеевичъ и Александръ Ѳоминичъ. Степеннымъ посадникомъ въ этомъ

Слѣды внутренняго раздѣленія въ Новгородѣ, раздѣленія между лучшими и меньшими людьми, опять обнаруживаются: въ 1418 году какой-то простолюдинъ Степанъ схватилъ боярина Даніила Ивановича и сталъ кричать прохожимъ: „Господа, помогите мнѣ управиться съ этимъ злодѣемъ"! Прохожіе кинулись на Даніила, поволокли его къ толпѣ, собравшейся на вѣчѣ, и стали бить; между прочимъ, выскочила изъ толпы какая-то женщина и начала бранить и бить его, какъ неистовая, крича, что онъ ее обидѣлъ; наконецъ полумертваго Даніила свели съ вѣча и сбросили съ моста; но одинъ рыбакъ, Личковъ сынъ, захотѣлъ ему добра и взялъ на свой челнъ; народъ разъярился на рыбака и разграбилъ его домъ, а самъ онъ успѣлъ скрыться. Дѣло этимъ не кончилось, потому что бояринъ Даніилъ хотѣлъ непремѣнно отомстить Степану; онъ схватилъ его и сталъ мучить. Когда разнеслась въ народѣ вѣсть, что Степанъ схваченъ, то зазвонили вѣче на дворѣ Ярославовомъ, собралось множество народа, и нѣсколько дней сряду кричали: „Пойдемъ на этого Даніила, разграбимъ его домъ!" Подняли доспѣхи, развернули знамя и пошли на Козмодемьянскую улицу, гдѣ разграбили домъ Даніиловъ и много другихъ домовъ, а на Яневой улицѣ пограбили берегъ. Тогда Козмодемьянцы, боясь, чтобъ не было съ ними чего хуже, рѣшились выпустить Степана, и, пришедши къ архіепископу, стали умолять его, чтобъ вступился въ дѣло и послалъ къ людскому собранію; святитель исполнилъ ихъ просьбу и послалъ священника козмодемьянскаго вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ, которые и освободили Степана. Но и этимъ дѣло не кончилось; народъ всталъ, какъ пьяный, на другого боярина, Ивана Іевлича, разграбилъ его домъ на Чудинцевой улицѣ и много другихъ домовъ боярскихъ; мало того,—разграбили и Никольскій монастырь на полѣ, говоря, что тутъ житницы боярскія; потомъ, въ то же утро, разграбили много дворовъ на Люгощѣ улицѣ, говоря, что тамъ живутъ ихъ супостаты; пришли-было и на Прусскую улицу, но жители ея отбились отъ грабителей, и это послужило поводомъ къ большему смятенію. Вѣчники прибѣжали на свою Торговую сторону и начали кричать, что Софійская сторона хочетъ на нихъ вооружиться и домы ихъ грабить; начали звонить по всему городу,—и вотъ съ обѣихъ сторонъ толпы повалили, какъ на рать, въ доспѣхахъ, на большой мостъ; стали уже и падать мертвые: одни отъ стрѣлъ, другіе—отъ лошадей; въ то же самое время страшная гроза разразилась надъ городомъ съ громомъ и молніею, дождемъ и градомъ; ужасъ напалъ на обѣ стороны, и многіе начали уже переносить имѣніе свое въ церкви. Тогда владыка Симеонъ пошелъ въ церковь Св. Софіи, облачился, велѣлъ взять крестъ и образъ Богородицы, и пошелъ на большой мостъ; за нимъ слѣдовали священники, причтъ церковный и толпа народу. Многіе добрые люди плакали, говоря: „Да укротитъ Господь народъ, молитвами господина нашего святителя"; другіе, припадая къ ногамъ владыки, съ плачемъ говорили: „Иди, святитель, благослови народъ, да утишитъ Господь твоимъ благословеніемъ усобную рать"; а иные прибавляли: „Пусть все зло падетъ на зачинщиковъ". Между тѣмъ крестный ходъ, не взирая на тѣсноту отъ вооруженныхъ людей, достигъ большаго моста; владыка сталъ посреди него и началъ благословлять крестомъ на обѣ стороны; тогда одни, видя крестъ, начали кланяться, другіе прослезились; отъ Софійской стороны пришелъ старый посадникъ Өедоръ Тимоөеевичъ съ другими посадниками и тысяцкими, и сталъ просить владыку, чтобъ установилъ народъ; владыка послалъ духовника своего, архимандрита Варлаама, и протодьякона на дворъ Ярославовъ къ Св. Николѣ, отнести благословеніе степенному посаднику Василью Осиповичу[1]), тысяцкому, всему народу, и сказать имъ, чтобъ расходились по домамъ. Тѣ отвѣчали: „Пусть святитель прикажетъ своей сторонѣ разойтись, а мы здѣсь своимъ, по его благословенію, приказываемъ то же самое",—и такимъ образомъ всѣ разошлись.

Мы видѣли, какъ дорого поплатились Новгородцы за своихъ ушкуйниковъ при Димитріи Донскомъ; это заставляло ихъ строго смотрѣть, чтобы шайки людей, обремененныхъ долгами, холопей, рабовъ не собирались въ ихъ волостяхъ и не отправлялись разбойничать на Волгу; это же повело и къ ссорѣ Новгорода со Псковомъ въ 1390 году. Пошли Новгородцы съ войскомъ ко Пскову подъ предводительствомъ князя Семена Олгердовича, и стали на Солцѣ [2]); но тутъ явились къ нимъ послы псковскіе и заключили миръ, съ обязательствомъ не вступаться за должниковъ, холопей и рабовъ, которые ходили на Волгу, но выдавать ихъ. Ушкуйничество впрочемъ не прекратилось; подъ слѣдующимъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородцы, Устюжане и другіе собрались и пошли въ насадахъ и ушкуяхъ рѣками Вяткою и Камою, взяли Жукотинъ, Казань, выплыли потомъ на Волгу и пограбили всѣхъ гостей. Не прекратилась и вражда Новгорода со Псковомъ; въ 1394 году Новгородцы пошли съ войскомъ ко Пскову, и стояли подъ нимъ 8 дней; былъ у нихъ бой со Псковичами, гдѣ они потерпѣли неудачу и принуждены были ночью бѣжать домой, побросавши свои стѣнобитныя орудія; вслѣдствіе этого-то неудачнаго похода свергнутъ былъ, какъ видно, посадникъ Осипъ Захаровичъ. Несмотря однако на свое торжество, Псковичи не хотѣли продолжать войны съ старшимъ братомъ и отправили пословъ въ Новгородъ: но на этотъ разъ

году былъ Андрей Ивановичъ; два конца – Неревскій и Славенскій—встали на этого Андрея за землю какого-то Клементія Артемьина: жители ихъ вооружились, пограбили дворъ посадника и другихъ бояръ, убили 20 человѣкъ помощниковъ Андреевыхъ, и, потерявши съ своей стороны двухъ человѣкъ, утихли.

[1]) Такъ въ Новгор. перв., въ четвертой же: Өеонаса Есифовича.

[2]) Посадъ Селца при рѣкѣ Шелони, въ Порховскомъ уѣздѣ.

послы возвратились безъ мира; черезъ два года явились въ Новгородъ новые знатные послы изъ Пскова и били челомъ владыкѣ Іоанну: „Чтобъ ты, господинъ, благословилъ дѣтей своихъ Великій Новгородъ, чтобъ господинъ нашъ Великій Новгородъ нелюбье намъ отдалъ, и принялъ бы насъ въ старину". Владыка благословилъ дѣтей своихъ: „Вы бы, дѣти, мое благословеніе приняли, Псковичамъ нелюбье отдали, и свою братью младшую приняли по старинѣ; потому что, дѣти, видите, уже послѣднее время приходитъ, надобно всѣмъ христіанамъ быть заодно". Новгородцы послушались и заключили миръ по старинѣ.

Но если послѣ этого не было войны между Новгородомъ и Псковомъ, за то не было и единодушнаго союза между ними, какого желалъ владыка; и послѣ Псковскій лѣтописецъ постоянно жалуется, что Новгородцы не помогаютъ Псковичамъ. Отношенія между старшимъ и младшимъ братомъ были таковы, что они не могли дѣйствовать за-одно; но этотъ недостатокъ единства между ними прокладывалъ московскимъ князьямъ путь къ усиленію своей власти, къ собранію Русской Земли. Дѣйствительно, по словамъ Новгородскаго владыки, приходило теперь послѣднее время, но послѣднее время для особаго существованія Новгорода, Пскова и другихъ русскихъ волостей. Угрожаемый Нѣмцами и Литвою, оставляемый безъ помощи Новгородомъ, Псковъ необходимо долженъ былъ обратиться къ сильному князю Московскому, который теперь имѣлъ возможность заняться его дѣлами, оборонить отчину Св. Ольги, и вотъ съ послѣдняго года XIV вѣка во Псковѣ происходитъ важная перемѣна: онъ начинаетъ принимать князей отъ руки великаго князя Московскаго. Такимъ образомъ, сынъ Донскаго примыслилъ богатыя волости на берегахъ Оки и Волги, утвердилъ свое вліяніе во Псковѣ, заставилъ Новгородцевъ держать свое княженіе честно и грозно, потому что грозилъ постоянно ихъ богатымъ колоніямъ заволоцкимъ. Рязань и Тверь, слабыя, волнуемыя усобицами, не могли и думать о борьбѣ съ Москвою, но все болѣе и болѣе подчинялись ея вліянію. Въ 1402 году великій князь Московскій Василій отъ имени всѣхъ родичей—дяди Владиміра Андреевича и троихъ родныхъ братьевъ, Юрія, Андрея и Петра—заключилъ договоръ съ великимъ княземъ Рязанскимъ, Өеодоромъ Ольговичемъ. Въ этомъ договорѣ Московскій князь дѣлитъ своихъ родичей на два разряда: братьевъ младшихъ (князь Владиміръ Андреевичъ и князь Юрій Димитріевичъ) и братьевъ меньшихъ (князь Андрей и Петръ Димитріевичи). Великій князь Рязанскій обязывается держать великаго князя Московскаго старшимъ братомъ, младшихъ его братьевъ равными себѣ братьями, меньшихъ братьевъ—младшими; обязывается не приставать къ Татарамъ; выговариваетъ себѣ право отправлять посла (киличея) въ Орду съ подарками, право принять у себя татарскаго посла съ честію для добра христіанскаго; но при этомъ обязывается давать знать въ Москву, если вздумаетъ послать киличея, равно какъ передавать въ Москву всѣ вѣсти ордынскія. „А отдалится отъ насъ Орда, тогда тебѣ съ нами учинить по думѣ", прибавляетъ великій князь Московскій. Не разъ было упомянуто о наслѣдственной враждѣ между великими князьями Рязанскимъ и Пронскимъ; Московскій князь ставитъ себя посредникомъ между ними и вноситъ въ договоръ слѣдующее условіе: „Съ княземъ великимъ Иваномъ Владиміровичемъ (Пронскимъ) взять любовь по прежнимъ грамотамъ; а если учинится между васъ какая обида, то вамъ послать бояръ своихъ для рѣшенія спора; если же они не рѣшатъ, то третій (судья) имъ митрополитъ; кого митрополитъ обвинитъ, тотъ и долженъ отдать обидное; а не отдастъ, то я, великій князь Василій Димитріевичъ, заставлю его исправиться". Московскій князь обязываетъ Рязанскаго помириться съ князьями Новосильскимъ и Торускимъ [1]) по прежнимъ грамотамъ, и жить съ ними безъ обиды, потому что тѣ князья одинъ человѣкъ съ Московскимъ. Если случится у этихъ князей споръ съ княземъ Рязанскимъ о землѣ или о водѣ, то рѣшаютъ его бояре, высланные съ обѣихъ сторонъ; если же бояре не уладятся, то избираютъ третьяго судью, приговоръ котораго приводится въ исполненіе княземъ Московскимъ. Если князь Литовскій Витовтъ захочетъ любви съ княземъ Рязанскимъ, то послѣдній можетъ взять съ нимъ любовь, но только по думѣ съ княземъ Московскимъ, какъ будетъ годно. Но, несмотря на посредничество Московскаго князя, вражда между князьями Рязанскимъ и Пронскимъ не стихла: въ 1408 году князь Иванъ Владиміровичъ Пронскій пришелъ нечаянно съ Татарами и выгналъ изъ Рязани князя Өедора Ольговича, который бѣжалъ за Оку. Московскій князь послалъ на помощь къ изгнанному воеводъ коломенскаго и муромскаго съ тамошними полками; на рѣкѣ Смядвѣ [2]) встрѣтились они съ Пронскимъ княземъ и были разбиты: коломенскій воевода былъ убитъ, муромскій—взятъ въ плѣнъ. Несмотря однако на эту побѣду, Пронскій князь уступилъ Рязань опять Өедору, вѣроятно вслѣдствіе угрозъ князя Московскаго.

Въ 1399 году умеръ Тверской князь Михаилъ, послѣдній опасный соперникъ Московскаго князя. Договорная грамота его съ сыномъ Донскаго дошла до насъ [3]): въ ней отношенія князя Тверскаго къ Московскому и его братьямъ не опредѣлены родовыми счетами: Михаилъ называется просто братомъ Василія. Тверской князь обязывается за себя, за дѣтей своихъ, за внучатъ и за племянниковъ не искать ни Москвы, ни великаго княженія Владимірскаго, ни Великаго Новгорода; обязывается быть за одно съ Московскимъ княземъ на Татаръ, на

[1]) С. г. г. и д. т. I, № 36. Но еще въ 1392 году Василій взялъ у хана ярлыкъ на Торусу: значитъ, онъ оставилъ тамъ прежнихъ князей въ качествѣ подручниковъ.

[2]) Рѣка Смедва, впад. съ тульской стороны въ Оку.

[3]) Акты Арх. Эксп. I, № 14.

Литву, на Нѣмцевъ и Ляховъ. Если на московскихъ князей нападутъ Татары, Литва, Нѣмцы или Поляки, и самъ Василій съ братьями сядетъ на коня, то Михаилъ обязанъ послать къ нимъ на помощь двоихъ сыновей, да двоихъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же Татары, Литва или Нѣмцы нападутъ на Тверское княжество, то Московскій князь обязанъ самъ идти на помощь къ Михаилу съ своею братьею. Эта разница въ обязательствахъ объясняется старостію Михаила относительно Василія. Тверской князь обязанъ объявить Витовту Литовскому, что онъ одинъ человѣкъ съ Московскимъ княземъ. Къ Ордѣ Тверскому князю путь чистъ, равно его дѣтямъ, внучатамъ и людямъ. Въ первый разъ Московскій князь упоминаетъ о князьяхъ, которыхъ ему или его младшей братьѣ Богъ поручилъ; если кто-нибудь изъ нихъ отъѣдетъ къ Тверскому князю, то послѣдній не можетъ вступаться въ ихъ вотчины: онѣ остаются за Московскимъ княземъ.

Распредѣленіе Тверскихъ волостей между сыновьями, сдѣланное княземъ Михаиломъ, замѣчательно: и здѣсь ясно обнаруживается намѣреніе завѣщателя увеличить волость старшаго брата предъ волостями младшихъ, чтобъ сдѣлать возстаніе послѣднихъ и усобицы невозможными: старшій сынъ Михаила, Иванъ, получилъ Тверь съ семью городами, а двое другихъ сыновей, Василій и Θеодоръ, только по два города; притомъ можно думать, что въ кашинскомъ же удѣлѣ второго сына, Василія Михайловича, помѣщенъ былъ и внукъ Михаиловъ, Иванъ, сынъ умершаго при жизни отцовой Бориса Михайловича [1]). Мы видѣли упорную борьбу Михаила съ Димитріемъ Московскимъ, которая обличала большую энергію въ Тверскомъ князѣ; мы видѣли также стремленіе Михаила подчинить себѣ Кашинское княжество; это стремленіе увѣнчалось успѣхомъ, несмотря на сопротивленіе Москвы, ибо мы видимъ Кашинъ во власти Михаила, и онъ завѣщаетъ этотъ городъ второму сыну своему, Василію. Миръ, господствовавшій въ Тверскихъ волостяхъ въ продолженіи 25 лѣтъ по окончаніи борьбы съ Москвою, далъ Михаилу досугъ обратить свою дѣятельность на устроеніе внутренняго наряда, и авторъ сказанія о его смерти говоритъ, что въ княженіе его разбойники, воры и ябедники исчезли, корчемники, мытари и торговыя злыя тамги истребились, о насиліяхъ и грабежахъ нигдѣ не было слышно: вообще о Михаилѣ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ такой отзывъ: былъ онъ крѣпокъ, сановитъ и смышленъ, взоръ имѣлъ грозный и дивный.

Новый Тверской князь, Иванъ Михайловичъ, по обычаю, немедленно же хотѣлъ воспользоваться полученными отъ отца средствами для приведенія въ свою волю младшихъ братьевъ. Тверскіе бояре великокняжескіе начали обижать удѣльныхъ князей; Василій Михайловичъ Кашинскій пришелъ къ своей матери, великой княгинѣ Евдокіи, и сталъ говорить ей: „Бояре брата нашего крестное цѣлованіе къ намъ сложили, тогда какъ они кляись отцу нашему хотѣть намъ добра“. Великая княгиня тотчасъ же отправила своихъ бояръ съ боярами младшихъ сыновей къ старшему, которому они должны были сказать: „Господинъ князь великій! вопреки грамотѣ отца нашего, бояре твои сложили къ намъ крестное цѣлованіе, и ты-бъ, господинъ князь великій, пожаловалъ, велѣлъ своимъ боярамъ крестное цѣлованіе держать по грамотамъ отца нашего“. Но Иванъ велѣлъ имъ прямо сказать, что бояре тверскіе сложили къ нимъ крестное цѣлованіе по его приказу, и началъ съ тѣхъ поръ сердиться на мать, братьевъ и племянника. Но мать послѣдняго, вдова Бориса Михаиловича, родомъ Смолянка, взяла сына, боярина Воронца и явилась въ Тверь къ великому князю съ оправданіемъ, что она не посылала своихъ бояръ вмѣстѣ съ другими удѣльными. Эта лукавая лесть, по выраженію лѣтописца, понравилась Ивану; онъ отнялъ у брата, Василія Кашинскаго, Луское озеро и отдалъ его племяннику Ивану Борисовичу. Тщетно Василій черезъ владыку Тверскаго Арсенія просилъ у брата общаго суда,—тотъ велѣлъ отвѣчать: „Суда тебѣ не дамъ“. Скоро Иванъ успѣлъ примыслить новую волость къ своей отчинѣ: въ 1402 году умеръ двоюродный братъ его, Иванъ Всеволодовичъ Холмскій и, мимо роднаго брата Юрія, отказалъ свой удѣлъ сыну великаго князя, Александру [2]); въ слѣдующемъ году этотъ Александръ выгналъ дядю Василія Михайловича изъ Кашина; тотъ убѣжалъ въ Москву, и великій князь Василій успѣлъ на этотъ разъ помирить его съ старшимъ братомъ; но черезъ годъ, когда Кашинскій князь пріѣхалъ зачѣмъ-то въ Тверь къ старшему брату, то послѣдній велѣлъ схватить его вмѣстѣ съ боярами. Двоюродный братъ ихъ, Юрій Всеволодовичъ, боясь такой же участи, убѣжалъ въ Москву; неизвѣстно, что заставило Ивана выпустить своего плѣнника и поцѣловать съ нимъ крестъ; но черезъ мѣсяцъ Кашинскій князь былъ уже въ Москвѣ, и тверскіе намѣстники сидѣли въ Кашинѣ, угнетая его жителей продажами и грабежомъ. Дѣла литовскія мѣшали Московскому великому князю вступиться въ усобицу тверскихъ князей. Какъ видно, онъ далъ изгнанному Василію Михайловичу Переяславль въ кормленіе; но когда явился изъ Литвы болѣе важный для Москвы выходецъ, князь Александръ Нелюбъ,

---

[1]) П. С. Р. Л. V, 232.

[2]) Объ этомъ Иванѣ Всеволодовичѣ подъ 1397 годомъ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: «Князь Иванъ Всеволодичъ отъѣха со Твери на Москву къ в. к. Василью Дмитріевичу, а дядѣ своему в. к. Мих. Алек. Тверскому посла цѣлованіе крестное сложи... Женися князь Ив. Всеволодичъ Тверскій на Москвѣ, у вел. княгини Евдокѣи поимъ дщерь в. кн. Дмитрія Ивановича Настасію.—Московскій князь далъ Ивану въ кормленіе Торжокъ».—Въ Псков. лѣтоп. подъ 1399 годомъ: «Псковичи послаша ко кн. вел. Василью Дмитреевичу, и испросиша себѣ князя Ивана Всеволодовича, Александрова внука Тверского, и пріѣха Иванъ Всеволодовичъ во Псковъ. Того же лѣта въ осень преставися князь Михаилъ Тверскій. Тоя же осени выѣха изо Пскова князь Иванъ».

то великій князь Василій отдалъ Переяславль ему: вѣроятно это самое обстоятельство заставило Кашинскаго князя вступить въ переговоры съ старшимъ братомъ своимъ, Иваномъ Тверскимъ, который возвратилъ ему Кашинъ.

Между тѣмъ Юрій Всеволодовичъ Холмскій все жилъ въ Москвѣ, и вдругъ, въ 1407 году, поѣхалъ въ Орду искать великаго княженія Тверскаго подъ двоюроднымъ братомъ своимъ, Иваномъ. Послѣдній, узнавъ объ этомъ, также отправился въ Орду судиться съ Юріемъ; но легко было предвидѣть, кто изъ двухъ будетъ оправданъ на этомъ судѣ: богатый ли Иванъ, или безземельный Юрій. Всѣ князья ордынскіе, говоритъ лѣтописецъ, оправили князя Ивана Михайловича и съ честію отпустили его въ Тверь, а Юрій остался въ Ордѣ. Въ 1408 году поднялась вражда между княземъ Иваномъ Михайловичемъ и племянникомъ его, Иваномъ Борисовичемъ, которому онъ до сихъ поръ покровительствовалъ; услыхавъ о приближеніи дяди съ войскомъ къ Кашину, Иванъ Борисовичъ бѣжалъ въ Москву; но мать его отвезена была плѣнницею въ Тверь, и въ Кашинѣ сѣли намѣстники великаго князя Тверскаго, т.-е., какъ надобно полагать, въ той части Кашина, которою владѣлъ Иванъ Борисовичъ, ибо тутъ же сказано, что князь Иванъ Михайловичъ заключилъ миръ съ братомъ своимъ, Василіемъ Кашинскимъ. Миръ этотъ однако продолжался не болѣе трехъ лѣтъ: въ 1412 году встало опять между братьями нелюбье великое, по выраженію лѣтописца: князь Иванъ Михайловичъ Тверской велѣлъ схватить брата своего, Василія Михайловича Кашинскаго, вмѣстѣ съ женою, боярами и слугами; княгиню велѣлъ отвезти въ Тверь, а самого Василія Михайловича—въ Старицу; но, при переправѣ черезъ рѣку Тмаку, когда всѣ провожатые сошли съ лошадей, князь въ одномъ терликѣ, безъ кивера, погналъ свою лошадь въ бродъ, переправился черезъ рѣку и потомъ поскакалъ по неѣзжалымъ дорогамъ; въ одномъ селѣ посчастливилось ему найти преданнаго человѣка, который заботился о немъ, укрывалъ въ лѣсу, перенималъ вѣсти, и, улучивъ наконецъ удобное время, убѣжалъ съ княземъ въ Москву.

Въ это самое время явился изъ Орды въ Тверь посолъ лютый звать князя Ивана къ хану; тотъ поѣхалъ; но еще прежде него отправился въ Орду изъ Москвы братъ его, Василій, прежде и возвратился, и, пользуясь отсутствіемъ старшаго брата, попытался-было овладѣть Кашиномъ съ Татарами; но князь Иванъ Борисовичъ съ тверскою заставою (гарнизономъ) не пустилъ его въ городъ. Это показываетъ, вопервыхъ, что Василій успѣлъ склонить хана на свою сторону, ибо тотъ далъ ему Татаръ въ помощь; вовторыхъ, видимъ, что князь Иванъ Борисовичъ помирился уже съ старшимъ дядею и дѣйствовалъ за него противъ младшаго. Скоро перемѣна хана въ Ордѣ перемѣнила и дѣла тверскія: враждебный князю Ивану Михайловичу ханъ Зелени-Салтанъ былъ убитъ, и преемникъ его отпустилъ Тверскаго князя съ честію и пожалованіемъ [1]).

Этимъ оканчиваются извѣстія о тверскихъ дѣлахъ въ княженіе Василія Димитріевича. Дѣла ордынскія и литовскія мѣшали Московскому князю пользоваться тверскими усобицами; сначала князь Иванъ Михайловичъ былъ въ союзѣ съ Москвою и послалъ полки свои на помощь Василію Димитріевичу противъ Витовта къ рѣкѣ Плавѣ; но тутъ Московскій князь скрылъ свои переговоры съ Витовтомъ отъ князей и воеводъ тверскихъ; кромѣ того, въ договорной грамотѣ съ Литовскимъ княземъ написалъ имя Тверскаго великаго князя ниже именъ родныхъ братьевъ своихъ—Димитріевичей, вслѣдствіе чего Тверичи съ гнѣвомъ ушли домой, и князь ихъ съ тѣхъ поръ пересталъ помогать Москвѣ [2]). Несмотря на то однако, онъ не смѣлъ и думать объ открытой борьбѣ съ Москвою. Опасеніе Тверскаго князя затронуть могущественную Москву видно изъ того, что когда Эдигей, во время осады Москвы, послалъ звать его къ себѣ на помощь съ войскомъ, то князь Иванъ показалъ видъ, что послушался приказа, и поѣхалъ къ Эдигею, только одинъ, безъ войска; а потомъ, подъ предлогомъ болѣзни, возвратился съ дороги. Современники считали этотъ поступокъ Тверскаго князя мастерскимъ дѣломъ; вотъ что говоритъ лѣтописецъ: „Таковымъ коварствомъ перемудрова, ни Эдигея разгнѣва, ни князю великому погруби, обоимъ обоего избѣжа; се же створи уменски, паче же истински“.

Тверской князь боялся князя Московскаго наравнѣ съ ханомъ татарскимъ: это всего лучше показываетъ значеніе Москвы при сынѣ Донскаго; несмотря на то, Василій Димитріевичъ не могъ еще смотрѣть на хана, какъ только на равнаго себѣ владѣтеля, не могъ совершенно избавиться отъ зависимости ордынской. Мы видѣли, что въ началѣ своего княженія Московскій князь ѣздилъ въ Орду искать благосклонности Тохтамыша, съ ярлыкомъ котораго овладѣлъ Нижнимъ. Между тѣмъ лѣтописи говорятъ о нападеніяхъ Татаръ на Рязань два раза пустошили они это пограничное съ степью княжество безнаказанно, въ третій были побиты княземъ Олегомъ; въ 1391 году Тохтамышъ послалъ какого-то царевича Бектута, которому удалось взять Вятку, перебить и поплѣнить ея жителей; какъ видно, этотъ походъ былъ предпринятъ съ цѣлію отомстить Вятчанамъ за ихъ ушкуйничество. Болѣе важныхъ предпріятій нельзя было ожидать со стороны Тохтамыша, потому что къ смятеніямъ внутреннимъ присоединилась еще борьба съ Тамерланомъ. Въ концѣ XIV вѣка для Азіи повторились времена Чингисхановы: сынъ небогатаго Чагатайскаго князька, Тимуръ, или

---

[1]) У Карамз., прим. 213, вставлено неизвѣстно къ какому году относящееся извѣстіе изъ Троицкой лѣтописи: «князь Юрьи Всев. приде изъ Орды, добиваяся Кашина, да *третьей* части Твери».

[2]) Такъ наз. Тверская лѣтопись, рукоп. въ Импер. Публ. Библ.

Тамерланъ, началъ въ половинѣ XIV вѣка поприще свое мелкимъ грабежомъ и разбоями, а въ 1371 году владѣлъ уже землями отъ Каспійскаго моря до Манчжуріи. Ему былъ обязанъ Тохтамышъ престоломъ Кипчакскимъ, но не хотѣлъ быть благодарнымъ и вооружился противъ Тамерлана. Въ 1395 году, на берегахъ Терека, Тохтамышъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ въ лѣсахъ болгарскихъ, а Тамерланъ вошелъ въ русскіе предѣлы, взялъ Елецъ, плѣнилъ его князя, опустошилъ окрестную страну. Нападеніе не было нечаянное, и Василій Димитріевичъ имѣлъ время приготовиться: онъ собралъ большое войско и сталъ на границѣ своего княжества, на берегу Оки. Но онъ не дождался врага; простоявши 15 дней на Землѣ Рязанской, опустошивши оба берега Дона, Тамерланъ вышелъ изъ русскихъ предѣловъ въ тотъ самый день, когда Москвичи встрѣтили образъ Богородицы, принесенный изъ Владиміра.

Послѣ разгрома Тамерланова Золотая Орда долго не была опасна Московскому князю; въ продолженіи 12 лѣтъ лѣтописецъ раза три упоминаетъ только о пограничныхъ сшибкахъ хищническихъ отрядовъ татарскихъ съ Рязанцами, причемъ успѣхъ большею частію оставался на сторонѣ послѣднихъ. Нѣсколько хановъ перемѣнилось въ Ордѣ, а великій князь Московскій не думалъ не только самъ ѣздить къ нимъ на поклонъ, но даже не посылалъ никого; на требованіе дани отвѣчалъ, что княжество его стало бѣдно людьми, не на комъ взять выхода, тогда какъ татарская дань съ двухъ сохъ по рублю шла въ казну великокняжескую. Наконецъ обращеніе съ Татарами перемѣнилось въ областяхъ московскихъ: надъ послами и гостями ордынскими начали смѣяться и мстить имъ за прежнее разными притѣсненіями [1]). Въ это время, какъ во время Мамаево, всѣми дѣлами въ Ордѣ завѣдывалъ князь Эдигей; долго терпѣлъ онъ презрительное обращеніе Московскаго князя съ бывшими повелителями, наконецъ рѣшился напомнить ему о себѣ. Но, подобно Тохтамышу, и Эдигей не осмѣлился явно напасть на Москву, встрѣтиться въ чистомъ полѣ съ ея полками, только отъ хитрости и тайны ждалъ онъ успѣха: далъ знать великому князю, что ханъ со всею Ордою идетъ на Витовта, а самъ съ необыкновенною скоростію устремился къ Москвѣ. Василій Димитріевичъ, застигнутый врасплохъ, оставилъ защищать Москву дядю Владиміра Андреевича, да братьевъ своихъ Андрея и Петра Димитріевичей, а самъ съ княгинею и дѣтьми уѣхалъ въ Кострому. Жители Москвы смутились, отъ страха побѣжали въ разныя стороны, не заботясь объ имѣніи, чѣмъ воспользовались разбойники и воры, и наполнили свои руки богатствомъ. Посады были уже выжжены, когда явились Татары Эдигеевы и со всѣхъ сторонъ облегли городъ. Остановившись у Москвы, Эдигей разослалъ въ разныя стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростовъ, Дмитровъ, Серпуховъ, Верею, Новгородъ-Нижній, Городецъ, Клинъ; много народу погибло отъ Татаръ, много и отъ жестокаго холода и вьюгъ. Тридцати-четырехъ-тысячный отрядъ посланъ былъ въ погоню за великимъ княземъ, но не успѣлъ догнать его. Между тѣмъ Эдигей стоялъ спокойно подъ кремлемъ; сберегая людей и помня неудачу Тохтамышеву, онъ не дѣлалъ приступовъ, а хотѣлъ зимовать и принудить къ сдачѣ голодомъ; уже мѣсяцъ стоялъ Эдигей подъ Москвою, какъ вдругъ пришла къ нему вѣсть изъ Орды отъ хана, чтобъ шелъ немедленно домой, потому что какой-то царевичъ напалъ на хана. Осажденные ничего не знали объ этомъ, и когда Эдигей прислалъ къ нимъ съ мирными предложеніями, то они съ радостію заплатили ему три тысячи рублей за отступленіе; Эдигей поспѣшно поднялся и вышелъ изъ русскихъ предѣловъ, взявши по дорогѣ Рязань (1408 г.).

Но и послѣ нашествія Эдигеева Московскій князь три года не ѣздилъ въ Орду самъ и не посылалъ туда ни родственниковъ своихъ, ни бояръ большихъ; только въ 1412 году, когда новый ханъ Зелени-Салтанъ (Джелаледдинъ Султанъ), сынъ Тохтамыша, далъ изгнаннымъ нижегородскимъ князьямъ ярлыкъ на ихъ отчину, Василій Димитріевичъ поѣхалъ въ Орду съ большимъ богатствомъ и со всѣми своими вельможами. Это—послѣднее извѣстіе объ отношеніяхъ Москвы къ Ордѣ въ княженіе Василія Димитріевича; послѣ встрѣчаемъ только извѣстія о нападеніяхъ татарскихъ на пограничныя съ степью русскія области: въ 1410 году Татары напали нечаянно на Рязань, но были отбиты и потеряли добычу; въ 1414 они воевали по Задонью, взяли Елецъ и убили тамошняго князя; въ 1422 году они прогнаны были изъ области Одоевской; въ 1424 году ханъ Куидадатъ вошелъ въ Одоевскую область, простоялъ здѣсь три недѣли и отправился къ Рязани; но здѣсь встрѣченъ былъ русскими войсками и пораженъ [2]).

Опаснѣе была Литва. Когда еще въ 1386 году Василій Димитріевичъ спасался бѣгствомъ изъ Орды отъ Тохтамыша, то, разумѣется, не могъ бѣжать прямою дорогою, а направлялъ путь къ западнымъ странамъ, свободнымъ отъ татарскаго вліянія; сначала онъ укрылся въ Молдавіи, а оттуда пробирался въ Москву чрезъ литовскія владѣнія; извѣстія разногласятъ насчетъ того, гдѣ именно Василій встрѣтился съ Витовтомъ, ведшимъ тогда борьбу съ Ягайломъ, но согласны въ томъ, что молодой Московскій князь далъ или принужденъ былъ дать Кейстутову сыну слово жениться на его дочери Софіи. Слово было сдержано, какъ только Василій сталъ великимъ княземъ: въ 1390 году трое бояръ великокняжескихъ привезли невѣсту въ Москву изъ-за-моря, отъ Нѣмцевъ, по выраженію лѣ-

[1]) Собр. Гос. гр. и дог. II, № 15.

[2]) Витовтъ въ письмѣ къ в. магистру Ордена наз. хана Chudandach. Моск. Арх. Мин. Ин. Д. копіи съ Кенигсбергскихъ актовъ. Lief. VII, № 147.

тописца, т.-е. изъ владѣній Ордена, гдѣ жилъ тогда Витовтъ. Но эта близкая родственная связь не принесла Москвѣ никакой пользы, когда Витовтъ, помирившись съ Ягайломъ, сталъ великимъ княземъ Литовскимъ и началъ стремиться къ увеличенію своихъ владѣній, ибо это увеличеніе единственно могло произойти чрезъ покореніе областей Руси Восточной.

Сначала Орденъ не давалъ Витовту досуга обратить свое вниманіе на востокъ: великій магистръ Конрадъ фонъ-Юнгингенъ хотѣлъ воспользоваться борьбою между Ягайломъ и младшимъ братомъ его, Свидригайломъ Олгердовичемъ Витебскимъ (который, по обычаю, отдался подъ покровительство Ордена), и въ 1394 году осадилъ Вильну. Но, несмотря на многочисленность осаждавшихъ, ихъ искусство, опытность вождей, превосходную по тому времени артиллерію, осажденные отбивались съ такимъ мужествомъ, что магистръ, потерявъ треть войска, множество лошадей и снарядовъ, принужденъ былъ снять осаду и заключить миръ съ Витовтомъ, чтобы только безпрепятственно выйти изъ Литвы [1]). Миръ съ Нѣмцами далъ Витовту возможность обратить вниманіе на востокъ и примыслить важную волость Смоленскую. Въ Смоленскѣ происходила въ это время сильная усобица между княземъ Юріемъ Святославичемъ и братьями его за удѣлы и за то, что ни одинъ братъ не хотѣлъ служить другому. Князь Юрій былъ принужденъ уѣхать изъ Смоленска къ тестю своему, князю Олегу Рязанскому, а Витовтъ спѣшилъ воспользоваться этимъ обстоятельствомъ, ибо удаленіе Юрія не примирило остальныхъ Святославичей; Литовскій князь распустилъ слухъ, что идетъ на Татаръ, вмѣсто того вдругъ явился подъ Смоленскомъ. Одинъ изъ князей, Глѣбъ Святославичъ, выѣхалъ къ нему на-встрѣчу съ небольшою дружиной, былъ принятъ съ честію, отпущенъ съ миромъ, причемъ Витовтъ велѣлъ сказать остальнымъ князьямъ: „Что-бъ вамъ всѣмъ князьямъ-братьямъ выѣхать ко мнѣ съ любовію, по охранной грамотѣ (по опасу): слышалъ я, что между вами нѣтъ единства и вражда большая,—такъ если будетъ между вами какой споръ, то вы сошлитесь на меня, какъ на третьяго, и я васъ разсужу справедливо“. Смоленскіе князья обрадовались, что нашелся безпристрастный третій судья, который разсудитъ ихъ по всей справедливости и раздѣлитъ имъ отчину по жребію; всѣ они собрались и поѣхали къ Витовту съ дарами; но Витовтъ, взявши дары, велѣлъ перехватать всѣхъ князей и отослалъ ихъ въ Литву, потомъ подступилъ къ городу, пожегъ посады, взялъ крѣпость, и посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ (1395 г.)

Но старшій изъ смоленскихъ князей—Юрій—оставался на свободѣ, въ Рязани, и въ концѣ 1395 года тесть его, Олегъ, вмѣстѣ съ нимъ и другими князьями опустошилъ литовскія владѣнія; но еще не успѣлъ Олегъ возвратиться въ Рязань, какъ услыхалъ, что Витовтъ пустошитъ его собственныя волости. Тогда, оставивъ свою добычу въ надежномъ мѣстѣ, Олегъ ударилъ врасплохъ на Литовцевъ, разсѣявшихся для грабежа, и поразилъ ихъ; Витовтъ испугался и ушелъ домой. Великій князь Московскій во всѣхъ этихъ событіяхъ явно держалъ сторону тестя; въ 1396 году онъ ѣздилъ на свиданіе съ нимъ въ Смоленскъ, праздновалъ здѣсь Пасху, и когда Рязанскій князь снова вошелъ съ полками въ Землю Литовскую и осадилъ Любутскъ, то Василій отправилъ къ нему посла и отвелъ его отъ этого города. Потомъ, когда Витовтъ вошелъ въ рязанскія владѣнія и пролилъ здѣсь кровь какъ воду, по выраженію лѣтописей, и людей побивалъ, сажая ихъ улицами, то изъ Москвы не было ему никакого препятствія,—напротивъ: зять встрѣтилъ его въ Коломнѣ, поднесъ дары и оказалъ большую честь. Мы видѣли, что въ 1397 году оба князя, и Московскій и Литовскій, заодно посылали требовать отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ разорвали миръ съ Нѣмцами; но тогда же Московскій князь могъ узнать, какого союзника онъ имѣлъ въ своемъ тестѣ, ибо въ то же время Витовтъ требовалъ отъ Новгородцевъ, чтобы тѣ поддались ему; получивши отказъ, онъ послалъ въ 1399 году въ Новгородъ грамоту разметную (объявленіе войны) и велѣлъ сказать Новгородцамъ: „Вы меня обезчестили; что было вамъ мнѣ поддаться, а мнѣ было вашимъ княземъ великимъ быть и васъ оборонять; но вы мнѣ не поддались“. Но не одинъ Витовтъ объявлялъ свои притязанія на Новгородъ: еще въ 1389 году пріѣхалъ туда князь Симеонъ-Лугвеній Олгердовичъ, былъ принятъ Новгородцами съ честію, и за эту честь далъ брату своему, королю Ягайлу, слѣдующую запись: „Такъ какъ господинъ Владиславъ (Ягайло), король Польскій, Литовскій, Русскій и иныхъ земель многихъ господарь, поставилъ насъ опекуномъ надъ мужами и людьми Великаго Новгорода, то мы королю и Ядвигѣ королевѣ, вмѣстѣ съ Новгородцами, обѣщались и обѣщаемся, пока держимъ Новгородъ въ нашей опекѣ, быть при коронѣ польской и никогда не отступать отъ нея“ [2]).

---

[1]) Кромѣ Нѣмцевъ и Свидригайла, Витовтъ, ставши княземъ Литовскимъ, долженъ былъ вести войну съ Димитріемъ Корибутомъ, княземъ Сѣверскимъ, и Ѳедоромъ Коріатовичемъ, княземъ Подольскимъ. Во время владычества Рюриковичей надъ Южною Русью, Подолія была мало заселена. Послѣ Батыя утвердились здѣсь Татары. Олгердъ разбилъ трехъ братьевъ, князей татарскихъ—князя Хочебоя, Кутлубуга и Дмитрія, которые были, по выраженію лѣтописца (Данилов. стр. 49), отчичи и дѣдичи Подольской земли. Олгердъ отдалъ эту землю сыновьямъ князя Коріата, которые населили страну и настроили въ ней городовъ. Три старшіе Коріатовича умерли безъ наслѣдниковъ; младшій, Ѳедоръ, остался одинъ господиномъ Подоліи и не хотѣлъ признавать власти Витовта; тогда послѣдній выгналъ Ѳедора изъ Подоліи и взялъ ее себѣ; потомъ продалъ половину Польшѣ, опять выкупилъ и держалъ за собой до самой смерти своей, послѣ чего Поляки насильственно отторгнули ее отъ Литвы. — Отъ Александра Коріатовича дошла до насъ грамота, данная имъ Смотрицкому доминиканскому монастырю на мельницу. Здѣсь упоминается о дани Татарамъ; слѣд. Подолія еще не совсѣмъ была освобождена отъ ихъ зависимости. См. Акты, относящ. къ Исторіи Запад. Россіи, т. I, № 4.

[2]) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, Т. I, № 10.

Намѣреніе Витовта овладѣть Новгородомъ обнаруживается и въ договорѣ его съ Орденомъ 1398 года: здѣсь Витовтъ обѣщался Ордену помогать ему въ завоеваніи Пскова, за что Орденъ, съ своей стороны, обязался помогать Витовту въ завоеваніи Великаго Новгорода. Но война съ послѣднимъ была отложена, потому что Витовтъ обратилъ вниманіе на дѣла ордынскія, вмѣшательство въ которыя обѣщало ему выгоды болѣе важныя. По удаленіи Тамерлана на югъ, Тохтамышъ попытался-было снова утвердиться въ Золотой Ордѣ, но былъ изгнанъ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ (Kotlogh-Timur) и отдался въ покровительство Витовту, который обѣщалъ ему возвратить Кипчакъ съ тѣмъ, чтобы Тохтамышъ потомъ помогъ ему овладѣть Москвою. Въ 1399 году Витовтъ собралъ огромное войско: кромѣ Руси, Литвы, Жмуди и Татаръ Тохтамышевыхъ, здѣсь были полки волошскіе, польскіе и нѣмецкіе, ибо и находившійся тогда въ мирѣ съ Витовтомъ великій магистръ Ордена прислалъ ему отрядъ войска; однихъ князей лѣтописцы насчитываютъ до пятидесяти. Передъ выступленіемъ въ походъ, къ Витовту явились послы отъ Темира-Кутлуя: „Выдай мнѣ бѣглаго Тохтамыша", велѣлъ сказать ему ханъ; „онъ мой врагъ, не могу оставаться въ покоѣ, зная, что онъ живъ и у тебя живетъ,—потому что измѣнчива жизнь наша: нынче ханъ, а завтра бѣглецъ, нынче богатъ, завтра нищій, нынче много друзей, а завтра все враги. Я боюсь и своихъ, не только-что чужихъ, а ханъ Тохтамышъ чужой мнѣ и врагъ мой, да еще злой врагъ; такъ выдай мнѣ его, а что ни есть около него, то все тебѣ", Витовтъ велѣлъ отвѣчать на это: „Хана Тохтамыша не выдамъ, а съ ханомъ Темиръ-Кутлуемъ хочу видѣться самъ". На берегахъ Ворсклы произошло это свиданіе, въ полѣ чистомъ, въ Землѣ Татарской. Но передъ битвою начались опять переговоры; Темиръ-Кутлуй послалъ сказать Витовту: „Зачѣмъ ты на меня пошелъ? я твоей земли не бралъ, ни городовъ, ни селъ твоихъ". Витовтъ велѣлъ отвѣчать: „Богъ покорилъ мнѣ всѣ земли, покорись и ты мнѣ, будь мнѣ сыномъ, а я тебѣ буду отцомъ, и давай мнѣ всякій годъ дани и оброки; если же не хочешь быть сыномъ, такъ будешь рабомъ, и вся Орда твоя будетъ предана мечу". Испуганный ханъ соглашался на всѣ требованія Витовта, который, видя такую уступчивость, началъ требовать, чтобы на деньгахъ ордынскихъ чеканилось клеймо Литовскаго князя; ханъ просилъ три дня срока подумать. Но въ это время пришелъ къ нему Эдигей; старикъ, узнавши объ условіяхъ, сказалъ хану: „Лучше намъ умереть, чѣмъ согласиться на нихъ",—и послалъ къ Витовту требовать личныхъ переговоровъ; Литовскій князь выѣхалъ на берегъ Ворксалы, и Эдигей сталъ ему говорить съ другаго берега: „По праву взялъ ты нашего хана въ сыновья, потому что ты старъ, а онъ молодъ; но я старше еще тебя, такъ слѣдуетъ тебѣ быть моимъ сыномъ, дани давать каждый годъ, клеймо мое чеканить на литовскихъ деньгахъ". Витовтъ разсвирѣпѣлъ и велѣлъ немедленно полкамъ своимъ сходиться на битву. Сначала полки Витовтовы схватились съ полками Эдигеевыми; съ обѣихъ сторонъ стрѣляли изъ самострѣловъ и пищалей; но пушки и пищали плохо дѣйствовали въ чистомъ полѣ. Несмотря на то, Витовтова рать крѣпко боролась, падали стрѣлы какъ дождь, и стали полки Витовтовы перемогать князя Эдигея. Но въ это время обошли кругомъ полки Темиръ-Кутлуевы, вступили въ битву и одолѣли силу литовскую. Тохтамышъ первый обратился въ бѣгство, и въ этомъ бѣгствѣ много народа побралъ и много Литовской Земли пограбилъ. Побѣдители взяли весь обозъ Витовта, который едва успѣлъ убѣжать съ небольшою дружиной; Татары гнались за нимъ пятьсотъ верстъ до самаго Кіева; ставши подъ этимъ городомъ, Темиръ-Кутлуй распустилъ свою силу воевать Литовскую Землю, и ходила татарская рать до самаго Луцка, опустошивъ все на своемъ пути. Кіевъ откупился тремя тысячами рублей, причемъ Печерскій монастырь заплатилъ отъ себя 30 рублей, и ханъ ушелъ въ степи, оставивъ Литовскую Землю въ плачѣ и скудости; лѣтописецъ насчитываетъ между убитыми слишкомъ 20 князей [1]).

Битва Куликовская возвѣстила паденіе татарскаго владычества въ Восточной Европѣ; Мамай пришелъ на Донъ съ цѣлію напомнить Руси Батыя, возстановить порядокъ вещей, утвердившійся послѣ сраженія при Сити; Мамай былъ побѣжденъ, и битва при Ворсклѣ показала ясно слѣдствія этой побѣды: Темиръ-Кутлуй пришелъ не нападать, но защищаться отъ замысловъ одного изъ государей Восточной Европы; унизительныя условія, которыя онъ соглашался принять, показываютъ всего лучше перемѣну отношеній. Татары побѣдили; но какія же были послѣдствія этой побѣды?—опустошеніе нѣкоторой части литовскихъ владѣній,—и только! Темиръ-Кутлуй долженъ былъ удовольствоваться тѣмъ, что освободился отъ страха предъ Тохтамышемъ. Важность битвы при Ворсклѣ для судебъ Восточной Европы не подлежитъ сомнѣнію; конечно, нельзя нисколько утверждать, что торжество Витовта и Тохтамыша надъ Темиръ-Кутлуемъ имѣло бы необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе Москвы и остальныхъ княженій Восточной Руси Витовту; но нельзя также не признать, что опасность Москвѣ отъ этого торжества грозила большая.

Витовтъ пріутихъ и заключилъ съ Новгородцами миръ по старинѣ, въ 1400 году. Въ то же время и Смольняне, которымъ тяжко было господство литовское, завели сношенія съ роднымъ княземъ своимъ, Юріемъ Святославичемъ, жившимъ по-прежнему у тестя въ Рязани. Юрій пришелъ къ Олегу и сталъ говорить ему со слезами: „Пришли ко мнѣ послы изъ Смоленска отъ доброхотовъ моихъ; говорятъ, что многіе хотятъ меня видѣть на отчинѣ и дѣдинѣ

[1]) Этихъ 20 слишкомъ князей лѣтописецъ высчитываетъ по именамъ, а потомъ говоритъ, что всѣхъ князей убито 74; но откуда же взялось 74, когда всѣхъ князей было 50? Касательно окупа съ Кіева въ однѣхъ лѣтописяхъ находимъ 3,000, въ другихъ—только 500 рублей.

моей; сотвори, господинъ, Христову любовь, помоги, посади меня на отчинѣ и дѣдинѣ моей, на великомъ княженіи Смоленскомъ". — И вотъ въ 1401 году Олегъ, вмѣстѣ съ Юріемъ, князьями Пронскимъ, Муромскимъ и Козельскимъ, отправился къ Смоленску; время онъ улучилъ удобное, говорить лѣтописецъ, потому что Витовтъ оскудѣлъ тогда до конца людьми послѣ побоища при Ворсклѣ, и въ Смоленскѣ была крамола: одни хотѣли здѣсь Витовта, а другіе многіе—своего отчича, стариннаго князя Юрія. Пришедши подъ Смоленскъ, Олегъ велѣлъ повѣстить его жителямъ: „Если не отворите города и не примете господина вашего князя Юрія, то буду стоять здѣсь долго и предамъ васъ мечу и огню; выбирайте между животомъ и смертію". Смольняне сдались, и многіе изъ нихъ были рады князю своему Юрію, но другіе ненавидѣли его. Вошедши въ городъ, Юрій началъ тѣмъ, что убилъ Витовтова намѣстника, князя Романа Михайловича Брянскаго, съ его боярами, а потомъ перебилъ и смоленскихъ бояръ, преданныхъ Витовту. Олегъ, возвративши зятю его отчину, не былъ этимъ доволенъ, но вошелъ со всѣмъ войскомъ въ Литовскія владѣнія и возвратился оттуда съ большою добычею.

Въ августѣ мѣсяцѣ утвердился въ Смоленскѣ Юрій, а осенью того же года Витовтъ уже стоялъ съ полками подъ этимъ городомъ, гдѣ поднялась сторона, ему преданная; но противники Литвы осилили, перебили много ея приверженцевъ, и Витовтъ, простоявши четыре недѣли понапрасну, заключилъ перемиріе и отступилъ отъ Смоленска. Слѣдующій 1402 годъ былъ счастливѣе для Витовта: сынъ Рязанскаго князя, Родославъ Ольговичъ, пошелъ на Брянскъ, но у Любутска встрѣтили его двое князей Гедиминовичей — Симеонъ-Лугвеній Олгердовичъ и Александръ Патрикіевичъ Стародубскій, разбили его и взяли въ плѣнъ; три года просидѣлъ онъ въ тяжкомъ заключеніи у Витовта, наконецъ отпущенъ въ Рязань за 3,000 рублей. Въ 1403 году побѣдитель Родослава, Лугвеній, взялъ Вязьму; а въ 1404 самъ Витовтъ опять осадилъ Смоленскъ, и опять неудачно: три мѣсяца стоялъ онъ подъ городомъ, много трудился и билъ пушками, но взять не могъ и, опустошивъ окрестности, ушелъ въ Литву. Смоленскій князь Юрій видѣлъ однако, что одинъ онъ не въ состояніи противиться Витовту, который показывалъ ясно намѣреніе овладѣть во что бы ни стало Смоленскомъ, внутри котораго была у него сильная сторона; Олегъ Рязанскій умеръ (1402 г.), слѣдовательно отсюда нечего было ожидать помощи. Оставался только одинъ русскій князь, могшій поспорить съ Витовтомъ: то былъ князь Московскій; но послѣдній, зять Витовта, до сихъ поръ былъ съ нимъ въ постоянномъ союзѣ; трудно было надѣяться и отсюда помощи безкорыстной. Юрій видѣлъ, что изъ двухъ подданствъ надобно выбрать менѣе тяжкое, и потому, взявши опасную грамоту, пріѣхалъ въ Москву и сталъ умолять Василія Димитріевича о помощи: „Тебѣ все возможно, говорилъ онъ, потому что онъ тебѣ тесть, и дружба между вами большая; помири и меня съ нимъ, чтобъ не обижалъ меня. Если же онъ ни слезъ моихъ, ни твоего дружескаго совѣта не послушаетъ, то помоги мнѣ, бѣдному, не отдавай меня на съѣденіе Витовту; если же и этого не хочешь, то возьми городъ мой за себя; владѣй лучше ты имъ, а не поганая Литва". Василій обѣщался помочь ему, но медлилъ; въ нѣкоторыхъ источникахъ эта медленность объясняется доброжелательствомъ Московскаго князя къ тестю [1]), хотя она можетъ естественно объясняться и безъ этого. Какъ бы то ни было, въ то время, когда медлили въ Москвѣ,—въ Смоленскѣ и Литвѣ не теряли времени: бояре смоленскіе, доброжелательствовавшіе Витовту, послали сказать ему, чтобъ шелъ какъ можно скорѣе къ ихъ городу, прежде чѣмъ придетъ Юрій съ помощію московскою. Витовтъ явился,—и бояре сдали ему городъ, вмѣстѣ съ женою Юрьевою, дочерью Олега Рязанскаго. Витовтъ отослалъ княгиню въ Литву вмѣстѣ съ нѣкоторыми боярами, другихъ бояръ, самыхъ сильныхъ себѣ противниковъ, казнилъ смертію, посадилъ въ городѣ своихъ намѣстниковъ, а жителямъ далъ большія льготы, отводя ихъ тѣмъ отъ князя Юрія, чтобъ Земля Смоленская не хотѣла послѣдняго и не любила. Въ Москвѣ сильно разсердились или, по крайней мѣрѣ, показали видъ, что разсердились, когда узнали о сдачѣ Смоленска; желая, какъ видно, сложить всю вину на самого Юрія и поскорѣе освободиться отъ него, Василій сказалъ ему: „Пріѣхалъ ты сюда съ обманомъ, приказавши Смольнянамъ сдаться Витовту" [2]),—и Юрій, видя гнѣвъ Московскаго князя, уѣхалъ въ Новгородъ, гдѣ жители приняли его и дали тринадцать [3]) городовъ; Юрій и Новгородцы цѣловали другъ другу крестъ—не разлучаться ни въ жизни, ни въ смерти; если пойдутъ какіе иноплеменники на Новгородъ ратью, то оборонять-ся отъ нихъ князю Юрію съ Новгородцами заодно. Такъ пало знаменитое княжество Ростиславичей, отчина Мстислава.

Новгородцы, заключая договоръ съ княземъ Юріемъ противъ иноплеменниковъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, имѣли въ виду самаго опаснаго изъ этихъ иноплеменниковъ, князя Литовскаго. И дѣйствительно, въ слѣдующемъ же 1405 году, Витовтъ, пославши объявленіе войны въ Новгородъ, самъ вышелъ съ войскомъ въ Псковскую волость, тогда какъ псковскій посолъ жилъ еще въ Литвѣ, и Псковичи, ничего не зная, не могли приготовиться. Витовтъ взялъ городъ Коложе и вывелъ 11,000 плѣнныхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не считая уже убитыхъ; потомъ стоялъ два дня подъ другимъ городомъ, Вороначемъ, гдѣ Литовцы на-

[1]) Супрасльская рукопись, стр. 136: «князь же Василій обѣща ему дати силу свою и удержа его на тые сроки, а норовя тьсти своему Витовту».

[2]) Лѣтоп. содерж. Русск. ист. отъ 852 — 1598 г., стр. 123, 124.

[3]) Русу, Ладогу, Орѣховъ, Тиверьскій, Корѣльскый, Копорью, Торжокъ, Волокъ Ламьскій, Порховъ, Вышегородъ, Высокое, Кошкинъ, Городецъ. П. С. Р. Л. IV, 107.

кидали двѣ лодки мертвыхъ дѣтей. Такой гадости, говоритъ лѣтописецъ, не бывало съ тѣхъ поръ, какъ Псковъ сталъ. Между тѣмъ Псковичи послали въ Новгородъ просить помощи, и Новгородцы прислали къ нимъ полки съ тремя воеводами; но Витовтъ уже вышелъ изъ русскихъ предѣловъ. Псковичи вздумали отомстить ему походомъ въ его владѣнія и звали съ собою Новгородцевъ: „Пойдемте, господа, съ нами на Литву мстить за кровь христіанскую"; но воеводы новгородскіе побоялись затрогивать страшнаго Литовскаго князя и отвѣчали Псковичамъ: „Насъ владыка не благословилъ идти на Литву, и Новгородъ намъ не указалъ, а идемъ съ вами на Нѣмцевъ". Псковичи разсердились, отправили Новгородцевъ домой, а сами выступили въ походъ, повоевали Ржеву, въ Великихъ Лукахъ взяли стягъ Коложскій, бывшій въ плѣну у Литвы, и возвратились съ добычею [1]). Мало этого: въ 1406 году Псковичи подняли всю свою область и пошли къ Полоцку, подъ которымъ стояли трое сутокъ.

Но ни Псковичи, ни Новгородцы не надѣялись однѣми собственными силами управиться съ Витовтомъ, и потому послали просить защиты у Московскаго князя. Мы не знаемъ, какіе были уговоры у Василія Димитріевича съ Витовтомъ относительно Смоленска, уже прежде принадлежавшаго Литовскому князю; нѣтъ ничего страннаго, что Москва дѣйствовала нерѣшительно въ смоленскомъ дѣлѣ. Но нападеніе на Псковскія волости показывало ясно, что Витовтъ, ободренный вторичнымъ взятіемъ Смоленска, не хочетъ удовольствоваться этимъ однимъ примысломъ, и Московскій князь не хотѣлъ ему уступать Пскова и Новгорода: Василій разорвалъ миръ съ тестемъ за псковскую обиду, отправилъ брата Петра въ Новгородъ; потомъ, сложивши, вмѣстѣ съ Тверскимъ княземъ, крестное цѣлованіе къ Витовту, собралъ полки и послалъ ихъ въ Литовскую Землю: они приступали къ Вязьмѣ, Серпейску [2]) и Козельску, но безуспѣшно. Витовтъ за это велѣлъ перебить всѣхъ Москвичей, находившихся въ его владѣніяхъ. Но здѣсь уже отозвался разрывъ съ Московскимъ княземъ: до сихъ поръ тѣ изъ южныхъ Русиновъ и Литвиновъ, которые были недовольны новымъ порядкомъ вещей, начавшимъ утверждаться со времени соединенія Литвы съ Польшею, должны были сдерживать свое неудовольствіе, ибо негдѣ было искать помощи, кромѣ иновѣрнаго Ордена,—сильный единовѣрный Московскій князь находился постоянно въ союзѣ съ Витовтомъ. Но когда этотъ союзъ перемѣнился на вражду, то недовольнымъ литовскимъ открылось убѣжище въ Москвѣ; первый пріѣхалъ изъ Литвы на службу къ великому князю Московскому князь Александръ Нелюбъ, сынъ князя Ивана Ольгимантовича, и съ нимъ много Литвы и Поляковъ; Василій Димитріевичъ принялъ его съ любовію и далъ ему въ кормленіе Переяславль. Съ обѣихъ сторонъ, и въ Москвѣ, и въ Литвѣ, собирали большое войско, и осенью 1406 года Московскій князь выступилъ въ походъ и остановился на рѣкѣ Плавѣ, близъ Кропивны, куда пришли къ нему на помощь полки тверскіе съ четырьмя князьями и татарскіе отъ хана Шадилбека. Литовскій князь также вышелъ навстрѣчу къ зятю съ сильнымъ войскомъ, Поляками и Жмудью; но, по обычаю, битвы между ними не было: князья начали пересылаться, заключили перемиріе до слѣдующаго года, и разошлись, причемъ Татары, уходя, пограбили русскія области.

Въ 1407 году Литовцы начали непріятельскія дѣйствія, взявши Одоевъ. Московскій князь пошелъ опять съ большимъ войскомъ на Литовскую Землю, взялъ и сжегъ городъ Дмитровецъ [3]); но, встрѣтившись съ тестемъ у Вязьмы, опять заключилъ перемиріе, и оба князя разошлись по домамъ. Въ слѣдующемъ году отъѣхалъ изъ Литвы въ Москву родной братъ короля Ягайла, Сѣверскій князь Свидригайло Олгердовичъ, постоянный соперникъ Витовта, и соперникъ опасный, потому что пользовался привязанностью православнаго народонаселенія въ Южной Руси. Свидригайло пріѣхалъ не одинъ: съ нимъ пріѣхалъ владыка Черниговскій, шесть князей Юго-Западной Руси и множество бояръ черниговскихъ и сѣверскихъ. Московскій князь не зналъ, чѣмъ изъявить свое радушіе знаменитому выходцу; онъ далъ Свидригайлу въ кормленіе городъ Владиміръ, со всѣми волостями и пошлинами, селами и хлѣбами земляными и стоячими, также Переяславль (взятый, слѣдовательно, у князя Нелюба), Юрьевъ-Польскій, Волокъ-Ламскій. Ржевъ и половину Коломны. Въ іюлѣ пріѣхалъ Свидригайло, въ сентябрѣ Василій съ полками своими и татарскими уже стоялъ на границахъ, на берегу Угры, а на другомъ берегу этой рѣки стоялъ Витовтъ съ Литвою, Поляками, Нѣмцами и Жмудью. Но и тутъ битвы не было: простоявши много дней другъ противъ друга, князья заключили миръ и разошлись.

Витовтъ былъ сдержанъ: послѣ мира на Угрѣ, во все остальное время княженія Василіева, онъ не обнаруживалъ больше непріятельскихъ замысловъ ни противъ Москвы, ни противъ Новгорода и Пскова. Во время войны между князьями Московскимъ и Ли-

[1]) Съ перваго раза кажется, что Псковичи повоевали волости литовскія, и слѣд. Ржева (село Подржевка, къ югу отъ города Новоржева, Псковской губерніи, см. Сѣвер. Арх. 1822, № 23) и Великія Луки принадлежали уже Витовту. Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ сказано слѣдующее: «Псковичи же отъслали ихъ (полки новгородскіе) къ Новугороду, а сами ѣхавше на крестномъ цѣлованіи повоеваша села новогородьская, Лукы и Ржеву» (П. С. Р. Л. V, стр. 254). Псковичи дѣйствительно воевали и литовскія и новгородскія волости вмѣстѣ, ибо Ржева съ Великими Луками принадлежали Литвѣ и Новгороду пополамъ, какъ принадлежали прежде Новгороду и смоленскимъ князьямъ пополамъ; когда же Витовтъ овладѣлъ Смоленскомъ, то съ этимъ пріобрѣлъ право и на всю Смоленскую волость.

[2]) Серпейскъ, заштатный городъ Калужской губерніи, Мещовскаго уѣзда.

[3]) Плава впадаетъ въ Упу близъ Крапивны, Тульской губерніи; Дмитровецъ теперь деревня въ Калужской губерніи, на рѣкѣ Протвѣ.

товскимъ Новгородцы, по обычаю, не хотѣли быть ни за того, ни за другого: не отступали отъ Москвы и между тѣмъ держали у себя на пригородахъ князя Семена-Лугвенія Олгердовича, присяжника Ягайлова. Напрасно послѣ того Ягайло и Витовтъ уговаривали Новгородцевъ заключить тѣсный союзъ съ Польшею и Литвою и воевать вмѣстѣ съ Нѣмцами,—тѣ не соглашались, причемъ высказалась уже главная причина, которая будетъ постоянно препятствовать тѣсному союзу Новгорода съ Гедиминовичами: послѣдніе были уже латины, поганые. Въ 1411 году Симеонъ-Лугвеній, видя, что мало пользы служить на пригородахъ новгородскихъ, уѣхалъ въ Литву, свелъ и намѣстниковъ своихъ, и въ началѣ слѣдующаго года, Ягайло, Витовтъ и Лугвеній разорвали всякій союзъ съ Новгородцами, прислали имъ взметныя грамоты и велѣли сказать: „Что было вамъ взяться служить намъ, разорвать миръ съ Нѣмцами, съ нами стать заодно и закрѣпиться на обѣ стороны въ запасъ; пригодился бы этотъ союзъ—хорошо, а не пригодился,—такъ ничего бы дурного не было; мы къ вамъ посылали бояръ своихъ Немира и Зиновья Братошича спросить васъ, стоите ли въ прежнемъ договорѣ? и вы отвѣчали Немиру: „Не можетъ Новгородъ исполнить королевскаго требованія,—какъ онъ съ Литовскимъ княземъ миренъ, такъ и съ Нѣмцами миренъ".—Мы князя Лугвенія вывели отъ васъ къ себѣ, съ Нѣмцами заключили миръ вѣчный, и съ Венграми, и со всѣми нашими сосѣдями (граничниками), а вы слово свое забыли, да еще ваши люди насъ бранили и безчестили, поганымизвали; кромѣ того, вы приняли нашего врага, сына Смоленскаго князя". Лугвеній велѣлъ прибавить: „Держали вы меня у себя хлѣбокормленіемъ, а теперь старшимъ моимъ братьямъ, королю и Витовту, это не любо, и мнѣ не любо, потому что я съ ними одинъ человѣкъ,—и съ меня крестное цѣлованіе долой". Войны однако у Новгорода съ Литвою не было: въ 1414 году новгородскіе послы ѣздили въ Литву и заключили съ Витовтомъ миръ по старинѣ; Псковичи же заключили миръ съ Литовскимъ княземъ еще въ 1409 году, по старинѣ, на псковской волѣ, по докончанію великаго князя Василія Димитріевича; слѣдовательно при заключеніи мира на Угрѣ Московскій князь выговорилъ у Витовта и миръ со Псковомъ. Но въ 1418 году Витовтъ писалъ къ великому магистру Нѣмецкаго Ордена, поднимая его противъ Псковичей; магистръ отговаривался тѣмъ, что у Ордена съ Псковомъ заключенъ десятилѣтній миръ; Витовтъ возражалъ, что Орденъ учрежденъ для постоянной борьбы съ невѣрными и слѣдовательно долженъ помогать ему, Витовту, какъ единовѣрному государю противъ невѣрныхъ Псковичей; представлялъ въ примѣръ собственное поведеніе: въ прошломъ году Московскій великій князь присылалъ звать его на Нѣмцевъ, но онъ не согласился [1]). Неизвѣстно, потому ли Витовтъ хотѣлъ поднять Орденъ на Псковичей, что самъ не могъ напасть на нихъ безъ нарушенія договора съ Москвою; извѣстно только то, что войны со Псковомъ не было.

Витовтъ былъ сдержанъ; но на сѣверо-востокѣ не умѣли понять необходимости войны съ Литовскимъ княземъ; видѣли вооруженія сильныя, но съ перваго взгляда безполезныя; видѣли странную борьбу, кончившуюся, какъ будто, ничѣмъ; сильно досадовали, что иноплеменнику Свидригайлу дано такъ много богатыхъ волостей; всего больше боялись и ненавидѣли Татаръ; отъ нихъ опасались вредныхъ замысловъ, и вотъ—дѣйствительно Эдигей страшно опустошилъ Московскія владѣнія. Эдигей, по мнѣнію лѣтописца, ссорилъ тестя съ зятемъ, чтобы они тратили свои силы въ борьбѣ и тѣмъ легче стали бы добычею Татаръ; Эдигей посылалъ въ Москву къ великому князю Василію, побуждая его на Витовта, давая ему помощь свою, а князья и бояре и всѣ думцы великокняжескіе и вся Москва радовалась Эдигеевой любви къ Василію Димитріевичу, и говорили: „Вся Орда въ волѣ великаго князя, кого хочетъ воюетъ". Вотъ и начали воевать Литву, водя съ собою рать татарскую, а Литва воевала Москвичей; крови лилось много. Татары обогащались добычею, а московскіе бояре, воеводы и вельможи веселились. Но старикамъ старымъ это не нравилось: „Не добра дума бояръ нашихъ, говорили они, что приводятъ на помощь къ себѣ Татаръ, нанимаютъ ихъ серебромъ и золотомъ: не отъ того ли и въ старину Кіеву и Чернигову приключились большія напасти и бѣды? и тамъ братья воевали другъ съ другомъ, поднимая Половцевъ на помощь; а Половцы, разсмотрѣвши весь нарядъ и всю крѣпость князей нашихъ, потомъ ихъ всѣхъ одолѣвали. Что, если и теперь то же случится? Князь великій Василій Димитріевичъ воевалъ съ тестемъ своимъ, великимъ княземъ Витовтомъ Кейстутьевичемъ, утомились и заключили перемиріе, а вражда между ними умножалась, и оба понесли много убытковъ и томленія. Не было въ то время на Москвѣ бояръ старыхъ, но молодые обо всемъ совѣтовали, радуясь войнѣ и кровопролитію, а между тѣмъ Эдигей безпрестанно ссорилъ князей, разсматривая весь русскій нарядъ и все войско, дожидаясь удобнаго времени, когда бы напасть на Русь. Въ это время прислалъ въ Москву къ великому князю Свидригайло Олгердовичъ, желая съ нимъ вмѣстѣ воевать Литву. Свидригайло былъ вѣрою Ляхъ, но устроенъ къ брани, мужъ храбрый и крѣпкій на ополченіе; обрадовался ему князь великій со всѣми боярами своими, дали ему городовъ много, чуть-чуть не половину всего княженія Московскаго, и даже славный городъ Владиміръ, гдѣ соборная златоверхая церковь Пречистой Богородицы; и это все Ляху-пришельцу дано было; отъ того и многія бѣды постигли насъ: хра-

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д., копіи съ Кенигсберг. актовъ, Liefer. VI, № 144. За возможность пользоваться этими любопытными актами изъявляю глубочайшую благодарность князю Михаилу Андреевичу Оболенскому.

брый князь Свидригайло Олгердовичъ и храброе его воинство смутились и испугались, какъ дѣти малыя, во время Эдигеева нашествія, и обратились въ бѣгство".

Такъ разсуждаетъ лѣтописецъ. Свидригайло дѣйствительно не оправдалъ надеждъ великаго князя, хотя, быть можетъ, союзъ этого Олгердовича съ Московскимъ княземъ и заставилъ Витовта ускорить заключеніемъ мира съ послѣднимъ. Свидригайло не могъ быть доволенъ такимъ окончаніемъ войны, которое нисколько не измѣняло его положенія къ лучшему относительно Литвы: ему не удалось свергнуть Витовта съ московскою помощію. Вотъ почему онъ вошелъ въ тѣсную дружбу съ братомъ великаго князя, Юріемъ, который уже тогда былъ въ размолвкѣ съ Василіемъ, не желая уступать старшинства племяннику; этимъ объясняется поступокъ Свидригайла, который во время Эдигеева нашествія не оказалъ великому князю никакой помощи, и скоро отъѣхалъ назадъ на Литву (1409 г.), обнаруживъ свою вражду къ Москвѣ тѣмъ, что на дорогѣ ограбилъ Серпуховъ [1]).

Неизвѣстно, чего надѣялся Свидригайло въ Литвѣ: извѣстно только то, что по пріѣздѣ своемъ сюда онъ былъ схваченъ въ Кременцѣ, заключенъ въ темницу Ягайломъ и Витовтомъ, и пробылъ въ цѣпяхъ около девяти лѣтъ: только въ 1418 году онъ былъ освобожденъ Острожскимъ княземъ и убѣжалъ въ Венгрію. Но заключеніе Свидригайла не могло положить конца волненіямъ въ Литвѣ и Руси, ибо эти волненія зависѣли не отъ личности одного человѣка, но отъ взаимныхъ отношеній двухъ или трехъ народовъ, приведенныхъ въ неожиданную связь однимъ случайнымъ обстоятельствомъ. Слѣдя за отношеніями Московскаго князя къ Литовскому, мы видѣли обширные честолюбивые замыслы послѣдняго: примысливъ важную волость Смоленскую, Витовтъ хотѣлъ сдѣлать тоже съ Новгородомъ и Псковомъ, хотѣлъ посадить своего хана въ Кипчакѣ и съ его помощію подчинить себѣ Москву; но этотъ могущественный и честолюбивый князь былъ ни иное что, какъ вассалъ двоюроднаго брата своего, короля Польскаго; могъ ли Витовтъ терпѣливо сносить такое положеніе, могли ли терпѣливо сносить его Литва и Русь? Въ 1398 г., королева Ядвига прислала къ Витовту письмо, въ которомъ говорилось, что Ягайло отдалъ ей княжества Литовское и Русское въ вѣно, вслѣдствіе чего она имѣетъ право на ежегодную дань съ нихъ. Витовтъ собралъ сеймъ въ Вильнѣ и предложилъ боярамъ литовскимъ и русскимъ вопросъ: „Считаютъ ли они себя подданными короны польской въ такой степени, что обязаны платить дань королевѣ?" Всѣ единогласно отвѣчали: „Мы не подданные Польши ни подъ какимъ видомъ; мы всегда были вольны, наши предки никогда Полякамъ дани не платили, не будемъ и мы платить, останемся при нашей прежней вольности". Послѣ этого Поляки больше уже не толковали о дани. Но Витовтъ и бояре его не могли забыть этой попытки со стороны Польши, и должны были подумать о томъ, какъ бы высвободиться и изъ-подъ номинальнаго подчиненія. Однажды на обѣдѣ, данномъ по случаю заключенія мира съ Орденомъ, бояре провозгласили тостъ за Витовта, короля Литовскаго и Русскаго, и просили его, чтобъ онъ позволилъ всегда такъ величать себя. Витовтъ на этотъ разъ притворился скромникомъ и отвѣчалъ, что не смѣетъ еще почитать себя достойнымъ такого высокаго титула. Королемъ Литовскимъ и Русскимъ могли провозглашать его вельможи, потому что еще въ 1396 году древняя собственная Русь, или Кіевская область, лишилась своего великаго князя, Скиргайла-Ивана, и соединилась опять съ Литвою. Но если князь Литовско-Русскій съ своими боярами хотѣлъ независимости отъ Польши, то вельможи польскіе старались всѣми силами соединить неразрывно Литву и Русь съ своимъ государствомъ: въ 1401 году, на Виленскомъ сеймѣ, въ присутствіи Ягайла и Витовта, было опредѣлено, что по смерти Витовта Литва и Русь возвращаются снова подъ власть Ягайла; по смерти же королевской ни Литва безъ Польши не выбираетъ великаго князя, ни Польша безъ Литвы не выбираетъ короля; оба народа имѣютъ общихъ враговъ и друзей. Ходили слухи еще объ одномъ пунктѣ договора, а именно, что по смерти Ягайла престолъ польскій переходитъ къ Витовту. Въ 1413 году связь съ Польшею была еще болѣе скрѣплена на сеймѣ Городельскомъ: дворянство литовское сравнено въ правахъ съ дворянствомъ польскимъ, за исключеніемъ однако православныхъ [2])

[1]) Никон. V, 109. Касательно другого выходца, Нелюба, въ Кенигсберг. тайномъ архивѣ находится донесеніе в. магистру Ордена о томъ, что Витовтъ помирился съ Свидригайломъ, намѣренъ помириться и съ Московскимъ княземъ, если тотъ выдастъ ему князя Александра Ивановича и Юрія Смоленскаго.—Москов. Арх. Мин. Иностр. Дѣлъ, копіи съ актовъ Кенигсберг. архива. Lieferung II, № 26.

[2]) Шла молва, будто Свидригайло былъ отравленъ, и подозрѣвали въ преступленіи Ѳому, митрополичьяго намѣстника, послѣ обѣда у котораго великій князь заболѣлъ и на седьмой день умеръ. Витовтъ, узнавъ о смерти Свидригайла, прислалъ въ Кіевъ князя Ивана Ольгимантовича Ольшанскаго, въ качествѣ своего намѣстника. Этотъ князь палъ въ битвѣ при Ворсклѣ. Преемникомъ его былъ, какъ видно, сынъ прежняго князя Владиміра Олгердовича, Александръ, или Олелько Владиміровичъ; отъ него имѣемъ мы двѣ грамоты: одну, данную въ 1411 году Кіевскому доминиканскому монастырю—въ ней Александръ подтверждаетъ пожалованіе отца своего (описаніе Кіево-Софійскаго Собора, стр. 99); другая дана имъ, вмѣстѣ съ женою, Лаврешевскому монастырю на десятину (Акты, относящ. къ Истор. Запад. Россіи, т. I, № 28); въ этой грамотѣ говорится: «Се язъ князь Олександро Володимеровичъ, и съ своею княгинею Московъкою и своими дѣтми, далъ есмъ десятину св. Богородицѣ и проч.». Эта княгиня Московка была Анастасія, дочь Московскаго в. князя Василія Дмитріевича. Преемникомъ Александра въ Кіевѣ былъ сынъ его Семенъ. Кромѣ преемства князей, лѣтописи упоминаютъ еще объ опустошеніи Кіева и всей Русской Земли Татарами подъ предводительствомъ Эдигея въ 1416 году (Густин. лѣтоп. стр. 354)—Постановленіе сеймовъ Виленскаго и Городельскаго см. въ Zbiór praw Litewskich—Dzialynskiego, стр. 3, 7, 20.

Послѣдній пунктъ показывалъ ясно, какъ мало прочности было для будущаго въ этой связи Литвы съ Польшею; но пока она еще не рушилась, и первымъ важнымъ слѣдствіемъ ея для Восточной Европы было сокрушеніе Нѣмецкаго Ордена. Въ концѣ XIV вѣка Витовтъ, чтобы заняться дѣлами на востокѣ, хотѣлъ жить въ мирѣ съ Нѣмцами, и даже отдалъ имъ на жертву Жмудь, упорно державшуюся язычества. Въ 1399 году, пользуясь прибытіемъ заграничныхъ крестоносцевъ, въ томъ числѣ Карла, герцога Лотарингскаго, великій магистръ выступилъ на Жмудь, жители которой одни не могли сопротивляться Нѣмцамъ и принуждены были принять подданство и крещеніе; нѣкоторые изъ нихъ, однако, по примѣру старыхъ Пруссовъ, убѣжали въ Литву. Когда Орденъ неотступно требовалъ ихъ выдачи у Витовта, то послѣдній отвѣчалъ: „Вы, вѣрно, хотите, чтобъ я всѣмъ Жмудинамъ заразъ велѣлъ возвратиться въ ихъ землю? Хорошо; но знайте, что эти люди самые горячіе приверженцы независимости, которую вы отняли у ихъ земляковъ; никто лучше ихъ не защитить ея“. Угроза Витовта скоро исполнилась: возстаніе вспыхнуло во всей Жмуди, толпы вышли изъ лѣсовъ и ударили на новопостроенные замки орденскіе, сожгли ихъ, изрубили гарнизоны, начальниковъ, рыцарей, духовныхъ побрали въ неволю, послѣ чего отправлены были послы къ Витовту съ просьбою, чтобъ онъ взялъ Жмудь подъ свою власть. Витовтъ согласился; Жмудины разослали всюду грамоты съ жалобою на Орденъ: „Выслушайте насъ, угнетенныхъ, измученныхъ, выслушайте насъ, князья духовные и свѣтскіе! Орденъ не ищетъ душъ нашихъ для Бога, онъ ищетъ земель нашихъ для себя; онъ насъ довелъ дотого, что мы должны или ходить по-міру, или разбойничать, чтобы было чѣмъ жить. Какъ они послѣ того смѣютъ называть себя братьями, какъ смѣютъ крестить? Кто хочетъ другихъ умывать, долженъ быть самъ чистъ. Правда, что Пруссы покрещены; но они такъ-же ничего не смыслятъ въ вѣрѣ, какъ и прежде: когда войдутъ съ рыцарями въ чужую землю, то поступаютъ хуже Турокъ, и чѣмъ злѣе свирѣпствуютъ, тѣмъ больше похвалъ получаютъ отъ Ордена. Всѣ плоды земли нашей и ульи пчелиные рыцари у насъ забрали; не даютъ намъ ни звѣря бить, ни рыбы ловить, ни торговать съ сосѣдями; что годъ, увозили дѣтей нашихъ къ себѣ въ заложники; старшинъ нашихъ завезли въ въ Пруссію, другихъ со всѣмъ родомъ огнемъ сожгли; сестеръ и дочерей нашихъ силой увлекли,— а еще крестъ святой на платьи носятъ! Сжальтесь надъ нами! Мы просимъ крещенія; но вспомните, что мы люди же, сотворенные по образу и подобію Божію, а не звѣри какіе.... Отъ всей души хотимъ быть христіанами, но хотимъ креститься водою, а не кровію“.

Началась война. Рыцари, пользуясь отсутствіемъ Витовта къ брату въ Краковъ, опустошили окрестности Гродно, за что Жмудь взяла Мемель; два раза потомъ сильное орденское войско опустошало Литву; Витовтъ отплатилъ рыцарямъ опустошеніемъ Пруссіи: съ обѣихъ сторонъ впрочемъ не сдѣлали ничего важнаго, и заключили перемиріе, а въ 1404 году—вѣчный миръ. Витовтъ принужденъ былъ спѣшить заключеніемъ мира съ Орденомъ, потому что долженъ былъ обратить вниманіе свое на отношенія къ Сѣверо-Восточной Руси; онъ уступилъ опять Жмудь рыцарямъ, обязавшись даже, въ случаѣ сопротивленія Жмудиновъ, помогать Ордену при ихъ покореніи. Несмотря на это, Жмудь не думала покоряться добровольно. Когда орденскія и Витовтовы войска входили въ ея области, жители преклонялись на время передъ силою, но потомъ возставали опять. „Не мало у насъ (говорили они) прелатовъ, ксензовъ и тому подобныхъ людей, которые отбираютъ у насъ шерсть и молоко, а въ ученіи христіанскомъ не наставляютъ насъ.“ Между тѣмъ Витовтъ, управившись на востокѣ, началъ думать, какъ бы опять овладѣть Жмудью, сталъ поддерживать жителей ея въ ихъ возстаніяхъ, слѣдствіемъ чего были новыя войны Польши и Литвы съ Орденомъ. Въ 1410 году Витовтъ соединился съ Ягайломъ и встрѣтилъ орденское войско подъ Грюнвальдомъ; у рыцарей было 83,000 войска, у Витовта и Ягайла 163,000, между которыми находились русскіе полки: смоленскій, полоцкій, витебскій, кіевскій, пинскій и другіе. Въ началѣ битвы успѣхъ былъ на сторонѣ рыцарей; но отчаянное мужество русскихъ смоленскихъ полковъ, выдержавшихъ натискъ Нѣмцевъ, дало возможность Витовту поправить дѣло: рыцари потерпѣли страшное пораженіе, потеряли великаго магистра Ульриха фонъ-Юнгингена, болѣе 40,000 убитыми и 15,000 взятыми въ плѣнъ, вмѣстѣ со всѣмъ обозомъ. Грюнвальдская битва была одна изъ тѣхъ битвъ, которыя рѣшаютъ судьбы народовъ; слава и сила Ордена погибли въ ней окончательно; покорители разъединенныхъ Пруссовъ встрѣтили громадное ополченіе изъ трехъ соединенныхъ народовъ Восточной Европы, предъ которымъ силы, мужество, искусство рыцарей оказались недостаточными; военное братство, существовавшее для борьбы, не имѣло болѣе ни средствъ, ни цѣли для борьбы; силы его поникли предъ соединенными силами трехъ народовъ христіанскихъ; въ ополченіи враговъ Ордена не приносилось болѣе языческихъ жертвъ, въ немъ раздавалась христіанская молитва: „Богородице, Дѣво, радуйся!“ Орденъ былъ предоставленъ собственнымъ средствамъ; потерянныя силы не восполнялись болѣе толпами рыцарей изъ разныхъ краевъ Европы, потому что Орденъ не велъ болѣе войны съ невѣрными, слѣдовательно существованіе его становилось уже безцѣльнымъ, ненужнымъ, и существованіе это послѣ Грюнвальдской битвы представляетъ только продолжительную агонію.

Въ то время, какъ Орденъ Тевтонскій въ Пруссіи оканчивалъ борьбу свою съ Литвою, другая половина его, Орденъ Меченосцевъ въ Ливоніи, продолжалъ борьбу со Псковомъ и Новгородомъ. Въ

1406 году, по возвращеніи Псковичей съ войны Литовской, изъ-подъ Полоцка, магистръ Ливонскій пришелъ со всею силою, и ходилъ двѣ недѣли по ихъ волости [1]); но извѣстно, что значило тогда ходить по чужой волости. Жители пригорода Велья [2]) выѣхали въ числѣ 150 человѣкъ желѣзной рати, помолились Богу и Св. Михаилу, и ударили на Нѣмцевъ; поганые не выдержали и обратились въ бѣгство, потерявши много людей и знамя; а изъ Вельянъ никто не былъ не только убитъ, но даже и раненъ; одного только Нѣмцы взяли въ плѣнъ, но и тотъ убѣжалъ. Это было въ августѣ мѣсяцѣ; въ октябрѣ Псковичи подняли всю свою волость и пошли на Нѣмецкую Землю, подстерегли нѣмецкую рать, убили у нея 20 человѣкъ, да 7 взяли живыхъ; потомъ пошли за Новый Городокъ, встрѣтили другую нѣмецкую рать, ударили и на нее, убили 315 Нѣмцевъ, потеряли своихъ 34 человѣка, и возвратились домой съ большою добычею. Въ слѣдующемъ году пріѣхалъ во Псковъ братъ великаго князя Московскаго, Константинъ; первымъ дѣломъ его было послать слугу своего въ Новгородъ на добро Пскову, просить помощи на Нѣмцевъ; Новгородцы однако отказались, не помогли Псковичамъ ни словомъ, ни дѣломъ. Тогда князь Константинъ, будучи юнъ верстою, по выраженію лѣтописца, но совершенъ умомъ, поднявши всю область Псковскую и пригороды, пошелъ воевать за Нарову; повоевали много погостовъ, взяли много добычи; со временъ князей Довмонта и Давыда Псковичи не бывали еще такъ далеко въ Нѣмецкой Землѣ. Благополучно возвратились Псковичи изъ похода; но скоро князь Константинъ уѣхалъ отъ нихъ,—и дѣла перемѣнились: магистръ пришелъ ко Пскову со всею нѣмецкою силою; Псковичи вышли къ нему на-встрѣчу; четыре дня стояли непріятели другъ противъ друга и бились объ рѣку; Нѣмцы не отважились перейти ее и пошли уже назадъ, какъ Псковичи, ободренные этимъ отступленіемъ, перешли рѣку и погнались за ними; тогда Нѣмцы оборотились и нанесли имъ сильное пораженіе на Логозовицкомъ полѣ [3]); убили трехъ посадниковъ, множество бояръ и сельскихъ людей, всего 700 человѣкъ; Нѣмцамъ побѣда стоила также дорого и они не могли воспользоваться ею. Это побоище, по словамъ лѣтописца, было такъ же сильно, какъ Ледовое и Раковорское. Въ то же самое время другая рать псковская потерпѣла неудачу за Наровою, принуждена была бросить свои лодки и бѣжать отъ непріятеля. Псковскій лѣтописецъ при этомъ продолжаетъ жаловаться на Новгородцевъ: они взяли князя изъ Литвы, говоритъ онъ, все Псковичамъ на-перекоръ, вложилъ имъ дьяволъ злыя мысли въ сердце—водить дружбу съ Литвою и Нѣмцами, а Псковичамъ не помогать ни словомъ, ни дѣломъ. Въ слѣдующемъ 1408 году магистръ пришелъ опять со всею своею силою на Псковскую волость, ходилъ по ней двѣ недѣли, но безуспѣшно осаждалъ Велье; потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о новомъ неудачномъ набѣгѣ Нѣмцевъ на Велье и о неудачномъ походѣ Псковичей на Нѣмецкую Землю. Въ 1409 году новое нашествіе Нѣмцевъ, опять безъ важныхъ послѣдствій, кромѣ пораженія псковскихъ охочихъ людей. Наконецъ, въ 1410 году, псковскіе посадники и бояре съѣхались съ рыцарями у Киремпе и заключили миръ по-старинѣ, на псковской волѣ; въ 1417 г. въ Ригу пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ двумя псковскими сановниками, и заключили договоръ о свободной торговлѣ и непропускѣ враговъ Ордена чрезъ псковскія, а псковскихъ чрезъ орденскія владѣнія; въ обидахъ положено искать управы судомъ, а не мечемъ. Великій князь Василій въ этой грамотѣ называется великимъ королемъ Московскимъ, императоромъ Русскимъ [4]). Въ 1420 году нѣмецкіе послы съѣхались съ новгородскими на рѣкѣ Наровѣ и заключили вѣчный миръ, по-старинѣ, какъ было при Александрѣ Невскомъ.

Въ 1392 году приходили шведскіе разбойники въ Неву, взяли села по обѣ стороны рѣки, не доходя до города Орѣшка; но князь Семенъ (Лугвеній) Олгердовичъ нагналъ ихъ и разбилъ; въ 1395 году новое безуспѣшное покушеніе Шведовъ на городъ Яму; въ слѣдующемъ году опять нападеніе Шведовъ на Корельскую Землю, гдѣ они повоевали два погоста; въ 1397 году они взяли семь селъ у города Ямы. Въ 1411 году успѣхъ Шведовъ былъ значительнѣе: они овладѣли однимъ пригородомъ Новгородскимъ [5]); тогда Новгородцы, съ княземъ Семеномъ Олгердовичемъ, пошли сами въ Шведскую Землю, села повоевали и пожгли, народу много перебили и взяли въ плѣнъ, а у города Выборга взяли наружныя укрѣпленія. Въ томъ же году двинскій воевода съ Заволочанами, по приказу изъ Новгорода, ходилъ на Норвежцевъ; послѣдніе отомстили въ 1419 году: пришло ихъ 500 человѣкъ, въ бусахъ и шнекахъ къ берегамъ Бѣлаго моря, повоевали одиннадцать мѣстъ; Заволочанамъ удалось истребить у нихъ только двѣ шнеки [6]).

---

[1]) Полное Собр. Рус. Лѣтоп. IV, 197. «Пріиде местеръ Рижскій со всею силою своею, и Юрьевичи, и изъ Курска (и Курци, т. е. жит. Курляндіи), и подъ Островомъ, и подъ Котелномъ были, а на устьи Сини стояли по обѣ стороны рѣки». Рѣка Синя впадаетъ въ Опочкинскомъ уѣздѣ въ рѣку Великую.

[2]) Мѣстечко Велья, при рѣкѣ того же имени, Псковск. губерніи Опочкинскаго уѣзда.

[3]) Село Логозовичи, Псковскаго уѣзда, на дорогѣ къ Изборску.

[4]) Карамз. V, прим. 202.—Приводимая Карамз. грамота въ примѣч. 218 не можетъ относиться къ 1420 г., по сличеніи именъ пословъ съ именами, какъ они читаются въ лѣтописи.

[5]) П. С. Р. Л. III, 104: «И взяша пригородъ Тиверскій»; въ другихъ спискахъ—Корѣльскій.

[6]) И повоеваша въ Варзугѣ (рѣка Варзуха Кольскаго уѣзда, Архангел. губерн.) погостъ Корѣлскыи, и въ землѣ Заволочскои погосты: въ Неноксѣ (Архангел. уѣзда), въ Козельскомъ монастырѣ св. Николы, Конечный погостъ, Яковлю, Курью, Ондреановъ берегъ, Кигъ островъ, Кяръ островъ, Михаиловъ монастырь, Чиглонимъ, Хѣчпнима.

Когда войны стихли на всѣхъ концахъ Сѣверо-Восточной Руси, тогда явилось бѣдствіе физическое, началъ свирѣпствовать страшный моръ. Въ это время умеръ великій князь Московскій Василій Димитріевичъ, 1425 года, 27 февраля, послѣ тридцати-шестилѣтняго правленія. До насъ дошли три его духовныя грамоты. Первая написана, когда еще у него былъ живъ сынъ Иванъ, а Василій еще не родился [1]). Въ это время великій князь не былъ увѣренъ, достанется ли великое княженіе Владимірское, равно какъ богатые примыслы, Нижній и Муромъ, сыну его, и потому говоритъ предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему князю Ивану княженье великое держать... А дастъ Богъ сыну моему держать Новгородъ Нижній да Муромъ.“ Во второй духовной грамотѣ [2]) великій князь благословляетъ сына Василія утвердительно своею отчиною, великимъ княженіемъ; о Новгородѣ же Нижнемъ говоритъ опять предположительно: „Если мнѣ дастъ Богъ Новгородъ Нижній, то я благословляю имъ сына моего князя Василія.“ Въ третьей грамотѣ утвердительно благословляетъ сына примысломъ своимъ Новгородомъ-Нижнимъ и Муромомъ [3]); но о великомъ княженіи Владимірскомъ говоритъ опять предположительно: „А дастъ Богъ сыну моему великое княженье.“ Замѣчательнѣе всего въ этихъ духовныхъ то обстоятельство, что великій князь приказываетъ сына тестю Витовту, братьямъ Андрею, Петру и Константину, равно какъ троюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Владиміра Андреевича; но ни въ одной грамотѣ не говорится ни слова о старшемъ изъ братьевъ, Юріи Димитріевичѣ — знакъ, что этотъ князь еще при жизни Василія Димитріевича постоянно отрицался признать старшинство племянника, основываясь на древнихъ родовыхъ счетахъ и на криво толкуемомъ завѣщаніи Донскаго, гдѣ послѣдній говоритъ, что, въ случаѣ смерти Василія, удѣлъ его переходитъ къ старшему по немъ брату. Но здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ завѣщаніяхъ, разумѣется кончина безпотомственная, ибо рѣчь идетъ о цѣломъ удѣлѣ Василіевомъ, котораго отчинная часть, по крайней мѣрѣ, если исключимъ великое княженіе Владимірское, должна была переходить къ сыновьямъ покойнаго [4]). Притязанія брата Юрія, какъ видно, и заставили Василія въ послѣдней своей духовной грамотѣ сказать предположительно о великомъ княженіи; въ третьей грамотѣ нѣтъ также имени Константина Димитріевича въ числѣ князей, которымъ Василій поручалъ своего сына.

На первомъ планѣ въ княженіе Василія Димитріевича стоятъ безспорно отношенія литовскія. Почти въ одно время со вступленіемъ на Московскій столъ Василія, въ Литвѣ окончательно утверждается тесть его Витовтъ; оба ознаменовываютъ начало своего княженія богатыми примыслами: Василій овладѣваетъ Нижнимъ-Новгородомъ и Муромомъ, Витовтъ—Смоленскомъ. Примыслы эти достались имъ не легко, не вдругъ, и на берегахъ Волги, и на берегахъ Днѣпра не обошлось безъ борьбы, довольно продолжительной. Въ этой борьбѣ оба князя не только не мѣшаютъ другъ другу, но находятся повидимому въ тѣсномъ союзѣ, живутъ какъ добрые родственники, хотя Витовтъ и выговариваетъ себѣ Москву у Тохтамыша. Но какъ скоро Литовскій князь, утвердившись въ Смоленскѣ, начинаетъ тѣснить Псковъ и Новгородъ, то Василій вооружается противъ него. Кажется наступаетъ рѣшительная минута, въ которую долженъ рѣшиться вопросъ о судьбахъ Восточной Европы: но ни потомки Всеволода III. ни потомки Гедимина не любятъ средствъ рѣшительныхъ: тесть и зять не разъ выходятъ съ полками другъ противъ друга—и расходятся безъ битвы; дѣло оканчивается тѣмъ, что Витовтъ отказывается отъ дальнѣйшихъ покушеній на независимость Пскова, куда Московскій князь посылаетъ своихъ намѣстниковъ; съ другой стороны, и Василій принужденъ отказаться на время отъ богатаго примысла—Двинской Земли. Но мы видѣли, что порваніе мира между тестемъ и зятемъ возбудило сильное неудовольствіе въ Москвѣ; лѣтописецъ жалуется, что не было больше въ думѣ княжеской старыхъ бояръ, и обо всѣхъ дѣлахъ начали совѣтовать молодые. Кто-жъ были эти старые бояре, державшіеся союза съ Литвою и осторожно поступавшіе относительно Татаръ, и кто были эти молодые, начавшіе дѣйствовать иначе? Это мы узнаемъ изъ письма Эдигеева, которое онъ прислалъ великому князю, возвращаясь отъ Москвы въ степи [5]) „Добрые нравы и добрая дума и добрыя дѣла къ Ордѣ были отъ боярина Ѳедора Кошки; добрый былъ человѣкъ; которыя были добрыя дѣла ордынскія — и онъ тебѣ объ нихъ напоминалъ; но это время прошло. Теперь у тебя сынъ его Иванъ, казначей твой и любимецъ, старѣйшина, изъ котораго слова и думы ты не выступаешь. А отъ этой думы улусу твоему теперь разореніе и христіане изгибли. Такъ ты впередъ поступай иначе, молодыхъ не слушай, а собери старшихъ своихъ бояръ: Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, да иныхъ многихъ стариковъ земскихъ, и думай съ ними добрую думу“.

Итакъ, важнѣйшее вліяніе на дѣла оказывалъ сначала бояринъ Ѳедоръ Андреевичъ Кошка, а потомъ сынъ его Иванъ, подлѣ которыхъ видимъ и родичей ихъ, и младшихъ сыновей Ѳедора Кошки—Ѳедора Ѳедоровича и Михаила Ѳедоровича, и родного племянника его, Игнатія Семеновича Же-

---

[1]) Собр. гос. гр. и дог. I, № 39.

[2]) Тамъ же, № 41.

[3]) Тамъ же, № 42.

[4]) Что же касается извѣстія, сообщаемаго Герберштейномъ (Rerum Moscovit. Auctores varii, Francof. p. 6), будто Василій Димитріевичъ, подозрѣвая жену свою Анастасію (Софью) въ невѣрности, отказалъ великое княженіе не сыну Василію, но брату Юрію, то это сказка, выдуманная и разсказанная Герберштейну людьми, озлобленными на потомство Василія Темнаго.

[5]) Собр. гос. гр. и дог. т. II, № 15.

ребцова, бывшаго коломенскимъ воеводою и убитаго въ сраженіи съ Пронскимъ княземъ. Старшими боярами Эдигей называетъ Илью Ивановича, Петра Константиновича, Ивана Никитича, изъ которыхъ первый, по родословнымъ, оказывается сыномъ извѣстнаго Ивана Родіоновича Квашни. Этотъ Иванъ Родіоновичъ умеръ въ 1390 году, и извѣстіе о его смерти занесено въ лѣтопись. Изъ Вельяминовыхъ, по соображеніи съ родословными книгами, можно указать только Өедора Ивановича, сына казненнаго Ивана Васильевича [1]). Знаменитый бояринъ Донскаго, Өедоръ Андреевичъ Свиблъ больше не упоминается; но въ духовныхъ грамотахъ своихъ великій князь Василій говоритъ о селахъ Өедора Свибла, которыя онъ взялъ за себя, и о холопахъ, которыхъ онъ отнялъ у него; это выраженіе указываетъ на опалу; но между боярами Василія упоминается родной братъ Свибла, Михаилъ Андреевичъ Челядня. Изъ извѣстныхъ намъ прежде родовъ и лицъ упоминаются также между боярами: Константинъ Дмитріевичъ Шея, сынъ Димитрія Александровича Зерна, внукъ Четовъ; Иванъ Дмитріевичъ, сынъ Димитрія Всеволожа; Владиміръ Даниловичъ Красный-Снабдя, бывшій намѣстникомъ въ Нижнемъ-Новгородѣ; Даніилъ и Степанъ Өеоөановичи Плещеевы, родные племянники Св. митрополита Алексія; о Даніилѣ сказано въ лѣтописи подъ 1393 годомъ: „Преставился Данило Өеофановичъ [2]), который много служилъ великому князю въ Ордѣ, и на Руси, и по чужимъ землямъ". Наконецъ упоминаются въ лѣтописи Иванъ Уда и Александръ Белеутъ.—Изъ неизвѣстныхъ упоминаются: Димитрій Аөинеевичъ, подписавшійся на первой духовной Василія на третьемъ мѣстѣ; Андрей Албердовъ, занявшій Двинскую Землю; Александръ Поле, Иванъ Маринъ (оба подъ 1401 годомъ); Селиванъ (или Селиванъ Борисовичъ, внукъ Димитрія Михайловича Волынскаго, или Селиванъ Глѣбовичъ Кутузовъ); Димитрій Васильевичъ; Степанъ Васильевичъ; намѣстниками въ Нижнемъ-Новгородѣ, вмѣстѣ съ Владиміромъ Даниловичемъ Краснымъ, были—Григорій Владиміровичъ и Иванъ Лихорь; въ 1393 году Новоторжцы убили великокняжескаго боярина Максима; въ битвѣ съ Пронскимъ княземъ, вмѣстѣ съ Игнатіемъ Жеребцовымъ погибли Михаилъ Лялинъ и Иванъ Брынка, тутъ же попался въ плѣнъ муромскій воевода Семенъ Жирославичъ: намѣстникомъ во Владимірѣ упоминается Юрій Васильевичъ Щека; подъ 1390 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Коломнѣ на игрушкѣ былъ убитъ Осей, кормиличичъ великаго князя.—Какъ при Донскомъ, новопріѣзжій бояринъ Димитрій Михайловичъ Волынскій оттѣснилъ на низшую ступень, или заѣхалъ, по тогдашнему выраженію, нѣкоторыхъ старыхъ бояръ, такъ при Василіи Дмитріевичѣ Литовскій князь Юрій Патрикѣевичъ, внукъ Наримантовъ, вступивши въ службу къ Московскому князю, заѣхалъ [3]) также нѣкоторыхъ бояръ, и его имя встрѣчаемъ на первомъ мѣстѣ въ духовныхъ великокняжескихъ. Братъ его, князь Өедоръ Патрикѣевичъ, былъ намѣстникомъ великаго князя въ Новгородѣ въ 1420 году.—Дьяками великокняжескими были: Тимоөей Ачкасовъ и Алексѣй Стромиловъ.

Глава II.

Княженіе Василія Васильевича Темнаго.

(1425—1462.)

Малолѣтство Василія Васильевича.—Новая усобица дяди съ племянникомъ.—Споръ въ Ордѣ между ними.—Московскій бояринъ Всеволожскій.—Ханъ рѣшаетъ дѣло въ пользу племянника Василія противъ дяди Юрія Димитріевича.—Отъѣздъ боярина Всеволожскаго отъ великаго князя къ дядѣ его Юрію.—Возобновленіе борьбы между дядею и племенникомъ.—Василій попадается въ плѣнъ къ Юрію.—Василій въ Коломнѣ.—Продолженіе борьбы.—Смерть Юрія.—Василій утверждается въ Москвѣ.—Отношенія Василія Васильевича къ двоюроднымъ братьямъ, сыновьямъ Юрія, Василію Косому и Димитрію Шемякѣ.—Ослѣпленіе Косого.—Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ.—Отношенія татарскія.—Плѣнъ великаго князя у казанскихъ Татаръ и освобожденіе.—Шемяка овладѣваетъ Москвою, захватываетъ великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ и ослѣпляетъ.—Слѣпой Василій получаетъ Вологду.—Движенія его приверженцевъ, которые овладѣваютъ Москвою.—Продолженіе борьбы Василія съ Шемякою.—Дѣятельность духовенства въ этой борьбѣ.—Смерть Шемяки.—Отношенія великаго князя къ другимъ удѣльнымъ князьямъ.—Отношенія къ Рязани и Твери.—Отношеніе къ Новгороду и Пскову.—Событія въ Литвѣ, борьба ея съ Польшею.—Отношенія Литвы къ Москвѣ.—Татарскія нашествія.—Борьба Новгорода и Пскова со Шведами и Нѣмцами.—Смерть великаго князя Василія; его духовная грамота; его приближенные.

По смерти Василія Димитріевича, на столѣ Московскомъ и всея Руси явился опять малолѣтній, десятилѣтній князь, Василій Васильевичъ. Малолѣтствомъ дѣда его, Димитрія, хотѣлъ воспользоваться Димитрій Суздальскій, князь изъ старшей линіи потомства Ярослава Всеволодовича; но Москва была уже такъ сильна, что, несмотря и на малолѣтство ея князя, Суздаль, даже поддерживаемый ханомъ, не могъ остаться побѣдителемъ въ

[1]) Өедоръ Ив. подписался подъ 2-ю и 3-ю духовною Вас. Дмитр.

[2]) Никон. IV, 251; здѣсь ошибкою—Өедоровичъ см. Өеофановичъ.

[3]) Москов. Сборн. 1847 года, стр. 280.

борьбѣ. Теперь, при малолѣтнемъ внукѣ Димитріевомъ, никто изъ князей не осмѣливается спорить за Владиміръ съ потомками Калиты; Нижній, Суздаль принадлежатъ уже Москвѣ; Тверь давно уже отказалась отъ всякаго наступательнаго движенія. Но теперь, когда не можетъ быть болѣе борьбы у Московскаго князя за Владиміръ ни съ княземъ Нижегородскимъ, ни съ Тверскимъ, начинается борьба между самими потомками Калиты, между самими князьями московскими — за Москву и уже неразрывно соединенный съ нею Владиміръ. До сихъ поръ мы видѣли частыя и явныя нарушенія родовыхъ правъ старшинства въ потомствѣ Всеволода III, нарушенія, постоянно увѣнчивавшіяся успѣхомъ: видѣли возстаніе Михаила Ярославича Московскаго противъ дяди Святослава; возстаніе Андрея Александровича Городецкаго противъ старшаго брата, Димитрія Переяславскаго, возстаніе Юрія Московскаго противъ старшаго въ родѣ Михаила Тверскаго; но все это были возстанія противъ порядка вещей, который хотя и видимо ослабѣвалъ (что именно доказывалось успѣхомъ явленій, противъ него направленныхъ), однако еще держался, признавался вообще всѣми какъ законно существующій, и явленія, ему враждебныя, были только исключеніями; не являлось еще ни одного князя, который рѣшился бы это исключеніе сдѣлать правиломъ. Димитрій Донской первый завѣщалъ старшіе столы—и Московскій и Владимірскій сыну своему мимо двоюроднаго брата, который самъ согласился на это распоряженіе, согласился признать племянника старшимъ братомъ; но этотъ братъ Донскаго былъ, во-первыхъ, братъ двоюродный; во-вторыхъ, не могъ занять старшаго стола по отчинѣ: отецъ его не былъ никогда великимъ княземъ Московскимъ и Владимірскимъ. Гораздо важнѣе, слѣдовательно, и рѣшительнѣе было распоряженіе сына Димитріева, Василія, завѣщавшаго старшинство сыну своему мимо родныхъ своихъ братьевъ, которыхъ права, по старинѣ, были совершенно безспорны. И вотъ полноправный, по старинѣ, наслѣдникъ старшинства, князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій отказывается признать старшинство племянника, отказывается признать законность новаго порядка престолонаслѣдія. Должна была возгорѣться борьба, борьба послѣдняя и рѣшительная, которая нисколько не похожа на прежнія усобицы между дядьми и племянниками. Припомнимъ древнюю борьбу Изяслава Мстиславича съ дядею, Юріемъ Долгорукимъ: Изяславъ занялъ Кіевъ вопреки правамъ дяди, но никогда не смѣлъ отрицать этихъ правъ, говорилъ прямо, что Юрій старше его, но не умѣетъ жить съ родичами и проч.; припомнимъ также, что возможность этой борьбы условливалась обстоятельствомъ случайнымъ,—слабостію, неспособностію полноправнаго дяди Вячеслава, предъ которымъ однако Изяславъ принужденъ былъ наконецъ покаяться. Но теперь оба порядка, оба обычая—старый и новый—сталкиваются другъ съ другомъ во всей чистотѣ; князь Юрій—полноправный наслѣдникъ старшинства по старинѣ; племянникъ его, Василій Васильевичъ, получаетъ это старшинство по завѣщанію отцовскому, съ полнымъ отрицаніемъ правъ дяди, безъ всякаго пособія какого либо случайнаго обстоятельства, которое ослабляло бы права дяди и давало племяннику предлогъ къ возстанію противъ нихъ. Въ этой новой борьбѣ дяди съ племянникомъ какъ бы нарочно племянникъ является малолѣтнимъ и, потому, неспособнымъ дѣйствовать самъ по себѣ. До сихъ поръ, когда племянники возставали противъ дядей, то это было обыкновенно возстаніе болѣе даровитой, болѣе сильной личности; но теперь, какъ нарочно, слабый отрокъ вступаетъ въ борьбу противъ сильнаго своимъ правомъ стараго дяди, слѣдовательно всѣ преимущества повидимому на сторонѣ послѣдняго, а между тѣмъ побѣждаетъ малолѣтній племянникъ, и тѣмъ рѣзче обнаруживается вся крѣпость новаго порядка вещей, который не зависитъ болѣе отъ личныхъ средствъ.

Могущественныя средства малолѣтняго Василія обнаружились въ самомъ началѣ: въ ту самую ночь, какъ умеръ великій князь Василій Димитріевичъ, митрополитъ Фотій послалъ своего боярина въ Звенигородъ къ Юрію, звать его въ Москву. Но Юрій не хотѣлъ признавать племянника старшимъ, боялся принужденія въ Москвѣ, боялся даже оставаться по близости въ Звенигородѣ и уѣхалъ въ отдаленный Галичъ, откуда прислалъ съ угрозами къ племяннику и съ требованіемъ перемирія мѣсяца на четыре. Въ Москвѣ согласились на перемиріе, которое было употреблено съ обѣихъ сторонъ для собранія войска. Бояре московскіе съ малолѣтнимъ княземъ своимъ предупредили Юрія и пошли къ Костромѣ съ большимъ войскомъ, въ которомъ находились и остальные дядья великаго князя, Димитріевичи: это напугало Юрія, который побѣжалъ въ Нижній-Новгородъ и сѣлъ тамъ; противъ него отправленъ былъ братъ его, Константинъ Димитріевичъ, который прежде самъ вооружался за старшинство дядей; Юрій изъ Нижняго побѣжалъ за Суру и сталъ на одномъ ея берегу, а Константинъ—на другомъ, и, постоявши нѣсколько времени, возвратился въ Москву подъ тѣмъ предлогомъ, что нельзя было перейти рѣку; но, по нѣкоторымъ, очень вѣроятнымъ извѣстіямъ, Константинъ радѣлъ не племяннику, а брату, и потому не хотѣлъ, какъ должно, преслѣдовать Юрія [1]), который возвратился въ Галичъ и послалъ въ Москву просить опять перемирія на годъ. Но если для Юрія выгодно было не заключать окончательнаго мирнаго договора, въ которомъ онъ принужденъ былъ бы отказаться отъ своихъ притязаній; если ему выгодны были только перемирія, которыя позволяли ему собирать силы и выжидать удобнаго времени;—то въ Москвѣ, наоборотъ, желали чего-нибудь рѣшительнаго, и, по общему совѣту—митрополита, матери великокня-

---

[1]) Карамз. V, примѣч. 257.

жеской Софіи, дядей и даже дѣда Витовта Литовскаго, митрополитъ Фотій отправился въ Галичъ уговаривать Юрія къ вѣчному миру. Юрій, узнавши, что митрополитъ ѣдетъ, встрѣтилъ его съ дѣтьми, боярами, лучшими людьми, собралъ и чернь всю изъ городовъ и деревень и поставилъ ее по горѣ такъ, чтобы Фотій могъ видѣть большую толпу народа при въѣздѣ въ городъ. Но Галицкій князь не достигъ своей цѣли, не испугалъ митрополита, который, взглянувъ на густыя толпы черни, сказалъ ему: „Сынъ князь Юрій! не видывалъ я никогда столько народа въ овечьей шерсти", давая тѣмъ знать, что люди, одѣтые въ сермяги, плохіе ратники.

Начались переговоры: митрополитъ настаивалъ на вѣчный миръ, но Юрій не хотѣлъ о немъ слышать, а требовалъ только перемирія. Фотій разсердился и выѣхалъ изъ Галича, не благословивъ ни князя, ни города, и вдругъ, послѣ его отъѣзда, открылся моръ въ Галичѣ. Юрій испугался, поскакалъ самъ за митрополитомъ, нагналъ его за озеромъ и едва успѣлъ со слезами умолить его возвратиться. Фотій пріѣхалъ опять въ Галичъ, благословилъ народъ,—и моръ сталъ прекращаться, а Юрій обѣщалъ митрополиту послать, и дѣйствительно послалъ, двухъ бояръ своихъ въ Москву, которые заключили миръ на томъ условіи, что Юрій не будетъ искать великаго княженія самъ собою, но ханомъ: кому ханъ дастъ великое княженіе, тотъ и будетъ великимъ княземъ. Но понятно, что и это была только одна уловка, одно средство продлить нерѣшительное положеніе, потому что если и прежніе князья мало обращали вниманія на рѣшенія ханскія, то могли ли повиноваться имъ сынъ и внукъ Донскаго? Вотъ почему послѣ того, ни дядя, ни племянникъ не думали ѣхать въ Орду, и Юрій, отчаявшись въ успѣхѣ своего дѣла, заключилъ въ 1428 году договоръ съ Василіемъ, по которому признавалъ себя младшимъ братомъ племянника и обязывался не искать великаго княженія подъ Василіемъ [1]). Но въ 1431 году Юрій прислалъ означенный договоръ вмѣстѣ со складною грамотою [2]), и оба соперника рѣшились ѣхать въ Орду, къ хану Махмету. Обративъ вниманіе на время возобновленія вражды, мы не можемъ не придти къ мысли, что поводомъ къ нему была смерть Витовта; въ 1428 году Юрій призналъ старшинство племянника, потому что въ предыдущемъ году великая княгиня Софья Витовтовна ѣздила къ отцу и поручила ему сына и все Московское княжество; въ 1430 году Витовтъ умеръ, и на его мѣстѣ сталъ княжить Свидригайло, побратимъ, свойкъ Юрія; вотъ почему послѣдній, въ 1431 году, пользуясь благопріятною для себя перемѣною обстоятельствъ, разрываетъ съ племянникомъ.

Въ челѣ московскаго боярства стоялъ тогда извѣстный уже намъ бояринъ Иванъ Димитріевичъ Всеволожскій, хитрый, ловкій, находчивый, достойный преемникъ тѣхъ московскихъ бояръ, которые при отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ Василія умѣли держать за Москвою первенство и дать ей могущество. Когда Юрій, по прибытіи въ Орду, уѣхалъ въ Крымъ вмѣстѣ съ доброжелателемъ своимъ, могущественнымъ мурзою Тегинею, который обѣщалъ ему великое княженіе, Иванъ Димитріевичъ подольстился къ остальнымъ мурзамъ, возбудилъ ихъ самолюбіе и ревность къ могуществу Тегини. „Ваши просьбы, говорилъ онъ имъ, ничего не значатъ у хана, который не можетъ выступить изъ Тегинина слова: по его слову дается великое княженіе князю Юрію; но если ханъ такъ сдѣлаетъ, послушавшись Тегини, то что будетъ съ вами? Юрій будетъ великимъ княземъ въ Москвѣ, въ Литвѣ—великимъ княземъ побратимъ его Свидригайло, а въ Ордѣ будетъ сильнѣе всѣхъ васъ Тегиня". Этими словами, говоритъ лѣтопись, онъ уязвилъ сердца мурзъ какъ стрѣлою; всѣ они стали бить челомъ хану за князя Василія, и такъ настроили хана, что тотъ началъ грозить Тегинѣ смертію, если онъ вымолвитъ хотя слово за Юрія. Весною 1432 года былъ судъ между дядею и племянникомъ: Юрій основывалъ свои права на древнемъ родовомъ обычаѣ, доказывалъ лѣтописями и наконецъ ссылался на кривотолкуемое завѣщаніе Донскаго. За Василія говорилъ Иванъ Димитріевичъ; онъ сказалъ хану: „Князь Юрій ищетъ великаго княженія по завѣщанію отца своего, а князь Василій—по твоей милости; ты далъ улусъ свой отцу его Василію Димитріевичу; тотъ, основываясь на твоей милости, передалъ его сыну своему, который уже столько лѣтъ княжитъ и не свергнутъ тобою; слѣдовательно княжитъ по твоей же милости". Эта лесть, выражавшая совершенное презрѣніе къ старинѣ, произвела свое дѣйствіе: ханъ далъ ярлыкъ Василію, и даже хотѣлъ заставить Юрія вести коня подъ племянникомъ, но послѣдній самъ не захотѣлъ нанести такой позоръ дядѣ; Юрію уступленъ былъ также Дмитровъ, выморочный удѣлъ брата его Петра (умершаго въ 1428 году). Такъ кончился судъ въ Ордѣ; разумѣется, онъ не могъ потушить распри; Юрій не могъ забыть неудачи, а въ Москвѣ не могли не воспользоваться своимъ торжествомъ для окончательнаго низложенія соперника. Вотъ почему въ томъ же году встрѣчаемъ извѣстіе, что Юрій побоялся жить вблизи отъ Москвы, въ новопріобрѣтенномъ Дмитровѣ, и уѣхалъ опять въ Галичъ, а Василій тотчасъ же выгналъ его намѣстниковъ изъ Дмитрова и захватилъ городъ; но вдругъ дѣла въ Москвѣ неожиданно приняли благопріятный оборотъ для стараго дяди.

Иванъ Димитріевичъ, въ награду за услуги, оказанныя имъ Василію въ Ордѣ, надѣялся, что великій князь женится на его дочери; эта надежда вовсе не была дерзкою въ то время, когда князья часто женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали за бояръ дочерей своихъ. Самъ же Иванъ Дими-

[1]) Собр. Гос. гр. и гр. и дог. I, № 43 и 44.

[2]) Тамъ же на оборотѣ написано: «А сю грамоту кн. великому приславъ съкладною вмѣстѣ князь Юрьи, къ Ордѣ ида».

ріевичъ велъ свой родъ отъ князей Смоленскихъ и женатъ былъ на внукѣ великаго князя Нижегородскаго, почему и былъ уже въ родствѣ съ великимъ княземъ Московскимъ. Василій, будучи въ Ордѣ, далъ Ивану Димитріевичу обѣщаніе жениться на его дочери, но, по пріѣздѣ въ Москву, дѣла перемѣнились: мать великаго князя, Софья Витовтовна, никакъ не согласилась на этотъ бракъ и настояла, чтобъ сынъ обручился на княжнѣ Марьѣ Ярославовнѣ, внукѣ Владиміра Андреевича. Тогда Иванъ Димитріевичъ, такъ сильно ратовавшій въ Ордѣ противъ старины княжеской, вспомнилъ старину боярскую и отъѣхалъ отъ Московскаго князя. Онъ боялся прямо ѣхать къ Юрію и потому кинулся сперва къ брату его Константину Димитріевичу, надѣясь пробудить въ немъ старинные замыслы, потомъ къ Тверскому князю, наслѣдственному сопернику Москвы; но все это уже была старина, надъ которою самъ бояринъ такъ недавно посмѣялся въ Ордѣ; новымъ, дѣйствительнымъ было могущество Москвы, противъ котораго никто не смѣлъ тронуться,—могущество, утвержденное съ помощію предшественниковъ, товарищей Ивана и его самого. Наконецъ бояринъ рѣшился явиться къ Юрію, и былъ принятъ радушно. Но между тѣмъ какъ Иванъ Димитріевичъ подговаривалъ Юрія возобновить старыя притязанія, въ Москвѣ сыновья Юрія, Василій Косой и Димитрій Шемяка, пировали на свадьбѣ великокняжеской. Василій Косой пріѣхалъ въ богатомъ золотомъ поясѣ, усаженномъ дорогими каменьями. Старый бояринъ Петръ Константиновичъ разсказалъ исторію этого пояса матери великокняжеской, Софьѣ Витовтовнѣ, исторію любопытную: поясъ этотъ былъ данъ Суздальскимъ княземъ Димитріемъ Константиновичемъ въ приданое за дочерью Евдокіею, шедшею замужъ за Димитрія Донскаго: послѣдній тысяцкій, Василій Вельяминовъ, имѣвшій важное значеніе на княжеской свадьбѣ, подмѣнилъ этотъ поясъ другимъ, меньшей цѣны, а настоящій отдалъ сыну своему Николаю, за которымъ была другая дочь князя Димитрія Суздальскаго, Марья. Николай Вельяминовъ отдалъ поясъ также въ приданое за дочерью, которая вышла за нашего боярина, Ивана Димитріевича; Иванъ отдалъ его въ приданое за дочерью же князю Андрею, сыну Владиміра Андреевича, и по смерти Андреевой, обручивъ его дочь, а свою внуку, за Василія Косаго, подарилъ жениху поясъ, въ которомъ тотъ и явился на свадьбу великаго князя [1]). Софья Витовтовна, узнавъ, что за поясъ былъ на Косомъ, при всѣхъ сняла его съ князя, какъ собственность своего семейства, беззаконно перешедшую въ чужое. Юрьевичи, оскорбленные такимъ позоромъ, тотчасъ выѣхали изъ Москвы, и это послужило предлогомъ къ войнѣ.

Въ Москвѣ тогда только узнали о движеніяхъ Юрія, когда уже онъ былъ въ Переяславѣ съ большимъ войскомъ. Московскій князь, захваченный врасплохъ, послалъ бояръ своихъ просить мира у дяди, котораго они нашли въ Троицкомъ монастырѣ; но Иванъ Димитріевичъ не далъ и слова молвить о мирѣ: „И была, говоритъ лѣтописецъ, между боярами брань великая и слова неподобныя". Тогда Василій, собравши наскоро, сколько могъ, ратныхъ людей и московскихъ жителей, гостей и другихъ, выступилъ противъ дяди, но съ своею малочисленною и нестройною толпою былъ разбитъ на-голову сильными полками Юрьевыми на Клязьмѣ, за 20 верстъ отъ Москвы [2]) (въ апрѣлѣ 1433 г.), и бѣжалъ въ Кострому, гдѣ былъ захваченъ въ плѣнъ. Юрій въѣхалъ въ Москву и сталъ великимъ княземъ. Но какія же могли быть слѣдствія этого событія? Старина, возобновленная Юріемъ, была новостію въ Москвѣ, и потому побѣдитель находился въ затруднительномъ положеніи относительно побѣжденнаго. Сперва, при господствѣ родовыхъ отношеній, сынъ старшаго или великаго князя, при жизни отца, имѣлъ свою волость, и когда старшій въ родѣ заступалъ мѣсто покойнаго великаго князя, то сынъ послѣдняго оставался на своемъ столѣ или перемѣнялъ его на другой, лучшій, что было тогда легко. Но теперь Василій, при жизни отца, не имѣлъ особаго удѣла,—его удѣлъ была Москва и великое княженіе; вытѣснивъ его изъ Москвы, Юрій, чтобъ помѣстить гдѣ-нибудь, долженъ былъ разрушить порядокъ вещей, установленный завѣщаніями князей предшествовавшихъ. Далѣе представлялся вопросъ: по смерти Юрія кто долженъ былъ занять его мѣсто?—по старому порядку вещей, Константинъ Димитріевичъ, единственный изъ оставшихся въ живыхъ сынъ Донскаго (Андрей умеръ въ 1432), и послѣ него опять Василій, какъ сынъ старшаго брата. Но московскій бояринъ Иванъ Димитріевичъ и сыновья Юрія думали не такъ; они позабыли старину и знать ея не хотѣли. Ихъ право не было старинное право старшинства, но право новое, право силы и удачи. Выгнавши Василія изъ Москвы, добывши его въ свои руки, Юрьевичи вовсе не думали возобновлять старыхъ родовыхъ счетовъ съ кѣмъ бы то ни было; они хотѣли, по новому порядку, наслѣдовать своему отцу точно такъ, какъ Василій наслѣдовалъ своему; они хотѣли воспользоваться своею побѣдою, чтобъ тотчасъ же избавиться отъ соперника.

Но Юрій былъ болѣе совѣстливъ или, по крайней мѣрѣ, не имѣлъ столько твердости, чтобъ рѣшиться на мѣры насильственныя. Скоро Василій нашелъ за себя передъ нимъ ревностнаго ходатая: у Юрія былъ старинный любимый бояринъ Семенъ

[1]) Никон. V, 112; иначе говорится въ другихъ лѣтописяхъ, напр. П. С. Р. Л. V, 264: «И на той свадбѣ Захарья Ивановычъ Кошкинъ имался за поясъ у князя Василья Юрьевича у Косого». Въ Архангел. (стр. 138) прибавлено: «и ркучи тотъ поясъ пропалъ у меня, коли крали казну мою». По родословнымъ, у Ивана Ѳедоровича Кошки дѣйствительно значится сынъ Захарія.

[2]) Никон. V, 114: «А отъ Москвичъ не бысь никоея же помощи, мнози бо отъ нихъ пияни бяху, а и съ собою медъ везяху, чтобъ пити еще».

Морозовъ, который, вѣроятно изъ соперничества съ Иваномъ Димитріевичемъ, отбившимъ у него первое мѣсто, заступился за плѣннаго Василія и уговорилъ Юрія отдать послѣднему въ удѣлъ Коломну, постоянно переходившую къ старшему сыну Московскаго князя. Тщетно Иванъ Димитріевичъ и сыновья Юрія сердились и возставали противъ этого рѣшенія: Юрій далъ прощальный пиръ племяннику, богато одарилъ его и отпустилъ въ Коломну со всѣми боярами его.

Но едва прибылъ Василій въ Коломну, какъ началъ призывать къ себѣ отовсюду людей, и отовсюду начали стекаться къ нему князья, бояре, воеводы, дворяне, слуги, откладываясь отъ Юрія, потому что, говоритъ лѣтописецъ, не привыкли они служить галицкимъ князьямъ: однимъ словомъ, около Василія собрались всѣ тѣ, которые пришли бы къ нему и въ Москву по первому зову, но не успѣли этого сдѣлать, потому что Юрій напалъ на племянника врасплохъ, и этому только былъ обязанъ своимъ торжествомъ. Тогда старшіе Юрьевичи, Василій Косой и Димитрій Шемяка, увидя исполненіе своихъ опасеній, обратили ярость свою на главнаго виновника отцовской ошибки, и убили Семена Морозова въ дворцовыхъ сѣняхъ, приговаривая: „Ты злодѣй, крамольникъ! Ты ввелъ отца нашего въ бѣду, и намъ издавна крамольникъ и лиходѣй“. Избѣгая отцовскаго гнѣва, убійцы удалились изъ Москвы: тогда Юрій, видя себя оставленнымъ всѣми, послалъ къ Василію звать его обратно на великое княженіе, а самъ уѣхалъ въ Галичъ, сопровождаемый только пятью человѣками [1]). Такъ торжественно была показана невозможность возстановленія старины! Но борьба этимъ не кончилась.

Удаляясь изъ Москвы, въ пылу негодованія на двоихъ старшихъ сыновей, Василія Косаго и Димитрія Шемяку, Юрій отдѣлилъ ихъ дѣло отъ своего и заключилъ съ Василіемъ Васильевичемъ договоръ, въ которомъ за себя и за младшаго сына, любимца своего, Димитрія Краснаго, отказался принимать къ себѣ Косаго и Шемяку, отказался отъ Дмитрова, вмѣсто котораго взялъ Бѣжецкій-Верхъ съ разными другими волостями: призналъ племянника старшимъ братомъ, который одинъ имѣетъ право знать Орду; старый дядя выговорилъ только не садиться на коня, когда племянникъ самъ поведетъ свои полки, не ѣздить къ племяннику и не давать ему помощи на Литву, гдѣ по смерти Витовта княжилъ побратимъ и своякъ Юрьевъ, Свидригайло. Что же касается Ивана Димитріевича, то есть извѣстіе, что онъ былъ схваченъ великимъ княземъ Василіемъ и ослѣпленъ, села его были взяты въ казну великокняжескую за его вину, какъ сказано въ договорѣ Юрія съ Василіемъ [2]). Понадѣявшись на обѣщаніе дяди, Василій отправилъ воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича, къ Костромѣ на Косаго и Шемяку; но тѣ съ Вятчанами и Галичанами разбили московское войско на рѣкѣ Куси и взяли въ плѣнъ воеводу. Василій узналъ, что дядя не сдержалъ своихъ обѣщаній, что полки его были въ войскѣ сыновей при Куси, и потому, въ 1434 году, пошелъ на Юрія къ Галичу, сжегъ этотъ городъ и заставилъ дядю бѣжать на Бѣлоозеро. Но когда Василій ушелъ домой, Юрій также возвратился въ Галичъ, послалъ за сыновьями, за Вятчанами, и весною двинулся на Московскаго князя съ большою силою. Онъ встрѣтилъ двухъ племянниковъ—Василія Московскаго и Ивана Можайскаго (сына умершаго Андрея Димитріевича) въ Ростовской области, у Св. Николы на горѣ, и разбилъ ихъ: Василій убѣжалъ въ Новгородъ, Иванъ Можайскій—въ Тверь, вмѣстѣ съ матерью; Василій Васильевичъ послалъ къ нему боярина съ просьбою не отступать отъ него въ бѣдѣ: но Можайскій отвѣчалъ: „Господинъ и государь! гдѣ ни буду, вездѣ я твой человѣкъ, но теперь нельзя же мнѣ потерять свою отчину и мать свою заставить скитаться по чужой сторонѣ“. Позванный Юріемъ, Иванъ отправился къ нему въ Троицкій монастырь, и вмѣстѣ съ дядею приступилъ къ Москвѣ, которая сдалась по прошествіи недѣли, причемъ мать и жена Васильевы попались въ плѣнъ и были отосланы въ Звенигородъ. Самъ Василій, не видя ни откуда помощи, перебрался изъ Новгорода Великаго въ Нижній, и, слыша о погонѣ за собою отъ Юрьевичей, которые стояли во Владимірѣ, собрался въ Орду, какъ вдругъ узналъ о скоропостижной смерти Юрія [3]) и о томъ, что старшій сынъ послѣдняго, Василій Косой, занялъ столъ Московскій, по новому обычаю.

Но братья Косаго, два Димитрія—Шемяка и Красный,—послали сказать ему: „Если Богу не угодно, чтобъ княжилъ отецъ нашъ, то тебя сами не хотимъ“,—и въ то же время послали къ Василію Васильевичу въ Нижній звать его на великое княженіе въ Москву; они знали, что брату ихъ не удержаться въ Москвѣ, и спѣшили добровольнымъ признаніемъ Василія получить расположеніе послѣдняго и прибавки къ своимъ удѣламъ. Василій Васильевичъ дѣйствительно отдалъ Шемякѣ удѣлъ умершаго дяди Константина Димитріевича—Ржеву и Угличъ, Димитрію Красному—Бѣжецкій-Верхъ, но за то удержалъ за собою удѣлъ дяди Петра—Дмитровъ и удѣлъ Косаго—Звенигородъ [4]): кромѣ того, выговорилъ, чтобъ Шемяка не вступался въ Вятку, воинственное народонаселеніе которой давало постоянно дѣятельную помощь Юрію.—Косой былъ изгнанъ изъ Москвы и лишенъ удѣла; ему не оставалось ничего, кромѣ самыхъ отчаянныхъ средствъ, которыя слѣдовательно условливались его положеніемъ и притомъ еще личнымъ характеромъ. Вообще, чтобъ уяснить себѣ характеръ Косаго и Шемяки, надобно войти въ ихъ положеніе: притязанія отца

[1]) Акты Истор. I, № 40.

[2]) Собр. Гос. гр. и дог. т. I, № 49 и 50. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библіот.

[3]) Оставленная Юріемъ духовная написана прежде, а именно тотчасъ по приходѣ изъ Орды, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ. См. С. г. г. и д. т. I, № 51.

[4]) С. г. г. и д. I, № 52 и слѣд.

вовлекли ихъ во вражду съ Василіемъ Московскимъ, изъ которой имъ не было выхода. Когда отецъ ихъ овладѣлъ въ первый разъ Москвою, они требовали насильственныхъ мѣръ противъ Василія, понимая, что дѣло идетъ о томъ: кому быть Московскимъ княземъ и кому быть слугою Московскаго князя; теперь, когда восторжествовалъ Василій, Юрьевичи чувствуютъ, что побѣдитель долженъ употребить противъ нихъ тѣ же самыя средства, какія прежде они сами хотѣли употребить противъ него, и если они примиряются съ нимъ, то это примиреніе вынуждено только обстоятельствами, ненадежно, и обѣ стороны пользуются имъ для отысканія средствъ къ возобновленію борьбы. Но во имя чего же идетъ эта борьба? Какое право поддерживаютъ Юрьевичи противъ Василія? Борьба идетъ во имя права самосохраненія: доведенные до отчаянія, озлобленные неудачею, Юрьевичи повинуются одному инстинкту самосохраненія и не разбираютъ средствъ для достиженія цѣли; но средства, употребляемыя Юрьевичами, вызываютъ подобныя же и со стороны ихъ соперника.

Косой бѣжалъ изъ Москвы въ Новгородъ Великій; но скоро выѣхалъ оттуда, пограбивши по дорогѣ берега Мсты, Бѣжецкій-Верхъ и Заволочье. Въ 1435 году онъ успѣлъ собрать войско въ Костромѣ и встрѣтился съ великимъ княземъ Московскимъ въ Ярославской волости, на берегу Которости, между Кузьминскимъ и Великимъ Селомъ. Богъ помогъ Василію Васильевичу: Косой бѣжалъ въ Кашинъ и, собравшись здѣсь съ силами, напалъ нечаянно на Вологду, гдѣ была застава (гарнизонъ) великокняжеская, захватилъ воеводъ и дворянъ московскихъ и послалъ за Вятчанами, которые не замедлили придти къ нему. Московскій князь пошелъ опять за нимъ къ Костромѣ и сталъ у нынѣшняго монастыря Ипатьевскаго, на мысѣ между Волгою и Костромою, за которою расположился Косой. Рѣка помѣшала биться,—и двоюродные братья помирились: великій князь отдалъ Косому въ удѣлъ Дмитровъ;—почему же не прежній удѣлъ его Звенигородъ? почему и прежде Василій не далъ этого отцовскаго удѣла Шемякѣ и уступилъ ему удѣлъ Константина Димитріевича? Распоряженіе это объясняется послѣдующими распоряженіями: и послѣ великіе князья стараются перемѣнять владѣнія князей удѣльныхъ, дабы послѣдніе, постоянно живя въ одномъ удѣлѣ, не могли пріучить къ себѣ его жителей, пріобрѣсть ихъ любовь. Юрьевичъ призналъ Василія Васильевича старшимъ братомъ, обязался не брать великаго княженія, если Татары будутъ давать ему его, обязался также отдать всю казну, увезенную имъ изъ Москвы, равно казну покойнаго дяди Константина. Въ этомъ же договорѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Которые гости суконники завели крамолу на меня, великаго князя, и на мою мать, великую княгиню, да ушли изъ Москвы въ Тверь во время нашей войны, тѣхъ тебѣ не принимать“ [1]).

[1]) Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

Но миръ былъ не дологъ: проживъ только мѣсяцъ въ Дмитровѣ, Косой отправился опять въ Кострому, отославши къ великому князю разметныя грамоты. Проживши въ Костромѣ до зимняго пути, отправился къ брату въ Галичъ, отсюда къ Устюгу, куда пришли къ нему и Вятчане; не могши взять крѣпости устюжской Гледена силою, взялъ его на условіяхъ, но, нарушивъ ихъ, убилъ московскаго воеводу князя Оболенскаго, повѣсилъ десятильника владыки Ростовскаго, и многихъ Устюжанъ перебилъ и перевѣшалъ [2]). И въ это самое время братъ Косаго, Шемяка, пріѣхалъ въ Москву звать великаго князя къ себѣ на свадьбу; но Василій Васильевичъ велѣлъ задержать его и стеречь въ Коломнѣ на все время войны съ братомъ его; третій же Юрьевичъ, Димитрій Красный, по своему кроткому характеру, не могъ возбудить подозрѣнія и былъ въ войскахъ великаго князя. Послѣдній встрѣтился съ Косымъ въ Ростовской области, при селѣ Скорятинѣ. У Юрьевича, кромѣ Вятчанъ, былъ дворъ брата его Шемяки; съ великимъ княземъ, кромѣ Димитрія Краснаго, находился Иванъ Можайскій и новоприбывшій изъ Литвы князь Иванъ Баба Друцкой, который изрядилъ свой полкъ съ копьями, по литовскому обычаю. Косой не надѣялся одолѣть соперника силою и рѣшился употребить коварство: заключилъ съ великимъ княземъ перемиріе до утра, и когда Василій, понадѣявшись на это, распустилъ свои полки для сбора припасовъ, вдругъ прибѣжали къ нему сторожа съ вѣстію, что непріятель наступаетъ. Великій князь тотчасъ разослалъ по всѣмъ сторонамъ приказъ собираться, самъ схватилъ трубу и началъ трубить; полки московскіе успѣли собраться до прихода Косаго, который былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ и отвезенъ въ Москву, и когда союзники его, Вятчане, схватили воеводу великокняжескаго, князя Александра Брюхатаго, взяли съ него богатый окупъ, и, несмотря на это, отвели къ себѣ въ плѣнъ, то великій князь велѣлъ ослѣпить Косаго [3]). Ожесточенная борьба, въ которой рѣшался вопросъ, кому стать сильнѣе всѣхъ и подчинить себѣ всѣхъ другихъ?—давно уже шла между князьями,—борьба, по означенному характеру не могшая отличаться мягкостію средствъ: такъ борьба между Москвою и Тверью кончилась гибелью четырехъ князей тверскихъ; московскіе князья погубили ихъ въ Ордѣ посредствомъ хана, но не менѣе того погубили. Теперь же, въ борьбѣ между московскими князьями, соперники были поставлены въ положеніе гораздо опаснѣйшее: прежде вопросъ шелъ только о великомъ княженіи Владимірскомъ, торжество одного князя еще не грозило такою близкою гибелью побѣжденному; онъ, его сыновья и внуки могли существовать, какъ владѣльцы почти независимые, тогда какъ теперь обстоятельства были уже не тѣ. Косой обнаружилъ свой характеръ и свои цѣли, показалъ, что пока онъ живъ, имѣетъ средства вредить, до

[2]) Никон. V, 120; Акты Истор. I, № 40.
[3]) Арханг., стр. 147.

тѣхъ поръ Василій Васильевичъ не будетъ покоенъ; ханы въ это время потеряли прежнее значеніе, ихъ уже нельзя было употреблять орудіемъ для гибели соперника, и князьямъ было предоставлено раздѣлываться самимъ другъ съ другомъ.

По ослѣпленіи Косаго, великій князь выпустилъ брата его, Шемяку, изъ Коломны въ прежній удѣлъ и заключилъ съ нимъ договоръ, совершенно одинаковый съ предыдущимъ [1]). Въ 1440 году встрѣчаемъ новый договоръ съ Юрьевичемъ [2]), гдѣ между прочимъ сказано слѣдующее: „Также и теперь что вы взяли на Москвѣ нынѣшнимъ приходомъ у меня, и у моей матери, и у моихъ князей, у бояръ моихъ и дѣтей боярскихъ, и что будетъ у васъ, то все вы должны отдать". Это мѣсто ясно указываетъ на непріятельскій приходъ Юрьевичей къ Москвѣ. Лѣтописцы молчатъ объ этомъ приходѣ Шемяки подъ 1440 годомъ и помѣщаютъ приходъ его подъ 1442, которому предшествовалъ походъ великаго князя на Юрьевича и бѣгство послѣдняго въ Новгородскую область [3]); причиною вражды Василія къ Шемякѣ въ этомъ случаѣ было то, что Юрьевичъ ослушался зову великокняжескаго и не пошелъ помогать Москвѣ, когда она была осаждена ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году [4]); соперники были примирены Троицкимъ архимандритомъ Зиновіемъ. Если мы предположимъ, что въ лѣтописи перемѣшаны года, и этотъ походъ 1442 года должно отнести къ 1440, послѣ котораго и былъ заключенъ означенный договоръ, то дѣло можетъ объясниться легко: въ 1439 году Улу-Махметъ осаждалъ Москву, Шемяка не явился на помощь, за что великій князь пошелъ на него и прогналъ въ Новгородскую область; потомъ Шемяка, оправившись, явился самъ подъ Москвою и заключилъ миръ.

Такъ кончилась первая половина усобицы въ княженіе Василія Васильевича. За право дядей боролся одинъ Юрій, остальные три Димитріевича были на сторонѣ племянника, хотя, какъ видно, и не желали окончательнаго низложенія брата. Всѣ они умерли во время первой половины усобицы, до 1440 года; Петръ и Константинъ умерли бездѣтны; Андрей оставилъ двоихъ сыновей—Ивана Можайскаго и Михаила Верейскаго. Мы видѣли поведеніе Ивана Можайскаго въ борьбѣ Юрія съ Василіемъ: чтобы не лишиться волости, чтобы не заставить мать свою скитаться по чужимъ сторонамъ, онъ принимаетъ сторону побѣдителя, увѣряя въ вѣрности своей побѣжденнаго,—таково обыкновенно поведеніе слабыхъ въ борьбѣ двухъ сильныхъ. До насъ дошелъ договоръ обоихъ Андреевичей съ Василіемъ Васильевичемъ, заключенный, какъ видно, еще до поѣздки въ Орду, когда еще Василій не былъ увѣренъ, что получитъ великое княженіе, ибо Андреевичи говорятъ: „А дастъ тебѣ Богъ достать свою вотчину, великое княженіе, то ты насъ пожалуешь, какъ обѣщался, изъ великаго княженія, по-пригожу". Андреевичи обязываются считать себя младшими братьями [5]). Послѣ торжества дяди Юрія, они заключили и съ нимъ договоръ, въ которомъ обязываются почитать его отцомъ, не сноситься съ Василіемъ Васильевичемъ и, по кончинѣ Юрія, признать великое княженіе за дѣтьми его—знакъ, что Юрій, подъ предлогомъ старшинства, велъ борьбу вовсе не за старый порядокъ вещей и, добывши себѣ великое княженіе, передавалъ его своимъ дѣтямъ, мимо законнаго по старинѣ наслѣдника [6]). Также точно обязался не искать великаго княженія Московскаго, подъ сыновьями Юрія, и Рязанскій князь Иванъ Ѳеодоровичъ, по матери родной племянникъ Юрію, который обязывается имѣть его племянникомъ; сынъ его, Василій Косой, обязывается имѣть Рязанскаго князя братомъ равнымъ, Димитрій Шемяка и Димитрій Красный — братомъ старшимъ [7]). До насъ дошелъ также договоръ князя Василія Ярославича, внука Владиміра Андреевича, съ зятемъ (мужемъ сестры) и четвероюроднымъ братомъ, Василіемъ Васильевичемъ Московскимъ. Въ этомъ договорѣ замѣчаемъ другой тонъ, гораздо униженнѣе: Василій Ярославичъ называетъ Московскаго князя старшимъ обратомъ и отцомъ, обязывается держать подъ нимъ великое княженіе честно и грозно [8]).

Съ 1440 года по 1445 у великаго князя не было враждебныхъ столкновеній съ Шемякою; послѣдній дожидался удобнаго случая для возобновленія борьбы, и этотъ случай наконецъ представился по поводу дѣлъ татарскихъ. Прежде поѣздки Василія Васильевича съ дядею въ Орду, для суда предъ ханомъ, мы встрѣчаемъ извѣстія объ обычныхъ набѣгахъ Татаръ на украинскія мѣста: въ 1425 году они приходили на Рязанскую украйну, но были разбиты Рязанцами и потеряли всю добычу; въ концѣ 1428 года они напали нечаянно на Галицкую область и стояли здѣсь мѣсяцъ; потомъ взяли Кострому, Плесо, Лухъ, и ушли Волгою внизъ. Великій князь Василій послалъ за ними въ погоню дядей своихъ Андрея и Константина Димитріевичей и боярина Ивана Димитріевича съ полками московскими; они не догнали Татаръ и возвратились; но князь Ѳеодоръ Стародубскій-Пестрый съ Ѳеодоромъ Константиновичемъ Добрынскимъ, тайкомъ отъ московскихъ князей, погнались за Татарами, догнали задніе отряды и побили. Тотъ же князь Ѳеодоръ Давыдовичъ Пестрый, по приказанію князя Московскаго, ходилъ на Болгаръ и поплѣнилъ всю ихъ Землю въ 1431 году. Въ 1437 году Татары опустошили границы рязанскія; но гораздо важнѣе были дѣла съ ними въ концѣ года, когда

[1]) С. г. г. и д. I, № 56 и 57.
[2]) Тамъ же, № 60.
[3]) Никон. V, 157.
[4]) См. посланіе духовенства къ Шемякѣ—Акты Ист. I, № 40. «Егда приходилъ въ Москвѣ безбожный царь Махметъ, и кн. вел. Вас. Вас. колькое посовъ своихъ по тебѣ посылалъ такоже и грамотъ, зовучи тобе къ собѣ на помощь? и ты къ нему не пошелъ».

[5]) С. г. г. и д. I, № 46.
[6]) Тамъ же, № 47.
[7]) Тамъ же, № 48.
[8]) Тамъ же, № 45.

*

ханъ Улу-Махметъ, изгнанный изъ Золотой Орды братомъ своимъ, явился на границахъ русскихъ и засѣлъ въ Бѣлевѣ. Великій князь отправилъ противъ него сильные полки подъ начальствомъ обоихъ Юрьевичей—Шемяки и Краснаго, которые, по свидѣтельству лѣтописца, грабили по дорогѣ своихъ Русскихъ, мучили людей, допытываясь у нихъ имѣнія, били скотъ и позволяли себѣ всякаго рода неприличные поступки [1]). Когда они пришли къ Бѣлеву, то ханъ испугался, прислалъ просить мира, отдаваясь на всю волю князей русскихъ; но тѣ не послушали его рѣчей, двинулись къ городу и нанесли Татарамъ сильное пораженіе. На другой день татарскіе мурзы пріѣхали опять для переговоровъ съ великокняжескими воеводами: ханъ давалъ сына и мурзъ своихъ въ заложники, обязывался, пока живъ, стеречь Русскую Землю и не требовать никакихъ выходовъ. Но воеводы не соглашались и на эти условія; тогда мурзы сказали имъ: „Не хотите мира, такъ оглянитесь назадъ!"—и воеводы увидали, что все русское войско бѣжитъ назадъ передъ Татарами. Причиною этого бѣгства былъ литовскій мценскій воевода Григорій Протасьевъ, присланный своимъ княземъ на помощь Москвичамъ; онъ передался на сторону хана и началъ говорить московскимъ воеводамъ: „Великій князь мой прислалъ ко мнѣ приказъ, чтобъ я не бился съ ханомъ, а заключилъ съ нимъ миръ и распустилъ полки." Когда московскіе воеводы пріуныли отъ этого объявленія, Протасьевъ послалъ ночью къ хану, чтобъ тотъ утромъ нападалъ на московскую рать. Утро, какъ нарочно, было мглистое, и русскіе сторожа не видали, какъ Татары вышли изъ города и напали на московскіе полки; Протасьевъ побѣжалъ прежде всѣхъ, крича: „Бѣги! бѣги!"—и всѣ въ ужасѣ побѣжали за нимъ.

Послѣ этой побѣды, Улу-Махметъ пошелъ степью мимо русскихъ границъ, переправился черезъ Волгу и засѣлъ въ опустѣлой отъ русскихъ набѣговъ Казани, гдѣ поставилъ себѣ деревянный городъ на новомъ мѣстѣ, и въ іюлѣ 1439 года явился нечаянно подъ Москвою. Великій князь не успѣлъ собраться съ силами—и уѣхалъ за Волгу, оставивъ защищать Москву воеводу своего, князя Юрія Патрикѣевича; ханъ стоялъ 10 дней подъ городомъ, взять его не могъ, но надѣлалъ много зла Русской Землѣ; на возвратномъ пути сжегъ Коломну и погубилъ множество людей. Въ 1444 году султанъ Мустафа пришелъ на Рязанъ со множествомъ Татаръ, повоевалъ волости и села рязанскія, и остановился въ степи для продажи плѣнниковъ, которыхъ выкупали Рязанцы. Когда плѣнные были всѣ выкуплены, Мустафа пришелъ опять въ Рязань, на этотъ разъ уже съ миромъ; хотѣлось ему зимовать въ городѣ, потому что въ степи не было никакой возможности оставаться: осенью вся степь погорѣла пожаромъ, а зима была лютая, съ большими снѣгами и сильными вьюгами; отъ безкормицы лошади у Татаръ перемерли. Когда въ Москвѣ узнали объ этомъ, то великій князь отправилъ на Мустафу двоихъ воеводъ своихъ—князя Василія Оболенскаго и Андрея Голтяева, съ дворомъ своимъ, да Мордву на лыжахъ. Московскіе воеводы нашли Мустафу подъ Переяславлемъ на рѣчкѣ Листани, потому что Рязанцы выслали его изъ своего города. Несчастные Татары, полузамерзшіе, безконные, не могшіе владѣть луками по причинѣ сильнаго вихря, должны были выдержать нападеніе съ трехъ сторонъ: отъ воеводъ московскихъ, отъ Мордвы и отъ казаковъ рязанскихъ, которые упоминаются тутъ въ первый разъ. Несмотря на безпомощное состояніе свое, Татары рѣзались крѣпко, по выраженію лѣтописца, живыми въ руки не давались, и были сломлены только превосходнымъ числомъ непріятелей, причемъ самъ Мустафа былъ убитъ. Другіе Татары въ томъ же году отплатили за Мустафу нападеніемъ и на Рязанскую украйну, и на Землю Мордовскую; а въ 1445 году ханъ Улу-Махметъ засѣлъ въ старомъ Нижнемъ-Новгородѣ, и оттуда пришелъ къ Мурому. Великій князь вышелъ противъ него со всѣми своими силами, съ князьями Шемякою, обоими Андреевичами и Василіемъ Ярославичемъ; ханъ испугался и убѣжалъ назадъ въ старый Нижній-Новгородъ, только передовымъ полкамъ великокняжескимъ удалось побить Татаръ подъ Муромомъ, Гороховцемъ и въ другихъ мѣстахъ.

Но иначе кончилось дѣло при второй встрѣчѣ Василія съ Татарами Улу-Махметовыми. Весною того же года пришла въ Москву вѣсть, что двое сыновей Улу-Махметовыхъ опять появились въ русскихъ границахъ, и великій князь, заговѣвшись на Петровъ постъ, вышелъ противъ нихъ. Въ Юрьевъ прискакали къ нему нижегородскіе воеводы—князь Ѳедоръ Долголядовъ и Юшка Драница съ вѣстію, что „они выбѣжали ночью изъ города, зажегши его, потому что не могли долѣе переносить голода: что было хлѣбнаго запасу, все переѣли". Тогда великій князь, проведши Петровъ день въ Юрьевѣ, пошелъ къ Суздалю и сталъ на рѣкѣ Каменкѣ, куда пришли къ нему двоюродные братья Андреевичи и Василій Ярославичъ. 6 іюля московское войско переполошилось, надѣли доспѣхи, подняли знамена и выступили въ поле, но непріятель не показался, и великій князь, возвратившись въ станъ, сѣлъ ужинать съ князьями и боярами; долго пили ночью, встали на другой день уже послѣ солнечнаго восхода, и Василій, отслушавъ заутреню, хотѣлъ-было опять лечь спать, какъ пришла вѣсть, что Татары переправляются черезъ рѣку Нерль. Великій князь тотчасъ же послалъ съ этою вѣстію по всѣмъ станамъ, самъ надѣлъ доспѣхи, поднялъ знамена и выступилъ въ поле;—но войска было у него мало, всего тысячи съ полторы, потому что полки союзныхъ князей не успѣли собраться, не успѣли придти и союзные Татары, не пришелъ и Шемяка, несмотря на то, что къ нему много разъ посылали [2]). Подлѣ

[1]) Неподобная и скверная дѣяху.

[2]) Акты Истор. I, № 40.

Евѳиміева монастыря, по лѣвую сторону, сошлись русскіе полки съ Татарами, и въ первой стычкѣ рать великокняжеская обратила въ бѣгство Татаръ; но когда стала гнаться за ними въ безпорядкѣ, то непріятель обратился и нанесъ Русскимъ совершенное пораженіе. Великій князь отбивался храбро, получилъ множество ранъ и былъ наконецъ взятъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Андреевичемъ; князь Иванъ Андреевичъ Можайскій былъ также раненъ и сбитъ съ коня, но успѣлъ пересѣсть на другого и спасся бѣгствомъ. Побѣдители разсыпались по окрестности для грабежа, а сыновья ханскіе, остановившись въ Евѳиміевѣ монастырѣ, сняли съ великаго князя крестъ-тѣльникъ и отослали въ Москву къ матери и женѣ плѣнника.

Когда узнали въ Москвѣ объ участи великаго князя, то поднялся плачъ великій и рыданіе многое, говоритъ лѣтописецъ. Но за этою бѣдою для Москвичей по слѣдамъ шла другая: ночью 14 іюля загорѣлся ихъ городъ и выгорѣлъ весь; не осталось ни одного дерева, а каменныя церкви распались и и стѣны каменныя попадали во многихъ мѣстахъ: людей много погорѣло,—по нѣкоторымъ извѣстіямъ 700 человѣкъ [1]), по другимъ—гораздо больше, духовныхъ и мірянъ, потому что съ одной стороны огонь, а съ другой боялись Татаръ; казны и всякаго товара сгорѣло множество, ибо изъ разныхъ городовъ собрались тогда жители въ Москву и сѣли въ осадѣ. Великія княгини—Софья и Марья—съ дѣтьми и боярами уѣхали въ Ростовъ; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, великая княгиня Софья отправилась-было сначала въ Тверь, но отъ рѣки Дубны была возвращена назадъ Шемякою. Между тѣмъ въ Москвѣ, послѣ отъѣзда княгинь, поднялось волненіе: тѣ, которые могли бѣжать, хотѣли оставить Москву; но чернь, собравшись, прежде всего начала строить городовыя ворота, хотѣвшихъ бѣжать хватали, били, ковали, и тѣмъ прекратили волненіе; всѣ вмѣстѣ начали укрѣплять городъ и готовить лѣсъ для постройки домовъ.

Между тѣмъ побѣдители-Татары подошли-было ко Владиміру, но не рѣшились на приступъ, и удалились сперва къ Мурому, потомъ къ Нижнему, откуда Улу-Махметъ со всею Ордою и плѣннымъ великимъ княземъ отступилъ къ Курмышу, отправивши посла своего Бегича къ Шемякѣ, который могъ теперь думать, что благопріятная судьба внезапною, неожиданною развязкою даетъ ему желанное торжество. Онъ принялъ посла съ большою честію и отпустилъ его, по выраженію лѣтописца, „со всѣмъ лихомъ на великаго князя", и вмѣстѣ съ Бегичемъ отправилъ къ хану своего посла, дьяка Дубенскаго, хлопотать о томъ, чтобъ Василію не выйти на великое княженіе. Но ханъ хотѣлъ кончить дѣло какъ можно скорѣе, какъ можно скорѣе получить выгоды отъ своей побѣды; думая, что посолъ его, долго не возвращавшійся отъ Шемяки, убитъ послѣднимъ. Махметъ вступилъ въ переговоры съ своимъ плѣнникомъ и согласился отпустить его въ Москву. Касательно условій освобожденія свидѣтельства разногласятъ; въ большей части лѣтописей сказано: „Царь Улу-Махметъ и сынъ его утвердили великаго князя крестнымъ цѣлованіемъ, что дать ему съ себя окупъ, сколько можетъ"; но въ нѣкоторыхъ означена огромная сумма 200,000 рублей, намекается также и на другія какія-то условія: „А иное Богъ вѣсть, и они между собою" [2]); во всякомъ случаѣ, трудно согласиться, чтобъ окупъ былъ умѣренный. Лѣтописи единогласно говорятъ, что съ великимъ княземъ выѣхали изъ Орды многіе князья татарскіе со многими людьми. И прежде Василій принималъ татарскихъ князей въ службу и давалъ имъ кормленіе—средство превосходное противопоставлять варварамъ варваровъ же, средство, которое Россія должна была употреблять вслѣдствіе самаго своего географическаго положенія; но современники думали не такъ: мы видѣли, какъ они роптали, когда, при отцѣ Василія, давались литовскимъ князьямъ богатыя кормленія; еще болѣе возбудили ихъ негодованіе подобные поступки съ Татарами, потому что въ нихъ не могла еще тогда погаснуть сильная ненависть къ этому народу, и когда къ тому еще были наложены тяжкія подати, чтобъ достать деньги для окупа, то неудовольствіе обнаружилось въ самыхъ стѣнахъ Москвы: имъ спѣшилъ воспользоваться Шемяка. Теперь, больше чѣмъ когда-либо, Юрьевичъ долженъ былъ опасаться Василія, потому что посолъ его къ хану былъ перехваченъ, и великій князь зналъ о его замыслахъ; но, занятый дѣлами татарскими, онъ не могъ думать о преслѣдованіи Димитрія. Послѣдній спѣшилъ предупредить его и началъ сноситься съ княземъ Борисомъ Тверскимъ и Можайскимъ княземъ Иваномъ Андреевичемъ, у котораго хотя прежде и было неудовольствіе съ великимъ княземъ, однако потомъ заключенъ былъ миръ: Василій далъ ему Козельскъ съ волостями,—и Можайскій князь вмѣстѣ съ братомъ, какъ мы видѣли, находились въ Суздальской битвѣ [3]). Шемяка сообщилъ князьямъ слухъ, который носился тогда, объ условіяхъ Василія съ ханомъ Махмедомъ: шла молва, будто великій князь обѣщалъ отдать хану все Московское княжество, а самъ удовольствовался Тверью. Князья Тверской и Можайскій повѣрили или сочли полезнымъ для себя повѣрить, и согласились дѣйствовать заодно съ Шемякою и московскими недовольными, въ числѣ которыхъ были бояре, гости и даже чернецы [4]), а

[1]) П. С. Р. Л. IV, 125; тамъ же стр. 213, показано 2,700 сгорѣвшихъ.

[2]) Тамъ же, стр. 125; стр. 213: «Посуливъ на собѣ (в. князь) отъ злата и сребра и отъ портища всякого и отъ коней, и отъ доспѣховъ пол-30 тысящь, а съ нимъ придоша 500 татаръ».

[3]) Собр. гос. гр. и дог. I, № 61. Эта договорная грамота в. князя съ Андреевичами написана 17 іюля 1445 г., слѣд. когда в. князь съ Михаиломъ Андреевичемъ находились въ плѣну татарскомъ, и Михаилъ дѣйствовалъ именемъ отсутствующаго старшаго брата.

[4]) Троицкіе—П. С. Р. Л. V, 268.

главнымъ двигателемъ былъ Иванъ Старковъ; изъ бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками лѣтописецъ называетъ Константиновичей, изъ которыхъ послѣ на видномъ мѣстѣ является Никита Константиновичъ.

Въ 1446 году московские недовольные дали знать союзнымъ князьямъ, что Василій поѣхалъ молиться въ Троицкій монастырь; Шемяка и Можайскій, ночью 12 февраля, овладѣли врасплохъ Москвою, схватили мать и жену великаго князя, казну его разграбили, вѣрныхъ бояръ перехватали и пограбили, пограбили также многихъ гражданъ, и въ ту же ночь Можайскій отправился къ Троицѣ съ большою толпою своихъ и Шемякиныхъ людей. Великій князь слушалъ обѣдню, 13 числа, какъ вдругъ вбѣгаетъ въ церковь Рязанецъ Бунко и объявляетъ ему, что Шемяка и Можайскій идутъ на него ратію. Василій не повѣрилъ ему, потому что Бунко незадолго передъ тѣмъ отъѣхалъ отъ него къ Шемякѣ; „Эти люди только смущаютъ насъ, сказалъ великій князь: можетъ ли быть, чтобы братья пошли на меня, когда я съ ними въ крестномъ цѣлованіи?“ — и велѣлъ выбить Бунка изъ монастыря, поворотить его назадъ. Не повѣривши Бунку, великій князь послалъ однако на всякій случай сторожей къ Радонежу [1]) (на гору); но сторожа просмотрѣли ратныхъ людей Можайскаго, ибо тѣ увидали ихъ прежде и сказали своему князю, который велѣлъ собрать много саней—иныя съ рогожами, другія съ полостями, и положить въ нихъ по два человѣка въ доспѣхахъ, а третьему велѣлъ идти сзади, какъ будто за возомъ. Въѣхавши на гору, ратники выскочили изъ возовъ и перехватали сторожей, которымъ нельзя было убѣжать, потому что тогда снѣгъ лежалъ на девять пядей. Забравши сторожей, войско Можайскаго пошло тотчасъ же къ монастырю. Великій князь увидалъ непріятелей, какъ они скакали съ Радонежской горы къ селу Клементьевскому, и бросился-было на конюшенный дворъ, но здѣсь не было ни одной готовой лошади, потому что самъ онъ прежде не распорядился, понадѣявшись на крестное цѣлованіе, а люди всѣ оторопѣли отъ страха. Тогда Василій побѣжалъ въ монастырь, къ Троицкой церкви, куда пономарь впустилъ его и заперъ за нимъ двери. Тотчасъ послѣ этого вскакали на монастырь и враги; прежде всѣхъ въѣхалъ бояринъ Шемякинъ Никита Константиновичъ, который разлетѣлся на конѣ даже на лѣстницу церковную, но, какъ сталъ слѣзать съ лошади, споткнулся объ камень, лежавшій на паперти, и упалъ; когда его подняли, то онъ едва очнулся, шатался точно пьяный, и поблѣднѣлъ какъ мертвецъ. Потомъ въѣхалъ на монастырь и самъ князь Иванъ, и сталъ спрашивать, гдѣ князь великій. Василій, услыхавъ его голосъ, закричалъ ему изъ церкви: „Братья! помилуйте меня! позвольте мнѣ остаться здѣсь смотрѣть на образъ Божій, Пречистыя Богородицы, Всѣхъ Святыхъ; я не выйду изъ этого монастыря, постригусь здѣсь“,— и, взявши икону съ гроба Св. Сергія, пошелъ къ Южнымъ дверямъ, самъ отперъ ихъ и, встрѣтивъ князя Ивана съ иконою въ рукахъ, сказалъ ему: „Братъ! цѣловали мы животворящій крестъ и эту икону, въ этой самой церкви, у этого гроба чудотворцева,— что не мыслить намъ другъ на друга никакого лиха, а теперь не знаю, что надо мною дѣлается?“ Иванъ отвѣчалъ: „Государь! если мы захотимъ сдѣлать тебѣ какое зло, то пусть это зло будетъ надъ нами; а что теперь дѣлаемъ, такъ это мы дѣлаемъ для христіанства, для твоего окупа. Татары, которые съ тобою пришли, когда увидятъ это, облегчатъ окупъ.“

Василій, поставивъ икону на мѣсто, упалъ предъ чудотворцевымъ гробомъ и сталъ молиться съ такими слезами, воплемъ и рыданіемъ, что прослезилъ самихъ враговъ своихъ. Князь Иванъ, помолившись немного въ церкви, вышелъ вонъ, сказавши Никитѣ: „Возьми его.“ Великій князь, помолившись, всталъ и, оглянувшись кругомъ, спросилъ: „Гдѣ же братъ, князь Иванъ?“ Вмѣсто отвѣта, подошелъ къ нему Никита Константиновичъ, схватилъ его за плеча и сказалъ: „Взятъ ты великимъ княземъ Димитріемъ Юрьевичемъ.“ Василій сказалъ на это: „Да будетъ воля Божія!“ Тогда Никита вывелъ его изъ церкви и изъ монастыря, послѣ чего посадили его на голыя сани, съ чернецомъ напротивъ, и повезли въ Москву; бояръ великокняжескихъ также перехватали, но о сыновьяхъ, Иванѣ и Юріи, бывшихъ вмѣстѣ съ отцомъ въ монастырѣ, даже и не спросили. Эти малолѣтніе князья днемъ спрятались вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ слугъ, а ночью убѣжали въ Юрьевъ, къ князю Ивану Ряполовскому въ село его Боярово; Ряполовскій, взявши ихъ, побѣжалъ вмѣстѣ съ братьями, Семеномъ и Димитріемъ, и со всѣми людьми своими въ Муромъ и тамъ заперся.

Между тѣмъ, великаго князя привезли въ Москву на ночь 14 февраля и посадили на дворѣ Шемякинѣ; 16 числа на ночь ослѣпили и сослали въ Угличъ вмѣстѣ съ женою, а мать, великую княгиню Софью Витовтовну, отослали на Чухлому. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ приведены причины, побудившія Шемяку ослѣпить Василія: „Зачѣмъ привелъ Татаръ на Русскую Землю, и города съ волостями отдалъ имъ въ кормленіе? Татаръ и рѣчь ихъ любишь сверхъ мѣры, а христіанъ томишь безъ милости; золото, серебро и всякое имѣніе отдаешь Татарамъ; наконецъ, зачѣмъ ослѣпилъ князя Василія Юрьевича?“—Услыхавши объ ослѣпленіи великаго князя, братъ жены его, князь Василій Ярославичъ, вмѣстѣ съ княземъ Семеномъ Ивановичемъ Оболенскимъ убѣжали въ Литву. Мы видѣли литовскихъ князей въ Москвѣ, теперь видимъ явленіе обратное: и великіе князья литовскіе принимаютъ московскихъ выходцевъ точно такъ же, какъ московскіе принимали литовско-русскихъ,—съ честію, даютъ имъ богатыя кормленія; такъ, Василію

[1]) Городокъ Радонежъ, близъ Троицы, упоминается Никон. IV, 205; VI, 130, село Радонежское. С. г. г. и д. I, №№ 21, 22.

Ярославичу дали Брянскъ, Гомель, Стародубъ, Мстиславль и многія другія мѣста. Изъ бояръ и слугъ Василіевыхъ одни присягнули Шемякѣ, другіе убѣжали въ Тверь; всѣхъ отважнѣе поступилъ Ѳедоръ Басенокъ, объявивши, что не хочетъ служить Шемякѣ, который за это велѣлъ заковать его въ желѣза; но Басенокъ успѣлъ вырваться изъ нихъ, убѣжалъ въ Коломну, подговорилъ тамъ многихъ людей, разграбилъ съ ними Коломенскій уѣздъ и ушелъ въ Литву, къ князю Василію Ярославичу, который отдалъ ему и князю Семену Оболенскому Брянскъ [1]).

Шемяка видѣлъ, что не можетъ быть покоенъ до тѣхъ поръ, пока сыновья Василія находятся на свободѣ въ Муромѣ съ многочисленною дружиною, но не смѣлъ послать противъ нихъ войско, боясь всеобщаго негодованія противъ себя, и придумалъ слѣдующее средство,—призвалъ къ себѣ въ Москву Рязанскаго епископа Іону и сталъ говорить ему: „Батюшка! поѣзжай въ свою епископію, въ Муромъ, и возьми на свою эпитрахиль дѣтей великаго князя Василія, а я съ радостію ихъ пожалую, отца ихъ выпущу и вотчину дамъ достаточную, чѣмъ будетъ имъ можно жить". Владыка отправился въ Муромъ и передалъ Ряполовскимъ слова Шемяки. Тѣ начали думать: „Если мы теперь святителя не послушаемъ, не пойдемъ къ князю Димитрію съ дѣтьми великокняжескими, то онъ придетъ съ войскомъ и городъ возьметъ; тогда и дѣти, и отецъ ихъ, и мы всѣ будемъ въ его волѣ". Рѣшившись исполнить требованіе Шемяки, они сказали Іонѣ: „Мы не отпустимъ съ тобою дѣтей великокняжескихъ такъ просто, но пойдемъ въ соборную церковь, и тамъ возьмешь ихъ на свою эпитрахиль". Іона согласился, пошелъ въ церковь, отслужилъ молебенъ Богородицѣ, взялъ дѣтей съ пелены отъ Пречистой на свою эпитрахиль и поѣхалъ съ ними къ Шемякѣ въ Переяславль, куда прибылъ 6 мая. Шемяка принялъ малютокъ ласково, позвалъ на обѣдъ, одарилъ, но на третій день отослалъ къ отцу въ Угличъ, въ заточеніе. Тогда Ряполовскіе, увидавъ, что Шемяка не сдержалъ своего слова, стали думать, какъ-бы освободить великаго князя изъ заточенія. Въ этой думѣ были съ ними вмѣстѣ: князь Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, Иванъ Ощера съ братомъ Бобромъ, Юшка Драница, котораго прежде мы видѣли воеводою нижегородскимъ, Семенъ Филимоновъ съ дѣтьми, Русалка, Руно и многіе другіе дѣти боярскіе. Они сговорились сойтись къ Угличу въ Петровъ день, въ полдень. Семенъ Филимоновъ пришелъ ровно въ срокъ, но Ряполовскіе не могли этого сдѣлать, потому что были задержаны отрядомъ Шемяки, за ними посланнымъ; они разбили этотъ отрядъ, но, зная, что уже опоздали, двинулись назадъ по Новгородской области въ Литву, гдѣ соединились съ прежними выходцами, а Филимоновъ пошелъ опять къ Москвѣ.

Шемяка испугался этихъ движеній въ пользу плѣннаго Василія, послалъ за владыками и началъ думать съ ними, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ и боярами: выпускать-ли плѣннаго Василія изъ заточенія или нѣтъ. Сильнѣе всѣхъ въ пользу Василія говорилъ епископъ Іона, нареченный митрополитъ; онъ каждый день твердилъ Шемякѣ: „Сдѣлалъ ты неправду, а меня ввелъ въ грѣхъ и срамъ; ты обѣщалъ и князя великаго выпустить, а вмѣсто того и дѣтей его съ нимъ посадилъ; ты мнѣ далъ честное слово, и они меня послушали, а теперь я остаюсь передъ ними лжецомъ. Выпусти его, сними грѣхъ съ своей души и съ моей! что тебѣ можетъ сдѣлать слѣпой да малыя дѣти? Если боишься, укрѣпи его еще крестомъ честнымъ, да и нашею братьею, владыками". Шемяка рѣшился наконецъ освободить Василія, дать ему отчину, и, осенью 1446 года, [2]) отправился въ Угличъ съ епископами, архимандритами и игуменами. Пріѣхавши туда, онъ выпустилъ Василія и дѣтей его изъ заключенія, каялся и просилъ у него прощенія; Василій также въ свою очередь складывалъ всю вину на одного себя, говорилъ: „И не такъ еще мнѣ надобно было пострадать за грѣхи мои и клятвопреступленіе передъ вами, старшими братьями моими, и передъ всѣмъ православнымъ христіанствомъ, которое изгубилъ и еще изгубить хотѣлъ. Достоинъ былъ я и смертной казни, но ты, государь, показалъ ко мнѣ милосердіе, не погубилъ меня съ моими беззаконіями, далъ мнѣ время покаяться". Когда онъ это говорилъ, слезы текли у него изъ глазъ какъ ручьи; всѣ присутствующіе дивились такому смиренію и умиленію, и плакали сами, на него глядя. На радости примиренія, Шемяка далъ Василію, женѣ его и дѣтямъ большой пиръ, гдѣ были всѣ епископы, многіе бояре и дѣти боярскіе; Василій получилъ богатые дары и Вологду въ отчину, давши напередъ Шемякѣ проклятыя грамоты не искать великаго княженія. Но приверженцы Василія ждали только его освобожденія, и толпами кинулись къ нему. Затрудненіе состояло въ проклятыхъ грамотахъ, данныхъ на себя Василіемъ; Трифонъ, игуменъ Кириллова-Бѣлозерскаго монастыря, снялъ ихъ на себя, когда Василій пріѣхалъ изъ Вологды въ его монастырь, подъ предлогомъ — накормить братію и раздать ей милостыню. Съ Бѣлаозера великій князь отправился къ Твери, которой князь Борисъ Александровичъ обѣщалъ ему помощь, съ условіемъ, чтобъ онъ обручилъ своего старшаго сына и наслѣдника Ивана на его дочери Марьѣ; жениху было только семь лѣтъ. Василій согласился [3]), и съ тверскими полками пошелъ на Шемяку къ Москвѣ.

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 125; такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публич. Библіот.

[2]) Арханг. лѣт., стр. 153: здѣсь сказано, что Шемяка выпустилъ Василія 15 сентября.

[3]) Неволею, какъ сказано въ Львовской лѣтописи, III, 342. Въ одной лѣтописи рукоп. Импер. Публ. Библ. XVII вѣка читаемъ: «князь же великій пойде ко Твери, и обручалъ тогды князь великій за большого сына своего за князя Ивана Горбатаго, тако бо зва его отецъ». Въ такъ наз. Тверской лѣтописи сказано, что Василій отдалъ

Между тѣмъ князь Василій Ярославичъ и другіе московскіе выходцы, жившіе въ Литвѣ, еще не зная объ освобожденіи великаго князя, рѣшились, оставя семейства свои въ Литвѣ, идти къ Угличу и вывести оттуда Василія. Они уже назначили срокъ собираться всѣмъ въ Пацынѣ [1]), какъ пришла вѣсть, что великій князь выпущенъ и дана ему Вологда. Тогда князь Висилій Ярославичъ двинулся изъ Мстиславля, князь Семенъ Оболенскій съ Басенкомъ изъ Брянска, сошлись въ Пацынѣ и, получивши здѣсь вѣсть, что великій князь уже пошелъ изъ Вологды на Бѣлоозеро и оттуда къ Твери, двинулись къ нему на-помощь. Близъ Ельны встрѣтили они татарскій отрядъ и начали-было уже съ нимъ стрѣляться, какъ Татары закричали: „Кто вы?“ Они отвѣчали: „Москвичи; идемъ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ искать своего государя, великаго князя Василія Васильевича,—сказываютъ, что онъ уже выпущенъ: а вы кто?“—Татары отвѣчали: „Мы пришли изъ страны Черкасской, съ двумя царевичами, дѣтьми Улу-Махметовыми, Касимомъ и Эгупомъ; слышали царевичи о великомъ князѣ, что онъ пострадалъ отъ братьевъ, и пошли искать его за прежнее добро и за хлѣбъ, потому что много его добра до насъ было“. Когда дѣло такимъ образомъ объяснилось, Москвичи и Татары съѣхались, дали другъ другу клятву и пошли вмѣстѣ искать великаго князя. Шемяка, съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, выступилъ къ Волоку, на-встрѣчу непріятелю: но въ его отсутствіе Москва такъ же внезапно и легко была захвачена приверженцами Василія Васильевича, какъ прежде приверженцами Шемяки. Бояринъ Михаилъ Борисовичъ Плещеевъ, отправленный великимъ княземъ съ очень небольшимъ отрядомъ войска, пробрался мимо Шемякиной рати и подъѣхалъ къ Москвѣ въ ночь наканунѣ Рождества Христова, въ самую заутреню; Никольскія ворота были отворены для княгини Ульяны, жены Василія Владиміровича (сына Владиміра Андреевича); этимъ воспользовался Плещеевъ и ворвался въ кремль: Шемякинъ намѣстникъ, Ѳедоръ Галицкій, убѣжалъ отъ заутрени изъ собора; намѣстникъ князя Ивана Можайскаго, Василія Шига, выѣхалъ было изъ кремля на лошади, но былъ схваченъ истопникомъ великой княгини, Ростопчею, и приведенъ къ воеводамъ, которые сковали его вмѣстѣ съ другими боярами Шемяки и Можайскаго, а съ гражданъ взяли присягу на имя великаго князя Василія, и начали укрѣплять городъ.

Великій князь, узнавши, что Москва за нимъ, двинулся къ Волоку на Шемяку и Можайскаго, которые, видя, что изъ Твери идетъ великій князь изъ Литвы Василій Ярославичъ съ Татарами, Москва взята и люди бѣгутъ отъ нихъ толпами, побѣжали отъ нихъ къ Галичу, оттуда въ Чухлому, гдѣ взяли съ собою мать великаго князя, Софью Витовтовну, и отправились въ Каргополь. Василій, отпустивши жену въ Москву, пошелъ за ними, взялъ Угличъ, который сдался только тогда, когда Тверской князь прислалъ пушки осаждающимъ; въ Угличѣ соединился съ великимъ княземъ Василій Ярославичъ, и всѣ вмѣстѣ пошли къ Ярославлю, гдѣ соединились съ татарскими царевичами. Изъ Ярославля Василій послалъ сказать Шемякѣ: „Братъ, князь Димитрій Юрьевичъ, какая тебѣ честь и хвала держать въ плѣну мою мать, а свою тетку, неужели ты этимъ хочешь мнѣ отмстить? Я уже на своемъ столѣ, на великомъ княженіи!“ Отпустивши съ этимъ посла къ Шемякѣ, великій князь отправился въ Москву, куда пріѣхалъ 17 февраля 1447 г.; а Шемяка, выслушавши посла Василіева, сталъ думать съ своими боярами; „Братья, говорилъ онъ имъ: что мнѣ томить тетку и госпожу свою, великую княгиню? Самъ я бѣгаю, люди надобны самому, они уже и такъ истомлены, а тутъ еще надобно ее стеречь,— лучше отпустимъ ее“. Порѣшивши на этомъ, онъ отпустилъ Софью изъ Каргополя съ бояриномъ своимъ, Михаиломъ Ѳедоровичемъ Сабуровымъ, и дѣтьми боярскими. Великій князь, услыхавъ, что мать отпущена, поѣхалъ къ ней на-встрѣчу въ Троицкій монастырь, а оттуда съ нею же вмѣстѣ въ Переяславль; бояринъ Шемякинъ, Сабуровъ, со всѣми своими товарищами, добилъ челомъ великому князю, чтобы принялъ ихъ къ себѣ на службу.

Послѣ этого Шемяка съ Можайскимъ рѣшились просить мира и обратились къ посредничеству князей, остававшихся вѣрными Василію,—Михаила Андреевича Верейскаго и Василія Ярославича Серпуховскаго, заключили съ ними перемиріе, и въ перемирномъ договорѣ обѣщались бить челомъ своему господину, брату старшему, великому князю Василію Васильевичу, чтобы принялъ ихъ въ любовь и миръ и пожаловалъ ихъ прежними ихъ отчинами, за что обязывались возвратить всю казну, захваченную ими у великаго князя, его матери, жены, жениной матери [2]) и бояръ; кромѣ того, Шемяка отступался отъ пожалованія великаго князя—Углича, Ржевы и Бѣлецкой волости, а Можайскій отступался отъ Козельска, Алексина и Лисина, обѣщались отдать всѣ взятые въ казнѣ великокняжеские договорные грамоты, ярлыки и дефтери.

Тверскому князю Ржеву; но Ржевичи сдались Борису Александровичу только тогда, когда онъ пришелъ на нихъ съ пушками. Но въ договорѣ съ Казимиромъ и въ завѣщаніи Василія Темнаго Ржева въ московской сторонѣ; развѣ предположить, что Василій взялъ себѣ назадъ этотъ городъ при болѣе благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ.

[1]) Духовная Іоанна III (С. г. г. и д. I, № 144): «Да сыну же своему Юрію даю городъ Брянскъ съ волостьми и погосты, изъ селы и со всѣми пошлинами, со всѣмъ, что къ Брянску потягло; да волости Соловьевичи, Прикладки, Пацынъ.

[2]) С. г. г. и д. I, № 67: «Да что есмя взяли казну князя вел., и матере его вел. княгини, и его вел. княгини и бояръ его и Марьину Голтяевы». Родосл.: «А у пятаго сына Андреева у Кобылина у Ѳедора у Кошки четыре сына; большой Иванъ, другой Ѳедоръ Голтяй; а у Ѳедора у Голтяя дѣти: Иванъ да Гаврило, да Ондрей бездѣтны, да дочь его была за княземъ Ярославомъ Володимеровичемъ Боровскимъ».

Любопытно высказанное въ этомъ договорѣ недовѣріе: Шемяка и Можайскій просятъ чтобы великій князь не вызывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока не будетъ тамъ митрополита, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности. На основаніи этихъ статей, заключенъ былъ миръ между Шемякою, Иваномъ Можайскимъ и великимъ княземъ. Но мы видѣли, что и Василій далъ Шемякѣ въ Угличѣ проклятыя грамоты.

Теперь мы должны обратиться нѣсколько назадъ и посмотрѣть, что сдѣлалъ Шемяка, сидя въ Москвѣ на столѣ великокняжескомъ. Положеніе его здѣсь не было завидное: отвсюду окруженный людьми подозрительной вѣрности, доброжелателями Василія, онъ не могъ идти по слѣдамъ своихъ предшественниковъ, примышлять къ своей отчинѣ, потому что только уступками могъ пріобрѣсть расположеніе другихъ князей. Обязанный своимъ успѣхомъ содѣйствію князя Ивана Андреевича Можайскаго, онъ отдалъ ему Суздальское княжество; но правнуки Димитрія Константиновича были еще живы, и, какъ видно, княжили въ Суздалѣ, неизвѣстно въ какихъ отношеніяхъ къ московскимъ князьямъ. Когда Шемяка снова лишился Москвы, то заключилъ съ ними договоръ [1]), призналъ старшаго брата, князя Василія Юрьевича, сыномъ, младшаго—князя Θеодора Юрьевича—племянникомъ: но сынъ Шемяки, князь Иванъ Димитріевичъ, долженъ былъ считать князя Василія Юрьевича братомъ равнымъ: слѣдовательно, въ случаѣ смерти Шемяки, Суздальскій князь, будучи равнымъ сыну его и наслѣднику, имѣлъ равное съ нимъ право на великое княженіе Владимірское. Шемяка обязался не отдавать Суздаля князю Можайскому, какъ отдалъ прежде, не вступаться въ прадѣдину, дѣдину и отчину обоихъ братьевъ, Суздаль, Новгородъ-Нижній, Городецъ и Вятку. Здѣсь, какъ видно, нарочно прибавлено „прадѣдину", чтобъ показать давность права князей на эти области. Шемяка уступаетъ Суздальскимъ одно изъ самыхъ важныхъ правъ — вѣдаться самимъ съ Ордою: обязывается не заключать никакихъ договоровъ съ великимъ княземъ Василіемъ безъ вѣдома князей суздальскихъ. Касательно оборонительнаго и наступательнаго союза обязанности равныя: если самъ Шемяка поведетъ войско, то и князь Суздальскій долженъ сѣсть на коня; если же пошлетъ сына, то и Суздальскій князь посылаетъ только сына или брата. Московскіе служилые князья и бояре, купившіе волости въ Суздальскомъ княжествѣ во время невзгоды прежнихъ князей его (въ ихъ неверемя), должны отступиться отъ своихъ пріобрѣтеній; наконецъ читаемъ: „Что мы, наши бояре и люди пограбили въ твоей отчинѣ, великомъ княженьи, то все оставить, пока дастъ тебѣ Богъ, велитъ достать своей отчины, великаго княженія".

Обязанный уступать требованіямъ князей-союзниковъ, въ ущербъ силѣ Московскаго княжества, Шемяка, разумѣется, долженъ былъ уступать требованіямъ своей дружины и своихъ московскихъ приверженцевъ; граждане, къ нему нерасположенные или, по крайней мѣрѣ, равнодушные, не могли найти противъ нихъ защиты на судѣ Шемякинѣ, и этотъ судъ пословицею перешелъ въ потомство съ значеніемъ суда несправедливаго.

Но послѣ торжества Василіева отношенія Московскаго князя къ другимъ князьямъ, союзнымъ и враждебнымъ, роднымъ и нероднымъ, принимаютъ прежній характеръ. Мы видѣли, на какихъ основаніяхъ заключенъ былъ миръ съ Шемякою и Можайскимъ; до насъ дошла договорная грамота послѣдняго съ великимъ княземъ [2]); Можайскій повторяетъ въ ней: „Что ты, господинъ князь великій, отъ насъ потерпѣлъ, за то за все ни ты самъ, ни твоя мать, ни жена, ни дѣти не должны мстить ни мнѣ, ни моимъ дѣтямъ, не должны ничего этого ни помнить, ни поминать, ни на сердцѣ держать". Когда дѣтямъ великокняжескимъ исполнится по 12 лѣтъ, то они должны сами цѣловать крестъ въ соблюденіи этого договора. Договаривающіеся ставятъ въ свидѣтели Бога, Богородицу, великихъ чудотворцевъ, великаго Святителя Николу, Св. Петра митрополита, Свв. Леонтія Ростовскаго, Сергія и Кирилла, молитву родителей, отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ; а поруками — князя Тверскаго, его жену (сестру Можайскаго), князей Михаила Андреевича и Василія Ярославича; кто нарушитъ договоръ, на томъ не будетъ милости Божіей, Богородицы, молитвы означенныхъ святыхъ и родительской, а поруки будутъ съ правомъ на виноватаго.

Союзъ Можайскаго князя пока еще былъ нуженъ Василію, и въ сентябрѣ 1447 года заключенъ былъ съ нимъ новый договоръ [3]), по которому великій князь пожаловалъ Ивана Андреевича Бѣжецкимъ-Верхомъ, половиною Заозерья и Лисинымъ; Можайскій клянется держать великое княженіе честно и грозно безъ обиды; въ случаѣ смерти Василія обязуется признать его сына великимъ княземъ и быть съ ними заодно, ходить на войну по приказу великокняжескому безъ ослушанья, но выговариваетъ опять: „А къ тебѣ, великому князю, мнѣ не ѣздить, пока Богъ не дастъ отца нашего митрополита въ землѣ нашей". Князья, оставшіеся вѣрными Василію, были награждены: въ іюнѣ 1447 года заключенъ былъ договоръ [4]) съ Михайломъ Андреевичемъ Верейскимъ, по которому тотъ получилъ освобожденіе отъ татарской дани на два года, кромѣ того большую часть Заозерья въ вотчину; Серпуховскій князь Василій Ярославовичъ получилъ за свои услуги Дмитровъ и еще нѣсколько волостей [5]).

Всѣ эти князья были довольны; не могъ быть доволенъ одинъ Шемяка. Вездѣ, въ Новгородѣ и Казани, между князьями удѣльными и въ стѣнахъ

[1]) С. г. г. и д. I, № 62.

[2]) С. г. д. и д. I, № 63.

[3]) Тамъ же, № 66.

[4]) Тамъ же, № 64.

[5]) Тамъ же, № 71 и слѣд.

самой Москвы, онъ заводилъ крамолы, хотѣлъ возбудить нерасположеніе къ Василію: онъ не переставалъ сноситься съ Новгородомъ, называя себя великимъ княземъ и требуя помощи отъ гражданъ, повторяя старое обвиненіе Василію, что по его поблажкѣ Москва въ рукахъ Татаръ, не прекратилъ сношеній и съ прежнимъ союзникомъ своимъ, Иваномъ Можайскимъ; послѣдній не скрывалъ этого союза отъ великаго князя,—послы его прямо говорили Василію: „Если пожалуешь князя Димитрія Юрьевича, то все равно, что ты и меня, князь-Ивана, пожаловалъ; если же не пожалуешь князя Димитрія, то это значитъ, что и меня ты не пожаловалъ“ [1]). Изъ этого свидѣтельства видно, что Шемяка просилъ у великаго князя волостей, потерянныхъ по договору 1447 года, или другихъ какихъ-либо, и не получалъ просимаго. Отказавшись отъ всякой власти надъ Вяткою, Шемяка между тѣмъ посылалъ подговаривать ея безпокойное народонаселеніе на Москву; поклявшись не сноситься съ Ордою, Шемяка держалъ у себя казанскаго посла, и легко было догадаться, какіе переговоры велъ онъ съ ханомъ, потому что послѣдній сковалъ посла великокняжескаго; когда же отъ хана Большой Орды пришли послы въ Москву, и великій князь послалъ къ Шемякѣ за выходомъ, то онъ не далъ ничего, отозвавшись, что ханъ Большой Орды не имѣетъ никакой власти надъ Русью. Поклявшись возвратить все захваченное имъ въ Москвѣ черезъ мѣсяцъ, Шемяка не возвращалъ и по истеченіи шести мѣсяцевъ, особенно не возвращалъ ярлыковъ и грамотъ. Далѣе, въ договорѣ находилось условіе, общее всѣмъ княжескимъ договорамъ того времени,—что бояре, дѣти боярскіе и слуги вольные вольны переходить отъ одного князя къ другому, не лишаясь своихъ отчинъ, такъ что бояринъ одного князя, покинувъ его службу, перейдя къ другому, могъ жить однако во владѣніяхъ прежняго князя, и тотъ обязывался блюсти его, какъ своихъ вѣрныхъ бояръ. Но Шемяка не могъ смотрѣть равнодушно, что бояре его отъѣзжаютъ въ Москву, и, вопреки клятвѣ, грабилъ ихъ, отнималъ села, дома, все имущество, находившееся въ его владѣніяхъ. Мы знаемъ, что младшимъ сыновьямъ великокняжескимъ давались части въ самомъ городѣ Москвѣ, и каждый изъ нихъ держалъ тіуна въ своей части: Шемяка, владѣя въ Москвѣ жребіемъ отца своего Юрія, посылалъ къ тіуну своему Ватазину грамоты, въ которыхъ приказывалъ ему стараться отклонять гражданъ отъ великаго князя. Эти грамоты были перехвачены, и Василій отдалъ дѣло на судъ духовенству.

Если русское духовенство въ лицѣ своего представителя, митрополита, такъ сильно содѣйствовало возвеличенію Москвы, то одинаково могущественно содѣйствовало и утвержденію единовластія, ибо въ это время духовенство сознательнѣе другихъ сословій могло смотрѣть на стремленіе великихъ князей Московскихъ, вполнѣ оцѣнить это стремленіе. Проникнутое понятіями о власти царской, власти, получаемой отъ Бога и независящей ни отъ кого и ни отъ чего, духовенство по этому самому должно было находиться постоянно во враждебномъ отношеніи къ старому порядку вещей, къ родовымъ отношеніямъ, не говоря уже о томъ, что усобицы княжескія находились въ прямой противоположности съ духомъ религіи, а безъ единовластія онѣ не могли прекратиться. Вотъ почему, когда Московскіе князья начали стремиться къ единовластію, то стремленія ихъ совершенно совпали съ стремленіями духовенства; можно сказать, что вмѣстѣ съ мечемъ свѣтскимъ, великокняжескимъ, противъ удѣльныхъ князей постоянно былъ направленъ мечъ духовный. Мы видѣли, какъ митрополитъ Фотій въ началѣ Василіева княженія дѣйствовалъ противъ замысловъ дяди Юрія, какъ потомъ Кирилловскій игуменъ Трифонъ разрѣшилъ Василія отъ клятвы, данной Шемякѣ; и теперь, когда Шемяка не соблюлъ своей клятвы и великій князь объявилъ объ этомъ духовенству, то оно вооружилось противъ Юрьевича и отправило къ нему грозное посланіе, замѣчательное по необыкновенному для того времени искусству, съ какимъ написано, по умѣнью соединить цѣли государственныя съ религіозными. Посланіе написано отъ лица пяти владыкъ, двухъ архимандритовъ, которые поименованы, и потомъ отъ лица всего духовенства. Здѣсь прежде всего обращаетъ на себя вниманіе порядокъ, въ какомъ слѣдуютъ владыки одинъ за другимъ: они написаны по старшинству городовъ, и первое мѣсто занимаетъ владыка Ростовскій. Ростовъ Великій, давно утратившій свое значеніе, давно преклонившійся предъ пригородами своими, удерживаетъ прежнее мѣсто относительно церковной іерархіи и напоминаетъ, что область, въ которой находится теперь историческая сцена дѣйствія, есть древняя область Ростовская; за нимъ слѣдуетъ владыка Суздальскій, и уже третье мѣсто занимаетъ нареченный митрополитъ Іона, владыка Рязанскій, за которымъ слѣдуютъ владыки Коломенскій и Пермскій. Второе, что останавливаетъ насъ здѣсь,—это единство русскаго духовенства: Іона, епископъ Рязанскій, ревностно поддерживаетъ государственное стремленіе Московскаго князя, и Московскій князь не медлитъ дать свое согласіе на возведеніе этого епископа въ санъ митрополита, зная, что Рязанскій владыка не принесетъ въ Москву областныхъ рязанскихъ стремленій.

Въ первыхъ строкахъ посланія духовенство высказываетъ ясно свою основную мысль о царственномъ единодержавіи: оно сравниваетъ грѣхъ отца Шемякина, Юрія, помыслившаго беззаконно о великомъ княженіи, съ грѣхомъ праотца Адама, которому сатана вложилъ въ сердце желаніе равнобожества. „Сколько трудовъ перенесъ отецъ твой, говоритъ духовенство Шемякѣ; сколько истомы потерпѣло отъ него христіанство, но великокняжескаго стола все не получилъ, чего ему Богомъ не

[1]) Акты Истор. I, № 40.

дано, ни земскою изначала пошлиною". Последними словами духовенство объявляетъ себя прямо на стороне новаго порядка престолонаследія, называя его земскою изначила пошлиною. Упомянувъ о поступкахъ и неудачахъ Юрія и Василія Косаго, духовенство обращается къ поступкамъ самого Шемяки; укоривъ его темъ, что онъ не подавалъ никогда помощи великому князю въ борьбе его съ Татарами, переходитъ къ ослепленію Василія: „Когда великій князь пришелъ изъ плена на свое государство, то дьяволъ вооружилъ тебя на него желаніемъ самоначальства; разбойнически, какъ ночной воръ, напалъ ты на него, будучи въ мире, и поступилъ съ нимъ не лучше того, какъ поступили древніе братоубійцы Каинъ и Святополкъ Окаянный. Но разсуди, какое добро сделалъ ты православному христіанству, или какую пользу получилъ самому себе; много ли нагосподарствовалъ, пожилъ ли въ тишине? Не постоянно ли жилъ ты въ заботахъ, въ переездахъ съ места на место, днемъ томился тяжелыми думами, ночью дурными снами? Ища и желая большаго, ты погубилъ и свое меньшее". Потомъ приводится последняя договорная грамота Шемяки съ великимъ княземъ и показывается, что Юрьевичъ не соблюлъ ни одного условія. Духовенство отстраняетъ упрекъ, делаемый великому князю за то, что онъ держитъ въ службе своей Татаръ: „Если Татары живутъ въ Земле христіанской, то это потому, что ты не хочешь соблюдать договора, следовательно всѣ слезы христіанскія, проливаемыя отъ Татаръ, на тебе же. Но какъ скоро ты съ своимъ старшимъ братомъ, великимъ княземъ, управишься во всемъ чисто, по крестному целованію, то мы ручаемся, что великій князь сейчасъ же вышлетъ Татаръ вонъ изъ Земли". Какъ видно, Шемяка сильно досадовалъ на духовенство за то, что оно держитъ сторону Василія, и выражалъ на словахъ свою досаду. Духовенство пишетъ: „Ты оскверняешь наши святыя эпитрахили неподобными своими богомерзкими речами: это делаешь ты не какъ христіанинъ, но хуже и поганыхъ, ибо самъ знаешь, что святыя эпитрахили изображаютъ страданіе Господа нашего Іисуса Христа; эпитрахили наши твоими речами не могутъ никакъ оскверниться, но только ты самъ душу свою губишь". Взаключеніе духовенство говоритъ, что оно, по своему долгу, било челомъ за Шемяку великому князю; что тотъ послушалъ святительскаго слова и хочетъ мира съ двоюроднымъ братомъ, назначая ему срокъ для исполненія договора. Если же Шемяка и тутъ не исполнитъ условій, въ такомъ случае духовенство отлучаетъ его отъ Бога, отъ Церкви Божіей, отъ православной христіанской веры и передаетъ проклятію.

Шемяка не послушался увещаній духовенства, и въ 1448 году великій князь выступилъ въ походъ. Тогда Юрьевичъ, не пугавшійся церковнаго проклятія, испугался полковъ Василіевыхъ и послалъ просить мира къ великому князю, который остановился къ Костроме. Миръ былъ заключенъ, какъ видно, на прежнихъ условіяхъ, и Шемяка далъ на себя проклятыя грамоты. Іона, посвященный въ декабре 1448 года въ митрополиты, уведомляя объ этомъ посвященіи своемъ князей, пановъ, бояръ, наместниковъ, воеводъ и все Христоименитое Господне людство, пишетъ: „Знаете, дети, какое зло и запустеніе Земля наша потерпела отъ князя Димитрія Юрьевича, сколько крови христіанской пролилось; потомъ князь Димитрій добилъ челомъ старшему брату своему, великому князю, и честный крестъ целовалъ, и не однажды, но все изменялъ; наконецъ написалъ на себя грамоту, что если вооружится опять на великаго князя, то не будь на немъ милости Божіей, Пречистыя Богоматери, великаго чудотворца Николы, Св. чудотворцевъ Петра и Леонтія, Преподобныхъ Сергія и Кирилла, благословенія всехъ владыкъ и всего духовенства, ни въ сей векъ, ни въ будущій; поэтому, продолжаетъ Іона, пишу къ вамъ, чтобы вы пощадили себя, не только телесно, но особенно духовно, и посылали бить челомъ къ своему господарю великому князю о жалованьи, какъ ему Богъ положитъ на сердце. Если же не станете бить челомъ своему господарю, и прольется отъ того кровь христіанская, то вся эта кровь взыщется отъ Бога на васъ, за ваше окамененіе и неразуміе; будете чужды милости Божіей, своего христіанства, благословенія и молитвы нашего смиренія, да и всего великаго священства; Божія благословенія не будетъ на васъ; въ Земле вашей никто не будетъ больше называться христіаниномъ, ни одинъ священникъ не будетъ священствовать, но все Божіи церкви затворятся отъ нашего смиренія" [1]).

Въ конце 1448 года уведомлялъ митрополитъ о мире великаго князя съ Шемякою, а весною следующаго 1449 года Шемяка уже нарушилъ крестное целованіе, свои проклятыя грамоты, и, въ самое Светлое Воскресенье, осадилъ Кострому, бился долго подъ городомъ, но взять его не могъ, потому что въ немъ была сильная застава (гарнизонъ) великокняжеская, подъ начальствомъ князя Ивана Стриги и Өедора Басенка. Скоро и самъ великій князь выступилъ съ полками противъ Шемяки, съ которымъ опять заодно действовалъ Иванъ Можайскій, а съ великимъ княземъ шли вместе также могущественные союзники — митрополитъ и епископы. На Волге, въ селе Рудине, близъ Ярославля, встретились непріятели; но битвы не было, потому что Можайскій оставилъ Шемяку и помирился съ Василіемъ, который придалъ ему Бежецкій-Верхъ. Мы видели, что Бежецкій-Верхъ былъ отданъ Ивану гораздо прежде, въ 1447 году, но это нисколько не можетъ заставить насъ заподозрить приведенное летописное известіе, потому что до насъ не дошло никакихъ известій о причинахъ, которыя побуждали Шемяку и Можайскаго возставать на великаго князя. Очень можетъ быть, что у Можайскаго почему-нибудь было отнято пожалованіе

[1]) Акты Истор. I, № 43.

1447 года; мы знаемъ, что еще въ февралѣ 1448 г. Можайскій, чрезъ посредство тестя своего, князя Ѳедора Воротынскаго, вошелъ въ сношенія съ великимъ княземъ Литовскимъ Казимиромъ, требуя помощи послѣдняго для овладѣнія столомъ Московскимъ, за что обязывался писаться всегда Казимиру братомъ младшимъ, уступить Литвѣ Ржеву, Медынь, не вступаться въ Козельскъ и помогать во всѣхъ войнахъ, особенно противъ Татаръ [1]). Подъ 1450 годомъ встрѣчаемъ новое извѣстіе о походѣ великаго князя на Шемяку къ Галичу: 27 января великокняжескій воевода, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, напалъ на Шемяку, который стоялъ подъ городомъ со всею своею силою; Шемяка потерпѣлъ страшное пораженіе, и едва могъ спастись бѣгствомъ; Галичъ сдался великому князю, который посадилъ здѣсь своихъ намѣстниковъ.

Лишенный удѣла, Шемяка скрылся сначала въ Новгородѣ, но потомъ, собравшись съ силами, захватилъ Устюгъ; земли онъ не воевалъ, говоритъ лѣтописецъ, но привелъ добрыхъ людей къ присягѣ; кто же изъ нихъ не хотѣлъ измѣнить великому князю Василію, тѣхъ бросалъ въ рѣку Сухону, навязавши камень на шею; изъ Устюга ходилъ воевать къ Вологдѣ. Великій князь, занятый дѣлами татарскими, не могъ дѣйствовать противъ Шемяки въ 1451 году, и только въ началѣ 1452 выступилъ противъ него къ Устюгу; Шемяка испугался и убѣжалъ на рѣку Кокшенгу, гдѣ у него были городки; но, преслѣдуемый и тамъ великокняжескими полками, убѣжалъ опять въ Новгородъ. Въ 1453 году отправился туда изъ Москвы дьякъ Степанъ Бородатый; онъ подговорилъ боярина Шемякина, Ивана Котова, а тотъ подговорилъ повара: Юрьевичъ умеръ, поѣвши курицы, напитанной ядомъ. 23 іюня пригналъ къ великому князю изъ Новгорода подъячій, Василій Беда, съ вѣстію о смерти Шемякиной, и былъ пожалованъ за это въ дьяки [2]).

Сынъ Шемяки, Иванъ, ушелъ въ Литву, гдѣ, какъ прежде враги отца его, нашелъ себѣ почетный пріемъ и кормленіе. Но, кромѣ Шемяки, въ Московскомъ княжествѣ оставались еще другіе удѣльные князья, отъ которыхъ Василію надобно было избавиться; онъ началъ, какъ и слѣдовало ожидать, съ Ивана Можайскаго: въ 1454 году великій князь пошелъ къ Можайску на князя Ивана Андреевича, за его неисправленіе, говоритъ лѣтописецъ. Князь Иванъ не сопротивлялся; онъ выбрался изъ города съ женою, дѣтьми, со всѣми своими, и побѣжалъ въ Литву; Можайскъ былъ присоединенъ къ Москвѣ. Какое было неисправленіе Ивана Можайскаго,—узнаемъ изъ письма митрополита Іоны къ Смоленскому епископу [3]): „Вы знаете, пишетъ митрополитъ, что и прежде этотъ князь Иванъ Андреевичъ сдѣлалъ съ нашимъ сыномъ, а съ своимъ братомъ старшимъ, но не скажу: съ братомъ,—съ своимъ господаремъ, великимъ княземъ“. Здѣсь глава русскаго духовенства ясно говоритъ, что родовыхъ отношеній между князьями болѣе не существуетъ, что князья удѣльные не суть братья великому, но подданные!—Вина Ивана Можайскаго, по словамъ Іоны, состояла въ томъ, что, во время двукратнаго нашествія Татаръ, митрополитъ посылалъ къ нему съ просьбою о помощи великому князю, но Иванъ не явился. Цѣль письма—чрезъ посредство Смоленскаго владыки внушить литовскому правительству, чтобъ оно, принявъ бѣглеца, удовольствовалось этимъ, и не позволяло ему враждовать противъ Москвы, ибо это необходимо должно вызвать непріязненное движеніе и со стороны Василія Васильевича.

Изъ остальныхъ удѣльныхъ князей всѣхъ безпокойнѣе могъ быть Василій Ярославичъ Серпуховской, именно потому, что оказалъ большія услуги великому князю и, слѣдовательно, имѣлъ большія притязанія на благодарность и уступчивость послѣдняго. Мы видѣли, что, въ благодарность за услугу, великій князь уступилъ Серпуховскому князю Дмитровъ; но послѣ, неизвѣстно въ какое именно время, Василій Ярославичъ долженъ былъ отказаться отъ этого пожалованья [4]); и только когда Иванъ Можайскій былъ изгнанъ изъ своего удѣла, великій князь уступилъ Василію Ярославичу Бѣжецкій-Верхъ и Звенигородъ [5]). Но въ 1456 году Серпуховской князь былъ схваченъ въ Москвѣ и заточенъ въ Угличъ, откуда послѣ перевезенъ въ Вологду, гдѣ и умеръ; той же участи подверглись и меньшія его дѣти, а старшій, Иванъ, вмѣстѣ съ матерью, убѣжалъ въ Литву. Лѣтописцы не объявляютъ вины Серпуховского князя, одна только Степенная Книга глухо говоритъ: „За нѣкую крамолу“. Иванъ Васильевичъ Серпуховской встрѣтился въ Литвѣ съ Иваномъ Андреевичемъ Можайскимъ; общее бѣдствіе соединило ихъ, и они уговорились дѣйствовать заодно; Иванъ Серпуховской говоритъ въ договорной грамотѣ князю Можайскому [6]): „Такъ какъ великій князь Василій Васильевичъ отнялъ у тебя твою отчину и дѣдину на крестномъ цѣлованіи, выгналъ тебя изъ твоей отчины и дѣдины; также и моего отца, князя Ва-

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, № 49.

[2]) Рѣка Вологодской губерніи, Вельскаго уѣзда, впад. въ Вагу. — О смерти Шемякиной находимъ любопытное извѣстіе въ житіи св. Пафнутія Боровскаго (соч. Вассіаномъ Рыло, см. Макарьевскія минеи): «Нѣкій человѣкъ именемъ Иванъ, съ бяше по наученію нѣкоихъ въ великомъ Новгородѣ, служа у нѣкоего князя благочестива, и господина своего отравою умори, послѣди же зазрѣвъ себѣ облечеся въ иноческій образъ и пріиде въ обитель святаго; онъ же видѣвъ его грядуща, рече къ ученикомъ: зрите ли человѣка сего, яко ни иноческаго ради образа очистися отъ крови!.. Послѣди же повѣда блаженный единому ученику: съ человѣкъ князя Димитрія Шемяку отравою уби».

[3]) Акты Истор. I, № 56.

[4]) С. г. г. и д. I, №№ 84 и 85. Я ставлю этотъ договоръ прежде, потому что въ немъ не упоминается еще объ изгнаніи Ивана Можайскаго.

[5]) Тамъ же, №№ 78 и 79.

[6]) Акты Арх. Эксп. I, № 70.

силія Ярославича, великій князь схватилъ на крестномъ цѣлованіи безвинно и меня выгналъ изъ моей отчины и дѣдины,—то идти тебѣ, князь Иванъ Андреевичъ, доставать вмѣстѣ и отца моего, князя Василія Ярославича, и нашей отчины и дѣдины, а мнѣ идти съ тобою заодно. Если великій князь станетъ звать тебя на твою отчину, станетъ отдавать тебѣ твою отчину или придавать къ ней, а моего отца не пожалуетъ, не выпуститъ, и отчины ему по старинѣ не отдастъ, или станетъ жаловать отца моего какъ мнѣ нелюбо, то тебѣ съ великимъ княземъ безъ моей воли не мириться, стоять со мною заодно, доставать отца моего; и если отецъ мой погибнетъ въ неволѣ,—или умретъ своею смертію, то тебѣ съ великимъ княземъ также не мириться безъ моей воли, но мстить за обиду отца моего. Наоборотъ, если великій князь захочетъ помириться съ отцомъ моимъ, а съ тобою не захочетъ, то мнѣ отъ тебя не отставать. Если великій князь не смилуется, ни тебѣ отчины не отдастъ, ни отца моего не выпуститъ, и, дастъ Богъ, князя великаго побьемъ или сгонимъ, и ты достанешь великое княженіе и отца моего освободишь, то тебѣ принять отца моего въ любовь и докончаніе, и въ его отчину тебѣ не вступаться; а меня тебѣ принять въ братья младшіе и дать мнѣ отчину особую, Дмитровъ и Суздаль; а если кто станетъ тебѣ на меня наговаривать, то тебѣ меня вдругъ не захватывать, но обослать сперва своими боярами и спросить по крестному цѣлованью, и мнѣ тебѣ сказать всю правду, а тебѣ мнѣ вѣрить". Это условіе любопытно; оно можетъ указывать, что князь Василій Ярославичъ Серпуховской былъ схваченъ по наговору, и сынъ его требуетъ отъ своего союзника, чтобы впередъ не было подобнаго. Въ изгнаніи, лишенные почти всякой надежды, князья Можайскій и Серпуховской мечтали, одинъ—о великомъ княженіи, другой—о Дмитровѣ и Суздалѣ. Замыслы изгнанниковъ не осуществились; попытка нѣкоторыхъ вѣрныхъ слугъ освободить стараго Серпуховского князя также не удалась: они были схвачены и казнены въ Москвѣ въ 1462 году. Такимъ образомъ, изо всѣхъ удѣловъ Московскаго княжества остался только одинъ—Верейскій, ибо князь его, Михаилъ Андреевичъ, какъ видно, велъ себя такъ, что на него не могло быть никакого наговора. До насъ дошелъ договоръ великаго князя Василія съ Суздальскимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ Горбатымъ, правнукомъ Димитрія Константиновича чрезъ второго сына Семена [1]); князь Иванъ отказался отъ Суздаля и Нижняго, возвращалъ Московскому князю всѣ ярлыки, прежде на эти княжества взятые, и самъ бралъ отъ Василія, въ видѣ пожалованія, Городецъ да нѣсколько селъ въ Суздальской области, съ условіемъ, что если онъ отступитъ отъ великаго князя или сыновей его, то эта отчина отходитъ къ Москвѣ, а онъ, Иванъ, подвергается церковному проклятію. Какая была судьба князей—Василія и Ѳедора Юрьевичей—неизвѣстно; извѣстно только то, что великій князь Московскій завѣщалъ Суздаль старшему сыну своему.

Такъ кончилась знаменитая усобица между князьями Московскими, потомками Калиты. Сперва началась-было она подъ предлогомъ стараго права дяди предъ племянникомъ; но скоро приняла сообразный съ временемъ характеръ: сыновья Юрія, мимо всѣхъ правъ, враждуютъ съ Василіемъ Васильевичемъ, добиваются великаго княженія, ибо чувствуютъ, что удѣльными князьями они больше оставаться не могутъ. Вслѣдствіе сухости, краткости, отрывочности лѣтописныхъ извѣстій, у насъ нѣтъ средствъ съ точностію опредѣлить, во сколько торжество старшей линіи въ потомствѣ Донскаго зависѣло отъ личности главныхъ дѣятелей въ этой борьбѣ; но изъ современныхъ источниковъ, при всей ихъ неполнотѣ, мы можемъ ясно усмотрѣть, какъ старыя права, старые счеты родовые являются обветшалыми, являются чѣмъ-то дикимъ, страннымъ; московскій бояринъ смѣется въ Ордѣ надъ правами, которыя основываются на старыхъ лѣтописяхъ, старыхъ бумагахъ; духовенство торжественно провозглашаетъ, что новый порядокъ престолонаслѣдія отъ отца къ сыну, а не отъ брата къ брату, есть земская изначала пошлина; старый дядя Юрій остается одинокъ въ Москвѣ съ своимъ старымъ правомъ; сынъ его, Шемяка, побѣждается беззащитнымъ слѣпымъ плѣнникомъ своимъ, который успѣваетъ уничтожить всѣ (кромѣ одного) удѣлы въ Московскомъ княжествѣ и удержать примыслы отцовскіе и дѣдовскіе.

Но въ то время, какъ въ Московскомъ княжествѣ происходила эта знаменитая усобица между правнуками Калиты, усобица первая и послѣдняя, ясно показавшая, что Московское княжество основалось на новыхъ началахъ, не допускающихъ родовыхъ счетовъ и родовыхъ усобицъ между князьями,—въ это время что же дѣлали великіе князья, давніе соперники Московскихъ,—князь Рязанскій и Тверской? Отчего они не воспользовались усобицею и не постарались усилиться насчетъ Москвы?—Какъ видно, они были такъ слабы, что имъ не приходило и на мысль подобное предпріятіе. Этимъ князьямъ давно уже оставалось на выборъ—подчиниться Московскимъ или Литовскимъ великимъ князьямъ, смотря по тому, которые изъ нихъ возьмутъ верхъ. Когда усиленіе Московскаго княжества было пріостановлено усобицею между потомками Калиты, Рязанскій князь Иванъ Ѳедоровичъ почелъ нужнымъ примкнуть къ Литвѣ и заключилъ съ Витовтомъ слѣдующій договоръ: „Я, князь великій Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій, добилъ челомъ господину господарю моему, великому князю Витовту, отдался ему на службу,—служить мнѣ ему вѣрно, безъ хитрости, и быть съ нимъ всегда заодно, а великому князю Витовту оборонять меня отъ всякаго. Если будетъ отъ кого притѣсненіе внуку его, великому князю Василію Васильевичу,

---

[1]) С. г. г. и д. I, № 80.

и если велитъ мнѣ великій князь Витовтъ, то, по его приказанію, я буду пособлять великому князю Василію на всякаго, и буду жить съ нимъ по старинѣ. Но если начнется ссора между великимъ княземъ Витовтомъ и внукомъ его, великимъ княземъ Василіемъ или родственниками послѣдняго, то мнѣ помогать на нихъ великому князю Витовту безъ всякой хитрости. А великому князю Витовту не вступаться въ мою отчину, ни въ землю, ни въ воду, судъ и расправу давать ему мнѣ во всѣхъ дѣлахъ чисто, безъ переводу: судьи его съѣзжаются съ моими судьями и судять, цѣловавъ крестъ, безо всякія хитрости; а если въ чемъ не согласятся, то рѣшаетъ дѣла великій князь Витовтъ." Временемъ этого подданства и договора можно положить 1427 годъ: отъ 15 августа этого года Витовтъ писалъ къ великому магистру Ордена, что во время поѣздки его по русскимъ областямъ явились къ нему князья рязанскіе—Переяславскій и Пронскій, также князья—Новосильскій, Одоевскій и Воротынскій, и всѣ поддались ему; что потомъ пріѣхала къ нему дочь, великая княгиня Московская, которая съ сыномъ и великимъ княжествомъ своимъ, съ землями и людьми, отдалась въ его опеку и обереганіе [1]). Такимъ образомъ, чего съ одной стороны не успѣвали сдѣлать князья московскіе, то съ другой доканчивали литовскіе, отнимая независимость и у князей Восточной Руси, заставляя ихъ вступать къ себѣ въ службу. Въ одно время съ Рязанскимъ княземъ и великій князь Пронскій заключилъ точно такой же договоръ съ Витовтомъ — „служить ему вѣрно, безъ всякія хитрости" [2]). Но когда Витовтъ умеръ и Литва ослабѣла отъ междоусобій, а въ Москвѣ Василій Васильевичъ взялъ явный верхъ, тогда тотъ же Рязанскій князь, Иванъ Ѳедоровичъ, примкнулъ къ Москвѣ, и, умирая, въ 1456 году, отдалъ осьмилѣтняго сына своего на руки великому князю Василію; послѣдній перевезъ малютку Василія вмѣстѣ съ сестрою къ себѣ въ Москву, а въ Рязань и другіе города княжества послалъ своихъ намѣстниковъ.

Въ Твери, въ 1426 году, умеръ великій князь Иванъ Михайловичъ, во время сильнаго морового повѣтрія; Ивану наслѣдовалъ сынъ его Александръ, но и этотъ умеръ въ томъ же году; старшій сынъ и наслѣдникъ его, Юрій, княжилъ только четыре недѣли и умеръ; мѣсто Юрія занялъ братъ его Борисъ Александровичъ, тогда какъ оставался еще въ-живыхъ двоюродный дѣдъ его, князь Василій Михайловичъ Кашинскій. Василій, какъ видно, не хотѣлъ уступать своего старшинства безъ борьбы, и Борисъ спѣшилъ предупредить его: подъ тѣмъ же годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Борисъ Александровичъ схватилъ дѣда своего Василія Михайловича Кашинскаго. Но если старый порядокъ вещей явно вездѣ рушился, то новый не установился еще окончательно: Борисъ занялъ главный столъ мимо старыхъ правъ двоюроднаго дѣда и мимо новыхъ правъ племянника отъ старшаго брата, ибо у князя Юрія Александровича остался сынъ Иванъ, который не наслѣдовалъ отцу въ Твери и долженъ былъ удовольствоваться удѣломъ Зубцовскимъ. Во время малолѣтства Василіева и смутъ московскихъ, и Борисъ Тверской, подобно Рязанскому князю, примкнулъ къ Литвѣ, хотя на гораздо выгоднѣйшихъ условіяхъ: въ 1427 году онъ заключилъ съ Витовтомъ договоръ, по которому обязался быть съ Литовскимъ княземъ заодно, при его сторонѣ, и помогать на всякаго безъ исключенія; Витовтъ, съ своей стороны, обязался оборонять Бориса отъ всякаго, думою и помощію. Въ этомъ договорѣ всего любопытнѣе то, что Тверской великій князь не позволяетъ Витовту никакого вмѣшательства въ отношенія свои къ удѣльнымъ тверскимъ князьямъ,—знакъ, что въ описываемое время всѣ великіе князья, въ отношеніи къ удѣльнымъ, преслѣдовали одинакія цѣли, всѣ стремились сдѣлать ихъ изъ родичей подручниками, подданными. Борисъ говоритъ въ договорѣ: „Дядьямъ моимъ, братьямъ и племени моему—князьямъ—быть у меня въ послушаніи; я, князь великій Борисъ Александровичъ, воленъ, кого жалую, кого казню, и моему господину дѣду, великому князю Витовту не вступаться; если кто изъ нихъ захочетъ отдаться въ службу къ моему господину дѣду вмѣстѣ съ отчиною, то моему господину дѣду съ отчиною не принимать; кто изъ нихъ пойдетъ въ Литву, тотъ отчины лишится,—въ отчинѣ его воленъ я, князь великій Борисъ Александровичъ". Вслѣдствіе этого договора, тверскіе полки находились въ войскѣ Витовта, когда послѣдній, въ 1428 году, воевалъ Новгородскую Землю [3]). Но по смерти Витовта начинается безпрестанное колебаніе Тверского князя между союзомъ литовскимъ и московскимъ, причемъ Борисъ Александровичъ сохраняетъ равенство положенія, пользуясь благопріятными для себя обстоятельствами, т.-е. тѣмъ, что оба сильнѣйшіе князя были заняты внутренними смутами и не имѣли возможности дѣйствовать наступательно на Тверь. Такъ дошелъ до насъ договоръ Тверскаго князя съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ и двоюродными братьями его—Димитріемъ Шемякою и Димитріемъ Краснымъ [4]). Борисъ Александровичъ выговариваетъ, чтобъ Московскій князь не принималъ Тверскихъ областей въ даръ отъ Татаръ. Оба князя клянутся быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву, на

[1]) Акты Арх. Экс. I, № 25 Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Кенигсбер. акты, Lief, VII, № 161: in unser Vormundshaft vorwesunge und beschutzunge genczlich hat befulen (В. К. Московская).

[2]) Тамъ же, № 26.

[3]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 33. Такъ наз. Тверская лѣтопись въ Импер. Публ. Библ. Здѣсь сказано, что тверскіе полки были съ воеводою Захаріею Ивановичемъ.

[4]) Акты Арх. Эксп. I, № 33. Съ тверской стороны договоръ написанъ отъ имени в. князя Бориса и удѣльныхъ: Ѳедора Ѳедоровича, Ивана Юрьевича и Андрея Ивановича.

Нѣмцевъ; Борисъ обязывается сложить цѣлованіе къ Сигизмунду Литовскому, объявивъ ему, что Тверь въ союзѣ съ Москвою, и безъ князя Московскаго не заключать договоровъ ни съ какимъ княземъ Литовскимъ. Мы видѣли, что Тверской князь, находившійся въ близкомъ свойствѣ съ княземъ Можайскимъ, соединился съ послѣднимъ и Шемякою противъ Василія, но тотчасъ же и принялъ сторону его, увидавши, что Московское княжество противъ Шемяки; мы видѣли также, что Борисъ, въ награду за помощь, выговорилъ у Василія согласіе на бракъ его старшаго сына и наслѣдника, Ивана, на своей дочери Маріи. Между тѣмъ, у Тверскаго князя была война съ Литовскимъ, и войска послѣдняго взяли Ржеву. Это, какъ видно, заставило Бориса заключить миръ съ Казимиромъ Литовскимъ, который возвратилъ Ржеву, но за это Борисъ обязался быть въ постоянномъ союзѣ съ Литовскимъ княземъ, помогать ему на всѣхъ, никого не исключая [1]). И Московскій великій князь, заключая въ томъ же году договоръ съ Казимиромъ, объявляетъ Тверскаго князя на сторонѣ литовской, о своихъ же отношеніяхъ къ нему говоритъ, что онъ съ нимъ въ любви и докончаніи [2]). Но послѣ 1454 года опять встрѣчаемъ договоръ Тверского князя съ Московскимъ, въ которомъ оба клянутся быть заодно на Татаръ, на Ляховъ, на Литву и Нѣмцевъ [3]). Въ этомъ договорѣ замѣчательно слѣдующее условіе: „Что отступилъ отъ тебя князь Иванъ Можайскій да сынъ Димитрія Шемяки, князь Иванъ, или который другой братъ тебѣ сгрубитъ, и мнѣ, великому князю Борису, и моимъ дѣтямъ, и братьямъ моимъ младшимъ къ себѣ ихъ не принимать, а быть намъ съ тобою на нихъ заодно и съ твоими дѣтьми. Также, если кто изъ моихъ братьевъ младшихъ или меньшихъ мнѣ, великому князю Борису, сгрубитъ, или моему сыну, князю Михаилу, и меньшимъ моимъ дѣтямъ,—то тебѣ, великому князю Василію, и твоимъ дѣтямъ, великому князю Ивану и князю Юрію, и меньшимъ твоимъ дѣтямъ къ себѣ ихъ не принимать; а быть вамъ со мною и съ моими дѣтьми на нихъ заодно". Оба свата обязываются взаключеніе, что если одинъ изъ нимъ умретъ, то оставшійся въ живыхъ долженъ заботиться о женѣ и дѣтяхъ умершаго.—И въ сношеніяхъ съ княземъ Тверскимъ митрополитъ Іона принимаетъ дѣятельное участіе. До насъ дошло посланіе его къ Тверскому епископу о томъ, чтобы тотъ убѣдилъ своего князя подать помощь великому князю Василію противъ Татаръ. „Благословляю тебя, пишетъ митрополитъ епископу: чтобъ ты сыну моему, великому князю Борису Александровичу, говорилъ, и билъ челомъ, и докучалъ твердо, по своему святительскому долгу, чтобъ онъ послалъ своихъ воеводъ къ великому князю Василію Васильевичу на безбожныхъ, ибо самъ ты знаешь, что если великій князь Василій Васильевичъ получитъ надъ ними верхъ, то это будетъ общее добро обоихъ великихъ государей и всего нашего православнаго христіанства" [4]). Такъ духовенство старалось тогда поддержать сознаніе объ общихъ русскихъ выгодахъ.

Рязань и Тверь постоянно колебались между Москвою и Литвою; Новгородъ Великій хотѣлъ быть самостоятельнѣе, тѣмъ болѣе что теперь онъ былъ порадованъ возобновленіемъ усобицъ между самими князьями Московскими. Во время этихъ усобицъ Новгородцы слѣдовали правилу признавать побѣдителя своимъ княземъ, но между тѣмъ давать у себя убѣжище и побѣжденному; такъ, въ 1434 году, нашелъ въ Новгородѣ убѣжище Василій Васильевичъ [5]), и въ томъ же году видимъ тамъ и противника его, Василія Юрьевича Косаго. Но послѣдній, кромѣ почетнаго пріема, не могъ ничего получить отъ Новгородцевъ, и, уѣзжая отъ нихъ, пограбилъ ихъ волости. Угрожаемый Косымъ, Василій Васильевичъ заключилъ въ 1435 году договоръ съ Новгородцами, по которому обѣщалъ отступиться отъ всѣхъ Новгородскихъ земель, захваченныхъ его предшественниками, Бѣжецкаго-Верха, волостей на Ламскомъ Волокѣ и Вологдѣ; а Новгородцы обѣщали также отступиться отъ всего слѣдующаго великому князю, и для этого обязались съ обѣихъ сторонъ выслать своихъ бояръ на разводъ земли. Новгородцы выслали своихъ бояръ въ назначенный срокъ, но московскіе бояре не явились. Несмотря однако на это, открытой вражды не было; когда, въ 1437 году, отъ великаго князя изъ Москвы пріѣхалъ въ Новгородъ князь Юрій Патрикѣевичъ просить чернаго бору, то Новгородцы черный боръ дали [6]); съ другой стороны, Московскій князь былъ занятъ борьбою съ Косымъ и Татарами. Но въ 1441 году, когда со всѣхъ сторонъ было спокойно, Василій прислалъ въ Новгородъ складную грамоту, и повоевалъ волостей новгородскихъ много, вмѣстѣ со Псковитянами, которые опустошили Новгородскія владѣнія на 300 верстъ въ длину и 50 въ ширину; двое тверскихъ

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Запад. Росс. I, № 51.

[2]) Тамъ же, № 50. Здѣсь мы видимъ даже, что относительно смѣснаго суда между тверскими и новгородскими подданными дѣло идетъ непосредственно между в. князьями Московскимъ и Литовскимъ, какъ будто бы Новгородъ принадлежалъ совершенно Москвѣ, а Тверь Литвѣ: «Асъ новгородцы в. к. Борысу жити по старынѣ; а всимъ обиднымъ, дѣломъ давати имъ межи собою судъ и расправа, на обѣ сторонѣ, безъ перевода, а о чемъ ся сопрутъ, и они сложатъ на митрополита, кто будетъ обѣйма нама любъ; и митрополитъ на кого помолвитъ, помолвитъ ли на новгородца, а не исправитца; а ему послати ко мнѣ, къ в. к. Василью и мнѣ то справити; а помолвитъ ли на Тферытина, а не исправитца, и ему послати до тебе, короля и в. к. Казимира, и тобѣ то исправити».

[3]) Собр. гос. гр. и дог. I, № 76.

[4]) Акты Истор. I, № 51.

[5]) П. С. Р. Л. III, 111. «Пріѣха кн. вел. Васил. Васил. въ Новъгородъ, на Святой недѣли, апрѣля въ 1. Тогда же на Святой недѣли апрѣля въ 5, выѣха весь великій Новъгородъ ратію на поле, на Зарѣцкую сторону, къ Жилотогу, а князь Василей былъ тогда на городищѣ; и не бысть Новгородцемъ ничтоже».—Значитъ, Новгородцы хотѣли защищаться отъ Василія.

[6]) П. С. Р. Л. III, 112; Акты Арх. Эксп. I, № 32.

воеводъ были также въ полкахъ Васильевыхъ. Новгородскіе воеводы, съ своей стороны, много воевали за Волокомъ по землѣ великокняжеской; тѣмъ не менѣе, Новгородцы послали въ городъ Демонъ къ великому князю владыку, бояръ и житыхъ людей, которые купили у него миръ на старинныхъ условіяхъ, за 8,000 рублей [1]). Если мы, основываясь на договорѣ великаго князя съ Шемякою 1440 года, предположимъ смѣшеніе годовъ въ лѣтописяхъ и отнесемъ войну Василія Васильевича съ Шемякою къ 1439 и 1440 году, вмѣсто 1442, то будемъ въ состояніи объяснить себѣ причину разрыва великаго князя съ Новгородомъ въ 1441 году: во время войны своей съ Василіемъ, Шемяка убѣжалъ въ Новгородскія владѣнія на Бѣжецкомъ-Верху, и оттуда послалъ сказать Новгородцамъ: „Примите меня на своей волѣ". Тѣ отвѣчали: „Хочешь, князь, пріѣзжей къ намъ; а не хочешь, то какъ тебѣ любо".

1444 годъ былъ тяжелъ для Новгорода: съ одной стороны напали Нѣмцы, съ другой стороны—Тверичи, неизвѣстно по какому поводу, опустошили много пограничныхъ волостей Новгородскихъ; тогда великій князь Литовскій Казимиръ прислалъ сказать Новгородцамъ: „Возьмите моихъ намѣстниковъ на городище, и я васъ обороню, я для васъ не заключилъ мира съ великимъ княземъ Московскимъ". Новгородцы не приняли этого предложенія, и не было имъ обороны ни отъ Литвы, ни отъ Москвы противъ князя Тверскаго, который опять взялъ у нихъ 50 волостей вмѣстѣ съ Торжкомъ. Плѣнъ великаго князя Василія у Татаръ придалъ Тверскому князю еще больше смѣлости: онъ прислалъ своихъ людей и воеводъ на Торжокъ, разогналъ, ограбилъ остальныхъ его жителей [2]), иныхъ погубилъ, на другихъ взялъ окупъ, свезъ въ Тверь 40 возовъ товару московскаго, новгородскаго и торжокскаго; изъ нихъ нѣсколько потонуло въ рѣкѣ. Притѣсняемые Тверью, Новгородцы, по крайней мѣрѣ, могли надѣяться спокойствія со стороны Москвы, гдѣ опять начались усобицы; Шемяка восторжествовалъ надъ Василіемъ, но былъ слабъ, и потому прислалъ поклонщиковъ въ Новгородъ и заключилъ съ нимъ миръ на всѣхъ старинахъ. Шемяка недолго накняжилъ въ Москвѣ; въ новой войнѣ его съ Василіемъ Новгородцы, по словамъ ихъ лѣтописца, не вступились ни за одного, и тѣмъ самымъ уже возбуждали неудовольствіе побѣдителя; еще болѣе раздражали они его тѣмъ, что, по обычаю, приняли къ себѣ Шемяку. Митрополитъ Іона и тутъ вступился въ дѣло; нѣсколько разъ писалъ онъ къ Новгородскому архіепископу Евѳимію и къ Новгородцамъ, чтобы они поберегли себя душевнаго ради устроенія и тишины. Новгородцы, съ своей стороны, присылали къ митрополиту съ просьбою, чтобъ билъ челомъ за нихъ великому князю и далъ для ихъ пословъ опасныя грамоты. Опасныя грамоты были даны съ тѣмъ, чтобы Новгородцы отправили въ Москву своихъ пословъ, людей большихъ, по своимъ дѣламъ, а чтобъ Шемяка прислалъ своего посла, съ чистымъ покаяніемъ, бить челомъ своему господину и старшему брату, великому князю, и жалованья у него просить. Новгородцы прислали своихъ пословъ людей великихъ, но прислали ни съ чѣмъ; Шемяка прислалъ также своего боярина, но съ такими условіями, на которыя въ Москвѣ никакъ не хотѣли согласиться. Митрополитъ жаловался на это Новгородскому владыкѣ, зачѣмъ Шемяка посылаетъ свои грамоты съ великою высостію, о своемъ преступленіи и о своей винѣ ни одного слова пригоднаго не приказываетъ [3]). Между тѣмъ Новгородцы продолжали держать Шемяку, и владыка въ письмахъ къ митрополиту оправдывалъ ихъ стариннымъ обычаемъ, по которому каждый князь, пріѣзжавшій къ Св. Софіи, принимался съ честію; указывалъ, что и самъ митрополитъ называетъ Шемяку сыномъ. Іона отвѣчалъ на это: „Прочти хорошенько всѣ мои грамоты, какія только я къ тебѣ писалъ, и вразумись, могу ли я называть сыномъ того князя, съ которымъ не велю дѣтямъ твоимъ, Новгородцамъ, ни пить, ни ѣсть, потому что онъ самъ себя отъ христіанства отлучилъ. Ты самъ видѣлъ грамоту, которую онъ написалъ на себя, и послѣ сколько зла надѣлалъ, сколько крови христіанской пролилъ. Послѣ того можно ли князя Димитрія называть сыномъ церкви Божіей и нашего смиренія? Я тебѣ писалъ, и теперь пишу, что я, и вмѣстѣ со мною всѣ владыки и все священство Русской Земли—считаемъ князя Димитрія неблагословеннымъ и отлученнымъ отъ Божіей церкви. Ты пишешь, что прежде Русскіе князья пріѣзжали въ домъ Св. Софіи, въ Великій Новгородъ, и Новгородцы честь имъ воздавали по силѣ, а прежні митрополиты такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали: но скажи мнѣ, сынъ, какіе это прежніе князья пріѣзжали къ вамъ, сдѣлавши такое зло надъ своимъ старшимъ братомъ, и, оставя у васъ княгиню свою, дѣтей и весь кошъ, ходили отъ васъ въ великое княженіе христіанство губить и кровь проливать? Какъ прежде не бывало въ нашей Землѣ братоубійства и къ вамъ съ такимъ лихомъ ни одинъ князь не пріѣзжалъ, такъ и прежніе митрополиты въ Великій Новгородъ такихъ грамотъ съ тягостію не посылывали" [4]).

Новгородцы все еще не слушались и держали Шемяку до самой его смерти; они должны были ждать мести отъ Москвы, и вотъ, управившись съ княземъ Можайскимъ и Татарами, Василій, въ 1456 году, выступилъ въ походъ противъ Новгорода за его неисправленіе. Въ Волокѣ собрались

[1]) Акты Истор. I, № 258.—О тверской помощи см. такъ наз. Тверскую лѣтопись въ Импер. Публ. Библіот., гдѣ названы воеводы: Александръ Романовичъ и Карпъ Ѳедоровичъ.

[2]) Останокъ людей. Должно быть, здѣсь разумѣются жители Торжка въ Московской великокняжеской сторонѣ, ибо Новгородскую сторону Тверичи взяли еще прежде.

[3]) Акты Истор. I, № 53.

[4]) Акты Арх. Эксп. I № 372.

къ нему всѣ князья и воеводы со множествомъ войска; изъ Новгорода также явился туда посадникъ съ челобитіемъ, чтобы великій князь пожаловалъ—на Новгородъ не шелъ и гнѣвъ свой отложилъ. Но Василій не принялъ челобитья и продолжалъ походъ, отправивши напередъ на Русу двоихъ воеводъ, князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стригу и Ѳедора Басенка, а самъ остановился въ Яжелбицахъ [1]). Стрига и Басенокъ вошли въ Русу и захватили здѣсь много богатства, потому что жители, застигнутые врасплохъ, не успѣли убѣжать и спрятать свое имѣніе. Московскіе воеводы отпустили главную рать свою назадъ съ добычею, а сами съ немногими дѣтьми боярскими поотстали отъ нея, какъ вдругъ показалось пятитысячное новгородское войско. Москвичи, которыхъ не было и двухъ сотъ, сначала испугались, но потомъ начали говорить: „Если не пойдемъ противъ нихъ биться, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя; лучше померетьˮ. Схватиться имъ въ рукопашный бой съ Новгородцами было нельзя; мѣшали плетни и свѣжіе сугробы; тогда воеводы придумали средство: видя на Новгородцахъ крѣпкіе доспѣхи, они велѣли стрѣлять по лошадямъ, которыя начали отъ ранъ бѣситься и сбивать всадниковъ. Новгородцы, никогда и прежде не любившіе и не умѣвшіе биться верхомъ, никакъ не могли сладить съ лошадьми, не умѣли дѣйствовать и длинными копьями, и валились подъ коней своихъ, точно мертвые. Московскіе воеводы одержали рѣшительную побѣду, много перебили непріятелей, взяли въ плѣнъ посадника Михаила Тучу; но другихъ плѣнниковъ было мало, потому что некому было брать ихъ. Когда бѣглецы принесли въ Новгородъ вѣсть о своемъ пораженіи, то поднялся сильный плачъ, потомъ зазвонили въ вѣчевой колоколъ; сошелся весь городъ на вѣче, и стали бить челомъ владыкѣ Евѳимію, чтобъ ѣхалъ вмѣстѣ съ посадниками, тысяцкими и житыми людьми къ великому князю просить о мирѣ. Владыка пріѣхалъ въ Яжелбицы, сталъ бить челомъ сперва князьямъ и боярамъ, а потомъ уже самому великому князю, который принялъ челобитье, далъ миръ, но взялъ за него 10,000 рублей, кромѣ того, что получили князья и бояре. Договоръ, заключенный въ Яжелбицахъ, дошелъ до насъ [2]); здѣсь, кромѣ обычныхъ старинныхъ условій, встрѣчаемъ слѣдующія новыя: 1) вѣчевымъ грамотамъ не быть; 2) печати быть князей великихъ; 3) Великій-Новгородъ не будетъ принимать къ себѣ князя Можайскаго и его дѣтей, князя Ивана Димитріевича Шемякина и его дѣтей, его матери и зятьевъ; и послѣ, если какой-нибудь лиходѣй великимъ князьямъ пріѣдетъ въ Новгородъ, то Новгороду не принимать, пріѣдетъ ли онъ прямо изъ Московской Земли, или побѣжитъ сперва въ Литву или къ Нѣмцамъ, и оттуда пріѣдетъ въ Новгородъ. Что оставалось Новгородцамъ послѣ такихъ условій? Въ Суздальской Землѣ, какъ они продолжали называть новую Русь, теперь одинъ великій князь, ибо великіе князья—Тверской и Рязанскій,—по своему относительному безсилію, готовы стать его подручниками или отказаться отъ своихъ владѣній; Татары уже не вступаются въ дѣла князей, ихъ ярлыки недѣйствительны; послѣдній походъ показалъ Новгородцамъ ихъ безсиліе предъ полками московскими: теперь эти полки постоянно будутъ готовы устремиться къ Новгороду, ибо не будутъ болѣе заняты усобицами; притомъ же Новгородцы поклялись не вмѣшиваться въ междоусобія княжескія, не принимать къ себѣ враговъ Василія и его сына. Новгородцы понимали всю трудность своего положенія, предчувствовали приближающееся паденіе своего быта, и это произвело въ нѣкоторыхъ изъ нихъ неукротимую ненависть къ Московскому князю, отнявшему у вѣча печать и грамоты. Въ 1460 году Василій съ младшими сыновьями—Юріемъ и Андреемъ—поѣхалъ въ Новгородъ; вѣчники начали сговариваться, какъ бы убить его и съ дѣтьми; намѣреніе не было приведено въ исполненіе только потому, что архіепископъ Іона представилъ всю его безполезность: съ Василіемъ не было старшаго сына, Іоанна; смерть стараго князя могла только возбудить всеобщую ненависть къ Новгородцамъ, навлечь на нихъ страшную месть сына Василіева; нѣкоторые хотѣли убить лучшаго и вѣрнѣйшаго воеводу великокняжескаго, Ѳедора Басенка, но и этотъ замыселъ не удался [3]).

Новгородъ былъ наказанъ за то, что давалъ у себя убѣжище лиходѣямъ великокняжескимъ; но колонія Новгородская, Вятка, оказывала этимъ лиходѣямъ болѣе дѣятельную помощь, и потому не могла быть забыта Московскимъ княземъ, когда онъ восторжествовалъ надъ всѣми своими врагами. Въ 1458 году великій князь отправилъ на Вятчанъ воеводъ своихъ—князя Ивана Васильевича Горбатаго-Суздальскаго, князя Семена Ряполовскаго и Григорія Перхушкова; но этотъ походъ не удался, потому что Перхушковъ за подарки благопріятствовалъ Вятчанамъ. Въ слѣдующемъ году были посланы другіе воеводы—князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, Иванъ Ивановичъ и князь Димитрій Ряполовскій; они взяли два городка, Орловъ и Котельничъ, и долго держали въ осадѣ главный городъ Хлыновъ; наконецъ Вятчане добили челомъ на всей волѣ великаго князя, какъ ему было надобно.

Другимъ, не насильственнымъ путемъ утверждалась власть Московскаго великаго князя во Псковѣ. Несмотря на то, что внутреннія смуты, происходившія въ первую половину княженія Василіева, не позволяли Московскому князю постоянно наблюдать за Псковомъ, жители послѣдняго долго не прерывали связи съ Москвою, прося утвержденія

[1]) Яжолбицкій ямъ—во 120 верстахъ отъ Новгорода.
[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 58.

[3]) Соф. Врем. II, 66, П. С. Р. Л. IV, 127: «Пріѣха въ Новгородъ к. в. Московьскый Василей Васильевичь, на миру, къ св. Софѣи на поклонъ; а Новгородци въ сторожѣ жиша».

княземъ своимъ отъ великаго князя Московскаго. Такъ, въ 1429 году, Псковичи прислали къ Василію Васильевичу въ Москву просить себѣ князя, и онъ отпустилъ къ нимъ князя Александра Ѳедоровича Ростовскаго; потомъ съ 1434 года видимъ во Псковѣ княземъ зятя Александрова, Владиміра Даниловича, пріѣхавшаго изъ Литвы; во время его княженія, въ 1436 году, явился изъ Москвы, отъ великаго князя, князь Борисъ; Псковичи приняли его, посадили на княжомъ дворѣ, но отправили стараго своего князя Владиміра въ Москву; великій князь далъ ему опять княженіе, а Борису велѣлъ выѣхать изъ Пскова, потому что послѣдній пролгался ему, по выраженію лѣтописца, т.-е. вѣроятно Борисъ, просясь у Василія на Псковскій столъ, представилъ тамошнія дѣла не такъ, какъ они были на самомъ дѣлѣ. Мы видѣли, что Псковичи усердно помогли великому князю въ войнѣ съ Новгородомъ. Въ 1443 году сталъ княжить во Псковѣ князь Александръ Васильевичъ Чарторыйскій: посолъ московскій поручилъ ему княженіе по великаго князя слову, Псковичи посадили Александра на столъ у Св. Троицы, и онъ цѣловалъ крестъ къ великому князю Василію Васильевичу и ко всему Пскову на всей псковской пошлинѣ. Бѣдствіе великаго князя Василія и борьба его съ Шемякою прервали на время связь Пскова съ Москвою; Псковичи тѣснѣе соединились съ Новгородцами; отпустивши князя своего Александра въ Новгородъ въ 1447 году, они взяли оттуда князя Василія Васильевича Шуйскаго-Гребенку, правнука Димитрія Константиновича Нижегородскаго, чрезъ сына Семена. Когда, въ 1454 году, сынъ Шемяки, Иванъ, убѣгая изъ Новгорода въ Литву, пріѣхалъ во Псковъ, то на-встрѣчу къ нему вышло все священство съ крестами, посадники и весь Псковъ приняли его съ великою честію, угощали три недѣли, и при отъѣздѣ подарили ему на вѣчѣ 20 рублей. Когда. въ 1456 году, великій князь Василій Васильевичъ началъ войну съ Новгородомъ, то оттуда явился гонецъ во Псковъ и сталъ говорить на вѣчѣ: „Братья младшіе, мужи Псковичи! братъ Великій Новгородъ вамъ кланяется; что бы вы намъ помогли противъ великаго князя и крестное цѣлованіе исправили." Псковичи, говоритъ лѣтописецъ, взирая на Бога и на домъ Св. Троицы, и старыхъ временъ не поминая, что Новгородцы Псковичамъ никогда не помогали ни словомъ, ни дѣломъ, ни на какую землю, послали воеводъ своихъ на помощь Новгороду. Между тѣмъ начались у Новгорода мирные переговоры съ великимъ княземъ, и Псковичамъ оставалось только отправить вмѣстѣ съ новгородскими послами и своихъ — добивать челомъ послѣднему. Но приведеніе Новгорода въ волю Московскаго князя необходимо утверждало власть его и во Псковѣ. Здѣсь снова княжилъ теперь Александръ Чарторыйскій, смѣнившій Василія Шуйскаго, уѣхавшаго въ Новгородъ. Когда, въ 1460 году, великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ, то Псковичи отправили къ нему знатныхъ пословъ съ 50 рублями дару и съ челобитьемъ, чтобъ жаловалъ и печаловался своею отчиною, мужами Псковичами, добровольными людьми: „Обижены мы отъ поганыхъ Нѣмцевъ, водою, землею и головами, церкви Божіи пожжены погаными на миру и на крестномъ цѣлованіи," — говорили послы, послѣ чего били челомъ великому князю о князѣ своемъ Александрѣ Васильевичѣ, чтобъ быть ему намѣстникомъ великокняжескимъ и во Псковѣ княземъ. Василій отвѣчалъ: „Я васъ, свою отчину, хочу жаловать и оборонять отъ поганыхъ, какъ дѣлывали отцы наши и дѣды, князья великіе; а что мнѣ говорите о князѣ Александрѣ Чарторыйскомъ, то и этимъ васъ, свою отчину, жалую; если князь Александръ поцѣлуетъ животворящій крестъ ко мнѣ, великому князю, и къ моимъ дѣтямъ, великимъ князьямъ, что ему зла на насъ не хотѣть, не мыслить, то пусть будетъ вамъ княземъ, а отъ меня намѣстникомъ." Услыхавши этотъ отвѣтъ, князь Александръ не захотѣлъ цѣловать креста и сказалъ Псковичамъ: „Не слуга я великому князю, и не будь вашего цѣлованія на мнѣ и моего на васъ; когда станутъ Псковичи соколомъ воронъ ловить [1]), тогда и меня, Чарторыйскаго, вспомнятъ". Онъ попрощался на вѣчѣ, сказалъ: „Я вамъ не князь", — и уѣхалъ въ Литву съ дворомъ своимъ, 300 человѣкъ боевыхъ людей кованой рати, кромѣ кошевыхъ; Псковичи много били ему челомъ, чтобъ остался, но онъ не послушалъ псковскаго челобитья. Когда великій князь услыхалъ, что Александра нѣтъ больше во Псковѣ, то послалъ туда сына своего, князя Юрія. Посадники и бояре псковскіе встрѣтили его за рубежемъ съ великою честію, духовенство съ крестами встрѣтило его за городомъ, пѣли многолѣтіе и посадили на столѣ отцовскомъ, знаменовавши крестомъ, а посадники и весь Псковъ приняли его честно въ княжій дворъ. Потомъ посадники и весь Псковъ били ему челомъ: „Чтобъ, господинъ, пожаловалъ, далъ бы намъ отъ великаго князя и отъ себя намѣстника во Псковъ, князя Ивана Васильевича" (Оболенскаго-Стригу), и князь Юрій пожаловалъ свою отчину, по приказу отца своего и старшаго брата, далъ Псковичамъ въ намѣстники князя Оболенскаго; Юрій пробылъ во Псковѣ три недѣли и два дня; Псковичи подарили ему 100 рублей и проводили 20 верстъ за рубежъ.

Такимъ образомъ, въ концѣ княженія Василіева обозначилось ясно, куда должны примкнуть эти спорныя между Москвою и Литвою области — Рязань, Новгородъ, Псковъ: — всѣ онѣ находились уже почти въ волѣ великаго князя Московскаго. Но какъ же должны были смотрѣть на это князья Литовскіе? что заставило ихъ выпустить изъ рукъ добычу безъ борьбы: что помѣшало имъ воспользоваться усобицами князей Московскихъ для окончательнаго усиленія себя насчетъ послѣднихъ? Они не имѣли для этого средствъ, ибо если прежде сдерживались они на западѣ борьбою съ Нѣмцами

[1]) Что это значитъ? — не должно ли читать наоборотъ.

кимъ Орденомъ, то теперь сдерживались они еще болѣе союзомъ съ Польшею и потомъ окончательною борьбою съ тѣмъ же Орденомъ. Мы видѣли, что если Поляки сильно хлопотали о вѣчномъ соединеніи своего государства съ Литвою, то въ Литвѣ хлопотали также о независимости своего княжества отъ Польши. На Ленчицкомъ сеймѣ, бывшемъ въ 1426 году, опять толковали о средствахъ, какъ бы помѣшать отдѣленію Литвы отъ Польши, о которомъ сталъ снова замышлять Витовтъ. Но Витовтъ, замышляя о независимости Литвы отъ Польши, замышлялъ также и о зависимости Польши отъ себя. Мы видѣли, что, въ случаѣ смерти Ягайла бездѣтнымъ, престолъ польскій могъ перейти къ нему: но Ягайло отъ второго брака имѣлъ уже двоихъ сыновей, и королева Софія была беременна третьимъ ребенкомъ; Витовтъ придумалъ средство—ославивъ мать, лишить и сыновей надежды на престолъ: въ 1427 году, на сеймѣ въ Городнѣ, Витовтъ обвинилъ молодую королеву въ невѣрности Ягайлу; пыткою вынудили показанія у нѣкоторыхъ придворныхъ женщинъ, перехватили указанныхъ виновниковъ преступленія: но королева успѣла очистить себя присягою, и Ягайло успокоился [1]). Тогда Витовтъ сталъ думать о другомъ средствѣ достать независимость для Литвы и корону королевскую для себя: для этого онъ обратился къ императору Сигизмунду. Сигизмундъ, находясь въ затруднительномъ положеніи по случаю войны съ Гуситами и Турками, требовалъ и не могъ добиться помощи отъ слабаго Ягайла, который самъ признавался, что не можетъ ничего сдѣлать безъ совѣта съ Витовтомъ; вотъ почему императору очень хотѣлось сблизиться съ Витовтомъ. „Вижу, говорилъ онъ, что король Владиславъ человѣкъ простоватый и во всемъ подчиняется вліянію Витовта,—такъ мнѣ нужно привязать къ себѣ, прежде всего, Литовскаго князя, чтобъ посредствомъ него владѣть и Ягайломъ“ [2]). Начались частыя пересылки между Сигизмундомъ и Витовтомъ, наконецъ положили свидѣться въ Луцкѣ, куда долженъ былъ пріѣхать и Ягайло. Въ 1429 г. былъ этотъ знаменитый съѣздъ трехъ коронованныхъ лицъ вмѣстѣ со множествомъ вельможъ польскихъ, литовскихъ и русскихъ. После празднествъ начались совѣщанія, и на одномъ изъ нихъ императоръ сказалъ слѣдующія слова: „Я понуждаю папу, чтобъ онъ созвалъ соборъ для примиренія съ Гуситами и для преобразованія церкви: отправлюсь туда самъ, если онъ согласится; если же не согласится, созову соборъ собственною моею властію. Не должно пренебрегать также и соединеніемъ съ Греками, потому что они исповѣдуютъ одну съ нами вѣру, отличаясь отъ насъ только бородами, да тѣмъ, что священники у нихъ женатые. Но этого однако не должно ставить имъ въ порокъ, потому что греческіе священники довольствуются одною женою, а латинскіе держатъ ихъ по десяти и больше“. Эти слова императора скоро были въ устахъ Русскихъ, которые превозносили его похвалами, къ великой досадѣ католиковъ и Поляковъ [3]). Но досада послѣднихъ усилилась еще болѣе, когда они узнали о главномъ предметѣ совѣщаній между Сигизмундомъ и Витовтомъ: этотъ предметъ былъ—признаніе Витовта независимымъ королемъ Литвы и Руси. Сигизмундъ легко успѣлъ уговорить Ягайла дать на это свое согласіе; но сильное сопротивленіе, какъ слѣдовало ожидать, оказалось со стороны прелатовъ и вельможъ польскихъ, у которыхъ изъ рукъ вырывалась богатая добыча; Збигнѣвъ Олесницкій, епископъ Краковскій, бывшій вездѣ впереди по своему характеру и талантамъ, въ полномъ собраніи обратился къ Витовту съ рѣзкими словами, говоря, что при избраніи Ягайла они руководствовались только духовнымъ благомъ Литовцевъ, владѣнія которыхъ не могли представить имъ ничего лестнаго, потому что были всѣ почти опустошены и разобраны сосѣдними владѣльцами. Палатинъ Краковскій, Янъ Тарновскій, и всѣ другіе шумно выразили свое согласіе съ рѣчью Олесницкаго. Витовтъ, всегда скрытный, тутъ, однако, не могъ удержать своего неудовольствія, которое выразилось въ отрывочныхъ, гнѣвныхъ восклицаніяхъ. „Пусть такъ!“ сказалъ онъ, выходя изъ собранія: „А я все-таки найду средства сдѣлать по-моему“. Поляки тогда обратились съ упреками къ своему королю: „Развѣ ты насъ за тѣмъ сюда позвалъ, чтобы быть свидѣтелями отдѣленія отъ Польши такихъ знатныхъ владѣній?“ (Слѣдовательно Литва и Русь не были еще въ-конецъ опустошены и разобраны сосѣдними государями!!) Ягайло заливался слезами, благодарилъ ихъ за вѣрность, клялся, что никогда не давалъ согласія Сигизмунду и Витовту на отдѣленіе Литвы; что радъ хоть сейчасъ бѣжать изъ Луцка, куда они сами назначатъ. И, точно, прелаты и паны польскіе собрались и уѣхали днемъ, а Ягайло побѣжалъ за ними въ ночь. Витовта сильно раздосадовало это поспѣшное бѣгство Поляковъ и короля ихъ; однако крутыя, рѣшительныя мѣры были не въ характерѣ Витовта; зная польское корыстолюбіе [4]), онъ началъ обдаривать пановъ, чтобы какъ можно тише, безъ помощи оружія, достигнуть своей цѣли.

На слѣдующемъ сеймѣ у Поляковъ было положено—кроткими мѣрами отвлекать Витовта отъ его опаснаго намѣренія. Посланъ былъ къ нему въ Литву

[1]) Dlugossi XI, p. 497; Narbutt, VI, 488.
[2]) Dlugossi, XI, p. 508.

[3]) Тамъ же, p. 155. Scandalizavit hic sermo Ruthenos populos, viventes ritu Graecorum, et in suis confirmavit erroribus. Propter quod Sigismundum regem sanctum vocabant, deducentem fidem Graecorum esse praestantiorem quam Latinorum. Eratque in ore omnium ac sermone Ruthenorum Sigismundus rex, summis laudibus illum efferentium, quod Graecorum ritum propensiorem quam Romanum judicasset.

[4]) Я здѣсь перевожу только слово въ слово Польскаго лѣтописца: Callidus tamen ipse polonicaeque avaritiae peritus plerosque Polonorum primores auro et argento implevit. Dlugossi, I, XI, p. 520.

все тотъ же Збигнѣвъ Олесницкій, который истощилъ передъ нимъ все свое краснорѣчіе. „Знай, говорилъ, онъ Витовту, что корона королевская скорѣе уменьшитъ твое величіе, чѣмъ возвыситъ: между князьями ты первый, а между королями будешь послѣдній; что за честь въ преклонныхъ лѣтахъ окружить голову небольшимъ количествомъ золота и дорогихъ камней, а цѣлые народы окружить ужасами кровопролитныхъ войнъ?" Но въ Литовскомъ князѣ Збигнѣвъ встрѣтилъ достойнаго противника. „Никогда, отвѣчалъ ему Витовтъ, у меня и въ головѣ не было намѣренія стать независимымъ королемъ; давно уже императоръ убѣждалъ меня принять королевскій титулъ, но я не соглашался. Теперь же самъ король Владиславъ потребовалъ этого отъ меня; уступая его мольбамъ, повинуясь его приказанію, я далъ публично свое согласіе, послѣ чего постыдно было-бы для меня отречься отъ своего слова". Олесницкій возвратился ни съ чѣмъ, а между тѣмъ приближенные Витовта не переставали убѣждать своего князя привести какъ можно скорѣе къ концу начатое предпріятіе. Витовтъ писалъ къ Ягайлу, укоряя его за то, что онъ взялъ назадъ свое согласіе, и за то, что хочетъ сдѣлать народъ Литовскій и князя его вассалами Польши; писалъ и къ императору съ тѣми же жалобами [1]). Поляки были въ страшной тревогѣ; послѣ долгихъ совѣщаній положено было опять слать пословъ къ Витовту, и опять отправленъ былъ Збигнѣвъ Олесницкій вмѣстѣ съ Яномъ Тарновскимъ, палатиномъ Краковскимъ. Послы удивили Витовта предложеніемъ принять корону польскую, которую уступаетъ ему Ягайло, по старости лѣтъ уже чувствующій себя неспособнымъ къ правленію. Витовтъ отвѣчалъ, что считаетъ гнуснымъ дѣломъ принять польскую корону, отнявши ее у брата, и прибавилъ, что самъ не станетъ болѣе добиваться королевской короны, но если ее пришлютъ ему, то не откажется принять.

Между тѣмъ Поляки дѣйствовали противъ намѣреній Витовта и съ другой стороны: они представили папѣ всю опасность, которою грозитъ католицизму отдѣленіе Литвы и Руси отъ Польши, потому что тогда издревле господствовавшее въ этихъ странахъ православіе опять возьметъ прежнюю силу и подавитъ только-что водворившееся въ Литвѣ латинство. Папа, понявъ справедливость опасенія, немедленно отправилъ къ императору запретъ посылать корону въ Литву, а Витовту—запретъ принимать ее. Получивъ папскую грамоту, Витовтъ, въ 1430 году, написалъ прелатамъ и вельможамъ польскимъ, жалуясь имъ на короля Владислава, который чернитъ его предъ папою и другими владѣтелями католическими. Въ это время Поляки были встревожены вѣстію, что Литовскій князь взялъ съ своихъ бояръ присягу служить ему противъ короля и королевства Польскаго, и снова Збигнѣвъ отправился въ Литву успокоить Витовта насчетъ папскаго посланія и укорить въ непріязненныхъ намѣреніяхъ противъ Польши. Витовтъ отвѣчалъ, что онъ взялъ присягу съ своихъ и утвердилъ крѣпости вовсе не съ цѣлію начать наступательныя движенія противъ Польши, но только для предохраненія себя отъ внезапнаго нападенія враговъ, ибо ему достовѣрно извѣстно, что Гуситы безпрестанно добиваются отъ короля Владислава позволенія пройти чрезъ его области на Пруссію и на Литву, и король ему объ этомъ ничего не объявилъ. Збигнѣву нечего было отвѣчать на это. Между тѣмъ, днемъ Витовтовой коронаціи назначенъ былъ праздникъ Успенія Богородицы; но такъ какъ посланные отъ Сигизмунда съ короною опоздали къ этому дню, то назначенъ былъ другой праздникъ—Рождества Богородицы, и приглашены были уже къ этому торжеству многіе сосѣдніе владѣльцы, въ томъ числѣ и внукъ Витовта, князь Московскій. Поляки знали объ этихъ приготовленіяхъ, и потому разставили сторожевые отряды по границамъ, чтобы не пропускать Сигизмундовыхъ пословъ въ Литву. На границахъ Саксоніи и Пруссіи схвачены были двое пословъ—Чигала и Ротъ, которые ѣхали къ Витовту съ извѣстіемъ, что корона уже отправлена, и съ грамотами, въ силу которыхъ онъ получалъ право на королевскій титулъ; за этими послами слѣдовали другіе, знатнѣйшіе и многочисленнѣйшіе, везшіе корону. Чтобы перехватить ихъ, отправилось трое польскихъ вельможъ съ значительнымъ отрядомъ, поклявшись помѣшать отдѣленію Литвы и Руси, хотя бы для перехваченія короны нужно было ѣхать въ самые отдаленные предѣлы. Послы, узнавъ объ этомъ, испугались и возвратились назадъ къ Сигизмунду [2]).

Вѣсть объ этомъ такъ поразила Витовта, что сильно разстроила его здоровье; однако больной старикъ еще не терялъ совершенно надежды какъ бы то ни было успѣть въ своемъ намѣреніи. Зная слабохарактерность Ягайла, онъ послалъ звать его къ себѣ въ Вильну. Ягайлу и самому очень хотѣлось поѣхать въ Литву,—не потому, чтобъ онъ питалъ сильную привязанность къ родной странѣ, а потому, что въ ней всего лучше удовлетворялъ онъ своей страсти къ охотѣ. Но польскіе прелаты и вельможи знали, что если Ягайло разъ свидится съ Витовтомъ, то не будетъ въ состояніи отказать ему ни въ чемъ; знали также, что Сигизмундовы послы убѣждаютъ Витовта употребить при вѣнчаніи корону, сдѣланную въ Вильнѣ, что не помѣшаетъ Сигизмунду признать его королемъ,—и потому боялись отпустить Ягайла одного въ Литву, и приставили къ нему Збигнѣва Олесницкаго, на твердость котораго вполнѣ полагались. Витовтъ принялъ двоюроднаго брата съ большимъ торжествомъ; но самъ со-дня-на-день становился все слабѣе и слабѣе, не переставая требовать отъ Ягайла, чтобы тотъ согласился на его коронацію. Ягайло отвѣчалъ, что онъ самъ по себѣ радъ дать согласіе, да

[1]) Narbutt, VI, 518.

[2]) Dlugossi, XI, p. 548.

что-жъ ему дѣлать, когда Поляки приставили къ нему Збигнѣва, безъ согласія котораго ничего нельзя сдѣлать; что прежде всего нужно какъ-нибудь размягчить этотъ камень [1]). Витовтъ принялся размягчать и просьбами и дарами, какихъ никто до сихъ поръ не получалъ еще въ Литвѣ; но Збигнѣвъ остался непреклоненъ. Тогда Витовтъ прибѣгнулъ къ угрозамъ, давая знать, что употребитъ всѣ средства, разсыплетъ повсюду то самое золото, раздастъ тѣ самые дары, которые были приготовлены для Збигнѣва, чтобы лишить его Краковской епископіи. Но угрозы не испугали, а только ожесточили Збигнѣва, и Витовтъ долженъ былъ оставить всякую надежду преклонить его на свою сторону, а скоро тяжкая болѣзнь заставила его отложить и всѣ другія надежды. Витовтъ умеръ 27 октября 1430 года; главною причиною смерти полагаютъ тяжкую скорбь о несбывшихся намѣреніяхъ.

Не имѣя сыновей, Витовтъ сосредоточилъ всѣ свои желанія на удовлетвореніи личнаго честолюбія, для чего такъ сильно добивался вѣнца королевскаго, и не могъ, повидимому, въ послѣднее пятилѣтіе жизни, заботиться о расширеніи своихъ владѣній, которыхъ не кому было оставить. Несмотря на то, еще въ 1425 году, Витовтъ посылалъ къ великому магистру Ордена требовать помощи противъ Пскова: магистръ отказалъ, и Витовтъ почему-то отложилъ походъ; въ 1426 году онъ опять послалъ за тѣмъ же къ магистру; тотъ опять отвѣчалъ, что не можетъ нарушить крестнаго цѣлованія къ Псковичамъ [2]); но на этотъ разъ Витовтъ не сталъ дожидаться союзниковъ, объявилъ войну Псковичамъ, и, по прошествіи четырехъ недѣль и четырехъ дней послѣ объявленія, въ августѣ мѣсяцѣ, явился съ полками литовскими, польскими, русскими и татарскими подъ Опочкою, жители которой устроили мостъ на канатахъ, подъ мостомъ набили кольевъ, а сами спрятались въ крѣпости, чтобы непріятелю она показалась пустою. Татарская конница, не видя никого на стѣнахъ, бросилась на мостъ; тогда граждане подрѣзали канаты,—и мостъ вмѣстѣ съ Татарами упалъ на колья; почти всѣ непріятели лишились жизни, а которые попались въ плѣнъ, тѣхъ жестоко и позорно изувѣчили въ городѣ, и въ такомъ видѣ показали осаждающимъ. Витовтъ отошелъ отъ Опочки и осадилъ другой городъ—Вороначъ, подъ которымъ стоялъ три недѣли, разбивая пороками стѣны. Вороначанамъ стало очень тяжко, и они послали сказать въ Псковъ: „Господа Псковичи! помогайте намъ, думайте о насъ,—намъ теперь очень тяжко"! Псковичи послали въ литовскій станъ своего посадника бить челомъ Витовту; но тотъ не принялъ псковскаго челобитья. Другой псковскій посадникъ съ 400 человѣкъ хотѣлъ пробраться въ Котельну и засѣсть тамъ, но былъ перенятъ на дорогѣ 700 Литовцевъ и Татаръ, и успѣлъ убѣжать въ Котельну, потерявши 30 человѣкъ; въ двухъ другихъ стычкахъ съ Татарами жители псковскихъ пригородовъ были счастливѣе. Между тѣмъ, въ одну ночь случилось чудо страшное, говоритъ лѣтописецъ: внезапно нашла туча грозная, полился дождь, загремѣлъ громъ, молнія сверкала безпрестанно, и всѣ думали, что или отъ дождя потонутъ, или отъ грома камнями будутъ побиты; громъ былъ такой страшный, что земля тряслась, и Витовтъ, ухватясь за шатерный столпъ, кричалъ въ ужасѣ: „Господи помилуй"! Псковскій лѣтописецъ этой грозѣ приписываетъ смиреніе Витовта, который далъ перемиріе Воронаčанамъ; но лѣтописецъ Московскій приводитъ другое обстоятельство,—къ Витовту пріѣхалъ посолъ изъ Москвы, князь Лыковъ, и сказалъ отъ имени великаго князя Василія: „Зачѣмъ это ты такъ дѣлаешь вопреки договору? вмѣсто того, чтобы быть тебѣ со мною заодно, ты мою отчину воюешь и пустошишь". Витовтъ, послушавшись внука своего, заключилъ съ Псковичами миръ; вмѣсто трехъ тысячъ рублей взялъ съ нихъ только одну тысячу, и плѣнниковъ ихъ отдалъ на поруки, съ условіемъ, чтобъ въ извѣстный срокъ они явились къ нему въ Вильну. Псковскій лѣтописецъ не говоритъ ничего о послѣ московскомъ, и жалуется, по обычаю, на Новгородцевъ, которые не помогли Пскову ничѣмъ, ни словомъ, ни дѣломъ, хотя ихъ посолъ былъ все это время въ станѣ у Витовта, и подъ Опочкою, и подъ Вороначемъ. Когда срокъ ѣхать въ Вильну съ деньгами и плѣнными сталъ приближаться, Псковичи послали въ Москву просить великаго князя, чтобъ отправилъ къ дѣду своихъ бояръ бить челомъ за Псковичей. Московскій посолъ поѣхалъ въ Вильну вмѣстѣ съ псковскими, повезли деньги 1,000 рублей и плѣнниковъ; Витовтъ деньги взялъ, но плѣнниковъ оставилъ у себя, и посолъ московскій не помогъ ничего своимъ посольствомъ, говоритъ Псковскій лѣтописецъ; Псковичи принуждены были опять послать посадника въ Вильну и выкупить плѣнныхъ деньгами.

Въ 1428 году пришелъ чередъ и Новгородцамъ; Витовтъ объявилъ имъ войну за то, что они называли его измѣнникомъ и пьяницею; Новгородцы послали просить помощи у Псковичей, но тѣ отвѣчали: „Какъ вы намъ не помогли, такъ и мы вамъ не поможемъ, да еще мы и договоръ заключили съ Витовтомъ, что не помогать вамъ". Великій князь Московскій также цѣловалъ крестъ Витовту, что не будетъ помогать ни Новгороду, ни Пскову, а Тверской князь отправилъ даже свои полки на помощь Витовту. И вотъ Витовтъ пришелъ сначала къ Вышгороду [3]), а потомъ къ Порхову съ пушками,—была у него одна огромная пушка, по имени „галка", которая надѣлала много вреда и Порхову и Литвѣ, потому что, разорвавшись, убила самого мастера, воеводу Полоцкаго и много ратныхъ

[1]) Dlugossi, XI, p. 553.

[2]) Моск. Арх. Мин. Ин. Д. Кенигсбер. акты Lief. III, № 78 и 81; IV, № 96.

[3]) Вышегородское село Псковской губерніи, Порховскаго уѣзда.

людей и лошадей. Несмотря на то, Порховъ не могъ долѣе держаться и заплатилъ за себя Витовту 5,000 рублей; потомъ пріѣхалъ изъ Новгорода владыка съ боярами и заплатили еще 5,000, да тысячу за плѣнныхъ: сбирали это серебро по волостямъ Новгородскимъ и за Волокомъ, брали съ 10 человѣкъ по рублю. „Вотъ вамъ за то, что называли меня измѣнникомъ и бражникомъ", сказалъ Витовтъ Новгородцамъ, принимая у нихъ деньги.

Смерть Витовта обрадовала многихъ и въ Польшѣ и въ Сѣверо-Восточной Руси: ей радовались и въ Юго-Западной Руси тѣ, которымъ дорого было свое и которые видѣли ясно, что Витовтъ, въ своихъ честолюбивыхъ стремленіяхъ, руководился однѣми личными, корыстными цѣлями [1]). Ихъ надежды давно уже были обращены на брата Ягайлова, Свидригайла Олгердовича, который оказывалъ явное расположеніе къ православію и явную ненависть къ Польшѣ. Польскіе писатели изображаютъ Свидригайла человѣкомъ, преданнымъ вину и праздности, непостояннымъ, вспыльчивымъ, безразсуднымъ, склоннымъ на всѣ стороны, куда вѣтеръ подуетъ, и находятъ въ немъ одно только доброе качество—щедрость. Но должно замѣтить, что почти всѣхъ Гедиминовичей можно упрекать въ непостоянствѣ, видя, съ какою легкостью измѣняютъ они одной вѣрѣ и народности въ пользу другой, лишь бы только эта измѣна вела къ скорѣйшему достиженію извѣстной цѣли. Эта фамильная черта Гедиминовичей равно поражаетъ насъ какъ въ Ягайлѣ, Свидригайлѣ и Витовтѣ, такъ и въ послѣднемъ изъ Гедиминовичей. Сигизмундѣ-Августѣ, который точно такъ-же былъ равнодушенъ, точно такъ-же колебался между католицизмомъ и протестантизмомъ, какъ предки его колебались между католицизмомъ и православіемъ. Быть можетъ, причина такому явленію заключалась въ самомъ положеніи Литовскаго народа, который, не успѣвъ выработать для себя крѣпкихъ основъ народнаго характера, пришелъ въ столкновеніе съ различными, чуждыми и высшими его народностями: къ одной которой-нибудь изъ нихъ онъ долженъ былъ приравняться, не насильственно однако, а съ правомъ выбора.

По смерти Витовта, Ягайло не могъ противиться всеобщему желанію: русскіе и литовскіе вельможи бросились къ Свидригайлу и провозгласили его великимъ княземъ. Свидригайло ознаменовалъ свое вступленіе на отцовскій столъ тѣмъ, что занялъ литовскіе замки отъ своего имени, съ исключеніемъ Ягайлова, и тѣмъ обнаружилъ намѣреніе отложиться отъ Польши. Кипя гнѣвомъ за прежнія обиды и гоненія, онъ въ рѣзкихъ словахъ укорялъ короля и его польскихъ совѣтниковъ, грозя имъ местію. Ягайло находился въ самомъ затруднительномъ положеніи: эта затруднительность еще болѣе усилилась при извѣстіи, что Поляки, услыхавъ о смерти Витовта, внезапно захватили Подолію, вытѣснивъ оттуда литовскихъ намѣстниковъ. Свидригайло выходилъ изъ себя, грозилъ королю тюрьмою, и даже смертію, если Поляки не возвратятъ Подолію Литвѣ. Тогда совѣтники королевскіе рѣшились умертвить Свидригайла и, запершись въ Вильнѣ, держаться тамъ до прибытія коронпаго войска. Но Ягайло никакъ не соглашался на такую мѣру и почелъ за лучшее возвратить брату Подолію. Свидригайло, обрадованный уступчивостію короля, утихъ и началъ ласкаться къ брату; но вельможи польскіе были въ отчаяніи, что Подолія отходитъ отъ нихъ, стали придумывать средства, какъ бы помѣшать королевскому намѣренію, и наконецъ нашли: тайнымъ образомъ дали знать польскому коменданту Каменца, чтобъ онъ не слушался королевскаго повелѣнія, не сдавалъ города Литвѣ и заключилъ бы въ оковы Ягайловыхъ и Свидригайловыхъ посланныхъ; — комендантъ исполнилъ ихъ желаніе.

Въ 1431 году Ягайло возратился въ Польшу; на Сендомирскомъ сеймѣ слабый старикъ сталъ жаловаться на обиды отъ Свидригайла; негодованіе Поляковъ было усилено еще вѣстями, что Свидригайло не оставляетъ въ покоѣ ни Подоліи, ни другихъ сосѣднихъ областей; но они боялись дѣйствовать противъ Литовскаго князя вооруженною силой, зная сильную приверженность къ нему Русскихъ, заподозривая и короля своего въ тайномъ доброжелательствѣ брату [2]), и потому рѣшились попытаться сперва мирнымъ путемъ склонить Свидригайла къ уступкѣ Подоліи и къ признанію своей зависимости отъ Польши. Первое посольство ихъ осталось безъ успѣха; при второмъ, выведенный изъ терпѣнія дерзкими требованіями Яна Лутека Бржескаго, Свидригайло далъ ему пощечину. Въ томъ же году (1431) Бржескій опять пріѣхалъ посломъ отъ Ягайла; опять говорилъ Свидригайлу тѣ же рѣчи, опять получилъ отъ него пощечину: но теперь уже не былъ отпущенъ назадъ, а заключенъ въ тюрьму. Ягайло выступилъ съ войскомъ на Литву, хотя, какъ выражается польскій историкъ [3]), горче смерти былъ ему этотъ походъ противъ родной земли и родного брата. Борьба между народностями, изъ которыхъ одна посягала на права другой, ведена была, какъ и слѣдовало ожидать, съ большимъ ожесточеніемъ: съ обѣихъ сторонъ не было пощады плѣнникамъ, причемъ Русскіе особенно изливали свою месть на латинское духовенство. Жители Луцка съ удивительнымъ мужествомъ выдерживали осаду отъ королевскаго войска: несмотря на то, по увѣренію польскаго историка, городъ долженъ былъ бы скоро сдаться

[1]) Dlugossi, XI, p. 566. In Withaudi ducis morte, et si nonnulli vultu simularent in prospectu tristitiam, multi tamen et praesertim Rutheni, laetabantur nimium, sperantes sibi et sectae suae schismaticae meliora, rerum permutatione, et Switrigelli successione, proventura.

[2]) Ibid. XI, p. 573. Quia tamen difficile visum est, illum de possessione ducatus magni detrahere, cum quod Wladislaus Poloniae rex occulto et intenso ardore sciebatur sibi favere, tum quod a Ruthenis miro diligebatur affectu.

[3]) Ibid., p. 582.

и война кончилась бы съ выгодою и честію для короля и королевства, еслибъ тому не помѣшалъ самъ Ягайло, благопріятствовавшій Свидригайлу и его подданнымъ, съ которыми поспѣшилъ заключить перемиріе, причемъ положенъ былъ срокъ и мѣсто для переговоривъ о вѣчномъ мирѣ. Король снялъ осаду Луцка, и Русскіе торжествовали отступленіе непріятеля тѣмъ, что разрушили всѣ католическія церкви въ Луцкой Землѣ.

Съѣздъ для заключенія вѣчнаго мира назначенъ былъ въ Парчевѣ: но Свидригайло не явился туда и не прислалъ своихъ уполномоченныхъ. Тогда Поляки, не надѣясь справиться съ Литовскимъ княземъ открытою силой, рѣшились выставить ему соперника и возбудить междоусобіе въ собственныхъ его владѣніяхъ. Мы видѣли, что Свидригайло держался русскаго народонаселенія. Это возбуждало неудовольствіе собственно литовскихъ вельможъ, особенно тѣхъ, которые приняли католицизмъ. Поляки воспользовались ихъ неудовольствіемъ и послали Лаврентія Зоронбу въ Литву, съ явнымъ порученіемъ отъ Ягайла къ брату его—склонять послѣдняго къ покорности, и съ тайнымъ порученіемъ — уговаривать литовскихъ вельможъ къ сверженію Свидригайла и къ принятію къ себѣ въ князья Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича, князя Стародубскаго. Зоронба успѣлъ какъ нельзя лучше выполнить свое порученіе: составленъ былъ заговоръ, съ помощію котораго Сигизмундъ Стародубскій напалъ нечаянно на Свидригайла и выгналъ его изъ Литвы; но Русь (т.-е. Малороссія), Смоленскъ и Витебскъ остались вѣрными Свидригайлу.

Свѣдавъ объ изгнаніи Свидригайла изъ Литвы, король созвалъ вельможъ и прелатовъ для совѣщанія о дѣлахъ этой страны. Положено было отправить къ Сигизмунду полномочныхъ пословъ, въ числѣ которыхъ находился Збигнѣвъ Олесницкій. Сигизмундъ съ почестями принялъ посольство и подчинилъ себя и свое княжество коронѣ польской. Такой поступокъ понятенъ: Сигизмундъ собственными средствами не могъ держаться противъ Свидригайла; ему нужна была помощь Польши, авторитетъ ея короля. Но понятно также, что подчиненіе Литвы Польшѣ не могло доставить Сигизмунду расположенія многихъ Литовцевъ, которые не хотѣли этого подчиненія; вотъ почему Сигизмундъ скоро увидѣлъ, что окруженъ людьми, на вѣрность которыхъ не можетъ положиться; и хотя Польскій лѣтописецъ видитъ въ этомъ случаѣ только врожденное непостоянство Литовцевъ, но мы имѣемъ право видѣть еще что-нибудь другое, тѣмъ болѣе что тотъ же самый лѣтописецъ, въ одинъ голосъ съ лѣтописцемъ Русскимъ, упрекаетъ Сигизмунда въ страшной жестокости и безнравственности [1]. Открытъ былъ заговоръ на жизнь Сигизмунда, и главами заговора были двое знаменитѣйшихъ вельможъ: Янутъ—палатинъ Троцкій, и Румбольдъ—гетманъ Литовскій. Янутъ и Румбольдъ, вмѣстѣ съ другими соучастниками, погибли подъ топоромъ; но ожесточеніе противъ Сигизмунда не уменьшилось: онъ не смѣлъ встрѣтиться съ Свидригайломъ въ открытомъ полѣ, боясь измѣны своихъ.

Въ такомъ положеніи находились Литва и Юго-Западная Русь, когда, въ 1434 году, умеръ король Ягайло. Поляки возвели на престолъ сына его Владислава, не безъ смутъ впрочемъ и сопротивленія со стороны нѣкоторыхъ вельможъ. Но перемѣна, совершившаяся въ Польшѣ, не измѣнила положенія Литвы и Руси; здѣсь по-прежнему шла борьба между Сигизмундомъ и Свидригайломъ, попрежнему послѣдній не хотѣлъ отказываться отъ правъ своихъ на Литву, и по-прежнему былъ несчастливъ на войнѣ: войска его потерпѣли сильное пораженіе подъ Вилькомиромъ. Но Сигизмундъ не долго наслаждался своимъ торжествомъ: двое братьевъ, русскихъ князей—Иванъ и Александръ Чарторыйскіе [2]) — составили новый заговоръ, вслѣдствіе котораго Сигизмундъ лишился жизни.

По убіеніи Сигизмунда, литовскіе вельможи раздѣлились: одни хотѣли видѣть великимъ княземъ Владислава Ягайловича, короля Польскаго; другіе, возвеличенные Сигизмундомъ, держались сына его Михаила; третьи, наконецъ, хотѣли Свидригайла. Король Владиславъ былъ въ это время въ большомъ затрудненіи: Венгры выбрали его на свой престолъ и просили поспѣшить пріѣздомъ къ нимъ, а между тѣмъ Литва требовала также его присутствія и, въ противномъ случаѣ, грозила отдѣлиться отъ Польши. Послѣ долгихъ совѣщаній съ польскими вельможами, рѣшено было, чтобъ самъ Владиславъ поспѣшилъ въ Венгрію для упроченія себѣ тамошняго престола, а въ Литву отправилъ вмѣсто себя родного брата своего, молодого Казимира, не въ качествѣ, однако, великаго князя Литовскаго, а въ качествѣ намѣстника польскаго. Литовскіе и нѣкоторые изъ русскихъ вельможъ, вмѣстѣ съ Александромъ, или Олелькомъ Владиміровичемъ, княземъ Кіевскимъ, внукомъ Олгердовымъ, приняли Казимира, но никакъ не хотѣли видѣть въ немъ намѣстника Владиславова и требовали возведенія его на великокняжескій престолъ. Поляки, окружавшіе Казимира, никакъ не хотѣли согласиться на это требованіе, и тогда Литовцы, противъ ихъ воли, провозгласили Казимира великимъ княземъ. Видя это, король Владиславъ и его польскіе совѣтники придумали средство обезсилить Литву, отнять у ея князей возможность къ сопротивленію польскому владычеству: это средство было—раздѣленіе Литовскихъ областей между Казимиромъ Ягеллоновичемъ, Михаиломъ Сигизмундовичемъ и Болеславомъ Мазовецкимъ; назначенъ былъ

---

[1]) Dlugossi, XI, p. 645, 724; П. С. Р. Л. III, 113: «Сей же князь лютъ и немилостивъ и сребролюбивъ, паче (всѣхъ) человѣкъ, и много князей литовскихъ погуби, иныя истопи, иныя погуби мечемъ, а пановъ и земскихъ людей не мало безъ милосердія изгуби».

[2]) Dlugossi, XI, p. 723: Dux Iwan Czartoryiski ritus et generis Ruthenici.

для этого уже и съѣздъ въ Парчевѣ, но сопротивленіе литовскихъ вельможъ помѣшало и этому намѣренію.

Въ 1444 году, Владиславъ, король Польскій и Венгерскій, палъ въ битвѣ съ Турками, при Варнѣ, и это событіе имѣло важное значеніе въ судьбахъ Литвы и Руси; оно снова затягивало связь ихъ съ Польшею, потому что бездѣтному Владиславу долженъ былъ наслѣдовать братъ его, восемнадцатилѣтній Казимиръ Литовскій. Поляки, по мысли Збигнѣва Олесницкаго, прислали звать Казимира къ себѣ на престолъ; тотъ, по внушеніямъ Литовцевъ, долго не соглашался. На Петроковскомъ сеймѣ, въ 1446 году, послы Казимировы, русскіе князья, Василій Красный и Юрій Семеновичъ, объявили панамъ прямой отказъ своего князя наслѣдовать брату на престолѣ польскомъ; второе посольство Поляковъ также не имѣло успѣха; наконецъ Казимиръ долженъ былъ уступить ихъ требованіямъ, когда узналъ, что на сеймѣ идетъ рѣчь о выборѣ въ короли Болеслава, князя Мазовецкаго, тестя и покровителя соперника его, Михаила Сигизмундовича. Затруднительно было положеніе Казимира между притязаніями Поляковъ на Литовскія владѣнія и стремленіями Литовцевъ удержать свою самостоятельность относительно Польши; иногда дѣло доходило до явнаго разрыва, и большихъ усилій стоило Казимиру отвратить кровопролитіе. Но этого мало: Орденъ является опять на сцену, чтобъ отвлечь вниманіе государей польско-литовскихъ отъ востока къ западу. Грюнвальдская битва, нанесшая рѣшительный ударъ Ордену, служила знакомъ ко внутреннимъ безпокойствамъ въ его владѣніяхъ; ослабленные рыцари стали нуждаться теперь въ помощи дворянства и городовъ; послѣдніе воспользовались обстоятельствами и начали требовать участія въ правленіи, начали требовать, чтобъ при великомъ магистрѣ находился совѣтъ, состоящій изъ выборныхъ отъ Ордена, дворянства и главныхъ городовъ, и чтобъ на этомъ совѣтѣ рѣшались всѣ важнѣйшія дѣла. Вслѣдствіе этихъ стремленій начались неудовольствія, кончившіяся тѣмъ, что въ 1454 году послы отъ дворянъ и городовъ прусскихъ явились къ королю Казимиру, съ просьбою принять ихъ въ свое подданство. Казимиръ согласился, и слѣдствіемъ этого была война съ Орденомъ, война продолжительная, ведшаяся съ перемѣннымъ счастіемъ и поглотившая все вниманіе короля и сеймовъ.

Такое затруднительное положеніе великаго князя Литовскаго—съ одной стороны, и не менѣе затруднительное положеніе великаго князя Московскаго—съ другой — сдерживали обоихъ, мѣшали значительнымъ столкновеніямъ Руси Юго-Западной съ Сѣверо-Восточною во все описываемое время. Но если не могло быть между Литвою и Москвою войны значительной, богатой рѣшительными послѣдствіями, то самыя усобицы однако, происходившія одновременно и здѣсь, и тамъ, не могли допустить и постояннаго мира между обѣими державами, потому что враждующія стороны на сѣверо-востокѣ искали себѣ пособія и убѣжища на юго-западѣ, и наоборотъ. Свидригайло былъ побратимъ князю Юрію Димитріевичу, слѣдовательно Василій Московскій долженъ былъ находиться въ союзѣ съ врагомъ Свидригайловымъ Сигизмундомъ Кейстутовичемъ и сыномъ его Михаиломъ, и убійца Сигизмунда, князь Чарторыйскій, жилъ у Шемяки, и вмѣстѣ съ нимъ приходилъ воевать на Москву. Василій держалъ сторону Михаила и въ борьбѣ его съ Казимиромъ; мы видѣли, что въ 1444 году, находясь въ войнѣ съ Михаиломъ и Болеславомъ Мазовецкимъ, Казимиръ предлагалъ Новгородцамъ помощь подъ условіемъ подданства. Новгородцы не согласились на это предложеніе, и въ 1445 году великій князь Василій послалъ нечаянно двухъ татарскихъ царевичей на литовскіе города Вязьму, Брянскъ и другіе; Татары много воевали, много народу перебили и въ плѣнъ повели, пожгли Литовскую Землю почти до самаго Смоленска и возвратились домой съ большимъ богатствомъ. Казимиръ спѣшилъ отомстить, и отправилъ подъ Калугу 7,000 войска, подъ начальствомъ семерыхъ пановъ своихъ. Были они подъ Козельскомъ и подъ Калугою, но не могли здѣсь сдѣлать ничего, и отошли къ Суходорову [1]); тутъ встрѣтили ихъ сто человѣкъ Можайцевъ, сто Верейцевъ и шестьдесятъ Боровцевъ, и сразились; Русскіе потеряли своихъ воеводъ, Литовцы также потеряли двѣсти человѣкъ убитыми, и возвратились домой [2]). Это впрочемъ было единственное ратное дѣло съ Литвою въ княженіе Василія. Въ 1448 г. былъ въ Москвѣ посолъ литовскій [3]), а въ 1449 году заключенъ былъ договоръ между королемъ Казимиромъ и великимъ княземъ Василіемъ и его братьями, Иваномъ Андреевичемъ, Михаиломъ Андреевичемъ и Василіемъ Ярославичемъ [4]): Василій обязался жить съ Казимиромъ въ любви и быть съ нимъ вездѣ заодно, хотѣть добра ему и его землѣ

---

[1]) Рѣка Суходровъ вытекаетъ изъ Калужскаго уѣзда и впадаетъ въ Медынскомъ, въ рѣку Шаню.

[2]) Никон. V, 195: «Приходиша х. Колузѣ, Литва, панъ Судивой, панъ Родивилъ Осесовичь, Андрюшка Мостиловичь, Ябу Браловичь, Андрей Исаковичь, Николай Немировичь, Захарья Ивановичъ Кошкинъ, а рати съ ними 7000... Слышавъ же то Можаичи княжъ Ивановы Андрѣевича, а князя Ивана Андрѣевича тогда въ Можайскѣ не было, и собрася Можаичевъ сто человѣкъ, а воевода у нихъ князь Андрей Васильевичь Лугвица Суздальскихъ князей; также слышавше, и брата его князя Михаила Андрѣевича люди, и собрася ихъ сто же, а князя Михаила Андрѣевича у себя тогда въ Версѣ не было, а воевода у нихъ Судокъ; также слышавше и княжа Васильевы Ярославича люди, и собрася ихъ 60 человѣкъ, а князя Василья Ярославича тогда убо въ Боровцѣ не было, а воевода у нихъ Жиневъ; и сретошася съ Литвою въ Суходровѣ, и бысть имъ бой, и убиша ту воеводу князя Ив. Андр. Можайск., князя Андрея Вас. Лугвицу, да Корачарова, да иныхъ четыре человѣка, а Ярошка да Семена Ржевскаго поимали княжа Ивановыхъ Андр. Можайскаго воеводъ, а брата его поимали воеводъ Судока да Филипа Щокина до Конійскаго да пять человѣкъ молодыхъ».

[3]) Никон. V, 215: «панъ Семенъ Едиголдовъ».

[4]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 50.

вездѣ, гдѣ бы ни было; тѣ же обязательства взялъ на себя и Казимиръ. Договаривающіеся клянутся имѣть однихъ враговъ и друзей; Казимиръ обязывается не принимать къ себѣ Димитрія Шемяки, а Василій—Михаила Сигизмундовича. Если пойдутъ Татары на украинскія мѣста, то князьямъ и воеводамъ литовскимъ и московскимъ, переславшись другъ съ другомъ, обороняться заодно. Казимиръ и Василій обѣщаютъ не вступаться во владѣнія другъ друга, и, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ, другой долженъ заботиться о семействѣ умершаго. Обязываются помогать другъ другу войскомъ въ случаѣ нападенія непріятельскаго; но это обстоятельство можетъ быть и не исполнено, если союзникъ будетъ занятъ самъ у себя дома войною. Орду великій князь Московскій знаетъ по старинѣ, ему самому и посламъ его путь чистъ въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія. — Съ перваго взгляда послѣднее условіе кажется страннымъ: для чего было Московскому князю или посламъ ѣздить въ Орду чрезъ Литовскія владѣнія? Но мы не должны забывать, что при усобицахъ княжескихъ побѣдитель захватывалъ пути въ Орду, чтобы не пропускать туда соперника, и для послѣдняго въ такомъ случаѣ было очень важно проѣхать безпрепятственно окольными путями. — Далѣе договаривающіеся обязываются не трогать служилыхъ князей. Василій Московскій называетъ себя въ договорѣ княземъ Новгородскимъ и требуетъ отъ Казимира, чтобы тотъ не вступался въ Новгородъ Великій и во Псковъ, и во всѣ новгородскія и псковскія мѣста, и если Новгородцы или Псковичи предложатъ ему принять ихъ въ подданство, то король не долженъ соглашаться на это. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ королю, то послѣдній долженъ увѣдомить объ этомъ великаго князя Московскаго, и потомъ можетъ перевѣдаться съ Новгородцами и Псковичами, и Василій не вступится за нихъ, не будетъ сердиться на Казимира, если только послѣдній не захватитъ ихъ земли и воды. Казимиръ обязывается держать съ Нѣмцами вѣчный миръ, съ Новгородцами—особенный миръ, съ Псковичами—особенный, и если станутъ они воевать другъ съ другомъ, то король не вмѣшивается въ ихъ дѣло. Если Новгородцы или Псковичи нагрубятъ великому князю Московскому, и тотъ захочетъ ихъ показнить, то Казимиру за нихъ не вступаться. Великій князь Иванъ Ѳедоровичъ Рязанскій въ любви съ великимъ княземъ Московскимъ, старшимъ своимъ братомъ, и потому король не долженъ обижать его, и если Рязанскій князь нагрубитъ Казимиру, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ Василію, и тотъ удержитъ его, заставитъ исправиться; если же Рязанскій князь не исправится, то король воленъ его показнить, и Московскій князь не будетъ за него заступаться; если же Рязанскій князь захочетъ служить королю, то Василій не будетъ за это на него сердиться или мстить ему.

Войны не было послѣ этого между Москвою и Литвою, но и договоръ не былъ соблюдаемъ,—Михаилъ Сигизмундовичъ былъ принятъ въ Москвѣ, гдѣ и умеръ въ 1452 году, въ одно время съ знаменитымъ Свидригайломъ; съ своей стороны, Казимиръ принялъ сына Шемяки, и потомъ Ивана Андреевича Можайскаго и Ивана Васильевича Серпуховскаго: Шемячичъ получилъ во владѣніе Рыльскъ и Новгородъ-Сѣверскій, Можайскій получилъ сперва Брянскъ, потомъ Стародубъ и Гомей [1]). Видимъ новые переговоры между великими князьями Московскимъ и Литовскимъ, причемъ митрополитъ Іона является посредникомъ [2]). Рязанцы опустошили Литовскія владѣнія, и входили за промыслами туда, куда имъ издавна входовъ не бывало; Казимиръ жаловался на это великому князю Рязанскому Ивану Ѳедоровичу [3]), но получилъ ли удовлетвореніе—не извѣстно.

Московскіе удѣльные князья бѣжали въ Литву вслѣдствіе стремленій своего старшаго, великаго князя къ единовластію; но чего они не хотѣли въ Москвѣ, тому самому должны были подвергнуться въ Литвѣ: они не могли быть здѣсь князьями самостоятельными, и, принимая волости отъ внука Олгердова, клялись быть его подручниками, слугами, данниками [4]). Въ тѣхъ же самыхъ отношеніяхъ къ Литовскому великому князю были уже давно всѣ князья Рюриковичи Юго-Западной Руси [5]).

Литва не мѣшала Московскому князю утверждать единовластіе на сѣверо-востокѣ, по смерти Шемякиной; мѣшали тому Татары: въ 1449 году отрядъ ихъ внезапно явился на берегахъ рѣки Похры и много зла надѣлалъ христіанамъ,—сѣкъ и въ полонъ велъ. Великаго князя обвиняли въ томъ, что онъ любитъ Татаръ, кормитъ ихъ, принимаетъ въ службу; въ настоящемъ случаѣ поведеніе Василія получило полное оправданіе, потому что противъ грабителей выступилъ татарскій же царевичъ Касимъ, изъ Звенигорода, разбилъ ихъ, отнялъ добычу, прогналъ въ степь; и въ слѣдующемъ году Касимъ оказалъ такую же услугу Москвѣ, разбивши Татаръ вмѣстѣ съ коломенскимъ воеводою Беззубцевымъ, на рѣкѣ Битюгѣ. Но въ 1451 году дѣло было значительнѣе: великому князю дали вѣсть, что идетъ на него изъ-за Волги царевичъ Мазовша; Василій, не собравшись съ силами, вышелъ-было къ Коломнѣ, но, услыхавъ [6]), что Татары уже подлѣ берега, возвратился въ Москву, а всѣхъ людей своихъ отпустилъ къ Окѣ съ воеводою, княземъ Иваномъ Звенигородскимъ, чтобы препятствовать, сколько можно долѣе, переправѣ Татаръ черезъ рѣку; но Звенигородскій испугался и вернулся также назадъ, только другимъ путемъ, а не прямо за великимъ княземъ. Между

---

[1]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Росс. I, № 52, 139.
[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 49.
[3]) Акты, относ. къ истор. Запад. Росс. № 58.
[4]) Акты, относ. къ истор. Запад. Росс. № 52.
[5]) Тамъ же, № 41, 48, 57, 63.
[6]) Никон. V, 218: «Бывшу же ему близъ Брашевы, и пріиде вѣсть ему».

тѣмъ Василій, пробывъ Петровъ день въ Москвѣ, укрѣпилъ (осадилъ) городъ, оставилъ въ немъ свою мать, княгиню Софью Витовтовну, сына князя Юрія, множество бояръ и дѣтей боярскихъ, митрополита Іону; жену съ другими дѣтьми отпустилъ въ Угличъ, а самъ со старшимъ сыномъ Иваномъ отправился къ Волгѣ. Татары подошли къ Окѣ, думая, что на берегу стоитъ русская рать, и, не видя никого, послали сторожей на другую сторону рѣки посмотрѣть, не скрылись ли Русскіе гдѣ въ засадѣ. Сторожа обыскали всюду и возвратились къ своимъ съ вѣстію, что нѣтъ нигдѣ никого. Тогда Татары переправились черезъ Оку и безъ остановки устремились къ Москвѣ, и подошли къ ней 2-го іюля. Въ одинъ часъ зажжены были всѣ посады; время было сухое,—и пламя обняло городъ со всѣхъ сторонъ, церкви загорѣлись, а отъ дыма нельзя было ничего видѣть; несмотря на то, осажденные отбили приступъ у всѣхъ воротъ. Когда посады сгорѣли, то Москвичамъ стало легче отъ огня и дыма, и они начали выходить изъ города и биться съ Татарами; въ сумерки непріятель отступилъ, а граждане стали готовить пушки и всякое оружіе, чтобъ отбивать на другой день приступы; но при солнечномъ восходѣ ни одного Татарина уже не было подъ городомъ: въ ночь всѣ убѣжали, покинувши тяжелые товары, мѣдь, желѣзо. Великая княгиня Софья тотчасъ же послала сказать объ этомъ сыну, который въ то самое время перевозился черезъ Волгу при устьи Дубны; Василій немедленно возвратился въ Москву и утѣшалъ народъ, говоря ему: „Эта бѣда на васъ ради моихъ грѣховъ; но вы не унывайте, ставьте хоромы по своимъ мѣстамъ, а я радъ васъ жаловать и льготу давать“. Черезъ три года Татары попытались-было опять тѣмъ же путемъ пробраться къ Москвѣ, но были разбиты полками великокняжескими у Коломны. Въ 1459 году новый приходъ Татаръ къ берегамъ Оки: на этотъ разъ отбилъ ихъ старшій сынъ великаго князя, Іоаннъ Васильевичъ На слѣдующій годъ ханъ Большой Орды—Ахматъ—приходилъ со всею силою подъ Переяславль-Рязанскій въ августѣ мѣсяцѣ, стоялъ шесть дней подъ городомъ и принужденъ былъ отступить съ урономъ и стыдомъ. Это было послѣднее нападеніе изъ Большой Орды въ княженіе Василія; съ Казанью нарушенъ былъ миръ въ 1461 году; великій князь собрался идти на нее войною, но во Владимірѣ явились къ нему послы казанскіе и заключили миръ.

Новгородцы, или, лучше сказать, новгородскіе подданные воевали со Шведами и Норвежцами не на берегахъ Невы и Ладожскаго озера, но въ отдаленномъ Заволочьи, на берегахъ Бѣлаго моря; въ 1445 году Кореляне заволоцкіе напали на Норвежскія владѣнія, перебили и поплѣнили жителей, и возвратились по-здорову домой. Какъ видно, чтобъ отомстить за это нападеніе, въ слѣдующемъ году Шведы и Норвежцы пришли нечаянно въ Двинскую губу, на посадъ Неноксу, повоевали, пожгли, людей перебили и въ плѣнъ повели; услыхавши объ этомъ, Двиняне собрались скоро, напали на непріятеля, убили у него троихъ воеводъ, взяли въ плѣнъ сорокъ человѣкъ и прислали ихъ въ Новгородъ: только немногимъ удалось пометаться въ корабли и уйти въ море. Собственныя волости Новгородскія не терпѣли отъ Шведовъ; въ 1443 году шведскій князь изъ Выборга пріѣхалъ ратью на миру и крестномъ цѣлованіи на рѣку Нарову, и схватилъ псковскаго сына посадничьяго, Максима Ларіонова, вмѣстѣ съ 27 человѣками, а другихъ перебилъ; только на слѣдующій годъ Псковичи выкупили Максима съ товарищами за 120 рублей, а всѣхъ проторей они потерпѣли 150 рублей. Вреднѣе была для Новгородскихъ волостей война съ ливонскими Нѣмцами,—въ 1444 году Нѣмцы пожгли посадъ у города Ямы и берегъ повоевали, а въ Новгородъ прислали сказать: „Не мы васъ воюемъ, а воюетъ васъ изъ-за моря князь Клевскій, мститъ вамъ за своего проводника и толмача“. Князь Клевскій дѣйствительно ѣздилъ черезъ Россію въ Палестину и претерпѣлъ непріятности, потому что его именемъ Нѣмцы грабили Новгородскую Землю [1]). Зимою Новгородцы пошли въ Нѣмецкую Землю за Нарову, пожгли и поплѣнили все около Ругодива (Нарвы), по берегамъ Наровы до Чудскаго озера. За это магистръ Ордена приходилъ со всѣми своими силами подъ городъ Яму, билъ его пушками и стоялъ пять дней, пожегъ и поплѣнилъ по Вотской Землѣ, по Ижорѣ и по Невѣ, но города взять не могъ и съ урономъ долженъ былъ возвратиться домой. Новгородцы собрались отмстить ему за это, идти опять за Нарову, но конскій падежъ помѣшалъ походу. Въ 1446 году съѣхались-было Новгородцы съ Нѣмцами для заключенія мира, но магистръ захотѣлъ Острова, и потому разъѣхались безъ мира. Между тѣмъ у Псковичей происходили съ Нѣмцами мелкія столкновенія; въ 1427 году Нѣмцы убили шесть человѣкъ Опочанъ-бортниковъ, убили на русской землѣ; другіе подошли къ Опочкѣ, посѣкли и пожгли все на миру и на крестномъ цѣлованіи; иные въ то же время косили сѣно на псковской землѣ; Псковичи за это поѣхали на нихъ въ двухъ насадахъ, сѣно пожгли, схватили 7 человѣкъ Чуди и повѣсили ихъ у Выбутска. На слѣдующій годъ впрочемъ заключенъ былъ миръ съ магистромъ, жителями Юрьева и со всею Землею Нѣмецкою, по старому крестному цѣлованію,—только безъ Новгорода, потому что Новгородцы не помогли ничѣмъ, по словамъ Псковскаго лѣтописца. Семь лѣтъ продолжался этотъ миръ; но въ 1436 году Псковичи захватили гостей нѣмецкихъ съ товарами, всего 24 человѣка, и посадили ихъ въ тюрьму за то, что Нѣмцы во время мира стали захватывать псковскихъ рыболововъ, а нѣкоторыхъ и убили. Въ 1443 году заключенъ былъ миръ на 10 лѣтъ; но тотчасъ же послѣ этого Псковичи, съ княземъ Александромъ Чарторыйскимъ, поѣхали подъ Новый городокъ нѣмецкій, истребили все жито и повѣсили

[1]) Карам. V, пр. 316.

7 Чухновъ, схвативши ихъ на своей землѣ. Подъ 1448 годомъ Псковскій лѣтописецъ говоритъ о походѣ Новгородцевъ съ княземъ Александромъ Васильевичемъ Чарторыйскимъ противъ Ливонскихъ и Тевтонскихъ рыцарей и короля Шведскаго [1]): Новгородцы стали на Наровѣ и бились черезъ рѣку съ Нѣмцами; Богъ помогъ Новгородцамъ, они побили много враговъ, иныхъ побили много на морѣ въ судахъ (бусахъ), другіе потонули въ морѣ, 84 человѣка попались въ плѣнъ и съ ними два князя; добычи было взято много Русскими: въ то же время отрядъ нѣмецкій потерпѣлъ пораженіе подъ Ямою отъ Новгородцевъ, бывшихъ подъ начальствомъ князя Василія Васильевича Суздальскаго. Эта неудача, какъ видно, заставила Нѣмцевъ быть сговорчивѣе; въ слѣдующемъ году Псковичи отправили своихъ пословъ на съѣздъ, на рѣку Нарову, вмѣстѣ съ послами Новгородскими [2]), и заключенъ былъ выгодный для Русскихъ миръ на 25 лѣтъ съ магистромъ Ордена и епископомъ Юрьевскимъ: Нѣмцы возвратили, со стыдомъ и срамомъ, по выраженію лѣтописца, всѣ старины псковскія, которыя прежде отняты были Юрьевцами. Восемь лѣтъ соблюдали этотъ миръ; но въ 1458 году началась опять ссора за границы: князь Александръ Чарторыйскій съ посадниками псковскими поѣхали на спорную землю [3]), сѣно покосили и велѣли своимъ рыболовамъ рыбу ловить по старинѣ, церковь поставили и Чудь перевѣшали. Но въ слѣдующемъ году [4]) поганые латины, не вѣруя въ крестное цѣлованіе, напали нечаянно на это спорное мѣсто, сожгли церковь и десять человѣкъ. Псковичи съ княземъ Александромъ немедленно поѣхали въ насадахъ и ладьяхъ въ Нѣмецкую Землю, и также много людей, мужчинъ и женщинъ, пожгли, мстя за тѣ головы неповинныя. Нѣмцы спѣшили отомстить за своихъ: въѣхали въ шнекахъ и въ ладьяхъ въ Нарову, отняли у псковскихъ рыболововъ насаду съ пушками [5]) и со всѣмъ запасомъ ратнымъ, а въ Березской волости выжгли 42 двора, людей же Богъ сохранилъ. Но скоро потомъ пріѣхалъ посолъ изъ Новгорода во Псковъ, посадникъ Карпъ Савиничъ съ дружиною, и объявилъ, что Нѣмцы бьютъ челомъ, и назначили срокъ для мирнаго съѣзда. Князь Александръ, вмѣстѣ съ посадниками новгородскимъ и псковскимъ, и боярами изо всѣхъ концовъ отправились на спорное (обидное) мѣсто, обыскали и нашли, что земля и вода принадлежитъ Св. Троицѣ; Нѣмцы же, зная свою неправду, не явились на спорное мѣсто въ назначенный срокъ. Послѣ этого Псковичи съ своимъ княземъ Александромъ поѣхали въ Нѣмецкую Землю и много вреда надѣлали, повоевали Землю Нѣмецкую на 70 верстъ, и три ночи въ ней ночевали: много добра пограбили и погостовъ много пожгли, божницу великую выжгли, сняли съ нея крестъ и четыре колокола; со множествомъ другихъ плѣнниковъ привезли во Псковъ и попа нѣмецкаго.

Это былъ послѣдній походъ на Нѣмцевъ въ княженіе Темнаго. Удачный ли походъ Псковичей, или вѣсть о томъ, что могущественный князь Московскій принялъ дѣла псковскія въ свое завѣдываніе, заставили Нѣмцевъ желать мира, — только въ 1460 же году пріѣхали во Псковъ нѣмецкіе послы бить челомъ находившемуся тогда здѣсь сыну великокняжескому, Юрію Васильевичу, о перемиріи; князь Юрій принялъ ихъ челобитье, и въ слѣдующемъ году большіе послы нѣмецкіе пріѣхали въ Новгородъ бить челомъ о перемиріи съ Псковичами на пять лѣтъ. Посолъ великаго князя и Новгорода, спросившись съ Псковичами, послали въ Москву гонцовъ доложить великому князю о просьбѣ Нѣмцевъ; гонцы говорили Василію, что Новгородъ и Псковъ полагаютъ на него упованіе. Великій князь согласился на пятилѣтнее перемиріе, и оно было заключено съ тѣмъ условіемъ, относительно спорнаго мѣста, что Псковичи будутъ ловить рыбу на своемъ берегу, а Юрьевцы и епископъ ихъ—на своемъ; кромѣ того, Нѣмцы возвратили иконы и всѣ вещи, пограбленныя ими въ прежнюю войну. Въ столкновеніяхъ своихъ съ финскими племенами Приуральскими Новгородцы не были счастливы въ это время; въ 1446 году двое воеводъ ихъ, Василій Шенкурскій и Михаилъ Яковлевъ, пошли съ трехтысячною заволоцкою ратью на Югру, набрали много добычи и стали вести себя оплошно, чѣмъ воспользовались Югорцы и обманули ихъ, говоря: „Мы хотимъ вамъ дань давать, хотимъ перечислить сколько всѣхъ насъ, указать вамъ станы, острова и урочища"; а между тѣмъ собрались и ударили на острогъ Василія Шенкурскаго, гдѣ перебили 80 человѣкъ дѣтей боярскихъ и удалыхъ людей; воевода Василій успѣлъ спастись съ сыномъ и небольшою дружиною, другіе разбѣжались по лѣсу. Товарищъ Шенкурскаго, Михаилъ Яковлевъ, былъ въ это время на другой рѣкѣ; пріѣхавши къ Васильеву острогу и видя, что онъ разоренъ и люди побиты, сталъ искать бѣглецовъ по рѣкѣ, и когда всѣ они собрались къ нему, то пошли назадъ въ свою землю. А между тѣмъ на дорогѣ Новгородцевъ къ Уралу стоялъ городъ, который не только не признавалъ надъ собою власти Великаго Новгорода, но и не одинъ разъ рѣшался враждовать съ нимъ: то былъ Устюгъ Великій; въ 1425 году Устюжане повоевали Землю Заволоцкую; Новгородцы пошли за это ратью къ Устюгу и взяли съ него окупъ: 8,000 бѣлокъ да шесть сороковъ соболей.

[1]) П. С. Р. Л. IV, 213: «Князь Александръ Васил. съ мужи новгородци поиде противу князя Ризстаго мастера, и противъ короля Прусскаго, и противъ короля Свейского Карла».

[2]) Здѣсь варіантъ,—въ однихъ спискахъ: «Послаша Псковичи своихъ пословъ на съѣздъ, на Норову рѣку, подлѣ новгородскихъ пословъ»; — а въ другихъ: «подлѣ Новый городецъ».

[3]) На Озолицу и на Желачкѣ.

[4]) Въ Псковской лѣтоп. сказано: «Того же лѣта (1459), въ великій постъ»; но ясно, что Псковичи не могли косить сѣно, и потомъ Нѣмцы придти въ великій постъ въ одномъ и томъ же году.

[5]) Съ пущичами; въ др. сп. съ пушками.

Съ Устюгомъ легко было справиться Новгородцамъ въ 1425 году; то было для нихъ благопріятное время: начало княженія Василія Васильевича, начало смутъ въ Московскомъ княжествѣ; но тяжекъ былъ для Новгорода конецъ княженія Темнаго, когда всѣ смуты прекратились и великій князь сталъ жаловаться, что Новгородцы чтутъ его не такъ, какъ слѣдуетъ, его, который держалъ въ рукахъ всѣхъ князей русскихъ. Въ Новгородѣ знали о жалобахъ великаго князя, — и вотъ владыка Іона, несмотря на свою старость, отправился въ Москву, гдѣ своими увѣщаніями и успѣлъ на время отклонить отъ Новгорода послѣдній ударъ: Іона убѣдилъ Василія отказаться отъ похода на Новгородъ и обратить все свое вниманіе на Татаръ [1]), враговъ христіанства; но скоро смерть положила конецъ всѣмъ предпріятіямъ великаго князя. Въ 1462 году Василій разболѣлся сухотною болѣстію, и велѣлъ пользовать себя обыкновеннымъ тогда въ этой болѣзни лѣкарствомъ: зажигать на разныхъ частяхъ тѣла трутъ по нѣскольку разъ; но лѣкарство не помогло, раны загнили, и больному стало очень тяжко; онъ захотѣлъ постричься въ монахи, но другіе не согласились на это, и, 27 марта, въ субботу на четвертой недѣлѣ великаго поста, Василій скончался.

Желая узаконить новый порядокъ престолонаслѣднія и отнять у враждебныхъ князей всякій предлогъ къ смутѣ, Василій еще при жизни своей назвалъ старшаго сына Іоанна великимъ княземъ, объявилъ его соправителемъ; всѣ грамоты писались отъ имени двухъ великихъ князей.—Димитрій Донской первый рѣшился благословить старшаго своего сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ, потому что не боялся ему соперниковъ ни изъ Твери, ни изъ Нижняго; Василій Димитріевичъ не рѣшился благословить сына своего утвердительно великимъ княженіемъ, зная о притязаніяхъ брата своего Юрія. Василій Темный не только благословляетъ старшаго сына своего отчиною, великимъ княженіемъ, но считаетъ великое княженіе Владимірское неразрывно соединеннымъ съ Московскимъ, вслѣдствіе чего Владиміръ и другіе города этого княжества смѣшиваетъ съ городами московскими. До сихъ поръ въ завѣщаніяхъ своихъ князья прежде всего распоряжались отчинными своими московскими волостями, и потомъ уже благословляли старшаго сына великимъ княженіемъ Владимірскимъ утвердительно или предположительно; но Василій Темный начинаетъ съ того, что благословляетъ старшаго сына отчиною своею, великимъ княженіемъ, потомъ даетъ ему треть въ Москвѣ, Коломну и за Коломною слѣдуетъ Владиміръ — отдѣльно отъ великаго княженія, за нимъ города, принадлежавшіе прежде къ Владимірской области, — Переяславль и Кострома; за Костромою слѣдуетъ Галичъ, за Галичемъ—Устюгъ, который до сихъ поръ не упоминался въ завѣщаніяхъ княжескихъ, равно какъ Вятка и Суздаль, что все отказывается старшему сыну, великому князю, вмѣстѣ съ Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевымъ, Великою-Солью, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ — огромныя владѣнія въ сравненіи съ тѣми, которыя были отказаны самому Василію отцомъ его. Второй сынъ, Юрій, получилъ: Дмитровъ, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ и Хатунь: третій сынъ, Андрей Большой, получилъ Угличъ, Бѣжецкій-Верхъ и Звенигородъ; четвертый, Борисъ,—Ржеву, Волокъ и Рузу; пятый, Андрей Меньшой,—Вологду съ Кубеною, Заозерьемъ и нѣкоторыми Костромскими волостями. Женѣ своей великій князь отказалъ московскую часть Ростова съ тѣмъ, чтобы по смерти своей она отдала ее второму сыну—Юрію. Такимъ образомъ, старшій получилъ городовъ гораздо больше, чѣмъ всѣ остальные братья вмѣстѣ, не говоря уже о значеніи городовъ и величинѣ областей; замѣчательно, что всѣ удѣлы младшихъ братьевъ назначены на сѣверѣ и западѣ, отчасти югѣ, тогда какъ весь востокъ сплошь составляетъ участокъ старшаго, великаго князя; замѣчательно также, что въ удѣлы младшимъ отданы тѣ волости, которыя и прежде были удѣлами; область же великаго княженія Владимірскаго и примыслы—Нижній, Суздаль и Муромъ—безъ раздѣла переходятъ къ старшему брату, которому даны были всѣ матеріальныя средства держать младшихъ подъ своею рукою.

Въ княженіе Темнаго чаще, нежели прежде, встрѣчаются имена служилыхъ князей, бояръ и воеводъ московскихъ. Еще въ княженіе Василія Димитріевича мы видѣли, какъ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевичъ оттѣснилъ (заѣхалъ) нѣкоторыхъ бояръ и занялъ первое мѣсто между ними. И въ княженіе Темнаго князь Юрій Патрикѣевичъ водилъ въ походъ полки московскіе, но неудачно: онъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Косымъ и Шемякою; но послѣ, подъ 1437 годомъ, мы видимъ его опять въ Новгородѣ, въ качествѣ посла великокняжескаго. Сынъ его, Иванъ Юрьевичъ, замѣчателенъ тѣмъ, что участвовалъ въ покореніи Вятки [2]). Изъ князей Рюриковичей на службѣ Московскаго князя виднѣе другихъ являются князья Ряполовскіе и Палецкій, потомки Ивана Всеволодовича Стародубскаго, и Оболенскіе, потомки Св. Михаила Черниговскаго. Мы видѣли, какую важную услугу оказали Ряполовскіе семейству великаго князя; изъ четверыхъ братьевъ — Ивана, Семена, Димитрія и Андрея - Лобана Ивановичей, Семенъ извѣстенъ неудачнымъ походомъ подъ Вятку, Димитрій—удачнымъ, Андрей-Лобанъ убитъ въ сраженіи съ Татарами подъ Бѣлевымъ [3]); двоюродный братъ ихъ, князь Ѳедоръ Давидовичъ Палецкій-Пестрый, извѣстенъ побѣдою надъ Татарами въ 1428 году. Изъ шести сыновей князя Ивана Константиновича Оболенскаго трое внесли свои имена въ лѣ-

---

[1]) Житіе Св. Іоны, архіепископа Новгородскаго; рукоп. Румянц. Муз. № 154.

[2]) Никон. V, 285.

[3]) Никон. V, 127.

топись: Василій, Семенъ и Глѣбъ; Василій разбилъ Татаръ подъ Переяславлемъ-Рязанскимъ въ 1444 году; Семенъ явился ревностнымъ приверженцемъ Темнаго, по ослѣпленіи котораго бѣжалъ въ Литву вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ; Глѣбъ былъ убитъ Косымъ; сынъ Василія Ивановича Оболенскаго, князь Иванъ Васильевичъ Стрига, подобно отцу, извѣстенъ побѣдами: онъ отбилъ Шемяку отъ Костромы въ 1449 году, потомъ разбилъ Новгородцевъ подъ Русою. Изъ потомковъ Св. Михаила Черниговскаго упоминается также князь Θеодоръ Тарусскій; по родословнымъ, это долженъ быть одинъ изъ князей Мезецкихъ; упоминается и нѣсколько другихъ князей сѣвернаго происхожденія. Изъ старыхъ московскихъ знатныхъ фамилій прежнее значеніе удерживаетъ фамилія Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, которой представителями въ княженіе Темнаго являются—Андрей Θеодоровичъ Голтяевъ, внукъ стараго главнаго совѣтника при Василіи Димитріевичѣ — Θеодора Кошки, чрезъ второго сына его Θеодора Голтяя, и другой внукъ того же Θеодора Кошки, черезъ третьяго его сына, Александра Беззубца, Константинъ Александровичъ Беззубцевъ. Андрей Θеодоровичъ Голтяевъ уговариваетъ князя Ивана Можайскаго не отставать отъ Василія Васильевича при торжествѣ дяди Юрія [1]); въ 1435 году онъ попадается въ плѣнъ къ Косому въ Вологдѣ; въ 1438 ведетъ переговоры съ ханомъ Улу-Махметомъ у Бѣлева; въ 1444 году, вмѣстѣ съ княземъ Василіемъ Ивановичемъ Оболенскимъ, разбиваетъ Татаръ у Переяславля-Рязанскаго; Константинъ Александровичъ Беззубцевъ разбиваетъ Татаръ въ 1450 году. Что касается до старшаго ихъ двоюроднаго брата, Ивана Ивановича, сына того знаменитаго совѣтника при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ, на котораго такъ жаловался Эдигей, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, это тотъ самый бояринъ Иванъ Ивановичъ, который подписался подъ завѣщаніемъ Темнаго на второмъ мѣстѣ, послѣ князя Юрія Патрикѣевича, и который, вмѣстѣ съ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ, покорилъ Вятку [2]). Изъ знаменитой фамиліи Акинфовыхъ упоминается Θеодоръ Михайловичъ Челяднинъ. Вѣрными слугами Темнаго являются члены другой древней фамиліи—Плещеевы: Михаилъ Борисовичъ и двоюродный братъ его Андрей Θеодоровичъ, правнуки Александра Плещеева, младшаго брата Св. Алексія митрополита. Михаилъ былъ отправленъ захватить Москву подъ Шемякою, Андрей — объявить въ Москвѣ объ освобожденіи великаго князя изъ татарскаго плѣна. Одного рода съ извѣстною намъ прежде фамиліею Бѣлеутовыхъ были двое братьевъ Сорокоумовыхъ—Иванъ Ощера и Димитрій Бобръ, вмѣстѣ съ знаменитымъ Басенкомъ, отличившіе себя вѣрностію къ Темному; дѣйствовавшій съ ними заодно, Семенъ Филимоновъ принадлежалъ къ роду Морозовыхъ, былъ родной племянникъ извѣстнаго Семена Морозова, любимца князя Юрія Димитріевича; Юрій, или Юшка Драница, литовскій выходецъ, былъ вторымъ воеводою въ Нижнемъ, потомъ дѣйствовалъ вмѣстѣ съ поименованными лицами въ пользу Василія Темнаго и былъ убитъ подъ Угличемъ; лѣтопись называетъ его храбрымъ человѣкомъ; Василій Θеодоровичъ Кутузовъ, потомокъ Слуги Александра Невскаго, былъ посланъ Темнымъ къ Шемякѣ требовать возвращенія изъ плѣна великой княгини Софьи Витовтовны. Это все приверженцы Темнаго. Врагомъ его оказался Иванъ Старковъ, который былъ намѣстникомъ въ Коломнѣ и приставомъ при Шемякѣ, когда послѣдняго отослали въ Коломну подъ стражу; этотъ Старковъ, по родословнымъ, причитается внукомъ татарскаго царевича Серкиза, выѣхавшаго изъ Большой Орды при Димитріи Донскомъ. Изъ бояръ Шемякиныхъ главными совѣтниками своего князя выставленъ Никита Константиновичъ съ братьями; Михаилъ Θеодоровичъ Сабуровъ, потомокъ мурзы Чета, перешелъ отъ Шемяки къ Темному. Дьяками у послѣдняго были Θеодоръ и потомъ Василій Беда.

Глава III.

Внутреннее состояніе русскаго общества отъ кончины князя Мстислава Мстиславича Торопецкаго до кончины великаго князя Василія Васильевича Темнаго.

(1228—1462.)

Общій ходъ событій.—Причины усиленія Московскаго княжества.—Московскія волости.—Ихъ судьба по княжескимъ завѣщаніямъ.—Способы ихъ увеличенія.—Границы ихъ.—Перемѣны въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями.—Положеніе женщины въ родѣ княжескомъ.—Служебные князья.—Титулы княжескіе.—Печати.—Посаженіе на столъ.—Отношеніе къ Татарамъ.—Законодательная власть князя.—Финансы.—Богатство князей.—Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ.—Положеніе дружины.—Войско.—Характеръ войны.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Козаки.—Бѣдствія политическія и физическія.—Торговля.—Деньги.—Искусство, ремесла.—Церковь.—Законодательные памятники.—Международное право.—Нравы.—Обычаи.—Литература.—Лѣтописи.—Общій ходъ Русской исторіи до образованія Московскаго государства.

Мы обозрѣли событія болѣе чѣмъ двухсотлѣтняго періода времени, отъ смерти Мстислава Торопецкаго до смерти Василія Темнаго. Мы остановились на смерти Удалого потому, что это былъ по-

[1]) Никон. V, 117.

[2]) Никон. V, 285.

слѣдній князь, который связывалъ еще судьбы обѣихъ половинъ Руси, Сѣверной и Южной: который, будучи представителемъ послѣдней, оказалъ между тѣмъ сильное вліяніе и на судьбы первой, тогда какъ прежде, при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, наоборотъ, Южная Русь подчинялась вліянію Сѣверной, князь послѣдней считался старшимъ, главнымъ княземъ, безъ котораго князья южные не могли обойтись, по собственному ихъ признанію. Слѣдя за внутреннею связью явленій, наблюдая за переходомъ отъ стараго быта Руси къ новому, отъ родовыхъ княжескихъ отношеній къ единовластію [1]), мы замѣтили въ Сѣверной Руси внутреннія условія, благопріятствующія этому переходу, замѣтили несостоятельность Южной въ этомъ отношеніи. Еще прежде Мстислава, при Романѣ Великомъ, можно замѣтить, что и въ Южной Руси главная сцена дѣйствія готова уже оставить Приднѣпровье, славныя горы Кіевскія и перенестись въ богатую область Галицкую, издавна служившую посредницею между Русью и міромъ западнымъ; Мстиславъ умираетъ въ Галичѣ,—и тамъ же является достойный ему преемникъ въ сынѣ Романовомъ, Даніилѣ. Не менѣе Мстислава доблестный, но не странствующій герой, подобный ему, Даніилъ отчинными преданіями привязанъ къ одной извѣстной области; онъ съ ранней молодости не знаетъ покоя, чтобы добыть отцовское наслѣдіе; добывши его, заботится о немъ, устанавливаетъ нарядъ внутренній, старается защитить отъ Татаръ, Ятвяговъ и Литвы, старается распространить свое вліяніе на сѣверѣ и западѣ. Будущность Южной Руси въ рукахъ Даніила и его потомства, въ которомъ историкъ надѣется увидать собирателей Русской Земли на югѣ; но надежды эти оказываются обманчивыми. Южная Русь не собирается въ одно самостоятельное цѣлое; большая часть ея подчиняется князьямъ Литовскимъ, меньшая—отходитъ къ Польшѣ. Литва и Русь соединяются съ Польшею подъ одною династіею; но соединеніе это оказывается внѣшнимъ, непрочнымъ, слiянія внутренняго государственнаго и народнаго нѣтъ, и причина этого заключается въ томъ, что большую часть владѣній князей Литовскихъ составляютъ Русскія области, большую часть ихъ подданныхъ составляетъ русское православное народонаселеніе, которое, съ самаго начала будучи затронуто въ самомъ существенномъ своемъ интересѣ, должно было вступить въ борьбу съ католическими стремленіями Ягеллоновъ и преемниковъ ихъ. Историкъ долженъ со вниманіемъ слѣдить за этою борьбою по тому великому значенію, какое имѣла она, и особенно исходъ ея, на судьбы Россіи, на судьбы Восточной Европы; но, при этомъ вниманіи и участіи, онъ не можетъ дать исторіи Юго-Западной Руси равнаго мѣста, равнаго значенія съ исторіею Руси Сѣверо-Восточной, гдѣ, вслѣдствіе внутреннихъ движеній, образовалось самостоятельное Русское государство, и важность Юго-Западной Руси, важность исхода борьбы ея съ Польшею для судебъ Восточной Европы условливается самостоятельнымъ существованіемъ Московскаго государства на сѣверѣ; довольно сказать, что исторія Юго-Западной Руси послѣ Гедимина и Казимира Великаго немыслима одна, сама по себѣ, но только въ связи съ исторіею Литвы и Польши. Итакъ, если несправедливо, въ научномъ отношеніи невѣрно и односторонне, упускать изъ виду Юго-Западную Русь послѣ отдѣленія ея отъ Сѣверо-Восточной, поверхностно только касаться событій ея исторіи, ея быта и отношеній къ Литвѣ и Польшѣ, тѣмъ болѣе что ея бытъ представляетъ постоянно народныя русскія особенности и самая видная сторона ея отношеній къ Литвѣ и Польшѣ—есть борьба для поддержанія основъ русской народности:—то, съ другой стороны, также несправедливо, также невѣрно исторію Юго-Западной Руси ставить наряду съ исторіею Сѣверо-Восточной,—значеніе Юго-Западной Руси остается всегда важнымъ, но всегда второстепеннымъ: главное вниманіе историка должно быть постоянно обращено на сѣверъ.

Здѣсь, благодаря Мстиславу Торопецкому и Липицкой побѣдѣ, старшій сынъ Всеволода III, Константинъ, усиливается не въ примѣръ передъ братьями, которые, какъ побѣжденные, должны были удовольствоваться ничтожными волостями, данными изъ милости побѣдителемъ. Но преждевременная смерть Константина помѣшала ему воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и упрочить могущество сыновей своихъ, которые должны были удовольствоваться одною Ростовскою волостью. Очередь усиливаться перешла къ Юрію; но этотъ Всеволодовичъ погибъ отъ Татаръ со всѣмъ семействомъ своимъ и двумя племянниками Константиновичами. Оставались еще трое Всеволодовичей, и старшимъ между ними былъ Ярославъ. Этотъ князь уже давно изъ всѣхъ сыновей Всеволодовыхъ отличался предпріимчивымъ духомъ, охотою къ примысламъ; будучи еще только княземъ Переяславскимъ, онъ не отставалъ отъ Новгорода, все старался привести его въ свою волю, несмотря на урокъ, заданный ему Мстиславомъ на Липицѣ. По отношеніямъ новгородскимъ, онъ завелъ ссору съ Черниговомъ, и, не надѣясь получить скоро старшинства на сѣверѣ, бросился на югъ и овладѣлъ Кіевомъ. Татары, истребленіемъ семейства Юрьева, очистили Ярославу великое княженіе и обширныя волости для раздачи сыновьямъ своимъ. Онъ отдалъ Суздаль брату Святославу, Стародубъ—другому брату Ивану; свою отчину, Переяславль, передалъ нераздѣльною старшему сыну Александру, остальныхъ же пятерыхъ сыновей подѣлилъ волостями изъ великаго княженія, не давши ничего изъ него потомкамъ Константиновымъ. Не извѣстно, что онъ далъ второму сыну своему, Андрею;—вѣроятно Юрьевъ, который уступилъ ему Святославъ Всеволодовичъ за Суздаль; третій сынъ, Константинъ, получилъ Галичъ, четвертый—Ярославъ—Тверь, пятый, Ми-

[1]) Отъ единородія къ единоличію, еслибъ позволено было такъ выразиться.

хаилъ—Москву, шестой, Василій—Кострому. Такимъ образомъ, вся почти Владимірская область явилась въ рукахъ сыновей Ярославовыхъ: что могли предпринять противъ этихъ шестерыхъ князей дядья ихъ—князья Суздальскій и Стародубскій? Ясно, что, при ослабленіи родовыхъ понятій, по смерти Ярослава, братъ его Святославъ не могъ долго держаться на старшемъ столѣ, былъ изгнанъ Михаиломъ Ярославичемъ Московскимъ, а послѣ даже лишился и Суздаля, который перешелъ къ Ярославичамъ же, а Святославъ и его потомство должны были удовольствоваться опять однимъ Юрьевомъ. При этомъ надобно замѣтить, что сыновья Ярославовы и по личному характеру своему были въ уровень своему положенію, могли только распространить и укрѣпить оцовское наслѣдство, а не растратить его: Александръ получилъ названіе Невскаго; въ отвагѣ Андрея нельзя сомнѣваться, когда онъ рѣшился поднять оружіе противъ Татаръ. Михаилъ прозывается Хоробритомъ; Ярославъ идетъ постоянно по слѣдамъ отцовскимъ, постоянно хлопочетъ о примыслахъ, хочетъ привести Новгородъ въ свою волю, но не можетъ этого сдѣлать, потому что Василій Костромской также не хочетъ спокойно смотрѣть на дѣятельность старшихъ братьевъ. Кратковременная вражда между Александромъ Невскимъ и братомъ его Андреемъ не могла принести вреда семьѣ Ярославовой; важное значеніе Невскаго не ограничивается только подвигами его противъ Шведовъ, Нѣмцевъ, Литвы и благоразумнымъ поведеніемъ относительно Татаръ. Въ немъ съ перваго же раза виденъ внукъ Всеволода III и дѣдъ Калиты; онъ старшенъ Новгороду не менѣе отца и дѣда; въ великомъ княженіи распоряжается поотцовски; Переяславскую отчину безъ раздѣла отдаетъ старшему сыну Димитрію, остальныхъ сыновей надѣляетъ волостями великокняжескими: Андрею отдаетъ Городецъ съ Нижнимъ, Даніилу Москву, выморочный удѣлъ Михаила Хоробрита. По смерти Невскаго, Ярославу Тверскому помѣшалъ усилиться Василій Костромской, но самъ умеръ скоро и безпотомственно, очистивъ такимъ образомъ старшій столъ для сыновей Невскаго. Здѣсь повторяется то же явленіе: Димитрію Переяславскому мѣшаетъ усилиться Андрей Городецкій. Начинается продолжительная усобица, во время которой старшіе Александровичи истощаютъ свои силы, не могутъ сдѣлать ничего для своего потомства, притомъ же сынъ Димитрія умираетъ бездѣтнымъ; а между тѣмъ, во время этой усобицы князей Переяславскаго и Городецкаго, въ тиши усиливаются два княжества: Тверское при сынѣ Ярослава Ярославича, Михаилѣ, и Московское—при младшемъ сынѣ Невскаго, Даніилѣ. Соперничество между ними по этому самому необходимо; но будетъ ли это соперничество послѣднимъ?

До сихъ поръ, при стремленіи сѣверныхъ князей къ примысламъ, къ увеличенію своихъ волостей, своихъ матеріальныхъ средствъ, они обыкновенно стараются привести въ свою волю Новгородъ-Великій, утвердиться здѣсь прочнѣе прежнихъ князей, но борьба съ Новгородомъ ни для одного изъ нихъ не увѣнчивается полнымъ успѣхомъ; средства князей еще не такъ велики; средства Новгорода обширны; притомъ же предпріятіе слишкомъ важно, слишкомъ громко, возбуждаетъ вниманіе, опасеніе другихъ князей, которые стараются ему воспрепятствовать. Московскіе князья, при началѣ своего усиленія, поступаютъ благоразумнѣе: вооружаются противъ ближайшихъ сосѣдей, слабыхъ, съ которыми легко сладить, притомъ же примыслы на ихъ счетъ слишкомъ далеки отъ главной сцены дѣйствія, не могутъ возбудить подозрѣнія и сильнаго противодѣйствія. Даніилъ Александровичъ вооружается противъ Рязани, беретъ въ плѣнъ ея князя, упрочиваетъ за своимъ княжествомъ Коломну, важный пунктъ при устьи Москвы-рѣки въ Оку; сынъ Даніиловъ, Юрій, обращается на другую сторону, беретъ Можайскъ у Смоленскаго княжества, также важный пунктъ при верховьяхъ Москвы-рѣки. Гораздо замѣтнѣе, крупнѣе, по тогдашнимъ отношеніямъ, было пріобрѣтеніе Переяславля-Залѣсскаго, доставшагося Даніилу по завѣщанію бездѣтнаго племянника Ивана Димитріевича: Андрей Городецкій не хотѣлъ уступить Переяславля Московскому князю; не хотѣлъ уступить ему его и Михаилъ Тверской, когда сталъ великимъ княземъ Владимірскимъ; но Москва крѣпко держалась за своей примыслъ, несмотря на то, что и ея князья до самаго Василія Темнаго признавали Переяславль волостію великаго княженія. Уже одно держаніе Переяславля могло повести къ усобицѣ между Москвою и Тверью, кромѣ явнаго намѣренія Юрія спорить съ Михаиломъ и о самомъ Владимірѣ. Борьба сначала рѣшилась-было въ пользу Твери; но мы уже видѣли, что всѣ великіе князья стремятся примыслить къ своей отчинѣ Новгородъ: не могъ не послѣдовать отцовскому примѣру и Михаилъ Тверской, ближайшій сосѣдъ Новгорода. Но мы замѣтили также, что предпріятіе противъ богатаго Новгорода было для князя довольно затруднительно; и теперь, стѣсненные Михаиломъ, Новгородцы обращаются къ Юрію Московскому, и нѣтъ сомнѣнія, что деньги ихъ всего болѣе помогли послѣднему успѣть въ Ордѣ и сблизиться, породниться съ семействомъ ханскимъ, что и было причиною гибели Михаиловой. Но Тверь не пала вмѣстѣ съ Михаиломъ: Юрій, хлопотавшій такъ много для примысловъ, не разбиравшій средствъ для нихъ, проведшій всю жизнь въ безпокойствахъ, странствованіяхъ, не воспользовался плодами своихъ тяжкихъ и непривлекательныхъ трудовъ, погибъ безпотомственно въ Ордѣ, отъ руки сына Михаилова. Но ему наслѣдовалъ братъ его Іоаннъ Калита, и если Александръ Михайловичъ Тверской получилъ отъ хана великое княженіе Владимірское, то Калита перезвалъ къ себѣ въ Москву митрополита, что было важнѣе всякихъ ярлыковъ ханскихъ. Борьба слѣдовательно не окончилась; Калита ждалъ удобнаго случая, и вотъ въ Твери вспыхнуло возстаніе,—вы-

рѣзали Татаръ; Калита съ татарскимъ войскомъ опустошилъ, обезсилилъ вконецъ Тверское княжество, и погубилъ потомъ Александра въ Ордѣ. Москва восторжествовала и, не имѣя болѣе соперниковъ, стала собирать Русскую Землю.

Изложивши ходъ событій, вслѣдствіе котораго княжество Московское усилилось насчетъ всѣхъ остальныхъ княжествъ и собрало около себя Русскую Землю на сѣверѣ, мы должны еще обратить вниманіе на нѣкоторыя обстоятельства, благопріятствовавшія усиленію Москвы. Здѣсь, разумѣется, прежде всего мы должны обратить вниманіе на географическое положеніе Москвы и ея области. Уже прежде, въ своемъ мѣстѣ, было замѣчено [1]) о важномъ значеніи Москвы, какъ срединнаго пограничнаго мѣста между старою, Южною, и новою, Сѣверною Русью. Когда Южная Русь потеряла свое значеніе, княжества обезсилѣли отъ усобицъ, размельченія волостей и особенно отъ погрома татарскаго, послѣ котораго не было здѣсь болѣе безопасности, то необходимо должно было усилиться переселеніе народа съ юга на сѣверъ, въ мѣста болѣе безопасныя, и первымъ пограничнымъ княжествомъ было Московское: бояринъ Родіонъ Несторовичъ пришелъ изъ Кіева въ Москву, на службу къ ея князьямъ, и привелъ съ собою 1,700 человѣкъ дружины; черниговскій бояринъ Плещеевъ, вслѣдствіе татарскихъ опустошеній, также перешелъ въ Москву [2]). Но если переселялись дружинники, то нѣтъ основанія полагать, что не переселялись люди другихъ сословій. Притомъ же, кромѣ Южной Руси, въ Московское княжество должно было стекаться народонаселеніе и изъ ближайшихъ областей—Рязанской, Тверской, Ростовской, постоянно менѣе безопасныхъ, чѣмъ область Московская; пограничная съ степью, Рязанская волость часто терпѣла отъ татарскихъ нападеній, тогда какъ Москва послѣ 1293 года до самаго Тохтамышева нашествія не слыхала о нихъ. Тверское княжество было страшно опустошено Татарами и Калитою, потомъ здѣсь начинаются усобицы княжескія, заставлявшія жителей, по прямому свидѣтельству лѣтописи, переселяться въ другія области; въ Ростовскомъ княжествѣ насилія Москвичей при Калитѣ заставили многихъ жителей изъ городовъ и селъ перейти въ московскія владѣнія [3]). Увеличеніе народонаселенія въ княжествѣ вмѣстѣ съ его продолжительною безопасностью увеличивало доходы княжескіе, и отсюда объясняется, почему уже Калита былъ такъ богатъ, что могъ покупать цѣлыя княжества, какъ Бѣлоозеро, Угличъ и Галичъ. Но что же заставило князей Бѣлозерскаго и Галицкаго продать свои волости Калитѣ?—по всѣмъ вѣроятностямъ, невозможность платить выходы ордынскіе. Обиліе въ деньгахъ не только позволяло Московскимъ князьямъ увеличивать свои владѣнія внутри и удерживать за собою великокняжеское достоинство, задаривая хана и вельможъ его,—оно давало имъ еще новое средство увеличивать народонаселеніе своихъ волостей, скупая плѣнныхъ въ Ордѣ и поселяя ихъ у себя: такъ произошелъ особый классъ народонаселенія — ордынцы, о которыхъ часто упоминается въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ; не говоримъ уже о томъ, что обиліе въ деньгахъ позволяло Московскимъ князьямъ давать переселенцамъ бо́льшія льготы, чѣмъ какія они могли получить въ другихъ областяхъ, отъ другихъ, менѣе богатыхъ князей. Любопытно, что древніе путешественники, хваля плодородіе Владимірской и Нижегородской областей, называютъ область собственно Московскаго княжества малоплодородною. Мы знаемъ, что относительно плодородія почвы Владимірская область не имѣетъ преимущества предъ Московскою, и потому извѣстіе путешественниковъ можетъ быть объяснено только болѣе раннимъ истощеніемъ московской почвы, вслѣдствіе болѣе ранняго и болѣе густого населенія.

Кромѣ увеличенія доходовъ, зависѣвшаго отъ умноженія народонаселенія, казна Московскихъ князей должна была обогащаться также вслѣдствіе выгоднаго торговаго положенія ихъ области, которая не только была посредствующею областію между сѣверомъ и югомъ, но также, благодаря своей рѣкѣ, посредствовала въ торговомъ отношеніи между сѣверо-западомъ и юго-востокомъ. Впослѣдствіи мы видимъ большой торговый путь, изъ Азіи въ Европу и обратно, по Волгѣ, Окѣ и Москвѣрѣкѣ; видимъ указанія путешественниковъ на важность торговаго положенія Московской области вслѣдствіе удобства рѣчной системы. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ торговый путь существовалъ и въ описываемое время, и прежде: этимъ объясняется, почему торговые Новгородцы утвердили свое владѣніе на Волокѣ-Ламскомъ, важномъ торговомъ пунктѣ между рѣкою-Москвою, притокомъ Оки, Ламою, притокомъ Волги, и озерною ихъ областію. Но, кромѣ волжскаго торговаго пути, Москва-рѣка имѣла важное торговое значеніе для Новгорода, какъ путь въ Рязанскую область, богатѣйшую естественными произведеніями изъ всѣхъ областей Сѣверо-Восточной Руси, по увѣренію путешественниковъ, и особенно изобилующую медомъ и воскомъ,—а этими товарами, какъ извѣстно, Россія чрезъ Новгородъ и Псковъ, снабжала всю Европу.

Важно было положеніе Москвы въ срединѣ, на границѣ между Сѣверною и Южною Русью, въ политическомъ отношеніи; важно было посредничество ея рѣчной области между юго-востокомъ и сѣверо-западомъ въ отношеніи торговомъ; думаемъ, что срединность положенія ея между Сѣверною и Южною Русью имѣла не малое значеніе и въ отношеніи церковномъ. Всероссійскіе митрополиты, пребывавшіе на югѣ, въ Кіевѣ, послѣ того какъ этотъ городъ потерялъ значеніе, перешедшее на сѣверъ, и послѣ погрома татарскаго, должны были обратить особенное вниманіе на Русь Сѣверо-Вос-

[1]) Исторія Россіи, т. I, гл. 1.
[2]) Никон. IV, 55.
[3]) Никон. IV, 205.

точную, куда видимо перенеслась главная сцена дѣйствія русскаго православнаго міра Митрополиты начинаютъ часто путешествовать съ юга на сѣверъ, и наконецъ утверждаютъ свое пребываніе во Владимірѣ-Клязьменскомъ; но въ то же время, блюдя единство Русской Церкви, не переставая называться митрополитами Кіевскими и всея Руси, они не могли оставить безъ вниманія и Руси Юго-Западной; въ этомъ отношеніи Владиміръ не могъ быть для нихъ удобнымъ мѣстопребываніемъ, находясь слишкомъ далеко на сѣверо-востокѣ, тогда какъ Москва, пограничный городъ между старою и новою Русью, вполнѣ удовлетворяла потребности Всероссійскаго митрополита, долженствовавшаго одинаково заботиться и о сѣверѣ, и о югѣ.

Таковы были обстоятельства, содѣйствовавшія усиленію Московскаго княжества; обратимся теперь къ разсмотрѣнію волостей этого княжества и ихъ постепеннаго увеличенія.

Вотъ Московскія волости, какъ онѣ, подробно исчисленныя, являются въ первый разъ въ завѣщаніи Іоанна Калиты: „Приказываю сыновьямъ своимъ, пишетъ Калита, отчину свою Москву, а вотъ какъ я раздѣлилъ имъ волости." Изъ этихъ словъ видимъ, что городъ Москва находится въ общемъ владѣніи сыновей завѣщателя; въ такомъ же общемъ владѣніи Москва продолжаетъ находиться у всего потомства Калиты [1]). Общее владѣніе Москвою противополагается частному, отдѣльному владѣнію каждаго князя извѣстными волостями, удѣлу. Эти удѣлы сыновей Калиты были слѣдующіе: удѣлъ старшаго сына, Симеона — Можайскъ, Коломна со всѣми Коломенскими волостями, Городенка [2]), Мѣзыня, Песочна [3]), Середокорытна, Похряне, Устьмерска [4]), Брошевая, Гвоздна, Иваны - деревни, Маковецъ, Лѣвичинъ, Скулневъ, Каневъ, Гжель, Горѣтова, Горки [5]), село Астафьевское, село на Сѣверьсцѣ въ Похрянскомъ уѣздѣ, село Константиновское, село Орининское, село Островское, село Копотенское, сельцо Микульское, село Малаховское, село Напрудское у города [6]). Удѣлъ втораго сына, Іоанна: Звенигородъ, Кремична, Руза, Ѳоминское, Суходолъ, Великая свобода, Замошская свобода, Угожь, Ростовци, Окатьева свободка, Скирминовское, Тростна, Нѣгуча; села—Рюховское, Каменичское, Рузское, Бѣлжинское, Максимовское, Андреевское, Вяземское, Домонтовское, село въ Замошской слободѣ, село Семцинское. Удѣлъ князя Андрея Іоанновича: Лопастна, Сѣверска, Нарунижское, Серпоховъ, Нивна, Темна, Голичичи, Щитовъ, Перемышль, Растовецъ, Тухачевъ; села—Талежское, Серпуховское, Колбасинское, Нарское, Перемышльское, Битяговское, Труфоновское, Ясиновское, Коломнинское, Ногатинское [7]). Княгинѣ съ меньшими дѣтьми завѣщаны: Сурожикъ, Мушкина гора, Радонѣжское, Бѣли, Воря, Черноголовль, на Вори свободка Софроньевская, Вохна, Дѣйково, Раменье, Данилищева свободка, Машевъ, Селна, Гуслицы, Раменье; села—Михайловское, Луцинское [8]), село у озера, село Радонѣжское, Дѣйгунинское, Тыловское, Ротожь, Протасьевское, Аристовское, Лопастенское, Михайловское на Яузѣ, два села Коломенскихъ. Въ духовной у Калиты означены и прикупы его: село Аваковское въ Новгородѣ, на Улалѣ, Борисовское во Владимірѣ, которыя оба отданы князю Симеону, четыре села на Масѣ, Петровское, Олексинское, Вседобричь и Павловское; половина ихъ была куплена и половина вымѣнена у митрополита; всѣ они отданы князю Ивану. Два села Варварское и Мѣловское у Юрьева — князю Андрею. Новое сельцо, купленное на Костромѣ, вмѣстѣ съ покупкою бабки Калитиной, жены Александра Невскаго, селомъ Павловскимъ, завѣщатель отказалъ женѣ своей. Купленное въ Ростовѣ село Богородицкое отдано въ помѣстье Бориску Воркову. Три сельца, одно на Кержачи, другое Леонтьевское, третье Шараповское, отданы Св. Александру на поминанье. Но въ духовныхъ Калиты умолчено о важныхъ прикупахъ, о которыхъ говорится въ завѣщаніи Донскаго,—о Галичѣ, Бѣлозерѣ и Углечѣ, остававшихся, по всѣмъ вѣроятностямъ, еще за прежними князьями своими на извѣстныхъ условіяхъ; умолчено также и о другомъ прикупѣ—Кистмѣ, въ Бѣжецкомъ-Верхѣ, которая впервые упоминается въ завѣщаніи Василія Димитріевича.

---

[1]) С. г. г. и д. I, №№ 21, 22. Въ Твери то же самое явленіе, см. Карам. V, прим. 213.

[2]) Городна, такъ С. г. г. и д. № 25. Теперь Городня, село въ Коломен. уѣздѣ, въ 22 верстахъ отъ Коломны.

[3]) Песочна, сельцо, въ 35 верстахъ отъ Коломны.

[4]) Похряны въ Бронницк. уѣздѣ на гран. съ Коломенск.—Устьмерска, теперь Усмерскій погостъ, Бронницкаго уѣзда, въ 30 вер. отъ уѣздн. города.

[5]) Боршева въ Бронниц. уѣздѣ, на колом. дор. Погостъ Иванъ тамъ же. Есть деревня Левычено, въ Бронницкомъ уѣздѣ, въ 28 вер. отъ уѣзднаго города.—Въ томъ же уѣздѣ село Гжель, въ 25 вер. отъ уѣзднаго города.—Есть село Горы въ Коломенск. уѣздѣ, въ 22 вер. отъ уѣздн. гор. Коневъ боръ тамъ же.

[6]) Астафьевское на Клязьмѣ, С. г. г. и д. I, № 24. Село Сѣверское въ Коломенск. уѣздѣ, въ 8 верст. отъ уѣздн. города. Въ Бронницкомъ уѣздѣ село Константиновское. Въ томъ же уѣздѣ есть сельцо Островцы и деревня Островецъ. Въ томъ же уѣздѣ есть два села Малахова. Микульское въ Коломен. уѣз., Арининское въ Подол. уѣздѣ.

[7]) Кремиченскій погостъ, въ Рузскомъ уѣздѣ, въ 18 верстахъ отъ уѣзднаго города. Въ томъ же уѣздѣ есть деревня Ѳомкино, въ 16 вер. отъ уѣздн. гор.; деревня Ростовцева въ Звенигород. уѣздѣ, въ 39 вер. отъ уѣздн. гор.; деревня Акатово Рузскаго уѣзда, въ 12 вер. отъ гор. Въ томъ же уѣздѣ деревня Скирманово, въ 28 вер. отъ уѣзд. гор. Въ Рузскомъ уѣздѣ есть село Каменки, въ 24 вер. Въ Звенигородск. уѣздѣ есть деревня Рузино, въ 30 вер. Въ томъ же уѣздѣ деревня Максимовка, въ 26 вер. Андреевскихъ два села и три деревни въ Звенигородск. уѣздѣ. Тамъ же село Вяземское, въ 15 вер.; село Рюховское Волоколам. уѣзда, въ 10 вер. отъ гор.; село Лопасня Серпухов. уѣзда, въ 24 вер.; деревня Северова въ Подольск. уѣздѣ, въ 4 вер. Въ томъ же уѣздѣ сельцо Голичино, въ 26 вер.; деревня Растовка Серпухов. уѣзда, въ 32 вер. Тамъ же село Талижи, 29 вер.; село Битягово въ Подол. уѣздѣ, въ 18 вер.; деревня Нагатино, Москов. уѣзда, въ 5 вер.; Суходолъ дер. въ Боровскомъ уѣздѣ; Тросна въ Калуж. губ.

[8]) Село Лучинское въ Подол. уѣздѣ, въ 15 вер. отъ города.

Въ договорѣ великаго князя Симеона съ братьями встрѣчаемъ уже новыя села: Новое село на Купавнѣ и Вышневское означены во владѣніи великаго князя; села Михалевское, Микульское на Пруженкѣ, Микифоровское и Парфеньевское во владѣніяхъ младшихъ братьевъ—Ивана и Андрея.

Изъ шестерыхъ сыновей Симеона Гордаго ни одинъ не остался въ живыхъ; Симеонъ завѣщалъ весь свой удѣлъ, все свое движимое и недвижимое имѣніе женѣ, Маріи, не означивъ въ духовной, кому все это имущество должно принадлежать по ея смерти. Но добровольно, или нѣтъ, Марія еще при жизни передала свои волости великому князю Іоанну, оставивъ за собою только два примысла мужа своего; да и тѣ обязалась передать по своей смерти великой княгинѣ Александрѣ, женѣ Іоанновой, причемъ у великаго князя не было никакого дѣлежа съ племянникомъ Владиміромъ Андреевичемъ. Такимъ образомъ, при Іоаннѣ II двѣ части Московскаго княжества (коломенско-можайская и звенигородская), какъ онѣ были при Калитѣ, соединились опять въ одинъ участокъ. Въ завѣщаніи Симеона Гордаго упоминаются слѣдующія новыя волости, ему принадлежавшія: Заячковъ, которымъ благословила его тетка, княгиня Анна, и Гордошевичи; потомъ села Ивановское, село на Клязьмѣ Хвостовское, Дейгунинское [1]), село на Сулешнѣ погостѣ; купли въ Переславлѣ: село Самаровское, Романовское на Кержачѣ, Ортаковское въ Юрьевской волости, село Семеновское во Владимірской волости, село на Костромѣ Александровское, село въ Дмитровѣ и Заберегъ [2]).

Іоаннъ II, умирая, раздѣлилъ [3]) свой участокъ двоимъ сыновьямъ—Димитрію и Іоанну, и такимъ образомъ Московское княжество опять раздѣлилось на три части, какъ по смерти Калиты: Коломенско-Можайскій удѣлъ Симеоновъ отданъ былъ старшему сыну Димитрію; здѣсь, при исчисленіи Коломенскихъ волостей, между Каневымъ и Гжелею, встрѣчаемъ Каширу; примысловъ Симеоновыхъ — Заячкова и Заберега нѣтъ, потому что они оставались при вдовѣ Симеоновой, Маріи: но неизвѣстно, почему нѣтъ другихъ примысловъ Симеоновыхъ, равно села Астафьевскаго; за то встрѣчаемъ названія новыхъ волостей: село Малино, село Холмы, Мещерка у Коломны. Младшій сынъ Іоаннъ получилъ прежній отцовскій удѣлъ Звенигородскій; здѣсь вмѣсто Великая свобода встрѣчаемъ названіе Истерва свободка; нѣтъ Угожа, Акатьевской свободки и Скирминовскаго; изъ селъ нѣтъ Рузскаго, Бѣлжинскаго, Вяземскаго, Семцинскаго, вмѣсто которыхъ встрѣчаемъ: Михалевское, село на Рѣпнѣ въ Боровецѣ, Милцинское, Выславское, Кузминское, Каринское и Козловское. Изъ мѣстъ рязанскихъ по сю сторону Оки данъ Владиміру Андреевичу Новый городокъ на устьи Поротли, а другія рязанскія мѣста князьямъ Димитрію и Іоанну; Димитрію же село на Рокшѣ Романовское, и Ивану село Афинеевское, да сельцо у Павловскаго села, само же село Павловское Св. Александру въ прокъ на память. Женѣ своей, Александрѣ, Іоаннъ завѣщалъ село Семцинское, котораго потому и недостаетъ между волостями Ивановыми; потомъ изъ удѣловъ обоихъ сыновей выдѣлилъ ей волости въ пожизненное владѣніе, а послѣ смерти ея онѣ отходили къ удѣлу того князя, у котораго были взяты; изъ Коломенскихъ волостей были ей выдѣлены: села Лысцевское вмѣстѣ съ Похрянами, Песочною и Середокорытною; изъ Звенигородскихъ—Угожь, Великая свобода Юрьева, села Кляповское и Бѣлицинское съ Новымъ сельцомъ [4]). Въ завѣщаніи Іоанна II встрѣчаемъ также распоряженіе относительно волостей мачихи его, жены Калиты, княгини Ульяны; волости ея—Сурожикъ и Лучинское послѣ ея смерти поступаютъ къ ея дочери, остальныя же волости и пошлина въ Москвѣ, называемая осмничимъ, по ея смерти переходили къ князьямъ Димитрію, Ивану и двоюродному брату ихъ Владиміру Андреевичу [5]).

Князь Иванъ скоро умеръ, и опять двѣ части Московскаго княжества соединились въ однѣхъ рукахъ Димитрія, какъ были онѣ въ рукахъ отца его, Іоанна; притомъ же Димитрій успѣлъ увеличить свои владѣнія примыслами, которые дѣлали не такъ чувствительнымъ раздробленіе волостей на пять или даже на шесть участковъ, по числу сыновей его. Важнѣе всѣхъ примысловъ было то, что старшій сынъ Донскаго—Василій—получалъ Владимірскую великокняжескую область безспорно, по завѣщанію отцовскому, что утѣшало его въ лишеніи Можайской волости, которая вмѣстѣ съ Коломною доставалась до сихъ поръ постоянно старшему. Относительно Москвы (въ которой Димитрій владѣлъ только двумя частями, а третья принадлежала двоюродному брату его, Владиміру Андреевичу), завѣщатель увеличилъ долю старшаго, которому дана половина, а другимъ братьямъ — части остальной половины; встрѣчаемъ въ первый разъ выраженіе: „старшій путь.“ „Сына своего князя Василія, говоритъ Донской, благословляю на старшій путь въ городѣ и въ станахъ моего удѣла—двухъ жребіевъ половина, а тремъ сынамъ моимъ половина, и въ пошлинахъ городскихъ половина“. Кромѣ того, на старшій путь великому князю Василію отказано

---

[1]) Мы видѣли, что оно входило въ участокъ вдовы Калитиной.

[2]) С. г. г. и д. I, № 24. Самарово въ Переясл. уѣз. къ югу отъ Переясл., недалеко отъ границъ Алекс. уѣзда; Романовское въ Александр. уѣздѣ.

[3]) Тамъ же, № 25.

[4]) Въ Звенигород. уѣздѣ есть три деревни Михайловскихъ и одно село Михайловское, есть деревня Михайлова, есть сельцо Мельтихино, въ 25 вер. отъ уѣзд. гор.; Иславское въ 11 вер., Каринское въ 10. Козьмина деревня въ 7. Деревня Юрьева въ 15. Деревня Клаповка въ 4 вер.

[5]) Мы видѣли (т. III. стр. 956, прим. 2), что эта княгиня Ульяна не могла быть невѣсткою Калиты, какъ думалъ Карамзинъ; теперь же изъ распоряженія о волостяхъ видимъ ясно, что она была жена Калиты, мачиха Симеона и Іоанна.

Васильцево сто и Добрятинская борть съ селомъ Добрятинскимъ. Между Коломенскими волостями первое мѣсто занимаетъ Мещерка, встрѣчающаяся въ первый разъ въ завѣщаніи отца Димитріева, потомъ Раменка, которой не встрѣчаемъ прежде, по крайней мѣрѣ въ этой формѣ; изъ прежде извѣстныхъ Коломенскихъ волостей нѣтъ Мѣзыни, Середокорытны, Горѣтовой, Горокъ; но за то встрѣчаются новыя волости: Кочема и Комаревъ съ берегомъ. Изъ селъ, принадлежавшихъ прежде къ удѣлу старшаго сына, нѣтъ Астафьевскаго, села на Сѣверьсцѣ, Микульскаго и Напрудскаго; вмѣсто нихъ встрѣчаемъ Митинъ починокъ, Жирошкины деревни, Хвостовское на Клязьмѣ, встрѣчающееся въ первый разъ въ завѣщаніи Симеона Гордаго. Надобно замѣтить также, что изъ Коломенскихъ волостей Ливичинъ, Скулневъ и слѣдующія за ними въ завѣщаніи Донского названы деревнями. Послѣ Москвы великому князю Василію отказанъ лугъ великій за рѣкою.

Второму сыну, Юрію, отданъ удѣлъ Звенигородскій; здѣсь между прежними волостями встрѣчаемъ новыя: Сурожикъ и Бѣли, бывшія за княгинею Ульяною, потомъ Вышегородъ, Плѣснь и Дмитріева слободка. Изъ московскихъ селъ Юрій получилъ только Михалевское и Домантовское съ Ходынскимъ лугомъ [1]).

Для третьяго сына, Андрея, уже надобно было выдѣлить изъ прежняго удѣла Коломенско-Можайскаго Можайскъ съ его волостями, которыя теперь впервые перечисляются: Исмея, Числовъ, Боянь, Берестовъ, Поротва, Колоча, Тушковъ, вышнее Глинско, Пневичи съ Загорьемъ, Болонескъ; къ Можайскому же удѣлу приданы были волости Коржань и Моишинъ Холмъ, равно какъ отъѣздныя волости Верея, Рудь, Дордошевичи (примыслъ Симеона Гордаго), Гремичи, Заберега (примыслъ Симеона Гордаго), Сушовъ, село Репнинское, принадлежавшее прежде къ удѣлу Звенигородскому. Изъ московскихъ селъ Напрудское, принадлежавшее прежде къ волостямъ старшаго брата, Луцинское на Яузѣ съ мельницею и Дѣунинское (оба изъ волостей княгини Ульяны), Хвостовское въ Перемышлѣ, лугъ Боровскій и другой противъ Воскресенья; изъ юрьевскихъ селъ—село Алексинское на Пѣшкѣ [2]).

Такъ были раздѣлены на три удѣла два участка Московскаго княжества, въ буквальномъ смыслѣ отчина и дѣдина Димитріева; но у Димитрія оставались еще другіе сыновья, которымъ также надобно было назначить удѣлы, и для этого послужили примыслы. — Лѣтописи не говорятъ, какимъ образомъ былъ примышленъ Дмитровъ, мы знаемъ только, что этотъ городъ, вмѣстѣ съ Галичемъ, находился во владѣніи потомковъ Константина Ярославича; Галичъ былъ купленъ Калитою, но князь его окончательно изгнанъ изъ своей волости Димитріемъ Донскимъ; вѣроятно въ то же время пріобрѣтенъ былъ и Дмитровъ. Умирая, Донской отдаетъ этотъ примыслъ четвертому сыну, Петру; волости Дмитровскія означены слѣдующія: Вышегородъ, Берендѣева слобода, Лутосна съ отъѣздцемъ, Инобашъ; но къ этой небольшой волости приданы были еще старыя мѣста московскія, большею частію волости княгини Ульяны—Мушкова гора, Ижва, Раменка, слободка княжа Иванова [3]), Вори, Корзенева, Рогожъ или Ротожъ, Загарье, Вохна, Селна, Гуслица, Шерна-Городокъ. Изъ московскихъ селъ Новое и Сулишинъ погостъ (пріобрѣтеніе Симеона Гордаго). Пятому сыну, князю Ивану, отдѣлена была маленькая волость: Райменице съ бортниками, село Зверковское съ Сохонскимъ починкомъ, что отошло отъ князя Владиміра Андреевича, и Сохна.

Кромѣ Дмитрова, были окончательно примышлены при Донскомъ Галичъ, Бѣлоозеро и Угличъ: Галичъ отданъ князю Юрію со всѣми волостями и съ тѣми селами, которыя тянули къ Костромѣ,—Никольскимъ и Борисовскимъ. Бѣлоозеро отдано князю Андрею со всѣми волостями, и Вольскимъ съ Шаготью, и съ Миролюбскимъ ѣзомъ, и съ слободками. Угличъ отданъ князю Петру вмѣстѣ съ Тошною и Сямою. Потомъ прикуплены были села: Красное, Елизаровское и Праватово въ Юрьевѣ, Васильевское въ Ростовѣ; всѣ они отданы были старшему сыну Василію. Село Козмодемьянское въ Юрьевѣ съ починкомъ Краснаго села за Везнею и село Богородицкое въ Ростовѣ отданы были сыну Юрію. Примышлены были волости измѣнника Ивана Вельяминова, и одна изъ нихъ—село въ Гремичахъ отдано было князю Андрею. Вѣроятно при Донскомъ же присоединены были къ Московскому княжеству Калуга и Роща; вытяганы были у Смольнянъ Товъ(?) и Медынь, и все это отдано князю Андрею. Князю Петру былъ отданъ примыслъ—село Богородицкое на Богонѣ въ Юрьевѣ. Великой княгинѣ Евдокіи завѣщаны примыслы: Скирменевская слободка съ Шепновымъ, Смоляные съ Митяевскимъ починкомъ и съ бортью, съ вышегородскими бортниками, Кро-

[1]) Село Камарево въ Колом. уѣздѣ, въ 33 вер. отъ гор. Въ Волоколам. уѣздѣ есть село Бѣли, въ 16 вер. отъ города; Дмитровское въ 20 вер. отъ Звенигорода; Добрятинское въ Подол. уѣзд. Угожская волость на границѣ между звенигородскими и вышгородскими (дмитровскими) землями, у рѣки Локонки; тамъ же рѣка Плѣснь, отъ которой получила названіе и волость. См. С. г. г. и д. I, № 139. Село Дамантовское и волость Сурожикъ на границахъ между Московскимъ и Звенигородскимъ уѣздами. См. тамъ же, № 140.

[2]) Деревня Тушково, въ Можайскомъ уѣздѣ, въ 25 вер. отъ гор. Въ Верейскомъ уѣздѣ есть деревни Глинки и Глиницы. Тамъ же село Руднино, въ 57 вер.; деревня Гремячево, Моск. уѣзда, въ 16 в., село Дегунино, тамъ же, въ 9 вер.

[3]) Т. е. слобода, заведенная княземъ Иваномъ, братомъ Димитріевымъ; волость Инобашь, или Инобажъ получила свое названіе отъ рѣки. Волость Ижва граничила съ Сурожикомъ; ея положеніе и границы съ Сурожикомъ опредѣляются рѣками Малогощею. Мушкова гора, или Мушково, волость, двѣ трети которой принадлежали къ Дмитрову и треть къ Москвѣ; ея положеніе опредѣляется рѣками Малогощею, Истрою и Каменкою (С. г. г. и д. I. № 140). Упоминается еще Мошкова гора въ числѣ смоленскихъ волостей (Дѣла польск. № I, годъ 1494).

пивна съ бортниками кропивенскими, исменскими, гордошевскими, рудскими, Желѣзнова слободка съ бортью и селомъ Ивана Хороброва, Исконская слободка, Кузовская слободка, на Коломнѣ примыслъ—Самойлецовъ починокъ съ деревнями, Савельевскій починокъ, Микульское село, Бабышево, Ослебятевское; изъ Юрьевскихъ покупокъ—Петровское село, Фроловское, Елохъ. Княгиня Ѳедосья (должно быть дочь Калиты отъ второй жены) отдала великому князю Суду на Бѣлѣозерѣ, да Калашку и Слободку, а великую княгиню благословила Городкомъ и Волочкомъ; этими волостями впрочемъ она пользовалась во все предложеніе жизни своей, послѣ же смерти ея онѣ отходили къ великой княгинѣ. Сама великая княгиня прикупила себѣ Лохно; кромѣ того, ей выдѣлено было въ пожизненное владѣніе по нѣскольку волостей изъ удѣла каждаго сына; изъ великокняжеской Владимірской области она получила въ Переяславскомъ удѣлѣ Юлку, въ Костромскомъ—Иледамъ съ Комелою; изъ Галича—Соль; изъ Бѣлаозера—Вольское съ Шаготью и Милолюбскій ѣзъ; изъ владимірскихъ селъ Андреевское, изъ переяславскихъ Доброе село; изъ Коломенскаго удѣла—Каневъ, Песочну, а изъ селъ—Малинское, Лысцево; изъ Звенигородскаго удѣла—Юрьеву слободу, Суходолъ съ Истею Истервою, села—Андреевское и Каменское; изъ Можайскаго удѣла—Верею, Числовъ, село Лучинское; изъ Дмитровскаго удѣла:—Ижво да Сяму. Потомъ ей принадлежало село Репенское и Московскія села—Семцинское съ Ходынскою мельницею, Остафьевское, Илмовское; наконецъ Холхолъ и Заячковъ [1]).

Василій Дмитріевичъ примыслилъ къ своимъ владѣніямъ богатыя волости Нижегородскія, Муромскія и Торусскія, и всѣ эти примыслы со всѣми волостями, полученными отъ отца, могъ оставить въ нераздѣльности единственному сыну своему Василію, которому суждено было собрать княжество Московское, какъ оно было при Калитѣ, вмѣстѣ съ примыслами всѣхъ преемниковъ послѣдняго. Но до насъ дошло еще завѣщаніе Василія Димитріевича въ пользу сына Ивана, умершаго до рожденія Василіева; въ этомъ завѣщаніи [2]), между Коломенскими волостями, мы находимъ новыя названія мѣстъ: Радокинъ съ берегомъ, Крутинки. Изъ волостей, завѣщанныхъ великой княгинѣ Софьѣ Витовтовнѣ, встрѣчаемъ новыя названія: Оглоблино со всѣми деревнями и съ Ольхомъ, Колычевское съ Змѣевскимъ, село въ Лѣвичинѣ, принадлежавшее Ивану Вельяминову, съ землею Чухистова и со всѣми прикупами. Изъ московскихъ селъ, отказанныхъ великому князю Василію Васильевичу, встрѣчаемъ село Григорьевское Фаустова; но изъ селъ самый богатый примыслъ Василія Димитріевича составляли владѣнія знаменитаго боярина Ѳедора Свибла; эти села находились на Устюгѣ, и въ Отводномъ, и на Сямѣ, и въ Ростовѣ, и въ Бѣжецкомъ-Верхѣ (Максимовское съ деревнями), въ Переяславлѣ (Весьское съ Радивоновскимъ), на Москвѣ—Буйловское съ Алексѣевскою деревнею, да села Тимоѳеевское на Яузѣ, въ Юрьевѣ—Чагино, Савельевское, Иворово, Карабузино, въ Новгородѣ—Непейцино. Кромѣ того, великій князь купилъ Ухтюшку и пріобрѣлъ Ѳоминскія села дьяконовы; всѣ эти примыслы отданы были въ пожизненное владѣніе великой княгинѣ, вмѣстѣ съ юрьевскими селами — Фроловскимъ (съ Ольхомъ), Петровскимъ, Богородицкимъ и Алексинскимъ, которыя Василій Димитріевичъ вымѣнялъ у матери своей. Изъ новаго примысла, княжества Нижегородскаго, великая княгиня получила Алачинскія села, Монгачъ, Курмышъ со всѣми селами и пошлинами и Алгашъ, изъ Муромской области сельцо. Въ опричнину (владѣніе отдѣльное, которымъ можно было располагать по произволу) даны были ей два села юрьевскія—Богородицкое и Алексинское. Василій Димитріевичъ долженъ былъ также надѣлить и младшаго брата своего, Константина: ему даны были Тошна и Устюжна [3]).

Во второмъ завѣщаніи, написанномъ въ пользу сына Василія, находимъ нѣкоторыя перемѣны и новизны,—сыну великій князь отказываетъ въ городѣ на Москвѣ: дворъ Ѳомы Ивановича у Боровицкихъ воротъ, да другой дворъ, что былъ за Михайломъ за Вяжемъ, да новый дворъ за городомъ у Св. Владиміра, да примыселъ въ Юрьевѣ — села Петровское и Алексинское. Мы видѣли, что эти села отданы были по прежнему завѣщанію великой княгинѣ, которой теперь изъ Коломенскихъ волостей отданы Песочна, Брашева съ сельцомъ и съ Гвоздною и съ Иваномъ, Устьмерское и Гжеля съ путями и селами (изъ коломенскихъ селъ не встрѣчаемъ противъ прежняго Оглоблина, Колычевскаго и Змѣевскаго), село Васильевское въ Ростовѣ (примыслъ Донскаго), по-прежнему всѣ села Свибловскія, подмосковныя села — Митинъ починокъ и Семцинское съ Самсоновымъ лугомъ, примыслъ Донскаго — слободку на Гуси, хотя это названіе и встрѣчается здѣсь въ первый разъ, въ Юрьевѣ примыслы Донскаго — село Красное съ Праватовымъ и Елизаровскимъ, прежніе примыслы завѣщателя—Фроловское, Елохъ и Богородицкое, Устюшка на Вологдѣ. Изъ великокняжескихъ волостей — изъ Костромы получала—Иледамъ съ Обнорою, Комс-

---

[1]) Красное теперь къ СЗ. отъ Юрьева; Васильевское къ СВ. отъ Ростова; Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева; Богородское къ Ю. отъ Ростова; Богородское на ЮВ. отъ Юрьева; къ З. отъ нихъ Фроловское. Елохъ, къ ЮЗ. Петровское. Роща въ Тарусскомъ уѣздѣ, къ СЗ. отъ гор. Переяславская волость Юлка между верховьями рѣкъ Дубны и Нерли (С. г. г. и д. I, № 138). Здѣсь видно отношеніе между волостью и станомъ: Юлка называется волостью, и въ ней станы: Большой, Бортный; но въ другихъ актахъ волость является въ иныхъ отношеніяхъ къ стану: если она не есть подраздѣленіе стана, то, по крайней мѣрѣ, является сораздѣленіемъ, напр. «Въ Шенкурьи на посадѣ, и въ станѣхъ и въ волостѣхъ, которые станы и волости приписаны къ Шенкурьѣ къ посаду». (Акты Арх. Экс. I, № 234).

[2]) С. г. г. и д. I, № 39.

[3]) Весково къ З. отъ Переяславля. Алексино къ С. отъ Юрьева.

лою и Волочкомъ, Нерехту съ варницами, бортниками, бобровниками и Княгининскимъ селомъ; изъ Переяславля—Юлку и Доброе село; изъ Владиміра—Андреевское село и Тошну, если великій князь вымѣняетъ ее у дѣтей князя Владиміра Андреевича; изъ Нижняго—Соколское село и Киржанецъ; изъ Мурома—сельцо и Шатуръ. Изъ всѣхъ этихъ волостей Гжеля и Семцинское село были даны въ опричнину.

Изъ новыхъ примысловъ, которыхъ нѣтъ въ прежнемъ завѣщаніи, упоминаются: между коломенскими селами — Окуловское и Захаровское, въ Бѣжецкомъ-Верхѣ—Кистма и села Антоновскія, хотя и названныя куплею Калиты, но встрѣчающіяся въ первый разъ, Троицкая слободка на Волгѣ, Белеутовскія (боярина Белеута) села на Волокѣ и въ Юрьевѣ слободѣ, подъ Москвою село Крилатское [1]), на Бѣлѣозерѣ слободка [2]), на Устюгѣ села Ивана Головина и Тутолмина: всѣ эти примыслы были отказаны великой княгинѣ.

Если два жребія или участка Московскаго княжества, соединенные при Димитріи Донскомъ, по смерти его раздѣлились на пять частей, то и третій участокъ князя Владиміра Андреевича раздѣлился также на пять частей по числу его сыновей. Владиміръ Андреевичъ отказалъ вотчину свою Москву, свою треть, сыновьямъ—Ивану, Семену, Ярославу, Андрею, Василію, которые должны вѣдать ее по годамъ. Подобно Донскому, онъ благословилъ старшаго сына Ивана на старѣйшій путь въ Москвѣ и станахъ, далъ ему конюшій путь, бортниковъ, садовниковъ, псарей, бобровниковъ, барашей и дѣлюевъ. Далъ ему Серпуховъ съ волостями: Городецъ, Нарское, Нивна, Темна, Синилища, Гомонинъ, Ярославля слободка, Мокрая слободка, Дягилева слободка, Львова, Верхъ-Москвицъ слободка, Круглая и Остапкова слободка, изъ московскихъ селъ—Микулинское, Губкино, Нѣмцево, Поповское и Коломенка съ мельницею, Туловское со всѣми деревнями, село Сесипетрово и Струпиково; князю же Ивану—Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и купля Лисину.

Князю Семену—Боровскъ съ волостями: Голчицы, Хопилева слободка, Истья съ слободкою, Мушковы треть, половина Щитова; изъ московскихъ селъ—Выпряжково на Студенцѣ съ деревнями, Колычевское, мельница на Неглинной; въ Юрьевѣ-Польскомъ 4 села—Варварское, Богоявленское, Попловское, Ѳедоровское.

Князю Ярославу: Ярославль съ Хотунью, Вихорну, Полянку, Ростунову слободку, Мошненскую слободку; изъ московскихъ селъ—Сарыевское да Кирьясово съ лугами, да на устьи Мстица мельница. — Семену и Ярославу вмѣстѣ: Городецъ на Волгѣ, кромѣ мыта и тамги, которыми будетъ пользоваться княгиня, ихъ мать; городъ же и станы князья раздѣлятъ пополамъ со всѣми пошлинами: Семену—станы по сю сторону Волги, пониже Городца, да Бѣлгородье; Ярославу—станы по ту сторону Волги, повыше Городца, да Юрьевецъ; если же Бѣлогородье окажется больше Юрьевца и Черняковой, то князь Семенъ придастъ князю Ярославу Коряковой; если же Юрьевецъ и Чернякова окажутся больше Бѣлогородья, то оставить по-прежнему, а Корякову раздѣлить пополамъ вмѣстѣ съ слободками. Ѣзъ (рыбныя ловли) оба князья устроятъ подъ Городцомъ вмѣстѣ, и дѣлятъ себѣ добычу пополамъ. Но кромѣ этого раздѣла, князю Семену одному дана на Городцѣ Порозднa.

Князю Андрею: Радонежъ, Бѣли, Черноголовль съ численными людьми на Кержачѣ, Яковля слободка, Кишкина слободка, Тухачевъ; изъ московскихъ селъ—Михайловское съ мельницею, Калиткиново, на Учи Поповское, да Илья Святый, сельцо Дмитрія Воронина, Четрековское и Мосейково на Любосивли, Сакова деревня.

Князю Василію: Перемышль, Ростовецъ, половина Щитова, треть Добрятинская; изъ московскихъ селъ—Ясиновское съ деревнями, да Паншина гарь.—Князьямъ Андрею и Василію вмѣстѣ—городъ Угличъ.

Княгинѣ Еленѣ: Лужу, Козловъ Бродъ, Бадѣеву слободку, слободы и волости Лужевскія: Ловышина, Ярцева слободка, Сосновецъ, Турьи горы, Буболь, Вепрѣйка, Якимова слободка, Маковецъ, Сѣтунка, Терехова, Спиркова, Артемова слободка, Скомантова, Гриди, Ярцева, Михалкова Степана Осипова, Дынка Мосолова, Гриди Ѳедотова Лукина. Изъ московскихъ селъ: Коломенское со всѣми лугами и деревнями, Ногатинское, Танинское съ Корѣевымъ, Косино съ тремя озерами, Обухово, мельница на устьи Яузы; Косино, Обухово и мельница даны въ опричнину. Изъ сыновнихъ удѣловъ въ пожизненное владѣніе княгиня получила: изъ удѣла князя Ивана—Всходное съ деревнями, Тетково озеро; изъ удѣла князя Семена—Омутское съ деревнями и лугами; изъ удѣла князя Ярослава—Бобыкино и Долгое озеро на устьи Лопастны; изъ удѣла князя Андрея—Вороновское, Ковѣзинское, Родонѣжскихъ бортниковъ съ деревнями и бортью; изъ удѣла князя Василья—Битягово, Домодѣдово; на Угличѣ—село Богородицкое. По смерти княгини Елены Коломенское село должно отойти къ старшему ея сыну, князю Ивану, Ногатинское—къ Семену, Танинское съ Корѣевымъ—къ Василью; Козловъ бродъ пополамъ князю Ивану съ братомъ Ярославомъ, равно какъ и Бадѣева слободка, а Лужу со всѣми волостями должны подѣлить на три части князья Семенъ, Андрей и Василій, кромѣ селъ — Бубольскаго, Бѣнитскаго, Мѣдкина и Дьяковскаго, въ которыхъ княгиня вольна.

Старшему сыну, князю Ивану, завѣщатель отказалъ въ Москвѣ дворы—Зворыкинъ, Игнатьевъ и Бутовъ садъ; Семену и Ярославу пополамъ дворъ великой княгини Маріи (жены Симеона Гордаго);

---

[1]) «Крилатское, што было за Татаромъ, а княгиня моя дастъ съ того села черницѣ Софьѣ 50 руб. долгу ее». Село Крылатское, въ Моск. уѣздѣ, въ 12 вер. отъ гор.; тутъ же и Татарово.—Захарово въ Колом. уѣздѣ, въ 22 в. отъ города.

[2]) «Что была княжа Васильева Семеновича»

Семену—за Неглинною Тереховъ садъ: княгинѣ съ Андреемъ и Васильемъ—большой дворъ московскій пополамъ; Ярославу, Андрею и Василью—Чичаковъ садъ на-трое. Соль на Городцѣ князья Семенъ и Ярославъ вѣдаютъ за-одно, и добычу дѣлятъ пополамъ, кромѣ Өедоровской варницы [1]).

Сравнивая волости, исчисленныя къ завѣщаніи Владиміра Андреевича, съ волостями, которыя получилъ отецъ его по завѣщанію Калиты, мы видимъ, что князь Владиміръ успѣлъ значительно увеличить свой удѣлъ. Изъ этого удѣла еще при великомъ князѣ Іоаннѣ II была потеряна Лопастна, отошедшая къ Рязани, но она замѣнена была Новымъ городкомъ на устьи Поротли. Потомъ Владиміръ Андреевичъ, вслѣдствіе завѣщанія Калиты, получилъ треть изъ волостей княгини Ульяны; великій князь Димитрій Донской далъ ему Лужу и Боровскъ [2]); племянникъ Василій Димитріевичъ далъ ему Волокъ и Ржеву съ волостями [3]); но потомъ произошла у нихъ мѣна: быть можетъ, Василію не хотѣлось, чтобъ волости Серпуховскаго князя простирались такъ далеко на западъ, по границамъ новгородскимъ и тверскимъ; онъ взялъ назадъ у дяди Волокъ и Ржеву, и вмѣсто перваго уступилъ ему часть своихъ примысловъ на востокѣ, именно—Городецъ съ волостями Бѣлгородьемъ, Юрьевцемъ, Коряковою и Черняковою слободами и Ужнинскою тамгою, а вмѣсто Ржевы—Угличъ съ селомъ Золоторусскимъ [4]); наконецъ на югѣ даны были Владиміру Андреевичу въ удѣлъ и отчину Козельскъ, Гоголь, Алексинъ и Лисинъ съ куплею Пересвѣтовою. Но умноженіе селъ подмосковныхъ, слободъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ, селъ въ Юрьевѣ—нельзя приписать ничему иному, какъ покупкамъ со стороны Владиміра Андреевича; въ завѣщаніи своемъ онъ упоминаетъ объ одной покупкѣ сына своего, князя Ивана,— доказательство, что князья еще при жизни отцовъ своихъ имѣли средства покупать себѣ волости [5]).

Въ завѣщаніи Владиміра Андреевича и въ договорахъ его съ великимъ княземъ Василіемъ Димитріевичемъ останавливаетъ насъ еще одно обстоятельство: онъ получаетъ отъ великаго князя Угличъ; но мы видѣли, что этотъ городъ, по завѣщанію Донскаго, отказанъ былъ не Василію, а Петру Димитріевичу, князю Дмитровскому. Эта мѣна волостей произошла вслѣдствіе составленія удѣла для меньшаго брата, Константина Димитріевича. Мы видѣли, что въ первомъ завѣщаніи своемъ Василій Димитріевичъ отказываетъ на долю Константина Тошну и Устюжну; но этого было мало; всѣ князья должны были участвовать въ составленіи удѣла, и вотъ бездѣтный князь Петръ Димитріевичъ уступаетъ младшему брату Угличъ, въ-замѣнъ получаетъ отъ Юрія Шачебалъ и Ликурги, но и эти двѣ волости уступаетъ также Константину [6]); кромѣ того,—Юрій отдаетъ Константину еще нѣсколько своихъ Звенигородскихъ волостей. За это, а можетъ быть и за что-нибудь другое, Юрій получаетъ отъ великаго князя часть его примысла, Вятку, принадлежавшую въ Суздальско-Нижегородскому княжеству [7]). Но великій князь взялъ у Константина Угличъ и промѣнялъ у Владиміра Андреевича на Ржеву для Константина же, которому придалъ еще великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верхѣ; Волокъ, вымѣненный на Городецъ, остался за великимъ княземъ. Такое распредѣленіе волостей существовало не долго по смерти князя Владиміра Андреевича, ибо великій князь отобралъ у его дѣтей всѣ свои пожалованія: Угличъ, Городецъ, Козельскъ, Гоголь, Алексинъ, куплю Пересвѣтову и Лисинъ [8]), изъ которыхъ Угличъ отдалъ опять брату Константину, вѣроятно чтобъ заставить его отказаться отъ своихъ притязаній на старшинство: Владиміровичи не имѣли средствъ противиться великому князю и должны были отказаться отъ примысловъ отцовскихъ, и одинъ изъ нихъ, Ярославъ, принужденъ былъ отъѣхать въ Литву. Впрочемъ, великій князь далъ имъ нѣкоторое вознагражденіе: отдавая Угличъ Константину, онъ взялъ у него Тошну и отдалъ Владиміровичамъ, наказавши однако сыну своему, въ завѣщаніи, вымѣнять ее у нихъ.

Такъ были распредѣлены волости на Сѣверо-Восточной Руси, когда малолѣтній Василій Васильевичъ сѣлъ на столѣ отца своего и начались знаменитыя усобицы, повешія къ собранію почти всѣхъ волостей Московскихъ въ одно цѣлое. Прежде всего долженъ былъ возникнуть вопросъ о Дмитровѣ, выморочномъ удѣлѣ князя Петра Димитріевича; сначала онъ былъ, какъ видно, присоединенъ къ волостямъ Василія Васильевича, но потомъ, послѣ суда въ Ордѣ, Дмитровъ былъ отданъ дядѣ Юрію, въ вознагражденіе за потерю старшинства. Заключая договоръ съ племянникомъ послѣ смерти Морозова и бѣгства своего изъ Москвы, Юрій уступилъ ему опять Дмитровъ, но за то взялъ Сурожикъ, село Лучинское, Шепкову, Шачебалу, Ликурги [9]), Костромскія волости—Андому, Корегу,

---

[1]) Есть два села Косина въ Моск. уѣздѣ, оба въ 12 вер. отъ города. Лисинъ, быть можетъ, нынѣшній Лихвинъ. И теперь къ югу отъ Юрьева-Польскаго есть село Богоявленское, къ ЮВ. Варварино и Өедоровское. Въ Серпух. уѣздѣ Хотунь на СВ. отъ гор. Въ Подольск. уѣзд. Гастунова. Рѣка Лужа впад. въ Угру.

[2]) С. г. г. и д. I, 33.

[3]) Тамъ же, № 35. «Волокъ съ волостьми, а волости издѣтемле, воиничи».

[4]) И теперь къ С. отъ Углича есть село Золоторучье.

[5]) «А что сынъ князь Иванъ купилъ село у Ортема въ Ростуновѣ слободкѣ, въ удѣлѣ брата своего, князя Ярослава, и то село сыну князю Ярославу, а на то мѣсто далъ есмь сыну Ивану Сеспетрово село да Струпиково».

[6]) С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44. Верстахъ въ 25 отъ города Буя (Костром. губ.), на востокъ два села называются Ликургами: Ликурги-Троица и Ликурги-Рождество (Труды Общ. Истор. и Древ. ч. VI).

[7]) Тамъ же, № 62.

[8]) Тамъ же, № 71.

[9]) Неизвѣстно, тутъ ли князь Константинъ Димитріевичъ, заключавшій договоръ заодно съ племянникомъ, уступилъ опять брату эти двѣ волости, или еще прежде уступилъ ихъ племяннику. С. г. г. и д. I, № 49.

Борку, Березовецъ съ Залѣсьемъ и Тыленгу, наконецъ остальныя великокняжескія владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верху, кромѣ волостей, уступленныхъ прежде князю Константину, и кромѣ селъ боярина Ивана Димитріевича, которыя Василій оставлялъ за собою, ибо „взялъ въ своей винѣ“.

Оба брата, и Юрій, и Константинъ, несмотря на разницу въ лѣтахъ, умерли почти въ одно время; выморочный удѣлъ бездѣтнаго Константина взялъ себѣ великій князь Василій; у Юрія оставалось трое сыновей. До насъ дошло его завѣщаніе, но написанное гораздо прежде смерти, когда еще онъ владѣлъ Дмитровомъ, слѣдовательно до перваго завладѣнія Москвою. Въ этомъ завѣщаніи особенно замѣчательно то, что не сдѣлано никакого различія между старшимъ и младшими братьями, участокъ московскій отказанъ всѣмъ тремъ сыновьямъ поровну, старшаго пути нѣтъ; быть можетъ, холодность къ старшему сыну Василію Косому и особенная привязанность къ младшему, Димитрію Красному, были тому причиною. Василій Косой получилъ Звенигородъ съ волостями Угожею, Плѣсью, Дмитріевою слободкою, Тростною, Нѣчучею, Андреевскимъ; изъ московскихъ селъ—Домантовское да луга Тамашинскіе въ Перервѣ. Димитрій Шемяка получилъ городъ Рузу съ ея волостями: Юрьевою слободою, Замошьемъ, Кремичною, Скирмановымъ, Бѣлми, Ростовцами, Ѳоминскимъ, селомъ Михайловскимъ и Никифоровскимъ со всѣми деревнями; изъ подмосковныхъ волостей получилъ онъ бортниковъ на той сторонѣ Москвы-рѣки да лугъ противъ города. Димитрій Красный получилъ Вышгородъ съ Коситскимъ селомъ, Суходолъ съ Истьею и съ Истервою, Уборичною слободкою, Боровковою, Смоляную, изъ подмосковныхъ волостей—село Михалевское, сельцо Сущевское у города, Доблинскихъ сокольниковъ, бортниковъ, псарей, да лугъ Ходынскій. Дмитровъ городъ завѣщанъ троимъ сыновьямъ вмѣстѣ, а изъ волостей Дмитровскихъ Василію Косому—Селна, Гуслица, Вохна, Загарье, Рогожь, Куней; Шемякѣ—городокъ Шорна, Корзенево, Воря, Вышегородъ, Инобажъ; Красному—Ижво, Мушкова, Раменка, Берендѣево съ слободкою Кузмодемьянскою, Лутосна, Куликова. Вятка отказана всѣмъ сыновьямъ вмѣстѣ; но Галичъ со всѣми волостями и доходами одному Димитрію Красному. Троимъ сыновьямъ вмѣстѣ Юрій отказываетъ дворъ свой, садъ за городомъ на посадѣ и другой садикъ поменьше. Изъ этого завѣщанія видимъ, что, кромѣ Вятки и Дмитрова, уступленныхъ братомъ и племянникомъ, Юрій не успѣлъ прикупить ничего къ своему удѣлу, а потерялъ Сурожикъ (отданный, какъ видно, брату Константину); не упомянуты также въ его завѣщаніи села Юрьевское и Ростовское [1]).

Иначе, какъ видно, распорядился Юрій передъ смертію; Вышгородъ и Галичъ, волости Краснаго по прежнему завѣщанію, теперь видимъ у Шемяки; за Краснымъ видимъ волости Бѣжецкія и Костромскія, недавно пріобрѣтенныя Юріемъ, кромѣ однако Шачебалы, Ликурги и Андомы. Но смерть Юрія и вражда Косаго съ Василіемъ Васильевичемъ послужили для послѣдняго первымъ поводомъ къ примышленію насчетъ живыхъ князей: онъ отобралъ у Косаго его Звенигородскую волость; Шемяка, заключая договоръ съ великимъ княземъ, отказался и отъ Звенигорода, и отъ Вятки, а взялъ удѣлъ дяди Константина — Ржеву и Угличъ, да подмосковныя волости—Зарыдалье, Сохну, Раменейцо, Осташевскія деревни [2]), Щукинское, Сурожикъ, Шопкову, Лучинское. Послѣ встрѣчи при Костромѣ Косому отданъ былъ Дмитровъ вмѣсто Звенигорода, но, какъ мы видѣли, не надолго [3]).

Такимъ образомъ, удѣлъ Петра Димитріевича и половина удѣла Юрія Димитріевича были присоединены къ Коломенскому великокняжескому удѣлу. Но удѣлы Серпуховскій и Можайскій оставались еще нетронутыми; первый, вслѣдствіе безпотомственной смерти четырехъ сыновей Владиміра Андреевича, сосредоточился въ рукахъ единственнаго внука его, Василія Ярославича; удѣлъ Можайскій, по смерти Андрея Димитріевича, раздѣлился на два удѣла: Можайскій, доставшійся старшему сыну Андрееву, Ивану, и Верейскій—младшему, Михаилу. Шуринъ великаго князя, Василій Ярославичъ, отказался отъ всѣхъ пожалованій, полученныхъ дѣдомъ его отъ отца Василіева, но часть этихъ пожалованій, именно: Козельскъ съ волостями—Серенскомъ, Людимскомъ, Коропками, Вырною, Пересвѣтовою куплею, Алексинымъ, Лисинымъ и Свибловымъ, въ Москвѣ сочли нужнымъ отдать Ивану Андреевичу Можайскому. Союзъ Ивана Андреевича съ Шемякою, имѣвшій слѣдствіемъ взятіе и ослѣпленіе великаго князя, имѣлъ также слѣдствіемъ и присоединеніе Можайскаго удѣла къ волостямъ Василіевымъ; въ то время, когда Шемяка принужденъ былъ отказаться отъ Углича, Ржевы и Бѣжецка, Можайскій князь долженъ былъ уступить Козельскъ, Алексинъ и Лисинъ [4]). Потомъ, отказавшись отъ союза съ Шемякою, Иванъ Андреевичъ получилъ было за это снова Лисинъ, и кромѣ того владѣнія въ Бѣжецкомъ-Верхѣ, какъ они были за Димитріемъ Краснымъ (умершимъ въ 1440 году и передавшимъ свои волости Шемякѣ) и половину Заозерья—волости кубенскихъ князей; но скоро послѣ, вслѣдствіе извѣстныхъ обстоятельствъ, Иванъ Андреевичъ лишился не только этихъ новыхъ примысловъ, но и своего удѣла Можайскаго. Всѣ волости Шемяки еще прежде были присоединены къ владѣніямъ великокняжескимъ.

---

[1]) Замошье, дер. Волоколам. уѣзда, въ 31 вер. отъ города.—Селино сельцо Дмитр. уѣз., въ 26 вер. отъ гор. Тамъ же есть деревня Рогова въ 9 вер. отъ гор. Тамъ же деревня Куннишникова въ 4 вер. Тамъ же село Раменье въ 37 вер.; деревня Лотосова въ 21 вер., село Куликово въ 25 вер.

[2]) С. г. г. и д. I, №№ 52, 60. Село Осташково Моск. уѣзд., въ 24 вер.; деревня Щукина тамъ же въ 8 вер.

[3]) Акты Арх. Эксп. т. I, № 29.

[4]) С. г. г. и д. I, № 67.

Оставались удѣлы Серпуховскій и Верейскій. Послѣ услугъ, оказанныхъ Василіемъ Ярославичемъ великому князю, послѣдній вспомнилъ, что Серпуховскому князю не додана была его дѣдина — Угличъ, Городецъ, Козельскъ, и, въ вознагражденіе за это, отдалъ ему Дмитровъ, кромѣ того, изъ отобранныхъ у Шемяки волостей, Суходолъ съ Краснымъ селомъ [1]). По изгнаніи Ивана Андреевича Можайскаго, между шуриномъ и зятемъ произошла мѣна волостями: Василій Ярославичъ отдалъ Дмитровъ назадъ великому князю и за то получилъ Звенигородъ съ тѣми волостями, которыя были за Косымъ, кромѣ Плѣсни и села Ершовскаго, потомъ Бѣжецкій-Верхъ со всѣмъ, и съ селами тѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ, которые пошли въ изгнаніе съ княземъ Иваномъ Можайскимъ, кромѣ селъ, проданныхъ уже московскимъ боярамъ,—Толстикова и Башарова, и вотчинныхъ деревень дѣтей Сопрычиныхъ [2]). Но Василій Ярославичъ недолго пользовался этими волостями: сначала былъ принужденъ отдать назадъ Звенигородъ и Бѣжецкій-Верхъ [3]), а потомъ лишился и всѣхъ волостей своихъ.

Уцѣлѣлъ одинъ удѣлъ Верейскій; князь Михаилъ Андреевичъ не только сохранилъ свою отчину, но еще успѣлъ пріобрѣсть нѣкоторые примыслы; сначала Верейскій князь получилъ отъ Василія Васильевича въ отчину и удѣлъ половину Заозерья, отчины заозерскихъ князей; кромѣ того, къ этой половинѣ прибавлено было еще 100 деревень изъ половины великокняжеской, да за половину Кубены Михаилъ Андреевичъ получилъ изъ великокняжескихъ Заозерскихъ волостей по-пригожу, на той сторонѣ, которая приходилась къ его отчинѣ, Бѣлуозеру [4]). Потомъ изъ Шемякиныхъ волостей великій князь далъ Михаилу Андреевичу Вышгородъ съ волостями, путями и селами, да изъ Звенигородскихъ волостей Плѣснь, кромѣ Плѣсенскаго села; кромѣ того, Смоляные, Сохну, Зарыдалье, Земъ и Тарусицкихъ бортниковъ. Цѣнность пожалованія была увеличена еще тѣмъ, что Вышгородъ освобождался отъ выхода на пять лѣтъ, и вся Верейская волость три года платила только пол-выхода.

Относительно распредѣленія волостей въ княженіе Василія Васильевича любопытны духовныя завѣщанія двухъ княгинь: Елены, жены Владиміра Андреевича, и великой княгини Софьи Витовтовны, матери Василія Темнаго. Елена сочла нужнымъ благословить своего господина великаго князя Василія Васильевича селомъ Коломенскимъ; внука своего, Василія Ярославича, она благословила селами: Омутскимъ, Всходскимъ, въ Лужѣ селами Юрьевскимъ, Деготскимъ, Осеневскимъ, Авраамовскимъ, Михалковымъ, Миседскимъ, Сосновскимъ, въ стану московскомъ селомъ Туловскимъ; сноху свою, жену князя Семена, Василису, благословила селомъ Ногатинскимъ съ лугами и городскими Ногатинцами, въ Лужѣ селомъ Бубольскимъ и Бѣнитскимъ; другую сноху, жену князя Василія, Ульяну, благословила селами Битяговымъ и Домодѣдовымъ, а въ стану (московскомъ) селомъ Танинскимъ, да селомъ Богородскимъ; внука, князя Василія Ярославича, благословила также селомъ Ковѣзинскимъ въ Радонежѣ; внуку, княгиню Марью Ивановну, селомъ Вороновскимъ въ Дмитровѣ, въ городѣ (Москвѣ)—мѣстомъ подъ дворомъ старымъ на Подолѣ, гдѣ были владычни хоромы, а по смерти княгини Марьи село и мѣсто князю Василію Ярославичу [5]).—Въ этомъ завѣщаніи мы видимъ не всѣ волости, которыя получила Елена по духовной мужа своего, и, между прочимъ, не видимъ тѣхъ волостей, которыя были даны ей въ опричнину, какъ Обухово, Косино. Съ другой стороны, мы знаемъ, что княгини имѣли право располагать только тѣми волостями, которыя были назначены имъ въ опричнину, или своими собственными примыслами; какимъ же образомъ княгиня Елена располагаетъ всѣми своими волостями? Это явленіе можно объяснить только тѣмъ, что Елена пережила всѣхъ своихъ сыновей, которымъ должны были достаться ея волости, взятыя изъ ихъ удѣловъ, а правила, по которому единственный внукъ ея, Василій Ярославичъ, долженъ былъ считаться необходимымъ наслѣдникомъ всѣхъ своихъ бездѣтныхъ дядей,—не было.

Духовное завѣщаніе великой княгини Софьи Витовтовны замѣчательно въ двухъ отношеніяхъ: вопервыхъ, по большему количеству прикуповъ, что показываетъ большія средства, которыми обладала завѣщательница; во-вторыхъ, замѣчательно тѣмъ, что бо́льшая часть этихъ прикуповъ отказана одному любимому внуку, князю Юрію Васильевичу. Княгини, по завѣщанію мужей своихъ, получали большія и богатыя волости,—нѣкоторыя изъ нихъ въ опричнину, большую часть въ пожизненное владѣніе; но доходы со всѣхъ этихъ волостей, равно какъ нѣкоторые другіе доходы, оставляемые умирающими князьями въ пользу женъ своихъ, давали послѣднимъ средства прикупать волости, которыми уже онѣ могли располагать по произволу, и, смотря по привязанности, увеличивать ими удѣлъ того или другого внука. Въ завѣщаніи княгини Софьи встрѣчаемъ изъ 52 волостей не болѣе шести, которыя не были ея прикупами; именно села: Бабышевское, Лысцево, Ослебятевское, прикупы Димитрія Донскаго, завѣщанные имъ женѣ своей Евдокіи и, неизвѣстно по какому случаю, перешедшіе въ полную собственность княгини Софьи, и потомъ опричнина послѣдней — сельцо Семчинское съ Самсоновымъ лугомъ и Гжеля. Первыя три села она отказала снохѣ своей, великой княгинѣ Маріи Ярославовнѣ, а послѣднія любимому внуку Юрію. Теперь

[1]) С. г. г. и д. I, № 71.

[2]) Тамъ же, № 78.—Село Ершово въ Звенигородск. уѣздѣ, въ 3 вер. отъ города.

[3]) Тамъ же, № 84.

[4]) Тамъ же, № 64.

[5]) Тамъ же, № 82.—Село Вороново Дмитр. уѣзда, въ 10 верст. отъ города.

слѣдують прикупы: Коломенскія села—Колычевское, Никольцево, Липятинское, Чухистово, Окуловское и Рѣпинское; Юрьевскія—Курчевское, Елецкое, Варварское; за Волгою на Шекснѣ волость Устьугла, станъ Веретейка со всѣми деревнями отказаны сыну, великому князю Василію. Коломенскіе прикупы: на Сѣверьсцѣ село Григорья Наумова, да у Малина село Ивана Бункова — отказаны великой княгинѣ Маріи. Владимірскій прикупъ—села: Толба, Вижекша и Головино—внуку Іоанну. Московскій прикупъ—Поповское Воробьево съ Семеновскимъ и деревнями; на Похрѣ село Мячково съ Фаустовскимъ, Ладыгинскимъ, Левонтьевскимъ, Тяжинымъ и рыболовлими деревнями; Коломенскія села—Вилино, Кривцово, Бронниче, Чевырево, Марчуково, Рожокъ, починокъ у Щелина озера; Юрьевскіе прикупы—Турабьевскія села, потомъ—Кучка, Деревенька, Шадрино; костромскіе прикупы—Качаловское, Ушаковское, Святое; вологодскія—Масленскія села, Янгасарскія, Говоровскія — отказаны внуку Юрію, кромѣ трехъ селъ Юрьевскихъ, Турабьевскихъ - Березниковъ, Ратькова и Алексина; Алексино—княгинѣ Евфросиніи, Березники и Ратьково—великой княгинѣ Маріи, но по смерти ихъ князю же Юрію. Село Вышелѣсъ—внуку Андрею; прикупъ на Волокѣ—Белеутовскія села и Окораковскія—внуку Борису [1]).

Наконецъ всѣ удѣлы Московскаго княжества (кромѣ одного Верейскаго), вмѣстѣ со всѣми примыслами въ другихъ областяхъ, собраны были Василіемъ Темнымъ, который, смѣшавъ всѣ ихъ вмѣстѣ съ великокняжескою областью Владимірскою, раздѣлилъ между пятью сыновьями: старшаго, Іоанна Васильевича, благословилъ великимъ княженьемъ, третью въ Москвѣ, чѣмъ его самого благословилъ отецъ, Коломною, Владиміромъ, Переяславлемъ, Костромою, Галичемъ, Устюгомъ, Вяткою, Суздалемъ, Новгородомъ-Нижнимъ, Муромомъ, Юрьевомъ съ Великою Солью, Боровскомъ, Суходоломъ, Калугою, Алексинымъ; изъ московскихъ селъ—Островскимъ, Орининскимъ, Константиновскимъ, Малаховскимъ, Краснымъ надъ великимъ прудомъ и лугомъ большимъ у города по рѣкѣ Москвѣ. Втораго сына, Юрія, благословилъ въ Москвѣ третью, которая была за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ; но Юрій долженъ былъ раздѣлить эту треть съ братомъ Андреемъ Большимъ и держать ее по годамъ. Кромѣ половины московской трети, Юрій получилъ въ Москвѣ же годъ князя Константина Димитріевича, потомъ волости: Дмитріевъ, Юлку, Серебожь, Бускутово, Рожественное, Можайскъ, Медынь, Серпуховъ, Хотунь, всѣ волости, завѣщанныя ему бабкою Софьею Витовтовною, съ придачею Шиповскаго села къ Турабьевскимъ.—Мы замѣчаемъ желаніе князей округлить свои предѣлы, не имѣть въ нихъ волостей, принадлежащихъ другимъ князьямъ; такъ, напримѣръ, князь Владиміръ Андреевичъ требовалъ отъ своего сына, Ивана, чтобъ тотъ отказался отъ прикупа своего, приходившагося въ удѣлѣ другого сына, Ярослава [2]); теперь, по завѣщанію Софьи Витовтовны, села князя Юрія приходились въ Коломенскомъ удѣлѣ великаго князя Іоанна, вслѣдствіе чего Василій Темный даетъ послѣднему право вымѣнять ихъ у младшаго брата безъ обиды.—Третій сынъ, князь Андрей Большой, получилъ: Угличъ, Устюжну, Рожалово, Кистму, Бѣжецкій-Верхъ, Звенигородъ, у Москвы село Сущевское. Четвертый сынъ, князь Борисъ, получилъ: въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича Можайскаго, Ржеву, Волокъ, Рузу. Если князь Юрій Васильевичъ, благодаря особенной любви бабки своей съ отцовской стороны, получилъ большую часть ея многочисленныхъ прикуповъ, то князь Борисъ былъ любимцемъ другой бабки—съ материнской стороны, княгини Марьи Ѳедоровны Голтяевой, и получилъ отъ нея также много волостей, безъ сомнѣнія доставшихся ей послѣ отца, боярина Ѳедора Ѳедоровича Голтяя-Кошкина, и бездѣтныхъ братьевъ; эти волости были: у Коломны села Проскурниковскія да Введенскія, на Городнѣ деревня, на Москвѣ за Похрою Разсудовскія села — Звѣревское и Бирановское, во Владимірѣ—Симизинскія села, Лазарское, Котязино, у Владиміра—Евнутьевское село, на Костромѣ, на Волгѣ, Нижняя слобода, Базѣевское, Мануиловское, на Вологдѣ—Турандаевское, Понизовное, Ковылинскія села, Горка, на Шомѣ деревни, да у Москвы село Шарапово, Лошаково, лугъ на Москвѣ-рѣкѣ подъ Крутицею, въ Берендѣевѣ село Ростовцовское, въ Кинелѣ Суровцово, Тимоѳеевское, Микульское, дворъ внутри города Москвы и дворы на посадѣ [3]). Пятый сынъ, Андрей Меньшой, получилъ въ Москвѣ годъ князя Петра Димитріевича, у Москвы село Танинское, Ясеневское, Раменейце, потомъ Вологду съ Кубеною и Заозерьемъ, Иледамъ съ Обнорою, Комелою и Волочкомъ, Авнегу, Шиленгу, Пельшму, Бохтюгу, Ухтюшку, Сяму, Отводное съ Перхушковскими селами, Тошну, Янгосаръ.—Великая княгиня Марія получила въ пожизненное владѣніе: Ростовъ, т.-е. ту часть города, которая была за Василіемъ Темнымъ, въ остальной же части еще владѣли князья ростовскіе; по смерти великой княгини, ея часть Ростова переходила къ князю Юрію. Потомъ утверждались за нею купля ея Романовъ [4]) и устье Шексны; далѣе великая княгиня получала волости по Волгѣ и Шекснѣ, которыя были за княземъ Иваномъ Можайскимъ, вмѣстѣ съ селами, отобранными

[1]) С. г. г. и д. I, № 83.—Колычево, село Колом. уѣзда, въ 7 вер. отъ гор.; Никульское, тамъ же, въ 8 вер.; Липатино, въ 22 вер.; Малино, въ 35 вер.; Велино-село Бронницкаго уѣзда, въ 3 вер. отъ гор.; Кривцы, въ 6 вер.; Марчюги, въ 17 вер.; Головина во Владимірскомъ уѣздѣ, къ З. отъ города. Турабьева къ СВ. отъ Юрьева; Кучки къ Ю. Деревенька къ СЗ. Качалово, Ушаково въ Костром. уѣздѣ, къ ЮВ. отъ города.

[2]) Тамъ же, № 40.

[3]) См. примѣч. 2 на стр. 1072.

[4]) С. г. г. и д. I, № 86: «Романовъ княжо Михайлово Дѣева, и княжихъ Львовыхъ дѣтей, и княже Давыдово Засѣкина».

у измѣнившаго боярина Петра Константиновича; Усть-Углы, Нерехту, у Москвы село Непрудское, мельницу Ходынскую съ лугомъ Ходынскимъ, Ногатинское, Новинки, Озерецкія села, Михалевское, Олешню, Лужскія села, Павшинское, деревни боярина Петра Константиновича на Истрѣ. Изъ удѣловъ: изъ Коломенскаго — городокъ Брашову съ сельцомъ, съ Гвоздневю и съ Иваномъ, Устьмерску, Несочну, Малинскія села, село Серкизовское съ Мѣзынкою, Высокое, Шкинь, сельцо Ѳедора Степанова, Свербѣевское, Лысцевское, Бабышево у Коломны, Чухистово; въ Переяславлѣ — Рюминское, Маринину слободу, село Доброе; въ Юрьевѣ—село Фроловское съ Елохомъ, Красное, Курчево, Елцы, Варварино, Кузьмодемьянское, Голенищево, Добрыньское, Волстиново, Сорогошино; села Петра Константиновича — Матвѣищово и Ворогово; въ Суздалѣ—Шокшовъ, Давыдовское; на Костромѣ—села Михаила Данилова, села Колдомскія, данныя ей Михаиломъ Сабуровымъ; на Устюгѣ, въ придачу къ ея куплѣ Леонтьевскому, Пятницкому и Вондокурью, село Мошемское и Дымкову сторону; изъ удѣла Андрея Большого—Елду, Кадку, Васильково; изъ удѣла князя Бориса—Издѣтемлю, Іудину слободу, Ядрово, село Андреевское во Ржевѣ; изъ удѣла Андрея Меньшого—Иледамъ съ Комелою и Обнорою; изъ Нижняго-Норгорода—села, которыя были за великою княгинею Софьею Витовтовною съ Сокольскимъ сельцомъ и Керженцомъ, изъ Мурома—сельце Муромское и Шатуръ.—Послѣ составлена была еще приписная духовная грамота, по которой великой княгинѣ отказаны: село Коломенское, Дьяковское, Хвостовское, лугъ князя Юрія Димитріевича противъ великокняжескаго двора, Юрьевскій лугъ Казначеевъ, два стана къ Марининѣ слободѣ; въ Переяславлѣ—Городище съ деревнями Волнинскими, да Бармазово съ деревнями; въ Муромѣ—Почапъ, Заколпье, Черсово, на Коломнѣ село Оксинское съ деревнями, также Мячково, купленное у Настасьи, жены Ѳедора Андреевича, села на рѣкѣ Москвѣ, купленныя у ея дочери. Въ Можайскѣ село Чертаковское, Бѣлевицы, Исмейское село, мельницу подъ городомъ; села Муромскія и села въ Вотскомъ Стародубѣ, данныя Анною, женою Василія Ивановича; села Долмата Юрьева въ Хотунскомъ Растуновѣ и Перемышлѣ, въ опричнину.—Дворъ князя Ивана Можайскаго, въ Москвѣ, отданъ старшему сыну Ивану; дворъ серпуховскихъ князей за Архангельскимъ соборомъ—сыну Юрію, а дворъ, данный ему бабкою у церкви Іоанна Предтечи, отданъ великой княгинѣ; дворъ Шемяки—Андрею Большому; опальные же дворы бояръ Константиновичей — Петра, Ивана и Никиты, также за городомъ дворы отдаются въ распоряженіе великой княгинѣ—кому изъ сыновей что дастъ. Село Окуловское и Рѣпинское, которыя великая княгиня дала Ѳедору Басенку, а въ духовной своей отдала въ распоряженіе великому князю,—эти села будутъ находиться у Басенка въ пожизненномъ владѣніи, а послѣ смерти его отходятъ къ великой княгинѣ Маріи [1]).

Изъ этого обзора постепеннаго распространенія, раздѣленія и собиранія Московскихъ волостей, мы видимъ, что въ распространеніи Московскаго княжества завоеванія играютъ весьма малую роль; первоначальное распространеніе насчетъ сосѣднихъ княжествъ—Смоленскаго и Рязанскаго, присоединеніе Можайска и Коломны съ Вереею, Боровскомъ, Лужею, произошло силою оружія; но со временъ Калиты распространеніе происходило преимущественно прикупами и примыслами особаго рода, въ которыхъ оружіе не участвовало. Московскій князь скупаетъ (отсюда названіе окупныхъ князьковъ) отдаленныя сѣверо-западныя и сѣверо-восточныя княжества, волости, какъ видно, пустынныя, бѣдныя, которыхъ князья не были въ состояніи удовлетворять ордынскимъ требованіямъ, а съ другой стороны не были въ состояніи противиться ближайшимъ сосѣдямъ, князьямъ болѣе сильнымъ. Такимъ образомъ, Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ владѣній потомковъ Константина. Ивана Всеволодовичей, Константина Ярославича. Калитою куплены были Бѣлоозеро, Галичъ, Угличъ; лѣтописцы не говорятъ, какъ пріобрѣтенъ Дмитровъ; они говорятъ объ изгнаніи изъ волостей князей Галицкаго и Стародубскаго при Донскомъ; но волости стародубскихъ князей не упоминаются среди волостей Донскаго и наслѣдниковъ его; слѣдовательно онѣ оставались за князьями-отчичами, вошедшими въ служебныя отношенія къ Московскимъ князьямъ. Княжество Нижегородско-Суздальское и Муромское были заняты не силою оружія; только послѣ нужно было, въ продолженіи извѣстнаго времени, защищать этотъ примыслъ отъ притязаній прежнихъ его князей; на югѣ Московскіе князья распространяютъ свои владѣнія насчетъ слабыхъ, раздробленныхъ областей Черниговско-Сѣверскихъ, на юго-востокѣ—насчетъ князей мещерскихъ. Но въ то время, когда волости присоединяются путемъ мирнымъ, куплею, или хотя насильственнымъ, но безъ походовъ и завоеваній, продолжительныя войны Московскихъ князей съ сосѣдними княжествами, хотя и оканчивавшіяся благополучно, не имѣли слѣдствіемъ земельныхъ пріобрѣтеній: такъ ничего не было пріобрѣтено отъ Твери послѣ счастливыхъ войнъ съ нею при Донскомъ, ничего не было пріобрѣтено отъ Рязани, послѣ опредѣленія границъ при Іоаннѣ II; попытка пріобрѣсть волости Новго-

---

[1]) Мячково, село Колом. уѣзда, въ 12 вер. отъ г. Чертаново, дерев. Можайскаго уѣзда, въ полверстѣ отъ города; Черкизово въ Колом. уѣздѣ къ С. отъ города; Лысково къ ЮЗ., Козмодемьянское къ Ю. отъ Юрьева-Польскаго; Добрынское, Волостиново къ СЗ; Матвѣйщево и Ворогово къ СЗ. отъ послѣднихъ. Ельцы къ ЮВ. отъ Юрьева-Польскаго. Симизино къ ЮЗ. отъ Владиміра, на границахъ Владимірскаго и Юрьевскаго уѣздовъ. Сарогужино къ СЗ. отъ Юрьева; Шокшова и Давыдовское къ СЗ. отъ Переяславля.

родскія за Двиною при Василіи Димитріевичѣ не удалась.—Кромѣ пріобрѣтенія цѣлыхъ княжествъ, Московскіе князья обогатились пріобрѣтеніемъ многихъ селъ и мѣстъ. Мы знаемъ, что князья постоянно вносили въ свои договоры условіе—не пріобрѣтать волостей въ чужихъ владѣніяхъ, вслѣдствіе чего Московскіе князья, несмотря на свои денежныя средства, не могли купить волостей ни въ Тверской, ни въ Рязанской области; но имъ открыта была для прикуповъ великокняжеская область Владимірская, которою они постоянно владѣли, и мы видѣли изъ ихъ завѣщаній, какъ они воспользовались этимъ, какъ преимущественно наполнили своими куплями уѣздъ Юрьева-Польскаго; вотъ также одна изъ причинъ усиленія Московскихъ князей. Двоякимъ путемъ князья Московскіе пріобрѣтали села: куплею и отобраніемъ у опальныхъ бояръ; такъ пріобрѣтены были села Вельяминовскія, Свибловскія, Всеволожскія (Ивана Димитріевича), братьевъ Константиновичей. Границы Московскаго княжества при кончинѣ Іоанна Калиты не совпадали даже съ границами нынѣшней Московской губерніи, ибо для этого недоставало ему Дмитрова, Клина, Волока-Ламскаго; потомъ захватывали нѣкоторую часть Тульской и Калужской губерній; но при кончинѣ праправнука Калитина, Василія Темнаго, Московскія владѣнія послѣдняго не только обнимають всю нынѣшнюю Московскую губернію (кромѣ Клина), но простираются по губерніямъ: Калужской, Тульской, Владимірской, Нижегородской, Вятской, Костромской, Вологодской, Ярославской, Тверской.

Границы собственно Московскаго княжества на юго-востокѣ, съ Рязанскою областію, опредѣлены въ договорахъ рязанскихъ князей съ Московскими: граница шла по рѣкѣ Окѣ и Цнѣ; прежнія мѣста рязанскія отъ Коломны вверхъ по Окѣ, на сторонѣ московской: Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ и всѣ другія мѣста на лѣвой сторонѣ рѣки принадлежатъ Москвѣ, а внизъ по Окѣ отъ Коломны по рѣкѣ Цнѣ и отъ устья Цны вверхъ всѣ мѣста на рязанской сторонѣ—къ Рязани, а на московской—къ Москвѣ. Вслѣдствіе этого раздѣла Окою, старыя рязанскія мѣста на правомъ берегу, бывшія до временъ Іоанна II за Москвою, отошли къ Рязани, именно: Лопастна, уѣздъ Мстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубокъ, Вродничь съ мѣстами. Мѣста: Талица, Выползовъ, Такасовъ отошли къ Москвѣ, равно какъ Мещера,—купля Донскаго. Иначе, думаемъ, нельзя понимать этого мѣста: „А межи насъ роздѣлъ земли по рѣку по Оку, отъ Коломны въ верхъ по Оцѣ, на московской сторонѣ почень, Новый городокъ, Лужа, Верея, Боровскъ, и иная мѣста рязанская, которая ни будутъ на той сторонѣ, то къ Москвѣ; а на низъ по Оцѣ, по рѣку по Тцну отъ усть Тцны, въ верхъ по Тцнѣ, что на московской сторонѣ Тцны, то къ Москвѣ; а что на рязанской сторонѣ за Окою, что доселѣ потягло къ Москвѣ, почень, Лопастна и проч., та мѣста къ Рязани". Но спрашивается: какимъ образомъ Лопастна могла быть на рязанской сторонѣ за Окою? Относительно Тулы новая трудность: „А что мѣсто князя великаго Димитрія Ивановича на рязанской сторонѣ, Тула, какъ было при царицѣ при Тайдулѣ, и коли еѣ баскаци вѣдали; въ то ся князю великому Олгу не вступатся, и князю великому Димитрію" [1]). Тула называется мѣстомъ великаго князя Димитрія на рязанской сторонѣ, онъ отъ нея отступается,—это понятно, но въ то же время отступается отъ нея и великій князь Олегъ. Въ чью же пользу? Можно было бы предположить ошибку въ договорѣ Донскаго, и, основываясь на позднѣйшихъ договорахъ рязанскихъ князей съ Василіемъ и Юріемъ Димитріевичами, принимать, что великіе князья Московскіе отступились отъ Тулы въ пользу князей Рязанскихъ, ибо въ этихъ позднѣйшихъ договорахъ Московскіе князья обязываются не вступаться въ Тулу; но здѣсь опять затрудняетъ дѣло договоръ Рязанскаго князя Ивана Өедоровича съ Витовтомъ, гдѣ встрѣчаемъ слѣдующее условіе: „Великому князю Витовту въ вотчину мою не вступатися Ивана Өедоровича, въ землю ни въ воду, поколѣ рубежь Рязанскіе земли Переяславскые моее вотчины, вынемши Тулу, Берестей, Ретань съ Паши, Дороженъ, Заколотенъ Гордѣевской" [2]).

Любопытно, что въ договорахъ Московскихъ князей съ рязанскими не только Лопастна, но также Верея и Боровскъ называются старыми мѣстами рязанскими, тогда какъ, по свидѣтельству лѣтописца подъ 1176 годомъ, Лопастна была волостію Черниговскою; но уже изъ этого самого свидѣтельства можно замѣтить, что рязанскіе князья начинаютъ захватывать ближайшія къ нимъ волости Черниговскія, какъ напримѣръ упоминаемый тутъ же Свирѣльскъ. По всемъ вѣроятностямъ, Рязанцы захватили и Лопастну, и Верею, и Боровскъ, и Лужу вскорѣ послѣ Батыева нашествія, когда Черниговско-Сѣверское княжество опустѣло, раздробилось и обезсилѣло.

Изъ новгородскихъ договорныхъ грамотъ мы знаемъ, что Волокъ, Вологда и Бѣжецкій-Верхъ считаются до послѣдняго времени владѣніями Новгородскими; но въ то же самое время въ договорахъ и духовныхъ грамотахъ великокняжескихъ мы видимъ, какъ великіе князья распоряжаются и Волокомъ, и Бѣжецкимъ-Верхомъ, и Вологдою—знакъ, что здѣсь волости Новгородскія находились въ смѣсномъ владѣніи съ великокняжескими; и дѣйствительно великій князь Василій Васильевичъ, утверждая Бѣжецкій-Верхъ за Шемякою и братомъ его, Димитріемъ Краснымъ, ставитъ условіемъ договора, чтобъ они держали эту волость по старинѣ съ Новымъ-городомъ [3]). Мы видѣли, что Новгородцы хотѣли здѣсь размежеваться съ великимъ княземъ, но Василій Ва-

[1]) С. г. г. и д. I, № 32; въ договорѣ съ Василіемъ Дмитріевичемъ: «А въ Тулици и въ Берести не вступатися мнѣ в. князю Вас. Дм. (№ 36)»; въ договорѣ съ в. к. Юрьемъ Дмитровичемъ: «въ Тулу и въ Борес..и (№ 48)».

[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 25.

[3]) С. г. г. и д. I. № 60.

сильевичъ Темный почему-то не хотѣлъ этого размежеванія. На основаніи извѣстія подъ 1220 годомъ, что великій князь Юрій Всеволодовичъ велѣлъ племяннику Васильку Константиновичу Ростовскому выслать противъ Болгаръ полки изъ Ростова и изъ Устюга, мы заключили, что Устюгъ зависѣлъ отъ ростовскихъ князей. Не знаемъ, удержали ли они Устюгъ во время своей слабости и зависимости отъ великихъ князей, или Устюгъ отошелъ къ Владимірской области; знаемъ только, что Устюгъ является, какъ городъ, принадлежащій князьямъ Московскимъ, впервые только въ завѣщаніи Василія Темнаго, когда въ первый разъ города Владимірскаго княжества были смѣшаны съ московскими и когда въ первый же разъ Ростовъ былъ отказанъ великимъ княземъ женѣ. Что касается общихъ русскихъ границъ на юго-востокѣ, то съ большою вѣроятностію можно предположить, что онѣ совпадали съ границами епархій Рязанской и Сарайской, ибо послѣдняя находилась уже въ собственныхъ владѣніяхъ татарскихъ. Этою границею въ митрополичьихъ грамотахъ опредѣляется рѣка Великая Ворона [1]); изъ тѣхъ же грамотъ узнаемъ, что христіане находились въ предѣлѣ Черленаго Яру (рѣки) и по карауламъ возлѣ Хопра до Дону. На восточномъ берегу Дона, тамъ, гдѣ эта рѣка имѣетъ ширину одинакую съ шириною Сены въ Парижѣ, Рубруквисъ нашелъ русскую слободу, построенную Батаемъ и Сартакомъ; жители ея обязаны были перевозить черезъ рѣку купцовъ и пословъ. Относительно этихъ границъ важно для насъ извѣстіе о путешествіи Пимена митрополита въ Константинополь. Митрополитъ отправился изъ Рязани сухимъ путемъ, взявши три струга и насадъ на колесахъ. Достигши Дона, путешественники спустили суда на рѣку и поплыли внизъ. Вотъ какъ описывается плаваніе по Дону: „Путешествіе это было печально и уныло, потому что по обѣимъ сторонамъ рѣки пустыни,—не видно ни города, ни села, виднѣются одни только мѣста прежде бывшихъ здѣсь городовъ, красивыхъ и обширныхъ; нигдѣ не видно человѣка, но звѣрей множество: козъ, лосей, волковъ, лисицъ, выдръ, медвѣдей, бобровъ; множество и птицъ — орловъ, гусей, лебедей, журавлей и разныхъ другихъ." Миновавши рѣки Медвѣдицу, Высокія Горы и Бѣлый Яръ, также мѣсто древняго козарскаго Саркела, путешественники начали встрѣчать татарскія кочевья. Видно, что на Донской системѣ въ концѣ XIV вѣка крайнимъ русскимъ княжествомъ было Елецкое; кочевья же татарскія начинались въ нынѣшней Землѣ Войска Донскаго, около тѣхъ мѣстъ, гдѣ Донъ находится въ самомъ ближайшемъ разстояніи отъ Волги.

Касательно юго-западныхъ границъ съ Литовскими владѣніями мы знаемъ, что при Василіи Димитріевичѣ Московскомъ и Витовтѣ Литовскомъ границею была назначена рѣка Угра; но это опредѣленіе одностороннее. Мы видѣли также, какъ Рязанскій князь опредѣлилъ свои границы съ Литвою; но изъ этого опредѣленія ничего понять нельзя. Изъ княжескихъ договоровъ и завѣщаній мы знаемъ, что Перемышль, Лихвинъ (Лисинъ), Козельскъ, Тросна считались въ числѣ Московскихъ волостей. Что же касается земель присяжныхъ князей: Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Воротынскихъ, то здѣсь границъ опредѣлить нельзя, потому что, по собственнымъ словамъ Іоанна III, эти князья служили и его предкамъ и предкомъ Казимира Литовскаго, на обѣ стороны, съ-обща; мы знаемъ также, что городъ Одоевъ, напримѣръ, раздѣлялся на двѣ половины,—одна принадлежала линіи князей, зависѣвшихъ отъ Москвы, а другая—линіи князей, зависѣвшихъ отъ Литвы. Изъ переговоровъ между московскими боярами съ литовскими послами при Іоаннѣ III мы знаемъ также, что договоры, заключенные съ Литвою при Василіи Димитріевичѣ и сынѣ его Василіи Темномъ, были невыгодны для Москвы, которая должна была тутъ уступить волости, принадлежавшія ей по прежнимъ договорамъ, заключеннымъ при Симеонѣ Гордомъ и братѣ его Іоаннѣ II; при Олгердѣ половина Серенска принадлежала Москвѣ, а другая половина — Литвѣ; въ договорѣ Василія Темнаго съ Казимиромъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т.-е. по заключеніи договора должно было обыскать, кому этотъ городъ принадлежалъ прежде; но обыска не было, и Козельскъ остался за Москвою. Со стороны Смоленской или Верхнеднѣпровской области границею между Московскими и Литовскими владѣніями была сначала Угра, потомъ далѣе на сѣверѣ границъ Москвы и Твери съ Литвою должно искать по водораздѣлу между рѣчными областями Днѣпра и Волги.

Границы между Литвою и Новгородскими (съ Псковскими) владѣніями должны были оставаться тѣ же самыя, какія были между Смоленскимъ и Полоцкимъ княжествами и Новгородомъ. Какъ на востокѣ были волости, находившіяся въ смѣсномъ владѣніи у Новгородцевъ и великихъ князей владимірскихъ, напр. Торжекъ, Волокъ, Бѣжичи, такъ и на югѣ были такія же смѣсныя владѣнія у Новгородцевъ и великихъ князей литовскихъ; таковы были Великія Луки, Ржева (новгородская) и еще волостей десять, менѣе значительныхъ; всѣ эти земли принадлежали къ Новгородскимъ владѣніямъ, но дань и нѣкоторые другіе доходы шли съ нихъ великому князю Литовскому; какъ въ Торжкѣ были два тіуна—новгородскій и московскій, такъ и на Лукахъ сидѣли два же тіуна—новгородскій и литовскій, и судъ у нихъ былъ пополамъ. Безъ сомнѣнія, такія отношенія къ Лукамъ, Ржевѣ и другимъ мѣстамъ литовскіе князья наслѣдовали отъ князей смоленскихъ, которыхъ княжествомъ они овладѣли. Такое явленіе, что волость принадлежала одному государству, а дань съ нея шла другому, мы видимъ не въ однѣхъ Новгородскихъ областяхъ; въ договорахъ великихъ князей тверскихъ съ литовскими читаемъ: „Порубежныя мѣста, которыя тянутъ къ Литвѣ или къ Смоленску, а по-

---

[1]) Акты Ист. I, № 1 и 3.

дать даютъ къ Твери, должны и теперь тянуть по-старому, равно какъ тѣ мѣста, которыя тянули къ Твери, а подать давали къ Литвѣ или къ Смоленску, тѣмъ и нынче тянуть по прежнему и подать давать по прежнему же".

Западныя границы, границы Псковскихъ волостей съ Ливонскимъ Орденомъ, совпадали съ нынѣшними границами Псковской губерніи съ Остзейскимъ краемъ. Что касается границъ Новгородской области со стороны Шведскихъ владѣній къ Финляндіи, то мы не имѣемъ возможности опредѣлить ихъ до 1323 года, къ которому относится дошедшій до насъ договоръ великаго князя Юрія Даниловича съ Шведскимъ королемъ Магнусомъ. Въ этомъ договорѣ сказано, что Юрій съ Новгородцами уступили Шведамъ три корельскихъ округа: Саволаксъ, Ескисъ и Егрепя, вслѣдствіе чего и сдѣлалось возможнымъ опредѣлить границу.

Дошла до насъ перечень и новгородскихъ Двинскихъ волостей: Орлецъ, Матигоры, Колмогоры, Куръ-островъ, Чухчелема, Ухть-островъ, Кургія, Княжъ-островъ, Лисичь-островъ, Конечные дворы, Ненокса, Уна, Кривой, Ракула, Наволокъ, Челмахта, Емецъ, Калея, Кирія горы, Нижняя Тойма. Потомъ изъ сѣверныхъ мѣстностей упоминяются: Вельскъ, Кубена, Сухона, Кемь, Андома, Чухлома, Каргополь, Кокшенга и Вага. Изъ вятскихъ городовъ упоминаются Орловъ и Котельничъ.—На востокѣ опредѣлить границу трудно: знаемъ только, что на Сурѣ былъ уже русскій нижегородскій городъ Курмышъ [1]).

Мы обозрѣли исторически распространеніе Московскаго княжества, усиленіе владѣльцевъ его волостями насчетъ другихъ князей; но рядомъ съ этимъ усиленіемъ Московскихъ и великихъ князей, разумѣется, должно было идти измѣненіе въ отношеніяхъ между старшимъ и младшими князьями. Разсмотримъ также и это измѣненіе исторически; сперва обратимъ вниманіе на отношенія князя Московскаго и вмѣстѣ великаго князя Владимірскаго къ ближайшимъ родичамъ своимъ, удѣльнымъ князьямъ, а потомъ на отношенія его къ дальнимъ родичамъ, которые, благодаря ослабленію родовой связи, назвались, каждый въ своей волости, великими князьями и пользовались одинакими правами съ великимъ княземъ Владимірскимъ, хотя послѣдній при удобномъ случаѣ и старался приравнять ихъ къ своимъ удѣльнымъ; таковы были князья Тверской, Рязанскій, Нижегородскій.

Въ завѣщаніяхъ своихъ великіе князья опредѣляютъ отношенія между старшимъ и младшими сыновьями по старинѣ. Калита говоритъ: „Приказываю тебѣ, сыну своему Семену, братьевъ твоихъ младшихъ и княгиню свою съ меньшими дѣтьми: по Богѣ ты имъ будешь печальникъ" [2]). Донской завѣщаетъ дѣтямъ: „Дѣти мои, младшіе братья князя Василія, чтите и слушайте своего брата старшаго, князя Василія, вмѣсто меня, своего отца; а сынъ мой князь Василій держитъ своего брата князя Юрія и своихъ братьевъ младшихъ въ братствѣ безъ обиды [3])". Противъ духовной Калиты въ завѣщаніи Донскаго встрѣчаемъ ту новость, что онъ придаетъ волостей старшему сыну на старшій путь. Одинакое наставленіе дѣтямъ на счетъ отношеній младшихъ къ старшему повторилъ и великій князь Василій Васильевичъ въ своемъ завѣщаніи [4]). Но описываемое время было переходнымъ между родовыми и государственными отношеніями: первыя ослабѣли, вторыя еще не утвердились; вотъ почему неудивительно встрѣтить намъ такія завѣщанія княжескія, гдѣ завѣщатель вовсе не упоминаетъ объ отношеніяхъ младшихъ сыновей своихъ къ старшему: таковы завѣщанія Владиміра Андреевича и Юрія Димитріевича [5]). Можно было бы подумать, что такъ какъ эти завѣщанія писаны младшими, удѣльными князьями, то они и не упомянули объ отношеніяхъ между сыновьями, которые всѣ были одинаково младшіе братья относительно великаго князя; но въ такомъ случаѣ они упомянули бы объ обязанностяхъ своихъ сыновей къ этому великому князю, чего мы не находимъ; притомъ, напримѣръ, Владиміръ Андреевичъ дѣлаетъ же различіе между старшимъ своимъ сыномъ и младшими, назначаетъ первому особыя волости на старшій путь, наконецъ опредѣляетъ обязанности сыновей къ ихъ матери, своей женѣ, говоритъ, чтобъ они чтили ее и слушались; говоритъ, чтобъ они жили согласно, заодно, и однако не прибавляетъ старой обычной формы—чтобъ они чтили и слушались старшаго брата какъ отца.

Посмотримъ теперь, какъ опредѣлялись обязанности удѣльныхъ князей къ великому въ ихъ договорахъ другъ съ другомъ. Въ договорѣ сыновей Калиты младшіе братья называютъ старшаго господиномъ княземъ великимъ; клянутся быть заодно до смерти; брата старшаго имѣть и чтить вмѣсто отца. Кто будетъ, говорятъ они, брату нашему старшему недругъ, тотъ и намъ недругъ, а кто будетъ ему другъ, тотъ и намъ другъ. Ни старшій безъ младшихъ, ни младшіе безъ старшаго не заключаютъ ни съ кѣмъ договора. Если кто станетъ ихъ ссорить, то они должны изслѣдовать дѣло (исправу учинить), виноватаго казнить послѣ

---

[1]) Сахарова—Сказ. Русск. Нар. т. II, кн. VIII, стр. 97.—Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла Польскія № 1.—Буткова: три древніе договора Русскихъ съ Норвежцами и Шведами, въ Журн. Мин. Вн. Дѣлъ, 1837 г. ч. 23.—Неволина: О пятинахъ и погостахъ новгородскихъ, въ Записк. Геогр. Общ. кн. VIII.—Antiquités Russes, t. II.—О двинскихъ волостяхъ см. Акты Арх. Эксп. I, № 13. Ср. книгу Большой чертежъ, стр. 195, 197, 201, 284.—Границы между Ржевою (московскою) и Литовскими владѣніями означены такъ въ договорѣ Василія Темнаго съ Казиміромъ (Акты Зап. Рос. № 50): «По озерѣ по Орлинце на полы, по озеро по Плотинце, по Красный борокъ, по Баранью рѣчку на верхъ Бѣлейки, по Бѣлейкѣ, на Поникль, съ Поникля на верхъ Сижьки, съ березы на мохъ, со мху на верхъ Осухи».

[2]) С. г. г. и д. I, № 21.
[3]) С. г. г. и д. I, № 34.
[4]) С. г. г. и д. I, № 86.
[5]) С. г. г. и д. I, № 40, 51.

этого изслѣдованія, а вражды не имѣть другъ къ другу. Старшій обязанъ не отнимать у младшихъ волостей, полученныхъ ими отъ отца: „Того подъ ними блюсти, а не обидѣти". Когда кто-нибудь изъ младшихъ умретъ, то старшій обязанъ заботиться (печаловаться) объ оставшемся послѣ умершаго семействѣ, не обижать его, не отнимать также примысловъ и прикуповъ. Если старшій сядетъ на коня (выступитъ въ походъ), то и младшіе обязаны также садиться на коней; если старшій самъ не сядетъ на коня, а пошлетъ въ походъ однихъ младшихъ, то они должны идти безъ ослушанія. Если случится какая нибудь оплошность (простороӝа) отъ великаго князя, или отъ младшихъ князей, или отъ тысяцкаго, или отъ намѣстниковъ ихъ, то князья должны изслѣдовать дѣло, а не сердиться другъ на друга [1]).

Въ договорѣ Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ встрѣчаемъ уже важныя дополненія: младшій братъ обязывается держать подъ старшимъ княженье великое честно и грозно, добра хотѣть ему во всемъ; великій князь обязывается держать удѣльнаго въ братствѣ, безъ обиды: „Тебѣ знать свою отчину, а мнѣ знать свою". Заслышавши отъ христіанина или отъ поганина что-нибудь доброе или дурное о великомъ князѣ, о его отчинѣ, или о всѣхъ христіанахъ, младшій обязанъ объявить ему въ правду, безъ примышленія, по крестному цѣлованію, равно какъ и старшій младшему. Оба князя обязываются не покупать селъ въ удѣлахъ другъ у друга, не позволять этого и своимъ боярамъ, не держать закладней и оброчниковъ, не давать жалованныхъ грамотъ; если случится искъ одному князю на подданнаго другого, давать исправу. Младшій обязанъ посылать своихъ воеводъ съ воеводами великокняжескими вмѣстѣ, безъ ослушанія; если кто-нибудь изъ воеводъ ослушается, то великій князь имѣетъ право его казнить вмѣстѣ съ удѣльнымъ. Если во время похода удѣльный князь захочетъ оставить когонибудь изъ своихъ бояръ у себя, то онъ обязанъ доложить объ этомъ великому князю, и оба распорядятся вмѣстѣ, по обоюдному согласію (по згадцѣ): кому будетъ прилично оставаться, тотъ останется, кому ѣхать, тотъ поѣдетъ. Младшій долженъ служить старшему безъ ослушанія, по згадцѣ, какъ будетъ прилично тому и другому, а великій князь обязанъ кормить удѣльнаго князя, смотря по его службѣ. Когда оба сядутъ на коня, то бояре и слуги удѣльнаго князя, кто гдѣ ни живетъ, должны быть подъ его знаменемъ [2]). Если случится какое-нибудь дѣло между обоими князьями, то они отсылаютъ для рѣшенія спора (для учиненія исправы) своихъ бояръ; если же бояре будутъ не въ состояніи покончить дѣло, то ѣдутъ къ митрополиту, а не будетъ митрополита въ Русской Землѣ, то ѣдутъ къ кому нибудь на третейскій судъ (на третей), кого сами себѣ выберутъ: и если который князь проиграетъ свое дѣло, то бояре его не виноваты въ томъ [3]).

Владиміръ Андреевичъ отказался отъ старшинства въ пользу племянника, обязался признавать послѣдняго старшимъ братомъ; но все же онъ былъ дядею Василію Димитріевичу, и потому договоръ, заключенный между ними, написанъ въ болѣе легкихъ для Серпуховскаго князя выраженіяхъ. Послѣдній обязывается держать своего племянника, брата старшаго честно, а слова „грозно"—нѣтъ; великій князь обязывается держать дядю и вмѣстѣ брата младшаго въ братствѣ и въ чести безъ обиды [4]). Во второмъ договорѣ старикъ-дядя выговариваетъ даже себѣ право не садиться на коня, когда племянникъ самъ не сядетъ; этотъ второй договоръ замѣчателенъ тѣмъ, что договаривающіеся уже хотятъ продлить и упрочить свои отношенія; здѣсь въ первый разъ князья клянутся исполнять условія договора за себя и за дѣтей своихъ [5]). Въ завѣщаніи своемъ Владиміръ Андреевичъ приказываетъ жену, дѣтей и бояръ своихъ брату старшему, великому князю; если между дѣтьми его случится какой-нибудь споръ, то они для его рѣшенія посылаютъ своихъ бояръ; если и эти не согласятся между собою, то идутъ передъ старую княгиню — вдову; котораго сына княгиня обвинитъ, на томъ великій князь долженъ доправить, такъ однако, чтобъ вотчинѣ ихъ и удѣламъ было безъ убытка. Относительно пользованія удѣлами, Владиміръ Андреевичъ опредѣляетъ, чтобъ сыновья его не въѣзжали въ удѣлы другъ къ другу на свою утѣку, т.-е. на охоту, равно и въ удѣлъ матери своей, развѣ получатъ позволеніе; не должны присылать въ удѣлъ другъ другу приставовъ и судить судовъ [7]).

Димитрій Донской имѣлъ всю возможность привесть въ свою волю двоюроднаго брата, который не имѣлъ средствъ бороться съ владѣльцемъ двухъ частей Московскаго княжества и цѣлаго Владимірскаго; притомъ же Серпуховской князь не имѣлъ права на старшинство ни въ Москвѣ, ни во Владимірѣ. Въ другихъ отношеніяхъ находился Василій Димитріевичъ къ роднымъ братьямъ, которыхъ надобно было щадить, ласкать, чтобы заставить рѣшиться сдѣлать первый тяжкій шагъ—отказаться отъ старшинства въ пользу племянника. Отсюда понятно, почему въ договорахъ Василія Димитріевича съ братьями мы не находимъ тѣхъ рѣзкихъ выраженій, тѣхъ прямыхъ указаній на служебныя отношенія удѣльнаго князя къ великому, какія встрѣчаемъ въ договорахъ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ. Младшіе братья обязываются держать Василія только вмѣсто отца [6]), Юрій Дими-

---

[1]) С. г. г. и д. I, № 23.
[2]) С. г. г. и д. I, № 27.
[3]) С. г. г. и д. I, № 33: «А которые бояре умолвятъ, то подоймётъ князь, котораго умолвятъ, а бояромъ вины нѣтъ».
[4]) Тамъ же, № 35.
[5]) Тамъ же, № 38.
[6]) Тамъ же, № 40.
[7]) Тамъ же, № 37.

тріевичъ, въ отдѣльномъ договорѣ своемъ съ старшимъ братомъ [1]), обязывается держать его въ старшинствѣ — и только; нѣтъ выраженія: честно и грозно, нѣтъ обязательства служить старшему брату.

Василію Димитріевичу не удалось склонить брата Юрія къ уступкѣ старшинства племяннику; отсюда усобица въ княженіе Василія Васильевича. Эта усобица кончилась торжествомъ новаго порядка вещей, собраніемъ удѣловъ; но въ продолженіе ея великій князь иногда находился въ затруднительныхъ обстоятельствахъ и потому не могъ слишкомъ круто поступать съ удѣльными. Дядя Юрій Димитріевичъ, принуждаемый отказаться отъ старшинства, хотя и называетъ племянника старшимъ братомъ, однако заключаетъ съ нимъ договоры какъ союзникъ равноправный, безо всякаго опредѣленія, какъ онъ долженъ держать старшаго брата; Юрій освобождаетъ себя отъ обязанности садиться на коня даже и тогда, когда самъ великій князь выступитъ въ походъ; относительно этого обстоятельства въ первомъ договорѣ [2]) встрѣчаемъ слѣдующее условіе: если Василій Васильевичъ сядетъ на коня, то Юрій посылаетъ съ нимъ своихъ дѣтей, бояръ и слугъ; если великій князь пошлетъ въ походъ младшихъ дядей своихъ или дѣтей Юрія, то послѣдній обязанъ выслать дѣтей съ боярами и слугами; если же великій князь посылаетъ своихъ воеводъ, то и Юрій обязанъ выслать только своего воеводу съ своими людьми. Во второмъ договорѣ: когда Василій самъ сядетъ на коня, или пошлетъ въ походъ дядю Константина, то Юрій высылаетъ сына; если же великій князь пошлетъ двоюродныхъ братьевъ или воеводъ, то Юрій высылаетъ только воеводъ своихъ; если же великій князь пошлетъ одного сына Юріева на службу, то послѣдній долженъ идти безъ ослушанья [3]). Выраженія честно и грозно въ началѣ княженія Василія Васильевича не находимъ въ договорныхъ грамотахъ этого великаго князя даже и съ двоюродными братьями Андреевичами, встрѣчаемъ только въ договорѣ съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ, внукомъ Владиміра Андреевича [4]); нѣтъ этого выраженія и въ договорѣ Андреевичей съ Юріемъ [5]); но послѣ смерти Юрія оно является постоянно въ договорахъ Василія Васильевича съ удѣльными князьями.

Договоры великихъ князей Московскихъ съ великими же князьями Тверскими и Рязанскими сходны съ упомянутымъ выше договоромъ великаго князя Василія Васильевича съ дядею Юріемъ, съ тою только разницею, что Юрій, какъ удѣльный князь, не можетъ самъ собою, непосредственно, сноситься съ Ордою, посылаетъ дань черезъ великаго князя, тогда какъ великіе князья Тверской и Рязанскій сохраняютъ относительно Татаръ вполнѣ независимое отъ Московскаго князя положеніе, сами знаютъ Орду, по тогдашнему выраженію. Если Тверской князь и обязывается иногда считать Московскаго старшимъ братомъ, то это опредѣленіе отношеній остается безъ дальнѣйшаго объясненія. Относительно выступленія въ походъ въ договорахъ между великими князьями — Московскимъ, Тверскимъ и Рязанскимъ—встрѣчаемъ обыкновенно условіе, что если великій князь Московскій сядетъ на коня, то и другой договаривающійся великій князь обязанъ садиться на коня; если Московскій пошлетъ воеводъ, то и другой обязанъ сдѣлать то же; только въ договорахъ Димитрія Донскаго и сына его Василія съ Михаиломъ Тверскимъ встрѣчаемъ особенности: въ первомъ Тверской великій князь обязанъ садиться на коня и въ томъ случаѣ, когда выйдетъ на рать двоюродный братъ Московскаго князя, Владиміръ Андреевичъ [6]). Въ договорѣ Василія Димитріевича читаемъ [7]): „Пойдетъ на насъ царь (ханъ) ратію, или рать татарская, и сяду я на коня самъ съ своею братьею, то и тебѣ, братъ, послать ко мнѣ на помощь двухъ своихъ сыновей, да двухъ племянниковъ, оставивъ у себя одного сына; если же пойдутъ на насъ или Литва, или Ляхи, или Нѣмцы, то тебѣ послать дѣтей своихъ и племянниковъ на помощь; кормъ они возьмутъ, но инымъ ничѣмъ корыстоваться не должны. Также, если пойдутъ на васъ Татары, Литва или Нѣмцы, то мнѣ идти самому къ вамъ на помощь съ братьями, а нужно будетъ мнѣ котораго брата оставить у себя на сторожу, и я оставлю. А къ Ордѣ, тебѣ, и къ царю, путь чистъ, и твоимъ дѣтямъ, и твоимъ внучатамъ, и вашимъ людямъ". Этотъ договоръ заключенъ совершенно на равныхъ правахъ, даже у Тверскаго князя болѣе правъ, чѣмъ у Московскаго, безъ сомнѣнія вслѣдствіе возраста Михаила Александровича; такъ послѣдній ни въ какомъ случаѣ не обязывается самъ выступать въ походъ.

Что касается формы договорныхъ грамотъ, то до временъ великаго князя Василія Димитріевича онѣ обыкновенно начались словами: „По благословенію отца нашего митрополита"; первая дошедшая до насъ договорная грамота, начинающаяся словами: „Божіею милостію и Пречистыя Богоматери", есть договорная грамота Василія Димитріевича съ Тверскимъ княземъ Михаиломъ; постоянно же эта форма начинаетъ встрѣчаться въ договорныхъ грамотахъ со временъ Василія Васильевича Темнаго, именно начиная съ договора его съ княземъ Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Послѣ этихъ словъ слѣдуютъ слова: „На семъ на всемъ (имярекъ), цѣлуй ко мнѣ крестъ" (имярекъ). Оканчиваются грамоты такими же словами: „А на семъ на всемъ цѣлуй ко мнѣ крестъ по любви въ правду, безъ хитрости" Когда, вслѣдствіе извѣстныхъ стремленій, вражда между родичами, между великимъ княземъ и удѣльными, дошла до крайности, когда мирились только

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 10.
[2]) С. г. г. и д. I, №№ 43 и 44.
[3]) С. г. г. и д. I, №№ 49 и 55.
[4]) С. г. г. и д. I, №№ 45 и 46.
[5]) С. г. г. и д. I, № 47.
[6]) С. г. г. и д. I, №№ 28, 48, 65.
[7]) Акты Арх. Эксп. I, № 14.

по нуждѣ, съ враждою въ сердцѣ, съ намѣреніемъ нарушить миръ при первомъ удобномъ случаѣ, то начали употреблять болѣе сильныя нравственныя средства, для того, чтобы побудить къ сохраненію договора: явились такъ называемыя проклятыя грамоты.—Но эти проклятыя грамоты, это усиленіе нравственныхъ принужденій, не достигало цѣли, и служитъ для насъ только признакомъ крайняго усиленія борьбы, при которой враждующіе дѣйствовали по инстинкту самосохраненія, не разбирая средствъ, не сдерживаясь никакими нравственными препятствіями. — Что касается формы духовныхъ завѣщаній княжескихъ, то они начинались слѣдующими словами: „Во имя Отца и Сына и Св. Духа. Се азъ грѣшный худый рабъ Божій (имярекъ) пишу душевную грамоту, ни кѣмъ не нуженъ, цѣлымъ своимъ умомъ, въ своемъ здоровьи".

При обзорѣ распредѣленія волостей княжескихъ мы видѣли, какую важную долю изъ нихъ князья давали обыкновенно своимъ женамъ. Этому богатому надѣленію соотвѣтствовало и сильное нравственное и политическое вліяніе, какое уступалось имъ по духовнымъ завѣщаніямъ мужей. Калита въ своемъ завѣщаніи приказываетъ княгиню свою съ меньшими дѣтьми старшему сыну Семену, который долженъ быть по Богѣ ея печальникомъ. Здѣсь завѣщатель не предписываетъ сыновьямъ, кромѣ попеченья, никакихъ обязанностей относительно жены своей, потому что эта жена, княгиня Ульяна, была имъ мачиха. До какой степени мачиха и ея дѣти были чужды тогда дѣтямъ отъ первой жены, доказательствомъ служитъ то, что сынъ Калиты, Іоаннъ II, не иначе называетъ свою мачиху, какъ княгинею Ульяною только, дочь ея не называетъ сестрою [1]); это объясняетъ намъ старинныя отношенія сыновей и внуковъ Мстислава Великаго къ сыну его отъ другой жены, Владиміру Мстиславичу, мачешичу. — Иначе опредѣляются отношенія сыновей къ роднымъ матерямъ по духовнымъ завѣщаніямъ княжескимъ; Донской приказываетъ дѣтей своихъ княгинѣ: „А вы, дѣти мои, говоритъ онъ, живите заодно, а матери своей слушайтесь во всемъ; если кто изъ сыновей моихъ умретъ, то княгиня моя подѣлитъ его удѣломъ остальныхъ сыновей моихъ: кому что дастъ, то тому и есть, а дѣти мои изъ ея воли не выйдутъ. Дастъ мнѣ Богъ сына, и княгиня моя подѣлитъ его, взявши по части у большихъ его братьевъ. Если у кого-нибудь изъ сыновей моихъ убудетъ отчины, чѣмъ я его благословилъ, то княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ изъ ихъ удѣловъ; а вы, дѣти мои, матери слушайтесь. Если отниметъ Богъ сына моего, князя Василья, то удѣлъ его идетъ тому сыну моему, который будетъ подъ нимъ, а удѣломъ послѣдняго княгиня моя подѣлитъ сыновей моихъ; а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери: что кому дастъ, то того и есть. А приказаль я своихъ дѣтей своей княгинѣ; а вы, дѣти мои, слушайтесь своей матери во всемъ, изъ ея воли не выступайте ни въ чемъ. А который сынъ мой не станетъ слушаться своей матери, на томъ не будетъ моего благословенія".

Договоръ великаго князя Василія Димитріевича съ братьями начинается такъ: „По слову и благословенію матери нашей Авдотьи". Въ договоръ свой съ братомъ Юріемъ Василій вноситъ слѣдующее условіе: „А матерь свою намъ держать въ матерствѣ и въ чести". Сыну своему Василій Димитріевичъ наказываетъ держать свою мать въ чести и матерствѣ: какъ Богъ реклъ; въ другомъ завѣщаніи обязываетъ сына почитать мать точно такъ же, какъ почиталъ отца. Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской даетъ своей женѣ право судить окончательно споры между сыновьями, приказываетъ послѣднимъ чтить и слушаться матери. То же самое приказываетъ сыновьямъ и Василій Темный.—Относительно княгинь-вдовъ и дочерей ихъ въ завѣщаніи Владиміра Андреевича находимъ слѣдующее распоряженіе: „Если Богъ отниметъ котораго нибудь изъ моихъ сыновей, и останется у него жена, которая не пойдетъ за мужъ, то пусть она съ своими дѣтьми сидитъ въ удѣлѣ мужа своего, когда же умретъ, то удѣлъ идетъ сыну ея, моему внуку; если же останется дочь, то дѣти мои всѣ брата своего дочь выдадутъ за мужъ, и брата своего удѣломъ подѣлятся всѣ поровну. Если же не будетъ у нея вовсе дѣтей, то и тогда пусть сноха моя сидитъ въ удѣлѣ мужа своего до смерти и поминаетъ нашу душу, а дѣти мои до ея смерти въ брата своего удѣлъ не вступаются никакимъ образомъ".

Мы видѣли, что волости, оставляемыя княгинямъ, раздѣлялись на такія, которыми онѣ не имѣли права располагать въ своихъ завѣщаніяхъ, и на такія, которыми могли распорядиться произвольно; послѣднія назывались опричнинами. Но, кромѣ того, въ Московскомъ княжествѣ были такія волости, которыя постоянно находились во владѣніи княгинь, назначались на ихъ содержаніе; эти волости назывались княгининскими пошлыми. Относительно ихъ великій князь Василій Димитріевичъ въ завѣщаніи своемъ дѣлаетъ слѣдующее распоряженіе: „Что касается селъ княгининскихъ пошлыхъ, то они принадлежатъ ей; вѣдаетъ она ихъ до тѣхъ поръ, пока женится сынъ мой, послѣ чего она должна отдать ихъ княгинѣ сына моего, своей снохѣ, тѣ села, которыя были издавна за княгинями".

Во всѣхъ этихъ волостяхъ княгиня была полною владѣтельницею. Димитрій Донской на этотъ счетъ распоряжается такъ: „До какихъ мѣстъ свободскіе волостели судили тѣ свободы при мнѣ, до тѣхъ же мѣстъ судятъ и волостели княгини моей. Если въ тѣхъ волостяхъ, слободахъ и селахъ, которыя я взялъ изъ удѣловъ сыновей моихъ и далъ княгинѣ моей, кому-нибудь изъ сиротъ (крестьянъ) случится пожаловаться на волостелей, то дѣло разберетъ княгиня моя (учинитъ исправу), а дѣти мои въ то

[1]) С. г. г. и д. I, № 25: «А что волости за княгинею за Ульяною исъ тыхъ волостей по ее животѣ дѣти мои дадутъ дчери ее Сурожикъ, село Лучинское».

не вступаются".—Владиміръ Андреевичъ распорядился такъ: „На мытниковъ и таможниковъ городецкихъ дѣти мои приставовъ своихъ не даютъ и не судятъ ихъ; судитъ ихъ, своихъ мытниковъ и таможниковъ, княгиня моя".

Духовенство, во имя религіи, поддерживало всѣ эти отношенія сыновей къ матерямъ, какъ они опредѣлялись въ духовныхъ завѣщаніяхъ княжескихъ. Митрополитъ Іона писалъ князьямъ, которые отнимали у матери своей волости, принадлежащія ей по завѣщанію отца [1]): „Дѣти! Била мнѣ челомъ на васъ мать ваша, а моя дочь, жалуется на васъ, что вы поотнимали у нея волости, которыя отецъ вашъ далъ ей въ опричнину, чтобы было ей чѣмъ прожить, а вамъ далъ особые удѣлы. И это вы, дѣти, дѣлаете богопротивное дѣло, на свою душевную погибель и здѣсь, и въ будущемъ вѣкѣ.... Благословляю васъ, чтобы вы своей матери челомъ добили, прощеніе у ней выпросили, честь бы ей обычную воздавали, слушались бы ея во всемъ, а не обижали, пусть она вѣдаетъ свое, а вы свое, по благословенію отцовскому. Отпишите къ намъ, какъ вы съ своею матерью управитесь; и мы за васъ будемъ Бога молить, по своему святительскому долгу, и по вашему чистому покаянію. Если же станете опять гнѣвить и оскорблять свою мать, то дѣлать нечего, самъ боясь Бога и по своему святительскому долгу, пошлю за своимъ сыномъ, за вашимъ владыкою, и за другими многими священниками, да взглянувши вмѣстѣ съ ними въ божественныя правила, поговоривъ и разсудивъ, возложимъ на васъ духовную тягость церковную, свое и прочихъ священниковъ неблагословеніе".

Таковы были междукняжескія отношенія къ Сѣверо-Восточной Руси. Мы видимъ, что переходъ родовыхъ отношеній въ государственныя, переходъ удѣльныхъ князей изъ родичей въ служебниковъ, поскольку онъ выражается въ договорныхъ княжескихъ грамотахъ, совершается очень медленно, благодаря именно долгому господству родовыхъ княжескихъ отношеній и вслѣдствіе того, что великій князь долженъ здѣсь усиливать свою власть насчетъ ближайшихъ родственниковъ, выгоды которыхъ требуютъ поддержанія старыхъ родовыхъ формъ при опредѣленіи отношеній въ договорахъ, хотя, разумѣется, при перемѣнѣ отношеній на дѣлѣ, при новыхъ стремленіяхъ и понятіяхъ, и самыя родовыя формы измѣняются и показываютъ ясно разрушеніе старыхъ отношеній; такъ, напримѣръ, выраженія, встрѣчающіяся въ договорахъ описываемаго времени: „держать дядею, держать племянникомъ, держать братомъ ровнымъ"—не имѣютъ смысла при родовыхъ отношеніяхъ, гдѣ существуютъ только отношенія отца къ дѣтямъ, гдѣ дядя есть отецъ, старшій братъ — отецъ, племянникъ, младшій братъ—сыновья. Обязательство удѣльнаго князя—служить великому, и обязательство послѣдняго кормить удѣльнаго, смотря по службѣ, являются разъ въ договорѣ Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ, и потомъ исчезаютъ вслѣдствіе того, что Василій Димитріевичъ и Василій Васильевичъ находятся въ менѣе выгодномъ положеніи относительно родичей. Даже довольно неопредѣленное выраженіе: „Держать великое княженіе честно и грозно"—утверждается не вдругъ въ договорныхъ грамотахъ. Договоровъ служебныхъ князей съ тѣми князьями, къ которымъ они вступали въ службу съ отчинами, изъ Сѣверо-Восточной Руси до насъ не дошло; но мы имѣемъ довольное число такихъ договоровъ изъ Руси Юго-Западной. Въ 1443 году князь Ѳедоръ Львовичъ Воротынскій, взявши городъ Козельскъ въ намѣстничество изъ руки Казимира, короля Польскаго и великаго князя Литовскаго, записался своему государю безъ лести и безъ хитрости [2]). Король Казимиръ въ 1455 году пишетъ, что далъ вотчину князю Воротынскому, узрѣвши вѣрную его службу [3]). Договорная грамота князей Новосельскихъ и Одоевскихъ съ Казимиромъ начинается тѣмъ, что означенные князья били челомъ господарю великому князю, чтобы принялъ ихъ въ службу. Тотъ пожаловалъ, принялъ ихъ въ службу,—и они обязываются служить ему вѣрно во всемъ, безъ всякой хитрости, и быть во всемъ послушными, давать ему ежегодную дань (полѣтное), быть въ его волѣ, имѣть однихъ друзей и враговъ. Казимиръ, съ своей стороны, обязывается держать ихъ въ чести и въ жалованьи, оборонять отъ всякаго; обязывается и за наслѣдниковъ своихъ не нарушать договора, не вступаться въ ихъ отчину; въ противномъ случаѣ крестное цѣлованіе съ нихъ долой и они становятся вольными; обязывается судъ и исправу давать имъ во всѣхъ дѣлахъ чистыя, безъ перевода: судьи королевскіе съѣзжаются съ ихъ судьями и судятъ, поцѣловавши крестъ безъ всякой хитрости; если возникнетъ у судей споръ, то дѣло переносится на разрѣшеніе великаго князя; споры самихъ князей между собою отдаются также на рѣшеніе Казимира [4]). Любопытно сравнить дошедшую до насъ духовную грамоту Олгердова внука, князя Андрея Владиміровича, съ духовными грамотами Московскихъ князей; и въ этихъ письменныхъ памятникахъ, какъ во всякихъ другихъ, высказывается различіе въ характерѣ странъ, гдѣ они писаны. И московскія и южно-русское завѣщанія начинаются словами: „Во имя Отца, и Сына, и Св. Духа," послѣ чего въ московскихъ, какъ мы видѣли, означается, что завѣщатель находился въ добромъ здоровьи, душевномъ и тѣлесномъ,—замѣчаніе, необходимое для того, чтобы духовная имѣла полную силу, — и потомъ, безъ всякихъ околичностей, излагаются распоряженія завѣщателя. Въ духовной же Гедиминовича нѣтъ замѣчанія о душевномъ и тѣлесномъ здравіи: вмѣсто того завѣщатель распростра-

[1]) Дополн. къ акт. Истор. I, № 11.

[2]) Акты, относящ. къ истор. Западной Россіи, I, № 48.

[3]) Тамъ же, № 57.

[4]) Тамъ же, № 63.

няется, какъ онъ съ женою и дѣтьми пріѣхалъ въ Кіевъ Богу молиться, поклонился всѣмъ святынямъ, благословился у архимандрита Николая, поклонился гробамъ родственниковъ и всѣхъ святыхъ старцевъ, и сталъ размышлять въ своемъ сердцѣ: сколько тутъ гробовъ, а вѣдь всѣ эти мертвецы жили на семъ свѣтѣ и пошли всѣ къ Богу; пораздумавъ, что скоро и ему туда придется идти, гдѣ отцы и братья, князь почелъ приличнымъ написать духовное завѣщаніе [1]).

Мы видѣли, что прежде князь было общимъ, неотъемлемымъ названіемъ для всѣхъ членовъ Рюрикова рода, а старшій въ этомъ родѣ князь назывался великимъ, причемъ мы видѣли, что названіе великій князь придавалось иногда и младшему въ родѣ просто изъ учтивости, отъ усердія пишущаго къ извѣстному князю. Въ описываемое время на сѣверѣ, при ослабленіи родовой связи, родового единства, при стремленіи князей къ особности, независимости, мы должны ожидать, что явится много князей, которые въ одно и то же время будутъ величать себя названіемъ великихъ, и не обманываемся въ своихъ ожиданіяхъ: князья Московскіе носятъ это названіе по праву, обладая постоянно старшимъ столомъ Владимірскимъ, но въ то же самое время называютъ себя великими князья Тверскіе и Рязанскіе, въ родѣ князей рязанскихъ— князья Пронскіе, стремясь постоянно къ независимости, называютъ себя также великими; наконецъ видимъ, что, по-прежнему, и тѣ младшіе, удѣльные князья, которые въ офиціальныхъ памятникахъ никогда не смѣютъ называть себя великими, въ памятникахъ неофиціальныхъ, изъ учтивости величаются этимъ названіемъ: такъ Св. Кириллъ Бѣлозерскій въ духовной своей называетъ великимъ княземъ удѣльнаго Можайскаго, Андрея Димитріевича [2]). Прежде, когда все вниманіе обращалось на родовыя отношенія князей, а не на владѣнія, старшему великому князю противополагались младшіе; но теперь, когда родовыя отношенія стали рушиться, отношенія же по владѣніямъ и зависимости начали выдвигаться на первый планъ, въ противоположность великому князю для младшихъ являются названія удѣльныхъ и помѣстныхъ князей [3]). Мы видѣли, что и прежде нѣкоторые князья назывались великими князьями всея Руси, какъ напримѣръ, Мономахъ, Юрій Долгорукій; въ описываемое время, изъ офиціальныхъ памятниковъ видимъ, что уже Іоаннъ Калита называется великимъ княземъ всея Руси [4]) и потомъ всѣ его преемники. Изъ прежнихъ названій княжескихъ встрѣчаемъ Господинъ; вновь являются Господарь и Государь. Что касается происхожденія перваго слова, то оно одинаково съ происхожденіемъ слова князь: оспода означаетъ семью, осподарь—начальника семьи, отца семейства [5]); должно замѣтить также, что первое названіе употребительнѣе на югѣ, второе на сѣверѣ. Господинъ и господарь встрѣчаются въ соединеніи; напр., „Занеже, господине князь великій, намъ твоимъ нищимъ нѣчимъ боронитися противу обидящихъ насъ, но токмо, господине, Богомъ и Пречистою Богородицею, и твоимъ, господине, жалованіемъ нашего господина и господаря“ [6]). Что значеніе слова господарь или государь было гораздо важнѣе значенія прежняго господинъ, свидѣтельствуетъ упорное сопротивленіе Новгородцевъ внести его въ употребленіе вмѣсто господинъ. Господарь противополагается служащимъ: „Кто кому служитъ, тотъ съ своимъ господаремъ и ѣдетъ [7])“. Для великихъ князей встрѣчаемъ названія: Великаго Государя Земскаго [8]), Великаго Государя Русскаго [9]), Великаго Господаря, Самодержца [10]). Самый полный титулъ великаго князя Московскаго для внѣшнихъ сношеній встрѣчаемъ въ договорной грамотѣ его съ Казиміромъ, королемъ Польскимъ: „По Божьей воли и по нашей любви, Божьею милостью, се язъ князь великій Василій Васильевичъ, Московскій, и Новгородскій, и Ростовскій, и Пермьскій и иныхъ [11])“.—По-прежнему подданные, все остальное народонаселеніе, противополагаются князьямъ подъ названіемъ черныхъ людей [12]).

При подлинныхъ грамотахъ княжескихъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся печати князей съ различными изображенія и надписями. На печати Іоанна Даниловича Калиты съ одной стороны находится изображеніе Іисуса Христа, на другой Св. Іоанна; вокругъ надпись: „Печать великаго князя Ивана“. У Симеона Гордаго на одной сторонѣ печати изображеніе Святаго Симеона, на—другой надпись: „Печать князя великаго Семенова всея Руси“. У брата его, Іоанна II, на одной сторонѣ печати изображеніе Святого Іоанна съ надписью „Агіосъ Іоаннъ“, на другой—надпись: „Печать князя великаго Ивана Ивановича“. У Димитрія Донскаго на одной сторонѣ печати изображеніе Св. Димитрія, на другой надпись: „Печать князя великаго Димитрія“; но на другой печати того же князя встрѣчаемъ надпись съ прибавленіемъ всея Руси. У Василія Дими-

[1]) Акты, относящ. къ истор. Западной Россіи, I, № 46.

[2]) Акты истор. I, № 32: «Предаю монастырь, трудъ свой и своее братьи, Богу и Пречистѣй Богородицѣ, и господину князю великому, сыну своему Андрею Димитріевичю».

[3]) Тамъ же, № 39: «И благодатію Божіею, земля наша и сущихъ окрестъ насъ братій нашихъ, великихъ князей дрьжавы и помѣстныхъ князей и начялниковъ, елико кто подъ собою имѣетъ, вси суть къ благочестію».

[4]) Акты Арх. Эксп. I, № 3.

[5]) Пол. Собр. Рус. Лѣт. IV, 61: «Егда бо впидяше (болѣзнь) гдѣ въ который родъ, или въ осподу». - Варіантъ къ осподу: въ семью.

[6]) Акты истор. I, № 32.

[7]) С. г. г. и д. I, № 52.

[8]) Акты истор. I, № 57.

[9]) Акты истор. I, № 60.

[10]) Акты истор. I, № 75; тамъ же, стр. 109.

[11]) Акты, относ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 50.

[12]) Никон. III, 78: «И тѣми даньми многу тяжесть творяше княземъ и чернымъ людемъ».

тріевича нѣсколько печатей; на одной изображеніе Св. Василія Кесарійскаго и надпись: „Печать князя великаго Васильева Димитріевича всея Руси"; на другой — изображеніе всадника съ копьемъ, обращеннымъ остріемъ книзу; третья печать имѣетъ изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ, и разныя другія. На печати Василія Темнаго виденъ всадникъ съ копьемъ, находящимся въ покойномъ положеніи, остріемъ вверхъ. На печати Тверскаго князя Бориса Александровича встрѣчаемъ также изображеніе всадника съ поднятымъ мечемъ.

И въ описываемое время вступленіе князя на столъ сопровождалось обрядомъ посаженія. Вотъ какъ описывается посаженіе Александра Невскаго во Владимірѣ: преосвященный Кириллъ митрополитъ встрѣтилъ его со крестами, со священнымъ соборомъ и со множествомъ людей, и посадилъ его на великомъ княженіи во Владимирѣ на столъ отца его, съ пожалованіемъ царевымъ (ханскимъ) [1]. Великій князь Василій Димитріевичъ былъ посаженъ на столъ посломъ Тохтамышевымъ [2]; Василія Васильевича посадилъ на столъ посолъ ханскій у Пречистыя, у Золотыхъ дверей [3]. Такимъ образомъ, въ этомъ самомъ обрядѣ обозначалась ясно зависимость русскихъ князей отъ хановъ татарскихъ; теперь, слѣдовательно, для удовлетворительнаго рѣшенія вопроса о значеніи князя на Руси въ описываемое время мы должны постараться опредѣлить степень зависимости его отъ хана; зависимость эта выражалась ли только въ необходимости требовать ханскаго утвержденія, ханскаго ярлыка и въ обязанности платить дань, или она имѣла вліяніе на внутреннюю дѣятельность князя, стѣсняла его? Здѣсь, разумѣется, прежде всего должно рѣшить вопросъ о томъ, какъ ханъ могъ наблюдать за дѣятельностію князя; имѣлъ ли онъ при немъ постояннаго представителя своего, намѣстника? Въ извѣстномъ разсказѣ объ Ахматѣ, баскакѣ курскомъ, лѣтописецъ говоритъ, что Ахматъ держалъ баскачество Курскаго княженія, другіе же Татары держали баскачество по инымъ городамъ, во всей Русской Землѣ, и были велики [4]. Въ повѣсти о мученіи Св. Михаила Черниговскаго сказано, что Батый поставилъ намѣстниковъ и властелей своихъ по всѣмъ городамъ русскимъ [5]. Въ извѣстіи о перечисленіи говорится, что численники поставили десятниковъ, сотниковъ, тысячниковъ и темниковъ, и, урядивши все, возвратились въ Орду [6]. Подъ 1262 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что по всѣмъ городамъ русскимъ былъ совѣтъ на Татаръ, которыхъ Батый и потомъ сынъ его, Сартакъ, посажали властелями по всѣмъ городамъ русскимъ. Князья, согласившись между собою, выгнали Татаръ, потому что было отъ нихъ насиліе: богатые люди откупали у Татаръ дани и корыстовались при этомъ сами, а многіе бѣдные работали въ ростахъ. Тогда же, при изгнаніи и убіеніи Татаръ, въ Ярославлѣ убили отступника Зосиму, или Изосима, который, съ позволенія посла ханскаго, дѣлалъ много зла христіанамъ [7]. Въ 1269 году великій князь Ярославъ Ярославичъ, сбираясь идти на Нѣмцевъ, пришелъ въ Новгородъ вмѣстѣ съ Амраганомъ, великимъ баскакомъ владимірскимъ [8]. Потомъ великій князь Василій Ярославичъ съ тѣмъ же самымъ Амраганомъ воевалъ волости Новгородскія [9]. Подъ 1275 годомъ упоминается о второмъ перечисленіи [10]; подъ 1290—о возстаніи жителей ростовскихъ на Татаръ, которые были ограблены [11]. Послѣ извѣстія объ Амраганѣ мы не встрѣчаемъ на сѣверѣ извѣстій о баскакахъ; встрѣчаемъ баскака только разъ на югѣ, въ Курской области, подъ 1284 годомъ,—ясный знакъ, что на сѣверѣ баскаковъ больше не было, иначе лѣтописи не могли бы умолчать о нихъ въ разсказѣ о событіяхъ, въ которыхъ Татары принимали важное участіе, какъ напримѣръ въ борьбѣ между сыновьями Невскаго; упоминаются только одни послы, временно являвшіеся въ русскихъ городахъ. Послѣ 1275 года не упоминается болѣе о перечисленіи,—ясный знакъ, что ханы, по разнымъ причинамъ, начали оказывать полную довѣренность князьямъ и что послѣдніе взяли на себя доставку дани въ Орду; но еще подъ 1266 годомъ лѣтописецъ говоритъ объ ослабѣ отъ насилія татарскаго по смерти хана Берге. Уже князь Андрей Александровичъ Городецкій взводилъ въ Ордѣ обвиненіе на старшаго брата Димитрія Переяславскаго, будто тотъ не хочетъ платить дани хану; конечно, если-бы въ это время находился въ Россіи баскакъ, или главный сборщикъ податей, дорога, то не родному брату пришлось бы доносить на Димитрія, и ханъ не сталъ бы основываться на однихъ Андреевыхъ доносахъ; если же въ этихъ дѣлахъ были замѣшаны и баскаки, и дороги, то какимъ образомъ лѣтописецъ умолчалъ о нихъ?—не умолчалъ же онъ о Кавгадыѣ. Такимъ образомъ, чрезъ удаленіе баскаковъ, численниковъ и сборщиковъ дани князья освобождались совершенно отъ татарскаго вліянія на свои внутреннія распоряженія; но и во время присутствія баскаковъ мы не имѣемъ основанія предполагать большаго вліянія ихъ на внутреннее управленіе, ибо не видимъ ни малѣйшихъ слѣдовъ такого вліянія.

На юго-западѣ самое подробное описаніе вступленія княжескаго на столъ читаемъ въ разсказѣ Волынскаго лѣтописца о вступленіи Мстислава Даниловича на столъ владимірскій, оставленный ему по распоряженію двоюроднаго брата Владиміра Васильевича: Мстиславъ пріѣхалъ въ соборную церковь, созвалъ бояръ и гражданъ, Русскихъ и Нѣм-

¹) Никон. III, стр. 34.
²) Тамъ же, т. IV, стр. 192.
³) Тамъ же, V, стр. 111.
⁴) Тамъ же, т. III, стр. 78: «И сіи велицы бяху».
⁵) Тамъ же, стр. 20.
⁶) Тамъ же, стр. 37.
⁷) Тамъ же, стр. 41.
⁸) П. С. Р. Л. III, 61.
⁹) Никон. III, 57.
¹⁰) Никон. III, стр. 59.
¹¹) П. С. Р. Л. I, 227.

цевъ, которымъ прочли Владимірово завѣщаніе, и слышали всѣ отъ мала до велика, послѣ чего епископъ благословилъ Мстислава крестомъ воздвизальнымъ на княженіе. Здѣсь, на югѣ, жителя Бреста не хотѣли признавать Мстислава своимъ княземъ, не хотѣли исполнять завѣщанія Владимірова. На сѣверѣ не видимъ ничего подобнаго, не встрѣчаемъ также извѣстіи о рядахъ или уговорахъ граждань съ князьями; не встрѣчаемъ извѣстій о томъ, чтобы князья созывали вѣча и объявляли народу о походѣ. Князья, попрежнему, чаще сами предводительствуютъ войскомъ, чѣмъ посылаютъ воеводъ; но ни въ одномъ изъ нихъ не замѣчаемъ такой охоты къ бою, какую видѣли въ князьяхъ старой, Южной Руси.

Законодательная дѣятельность князей выразилась въ описываемое время на сѣверѣ въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича на Двину [1]), въ судной грамотѣ великаго князя Александра Михайловича, данной Пскову, и въ уставной грамотѣ князя Константина Димитріевича, данной тому же городу [2]). Въ 1395 году митрополитъ Кипріанъ писалъ Псковичамъ: „Слышалъ я, что Суздальскій владыка Діонисій, будучи во Псковѣ, составилъ грамоту и присоединилъ ее къ грамотѣ великаго князя Александра—по чему ходить, какъ судить, кого какъ казнить, да написалъ и проклятіе на того, кто начнетъ поступать иначе. Діонисій владыка сдѣлалъ это не свое дѣло, не по закону и не по правиламъ. Если великій князь Александръ написалъ грамоту, по чему ходить, то воленъ въ томъ всякій царь, въ своемъ царствѣ, или князь въ своемъ княженьи — всякія дѣла рѣшить и грамоты записывать; такъ и великій князь Александръ воленъ былъ написать грамоту, по чему ходить, на христіанское добро, а Діонисій владыка вплелся не въ свое дѣло, написалъ грамоту негодную, и я эту грамоту рушаю. Вы же, дѣти мои Псковичи, какъ прежде ходили по грамотѣ князя великаго Александра, какъ была это у васъ старина, такъ и теперь по той старинѣ ходите; а грамоту Діонисіеву пришлите ко мнѣ, я самъ ее раздеру; то грамота не въ грамоту, а что написалъ онъ тамъ проклятіе и неблагословеніе патріаршее, и я это проклятіе снимаю и благословляю васъ. Ходите, дѣти, по своему обычаю (по своей пошлинѣ) и по старинѣ суды судите: кого виноватаго пожалуете, вольны; показните ли за какую вину, также вольны; дѣлайте по старинѣ, чисто и безъ грѣха, какъ и всякіе христіане дѣлаютъ". О дѣятельности князя относительно суда и расправы такъ читаемъ въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ; великій князь говоритъ двоюродному брату: „Судовъ тебѣ московскихъ безъ моихъ намѣстниковъ не судитъ; а стану я судить московскіе суды, то я буду этимъ съ тобою дѣлиться. Если случится мнѣ не быть въ Москвѣ, и ударитъ мнѣ челомъ Москвитинъ на Москвитина, то я дамъ пристава и пошлю къ своимъ намѣстникамъ, чтобъ они рѣшили дѣло, вмѣстѣ съ твоими намѣстниками. Если же ударитъ мнѣ челомъ кто изъ великаго княженія на Москвитина, на твоего боярина, то я пошлю за нимъ пристава, а ты пошлешь за своимъ своего боярина. Если же ударитъ мнѣ челомъ мой на твоего, кто живетъ въ твоемъ удѣлѣ, то я пошлю къ тебѣ, а ты рѣшишь дѣло; а ударитъ тебѣ челомъ твой на моего, кто живетъ въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженіи, то ты пошлешь ко мнѣ, и я рѣшу дѣло, а послать намъ за ними своихъ бояръ [3]).

Мы видимъ, что по прошествіи извѣстнаго времени Россія освободилась отъ татарскихъ численниковъ, и сами князья стали собирать дань съ своихъ волостей и доставлять въ Орду. О томъ, какъ собиралась дань въ волостяхъ, составлявшихъ общее владѣніе Калитина потомства, можно найти извѣстія въ условіяхъ договора между Димитріемъ Донскимъ и Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. „Если мнѣ, говоритъ великій князь, придется послать своихъ данщиковъ въ городъ и на перевозы и въ волости княгини Ульяны, то тебѣ своихъ данщиковъ слать съ моими данщиками вмѣстѣ, а въ твой удѣлъ мнѣ своихъ данщиковъ не всылать"; слѣдовательно, каждый удѣльный князь собиралъ въ своемъ удѣлѣ дань независимо, и потомъ отдавалъ ее великому князю, для доставленія въ Орду. Въ другомъ договорѣ тѣхъ же князей говорится: „Что наши данщики сберутъ въ городѣ (Москвѣ), въ станахъ и въваряхъ, тому идти въ мою (в. князя) казну, а мнѣ давать въ выходъ". Послѣ того, какъ поголовное перечисленіе не возобновлялось болѣе, то количество выхода, разумѣется, стало зависѣть отъ соглашеній великихъ князей съ ханами. Безъ сомнѣнія, съ самаго начала великіе князья предложили ханамъ большую сумму денегъ, чѣмъ та, которую доставляли татарскіе численники и откупщики; потомъ эта сумма должна была измѣниться вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ; такъ напр., мы видѣли, что иногда князья, соперничествуя изъ ярлыка, надбавляли количество выхода [4]). Мамай требовалъ отъ Димитрія Донскаго дани, какую предки послѣдняго платили ханамъ Узбеку и Чанибеку, а Димитрій соглашался только на такую дань, какая въ послѣднее время была условлена между нимъ самимъ и Мамаемъ; нашествіе Тохтамыша и задержаніе въ Ордѣ сына великокняжескаго Василія заставили потомъ Донскаго заплатить огромный выходъ; была дань великая по всему княженію Московскому, говоритъ лѣтописецъ, брали по полтинѣ съ деревни, давали и золотомъ въ Орду. Въ завѣщаніи своемъ Димитрій Донской упоминаетъ о выходѣ въ 1,000 рублей со всѣхъ волостей, принад-

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 13.
[2]) Акты Истор. I, № 10 и 23.
[3]) С. г. г. и д. I, № 33.
[4]) Исторія Россіи, т. III, стр. 902.

лежавшихъ его сыновьямъ; здѣсь доля каждаго изъ пяти удѣловъ опредѣляется слѣдующимъ образомъ: Коломенскаго—342 рубля, Звенигородскаго—272, Можайскаго съ отъѣздными мѣстами—235, Дмитровскаго — 111 рублей, удѣла князя Ивана 10 рублей. Доля выхода, падавшая на княжество Серпуховское, удѣлъ Владиміра Андреевича, не могла быть здѣсь означена, и такимъ образомъ мы лишены средства сравнить Серпуховской удѣлъ съ другими удѣлами Московскаго княжества относительно количества выхода и, слѣдовательно, относительно матеріальныхъ средствъ. Доля Серпуховского удѣла опредѣлена въ договорѣ великаго князя Василія Димитріевича съ дядею Владиміромъ Андреевичемъ и въ завѣщаніи послѣдняго: эта доля состояла изъ 320 рублей; но количество всего выхода въ обоихъ случаяхъ означено другое, именно 5,000 рублей; наконецъ, во второмъ договорѣ Василія Димитріевича съ княземъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ извѣстіе о выходѣ въ 7,000 рублей; изъ тѣхъ же источниковъ узнаемъ, что Нижегородское княжество платило выходу 1,500 рублей. Извѣстна также доля каждаго изъ пяти удѣловъ, на которые раздробилось Серпуховское княжество по смерти Владиміра Андреевича: княгиня съ своего участка платила 88 рублей, князь Серпуховской 48 рублей съ половиною, князь Боровскій 33 рубля, князь Ярославльскій 76, князь Радонежскій 42; князь Перемышльскій 41; съ Городца князья Семенъ и Ярославъ платили 160 рублей въ нижегородскій выходъ (1,500 рублей); съ Углича—105 рублей. Здѣсь останавливаетъ насъ малость доли князя Семена Боровскаго—33 рубля; любопытно также, что средства одного Городца превышали средства двухъ удѣловъ князей Семена и Ярослава, Боровска и Ярославля. Въ эти у р о к и, въ эту опредѣленную сумму, которую долженъ былъ вносить каждый удѣлъ для выхода, не входила чрезвычайная дань, которую князья брали съ своихъ бояръ большихъ и путныхъ, по кормленію и путямъ [1]). Это выраженіе: „брать дань по кормленію и путямъ“ также—„брать дань на московскихъ станахъ и на городѣ, на Москвѣ“, съ противоположеніемъ дани, взятой на численныхъ людяхъ; выраженіе „положить дань на волости по л ю д я м ъ п о с и л ѣ“; наконецъ выраженіе—„потянуть данью по землѣ и по водѣ“—всѣ эти выраженія уже показываютъ, что дань бралась не поголовно. Великій князь Василій Васильевичъ пишетъ въ своемъ завѣщаніи: „Какъ начнутъ дѣти мои жить по удѣламъ, то княгиня моя и дѣти пошлютъ писцовъ, которые опишутъ ихъ удѣлы по крестному цѣлованію, обложатъ данью по сохамъ и по людямъ, и по этому окладу княгиня и дѣти мои станутъ давать въ выходъ сыну моему Ивану“. Едигей въ письмѣ къ великому князю Василію Димитріевичу говоритъ, что послѣдній во всѣхъ своихъ владѣніяхъ бралъ дань по рублю съ двухъ сохъ, но серебра этого не присылалъ въ Орду. Измѣнчивость выхода выражается обычнымъ въ княжескихъ договорахъ условіемъ: „А прибудетъ дани больше или меньше, взять ее по тому же разсчету“ и т. п. Со временъ Донскаго обычною статьею въ договорахъ и завѣщаніяхъ княжескихъ является то условіе, что если Богъ освободитъ отъ Орды, то удѣльные князья берутъ дань, собранную съ ихъ удѣловъ, себѣ, и ничего изъ нея не даютъ великому князю: такъ продолжаютъ сохранять они свое родовое равенство въ противоположность подданству, всего рѣзче обозначенному данью, которую князья Западной Руси уже платятъ великому князю Литовскому.

Кромѣ в ы х о д а или дани были еще другого рода издержки на Татаръ, ордынскія тягости и проторы. Таковъ былъ ямъ—обязанность доставлять подводы татарскимъ чиновникамъ [2]), содержаніе посла татарскаго и его многочисленной хищной свиты [3]); наконецъ поѣздки князей въ Орду, гдѣ должно было дарить хана, женъ его, вельможъ и всѣхъ сколько-нибудь значительныхъ людей. Неудивительно, что у князей иногда недоставало денегъ и они должны были занимать ихъ въ Ордѣ у тамошнихъ б е с е р м е н с к и х ъ купцовъ, а чтобы заплатить потомъ послѣднимъ,—занимать у своихъ русскихъ купцовъ; отсюда долги княжескіе раздѣляются въ ихъ договорахъ на долгъ бесерменскій и русскій; князь Звенигородскій Юрій Димитріевичъ въ договорѣ съ племянникомъ Василіемъ Васильевичемъ говоритъ: „Что я занялъ у гостей и у суконниковъ 600 рублей, и заплатилъ твой ордынскій долгъ Резепъ-Хозѣ и Абипу въ кабалы, и на кабалахъ подписалъ это серебро, то ты сними съ меня этотъ долгъ 600 рублей, а съ тѣми гостями вѣдайся самъ безъ меня; я только назову тебѣ тѣхъ людей, у которыхъ я занялъ деньги“. Какъ средства великаго князя превосходили средства удѣльныхъ, видно изъ того, что онъ нерѣдко имѣлъ возможность жаловать послѣднихъ, позволяя имъ извѣстное время не платить выхода съ цѣлаго удѣла или съ части его.

Дань шла въ казну княжескую тогда только, когда не было запросовъ изъ Орды, то-есть, когда считали возможнымъ не удовлетворять этимъ запросамъ; постоянные же доходы княжескіе состояли по-прежнему въ пошлинахъ торговыхъ, судныхъ и доходовъ съ земельной частной собственности. Торговыя пошлины въ княжескихъ договорахъ опредѣляются такимъ образомъ: князья тре-

[1]) С. г. г. и д. № 33: «А хто имetъ жити моихъ бояръ въ твоемъ удѣлѣ, блюсти ти ихъ какъ и своихъ, дань взяти какъ и на своихъ. А коли ми взяти дань на своихъ боярѣхъ на большихъ и на путныхъ, тогды ти взяти на своихъ такъ же по кормленью и по путемъ, да дати ти мнѣ, а то опроче того урока трехъ сотъ рублевъ и дватцати».

[2]) «А коли прядетъ дань или ямъ».—С. г. г. и д. I, № 39. Въ жалованныхъ грамотахъ говорится: «Тѣмъ ихъ людемъ не надобѣ ямъ, опричь татарьсково яму». Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 107.

[3]) Тамъ же, № 35, догов. Василія Дм. съ Владим. Андр. «А выидетъ Юрьи съ посломъ, и намъ то подняти по розачту».

буютъ обыкновенно другъ отъ друга, чтобы новыхъ мытовъ не замышлять, старые же, обычные мыты, состоятъ въ слѣдующихъ сборахъ: съ воза пошлины деньга, съ человѣка костокъ деньга; если кто поѣдетъ безъ воза, верхомъ на лошади, но для торговли, платитъ деньгу же; кто утаится отъ мытника, промытится, то платитъ съ воза промыты 6 алтынъ, да заповѣди столько же, сколько бы возовъ ни было; промыта состоитъ въ томъ, когда кто объѣдетъ мытъ; если же кто проѣдетъ мытъ, а мытника у заставы (завора) не будетъ, то промыты нѣтъ; если мытникъ догонитъ купца, то пусть возьметъ свой мытъ, но промыты и заповѣди здѣсь нѣтъ. Съ лодьи пошлина: съ доски два алтына, со струга алтынъ. Тамги и осмничаго берется отъ рубля алтынъ; но тамга и осмничее берется только тогда, когда кто начнетъ торговать; если же поѣдетъ только мимо, то знаетъ свой мытъ да костки, а другихъ пошлинъ нѣтъ; если же кто поѣдетъ безъ торгу, то съ того ни мыта нѣтъ [1]), ни пошлинъ.

Кромѣ означенныхъ пошлинъ, въ источникахъ упоминаются еще: гостинное, вѣсчее, пудовое, пошлина съ серебрянаго литья [2]), рѣзанка, шестьдесятъ, побережное [3]), пятно (пошлина съ положенія клейма на лошадей) [4]), пошлины съ соляныхъ варницъ (противень, плошки [5]), сторожевое медовое [6]), ѣзовое (пошлина съ рыбныхъ промысловъ) [7]), закосъ или закосная пошлина [8]), поватажное [9]), портное [10]).

Изъ судныхъ пошлинъ упоминаются: вина, поличное [11]), безадщина [12]), татинъ рубль [13]), пересудъ [14]) и проч. Наконецъ упоминается пошлина съ браковъ, или такъ называемая новоженная куница [15]). Въ описываемое время не встрѣчаемъ упоминовенія о двухъ отрасляхъ княжескихъ доходовъ, которые подъ именемъ полюдья и погородья упоминаются въ извѣстной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго. Обычай князей ѣздить на полюдье, т.-е. объѣзжать свою волость, вершить дѣла судныя и брать дары, упоминается еще въ извѣстіяхъ Константина Багрянороднаго, потомъ встрѣчаемъ упоминовеніе о немъ въ лѣтописи въ концѣ XII вѣка, но потомъ это названіе исчезаетъ; но исчезъ ли обычай, и когда именно исчезъ?—этихъ вопросовъ рѣшить не можемъ.

Мы видѣли, какою богатою земельною собственностію владѣли князья; произведенія этихъ земель не только служили для продовольствія двора, но шли также въ торговлю; на послѣднее указываетъ условіе въ договорѣ съ Рязанскимъ княземъ, чтобъ съ торговыхъ людей великокняжескихъ не брали мыта [16]). Въ описываемое время встрѣчаются извѣстія объ оброкѣ, который должны были платить поселенные на земляхъ люди два раза въ годъ, весною и осенью [17]), на весенній и осенній Юрьевъ день [18]). Одною изъ важнѣйшихъ статей дохода было пчеловодство и варка меду; объ этой статьѣ князья постоянно упоминаютъ въ своихъ договорахъ и завѣщаніяхъ [19]). Потомъ упоминаются княжескія соляныя варницы: въ области Галицкой такъ называемая Соль [20]), въ Нерехтѣ; подлѣ Юрьева упоминается Великая Соль [21]), въ Ростовѣ—ростовская соль; на Городцѣ волжскомъ князья имѣли также соляныя варницы [22]). О важности рыбной ловли для князей свидѣтельствуетъ завѣ-

[1]) С. г. г. и д. I, № 76, договоръ съ Тверью.—Въ другомъ договорѣ съ Тверью (Акты Арх. Эксп. I, № 14): «Съ воза по морткѣ обѣушной, а костки съ человѣка мортка; поѣдетъ на версѣ съ торговлею—морткаже, промыта съ воза по штидесять, а заповѣди шестьдесятъ одна».—Въ договорѣ съ Рязанью (С. г. г. и д. I, № 36): «Съ лодьи съ доски по алтыну, а съ струга съ набои два алтына, а безъ набои деньга; а князей великихъ ладьи пошлинъ нѣтъ».

[2]) С. г. г. и д. I, № 40.

[3]) Акты истор. I, № 2. Шестьдесятъ должно быть то же самое, что промытъ, см. выше пр. 1-е.

[4]) Тамъ же, № 15.

[5]) Тамъ же, № 49. Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты, относ. до юрид. быта, I, стр. 107.

[6]) Акты Арх. Эксп. I, № 5.

[7]) Акты Авх. Эксп. I, № 18.

[8]) Акты Арх. Эксп. I, № 39.

[9]) Акты Арх. Эксп. № 39. «А куды архимандритъ пошлетъ на монастырскую службу старцевъ своихъ или бѣлцовъ на ватагу или на иную службу, а пошлинники мои и поватажники поважатнаго у насъ не емлютъ».

[10]) Тамъ же, №№ 46 и 53.

[11]) Акты истор. I, № 2.

[12]) Тамъ же, № 14: «Съ виною и съ поличнымъ и съ безатщинами». Сравн. Акты Арх. Эксп. I, № 4: «А коли розмирье князю великому съ Новымгородомъ, а тогды ихъ (людей Юрьева монастыря на Волокѣ) въ безатщину не ставити, ни обидѣти ихъ въ то время, но живутъ оприсни въ брезѣ князя великаго».

[13]) Акты истор. I, № 39.

[14]) С. г. г. и д. I, № 40.

[15]) Акты Арх. Эксп. I, № 15.

[16]) С. г. г. и д. I, № 36.

[17]) Акты истор. I, № 25.

[18]) Акты Арх. Эксп. I, № 19.

[19]) С. г. г. и д. I, № 21: «А оброкомъ медовымъ городскимъ Василцева вѣданья подѣлятся сынове мои». № 23: «все на трое: и бортницы, и добратиньская борть». № 25: «И что медъ оброчны Васильцева стану, и что отца моего купленные бортницы подъ вѣчные варяхъ, то имъ все на трое». № 40: «А благословилъ есмь сына князя Ивана, далъ есмь ему Серпуховъ съ тамгою и съ мыты, и съ селы и зъ бортью и со всѣми пошлинами».

[20]) С. г. г. и д. № 34: Дмитрій Донской отказываетъ княгинѣ своей изъ Галича—Соль; князь Юрій Дмитріевичъ отказываетъ сыну Димитрію Красному—Галичъ съ солью, варницами. Тамъ же, № 51.

[21]) С. г. г. и д. I, № 86. Акты, относ. до юридич. быта, I, стр. 88.

[22]) Тамъ же, № 40.—Подробности о солеваренья находимъ въ жалованной грамотѣ великой княгини Маріи Ярославовны чухломскому Покровскому монастырю (Акты истор. I, № 49): «Что ихъ варница монастырская у Соли съ Супленскою варницею, и кто у нихъ будетъ закащикъ монастырской, и онъ въ той варницѣ варитъ на монастырь, какъ и на меня на великую княгиню варятъ въ моей варницѣ, безъ череду и безъ стоялницъ. Да что тутожъ у нихъ Соли монастырская же ихъ полварницы, на великомъ колодязѣ, да и въ иныхъ варницахъ три четвертины, ино не надобѣ съ нихъ ни противень, ни площькы, ни тамга, ни домытницы, ни иные имъ никоторые пошлины не надобѣ, ни явленое; а волости мои усольскіе, и ихъ тіуни и доводчики, у игуменовыхъ варницъ дровъ не емлютъ». См. также Акты Арх. Эксп. I, № 52. Акты, относ. до юридич. быта, I. стр. 445.

щаніе Серпуховского князя Владиміра Андреевича о рыбной ловлѣ подъ Городцомъ: онъ приказываетъ двоимъ сыновьямъ, чтобъ они устроили себѣ общій ѣзъ и дѣлили добычу поровну. Одною изъ важнѣйшихъ отраслей звѣроловства была ловля бобровъ, для которыхъ у князей былъ особый разрядъ служителей (бобровники); что бобры водились тогда по близости Москвы даже,—свидѣтельствуетъ завѣщаніе князя Владиміра Андреевича, который отказываетъ старшему сыну бобровниковъ въ станахъ московскихъ. Выгоды отъ звѣроловства и страсть къ охотѣ придавали въ глазахъ князей большую важность ловчему и сокольничему пути, т.-е. праву промышлять надъ звѣремъ и птицею; Симеонъ Гордый потребовалъ отъ братьевъ, чтобъ они уступили ему на старѣйшинство оба эти пути въ станахъ московскихъ, которые должны были находиться въ общемъ владѣніи; по завѣщанію Владиміра Андреевича, ни одинъ изъ его сыновей не смѣлъ охотиться на удѣлѣ другого безъ позволенія послѣдняго. Что охота была псовая, свидѣтельствуетъ названіе ловчихъ—псарями; для ловли птицъ употреблялись также и перевѣсы [1]). Князья посылали толпы своихъ промышленниковъ, ватаги къ Бѣлому морю и Сѣверному океану, въ страну Терскую и Печерскую за рыбою, звѣремъ и птицею: изъ грамоты великаго князя Андрея Александровича узнаемъ, что уже тогда три ватаги великокняжескія ходили на море, со своимъ ватамманомъ (ватагаманомъ, атаманомъ); Калита даетъ жалованную грамоту печерскимъ сокольникамъ [2]). Въ завѣщаніяхъ и договорахъ княжескихъ упоминается о конюшемъ пути, о правѣ ставить и кормить своихъ коней; Іоаннъ Калита завѣщалъ одно свое стадце сыну Семену, другое Ивану, а остальнымъ приказалъ подѣлиться сыновьямъ и женѣ поровну. Симеонъ Гордый завѣщалъ своей женѣ 50 коней ѣздовыхъ и два стада. Іоаннъ II отказалъ двоимъ сыновьямъ пополамъ стада свои коневыя, жеребцовъ и кобылицъ; Донской раздѣлилъ стада между сыновьями и женою. Владиміръ Андреевичъ Серпуховской отказалъ свое стадо сѣдельное — коней, лошаковъ и жеребцовъ, также кобылье стадо—женѣ своей. Наконецъ доходной статьею для князей являются сады, къ которымъ причислено было извѣстное число садовниковъ.

Мы видѣли, что князья пользовались остатками своихъ доходовъ для пріобрѣтенія имуществъ недвижимыхъ; о движимости ихъ можно имѣть довольно полное понятіе изъ духовныхъ завѣщаній. Іоаннъ Калита оставилъ послѣ себя двѣнадцать цѣпей золотыхъ, три пояса золотыхъ, поясъ большой съ жемчугомъ и съ каменьемъ, поясъ золотой съ капторгами, поясъ сердоничный окованъ золотомъ, поясъ фряжскій съ жемчугомъ и каменьемъ, поясъ золотой съ крюкомъ на червчатомъ шелку, поясъ золотой царевскій; двѣ чаши золотыя съ жемчугомъ, два овкача золотыхъ, двѣ чашки круглыя золотыя, двѣ чары золотыя, блюдце золотое съ жемчугомъ и каменьемъ, десять блюдъ серебряныхъ, два чума золотыхъ большихъ, два чумка золотыхъ поменьше, коробочку золотую; послѣ первой жены его, княгини Елены, остались вещи: четырнадцать обручей, ожерелье, монисто кованное, чело, гривна. Кромѣ того, Калита упоминаетъ еще о золотѣ, которое онъ придобылъ, и о серебряныхъ сосудахъ. Изъ дорогого платья Калита оставилъ дѣтямъ: кожухъ червленный, жемчужный, кожухъ желтый объяринный съ жемчугомъ, два кожуха съ аламами и съ жемчугомъ, коцъ великую съ бармами, бугай соболій съ наплечками, съ жемчугомъ и каменьемъ, скорлатное портище саженое съ бармами, шапку золотую.

Все это движимое имущество раздѣлено было между тремя сыновьями и женою; вещи первой жены пошли ея дочери. Доля князя Андрея Ивановича Серпуховскаго досталась сыну его, Владиміру. Симеонъ Гордый завѣщалъ все женѣ своей, отъ которой только нѣкоторыя вещи перешли къ великому князю Іоанну II; послѣдній оставилъ послѣ себя три иконы [3]), пять цѣпей золотыхъ, изъ которыхъ три съ крестами [4]), одну шапку золотую, однѣ бармы, четыре пояса, изъ которыхъ два съ жемчугомъ и каменьемъ [5]), двѣ сабли золотыя, двѣ обязи золотыя, двѣ серьги съ жемчугомъ, два чекана золотыхъ съ каменьемъ и жемчугами, три овкача золотыхъ, два ковша большихъ золотыхъ, одну коробку сердоничную, золотомъ окованную, одну бадью серебряную съ наливкою серебряною, одинъ опашень скорлатный саженый, аламъ жемчужный, наплечки золотыя съ кругами, съ каменьемъ и жемчугами, аламъ малый съ жемчугами, чашку золотую и стаканъ цареградскій, кованый золотомъ [6]), блюдо серебряное съ кольцами. Будущимъ зятьямъ своимъ великій князь оставилъ по цѣпи золотой и поясу золотому.

Димитрій Донской оставилъ послѣ себя одну икону, одну цѣпь, восемь поясовъ, бармы, шапку золотую, вотову саженую, снасть золотую, наплечки, аламъ, два ковша золотыхъ [7]).

Василій Димитріевичъ оставилъ своему сыну: страсти большія, крестъ патріарха Филоѳея, икону Парамшина дѣла, цѣпь кресчатую, шапку золотую, бармы, три пояса, коробку сердоничную, ковшъ

---

[1]) Акты истор. I, № 2.

[2]) Акты Арх. Эксп. I, №№ 1, 2, 3. «Отъ великаго князя отъ Ондрея къ посадникомъ и къ скотникомъ (т. е. сотникомъ) и къ старостамъ. Како есмь докончилъ съ новымгородомъ ходити тремъ ватагамъ моимъ на море, а ватамманъ Ондрей Критцкый, отьдають съ погостовъ кормъ и подводы по пошлинѣ».

[3]) «Икона св. Александръ, икона золотомъ кована Парамщина дѣла, икона Благовѣщенье».

[4]) «Чѣпь золотну врапу съ крестомъ золотымъ, чѣпь золоту колчату, чѣпь огнивчату».

[5]) Между прочимъ: «поясъ золотъ сточный».

[6]) Между названіемъ вещей одно полустерто:».. «ца золота съ каменьемъ».

[7]) Между прочимъ: «поясъ золотъ съ калитою, да съ тузлуки поясъ золотъ татауръ».

золотой князя Симеона Гордаго, сосудъ, окованный золотомъ, каменный сосудъ, присланный въ подарокъ отъ Витовта, кубокъ хрустальный, присланный въ подарокъ отъ Польскаго короля. Удѣльный князь Юрій Димитріевичъ Звенигородскій оставилъ послѣ себя три иконы, окованныя золотомъ, три пояса и блюдо большое двуколечное.

Великая княгиня Софья Витовтовна оставила: ящикъ съ мощами, икону, окованную на мусіи, икону Пречистыя Богородицы съ пеленою, большую икону Богородицы стѣнную съ пеленою и съ убрусцами, икону Св. Козьмы и Даміана, икону Св. Ѳедора Стратилата, выбитую на серебрѣ. Кромѣ того, оставила два дубовыхъ ларчика, большой и малый, большой ящикъ и коробью съ крестами, иконами и мощами.

Великій князь Василій Васильевичъ Темный оставилъ пять крестовъ золотыхъ: одинъ изъ нихъ Петра Чудотворца, другой Парамшинскій, третій патріарха Филоѳея; икону золотую и на изумрудѣ, шапку, бармы, сердоликовую коробку и два пояса. Изъ этого перечисленія мы видимъ, что движимое имущество великихъ князей Московскихъ вовсе не увеличивается послѣ Калиты, напротивъ—уменьшается; бѣдность завѣщанныхъ вещей особенно поражаетъ насъ въ духовной Димитрія Донскаго, сына и внука его. Такое оскудѣніе мы должны приписать, вопервыхъ, раздѣленію между сыновьями и передачѣ вещей дочерямъ, потомъ желанію князей увеличивать болѣе недвижимую собственность, чѣмъ движимую, Тохтамышеву нашествію и большимъ издержкамъ въ Ордѣ послѣ этого нашествія, большимъ издержкамъ въ Ордѣ при Василіи Димитріевичѣ для пріобрѣтенія ярлыковъ на Нижній-Новгородъ и Муромъ, наконецъ смутному княженію Василія Васильевича и тому, что Василій Косой и Шемяка грабили въ Москвѣ казну великокняжескую. Золотая шапка завѣщается постоянно старшему сыну, начиная съ завѣщанія Калиты; бармъ Калита не отказываетъ старшему сыну Семену, отказываетъ одежды съ бармами младшимъ сыновьямъ; но съ завѣщанія Іоанна II мы видимъ бармы постоянно въ числѣ вещей, завѣщаемыхъ старшему сыну; также, начиная съ завѣщанія Іоанна II, къ старшему сыну постоянно переходитъ коробка сердоничная, или сердоликовая, золотомъ окованная; впрочемъ, и Калита упоминаетъ о золотой коробочкѣ, которую онъ завѣщалъ княгинѣ съ дочерьми. Благословеніе иконами встрѣчаемъ впервые въ завѣщаніи Іоанна II; замѣчательно, что оружіе, именно двѣ золотыхъ сабли, встрѣчаемъ только между вещами этого князя, равно какъ двѣ серьги, завѣщанныя сыновьямъ. Въ духовной Димитрія Донскаго встрѣчаемъ очень мало платья; въ духовныхъ Василія Димитріевича и Василія Темнаго вовсе не встрѣчаемъ его. Движимое богатство князей Юго-Западной Руси состояло, какъ видно, въ тѣхъ же самыхъ вещахъ, какъ и на сѣверо-востокѣ; такъ, мы видѣли, что князь Владиміръ Васильевичъ Волынскій передъ смертію роздалъ бѣднымъ все свое имѣніе: золото, серебро, дорогіе камни, золотые и серебряные пояса, отцовскіе и свои: серебряныя блюда большія и кубки золотые и серебряные побилъ и полилъ въ гривны, такъ же поступилъ съ золотыми монистами бабки и матери своей [1]),

Жизнь русскаго князя на сѣверѣ и югѣ, въ описываемое время, мало чѣмъ разнилась отъ жизни прежнихъ русскихъ князей. Замѣчаемъ, что княжія имена выходятъ изъ употребленія; князья обыкновенно называются именами, взятыми изъ греческихъ святцевъ; изъ старыхъ славянскихъ именъ употребляются такія, которыя принадлежали Святымъ православнымъ князьямъ, каковы: Владиміръ, Борисъ, Глѣбъ, Всеволодъ. Въ потомствѣ Константина Всеволодовича встрѣчаемъ только одного Мстислава; въ потомствѣ Ярослава Всеволодовича находимъ одного Ярослава и одного Святослава; чаще встрѣчаемъ княжія имена въ областяхъ, принадлежащихъ къ старой Руси, Смоленской, Рязанской, Черниговской. Но если вышло изъ обычая давать князьямъ славянскія языческія имена, то сохранился обычай давать по два имени, хотя оба были взяты изъ греческихъ святцевъ; такъ извѣстно, что сынъ Василія Темнаго имѣлъ два имени—Іоаннъ и Тимоѳей, изъ которыхъ употреблялось только одно первое. Воспріемниками при крещеніи князей встрѣчаемъ духовныхъ лицъ: такъ владыка Новгородскій Василій ѣздилъ во Псковъ крестить сына (Михаила) у князя Александра Михаиловича Тверскаго; митрополитъ Алексій крестилъ князя Ивана Борисовича Нижегородскаго; у Димитрія Донскаго сына Юрія крестилъ Св. Сергій Радонежскій [2]); у князя Василія Михаиловича Кашинскаго крестилъ сына Димитрія Троицкій игуменъ Никонъ, преемникъ Св. Сергія, вмѣстѣ съ бабкою новорожденнаго, великою княгинею Евдокіею [3]); у Василій Васильевича Темнаго крестилъ сына (Іоанна) Троицкій же игуменъ Зиновій [4]). На княжескія крестины бывали большіе съѣзды. пріѣзжали князья-родственники съ женами, братьями, дѣтьми и боярами [5]). Обрядъ пострига сохранялся [6]). Касательно воспитанія князей встрѣчаемъ одно извѣстіе, что князь Михаилъ Александровичъ Тверской ѣздилъ въ Новгородъ къ крестному отцу своему, владыкѣ Василію, учиться у него грамотѣ [7]); молодому князю было тогда семь лѣтъ. Между боярами княжескими упомнаются дядьки [8]). Женились князья въ первый разъ отъ четырнадцатилѣтняго до двадцатилѣтняго возраста [9]); какъ и прежде, свадьбы сопровождались богатыми пирами; какъ вид-

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 219.
[2]) Никон. IV, 40. П. С. Р. Л. IV, 66.
[3]) Тамъ же, стр. 299.
[4]) Тамъ же, V, 153.
[5]) Тамъ же, IV, 40
[6]) Тамъ же, III, 99. «Бысть постригъ у князя Михаила Ярославича тверскаго сыну его Димитрею».
[7]) Никон. III, 175.
[8]) Акты истор. I, № 2.
[9]) См. Родословныя таблицы.

но, вѣнчались князья въ томъ городѣ, гдѣ княжилъ отецъ невѣсты, у котораго былъ первый пиръ, а потомъ всѣ родные и гости пировали у женихова отца; такъ Глѣбъ Васильевичъ, князь Ростовскій, женилъ сына Михаила на дочери Ярославскаго князя Ѳедора Ростиславича, и вѣнчаніе происходило у послѣдняго въ Ярославлѣ, куда пріѣхалъ отецъ жениховъ и много другихъ князей и бояръ; потомъ жениховъ отецъ задалъ большой пиръ въ Ярославлѣ же, почтилъ свата своего, князя Ѳедора Ростиславича, и всѣхъ гостей — князей, бояръ и слугъ [1]); брачные пиры назывались кашею [2]). Отъ обычая жениться въ городѣ отца невѣстина происходитъ выраженіе, что такой-то князь женился у такого-то князя. Но понятно, что подобный обычай могъ соблюдаться только тогда, какъ женихъ былъ еще князь молодой, ниже или равный по достоинству съ отцомъ невѣсты, и когда послѣдній былъ живъ; но если женился князь не молодой уже, или даже если молодой, но важнѣе тестя, или бралъ сироту, то женихъ не ѣздилъ самъ въ городъ невѣстинъ, а посылалъ за нею бояръ своихъ: такъ, Симеонъ Гордый, великій князь Московскій, послалъ двоихъ бояръ привезти себѣ невѣсту изъ Твери, сироту, дочь князя Александра Михаиловича. Димитрій Донской женился на дочери Нижегородскаго князя Димитрія Константиновича, но свадьба была не въ Москвѣ и не въ Нижнемъ, а въ Коломнѣ, на половинѣ дороги, ибо изъ Москвы въ Нижній путь шелъ Москвою-рѣкою и Окою мимо Коломны; выборъ Коломны здѣсь объясняется тѣмъ, что оба великіе князья не хотѣли нарушить своего достоинства. Московскій не хотѣлъ ѣхать жениться въ Нижній, а Нижегородскій—не хотѣлъ ѣхать на свадьбу къ дочери въ Москву къ шестнадцатилѣтнему зятю. Такъ и Александръ Невскій, взявши дочь у Полоцкаго князя, вѣнчался съ нею въ Торопцѣ, гдѣ былъ первый пиръ, и потомъ въ Новгородѣ другой [3]). Вѣнчали князей епископы; если въ городѣ, гдѣ женился князь, не было епископскаго стола, то приглашался для вѣнчанія тотъ епископъ, къ епархіи котораго принадлежало княжество; такъ, вѣнчать князя Василія Ярославича въ Кострому пріѣзжалъ епископъ изъ Ростова [4]). Изъ завѣщанія великаго князя Іоанна II мы видимъ, что было въ обычаѣ тестю дарить зятьевъ: такъ, великій князь назначаетъ будущимъ зятьямъ въ завѣщаніи по золотой цѣпи и по золотому поясу. Мы видѣли, что обычай давать приданое былъ уже и прежде [5]); но теперь встрѣчаемъ въ источникахъ и самое это слово; такъ, Димитрій Шемяка, въ договорѣ съ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, упоминаетъ о своемъ *приданомъ*, которое было означено въ духовной грамотѣ его тестя и которое захватилъ братъ его Василій Косой [6]). Женились князья и въ описываемое время, какъ мы уже могли усмотрѣть, въ своемъ родѣ, потомъ часто женились на княжнахъ литовскихъ и выдавали дочерей своихъ за мужъ въ Литву, иногда женились въ Ордѣ на княжнахъ татарскихъ; великій князь Василій Димитріевичъ отдалъ дочь свою, Анну, за греческаго царевича Іоанна, сына Мануилова [7]); наконецъ князья женились на дочеряхъ боярскихъ и выдавали дочерей своихъ за бояръ: дочь великаго князя Нижегородскаго Димитрія Константиновича была замужемъ за московскимъ бояриномъ Николаемъ Васильевичемъ, сыномъ тысяцкаго Вельяминова; дочери московскаго боярина Ивана Димитріевича были—одна за сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго, Андреемъ, другая—за однимъ изъ князей Тверскихъ [8]); сынъ Донскаго, князь Петръ Дмитровскій, женился на дочери московскаго боярина Поліевкта Васильевича [9]); одинъ изъ сыновей Тверскаго великаго князя Михаила Александровича женатъ былъ на дочери московскаго боярина Ѳедора Андреевича Кошки [10]), а внука послѣдняго была за княземъ Ярославомъ, сыномъ Владиміра Андреевича Серпуховскаго [11]). Изъ примѣра Симеона Гордаго видимъ, что князья вступали въ бракъ иногда до трехъ разъ; тотъ же великій князь Симеонъ развелся со второю женою своею Евпраксіею и отослалъ ее къ отцу, одному изъ князей смоленскихъ [12]); князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій также отослалъ княгиню свою къ роднымъ въ Рязань [13]).

О занятіяхъ княжескихъ въ описываемое время, по характеру источниковъ, мы имѣемъ меньше извѣстій, чѣмъ въ періодъ предшествовавшій. Противъ прежняго для князей прибавилась теперь новая, важная и тяжкая обязанность—это поѣздки въ Орду; Іоаннъ Калита ѣздилъ туда девять разъ; сынъ его, Симеонъ Гордый, въ кратковременное княженіе свое былъ тамъ пять разъ. Иногда князья отправлялись въ Орду и съ женами [14]) и съ дѣтьми [15]), иногда собиралось по нѣскольку князей и ѣхали туда вмѣстѣ [16]); о князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ съ молодыхъ лѣтъ служилъ Татарамъ, и много христіанъ избавилъ отъ ихъ обидъ [17]); иногда князья должны были отправляться съ ханомъ въ походъ [18]).

Волынскій лѣтописецъ говоритъ, что князь Даніилъ Галицкій, поѣхавши однажды провожать свое

[1]) Ник. III, 65.
[2]) П. С. Р. Л. III, 52: «Оженися князь Олександръ, сынъ Ярославль, въ Новѣгородѣ, поя въ Полотьскѣ у Брячьслава дчерь, и вѣнчался въ Торопчи, ту кашю чини, а въ Новѣгородѣ другую».
[3]) См. выше, прим. 2.
[4]) Никон. III, 45.
[5]) Исторія Россіи, III, 677.
[6]) С. г. г. и д. I, № 56.
[7]) Никон. V, 41.
[8]) Никон. V, стр. 79 и 112.
[9]) Никон. V, стр. 8.
[10]) Никон. IV, 202.
[11]) См. выше прим. на стр. 1072.
[12]) Никон. III, 183.
[13]) Никон. III, стр. 198.
[14]) Никон. III, стр. 88, 93.
[15]) Никон. III, стр. 61.
[16]) Никон. III, стр. 63.
[17]) Никон. III, стр. 66.
[18]) Тамъ же.

войско, убилъ на дорогѣ самъ рогатиною три вепря, да отрокъ его трехъ же [1]). О племянникѣ Даніиловомъ, князѣ Владимірѣ Васильевичѣ Волынскомъ, говорится, что онъ былъ ловецъ добрый и храбрый: завидитъ вепря или медвѣдя, не станетъ дожидаться слугъ, но самъ сейчасъ убьетъ всякаго звѣря [2]). Не знаемъ, въ такой ли степени сѣверные князья раздѣляли эту страсть къ охотѣ съ своими южными соплеменниками; мы видѣли, что князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховской запретилъ сыновьямъ въ духовномъ завѣщаніи охотиться безъ позволенія въ чужихъ удѣлахъ; видѣли, что у князей были ловчіе, псари и сокольчики, которыми они дорожили; но, съ другой стороны, мы знаемъ, что для князей охота составляла также промыселъ, что они посылали безъ себя своихъ ловчихъ добывать звѣря и птицу. Такъ, въ сказаніи о Лукѣ Колоцкомъ говорится, что когда сокольники удѣльнаго князя Можайскаго Андрея Димитріевича выѣзжали, по княжескому приказу, съ ястребами и соколами на ловлю, то Лука билъ и грабилъ сокольниковъ, ястребовъ и соколовъ себѣ бралъ, и случалось это много разъ. Князь Андрей Димитріевичъ терпѣлъ, иногда и посылалъ къ Лукѣ, но тотъ приказывалъ отвѣчать ему жестоко и сурово, и самъ не переставалъ бить и грабить не только сокольниковъ, но и ловчихъ княжескихъ, отнимая у нихъ медвѣдей [3]). Одинъ изъ ловчихъ рѣшился отомстить Лукѣ и нашелъ удобный случай: поймавши однажды медвѣдя лютаго, онъ приказалъ вести его мимо Лукина двора; Лука, увидавши медвѣдя, вышелъ самъ къ нему съ служкою и приказалъ княжескому ловчему пустить звѣря на дворѣ; тотъ воспользовался случаемъ и выпустилъ медвѣдя прежде, чѣмъ Лука успѣлъ уйти въ комнаты; звѣрь бросился на него и истерзалъ такъ, что слуги отняли его едва-живаго [4]). Изъ этого разсказа видно, что ловили большихъ медвѣдей живыми и употребляли ихъ потомъ на утѣху.

[1]) П. С. Р. Л. II, 192.

[2]) Тамъ же.

[3]) Никон. V, 50: «И медвѣди и съ ларми взимаша къ себѣ».

[4]) Это сказаніе о Лукѣ Колоцкомъ замѣчательно во многихъ отношеніяхъ: Лука былъ простой поселянинъ, жившій въ 15 верстахъ отъ Можайска, на рѣкѣ Колочѣ; онъ нашелъ на деревѣ икону Богородицы, отъ которой начали твориться чудеса; Лука понесъ икону въ Можайскъ, въ Москву; повсюду появленіе ея сопровождалось чудесами, и Лука собралъ отъ приносовъ большое богатство; разбогатѣвши, онъ построилъ себѣ на Колочѣ большой и красивый дворъ, какъ будто князь какой, набралъ отроковъ, вкусно пилъ, ѣлъ, ѣздилъ на охоту съ ястребами, соколами и кречетами, держалъ множество псовъ и медвѣдей и утѣшался ими. Мы видѣли, до какой дерзости дошелъ Лука относительно своего князя. Когда медвѣдь оставилъ его чуть-живымъ, то князь Андрей Димитріевичъ пріѣхалъ къ нему немедленно и сталъ говорить ему: «Зачѣмъ ты полюбилъ бѣсовское позорище и пляску и предался пьянству? Богъ тебя прославилъ чудотворнымъ образомъ Своей Матери, а ты низошелъ къ безполезному мірскому житію; по дѣломъ тебѣ такъ и приключилось». Лука съ плачемъ сталъ умолять князя распорядиться его богатствомъ на дѣло богоугодное, и князь построилъ монастырь Колоцкій, гдѣ Лука постригся и умеръ въ покаяніи.

Какъ сѣверные князья проводили свой день, видно отчасти изъ одного извѣстія, именно изъ извѣстія о Суздальской битвѣ; здѣсь сказано, что великій князь Василій Васильевичъ ужиналъ у себя со всѣми князьями и боярами, и пиръ продолжался до глубокой ночи [5]). На другой день, по восшествіи солнца (7 іюля) великій князь приказалъ служить заутреню, послѣ которой пошелъ опять уснуть. Видимъ, что по утрамъ къ князю являлись сыновья его, бояре и другіе люди съ разными дѣлами по управленію. Смерти княжеской предшествовало обыкновенно постриженіе въ иноки и схиму; о кончинѣ князя Димитрія Святославича Юрьевскаго разсказывается, что когда Ростовскій епископъ постригъ его въ иноки и схиму, то онъ внезапно лишился употребленія языка, потомъ опять сталъ говорить, и, взглянувши на епископа радостными глазами, сказалъ ему: „Господинъ отецъ, владыка Игнатій! исполни Господь Богъ твой трудъ, что приготовилъ меня на долгій путь, на вѣчное лѣто, снарядилъ меня воиномъ истинному Царю Христу, Богу нашему“ [6]). Вотъ подробное описаніе кончины великаго князя Тверскаго Михаила Александровича: уже два года прошло, какъ Михаилъ отправилъ въ Царьградъ пословъ съ милостынею къ соборной церкви Св. Софіи и къ патріарху, по своему обычаю; императоръ и патріархъ приняли и отпустили пословъ тверскихъ съ большою честію, и патріархъ отправилъ къ Михаилу своего посла съ иконою Страшнаго Суда, съ мощами святыхъ, съ честнымъ мνромъ. Когда великій князь узналъ, что послы приближаются къ Твери, то велѣлъ имъ войти въ городъ; къ вечеру пришла ему мысль— встрѣтивъ икону отъ святого мѣста и принявъ благословеніе отъ патріарха, не возвращаться болѣе домой. На другой день утромъ, когда сыновья, другіе князья, бояре и разные люди ждали его съ дѣлами по обычному городскому управленію, Михаилъ не велѣлъ уже никому входить къ себѣ, а позвалъ одного епископа Арсенія, которому объявилъ о намѣреніи своемъ постричься, прося его, чтобъ онъ не говорилъ объ этомъ никому другому. Несмотря на то, уже по всему городу разнесся слухъ, что Михаилъ хочетъ оставить княженіе и постричься въ монахи. Народъ изумился; иные не вѣрили, но всѣ собирались, какъ на дивное чудо; бояре и отроки его, склоняясь другъ къ другу, проливали слезы, плакала княгиня, молодые князья, но въ присутствіи Михаила никто не смѣлъ сказать ни слова, потому что всѣ боялись его: былъ онъ человѣкъ страшный, и сердце у него точно львиное. Между тѣмъ, послы изъ Царяграда вошли въ городъ, неся священные подарки; епископъ, все духовенство и множество народа вышли къ нимъ на встрѣчу со свѣчами и кадилами; вышелъ и самъ великій князь, съ трудомъ вставши съ постели, и встрѣтилъ пословъ на своемъ дворѣ у церкви Святаго Михаила. Поклонившись иконѣ, Ми-

[5]) «И пиша долго нощи». Никон. V, 198.

[6]) Никон. III, 48

хаилъ приказалъ отнести ее въ соборную церковь Св. Спаса, самъ ее проводилъ туда, и, когда икону поставили на приготовленное для нея мѣсто, вышелъ изъ церкви къ народу, сталъ на высокую ступень и, поклонясь на всѣ стороны, сказалъ: „Простите меня, братія и дружина, добрые сыны тверскіе! оставляю вамъ любимаго и старшаго сына Ивана, пусть будетъ вамъ княземъ вмѣсто меня; любите его, какъ и меня любили, а онъ пусть соблюдаетъ васъ, какъ я соблюдалъ". Народъ отвѣчалъ горькими слезами и похвалами своему старому князю, который смиренно всѣмъ опять поклонился и пошелъ на постриженіе въ Аѳанасьевскій монастырь, гдѣ, за извѣстную плату, выпросился жить у одного монаха, именемъ Григорія. На четвертый день онъ принялъ постриженіе подъ именемъ Матвѣя, и черезъ восемь дней послѣ этого обряда умеръ [1]).—Въ разсказѣ о кончинѣ князя Димитрія Юрьевича Краснаго говорится, что его не хоронили семь дней, до тѣхъ поръ, пока пріѣхалъ братъ его Димитрій Шемяка; тогда отпѣли, положили въ колоду, засмолили ее и повезли въ Москву, для погребенія въ церкви Архангела Михаила, общемъ мѣстѣ погребенія всѣхъ потомковъ Калиты, какъ великихъ князей, такъ и удѣльныхъ [2]). Великій князь Василій Васильевичъ Темный, по словамъ лѣтописца, хотѣлъ предъ смертію постричься въ монахи, но ему не дали воли; умеръ онъ въ субботу, въ третьемъ часу ночи, а на другой день, въ воскресенье, схоронили его,—слѣдовательно, безъ особенныхъ обстоятельствъ, хоронили на другой день [3]). На юго-западѣ погребеніе Волынскаго князя Владиміра описывается такъ: княгиня съ слугами дворными омыли тѣло, обвили его аксамитомъ съ кружевомъ, положили на сани и повезли во Владиміръ, гдѣ поставили въ Богородичной церкви на сѣняхъ, потому что было уже поздно; на другой день совершенно было погребеніе съ обычными причитаніями [4]). Похвала доброму князю въ устахъ лѣтописца мало разнится отъ прежней; но въ ней не встрѣчаемъ извѣстныхъ словъ объ отношеніяхъ къ дружинѣ; о великомъ князѣ Василіи Ярославичѣ Костромскомъ говорится, что онъ былъ очень добродѣтеленъ, любилъ Бога отъ всего сердца безъ лукавства, былъ милостивъ, ко святымъ церквамъ прилеженъ, чтилъ много епископовъ, какъ начальниковъ и пастырей, любилъ и чтилъ и весь священническій и монашескій чинъ; былъ незлобивъ и легко прощалъ согрѣшающихъ предъ нимъ [5]). О князѣ Глѣбѣ Васильевичѣ Ростовскомъ говорится, что онъ пищи и питья не щадилъ и подавалъ требующимъ, много церквей построилъ и украсилъ иконами и книгами, священническій и монашескій чинъ очень почиталъ, ко всѣмъ былъ любовенъ и милостивъ, гордости ненавидѣлъ и отвращался отъ нея какъ отъ змія; когда умеръ, то не малую жалость и плачъ оставилъ по себѣ всѣмъ знающимъ его [6]).

Объ одеждѣ княжеской мы уже могли составить понятіе при исчисленіи вещей, остававшихся послѣ князей Московскихъ; въ лѣтописи, при описаніи бѣгства князя Василія Михайловича Кашинскаго, сказано, что онъ убѣжалъ въ одномъ терликѣ и безъ кивера [7]). При описаніи наружности Волынскаго князя Владиміра Васильевича говорится, что онъ стригъ бороду [8]).

Измѣненія, происшедшія въ междукняжескихъ отношеніяхъ, должны были непремѣнно отразиться и на положеніи дружины. Осѣдлость князей въ однихъ извѣстныхъ княжествахъ должна была повести и къ осѣдлости дружины, которая могла теперь пріобрѣсть важное первенствующее земское значеніе въ качествѣ постоянныхъ, богатѣйшихъ землевладѣльцевъ, въ качествѣ лицъ, пользующихся наслѣдственно правительственными должностями. Потомки Даніила Александровича не трогаются изъ Москвы; начиная съ Іоанна Калиты, всѣ Московскіе князья постоянно удерживаютъ за собою великокняжескую Владимірскую область; князья не позволяютъ чужимъ боярамъ покупать села въ своихъ волостяхъ; одни только московскіе бояре имѣютъ постоянную возможность покупать села въ области Владимірской, какъ принадлежащей постоянно ихъ князьямъ, и мы видимъ, что они пользуются этимъ правомъ. Имъ выгодно, слѣдовательно, удерживать Владимірскую область и вмѣстѣ главное, первенствующее значеніе за своими князьями, и мы видимъ, какъ они усердно объ этомъ стараются. Какъ, вмѣстѣ съ увеличеніемъ могущества князей Московскихъ, усиливалось значеніе бояръ ихъ, видно изъ того, что великіе князья Нижегородскій, Тверской ищутъ родственныхъ союзовъ съ ними. Несмотря на скудность источниковъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, въ нихъ можно встрѣтить довольно ясныя указанія на усилившееся значеніе бояръ [9]). Уже было упомянуто въ своемъ мѣстѣ, какъ переселеніе бояръ съ юга въ Московское княжество помогло усиленію послѣдняго, а это самое усиленіе въ свою очередь должно было привлекать къ Московскимъ князьямъ отовсюду богатыхъ, знатныхъ и даровитыхъ бояръ; мы видѣли, какую службу отслужилъ Москвѣ пришлецъ съ юга—бояринъ волынскій Боброкъ, Димитрій Алибуртовичъ; но онъ не вдругъ перешелъ съ юга въ Москву, а сначала былъ тысяцкимъ у

[1]) Никон., IV, 294.

[2]) Тамъ же, V, 152: «Положиша его въ колоду, и осмоливше съ полсми повезоша его на Москву на носилехъ». — Стр. 151, въ разсказѣ о кончинѣ: «Много же тогда крикъ и вопль бысь, и плачь неутешимъ. И потомъ мало испивше меду, и легоша въ той же горницѣ мнози у него и поуснуша, единъ только діаконъ его не испилъ тогда, но легъ противу князя на другой лавицѣ зряше нань».

[3]) Тамъ же, стр. 290.

[4]) П. С. Р. Л. II, 220.

[5]) Никон. III, 60.

[6]) Тамъ же, стр. 66. Ср. тамъ же, стр. 99.

[7]) Тамъ же, V, 43.

[8]) П. С. Р. Л. II, 220.

[9]) Исторія Россіи, т. III, стр. 1004, 1006; стр. 975, прим. 1

Нижегородскаго князя Димитрія Константиновича. Здѣсь мы видимъ, какъ извѣстное положеніе дружины на Руси способствовало усиленію одного княжества насчетъ другихъ, собранію Земли Русской: вслѣдстіе единства рода княжескаго въ древней Руси, земля сохранила свое единство; дружинникъ, переходя отъ одного князя къ другому, не измѣнялъ чрезъ это нисколько ни Русской Землѣ, ни роду княжескому, владѣвшему ею нераздѣльно. Это право свободнаго перехода дружинники удержали и на сѣверѣ; отсюда, какъ скоро они замѣчали невыгоду службы у слабаго князя и выгоду у сильнаго, то свободно переходили къ послѣднему, ибо здѣсь не было измѣны прежнему князю, а только пользованіе своимъ правомъ, признаннымъ всѣми князьями; такъ, мы видѣли, что великій князь Василій Димитріевичъ, склонивши на свою сторону дружину Нижегородскаго князя, овладѣлъ безпрепятственно его княжествомъ.

По родословнымъ книгамъ, еще съ княземъ Даніиломъ Александровичемъ пріѣхалъ въ Москву вельможа Протасій, предокъ знаменитыхъ Вельяминовыхъ; вѣрнѣе извѣстіе, что Протасій былъ тысяцкимъ при Калитѣ [1]), послѣ чего мы видимъ этотъ санъ наслѣдственнымъ и для потомковъ Протасія. При одинаковой осѣдлости князей и бояръ ихъ въ другихъ княжествахъ, подобныя явленія найдемъ не въ одной Москвѣ: такъ выѣхалъ изъ Чернигова въ Тверь Борисъ Θедоровичъ, прозвищемъ Половой, и былъ въ Твери бояриномъ; сынъ его также здѣсь бояриномъ; внукъ, правнукъ и праправнукъ были тысяцкими [2]). Кромѣ Вельяминовыхъ, мы видѣли цѣлый рядъ знатныхъ фамилій, который продолжается отъ Калиты до праправнука его. Но подлѣ этихъ, такъ сказать, коренныхъ московскихъ бояръ мы видимъ постоянно приплывъ пришельцевъ: пріѣзжаютъ служить Московскимъ князьямъ не только знатные люди изъ Юго-Западной Руси и изъ странъ чуждыхъ, но вступаютъ къ нимъ въ службу князья Рюриковичи съ юга и сѣвера, Гедиминовичи—изъ Литвы. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ иногда подавалъ поводъ пріѣздъ новаго знатнаго выходца, который хотѣлъ вступить въ службу къ князю только при условіи высокаго мѣста; но, чтобы дать ему это мѣсто, нужно было взять его у другого стариннаго боярина, понизить послѣдняго и вмѣстѣ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ бояръ, занимавшихъ мѣста подъ нимъ; это называлось на тогдашнемъ языкѣ заѣздомъ,—новый выходецъ заѣзжалъ старыхъ бояръ, которые обязаны были подвинуться, чтобы дать ему высшее мѣсто. Такъ, при Калитѣ, выходецъ съ юга, Родіонъ Несторовичъ заѣхалъ боярина Акиθа съ товарищами. Тогда Москва не взяла еще явнаго перевѣса надъ другими княжествами, Акинθу можно было пренебречь ею, и, раздосадованный заѣздомъ, онъ отъѣхалъ въ Тверь; но послѣ, когда Москва усилилась окончательно и боярскіе роды обжились въ ней, тогда имъ невыгодно стало отъѣзжать отсюда; они, въ случаѣ заѣзда, скорѣе соглашались уступать высшее мѣсто пришельцу. Такъ, въ княженіе Донскаго, выходецъ волынскій Боброкъ заѣхалъ Тимоθея Васильевича Вельяминова съ товарищами, и тотъ уступилъ ему первое мѣсто; при Василіи Димитріевичѣ литовскій выходецъ, князь Юрій Патрикѣевичъ, заѣхалъ также нѣкоторыхъ бояръ, именно: Константина Шею, Ивана Димитріевича, Володимера Даниловича, Димитрія Васильевича, Θедора Кошкина Голтяя. Относительно этого заѣзда дошло до насъ любопытное извѣстіе: князю Юрію Патрикѣевичу князь великій мѣсто упросилъ, когда за него далъ сестру свою великую княжну Анну (по лѣтописямъ дочь Марью). А братъ былъ большой у князя Юрія Патрикѣевича Хованскій; и Θедоръ Сабуръ, на свадьбѣ князя Юрія Патрикѣевича, брата большаго посѣлъ Хованскаго (занялъ высшее мѣсто). И Хованскій молвилъ Сабуру: „Посядь брата моего меньшаго, князя Юрія Патрикѣевича“. И Θедоръ Сабуръ молвилъ Хованскому: „У того Богъ въ кикѣ, а у тебя Бога въ кикѣ нѣтъ“, да сѣлъ Хованскаго выше. „У того Богъ въ кикѣ“ значитъ: у того счастье, судьба въ кичкѣ; кичка—вмѣсто женщина, жена; князь Юрій получилъ высшее мѣсто по женѣ. До насъ дошла также любопытная м ѣ с т н а я грамота Нижегородскаго великаго князя Димитрія Константиновича: „Князь великій Дмитрій Константиновичъ Нижняго-Новгорода и Городецкой, и Курмышской. Пожаловалъ есми бояръ своихъ и князей, далъ имъ мѣстную грамоту по ихъ челобитью и по печалованію архимандрита Нижегородскаго Печерскаго, отца своего духовнаго Іоны, и по благословенію владычню Серапіона Нижегородскаго и Городецкаго, и Сарскаго, и Курмышскаго: кому съ кѣмъ сидѣть и кому подъ кѣмъ сидѣть. Велѣлъ садитись отъ своего мѣста тысяцкому своему Дмитрію Алибуртовичу князю Волынскому, а подъ Дмитріемъ садиться князю Ивану Васильевичу Городецкому, да противъ его въ скамьѣ садиться Дмитрію Ивановичу Лобанову, да въ лавкѣ же подъ княземъ Иваномъ князю Θедору Польскому Андреевичу; да садитись боярину его Василью Петровичу Новосильцеву, да противъ въ скамьѣ садитись казначею боярину Тарасію Петровичу Новосильцеву. А пожаловалъ его боярствомъ за то что онъ окупилъ изъ полону государя своего дважды великаго князя Дмитрія Константиновича, а въ третіе окупилъ великую княгиню Марθу. Да садитись боярину князю Петру Ивановичу Березопольскому, да садитись въ лавкѣ князю Дмитрію Θедоровичу Курмышскому. А къ мѣстной грамотѣ князь великій велѣлъ боярамъ своимъ и дьяку руки прикладывать, а мѣстную грамоту писалъ великаго князя дьякъ Петръ Давыдовъ сынъ

[1]) Никон. III, 136: «Яко убо позна (Св. митрополитъ Петръ) свое еже изъ міра исхожденіе и часъ увиде, призываетъ нѣкоего именемъ Протасія, его же бѣ князь старѣйшину града поставилъ, князю убо тогда не прилучшуся во градѣ. Бѣ же Протасей онъ мужъ честенъ и вѣренъ и всякими добрыми дѣлы украшенъ».

[2]) Москов. сбор. 1847 года, стр. 273.

Русинъ" [1]). Изъ этой грамоты мы видимъ, какъ въ каждомъ княжествѣ сильнѣйшие князья примышляли себѣ волости, сводя ихъ князей на степень слугъ своихъ; здѣсь эти князья должны садиться ниже простыхъ бояръ, и въ началѣ грамоты бояре вообще поставлены выше князей.

Кромѣ завѣщанія Димитрія Донскаго, и изъ другихъ извѣстій мы знаемъ, что бояре по-прежнему были думцами князя; князь думалъ, совѣтовался съ ними о дѣлахъ [2]). Начиная съ Симеона Гордаго, бояре являются свидѣтелями въ княжескихъ духовныхъ грамотахъ. Рязанскій великій князь Олегъ Ивановичъ въ одной своей жалованной грамотѣ говоритъ: „Посовѣтовавшись (сгадавъ) съ отцемъ своимъ, владыкою Василіемъ и съ своими боярами (слѣдуютъ имена ихъ), далъ [3]) я" и проч.; но мы должны замѣтить, что въ грамотахъ Московскихъ князей мы этого выраженія не находимъ. Видимъ бояръ, которые пользуются особенною довѣренностію нѣкоторыхъ князей, и чрезъ это обнаруживаютъ большое вліяніе на дѣла: таковъ былъ Семенъ Тониліевичъ при князѣ Андреѣ Александровичѣ; бояре Ѳеодоръ Андреевичъ и сынъ его Иванъ Ѳедоровичъ Кошка - при Василіи Димитріевичѣ, Морозовъ—при князѣ Юріи Димитріевичѣ; мы видѣли, какъ вліяніе, переданное старикомъ Кошкою молодому (относительно) сыну своему, возбудило негодованіе старшихъ, отразившееся и въ лѣтописи.

Раздѣленіе дружины на старшую и младшую сохраняется и въ описываемое время, только съ перемѣною нѣкоторыхъ названій. Старшая дружина по-прежнему носитъ названіе бояръ, или болярь. Право бояръ на свободный отъѣздъ отъ одного князя къ другому, отъ великаго къ удѣльному, и наоборотъ, также отъ великаго къ великому же, отъ Московскаго, напримѣръ, къ Тверскому или Рязанскому, и наоборотъ, подтверждается во всѣхъ договорахъ княжескихъ. Князья обязывались въ договорахъ своихъ не сердиться на отъѣхавшихъ отъ нихъ бояръ, не захватывать ихъ селъ и домовъ, оставшихся во владѣніяхъ прежняго князя. Вслѣдствіе этого права бояръ сохранять свои недвижимыя имущества послѣ отъѣзда, въ княжескихъ удѣлахъ постоянно могли находиться волости чужихъ бояръ, несмотря на то, что князья не позволяли чужимъ боярамъ покупать селъ въ своихъ удѣлахъ; волости чужихъ бояръ могли находиться въ княжескихъ удѣлахъ еще и потому, что извѣстное княжество, напримѣръ Серпуховское, принадлежало сначала одному князю, Владиміру Андреевичу, и бояре его могли свободно покупать села по всему княжеству, но по смерти Владиміра Андреевича его владѣнія раздѣлились между сыновьями его на нѣсколько особыхъ удѣловъ, бояре его также разошлись по сыновьямъ, причемъ легко могло случиться, что бояринъ остался служить старшему брату, Серпуховскому князю, а село его, по новому раздѣлу, очутилось въ удѣлѣ князя Боровскаго. Это обстоятельство заставило князей вносить въ свои договоры условіе, что бояре относительно суда и дани подвѣдомственны тому князю, во владѣніяхъ котораго живутъ, гдѣ у нихъ недвижимая собственность: князья обязываются вѣдать такихъ бояръ судомъ и данью какъ своихъ [4]); но въ военное время бояре должны были идти въ походъ съ тѣмъ княземъ, которому служили; въ случаѣ же осады города, въ которомъ или близъ котораго они жили, они должны были оставаться и защищать этотъ городъ [5]). Въ случаѣ спорнаго дѣла между однимъ княземъ и бояриномъ другого, оба князя отсылали отъ себя по боярину для рѣшенія этого дѣла; если же посланные бояре не могли между собою согласиться, то избирали третьяго судью; но всякое дѣло боярина съ своимъ княземъ судитъ послѣдній [6]). За службу свою бояре получали отъ князей извѣстныя волости и села въ кормленіе: Іоаннъ Калита въ завѣщаніи своемъ упоминаетъ о селѣ Богородицкомъ, которое онъ купилъ и отдалъ Борису Воркову. „Если этотъ Ворковъ, говоритъ великій князь, будетъ служить которому нибудь изъ моихъ сыновей, то село оста-

[1]) Извѣстія Акад. Наукъ по II отд. т. V, стр. 351.—Копія съ грамоты князя Димитрія Константиновича въ государств. Архивѣ при дѣлѣ Волынскаго.

[2]) Никон. V, 214: «Князь же Димитрій (Шемяка), обдумъвъ съ бояры своими, рече».

[3]) Акты истор. I, № 2.

[4]) С. г. г. и д. I, № 27: «А коли ми будетъ и дань взяти на своихъ боярехъ въ великомъ княженьи, и кто будетъ твоихъ бояръ и слугъ въ великомъ княжень... ми дань взяти, какъ и на своихъ». Тамъ же, № 28: «А кто служитъ вамъ или тобѣ, а живетъ въ нашей вотчинѣ въ великомъ княженьи, или въ твоей вотчинѣ въ Твери, и на тыхъ намъ взяти дань, какъ и на своихъ, по целованью, безъ хитрости».—Тамъ же, № 76: «А бояромъ и слугамъ межи насъ волнымъ воля; а домы имъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ: а которыхъ бояръ и слугъ села, а имуть жити въ вашее отчинѣ, взяти вы на спхъ дань и судъ, какъ и на своихъ».

[5]) С. г. г. и д. I, № 35: «А которые бояре твои живутъ въ нашихъ удѣлѣхъ и в. княженьи, а ти бояре съ тобою; а коли ми послати своихъ воеводъ изъ которыхъ городовъ, и твои бояре поѣдуть съ твоимъ воеводою, а твой воевода съ моимъ воеводою вмѣстѣ; а хто живеть нашихъ бояръ въ твоей отчинѣ и въ удѣлѣ, а тымъ потому же».—№ 37: «А хто которому князю служитъ; гдѣ бы ни былъ, полѣсти ему съ тѣмъ княземъ, которому служитъ; а городная осада, гдѣ хто живетъ, тому тутъ сѣсти». №№ 43 и 44, 45, 46, 47, 49, 50, 52. Въ видѣ исключенія является слѣдующее условіе въ третьемъ договорѣ Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: «А коли ми будетъ послати на рать своихъ воеводъ, и твоихъ бояръ хто иметъ жити въ моемъ удѣлѣ и въ великомъ княженьи, тѣмъ поѣхати съ моимъ воеводою, а моимъ потому же съ твоимъ воеводою. А коли ми будетъ самому всѣсти на конь, а тобѣ со мною; или тя куды пошлю, и твои бояре съ тобою». Тамъ же № 33.

[6]) Тамъ же № 27: «А чего ми будеть искати на твоихъ боярехъ, или чего искати тобѣ на моихъ боярехъ, намъ отослати отъ собе по боярину, тѣ тому дѣлу учинять исправу; а ци о каковѣ дѣлѣ межи собѣ сопрутся, ѣхати имъ на третій, кого себѣ изберуть, тамо ѣхавъ перемолвятся». Тамъ же, № 28: «А кто будетъ служа намъ княземъ, а вшолъ въ каково дѣло, а того поискавъ своимъ княземъ, а того своимъ судьямъ опчимъ не судити».

нется за нимъ; если же перестанетъ служить дѣтямъ моимъ, то село отнимутъ". Касательно пользованія доходами съ кормленій Симеонъ Гордый распоряжается такъ въ своемъ завѣщаніи: „Если кто-нибудь изъ бояръ моихъ станетъ служить моей княгинѣ, и будетъ вѣдать волости, то обязанъ отдавать княгинѣ моей половину дохода (прибытка)". Димитрій Донской съ двоюроднымъ братомъ своимъ Владиміромъ Андреевичемъ уговорились такъ относительно боярскихъ кормленій: „Если бояринъ поѣдетъ съ кормленья, отъ тебя ли ко мнѣ, отъ меня ли къ тебѣ, не отслуживъ службы, то дать ему кормленье по исправѣ, т.-е. за то только время, какое онъ находился въ службѣ, или онъ обязанъ отслужить службу". До насъ дошли ввозныя, или послушныя грамоты, дававшіяся при пожалованіи кормленіемъ; въ нихъ приказывалось жителямъ отдаваемой въ кормленіе волости чтить и слушаться посланнаго къ нимъ на кормленіе; послѣдній вѣдаетъ ихъ и судитъ, и тіунамъ своимъ ходить у нихъ велитъ, а доходъ долженъ брать по наказному списку; волости жаловались въ кормленіе съ мытами, перевозами, со всѣми намѣстничьими доходами и съ пошлиною [1]).

Между самыми старшими членами дружины, между боярами, встрѣчаемъ различие: встрѣчаемъ названіе **большихъ** бояръ. Лѣтописецъ говоритъ, что послѣ убійства тысяцкаго Алексѣя Петровича Хвоста большіе московскіе бояре отъѣхали въ Рязань [2]). Димитрій Донской требуетъ отъ двоюроднаго брата своего Владиміра Андреевича, что, въ случаѣ если онъ, великій князь, возьметъ дань на своихъ боярахъ, на **большихъ** и на **путныхъ**, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ, и отдать ее великому князю [3]). Великій князь Василій Васильевичъ договаривается съ Шемякою, что если общіе судьи ихъ не согласятся, то берутъ себѣ третьяго судью, для чего берутъ сперва изъ бояръ великокняжескихъ двоихъ, да изъ бояръ Шемяки одного **большого** [4]). Кромѣ упомянутаго условія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ, мы не встрѣчаемъ больше названія **большихъ** бояръ вмѣстѣ съ **путными**; но вмѣстѣ съ путными боярами, или путниками, встрѣчаемъ, на первомъ мѣстѣ, бояръ **введенныхъ**. Относительно этихъ введенныхъ и путныхъ бояръ мы постоянно встрѣчаемъ условіе, что когда, въ случаѣ городовой осады, бояре обязаны садиться въ осаду или защищать тотъ городъ, въ которомъ живутъ, бояре введенные и путники избавляются отъ этой обязанности [5]). Кромѣ того, о **путныхъ** боярахъ въ договорѣ великаго князя Василія Димитріевича съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ встрѣчаемъ условіе: „Если намъ взять (дань) на своихъ боярахъ на путныхъ, то тебѣ взять на своихъ боярахъ на десяти". Въ жалованной грамотѣ великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю, въ 1453 году, читаемъ: „Если кто станетъ чего искать на игуменскомъ приказчикѣ, то сужу его я, князь великій, или мой бояринъ **введенный**" [6]). Въ родословной Кикиныхъ говорится, что Логгинъ Михайловичъ Кикинъ былъ у великаго князя Димитрія Іоанновича бояринъ введенный и горододержавецъ, держалъ города Волокъ и Торжокъ безъ отнимки; сынъ Логгина, Тимоѳей, называется также бояриномъ введеннымъ [7]).

Объяснить значеніе этихъ названій: бояринъ **введенный** и **путный**—мы можемъ только по соображенію съ другими подобными же названіями. Мы видѣли, что въ одной грамотѣ на мѣстѣ бояръ **введенныхъ** находятся большіе, изъ чего имѣемъ основаніе заключать, что оба эти названія были равнозначущи. Послѣ встрѣчаемъ названіе дьяковъ **введенныхъ**. Что же касается различія между боярами введенными или большими и путными, то его можно усмотрѣть въ приведенномъ мѣстѣ изъ договора Димитрія Донскаго съ Владиміромъ Андреевичемъ: „Если великій князь возьметъ дань на своихъ боярахъ, на большихъ и на путныхъ, то и удѣльный князь долженъ также взять дань на своихъ боярахъ, смотря по кормленію и по путямъ". Значитъ, большой бояринъ, или введенный былъ именно горододержавецъ, получавшій города, волости въ кормленіе; путный же бояринъ получилъ содержаніе съ извѣстныхъ доходныхъ статей княжескихъ, или такъ называемыхъ путей. Бояринъ путный долженъ былъ имѣть поэтому какую-нибудь придворную должность: конюшій бояринъ, напримѣръ, пользовался доходами съ волостей, опредѣленныхъ на конюшій путь. Старинное слово путь и настоящее наше доходъ (отъ доходитъ) выражаютъ одно и то же представленіе [8]).

Встрѣчаемъ въ описываемое время и названіе **окольничаго**: такъ оно находится въ грамотѣ Смоленскаго князя Ѳеодора Ростиславича 1284 г., въ договорной грамотѣ Симеона Гордаго съ братьями. Серпуховской князь Владиміръ Андреевичъ сдѣлалъ намѣстникомъ въ Серпуховѣ окольничаго своего, Якова Юрьевича Новосильца [9]); въ разсказѣ о битвѣ съ Бегичемъ упоминается московскій окольничій Тимоѳей (Вельяминовъ). Въ жалованной грамотѣ Рязанскаго князя Олега Ивановича Ольгову монастырю, въ числѣ бояръ, съ которыми совѣтовался при этомъ князь, упоминается Юрій окольничій. Этотъ Юрій занимаетъ

---

[1]) Акты юридич., стр. 177.
[2]) Никон. III, 208.
[3]) С. г. г. и д. I, № 33.
[4]) Тамъ же, № 52.
[5]) С. г. г. и д. I, № 37: «А городная осада, гдѣ хто живетъ, тому туто сѣсти, опричѣ путныхъ бояръ». № 43: «оприч путныхъ бояръ»; № 45: «опричь бояръ введенныхъ и путниковъ»; № 46: «опроче бояръ и путниковъ»; № 47: «опроче путныхъ бояръ»; № 49 тоже; № 52: «опроче бояръ введенныхъ и путниковъ».
[6]) Акты Арх. Эксп. I, № 51.
[7]) Симбир. сборникъ, введеніе къ бумаг. Кикиныхъ.
[8]) Котошихина о ключникахъ, о дьякахъ Никон. VI, 151. О литовск. путникахъ въ акт. Запад. Россіи, III, № 19.
[9]) Никон. IV, 38.

здѣсь шестое мѣсто, изъ чего можно заключить, что окольничіе и въ описываемое время, какъ послѣ, хотя и причислялись къ старшей дружинѣ, составляли вмѣстѣ съ большими боярами (послѣ просто съ боярами) думу княжескую, однако занимали второстепенное мѣсто. Въ числѣ бояръ въ означенной Ольговой грамотѣ упоминается Манасія дядька, занимающій мѣсто выше окольничаго, и Юрій чашникъ, слѣдующій за окольничимъ. Въ другой рязанской грамотѣ выше чашника встрѣчаемъ названіе стольника, которое встрѣчается и въ московскихъ грамотахъ [1]). Эти оба званія опредѣляются легко изъ самыхъ словъ, указывающихъ прямо на должность; но что была за должность окольничаго? На нее мы встрѣчаемъ указаніе въ позднѣйшихъ источникахъ, изъ которыхъ видимъ, что окольничій употреблялся въ походахъ царскихъ, ѣздилъ передъ государемъ по станамъ, и при этомъ случаѣ иногда въ окольничіе назначались дворяне—ясный знакъ, что здѣсь окольничій представлялъ уже не чинъ только, а должность [2]). Если мы сравнимъ это извѣстіе о значеніи окольничихъ съ извѣстіями о значеніи бояръ путныхъ, то будемъ имѣть основаніе принять ихъ за тождественныя, тѣмъ болѣе что въ какомъ отношеніи прежде находятся путники къ боярамъ большимъ или введеннымъ, въ такомъ же отношеніи послѣ находимъ окольничихъ къ боярамъ. Младшая дружина, въ противоположность старшей, боярамъ, носитъ общее названіе слугъ и дворянъ; но въ бóльшей части памятниковъ выдѣляются составныя части младшей дружины, и первое мѣсто здѣсь, второе послѣ бояръ, занимаютъ **дѣти боярскія**,—названіе, показывающее ясно, изъ кого составлялся этотъ высшій отдѣлъ младшей дружины. Дѣти боярскія имѣютъ одинакое положеніе съ боярами относительно права отъѣзда и волостей, не имѣя только права участвовать въ думѣ княжеской.

Второй отдѣлъ младшей дружины составляютъ собственно такъ называемые слуги, слуги вольные, люди дворные [3]), которые, по тогдашнему выраженію, бывали въ кормленьи и въ доводѣ, и которые, относительно свободнаго отъѣзда, имѣли одинакое право съ боярами и дѣтьми боярскими [4]), отличаясь отъ послѣднихъ происхожденіемъ. Отъ этихъ слугъ вольныхъ отличались слуги другого рода, промышленники и ремесленники, какъ-то: бортники, садовники, псари, бобровники, бараши, дѣлюи, которые пользовались княжескими землями. Московскіе князья обязываются не принимать ихъ въ службу, блюсти за одно, земель ихъ не покупать. Если кто изъ этихъ слугъ не захочетъ жить на своей землѣ, то самъ можетъ уйти прочь, но земли лишается,—она отходитъ къ князю. Такого рода слуги обыкновенно называются въ грамотахъ **слуги подъ дворскимъ**, ибо находились подъ вѣдомствомъ дворскаго; этимъ названіемъ отличаются они отъ вольныхъ слугъ перваго разряда, которые бывали въ кормленіи и въ доводѣ [5]). Наконецъ, у князей встрѣчаемъ невольныхъ слугъ, холопей, которые могли употребляться въ тѣ же самыя должности, въ какихъ находились и слуги подъ дворскимъ [6]), равно и въ высшія должности, по домовому и волостному управленію, напр. въ тіуны, посельскіе, ключники, старосты, казначеи, дьяки; всѣ эти должностныя лица назывались большими людьми, въ отличіе отъ простыхъ холопей, меньшихъ людей Названіе **гриди, гридьба**—исчезаетъ, но встрѣчается еще иногда названіе **мужа** [7]).

На юго-западѣ встрѣчаемъ также бояръ, слугъ и слугъ дворныхъ; между боярами встрѣчаемъ луч-

[1]) Акты истор. I, № 36; Акты Арх. Эксп. I, № 21.

[2]) Дворцовые разряды, т. I, стр. 491: «Предъ государемъ посланъ по станомъ околничей Ѳедоръ Васильевичъ Головинъ». Стр. 615: «А въ окольничихъ, передъ государемъ, были дворяне». Что окольничіе принадлежали къ старшей дружинѣ, были боярами, видно ясно изъ нѣсколькихъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ, наприм.: «отъ великаго государя бояромъ нашимъ — окольничему (Морозову) да дворецкому (Бутурлину)». Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ. Дѣла польскаго двора, № II, стр. 254. Или: «Писахъ кн. велики къ Менглигирею царю, чтобы Менглигирей царь боярина его и окольничаго Костянтина Зоболоцкаго къ нему отпустилъ». Тамъ же, дѣла Крымск. № III, стр. 24.

[3]) С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля». № 83: «А что которые мои бояре и дѣти боярскіе, и слуги мои». Акты Итор. I, № 81: «Князи мои и бояре и дѣти боярскіе, и люди дворные».—С. г. г. и д. I, № 1: «А изъ Бѣжицы, княже, людий не выводити ни княгыни твоей, ни бояромъ твоимъ, ни дворянамъ твоимъ». № 3. «Ни боярамъ твоимъ, ни слугамъ твоимъ».

[4]) С. г. г. и д. I, № 61: «Бояромъ и дѣтемъ боярскимъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля». № 76: «А боярамъ и слугамъ межи насъ вольнымъ воля. а домы ямъ свои вѣдати, а намъ ся въ нихъ не вступати. А судомъ и данью потянуть по землѣ и по водѣ, а которыхъ бояръ и слугъ села, а имуть жити въ вашей отчинѣ, взяти вы на нихъ дань и судъ, какъ и на своихъ». № 23.

[5]) С. г. г. и д. I, № 27: «А которыи слуги потягли къ дворьскому тыхъ ны въ службу не пріимати, но блюсти ны ихъ съ одиного». № 33: «А земль ихъ не купити». № 40: «А тѣхъ бортниковъ, или садовниковъ, или псарей, или бобровниковъ, или барашовъ, дѣлюевъ не всхочетъ жити на тѣхъ земляхъ, инъ земли лишенъ, пойди прочь, а сами сыну князю Ивану не надобѣ, на котораго грамоты полные будетъ, а земли ихъ сыну князю Ивану. А бояромъ и слугамъ, кто будетъ не подъ дворьскимъ, волнымъ воля. А кто будетъ подъ дворьскимъ слугъ, тѣхъ дѣти мои промежи себе не принимаютъ».

[6]) С. г. г. и д. I, № 21: «А что моихъ бортниковъ и оброчниковъ купленныхъ, которыи въ которой росписи, то того (сына).—А что моя люди купленни въ великомъ свертцѣ, а тыми ся подѣлять сынове мои». № 24: «А что моихъ людій дѣловыхъ или кого буди прикупилъ, или хто ми ся будетъ въ винѣ досталъ, также мои тивуни, и посельскіе, и ключники, и старосты, или хто ся будетъ у тыхъ людій женилъ, всѣмъ тѣмъ людемъ далъ есмь волю, куды имъ любо». № 25: «А хто будетъ казначеевъ и тивуновъ и посельскихъ или хто будетъ моихъ дьяковъ, что будетъ отъ мене вѣдали прибытокъ ли который, или хто будетъ у тыхъ женился, тѣ люди не надобни моимъ дѣтемъ, далъ есмь имъ волю. Также хто будетъ моихъ людій полныхъ, купленныхъ, грамотныхъ, далъ есмь имъ свободу». № 83: «А что у меня у в. княгини колькое людей моихъ ни есть и большихъ и меньшихъ, и язъ ихъ всѣхъ пожаловала, ослободила».

[7]) Акты истор. I, № 2: «Коли ставили прадѣды наши Св. Богородицю, князь великий Инъгваръ, князь Олегъ князь Юрьи, а съ ними бояръ 300, а мужій 600».

шихъ бояръ; между слугами—дворныхъ дѣтей боярскихъ [1]). Со времени литовскаго владычества названіе бояръ для старшихъ членовъ дружины остается въ областяхъ русскихъ, но при дворѣ великокняжескомъ оно исчезаетъ, замѣняется названіемъ **паны, паны рада**. До насъ дошли жалованныя грамоты великихъ князей Литовскихъ вступавшимъ къ нимъ въ службу русскимъ дружинникамъ. Если кто-нибудь изъ вельможъ литовскихъ свидѣтельствовалъ предъ великимъ княземъ о знатности выходца, то послѣдняго принимали и при дворѣ литовскомъ соотвѣтственно его прежнему значенію, какъ человѣка родовитаго и рыцарскаго, равняли его въ правахъ съ **князьями, панами и шляхтою хоругвенною**. Новый слуга обязывался быть вѣрнымъ великому князю: съ кѣмъ послѣдній будетъ миренъ, съ тѣмъ и онъ долженъ быть миренъ, и наоборотъ, и отправлять военную службу вмѣстѣ съ прочею шляхтою—**князьями, панами и земянами**. Изъ этого мы видимъ, какъ раздѣлялись и назывались служилые люди (шляхта) при дворѣ великихъ князей Литовскихъ. Дошли до насъ присяжныя грамоты и тѣхъ вельможъ, которымъ великіе князья Литовскіе давали держать города: новый державецъ обязывался держать городъ вѣрно, не передавать его никакому другому государству, кромѣ великаго княжества Литовскаго; въ случаѣ смерти великаго князя,—городъ сдать его преемнику [2]). О богатствѣ южно-русскихъ, именно галицкихъ, бояръ можно имѣть понятіе изъ извѣстія о взятіи двора боярина Судислава, гдѣ найдено было много вина, овощей, корма, копій, стрѣлъ [3]). Что бояре на югѣ получали отъ князей волости, объ этомъ источники описываемаго времени говорятъ ясно; Даніилъ Романовичъ не велитъ принимать черниговскихъ бояръ, а раздавать волости галицкимъ только; и, вслѣдъ за тѣмъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что доходы съ коломыйской соли шли на раздачу оружникамъ [4]). Больному Волынскому князю Владиміру донесли, что братъ его Мстиславъ, еще не вступивъ въ управленіе княжествомъ, уже раздаетъ боярамъ города и села [5]). Отъ временъ литовскихъ дошли до насъ извѣстія о жалованіи слугъ землями въ вѣчное владѣніе [6]); при этихъ пожалованіяхъ опредѣляется обязанность пожалованнаго являться на службу съ извѣстнымъ количествомъ вооруженныхъ слугъ [7]). Имѣнія даются въ вѣчное владѣніе съ правомъ передать ихъ по смерти дѣтямъ и ближнимъ, съ правомъ продать, подарить, распорядиться ими, какъ сочтутъ для себя полезнѣе; впрочемъ Олгердовъ внукъ, князь Андрей Владиміровичъ, пишетъ въ своей духовной, что бояре, которымъ онъ далъ имѣнія, должны съ этихъ имѣній служить женѣ его [8]). Боярскія вотчины въ Юго-Западной Руси издавна были свободны отъ дани, не были тяглыми; въ Смоленскѣ дань (посощина) шла только съ тѣхъ имѣній боярскихъ, которыя были пожалованы великимъ княземъ Витовтомъ и его преемниками.

По привилегіи Казимира Ягелловича, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, князья, паны и бояре могли выѣзжать въ чужія земли, кромѣ земель непріятельскихъ, для приращенія своего состоянія и для подвиговъ воинскихъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобъ въ ихъ отсутствіе служба великокняжеская съ ихъ имѣній нисколько не страдала. Имуществами отчинными или пожалованными отъ Витовта они имѣютъ право владѣть такъ, какъ князья, паны и бояре польскіе владѣютъ своими имуществами, имѣютъ право ихъ продать, промѣнять, отчудить, подарить и всячески на свою пользу употребить. Подданные ихъ освобождаются отъ всякихъ податей, платежей, поборовъ и серебщизны, отъ мѣръ, которыя называются дяклями, отъ подводъ, отъ обязанности возить камень, бревна, дрова для обжиганія кирпичей или извести, отъ кошенія сѣна и проч., исключая работъ, необходимыхъ для построенія новыхъ крѣпостей и поправки старыхъ; остаются также въ силѣ старыя повинности: постои, поборы, постройки новыхъ мостовъ, поправки старыхъ, исправленіе дорогъ. Ихъ люди зависимые и невольные не могутъ быть принимаемы ни великимъ княземъ, ни его чиновниками. Если будетъ жалоба на кого-нибудь изъ людей ихъ, то великій князь не посылаетъ своего дѣцкаго, но прежде будетъ потребована управа у господина, которому виноватый принадлежитъ, и только въ томъ случаѣ, когда въ назначенный срокъ управа не будетъ учинена, дѣцкій посылается, но виноватый платитъ за вину только своему господину, а не кому-либо другому [9]).

---

[1]) П. С. Р. Л. II, 207, 110: «Другій бяшетъ дворный его слуга, любимы сынъ боярскій».

[2]) Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 37, 53.

[3]) П. С. Р. Л. II, стр. 169.

[4]) Тамъ же, стр. 179.

[5]) Тамъ же, стр. 214.

[6]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 6; 1383 г.: «Милостію Божею, мы велики князь Витовтъ вѣдомо чинимъ каждому доброму, кто коли на сесь листъ позритъ, аже есмо допустили садити село княжую Луку, на сыромъ корени, у подолской земли, у камонецкомъ повѣтѣ, Василеви Карачовскому, слузѣ нашему; а дали есмо ему зо всими лѣсы и зъ дубровами, и съ полями и сѣножатми и зъ лугами, и зо всими пожитки, ему и дѣтемъ его и всимъ его потомкомъ, на вѣки вѣчные».—Иногда волости давались съ правомъ выкупа за извѣстную сумму, напр. № 22: «Дали есмо сюю нашу грамоту Бедриху, што держить отъ насъ двѣ селищи, на тыи двѣ селищи записали есмо сею нашею грамотою шестьдесятъ копъ подольскими полугрошники; коли же быхомъ хотѣли тыи двѣ селищи любо сами узяти у него, или кому приволили быхомъ выкупити, и тогды имѣемъ дати ему за ты двѣ селищи шестьдесятъ копъ». № 32.

[7]) Тамъ же, № 36: «А панъ Петръ съ того имѣнья имаетъ служити нами двѣма копьи». № 45: «А съ того намъ имаютъ служити и нашимъ намѣстникомъ двума стрѣлцема на заволаную войну, яко иніи земляне служатъ».

[8]) Тамъ же, № 46.

[9]) Тамъ же № 59: «Тое имѣнье изъ вѣка боярьское, а не тяглое».—№ 55: «То старина за Витовта была, повѣдаютъ стары старцы и путники старые: зъ отчинъ боярьскихъ не давана посощина, и тожъ съ купли, хто што купитъ общину боярьскую, и съ того тожъ не давана посощина; а што приданы великаго князя Витовта, или иныхъ в. князей, и съ того давана посощина. А такожъ

Мы видѣли на сѣверѣ, въ числѣ бояръ,—окольничихъ, стольниковъ, чашниковъ. Встрѣчаемъ также должность конюшаго, дворскаго. Въ современныхъ источникахъ указана только одна обязанность дворскаго: вѣдать слугъ княжескихъ — мастеровыхъ и промышленныхъ, но конечно дѣятельность его этимъ не ограничивалась. Встрѣчаемъ казначеевъ, ключниковъ, тіуновъ: всѣ эти должностныя лица могли быть изъ свободныхъ и изъ холопей. Относительно ключниковъ свободныхъ въ завѣщаніи князя Владиміра Андреевича Серпуховскаго находимъ слѣдующее распоряженіе: „Что мои ключники некупленные, а покупили деревни за моимъ ключемъ, сами ключники дѣтямъ моимъ ненадобны, а деревни къ дѣтямъ моимъ". Въ разсказѣ о Мамаевомъ побоищѣ встрѣчаемъ рынду, который тутъ имѣетъ обязанность возить великокняжеское знамя [1]). Изъ лицъ правительственныхъ находимъ древній санъ тысяцкаго и видимъ его уничтоженіе въ Москвѣ при Димитріи Донскомъ. Не встрѣчаемъ болѣе посадниковъ: вмѣсто нихъ находимъ намѣстниковъ, волостелей, становщиковъ и околичниковъ, которые различались другъ отъ друга обширностію и важностію управляемыхъ участковъ. Въ жалованныхъ грамотахъ обыкновенно говорится, что намѣстники и волостели не въѣзжаютъ въ извѣстныя волости, не судятъ тамошнихъ людей и не посылаютъ къ нимъ ни за чѣмъ. Великій князь Василій Димитріевичъ требуетъ отъ дяди своего Владиміра Андреевича, чтобы тотъ не судилъ судовъ московскихъ безъ великокняжескихъ намѣстниковъ; если, въ отсутствіе великаго князя изъ Москвы, подастъ ему просьбу Москвичъ на Москвича, то онъ даетъ пристава и посылаетъ къ своимъ намѣстникамъ, которые должны разобрать дѣло вмѣстѣ съ намѣстниками удѣльнаго князя. Тіуны являются съ прежнимъ значеніемъ. При разбирательствѣ дѣлъ употреблялись чиновники: приставы, доводчики; селами управляли посельскіе, о которыхъ намъ прямо извѣстно, что они могли быть изъ несвободныхъ слугъ княжескихъ; для письменныхъ дѣлъ употреблялись дьяки и подъячіе [2]); дьяки употреблялись также и для дѣлъ посольскихъ; такъ, Шемяка послалъ въ Казань дьяка своего Ѳедора Дубенскаго стараться о томъ, чтобъ великаго князя Василія Васильевича не выпускали изъ плѣна. Описи земель производились писцами. Для сбора разнаго рода податей существовалъ рядъ чиновниковъ подъ названіемъ данщиковъ, боровщиковъ (отъ бора), бѣльщиковъ (отъ бѣлки), ямщиковъ (отъ яма), бобровниковъ, закосниковъ, бортниковъ [3]).

На юго-западѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ званія: дворскаго, который имѣетъ здѣсь важное значеніе и въ мирѣ, и на войнѣ; дворскій Григорій въ Галичѣ, вмѣстѣ съ епископомъ Артеміемъ, является на первомъ планѣ: оба противятся князю Даніилу Романовичу и потомъ оба являются къ нему съ предложеніемъ принять городъ [4]). Знаменитый Андрей, дворскій Даніила, является на первомъ планѣ въ походахъ; по всему видно, что, вслѣдствіе вліянія сосѣднихъ государствъ, Польскаго и Венгерскаго, дворскій въ Галичѣ имѣлъ важное значеніе палатина. Важнымъ сановникомъ является на югѣ печатникъ (канцлеръ); печатникъ Кириллъ посланъ былъ князьями Даніиломъ и Василькомъ въ Бакоту исписать грабительства бояръ и утишить землю; печатника встрѣчаемъ и въ Смоленскѣ, въ концѣ XIII вѣка [5]). Видимъ и въ Москвѣ печатника, которымъ при Димитріи Донскомъ былъ знаменитый священникъ Митяй. Встрѣчаемъ и на югѣ стольниковъ [6]). Встрѣчаемъ сѣдельничаго, но въ другомъ высшемъ значеніи, чѣмъ прежде [7]); находимъ новое названіе снузниковъ, подлѣ бояръ [8]); писецъ на югѣ употребляется въ томъ же значеніи, въ какомъ дьякъ на сѣверѣ [9]).

Таковъ былъ составъ дружины и собственно двора княжескаго на сѣверѣ и югѣ. Но, кромѣ означенныхъ званій и раздѣленій, и здѣсь, и тамъ, въ описываемое время входятъ въ число княжескихъ слугъ князья же племени Рюрикова и Гедиминова, лишенные своихъ владѣній, или, по крайней мѣрѣ, лишенные правъ независимыхъ владѣльцевъ. Вначалѣ, въ описываемое время, эти князья не вхо-

---

кому даетъ великій князь пустовщину, селище посощинное, а служба будетъ одна была съ того селища, и сядетъ самъ бояринъ на томъ селищи, и людей што за собою посадитъ на томъ селищи: съ того господарю конемъ служитъ и на пріѣздъ конь даетъ, а посощины и съ тыхъ людей не даетъ. А пріймеmъ ли другое селищо, съ которого посощина хаживала, и посадитъ человѣка: съ того даютъ посощину; а што будетъ лѣсъ тогожъ селища николи не пахыванъ, и тотъ лѣсъ роспашетъ и посадитъ людей: и съ тыхъ людей нѣтъ посощины. Такожъ которому коли боярину далъ будетъ селища посощныи в. к. Витовтъ, или иныи в. князи, и тотъ бояринъ посадитъ слугы своя на тыхъ селищахъ, которымъ же слугамъ отпустилъ будетъ в. князь не даватъ посощины, а будутъ на то листы имѣти, а любо добрый договоръ: тыи не имаютъ давати посощины; а которымъ слугамъ не отпустилъ будетъ в. князь посощины, тыя имаютъ давати посощину. Такожъ о бобровыи гоны повѣдали тыижъ старци: гдѣ берегъ великого князя сумежный съ боярьскими, туто гонити, бобры боровникомъ и великого князя и боярьскымъ, и подѣляти бобры по старому; а сѣтей, и рожковъ, и осокъ, и собакъ бояромъ не держать, и поколодовъ, и кошовъ не ставити. А гдѣ князскыи или боярскыи берегы ихъ особныи, а в. князя берегъ не пришолъ будетъ къ которымъ і туто имъ ставити поколодвы и коши, и собакы держать и сѣти; какъ мога, такъ имъ бобра ловити». — Привилегіи 1457 года см. у Дзялынскаго. — Zbior praw Litewskich, p. 28.

1) Никон. IV, III.

2) Тамъ же, V, 200, 278.

3) Акты истор. I, № 13, 36; Акты Арх. Эксп. I, № 9.

4) П. С. Р. Л. II, 175.

5) Тамъ же, стр. 179; С. г. г. и д. II, № 3.

6) П. С. Р. Л. II, 179.

7) Тамъ же, стр. 170; ср. Исторія Россіи, т. III, стр. 685.

8) Тамъ же, стр. 165: «Приде вѣсть Данилу, яко Ростиславъ сошелъ есть на Литву со всѣми бояры и съ нузники». Стр. 195: «снузникомъ же сразившимся не стерпѣша».

9) Тамъ же, стр. 215.

дятъ еще въ общій служебный распорядокъ, составляютъ особый отдѣлъ дружины, причемъ, хотя не вездѣ, становятся выше бояръ. Князья условливаются другъ съ другомъ, что, въ случаѣ отъѣзда, князья служебные лишаются своихъ вотчинъ[1]). Что же касается происхожденія остальныхъ членовъ дружины, то на сѣверѣ она наполнялась выходцами изъ Южной Руси, изъ Литвы, изъ Орды и даже изъ Германіи. На югѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ видимъ нѣмца Маркольта съ важнымъ значеніемъ [2]); тамъ же въ службѣ князя Владиміра Васильковича видимъ Кафилата, выходца изъ Силезіи [3]), потомъ Прусса [4]). Въ смутное время въ Галичѣ важнаго значенія достигъ бояринъ Григорій, внукъ священника; вмѣстѣ съ нимъ упоминаются Лазарь Доможиричъ и Иворъ Молибожичъ, люди низкаго происхожденія (племени смердья); но было ло это явленіе слѣдствіемъ смутнаго времени, или могло случиться и при обыкновенномъ порядкѣ вещей—этого рѣшить нельзя [5]). Мы видимъ, что люди знатнаго происхожденія, но не достигшіе еще званія члена старшей дружины, образуютъ особый отдѣлъ въ младшей дружинѣ подъ именемъ дѣтей боярскихъ.

Кромѣ дружины, войско по-прежнему составлялось и изъ городовыхъ полковъ; полки, составленные изъ московскихъ жителей, упоминаются въ княжескихъ договорахъ обыкновенно подъ именемъ московской рати; Василій Васильевичъ Темный вывелъ противъ дяди Юрія московскихъ гостей и другихъ жителей. Въ жалованной грамотѣ Василія Темнаго Троицкому Сергіеву монастырю говорится о сельчанахъ, обязанныхъ береговою службою [6]). На югѣ Ростиславъ Михайловичъ Черниговскій собралъ въ Перемышль многихъ смердовъ для войны съ Даніиломъ Галицкимъ [7]), причемъ лѣтописецъ говоритъ, что эти смерды составляли пѣхоту, которая дала побѣду Ростиславу; но въ знаменитомъ Ярославскомъ сраженіи тотъ же Ростиславъ вступилъ въ битву съ одною конницею, оставилъ пѣхоту у города, и былъ побѣжденъ Даніиломъ, у котораго была и конница, и пѣхота. На сѣверѣ, заслышавъ о приближеніи непріятеля, князья разсылали грамоты по всѣмъ волостямъ своимъ для сбора войска; но мы видѣли, какъ эти сборы были медленны, когда надобно было имѣть дѣло съ непріятелемъ, подобнымъ Олгерду или Тохтамышу. Когда непріятель былъ уже близко, то изъ первыхъ собравшихся ратниковъ составляли сторожевой полкъ и отправляли въ з а с т а в у, чтобы задержать по возможности врага [8]). Выступивъ въ походъ, посылали напередъ с т о р о ж и—развѣдать о движеніяхъ непріятеля, добыть плѣнниковъ, отъ которыхъ можно было бы узнать все подробно; добыть плѣнника значило, по тогдашнему выраженію, д о б ы т ь я з ы к а. Въ походѣ войско кормилось насчетъ областей, чрезъ которыя проходило: такъ, говорится, что великій князь Василій Васильевичъ, заключивъ перемиріе съ Василіемъ Косымъ, распустилъ свои полки, которые разъѣхались всѣ для собранія кормовъ. Предъ вступленіемъ въ битву войско располагалось по-прежнему: въ срединѣ становился великій полкъ, по обѣ стороны его двѣ руки—правая и лѣвая; напереди—передовой полкъ. Видимъ употребленіе съ большою пользою засадъ, или з а п а д н ы х ъ полковъ; засада рѣшила Куликовскую битву въ пользу Русскихъ; благодаря засадѣ, начальникъ ушкуйниковъ Прокопій съ двумя тысячами войска разбилъ пять тысячъ Костромичей. По-прежнему предъ началомъ битвы князья говорили рѣчи. По-прежнему, видя бѣгство непріятеля, ратники бросались обдирать мертвыхъ, иногда преждевременно, какъ, напримѣръ на Суздальскомъ бою; на югѣ и на сѣверѣ видимъ старый обычай браниться съ непріятелемъ [9]). Въ Южной лѣтописи упоминается о русскомъ боѣ [10]), какъ отличавшемся своими особенностями. Сѣверный лѣтописецъ, по случаю битвы Василія Васильевича Темнаго съ Василіемъ Косымъ, говоритъ, что литовскій выходецъ, князь Иванъ Баба-Друцкой изрядилъ свой полкъ съ копьями по-литовски, и этотъ литовскій обычай противополагаетъ русскому. Выраженіе съ „копьями"—не можетъ намъ дать понятія объ особенностяхъ литовскаго боя, ибо и Русскіе одинаково употребляли это оружіе; такъ, напримѣръ, при описаніи Куликовской битвы говорится, что задній рядъ закладывалъ копья на плеча переднимъ, причемъ у переднихъ копья были короче, а у заднихъ длиннѣе. Венгерскій полководецъ отзывался о южно-русскихъ ратникахъ, что они охочи до бою, стремительны на первый ударъ, но долго не выдерживаютъ; южнорусскіе полки любили биться въ чистомъ полѣ, на открытыхъ мѣстахъ; Даніилъ Галицкій, во время похода на Ятвяговъ, говоритъ своему войску: „Развѣ не знаете, что христіанамъ пространство есть крѣпость, а поганымъ—тѣснота" [11]). Въ Сѣверномъ лѣтописцѣ находимъ извѣстіе, что когда великій князь Василій Васильевичъ послалъ полки

[1]) С. г. г. и д. I, № 43: «А князей же моихъ служебныхъ съ вотчиною себѣ въ службу не примати, а которыя имутъ тебѣ служити, и имъ въ вотчину свою не вступатися». Тамъ же, № 56: «Князья служебные, бояре, дѣти боярскіе и земскіе люди». Акты истор. I, № 71: «Князи мои и бояре, и дѣти боярскіе, и люди дворные».

[2]) П. С. Р. Л. II, 204.

[3]) П. С. Р. Л. II, стр. 208.

[4]) П. С. Р. Л. II, 210.

[5]) П. С. Р. Л. II, стр. 179.

[6]) С. г. г. и д. I, № 33: «А Московьская рать хто ходилъ съ воеводами тѣ и нонѣча съ воеводами, а намъ ихъ не пріимати». № 71.—Акты Арх. Эксп. I, № 64.

[7]) П. С. Р. Л. II, стр.—Тамъ же, IV, стр. 123: «А Новгородцы послаша *селниковъ* лускихъ и воцкихъ, и ижерьскихъ бояръ напередъ».—Но что значитъ здѣсь *селники?*—жители или владѣльцы селъ?

[8]) Никон. IV, 21.

[9]) П. С. Р. Л. II, 184; Никон. IV, 133.

[10]) П. С. Р. Л. II, 168: «Кондрату же любящу руский бой и понужающу Ляхы свои».

[11]) Тамъ же, стр. 183: «Русь тщиви суть на брань, да стерпимъ устремленіе ихъ, не стерпими бо суть на долго время на сѣчи». Тамъ же, стр. 186.

свои противъ Татаръ къ Окѣ, подъ начальствомъ князя Звенигородскаго, то этотъ воевода испугался и возвратился назадъ; иначе поступили другіе воеводы, князь Иванъ Васильевичъ Оболенскій-Стрига и Өедоръ Басенокъ, въ войнѣ Новгородской; встрѣтившись, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ, съ непріятелемъ, у котораго было 5,000 человѣкъ, они сказали: „Если не вступимъ въ бой, то погибнемъ отъ своего государя великаго князя", сразились—и одержали побѣду. На югѣ сохранялся обычай, по которому князь долженъ былъ ѣхать впереди войска, потому что онъ былъ искуснѣе всѣхъ въ ратномъ дѣлѣ и его болѣе всѣхъ слушались; такъ, князья русскіе и польскіе говорили Даніилу Романовичу: „Ты король—голова всѣмъ полкамъ; если пошлешь кого-нибудь изъ насъ напередъ, то войско не будетъ слушаться; ты знаешь воинскій чинъ, ратное дѣло тебѣ за обычай, и всякій тебя постыдится и побоится; ступай самъ напереди". И Даніилъ, урядивши полки, самъ поѣхалъ напереди съ однимъ дворскимъ и небольшимъ числомъ отроковъ. На сѣверѣ, по свидѣтельству сказаній о Мамаевомъ побоищѣ, великій князь Димитрій, поѣздивъ немного впереди въ сторожевыхъ полкахъ, возвратился въ великій полкъ.

Вооруженіе на сѣверѣ состояло изъ щитовъ, шлемовъ, рогатинъ, сулицъ, копій [1]), сабель [2]), ослоповъ, топоровъ. Южный лѣтописецъ такъ описываетъ вооруженіе полковъ Даніила Галицкаго: „Щиты ихъ были какъ заря, шлемы какъ солнце восходящее, копья дрожали въ рукахъ ихъ какъ трости многія; стрѣльцы шли по обѣ стороны и держали въ рукахъ рожанцы свои, наложивши на нихъ стрѣлы". Въ другой разъ, вышедши на помощь къ королю Венгерскому, Даніилъ вооружилъ свое войско по-татарски: лошади были въ личинахъ и к о я р а х ъ кожаныхъ, а люди въ я р ы к а х ъ; самъ же Даніилъ одѣтъ былъ по обычаю русскому; сѣдло на конѣ было изъ жженаго золота, стрѣлы и сабли украшены золотомъ и разными хитростями, кожухъ изъ греческаго оловира, обшитъ кружевами золотыми, плоскими, сапоги—изъ зеленаго сафьяна (хза), шиты золотомъ; когда король попросился у него въ станъ, то Даніилъ ввелъ его въ свою п о л а т у [3]) (полатку). И на югѣ между оружіемъ попадается названіе р о г т и ч и, или рогатицы, также мечи и сулицы. Въ духовной Волынскаго князя Владиміра упоминается [4]) броня дощатая [5]). Изъ отнятыхъ у непріятелей коней и оружія составляли с а й г а т ъ [6]). Попрежнему на югѣ употребляются стяги, или хоругви, на сѣверѣ они уже начинаютъ называться знаменами: такъ, въ сказаніяхъ о Мамаевомъ побоищѣ упоминается черное знамя, которое возили надъ великимъ княземъ. Для созванія войска на бой употреблялись трубы: Василій Васильевичъ Темный самъ началъ трубить войску, заслышавъ о приближеніи Косаго.

Относительно характера войнъ должно замѣтить, что на сѣверѣ (включая сюда область Сѣверскую, Рязанскую и Смоленскую), изъ девяноста извѣстій о войнахъ внутреннихъ или междоусобныхъ, мы встрѣчаемъ не болѣе двадцати извѣстій о битвахъ, слѣдовательно семьдесять походовъ совершено было безъ битвъ. Раздѣливъ описываемый періодъ времени въ 234 года на двѣ равныя половины, увидимъ, что въ первую половину, до 1345 года, который придется въ началѣ княженія Симеона Гордаго, было только пять битвъ, остальныя же пятнадцать относятся ко второй половинѣ, и изъ этихъ пятнадцати почти половина, именно семь битвъ приходятся на усобицу, происходившую въ княженіе Василія Темнаго между этимъ княземъ и его дядей и двоюродными братьями,—доказательство усиленнаго ожесточенія къ концу борьбы. На югѣ же, въ продолженіи семнадцати лѣтъ, отъ 1228 года до Ярославской битвы, встрѣчаемъ двѣнадцать извѣстій о походахъ, и между ними четыре извѣстія о битвахъ, между которыми двѣ были лютыя—Звенигородская и Ярославская. О внѣшнихъ войнахъ въ описываемое время на сѣверѣ встрѣчаемъ около 160 извѣстій, и въ томъ числѣ около пятидесяти только извѣстій о битвахъ; изъ этого числа битвъ болѣе тринадцати было выиграно Русскими. Изъ общаго числа извѣстій о войнахъ сорокъ пять относятся къ войнамъ съ Татарами, сорокъ одно къ войнѣ съ Литовцами, тридцать—съ Нѣмцами Ливонскими; остальныя относятся къ войнѣ со Шведами, Болгарами и проч. На югѣ до литовскаго владычества встрѣчаемъ сорокъ съ чѣмъ-нибудь извѣстій о войнахъ внѣшнихъ, въ томъ числѣ одиннадцать извѣстій о битвахъ, изъ которыхъ восемь были выиграны Русскими. Во время междоусобныхъ войнъ на сѣверѣ встрѣчаемъ разъ тридцать пять извѣстія о взятіи городовъ, причемъ разъ пять попадаются осады неудачныя; во внѣшнихъ войнахъ разъ пятнадцать упоминается о взятіи городовъ Русскими, разъ семь неудачныя осады; разъ семнадцать Русскіе отбили осаждающихъ отъ своихъ городовъ, разъ около семидесяти упоминается о взятіи русскихъ городовъ, преимущественно Татарами, во время нашествій Батыева, Тохтамышева, Едигеева. На югѣ во внѣшнихъ войнахъ разъ семь упоминается о взятіи городовъ Русскими, раза три—избавленіе русскихъ городовъ отъ осады, разъ неудачная осада Русскими, разъ одиннадцать взятіе городовъ русскихъ непріятелемъ.

Касательно осадъ городовъ, въ самомъ началѣ описываемаго періода мы уже встрѣчаемъ извѣстія о стѣнобитныхъ орудіяхъ, порокахъ, таранахъ, турахъ. Во время осады Чернигова Даніиломъ Рома-

[1]) Никон. IV, 52.
[2]) Тамъ же, V, 192.
[3]) П. С. Р. Л. II, 187.
[4]) Тамъ же, стр. 193: «Одинъ же воинъ управи десницю свою, изъемъ *рогтичу* изъ пояса своего далече вергъ, срази князя ятвяжьскаго съ коня своего». Вар.: *Рогатичю.*
[5]) Тамъ же, стр. 205.
[6]) Тамъ же, стр. 200: «Борисъ же пріѣха и приведе сайгатъ королеви, кони и въ сѣдлѣхъ, щиты, сулицѣ, шеломы».

*

новичемъ Галицкимъ и Владиміромъ Рюриковичемъ Кіевскимъ, осаждающіе поставили таранъ, который металъ камнемъ на полтора перестрѣла, а камень былъ въ подъемъ четыремъ мужчинамъ сильнымъ. Ростиславъ Мстиславичъ Черниговскій, во время осады Ярославля-Галицкаго, употреблялъ пороки, или праки. Вотъ какъ описывается взятіе приступомъ города Гостинаго-Волынскаго войсками, отправленными на помощь къ Польскому князю Кондрату: „Когда полки пришли къ городу и стали около него, то начали пристроиваться на взятіе города; князь Конрадъ ѣздилъ и говорилъ Русскимъ: „Братья, моя милая Русь! потяните за одно сердце!“ и ратники полѣзли подъ забрала, а другіе полки стояли неподвижно, сторожа, чтобъ Поляки не подкрались внезапно. Когда ратники прилѣзли подъ забрала, то Поляки стали пускать на нихъ камни, точно градъ сильный; но стрѣлы осаждающихъ не давали осажденнымъ выникнуть изъ забралъ; потомъ начали колоться копьями; много было раненыхъ въ городѣ отъ копій и стрѣлъ, и начали мертвые падать изъ забралъ какъ снопы; такимъ образомъ взятъ былъ городъ и сожженъ, жители перебиты и поведены въ плѣнъ [1].“ На сѣверѣ Новгородцы, сбираясь въ походъ подъ Раковоръ, пріискали мастеровъ, которые стали чинить пороки на Владычнемъ дворѣ. Во время осады Твери Димитріемъ Донокимъ, осаждающіе окружили городъ острогомъ, приставили туры и приметали приметъ около всего города; эта осада продолжалась четыре недѣли; городъ не былъ взятъ потому, что Тверской князь поспѣшилъ заключить миръ съ Московскимъ. Первымъ дѣломъ осаждающихъ было пожечь посадъ и всѣ строенія около осажденной крѣпости или города; но иногда это дѣлали и сами осажденные, приготовляясь къ осадѣ. Въ разсказѣ объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ въ первый разъ упоминаются пушки и тюфяки, употребленные осажденными; тутъ же упоминаются и самострѣлы; осажденные, кромѣ того, что бросали камни и стрѣлы, лили на осаждающихъ также горячую воду. Московскій кремль ни разу не былъ взятъ силою, ибо Тохтамышъ овладѣлъ имъ хитростію; Смоленскъ оба раза былъ взятъ Витовтомъ также хитростію; Тверь послѣ татарскаго нашествія съ Калитою ни разу не была взята; Новгородъ не былъ взятъ никогда; Псковъ выдержалъ шесть осадъ отъ Нѣмцевъ.

Относительно числа войскъ въ описываемое время у насъ еще менѣе точныхъ извѣстій, чѣмъ даже въ періодъ предшествовавшій. Правда, мы имѣемъ извѣстіе о числѣ русскаго войска, сражавшагося на Куликовомъ полѣ, но это извѣстіе почерпнуто изъ украшенныхъ сказаній, и есть еще другія причины сомнѣваться въ его вѣрности. Когда великій князь Димитрій перевезся черезъ Оку и сосчиталъ своихъ ратниковъ, то нашелъ, что ихъ болѣе двухъ сотъ тысячъ, причемъ великій князь жалѣлъ, что у него мало пѣхоты, и оставилъ у Лопасны великаго воеводу своего Тимоѳея Васильевича, чтобъ онъ провожалъ по Рязанской Землѣ тѣ пѣшіе и конные отряды, которые будутъ приходить послѣ. И, дѣйствительно, потомъ сказано, что пришло къ нему много пѣхоты, много житейскихъ людей и купцовъ изо всѣхъ земель и городовъ, такъ что послѣ ихъ прихода насчиталось уже болѣе 400,000 войска. Но если мы примемъ въ соображеніе: что Димитрій долженъ былъ ограничиться силами одного Московскаго и великаго княжества съ подручными князьями и отрядомъ двоихъ Олгердовичей; что извѣстіе о приходѣ Новгородцевъ болѣе чѣмъ сомнительно; что на извѣстіи о тверской помощи также нельзя много настаивать; что о полкахъ нижегородскихъ и суздальскихъ нѣтъ и помину,—то извѣстіе о 400,000 войска не можетъ не показаться преувеличеннымъ. Въ Суздальскомъ бою съ Василіемъ Темнымъ было только полторы тысячи войска, хотя съ нимъ были тутъ князья Можайскій, Верейскій и Серпуховской, недоставало одного Шемяки, чтобъ всѣ силы Московскаго княжества были въ сборѣ. Новгородцы выставили противъ Василія Темнаго 5,000 войска, и эту рать лѣтописецъ называетъ великою вельми. Разумѣется, мы не можемъ сравнивать похода Василія Темнаго на Казанскаго хана съ походомъ дѣда его, Димитрія, на Мамая; самыя жалобы лѣтописца на чрезмѣрное истощеніе областей московскихъ послѣ Куликовской битвы показываютъ напряженіе чрезвычайное.

Таково является, по источникамъ, состояніе дружины и войска вообще. Что касается до остальнаго народонаселенія городскаго и сельскаго, то города Сѣверо-Восточной Руси въ описываемое время представляются намъ съ другимъ значеніемъ, чѣмъ какое видѣли мы у городовъ древней, Юго-Западной Руси. Усобицы между князьями продолжаются по-прежнему, но города не принимаютъ въ нихъ участія какъ прежде, ихъ голоса не слышно; ни одинъ князь не собираетъ вѣча для объявленія городовому народонаселенію о походѣ или о какомъ-нибудь другомъ важномъ дѣлѣ, ни одинъ князь не уряживается ни о чемъ съ горожанами. За Владиміръ и его область борются князья Переяславскій и Городецкій, Московскій и Тверской, но расположеніе Владимірцевъ къ тому или другому сопернику никогда не кладется на вѣсы для рѣшенія спора, какъ нѣкогда расположеніе Кіевлянъ; цѣня важность Владиміра и его области, борясь за нихъ, князья однако перестаютъ жить въ стольномъ городѣ отцовъ, остаются въ своихъ опричнинахъ; это обстоятельство должно было бы дать Владимірцамъ большую независимость при обнаруженіи своего расположенія въ пользу того или другого соперника; но ничего подобнаго не видимъ. Начинается усобица въ Московскомъ княжествѣ между дядею и племянникомъ; одинъ изгоняетъ другого изъ Москвы, какъ нѣкогда изъ Кіева, но о голосѣ Москвичей ни слова, ни слова о томъ, чтобъ князья-соперники прислушивались къ этому голосу, спрашивали его; говорится о заговорѣ многихъ Москви-

[1] П. С. Р. Л. II, стр. 210.

чей, бояръ, гостей и чернецовъ въ пользу Шемяки противъ Василія Темнаго, но ни слова о вѣчѣ, о гласномъ выраженіи народнаго мнѣнія, о распрѣ сторонъ между гражданами, какъ это мы видѣли въ-старину на югѣ; два раза Москва, лишенная князей, предоставляется себѣ самой: во время Тохтамышева нашествія и послѣ Суздальскаго боя, и ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ ни слова о вѣчѣ; лѣтописецъ говоритъ только о волненіи, которое въ первомъ случаѣ было утишено прибытіемъ князя Остея. Три раза упоминаются вѣча или возстанія: два раза вѣча простыхъ людей на бояръ—въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ; одинъ разъ вѣче въ Ростовѣ на Татаръ; упоминаются и прежде совѣты на Татаръ въ городахъ,—причемъ видимъ и участіе князей [1]); но въ старыхъ городахъ—Смоленскѣ, Муромѣ, Брянскѣ—жители вмѣшиваются въ княжескія усобицы: Смольняне не хотѣли имѣть своимъ княземъ Святослава Мстиславича, и послѣдній долженъ былъ силою сѣсть у нихъ на столѣ; Брянцы сходятся вѣчемъ на князя своего Глѣба Святославича; въ Муромѣ обнаруживаются двѣ стороны, изъ которыхъ одна стоитъ за князя Ѳедора Глѣбовича, а другая—за Юрія Ярославича.

Но и въ описываемое время существовалъ на сѣверѣ городъ, который, несмотря на усилія Андрея Боголюбскаго, Всеволода III, сына его Ярослава, внука Ярослава, правнука Михаила, сохранилъ прежнее значеніе старшихъ городовъ въ областяхъ, значеніе власти, сохранилъ прежній обычай, какъ на думу, на вѣче сходиться: то былъ Новгородъ Великій. Мы видѣли, какъ, вслѣдствіе родовыхъ княжескихъ отношеній и усобицъ, явились ряды, какъ великіе князья рядились съ Кіевлянами, какъ послѣ Всеволода Ольговича тіунъ въ Кіевѣ становился выборнымъ отъ города; мы видѣли, что, вслѣдствіе тѣхъ же самыхъ обстоятельствъ, но еще болѣе усиленныхъ, явились ряды и въ Новгородѣ, и здѣсь посадники и тысяцкіе стали выборными. Мы видѣли, что начало рядовъ новгородскихъ должно отнести ко временамъ Всеволода Мстиславича; но дошедшая до насъ самая древняя изъ договорныхъ грамотъ новгородскихъ съ великими князьями относится ко временамъ Ярослава Ярославича; послѣ этого князя мы имѣемъ цѣлый рядъ подобныхъ грамотъ съ малыми измѣненіями одна противъ другой, ибо Новгородцы держались старины: новыя отношенія, явившіяся на сѣверѣ, не могли дать имъ новыхъ льготъ; все стараніе ихъ долженствовало быть направлено къ тому только, чтобъ удержать прежнее.

Такъ, въ началѣ грамотъ Новгородцы обыкновенно говорятъ, чтобъ князь цѣловалъ крестъ на томъ, на чемъ цѣловали дѣды и отцы, держать Новгородъ въ старинѣ, по пошлинѣ, безъ обиды; послѣ исчисленія всѣхъ условій говорится, что такъ пошло отъ дѣдовъ и отцовъ. Въ грамотахъ Ярослава Ярославича говорится только о крестоцѣлованіи княжескомъ; но въ грамотахъ сына его, Михаила, является уже и клятва Новгородцевъ—держать княженіе честно, по пошлинѣ, безъ обиды; наконецъ съ того времени, какъ младшіе, удѣльные князья Московскіе начали присягать — держать княженіе старшихъ честно и **грозно**, Новгородцы также должны были внести въ свои грамоты: „**грозно**“. Договоръ заключается отъ имени владыки, посадника, тысяцкаго, сотскихъ, отъ всѣхъ старѣйшихъ, отъ всѣхъ меньшихъ, отъ всего Новгорода. Владыка посылалъ князю благословеніе, остальные сановники и жители—поклонъ.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ правителя, князь держалъ всѣ почти волости новгородскія не своими мужами, но мужами новгородскими. Мы не должны забывать, что подъ именемъ волостей разумѣлось тогда не только то, что мы теперь разумѣемъ подъ этимъ названіемъ, но также должности, доходы. Князь безъ посадника не раздавалъ волостей, не давалъ грамотъ. Князь рядилъ Новгородъ и раздавалъ волости, находясь въ Новгородѣ, но не могъ дѣлать этого, находясь въ Суздальской Землѣ; безъ вины не лишалъ никого волости. На Нѣмецкомъ дворѣ князь торговалъ посредствомъ купцовъ новгородскихъ, не могъ затворять двора, приставлять къ нему приставовъ, нарушать договоровъ, заключенныхъ съ городами нѣмецкими, долженъ былъ, по выраженію грамотъ, блюсти новгородскую душу, т.-е. не дѣлать Новгородцевъ клятвопреступниками предъ Нѣмцами. — Изъ этихъ условій видимъ, что давать грамоты, скрѣплять ими извѣстныя права,—принадлежало князю, только при участіи посадника; но потомъ Новгородъ, въ этомъ отношеніи, забылъ старину, и грамоты стали даваться на вѣчѣ безъ участія князя; такъ, дана была жалованная грамота Троицкому Сергіеву монастырю въ слѣдующей формѣ: „По благословенію господина преосвященнаго архіепископа богоспасаемаго Великаго Новгорода владыки Евѳимія, по старой грамотѣ жалованной, пожаловали посадникъ Великаго Новгорода Димитрій Васильевичъ и всѣ старые посадники, тысяцкій Михайла Андреевичъ и всѣ старые тысяцкіе, и бояре, и житые люди, и купцы, и весь господинъ Великій Новгородъ на вѣчѣ, на Ярославлѣ дворѣ [2])“. Великій князь Василій Васильевичъ уничтожилъ эту новизну; въ его договорѣ съ Новгородцами читаемъ условіе: „Вѣчнымъ грамотамъ не быть“, вмѣстѣ съ другимъ условіемъ—„А печати быть князей великихъ“. Понятно, что, присвоивши себѣ право давать грамоты отъ вѣча, безъ князя, Новгородцы привѣшивали къ этимъ грамотамъ и свою городовую печать.

По условіямъ, опредѣлявшимъ права князя, какъ судьи, князь не судилъ суда безъ посадника; Новгородцы обязываются не отнимать суда у великокняжескихъ намѣстниковъ, исключая двухъ слу-

[1]) Никон. III, 41: «Совѣтъ бысть на татарове по всѣмъ градомъ Русскимъ; и посемъ нніи князижъ Рустіи, согласившеся межъ собою прогнаше Татаръ изъ градовъ своихъ».

[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 42. См. также Акты истор. I, № 17.

чаевъ: вопервыхъ, когда придетъ вѣсть о вторженіи непріятеля, вовторыхъ,—когда жители будутъ заняты укрѣпленіемъ города, и обвиненные или тяжущіеся не будутъ имѣть времени отвѣчать передъ судомъ. Сотскіе и рядовичи безъ великокняжескаго намѣстника и безъ посадника не судять нигдѣ. Зовъ къ суду по волости производится посредствомъ **позовниковъ** великокняжескихъ и новгородскихъ, въ городѣ посредствомъ **подвойскаго** великокняжескаго и новгородскаго. Если князю донесутъ на кого бы то ни было, то онъ не даетъ вѣры доносу, прежде нежели изслѣдуется дѣло; князь не посуживаетъ грамотъ, т.-е. не перемѣняетъ грамотъ, данныхъ прежними князьями; не посужаетъ ряду вольнаго, т.-е. когда соперники полюбовно уладятъ дѣло между собою; не замышляетъ самъ суда; не даетъ вѣры навѣтамъ холопа или рабы на господина; не судитъ ни холопа, ни рабы, ни половника безъ господаря ихъ; дворяне княжескіе изъ Новгородской волости за рубежъ суда не выводятъ и не судять, **вязчей** пошлины не берутъ. Если случится судъ великокняжескому человѣку съ Новгородцемъ, то судятъ отъ великаго князя бояринъ, и отъ Великаго Новгорода бояринъ, судятъ право, по крестному цѣлованію. Если же заспорятъ, не смогутъ рѣшить дѣла, то когда великій князь или его братъ, или сынъ пріѣдутъ въ Новгородъ, тогда рѣшатъ это дѣло. Судей своихъ по волости князь шлетъ на Петровъ день.

По условіямъ, опредѣлявшимъ доходы княжескіе, князь получалъ даръ отъ всѣхъ новгородскихъ волостей; въ Торжкѣ и Волокѣ держалъ тіуна въ той части этихъ городовъ, которая ему принадлежала, а въ Вологдѣ тіуна не держалъ; на двухъ погостахъ, Имоволожскомъ и Важанскомъ, бралъ куны; когда князь ѣхалъ въ Новгородъ, то бралъ даръ по станціямъ (постояніямъ), а когда ѣхалъ изъ Новгорода, тогда дара не бралъ. Судныхъ пошлинъ Новгородцы обязываются не утаивать, равно какъ всякихъ доходовъ и оброковъ княжескихъ. Пошлины великимъ князьямъ и митрополиту отъ владыки брать по старинѣ. Крюкъ великимъ князьямъ по старинѣ на третій годъ. Князь пользовался въ назначенныхъ мѣстахъ правомъ косить сѣно, ловить звѣрей, рыбу, варить медъ [1]). Князь собиралъ дань въ Заволоцкихъ владѣніяхъ Новгорода; но онъ или продавалъ (отдавалъ на откупъ) эту дань Новгороду, или могъ посылать и своего мужа, но только изъ Новгорода, въ двухъ насадахъ, и никакъ не съ Низу, и потомъ посланный долженъ былъ возвращаться опять въ Новгородъ, а не прямо къ великому князю; раздавать даней на Низу князь не могъ. Въ Вотскую землю князь посылалъ ежегодовъ. Дворяне княжескіе и тіуны его имѣютъ право брать прогоны [2]); но дворяне не имѣютъ права по селамъ брать подводы у купцовъ, развѣ только въ томъ случаѣ, когда надобно дать вѣсть о приближеніи непріятеля. Ни князь, ни княгиня, ни бояре, ни дворяне ихъ не могли въ Новгородской волости держать селъ, покупать ихъ, принимать въ даръ, также ставить слободъ и мытовъ.

Изъ всѣхъ этихъ условій видно, что Новгородъ не платилъ великому князю дани, исключая даней заволоцкихъ, о которыхъ упоминается еще подъ 1133 годомъ. Но мы видѣли, что въ 1259 году наложена была на Новгородъ дань татарская, **число**; лѣтописецъ говоритъ, что Татары переписали домы христіанскіе, и что богатымъ было легко, а бѣднымъ тяжело [3]); изъ послѣднихъ словъ можно видѣть, что количество платимой суммы было одинаковое для всѣхъ жителей, дань была наложена безъ соображенія съ средствами плательщика. Но мы видѣли также, что Татары скоро перестаютъ сами сбирать дань и поручаютъ это князьямъ, которые такимъ образомъ получаютъ возможность распорядиться сборомъ дани по-своему; то же самое дѣлаютъ и Новгородцы: они платятъ великому князю такъ называемый **черный боръ** для хана, и вносятъ въ свои договоры условіе: „Если приведется князьямъ великимъ взять **черный боръ**,—и намъ черный боръ дать по старинѣ“. Такъ, когда Димитрій Донской, послѣ Тохтамышева нашествія, долженъ былъ дать въ Орду большой выходъ, то послалъ и въ Новгородъ брать черный боръ [4]). Какъ брался этотъ черный боръ, мы знаемъ изъ данной новгородской грамоты великому князю Василію Васильевичу на черный боръ по новоторжскимъ волостямъ [5]). „Брать князя великаго черноборцамъ на новоторжскихъ волостяхъ на всѣхъ, куда пошло по старинѣ, съ сохи по гривнѣ новой, да писцу княжому мортка съ сохи; а въ соху два коня да третье припряжь, да тшанъ кожевничій за соху (идетъ), неводъ за соху, лавка за соху, плугъ за двѣ сохи, кузнецъ за соху, четыре пѣшци за соху, ладья за двѣ сохи, црѣнъ за двѣ сохи; а кто сидитъ на исполовьи, на томъ взять за полсохи; гдѣ Новгородецъ заѣхалъ лодьею, или торгуетъ лавкою, или староста,—на томъ не взять; и кто будетъ одерноватый, беретъ мѣсячину,—на томъ также не брать. Кто, покинувъ свой дворъ, вбѣжитъ во дворъ боярскій, или кто утаитъ соху и

[1]) «А въ Русу ти, княже, ездити осень, а лѣто не ездити, ездити, на озвадъ (Възводъ или Озвадо — урочище) звѣря гонитъ. А въ Ладогу ти княже, слати осетрьникъ и медовара». Или: «Ехати ти въ Русу на третию зиму, а въ Ладогу ехати на третие лѣто, на възвадъ. А пожже, княже, что пошло тобе и твоимъ мужемъ, то твое. А свиньи ти бити за 60 верстъ отъ города, а дале куда кому угодно». Или: «А свиньи ти, княже гонити за шестьдесятъ верстъ около города, а въ той шестидесятъ Новгородьцю гонити, князя докладая князя, а дале куды кому годно».— См. любопытную грамоту в. к. Василія Темнаго Русскимъ тонникамъ, въ Древн. Вивл. ч. II, стр. 406.

[2]) «Дворяномъ твоимъ и тивуномъ погонъ имати, какъ то пошло». Или: «А дворяномъ твоимъ, какъ пошло, погонъ имати, отъ князя по 5 кунъ, а отъ тивуна по двѣ куны». Или: «а отъ тиуна по двѣ долгѣи».

[3]) П. С. Р. Л. III, 57: «И злыхъ съвѣтомъ яшася почисло, творяху бо бояре собѣ легко, а меньшимъ зло».

[4]) Никон. IV, 145.

[5]) Акты Арх. Эксп. I, 32.

будетъ изобличенъ,—тотъ платитъ за вину свою вдвое за соху." Такимъ образомъ, мы видимъ, что дань платилась съ промысловъ и опредѣлялась величиною средствъ промышленника, причемъ всѣ промыслы приравнивались къ сохѣ, которая выражала опредѣленную величину средствъ, употребляемыхъ при обработкѣ земли.

Мы видѣли, что опредѣленіе однихъ только финансовыхъ отношеній Новгорода къ великимъ князьямъ можно отнести ко временамъ Ярослава I, что опредѣленіе остальныхъ отношеній, какъ мы встрѣчаемъ его въ договорныхъ грамотахъ, должно быть отнесено ко временамъ позднѣйшимъ, началось не ранѣе княженія Ярополка Владиміровича въ Кіевѣ. Начавшіяся съ этихъ поръ усобицы между Мономаховичами и Ольговичами и между разными линіями Мономахова потомства, частыя перемѣны великихъ князей отразились въ Новгородѣ, который постоянно признавалъ свою зависимость отъ великаго князя, бралъ себѣ князя изъ его руки: и здѣсь начались волненія и усобицы, смѣны, изгнаніе князей, образовались партіи, приверженныя то къ тому, то къ другому изъ нихъ; если сначала князья смѣнялись вслѣдствіе смѣнъ въ Кіевѣ, то потомъ начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны въ самомъ Новгородѣ; чиновники княжескіе, посадники, тысяцкіе стали выборными, начали смѣняться вслѣдствіе торжества той или другой стороны, вслѣдствіе смѣны князей, съ которыми стали заключаться договоры, ряды. Князья южные, занятые своими родовыми счетами и усобицами, смотрѣли равнодушно на утвержденіе такого порядка вещей въ Новгородѣ; если Ольговичи уступали Кіевлянамъ выборъ тіуна, то нѣтъ ничего удивительнаго, что другіе южные князья легко соглашались и на новгородскія условія; Изяславъ Мстиславичъ одинаково ведетъ себя какъ на кіевскомъ, такъ и на новгородскомъ вѣчѣ. Но съ тѣхъ поръ, какъ приняли первенствующее положеніе князья сѣверные, мы видимъ постоянное враждебное столкновеніе ихъ съ бытомъ Новгорода, развившимся, по всѣмъ вѣроятностямъ, полнѣе и опредѣлившимся точнѣе, нежели въ другихъ старыхъ городахъ. Всеволодъ III привелъ-было уже Новгородъ совершенно въ свою волю; сынъ его Ярославъ хотѣлъ сдѣлать то же самое, хотѣлъ управлять Новгородомъ изъ пригорода Торжка: обоимъ помѣшалъ южный князь Мстиславъ; Александръ Невскій шелъ по слѣдамъ предковъ; братъ его Ярославъ хотѣлъ привести Новгородъ въ свою волю съ помощію татарскою, но былъ остановленъ братомъ Василіемъ; Димитрій Александровичъ былъ остановленъ въ подобныхъ же намѣреніяхъ братомъ Андреемъ, Михаилъ Тверской—Юріемъ Московскимъ. Но Московскіе князья, получивши первенство, измѣняютъ поведеніе предшествовавшихъ князей относительно Новгорода: они оставляютъ въ покоѣ его бытъ, не допускаютъ только дальнѣйшаго распространенія новгородскихъ правъ, напримѣръ, освобожденія отъ митрополичьяго суда, и все вниманіе обращаютъ только на то, чтобъ получить съ Новгорода какъ можно больше денегъ, овладѣть его главными доходами, получаемыми съ Заволочья. Калита сталкивается враждебно съ Новгородомъ—и всякій разъ за деньги, за то, что хочетъ взять съ него больше положеннаго; онъ дѣлаетъ также первую попытку овладѣть Заволочьемъ; сынъ его, Симеонъ Гордый, начинаетъ княженіе походомъ на Новгородъ изъ-за денегъ, изъ-за того, что Новгородцы не хотятъ позволить ему собирать дань на торжовскихъ волостяхъ. Димитрій Донской идетъ на Новгородъ, когда, вслѣдствіе Тохтамышева нашествія, онъ чувствуетъ большую надобность въ деньгахъ; Василій Димитріевичъ возобновляетъ попытку Калиты, хочетъ овладѣть Заволочьемъ; Темный беретъ съ Новгорода богатые окупы; но Темный уже сильнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, онъ освободился отъ родичей, собралъ ихъ удѣлы; у него нѣтъ соперниковъ ни въ Твери, ни въ Нижнемъ, онъ не боится ни Литвы, ни Орды—и потому можетъ думать уже о послѣднемъ ударѣ Новгороду, объ уничтоженіи его стараго быта; онъ дѣйствительно думаетъ объ этомъ, но смерть мѣшаетъ исполненію думы.

Уже давно, по всѣмъ вѣроятностямъ во второй четверти XII вѣка, посадникъ въ Новгородѣ сталъ выборнымъ и занялъ мѣсто подлѣ князя при судѣ и раздачѣ волостей, хотя при этомъ князь не потерялъ вліянія при избраніи посадника и не лишился права требовать его смѣны, объявивши только вину его: такъ, мы видимъ, что въ 1271 году князь Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ посадничество у Жирослава и выгналъ его изъ города; князь Святославъ Мстиславичъ не могъ сдѣлать того же съ посадникомъ Твердиславомъ потому, что, вопреки условію, хотѣлъ лишить его должности безъ вины; въ описываемое время Александръ Невскій настоялъ на то, чтобъ посадникъ Ананія лишенъ былъ должности; братъ Невскаго, Ярославъ, требовалъ, чтобъ трое бояръ были лишены должности; Новгородцы упросили его простить этимъ людямъ и удовольствоваться тѣмъ, что должность тысяцкаго отдана была, по его волѣ, человѣку, ему преданному. Отъ начала XV вѣка дошло до насъ иностранное извѣстіе (Ланноа), что посадники и тысяцкіе мѣнялись ежегодно. Мы видимъ, что великіе князья посылаютъ въ Новгородъ своихъ намѣстниковъ; какое же было значеніе этихъ лицъ? Подъ 1342 годомъ лѣтописецъ указываетъ намъ намѣстника великокняжескаго—Бориса, который, вмѣстѣ съ владыкою Василіемъ, примирилъ враждующія стороны; подъ 1375 годомъ встрѣчаемъ другое извѣстіе о намѣстникѣ: Новгородцы, желая упросить владыку Алексѣя, чтобъ онъ не оставлялъ епископіи, стали вѣчемъ на дворѣ Ярослава и послали съ челобитьемъ къ владыкѣ съ вѣча намѣстника великокняжескаго Ивана Прокшинича, посадника, тысяцкаго и другихъ многихъ бояръ и добрыхъ мужей; здѣсь, какъ и слѣдуетъ ожидать, намѣстникъ занимаетъ мѣсто выше городскихъ са-

повниковъ. Въ описываемое время, когда попадаются извѣстія о довольно значительныхъ войнахъ Новгородцевъ со Шведами, Ливонскими Нѣмцами, Литвою, войнахъ, которыя объявлялись формально и оканчивались мирными договорами, можно усмотрѣть степень участія князя или намѣстника его во внѣшнихъ сношеніяхъ, въ рѣшеніяхъ относительно войны и мира. Подъ 1242 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что послѣ Ледоваго побоища Нѣмцы прислали въ Новгородъ за миромъ съ поклономъ, безъ князя (Александра), и миръ былъ заключенъ. Подъ 1256 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, что Александръ Невскій выступилъ въ походъ съ своими полками и новгородскими, причемъ Новгородцы не знали, куда, на какой народъ князь идетъ,—знакъ, что Александръ не объявлялъ на вѣчѣ о походѣ, не спрашивалъ согласія гражданъ на него. Орѣховскій договоръ со Шведами, заключенный въ 1323 году, начинается такъ: „Я, князь великій Юрій, съ посадникомъ Варѳоломеемъ, тысяцкимъ Аврамомъ и со всѣмъ Новгородомъ, докончалъ съ братомъ моимъ, свейскимъ королемъ“ [1]). Во времена Московскихъ князей, предоставившихъ Новгородъ самому себѣ, дававшихъ литовскимъ князьямъ право показнить Новгородцевъ, если они сгрубятъ имъ, въ это время, разумѣется, вѣче получило большую свободу въ опредѣленіи своихъ внѣшнихъ отношеній; такъ видимъ, что когда Шведскій король Магнусъ прислалъ въ Новгородъ съ требованіемъ принять католицизмъ, грозя въ противномъ случаѣ войною, то въ совѣщаніи по этому случаю видимъ владыку, посадника, тысяцкаго и всѣхъ Новгородцевъ,—о намѣстникѣ великокняжескомъ не упомянуто; а при заключеніи договора съ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ Новгородцы вносятъ условіе, чтобы великій князь безъ новгородскаго слова не замышлялъ войны. Но при этомъ князь не терялъ своего участія во внѣшнихъ сношеніяхъ; въ 1420 году Орденъ прислалъ пословъ въ Новгородъ съ предложеніемъ назначить съѣздъ для мирныхъ переговоровъ. Въ это время въ Новгородѣ жилъ князь Константинъ Димитріевичъ, разсорившійся съ братомъ, великимъ княземъ Василіемъ; Новгородцы приняли его въ честь, дали ему пригороды, бывшіе прежде за Литовскими князьями, и, кромѣ того, по всей волости Новгородской сборъ пошлины, называемой коробейщиною; но въ то же время въ Новгородѣ находился и намѣстникъ великаго князя Василія, князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, и, вотъ, по словамъ лѣтописца, нѣмецкіе послы условились съ княземъ Константиномъ и со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, что быть на съѣздъ самому магистру, а князю Константину и Новгородцамъ послать своихъ бояръ, вслѣдствіе чего были посланы на съѣздъ намѣстникъ великокняжескій, князь Ѳедоръ Патрикѣевичъ, бояринъ князя Константина—Андрей Константиновичъ, двое посадниковъ и трое бояръ новгородскихъ [2]). Наконецъ изъ дошедшихъ до насъ договорныхъ грамотъ Новгородцевъ съ Любекомъ и Готскимъ берегомъ—одна, относящаяся къ концу XIII или началу XIV вѣка, написана отъ имени великаго князя Андрея, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода; въ ней сказано, что гости будутъ на Божіихъ рукахъ, княжескихъ и всего Новгорода; другая грамота, относящаяся ко второй половинѣ XIV вѣка, половинѣ московской или намѣстнической, написана отъ имени архіепископа, посадника, тысяцкаго и всего Новгорода.

Изъ двѣнадцати смутъ въ Новгородѣ, о которыхъ упоминаетъ лѣтописецъ, въ періодъ отъ 1054 до 1228 года, только двѣ не были въ связи съ княжескими перемѣнами: возстаніе концовъ вслѣдствіе бѣгства Матея Душильчевича, въ 1218 году, и возстаніе на владыку Арсенія, въ 1228 году. Въ періодъ времени отъ 1228 до 1462 года лѣтописецъ упоминаетъ 21 разъ о смутахъ, изъ которыхъ только четыре были въ связи съ княжескими отношеніями. Большею частію Новгородцы возстаютъ на своихъ сановниковъ, причемъ нельзя не усмотрѣть борьбы двухъ сторонъ,—стороны лучшихъ и стороны меньшихъ людей. Мы видѣли, что и въ періодъ отъ 1054 до 1228 года посадники избирались обыкновенно изъ одного извѣстнаго круга знатныхъ фамилій; если при избраніи въ другія должности слѣдовали тому же обычаю, то легко понять, какое значеніе должны были получить знатныя фамиліи, какія общій цѣли должны были онѣ преслѣдовать и какія волненія въ городѣ должна была производить вражда нѣкоторыхъ изъ нихъ другъ съ другомъ. Мы видѣли, къ какимъ явленіямъ повела распря Степана Твердиславича съ Водовикомъ въ 1230 году; въ 1255 г. лучшіе люди составляютъ совѣтъ—побить меньшихъ и ввести князя на своей волѣ; на раздѣленіе интересовъ обѣихъ сторонъ лѣтописецъ указываетъ также въ извѣстіи о наложеніи дани татарской; то же самое видимъ и въ смутѣ 1418 года. Но здѣсь раждается вопросъ о происхожденіи бояръ новгородскихъ: было ли это званіе наслѣдственнымъ въ нѣкоторыхъ фамиліяхъ, или нѣтъ? Извѣстно, что въ нашей древней исторіи никогда и нигдѣ боярское званіе не было наслѣдственнымъ; боярами назывались старшіе члены дружины, думцы, совѣтники князя, который возводилъ въ это званіе, давалъ это значеніе или сыновьямъ своихъ старыхъ бояръ и дружинниковъ вообще, смотря по мѣрѣ ихъ достоинства, или людямъ, вновь вступающимъ въ дружину, смотря опять по достоинству и по разнымъ другимъ условіямъ; разумѣется, происхожденіе отъ знаменитаго и любимаго княземъ боярина давало его сыну большее право и легкость къ достиженію того же званія; но въ случаѣ нужды и дѣтскіе могли стать боярами, какъ обѣщалъ сдѣлать князь Владиміръ Мстиславичъ при извѣстномъ случаѣ [3]). Но мы должны строго различать въ источникахъ названіе боэри-

[1]) Antiquités russes, т. II, p. 490.
[2]) П. С. Р. Л. IV, 119.

[3]) См. Исторію Россіи, т. II, стр. 488.

на въ значеніи старшаго члена дружины,—названіе, употребляющееся въ противоположность съ названіями другихъ младшихъ членовъ дружины, и то же самое названіе, употребленное въ общемъ смыслѣ,—въ смыслѣ знатныхъ, большихъ людей, въ смыслѣ дружины вообще, съ противоположеніемъ ей всего остальнаго народонаселенія, людей простыхъ, черныхъ. Такъ, и въ Новгородской лѣтописи названіе бояръ употребляется въ общемъ смыслѣ знатныхъ людей, вячшихъ, въ противоположность меньшимъ, простымъ. Подъ именемъ бояръ, или большихъ, вячшихъ людей въ Новгородѣ разумѣются всѣ правительственныя лица, какъ отправляющія свою должность, такъ и старыя, члены всѣхъ тѣхъ знатныхъ фамилій, которые успѣли сосредоточить въ своемъ кругу правительственныя должности. Сынъ посадника имѣлъ важное значеніе, какъ сынъ посадника, какъ сынъ при этомъ знаменитаго, могущественнаго по своему вліянію человѣка, и, вслѣдствіе этого, принадлежалъ къ числу большихъ знатныхъ людей, бояръ; назывался бояриномъ въ отличіе отъ обыкновеннаго, простого человѣка, а не потому онъ назывался такъ, что имѣлъ особый санъ боярина, или принадлежалъ къ сословію бояръ. Татары, боясь волненія народнаго въ Новгородѣ, просятъ князя Александра, чтобъ онъ приставилъ къ нимъ сторожей, и князь велитъ стеречь ихъ сыну посадничьему и всѣмъ дѣтямъ боярскимъ; потомъ, по смерти Александра Невскаго, Новгородцы послали за братомъ его Ярославомъ—сына посадничьяго и лучшихъ бояръ

Слово бояре въ общемъ значеніи лучшихъ, знатныхъ людей, противополагаемыхъ простымъ людямъ, употребляется не въ одной Новгородской, но и во всѣхъ другихъ лѣтописяхъ; понятно, что въ другихъ княжествахъ подъ именемъ бояръ обыкновенно члены дружины противополагаются всему остальному народонаселенію. Такъ, подъ 1315 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что князь Аѳанасій Даниловичъ пошелъ изъ Новгорода въ Торжокъ съ новгородскими боярами безъ черныхъ людей[1]); при описаніи усобицъ въ Твери, говорится, что тяжко было боярамъ и слугамъ, тяжко было и чернымъ людямъ [2]). О Димитріи Донскомъ сказано, что онъ, желая предупредить Михаила Тверскаго, привелъ по всѣмъ городамъ къ присягѣ бояръ и черныхъ людей [3]). При описаніи Раковорской битвы, Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что много пало добрыхъ бояръ, а иныхъ черныхъ людей безъ числа [4]). Встрѣчается и старинное названіе люди въ значеніи простыхъ, черныхъ людей и въ противоположность знатнымъ, боярамъ, дружинѣ вообще; такъ, говорится, что Тверской князь Михаилъ Александровичъ, пожегши дмитровскіе посады, волости и села, бояръ и людей привелъ плѣнными въ Тверь [5]); а въ Волынской лѣтописи встрѣчаемъ названіе простыхъ людей въ противоположность боярамъ [6]). Наконецъ, въ противоположность дружинѣ, все остальное народонаселеніе носитъ названіе земскихъ людей [7]). Такимъ образомъ, въ противоположность князьямъ всѣ, некнязья были смерды, черные люди; въ противоположность боярамъ и дружинѣ вообще, все остальное народонаселеніе также носило названіе простыхъ, черныхъ людей; изъ этого народонаселенія будутъ выдѣляться новые, высшіе разряды или сословія, и всѣ остальные—низшіе въ отношеніи къ этимъ новымъ разрядамъ будутъ называться также черными людьми. Такъ, въ Новгородѣ, при подробномъ перечисленіи слоевъ городового народонаселенія, послѣ бояръ встрѣчаемъ житыхъ людей, значительныхъ по своему богатству, людей, которые, не принадлежа къ городовой аристократіи, къ лицамъ и фамиліямъ правительственнымъ, не принадлежали также и къ купцамъ, ибо не занимались торговлею. За житыми людьми, или мужами, [8]) слѣдуютъ купцы и наконецъ черные люди: подъ 1398 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что ко владыкѣ Новгородскому пришли бить челомъ посадники, бояре, дѣти боярскія, житые люди и купеческія дѣти; иногда житые люди помѣщаются послѣ купцовъ [9]). Тѣ же самыя части городового населенія, кромѣ житыхъ людей, видимъ и во всѣхъ другихъ городахъ Сѣверо-Восточной Руси: когда князь Юрій Ярославичъ обновилъ запустѣлый Муромъ и поставилъ въ немъ свой дворъ, то ему подражали въ этомъ бояре, вельможи, купцы и черные люди [10]). Въ Москвѣ купцы уже раздѣляются на гостей и суконниковъ; Московскіе князья въ договорахъ своихъ условливаются обыкновенно — гостей, суконниковъ и городскихъ людей блюсти вмѣстѣ и въ службу ихъ не принимать. Послѣднее условіе объясняется тѣмъ, что гости, суконники и вообще городскіе люди были люди данные, или тяглые, и позволеніе переходить имъ въ дружину лишало бы князей главнаго источника доходовъ, лишало бы ихъ средствъ платить выходъ въ Орду. Послѣ, въ XVII вѣкѣ, мы увидимъ, какой страшный ущербъ въ московскихъ финансахъ былъ произведенъ стремленіемъ тяглыхъ городскихъ людей выйти изъ податнаго состоянія вступленіемъ въ службу или зависимость отъ духовенства, бояръ и служилыхъ людей, и какія сильныя мѣры употребляло правительство для воспрепятствованія этому выходу. То же самое побужденіе заставляло князей и въ описываемое время условливаться не принимать въ службу данныхъ людей [11]), ни купцовъ, ни черныхъ людей, ни численныхъ, или числяковъ, и зе-

[1]) Никон. III, 110.
[2]) Тамъ же, стр. 211.
[3]) Тамъ же, IV, 28.
[4]) П. С. Р. Л. III, 60.
[5]) Никон. IV, 33.
[6]) П. С. Р. Л. II, 205, 213.
[7]) С. г. г. и д. I, № 55.
[8]) П. С. Р. Л. III, 91.
[9]) Акты истор. I, № 60.
[10]) Никон. III, 194.
[11]) С. г. г. и д. I, № 60.

мель ихъ не покупать; если же кто купилъ подобныя земли, то прежніе владѣльцы должны выкупить ихъ, если могутъ; если же не будутъ въ состояніи выкупить, то покупщики должны потянуть къ чернымъ людямъ; если же не захотятъ тянуть, то лишаются своихъ земель, которыя даромъ переходятъ къ чернымъ людямъ,—распоряженіе, тождественное съ позднѣйшими распоряженіями, по которымъ бѣломѣстцамъ, людямъ нетяглымъ, запрещалось покупать земли тяглыхъ людей. То же самое побужденіе заставляло Московскихъ князей условливаться не держать въ Москвѣ закладней и не покупать человѣка съ дворомъ; князья обязываются также не покупать земель ордынцевъ и дѣлюевъ, которые должны знать свою службу, какъ было прежде, при отцахъ. Подъ именемъ дѣлюевъ разумѣются всякаго рода ремесленные и промышленные люди, поселенные на княжихъ земляхъ; ордынцами же называются плѣнники, выкупленные князьями въ Ордѣ и поселенные также на княжихъ земляхъ [1]).

Городское тяглое населеніе попрежнему раздѣлялось на сотни: Новгородцы говорятъ въ своихъ грамотахъ, что купецъ долженъ тянуть въ свое сто, а смердъ—въ свой погостъ; здѣсь подъ смердомъ разумѣется сельскій житель. Московскіе князья въ своихъ договорахъ говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ сотникамъ; иногда же говорятъ о черныхъ людяхъ, которые тянутъ къ становщику; и здѣсь надобно, думаемъ, понимать такъ, что въ первомъ случаѣ говорится о городскихъ людяхъ, а во второмъ—о сельскихъ. Сотникъ, или сотскій, удерживаетъ прежнее значительное положеніе свое въ Новгородѣ; въ началѣ договорныхъ грамотъ съ князьями говорится, что шлется князю благословеніе отъ владыки, поклонъ отъ посадника, тысяцкаго и всѣхъ сотскихъ. Но если купцы и вообще горожане тянули къ своимъ сотскимъ, то сотскіе должны были тянуть къ тысяцкому. Великій князь, въ договорахъ съ удѣльными, выговариваетъ, чтобъ московская рать попрежнему выступала въ походъ подъ его воеводою, и чтобъ князья не принимали къ себѣ никого изъ этой рати; послѣднее условіе показываетъ намъ, что эта рать состояла изъ горожанъ; мы знаемъ также, что имя воеводы давалось преимущественно тысяцкому. Кромѣ собственныхъ горожанъ, тянувшихъ въ городскія сотни, могли жить въ городѣ на своихъ дворахъ холопи и сельчане княжескіе: такъ, Димитрій Донской условливается съ Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ послать въ городъ (Москву) своихъ намѣстниковъ, которые должны очистить холопей ихъ и сельчанъ; отъ этого происходило, что въ Москвѣ находились дворы, которые тянули къ селамъ [2]).

На вятское устройство могутъ указать намъ только первыя строки посланія митрополита Іоны, который обращается къ троимъ воеводамъ земскимъ, ко всѣмъ ватаманамъ, подвойскимъ, боярамъ, купцамъ, житымъ людямъ и ко всему христіанству [3]).

Въ городовомъ быту Юго-Западной Руси до литовскаго владычества самымъ замѣчательнымъ явленіемъ былъ приплывъ чуждаго народонаселенія—Нѣмцевъ, Жидовъ, Армянъ. Подъ 1259 годомъ Волынскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ любопытное извѣстіе о построеніи и населеніи города Холма: однажды князь Даніилъ Романовичъ, охотясь, увидалъ красивое и лѣсное мѣсто на горѣ, окруженное равниною (полемъ); мѣсто ему полюбилось, и онъ построилъ сперва на немъ маленькую крѣпость, а потомъ другую, большую, и началъ призывать отовсюду Нѣмцевъ и Русскихъ, иноязычниковъ и Поляковъ,—и набѣжало много всякихъ ремесленниковъ отъ Татаръ: сѣдельники, лучники, тулники, кузнецы, мѣдники, серебряники; закипѣла жизнь, и наполнились дворами окрестности города (крѣпости), поле и села. Князь Мстиславъ Даниловичъ, для выслушанія завѣщанія брата своего Владиміра Васильевича, созываетъ во Владимірѣ-Волынскомъ горожанъ (мѣстичей)—Русскихъ и Нѣмцевъ: на похоронахъ Владиміровыхъ плакали Нѣмцы, Сурожцы и Жиды. Во время литовскаго владычества Жиды получили большія льготы; по грамотѣ Витовтовой, данной въ 1388 году [4]), за убійство, нанесеніе раны, побоевъ Жиду, виноватый отвѣчаетъ такъ же, какъ за убійство, раны, побои, нанесенные шляхтичу; если христіанинъ разгонитъ жидовское собраніе, то наказывается по обычаю земскому, и все его имущество отбирается въ казну; за оскорбленіе, нанесенное школѣ жидовской, виноватый платитъ великокняжескому старостѣ два фунта перцу. Жида можно заставить присягнуть на десяти заповѣдяхъ только при важномъ искѣ, гдѣ дѣло идетъ не меньше какъ о 50 гривнахъ литаго серебра; въ другихъ же случаяхъ Жидъ присягаетъ передъ школою, у дверей. Жида-заимодавца нельзя заставить выдать закладъ въ субботу. Если христіанинъ обвинитъ Жида въ убійствѣ христіанскаго младенца, то преступленіе должно быть засвидѣтельствованно тремя христіанами и тремя Жидами добрыми; если же свидѣтели объявятъ его невиннымъ, то обвинитель долженъ потерпѣть то же наказаніе, какое предстояло обвиненному.—Во время литовскаго владычества, города русскіе стали получать право нѣмецкое, магдебурское. Ставши королемъ Польскимъ, Ягайло немедленно, въ 1387 году, далъ Вильнѣ магдебургское право; великій князь Сигизмундъ Кейстутовичъ въ 1432 году подтвердилъ это пожалованіе грамотою на русскомъ языкѣ: вслѣдствіе этого, жители Вильны, какъ римской, такъ и русской вѣры, высвобождались изъ-подъ вѣдомства воеводъ, судей и всякихъ

---

[1]) С. г. г. и д. I, № 21, 27, 33, 34, 35, 40, 45, 60, 71.

[2]) Тамъ же, № 86: «А изъ Московскихъ селъ даю своей княгинѣ Напрудское у города и съ дворы зъ городскими, что къ нему потягло».

[3]) Акты истор. I, № 261.

[4]) Акты, относ. къ истор. Запад. Рос. I; № 6. Ср. Времен. Моск. Ист. Общ. кн. 16.

чиновниковъ великокняжескихъ; и во всѣхъ дѣлахъ расправлялись передъ своимъ войтомъ. Отъ того же Сигизмунда жители Вильны, какъ Ляхи, такъ и Русь, получили право безмытной торговли по всему княжеству Литовскому, вѣсчую и другія пошлины въ своемъ городѣ, а великій князь Казимиръ Ягайловичъ освободилъ ихъ отъ обязанности доставлять подводы. Въ привиллегіи короля Казимира, данной литовскимъ землямъ въ 1457 году, городскіе жители сравнены въ правахъ съ князьями, панами и боярами, кромѣ права выѣзжать за границу и кромѣ управы надъ подвластными людьми. Старый Полоцкъ, имѣвшій одинакій бытъ съ Новгородомъ-Великимъ, сохраняетъ этотъ бытъ, или, по крайней мѣрѣ, очень замѣтные слѣды его, и при князьяхъ Литовскихъ. Такъ, видимъ, что онъ заключаетъ договоры съ Ригою, съ магистромъ Ливонскимъ, и привѣшиваетъ къ этимъ договорамъ свою печать. Король Казимиръ въ своей уставной грамотѣ Полоцку, говоритъ: „Приказываемъ, чтобы бояре, мѣщане, дворяне городскіе и все поспольство жили въ согласіи, и дѣла бы наши городскія дѣлали всѣ вмѣстѣ согласно, по старинѣ; а сходились бы всѣ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде издавна сходились, и безъ бояръ мѣщанамъ, дворянамъ и черни сеймовъ не собирать". Для сбора денегъ на короля устроенъ былъ въ Полоцкѣ ящикъ за четырьмя ключами: ключъ боярскій, ключъ мѣщанскій, ключъ дворянскій и ключъ поспольскій; для храненія ключей избирались изъ всѣхъ этихъ сословій по два человѣка добрыхъ, годныхъ и вѣрныхъ, которые одинъ безъ другого ящика не отпирали.—Кто были эти дворяне?—безъ сомнѣнія служня прежнихъ полоцкихъ князей [1]).

Внѣшній видъ русскаго города не разнился отъ внѣшняго вида его въ прежде-описанное время. Въ Москвѣ явилась каменная крѣпость (кремль) только въ княженіе Димитрія Донскаго; мы видѣли, какъ во время Тохтамышева нашествія Москвичи хвалились, что у нихъ городъ каменный, твердый и ворота желѣзныя. Въ 1394 году задумали въ Москвѣ копать ровъ отъ Кучкова поля въ Москву-рѣку; много было людямъ убытка, говоритъ лѣтописецъ, много хоромъ разметали, много трудились,—и ничего не сдѣлали. Черезъ пять лѣтъ послѣ заложенія московскаго кремля заложенъ былъ и каменный кремль нижегородскій. Заложеніе обширной крѣпости въ Твери лѣтописецъ приписываетъ еще Св. Михаилу Ярославичу; но подъ 1368 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что въ Твери срубили деревянную крѣпость и глиною помазали; потомъ князь Михаилъ Александровичъ велѣлъ около крѣпостного вала выкопать ровъ и валъ засыпать отъ Волги до Тмаки, а въ 1394 году тотъ же князь велѣлъ рушить обветшалую стѣну и тутъ же рубить брусьевъ [2]). Какъ видно, кремль Донскаго былъ единственною каменною крѣпостью во всемъ Московскомъ княжествѣ; въ Серпуховѣ князь Владиміръ Андреевичъ построилъ крѣпость дубовую [3]). Гораздо болѣе извѣстій о городскихъ постройкахъ встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ новгородскихъ и псковскихъ: въ 1302 году заложена была въ Новгородѣ каменная крѣпость; въ 1331 — владыка Василій заложилъ городъ каменный отъ Владимірской церкви до Богородицкой и отъ Богородицкой до Борисоглѣбской, и въ два года строеніе было окончено; а Юрьевскій архимандритъ Лаврентій поставилъ стѣны около своего монастыря, въ сорокъ саженъ, съ заборалами; въ 1334 году владыка покрылъ свой каменный городъ, а въ слѣдующемъ году заложилъ острогъ каменный отъ Ильинской церкви къ Павловской. Въ 1372 году выкопали ровъ около Людина конца, Загородья и Неревскаго конца; въ 1383—выкопали ровъ около Софійской стороны, къ старому валу; въ 1387—сдѣлали валъ около Торговой стороны. Въ 1400—владыка Іоаннъ заложилъ каменный дѣтинецъ. Иностранному путешественнику Ланноа (въ началѣ XV вѣка) Новгородъ показался удивительно огромнымъ, но дурно укрѣпленнымъ; Псковъ, по его отзыву, укрѣпленъ былъ гораздо лучше [4]). Дѣйствительно, мы часто встрѣчаемъ извѣстія о городовыхъ постройкахъ во Псковѣ: въ 1309 г. здѣсь заложена была стѣна плитяная отъ Петропавловской церкви къ Великой-рѣкѣ; въ 1374 году Псковичи заложили четвертую стѣну, плитяную, отъ рѣки Псковы до Великой, подлѣ старой стѣнки, которая была съ дубомъ немного выше человѣческаго роста, и черезъ годъ поставили два костра каменныхъ на торгу; въ 1387 году поставили три каменныхъ костра у новой стѣны на приступѣ; въ 1394—выстроили перши, или перси; въ 1397—четыре костра каменныхъ; въ 1399—заложена новая стѣна съ тремя кострами; въ слѣдующемъ году поставлены два новыхъ костра, а въ 1401 году пристроили новую стѣну къ старой — подлѣ рѣки Великой; въ 1404 — заложили новую стѣну каменную, подлѣ рѣки Псковы и старой стѣны, толще и выше послѣдней, и покрыли ее; въ 1407 — выстроили стѣну противъ персей, отъ гребли до сторожевой избы, толще и выше; въ 1417—наняли мастеровъ, выстроили стѣну и поставили костеръ; въ Петровъ постъ кончили строеніе, а въ Успенскій оно упало; въ 1420—поставили новый костеръ, и выстроены были новыя перши; строили ихъ 200 человѣкъ, которые взяли у Пскова за работу 1,000 рублей, да тѣмъ, которые плиту обжигали, дали 200 рублей; но черезъ три года строеніе распалось. Въ 1452 г. урядили новую стѣну у першей и въ ней 5 погребовъ; въ 1458—наддѣлали надъ старою стѣною новую, и дали за это мастерамъ полтораста рублей.—Кромѣ самихъ Новгорода и Пскова, въ ихъ волости видимъ и нѣсколько другихъ каменныхъ городовъ: Копорье, Орѣшекъ, Ямскій городъ, Порховъ, Изборскъ, Гдовъ; какъ легко и скоро строились дере-

[1]) Собр. древн. грам. и акт., городовъ: Вильна, Ковно, и проч. № 1—10. Акты Запад. Россіи, I, № 60.

[2]) Никон. IV, 23, 37, 255.

[3]) Тамъ же, стр. 38.

[4]) Voyages et ambassad. de Guilleber de Lannoy, p. 19, 22.

вянныя крѣпости, видно изъ извѣстія подъ 1414 г., что Псковичи поставили городъ Коложе въ двѣ недѣли; деревянную московскую крѣпость Калиты начали рубить (строить) въ ноябрѣ и кончили въ началѣ весны слѣдующаго 1338 года.

Въ Новгородѣ отъ 1228 до 1462 года было выстроено не менѣе 150 церквей, включая монастырскія и исключая поставленныя на мѣстѣ старыхъ, обветшалыхъ; изъ этого числа не менѣе 100 каменныхъ; въ періодъ предшествовавшій, какъ мы видѣли, было построено около 70 церквей; и такъ какъ число церквей, построенныхъ при Св. Владимірѣ и Ярославѣ I, нельзя простирать далеко за 20, то число всѣхъ церквей новгородскихъ въ половинѣ XV вѣка можно полагать около 230; любопытно, что въ продолженіи первыхъ 42 лѣтъ — отъ 1228 до 1270 года — лѣтописецъ упоминаетъ о построеніи только двухъ церквей въ Новгородѣ. Во Псковѣ, въ описываемое время, построено было 35 церквей, изъ нихъ 23 каменныхъ, двѣ деревянныхъ и о десяти неизвѣстно. Въ Москвѣ лѣтопись упоминаетъ о построеніи только пятнадцати каменныхъ церквей; изъ этого видно, какъ отсталъ главный городъ Сѣверо-Восточной Руси отъ Новгорода и даже отъ Пскова. О количествѣ церквей московскихъ въ половинѣ XIV вѣка можно судить по извѣстію о пожарѣ 1342 года: сказано, что погорѣлъ городъ Москва весь и церквей сгорѣло 18. Въ Нижнемъ-Новгородѣ въ концѣ XIV вѣка было 32 церкви [1]. — Упоминаются мостовыя въ Псковѣ; напримѣръ, въ 1308 году посадникъ Борисъ замыслилъ помостить торговище, — и помостили, и было всѣмъ людямъ хорошо, заключаетъ лѣтописецъ; въ 1397 году снова помостили торговище; но мы видимъ, что отъ Пскова или Новгорода никакъ нельзя заключать къ другимъ городамъ, да и во Псковѣ мостили только торговую площадь, гдѣ было безпрерывное стеченіе народа, для котораго, разумѣется, было хорошо, когда онъ не былъ принужденъ стоять по колѣни въ грязи. Эта мостовая была, разумѣется, деревянная, ибо каменной не было здѣсь и въ XVII вѣкѣ. Въ Новгородской и Псковской лѣтописяхъ находимъ извѣстіе о построеніи мостовъ съ нѣкоторыми подробностями; напримѣръ: въ 1435 году наняли Псковичи наймитовъ сорокъ человѣкъ строить новый мостъ на рѣкѣ Псковѣ; балки должны были доставить наймиты сами, а рилини, городни и дубья были псковскія; наймитамъ заплачено было 70 рублей; въ 1456 году намостили мостъ большой черезъ рѣку Пскову и дали мастерамъ [2] 60 рублей, да потомъ еще прибавили 20. Изъ городскихъ частей упоминаются въ Новгородѣ концы, улицы, полу-улицы, улки [3].

Что касается внѣшняго вида юго-западныхъ русскихъ городовъ, то мы знаемъ отзывъ Венгерскаго короля о Владимірѣ-Волынскомъ, что такого города не находилъ онъ и въ нѣмецкихъ земляхъ; городскія стѣны и на югѣ, какъ на сѣверѣ, утверждались пороками и самострѣлами. Въ Холмѣ, при Даніилѣ Романовичѣ, среди города построена была башня высокая, съ которой можно было стрѣлять по окрестностямъ; основаніе ея было каменное, вышиною въ 15 локтей, а сама была построена изъ тесаннаго дерева и выбѣлена какъ сыръ, свѣтилась на всѣ стороны; подлѣ нея находился колодезь глубиною въ 35 саженъ. Въ поприщѣ отъ города находился столпъ каменный, а на немъ орелъ каменный изваянъ; высота камню 10 локтей, съ головами же и подножками 12. О князѣ Владимірѣ Васильковичѣ лѣтописецъ говоритъ, что онъ много городовъ срубилъ; между прочимъ, въ Каменцѣ поставилъ столбъ каменный вышиною въ 17 саженъ, такъ что всѣ удивлялись, смотря на него. Столица великаго князя Литовскаго, Вильна, въ началѣ XV вѣка состояла изъ дурныхъ деревянныхъ домовъ, имѣла деревянную крѣпость и нѣсколько кирпичныхъ церквей [4].

Такъ какъ и въ описываемое время, кромѣ стѣнъ и церквей, остальное строеніе въ русскихъ городахъ было почти исключительно деревянное, то и теперь пожары должны были свирѣпствовать попрежнему. О московскихъ пожарахъ лѣтопись упоминаетъ въ первый разъ подъ 1330 годомъ; въ 1335 году Москва погорѣла вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими городами; въ 1337 — былъ новый большой пожаръ, причемъ сгорѣло 18 церквей: послѣ пожара пошелъ сильный дождь, и что было вынесено въ погреба и на площади, то все потонуло. Въ 1342 году подобный же пожаръ; въ 1357 — Москва сгорѣла вся съ 13 церквами; въ 1364 году загорѣлась Москва во время сильной засухи и зноя, поднялась буря и разметала огонь повсюду; этотъ пожаръ, начавшійся отъ церкви Всѣхъ Святыхъ, слылъ большимъ; въ 1388 — сгорѣла почти вся Москва; въ 1389 — сгорѣло въ Москвѣ нѣсколько тысячъ дворовъ; подобный же пожаръ въ 1395 году; потомъ упоминается о пожарѣ въ Москвѣ въ 1413, 1414, 1415, въ 1422, 1441; въ 1445 — знаменитый пожаръ послѣ Суздальскаго бою; въ 1453 — выгорѣлъ весь кремль; въ 1458 — сгорѣло около трети города. Такимъ образомъ, во 130 лѣтъ 17 большихъ пожаровъ, по одному на 7 лѣтъ. — Въ Новгородѣ въ 1231 году сгорѣлъ весь Словенскій конецъ; пожаръ былъ такъ лютъ, говоритъ лѣтописецъ, что огонь ходилъ по водѣ черезъ Волховъ; въ 1252 году опять погорѣло Славно; въ 1261 — сгорѣло 80 дворовъ; въ 1267 — сгорѣлъ конецъ Неревскій, причемъ много товара погорѣло на Волховѣ въ ладьяхъ, все сгорѣло въ одинъ часъ, и многіе отъ того разбогатѣли, а другіе многіе обнищали; въ 1275 — погорѣлъ торгъ съ семью деревянными церквами, четыре каменныхъ огорѣло, да пятая нѣмецкая; въ 1299 году, ночью, загорѣлось на Варяжской улицѣ, поднялась буря, изъ Нѣмецкаго двора перекинуло на Неревскій конецъ, за-

[1]) Никон. IV, 53.
[2]) Это слово употребленъ въ лѣтописи.
[3]) П. С. Р. Л. IV, 72, 91.
[4]) Тамъ же, II, 19, 86, 198, 222. Lannoy, p. 24.

нялся Большой мостъ—и была великая пагуба: на Торговой сторонѣ сгорѣло 12 церквей, въ Неревскомъ концѣ—10. Въ 1311 году было три сильныхъ пожара: сгорѣло 9 церквей деревянныхъ, 46 обгорѣло; потомъ упоминается сильный пожаръ подъ 1326 годомъ; такой же подъ 1329, 1339; въ 1340 году упоминается объ одномъ изъ самыхъ лютыхъ пожаровъ; между прочимъ, погорѣлъ Владычный домъ и церковь Св. Софіи, изъ которой не успѣли вынести всѣхъ иконъ; Большой мостъ сгорѣлъ весь по самую воду; всѣхъ церквей сгорѣло 43, по другимъ извѣстіямъ—50, а людей погибло 70 человѣкъ; по инымъ извѣстіямъ, сгорѣло 48 церквей деревянныхъ и упало три каменныхъ. Въ 1342 году, во время большого пожара, сгорѣло три церкви и много зла случилось: люди не смѣли жить въ городѣ, перебрались на поле, а иные жили по берегу въ судахъ,—весь городъ былъ въ движеніи, бѣгали больше недѣли, наконецъ владыка съ духовенствомъ замыслили постъ и ходили со крестами по моностырямъ и церквамъ. Въ 1347 году погорѣло шесть улицъ; въ 1348—два пожара: во второй горѣло на пяти улицахъ, сгорѣло 4 деревянныхъ церкви; въ 1360—погорѣлъ Подолъ съ Гончарскамъ концомъ, причемъ сгорѣло семь деревянныхъ церквей; въ 1368 году былъ пожаръ злой, по выраженію лѣтописца: погорѣлъ весь Дѣтинецъ, Владычный дворъ, церковь Св. Софіи огорѣла, часть Неревскаго конца и Плотницкій конецъ весь, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ конецъ Славенскій; черезъ годъ—новый пожаръ: погорѣлъ весь Подолъ и нѣкоторыя другія части города; въ 1377 году сгорѣло семь церквей деревянныхъ и огорѣло три каменныхъ; въ 1379—сгорѣло 8 улицъ и 12 церквей; въ 1384—былъ пожаръ въ Неревскомъ концѣ, сгорѣло двѣ церкви; въ слѣдующемъ году сгорѣли два конца—Плотницкій и Славенскій, весь торгъ; каменныхъ церквей сгорѣло 26, деревянныхъ 6; начался пожаръ въ середу утромъ, горѣло весь день и ночь и въ четвергъ все утро; людей сгорѣло 70 человѣкъ. Въ 1386 году сгорѣлъ конецъ Никитской улицы; въ 1388 году погорѣла Торговая сторона,—сгорѣло 24 церкви и погибло 75 человѣкъ. Въ 1391—сгорѣло 8 деревянныхъ церквей, по другимъ извѣстіямъ—15, огорѣло 3 каменныхъ, по другимъ извѣстіямъ—семь; людей погибло 14 человѣкъ; въ томъ же мѣсяцѣ погорѣлъ весь Людинъ конецъ съ семью деревянными церквами и четырьмя каменными; въ 1394 году погорѣлъ Владычный дворъ съ околоткомъ, сгорѣло 2 церкви деревянныхъ и 8 каменныхъ огорѣло; въ 1397—погорѣлъ берегъ; въ 1399—былъ пожаръ въ Плотницкомъ концѣ, Славенскій сгорѣлъ весь, огорѣло 22 каменныхъ церкви, сгорѣла одна деревянная; въ 1403 году опять погорѣла часть Плотницкаго конца, а Славенскій сгорѣлъ весь, причемъ сгорѣло 15 каменныхъ церквей; по другимъ извѣстіямъ,—каменныхъ 7, а деревянныхъ двѣ; въ 1405 году два пожара: на Яневой улицѣ сгорѣло 15 дворовъ, потомъ погорѣлъ Людинъ конецъ, часть Прусской улицы, часть Дѣтинца, сгорѣло 5 деревянныхъ церквей и одна каменная, огорѣло каменныхъ 12, причемъ погибло 30 человѣкъ; въ 1406—погорѣлъ княжой дворъ, а въ слѣдующемъ году погорѣлъ Неревскій конецъ, огорѣло 12 церквей каменныхъ, и въ томъ числѣ Св. Софіи, сгорѣло 6 деревянныхъ; въ 1414—погорѣлъ Неревскій конецъ, пять деревянныхъ церквей сгорѣло, 8 каменныхъ огорѣло; въ 1419 погорѣло два конца—Славенскій и Плотницкій съ 24 церквами; въ 1424—погорѣла Торговая сторона и Людинъ конецъ весь; въ 1434—погорѣло два конца; въ 1442—было три сильныхъ пожара въ одномъ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, въ Новгородѣ, въ описываемое время, приходилось по одному сильному пожару на 5 лѣтъ. Подъ 1391 годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе о средствѣ, которое придумали Новгородцы для предупрежденія пожаровъ: послѣ большого пожара, бывшаго въ этомъ году, они взяли у Св. Софіи съ полатей десять тысячъ серебра, скопленныхъ владыкою Алексѣемъ, и раздѣлили по 1,000 рублей на каждый конецъ; на эти деньги поставили костры каменные по обѣ стороны острога у всякой улицы. Во Псковѣ упоминаются десять большихъ пожаровъ, въ Твери—семь, два въ Смоленскѣ, два въ Торжкѣ и по одному въ Нижнемъ, Старицѣ, Ростовѣ, Коломнѣ, Муромѣ, Корельскомъ городкѣ, Орѣшкѣ, Молвотицахъ. Что касается народонаселенія городовъ, то подъ 1230 годомъ говорится, что въ Смоленскѣ погибло отъ мору 32,000 человѣкъ; въ Новгородѣ въ 1390 году, по одному иностранному извѣстію (Кранца), погибло отъ мору 80,000 человѣкъ; въ Москвѣ, во время Тохтамышева взятія, по однимъ извѣстіямъ погибло 24,000 человѣкъ, по другимъ—вдвое меньше.

Земельные участки, принадлежащіе къ городу, назывались его волостями, а совокупность всѣхъ этихъ участковъ называлась уѣздомъ; названіе уѣзда происходитъ отъ способа или обряда размежеванія, который назывался разъѣздомъ, межевщикъ—разъѣзжикомъ, или заѣздникомъ, межевать—разъѣзжать; слѣдовательно, все что было приписано, примежевано къ извѣстному мѣсту, было къ нему у-ѣхано, или заѣхано, составляло его уѣздъ; что было отписано, не принадлежало къ нему, было отъѣхано, составляло волости отъѣздныя. Но уѣздомъ называлась не одна совокупность мѣстъ, волостей, принадлежавшихъ городу; такое же названіе могла носить и совокупность мѣстъ или земель, принадлежавшихъ къ извѣстному селу,—и дѣйствительно, мы встрѣчаемъ село съ уѣздомъ [1]). Въ правительственномъ отношеніи уѣздъ раздѣлялся на волости, волости—на станы, станы—на околицы. Населенныя мѣста въ уѣздѣ носили различныя названія: встрѣчаемъ городки, слободы, слободки, села, сельца, деревни, починки села, новоселки; встрѣчаемъ села,

[1]) Акты истор. I, 36: «Далъ есми село свое Филиповичи съ уѣздомъ по кое мѣсто уѣздъ былъ къ вамъ и моей госпожи великой княгини Софьи; а она возьметъ по той пуцѣ, съ нивами и съ пожнями со всею пашнею». См. также рязанскія грамоты, изд. Пискаревымъ, № 2.

принадлежащія къ слободкамъ, села въ слободахъ, деревни, принадлежащія къ селамъ, къ починкамъ. Извѣстно, какъ обширна была волость Новгорода-Великаго; по давно утвердившемуся въ нашей наукѣ мнѣнію, новгородскія волости изстари дѣлились на пять большихъ частей, или пятинъ, которыя соотвѣтствовали раздѣленію Новгорода на пять концовъ, такъ что жители каждой пятины вѣдались у старосты того городскаго конца, къ которому ихъ пятина принадлежала. Объ этомъ прямо и ясно говоритъ Герберштейнъ; изъ русскихъ источниковъ, въ житіи Св. Саввы Вишерскаго читаемъ, что преподобный, имѣя нужду въ землѣ для построенія монастыря, посылалъ для испрошенія этой земли въ *Славенскій конецъ*. Сохранились даже въ спискахъ и грамоты, данныя правленіемъ конца Вишерскому монастырю на земли, концу принадлежавшія. Здѣсь могутъ возразить, что въ означенныхъ грамотахъ дѣло идетъ не о пятинныхъ отношеніяхъ къ концу, а просто о земляхъ, находившихся недалеко отъ Новгорода (въ 7 верстахъ) и принадлежавшихъ Славенскому концу. Но извѣстно: что области пятинъ, какъ, напримѣръ, Обонежской (въ которой находились вишерскія земли), начинались непосредственно отъ Новгорода; что въ Обонежской пятинѣ были погосты, находившіеся еще ближе къ Новгороду, чѣмъ вишерскія земли, напр. Деревяницкій, Волотовскій [1]. И въ описываемое время видимъ, что князья и вообще землевладѣльцы стараются увеличивать народонаселеніе льготами, которыя они даютъ *пришлымъ людямъ*; въ княженіе Димитрія Донскаго какой-то Евсейка вздумалъ переселиться изъ Торжка въ великокняжескую вотчину, на Кострому, и великій князь освободилъ его отъ всѣхъ податей, кромѣ оброка по 5 куницъ на годъ; кромѣ того, приказалъ его блюсти дядѣ своему, Василію Тысяцкому [2]. При уступкѣ земельнаго участка монастырю или какому-нибудь частному лицу, князья обыкновенно помѣщаютъ въ своихъ жалованныхъ грамотахъ то условіе, что если землевладѣлецъ населитъ данный участокъ, то населеніе освобождается на нѣсколько лѣтъ отъ всѣхъ податей или тягостей, причемъ различаются два случая: если землевладѣлецъ перезоветъ на свой участокъ прежде жившихъ на немъ людей, *старожилцевъ*, или перезоветъ выходцевъ изъ другихъ княжествъ, *инокняженцевъ*; для послѣднихъ льготъ было больше,—давалась имъ свобода отъ всѣхъ податей на двойное количество лѣтъ, въ сравненіи съ первыми,—обыкновенно на десять лѣтъ вмѣсто пяти. Въ случаѣ успѣшнаго заселенія даннаго участка, землевладѣлецъ получалъ новыя льготы, новыя награды; такъ, напримѣръ, монахи Кириллова монастыря за то, что полученную ими пустошь распахали, людей собрали, сельцо и деревни *нарядили*, получили отъ великаго князя Василія Васильевича льготу: никому изъ чиновниковъ не велѣно было ѣздить на это сельцо и деревни и останавливаться въ нихъ, брать кормы, проводниковъ, подводы [3]. Условія, на которыхъ пришлые люди поселялись на пустыхъ участкахъ, разумѣется, зависѣли отъ взаимнаго соглашенія ихъ съ землевладѣльцами; они могли обработывать землю за извѣстную плату отъ владѣльца, по найму,—и назывались *наймитами*; могли пользоваться землею, уплачивая владѣльцу ея половину собираемыхъ произведеній,—почему назывались половниками, треть произведеній,—почему назывались *третниками*; крестьянинъ, заявшій при поселеніи деньги у землевладѣльца, назывался *серебряникомъ*; наконецъ встрѣчаемъ названіе *рядовыхъ людей*,—отъ какого-нибудь, намъ неизвѣстнаго, ряда или договора. Мы видимъ изъ княжескихъ грамотъ, что эти люди переходили съ одной земли на другую, изъ одного княжества въ другое, перезывались; понятно, что самыя льготы, которыя они получали при заселеніи пустыхъ участковъ, побуждали ихъ къ переходамъ, ибо, живя на одномъ мѣстѣ, по истеченіи извѣстнаго срока, на-

---

[1]) Житіе Саввы Вишерскаго, написанное извѣстнымъ Пахоміемъ Логоѳетомъ, рукописное въ библіот. Ундольскаго. Грамоты см. въ Истор. Росс. Іерар. III, стр. 559. Существуетъ и противное мнѣніе, что раздѣленіе Новгородской области на пятины принадлежитъ позднѣйшему московскому времени (Ходаковскій въ Русск. истор. сбор. т. I, кн. 3, стр. 100; Неволинъ—въ Записк. Русск. Геогр. Общ. кн. VIII, стр. 43 и слѣд.). Это мнѣніе основывается на томъ, что въ источникахъ Новгородской исторіи о пятинахъ не упоминается раньше московскаго покоренія. Но мы прежде всего спросимъ: въ позднѣйшихъ *однородныхъ* источникахъ упоминаются ли пятины? При подобнаго рода вопросахъ первое дѣло смотрѣть на однородность источниковъ, а не смѣшивать извѣстій лѣтописныхъ съ извѣстіями, находящимися въ актахъ, въ писцовыхъ книгахъ; никакъ нельзя при рѣшеніи извѣстнаго вопроса для одной эпохи приводить только лѣтописныя извѣстія, а для другой писцовыя книги и акты, на нихъ ссылающіеся. Извѣстно, что чѣмъ древнѣе лѣтопись или актъ, тѣмъ замѣтнѣе въ ихъ составителяхъ любовь употреблять имена народныя вмѣсто именъ государствъ, имена жителей областей вмѣсто названія самихъ областей. Лѣтописецъ не знаетъ ни Польши, ни Богеміи, ни Швеціи, знаетъ только Ляховъ, Чеховъ, Свеевъ; какъ же отъ него требовать, чтобы вмѣсто *Вожанъ* онъ говорилъ: *Вотская пятина?* Въ другихъ же приводимыхъ лѣтописныхъ извѣстіяхъ мы не въ правѣ ожидать названія пятинъ, ибо названія заключали бы въ себѣ большую неопредѣленность, напр.: «И совкупися въ Новъгородъ вся волость новъгородская: пльсковичи, ладожане, корѣла, ижера, вожане». Наконецъ замѣтимъ, что сотня не есть пятина, вотская земля не есть вотская пятина, слѣд. тамъ, гдѣ употребляются эти названія, не должно было быть упомянуто слово: пятина. Что Герберштейнъ разумѣлъ пятины, которыя тянутъ къ концамъ, это ясно: «Civitas latissimam ditionem in quinque partes distributam habebat: quarum quaelibet pars ad suae partis magistratum referebat»: изъ которыхъ *каждая часть* тянула къ начальству *своей части!*—Ходаковскій и Кеппенъ указали, что *пятины* попадаются и въ другихъ мѣстахъ (Зап. Геогр. Общ. VIII, 43); въ одномъ актѣ 1738 года (Врем. Моск. Истор. Общ. кн. 17, стр. 17 смѣси) указываются пятины нижегородской епархіи, и мы думаемъ, что всѣ эти пятины (кромѣ новгородскихъ) произошли вслѣдствіе церковнаго раздѣленія на десятины, откуда десятинники или десятильники; называется же Устюгъ десятиною Ростовскаго архіепископа.

[2]) Дополн. къ акт. историч. I, № 8.

[3]) Акты истор. I, № 13, 36, 25, 28; Дополн. къ акт. истор. I, № 197. Акты Арх. Эксп. I, № 18, 39, 44, 37.

примѣръ десяти лѣтъ, они лишались льготъ, и имъ выгодно было перейти на другое мѣсто, заселивъ которое они получали опять льготы. Впрочемъ, видимъ уже ограниченіе произвольнаго перехода сиротъ, или хрестьянъ (такъ называлось тогда сельское народонаселеніе) опредѣленіемъ срока для него; сирота могъ оставлять землю, отказываться, только осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, именно—за двѣ недѣли до Юрьева дня и недѣлю спустя послѣ Юрьева дня осенняго, причемъ серебряники должны были заплатить свое серебро [1]). Потомъ видимъ запрещеніе перехода или перезыва крестьянъ въ видѣ льготы для извѣстнаго землевладѣльца: такъ, напримѣръ, великій князь Василій Васильевичъ пожаловалъ игумена Троицкаго Сергіева монастыря и братію, запретивъ переходъ крестьянамъ-старожилцамъ изъ монастырскаго села Присѣкъ и деревень, къ нему принадлежащихъ [2]). Дальнѣйшимъ ограниченіемъ было запрещеніе землевладѣльцамъ, которыхъ земли были освобождены отъ общаго княжескаго суда и пошлинъ, принимать къ себѣ тяглыхъ волостныхъ людей, тянувшихъ судомъ и пошлинами къ князю; они должны были довольствоваться только перезывомъ инокняженцевъ; такъ, Іоаннъ Калита запретилъ Юрьевскому архимандриту принимать на свои земли тяглыхъ волоцкихъ людей и выходцевъ изъ Московскаго княжества; такъ, великій князь Василій Димитріевичъ постановилъ это условіе при позволеніи митрополиту Фотію купить деревню въ волости Талшѣ [3]). Наконецъ, иногда князь не только позволялъ извѣстному землевладѣльцу не отпускать отъ себя крестьянъ, но давалъ право возвращать и тѣхъ, которые прежде вышли: такъ, великій князь Василій Васильевичъ далъ это право игумену Троицкаго Сергіева монастыря относительно людей, вышедшихъ изъ монастырскихъ селъ въ Углицкомъ уѣздѣ [4]). Что же касается отношеній переходнаго сельскаго народонаселенія къ землевладѣльцамъ, то мы знаемъ, что нѣкоторымъ изъ послѣднихъ князья жаловали право суда надъ поселенными на ихъ земляхъ людьми, кромѣ душегубства и суда смѣснаго: въ послѣднемъ случаѣ землевладѣльцы эти судили вмѣстѣ съ намѣстниками и волостелями княжескими или ихъ тіунами; иногда жаловалось право суда, кромѣ душегубства, разбоя и татьбы съ поличнымъ [5]).

Но подлѣ этого переходнаго сельскаго народонаселенія мы видимъ народонаселеніе несвободное, принадлежащее землевладѣльцамъ; такъ, въ жалованныхъ грамотахъ землевладѣльцамъ отличаются люди, купленные ими, отъ тѣхъ, кого они перезовутъ, или старожилцы и пришлые люди отличаются отъ окупленныхъ [6]). Князья въ своихъ договорахъ отличаютъ холопей своихъ отъ сельчанъ [7]), говорятъ о своихъ бортникахъ и оброчникахъ купленныхъ, о людяхъ купленныхъ, о людяхъ дѣловыхъ, которыхъ они прикупили или за вину взяли себѣ, о людяхъ полныхъ (рожденныхъ въ холопствѣ), купленныхъ грамотныхъ (отдавшихся добровольно въ холопство по кабальнымъ грамотамъ). Изъ зависимыхъ людей упоминаются также закладни, или закладники, которые, на извѣстныхъ условіяхъ, заложились за другого; такъ какъ главнымъ побужденіемъ къ закладничеству было желаніе освободиться отъ повинностей, лежавшихъ на свободномъ и самостоятельномъ человѣкѣ, то князья и условливаются не держать закладней въ городѣ (Москвѣ). Такимъ образомъ, мы должны отличать, въ описываемое время, людей свободныхъ и самостоятельныхъ, людей несамостоятельныхъ (каковы были закладни), и наконецъ людей несвободныхъ, которые могли быть вѣчно или временно несвободны, смотря по тому, родились ли они въ несвободномъ состояніи, были куплены, попались въ плѣнъ, или отдались добровольно въ холопство на ограниченное число лѣтъ. Для первыхъ встрѣчаемъ названіе людей полныхъ—челяди дерноватой; выраженіе: послать на отхожую—значило освободить подобныхъ людей. Замѣчательно, что вмѣсто человѣкъ вольный говорилось: „человѣкъ великаго князя“ [8]). Что касается положенія холопа, то Новгородцы въ своихъ договорахъ требуютъ, чтобы доносъ холопа или раба на господина не имѣлъ силы и чтобы судьи не судили холопа и половника безъ господаря. Говоря о разныхъ слояхъ народонаселенія въ древней Руси, мы не можемъ обойти вопросъ о томъ: кто и какъ могъ владѣть земельною собственностію? Кромѣ людей служилыхъ и духовенства, въ числѣ землевладѣльцевъ видимъ и гостей: подъ 1371 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Нижнемъ-Новгородѣ былъ гость Тарасъ Петровъ, который выкупилъ изъ плѣна своею казной множество всякихъ чиновъ людей и купилъ себѣ вотчины у великаго князя, шесть селъ за рѣкою Кудьмою. Но значеніе гостя въ лѣтописи не опредѣлено: иногда „гости“ употребляются вообще въ смыслѣ торговыхъ людей, купцовъ, иногда—въ значеніи лучшихъ, богатѣйшихъ купцовъ; въ новгородскихъ

[1]) Акты Арх. Эксп. I, № 48.

[2]) Акты истор. I, № 59: «Также есмь игумена съ братьею пожаловалъ: котораго ихъ хрестьянина изъ того села и изъ деревень кто къ себѣ откажетъ, а ихъ старожилца, и язъ князь велики тѣхъ крестьянъ изъ Присѣкъ и изъ деревень не велѣлъ выпущати ни къ кому».

[3]) Акты Арх. Эксп. I, № 4 и 20.

[4]) Тамъ же, № 64: «Которые люди отъ нихъ вышли изъ ихъ селъ въ мои села в. к. или въ мои села в. княгини, и въ боярскіе села, сего лѣта, не хотя ѣхати на мою службу, в. князя къ берегу, и язъ князь в. пожаловалъ игумена Васьяна съ братьею, велѣлъ семи тѣ люди вывести опять назадъ; а которые люди живутъ въ ихъ селахъ и нынѣче, и язъ к. в. тѣхъ людей не велѣлъ пущати прочь; а надобѣ будетъ приставъ посельскому монастырьскому, и онъ емлетъ пристава моего у намѣстника Углецкаго на тѣ люди, которые отъ нихъ вышли».

[5]) Тамъ же, № 44, 46.

[6]) Акты истор. I, № 28. Акты Арх. Эксп. I, № 374.

[7]) С. г. г. и д. I, № 33.

[8]) Тамъ же, № 21, 24, 25. Акты истор. I, № 255; Акты юрид., стр. 430, 434.

памятникахъ гости не составляютъ особаго разряда,—вездѣ видимъ только купцовъ. Но естественно, что только богатѣйшіе купцы, гости, могли пріобрѣтать земельную собственность, ибо они одни только, по своимъ средствамъ, могли, не оставляя торговли, заниматься и сельскимъ хозяйствомъ, тогда какъ купцы незначительные не были въ состояніи въ одно время и торговать въ лавкѣ, и жить въ селѣ. Кромѣ того, столкновеніе государственныхъ интересовъ должно было уже въ описываемое время вести къ тому, что купцамъ нельзя было владѣть земельною собственностію, ибо всякій землевладѣлецъ долженъ былъ служить государству, а купецъ былъ человѣкъ **данный**, платившій въ казну деньги съ своего промысла. Если купецъ становился землевладѣльцемъ, то онъ, относительно государственныхъ требованій, долженъ былъ совмѣщать въ себѣ два характера: человѣка служилаго и человѣка даннаго; но понятно, что онъ не могъ удовлетворить вмѣстѣ этимъ двумъ требованіямъ; мало того, мы видѣли, что, по финансовымъ требованіямъ, онъ не могъ бросить торга и перейти въ служилые люди, ибо князья клялись другъ другу не принимать къ себѣ въ службу торговыхъ людей. Всѣ землевладѣльцы необходимо должны были перейти въ служилые люди, ибо государство не хотѣло между служилыми и промышленными людьми признавать никакого другого разряда; такъ, послѣ, по Уложенію, дѣти неслужилыхъ отцовъ, купившіе вотчины, должны были записаться въ царскую службу; въ противномъ случаѣ вотчины отбирались у нихъ въ казну. Класса землевладѣльцевъ, живущихъ на своихъ земляхъ, не могло образоваться въ описываемое время, ибо и теперь, какъ прежде, продолжалась постоянная колонизація сѣверо-восточныхъ пространствъ, постоянное переселеніе, броженіе; земледѣльцу невыгодно было оставаться долго на одномъ мѣстѣ по самому качеству почвы на сѣверо-востокѣ, которая нигдѣ не обѣщала продолжительнаго плодородія: чрезъ нѣсколько времени послѣ перваго занятія, послѣ выжиги лѣса, требовала уже большихъ трудовъ, и земледѣльцу выгодно было оставлять ее и переходить на новую почву. Кромѣ того, во все продолженіе древней русской исторіи, мы видимъ стремленіе менѣе богатыхъ, менѣе значительныхъ людей **закладываться** за людей болѣе богатыхъ, болѣе значительныхъ, пользующихся особенными правами, чтобы подъ ихъ покровительствомъ найти облегченіе отъ повинностей и безопасность. Стремленіе это мы видимъ и въ другихъ европейскихъ государствахъ въ средніе вѣка; оно естественно въ новорожденныхъ обществахъ, при отсутствіи безопасности, когда правительство, законы еще не такъ сильны, чтобъ дать покровительство, безопасность всѣмъ членамъ общества. Такимъ образомъ, выгодно было земледѣльцамъ переходить на земли богатыхъ и знатныхъ землевладѣльцевъ, архіереевъ, монастырей, вельможъ, ибо, кромѣ вышеупомянутыхъ льготъ при первомъ поселеніи, поселенцы пользовались еще льготами, заключавшимися въ разныхъ правахъ, которыя имѣли тѣ или другіе землевладѣльцы, а главное—пользовались покровительствомъ сильныхъ людей. При обращеніи вниманія на отличительную черту нашей древней исторіи, на колонизацію страны, легко рѣшается вопросъ о томъ, какъ произошла поземельная собственность и различные ея виды. Какъ только Сѣверо-Восточная Русь выступаетъ на историческую сцену, такъ мы видимъ въ ней сильную колонизацію, происходящую подъ покровительствомъ князей; если бы мы даже не имѣли опредѣлительныхъ извѣстій объ этой колонизаціи, то мы необходимо должны были бы предположить ее, ибо исторіи застаетъ Сѣверо-Восточную Русь Финскою страной, а потомъ видимъ ее Славянскою; слѣдовательно, допустивъ даже, что финское народонаселеніе не исчезало, но ославянивалось, мы должны допустить сильную славянскую колонизацію. Но эта колонизація происходила не въ доисторическія времена, когда „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ“: она происходила на памяти исторія, когда Сѣверо-Восточная Русь составляла уже опредѣленную область, княжество, гдѣ владѣла извѣстная линія княжеская; слѣд. колонизація не могла происходить безъ вѣдома и вліянія извѣстнаго правительства. Ростовъ Великій существовалъ до призванія князей; ему принадлежала обширная, малонаселенная, но опредѣленная область. Для потомковъ первыхъ насельниковъ, городскихъ и сельскихъ, земля находится въ общемъ владѣніи; на это указываетъ обычный способъ владѣнія землями, принадлежавшими общинамъ городскимъ и сельскимъ. Но остаются обширныя ненаселенныя пространства, никому не принадлежащія, т.-е. принадлежащія городу Ростову, а въ Ростовѣ находится высшее правительственное лицо, князь, который управляетъ всею областью посредствомъ своихъ чиновниковъ, волостелей; слѣд. никакая дальнѣйшая перемѣна, никакія новыя права и отношенія не могутъ произойти безъ вѣдома, безъ распоряженія княжескаго; положимъ, что сначала князь распоряжается въ области не безъ вѣдома и участія старшаго города, но конечно мы не имѣемъ никакого права думать, чтобы послѣ Андрея Боголюбскаго и Всеволода III князья распоряжались чѣмъ бы то ни было съ вѣдома и согласія Ростовцевъ. Прежде всего князья могли распоряжаться землею, принадлежащею ихъ волости, отдавая ее въ полное владѣніе членамъ своей дружины, съ правомъ населять ее всякаго рода людьми, вольными и невольными; могли распоряжаться землею, отдавая ее духовенству; наконецъ могли продавать ее богатымъ купцамъ или гостямъ, подобнымъ вышеупомянутому Тарасу Петрову, которые имѣли возможность населить купленную землю: вотъ разные виды происхожденія частной земельной собственности, вотчинъ. Но, съ одной стороны, мы видѣли, что для жителей городовъ и селъ существовала исконная

привычка смотрѣть на земли, принадлежавшія ихъ городамъ и селамъ, какъ на общее достояніе; земля принадлежала общинѣ, а не отдѣльнымъ членамъ ея; когда же община потеряла свое самостоятельное значеніе передъ княземъ, то земля естественно стала государевою; съ другой стороны, земли оставалось все еще много; какъ частные люди, землевладѣльцы старались населить принадлежавшіе имъ участки, перезывая къ себѣ отовсюду земледѣльцевъ, такъ точно старалось и правительство о населеніи остававшихся у него пустыхъ земель. Являлись насельники, земледѣльцы, и принимались съ радостію: но какимъ же образомъ они селились? Они не покупали земель у правительства, ибо, во-первыхъ, имъ не было никакой выгоды покупать, когда они могли пользоваться землею безъ покупки, и потомъ, найдя землю неудобною, переселяться на новыя мѣста. Если подобные поселенцы оставались долго на занятыхъ ими участкахъ, то, разумѣется, эти участки переходили къ ихъ дѣтямъ, безо всякихъ новыхъ формъ и сдѣлокъ; но ясно, что какъ у правительства, такъ и у насельниковъ сохранялось вполнѣ сознаніе, что занятыя послѣдними земли не составляютъ ихъ полной собственности, не суть ихъ вотчины, не пожалованы имъ за службу, не куплены ими, но уступлены только въ пользованіе, хотя правительству и выгодно, чтобъ это продолжалось какъ можно долѣе, переходило изъ рода въ родъ. Вотъ происхожденіе такъ называемыхъ черныхъ, или государственныхъ земель. Что сказано о селахъ, то должно быть примѣнено и къ городамъ, ибо города населялись точно такъ же, какъ села. Извѣстный промышленникъ селился въ городѣ, на отведенной ему отъ правительства землѣ, ставилъ дворъ, оставлялъ эту землю и дворъ въ наслѣдство дѣтямъ, передавалъ ихъ за деньги, продавалъ другому подобному себѣ лицу,—правительство не вступалось, лишь бы только эта черная земля не сдѣлалась бѣлою, не перешла бы къ кому-нибудь въ видѣ полной частной собственности: отсюда всѣ извѣстныя распоряженія о непокупкѣ земель черныхъ людей, т.-е. о непереводѣ собственности государственной въ частную.

Кромѣ повинностей, означенныхъ выше въ статьѣ о доходахъ княжескихъ, въ описываемое время встрѣчаемъ извѣстія о другихъ обязанностяхъ сельскаго народонаселенія: напримѣръ, обязанностяхъ—городъ дѣлать, дворъ княжой и волостелинъ ставить, коня княжаго кормить, сѣно косить, на охоту ходить по приказанію ловчихъ княжескихъ (на медвѣдя и на лося), давать кормъ, подводы и проводниковъ князю, воеводамъ, намѣстникамъ, волостелямъ, тіунамъ и всякаго рода чиновникамъ и посланцамъ княжескимъ

Кромѣ означенныхъ слоевъ народонаселенія, въ первый разъ, въ описываемое время, именно въ концѣ первой половины XV вѣка, встрѣчаемъ названіе козаковъ рязанскихъ, которые пришли на помощь къ Рязанцамъ и Москвичамъ противъ татарскаго царевича Мустафы; они пришли вооруженные сулицами, рогатинами и саблями [1]).

Мы видѣли стараніе князей умножать народонаселеніе въ своихъ княжествахъ; теперь обратимъ вниманіе на обстоятельства, препятствовавшія этому умноженію, на бѣдствія политическія (войны междоусобныя и внѣшнія) и физическія (голодъ, моръ и другія). Мы видѣли на сѣверѣ въ описываемое время 90 усобицъ, въ продолженіи которыхъ Владимірская область (съ Переяславлемъ, Костромою и Галичемъ) терпѣла 16 разъ, Новгородская 15, Московская 14, Тверская 13, Смоленская, Рязанская и Двинская—по 9 разъ, Сѣверская и Суздальско-Нижегородская по 4, Ярославско-Ростовская 3, Вятская 2, Псковская 1; такимъ образомъ, Владимірская область, болѣе другихъ терпѣвшая отъ усобицъ, подвергалась опустошеніямъ по одному разу почти въ 15 лѣтъ; относительно же всей Сѣверной Россіи придется по одной войнѣ слишкомъ на два года. Опустошеніямъ отъ внѣшнихъ враговъ Новгородская область подвергалась 29 разъ, Псковская 24, Рязанская 17, Московская 14, Владимірская и Нижегородская по 11, Сѣверская 8, Смоленская и Тверская—по семи, Ярославско-Ростовская 4; Вятская 1; слѣдовательно Новгородская область, болѣе другихъ повидимому терпѣвшая отъ внѣшнихъ войнъ, подвергалась непріятельскимъ нашествіямъ по одному разу на 8 лѣтъ. Круглое число непріятельскихъ нашествій будетъ 133; изъ этого числа на долю татарскихъ опустошеній приходится 48, считая всѣ извѣстія о тиранствахъ баскаковъ въ разныхъ городахъ; приложивъ къ числу опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ число опустошеній отъ усобицъ, получимъ 232, слѣдовательно придется по опустошенію почти на каждый годъ. Но понятно, что на этихъ однѣхъ цифрахъ нельзя основать никакихъ выводовъ; такъ, напримѣръ, Новгородская и Псковская области терпѣли больше всѣхъ другихъ отъ нашествій внѣшнихъ враговъ, и, несмотря на то, Новгородъ и Псковъ оставались самыми богатыми городами во всей Сѣверной Россіи, ибо Псковъ во все это время былъ только разъ во власти враговъ, которые, впрочемъ, какъ видно, не причинили ему большого вреда; Новгородъ же ни разу не доставался въ руки непріятелю; большая часть нашествій нѣмецкихъ, шведскихъ и литовскихъ, отъ которыхъ терпѣли Новгородъ и Псковъ, ограничивались пограничными волостями ихъ и нисколько не могутъ идти въ сравненіе съ нашествіемъ Батыя, съ двукратнымъ татарскимъ опустошеніемъ во время усобицъ между сыновьями Невскаго, съ опустошеніемъ Тверской области Татарами и Калитою, съ нашествіемъ Тохтамыша, Едигея. Такъ же обманчивы приведенныя цифры и относительно восточныхъ областей; такъ, напримѣръ, цифры показываютъ, что Московское княжество подвергалось большимъ опустошеніямъ, чѣмъ кня-

[1]) Никон. V, 192.

жество Тверское; но разсмотрѣніе другихъ обстоятельствъ, и именно — когда и какого рода опустошеніямъ подвергались оба соперничествующія княжества, совершенно измѣняетъ дѣло: Тверское княжество подверглось страшному опустошенію въ-конецъ отъ Татаръ и Калиты при князѣ Александрѣ Михайловичѣ; потомъ, не успѣло оно оправиться отъ этого бѣдствія, начинаются усобицы княжескія, заставляющія народъ выселяться изъ родныхъ предѣловъ въ другія княжества, тогда какъ Москва не терпитъ опустошеній отъ внѣшнихъ враговъ отъ Калиты до Донскаго, а усобицы начинаются въ ней только въ княженіе Василія Васильевича, когда она уже воспользовалась временемъ отдыха и взяла окончательно верхъ надъ всѣми другими княжествами. Цифры показываютъ, что болѣе частымъ нападеніямъ внѣшнихъ враговъ подвергались пограничныя области на юго-востокѣ и сѣверо-западѣ— Рязанская, Новгородская и Псковская: Рязанская— отъ Татаръ, Новгородская и Псковская — отъ Шведовъ, Нѣмцевъ и Литвы,—и числовое большинство остается на сторонѣ сѣверо-западныхъ границъ. Но мы замѣтили, что нашествій шведскихъ и нѣмецкихъ нельзя сравнивать съ татарскими; съ другой стороны, не должно преувеличивать и вреда, который Россія претерпѣвала отъ Татаръ; не должно забывать: что иго тяготѣло особенно только въ продолженіи 25 лѣтъ; что уже въ 1266 г. лѣтописецъ извѣщаетъ объ его ослабленіи; что уже въ концѣ XIII вѣка исчезаютъ баскаки, и князья сами распоряжаются относительно выхода; что послѣ татарскихъ опустошеній, которыя были слѣдствіемъ усобицы между сыновьями Невскаго, до опустошенія Тверской области Татарами съ Калитою, и послѣ этого вплоть до Тохтамышева нашествія, въ продолженіи, слѣдовательно, слишкомъ 50 лѣтъ, за исключеніемъ пограничныхъ княжествъ Рязанскаго и Нижегородскаго, Сѣверо-Восточная Россія не слыхала о татарскихъ нашествіяхъ, а потомъ, кромѣ Тохтамышева, Едигеева и Улу-Махметова нашествія, набѣги касались только границъ, и по-прежнему терпѣло отъ нихъ преимущественно княжество Рязанское. Вообще съ цифрами въ исторіи надобно обходиться очень осторожно.

Обратимся къ физическимъ бѣдствіямъ. Подъ 1230 годомъ лѣтописецъ говоритъ о голодѣ, свирѣпствовавшемъ во всей Россіи, кромѣ Кіева: въ половинѣ сентября морозъ побилъ весь хлѣбъ въ Новгородской области, и отсюда началось горе большое, говоритъ лѣтописецъ,—начали покупать хлѣбъ по 8 кунъ, кадь ржи по 20 гривенъ, пшеницы—по 40 гривенъ, пшена—по 50, овса—по 13; „разошелся весь городъ нашъ и вся волость, и наполнились чужіе города и страны братьями нашими и сестрами; оставшіеся начали мереть; трупы лежали по улицамъ, младенцевъ грызли псы; ѣли мохъ, сосну, кору липовую, листъ разный: нѣкоторые изъ черни рѣзали живыхъ людей и ѣли, другіе обрѣзывали мясо съ труповъ, иные ѣли лошадей, собакъ, кошекъ. Преступниковъ казнили, вѣшали, жгли, но встало другое зло: начали зажигать домы людей добрыхъ, у которыхъ чуяли рожь, и грабили имѣніе ихъ; между родными не было жалости, сосѣдъ сосѣду не хотѣлъ отломить куска хлѣба; отцы и матери отдавали дѣтей своихъ изъ хлѣба въ рабство купцамъ иноземнымъ; по улицамъ скорбь при видѣ труповъ, лежащихъ безъ погребенія; дома тоска при видѣ дѣтей, плачущихъ по хлѣбѣ, или умирающихъ съ голоду; цѣны возвысились наконецъ дотого, что четвертую часть кади ржи начали покупать по гривнѣ серебра. Архіепископъ Спиридонъ поставилъ скудельницу и приставилъ человѣка добраго и смиреннаго, именемъ Станила, возить въ нее мертвецовъ на лошади со всего города; Станилъ возилъ цѣлый день безпрестанно, и навозилъ 3,030 труповъ; скудельница наполнилась; поставили еще другую, и наклали 3,500 труповъ". Псковскій лѣтописецъ разсказываетъ объ этомъ голодѣ у себя въ тѣхъ же чертахъ; его особенно поразило то, что въ Великій постъ люди ѣли конину: „Написалъ бы еще кой о чемъ похуже, да и такъ уже горько", оканчиваетъ онъ свой разсказъ. Въ Смоленскѣ выстроено было четыре скудельницы, въ которыхъ было положено 32,000 труповъ. Въ 1251 году пошли дожди въ Новгородской области, подмочили хлѣбъ и сѣно, осенью морозъ побилъ хлѣбъ; въ 1291 году то же самое; въ 1303 году тамъ же зима была теплая, не было снѣгу черезъ всю зиму, и люди хлѣба не добыли. Въ 1309 году былъ голодъ сильный по всей Русской Землѣ, потому что мышь поѣла всякій хлѣбъ. Въ 1331 году была большая дороговизна въ Русской Землѣ: это голодное время слыло подъ названіемъ рослой ржи. Въ 1364 году съ половины лѣта стояла мгла, зной былъ страшный, лѣса, болота и земля горѣли, рѣки высохли; въ слѣдующемъ году то же самое, и отсюда сильный голодъ. Осенью 1370 года было снѣгу много, и хлѣбъ пошелъ подъ снѣгъ: но зима была теплая, весь снѣгъ сошелъ въ самомъ началѣ Великаго поста, и хлѣбъ былъ сжатъ въ Великій постъ; лѣтомъ въ солнцѣ показались мѣста черныя, какъ гвозди; мгла была такая, что на сажени нельзя было ничего передъ собою видѣть, люди сталкивались лбами, птицы падали съ воздуху людямъ на головы, звѣри смѣшивались съ людьми, медвѣди и волки бродили по селамъ, рѣки, болота, озера высохли, лѣса горѣли, голодъ былъ сильный по всей землѣ. Въ 1373 году, при сильномъ знойѣ, не было ни капли дождя во все лѣто. Лѣтомъ 1407 года было сумрачно и дождливо, крылатый червь летѣлъ отъ востока на западъ, поѣлъ деревья и засушилъ ихъ; въ 1409 году множество людей померло отъ голоду, въ 1412—дороговизна въ Нижнемъ-Новгородѣ; въ 1418 году снѣгъ выпалъ 15 сентября, шелъ трое сутокъ и покрылъ всю землю на 4 пяди, пошли морозы; но потомъ стало тепло, снѣгъ сошелъ, но хлѣба сжали мало послѣ снѣга, и начался голодъ по всей Русской Землѣ. Въ 1421 г. свирѣпствовалъ голодъ въ Новгородѣ и по всей Русской Землѣ; много людей померло съ голоду,

другіе ушли въ Литву, иные померзли на дорогѣ, потому что зима была очень холодна; въ Москвѣ оковъ ржи покупали по полтора рубля, въ Костромѣ—по два рубля, въ Нижнемъ—по шести; во Псковѣ тогда клѣти были полны хлѣба отъ прежнихъ лѣтъ, и вотъ пошли ко Пскову Новгородцы, Корела, Чудь, Вожане, Тверичи, Москвичи, просто сказать, пошелъ народъ со всей Русской Земли, и нашло его множество, стали покупать рожь во Псковѣ, по волостямъ и пригородамъ, и возить за рубежъ; цѣны поднялись: зобница ржи начала продаваться по 70 ногатъ, жита—по 50, овса—по 30, вслѣдствіе чего Псковичи запретили вывозить хлѣбъ за рубежъ, а нахожихъ людей стали выгонять изъ Пскова и изо всѣхъ волостей; иные разошлись, а которые остались во Псковѣ, тѣхъ множество перемерло, и наклали ихъ въ одномъ Псковѣ четыре скудельницы,—а сколько погибло по пригородамъ и волостямъ, тѣмъ и числа нѣтъ. Осенью 1429 года земля и лѣса горѣли, дымъ стлался по воздуху, съ трудомъ можно было видѣть другъ друга, отъ дыму умирала рыба и птица; рыба послѣ того пахла дымомъ два года; слѣдствіемъ такой погоды былъ голодъ сильный по всей Землѣ Русской; въ 1436 году морозъ побилъ хлѣбъ въ жатвенную пору, и была большая дороговизна; зимою 1442 года лютые морозы много причинили зла людямъ и животнымъ; въ 1444 году опять лютая зима и дороговизна сѣна; подъ 1446 годомъ Новгородскій лѣтописецъ говоритъ, что въ его области хлѣбъ былъ дорогъ не только этого году, но въ продолженіи 10 лѣтъ,—двѣ коробьи по полтинѣ, иногда больше, иногда меньше, а иногда и вовсе негдѣ купить; была скорбь сильная: только и слышно было, что плачъ да рыданіе по улицамъ и по торгу; многіе отъ голоду падали мертвые, дѣти передъ родителями, отцы и матери передъ дѣтьми; многіе разошлись въ Литву, къ Нѣмцамъ, бусурманамъ и Жидамъ; изъ хлѣба отдавались въ рабство купцамъ.

О морѣ долго не встрѣчаемъ извѣстій; подъ 1284 годомъ южный лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на животныхъ въ Руси, Польшѣ и у Татаръ: лошади, рогатый скотъ, овцы померли безъ остатка; сѣверный лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ на скотъ подъ 1298 годомъ; подъ 1308—о морѣ на людей; подъ 1318—о морѣ въ Твери; подъ 1341—о морѣ на рогатый скотъ въ Новгородѣ; во Псковѣ же въ этомъ году былъ моръ сильный на людей: негдѣ стало погребать, гдѣ выкопають могилу мужу или женѣ, тамъ же положать и дѣтей малыхъ, головъ семь или восемь въ одномъ гробѣ. Но это бѣдствіе было только предвѣстникомъ ужаснѣйшихъ; наступила страшная вторая половина XIV вѣка. Еще подъ 1348 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о морѣ въ Полоцкѣ; въ 1350 году заслышали о морѣ въ дальнихъ странахъ; въ 1351 году начался моръ во Псковѣ съ такимъ признакомъ: харкнетъ человѣкъ кровью,—и на четвертый день умираетъ; предвидя скорую смерть, мужчины и женщины шли въ монастыри и тамъ умирали, постригшись; другіе приготовлялись къ смерти въ домахъ заботами о душахъ своихъ, отдавая имѣніе свое церквамъ и монастырямъ, духовнымъ отцамъ и нищимъ; священники не успѣвали ходить за каждымъ мертвецомъ на домъ, но приказывали свозить всѣхъ на церковный дворъ, и за ночь къ утру набиралось труповъ по тридцати и больше у каждой церкви, и всѣмъ было одно отпѣваніе, только молитву разрѣшительную читали каждому порознь, и клали по три или по пяти головъ въ одинъ гробъ; такъ было по всѣмъ церквамъ, и скоро стало негдѣ погребать, начали погребать подальше отъ церквей, наконецъ отведены были подъ кладбище пустыя мѣста, совершенно вдалекѣ отъ церквей. Многіе думали, что никто уже не останется въ живыхъ, потому что если моръ войдетъ въ какой одинъ либо родъ или семью, то рѣдко кто оставался въ живыхъ: если умиравшіе отдавали кому дѣтей своихъ или имѣніе, то и принимавшіе скоро заболѣвали и умирали, вслѣдствіе чего стали бояться принимать что-либо отъ умирающихъ, и родные начали бѣгать родныхъ; за то нѣкоторые великодушные, отбросивши всякій страхъ, и чужихъ мертвецовъ погребали, для спасенія душъ своихъ. Псковичи послали въ Новгородъ звать владыку Василія, чтобы пріѣхалъ благословить ихъ; владыка пріѣхалъ, обошелъ весь городъ съ духовенствомъ со крестами, мощами святыхъ; весь народъ провожалъ кресты, взывая: „Господи помилуй!“ Пробывъ немного дней во Псковѣ, владыка поѣхалъ назадъ здоровымъ, но на дорогѣ, на рѣкѣ Узѣ [1]), занемогъ и умеръ. Вслѣдъ за владыкою моръ шелъ изо Пскова въ Новгородъ; во Псковѣ свирѣпствовалъ онъ съ весны до зимы, въ Новгородѣ—отъ Успеньева дня до весны слѣдующаго года; единовременно съ Новгородомъ моръ свирѣпствовалъ въ Смоленскѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Суздалѣ; въ Глуховѣ и Бѣлозерскѣ не осталось ни одного человѣка; мы видѣли, что въ 1353 году моръ свирѣпствовалъ въ Москвѣ. Въ 1360 году свирѣпствовалъ второй моръ во Псковѣ съ новымъ признакомъ: у кого выложатся железа, тотъ скоро умиралъ; опять Псковичи послали въ Новгородъ звать къ себѣ владыку Алексѣя; тотъ пріѣхалъ, благословилъ всѣхъ отъ великаго до убогаго, обошелъ весь городъ со крестами, отслужилъ три литургіи,—и моръ началъ переставать. Въ 1363 году явился моръ съ низовьевъ Волги, началъ свирѣпствовать въ Нижнемъ-Новгородѣ, потомъ въ Рязани, Коломнѣ, Переяславлѣ, Москвѣ, Твери, Владимірѣ, Суздалѣ, Дмитровѣ, Можайскѣ, Волокѣ, Бѣлоозерѣ. Предъ началомъ болѣзни человѣка какъ рогатиною ударитъ въ лопатку, или подъ груди противъ сердца, или между крыльцами, потомъ больной начинаетъ харкать кровью, почувствуетъ сильный жаръ, за жаромъ слѣдуетъ обильный потъ, за потомъ дрожь—и это послѣднее; болѣзнь продолжалась день-два, рѣдко три; показывались и железа не одинаково: у иного на шеѣ, у другого

[1]) Усть Узы рѣки на Шелони.

*

на стегнѣ подъ пазухою, подъ скулою, за лопаткою; умирало въ день человѣкъ по пятидесяти, по сту и больше; бѣдствіе продолжалось не одинъ годъ, обходя разные города. Подъ 1373 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о сильномъ морѣ на людей и скотскомъ падежѣ вслѣдствіе жаровъ и бездождія. Въ 1375 упоминается о морѣ въ Кіевѣ; въ 1387 былъ сильный моръ въ Смоленской области: изъ самаго Смоленска вышли только пять человѣкъ живыхъ и затворили городъ; подъ 1389 годомъ упоминается сильный моръ во Псковѣ, подъ слѣдующимъ годомъ—въ Новгородѣ. Подъ 1402 годомъ упоминается моръ въ Смоленскѣ, подъ 1403 во Псковѣ—железою; моръ пришелъ изъ Дерпта; въ 1406 году это бѣдствіе возобновилось во Псковѣ; въ 1409 году—моръ съ кровяною харкотою свирѣпствовалъ въ волостяхъ ржевскихъ, можайскихъ, дмитровскихъ, звенигородскихъ, переяславскихъ, владимірскихъ, юрьевскихъ, рязанскихъ и торусскихъ, показывался въ нѣкоторыхъ московскихъ волостяхъ; первый признакъ—у больного руки и ноги прикорчитъ, шею скривитъ, зубы скрежещутъ, кости хрустятъ, всѣ составы трещатъ, кричитъ, вопитъ; у иныхъ и мысль измѣнится, умъ отнимется; иные одинъ день поболѣвши умирали, другіе—полтора дня, нѣкоторые—два дня, а иные, поболѣвши три или четыре дня, выздоравливали. Въ 1414 была болѣзнь тяжкая по всей Русской Землѣ—костоломъ; въ 1417—моръ съ кровохарканіемъ и жалезою опустошилъ Новгородъ, Ладогу, Русу, Порховъ, Псковъ, Торжокъ, Дмитровъ и Тверь; въ Новгородѣ владыка Симеонъ, съ духовенствомъ всѣхъ семи соборовъ и всѣми жителями, обошелъ крестнымъ ходомъ около всего города, послѣ чего Новгородцы, одни на лошадяхъ, другіе пѣшкомъ, отправились въ лѣсъ, привезли бревенъ и поставили церковь Св. Анастасіи, которую въ тотъ же день освятили и отслужили въ ней литургію, а изъ остального лѣсу поставили церковь Св. Иліи; въ Торжкѣ также въ одно утро построили церковь Св. Аѳанасія. Подъ 1419 годомъ упоминается моръ въ Кіевѣ и другихъ юго-западныхъ странахъ; въ слѣдующемъ году моръ началъ опустошать сѣверо-восточную полосу—Кострому, Ярославль, Юрьевъ, Владиміръ, Суздаль, Переяславль, Галичъ, Плесо, Ростовъ; хлѣбъ стоялъ на нивахъ, жать было некому; потомъ моръ, вмѣстѣ съ голодомъ, опустошилъ Новгородъ и Псковъ; въ 1423 году—моръ съ железою и кровохарканіемъ въ Новгородѣ, Корелѣ и по всей Русской Землѣ; въ 1425 моръ былъ въ Галичѣ, а съ Троицына дня въ Москвѣ и по другимъ областямъ продолжался въ слѣдующихъ годахъ; явился новый признакъ — прыщъ: если прыщъ синій, то человѣкъ на третій день умираетъ; если же красный, то выгнивалъ, и больной выздоравливалъ. Въ декабрѣ 1441 года начался сильный моръ железою во Псковѣ и продолжался все лѣто 1442 года, и по пригородамъ и волостямъ до января 1443 года. Послѣднее извѣстіе о морѣ подъ 1448 годомъ: былъ моръ на лошадей и на всякій скотъ, былъ и на людей, но не сильный.—Такимъ образомъ, въ продолженіи всего описываемаго времени, встрѣчаемъ не менѣе 23 извѣстій о морѣ въ разныхъ мѣстахъ; но если мы обратимъ вниманіе, что до второй половины XIV вѣка о морѣ упоминается не болѣе трехъ или четырехъ разъ, и всѣ остальныя извѣстія относятся къ этой несчастной половинѣ вѣка, то здѣсь придется по извѣстію на каждыя пять лѣтъ. Нельзя не замѣтить, что послѣ успокоенія отъ внѣшнихъ и внутреннихъ войнъ, которымъ наслаждалось княжество Московское, Владимірское и Нижегородское во время Калиты и Симеона Гордаго, съ первыхъ же годовъ второй половины XIV вѣка начинаетъ свирѣпствовать моровая язва и скоро потомъ опять начинаются сильныя внутреннія и внѣшнія войны: возобновляется борьба Москвы съ Тверью, Рязанью, Новгородомъ, видимъ опустошительныя нашествія татарскія и литовскія. Несмотря однако на это, Димитрій Донской нашелъ средства вывести на Куликово поле войско, достаточное для побѣды надъ мамаевыми толпами; при этомъ нельзя забывать того явленія, что послѣ физическихъ бѣдствій, пагубныхъ для народонаселенія, послѣднее стремится къ увеличенію съ большею силою; такимъ образомъ, на Куликовскую битву являлось молодое поколѣніе, которое родилось уже послѣ страшной язвы, опустошившей Русь въ концѣ княженія Симеона Гордаго. Изъ другихъ разрушительныхъ явленій природы лѣтописи упоминаютъ о землетрясеніи подъ 1230 годомъ, и потомъ не ранѣе, какъ подъ 1446 годомъ; о первомъ упоминаютъ лѣтописцы Суздальскій и Новгородскій, о второмъ—Московскій. Суздальскому разсказывали самовидцы, какъ въ Кіевѣ, во время землетрясенія 1230 года, разступилась въ Печерскомъ монастырѣ Богородичная каменная церковь на четыре части, въ трапезницѣ снесло со столовъ все кушанье и питье; въ Переяславлѣ русскомъ церковь Св. Михаила разсѣлась надвое; земля тряслась вездѣ въ одинъ день и часъ—3 мая, во время литургіи. Того же мѣсяца 10 числа солнце при своемъ восхожденіи было на три угла, какъ коврига, по выраженію лѣтописца, потомъ сдѣлалось мало, какъ звѣзда, и погибло; 14 числа солнце опять начало погибать и три дня являлось въ видѣ мѣсяца; того же 14 числа, какъ солнце стояло мѣсяцемъ, по обѣ его стороны являлись столпы красные, зеленые, синіе, и сошелъ огонь съ небеси, какъ облако большое, надъ ручьемъ Лыбедью; всѣмъ людямъ показалось, что уже пришелъ послѣдній часъ, начали цѣловаться другъ съ другомъ, прощаться, горько плакали, но страшный огонь прошелъ черезъ весь городъ безъ вреда, палъ въ Днѣпръ и тутъ погибъ. Въ Новгородской лѣтописи встрѣчаемъ извѣстія о сильныхъ наводненіяхъ; напримѣръ, въ 1421 году, въ маѣ мѣсяцѣ, вода въ Волховѣ поднялась, снесла Великій мостъ и два другихъ, въ одномъ мѣстѣ снесла церковь, во многихъ церквахъ могли служить только на хорахъ (полатяхъ), потому что внизу была вода. Подъ

1399 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ о необыкновенно ранней веснѣ, о страшнихъ грозахъ, отъ которыхъ погибло много людей; такія же грозы были и въ 1406 году; между прочимъ, подъ этимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи слѣдующее извѣстіе: послѣ Петрова дня, въ Нижегородской области была такая буря, что вѣтеръ поднялъ на воздухъ человѣка вмѣстѣ съ телѣгою и лошадью; на другой день телѣгу нашли висящею наверху высокаго дерева, и то на другой сторонѣ Волги, лошадь мертвую на землѣ, а человѣка нигдѣ не нашли; о лютыхъ морозахъ зимою, о страшныхъ грозахъ и буряхъ лѣтомъ упоминается еще подъ 1442 годомъ; въ іюнѣ 1460 года, въ Москвѣ, съ запада явилась туча страшная и темная, и поднялась такая буря, что отъ пыли никому нельзя было смотрѣть; люди были въ отчаяніи; на этотъ разъ мракъ и вѣтеръ скоро прекратились, но на другой день къ вечеру взошла туча съ юга, поднялась опять страшная гроза и буря, многія и каменныя церкви поколебались, забрала на кремлевскихъ стѣнахъ были сорваны и разнесены, крыши съ церквей и верхи сметаны, по селамъ многія церкви изъ основанія вырваны и отнесены далеко въ сторону, лѣса старые, боры и дубы съ корнемъ вырваны.

Изъ явленій, вредно дѣйствовавшихъ на народное здоровье, видимъ обычай хоронить мертвыхъ внутри городовъ, около церквей; не знаемъ, какія, наоборотъ, принимались мѣры предосторожности во время моровыхъ язвъ; что же касается вообще до врачебныхъ средствъ, то о нихъ не имѣемъ почти никакихъ извѣстій; узнаемъ только, что великій князь Василій Васильевичъ, какъ средство отъ сухотной болѣзни, приказывалъ зажигать у себя на тѣлѣ трутъ, во многихъ мѣстахъ и часто; раны разгнились—и болѣзнь кончилось смертію.

Мы видѣли обстоятельства, долженствовавшія содѣйствовать умноженію народонаселенія въ нѣкоторыхъ областяхъ преимущественно передъ другими, напримѣръ въ княжествѣ Московскомъ. Изъ областей, и прежде имѣвшихъ относительно густѣйшее народонаселеніе, вслѣдствіе выгодъ положенія, благопріятнаго для торговли, области Новгородская и Псковская сохраняли эти выгоды. Торговое значеніе Новгорода для Восточной Европы, въ описываемое время, не могло нисколько уменьшиться,—по-прежнему онъ былъ посредникомъ торговыхъ сношеній между Азіею, Восточною и Сѣверною Европою; отсюда понятно накопленіе богатствъ въ Новгородѣ, увеличеніе его народонаселенія, расширеніе, украшеніе самого города, который, послѣ упадка Кіева, безспорно оставался самымъ богатымъ, самымъ значительнымъ городомъ во всей Россіи. Новгородскихъ купцовъ видимъ на отдаленномъ юго-западѣ, во Владимірѣ-Волынскомъ [1]); вездѣ Великій Новгородъ выговариваетъ путь чистый безъ рубежа и новыхъ мытовъ для купцовъ своихъ, торжокскихъ и пригородныхъ, для чего куплена была въ Ордѣ и ханская грамота [2]); выговариваетъ, чтобъ князья не нарушили договоровъ, заключенныхъ имъ съ городами нѣмецкими, не затворяли двора Нѣмецкаго, не приставляли къ нему приставовъ и торговали на этомъ дворѣ только посредствомъ Новгородцевъ. Какъ Нѣмцы дорожили Новгородомъ, видно изъ того, что когда, въ 1231 году, свирѣпствовалъ здѣсь голодъ, нѣмецкіе купцы пріѣхали съ хлѣбомъ изъ-за моря и сдѣлали много добра, по словамъ лѣтописца, значитъ,—продали товаръ свой дешевою цѣною. Съ 1383 до 1391 года не было крѣпкаго мира у Новгорода съ Нѣмцами, и вотъ въ 1391 году съѣхались въ Изборскѣ новгородскіе послы съ нѣмецкими; въ числѣ послѣднихъ были не только послы изъ Риги, Юрьева и Ревеля, но также заморскіе—изъ Любека и Готскаго берега. Встрѣчаемъ въ лѣтописи особый отдѣлъ новгородскихъ купцовъ, производившихъ торгъ солью (прасоловъ) [3]); встрѣчаемъ упоминовеніе о торговыхъ дворахъ Готскомъ, Псковскомъ [4]). Наконецъ отъ описываемаго времени до насъ дошли три договора Новгородцевъ съ Любекомъ, Готскимъ берегомъ и Ригою: первый относится къ 1270 году и немногимъ отличается отъ приведеннаго прежде договора; второй относится къ концу XIII или началу XIV вѣка, ко времени княженія Андрея Александровича; въ немъ Новгородцы даютъ купцамъ латинскаго (нѣмецкаго) языка три сухихъ (горныхъ) пути по своей волости и четвертый водяный (въ рѣчкахъ), съ условіемъ, что если путь сдѣлается нечистъ (опасенъ), то князь подастъ объ этомъ вѣсть иностраннымъ купцамъ и велитъ своимъ мужамъ проводить ихъ. Въ другой грамотѣ, относящейся ко второй половинѣ XIV вѣка, Новгородцы обязываются не поминать впередъ вреда, причиненнаго ихъ купцамъ нѣмецкими разбойниками передъ Невою; изъ этого договора узнаемъ, что Новгородцы ѣздили торговать въ Любекъ, на Готскій берегъ и въ Стокгольмъ [5]). Любопытны нѣкоторыя подробности о нѣмецкой торговлѣ въ Новгородѣ, заключающіяся въ постановленіяхъ, или такъ называемыхъ с к р а х ъ: напр., запрещалось брать у Русскихъ товаръ въ кредитъ, вступать съ ними въ торговую компанію и перевозить ихъ товары; запрещалось вывозить поддѣльный воскъ, ввозить поддѣльныя сукна; запрещалось продавать товары по мелочамъ; розничная продажа, съ ограниченіями, дозволялась только такъ называемымъ Kindern. Никому не позволялось ввозить товаровъ на сумму, превышавшую 1,000 марокъ серебра. Право избирать олдермановъ было впослѣдствіи предоставлено только депутатамъ Лю-

[1]) П. С. Р. Л. III, 220.

[2]) «А гостю нашему гостити по Суждальской земли, безъ рубежа по царевѣ грамотѣ». См. Новгородскія грам. въ I т. С. г. г. и д.; тамъ же, № 28.

[3]) П. С. Р. Л. III, 102.

[4]) Тамъ же, стр. 103.

[5]) Допол. къ акт. истор. I, № 6 и 7. Herrmann's Beiträge zur Geschichte des Russischen Reiches, p. 28; Славянскаго—Историческое обозрѣніе торговыхъ сношеній Новагорода съ Готландомъ и Любекомъ, 1847. Андреевскаго.—О договорѣ Новагорода съ нѣмецк. городами.

бека и Висби, и притомъ изъ ихъ же гражданъ; то же самое соблюдалось и при выборѣ священниковъ. Запрещалось испрашивать привелегіи для личныхъ выгодъ или дѣлать новыя постановленія безъ согласія Любека и Висби. Запрещалось привозить купцовъ иностранныхъ, не принадлежавшихъ къ нѣмецкому обществу, преимущественно ломбардскихъ. Главный путь иностранныхъ купцовъ шелъ, по-прежнему, Невою, Ладожскимъ озеромъ, Волховомъ черезъ Старую Ладогу, къ Волховскимъ порогамъ, по которымъ за извѣстную плату проводили ихъ суда особенные лоцмана, далѣе къ Taberna piscatorum (Рыбацкая слобода, на 33 верстѣ отъ Ладож. озера), потомъ къ Gestevelt (Гостинопольская пристань, на 34 верстѣ отъ Ладож. озера), гдѣ платили пошлину, наконецъ пріѣзжали въ новгородскую пристань.

Смоленскъ продолжаетъ торговыя связи съ Ригою, которыя были такъ выгодны, что правительства обоихъ городовъ условились, въ 1284 году, не препятствовать взаимной торговлѣ, хотя бы между Смоленскимъ княземъ и епископомъ, или магистромъ и произошли какія-нибудь непріятности [1]; кромѣ пословъ отъ магистра и горожанъ рижскихъ, заключили этотъ договоръ двое купцовъ — одинъ изъ Брауншвейга, другой—изъ Мюнстера. Отъ половины XIV вѣка до насъ дошелъ также договоръ между Смоленскомъ и Ригою, заключенный по докончанію дѣдовскому и по старымъ грамотамъ [2]; Смоленскій князь называетъ магистра братомъ, обѣщается блюсти Нѣмцевъ въ своихъ владѣніяхъ, какъ и своихъ Смольнянъ, а правительство рижское обязывается поступать точно такъ-же у себя съ Смольянами. Полоцкъ продолжаетъ свои торговыя связи съ Ригою и подъ литовскою зависимостію: въ 1407 году Полочане заключили договоръ съ Рижанами о свободной торговлѣ между обоими городами; постановлено, чтобъ Полочане въ Ригѣ, а Рижане въ Полоцкѣ не торговали малою торговлею, что розницею зовутъ; Полочане могутъ мимо Риги ѣздить въ какую угодно землю сухимъ путемъ и водою, то же право имѣютъ и Рижане относительно Полоцка. Если Полочанинъ совершитъ какое-нибудь преступленіе въ Ригѣ, то его отсылать для суда въ Полоцкъ, и наоборотъ; соль въ Полоцкѣ должно вѣсить тѣмъ же вѣсомъ, какимъ вѣсятъ воскъ, тѣми же колоколами; вѣсъ полоцкій будетъ больше рижскаго полупудомъ; сперва Рижане посылаютъ свои колокола и скалвы въ Полоцкъ на свой счетъ, а потомъ, когда эти колокола сотрутся или изломаются, или пропадутъ, то уже Полочане на свой счетъ посылаютъ въ Ригу для исправленія этихъ колоколовъ; серебряные вѣсы держать въ Ригѣ полузолотникомъ больше одного рубля; вѣсовщикамъ цѣловать крестъ, что будутъ вѣсить справедливо; какъ одному, такъ и другому вѣсовщику при взвѣшиваніи отойти прочь отъ скалвъ, и рукою не принимать, а вѣсчую пошлину брать въ Ригѣ на Полочанахъ такую же, какую берутъ въ Полоцкѣ на Рижанахъ. Если случится тяжба между Полочаниномъ и Рижаниномъ, то истцу знать истца, а другому никому въ ихъ дѣло не вмѣшиваться, и за это препятствій торговлѣ не дѣлать; купцамъ будетъ путь свободный и во время усобицы между магистромъ Ордена (мештеремъ Задвинскимъ) и земскими людьми. Привозимые нѣмецкими купцами товары были: хлѣбъ, соль, сельди, копченое мясо, сукно, полотно, пряжа, рукавицы, жемчугъ, сердоликъ, золото, серебро, мѣдь, олово, свинецъ, сѣра, иголки, четки, пергаментъ, вино, пиво; вывозимые—мѣха, кожи, волосъ, щетина, сало, воскъ, лѣсъ, скотъ и произведенія востока: жемчугъ, шелкъ, драгоцѣнныя одежды, оружіе.— Во Псковъ изъ Нѣмецкой Земли приходили вино, хлѣбъ, овощи. Изъ вещей, носившихъ названіе русскихъ, встрѣчаемъ: русскія перчатки, русскія постели, русскія чашки. Мы видѣли возвышеніе цѣнъ на съѣстные припасы; о цѣнахъ же обыкновенныхъ, на сѣверѣ, можно имѣть понятіе изъ одной жалованной грамоты великаго князя Василія Васильевича Троицкому Сергіеву монастырю: „Волостелю даютъ съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ, а нелюбъ полоть, то два алтына, нелюбъ овесъ— алтынъ, не любъ возъ сѣна—алтынъ, не любы хлѣбы—за ковригу по деньгѣ“ [3]).

Если Новгородъ, Смоленскъ, Полоцкъ, старинныя русскія торжища, богатѣли по-прежнему торговлею, благодаря выгодному положенію своему, то древнее средоточіе южной, греческой торговли на Руси, Кіевъ, опустошенный усобицами и Татарами, переставшій быть главнымъ городомъ Руси, презрѣнный сильнѣйшими князьями, Суздальскими, Галицкими, Литовскими, представлялъ во второй половинѣ XIII вѣка жалкое зрѣлище: Плано-Карпини насчитываетъ въ немъ не болѣе 200 домовъ. Но природныя выгоды оставались прежнія, и купцы изъ разныхъ странъ, по старой привычкѣ, продолжали пріѣзжать въ Кіевъ; такъ, вмѣстѣ съ Плано-Карпини пріѣхали туда купцы изъ Бреславля; потомъ приходило туда много купцовъ изъ Польши, Австріи, Константинополя, послѣдніе были Итальянцы — Генуезцы, Венеціане, Пизане. Купцы изъ Торна пріѣзжали на Волынь и въ Галичъ: въ 1320 году здѣшній князь Андрей Юрьевичъ, который называетъ себя Dux Ladimiriae et dominus Russiae, далъ торнскимъ купцамъ грамоту, въ силу которой никто изъ его мытниковъ или служителей не смѣлъ требовать отъ нихъ суконъ или другихъ товаровъ, уступаетъ имъ всѣ права, которыми они пользовались при отцѣ его, обѣщаетъ,

[1]) С. г. г. и д. II, № 3.

[2]) Тамъ же, № 8. Этотъ договоръ замѣчателенъ еще тѣмъ, что изъ него видна зависимость Смоленска отъ Литвы еще при Гедиминѣ, ибо Смоленскій князь называетъ Гедимина старшимъ братомъ и сообразуется съ его внѣшними отношеніями.

[3]) Акты Арх. Эксп. I, № 16, С. г. г. и д. II, № 14, 16. Акты истор. I, № 22, 58. Lannoy, p. 35, 37.

что если кто-нибудь изъ нихъ потерпитъ обиду, то за каждый денарій, неправедно отнятый, получитъ вдвое. Послѣ Гедиминовичи, княжившіе на Волыни, не хотѣли пропускать купцовъ изъ Польши и Германіи черезъ свою землю на востокъ (Heidenland), дабы утвердить складку товаровъ во Владимірѣ, Луцкѣ и Львовѣ, какъ бывало изстари. О торговлѣ Галичанъ и Подольцевъ въ Молдавіи, Бессарабіи, Венгріи получаемъ извѣстіе изъ уставной грамоты, данной львовскимъ и подольскимъ купцамъ господаремъ Молдавскимъ въ 1407 году [1]); русскіе купцы покупали въ молдавскихъ владѣніяхъ татарскій товаръ: шелкъ, перецъ, камки, тебенки, ладонъ, греческій квасъ, потомъ покупали скотъ—свиней, овецъ, лошадей, мѣха бѣличьи и лисьи, овчины, кожи, рыбу, воскъ; продавали сукно, которое складывалось въ Сочавѣ, шапки, ногавицы, пояса, мечи, серебро жженое венгерское, куницъ венгерскихъ. Черноморская торговля производилась черезъ городъ Солдайю, или Судакъ, въ Тавридѣ. Сюда приставали всѣ купцы, идущіе изъ Россіи и странъ сѣверныхъ въ Турцію; первые привозили ткани бумажныя, шелковыя и пряные коренья, послѣдніе—преимущественно дорогіе мѣха; что подъ этими мѣховыми торговцами должно разумѣть именно русскихъ купцовъ, доказываетъ разсказъ Рубруквиса о крытыхъ телѣгахъ, запряженныхъ волами, въ которыхъ русскіе купцы возятъ свои мѣха; по словамъ того же Рубруквиса, купцы изо всей Россіи пріѣзжали въ Крымъ за солью, и съ каждой нагруженной телѣги давали Татарамъ двѣ бумажныхъ ткани пошлины. Знаемъ также изъ другихъ источниковъ, что въ XIV вѣкѣ русскихъ купцовъ можно было найти въ Каѳѣ, Оцѣ, Греціи [2]).

Встрѣчаемъ извѣстія и о торговлѣ приволжской съ Татарами: такъ, лѣтописецъ говоритъ, что татарскій царевичъ Арапша перебилъ много русскихъ купцовъ и богатство ихъ пограбилъ [3]); Тохтамышъ послалъ слугъ своихъ въ Болгарію захватить русскихъ купцовъ съ судами ихъ и товарами [4]). Нижній-Новгородъ, благодаря положенію своему, уже и въ описываемое время производилъ значительную торговлю: такъ, говорится, что новгородскіе ушкуйники пограбили въ Нижнемъ множество купцовъ, Татаръ и Армянъ, равно какъ и нижегородскихъ; пограбили товару ихъ множество, а суда ихъ разсѣкли; здѣсь перечисляются и разныя названія этихъ судовъ — паузки, карбасы, лодьи, учаны, мишаны, бафты и струги. Восточные купцы торговали въ городахъ русскихъ подъ покровительствомъ Татаръ; Тверичи, во время возстанія своего на Татаръ, истребили и купцовъ ордынскихъ, старыхъ и пришедшихъ вновь съ Шевкаломъ; подъ 1355 годомъ упоминается о приходѣ въ Москву татарскаго посла и съ нимъ гостей Сурожанъ; подъ 1389 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ Авраамѣ Армянинѣ, жившемъ въ Москвѣ; наконецъ видимъ, что въ Москву приходили и купцы съ запада, именно изъ Литвы [5]).

Мы видѣли заботы Новгородцевъ о томъ, чтобы купцамъ ихъ былъ путь чистъ по русскимъ княжествамъ; великіе князья Сѣверо-Восточной Руси въ договорахъ между собою и въ договорахъ съ великимъ княземъ Литовскимъ выговариваютъ то же самое. Видимъ, что монастыри получаютъ право безпошлинной торговли. Новгородцы, въ половинѣ XV вѣка, дали на вѣчѣ Троицкому Сергіеву монастырю грамоту, въ которой запрещалось двинскимъ посадникамъ, холмогорскимъ и вологодскимъ, ихъ приказчикамъ и пошлинникамъ брать пошлины и судить людей Троицкаго монастыря, старцевъ или мірянъ, которые будутъ посланы монастыремъ на Двину, зимою на возахъ, а лѣтомъ на одиннадцати лодьяхъ: „А кто эту грамоту новгородскую нарушитъ, обидитъ купчину Сергіева монастыря, или его кормниковъ (кормчихъ), или осначевъ (оснастчиковъ), тотъ дастъ посаднику и тысяцкому и всему господину Великому Новгороду пятьдесятъ рублей въ стѣну [6]). А вы, бояре двинскіе, и житые люди и купцы! обороняйте купчину Сергіева монастыря, даже и тогда, когда Новгородъ Великій будетъ немиренъ съ нѣкоторыми сторонами [7]); блюдите монастырскаго купчину и людей его какъ своихъ, потому что весь господинъ Великій Новгородъ жаловалъ Сергіевъ монастырь, держитъ его своимъ, и вы, посадники, бояре, приказчики ихъ и пошлинники, сей грамоты новгородской не ослушайтесь“. Митрополитъ изъ Москвы посылалъ своихъ слугъ въ Казань съ рухлядью для торговли [8]). Великіе князья Литовскіе, для поднятія своего главнаго города Вильны, даютъ ея купцамъ право безпошлинной и безпрепятственной торговли во всѣхъ литовскихъ и русскихъ областяхъ [9]). Въ Вильнѣ видимъ ярмарки два раза въ годъ [10]); въ городахъ Восточной Россіи видимъ торги по воскресеньямъ [11]).

Относительно монеты должно замѣтить, что въ первой половинѣ XIV вѣка счетъ гривнами замѣняется счетомъ рублями, причемъ нетрудно усмотрѣть, что старая гривна серебра и новый рубль одно и то же [12]); слово „куны“, въ значеніи денегъ

[1]) Акты, относ. къ истор. Зап. Рос. I, № 21, Supplementum ad historica Russiae monumenta, № XXXVIII, XLI, XLII.

[2]) Акты истор. I, № 252. Замѣчательно, что еще въ началѣ XV вѣка Качи-бей, или Хаджи-бей, нынѣшняя Одесса, была извѣстною гаванью, принадлежавшею къ литовско-русскимъ владѣніямъ; изъ нея въ 1415 году Ягайло отправилъ подольскую пшеницу въ Константинополь. Wapowski—Dz. Kor. pol. I; 376.

[3]) Никон. IV, 54.

[4]) Тамъ же, IV, 132.

[5]) Тамъ же, V, 54.

[6]) Вѣроятно для постройки стѣнъ.

[7]) Понятно, что здѣсь подъ этими сторонами разумѣется Москва.

[8]) А. а. э. I, № 42. Сборникъ библ. гр. А. С. Уварова, № 412.

[9]) Вилен. акты, I, № 6 и 8.

[10]) Тамъ же, № 7.

[11]) Никон. IV, 264: «Загорѣся (Зубцевъ) въ недѣлю порану, какъ нача торгъ сниматись».

[12]) См. статью Казанскаго: Изслѣдованіе о древней русской монетной системѣ, въ Запискахъ Археолог. Общ. т. III.

вообще, начинаетъ смѣняться теперь употребительнымъ татарскимъ словомъ „деньги". Такъ какъ отъ описываемаго времени дошли до насъ прямыя извѣстія о кожаныхъ деньгахъ, то мы обязаны здѣсь подробнѣе разсмотрѣть этотъ давній, важный и запутанный вопросъ въ нашей исторической литературѣ. Здѣсь должно отличать два вопроса: вопросъ о мѣхахъ, обращавшихся вмѣсто денегъ и имѣющихъ цѣнность сами по себѣ, и вопросъ собственно о кожаныхъ деньгахъ, о частицахъ шкуры извѣстнаго животнаго, не имѣющихъ никакой цѣнности сами по себѣ и обращающихся въ видѣ денегъ условно. Относительно обоихъ вопросовъ мы встрѣчаемъ у изслѣдователей крайнія мнѣнія: одни не хотятъ допускать въ древней Россіи металлической монеты и заставляютъ ограничиваться одними мѣхами [1]); другіе, наоборотъ, подлѣ металлической монеты не допускаютъ вовсе мѣховъ [2]). Противъ перваго мнѣнія мы уже указали неопровержимыя свидѣтельства источниковъ [3]); противъ вторего—существуютъ свидѣтельства также неопровержимыя; напр., въ уставной грамотѣ князя Ростислава Смоленскаго: „А се погородіе отъ Мстиславля 6 гривенъ урока, а почестья гривна и три лисицы, а се отъ Крупля гривна урока, а пять ногатъ за лисицу". Или: „Се заложилъ Власей Св. Николѣ полсела въ 10 рублѣхъ да въ трехъ сорокѣхъ бѣлки". Здѣсь мы ясно видимъ, что подлѣ, вмѣстѣ съ гривнами и рублями, принимались въ уплату мѣха, и это самое показываетъ, что, безъ всякаго сомнѣнія, было время, когда употребленіе мѣховъ для уплатъ всякаго рода, употребленіе ихъ вмѣсто денегъ было господствующимъ; Смоленскій князь, или его пошлинникъ, вмѣстѣ съ рублемъ бралъ три лисицы; частное лицо, какой-то Власій, вмѣстѣ съ 10 рублями занялъ и три сорока бѣлки, и обязался уплатить то же самое; также точно первые князья брали дань съ подчиненныхъ племенъ однѣми черными куницами и бѣлками, потому что серебра этимъ племенамъ было взять негдѣ; такъ точно въ это время и частные люди совершали свои уплаты одними мѣхами. Явилась металлическая монета, но она не вытѣснила еще мѣховъ; выраженіе: „А пять ногатъ за лисицу"—показываетъ намъ переходъ отъ уплаты мѣхами къ уплатѣ деньгами. Если и князья, и простые люди принимали въ уплату мѣха вмѣсто денегъ, то нѣтъ намъ нужды разсуждать о томъ: что цѣнность пушнаго товара не могла оставаться всегда одинаковою, по различію лицъ, имѣющихъ или неимѣющихъ въ немъ нужду, по различію мѣстъ, болѣе или менѣе богатыхъ этимъ товаромъ; что шкуры звѣрей — товаръ, подверженный порчѣ, что онъ теряетъ достоинство даже отъ частаго перехода изъ рукъ въ руки; ни пошлинникъ Смоленскаго князя не взялъ бы въ казну трехъ истертыхъ лисьихъ мѣховъ, ни упомянутый Власій не занялъ бы трехъ сороковъ истертыхъ бѣлокъ, и ясно также, что если въ Смоленской области лисица стоитъ пять ногатъ, то въ Черниговской могла стоить больше или меньше Труднѣе объясненіе другого явленія, именно собственно кожаныхъ денегъ, имѣющихъ условную цѣнность; но въ исторіи много такихъ явленій, которыхъ мы объяснить теперь не можемъ и которыхъ однако отвергать не имѣемъ права, если о нихъ существуютъ ясныя, не подлежащія сомнѣнію извѣстія. Но таковы именно свидѣтельства современникомъ и очевидцевъ—Рубруквиса и Гильберта де-Ланноа [4]). Названія единицъ нашей древней монетной системы могли, положимъ, ввести въ заблужденіе новѣйшихъ излѣдователей, могли, положимъ, ввести въ заблужденіе Герберштейна, за сто лѣтъ до котораго, по его собственному свидѣтельству, перестали уже употреблять вмѣсто денегъ мордки и ушки бѣлокъ и другихъ звѣрей; но какъ же отвергать свидѣтельства Рубруквиса и Ланноа—очевидцевъ? Одинъ старый изслѣдователь, отвергавшій кожаныя деньги, смѣялся надъ свидѣтельствомъ, что въ Ливоніи ходили бѣличьи ушки съ серебряными гвоздиками и назывались ногатами; другой, позднѣйшій изслѣдователь, находитъ это извѣстіе замѣчательнымъ; по его мнѣнію, оно можетъ указывать на обычай нашихъ предковъ мелкую серебряную монету для сохранности укрѣплять въ лоскутки звѣриныхъ шкуръ, откуда легко могло образоваться у иностранцевъ мнѣніе, что въ Россіи ходили бѣличьи и куньи мордки или ушки, части шкуры, негодныя для мѣха, но надежныя для храненія монетъ. Изслѣдователи могутъ успокоиться насчетъ кожаныхъ лоскутковъ съ гвоздиками, ибо такова была именно форма древнѣйшихъ ассигнацій въ Европѣ: въ 1241 году императоръ Фридрихъ II пустилъ въ обращеніе кожаныя деньги въ Италіи; онѣ состояли изъ кожанаго лоскута, на одной сторонѣ котораго находился небольшой серебряный гвоздикъ, а на другой—изображеніе государя; каждый лоскутъ имѣлъ цѣнность золотого августала. Знаемъ, что такого же рода монеты ходили во Франціи въ XIV вѣкѣ. Неужели же мы должны предположить, что Ланноа въ Новгородѣ, Рубруквисъ въ степяхъ приволжскихъ, итальянскіе, французскіе историки на западѣ Европы—всѣ согласились выдумать кожаныя деньги и дать имъ обращеніе въ своихъ извѣстіяхъ только! Наконецъ, знаемъ, что у Татаръ, въ описываемое время, были бумажныя и кожаныя деньги, по образцу китайскому [5]).

О перемѣнахъ монеты въ Новгородѣ встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: подъ 1410 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что Новгородцы начали употреблять во внутренней торговлѣ лобки и гроши литовскіе и артуги нѣмецкіе, а куны отложили; подъ 1420 годомъ говорится, что Новгородцы стали

[1]) Г. Егуновъ въ статьѣ своей о древней русской торгов., напечат. въ Современ.

[2]) Г. Казанскій въ означенной выше статьѣ.

[3]) Исторія Россіи, т. III, стр. 715.

[4]) Географ. Извѣст. 1850 г.

[5]) Villani—Istor. Fior. I, 6 c. 22, ap. Murat. T. XIII, p. 368.—Каченовскій, о кож. деньгахъ, стр. 22; Hammer. стр. 222.

торговать деньгами серебряными, артуги же, которыми торговали 9 лѣтъ, продали Нѣмцамъ. Псковскій лѣтописецъ, въ соотвѣтствіе новгородскому извѣстію подъ 1410, говоритъ подъ 1409, что во Псковѣ отложили куны и стали торговать пенязями, а подъ 1422 годомъ говоритъ, что Псковичи стали торговать чистымъ серебромъ; Новгородскій же лѣтописецъ говоритъ, что въ это время во Псковѣ деньги сковали, и начали торговать деньгами во всей Русской Землѣ [1]). Но эти перемѣны не могли обойтись безъ смутъ въ Новгородѣ: подъ 1447 годомъ лѣтописецъ разсказываетъ, что начали Новгородцы хулить деньги серебряныя, встали мятежи и ссоры большія; между прочимъ, посадникъ Сокира, или Сѣкира, напоивши ливца и вѣсца серебрянаго, Ѳедора Жеребца, вывелъ его на вѣче и сталъ допытываться, на кого онъ лилъ рубли. Жеребецъ оговорилъ 18 человѣкъ, и, по его рѣчамъ, народъ скинулъ съ моста нѣкоторыхъ изъ оговоренныхъ, у другихъ домы разграбили, и даже вытащили имѣніе ихъ изъ церквей, чего прежде не бывало, замѣчаетъ лѣтописецъ. Несправедливые бояре научили того же Ѳедора говорить на многихъ людей, грозя ему смертію; но когда Жеребецъ протрезвился, то сталъ говорить: „Я лилъ на всѣхъ, на всю Землю, и вѣсилъ съ своею братьею, съ ливцами.“ Тогда весь городъ былъ въ большой печали, одни только голодники, ябедники и посульники радовались; Жеребца казнили смертію, имѣніе его вынули изъ церкви и разграбили. Чтобъ помочь злу, посадникъ, тысяцкій и весь Новгородъ установили пять денежниковъ и начали переливать старыя деньги, а новыя ковать въ ту же мѣру, платя за работу отъ гривны по полуденьгѣ; и была христіанамъ скорбь великая и убытокъ въ городѣ и по волостямъ.

Главные торговые города древней Руси—Новгородъ, Кіевъ, Смоленскъ, Полоцкъ—обязаны были своею торговлею и своимъ богатствомъ природному положенію, удобству водныхъ путей сообщенія. Въ описываемое время города Сѣверо-Восточной Руси—Москва, Нижній, Вологда—были обязаны своимъ относительнымъ процвѣтаніемъ тому же самому. И долго послѣ сухимъ путемъ по Россіи можно было только ѣздить зимою; лѣтомъ же оставался одинъ водный путь, который потому имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи; морозъ и снѣга зимою и рѣки лѣтомъ нельзя не включить въ число важнѣйшихъ дѣятелей въ исторіи русской цивилизаціи. Князья ѣздили въ Орду водою: такъ извѣстно, что сынъ Димитрія Донскаго, Василій, отправился къ Тохтамышу въ судахъ изъ Владиміра Клязьмою въ Оку, а изъ Оки внизъ по Волгѣ; Юрій Даниловичъ Московскій поѣхалъ въ послѣдній разъ въ Орду изъ Заволочья по Камѣ и Волгѣ. Изъ Москвы въ города при-окскіе и при-волжскіе отправлялись водою: такъ, отправился изъ Москвы въ Муромъ на судахъ нареченный митрополитъ Іона для переговоровъ съ князьями Ряполовскими насчетъ дѣтей великаго князя Василія Темнаго. Епифаній, въ житіи Св. Стефана Пермскаго, говоритъ: „Всякому хотящему шествовати въ Пермскую Землю, удобственъ путь есть отъ града Устьвыма рѣкою Вычегдою вверхъ, дондеже внидетъ въ самую Пермь.“

При удобствѣ путей сообщенія водою, лѣтомъ, и саннымъ путемъ, зимою, перечисленныя прежде благопріятныя обстоятельства для торговли [2]) имѣли силу и теперь. Касательно же препятствій для торговли мы прежде всего должны упомянуть, разумѣется, о татарскихъ опустошеніяхъ, послѣ которыхъ Кіевъ, напримѣръ, не могъ уже болѣе оправиться. Но здѣсь мы опять должны замѣтить, что Кіевъ упалъ не вслѣдствіе одного татарскаго разгрома: упадокъ его начался гораздо прежде Татаръ, вслѣдствіе отлива жизненныхъ силъ, съ одной стороны—на сѣверо-востокъ, съ другой—на западъ. Другихъ главныхъ рынковъ—Новгорода, Пскова, Смоленска, Полоцка не коснулись татарскія опустошенія. Послѣ утвержденія татарскаго господства, ханы и баскаки ихъ для собственной выгоды должны были благопріятствовать торговлѣ русской; въ Ордѣ можно было все купить, и у Новгородцевъ была ханская грамота, обезпечивавшая ихъ торговлю; притомъ же, по прошествіи перваго двадцатипятилѣтія, тяжесть ига начинаетъ уменьшаться, и послѣ видимъ значительное развитіе восточной торговли и волжскаго судоходства: даже съ достовѣрностію можно положить, что утвержденіе татарскаго владычества въ Средней Азіи, также въ низовьяхъ Волги и Дона и вступленіе Россіи въ число зависящихъ отъ Орды владѣній—очень много способствовало развитію восточной торговли. Время отъ Калиты до Димитрія Донскаго должно считать самымъ благопріятнымъ для восточной торговли, ибо непосредственной тяжести ига болѣе не чувствовалось, и между тѣмъ Татары, успокоиваемые покорностію князей, ихъ данью и дарами, не пустошили русскихъ владѣній, не загораживали путей. Послѣ попытокъ порвать татарскую зависимость, послѣ Куликовской битвы, или нѣсколько ранѣе, обстоятельства становятся не такъ благопріятны для восточной торговли: опять начинаются опустошительныя нашествія, отъ которыхъ особенно страдаютъ области Рязанская и Нижегородская, Нижегородская — преимущественно жившая восточною, волжскою торговлею; теперь ханы, вооружаясь противъ Россіи, прежде всего бросаются на русскихъ купцовъ, которыхъ только могутъ достать своею рукою. Подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе, изъ котораго, съ одной стороны, можно видѣть богатство купцовъ нижегородскихъ, а съ другой стороны—гибельное вліяніе татарскихъ опустошеній на пограничныя русскія области: былъ, говорится, въ Нижнемъ

[1]) При этомъ не должно смѣшивать *куны*, какъ монетной единицы, съ словомъ *куны*—въ общемъ значеніи денегъ всякихъ—кожаныхъ и металлическихъ.

[2]) Исторія Россіи, т. III. стр. 716.

гость Тарасъ Петровъ, первый богачъ во всемъ городѣ; откупилъ онъ полону множество всякихъ чиновъ людей своею казною, и купилъ онъ себѣ вотчину у князя, шесть селъ за Кудьмою рѣкою; а какъ запустѣлъ отъ Татаръ этотъ уѣздъ, тогда и гость переѣхалъ изъ Нижняго въ Москву. Но не всегда же Россія послѣ Мамая находилась въ непріязненныхъ отношеніяхъ къ Ордѣ, и давно протоптанный путь не могъ быть вдругъ покинутъ.

Въ договорѣ Димитрія Донскаго съ Олгердомъ видимъ условіе о взаимной свободной торговлѣ; но этимъ договоромъ не кончилась борьба между Москвою и Литвою, не могла не страдать отъ нея и торговля. Впрочемъ, открытая вражда между Московскими и Литовскими князьями не была постоянною, притомъ же, во время ссоръ съ Москвою, Литва находилась въ мирѣ съ Рязанью, Тверью, Новгородомъ и Псковомъ. Псковъ часто враждовалъ съ Нѣмцами, и, несмотря на то, торговля заграничная дѣлала его однимъ изъ самыхъ богатыхъ и значительныхъ городовъ русскихъ—знакъ, что частая вражда съ Нѣмцами не могла много вредить этой торговлѣ. И Новгородъ не всегда былъ въ мирѣ съ Нѣмцами; мы видѣли, что съ 1383 до 1391 года не было между ними крѣпкаго мира, и когда въ послѣднемъ году миръ былъ заключенъ, то нѣмецкіе послы пріѣхали въ Новгородъ, товары свои взяли, крестъ цѣловали, и начали дворъ свой ставить снова; значитъ, при началѣ ссоры товары были захвачены Новгородцами и дворъ Нѣмецкій разоренъ. Изъ приведенной выше грамоты узнаемъ, что новгородскіе купцы терпѣли иногда отъ нѣмецкихъ разбойниковъ передъ самою Невою; Шведы неблагопріятно смотрѣли на торговлю Новгородцевъ съ Нѣмцами; король Биргеръ писалъ въ 1295 году Любчанамъ, что Шведы не будутъ тревожить нѣмецкихъ купцовъ, идущихъ въ Новгородъ съ товарами, только въ угожденіе императору, ибо для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливаетъ враговъ его (Новгородцевъ). Онъ даетъ купцамъ свободу отправляться въ Новгородъ, но подъ условіемъ, чтобъ они не возили туда оружія, желѣза, стали и проч. Много, какъ видно, терпѣла волжская торговля отъ новгородскихъ ушкуйниковъ; но и это бѣдствіе не было продолжительно. Относительно ушкуйничества должно замѣтить, что это явленіе служитъ также доказательствомъ развитія волжской торговли въ XIV вѣкѣ: значитъ, было что̀ грабить, когда образовались такія многочисленныя разбойничьи шайки.

Торговля должна была содѣйствовать распространенію ремеслъ, искусствъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ она наиболѣе процвѣтала: самые богатые торговые города, Новгородъ, Псковъ, отличаются прочностію своихъ укрѣпленій, многочисленностію своихъ церквей. Церкви и каменныя, попрежнему, строились скоро: церковь Архангела Михаила въ Москвѣ была заложена, окончена и освящена въ одинъ годъ [1]); то же говорится и о монастырской церкви Чуда Архангела Михаила [2]); нѣкоторыя деревянныя церкви, такъ называемыя обыденныя, начинали строить, оканчивали и освящали въ одинъ день; но соборная церковь Св. Троицы во Псковѣ строилась три года: сперва Псковичи дали наймитамъ 200 рублей, чтобы разрушить стѣны старой церкви; старый матеріалъ былъ сваленъ въ рѣку Великую, ибо считалось неприличнымъ употребить его на какое-нибудь другое дѣло; на другой годъ заложили новую церковь, дали мастерамъ 400 рублей и много ихъ потчивали [3]). Въ Твери, во время стройки соборной церкви Св. Спаса, поставили внутри нея маленькую деревянную церковь и служили въ ней, пока мастера оканчивали большую [4]). И въ описываемое время иногда складывали церкви очень неискусно: въ Коломнѣ только-что окончили каменную церковь, какъ она упала [5]); въ Новгородѣ едва успѣли мастера, окончивши работы, сойти съ церкви Св. Іоанна Златоуста, какъ она упала [6]). Лѣтописцы употребляютъ въ извѣстіяхъ о построеніи церквей иностранное слово: мастера, но нигдѣ не видно, чтобы призываемы были иностранцы для этихъ построекъ. Въ княженіе Василія Димитріевича въ Новгородѣ извѣстны были, какъ искусные строители, три мастера: Иванъ [7]), Климентъ и Алексѣй. Кромѣ церквей и колоколенъ, подъ 1409 годомъ упоминается о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ теремца каменнаго, гдѣ святили воду каждый мѣсяцъ. Упоминается по-прежнему о покрытіи церквей оловомъ; въ 1420 году Псковичи наняли мастеровъ Ѳедора и дружину его обивать церковь Св. Троицы свинцомъ; но не могли отыскать ни во Псковѣ, ни въ Новгородѣ такого мастера, который бы могъ лить свинчатыя доски; посылали и къ Нѣмцамъ въ Юрьевъ, но поганые, какъ выражается лѣтописецъ, не дали мастера; наконецъ пріѣхалъ мастеръ изъ Москвы, отъ Фотія митрополита, и научилъ Ѳедора какъ лить доски; мастера получили 44 рубля. Новгородскій владыка Евѳимій покрылъ чешуею церковь Св. Георгія въ Ладогѣ. Упоминается по-прежнему о золоченіи главъ или маковицъ [8]); упоминается о позлащеніи гроба князя Владиміра Ярославича и матери его Анны въ новгородскомъ Софійскомъ соборѣ [9]). Говорится, что Тверской епископъ Ѳедоръ сдѣлалъ у церкви Св. Спаса двери мѣдныя [10]); въ нижегородской церкви Св. Спаса были двери див-

[1]) Никон. III, 160.
[2]) Тамъ же, IV, 8.
[3]) П. С. Р. Л. IV, 192.
[4]) Ник. III, 86.
[5]) Тамъ же, IV, 85.
[6]) П. С. Р. Л. III, 112.
[7]) Житіе Св. Михаила Клопскаго, по рукоп. библ. г. Ундольскаго, № 298.
[8]) П. С. Р. Л. IV, 110, 123.
[9]) Тамъ же, III, 239.
[10]) Никон. III, 221.

ныя, устроенныя мѣдью золоченою [1]). Ростовскій епископъ Игнатій помостилъ краснымъ мраморомъ дно (полъ) Богородичной церкви [2]); то же сдѣлалъ Тверской владыка Θеодоръ у себя въ церкви Св, Спаса [3]). Встрѣчаемъ извѣстія объ украшеніи церквей живописью; въ 1343 году греческіе мастера подписали (расписали) соборную церковь Успенія Богородицы въ Москвѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится о расписаніи монастырской церкви Св. Спаса въ Москвѣ; мастера были родомъ русскіе, ученики Грековъ [4]) — Гойтанъ, Семенъ и Иванъ, съ учениками своими и дружиною. Подъ 1395 годомъ упоминается о расписаніи церкви Рождества Богородицы и придѣла Св. Лазаря въ кремлѣ; мастера были — Θеофанъ Грекъ и Семенъ Черный; тотъ же Θеофанъ Грекъ расписалъ церковь Св. Архистратига Михаила въ 1399 году; въ 1405 году расписывали церковь Благовѣщенія на княжомъ дворѣ Θеофанъ иконникъ Грекъ, Прохоръ—старецъ изъ Городца, да чернецъ Андрей Рублевъ. Подъ 1409 годомъ говорится о расписаніи церкви Богородицы Владимірской мастерами Даниломъ иконникомъ и Андреемъ Рублемъ. Они же расписали церковь Троицкую надъ гробомъ Св. Сергія, церковь въ московскомъ Андрониковомъ монастырѣ. Въ Новгородѣ церковною живописью занимались также Греки: подъ 1338 годомъ упоминается Исаія Гречинъ. Упомянутый мастеръ, Грекъ Θеофанъ расписалъ въ 1378 году въ Новгородѣ церковь Христа Спасителя на Ильинѣ улицѣ; подъ 1385 годомъ, при описаніи большаго пожара въ Новгородѣ, говорится, что вмѣстѣ съ другими сгорѣлъ въ Павловѣ монастырѣ Ивашъ, церковный росписникъ, какъ видно, Русскій. Подъ 1345 годомъ находимъ извѣстіе, что въ Москвѣ слиты были три колокола большихъ и два меньшихъ, и лилъ ихъ мастеръ Борисъ Римлянинъ; но еще прежде, въ 1342 году, какъ видно, этотъ же самый Борисъ вызванъ былъ изъ Москвы въ Новгородъ и слилъ тамъ большой колоколъ къ Св. Софіи. Въ 1403 году слитъ былъ колоколъ въ Твери къ соборной церкви Преображенія, но не сказано, какимъ мастеромъ. Изъ построекъ не-церковныхъ упоминается подъ 1409 годомъ о построеніи въ Новгородѣ владыкою Іоанномъ пекленицы (поварни?) каменной; подъ 1433 годомъ—о построеніи Новгородскимъ владыкою Евθиміемъ у себя на дворѣ палаты каменной съ 30 дверями; строили мастера нѣмецкіе изъ-за моря (т.-е. не ливонскіе) вмѣстѣ съ новгородскими; въ 1439 году тотъ же владыка поставилъ ключницу хлѣбную каменную [5]); въ слѣдующемъ году поставилъ комнату каменную меньшую; въ 1441 году большая палата владыкина и сѣни прежнія были расписаны; въ 1442 году тотъ же владыка поставилъ на своемъ дворѣ поварни каменныя и комнату каменную, а въ 1444—духовницу и сторожню каменныя. Въ Москвѣ только въ 1450 году митрополитъ Іона заложилъ на своемъ дворѣ палату каменную.—Наконецъ находимъ извѣстія объ устройствѣ часовъ; подъ 1404 годомъ говорится, что поставлены были часы въ Москвѣ, на дворѣ великаго князя, за церковью Благовѣщенія; устроилъ ихъ монахъ Лазарь, пришедшій изъ Сербіи. Вотъ какъ описываются эти часы: „Сій же часникъ наречется часомѣрье; на всякій же часъ ударяетъ молотомъ въ колоколъ, размѣряя и расчитая часы нощныя и дневныя; не бо человѣкъ ударяше, но человѣковидно, самозвонно и самодвижно, страннолѣпно нѣкако сотворено есть человѣческою хитростью, преизмечтано и преухищрено". Въ Новгородѣ, въ 1436 году владыка Евθимій устроилъ у себя надъ палатою часы звонящіе, а подъ 1449 годомъ говорится, что тотъ же владыка поставилъ часозвоню.

О построеніи и украшеніи церквей въ Юго-Западной Руси можемъ имѣть понятіе изъ разсказа Волынскаго лѣтописца о построеніи церквей въ Холмѣ Даніиломъ Романовичемъ, подъ 1259 годомъ: построена была церковь Св. Іоанна, красивая и великолѣпная; построена она была такъ: четверо комаръ, съ каждаго угла переводъ, а стояли они на четырехъ головахъ человѣческихъ, изваянныхъ нѣкоторымъ хитрецомъ; три окна украшены были стеклами римскими; при входѣ въ алтарь стояли два столпа изъ цѣльнаго камня, и на нихъ комара; потолокъ былъ украшенъ звѣздами золотыми на лазури; внутренній помостъ былъ слитъ изъ мѣди и олова чистаго, и блестѣлъ какъ зеркало; двое дверей украшены камнемъ галицкимъ, бѣлымъ и зеленымъ холмскимъ, тесанымъ, сработаны [6]) нѣкоторымъ хитрецомъ Авдѣемъ, прилѣпы отъ всѣхъ шаровъ изъ золота, напереди ихъ изваянъ Св. Спасъ, а на полунощныхъ Св. Іоаннъ, на удивленіе всѣмъ смотрящимъ; иконы, принесенныя изъ Кіева, украшены были драгоцѣнными камнями, жемчугомъ и золотомъ [7]); колокола привезены были также изъ Кіева, а другіе слиты на мѣстѣ. Другая церковь была построена въ честь Св. Безмездниковъ Кузьмы и Даміана; верхъ ея поддерживали четыре столпа изъ цѣлаго камня истесанаго. Построена была и церковь Св. Богородицы величиною и красотою не хуже первыхъ, и украшена пречудными иконами; князь Даніилъ принесъ изъ Венгріи чашу мраморную багряную, изваянную чудесно, съ змѣиными головами вокругъ, и поставилъ ее передъ дверями церковными, называемыми Царскими; въ этой чашѣ святили воду на Богоявленье [8]). Князь Вла-

[1]) Никон., IV, 79.

[2]) Тамъ же, III, 69.

[3]) Тамъ же, стр. 213.

[4]) Такъ понимаю я это извѣстіе: «А мастеры, старѣйшины и начальницы быша Русти родомъ, а Грѣчестии ученицы». Никон. III, 181.

[5]) Въ другихъ спискахъ: «Ключницю и хлѣбную каменну».

[6]) Здѣсь варіанты: «узоры тѣ нѣкимъ хитрецемъ Авдѣемъ» и «изриты нѣкимъ хытрецемъ».

[7]) Здѣсь два чтенія: «бисеромъ и златомъ».

[8]) Жаль, что пропущено существительное въ слѣдующемъ извѣстіи: «створи же въ ней (церкви Св. Богородицы) блаженый пискупъ Иванъ отъ древа красна точенъ

димірѣ Васильковичъ построилъ въ Каменцѣ церковь Благовѣщенія, украсилъ ее иконами золотыми, сковалъ сосуды служебные серебряные, евангеліе далъ также окованное серебромъ, положилъ и крестъ воздвизальный. Во Владимірѣ расписалъ всю церковь Св. Димитрія, сосуды служебные серебряные сковалъ, икону Св. Богородицы оковалъ серебромъ и дорогими камнями, завѣсы у иконы были золотомъ шитыя, а другія аксамитныя съ дробницею; въ каѳедральномъ соборѣ Св. Богородицы образъ Спасителя оковалъ серебромъ, евангеліе также оковалъ серебромъ, сосуды служебные устроилъ изъ жженаго золота съ дорогими камнями и образъ Спасовъ оковалъ золотомъ съ дорогими камнями и поставилъ на память себѣ. Въ Перемышльскій соборъ далъ евангеліе, окованное серебромъ съ жемчугомъ; въ Черниговскій соборъ послалъ евангеліе, золотомъ писанное, окованное серебромъ и жемчугомъ, и среди его Спасъ съ финифтью; въ Луцкій соборъ далъ крестъ большой, серебряный позолоченный, съ честнымъ древомъ. Въ Любимлѣ поставилъ церковь каменную Св. Георгія, украсилъ ее иконами кованными, сосудами серебряными, платцы далъ аксамитные, шитые золотомъ съ жемчугомъ, херувимъ и серафимъ, индитью золотомъ шитую всю, а другую изъ бѣлчатой паволоки, а въ малыхъ алтаряхъ обѣ индитьи изъ бѣлчатой паволоки, евангеліе окованное все золотомъ съ дорогими камнями и жемчугомъ, деисусъ на немъ скованъ изъ золота, цаты большія съ финифтью, другое евангеліе волочено оловиромъ; два кадила— одно серебряное, другое мѣдное; икона мѣстная Св. Георгія была написана на золотѣ; на эту икону князь положилъ гривну золотую съ жемчугомъ; другая икона Богородицы была также написана на золотѣ, и на ней было монисто золотое съ дорогими камнями; двери въ церкви были мѣдныя. Князь началъ расписывать эту церковь, и расписалъ уже всѣ три алтаря, начали-было расписывать и шею, но не окончили по причинѣ княжеской болѣзни; колокола были слиты такіе удивительные на слухъ, что подобныхъ не было во всей землѣ.

Что касается ремеслъ вообще, то изъ разсказа лѣтописцева о населеніи Холма-Галицкаго мы видимъ, какія были главныя, самыя нужныя изъ нихъ— это мастерство оружейное и металлическое: начали, сказано, собираться въ Холмъ сѣдельники, лучники, тульники и кузнецы желѣза, мѣди и серебра; въ Новгородѣ встрѣчаемъ щитника и серебряника[1]); ибо что касается другихъ ремеслъ, напримѣръ сапожнаго, портнаго, то, по всѣмъ вѣроятностямъ, они отправлялись въ домахъ слугами. О мебели, удобствахъ домашней жизни, расположеніи и украшеніи жилищъ мы не имѣемъ почти никакихъ извѣстій, и должны заключить, что домашній бытъ отличался по-прежнему простотою. Богатый Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ, который построилъ столько городовъ, церквей, такъ ихъ богато украсилъ, лежалъ во время болѣзни своей на соломѣ. О богатствѣ Московскихъ князей можемъ имѣть понятіе по ихъ завѣщаніямъ, гдѣ упоминается объ иконахъ, дорогихъ платьяхъ, цѣпяхъ, рѣдко о дорогомъ оружіи, о нѣсколькихъ сосудахъ столовыхъ, и все это въ такомъ небольшомъ количествѣ, что не могло занимать много мѣста, легко могло быть спрятано, собрано, увезено. Но если такъ было у князей, то чего же мы должны искать у простыхъ людей? У послѣднихъ, кромѣ самой простой и необходимой рухляди, нельзя было ничего сыскать, ибо все, что получше и подороже, хранилось въ церквахъ, какъ мѣстахъ, наименѣе подвергавшихся пожарамъ и разграбленіямъ. Жилища располагались, какъ видно, попрежнему; вотъ описаніе пожара, бывшаго въ домѣ Тверскаго великаго князя Михаила Ярославича: загорѣлись сѣни и сгорѣлъ дворъ княжой весь, но Божіею милостію проснулся самъ князь Михаилъ и выбросился въ окно съ княгинею, а сѣни полны были княжатъ и боярченковъ, которые тутъ спали, и сторожей было много, но никто не слыхалъ [2]). О княжескихъ одеждахъ упомянуто было выше; относительно платья простыхъ людей встрѣчаемъ названія: охабни, опашни, шубы, вотолы [3]), сарафаны, чупруны, котыги; изъ украшеній—перстни, колтки, цѣпочки (золотыя враныя) [4]). О пищѣ нѣтъ подробностей; узнаемъ только, что бѣдные употребляли въ пищу овсяные хлѣбы [5]). — Обратимся къ состоянію нравственному.

Начавши описывать состояніе религіи и церкви въ предшествующій періодъ, мы должны были упомянуть о противодѣйствіи, которое христіанство встрѣтило на финскомъ сѣверѣ отъ язычества, отъ волхвовъ; въ описываемое время мы не видимъ болѣе подобныхъ явленій; замѣчаемъ, напротивъ, успѣшное распространеніе христіанства въ финскихъ предѣлахъ. Еще подъ 1227 годомъ лѣтописецъ говоритъ о крещеніи Корелъ; но земля послѣднихъ скоро стала спорною между Новгородцами и Шведами; этотъ споръ давалъ Корелѣ возможность мѣнять зависимость отъ одного народа на зависимость отъ другого, причемъ мѣнялась и вѣра. Безъ соперничества распространялось православіе на сѣверо-востокѣ: здѣсь апостоломъ Зырянъ, или Пермяковъ явился Св. Стефанъ, сынъ устюжскаго причетника и постриженникъ ростовскій; вѣроятно знакомый еще въ Устюгѣ съ языкомъ зырянскимъ, Стефанъ приготовился къ своему

и позлащенъ днѣ и внѣ, дивленію подобенъ». Не иконостасъ ли это?

[1]) П. С. Р. Л. III, 50.

[2]) Никон. III, 95.

[3]) Акты истор. I, № 8.

[4]) Акты юридич., стр. 144, 432. Опис. кончины Мих. Яросл. Твер. въ Соф. лѣтоп. – Вотъ что говоритъ Ланноа (стр. 20) о головномъ уборѣ Новгородцевъ: «Ont les dames deux tréches de leurs cheveulz pendans derrière leurs dos et les hommes une trèche». О Псковичахъ (стр. 22): «Et ont les Russes d'icelle ville leurs cheveulz longs espars sur leurs espaulles, et les femmes ont ung ront déadême derrière leur testes commes les sains».

[5]) Никон. V, 48.

апостольскому подвигу тѣмъ, что изобрѣлъ азбуку и перевелъ нужнѣйшія богослужебныя книги на языкъ зырянскій. Несмотря на всѣ препятствія со стороны ревнителей язычества, дѣло Стефана увѣнчалось успѣхомъ; на мѣстѣ разрушенныхъ требищъ языческихъ онъ основалъ церкви, при церквахъ—училища для дѣтей. Стефанъ былъ поставленъ епископомъ въ Пермь. О характерѣ его дѣятельности въ этомъ званіи можно заключить изъ слѣдующихъ словъ „Плача земли пермской на смерть Стефана", помѣщеннаго въ житіи его: „Теперь мы лишились добраго промышленника и ходатая, который Богу молился о спасеніи душъ нашихъ, а князю доносилъ наши жалобы, хлопоталъ о нашихъ льготахъ, о нашей пользѣ; предъ боярами и всякими властями былъ нашимъ теплымъ заступникомъ, часто избавлялъ насъ отъ насилій, работы и тіунской продажи, облегчалъ отъ тяжкой дани. Самые Новгородцы, ушкуйники, разбойники, словъ его слушались, и не воевали насъ". Преемниками Св. Стефана были епископы Исаакъ и Питиримъ; послѣдній былъ взятъ Вогулами въ плѣнъ и умерщвленъ [1]). Если вслѣдствіе татарскаго ига мы видѣли одинъ примѣръ отступничества въ Зосимѣ, или Изосимѣ, то за то встрѣчаемъ извѣстія о крещеніи Татаръ; такъ, напримѣръ, подъ 1390 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что били челомъ великому князю Василію Димитріевичу въ службу три Татарина, ханскіе постельники, желая принять христіанство; митрополитъ Кипріанъ самъ крестилъ ихъ, нарекши именами: Ананія, Азарія, Мисаилъ.

Во главѣ Русской Церкви попрежнему находятся митрополиты; но дѣятельность ихъ въ описываемое время гораздо замѣтнѣе, чѣмъ прежде; тому двѣ главнѣйшія причины: періодъ предшествовавшій характеризуется господствомъ родовыхъ княжескихъ отношеній и происходившихъ отсюда усобицъ; духовенство могло противодѣйствовать этимъ усобицамъ, утишать ихъ, но не могло дѣйствовать открыто и съ успѣхомъ противъ причины усобицъ, противъ господствующаго обычая. Мы видимъ, какъ лѣтописецъ, лицо безспорно духовное, принимаетъ сторону дядей противъ племянниковъ; таковы были господствующія представленія о правѣ княжескаго старшинства въ цѣломъ русскомъ народѣ, въ цѣломъ р у с с к о м ъ духовенствѣ. Если бы митрополиты, приходившіе изъ Византіи, и враждебно смотрѣли на такое представленіе, то ихъ мнѣніе, какъ чужеземцевъ, не могло имѣть большаго авторитета, и здѣсь, именно въ этой чуженародности митрополитовъ, заключалась вторая главная причина ихъ не очень замѣтной дѣятельности. Другого рода явленіями характеризуется описываемое время; оно характеризуется борьбою между старымъ и новымъ порядкомъ вещей, борьбою, которая должна была окончиться единовластіемъ; при этой борьбѣ духовенство не могло оставаться равнодушнымъ, оно должно было объявить себя въ пользу того изъ нихъ, который обѣщалъ землѣ успокоеніе отъ усобицъ, установленіе мира и порядка. Но, кромѣ этой знаменитой борьбы, вниманіе духовенства, митрополитовъ должны были обратить на себя другія, новыя, важныя отношенія, именно отношенія татарскія, литовскія и отношенія къ изнемогающей Византіи, которыя должны были принять новый характеръ. Такимъ образомъ, важность событій описываемаго времени, смѣнившихъ однообразіе и односторонность явленій періода предшествовавшаго, событій, имѣвшихъ тѣсную связь съ интересами Церкви, должна была вызвать духовенство къ сильной дѣятельности, и сюда же присоединилось теперь то важное обстоятельство, что митрополиты начинаютъ являться русскіе родомъ; дѣйствительно, нельзя не замѣтить, что самая значительная дѣятельность въ описываемое время принадлежитъ троимъ митрополитамъ изъ Русскихъ: Петру, Алексію, Іонѣ.

Мы видѣли, что въ Константинополѣ не согласились на раздѣленіе русской митрополіи, на поставленіе особаго митрополита для Сѣверной Руси во Владиміръ-Клязьменскій; но важное значеніе, съ какимъ явилась Сѣверная Русь при Андреѣ Боголюбскомъ и Всеволодѣ III, заставило Кіевскихъ митрополитовъ обратить на нее особенное вниманіе и отправляться во Владиміръ для умиренія тамошнихъ князей съ князьями южными, для поддержанія согласія между двумя половинами Руси, согласія, необходимаго для поддержанія единства и въ церковномъ управленіи. Послѣ 1228 года и послѣ татарскаго разгрома, когда значеніе Кіева и Южной При-днѣпровской Руси пало окончательно, митрополиты Кіевскіе и всея Руси должны были обратить еще большее вниманіе на Сѣверную Русь, и вотъ, подъ 1250 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о путешествіи митрополита Кирилла II (родомъ Русскаго) изъ Кіева въ Черниговъ, Рязань, Землю Суздальскую и наконецъ въ Новгородъ Великій. Но потомъ опять мы видимъ Кирилла во Владимірѣ въ 1255 году и при похоронахъ Александра Невскаго въ 1263 году; послѣ этого онъ ѣздилъ въ Кіевъ; о возвращеніи его оттуда лѣтописецъ говоритъ подъ 1274 годомъ; въ томъ же году Кириллъ созывалъ соборъ во Владимірѣ для исправленія церковнаго; наконецъ, передъ кончиною, Кириллъ является опять изъ Кіева въ Суздальской Землѣ и умираетъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ, въ 1280 г., въ княженіе Димитрія Александровича, но погребенъ въ Кіевѣ. Если мы, на основаніи этихъ извѣстій, и не имѣемъ еще права сказать, что Кириллъ перенесъ каѳедру изъ Кіева во Владиміръ [2]), то по крайней мѣрѣ видимъ, что онъ нѣсколько разъ является на сѣверѣ, и очень вѣроятно, что онъ жилъ здѣсь если не долѣе, то столько же, сколько и на югѣ; и если Кириллъ II не сдѣлалъ того, что обыкновенно приписывается митрополиту Максиму, не перенесъ пребываніе съ юга на сѣверъ, то, по

[1]) Твор. св. отцевъ, годъ 3, кн. 3.

[2]) Какъ то дѣлалъ митрополитъ Евгеній въ Словарѣ духовныхъ писателей, I, 333.

крайней мѣрѣ, приготовилъ явленіе, необходимое по всѣмъ обстоятельствамъ. Любопытно также извѣстіе о кончинѣ Кирилла въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ; здѣсь мы можемъ видѣть также необходимый, по обстоятельствамъ; шагъ со стороны митрополита всея Руси, можемъ видѣть предпочтеніе города, въ которомъ живетъ сильнѣйшій князь, городу, главному только по имени.

Кириллъ не дожилъ до важнаго для Сѣверной Руси событія, открытія борьбы между сыновьями Невскаго—старшимъ Димитріемъ и младшимъ Андреемъ; но онъ оказалъ участіе въ одномъ, также значительномъ событіи, именно—въ борьбѣ великаго князя Ярослава Ярославича съ Новгородомъ; вслѣдствіе его посредничества, Новгородцы помирились съ княземъ. Съ другой стороны, при Кириллѣ опредѣлились отношенія ордынскія: всѣ Русскіе были обложены данью, исключая духовенства; другимъ слѣдствіемъ терпимости Татаръ было то, что въ самомъ Сараѣ, столицѣ хановъ, учреждается православная епископская каѳедра въ зависимости отъ русскаго митрополита; въ 1261 г. Кириллъ поставилъ въ Сарай епископа Митрофана; подъ 1279 г. встрѣчаемъ извѣстіе, что Сарайскій епископъ Ѳеогностъ въ третій разъ возвратился изъ Царяграда, куда посылалъ его митрополитъ Кириллъ и ханъ Менгутемиръ къ патріарху и императору съ письмами и дарами,—извѣстіе любопытное, показывающее значеніе русскаго Сарайскаго епископа для христіанскаго востока.

Преемникомъ Кирилла былъ Максимъ, родомъ Грекъ; нѣтъ извѣстій, чтобъ Кириллъ ѣздилъ въ Орду, но Максимъ отправился туда немедленно по пріѣздѣ въ Кіевъ изъ Константинополя. Сначала Максимъ показалъ, что столицею митрополіи Русской долженъ остаться Кіевъ: сюда въ 1284 году должны были явиться къ нему всѣ епископы русскіе. Въ слѣдующемъ году видимъ его на сѣверѣ, даже въ Новгородѣ и Псковѣ: но во время знаменитой усобицы на сѣверѣ между Александровичами мы не слышимъ о митрополитѣ: онъ остается въ Кіевѣ: быть можетъ, эта усобица и удерживала его на югѣ, потому что, какъ скоро она пріутихла, Максимъ переселился совершенно изъ Кіева во Владиміръ, пришелъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ, по выраженію лѣтописца; послѣдній приводитъ и причину переселенія: митрополитъ не хотѣлъ терпѣть насилія отъ Татаръ въ Кіевѣ; но трудно предположить, чтобы насилія татарскія въ это время именно усилились противъ прежняго. Такимъ образомъ, Максимъ сдѣлалъ рѣшительный, окончательный шагъ, которымъ ясно засвидѣтельствовалъ, что жизненныя силы совершенно отлили съ юга на сѣверъ, и дѣйствительно до сихъ поръ, если Кіевъ потерялъ прежнее значеніе и благосостояніе, то значеніе и благосостояніе поддерживалось еще на юго-западѣ, въ Галиціи, на Волыни; но по смерти Даніила, Василька и Владиміра Васильковича и здѣсь оставалось мало надежды на что-нибудь сильное и прочное.

Максимъ не долго прожилъ на сѣверѣ; не оказавши нравственнаго вліянія, посредничества въ усобицѣ между сыновьями Невскаго, онъ хотѣлъ воспрепятствовать усобицѣ между князьями Московскимъ и Тверскимъ; но старанія его остались тщетны; онъ умеръ въ 1305 году, и преемникомъ ему поставленъ былъ Петръ, родомъ Русскій, изъ Волыни. Послѣ поставленія своего, Петръ только проѣздомъ остановился въ Кіевѣ и спѣшилъ на сѣверъ; но и здѣсь пробылъ не долго,—отправился опять на югъ. Въ Брянскѣ онъ уговаривалъ князя Святослава, чтобы тотъ подѣлился волостями съ племянникомъ, или даже оставилъ бы ему все, бѣжалъ бы изъ города, а не бился. Неизвѣстно, шелъ ли Петръ далѣе Брянска на югъ и было ли прекращеніе брянской усобицы главною цѣлію его поѣздки туда; всего вѣроятнѣе, что святитель возвратился изъ Брянска на сѣверъ, во Владиміръ, ибо подъ слѣдующимъ годомъ встрѣчаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что онъ не пустилъ Тверскаго княжича Димитрія Михайловича идти войною на Новгородъ-Нижній; впрочемъ, за правильность порядка годовъ въ лѣтописныхъ сборникахъ ручаться нельзя: очень можетъ быть, что митрополитъ былъ въ Брянскѣ и уговаривалъ тамошняго князя, когда ѣхалъ въ первый разъ изъ Кіева во Владиміръ: послѣ мы не встрѣчаемъ извѣстій о поѣздкахъ Св. Петра на югъ. Митрополитъ Кириллъ колебался между сѣверомъ и югомъ; Максимъ переѣхалъ съ клиросомъ и со всѣмъ житьемъ своимъ на сѣверъ; Петръ сдѣлалъ новый шагъ. Владиміръ, гдѣ поселился Максимъ, былъ столицею старшаго князя только по имени; каждый князь, получавшій старшинство и великое княженіе Владимірское, оставался жить въ своемъ прежнемъ наслѣдственномъ городѣ, и шла борьба за то, которому изъ этихъ городовъ усилиться окончательно, собрать Русскую Землю, и вотъ Петръ назнаменуетъ это окончательное торжество Москвы, оставаясь здѣсь долѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ, и выбравши Москву мѣстомъ упокоенія своего на старости и мѣстомъ погребенія своего. Любопытно видѣть, какъ во все это время митрополиты, тогдашніе представители духовнаго единства Руси, не имѣютъ постояннаго пребыванія, странствуютъ то съ юга на сѣверъ, то съ сѣвера на югъ, и на сѣверѣ не пребываютъ постоянно во Владимірѣ: Св. Петръ, по словамъ автора житія его, проходилъ мѣста и города, и, полюбивши Московскаго князя Іоанна Даниловича, сталъ жить въ Москвѣ долѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Это движеніе митрополитовъ всего лучше выражаетъ то броженіе, то переходное состояніе, въ которомъ тогда находилась Русь, состояніе, прекратившееся съ тѣхъ поръ, какъ средоточіе государственной жизни утвердилось въ Москвѣ, чему, какъ мы видѣли, много содѣйствовало расположеніе Св. Петра къ этому городу или его князю. Восколько этому расположенію къ Москвѣ способствовали непріязненныя отношенія Твери и ея епископа Андрея къ Св. Петру, мы опредѣлить не можемъ;

но мы не должны упускать этого обстоятельства изъ вниманія.

Подобно Максиму, и Петръ долженъ былъ отправиться въ Орду; это случилось по смерти хана Тохты, когда, со вступленіемъ на престолъ Узбека, все обновилось, по выраженію лѣтописца, когда всѣ приходили въ Орду и брали новые ярлыки — и князья и епископы. Петръ былъ принятъ въ Ордѣ съ большою честію и скоро отпущенъ на Русь. Еще въ самомъ началѣ, когда опредѣлились татарскія отношенія, наложена была дань на всѣхъ, за исключеніемъ духовенства; послѣднему данъ былъ ярлыкъ, свидѣтельствующій объ этомъ освобожденіи. Въ дошедшемъ до насъ ярлыкѣ Менгу-Тимура [1]) именно говорится о жалованныхъ грамотахъ духовенству первыхъ хановъ, которыхъ грамотъ Менгу-Тимуръ не хочетъ измѣнять; слѣдовательно ярлыкъ Менгу-Тимуровъ мы имѣемъ полное право считать одинаковымъ со всѣми прежними ярлыками: въ немъ ханъ обращается къ баскакамъ, князьямъ, даньщикамъ и всякаго рода чиновникамъ татарскимъ съ объявленіемъ, что онъ далъ жалованныя грамоты русскимъ митрополитамъ и всему духовенству, бѣлому и черному, чтобъ они правымъ сердцемъ, безъ печали, молили Бога за него и за все его племя и благословляли ихъ; не надобна съ нихъ ни дань, ни тамга, ни поплужное, ни ямъ, ни подводы, ни война, ни кормъ; не надобна съ нихъ никакая пошлина, ни ханская, ни ханшина, ни князей, ни рядцевъ ни дороги (сборщика податей), ни посла, ни которыхъ пошлинниковъ никакіе доходы; никто не смѣетъ занимать церковныхъ земель, водъ, огородовъ, виноградниковъ, мельницъ, зимовищъ и лѣтовищъ; никто не смѣетъ брать на работу или на сторожу церковныхъ людей: мастеровъ, сокольниковъ, пардусниковъ; никто не смѣетъ взять, изодрать, испортить иконъ, книгъ и никакихъ другихъ богослужебныхъ вещей, чтобы духовные не проклинали хана, но въ покоѣ за него молились; кто вѣру ихъ похулитъ, наругается надъ нею, тотъ безъ всякаго извиненія умретъ злою смертію. Братья и сыновья священниковъ, живущіе съ ними вмѣстѣ, на одномъ хлѣбѣ, освобождаются также отъ всякихъ даней и пошлинъ; но если отдѣлятся, изъ дому выйдутъ, то даютъ пошлины и дани. А кто изъ баскаковъ или другихъ чиновниковъ возьметъ какую-либо дань или пошлину съ духовенства, тотъ безъ всякаго извиненія будетъ казненъ смертію.— Но съ воцареніемъ Узбека, какъ было упомянуто, надобно было брать новые ярлыки, т.-е. снова платить за нихъ, и митрополиту Петру данъ былъ новый ярлыкъ на его имя [2]). Этотъ ярлыкъ одинаковъ съ Менгу-Тимуровымъ, только многословнѣе; прибавлено то, что митрополитъ Петръ управляетъ своими людьми и судитъ ихъ во всякихъ дѣлахъ, не исключая и уголовныхъ; что всѣ церковные люди должны повиноваться ему.

Преемникъ Петра, Грекъ Ѳеогностъ, пріѣхалъ на сѣверъ, когда уже борьба между Москвою и Тверью кончилась, когда Тверская область была страшно опустошена, князь ея въ изгнаніи, и Московскій князь первенствовалъ безъ соперника. Новому митрополиту не оставалось ничего болѣе, какъ послѣдовать примѣру своего святаго предшественника, и Ѳеогностъ, по словамъ лѣтописца, сѣлъ на мѣстѣ Св. Петра, сталъ жить на его дворѣ въ Москвѣ, что другимъ князьямъ было не очень сладостно. Мы видѣли какого важнаго союзника имѣлъ Калита въ Ѳеогностѣ, который страхомъ отлученія заставилъ Псковичей отказаться отъ покровительства Александру Тверскому. Но, покончивши дѣла на сѣверѣ, Ѳеогностъ долженъ былъ спѣшить на югъ, гдѣ въ послѣднее время произошла важная перемѣна; вмѣсто многихъ отдѣльныхъ, мелкихъ, слабыхъ князей, потомковъ Рюрика, здѣсь господствовалъ теперь сильный князь Литовскій, Гедиминъ, язычникъ, но не гонитель христіанства. Вслѣдствіе этого событія, отношенія Всероссійскаго митрополита къ Юго-Западной Руси должны были принять новый характеръ: прежде можно было оставить югъ для сѣвера, пренебрегая неудовольствіемъ многихъ, слабыхъ, раздѣленныхъ князей, если бы они и рѣшились выразить неудовольствіе на отсутствіе митрополита; но теперь могущественными князьями Литовскими пренебрегать было нельзя, и Ѳеогностъ долго живетъ на Волыни, потомъ встрѣчаемъ извѣстіе о поѣздкѣ его туда же въ другой разъ [3]), и это извѣстіе нельзя не привести въ связь съ другимъ одновременнымъ извѣстіемъ о насиліяхъ Поляковъ на Волыни, о гоненіяхъ на православіе; притомъ удаленіе Кіевскаго митрополита на сѣверъ уже заставляло думать на югѣ объ избраніи особаго митрополита, который, по извѣстнымъ намъ обстоятельствамъ, долженъ былъ имѣть пребываніе въ Галицкой Руси, а не Днѣпровской. До насъ дошли письма Константинопольскаго императора къ митрополиту Ѳеогносту, къ великому князю Симеону Московскому, Волынскому князю Любарту объ уничтоженіи Галицкой митрополіи, установленной прежнимъ патріархомъ [4]). Въ Орду Ѳеогностъ долженъ былъ ѣздить два раза; во второй разъ его ждали тамъ большія непріятности: какіе-то Русскіе люди насказали хану Чанибеку, что митрополитъ Русскій получаетъ огромный доходъ, что у него множество золота, серебра и всякаго богатства, и что ему ничего не стоитъ платить ежегодную дань въ Орду. Ханъ потребовалъ этой дани отъ Ѳеогноста, но тотъ вытерпѣлъ тѣсное заключеніе, раздарилъ хану, ханшѣ и князьямъ много денегъ и остался при прежнихъ льготахъ.

Мы видѣли, что, начиная съ Кирилла II до сихъ поръ, митрополиты изъ Русскихъ и изъ Грековъ,

[1]) С. г. г. и д. II, № 2. Григорьева — о достовѣрн. ханскихъ ярлыковъ.
[2]) Тамъ же, № 7.
[3]) Никон. III, 192.
[4]) Тамъ же, стр. 191. Протоколы Константинопол. патріархата въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1848 г.

такъ-сказать, чередуются: послѣ Русскаго Кирилла видимъ Грека Максима, потомъ опять Русскаго Петра и потомъ опять Грека Ѳеогноста. Какъ избирались всѣ эти митрополиты, Русскіе и Греки, по предложенію или по согласію какихъ русскихъ князей ставились они — мы знаемъ мало. Но мы знаемъ подробности о выборѣ преемника Ѳеогностова. При князѣ Юріи Даниловичѣ выѣхалъ изъ Чернигова въ Москву бояринъ Ѳедоръ Плещеевъ; сынъ его, Елевѳерій-Симеонъ, крестникъ Іоанна Калиты, съ двѣнадцатилѣтняго возраста началъ вести себя монахомъ, и на двадцатомъ году постригся въ московскомъ Богоявленскомъ монастырѣ, подъ именемъ Алексія. Прославившись духовною жизнію, Алексій былъ взятъ митрополитомъ Ѳеогностомъ въ намѣстники, должность котораго состояла въ судѣ надъ церковными людьми; послѣ двѣнадцатилѣтняго исправленія этой должности, Ѳеогностъ поставилъ Алексія епископомъ во Владиміръ, и еще при жизни своей благословилъ его себѣ въ преемники на столѣ митрополичьемъ, и отправлены уже были отъ великаго князя и митрополита послы въ Царьградъ къ патріарху, чтобы тотъ имѣлъ въ виду Алексія и не ставилъ никого другого въ митрополиты русскіе. Когда Ѳеогностъ умеръ, Алексій отправился въ Царьградъ на поставленіе; но тамъ, не дожидаясь извѣстія изъ Москвы, уже поставили въ митрополиты Романа, и, не рѣшаясь отказать Московскому князю, поставили потомъ и Алексія, и обоихъ отпустили въ Русь: сотворился мятежъ во святительствѣ, чего прежде никогда не бывало на Руси, говоритъ лѣтописецъ; отъ обоихъ митрополитовъ начали являться послы къ областнымъ владыкамъ, и была вездѣ тяжесть большая священническому чину. Такимъ образомъ. теперь въ самомъ Константинополѣ указано было на то, что прежде здѣсь же было отвергнуто, именно раздѣленіе Русской митрополіи; надобно было испомѣстить двухъ митрополитовъ, и когда Алексій пришелъ въ Москву, Романъ отправился на Литовскую и Волынскую Землю. Но Алексій, посвященный въ митрополиты Кіевскіе и всея Руси, не могъ отказаться отъ Кіева; онъ поѣхалъ туда въ 1358 г., но когда черезъ годъ возвратился въ Москву, Романъ явился въ Твери; здѣшній владыка Ѳеодоръ не захотѣлъ съ нимъ видѣться и не оказалъ ему никакого почета; но князья, бояре и нѣкоторые другіе, по словамъ лѣтописца, давали ему потребное; особенно большую честь оказалъ и богатые дары далъ ему князь Всеволодъ Александровичъ Холмскій. Такое поведеніе Всеволода объясняется легко: Всеволодъ враждовалъ съ дядею Васильемъ Михайловичемъ, на сторонѣ котораго былъ Московскій князь и митрополитъ Алексій; Всеволодъ же нашелъ помощь въ Литвѣ у зятя своего Олгерда, посредничеству котораго, безъ сомнѣнія, Всеволодъ былъ обязанъ тѣмъ, что дядя уступилъ ему треть отчины. Всеволодъ возвратился изъ Литвы въ Тверь въ то самое время, когда пріѣзжалъ туда и митрополитъ Романъ; очень вѣроятно слѣдовательно, что послѣдній пріѣзжалъ съ Олгердовымъ порученіемъ примирить князей и добыть Всеволоду волость; но если бы и не такъ было, то понятно, что Всеволодъ, родственникъ и союзникъ Олгерда, долженъ былъ оказывать всякое расположеніе митрополиту, признаваемому въ Землѣ Литовской.

Намъ не нужно повторять здѣсь сказаннаго выше о могущественномъ содѣйствіи Св. Алексія Московскимъ князьямъ въ утвержденіи ихъ власти надъ другими князьями. Недаромъ великій князь Симеонъ завѣщалъ своимъ братьямъ не слушаться лихихъ людей, но слушаться владыки Алексія да старыхъ бояръ, которые отцу ихъ и имъ добра хотѣли: и Тверь и Нижній испытали, какъ Св. Алексій хотѣлъ добра сыновьямъ и внукамъ своего крестнаго отца, Іоанна Калиты. Не будучи Грекомъ, Алексій умѣлъ поддержать постоянное расположеніе къ себѣ и къ Москвѣ двора и патріарха Константинопольскаго. Патріархъ писалъ къ Донскому объ особенномъ расположеніи своемъ къ нему и брату его Владиміру, о гнѣвѣ своемъ на другихъ князей русскихъ, имъ непріязненныхъ. Въ другой грамотѣ патріархъ писалъ, что онъ не сниметъ проклятія, наложеннаго митрополитомъ Алексіемъ на нѣкоторыхъ князей русскихъ, до тѣхъ поръ, пока они не исполнятъ всѣхъ условій и пока митрополитъ не напишетъ, что они раскаялись, ибо эти князья дали великому князю страшную клятву выступить вмѣстѣ противъ враговъ вѣры. Смоленскій князь Святославъ жаловался, что митрополитъ предалъ его проклятію; патріархъ отвѣчалъ, что поступокъ митрополита справедливъ, ибо Святославъ помогалъ Олгерду противъ Москвы. Князь Тверской жаловался также на митрополита и требовалъ суда съ нимъ; патріархъ отвѣчалъ, что считаетъ неприличнымъ князю судиться съ митрополитомъ предъ посломъ патріаршимъ.—Слава благочестивой жизни Русскаго митрополита достигла и Орды: жена хана Чанибека, Тайдула, заболѣвши глазами, прислала въ Москву просить Алексія, чтобъ посѣтилъ ее; Св. Алексій поѣхалъ въ Орду,—и ханша получила исцѣленіе.

Алексій хотѣлъ видѣть и преемникомъ своимъ мужа, славнаго своею святостію, Сергія, игумена-основателя Троицкаго монастыря; но смиренный инокъ отказался отъ власти; а между тѣмъ въ Константинополѣ не хотѣли дожидаться московскаго избранника; туда съ разныхъ сторонъ приходили жалобы на то, что митрополитъ покинулъ югъ для сѣвера; Польскій король Казимиръ, владѣя Галицкою Русью, требовалъ для нея особаго митрополита, грозя въ противномъ случаѣ обращать Русскихъ въ латинскую вѣру. Угроза подѣйствовала, и въ Константинополѣ поставили особаго митрополита для Галича, подчинивъ ему епархіи—Холмскую, Туровскую, Перемышльскую и Владимірскую на Волыни. Съ другой стороны, Олгердъ Литовскій писалъ жалобы къ патріарху, что Москва обидѣла шурина его, Михаила Тверскаго, зятя Бориса Нижегородскаго, другого зятя, Ивана Новосиль-

скаго, побрала много городовъ; жаловался, что митрополитъ благословляетъ Московскаго князя на такіе поступки по благословенію патріаршему, не пріѣзжалъ ни въ Литву, ни въ Кіевъ, снимаетъ крестное цѣлованіе съ перебѣжчиковъ изъ Литвы въ Москву; Олгердъ требовалъ другого митрополита Кіевскаго на Смоленскъ, на Тверь, на Малую Россію, на Новосиль, на Нижній-Новгородъ. И вотъ, по просьбамъ юго-западныхъ русскихъ князей, въ Константинополѣ поставили имъ митрополита Кипріана, родомъ Серба, съ условіемъ, чтобы по смерти митрополита Алексія онъ былъ митрополитомъ всея Россіи. Но понятно, что если въ Литвѣ хотѣли своего митрополита, то въ Москвѣ хотѣли также своего. Ни въ Москвѣ, ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ не признавали Кипріана, и онъ принужденъ былъ отправиться на житье въ Кіевъ: опять повторилось, слѣдовательно, прежнее явленіе, опять указывалась возможность раздѣленія Русской митрополіи, ибо въ Москвѣ не хотѣли принимать Кипріана и по смерти Алексія: здѣсь былъ свой избранникъ. Былъ въ городѣ Коломнѣ священникъ Михаилъ Митяй, человѣкъ необыкновенно видный, красивой наружности, грамотный, съ рѣчью легкою и чистою, голосомъ громкимъ и пріятнымъ, превосходилъ всѣхъ умѣньемъ толковать силу книжную; память имѣлъ необыкновенную, зналъ всѣ старинныя повѣсти, книги и притчи: во всѣхъ дѣлахъ и судахъ разсуждалъ краснорѣчиво и умно. Такія достоинства обратили на него вниманіе великаго князя Димитрія, который и взялъ Митяя къ себѣ въ духовники и печатники. Митяй годъ отъ году пріобрѣталъ все болѣе славы и значенія; никто, по словамъ лѣтописца, не былъ въ такой чести и славѣ, какъ Митяй; отъ великаго князя не было ему ни въ чемъ отказу, всѣ почитали его какъ царя какого, и, что еще важнѣе, любили его всѣ.

Въ Спасскомъ монастырѣ (внутри кремля) очистилось архимандричье мѣсто; великому князю и боярамъ непремѣнно хотѣлось, чтобы на этомъ мѣстѣ былъ Митяй, но самъ Митяй не хотѣлъ; великій князь сталъ его уговаривать: „Видишь, Алексій митрополитъ уже старъ, и ты будешь послѣ него митрополитомъ всея Руси; постригись только теперь въ монахи,—и будешь архимандритомъ въ Спасскомъ монастырѣ и моимъ отцомъ духовнымъ, попрежнему". Митяй согласился; до обѣда постригли его въ монахи, послѣ обѣда назначили архимандритомъ. Теперь надобно было уговорить митрополита, чтобъ благословилъ Митяя себѣ въ преемники; но Св. Алексій не соглашался на это. „Митяй еще недавно въ монахахъ, говорилъ онъ: надобно ему еще поискуситься, облечься благими дѣлами и нравами". Великій князь долго его упрашивалъ, то самъ приходилъ къ нему, то посылалъ брата двоюроднаго, Владиміра Андреевича, то бояръ — все напрасно. „Кому дастъ Господь Богъ, Пречистая Богородица, патріархъ и вселенскій соборъ, того и я благословлю", былъ отъ него отвѣтъ. Несмотря на то, когда Св. Алексій преставился въ 1377 году, Митяй вошелъ на митрополичій дворъ, сталъ ходить въ митрополичьемъ одѣяніи и началъ обращаться съ духовенствомъ и властвовать какъ митрополитъ. Сперва онъ собрался ѣхать въ Константинополь на поставленіе къ патріарху, но потомъ раздумалъ и началъ говорить великому князю: „Въ правилахъ написано, что два или три епископа поставляютъ епископа; такъ пусть и теперь сойдутся епископы русскіе, пять или шесть, и посвятятъ меня въ митрополиты". Великій князь и бояре согласились, и епископы уже собрались. Но что случилось въ XII вѣкѣ при поставленіи митрополита Клима однимъ соборомъ русскихъ епископовъ, то же самое случилось и теперь: какъ тогда Нифонтъ Новгородскій возсталъ противъ неправильнаго, по его мнѣнію, поставленія Климова, такъ теперь противъ поставленія Митяева вооружился Діонисій, епископъ Суздальскій. Сопротивленіе Діонисія заставило Митяя опять думать о путешествіи въ Царьградъ; туда же началъ сбираться и Діонисій, желая самъ получить митрополію. Узнавши объ этомъ, Митяй сталъ совѣтовать великому князю удержать Діонисія, который можетъ помѣшать ему въ Константинополѣ, и великій князь велѣлъ держать Суздальскаго епископа подъ крѣпкою стражею. Діонисій, чтобъ избавиться изъ заключенія, далъ великому князю обѣщаніе не ѣздить въ Царьградъ безъ его позволенія, и поставилъ поручителемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго, но не сдержалъ слова: изъ Суздаля поѣхалъ въ Нижній, отсюда Волгою въ Сарай, а изъ Сарая въ Константинополь. Митяй и прежде не соглашался на освобожденіе Діонисія; ему казалось, что Св. Алексій не хотѣлъ благословить его, Митяя, по совѣту преподобнаго Сергія, который и теперь дѣйствуетъ противъ него заодно съ Діонисіемъ; когда же онъ узналъ о бѣгствѣ Діонисія въ Константинополь, то негодованіе его достигло высшей степени, и Св. Сергій говорилъ: „Молю Господа Бога сокрушеннымъ сердцемъ, да не попуститъ Митяю исполнить свою угрозу — разорить мѣсто это святое и изгнать насъ безъ вины". Съ другой стороны, явился новый соперникъ Митяю: Кипріанъ изъ Кіева ѣхалъ въ Москву, и былъ уже въ Любутскѣ, откуда далъ знать Св. Сергію, что идетъ къ сыну своему, великому князю, съ миромъ и благословеніемъ. Но великій князь, узнавъ о прибытіи незваннаго гостя, разослалъ всюду заставы, чтобъ не пропускать его въ Москву; Кипріана схватили и съ безчестіемъ отправили назадъ [1])

---

[1]) Никон. III, Степен. кн. I, 456. Посланіе митрополита Кипріана къ Св. Сергію и Θеодору 1378 года, іюля 3, изъ Любутска:

1. «Слышу о васъ и о вашей добродѣтели, како мирьская вся мудрованія преобидите и о единой воли Божіей печетеся; и о томъ велми благодарю Бога, и молюся Ему, да сподобитъ насъ видѣти другъ друга и насладитися духовныхъ словесъ. Буди же вамъ свѣдомо: пріѣхалъ есмь въ Любутскъ, въ четверкъ, мѣсяца іюня 3 день, и иду къ сыну къ своему, ко князю къ великому, на Москву. Иду же яко же иногда Іосифъ отъ отца посланъ къ своей

Движенія Діонисія и Кипріана должны были ускорить поѣздку Митяя въ Константинополь, и онъ отправился наконецъ съ полномочіемъ отъ великаго князя дѣйствовать какъ заблагоразсудитъ, смотря по обстоятельствамъ, для чего взялъ съ собою про запасъ бѣлыя хартіи съ привѣшенною къ нимъ великокняжескою печатію, чтобъ, въ случаѣ надобности, можно было написать на нихъ кабалу или вексель; Димитрій позволилъ ему занять тысячу рублей серебра и даже больше на великокняжеское имя. Митяй отправился въ сопровожденіи трехъ архимандритовъ и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, также большаго боярина великокняжескаго, Юрія Кочевина, и митрополичьихъ бояръ. Въ степи Митяй былъ захваченъ Мамаемъ, но не надолго задержанъ; переплыто было уже благополучно и Черное море, какъ вдругъ, въ виду Константинополя, Митяй разболѣлся и умеръ. Между провожавшими его духовными и боярами встало тогда сильное смятеніе: одни хотѣли поставить въ митрополиты Іоанна, архимандрита Петровскаго, изъ Москвы, а другіе—Пимена, архимандрита Горицкаго, изъ Переяславля; наконецъ бояре, хотѣвшіе Пимена, пересилили и едва не умертвили Іоанна, который не соглашался съ ними. На одной изъ бѣлыхъ хартій написали отъ имени великаго князя грамоту къ императору и патріарху съ просьбою о поставленіи Пимена въ митрополиты. Сперва дѣло пошло-было дурно: императоръ и патріархъ отвѣчали, что уже давно посвященъ и отправленъ въ Россію митрополитъ Кипріанъ, и другого не слѣдуетъ ставить; тогда Русскіе заняли у итальянскихъ и восточныхъ купцовъ денегъ въ ростъ, написавши кабалу на другой бѣлой хартіи, роздали повсюду богатые подарки и достигли своей цѣли въ Константинополѣ, но не достигли ея въ Москвѣ. Когда сюда пришла вѣсть, что Митяй умеръ на морѣ и вмѣсто него поставленъ Пименъ, и когда, въ то же время, какъ обыкновенно бываетъ, стали носиться слухи, что Митяй умеръ не своею смертію, то сильно опечаленный великій князь сказалъ: „Я не посылалъ Пимена въ митрополиты, послалъ я его какъ слугу при Митяѣ; что сдѣлалось съ Митяемъ,—я не знаю, одинъ Богъ знаетъ, одинъ Богъ и судитъ, только Пимена я не приму и видѣть его не хочу". Еще Пименъ медлилъ въ Константинополѣ, какъ великій князь отправилъ духовника своего въ Кіевъ, звать на митрополичій столъ Кипріана, и тотъ пріѣхалъ въ Москву; когда же узнали о приходѣ Пимена, то остановили его въ Коломнѣ, сняли бѣлый клобукъ и отправили въ заточеніе.

Но Кипріанъ не долго на этотъ разъ пробылъ въ Москвѣ, и Пименъ не долго дожидался своей очереди; какъ прежде присутствіе нѣсколькихъ князей, предъявляющихъ права свои на старшинство, давало возможность выбора между ними, такъ теперь присутствіе двухъ митрополитовъ, уже поставленныхъ въ Константинополѣ, дѣлало возможнымъ выборъ и между ними. Мы видѣли, что во время Тохтамышева нашествія митрополитъ Кипріанъ уѣхалъ изъ Москвы въ Тверь; отъѣздъ ли Кипріана изъ Москвы, или отъѣздъ именно въ Тверь, которой князь немедленно послѣ Тохтамышева отступленія отправился въ Орду искать ярлыка, или наконецъ какое-нибудь другое обстоятельство было причиною нерасположенія великаго князя Димитрія къ Кипріану, — только встрѣчаемъ извѣстіе, что Димитрій не захотѣлъ видѣть Кипріана въ Москвѣ, и тотъ отправился въ Кіевъ, гдѣ сѣлъ на свое митрополичье мѣсто, принятъ былъ отъ всѣхъ съ честію и радостію, и сталъ жить здѣсь, управляя, по обычаю, дѣлами церковными, а въ Москву былъ вызванъ изъ заточенія Пименъ, который былъ также встрѣченъ здѣсь съ честію и вступилъ въ цер-

---

братіи, миръ и благословеніе нося. Аще нѣціи о мнѣ инако свѣщаютъ, азъ же святитель есмь, а не ратный человѣкъ; благословеніемъ иду, яко и Господь, посылая ученики своя на проповѣдь, учаше ихъ глаголя: «Пріемляй васъ, Мене пріемлетъ». Вы же будете готовы видитися съ нами, гдѣ сами погадаете; велми жадаю видитися съ вами и утѣшитися духовнымъ утѣшеніемъ».

2. «Не утаилося отъ васъ и отъ всего рода христіанскаго, елико сотворилося надо мною, еже не сотворилося есть ни надъ единымъ святителемъ, какъ Русская земля стала. Азъ Божіимъ изволеніемъ и избраніемъ великаго и св. собора, и благословеніемъ и ставленіемъ вселенскаго патріарха, поставленъ есмь митрополитъ на всю Русскую землю, а вся вселенная то вѣдаетъ; и нынѣче поѣхалъ есмь былъ со всѣмъ чистосердечіемъ и з доброхотѣніемъ къ князю великому; и онъ послы ваша (?) разослалъ, мене не пропустити, и еще заставилъ заставы, рати сбивъ и воеводы предъ ними поставивъ, и елико зло надо мною дѣяти, еще же и смерти предати насъ немилостивно, такъ научи и наказаже. Азъ же его безчестія и души его болши стрега, инымъ путемъ проидохъ, на свое чистосердечіе надѣяся и на свою любовь, еже имѣхъ есмь къ князю великому и къ его княгини и къ его дѣтемъ. Онъ же пристави надъ мною мучителя, проклятаго Никифора: и которое зло остави, еже не сдѣя надо мною? Хулы и наруганія, посмѣханіе, грабленіе, голодъ! Мене вночи заточилъ, нагаго и голоднаго, и отъ тоя ночи студени и нынѣча стражу. Слуги же моя надъ многимъ злымъ, что надъ ними издѣлали, отпуская ихъ на клячахъ хлибивыхъ, безсѣделъ, во обротѣхъ лычныхъ, изъ города вывели ограбленныхъ и до сорочки, и до ножевъ и до ногавицъ, и сапоговъ и киверовъ не оставили на нихъ! Токоли не обрѣтеся никтоже на Москвѣ добра похотѣти душѣ князя великаго и всей отчинѣ его!... И аще міряне блюдутся князя, занеже у нихъ жены и дѣти, стяжаніе и богатство, и того не хотятъ погубити: вы же иже міра отреклися есте и иже въ мірѣ живете единому Богу, како, толику злобу видѣвъ, умолчали есте!... Которую вину нашелъ есть на мнѣ князь великій? Чѣмъ язъ ему виноватъ или отчинѣ его? Кладетъ на мене вины, что былъ есмь въ Литвѣ первое: и которое лихо учинилъ есмь, бывъ тамо? Аще былъ есмь въ Литвѣ, много христіанъ горькаго плѣненія освободилъ есмь, мнози отъ невѣдащихъ Бога познали нами истиннаго Бога и къ православной вѣрѣ Св. крещеніемъ пришли. Церкви Св. ставилъ есмь, христіанство утвердилъ есмь, мѣста церковная, запустошена давними лѣты, оправилъ есмь. Новый Городокъ Литовскый давно отпалъ, и язъ его оправилъ, и десятину досталъ къ митрополіи же и села. Въ Волыньской же земли такоже колько лѣтъ стояла Волимерьская епископія безъ владыки, запустошала: и язъ владыку поставилъ и мѣсто исправилъ».

3. 1378. Октября 18 изъ Кіева. «Елико смиреніе и повиновеніе и любовь имѣете къ Св. Божіей церкви и къ нашему смиренію, вся познали есмь отъ словъ вашихъ». (Правосл. Собесѣдн. 1860 года).

ковное управленіе. Такимъ образомъ, опять для юга и сѣвера, для Кіева и Москвы, явились два отдѣльныхъ митрополита; этого мало: въ Кіевъ явился изъ Византіи еще третій митрополитъ, извѣстный уже намъ епископъ Суздальскій Діонисій; но Кіевскій князь Владиміръ Олгердовичъ велѣлъ схватить Діонисія и посадить въ заключеніе, гдѣ этотъ соперникъ Митяевъ и умеръ черезъ годъ; нѣсколько лѣтъ спустя умеръ и Пименъ въ Халкидонѣ, на дорогѣ въ Константинополь. Смерть Пимена соединяла снова Русскую Церковь подъ однимъ митрополитомъ—Кипріаномъ, для котораго не было болѣе препятствій и въ Москвѣ: здѣсь Донской умеръ, и сынъ его, Василій, встрѣтилъ съ честію Кипріана.

Согласіе Московскаго князя съ митрополитомъ не прерывалось послѣ этого ни разу; мы видѣли, какъ оба они дружно дѣйствовали въ дѣлахъ новгородскихъ. Союзъ Василія Димитріевича съ тестемъ Витовтомъ Литовскимъ удерживалъ и церковную связь между Русью Литовскою и Московскою; такъ, когда Московскій князь ѣздилъ въ Смоленскъ на свиданіе съ тестемъ, то въ то же время ѣздилъ туда и митрополитъ Кипріанъ, который изъ Смоленска поѣхалъ въ Кіевъ, и жилъ тамъ полтора года; потомъ, подъ 1404 годомъ, встрѣчаемъ извѣстіе о новой поѣздкѣ Кипріана въ Литву къ Витовту и въ Кіевъ; отъ Витовта и отъ Ягайла получилъ онъ большую честь и много даровъ, большую честь видѣлъ отъ всѣхъ князей, пановъ и отъ всей земли; въ Кіевѣ онъ велѣлъ схватить намѣстника своего, архимандрита Тимоѳея, и слугъ своихъ тамошнихъ, и отвезти ихъ въ Москву; въ это же путешествіе Кипріанъ долженъ былъ снять санъ и отослать въ Москву, въ Симоновъ монастырь, Антонія, епископа Туровскаго, по настоянію Витовта, предъ которымъ Антоній былъ оклеветанъ въ сношеніяхъ съ Татарами; главною же причиною ненависти литовскихъ властей къ Антонію полагаютъ ревность этого епископа къ православію.

Но вскорѣ затѣмъ послѣдовалъ разрывъ между князьями Московскимъ и Литовскимъ, долженствовавшій повлечь за собою и раздѣленіе митрополіи. Кипріанъ не дожилъ до этого событія. Когда, по его смерти, Московскій великій князь, не имѣя своего избранника, послалъ въ Константинополь съ просьбою выслать оттуда митрополита на Русь, Витовтъ отправилъ туда же Полоцкаго епископа Ѳеодосія. Литовскій князь просилъ императора и патріарха: „Поставьте Ѳеодосія намъ въ митрополиты, чтобы сидѣлъ на столѣ Кіевской митрополіи по старинѣ, строилъ бы церковь Божію по-прежнему, какъ нашъ, потому что, по волѣ Божіей, мы обладаемъ тѣмъ городомъ, Кіевомъ“ [1]. Но въ Константинополѣ не исполнили желаніе Витовта, а прислали на Всероссійскую митрополію Фотія, родомъ Грека, изъ Мореи. Нѣтъ основанія думать, чтобы Витовтъ, желая поставленія Ѳеодосія Полоцкого въ митрополиты, имѣлъ въ виду именно раздѣленіе митрополіи, чтобъ онъ хотѣлъ поставленія особаго митрополита въ Литву [2]); онъ хотѣлъ только, чтобъ митрополитъ Всероссійскій жилъ, по старинѣ, въ Кіевѣ, въ областяхъ Литовскихъ и былъ бы такимъ образомъ его митрополитомъ, хотѣлъ перезвать митрополита изъ враждебной Москвы, о чемъ, безъ сомнѣнія, онъ уговорился со своимъ избранникомъ Ѳеодосіемъ; положеніе Витовта было совершенно иное, чѣмъ положеніе Олгерда: послѣдній, жалуясь патріарху на митрополита Алексія, поборавшаго за Москву, не смѣлъ думать, чтобы патріархъ, по этой жалобѣ, снялъ санъ съ Алексія и чтобы въ Москвѣ согласились на это, а потому и просилъ для Литвы особаго митрополита,—тогда какъ теперь положеніе дѣлъ было иное: общаго для юга и сѣвера митрополита не стало, и Витовтъ спѣшилъ предложить въ этотъ санъ своего избранника, которой бы, по старинѣ, остался жить въ Кіевѣ. Почему въ Константинополѣ не посвятили Ѳеодосія—не извѣстно; очень вѣроятно, что не хотѣли, въ угоду князю иновѣрному, сдѣлать непріятность государю Московскому, который незадолго передъ тѣмъ, въ 1398 году, отправилъ къ императору Мануилу богатое денежное вспоможеніе. О тогдашнихъ дружескихъ отношеніяхъ между Московскимъ и Константинопольскимъ дворами можно судить по тому, что въ 1414 году Мануилъ женилъ сына своего Іоанна на дочери Василія Димитріевича, Аннѣ; если Московскій князь оказывалъ такую учтивость, предоставляя императору и патріарху, по старинѣ, выборъ митрополита, то странно было бы на эту учтивость отвѣтить поставленіемъ человѣка, присланнаго княземъ, враждебнымъ Москвѣ; наконецъ, очень можетъ быть, что Фотій былъ посвященъ прежде пріѣзда Ѳеодосіева [3]). Какъ бы то ни было, когда Фотій пріѣхалъ въ Кіевъ, то Витовтъ сначала не хотѣлъ принимать его, но потомъ принялъ, взявши съ него обѣщаніе жить въ Кіевѣ. Но Фотій, пробывши въ Кіевѣ около семи мѣсяцевъ, отправился въ Москву и занялся здѣсь устройствомъ хозяйственныхъ дѣлъ митрополіи. „Послѣ Татаръ, говоритъ лѣтописецъ [4]), и послѣ частыхъ моровый повѣтрій, начало умножаться народонаселеніе въ Русской

[1]) Акты, относ. къ истор. Зап. Рсс. I, № 25.

[2]) Слово, «*намъ*» вовсе не должно означать здѣсь непремѣнно: «въ Литву, въ Западную Русь», а просто означаетъ мѣстность назначенія.

[3]) Въ настольной грамотѣ Фотія (Акты истор. I, № 254) временемъ посвященія Фотіева выставленъ 1393 г.; это показаніе опровергаютъ: 1) актомъ, который никакъ не можетъ быть предпочтенъ означенному акту; во 2) предположеніемъ, что Фотія не стали бы держать такъ долго въ Константинополѣ; но причинъ неотправленія его въ Русь могли найти много; въ 3) предположеніемъ, что литовскіе епископы поставили бы это обстоятельство въ вину Фотію; но какъ бы стали обвинять Фотія въ томъ, въ чемъ не обвиняли Кипріана? притомъ нужно еще предположить, что литовскіе епископы знали объ этомъ обстоятельствѣ.—Показаній настольной грамоты нельзя опровергать, не показавши прежде, какъ могла произойти такая странность.

[4]) Никон. V, 33.

*

Землѣ, послѣ чего и Фотій митрополитъ сталъ обновлять владѣнія и доходы церковные отыскивать, что гдѣ пропало, что забрано князьями, боярами или другимъ кѣмъ нибудь—доходы, пошлины, земли, воды, села, волости; иное что и прикупилъ“ [1]). Эти отыскиванія захваченнаго у церкви вооружили противъ Фотія сильныхъ людей, которые стали наговаривать на него великому князю Василію Димитріевичу и успѣли поссорить послѣдняго съ митрополитомъ. Фотій писалъ сначала великому князю, прося утвердить грамотою принесенное въ даръ церкви и устроить всѣ ея пошлины; потомъ, въ другомъ посланіи, просилъ великаго князя не уничижать церкви, обратиться къ ней съ раскаяніемъ, возстановить ея права, возвратить данное и утвержденное прародителями [2]).

Чѣмъ кончились непріятности Фотія съ Московскимъ княземъ—не извѣстно; лѣтописецъ говоритъ только, что клеветники, бывшіе въ числѣ людей, близкихъ къ митрополиту, принуждены были бѣжать отъ него изъ Москвы къ Черниговскому владыкѣ и оттуда въ Литву къ Витовту; это извѣстіе можетъ показывать намъ, что Василій Димитріевичъ взялъ наконецъ сторону митрополита, почему клеветники и принуждены были бѣжать изъ Москвы [3]). Но они бѣжали къ Витовту, сердитому уже на Фотія за предпочтеніе Москвы Кіеву; теперь враги Фотія стали внушать Литовскому князю, что митрополитъ переноситъ изъ Кіева въ Москву все узорочье церковное и сосуды, пустошитъ Кіевъ и весь югъ тяжкими пошлинами и данями. Эти обвиненія были для Витовта желаннымъ предлогомъ покончить дѣло съ митрополитомъ, жившимъ въ Москвѣ, и поставить своего въ Кіевъ; онъ собралъ подручныхъ себѣ князей русскихъ и рѣшилъ съ ними свергнуть Фотія со стола Кіевской митрополіи, послѣ чего послали въ Константинополь съ жалобою на Фотія и съ просьбою поставить на Кіевъ особаго митрополита, Григорія Цамблака, родомъ Булгара. Но тѣ же самыя причины, препятствовавшія прежде исполнить желаніе Витовтово, существовали и теперь въ Константинополѣ: попрежнему здѣсь существовала тѣсная связь съ единовѣрнымъ дворомъ Московскимъ, уже скрѣпленная родственнымъ союзомъ; попрежнему здѣсь не любили чужихъ избранниковъ и, при бѣдственномъ состояніи имперіи, надѣялись получить большую помощь отъ своего Фотія, чѣмъ отъ Витовтова Григорія, Болгарина. Просьба Литовскаго князя была отвергнута. Тогда Витовтъ, приписывая этотъ отвѣтъ корыстолюбію Константинопольскаго двора и патріарха, которые хотятъ ставить своего митрополита по накупу, кто имъ больше дастъ и будетъ въ ихъ волѣ, будетъ отсылать къ нимъ русскія деньги, — созвалъ вдадыкъ и архимандритовъ, и объявилъ имъ о необходимости поставить своего митрополита: „Жаль мнѣ смотрѣть на все это, говорилъ Витовтъ; чужіе люди станутъ толковать: „Вотъ государь не въ той вѣрѣ, такъ и церковь оскудѣла; такъ чтобъ этихъ толковъ не было, а дѣло явное, что все нестроеніе и запущеніе отъ митрополита, а не отъ меня.“ Епископы отвѣчали: „Мы и сами не въ первый разъ слышимъ и видимъ, что церковь скудѣетъ, а императоръ и патріархъ строителя добраго къ нашей церкви не даютъ.“ Но по другимъ [4]) извѣстіямъ, епископы, по крайней мѣрѣ нѣкоторые, только по принужденію рѣшились разорвать связь съ Фотіемъ, и потомъ изъ самой Витовтовой грамоты видно, что, разрывая съ Фотіемъ, они не хотѣли разрывать съ Константинополемъ, и, подумавъ, отвѣчали своему князю: „Пошлемъ еще разъ въ Царьградъ къ императору и патріарху“. Витовтъ отправилъ пословъ въ Константинополь въ мартѣ мѣсяцѣ 1415 года съ угрозою, что если тамъ не исполнятъ его желаніе, то въ Кіевѣ будетъ поставленъ митрополитъ своими русскими епископами; срокъ посламъ назначенъ былъ Ильинъ день, послѣдній срокъ—Успеніе; но потомъ императорскій и патріаршій послы, возвращавшіеся изъ Москвы чрезъ Литовскія владѣнія, упросили отложить до Филиппова дня. Но когда и этотъ срокъ прошелъ, то Григорій и былъ посвященъ соборомъ русскихъ епископовъ. Фотій, узнавши о замыслахъ Витовтовыхъ, поспѣшилъ отправиться въ Кіевъ, чтобъ тамъ помириться съ Литовскимъ княземъ; если же это не удастся, ѣхать въ Царьградъ и тамъ препятствовать исполненію намѣренія Витовтова; но на границахъ Литовскихъ владѣній митрополитъ былъ схваченъ, ограбленъ и принужденъ возвратиться въ Москву.

Чтобы оправдать свой поступокъ, южно-русскіе епископы отправили къ Фотію посланіе, въ которомъ вообще упрекаютъ его въ какихъ-то неправильныхъ поступкахъ, замѣченныхъ ими въ самомъ началѣ его управленія, потомъ упоминаютъ о какой-то важной винѣ, признать которую предоставляютъ собственной совѣсти Фотія, сами же объявить ея не хотятъ, не желая опозорить его [5]). Въ соборной грамотѣ объ избраніи и посвященіи Григорія, написанной отъ имени 8 епископовъ [6]), гово-

[1]) Говорятъ: «Виновныхъ въ расхищеніи казны церковной не нашлось. Потому Фотій нашелъ нужнымъ обратиться къ совѣсти похитителей. Онъ издалъ увѣщательную грамоту»,—и приводятъ грамоту, напечатанную въ Актахъ Истор. I, № 256. Но въ этой грамотѣ говорится не о расхищеніяхъ казны церковной, а объ одномъ случаѣ покражи имущества, принадлежавшаго частному лицу и положеннаго въ церкви на сбереженіе: «Церкви Божіей сокровенное взятъ... кто будетъ тое съкровище въсхитилъ, да не презритъ слезящаго о немъ... дондеже татекрадьственное пріобрѣтенье повержетъ рыдающему по немъ и възратитъ погубившему».

[2]) См. статью: «Фотій, митр. Кіев.», въ прибавл. къ Твор. Св. отцевъ, ч. XI, 1852 г.

[3]) Въ лѣтописи сохранились имена двоихъ клеветниковъ: Саввы Авраміева и купца литовскаго, или торговавшаго въ Литвѣ, Ѳомы Лазарева, Никон. V, 53, 54.

[4]) Никон. V, 54.

[5]) Акты Запад. Рос. I, № 25.

[6]) Полоцкаго, Черниговскаго, Луцкаго, Владимірскаго, Перемышльскаго, Смоленскаго, Холмскаго, Туровскаго. Акты Зап. Росс. I, № 24.

рится, что епископы, видя церковь Кіевскую въ пренебреженіи отъ митрополита, который, сбирая доходы съ нея, относитъ ихъ въ другое мѣсто, гдѣ живетъ,—по совѣту великаго князя, всѣхъ другихъ князей, бояръ, вельможъ, архимандритовъ, игуменовъ, иноковъ и священниковъ, поставили въ митрополиты Григорія, руководствуясь уставомъ апостольскимъ, прежнимъ примѣромъ русскихъ епископовъ, которые, при великомъ князѣ Изяславѣ, сами поставили митрополита Клима, потомъ примѣромъ единоплеменныхъ Болгаръ и Сербовъ. „Этимъ поступкомъ, говорятъ епископы, мы не отдѣляемся отъ Восточной Церкви, продолжаемъ почитать патріарховъ восточныхъ, митрополитовъ и епископовъ отцами и братіями, согласно съ ними держимъ исповѣданіе вѣры, хотимъ избѣжать только насилій и вмѣшательства мірскаго человѣка, симоніи и всѣхъ безпорядковъ, которые происходили недавно, когда Кипріанъ, Пименъ и Діонисій спорили о митрополіи".—Епископы хотятъ избѣжать симоніи, въ которой упрекаютъ Константинопольскій дворъ; но въ 1398 году Луцкій епископъ Іоаннъ обязался дать королю Ягайлу двѣсти гривенъ и тридцать коней, если тотъ поможетъ ему получить Галицкую митрополію [1]). Витовтъ, съ своей стороны, выдалъ окружную грамоту о поставленіи Григорія [2]), въ которой выставляетъ тѣ же самыя причины событія и, описавши подробно ходъ дѣла, заключаетъ: „Пишемъ вамъ, чтобъ вы знали и вѣдали, какъ дѣло было. Кто хочетъ по старинѣ держаться подъ властію митрополита Кіевскаго—хорошо, а кто не хочетъ, то какъ хочетъ; знайте одно: мы не вашей вѣры, и еслибъ мы хотѣли, чтобъ въ нашихъ владѣніяхъ вѣра ваша истреблялась и церковь ваша стояла безъ устройства, то мы бы ни о комъ и не хлопотали; но когда митрополита нѣтъ, или епископъ который умретъ, то мы бы намѣстника своего держали, а доходъ церковный, митрополичій и епископскій себѣ бы брали. Но мы, желая, чтобы ваша вѣра не истреблялась и церквамъ вашимъ было бы строеніе, поставили соборомъ митрополита на Кіевскую митрополію, чтобъ русская честь вся стояла на своей землѣ".

Фотій, съ своей стороны, издалъ также окружное посланіе къ православному южно-русскому народонаселенію [3]). Не упоминая о Витовтѣ, митрополитъ въ очень сильныхъ выраженіяхъ порицаетъ поступокъ Григорія Цамблака и епископовъ, его поставившихъ. Изъ посланія узнаемъ, что Григорій ѣздилъ сперва въ Константинополь на поставленіе, но былъ тамъ лишенъ священническаго сана патріархомъ Евѳиміемъ и едва спасся бѣгствомъ отъ казни. Этотъ случай Фотій приводитъ въ доказательство безкорыстія Константинопольскаго двора, ибо какъ самъ Григорій, такъ и прежде его Ѳеодосій Полоцкій обѣщали много золота и серебра за свое поставленіе, но не получили желаемаго. Фотій требуетъ отъ православныхъ, чтобъ они не сообщались съ епископами, замыслившими раздѣленіе митрополіи.

Цамблакъ, славившійся между современниками краснорѣчіемъ, остался вѣренъ правилу, выраженному въ посланіи поставившихъ его епископовъ, т. е. остался вѣренъ православію. Въ нашихъ лѣтописяхъ [4]) сохранилось извѣстіе, будто бы онъ задалъ вопросъ Витовту: зачѣмъ тотъ не въ православіи? и будто бы Витовтъ отвѣчалъ, что если Григорій поѣдетъ въ Римъ и оспоритъ тамъ папу и всѣхъ мудрецовъ его, то онъ со всѣми своими подданными обратится въ православіе. Это извѣстіе можетъ указывать только на побужденія, которыя заставили Григорія отправиться вмѣстѣ съ посольствомъ Витовтовымъ на Констанцскій соборъ. Литовское посольство прибыло въ Констанцъ уже къ концу засѣданій собора, на которое оно явилось 18 февраля 1418 года вмѣстѣ съ послами Греческаго императора Мануила, имѣвшими порученіе начать переговоры съ папою о соединеніи церквей. Посольство греческое и литовское были приняты торжественно, получили право отправлать богослуженіе по своему обряду, но уѣхали ни съ чѣмъ, потому что соборъ разошелся, не начавши совѣщанія о соединеніи церквей [5]). Григорій жилъ недолго по возвращеніи изъ Констанца: онъ умеръ въ 1419 году. Въ это время вражда къ Москвѣ остыла въ Витовтѣ и все вниманіе его было поглощено отношеніями польскими, вотъ почему, по смерти Цамблака, онъ не старался объ избраніи особаго митрополита для Кіева, и Фотій снова получилъ въ управленіе церковь Южно-Русскую. Извѣщая объ этомъ событіи православныхъ, онъ пишетъ: „Христосъ, устроющій всю вселенную, снова древнимъ благолѣпіемъ и миромъ Свою церковь украсилъ, и смиреніе мое въ церковь Свою ввелъ, совѣтованіемъ благороднаго, славнаго, великаго князя Александра (Витовта)" [6]). Въ 1421 году мы видимъ Фотія на юго-западѣ, во Львовѣ, Владимірѣ, Вильнѣ; а въ 1430 году онъ былъ въ Тровахъ и въ Вильнѣ у Витовта вмѣстѣ съ Московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, причемъ Литовскій князь оказалъ большую честь митрополиту; такую же честь оказалъ ему и преемникъ Витовта—Свидригайло.

Мы видѣли, какимъ важнымъ шагомъ ознаменовалъ свою политическую дѣятельность Фотій на сѣверѣ, въ Москвѣ, объявивши себя торжественно на сторонѣ племянника противъ дяди; при жизни Фотія открытой вражды не было, и Юрій признавалъ старшинство племянника, но тотчасъ по смерти митрополита князья снова заспорили и стали собираться въ Орду [7]). Усобицы между Василіемъ

[1]) Акты зап. Рос. I, № 12.

[2]) Тамъ же, № 25.

[3]) Акты истор. I, № 19

[4]) Никон. V, 70.

[5]) См. вышепривед. статью: Фотій М. К., стр. 42.

[6]) Дополн. къ акт. истор. I, № 183.

[7]) Правда, что въ Никон. подъ 1431 годомъ читаемъ: «Тоеже зимы кн. Юрьи Дм. разверже миръ»; но въ 1) на правильность размѣщенія событій въ Ник. спискѣ нельзя

и Юріемъ происходили, когда митрополита не было въ Москвѣ, и мы съ увѣренностію можемъ сказать, что присутствіе митрополита дало бы иной характеръ событіямъ, ибо мы видѣли, какъ митрополитъ Іона сильно дѣйствовалъ въ пользу Василія Темнаго; мы видѣли, какъ побѣжденные князья требуютъ у побѣдителя, чтобъ онъ не призывалъ ихъ въ Москву до тѣхъ поръ, пока тамъ будетъ митрополитъ, который одинъ могъ дать имъ ручательство въ безопасности.

Московскія смуты долго мѣшали назначенію новаго митрополита; наконецъ былъ избранъ Рязанскій епископъ Іона, первый митрополитъ не только Русскій, но рожденіемъ и происхожденіемъ изъ Сѣверной Руси, именно изъ Солигалицкой области [1]). Но когда медлили въ Москвѣ, спѣшили въ Литвѣ, и, прежде чѣмъ Іона успѣлъ собраться ѣхать въ Константинополь, оттуда уже явился митрополитомъ Смоленскій епископъ Герасимъ, который остановился въ Смоленскѣ, пережидая здѣсь, пока въ Москвѣ прекратятся усобицы. Усобицы прекратились, но Москва не видала Герасима: поссорившись съ Литовскимъ княземъ Свидригайломъ, митрополитъ былъ схваченъ имъ и сожженъ [2]). На этотъ разъ Іона отправился къ Константинополь, но опять былъ предупрежденъ: здѣсь уже поставили Исидора, послѣдняго Русскаго митрополита изъ Грековъ и поставленнаго въ Греціи, потому что Флорентійскій соборъ, смуты и паденіе Византіи должны были повести необходимо къ независимости Русской митрополіи отъ Константинопольскаго патріарха.

Исидоръ, пріѣхавши въ Москву, сталъ собираться на соборъ, созванный въ Италіи для соединенія церквей. Самое уже мѣсто собора, въ странѣ неправославной, должно было возбуждать подозрѣніе въ Москвѣ. Великому князю не хотѣлось, чтобъ Исидоръ ѣхалъ въ Италію; когда же онъ не могъ отклонить митрополита отъ этого путешествія, то сказалъ ему: „Смотри же, приноси къ намъ древнее благочестіе, какое мы приняли отъ прародителя нашего Владиміра, а новаго, чужого не приноси; если же принесешь что-нибудь новое и чужое, то мы не примемъ". Исидоръ обѣщался крѣпко стоять въ православіи, но уже на дорогѣ православные спутники стали замѣчать въ немъ наклонность къ латинству; такъ въ Юрьевѣ-Ливонскомъ (Дерптѣ), когда русское народонаселеніе города вышло къ нему на встрѣчу съ священниками и крестами, и въ то же время вышли на встрѣчу Нѣмцы со своими крестами, то онъ подошелъ сначала къ послѣднимъ. На соборѣ Исидоръ принялъ соединеніе; между другими побужденіями Исидоръ могъ имѣть въ виду и большія средства къ поддержанію единства митрополіи, большія удобства въ положеніи Русскаго митрополита, когда князья Московскій и Литовскій не будутъ разниться въ вѣрѣ. Но въ Москвѣ не хотѣли имѣть въ виду ничего, кромѣ поддержанія древняго благочестія, и когда Исидоръ, возвратясь въ Москву, принесъ новое и чужое, когда началъ называться легатомъ папинымъ и велѣлъ носить предъ собою крыжъ латинскій и три палицы серебряныя, когда на литургіи велѣлъ поминать папу вмѣсто патріарховъ вселенскихъ, а послѣ литургіи велѣлъ на амвонѣ читать грамоту о соединеніи церквей, когда услыхали, что Духъ Святой исходитъ отъ Отца и Сына, что хлѣбъ безквасный и квасный можетъ одинаково претворяться въ Тѣло Христово, и прочія новизны,—то великій князь назвалъ Исидора латинскимъ ересным прелестникомъ, волкомъ, велѣлъ свести его съ митрополичьяго двора и посадить въ Чудовѣ монастырѣ подъ стражу, а самъ созвалъ епископовъ, архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, и велѣлъ имъ разсмотрѣть дѣло. Тѣ нашли, что все это папино дѣло, несогласное съ божественными правилами и преданіями; а между тѣмъ Исидоръ успѣлъ бѣжать изъ заключенія. Великій князь не велѣлъ догонять его.

Флорентійскій соборъ заставилъ наконецъ рѣшиться на то, что хотѣлъ сдѣлать Митяй на сѣверѣ, что сдѣлали потомъ на югѣ епископы, поставившіе Цамблака. Великій князь отправилъ въ Константинополь грамоту къ патріарху [3]): „Прошло уже слишкомъ 450 лѣтъ, пишетъ Василій, какъ Россія держитъ древнее благочестіе, принятое отъ Византіи при Св. Владимірѣ. По смерти митрополита Фотія, мы понудили идти къ вамъ епископа Рязанскаго Іону, мужа духовнаго, отъ младенчества живущаго въ добродѣтельномъ житіи; но не знаемъ, почему вы нашего прошенія не приняли, грамотамъ и послу нашему не вняли, и вмѣсто Іоны прислали Исидора, за которымъ мы не посылали, котораго не просили и не требовали; мольба императорскаго посла, благословеніе патріарха, сокрушеніе, покореніе, челобитье самого Исидора—едва-едва могли заставить насъ принять его. Намъ тогда и въ мысль не приходило, что современемъ отъ него станется! Онъ принесъ намъ папскія новизны, пріѣхалъ легатомъ, съ латински-изваяннымъ распятіемъ, и злочестиво двоеженствовалъ, называя себя учителемъ и настоятелемъ двухъ церквей, православной и латинской. Мы собрали наше православное духовенство, и всѣмъ Исидорово поведеніе показалось чуждымъ, страннымъ и противузаконнымъ. Вслѣдствіе всего этого просимъ твое святѣйшее владычество, пошли къ намъ честнѣйшую твою грамоту, чтобъ наши епископы могли избирать и поставлять митрополита въ Русь, потому что и прежде, по нуждѣ, такъ бывало; а теперь у насъ нашествіе безбожныхъ Агарянъ, въ окрестныхъ странахъ неустройство и мятежи; притомъ же намъ надобно сноситься съ митрополитомъ о важныхъ дѣлахъ, и когда митрополитъ Грекъ, то мы должны разго-

полагаться; во 2) если князья поссорились еще зимою, то зачѣмъ же не ѣхали въ Орду ранѣе, а дожидались осени?

[1]) Св. Алексій хотя и родился въ Москвѣ, однако по отцѣ былъ южно-русскаго происхожденія.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 208 и 209.

[3]) Акты истор. I, № 39.,—П. С. Р. Л. VI. 162.

варивать съ нимъ черезъ переводчиковъ, людей незначительныхъ, которые такимъ образомъ прежде другихъ будутъ знать важныя тайны".

Эта грамота не достигла Константинополя: въ Москву пришла вѣсть, будто императоръ Греческій принялъ латинство и перессլился въ Римъ; тогда великій князь велѣлъ возвратить пословъ съ дороги [1]). Скоро послѣ того въ Москвѣ начались новыя бѣдствія и смуты: плѣнъ великаго князя Василія, сперва у Татаръ, а потомъ у Шемяки, не далъ возможности думать о поставленіи митрополита, и здѣсь мы должны также замѣтить, что это обстоятельство — отсутствіе митрополита—имѣло важное вліяніе на ходъ событій: едва ли Шемяка и Можайскій могли бы привести въ исполненіе свой замыселъ при митрополитѣ. Когда Василій утвердился опять на столѣ великокняжескомъ, то поспѣшили поставленіемъ митрополита: поставленъ былъ своими епископами давно нареченный на митрополію Іона Рязанскій, уже успѣвшій оказать важныя услуги великому князю и его семейству.

Услуги, оказанныя Іоною московскому правительству послѣ поставленія его въ митрополиты, мы видѣли прежде въ своемъ мѣстѣ, здѣсь же должны обратить вниманіе на отношенія къ Византіи и Литовской Руси. Послѣ Іонина поставленія великій князь отправилъ къ императору Константину Палеологу грамоту [2]), въ которой писалъ: „Послѣ кончины Фотія митрополита, мы, посовѣтовавшись съ своею матерью, великою княгинею, и съ нашею братьею—Русскими князьями, великими и помѣстными, также и съ государемъ Литовской Земли, съ святителями и со всѣмъ духовенствомъ, съ боярами и со всею Землею Русскою, со всѣмъ православнымъ христіанствомъ, избрали и отправили съ нашимъ посломъ Рязанскаго епископа Іону къ вамъ въ Константинополь для поставленія; но прежде его прихода туда императоръ и патріархъ поставили на Кіевъ, на всю Русь, митрополитомъ Исидора, Іонѣ же сказали: „Ступай на свой столъ—Рязанскую епископію; если же Исидоръ умретъ или что-нибудь другое съ нимъ случится, то ты будь готовъ благословенъ на митрополичій престолъ всея Руси." Такъ какъ въ нашихъ благословенныхъ державахъ произошло разногласіе въ церкви Божіей, путешественники въ Константинополь претерпѣваютъ на дорогѣ всякаго рода затрудненія, въ нашихъ странахъ неустройство всякое, нашествіе безбожныхъ Агарянъ, междоусобныя войны, мы сами не отъ чужихъ, но отъ братьевъ своихъ претерпѣли страшное бѣдствіе, — то при такой великой нуждѣ, собравши своихъ Русскихъ святителей, согласно съ правилами, поставили мы вышеупомянутаго Іону на митрополію Русскую, на Кіевъ и на всю Русь. Мы поступили такъ по великой нуждѣ, а не по гордости или дерзости; до скончанія вѣка пребудемъ мы въ преданномъ намъ православіи; наша церковь всегда будетъ искать благословенія церкви Цареградской и во всемъ по древнему благочестію ей повиноваться; и отецъ нашъ, Іона митрополитъ, также проситъ благословенія и соединенія, кромѣ нынѣшнихъ новыхъ разногласій, и молимъ твое святое царство, будь благосклоненъ къ отцу нашему Іонѣ митрополиту. Мы хотѣли обо всѣхъ этихъ дѣлахъ церковныхъ писать и къ святѣйшему патріарху православному; требовать его благословенія и молитвы, но не знаемъ, есть ли въ вашемъ царствующемъ градѣ патріархъ, или нѣтъ. Если же, Богъ дастъ, будетъ у васъ патріархъ по древнему благочестію, то мы будемъ извѣщать его о всѣхъ нашихъ положеніяхъ и просить благословенія." Въ 1453 году Константинополь былъ взятъ Турками; въ Москвѣ узнали объ этомъ событіи отъ бѣжавшаго изъ плѣна Грека Димитрія; митрополитъ Іона окружнымъ посланіемъ увѣдомилъ православныхъ о паденіи Константинограда, о страшныхъ бѣдствіяхъ греческаго народа, и просилъ помочь означенному Димитрію выкупить семейство изъ турецкаго плѣна [3]). Къ патріарху Геннадію Іона писалъ, что проситъ его благословенія и посылаетъ дары, какіе нашлись у него. „Не погнѣвайся, пишетъ Іона, за наши малые поминки (подарки), потому что и наша земля отъ поганства и междоусобныхъ войнъ очень истощилась. Да покажи къ намъ, господинъ, духовную любовь, пришли къ моему сыну, великому князю, честную свою грамоту къ душевной пользѣ великому нашему православію; сколько у насъ ни было грамотъ отъ прежнихъ патріарховъ, мы всѣ ихъ держали за земскую честь, къ своей душевной пользѣ; но всѣ эти грамоты погибли отъ пожаровъ во время земскихъ нестроеній" [4]). Быть можетъ, грамота отъ патріарха нужна была въ Москвѣ, какъ доказательство, что постановленіе Русскаго митрополита, независимо отъ Константинополя, не уничтожило единенія съ послѣднимъ, что тамъ не сердятся за эту перемѣну отношеній.

Если Московскій князь и митрополитъ обязывались оставаться въ единеніи съ Византіею только подъ условіемъ, чтобъ тамъ сохранялось древнее благочестіе; если новизны Флорентійскаго собора, принесенныя Исидоромъ, нашли себѣ такой сильный отпоръ въ Москвѣ, и прежде всего со стороны самого правительства, то понятно, что иначе встрѣчена была эта новизна отъ католическихъ правителей Руси Литовской: въ 1443 году Польскій король Владиславъ Ягелловичъ далъ жалованную грамоту русскому духовенству, въ которой объявлялъ, что Церковь Восточная—Греческая и Русская—приведены въ давно жданное соединеніе съ Римскою, вслѣдствіе чего русское духовенство, терпѣвшее до сихъ поръ нѣкоторое утѣсненіе, какъ выражается король, жалуется всѣми тѣми правами и вольностями, которыми пользуется духовенство

[1]) П. С. Р. Л. VI, 167.
[2]) Акты истор. I, № 41, 262.
[3]) Акты истор. I, № 264.
[4]) Тамъ же, № 263.

католическое [1]). Но Исидоръ, принужденный бѣжать изъ Москвы, не остался нигдѣ на Руси; король Владиславъ въ слѣдующемъ же 1444 году палъ подъ Варною; преемникъ его, Казимиръ находился въ затруднительномъ положеніи между требованіями Польши и Литвы, что заставило его прекратить непріязнь съ Москвою, а миръ могъ быть всего скорѣе заключенъ подъ вліяніемъ митрополита Іоны: Литовскій князь, желая мира съ Москвою, долженъ былъ для этого пріобрѣсть расположеніе Іоны подчиненіемъ ему церкви Литовско-Русской; Іона, съ своей стороны, долженъ былъ всѣми силами стараться о мирѣ между Казимиромъ и Василіемъ, потому что только подъ условіемъ этого мира могло сохраниться единство церковное. Такъ, мы видимъ, что когда, по заключеніи мира, встрѣтились вновь какія-то недоразумѣнія, то Казимиръ, отправляя своего посла въ Москву, приказалъ ему попросить митрополита постараться, чтобъ миръ не былъ нарушенъ. Іона, называя себя общимъ богомольцемъ, отвѣчалъ Казимиру, что онъ говорилъ великому князю Василію о мирѣ съ благословеніемъ и мольбою, и что Василій хочетъ съ королемъ братства и любви. „Благодарю твое господство, пишетъ Іона, за доброе расположеніе, и благословляю тебя на любовь съ братомъ твоимъ, великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, который желаетъ того же; я же, вашъ общій богомолецъ, по своему святительскому долгу, радъ Бога молить и стараться о мирѣ между вами; за великое ваше жалованье и поминки благодарю и благословляю [2]).“ Мы знаемъ, въ чемъ состояло это великое жалованье, за которое Іона благодаритъ Казимира: послѣдній обѣщалъ возстановить единство Русской Церкви по старинѣ и прислать Іонѣ рѣшительный отвѣтъ по возвращеніи своемъ изъ Польши въ Литву [3]). Король сдержалъ слово и подчинилъ юго-западную Русскую церковь Іонѣ [4]), котораго видимъ въ Литвѣ въ 1451 г. [5]).

Но опасныя слѣдствія Флорентійскаго собора не могли ограничиться для Юго-Западной Руси одною попыткою Исидора: папы не любили отказываться отъ того, что разъ какимъ бы то ни было образомъ попадало въ ихъ руки, а Литовскій князь, католикъ, не могъ препятствовать намѣреніямъ главы католицизма. Въ 1458 году отъѣхавшій въ Римъ Константинопольскій патріархъ, Григорій Мамма, поставилъ Григорія, ученика Исидора, въ митрополиты на Русь. Въ Москву дали знать объ этомъ немедленно, и еще до прихода Григорія въ Литву великій князь Василій послалъ сказать королю Казимиру, чтобъ тотъ не принималъ митрополита изъ Рима, на общаго отца, Іону, не вводилъ новизны, не нарушалъ старины. „Старина же наша (писалъ Василій), которая ведется со временъ прародителя нашего Владиміра, крестившаго Русскую Землю, состоитъ въ томъ, что выборъ митрополита принадлежалъ всегда нашимъ прародителямъ, великимъ князьямъ Русскимъ, и теперь принадлежитъ намъ, а не великимъ князьямъ Литовскимъ; кто будетъ намъ любъ, тотъ и будетъ у насъ на всей Руси, а отъ Рима митрополиту у насъ не бывать, такой мнѣ не надобенъ; и ты, братъ, ни подъ какимъ видомъ не принимай его; если же примешь, то ты церковь Божію раздѣлишь, а не мы [6]).“ Іона, не могшій самъ отправиться въ Литву по причинѣ старости и болѣзней, отправилъ туда двоихъ архимандритовъ съ посланіемъ къ православнымъ епископамъ, князьямъ, панамъ и боярамъ, чтобъ стояли за православную вѣру твердо, помня древнее законоположеніе, установленное на седми соборахъ [7]). Въ Москвѣ созванъ былъ соборъ изъ владыкъ Сѣверной Руси, рукоположенныхъ митрополитомъ Іоною; владыки дали здѣсь обѣщаніе—отъ Святой Церкви соборной **Московской** и отъ господина и отца своего Іоны митрополита всея Руси быть неотступными и повиноваться во всемъ ему и преемнику его, кто будетъ поставленъ по избранію Св. Духа, по правиламъ Апостоловъ и Св. Отцевъ, по повелѣнію господина великаго князя Василія Васильевича, Русскаго самодержца, въ соборной церкви Св. Богородицы, на Москвѣ, у гроба Св. Петра митрополита, русскаго чудотворца; къ самозванцу же Григорію, ученику Исидорову, отъ котораго произошло раздѣленіе Московской соборной Церкви съ Кіевскою Церковію, не приступать, грамотъ отъ него никакихъ не принимать, и совѣта съ нимъ ни о чемъ не имѣть [8]). Это обѣщаніе, обнародованное въ соборной грамотѣ, важно для насъ въ томъ отношеніи, что здѣсь впервые указано на Москву, какъ на престольный городъ Русской митрополіи: владыки клянутся не отступать отъ Московской соборной Церкви Св. Богородицы; до сихъ поръ митрополитъ назывался Кіевскимъ и всея Руси, въ этой же грамотѣ онъ называется просто митрополитомъ всея Руси, или Русскимъ; потомъ въ этой грамотѣ опредѣленъ и на будущее время образъ поставленія митрополита Русскаго; законный митрополитъ Русскій отнынѣ есть тотъ, который будетъ поставленъ, безъ всякаго отношенія къ Византіи, въ Москвѣ, по повелѣнію Московскаго князя. Владыки сѣверные, бывшіе на соборѣ,— Ростовскій, Суздальскій, Коломенскій, Сарайскій, Пермскій—отправили также грамоту къ литовскимъ — Черниговскому, Полоцкому, Смоленскому, Туровскому и Луцкому,—съ увѣщаніемъ не принимать митрополита отъ латинъ [9]); Іона послалъ отъ своего имени окружное посланіе литовскимъ епископамъ въ томъ же смыслѣ, писалъ и отдѣльно епископамъ Черни-

[1]) Акты Запад. Росс. I, № 42.
[2]) Акты арх. эксп. I, № 42.
[3]) Акты истор. I, № 47.
[4]) Тамъ же, № 42.
[5]) Тамъ же, № 48.
[6]) Акты арх. эксп. I, № 80.
[7]) Акты истор. I, № 45.
[8]) Тамъ же, № 61.
[9]) Тамъ же, № 272. Какъ видно, на соборѣ были только епископы областей, находившихся въ тѣснѣйшей зависимости отъ Москвы: не было ни Новгородскаго, ни Тверскаго, ни Рязанскаго.

говскому и Смоленскому [1]), увѣщевая не принимать Григорія, въ случаѣ принужденія приглашалъ ихъ въ Москву, какъ въ безопасное убѣжище отъ латинскихъ насилій: въ противномъ случаѣ грозилъ великою тягостію церковною; наконецъ писалъ к всему остальному православному народонаселенію Литовско-Русскихъ областей; обѣщался посѣтить свою литовскую паству, какъ только получитъ облегченіе отъ болѣзни, увѣщевалъ не принимать Григорія, не слушать его ученія, которое подобно Македоніеву, страдать за православіе даже и до смерти, потому что такимъ страдальцамъ готовъ вѣнецъ мученическій [2]). Но всѣ эти мѣры остались тщетными: Казимиръ не могъ не принять митрополита изъ Рима; онъ даже присылалъ уговаривать и великаго князя Василія признать Григорія общимъ митрополитомъ по той причинѣ, что Іона уже устарѣлъ [3]): Московскій князь, разумѣется, не согласился, и митрополія Русская раздѣлилась окончательно. Іона не долго пережилъ это печальное для него событіе; онъ умеръ въ 1461 году, назначивъ себѣ преемникомъ Ѳеодосія, архіепископа Ростовскаго, который и былъ поставленъ, по новому обычаю, въ Москвѣ, соборомъ сѣверныхъ русскихъ владыкъ [4]).

Таковы были главныя явленія исторіи русской церковной іерархіи въ описываемое время. Мысль, естественно явившаяся впервые тогда, когда Андрей Боголюбскій задумалъ дать Сѣверной Руси отдѣльное самостоятельное существованіе и даже господство надъ Южною Русью, — эта мысль осуществилась, когда обѣ половины Руси раздѣлились подъ двѣ, равно могущественныя и враждебныя одна другой династіи; вслѣдствіе этого раздѣленія раздѣлилась и митрополія, причемъ посредствующими явленіями, опять вслѣдствіе явленій политическихъ, было образованіе отдѣльной Галицкой митрополіи и перенесеніе Кіевскаго митрополичьяго стола на сѣверъ. Это перенесеніе, бѣдствія Византіи, смуты, Флорентійскій соборъ, наконецъ паденіе Имперіи высвободили Московскую митрополію изъ непосредственной зависимости отъ Константинопольскаго патріархата. Флорентійскій соборъ и поведеніе Исидора имѣютъ важное значеніе въ нашей исторіи потому, что заставили Сѣверо-Восточную Русь окончательно и рѣзко высказаться насчетъ соединенія съ Римомъ; понятно, что рѣшительность московскаго правительства держаться отеческаго преданія, древняго благочестія, и не допускать никакихъ новизнъ въ Церкви—принадлежитъ къ числу явленій, опредѣлившихъ будущія судьбы Восточной Европы. Въ поведеніи русскихъ митрополитовъ при всѣхъ этихъ важныхъ и рѣшительныхъ обстоятельствахъ, дѣйствовавшихъ въ продолженіи описаннаго періода, всего лучше можно замѣтить великое вліяніе византійскихъ отношеній, характера Восточной Церкви. Митрополиты русскіе не стараются получить самостоятельное, независимое отъ свѣтской власти существованіе. Пребываніе въ Кіевѣ, среди князей слабыхъ, въ отдаленіи отъ сильнѣйшихъ, отъ главныхъ сценъ политическаго дѣйствія, всего лучше могло бы дать имъ такое существованіе; но Кіевъ не становится русскимъ Римомъ; митрополиты покидаютъ его и стремятся на сѣверъ, подъ покровъ могущества гражданскаго; и на сѣверѣ недолго остаются во Владимірѣ, который, будучи покинутъ сильнѣйшими князьями, могъ бы имѣть для митрополитовъ значеніе Кіева, но переселяются въ стольный городъ одного изъ сильнѣйшихъ князей, и всѣми силами стараются помочь этому князю одолѣть противниковъ, утвердить единовластіе. Борьбами, сопровождавшими это утвержденіе, значеніемъ, которое получаютъ здѣсь митрополиты, значеніемъ, которое придаютъ имъ сами князья, митрополиты вовсе не пользуются для утвержденія своего вліянія, своего господства надъ князьями, за свою помощь не выговариваютъ себѣ особыхъ правъ, и, для упроченія этихъ правъ, не стараются раздорами уменьшить силу князей, не стараются для князя сильнѣйшаго, опаснѣйшаго для ихъ правъ, возбуждать соперниковъ и усиливать ихъ своимъ вліяніемъ, какъ то дѣлывалось на западѣ; напротивъ,—стараются какъ можно скорѣе усилить одного князя насчетъ всѣхъ другихъ, вслѣдствіе чего власть церковная и гражданская должны были стать въ тѣ же отношенія, въ какихъ онѣ были въ Византіи: все, слѣдовательно, показываетъ, откуда идетъ преданіе и примѣръ.

Относительно опредѣленія отношеній власти митрополичьей ко власти великокняжеской, мы получаемъ извѣстія изъ грамоты, составленной по взаимному согласію великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана; изъ этой грамоты видимъ, что всѣ лица, принадлежащія къ церкви, подчиняются суду митрополичьему; если человѣкъ великокняжескій ударитъ великому князю челомъ на игумена, священника и чернеца, то судъ общій, т.-е. судитъ великій князь вмѣстѣ съ митрополитомъ; если же митрополитъ будетъ въ въ отлучкѣ, то судитъ одинъ великій князь, а прибыткомъ дѣлится пополамъ съ митрополитомъ; если кто ударитъ челомъ великому князю на митрополичья намѣстника, десятинника или волостеля, то великій князь судитъ самъ. Въ случаѣ войны, когда самъ великій князь сядетъ на коня, тогда и митрополичьи бояре и слуги выступаютъ въ походъ подъ митрополичьимъ воеводою, но подъ стягомъ великокняжескимъ; которые изъ бояръ и слугъ не служили Алексію митрополиту, вступили въ митрополичью службу недавно (приказались ново), тѣ пойдутъ съ воеводою великокняжескимъ, смотря по мѣсту, гдѣ кто живетъ. Слугъ великокняжескихъ и людей тяглыхъ, платящихъ дань въ великокняжескую казну (данныхъ людей), митрополитъ не имѣлъ права ставить въ священники или

[1]) Акты истор. I, № 62, 63, 273.
[2]) Тамъ же, № 66.
[3]) П. С. Р. Л. VI, 169.
[4]) Акты истор. I, № 69.

дьяконы, ибо этимъ наносился ущербъ службѣ и казнѣ великокняжеской. Здѣсь причина, почему въ духовное званіе поступали только люди изъ того же званія. Но сынъ священника, хотя записанный въ службу великокняжескую, если захочетъ, можетъ быть поставленъ въ священники или въ дьяконы. Сынъ священника, который живетъ у отца, ѣстъ хлѣбъ отцовскій, принадлежитъ къ вѣдомству митрополичьему, а который отдѣленъ, живетъ не вмѣстѣ съ отцомъ, хлѣбъ ѣстъ свой, тотъ принадлежитъ великому князю [1]). Изъ этой грамоты мы уже видимъ, что у митрополита былъ свой дворъ, свои бояре и слуги, домъ его называется дворцомъ. Встрѣчаемъ и въ лѣтописи извѣстія о митрополичьихъ боярахъ [2]), отрокахъ [3]); о Митяѣ говорится, что бояре митрополичьи служили ему, отроки предстояли, куда двинется, и тѣ и другіе шли передъ нимъ. Митрополитъ имѣлъ своихъ стольниковъ: такъ, митрополитъ Кипріанъ посылалъ своего стольника Ѳедора Тимоѳеева звать Новгородскаго владыку въ Москву [4]): имѣлъ своего печатника [5]), своего конюшаго [6]). Изъ этихъ придворныхъ слугъ своихъ митрополитъ посылалъ для управленія волостями (въ волостели), для суда церковнаго (въ десятинники) и проч. Мы видѣли, какое важное значеніе имѣлъ митрополитъ въ отношеніяхъ княжескихъ, и потому встрѣчаемъ подписи митрополичьи и печати на грамотахъ княжескихъ, на договорахъ, духовныхъ завѣщаніяхъ. Изъ дошедшихъ до насъ грамотъ, договорная Димитрія Донскаго съ двоюроднымъ братомъ Владиміромъ Андреевичемъ—первая, въ началѣ которой встрѣчаемъ слова: „По благословенію отца нашего Олексѣя митрополита всея Руси". Въ концѣ духовнаго завѣщанія Димитрія Донскаго читаемъ: „А сю грамоту писалъ есмь себѣ душевную, и явилъ есмь отцю своему Олексѣю митрополиту всея Руси, и отецъ мой Олексѣй митрополитъ всея Руси и печать свою привѣсилъ къ сей грамотѣ". Печать митрополичья имѣетъ на одной сторонѣ изображеніе Богородицы съ Младенцемъ Іисусомъ, а на другой надпись: „Божіею милостію печать (имя) митрополита всея Руси". На духовномъ завѣщаніи Василія Димитріевича встрѣчаемъ подпись митрополита Фотія по-гречески; ту же подпись видимъ и на договорной грамотѣ Василія Васильевича съ дядею Юріемъ. Въ 1450 году грамоты пишутся по благословенію митрополита Іоны и утверждаются его подписью: „Смиренный Іона, архіепископъ Кіевскій и всея Руси". Такова же подпись и преемника Іонина, Ѳеодосія.

Въ настольныхъ грамотахъ патріаршихъ новопоставленному митрополиту говорилось, что великій князь долженъ воздавать ему честь, показывать духовную любовь съ благоговѣніемъ и послушаніемъ и благимъ повиновеніемъ, равно какъ всѣ другіе русскіе князья, сановники, духовенство и весь христоименитый народъ, и что митрополитъ долженъ во всемъ предѣлѣ своемъ ставитъ архіепископовъ, священниковъ, монаховъ, дьяконовъ, поддьяконовъ и чтецовъ, освящать церкви и управлять всѣми церковными дѣлами [7]). Избраніе епископовъ, какъ видно, производилось такъ же, какъ и въ предшествовавшемъ періодѣ: такъ, подъ 1289 годомъ читаемъ въ лѣтописи, что великій князь Михаилъ Ярославичъ Тверской, вмѣстѣ съ матерью своею, послалъ игумена Андрея въ Кіевъ, къ митрополиту Максиму, и тотъ поставилъ его епископомъ въ Тверь; этотъ Андрей былъ сынъ Литовскаго князя. Впрочемъ, отъ конца описываемаго времени дошелъ до насъ уставъ, какъ должно избирать епископа [8]); здѣсь говорится, что по случаю избранія митрополитъ созываетъ всѣхъ епископовъ, ему подчиненныхъ; который изъ нихъ не могъ пріѣхать,—присылалъ грамоту, что будетъ согласенъ на рѣшеніе остальныхъ; собравшіеся епископы избираютъ три лица, имена которыхъ въ запечатанномъ свиткѣ отсылаютъ митрополиту, и тотъ изъ троихъ выбираетъ уже одного. Такой порядокъ дѣйствительно могъ быть введенъ въ концѣ описываемаго времени, когда значеніе областныхъ князей поникло. Избранный предъ посвященіемъ давалъ обѣтъ исповѣдывать православіе, повиноваться митрополиту, не препятствовать въ своей епархіи сбору митрополичьихъ пошлинъ, не исполнять обязанностей своего званія въ чужихъ епархіяхъ, пріѣзжать къ митрополиту безпрекословно по первому зову, не позволять въ своей епархіи православнымъ вступать въ браки, кумиться и брататься съ Армянами и Латинами; тутъ же новопоставляемый объявлялъ, что не далъ ничего за поставленіе, не обѣщался дать и не дастъ; запись эту онъ писалъ собственною рукою и подписывалъ [9]). Настольныя грамоты митрополичьи епископамъ писались по приведенному образцу настольной патріаршей митрополиту [10]). Архіепископы и епископы не могли называть митрополита братомъ, но только отцомъ; въ противномъ случаѣ подвергались выговору [11]).

Митрополитъ имѣлъ право отлучать епископовъ отъ службы. Въ 1280 году митрополитъ Кириллъ, обозрѣвая подвѣдомственныя ему епархіи, пріѣхалъ въ Ростовъ и узналъ, что здѣшній епископъ Игнатій велѣлъ въ полночь выкинуть изъ соборной церкви тѣло князя Глѣба Васильковича и запросто закопать его въ монастырѣ. Митрополитъ немедленно отлучилъ за это епископа отъ службы, и простилъ его только по усерднымъ просьбамъ князя Димитрія Борисовича, причемъ далъ такое наставленіе

---

[1]) Акты арх. эксп. I, № 9.
[2]) Никон. V, 82.
[3]) Тамъ же, IV, 67.
[4]) Тамъ же, № 266.
[5]) Тамъ же, 73.
[6]) Акты истор. I, № 50.
[7]) Тамъ же, № 251.
[8]) Акты Арх. Экспе. I, № 375.
[9]) Тамъ же, № 370. Новопоставляемый мѣнялъ свое иноческое имя на другое.
[10]) Акты истор. I, № 8; ср. № 7.
[11]) Тамъ же, № 268

Игнатію: „Не возносись, и не думай, что ты безъ грѣха; больше освобождай и прощай, чѣмъ запрещай и отлучай. Плачь и кайся до самой смерти въ этой дерзости, потому что судилъ ты прежде суда Божія уже мертваго человѣка, а живого боялся, дары отъ него принималъ, ѣлъ съ нимъ, пилъ и веселился, и, когда было можно исправить его, не исправлялъ, а теперь уже мертваго хочешь исправить такимъ жестокимъ отлученіемъ. Если хочешь помочь ему на томъ свѣтѣ, то помогай милостынями и молитвами“ [1]). Митрополитъ Петръ снялъ санъ съ епископа Сарайскаго Измаила [2]); митрополитъ Ѳеогностъ отлучилъ и потомъ простилъ Суздальскаго епископа Даніила [3]). Князь, недовольный своимъ епископомъ, ѣздилъ жаловаться на него митрополиту [4]). Тверской епископъ Евѳимій возбудилъ на себя сильное негодованіе своего князя Михаила Александровича, который въ 1390 году послалъ звать въ Тверь митрополита Кипріана. Тотъ отправился съ двумя владыками греческими и нѣсколькими русскими. За 30 верстъ отъ Твери его встрѣтилъ внукъ великаго князя, за 20—старшій сынъ, за 5—самъ великій князь. Встрѣченный передъ городскими воротами духовенствомъ со крестами, Кипріанъ отслужилъ обѣдню въ соборной церкви, послѣ чего обѣдалъ у великаго князя; получилъ дары и честь большую. Три дня князь Михаилъ угощалъ такимъ образомъ митрополита; на четвертый собралось на великокняжескомъ дворѣ духовенство и бояре, и когда пріѣхалъ туда Кипріанъ, то всѣ начали жаловаться ему на епископа Евѳимія; митрополитъ, смѣстѣ съ другими владыками, сталъ судить: по однимъ извѣстіямъ—обвиняемый не могъ оправдаться, не обрѣлась правда въ устахъ его [5]); по другимъ [6]),— обвиненія были клеветами. Но какъ бы то ни было, извѣстія согласны въ одномъ, что неудовольствіе на Евѳимія было страшное, и митрополитъ, не успѣвши помирить князя съ епископомъ, отослалъ послѣдняго въ Москву, а на его мѣсто поставилъ въ Тверь протодіакона своего Арсенія, который едва согласился быть здѣсь епископомъ, видя такія вражды и смуты. Въ началѣ описываемаго времени, именно подъ 1229 годомъ, находимъ лыбопытное извѣстіе о судѣ мѣстнаго князя надъ епископомъ, какъ владѣльцемъ частной собственности. „Пришло, говоритъ лѣтописецъ, искушеніе на Ростовскаго епископа Кирилла: въ одинъ день все богатство отнялось отъ него вслѣдствіе проигрыша тяжбы, и рѣшилъ дѣло въ пользу соперниковъ Кирилловыхъ князь Ярославъ; Кириллъ былъ очень богатъ, деньгами и селами, всякимъ товаромъ и книгами, однимъ словомъ—такого богатаго епископа еще не бывало въ Суздальской Землѣ“.

Встрѣчаемъ извѣстіе о жалобѣ епископа на митрополита Константинопольскому патріарху. Такъ, жаловался на митрополита Петра упомянутый уже прежде Тверской епископъ Андрей, родомъ Литвинъ. Патріархъ для разобранія дѣла отправилъ въ Россію своего посланнаго, который когда пріѣхалъ, то созванъ былъ соборъ въ Переяславлѣ; явился обвиненный, явился и обвинитель, съ которымъ вмѣстѣ пріѣхали изъ Твери двое князей—Димитрій и Александръ Михайловичи, другіе князья, много вельможъ и духовныхъ. Обвинитель былъ уличенъ во лжи; но Петръ простилъ его и, поучивъ присутствующихъ, распустилъ соборъ. Если по приведенному выше уставу долженъ былъ созываться соборъ для избранія епископа, то встѣчаемъ извѣстіе о созваніи собора для отрѣшенія его; такъ, въ 1401 году, митрополитъ Кипріанъ созвалъ въ Москвѣ соборъ, на которомъ отписались отъ своихъ епископій Іоаннъ Новгородскій и Савва Луцкій. Митрополитъ Кириллъ въ 1274 году воспользовался соборомъ, созваннымъ для поставленія Владимірскаго епископа Серапіона, чтобы предложить правило для установленія церковнаго и народнаго благочинія: „Самъ видѣлъ я и отъ другихъ слышалъ о сильномъ церковномъ неустройствѣ, говоритъ Кириллъ въ своемъ правилѣ [7]): въ одномъ мѣстѣ держатся такого обычая, въ другомъ—иного, много несогласій и грубости .... Какую пользу получили мы отъ того, что оставили правила божественныя? не разсѣялъ ли насъ Богъ по лицу всей земли? не взяты ли наши города? не пали ли сильные князья наши отъ острія меча? не отведены ли были въ плѣнъ дѣти наши? не запустѣли ли Святыя Божія церкви? не томятъ ли насъ каждый день безбожные и нечестивые поганы?“ Прежде всего митрополитъ вооружается противъ поставленія въ духовный санъ на мздѣ, и преподаетъ правила относительно этого поставленія [8]). Въ народѣ по-прежнему продолжалась страсть къ кулачнымъ и дрекольнымъ боямъ, которые мы видѣли въ такой силѣ въ предыдущемъ періодѣ. Кириллъ пишетъ: „Узналъ я, что еще держатся бѣсовскаго обычая треклятыхъ Еллинъ: въ божественные праздники со свистомъ, кличемъ и воплемъ скаредные пьяницы сзываютъ другъ друга, бьются дреколіемъ до смерти и берутъ платье убитыхъ; на укоризну совершается это Божіимъ праздникамъ и на досажденіе Божіимъ церквамъ“. Кириллъ вооружается также противъ пьянства,

1) Никон. III, 69.
2) Тамъ же, стр. 108.
3) Тамъ же, стр. 193.
4) Тамъ же, IV, 24.
5) Церковн. уставъ Синодал. библіот. у Карам. V, пр. 232.
6) Никон. IV, 196. — По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Евѳимій былъ обвиненъ въ томъ, что вмѣшивался въ дѣла княжескія, лжемудрствовалъ о Христѣ, какъ Арій, о Богородицѣ, какъ Несторій, и что не соглашался признать надъ собою никакого другого суда, кромѣ вселенскаго собора. См. Христіан. Чтен 1852, апрѣль.

7) Русскія Достопам. ч. I, стр. 106.
8) Между прочимъ: «Ни раба на священичьство привести, аще не преже господинъ его отпустить предо многыми послыхы съ грамотою и пустить аможе хощетъ; и по поставленіи да не присвоитъ къ себѣ».... Отъ поставляемаго требуется между прочимъ, чтобъ онъ не былъ «или резовникъ, или челяде друча голодомъ и наготою, страдою насилье творя, или дани бѣгая, или чародѣецъ».

препятствующаго совершать божественную службу отъ Вербной недѣли до дня Всѣхъ Святыхъ.—На соборахъ рѣшались иногда и другія дѣла, какъ напримѣръ споры относительно границъ епархій: митрополитъ Алексій въ грамотѣ къ красноярскимъ жителямъ пишетъ, что предѣлъ Рязанской и Сарайской епархій указанъ на Костромскомъ соборѣ [1]); на соборѣ Ростовскій архіепископъ Θеодосій былъ убѣжденъ въ неправильности своего мнѣнія относительно рода пищи, какую должно употреблять въ Богоявленское навечеріе, если оно придется въ день воскресный [2]); на соборѣ было опредѣлено о неправильности поступка Исидорова; на соборѣ владыки Сѣверо-Восточной Руси рѣшили держаться Московскаго митрополита Іоны и не сообщаться съ Кіевскимъ Григоріемъ [3]). Кромѣ общихъ соборовъ, созывавшихся митрополитомъ всея Руси изъ подвѣдомственныхъ ему владыкъ, могли быть еще частные, созывавшіеся владыкою какой-нибудь области изъ подвѣдомственнаго ему духовенства: такъ, въ 1458 году Ростовскій архіепископъ Θеодосій созвалъ соборъ въ Бѣлозерскѣ для отвращенія нѣкоторыхъ злоупотребленій, напр. позволенія вступать въ четвертый бракъ [4]).

Кромѣ соборовъ, митрополиты старались уничтожить нравственные безпорядки посланіями къ духовенству и мірянамъ; таково поученіе Фотія митрополита священникамъ и монахамъ о важности ихъ сана: „Каковымъ подобаетъ имъ быти, ходатаемъ, посылаемымъ къ Царю царствующихъ о душахъ человѣческихъ“ [5]); митрополитъ обращаетъ особое вниманіе священниковъ на то, чтобъ они блюли за чистотою браковъ у своихъ прихожанъ, не позволяли бы имъ бросать законныхъ женъ и жить съ незаконными, какъ то дѣлывалось, также чтобы не позволяли отнюдь четвертаго брака. Сохранился и прежній обычай, по которому духовныя лица обращались къ митрополиту съ разными вопросами, которыхъ сами рѣшить были не въ состояніи: такъ, дошли до насъ отвѣты митрополита Кипріана на вопросы игумена Аθанасія [6]), отвѣты того же митрополита на вопросы неизвѣстныхъ духовныхъ лицъ [7]).

Особенныя отношенія Новгорода, Пскова, Вятки требовали особенной дѣятельности митрополитовъ относительно этихъ городовъ. Что касается избранія владыки Новгородскаго въ описываемое время, то обыкновенно на вѣчѣ избирались три лица, имена которыхъ, или жребій, клались на престолъ въ церкви Св. Софіи, послѣ чего духовенство соборомъ служило обѣдню, а народъ стоялъ вѣчемъ у церкви; по окончаніи же службы, протопопъ Софійскій выносилъ народу по порядку жребіи, и владыкою превозглашался тотъ, чей жребій выносился послѣдній. Если и вездѣ владыки имѣли важное значеніе, то оно еще болѣе усиливалось въ Новгородѣ при извѣстныхъ отношеніяхъ его жителей къ князю, при частыхъ распряхъ съ послѣднимъ, при частомъ между-княжіи и внутреннихъ смутахъ. Архіепископъ въ Новгородѣ безъ князя былъ первымъ правительственнымъ лицомъ; его имя читается прежде всѣхъ другихъ въ грамотахъ; онъ былъ посредникомъ города въ распряхъ его съ великими князьями, укротителемъ внутреннихъ волненій; безъ его благословенія не предпринималось ничего важнаго. Но владыка Новгородскій принималъ посвященіе отъ митрополита, зависѣлъ отъ него, отъ суда владычнаго былъ переносъ дѣла на судъ митрополита, и когда послѣдній, утвердивъ свое пребываніе въ Москвѣ, началъ стараться всѣми зависящими отъ него средствами содѣйствовать Московскому великому князю въ пріобрѣтеніи могущества, въ утвержденіи единовластія, — причемъ и Новгородъ долженъ былъ отказаться отъ своего особнаго и особеннаго быта, — то положеніе Новгородскаго владыки стало очень затруднительно; владыка Іоаннъ благословилъ Новгородцевъ воевать съ великимъ княземъ для возвращенія Двинской области,—и заплатилъ за это трехлѣтнимъ заключеніемъ въ Москвѣ. Мы упоминали въ своемъ мѣстѣ о непріятной переппскѣ митрополита Іоны съ Новгородскимъ владыкою по поводу Шемяки. Митрополитъ Іона счелъ также своею обязанностью дать наставленіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ насчетъ воздержанія отъ вѣчевыхъ буйствъ: „Я слышалъ, дѣти, пишетъ митрополитъ, что по навѣтамъ дьявольскимъ творится богоненавистное дѣло у васъ, въ отчинѣ сына моего, великаго князя, въ Великомъ Новгородѣ, не только между простыми людьми, но между честными, великими,—за всякое важное и пустое дѣло начинается гнѣвъ, отъ гнѣва—ярость, свары, прекословія, съ обѣихъ враждующихъ сторонъ является многонародное собраніе, нанимаютъ сбродней, пьянчивыхъ и кровопролитныхъ людей, замышляютъ бой и души христіанскія губятъ“ [8]). Предшественникъ Іоны, митрополитъ Фотій, также посылалъ поученіе Новгородскому владыкѣ и его паствѣ [9]); митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ удерживаться отъ привычки сквернословить (за которую лѣтописецъ осуждаетъ еще до-рюриковскія славянскія племена); Фотій говоритъ, что такой привычки нѣтъ нигдѣ между христіанами. Далѣе митрополитъ увѣщеваетъ Новгородцевъ басней не слушать, лихихъ бабъ не принимать, узловъ, примолвленья, зелья, ворожбы и ничего подобнаго не употреблять; при крещеніи приказываетъ погружать въ сосудѣ, а не обливать водою, по обычаю латинскому; запрещаетъ вѣнчать дѣвочекъ ранѣе тринадцатаго года, запрещаетъ духовенству бѣлому и черному тор-

[1]) Акты истор. № 57.
[2]) Акты истор. № 57.
[3]) Акты истор. № 61.
[4]) Акты истор. № 64.
[5]) Дополн. къ Акт. истор. I, № 181.
[6]) Акты и тор. I, № 253.
[7]) Тамъ же, № 11.
[8]) Тамъ же, № 44.
[9]) Акты Арх. Эксп. I, № 369.

говать или давать деньги въ ростъ; если кто предъ выходомъ на поле (судебный поединокъ) придетъ къ священнику за Св. причастіемъ, тому причастія нѣтъ; который изъ соперниковъ убьетъ другого,—тотъ отлучается отъ церкви на 18 лѣтъ, а убитаго не хоронить.

Политическія и находившіяся въ тѣсной связи съ ними церковныя отношенія Новгорода ко Пскову также требовали вниманія митрополита. Мы видѣли, что Псковъ, разбогатѣвшій отъ торговли, давно уже началъ стремиться къ независимости отъ Новгорода, вслѣдствіе чего послѣдній сталъ обнаруживать нерасположеніе ко Пскову, высказывавшееся иногда открытою войной. Понятно, какъ затруднительно было при такихъ отношеніяхъ положеніе Пскова, зависѣвшаго въ церковныхъ дѣлахъ отъ владыки Новгородскаго; отсюда — естественное желаніе Псковитянъ избавиться отъ этой зависимости, получить особаго владыку. Но мы видѣли, какъ ихъ стараніе объ этомъ осталось тщетнымъ, ибо митрополитъ Ѳеогностъ не согласился поставить имъ особаго епископа. Дѣйствительно, Псковичи выбрали дурное время: митрополитъ Ѳеогностъ, подобно своему предшественнику, утвердилъ пребываніе въ Москвѣ, и Псковъ болѣе другихъ городовъ испыталъ на себѣ слѣдствія этого утвержденія; еще недавно Ѳеогностъ грозилъ ему проклятіемъ, въ случаѣ, если онъ не откажется отъ союза съ Александромъ Тверскимъ; теперь же этотъ самый Александръ опять княжилъ у нихъ, и подъ покровительствомъ литовскимъ, тогда какъ Новгородъ еще не ссорился съ Москвою. О прямой враждѣ Псковичей съ Новгородскимъ владыкою не разъ упоминаетъ лѣтописецъ: такъ, онъ говоритъ о ссорѣ ихъ съ владыкою Ѳеоктистомъ въ 1307 году; въ 1337 году владыка Василій поѣхалъ во Псковъ на подъѣздъ, но Псковичи не дали ему суда, и владыка выѣхалъ изъ города, проклявши жителей; когда, въ 1411 году, владыка Іоаннъ прислалъ протопопа во Псковъ просить подъѣзда на тамошнемъ духовенствѣ, то Псковичи не велѣли давать и отослали протопопа съ такимъ отвѣтомъ: „Если, Богъ дастъ, будетъ самъ владыка во Псковѣ, тогда и подъѣздъ его чистъ, какъ пошло изначала по старинѣ“. Въ 1435 году пріѣхалъ во Псковъ владыка Евѳимій, не въ свой подъѣздъ, не въ свою череду; Псковичи однако приняли его и били ему челомъ о соборованьи [1]); но онъ созвать соборъ не обѣщался, а сталъ просить суда, да на священникахъ своего подъѣзда. Псковичи ему этого не посулили, но стали за соборованіе и за свою старину, стали говорить владыкѣ, зачѣмъ онъ сажаетъ намѣстника и печатника изъ своей руки—Новгородцевъ, а не Псковичей; владыка за это разсердился и уѣхалъ, побывши только одну недѣлю во Псковѣ. Князь Владиміръ, посадники и бояре поѣхали за нимъ, нагнали и упросили возвратиться: Псковичи дали ему судъ на мѣсяцъ, подъѣздъ на священникахъ; о соборѣ же владыка сказалъ, что онъ отлагаетъ его до митрополита. Но владычный намѣстникъ началъ судить не по псковской пошлинѣ, началъ уничтожать разныя уговорныя грамоты (посужать рукописанья и рядницы), сталъ сажать дьяконовъ въ гридницу, все по новому, покинувши старину. Псковичи были правы, говоритъ ихъ лѣтописецъ, священники за подъѣздъ и оброкъ не стояли, но, по грѣхамъ и дьявольскому навожденію, случился бой между Псковичами и владычными служилыми людьми (Софьянами). Тогда владыка опять разсердился и уѣхалъ, не взявши псковскаго подарка, а игуменамъ и священникамъ надѣлалъ много убытка, не бывало такъ прежде никогда, съ тѣхъ поръ какъ началъ Псковъ стоять.—Послѣ того какъ Псковичи, вмѣстѣ съ московскимъ войскомъ, опустошили новгородскія владѣнія и заключили миръ, оба города жили дружно, и дружба эта отразилась на отношеніяхъ церковныхъ: въ 1449 году владыка Евѳимій пріѣхалъ во Псковъ; духовенство съ крестами, князь, посадники, бояре вышли къ нему на-встрѣчу и приняли съ великою честью. Въ самый день пріѣзда владыка служилъ обѣдню у Св. Троицы, а на третій день соборовалъ въ той же церкви, и читали синодикъ: прокляли злыхъ, которые хотятъ зла Великому Новгороду и Пскову, а благовѣрнымъ князьямъ, лежащимъ въ дому Св. Софіи и Св. Троицы, пѣли вѣчную память, такъ же и другимъ добрымъ людямъ, которые сложили головы и кровь пролили за домы Божіи и за православное христіанство, живымъ же Новгородцамъ и Псковичамъ пѣли многая лѣта. Князь, посадники и во всѣхъ концахъ господина владыку много чтили и дарили, и проводили его изъ своей земли до границы съ великою честію. Съ такою же честію былъ принятъ и провоженъ владыка и въ 1453 году, потому что онъ дѣлалъ все точно такъ-же, какъ и прежніе братья его—архіепископы.

Непріязненныя отношенія Пскова къ Новгороду и его владыкѣ были причиною церковнаго неустройства и заставляли Псковичей обращаться прямо къ митрополиту за управленіемъ и наставленіемъ, а непріязненныя отношенія Новгорода къ митрополиту благопріятствовали этимъ непосредственнымъ сообщеніямъ. Такъ, Псковичи послали въ Москву, къ митрополиту Кипріану нѣсколько священниковъ для поставленія и для извѣщенія о своихъ нуждахъ, что нѣтъ у нихъ церковнаго правила настоящаго [2]). Митрополитъ посвятилъ священниковъ и послалъ съ ними уставъ службы и синодикъ правый, какой читаютъ въ Константинополѣ у Св. Софіи, приложилъ къ этому правило, какъ поминать православныхъ царей и князей великихъ, какъ совершать крещеніе и бракъ: велѣлъ вывести прежній обычай—держать дѣтей при крещеніи на рукахъ и сверху поливать водою; послалъ также 60 анти-

[1]) П. С. Р. Л. IV, 209. «И биша ему челомъ о соборованіи».

[2]) Акты истор. I, № 8.

никовъ, съ запрещеніемъ рѣзать ихъ, по примѣру Новгородскаго епископа [1]).—Разрывы Псковичей со владыкою Новгородскимъ и проистекавшее отъ того церковное безначаліе вело къ тому, что вѣче псковское присвоило себѣ право судить и наказывать священниковъ; митрополитъ Кипріанъ, въ 1395 году, писалъ Псковичамъ, что это противно христіанскому закону, что священника судитъ и наказываетъ святитель, который его поставилъ; при этомъ митрополитъ запрещаетъ также Псковичамъ вступаться въ земли и села церковныя [2]). Близость Пскова къ литовскимъ границамъ, частыя и давнія сношенія его съ Литвою и князьями ея заставляли митрополитовъ безпокоиться о Псковѣ при раздѣленіи митрополіи: такъ, митрополитъ Фотій въ 1416 году писалъ Псковичамъ, чтобъ они удалялись отъ неправедныхъ предѣловъ, отметающихся Божія закона и святыхъ правилъ, также чтобы съ радушіемъ принимали православныхъ, которые, вслѣдствіе религіознаго гоненія, будутъ искать убѣжища въ ихъ городѣ [3]). Въ другой разъ писалъ Фотій къ псковскому духовенству съ приказаніемъ не употреблять при крещеніи мура латинскаго, но только цареградское, и не обливать младенцевъ, но погружать; митрополитъ требуетъ, чтобъ Псковичи прислали къ нему одного изъ своихъ священниковъ, человѣка искуснаго, и онъ научитъ его всѣмъ церковнымъ правиламъ и муро Святое съ нимъ пришлетъ. Въ другомъ посланіи Фотій пишетъ, чтобъ Псковичи не возволяли людямъ, играющимъ клятвою, быть церковными старостами и вообще занимать правительственныя и судебныя должности; также чтобъ не позволяли старостить въ церквахъ людямъ, которые, разведясь съ законными женами, вступили въ новые браки [4]). Митрополитъ Іона, стараясь вездѣ утверждать власть великаго князя Московскаго, писалъ и во Псковъ, называя его отчиною великаго государя Русскаго, который дѣдичъ и отчичъ во Псковѣ, по родству, по изначальству прежнихъ великихъ господарей, великихъ князей Русскихъ, его праотцевъ. Митрополитъ увѣщеваетъ Псковичей жить по своему христіанству, по той доброй старинѣ, которая пошла отъ великаго князя Александра; увѣщеваетъ ихъ стоять въ томъ, что обѣщали великому князю [5]). Увѣщаніе Іоны не могло остаться безъ вліянія во Псковѣ, ибо мы знаемъ, какое важное значеніе имѣлъ здѣсь митрополитъ: такъ, будучи недовольны новою уставною грамотою, которую далъ имъ князь Константинъ Димитріевичъ и которую они поклялись соблюдать, Псковичи обратились къ митрополиту Фотію съ просьбоою разрѣшить ихъ отъ этой клятвы и благословить жить по старинѣ; митрополитъ исполнилъ ихъ просьбу [6]). Наконецъ, до насъ дошли два посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ, замѣчательныя по отношенію къ особенностямъ ихъ положенія: въ одномъ посланіи, написанномъ по случаю мороваго повѣтрія, митрополитъ обращается къ нарочитымъ гражданамъ и увѣщеваетъ ихъ, чтобъ они были довольны своими уроками, и въ купляхъ и въ мѣрилахъ праведныхъ Божію правду соблюдали [7]); въ другой разъ Псковичи обратились къ митрополиту за разрѣшеніемъ недоумѣнія ихъ — пользоваться ли имъ хлѣбомъ, виномъ и овощами, приходящими изъ Нѣмецкой Земли. Митрополитъ разрѣшилъ пользоваться, очистивъ молитвою іерейскою [8]).

Но, кромѣ означенныхъ отношеній, еще одно явленіе заставило обратить вниманіе не только митрополитовъ русскихъ, но и патріарховъ константинопольскихъ на Псковъ и Новгородъ,—преимущественно на первый. Враждебныя отношенія Пскова къ Новгороду отзывались въ отношеніяхъ Пскова ко владыкѣ Новгородскому и вмѣстѣ Псковскому; не разъ поведеніе владыки возбуждало сильное негодованіе Псковичей; раздраженіе, вслѣдствіе несбывшагося желанія независимости отъ Новгорода въ церковномъ отношеніи, возбудило въ нѣкоторыхъ желаніе освободиться совершенно отъ всякой іерархіи; споры о подъѣздахъ, судахъ, жалобы на убытки дали поводъ — и вотъ явилась ересь стригольниковъ въ семидесятыхъ годахъ XIV вѣка [9]). Начальниками ереси лѣтописи называютъ дьякона Никиту и Карпа простого человѣка; но въ такъ-называемомъ посланіи Антонія патріарха [10]) и въ „Просвѣтителѣ" Іосифа Волоцкаго начало ереси приписывается одному Карпу, причемъ въ первомъ источникѣ Карпъ называется дьякономъ, отлученнымъ отъ службы, стригольникомъ; во второмъ говорится, что онъ былъ художествомъ стригольникъ. Разнорѣчія эти можно согласить тѣмъ, что Карпъ, дѣйствительно бывшій прежде дьякономъ, какъ отлученный отъ службы, могъ называться и простымъ уже человѣкомъ; отъ этого отлученія, разстриженія, могло произойти и названіе „стригольника", которое, будучи послѣ не понятно, превратилось въ названіе художества. Ученіе, какъ излагаютъ его источники, состояло въ томъ: что духовные недостойны своего сана, потому что поставляются на мздѣ; стараются пріобрѣтать имѣніе и неприлично ведутъ себя; что не должно принимать отъ нихъ таинствъ; что міряне могутъ учить народъ вѣрѣ; что должно каяться, обращаясь къ землѣ; что не должно ни отпѣвать

[1]) Между прочимъ: «Какъ измолвитъ дьяконъ: со страхомъ Божьимъ и съ вѣрою приступите, тогды бы приходили къ царьскимъ дверемъ да причащалися, а руки положа къ перьсемъ крестообразно, а къ судари бы не прикасались; такъ же и женкамъ давайте причастье, обѣдни не кончавъ, а причащалися бы ся у другихъ дверей, что противу жертвенника; а мужи бы къ св. причастью въ вотолахъ не приходили, но снимая вотолы; а на комъ пригодится опашень или шуба; ини бы припоясывали».

[2]) Акты истор. I, № 9.

[3]) Тамъ же, № 20.

[4]) Тамъ же № 35, № 34.

[5]) Тамъ же № 60.

[6]) Тамъ же, № 23.

[7]) Тамъ же, № 30.

[8]) Тамъ же, № 22.

[9]) См. Куницына: Историч. изображ. древ. судопроизвод., стр. 53; авторъ неосновательно полагаетъ начало ереси въ Новгородѣ.

[10]) Акты истор. I, № 6. П. С. Р. Л. V, 235.

умершихъ, ни поминать ихъ, ни служить заупокойныхъ обѣденъ, ни приносовъ приносить, ни пировъ учреждать, ни милостыни раздавать по душѣ умершаго; ходили даже слухи, что стригольники отвергали будущую жизнь. Ересь началась и распространилась во Псковѣ; неизвѣстно, волею или неволею, ересіархи явились въ Новгородѣ; извѣстно только то, что здѣсь въ 1375 году Карпа, Никиту и еще третьяго какого-то ихъ товарища сбросили съ моста въ Волховъ. Но гибель ересіарховъ не искоренила ереси; стригольники прельщали народъ своимъ безкорыстіемъ, своею примѣрною нравственностію, умѣньемъ говорить отъ Писанія; указывая на нихъ, говорили: „Вотъ эти не грабятъ, имѣнія не собираютъ." Въ обличительныхъ посланіяхъ читаемъ о нихъ: „Таковы были и всѣ еретики: постники, богомольцы, книжники, лицемѣры, передъ людьми люди чистые; если бы видѣли, что они неблагочестиво живутъ, то никто бы имъ и не повѣрилъ; и еслибъ они говорили не отъ Писанія, то никто бы ихъ и слушать не сталъ." Изъ XIV вѣка ересь перешла въ XV; до насъ дошли три посланія митрополита Фотія къ Псковичамъ относительно стригольниковъ [1]). Митрополитъ запрещаетъ духовенству псковскому принимать приношенія отъ стригольниковъ, мірскимъ людямъ сообщаться съ ними въ ѣдѣ или питьѣ. Псковичи отвѣчали, что, исполняя приказаніе митрополита, они обыскали и показнили еретиковъ; что нѣкоторые изъ нихъ убѣжали, но что другіе упорствуютъ въ своихъ мнѣніяхъ и, устремляя глаза на небо, говорятъ, что тамъ ихъ Отецъ. Митрополитъ писалъ на это, чтобы Псковичи продолжали удаляться отъ еретиковъ, могутъ и наказывать ихъ, только не смертію, а тѣлесными наказаніями и заточеніемъ. Послѣ 1427 года, когда написано послѣднее посланіе Фотія, мы не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о стригольникахъ.

Относительно матеріальнаго благосостоянія церкви, источниками для содержанія митрополита и епископовъ служили, вопервыхъ, сборы съ церквей; эти сборы въ уставной грамотѣ великаго князя Василія Димитріевича и митрополита Кипріана опредѣлены такъ: „Сборнаго митрополиту брать съ церкви шесть алтынъ; а заѣзда три деньги; десятиннику, на десятину насѣдши, брать за въѣздное, и за рождественское, и за петровское, пошлины шесть алтынъ; сборное брать о Рождествѣ Христовѣ, а десятиннику брать свои пошлины о Петровѣ дни; которыя же соборныя церкви по городамъ не давали сборнаго при прежнихъ митрополитахъ, тѣмъ и нынче не давать." Архіепископъ Ростовскій Ѳеодосій, освобождая двѣ церкви Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, пишетъ въ своей грамотѣ: „Кто у тѣхъ церквей будутъ священники или игумены, не надобно давать имъ моей дани, ни данничьихъ пошлинъ, ни десятинничьей пошлины, ни доводчичьей, ни другой какой-либо, десятинники мои ихъ не судятъ, и пристава на нихъ не даютъ." О Митяѣ говорится, что онъ, вступивъ во всѣ права митрополита, началъ со всѣхъ церквей въ митрополіи дань сбирать, сборы петровскіе и рождественскіе, доходы, уроки и оброки митрополичьи. Попрежнему источниками дохода для митрополита и епископовъ служили пошлины ставленныя и судныя; для суда церковнаго посылался архіереемъ особый чиновникъ, называвшійся десятинникомъ; вмѣсто того, чтобы сказать: такой-то городъ былъ подвластенъ такому-то владыкѣ, говорилось: такой-то городъ былъ его десятиною [2]). Одинъ изъ десятинниковъ митрополита Іоны, Юрій конюшій, пріѣхавши въ Вышгородъ, волость князя Михаила Андреевича Верейскаго, остановился на подворьи у священника, который вмѣстѣ съ горожанами началъ бить десятинника и дворянъ митрополичьихъ, прибили въ у л о г ъ, и двоихъ-троихъ изувѣчили. Митрополитъ, извѣщая объ этомъ происшествіи князя Михаила, пишетъ: „Ты самъ, сынъ, великій господарь; такъ посмотри и старыхъ своихъ бояръ спроси, бывала ли при твоихъ прародителяхъ и родителяхъ такая нечесть церкви Божіей и святителямъ? Тебѣ извѣстно, что князь великій Витовтъ былъ не нашей вѣры, да и теперешній король тоже, и всѣ ихъ княжата и паны; но спроси, какъ они оберегаютъ церковь и какую честь ей воздаютъ? а эти, будучи православными христіанами, ругаются и безчестятъ церковь Божію и насъ. Я за священниками своего пристава послалъ; а тебя благословляю и молю, чтобы ты, какъ истинный великій православный господарь, церковь Божію и меня, своего отца и пастыря, отъ своихъ горожанъ оборонилъ, чтобы впередъ не было ничего подобнаго; а не оборонишь меня, то поберегись воздаянья отъ Бога, а я буду отъ нихъ обороняться закономъ Божіимъ. Если же мой десятинникъ сдѣлалъ что-нибудь дурное, то ты бы, сынъ, обыскалъ дѣло чисто, да ко мнѣ отписалъ,—и я бы тебѣ безъ суда выдалъ его головою, какъ и прежде сдѣлалъ" [3]). Мы видѣли, что Новгородскій архіепископъ получалъ п о д ъ ѣ з д ъ со псковскаго духовенства. Какъ псковское духовенство давало содержаніе Новгородскому владыкѣ и дары, когда онъ пріѣзжалъ во Псковъ, такъ точно и митрополитъ получалъ содержаніе и дары, когда пріѣзжалъ въ Новгородъ или какую-нибудь другую область: подъ 1341 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Ѳеогностъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ сопровожденіи большого числа людей, и отъ того было тяжко владыкѣ и монастырямъ, обязаннымъ давать кормъ и дары. Подъ 1352 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Новгородскій архіепископъ Моисей отправлялъ пословъ къ Византійскому патріарху съ жалобою на обиды людей, приходившихъ въ Новгородъ отъ митрополита. Наконецъ важный доходъ доставляли

[1]) Акты истор. I, № 21, 33, 34.

[2]) Никон. IV, 70, 277; Акты Арх. Эксп. I, № 9, № 54.

[3]) Акты истор. I, № 50.

недвижимыя имущества. Подъ 1286 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Литовцы воевали церковную волость Тверскаго владыки; городъ Алексинъ называется городомъ Петра митрополита [1]); въ Новгородской области упоминается городокъ Молвотичи, принадлежавшій владыкѣ [2]): князья завѣщевали села свои митрополитамъ [3]); встрѣчаемъ извѣстіе о мѣнѣ селъ между княземъ и митрополитомъ [4]). Касательно этихъ волостей отношенія великаго князя и митрополита были опредѣлены такъ: даньщику и бѣльщику великокняжескому на митрополичьихъ селахъ не быть, дань брать съ нихъ въ выходъ по оброку, по оброчной грамотѣ великокняжеской; ямъ по старинѣ шестой день, и даютъ его митрополичьи села тогда, когда даютъ великокняжескія; на людяхъ митрополичьихъ, которые живутъ въ городѣ, а тянутъ ко дворцу, положенъ оброкъ, какъ на дворянахъ великокняжескихъ. Митрополичьи церковные люди тамги не даютъ при продажѣ своихъ домашнихъ произведеній, но даютъ тамгу, когда станутъ торговать прикупомъ; оброкъ даютъ церковные люди тогда только, когда придется платить дань Татарамъ [5]). Касательно содержанія низшаго духовенства мы видимъ, что князья въ завѣщаніяхъ своихъ назначаютъ доходы въ пользу духовенства нѣкоторыхъ церквей, въ ругу: такъ, великій князь Іоаннъ II отказалъ четвертую часть коломенской тамги въ церковь Св. Богородицы на Крутицахъ, костки московскія въ Успенскій и Архангельскій соборы, въ память по отцѣ, братьяхъ и себѣ: то имъ руга, говоритъ завѣщатель [6]). Княгини Елена, жена Владиміра Андреевича, и Софья, жена Василія Димитріевича, отказали села московскому Архангельскому собору [7]); видимъ, что князья въ своихъ завѣщаніяхъ приказываютъ раздавать пояса свои и платья по священникамъ, деньги—по церквамъ [8]). Должно замѣтить, что во Псковѣ, въ описываемое время, священники распредѣлялись не по приходамъ, а по соборамъ, и вѣдались поповскими старостами [9]). Объ употребленіи митрополитами своихъ доходовъ лѣтописецъ говоритъ, что митрополитъ Фотій закрѣплялъ за собою доходы, пошлины, земли, воды, села и волости на прокормленіе убогихъ и нищихъ, потому что церковное богатство—нищихъ богатство [10]); въ житіи Іоны митрополита находимъ извѣстіе, какъ одна вдова приходила на митрополичій погребъ пить медъ для облегченія въ болѣзни [11]).

Касательно Южной Россіи до насъ дошла запись о денежныхъ и медовыхъ даняхъ, получавшихся съ кіевской софійской митрополичьей отчины [12]); видимъ село у епископа Перемышльскаго [13]); видимъ, что князья даютъ села церквамъ [14]).

И въ новой Сѣверо-Восточной Руси монастырь не теряетъ своего прежняго важнаго значенія; чѣмъ былъ Печерскій монастырь Антонія и Ѳеодосія для древняго средоточія русской жизни—Кіева, тѣмъ былъ Троицкій монастырь Сергіевъ для новаго ея средоточія—Москвы. Мы видѣли, какъ сюда, въ это новое средоточіе, стекались выходцы изъ разныхъ странъ—бояре и простые люди, отыскивая убѣжище отъ смутъ внутреннихъ, отъ непокоевъ татарскихъ и наконецъ отъ насилій самой Москвы, и принося на службу послѣдней, на службу новому порядку вещей, ею представляемому, и силы матеріальныя, и силы духовныя. Въ одно почти время явились въ Московскую область два выходца съ концовъ противоположныхъ: изъ Южной Руси, изъ Чернигова, бояринъ Ѳедоръ Плещеевъ, убѣгая отъ разореній татарскихъ; съ сѣвера, изъ самаго древняго и знаменитаго здѣсь города, Ростова, бояринъ Кириллъ, разорившійся и принужденный оставить свой родной городъ вслѣдствіе насилій московскихъ. Сыновья этихъ пришельцевъ, одинъ—въ санѣ митрополита всея Руси, другой—въ званіи смиреннаго инока, но отвергнувшаго санъ митрополичій, заключили тѣсный союзъ для того, чтобы соединенными нравственными силами содѣйствовать возвеличенію своего новаго отечества. Ростовскій выходецъ Кириллъ поселился въ Радонежѣ; средній сынъ его, Варѳоломей, съ малолѣтства обнаружилъ стремленіе къ иночеству, и какъ только похоронилъ своихъ родителей, такъ немедленно удалился въ пустыню—лѣсъ великій, и долго жилъ здѣсь одинъ, не видя лица человѣческаго; одинъ медвѣдь приходилъ къ пустыннику дѣлить съ нимъ его скудную пищу. Но какъ встарину Антоній не могъ скрыть своихъ подвиговъ въ пещерѣ, такъ теперь Варѳоломей, принявшій при постриженіи имя Сергія, не могъ утаиться въ дремучемъ лѣсу; иноки стали собираться къ нему, несмотря на суровый привѣтъ, которымъ встрѣчалъ ихъ пустынникъ: „Знайте прежде всего, что мѣсто это трудно, голодно и бѣдно; готовьтесь не къ пищѣ сытной, не къ питью, не къ покою и веселію, но къ трудамъ, поту, печалямъ, напастямъ". Явилось нѣсколько бѣдныхъ келій, огороженныхъ тыномъ; самъ Сергій своими руками построилъ три или четыре кельи, самъ носилъ дрова изъ лѣсу и кололъ ихъ, носилъ воду изъ колодезя и ставилъ ведра у каждой кельи, самъ готовилъ кушанье на всю братію, шилъ платье и сапоги, однимъ словомъ,—служилъ всѣмъ, какъ рабъ купленный. И это-то смиренное служеніе прославило Сергія по всѣмъ областямъ Русскимъ и дало ему ту великую нравственную силу, то значеніе, съ какимъ мы уже встрѣчали его въ политическихъ событіяхъ княженія Димитрія Донскаго;

[1]) Акты Истор. III, 190.
[2]) П. С. Р. Л. III, 101.
[3]) Никон. V, 35.
[4]) С. г. г. и д. I, № 22.
[5]) Акты арх. эксп. I, № 9.
[6]) С. г. г. и д. № 25.
[7]) Тамъ же, № 82 и 83.
[8]) С. г. г. и д. I, № 21, 39.
[9]) П. С. Р. Л. IV, 191, 215; V, 22.
[10]) Никон. V, 33.
[11]) Рукоп. Румянц. Муз. № 155.

[12]) Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 26.
[13]) Тамъ же, № 29.
[14]) Тамъ же, № 62, 65.

здѣсь мы видѣли Сергія грознымъ посломъ для Нижняго-Новгорода, не повинующагося волѣ Московскаго князя, тихимъ примирителемъ послѣдняго съ озлобленнымъ Олегомъ Рязанскимъ, твердымъ увѣщателемъ къ битвѣ съ полками Мамаевыми. Изъ монастыря Сергіева, прославленнаго святостію своего основателя, выведено было много колоній, много другихъ монастырей въ разныя стороны, сподвижниками, учениками и учениками учениковъ Сергіевыхъ [1]). Изъ этихъ монастырей болѣе другихъ значенія въ гражданской исторіи нашей имѣетъ монастырь Бѣлозерскій, основанный Св. Кирилломъ, постриженникомъ Симоновскаго архимандрита Ѳеодора, ученика и племянника Св. Сергія. Мы видѣли, что въ свидѣтели клятвъ княжескихъ въ послѣднія усобицы, вмѣстѣ съ Св. Сергіемъ, призывался и Св. Кириллъ, какъ одинъ изъ покровителей Сѣверо-Восточной Руси. Отъ Сергія осталась намъ память о дѣлахъ, память о тихихъ и кроткихъ рѣчахъ, которыми онъ исправлялъ братію и умилялъ озлобленныхъ князей; отъ Кирилла дошли до насъ посланія къ князьямъ: такъ, дошло его посланіе къ великому князю Василію Димитріевичу [2]). „Чѣмъ болѣе святые приближаются къ Богу любовію, тѣмъ болѣе видятъ себя грѣшными, пишетъ Кириллъ; ты, господинъ, пріобрѣтаешь себѣ великое спасеніе и пользу душевную этимъ смиреніемъ своимъ, что посылаешь ко мнѣ, грѣшному, нищему, страстному и недостойному, съ просьбою о молитвахъ... Я, грѣшный, съ братіею своею радъ, сколько силы будетъ, молить Бога о тебѣ, нашемъ господинѣ; ты же самъ, Бога ради, будь внимателенъ къ себѣ и ко всему княженію твоему. Если въ кораблѣ гребецъ ошибется, то малый вредъ причинитъ плавающимъ: если же ошибется кормчій, то всему кораблю причиняетъ пагубу: такъ, если кто отъ бояръ согрѣшитъ, повредитъ этимъ одному себѣ; если же самъ князь, то причиняетъ вредъ всѣмъ людямъ. Возненавидь, господинъ, все, что влечетъ тебя на грѣхъ, бойся Бога, истиннаго Царя,—и будешь блаженъ. Слышалъ я, господинъ князь великій, что большая смута между тобою и сродниками твоими, князьями суздальскими. Ты, господинъ, свою правду сказываешь, а они свою, а христіанамъ чрезъ это кровопролитіе великое происходитъ. Такъ посмотри, господинъ, повнимательнѣе, въ чемъ будетъ ихъ правда передъ тобою, и по своему смиренію уступи имъ; въ чемъ же будетъ твоя правда передъ ними,—такъ ты за себя стой по правдѣ. Если же они станутъ тебѣ бить челомъ, то, Бога ради, пожалуй ихъ, по ихъ мѣрѣ, ибо слышалъ я, что они до сихъ поръ были у тебя въ нуждѣ, и оттого начали враждовать. Такъ, Бога ради, господинъ, покажи къ нимъ свою любовь и жалованье, чтобы не погибли, скитаясь, въ татарскихъ странахъ“ [3]). Кириллъ переписывался и съ братьями великокняжескими—Андреемъ, въ удѣлѣ котораго находился его монастырь, и Юріемъ. Къ Андрею Св. Кириллъ писалъ: „Ты властелинъ въ отчинѣ своей, отъ Бога поставленный унимать людей своихъ отъ лихого обычая: пусть судятъ судъ праведный, поклеповъ, подметовъ бы не было, судьи посуловъ бы не брали, были бы довольны уроками своими; чтобы корчмы въ твоей отчинѣ не было, ибо это великая пагуба душамъ,—христіане пропиваются, а души гибнутъ; чтобы мытовъ не было, ибо это деньги неправедныя; а гдѣ перевозъ, тамъ надобно дать за трудъ; чтобы разбоя и воровства въ твоей вотчинѣ не было, и если не уймутся отъ злаго дѣла, то вели наказывать; также, господинъ, унимай отъ скверныхъ словъ и брани“ [4]) Къ Юрію Димитріевичу Св. Кириллъ писалъ посланіе утѣшительное, по случаю болѣзни жены его [5]); здѣсь любопытны слѣдующія слова: „А что, господинъ князь Юрій, писалъ ты, что давно желаешь видѣться со мною, то, ради Бога, не пріѣзжай ко мнѣ;—если поѣдешь ко мнѣ, то на меня придетъ искушеніе, и, покинувъ монастырь, уйду, куда Богъ укажетъ. Вы думаете, что я здѣсь добръ и святъ, а на дѣлѣ выходитъ, что я всѣхъ людей окаяннѣе и грѣшнѣе. Ты, господинъ князь Юрій, не осердись на меня за это: слышу, что божественное писаніе самъ въ конецъ разумѣешь, читаешь и знаешь, какой намъ вредъ приходитъ отъ похвалы человѣческой, особенно намъ, страстнымъ. Да и то, господинъ, разсуди,—твоей вотчины въ нашей сторонѣ нѣтъ, и если ты поѣдешь сюда, то всѣ станутъ говорить: „Только для Кирилла поѣхалъ“. Былъ здѣсь братъ твой, князь Андрей; но здѣсь его вотчина,—и намъ нельзя было ему, нашему господину, челомъ не ударить“.

Князь Юрій Димитріевичъ и сынъ его, Димитрій Шемяка, нашли болѣе строгаго увѣщателя въ другомъ святомъ игуменѣ—Григоріи Вологодскомъ (на Пелшмѣ). Когда Юрій, вытѣснивъ племянника Василія, утвердился въ Москвѣ, Григорій явился къ нему сюда съ увѣщаніями удалиться съ неправедно пріобрѣтеннаго стола; потомъ, когда Шемяка овладѣлъ Вологдою и надѣлалъ много зла жителямъ, Григорій немедленно явился и къ нему съ обличеніями, угрожая гибелью за злодѣйства надъ христіанами. Шемяка, не терпя обличеній, велѣлъ сринуть съ помосту святаго старца, такъ что тотъ едва живой возвратился въ монастырь свой [6]).

Монастыри имѣютъ еще другое значеніе въ

---

[1]) См. объ этихъ монастыряхъ Истор. Русск. цер. пер. II, изд. 2, стр. 159, и слѣд.

[2]) Акты истор. № 12.

[3]) Проф. Шевыревъ (Поѣздка въ Кир. Бѣл. мон. ч. I, стр. 151) относитъ дѣйствіе посланія Кириллова къ слишкомъ позднему явленію, именно къ браку князя Александра Ивановича Суздальскаго на дочери великаго князя Василія, и думаетъ, что суздальскіе князья, Симеонъ и Василій, умерли въ изгнаніи; но мы видѣли, что одинъ изъ нихъ умеръ въ Вяткѣ, а другой въ Городцѣ, помирившись съ великимъ княземъ Московскимъ, и въ этомъ примиреніи именно можемъ допустить участіе совѣтовъ Кирилловыхъ.

[4]) Акты истор. I, № 16.

[5]) Тамъ же, № 27.

[6]) Прологъ, 30-го сентября; рукопис. житіе въ библіот. Ундольскаго, № 146.

исторіи русской гражданственности: по разнымъ направленіямъ, въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ сѣвера пробирались пустынники, ища уединенія и безмолвія, но между тѣмъ приносили съ собою начала новой жизни. Сперва поселится пустынникъ въ дуплѣ большого дерева [1]), но потомъ скоро собирается братія и являются отъ нея послы въ Москву къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ богомолье свое, монастырь, строить, на пустомъ мѣстѣ, въ дикомъ лѣсу, братію собирать и пашню пахать. Св. Димитрій Прилуцкій поставилъ обитель свою на многихъ путяхъ, которыми шли отъ Вологды до Сѣвернаго океана, всѣхъ странниковъ принимали въ монастырь и кормили; однажды пришелъ къ преподобному обнищавшій купецъ просить благословенія идти торговать съ погаными народами, которые слывутъ Югрою и Печорою; въ другой разъ какой-то богатый человѣкъ принесъ преподобному въ подарокъ съѣстные припасы, но святой велѣлъ ему отнести эти припасы назадъ домой и раздать ихъ рабамъ и рабынямъ, которые у него голодали. Клопскій монастырь кормилъ странниковъ и людей, стекавшихся въ него за пищею во время голода. Кромѣ препятствій со стороны дикой природы, иноки—основатели монастырей—терпѣли много и отъ язвъ юнаго неустроеннаго общества, много терпѣли отъ разбойниковъ и отъ сосѣднихъ землевладѣльцевъ, которые не боялись самоуправствовать. Обычай отдавать ближайшія земли новопостроеннымъ монастырямъ велъ иногда къ тому, что окрестные жители старались разорить новую обитель изъ страха, чтобы монахи не овладѣли ихъ землями [2]).

Преподобный Сергій, говорится въ житіи его, принималъ всякаго къ себѣ въ монастырь, и старыхъ, и молодыхъ, и богатыхъ, и бѣдныхъ, и всѣхъ постригалъ съ радостію; племянника своего Іоанна (Ѳеодора) преподобный постригъ, когда тому было 12 лѣтъ. Сначала въ монастыряхъ каждый инокъ имѣлъ свое особое хозяйство; но съ конца XIV вѣка замѣчаемъ старанія ввести общее житіе; такъ оно было введено въ Троицкій Сергіевъ монастырь еще при жизни самого основателя; распредѣлили братію по службамъ: одного назначили келаремъ, другого подкеларникомъ, иного казначеемъ, уставщикомъ, нѣкоторыхъ назначили трапезниками, поварами, хлѣбниками, больничными служителями; все богатство и имущество монастырское сдѣлали общимъ, запретили инокамъ имѣть отдѣльную собственность; нѣкоторымъ не понравилась эта перемѣна, и они ушли тайно изъ монастыря Сергіева [3]). Основателемъ общаго житія въ собственно московскихъ монастыряхъ называется Іоаннъ, архимандритъ Петровскій, сопровождавшій Митяя въ Константинополь [4]); въ женскихъ монастыряхъ—игуменья Алексѣевскаго монастыря Ульяна [5]). Въ уставѣ общаго житія, данномъ Снѣтогорскому монастырю, читаемъ: ни игуменъ, ни братія не должны имѣть ничего своего; не могутъ ни ѣсть, ни пить у себя по кельямъ, ѣсть и пить должны въ трапезѣ всѣ вмѣстѣ; одежду необходимую должны брать у игумена изъ обыкновенныхъ, а не изъ нѣмецкихъ суконъ, шубы бараньи носить безъ пуху, обувь, даже онучи, брать у игумена, и лишняго платья не держать [6]). Изъ посланій митрополита Фотія въ Кіевопечерскій монастырь видна забота его о приведеніи въ лучшій порядокъ монастырской жизни [7]). Тотъ же митрополитъ писалъ въ Новгородъ, чтобъ игумены, священники и чернецы не торговали и не давали денегъ въ ростъ; чтобъ въ однихъ и тѣхъ же монастыряхъ не жили монахи и монахини вмѣстѣ; чтобы при женскихъ монастыряхъ были священники бѣлые, не вдовые [8]). Эти же заботы наслѣдовалъ отъ Фотія и митрополитъ Іона [9]). Объ избраніи игуменовъ до насъ дошли слѣдующія извѣстія: въ 1433 году братія нижегородскаго Печерскаго монастыря прислали къ великому князю Василію Васильевичу и матери его съ просьбою о назначеніи къ нимъ въ архимандриты избраннаго ими старца. Великій князь и княгиня исполнили просьбу, велѣли митрополиту поставить избраннаго иноками старца въ архимандриты [10]); въ 1448 году иноки Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, выбравши себѣ въ игумены старца Кассіана, послали просить о поставленіи его къ Ростовскому архіепископу, и тотъ, для ихъ прошенія и моленія, благословилъ Кассіана, съ тѣмъ однако, чтобы послѣдній пріѣхалъ къ нему для духовной бесѣды [11]).—Новгородскій архіепископъ Симеонъ писалъ въ Снѣтогорскій монастырь: „Велѣлъ я игумену и всѣмъ старцамъ крѣпость монастырскую держать,—чернецамъ быть у игумена и у старцевъ въ послушаніи и духовнаго отца держать, а кто будетъ противиться, такихъ изъ обители отстроивать, причемъ вклада ихъ не возвращать имъ. Если чернецъ умретъ, то все оставшееся послѣ него имущество составляетъ собственность обители и братскую, а мірскіе люди къ нему не должны прикасаться. Если чернецъ, вышедши изъ монастыря, станетъ поднимать на игумена и на старцевъ мірскихъ людей или судей, та-

[1]) Какъ напр. Св. Павелъ Комельскій.

[2]) Это случилось съ Св. Димитріемъ Прилуцкимъ, съ Св. Стефаномъ Махрищскимъ;—рукопис. житіе перваго въ библіот. гр. Уварова, втораго въ библіот. Ундольскаго, № 178, а.—Были и другого рода притѣсненія, напр. въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ: «Бысть же нужи нѣкоей належащи монастырю отъ архіепископа Евфимія (перваго) овогда насильствіемъ среброиманія, овогда монастырскихъ коней отъятіемъ».—Здѣсь считаю пріятною обязанностію изъявить глубочайшую благодарность графу Алексѣю Сергѣевичу Уварову и Вуколу Михайловичу Ундольскому за возможность, которую они мнѣ доставили, пользоваться ихъ прекрасными библіотеками.

[3]) Никон. IV, 225.

[4]) Тамъ же, стр. 73.

[5]) Карамз. V, прим. 254.

[6]) Акты истор. I, № 5.

[7]) Допол. къ акт. истор. I, № 180.

[8]) Акты Арх. Эксп. I, № 369.

[9]) Акты истор. I, № 265, 276.

[10]) Тамъ же, № 37.

[11]) Акты Арх. Эксп. I, № 40.

кой будетъ подъ тягостію церковною, равно какъ и тѣ міряне, которые вступятся въ монастырскія дѣла. Если же произойдетъ ссора между братіями, то судитъ ихъ игуменъ съ старцами, причетниками и старостами Св. Богородицы, а міряне не вступаются"[1]). Но мы знаемъ, что монастыри, основанные иждивеніемъ князей или другихъ лицъ, находились въ завѣдываніи этихъ лицъ и наслѣдниковъ ихъ: такъ Волынскій князь Владиміръ Васильковичъ завѣщалъ основанный имъ монастырь Апостольскій женѣ своей[2]); Московскій князь Петръ Константиновичъ далъ митрополиту Іонѣ монастырь Св. Саввы въ Москвѣ; этимъ объясняется, почему братія Печерскаго нижегородскаго монастыря присылали въ Москву къ великому князю испрашивать утвержденія избранному ими игумену.

Монастыри владѣютъ большою недвижимою собственностію; князья продаютъ имъ свои села, покупаютъ села у игуменовъ, позволяютъ покупать земли у частныхъ лицъ, дарятъ, завѣщеваютъ по душѣ; монастыри берутъ села въ закладъ, частныя лица даютъ монастырямъ села по душѣ. Отъ описываемаго времени дошло до насъ множество грамотъ княжескихъ монастырямъ съ пожалованіемъ разныхъ льготъ монастырскимъ людямъ и крестьянамъ: давались селища монастырю, и люди, которыхъ игуменъ перезоветъ сюда, освобождались отъ всѣхъ повинностей на извѣстное число лѣтъ; давались населенныя земли съ освобожденіемъ старожильцевъ и новопризываемыхъ крестьянъ отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена, съ тѣмъ однако, что когда придетъ татарская дань, то игуменъ за монастырскихъ людей платитъ по силѣ; крестьяне освобождались отъ даней, пошлинъ и повинностей; но если придетъ изъ Орды посолъ сильный, и нельзя будетъ его о п р о в а д и т ь, то архимандритъ съ крестьянъ своихъ помогаетъ въ ту тягость, однако и тутъ князь не посылаетъ къ монастырскимъ людямъ ни за чѣмъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ, съ условіемъ платежа денежнаго оброка въ казну княжескую одинъ разъ въ годъ; освобождались отъ всѣхъ даней и пошлинъ съ тѣмъ, чтобы давали сотнику оброкъ на Юрьевъ день вешній и осенній по три четверти; наконецъ освобождались отъ всякихъ даней, пошлинъ и повинностей на вѣчныя времена безо всякихъ условій. Иногда игуменъ получалъ право держать въ монастырѣ свое пятно: монастырскій крестьянинъ, купившій или вымѣнявшій лошадь, пятналъ ее въ монастырѣ, за что платилъ игумену извѣстную пошлину; монастырскій крестьянинъ, продавшій что-нибудь на торгу или на селѣ, платилъ тамгу также игумену въ монастырѣ; если онъ пропятнится или протамжится (утаитъ пятно или тамгу), то за вину платилъ опять въ монастырь. Намѣстничимъ, боярскимъ и всякимъ другимъ людямъ запрещалось ѣздить незваннымъ на пиры къ монастырскимъ людямъ; послѣдніе освобождались отъ обязанности ставить у себя ѣздоковъ, или гонцовъ, посылаемыхъ для правительственныхъ нуждъ, давать имъ кормы, подводы и приводниковъ, кромѣ того случая, когда гонцы ѣхали съ военнымъ извѣстіемъ. Монастырскіе люди освобождались отъ мыта даже и въ чужихъ областяхъ князьями послѣднихъ; торговой монастырской лодьѣ позволялась ходить со всякими товарами во всякое время, будетъ ли тишина въ землѣ, или нѣтъ; дозволялось возить монастырское сѣно по рѣкѣ, когда другимъ заповѣдано было ѣздить по ней; монастырскіе люди, посланные на ватагу или какую-нибудь другую службу, освобождались отъ поватажной и отъ всякихъ другихъ пошлинъ. Монастыри освобождались отъ военнаго постоя: посланнымъ княжескимъ запрещалось даже ставиться подъ извѣстнымъ монастыремъ, дѣлать себѣ тутъ перевозъ и брать себѣ на перевозъ людей и суда монастырскіе. Крестьяне монастырскіе освобождались отъ суда намѣстниковъ, волостелей княжескихъ и тіуновъ ихъ: игуменъ вѣдалъ самъ своихъ людей во всѣхъ дѣлахъ и судилъ ихъ самъ, или тотъ, кому приказывалъ. Иногда право суда давалось вполнѣ, во всѣхъ дѣлахъ, гражданскихъ и уголовныхъ, иногда съ ограниченіями; иногда исключалось душегубство, иногда вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбой; иногда, вмѣстѣ съ душегубствомъ и разбоемъ, татьба съ поличнымъ. Въ нѣкоторыхъ грамотахъ крестьяне монастырскіе освобождались отъ княжескаго суда съ тѣмъ условіемъ, чтобы давали волостелю два корма на годъ: на Рождество Христово и на Петровъ день. Кормы эти опредѣляются такъ: на Рождество Христово съ двухъ плуговъ полоть мяса, мѣхъ овса, возъ сѣна, десять хлѣбовъ; не любъ полоть, такъ вмѣсто него два алтына, не любъ мѣхъ овса—вмѣсто него алтынъ, не любъ возъ сѣна—алтынъ, не любы хлѣбы—за ковригу по деньгѣ; на Петровъ день съ двухъ плуговъ барана и 10 хлѣбовъ, не любъ баранъ — десять денегъ. Когда игуменъ имѣлъ право суда, то въ случаѣ суда смѣснаго, т.-е. при тяжбѣ монастырскихъ людей съ городскими и волостными, намѣстникъ или тіунъ его судилъ вмѣстѣ съ игуменомъ или его приказчикомъ. Иногда игумену давалось право назначать срокъ для смѣсныхъ судовъ; когда игуменъ не имѣетъ права уголовнаго суда, то встрѣчаемъ въ грамотахъ распоряженіе, что намѣстникъ или тіунъ долженъ отдать душегубца на поруку и за тою порукою поставить передъ княземъ; встрѣчается также распоряженіе, что намѣстникъ и тіунъ не беретъ съ монастырскихъ крестьянъ за мертвое тѣло, если человѣкъ съ дерева убьется или на водѣ утонетъ; слуги монастырскіе освобождаются отъ обязанности цѣловать крестъ: сироты ихъ стоятъ у креста. Въ случаѣ иска на игуменовѣ приказчикѣ, судитъ его самъ князь или бояринъ введенный; если пріѣдетъ приставъ княжескій по людей монастырскихъ, то даетъ

[1]) Акты истор. I, № 24.
[2]) П. С. Р. Л. II, 215.

имъ извѣстное число сроковъ для явки къ суду — два-три; иногда позволяется монастырскимъ людямъ самимъ метать между собою сроки вольные. Встрѣчаемъ грамоты, которыми даются монастырямъ села со всѣмъ къ нимъ принадлежащимъ, кромѣ людей страдныхъ и кромѣ суда. Иногда дается монастырю село съ условіемъ, чтобъ его не продавать и не мѣнять; крестьяне освобождаются отъ даней и пошлинъ съ условіемъ, чтобы не принимать на монастырскія земли тяглыхъ людей княжескихъ. Встрѣчаемъ извѣстія, что у монастырей во владѣніи находились соляныя варницы, относительно которыхъ давались также особенныя льготы; князья приказывали посельскимъ, или управителямъ своимъ, давать въ извѣстные монастыри на храмовые праздники рожь, сыры, масло, рыбу; встрѣчаемъ жалованныя грамоты монастырямъ на рыбныя ловли и бобровые гоны; Соловецкій монастырь, по новгородской вѣчевой грамотѣ, получалъ десятину отъ всѣхъ промысловъ, производимыхъ на принадлежащихъ ему островахъ; нѣкоторые монастыри получали десятину съ извѣстныхъ селъ. — Что касается женскихъ монастырей, то имъ давались такія же льготы, какъ и мужескимъ; иногда игуменья получала право не только гражданскаго, но и уголовнаго суда надъ крестьянами своего монастыря; встрѣчаемъ впрочемъ распоряженія, по которымъ управленіе селами поручалось священникамъ, доходы же дѣлились пополамъ между священниками и игуменьею съ черницами. Частныя лица давали села въ монастырь съ условіемъ, чтобъ игуменъ держалъ общее житіе, чтобы чернецовъ держалъ какъ его силы позволятъ, и держалъ такихъ, которые ему любы; чтобъ игуменъ и чернецы собинъ (отдѣльной собственности) не имѣли; если игуменъ пойдетъ прочь изъ монастыря, то пусть дастъ отчетъ (уцетъ) чернецамъ; выговаривалось условіе, чтобъ игуменъ не принималъ на монастырскія земли половниковъ и отхожихъ людей съ земель отчинника, давшаго села въ монастырь.

Что монастырскіе крестьяне обязаны были давать монастырю и дѣлать для него въ описываемое время, — объ этомъ можемъ получить свѣдѣнія изъ уставной грамоты митрополита Кипріана Константиновскому монастырю: большіе люди изъ монастырскихъ селъ, т.-е имѣвшіе лошадей, церковь наряжали, монастырь и дворъ обводили тыномъ (тынили), хоромы ставили, игуменскую часть пашни орали взгономъ, сѣяли, жали и свозили, сѣно косили десятинами и во дворъ ввозили, ѣзъ били вешній и зимній, сады оплетали, на неводъ ходили, пруды прудили, на бобровъ осенью ходили, истоки забивали; на Великъ день и на Петровъ день приходили къ игумену съ припасами (приходили что у кого въ рукахъ); пѣшеходцы (не имѣвшіе лошадей) изъ селъ къ празднику рожь молотили, хлѣбъ пекли, солодъ молотили, пиво варили, на сѣмя рожь молотили, ленъ дастъ игуменъ въ село — и они прядутъ, сѣжи и дѣли неводныя наряжаютъ; на праздникъ даютъ всѣ люди яловицу; а въ которое село пріѣдетъ игуменъ на братчину, — даютъ овесъ конямъ его [1]).

Несмотря однако на богатое надѣленіе монастырей недвижимымъ имуществомъ, въ описываемое время существовало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть селами. Митрополитъ Кипріанъ писалъ къ игумену Аѳанасію: „Святыми отцами не предано, чтобъ инокамъ держать села и людей. Какъ можно человѣку, разъ отрекшемуся отъ міра и всего мірскаго, обязываться опять дѣлами мірскими и снова созидать разоренное? Древніе отцы селъ не пріобрѣтали и богатства не копили. Ты спрашиваешь меня о селѣ, которое тебѣ князь въ монастырь далъ, что съ нимъ дѣлать? Вотъ мой отвѣтъ: если уповаешь съ братіею на Бога, что до сихъ поръ пропиталъ васъ безъ села и впередъ пропитаетъ, то зачѣмъ обязываться мірскими попеченіями, и вмѣсто того, чтобы памятовать о Богѣ и Ему единому служить, памятовать о селахъ и мірскихъ заботахъ? Подумай и о томъ, что когда чернецъ не заботится ни о чемъ мірскомъ, то отъ всѣхъ людей любимъ и почитаемъ; когда же начнетъ хлопотать о селахъ, тогда нужно ему и къ князьямъ ходить, и къ властелямъ, суда искать, защищать обиженныхъ, ссориться, мириться, поднимать большой трудъ и оставлять свое правило. Если чернецъ станетъ селами владѣть, мужчинъ и женщинъ судить, часто ходить къ нимъ и объ нихъ заботиться, то чѣмъ онъ отличится отъ мірянина? а съ женщанами сообщаться и разговаривать съ ними — чернецу хуже всего. Если бы можно было такъ сдѣлать: пусть село будетъ подъ монастыремъ, но чтобы чернецъ никогда не бывалъ въ немъ, а поручить его какому-нибудь мірянину богобоязненному, который бы хлопоталъ объ немъ, а въ монастырь привозилъ готовое житомъ и другими припасами, потому что пагуба чернецамъ селами владѣть и туда часто ходить“ [2]).

Въ Руси Юго-Западной продолжался также обычай надѣлять монастыри недвижимыми имуществами и селами: князь Волынскій Владиміръ Васильковичъ купилъ село и далъ его въ Апостольскій монастырь [3]). Тому же обычаю слѣдовали и православные потомки Гедиминовы [4]). Здѣсь, на югозападѣ, встрѣчаемъ жалованныя грамоты княжескія монастырямъ, по которымъ люди послѣднихъ освобождались отъ суда намѣстничьяго и тіунскаго и отъ всѣхъ даней и повинностей: если митропо-

---

[1]) Жалованныя монастырямъ грамоты см. въ Собр. Гос. гр. и дог. I, № 22, 25, 34, 51, 62, 82, 82.— Акты истор. I, № 3, 13, 14, 15, 25, 28, 29, 36, 38, 49, 50, 54, 55, 58, 59, 67, 70, 71, 266, 375. — Дополн. къ акт. истор. I, № 10, 184—197. — Акты Арх. Эксп. I, № 3, 5, 7, 11, 12, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 45, 47, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 60, 61, 62, 63, 65, 67, 68, 69, 373. — Опис. Государ. Арх. стар. дѣлъ, стр. 208. Акты юридич. стр. 145.

[2]) Акты истор. I, № 253.

[3]) П. С. Р. Л. II, 215.

[4]) Акты, относ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 7, 13, 14, 28.

литъ поѣдетъ мимо монастыря, то архимандрита не судитъ и подводъ у монастырскихъ людей не беретъ, равно какъ и мѣстный епископъ; судитъ архимандрита самъ князь; если же владыкѣ будетъ до архимандрита дѣло духовное, то судитъ князь съ владыкою; владычніе десятинники и городскіе людей монастырскихъ также не судятъ[1]).

Таково было состояніе Церкви. Отъ описываемаго времени дошло до насъ нѣсколько законодательныхъ памятниковъ, изъ которыхъ также можно получить понятіе о нравственномъ состояніи общества. Такъ, дошла до насъ уставная Двинская грамота великаго князя Василія Димитріевича, данная во время непродолжительнаго присоединенія Двинской области къ Москвѣ. Эта уставная грамота раздѣляется на двѣ половины: въ первой заключаются правила, какъ должны поступать намѣстники великокняжескіе относительно суда; во второй—торговыя льготы Двинянамъ. Въ первой, судной половинѣ грамоты излагаются правила, какъ поступать въ случаѣ душегубства и нанесенія ранъ, побоевъ и брани боярину и слугѣ, драки на пиру, переоранія или перекошенія межи, въ случаѣ воровства, самосуда, неявленія обвиненнаго къ суду, убійства холопа господиномъ. Если случится душегубство, то преступника должны отыскать жители того мѣста, гдѣ совершено было преступленіе; если же не найдутъ, то должны заплатить извѣстную сумму денегъ намѣстникамъ. Если кто выбранитъ или прибьетъ боярина или слугу, то намѣстники присуждаютъ плату за безчестье, смотря по отечеству обезчещеннаго; но, къ сожалѣнію, мы не знаемъ здѣсь самаго любопытнаго, именно—чѣмъ руководились намѣстники при опредѣленіи этого отечества. Впрочемъ, очень важно уже, что въ Двинской грамотѣ полагаются взысканія за обиды словесныя, тогда какъ въ „Русской Правдѣ" о нихъ не упоминается. Случится драка на пиру, и поссорившіеся помирятся, не выходя съ пиру, то намѣстники и дворяне не берутъ за это съ нихъ ничего; если же помирятся, вышедши съ пиру, то должны дать намѣстникамъ по куницѣ. При переораніи или перекошеніи межи различается, нарушена ли межа на одномъ полѣ, или между селами, или наконецъ нарушена будетъ межа княжая. Если кто у кого узнаетъ покраденную вещь, то владѣлецъ ея сводитъ съ себя обвиненіе до десяти изводовъ; съ уличеннаго вора въ первый разъ берется столько же, сколько стоитъ украденная вещь; во второй разъ берутъ съ него безъ милости, въ третій—вѣшаютъ; но всякій разъ его пятнаютъ. За самосудъ платится четыре рубля; самосудомъ называется тотъ случай, когда кто-нибудь, поймавъ вора съ поличнымъ, отпустить его, а себѣ посулъ возьметъ. Обвиненнаго куютъ только тогда, когда нѣтъ поруки. Обвиненный, не явившійся къ суду, тѣмъ самымъ проигрываетъ свое дѣло: намѣстники даютъ на него грамоту правую безсудную. Если господинъ, ударивши холопа или рабу, ненарокомъ причинитъ смерть (огрѣшится—а случится смерть), то намѣстники не судятъ, и за вину ничего не берутъ [2]).

Уже выше упомянуто было о судныхъ грамотахъ, данныхъ Пскову князьями Александромъ Михайловичемъ Тверскимъ и Константиномъ Димитріевичемъ Московскимъ; до насъ дошелъ сборникъ судныхъ правилъ, составленный изъ этихъ двухъ грамотъ, равно какъ изъ приписковъ къ нимъ всѣхъ другихъ псковскихъ судныхъ обычаевъ (пошлинъ)[3]) Здѣсь относительно убійства встрѣчаемъ слѣдующее постановленіе: гдѣ учинится головщина и уличатъ головника, то князь на головникахъ возьметъ рубль продажи; убьетъ сынъ отца или братъ брата, то князю продажа. Относительно воровства встрѣчаемъ постановленіе, сходное съ постановленіемъ, заключающимся въ Двинской грамотѣ: дважды воръ отпускается, берется съ него только денежная пеня, равная цѣнѣ украденнаго, но въ третій разъ онъ казнится смертію; это правило имѣетъ силу впрочемъ тогда только, когда покража произойдетъ на посадѣ; воръ же, покравшій въ кромномъ городѣ, также воръ коневый, вмѣстѣ съ перевѣтникомъ и зажигальщикомъ, подвергаются смертной казни за первое преступленіе [4]). Касательно споровъ о землевладѣніи четырехъ или пятилѣтняя давность рѣшаетъ дѣло. Довольно подробно говорится о займахъ, о дачѣ денегъ или вещей на сохраненіе; заемныя записи, какъ въ Новгородѣ, такъ и во Псковѣ назывались **досками**; чтобъ эти доски имѣли силу, нужно, чтобы копіи съ нихъ хранились въ **ларѣ**, находившемся въ соборной церкви Св. Троицы; позволялось давать взаймы безъ заклада и безъ записи только до рубля; ручаться позволялось также въ суммѣ не болѣе рубля. Касательно семейныхъ отношеній встрѣчаемъ постановленіе, что если сынъ откажется кормить отца или мать до смерти и пойдетъ изъ дому, то онъ лишается своей части въ наслѣдствѣ. Относительно наслѣдства говорится, что если умретъ жена безъ завѣщанія (рукописанія), оставивъ отчину, то мужъ ея владѣетъ этою отчиною до своей смерти, если только не женится въ другой разъ; то же самое и относительно жены; встрѣчаемъ указаніе на случай, когда старшій братъ съ младшимъ живутъ на одномъ хлѣбѣ. Довольно подробно говорится о спорахъ между домовладѣльцемъ и землевладѣльцемъ (государями) и ихъ наймитами, между мастерами и учениками: эти

[1]) Акты относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 43.

[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 13.

[3]) Псковская Судная грамота, Одесса. 1847 г.

[4]) «А Кримскому (читай: Кромскому) татю, и коневому и перевѣтнику, и зажигалнику, тѣмъ живота не дати. Чтобы и на посадѣ покрадется ино дважды е пожаловати, а изличивъ казнити по его винѣ и въ третій рядъ изличивъ живота ему недати». Крим. Кромъскому татю.—Что здѣсь татьба на посадѣ противополагается татьбѣ на Крому, въ Кромномъ городкѣ, это ясно; но почему такое различіе? Не употреблено ли здѣсь слово: *Кромскій* въ значеніи *торговаго*, если торгъ находился въ Крому, въ Кромномъ городкѣ.

подробности впрочемъ касаются преимущественно случаевъ неисполненія обязательствъ и назначенія срока, когда одинъ могъ отказывать, а другой отказываться; срокъ этотъ былъ—Филиппово заговѣнье, т.-е. 14 ноября. При поселеніи посельникъ получалъ отъ хозяина покруту, т.-е. подмогу или ссуду на обзаведеніе хозяйствомъ; она могла состоять изъ денегъ, изъ разныхъ орудій домашнихъ, земледѣльческихъ, рыболовныхъ, изъ хлѣба озимаго и яроваго. Судебныя доказательства: свидѣтельство или послушничество, клятва и поле, или судебный поединокъ; въ случаѣ, если одно изъ тяжущихся лицъ будетъ женщина, ребенокъ, старикъ больной, увѣчный или монахъ, то ему дозволялось нанимать вмѣсто себя бойца для поля, и тогда соперникъ его могъ или самъ выходить противъ наемника, или также выставить своего наемника; но если будутъ тягаться двѣ женщины, то онѣ должны выходить сами на поединокъ, а не могутъ выставить наймитовъ. Мѣстомъ суда назначены сѣни княжескія, и именно сказано, чтобъ князь и посадникъ на вѣчѣ суда не судили. Когда на кого дойдетъ жалоба, то позовникъ отправлялся на мѣсто жительства позываемаго и требовалъ, чтобъ тотъ шелъ къ церкви слушать позывную грамоту (позывницы); если же онъ не пойдетъ, то позовникъ читалъ грамоту на погостѣ предъ священникомъ, и если тогда, не прося отсрочки, позываемый не являлся на судъ, то сопернику его давалась грамота, по которой онъ могъ схватить его, причемъ тотъ, кто имѣлъ такую грамоту (ограмочій), схвативши противника, не могъ ни бить его, ни мучить, но только поставить предъ судей; а тотъ, на кого дана была грамота (ограмочный), не могъ ни биться, ни колоться противъ своего противника. Тяжущіеся (сутяжники) могли входить въ судную комнату (судебницу) только вдвоемъ, а не могли брать помощниковъ; помощникъ допускался только когда одно изъ тяжущихся лицъ была женщина, ребенокъ, монахъ, монахиня, старикъ или глухой; если же въ обыкновенномъ случаѣ кто вадумаетъ помогать тяжущимся, или силою взойдетъ въ судебницу, или ударитъ придверника (подверника), то посадить его въ дыбу и взять пеню въ пользу князя и подверниковъ, которыхъ было двое: одинъ отъ князя, а другой отъ Пскова. Посадникъ и всякое другое правительственное лицо (властель) не могъ тягаться за друга, могъ тягаться только по своему собственному дѣлу или за церковь, когда былъ церковнымъ старостою. Въ случаѣ тяжбы за церковную землю, на судъ ходили одни старосты, сосѣди не могли идти на помощь.

Какъ въ Двинской, ткаъ и во Псковской грамотѣ назначатся прямо смертная казнь за извѣстныя преступленія, напримѣръ: за троекратное воровство, зажигательство и проч.; но въ обѣихъ грамотахъ умалчивается о душегубствѣ; казнили ли въ описываемое время за смертоубійство смертію, или слѣдовали уставу сыновей Ярославовыхъ?—этого вопроса мы не можемъ рѣшить; въ жалованной грамотѣ Кириллову монастырю князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій говоритъ, что въ случаѣ душегубства въ селахъ монастырскихъ должно отдавать душегубца на поруку, и за тою порукою поставить его передъ нимъ, княземъ, а онъ самъ исправу учинить; если же убійцы не будетъ налицо, то брать виры за голову рубль новгородскій; но какъ чинилъ исправу князь,—мы не знаемъ [1]); знаемъ только, что попрежнему люди, уличенные въ извѣстныхъ преступленіяхъ, становились собственностію князя: мы видѣли, что князья упоминаютъ о людяхъ, которые имъ въ винѣ достались. Что князья предавали смерти лицъ себѣ противныхъ и въ описываемое время, и прежде,—въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; если Мономахъ и совѣтуетъ своимъ дѣтямъ не убивать ни праваго, ни виноватаго, то это уже самое показываетъ, что убіеніе случалось; притомъ же число князей не ограничивалось дѣтьми Мономаха. Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича; Всеволодъ III предалъ смерти враждебнаго ему новгородскаго боярина; говорятъ, что казнь Ивана Вельяминова, по приказанію Димитрія Донскаго совершенная, была первою публичною смертною казнію: но мы не знаемъ, какъ преданъ былъ смерти Кучковичъ при Андреѣ Боголюбскомъ: форма здѣсь—не главное.

Въ Новгородѣ Великомъ въ 1385 году установлено было слѣдующее: посадникъ и тысяцкій судятъ свои суды по русскому обычаю, по цѣлованью крестному, причемъ обѣ тяжущіяся стороны берутъ на судъ по два боярина и по два мужа житейскихъ. Судъ иногда отдавался на откупъ: такъ, въ первой, дошедшей до насъ, договорной грамотѣ Новгородцевъ съ княземъ Ярославомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что князь Димитрій съ Новгородцами отдалъ судъ Бѣжичанамъ и Обонежанамъ на три года; въ 1434 году великокняжій намѣстникъ въ Новгородѣ продалъ обонежскій судъ двумъ лицамъ—Якиму Гурѣеву и Матвѣю Петрову.—Мы видѣли, что во Псковской судной грамотѣ при спорахъ о землевладѣніи четырехъ или пятилѣтняя давность рѣшала дѣло; но въ одной грамотѣ Іоанна III, 1483 года, есть указаніе на законъ великаго князя Василія Димитріевича, которымъ давность опредѣлена въ 15 лѣтъ [2]).

Вотъ картина гражданскаго суда, какъ онъ производился въ описываемое время: предъ судью являются двое тяжущихся—одинъ монахъ, Игнатій, митрополичій посельскій, другой—міряпинъ, землевладѣлецъ, Семенъ Терпиловъ. Игнатій началъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на этого Сеньку Терпилова; косилъ онъ у насъ силою другой годъ лугъ митрополичій, а на лугу ставится 200 копенъ сѣна, и лугъ тотъ митрополичій изстарины, Спасскаго села". Судья сказалъ Сенькѣ Терпилову: „Отвѣчай!" Сенька началъ говорить: „Тотъ лугъ, господинъ, на рѣкѣ на Шекснѣ—земля великаго

---

[1]) Допол. къ акт. истор. I, № 189.

[2]) Акты Арх. Эксп. I, № 28. —Москвитянинъ 1848, № 2.

князя, а тянетъ изстари къ моей деревнѣ Дороѳеевской. а кошу тотъ лугъ я и сѣно вожу". Судья спросилъ старца Игнатія: „Почему ты называешь этотъ лугъ митрополичьимъ изстари, Спасскаго села?" Игнатій отвѣчалъ: „Лугъ митрополичій изстари; однажды перекосилъ его у насъ Леонтій Васильевъ, и нашъ посельскій съ нимъ судился и вышелъ правъ; и грамота правая у насъ на тотъ лугъ есть, а вотъ, господинъ, съ нея списокъ передъ тобою, подлинная же въ казнѣ митрополичьей, и я положу ее предъ великимъ княземъ". Судья велѣлъ читать списокъ съ правой грамоты, и читали слѣдующее: „Судилъ судъ судья великой княгини Марѳы, Василій Ушаковъ, по грамотѣ своей государыни, великой княгини. Ставши на землѣ, на лугу на рѣкѣ Шекснѣ, передъ Василіемъ Ушаковымъ, митрополичій посельскій Данило такъ сказалъ: „Жалоба мнѣ, господинъ, на Леонтія Васильева сына; перекосилъ онъ пожню митрополичью, ту, на которой стоимъ". Судья сказалъ Леонтію: „Отвѣчай!" Леонтій началъ: „Я, господинъ, эту пожню косилъ, а межи не вѣдаю; эту пожню заложилъ мнѣ въ деньгахъ Сысой Савеловъ, а вотъ, господинъ, тотъ Сысой передъ тобою". Сысой сталъ говорить: „Эта пожня, господинъ, моя; заложилъ ее Леонтію я, и указалъ я ему косить по тѣ мѣста, которыя Данило называетъ своими; до сихъ поръ моей пожнѣ была межа по эти мѣста. А теперь, господинъ, вели Даниловымъ знахарямъ указать межу; какъ укажутъ,—такъ и будетъ; душа ихъ подниметъ, а у меня этой пожнѣ разводныхъ знахарей нѣтъ". Судья спросилъ митрополичьяго посельскаго Данила: „Кто у тебя знахари на эту пожню, на разводныя межи?" Данило отвѣчалъ: „Есть у меня, господинъ, старожильцы, люди добрые, Уваръ да Гавшукъ, да Игнатъ; а вотъ, господинъ, эти знахари стоятъ передъ тобою". Судья обратился къ Увару, да къ Гавшуку, да къ Игнату: „Скажите, братцы, по правдѣ, знаете ли, гдѣ митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою межа? поведите насъ по межѣ!" Уваръ, Гавшукъ и Игнатъ отвѣчали: „Знаемъ, господинъ; ступай за нами, мы тебя по межѣ поведемъ". И повели они изъ подлѣсья отъ березы на насередь пожни къ тремъ дубкамъ, да на берегъ по ветлу по виловатую, по самыя разсохи, и тутъ сказали: „По сихъ поръ знаемъ: эта межа митрополичьей пожнѣ съ Сысоевою". Судья спросилъ Сысоя: „А у тебя есть ли знахари?" Сысой отвѣчалъ: „Знахарей у меня нѣтъ: ихъ душа подниметъ". Тогда обоимъ истцамъ назначенъ былъ срокъ стать передъ великою княгинею у доклада; посельскій Данило сталъ на срокъ, но Сысой не явился, вслѣдствіе чего Данилку оправили и пожню присудили къ митрополичьей землѣ, а на судѣ были мужи: староста Арбужевскій Костя, Іевъ Софроновъ, Костя Савинъ Дарьина, Лева Якимовъ, Сенька Терпиловъ".

Когда прочли правую грамоту, судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „Ты написанъ въ этой грамотѣ суднымъ мужемъ; былъ ли такой судъ Леонтію Васильеву съ митрополичьимъ посельскимъ Данилкою объ этомъ лугу, и ты былъ ли на судѣ"? Сенька отвѣчалъ: „Былъ такой судъ, и я былъ на немъ въ мужахъ, а все же изстари этотъ лугъ—земля великаго князя моей деревни Дороѳеевской". Судья спросилъ у старца Игнатія: „Кромѣ вашей правой грамоты, есть ли у тебя на этотъ лугъ иной доводъ? Кто знаетъ, что этотъ лугъ митрополичій изстарины, и Сенька Терпиловъ косилъ его два года?" Игнатій отвѣчалъ: „Вѣдомо это людямъ добрымъ, старожильцамъ: Ивану Харламову, да Олферу Уварову, да Малашу Ѳранику, да Лукѣ Давидову, а вотъ эти старожильцы, господинъ, передъ тобою". На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Игнатія, и сказали: „Поѣзжай, господинъ судья, за нами, и мы отведемъ межу этому лугу съ великокняжеской землею". И повели Игнатьевы старожильцы съ верхняго конца, съ ивоваго куста изъ подлѣсья на голенастый дубъ, на вислый сукъ, къ рѣкѣ Шекснѣ на берегъ, и сказали: „Съ правой стороны земля великокняжеская, а съ лѣвой—лугъ митрополичій". Тогда судья спросилъ у Сеньки Терпилова: „А ты почему зовешь этотъ лугъ великокняжескимъ, кому это у тебя вѣдомо?" Сенька отвѣчалъ: „Вѣдомо добрымъ людямъ, старожильцамъ трехъ волостей, и вотъ, господинъ, эти старожильцы передъ тобою". На вопросъ судьи, старожильцы подтвердили показаніе Сеньки, и повели судью также показывать настоящія межи. Но Игнатьевы старожильцы сказали судьѣ: „Эти Сенькины старожильцы свидѣтельствуютъ лживо, и отводятъ лугъ митрополичій безмежно. Дай намъ, господинъ, съ ними цѣлованье: мы цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ изстари митрополичій". Сеньки старожильцы также сказали: „Цѣлуемъ животворящій крестъ на томъ, что лугъ этотъ великокняжескій изстари". Тогда судья сказалъ, что доложитъ государю, великому князю всея Русіи, передъ которымъ велѣлъ старцу Игнатію положить свою правую грамоту [1]).

Отъ описываемаго же времени дошли до насъ разнаго рода юридическіе акты: записи купчія, мѣновыя, данныя, отводныя, возныя, заемныя и закладныя, раздѣльныя, духовныя. Въ купчихъ означается прежде всего лицо покупающее и лицо продающее: „Се купи" такой-то у такого-то. Иногда покупка производится цѣлымъ племенемъ, нѣсколькими братьями, у цѣлаго же племени, которое владѣетъ землею нераздѣльно; такіе братья совладѣльцы называются братениками, сябрами. Иногда покупали землю двое, какъ видно, чужихъ другъ другу людей, и вносили въ купчую условіе, что если одинъ изъ покупателей или дѣти его захотятъ отказаться отъ своей покупки, то не должны продавать своего участка никому мимо другого покупателя и дѣтей его. Между покупателями видимъ лица духовныя, священниковъ, мо-

---

[1]) Описаніе Государств. Архива старыхъ дѣлъ, стр. 201.

наховъ; игумены покупаютъ земли для монастыря и собственно для себя. Между продавцами встрѣчаемъ женщинъ замужнихъ, которыя продаютъ землю, полученную ими въ приданое, но къ ихъ имени присоединяется и мужнее имя: „Се купи такой-то у такой-то и у ея мужа". Иногда мужъ покупалъ землю у своей жены, у ея зятя и у его жены. Послѣ именъ покупателя и продающаго подробно означается предметъ купли и цѣна, за него заплаченная, причемъ обыкновенно къ суммѣ денегъ прибавляется пополнокъ, большею частію какое-нибудь животное, напримѣръ: „И далъ за ту землю три рубля, а свинью пополнка". Далѣе означается, произведена ли купля на извѣстное число лѣтъ, или на-вѣки; послѣднее условіе выражается словомъ: одерень: „А купи себѣ одерень и своей братьи", или: „И своимъ дѣтемъ". Означается, что земля продана вмѣстѣ съ грамотами на нее, или означается у кого эти грамоты находятся. Если покупаютъ нѣсколько братьевъ, то означается, какому брату владѣть сколькими частями купленной земли. При покупкѣ земли означаются ея межи, или говорится просто: „По старымъ межамъ". Вносится условіе, что если кто-нибудь станетъ предъявлять свои права на купленную землю, то очищать ее обязанъ продавецъ и его дѣти; въ нѣкоторыхъ грамотахъ встрѣчаемъ условіе, чтобъ покупатель не продавалъ земли никому, кромѣ земца. На каждой грамотѣ видимъ имена нѣсколькихъ свидѣтелей или послуховъ, которые иногда называются просто людьми, бывшими на заводи, т.-е. при опредѣленіи границъ продаваемой земли. Говорится обыкновенно, что у печати стоялъ и землю завелъ самъ продавецъ; но иногда встрѣчаются и другія лица при обоихъ дѣйствіяхъ. Означается также имя писавшаго грамоту—священника, дьякона, дьяка, церковнаго дьяка [1]). Въ началѣ купчей Кирилла Бѣлозерскаго сказано, что она совершена съ вѣдома тіуна княжескаго [2]).—Въ приданныхъ записяхъ означались имена обоихъ родителей, равно какъ имена зятя и дочери; въ концѣ грамоты писались также имена послуховъ и прикладывалась печать, при которой стоялъ отецъ [3]). Въ раздѣльныхъ грамотахъ дѣлившіеся родственники, напримѣръ дядя съ племянникомъ, уговаривались, что если у одного изъ нихъ не будетъ дѣтей (отрода), или захочетъ онъ свой участокъ промѣнять, продать, приказать кому-нибудь, то онъ не долженъ этого дѣлать мимо другого отдѣлившагося родственника. При раздѣлѣ свидѣтелями съ обѣихъ сторонъ были люди добрые; за нарушеніе условій нарушитель въ Новгородѣ обязанъ былъ дать князю и владыкѣ извѣстную сумму денегъ [4]). Въ духовныхъ грамотахъ завѣщатели, имѣя жену, приказываютъ имущество матери своей и сыновьямъ, отчину и дѣдину, землю и воду, по отцовской грамотѣ и по владѣнью: распоряжаются челядью дерноватою; въ другихъ завѣщаніяхъ имѣніе приказывается женѣ и сыновьямъ; жена, если оставшись вдовою, станетъ сидѣть въ имѣніи мужа, то будетъ господарынею въ этомъ имѣніи; если же выйдетъ замужъ, то беретъ въ надѣлокъ извѣстную сумму денегъ; также беретъ назадъ все свое приданое; въ нѣкоторыхъ же завѣщаніяхъ говорится, что въ такомъ случаѣ нѣтъ ей участка ни въ чемъ. Если по смерти завѣщателя родится у него сынъ, то ему равная доля съ старшими братьями; если дочь,—то братья выдаютъ ее замужъ по силѣ. При распоряженіи имуществомъ, иныя земли завѣщатель дѣлитъ между сыновьями, другія оставляетъ имъ въ общее владѣніе. Если завѣщатель оставляетъ малолѣтнихъ сыновей, то до ихъ возраста родственникъ, напримѣръ братъ, ѣздитъ по селамъ и владѣетъ людьми, а хлѣбъ, деньги и дары идутъ матери и сыновьямъ. Въ случаѣ смерти сыновей, завѣщатель отдаетъ половину своего имѣнія брату, а другую половину велитъ продать и вырученное раздать по церквамъ на поминовеніе, челядь дерноватую отпустить на волю. Взаключеніе завѣщатель поручаетъ оставляемую семью извѣстнымъ лицамъ, иногда цѣлой улицѣ—въ Новгородѣ [5]). Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ относительно наслѣдства обращались ко власти церковной; такъ, одна вдова обратилась къ митрополиту Кипріану съ вопросомъ: что ей дѣлать?—мужъ ея умеръ насильственною смертію, завѣщанія не оставилъ, дѣтей нѣтъ, но есть пріемышъ (пріимачекъ). Митрополитъ рѣшилъ, что она имѣетъ право владѣть землею, людьми и всѣмъ имуществомъ мужа своего, поминать душу послѣдняго, дитя свое пріемное кормить, и распорядиться мужнимъ имѣніемъ въ завѣщаніи, какъ хочетъ [6]). Наконецъ отъ описываемаго времени дошли до насъ записи мировыя [7]).

Изъ приведенныхъ памятниковъ мы видимъ, что имущество жены было отдѣльно отъ имущества мужа; жена не могла продать своего приданаго безъ согласія мужа, продавали они его вмѣстѣ, причемъ имя жены стоитъ прежде имени мужа. Видимъ, что жена продаетъ свое имѣніе мужу. Мы видѣли, что по „Русской Правдѣ" за извѣстныя преступленія преступниковъ выдавали князю на потокъ со всѣмъ семействомъ; безъ сомнѣнія, это правило имѣло силу и въ описываемое время. Но отвѣчала ли жена за долги мужа, за нарушеніе имъ частныхъ правъ? Въ первомъ договорѣ Новгородцевъ съ Нѣмцами положено было, что должникъ неплательщикъ отдается заимодавцу въ рабство со всѣмъ семействомъ; во второмъ договорѣ эта статья измѣнена такъ: если жена поручалась

---

[1]) Акты юридич. № 71. Не должно забывать, что всѣ означенныя формы принадлежатъ купчимъ новгородскимъ.
[2]) Тамъ же, № 72.
[3]) Тамъ же, № 110.
[4]) Тамъ же, № 260.

[5]) Тамъ же, № 409. Всѣ эти завѣщанія новгородскія.
[6]) Акты истор. I, № 255.
[7]) Акты юридич. № 357; Записки археологич. общ. т. III, стр. 250; относительно Наперсковской грамоты можно успокоиться на объясненіи Неволина.

за мужа, то въ случаѣ неплатежа отдавалась въ рабство; если же не поручалась, то оставалась свободною. Но изъ этой статьи договора съ Нѣмцами слѣдуетъ ли заключить, что подобное же правило соблюдалось и внутри Россіи? Не имѣя другихъ доказательствъ, мы считаемъ себя въ правѣ сомнѣваться, ибо въ договорѣ съ Нѣмцами затрогивались особаго рода интересы: важно было ограничить выводъ людей изъ Новгородской области въ чужую сторону, православныхъ—къ иновѣрцамъ. Въ „Русской Правдѣ", наприм., было положено, что жена и дѣти холопа не выдаются за преступленіе мужа и отца, если они не участвовали въ этомъ преступленіи; но здѣсь дѣло не въ томъ, что они не отвѣчаютъ за преступленіе, ибо въ переходѣ отъ одного господина къ другому для нихъ нѣтъ еще наказанія; здѣсь дѣло въ томъ, что господинъ за преступленіе одного изъ своихъ холопей не долженъ лишаться нѣсколькихъ, слѣд. здѣсь правило устанавливается вслѣдствіе вліянія особаго интереса.

Что касается юридическихъ понятій въ Юго-Западной, Литовской Руси, то земскою привилегіею великаго князя Казимира Ягайловича 1457 года постановлено, что никто изъ князей, пановъ и мѣщанъ не казнится смертію и не наказывается по чьему-либо доносу, явному или тайному, или по подозрѣнію, прежде нежели будетъ уличенъ на явномъ судѣ, въ присутствіи обвинителя и обвиненнаго. За чужое преступленіе никто другой, кромѣ преступника, не наказывается, ни жена за преступленіе мужа, ни отецъ за преступленіе сына, и наоборотъ, также никакой другой родственникъ, ни слуга. Иностранцы не могутъ получать должностей и земель въ Литвѣ.—Относительно положенія жены по смерти мужа находимъ такое же распоряженіе, какое мы видѣли въ Псковской судной грамотѣ и въ новгородскихъ духовныхъ: вдова остается въ имѣніи мужа, пока не выйдетъ замужъ; въ этомъ случаѣ имѣніе переходитъ къ дѣтямъ или родственникамъ покойнаго; если же послѣдній назначилъ женѣ изъ своего имѣнія какое-нибудь вѣно, то оно остается при ней и въ томъ случаѣ, когда она вступитъ во второй бракъ [1]).

Изъ правыхъ грамотъ видимъ, что и на юго-западѣ споры о границахъ владѣній рѣшались такъ же, какъ и на сѣверо-востокѣ: свидѣтельство старцевъ общихъ въ Литовской Руси имѣетъ такое же значеніе, какъ свидѣтельство знахарей, старожильцевъ въ Руси Московской [2]). Галицкая купчая 1351 года по формѣ сходна съ купчими въ Сѣверо-Восточной Руси [3]).

Относительно народнаго права мы видимъ, что война ведется съ такимъ же характеромъ, какъ и прежде, если еще не съ большею жестокостію. Нижегородцы, взявши плѣнныхъ у Мордвы, затравили ихъ собаками [4]). Смольняне, во время похода своего на Литву, младенцевъ сажали на копья, другихъ вѣшали стремглавъ на жердяхъ, взрослыхъ давили между бревнами и проч. [5]); ругательства Псковичей надъ плѣнными ратниками Витовтовыми мы отказываемся сообщить нашимъ читателямъ [6]); во время похода московскихъ войскъ на Улу-Махмета, ратники по дорогѣ грабили и мучили своихъ [7])—русскихъ; митрополитъ Іона говоритъ о Вятчанахъ, что они, во время походовъ своихъ съ Шемякою, много православныхъ перемучили, переморили, иныхъ въ воду пометали, другихъ въ избахъ пожгли, инымъ глаза выжигали, младенцевъ на колъ сажали [8]), взяли плѣнниковъ болѣе полуторы тысячи и продавали Татарамъ. Военныя жестокости слѣдовательно могли доходить до ужасныхъ крайностей; но всегда ли доходили—это вопросъ; можно думать, что приведенные случаи были исключеніями, которыя условливались особенными обстоятельствами, особеннымъ ожесточеніемъ, и потому заслужили быть упомянутыми въ источникахъ, хотя, съ другой стороны, не имѣемъ права предполагать вообще мягкости въ поступкахъ ратныхъ людей въ землѣ непріятельской.

При заключеніи мира князья Сѣверо-Восточной Руси договариваются возвратить всѣхъ плѣнныхъ и все пограбленное во время войны, съ поручителей свести поруку, съ давшихъ присягу свести крестное цѣлованіе, все пограбленное отдается по исправѣ; если же не будетъ исправы, то требующіе возьмутъ по крестному цѣлованью; не возвращается съѣстное и то, что взято у непріятеля во время боя. Если, въ продолженіи войны, въ отнятой у непріятеля землѣ отнявшій князь сажалъ своихъ волостелей, то по заключеніи мира обязывался изслѣдовать ихъ поведеніе—и что взято право, то взять, а что взято криво, то по исправѣ отдать. Иногда встрѣчаемъ условіе, что князья обязываются отыскать, выкупить и возвратить даже тѣхъ плѣнныхъ, которые были запроданы за границу; иногда князья уговариваются не требовать другъ съ друга ничего взятаго во время войны, кромѣ людей, и тѣхъ безъ взятаго у нихъ имущества: „Что взято въ наше размирье, тому всему погребъ," или: „Тому всему дерть на обѣ стороны." Въ случаяхъ столкновенія между подданными двухъ княжествъ былъ общій судъ: „Между нами судить судъ общій людямъ старѣйшимъ"; если общіе судьи не смогутъ рѣшить дѣла, то должны передать его на рѣшеніе третьяго: на кого третій помолвитъ, виноватый передъ правымъ поклонится и взятое отдастъ; чьи же судьи на третій не поѣдутъ, или обвиненный третьимъ не захочетъ исполнить приговора, то правый можетъ силою отнять свое, и это не должно счи-

---

[1]) Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich, 28.
[2]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 30, 31.
[3]) Тамъ же, № 3. Временникъ Москов. истор. общ. кн. 16.

[4]) Никон. IV, 55.
[5]) Тамъ же, стр. 153.
[6]) Тамъ же, V, стр. 93.
[7]) Тамъ же, стр. 125.
[8]) Акты истор. I, № 261.

таться нарушеніемъ мира; объ общемъ и третейскомъ судѣ обычное выраженіе: „Обидному судъ безъ перевода, а судьямъ нашимъ третій вольный: въ судъ общій намъ (князьямъ) не вступаться; судьямъ садиться судить, поцѣловавши крестъ, что имъ судить въ правду, по присягѣ". Иногда впрочемъ третій обозначается именно на лицо; иногда условливаются: „Кто хочетъ, тотъ назоветъ три князя христіанскихъ, и изъ этихъ трехъ одного выбираетъ тотъ, на комъ ищутъ"; или: „Если судьи наши не смогутъ рѣшить дѣла, то зовутся на третій; берутъ себѣ третьяго изъ моихъ бояръ, великокняжескихъ, двухъ бояръ, и изъ троихъ большаго боярина одного; третьяго назоветъ тотъ, кто ищетъ, а тотъ беретъ, на комъ ищутъ; если же не выберутъ себѣ третьяго изъ этихъ троихъ бояръ, то я имъ третій, князь великій,—пусть придутъ передъ меня, я имъ велю выбирать изъ тѣхъ же троихъ бояръ, и если не захочетъ тотъ, на комъ ищутъ, то я его обвиню". Относительно суда встрѣчаемъ еще слѣдующій уговоръ: „Если случится разбой, или наѣздъ, или воровство изъ твоей отчины на моихъ людей великокняжескихъ, то суда общаго не ждать, отослать намъ своихъ судей и велѣть дать управу безъ перевода; если же ты не дашь мнѣ управы, или судьи твои судомъ переведутъ, то я свое отниму, и это не будетъ считаться нарушеніемъ мира". Понятно, что условія измѣнялись вслѣдствіе обстоятельствъ, при которыхъ заключался договоръ, вслѣдствіе того, между какими князьями онъ заключался.

Князья условливались вывода и рубежа не замышлять, а кто замыслитъ рубежъ, то рубежника выдавать по изслѣдованіи дѣла; выдавать также по изслѣдованіи дѣла холопа, рабу, поручника, должника, вора, разбойника, душегубца; кто пріѣдетъ изъ одного княжества въ другое за холопомъ или должникомъ, поймаетъ его самъ безъ пристава, но поставитъ передъ княземъ, намѣстникомъ или волостелемъ,—тотъ не виноватъ; но если выведетъ изъ волости и передъ волостелемъ не поставитъ,—будетъ виноватъ; если холопъ станетъ съ кѣмъ тягаться, но поруки по себѣ не представитъ, то холопа обвинить и выдать господарю, причемъ обыкновенно опредѣляется, сколько платить пошлины за одного холопа и за цѣлую семью; опредѣляются также и всѣ другія судныя издержки, которыя обязанъ платить истецъ; если же холопъ или раба не станутъ тягаться, то пошлинъ нѣтъ. Если по должникѣ не будетъ поруки, то его обвинить. Вора, разбойника, грабежника, душегубца судить тамъ, гдѣ поймаютъ; если же станетъ проситься на изводъ, то пускать. Новгородцы договорились съ Тверью, что если изъ новгородскихъ волостей явится обвиненіе на тверского вора или разбойника, и Тверичи скажутъ, что такого у нихъ нѣтъ, то пусть его не будетъ и послѣ въ тверскихъ волостяхъ; если же явится въ нихъ,—то выдать его безъ суда [1].

На сѣверо-востокѣ мы разъ встрѣчаемъ извѣстіе объ убіеніи посла, отправленнаго отъ одного князя къ другому [2]). Встрѣчаемъ извѣстіе объ убійствѣ татарскихъ пословъ въ Нижнемъ; въ 1414 году Нѣмцы убили псковскаго посла въ Нейгаузенѣ, Псковичи убили дерптскаго. Мы видѣли, что въ войнахъ Псковичей съ Литовцами былъ обычай отдавать плѣнныхъ на поруки.

На юго-западѣ, подъ 1229 годомъ встрѣчаемъ замѣчательное извѣстіе объ условіи, заключенномъ между Конрадомъ Мозавецкимъ и Даніиломъ Галицкимъ: если когда-нибудь начнется между ними война, то Полякамъ не воевать русской челяди, а Русскимъ—польской. Потомъ и здѣсь встрѣчаемъ также извѣстіе о возвращеніи плѣнныхъ послѣ войны [3]). Въ договорѣ Василія Темнаго съ королемъ Казиміромъ находимъ условіе: „А которые люди съ которыхъ мѣстъ вышли добровольно, ино тымъ людемъ вольнымъ воля, гдѣ хотятъ, тутъ живутъ". Въ договорахъ великихъ князей литовскихъ съ Новгородомъ и Псковомъ встрѣчаемъ условіе: если великій князь захочетъ начать войну съ Новгородомъ или Псковомъ, то обязанъ прислать разметныя грамоты, и можетъ начать войну только спустя мѣсяцъ послѣ этой присылки. Витовтъ, котораго по справедливости русскій лѣтописецъ называетъ **невѣрникомъ правдѣ**, чтобъ напасть врасплохъ на Псковичей, послалъ въ 1406 году разметную грамоту не во Псковъ, а въ Новгородъ, подъ предлогомъ старой зависимости перваго отъ послѣдняго, а самъ вступилъ въ Псковскую область. Для предотвращенія впредь подобнаго коварства, Псковичи, заключая договоръ съ Казиміромъ, обязали его, въ случаѣ разрыва, отсылать разметную грамоту не въ Москву и не въ Новгородъ, но положить ее во Псковѣ. Новгородцы, заключая договоръ съ тѣмъ же Казиміромъ, условились, чтобъ литовскіе послы по Новгородской волости подводъ не брали, а новгородскіе по Литовской [4]). Но, какъ видно, между Москвою и Литвою не было условій относительно подданныхъ одного государства, находившихся въ областяхъ другого во время разрыва между ними, ибо подъ 1406 годомъ находимъ извѣстіе, что, при разрывѣ Витовта съ Василіемъ Димитріевичемъ, въ Литвѣ перебили Москвичей.

Что касается нравственнаго состоянія вообще на Руси въ описываемое время, то мы уже замѣтили и въ предыдущемъ періодѣ, что чѣмъ далѣе на востокъ, тѣмъ нравы становятся жестче. Понятно, что удаленіе славянскихъ переселенцевъ въ пустыни Сѣверо-Восточной Европы, удаленіе отъ другихъ народовъ христіанскихъ, стоявшихъ съ ними на одинаковой степени гражданственности, и вступленіе въ постоянное сообщество только съ наро-

---

[1]) С. г. г. и д. т. I, № 18, 28, 31, 35, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 52, 67, 76, 80.—Акты Арх. Эксп. I, № 14.

[2]) Никон. III, 115.

[3]) П. С. Р. Л. II, 208.

[4]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 39, 40.

дами, стоявшими на низшей степени, не могли дѣйствовать благопріятно на нравы этихъ переселенцевъ; понятно, если послѣдніе не только остановились въ этомъ отношеніи, но даже пошли назадъ: не забудемъ здѣсь и вліянія самой природы, о которомъ была уже рѣчь прежде. Но кромѣ этихъ, собственно географическихъ причинъ, были еще другія, историческія, которыя не могли способствовать смягченію нравовъ. Одна географическая отдаленность главной сцены дѣйствія не могла надолго отнять у русскихъ людей возможность сообщенія съ другими христіанскими народами: мы видимъ, что когда Сѣверо-Восточная Русь образовалась въ одно сильное государство, то, начиная со второй половины XV вѣка, уже является стремленіе къ сообщенію съ другими христіанскими державами; въ продолженіи XVI и XVII вѣка, несмотря на всѣ препятствія, это стремленіе становится все сильнѣе и сильнѣе и, наконецъ, въ XVIII вѣкѣ видимъ вступленіе Россіи въ систему европейскихъ государствъ. Слѣдовательно полное уединеніе Руси въ XIII, XIV и XV вѣкахъ условливалось не географическимъ только отдаленіемъ, но преимущественно тѣмъ, что все вниманіе ея было поглощено внутреннимъ, тяжкимъ, болѣзненнымъ переходомъ отъ одного порядка вещей къ другому. Этотъ-то болѣзненный переходъ и дѣйствовалъ неблагопріятно на нравы. На югѣ мы видѣли сильныя усобицы; но усобицы эти шли вслѣдствіе споровъ за родовыя права: тотъ или другой князь становился старшимъ, занималъ Кіевъ вслѣдствіе своего торжества,—отношенія къ нему младшихъ оставались прежнія; но и тутъ мы замѣчаемъ большую жестокость, большую неразборчивость средствъ у тѣхъ князей, которые, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, были доводимы до крайности, лишались волостей и принуждены были потомъ пріобрѣтать ихъ и сохранять мечемъ. На сѣверѣ же, какъ мы видѣли, измѣнилась цѣль усобицъ, долженъ былъ измѣниться и характеръ ихъ: князья показали ясно, что они борются не за старшинство, какъ прежде, но за силу; хотятъ увеличить свои волости, пріобрѣсть могущество, и, вслѣдствіе этого могущества, подчинить себѣ всѣхъ остальныхъ князей, лишить ихъ владѣній. При такомъ характерѣ борьбы нѣтъ и рѣчи о правахъ и обязанностяхъ: каждый дѣйствуетъ по инстинкту самосохраненія; а гдѣ человѣкъ дѣйствуетъ только по инстинкту самосохраненія, тамъ не можетъ быть выбора средствъ: сильный пользуется первымъ удобнымъ случаемъ употребить свою силу; слабый прибѣгаетъ къ хитрости, коварству, взаимное довѣріе рушится, сильные начинаютъ прибѣгать къ страшнымъ нравственнымъ обязательнымъ средствамъ въ отношеніи къ слабымъ, но и эти средства оказываются недѣйствительными; страшныя проклятыя грамоты нарушаются такъ же легко, какъ и обыкновенные договоры; хитрость, двоедушіе слабаго получаетъ похвалу, какъ дѣло мудрости: лѣтописецъ хвалитъ князя Тверскаго, который, будучи слабымъ среди борьбы двухъ сильныхъ, умѣлъ извернуться, не прогнѣвалъ ни князя Московскаго, ни Эдигея. Борьба, доведенная до крайности, условливала и средства крайнія: сперва губили соперниковъ въ Ордѣ: но здѣсь могли видѣть еще только слѣдствія судебнаго приговора, произнесеннаго высшею властію; когда же князья стали управляться другъ съ другомъ независимо отъ всякаго чуждаго вліянія и когда борьба, приходя къ концу, достигла крайняго ожесточенія, является сперва ослѣпленіе, а потомъ и смерть насильственная. Обычай, по которому дружинники свободно переходили отъ одного князя къ другому, обычай, много облегчившій объединеніе Сѣверо-Восточной Руси, съ другой стороны,—вредилъ нравственности; поступокъ Румянца и товарищей его въ Нижнемъ-Новгородѣ конечно не можетъ быть причисленъ къ поступкамъ нравственнымъ. Насилія со стороны сильныхъ, хитрость, коварство, со стороны слабыхъ, недовѣрчивость, ослабленіе общественныхъ узъ среди всѣхъ:—вотъ необходимыя слѣдствія такого порядка вещей. Нравы грубѣли, привычка руководствоваться инстинктомъ самосохраненія вела къ господству всякаго рода матеріальныхъ побужденій надъ нравственными; грубость нравовъ должна была отражаться на дѣлѣ, на словѣ, на всѣхъ движеніяхъ человѣка. Въ это время имущества гражданъ прятались въ церквахъ и монастыряхъ, какъ мѣстахъ наиболѣе, хотя не всегда, безопасныхъ; сокровища нравственныя имѣли нужду также въ безопасныхъ убѣжищахъ—въ пустыняхъ, монастыряхъ, теремахъ; женщина спѣшила удалиться, или ее спѣшили удалить отъ общества мужчинъ, чтобъ волею или неволею удержать въ чистотѣ нравственность, чистоту семейную; не вслѣдствіе византійскаго, или татарскаго, или какого-нибудь другого вліянія явилось затворничество женщинъ въ высшихъ сословіяхъ, но вслѣдствіе извѣстной нравственной экономіи въ народномъ тѣлѣ: подтвержденіе здѣсь сказанному нами найдемъ мы послѣ въ прямыхъ извѣстіяхъ современниковъ-очевидцевъ. Историкъ не рѣшится отвѣчать на вопросъ: что бы сталось съ нами въ XIV вѣкѣ безъ церкви, монастыря и терема? Но понятно, что удаленіе женщинъ, бывшее слѣдствіемъ огрубѣнія нравовъ, само, въ свою очередь, могло производить еще большее огрубѣніе.

Но хотя это большое огрубѣніе въ нравахъ очень замѣтно въ описываемое время, однако историкъ не имѣетъ права дѣлать уже слишкомъ рѣзкаго различія между нравами описываемаго времени и нравами предшествовавшей эпохи въ пользу послѣдней. Мы уже имѣли случай замѣтить, что увѣщаніе Мономаха дѣтямъ—не убивать ни праваго, ни виноватаго, нисколько не служитъ доказательствомъ, чтобъ подобныхъ убійствъ не было въ его время; мы сомнѣваемся, чтобъ торжественная смертная казнь была установлена Димитріемъ Донскимъ, ибо не знаемъ, какъ Андрей Боголюбскій казнилъ Кучковича. Говорятъ, что отъ временъ Василія Яросла-

вича до Іоанна Калиты отечество наше походило болѣе на темный лѣсъ, нежели на государство: сила казалась правомъ; кто могъ, грабилъ, не только чужіе, но и свои; не было безопасности ни въ пути, ни дома; татьба сдѣлалась общею язвою собственности. Въ доказательство этихъ словъ приводятъ одно извѣстіе лѣтописи, что Іоаннъ Калита прославился уменьшеніемъ разбойниковъ и воровъ. Хотя въ источникахъ можно отыскать и болѣе указаній относительно разбоевъ, однако, съ одной стороны, мы не скажемъ, чтобъ въ приведенной картинѣ краски не были слишкомъ ярки, а съ другой стороны,—нѣтъ основанія предполагать, чтобъ прежде было много лучше и чтобъ въ другихъ сосѣднихъ христіанскихъ странахъ въ описываемое время было такъ же много лучше; въ послѣднемъ усомнится всякій, кто, напримѣръ, сравнитъ извѣстія о разбояхъ въ польскихъ владѣніяхъ во время Казимира Ягайловича. Говорятъ: легкія денежныя пени могли нѣкогда удерживать нашихъ предковъ отъ воровства; но въ XIV вѣкѣ воровъ клеймили и вѣшали, причемъ спрашиваютъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ человѣкъ съ клеймомъ вора оставался въ обществѣ? Но мы, въ свою очередь, спросимъ: былъ ли дѣйствителенъ стыдъ гражданскій тамъ, гдѣ воръ, отдѣлавшись легкою пенею, безъ клейма оставался въ обществѣ? Къ описываемому же времени относятъ появленіе тѣлесныхъ наказаній; но мы уже въ „Русской Правдѣ“ встрѣтили извѣстіе о мукахъ или тѣлесныхъ истязаніяхъ, которымъ виновный подвергался по приказанію княжескому; тѣлесныя наказанія существовали вездѣ въ средніе вѣка, но были ограничены извѣстными отношеніями сословными; у насъ же, вслѣдствіе извѣстныхъ причинъ, такія сословныя отношенія не выработались, откуда и произошло безразличіе касательно тѣлесныхъ наказаній. Но если мы не можемъ допустить излишней яркости нѣкоторыхъ красокъ въ картинѣ нравовъ и рѣзкости въ противоположеніи нравовъ описываемаго времени нравамъ предшествовавшей эпохи, то, съ другой стороны, мы видѣли въ описываемое время причины, которыя должны были вредно дѣйствовать на нравственность народную, измѣнять ее не къ лучшему.

Въ примѣрахъ жестокости наказаній нѣтъ недостатка въ источникахъ; совѣтники молодого князя Василія Александровича подверглись жестокимъ наказаніямъ: у однихъ носъ и уши обрѣзали, у другихъ глаза выкололи, руки отсѣкли [1]). Подъ 1442 годомъ лѣтописецъ упоминаетъ, что какихъ-то Колударова и Рѣжскаго кнутомъ били; это извѣстіе вставлено въ разсказъ о войнѣ великаго князя Василія съ Шемякою, и потому можно думать, что преступленіе этихъ людей состояло въ доброжелательствѣ послѣднему. Подъ 1444 годомъ говорится, что князь Иванъ Андреевичъ Можайскій схватилъ Андрея Димитріевича Мамона и, вмѣстѣ съ женою, сжегъ въ Можайскѣ, послѣ мы узнаемъ, что эти люди были обвинены въ еретичествѣ. Старое суевѣріе, привычка обвинять вѣдьмъ въ общественныхъ бѣдствіяхъ сохранялась: Псковичи во время язвы сожгли 12 вѣдьмъ. Когда, въ 1462 г., схвачены были дружинники Серпуховскаго князя Василія Ярославича, задумавшіе-было освободить своего господаря, то Василій Темный велѣлъ ихъ казнить — бить кнутомъ, отсѣкать руки, рѣзать носы, а нѣкоторымъ отсѣчь головы.—Относительно нравовъ служебныхъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Вятка не была взята по винѣ воеводы Перфушкова, который благопріятствовалъ Вятчанамъ за посулы [2]). Соблазнительная исторія о поясѣ, который былъ подмѣненъ на княжеской свадьбѣ первымъ вельможею, не можетъ дать выгоднаго понятія о тогдашней нравственности.—Вспомнимъ о страшномъ поступкѣ послѣдняго Смоленскаго князя Юрія. Лишенный волости, онъ жилъ въ Торжкѣ въ качествѣ намѣстника великокняжескаго. Здѣсь же нашелъ пріютъ изгнанный съ нимъ вмѣстѣ князь Семенъ Мстиславичъ Вяземскій. Юрій влюбился въ жену Вяземскаго, Ульяну, и, не находя въ ней взаимности, убилъ ея мужа, чтобъ воспользоваться беззащитнымъ состояніемъ жены; но Ульяна схватила ножъ, не попавши въ горло насильнику, ранила его въ руку и бросилась бѣжать, но Юрій догналъ ее на дворѣ, изрубилъ мечемъ и велѣлъ бросить въ рѣку. Но къ чести тогдашняго общества мы должны привести слова лѣтописца: „И бысть ему въ грѣхъ и въ студь великъ, и съ того побѣже къ Ордѣ, не терпя горькаго своего безвременья, срама и безчестія“. Юрій умеръ въ Рязанской Землѣ, гдѣ жилъ у пустынника Петра, плачась о грѣхахъ своихъ. — Мы видѣли, что митрополиты обратили вниманіе на нравственную порчу въ Новгородѣ и Псковѣ, вооружились противъ буйства, сквернословія, разводовъ, суевѣрій, клятвопреступленій. Лѣтописецъ Новгородскій особенно упрекаетъ своихъ согражданъ за грабежи на пожарахъ: отъ лютаго пожара, бывшаго въ 1267 году, многіе разбогатели; описывая пожаръ 1293 года, лѣтописецъ говоритъ: „Злые люди пали на грабежъ; что было въ церквахъ, все разграбили, у Св. Іоанна сторожа убили надъ имѣніемъ“; подобное же извѣстіе встрѣчаемъ подъ 1311 годомъ, потомъ подъ 1340 и 1342. Лѣтописецъ сильно жалуется также на дурное состояніе правосудія въ Новгородѣ подъ 1446 г. Въ то время, говоритъ онъ, не было въ Новгородѣ правды и праваго суда, встали ябедники, изнарядили четы, обѣты и крестныя цѣлованія на неправду, начали грабить по селамъ, волостямъ и по городу, и „были мы въ поруганіе сосѣдямъ нашимъ, сущимъ окрестъ нашъ; были по волости изъѣзды великіе и боры частые, крикъ, рыданіе, вопль и клятва отъ всѣхъ людей на старѣйшинъ нашихъ и на городъ нашъ, потому что не было въ насъ милости и суда праваго.“

[1]) Никон. III, 39.

[2]) П. С. Р. Л. V, 272.

Страсть къ вину въ сильной степени выказывается въ нѣкоторыхъ извѣстіяхъ, какъ, напримѣръ, въ извѣстіи объ осадѣ Москвы Тохтамышемъ; въ описаніи похода Василія Темнаго противъ дяди Юрія сказано, что великій князь взялъ съ собою изъ Москвы купцовъ и другихъ людей, которые были пьяны и везли съ собою медъ, чтобъ еще пить. Ссоры, драки, убійства и всякаго рода преступленія, попрежнему, всего чаще происходили на пьяныхъ пирахъ; въ 1453 году великій князь Василій Васильевичъ писалъ своимъ посельскимъ и приказникамъ: „Говорилъ мнѣ отецъ мой Іона митрополитъ, что ваши люди ѣздятъ въ митрополичьи села по праздникамъ, по пирамъ и по братчинамъ, незваные, и на этихъ пирахъ происходятъ душегубства, воровства и другихъ лихихъ дѣлъ много. И я, князь великій, далъ митрополиту грамоту, что въ его села по праздникамъ, пирамъ и братчинамъ никому незванымъ не ѣздить.“ Чѣмъ далѣе къ сѣверо-востоку, тѣмъ нравы были грубѣе. Изъ посланія митрополита Іоны къ вятскому духовенству узнаемъ, что въ Вяткѣ нѣкоторые брали по пяти, шести, семи и даже до десяти женъ, а священники ихъ благословляли и приношенія отъ нихъ принимали въ церковь; нѣкоторые жили съ женами вовсе безъ вѣнчанія, иные, постригшись въ монахи, разстригались и женились [1]).

Мы видѣли что митрополитъ уговаривалъ Новгородцевъ воздерживаться отъ суевѣрій; въ 1357 г они утвердились между собою крестнымъ цѣлованіемъ, чтобъ игранія бѣсовскаго не любить, и бочекъ не бить. Но борьбы, кончавшіяся иногда убійствомъ, продолжались повсюду: такъ, въ 1390 году въ Коломнѣ на игрушкѣ убитъ былъ Осей, сынъ кормильца или дядьки великаго князя Василія Димитріевича.

Невыгодное мнѣніе о безопасности общественной мы получаемъ изъ лѣтописныхъ извѣстій объ ушкуйничествѣ; извѣстій о разбояхъ, производимыхъ не въ столь обширныхъ размѣрахъ, мы не находимъ въ лѣтописяхъ, но находимъ въ житіяхъ святыхъ. Относительно состоянія общества любопытны приведенныя нами выше извѣстія о судьбѣ митрополичьяго десятинника, погибшаго въ Вышгородѣ, и о Лукѣ Можайскомъ, который, разбогатѣвъ, не сдерживался уже ничѣмъ при удовлетвореніи своихъ желаній.

Грубость нравовъ и приведенныя причины этой грубости должны были задержать также и литературное развитіе. Мы не встрѣчаемъ нигдѣ извѣстій объ образованности князей и вельможъ; о Димитріи Донскомъ прямо говорится, что онъ не былъ хорошо изученъ книгамъ; о Василіи Темномъ говорится, что онъ былъ ни книженъ, ни грамотенъ [2]); учились попрежнему у лицъ духовнаго званія: такъ, въ житіи Св. Іоны Новгородскаго говорится, что его учили у дьякона со множествомъ другихъ дѣтей Хотя Исидоръ и отзывался о русскихъ епископахъ, что они некнижны, однако мы должны принимать этотъ отзывъ относительно: грамотность сохранялась въ сословіи духовномъ; книги не могли утратить своего значенія, какъ вмѣстилища религіозныхъ сокровищъ; ученіе книжное не могло не оставаться желанною цѣлію для лучшихъ людей, какъ сообщавшее имъ познаніе вещей божественныхъ, дававшее средства къ религіозному совершенствованію. Книга, слѣдовательно, продолжала считаться сокровищемъ; во время Тохтамышевой осады, въ Москву со всѣхъ сторонъ снесено было множество книгъ; книги усердно переписывались иноками, переводились съ греческаго, составлялись сборники; вмѣстѣ съ книгами духовнаго содержанія переписывались и лѣтописи. Не одно врожденное человѣку любопытство и уваженіе къ дѣламъ предковъ давали значеніе лѣтописямъ; онѣ употреблялись какъ доказательства въ княжескихъ спорахъ: мы видѣли, что князь Юрій Димитріевичъ доказывалъ права свои на старшинство лѣтописями. Обычай записывать современныя событія также не прекратился; извѣстія о событіяхъ важныхъ, возбуждавшихъ особенное вниманіе и сочувствіе, записывались съ разными прибавками молвы стоустой, украшались по мѣрѣ силъ и знаній.

Епископы продолжали говорить поученія народу въ церкви: о Кириллѣ, епископѣ Ростовскомъ, говорится, что народъ изъ окрестныхъ городовъ стекался слушать его ученіе отъ св. книгъ, и авторъ этого извѣстія говоритъ о себѣ, что, онъ, стоя въ церкви въ нѣкоторомъ узкомъ и уединенномъ мѣстѣ, записывалъ слова проповѣдника. О Владимірскомъ епископѣ Серапіонѣ и Тверскомъ Симеонѣ говорится, что они были учительны и сильны въ книгахъ божественнаго писанія [3]). Подъ 1382 годомъ лѣтописецъ говоритъ о кончинѣ нижегородскаго инока Павла Высокаго, который былъ очень книженъ и большой философъ; слово его было солью божественною растворено. До насъ дошло нѣсколько словъ и поученій отъ описываемаго времени. Дошло слово на соборъ Архистратига Михаила, приписываемое митрополиту Кириллу: проповѣдникъ говоритъ о сотвореніи небесныхъ силъ, ихъ занятіи, о паденіи сатаны, о сущности души человѣческой, о паденіи перваго человѣка, излагается кратко исторія Ветхаго и Новаго Завѣта; послѣ чего проповѣдникъ обращается опять къ ангеламъ, описываетъ служеніе ангеловъ-хранителей, говоритъ о томъ, что ожидаетъ душу человѣка по разлученіи съ тѣломъ, описываются такъ называемыя мытарства, въ числѣ которыхъ помѣщены: срамословіе и иныя безстыдныя слова, пляски на пирахъ, свадь-

[1]) Акты истор. I, № 261, 267. Акты Арх. Эксп. I, № 50.

[2]) Лѣтопись XVII вѣка, хранящ. въ Император. публичной библ.

[3]) П. С. Р. Л. I, 195: «Любовному ученью же и тщанью дивляся сего честнаго святителя Кирила, со страхомъ и покореньемъ послушая, въ узцѣ мѣстѣ нѣкоемъ и во входнѣ (я читаю: не вх днѣ) написанья (я читаю: написанье) себѣ вдахъ, сего перваго словесе дѣтеля написати». Никон. III, 59, 86.

б хъ, вечеряхъ, игрищахъ на улицахъ, басни, всякія позорныя игры, плесканіе ручное, скаканіе ногами, вѣра во встрѣчу, чохъ, полазъ и птичій грай, ворожбу. Затѣмъ слѣдуетъ наставленіе духовенству: „Если вы сохраните всѣ эти завѣщанія, говоритъ проповѣдникъ, то Бога возвеселите, ангеловъ удивите, молитва ваша услышана будетъ отъ Бога, земля наша облегчится отъ иновѣрнаго ига бесерменскаго, милость Божія на всѣ страны Русской Земли умножится, пагубы и порчи плодамъ и скотамъ перестанутъ, гнѣвъ Божій утолится, народы всей Русской Земли въ тишинѣ и безмолвіи поживутъ, и милость Божію получатъ въ нынѣшнемъ вѣкѣ, особенно же въ будущемъ". Въ концѣ поученія замѣчательны для насъ слѣдующія слова: „Уже видимо кончина міра приблизилась, и урокъ житію нашему приспѣлъ, и лѣта сокращаются, сбылось уже все сказанное Господомъ: востанетъ бо языкъ на языкъ... Говорятъ, что по прошествіи семи тысячъ лѣтъ пришествіе Христово будетъ [1])".

Современникомъ Кирилла былъ Серапіонъ, епископъ Владимірскій, отзывъ о которомъ мы привели уже выше. Серапіонъ былъ поставленъ въ епископы митрополитомъ Кирилломъ изъ архимандритовъ кіевскаго Печерскаго монастыря, слѣдовательно происходилъ изъ Южной Руси. Серапіонъ въ своихъ словахъ также призываетъ къ покаянію, указывая на страшныя бѣдствія, тяготѣющія надъ Русью и возвѣщающія послѣднее время. Особенно замѣчательно изъ словъ его то, гдѣ онъ вооружается противъ упомянутой выше привычки приписывать общественныя бѣдствія вѣдьмамъ и губить ихъ за это: „Я-было короткое время порадовался, дѣти, видя вашу любовь и послушаніе къ нашей худости; я сталъ-было думать, что вы уже утвердились и съ радостію принимаете божественное писаніе. Но вы все еще держитесь поганскаго обычая, волхвованію вѣруете и сожигаете невинныхъ людей. Если кто изъ васъ и самъ не билъ ихъ, но былъ въ сонмѣ съ другими въ одной мысли, и тотъ такой же убійца: ибо если кто могъ помочь, да не помогъ,—все равно, что самъ велѣлъ убивать. Въ какихъ книгахъ, въ какихъ писаніяхъ вы слышали, что голода бываютъ на землѣ отъ волхвованія, и, наоборотъ, волхвованіемъ же хлѣбъ умножается? Если вы этому вѣрите, то зачѣмъ же вы пожигаете волхвовъ? Умоляйте, почитайте ихъ, дары имъ приносите, чтобъ устроивали миръ, дождь ниспускали, тепло приводили, землѣ велѣли быть плодоносною. Теперь вотъ уже три года хлѣбъ не родится, не только на Руси, но и въ латинскихъ земляхъ; что-жъ?—все эти волхвы надѣлали! Чародѣи и чародѣйки дѣйствуютъ силою бѣсовскою надъ тѣми, кто ихъ боится, а кто вѣру твердую держитъ къ Богу, надъ тѣмъ они не имѣютъ власти. Скорблю о вашемъ безуміи; умоляю васъ, отступите отъ дѣлъ поганскихъ. Если хотите очистить городъ отъ беззаконныхъ людей, то очищайте, какъ царь Давидъ очищалъ Іерусалимъ: онъ страхомъ Божіимъ судилъ, Духомъ Святымъ прозрѣвалъ. А вы какъ осуждаете на смерть, будучи сами исполнены страстей? – одинъ губитъ по враждѣ, другой хочетъ прибытка, а иному безумному хочется только побить до пограбить, а за что бьетъ и грабитъ,—того самъ не знаетъ. Правила божественныя повелѣваютъ осуждать человѣка на смерть по выслушаніи многихъ свидѣтелей; а вы въ свидѣтели поставили воду, говорите: если начнетъ тонуть, невинна,—если же поплыветъ,—то вѣдьма. Но развѣ дьяволъ, видя ваше маловѣріе, не можетъ поддержать ее, чтобы не тонула, и тѣмъ ввести васъ въ душегубство? Свидѣтельство человѣка отвергаете, а идете къ бездушному естеству, къ водѣ за свидѣтельствомъ"! [2]).

Дошли до насъ поученія митрополитовъ Петра, Алексія, Фотія [3]). Литовско-русскій митрополитъ Григорій Цамблакъ, изученный, по словамъ лѣтописей, книжной мудрости, оставилъ много проповѣдей. Мы должны обратить вниманіе на поученіе Новгородскаго владыки Симеона Псковичамъ, ибо въ немъ высказываются отношенія новгородскихъ владыкъ къ ихъ паствѣ. „Благородныя и христолюбивые честные мужи Псковичи! сами знаете, что кто честь воздаетъ своему святителю, то честь эта самому Христу приходитъ, и воздающій принимаетъ отъ Него мзду сторицею. И вы, дѣти, честь воздавайте своему святителю и отцамъ своимъ духовнымъ со всякимъ покореніемъ и любовію, не пытая отъ нихъ ничего и не говоря вопреки ничего; но смотрите сами на себя, укоряйте и судите сами себя, плачьтесь о грѣхахъ своихъ, не похищайте чужого, не радуйтесь бѣдамъ братіи своей, не мудрствуйте о себѣ и не гордитесь, но со смиреніемъ повинуйтесь отцамъ своимъ духовнымъ. Церковь Божію не обижайте, въ дѣла церковныя не вступайтесь, не вступайтесь въ земли и воды, въ суды и печать, и во всѣ пошлины церковныя, потому что всякому надобно гнѣва Божія бояться, милость Его призывать, о грѣхахъ своихъ плакаться и чужаго не брать" [4]). Къ описываемому времени можно отнести окончательное составленіе краткаго Домостроя, который въ нѣкоторыхъ сборникахъ называется: „Поученіе владыки Матөея Сарайскаго къ дѣтямъ своимъ." Это сочиненіе замѣчательно тѣмъ, что въ немъ три раза преподается наставленіе хорошо обращаться съ прислугою. Сначала говорится: „Не морите ихъ голодомъ и паче того, ибо это домашніе нищіе: нищій выпроситъ себѣ въ другомъ мѣстѣ, а прислуга въ одни твои руки смотритъ." Потомъ снова наставленіе: „Челядь свою милуйте и учите, старыхъ на свободу отпускайте, молодыхъ на добро учите". Въ заключеніи опять наставленіе: „Челядь свою кормите. Холопа или рабу твою убьютъ

---

[1]) Чтенія Моск. истор. общ. 1847, № 8.

[2]) Твор. Св. Отцевъ, годъ первый, кн. 1, 2, 3. Тамъ же годъ второй, кн. 1. О Серапіонѣ ср. Шевырева: —Поѣздка въ Кирилл. монастырь, II, стр. 36.

[3]) Пр. Макарія Исторія Русской церкви, V, 150 и слѣд.

[4]) Никон. V, 72.

на воровствѣ—тебѣ отвѣчать за ихъ кровь." Тутъ же совѣтуется не щадить жезла на непослушныхъ рабовъ, но не давать однако болѣе 30 ранъ [1]).

Отъ митрополитовъ Кипріана и Фотія дошли до насъ прощальныя грамоты. За четыре дня до преставленія своего, митрополитъ Кипріанъ написалъ грамоту, по выраженію лѣтописца, незнаему и страннолѣпну, въ которой всѣхъ прощалъ и благословлялъ, и самъ требовалъ отъ всѣхъ прощенія и благословенія, съ приказаніемъ—прочесть эту грамоту во всеуслышаніе, когда тѣло его будутъ класть во гробъ, что и было исполнено. Фотіева грамота подобна Кипріановой, только болѣе распространеная; въ началѣ тамъ, гдѣ митрополитъ говоритъ о своихъ трудахъ и печаляхъ, и въ концѣ,—гдѣ говорится о церковныхъ имуществахъ [2]).

Митрополитъ Кипріанъ написалъ житіе предшественника своего, Св. Петра [3]). Вотъ образецъ слога Кипріанова: „Праведницы во вѣки живутъ, и отъ Господа мзда ихъ, и строеніе ихъ отъ Вышняго, и праведникъ аще постигнетъ скончатися, въ покоѣ будетъ, и похваляему праведнику возвеселятся людіе, занеже праведнымъ подобаетъ похвала. Отъ сихъ убо единъ есть, иже и нынѣ нами похваляемый священноначальникъ, и аще убо никтоже доволенъ нынѣ есть похвалити достойно его по достоинству, но паки неправедно разсудихъ, таковаго святителя вѣнецъ не украшенъ нѣкако оставити, аще и прежде насъ бывшіи самохотіемъ преминуша, смотрѣніе и се нѣкое Божіе мню и святаго дарованія, яко да и мы малу мзду пріимемъ, яко же вдовица она, принесшая двѣ мѣдницы, тако и азъ убо многими деньми томимъ и привлачимъ любовію къ истинному пастуху, и хотящу ми убо малое нѣкое похваленіе святителю принести, но свою немощь смотрящу недостижну ко онаго величествію и удерживахся, паки же до конца оставити и облѣнитись тяжчайше вмѣнихъ". Митрополитъ Θеодосій описалъ чудо, бывшее у гроба Св. Алексія; онъ начинаетъ свой трудъ такъ: „Свѣтло намъ днесь позорище и чюдно торжество, и просвѣщено и собрано, днесь радостенъ праздникъ и чудеси исполненъ, праздникъ душевному спасенію потреба есть, иже всякаго ума и слова превосходитъ.... Како ли кто можетъ по достоянію доблести твоя похвалити и многа чюдеса, ими же тя Богъ прославилъ? слышана же бысть чюдесъ твоихъ пучина, отвсюду къ тебѣ различныхъ родовъ человѣци вѣрою влекоми течаху, якоже елени на источники водныя во время распаленія, насладитися твоихъ дарованій; ты бо душевная и тѣлесная чувства свѣтло просвѣщаеши, имѣютъ бо въ душахъ своихъ слово, отъ сущія къ тебѣ благодати даемое любезнѣ. Азъ смиренный, видя таковая, велми удивихся, надѣющу же ми ся помощи святаго, и еже ми къ нему вѣры и любви боязни, дерзнухъ простерти смиреного ми тѣлесе руку и омочихъ мою трость въ свѣтящееся смиреніе, и дерзнулъ положити начало, еже написати великое и преславное чюдо". Встрѣчается слово похвальное Св. верховнымъ апостоламъ Петру и Павлу—твореніе Θеодосія, архіепископа всея Руси [4]).

Изъ другихъ писателей житій святыхъ извѣстенъ Троицкій монахъ Епифаній Премудрый, написавшій службу, житіе и чудеса Св. Сергія и Никона Радонежскихъ, также житіе Стефана Пермскаго. Былъ ли Епифаній на Аθонѣ и въ другихъ православныхъ центрахъ просвѣщенія или нѣтъ, но онъ былъ хорошо знакомъ съ современной ему русской книжностью и въ совершенствѣ усвоилъ пріемы образцовыхъ произведеній церковнаго витійства на славянскомъ языкѣ, переводныхъ или оригинальныхъ, которыя стали размножаться въ русской письменности съ его времени. По житію Стефана можно составить значительный лексиконъ тѣхъ искусственныхъ, чуждыхъ русскому языку по своему грамматическому образованію, словъ, которыя вносила въ книжный языкъ древней Руси южно-славянская письменность. Реторическія фигуры и всевозможныя амплификаціи разсѣяны въ житіи съ утомительнымъ изобиліемъ; авторъ не любитъ разсказывать и размышлять просто, но облекаетъ часто одну и ту же мысль въ нѣсколько тавтологическихъ оборотовъ; для характеристики святаго онъ набираетъ въ одномъ мѣстѣ 20, въ другомъ 25 эпитетовъ, и почти всѣ они разные... Вообще Епифаній въ своемъ твореніи больше проповѣдникъ, чѣмъ біографъ, и въ смѣшеніи житія съ церковнымъ панегирикомъ идетъ гораздо дальше Кипріана. Историческій разсказъ о Стефанѣ въ потокѣ авторскаго витійства является скудными отрывками [5]).— Чтобъ объяснить себѣ такой характеръ житій, надобно вникнуть въ ихъ происхожденіе, въ побужденія, которыя заставляли писать ихъ. Религіозное чувство требовало отнестись къ святому съ молитвою и прославленіемъ, что выражалось въ службѣ святому; изъ жизни святаго выбирались именно такія черты, которыя особенно возбуждали умиленіе, религіозное чувство, служили къ прославленію угодника Божія. Церковная пѣснь, канонъ, похвальное слово,—вотъ первоначальная, естественная и необходимая форма извѣстій о жизни святаго, и позднѣйшія житія должны были слагаться подъ вліяніемъ этой формы, тѣмъ болѣе что и въ ихъ составителяхъ дѣйствовало то же побужденіе, то же желаніе прославить святаго, принести ему „малое нѣкое похваленіе". Поэтому въ житіяхъ святыхъ мы и не можемъ найти много чертъ быта и важныхъ теперь для насъ указаній историческихъ. Тѣмъ менѣе можемъ мы искать этого въ сочиненіяхъ писателя пришлаго, для котораго обстановка тогдашней русской жизни была чуждою,—въ сочиненіяхъ знаменитаго книжника, Пахомія Логоθета,

[1]) Пр. Макарія Истор. Русс. церкви V, 414.
[2]) Тамъ же, VI, 147; V, 254.
[3]) Степен. кн. I,410.

[4]) П. С. Р. Л. VI, 325.—Рукоп. библіот. Ундольск. № 297.
[5]) Ключевскаго. Житія святыхъ, какъ историч. источники, стр. 93.

родомъ Серба, который, живя то въ Троицкомъ монастырѣ, то въ Новгородѣ, писалъ житія святыхъ, похвальныя слова и каноны, по порученію начальства. Искусствомъ въ книжномъ сложеніи славился также митрополичій дьякъ Родіонъ Кожухъ, изъ сочиненій котораго дошло до насъ сказаніе о чудѣ Св. Варлаама и сказаніе о трусѣ, бывшемъ въ 1460 году. Вотъ образецъ Родіонова искусства: „Прежде взыде подъ небесы туча на облацѣхъ и всѣмъ зрѣти, яко обычнѣ шествоваше воздухѣ носимо, и тако поиде отъ юга совокупляяся облакы по аеру воздуха парящаго, по пророческому словеси: сбирая яко въ мѣхъ воды морскія и полагая во скровищахъ бездны, и тако поиде къ востоку солнечному на облацѣхъ, и яко уже совокупивъ свое величество, исполнены водоточнаго естества, и такъ распространися надо многими мѣсты, и бысть видѣніемъ туча грозна и велика велми“ [1]).

И въ описываемое время сохранился обычай странствовать ко Св. мѣстамъ цареградскимъ, аѳонскимъ, палестинскимъ. Такъ дошло до насъ описаніе Цареграда, сочиненное Стефаномъ Новгородцемъ въ половинѣ XIV вѣка [2]). Вотъ цѣль путешествія Стефанова, какъ онъ самъ ее опредѣляетъ въ началѣ своего описанія: „Азъ грѣшный Стефанъ изъ Великаго Новгорода съ своими други осмью пріидохомъ въ Царьградъ поклонитися Святымъ мѣстамъ, и цѣловати тѣлеса святыхъ, и помиловани быхомъ отъ Св. Софіи, премудрости Божіей“. Любопытно видѣть, какъ чудеса искусства и прочность камня поражали русскихъ людей, привыкшихъ къ своимъ бѣднымъ и непрочнымъ зданіямъ; статуя Юстиніанова показалась нашему Новгородцу вельми чудна, „аки живъ, грозно видѣти его... Суть же много и иніихъ столповъ по граду стоятъ, отъ камени мрамора, много же на нихъ писанія отъ верха и до долу, писано рытіею великою. Много бо есть дивитися и умъ сказати не можетъ, како бо толико лѣтъ камня того ничто не иметъ?“ Видимъ, что русскіе путешественники пользовались въ Константинополѣ особеннымъ вниманіемъ со стороны правительства, гражданскаго и церковнаго; такъ, царевъ бояринъ, видя, что Новгородцы стиснуты въ толпѣ и не могутъ пробраться къ страстямъ Господнимъ, очистилъ имъ дорогу; патріархъ, увидѣвши русскихъ странниковъ, подозвалъ ихъ къ себѣ, благословилъ и разговаривалъ съ ними: „Понеже бо вельми любитъ Русь. О великое чудо! Колико смиреніе бысть ему, иже бесѣдова съ странники ны грѣшніи: не нашъ бо обычай имѣетъ“. Описывая монастырь Студійскій, Стефанъ говоритъ, что изъ этого монастыря въ Русь посылали много книгъ: уставы, тріоди. Обходя другіе монастыри, Стефанъ встрѣтилъ двоихъ своихъ Новгородцевъ, Ивана и Добрилу, которые жили въ Константинополѣ, занимаясь списываніемъ церковныхъ книгъ въ Студійскомъ монастырѣ.

[1]) П. С. Р. Л. VI, стр. 182, 320.
[2]) Сахарова.—Сказ. русск. нар. т. II.

Троицкій монахъ Зосима, странствовавшій по Святымъ мѣстамъ въ 1420 году, такъ говоритъ о побужденіяхъ, заставившихъ его описать свое хожденіе: „Понеже глаголетъ писаніе: тайну бо цареву хранити добро есть, а дѣла Божія проповѣдати преславно есть; да еже бо не хранити царевы тайны неправедно и блазнено есть, а еже бо молчати дѣла Божія, ино бѣду наносить душѣ своей. Убо и азъ боюся дѣла Божія таити, воспоминая муку раба онаго, иже пріимше талантъ Господень и въ землѣ скрывый... Буди же се написаніе всѣмъ намъ причащающимся благословеніе отъ Бога и Святаго гроба, и отъ Святыхъ мѣстъ сихъ: мзду бо многу равну пріимутъ съ ходящими до Св. града Іерусалима и видѣвшими святыя сіи мѣста. Блажени бо видѣвше и вѣровавше; треблаженіи бо не видѣвше и вѣровавше... Но Бога ради, братіе и отцы и господіе мои, сынове Рустіи! Не зазрите моему худоумію и грубости моей; да не будетъ ми въ похуленіе написаніе се. Не меня для, грѣшнаго человѣка, но святыхъ для мѣстъ прочитайте съ любовію и вѣрою, да мзду пріимите отъ Бога нашего Іисуса Христа“.

Стефанъ Новгородецъ говоритъ, что войдешь въ Царьградъ какъ въ дубраву какую, и безъ добраго провожатаго ходить нельзя. Наши странники записывали безъ разбора все, что имъ говорили эти провожатые, записывали и о жабѣ, которая, по улицамъ ходя, смертію людей пожирала, а метлы сами мели; встанутъ люди рано—улицы чисты, и многое тому подобное.

Одинъ изъ спутниковъ митрополита Исидора описалъ путешествіе во Флоренцію. И здѣсь любопытны впечатлѣнія, произведенныя на русскаго человѣка западными городами и западною природою: „Городъ Юрьевъ (Дерптъ) великъ, каменный, такихъ нѣтъ у насъ; палаты въ немъ чудныя, мы такихъ не видывали и дивились. Городъ Любекъ очень дивенъ, поля, горы вокругъ великія, сады прекрасные, палаты чудныя съ позолоченными верхами; товара въ немъ много всякаго; воды проведены въ него, текутъ по всѣмъ улицамъ, по трубамъ, а иныя изъ столповъ, студены и сладки“. Въ монастырѣ Любскомъ путешественники видѣли мудрость недоуменную и несказанную: какъ живая стоитъ Пречистая и Спаса держитъ на рукахъ; зазвенитъ колокольчикъ—слетаетъ ангелъ сверху и сноситъ вѣнецъ, кладетъ ее на Пречистую; потомъ пойдетъ звѣзда какъ по небу, и, глядя на нее, идутъ три волхва, передъ ними человѣкъ съ мечемъ, за ними другой съ дарами.—Въ Любекѣ же нашъ путешественникъ видѣлъ колесо на рѣкѣ, воду беретъ изъ рѣки и пускаетъ во всѣ стороны, другое колесо тутъ же небольшое, мелетъ и сукна тчетъ. Въ Люнебургѣ поразилъ его фонтанъ: среди города столпы устроены изъ мѣди позолоченой, чудесные! У каждаго столпа люди приряжены тоже мѣдные, текутъ изъ нихъ всѣхъ воды сладкія и холодныя,—у инаго изо рта, у другаго изъ уха, у третьяго изъ глаза, текутъ шибко, точно

изъ бочекъ; люди эти поятъ водою весь городъ и скотъ, проведенье водъ этихъ очень хитро и стеканіе несказанное. Въ Браунштейгѣ удивили его крыши домовъ: крыты домы досками изъ камня мудренаго, который много лѣтъ не рушится. Нюренбергъ показался хитрѣе всѣхъ прежде видѣнныхъ городовъ: сказать нельзя и недомысленно. Но Флоренція лучше еще Нюренберга: въ ней дѣлаютъ камки и аксамиты съ золотомъ, сукна скарлатныя, товару всякаго множество и садовъ масличныхъ, гдѣ дѣлаютъ деревянное масло; о колокольницѣ Флорентійской недоумѣваетъ умъ. Въ Венеціи по всѣмъ улицамъ воды, и ѣздятъ на баркахъ; церковь Св. Марка каменная, столпы въ ней чудные, Гречинъ писалъ мусіею. О Хорватахъ путешественникъ замѣтилъ, что языкъ у нихъ съ Руси, а вѣра латинская. Другой спутникъ Исидора, инокъ Симеонъ Суздалецъ, составилъ описаніе Флорентійскаго собора: „Повѣсть инока Симеона іерея Суздальца, како Римскій папа Евгеній составлялъ осьмой соборъ съ своими единомысленники“ Симеонъ не былъ доволенъ поведеніемъ Исидора во Флоренціи; вотъ что онъ говоритъ о своемъ сопротивленіи митрополиту и гоненіяхъ, которыя онъ за то потерпѣлъ отъ послѣдняго: „Исидоръ митрополитъ остался въ Венеціи и пересылался съ папою, да, ходя по божницамъ, приклякалъ (присѣдалъ) по-фряжски, и намъ приказывалъ то же дѣлать; но я много разъ съ нимъ за это спорилъ, и онъ меня держалъ въ большой крѣпости. Тогда я, видя такую неправду и великую ересь, побѣжалъ въ Новгородъ, изъ Новгорода въ Смоленскъ“. — Смоленскій князь выдалъ Симеона Исидору, который посадилъ его въ темницу, въ желѣза, и сидѣлъ онъ всю зиму въ одной свиткѣ, на-босу-ногу, потомъ повезли его изъ Смоленска въ Москву [1]).

Продолжали переводить съ греческаго: митрополитъ Кипріанъ перевелъ „Лѣствицу“ Св. Іоанна и толкованіе на нее; переводили Андрея Критскаго, Златоуста, Преп. Нила, Св. Исаака Сирина, Преп. Максима. Впрочемъ, большая часть переводовъ совершена была не въ Россіи, а на Аѳонѣ, въ русскомъ Пантелеймоновомъ и сербскомъ Хиландарскомъ монастыряхъ; переводились и сочиненія позднѣйшія, иногда ничтожныя по содержанію [2]). Подъ 1384 годомъ читаемъ въ лѣтописи: того же года передано было слово Святаго и премудраго Георгія Писида—Похвала Богу о сотвореніи всякой твари. Это поэма „Міротвореніе“ Георгія Писида, митрополита Никомидійскаго, писателя VII вѣка: переводчикомъ былъ Димитрій Зоографъ [3]). Отъ XIV вѣка дошелъ до насъ списокъ „Пчелы“, сборника, или антологіи, составленной по извѣстнымъ греческимъ антологіямъ Максима Исповѣдника и Антонія Мелиссы (Пчелы); антологіи эти обыкновенно начинаются выписками изъ Евангелія, Апостола, Твореній Св. Отцевъ, и вслѣдъ за ними идутъ выдержки изъ писателей языческихъ — Исократа, Демокрита, Ксенофонта, Платона и др. [4]). Изъ Болгаріи и Сербіи перешли въ Русь и сочиненія апокрифическія, разнаго рода повѣсти, особенно привлекательныя для людей, стоящихъ на той степени образованія, на какой стояли Русскіе люди въ описываемое время [5]). Разсказы новгородскихъ путешественниковъ подали поводъ и къ Русскому оригинальному сочиненію подобнаго рода; многіе Новгородцы разсказывали, что видѣли на дышущемъ морѣ червь неусыпающій, слышали скрежетъ зубный, видѣли рѣку молненную Моргъ, видѣли, какъ вода входитъ въ преисподнюю и опять выходитъ трижды въ день. Судно Новгородца Моислава прибило бурею къ высокимъ горамъ, и вотъ путешественники увидали на горѣ деисусъ, написанъ лазоремъ чуднымъ, и свѣтъ былъ на томъ мѣстѣ самосіянный, такой, что человѣку и разсказать нельзя, солнца не видать, а между тѣмъ свѣтло, свѣтлѣе солнца, на горахъ слышались ликованія, веселые голоса; одинъ Новгородецъ взбѣжалъ на гору, всплеснулъ руками, засмѣялся и скрылся отъ товарищей, то же сдѣлалъ и другой; третьему привязали веревку къ ногѣ, и когда стащили его насильно съ горы, то онъ оказался мертвъ. Эти разсказы, вмѣстѣ съ извѣстіями, почерпнутыми изъ другихъ, также мутныхъ источниковъ, заставили Новгородскаго архіепископа Василія писать къ Тверскому епископу Ѳеодору посланіе о раѣ [6]).

Сказанія о Китоврасѣ и т. п. переписывались, а въ богослужбныхъ книгахъ ощущался недостатокъ; въ житіи Св. Димитрія Прилуцкаго говорится, что братія жаловалась ему на недостатокъ книгъ; во Псковѣ не было настоящаго церковнаго правила; митрополитъ Кипріанъ посылалъ туда уставъ службы Златоустаго и Василія, чинъ крещенія и вѣнчанія; въ списки вкрадывались разности, искаженія: тотъ же митрополитъ Кипріанъ писалъ, что въ толстыхъ сельскихъ сборникахъ много ложнаго, посѣяннаго еретиками на соблазнъ невѣждамъ, наприм. молитвы о трясавицахъ [7]).

Что касается литературы свѣтской, то до насъ дошли отъ описываемаго времени историческія пѣсни, сказанія и лѣтописи. Изъ первыхъ дошла пѣсня о Щелканѣ Дудентьевичѣ, замѣчательная по взгляду на Татаръ и на поведеніе ханскихъ баскаковъ въ Руси. Ханъ Узбекъ, творящій судъ и расправу, изображается такъ: „Сидитъ тутъ Азвякъ — суды разсуживаетъ и ряды разряживаетъ, костылемъ размахиваетъ по бритымъ тѣмъ усамъ, по татарскимъ тѣмъ головамъ“. Узбекъ жалуетъ своихъ родственниковъ русскими городами, не жалуетъ одного Щелкана, потому что тотъ находится въ отсутствіи, въ Землѣ Литовской, гдѣ „бралъ онъ дани, невыходы,

[1]) Сборникъ библ. гр. Уварова, 408.
[2]) Истор. Русск. Церк. пер. II, стр. 62.
[3]) Словарь духов. писат. I, стр. 113.
[4]) Извѣст. Импер. Акад. Наукъ по отд. Русск. яз. т. II, л. 14, статья Сухомлинова о Пчелахъ.
[5]) Исторія Русск. церк. пер. II, стр. 63.
[6]) П. С. Р. Л. VI, 87.
[7]) Истор. Русск. церк. пер. II, стр. 98. Макарьевскія Минеи, февраль.

царскіе невыплаты, съ князей бралъ по сту рублевъ, съ бояръ по пятидесяти, съ крестьянъ по пяти рублевъ,—у котораго денегъ нѣтъ, у того дитя возьметъ, у котораго дитя нѣтъ,—у того жену возьметъ, у котораго жены-то нѣтъ,—того самого головой возьметъ". Возвратившись въ Орду, Щелканъ проситъ Узбека пожаловать его Тверью старою, Тверью богатою; Узбекъ соглашается, но съ условіемъ, чтобъ Щелканъ прежде закололъ любимаго своего сына, нацѣдилъ чашу горячей крови и выпилъ бы ее. Щелканъ исполняетъ условіе и пріѣзжаетъ въ Тверь судьею. „А немного онъ судьею сидѣлъ: и вдовы-то безчестити, красны дѣвицы позорити, надо всѣми наругатися, надъ домами насмѣхатися". Тверичи принесли жалобу своимъ князьямъ, которые называются братьями Борисовичами, и потомъ пошли съ поклономъ и подарками къ Щелкану: тотъ загордился, повздорилъ съ Тверичами, которые и растерзали его [1]).

Содержаніе украшенныхъ сказаній составляютъ подвиги самыхъ знаменитыхъ князей, самыя важныя событія въ жизни народной, счастливыя или бѣдственныя, наконецъ событія, особенно поразившія воображеніе современниковъ какими-нибудь чудесными обстоятельствами. Если прежде содержаніемъ историческихъ пѣсенъ и словъ служили подвиги князей и богатырей противъ Печенѣговъ и Половцевъ, то мы должны ожидать, что въ описываемое время это содержаніе будетъ заимствовано изъ борьбы съ Татарами, смѣнившими Половцевъ; на западѣ, для Новгорода и Пскова шла также опасная борьба со Шведами, ливонскими Нѣмцами и Литвою; въ этой борьбѣ прославились два князя—Александръ Новгородскій и Довмонтъ Псковской, и вотъ мы видимъ, что подвиги ихъ служатъ предметомъ особенныхъ украшенныхъ сказаній.

Сочинитель сказанія о великомъ князѣ Александрѣ былъ современникъ и приближенный человѣкъ къ своему герою: самъ Александръ разсказывалъ ему о подробностяхъ Невской битвы. Мы уже воспользовались прежде этими подробностями; теперь же приведемъ начало сказанія въ образецъ слога: „О велицѣмъ князѣ нашемъ Александрѣ Ярославовичѣ, о умномъ и кроткомъ и смысленомъ, о храбромъ, тезоименитомъ царя Александра Македоньскаго, подобникѣ царю Алевхысу (Ахиллесу) крѣпкому и храброму, сице бысть повѣсть о немъ. О Господѣ Бозѣ нашемъ, азъ худый и грѣшный и малосмысленный покушаюся написати житіе Святаго и великаго князя Александра Ярославича, внука великаго князя Всеволода. Понеже слышахомъ отъ отецъ своихъ, и самовидецъ есмь възраста его, и радъ быхъ исповѣдалъ святое и честное житіе его славное; но яко же Приточникъ рече: въ злохитру душю не внидеть мудрость... Аще грубъ есмь умомъ, но молитвою Св. Богородице и поспѣшеніемъ Св. великаго князя Александра начатокъ положю. Сей бѣ князь Великый Александръ Богомъ роженъ отъ отца боголюбива и мужелюбца, паче и кротка, великаго князя Ярослава Всеволодовича и отъ матери Святыя великія княгини Өеодосіи. Яко же рече Исаія пророкъ: тако глаголетъ Господь: князи азъ учиняю, священи бо суть, азъ вожу я въ истину; безъ Божія повелѣнія не бѣ княженіе его. И възрастъ его паче инѣхъ человѣкъ, гласъ его яко труба въ народѣ, лице же его бѣ яко Іосифа Прекраснаго, сила же его бѣ вторая часть отъ силъ Самсоня; и далъ ему бѣ Богъ премудрость Соломоню, храбрость же яко царя римскаго Еуспасьяна".—Сказаніе о благовѣрномъ князѣ Довмонтѣ и о храбрости его отличается большею простотою.

Къ борьбѣ Новгорода со Шведами относится также любопытный литературный памятникъ—**Рукописаніе Магнуша, короля свѣйскаго**. Мы видѣли, что Шведскій король Магнусъ Ерихсонъ, предпринималъ крестовый походъ противъ Новгорода; походъ этотъ, грозившій сначала большою опасностію Новгородцамъ, не удался; въ отечествѣ Магнуса ждали бѣдствія: сначала онъ долженъ былъ вести войну съ родными сыновьями, потомъ былъ свергнутъ съ престола вельможами, которые провозгласили королемъ племянника его отъ сестры, Альбрехта Мекленбургскаго; Магнусъ былъ взятъ въ плѣнъ, освободился только черезъ пять лѣтъ и кончилъ жизнь въ Норвегіи, въ 1374 году. Эти извѣстія о плачевной судьбѣ короля, который грозилъ такою опасностію православію, были причиною появленія въ Новгородѣ „Магнушева рукописанія", которое начинается обычною формою русскихъ завѣщаній: „Я, Магнусъ, король Шведскій, нареченный во Св. крещеніи Григорій, отходя отъ свѣта сего, пишу рукописанье при своемъ животѣ и приказываю своимъ дѣтямъ, своей братьѣ и всей Землѣ Шведской: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи, потому что намъ не удается". Слѣдуетъ исчисленіе неудачныхъ шведскихъ походовъ на Русь, отъ Биргерова до Магнусова. „Послѣ похода моего, продолжаетъ Магнусъ, нашла на нашу Землю Шведскую погибель, потопъ, моръ, голодъ и междоусобная брань; у меня самого отнялъ Богъ умъ, и сидѣлъ я цѣльный годъ задѣланъ въ полатѣ, прикованъ на цѣпи; потомъ пріѣхалъ сынъ мой изъ Мурманской (Норвежской) Земли, вынулъ меня изъ полаты и повезъ въ свою Землю Мурманскую. Но на дорогѣ опять поднялась буря, потопила корабли и людей моихъ, самого меня вѣтеръ носилъ три дня и три ночи, наконецъ принесъ подъ монастырь Св. Спаса въ Полную рѣку; здѣсь монахи сняли меня съ доски, внесли въ монастырь, постригли въ чернецы и схиму, послѣ чего живу я три дня и три ночи; а все это меня Богъ казнилъ за мое высокоуміе, что наступалъ на Русь вопреки крестному цѣлованію. Теперь приказываю своимъ дѣтямъ и братьямъ: не наступайте на Русь на крестномъ цѣлованіи; а кто наступитъ, на того Богъ и

[1]) Древ. Росс. стихотвор. стр. 31.

огонь, и вода, которыми я былъ казненъ: а все это сотворилъ мнѣ Богъ къ моему спасенію"[1]).

Сказанія, относящіяся къ борьбѣ съ Татарами, начинаются рязанскимъ сказаніемъ о Батыевѣ нашествіи. Заслышавъ приходъ безбожнаго царя Батыя, великій князь Рязанскій Юрій Игоревичъ послалъ за своими родственниками, за княземъ Олегомъ Игоревичемъ Краснымъ, Давыдомъ Игоревичемъ Муромскимъ, за сыномъ своимъ, княземъ Өедоромъ Юрьевичемъ, за Пронскимъ княземъ Всеволодомъ и за прочими князьями мѣстными, боярами воеводами. Князья рѣшили на совѣтѣ послать князя Өеодора Юрьевича съ дарами къ Батыю, чтобы не воевалъ Рязанской Земли. Князь Өедоръ отправился и былъ принятъ ласково Батыемъ; но тутъ одинъ вельможа рязанскій шепнулъ хану, что у Өедора жена красавица; Татаринъ сталъ добиваться, чтобъ Өедоръ показалъ ему жену свою, но тотъ отвѣчалъ: „Когда насъ одолѣешь, то и женами нашими владѣть будешь". Батый велѣлъ убить Өедора; жена его Евпраксія стояла вмѣстѣ съ сыномъ Иваномъ на превысокихъ хоромахъ, когда одинъ изъ дядекъ Өедоровыхъ явился къ ней съ вѣстію о гибели мужа; услыхавъ эту вѣсть, княгиня вмѣстѣ съ сыномъ бросилась съ хоромъ на землю и убилась до смерти. Тогда князь Юрій выступилъ съ братьею противъ Татаръ, и произошла сѣча злая и ужасная: одинъ бился съ тысячами, двое со тьмами. Первый палъ князь Давидъ Игоревичъ; тогда князь Юрій вскричалъ въ горести души своей: „Братія моя милая, дружина ласковая, узорочье и воспитаніе рязанское! мужайтесь и крѣпитесь"! Удальцы и рѣзвецы рязанскіе бились крѣпко и нещадно, такъ что земля стонала, наконецъ сильные полки татарскіе одолѣли. князья всѣ были перебиты, кромѣ одного Олега Игоревича, который попался въ плѣнъ, бранью отвѣчалъ на убѣжденія Батыя отатариться, и былъ разсѣченъ на части; Рязань взята, вся Земля Рязанская опустошена. Тогда является вельможа рязанскій, Ипатій Коловратъ, бывшій все это время въ Черниговѣ, гдѣ бралъ дань на великаго князя Рязанскаго (?). Ипатій собралъ 1,700 человѣкъ дружины и нечаянно ударилъ на Татаръ, которыхъ началъ сѣчь безъ милости. Батый испугался; когда привели къ нему пятерыхъ плѣнныхъ, то онъ спросилъ ихъ: „Какой вы вѣры, изъ какой Земли? зачѣмъ мнѣ такъ много зла надѣлали?" Плѣнники отвѣчали: „Мы вѣры христіанской, рабы великаго князя Георгія Игоревича, изъ полку Ипатія Коловрата, посланы отъ князя Игоря Игоревича Рязанскаго тебя, сильнаго царя, почтить и честно проводить; не сердись, государь, что не успѣваемъ чашъ наливать на великую силу татарскую". Батый подивился отвѣту ихъ мудрому и послалъ шурина своего, Таврула, на Ипатія съ полками сильными. Тавrулъ похвалился, что приведетъ Ипатія живаго, но вмѣсто того самъ былъ разсѣченъ пополамъ Ипатіемъ. Тогда Татары навели на этого крѣпкаго исполина множество саней съ нарядомъ (?), и тутъ едва одолѣли. Когда трупъ Ипатія принесли къ Батыю, то ханъ сказалъ: „Ну, братъ Ипатій! гораздо ты меня потчивалъ, съ малой дружиною многихъ богатырей побилъ; если бы ты у меня такую службу служилъ, то держалъ бы я тебя противъ своего сердца". Князь Игорь Игоревичъ былъ въ это время въ Черниговѣ, у тамошняго князя Михаила Всеволодовича. Возвратясь въ родную Землю, онъ началъ хоронить трупы, и такъ плакалъ надъ побитою братьею: „Возопи горькимъ гласомъ, вельми ревыи, слезы отъ очію изпущающи яко струю силну, утробою располающи, въ перси руками бьющи и гласомъ же яко труба рати повѣдающимъ, яко органъ сладко вѣщающе. И рече сице: почто не промолвыте ко мнѣ цвѣте мои, и прекрасніи винограде мои многоплодніи уже не подасте сладость души моея; кому приказываете мя, солнце мое драгое рано заходящіа, мѣсяцъ мои краснои скоропогибшіи, звѣзды восточны почто рано зашли есте", и проч.[2]).

Составилось сказаніе и о смерти Батыя. Батый вошелъ въ Венгрію, и осадилъ городъ Варадинъ, стоящій среди Земли Венгерской; около этого города мало простыхъ деревьевъ, но все деревья виноградныя. Среди города стоялъ столпъ высокій каменный, на столпѣ укрывался король Влаславъ, или Владиславъ, король Венграмъ, Чехамъ и Нѣмцамъ и всему поморью. Были Венгры прежде въ православіи, потому что приняли крещеніе отъ Грековъ; но не успѣли на своемъ языкѣ грамоты сложить, и сосѣдніе Римляне присоединили ихъ къ своей ериси. И король Владиславъ повиновался Римской церкви до тѣхъ поръ, пока не пришелъ къ нему Св. Савва, архіепископъ Сербскій, который обратилъ его къ греческому закону; но Владиславъ исповѣдывалъ этотъ законъ тайно, боясь возстанія отъ Венгровъ. И вотъ, когда Батый осадилъ Варадинъ, Владиславъ не пилъ, не ѣлъ, все молилъ Христа Бога, да преложитъ гнѣвъ на милость. Однажды онъ увидѣлъ со столпа, что сестра его бѣжала къ нему въ городъ, но была перехвачена Татарами и отведена къ Батыю. Съ тѣхъ поръ Владиславъ началъ еще усерднѣе молиться: слезы текли изъ глазъ его какъ быстрины рѣчныя, и гдѣ падали на мраморъ, проходили насквозь, такъ что и теперь видны скважины на мраморахъ. И вотъ является къ нему какой-то человѣкъ, свѣтлый и страшный, и говоритъ ему: „Ради слезъ твоихъ даетъ тебѣ Богъ побѣду надъ Батыемъ; ступай сейчасъ же на него." Вѣстникъ исчезъ, но у башни стоялъ конь осѣдланный, ни кѣмъ не держимый, и на конѣ сѣкира. Владиславъ немедленно сѣлъ на коня, взялъ сѣкиру въ руки, и повелъ дружину свою на станъ Батыевъ, а у Батыя тогда было мало войска, потому что всѣ Татары его разошлись въ загоны. Находившіеся въ станѣ Та-

[1]) П. С. Р. Л. V, 227. На островѣ Валаамѣ въ Преображенскомъ монастырѣ показываютъ могилу Магнуса. Карам. IV, прим. 348.

[2]) Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 15, 1852.

тары побѣжали предъ Владиславомъ; побѣжалъ и и самъ Батый съ сестрою королевскою, но былъ настигнутъ Владиславомъ, который самъ сразился съ нимъ. Королевна стала помогать Батыю; тогда Владиславъ возопилъ къ Богу о помощи, одолѣлъ Батыя, и убилъ его вмѣстѣ съ сестрою своею. Венгры расположились въ станѣ Батыевомъ и хватали Татаръ, возвращавшихся изъ загоновъ: добычу отнимали, самихъ предавали смерти; но кто хотѣлъ креститься, тѣхъ оставляли въ живыхъ. И на память послѣднему роду воздвигнуто было на городовомъ столпѣ изваяніе: сидитъ король Владиславъ на конѣ, въ рукѣ держитъ сѣкиру, которою убилъ Батыя и сестру свою [1]). Въ основѣ сказанія лежитъ истинное происшествіе—пораженіе Татаръ при осадѣ Ольмюца чешскимъ воеводою Ярославомъ Штернбергскимъ; и по чешскому поэтическому преданію отъ руки Ярослава погибъ въ битвѣ сынъ хана Кублая. Нѣтъ сомнѣнія, что сказаніе это составилось на югѣ и принесено къ намъ на сѣверъ извѣстнымъ Сербомъ, Пахоміемъ Логоѳетомъ [2]).

Великое событіе, которымъ началось освобожденіе Сѣверо-Восточной Руси отъ Татаръ—Куликовская битва—не могла остаться безъ особеннаго описанія. И, дѣйствительно, составилось первоначальное сказаніе, вполнѣ сходное по характеру своему съ сказаніемъ объ Александрѣ Невскомъ, проникнутое религіознымъ чувствомъ, вслѣдствіе чего приводятся въ полнотѣ молитвы, которыя произноситъ главное дѣйствующее лицо, помѣщены благочестивыя разсужденія и восклицанія самого писателя; при описаніи самого дѣла нѣтъ подозрительныхъ подробностей. Въ такомъ видѣ первоначальное сказаніе внесено въ нѣкоторыя лѣтописи [3]); оно начинается такъ: „Пріиде Ордынскій князь Мамай съ единомышленниками своими, и съ всѣми прочими князьями ордынскими, и съ всею силою татарьскою и половецкою, и еще къ тому рати понаимовавъ, Бесермены, и Армены, и Фрязи, Черкасы, и Ясы, и Буртасы; также съ Мамаемъ вкупѣ въ единомысліи въ единой думѣ и литовьскій Ягайло со всею силою литовьскою и лятскою, съ нимъ же въ одиначествѣ Олегъ Ивановичъ, князь Рязанскій, со всѣми своими съвѣтники поиде на великаго князя Дмитрея Ивановича и на брата его Володимера Андреевича. Но хотя человѣколюбивый Богъ спасти и свободити родъ крестьянскій, молитвами Пречистыя Его Матере, отъ работы измаилтескія, отъ поганаго Мамая, и отъ сонма нечестиваго Ягайла, и отъ велерѣчиваго и худаго Олга Рязаньскаго, не снабдѣвшаго своего крестьянства; и пріидетъ ему день великый Господень въ судъ аду. Окаянный же Мамай разгордѣвся мнѣвъ себе аки царя, начатъ злый съвѣтъ творити, темныя своя князи поганыя звати; и рече имъ: поидемъ на русскаго князя и на всю силу русскую, якоже при Батыи было, крестьянство потеряемъ, и церкви Божіи попалимъ, и кровь ихъ прольемъ, и законы ихъ погубимъ, сего ради нечестивый лютѣ гнѣвавшеся о своихъ друзѣхъ и любовницѣхъ о князѣхъ избьеныхъ на рѣцѣ на Вожѣ.“ Вотъ описаніе самой битвы: „Съступишася обои силы великыя на долгъ часъ вмѣстѣ, и покрыша поле полкы, яко на десяти верстъ отъ множества вой: и бысть сѣча велика и брань крѣпка, и трусъ великъ зѣло, яко отъ начала міру не бывала сѣча такова великымъ княземъ русьскымъ. Біющимъ же ся имъ отъ шестаго часа до девятаго, и проліяся кровь акы дождевая туча обоихъ, и крестьянъ и Татаръ, и множество много безчислено падоша трупія мертвыхъ обоихъ.... И рече къ себѣ Мамай: власи наши растерзаются, очи наши не могутъ огненныхъ слезъ испущати, языци наши связуются, гортани пересыхаютъ, сердце раставаетъ, и чресла ми протерзаются“ и проч.

Но событіе было такъ велико, такъ сильно всѣхъ занимало, что однимъ сказаніемъ не могли ограничиться. О подобныхъ событіяхъ обыкновенно обращается въ народѣ много разныхъ подробностей, вѣрныхъ и невѣрныхъ; подробности вѣрныя, съ теченіемъ времени, переходя изъ устъ въ уста, искажаются, перемѣшиваются имена лицъ, порядокъ событій; но такъ какъ важность событія не уменьшается, то является потребность собрать всѣ эти подробности и составить изъ нихъ новое украшенное сказаніе; при переписываніи его вносятся новыя подробности. Это втораго рода сказаніе отличается отъ перваго преимущественно большими подробностями, вѣроятными, подозрительными, явно невѣрными. Но до насъ дошелъ еще третій родъ сказанія о Куликовской битвѣ—„Слово о великомъ князѣ Дмитреѣ Ивановичѣ и о братѣ его князѣ Владимерѣ Андреевичѣ, яко побѣдили супостата своего царя Мамая“ [4]), написанное явно по подражанію древнему южно-русскому произведенію, „Слову о Полку Игоревѣ“ [5]). Авторъ этого „Слова о Димитріи“ говоритъ, что онъ написалъ ж а л о с т ь и п о х в а л у великому князю Димитрію Іоанновичу

---

[1]) Никон. III, 27.

[2]) Краледвор. рукоп. Ярославъ.—Догадка моя относительно Пахомія основывается во-первыхъ на томъ, что сказаніе о смерти Батыя находится въ житіи Св. Михаила Черниговскаго, написаннаго Пахоміемъ (житіе это указалъ мнѣ г. Ундольскій въ своей библіотекѣ. «Твореніе іеромонаха Пахомія св. горы». Начало: «Что реку или что возглаголю; № 300). Во-вторыхъ, преданіе о Саввѣ Сербскомъ указываетъ на Серба или Сербію. Въ житіи ярославскихъ князей Василія и Константина (повѣсть сложена многогрѣшнымъ рабомъ Пахоміемъ, рукоп. библ. Ундол. № 144, а.) говорится, что Батый стоялъ подъ Ярославлемъ 2 года и 6 мѣсяцевъ, ища отца своего: «бяше бо той окоянный царь Батый родомъ града Ярославля, отъ веси Череможъскія и дошедъ отца своего, въ лѣто 6745 взятъ бысть градъ Ярославль». Изъ Россіи Батый пошелъ въ Болгарскую землю, и Богъ охрабрилъ на него короля Владислава, въ сраженіи съ которымъ Батый былъ убитъ. (Это другой Пахомій, русскій).

[3]) П. С. Р. Л. 75; VI, 90.

[4]) Времен. Москов. Истор. Общ., кн. 14.

[5]) Въ нѣкоторыхъ спискахъ пространнаго сказанія видно знакомство съ этимъ третьимъ сказаніемъ, или словомъ.

и брату его, чѣмъ выражаетъ взглядъ современниковъ на Куликовскую битву, представлявшуюся имъ съ одной стороны событіемъ славнымъ, съ другой—бѣдственнымъ, вслѣдствіе страшнаго урона убитыми съ русской стороны. Въ краткомъ сказаніи вовсе не говорится о пораженіи русскихъ полковъ вначалѣ; по его словамъ, битва происходила съ одинакимъ успѣхомъ для той и другой стороны: „Много Руси біено отъ Татаръ, и отъ Руси Татаръ, и паде трупъ на трупѣ, а индѣ видѣти Русинъ за Татариномъ гонится, а Татаринъ Русина състигаше. Мнози же небывальцы Москвичи устрашишася и живота отчаяшася, а иные сыны Агарины на побѣгъ возвратишася отъ клича великаго и зря злаго убійства". Послѣ этого авторъ извѣщаетъ о пораженіи Татаръ, не приводя никакой земной причины, склонившей побѣду на сторону Русскихъ, указывая только на одну небесную помощь: „По сихъ же въ 9 часъ дни, призрѣ Господь милостивыма очима на великаго князя Димитрія Ивановича и на всѣ князи Русьскыя, и на крѣпкія воеводы и на всѣ христіяны, и не устрашишася христіяне, дерзнуша яко велціи ратници. Видѣша вѣрніи, яко въ 9 часъ біющеся, ангели помогающе христіяномъ, и Свв. мученикъ полкы, и воина великаго Христова Георгія, и славнаго Димитрія, и великыхъ князей тезоименитыхъ Бориса и Глѣба, въ нихъ же бѣ воевода свершеннаго полка небесныхъ силъ великый Архистратигъ Михаилъ; видѣша поганіи полци двои воеводы, тресолнечныя полкы и пламенныя ихъ стрѣлы, яже идуть на нихъ; безбожніи же Татарове отъ страха Божія и отъ оружія христіаньскаго падаху. Взнесе Богъ десницею великаго князя Димитрія Ивановича на побѣду иноплеменникъ. Безбожный же Мамай со страхомъ встрепетавъ" и проч. Въ пространномъ сказаніи говорится, что Татары вездѣ одолѣли; но что тутъ внезапный ударъ изъ засады свѣжихъ силъ, подъ начальствомъ князя Владиміра Андреевича и воеводы Волынскаго, рѣшилъ дѣло въ пользу Русскихъ. Наконецъ въ третьемъ, по преимуществу поэтическомъ словѣ, говорится также о пораженіи Русскихъ вначалѣ, почему и первая часть сочиненія является какъ жалость: „На томъ полѣ сильныи тучи ступишася, а изъ нихъ часто сіяли молыньи и загремѣли громы велицыи; то ти ступишася русскіе удальцы съ погаными Татарами за свою великую обиду, а въ нихъ сіяли сильные доспѣхи злаченые, а гремѣли князи русскіе мечьми булатными о шеломы хиновскіе. А билися изъ утра до полудни въ суботу на Рожество Св. Богородицы. Не тури возгремѣли у Дунаю великаго на полѣ Куликовѣ, и не тури побѣждени у Дунаю великаго; но посѣчени князя рускіе и бояры и воеводы великаго князя Димитрея Ивановича, побѣждены князи Бѣлозерстіи отъ поганыхъ Татаръ, Өедоръ Семеновичъ, да Семенъ Михайловичъ, да Тимоөей Валуевичъ, да Андрей Серкизовичъ, да Михайло Ивановичъ и иная многая дружина Пересвѣта чернца, брянскаго боярина, на суженое мѣсто привели. Восплакашася всѣ княгини и боярыни и вси воеводскіе жены о избіенныхъ"... Послѣ этого плача женъ авторъ переходитъ къ похвалѣ, къ побѣдѣ, и здѣсь, полусогласно съ пространнымъ сказаніемъ, выставляетъ князя Владиміра Андреевича, который увѣщеваетъ брата, великаго князя, наступать на Татаръ; тотъ двигается—и побѣда одержана: „Того же дни въ суботу на Рожество Св. Богородицы иссѣкша христіана поганые полки на полѣ Куликовѣ, на рѣкѣ Напрядѣ; и нюкнувъ князь великій Владимеръ Андреевичъ гораздо, и скакаше въ полцѣхъ поганыхъ въ татарскихъ, а злаченнымъ тымъ шеломомъ посвѣчиваетъ, а скакаше со всѣмъ своимъ войскомъ, и загремѣли мечьми булатными о шеломы хиновскіе. И восхвалитъ брата своего великаго князя Димитрея Ивановича: свои полки понужай... уже бо поганые Татары поля поступаютъ, а храбрую дружину у насъ истеряли, а въ трупи человѣчьи борзи кони не могутъ скочити, а въ крови по колѣна бродятъ, а уже бо, брате, жалостно видѣти кровь крестьянская. И кн. вел. Димитрей Ивановичъ рече своимъ боярамъ: братія бояра и воеводы и дѣти боярскіе, то ти ваши московскіе сладкіе меды и великіе мѣста [1]), туто добудете себѣ мѣста и своимъ женамъ, туто, брате, стару помолодѣть, а молодому чести добыть. И рече кн. вел. Димитрей Ивановичъ: Господи Боже мой! на Тя уповахъ да не постыжуся въ вѣкъ, ни да посмѣютмися враги моя; и помолися Богу и Пречистой Его Матери и всѣмъ святымъ Его, и прослезися горько, и утеръ слезы. И тогда аки соколы борзо полетѣли. И поскакиваетъ князь вел. Димитрей Ивановичъ" и пр.

Таковы источники, которыми долженъ пользоваться историкъ при описаніи Куликовской битвы. Въ какое время составились эти сказанія, мы не знаемъ; на одномъ спискѣ пространнаго сказанія означено, что оно составлено Рязанцемъ іереемъ Софроніемъ [2]); въ одной лѣтописи [3]) онъ названъ Софоніемъ Рязанцемъ, брянскимъ бояриномъ; авторъ поэтическаго слова поминаетъ Рязанца Софонія, какъ своего предшественника въ сочиненіи похвалъ великаго князя Димитрія.

Нашествіе Тохтамыша на Москву послужило также предметомъ особаго сказанія: „О Московскомъ взятіи отъ царя Тактамыша и о плѣненіи Земля Русьскыя" [4]). Это сказаніе носитъ такой же характеръ, какъ и краткое сказаніе о Куликовской битвѣ, но отличается отъ него большею простотою и обстоятельностію разсказа. Извѣстія о Тамерлановомъ нашествіи вошли въ „Повѣсть преславнаго чудеси отъ иконы Пречистыя Богородицы, еже нарицается Владимірская" [5]). Здѣсь говорится о Тамерланѣ, что онъ родился между заяицкими Татарами, въ Самаркандской странѣ, былъ простой,

---

[1]) Любопытное указаніе на мѣстничество.
[2]) Карамз. V, прим. 65.
[3]) Въ тавъ-наз. Тверской.
[4]) П. С. Р. Л. VI, 98.
[5]) Никон. IV, 258.

бѣдный человѣкъ, ремесломъ кузнецъ, нравомъ хищникъ, ябедникъ и воръ. Въ молодости укралъ онъ овцу, хозяинъ которой переломилъ ему за это ногу и бедру; но Тамерланъ оковалъ себѣ ногу желѣзомъ, отъ чего и былъ прозванъ желѣзнымъ хромцемъ, Темиръ-Аксакомъ. Къ выходу изъ русскихъ владѣній побудилъ его сонъ, въ которомъ явилась ему на воздухѣ жена въ багряныхъ ризахъ, воспрещавшая ему идти далѣе на Русскую Землю. Особое сказаніе о битвѣ Русскихъ подъ Рязанью съ Татарами внесено въ лѣтопись подъ заглавіемъ Повѣсти о Мустафѣ царевичѣ [1]). Битва на Ворсклѣ послужила предметомъ также особаго сказанія [2]).

Если столкновенія съ Татарами вообще, и битва Куликовская въ особенности, возбуждали сильное вниманіе народа, вслѣдствіе чего являлись разнаго рода сказанія о нихъ, то не удивительно, что жизнь того князя, который впервые вывелъ русскіе полки противъ Татаръ и побѣдилъ, стала предметомъ украшеннаго сказанія. Въ этомъ сказаніи: О житіи и преставленіи великаго князя Димитрія Ивановича Царя Руськаго [3]), мы не должны искать подробныхъ извѣстій о подвигахъ Донскаго; сказаніе это есть не иное что, какъ похвальное слово, касающееся почти исключительно нравственной стороны. Авторъ начинаетъ съ происхожденія своего героя, потомъ говоритъ о его душевныхъ качествахъ, которыми онъ отличался въ молодости, когда принялъ правленіе: „Еще же младъ сый возрастомъ, и о духовныхъ прилежа дѣлесѣхъ, и пустошныхъ бесѣдъ не творяше, и срамныхъ глаголъ не любляше, злонравныхъ человѣкъ отвращашеся, а съ благими всегда бесѣдоваше, божественныхъ писаній всегда со умиленіемъ послушаше, о церквахъ Божіихъ велми печашеся, а стражбу Земли Руськыя мужествомъ своимъ держаше, злобою отроча обрѣташеся, а умомъ свершенъ всегда бываше, и многы враги, встающая на ны, побѣди, и славный градъ свой Москву стѣнами чюдными огради, и во всемъ мірѣ славенъ быстъ, яко кедръ въ Ливанѣ умножися и яко финикъ въ древесѣхъ процвѣте“. — Далѣе говорится о женитьбѣ Димитрія, послѣ чего слѣдуютъ извѣстія о двухъ побѣдахъ надъ Татарами, при Вожѣ и на Куликовѣ полѣ. Походъ Мамая авторъ приписываетъ зависти людей, окрестъ живущихъ, къ Димитрію; говоритъ, что лукавые совѣтники, которые христіанскую вѣру держатъ, а поганскія дѣла творятъ, начали внушать Мамаю: „Великій князь Димитрій Московскій называетъ себя царемъ Русской Земли, онъ честнѣе тебя славою, и противится твоему царству“. Мамай объявилъ своимъ вельможамъ, что идетъ на Русь съ тѣмъ, чтобъ ввести туда магометанскую вѣру вмѣсто христіанской. Куликовская битва описывается кратко въ общихъ выраженіяхъ. Упомянувши о побѣдахъ Вожской и Куликовской, авторъ обращается опять къ нравственнымъ достоинствамъ Димитрія, которыя выставляетъ съ тою цѣлію, чтобъ цари и князья научились подражать ему. Описавши цѣломудріе, воздержаніе, благочестіе Димитрія, авторъ переходитъ къ описанію его кончины, говоритъ объ увѣщаніяхъ его сыновьямъ, боярамъ, о распредѣленія волостей между сыновьями. Описывается плачъ великой княгини Евдокіи, которая такъ причитала: „Почто не промолвиши ко мнѣ, цвѣте мой прекрасный? что рано увядаеши? винограде многоплодный, уже не подаси плода сердцу моему и сладости души моей; солнце мое, рано заходиши; мѣсяцъ мой прекрасный, рано погыбаеши; звѣздо восточная, почто къ западу грядеши“? и проч. Описавши погребеніе великаго князя, авторъ продолжаетъ: „О страшно чюдо, братіе, и дива исполнено; о трепетное видѣніе и ужасъ обдержаше! Слыши небо и внуши земле! Како въспишу или како възглаголю о преставленіи сего великаго князя? отъ горести души языкъ связается, уста загражаются, гортань премолкаетъ, смыслъ измѣняется, зракъ опуснѣваетъ, крѣпость изнѣмогаетъ; аще ли премолчю нудить мя языкъ яснѣе рещи“. Слово оканчивается обычнымъ прославленіемъ героя, въ видѣ уподобленія его другимъ знаменитымъ лицамъ священной и гражданской исторіи; это прославленіе оканчивается также извѣстнымъ образомъ: „Похваляеть бо царя Коньстантина Гречьская Земля, Володимера Кіевская со окрестными грады; тебѣ же, великый князь Димитрій Ивановичъ, вся Руськая Земля“. — Надобно замѣтить, что это похвальное слово есть самое блестящее литературное произведеніе, какое только дошло до насъ отъ описываемаго времени.

По образцу похвальнаго слова Димитрію Донскому составлена повѣсть о житіи соперника его, Михаила Александровича Тверскаго; только написана эта повѣсть гораздо проще. Въ одной лѣтописи сказано, что она составлена по приказанію князя Бориса Тверскаго [4]).

Уже выше было сказано о характерѣ лѣтописи Сѣверной, и собственно Сѣверо-Восточной, о различіи ея отъ лѣтописи Южной. Тяжекъ становится для историка его трудъ въ XIII и XIV вѣкѣ, когда онъ остается съ одною Сѣверною лѣтописью; появленіе грамотъ, число которыхъ все болѣе и болѣе увеличивается, даетъ ему новый, богатый матеріалъ, но все не восполняетъ того, о чемъ молчатъ лѣтописи,—а лѣтописи молчатъ о самомъ главномъ:—о причинахъ событій, не даютъ видѣть связи явленій. Нѣтъ болѣе живой, драматической формы разсказа, къ какой историкъ привыкъ въ Южной лѣтописи; въ Сѣверной лѣтописи дѣйствующія лица дѣйствуютъ молча; воюютъ, мирятся, но ни сами не скажутъ, ни лѣтописецъ отъ себя не прибавитъ, за что они воюютъ, вслѣдствіе чего мирятся; въ городѣ, на дворѣ княжескомъ ничего не слышно,—все тихо; всѣ сидятъ запершись и ду-

[1]) Никон. V, 192. П. С. Р. Л. IV, 103.
[2]) П. С. Р. Л. т. IV, стр. 104.
[3]) Никон. VI, 285; такъ-наз. Тверская, стр. 167.

[4]) Лѣтописецъ Переяславля-Суздальскаго изданъ К. М. Оболенскимъ, Москва, 1851.

маютъ думу про себя; отворяются двери, выходятъ люди на сцену, дѣлаютъ что-нибудь, но дѣлаютъ молча. Конечно, здѣсь выражается характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія, котораго дѣйствующія лица являются представителями; лѣтописецъ не могъ выдумывать рѣчей, которыхъ онъ не слыхалъ; но, съ другой стороны, нельзя не замѣтить, что самъ лѣтописецъ не разговорчивъ, ибо въ его характерѣ отражается также характеръ эпохи, характеръ цѣлаго народонаселенія; какъ современникъ, онъ зналъ подробности любопытнаго явленія, и однако записалъ только, что „много нѣчто нестроеніе бысть“:

До сихъ поръ, называя Сѣверную лѣтопись общимъ именемъ Суздальской, мы разсматривали ее въ противоположности съ Южною лѣтописью вообще. Но, разсматривая Южную лѣтопись, мы замѣтили, что въ позднѣйшихъ сборникахъ она слагается изъ разныхъ мѣстныхъ лѣтописей — Кіевской, Волынской, Черниговской, или Сѣверской. Теперь, приступая къ подробнѣйшему разсмотрѣнію Сѣверной лѣтописи, мы должны рѣшить вопросъ: не повторяется ли и здѣсь то же самое явленіе? Взглянемъ на извѣстія о сѣверныхъ событіяхъ по Лаврентьевскому списку лѣтописи. Мы уже видѣли, что въ разсказѣ о убіеніи Андрея Боголюбскаго находится ясное свидѣтельство, что разсказъ этотъ написанъ при Всеволодѣ III и въ его владѣніяхъ; въ разсказѣ о событіяхъ по смерти Боголюбскаго, въ словахъ: „Не хотящихъ намъ добра, завистью граду сему“—обозначается лѣтописецъ, именно Владимірскій; подъ 1180 и 1185 годами находимъ тѣ же признаки. Потомъ мы замѣчаемъ особенную привязанность лѣтописца къ старшему сыну Всеволода III, Константину; эта особенная привязанность видна изъ разсказа о томъ, какъ этотъ князь отправился въ Новгородъ, о томъ, какъ онъ возвратился изъ Новгорода, о встрѣчѣ его съ отцомъ въ Москвѣ; видна—изъ умолчанія о поведеніи Константина передъ смертію отцовскою. Въ дальнѣйшемъ разсказѣ изумляетъ сперва умолчаніе о подробностяхъ вражды между Всеволодовичами, о Липицкой битвѣ; но если предположить, что лѣтопись составлена приверженцемъ Константина, но послѣ его смерти, когда, вслѣдствіе новыхъ отношеній, въ интересахъ самихъ дѣтей Константиновыхъ, не нужно было напоминать дядѣ ихъ Юрію о Липицкой битвѣ, то мы поймемъ смыслъ этого краткаго извѣстія о враждѣ Всеволодовичей, этого старанія указать преимущественно на великую любовь, которая послѣ того начала господствовать между братьями. Подробности о предсмертныхъ распоряженіяхъ Константина, пространная похвала ему, упоминовеніе, что въ 1221 году погорѣлъ городъ Ярославль, но дворъ княжій остался цѣлъ молитвою добраго Константина, — утверждаютъ насъ именно въ томъ предположеніи, что лѣтопись продолжала писаться и по смерти Константина его приверженцемъ, который поселился теперь въ Ростовѣ, у старшаго сына Константинова; самое выраженіе, подъ 1227 годомъ, въ разсказѣ о посвященіи епископа Владимірскаго Митрофана, „приключися мнѣ грѣшному ту быти“ — это выраженіе, указывающее на случайное въ то время пребываніе лѣтописца во Владимірѣ, заставляетъ насъ также думать, что постоянно онъ жилъ въ Ростовѣ. Описаніе посвященія Ростовскаго епископа Кирилла, встрѣчи ему въ Ростовѣ, похвала ему, наконецъ свидѣтельство, что авторъ разсказа самъ записывалъ проповѣди Кирилловы, убѣждаютъ насъ окончательно въ томъ, что мы имѣемъ дѣло съ ростовскимъ лѣтописцемъ, т.-е. живущимъ въ Ростовѣ. Въ извѣстіи о нашествіи Батыя ростовскаго же лѣтописца обличаютъ подробности о кончинѣ Ростовскаго князя Василька Константиновича, похвала этому князю, особенно же слова, что бояре, служившіе доброму Васильку, не могли уже послѣ служить никакому другому князю: такъ онъ былъ добръ до своихъ слугъ. Признакъ ростовскаго лѣтописца можно видѣть и подъ 1260 годомъ, въ извѣстіи о пріѣздѣ Александра Невскаго въ Ростовъ; также подъ 1261 годомъ—въ извѣстіи о епископѣ Кириллѣ и объ архимандритѣ Игнатіи. Какъ извѣстія этого лѣтописца относятся къ указаннымъ прежде извѣстіямъ владимірскаго лѣтописца, —опредѣлить съ точностію нельзя; очень быть можетъ, что одинъ и тотъ же лѣтописецъ, который жилъ сперва во Владимірѣ при Всеволодѣ III, былъ въ числѣ приближенныхъ людей къ старшему сыну его, Константину, и переселился вмѣстѣ съ нимъ въ Ростовъ.

Но въ то же самое время, какъ мы замѣчаемъ слѣды этого ростовскаго, или владимірско-ростовскаго лѣтописца, приверженца Константинова, въ лѣтописномъ сборникѣ, носящемъ названіе Лаврентьевской лѣтописи,—въ другомъ сборникѣ, при описаніи тѣхъ же самыхъ событій, замѣчаемъ явственные слѣды Переяславскаго лѣтописца. Въ сказаніи о смерти Андрея Боголюбскаго, тамъ, гдѣ упомянутый выше лѣтописецъ проситъ Андрея, чтобы тотъ молился за брата своего Всеволода, лѣтописецъ Переясливскій говоритъ: „Молися помиловати князя нашего и господина Ярослава, своего же приснаго и благороднаго сыновца, и дай же ему на противные (побѣду), и многа лѣта съ княгинею, и прижитіе дѣтій благородныхъ.“ Послѣднія слова о дѣтяхъ повели къ правильному заключенію, что они написаны въ то время, когда Ярославъ Всеволодовичъ былъ еще молодъ и княжилъ въ Переяславлѣ. Потомъ, при описаніи событій, послѣдовавшихъ на сѣверѣ за смертію Андрея, вездѣ тамъ, гдѣ Владимірскій лѣтописецъ говоритъ объ однихъ Владимірцахъ, Переяславскій прибавляетъ Переяславцевъ. Важное значеніе получаютъ для насъ извѣстія Переяславскаго лѣтописца съ 1213 года, когда онъ начинаетъ излагать подробности борьбы между Константиномъ Ростовскимъ и его младшими братьями, подробности, намѣренно умолченныя лѣтописцемъ Владимірско-Ростовскимъ. Къ сожалѣнію, мы не долго пользуемся

этими подробными извѣстіями, ибо они прекращаются на 1214 году. Такимъ образомъ, мы лишены описанія Липицкой битвы, которое было бы составлено приверженцемъ Ярослава Всеволодовича и, слѣдовательно, союзника его—Юрія; мы видѣли, что приверженецъ Константина намѣренно смолчалъ о ней; то же описаніе Липицкой битвы, которое находимъ въ извѣстныхъ лѣтописяхъ, отзывается новгородскимъ составленіемъ.

Мы видѣли важнѣйшія прибавки, которыя находятся у Переяславскаго лѣтописца противъ Владимірско-Ростовскаго въ Лаврентьевскомъ сборникѣ. Большая часть извѣстій буквально сходны; но есть разности и даже противорѣчія. Рѣзкое противорѣчіе находится въ разсказѣ о борьбѣ Всеволода III съ Рязанью подъ 1208 годомъ: въ Лаврентьевскомъ и другихъ спискахъ говорится, что Всеволодъ, взявши Пронскъ, посадилъ здѣсь княземъ Олега Владиміровича, одного изъ рязанскихъ князей; а у Переяславскаго лѣтописца говорится, что Всеволодъ посадилъ въ Пронскѣ Давида, Муромскаго князя, и что въ слѣдующемъ году Олегъ, Глѣбъ, Изяславъ Владиміровичи и князь Михаилъ Всеволодовичъ, рязанскіе, приходили къ Пронску на Давида, говоря: „Развѣ ему отчина Пронскъ, а не намъ?" Давидъ послалъ имъ сказать: „Братья! я бы самъ не набился на Пронскъ,—посадилъ меня въ немъ Всеволодъ, а теперь городъ вашъ, я иду въ свою волость". Въ Пронскѣ сѣлъ Киръ-Михаилъ, Олегъ же Владиміровичъ умеръ въ Бѣлгородѣ въ томъ же году. Изъ двухъ противорѣчивыхъ извѣстій въ нашемъ разсказѣ [1]) помѣщено то, которое находится въ большемъ числѣ списковъ; но не знаемъ, едвали не справедливѣе будетъ предпочесть извѣстіе Переяславскаго лѣтописца, ибо трудно предположить, чтобъ извѣстіе о приходѣ рязанскихъ князей къ Пронску на Давида было выдумано. Подъ тѣмъ же 1208 годомъ у Переяславскаго лѣтописца находится новое любопытное извѣстіе, что Всеволодъ III посылалъ воеводу своего Степана Здиловича къ Серенску, и городъ былъ пожженъ. Посылка эта очень вѣроятна, какъ месть Всеволода черниговскимъ князьямъ за изгнаніе сына его, Ярослава, изъ Переяславля южнаго.

Мы сказали, что въ большей части извѣстій лѣтописцы Владимірско-Ростовскій и Переяславскій буквально сходны. Но трудно предположить, чтобъ они не были современниками, чтобъ не составляли своихъ лѣтописей одновременно, и потому трудно предположить, чтобъ одинъ списывалъ у другого, прибавляя кой-что свое. Гораздо легче предположить, что такъ-называемая Переяславская лѣтопись, по самому составу своему, есть позднѣйшій сборникъ, составитель котораго, относительно событій конца XII и начала XIII вѣка, пользовался обѣими лѣтописями, и Переяславскою, и Владимірско-Ростовскою, написанными первоначально безо всякаго отношенія другъ къ другу. Можно даже найти слѣдъ, какъ позднѣйшій составитель, черпая извѣстія изъ двухъ различныхъ лѣтописей, сбивался иногда ихъ показаніями: такъ, послѣ описанія торжества князя Михаила Юрьевича и Владимірцевъ надъ Ростиславичами и Ростовцами, лѣтописецъ Владимірскій говоритъ: „И бысть радость велика въ Володимерѣ градѣ, видяще у себе великаго князя всея Ростовьскыя Земли". Въ лѣтописи Переяславской безъ сомнѣнія въ томъ же самомъ мѣстѣ говорилось о посаженіи Михаилова брата Всеволода въ Переяславлѣ и о радости Переяславцевъ по этому случаю, и вотъ позднѣйшій составитель, смѣшавшись въ этихъ двухъ извѣстіяхъ, захотѣлъ къ извѣстію Владимірскаго лѣтописца прибавить собственное имя князя, находившееся въ Переяславской лѣтописи, и написалъ: „Бысть радость велика въ градѣ Володимири, видяще у себе великаго Всеволода всея Ростовскыя Земля". Итакъ мы думаемъ, что въ „Лѣтописцѣ Русскихъ царей", который въ печати названъ „Лѣтописцемъ Переяславля Суздальскаго", находятся извѣстія, взятыя изъ Переяславской лѣтописи XIII вѣка; но отсюда еще никакъ не слѣдуетъ, чтобъ весь этотъ сборникъ, въ томъ видѣ, въ какомъ дошелъ до насъ, былъ составленъ Переяславскимъ лѣтописцемъ, жившимъ въ XIII вѣкѣ.

Съ 1285 года, по Лаврентьевскому списку, нельзя не замѣтить слѣдовъ Тверскаго лѣтописца: тверскія событія на первомъ планѣ, о Тверскомъ князѣ Михаилѣ разсказывается въ подробности. 1305 годомъ оканчивается Лаврентьевскій списокъ, такъ важный для насъ по своей относительной древности: любопытенъ онъ и по точному указанію— когда, кѣмъ и для кого онъ написанъ. Указанія эти находятся въ слѣдующей приписи: „Радуется купецъ прикупъ створивъ, и кормьчій въ отишье приставъ, и странникъ въ отечьство свое пришедъ; такоже радуется и книжный списатель, дошедъ конца книгамъ, такоже и азъ худый, недостойный и многогрѣшный рабъ Божій Лаврентей мнихъ. Началъ есмъ писати книги сія, глаголемый лѣтописецъ, мѣсяца генваря въ 14, на память Святыхъ отецъ нашихъ аввадъ, въ Синаи и въ Раифѣ избьеныхъ, князю великому Димитрію Константиновичю, а по благословенью священьнаго епископа Діонисья, и кончалъ есмь мѣсяца марта въ 20, на память Святыхъ отецъ нашихъ, иже въ монастыри Святаго Савы избьеныхъ отъ Срацынъ, въ лѣто 6885 (1377), при благовѣрнемъ и христолюбивѣмъ князѣ великомъ Димитріи Константиновичи, и при епископѣ нашемъ христолюбивомъ священномъ Діонисьѣ суждальскомъ и новгородьскомъ и городьскомъ. И нынѣ, господа отци и братья, оже ся гдѣ буду описалъ, или переписалъ, или не дописалъ чтите исправливая Бога дѣля, а не клените, занеже книги ветшаны, а умъ молодъ не дошелъ: слышите Павла апостола глаголюща: не клените, но благословите. А со всѣми нами хрестьяны Христосъ Богъ нашъ, Сынъ Бога живаго, Ему же слава и держава и честь и поклонянье со Отцемъ и со Пресвятымъ Духомъ и ныня и присно въ вѣкы,

[1]) Т. II, стр. 568.

аминь". Такимъ образомъ, Лавреній, составляя лѣтопись свою въ 1377 году, долженъ былъ окончить ее 1305 годомъ; значитъ, при всѣхъ средствахъ своихъ, пиша для князя, не нашелъ описанія любопытныхъ событій отъ начала борьбы между Москвою и Тверью.

Въ Никоновскомъ сборникѣ и во второй половинѣ XIII вѣка видны слѣды Ростовскаго лѣтописца, который подробнѣе всего разсказываетъ о князьяхъ ростовскихъ, ихъ поѣздкахъ въ Орду, женитьбахъ, характерахъ, усобицахъ. Съ девяностыхъ годовъ XIII вѣка замѣтны и здѣсь слѣды Тверскаго лѣтописца. Въ извѣстіяхъ о первой борьбѣ между Москвою и Тверью трудно распознать, какому мѣстному лѣтописцу принадлежатъ они; но съ 1345 года подлѣ Московскаго лѣтописца мы видимъ опять явственные слѣды Тверскаго въ подробностяхъ усобицъ между потомками Михаила Ярославича, и эти подробности продолжаются до двадцатыхъ годовъ XV вѣка. Но когда подробныя извѣстія о тверскихъ событіяхъ прекращаются въ Никоновскомъ сборникѣ, любопытныя извѣстія объ отношеніяхъ тверскихъ князей къ московскимъ, въ княженіе Ивана Михайловича, находимъ въ такъ называемой Тверской лѣтописи, хранящейся теперь въ Императорской публичной библіотекѣ. Этотъ чрезвычайно любопытный лѣтописный сборникъ, составленный какимъ-то Ростовцемъ во второй четверти XVI вѣка[1]), конечно не можетъ быть названъ Тверскою лѣтописью потому только, что его составитель для нѣкотораго времени пользовался Тверскою лѣтописью. Относительно тверскихъ событій сборникъ этотъ важенъ для насъ не только по извѣстіямъ позднѣйшимъ, начиная съ княженія Ивана Михайловича, но особенно по извѣстію о возстаніи на Шевкала въ Твери. Давно уже мы выразили сильное сомнѣніе относительно справедливости извѣстія, будто бы Шевкалъ хотѣлъ обращать Русскихъ въ магометанскую вѣру [2]), и вотъ въ упомянутомъ сборникѣ Шевкалово дѣло разсказано подробнѣе, естественнѣе, чѣмъ въ другихъ лѣтописяхъ, и безъ упоминовенія о намѣреніи Шевкала относительно вѣры. Шевкалъ, по обычаю всѣхъ пословъ татарскихъ, сильно притѣснялъ Тверичей, согналъ князя Александра съ двора его и самъ сталъ жить на немъ; Тверичи просили князя Александра объ оборонѣ, но князь приказывалъ имъ терпѣть. Несмотря на то, ожесточеніе Тверичей дошло до такой степени, что они ждали только перваго случая возстать противъ притѣснителей; этотъ случай представился 15 августа: дьяконъ Дюдко повелъ кобылу молодую и тучную на пойло; Татары стали ее у него отнимать, дьяконъ началъ вопить о помощи,—и сбѣжавшіеся Тверичи напали на Татаръ[3]).

Что существовало нѣсколько лѣтописей, въ которыхъ описывались событія конца первой половины XV вѣка,—видно ясно изъ Никоновскаго сборника подъ 1445 годомъ: приведши краткое извѣстіе о приходѣ Литовцевъ на Калугу, составитель вслѣдъ за этимъ помѣщаетъ два другихъ пространнѣйшихъ извѣстія о томъ же самомъ событіи, прямо говоря: „Отъ инаго лѣтописца о томъ же".

Что касается до современныхъ понятій религіозныхъ, нравственныхъ, политическихъ и научныхъ, высказываемыхъ въ лѣтописи, то въ описываемое время въ Сѣверо-Восточной лѣтописи голосъ лѣтописца слышится гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Описавши мученическую кончину князя Романа Рязанскаго въ Ордѣ, лѣтописецъ обращается къ князьямъ съ такимъ наставленіемъ: „Возлюбленные князья русскіе! не прельщайтесь суетною и маловременною прелестною славою свѣта сего, которая хуже паутины, какъ тѣнь проходитъ, какъ дымъ исчезаетъ; не принесли вы на этотъ свѣтъ съ собою ничего, ничего и не отнесете; не обижайте другъ друга, не лукавствуйте между собою, не похищайте чужаго, не обижайте меньшихъ родственниковъ своихъ". Тверской лѣтописецъ, сказавши о примиреніи своихъ князей, прибавляетъ: „И радовахусь бояре ихъ, и вси вельможи ихъ, тако же гости и купцы и вси работники, людіе роды и племена Адамова; вси бо сіи единъ родъ и племя Адамова, и цари, и князи, и бояре, и вельможи, и гости, и купцы, и ремественницы, и работніи людіе, единъ родъ и племя Адамово; и забывшеся другъ на друга враждуютъ, и ненавидятъ, и грызуть, и кусаютъ, отстоящи отъ заповѣдей Божиихъ, еже любити искренняго своего яко самъ себе [4])". Особенно сильно раздается голосъ Московскаго лѣтописца при описаніи Едигеева нашествія, бѣдствіе котораго онъ приписываетъ неблагоразумной политикѣ молодыхъ бояръ. „Подобаетъ намъ разумѣть, говоритъ онъ, вслѣдствіе чего Агаряне такъ возстали на насъ; не явно ли, что за наши грѣхи наводитъ ихъ Господь Богъ, да обратимся и покаемся?... Быть можетъ, нѣкоторымъ покажется непріятно написанное нами; быть можетъ, найдутъ неприличнымъ, что мы разсказали событія, не очень для насъ лестныя; но все сказанное нами клонится къ тому, чтобъ удержать отъ зла, направить къ добру. Мы написали это не въ досаду, не въ поношеніе чьелибо, не изъ зависти къ чести честныхъ; мы пишемъ по примѣру начальнаго лѣтословца Кіевскаго, который всѣ событія земскія не обинуясь показы-

[1]) «Отъ начала русскія земли до княженія великаго князя Ивана Васильевича Московскаго... сѣдшу ему княжити послѣ отца своего в. к. Василія Ивановича... Еще же молю ваше братіе преподобіе и благородіе чтущихъ и послушающихъ книги сія, еже аще обрящетъ кто много недостаточное или неисполненное, да не позазритъ ми, не бо бѣхъ Кіянинъ родомъ, ни Новагорода, ни Владимера, но отъ вѣси ростовскыхъ областей».—Этотъ лѣтописный сборникъ находился сначала въ рукахъ г. Строева и разсмотрѣнъ имъ подробно; потомъ перешелъ въ библіотеку г. Погодина, и отсюда уже въ Императорскую Публичную.

[2]) Исторія отнош. между русск. княз. Рюрик. дома, стр. 336.

[3]) Приготовляя къ печати третій томъ Исторіи Россіи я не могъ еще пользоваться этимъ сборникомъ, и потому прошу моихъ читателей принять во вниманіе сказанное теперь при чтеніи 918 и 919 страницъ третьяго тома.

[4]) Никон. IV, 16.

ваетъ; да и первые наши властодержцы безъ гнѣва повелѣвали описывать все, что ни случится добраго или недобраго въ землѣ; хочешь, прочти прилежно того великаго Сильвестра Выдубицкаго, безъ украшеній писавшаго при Владимірѣ Мономахѣ. Блага временныя и вѣчныя пріобрѣтаются не гнѣвомъ и гордостію, но простотою, умиленіемъ и смиреніемъ. Отцы наши безгнѣвіемъ, простотою и смиреніемъ обрѣли блага настоящаго и будущаго вѣка и намъ предали; мы же, поучась ихъ примѣромъ, не преминули описать все приключившееся во дни наши, да властодержцы наши прилежно внимаютъ, избирая лучшее; юноши да почитаютъ старцевъ, и сами одни безъ опытнѣйшихъ старцевъ да не самочинствуютъ въ земскомъ правленіи." Сѣверный, теперь, какъ видно, Московскій, лѣтописецъ продолжаетъ непріязненно смотрѣть на Новгородъ и его бытъ, очень неблагосклонно отзывается о Новгородцахъ, называя ихъ людми суровыми, непокорными, упрямыми и вмѣстѣ непостоянными, вѣчниками, крамольниками [1]). Изъ научныхъ понятій лѣтописца можемъ привести только слѣдующее объясненіе случаевъ, когда молнія убиваетъ, и когда нѣтъ: „Если молнія происходитъ только отъ столкновенія облаковъ, то не вредитъ, проходитъ мимо и угасаетъ; если же, при столкновеніи облаковъ, къ нимъ сойдетъ небесный свѣтъ огненный, пламевидный, и соединится съ молніею, то послѣдняя спускается внизъ къ землѣ и сожигаетъ все, къ чему приразится" [2]).

Новгородская лѣтопись отличается тѣмъ же самымъ характеромъ, какой показанъ былъ и прежде. Примѣту лѣтописца находимъ въ ней подъ 1230 годомъ;—сказавши о смерти Юрьевскаго игумена Саввы, лѣтописецъ прибавляетъ: „А дай Богъ молитва его святая всѣмъ крестьяномъ и мнѣ грѣшному Тимоѳею пономарю"; въ другихъ же спискахъ вмѣсто этого имени читаемъ: „И мнѣ грѣшному Іоанну попови." Подъ 1399 годомъ выказывается лѣтописецъ - современникъ, принимавшій теплое участіе въ церкви Покрова на Звѣринцѣ. Въ такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1384 годомъ, при описаніи вѣчевой смуты въ Новгородѣ, лѣтописецъ говоритъ: „И стояху Слявлянѣ по князѣ, и звониша вѣче на Ярославли дворѣ по двѣ недѣли, а здѣсе, на сей сторонѣ, три князи другое вѣче ставиша". Подъ 1418 годомъ опять виденъ лѣтописецъ, -современникъ описаннаго событія.—При описаніи событія 1255 года лѣтописецъ прямо даетъ знать, что онъ принадлежитъ къ сторонѣ меньшихъ: „И побѣжа Михалко изъ города къ Св. Георгію, како было ему своимъ полкомъ уразити нашю сторону." Если Московскій лѣтописецъ неблагосклонно отзывается о Новгородцахъ, то и Новгородскій пользуется случаемъ сказать дурное о Москвичахъ, упрекнуть ихъ въ трусости; такъ, при описаніи Батыева нашествія, читаемъ: „Москвичи же побѣгоша, ничего же не видѣвше".

Мы упомянули о такъ называемой Новгородской четвертой лѣтописи. Всякому съ перваго же взгляда на нее будетъ ясно, что это названіе неправильно, ибо означенная лѣтопись есть довольно полный сборникъ разныхъ лѣтописей, въ томъ числѣ и Новгородской; но конечно онъ не можетъ получить названія отъ одной только составной части своей. Здѣсь, подъ 1352 годомъ, встрѣчаемъ мы лѣтописца Псковскаго, распространяющагося о моровой язвѣ въ его городѣ; подъ 1371 годомъ встрѣчаемъ лѣтописца Московскаго, который, разсказывая о сраженіи Москвичей съ Рязанцами, называетъ первыхъ нашими: видимъ явныя списки изъ разныхъ лѣтописей: такъ, напримѣръ, подъ 1386 годомъ два раза разсказано объ одномъ и томъ же событіи, именно о походѣ смоленскихъ князей подъ Мстиславль,—сначала короче, а потомъ пространнѣе: а подъ 1404 годомъ два раза разсказано о взятіи Смоленска Витовтомъ.

Мы видѣли, что въ концѣ XIV и началѣ XV вѣка распространилось мнѣніе о близкомъ концѣ міра; мы видѣли, что Новгородскій владыка Іоаннъ въ 1397 году уговаривалъ Новгородцевъ помириться со Псковичами, представляя имъ, что уже приходитъ послѣднее время. Въ этомъ отношеніи замѣчательно слѣдующее мѣсто въ сборникѣ, носящемъ названіе Новгородской четвертой лѣтописи, подъ 1402 годомъ: „Въ великій постъ, въ мартѣ мѣсяцѣ являлось знаменіе на небеси: въ вечернюю зарю, на западѣ, звѣзда не малая въ видѣ копья, а на верху у нея какъ лучъ сіялъ. Это является ради нашихъ грѣховъ, прообразуетъ и претитъ и велитъ намъ покаяться; смѣю сказать, сбывается слово евангельское: знаменія на небеси являются; встали и языки другъ на друга: Татары, Турки, Фряги, Ляхи, Нѣмцы, Литва. Но что мнѣ говорить о Татарахъ и Туркахъ, и прочихъ языкахъ невѣрныхъ и некрещеныхъ? Мы сами, называемые христіане, правовѣрные и православные, ведемъ между собою брани и рати. Случается такъ: встаетъ правовѣрный князь на правовѣрнаго князя, на брата своего роднаго или на дядю, и отъ вражды, непокоренія и гнѣва доходитъ дѣло до кровопролитія. Воины, съ обѣихъ сторонъ православные христіане, ратуютъ, каждый по своемъ князѣ, волею и неволею; въ схваткѣ сѣкутся безъ милости: поднимаетъ руку христіанинъ на христіанина, куетъ копье братъ на брата, остритъ мечь пріятель на пріятеля, стрѣлами стрѣляетъ ближній ближняго, сулицею прободаетъ сродникъ сродника, племенникъ своего племенника низлагаетъ, и правовѣрный единовѣрнаго разсѣкаетъ, юноша сѣдинъ

---

[1]) Троицкая лѣтоп. у Карамз. V, прим. 148.

[2]) П. С. Р. Л. VII, 118.—Лѣтописецъ говоритъ объ этомъ объясненіи: «глаголетъ бо писаніе». По всѣмъ вѣроятностямъ, это объясненіе взято изъ того же источника, откуда взято «разсужденіе о громѣ и молніи», находящееся въ книгахъ Преподобнаго чудотворца Кирилла, въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ. См. поѣздку туда проф. Шевырева, ч. II, стр. 24.

старческихъ не стыдится, и рабъ Божій раба Божіяго не пощадитъ“ [1]).

Начало псковскихъ лѣтописей можно отнести ко второй четверти XIII вѣка. Относительно состава списковъ ихъ, до насъ дошедшихъ, встрѣчаемъ любопытное указаніе въ такъ называемой Второй Псковской лѣтописи, подъ 1352 годомъ: „Бысть моръ золъ во Псковѣ, и по селамъ, и по всей волости, хракотный: о семъ пространнѣ обрящеши написано въ русскомъ лѣтописци.“ Это пространное извѣстіе о морѣ, написанное, какъ по всему видно, Псковичемъ и современникомъ, находится во Псковской Первой и въ Городской Четвертой лѣтописи; но какая лѣтопись разумѣется здѣсь подъ именемъ Русскаго Лѣтописца? Мы думаемъ только, что здѣсь не можетъ разумѣться мѣстная псковская. Что касается характера псковскихъ лѣтописей, то разсказъ ихъ отличается особеннымъ простодушіемъ; при этомъ замѣчаемъ въ псковскихъ лѣтописцахъ сильную привязанность къ однимъ и тѣмъ же обычнымъ выраженіямъ при описаніи извѣстныхъ событій. Легко замѣтить, на какихъ отношеніяхъ сосредоточивается преимущественно участіе лѣтописца,—это на отношеніяхъ къ Нѣмцамъ ливонскимъ и къ Новгороду; мы замѣтили, что жалоба на непособіе отъ Новгородцевъ служитъ постояннымъ припѣвомъ псковскаго лѣтописца.

Въ Сѣверо-Восточной лѣтописи вообще въ описываемое время, именно съ конца XIV вѣка, замѣчаемъ важную перемѣну: годы мірозданія перестаютъ считаться съ марта и начинаютъ считаться съ сентября. Замѣтимъ и перемѣну въ веществѣ рукописей: съ XIV вѣка вмѣсто пергамена стали употреблять бумагу, сдѣланную изъ хлопчатой, и тряпичную.

На юго-западѣ во второй четверти XIII вѣка славился пѣвецъ Митуса, котораго лѣтописецъ называетъ словутнымъ, и говоритъ, что онъ по гордости не хотѣлъ служить князю Даніилу; Митуса находился, какъ видно, въ службѣ владыки Перемышльскаго, ибо взятъ былъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ слугами послѣдняго [2]). До литовскаго владычества юго-западные русскіе князья Рюриковичи въ любви къ книгамъ подражали, какъ видно, своимъ предшественникамъ; о Владимирѣ Васильковичѣ Волынскомъ читаемъ, что онъ говорилъ ясно отъ книгъ, потому что былъ философъ великій [3]). Этотъ князь самъ трудился надъ переписываніемъ книгъ: такъ, говорится, что онъ самъ списалъ Евангеліе и Апостолъ, другія священныя и богослужебныя книги велѣлъ переписывать и раздавалъ по церквамъ [4]); молитвенникъ купилъ за 8 гривенъ кунъ.

Что касается Юго-Западной, т.-е Волынской лѣтописи, то къ сказанному прежде мы должны прибавить теперь, что эта лѣтопись любопытна отсутствіемъ хронологіи, ибо годы, выставленные въ дошедшихъ до насъ спискахъ, выставлены позднѣйшими переписчиками [5]); первоначально же лѣтопись составляла сплошной разсказъ, какъ это, напримѣръ, ясно видно между годами 1259 и 1260. Для объясненія этого служитъ слѣдующее мѣсто лѣтописи, находящееся подъ 1254 годомъ: „Въ та же лѣта, времени минувшу, хронографу же нужа есть писати все и вся бывшая, овогда же писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя: чьтый мудрый разумѣетъ; число же лѣтомъ здѣ не писахомъ, въ задняя впишемъ по Антивохыйскымъ сором алумпіядамъ, Грьцкими же численицами, Римьскы же високостомъ, якоже Евсевій и Памьфилъ, иніи хронографи списаша отъ Адама до Хрѣстоса; вся же лѣта спишемъ росчетъще во задньа“. Здѣсь слова: „Овогда же (нужа) писати въ передняя, овогда же возступати въ задняя“—показываютъ намъ, что лѣтописецъ тяготился хронологическимъ порядкомъ, который заставляетъ прерывать нить однородныхъ извѣстій, понималъ, что иногда нужно вести разсказъ сплошь въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, и потомъ опять возвращаться назадъ къ другого рода событіямъ. Должно прибавить также, что разсказъ о кончинѣ князя Владиміра Васильковича обличаетъ современника, очевидца, писавшаго въ княженіе преемника Владимірова, Мстислава Даниловича; на это указываютъ слѣдующія слова въ обращеніи къ Владиміру: „Возстани, видь брата твоего, красящаго столъ земли твоея, ксему же вижь и благовѣрную свою княгиню, како благовѣрье держитъ по преданью твоему“. Касательно образованности Волынскаго лѣтописца мы должны замѣтить, что онъ знаетъ Гомера; такъ подъ 1232 годомъ читаемъ: „Олесть зла есть! якоже Омиръ пишетъ, до обличенья сладка есть, обличена же зла есть!“ Русскій языкъ остался господствующимъ, письменнымъ и правительственнымъ и послѣ утвержденія власти князей литовскихъ въ Западной Руси. На русскомъ же языкѣ продолжались писаться и лѣтописи, слѣды которыхъ можно отыскать въ XIV вѣкѣ; до насъ дошла лѣтопись отъ первой половины XV вѣка, въ которой говорится, что она есть сокращеніе древнѣйшихъ; разсказъ ея отличается особенною наивностію [6]).

Мы окончили тотъ отдѣлъ Русской Исторіи, который по преимуществу носитъ названіе древней исторіи: мы не можемъ разстаться съ нимъ, не показавши его общаго значенія, не показавши отношеній его къ слѣдующему отдѣлу, тѣмъ болѣе что теперь каждое слово наше будетъ подтвержденіе въ прежде сказанномъ, читателю уже извѣстномъ.

На великой сѣверо-восточной равнинѣ, на пе-

[1]) Одного характера съ Новгородскою Четвертою сборники, носящіе названіе Софійскихъ лѣтописей.

[2]) П. С. Р. Л. II, 180.

[3]) Тамъ же, стр. 220.

[4]) Тамъ же, 222, 233. Здѣсь я различаю выраженія: «самъ списа», и просто «списа».

[5]) Это замѣчено Карамзинымъ, т. III, прим. 113.

[6]) Лѣтописецъ Литвы и Хроника Русская, стараніемъ и трудами Игнатія Даниловича; Вильна, 1827 г.—Даниловича:—О Литовскихъ лѣтописяхъ. Жур. Нар. Просв. 1840, ноябрь.

рекрестномъ открытомъ пути между Европою и Азіею и между Сѣверною Европою и Южною, т.-е. между новою Европою и старою, на пути изъ Варягъ въ Греки, основалось государство Русское. „Земля наша велика и обильна“ — сказали племена призываемымъ князьямъ; но они не могли сказать, что великая и обильная страна ихъ хорошо населена. То была обширная, дѣвственная страна, ожидавшая населенія, ожидавшая исторіи: отсюда древняя Русская Исторія есть исторія страны, которая колонизуется. Отсюда постоянное сильное движеніе народонаселенія на огромныхъ пространствахъ: лѣса горятъ, готовится богатая почва, но поселенецъ недолго на ней останется; чуть трудъ станетъ тяжелѣе, онъ идетъ искать новаго мѣста, ибо вездѣ просторъ, вездѣ готовы принять его; земельная собственность не имѣетъ цѣны, ибо главное дѣло въ населеніи. Населить какъ можно скорѣе, перезвать отовсюду людей на пустыя мѣста, приманить всякаго рода льготами; уйдти на новыя лучшія мѣста, на выгоднѣйшія условія, въ болѣе мирный, спокойный край; съ другой стороны,—удержать населеніе, возвратить, заставить другихъ не принимать его: вотъ важные вопросы колонизующейся страны, вопросы, которые мы встрѣчаемъ въ древней русской исторіи. Народонаселеніе движется; славянскій колонистъ, кочевникъ-земледѣлецъ, съ топоромъ, косою и плугомъ идетъ впередъ все къ сѣверо-востоку, сквозь финскихъ звѣролововъ. Отъ такой расходчивости, расплывчивости, привычки уходить при первомъ неудобствѣ, происходила полуосѣдлость, отсутствіе привязанности къ одному мѣсту, что ослабляло нравственную сосредоточенность, пріучало къ исканію легкаго труда, къ безрасчетливости, къ какой-то междоумочной жизни, къ жизни день за день. Но разсматриваемая нами страна не была колонія, удаленная океанами отъ митрополіи: въ ней самой находилось средоточіе государственной жизни; государственныя потребности увеличивались; государственныя отправленія осложнялись все болѣе и болѣе, а между тѣмъ страна не лишалась характера страны колонизующейся; легко понять, какія трудности должно было встрѣтить государство при подчиненіи своимъ интересамъ интересовъ частныхъ; легко понять происхожденіе этихъ разнаго рода льготныхъ грамотъ, жалуемыхъ землевладѣльцамъ, населителямъ земель.

Если колонизаціи имѣетъ такое важное значеніе въ нашей исторіи, то понятно, какъ должно быть важно для историка направленіе колонизаціи, ибо это направленіе будетъ вмѣстѣ и направленіемъ общаго историческаго движенія. Направленіе колонизаціи мы узнаемъ изъ первыхъ строкъ лѣтописца, который говоритъ о движеніи славянскихъ племенъ съ юго-запада къ сѣверо-востоку, съ береговъ Дуная къ берегамъ Днѣпра и далѣе на сѣверъ и востокъ. Такимъ образомъ, два племени, которымъ принадлежитъ новая исторія Европы, славянское и германское, при раздѣленіи между собою европейской почвы, будущей исторической сцены, движутся путями противоположными: германское—отъ сѣверо-востока къ юго-западу, славянское на оборотъ,—отъ юго-запада къ сѣверо-востоку. Судьба этихъ племенъ опредѣлилась означеннымъ движеніемъ, опредѣлилась природою странъ, занятыхъ вслѣдствіе движенія, прежнимъ бытомъ этихъ странъ, ихъ прежними отношеніями. Здѣсь прежде всего намъ представляется вопросъ: почему въ древней исторіи главнаго Славянскаго государства, представителя славянскихъ государствъ по могуществу и самостоятельности, мы замѣчаемъ движеніе именно на сѣверо-востокъ? Если германскія племена, при своемъ западномъ движеніи, разрушили Западную Римскую имперію, поселились въ ея областяхъ, основали здѣсь отдѣльныя государства,—то почему же славянскія племена, при восточномъ движеніи, не разрушили Восточной Римской имперіи и не основали на ея развалинахъ новыхъ государствъ? Почему, вмѣсто юго-восточнаго направленія, они приняли сѣверо-восточное? Причинъ тому много.

При движеніи своемъ къ юго-востоку, Славяне должны были сталкиваться съ стремительнымъ движеніемъ азіатскихъ племенъ, прорывавшихся чрезъ Каспійскія ворота, по нынѣшней Южной Россіи къ западу. Извѣстны движенія Гунновъ, Аваровъ и судьба народовъ, которые подпадали ихъ натиску. Отъ Средняго Днѣпра славянскимъ племенамъ нельзя было двигаться къ югу и юго-востоку, оставалось только направленіе сѣверо-восточное, и мы видимъ, что племена отъ Средняго Днѣпра двигаются въ этомъ направленіи къ Деснѣ, къ Окѣ; но и здѣсь даже они не безопасны отъ Азіатцевъ,—и здѣсь они принуждены были платить дань Козарамъ.—Съ другой стороны, однако мы видимъ славянскія племена на Нижнемъ Дунаѣ, видимъ славянское народонаселеніе и гораздо южнѣе, на Балканскомъ полуостровѣ; но Славяне здѣсь не господствуютъ; Восточная имперія держится, на что есть также свои причины: во-первыхъ, здѣсь имперія была еще крѣпка, здѣсь были собраны всѣ остальныя жизненныя силы ея, благодаря которымъ она и просуществовала до половины XV вѣка: раньше этого времени ея не могли разрушить ни Готѳы, ни Аравитяне; Славяне были ближе, но у нихъ не было достаточныхъ силъ. Азіатскіе народы, стремившіеся съ востока на западъ, постоянно разрѣзывали Славянъ; мы видѣли, какъ Азіатцы оттолкнули русскихъ Славянъ отъ юга и заставили ихъ взять для своего движенія сѣверо-восточное направленіе; западныхъ Славянъ задерживали Нѣмцы; такимъ образомъ, къ Нижнему Дунаю, на Балканскій полуостровъ не приходили постоянно новыя массы славянскихъ племенъ, которыя бы тѣснили одни другихъ, заставляя прежде пришедшихъ двигаться впередъ, какъ это было на западѣ у германскихъ племенъ. Мы видѣли, какъ Мадьяры окончательно разрѣзали чехо-моравскихъ Славянъ отъ иллирійскихъ нижнедунайскихъ, порвали связь между ними, начинавшуюся-было посредствомъ народной славянской Церкви. Основаніе Рус-

скаго государства на великомъ восточномъ пути изъ Балтійскаго моря въ Черное, соединеніе подъ одною властію славянскихъ племенъ, жившихъ по этому пути и около, могло, повидимому, перемѣнить дѣла на востокѣ; лодки Олега являются подъ Константинополемъ, Святославъ поселяется на Дунаѣ. Но судьба Святослава показала ясно, что первые Русскіе князья не могли имѣть для Восточной имперіи того значенія, какое Одоакры и Кловисы имѣли для Западной; славянскія племена, вошедшія въ составъ Русскаго государства, раскинулись широко и привольно по огромной сѣверо-восточной равнинѣ Европы; они не получали никакого толчка съ сѣвера и сѣверо-востока; ничто не побуждало ихъ покидать землю великую и обильную, и отправляться искать новыхъ земель, какъ то дѣлывали германскія племена на западѣ; ничто не побуждало ихъ предпринимать стремительнаго движенія цѣлыми массами съ сѣвера на югъ, а Святославъ вовсе не былъ предводителемъ подобныхъ массъ; онъ оставилъ назади громадное владѣніе, рѣдкое населеніе котораго вовсе не хотѣло переселяться на югъ, хотѣло, чтобъ князь жилъ среди него и защищалъ его отъ дикихъ степныхъ ордъ: „Ты, князь, чужой земли ищешь; а насъ здѣсь чуть не взяли Печенѣги", говорятъ Кіевляне въ преданіи, — знакъ, что у Кіевлянъ была своя земля, а чужой они искать не хотѣли. Святославъ былъ предводителемъ только небольшой дружины, которая, несмотря на всю свою храбрость, не могла произвести никакого важнаго переворота на Балканскомъ полуостровѣ. Вытѣсненный Цимисхіемъ съ береговъ Дуная, Святославъ погибъ въ степи отъ Печенѣговъ,—знакъ, что, съ одной стороны, имперія имѣла еще довольно силъ, чтобъ отбиться отъ князей новорожденной Руси, а съ другой стороны,—степные варвары по-прежнему отрѣзывали сѣверо-восточныхъ Славянъ отъ имперіи; и дѣйствительно мы знаемъ, съ какими трудностями и опасностями вначалѣ и послѣ сопряжено было сообщеніе Руси съ Византіею вслѣдствіе того, что Печенѣги, Половцы, Татары стояли между ними. Слѣдствіемъ столкновенія первыхъ Русскихъ князей съ Византіею было не разрушеніе имперіи, но принятіе христіанства Русью изъ Византіи; мы видѣли, какое великое вліяніе при образованіи Русскаго государства имѣло церковное преданіе, заимствованное изъ Византіи.

Такимъ образомъ, и послѣ основанія Русскаго государства, т.-е. послѣ соединенія восточныхъ славянскихъ племенъ, главное направленіе движенія оставалось прежнее, т.-е. съ юго-запада на сѣверо-востокъ, потому что юго-восточная часть великой равнины по-прежнему занята кочевыми азіатскими ордами, на которыя новорожденная Русь не въ силахъ предпринимать наступательное движеніе. Правда, вначалѣ, когда средоточіе правительственной дѣятельности утвердилось въ Днѣпровской области, мы замѣчаемъ въ князьяхъ стремленіе переводить народонаселеніе съ сѣвера на югъ, населять людьми сѣвера южные украинскіе города, долженствовавшіе защищать Русь отъ степныхъ варваровъ. Но скоро господствующія обстоятельства взяли свое: степная украйна, область Днѣпровская, подвергается постояннымъ сильнымъ опустошеніямъ отъ кочевниковъ; ея города пусты: въ нихъ живутъ псари да Половцы, по отзыву самихъ князей; куда же было удалиться русскимъ людямъ отъ плѣна и разоренія? Конечно не на юго-востокъ, прямо въ руки къ Половцамъ; конечно не на западъ, къ иновѣрнымъ Ляхамъ и Венграмъ; свободный путь оставался одинъ—на сѣверо-востокъ: такъ Ростовская—изначала финская—область получила свое славянское населеніе. Мы видѣли, какъ сѣверные князья воспользовались приплывомъ народонаселенія въ свою область; мы видѣли, какое значеніе въ русской исторіи имѣла колонизація сѣвера, совершившаяся въ историческое уже время, подъ вліяніемъ, подъ распоряженіемъ князей.

Такъ было въ XII вѣкѣ; въ XIII и послѣдующихъ вѣкахъ побужденія, заставлявшія народонаселеніе двигаться отъ юго-запада къ сѣверо-востоку, становятся еще сильнѣе: съ юго-востока Татары, съ запада—Литва; крайній сѣверо-востокъ, еще неподвластный Русскимъ князьямъ, населенный Зырянами и Вогуличами, не привлекателенъ и опасенъ для поселенцевъ невоинственныхъ, идущихъ небольшими массами; такимъ образомъ, теперь съ востока, юга и запада населеніе, такъ сказать, сгоняется въ средину страны, гдѣ на берегахъ Москвы-рѣки завязывается крѣпкій государственный узелъ. Мы видѣли, какъ Московскіе князья воспользовались средствами, полученными отъ увеличившагося населенія ихъ области, какъ умѣли доставить этой области безопасность и тѣмъ болѣе привлечь въ нее насельниковъ, какъ Москва собрала около себя Сѣверо-Восточную Русь.

Таковъ былъ, въ общихъ чертахъ, ходъ древней русской исторіи. Уже давно, какъ только начали заниматься русскою исторіею съ научною цѣлью, подмѣчены были главныя, особенно выдающіяся въ ней событія,—событія поворотныя, отъ которыхъ исторія замѣтно начинаетъ новый путь. На этихъ событіяхъ начали останавливаться историки, дѣлить по нимъ исторію на части, періоды; начали останавливаться на смерти Ярослава I, на дѣятельности Андрея Боголюбскаго, на сороковыхъ годахъ XIII вѣка, на времени вступленія на Московскій престолъ Іоанна Калиты, на смерти Василія Темнаго и вступленіи на престолъ Іоанна III, на прекращеніи старой династіи и восшествіи новой, на вступленіи на престолъ Петра Великаго, на вступленіи на престолъ Екатерины II. Нѣкоторые писатели изъ этихъ важныхъ событій начали выбирать наиболѣе, по ихъ мнѣнію, важныя; такъ, явилось дѣленіе русской исторіи на три большіе отдѣла: древнюю—отъ Рюрика до Іоанна III, среднюю—отъ Іоанна III до Петра Великаго, новую—отъ Петра Великаго до позднѣйшихъ временъ. Нѣкоторые были недовольны этимъ дѣленіемъ, и объявили, что въ

русской исторіи можетъ быть только два большихъ отдѣла—исторія древняя до Петра Великаго и новая—послѣ него. Обыкновенно каждый новый писатель старался показать неправильность дѣленія своего предшественника, обыкновенно старался показать, что и послѣ того событія, при которомъ предшествующій писатель положилъ свою грань, продолжался прежній порядокъ вещей; что, наоборотъ, передъ этою гранью мы видимъ явленія, которыми писатель характеризовалъ новый періодъ и т. д. Споры безконечные! ибо въ исторіи ничто на оканчивается вдругъ и ничто не начинается вдругъ; новое начинается въ то время, когда старое продолжается.

Но мы не будемъ продолжать этихъ споровъ, мы не станемъ доказывать неправильности дѣленія предшествовавшихъ писателей и придумывать свое дѣленіе, болѣе правильное. Мы начнемъ съ того, что объявимъ всѣ эти дѣленія правильными; мы начнемъ съ того, что признаемъ заслугу каждаго изъ предшествовавшихъ писателей, ибо каждый, въ свою очередь, указывалъ на новую сторону предмета,—и тѣмъ способствовалъ лучшему пониманію его. Всѣ эти дѣленія и споры о правильности того или другого изъ нихъ были необходимы въ свое время, въ первое время занятія исторіею: тутъ необходимо, чтобы легче осмотрѣться, поскорѣе раздѣлить предметъ, поставить грани по болѣе виднымъ, по болѣе громкимъ событіямъ; тутъ необходимъ сначала внѣшній взглядъ, по которому эти самыя видныя, громкія событія и являются исключительными опредѣлителями историческаго хода, уничтожающими вдругъ все старое и начинающими новое. Но съ теченіемъ времени наука мужаетъ, и является потребность соединить то, что прежде было раздѣлено, показать связь между событіями, показать какъ новое проистекло изъ стараго, соединить разрозненныя части въ одно органическое цѣлое, является потребность замѣнить анатомическое изученіе предмета физіологическимъ.

Впервые обыкновенно останавливаются на половинѣ XI вѣка, на смерти Ярослава I; здѣсь полагаютъ грань между первымъ и вторымъ періодомъ русской исторіи. Грань поставлена совершенно правильно; но какая же непосредственная связь между первымъ и вторымъ періодомъ, какъ второй произошелъ изъ перваго? Въ XVIII вѣкѣ, въ первомъ періодѣ видѣли Русь рождающуюся, во второмъ—раздѣленную; связи между періодами не было показано, но удачныя названія, по крайней мѣрѣ, указывали на естественную связь между рожденіемъ и раздѣленіемъ. Позднѣйшіе писатели однако не воспользовались этими удачными названіями: они старались уничтожить всякую мысль о связи, естественномъ переходѣ, мысль случайно выразившуюся въ названіяхъ, опровергая послѣднія, какъ неправильныя. „Вѣкъ Св. Владиміра былъ уже вѣкомъ могущества и славы, а не р о ж д е н і я,“ объявили они.—„Государство (въ первый періодъ), шагнувъ въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ (во второй періодъ).“ Читая эти слова, мы невольно начинаемъ думать, что имѣемъ дѣло съ Ассиріею, Вавилоніею, Мидіею, тѣми восточными государствами, которыя, шагнувъ внезапно отъ колыбели до величія, начинали потомъ разрушаться; и каково же должно быть наше удивленіе, когда послѣ узнаемъ, что государство, о которомъ идетъ рѣчь, послѣ трехстолѣтняго разрушенія, вдругъ опять обновилось и явилось могущественнѣе прежняго!—Потомъ первому періоду дали названіе норманскаго, второму—удѣльнаго; въ первомъ выставили на главный планъ Норманновъ, всѣ явленія приписали ихъ дѣятельности; во второмъ—раздѣленіе Россіи на части, борьбу между князьями, владѣльцами этихъ частей. Но мы спросимъ: какая же связь между норманскимъ и удѣльнымъ періодами? какъ второй произошелъ изъ перваго? Нѣкоторые писатели пытались-было указать на связь между норманизмомъ и удѣлизмомъ, объявивъ, что удѣльная система, тѣ княжескія отношенія, какія мы видимъ во время ея господства, были заимствованы отъ Норманнвъ; попытка похвальная, но вполнѣ неудачная, потому что ни у Скандинавовъ, ни вообще у всѣхъ германскихъ племенъ ни найдемъ ничего похожаго на отношенія, какія видимъ между Русскими князьями; нигдѣ не видимъ, чтобы послѣ князя наслѣдовалъ братъ, а не сынъ; нигдѣ не видимъ, чтобы главный столъ принадлежалъ старшему въ цѣломъ родѣ; подобныя отношенія видимъ только въ славянскихъ государствахъ, и потому должны заключить, что явленіе это есть чисто, исключительно славянское. Теперь спрашивается: какимъ же образомъ случилось, что въ продолженіи цѣлаго перваго періода, до самой смерти Ярославовой, на первомъ планѣ дѣйствуютъ Норманны, дѣйствуютъ понормански, отсюда все норманское, и вдругъ, при переходѣ въ слѣдующій періодъ, встрѣчаемъ господствующее явленіе—отношенія между князьями, потомками Норманновъ, и это явленіе есть чисто, исключительно славянское? Ищемъ Норманновъ всюду,—и нигдѣ не находимъ.

Это самое отсутствіе связи между первымъ и вторымъ періодомъ, если первый обозначимъ именемъ норманскаго, всего лучше показываетъ намъ невѣрность послѣдняго названія. Норманны основали государство, Норманны дѣйствуютъ преимущественно, даже исключительно въ продолженіи двухъ сотъ лѣтъ,—и вдругъ исчезаютъ, и вдругъ государство является Славянскимъ! Дѣло въ томъ, что основалось государство Славянское; въ основаніи его участвуютъ и Финны, и Норманны: но потомъ сцена дѣйствія немедленно же переносится на югъ, въ область Днѣпровскую, въ сторону Славянъ исключительно, утверждается здѣсь, и потому славянское начало господствуетъ вполнѣ; въ первыхъ князьяхъ мы не должны видѣть Варяговъ, предводителей варяжскихъ дружинъ, морскихъ королей;—мы должны видѣть въ нихъ князей извѣст-

наго владѣнія, имѣющаго свои особенности, свои условія, которыя и опредѣляютъ характеръ дѣятельности историческихъ лицъ. Два раза является по нѣскольку князей въ новомъ владѣніи, но немедленно исчезаютъ въ пользу одного; въ третій разъ является опять нѣсколько князей, которые начинаютъ владѣть въ разныхъ областяхъ, и такой порядокъ вещей утверждается надолго; говорятъ, Россія раздѣлилась. Посмотримъ же теперь, что это за явленіе, какое отношеніе его къ явленіямъ предыдущимъ, къ первому, начальному періоду.

Исторія знаетъ различные виды образованія государствъ: или государство, начавшись незамѣтною точкой, въ короткое время достигаетъ громадныхъ размѣровъ, въ короткое время покоряетъ себѣ многіе различные народы, къ одной небольшой области, въ короткое время, силою завоеванія, привязываются многія другія государства, связь между которыми не условливается природою. Обыкновенно такія государства, какъ скоро возрасли, такъ-же скоро и падаютъ: такова, напримѣръ, судьба, азіатскихъ громадныхъ государствъ. Въ другомъ мѣстѣ видимъ, что государство начинается на ничтожномъ пространствѣ, и потомъ, вслѣдствіе постоянной напряженности силъ отъ внутренняго движенія, въ продолженіи довольно долгаго времени, распространяетъ свои владѣлія насчетъ сосѣднихъ странъ и народовъ, образуетъ громадное тѣло, и наконецъ распадается на части, вслѣдствіе самой громадности своей и вслѣдствіе отсутствія внутренняго движенія, исчезновенія внутреннихъ живительныхъ соковъ: таково было образованіе государства Римскаго. Образованіе всѣхъ этихъ древнихъ громадныхъ государствъ, какова бы ни была въ другихъ отношеніяхъ разница между ними, можно назвать образованіемъ неорганическимъ, ибо они обыкновенно составляются наростаніемъ извнѣ, внѣшнимъ присоединеніемъ частей посредствомъ завоеванія. Иной характеръ представляется намъ въ образованіи новыхъ, европейскихъ, христіанскихъ государствъ: здѣсь государства при самомъ рожденіи своемъ, вслѣдствіе племенныхъ и преимущественно географическихъ условій, являются уже въ тѣхъ же почти границахъ, въ какихъ имъ предназначено дѣйствовать впослѣдствіи; потомъ наступаетъ для всѣхъ государствъ долгій, тяжкій, болѣзненный процессъ внутренняго возрастанія и укрѣпленія, въ началѣ котораго государства эти являются обыкновенно въ видимомъ раздѣленіи, потомъ это раздѣленіе мало-по-малу исчезаетъ, уступая мѣсто единству: государство образуется. Такое образованіе мы имѣемъ право назвать высшимъ, органическимъ.

Какое же образованіе нашего государства?

Громадность русской государственной области можетъ привести нѣкоторыхъ въ заблужденіе, заставить подумать, что Россія—колоссальное государство въ родѣ древнихъ—Ассирійскаго, Персидскаго, Римскаго; но стоитъ только внимательнѣе вглядѣться въ явленія начальной русской исторіи, чтобъ увидѣть, какъ невѣрно подобное мнѣніе. Мы видѣли, какъ прежніе историки обозначали древнюю русскую исторію: „Государство, шагнувъ, такъ сказать, въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія, слабѣло и разрушалось болѣе трехъ сотъ лѣтъ". Такъ должны были смотрѣть прежде, при внѣшности взгляда; для насъ же теперь это явленіе имѣетъ совершенно обратный смыслъ. Что значитъ: „Государство шагнуло въ одинъ вѣкъ отъ колыбели своей до величія?" Это значитъ, что государство при самомъ рожденіи своемъ является уже въ громадныхъ размѣрахъ, и что эти громадные размѣры условливаются природою: для области новаго государства была опредѣлена обширная восточная европейская равнина, которая, какъ обширная равнина, орошаемая въ разныхъ направленіяхъ бѣгущими великими рѣками, но берущими начало въ одномъ общемъ узлѣ, необходимо должествовала быть областью единаго государства. Страна была громадна, но пустынна; племена рѣдко разбросались на огромныхъ пространствахъ, по рѣкамъ; новое государство, пользуясь этимъ удобствомъ водяныхъ путей во всѣхъ направленіяхъ, быстро обхватило племена, быстро намѣтило громадную для себя область; но эта область попрежнему оставалась пустынною; даннаго, кромѣ почвы, большею частію не было ничего,—нужно было все населить, все устроить, все создать: „Земля была велика и обильна, но наряду въ ней не было":—и вотъ Русское государство, подобно другимъ, органически образованнымъ государствамъ, вступаетъ въ долгій, тяжкій, болѣзненный періодъ внутренняго возрастанія, окрѣпленія.

Въ этотъ періодъ мы видимъ и у насъ, какъ въ другихъ органически образованныхъ государствахъ, что страна какъ будто бы раздѣлилась на части, находящіяся подъ властію разныхъ владѣтелей. Всматриваясь внимательнѣе однако, мы видимъ, что при этомъ наружномъ раздѣленіи государство сохраняетъ единство, ибо владѣльцы частей находятся въ связи другъ съ другомъ и въ общей зависимости отъ одного—главнаго изъ нихъ. Эти-то отношенія владѣльцевъ, характеръ ихъ зависимости отъ владѣльца верховнаго и должны стать на первомъ планѣ для историка, ибо они держатъ отъ себя въ зависимости всѣ прочія отношенія, опредѣляютъ ходъ событій не только въ то время, въ которое господствуютъ, но и надолго впередъ. Касательно этихъ внутреннихъ владѣльческихъ отношеній новыя европейскія государства раздѣляются на двѣ группы: на группу государствъ германскихъ и на группу государствъ славянскихъ; въ первыхъ мы видимъ господство такъ называемыхъ феодальныхъ отношеній, во вторыхъ, и преимущественно въ Россіи, сохранившей въ большей чистотѣ славянскій характеръ, видимъ господство родовыхъ княжескихъ отношеній. Тамъ, на западѣ, связью между частями государства служила зависимость владѣльца каждой изъ этихъ частей отъ своего высшаго

(вассала отъ сюзерена), зависимость, развивавшаяся изъ первоначальной зависимости членовъ дружины къ вождю; здѣсь, на востокѣ, связью между частями государства служило родовое отношеніе владѣльца каждой части къ владѣльцамъ другихъ частей и къ самому старшему изъ нихъ,—отношеніе, основанное не только на происхожденіи всѣхъ владѣльцевъ отъ одного общаго родоначальника, но и на особенномъ способѣ владѣнія, которымъ поддерживалось единство рода княжескаго; этотъ особенный способъ состоялъ въ томъ, что главный, старшій столъ переходилъ постоянно во владѣніе къ старшему въ цѣломъ родѣ княжескомъ. Явленія въ высокой степени любопытныя представляютъ намъ феодализмъ на западѣ, родовыя княжескія отношенія на востокѣ; единство государства повидимому расторгнуто, на сценѣ множество владѣльцевъ, изъ которыхъ каждый преслѣдуетъ свои личныя цѣли, съ презрѣніемъ чужихъ правъ и своихъ обязанностей: тамъ вассалъ воюетъ противъ своего государя, здѣсь—младшій князь вооружается противъ старшаго; феодальная цѣпь на западѣ и родовая связь на востокѣ кажутся такъ слабы, такъ ничтожны при страшной борьбѣ матеріальныхъ силъ, и, несмотря на то, благодаря извѣстной экономіи человѣческихъ обществъ, эти двѣ нравственныя связи, нравственныя силы такъ могущественны, что въ состояніи охранить государственное единство; несмотря на частныя нарушенія обязанностей—феодальныхъ на западѣ, родовыхъ на востокѣ,—вообще эти обязанности признаются безусловно, юныя государства крѣпко держатся за нихъ, какъ за основы своего единства; феодализму на западѣ и родовымъ княжескимъ отношеніямъ на востокѣ безспорно принадлежала опека надъ новорожденными европейскими обществами въ опасный періодъ ихъ младенчества.

Но этотъ періодъ началъ проходить для Руси: стало замѣтно образовываться крѣпкое государственное средоточіе; родовыя княжескія отношенія должны уступить мѣсто единовластію. Мы видѣли, гдѣ и какъ, при какихъ условіяхъ образовалось это государственное сосредоточіе, какъ нанесенъ былъ первый ударъ господствующимъ отношеніямъ, какъ началась, продолжалась и окончилась борьба между старымъ и новымъ порядкомъ вещей. Мы видѣли, какъ первоначальная сцена русской исторіи, знаменитая водная дорога изъ Варягъ въ Греки, въ концѣ XII вѣка оказалась неспособною развить изъ себя крѣпкія основы государственнаго быта. Жизненныя силы, слѣдуя изначала опредѣленному направленію, отливаютъ отъ юго-запада къ сѣверо-востоку; народонаселеніе движется въ этомъ направленіи—и вмѣстѣ съ нимъ идетъ исторія. Область Верхней Волги колонизуется; мы видѣли, подъ вліяніемъ какого начала произошла эта колонизація, какой характеръ вслѣдствіе этого приняли здѣсь отношенія новаго народонаселенія ко власти, его призвавшей, новыхъ городовъ—къ князьямъ, ихъ построившимъ, отношенія, опредѣлившія характеръ новаго государства. Мы видѣли, какъ эти отношенія немедленно же обнаруживаютъ свое дѣйствіе; какъ, основываясь на нихъ, начинается борьба новаго порядка вещей съ старымъ, государственныхъ отношеній съ родовыми, и оканчивается торжествомъ первыхъ надъ послѣдними, вслѣдствіе чего Сѣверо-Восточная Русь собирается въ одно цѣлое; мы видѣли причины, почему она собирается около Москвы; видѣли, какъ Московскіе князья пользуются выгоднымъ положеніемъ своей срединной области, наибольшимъ стеченіемъ въ нее народонаселенія, богатѣютъ, усиливаются, подчиняютъ себѣ остальныхъ князей, отбиваютъ и Татаръ, и Литву.

Препятствія имъ при этомъ мало, пособій—много. Способствовало имъ: отсутствіе сильныхъ областныхъ привязанностей, что условливалось природою страны, передвижкою народонаселенія, привычкою переходить изъ одного княжества въ другое при первыхъ затруднительныхъ обстоятельствахъ и вездѣ находить одинакія удобства, одинакій бытъ; неразвитость самостоятельной жизни въ городахъ Сѣверо-Восточной Руси, вслѣдствіе чего голоса ихъ при важныхъ событіяхъ, при важныхъ борьбахъ не слышно; характеръ сѣвернаго народонаселенія вообще, изначала неохотно принимавшаго участіе въ усобицахъ, склоннаго къ мирнымъ занятіямъ, не легко увлекающагося, разсудительнаго. Народонаселенію съ такимъ характеромъ скорѣе чѣмъ какому-либо другому должны были наскучить усобицы, сопряженныя съ ними безпокойства, бѣдствія; такое народонаселеніе должно было скорѣе другого понять, что единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было единовластіе, подчиненіе всѣхъ князей одному,—сильнѣйшему, причемъ, какъ видно, народонаселеніе присоединяемыхъ къ Москвѣ княжествъ ничего не теряло, не имѣло повода жалѣть о своей прежней особности. Не могло быть сильныхъ препятствій со стороны дружинъ, ибо дружинники, какъ мы знаемъ, не были тѣсно связаны съ извѣстнымъ княземъ, съ извѣстнымъ—княжествомъ, имѣли право переходить отъ слабѣйшихъ князей къ сильнѣйшему, служба которому была выгоднѣе. Наконецъ, сословіе, пользовавшееся могущественнымъ нравственнымъ вліяніемъ, сословіе духовное, изначала дѣйствовало въ пользу единовластія.

Извнѣ Литва не могла мѣшать Москвѣ усиливаться, сильно и долго защищать отъ нея слабѣйшія княжества; сначала Тевтонскій Орденъ, еще могущественный, постоянно отвлекалъ вниманіе Литовскихъ князей на западъ; потомъ, послѣ брака Ягайлова на Ядвигѣ, вниманіе ихъ было поглощено отношеніями къ Польшѣ, къ которымъ присоединились еще отношенія къ падающему и распадающемуся Ордену, къ Богеміи, Венгріи. Натиски Швеціи и Ордена Ливонскаго были таковы, что отдѣльныхъ силъ Новгорода и Пскова было достаточно для противоборства имъ. Продаваемая за деньги, помощь татарская была постоянно готова для каждаго сильнаго и богатаго князя.

Между тѣмъ въ Европѣ происходятъ великія явленія; если на сѣверъ отъ Чернаго моря владычеству Азіатцевъ нанесенъ сильный ударъ отъ новорожденнаго Московскаго государства, если Куликовская битва предвозвѣстила конецъ давняго господства кочевыхъ варваровъ на великой восточной равнинѣ, вслѣдствіе начавшагося здѣсь сосредоточенія и усиленія европейскаго государства, то на югѣ одряхлѣвшая окончательно Византія пала предъ Турками. Европейскіе христіанскіе народы не поддержали Греческой имперіи: подобныхъ государствъ нельзя поддержать при всемъ желаніи и при всѣхъ средствахъ; кромѣ того, европейскіе народы въ описываемое время были сильно заняты у себя: то былъ знаменитый XV вѣкъ, когда юныя европейскія государства, послѣ тяжелаго внутренняго процесса, знаменующаго такъ называемую Среднюю исторію, стремились къ окончательному сосредоточенію, какъ на западѣ, такъ и на востокѣ. На востокѣ единовременно видимъ сосредоточеніе сѣверныхъ русскихъ областей около Москвы, сосредоточеніе Польши и образованіе Литовскаго государства преимущественно изъ областей Руси Юго-Западной. Польша соединяется съ Литвою подъ одною династіею, но соединяется внѣшнимъ соединеніемъ, ибо внутреннему препятствуетъ разность вѣроисповѣданій. И вотъ Римъ, пользуясь бѣдствіемъ Византіи, устроиваетъ дѣло соединенія церквей. Исидоръ, въ званіи митрополита всея Руси, подписываетъ во Флоренціи актъ соединенія; но въ Москвѣ этотъ актъ отвергнутъ, здѣсь рѣшили остаться при древнемъ благочестіи: одно изъ тѣхъ великихъ рѣшеній, которыя на многіе вѣка впередъ опредѣляютъ судьбы народовъ! Если борьба между католицизмомъ и протестантизмомъ, борьба, предвозвѣщенная въ описываемое время Гуссомъ, опредѣлила надолго судьбы Западной Европы, то борьба между католицизмомъ и православіемъ, борьба, условленная отринутіемъ Флорентійскаго соединенія въ Москвѣ, опредѣлила судьбы Европы Восточной; вѣрность древнему благочестію, провозглашенная великимъ княземъ Василіемъ Васильевичемъ, поддержала самостоятельность Сѣверо-Восточной Руси въ 1612 году, сдѣлала невозможнымъ вступленіе на Московскій престолъ Польскаго королевича, повела къ борьбѣ за вѣру въ польскихъ владѣніяхъ, произвела соединеніе Малой Россіи съ Великою, условила паденіе Польши, могущество Россіи и связь послѣдней съ единовѣрными народами Балканскаго полуострова.

При такихъ обстоятельствахъ образовалось Московское государство. Формы, въ которыхъ оно образовалось, условливались отношеніями къ духовенству, дружинѣ и остальному народонаселенію; отношенія духовенства условливались византійскими преданіями; дружина не была дружиною завоевателей; сначала, на югѣ, при многочисленности членовъ княжескаго рода, члены дружины не могли пріобрѣсть значенія постоянныхъ областныхъ правителей; при господствѣ родовыхъ княжескихъ отношеній, при переходѣ князей изъ одной области въ другую, члены дружины не могли пріобрѣсть въ областяхъ значенія постоянныхъ знатнѣйшихъ землевладѣльцевъ; на сѣверѣ, при осѣдлости князей, члены дружины получили возможность пріобрѣсть послѣднее значеніе; здѣсь видимъ богатыя и могущественныя фамиліи; но сначала уже замѣчаемъ, что при самыхъ богатыхъ и могущественныхъ изъ нихъ богатство и могущество не остаются долго: Алексѣй Петровичъ Хвостъ гибнетъ, какъ видно, отъ соперниковъ своихъ, отъ Вельяминовыхъ; значеніе послѣднихъ никнетъ при Димитріи Донскомъ; при Василіи Димитріевичѣ поднимаются Кошки, но не сохраняютъ своего первенствующаго положенія при Василіи Темномъ; Всеволожскій, поднявшійся-было въ малолѣтство послѣдняго, скоро падаетъ, имѣніе его также переходитъ къ великому князю, равно какъ имѣнія Свибловыхъ и Константиновичей. Соперничество фамилій безспорно много помогло и при уничтоженіи сана тысяцкаго и вообще помогало князьямъ управляться съ отдѣльными членами дружины, опасными или почему бы то ни было неугодными, тѣмъ болѣе что вообще очень важное значеніе дружины не затрогивалось. Съ другой стороны, значеніе старыхъ фамилій постоянно ослаблялось приплывомъ знатныхъ выходцевъ, искавшихъ службы при дворѣ сильныхъ князей Московскихъ; особенно въ послѣднее время пріѣзжаетъ много князей, Рюриковичей и Гедиминовичей, которые въ описываемый періодъ сохраняютъ свое первенствующее положеніе, именуются прежде бояръ; пришельцы заѣзжаютъ, оттѣсняютъ членовъ старыхъ фамилій; неудовольствіе послѣднихъ не можетъ вести ни къ чему: безъ нихъ обойдутся,—другихъ слугъ много; невыгодно промѣнять службу въ сильной, богатой Москвѣ на службу въ другомъ княжествѣ; если же недовольный и отъѣдетъ, начнетъ крамолить, поджигать усобицы, то всѣ эти усобицы оканчивались торжествомъ князя Московскаго, причемъ извѣстна участь Вельяминова, Всеволожскаго, Константиновичей. При постоянномъ движеніи, пріѣздѣ отовсюду новыхъ слугъ, трудно было образоваться какимъ нибудь постояннымъ отношеніямъ и положеніямъ, и потому видимъ смѣны, перемѣщенія; въ концѣ описываемаго времени видимъ на первомъ планѣ или князей, или членовъ такихъ родовъ, которыхъ не видимъ прежде на первомъ мѣстѣ.—Касательно отношеній остальнаго народонаселенія намъ не нужно ничего прибавлять къ тому, что было прежде сказано о значеніи городовъ Сѣверо-Восточной Руси.

Такъ образовалось Московское государство.

ИСТОРІЯ РОССІИ

СЪ ДРЕВНѢЙШИХЪ ВРЕМЕНЪ.

Томъ пятый.

I. Княженіе Іоанна III Васильевича.

Глава I.

Новгородъ Великій.

Значеніе Іоанна III и характеръ его. —Состояніе Новгорода Великаго.—Литовская сторона.—Борецкіе.—Столкновеніе съ великимъ княземъ.—Осторожное поведеніе великаго князя и митрополита.—Избраніе владыки. Вѣчевая усобица.—Договоръ съ Казиміромъ Литовскимъ.—Война Новгорода съ Москвою.—Миръ по старинѣ.—Посвященіе владыки Ѳеофила.—Новгородское безнарядье; обиженные обращаются къ суду великокняжескому.—Мирный пріѣздъ Іоанна въ Новгородъ для управы.—Судъ.—Жалобщики ѣдутъ въ Москву.—Государь и господинъ.—Іоаннъ хочетъ быть государемъ въ Новгородѣ.—Новая война.—Приравненіе Новгорода къ Москвѣ.—Движенія въ Новгородѣ въ пользу старины.—Казни и переселенія.—Присоединеніе Вятки.—Ссоры Псковичей съ намѣстниками великокняжескими.—Московскій великій князь распоряжается въ Рязани.—Присоединеніе Твери къ Москвѣ; окончательное присоединеніе Ярославля и Ростова.

Иногда видимъ мы, какъ цѣлыя поколѣнія, въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ, тяжелыми трудами накопляютъ большія богатства: сынъ прибавляетъ къ тому, что было накоплено отцомъ, внукъ увеличиваетъ собранное отцомъ и дѣдомъ: тихо, медленно, незамѣтно дѣйствуютъ они, подвергаются лишеніямъ, живутъ бѣдно,—и вотъ, наконецъ, накопленныя средства достигаютъ обширныхъ размѣровъ, и вотъ, наконецъ, счастливый наслѣдникъ трудолюбивыхъ и бережливыхъ предковъ начинаетъ пользоваться доставшимся ему богатствомъ. Онъ не расточаетъ его, напротивъ—увеличиваетъ: но при этомъ способъ его дѣйствій, по самой обширности средствъ, отличается уже большими размѣрами, становится громокъ, виденъ, обращаетъ на себя всеобщее вниманіе, ибо имѣетъ вліяніе на судьбу, на благосостояніе многихъ. Честь и слава человѣку, который такъ благоразумно умѣлъ воспользоваться доставшимися ему средствами: но при этомъ должны ли быть забыты скромные предки, которые своими трудами, бережливостію, лишеніями доставили ему эти средства?

Счастливый потомокъ цѣлаго ряда умныхъ, трудолюбивыхъ, бережливыхъ предковъ, Іоаннъ III вступилъ на Московскій престолъ, когда дѣло собиранія Сѣверо-Восточной Руси могло почитаться уже оконченнымъ; старое зданіе было совершенно расшатано въ своихъ основаніяхъ, и нуженъ былъ послѣдній, уже легкій ударъ, чтобъ дорушить его. Отношенія всѣхъ частей народонаселенія ко власти княжеской издавна уже опредѣлились въ пользу послѣдней: надлежало только воспользоваться обстоятельствами, воспользоваться преданіями, доставшимися въ наслѣдство отъ Византійской имперіи, чтобъ выказать яснѣе эти отношенія, дать имъ точнѣйшее опредѣленіе. Новгородъ, Тверь, удѣлы княжества Московскаго ждали не послѣдняго удара, но, можно сказать, только перваго движенія со стороны Москвы, чтобъ присоединиться, приравняться къ ней. Орда падала сама собою отъ раздѣленія, усобицъ, и стоило только воспользоваться этимъ раздѣленіемъ и усобицами, чтобъ такъ называемое Татарское иго исчезло безъ большихъ усилій со стороны Москвы. На западѣ король Польскій и великій князь Литовскій занятъ внутри раздѣленіемъ между Польшею и Литвою, раздѣленіемъ, господствующимъ подъ видомъ соединенія; сильно занятъ извнѣ отношеніями къ Пруссіи, Богеміи, Венгріи, не можетъ мѣшать Москвѣ въ ея усиленіи, не можетъ бороться съ нею и уступаетъ ей цѣлыя области. Спокойный, единовластный внутри, Московскій князь пользуется своими средствами, пользуется собраніемъ Сѣверо-Восточной Руси, совершеннымъ его предками, пользуется счастливыми внѣшними

обстоятельствами, затруднительнымъ положеніемъ сосѣдей, чтобъ начать наступательное движеніе на востокъ, на племена финскія, на царства татарскія; относительно же юго-запада припоминаетъ, что Кіевъ, Смоленскъ, Витебскъ и Полоцкъ издавна его предковъ отчины. Съ прекращеніемъ внутренняго движенія для собранія Земли, съ утвержденіемъ единовластія и съ началомъ внѣшнихъ движеній, замкнутость, отчужденность Сѣверо-Восточной Руси необходимо начинаетъ прекращаться: державы Западной Европы узнаютъ, что на сѣверо-востокѣ существуетъ обширное, самостоятельное Русское государство, кромѣ той Руси, которая подчинена Польскимъ королямъ, и начинаютъ отправлять въ Москву пословъ, чтобъ познакомиться съ новымъ государствомъ и попытаться, нельзя ли употребить его средства для общихъ европейскихъ цѣлей. Первымъ необходимымъ слѣдствіемъ начавшихся сношеній съ западными государствами было появленіе западныхъ художниковъ въ Москвѣ, которая такимъ образомъ начинаетъ пользоваться плодами европейской цивилизаціи. Понятно, что все это были только начатки слабые: сношенія съ западными державами не шли далѣе Италіи, Даніи, Германской имперіи; сношенія съ послѣднею скоро должны были прекратиться по недостатку общихъ интересовъ; какъ и прежде татарскія орды на востокѣ и югѣ, Литва и Швеція—на западѣ—ограничивали политическій горизонтъ Московскаго государства.

Таковы были слѣдствія собранія Русской Земли около Москвы, слѣдствія необходимо обнаружившіяся во второй половинѣ XV вѣка, въ княженіе Іоанна III, который, пользуясь полученными отъ предковъ средствами, пользуясь счастливымъ положеніемъ своимъ относительно сосѣднихъ государствъ, доканчиваетъ старое и вмѣстѣ съ тѣмъ необходимо начинаетъ новое. Это новое не есть слѣдствіе его одной дѣятельности, но Іоанну III принадлежитъ почетное мѣсто среди собирателей Русской Земли, среди образователей Московскаго государства; Іоанну III принадлежитъ честь за то, что онъ умѣлъ пользоваться своими средствами и счастливыми обстоятельствами, въ которыхъ находился во все продолженіе жизни. При пользованіи своими средствами и своимъ положеніемъ, Іоаннъ явился истымъ потомкомъ Всеволода III и Калиты, истымъ княземъ Сѣверной Руси: разсчетливость, медленность, осторожность, сильное отвращеніе отъ мѣръ рѣшительныхъ, которыми было можно много выиграть, но и потерять, и при этомъ стойкость въ доведеніи до конца разъ начатаго, хладнокровіе,—вотъ отличительныя черты дѣятельности Іоанна III.—Благодаря извѣстіямъ Венеціанца Контарини, мы можемъ имѣть нѣкоторое понятіе и о физическихъ свойствахъ Іоанна: онъ былъ высокій, худощавый, красивый мужчина; изъ прозвища „Горбатый“, которое встрѣчается въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ, должно заключать, что онъ, при высокомъ ростѣ, былъ сутуловатъ.

Мы видѣли, что только увѣщанія Новгородскаго архіепископа Іоны, пользовавшагося особеннымъ уваженіемъ въ Москвѣ, и послѣдовавшая вскорѣ смерть великаго князя отвратили отъ Новгорода послѣдній ударъ, который хотѣлъ нанести ему Василій Темный, жаловавшійся, что Новгородцы не чтутъ его, какъ слѣдуетъ. Дѣйствительно, особный бытъ Новгорода давно уже поддерживался только усобицами княжескими, и необходимымъ слѣдствіемъ ихъ прекращенія было приравненіе Новгорода къ другимъ городамъ Сѣверной Руси, полное подчиненіе его князьямъ Московскимъ; Василій Темный, какъ скоро избавился отъ опасныхъ или безпокойныхъ князей, такъ началъ тяготиться, что Новгородъ не воздаетъ ему достойной чести, ему, который держитъ въ рукахъ всѣхъ князей; понятно, что если самъ Василій не успѣлъ освободить себя отъ такихъ непріятныхъ для него отношеній, то сынъ его долженъ былъ объ этомъ позаботиться. Новгородцы не могли не понимать всей опасности своего положенія, не могли не видѣть, что противъ сына Василіева не будетъ имъ помощи ни отъ кого изъ князей Сѣверной Руси, и потому должны были искать помощи въ другой сторонѣ. Кромѣ великаго князя Московскаго, теперь сильнаго, спокойнаго, замышлявшаго нанести послѣдній ударъ Новгороду, былъ еще великій князь Литовскій, который назывался также и Русскимъ; къ этому князю отъѣзжали изъ Сѣверо-Восточной Руси всѣ князья недовольные, лишенные отчинъ, угрожаемые княземъ Московскимъ; къ нему обратились и Новгородцы въ послѣдній, рѣшительный часъ. Но великій князь Литовскій и вмѣстѣ король Польскій былъ католикъ; отложиться отъ Московскаго князя и поддаться Литовскому, отложиться отъ Московскаго митрополита и признать свою зависимость отъ митрополита Кіевскаго, митрополита подозрительнаго по своему поставленію, ученика Исидорова,—въ глазахъ многихъ, въ глазахъ большинства въ Новгородѣ, въ глазахъ всего сѣвернаго русскаго народонаселенія значило измѣнить православію, приложиться къ латинству, или, по крайней мѣрѣ, подвергнуть древнее благочестіе сильной опасности. Такимъ образомъ, мысль о подданствѣ великому князю Литовскому встрѣчала сопротивленіе въ господствующемъ чувствѣ большинства въ Новгородѣ, въ привязанности къ вѣрѣ предковъ; такимъ образомъ, Москва, въ окончательной борьбѣ своей съ Новгородомъ, имѣла могущественнаго нравственнаго союзника, обѣщавшаго вѣрную побѣду: этотъ союзникъ былъ—православіе.

И прежде не разъ великіе князья Литовскіе предлагали свое покровительство Новгороду; ихъ предложенія были отвергаемы; и нельзя не замѣтить, что главнымъ побужденіемъ къ тому было иновѣрство Гедиминовичей, хотя, съ другой стороны, и отъ Москвы не было еще тогда такой опасности, которая бы заставила Новгородцевъ быть внимательнѣе къ предложеніямъ изъ Литвы. Но мысль, что рано или поздно придется просить помощи у Литвы,—эта мысль не могла уже быть

чуждою въ Новгородѣ, и здѣсь нашлись люди, которые не раздѣляли мнѣнія большинства относительно препятствій къ соединенію съ Литвою. Замѣтно было уже и прежде раздвоеніе между гражданами новгородскими, между лучшими и меньшими людьми; теперь, въ рѣшительную минуту, это раздѣленіе повело къ разномыслію относительно самаго важнаго шага, а это разномысліе, въ свою очередь, усиливало вражду между сторонами. Есть извѣстіе, что будто бы еще въ тридцатыхъ годахъ столѣтія была въ Новгородѣ смута отъ желанія знатныхъ людей присоединиться къ Литвѣ [1]). Въ рѣшительную минуту борьбы Новгородъ былъ раздѣленъ; въ Москвѣ не могли не знать о существованіи литовской стороны, которая, разумѣется, должна была утверждать, что соединеніе съ Литвою вовсе не опасно для православія; что въ старомъ Кіевѣ такой же православный митрополитъ, какъ и въ Москвѣ. Для ослабленія литовской стороны, надобно было возражать на это, надобно было удержать прежде всего владыку Новгородскаго отъ признанія Кіевскаго митрополита Григорія православнымъ, законнымъ, — и вотъ Іоаннъ III посылаетъ къ владыкѣ Іонѣ съ такими рѣчами: „Тебѣ извѣстно, откуда пришелъ этотъ Григорій и отъ кого поставленъ,—пришелъ онъ изъ Рима, отъ папы, и поставленъ въ Римѣ же бывшимъ Цареградскимъ патріархомъ Григоріемъ, который повиновался папѣ съ осьмаго собора. Ты знаешь также, за сколько лѣтъ отдѣлилась Греческая Церковь отъ Латинской, и Святыми Отцами утверждено, чтобъ не соединяться съ латинствомъ. Ты долженъ хорошо помнить, какой обѣтъ далъ ты Іонѣ митрополиту, когда пріѣзжалъ къ намъ въ Москву: ты обѣщалъ не приступать къ Григорію, не отступать отъ Іоны митрополита всея Руси и отъ его преемниковъ; такой же обѣтъ повторилъ и митрополиту Θеодосію, и нынѣшнему Филиппу... Такъ если тотъ Григорій начнетъ подсылать къ тебѣ или къ Новгородцамъ съ какими-нибудь рѣчами или письмами, то ты, богомолецъ нашъ, поберегись, и своимъ дѣтямъ внуши, чтобъ Григорьеву посланію не вѣрили, рѣчей его не слушали и даровъ не принимали; да помни, отецъ, свой обѣтъ, который ты далъ на своемъ поставленьи отцу нашему Іонѣ митрополиту и всѣмъ его преемникамъ“ [2]).

Въ челѣ стороны литовской стояли Борецкіе, дѣти умершаго посадника Исака Борецкаго. Мы видѣли, какое важное значеніе въ семействахъ княжескихъ получали матери по смерти отцовъ; такъ было и въ семьяхъ частныхъ: вдова Исака Борецкаго, Марθа, имѣла сильную власть надъ дѣтьми по обычаю и по личному характеру, и посредствомъ этой власти пользовалась могущественнымъ вліяніемъ на дѣла роднаго города. Существованіе сильной стороны, Москвѣ враждебной, ожесточеніе, такъ рѣзко обнаружившееся въ нѣкоторыхъ Новгородцахъ послѣ похода Василія Темнаго, не могли не повести къ враждебнымъ столкновеніямъ Новгорода съ Москвою въ княженіе преемника Василіева; въ Новгородѣ стали утаивать великокняжескія пошлины; стали заводить опять за себя земли и воды, уступленныя прежде по суду Москвѣ; съ большаго вѣча шумная толпа людей являлась на великокняжескій дворъ, на Городище, бранили, безчестили намѣстниковъ, посла Іоаннова; по одному изъ условій договора Василіева, московскіе подданные, тяжущіеся съ Новгородцами, судились новгородскимъ бояриномъ вмѣстѣ съ московскимъ на Городищѣ; Новгородцы, забывъ объ этомъ условіи, схватили на Городищѣ какихъ-то двухъ князей, за отказомъ, въ имени великаго князя, людей ихъ взяли, били, свели въ городъ и мучили [3]); наконецъ, новгородскіе порубежники нападали на волости московскія. Великій князь во все это время былъ занятъ войною Казанскою; съ другой стороны, по природной осторожности своей, онъ могъ бояться рѣшительными, строгими требованіями усилить, увеличить число приверженцевъ литовскихъ и заставить Новгородъ поддаться Казиміру. Нѣсколько разъ отправлялъ онъ въ Новгородъ пословъ съ требованіемъ, чтобъ отчина его исправилась, жила по старинѣ. Теперь это слово „старина“ въ устахъ великокняжескихъ получала особое значеніе; до сихъ поръ, въ отношеніи къ великимъ князьямъ, Новгородцы имѣли важное преимущество дѣйствовать во имя старины; теперь, замышляя подданство литовское, они теряли это преимущество, переходившее на сторону великаго князя; сперва Новгородцы не требовали отъ князей ничего болѣе, кромѣ исполненія старинныхъ условій; теперь великій князь требуетъ отъ Новгородцевъ сохраненія старины.

И митрополитъ Московскій держался также старины; мы видѣли, что Псковичи постоянно тяготились зависимостью своею отъ владыки Новгородскаго, который, въ ихъ глазахъ, не исполнялъ своихъ обязанностей въ отношеніи къ нимъ, какъ слѣдуетъ, отъ чего происходили сильныя неустройства въ Псковской церкви. Въ концѣ 1463 года Псковичи отправили къ великому князю гонца съ двумя грамотами: въ одной написана была благодарность отъ всего Пскова за то, что Іоаннъ прислалъ воеводу своего оборонять Псковъ отъ Нѣмцевъ, причемъ прибавлено: „Хотѣли мы слать къ тебѣ, своему Государю, людей честныхъ, посадниковъ и бояръ, да за тѣмъ не послали, что не пропуститъ Великій Новгородъ“. Великій князь съ удивленіемъ

---

[1]) Въ житіи Св. Михаила Клопскаго читаемъ: «Сему же чудному Еуфимію (владыкѣ, второму этого имени) возведену бывшу на престолъ, случижеся тогда нестроеніе въ градѣ: овіи отъ гражанъ прилежаху по древнему преданію русскимъ царемъ, вельможи же града вси и старѣйшины хотяху Латыни приложитися и сихъ Кралю повиноватися. Итако нестроенію велику сущу, и того ради блаженному Еуфимію несовершившуся архіерейства саномъ три лѣта». Въ послѣднемъ извѣстіи о трехъ годахъ есть неточность, и вообще этого извѣстія безусловно принимать нельзя.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 80.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 3.

сказалъ гонцу: „Какъ это вы побоялись моей отчины, Великаго Новгорода? какъ Новгородцамъ не пропустить вашихъ пословъ ко мнѣ, когда они у меня въ крестномъ цѣлованіи?" Другая грамота объясняла дѣло: въ ней Псковичи просили, чтобъ великій князь велѣлъ митрополиту поставить особаго владыку во Псковъ—ихъ же брата, Псковитина. Іоаннъ отвѣчалъ: „Это дѣло великое; хотимъ о немъ съ отцомъ своимъ, митрополитомъ, крѣпко подумать; отецъ нашъ пошлетъ за архіепископами и епископами, и если они всѣ согласятся, то мы вамъ дадимъ знать". Въ началѣ слѣдующаго года Псковичи возобновили просьбу чрезъ знатныхъ пословъ, которые привезли великому князю въ подарокъ 50 рублей; но успѣха не было: Іоаннъ, подумавши съ митрополитомъ, объявилъ, что нельзя быть во Псковѣ особому владыкѣ, потому что съ самаго начала не бывалъ, и нѣтъ стола во Псковѣ. Псковичи принуждены были возвратить Новгородскому владыкѣ воды, земли и всѣ оброки, которые было-захватили въ надеждѣ, что Москва исполнитъ ихъ желаніе. Въ концѣ 1468 года они попытались-было опять ввести новизну въ своемъ церковномъ управленіи,—и опять неудачно: всѣ монахи и священники псковскіе, всѣ пять соборовъ, благословивши посадниковъ и весь Псковъ на вѣчѣ, сказали: „Хотимъ, дѣти, между собою, по правиламъ Св. Апостолъ и Св. Отецъ, во всемъ священствѣ крѣпость положить, какъ намъ управляться и жить по Номоканону; а вы намъ, дѣти, будьте поборники, потому что здѣсь правителя надъ нами нѣтъ, и намъ самимъ между собою крѣпости удержать нельзя, да и вы иногда вступаетесь міромъ въ церковныя дѣла не по правиламъ; такъ мы хотимъ и на васъ такую же крѣпость положить". Псковъ имъ отвѣчалъ: „То вѣдаете вы, все Божіе священство, и мы вамъ поборники на всякій добрый совѣтъ". Тогда всѣ пять соборовъ и все священство написали грамоту изъ Номоканона о своихъ священническихъ крѣпостяхъ и о церковныхъ дѣлахъ, и положили грамоту въ ларь, а для исполненія грамоты правителями надъ собою на вѣчѣ предъ всѣмъ Псковомъ посадили двоихъ священниковъ. Но скоро клеветники встали на одного изъ этихъ правителей, и онъ убѣжалъ въ Новгородъ къ владыкѣ. Владыка, узнавши о новизнѣ, пріѣхалъ въ началѣ 1469 года во Псковъ и спросилъ: „Кто это такъ сдѣлалъ безъ моего вѣдома? я самъ хочу здѣсь судить, и вы бы грамоту вынули и подрали". Все Божіе священство, посадники и весь Псковъ, подумавши, отвѣчали: „Самъ, господинъ, знаешь, что тебѣ здѣсь не долго быть и нашего дѣла тебѣ скоро нельзя управить, потому что въ это послѣднее время въ церквахъ между священниками смущеніе сильное, такъ что всего и сказать нельзя, сами они хорошо объ этомъ знаютъ; такъ вотъ грамоту изъ Номоканона выписали и въ ларь положили по вашему же слову; самъ ты, господинъ, и прежніе владыки благословляли пять соборовъ управлять всякими дѣлами священническими по Номоканону, вмѣстѣ съ своимъ намѣстникомъ". Владыка сказалъ: „Доложу объ этомъ митрополиту и дамъ вамъ знать, какъ онъ прикажетъ". Митрополитъ благословилъ, а великій князь приказалъ, чтобъ Псковичи все управленіе священническое положили на архіепископѣ Новгородскомъ, потому что такъ искони предано, и весь Псковъ митрополичье благословленіе, и государя своего, великаго князя слово принялъ, вынулъ грамоту изъ ларя и подралъ.

Между тѣмъ въ Москву пріѣхалъ изъ Новгорода посолъ, посадникъ Василій Ананьинъ, правилъ посольство о своихъ дѣлахъ земскихъ новгородскихъ, относительно же великокняжескихъ жалобъ не сказалъ ни слова, и когда бояре напомнили ему о нихъ, отвѣчалъ: „Великій Новгородъ объ этомъ не мнѣ приказалъ". Великаго князя раздосадовала такая грубость, что Новгородцы о своихъ земскихъ дѣлахъ къ нему посылаютъ и челомъ бьютъ, а въ чемъ ему грубятъ, то забываютъ; онъ велѣлъ Ананьину сказать Новгородцамъ: „Исправьтесь, отчина моя, сознайтесь, въ земли и воды мои не вступайтесь, имя мое держите честно и грозно по старинѣ, ко мнѣ посылайте бить челомъ по докончанію, а я васъ, свою отчину, жаловать хочу и въ старинѣ держу". Отправивши такое умѣренное требованіе, безъ всякихъ угрозъ, Іоаннъ однако не очень надѣялся на удовлетворительный для себя отвѣтъ со стороны Новгорода, и сталъ думать о походѣ, послалъ сказать Псковичамъ: „Если Великій Новгородъ не добьетъ мнѣ челомъ о моихъ старинахъ, то отчина моя Псковъ послужилъ бы мнѣ великому князю на Великій Новгородъ за мои старины".

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, въ ноябрѣ 1470 года, умеръ Новгородскій владыка Іона, а чрезъ два дня послѣ его смерти пріѣхалъ въ Новгородъ братъ Кіевского князя—намѣстника Семена, Михайло Александровичъ, или Олельковичъ, выпрошенный Новгородомъ у короля Казимира, пріѣхалъ въ сопровожденіи многочисленной толпы, и былъ принятъ съ честію. Принимать съ честію князей литовскихъ и давать имъ кормленіе на пригородахъ не было новостію для Новгорода, и подобные пріемы прежде не вели къ разрыву съ Московскими князьями, которые продолжали держать въ Новгородѣ своихъ намѣстниковъ. Такъ и теперь: Новгородцы, принявши Олельковича, не показали пути намѣстникамъ Іоанновымъ; но теперь обстоятельства были уже другія; теперь пробилъ рѣшительный часъ, теперь громко и ясно былъ высказанъ вопросъ: оставаться ли за Москвою, или просить покровительства у короля Литовскаго?—и при рѣшеніи этого вопроса городъ раздѣлился на двѣ стороны. Олельковича выпросили у Казимира не для защиты отъ Шведовъ или Нѣмцевъ,—выпросила его сторона литовская для усиленія себя, для угрозы Москвѣ.

Черезъ десять дней послѣ смерти Іоны, посадники, тысяцкіе и весь Великій Новгородъ, поставя вѣче у Св. Софіи, положили три жребія на пре-

столѣ: жребій Варсонофія, духовника, Пимена, ключника, и Θеофила, ризничьяго архіепископскихъ; вынулся жребій Θеофиловъ; избраннаго, по старинѣ, ввели честно во владычній дворъ, на сѣни, и, по старинѣ, отправили посла въ Москву, бить челомъ великому князю, просить опасной грамоты для пріѣзда Θеофила и посвященія его въ архіепископы у гроба Чудотворца Петра. Но сторона литовская, Борецкіе съ Олельковичемъ дѣйствовали: говорятъ, что князь Михаилъ указывалъ Марѳѣ жениха въ одномъ изъ пановъ литовскихъ, въ будущемъ намѣстникѣ новгородскомъ, съ которымъ она станетъ правительницею родного города. Ключникъ владычній Пименъ, потерявши надежду стать архіепископомъ по жребію, думалъ получить свое желаніе при новомъ порядкѣ вещей, тѣмъ болѣе что Θеофилъ былъ за старину, требовалъ, чтобъ его отправили непремѣнно на поставленіе въ Москву; Пименъ, напротивъ, сталъ объявлять: „Хотя на Кіевъ меня пошлите, я и туда на свое постановленіе поѣду“; хозяинъ богатой казны архіепископской, Пименъ передалъ много денегъ Марѳѣ для подкупа людей на свою сторону. Но такое поведеніе Пимена, разграбленіе казны владычной и желаніе идти наперекоръ священному древнему обычаю, по которому былъ избранъ Θеофилъ, возбудили сильное негодованіе въ Новгородѣ: Пимена схватили, мучили, казну его разграбили, и, кромѣ того, взыскали 1,000 рублей. Пришелъ и отвѣтъ изъ Москвы на просьбу о позволеніи пріѣхать Θеофилу: великій князь велѣлъ сказать: „Отчина моя, Великій Новгородъ, прислалъ ко мнѣ бить челомъ, и я его жалую, нареченному владыкѣ Θеофилу велю быть у себя и у митрополита для поставленья безъ всякихъ зацѣпокъ, по прежнему обычаю, какъ было при отцѣ моемъ, дѣдѣ и прадѣдахъ“.

Люди, не хотѣвшіе разрывать съ Москвою, и въ томъ числѣ Θеофилъ, обрадовались дружелюбному отвѣту Іоаннову; но въ это самое время явились послы псковскіе съ такою рѣчью: „Насъ великій князь, а нашъ государь поднимаетъ на васъ; отъ васъ же, своей отчины, челобитья хочетъ. Если вамъ будетъ надобно, то мы за васъ, свою братью, ради отправить посла къ великому князю, бить челомъ о миродокончальной съ вами грамотѣ; такъ вы бы посламъ нашимъ дали путь по своей вотчинѣ къ великому князю“. Это посольство доставило приверженцамъ литовскимъ предлогъ къ возстанію; на вѣчѣ раздались голоса: „Не хотимъ за великаго князя Московскаго, не хотимъ называться его отчиною, мы люди вольные; не хотимъ терпѣть обиды отъ Москвы, хотимъ за короля Казиміра! Московскій князь присылаетъ опасную грамоту нареченному владыкѣ, а между тѣмъ поднимаетъ на насъ Псковичей, и самъ хочетъ идти“. Въ отвѣтъ, послышались крики стороны противной: „Хотимъ, по старинѣ, къ Москвѣ; нельзя намъ отдаться за короля и поставить владыку у себя отъ митрополита латинца“. Вѣчевая усобица должна была рѣшить вопросъ о томъ, за кѣмъ быть Новгороду—за Литовскимъ или Московскимъ княземъ? какъ прежде она рѣшала, какого князя принять—Кіевскаго, Черниговскаго или Суздальскаго. Природа вѣча давала сторонѣ богатѣйшей возможность осилить противниковъ менѣе богатыхъ наймомъ людей, которые продавали не только свои голоса на вѣчѣ, но и свои руки, когда дѣло доходило до схватки. По словамъ лѣтописца, приверженцы Литвы стали нанимать худыхъ мужиковъ вѣчниковъ, которые готовы стать за всякаго, по своему обычаю; вѣчники начали звонить въ колокола, кричать: „Хотимъ за короля“! и бросать камнями въ тѣхъ, которые хотѣли оставаться за Московскимъ княземъ. Наконецъ литовская сторона осилила: отправили посла съ поминками и съ челобитьемъ къ королю, и король заключилъ договоръ со всѣмъ Великимъ Новгородомъ, мужами вольными,—обязался держать въ Городищѣ намѣстника вѣры греческой, православнаго христіанства; намѣстникъ, дворецкій и тіуны королевскіе, живя на Городищѣ, не могли имѣть при себѣ болѣе пятидесяти человѣкъ. Пойдетъ великій князь Московскій на Великій Новгородъ, или сынъ его, или братъ, или которую Землю поднимаетъ на Великій Новгородъ,—королю садиться на коня за Новгородъ со всею радою литовскою; если же король, не помиривъ Новгорода съ Московскимъ княземъ, поѣдетъ въ Польскую Землю или Нѣмецкую, и безъ него пойдетъ Москва на Новгородъ, то рада литовская садится на коня и обороняетъ Новгородъ. Король не отнимаетъ у Новгородцевъ ихъ вѣры греческой православной, и гдѣ будетъ любо Великому Новгороду, тутъ и поставитъ себѣ владыку; римскихъ церквей король не ставитъ ни въ Новгородѣ, ни въ пригородахъ, ни по всей Землѣ Новгородской. Что въ Псковѣ судъ, печать и земли Великаго Новгорода, то къ Великому Новгороду по старинѣ. Если король помиритъ Новгородъ съ Московскимъ княземъ, то возьметъ черный боръ по новгородскимъ волостямъ, одинъ разъ, по старымъ грамотамъ, а въ иные годы чернаго бору ему не надобно. Король держитъ Новгородъ въ волѣ мужей вольныхъ, по ихъ старинѣ и по крестной грамотѣ; цѣлуетъ крестъ ко всему Великому Новгороду за все свое княжество и за всю раду литовскую.—Между этими условіями съ Казиміромъ не встрѣчаемъ условія о правѣ короля раздавать волости, грамоты вмѣстѣ съ посадникомъ, не лишать волостей безъ вины; нѣтъ условія о правѣ короля брать даръ со всѣхъ волостей новгородскихъ, о правѣ охотиться въ извѣстныхъ мѣстахъ, посылать своего осетреника и медовара; о правѣ посылать своего мужа за Волокъ. Замѣчательно въ договорѣ съ Казиміромъ выраженіе „вольные люди“, которое повторяютъ Новгородцы, говоря о себѣ, чего не находимъ въ прежнихъ договорахъ съ князьями Рюриковичами: наконецъ должно замѣтить, что Новгородцы требуютъ отъ Казиміра при-

сяги за раду литовскую, о Польшѣ не упоминается ни слова [1]).

Отправивши пословъ въ Литву, послали сказать Псковичамъ: „Вашего посла къ великому князю не хотимъ поднимать [2]), и сами ему челомъ бить не хотимъ; а вы бы за насъ противъ великаго князя на коня сѣли, по своему съ нами миродокончанію". Псковъ далъ на это такой отвѣтъ: „Какъ вамъ князь великій отошлетъ складную грамоту, то объявите намъ, мы тогда, подумавши, отвѣтимъ". Но Псковичи не долго думали и объявили московскому послу, что будутъ помогать великому князю.

Послѣдній, узнавъ о побѣдѣ литовской стороны, хотѣлъ испытать еще мирныя средства, и отправилъ въ Новгородъ посла съ жалованіемъ и добрыми рѣчами: „Чтобы отчина его, Новгородцы, отъ православія не отступали, лихую мысль изъ сердца выкинули, къ латинству не приставали, и ему бы, великому князю, челомъ били, да исправились, а онъ великій государь жалуетъ ихъ и въ старинѣ держитъ" [3]). Митрополитъ Филиппъ также послалъ увѣщательныя грамоты: „Сами знаете, дѣти, съ какого времени господари православные, великіе князья Русскіе, начались; начались они съ великаго князя Владиміра, продолжаются до нынѣшняго Іоанна Васильевича; они господари христіанскіе русскіе и ваши господа, отчичи и дѣдичи, а вы ихъ отчина изъ старины мужи вольные. Господинъ и сынъ мой князь великій сказываетъ, что жаловалъ васъ и въ старинѣ держалъ и впередъ жаловать хочетъ, а вы, сказываетъ, своихъ обѣщаній ему не исполняете [4])... Ваши лиходѣи наговариваютъ вамъ на великаго князя: „Опасную-то грамоту онъ владыкѣ нареченному далъ, а между тѣмъ Псковичей на насъ поднимаетъ и самъ хочетъ на насъ идти". Дѣти! такія мысли врагъ дьяволъ вкладываетъ людямъ; князь великій еще до смерти владыки и до вашего челобитья объ опасной грамотѣ послалъ сказать Псковичамъ, чтобы они были готовы идти на васъ, если вы не исправитесь; а когда вы прислали челобитье, такъ и его жалованье къ вамъ тотчасъ пошло. И о томъ, дѣти, подумайте: царствующій градъ Константинополь до тѣхъ поръ непоколебимо стоялъ, пока соблюдалъ православіе; а когда оставилъ истину, то и впалъ въ руки поганыхъ. Сколько лѣтъ ваши прадѣды своей старины держались неотступно; а вы, при концѣ послѣдняго времени, когда человѣку нужно душу свою спасать въ православіи, вы теперь, оставя старину, хотите за латинскаго государя закладываться! Много у васъ людей молодыхъ, которые еще не навыкли доброй старинѣ, какъ стоять и побарать по благочестіи, а иные, оставшись по смерти отцовъ ненаказанными, какъ жить въ благочестіи [5]), собираются въ сонмы и поощряютъ на земское неустроеніе. А вы, сыны православные, старые [6]) посадники новгородскіе и тысяцкіе, и бояре, и купцы, и весь Великій Новгородъ, сами остерегитесь, старые молодыхъ понаучите, лихихъ удержите отъ злаго начинанія, чтобъ не было у васъ латинскія похвалы на вѣру православныхъ людей" [7]).

Всѣ эти увѣщанія не помогли; надобно было садиться на коня. Въ маѣ 1471 года, великій князь созываетъ на думу братьевъ своихъ, митрополита, архіереевъ, бояръ и воеводъ, объявляетъ, что необходимо выступить въ походъ на Новгородцевъ за ихъ отступленіе, но спрашиваетъ — выступать ли немедленно, или ждать зимы? потому что Земля Новгородская наполнена большими озерами, рѣками, болотами непроходимыми; прежніе великіе князья лѣтомъ на Новгородъ не хаживали, а кто ходилъ, тотъ много людей терялъ. Рѣшили выступить немедленно, и великій князь занялся распоряженіями къ походу; беречь Москву и управлять Русскою Землею, во время отсутствія своего, оставилъ сына Іоанна, при которомъ приказалъ быть брату Андрею Васильевичу Старшему, вмѣстѣ съ служилымъ татарскимъ царевичемъ Муртозою. Съ собою въ походъ бралъ великій князь братьевъ Юрія, Андрея Меньшаго и Бориса, князя Михаила Андреевича Верейскаго съ сыномъ и другого татарскаго служилаго царевича Даньяра; выпросилъ съ собою въ походъ у матери дьяка ея, Степана Бородатаго, знавшаго хорошо лѣтописи, умѣвшаго пріискать въ нихъ, что нужно къ дѣлу: на случай, если придутъ новгородскіе послы, то Степанъ напомнитъ ему, что говорить о ихъ старыхъ измѣнахъ, какъ они измѣняли въ давнія времена отцамъ его, дѣдамъ и прадѣдамъ [8]). Въ Новгородъ отправленъ былъ посолъ съ разметными грамотами, въ Тверь— съ просьбою о помощи, во Псковъ и Вятку—съ приказомъ идти на новгородскія владѣнія. И прежде въ лѣтописяхъ отражается нерасположеніе сѣверовосточнаго народонаселенія къ Новгороду; но теперь, при описаніи похода 1471 года, замѣчаемъ сильное ожесточеніе: „Невѣрные, говоритъ лѣтописецъ, изначала не знаютъ Бога; а эти Новгородцы столько лѣтъ были въ христіанствѣ, и подконецъ начали отступать къ латинству; великій князь пошелъ на нихъ не какъ на христіанъ, но какъ на

[1]) Акты арх. эксп. I, 87.

[2]) Это можетъ значить: не хотимъ убытчиться на подъемъ вашего посла по нашимъ волостямъ.

[3]) Быть можетъ, въ это время Іоаннъ пожаловалъ сына Марѳина, тогдашняго степеннаго посадника, Димитрія Борецкаго въ бояре московскіе, чтобъ отвлечь эту могущественную фамилію отъ Литвы. См. Опытъ трудовъ Вольнаго Россійск. Собр. I, 219.

[4]) Здѣсь слѣдуютъ уже извѣстныя намъ жалобы на поведеніе Новгородцевъ.

[5]) Быть можетъ, намекъ на Борецкихъ.

[6]) О степенномъ не говоритъ, ибо степенный былъ Борецкій.

[7]) Акты историч. I, № 280, 291.

[8]) П. С. Р. Л. VI, 192. Въ нѣкоторыхъ спискахъ вм.: «говорити по лѣтописцемъ» сказано: «воротити лѣтописцемъ». Издатели считаютъ послѣднее чтеніе ошибочнымъ; но мы въ этомъ сомнѣваемся: воротить лѣтописцемъ, переворачивать листы въ лѣтописяхъ — это выраженіе могло быть очень легко употреблено вмѣсто: читать, пріискивать что-нибудь въ книгѣ.

иноязычниковъ и на отступниковъ отъ православія; отступили они не только отъ своего государя, и отъ самого Господа Бога; какъ прежде прадѣдъ его великій князь Димитрій вооружился на безбожнаго Мамая,—такъ и благовѣрный великій князь Іоаннъ пошелъ на этихъ отступниковъ".

Первый отрядъ, подъ начальствомъ князя Даніила Димитріевича Холмскаго и боярина Ѳеодора Давыдовича, въ числѣ 10,000, выступилъ въ началѣ іюня къ Русѣ; за нимъ пошелъ отрядъ, подъ начальствомъ князя Оболенскаго-Стриги, вмѣстѣ съ Даньяровыми Татарами, къ Вышнему-Волочку и потомъ по Мстѣ; трое братьевъ великокняжескихъ и князь Верейскій двинулись съ полками каждый изъ своей отчины. Всѣ эти войска вступили разными дорогами въ Новгородскую Землю и начали страшно опустошать ее: воеводамъ велѣно было распустить ратниковъ по многимъ мѣстамъ — жечь, плѣнить и казнить безъ милости жителей за ихъ неисправленіе къ своему государю великому князю. Самъ Іоаннъ выступилъ 20 іюня съ главными силами и царевичемъ Даньяромъ, 23-го пришелъ въ Волокъ, 29 остановился въ Торжкѣ, куда явилась къ нему воеводы тверскіе со многими людьми, явились и послы псковскіе съ объявленіемъ, что Псковъ сложилъ крестное цѣлованіе къ Новгороду.

Къ Московскому князю приходила помощь съ разныхъ сторонъ; Великому Новгороду не было помощи ни откуда; король Казимиръ не трогался; даже князь Михаилъ Олельковичъ, услыхавъ о смерти брата своего Семена въ Кіевѣ, еще 15 марта уѣхалъ изъ Новгорода, да на дорогѣ пограбилъ Русу и отъ нея всѣ мѣста до самой границы; другого служилаго князя своего, Рюриковича, князя Василія Шуйскаго-Гребенку, Новгородцы отправили на защиту Заволочья; они послали просить помощи у Ордена, и магистръ Ливонскій писалъ къ Великому, что Орденъ долженъ помочь Новгороду, ибо если Московскій князь овладѣетъ послѣднимъ, то Нѣмцамъ будетъ грозить большая опасность [1]). Но пока магистры пересылались, Московскій князь уже успѣлъ совершить опасное для нихъ дѣло: передовые полки его, подъ начальствомъ князя Холмскаго, сожгли Русу 23 іюня, и, на берегу Ильменя, у Коростыни, побили отрядъ Новгородцевъ, которые, приплывъ озеромъ, хотѣли нечаянно напасть на Москвичей; но сзади, на рѣкѣ Полѣ, явилась другая новгородская рать; московскіе воеводы побили и эту, возвратясь отъ Русы [2]). Легко повѣрить Новгородскому лѣтописцу, что причиною неуспѣха его земляковъ было раздвоеніе, господствовавшее въ ихъ городѣ: конная рать не пошла къ пѣшей въ срокъ на помощь, потому что полкъ владычній не хотѣлъ ударить на великокняжескую рать, говоря: „Владыка намъ не велѣлъ на великаго князя руку поднимать, онъ послалъ насъ только на Псковичей".

Къ Псковичамъ, въ половинѣ іюня, пріѣхалъ московскій посолъ понуждать ихъ къ немедленному походу. Они отослали складныя грамоты въ Новгородъ, а послу сказали: „Какъ только услышимъ великаго князя въ Новгородской Землѣ, такъ и сядемъ на коней за своего государя". Въ Петровъ день пріѣхалъ изъ Русы московскій бояринъ Зиновьевъ и началъ каждый день твердить Псковичамъ: „Садитесь сейчасъ же со мною на коней, я къ вамъ отпущенъ отъ великаго князя, воеводою пріѣхалъ". Зиновьевъ привелъ съ собою сто человѣкъ дружины, и Пскову былъ большой убытокъ, много выходило корму на людей и на лошадей. И вотъ Псковичи 10 іюля тронулись въ походъ всѣмъ городомъ и пригородами, подъ начальствомъ сына своего князя-намѣстника, Василія Ѳедоровича Шуйскаго, и четырнадцати посадниковъ. Новгородцы, услыхавъ объ этомъ, и безопасные со стороны Холмскаго, отвлеченнаго къ рѣкѣ Полѣ, рѣшили выступить противъ Псковичей, и стали собирать огромное войско. Но уже изъ самаго способа, какимъ набиралось это войско, можно было предвидѣть неудачу: приверженцы Литвы, затѣявшіе войну, силою выгнали въ походъ плотниковъ, гончаровъ и другихъ ремесленниковъ, которые отроду и на лошадь не саживались; кто не хотѣлъ идти, тѣхъ грабили, били, бросали въ Волховъ. Такимъ образомъ, набралось тысячъ сорокъ войска, и пошло, подъ начальствомъ степеннаго посадника Димитрія Борецкаго, по лѣвому берегу Шелони на встрѣчу Псковичамъ; но не съ ними оно встрѣтилось. Великій князь 9-го іюля стоялъ у озера Коломны, недалеко отъ Вышняго Волочка, когда Холмской далъ ему знать о битвѣ на Полѣ и о своемъ

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ копіи съ актовъ Кенигсберг. Арх. Ііеf. 18, № 18; письмо Ливонскаго магистра отъ 15 августа 1471 года.

[2]) Въ разныхъ лѣтописяхъ этотъ походъ Новгородскій описанъ различно: въ однѣхъ говорится только объ одной Шелонской битвѣ; въ другихъ —о двухъ: близъ Русы или на Коростынѣ и на Шелони; въ нѣкоторыхъ —о трехъ, о Коростынской, на рѣкѣ Полѣ и на Шелони. По внимательномъ разсмотрѣніи всѣхъ этихъ извѣстій, я пришелъ къ тому заключенію, что должно, основываясь на разсказѣ Ростовскаго и Никоновскаго списка, допустить три битвы. Вотъ этотъ разсказъ (Никон. VI, 26): «И поидоша къ Новугороду къ рѣцѣ Шелонѣ; и якоже пріидоша на мѣсто нарицаемое Коростыня у езеря Ильменя на брезѣ, и внезапу паки безвѣстно пріиде на нихъ по езеру рать въ судехъ отъ Новагорода, и изъ судовъ вышедъ пріидоша таемъ подъ станы ихъ, а имъ въ то время оплошившимся. Сторожи жъ воеводъ В. Князя видевше ихъ, возвѣстиша воеводамъ. Они же въ той часъ вооружившись поидоша противу ихъ и многихъ Новогородцевъ избиша... и оттолѣ паки возвратишась къ Русѣ. Въ той же день въ Русѣ иная рать пѣшая множаѣ первые и сугубеиша, и пришли рѣкою же въ судехъ Полою Илменомъ (въ Ростов. правильнѣе: Полою именемъ), воеводы же В. Князя и на тѣхъ пришедъ побиша ихъ... и сами воеводы отъ Русы поидоша къ Демону городку».—Здѣсь мы должны необходимо допустить смѣшеніе собственныхъ именъ рѣкъ; если вторая битва была у Русы, то новгородская рать не могла пріѣхать рѣкою Полою, а Полистою; если же пріѣхала Полою, то битва не была у Русы; мы думаемъ, что должно принять Полу и видѣть ошибку относительно Русы, ибо, въ противномъ случаѣ, для чего бы воеводамъ отъ Коростыни возвращаться такъ далеко назадъ къ Демону, именно на Полу рѣку?

движеніи къ Демону; Іоаннъ немедленно же велѣлъ ему идти назадъ къ Шелони для соединенія съ Псковичами, а у Демона приказалъ стоять князю Верейскому. Холмской двинулся назадъ и 14 іюля завидѣлъ полки новгородскіе, шедшіе по той сторонѣ Шелони. Московскіе воеводы, несмотря на огромную разницу въ числѣ войска (у нихъ было немного болѣе 4,000, а у Новгородцевъ до 40,000), рѣшились вступить въ битву: ратники ихъ переправились черезъ рѣку и ударили на Новгородцевъ, которые не выдержали натиска и побѣжали; по новгородскимъ же извѣстіямъ, Новгородцы прогнали Москвичей за Шелонь, но западная рать татарская внезапно ударила на нихъ и рѣшила дѣло въ пользу войскъ великокняжескихъ [1]. Какъ бы то ни было, Новгородцы потерпѣли страшное пораженіе,—потеряли, по ихъ счету, двѣнадцать тысячъ убитыми и тысячу семь сотъ взятыхъ въ плѣнъ; въ числѣ послѣднихъ находился степенный посадникъ Борецкій, вмѣстѣ съ другими воеводами; въ обозѣ побѣдители нашли и договорную грамоту Новгородцевъ съ Казиміромъ, и отослали ее къ великому князю.

Съ другой стороны Псковичи, узнавши, что Новгородцы жгутъ ихъ пограничныя волости, выѣзжая изъ Вышгорода, осадили это мѣсто, начали бить пушками, стрѣлами стрѣлять, приметъ примётывать. Первый день Новгородцы крѣпко оборонялись, но на другой день, видя, что у нихъ нѣтъ ни запасовъ, ни воды, вышли со крестами на заборало, и начали говорить осаждающимъ: „Въ чемъ вы изобижены, то вѣдаетъ государь нашъ и вашъ, князь великій и Великій Новгородъ; а вы бы надъ нами свое милосердіе показали, мы же вамъ животворящій крестъ цѣлуемъ",—и отдали весь Псковской полонъ, даже стрѣлы, собравши ихъ на городѣ или кругомъ заборалъ. Псковичи челобитье ихъ приняли, кровь ихъ пощадили, отступили отъ городка и занялись опустошеніемъ пограничныхъ мѣстъ верстъ на 50 и больше. Не такъ былъ счастливъ другой полуторатысячный отрядъ Псковичей, собранный изъ охочихъ людей, которые отправились на сѣверъ: за рѣкою Лютою, притокомъ Плюсы, ударили на нихъ врасплохъ Новгородцы и разбили на-голову; но скоро вѣсть о Шелонскомъ пораженіи заставила побѣдителей бѣжать съ мѣста побѣды.

Великій князь получилъ вѣсть о побѣдѣ, когда стоялъ въ Яжолбицахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода; отсюда онъ двинулся къ югу и сталъ противъ Демона, который сдался князю Верейскому, заплативши сто рублей окупа; отъ Демона Іоаннъ пошелъ къ Русѣ, и вступилъ въ нее 24 іюля; онъ ждалъ пословъ новгородскихъ съ челобитьемъ, потому что еще изъ-подъ Демона отпустилъ въ Новгородъ гонца, пріѣзжавшаго за опасною грамотою, но вмѣсто того получилъ вѣсть, что Новгородъ волнуется по-прежнему. Несмотря на Шелонское пораженіе, несмотря на то, что здѣсь литовская сторона лишилась предводителей своихъ, взятыхъ въ плѣнъ, несмотря на то, что гонецъ, посланный къ Казиміру для понужденія его садиться поскорѣе на коня за Новгородъ, возвратился съ печальною вѣстію, что магистръ Ливонскій не пропустилъ его черезъ свою Землю (если магистру не нравилось господство Московскаго князя надъ Новгородомъ, то еще болѣе должно было не нравиться господство Литовскаго князя, по тогдашнимъ отношеніямъ обоихъ Орденовъ къ Казиміру),—несмотря на все это, когда въ Новгородѣ узнали, что Іоаннъ въ Русѣ, то всталъ сильный мятежъ, сторожа заняли стѣны и башни, перемѣняясь день и ночь, а люди по-прежнему раздѣлились: одни хотѣли за Москву, а другіе—за Литву. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ сильно разсердился, и велѣлъ казнить Борецкаго съ тремя другими знатнѣйшими плѣнниками: „Вы за короля задаваться хотѣли", сказалъ онъ имъ. Новгородцы приготовились защищаться, пожегши всѣ посады около города, казнили перевѣтника Упадыша, который съ своими единомышленниками пять пушекъ желѣзомъ заколачивалъ; но скоро увидали, что сопротивленіе не можетъ быть продолжительно: хлѣбъ вздорожалъ, рожь исчезла на торгу, можно было найдти пшеничный хлѣбъ, да и того мало. Тогда потребители ржанаго хлѣба поднялись на потребителей пшеничнаго, укоряя ихъ за то, что они привели великаго князя на Новгородъ; это значило, что Московская сторона взяла вверхъ,—и вотъ нареченный владыка Ѳеофилъ съ старыми посадниками и житыми людьми поѣхалъ бить челомъ великому князю, который стоялъ уже при устьи Шелони, на Коростынѣ. Ѳеофилъ сначала обратился съ челобитьемъ къ князьямъ, боярамъ и воеводамъ, чтобъ просили за Новгородъ братьевъ великокняжескихъ, а чтобъ эти просили уже самого великаго князя; митрополитъ изъ Москвы также писалъ, что если Новгородцы придутъ съ челобитьемъ, то чтобъ великій князь утолилъ свой гнѣвъ [2]. Іоаннъ принялъ новгородское челобитье, велѣлъ перестать жечь и плѣнить, и далъ миръ Новгороду по старинѣ; но за новгородскую проступку взялъ 15,000 рублей, деньгами въ отчетъ, а серебромъ—въ отвѣсъ [3], кромѣ того, что передано было братьямъ великокняжескимъ, князьямъ, боярамъ, воеводамъ московскимъ за ходатайство. Въ договорѣ, заключенномъ по старинѣ, Новгородцы обязались: „За короля и за великаго князя Литовскаго, кто на Литвѣ ни будетъ, отъ васъ великихъ князей (Іоанна и сына его) намъ, вашей отчинѣ Великому Новгороду, му-

[1]) Наконецъ по лѣтописи Псковской: «И наѣхаша на Шелони силу Московскую Князя Даниилья, ѣдутъ съ ними поровну обоюнъ полъ-рѣки, и недошедше Мустца и Солцы, и вергошася Москвичи съ берега въ рѣку Дрянь и прегнавше Дрянь рѣку, и ударишася на нихъ и побѣдиша ихъ».—Муcца—на лѣвомъ берегу Шелони, противъ впаденія рѣчки Иловеньки.

[2]) Акты истор. I, № 282.

[3]) Акты арх. эксп. I, № 90.

жамъ вольнымъ, не отдаться никакою хитростію, и быть намъ отъ васъ неотступными ни къ кому; князей намъ у великаго князя Литовскаго на пригороды не просить, и не принимать князей изъ Литвы въ Великій Новгородъ. А на владычество намъ выбирать по своей старинѣ; ставиться же нашему владыкѣ у гроба Св. Петра чудотворца въ Москвѣ у васъ, великихъ князей, и у вашего отца митрополита, какой митрополитъ у васъ въ Москвѣ ни будетъ; а въ другомъ мѣстѣ, кромѣ Москвы, намъ владыки нигдѣ не ставить" [1]).

Новгородцы начали переговоры съ великимъ княземъ, еще не зная о другомъ своемъ несчастіи: въ Двинской области воевода ихъ, князь Василій Шуйскій, имѣя двѣнадцати-тысячный отрядъ войска, встрѣтился на берегахъ Двины съ устюжскимъ великокняжескимъ воеводою Образцомъ и Вятчанами, у которыхъ было менѣе 4,000 войска; жаркая битва продолжалась цѣлый день, сѣклись, схватывая другъ друга за руки; двинскій знаменщикъ былъ убитъ, знамя подхватилъ другой, убитъ былъ и этотъ, подхватилъ третій, наконецъ убили и третьяго,—знамя перешло въ руки Москвичей, и Двиняне дрогнули; князь Шуйскій спасся бѣгствомъ, раненый. Новгородскій лѣтописецъ складываетъ вину пораженія на Двинянъ, говоритъ, что они не тянули по князѣ Шуйскомъ. Съ другой стороны, вологодскій воевода князя Андрея Васильевича—Меньшого повоевалъ Кокшенгу. Заключая договоръ по старинѣ, Іоаннъ возвратилъ Новгороду его заволоцкія владѣнія, но при этомъ былъ сдѣланъ строгій переборъ, и Новгородцы должны были отдать всѣ волости великокняжескія и ростовскихъ князей, захваченныя ими прежде и въ послѣднюю войну [2]). Такимъ образомъ, многія волости раздѣлились пополамъ между Москвою и Новгородомъ, напримѣръ: Емецъ, Матигоры, Куръостровъ, Чухчелема, Ухть-островъ, Лисичъ-островъ; другія, которыя прежде мы видѣли за Новгородомъ, отошли всѣ къ Москвѣ безъ раздѣла, напримѣръ, Колмогоры, Ненокса, Уна и проч.—Вся Земля Новгородская, говоритъ лѣтописецъ, до самаго моря была пожжена и поплѣнена, потому что опустошали ее не одни тѣ войска, которыя были съ великимъ княземъ или его братьями, но изо всѣхъ земель московскихъ ходили толпы за добычею въ новгородскія волости. Бѣды не прекратились и по отходѣ великокняжескихъ войскъ: жители Русы, бѣжавшіе въ Новгородъ во время войны, теперь отправились домой по Ильменю; но поднялась страшная буря и потопила ихъ: погибло 90 учановъ и 60 малыхъ судовъ; въ одномъ мѣстѣ нашли 120 труповъ. И не тутъ только природа объявила себя противъ Новгорода за Москву; опасенія, что трудно будетъ идти подъ Новгородъ лѣтомъ, по причинѣ многихъ водъ и болотъ, на этотъ разъ не оправдались: какъ нарочно, лѣто было знойное, отъ мая до сентября не упало ни капли дождя: не было нигдѣ преграды московскимъ ратникамъ, которые гнали скотъ по болотамъ и мѣстамъ, прежде непроходимымъ [3]).

1-го сентября возвратился Іоаннъ въ Москву; того же 1471 года, въ декабрѣ, пріѣхалъ туда нареченный владыка Новгородскій Ѳеофилъ и былъ посвященъ: Ѳеофилъ просилъ свободы новгородскимъ плѣнникамъ, и великій князь исполнилъ его просьбу: отправилъ и намѣстниковъ своихъ въ Новгородъ по-прежнему. Казалось, что все уладилось; но такъ могло казаться только: долговременное отсутствіе великихъ князей, долговременная невозможность для нихъ заниматься внутренними дѣлами Новгорода—ослабили, привели въ забвеніе, но не уничтожили правъ ихъ здѣсь; теперь же великій князь Московскій получилъ возможность дать силу этимъ правамъ. При ослабленіи власти княжеской, вслѣдствіе постоянной борьбы многихъ князей-соперниковъ, образовались стороны, также постоянно боровшіяся между собою; богатый бояринъ, имѣвшій средства платить многочисленнымъ вѣчникамъ, могъ отважиться на все, могъ отважиться вооруженною рукою мстить за свои оскорбленія; иногда цѣлыя улицы, цѣлые концы враждовали другъ съ другомъ, стоя за то или другое лицо, за того или другого чиновника гражданскаго; сила рѣшала споръ; предводитель восторжествовавшей стороны достигалъ должности посадника, и въ этомъ званіи позволялъ себѣ мстить тѣмъ гражданамъ, тѣмъ улицамъ, тѣмъ концамъ, которые были противъ него. Что оставалось побѣжденнымъ и слабымъ? Молчать и ждать благопріятныхъ обстоятельствъ, ждать усиленія своей стороны, которое подастъ имъ возможность собраться на вѣче, низложить соперниковъ и поступить съ ними по ихъ же примѣру. Въ такомъ состояніи находились дѣла, когда великій князь былъ далеко, а намѣстниковъ мало слушались. Но теперь, когда великій князь хотѣлъ и могъ возстановить свое старинное значеніе верховнаго судьи, теперь сторонѣ угнетенной не нужно было долго дожидаться удобнаго случая къ низложенію враговъ своихъ: она могла отдать свое дѣло на рѣшеніе великаго князя. Посадникъ степенный Василій Ананьинъ съ 18-ю другихъ бояръ своей стороны, наѣхавши съ многочисленнымъ отрядомъ на двѣ улицы, Славкову и Никитину, людей переграбилъ и перебилъ, многихъ даже до смерти, имѣнія взялъ на тысячу рублей. Во то же время староста Ѳедоровской улицы, Памфилъ, вмѣстѣ съ двумя боярами, которые участвовали и въ нападеніи на двѣ упомянутыя улицы, ударилъ на дворъ двухъ братьевъ, бояръ Полинарьиныхъ, людей у нихъ перебилъ, имѣнія пограбилъ на 500 рублей. Любопытно, что между виновниками этихъ насилій встрѣчаемъ имена извѣстныхъ враговъ Москвы: это обстоятельство можетъ навести на мысль, что здѣсь

[1]) Акты арх. эксп. I, № 91.
[2]) Тамъ же, № 93, 94.
[3]) Никон. VI, 16–33; П. С. Р. Л. IV, 127–129; 239–242; VI, 1–15; 191–194.

дѣйствовали также и причины политическія, что на эту борьбу должно смотрѣть, какъ на продолженіе борьбы двухъ сторонъ—литовской и московской. Въ нападеніи на Славкову и Никитину улицы участвовали: Селезневы—Матвѣй и Яковъ, которыхъ братъ, Василій, былъ казненъ вмѣстѣ съ Димитріемъ Борецкимъ; Андрей Телятевъ и Моисей Ѳедоровъ; Павелъ Телятевъ и Яковъ Ѳедоровъ были также схвачены въ Шелонской битвѣ и отосланы въ Коломну; Аѳанасьевы, которыхъ Іоаннъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, считалъ самыми жаркими приверженцами Литвы; наконецъ, въ числѣ вельможъ, на которыхъ были поданы жалобы и которые были обвинены Іоанномъ, видимъ Ѳедора Исакова Борецкаго. Но если сообщники степеннаго посадника Ананьина были приверженцами Литвы, то можно заключить, что и самъ посадникъ не былъ доброжелателемъ Москвы. Какъ бы то ни было, обиженные посадникомъ и его товарищами послали жаловаться на нихъ въ Москву. Псковскій лѣтописецъ говоритъ, что житые и младшіе люди сами призвали великаго князя, потому что обижали ихъ посадникъ и великіе бояре, незнавшіе надъ собою суда; но мы не можемъ принять этого извѣстія безъ ограниченія: кромѣ борьбы сословій, тутъ мы видимъ и борьбу сторонъ, ибо между врагами Ананьина и товарищей его встрѣчаемъ не однихъ житыхъ и младшихъ гражданъ, но также бояръ Полинарьиныхъ.

22 октября 1475 года, Іоаннъ выѣхалъ изъ Москвы въ Новгородъ **миромъ**, но со многими людьми; въ Вышнемъ-Волочкѣ встрѣтилъ его посолъ отъ владыки Ѳеофила съ дарами; но тутъ же встрѣтили его и жалобщики,—какой-то Кузьма Яковлевъ съ товарищами; отсюда до самаго Новгорода по всѣмъ станціямъ встрѣчали его новгородскіе чиновники съ подарками, начиная отъ подвойскаго до посадниковъ, и между ними опять **жалобники многіе**. За 90 верстъ до города встрѣтилъ князя владыка Ѳеофилъ, воевода новгородскій, князь Василій Васильевичъ Шуйскій, и посадникъ степенный Ананьинъ, со многими другими духовными, боярами и житыми людьми; владыка поднесъ двѣ бочки вина, всѣ остальные по мѣху вина, и всѣ были угощены обѣдомъ. Проведя мѣсяцъ въ дорогѣ, 21 ноября Іоаннъ въѣхалъ въ Новгородъ, встрѣченный посадниками, житыми людьми, множествомъ народа, и сталъ на Городищѣ; владыка прислалъ двухъ чиновниковъ своихъ распоряжаться доставкою съѣстныхъ припасовъ ко двору великокняжескому; но великій князь не велѣлъ брать отъ нихъ кормовъ и осердился на владыку, зачѣмъ прислалъ людей непригожихъ къ дѣлу, незначительныхъ. Владыка просилъ прощенья чрезъ бояръ, велѣлъ отпускать припасы намѣстнику своему, и тогда великій князь нелюбье отложилъ и пожаловалъ, велѣлъ брать кормы. Владыка, въ день пріѣзда, билъ челомъ Іоанну, звалъ его къ себѣ обѣдать, но великій князь не пожаловалъ, не поѣхалъ, и на другой день позвалъ къ себѣ на обѣдъ владыку, посадника степеннаго, старыхъ посадниковъ, тысяцкихъ и многихъ знатныхъ людей. Въ тотъ же день пришло къ нему множество жалобниковъ, Новгородцевъ и уѣздныхъ людей; одни пришли просить приставовъ, чтобъ не быть ограбленными отъ ратниковъ, пришедшихъ съ великимъ княземъ; другіе пришли съ жалобами на свою же братію, Новгородцевъ, потому что, говоритъ лѣтописецъ, земля эта давно уже въ своей волѣ жила, о великихъ князьяхъ небрегла и не слушала ихъ, и много зла было въ ней—убійства, грабежи, домамъ разореніе напрасное; кто кого могъ, тотъ того и обижалъ.

23 ноября въѣхалъ Іоаннъ въ **городъ** (крѣпость), гдѣ былъ встрѣченъ владыкою со всѣмъ духовенствомъ, какъ приказалъ самъ великій князь. Въ этотъ день онъ слушалъ обѣдню у Св. Софіи и обѣдалъ у владыки, причемъ получилъ дары: три постава суконъ, 100 корабельниковъ (червонцевъ), зубъ рыбій, да на проводяхъ двѣ бочки вина. На другой день пошли къ великому князю съ челобитьемъ, дарами и жалобами разные люди, а на третій явились главные жалобщики — двѣ улицы, Славкова и Никитина, да братья Полинарьины, и жаловались въ присутствіи владыки, старыхъ посадниковъ, другихъ бояръ и житыхъ людей. Іоаннъ сказалъ владыкѣ и посадникамъ: „Ты, богомолецъ нашъ, и вы, посадники, объявите отчинѣ нашей, Великому Новгороду, чтобы дали на этихъ обидчиковъ своихъ приставовъ, какъ я далъ на нихъ своихъ, потому что я хочу дѣло разсмотрѣть; и ты бы, богомолецъ мой, и, вы посадники, тогда у меня были; хочется мнѣ обиженнымъ управу дать.“ Новгородцы дали своихъ приставовъ, и въ воскресенье, 26 ноября, обидчики и обиженные всѣ стали предъ великимъ княземъ на Городищѣ, въ присутствіи Ѳеофила и старыхъ посадниковъ; начался судъ, и было рѣшено, что жалобы справедливы. Тогда великій князь велѣлъ взять обвиненныхъ: главныхъ посадить за приставами, товарищей ихъ отдать на поруку крѣпкую, въ 1,500 рубляхъ; архіепископъ взялъ ихъ на поруку. Въ то же время Іоаннъ выслалъ отъ себя вонъ и велѣлъ схватить Ивана Аѳанасьева съ сыномъ за то, что совѣтовали Новгороду отдаться за короля.

Прошелъ день-другой; на третій явился на Городище владыка и посадники бить великому князю челомъ отъ Великаго Новгорода, чтобъ пожаловалъ, смиловался, велѣлъ освободить посаженныхъ бояръ и отдать ихъ на поруку. Великій князь челобитья не принялъ и сказалъ: „Извѣстно тебѣ, богомольцу нашему, и всему Новгороду, отчинѣ нашей, сколько отъ этихъ бояръ и прежде зла было, а нынче что ни есть дурного въ нашей отчинѣ, все отъ нихъ,—такъ какъ же мнѣ ихъ за это дурное жаловать?“ Въ тотъ же день посадникъ Ананьинъ съ тремя главными товарищами, скованные, были отправлены въ Москву. Спустя нѣсколько времени, пришелъ опять Ѳеофилъ съ посадниками и многими другими людьми бить челомъ о помилованіи тѣхъ товарищей Ананьина, которые даны были на поруку; это че-

лобитье великій князь принялъ, велѣлъ только взыскать съ виноватыхъ 1,500 рублей исцовыхъ убытковъ, да свои судныя пошлины (свою вину). По окончаніи этихъ дѣлъ, съ 4-го декабря начались пиры у знатнѣйшихъ Новгородцевъ для великаго князя, и продолжались до 19-го января: каждый хозяинъ дарилъ гостя ковшами золотыми, деньгами, мѣхами, рыбьими зубьями, сукнами, ловчими птицами, виномъ, лошадьми. Тѣ посадники и тысяцкіе, которые не успѣли дать пировъ для великаго князя, подносили ему дары, какими хотѣли дарить на пирахъ; изъ купцовъ и житыхъ людей не остался ни одинъ, который бы не пришелъ съ дарами, даже и молодые (незначительные) люди многіе были у него съ дарами и челобитьемъ; новоизбранный степенный посадникъ Ѳома Андреевичъ Курятникъ вмѣстѣ съ тысяцкимъ, поднесли ему 1,000 рублей отъ всего Великаго Новгорода. Во время пировъ, пріѣхалъ шведскій посолъ съ просьбою о продолженіи перемирія: великій князь пожаловалъ, велѣлъ владыкѣ и Новгороду заключить съ Шведами перемиріе по старинѣ, и съ честію отпустилъ посла. При всѣхъ этихъ распоряженіяхъ Іоанновыхъ, ни одинъ изъ старыхъ обычаевъ, ни одно изъ старыхъ условій не были нарушены: перемиріе съ сосѣднимъ государствомъ было заключено владыкою и Новгородомъ, но съ вѣдома и по приказанію князя; по жалобѣ Новгородцевъ, Іоаннъ судилъ, смѣнилъ и наказалъ посадника, ибо имѣлъ право верховнаго суда надъ всѣми, имѣлъ право смѣнять чиновниковъ, объявивъ только ихъ вину; при этомъ Іоаннъ выполнилъ въ точности старинный обычай; давши на обличенныхъ своихъ приставовъ, требовалъ, чтобъ Новгородъ далъ также и своихъ; онъ заточилъ осужденнаго посадника и его товарищей въ Москву, но и это была старина: Владиміръ Мономахъ, Святославъ Ольговичъ заточали на югъ бояръ новгородскихъ, и послѣ, въ договорахъ, это право не было отнято у князей. Іоаннъ не нарушилъ ни въ чемъ старины; но давно уже Новгородцы отвыкли отъ нея, ибо въ продолженіи многихъ вѣковъ великіе князья не пользовались своими правами, а Новгородцы, пользуясь настоящимъ, забыли и о прошедшемъ, и о будущемъ.

Мѣсяцъ ѣхалъ великій князь изъ Москвы въ Новгородъ; гораздо скорѣе возвратился изъ Новгорода въ Москву, ибо не былъ задерживаемъ на пути: 26 января выѣхалъ онъ изъ Новгорода, 8 февраля былъ уже въ Москвѣ. И здѣсь соблюдено было условіе старинныхъ договоровъ: „Когда, князь, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ дары брать по постояніямъ (станціямъ); когда же поѣдешь изъ Новгорода, тогда дара тебѣ не надобно“. Въ мартѣ пріѣхалъ въ Москву владыка Ѳеофилъ съ боярами просить объ освобожденіи заточенныхъ Новгородцевъ; Іоаннъ угостилъ владыку, но изъ заточенныхъ не отпустилъ ни одного. Между тѣмъ, многимъ понравилось искать защиты отъ обидъ на судѣ великокняжескомъ; ждать Іоанна, когда онъ опять пріѣдетъ въ Новгородъ, было долго, и вотъ забыли старинное условіе: „На низу Новгородца не судить;“—стали брать приставовъ и являться въ назначенный срокъ въ Москву на судъ. Въ началѣ 1477 года пріѣхалъ посадникъ Захаръ Овиновъ, за приставомъ великокняжескимъ, со многими Новгородцами—однимъ отвѣчать, на другихъ искать. Вслѣдъ за Овиновымъ пріѣхали другіе бояре и многіе житые люди, также поселяне, монахини, вдовы и всѣ обиженные, многое множество, искать удовлетворенія въ обидахъ и отвѣчать на жалобы другихъ. „Этого не бывало отъ начала, говоритъ лѣтописецъ, какъ земля ихъ стала и какъ великіе князья пошли отъ Рюрика на Кіевѣ и на Владимірѣ; одинъ только великій князь Иванъ Васильевичъ довелъ ихъ до этого“.

Два шага было сдѣлано; оставалось сдѣлать третій,—послѣдній. Все было приготовлено: литовская сторона, пораженная бездѣйствіемъ Казимира, безмолвствовала безъ главъ своихъ; народъ началъ смотрѣть на Московскаго князя какъ на верховнаго судью; мало того: были въ Новгородѣ люди, которыхъ лѣтописецъ называетъ пріятелями великаго князя Московскаго; вѣче молчало. Но оно могло заговорить при первомъ удобномъ случаѣ, при первой побѣдѣ хана Золотой или Казанской орды, и посадникъ все еще сидѣлъ въ судѣ подлѣ московскаго намѣстника; надобно было освободиться и отъ вѣча, и отъ посадника. Пріѣхали двое пословъ новгородскихъ,— Назаръ подвойскій и Захаръ—вѣчевой дьякъ, которые въ челобитьи назвали Іоанна государемъ, тогда какъ прежде, съ тѣхъ поръ какъ земля ихъ стала, говоритъ лѣтописецъ, того не бывало, ни одного великаго князя государемъ не называли, а только „господиномъ“. Лѣтописи не сообщаютъ ясныхъ подробностей, кѣмъ собственно и какъ устроено было это дѣло. Въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ (апрѣля 24) отправились послы изъ Москвы спросить владыку и весь Великій Новгородъ: „Какого они хотятъ государства? хотятъ ли, чтобъ въ Новгородѣ былъ одинъ судъ государя, чтобъ тіуны его сидѣли по всѣмъ улицамъ, хотятъ ли дворъ Ярославовъ очистить для великаго князя?“ Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что послы назвали Іоанна государемъ по рѣшенію владыки, бояръ, посадниковъ, но безъ вѣдома Великаго Новгорода; въ другихъ говорится, что Новгородцы, услыхавъ запросъ посла московскаго, пограбили этихъ посадниковъ и бояръ, дворы, доспѣхи и всю ратную приправу у нихъ отняли; извѣстный намъ Захаръ Овиновъ оговорилъ другого боярина, Василья Никифорова, будто бы тотъ, во время поѣздки своей въ Москву, присягнулъ тамъ служить великому князю противъ Новгорода. 31 мая всталъ мятежъ, собралось вѣче, пришли на Василья Никифорова, взяли его и привели предъ народъ, который закричалъ ему: „Перевѣтникъ! былъ ты у великаго князя и цѣловалъ ему крестъ на насъ!“ Василій отвѣчалъ: „Цѣловалъ я крестъ великому князю въ томъ, что буду служить ему правдою и

добра ему хотѣть, а не цѣловалъ я креста на государя своего Великій Новгородъ и на васъ, своихъ господъ и братій". Его убили безъ милости, изсѣкли топорами на части; но потомъ убили и Захара Овинова вмѣстѣ съ братомъ у владыки, на дворѣ, сына Кузьмина за-мертво оставили, схватили и двоихъ другихъ бояръ, Луку Ѳедорова и Ѳеофилакта Захарьина, но, приведши на вѣче, пожаловали, взявши съ нихъ присягу, что будутъ хотѣть добра Новгороду. Съ этого времени Новгородцы взбѣсновались, какъ пьяные, по выраженію лѣтописца, посредничество Псковитянъ отвергли, всякій началъ толковать свое, и къ королю опять захотѣли; но пословъ московскихъ держали шесть недѣль съ честію, съ честію и отпустили, давши такой отвѣтъ великимъ князьямъ: „Вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, но государями васъ не зовемъ, судъ вашимъ намѣстникамъ на Городищѣ по старинѣ, а тіунамъ вашимъ у насъ не быть, и двора Ярославова не даемъ; хотимъ съ вами жить, какъ договорились въ послѣдній разъ на Коростыни; кто же взялся безъ нашего вѣдома иначе сдѣлать, тѣхъ казните какъ сами знаете, и мы здѣсь будемъ ихъ также казнить, кого поймаемъ; а вамъ, своимъ господамъ, челомъ бьемъ, чтобъ держали насъ въ старинѣ, по крестному цѣлованію". Послы и преданные великому князю посадники отправились въ Москву и объявили здѣсь о новгородскихъ событіяхъ. Іоаннъ пришелъ къ митрополиту съ вѣстію о клятвопреступленіи Новгородцевъ: „Я не хотѣлъ у нихъ государства, сами присылали, а теперь запираются. и на насъ ложь положили". То же объявилъ матери, братьямъ, боярамъ, воеводамъ, и, по общему благословенію и совѣту, вооружился на отступниковъ и крестнаго цѣлованія преступниковъ Новгородцевъ.

Услыхавъ объ этихъ вооруженіяхъ, Новгородцы послали старосту одной изъ своихъ улицъ въ Москву бить челомъ объ опасной грамотѣ для своихъ пословъ; но великій князь велѣлъ *опасчика* задержать въ Торжкѣ, и, несмотря на осеннее время, спѣшилъ двинуть отсюду многочисленные полки къ Новгороду. 30 сентября послалъ онъ туда складную грамоту, а 9 октября выѣхалъ самъ изъ Москвы, оставя здѣсь по-прежнему сына. Черезъ десять дней великій князь стоялъ въ Торжкѣ; здѣсь ждали его два посланца новгородскихъ съ челобитьемъ объ опасныхъ грамотахъ, ждали его и два боярина новгородскихъ, братья Клементьевы съ челобитьемъ—о принятіи въ службу—вѣрное предвѣщаніе для успѣха! Пробывъ четыре дня въ Торжкѣ, Іоаннъ выступилъ далѣе на Вышній-Волочокъ, а отсюда пошелъ между Мстою и Яжелбицкою дорогою, и, въ то же время, по разнымъ другимъ дорогамъ двигались сильные полки московскіе, тверскіе, татарскіе. Прежде, когда Іоаннъ ходилъ въ Новгородъ миромъ, на станціяхъ являлись къ нему знатные Новгородцы съ подарками; теперь они являлись къ нему съ челобитьемъ о принятіи въ службу: такъ пріѣхали къ нему посадникъ Тучинъ, житый человѣкъ Савельевъ. Опасчиковъ, найденныхъ въ Торжкѣ, великій князь велѣлъ вести съ собою, и только, будучи уже во 125 верстахъ отъ Новгорода, у Спаса на Еглинѣ, велѣлъ имъ явиться предъ себя и далъ опасную грамоту. Но если великій князь спѣшилъ походомъ, то Новгородцы спѣшили миромъ, и, не дожидаясь прежнихъ двухъ опасчиковъ, выслали третьяго. Іоаннъ объявилъ ему, что опасъ уже данъ, а самъ уже, между тѣмъ, на Полинахъ, въ 120 верстахъ отъ Новгорода, урядилъ полки какъ быть въ большомъ полку или въ великокняжескомъ, какъ въ передовомъ, какъ въ правой и лѣвой рукѣ, и отпустилъ войска къ Новгороду, съ приказаніемъ занять Городище и монастыри, чтобъ Новгородцы не сожгли ихъ. Находясь въ 50 верстахъ отъ Новгорода, у Николы въ Тухолѣ, Іоаннъ послалъ приказъ Псковичамъ идти на Новгородъ ратью съ пушками, пищалями, самострѣлами, со всею приправой, съ чѣмъ къ городу приступить, стать на устьи Шелони и дожидаться дальнѣйшихъ приказаній. Въ 30 верстахъ отъ Новгорода, на Сытинѣ, 23 ноября явились къ Іоанну владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми людьми, и сталъ бить челомъ: „Господинъ государь князь великій Иванъ Васильевичъ всея Россіи! ты положилъ гнѣвъ свой на отчину свою, на Великій Новгородъ, мечъ твой и огонь ходятъ по Новгородской Землѣ, кровь христіанская льется;—смилуйся надъ отчиною своею, мечъ уйми, огонь утоли, чтобъ кровь христіанская не лилась; господинъ государь, пожалуй! Да положилъ ты опалу на бояръ новгородскихъ и на Москву свелъ ихъ въ свой первый пріѣздъ; смилуйся, отпусти ихъ въ свою отчину, въ Новгородъ Великій". Великій князь не отвѣчалъ посламъ ни слова, но позвалъ ихъ обѣдать. На другой день ходили они къ брату великокняжескому—Андрею-Меньшому, съ подарками, чтобъ просилъ брата за Новгородъ, и потомъ пришли къ великому князю съ просьбою, чтобъ пожаловалъ, велѣлъ съ боярами поговорить; великій князь выслалъ къ нимъ троихъ бояръ на **говорку**. Послы предложили имъ такія условія: чтобъ великій князь ѣздилъ въ Новгородъ на четвертый годъ и бралъ по 1,000 рублей; велѣлъ бы судъ судить намѣстнику своему и посаднику въ городѣ, а чего они не управятъ, тому бы самъ князь великій управу чинилъ, когда пріѣдетъ на четвертый годъ, а чтобы позвовъ на Москву не было: чтобъ князь великій не велѣлъ своимъ намѣстникамъ владычнихъ судовъ судить и посадничьихъ; чтобъ великокняжескіе подданные въ тяжбахъ своихъ съ Новгородцами судились предъ намѣстникомъ и посадникомъ въ городѣ, а не на городищѣ"[1]).

---

[1]) П. С. Р. Л. т. VI, 210; «А житьи говорили съ товарищи о томъ, что Великаго Князя *мукобряне* позываютъ Новугородцевъ, а отъ намѣстниковъ въ городѣ, и ищутъ на Новугородцѣхъ въ городѣ передъ намѣстникомъ да передъ посадникомъ, а чего на нихъ Новгородци взыщутъ, и они въ городѣ не отвѣчаютъ, а отвѣчиваютъ на

Вмѣсто отвѣта, великій князь велѣлъ воеводамъ своимъ придвинуться къ Новгороду, занять Городище и подгородные монастыри, и, получивъ вѣсть, что приказаніе его исполнено, велѣлъ сказать посламъ: „Сами вы знаете, что посылали къ намъ Назара подвойскаго и Захара вѣчеваго дьяка, и назвали насъ, великихъ князей, себѣ государями; мы великіе князья, по вашей присылкѣ и челобитью, послали бояръ спросить васъ: какого нашего государства хотите? И вы заперлись, что пословъ съ тѣмъ не посылывали, и говорили, что мы васъ притѣсняемъ. Но кромѣ того, что вы объявили насъ лжецами, много и другихъ вашихъ къ намъ неисправленій и нечести. Мы сперва поудержались, ожидая вашего обращенія, посылали къ вамъ съ увѣщаніями; но вы не послушались, и потому стали намъ какъ чужіе. Вы теперь поставили рѣчь о боярахъ новгородскихъ, на которыхъ я положилъ опалу, просили, чтобъ я ихъ пожаловалъ, отпустилъ; но вы хорошо знаете, что на нихъ билъ мнѣ челомъ весь Великій Новгородъ какъ на грабителей, проливавшихъ кровь христіанскую. Я, обыскавши владыкою, посадниками и всѣмъ Новгородомъ, нашелъ, что много зла дѣлается отъ нихъ нашей отчинѣ, и хотѣлъ ихъ казнить; но ты же, владыка, и вы, наша отчина, просили меня за нихъ, и я ихъ помиловалъ, казнить не велѣлъ, а теперь вы о тѣхъ же виноватыхъ рѣчь вставляете, чего вамъ дѣлать не годилось, и послѣ того какъ намъ васъ жаловать? Князь великій вамъ говоритъ: захочетъ Великій Новгородъ бить намъ челомъ, и онъ знаетъ, какъ ему намъ, великимъ князьямъ, челомъ бить“.

Послы отправились назадъ въ Новгородъ, а слѣдомъ за ними двинулся туда и великій князь Ильменемъ по льду: 27 ноября сталъ онъ подъ городомъ; въ тотъ же и слѣдующіе дни подошли и всѣ другіе полки: 30 ноября Іоаннъ велѣлъ воеводамъ отпустить половину войска за кормами съ тѣмъ, чтобъ черезъ десять дней всѣ были въ сборѣ подъ Новгородомъ, послалъ торопить и псковскую рать. Новгородцамъ стало очень тяжко, потому что непріятель расположился въ ихъ посадахъ и монастыряхъ, обхвативши городъ съ обѣихъ сторонъ. Несмотря на то, они сначала сѣли всѣ въ осадѣ, устроивши себѣ по обѣ стороны Волхова и черезъ самую рѣку на судахъ стѣну деревянную. Іоаннъ видѣлъ, что они укрѣпились хорошо; что если пойти подъ стѣну, то съ обѣихъ сторонъ головы станутъ падать, и потому не хотѣлъ брать города приступомъ, а рѣшился стоять подъ нимъ до тѣхъ поръ, пока голодъ и тѣснота заставятъ осажденныхъ покориться. Чтобъ въ собственныхъ полкахъ при этомъ не было ни въ чемъ недостатка, онъ приказалъ Псковичамъ прислать муки пшеничной, рыбы, меду, выслать купцовъ своихъ со всякимъ другимъ товаромъ, что и было исполнено. Въ Новгородѣ между тѣмъ народъ сталъ волноваться: одни хотѣли биться съ великимъ княземъ, а другіе покориться ему, и послѣднихъ оказалось больше, чѣмъ первыхъ. Вслѣдствіе этого, 4 декабря, явился въ московскомъ станѣ опять владыка Ѳеофилъ съ посадниками и житыми; послы били челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, указалъ своей отчинѣ, какъ Богъ положитъ ему на сердце свою отчину жаловать. Отвѣтъ былъ прежній: „Захочетъ наша отчина бить намъ челомъ, и она знаетъ, какъ бить челомъ“. Послы отправились назадъ въ городъ и на другой день возвратились съ повинною, что дѣйствительно Новгородъ посылалъ въ Москву Назара да Захара называть великаго князя государемъ, и потомъ заперся.—„Если такъ, велѣлъ отвѣчать имъ Іоаннъ: если ты, владыка, и вся наша отчина Великій Новгородъ сказались передъ нами виноватыми, и спрашиваете, какъ нашему государству быть въ нашей отчинѣ, Новгородѣ,—то объявляемъ, что хотимъ такого же государства и въ Новгородѣ, какое въ Москвѣ“. Послы просили, чтобы великій князь отпустилъ ихъ въ городъ подумать, и дано имъ два дня на размышленіе. 7 декабря послы возвратились съ новыми просьбами, съ новыми уступками: чтобы великій князь велѣлъ своему намѣстнику судить съ посадникомъ; чтобы бралъ каждый годъ дань со всѣхъ волостей новгородскихъ по полугривнѣ съ сохи; чтобы держалъ пригороды новгородскіе своими намѣстниками, а судъ былъ бы по старинѣ; чтобы не было вывода и позвовъ изъ Новгородской Земли; чтобы государь не вступался въ боярскія земли; чтобы Новгородцамъ не было службы въ Низовую Землю, чтобы защищали они только свои рубежи. Великій князь велѣлъ отвѣчать имъ: „Сказано вамъ, что хотимъ государства въ Великомъ Новгородѣ такого же, какое у насъ государство въ Низовой Землѣ, на Москвѣ; а вы теперь сами мнѣ указываете, какъ нашему государству у васъ быть; какое же послѣ этого будетъ мое государство?“ Послы отвѣчали: „Мы не указываемъ, и государству великихъ князей урока не кладемъ; но пожаловали бы государи свою отчину, объявили Великому Новгороду, какъ ихъ государству въ немъ быть, потому что Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ наши государи великіе князья держатъ свое государство въ Низовской Землѣ“.—„Государство наше таково, былъ отвѣтъ: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть; посаднику не быть, а государство все намъ держать; волостями, селами намъ владѣть, какъ владѣемъ въ Низовой Землѣ, чтобъ было на чемъ намъ быть въ нашей отчинѣ, а которыя земли наши за вами, и вы ихъ намъ отдайте; вывода не бойтесь, въ боярскія вотчины не вступаемся, а суду быть по старинѣ, какъ въ землѣ судъ стоитъ“.

Шесть дней думали Новгородцы объ этомъ государствѣ; наконецъ, 14 декабря, владыка съ посадниками явился и объявилъ, что вѣчевой колоколъ и посадника Новгородцы отложили, только бы государь не выводилъ ихъ, въ вотчины ихъ, земли, воды и въ имущества не вступался, позвы отло-

городищѣ: и государь бы князь велики пожаловалъ велѣлъ ихъ судити намѣстнику своему съ посадникомъ въ городѣ».

жилъ и службы имъ въ Низовую Землю не наряжалъ. Великій князь всѣмъ этимъ ихъ пожаловалъ. Тогда они стали бить челомъ, чтобы государь далъ крѣпость своей отчинѣ Великому Новгороду, крестъ бы цѣловалъ; и получили въ отвѣтъ: „Не быть моему цѣлованію"; просили, чтобы бояре цѣловали крестъ,—и въ томъ получили отказъ; просили, чтобы, по крайнѣй мѣрѣ, будущій намѣстникъ присягнулъ,—отказано и въ этомъ; наконецъ просили, чтобы великій князь позволилъ имъ возвратиться въ городъ и опять подумать—и этого позволенія не дано. Прошло тринадцать дней, прошелъ праздникъ Рождества Христова,—владыка съ посадниками все жилъ въ станѣ московскомъ, а между тѣмъ послѣдній служивый князь Новгородскій, Василій Васильевичъ Шуйскій, сложилъ къ Новгородцамъ крестное цѣлованіе на имя великаго князя, и Новгородцы, изъ страха передъ послѣднимъ, не смѣли ни слова молвить Шуйскому, который безопасно оставался у нихъ послѣ того два дня. Наконецъ, 29 декабря, владыка и другіе послы сказали боярамъ московскимъ: „Если государь не жалуетъ, креста не цѣлуетъ и опасной грамоты намъ не даетъ, то пусть самъ объявитъ намъ свое жалованье, безъ боярскихъ высылокъ". Іоаннъ велѣлъ имъ войти къ себѣ и сказалъ: „Просили вы, чтобы вывода, позва на судъ и службы въ Низовую Землю не было; чтобы я въ имѣнія и отчины людскія не вступался, и чтобы судъ былъ по старинѣ;—всѣмъ этимъ я васъ, свою отчину, жалую". Послы поклонились и вышли. Но скоро нагнали ихъ бояре и начали говорить: „Великій князь велѣлъ вамъ сказать: Великій Новгородъ долженъ дать намъ волости и села, безъ того намъ нельзя держать государства своего въ Великомъ Новгородѣ". Послы отвѣчали: „Скажемъ объ этомъ Новгороду". Новгородъ предложилъ двѣ волости—Луки Великія и Ржеву Пустую; великій князь не взялъ; предложили десять волостей,—не взялъ и ихъ; тогда послы сказали, чтобы самъ великій князь назначилъ сколько ему надобно волостей. Іоаннъ назначилъ половину волостей владычнихъ и монастырскихъ и всѣ новоторжскія, чьи бы ни были [1]). Новгородцы согласились, но просили, чтобы половина монастырскихъ волостей была взята только у шести богатыхъ монастырей, у остальныхъ же, бѣдныхъ, малоземельныхъ не брать. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу; пожаловалъ и владыку: вмѣсто половины волостей, взялъ у него только десять. Затѣмъ начались переговоры о дани; сначала великій князь хотѣлъ брать по полугривнѣ съ обжи: новгородскую обжу составлялъ одинъ человѣкъ, пашущій на одной лошади, три обжи составляли соху, пашущій на трехъ лошадяхъ и самъ-третей составлялъ также соху. Но владыка отъ всего города сталъ бить челомъ, чтобъ великій князь смиловался, бралъ бы по семи денегъ съ трехъ обжей одинъ разъ въ годъ; Іоаннъ согласился брать однажды въ годъ по полугривнѣ съ сохи со всѣхъ волостей новгородскихъ, на Двинѣ и въ Заволочьи, на всякомъ, кто пашетъ землю, на ключникахъ, старостахъ и холопяхъ одерноватыхъ. Владыка просилъ также, чтобы великій князь не посылалъ по новгородскимъ волостямъ своихъ писцовъ и даньщиковъ, потому что это тяжко будетъ христіанству: положилъ государь это дѣло на новгородскую душу; Новгородцы скажутъ сами, сколько у кого будетъ сохъ, сами соберутъ дань и отдадутъ по крестному цѣлованію, безъ хитрости тому, кому великіе князья прикажутъ; а кто утаитъ хотя одну обжу и будетъ уличенъ, того пришлютъ къ государямъ на казнь. Іоаннъ исполнилъ и эту просьбу, послѣ чего велѣлъ очистить для себя дворъ Ярославовъ и объявить Новгородцамъ присяжную запись, на которой они должны были цѣловать ему крестъ. 13 января 1478 года пришелъ къ великому князю владыка со многими боярами, житыми, купцами, и принесъ присяжную запись; писалъ ее дьякъ владычній, подписалъ владыка собственною рукою и печать свою приложилъ, приложили по печати и со всѣхъ пяти концовъ. Въ тотъ же день въ станѣ цѣловали крестъ на этой записи многіе бояре, житые и купцы передъ боярами великокняжескими, которые заставили ихъ также обѣщаться на словахъ—не мстить Псковичамъ за помощь ихъ Москвѣ, не мстить тѣмъ боярамъ, и женамъ ихъ, и дѣтямъ, которые служатъ великому князю, отказаться отъ пригородовъ, Двинской области и Заволочья. Присягнувши, Новгородцы просили бояръ, чтобы Іоаннъ сказалъ имъ всѣмъ вслухъ свое милостивое слово; и слово это было имъ сказано: „Дастъ Богъ, впередъ тебя, своего богомольца, и отчину нашу, Великій Новгородъ, хотимъ жаловать". 15 января пріѣхалъ въ Новгородъ князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ четырьмя другими московскими боярами и созвалъ весь Новгородъ въ палату, а не на площадь, потому что съ этого дня вѣча уже не было болѣе въ Новгородѣ. Патрикѣевъ началъ говорить: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси, государь нашъ, тебѣ, своему богомольцу владыкѣ, и своей отчинѣ Великому Новгороду говоритъ такъ: ты, нашъ богомолецъ, и вся наша отчина, Великій Новгородъ, били челомъ нашимъ братьямъ, чтобы я пожаловалъ, смиловался, нелюбье съ сердца сложилъ; и я, князь великій, для братьевъ своихъ, пожаловалъ васъ, нелюбье отложилъ. И ты бы, богомолецъ нашъ, и отчина наша, на чемъ добили намъ челомъ, и грамоту записали, и крестъ цѣловали,—то бы все исполняли: а мы васъ впередъ хотимъ жаловать по вашему исправленію къ намъ". Послѣ этой рѣчи московскіе бояре стали приводить лучшихъ Новгородцевъ къ присягѣ на владычнемъ дворѣ, а по концамъ посланы были для этого дѣти боярскія и дьяки; цѣловали крестъ всѣ, не исключая женъ и людей боярскихъ; тутъ, при крестномъ цѣлованіи, взята

---

[1]) «Взяти ми половину всѣхъ волостей владычнихъ и монастырскихъ занятей испоконъ В. Князей, а захватили сами». Послѣднія слова прибавл. у Татищ. См. Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4.

была и грамота, которую Новгородцы написали и утвердили между собою за 58-ю печатами. 18 января били челомъ великому князю въ службу бояре новгородские и всѣ дѣти боярскія и житые люди. 20 января отправлена была въ Москву грамота, что великій князь отчину свою, Великій Новгородъ, привелъ во всю свою волю и учинился на немъ государемъ, какъ и на Москвѣ. Намѣстниками въ Новгородѣ были назначены князь Иванъ Васильевичъ Стрига да братъ его, Ярославъ Оболенскіе, а черезъ нѣсколько дней приданы были къ нимъ еще двое намѣстниковъ. Оболенскіе помѣстились на дворѣ Ярославовомъ, самъ же великій князь продолжалъ жить въ станѣ и два раза только выѣзжалъ въ Новгородъ, для слушанія обѣдни у Св. Софіи, потому что въ городѣ былъ моръ. Передъ отъѣздомъ Іоаннъ велѣлъ схватить старосту купеческаго, Марка Панфильева, боярыню Марѳу Борецкую со внукомъ ея Василіемъ Ѳедоровымъ, еще пятерыхъ Новгородцевъ, и отвезти ихъ въ Москву, имѣніе отписать на себя: забраны были и всѣ договоры, когда-либо заключенные Новгородцами съ князьями Литовскими. 17 февраля тронулся Іоаннъ изъ стана, 5 марта пріѣхалъ въ Москву; за нимъ привезли изъ Новгорода вѣчевой колоколъ и подняли на колокольню на площади Кремлевской звонить вмѣстѣ съ другими колоколами.

Но не вдругъ могъ забыть Новгородъ свой прежній бытъ, и противная Москвѣ сторона ждала только перваго удобнаго случая, чтобы снова подняться. Этотъ удобный случай не замедлилъ представиться, когда въ 1477 году ханъ Золотой Орды, въ союзѣ съ Казимиромъ Литовскимъ, началъ грозить Москвѣ нашествіемъ, и когда братья великаго князя хотѣли также воспользоваться этимъ случаемъ для возвращенія себѣ старыхъ удѣльныхъ правъ. Іоанну дали тайно знать, что многіе Новгородцы пересылаются съ Казимиромъ, зовутъ его къ себѣ, пересылаются и съ Нѣмцами; король обѣщалъ явиться съ полками, и послалъ, съ одной стороны, къ хану Золотой Орды, звать его на Москву, а съ другой—къ папѣ съ просьбою о денежномъ вспоможеніи для успѣха въ дѣлѣ, которое неминуемо повлечетъ за собою присоединеніе важной области къ Римской церкви. Папа назначилъ на военныя издержки сборъ со всѣхъ церквей польскихъ и литовскихъ. Іоаннъ хотѣлъ предупредить Казимира и застать врасплохъ Новгородцевъ: взявъ съ собою только тысячу человѣкъ, онъ отправился 26 октября къ Новгороду миромъ, а между тѣмъ, подъ предлогомъ войны съ Нѣмцами, велѣлъ сыну набирать войска и спѣшить за собою слѣдомъ; заставы были разставлены повсюду, дабы въ Новгородѣ не узнали о наборѣ и приближеніи многочисленной рати. Несмотря на то, въ Бронницахъ онъ получилъ вѣсть, что Новгородцы затворились и не намѣрены пускать его миромъ. Тогда Іоаннъ дождался полковъ своихъ и приступилъ къ городу, въ которомъ по-прежнему имѣлъ многочисленныхъ приверженцевъ: они не хотѣли биться и перебѣгали къ Москвичамъ; архіепископъ послалъ за опасною грамотою, но Іоаннъ отвѣчалъ: „Я самъ опасъ для невинныхъ и Государь вашъ; отворите ворота; когда войду въ городъ, —невинныхъ ни чѣмъ не оскорблю.“ А между тѣмъ разрушительная стрѣльба изъ пушекъ не прекращалась. Наконецъ ворота отворились, и владыка, посадникъ, тысяцкій (ибо Новгородцы поспѣшили возстановить свои древнія формы правленія), старосты пяти концовъ, бояре и народъ вышли на-встрѣчу къ великому князю, пали ницъ и просили прощенія. Іоаннъ благословился у архіепископа и сказалъ во всеуслышаніе: „Я, государь вашъ, даю миръ всѣмъ невиннымъ, не бойтесь ничего!“ и отправился, по обычаю, къ Св. Софіи, а потомъ въ домъ Ефима Медвѣдева, новаго посадника, гдѣ и остановился. Въ тотъ же день 50 человѣкъ главныхъ враговъ Москвы были захвачены и пытаны. Тутъ только великій князь узналъ объ участіи владыки въ заговорѣ и объ отношеніяхъ братьевъ своихъ съ Новгородцами. Ѳеофилъ былъ взятъ и отосланъ въ московскій Чудовъ монастырь подъ стражу, богатство его отобрано въ казну; 100 главныхъ заговорщиковъ подвергнулись смертной казни. 100 семей дѣтей боярскихъ и купцовъ разосланы по низовымъ городамъ. Но и этимъ дѣло не кончилось: въ 1481 году схвачено было четверо новгородскихъ бояръ; вражда сторонъ продолжалась, и слѣдствіемъ было то, что въ 1484 году сами же Новгородцы прислали доносъ въ Москву, что нѣкоторые изъ ихъ сограждане пересылались съ королемъ. По этому доносу, человѣкъ тридцать большихъ и житыхъ людей было схвачено, домы ихъ разграблены, сами подвергнуты пыткѣ; когда ихъ приговорили къ смертной казни, то передъ висѣлицею стали они прощаться другъ съ другомъ и каяться, что напрасно клепали другъ друга на пыткѣ. Услыхавъ объ этомъ, великій князь не велѣлъ ихъ вѣшать, но велѣлъ сковать и посадить ихъ въ тюрьму, а женъ и дѣтей ихъ послать въ заточеніе. Въ то же время была схвачена и разграблена Настасья, славная и богатая, по выраженію лѣтописца, взятъ и пограбленъ былъ также Иванъ Кузьминъ, который во время новгородскаго взятія съ тридцатью слугами убѣжалъ въ Литву; но король не оказалъ ему никакой милости, слуги отстали отъ него, и онъ самъ-третей прибѣжалъ назадъ въ Новгородъ, гдѣ и былъ схваченъ. Въ томъ же 1484 году принужденъ былъ по болѣзни оставить архіепископію владыка Сергій, посвященный въ Новгородъ на мѣсто Ѳеофила изъ старцевъ Троицкаго Сергіева монастыря. Московскіе лѣтописцы говорятъ, что Новгородцы не хотѣли покориться Сергію, ибо онъ не по ихъ мысли ходилъ: не могши ничего сдѣлать надъ нимъ явно, они волшебствомъ отняли у него умъ, говоря, что Іоаннъ чудотворецъ наказалъ его. Новгородскіе же и псковскіе лѣтописцы разсказываютъ, будто бы Сергій сталъ притѣснять игумновъ и священниковъ, ввелъ новыя пошлины, будто бы заѣхавъ на дорогѣ въ Сковородскій Ми-

хайловскій монастырь, отъ гордости, потому что пріѣхалъ изъ Москвы къ гражданамъ плѣненнымъ, не захотѣлъ вскрыть гробъ похороненнаго тутъ Новгородскаго владыки Моисея, и будто бы съ этихъ поръ нашло на него изумленіе: иногда видали, какъ онъ сидѣлъ на Евѳимьевской паперти въ одной рясѣ, безъ мантіи, а иногда видали его въ полдень сидящимъ въ томъ же видѣ у Св. Софіи. По другому разсказу, Новгородскіе владыки начали являться Сергію то во снѣ, то на-яву, съ укоромъ, какъ онъ смѣлъ принять святительское поставленіе при жизни своего предшественника, не уличеннаго въ ереси, но изгнаннаго неправдою; когда же онъ презрѣлъ этими укорами, то невидимая сила поразила его и на нѣкоторое время лишила употребленія языка. Въ 1487 году переведено изъ Новгорода во Владиміръ 50 семей лучшихъ купцовъ. Тогда же выѣхала изъ Новгорода и московская ратная сила, стоявшая здѣсь 17 недѣль. Въ 1488 году привели изъ Новгорода въ Москву больше семи тысячъ житыхъ людей за то, что хотѣли убить намѣстника великокняжескаго Якова Захарьича; нѣкоторыхъ Яковъ казнилъ еще въ Новгородѣ, другихъ казнили въ Москвѣ, остальныхъ отправили на житье въ Нижній, Владиміръ, Муромъ, Переяславль, Юрьевъ, Ростовъ, Кострому и другіе города; на ихъ мѣсто посланы въ Новгородъ изъ Москвы и другихъ городовъ низовыхъ дѣти боярскія и купцы [1]).

Въ одно время, съ окончательнымъ прекращеніемъ новгородскихъ смутъ чрезъ выводъ лучшихъ гражданъ, окончательно усмирена и древняя колонія новгородская, Вятка, и тѣмъ же самымъ средствомъ. Еще въ 1466 году Вятчане ратью прошли мимо Устюга на Кокшенгу, утаившись отъ городскихъ сторожей; шли по Сухонѣ рѣкѣ вверхъ, воевали Кокшенгу, а назадъ шли Вагою внизъ. Намѣстникъ устюжскій Сабуровъ послалъ гонца въ Москву съ вѣстію объ этомъ, и великій князь велѣлъ перехватить Вятчанъ. Сабуровъ дѣйствительно перенялъ ихъ подъ Гледеномъ; но Вятчане дали ему хорошіе подарки и, простоявши три дня, спокойно отправились домой. Въ 1469 году, во время похода на Казань, московскіе воеводы требовали отъ Вятчанъ, чтобъ шли съ ними вмѣстѣ, и получили отвѣтъ: „Казанскій ханъ неволею заставилъ насъ поклясться, что не будемъ помогать ни ему на великаго князя, ни великому князю на него“; на второе же требованіе воеводъ Вятчане отвѣчали, что когда пойдутъ въ походъ братья великаго князя, тогда пойдутъ и они. Не знаемъ, какое слѣдствіе имѣло для Вятчанъ такое поведеніе ихъ,— знаемъ только, что, не помогши противъ Казани, они помогли Москвѣ противъ Новгорода. Въ 1485 г. повторилось прежнее явленіе: во время похода на Казань, Вятчане, по словамъ лѣтописца, отступили отъ великаго князя, который послалъ на нихъ воеводу Юрія Кутузова съ большою силою; тотъ помирился съ ними—и они опять возвратились въ московское подданство; но подъ слѣдующимъ годомъ другой лѣтописецъ разсказываетъ, что Вятчане приходили на Устюгъ и стояли подъ городомъ Осиновцемъ, но что воевода ихъ, Костя, начальствовалъ ими поневолѣ, и, воспользовавшись случаемъ, ушелъ въ Осиновецъ, а оттуда въ Москву. Митрополитъ два раза писалъ къ Вятчанамъ увѣщательныя грамоты: „Называетесь вы именемъ христіанскимъ, писалъ онъ, а живете хуже нечестивыхъ: святую церковь обижаете, законы церковные старые разоряете, государю великому князю грубите и пристаете къ его недругамъ издавна, съ поганствомъ соединяетесь, да и одни, сами собою, отчину великаго князя воюете безпрестанно, христіанство губите, церкви разоряете, а челомъ государю за свою грубость не бьете. Великій князь васъ жаловалъ, слушаясь нашего смиренія, потому что я молилъ его о васъ со многими слезами; но отъ васъ нѣтъ никакого исправленія. И я теперь уже въ послѣдній разъ послалъ къ вамъ: бейте челомъ великому князю за свою грубость, пограбленное все отдайте, плѣнныхъ отпустите. Если же не послушаете насъ, то кровь христіанская вамъ отольется; священники ваши церкви Божіи затворятъ и пойдутъ вонъ изъ Земли: если же такъ не сдѣлаютъ, то будутъ и сами отъ насъ прокляты“.—Увѣщанія митрополита не помогли, и въ 1489 году, подчинивши себѣ Казань, великій князь послалъ на Вятчанъ шестидесятичетырехтысячную рать, подъ начальствомъ двухъ главныхъ воеводъ, князя Даніила Щени и Григорія Морозова. 16 августа воеводы подступили подъ Хлыновъ, а на другой день Вятчане, большіе люди, вышли бить имъ челомъ, чтобъ рать Земли Вятской не воевала, „а мы великому князю челомъ бьемъ, покоряемся на всей его волѣ, дань даемъ и службу служимъ“. Воеводы отвѣчали: „Цѣлуйте же крестъ великому князю отъ мала до велика, а измѣнниковъ и крамольниковъ выдайте головами: Ивана Аникіева, Пахомья Лазарева, Палку Богодайщикова“ Вятчане сказали на это: „Дайте намъ, господа, сроку до завтра, мы это ваше слово скажемъ всей Землѣ Вятской“. Срокъ имъ дали; Вятчане думали два дня, но на третій отказали воеводамъ, что не выдадутъ тѣхъ трехъ человѣкъ. Тогда воеводы велѣли всей силѣ своей готовиться къ приступу: ставить по городу плетень, запасаться смолою и берестою; но Вятчане, видя свою погибель, добили челомъ на всей волѣ великаго князя и выдали измѣнниковъ. Воеводы развели всю Вятку, взяли лучшихъ людей, купцовъ и отправили ихъ съ женами и дѣтьми въ Москву. Великій князь велѣлъ Аникіева, Лазарева и Богодайщикова бить кнутомъ и повѣсить, а другихъ Вятчанъ пожаловалъ, далъ имъ помѣстья въ Боровскѣ, Алексинѣ и Кременцѣ, и написались они въ слуги великому князю, купцовъ же поселили въ Дмитровѣ. Вмѣстѣ съ Вятчанами привезены были въ Москву и туземные вотякскіе, или

[1]) П. С. Р. Л. III, 243; IV, 255—261; VI, 200—238; Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847, № 4 Арханг., стр. 183.

арскіе князья; но великій князь отпустилъ ихъ на родину [1]).

Псковъ удержалъ на время свою старину, благодаря постоянному старанію угодить великому князю, покорностію утишать гнѣвъ его. Еще Василій Темный не задолго до кончины своей прислалъ во Псковъ намѣстникомъ князя Владиміра Андреевича не по псковскому прошенію, не по старинѣ: Псковичи однако приняли его съ честію и посадили на княженіе. Но въ слѣдующій годъ,—годъ вступленія на престолъ Іоанна III, — они выгнали князя Владиміра, потому что пріѣхалъ не по старинѣ, Псковичами не позванъ, и на народъ не благъ. Столкнутый со ступени на вѣчѣ, съ безчестіемъ поѣхалъ Владиміръ въ Москву жаловаться великому князю; поѣхали за нимъ и псковскіе послы оправдываться. Три дня Іоаннъ не пускалъ ихъ къ себѣ на глаза, наконецъ принялъ ихъ челобитье и велѣлъ сказать Пскову: „Какого князя Псковичи захотятъ, и я имъ его дамъ, пусть пришлютъ ко мнѣ грамоту съ бояриномъ“. Псковичи выпросили себѣ князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потомъ князя Θедора Юрьевича, которому дали держать намѣстниковъ на двѣнадцати пригородахъ, тогда какъ прежде княжіи намѣстники бывали только на семи пригородахъ. Мы видѣли, какъ безпрекословно принимали Псковичи рѣшенія великаго князя и митрополита касательно отношеній своихъ къ Новгородскому владыкѣ, какъ потомъ безпрекословно ходили на Новгородъ вмѣстѣ съ полками московскими. Іоаннъ твердилъ псковскимъ посламъ: „Какой мой князь будетъ вамъ надобенъ въ намѣстники, того я къ вамъ отпущу, только не безчестите тѣхъ намѣстниковъ, которые будутъ дурно съ вами поступать; мое дѣло ихъ наказывать, а я васъ, свою отчину, жалую“. Помня этотъ наказъ, Псковичи въ 1472 году послали къ великому князю просить къ себѣ въ намѣстники князя Ивана Стригу-Оболенскаго, потому что князь Θедоръ Юрьевичъ началъ дурно вести себя во Псковѣ и самъ сталъ засылать грамоты къ великому князю. Узнавши, что Псковичи послали въ Москву жаловаться на него и просить себѣ другаго князя, Θедоръ на другой же день вышелъ на вѣче, сложилъ съ себя крестное цѣлованіе и выѣхалъ изъ города. Псковичи, чтобъ оправдать себя вполнѣ въ глазахъ Іоанна послали посадника, дѣтей боярскихъ и сотскихъ провожать съ честію князя Θедора до рубежа, съ хлѣбомъ, виномъ, медомъ; но какъ скоро Θедоръ подъѣхалъ къ границѣ, то силою завелъ за нее псковскихъ провожатыхъ, отнялъ лошадей, самихъ ограбилъ и чуть-чуть не нагихъ отпустилъ во Псковъ. Іоаннъ далъ Псковичамъ брата Стригина, князя Ярослава Васильевича Оболенскаго, потому что Стрига ему самому былъ нуженъ [2]). Въ 1474 году, оказавъ Пскову дѣятельную помощь противъ Нѣмцевъ, Іоаннъ ждалъ большихъ пословъ съ благодарностію, но вмѣсто нихъ пріѣхалъ гонецъ. Гонецъ этотъ возвратился во Псковъ съ вѣстію, что великій князь сильно сердитъ: тогда Псковичи послали къ своему государю въ Москву князя-намѣстника Ярослава Васильевича, троихъ посадниковъ, бояръ изо всѣхъ концовъ и поминку 100 рублей; но Іоаннъ сослалъ ихъ съ подворья, на глаза къ себѣ не пустилъ, дара не принялъ, и послы, простоявши пять дней шатромъ на полѣ, безъ отвѣта пріѣхали назадъ во Псковъ. Вслѣдъ за ними пріѣхалъ посолъ великокняжескій съ приказомъ Пскову сейчас же отправлять новыхъ пословъ въ Москву, и поѣхали трое другихъ посадниковъ, повезли 150 рублей въ подарокъ; этихъ пословъ Іоаннъ принялъ и далъ такой отвѣтъ: „Радъ свою отчину по старинѣ [3]) держать, если мнѣ положите прежнихъ великихъ князей грамоты пошлинныя“.

Это было въ концѣ лѣта, а въ концѣ осени пріѣхалъ во Псковъ изъ Москвы намѣстникъ, князь Ярославъ, и началъ просить у Пскова судъ держать не по псковской старинѣ [4]). Псковичи отправили въ Москву пословъ со старыми грамотами; но великій князь, посмотрѣвши въ грамоты, сказалъ: „Это грамоты не самихъ князей великихъ; и вы бы исполнили все то, чего князь Ярославъ проситъ“. Псковичи отвѣчали: „Намъ нельзя такъ жить, какъ теперь проситъ князь Ярославъ не по нашимъ старинамъ“. Іоаннъ обѣщалъ прислать во Псковъ своего посла для рѣшенія дѣла, которое тянулось уже цѣлый годъ. Въ концѣ 1475 года великій князь пріѣхалъ въ Новгородъ на судъ и на управу; въ то время какъ онъ осудилъ новгородскихъ посадниковъ и бояръ, явилось къ нему четверо посадниковъ псковскихъ съ 50-ю рублями дара и съ челобитьемъ, чтобы держалъ Псковъ по старинѣ. Іоаннъ велѣлъ посламъ дожидаться ихъ князя Ярослава, которому Псковичи дали 20 рублей, чтобы просилъ за нихъ великаго князя; но Ярославъ, пріѣхавши въ Новгородъ, сталъ жаловаться Іоанну на посадниковъ и на Псковъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали во Псковъ послы великокняжескіе и объявили вѣчу: „Просите прощенія у князя Ярослава, въ чемъ предъ нимъ провинились, и дайте ему всѣ суды и пошлины, которыхъ онъ проситъ [5]); если же не сдѣлаете такъ, то будете вѣдаться съ государемъ вашимъ, великимъ княземъ; онъ далъ намъ только пять дней срока пріѣхать и отъѣхать“. Псковичи исполнили требованіе великаго князя и дали на вѣчѣ Ярославу 130 рублей, за все сполна.

---

[1]) Никон. VI, 9; П. С. Р. Л. VI, 237, 239; Акты Историч. I: № 97 и 98; Архангел. 195—198.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 249.

[3]) Устроенѣ; въ друг. сп. устранѣ. Я принимаю оба чтенія неправильными, и читаю: «по старинѣ».

[4]) «На ссылку вдвое ѣзды имати, и по пригородомъ его намѣстникомъ княжая продажа имати обоя (отъ боя); также и деньги намѣсничи».

[5]) «Также бы есте Князю Ярославу денгу намѣстничу освободили, и ѣзды вдвое, и продажи по пригородомъ намѣстникомъ имати Княжія и нивніи судове по старинѣ, судити всякая копная, и изгородное прясло, и коневая валища, а не учините тако» и проч.

Ярославъ началъ пользоваться псковскими уступками, и, въ половинѣ 1476 года, бояре изъ всѣхъ концовъ поѣхали на Москву съ грамотою жалобною, бить челомъ съ плачемъ великому князю, чтобы сослалъ съ своей отчины князя Ярослава, а далъ бы ей князя Ивана Александровича Звенигородскаго, потому что князь Ярославъ притѣсняетъ весь Псковъ, а намѣстники его то же дѣлаютъ по пригородамъ и волостямъ. Великій князь обѣщалъ прислать своего посла разобрать дѣло; но Псковичи боялись, что на этомъ судѣ будетъ больше обращаться вниманія на донесенія князя Ярослава,— чѣмъ на ихъ старины. Между тѣмъ во Псковѣ, вслѣдствіе всеобщаго озлобленія на князя Ярослава, вспыхнуло волненіе, какого, по словамъ лѣтописца, никогда не бывало, ни при одномъ князѣ: везъ какой-то Псковичъ съ огорода капусту черезъ торгъ, мимо княжескаго двора; одинъ изъ княжескихъ слугъ схватилъ кочанъ и далъ княжему барану, и за это началась ссора у Псковичей съ княжедворцами; отъ ссоры дѣло дошло до драки; слуги [1]) намѣстничьи стали колоться ножами, Псковичи отбиваться камнями; княжедворцы пошли на весь міръ съ ножами на торгъ, а иные съ луками, и начали стрѣлять, другіе ножами колоться. Псковичи оборонялись—кто камнемъ, кто деревомъ—и убили княжескаго повара; самъ князь Ярославъ, пьяный, въ панцырѣ, выскочилъ и началъ стрѣлять. Вѣсть о побоищѣ пронеслась по всему городу, и вотъ пошли на торгъ посадники, бояре, житые люди съ оружіемъ; но уже время было къ вечеру, и князь съ своими слугами пошелъ на сѣни, укрощенный добрыми людьми; разошлись и Псковичи, изъ которыхъ многіе умерли отъ ранъ. Ночью однако вооруженные посадники и житые люди всѣмъ Псковомъ держали стражу на торгу, слыша отъ княжихъ слугъ угрозу, что зажгутъ городъ и во время пожара будутъ бить Псковичей. На другое утро Псковичи поставили вѣче, и отреклись князю Ярославу, стали провожать его изъ Пскова, а къ великому князю послали грамоту, прописавъ въ ней все, что случилось; но Ярославъ изъ Пскова не ѣдетъ, дожидается посла отъ великаго князя, и Псковичи ждутъ того же, Ярославу ничего не дѣлаютъ, не мстятъ ему за его насилія. Наконецъ явились изъ Москвы два боярина съ такими рѣчами: „Псковичи на князя Ярослава жаловались: а прежде, какъ великій князь былъ въ Новгородѣ, они на него не жаловались, тогда какъ князь Ярославъ и тогда на Псковъ жаловался, и прежде и теперь опять жалуется; если Псковичи не выдадутъ людей, осужденныхъ по пригородамъ, то великій князь, моля Бога и Пречистую Его Матерь, самъ все исправитъ; а Ярослава князь великій оставляетъ на столѣ во Псковѣ". Двѣ недѣли бояре толковали со Псковомъ, выпрашивали тѣхъ людей, которыхъ намѣстники Ярославовы безъ суда поковали, а Псковъ расковалъ, и тѣхъ, которые князю какое слово молвили. Псковичи не выдали ихъ и дали такой отвѣтъ: „Которыхъ людей вы у насъ головами выпрашиваете, тѣхъ не можемъ выдать по старинѣ и пошлинѣ, какъ бывало при прежнихъ господаряхъ,—то люди правые; а что вы князя Ярослава у насъ на столѣ сажаете, то вѣдаетъ государь нашъ князь великій, а мы съ Ярославомъ быть не можемъ, если онъ такъ же будетъ насильничать, какъ и прежде; пошлемъ еще пословъ бить челомъ нашимъ государямъ о старинахъ". Старшему послу, Ивану Товаркову, Псковичи дали 15 рублей, дьяку—5 рублей, младшему послу, Юрію Шестаку, 10 рублей; но Юрій десяти рублей не принялъ. И все это псковское добро ихъ не тронуло, говоритъ лѣтописецъ: пріѣхавши на рубежъ, всѣхъ провожатыхъ ограбили, лошадей и платье отняли, самихъ прибили, да и деньги отняли; давно въ Псковѣ не бывало такихъ пословъ; ничѣмъ ихъ нельзя было удобрить; въ двѣ недѣли стоили они 60 рублей, кромѣ даровъ. Мы видѣли, что Псковичи обѣщали отправить новыхъ пословъ къ Іоанну бить челомъ о сохраненіи старины; великій князь заставилъ этихъ пословъ дожидаться четыре недѣли, и наконецъ далъ такой отвѣтъ: „Если Псковичи на дворъ нашего намѣстника, а своего князя, нападали, то сами изъ старины выступили, а не я, князь великій" Въ февралѣ 1477 года, князь Ярославъ получилъ изъ Москвы грамоту, въ которой приказывалось ему ѣхать туда со всѣмъ дворомъ, а въ Псковѣ не оставлять никого. Псковичи со страхомъ ожидали, что изъ этого будетъ, и хотя такого злосердаго князя у нихъ еще не было, однако высылали ему на всякій станъ кормъ изъ города съ честію; а онъ нарочно на сорока верстахъ ночевалъ пять ночей, чтобы побольше изубытчить Псковскую волость, на послѣднемъ же станѣ схватилъ и отвелъ 18 человѣкъ приставовъ, которые возили къ нему съѣстные припасы и чествовали его. Псковичи впрочемъ боялись напрасно: Іоаннъ собирался въ это время покончить съ Новгородомъ, потому принялъ милостиво псковскихъ пословъ, привезшихъ ему въ даръ 100 рублей, и сказалъ имъ, что пришлетъ во Псковъ своихъ бояръ, которые устроятъ всѣ дѣла; захваченныхъ Ярославомъ людей всѣхъ отпустилъ, а самого Ярослава не пустилъ къ себѣ на глаза во все то время, какъ псковскіе послы были въ Москвѣ. Намѣстникомъ во Псковъ назначенъ былъ князь Василій Ивановичъ Шуйскій.

Въ награду за помощь противъ Новгорода, великій князь прислалъ во Псковъ поклонъ и позолоченный кубокъ; посолъ его, Василій Китай, объявилъ отъ его имени на вѣчѣ: „Я, князь великій, хочу держать васъ, свою отчину, въ старинѣ; а вы бы также слово наше и жалованье держали честно; знайте это и помните". Псковичи отправили къ нему своихъ пословъ бить челомъ за жалованье и за подарокъ, и вмѣстѣ жаловаться на пословъ, что по дорогѣ, по станамъ и по подворью въ городѣ обижаютъ жителей, подарковъ просятъ не по псковской силѣ, съ гнѣвомъ и со враждою, а что

[1]) Сестники.

имъ Псковъ съ челобитьемъ начнетъ на вѣчѣ давать, того не принимаютъ, съ вѣча бѣгаютъ, и въ сердцахъ много причиняютъ христіанамъ убытковъ и истомы. Но великій князь за эту жалобу только разсердился на Псковъ, потому что бояре сказали ему совсѣмъ другое. Псковичи немного выиграли отъ перемѣны намѣстника: Василій Шуйскій, по словамъ лѣтописца, былъ князь невоинственный и грубый, только и зналъ, что пилъ да грабилъ, и много всей землѣ грубости надѣлалъ. Неизвѣстно, какимъ образомъ смѣненъ былъ Шуйскій, и на его мѣсто присланъ опять князь Ярославъ Васильевичъ Оболенскій, при которомъ съ 1483 года начались опять сильныя волненія: Псковичи посѣкли дворы у шести посадниковъ и у многихъ другихъ; въ слѣдующемъ году сельскіе жители, смерды отказались исполнять свои обычныя работы для города. Псковичи посадили троихъ изъ нихъ въ тюрьму, и тогда же закликали посадниковъ и написали на нихъ мертвую грамоту, т.-е. объявили осужденными на смертную казнь, за то, что они вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ написали новую грамоту и положили ее въ ларь, безъ псковскаго вѣдома; одного изъ посадниковъ, Гаврилу, убили на вѣчѣ всѣмъ Псковомъ. Опять, слѣдовательно, Псковичи накликали на себя гнѣвъ великокняжескій, и когда, въ концѣ 1484 года, послы ихъ пріѣхали въ Москву съ челобитьемъ, чтобъ ихъ держали въ старинѣ, то Іоаннъ съ сердцемъ приказалъ смердовъ отпустить, посадниковъ откликать, имѣніе ихъ отпечатать, а у князя Ярослава просить прощенія. „Тогда только можете мнѣ бить челомъ, тогда я о вашемъ добрѣ стану думать“, сказалъ великій князь. Послы возвратились и объявили на вѣчѣ приказъ Іоанновъ; но черные люди не повѣрили, и отправили въ Москву новыхъ пословъ, которые пріѣхали съ прежнимъ отвѣтомъ. Черные люди и этимъ не повѣрили, говоря, что послы согласились объявлять все одно и то же по челобитью посадниковъ, сбѣжавшихъ въ Москву, потворствуютъ имъ; видно, что и во Псковѣ, какъ въ Новгородѣ, было раздѣленіе на двѣ стороны: сторону лучшихъ и сторону меньшихъ людей. Всталъ сильный мятежъ, началась брань между лучшими людьми—посадниками, боярами, житыми и чернью; первые хотѣли исполнить требованіе великаго князя, отпустить смердовъ, откликать посадниковъ, выкинуть изъ ларя мертвую грамоту и бить челомъ князю Ярославу, чтобъ ходатайствовалъ за нихъ въ Москвѣ: боялись они отъ великаго князя казни, потому что безъ повелѣнія предъ его посломъ смерда казнили и посадника Гаврилу убили. Но черные люди молодые говорили имъ: „Мы во всемъ правы, и не погубитъ насъ за это князь великій, а вамъ не вѣримъ, и князю Ярославу не за-что намъ челомъ бить“. Послѣ долгихъ споровъ, отправили въ Москву двоихъ гонцовъ, изъ молодыхъ (незначительныхъ) людей, съ такими рѣчами: „Какъ намъ, господарь, укажешь, и мы все по твоей волѣ сдѣлаемъ съ смердами и посадниками; а потомъ наши большіе послы будутъ съ челобитьемъ“. Все это черные люди сдѣлали наперекоръ посадникамъ и житымъ, послали, не исполнивши ничего, что приказывалъ великій князь. Но двое гонцовъ ихъ были убиты въ Тверской Землѣ разбойниками; тогда, весною 1485 года, Псковичи послали въ Москву посадниковъ и бояръ, на челобитье которыхъ великій князь отвѣчалъ съ большимъ гнѣвомъ: „Если моя вотчина приказъ мой исполнитъ, и потомъ станетъ просить прощенія, то я буду васъ жаловать какъ должно“. На этотъ разъ Псковичи послушались, отпустили смердовъ, мертвую грамоту изъ ларя выкинули, имѣніе и дворы отпечатали. Осенью отправились опять въ Москву посадники и бояре вмѣстѣ съ княземъ Ярославомъ, и повезли 150 рублей; великій князь пожаловалъ, объявилъ имъ, что отчину свою будетъ держать въ старинѣ. Это уже четвертые послы, говоритъ лѣтописецъ, да пятыхъ разбойники тверскіе убили; а все это слали Псковичи по дѣлу о смердахъ, и много убытка потерпѣли, рублей 1,000 издержали, да вся земля мялась два года. Но и этимъ дѣло не кончилось; спустя немного времени, случилось одному священнику разбирать грамоты у наровскихъ смердовъ, и нашелъ онъ ту грамоту, въ которой говорилось, какъ смердамъ изъ вѣковъ-вѣчныхъ князю и Пскову дань давать и всякія работы урочныя отправлять; отъ этой-то грамоты и произошла вся бѣда, потому что смерды, утаивши ее, не пошли на работу; Псковичи не знали, какъ бывало въ старину, а смерды обманули великаго князя, насказали ему все не такъ. Смердъ, увидавши грамоту въ рукахъ священника, вырвалъ ее у него; священникъ объявилъ объ этомъ, и Псковичи посадили смерда подъ стражу; съ тѣхъ поръ начали являться къ посадникамъ и ко всему Пскову изъ города, пригородовъ и волостей челобитчики на самого князя Ярослава и на его намѣстниковъ. Посадники и весь Псковъ набрали безчисленное множество жалобъ, написали грамоты и отправили, лѣтомъ 1486 года, пословъ въ Москву, посадниковъ, бояръ да обиженныхъ, по два человѣка съ пригорода. Послы пріѣхали бить челомъ великому князю и объявили о смердѣ, что грамоту утаилъ: „Мы теперь его подъ стражею держимъ, и какъ намъ, господарь, укажешь?“ Великій князь, взглянувъ на нихъ ярымъ окомъ, сказалъ: „Давно ли я вамъ простилъ за дѣло о смердахъ, а теперь вы опять начинаете?“ и не принялъ ни одной жалобы на Ярослава. Это было послѣднее, занесенное въ лѣтопись посольство изъ Пскова въ Москву по дѣламъ внутренняго управленія [1]).

И Рязань сохранила свою самостоятельность по имени только, потому что на самомъ дѣлѣ безпрекословно подчинялась распоряженіямъ великаго князя Московскаго. Мы видѣли, что это подчиненіе началось еще при Василіи Темномъ, который взялъ къ себѣ на воспитаніе малолѣтняго Рязанскаго князя Василія, а для управленія Рязанью назначилъ

¹) П. С. Р. Л. т. IV, со стр. 222; т. V, со стр. 34.

своихъ намѣстниковъ. Въ 1464 году Іоаннъ III отпустилъ молодаго князя въ Рязань; но Василій скоро возвратился въ Москву для того, чтобъ жениться здѣсь на сестрѣ великокняжеской, Аннѣ. Въ 1483 году онъ умеръ, оставя двоихъ сыновей, Ивана и Ѳеодора, и въ томъ же году первый, какъ великій князь Рязанскій, заключилъ договоръ съ Іоанномъ Московскимъ и его родственниками [1]); великій князь Рязанскій обязывается считать себя младшимъ братомъ Іоанна III и сына его, и приравнивается къ удѣльному московскому князю Андрею Васильевичу; обязывается быть заодно на всѣхъ враговъ Москвы и не сноситься съ лиходѣями ея князя; съ великими князьями литовскими не заключать договоровъ, не ссылаться на лихо Москвѣ, не отдаваться съ землею къ нимъ въ зависимость. Теперь въ договорахъ нашихъ князей, мѣсто ордынскихъ отношеній, заступаютъ отношенія къ служебнымъ татарскимъ царевичамъ, появившимся, какъ мы видѣли, со временъ Темнаго. Великій князь Рязанскій обязывается, по примѣру дѣда и отца, давать извѣстное количество денегъ на содержаніе царевичей, но не долженъ заключать съ ними договоровъ, ссылаться съ ними ко вреду Московскаго князя; долженъ жить съ ними по договору послѣдняго. Слѣдовательно татарскіе царевичи находятся въ службѣ одного Московскаго великаго князя, какъ князя всея Руси; его одного знаютъ, съ нимъ однимъ заключаютъ договоры. Относительно князей мещерскихъ, Рязанскій князь обязывается не только не принимать ихъ къ себѣ, но даже отыскивать ихъ безъ хитрости, если они побѣгутъ отъ Іоанна, и, отыскавши, выдать ему. Въ этомъ договорѣ встрѣчаемъ новое опредѣленіе границъ Московскаго и Рязанскаго княжествъ; какъ трудно было съ точностію опредѣлить границы въ Придонскихъ странахъ,—видно изъ того, что Елецъ объявленъ за Москвою, а мѣста по рѣкѣ Мечѣ—въ общемъ владѣніи [2]).

Мы видѣли, что у великаго князя Рязанскаго, Ивана, былъ младшій братъ, удѣльный князь Ѳедоръ; старшій братъ, по благословенію отцовскому, получилъ Переяславль Рязанскій, Ростиславль и Пронскъ; младшій—Перевитскъ и Старую Рязань. Въ 1496 году оба брата заключили между собою договоръ, изъ котораго мы видимъ, что въ одно и то же время во всѣхъ русскихъ княжествахъ отношенія между князьями опредѣлялись точно такъ-же, какъ и въ Московскомъ княжествѣ. Великій князь Рязанскій, который въ договорѣ съ Іоанномъ III, приравненъ къ удѣльному московскому, въ договорѣ съ своимъ удѣльнымъ, съ своимъ младшимъ братомъ, требуетъ, чтобъ тотъ „его великое княженіе держалъ честно и грозно безъ обиды", а самъ обѣщается: „Мнѣ, великому князю, тебя жаловать и заботиться мнѣ (печаловаться) о тебѣ и о твоей отчинѣ. И тебѣ подо мною великаго княженія не хотѣть, ни твоимъ дѣтямъ подъ моими дѣтьми". Доказательствомъ, какъ ослабѣли родовыя понятія и какъ, наоборотъ, усилились понятія объ отдѣльной собственности, о произволѣ владѣльца распоряжаться своею собственностію,—служитъ то, что рязанскіе князья считаютъ необходимымъ внести въ свой договоръ слѣдующее условіе: „Не будетъ у меня дѣтей, и мнѣ, великому князю, великимъ княженіемъ благословить тебя, своего брата; а не будетъ у тебя дѣтей, и тебѣ, моему брату, своей отчины не отдать никакою хитростью мимо меня, великаго князя" [3]). Въ условіи не было сказано, чтобъ Ѳедору не отдавать своей отчины мимо дѣтей старшаго брата, и Ѳедоръ, переживши послѣдняго и умирая бездѣтнымъ, счелъ себя въ правѣ отказать свой удѣлъ, мимо племянника, великому князю Московскому [4]). Старшій братъ, великій князь Иванъ, умеръ въ 1500 году, оставя пятилѣтняго сына, именемъ также Ивана, подъ опекою матери и бабки. Каковы были тогдашнія отношенія Рязани къ Москвѣ въ это время,—видно изъ слѣдующаго наказа, даннаго Іоанномъ III Якову Телешову, который провожалъ чрезъ Рязанскія владѣнія кафинскаго посла. Телешовъ долженъ былъ поклониться великой княгинѣ Рязанской Агриппинѣ и сказать ей отъ великаго князя Московскаго: „Твоимъ людямъ служивымъ, боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и сельскимъ быть всѣмъ на моей службѣ; а торговымъ людямъ, лучшимъ, среднимъ и чернымъ, быть у тебя въ городѣ; если же кто ослушается и пойдетъ на Донъ, такихъ ты велѣла бы казнить, а не станешь казнить, такъ я велю ихъ казнить и продавать" [5]).

Рязань, т. е. волости Переяславская, Ростиславльская и Пронская, благодаря родственнымъ связямъ, малолѣтству князей и опекѣ княгинь, безпрекословно исполнявшихъ приказы изъ Москвы, не были еще присоединены къ Московскому княжеству при Іоаннѣ III, который удовольствовался только присоединеніемъ Перевитска и Старой Рязани. Но въ другомъ положеніи находилась Тверь: здѣсь былъ князь взрослый, привыкшій къ самостоятельности, ибо послѣ Димитрія Донскаго Тверскіе князья постоянно сохраняли равенство положенія съ Московскимъ; мы видѣли, въ какихъ тѣсныхъ родственныхъ связяхъ находился Іоаннъ III съ Тверскими князьями. Въ началѣ своего правленія, онъ заклю-

[1]) С. г. г. и д. I, № 115 и 116.

[2]) «А что купля отця нашего за рѣкою за Окою Тешиловъ и Веневъ и Растовецъ и иная мѣста, и тѣмъ нашимъ (Московскимъ) землямъ съ твоею землею рубежь отъ Оки съ усть Смѣдвы въ верхъ по Смѣдвѣ до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченскаго, а отъ верховья Песоченки чрезъ лѣсъ прямо къ Осетру къ усть Кудеснѣ, а Кудесною въ верхъ до верховья, а отъ верховіа Кудесны прямо въ верхъ Табаломъ, а по Табаломъ на низъ въ Донъ. А что за Дономъ твое В. Князя Иваново Романцово съ уѣздомъ, и что къ нему потягло, и намъ В. К. въ то не вступатися; а тебѣ не вступатися въ нашу отчину въ Елечь и во вся Елецкая мѣста, а Меча намъ вѣдати вопче».

[3]) С. г. г. и д. № 127.

[4]) Тамъ же, № 144.

[5]) Крымск. дѣла въ Московск. Архив. Мин. Ин. Д. № II, стр. 918.

чилъ договоръ съ шуриномъ своимъ, княземъ Михаиломъ Борисовичемъ Тверскимъ, и въ этомъ договорѣ нѣтъ ничего особеннаго противъ прежнихъ [1]): подобно отцу своему, Михаилъ обязался быть на Орду, Нѣмцевъ, Поляковъ и Литву заодно съ Московскимъ княземъ: мы видѣли, что онъ ревностно помогалъ ему даже и противъ Новгорода, несмотря на то, что еще подъ 1476 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе объ отъѣздѣ изъ Твери въ Москву цѣлой толпы бояръ и дѣтей боярскихъ [2]); конечно, по договору, они имѣли право отъѣхать, но все же этого явленія, занесеннаго по своей важности въ лѣтопись, мы не должны оставлять безъ вниманія. Какъ бы то ни было, разрыва между Москвою и Тверью не видимъ до конца 1484 года; въ это время въ Москвѣ узнали, что Тверской князь началъ держать дружбу съ Казиміромъ Литовскимъ и женился на внукѣ послѣдняго [3]). Договоръ, заключенный между Михаиломъ и Казиміромъ, дошелъ до насъ [4]); въ немъ говорится, что Казиміръ будетъ помогать Михаилу вездѣ, гдѣ тому понадобится, а Михаилъ обязывается, гдѣ будетъ близко, самъ идти со всею силою на помощь королю, и стоять съ нимъ заодно противъ всѣхъ сторонъ, не исключая ни одной. Эти обязательства были явнымъ нарушеніемъ обязательствъ, заключенныхъ съ Московскимъ княземъ, и потому послѣдній объявилъ Михаилу войну. Москвичи поплѣнили Тверскую область, взяли и сожгли города; Тверь не могла воевать одна съ Москвою и при Димитріи Донскомъ; понятно, почему она не могла выставить ей сопротивленія при Іоаннѣ III-мъ; литовская помощь не являлась, и Михаилъ принужденъ былъ отправить въ Москву епископа съ боярами бить челомъ о мирѣ; Іоаннъ далъ миръ, потому что не любилъ ничего дѣлать съ одного раза, а приготовлялъ вѣрный успѣхъ исподоволь. Новый договоръ, заключенный между двумя великими князьями, сильно розднился отъ прежняго [5]); въ немъ Михаилъ, подобно Рязанскому князю, обязался: имѣть Московскаго князя и сына его старшими братьями, и приравнивался къ удѣльному Андрею Васильевичу; обязался сложить крестное цѣлованіе къ Казиміру торжественно передъ посломъ московскимъ, впередъ ни съ Казиміромъ и ни съ кѣмъ изъ его преемниковъ не заключать мира и союза, не отправлять къ нимъ пословъ безъ вѣдома и думы князей московскихъ; если великій князь Литовскій пришлетъ съ чѣмъ-нибудь къ Тверскому, то послѣдній обязанъ дать знать объ этомъ въ Москву, обязанъ быть всегда на Литовскаго князя заодно съ Московскимъ; наконецъ Іоаннъ вытребовалъ у Михаила слѣдующее обязательство: „Если тебѣ надобно будетъ отправить пословъ въ Орду, то послать тебѣ туда по думѣ съ нами, великими князьями; а безъ нашей думы тебѣ въ Орду не посылать“.

Нарушеніе перваго договора и обнаруженіе безпомощной слабости при заключеніи втораго не могли заставить побѣдителя уважать права побѣжденнаго, если мы даже и не предположимъ въ Іоаннѣ обдуманнаго намѣренія мало-по-малу обезсилить Тверь и привести ее къ необходимости покориться. Въ тотъ же годъ (1485), говоритъ лѣтописецъ [6]), пріѣхали изъ Твери служить великому князю Московскому князь Андрей Микулинскій и князь Осипъ Дорогобужскій. Микулинскому Іоаннъ далъ Дмитровъ, а Дорогобужскому—Ярославль. Тогда же пріѣхали и бояре тверскіе служить къ великому князю на Москву, не могши сносить обидъ отъ него, потому что много было обидъ имъ отъ великаго князя, отъ бояръ его и дѣтей боярскихъ при спорахъ о земляхъ; если тамъ, гдѣ межи сошлись съ межами, обидятъ московскія дѣти боярскія, то пропало; а если Тверичи обидятъ, то князь великій съ бранью и угрозами посылаетъ къ Тверскому, отвѣтамъ его вѣры не даетъ, суду быть не позволяетъ. Въ такихъ обстоятельствахъ Михаилъ опять завелъ сношенія съ Литвою; но гонецъ его былъ перехваченъ, грамота доставлена въ Москву, откуда скоро пришли въ Тверь грозныя, укорительныя рѣчи. Испуганный Михаилъ отправилъ владыку бить челомъ Іоанну, но тотъ не принялъ челобитья; пріѣхалъ князь Михаилъ Холмской съ челобитьемъ; этого Іоаннъ не пустилъ и на глаза, и сталъ собирать войско. Въ августѣ выступилъ онъ на Тверь съ сыномъ Іоанномъ, съ братьями Андреемъ и Борисомъ, съ княземъ Ѳедоромъ Бѣльскимъ, съ итальянскимъ мастеромъ Аристотелемъ, съ пушками, тюфяками и пищалями. 8 сентября московское войско обступило Тверь. 10-го—зажжены посады, 11-го—пріѣхали изъ Твери къ великому князю въ станъ князья и бояре тверскіе, крамольники, какъ выражается лѣтописецъ, и били челомъ въ службу; Михаилъ Борисовичъ ночью убѣжалъ въ Литву, видя свое изнеможеніе, а Тверь присягнула Іоанну, который посадилъ въ ней сына своего. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прямо сказано, что Іоаннъ взялъ Тверь измѣною боярскою [7]); въ другихъ же находимъ извѣстіе, что главнымъ крамольникомъ былъ князь Михаилъ Холмской, котораго послѣ Іоаннъ сослалъ въ заточеніе въ Вологду за то, что, поцѣловавши крестъ своему князю Михаилу, Холмской отступилъ отъ него: „Нехорошо вѣрить тому, кто Богу лжетъ“, сказалъ Іоаннъ при этомъ случаѣ. Изъ семейства великокняжескаго взята была въ Твери мать Михаилова, у которой Іоаннъ допытывался, гдѣ казна сына ея; старая княгиня отвѣчала, что Михаилъ увезъ все съ собою въ Литву, но послѣ служившія у нея женщины донесли, что она хочетъ отослать казну къ сыну, и дѣйствительно нашли у нея много дорогихъ вещей, золота и се-

[1]) С. г. г. и д. I, № 88.
[2]) Никон. VI, 69.
[3]) П. С. Р. Л. V, 43, VI, 236.
[4]) Акты, относящ. къ Исторіи Западной Россіи, I, № 79.
[5]) С. г. г. и д. I, № 119.

[6]) П. С. Р. Л. VI, 237.
[7]) Супрасльск. рукоп., стр. 135.

ребра, за что великій князь заточилъ ее въ Переяславль [1]). О дальнѣйшей судьбѣ князя Михаила мы знаемъ, что онъ сначала оставался въ Литвѣ не болѣе года, и куда-то уѣзжалъ; въ сентябрѣ 1486 года посолъ Казимировъ говорилъ Іоанну: „Тебѣ хорошо извѣстно, что союзникъ нашъ, великій князь Михаилъ Борисовичъ Тверской, пріѣхалъ къ намъ, и мы его приняли. Билъ онъ челомъ, чтобъ мы ему помогли; мы хотѣли, чтобъ онъ возвратилъ себѣ отчину безъ кровопролитія, для чего и отправляли къ тебѣ посла, какъ самъ знаешь; но, посмотрѣвши въ договоръ, заключенный нами съ отцомъ твоимъ, мы ему на васъ помощи не дали, въ хлѣбѣ же и соли — не отказали: жилъ онъ у насъ до тѣхъ поръ, пока самъ хотѣлъ, и какъ въ нашу Землю добровольно пріѣхалъ, такъ добровольно же мы его и отпустили." Но потомъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, видимъ опять Михаила въ Краковѣ [2]); въ 1505 году, при пожалованіи князю Василію Львовичу Глинскому имѣнія Лососиной, въ Слонимскомъ повѣтѣ, говорится, что это имѣніе вмѣстѣ съ двумя другими селами—Белавичами и Гощовымъ—находилось прежде во владѣніи князя Михаила Борисовича Тверскаго; знаемъ также, что Михаилъ владѣлъ еще имѣніемъ Печи-Хвосты на Волыни, въ Луцкомъ повѣтѣ [5]). Въ Несвижскомъ замкѣ показываютъ портретъ молодой женщины въ русскомъ платьи; преданіе говоритъ, что это дочь изгнанника князя Тверскаго, вышедшая замужъ за одного изъ Радзивиловъ [6]).

Кромѣ Твери, при Іоаннѣ III окончательно были присоедины княжества Ярославское и Ростовское: въ 1463 году ярославскіе князья, сохранявшіе до сихъ поръ права владѣтельныхъ, уступили свою отчину великому князю Московскому; это дѣло уладилъ московскій дьякъ Алексѣй Полуехтовичъ; въ 1474 году два ростовскіе князя продали Іоанну III и остальную половину своего города [7]).

Глава II.

Софія Палеологъ.

Присоединеніе удѣла Верейскаго къ Москвѣ.—Отношеніе Іоанна III къ роднымъ братьямъ.—Второй бракъ Іоанна на Софіи Палеологъ.—Значеніе Софіи.—Борьба между сыномъ и внукомъ Іоанновыми.—Судьба главныхъ вельможъ.

Мы видѣли, что одинъ только Михаилъ Андреевичъ Верейскій успѣлъ сохранить свой удѣлъ при Василіи Темномъ. Въ началѣ княженія своего, Іоаннъ III возобновилъ съ нимъ договоръ на прежнихъ основаніяхъ [3]); но въ 1465 году видимъ уже другой договоръ, по которому Михаилъ долженъ былъ возвратить великому князю нѣсколько волостей, пожалованіе Темнаго [4]). И этимъ не удовольствовались: въ томъ же году встрѣчаемъ еще договоръ, въ которомъ Верейскій князь обязывается считать себя моложе всѣхъ братьевъ великокняжескихъ, даже самыхъ младшихъ. Въ 1482 году новый договоръ: Верейскій князь уступаетъ по смерти своей великому князю свою отчину, Бѣлоозеро. На всѣ эти требованія Михаилъ соглашался, и не давалъ никакого предлога къ присоединенію Верейскаго удѣла. Скоро однако предлогъ отыскался, не со стороны самого Михаила, но со стороны сына его, Василія. Этотъ Василій былъ женатъ на Греческой княжнѣ, племянницѣ великой княгини Софіи. Софья дала въ приданое за нею вещи, принадлежавшія первой женѣ Іоанна III, Маріи Тверской; великій князь, по случаю рожденія внука Димитрія, хотѣлъ подарить этими вещами невѣстку Елену, и, узнавъ, что онѣ переданы Верейскому князю, послалъ забрать у него все женино приданое, причемъ грозился посадить его въ заключеніе вмѣстѣ съ женою. Василій, оскорбленный и напуганный, уѣхалъ въ Литву. Тогда Іоаннъ отобралъ у старика Михаила отчину его Верею за вину сына и, въ видѣ уже пожалованія, отдалъ ее опять, обязавъ Михаила слѣдующимъ договоромъ: „Съ сыномъ своимъ, княземъ Василіемъ, не ссылаться тебѣ никакою хитростію; если пришлетъ къ тебѣ онъ съ какими рѣчами, объявить ихъ мнѣ въ правду по крестному цѣлованію, да выдать мнѣ и того человѣка, кого пришлетъ. Что я, князь великій, пожаловалъ тебя своею отчиною Вереею, которую взялъ за вину у сына твоего, то держать тебѣ ее за собою до самой смерти; а послѣ твоей смерти эта отчина отходитъ ко мнѣ; мнѣ же, великому князю, и моему сыну, которому дамъ эту твою отчину,—поминать намъ твою душу".

Въ 1485 году умеръ несчастный старикъ Михаилъ Верейскій; въ своей духовной онъ говоритъ: „Что моя отчина, чѣмъ меня благословилъ отецъ мой, и я благословилъ, далъ эту свою отчину господину и государю великому князю Ивану Ва-

[1]) Чтенія Москов. Истор. Общ. 847, № 4.

[2]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, № 89.

[3]) С. г. г. и д. I, № 90.

[4]) Тамъ же, № 92. Эти волости были: Вышгородъ, Плѣснь, Смоляныя Сохна, Зарыдалье, Херемъ, Торусицкіе бортники.

[5]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, № 218; т. II, № 35.

[6]) Шпилевскаго—Путешествіе по Полѣсью; Современ. 1853 г., № 8.

[7]) Архангел. лѣтоп., стр. 166; лѣтоп., служащ. продолж. Нестору, стр. 284.

сильевичу всея Руси". Здѣсь въ первый разъ удѣльный князь называетъ великаго государемъ. Не смѣя думать о сынѣ, не смѣя отказать волостей замужней дочери, несчастный Михаилъ умоляетъ въ духовной: „Чтобы господинъ мой князь великій пожаловалъ, послѣ моей смерти судовъ моихъ не посудилъ. А что мои люди, кого я пожаловалъ жалованьемъ и деревнями, и государь бы мой князь великій послѣ моей смерти жалованья моего не порушилъ, чтобы мои люди послѣ меня не заплакали, и меня бы государь мой князь великій во всемъ томъ не положилъ, потому что тебѣ, государю моему великому князю, приказано душу поминать и долги платить".

Когда дѣло было кончено, Верейскій удѣлъ присоединенъ къ Москвѣ; великій князь позволилъ себѣ склониться на просьбы жены и сына, и согласился принять бѣжавшаго Василія Михайловича опять въ Московское государство, но только на службу, въ качествѣ служебнаго князя,—не болѣе. Сынъ великаго князя, Василій, писалъ къ изгнаннику въ 1493 году, что: „Отецъ нашъ, князь великій, тебя жалуетъ, хочетъ твоей службы; и ты бы къ отцу нашему поѣхалъ". Василій не поѣхалъ на такой зовъ, но, какъ видно, послалъ новую просьбу, выговаривая себѣ какое-то пожалованіе и обѣщаясь отдать все, что было дано его женѣ изъ казны великокняжеской; въ 1495 году отправился въ Литву Грекъ Петръ, который долженъ былъ сказать Василію отъ имени великаго князя: „Присылалъ ты и твоя княгиня къ моей великой княгинѣ, къ моимъ дѣтямъ и къ моимъ боярамъ бить челомъ, чтобы мнѣ тебя пожаловать, нелюбье съ сердца сложить, и къ себѣ тебя принять, а вы хотите отдать намъ нашу казну, что у твоей княгини; такъ ты бы прислалъ ко мнѣ списокъ вещамъ, которыя намъ теперь хочешь отдать, и мы, посмотря по вашему исправленію, и жаловать васъ хотимъ". Чѣмъ дѣло кончилось,—неизвѣстно [1]).

Но извѣстна намъ судьба родныхъ братьевъ Іоанна III. Онъ жилъ съ ними въ мирѣ до 1472 года, когда умеръ старшій изъ нихъ, Юрій, князь Дмитровскій, бездѣтнымъ; въ духовной онъ приказываетъ душу господарынѣ матери своей великой княгинѣ, да господину своему великому князю; онъ дѣлитъ по родственникамъ, церквамъ, монастырямъ села, движимое имущество, совершенно какъ частный человѣкъ, не говоря ничего объ удѣлѣ своемъ—Дмитровѣ, Можайскѣ, Серпуховѣ [2]). Причина такого молчанія понятна: благословить поровну всѣхъ братьевъ—значило разгнѣвать великаго князя; отказать все великому князю—значило обидѣть остальныхъ братьевъ,—и Юрій промолчалъ. Великій князь взялъ удѣлъ себѣ; братья разсердились [3]); на этотъ разъ дѣло кончилось однако перемиріемъ: Іоаннъ отдалъ Борису Вышгородъ, взятый передъ тѣмъ у Михаила Верейскаго, и Шопкову слободу; Андрею Меньшому Вологодскому далъ Торусу; одному Андрею Большому не далъ ничего самъ; уже мать его, Марія, очень любившая Андрея, дала ему свою куплю, Романовъ, городокъ на Волгѣ. Послѣ этого съ двумя братьями—Андреемъ Углицкимъ и Борисомъ Волоцкимъ—заключены были договоры [4]), въ которыхъ они обязались имѣть не только самого Іоанна III, но и сына его, Іоанна Молодаго,—старшими братьями, держать Іоанна Молодаго такъ-же, какъ и отца его, по смерти послѣдняго; не искать великаго княженія ни подъ кѣмъ изъ дѣтей Іоанна III; татарскаго царевича Даніара, или какой другой царевичъ будетъ на его мѣстѣ, удѣльные князья обязываются содержать заодно съ великимъ, и если послѣдній захочетъ принять другого царевича въ свою землю для своего и христіанскаго дѣла, то удѣльные обязаны содержать и этого царевича; наконецъ оба младшіе брата обязались не думать о выморочномъ удѣлѣ Юрія. Понятно, что эта сдѣлка была не въ пользу удѣльныхъ; выморочная волость осталась за великимъ княземъ; они лишались своего права, подтвердивъ клятвою обязательство не вступаться въ нее, и такимъ образомъ давали старшему брату право на всѣ выморочныя области, какія будутъ впередъ, ибо въ договорахъ не сказано, что младшіе братья получили извѣстныя волости вмѣсто волостей Юріевыхъ, да и сами послѣ, какъ увидимъ, объявили, что обижены великимъ княземъ, который не подѣлился съ ними удѣломъ Юрія.

Такъ нарушено было одно право, которое считали за собою удѣльные; скоро нарушено было и другое. Право бояръ, дѣтей боярскихъ и слугъ вольныхъ отъѣзжать отъ одного князя къ другому подтверждалось еще во всѣхъ договорахъ между князьями; но оно могло оставаться ненарушимымъ только тогда, когда существовало нѣсколько болѣе или менѣе независимыхъ княжествъ; когда же всѣ княжества поникли предъ Московскимъ, то переходъ бояръ могъ продолжаться только изъ первыхъ въ послѣднее. Какимъ образомъ младшій братъ, удѣльный, подчиненный князь могъ принять къ себѣ боярина, навлекшаго гнѣвъ великаго князя, сохраняя по-прежнему свои родственныя отношенія, не возбуждая опасной вражды могущественнаго старшаго брата? Опираясь на это несвоевременное уже теперь право, Андрей Углицкій и Борисъ Волоцкій снова вооружились противъ Іоанна III. Въ 1479 году великій князь отнялъ Великолуцкое намѣстничество у князя Ивана Оболенскаго-Лыка, по жалобѣ жителей, обвинявшихъ его въ притѣсненіяхъ; когда Іоаннъ привелъ окончательно Новгородъ въ свою волю, то Лыко наѣхалъ на Луки и Ржеву, началъ судить и рядить, брать пошлины и грабить,—что хотѣлъ, то дѣ-

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 335. С. г. г. и д. I, № 93, 113, 118, 121, 122; II, № 22; Польскія дѣла въ Москв. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ № 1, стр. 520.

[2]) С. г. г. и д. I, № 96.

[3]) Лѣтоп., служ. продолж. Нестор., стр. 284.

[4]) С. г. г. и д. I, № 97 и 99.

лалъ; владыкѣ Новгородскому и боярамъ не далъ брать пошлинъ, все бралъ на себя; слуги его дѣлали то же самое, и жители отъ такихъ грабежей разбѣжались по заграничью [1]). Іоаннъ нарядилъ судъ, и Оболенскій долженъ былъ выплатить гражданамъ все, что взялъ у нихъ неправдою, а иное что великій князь и безъ суда велѣлъ ему платить; Лучане обрадовались, видя, что великій князь взялъ ихъ сторону, и стали уже прилыгать: гдѣ Оболенскій взялъ мало,—тамъ они показывали много [2]); Лыко вышелъ изъ терпѣнія и отъѣхалъ отъ великаго князя къ брату его, Борису Волоцкому. Тогда Іоаннъ рѣшился впервые торжественно нарушить старинное право отъѣзда: онъ послалъ на Волокъ одного изъ своихъ слугъ съ приказомъ схватить Оболенскаго среди двора княжескаго, но Борисъ не допустилъ до этого; Іоаннъ вторично послалъ къ брату съ требованіемъ выдачи отъѣзжика головою Борисъ отвѣчалъ, что не выдастъ, а кому до Оболенскаго дѣло, тому на него судъ да исправа. Между тѣмъ Іоаннъ услыхалъ о смутѣ въ Новгородѣ и поспѣшилъ туда; по нѣкоторымъ извѣстіямъ, изъ Новгорода уже онъ прислалъ приказъ Боровскому намѣстнику своему, Образцу, схватить тайно князя Ивана Лыка, гдѣ его ни отыщетъ, потому что село у него было въ Боровской волости; дѣйствительно Образецъ нашелъ его въ этомъ селѣ, нечаянно напалъ на него, схватилъ и, въ оковахъ, отвезъ въ Москву. Князь Борисъ Васильевичъ, услыхавъ объ этомъ, послалъ къ брату Андрею Углицкому съ жалобою на старшаго брата: „Вотъ какъ онъ съ нами поступаетъ; нельзя уже никому отъѣхать къ намъ! мы ему все молчали: братъ Юрій умеръ—князю великому вся отчина его досталась, а намъ подѣла не далъ изъ нея; Новгородъ Великій съ нами взялъ — ему все досталось, а намъ жребія не далъ изъ него; теперь, кто отъѣдетъ отъ него къ намъ, беретъ безъ суда, считаетъ братью свою ниже бояръ, а духовную отца своего забылъ, какъ въ ней приказано намъ жить; забылъ и договоры, заключенные съ нами послѣ смерти отцовской“. Братья посовѣтовались, и рѣшили защищать свои права вооруженною рукою.

Но мы видѣли по другимъ извѣстіямъ, что Андрей и Борисъ находились въ тайныхъ сношеніяхъ съ Новгородцами, замышлявшими возстаніе, что не могло быть послѣ выступленія Іоанна въ Новгородъ; слѣдовательно, принимая это извѣстіе, мы не можемъ согласиться, чтобъ Іоаннъ послалъ уже изъ Новгорода грамоту къ Образцу съ приказомъ схватить Оболенскаго, и что, вслѣдствіе этого поступка, оба брата переслались и вооружились противъ великаго князя. Или сношенія удѣльныхъ князей, вообще недовольныхъ старшимъ братомъ и преимущественно раздраженныхъ попыткою Іоанна схватить Оболенскаго среди двора Борисова и потомъ требованіемъ его выдачи,—или эти сношенія происходили гораздо прежде и были въ связи съ приготовленіемъ всеобщаго движенія противъ Москвы и со стороны Литвы, и со стороны Татаръ, и захваченіе Оболенскаго Образцомъ по приказу отъ великаго князя изъ Новгорода служило для удѣльныхъ только окончательнымъ побужденіемъ и предлогомъ къ начатію непріязненныхъ движеній, причемъ очень можетъ быть, что приказъ объ этомъ захваченіи былъ присланъ Іоанномъ изъ Новгорода уже тогда, когда онъ узналъ о сношеніяхъ братьевъ съ возставшими Новгородцами, — или, если мы примемъ, что окончательное захваченіе Оболенскаго только заставило впервые удѣльныхъ князей вооружиться противъ старшаго брата, и если при этомъ мы захотимъ держаться также извѣстія о сношеніяхъ ихъ съ Новгородцами, то должны будемъ предположить, что приказъ о захваченіи Оболенскаго былъ данъ не изъ Новгорода, но предъ отправленіемъ великаго князя туда [3]). Какъ бы то ни было, великій князь, узнавши въ началѣ 1480 года о непріязненныхъ движеніяхъ братьевъ, поспѣшилъ изъ Новгорода въ Москву. Пріѣздъ его очень обрадовалъ жителей, потому что сильный страхъ напалъ на всѣхъ, когда узнали о приготовленіи удѣльныхъ къ усобицѣ; всѣ города были въ осадахъ, и многіе люди, бѣгая по лѣсамъ, мерзли отъ стужи. Между тѣмъ князь Борисъ Васильевичъ выѣхалъ изъ Волока къ брату Андрею въ Угличъ, и отсюда вмѣстѣ двинулись ко Ржеву, черезъ Тверскую область. Великій князь послалъ къ нимъ туда боярина уговаривать ихъ не начинать усобицы; но братья не послушались и вышли изо Ржева съ княгинями, дѣтьми, боярами, лучшими дѣтьми боярскими, направляя путь вверхъ по Волгѣ къ новгородскимъ волостямъ: всего народу около нихъ было тысячъ двадцать. Великій князь опять послалъ уговаривать ихъ, на этотъ разъ уже духовное лицо,—извѣстнаго своею начитанностію, краснорѣчіемъ и энергіею владыку Вассіана Ростовскаго; Вассіанъ уже нашелъ князей въ новгородскихъ волостяхъ, въ Молвятицкомъ погостѣ, на рѣкѣ Полѣ, въ 180 верстахъ отъ Новгорода. Владыкѣ удалось уговорить ихъ послать къ великому князю бояръ своихъ для переговоровъ, и они отправили въ Москву двоихъ князей Оболенскихъ, послѣ чего, неизвѣстно по какой причинѣ, перемѣнили путь, пошли къ литовскому рубежу и остановились въ Лукахъ; тяжело было жителямъ тѣхъ областей, по которымъ двигались ихъ толпы; многіе плакали и рыдали, потому что всѣ волости лежали пусты, ратники княжескіе вездѣ

---

1) Акты, относящ. къ истор. Запад. Рос. I, 71.

2) П. С. Р. Л. VI, 222.

3) На это мнѣніе можетъ навести мѣсто лѣтописи П. С. Р. Л. 222, нѣсколько сбивчивое: «И князь велики ѣхалъ въ Новгородъ коли владыку поималъ, и посла изъ Новагорода грамоту въ Боровескъ въ намѣстнику къ Василію къ Ѳеодоровичю Образцу, и повелѣ тайно изымати князя Ивана Лыка; таможе князь велики въ Новгородѣ и Василей изъѣха князя Ивана». – Между выраженіями: «Таможе князь велики въ Новѣгородѣ» — и: «И Василей изъѣха князя Ивана» — мы видимъ пропускъ важнаго извѣстія.

грабили и плѣнили, только мечами не сѣкли. Ставши на Лукахъ, Андрей и Борисъ послали къ королю бить челомъ, чтобъ ихъ управилъ въ обидахъ съ великимъ княземъ и помогалъ; но Казимиръ отказалъ въ помощи, только женамъ ихъ далъ Витебскъ на прожитіе. Между тѣмъ, въ Москвѣ шли переговоры: великій князь очень досадовалъ на мать, думая, что она заодно съ младшими сыновьями, по сильной привязанности своей къ князю Андрею Васильевичу; нужно было прежде отвлечь отъ возстанія этого любимца старой великой княгини, и вотъ Іоаннъ опять отправилъ къ братьямъ Вассіана съ двумя боярами сказать имъ: „Ступайте назадъ въ свою отчину, а я васъ во всемъ хочу жаловать"; но Андрею послы должны были предложить отдѣльно Калугу и Алексинъ; Андрей не согласился. Скоро однако бездѣйствіе Казимира и возвращеніе татарскаго отряда отъ русскихъ границъ безъ важныхъ дѣйствій побудили князей снова начать переговоры съ старшимъ братомъ; они послали къ нему дьяковъ своихъ, мать также стала просить за нихъ Іоанна; но теперь уже онъ отвергъ ихъ просьбы.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Псковичи, притѣсненные Нѣмцами и не видя помощи съ востока, гдѣ великій князь былъ занятъ ближайшими дѣлами, послали въ Луки къ князьямъ Андрею и Борису, чтобъ оборонили городъ Псковъ. Третьяго сентября пріѣхали князья въ Псковъ и пробыли здѣсь десять дней. Долго упрашивали ихъ Псковичи, чтобъ отомстили поганымъ Нѣмцамъ за кровь христіанскую, но князья отвѣчали: „Какъ намъ пойти съ вами въ землю иновѣрную, когда у насъ самихъ жены, дѣти, имѣніе покинуты въ чужой землѣ? Если согласитесь, чтобъ наши жены жили здѣсь у васъ, то мы ради оборонять вашъ городъ". Псковичи были въ большой печали, не зная что дѣлать: боялись они великаго князя, потому что кто хранитъ царскаго врага, тотъ врагъ царю; такъ и эти, хотя братья ему, но супостаты. Долго думавши такимъ образомъ, Псковичи наконецъ отказались принять женъ Андрея и Бориса; „Сами господари, великіе князья, знаете, сказали они имъ: не можетъ одинъ рабъ двумъ господарямъ работать, по евангельскому слову; такъ и мы—не хотимъ двоимъ работать, но хотимъ одного господаря держаться, великаго князя Ивана Васильевича, старшаго брата вашего; а вамъ челомъ бьемъ: сами о своемъ добрѣ и о нашемъ думайте, какъ бы нашему городу до конца не погибнуть". Князья разсердились, выѣхали изъ Пскова, и, ставши на Мелетовѣ, распустили людей своихъ воевать по всѣмъ псковскимъ волостямъ, и тѣ повоевали все, какъ невѣрные: домы Божіи пограбили, женъ и дѣвицъ посквернили и поплѣнили, въ дворахъ не оставили ни цыпленка, только огнемъ не жгли да оружіемъ не сѣкли, потому что никто имъ не противился. Псковичи, послѣ долгихъ просьбъ, дали имъ 200 рублей, да съ околицъ 15, чтобъ только вышли отъ нихъ въ Новгородскую Землю.

Между тѣмъ въ Москвѣ обстоятельства перемѣнились; нашествіе хана Золотой Орды Ахмата навело большой страхъ на великаго князя, и младшіе братья, воспользовавшись случаемъ, прислали сказать ему: „Если исправишься къ намъ, притѣснять насъ больше не будешь, а станешь держать насъ, какъ братьевъ, то мы придемъ къ тебѣ на помощь". Іоаннъ обѣщалъ исполнить всѣ ихъ требованія, и братья явились къ нему съ войсками на Угру, гдѣ онъ стоялъ противъ Татаръ. Андрей получилъ Можайскъ, т. е. значительную часть выморочнаго удѣла Юріева; Борису даны были села, бывшія прежде за Василіемъ Ярославичемъ Серпуховскимъ. Великой княгинѣ-матери, митрополиту Геронтію, владыкамъ—Вассіану Ростовскому и Филоѳею Пермскому, Троицкому игумену Паисію и князю Михаилу Андреевичу Верейскому приписывается примиреніе братьевъ [1]).

Въ ноябрѣ 1480 ушелъ Ахматъ; въ февралѣ 1481 Іоаннъ заключилъ договоръ съ братомъ Андремъ Большимъ на прежнихъ условіяхъ; о Можайскѣ говорится, что великій князь пожаловалъ его Андрею съ волостями и селами, въ отчину и удѣлъ, кромѣ тѣхъ селъ и деревень, которыя уже розданы боярамъ и дѣтямъ боярскимъ; впрочемъ Андрей удерживаетъ право суда и дани па этихъ селахъ по землѣ. Любопытна также новая форма стараго условія объ отношеніяхъ татарскихъ: „Орды вѣдѣть и знать намъ, великимъ князьямъ, а тебѣ Орды не знать; а если я въ Орды не дамъ, и мнѣ у тебѣ не взять". Вмѣсто единственнаго „Орда", теперь уже является множественное „Орды". Тогда же заключенъ договоръ и съ Борисомъ Волоцкимъ на тѣхъ же условіяхъ; только въ этомъ договорѣ не упоминается ни слова ни о какихъ новыхъ пожалованіяхъ великаго князя, даже и о селахъ, о которыхъ говоритъ лѣтопись [2]). Прежде, слыша о негодованіи братьевъ, Іоаннъ далъ волости Борису и Андрею Меньшому, не давши ничего Андрею Большому, теперь же даетъ Можайскъ послѣднему, не давая ничего Борису; братья были опасны въ союзѣ другъ съ другомъ; когда же одинъ, удовольствованный, отставалъ отъ союза, то другой одинъ переставалъ быть опаснымъ, и потому не нужно было тратить для него волостей. Но легко понять также, былъ ли Іоаннъ благодаренъ Андрею за то, что послѣдній, воспользовавшись тяжелыми обстоятельствами, успѣлъ получить отъ него часть удѣла Юріева.

Чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ умеръ бездѣтнымъ четвертый братъ, Андрей Меньшой, остававшійся на сторонѣ старшаго брата, во время возстанія среднихъ; задолжавъ великому князю 30,000 рублей за ордынскіе выходы, Андрей отказалъ ему весь свой удѣлъ, остальнымъ же двумъ братьямъ далъ только по селу [3]). На этотъ разъ Андрей

---

[1]) Никон. VI, 112; П. С. Р. Л. VI, 20, 224, 231, 232; Архангел. 186, 187.

[2]) С. г. г. и д. I, № 106 и 110.

[3]) Тамъ же, № 112.

Большой и Борисъ не могли выставить никакихъ требованій; завѣщаніе собственника должно было имѣть полную силу.

Гораздо больше вліянія на отношенія между старшимъ и младшими братьями имѣла смерть матери ихъ, послѣдовавшая въ 1484 году, ибо этимъ событіемъ разрывался самый крѣпкій узелъ между князьями: мы знаемъ, какую сильную защитницу имѣлъ Андрей Большой въ матери, горячо его любившей. Въ 1486 году великій князь уже счелъ нужнымъ заключить съ братьями новые договоры, въ которыхъ они обязались не вступаться въ принадлежавшія великому князю волости умершихъ братьевъ—Юрія и Андрея Меньшаго, ни въ удѣлъ Верейскій, ни въ область Новгородскую и Псковскую, ни въ примыслъ великаго князя—Тверь и Кашинъ; также не сноситься ни съ Казимиромъ, ни съ изгнаннымъ великимъ княземъ Тверскимъ, ни съ князьями или панами литовскими, ни съ Новгородомъ, ни съ Псковомъ [1]). Обстоятельства заставляли предугадывать печальную развязку; Андрей боялся и видѣлъ въ бѣгствѣ единственное средство спасенія. Въ 1488 году бояринъ Андреевъ, Образецъ, объявилъ своему князю, бывшему тогда въ Москвѣ, что старшій братъ хочетъ схватить его. Андрей испугался, хотѣлъ уже тайно бѣжать изъ Москвы; но потомъ одумался и послалъ къ могущественному тогда вельможѣ, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву, съ просьбою, чтобъ тотъ довѣдался у великаго князя, за что онъ хочетъ схватить его. Но Патрикѣевъ отказался отъ этого опаснаго порученія; тогда Андрей самъ пошелъ къ старшему брату и разсказалъ ему все; Іоаннъ поклялся ему небомъ и землею, и Богомъ сильнымъ, Творцомъ всея твари, что у него и въ мысляхъ не бывало ничего подобнаго. Начали искать, откуда пошелъ слухъ; оказалось, что великокняжескій сынъ боярскій, Мунтъ Татищевъ, въ шутку сказалъ объ этомъ Образцу, а тотъ повѣрилъ и сказалъ князю Андрею, желая прислужиться, потому что прежде князь держалъ его въ немилости. Татищеву Іоаннъ велѣлъ дать торговую казнь, хотѣлъ велѣть даже отрѣзать ему языкъ, но митрополитъ упросилъ не дѣлать этого [2]). Для насъ любопытно впрочемъ здѣсь то, что подобное извѣстіе уже могло быть тогда содержаніемъ шутки, и шутку могли принимать за правду. Года черезъ два послѣ этого (1491) Іоаннъ, узнавъ, что на союзника его, Крымскаго хана Менгли-Гирея, идутъ Татары съ востока, выслалъ свои полки къ нему на помощь; велѣлъ и братьямъ отправить также своихъ воеводъ, на что имѣлъ полное право по договорнымъ грамотамъ. Борисъ послалъ свои полки вмѣстѣ съ великокняжескими, но Андрей не послалъ [3]). Это было въ маѣ; въ сентябрѣ Андрей пріѣхалъ въ Москву, и былъ принятъ вечеромъ очень почетно и ласково старшимъ братомъ. На другой день явился къ нему посолъ съ приглашеніемъ на обѣдъ къ великому князю. Андрей поѣхалъ немедленно, чтобъ ударить челомъ за честь; Іоаннъ принялъ его въ комнатѣ, называвшейся западнею, посидѣлъ съ нимъ, поговорилъ немного и вышелъ въ другую комнату, повалушу, приказавши Андрею подождать, а боярамъ его идти въ столовую гридню; но какъ скоро вошли туда, такъ были схвачены и разведены по разнымъ мѣстамъ. Въ то же время въ западню къ Андрею вошелъ князь Семенъ Ряполовскій съ многими другими князьями и боярами и, обливаясь слезами, едва могъ промолвить Андрею: „Государь, князь Андрей Васильевичъ! пойманъ ты Богомъ, да государемъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, братомъ твоимъ старшимъ". Андрей всталъ и отвѣчалъ: „Воленъ Богъ, да государь, братъ мой старшій, князь великій Иванъ Васильевичъ; а судъ мнѣ съ нимъ передъ Богомъ, что беретъ меня неповинно". Съ перваго часа дня до вечеренъ сидѣлъ Андрей во дворцѣ; потомъ свели его на казенный дворъ и приставили стражу изъ многихъ князей и бояръ. Въ то же время послали въ Угличъ схватить сыновей Андреевыхъ, Ивана и Димитрія, которыхъ посадили въ желѣзахъ въ Переяславлѣ; дочерей не тронули [4]).

Есть извѣстіе, что Іоаннъ такъ отвѣчалъ митрополиту, когда тотъ просилъ его объ освобожденіи Андрея: „Жаль мнѣ очень брата, и я не хочу погубить его, а на себя положить упрекъ; но освободить его не могу, потому что не разъ замышлялъ онъ на меня зло; потомъ каялся, а теперь опять началъ зло замышлять и людей моихъ къ себѣ притягивать. Да это бы еще ничего; но когда я умру, то онъ будетъ искать великаго княженія подъ внукомъ моимъ, и если самъ не добудетъ, то смутитъ дѣтей моихъ, и станутъ они воевать другъ съ другомъ, а Татары будутъ Русскую Землю губить, жечь и плѣнить, и дань опять наложатъ, и кровь христіанская опять будетъ литься, какъ прежде, и всѣ мои труды останутся напрасны, и вы будете рабами Татаръ" [5]). Андрей умеръ въ концѣ 1494 года; есть извѣстіе, что Іоаннъ, узнавъ о смерти брата, приносилъ слезное покаяніе духовенству, которое нескоро простило его [6]); но это извѣстіе заподозривается тѣмъ, что сыновья Андреевы оставались въ заключеніи, слѣдовательно Іоаннъ не раскаивался въ своей мѣрѣ.

Бориса Волоцкаго не тронули, онъ также скоро умеръ, оставя удѣлъ двоимъ сыновьямъ — Ѳедору и Ивану. Въ 1497 году они били челомъ великому князю, чрезъ митрополита Симона, о вымѣнѣ ихъ селъ, разсѣянныхъ въ областяхъ великокняжескихъ и доставшихся ихъ отцу отъ прабабушки Маріи Голтяевой, на тверскія волости, ближайшія къ ихъ удѣлу, именно Буйгородъ и Колпь [7]). Въ концѣ

[1]) С. г. г. и д. I, № 123, 125.
[2]) П. С. Р. Л. VI, 238.
[3]) Тамъ же, стр. 38.
[4]) Архангел., стр. 200.
[5]) Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4.
[6]) Лѣтоп., служ. продолж. Нестор., стр. 339.
[7]) С. г. г. и д. I, № 129.

1503 года меньшой изъ волоцкихъ князей, Иванъ умеръ; въ духовной своей онъ завѣщеваетъ брату нѣсколько селъ, а удѣлъ свой — Рузу и половину Ржева, равно какъ служивую рухлядь, доспѣхи и коней—передаетъ великому князю, котораго называетъ Государемъ [1]).

Такъ возстанія удѣльныхъ князей, имѣвшія слѣдствіемъ кровавыя явленія въ правленіе Темнаго, при сынѣ его, благодаря окончательнымъ распоряженіямъ отца, кончились однимъ страхомъ для московскаго народонаселенія и грабежемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ волостей. Истощенная Орда, не могшій справиться съ собственными или ближайшими, по его мнѣнію, дѣлами на западѣ, Казимиръ, трепетавшій въ предсмертныхъ движеніяхъ Новгородъ—не могли дать удѣльнымъ князьямъ продолжительной опоры; страхъ, и то страхъ мнимый, предъ могуществомъ Ахмата заставилъ Іоанна уступить Андрею Можайскъ; но эта уступка была послѣдняя и ненадолго. Не знаемъ, во сколько мы должны вѣрить приведенному выше извѣстію, будто Іоаннъ оправдывалъ заключеніе брата опасеніемъ, что Андрей, по смерти его, станетъ ссорить внука его и сыновей: дѣйствительно, отношенія въ самой семьѣ великокняжеской, какъ они были одно время, могли подать удѣльнымъ князьямъ надежду болѣе крѣпкую, чѣмъ подавали имъ прежде Орда, Литва и Новгородъ.

Мы видѣли, что Іоаннъ еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, при жизни отцовской, по обстоятельствамъ политическимъ, женился на Маріи Борисовнѣ, дочери великаго князя Тверскаго. Іоаннъ не долго жилъ съ нею: въ 1467 году Марія скончалась; тѣло ея такъ распухло, что покровъ, который прежде былъ великъ, висѣлъ по краямъ, теперь уже не могъ прикрывать покойницы; начали толковать, что княгиня была отравлена; дознались, что одна изъ женщинъ ея, Наталья, жена Алексѣя Полуехтова, посылала поясъ къ ворожеѣ. Великій князь разсердился и на мужа, и на жену, и шесть лѣтъ потомъ не пускалъ Полуехтова къ себѣ на глаза. Отъ этой первой жены Іоаннъ имѣлъ сына, именемъ также Іоанна, для отличія называемаго Молодымъ, котораго, по примѣру отцовскому, назвалъ великимъ княземъ, чтобъ отнять у братьевъ предлогъ къ предъявленію старыхъ правъ старшинства предъ племянникомъ, и вслѣдствіе этого мы видѣли, что грамоты писались отъ имени двоихъ великихъ князей, посольства отправлялись также къ двоимъ, и отвѣтъ на нихъ давали отъ двоихъ. Но не прошло еще двухъ лѣтъ по смерти Маріи, какъ началось знаменитое сватовство великаго князя на царевнѣ Греческой. Послѣ паденія Византіи, братъ павшаго на ея стѣнахъ императора Константина, Ѳома Палеологъ нашелъ съ семействомъ убѣжище въ Римѣ; послѣ него осталось здѣсь двое сыновей и дочь Софія; эту-то дочь папа Павелъ II, чрезъ извѣстнаго кардинала Виссаріона, одного изъ греческихъ митрополитовъ, подписавшихъ Флорентійское соединеніе, и предложилъ въ супружество Московскому великому князю, безъ сомнѣнія желая воспользоваться случаемъ завязать сношенія съ Москвою и утвердить здѣсь свою власть посредствомъ Софіи, которую, по самому воспитанію ея, не могъ подозрѣвать въ отчужденіи отъ католицизма [2]). Въ февралѣ 1469 года Грекъ Юрій пріѣхалъ къ великому князю съ письмомъ отъ Виссаріона, въ которомъ кардиналъ предлагалъ Іоанну руку Греческой царевны, отказавшей будто бы изъ преданности къ отцовской вѣрѣ двумъ женихамъ,—королю Французскому и герцогу Медіоланскому. Великій князь взялъ эти слова въ мысль, говоритъ лѣтописецъ, и, подумавши съ митрополитомъ, матерью, боярами, въ слѣдующемъ же мѣсяцѣ отправилъ въ Римъ своего посла, выѣзжаго италіанца, монетнаго мастера, Ивана Фрязина. Фрязинъ возратился съ портретомъ царевны и съ пропускными (опасными) грамотами отъ папы для проѣзда пословъ московскихъ съ Софією по всѣмъ землямъ католическимъ. Тотъ же Фрязинъ отправился опять въ Римъ представлять лицо жениха при обрученіи. Папѣ хотѣлось выдать Софію за Московскаго князя, возстановить Флорентійское соединеніе, пріобрѣсть могущественнаго союзника противъ страшныхъ Турокъ, и потому ему легко и пріятно было вѣрить всему, что ни говорилъ посолъ московскій; а Фрязинъ, отказавшійся отъ латинства въ Москвѣ, но равнодушный къ различію исповѣданій, разсказывалъ то, чего не было, обѣщалъ то, чего быть не могло, лишь бы только уладить поскорѣе дѣло, желанное и въ Москвѣ не менѣе, чѣмъ въ Римѣ.

Дѣло уладилось: въ іюнѣ 1472 года Софія выѣхала изъ Рима, въ сопровожденіи кардинала Антонія и многихъ Грековъ, а 1-го октября пригналъ во Псковъ гонцомъ Николай Ляхъ отъ моря изъ Ревеля и объявилъ на вѣчѣ: „Царевна переѣхала море, ѣдетъ въ Москву, дочь Ѳомы, князя

---

[1]) С. г. г. и д, I. № 132.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 186, 196; VI, 244; Никон. VI, 8, 35, 37, 44, 48, 49; Rainald—Annal. Eccles. an. 1470, 1471; Кранца Vandalia, p. 397. Ea quoque spes fovebat pontificem Sixtum, quod inclinaret maritum puella ad suscipiendos ritus ecclesiae Romanae, in quibus, ea fuerat educata apud sedem apostolicam. Sed concessit illa, nolens volensque, in ritus Russorum quibus et pater ejus victitabat. — Въ Софійскомъ времен. Софья названа Зинаидою, что не представляетъ ничего удивительнаго, ибо мы знаемъ, что и бабка Іоанна III, Софья Витовтона, имѣла другое имя Анастасіи; знаемъ, что и послѣ царицы принимали другое имя при бракѣ.—О первой супругѣ Іоанна, Маріи Тверской, см. извѣстіе въ сочиненіи Іосифа Волоцкаго—Сказаніе о св. отцѣхъ, бывшихъ въ монастырѣхъ, иже въ Рустѣй земли сущихъ (Чтенія Моск. Истор. Общ. 1847 г. № 7): «Видѣхъ же тогда и иного свята старца во Саватіевѣ пустыни, именемъ Еѳросина... присла къ нему Самодержецъ земля оная, Кн. Вел. Борисъ Александровичъ дщерь свою младу сущу, иже тогда обручену сущу В. К. Ивану Васильевичу: И начаша молити блаж. Еѳросима, яко да помолится о отковицѣ, бяше бо одержима зѣльною немощію. Онъ же отрицашеся. Они же (присланные) со слезами моляхуся ему и глаголаху сице: Аще сія жива будетъ твоихъ ради святыхъ молитвъ, то два царства смириши». Княжна была исцѣлена.

Морейскаго, племянница Константина, царя Цареградскаго, внука Іоанна Палеолога, зятя великаго князя Василія Димитріевича, зовутъ ее Софья, она будетъ вамъ государыня, а великому князю Ивану Васильевичу жена, и вы бы ее встрѣтили да приняли честно." Объявивъ это Псковичамъ, гонецъ въ тотъ же день поскакалъ къ Новгороду Великому, а оттуда въ Москву. Псковичи тотчасъ начали медъ сытить и кормъ сбирать; посадники и бояре изъ концовъ отправились на-встрѣчу къ царевнѣ въ Изборскъ, жили уже здѣсь цѣлую недѣлю, какъ пріѣхалъ изъ Дерпта гонецъ съ приказомъ, чтобы ѣхали встрѣчать ее на нѣмецкій берегъ; въ шести насадахъ и со множествомъ лодокъ поѣхали посадники и бояре, и встрѣтили Софію въ устьи Эмбаха, вышли изъ судовъ, и, наливши кубки и позолоченные роги виномъ и медомъ, били ей челомъ; она приняла это отъ нихъ въ честь и любовь великую, и объявила, что сейчасъ же хочетъ ѣхать съ ними дальше, чтобъ поскорѣе покинуть Нѣмцевъ; посадникъ принялъ ее, всѣхъ пріятелей ея и казну въ свои насады, и поплыли къ русскому берегу. Передъ Псковомъ была ей также честь большая: вышли къ ней на-встрѣчу священники съ крестами и посадники; принявши благословеніе отъ священниковъ, челобитье отъ посадниковъ и всего Пскова, Софія пошла въ Троицкій соборъ съ пріятелями своими; былъ съ нею, говоритъ лѣтописецъ, и владыка свой (кардиналъ), не по нашему обычаю одѣтый весь въ красное, въ перчаткахъ, которыхъ никогда не снимаетъ, и благословляетъ въ нихъ, и несутъ передъ нимъ распятіе литое, высоко взоткнутое на древкѣ, къ иконамъ не подходитъ и не крестится, въ Троицкомъ соборѣ приложился только къ Пречистой, и то по приказанію царевны. Изъ Троицкаго собора царевна пошла на княжій дворъ, гдѣ опять посадники, бояре и весь Псковъ потчивали ее виномъ, медомъ, всякими кушаньями, и всѣхъ пріятелей ея и слугъ, кормили и коней; потомъ всѣ посадники, бояре и купцы дарили ее, чѣмъ кто могъ, а отъ всего Пскова поднесли 50 рублей деньгами, да и Ивану Фрязину дали 10 рублей. Царевна, видя такую почесть, сказала посадникамъ, боярамъ и всему Пскову: „Теперь хочу ѣхать въ дорогу къ моему и вашему государю въ Москву; и на вашемъ почетномъ пріемѣ, на вашемъ хлѣбѣ, винѣ и медѣ кланяюсь; когда, Богъ дастъ, буду въ Москвѣ, и когда вамъ будетъ тамъ какая нужда, то буду усердно стараться за васъ". Сказавши это, поклонилась посадникамъ и всему Пскову, сѣла въ повозку и выѣхала изъ города; посадники и бояре, съ виномъ, медомъ и хлѣбомъ провожали ее до новгородскаго рубежа. Въ Новгородѣ была ей оказана такая же честь въ пріемѣ и въ дарахъ.

Софія подъѣзжала къ Москвѣ, а здѣсь между тѣмъ шло совѣщаніе; думалъ князь великій съ матерью, боярами и братьями—какъ сдѣлать: вездѣ, гдѣ ни останавливалась до сихъ поръ Софія, папскій посолъ, кардиналъ Антоній, шелъ передъ нею, а впереди несли крестъ латинскій. Одни на совѣтѣ говорили, что ничего, можно позволить это и въ Москвѣ; другіе же возражали, что никогда этого не бывало въ нашей Землѣ, чтобъ латинской вѣрѣ почесть оказывали; сдѣлалъ это одинъ разъ Исидоръ, но за то онъ и погибъ. Великій князь послалъ спросить митрополита Филиппа; тотъ велѣлъ отвѣчать: „Нельзя послу не только войти въ городъ съ крестомъ, но и подъѣхать близко: если же ты позволишь ему это сдѣлать, желая почтить его, то онъ въ одни ворота въ городъ, а я, отецъ твой, другими воротами изъ города: неприлично намъ и слышать объ этомъ, не только что видѣть, потому что кто возлюбитъ и похвалитъ вѣру чужую, тотъ своей поругался". Тогда великій князь послалъ боярина отобрать у легата крестъ и спрятать его въ саняхъ; Антоній сначала-было воспротивился, но потомъ скоро уступилъ; больше противился московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ денежникъ: хотѣлось ему оказать честь папѣ, послу его и всей землѣ ихъ, потому что ему самому оказали тамъ большую почесть; будучи въ Римѣ, онъ исполнялъ всѣ латинскіе обычаи, скрывши, что принялъ въ Москвѣ православную вѣру. 12-го ноября 1472 года въѣхала Софія въ Москву, и въ тотъ же день обвѣнчана была съ Іоанномъ, а на другой день легатъ правилъ посольство и поднесъ дары отъ папы. Разумѣется, кардиналъ долженъ былъ немедленно же обратиться къ дѣлу о соединеніи церквей; но скоро онъ испугался, говоритъ лѣтописецъ, потому что митрополитъ выставилъ противъ него на споръ книжника Никиту Поповича; иное, спросивши у Никиты, самъ митрополитъ говорилъ легату, о другомъ заставлялъ спорить Никиту; кардиналъ не нашелся что отвѣчать, и кончилъ споръ, сказавши: „Нѣтъ книгъ со мною"! Такъ неудачно кончилась попытка римскаго двора возстановить Флорентійское соединеніе посредствомъ брака князя Московскаго на Софіи Палеологъ. Но бракъ этотъ имѣлъ другія важныя слѣдствія.

До сихъ поръ главною заботою Московскихъ князей было собираніе Русской Земли, примыслы, прибытки; вмѣсто вождей дружины, какими князья являлись на югѣ, мы видимъ на сѣверѣ князей-собственниковъ, хозяевъ. Мы видѣли[1]), какъ всѣ отношенія, отношенія духовенства, дружины, остальнаго народонаселенія клонились къ утвержденію въ Москвѣ крѣпкаго самодержавія; въ половинѣ XV вѣка все уже было приготовлено къ тому, чтобъ новое государство приняло именно эту форму: но отъ стараго порядка вещей оставались еще нѣкоторые преданія, обычаи, пріемы, отъ которыхъ нужно было освободиться. Великій князь Московскій на дѣлѣ былъ сильнѣйшимъ изъ князей Сѣверной Руси, которому никто не могъ противиться; но онъ продолжалъ еще носить названіе великаго

---

[1]) Исторія Россіи, т. IV, стр. 1315.

князя, что означало только старшаго въ родѣ княжескомъ; онъ еще недавно кланялся въ Ордѣ не только хану, но и вельможамъ его; князья-родичи еще не переставали требовать родственнаго, равнаго обхожденія; члены дружины еще сохраняли старое право отъѣзда; а это отсутствіе прочности въ служебныхъ отношеніяхъ, хотя на дѣлѣ и пришедшее къ концу, давало имъ поводъ думать о старинѣ, когда дружинникъ, при первомъ неудовольствіи, отъѣзжалъ отъ одного князя къ другому, и считалъ себя въ правѣ знать всѣ думы княжескія; при дворѣ московскомъ явилась толпа служилыхъ князей, которые не забыли о своемъ происхожденіи отъ одного родоначальника съ Московскимъ великимъ княземъ, и выдѣлялись изъ дружины московской, становясь выше ея, слѣдовательно имѣя еще болѣе притязаній. Церковь, содѣйствуя Московскимъ князьямъ въ утвержденіи единовластія, давно уже старалась дать имъ высшее значеніе относительно другихъ князей; но для успѣшнѣйшаго достиженія цѣли нужна была помощь преданій Имперіи; эти-то преданія и были принесены въ Москву Софіею Палеологъ. Современники замѣтили, что Іоаннъ, послѣ брака на племянницѣ императора Византійскаго, явился грознымъ государемъ на Московскомъ великокняжескомъ столѣ; онъ первый получилъ названіе Грознаго [1]), потому что явился для князей и дружины монархомъ, требующимъ безпрекословнаго повиновенія и строго карающимъ за ослушаніе, возвысился до царственной недосягаемой высоты, передъ которою бояринъ, князь, потомокъ Рюрика и Гедимина должны были благоговѣйно преклониться наравнѣ съ послѣднимъ изъ подданныхъ: по первому мановенію Грознаго Іоанна, головы крамольныхъ князей и бояръ лежали на плахѣ. Современники и ближайшіе потомки приписали эту перемѣну внушеніямъ Софіи, и мы не имѣемъ никакого права отвергать ихъ свидѣтельство. Князь Курбскій, защитникъ старины, старыхъ правъ княжескихъ и боярскихъ, говоритъ, что перемѣна въ поведеніи князей Московскихъ произошла отъ внушенія женъ иноплеменныхъ[2]). Нѣтъ преступленія, въ которомъ бы ожесточенный потомокъ князей ярославскихъ не обвинилъ Іоанна III и Софію[3]). Какой духъ принесли служебные князья ко двору Московскому, какія чувства питали они къ Московскимъ князьямъ, какъ смотрѣли на собираніе земли, видно изъ слѣдующихъ словъ Курбскаго: „Обычай у Московскихъ князей издавна желать братій своихъ крови и губить ихъ убогихъ ради окаянныхъ отчинъ, несытства ради своего"[4]).

Но кромѣ Курбскаго, до насъ дошелъ еще другой боярскій отзывъ о новомъ порядкѣ вещей, принесенномъ Софіею. Уже въ княженіе сына ея, Василія, опальный бояринъ Берсень такъ говорилъ Максиму Греку: „Какъ пришли сюда Греки, такъ наша Земля и замѣшалась; а до тѣхъ поръ Земля наша Русская жила въ тишинѣ и въ миру. Какъ пришла сюда мать великаго князя, великая княгиня Софья съ вашими Греками, такъ наша Земля и замѣшалась, и пришли нестроенія великія, какъ и у васъ въ Цареградѣ при вашихъ царяхъ". Максимъ замѣтилъ на это: „Господинъ! мать великаго князя, великая княгиня Софья, съ обѣихъ сторонъ была рода великаго: по отцѣ царскаго рода Константинопольскаго, а по матери происходитъ отъ великаго герцога Феррарскаго Италійской страны". Берсень отвѣчалъ: „Господинъ, какова бы она ни была, да къ нашему нестроенію пришла. Которая земля переставляетъ обычаи свои, та земля не долго стоитъ; а здѣсь у насъ старые обычаи великій князь перемѣнилъ; такъ какого добра отъ насъ ждать?" Въ чемъ же, по мнѣнію Берсеня, состояла эта перестановка обычаевъ? „Лучше, говоритъ онъ, старыхъ обычаевъ держаться, и людей жаловать и старыхъ почитать; а теперь государь нашъ, запершись самъ-третей у постели, всякія дѣла дѣлаетъ"[5]). Итакъ перестановка обычаевъ состояла въ томъ, что великій князь, отстранивъ прежнее вліяніе дружины, началъ думать особо свою думу, съ кѣмъ хотѣлъ, и теперь уже дружина не могла сказать ему попрежнему: „Ты, князь, самъ собою это замыслилъ, такъ не ѣдемъ за тобой, мы объ этомъ ничего не знали";—не смѣла она теперь сказать этого, потому что Московскіе князья уничтожили отдѣльныя волости, и боярамъ некуда уже стало болѣе отъѣхать.—Но не одни недовольные князья и бояре оставили намъ свидѣтельства о важномъ вліяніи Софіи на перестановку обычаевъ въ Русской Землѣ; есть свидѣтельства, болѣе безпристрастныя: Герберштейнъ, бывшій въ Москвѣ въ княженіе сына Софіи, говоритъ о ней: „Это была женщина необыкновенно хитрая; по ея внушенію, великій князь сдѣлалъ многое". Наконецъ, лѣтописцы подтверждаютъ это, говоря напримѣръ, что, по внушеніямъ Софіи, Іоаннъ окончательно разорвалъ съ Ордою.

26 марта 1479 года родился у Софіи первый сынъ Василій-Гавріилъ; въ 1490 году старшій сынъ Іоанновъ, молодой великій князь Іоаннъ разболѣлся ломотою въ ногахъ (камчюгомъ); въ это время былъ въ Москвѣ лѣкарь, мистръ Леонъ, Жидъ, вызванный русскими послами изъ Венеціи; Леонъ объявилъ отцу больнаго: „Я вылѣчу сына твоего; а не вылѣчу, вели меня казнить смертною

[1]) Лѣтописецъ Латухинскій, у Карамз. прим. 588: «Сей бо Вел. Князь Іоаннъ, именуемый Тимофей Грозный»; то же названіе у Петрея и въ Ядрѣ Росс. Истор. Герберш.: Pauperibus a potentioribus oppressis injuriaque affectis, aditos ad eum non patebat.

[2]) «Въ предобрый Русскихъ князей родъ всѣялъ дьяволъ злые нравы, наипаче же женами ихъ злыми и чародѣйцами, яко и во Израильтескихъ царѣхъ, паче же которыхъ поимовали отъ иноплеменниковъ». Сказ. Кн. Курб. изд. Устрял., стр. 4.

[3]) Курбск., стр. 57. Такъ, онъ обвиняетъ Іоанна и Софію въ отравленіи старшаго сына Іоанна, въ удавленіи брата Андрея Углицкаго, въ изгнаніи Михаила Верейскаго и Василія Ярославича и проч.

[4]) Тамъ же, стр. 127.

[5]) Акты арх. эксп. I, № 172.

казнью". Великій князь велѣлъ лѣчить; Леонъ сталъ давать больному лѣкарства внутрь, а къ тѣлу прикладывать стклянки съ горячею водою; но отъ этого лѣченія Іоанну стало хуже, и онъ умеръ, 32-хъ лѣтъ. Старый великій князь велѣлъ схватить лѣкаря, и, какъ минуло покойнику сорокъ дней, Леона казнили смертію [1]). Эти подробности важны для насъ, потому что, какъ мы видѣли, люди, недовольные Іоанномъ III и Софьею, упрекали ихъ въ отравѣ Іоанна Молодаго. Но послѣдній оставилъ малолѣтняго сына Димитрія, отъ брака своего на Еленѣ, дочери Стефана, господаря Молдавскаго, и потому теперь рождался вопросъ: кому наслѣдовать великое княженіе — сыну или внуку? Если бы Іоаннъ III захотѣлъ обратить вниманіе на старый обычай, еслибъ справился съ лѣтописями, то нашелъ бы, что внукъ не могъ получить великаго княженія н е п о о т ч и н ѣ. Но мы видѣли, что отецъ Димитрія, Іоаннъ, былъ при жизни своего отца уже великимъ княземъ, равнымъ отцу, и потому, даже по прежнимъ родовымъ счетамъ, преждевременная смерть Іоанна Молодаго не лишала сына его правъ на старшинство; притомъ же Московскому государю не было теперь нужды до старыхъ родовыхъ счетовъ; всѣ предки его шли наперекоръ имъ, отдавая преимущество племяннику передъ дядею; Іоаннъ III, вѣрный преданію, долженъ былъ также отдать преимущество внуку Димитрію передъ сыномъ Василіемъ. Но послѣдній имѣлъ за собою также важныя преимущества: онъ былъ сынъ Софіи Палеологъ, отъ царскаго корня; ему, разумѣется, а уже никакъ не Димитрію, принадлежалъ гербъ Римской Имперіи, и Софія была способна внушить мужу и сыну высокое мнѣніе о своемъ происхожденіи, своихъ правахъ, была способна поддержать эти права. Начались происки, дворъ раздѣлился на двѣ стороны.

Если князья, бояре и по смерти Софіи дурно отзывались о ней, представляли ее виновницею перемѣны, перемѣны къ худшему по ихъ мнѣнію, то ясно, что они не могли быть расположены къ ней при жизни ея, и потому поддерживали Елену, вдову Іоанна Молодаго, и сына ея Димитрія; на сторонѣ же Софіи и сына ея Василія мы видимъ только дѣтей боярскихъ и дьяковъ. Дьякъ Ѳедоръ Стромиловъ извѣстилъ Василія, что отецъ хочетъ пожаловать великимъ княженіемъ внука Димитрія, и, вмѣстѣ съ Аѳанасіемъ Яропкинымъ, Поярномъ, Руновымъ братомъ, и другими дѣтьми боярскими, началъ совѣтовать молодому князю выѣхать изъ Москвы, захватить казну въ Вологдѣ и на Бѣлѣозерѣ, и погубить Димитрія; главные заговорщики набрали себѣ и другихъ соумышленниковъ, привели ихъ тайно къ крестному цѣлованію. Но заговоръ былъ открытъ въ декабрѣ 1497 года; Іоаннъ велѣлъ держать сына на его же дворѣ подъ стражею, а приверженцевъ его велѣлъ казнить, шестерыхъ казнили на Москвѣ-рѣкѣ: Яропкину отсѣкли руки, ноги и голову, Поярку — руки и голову; двумъ дьякамъ — Стромилову и Гусеву, да двумъ дѣтямъ боярскимъ — князю Палецкому-Хрулю и Щевью-Стравину — отсѣкли головы, много другихъ дѣтей боярскихъ пометали въ тюрьмы. Въ то же время разсердился великій князь и на жену свою, великую княгиню Софію, за то, что къ ней приходили ворожеи съ зельемъ; этихъ лихихъ бабъ обыскали и утопили въ Москвѣ-рѣкѣ ночью, послѣ чего Іоаннъ сталъ остерегаться жены [2]).

Желаніе бояръ исполнилось. Но, удалившись отъ Софіи, Іоаннъ не удалился отъ мыслей, внушенныхъ ею; отстранивъ сына ея отъ великаго княженія, онъ спѣшилъ совершить царское вѣнчаніе надъ соперникомъ его, внукомъ Димитріемъ, и бояре, нелюбившіе Софію за принесеніе новыхъ понятій, пользуются однако ими и называютъ Димитрія царемъ Боговѣнчаннымъ, въ укоръ Василію и сыну его. 4 февраля 1498 года, въ Успенскомъ соборѣ, среди церкви приготовили мѣсто большое, тамъ, гдѣ святителей ставятъ; на этомъ мѣстѣ поставили три стула: великому князю, внуку его Димитрію и митрополиту; на налоѣ лежала шапка Мономахова и бармы. Когда великій князь съ внукомъ вошли въ церковь, митрополитъ со всѣмъ соборомъ началъ служить молебенъ Богородицѣ и Петру Чудотворцу, послѣ чего митрополитъ и великій князь сѣли на своихъ мѣстахъ, а князь Димитрій сталъ у мѣстъ передъ ними, у верхней ступени. Іоаннъ, обратясь къ митрополиту, началъ говорить: „Отецъ митрополитъ! Божіимъ изволеніемъ, отъ нашихъ прародителей великихъ князей старина наша оттолѣ и до сихъ мѣстъ; отцы наши великіе князья сыновьямъ своимъ старшимъ давали великое княженіе; и я-было сына своего перваго Ивана при себѣ благословилъ великимъ княженіемъ; но Божіею волею сынъ мой Иванъ умеръ, у него остался сынъ первый Димитрій, и я его теперь благословляю при себѣ и послѣ себя великимъ княженіемъ Владимірскимъ, Московскимъ и Новгородскимъ; и ты бы его, отецъ, на великое княженіе благословилъ". Послѣ этой рѣчи митрополитъ велѣлъ Димитрію стать на его мѣсто, и, вставши, благословилъ его крестомъ; потомъ Димитрій преклонилъ голову, и митрополитъ, положивши на нее руку, прочелъ громко молитву, чтобъ Господь Богъ далъ поставляемому скипетръ царства, посадилъ его на престолъ правды и проч. Два архимандрита поднесли сперва бармы, потомъ шапку; митрополитъ бралъ ихъ, передавалъ великому князю, а тотъ возлагалъ на внука. За этимъ обрядомъ слѣдовала ектенья, молитва Богородицѣ и многолѣтіе, послѣ котораго духовенство поздравило обоихъ великихъ князей; митрополитъ сказалъ Іоанну: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, преславный ц а р ь Иванъ, великій князь всея Руси, самодержецъ, и съ внукомъ своимъ, великимъ княземъ Димитріемъ Ивановичемъ всея Руси, на многая лѣта";

[1]) П. С. Р. Л. VI, 239.

[2]) Тамъ же, стр. 279.

Димитрію сказалъ: „Божіею милостію здравствуй, господинъ сынъ мой князь великій Димитрій Ивановичъ всея Руси съ государемъ своимъ дѣдомъ великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ всея Руси, на многая лѣта“. Потомъ поздравляли обоихъ великихъ князей дѣти Іоанновы, бояре и всѣ люди. Митрополитъ произнесъ Димитрію слѣдующее поученіе: „Господинъ сынъ князь великій Димитрій Ивановичъ! Божіимъ изволеніемъ дѣдъ твой князь великій пожаловалъ тебя, благословилъ великимъ княжествомъ; и ты, господинъ сынъ, имѣй страхъ Божій въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, будь послушенъ своему государю и дѣду великому князю, и попеченіе имѣй отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ; а мы тебя, своего господина и сына, благословляемъ и Бога молимъ о вашемъ здоровьи“. Послѣ митрополита Іоаннъ повторилъ то же наставленіе: „Внукъ князь Димитрій! пожаловалъ я тебя и благословилъ великимъ княженіемъ: и ты имѣй страхъ въ сердцѣ, люби правду и милость и судъ праведный, и попеченіе отъ всего сердца о всемъ православномъ христіанствѣ“. Такъ кончился обрядъ; великіе князья отслушали послѣ литургію, и Димитрій вышелъ изъ церкви въ шапкѣ и бармахъ; въ дверяхъ осыпалъ его трижды деньгами золотыми и серебряными дядя Юрій Ивановичъ (Василій содержался подъ стражею); то же повторено было предъ Архангельскимъ и Благовѣщенскимъ соборами [1]).

Но торжество бояръ не было продолжительно. Не прошло еще году послѣ царскаго вѣнчанія Димитріева, какъ въ январѣ 1499 страшная опала постигла два знатнѣйшихъ боярскихъ семейства—князей Патрикѣевыхъ и князей Ряполовскихъ. Мы видѣли, что при дѣдѣ и отцѣ Іоанна первое мѣсто между служилыми князьями и боярами принадлежало литовскимъ выходцамъ, князьямъ Гедиминова рода, Патрикѣевымъ, которые породнились и съ великими князьями Московскими, ибо князь Юрій Патрикѣевичъ женился на дочери великаго князя Василія Димитріевича. Сынъ Юрія, Иванъ, первый бояринъ при Василіи Темномъ, продолжалъ первенствовать и при Іоаннѣ III-мъ: къ нему послы иностранные обращались съ важными предложеніями: къ нему, какъ мы видѣли, обратился и братъ великокняжескій Андрей съ просьбою о посредничествѣ. Князь Иванъ породнился съ другимъ знаменитымъ семействомъ боярскимъ, ведшимъ свой родъ отъ Ивана, сына Всеволода III, и возвысившимся въ Москвѣ при Василіи Темномъ черезъ важныя услуги, оказанныя семейству послѣдняго: Патрикѣевъ выдалъ дочь за князя Семена Ряполовскаго-Стародубскаго. И вотъ, несмотря на важное значеніе, родство, заслуги отцовскія, Іоаннъ велѣлъ схватить князя Ивана Юрьевича съ двумя сыновьями, зятя его, князя Семена Ряполовскаго, испыталъ подробно всѣ крамолы [2]), нашелъ измѣну бояръ [3]), и приговорилъ ихъ къ смертной казни: 5 февраля Семену Ряполовскому отрубили голову на Москвѣ-рѣкѣ. Просьбы духовенства спасли жизнь Патрикѣевымъ: отецъ со старшимъ сыномъ должны были постричься въ монахи—первый у Троицы, другой въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ; младшій сынъ остался подъ стражею въ домѣ [4]). Неизвѣстно, отобрано ли было имѣніе у Патрикѣевыхъ; изъ духовной князя Ивана Юрьевича, написанной прежде опалы, знаемъ, что у него было около пятидесяти вотчинъ, селъ, селецъ и деревень, поименованныхъ въ духовной, кромѣ такихъ селецъ и деревень, которыя не названы по имени, а причислены къ селамъ [5]).

Лѣтописцы говорятъ глухо, не объявляютъ, въ чемъ состояли крамолы, измѣна Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго; но нѣтъ сомнѣнія, что эта измѣна и крамолы состояли въ дѣйствіяхъ ихъ противъ Софіи и ея сына въ пользу Елены и Димитрія-внука: это ясно видно изъ приведенныхъ выше словъ Курбскаго и Берсеня; ясно и изъ того, что за опалою Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго немедленно послѣдовала опала Елены и Димитрія, торжество Софіи и Василія. Здѣсь мы не можемъ не привести одного любопытнаго извѣстія, изъ котораго видно, что поведеніе Патрикѣевыхъ и Ряполовскаго, поступавшихъ еще по старой княжеской и боярской привычкѣ, не нравилось Іоанну, требовавшему новыхъ отношеній князей служилыхъ и бояръ къ великому князю, государю. Давая наставленіе посламъ, отправлявшимся къ Польскому королю, Іоаннъ говоритъ: „Чтобъ во всемъ между васъ было гладко, пили бы бережно, не до-пьяна; чтобы вашимъ небреженьемъ нашему имени безчестья не было; вѣдь что сдѣлаете не по-пригожу, такъ намъ безчестье и вамъ то же; и вы бы во всемъ себя берегли, а не такъ бы дѣлали, какъ князь Семенъ Ряполовскій высокоумничалъ съ княземъ Васильемъ, сыномъ Ивана Юрьевича“ [6]).

Послѣ опалы боярской, Іоаннъ началъ не радѣть о внукѣ, по выраженію лѣтописцевъ [7]), и объявилъ сына Василія великимъ княземъ Новгорода и Пскова. Въ Новгородѣ, послѣ выводовъ старыхъ жителей, было тихо, оттуда не раздалось никакого возраженія; но Псковичи еще жили по старинѣ: узнавши объ этой новости и не зная въ чемъ дѣло, они отправили въ Москву троихъ посадниковъ и по три боярина съ конца—бить челомъ великимъ князьямъ Іоанну Васильевичу и внуку его Димитрію Іоанновичу, чтобъ держали отчину свою въ старинѣ, и который великій князь будетъ на Москвѣ, тотъ былъ бы и во Псковѣ. Услыхавъ отъ пословъ такую просьбу, великій князь разсердился: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ

---

[1]) С. г. г. и д. II, № 25.
[2]) Степен. Кн. II, 160.
[3]) Архангел., стр. 205.
[4]) П. С. Р. Л. VI, 243; Лѣтоп. библіот. архива Мин. Ин. Дѣлъ № 20; Карамз. VI, примѣч. 454.
[5]) С. г. г. и д. I, № 130.
[6]) Акты, относящ. къ Истор. Запад. Росс, т. I, № 192.
[7]) Степен. Кн. II, 160.

своихъ дѣтяхъ?—сказалъ онъ: кому хочу, тому и дамъ княжество". Одинъ посадникъ съ боярами были отпущены, двое другихъ задержаны и посажены въ тюрьму. Въ это время пріѣхалъ во Псковъ изъ Новгорода владыка Геннадій, и хотѣлъ соборовать; но посадники и Псковичи, подумавъ, соборовать владыкѣ не дали: „Ты хочешь молить Бога за великаго князя Василья, а наши посадники за тѣмъ поѣхали къ великому князю, что мы не вѣримъ, будто князь Василій будетъ великимъ княземъ Новгородскимъ и Псковскимъ; подожди, когда пріѣдутъ наши посадники и бояре, тогда и служи". Послы пріѣхали, но не всѣ, пріѣхали съ опалою безъ поклона, съ однимъ отвѣтомъ: „Развѣ не воленъ я, князь великій, въ своихъ дѣтяхъ и въ своемъ княженіи". Псковичи поспѣшили послать другихъ бояръ бить челомъ великимъ князьямъ — Іоанну Васильевичу и Василію Іоанновичу Новгородскому и Псковскому, „чтобъ государи наши держали отчину свою въ старинѣ, а посадниковъ бы опустили". Посадники были отпущены и, вслѣдъ за ними, пріѣхалъ бояринъ изъ Москвы съ объявленіемъ, что великій князь отчину свою держитъ въ старинѣ [1]).

Псковичи напрасно безпокоились: Іоаннъ не хотѣлъ дѣлить великаго княженія, не хотѣлъ раздирать его усобицами, которыя могли кончиться только гибелью одного изъ соперниковъ, и предупредилъ борьбу, пожертвовавъ сыну внукомъ. 11 апрѣля 1502 года великій князь положилъ опалу на внука своего, великаго князя Димитрія, и на мать его, Елену, посадилъ ихъ подъ стражу, и съ того дня не велѣлъ поминать ихъ на ектеньяхъ и литіяхъ, не велѣлъ называть Димитрія великимъ княземъ; а 14 апрѣля пожаловалъ сына своего Василія, благословилъ и посадилъ на великое княженіе Владимірское и Московское и всея Руси самодержцемъ, по благословенію Симона митрополита [2]). Съ этихъ поръ имя великаго князя Василія является въ грамотахъ подлѣ отцовскаго, причемъ Іоаннъ называется, въ отличіе, великимъ княземъ Большимъ [3]). Отпуская пословъ въ Литву, Іоаннъ далъ имъ такой наказъ: Если дочь великаго князя (Елена) или кто другой спроситъ, какъ великій князь пожаловалъ сына своего Василія великимъ княжествомъ? то посламъ отвѣчать: „Пожаловалъ государь нашъ сына своего, учинилъ государемъ такъ: какъ самъ онъ государь на государствахъ своихъ, такъ и сынъ его съ нимъ на всѣхъ тѣхъ государствахъ государь." Если же спросятъ: „А вѣдь прежде государь пожаловалъ великимъ княжествомъ внука своего; и онъ взялъ ли у внука великое княжество?"—то на это послы должны были отвѣчать: „Который сынъ отцу служитъ и норовитъ, того отецъ больше и жалуетъ; а который сынъ родителямъ не служитъ и не норовитъ, того за что жаловать?" Если же дочь великаго князя Елена спроситъ. „Гдѣ теперь внукъ и сноха?"—то послы должны отвѣчать: „Внукъ и сноха живутъ теперь у великаго князя такъ же, какъ и прежде жили" [4]). Посолъ, отправленный въ Крымъ, долженъ былъ на тѣ же вопросы отвѣчать такъ: „Внука своего государь нашъ было-пожаловалъ, а онъ сталъ государю нашему грубить; но вѣдь жалуетъ всякій того, кто служитъ и норовитъ, а который грубитъ, того за что жаловать?" [5]).

Глава III.

Востокъ.

Подчиненіе Казани.—Завоеваніе Перми.—Югорскіе князья платятъ дань въ Москву; утвержденіе Русскихъ на Печорѣ; переходъ за Уральскія горы.—Нашествіе хана Золотой Орды Ахмата.—Поведеніе Іоанна во время втораго нашествія Ахмата.—Посланіе къ нему Вассіана, архіепископа Ростовскаго.—Отступленіе Ахмата отъ Угры.—Гибель Ахмата въ степяхъ.—Крымская Орда.—Союзъ Іоанна съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ; Крымцы дорушиваютъ Золотую Орду.—Первыя сношенія Россіи съ Турціею.—Сношенія съ Тюменцами, Ногаями, Хоросаномъ и Грузіею.

Послѣдній походъ Василія Темнаго былъ на Казань; первый походъ московской рати въ княженіе сына его былъ также на Казань. Въ 1467 году служилый московскій царевичъ Касимъ получилъ изъ Казани вѣсть, что тамъ хотятъ видѣть его ханомъ, и чтобъ онъ спѣшилъ туда съ войскомъ; Касимъ обрадовался, далъ знать объ этомъ великому князю, и тотъ послалъ къ нему сильную рать подъ начальствомъ князя Ивана Васильевича Оболенскаго-Стриги. Но когда Касимъ подошелъ къ Волгѣ, то на другомъ берегу уже стоялъ Казанскій ханъ Ибрагимъ со всѣми князьями, и не допустилъ его до перевоза. Обманутый Касимъ въ холодную и дождливую осень долженъ былъ возвращаться назадъ; оказался недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, такъ что многіе изъ ратниковъ Оболенскаго

[1]) П. С. Р. Л. IV, 271, 272.

[2]) Тамъ же, VI, 48. О короновании Василія по смерти отца находится слѣдующее мѣсто въ одномъ хронографѣ (Библ. Арх. Мин. Ин. Д. № 14): «Совѣтомъ Симона митрополита и всего освященнаго собора и бояръ своихъ входилъ во св. соборную церковь и со всѣмъ своимъ синклитомъ. И священному собранію сошедшуся и пѣснословиша, яко-же обычай имать св. и соборная церковь еже царя поставляти. Преосвященному же Симону митрополиту возложьшу на В. К. Василія Ивановича животворящій крестъ и порфиру, и виссонъ, и златую гривну, и вѣнецъ Мономаховъ возложи на главу его и всѣми царскими утварями украси и царемъ его нарече и съ поклоненіемъ возвеличилъ его и рече: благовѣрному и христолюбивому царю и В. К. Василію Ивановичу Московскому и всея Руси исполаэти деспота.»

[3]) Акты, относящ. къ Истор. Зап. Рос. I, № 192.

[4]) Тамъ же.

[5]) Моск. арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, № 2, стр. 1009.

въ постные дни принуждены были ѣсть мясо, а лошади мерли съ голоду; много доспѣховъ было побросано на дорогѣ, но люди всѣ возвратились домой благополучно. Казанцы спѣшили отомстить, и немедленно явились подъ Галичемъ, но получили скудную добычу, ибо всѣ окружные жители сидѣли запершись въ городѣ; городовъ же брать не могли, потому что великій князь успѣлъ разослать заставы въ Муромъ, Нижній, Кострому и Галичъ. Счастливѣе были московскія дѣти боярскія, которыя зимою 6 декабря выступили изъ Галича въ Землю Черемисскую. Цѣлый мѣсяцъ, въ сильную стужу, безъ дороги шли они лѣсами. 6 января 1468 года вошли къ Черемисамъ и выжгли всю Землю ихъ дотла, людей перебили, другихъ взяли въ плѣнъ, иныхъ сожгли, имѣніе все побрали, скотъ, котораго нельзя было съ собою увести, перебили; за одинъ день пути только не дошли до Казани, и возвратились къ великому князю всѣ поздорову; въ то же время Муромцы и Нижегородцы воевали по Волгѣ [1]). Казанцы отомстили нападеніемъ на верховья рѣки Юга, гдѣ сожгли городокъ Кичменгу; потомъ повоевали двѣ Костромскія волости. Князь Оболенскій-Стрига не могъ догнать ихъ; счастливѣе былъ князь Данило Холмскій, которому удалось разбить Татаръ, разорявшихъ Муромскую волость.

Весною новый походъ: воеводы собрались на Вяткѣ, подъ Котельничемъ, повоевали по Вяткѣ Черемисъ, выплыли въ Каму, воевали до Тамлуга и Перевоза Татарскаго, побили многихъ купцовъ и товару у нихъ отняли много; входили воевать и въ Бѣлую-Воложку [2]); на берегахъ Камы разбили отрядъ Татаръ изъ двухъ сотъ человѣкъ, потерявши на бою двухъ человѣкъ убитыми; наконецъ черезъ Великую Пермь и Устюгъ возвратились въ Москву. Съ другой стороны, князь Хрипунъ-Ряполовскій съ нижегородскою заставою разбилъ татарскій отрядъ, состоявшій изъ дворянъ ханскихъ. Но въ то время, какъ Русскіе воевали по Камѣ, Казанцы съ большою силою пришли къ Вяткѣ и заставили ея жителей передаться хану Ибрагиму.

Въ 1469 году, весною же, великій князь задумалъ походъ въ болѣе обширныхъ размѣрахъ: пошла подъ Казань судовая рать, въ которой были дѣти боярскія изъ всѣхъ городовъ, подъ начальствомъ воеводы Константина Александровича Беззубцева; пошла и московская городовая рать, сурожане, суконники, купцы и прочіе Москвичи, которымъ было можно, по ихъ силѣ, съ воеводою княземъ Петромъ Васильевичемъ Оболенскимъ-Нагимъ. Суда шли къ Нижнему, изъ Москвы Москвою-рѣкою и Окою: Коломничи и Муромцы—Окою, Владимірцы и Суздальцы—Клязьмою, Дмитровцы, Можайцы, Угличане, Ярославцы, Ростовцы, Костромичи и всѣ другіе поволжане—прямо Волгою, и всѣ сошлись къ Нижнему въ одинъ срокъ. Другая рать, подъ начальствомъ князя Данилы Ярославскаго, изъ Вологды и Устюга пришла къ Вяткѣ, и повѣстила Вятчанамъ, чтобъ шли вмѣстѣ на Казанскаго царя; но мы видѣли уже, что Вятчане отказались воевать противъ Ибрагима. Въ это время въ Вяткѣ былъ казанскій посолъ, который и далъ знать своимъ, что идетъ отъ Вятки рать московская судовая, но небольшая. Между тѣмъ Беззубцевъ съ главною ратью стоялъ въ Нижнемъ, куда пришла къ нему великокняжеская грамота съ приказомъ—самому стоять въ Нижнемъ, на казанскія же мѣста отпустить охотниковъ. Беззубцевъ созвалъ всѣхъ князей и воеводъ, и объявилъ имъ: „Прислалъ великій князь грамоту, и велѣлъ всѣмъ вамъ сказать: кто изъ васъ хочетъ идти воевать казанскія мѣста по обѣ стороны Волги, тотъ ступай, только къ городу Казани не ходите.“ Рать отвѣчала: „Всѣ хотимъ на окаянныхъ Татаръ, за святыя церкви, за своего государя великаго князя Ивана и за православное христіанство!“—и пошли всѣ, а Беззубцевъ одинъ остался въ Нижнемъ. Ратники выплыли изъ Оки подъ Нижній-Новгородъ-Старый, вышли изъ судовъ къ церкви, велѣли священникамъ служить молебенъ за великаго князя и за воиновъ его, и милостыню роздали каждый по силѣ [3]); потомъ собрались и стали думать — кого поставить воеводою, чтобъ одного всѣмъ слушать; долго думавши, выбрали себѣ по своей волѣ Ивана Руна. Въ тотъ же день отплыли они отъ Нижняго, два раза ночевали въ дорогѣ [4]), и, на третьи сутки, на ранней зарѣ, 21-го мая пришли подъ Казань, забрались въ посады, велѣли трубить въ трубы и бросились сѣчь сонныхъ Татаръ, грабить, брать въ плѣнъ; освободили христіанскихъ плѣнниковъ, московскихъ, рязанскихъ, литовскихъ, вятскихъ, устюжскихъ, пермскихъ, и зажгли посады со всѣхъ сторонъ; Татары, не хотя отдаться въ руки христіанамъ и больше жалѣя о богатствѣ своемъ, запирались со всѣмъ добромъ, съ женами и дѣтьми въ мечетяхъ, и тамъ сгорали. Когда посады погорѣли, русская рать, истомившись, отступила отъ города [5]), сѣла на суда и отплыла на

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 188: «И тѣ шедше повоеваша горы и бораты по обѣ стороны». Въ Архангел. лѣтоп., стр. 169, при описаніи похода Касимова и Стрыгина говорится: «И пришла сила Князя великаго на берегъ къ Волзѣ на Звеничѣ бору, и Татарове Казанскіе пришли на нихъ въ судѣхъ и на берегъ вылезли изъ судовъ, а сила Кн. великаго наровяцта заскочити Татаръ отъ судовъ, и нѣкто Айдаръ, постельникъ В. Князя Григорьевъ сынъ Карпова, не отпустя Татаръ нимало отъ судовъ, кликну на нихъ; Татаровя же вметавса въ суды, и побѣгоша за Волгу, а другая судовая сила еще не поспѣла».

[2]) Впадаетъ въ Каму ниже Чусовой; теперь просто: Бѣлая.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 189: «И поидоша изъ Оки подъ Новгородъ подъ Старой, сташа подъ Николою на Бечевѣ, и вышедъ изъ судъ идоша въ градъ ко старой церкви Преображенія Господня... и оттолѣ шедъ такоже и у Св. Николы молебная твориша».

[4]) «И того же дни отплывше отъ Новагорода 60 верстъ ночевали, а наутрѣ и обѣдали на Рознежи, а ночевали на Чебоксари; а отъ Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли, и пріидоша подъ Казань на ранней зарѣ». — Село Разнежье Нижегородской губерніи, Васильскаго уѣзда, на лѣвомъ берегу Волги.

[5]) П. С. Р. Л. VI, 190; Никон. VI, 11; въ Архангел. 170 иначе: «Воеводы судовые рати нелюбье держали про-

островъ Коровничъ, гдѣ стояла семь дней. На осьмой прибѣжалъ изъ Казани плѣнный Коломнятинъ и объявилъ: „Собрался на васъ царь Казанскій Ибрагимъ со всею Землею, камскою, сыплинскою, костяцкою, бѣловоложскою, вотяцкою, башкирскою, и быть ему на васъ на ранней зарѣ, съ судовою ратью и конною." Услыхавши эту вѣсть, воеводы и ратники начали отсылать отъ себя молодыхъ людей съ большими судами, а сами остались назади, на берегу, оборонять ихъ. Они приказали молодымъ стать на Ирыховѣ островѣ, а на узкое мѣсто не ходить; но тѣ не послушались, пошли въ узкое мѣсто на большихъ судахъ, и тутъ пришли на нихъ конные Татары, начали стрѣлять, стараясь ихъ выбить; но Русскіе отстрѣливались удачно и отбились отъ непріятеля. Между тѣмъ судовая рать татарская, лучшіе князья и люди, пошли на главный отрядъ, сбираясь пожрать его, потому что былъ не великъ; но Русскіе не испугались, пошли противъ Татаръ—и прогнали ихъ до самаго города. Возвратившись съ погони, вся рать стала на Ирыховѣ островѣ, и тутъ пришелъ къ ней большой воевода Беззубцевъ, который, простоявши еще семь недѣль въ ожиданіи Вятчанъ и отряда князя Ярославскаго, и видя, что въ войскѣ оказывается недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, двинулся со всею ратью назадъ къ Нижнему. На другой день встрѣтили они ханшу, мать Ибрагимову, плывшую изъ Москвы, которая объявила имъ, что войны больше не будетъ. „Князь великій, говорила она, отпустилъ меня къ сыну со всѣмъ добромъ и съ честію; больше уже не будетъ никакого лиха между ними, но все только добро будетъ". Вѣроятно прибытіе этой ханши въ Москву и заставило великаго князя отложить походъ Беззубцева изъ Нижняго. Воевода продолжалъ путь Волгою вверхъ, и, остановившись въ воскресенье на Звеничѣ островѣ, велѣлъ священникамъ служить обѣдню; отслушавъ обѣдню, хотѣли уже садиться обѣдать, а въ нѣкоторыхъ церквахъ не успѣли еще и обѣденъ отслужить, какъ вдругъ показались Татары въ судахъ на рѣкѣ и на коняхъ по берегу. Русскіе бросились на суда, схватились съ непріятелемъ и прогнали его; но стрѣльба конницы заставила ихъ отплыть къ своему берегу; тогда судовые Татары погнались опять за ними; Русскіе снова оборотились и прогнали Татаръ; такъ бились цѣлый день и разошлись ночевать—Татары на своемъ берегу, Русскіе—на своемъ. Какъ на другой день они разошлись,—лѣтописи не говорятъ.

межъ себя другъ подъ другомъ итти не хочетъ; и передумавъ, да поставили себѣ воеводу отъ середнихъ бояръ Ивана Дмитреевича Руна, и пріидоша подъ городъ Казань утрѣ на ранней зарѣ безвѣстно, а сторожи Татарскіе не слыхали, и взяти имъ было Казань, Татарове спятъ, а рать судовая о стѣну пришла; и поноровилъ Татаромъ Иванъ Руно, отбилъ рать отъ воротъ городныхъ прочь, а самъ велѣлъ трубити во многіе трубы и Татарове заслыша нарядились». Обвиненіе явно несправедливое, ибо Русскіе пришли безвѣстно; когда же было Руну сговариваться съ Татарами и брать подкупъ; если же онъ не взялъ подкупа, то зачѣмъ ему было норовить Татарамъ?

Но есть извѣстіе о судьбѣ другого отряда, находившагося подъ начальствомъ князя Ярославскаго, который, какъ мы видѣли, шелъ Вяткою и Камою. Получивши вѣсть отъ одного Татарина, что войско Беззубцева было подъ Казанью и ушло, заключивши миръ съ ханомъ, князь Ярославскій рѣшился выйти изъ Камы въ Волгу и, мимо Казани, плыть къ Нижнему. Но когда онъ поравнялся съ Казанью, то нашелъ, что Волга загорожена татарскими судами; несмотря на неравенство силъ, Русскіе должны были вступить въ битву, чтобъ проложить себѣ дорогу; битва была ожесточенная, сѣклись, схватываясь руками; нѣсколько воеводъ полегло на мѣстѣ; особенное мужество оказалъ князь Василій Ухтомскій, который скакалъ по связаннымъ судамъ татарскимъ и билъ ослопомъ непріятеля. Русскіе потеряли 430 человѣкъ убитыми и взятыми въ плѣнъ; много было побито, потоплено и Татаръ; наконецъ князю Ухтомскому и Устюжанамъ удалось пробиться и приплыть къ Нижнему [1]), откуда послали къ великому князю бить челомъ о жалованьи: Іоаннъ дважды посылалъ къ нимъ по золотой деньгѣ; но они обѣ эти деньги отдали священнику, который былъ съ нимъ подъ Казанью,—пусть Бога молитъ о государѣ и о всемъ его воинствѣ; въ третій разъ Іоаннъ послалъ имъ запасъ: 700 четвертей муки, 300 пудовъ масла, 300 луковъ, 6,000 стрѣлъ, 300 шубъ бараньихъ, 300 однорядокъ изъ иностраннаго сукна и 300 сермягъ, съ приказомъ идти въ новый походъ на Казань.

Въ четыре описанные похода ничего не было сдѣлано: весь успѣхъ ограничивался опустошеніемъ непріятельскихъ областей, за что Казанцы также не оставались въ долгу; сожженіе казанскихъ посадовъ Руномъ не могло вознаградить за потери, понесенныя отрядомъ князя Ярославскаго; мало того,—выгода была явно на сторонѣ Казанцевъ, потому что имъ удалось подчинить себѣ Вятку. Лѣтописи не говорятъ намъ о числѣ войскъ, отправлявшихся до сихъ поръ на Казань; но изъ ихъ разсказа ясно, что неуспѣхъ главнымъ образомъ зависѣлъ отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности; одинъ воевода не могъ ничего сдѣлать, потому что не могъ дождаться другого; приказъ великокняжескій и воеводскій не былъ исполненъ: Руно пошелъ на Казань, когда ему прямо сказано было не ходить; подъ Казанью молодые не слушались старшихъ. И вотъ, для полученія чего-нибудь рѣшительнаго, лѣтомъ же 1469 года, Іоаннъ послалъ подъ Казань двоихъ братьевъ своихъ—Юрія и Андрея Большаго—вмѣстѣ съ молодымъ Верейскимъ княземъ, Василіемъ Михайловичемъ, со всею силою московскою и устюжскою, конною и судовою. 1-го сентября князь Юрій подошелъ къ Казани; Татары выѣхали навстрѣчу, но, побившись немного, побѣжали въ городъ и затворились, а Русскіе обвели острогъ и отняли воду. Тогда Ибрагимъ, видя себя въ большой бѣдѣ,

[1]) Архангел., 172.

началъ посылать съ просьбою о мирѣ, и добилъ челомъ на всей волѣ великаго князя и воеводской. Мы не знаемъ, въ чемъ состояла эта воля; знаемъ только, что ханъ выдалъ всѣхъ плѣнниковъ, взятыхъ за 40 лѣтъ.

Очень быть можетъ, что никакихъ другихъ условій не было; могли желать покончить скорѣе съ Казанью, потому что вниманіе отвлекалось другими, важнѣйшими отношеніями: съ Новгородцами дѣла не ладились; Казиміръ Литовскій пересылался съ Ахматомъ, ханомъ Золотой Орды. Въ продолженіи слѣдующихъ осьми лѣтъ, когда Іоаннъ былъ занятъ дѣлами новгородскими, о Казани не было слышно: и, какъ нарочно, ханъ Казанскій нарушилъ миръ въ то самое время, когда Іоаннъ привелъ Новгородъ окончательно въ свою волю и могъ обратить оружіе на востокъ. Въ началѣ 1478 года, когда еще великій князь былъ въ Новгородѣ, пришла въ Казань вѣсть, что онъ потерпѣлъ пораженіе отъ Новгороцевъ и самъ-четвертъ убѣжалъ раненый. Ханъ поспѣшилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и вооружился. Но относительно похода Казанцевъ въ лѣтописяхъ встрѣчаемъ разныя показанія: въ нѣкоторыхъ говорится, что самъ Ибрагимъ напалъ на Вятку, взялъ много плѣнныхъ по селамъ; но города не взялъ ни одного, и подъ Вяткою потерялъ много своихъ Татаръ, стоявши подъ городомъ съ масляницы до четвертой недѣли поста [1]); въ иныхъ прибавлено, что и нѣкоторые города передались хану [2]); въ другихъ сказано, что ханъ пошелъ-было и на Устюгъ, но задержанъ былъ разлившеюся рѣкою [3]). Но въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ говорится, что Ибрагимъ не пошелъ самъ, а послалъ на Вятку войско, и когда пришла къ нему справедливая вѣсть, что великій князь покорилъ Новгородъ, то онъ отдалъ войску приказъ возвратиться немедленно; войско повиновалось такъ ревностно, что побѣжало, бросивши даже кушанье, которое варилось въ котлахъ [4]). Мы не можемъ видѣть несогласимаго противорѣчія въ томъ, что ханъ самъ пошелъ въ походъ или только отправилъ войско съ воеводами: народная молва и самые лѣтописцы легко могли приписать походъ самому хану, хотя бы его и не было при войскѣ; легко могло явиться выраженіе „Приходилъ царь Казанскій", вмѣсто „Приходили Татары Казанскіе", или „Приходилъ царевичъ Казанскій". Что же касается до извѣстія о быстромъ отступленіи вслѣдствіе приказа изъ Казани, то оно не противорѣчитъ извѣстію объ опустошеніи Вятской области и четырехнедѣльномъ стояніи подъ городомъ, ибо приказъ возвратиться именно могъ придти послѣ этого четырехнедѣльнаго стоянія; наконецъ относительно извѣстія о походѣ къ Устюгу легко можно допустить здѣсь отдѣльный отрядъ татарскій.

[1]) Русск. Времен. II, 141.
[2]) Никон. VI, 105.
[3]) Архангел., стр. 184. «Молома рѣка была водяна, нельзѣ итти.»
[4]) П. С. Р. Л. VI, 221.

Какъ бы то ни было, великій князь не хотѣлъ оставлять безъ вниманія нарушеніе мира со стороны Ибрагимовой, и весною московскіе воеводы, Образецъ и другіе, поплыли Волгою изъ Нижняго къ Казани, опустошили волости и подплыли къ городу; но сильная буря и дождь помѣшали приступу и заставили московское войско отступить; съ другой стороны—Вятчане и Устюжане вошли Камою въ Казанскія владѣнія и также опустошили ихъ. Ибрагимъ послалъ съ челобитьемъ къ великому князю, и заключилъ миръ на всей его волѣ [5]); воля эта опять остается неизвѣстною.

До сихъ поръ война съ Казанью ограничивалась местью, опустошеніями за опустошенія; изъ мирныхъ договоровъ, заключавшихся по волѣ великаго князя Московскаго, знаемъ только объ обязательствѣ хана отпустить плѣнниковъ; но скоро смерть Ибрагима и внутреннія смуты, послѣдовавшія за нею въ Казани, дали Московскому князю возможность утвердить здѣсь рѣшительно свое вліяніе, впервые привести въ зависимость Татарское царство. Послѣ Ибрагима осталось двое сыновей отъ разныхъ женъ: старшій—Алегамъ (Али-Ханъ) и младшій—Магметъ-Аминь; около каждаго изъ нихъ образовалась своя сторона; Алегамъ, съ помощію Ногаевъ, осилилъ и сѣлъ на отцовскомъ столѣ; но волненія не прекратились и подавали поводъ Московскому князю вооруженною рукою вмѣшиваться въ казанскія дѣла [6]): наконецъ молодой Магметъ-Аминь явился въ Москву бить челомъ великому князю, назвалъ его себѣ отцомъ и просилъ у него силы на брата Алегама. Іоаннъ обѣщалъ; ему тѣмъ болѣе выгодно было видѣть ханомъ къ Казани Магметъ-Аминя, что мать послѣдняго, Нурсалтанъ, вышла замужъ за Крымскаго хана Менгли-Гирея, вѣрнаго союзника Москвы, и скоро пришла вѣсть изъ Казани, обѣщавшая удачу въ предпріятіи. Казанскіе вельможи прислали сказать великому князю: „Мы отпустили къ тебѣ Магметъ-Аминя для того, что если въ случаѣ Алегамъ станетъ съ нами поступать дурно, то ты опять отпустишь къ намъ Магметъ-Аминя; узнавши объ этомъ, Алегамъ зазвалъ насъ къ себѣ на пиръ и хотѣлъ перерѣзать,—мы убѣжали въ степь, а онъ, укрѣпивши городъ, выступилъ за нами". Іоаннъ не сталъ болѣе медлить и, въ апрѣлѣ 1487 года, послалъ на Казань большую рать, подъ начальствомъ князей — Данилы Холмскаго, Александра Оболенскаго, Семена Ряполовскаго и Семена Ярославскаго, вслѣдъ за которыми отправилъ и Магмета-Аминя. Войска, по обычаю, плыли

[5]) Русск. Времен. II, 142.
[6]) Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 26: «Послалъ князь Вел. въ Казань къ Магмедену (?) царю воеводъ своихъ—князя Василья Ив. Оболенскаго, да кн. Василья Тулупа Стародубскаго, да кн. Тимоѳея Проворовскаго, по царевѣ Мамедеминовѣ присылкѣ, что хотѣлъ братью свою выдати В. князю; и князи Казанскіе воле ему не дали, хотѣли Магмедина самого убити, и Магмедеминъ ушолъ къ В. князя воеводамъ, князи ему Казанскіе добили челомъ, и Магмедеминъ пошелъ къ нимъ опять въ городъ на царство».

на судахъ, лошадей гнали берегомъ. Алегамъ выѣхалъ противъ нихъ со всею силою, но, побившись немного, убѣжалъ въ городъ и заперся здѣсь. Казань была осаждена, обведена была острогомъ; осада продолжалась три недѣли, и каждый день Алегамъ дѣлалъ вылазки; съ другой стороны, много вреда русскому войску причинялъ князь Алгазый, оставшійся внѣ города; наконецъ воеводамъ удалось прогнать Алгазыя за Каму въ степь; послѣ этого изнемогъ и Алегамъ: самъ выѣхалъ изъ города и отдался въ руки воеводамъ 9 іюля. На его мѣсто посланъ былъ Магметъ-Аминь, какъ подручникъ великаго князя Московскаго; крамольные князья и уланы казнены смертію; Алегамъ съ женою сосланы въ заточеніе въ Вологду, мать его, братья и сестры—на Бѣлоозеро въ Карголомъ [1]). Подручническія отношенія Магметъ-Аминя къ Московскому великому князю не выражаются нисколько въ формахъ ихъ грамотъ; письма ханскія начинаются такъ: „Великому князю Ивану Васильевичу всея Руси, брату моему, Магметъ-Аминь царь челомъ бьетъ"; письма Іоанновы начинаются такъ же: „Магметъ-Аминю царю, брату моему, князь великій Иванъ челомъ бьетъ". Но, несмотря на равенство въ формахъ, письма Іоанновы къ Магметъ-Аминю заключаютъ въ себѣ приказанія; такъ, напримѣръ, муромскіе намѣстники поймали однажды казанскаго Татарина, который ѣхалъ съ товарами черезъ Мордву, а Новгородъ-Нижній и Муромъ объѣхалъ, избывая пошлинъ. Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ писалъ Магметъ-Аминю: „Ты бы въ Казани и во всей своей Землѣ заповѣдалъ всѣмъ своимъ людямъ, чтобы изъ Казани чрезъ Мордву и Черемису на Муромъ и Мещеру не ѣздилъ никто, а ѣздили бы изъ Казани все Волгою на Новгородъ-Нижній". Желая жениться на дочери Ногайскаго хана, Магметъ-Аминь испрашивалъ на то согласія великаго князя; наконецъ видимъ, что на Казанскія волости наложена была извѣстная подать, шедшая въ московскую казну и сбираемая московскими чиновниками; такъ Магметъ-Аминь жаловался великому князю, что какой-то Ѳедоръ Киселевъ притѣсняетъ цивильскихъ жителей, беретъ лишнія пошлины [2]).

Но самъ Магметъ-Аминь возбудилъ противъ себя негодованіе вельможъ казанскихъ разнаго рода насиліями. Въ маѣ 1496 года онъ извѣстилъ великаго князя, что идетъ на него Шибанскій царь Мамукъ съ большою силою, а внутри Казани измѣна,—сносятся съ непріятелемъ князья Калиметъ, Уракъ, Садырь и Агишъ. Іоаннъ велѣлъ идти къ нему на помощь воеводѣ своему, князю Семену Ряполовскому, съ дѣтьми боярскими московскаго двора и понизовыхъ городовъ; когда Калиметъ съ товарищами узнали о приближеніи московскаго войска, то выбѣжали изъ Казани къ Мамуку, который также испугался и ушелъ домой. Но только-что московское войско успѣло возвратиться, какъ недовольные Казанцы дали объ этомъ знать Мамуку, и тотъ явился подъ Казанью съ большою силою ногайскою и князьями казанскими. Магметъ-Аминь, боясь измѣны, выбѣжалъ изъ Казани съ женою и вѣрными князьями, и пріѣхалъ въ Москву, гдѣ великій князь держалъ его въ чести. Мамукъ вошелъ въ Казань безъ сопротивленія, но началъ царствованіе тѣмъ, что схватилъ своихъ старыхъ доброжелателей, Калимета съ товарищами, ограбилъ купцовъ и всѣхъ земскихъ людей. Князей онъ скоро выпустилъ и пошелъ съ ними осаждать Арскій городъ; но арскіе князья города своего ему не сдали и бились крѣпко; въ то же время и князья казанскіе убѣжали изъ его стана въ Казань, укрѣпили городъ, не пустили въ него Мамука, и послали въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ простилъ ихъ за измѣну и пожаловалъ, не присылалъ бы къ нимъ прежняго хана Магметъ-Аминя, потому что отъ него большое насиліе и безчестіе женамъ ихъ. Великій князь исполнилъ ихъ просьбу и, вмѣсто Магметъ-Аминя, послалъ въ Казань младшаго брата его, также сына Ибрагимова отъ Нурсалтаны, Абдылъ-Летифа, недавно пріѣхавшаго служить ему изъ Крыма и получившаго въ кормленіе Звенигородъ со всѣми пошлинами. Князья Семенъ Холмской и Ѳедоръ Палецкій посадили Летифа на царство и привели къ присягѣ (шерти) за великаго князя всѣхъ князей казанскихъ, улановъ и земскихъ людей, по ихъ вѣрѣ. Магметъ-Аминю, вмѣсто Казани, дали Каширу, Серпуховъ, Хотунь со всѣми пошлинами; но онъ и здѣсь нрава своего не перемѣнилъ, жилъ съ насильствомъ и алчно ко многимъ, по словамъ лѣтописца [3]).

Летифъ не долго царствовалъ. Какъ видно, тотъ же самый князь Калиметъ, который былъ въ главѣ недовольныхъ Магметъ-Аминемъ, потомъ оказался опасенъ Мамуку и былъ имъ схваченъ, теперь не могъ ужиться и съ Летифомъ и дѣйствовалъ противъ него обвиненіями въ Москвѣ: въ январѣ 1502 года великій князь отправилъ въ Казань князя Василья Ноздреватаго и Ивана Телешова съ приказомъ схватить Летифа за его неправду; Летифъ былъ схваченъ, привезенъ въ Москву и сосланъ въ заточенье на Бѣло-озеро [4]). По другимъ же извѣстіямъ [5]), Летифъ былъ схваченъ Калиметомъ, пріѣхавшимъ для того изъ Москвы. Московскій посолъ въ Крыму объявилъ Менгли-Гирею о винахъ Летифа въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ: „Великій князь его пожаловалъ, посадилъ на Казани, а онъ ему началъ лгать, ни въ какихъ дѣлахъ управы не чинилъ, да и до Земли Казанской сталъ быть лихъ" [6]). На мѣсто Летифа посаженъ былъ опять Магметъ-Аминь, который не забылъ, что Калиметъ былъ главнымъ виновникомъ его прежняго изгнанія изъ Казани; можетъ быть, Калиметъ своимъ пове-

---

[1]) Никон. VI, 121; Арх. 193; П. С. Р. Л. VI, 237.

[2]) Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ; Ногайскія дѣла, № 1, стр. 10 и слѣд.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 40, 41.

[4]) Тамъ же, стр. 47.

[5]) Арх. 208.

[6]) Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла № 2, стр. 1007.

деніемъ и своими отношеніями къ Москвѣ убѣдилъ хана, что имъ двоимъ нельзя быть вмѣстѣ въ Казани. Магметъ-Аминь убилъ Калимета, держа гнѣвъ на великаго князя, по словамъ лѣтописца [1]). По другимъ извѣстіямъ, этотъ гнѣвъ еще болѣе былъ воспламененъ новою женою Магметъ-Аминя, вдовою прежняго царя Казанского Алегама, на которой великій князь позволилъ жениться; будучи научаема вельможами, она день и ночь шептала хану, чтобъ отложился отъ Москвы [2]). Весною 1505 года Магметъ-Аминь прислалъ въ Москву одного изъ своихъ князей съ грамотою о какихъ-то дѣлахъ; какъ видно, грамота заключала въ себѣ жалобы, потому что великій князь отправилъ въ Казань своего посла сказать хану, чтобъ онъ всѣмъ тѣмъ рѣчамъ не потакалъ. Этотъ отказъ въ удовлетвореніи жалобъ послужилъ Магметъ-Аминю поводомъ къ отложенію отъ Москвы; посолъ великокняжескій былъ схваченъ вмѣстѣ съ русскими купцами, пріѣхавшими на ярмарку 24 іюня; нѣкоторые изъ нихъ были убиты, другіе ограблены и отосланы къ Ногаямъ; послѣ чего Магметъ-Аминь подходилъ къ Нижнему-Новгороду, который былъ спасенъ искусствомъ и храбростію плѣнныхъ стрѣльцовъ литовскихъ, взятыхъ на Ведрошѣ и сосланныхъ въ Нижній. Скоро послѣдовавшая за тѣмъ смерть великаго князя дала хану возможность наслаждаться своимъ торжествомъ безнаказанно.

Прочнѣе, чѣмъ на низовьяхъ Камы, утвердилось русское владычество въ верхнихъ ея частяхъ. Мы видѣли, что еще въ княженіе Димитрія Донскаго Св. Стефанъ крестилъ часть народонаселенія Пермской Земли, именно Зырянъ; изъ описаній этого событія видно, что послѣдніе еще прежде были подчинены великимъ князьямъ Московскимъ; Св. Стефанъ является ходатаемъ за новообращенныхъ предъ правительствомъ. Дѣло Стефана въ Перми довершено было однимъ изъ преемниковъ его: подъ 1462 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что епископъ Пермскій Іона крестилъ Великую Пермь и князя ея, поставилъ церкви, игуменовъ и священниковъ [3]). Въ какомъ отношеніи находилась эта Великая Пермь и князь ея въ Москвѣ,—мы не знаемъ; Новгородцы даже въ Шелонскомъ договорѣ включили Пермь въ число своихъ владѣній; но тотчасъ по заключеніи этого договора, въ 1472 году, великій князь послалъ воеводу, князя Ѳедора Пестраго, на Пермяковъ за ихъ неисправленіе; 26 іюня пришла въ Москву вѣсть, что Пестрый завоевалъ Пермскую Землю; съ устья Черной рѣки воевода плылъ на плотахъ съ лошадьми до городка Анфаловскаго; здѣсь сошелъ съ плотовъ и отправился на лошадяхъ въ верхнюю землю къ городку Искору, отпустивши отрядъ подъ начальствомъ Нелидова въ нижнюю землю, на Уросъ, Чердынь и Почку, гдѣ владѣлъ князь Михаилъ. Не доходя до Искора на рѣкѣ Колвѣ, Пестрый встрѣтилъ пермскую рать, разбилъ ее, взялъ въ плѣнъ воеводу Качаима. Отсюда Русскіе пошли къ Искору, взяли его, взяли и другіе городки и пожгли; Нелидовъ дѣлалъ то же въ нижней землѣ. Пришедши на мѣсто, гдѣ рѣка Почка впадаетъ въ Колву, Пестрый сождался со всѣми своими отрядами, срубилъ городокъ, сѣлъ въ немъ и привелъ всю Землю за великаго князя, къ которому отправилъ плѣннаго князя Михаила съ воеводами его и добычу—шестнадцать сороковъ соболей, шубу соболью, двадцать девять съ половиною поставовъ сукна, три панцыря, шлемъ и двѣ сабли булатныя [4]). Послѣ впрочемъ, во все продолженіе княженія Іоаннова, въ Перми оставались туземные князья; послѣднимъ изъ нихъ былъ Матвѣй Михайловичъ, вѣроятно сынъ упомянутаго выше Михаила; этого Матвѣя великій князь свелъ съ Великой Перми въ 1505 году, и послалъ туда перваго русскаго намѣстника, князя Василья Ковра [5]).

Новгородцы и Югру причисляли къ своимъ волостямъ; но мы видѣли, какъ непрочно было тамъ ихъ владычество. Въ 1465 году Іоаннъ велѣлъ Устюжанину, Василью Скрябѣ, воевать Югорскую Землю; съ нимъ пошли охочіе люди, пошелъ также князь Василій Ермолаичъ Вымскій съ Вымичами и Вычегжанами. Выведши много полона, они привели Югорскую Землю за великаго князя, двоихъ князей доставили въ Москву, гдѣ великій князь пожаловалъ ихъ опять Югорскимъ княженіемъ, и отпустилъ домой, наложивши дань. Давно уже Вогуличи нападали на Русскія владѣнія въ Перми: мы видѣли, что епископъ Питиримъ, одинъ изъ преемниковъ Св. Стефана, палъ ихъ жертвою. Въ 1467 году 120 человѣкъ Вятчанъ вмѣстѣ съ Пермяками воевали Вогуличей и взяли въ плѣнъ князя ихъ Асыку. Въ 1481 году Вогуличи напали на Великую Пермь, проникли до Чердыни, но здѣсь настигли ихъ Устюжане, подъ начальствомъ Андрея Мишнева, и побили. Асыка какимъ-то образомъ успѣлъ освободиться изъ плѣна, и въ 1483 году великій князь послалъ на него воеводъ, князя Ѳедора Курбскаго, Чернаго и Салтыка Травина съ Устюжанами, Вологжанами, Вычегжанами, Вымичами, Сысоличами, Пермяками. На устьи Пелымы встрѣтили они Вогуличей и разбили съ потерею только семи человѣкъ своихъ; отсюда пошли внизъ по Тавдѣ, мимо Тюмени, въ Сибирскую Землю, дорогою воевали, добра и плѣнныхъ взяли много; отъ Сибири пошли внизъ по Иртышу, съ Иртыша на Обь, въ Югорскую Землю, взяли въ плѣнъ большаго ея князя Молдана и другихъ, и возвратились въ Устюгъ 1 октября, вышедши оттуда 9 мая. Въ 1485 году, по старанію Пермскаго епископа Филоѳея, князья югорскіе, кодскіе—Молданъ, отпущенный изъ плѣна съ дѣтьми, да трое другихъ заключили миръ подъ владычнимъ городомъ Устьвымскимъ съ князьями вымскими — Петромъ и Ѳедо-

[1]) Арх., стр. 208.

[2]) Сказаніе о землѣ царства Казан., рукоп. библіот. Москов. Унивеp., стр. 39.

[3]) Лѣтоп., служ. продол. Нест. стр. 206.

[4]) Никон. VI, 44.

[5]) Арх. 209, 210.

ромъ, съ вычегодскимъ сотникомъ и съ владычнимъ слугою, клялись лиха не мыслить и не нападать на пермскихъ людей, а предъ великимъ княземъ вести себя исправно; по для подкрѣпленія клятвы пили воду съ золота, по своему обычаю. Въ послѣдній годъ XV вѣка былъ послѣдній походъ на Югорскую Землю, на Вогуличей: ходили воеводы—князь Семенъ Курбскій, Петръ Ушатый и Заболоцкій-Бражникъ съ 5,000 Устюжанъ, Двинянъ, Вятчанъ; разными рѣками и волоками достигли Печоры, построили на берегу крѣпость и отсюда отправились за Уральскія горы, которыя перешли съ большимъ трудомъ [1]).

Такъ утвержденіе Русскаго владычества на Камѣ, въ Перми, имѣло необходимымъ слѣдствіемъ подчиненіе и отдаленнѣйшихъ странъ сѣверо-восточныхъ, переходъ черезъ Уральскія горы, потому что дикіе жители этихъ странъ нападали на Пермь и тѣмъ самымъ вызывали на себя русское оружіе. Но, вдаваясь все болѣе и болѣе на сѣверо-востокъ, по искони принятому направленію, распространяясь легко насчетъ дикихъ финскихъ племенъ, рѣдко разбросанныхъ по огромнымъ пространствамъ, русскія владѣнія не могли съ такою же легкостью распространяться на юго-востокъ, ибо тамъ еще стояли своими вежами Татары, ослабленные раздѣленіемъ на нѣсколько ордъ, потерявшіе для Руси прежнее значеніе безусловныхъ повелителей, но въ первую половину княженія Іоаннова еще не отказывавшіеся отъ притязаній на дань, и долго послѣ опасные, какъ разбойники неукротимые. Казань, благодаря усобицѣ между дѣтьми Ибрагимовыми, была приведена въ волю великаго князя Московскаго, но отложилась передъ смертію Іоанна, и послѣ долгихъ усилій окончательно была покорена только при внукѣ его. Золотая Орда разсыпалась окончательно при Іоаннѣ III, но передъ паденіемъ своимъ привела въ сильный страхъ Московское государство, не оставляя своихъ притязаній на господство надъ нимъ.

Увлекаемый Новгородцами въ борьбу съ Московскимъ княземъ и не имѣя досуга и средствъ къ этой борьбѣ, Казимиръ Литовскій хотѣлъ остановить Іоанна посредствомъ Татаръ. Въ 1471 году онъ послалъ въ Золотую Орду къ хану Ахмату Татарина Кирѣя Криваго, холопа Іоаннова, бѣжавшаго отъ своего господина въ Литву. Пріѣхавши къ Ахмату, Кирѣй началъ говорить ему отъ короля на Московскаго князя многія рѣчи лживыя и обговоры, поднесъ богатые дары хану и всѣмъ вельможамъ его, и билъ челомъ, чтобъ вольный царь пожаловалъ, пошелъ на Московскаго князя со всею Ордою, а король съ другой стороны пойдетъ на Москву со всею своею Землею. Вельможи были за короля, но хану въ это время былъ недосугъ: цѣлый годъ продержалъ онъ у себя Кирѣя, не имѣя съ чѣмъ отпустить его [2]), а между тѣмъ Вятчане, приплывши Волгою, овладѣли Сараемъ, во время отсутствія хана, разграбили городъ, взяли плѣнныхъ множество [3]).

Не успѣвши вовремя отвлечь Іоанна отъ Новгорода, Ахматъ пришелъ къ московскимъ границамъ только лѣтомъ 1472 года, когда новгородскій походъ былъ уже конченъ и великій князь могъ направить всѣ свои силы въ одну сторону. Узнавши, что ханъ подъ Алексинымъ, Іоаннъ велѣлъ идти къ Окѣ братьямъ своимъ и воеводамъ, и самъ немедленно поѣхалъ въ Коломну, а оттуда въ Ростиславль, куда велѣлъ слѣдовать за собою и сыну Іоанну [4]). Въ Алексинѣ было мало ратныхъ людей, не было ни пушекъ, ни пищалей, ни самострѣловъ, никакого городнаго пристрою, и потому великій князь велѣлъ воеводѣ Алексинскому, Беклемишеву, оставить городъ по невозможности держаться въ немъ [5]). Но воевода не хотѣлъ выйти изъ города, не взявши посула съ жителей: тѣ давали ему пять рублей; но онъ требовалъ шестаго—для жены, и, въ то время какъ происходила эта торговля, Татары повели приступъ; воевода бросился съ женою и слугами на другой берегъ; Татары кинулись также въ Оку догонять его, но поймать не могли, потому что въ это время приспѣлъ на берегъ князь Василій Михайловичъ Верейскій и не далъ имъ переправиться: въ тотъ же день пришли къ Окѣ двое братьевъ Іоанновыхъ, Юрій изъ Серпухова и Борисъ съ Козлова Броду, да воевода Петръ Челядиинъ съ дворомъ великаго князя. Ханъ велѣлъ своимъ взять Алексинъ, но граждане храбро оборонялись и побили много Татаръ. Скоро однако нечѣмъ стало болѣе обороняться, не осталось ни стрѣлы, ни копья: Татары зажгли городъ, и онъ сгорѣлъ съ людьми и добромъ ихъ; кто же выбѣжалъ отъ огня, тѣ попались въ руки Татарамъ: князь Юрій Васильевичъ и воеводы стояли на другомъ берегу и плакали, но помочь не могли по глубинѣ Оки въ этомъ мѣстѣ. Послѣ ханъ спросилъ одного плѣнника, куда дѣвались Алексинцы: сгорѣло ихъ мало и въ плѣнъ попалось также мало. Плѣнникъ, которому посулили свободу за открытіе, объявилъ, что болѣе тысячи человѣкъ со всѣмъ добромъ забѣжали въ тайникъ, выведенный къ рѣкѣ; Татары взяли тайникъ и тутъ уже ни одинъ Алексинецъ не ушелъ отъ нихъ. Истребленіемъ Алексина впрочемъ и ограничились всѣ успѣхи Ахмата: слыша, что самъ великій князь стоитъ въ

[1]) Арх. 167, 168, 189, 205; Синодал. лѣтоп. № 365, у Карамз. VI, прим. 461; разрядная кн. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 85.

[2]) Никон. VI, 15.

[3]) Архангел., 177.

[4]) А не въ Ростовъ, какъ сказано въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ.

[5]) П. С. Р. Л. VI, 31. «Повеле осаду распустити понеже не успѣша доспѣха ничегоже запасти». — Я понимаю это мѣсто такъ, какъ объяснилъ въ текстѣ. Въ Архангел. лѣтоп. свое объясненіе: «Велѣлъ осаду распустити, доспѣху добывати, чѣмъ съ Татары битися». Но ясно, что эта прибавка позднѣйшаго переписчика, ибо гдѣ-бъ могъ добыть доспѣховъ Алексинскій гарнизонъ, окруженный Татарами и Окою?

Ростиславлѣ, царевичъ Даньяръ Касимовичъ, съ Татарами и Русскими,—въ Коломнѣ, братъ великаго князя Андрей Васильевичъ—въ Серпуховѣ: видя передъ собою многочисленные полки князя Юрія, какъ море колеблющееся въ свѣтломъ вооруженіи: ханъ двинулся назадъ въ свои улусы; по нѣкоторымъ же извѣстіямъ, Ахматъ принужденъ былъ отступить вслѣдствіе моровой язвы, открывшейся въ его войскѣ [1]); впрочемъ, страхъ Ахматовъ будетъ понятенъ и безъ моровой язвы, если справедливо извѣстіе одного лѣтописца, что у Русскихъ было 180,000 войска, стоявшаго въ разныхъ мѣстахъ, на пространствѣ 150 верстъ [2]).

Послѣ этого, какъ видно, заключенъ былъ миръ между Ахматомъ и великимъ княземъ: подъ 1474 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о приходѣ изъ Орды Никифора Басенка съ Ахматовымъ посломъ Каракучукомъ, который привелъ съ собою 600 Татаръ, принадлежавшихъ къ посольству, получавшихъ поэтому пищу отъ великаго князя, кромѣ 3,200 купцовъ, приведшихъ на продажу болѣе 40,000 лошадей. Въ 1476 году пріѣхалъ въ Москву новый посолъ отъ Ахмата звать великаго князя въ Орду: Іоаннъ отправилъ съ нимъ къ хану своего посла Бестужева, неизвѣстно съ какими рѣчами; извѣстно только то, что эти рѣчи не понравились; есть извѣстіе, впрочемъ сильно подозрительное, что когда ханъ отправилъ въ Москву новыхъ пословъ съ требованіемъ дани, то Іоаннъ взялъ басму (или ханское изображеніе), изломалъ ее, бросилъ на землю, растопталъ ногами, велѣлъ умертвить пословъ, кромѣ одного, и сказалъ ему: „Ступай, объяви хану: что случилось съ его басмою и послами, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ“ [3]). Гораздо вѣроятнѣе другое извѣстіе, что великую княгиню Софью оскорбляла зависимость ея мужа отъ степныхъ варваровъ, зависимость, выражавшаяся платежемъ дани, и что племянница Византійскаго императора такъ уговаривала Іоанна прервать эту зависимость: „Отецъ мой и я захотѣли лучше отчины лишиться, чѣмъ дань давать; я отказала въ рукѣ своей богатымъ, сильнымъ князьямъ и королямъ для вѣры, вышла за тебя, а ты теперь хочешь меня и дѣтей моихъ сдѣлать данниками; развѣ у тебя мало войска? зачѣмъ слушаешься рабовъ своихъ и не хочешь стоять за честь свою и за вѣру святую?“ [4]) Къ этому извѣстію прибавляютъ: будто, по старанію Софіи, у пословъ и купцовъ татарскихъ взято было Кремлевское подворье; будто Софія уговорила Іоанна не выходить пѣшкомъ на-встрѣчу къ посламъ ордынскимъ, привозившимъ басму; будто древніе князья кланялись при этомъ посламъ, подносили кубокъ съ кумысомъ и выслушивали ханскую грамоту, стоя на колѣняхъ; будто Іоаннъ, для избѣжанія этихъ унизительныхъ обрядовъ, сказывался больнымъ при въѣздѣ пословъ ханскихъ: но можно ли допустить, чтобъ отецъ и дѣдъ Іоанновъ подвергались этимъ обрядамъ, если даже допустимъ, что иностранцы, свидѣтельствующіе о нихъ [5]), и сказали полную правду?

Какъ бы то ни было, вѣроятно, что Ахматъ не былъ доволенъ поведеніемъ Іоанна, и, въ 1480 году, заслышавъ о возстаніи братьевъ великаго князя и согласившись опять дѣйствовать заодно съ Казимиромъ Литовскимъ, выступилъ на Москву; лѣтописцы говорятъ, что и на этотъ разъ король былъ главнымъ подстрекателемъ. Получивши вѣсть о движеніи Ахмата, великій князь началъ отпускать воеводъ на берега Оки: брата, Андрея Меньшаго, отправилъ въ Торусу, сына Іоанна въ Серпуховъ, и, получивши вѣсть, что ханъ приближается къ Дону, отправился самъ въ Коломну, 23 іюля. Но ханъ, видя, что по Окѣ разставлены сильные полки, взялъ направленіе къ западу, къ Литовской Землѣ, чтобъ проникнуть въ Московскія владѣнія чрезъ Угру; тогда Іоаннъ велѣлъ сыну и брату спѣшить туда: князья исполнили приказъ, пришли къ Угрѣ прежде Татаръ, отняли броды и перевозы [6]).

Въ Москвѣ сѣли въ осадѣ: мать великаго князя, инокиня Марѳа, князь Михаилъ Андреевичъ Верейскій, митрополитъ Геронтій, Ростовскій владыка Вассіанъ, намѣстникъ московскій, князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ съ дьякомъ Васильемъ Мамыревымъ; а жену свою, великую княгиню Софію (Римлянку, какъ выражаются лѣтописцы), Іоаннъ послалъ вмѣстѣ съ казною на Бѣлоозеро, давши наказъ ѣхать далѣе къ морю и океану, если ханъ перейдетъ Оку и Москва будетъ взята. Касательно самого великаго князя мнѣнія раздѣлились; одни, приводя непостоянство военнаго счастія, указывая на примѣръ великаго князя Василія Васильевича, взятаго въ плѣнъ казанскими Татарами въ Суздальскомъ бою, указывая на бѣдствія, бывшія слѣдствіемъ этого плѣна, думали, что Іоаннъ не долженъ выводить войска противъ Татаръ, но долженъ удалиться на сѣверъ, въ мѣста безопасныя. Другіе же, особенно духовенство, и изъ духовныхъ преимущественно Вассіанъ, архіепископъ Ростовскій, по талантамъ, грамотности и энергіи выдававшійся на первый планъ, думали, что великій князь долженъ оставаться съ войскомъ на границахъ. Лѣтописецъ, оставившій намъ подробнѣйшій разсказъ о событіи, держался того же мнѣнія, и сильно вооружается противъ людей, настаивавшихъ на удаленіи великаго князя отъ границъ, именно противъ двоихъ приближенныхъ бояръ, Ивана Васильевича Ощеры и Григорія Ан-

---

[1]) Архang. 180; Никон. VI, 46.

[2]) П. С. Р. Л. IV. 244.

[3]) Сказаніе о землѣ царства Казанск., рукоп. библ. Москов. Универ., стр. 33.

[4]) Чтенія Москов. Истор. Общ. Годъ III, № 4.

[5]) Dlugossi Hist. Polon. p. 588; Герберштейнъ, — Rer. Mosc. Comment. 8; Манкіева.—Ядро Росс. Истор., стр. 196. Герберштейнъ если почерпнулъ это извѣстіе не изъ Длугоша, то могъ слышать его въ отечествѣ послѣдняго; Манкіевъ безспорно взялъ его или у Длугоша, или у Герберштейна.

[6]) Сказаніе о землѣ цар. Казан., стр. 44.

древича Мамона. По его словамъ, эти богатые люди думали только о богатствѣ своемъ, о женахъ, о дѣтяхъ, хотѣли укрыть ихъ и самихъ себя въ безопасныхъ мѣстахъ, и припоминали Іоанну Суздальскій бой, какъ отца его взяли Татары въ плѣнъ и били; припоминали, что когда Тохтамышъ приходилъ, то великій князь Димитрій бѣжалъ въ Кострому, а не бился съ ханомъ. Но должно замѣтить, что лѣтописецъ, равно какъ и Вассіанъ, въ посланіи своемъ, удивительнымъ для насъ образомъ смѣшиваютъ двѣ вещи: удаленіе великаго князя отъ войска и бѣгство цѣлаго войска, покинутіе государства на жертву Татарамъ, что, по ихъ словамъ, Ощера и Мамоновъ именно совѣтовали. Великій князь, оставя войско на берегу Оки и приказавши сжечь городокъ Коширу, поѣхалъ въ Москву, чтобъ посовѣтоваться съ матерью, митрополитомъ и боярами, а князю Даніилу Холмскому далъ приказъ— по первой присылкѣ отъ него изъ Москвы, ѣхать туда же вмѣстѣ съ молодымъ великимъ княземъ Іоанномъ. 30-го сентября, когда Москвичи перебирались изъ посадовъ въ Кремль на осадное сидѣнье, вдругъ увидали они великаго князя, который въѣзжалъ въ городъ вмѣстѣ съ княземъ Ѳедоромъ Палецкимъ: народъ подумалъ, что все кончено, что Татары идутъ по слѣдамъ Іоанна; въ толпахъ послышались жалобы: „Когда ты, государь великій князь! надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогда насъ много въ безлѣпицѣ продаешь; а теперь самъ разгнѣвалъ царя, не платя ему выхода, да насъ выдаешь царю и Татарамъ". Въ кремлѣ встрѣтили Іоанна митрополитъ и Вассіанъ; Ростовскій владыка, называя его бѣгуномъ, сказалъ ему: „Вся кровь христіанская падетъ на тебя за то, что, выдавши христіанство, бѣжишь прочь, бою съ Татарами не поставивши и не бившись съ ними; зачѣмъ боишься смерти? не безсмертный ты человѣкъ,—смертный; а безъ року смерти нѣтъ ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; дай мнѣ, старику, войско въ руки,—увидишь, уклоню ли я лицо свое передъ Татарами"! Великій князь, опасаясь гражданъ, не поѣхалъ на свой кремлевскій дворъ, а жилъ въ Красномъ сельцѣ [1]), къ сыну послалъ грамоту, чтобъ немедленно ѣхалъ въ Москву, но тотъ рѣшился лучше навлечь на себя гнѣвъ отцовскій, чѣмъ отъѣхать отъ берега. Видя, что грамоты сынъ не слушаетъ, Іоаннъ послалъ приказаніе Холмскому—схвативши силою молодого великаго князя, привезти въ Москву; но Холмскій не рѣшился употребить силы, а сталъ уговаривать Іоанна, чтобъ ѣхалъ къ отцу; тотъ отвѣчалъ ему: „Умру здѣсь, а къ отцу не пойду". Онъ устерегъ движеніе Татаръ, хотѣвшихъ тайкомъ переправиться черезъ Угру и внезапно броситься на Москву; ихъ отбили отъ русскаго берега съ большимъ урономъ.

Въ Москвѣ мнѣніе Вассіана превозмогло: проживши двѣ недѣли въ Красномъ сельцѣ, приказавши Патрикѣеву сжечь московскій посадъ и распорядившись переводомъ Дмитровцевъ въ Переяславль для осады, а Москвичей въ Дмитровъ, великій князь отправился къ войску. Передъ отъѣздомъ, митрополитъ со всѣмъ духовенствомъ благословилъ его крестомъ и сказалъ: „Богъ да сохранитъ царство твое силою честнаго креста и дастъ тебѣ побѣду на враговъ; только мужайся и крѣпись, сынъ духовный! не какъ наемникъ, но какъ пастырь добрый, полагающій душу свою за овцы, потщись избавить врученное тебѣ словесное стадо Христовыхъ овецъ отъ грядущаго нынѣ волка; и Господь Богъ укрѣпитъ тебя, и поможетъ тебѣ и всему твоему Христолюбивому воинству". Все духовенство въ одинъ голосъ сказало: „Аминь, буди тако, Господу ти помогающу"! Іоаннъ отправился, но сталъ не на Угрѣ, въ виду Татаръ, а въ Кременцѣ, на рѣкѣ Лужѣ, въ тридцати верстахъ отъ Медыни, гдѣ теперь село Кременецкое. Здѣсь опять Ощера и Мамонъ начали совѣтовать ему удалиться; на этотъ разъ впрочемъ Іоаннъ не поѣхалъ въ Москву, но попытался, нельзя ли кончить дѣло миромъ, и отправилъ къ хану Ивана Товаркова съ челобитьемъ и дарами, прося жалованья, чтобъ отступилъ прочь, а улусу своего не велѣлъ воевать. Ханъ отвѣчалъ: „Жалую Ивана; пусть самъ пріѣдетъ бить челомъ, какъ отцы его къ нашимъ отцамъ ѣздили въ Орду". Но великій князь не поѣхалъ. Слыша, что Іоаннъ самъ ѣхать не хочетъ, ханъ прислалъ сказать ему: „Самъ не хочетъ ѣхать, такъ сына пришли или брата". Не получивши отвѣта, Ахматъ послалъ третій разъ: „Сына и брата не пришлешь, такъ пришли Никифора Басенкова": Никифоръ этотъ былъ уже разъ въ Ордѣ, и много даровъ давалъ отъ себя Татарамъ, за что и любили его ханъ и всѣ князья. Но Іоаннъ не послалъ и Басенкова; говорятъ, къ этому рѣшенію побудило его посланіе Вассіана, который, узнавши о переговорахъ, писалъ такъ великому князю:

„Благовѣрному и христолюбивому, благородному и Богомъ вѣнчанному, и Богомъ утвержденному, въ благочестіи всей вселенной въ концы возсіявшему, въ царяхъ пресвѣтлѣйшему, преславному государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси богомолецъ твой, архіепископъ Вассіанъ Ростовскій, благословляю и челомъ бью. Молю величество твое, боголюбивый государь! не прогнѣвайся на

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 230: «Узрѣша к. в. и стужиша, начаша к. в. обестужився глаголати и извѣты класти, ркуще: егда ты г. в. к. надъ нами княжишь въ кротости и тихости, тогды насъ много въ безлѣпицѣ продаешь; а нынѣча разгнѣвивъ царя самъ, выхода ему не платившъ, насъ выдаешъ царю и Татаромъ. Нача же владыка Вассіанъ злѣ глаголати в. к., бегуномъ его называя, сице глаголаше: «вся кровь на тебе падетъ хрестьянская, что ты выдавъ ихъ бѣжишь прочь а бои не постави съ Татары и не бився съ ними; а чему боишиса смерти? не безсмертенъ еси человѣкъ, смертенъ: и безъ року смерти нѣту ни человѣку, ни птицѣ, ни звѣрю; а дай семо вои въ руку мою, коли азъ старый утулю лице противъ Татаръ»,—и много сице глаголаше ему, а граждане роптаху на в. к. Того ради к. в. не обитавъ въ градѣ на своемъ дворѣ, боясь гражанъ мысли злые поиманія, того ради обита въ Красномъ селѣ».

мое смиренiе, что прежде дерзнулъ устами къ устамъ говорить твоему величеству твоего ради спасенiя,—потому что наше дѣло напоминать вамъ, а ваше слушать насъ; теперь же дерзнулъ я написать къ твоему благородству, хочу напомнить тебѣ немного отъ Св. Писанiя, сколько Богъ вразумитъ меня, на крѣность и утвержденiе твоей державѣ". Напомнивъ Iоанну, какъ онъ прiѣзжалъ въ Москву; какъ, повинуясь общему моленiю и доброй думѣ, обѣщалъ бороться съ Ахматомъ и не слушать людей, отвлекающихъ его отъ этой борьбы, Вассiанъ продолжаетъ: „Нынѣ слышимъ, что бусурманинъ Ахматъ уже приближается и христiанство губитъ; ты предъ нимъ смиряешься, молишь о мирѣ, посылаешь къ нему, а онъ гнѣвомъ дышетъ, твоего моленiя не слушаетъ, хочетъ до конца разорить христiанство. Не унывай, но возверзи на Господа печаль твою, и Той тя препитаетъ. Дошелъ до насъ слухъ, что прежнiе твои развратники не перестаютъ шептать тебѣ въ ухо льстивыя слова, совѣтуютъ не противиться супостатамъ, но отступить и предать на расхищенiе волкамъ словесное стадо Христовыхъ овецъ. Молюсь твоей державѣ, не слушай ихъ совѣтовъ! Что они совѣтуютъ тебѣ, эти льстецы лжеименитые, которые думаютъ, будто они христiане?—совѣтуютъ бросить щиты, и, не сопротивляясь нимало окаяннымъ этимъ сыроядцамъ, предать христiанство, свое отечество, и, подобно бѣглецамъ, скитаться по чужимъ странамъ. Помысли, великомудрый государь! отъ какой славы въ какое безчестiе сведутъ они твое величество, когда народъ тьмами погибнетъ, а церкви Божiи разорятся и осквернятся. Кто каменносердечный не всплачется объ этой погибели? Убойся же и ты, пастырь! Не отъ твоихъ ли рукъ взыщетъ Богъ эту кровь? Не слушай, государь, этихъ людей, хотящихъ честь твою приложить въ безчестiе и славу твою въ безславiе, хотящихъ, чтобъ ты сдѣлался бѣглецомъ и назывался предателемъ христiанскимъ. Выйди на-встрѣчу безбожному языку Агарянскому, поревнуй прародителямъ твоимъ великимъ князьямъ, которые не только Русскую Землю обороняли отъ поганыхъ, но и чужiя страны брали подъ себя: говорю объ Игорѣ, Святославѣ, Владимiрѣ, бравшихъ дань на царяхъ Греческихъ, о Владимiрѣ Мономахѣ, который бился съ окаянными Половцами за Русскую Землю, и о другихъ многихъ, о которыхъ ты лучше моего знаешь. А достохвальный великiй князь Димитрiй, твой прародитель, какое мужество и храбрость показалъ за Дономъ надъ тѣми же сыроядцами окаянными! — самъ напереди бился, не пощадилъ живота своего для избавленiя христiанскаго, не испугался множества Татаръ, не сказалъ самъ себѣ. „У меня жена и дѣти и богатства много, если и Землю мою возьмутъ, то въ другомъ мѣстѣ поселюсь", но, не сомнѣваясь ни мало, воспрянулъ на подвигъ, напередъ выѣхалъ, и въ лицо сталъ противъ окаяннаго разумнаго волка Мамая, желая исхитить изъ устъ его словесное стадо Христовыхъ овецъ. За это и Богъ послалъ ему на помощь ангеловъ и мучениковъ Святыхъ; за это и до сихъ поръ восхваляется Димитрiй и славится не только людьми, но и Богомъ. Такъ и ты поревнуй своему прародителю, и Богъ сохранитъ тебя; если же, вмѣстѣ съ воинствомъ своимъ, и до смерти постраждешь за православную вѣру и святыя церкви, то блаженны будете въ вѣчномъ наслѣдiи. Но, быть можетъ, ты опять скажешь, что мы находимся подъ клятвою прародительскою не поднимать рукъ на хана, то послушай: если клятва дана по нуждѣ, то намъ повелѣно разрѣшать отъ нея, и мы прощаемъ и разрѣшаемъ, благословляемъ тебя идти на Ахмата, не какъ на царя, но какъ на разбойника, хищника, богоборца; лучше солгавши получить жизнь, чѣмъ, соблюдая клятву, погибнуть, т.-е. пустить Татаръ въ Землю на разрушенiе и истребленiе всему христiанству, на запустѣнiе и оскверненiе святыхъ церквей и уподобиться окаянному Ироду, который погибъ, не желая преступить клятвы. Какой пророкъ, какой апостолъ или святитель научилъ тебя, великаго русскихъ странъ христiанскаго царя, повиноваться этому богостыдному, оскверненному, самозванному царю? Не столько за грѣхи и неисправленiе къ Богу, сколько за недостатокъ упованiя на Бога, Богъ попустилъ на прародителей твоихъ и на всю Землю нашу окаяннаго Батыя, который разбойнически поплѣнилъ всю Землю нашу, и поработилъ, и воцарился надъ нами, не будучи царемъ и не отъ царскаго рода. Тогда мы прогнѣвали Бога, и Онъ на насъ разгнѣвался, какъ чадолюбивый отецъ; а теперь, государь, если каешься отъ всего сердца и прибѣгаешь подъ крѣпкую руку Его, то помилуетъ насъ милосердый Господь".

Ахматъ, не пускаемый за Угру полками московскими, все лѣто хвалился: „Дастъ Богъ зиму на васъ: когда всѣ рѣки станутъ, то много дорогъ будетъ на Русь". Опасаясь исполненiя этой угрозы, Iоаннъ, какъ только стала Угра 26 октября, велѣлъ сыну, брату Андрею Меньшому и воеводамъ со всѣми полками отступить къ себѣ на Кременецъ, чтобъ биться соединенными силами. Этотъ приказъ нагналъ ужасъ на ратныхъ людей, которые бросились бѣжать къ Кременцу, думая, что Татары перешли уже черезъ рѣку и гонятся за ними: но Iоаннъ не довольствовался отступленiемъ къ Кременцу; онъ далъ приказъ отступить еще отъ Кременца къ Боровску, обѣщая дать битву Татарамъ въ окрестностяхъ этого города. Лѣтописцы опять говорятъ, что онъ продолжалъ слушаться злыхъ людей, сребролюбцевъ, богатыхъ и тучныхъ предателей христiанскихъ, потаковниковъ бусурманскихъ. Но Ахматъ не думалъ пользоваться отступленiемъ русскихъ войскъ: простоявши на Угрѣ до 11-го ноября, онъ пошелъ назадъ чрезъ литовскiя волости, Серенскую и Мценскую, опустошая земли союзника своего Казимира, который, будучи занятъ домашними дѣлами и отвлеченъ набѣгомъ Крымскаго хана на Подолiю, опять не исполнилъ своего обѣщанiя. Одинъ изъ сыновей Ахматовыхъ

пошелъ-было въ московскія волости, но былъ прогнанъ вѣстію о близости великаго князя, хотя за нимъ въ погоню пошли только братья великокняжескіе. О причинахъ отступленія Ахматова въ лѣтописяхъ говорится разно: говорится, что когда Русскіе начали отступать отъ Угры, то непріятель, подумавъ, что они уступаютъ ему берегъ и хотятъ биться, въ страхѣ побѣжалъ въ противную сторону. Но положимъ, что Татары подумали, будто Русскіе отступаютъ для завлеченія ихъ въ битву,—все же они отступали, а не нападали; слѣд. Татарамъ не для чего было бѣжать; потомъ, великій князь далъ приказаніе своимъ войскамъ отступить отъ Угры, когда эта рѣка стала; она стала 26 октября; положимъ, что между установленіемъ ея и приказаніемъ великаго князя протекло нѣсколько дней, но все же не пятнадцать, ибо ханъ пошелъ отъ Угры только 11 ноября; слѣдовательно, если мы даже и допустимъ, что Татары побѣжали, видя отступленіе Русскихъ, то должны будемъ допустить, что они потомъ остановились, и, подождавъ еще до 11 ноября, тогда уже выступили окончательно въ обратный походъ. Другіе лѣтописцы говорятъ правдоподобнѣе, что съ Димитріева дня (26 октября) стала зима и рѣки всѣ стали, начались лютые морозы, такъ что нельзя было смотрѣть; Татары были наги, босы, ободрались: тогда Ахматъ испугался и побѣжалъ прочь 11 ноября. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ находимъ извѣстіе, что Ахматъ бѣжалъ, испугавшись примиренія великаго князя съ братьями. Всѣ эти причины можно принять вмѣстѣ: Казимиръ не приходилъ на помощь, лютые морозы мѣшаютъ даже смотрѣть, и въ такое-то время года надобно идти впередъ на сѣверъ съ нагимъ и босымъ войскомъ, и, прежде всего, выдержать битву съ многочисленнымъ врагомъ, съ которымъ послѣ Мамая Татары не осмѣливались вступать въ открытыя битвы; наконецъ обстоятельство, главнымъ образомъ побудившее Ахмата напасть на Іоанна, именно усобица послѣдняго съ братьями, теперь болѣе не существовало [1]).

[1]) П. С. Р. Л., стр. 223 — 232; Архангел. 187. Синодал. лѣтоп. у Карамз. VI, прим. 232, 236: здѣсь упоминаются Русскія волости: Копинъ и Нюхово, на кои напалъ Амуртоза, сынъ Ахматовъ. — Касательно причинъ Ахматова ухода приводится еще одна: будто великій князь отправилъ служилаго Крымскаго царевича Нордоулата и воеводу князя Василія Ноздроватаго водою на Орду; тѣ счастливо исполнили порученіе, опустошили Орду, въ которой нашли только женщинъ, стариковъ и дѣтей. Ахматъ же, получивъ вѣсть о разореніи собственныхъ улусовъ, поспѣшно обратился въ бѣгство съ береговъ Угры. Но во 1) это извѣстіе находится въ одномъ изъ самыхъ мутныхъ источниковъ, въ высокопарномъ Сказаніи о землѣ царства Казанскаго; во 2) Ахматъ вовсе не спѣшилъ домой: сначала остановился въ Литвѣ для грабежа, потомъ остался зимовать на Донцѣ.—Лѣтописецъ такъ заключаетъ свой разсказъ: «Пріиде Кн. Вел. на Москву изъ Боровска и похвали Бога и Пречистую Богородицу и Св. чудотворцовъ, избавльшихъ насъ отъ поганыхъ; и возрадовашася и возвеселишася вси людіе, и похвалиша Бога и преч. Богородицю, глаголюще: ни ангелъ, ни человѣкъ спасе насъ, но самъ Господь спасе насъ. Тоеже зимы пріиде В. К. Софья изъ бѣговъ, бѣ бо бѣгала отъ Татаръ на Бѣло-озеро, а не гонялъ ни ктоже, и по которымъ странамъ ходила, тѣмъ пущи Татаръ отъ боярьскыхъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Быша бо жены ихъ тамо, возлюбиша бо паче жены, неже православную христіанскую вѣру».

Ахматъ возвращался въ степь съ добычею, награбленною имъ въ областяхъ литовскихъ. На отнимку этой добычи отправился ханъ Шибанской, или Тюменской Орды, Ивакъ, соединившись съ Ногаями. Ахматъ, не подозрѣвая опасности, раздѣлился съ своими султанами, и съ малымъ числомъ войска, безъ всякой осторожности, сталъ зимовать на устьяхъ Донца. Здѣсь, 6 января 1481 года, напалъ на него Ивакъ и собственноручно убилъ соннаго, послѣ чего отправилъ къ великому князю посла объявить, что супостата его уже нѣтъ больше; Іоаннъ принялъ посла съ честію, дарилъ и отпустилъ съ дарами для Ивака [2]). Такимъ образомъ, послѣдній грозный для Москвы ханъ Золотой Орды погибъ отъ одного изъ потомковъ Чингисъ-Хановыхъ; у него остались сыновья, которымъ также суждено было погибнуть отъ татарскаго оружія. Еще въ княженіе Василія Темнаго стала извѣстною Крымская Орда, составленная Едигеемъ изъ улусовъ черноморскихъ; но сыновья Едигеевы погибли въ усобицахъ, и родоначальникомъ знаменитыхъ въ нашей исторіи Гиреевъ крымскихъ былъ Ази-Гирей, сохранявшій во все продолженіе своей жизни дружбу съ Казимиромъ Литовскимъ. Но сынъ Ази-Гиреевъ, Менгли-Гирей, вслѣдствіе жестокой, наслѣдственной вражды съ ханами Золотой Орды, почелъ за лучшее сблизиться съ великимъ княземъ Московскимъ, чтобъ вмѣстѣ дѣйствовать противъ общихъ враговъ; еще въ 1474 году началось это сближеніе. Какъ дорожилъ Іоаннъ союзомъ Менгли-Гиреевымъ, имѣя въ виду не одного Ахмата, но также и Литву, и какъ еще не отвыкли въ описываемое время отъ уваженія къ ханамъ, или царямъ татарскимъ, видно изъ тона посольствъ и грамотъ Іоанна къ Менгли-Гирею: посолъ московскій, бояринъ Никита Беклемишевъ, долженъ былъ говорить хану отъ имени своего государя: „Князь великій Иванъ челомъ бьетъ: посолъ твой Ази-Баба говорилъ мнѣ, что хочешь меня жаловать, въ братствѣ, дружбѣ и любви держать, точно такъ, какъ ты съ королемъ Казимиромъ въ братствѣ, дружбѣ и любви. И я, слышавъ твое жалованье и видѣвъ твой ярлыкъ, послалъ къ тебѣ бить челомъ боярина своего Никиту, чтобъ ты пожаловалъ, какъ началъ меня жаловать, такъ бы и до конца жаловалъ". Но, соблюдая такія учтивости въ рѣчахъ посольскихъ, Іоаннъ не хотѣлъ однако, чтобъ ханъ, на этомъ основаніи, позволилъ себѣ слишкомъ повелительный тонъ въ своихъ грамотахъ; по великокняжескому наказу, Беклемишевъ долженъ былъ отговаривать, чтобъ въ договорной грамотѣ не было словъ: „Я, Менгли-Гирей царь, пожаловалъ, заключилъ съ своимъ братомъ" и проч. Но если такова будетъ форма договорныхъ грамотъ между

[2]) Архангел. 188.

Менгли-Гиреемъ и королемъ, то посолъ могъ допустить выраженіе „пожаловалъ“; если Беклемишевъ успѣетъ отговориться отъ этого пожалованія, то очень будетъ хорошо; если же не успѣетъ, то, дѣлать нечего, пусть впишутъ въ ярлыкъ. Заключая союзъ съ врагомъ Ахмата, чтобъ удобнѣе, при случаѣ, бороться съ послѣднимъ, Іоаннъ однако не хотѣлъ первый начинать этой борьбы, и потому наказалъ своему послу отговаривать, чтобъ въ ярлыкѣ не было сказано быть заодно, именно на Ахмата, но чтобъ было сказано вообще: быть на всѣхъ недруговъ заодно; если же посолъ не успѣетъ отговорить, то долженъ требовать внесенія въ ярлыкъ слѣдующаго условія: если Ахматъ или Казимиръ пойдутъ на Москву, то Менгли-Гирей самъ долженъ идти на нихъ или брата послать. Беклемишевъ никакъ не долженъ былъ соглашаться на условіе — прервать сношенія съ Ахматомъ, не отправлять къ нему пословъ: на требованіе этого условія Беклемишевъ долженъ былъ отвѣчать: „Послы между Москвою и Ордою не могутъ не ходить, потому что господаря отчина съ Ахматомъ на одномъ полѣ“. Если царь станетъ требовать поминковъ, какіе шлетъ ему король, то посолъ долженъ былъ отговаривать и ярлыка не брать; если же царь захочетъ написать въ ярлыкъ: „Поминки ко мнѣ слать и ихъ не умаливать“, то посолъ долженъ былъ отговаривать и это условіе, но, въ случаѣ нужды, могъ согласиться на него [1]).

Беклемишеву удалось отговориться отъ поминковъ, но онъ долженъ былъ согласиться вписать въ ярлыкъ пожалованіе; грамота была написана такъ: „Вышняго Бога волею, я, Менгли-Гирей царь, пожаловалъ, съ братомъ своимъ, великимъ княземъ Иваномъ, взялъ любовь, братство и вѣчный миръ отъ дѣтей на внучатъ. Быть намъ вездѣ заодно, другу другомъ быть, а недругу недругомъ. Мнѣ, Менгли-Гирею царю, твоей Земли и тѣхъ князей, которые на тебя смотрятъ, не воевать, ни моимъ уланамъ, ни князьямъ, ни козакамъ; если же безъ нашего вѣдома люди наши твоихъ людей повоюютъ, и придутъ къ намъ, то намъ ихъ казнить, и взятое отдать, и головы людскія безъ окупа выдать. Если мой посолъ отъ меня пойдетъ къ тебѣ, то мнѣ его къ тебѣ послать безъ пошлинъ и безъ пошлинныхъ людей; когда же твой посолъ ко мнѣ придетъ, то онъ идетъ прямо ко мнѣ. Пошлинамъ даражскимъ (дарага, или дорога — сборщикъ податей) и никакимъ другимъ пошлинамъ не быть. На всемъ на этомъ, какъ писано въ ярлыкѣ, я, Менгли-Гирей царь, съ своими уланами и князьями, тебѣ, брату своему великому князю Ивану, молвя крѣпкое слово, шерть (клятву) далъ: жить намъ съ тобою по этому ярлыку“ [2]). Послѣ форма грамотъ Іоанновыхъ къ Менгли-Гирею была такая: „Господарь еси великой, справедливой и премудрой, межи бесерманскими государи прехвальной государь, братъ мой, Менгли-Гирей царь. Богъ бы государство твое свыше учинилъ. Іоаннъ Божіею милостію, единъ правой государь всея Руси, отчичъ и дѣдичъ, и инымъ многимъ землямъ, отъ сѣвера и до востока государь. Величеству твоему, брата твоего, слово наше то. Приказывалъ еси къ намъ“ [3]) и проч.

Послами въ Крымъ обыкновенно отправлялись люди знатные, бояре; однажды случилось послать человѣка незначительнаго (паробка), и великій князь спѣшилъ извиниться, писалъ хану: „На Литву проѣзду нѣтъ, а полемъ пути истомны“ [4]). Важность, которую великій князь придавалъ крымскимъ отношеніямъ по поводу дѣлъ ордынскихъ и литовскихъ, заставляла его распоряжаться такъ, что въ Крыму былъ постоянно русскій посолъ; такъ Іоаннъ наказывалъ послу своему, Шеину, не уѣзжать изъ Крыма ни весною, ни лѣтомъ, и хлопотать, чтобъ царь шелъ или на Орду, или на короля, а великаго князя обсылать обо всемъ [5]); послы получали также наказъ не уѣзжать до пріѣзда другихъ [6]). Князь Семенъ Ромодановскій, отправляясь посломъ въ Крымъ, получилъ такой наказъ: „Если отъ какихъ-нибудь другихъ государей будутъ послы у царя Менгли-Гирея, отъ Турецкаго или отъ иныхъ, то ему, Ромодановскому, ни подъ которымъ посломъ у царя не садиться, и остатковъ у него послѣ нихъ не брать“ [7]).

Несмотря на то, что въ договорѣ именно было внесено условіе не требовать пошлинъ, алчность Татаръ заставляла великаго князя постоянно наказывать посламъ своимъ: „Станетъ царь посла своего отправлять къ великому князю, то говорить: какъ пожаловалъ царь великаго князя, братомъ и другомъ себѣ учинилъ и правду (клятву) на томъ далъ, потому бы и жаловалъ, посла своего послалъ бы безъ пошлинъ“ [8]). Татары любили также отправлять съ послами множество лишнихъ людей, которые въ Москвѣ кормились насчетъ великаго князя и брали у него подарки, что было отяготительно, особенно для бережливаго Іоанна; поэтому онъ наказывалъ посламъ своимъ говорить царю, чтобъ съ крымскими послами лишнихъ людей не было [9]). Въ договорѣ не упомянуто было о поминкахъ; несмотря на то, ханъ постоянно ихъ требовалъ, писалъ: „Нынѣ братству примѣта то, нынѣ тотъ запросъ: кречеты, соболи, рыбій зубъ“ [10]). Вельможи Менгли-Гиреевы подражали своему хану, привязывались ко всякому случаю, чтобъ выманить подарки: такъ царевичъ Ямгурей прислалъ сказать: „Я нынче женился и сына женилъ; такъ бы великій князь пожаловалъ, прислалъ шубу соболью, да

[1]) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Крымскія дѣла, № I, годъ 1474.

[2]) Архив. грам., долженствовавшія войти въ пятый томъ. Собр. гос. грам. и догов. № I.

[3]) Крымскія дѣла, № I, годъ 1492.

[4]) Тамъ же, годъ 1478, стр. 35.

[5]) Тамъ же, стр. 157.

[6]) Тамъ же, № 2, стр. 804.

[7]) Тамъ же, № 1, стр. 561.

[8]) Тамъ же, стр. 65.

[9]) Тамъ же, стр. 116.

[10]) Тамъ же, стр. 221.

шубу горностаеву, да шубу рысью. Да великій князь пожаловалъ, прислалъ мнѣ третьяго года панцырь; я ходилъ на недруговъ, и панцырь истерялъ; такъ великій князь пожаловалъ бы, новый панцырь прислалъ“ [1]). Менгли-Гирей объявилъ требованіе на дань съ одоевскихъ князей, писалъ великому князю: „Изстарины одоевскихъ городовъ князья давали намъ ежегодно тысячу алтынъ ясаку, а дарагамъ другую тысячу давали; по тому обычаю я и послалъ дарагу ихъ Бахшеиша“. Іоаннъ отвѣчалъ: „Одоевскихъ князей большихъ не стало, отчина ихъ пуста, а другіе князья Одоевскіе намъ служатъ, мы ихъ кормимъ и жалуемъ своимъ жалованьемъ, а иныхъ князей Одоевскихъ жребіи за нами. Что они тебѣ давали и твоему человѣку, тѣмъ я ихъ жаловалъ, и имъ нечего давать, отчина ихъ пуста, и теперь твоего человѣка я же жаловалъ, а имъ нечего давать. Такъ ты бы Одоевскимъ князьямъ впередъ свою пошлину отложилъ, да и дарагъ ихъ къ нимъ не посылалъ за своею пошлиною для меня“ [2]).

Менгли-Гирея, его царевичей, улановъ и князей еще удерживало отъ требованій то обстоятельство, что они имѣли нужду въ великомъ князѣ Московскомъ: между царевичами происходили усобицы, одинъ изгонялъ другого; изгнанники находили убѣжище и кормленіе въ московскихъ владѣніяхъ. Въ 1476 году Менгли-Гирей былъ изгнанъ Ахматомъ и мѣсто его получилъ Зенебекъ; но послѣдній не считалъ себя прочнымъ въ Крыму, и потому просилъ Іоанна, чтобъ, въ случаѣ изгнанія, далъ ему у себя убѣжище; великій князь отвѣчалъ: „Прислалъ ты ко мнѣ своего человѣка, который говорилъ, что если, по грѣхамъ, придетъ на тебя истома, то мнѣ бы дать тебѣ опочивъ въ своей Землѣ. Я и прежде твоего добра смотрѣлъ, когда еще ты былъ козакомъ; ты и тогда ко мнѣ также приказывалъ, что если конь твой будетъ потенъ, то мнѣ бы тебѣ въ своей Землѣ опочивъ дать. Я и тогда тебѣ опочивъ въ своей Землѣ давалъ, и нынче добру твоему радъ вездѣ; каковы твои дѣла будутъ послѣ, и захочешь у меня опочива, то я тебѣ опочивъ въ своей Землѣ дамъ, и истому твою подниму“ [3]). Предчувствіе Зенебека сбылось:—онъ былъ изгнанъ Менгли-Гиреемъ; Іоаннъ принялъ его и еще двоихъ братьевъ Менгли-Гиреевыхъ: Нордоулата и Айдара. Извѣщая хана о принятіи этихъ царевичей, великій князь писалъ: „Держу ихъ у себя, истому своей Землѣ и своимъ людямъ чиню для тебя“.

Но и самъ Менгли-Гирей просилъ Іоанна, чтобъ тотъ принялъ его въ случаѣ бѣды; великій князь велѣлъ ему отвѣчать, что подниметъ его истому на своей головѣ, и далъ ему крѣпкую грамоту съ золотою печатью: „Дай Господи, чтобы тебѣ лиха не было, брату моему Менгли-Гирею царю; а если что станется, какое дѣло о юртѣ отца твоего, и пріѣдешь ко мнѣ, то отъ меня, отъ сына моего, братьевъ, отъ великихъ князей и отъ добрыхъ бояръ тебѣ, царю, братьямъ и дѣтямъ твоимъ, великимъ князьямъ и добрымъ слугамъ лиха никакого не будетъ: добровольно прійдешь, добровольно прочь пойдешь, намъ тебя не держать. А сколько силы моей станетъ, буду стараться достать тебѣ отцовское мѣсто“ [4]). Въ 1475 году Крымъ былъ завоеванъ Турками; Менгли-Гирей остался ханомъ въ качествѣ подручника султанова; сначала Менгли-Гирей не жаловался на Турокъ, но подконецъ писалъ къ Іоанну: „Султанъ посадилъ въ Кафѣ сына своего; онъ теперь молодъ и моего слова слушается, а какъ выростетъ, то слушаться перестанетъ, я также не стану слушаться, и пойдетъ между нами лихо: двѣ бараньихъ головы въ одинъ котелъ не лѣзутъ“ [5]). Іоаннъ отвѣчалъ, что будетъ стоять на той крѣпкой своей грамотѣ, которую уже разъ далъ ему.

Кромѣ того, какъ было уже сказано, союзъ Крыма съ Москвою скрѣплялся враждою Менгли-Гирея къ Ахмату, а потомъ къ его сыновьямъ. Мы видѣли, что Іоаннъ и Менгли-Гирей обязались въ договорной грамотѣ имѣть однихъ враговъ и друзей, не означая именно кого; но въ грамотѣ своей 1475 г. Менгли-Гирей говоритъ, что, присягая исполнить договоръ, онъ выговорилъ Іоаннова недруга, короля; великій же князь, присягая передъ посломъ крымскимъ, выговорилъ Менгли-Гиреева недруга, Ахмата, и потому онъ, Менгли-Гирей, готовъ на всякаго недруга Іоаннова, даже и на короля; за то и великій князь обязанъ выслать своихъ служилыхъ татарскихъ царевичей противъ Ахмата, если послѣдній пойдетъ на Крымъ [6]). По смерти Ахмата, вслѣдствіе требованія султана Турецкаго, который не могъ съ удовольствіемъ смотрѣть на усобицы магометанскихъ владѣльцевъ, сыновья Ахматовы помирились съ Менгли-Гиреемъ; но когда, въ 1485 г., одинъ изъ нихъ—Муртоза, выгнанный голодомъ изъ своихъ обычныхъ кочевьевъ, пришелъ зимовать въ Крымъ, то Менгли-Гирей схватилъ его и отослалъ въ Кафу; потомъ отправилъ на Темировъ улусъ брата своего, который разогналъ и остатокъ орды; но другой Ахматовъ сынъ, Махмудъ, соединившись съ княземъ Темиромъ, напалъ на Крымъ, освободилъ Муртозу, а Менгли-Гирей едва успѣлъ спастись тайнымъ бѣгствомъ съ бою. Великій князь отрядилъ войско на улусы Ахматовыхъ сыновей, и оно успѣло освободить много крымскихъ плѣнниковъ, которыхъ отослали къ Менгли-Гирею. Муртоза послѣ этого вздумалъ посадить въ Крыму вмѣсто Менгли-Гирея брата его, Нордоулата; но такъ какъ послѣдній находился на службѣ у Іоанна, то сынъ Ахматовъ прислалъ Московскому князю такую грамоту: „Муртозино слово Ивану: вѣдомо тебѣ будь, что Нордоулатъ царь съ отцомъ моимъ и со мною былъ въ любви; помирились мы

[1]) Крымскія дѣла, № 1, стр. 256.

[2]) Тамъ же, стр. 587; № 2 — посольство князя Кубенскаго.

[3]) Тамъ же, № 1, стр. 30.

[4]) Тамъ же, стр. 35. С. г. г. и д. V, № 3.

[5]) Дѣла Крымскія, № 2, стр. 637.

[6]) С. г. г. и д. V, № 2, 4.

съ Менгли-Гиреемъ; но онъ своей клятвы не сдержалъ, за то и былъ наказанъ. Теперь Менгли-Гирей намъ недругъ, и на его мѣсто надѣемся посадить царемъ Нордоулата; отпусти его къ намъ, а женъ и дѣтей его оставь у себя. Когда Богъ помилуетъ, дастъ ему тотъ юртъ, тогда онъ возьметъ ихъ у тебя добромъ. Менгли-Гирей царь тебѣ другомъ былъ; но вѣдь и Нордоулатъ царь тебѣ другъ же; намъ онъ пригожъ и ты его къ намъ отпусти" [1]). Понятно, что Іоаннъ не отпустилъ Нордоулата къ Ахматовымъ сыновьямъ; не отпустилъ его и къ самому Менгли-Гирею, когда тотъ, обезпокоенный сношеніями Нордоулата съ врагами, просилъ прислать его въ Крымъ, обѣщая подѣлиться съ нимъ властію [2]). Вражда Ахматовыхъ сыновей съ Менгли-Гиреемъ продолжалась; Іоаннъ помогалъ Менгли-Гирею; отсюда естественно сынъ Ахматовъ, Шигъ-Ахметъ, смѣнившій Муртозу, помогалъ Литвѣ въ войнѣ ея съ Москвою. Но Литва не могла помочь ни самой себѣ, ни союзникамъ своимъ; видя это, Шигъ-Ахметъ завелъ-было мирные переговоры съ великимъ княземъ, который соглашался на союзъ съ нимъ, подъ условіемъ союза его съ Менгли-Гиреемъ, что было невозможно для Ахматова сына. Менгли-Гирей въ 1502 году рѣшилъ дѣло, напавши на Шигъ-Ахмета и нанесши ордѣ его тяжелый окончательный ударъ. Шигъ-Ахметъ убѣжалъ къ Ногаямъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ его окончательной гибели; онъ хотѣлъ доставить ему Астрахань, подъ условіемъ воевать съ Литвою и быть въ мирѣ съ Менгли-Гиреемъ. Но Шигъ-Ахметъ отправился въ Турцію; султанъ не принялъ его, какъ врага Менгли-Гиреева; тогда онъ обратился къ старому союзнику своему, королю Польскому; но тотъ заключилъ его въ неволю, желая имѣть въ рукахъ узника, освобожденіемъ котораго могъ постоянно стращать Менгли-Гирея [3]). Такъ прекратилось существованіе знаменитой Золотой Орды!

Крымъ избавилъ Москву окончательно отъ потомковъ Батыевыхъ; чрезъ его посредство завелись первыя сношенія у нея съ Турціею. Русскій посолъ, дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, ѣздившій къ Венгерскому королю, Матвѣю Корвину, былъ задержанъ на возвратномъ пути Турками въ Бѣлгородѣ, освободился по стараніямъ Матвѣя и Менгли-Гирея, и, пріѣхавши въ Москву, извѣстилъ великаго князя, что турецкіе паши въ Бѣлгородѣ намекали ему, почему бы его государю не вступить въ дружественныя сношенія съ ихъ падишахомъ. Іоаннъ, на этомъ основаніи, написалъ Менгли-Гирею: „Какъ мой человѣкъ Ѳедоръ былъ въ рукахъ у салтана Турскаго, то ему говорили паши большіе, господаря своего словомъ, что салтанъ Турскій хочетъ со мною дружбы, и ты бы для меня поотвѣдалъ, какой дружбы со мною хочетъ Турскій?" Менгли-Гирей справился въ Константинополѣ и переслалъ къ Іоанну отвѣтъ султановъ: „Если государь Московскій тебѣ, Менгли-Гирею, братъ, то будетъ и мнѣ братъ" [4]). Такой отвѣтъ еще не могъ повести къ сношеніямъ; повели къ нимъ притѣсненія, которымъ русскіе купцы стали подвергаться отъ Турокъ въ Азовѣ и Кафѣ, и вслѣдствіе которыхъ должна была прерваться торговля, издавна столь дѣятельная и выгодная для русскихъ областей. Въ 1492 году Менгли-Гирей получилъ отъ Іоанна грамоту для отсылки ея къ султану Баязету II-му. Грамота была написана такъ: „Султану великому царю. Между бусурманскими государями ты великій государь, надъ турскими и азямскими государями ты воленъ, ты польскій (сухопутный) и морской государь, султанъ Баязетъ! Іоаннъ, Божіею милостію единый правый господарь всея Россіи, отчичъ и дѣдичъ и инымъ многимъ землямъ отъ сѣвера и до востока государь, величеству твоему слово наше таково: между нами наши люди не ѣзжали нашего здоровья видѣть, только наши гости изъ нашихъ земель въ твои земли ѣздятъ. Нашимъ и вашимъ людямъ отъ этого большія выгоды были; но гости наши били намъ челомъ и сказывали, что они въ твоихъ земляхъ отъ твоихъ людей великія насилія терпятъ. Мы ихъ рѣчей не слушали, въ Азовъ и Кафу ежегодно гостей отпускали. Но теперь эти гости били намъ челомъ и сказывали, что въ нынѣшнемъ году въ Азовѣ твой паша велѣлъ имъ ровъ копать и камень возить на городское строеніе; также въ Азовѣ, Кафѣ и другихъ твоихъ городахъ оцѣнивъ ихъ товары возьмутъ, а потомъ отдадутъ только половину цѣны. Если между нашими гостями, живущими по пяти и по шести человѣкъ вмѣстѣ, при одномъ хозяйствѣ (въ одномъ котлѣ), одинъ разболится, то еще при жизни его отсылаютъ отъ него всѣхъ товарищей, товаръ ихъ печатаютъ, и когда больной умретъ, то этотъ товаръ у всѣхъ у нихъ берутъ, называя его товаромъ одного умершаго человѣка; если же больной выздоровѣетъ, то отдадутъ только половину товара. Разболится русскій купецъ и станетъ товаръ отдавать брату, или племяннику, или съ товарищемъ станетъ отсылать его къ женѣ и дѣтямъ, то у него еще у живаго товаръ отнимаютъ, и товарищей къ нему не пускаютъ. Да и другихъ много насилій терпятъ наши купцы; почему нынѣшнею весною мы ихъ и не отпустили ни въ Азовъ, ни въ Кафу, и ни въ какіе другіе твои города. Прежде наши гости платили одну тамгу, и насилій никакихъ надъ ними не было; а теперь при тебѣ недавно начались насилія; извѣстно ли это твоему величеству или не извѣстно? Если твои люди поступали такъ съ нашими людьми по твоему приказу, то мы впередъ своихъ гостей въ твои земли отпускать не будемъ. Еще одно слово: отецъ твой славный и великій былъ господарь; сказываютъ, хо-

---

[1]) Дѣла Крым. № 1, стр. 139, 163; П. С. Р. Л. VI, 236; С. г. г. и д. V, № 5.

[2]) Дѣла Крым. № 1, стр. 179, 181.

[3]) Тамъ же, № 2, стр. 818—1100; П. С. Р. Л. VI, 47 Cromeri—de reb. Polon. p. 410.

[4]) Дѣла Крымскія № 1, стр. 115, 176.

тѣлъ онъ, чтобъ наши люди между нами ѣздили здоровье наше видѣть, и послалъ-было къ намъ своихъ людей, но, по Божьей волѣ, дѣло не сдѣлалось; почему же теперь между нами наши люди не ѣздятъ здоровье наше видѣть? Обо всѣхъ этихъ дѣлахъ, написавши грамоту, прислалъ бы ты ее къ намъ, чтобъ намъ вѣдомо было" [1]).

Султанъ, получивши грамоту, отправилъ посла въ Москву; но въ Литовскихъ владѣніяхъ посолъ этотъ былъ остановленъ, по приказанію великаго князя Александра, и возвращенъ назадъ. Тогда Іоаннъ, въ 1497 году, отправилъ въ Турцію своего посла, Михайла Плещеева, которому данъ былъ наказъ править поклонъ султану и сыну его, Кафинскому намѣстнику, стоя, а не на колѣняхъ, не уступать мѣста никакому другому послу и сказать посольскія рѣчи только султану, а не пашамъ. Плещеевъ, на основаніи этого наказа, не захотѣлъ имѣть съ пашами никакого дѣла, не поѣхалъ къ нимъ обѣдать, не взялъ ихъ подарковъ. Султанъ, въ письмѣ къ Менгли-Гирею, жаловался на Плещеева, какъ на невѣжду, и объявилъ, что не отправитъ своего посла въ Москву, боясь, чтобъ онъ не потерпѣлъ тамъ оскорбленія [2]); но съ Плещеевымъ отправилъ грамоту, въ которой, называя себя государемъ Анатолійской и Румской Земли, Бѣлаго (Мраморнаго) и Чернаго морей, Караманской Земли, меньшаго Рима и иныхъ многихъ земель, а Іоанна княземъ всея Руси, Восточной, Польской и иныхъ многихъ земель, писалъ: что приложилъ его грамоту къ своему сердцу, изъявилъ желаніе, чтобъ послы между ними ходили часто; чтобъ великій князь отпускалъ въ Турцію своихъ гостей, которые увидятъ его правду къ себѣ. Относительно же обидъ прежнимъ купцамъ прислана была другая грамота, въ которой Баязетъ писалъ, что приказалъ сыну своему Магомету, Кафинскому намѣстнику, и дядькѣ его: чтобъ съ этихъ поръ давали русскимъ купцамъ за ихъ товары настоящую цѣну, не оставляли ничего за собою; не брали бы купцовъ, не заставляли ихъ камень носить и землю копать; писалъ, что съ этихъ поръ наслѣдникамъ умершихъ въ Турціи русскихъ купцовъ стоитъ только придти къ кадію, поставить свидѣтелей и присягнуть, что они дѣйствительно наслѣдники,— и товары будутъ имъ отданы. Если же кто изъ Русскихъ умретъ, а наслѣдниковъ у него при немъ не будетъ, то кадій положитъ его имущество на годъ у добраго человѣка въ крѣпкомъ мѣстѣ, и когда наслѣдникъ явится, получитъ имѣніе вышеозначеннымъ порядкомъ. Русскій человѣкъ, заболѣвши, пусть пишетъ духовную передъ добрыми людьми, и когда наслѣдникъ пріѣдетъ, получитъ имѣніе по обыску и присягѣ. Если кто изъ Русскихъ будетъ долго боленъ, то заумощики вмѣстѣ съ кадіемъ опишутъ его имѣніе, чтобъ не истерялось. Лгутъ тѣ, которые говорятъ, будто въ Турціи больныхъ Русскихъ изъ комнатъ выкидываютъ, и имѣніе ихъ берутъ на султана; кто изъ Русскихъ умретъ, и не будетъ у него родныхъ, то начальство города беретъ имѣніе его на сохраненіе, а самого хоронитъ и поминки правитъ, какъ будетъ приказано въ духовной; если же умершій будетъ кому-нибудь долженъ, то заимодавецъ приходитъ къ кадію и присягаетъ въ справедливости своего требованія, и кадій по обыску отдаетъ ему долгъ изъ имущества покойнаго. „Гостей своихъ въ мою Землю на ихъ промыслъ отпускай, заключаетъ султанъ свою грамоту; изъ нашей заповѣди никто не смѣетъ выступить. Какъ свои двери отворены видишь передъ собою, такъ и мои двери передъ тобою отворены всегда. О чемъ какое дѣло будетъ, что тебѣ на мысль придетъ, съ любовію безъ зазрѣнія напиши ко мнѣ: все передъ тобою готово. Тебѣ великій поклонъ, и кто тебя любитъ,—и меня любитъ, и тому великій поклонъ" [3]).

Торговля возобновилась; продолжались сношенія съ Константинополемъ, но преимущественно съ Кафинскимъ султаномъ, намѣстникомъ: отправляя къ послѣднему посла Андрея Кутузова, въ 1501 году, Іоаннъ далъ ему такой наказъ: если кто-нибудь ему въ Кафѣ скажетъ: „Почему государь твой къ отцу нашего государя пишетъ въ грамотѣ свое имя напередъ?"—то онъ долженъ отвѣчать: „Когда государь нашъ писалъ первую грамоту къ султану Баязету, то почтилъ его, написалъ его имя прежде своего; но Баязетъ султанъ, вмѣсто того, чтобъ точно также почтить его, написалъ свое имя прежде имени государя нашего; послѣ этого государю нашему для чего писать его имя прежде своего.[4])?" Жалобы русскихъ купцовъ на турецкое правосудіе и разнаго рода притѣсненія возобновились: когда, въ 1501 году, пріѣхалъ въ Москву кафинскій посолъ Алакозь, то великій князь велѣлъ сказать ему: „Били мнѣ челомъ наши гости, говорятъ, что имъ сила чинится въ судѣ и въ иныхъ дѣлахъ въ Кафѣ: чего станетъ искать Русинъ на бусурманинѣ, или кто изъ Русскихъ умретъ, и если при этомъ у Русскихъ не будетъ свидѣтеля бусурманина, то, сколько бы ни было свидѣтелей Русскихъ, судьи имъ не вѣрятъ и Русиновъ обвиняютъ въ судѣ и въ **зауморкахъ** (въ искѣ имущества, оставшагося послѣ умершихъ). Если же чего станетъ искать бусурманинъ на Русинѣ, и пошлется на Русина, то тутъ и Русакъ свидѣтель. Потомъ новыя притѣсненія: берутъ пошлину съ оружія, которое русскіе купцы на себѣ привозятъ, съ платья, съ пистолей, съ корму; заставляютъ русскихъ купцовъ на султановомъ дворѣ дрова носить изъ корабля." Алакозь отвѣчалъ, что относительно пошлинъ съ оружія и прочаго купцы обманываютъ: въ таможнѣ скажутъ, что оружіе привезли для собственнаго употребленія, но только-что выйдутъ изъ таможни, то начнутъ продавать; дрова же заставили ихъ

[1]) С. г. г. и д. V, № 23.
[2]) Дѣла Крымскія, № 1, стр. 496—536.
[3]) Тамъ же, стр. 524. С. г. г. и д. V, № 33, 34, 36, 37.
[4]) Крымск. дѣла, № 2, стр. 659.

возить безъ султанова вѣдома и впередъ того не будетъ [1]). — Іоаннъ посылалъ также къ султану жаловаться на разбои азовскихъ козаковъ, отъ которыхъ сильно страдали наши послы и купцы.

Этимъ ограничивались сношенія съ Турціею. Изъ другихъ восточныхъ народовъ Московское правительство при Іоаннѣ сносилось съ Ордою Тюменскою и союзными ей Ногаями. Предметомъ сношеній были дѣла казанскія, ордынскія, торговыя. Такъ Тюменскій владѣлецъ, извѣстный уже намъ Ибрагимъ-Ивакъ, просилъ великаго князя выпустить изъ неволи родственника его, бывшаго царя Казанскаго, Алегама; но Іоаннъ не исполнилъ этой просьбы; одинъ изъ ногайскихъ владѣльцевъ просилъ согласія Іоаннова на бракъ своей дочери съ другимъ царемъ Казанскимъ, Магметъ-Аминемъ. Московское правительство имѣло въ виду возбуждать Ногаевъ противъ сыновей Ахматовыхъ; ногайскіе послы приводили лошадей для продажи: вслѣдствіе этого имъ велѣно было ѣздить въ Московское государство всегда черезъ Казань и Нижній, а не Мордовскою Землею, чтобъ нижегородскаго мыта не объѣзжали [3]). Есть извѣстіе о посольствѣ Марка Руфа изъ Москвы въ Персію, къ царю Узунъ-Гассану, но цѣль этого посольства и подробности не извѣстны [4]). Подъ 1490 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе о посольствѣ отъ Хорасанскаго, или Чагатайскаго владѣльца Гуссеина, праправнука Тамерланова [5]), а подъ 1462 годомъ—извѣстіе о посольствѣ отъ Грузинскаго князя Александра, который въ грамотѣ называетъ себя меньшимъ холопомъ Іоанна и посылаетъ ему низкое челобитье [6]).

Глава IV.

Литва.

Выгодное положеніе Московскаго великаго князя относительно великаго князя Литовскаго.—Враждебность Казимира Литовскаго къ Іоанну.—Іоаннъ въ союзѣ съ Крымскимъ ханомъ противъ Литвы.—Переходъ мелкихъ пограничныхъ князей изъ литовскаго подданства въ московское.—Смерть короля Казимира.—Наступательное движеніе со стороны Москвы на Литву.—Сватовство сына Казимирова, великаго князя Александра на Еленѣ, дочери Іоанновой.—Миръ и бракъ.—Непріятности по поводу Елены.—Переходъ князей Бѣльскаго, Черниговскаго и Сѣверскаго отъ Александра къ Іоанну.—Возобновленіе войны.—Побѣды Русскихъ на Ведрошѣ и подъ Мстиславлемъ.—Александръ ищетъ мира.—Посредничество короля Венгерскаго.—Перемиріе.—Сношенія Елены съ отцомъ.—Войны съ ливонскими Нѣмцами.—Война со Шведами, въ союзѣ съ Даніею.—Сношенія съ Австрійскимъ дворомъ, съ Венеціею.

Въ 1470 году Казимиръ, король Польскій и великій князь Литовскій, пріѣхалъ на сеймъ, созванный въ Петроковѣ, гдѣ требовалъ денежнаго вспоможенія. Малополяне сказали ему на это, что Великополянъ на сеймѣ нѣтъ, а безъ нихъ они не могутъ ни на что согласиться, и прибавили: „Ты намъ о денежномъ вспоможеніи и не говори до тѣхъ поръ, пока не выдашь намъ подтвержденія правъ и не означишь вѣрно въ грамотѣ, какія области принадлежатъ Польшѣ и какія Литвѣ.“ Король подписалъ подтвержденіе всѣхъ правъ, и тогда только получилъ деньги [2]). Могъ-ли король, зависѣвшій во всемъ отъ сеймовъ, успѣшно бороться съ великимъ княземъ Московскимъ, который по произволу располагалъ силами своего государства? Но, кромѣ внутренняго безсилія, Казимиръ не имѣлъ возможности остановить успѣховъ Іоанна еще и потому, что все вниманіе его было обращено на отношенія къ западнымъ сосѣдямъ. Мы видѣли, что Казимиръ, принявши Новгородъ въ свое покровительство, не защитилъ его отъ Іоанна, ибо въ томъ самомъ 1471 году умеръ Чешскій король Юрій Подебрадъ; избирательный сеймъ раздѣлился: одни, державшіеся гуссизма, хотѣли видѣть преемникомъ Юрія—сына его, другіе—Владислава, сына короля Польскаго Казимира, третьи—Матвѣя, короля Венгерскаго, четвертые—императора Фридриха, иные—короля Французскаго. Владиславъ Польскій былъ наконецъ избранъ; но Матвѣй Венгерскій не хотѣлъ отстать отъ своихъ притязаній; съ другой стороны, маркграфъ Мейсейнскій пустошилъ Чешскія владѣнія, и Владиславъ, отправляясь въ Прагу, долженъ былъ взять у отца значительный отрядъ войска. Мало этого: въ то время, какъ король Матвѣй старался добыть Чешскій престолъ, часть его собственныхъ подданныхъ, Венгровъ, возстала противъ него и прислала къ Казимиру Польскому просить у него себѣ въ короли другого сына, Казимира, угрожая, въ случаѣ отказа, передаться Туркамъ. Казимиръ отправилъ сына въ Венгрію съ значительнымъ войскомъ; это предпріятіе не удалось; но, тѣмъ не менѣе, вниманіе и силы Казимира были отвлечены на западъ, а на востокѣ между тѣмъ Новгородцы потерпѣли пораженіе отъ Іоанна и принуждены были отдаться въ его волю. Не имѣя возможности бороться самъ съ Москвою, Казимиръ возбуждалъ противъ нея Орду обѣщаніемъ дѣйствовать вмѣстѣ: въ 1472 году Ахматъ явился въ московскихъ предѣлахъ; но Казимиръ не могъ оказать

---

[1]) Крымскія дѣла, № 2, стр. 879—894.
[2]) Bielskiego Kronica Polska, IV, 452, по изд. 1597 г.

[3]) Дѣла Ногайскія, № 1; С. г. г. и д. т. V, № 11, 12, 15, 16, 17.
[4]) Контарини въ Библіот. иностр. писат. о Россіи, стр. 63.
[5]) П. С. Р. Л. VI, 38.
[6]) Тамъ же, IV, 160; Карамз. VI, примѣч. 370.

ему никакой помощи, потому что долженъ былъ опять посылать помощь сыну, Владиславу Чешскому, противъ Венгерскаго короля Матвѣя, долженъ былъ самъ готовиться въ походъ въ Пруссію. Въ 1477 г. Іоаннъ окончательно подчинилъ себѣ Новгородъ, а Казимиръ не могъ оказать послѣднему никакой помощи, потому что Матвѣй Венгерскій не давалъ ему покоя, возбуждалъ противъ него Пруссію, Стефана, воеводу Молдавскаго, самихъ Поляковъ, а шляхта не хотѣла давать денегъ на сеймѣ; наконецъ въ 1480 году, когда надобно было дѣйствовать опять вмѣстѣ съ Ахматомъ, Менгли-Гирей Крымскій напалъ на Подолію, а моръ опустошалъ Польшу [1]).

Не имѣя средствъ вести открытой войны съ Москвою, Казимиръ однако въ сношеніяхъ съ Новгородомъ, Ордой обнаруживалъ явную вражду къ Іоанну и тѣмъ заставлялъ послѣдняго принимать свои мѣры, искать вездѣ союзниковъ противъ Литвы. Въ сношеніяхъ своихъ съ Крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ Іоаннъ постоянно называетъ Казимира своимъ недругомъ. Посылая въ 1482 году въ Крымъ Михаила Кутузова, великій князь далъ ему наказъ: „говорить царю накрѣпко, чтобъ пожаловалъ, правилъ великому князю по своему крѣпкому слову и по ярлыкамъ, королю шерть сложилъ, да и рать свою на него послалъ бы; а какъ станетъ царь посылать рать свою на Литовскую Землю, то Михайло долженъ говорить царю о томъ, чтобъ пожаловалъ царь, послалъ рать свою на Подольскую Землю или на кіевскія мѣста“ [2]). Менгли-Гирей послушался, овладѣлъ Кіевомъ, увелъ въ плѣнъ жителей, другіе задохнулись въ пещерахъ, Печерскую церковь и монастырь разграбилъ, и изъ добычи прислалъ въ Москву великому князю золотой дискосъ и потиръ изъ Софійскаго собора [3]). Князь Ноздроватый, отправляясь въ Крымъ въ 1484 году, получилъ наказъ: „беречь накрѣпко, чтобъ царь съ королемъ не канчивалъ (не заключалъ мирнаго договора)“. Тотъ же наказъ получилъ и бояринъ Семенъ Борисовичъ въ 1486 году, съ слѣдующею прибавкою: „если царь скажетъ,—князь великій съ королемъ пересылается,—то отвѣчать ему такъ: послы между ними ѣздятъ о мелкихъ дѣлахъ, порубежныхъ, а гладкости никакой и мира господарю нашему, великому князю, съ королемъ нѣтъ“. Затѣмъ бояринъ долженъ былъ говорить хану: „Пожаловалъ бы ты, послалъ своихъ людей на королеву Землю, потому что король тебѣ недругъ и господарю моему недругъ, такъ недругъ вашъ чѣмъ бы больше истомился, тѣмъ бы лучше, а великаго князя люди безпрестанно берутъ королеву Землю“. Если Менгли-Гирей спроситъ: „Я иду на короля; великій князь идетъ ли?“—то отвѣчать: „Захочешь свое дѣло дѣлать, пойдешь на короля, сдѣлаешь доброе дѣло; когда дашь объ этомъ знать господарю моему, то онъ съ тобой одинъ человѣкъ на короля; и твое дѣло и свое дѣлаетъ, какъ ему Богъ поможетъ“. Изъ этого уклончиваго отвѣта видно, что Іоаннъ, возбуждая хана на Казимира, самъ не хотѣлъ вступать съ послѣднимъ въ открытую войну, не хотѣлъ первый начинать ея; это видно также изъ слѣдующаго наказа боярину Семену: „Захочетъ царь самъ идти на Литовскую Землю, и Семена захочетъ съ собой взять, то Семену отговариться; но если царь отложитъ походъ потому только, что Семенъ отговорился съ нимъ идти, то Семену больше не отговариваться, идти съ царемъ; если же король пойдетъ на великаго князя, то Семену говорить царю, чтобъ царь самъ сѣлъ на коня и шелъ воевать Литовскую Землю, и самому Семену тогда не отговариваться, идти вмѣстѣ съ царемъ въ походъ. Если захочетъ царь послать воевать Литовскую Землю, или самъ пойти, и захочетъ идти къ Путивлю, или на Сѣверскую Землю, то Семену говорить, чтобъ царь послалъ воевать или самъ пошелъ бы не туда, но на Подолье, или на кіевскія мѣста“ [4]). Такіе же наказы давались и слѣдующимъ посламъ [5]). Менгли-Гирей заключилъ Казимирова посла; по этому случаю Іоаннъ далъ своему послу, Шеину, такой наказъ: „Если царь скажетъ: королевскій посолъ сидитъ у меня въ неволѣ, и князь великой что мнѣ о немъ приказалъ?—то Шеину отвѣчать: король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему господарю недругъ; но чѣмъ недругу досаднѣе, тѣмъ лучше“.

Казимиръ возбуждалъ противъ Москвы Ахмата, Іоаннъ возбуждалъ противъ Польши Менгли-Гирея, но открытой войны не было: Казимиръ не имѣлъ для этого средствъ и времени, Іоаннъ не любилъ предпріятій, войнъ, не обѣщавшихъ вѣрнаго успѣха. Понятно однако, что при враждѣ, хотя и не превратившейся въ явную войну между двумя сосѣдними государствами, дѣло не могло обойтись безъ непріязненныхъ столкновеній. Этихъ столкновеній было много между Москвою и Литвою, и они подавали поводъ къ частымъ пересылкамъ между Іоанномъ и Казимиромъ. Мы видѣли, какъ Московскій государь опредѣлилъ характеръ этихъ сношеній, приказывая объявить Менгли-Гирею, что литовскіе послы ѣздятъ въ Москву по поводу дѣлъ мелкихъ, порубежныхъ; въ другой разъ онъ велѣлъ сказать тому же хану: „Послы ѣздятъ за тѣмъ, что господаря нашего люди берутъ королевскую Землю со всѣхъ сторонъ“ [6]). Поводъ къ непріязненнымъ столкновеніямъ подавали, во-первыхъ, мелкіе пограничные князья, большею частію потомки черниговскихъ, изъ которыхъ одни находились въ зависимости отъ Москвы, другіе отъ Литвы; продолжая старыя родовыя усобицы, они безпрестанно ссорились между собою, переходили изъ литовскаго подданства въ московское. Такъ посолъ Казимировъ жаловался, что князья Одоевскіе, находившіеся въ подданствѣ московскомъ, нападаютъ на

[1]) Bielskiego Kronica Polska, IV, стр. 452, 468, 474 по изд. 1597 г.
[2]) Крымскія дѣла, № 1, стр. 82.
[3]) П. С. Р. Л. VI, 234.
[4]) Крымскія дѣла, № 1, стр. 118 и слѣд.
[5]) Тамъ же, стр. 157, 204.
[6]) Тамъ же, стр. 157.

князей Мезецкихъ (Мещовскихъ), Глинскихъ, Крошенскихъ, Мосальскихъ; что князь Иванъ Михайловичъ Воротынскій служитъ королю, который его изъ присяги и записи не выпустилъ, а между тѣмъ его люди нападаютъ на литовскія владѣнія. Послу отвѣчали, что князья Мезецкіе первые начали, Одоевскіе только мстили имъ за нападеніе, что вражда началась съ тѣхъ поръ какъ литовскіе пограничные князья убили князя Семена Одоевскаго. Что же касается до князя Ивана Михайловича Воротынскаго, то онъ билъ челомъ въ службу къ великому князю, который посылалъ къ королю отъ него съ отказомъ, и самъ князь Иванъ посылалъ къ королю своего человѣка и присягу съ себя сложилъ: „и потому не вѣдаемъ (велѣлъ сказать Іоаннъ Казимиру), какимъ обычаемъ король къ намъ такъ приказываетъ, что нашего слугу своимъ зоветъ; а вѣдомо королю, что и прежде нашему отцу и нашимъ предкамъ тѣ князья служили съ своими отчинами“.

Подобно Ивану Воротынскому поступили князья—Иванъ Васильевичъ Бѣлевскій и Димитрій Ѳедоровичъ Воротынскій. Іоаннъ извѣстилъ Казимира о переходѣ Воротынскаго такъ: „Что служилъ тебѣ князь Дмитрій Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ нынче намъ билъ челомъ служить, и тебѣ бы то вѣдомо было“. Послу, Григорью Путятину, отправлявшемуся съ этимъ извѣстіемъ, великій князь наказалъ: „Какъ будешь близко того мѣста, гдѣ король, то напередъ отпусти человѣка князя Воротынскаго, который поѣхалъ для того, чтобъ за своего господина сложить присягу королю“. Казимиръ отвѣчалъ, что не выпускаетъ изъ подданства ни князя Димитрія Воротынскаго, ни князя Ивана, ни князя Ивана Бѣлевскаго, которые перешли къ Москвѣ съ отчинами и пожалованіями; что князь Димитрій Воротынскій перешелъ съ дольницею (удѣломъ) брата своего, князя Семена, всю казну послѣдняго себѣ взялъ, бояръ всѣхъ и слугъ захватилъ и насильно привелъ къ присягѣ служить себѣ. Іоаннъ отвѣчалъ на это: „Вѣдомо королю самому, что нашимъ предкамъ великимъ князьямъ да и литовскимъ великимъ князьямъ князья Одоевскіе и Воротынскіе на обѣ стороны служили съ отчинами, а теперь эти наши слуги старые къ намъ пріѣхали служить съ своими отчинами,—такъ они наши слуги“. Потомъ король прислалъ новую жалобу: билъ ему челомъ князь Ѳедоръ Ивановичъ Одоевскій, что, во время отсутствія его изъ Одоева, другіе Одоевскіе князья, Семеновичи, служащіе Москвѣ, схватили его мать и засѣли отчину его, половину города Одоева. Жаловался также князь Андрей Васильевичъ Бѣлевскій, что, въ его отсутствіе, братъ его Иванъ Васильевичъ, перешедшій отъ Литвы къ Москвѣ, напалъ на третьяго брата, князя Василія, схватилъ и заставилъ его насильно цѣловать крестъ, что не будетъ служить королю, князя же Андрея вотчину за себя взялъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „Князь Иванъ съ братьею, Одоевскіе, сказываютъ, что они брату своему Ѳедору не дѣлали ничего такого, на что онъ жалуется; идетъ у нихъ съ нимъ споръ о вотчинѣ, о большомъ княженьи по роду, по старѣйшинству: говорятъ, что пригоже быть на большомъ княженіи нашему слугѣ, князю Ивану Семеновичу; они и посылали, сказываютъ, къ брату своему, князю Ѳедору, чтобъ съ ними о большомъ княженіи урядился, а онъ съ ними не рядится. Такъ король бы велѣлъ князю Ѳедору урядиться (молву учинить), кому пригоже быть на большомъ княженіи и кому на удѣлѣ; согласится—хорошо, а не согласится, то великій князь пошлетъ разобрать ихъ своего боярина, а король пусть пошлетъ своего пана“. Не извѣстно, чѣмъ дѣло кончилось [1]). Менѣе хлопоталъ Казимиръ о князѣ Бѣльскомъ, который безъ отчины перебѣжалъ изъ Литвы въ Москву: въ 1482 году, говоритъ лѣтописецъ, былъ мятежъ въ Литовской Землѣ, захотѣли отчичи—Олшанскій, Олельковичъ и князь Ѳедоръ Бѣльскій—передаться великому князю Московскому, отсѣсть отъ Литвы по рѣку Березыню; намѣреніе ихъ было открыто; король казнилъ Олшанскаго и Олельковича; Бѣльскій успѣлъ бѣжать въ Москву, покинувши молодую жену на другой день послѣ свадьбы; великій князь много разъ посылалъ къ королю съ требованіемъ выдачи жены Бѣльскаго, но тотъ не согласился [2]).

Кромѣ смутъ между пограничными князьями, предметомъ сношеній между Москвою и Литвою при Іоаннѣ III были жалобы съ обѣихъ сторонъ на пограничные разбои, опустошенія, забраніе волостей. Въ 1473 году, неизвѣстно по какому поводу, великій князь послалъ рать свою къ Любутску; рать возвратилась, повоевавши волости и ничего не сдѣлавши городу; жители Любутской области немедленно отомстили: напали нечаянно на князя Семена Одоевскаго и убили его на бою [3]), о чемъ Іоаннъ упоминалъ, какъ о причинѣ вражды между Одоевскими и пограничными литовскими князьями. Казимиръ жаловался, что русскіе люди заняли нѣкоторыя литовскія волости, Тѣшиново и другія [4]); что братъ великаго князя, Андрей Васильевичъ Можайскій, взялъ у Вяземскаго князя волость Орѣховскую. Въ Москвѣ отвѣчали, что князь Андрей никакихъ вяземскихъ волостей не бралъ; что Тѣшиново и другія, упоминаемыя королемъ, волости издавна тянутъ къ Можайску; что напротивъ—князь Андрей жалуется на королевскихъ людей, которые наносятъ много вреда его владѣніямъ. Казимиръ жаловался, что изъ Тверской области, гдѣ княжилъ Іоаннъ Молодой, приходилъ князь Оболенскій и разграбилъ вяземскій городъ Хлѣпенъ [5]) и дру-

---

[1]) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Польскія, № 1, стр. 5—173.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 233.

[3]) Тамъ же, стр. 198; Никон. VI, 55.

[4]) Тешиново, или Тешиновичи, Сукромно, Олховецъ, Надславль, Отъѣздецъ; брали Смоленскую волость Недоходовъ.

[5]) Такъ же, волость Труфоновъ, волость князя Бывалицкаго—Негомиръ и Сочовки.

гія волости; ему отвѣчали жалобою, что изъ Любутска пріѣхали литовскіе люди на Серпуховскую дорогу къ Лопастнѣ; разбойники жили на Дугнѣ и были люди князя Трубецкаго; одинъ изъ нихъ былъ пойманъ и представленъ послу, который его и допрашивалъ. Король жаловался на опустошеніе русскими Торопецкихъ, Дмитровскихъ и другихъ волостей; ему отвѣчали жалобами на опустошеніе литовскими людьми Калужскихъ, Медынскихъ и Новгородскихъ волостей [1]). Король жаловался, что князь Димитрій Воротынскій, отъѣзжая въ Москву, захватилъ городъ Серенскъ и три другія литовскія волости [2]); требовалъ, чтобъ Іоаннъ не вступался въ Козельскъ, на который есть особая грамота. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что Козельскъ во всѣхъ грамотахъ записанъ за Москвою, велѣлъ показать послу и ту особую грамоту, о которой говорилъ король: „Свои убытки (шкоды) поминаешь (велѣлъ сказать Іоаннъ королю), а о нашихъ забылъ, сколько нашихъ именитыхъ людей твои люди побили. Ѣздили наши люди на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а твои люди на нихъ напали изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; изъ Мценска же наѣзжики перебили сторожей нашихъ на Донцѣ, ограбили сторожей алексинскихъ, сторожей на Шати, изъ Любутска нападали на Алексинъ".

Мы видѣли [3]), что на южныхъ границахъ своей области Новгородцы имѣли смежныя владѣнія съ великими князьями литовскими, какъ наприм. Великія Луки, Ржеву и нѣкоторыя другія; дань съ нихъ шла въ казну великаго князя Литовскаго; въ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостяхъ послѣдній имѣлъ также право суда; съ нѣкоторыхъ Ржевскихъ волостей дань шла и въ Новгородъ, и въ Литву, и въ Москву. Когда Новгородъ окончательно подчинился Іоанну со всѣми своими владѣніями, то московскіе намѣстники не стали обращать вниманія на прежнія отношенія Ржева и другихъ волостей къ Литвѣ и выгнали чиновниковъ Казимировыхъ. Король, лишившись доходовъ, началъ посылать съ жалобами въ Москву; Іоаннъ отвѣчалъ: „Луки Великія и Ржева вотчина наша, Новгородская Земля, и мы того не вѣдаемъ, какимъ обычаемъ король наши волости, вотчину нашу зоветъ своими волостями; король въ наши волости, въ Луки Великія и Ржеву, и въ иныя мѣста новгородскія, въ нашу отчину, не вступался бы". Кромѣ того, со стороны великаго князя были постоянныя жалобы на притѣсненія и грабежи, претерпѣваемые московскими купцами въ литовскихъ областяхъ. Казимиръ также жаловался, что недалеко отъ Москвы побиты купцы смоленскіе и товары ихъ пограблены; на это дьякъ великокняжескій отвѣчалъ литовскому послу, что разбойники сысканы и казнены, пограбленные товары ими истеряны, но великій князь не хочетъ, чтобъ эти вещи пропали: пусть жены, дѣти или кто-нибудь изъ роду убитыхъ пріѣдетъ въ Москву и получитъ вознагражденіе. „Недавно, продолжалъ дьякъ, взяли русскіе люди у Татаръ плѣнниковъ—христіанскія головы; оказалось, что эти плѣнники изъ Литовской Земли, и великій князь ихъ отпускаетъ въ Литву; вотъ они предъ тобою, возьми ихъ, какъ и прежде дѣлывалось".

Казимиру вздумалось вовлечь Іоанна въ войну съ Турками и тѣмъ порвать необходимый для Москвы союзъ съ Менгли-Гиреемъ; въ 1486 году онъ прислалъ объявить Московскому великому князю, что султанъ громитъ Землю Стефана, воеводы Молдавскаго, взялъ у него Килію и Бѣлгородъ; приводя обязательство договора, заключеннаго между нимъ, Казимиромъ, и отцомъ Іоанновымъ, обязательство стоять заодно противъ всякаго недруга, король требовалъ, чтобъ великій князь вооружился съ нимъ заодно противъ непріятеля всего христіанства. Іоаннъ отвѣчалъ: „Еслибъ намъ было не такъ далеко и было бы можно, то мы бы сердечно хотѣли то дѣло дѣлать и стоять за христіанство. Стефанъ воевода и къ намъ присылалъ съ просьбою, чтобъ мы уговаривали тебя помогать ему; которымъ христіанскимъ государямъ близко и можно то дѣло дѣлать, то всякому господарю христіанскому должно того дѣла оберегать и за христіанство стоять" [4]).

Псковъ, сохраняя особый бытъ, долженъ былъ отдѣльно сноситься съ Литовскимъ великимъ княземъ. Казимиръ ласкалъ Псковичей, отпускалъ пословъ ихъ съ честію и съ великими дарами [5]); но въ 1470 году псковскіе послы на съѣздѣ съ литовскими панами толковали четыре дня—и разъѣхались, ни на чемъ не согласившись. Весною слѣдующаго года Казимиръ объявилъ псковскимъ посламъ, что такъ какъ паны не могли съ ними уладиться, то онъ самъ пріѣдетъ на границы и своими глазами осмотритъ спорныя мѣста. Когда послы сказали объ этомъ на вѣчѣ, то Псковичамъ стало не любо, потому что ни одинъ великій князь, ни король, сколько ихъ ни бывало въ Литвѣ, самъ не пріѣзжалъ на границы улаживаться, а всѣ обыкновенно присылали пановъ. Псковичи безпокоились, какъ видно, понапрасну, потому что до 1480 года не встрѣчаемъ болѣе извѣстій о сношеніяхъ ихъ съ Казимиромъ; въ этомъ году король прислалъ къ нимъ съ жалобою на обиды, которыя терпятъ въ Псковѣ купцы виленскіе и полоцкіе, также на обиды, претерпѣваемыя отъ Псковичей пограничными литовскими жителями. Псковичи отвѣчали жалобою на луцкаго воеводу, пограбившаго ихъ

[1]) Король жаловался, что князь Андрей Васильевичь Можайскій посылалъ на отчину Глинскихъ князей—Турье. Жаловались князья Воротынскіе и Мосальскій, что Русскіе люди брали Людимескъ, Бышкевичи, Лычино, Недоходовъ. Отвѣчали, что изъ Любутска наѣхали на Калужскія мѣста; сынъ боярскій Челищевъ погнался за разбойниками, встрѣтился съ Любутскимъ воеводою и взялъ его въ плѣнъ.

[2]) Бышковичи, Лычино, Недоходовъ.

[3]) Исторія Россіи т. IV, 1144.

[4]) Дѣла Польскія, № 1; Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, т. I, № 71, 88.

[5]) П. С. Р. Л. IV, 234, 235, 239.

купцовъ, на воеводъ и мѣщанъ другихъ городовъ, которые ихъ купцамъ съ Нѣмцами торговать не даютъ; послы должны были сказать также королю: „И о томъ тебѣ, своему господину, честному великому королю, челомъ бьемъ и жалуемся, что Нѣмцы, князь Местеръ, пришедши, на миру и на крестномъ цѣлованьи, на Землю Св. Троицы, на отчину великихъ князей, два пригорода взяли, волости пожгли, христіанство пересѣкли и въ полонъ свели. А теперь слышали мы, что князь Местеръ тебѣ бьетъ челомъ на насъ, проситъ у тебя силы въ помочь на Псковъ, самъ будучи виноватъ передъ Псковомъ; и ты бы силы князю Местеру въ помочь не давалъ на Псковъ. Да и о томъ челомъ бьемъ: что князь Местеръ нашихъ Псковичей полонилъ, и они чрезъ твою Литовскую Землю бѣгаютъ ко Пскову изъ Нѣмецкой Земли, а Литва ихъ ко Пскову не пускаетъ,—и ты бы пожаловалъ, не велѣлъ своимъ ихъ задерживать". При этомъ послы поднесли королю въ даръ отъ Пскова пять рублей, да отъ себя полтора рубля, королевичамъ—по полтинѣ, королевѣ отъ Пскова—рубль, старшій посолъ отъ себя—полтину, младшій—золотой венгерскій. Король обѣщалъ во всемъ дать управу [1]). Въ 1492 году Казимиръ прислалъ во Псковъ съ требованіемъ выдачи бѣглыхъ Литовцевъ и боярскихъ людей, ушедшихъ изъ Полоцкой области [2]).

Въ томъ же году умеръ Казимиръ; Польша и Литва раздѣлились между его сыновьями: Яну-Альбрехту досталась Польша, Александру—Литва. Посылая въ Крымъ Константина Заболоцкаго, Іоаннъ велѣлъ ему сказать Менгли-Гирею, что король умеръ, остались у него дѣти, такіе же Москвѣ и Крыму недруги, какъ и отецъ; чтобъ ханъ съ ними не мирился, чтобъ шелъ на Литву; великій князь также хочетъ самъ сѣсть на коня. При Казимирѣ Іоаннъ не хотѣлъ начинать явной войны, позволялъ посламъ своимъ соглашаться провожать хана въ походъ на Литву только въ крайности; теперь же даетъ такой наказъ Заболоцкому: пойдетъ ханъ на Литву, и велитъ ему идти съ собою, то ему идти, не отговариваться; говорить царю накрѣпко, чтобъ непремѣнно пошелъ на Литовскую Землю; если царь пойдетъ, чтобъ шелъ на Кіевъ. Заболоцкій отвѣчалъ, что по его настоянію ханъ велѣлъ схватить литовскаго посла, князя Ивана Глинскаго, и хочетъ идти самъ на Литву. Крымцы воевали между Кіевомъ и Черниговомъ, но это были ничтожные отряды; Іоаннъ былъ недоволенъ и писалъ Заболоцкому: „Пишетъ мнѣ царь, что безпрестанно его люди Литовскую Землю воюютъ; а мы здѣсь слышали, что мало ихъ приходило на Литовскую Землю и не брали ничего; ныньче онъ сына послалъ, и съ нимъ пять сотъ человѣкъ; но пятьюстами человѣкъ какая война Литовской Землѣ?" При этомъ посланъ былъ наказъ послу: „Если ханъ спроситъ: а зачѣмъ князь великій самъ не сѣлъ на коня?—то отвѣчать: не знаю; будутъ другіе послы, тѣ скажутъ зачѣмъ". Поѣхалъ другой посолъ; ему данъ былъ наказъ: „Если спроситъ ханъ, зачѣмъ князь великій не сѣлъ на коня?—отвѣчать; за нарядомъ тяжелымъ" [3]).

Іоаннъ самъ не хотѣлъ садиться на коня, но воевода его, князь Ѳедоръ Оболенскій, напалъ на Мценскъ и Любутскъ, сжегъ ихъ, вывелъ въ плѣнъ намѣстниковъ, бояръ и многихъ другихъ людей; другой московскій отрядъ захватилъ два города—Хлѣпень и Рогачаевъ [4]). Литвѣ было трудно отбиваться отъ Іоанна и отъ Менгли-Гирея вмѣстѣ; начали думать о мирѣ съ Москвою, и, чтобъ склонить Іоанна къ уступкамъ, рѣшили предложить ему брачный союзъ одной изъ дочерей его съ великимъ княземъ Александромъ. Панъ Янъ Заберезскій, намѣстникъ Полоцкій, прислалъ въ Новгородъ, къ тамошнему воеводѣ Якову Захарьичу писаря своего Лаврина, подъ предлогомъ покупки разныхъ вещей въ Новгородѣ, а въ самомъ дѣлѣ съ предложеніемъ о сватовствѣ. Яковъ Захарьичъ, услыхавъ это предложеніе, самъ поѣхалъ въ Москву объявить о немъ великому князю. Іоаннъ сначала приговорилъ-было съ боярами, что Якову не слѣдуетъ посылать къ Заберезскому своего человѣка съ отвѣтомъ на его предложеніе; но потомъ, когда Яковъ уѣхалъ уже въ Новгородъ, великій князь передумалъ и послалъ ему приказъ отправить своего человѣка къ Заберезскому, не прекращая впрочемъ военныхъ дѣйствій, „потому что и между государями пересылка бываетъ, хотя бы и полки сходились;"—велѣлъ писать вѣжливо, потому что Заберезскій писалъ вѣжливо; посланный долженъ былъ извѣдать всѣ тамошнія дѣла: какъ Александръ живетъ съ панами, какъ у нихъ дѣла въ Землѣ, какіе слухи про Александровыхъ братьевъ. Въ Москвѣ поняли, зачѣмъ въ Литвѣ хотятъ прежде начать дѣло о сватовствѣ, и потому посланецъ Якова Захарьича долженъ былъ сказать Заберезскому, что до мира нельзя толковать о бракѣ.

Но литовскіе паны продолжали настаивать на сватовство; тотъ же Заберезскій писалъ въ Москву, къ тамошнему первому боярину, князю Ивану Юрьевичу Патрикѣеву: „Дознайся у своего государя, великаго князя, захочетъ ли онъ отдать дочку свою за нашего господаря, великаго князя Александра; а мы здѣсь съ дядьми и братьями нашими (т. е. съ старшими и ровными панами) хотимъ въ томъ дѣлѣ постоять". Наконецъ, въ ноябрѣ 1492 года, явился въ Москву посолъ отъ Александра, панъ Станиславъ Глѣбовичъ, который началъ дѣло жалобами на прежнія обиды Литвѣ отъ Москвы при Казимирѣ и новыя при Александрѣ, на сожженіе Мценска и Любутска, взятіе Хлѣпеня и Рогачева, сожженіе Мосальска, взятіе Негомири и Бывалицы—волостей князя Бывалецкаго-Вяземскаго, Тѣшинова, волости князей Кро-

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Зап. Росс. I, № 74.
[2]) Тамъ же № 97.

[3]) Крымскія дѣла, № 1, стр. 391, 402.
[4]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. I, №

шинскихъ. Отправивши посольство, Станиславъ обѣдалъ у великаго князя, который, по обычаю, отпустилъ послѣ обѣда на польское подворье князя Ноздроватаго съ медомъ поить Глѣбовича. Во время угощенія, уже въ нетрезвомъ видѣ, Станиславъ началъ говорить Ноздроватому о сватовствѣ и заключеніи мира, объявилъ, что долженъ говорить объ этомъ съ княземъ Патрикѣевымъ, и дѣйствительно на пиру у послѣдняго началъ рѣчь о сватовствѣ; но Патрикѣевъ на этотъ разъ ничего не отвѣчалъ, потому что время и положеніе Глѣбовича было неприличное. На другой день уже, по приказу великаго князя, онъ спросилъ у посла о дѣлѣ, и тотъ отвѣчалъ, что говорилъ отъ себя, а не по приказу своего великаго князя, и просилъ, чтобъ Патрикѣевъ вывѣдалъ у Іоанна, хочетъ ли онъ выдать дочь свою за Александра. Князь Иванъ Юрьевичъ отвѣчалъ вопросомъ: „По-вашему, какому дѣлу надобно быть прежде: миру или сватовству?" Посолъ отвѣчалъ, что когда великіе литовскіе люди пріѣдутъ, то они объ этомъ поговорятъ съ великими московскими людьми. Этимъ пока покончились рѣчи о сватовствѣ; на жалобы же посла великій князь отвѣчалъ чрезъ казначея своего Димитрія Владиміровича: что Литва обижаетъ Москву, а не наоборотъ; что жители Мценска и Любутска безпрестанно нападали на Московскія области и на сторожей; что наши, не могши болѣе терпѣть этого, ходили на Мценскъ и Любутскъ за своими женами, дѣтьми и имѣніемъ; что Хлѣпень въ старыхъ договорахъ приписанъ къ Московскому княжеству, а Рогачевъ изстари принадлежитъ къ Твери; что о сожженіи Масальска въ Москвѣ еще не получено извѣстія. Князь Патрикѣевъ сказалъ отъ себя послу, что когда будетъ миръ, для заключенія котораго литовскіе послы должны пріѣхать въ Москву, тогда и дѣло о сватовствѣ начнетъ дѣлаться, чего московскіе бояре желаютъ. А потомъ князь Иванъ Юрьевичъ говорилъ, между прочимъ, въ разговорѣ, чтобъ при дѣлѣ лишнихъ рѣчей не было: какъ прежде пріѣзжалъ отъ короля Казимира посолъ для заключенія мира, то много было лишнихъ рѣчей, отъ чего дѣло и не состоялось. Къ Заберезскому Патрикѣевъ отправилъ своего человѣка съ грамотою, гдѣ писалъ то же самое, т. е. что прежде надобно миръ заключить, и чтобъ паны этимъ дѣломъ не медлили; что же касается условія, чтобы оба государства держали тѣ земли, которыя издавна имъ принадлежали, то великій князь Іоаннъ земель Литовскаго государства не держитъ, держитъ свои земли [1]).

Такимъ образомъ, въ Москвѣ прямо объявили, что не хотятъ слышать о сватовствѣ до заключенія мира, который потому Литва должна заключить на всей волѣ Московскаго князя, т. е. уступить ему всѣ его недавніе примыслы, ибо онъ прямо объявилъ, что все, чѣмъ онъ владѣетъ,—его собственность. И эта собственность увеличивалась безпрестанно насчетъ Литвы: въ началѣ 1493 года пріѣхали служить къ великому князю Московскому князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій съ племянникомъ, княземъ Иваномъ Михайловичемъ,—оба съ отчинами; мало того: дорогою князь Семенъ овладѣлъ двумя литовскими городами—Серпѣйскомъ и Мещовскомъ. За Воротынскими погнались воевода Смоленскій, панъ Юрій Глѣбовичъ, да сынъ извѣстнаго московскаго бѣглеца, князь Семенъ Ивановичъ Можайскій, и взяли назадъ Серпѣйскъ и Мещовскъ. Но Іоаннъ не хотѣлъ отдавать разъ взятое; онъ послалъ противъ нихъ племянника своего, князя Ѳедора Васильевича Рязанскаго, да еще нѣсколько воеводъ съ большимъ войскомъ, которому Глѣбовичъ и Можайскій не осмѣлились противиться, укрѣпили города заставами (гарнизонами), а сами побѣжали къ Смоленску. Сила московская пришла подъ Мещовскъ и взяла городъ безъ сопротивленія, заставу литовскую отослали въ Москву, земскихъ и черныхъ людей привели къ присягѣ Іоанну; Серпѣйскъ сопротивлялся, былъ взятъ съ бою, разграбленъ и сожженъ; сожженъ былъ также Опаковъ; повсюду земскіе и черные люди приведены къ присягѣ за Москву; ратные люди, сидѣвшіе въ осадѣ по городамъ, и большіе городскіе люди числомъ 530 разосланы въ заточеніе по московскимъ городамъ. Въ то же время двое другихъ воеводъ, князь Данило Щеня и князь Василій Ивановичъ Патрикѣевъ, сынъ Ивана Юрьевича, взяли Вязьму, князей Вяземскихъ и пановъ привели въ Москву; великій князь пожаловалъ ихъ прежнею отчиною Вязьмою и приказалъ имъ себѣ служить. Тогда же пріѣхалъ служить въ Москву князь Михайла Романовичъ Мезецкій, и привелъ плѣнными двухъ родныхъ братьевъ, которыхъ сослали въ Ярославль. Изъ Литвы въ Москву пріѣзжали князья съ отчинами; изъ Москвы въ Литву перебѣжалъ одинъ какой-то Юшка Елизаровъ, и скоро потомъ гнѣздо литовскихъ доброжелателей было окончательно истреблено въ Москвѣ: въ январѣ 1493 года на Москвѣ-рѣкѣ въ клѣткѣ были сожжены: князь Иванъ Лукомскій да Матвѣй Полякъ, толмачъ латинскій; послалъ князя Лукомскаго въ Москву еще король Казимиръ, взявши съ него клятву, что или убьетъ великаго князя Іоанна, или ядомъ окормитъ, и ядъ свой къ нему прислалъ, который былъ вынутъ и послужилъ уликою. Лукомскій оговорилъ и князя Ѳедора Бѣльскаго, что хотѣлъ бѣжать въ Литву; Бѣльскаго схватили и сослали въ заточеніе въ Галичъ; схвачены были и двое братьевъ Селевиныхъ, родомъ изъ Смоленска, которые посылали человѣка своего съ грамотами и вѣстями къ Литовскому великому князю Александру; одного брата засѣкли кнутомъ до смерти, другому—отрубили голову [2]). Такъ говоритъ лѣтописецъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, упомянутые люди, живя въ Москвѣ, служили князю Литовскому, но, какъ

[1]) Дѣла Польск., № 1, стр. 173 и слѣд.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 161, 162.

видно, не было ясныхъ доказательствъ относительно участія Казимира въ намѣреніи погубить Іоанна, потому что послѣдній въ сношеніяхъ съ Литвою ни разу не упоминаетъ объ этомъ; послѣ, уже въ княженіе Василія Іоанновича, московскіе бояре, вычисляя предъ литовскими послами всѣ непріязненные поступки Казимира и Александра, ни слова не упомянули о дѣлѣ Лукомскаго.

Между тѣмъ пересылки не прекращались; посланецъ Патрикѣева, ѣздившій отъ него съ письмомъ къ Заберезскому, привезъ отъ послѣдняго новое письмо; Заберезскій увѣдомлялъ, что онъ говорилъ съ княземъ, епископомъ и панами-радою, которые всѣ желаютъ мира и родственнаго союза между государями, хочетъ этого и самъ великій князь Александръ, и отправляетъ пословъ въ Москву; но до ихъ отъѣзда хотѣлось бы получить ручательство въ успѣхѣ посольства,—пойдетъ ли дѣло впередъ къ доброму концу. „Какъ вы своего государя чести стережете (писалъ Заберезскій), такъ и мы; если великіе послы вернутся безъ добраго конца, то къ чему доброму то дѣло пойдетъ впредь?“

Съ отвѣтомъ отправился въ Литву къ Александру дворянинъ Загряжскій, который прежде всего удивилъ новою формою; до сихъ поръ въ вѣрющихъ грамотахъ Казимиру Іоаннъ писалъ такъ: „Отъ великаго князя Ивана Васильевича Казимиру королю Польскому и великому князю Литовскому послали есмо“ и проч. Теперь же грамота начиналась: „Іоаннъ, Божіею милостію, государь всея Руси и великій князь Владимірскій, и Московскій, и Новгородскій, и Псковской, и Тверской, и Югорскій, и Болгарскій, и иныхъ; великому князю Александру Литовскому“. Первая рѣчь посольская была: „Служилъ тебѣ князь Семенъ Ѳедоровичъ Воротынскій, и онъ ныньче намъ билъ челомъ служить. Служили тебѣ князь Андрей да князь Василій Васильевичи Бѣлевскіе, да князь Михайла Романовичъ Мезецкій, да князь Андрей Юрьевичъ Вяземскій, и они ныньче намъ били челомъ служить и съ вотчинами, и тебѣ бы то было вѣдомо“. Потомъ посолъ требовалъ, чтобъ всѣмъ этимъ князьямъ не было никакихъ обидъ отъ литовскихъ подданныхъ [1]). Относительно титула Загряжскому былъ данъ такой наказъ: „Если спросятъ его: для чего князь великій назвался государемъ всея Руси; прежде ни отецъ его, ни онъ самъ къ отцу государя нашего такъ не приказывали? то послу отвѣчать: государь мой со мною такъ приказалъ, а кто хочетъ знать зачѣмъ, тотъ пусть ѣдетъ въ Москву, тамъ ему про то скажутъ“ Князь Патрикѣевъ послалъ Заберезскому письмо въ отвѣтъ на опасенія его относительно невѣрнаго успѣха великихъ литовскихъ пословъ: „Самъ поразумѣй,—писалъ Патрикѣевъ:—когда между государями великіе люди ѣздятъ, тогда Божіею волею между ними и доброе дѣло дѣлается“. Между тѣмъ Заберезскій опять прислалъ въ Новгородъ къ Якову Захарьичу просить позволенія купить двухъ кречетовъ; Яковъ послалъ сказать объ этомъ великому князю, и тотъ отвѣчалъ, что дѣло не въ кречетахъ, а вѣрно прислано затѣмъ, чтобы высмотрѣть, или задираючи для прежняго дѣла; что надобно Якову послать къ Заберезскому своего человѣка съ кречетами и съ грамотою о прежнемъ дѣлѣ: „возьмутся за то дѣло, то дай Богъ; а не возьмутся, то намъ низости въ этомъ нѣтъ никакой“. Іоаннъ приказывалъ, чтобъ Яковъ послалъ въ Полоцкъ съ кречетами и грамотою человѣка умнаго, который бы могъ смотрѣть тамошнее дѣло и разспрашивалъ вѣжливо; а съ человѣкомъ Заберезскаго послать до рубежа пристава, который бы смотрѣлъ, чтобъ съ нимъ никто не говорилъ, и впередъ такъ поступать, если кто снова пріѣдетъ изъ Литвы.

Заберезскій отвѣчалъ, что поруха доброму дѣлу отъ Москвы, которая забираетъ города и причиняетъ вредъ Литвѣ; если этотъ вредъ загладится, то и дѣло пойдетъ впередъ. Посолъ отъ Александра пріѣхалъ съ объявленіемъ, что Литовскій великій князь не освобождаетъ отъ присяги отъѣхавшихъ князей, съ требованіемъ, чтобъ Іоаннъ не принималъ ихъ, и съ жалобами на взятіе и сожженіе городовъ. Посолъ долженъ былъ повторить эти жалобы и предъ княземъ Патрикѣевымъ отъ имени епископа Виленскаго и всѣхъ пановъ радныхъ, съ прибавкою о титулѣ: „Господарь вашъ къ его милости нашему господарю имя себѣ высоко написалъ не по старинѣ, не такъ, какъ издавна обычай бывалъ. Самъ того, князь, посмотри, хорошо ли это дѣлается,—старину оставляете и въ новыя дѣла вступаете“ [2]). Великій князь велѣлъ отвѣчать, что князья Воротынскіе и Бѣлевскіе старые слуги Московскихъ князей, и только въ невзгоду отца его, великаго князя Василія, были у Казимира короля; что взятіе и сожженіе городовъ было слѣдствіемъ нападенія князя Можайскаго на отъѣхавшихъ князей. Князь Патрикѣевъ отвѣчалъ насчетъ титула, что государь его высокаго ничего не писалъ и новизны никакой не вставлялъ; писалъ онъ то, что ему Богъ даровалъ отъ дѣдовъ и прадѣдовъ, отъ начала, ибо онъ правый, урожденный государь всея Руси, и которыя земли ему Богъ даровалъ, тѣ онъ и писалъ.

Видя, что подобными пересылками нельзя ничего достигнуть, Александръ прислалъ просить опасной грамоты для большихъ пословъ, которые и явились въ Москву въ январѣ 1494 года. То были: Петръ Бѣлый Яновичъ, воевода Троцкій, и Станиславъ Гаштольдъ Яновичъ, староста Жамоитскій. Послы объявили, что государь ихъ хочетъ мира съ Московскимъ государемъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ онъ былъ заключенъ между отцомъ Александровымъ, Казиміромъ, и отцомъ Іоанновымъ, Василіемъ, и для укрѣпленія вѣчной пріязни хочетъ, чтобъ Іоаннъ выдалъ за него дочь свою, да-

---

[1]) Дѣла Польск., № 1, стр. 202 и слѣд.; Акты, относящ. къ истор. Запад. Росс. I, № 109.

[2]) Дѣла Польск. тамъ же. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 110.

бы жить съ нимъ въ такомъ же союзѣ, въ какомъ находился дѣдъ его, Витовтъ, съ дѣдомъ Іоанновымъ, Василіемъ. Іоаннъ велѣлъ имъ отвѣчать, что теперь нельзя уже заключить такого договора, какой былъ заключенъ между Казимиромъ и Василіемъ, и если Александръ вспоминаетъ предковъ, то онъ, Іоаннъ, хочетъ, чтобъ все было такъ, какъ было при великихъ князьяхъ Симеонѣ Іоанновичѣ, Іоаннѣ Іоанновичѣ и Олгердѣ. Когда литовскіе послы спросили, почему Іоаннъ не хочетъ заключить мира на условіяхъ Казимирова договора, то бояре отвѣчали, что этотъ договоръ заключенъ былъ вслѣдствіе невзгоды Московскихъ государей, дѣда и отца Іоанновыхъ; тогда послы начали отговариваться отъ договора Симеонова стариною и невзгодою Литовскихъ князей, Олгерда и Кейстута. Начались переговоры о волостяхъ: послы представили списокъ смоленскихъ пригородовъ съ волостями; бояре возразили, что въ этомъ спискѣ писаны волости боровскія, медынскія и можайскія, и указали именно какія; тогда послы уступили эти волости въ московскую сторону [1]). Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ Козельскъ былъ написанъ на обыскъ, т.-е. послѣ заключенія мира должно было обыскать, кому онъ прежде принадлежалъ,—тому и отдать; литовскіе послы точно также хотѣли написать и о Вязьмѣ, или вовсе о ней не упоминать, оставя ее на дѣлѣ за Москвою; но бояре не согласились, и послы уступили, уступили весь Серенскъ, котораго одна половина, по Олгердову договору, принадлежала Литвѣ, а другая—Москвѣ; князья Новосильскіе всѣ, Одоевскіе, Воротынскіе и Бѣлевскіе отошли къ Москвѣ съ отчинами и податью, которую давали великимъ князьямъ литовскимъ. О Мезецкѣ рѣшили такъ: которые князья Мезецкіе служатъ Литвѣ, тѣ вѣдаютъ свои дольницы, а которые служатъ Москвѣ,—тѣ вѣдаютъ свои дольницы; которые князья въ плѣну въ Москвѣ,—тѣхъ выпустить, и пусть служатъ, кому хотятъ [2]). Въ договорной грамотѣ [3]) Іоаннъ былъ написанъ государемъ всея Руси, великимъ княземъ Владимірскимъ, Московскимъ, Новгородскимъ, Псковскимъ, Тверскимъ, Югорскимъ, Пермскимъ, Болгарскимъ и иныхъ. Оба государя обязались, по обычаю, быть вездѣ заодно, имѣть однихъ друзей и враговъ; обязались князей служебныхъ съ отчинами не принимать; Александръ обязался не отпускать никуда ко вреду Іоанна дѣтей его измѣнниковъ — Шемячича Можайскаго, Ярославича Верейскаго, также Тверскаго князя; если выйдутъ они изъ Литовской Земли, опять ихъ не принимать, но быть на нихъ заодно съ Іоанномъ. Въ договорѣ Казимира съ Василіемъ Темнымъ было условлено, что если великій князь Рязанскій сгрубитъ королю, то послѣдній долженъ дать объ этомъ знать Василію; тотъ долженъ удержать Рязанскаго князя отъ грубости; но если послѣдній не исправится, то Казимиръ можетъ его показнить, и Московскій великій князь уже не долженъ вступаться; также было условлено, что Рязанскій князь можетъ вступить въ службу къ королю, и Василій не долженъ сердиться и мстить ему за это. Но въ настоящемъ договорѣ между Іоанномъ и Александромъ о Рязанскихъ князьяхъ сказано: „Великій князь Рязанскій Иванъ Васильевичъ съ братомъ, дѣтьми и землею въ твоей сторонѣ великаго князя Ивана; а мнѣ, великому князю Александру, ихъ не обижать и въ земли ихъ не вступаться; если же они мнѣ сгрубятъ, то я долженъ дать объ этомъ знать тебѣ, великому князю Ивану, и ты мнѣ долженъ дать удовлетвореніе.“ Такимъ образомъ, и Рязань признана въ полной зависимости отъ Москвы.

Еще прежде начала переговоровъ о волостяхъ, послы были у великой княгини Софіи, и передъ тѣмъ спрашивали; будутъ ли при ней дочери; имъ отвѣчали, что дочерей не будетъ. По окончаніи переговоровъ, Іоаннъ объявилъ, что соглашается выдать дочь за Александра, если только, какъ говорили послы и ручались головою, неволи ей въ вѣрѣ не будетъ. На другой день послы отправились къ великой княгинѣ и увидѣли тутъ невѣсту, старшую княжну Елену, послѣ чего въ тотъ же день было и обрученье: кресты съ цѣпями и перстни мѣняли; мѣсто жениха занималъ панъ Станиславъ, а старшаго пана Петра отстранили, потому что онъ былъ женатъ на другой женѣ. Іоаннъ требовалъ, чтобъ Александръ далъ ему относительно вѣры Елениной утвержденную грамоту въ такой формѣ: „Намъ его дочери не нудить къ римскому закону; держитъ она свой греческій законъ“. Для полученія этой грамоты и для взятія съ Александра клятвы въ соблюденіи мирнаго договора отправились въ Литву послами князья Ряполовскіе—Василій и Семенъ Ивановичи. Любопытно, что Ряполовскіе должны были править по-

[1]) «А се Смоленскіе пригороды: городъ Мезчоскъ, и другой городъ Акдыревъ. А волости тѣхъ городовъ: Силковичи, Новое Село, Немеръзки, Уруга, Брынь, Сухиничи, Орнеры, Барятинъ, Хозцъ, Олешна, Рука, Лабодини, Устье, Жабынь, Бакино. Другіе смоленскіе пригороды: городъ Мосалескъ, Серпеескъ, Серенескъ, Бышкевичи, Залидовъ, Опаковъ, Городечна, Лучинъ, Перемышль. А то волости Смоленскія: Трубна, Городенка, Порыски, Тарбѣевъ, Олоповъ, Жереминъ, Озерескъ, Дагинескъ, Краишино, Недоходовъ, Лычино, Нерожа, Путынь, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣлыевста, Вѣжки, Турье, Жулинъ, Мошкова гора, Ощитовъ, Дмитровъ. Пустымощинъ, Лугань, Липицы, Верхъ, Серена, Ѳоминичи, Вѣжична, Дегна, Колвыка, Демена, Мощынъ, Ужеперетъ, Замошие. Владыки Смоленскаго волости: Погостище, Любунь, Ближевичи, Печки; Крошенскихъ князей волости: Тешыновъ, Сукромна, Олховецъ, Отъѣздъ, Залоконье, Волста, Клыпино, Наѣздилово, Чарпа, Головичи. Городъ Мценескъ съ волостьми; город. Любутескъ съ волостьми, городъ Вязьма съ волостьми. Бояре указали здѣсь волости Боровскія: Трубна, Путынь; Медынскія: Городенка, Нерожа, Дорожмирягора, Кнутова дуброва, Сковородескъ, Гостижа, Бѣлыевста, Вежки, Можайскія: Турье, Тѣшиновъ, Сукромна, Олховецъ, Отъѣздъ».

[2]) Послы отступились отъ Лагичьска и Крашина, къ Воротынску къ Вязьмѣ уступили: Великое поле, Волста верхняя, да Слободка, да Мощиновичи, Середее.

[3]) С. г. г. и д. V, № 29.

клоны Александру отъ всѣхъ сыновей Іоанновыхъ, начиная съ Василія, и потомъ уже отъ внука Димитрія—знакъ, что въ 1494 году послѣдній считался ниже всѣхъ своихъ дядей, и Василій являлся наслѣдникомъ великаго княженія. Ряполовскіе получили такой наказъ: „Говорить накрѣпко, чтобъ Александръ далъ грамоту о вѣрѣ Елениной по списку слово въ слово; если же онъ не захочетъ никакъ дать грамоты, то укрѣпить его на словахъ, пусть крѣпкое слово свое молвитъ, что не будетъ ей принужденія въ греческомъ законѣ". Александръ не отказался дать грамоты, но велѣлъ написать ее по другой формѣ, а именно—вставлено было новое обстоятельство: „Александръ не станетъ принуждать жены къ перемѣнѣ закона; но если она сама захочетъ принять римскій законъ, то ея воля". Ряполовскіе отказались принять эту грамоту, и когда пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Александра, Лютаворъ Хребтовичъ, то Іоаннъ спросилъ у него, зачѣмъ измѣнена форма грамоты. Хребтовичъ отвѣчалъ, что онъ не можетъ отвѣчать на этотъ вопросъ, не имѣя наказа; тогда Іоаннъ объявилъ, что если Александръ не дастъ грамоты по прежней формѣ, то онъ не выдастъ за него дочери. Александръ уступилъ, прислалъ грамоту, какой требовалъ Іоаннъ, и тотъ назначилъ срокъ пріѣзжать за Еленою—Рождество Христово, „чтобъ нашей дочери быть у великаго князя Александра за недѣлю до нашего великаго заговѣнья мяснаго".

Въ январѣ 1495 года пріѣхали въ Москву за Еленою литовскіе послы: воевода Виленскій, князь Александръ Юрьевичъ, извѣстный уже намъ намѣстникъ Полоцкій, Янъ Заберезскій и намѣстникъ Брацлавскій, панъ Юрій. Іоаннъ сказалъ имъ: „Скажите отъ насъ брату и зятю нашему, великому князю Александру: на чемъ онъ намъ молвилъ и листъ свой далъ, на томъ бы и стоялъ, чтобъ нашей дочери никакимъ образомъ къ римскому закону не нудилъ; если бы даже наша дочь и захотѣла сама приступить къ римскому закону, то мы ей на то воли не даемъ, и князь бы великій Александръ на то ей воли не давалъ же, чтобъ между нами про то любовь и прочная дружба не порушилась. Да скажите великому князю Александру: какъ дастъ Богъ, наша дочь будетъ за нимъ, то онъ бы нашу дочь, а свою великую княгиню, жаловалъ, держалъ бы ее такъ, какъ Богъ указалъ мужьямъ женъ держать, а мы, слыша его къ нашей дочери жалованье, радовались бы тому. Да чтобъ сдѣлалъ для насъ, велѣлъ бы нашей дочери поставить церковь нашего греческаго закона на переходахъ у своего двора, у ея хоромъ, чтобы ей близко было къ церкви ходить, а намъ бы его жалованье къ нашей дочери пріятно было слышать. Да скажите отъ насъ епископу и панамъ, вашей братьѣ, всей радѣ, да и сами поберегите, чтобъ братъ нашъ и зять нашу дочь жаловалъ, и между нами братство и любовь и прочная дружба не порушились бы".

13 января Іоаннъ, отслушавъ обѣдню въ Успенскомъ соборѣ со всѣмъ семействомъ и боярами, подозвалъ литовскихъ пословъ къ дверямъ и передалъ имъ дочь. Елена остановилась въ Дорогомиловѣ и жила два дня: братъ ея, Василій, угощалъ здѣсь пословъ обѣдомъ, мать ночевала съ нею; самъ великій князь пріѣзжалъ два раза; онъ наказалъ дочери, чтобъ она, во всѣхъ городахъ, черезъ которые будетъ проѣзжать, была въ соборныхъ церквахъ и служила молебны; въ Витебскѣ мостъ городовой худъ, и если можно будетъ ей проѣхать къ соборной церкви, то она поѣхала бы, а будетъ нельзя, то она бы не ѣздила. Наказалъ какъ поступить, когда какія-нибудь паньи встрѣтятъ ее; если кто-нибудь изъ пановъ дастъ обѣдъ Еленѣ, то женѣ его быть на обѣдѣ, а самому ему не быть: князей отъѣхавшихъ изъ Москвы, Шемячича и другихъ, не допускать къ себѣ; если бы даже и потомъ въ Вильнѣ они захотѣли ударить ей челомъ, то чтобъ Александръ не велѣлъ имъ и княгинямъ ихъ къ ней ходить. Если встрѣтитъ Елену самъ великій князь Александръ, то ей изъ тапканы (экипажа) выйти и челомъ ударить, и быть ей въ это время въ нарядѣ; если позоветъ ее къ рукѣ, то ей къ рукѣ идти и руку дать; если велитъ ей идти въ свою повозку, но тамъ не будетъ его матери, то ей въ его повозку не ходить, ѣхать ей въ своей тапканѣ. Въ латинскую божницу не ходить, а ходить въ свою церковь; захочетъ посмотрѣть латинскую божницу или монастырь латинскій, то можетъ посмотрѣть одинъ разъ или дважды. Если будетъ въ Вильнѣ королева, мать Александра, ея свекровь, и если пойдетъ въ свою божницу, а ей велитъ идти съ собою, то Еленѣ провожать королеву до божницы, и потомъ вѣжливо отпроситься въ свою церковь, а въ божницу не ходить.

Александръ, какъ доносили наши послы, встрѣтилъ великую княжну за три версты отъ Вильны: онъ сидѣлъ верхомъ на лошади; отъ его коня до тапканы Елениной постлали красное сукно, а у тапканы постлали по сукну камку съ золотомъ; Елена вышла изъ тапканы на камку, за нею вышли и боярыни. Александръ въ то же время сошелъ съ лошади, подошелъ къ Еленѣ, далъ ей руку, принялъ ее къ себѣ [1]), спросилъ о здоровьи и велѣлъ опять пойти въ тапкану; потомъ, давъ также руку боярынямъ, сѣлъ на коня—и всѣ вмѣстѣ въѣхали въ городъ. Въ тотъ же день происходило вѣнчаніе; латинскій епископъ и самъ Александръ крѣпко настаивали, чтобъ русскій священникъ Ѳома, пріѣхавшій съ Еленою, не говорилъ молитвъ, и княгиня Марья Ряполовская не держала вѣнца; но князь Семенъ Ряполовскій, главный изъ бояръ, провожавшихъ Елену, настоялъ на томъ, что былъ исполненъ приказъ Іоанновъ: священникъ Ѳома говорилъ молитвы и княгиня Марья держала вѣнецъ [2]).

Отпуская бояръ, провожавшихъ Елену, князя Семеона Ряполовскаго и Михайла Русалку, Але-

---

[1]) Мы придерживаемся буквально подлинника.

[2]) Польск. Дѣла, № 1, стр. 317—442.

ксандръ сказалъ: „Вы говорили отъ великаго князя Ивана Васильевича, что бы мы дочери его, а нашей великой княгинѣ поставили церковь греческаго закона на переходахъ, подлѣ ея хоромъ; но князья наши и паны, вся Земля имѣютъ право и записи отъ предковъ нашихъ, отца нашего и насъ самихъ, а въ правахъ написано, что церквей греческаго закона больше не прибавлять; такъ намъ этихъ правъ рушить не годится. А княгинѣ нашей церковь греческаго закона въ городѣ есть близко; если ея милость захочетъ въ церковь, то мы ей не мѣшаемъ. Братъ и тесть нашъ хочетъ также, чтобъ мы дали ему грамоту на пергаменѣ относительно греческаго закона его дочери; но мы дали ему грамоту точно такую, какой онъ самъ отъ насъ хотѣлъ; эта грамота теперь у него съ нашею печатью". Въ маѣ пріѣхалъ отъ Александра посолъ Станиславъ Петряшковичъ изъявитъ Іоанну благодарность за присылку Елены, и объявить, что воевода Молдавскій Стефанъ напалъ на литовскія владѣнія; относительно Елены Александръ велѣлъ Петряшковичу сказать слѣдующее тестю: „Ты хотѣлъ, чтобъ мы оставили нѣсколько твоихъ бояръ и дѣтей боярскихъ при твоей дочери, пока попривыкнетъ къ чужой сторонѣ; и мы для тебя велѣли имъ остаться при ней нѣкоторое время; но теперь пора уже имъ выѣхать отъ насъ; вѣдь у насъ, слава Богу, слугъ много, есть кому служить нашей великой княгинѣ; какая будетъ ея воля, кому что прикажетъ,—и они будутъ, по ея приказу, дѣлать все, что только ни захочетъ". Наконецъ Петряшковичъ жаловался на московскихъ пословъ, князя Ряполовскаго и Михайла Русалку, которые будто бы на возвратномъ пути изъ Вильны грабили жителей на двѣ мили по обѣ стороны дороги, грабили и купцовъ, имъ встрѣчавшихся [1]).—Іоанну сильно не правилось и то, что зять пересталъ называть его государемъ всея Руси, и то, что не хотѣлъ построить церкви для Елены, когда онъ именно просилъ его сдѣлать это для него, и то, что Александръ отсылалъ изъ Вильны бояръ московскихъ, которыхъ Іоанну хотѣлось непремѣнно удержать при дочери. Онъ отвѣчалъ Петряшковичу насчетъ церкви: „Нашъ братъ, князь великій самъ знаетъ, съ кѣмъ тамъ его предки и онъ самъ утвердилъ тѣ права, что новыхъ церквей греческаго закона не строить; намъ до тѣхъ его правъ дѣла нѣтъ никакого; а съ нами братъ нашъ, князь великій, да и его рада договаривались на томъ, чтобъ нашей дочери держать свой греческій законъ, и что намъ братъ нашъ и его рада обѣщали, все теперь дѣлается не такъ". Относительно пословъ былъ отвѣтъ, что они не грабили, а напротивъ—терпѣли дорогою во всемъ недостатокъ; съ Стефаномъ Молдавскимъ Іоаннъ обѣщалъ помирить зятя.

Въ Вильну отправился изъ Москвы гонецъ, Михайла Погожевъ, съ грамотою, въ которой отецъ писалъ Еленѣ: „Сказывали мнѣ здѣсь, что ты нездорова, и я послалъ навѣстить тебя Михайла Погожева; ты бы ко мнѣ съ нимъ отписала, чѣмъ неможешь, и какъ тебя ныньче Богъ милуетъ". Но наединѣ гонецъ долженъ былъ сказать Еленѣ отъ Іоанна: „Эту грамоту о твоей болѣзни я нарочно прислалъ къ тебѣ для того, чтобъ не догадались, зачѣмъ я отправилъ Погожева". Погожевъ былъ присланъ съ приказомъ, чтобъ Елена не держала при себѣ людей латинской вѣры и не отпускала бояръ московскихъ. Главному изъ нихъ, князю Ромодановскому, Іоаннъ велѣлъ сказатъ чрезъ Погожева: „Что ко мнѣ дочь моя пишетъ, и что вы пишите, и что съ вами дочь моя говоритъ, все это и робята у васъ знаютъ: пригоже ли такъ дѣлаете?"

Въ Литвѣ разнеслась вѣсть о движеніяхъ Менгли-Гирея Крымскаго; Александръ и Елена увѣдомили объ этомъ Іоанна и просили помощи, по договору; Іоаннъ отвѣчалъ Александру: „Ты бы насъ увѣдомилъ, Менгли-Гирей царь изъ Перекопи вышелъ ли, и къ какимъ украйнамъ твоимъ идетъ? объяви, какъ намъ тебѣ помощь подать"? Александръ увѣдомилъ, что еще ханъ до Днѣпра не дошелъ, а какіе слухи будутъ, то онъ дастъ о нихъ знать въ Москву. Но ханъ не двигался, помощи подавать было не нужно, а между тѣмъ неудовольстія между тестемъ и зятемъ росли все болѣе и болѣе: Іоаннъ не переставалъ требовать, чтобъ Александръ построилъ женѣ церковь греческаго закона, не давалъ ей слугъ латинской вѣры, не принуждалъ ее носить польское платье, писалъ титулъ Московскаго государя, какъ онъ написанъ въ послѣднемъ договорѣ, не запрещалъ вывозить серебра изъ Литвы въ московскія владѣнія; отпустилъ жену князя Бѣльскаго. Іоаннъ отозвалъ изъ Вильны князя Ромодановскаго съ товарищами, оставивъ при Еленѣ только священника Ѳому съ двумя крестовыми дьяками или пѣвчими и нѣсколько поваровъ; но Александръ не хотѣлъ исполнить ни одного его требованія, отговариваясь попрежнему, что законы запрещаютъ увеличивать число православныхъ церквей въ Литвѣ; относительно прислуги Елениной изъ католиковъ, отвѣчалъ: „Кого изъ пановъ, паней и другихъ служебныхъ людей мы заблагоразсудили приставить къ нашей великой княгинѣ, кто годился, тѣхъ и приставили; вѣдь въ этомъ греческому закону ея помѣхи нѣтъ никакой". Іоаннъ требовалъ также, чтобъ князьямъ Вяземскимъ и Мезецкимъ отдано было ихъ имущество, оставшееся въ Смоленскѣ и въ разныхъ другихъ мѣстахъ; Александръ отвѣчалъ, и въ этомъ отвѣтѣ высказалась досада, которая не могла также не досадить и Московскому великому князю. „Князья Вяземскіе и Мезецкіе были нашими слугами, велѣлъ сказать Александръ тестю; измѣнивши намъ, они убѣжали въ твою Землю какъ лихіе люди, а если бы не убѣжали отъ насъ, то не того бы и заслужили, чего измѣнники заслуживаютъ". На границахъ начались опять непріязненныя столкновенія между подданными обоихъ государствъ; Александръ постоянно жаловался, что московскіе люди захватываютъ

[1]) Акты, относящ. къ Истор. Западной Россіи, I, № 116.

земли у литовскихъ и причиняютъ имъ разныя другія обиды.

У Іоанна также не было недостатка въ жалобахъ: Александръ не пропустилъ турецкаго посла, ѣхавшаго въ Москву чрезъ его владѣнія, отговариваясь тѣмъ, что посолъ этотъ будетъ высматривать его государство. Іоаннъ велѣлъ ему сказать: „И къ Казимиру королю отъ Турскаго многіе послы бывали, и гости многіе ходили въ вашу и нашу Землю безъ зацѣпки, и теперь изъ Турціи въ Литву, и изъ Литвы въ Турцію гости ходятъ; мы съ тобой въ любви, въ мирномъ докончаніи, въ крестномъ цѣлованіи и въ свойствѣ, а ты ко мнѣ пословъ и гостей не пропускаешь". Надѣясь имѣть чрезъ Елену и дѣтей ея вліяніе на Литовскую Русь, не желая, чтобъ Кіевъ находился подъ непосредственнымъ управленіемъ католика, Іоаннъ съ неудовольствіемъ услыхалъ отъ пословъ своихъ, что Александръ и паны думаютъ, хотятъ брату Александрову, Сигизмунду, дать въ Литовскомъ княжествѣ Кіевъ и другіе города; по этому случаю онъ велѣлъ сказать Еленѣ: „Слыхалъ я, дочь, каково было нестроеніе въ Литовской Землѣ, когда было тамъ государей много; да и въ нашей Землѣ, слыхала ты, какое было нестроеніе при моемъ отцѣ, слыхала, какія и послѣ были дѣла между мной и братьями, а иное и сама помнишь. Такъ если Сигизмундъ будетъ въ Литовской Землѣ, то вашему какому добру быть? Я объ этомъ приказываю къ тебѣ для того, что ты наше дитя, что если ваше дѣло пойдетъ не хорошо, то мнѣ жаль. А захочешь объ этомъ поговорить съ великимъ княземъ, то говори съ нимъ отъ себя, а не моею рѣчью, да и мнѣ обо всемъ дай знать, какъ ваши дѣла". Александру Іоаннъ далъ знать, что Стефанъ Молдавскій и Менгли-Гирей Крымскій не прочь отъ мира съ Литвою; тотъ отвѣчалъ, что тесть все говоритъ только о своихъ дѣлахъ, а молчитъ о томъ, какія обиды литовскіе люди терпятъ отъ московскихъ; что если тесть хочетъ, чтобъ онъ былъ въ мирѣ съ Крымомъ и Молдавіею, то пусть Стефанъ и Менгли-Гирей вознаградятъ его за всѣ прежнія обиды.

Іоаннъ послалъ уговаривать Александра, чтобъ не выступалъ въ походъ противъ Молдавскаго господаря; Александръ отвѣчалъ: „Мы надѣемся, что братъ нашъ, великій князь, больше желаетъ добра намъ, зятю своему, чѣмъ Стефану воеводѣ". Но родство было только на словахъ: и зять и тесть въ сношеніяхъ своихъ съ иностранными владѣтелями дѣйствовали явно другъ противъ друга. Посылая къ Еленѣ съ жалобами, что мужъ ея возбуждаетъ противъ него Швецію и Татаръ, Іоаннъ наказалъ послу: если Елена скажетъ, что Александръ посылалъ въ Орду и въ Швецію по своимъ дѣламъ, а не для того, чтобъ возбуждать ихъ противъ Москвы, то отвѣчать ей, что онъ именно посылалъ въ Орду наводить Ахматовыхъ сыновей на Іоанна и Менгли-Гирея; съ чѣмъ посылалъ въ Швецію,—и то въ Москвѣ извѣстно: если она хочетъ, то отецъ пришлетъ ей грамоты ордынскія, да и о томъ объявитъ, съ чѣмъ мужъ ея посылалъ къ Шведскому правителю Стену Стуру. Александръ, съ своей стороны, упрекалъ Іоанна за сношенія съ Менгли-Гиреемъ, клонившіяся ко вреду Литвѣ. Помирившись съ Александромъ и выдавши за него дочь, Іоаннъ объявилъ объ этомъ Менгли-Гирею, прибавивъ: „А я въ чемъ тебѣ далъ слово, что въ нашихъ грамотахъ записано, на томъ и теперь стою, другу твоему я другъ, а недругу—недругъ". Менгли-Гирей сначала подивился такой перемѣнѣ въ отношеніяхъ Москвы къ Литвѣ, перемѣнѣ, происшедшей безъ его вѣдома, но кончилъ просьбою: „Прошенье мое такое: Мисюрскій султанъ прислалъ шатеръ писанный и шитый, узорчатый; дастъ Богъ, въ вешніе дни буду въ немъ ѣсть и пить, такъ надобно серебряныя чары въ два ведра хорошей работы, да наливки серебряныя,—прошу ихъ у тебя. Чтобъ наливка не мала была, смотря по чарѣ, доброй бы работы наливка была; твоя, брата моего, любовь ночью и днемъ съ сердца не сойдетъ; серебряную чару меду за твою, брата моего, любовь всегда полную пьемъ; у насъ такой чары сдѣлать мастера добраго не добудешь, а у тебя мастера есть". Іоаннъ послалъ сказать хану: „Мы говорили литовскимъ посламъ, чтобъ и съ тобою князь ихъ былъ въ мирѣ; а не извѣстили тебя о нашемъ союзѣ съ Литвою потому, что была зима. Если помиришься съ Литовскимъ, то очень хорошо; а если онъ съ тобою не помирится, или, помирившись съ нами и съ тобою, вдругъ станетъ опять намъ недругомъ, тогда мы съ тобою перешлемся и будемъ дѣлать по совѣту, какъ намъ будетъ пригоже". Съ другимъ посломъ Іоаннъ велѣлъ сказать хану еще яснѣе: „Если теперь Александръ съ тобою помирится, то ты дай намъ знать; если и не помирится, то ты также дай намъ знать, а мы съ тобою, своимъ братомъ, и теперь на него заодно" [1]).

Между тѣмъ частыя сношенія между Москвою и Литвою не прерывались: Александръ все требовалъ, чтобъ отданы были земли, захваченныя Іоанновыми подданными у Литвы по заключеніи уже мира; требовалъ высылки общихъ судей для рѣшенія споровъ между пограничниками; требовалъ, чтобъ тесть, по договору, помирилъ его съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ, которые, толкуя о мирѣ, опустошаютъ его волости. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы посылали къ зятю говорить о томъ, что онъ имя наше пишетъ не такъ, какъ слѣдуетъ по мирному договору, о церкви, которой онъ не строитъ для жены своей, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, которыхъ онъ къ ней не приставляетъ; а онъ въ отвѣтахъ своихъ обо всѣхъ этихъ начальныхъ, большихъ дѣлахъ ничего намъ не говоритъ; онъ требуетъ, чтобъ мы, по договору, помирили его съ Менгли-Гиреемъ и Стефаномъ Молдавскимъ, а самъ договора не соблюдаетъ. Но мы, памятуя наше свойство, что наша дочь за нимъ, посылаемъ къ Менгли-Гирею и Стефану, чтобъ помирились съ

---

[1]) Крымскія дѣла, № 1, стр. 449, 470, 536.

Литвою, хотя бы намъ и непригоже было посылать, когда онъ изъ крестнаго цѣлованія выступаетъ. Александръ проситъ о съѣздѣ бояръ на границахъ и срокъ назначаетъ: мы этого сами давно хотимъ, чтобъ нашимъ боярамъ, съ его панами съѣхавшись, обиднымъ дѣламъ на обѣ стороны управу учинить и грамоты написать; но боярамъ нашимъ какъ въ грамотахъ писать наше имя; когда братъ нашъ и зять не хочетъ писать его, какъ слѣдуетъ по мирному договору? Когда онъ начальныя дѣла намъ по докончанію исправитъ, тогда мы и пошлемъ бояръ на съѣздъ".

Такимъ образомъ, для Іоанна большими, начальными дѣлами былъ титулъ государя всея Руси и построеніе для Елены церкви греческаго закона. Въ ноябрѣ 1497 года Іоаннъ послалъ въ Литву Микулу Ангелова, который долженъ былъ сказать отъ него Еленѣ: „Я тебѣ приказывалъ, чтобъ просила мужа о церкви, о панахъ и паньяхъ греческаго закона, и ты просила ли его объ этомъ? Приказывалъ я къ тебѣ о попѣ, да о боярынѣ старой, и ты мнѣ отвѣчала ни то-ни се. Тамошнихъ пановъ и паней греческаго закона тебѣ не даютъ, а нашихъ у тебя нѣтъ: хорошо ли это?" Ангелову данъ былъ наказъ—дознаться: „когда идетъ у великой княгини Елены служба, то она на службѣ стоитъ ли?" Елена отвѣчала Ангелову: „О церкви я била челомъ великому князю, но онъ и мнѣ отвѣчаетъ то же, что московскимъ посламъ; попъ Ѳома не по мнѣ, а другой попъ со мною есть изъ Вильны очень хорошій. А боярыню какъ ко мнѣ изъ Москвы прислать, какъ ее держать, какъ ей съ здѣшними сидѣть? Вѣдь мнѣ не далъ князь великій еще ничего, чѣмъ кого жаловать; двухъ-трехъ пожаловалъ, а иныхъ я сама жалую. Если бы батюшка хотѣлъ, то тогда же боярыню со мною послалъ; а поповъ мнѣ кого знать? самъ знаешь, что я на Москвѣ не видала никого. А что батюшка приказываетъ, будто я наказъ его забываю, такъ бы онъ себѣ и на сердцѣ не держалъ, что мнѣ наказъ его забыть: когда меня въ животѣ не будетъ, тогда отцовскій наказъ забуду. А князь великій меня жалуетъ, о чемъ ему бью челомъ, и онъ жалуетъ, о комъ помяну. А вотъ которая у меня посажена панья, и теперь она уже тишаетъ" [1]). Въ грамотѣ къ отцу Елена писала, что мужъ не даетъ слѣдующихъ ей волостей потому, что тесть побралъ у него много земель послѣ заключенія мира.

Понятно, что Александръ не хотѣлъ построить для жены православной церкви, не хотѣлъ окружать ея людьми православнаго исповѣданія, ибо понятно, какъ духовенство католическое и паны литовскіе латинскаго исповѣданія должны были смотрѣть на то, что ихъ великая княгиня была греческой вѣры. Александръ, давая знать Римскому двору о бракѣ своемъ съ Еленою, обманулъ его насчетъ грамоты о вѣрѣ, данной Іоанну, писалъ, что онъ обѣщалъ тестю не принуждать жены къ принятію католицизма, если она сама не захочетъ принять его, слѣдовательно указывалъ на свою прежнюю грамоту, которая была отвергнута Іоанномъ. Но что значила для папы присяга, данная не-католику?—и Александръ VI отвѣчалъ Литовскому князю, что совѣсть его останется совершенно чиста, если онъ употребитъ всевозможныя средства для склоненія Елены къ католицизму; только въ 1505 году папа Юлій II позволилъ Александру жить съ иновѣрною женою въ ожиданіи смерти отца ея, который уже очень старъ, или въ ожиданіи какого-нибудь другого обстоятельства [2]). Поэтому неудивительно, что въ 1499 году подъячій Шестаковъ прислалъ къ Вяземскому намѣстнику, князю Оболенскому, письмо слѣдующаго содержанія: „Здѣсь у насъ произошла смута большая между латинами и нашимъ христіанствомъ; въ нашего владыку Смоленскаго дьяволъ вселился, да въ Сопѣгу еще, встали на православную вѣру. Князь великій неволилъ государыню нашу, великую княгиню Елену, въ латинскую проклятую вѣру; но государыню нашу Богъ научилъ, да помнила науку государя отца своего, и она отказала мужу такъ: „Вспомни, что ты обѣщалъ государю отцу моему; а я безъ воли государя отца моего не могу этого сдѣлать, обошлюсь какъ меня научитъ." Да и все наше православное христіанство хотятъ окрестить; отъ этого наша Русь съ Литвою въ большой враждѣ. Этотъ списочекъ послалъ бы ты къ государю, а государю самому не узнать. Больше не смѣю писать; еслибъ можно было съ кѣмъ на словахъ пересказать".

Іоаннъ, получивъ записку Шестакова, послалъ въ Литву Ивана Мамонова съ приказомъ отъ себя и отъ жены къ Еленѣ, чтобъ пострадала до крови и до смерти, а вѣры греческаго закона не оставляла. Рѣшившись начать войну, Іоаннъ хотѣлъ узнать средства противника, и потому наказалъ Мамонову: „пытать, былъ ли у Александра Стефановъ посолъ, и заключенъ ли миръ между Молдавіею и Литвою? Польскій и Венгерскій короли въ мирѣ ли со Стефаномъ? Турскій и Перекопскій мирны ли съ Польскимъ, Литовскимъ и Молдавскимъ?" Объ отношеніяхъ Литвы къ Молдавіи самъ Александръ увѣдомилъ тестя, чрезъ посла своего Станислава Глѣбовича, который объявилъ о мирѣ ме-

---

[1]) Въ этомъ любопытномъ отвѣтѣ Елены мы должны остановиться на двухъ выраженіяхъ: «А о попѣ такъ и есть, что попъ Ѳома не моиской». Слово моиской попадается и въ другихъ посольскихъ книгахъ, наприм. въ наказѣ боярину Семену Борисовичу, отправлявшемуся въ Крымъ, читаемъ: «Молвилъ бы еси отъ меня Хозѣ-Асану, что будетъ у него моиские лалы и яхонты дорогіе и жемчюгъ доброй, и онъ бы одиолично у меня былъ самъ, а тобы съ тобою привезлъ». — Второе выраженіе Елены: «А восе которая у меня посажена, и она была восорка а нынѣча уже тишаетъ». Что такое восорка — мы не знаемъ; развѣ не ошибкою ли восорка вмѣсто росорка (разсорка, ссорщица, смутьянка), что очень легко по сходному начертанію двухъ буквъ: *в* и *р* въ письмѣ XV вѣка. Или быть можетъ: высока?

[2]) Догель—Cod. dipl. regn. Pol. ms. VI, 271. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, примѣч. 115.

жду Стефаномъ и Александромъ, и отъ имени послѣдняго приглашалъ Іоанна помочь Молдавіи противъ Турокъ: „Самъ можешь разумѣть, велѣлъ сказать Александръ, что Стефана воеводы панство есть ворота всѣхъ христіанскихъ земель нашего острова; не дай Богъ, если Турки имъ овладѣютъ!" Глѣбовичъ жаловался: что намѣстникъ Козельскій захватилъ села карачевскія и хотимльскія; что бояре, живущіе на новгородскихъ границахъ, отняли торопецкія земли. Относительно титула Іоаннова Александръ велѣлъ объявить слѣдующее: „Въ докончальной записи вписаны были всѣ земли и мѣста и волости литовскія, кромѣ замка Кіева и пригородовъ; теперь впиши Кіевъ, либо особый листъ намъ дай на него, тогда и будемъ тебя писать, какъ написано въ договорѣ". Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что подастъ помощь Стефану, когда тотъ самъ пришлетъ просить ее; что земли, отнятыя намѣстникомъ Козельскимъ, изстари принадлежатъ къ его городу; что Александръ выступилъ изъ договора, принуждая Елену принять латинство. Относительно Кіева и титула отвѣтъ былъ такой: „Князь бы великій самъ положилъ на своемъ разумѣ, гораздо ли такъ къ намъ приказываетъ? мимо нашего съ нимъ договора и крестнаго цѣлованія не хочетъ намъ править по докончанію, да такія нелѣпицы къ намъ и приказываетъ, мимо дѣла".

Скоро послѣ этого Менгли-Гирей прислалъ въ Москву условія, на которыхъ хотѣлъ помириться съ Литвою: онъ требовалъ ежегодной дани съ 13 литовскихъ городовъ, между которыми были Кіевъ, Каневъ, Черкасы, Путивль [1]): „По тѣмъ городкамъ, писалъ ханъ, дараги были и ясаки брали." Съ этими условіями Іоаннъ отправилъ въ Литву опять Мамонова, который долженъ былъ требовать, чтобъ Александръ далъ отвѣтъ, пока Менгли-Гиреевы послы въ Москвѣ; Еленѣ Мамоновъ долженъ былъ сказать упрекъ, зачѣмъ она таится отъ отца касательно принужденій къ перемѣнѣ вѣры, и новое увѣщаніе быть твердою въ православіи. Александръ отвѣчалъ съ Мамоновымъ: „Пусть великій князь самъ посмотритъ и совѣтъ намъ свой дастъ о Кіевѣ и другихъ городахъ нашихъ—пристойныя ли то рѣчи? Менгли-Гирей хочетъ отъ насъ того, чего его предки отъ нашихъ предковъ никогда не хотѣли. Поговоримъ съ панами-радою, и пришлемъ съ отвѣтомъ своего посла, а великій князь до тѣхъ поръ пусть Менгли-Гиреева посла позадержитъ." Іоаннъ послалъ сказать Менгли-Гирею: „Мы по твоему слову посла своего посылали къ великому князю Александру, и то ему сказали, какого ты съ нимъ мира хочешь. Онъ намъ велѣлъ сказать съ нашимъ посломъ, что его люди при отцѣ его и дѣдѣ къ вашей Ордѣ даньщиками никогда не бывали, и обѣщалъ намъ для этихъ дѣлъ выслать своихъ пословъ, приказавши, чтобъ мы отъ себя твоихъ пословъ не отпускали до тѣхъ поръ, пока будутъ у насъ его послы; и мы затѣмъ твоихъ пословъ у себя и держали, ждали къ себѣ отъ него пословъ, но онъ къ намъ пословъ не присылывалъ. И если князь великій Александръ пословъ своихъ къ намъ не прислалъ, такъ онъ съ тобою мира не хочетъ; съ нашими недругами, съ Ахматовыми дѣтьми, ссылается, наводитъ ихъ на насъ, а которые послы Ахматовыхъ дѣтей теперь у него, и онъ тѣхъ пословъ въ Орду отпускаетъ, да и своихъ пословъ туда шлетъ, и въ своемъ словѣ не стоитъ, что приказывалъ намъ будто мира съ тобою хочетъ. И если онъ съ тобою, нашимъ братомъ, мира не хочетъ, то и я съ нимъ мира не хочу для тебя, хочу съ тобою, своимъ братомъ, по своей правдѣ на него быть заодно; и если пришлетъ къ тебѣ князь великій Александръ за миромъ, то ты бы съ нимъ не мирился безъ нашего вѣдома; какъ дастъ Богъ намъ съ Литовскимъ свое дѣло дѣлать и на него наступить, то мы съ тобою сошлемся." Послу было наказано: „Беречь накрѣпко, чтобъ Менгли-Гирей съ великимъ княземъ Литовскимъ не мирился, не канчивалъ. Если Менгли-Гирей спроситъ, въ мирѣ ли великій князь съ Литовскимъ, или нѣтъ? то послу отвѣчать: „Александръ хотѣлъ прислать пословъ съ отвѣтомъ насчетъ мира съ тобою, и не прислалъ; съ тѣхъ поръ государь нашъ для тебя съ нимъ въ размирьи". Если ханъ спроситъ: „Въ чемъ у нихъ размирье"?—отвѣчать: „Пріѣхалъ князь Бѣльскій съ вотчиною, и великій князь его принялъ" [2]).

Дѣйствительно, прислалъ въ Москву князь Семенъ Ивановичъ Бѣльскій бить челомъ великому князю, чтобъ пожаловалъ, принялъ его въ службу и съ отчиною: терпятъ они въ Литвѣ большую нужду за греческій законъ; великій князь Александръ посылалъ къ своей великой княгинѣ Еленѣ отметника православной вѣрѣ, Іосифа, владыку Смоленскаго, да епископа своего Виленскаго и монаховъ бернардинскихъ, чтобъ приступила къ римскому закону; посылалъ и къ князьямъ русскимъ, и къ виленскимъ мѣщанамъ, и ко всей Руси, которая держитъ греческій законъ, принуждаетъ ее приступить къ римскому закону; а Смоленскому владыкѣ великій князь обѣщалъ за то Кіевскую митрополію. Іоаннъ принялъ Бѣльскаго, и послалъ сказать Александру: „Князь Бѣльскій билъ челомъ въ службу; и хотя въ мирномъ договорѣ написано, что князей съ вотчинами не принимать, но такъ какъ отъ тебя имъ такого притѣсненія въ вѣрѣ, и прежде отъ твоихъ предковъ такой нужды не бывало, то мы теперь князя Семена приняли въ службу съ отчиною". Бѣльскій также послалъ Александру грамоту, въ которой слагалъ съ себя присягу по причинѣ принужденія къ перемѣнѣ вѣры. За Бѣльскимъ перешли съ богатыми волостями князья, до сихъ поръ бывшіе заклятыми врагами великаго князя

[1]) Имена всѣхъ городовъ слѣдующія: Кіевъ, Каневъ, Пестобратъ, Дашко, Яро, Чанамъ, Болдавъ, Кулжанъ, Биринъ, Чалбашъ, Черкасской городокъ, Путивль, Липятинъ.

[2]) Дѣла Польск. № 1, стр. 443—734; Крымскія, № 2, посольство князя Кубенскаго, апрѣль 1500 года.

Московскаго: князь Василій Ивановичъ, внукъ Шемяки, и сынъ пріятеля Шемякина, Ивана Андреевича Можайскаго, князь Семенъ Ивановичъ; князь Семенъ поддался съ Черниговомъ, Стародубомъ, Гомелемъ, Любичемъ; Шемячичъ—съ Рыльскомъ и Новгородомъ-Сѣверскимъ; поддались другіе князья, менѣе значительные, Мосальскіе, Хотетовскіе—все по причинѣ гоненія за вѣру. Іоаннъ послалъ объявить Александру, что принялъ въ службу Можайскаго съ Шемячичемъ, въ то же время послалъ складную грамоту, или объявленіе войны.

Московскія войска выступили въ поле подъ начальствомъ хана Магметъ-Аминя и воеводы Якова Захарьевича Кошкина, заняли города Мценскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Брянскъ, Путивль; князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемячичъ—были приведены къ присягѣ; другая рать, подъ начальствомъ боярина Юрія Захарьевича Кошкина, взяла Дорогобужъ. Вслѣдъ за нимъ великій князь отправилъ тверскую рать, подъ начальствомъ князя Даніила Щени, который долженъ былъ начальствовать большимъ полкомъ, а бояринъ Юрій—сторожевымъ; Юрій обидѣлся и писалъ въ Москву, что ему въ сторожевомъ полку быть нельзя: „То мнѣ стеречь князя Данила!" Великій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Гораздо-ль такъ дѣлаешь? Говоришь, что тебѣ непригоже стеречь князя Данила: ты будешь стеречь не его, но меня и моего дѣла; каковы воеводы въ большомъ полку, таковы и въ сторожевомъ; такъ не позоръ это для тебя". Юрій успокоился. Между тѣмъ литовское войско, подъ начальствомъ гетмана, князя Константина Острожскаго, приближалось къ Дорогобужу, и 14 іюля 1500 года, въ годовщину Шелонской битвы, встрѣтилось съ московскимъ на Митьковѣ полѣ, на рѣчкѣ Ведрошѣ. Благодаря тайной засадѣ, рѣшившей дѣло, московскіе воеводы одержали совершенную побѣду: гетманъ, князь Острожскій, и другіе литовскіе воеводы попались въ плѣнъ; 17 іюля получилъ великій князь вѣсть о побѣдѣ, и была радость большая въ Москвѣ, говорятъ лѣтописцы. Побѣдителей великій князь послалъ спросить о здоровьи; плѣнники привезены въ Москву и отсюда разосланы по городамъ: князь Константинъ Острожскій отправленъ въ Вологду въ оковахъ; держали его крѣпко, но поили и кормили довольно; прочимъ князьямъ и панамъ давали по полуденьгѣ на день, а Константину—по четыре алтына; скоро впрочемъ онъ присягнулъ служить великому князю Московскому, получилъ свободу и земли [1].

Войска новгородскія, псковскія и великолуцкія, подъ начальствомъ племянниковъ великокняжескихъ, Ивана и Ѳедора Борисовичей и боярина Андрея Челяднина, взяли Торопецъ; новые подданные московскіе, князья Сѣверскіе—Можайскій и Шемячичъ, вмѣстѣ съ боярами—княземъ Ростовскимъ и Семеномъ Воронцовымъ, одержали побѣду надъ Литовцами подъ Мстиславлемъ, положивъ тысячъ семь непріятелей на мѣстѣ [2]. Этимъ окончились значительныя дѣйствія московскихъ войскъ въ областяхъ литовскихъ; сынъ великаго князя, Димитрій Іоанновичъ, посланный подъ Смоленскъ, не могъ взять этого города и ограничился взятіемъ Орши и опустошеніемъ литовскихъ областей, которое было потомъ повторено князьями Сѣверскими. Военныя дѣйствія шли медленно. Дѣятельнѣе шли сношенія обоихъ государей, Московскаго и Литовскаго, съ сосѣдними владѣльцами, у которыхъ они искали помощи другъ противъ друга. Мы видѣли, какъ Іоаннъ, съ самаго начала, хотѣлъ вооружить противъ Литвы Менгли-Гирея, стараясь увѣрить его, что миръ съ Александромъ разорванъ вслѣдствіе нежеланія послѣдняго помириться съ Крымомъ. Это увѣреніе повторено было съ новымъ посломъ, который долженъ былъ уговаривать хана, чтобъ шелъ на литовскія владѣнія, именно: къ Слуцку, Турову, Пинску, Минску [3]. Менгли-Гирей остался вѣренъ союзу съ Москвою, и сыновья его не разъ принимались опустошать литовскія и польскія владѣнія [4], хотя Александръ и старался склонить хана на свою сторону; черезъ кіевскаго воеводу, князя Димитрія Путятича, онъ велѣлъ напомнить Менгли-Гирею о давней пріязни, бывшей между ихъ отцами — Ази-Гиреемъ и Казимиромъ: „Когда же ты, по смерти отцовской, нарушилъ пріязнь съ Литвою, то самъ посмотри, что изъ этого вышло: честь твоя царская не по-прежнему стоитъ, понизилась, пошлины всѣ отъ твоего царства отошли, и столу твоему никто не кланяется, какъ прежде кланивались; кто передъ твоимъ отцомъ холопомъ

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 45. Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи I, № 179; Разрядн. книга Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, № 1, стр. 82, 105; Герберштейнъ; Стрыйковскій II, 308, по изд. 1846 г.; Архангел. лѣтоп., стр. 207. Въ опредѣленіи года Ведрошской битвы извѣстія московскихъ лѣтописей и статейныхъ списковъ разнятся съ литовскими. По московскимъ лѣтописямъ Ведрошская битва происходила въ 1500 году, а по Стрыйковскому въ 1499 г.; но гораздо замѣчательнѣе разногласіе другихъ источниковъ, долженствующихъ имѣть авторитетъ неоспоримый: въ Литовской Метрикѣ помѣщено посольство въ Москву смоленскаго намѣстника Станислава Петровича Кишки, относящееся къ апрѣлю 1500 года, и Кишка говоритъ о Ведрошской битвѣ, какъ о событіи уже совершившемся: «Мы по тобѣ братѣ нашомъ надѣялися вѣчноѣ дружбы: ты какъ ся намъ открылъ у великую непрыязнь; войну еси и огонь въ нашу землю пустилъ. И мы послали были тамъ на границы, гетмана нашого князя Константина Ивановича Островскаго и пановъ нашихъ, границъ и людей нашихъ отъ твоихъ людей постеречы; и твои люди нашихъ людей поразили, и гетмана нашого и пановъ нашихъ головами къ тобѣ привели». По этому выходитъ, что Стрыйковскій правъ, помѣщая Ведрошскую битву въ 1499 году. Но въ посольскихъ рѣчахъ того же Станислава Кишки, какъ онѣ помѣщены въ 1-мъ № Польскихъ дѣлъ, хранящихся въ Москов. Архивѣ Мин. Ин. дѣлъ, этихъ рѣчей посла о пораженіи гетмана не находится. Г. Карповъ въ своей «Исторіи борьбы Москов. госуд. съ Польско-Литовскимъ, стр. 59, настаиваетъ на предпочтеніи, какое мы должны оказать московскимъ источникамъ предъ литовскими; но вопросъ не рѣшается осязательно.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 47.

[3]) Дѣла Крымскія, № 2, стр. 726.

[4]) Тамъ же, стр. 820, 1019.

писывался, тотъ теперь тебѣ уже братомъ называется. Самъ можешь знать, какую высокую мысль держитъ князь Московскій; если онъ зятю своему клятвы не сдержалъ, то сдержитъ ли онъ ее тебѣ? а что онъ роднымъ братьямъ своимъ подѣлалъ, также нарушивши клятву? Если ему удастся захватить украинскіе города литовскіе и стать тебѣ близкимъ сосѣдомъ, можешь ли сидѣть спокойно на своемъ царствѣ? Если же будешь заодно съ великимъ княземъ Литовскимъ, то онъ велитъ съ каждаго человѣка въ землѣ Кіевской, Волынской и Подольской давать тебѣ ежегодно по три деньги" [1]). Но Крымцы не соблазнились этимъ предложеніемъ: они предпочитали брать деньги вмѣстѣ и съ людьми въ областяхъ литовскихъ.

Легче было Александру убѣдить Стефана Молдавскаго разорвать союзъ съ Іоанномъ, потому что послѣдній въ это время возложилъ опалу на дочь Стефанову, Елену, лишилъ наслѣдства сына ея, Димитрія. Александръ далъ знать объ этомъ Стефану [2]); московскій посолъ въ Крыму, Заболоцкій, писалъ къ своему князю: „Менгли-Гиреевъ человѣкъ, посланный съ твоими грамотами къ Стефану воеводѣ, нашелъ его въ Польской Землѣ подъ Галичемъ; Стефанъ, прочтя грамоты, хотѣлъ отпустить твоихъ пословъ, какъ пришла ему грамота отъ Александра, который пишетъ: „Ты меня воюешь въ одно время съ недругомъ моимъ великимъ княземъ Московскимъ; но онъ и тебѣ теперь недругъ же: дочь твою и внука посадилъ въ темницу, и великое княженіе у внука твоего отнялъ, да отдалъ сыну". И Стефанъ воевода сейчасъ-же прислалъ къ царю Менгли-Гирею своего человѣка добраго съ грамотою и рѣчами, пишетъ: „Разыщи мнѣ подробно, правду-ли мнѣ Александръ писалъ; и если онъ солгалъ, то я московскихъ пословъ къ тебѣ отпущу сейчасъ же". И царь меня пыталъ накрѣпко наединѣ, да и къ присягѣ меня хотѣлъ привести; но я царю говорилъ: все это, государь, ложь, неправда, все это Александръ отъ себя затѣялъ, недругъ на недруга чего не взведетъ,—что хочетъ, то затѣетъ. И царь Стефану о томъ отписалъ". Но правда не могла утаиться отъ воеводы; впрочемъ, кромѣ кратковременной задержки пословъ и художниковъ, ѣхавшихъ въ Москву черезъ Молдавію, неудовольствіе Стефана не имѣло другихъ важнѣйшихъ слѣдствій. Союзъ Александра съ Ахматовыми сыновьями причинилъ не много болѣе вреда Московскому государству; гораздо важнѣе былъ союзъ его съ магистромъ Ливонскимъ, отвлекшимъ московскія силы къ псковскимъ границамъ, о чемъ будетъ рѣчь въ своемъ мѣстѣ.

На престолахъ Польскомъ, Чешскомъ и Венгерскомъ сидѣли естественные союзники Александра, родные братья. До насъ дошли посольскія рѣчи Александра къ брату его Владиславу, королю Венгерскому, въ которыхъ всего любопытнѣе указаніе на религіозныя движенія въ Литвѣ: „Вы должны (говорилъ литовскій посолъ Владиславу) подать помощь нашему государю не только по родству кровному, но и для святой вѣры христіанской, которая утверждена въ Литовской Землѣ трудами дѣда вашего, короля Владислава (Ягайла). Съ тѣхъ поръ до послѣдняго времени Русь покушается ее уничтожить, не только Москва, но и подданные княжата литовскіе; на отца вашего, короля Казимира, они вставали по причинѣ вѣры; по той же причинѣ встаютъ теперь и на васъ, сыновей его. Братъ вашъ Александръ нѣкоторыхъ изъ нихъ за это казнилъ, а другіе убѣжали къ Московскому князю, который вмѣстѣ съ ними и поднялъ войну, ибо до него дошли слухи, что нѣкоторые князья и подданные нашего государя, будучи русской вѣры, принуждены были принять римскую" [3]).

Братья могли только обѣщать Александру ходатайствовать за него предъ тестемъ. Но, еще не дожидаясь этого ходатайства, самъ Александръ, въ началѣ 1500 года, прислалъ въ Москву смоленскаго намѣстника, Станислава Кишку, жаловаться на начатіе непріятельскихъ дѣйствій со стороны Іоанна и оправдаться въ обвиненіяхъ, которыя послѣдній взводилъ на него: „Мы поудержались писать тебя великимъ княземъ всея Руси (велѣлъ сказать Александръ, потому, что по заключеніи мира тотчасъ же начались намъ отъ тебя обиды большія; ты намъ объявилъ, что обиды прекратятся, когда мы напишемъ твое имя какъ слѣдуетъ, и вотъ мы его теперь написали сполна. Ты велѣлъ намъ сказать, что принялъ князя Бѣльскаго съ отчиною потому, что мы посылали къ нему епископа Виленскаго и митрополита приводить его къ римскому закону; но онъ не могъ тебѣ правды сказать, какъ лихой человѣкъ и нашъ измѣнникъ: мы его уже третій годъ и въ глаза не видали. Слава Богу, въ нашей отчинѣ, великомъ княжествѣ Литовскомъ, княжатъ и панятъ греческаго закона много, и получше его, этого нашего измѣнника, да никогда силою и нуждою предки наши и мы къ римскому закону ихъ не приводили и не приводимъ. Въ Орду Заволжскую мы посылали по нашимъ дѣламъ украинскимъ, а не на твое лихо. Великую княгиню нашу къ римскому закону не принуждаемъ, и дивимся тому, что ты вѣришь больше лихимъ людямъ, которые, забывши честь и души свои и наше жалованье, измѣнили намъ и убѣжали къ тебѣ, чѣмъ намъ, брату своему. Что же касается церкви, которую надобно построить на сѣняхъ, да пановъ и паней греческаго закона, то объ этомъ между нами и рѣчи не было, мы объ этомъ ничего не знаемъ; паны наши, которые были у тебя, намъ объ этомъ ничего не сказали".

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать: „Мы къ брату своему Александру не объ одномъ нашемъ имени приказывали; а теперь онъ только одно наше имя въ своей грамотѣ какъ слѣдуетъ по докончанью на-

---

[1]) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 183.
[2]) Тамъ же, № 161.
[3]) Тамъ же, № 188.

писалъ. Говоритъ, что никого не принуждаетъ къ римскому закону: — такъ ли это онъ не принуждаетъ? Къ дочери нашей, къ русскимъ князьямъ, панамъ и ко всей Руси посылаетъ, чтобъ приступили къ римскому закону! Сколько велѣлъ поставить римскихъ божницъ въ русскихъ городахъ, въ Полоцкѣ и въ другихъ мѣстахъ? Женъ отъ мужей и дѣтей отъ отцовъ съ имѣніемъ отнимаютъ, да сами крестятъ въ римскій законъ; такъ-то зять нашъ не принуждаетъ Русь къ римскому закону? О князѣ же Семенѣ Бѣльскомъ извѣстно, что онъ пріѣхалъ къ намъ служить, не желая быть отступникомъ отъ греческаго закона и не хотя своей головы потерять: такъ какая же его тутъ измѣна?" [1]).

Въ январѣ 1501 года пріѣхалъ въ Москву посолъ отъ Владислава, короля Венгерскаго и Богемскаго. Это былъ не первый посолъ венгерскій въ Москвѣ при Іоаннѣ III-мъ; сношенія съ Венгріею начались еще съ 1482 года, когда король Матвѣй Корвинъ, имѣя нужду въ союзникахъ противъ Казимира Польскаго, прислалъ къ Московскому великому князю съ предложеніемъ дѣйствовать вмѣстѣ противъ общаго врага. Разумѣется, предложеніе было принято и начались пересылки между двумя дворами, причемъ Іоаннъ старался побуждать Матвѣя къ рѣшительной войнѣ съ Польшею, увѣряя: что онъ, съ своей стороны, дѣйствуетъ противъ Казимира, взялъ Тверь, гдѣ княжилъ другъ и свойственникъ Польскаго короля, кромѣ того взялъ города и волости литовскія; что хотя онъ и пересылается съ Казимиромъ, но единственно о порубежныхъ обидныхъ дѣлахъ, мира же между ними нѣтъ [2]). Отношенія перемѣнились, когда, вмѣсто Матвѣя, врага Казимирова, королемъ Венгерскимъ сталъ сынъ Казимировъ, Владиславъ, который теперь прислалъ въ Москву ходатайствовать за брата своего Александра, вмѣстѣ съ третьимъ Казимировичемъ, Яномъ-Альбрехтомъ, королемъ Польскимъ. Короли уговаривали Іоанна помириться съ зятемъ, ибо война ихъ причиняетъ большой вредъ всему христіанству, развлекая силы христіанскихъ государей, которые должны быть всѣ заодно противъ Турокъ; въ случаѣ, если Іоаннъ не приметъ ихъ ходатайства, Казимировичи грозились помогать брату и княжеству Литовскому, изъ котораго всѣ они вышли; просили также отпустить на поруку плѣнниковъ, взятыхъ въ Литвѣ. Іоаннъ отвѣчалъ изложеніемъ извѣстныхъ уже причинъ, заставившихъ его начать войну съ зятемъ: „Мы зятю своему ни въ чемъ не выступили, онъ намъ ни въ чемъ не исправилъ; такъ если король Владиславъ хочетъ брату своему неправому помогать, то мы, уповая на Бога, по своей правдѣ, противъ своего недруга хотимъ стоять, сколько намъ Богъ поможетъ; у насъ Богъ помощникъ и наша правда". Относительно плѣнныхъ бояре отвѣчали: „Въ земляхъ нашего государя нѣтъ такого обычая, чтобы плѣнниковъ отпускать на присягѣ или порукѣ; а нужды имъ нѣтъ никакой, всего довольно — и ѣды, и питья, и платья". Наконецъ Іоаннъ велѣлъ объявить, что если зять пришлетъ за миромъ, то онъ съ нимъ миру хочетъ, какъ будетъ пригоже [3]).

Александръ прислалъ пана Станислава Нарбутовича съ тѣми же рѣчами, съ какими пріѣзжалъ и прежній посолъ, Станиславъ Кишка, и получилъ тотъ же отвѣтъ съ нѣкоторыми новыми жалобами: „Какъ наша дочь къ нему пріѣхала, и онъ въ то время ни одному владыкѣ не велѣлъ у себя въ Вильнѣ быть, а нареченному митрополиту Макарію не велѣлъ вѣнчать нашей дочери; которую дочь княжескую или боярскую греческаго закона она возьметъ къ себѣ, и онъ ту силою велитъ окрестить въ латинство. Онъ говоритъ, что не принуждалъ Русскихъ къ латинству; но это дѣлалось не тайно, а явно, вѣдомо это и въ нашихъ земляхъ, и вашей всей Руси и Латынѣ; которые его люди у насъ въ плѣну, и тѣ то же сказываютъ. Онъ хочетъ, чтобъ мы въ его отчину не вступались, отдали ему тѣ города и волости, которые люди наши взяли; но всѣ эти города и волости, также земли князей и бояръ, которые пріѣхали намъ служить,—все это изстари наша отчина". Іоаннъ повторилъ, что если Александръ пришлетъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ, то онъ охотно заключитъ миръ на условіяхъ, какія сочтетъ приличными: то же писали и бояре московскіе раднымъ панамъ литовскимъ, которые просили ихъ стараться о мирѣ. Паны отвѣчали, что отправленіе великихъ пословъ задержано было смертію Польскаго короля Яна-Альбрехта, наслѣдникомъ котораго провозглашенъ былъ Александръ. Опять Литва соединилась съ Польшею, но чрезъ это соединеніе, какъ и прежде, силы ея не увеличились. Александръ попрежнему желалъ прекращенія войны съ Москвою; явился новый ходатай: папа Александръ VI-й писалъ къ Іоанну, что немилостивый родъ турецкій не перестаетъ наступать на христіанство и вводить его въ крайнюю пагубу; что Турки взяли уже два венеціанскіе города—Модонъ и Коронъ въ Мореѣ, а теперь покушаются напасть на Италію; что въ такихъ обстоятельствахъ всѣмъ христіанскимъ правителямъ надобно быть въ согласныхъ мысляхъ.

Эту грамоту привезъ новый венгерскій посолъ, который отъ имени своего короля говорилъ, что общій походъ христіанскихъ государей противъ Турокъ задерживается единственно войною Іоанна съ Александромъ. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы съ Божіею волею, какъ напередъ того за христіанство противъ поганства стояли, такъ и теперь стоимъ, и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ, уповая на Бога, за христіанство противъ поганства стоять, какъ намъ Богъ поможетъ; и просимъ у Бога того, чтобъ христіанская рука высока была надъ поганствомъ. А что у насъ съ зятемъ война случилась, тому мы не ради,—началась война не отъ насъ, а отъ него. Ко-

---

1) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 179.

2) Памятники дипломат. сношен. древ. Россіи, т. I, стр. 159—173.

3) Акты, отно ящ. къ истор. Зап. Рос. I, № 186, 187.

роли Владиславъ и Александръ объявляютъ, что хотятъ противъ насъ за свою отчину стоять; но короли что называютъ своею отчиною?—не тѣ ли города и волости, съ которыми князья Русскіе и бояре пріѣхали въ намъ служить и которые наши люди взяли у Литвы? Папѣ, надѣемся, хорошо извѣстно, что короли Владиславъ и Александръ отчичи Польскаго королевства да Литовской Земли отъ своихъ предковъ; а Русская Земля — отъ нашихъ предковъ, изъ старины, наша отчина. Когда мы заключили договоръ съ великимъ княземъ Александромъ, то, для свойства, уступили ему эти свои вотчины; но когда зять нашъ не сталъ соблюдать договора, то намъ зачѣмъ свою отчину покидать и за нее не стоять? Папа положилъ бы то на своемъ разумѣ, гораздо ли то короли дѣлаютъ, что не за свою отчину хотятъ съ нами воевать.

Венгерскій посолъ просилъ опасной грамоты для большихъ польскихъ и литовскихъ пословъ, которые должны пріѣхать для мирныхъ переговоровъ; грамота была дана—и послы явились; то были: воевода Ленчицкій—Петръ Мѣшковскій, и намѣстникъ Полоцкій—Станиславъ Глѣбовичъ; Елена прислала отъ себя канцлера своего, Ивана Сопѣжича, который привезъ Іоанну такое письмо отъ дочери: „Господинъ и государь батюшка! вспомни, что я служебница и дѣвка твоя, а отдалъ ты меня за такого же брата своего, каковъ ты самъ; знаешь, что ты ему за мною далъ и что я ему съ собою принесла; но государь, мужъ мой, нисколько на это не жалуясь, взялъ меня отъ тебя съ доброю волею и держалъ меня во все это время въ чести и въ жаловапіи и въ той любви, какую добрый мужъ обязанъ оказывать подружію, половинѣ своей. Свободно держу я вѣру христіанскую греческаго обычая; по церквамъ святымъ хожу, священниковъ, дьяконовъ, пѣвцовъ на своемъ дворѣ имѣю; литургію и всякую иную службу Божію совершаютъ передо мною вездѣ, и въ Литовской Землѣ, и въ коронѣ Польской. Государь мой король, его мать, братья короля, зятья и сестры и паны радные и вся Земля—всѣ надѣялись, что со мною изъ Москвы въ Литву пришло все доброе, вѣчный миръ, любовь кровная, дружба, помощь на поганство; а теперь видятъ всѣ, что со мною одно лихо къ нимъ вышло: война, рать, взятіе и сожженіе городовъ и волостей, разлитіе крови христіанской, жены вдовами, дѣти сиротами, полонъ, крикъ, плачъ, вопль! Таково жалованіе и любовь твоя ко мнѣ! По всему свѣту поганство радуется, а христіанскіе государи не могутъ надивиться и тяжко жалуются: отъ вѣка, говорятъ, не слыхано, чтобъ отецъ своимъ дѣтямъ бѣды причинялъ. Если, государь батюшка, Богъ тебѣ не положилъ на сердце меня, дочь свою, жаловать, то зачѣмъ меня изъ Земли своей выпустилъ и за такого брата своего выдавалъ? Тогда и люди бы изъ-за меня не гибли и кровь христіанская не лилась. Лучше бы мнѣ подъ ногами твоими въ твоей Землѣ умереть, нежели такую славу о себѣ слышать; всѣ одно только и говорятъ: для того онъ отдалъ дочь свою въ Литву, чтобъ тѣмъ удобнѣе Землю и людей высмотрѣть. Писала бы къ тебѣ и больше, да съ великой кручины ума не приложу; только съ горькими и великими слезами и плачемъ тебѣ, государю и отцу своему, низко челомъ бью: помяни, Бога ради, меня, служебницу свою и кровь свою, оставь гнѣвъ неправедный и нежитье съ сыномъ и братомъ своимъ, и первую любовь и дружбу свою къ нему соблюди, чтобъ кровь христіанская больше не лилась, поганство бы не смѣялось, а измѣнники ваши не радовались бы, которыхъ отцы предкамъ нашимъ измѣнили тамъ на Москвѣ, а дѣти ихъ тутъ въ Литвѣ. А другого чего мнѣ нельзя къ тебѣ и писать. Дай имъ Богъ измѣнникамъ того, что родителю нашему отъ ихъ отцовъ было. Они между вами, государями, замутили, да другой еще Семенъ Бѣльскій Іуда съ ними, который, будучи здѣсь въ Литвѣ, братію свою, князя Михайла и князя Ивана переѣлъ, а князя Ѳедора на чужую сторону прогналъ; такъ, государь, самъ посмотри, можно ли такимъ людямъ вѣрить, которые государямъ своимъ измѣнили, и братью свою перерѣзали, и теперь по шею въ крови ходятъ, вторые Каины, да между вами, государями, мутятъ? Смилуйся, возьми постарому любовь и дружбу съ братомъ и зятемъ своимъ! Если же надо мною не смилуешься и прочною дружбою съ моимъ государемъ не свяжешься, тогда уже сама уразумѣю, что держишь гнѣвъ не на него, а на меня, не хочешь, чтобъ я была въ любви у мужа, въ чести у братьевъ его, въ милости у свекрови, и чтобъ подданные наши мнѣ служили. Вся вселенная ни на кого другого, только на меня вопіетъ, что кровопролитіе сталось отъ моего въ Литву прихода, будто я къ тебѣ пишу, привожу тебя на войну; если бы, говорятъ, она хотѣла, то никогда бы такого лиха не было; мило отцу дитя; какой на свѣтѣ отецъ врагъ дѣтямъ своимъ? И сама разумѣю и по міру вижу, что всякій заботится о дѣткахъ своихъ и о добрѣ ихъ промышляетъ; только одну меня, по грѣхамъ, Богъ забылъ. Слуги наши не по силѣ, и трудно повѣрить, какую казну за дочерями своими даютъ, и не только-что тогда даютъ, но и потомъ каждый мѣсяцъ обсылаютъ, дарятъ и тѣшатъ; и не одни паны, но и всѣ дѣтокъ своихъ тѣшатъ; только на одну меня Господь Богъ разгнѣвался, что пришло твое нежалованье; а я передъ тобою ни въ чемъ не выступила. Съ плачемъ тебѣ челомъ бью: смилуйся надо мною, убогою дѣвкою своею, не дай недругамъ моимъ радоваться обидѣ моей и веселиться о плачѣ моемъ. Если увидятъ твое жалованье на мнѣ, служебницѣ твоей, то всѣмъ буду честна, всѣмъ грозна; если же не будетъ на мнѣ твоей ласки, то самъ можешь разумѣть, что покинутъ меня всѣ родные государя моего и всѣ подданные его". Въ томъ же смыслѣ Елена писала къ матери и двоимъ братьямъ—Василію и Юрію [1]).

---

[1]) Акты арх. эксп. I, № 138.

Отпуская пословъ договариваться о мирѣ, Александръ наказалъ имъ не соглашаться на то, чтобъ Іоаннъ писался государемъ всея Руси; если не будутъ въ состояніи этого вытребовать, то должны по крайней мѣрѣ настоять, чтобъ Іоаннъ не писался государемъ всея Руси, посылая грамоты къ Александру въ королевство Польское. Если Московскій скажетъ, что прежде писали его государемъ всея Руси, то отвѣчать, что тогда былъ миръ, и Александръ еще не былъ выбранъ королемъ Польскимъ, былъ только великимъ княземъ Литовскимъ; а теперь, когда онъ уже королемъ, то нельзя Іоанну писаться государемъ всея Руси, потому что подъ королевствомъ Польскимъ большая часть Руси. На построеніе греческой церкви для Елены и на выборъ слугъ для нея только изъ православныхъ послы не должны были соглашаться. Если великій князь Московскій скажетъ о принужденіи Елены къ римскому закону, то отвѣчать, что принужденія нѣтъ, но папа требуетъ, чтобъ Елена была послушна римской церкви, причемъ вовсе не нужно, чтобъ она и остальные Русскіе снова крестились, пусть только находятся въ послушаніи престолу апостольскому, по приговору Флорентійскаго собора, а жить могутъ по прежнему своему греческому обычаю. Но если миръ за этимъ однимъ остановится то объявить, что дѣло будетъ отложено до новыхъ переговоровъ съ папою. Если скажутъ, что король принуждаетъ Русь къ римскому закону и строитъ церкви римскія по мѣстамъ русскимъ, то отвѣчать, что король держитъ своихъ подданныхъ, какъ держалъ ихъ отецъ его, Казиміръ; кто въ какомъ законѣ хочетъ жить, тотъ въ томъ и живетъ, кто какія церкви хочетъ строить, тотъ такія и строитъ. Прежде нельзя было строить русскихъ церквей, а теперь позволено. Королю нѣтъ дѣла, какъ Московскій держитъ своихъ подданныхъ относительно вѣры; такъ пусть и Московскій не вмѣшивается, какъ держитъ король своихъ подданныхъ. Если Московскій умеръ, то приступить къ старымъ записямъ Витовтовымъ, либо Казиміровымъ, чтобъ тѣхъ земель поступились, которыя забраны. Если же станутъ говорить о записяхъ, которыя были прежде Витовта, о записи Олгердовой, въ которой тотъ записалъ земли великому князю Московскому, то отвѣчать, что Олгердъ былъ взятъ въ плѣнъ, и потому принужденъ былъ на все согласиться, какъ плѣнный [1]). Въ сущности, миръ долженъ быть заключенъ на тѣхъ самыхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ послѣдній миръ; если же въ Москвѣ не захотятъ отдать всѣхъ земель, взятыхъ послѣ того, то заключить перемиріе на три года [2]).

Но какъ скоро послы объявили, что имъ велѣно заключить миръ на условіяхъ прежняго, то бояре сказали рѣшительно: „Тому нельзя статься, какъ вы говорите, чтобъ по старому докончанію быть любви и братству; то ужь миновало. Если государь вашъ хочетъ съ нашимъ государемъ любви и братства, то онъ бы государю нашему отчины его, Русской Земли поступился“. Венгерскій посолъ вмѣшался въ дѣло, и, при его посредничествѣ, заключено было перемиріе на шесть лѣтъ, отъ 25 марта 1503 до 25 марта 1509 года. Перемирная грамота написана отъ имени великаго князя Іоанна, государя всея Руси, сына его, великаго князя Василія, и остальныхъ дѣтей. Александръ обязался не трогать земель Московскихъ, Новгородскихъ, Псковскихъ, Рязанскихъ, Пронскихъ, уступилъ землю князя Семена Стародубскаго (Можайскаго), Василья Шемячича, князя Семена Бѣльскаго, князей Трубецкихъ и Мосальскихъ, города: Черниговъ, Стародубъ, Путивль, Рыльскъ, Новгородъ Сѣверскій, Гомель, Любечъ, Почепъ, Трубчевскъ, Радогощъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Серпейскъ, Мосальскъ, Дорогобужъ, Бѣлую, Торопецъ, Острей; всего 19 городовъ, 70 волостей, 22 городища, 13 селъ [3]).

Послѣ скрѣпленія договора крестнымъ цѣлованіемъ, Іоаннъ снова потребовалъ у пословъ, чтобъ Александръ не принуждалъ Елены къ римскому закону, поставилъ у нея въ сѣняхъ греческую церковь, приставилъ слугъ и служанокъ православныхъ: „А начнетъ братъ нашъ дочь нашу принуждать къ римскому закону, то пусть знаетъ: мы этого ему не спустимъ, будемъ за это стоять, сколько намъ Богъ пособитъ“. Послы, поговоривъ между собою, отвѣчали, что папа два раза присылалъ къ Александру, требуетъ, чтобъ Елена была послушна апостольскому престолу и ходила въ латинскую церковь; онъ хочетъ не того, чтобъ Елена вторично крестилась и свой греческій законъ оставила, онъ хо-

---

[1]) Такъ представляется здѣсь положеніе Олгерда при Любутскѣ (см. Россіи Исторію т. III, стр. 966). Безспорно, что это licentia diplomatica того времени, ибо трудно согласиться, чтобъ такое важное событіе, какъ плѣнъ Олгердовъ, не нашло себѣ мѣста въ лѣтописяхъ.

[2]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 200.

[3]) Волостей: Карачева, Хотимля, Поповы горы, Мглина, Дрокова и селъ: Уваровичь, Телешовичь, Тереничь, Кошелева лѣса, Морозовичь, Липиничь, Скарбовичь, Залѣсья, Бабичь, Свѣтиловичь, Голодна, Лапичь, Полѣшанъ и волостей: Сновеска, Хороборя, Соловьевичь, Прикладней, Пацыни, Ѳедоровскіе, Осовина, Покиничь, Сухаря, Всеславля, Вороничь, Жерыни, городища Дмитровца, Лычина, Недоходова, Бышковичь, Завидова, Опакова, Мощина, Дѣмены, Городечны, Ужеперети; Снопота, Ковылны, Шуи, Лазарева, Городища, Ближевичь, Любуни, Даниловичь, Замошья, Тухачева, Дегны, Ѳоминичь, Погостища; волостей: Погорѣлые, Нѣгомля, Игумновы слободы, Мстиславца, Лучина, Мошковы горы, Жулипа, Ощитова, Кремевые, Селечны, Водосы, Некрасовы, Редыни, Ведраши, Рѣхты, Озерища, Хомчичь, Василкова, Холма, Бятина, Хотомичь, Великаго поля, Лопатина, Прости, Заолья, Вышкова, Копыльи, Сверковыхъ, Лукъ, и Бѣлыя съ волостми, и Верховья, и Болшова, Шоптова, и Моневидовы слободы и иныхъ волостей, Вержавы, Буягорода и съ тѣми деревнями, которые были за служилыми людьми, и за Печерскимъ монастыремъ, и за Духовскимъ, и за Троецкимъ, и что были деревни тоежи волости за Борисомъ за Окольничимъ; волостей Даньково, Любуты, Дубны, Рожны, Туры, Биберевы, Старцовы, Нежелскіе, Велижскіе, Плавѣстціе, Жижетскіе, Озерскіе, Казариновскіе, Березая, Невля, Усвая, Ловца, Веснѣболога.

четъ только, чтобъ она и всѣ русскіе были въ соединеніи съ Римомъ по рѣшенію Флорентійскаго собора. Такъ какъ теперь папскій посолъ въ Москвѣ, то не угодно ли будетъ великому князю приказать что-нибудь къ папѣ объ этомъ дѣлѣ, или отправить въ Римъ своего посла, съ которымъ бы вмѣстѣ великій князь Александръ отправилъ и своего. Іоаннъ сказалъ на это: „Намъ о своей дочери, о томъ дѣлѣ, зачѣмъ къ папѣ посылать своего посла? о томъ дѣлѣ, о своей дочери намъ къ папѣ не посылать; а скажите брату и зятю, чтобъ, какъ намъ обѣщалъ, на томъ-бы и стоялъ, чтобъ за то между нами нежитья не было". Еленина посла Ивана Сапѣгу Іоаннъ отправилъ съ такими словами: „Ивашка! привезъ ты къ намъ грамоту отъ нашей дочери, да и словами намъ отъ нея говорилъ; но въ грамотѣ иное не дѣло написано, и непригоже ей было о томъ къ намъ писать. Пишетъ, будто ей о вѣрѣ отъ мужа никакой присылки не было; но мы навѣрное знаемъ, что мужъ ея, Александръ, король посылалъ къ ней, чтобъ приступила къ римскому закону, и ни къ одной къ ней, а ко всей Руси. Скажи отъ насъ нашей дочери: „Дочка! памятуй Бога да наше родство, да нашъ наказъ, держи свой греческій законъ во всемъ крѣпко, а къ римскому закону не приступай никоторымъ дѣломъ; церкви римской и папѣ ни въ чемъ послушна не будь, въ церковь римскую не ходи, душою никому не норови, мнѣ и всему нашему роду безчестья не учини; а только по грѣхамъ что станется, то намъ и тебѣ, и всему нашему роду будетъ великое безчестье, и закону нашему греческому укоризна. И хотя бы тебѣ пришлось за вѣру и до крови пострадать, и ты бъ пострадала. А только, дочка, поползнешься, приступишь къ римскому закону, волею или неволею, то ты отъ Бога душою погибнешь, а отъ насъ будешь въ неблагословеньи; я тебя за это не благословлю и мать не благословитъ; а зятю своему мы того не спустимъ: будетъ у насъ съ нимъ за то безпрестанно рать".

Для взятія присяги съ Александра въ соблюденіи договора отправились въ Литву послы: Петръ Плещеевъ и Константинъ Заболоцкій; эти послы должны были сказать Еленѣ отъ отца: „Писала ты къ намъ, что люди въ Литвѣ надѣялись всякаго добра отъ твоего приходу, а вмѣсто того къ нимъ съ тобою пришло всякое лихо. Но это дѣло, дочка, сталось не тобою,—сталось оно неисправленіемъ брата нашего и зятя, а твоего мужа. Я надѣялся, что какъ ты къ нему придешь, такъ тобою всей Руси, греческому закону окрѣпленіе будетъ; а вмѣсто того, какъ ты къ нему пришла, такъ онъ началъ тебя принуждать къ римскому закону, а изъ-за тебя и всю Русь началъ принуждать къ тому же. Ты ко мнѣ пишешь, что къ тебѣ отъ мужа о перемѣнѣ вѣры никакой присылки не было; а послы твоего мужа намъ отъ него говорили, что папа къ нему не разъ присылалъ, чтобъ онъ привелъ тебя въ послушаніе римской церкви; но если къ твоему мужу папа за этимъ не разъ присылалъ, то это все равно, что и къ тебѣ приказываетъ. Я думалъ, дочка, что ты, для своей души, для нашего имени и родства, и для своего имени, будешь къ намъ обо всемъ писать правду; и ты, дочка, гораздо ли такъ дѣлаешь, что къ намъ неправду приказываешь, будто къ тебѣ о вѣрѣ никакой посылки не было?"

Это были явныя рѣчи въ отвѣтъ на явныя же рѣчи и письма Елены; но послы получили отъ Іоанна наказъ: „Если спроситъ канцлеръ королевинъ Ивашка Сопѣга, есть ли къ королевѣ отвѣтъ отъ отца на тѣ рѣчи, что я отъ нея говорилъ?"—то скажите Сопѣгѣ тихо, что отвѣтъ есть, и къ нему есть грамота отъ великаго князя. Этотъ отвѣтъ послы должны были сказать Еленѣ наединѣ; онъ состоялъ въ слѣдующемъ: „Говорилъ мнѣ отъ тебя канцлеръ твой Ивашка Сопѣга, что ты еще по нашему наказу въ законѣ греческомъ непоколебима и отъ мужа въ томъ тебѣ принужденія мало, а много тебѣ за греческій законъ укоризны отъ архіепископа Краковскаго, отъ епископа Виленскаго и отъ пановъ литовскихъ; говорятъ они тебѣ, будто ты не крещена, и иныя рѣчи недобрыя, на укоръ нашего закона греческаго, тебѣ говорятъ; да и къ папѣ они-жъ приказывали, чтобъ папа къ мужу твоему послалъ, и велѣлъ тебя привести въ послушаніе римской церкви; говорилъ онъ отъ тебя, что пока твой мужъ здоровъ, до тѣхъ поръ ты не ждешь никакого притѣсненія въ греческомъ законѣ; опасаешься одного, что если мужъ твой умретъ, тогда архіепископъ, епископы и паны станутъ тебя притѣснять за греческій законъ, и потому просишь, чтобъ мы взяли у твоего мужа новую утвержденную грамоту о греческомъ законѣ, къ которой бы архіепископъ Краковскій и епископъ Виленскій печати свои приложили, и руку-бъ епископъ Виленскій на той грамотѣ далъ нашимъ боярамъ, что тебѣ держать свой греческій законъ. Это ты, дочка, дѣлаешь гораздо, что душу и имя свое бережешь, нашъ наказъ помнишь и наше имя бережешь, а я къ твоему мужу теперь съ своими боярами о грамотѣ приказалъ. Да говорилъ мнѣ отъ тебя Сопѣга, что свекровь твоя уже стара, а которые города за нею въ Польшѣ, тѣ города всегда бываютъ за королевами,—такъ чтобъ я приказалъ твоему мужу, если свекрови не станетъ, то онъ эти города отдалъ бы тебѣ. Дай Богъ, дочка, чтобъ я здоровъ былъ, да мой сынъ, князь великій Василій, и мои дѣти, твои братья, да твой мужъ и ты; какъ будетъ намъ пригоже о томъ приказать къ твоему мужу, и мы ему о томъ прикажемъ".

Послы должны были также передать Еленѣ отъ отца порученіе: „Сынъ мой, Василій, и дѣти мои, Юрій и Димитрій, твои братья, уже дотого доросли, что ихъ слѣдуетъ женить, и я хочу ихъ женить, гдѣ будетъ пригоже; такъ ты бы, дочка, разузнала, у какихъ государей греческаго закона или римскаго закона будутъ дочери, на которыхъ бы было пригоже мнѣ сына Василія женить". Послы получили наказъ насчетъ того же дѣла: „Были у Венгер-

*

скаго короля Матвѣя дѣти Степана, Сербскаго деспота, Юрій да Иванъ; Иванъ постригся еще во время Матвѣя короля, а Георгій женился и дѣтей прижилъ; такъ посламъ развѣдывать накрѣпко: Юрій, деспотъ въ Венгріи, живъ ли еще и есть ли у него дѣти, сыновья или дочери, сыновья женаты ли, а дочери замужемъ-ли. Если королева Елена укажетъ государей, у которыхъ дочери есть, то спросить, какихъ лѣтъ дочери; да о матеряхъ ихъ и о нихъ самихъ не было ли какой дурной молвы?" Елена отвѣчала: „Развѣдывала я про дѣтей деспота Сербскаго, но ничего не могла допытаться. У маркграфа Бранденбургскаго, говорятъ, пять дочерей: большая—осьмнадцати лѣтъ, хрома, нехороша; подъ большею—четырнадцати лѣтъ, изъ себя хороша (парсуною ее повѣдаютъ хорошу). Есть дочери у Баварскаго князя, какихъ лѣтъ— не знаютъ, матери у нихъ нѣтъ; у Стетинскаго князя есть дочери, слава про мать и про нихъ добра. У Французскаго короля—сестра, обручена была за Альбрехта, короля Польскаго, собою хороша да хрома, и теперь на себя чепецъ положила, пошла въ монастырь. У Датскаго короля его милость, батюшка, лучше меня знаетъ, что дочь есть". Когда послъ сказалъ Еленѣ, чтобъ она послала въ Венгрію развѣдать о деспотовыхъ дочеряхъ и къ маркграфу Бранденбургскому, и къ другимъ государямъ, то она отвѣчала: „Что ты мнѣ говоришь, какъ мнѣ посылать? если бы отецъ мой былъ съ королемъ въ мирѣ, то я послала бы. Отецъ мой лучше меня самъ можетъ развѣдать. За такого великаго государя кто бы не захотѣлъ выдать дочь? Да у нихъ въ Латыни такъ крѣпко, что безъ папина вѣдома никакъ не отдадутъ въ греческій законъ; насъ укоряютъ безпрестанно, зовутъ насъ нехристьми. Ты государю моему скажи: если пошлетъ къ маркграфу, то велѣлъ бы отъ старой королевы таиться, потому что она больше всѣхъ греческій законъ укоряетъ". Елена давала отцу также своего рода порученія: однажды московскій посолъ долженъ былъ сказать ей отъ отца: „Приказывала ты ко мнѣ о горностаяхъ и о бѣлкахъ, и я къ тебѣ послалъ 500 горностаевъ да 1,500 подпалей; приказывала ты еще, чтобы прислать тебѣ соболя чернаго съ ногами передними и задними и съ когтями; но смерды, которые соболей ловятъ, ноги у нихъ отрѣзываютъ; мы имъ приказали соболей черныхъ добывать, и, какъ намъ ихъ привезутъ, мы къ тебѣ пошлемъ сейчасъ же. А что ты приказывала о кречетахъ, то теперь ихъ нельзя было къ тебѣ послать: еще путь не установился; а какъ путь уставится, то я къ тебѣ кречетовъ пришлю сейчасъ же".

Съ мужемъ Елениньмъ у Іоанна происходили безпрерывныя сношенія, предметомъ которыхъ попрежнему были ссоры между пограничными жителями, не перестававшими нападать другъ на друга. Однажды Александръ прислалъ сказать тестю, что уже пора ему возвратить Литвѣ взятыя у нея по перемирному договору волости, что ему, Александру, жаль своей отчины. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что и ему также жаль своей отчины, Русской Земли, которая за Литвою, Кіева, Смоленска и другихъ городовъ. Въ другой разъ Александръ прислалъ жаловаться, что его намѣстникъ Кричевскій, Евстаѳій Дашковичъ, измѣнилъ ему, убѣжалъ вмѣстѣ съ другими кричевскими дворянами въ Москву, пограбивши пограничныхъ литовскихъ жителей. Іоаннъ отвѣчалъ: „Въ нашихъ перемирныхъ грамотахъ написано такъ: вора, бѣглеца, холопа, рабу, должника по исправѣ выдать; Евстаѳій же Дашковичъ у короля человѣкъ былъ знатный, воеводою бывалъ во многихъ мѣстахъ на Украйнѣ, а лихаго имени про него мы не слыхали никакого; держалъ онъ отъ короля большіе города, а къ намъ пріѣхалъ служить добровольно, и сказываетъ, что никому никакого вреда не сдѣлалъ. И прежде, при насъ и при нашихъ предкахъ и при королевыхъ предкахъ, на обѣ стороны люди ѣздили безъ отказовъ; такъ и Дашковичъ къ намъ пріѣхалъ теперь, и потому онъ нашъ слуга" [1]).

Какъ Іоаннъ смотрѣлъ на перемиріе съ Литвою, видно изъ наказовъ посламъ, отправлявшимся въ Крымъ: если Менгли-Гирей захочетъ идти на Литовскую Землю, то не отговаривать, только нейти самому съ татарскимъ войскомъ. Если пріѣдутъ литовскіе послы въ Крымъ за перемиріемъ, то говорить Менгли-Гирею, чтобъ онъ не мирился; а если онъ скажетъ, что великій князь перемирье взялъ, то отвѣчать: „Великому князю съ Литовскимъ прочнаго мира нѣтъ; Литовскій хочетъ у великаго князя тѣхъ городовъ и земель, что у него взяты, а князь великій хочетъ у него своей отчины, всей Русской Земли; взялъ же съ нимъ теперь перемирье для того, чтобъ люди поотдохнули; да чтобъ взятые города за собою укрѣпить; которые были пожжены, тѣ онъ снова оградилъ, иные дѣтямъ своимъ отдалъ, въ другихъ воеводъ посажалъ; а которые люди были недобры, тѣхъ онъ вывелъ, да всѣ города насадилъ своими людьми.... Съ кѣмъ Александру стоять?—вѣдома намъ литовская сила". Дѣтей ханскихъ посолъ долженъ былъ уговаривать, чтобъ не давали отцу мириться съ Литвою: „Вѣдь вамъ тогда не воевать,—такъ у васъ весь прибытокъ отойдетъ" [2]).

Іоаннъ имѣлъ право говорить: „Съ кѣмъ Александру стоять?"—ибо королю было мало надежды и на помощь самаго дѣятельнаго союзника, магистра Ливонскаго. Мы видѣли [3]), что въ 1460 году съ Нѣмцами ливонскими было заключено перемиріе на пять лѣтъ; но еще не дошло двухъ лѣтъ до перемирнаго сроку, какъ началися опять ссоры у Псковичей съ Нѣмцами: въ Дерптѣ посадили въ тюрьму посла и гостя псковскаго; Псковичи посадили въ тюрьму нѣмецкаго гостя, и, вслѣдъ за тѣмъ, зимою, явилась нѣмецкая рать къ Новому городку, и начала бить пушками въ его стѣны. Получивши вѣсть, что Нѣмцы подъ Новымъ Городкомъ, Пско-

[1]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 292.
[2]) Крымскія дѣла, I, стр. 1050—1128.
[3]) Исторія Россіи, т. IV, стр. 1110.

вичи собрались наспѣхъ съ двумя посадниками, въ небольшомъ числѣ, и поѣхали туда; а Нѣмцы, услыхавъ, что идетъ псковская сила, отбѣжали отъ города и запасъ свой кинули. Но скоро опять пришла вѣсть, что Нѣмцы воюютъ псковскія села; тогда Псковичи, собравшись съ пригорожанами, пошли къ Городку, но Нѣмцевъ уже не нашли: тѣ убѣжали въ свою Землю. Посадники и Псковичи стали думать: куда бы пойти за ними,—и рѣшили идти къ Воронью Камню. Когда вся псковская сила была уже на озерѣ, пришелъ доброхотъ изъ-за рубежа, Чудинъ, и сказалъ, что сила нѣмецкая собралась и хочетъ въ ночь ударить на Колпино; Псковичи возвратились, пошли къ Колпину и, подошедши къ нему на разсвѣтѣ, увидали, что Нѣмцы жгутъ и воюютъ по волости, церковь колпинскую зажгли и добычи много набрали. Псковичи, не медля ни мало, ударили на Нѣмцевъ, обратили ихъ въ бѣгство и гнали 15 верстъ по двумъ дорогамъ. „Не дивно ли и не достойно ли памяти, говоритъ лѣтописецъ, что въ такой страшной сѣчѣ изъ псковской рати не былъ убитъ ни одинъ человѣкъ, тогда какъ нѣмецкіе трупы лежали мостомъ". Въ то же время другая псковская рать, охочіе люди, ходили также воевать Нѣмецкую волость и возвратились съ большимъ полономъ, а воеводою у нихъ былъ Ивашко дьякъ; Изборяне, съ своей стороны, пожгли и поплѣнили около Новаго Городка нѣмецкаго. Въ старину этимъ и кончилось бы дѣло, опять до новаго набѣга Нѣмцевъ; но теперь Нѣмцы начали войну уже не съ однимъ Псковомъ: Псковъ находился теперь подъ властію великаго князя Московскаго, бралъ намѣстника отъ его руки,—и вотъ, по челобитью Псковичей, явился къ нимъ московскій воевода, Ѳеодоръ Юрьевичъ, съ полками, и пошелъ съ ними за Великую, рѣку, къ Новому Городку нѣмецкому. До сихъ поръ Нѣмцы приходили осаждать Псковъ и его пригороды, Псковичи довольствовались обыкновенно опустошеніемъ селъ; но теперь Псковичи съ московскимъ войскомъ осадили нѣмецкій городъ, стали бить его стѣны пушками. Осада была неудачна: простоявши четверо сутокъ, Псковичи выстрѣлили изъ большой пушки въ стѣну—и пушку разорвало; послѣ этого приключенія отошла вся сила отъ Городка, потому что былъ онъ крѣпокъ, замѣчаетъ лѣтописецъ.

Но, въ то время, какъ главная псковская рать была съ московскимъ воеводою подъ Городкомъ, въ Псковѣ вспомнили старый обычай и отпустили охочихъ людей, съ посадникомъ Дороѳеемъ Елевѳерьичемъ, въ лодкахъ, воевать Нѣмецкую Землю; кромѣ своихъ охочихъ людей, набралось много пришлыхъ: въ то время удальцы, почуявъ рать, возможность добычи, собирались изъ разныхъ мѣстъ. Соединившись съ псковскими охочими людьми, эти прихожіе люди много воевали Нѣмецкую Землю и, узнавъ, что главная сила отступила отъ Городка, возвратились назадъ съ большою добычею. Потомъ, услыхавъ, что Нѣмцы напали на берега Наровы, Псковичи собрались-было ѣхать туда, какъ явился гонецъ отъ Ордена съ просьбою, чтобъ нѣмецкимъ посламъ вольно было пріѣхать въ Псковъ на поговорку (переговоры о мирѣ) и опять отъѣхать; Псковичи дали ему на томъ руку, что вольно будетъ посламъ пріѣхать и отъѣхать. И по той рукѣ прислалъ магистръ пословъ своихъ, честныхъ людей и Нѣмцевъ добрыхъ бить челомъ воеводѣ великаго князя и намѣстнику, и всему Пскову, чтобъ не воевать болѣе съ Юрьевцами (жителями Дерпта), и не гибли бы головы съ обѣихъ сторонъ. Перемиріе было заключено на 9 лѣтъ; епископъ Дерптскій обязался давать дань великому князю по старинѣ, Русскій конецъ въ своемъ городѣ и русскія церкви также держать по старинѣ, по старымъ грамотамъ, а не обижать. Воевода московскій, князь Ѳеодоръ Юрьевичъ, сказалъ Псковичамъ на вѣчѣ: „Мужи Псковичи, отчина великаго князя, добровольные люди! Богъ жаловалъ и Святая Живоначальная Троица, князя великаго здоровьемъ съ Нѣмцами управу взяли вы по своей волѣ, а теперь на вашей чести вамъ челомъ бью",—и поѣхалъ въ Москву; Псковичи проводили его съ большою честью и, на прощаньи, дали тридцать рублей, да боярамъ, которые при немъ были, дали всѣмъ пятьдесятъ рублей.

Еще не вышелъ срокъ перемирію, какъ Нѣмцы, въ 1469 году, пришли ратью на Псковскую Землю, побили у Псковичей 26 человѣкъ и хоромы пожгли: привели ихъ свои перевѣтники — какой-то Иванъ Подкурскій да Иванъ Торгоша; Псковичи сначала никакъ не могли подозрѣвать этихъ людей въ измѣнѣ, потому что самъ Торгоша и вѣсть привезъ въ городъ о нападеніи Нѣмцевъ, за что получилъ деньги; только черезъ полтора года открылось, что эти люди, живя на рубежѣ, передавали Нѣмцамъ обо всемъ, что дѣлается въ Псковской области; когда измѣна ихъ открылась, то Подкурскаго замучили на бревнѣ, а Торгошу за лытки на льду повѣсили. Набѣгъ Нѣмцевъ не имѣлъ впрочемъ никакихъ слѣдствій; въ 1471 году пріѣхалъ въ Псковъ посолъ отъ магистра и объявилъ на вѣчѣ, что князь местеръ хочетъ устроить себѣ столъ въ Вельядѣ (Феллинѣ), переѣхать туда изъ Риги; хочетъ держать съ Псковичами миръ крѣпкій, но требуетъ, чтобъ они уступили ему нѣкоторыя земли и воды [1]). Псковичи дали отвѣтъ: „Воленъ князь местеръ—гдѣ хочетъ, тамъ и живетъ, и княженіе держитъ, городъ ему свой; а что онъ тамъ о землѣ и водѣ говоритъ, то земля и вода Святой Троицы, псковская вотчина, добыта трудомъ великихъ князей всея Руси, тамъ у насъ теперь и города стоятъ; а миръ мы хотимъ держать до срока". Въ 1473 году былъ съѣздъ посламъ ливонскимъ и псковскимъ въ Нарвѣ, но не могли ни въ чемъ согласиться и разъѣхались безъ мира. Тогда Псковичи отрядили пословъ въ Москву бить челомъ великому князю, чтобъ оборонилъ ихъ и на коня сѣлъ за домъ Свя-

[1]) П. С. Р. Л. IV, 237: «Тако нынѣ князю Местеру какъ за Краснымъ городкомъ земли не отступитесь, тако и во Жалачкѣ Велневицкой не вволите ловити».

тыя Троицы, какъ и прежде его прародители стояли противъ Нѣмцевъ; вслѣдствіе этого челобитья, въ концѣ того же года, знаменитый воевода московскій, князь Данило Димитріевичъ Холмской, явился въ Псковъ съ большимъ войскомъ, какого никогда еще не видывали Псковичи. Сначала было отъ него Пскову тяжко, ратники начали-было дѣлать разныя насилія, грабить, потому что съ Москвичами пріѣхало много Татаръ; но потомъ воеводы и ратные люди стали брать у посадниковъ всѣ кормы по уговору. Убытки Псковичей были вознаграждены тѣмъ, что Нѣмцы испугались московской силы и прислали просить мира на всей волѣ Псковичей: князь местеръ велѣлъ объявить, что отступается отъ земли и воды Св. Троицы и Псковичей, своихъ сосѣдей, обязывается изъ своей волости тайно пива и меду не пускать, путь псковскимъ посламъ и гостямъ давать чистый, к о л о д у (заставу) отложить по всей своей державѣ. Заключили договоръ на тридцать лѣтъ; договоръ этотъ дошелъ до насъ[1]): „Государи наши (говорится въ грамотѣ), благовѣрные великіе князья Русскіе и Цари, Иванъ Васильевичъ, и сынъ его, Иванъ Ивановичъ, прислали воеводу своего, князя Данила Дмитріевича, со многими князьями и боярами, въ домъ Св. Троицы, въ свою отчину, Великій Новгородъ и Псковъ, оборонять свою отчину, обидъ своихъ поискать на Нѣмцахъ на Юрьевцахъ, своихъ даней и старыхъ даней, своихъ залоговъ (недоимокъ), и новгородскихъ старинъ, и псковскихъ обидъ и старинъ. И прислали честной бискупъ Юрьевскій и посадники и всѣ Юрьевцы пословъ своихъ, и прикончили миръ на тридцать лѣтъ таковъ: Святыя Божіи церкви въ Юрьевѣ, въ Русскомъ концѣ, и Русскій конецъ держать имъ честно по старинѣ и по крестному цѣлованію, а не обижать. Дани благовѣрныхъ великихъ князей, Русскихъ Царей, старые залоги честному бискупу Юрьевскому за восемь лѣтъ отдать тотчасъ же, по крестному цѣлованію, а отъ этого времени благовѣрнымъ великимъ князьямъ, Русскимъ Царямъ на честномъ бискупѣ Юрьевскомъ дань свою брать, по старинѣ, по тому крестному цѣлованью. А новгородскому послу и гостю по Юрьевской Землѣ путь чистъ на Юрьевъ, со всякимъ товаромъ, водою и г о р о ю (сухимъ путемъ); между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ" и проч.

Тридцатилѣтнее перемиріе не продолжалось и шести лѣтъ; начались скоро несогласія: въ нѣмецкихъ городахъ задерживали псковскихъ купцовъ, отнимали у нихъ товары, но открытаго разрыва еще не было, какъ вдругъ, 1-го января 1480 года, Нѣмцы явились нечаянно передъ Вышгородкомъ, взяли его, сожгли, жителей перебили. Ночью пріѣхалъ гонецъ въ Псковъ: „Господа Псковичи! городокъ Нѣмцы взяли!"—и, въ ту же ночь, посадники дважды собрали вѣче, гдѣ рѣшили выступить немедленно; но, какъ часто и прежде бывало, Псковичи уже не нашли Нѣмцевъ въ Вышгородкѣ. Въ ту же зиму нѣмецкая рать явилась подъ Гдовомъ, оступила городокъ, начала бить пушками, пожгла посадъ. Псковичи послали гонца къ великому князю въ Новгородъ просить силы на Нѣмцевъ; Іоаннъ прислалъ воеводу, который соединился съ псковскою ратью, пошелъ на Юрьевскую волость и взялъ приступомъ замокъ нѣмецкій: много добра вывезли изъ него Псковичи, и пушекъ, и зелья пушечнаго, а Нѣмцы сами дались руками, увидавши свое изнеможеніе. Сожегши замокъ, Русскіе пошли подъ Юрьевъ; города не взяли, но страшно опустошили окрестности: воевода московскій и его сила много добра повезли въ Москву съ собою, Чуди и Чудокъ и ребятъ головами повели многое множество безъ числа, говоритъ лѣтописецъ [2]); Псковичи также возвратились съ большою добычею. Но Нѣмцы ждали только ухода московской рати, чтобъ отплатить Псковичамъ: магистръ Бернгардъ фонъ-денъ-Борхъ пришелъ подъ Изборскъ; не могши взять города, Нѣмцы пошли палить окресности; Псковичи, увидавъ дымъ и огонь, выступили изъ города, встрѣтились съ Нѣмцами у озера, и, послѣ стычки сторожевыхъ полковъ, главная рать и нѣмецкая, и псковская, разошлись по домамъ безъ боя. Лѣтомъ Нѣмцы пришли опять и начали жечь псковскіе городки: въ городкѣ Кобыльемъ погибло въ пламени безъ малаго 4,000 душъ; въ августѣ мѣсяцѣ пришелъ магистръ со всею Землею подъ Изборскъ, но, простоявъ понапрасну два дня у города, осадилъ Псковъ. Нѣмцы били въ стѣны пушками, подъѣзжали къ нимъ въ лодкахъ, но также ни въ чемъ не успѣли; Псковичи обратили ихъ въ бѣгство и отняли лодки; по свидѣтельству нѣмецкаго лѣтописца, магистръ приводилъ подъ Псковъ сто тысячъ войска [3]). На этотъ разъ мстили не одни Псковичи ничтожнымъ пограничнымъ набѣгомъ: въ предѣлахъ Ливоніи явилась двадцатитысячная московская рать, которая, вмѣстѣ съ Новгородцами и Псковичами, гостила четыре недѣли въ Нѣмецкой Землѣ, безъ встрѣчи съ непріятелемъ въ полѣ, взяли два города—Феллинъ и Тарвастъ, и много золота и серебра вынесли изъ этихъ городовъ, а другого добра — и счесть нельзя; въ плѣнъ взяли также безчисленное множество Нѣмцевъ и Нѣмокъ, Чуди и Чудокъ, и дѣтей малыхъ. Нѣмецкій лѣтописецъ въ тѣхъ же чертахъ описываетъ это вподеніе русскихъ войскъ въ Ливонію; онъ говоритъ: „Сбылось на магистрѣ фонъ-деръ-Борхѣ слово Соломоново: человѣкъ и конь готовятся къ битвѣ, но побѣда исходитъ отъ Господа; собралъ магистръ противъ Русскихъ силу, какой прежде него никто не собиралъ,—и что же онъ съ нею сдѣлалъ" [4])?

Нѣмцы заключили десятилѣтнее перемиріе въ 1482 году; когда срокъ приблизился къ концу, въ 1492 году Іоаннъ велѣлъ заложить на границѣ, противъ Нарвы, каменную крѣпость съ высокими башнями и назвалъ по своему имени, И в а н ъ - г о-

[1]) Акты, относящ. къ исторіи Западн. Россіи, I, № 69.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 263.
[3]) Russow, p. 31.
[4]) Ibid.

родомъ. Нѣмцы однако предложили возобновить перемиріе еще на десять лѣтъ, и договоръ былъ заключенъ въ 1493 году; грамота дошла до насъ; въ ней говорится, что: „по Божіей волѣ и повелѣнію великаго государя, Царя Русскаго, пріѣхали въ Великій Новгородъ къ великому князю, намѣстникамъ, боярамъ, житымъ, купцамъ и ко всему Великому Новгороду (старинная форма еще сохранилась!) послы нѣмецкіе, добили челомъ великокняжескимъ намѣстникамъ и заключили съ ними перемиріе за всю Новгородскую державу. Землѣ и водѣ Великаго Новгорода съ княземъ мистромъ старый рубежъ: изъ Чудскаго озера стержнемъ Наровы рѣки въ Соленое море; церкви русскія въ мистровѣ державѣ, въ архіепископской державѣ и въ бискупскихъ державахъ,—повсюду держать по старинѣ, а не обижать; если Нѣмчинъ у Новгородца бороду выдеретъ, и, по суду, по исправѣ, Нѣмчинъ окажется виноватымъ, то отсѣчь ему руку за бороду“ и проч. [1]). Но въ томъ же году начались непріятности: по нѣмецкимъ извѣстіямъ, въ Ревелѣ сожгли одного Русскаго, уличеннаго въ гнусномъ преступленіи, а когда другіе Русскіе жаловались на это, то Ревельцы отвѣчали имъ: „Мы сожгли бы вашего князя, еслибъ онъ у насъ сдѣлалъ то же“. Эти слова были перенесены Іоанну и сильно раздражали его противъ Нѣмцевъ. Русскій лѣтописецъ говоритъ, что Ревельцы купцамъ новгородскимъ многія обиды чинили и поруганія, нѣкоторыхъ живыхъ въ котлахъ варили безъ обсылки съ великимъ княземъ и безъ обыску; также было поруганіе я посламъ великокняжескимъ, которые ходили въ Римъ и Нѣмецкую Землю; да и старымъ купцамъ новгородскимъ много было обидъ и разбоевъ на морѣ [2]). Іоаннъ требовалъ, чтобъ Ливонское правительство выдало ему ревельскій магистратъ, и получилъ отказъ; въ то же время Іоаннъ заключилъ союзъ съ королемъ Датскимъ, врагомъ Ганзы, который, предлагая помощь въ войнѣ противъ Швеціи, уступая Москвѣ важную часть Финляндіи, требовалъ, чтобъ Іоаннъ за это дѣйствовалъ противъ ганзейскихъ купцовъ въ Новгородѣ [3]). Вслѣдъ за извѣстіемъ о возвращеніи русскихъ пословъ изъ Копенгагена вмѣстѣ съ датскимъ посломъ и о привезеніи ими докончальныхъ грамотъ, встрѣчаемъ извѣстіе, что великій князь, въ 1495 году, подъ предлогомъ неисправленія Ревельцевъ, велѣлъ схватить въ Новгородѣ всѣхъ Нѣмцевъ-купцовъ, которыхъ было тамъ 40 человѣкъ изъ 13 городовъ, посадить ихъ въ тюрьмы, гостиные дворы и божницу отнять, товары переписать и отвезти въ Москву.

[1]) Акты относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 112.
[2]) Никон. VI, 141.
[3]) Далина—Gesch. des R. Schw. II, 632: первый союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ былъ заключенъ въ 1493 г.; въ силу его, Московскій В. Князь, называемый въ договорѣ Императоромъ всея Руси, и Король Датскій обязались быть заодно противъ Стуровъ, господствовавшихъ въ Швеціи, и противъ В. Князя Литовскаго. См. С. г. г. и д. V. № 110.

Московскій великій князь только-что заключилъ тогда выгодный миръ и союзъ, политическій и родственный, съ великимъ княземъ Литовскимъ, съ Даніею былъ также въ союзѣ, и потому Орденъ не осмѣлился вооруженною рукою мстить ему за купцовъ своихъ; онъ только чрезъ пословъ своихъ упрашивалъ о ихъ освобожденіи, вмѣстѣ съ послами городовъ Ганзейскихъ и великаго князя Литовскаго; Іоаннъ велѣлъ освободить купцовъ, но товаровъ имъ не отдали. Орденъ молчалъ, хотя видѣлъ страшную опасность, которою грозила ему Москва; Кенигсбергскій коммандоръ писалъ къ своему магистру: „Старый государь Русскій вмѣстѣ со внукомъ своимъ управляетъ одинъ всѣми землями, а сыновей своихъ не допускаетъ до правленія; не даетъ имъ удѣловъ; это для магистра Ливонскаго и Ордена очень вредно: они не могутъ устоять предъ такою силою, сосредоточенною въ однѣхъ рукахъ“. Вслѣдствіе этого сознанія своей слабости, Орденъ не могъ ничего предпринять до самаго того времени, когда новый разрывъ между Литвою и Москвою далъ ему надежду на возможность успѣха въ войнѣ съ послѣдней. Въ 1501 году магистръ Вальтеръ-фонъ-Плеттенбергъ заключилъ союзъ съ Александромъ Литовскимъ и объявилъ Московскому государю войну тѣмъ, что задержалъ въ своихъ владѣніяхъ псковскихъ купцовъ; Псковичи послали гонца въ Москву съ этимъ извѣстіемъ, и великій князь выслалъ къ нимъ на помощь воеводъ—князей Василія Шуйскаго и Данила Пенко. Въ 10 верстахъ за Изборскомъ встрѣтились русскіе воеводы съ Плеттенбергомъ; Псковичи первые схватились съ непріятелемъ, и первые побѣжали, потерявши посадника; Нѣмцы, говоритъ лѣтописецъ, напустили вѣтеръ на русскую силу и пыль изъ пушекъ и пищалей; когда, послѣ бѣгства Псковичей, Нѣмцы обратили пушки и пищали на московскую силу, то была туча велика, грозна и страшна отъ стуку пушечнаго и пищальнаго, что заставило и Москвичей обратиться также въ бѣгство. Изъ этого разсказа ясно видно, что дѣло было рѣшено нѣмецкою артиллеріею, съ которою тогдашній русскій нарядъ не могъ соперничать.

На другой день Нѣмцы пошли къ Изборску; но Изборяне сами сожгли свой посадъ и отбились; счастливѣе былъ Плеттенбергъ подъ Островомъ: ему удалось взять и сжечь городъ, причемъ погибло 4,000 Русскихъ. Отъ Острова Нѣмцы возвратились къ Изборску, ночевали подъ нимъ одну ночь и отступили, оставивъ засаду. Когда, на другой день, Изборяне пришли въ непріятельскій станъ и разсѣялись по немъ, Нѣмцы выскочили изъ засады и перебили ихъ или перехватали. Но Плеттенбергъ не могъ воспользоваться этою удачею: онъ поспѣшилъ назадъ, потому что въ полкахъ его открылся кровавый поносъ, отъ котораго занемогъ и самъ магистръ. Сильно загоревали Ливонцы, когда узнали о возвращеніи больного магистра съ больною ратью: они боялись мести отъ Москвы,—и не напрасно. Великій князь выслалъ новую рать съ

княземъ Александромъ Оболенскимъ и отрядъ татарскій; подъ городомъ Гелмедомъ встрѣтилось московское войско съ нѣмецкимъ, и, несмотря на то, что въ первой схваткѣ убитъ былъ воевода Оболенскій, Русскіе остались побѣдителями и десять верстъ гнали Нѣмцевъ; по словамъ псковскаго лѣтописца, изъ непріятельской рати не осталось даже и вѣстоноши (вѣстника), который бы далъ знать магистру объ этомъ несчастіи; ожесточенный Псковичъ пишетъ, что Москвичи и Татары сѣкли враговъ не саблями свѣтлыми, но, какъ свиней, шестоперами [1]). По словамъ нѣмецкаго лѣтописца, потеря Русскихъ въ этомъ сраженіи простиралась до 1,500 человѣкъ; но онъ же говоритъ, что тогда Ливонія лишилась 40,000 жителей убитыхъ и взятыхъ въ плѣнъ Русскими [2]).

Между тѣмъ Плеттенбергъ оправился и, въ томъ же году, явился съ пятнадцатитысячнымъ войскомъ подъ Изборскомъ. Нѣмцы приступили къ городу усердно, но, простоявъ подъ нимъ только одну ночь, отошли и осадили Псковъ; Псковичи сами зажгли предмѣстья и отбивались до тѣхъ поръ, пока Плеттенбергъ, заслышавъ о приближеніи московскихъ воеводъ, князей Данилы Щени и Василія Шуйскаго, отступилъ отъ города. На берегахъ озера Смолина настигли его эти воеводы и принудили къ битвѣ; битва была одна изъ самыхъ кровопролитныхъ и ожесточенныхъ: небольшой, въ сравненіи съ русскими войсками, отрядъ Нѣмцевъ бился отчаянно и устоялъ на мѣстѣ.

Со славой отступилъ Плеттенбергъ къ своимъ границамъ, но со славою безполезною: Орденъ, могшій бороться со Псковомъ, не могъ теперь бороться съ Московскимъ государствомъ, даже и въ союзѣ съ Польшею и Литвою, который оказался безполезнымъ. Великій магистръ Прусскій писалъ къ папѣ: что Русскіе хотятъ или покорить всю Ливонію, или если не смогутъ этого по причинѣ крѣпостей, то хотятъ вконецъ опустошить ее, перебивши или отведши въ плѣнъ всѣхъ сельскихъ жителей; что они уже проникли до половины страны; что магистръ Ливонскій не въ состояніи противиться такимъ силамъ, отъ сосѣдей же плохая помощь; что христіанство въ опасности, и потому святый отецъ долженъ провозгласить или крестовый походъ, или юбилей.—Александръ Литовскій долженъ былъ просить мира у тестя, но, по договору, онъ не могъ мириться безъ Ливоніи, и, въ январѣ 1503 года, Іоаннъ далъ опасный листъ нѣмецкимъ посламъ въ такой формѣ; „Іоаннъ, Божіею милостію Царь и государь всея Руси и великій князь (слѣдуетъ обычный титулъ), и сынъ его, князь великій Василій Ивановичъ, царь всея Руси, магистру Ливонской Земли, архіепископу и епископу Юрьевскому и инымъ епископамъ и всей Землѣ Ливонской. Присылали вы бить челомъ къ брату нашему и зятю, Александру, королю Польскому и великому князю Литовскому о томъ, что хотите къ намъ слать бить челомъ своихъ пословъ. И мы вамъ на то листъ свой опасный дали". Послы нѣмецкіе пріѣхали вмѣстѣ съ литовскими и ждали до тѣхъ поръ, пока кончились переговоры съ послѣдними насчетъ шестилѣтняго перемирія. Когда грамоты были написаны, канцлеръ Сапѣга сказалъ дьякамъ, чтобъ князь великій велѣлъ теперь говорить съ Нѣмцами, потому что до тѣхъ поръ литовскимъ посламъ нельзя будетъ запечатать грамотъ, пока не будетъ разговора съ Нѣмцами о перемирьи. На другой день великій князь велѣлъ нѣмецкимъ посламъ быть у себя на дворѣ, и выслалъ къ нимъ бояръ и дьяковъ для переговоровъ; на третій день послѣ этихъ переговоровъ посолъ венгерскій подалъ Іоанну слѣдующую записку: „Послы князя магистра Ливонскаго были вчера у меня и объявили, что бояре вашей милости, разговаривая съ ними, господаря ихъ и ихъ самихъ позорили, и многія неприличныя слова говорили; я, государь, очень удивляюсь, если это случилось съ позволенія твоей милости! Прошу, пресвѣтлый великій князь, положить конецъ всѣмъ этимъ дѣламъ, которыя мѣшаютъ дѣйствіямъ христіанскихъ государей противъ невѣрныхъ, потому что посламъ королевскимъ нельзя ни на что рѣшиться безъ ливонскихъ".

Іоаннъ велѣлъ отвѣчать посламъ венгерскому и польскому: „Вы говорили, чтобъ мы велѣли съ лифляндскими Нѣмцами взять перемирье на шесть лѣтъ; мы у нѣмецкихъ пословъ рѣчи выслушали, и, для свойства съ зятемъ своимъ Александромъ-королемъ, велѣли намѣстникамъ своимъ, новгородскому и псковскому, и отчинамъ своимъ, Великому Новгороду и Пскову взять съ Ливонскою Землею перемиріе на шесть лѣтъ по старинѣ, какъ было прежде. А Нѣмцы говорили, что этого прежде не было да и теперь нельзя быть; вы послушайте ихъ рѣчи, что они говорили! Они говорили, что пріѣхали не бить челомъ намъ о перемирьи, но будто просилъ магистра Александръ-король, чтобъ онъ съ нами перемиріе взялъ; и они хотятъ съ нами перемиріе взять, а не съ нашими намѣстниками и отчинами. А вотъ вамъ грамоты перемирныя, какъ прежде магистръ и вся Ливонская Земля присылали къ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ бить челомъ о перемирьи; и вы сами посмотрите, гораздо ли они такъ говорили." Грамоты были принесены, послы прочли ихъ и объявили, что Нѣмцы вчера говорили негораздо; грамотамъ пригоже быть такимъ, какія въ старину бывали, и заключать имъ перемирье въ Новгородѣ; при этомъ послы венгерскіе и польскіе сказали, чтобъ дали имъ списокъ, какимъ быть перемирнымъ грамотамъ; желаніе ихъ было исполнено, и тогда они объявили, что дѣло нѣмецкое кончено [3]).

Мы упоминали уже о союзѣ Іоанна Московскаго

[1]) П. С. Р. Л. VI, 275.

[2]) Russow, p. 33.

[3]) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 191. — Supplementum ad histor. Russiae Monumenta, № CXXI—CXXXIII.

съ Іоанномъ королемъ Датскимъ, цѣлью котораго было общее дѣйствіе противъ шведскихъ правителей Стуровъ. Датскій король искалъ Шведскаго престола; неизвѣстно чѣмъ возбуждена была непріязнь къ Швеціи Московскаго государя: только въ 1496 г., по заключеніи союза съ Даніею, онъ отправилъ троихъ воеводъ осаждать Выборгъ; Русскіе опустошили окрестную страну, но не могли взять города, который осаждали три мѣсяца, употребляя при этомъ огромныя пушки, въ 24 фута длиною. Въ слѣдующемъ году новое русское войско вторгнулось въ Финляндію, упостошило ее до Тавастгуса и поразило шведское войско, истребивъ въ немъ 7,000 человѣкъ вмѣстѣ съ начальникомъ; тогда какъ полки, составленные изъ Устюжанъ, Двинянъ, Онежанъ и Важанъ, отправились изъ устьевъ Двины моремъ въ Каянію, на десять рѣкъ, повоевали берега осьми рѣкъ, а жителей береговъ Лименги привели въ русское подданство. Шведы отомстили въ томъ же году: Сванть Стуръ явился на семидесяти бусахъ въ устьи Наровы и осадилъ новопостроенный Иванъ-Городъ, гдѣ начальствовалъ князь Юрій Бабичъ; этотъ воевода, видя, что дома начинаютъ горѣть отъ дѣйствія шведскихъ пушекъ, испугался и бѣжалъ изъ города, который былъ занятъ и разграбленъ непріятелемъ; двое другихъ русскихъ воеводъ стояли близко, но не оказали никакой помощи. Шведы впрочемъ скоро сами покинули свое завоеваніе [1]). Война кончилась, когда король Датскій достигъ своей цѣли,—сдѣлался королемъ Шведскимъ; что выигралъ отъ этого союзникъ его,—не извѣстно.

Извѣстнѣе намъ подробности сношеній Московскаго двора съ Австрійскимъ, начавшихся въ княженіе Іоанна III-го. Можно сказать, что Северо-Восточная Россія, или Московское государство, для западныхъ европейскихъ державъ было открыто въ одно время съ Америкою. При императорскомъ дворѣ знали, что Русь подвластна королю Польскому и великому князю Литовскому, но не знали, что на сѣверо-востокѣ есть еще самостоятельное Русское государство до тѣхъ поръ, пока, въ 1486 г., не пріѣхалъ въ Москву рыцарь Николай Поппель, посѣщавшій изъ любопытства отдаленныя страны и имѣвшій при себѣ свидѣтельство отъ императора Фридриха III-го. Этому свидѣтельству въ Москвѣ дурно вѣрили, подозрѣвали, не подосланъ ли Поппель отъ Польскаго короля съ какимъ-нибудь дурнымъ умысломъ противъ великаго князя, однако отпустили его безъ задержки. Возвратясь въ Германію, Поппель объявилъ императору: что Московскій великій князь вовсе не подвластенъ Польскому королю; что владѣнія его гораздо пространнѣе владѣній послѣдняго; что онъ сильнѣе и богаче его. Эти разсказы имѣли слѣствіемъ то, что въ 1489 году Поппель явился въ Москву уже въ видѣ посла императорскаго и требовалъ чтобъ великій князь говорилъ съ нимъ наединѣ безъ бояръ; Іоаннъ отказалъ, и Поппель говорилъ великому князю передъ боярами такія рѣчи: „Хочетъ ли твоя милость выдать дочь свою за князя, маркграфа Баденскаго, племянника императорскаго? Если хочетъ, то царь Римскій берется устроить дѣло; если же не хочетъ, то не говори объ этомъ ни одному человѣку: многіе государи не будутъ рады, когда узнаютъ, что твоя милость въ знакомствѣ и въ пріятельствѣ съ царемъ Римскимъ“. Іоаннъ велѣлъ отвѣчать, что хочетъ съ цесаремъ любви и дружбы, и посылаетъ къ нему своего человѣка. Но Поппель продолжалъ прежнюю рѣчь: „Если тебѣ любо отдать дочь за того князя, о которомъ я тебѣ говорилъ, то ты вели намъ свою дочь показать“. На это ему былъ отвѣтъ: „У насъ въ Землѣ нѣтъ обычая, чтобъ прежде дѣла показывать дочерей“. Тогда Поппель началъ опять просить, чтобъ позволено ему было поговорить съ великимъ княземъ наединѣ. Іоаннъ велѣлъ ему быть у себя и говорилъ съ нимъ въ набережной горницѣ, поотступивъ отъ бояръ, а дьякъ Ѳедоръ Курицынъ записывалъ посольскія рѣчи. Поппель началъ: „Просимъ твою милость, чтобъ никто не зналъ о томъ, что я буду говорить; если непріятели твои, Ляхи, Чехи и другіе, узнаютъ, то будетъ мнѣ дурно, придется и головою поплатиться. Дѣло вотъ въ чемъ: мы слышали, что ты посылалъ къ Римскому папѣ просить у него королевскаго титула, и что королю Польскому это очень не понравилось, посылалъ онъ къ папѣ съ большими дарами, чтобъ папа не соглашался. Скажу твоей милости, что папа въ этомъ дѣлѣ никакой власти не имѣетъ; папа имѣетъ власть въ духовенствѣ, а въ свѣтскихъ дѣлахъ, возводить въ короли, въ князья, въ рыцари—имѣетъ власть только нашъ государь, царь Римскій. Такъ, если твоей милости угодно быть королемъ въ своей Землѣ и передать этотъ титулъ своимъ дѣтямъ, то я буду вѣрнымъ слугою твоей милости у царя Римскаго, буду хлопотать, чтобъ твое желаніе исполнилось; только, ради Бога, просимъ твое величество, чтобы ты ни одному человѣку объ этомъ не объявлялъ. Если король Польскій узнаетъ, то днемъ и ночью будетъ посылать къ цесарю съ великими дарами, чтобъ помѣшать дѣлу Ляхи сильно боятся, что когда ты будешь королемъ, то вся Русская Земля, которая теперь подъ королемъ Польскимъ, отступитъ отъ него и подчинится тебѣ“. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Сказываешь, что намъ служилъ, что и впередъ служить хочешь: за это мы тебя здѣсь жалуемъ, да и тамъ въ твоей Землѣ тебя жаловать хотимъ. А что ты намъ говорилъ о королевствѣ, то мы, Божіею милостіею, государи на своей Земли изначала, отъ первыхъ своихъ прародителей, а поставленіе имѣемъ отъ Бога, какъ наши прародители, такъ и мы; просимъ Бога чтобъ намъ и дѣтямъ нашимъ всегда далъ такъ и быть, какъ мы теперь государи на своей Землѣ, а поставленія какъ прежде мы не хотѣли ни отъ кого, такъ и теперь не хотимъ“. Этотъ отвѣтъ, какъ

[1]) П. С. Р. Л. VI, 39 и слѣд. Архангел. стр. 172. Geijer—Geschichte Schwedens, I, 234.

видно, смутилъ Поппеля, и онъ, не говоря ни слова о королевскомъ титулѣ, сталъ предлагать выгоднѣйшихъ жениховъ для дочерей великокняжескихъ: „У великаго князя двѣ дочери, говорилъ онъ; если не захочетъ онъ выдать одной изъ нихъ за маркграфа Баденскаго, то не захочетъ ли выдать за князя-курфирста Саксонскаго Іоанна, а другую—за маркграфа Бранденбургскаго?"

Устнаго отвѣта не было; но въ томъ же 1489 году великій князь отправилъ своего посла, Грека Юрія Траханіота, къ императору Фридриху и сыну его Максимиліану, съ объявленіемъ, что хочетъ быть съ ними въ дружбѣ. Въ грамотахъ Іоаннъ называетъ себя:—великимъ государемъ всея Россіи, Фридриха—свѣтлѣйшимъ и наияснѣйшимъ Римскимъ цесаремъ и королемъ Австрійскимъ, Максимиліана—благороднымъ и наияснѣйшимъ Римскимъ королемъ и княземъ Бургундскимъ (Бергонскимъ). Траханіоту былъ данъ наказъ: „Если спросятъ его: цесарь спрашивалъ у вашего государя, хочетъ ли онъ отдать дочь за племянника императорскаго, маркграфа Баденскаго; есть ли съ тобою объ этомъ какой-нибудь приказъ?—то отвѣчать: за этого маркграфа государю нашему отдать дочь неприлично, потому что государь нашъ многимъ землямъ государь великій; но гдѣ будетъ прилично, то государь нашъ съ Божіею волею хочетъ это дѣло дѣлать. Если начнутъ выставлять маркграфа владѣтелемъ сильнымъ, скажутъ: отчего неприлично вашему государю выдать за него дочь? — то отвѣчать: во всѣхъ земляхъ извѣстно, надѣемся и вамъ вѣдомо, что государь нашъ великій государь, урожденный изначала, отъ своихъ прародителей; отъ давнихъ лѣтъ прародители его были въ пріятельствѣ и любви съ прежними Римскими царями, которые Римъ отдали папѣ, и сами царствовали въ Византіи; отецъ нашего государя до конца былъ съ ними въ братствѣ и пріятельствѣ до зятя своего Іоанна Палеолога, такъ какъ же такому великому государю выдать дочь свою за маркграфа? Если же станутъ говорить, чтобы великому князю выдать дочь за императорова сына Максиміліана, то послу не отговаривать, а сказать такъ: захочетъ этого цесарь, то послалъ бы къ нашему государю своего человѣка. Если же станутъ говорить объ этомъ дѣлѣ накрѣпко: что цесарь пошлетъ своего человѣка, и посолъ возьметъ ли его съ собою?—то отвѣчать: со мною объ этомъ приказа нѣтъ, потому что цесарскій посолъ говорилъ, что Максимиліанъ уже женатъ; но государь нашъ ищетъ выдать дочь свою за кого прилично; цесарь и сынъ его Максимиліанъ государи великіе, нашъ государь—также великій государь: такъ если цесарь пошлетъ къ нашему государю за этимъ своего человѣка, то я надѣюсь, что государь нашъ не откажетъ".

Въ іюлѣ 1490 года Траханіотъ возвратился вмѣстѣ съ посломъ Максимиліановымъ, Юріемъ Делаторомъ, и сказалъ, что отъ цесаря и отъ Максимиліана честь ему была большая. Іоаннъ велѣлъ оказывать такую же честь Делатору, который объявилъ, что Максимиліанъ хочетъ союза съ Іоанномъ противъ короля Польскаго, мѣшающаго ему овладѣть Венгерскимъ королевствомъ, и спрашивалъ, пошлетъ ли Іоаннъ войско въ Германію и на какое время, также въ Фландрію и въ другія западныя земли противъ измѣнниковъ Максимиліановыхъ и помощниковъ ихъ, короля Французскаго и другихъ. Потомъ Делаторъ началъ рѣчь о сватовствѣ, говорилъ, чтобъ ему позволили видѣть дочь великаго князя, и спрашивалъ, сколько за нею приданаго. Ему отвѣчали, что великій князь согласенъ выдать дочь за Максимиліана; но если дѣло сдѣлается, то Максимиліанъ дастъ ли утвержденную грамоту, что жена его останется въ греческомъ законѣ, будетъ имѣть греческую церковь и священниковъ постоянно до самой смерти своей.—Посолъ отвѣчалъ, что объ этомъ ему не дано наказа, что доложитъ своему государю, и тотъ дастъ отвѣтъ съ особыми послами. Относительно позволенія видѣть великую княжну и относительно ея приданаго Делатору сказали: „У государя нашего нѣтъ такого обычая; непригоже тебѣ прежде дѣла дочь его видѣть. Государь нашъ государь великій; а мы не слыхивали, чтобъ между великими государями были ряды о приданомъ. Если дочь нашего государя будетъ за твоимъ государемъ, королемъ Максимиліаномъ, то государь нашъ для своего имени и для своей дочери дастъ съ нею казну, какъ прилично великимъ государямъ".

Съ Делаторомъ Іоаннъ отправилъ къ Максимиліану своего посла, того же Траханіота, съ докончательною союзною грамотою, въ которой говорилось: „Быть намъ въ братствѣ, любви и единствѣ: когда будетъ намъ надобна помощь на недруговъ, другъ другу помогать, гдѣ будетъ можно. Станетъ Максимиліанъ доставать своей отчины—Венгерскаго королевства, а Казимиръ, король Польскій, или сынъ его, Чешскій король, или его меньшія дѣти станутъ Венгерское королевство себѣ доставать, то Максимиліанъ долженъ дать знать объ этомъ Іоанну, и тотъ помогаетъ ему вправду, безъ хитрости. Если же Іоаннъ начнетъ доставать своей отчины, великаго княжества Кіевскаго, и другихъ русскихъ земель, которыя держитъ за собою Казимиръ, то долженъ дать знать Максимиліану, и тотъ ему помогаетъ." Въ наказѣ Траханіоту было написано: „Если король велитъ говорить о сватовствѣ до заключенія союзнаго договора, то послу настаивать, чтобъ прежде рѣшено было дѣло о союзѣ; если же нельзя будетъ настоять на этомъ, то начать дѣло о сватовствѣ, требовать, чтобъ дочь великокняжеская сохраняла греческій законъ. Если скажутъ, зачѣмъ великій князь не прислалъ поклона и ни одного слова не велѣлъ сказать цесарю Фридриху, то отвѣчать: присылалъ цесарь къ нашему государю посла, Николая Поппеля, и нашъ государь, желая съ нимъ любви, посылалъ къ нему своего посла; но потомъ цесарь къ нашему государю своего посла не послалъ, и рѣчей

къ нему никакихъ не наказалъ; такъ зачѣмъ было нашему государю къ нему посылать?“

Траханіотъ возвратился съ докончательною грамотою, утвержденною Максимиліаномъ; но о сватовствѣ рѣчи не было, потому что король обручился уже на княжнѣ Бретаньской. Въ 1491 году вторично пріѣхалъ въ Москву Максимиліановъ посолъ, Юрій Делаторъ, съ объясненіемъ по этому дѣлу. „Какъ пошли мы впервые съ Траханіотомъ изъ Любека, говорилъ онъ, то шло насъ двадцать четыре корабля вмѣстѣ; изъ этихъ кораблей пятнадцать утонуло; нашъ корабль носился шесть недѣль безвѣстно, каждый часъ ждали мы смерти. Въ Любекъ пришла вѣсть, что корабль нашъ потонулъ, и объ этомъ дали знать Максимиліану, который былъ въ большомъ раздумьи: рѣчь о сватовствѣ отъ него сюда не дошла, послать въ другой-третій разъ—путь далекій и опасный; да хотя бы рѣчь и дошла, то неизвѣстно, захочетъ ли великій князь дѣло дѣлать, или не захочетъ, а время все идетъ да идетъ. Послѣ этого пришла рѣчь отъ княгини Бретаньской о сватовствѣ, и начальные князья нѣмецкіе, подумавъ, сказали Максимиліану: дѣло русское миновало, а у тебя сынъ одинъ, да и тотъ, что есть, что нѣтъ—все равно, а вотъ дѣло Бретаньской княгини передъ тобою: она посылаетъ къ тебѣ съ большою любовью о сватовствѣ; этого нельзя тебѣ упустить; на томъ и порѣшили. Послѣ, когда Максимиліанъ узналъ, что всѣ мы живы и здоровы, то сильно тужилъ, и теперь молитъ великаго князя, чтобъ онъ на него не сердился“. Послѣ этого Делаторъ, по смыслу договора, требовалъ помощи противъ Польскаго короля, просилъ Іоанна принять въ свое покровительство два Ордена, Тевтонскій и Ливонскій, притѣсняемые Казимиромъ; просилъ продлить срокъ перемирія съ Ливоніею и послалъ знающихъ и справедливыхъ людей для прекращенія пограничныхъ споровъ между Псковичами и подданными Ордена. Іоаннъ отвѣчалъ: „Мы, по своей правдѣ, какъ между нами въ грамотахъ записано, хотѣли своему брату, Максимиліану королю, помогать противъ его и своихъ недруговъ, противъ Казимира короля Польскаго и его дѣтей, всѣми своими силами, да и сами хотѣли на коней сѣсть и дѣло дѣлать, сколько бы намъ Богъ пособилъ; но къ намъ пришли вѣсти, что на Венгерскомъ королевствѣ Владиславъ, Чешскій король, сынъ Казимировъ, а твой государь Максимиліанъ съ нимъ помирился и вернулся отъ Венгерской Земли на иныя свои дѣла; за этимъ мы теперь и остановились. А что мы обѣщали, что въ грамотахъ записано, на томъ стоимъ, хотимъ Максимиліану помогать противъ короля Польскаго; и если Максимиліанъ захочетъ доставать Венгерское королевство, то онъ бы другія-то свои дѣла поставилъ, а присталъ бы къ этому своему дѣлу накрѣпко. Что ты намъ говорилъ о Прусскомъ магистрѣ и Ливонскомъ магистрѣ, то если они пришлютъ къ намъ своихъ людей бить челомъ, мы, посмотря по ихъ челобитью, для своего брата, Максимиліана короля, хотимъ ихъ жаловать, принять въ свое соблюденье, за нихъ стоять, и грамоту свою на то имъ дадимъ, какъ будетъ пригоже. Захочетъ Ливонскій магистръ, архіепископъ и епископы съ Великимъ Новгородомъ и Псковомъ перемирья, то пусть посылаютъ туда бить челомъ нашимъ намѣстникамъ и нашимъ отчинамъ; Новгородъ держатъ отъ насъ великіе люди и на съѣздъ посылаютъ честныхъ же людей, такъ можно магистру съ ними сноситься“.

То же долженъ былъ сказать Максимиліану и русскій посолъ Траханіотъ, снова отправившійся въ 1492 году. Въ наказѣ ему говорится: „Узнавать: для чего Максимиліанъ помирился съ Владиславомъ, Казимировымъ сыномъ, для бретаньскаго ли дѣла или для чего другого, прочно ли помирился, или только заключилъ перемиріе, и хочетъ ли добывать Венгрію. Какъ его дѣла съ Французскимъ королемъ насчетъ Бретани, и какъ его дѣла съ другими государями. Вотчина его, Австрійское княжество, все ли теперь за нимъ; можно ли ему добыть Венгрію; хотятъ ли его венгерскіе паны, которые нибудь изъ нихъ живутъ ли у него, и какъ живутъ, съ вотчинами, или просто одни; города венгерскіе есть ли за нимъ? Написать въ спискѣ имена пановъ венгерскихъ, которые живутъ у Максимиліана съ вотчинами и безъ вотчинъ, также имена городовъ венгерскихъ, которые за нимъ. Если бретаньское дѣло не состоялось, и станутъ опять говорить о сватовствѣ, то отвѣчать: прежде самъ цезарь и Максимиліанъ начали-было дѣло, и потомъ отъ нихъ же оно не состоялось: такъ какъ теперь этому дѣлу быть?—и говорить о дѣлѣ какъ пригоже и накрѣпко. Если же бретаньское дѣло состоялось, а станутъ говорить о Максимиліановѣ сынѣ Филиппѣ, то послу говорить какъ пригоже, также говорить о Саксонскомъ большомъ князѣ Фридрихѣ, заговаривать и о дочеряхъ королевскихъ и княжескихъ для князя Василія и Юрія“. Траханіотъ прислалъ о дѣлахъ Максимиліановыхъ такія извѣстія, изъ которыхъ Іоаннъ могъ заключить, что союзъ съ Австрійскимъ домомъ совершенно безплоденъ для Москвы. Максимиліанъ, помирившись съ Владиславомъ Казимировичемъ, королемъ Чешскимъ, уступивъ ему Венгрію и занятый дѣлами запада, не отправилъ своего посла съ Траханіотомъ по той причинѣ, что ему нечего было сказать Московскому государю; вмѣсто посла, пріѣхалъ отъ Максимиліана и дяди его Сигизмунда какой-то Снупсъ затѣмъ, чтобы узнать Московское государство и выучиться по-русски. Іоаннъ отвѣчалъ Максимиліану учтивымъ отказомъ: „Іоаннъ, Божіею милостію государь всея Руси (слѣдуетъ титулъ), наияснѣйшему и величайшему другу и брату, нашему возлюбленному, здравіе, радость и честнѣйшее животованіе! Твое величество прислалъ къ намъ Михаила Снупса, и мы, для дружбы и братства съ тобою, приняли его ласково и держали въ своемъ жалованьи. Онъ просилъ насъ, чтобъ мы отпустили его въ дальнія земли нашего государства, которыя

лежать на востокѣ, на великой рѣкѣ Оби; но мы его туда не отпустили, по причинѣ большаго разстоянія, дальняго пути: и наши люди, которые отправляются за данью, проходятъ туда съ большимъ трудомъ. Потомъ онъ просилъ, чтобы мы отпустили его въ Турцію и Польшу; но мы и туда его не отпустили изъ страха, чтобъ не сдѣлалось съ нимъ тамъ бѣды, а отпустили его къ вамъ, въ Нѣмецкую Землю тѣмъ же путемъ, какимъ пришелъ".

Послѣ этого одиннадцать лѣтъ не было сношеній съ Австрійскимъ дворомъ. Казимиръ умеръ; Іоаннъ безъ австрійской помощи успѣлъ заключить съ наслѣдникомъ его, Александромъ, выгодный миръ, потомъ вести удачную войну, заключить выгодное перемиріе. Только въ 1504 году явился въ Москву человѣкъ Максимиліановъ, Гартингеръ, съ двумя грамотами: въ одной король Римскій писалъ, что если Іоаннъ нуждается въ его помощи или совѣтѣ, то пусть объявитъ ему; но цѣль посылки высказана была въ другой грамотѣ. „Наияснѣйшій и вельможный начальникъ и братъ любезнѣйшій! писалъ Максимиліанъ: такъ какъ у насъ нѣтъ бѣлыхъ кречетовъ, то очень желаемъ имѣть нѣсколько такихъ птицъ, и посылаемъ къ тебѣ кречетника нашего Гартингера, съ просьбою позволить ему привезти изъ вашихъ странъ нѣсколько бѣлыхъ кречетовъ". На первую грамоту Іоаннъ отвѣчалъ, что была у него война съ Александромъ Литовскимъ и съ ливонскими Нѣмцами, и окончилось перемиріемъ; если начнется опять, то пусть Максимиліанъ, по договору, помогаетъ ему, а онъ, съ своей стороны, готовъ помогать Максимиліану, если тотъ опять станетъ добывать Венгерское королевство; на вторую грамоту отвѣчалъ, что посылаетъ бѣлаго кречета и четырехъ красныхъ; кречетнику Гартингеру дали плохую шубу, на что онъ послѣ жаловался великому князю; своего посла Іоаннъ не отправилъ, отговорившись тѣмъ, что ему нельзя будетъ проѣхать ни чрезъ Литовскую Землю, ни чрезъ Ливонію, хотя въ перемирной грамотѣ съ Александромъ былъ выговоренъ путь чистый иностраннымъ посламъ въ Москву и московскимъ—въ иностранныя государства. Въ 1505 году тотъ же Гартингеръ прислалъ изъ Ревеля двѣ грамоты отъ Максимиліана и сына его, Филиппа, съ просьбою объ освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ послѣднюю войну; на подписи Филипповой грамоты Іоаннъ и сынъ его Василій были названы **царями**. Іоаннъ отвѣчалъ: „Если магистръ, архіепископъ и епископы и вся Земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстанутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ и Псковъ къ нашимъ намѣстникамъ, и во всемъ нашимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову исправятся, то мы тогда, для вашей братской любви, посмотря по ихъ челобитью и исправленію, дадимъ плѣннымъ свободу" [1]).

Это было послѣднее сношеніе съ Австрійскимъ дворомъ въ княженіе Іоанново. Въ его же княженіе начались сношенія съ Венеціею: московскій посолъ, Иванъ Фрязинъ, ведшій переговоры съ папою относительно брака Іоанна на Софіи Палеологъ, на дорогѣ въ Римъ, былъ въ Венеціи, гдѣ сказался большимъ бояриномъ великокняжескимъ; вниманіе Венеціанскаго правительства было тогда занято опасною борьбою съ Турками, противъ которыхъ ему хотѣлось возбудить Татаръ; но не знали, какимъ путемъ отправить посла въ Орду. Прибытіе московскаго посла въ Венецію рѣшило недоумѣніе, и вотъ дожъ осыпалъ Фрязина почестями и дарами съ тѣмъ, чтобы тотъ взялъ съ собою въ Москву венеціанскаго посла и доставилъ ему средства проѣхать безопасно къ хану. Фрязинъ обѣщался устроить дѣло, взялъ съ собою посла именемъ Тревизана, но, пріѣхавъ въ Москву, не сказалъ великому князю ни слова о цѣли его пріѣзда, назвалъ его своимъ племянникомъ, съ тѣмъ чтобъ тайно отправить его въ Орду. Дѣло однако открылось: Іоаннъ велѣлъ заключить въ тюрьму и Фрязина, и Тревизана, и въ Венецію отправилъ брата Иванова, Антона Фрязина, сказать дожу: „Зачѣмъ это ты такъ сдѣлалъ, съ меня честь снялъ? Тайно черезъ мою Землю шлешь посла, мнѣ не сказавши?" Антонъ Фрязинъ возвратился съ извиненіями отъ дожа и съ просьбою выпустить Тревизана и отправить его въ Орду, снабдивъ всѣмъ нужнымъ, за что будетъ заплачено Венеціанскимъ правительствомъ. Іоаннъ исполнилъ просьбу и отправилъ въ Венецію посла Толбузина для вызова мастеровъ [2]), съ тою же цѣлію были отправляемы и послѣ посольства въ Венецію въ 1493 и 1499 годахъ.

---

[1]) Памятники дипломат. сношен. древней Россіи, I, стр. 1—139.

[2]) Этотъ случай въ разныхъ лѣтописяхъ разсказанъ различно: въ Никон. говорится, что «Тревизанъ пришелъ изъ Венеціи съ московскимъ посломъ Антономъ Фрязинымъ, а посланъ къ Великому Князю отъ того дюка бити челомъ, чтобы пожаловать Князь великій велѣлъ того Тревизана проводити до царя Ахмута большіе Орды; а прислалъ къ нему со многими поминки съ челобитьемъ, чтобъ пожаловалъ шелъ имъ на помочь на турскаго салтана къ Царюграду. Тойже Тревизанъ пришедъ на Москву первое пріиде къ Ивану Фрязину къ денежнику Московскому, и сказа ему вся та, о чемъ пришелъ на Москву, а у В. Князя еще и не былъ. Фрязинъ же нашъ денежникъ не велѣлъ тому Тревизану о томъ бити челомъ В. Князю да поминки великіе подавати, а могу то я сдѣлати оприче В. Князя, и до царя и допровожати; а къ В. Князю пришедъ Фрязинъ съ тѣмъ Тревизаномъ назвалъ его Князькомъ Венецейскимъ, а себѣ племянникомъ, а рекше пришелъ до него своимъ дѣломъ и да гостьбою, да то у В. князя утаили... По семъ (по приходѣ Софьи) тотъ Антоній Лягатосъ и протчіи Фрязи и Грецы видешася въ Москвѣ съ посломъ Венецейскимъ Иваномъ Тривизаномъ, а вѣдаючи его съ чѣмъ онъ посланъ къ В. Князю, начаше спрашивати его почто много мотчаетъ; онъ же инако къ нимъ глаголюще не какъ дѣлалъ съ Фрязинымъ на-

Глава V.

Внутреннее состоянiе русскаго общества во времена Iоанна III-го.

Смерть и завѣщанiе Iоанна III.—Договоръ сыновей Iоанновыхъ при жизни отца.—Титулъ Iоанна III-го.—Форма обращенiй вельможъ и служилыхъ людй къ великому князю.—Печати.—Казна великокняжеская. Богатство удѣльныхъ князей.—Доходы великокняжескiе.—Образъ жизни великаго князя.—Сравнительное положенiе великихъ князей Московскаго и Литовскаго.—Князья и бояре въ Москвѣ.—Крестоцѣловальныя записи.—Новые придворные чины.—Дворъ великой княгини.—Богатство князей—бояръ.—Кормленiя.—Помѣстья.—Войско въ Сѣверо-Восточной и Юго-Западной Россiи.—Приказы.—Города Юго-Западной Россiи.—Магдебургское право.—Внѣшнiй видъ русскаго города.—Пожары.—Сельское народонаселенiе.—Юрьевъ день.—Сельское народонаселенiе въ литовскихъ владѣнiяхъ.—Бѣдствiя.—Торговля.—Искусства.—Почты.—Церковь.—Ересь жидовская.—Iосифъ Волоцкiй.—Мѣры къ улучшенiю нравственности духовенства.—Заботы о грамотности. Богорадное житiе въ монастыряхъ.—Поученiя.—Матерiальное состоянiе духовенства.—Вопросъ: слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть населенными имѣнiями? Связь Русской Церкви съ Восточною.—Состоянiе православнаго духовенства въ литовскихъ владѣнiяхъ.—Судебникъ Iоанна III и судебникъ Казимира Литовскаго.—Народное право.—Общественная нравственность.—Литература.

---

27 октября 1505 года умеръ Iоаннъ III, на 67 году отъ рожденiя, на 44-мъ княженiя, переживъ вторую супругу, знаменитую Софью, только двумя годами и нѣсколькими мѣсяцами [1]. Въ завѣщанiи своемъ Iоаннъ, подобно предшественникамъ, подѣлилъ волости между пятью сыновьями: Василiемъ, Юрiемъ, Димитрiемъ, Семеномъ и Андреемъ; но старшему, Василiю, дано 66 городовъ и въ томъ числѣ самые значительные: Москва, Новгородъ, Псковъ, Тверь, Владимiръ, Коломна, Переяславль, Ростовъ, Нижнiй, Суздаль, Муромъ, кромѣ того волости князя Мезецкаго, Новосильскихъ, Одоевскихъ, Бѣлевскихъ, Щетинина, Заозерье, Заволочье, Югра, Печера, Пермь Великая, князья Мордовскiе, вся Вятская Земля съ Арскими князьями, жалованная вотчина князя Бѣльскаго (Лухъ и проч.), Корельская Земля съ Лопью, лѣшею (лѣсною) и дикою, Поонежье и Двинская Земля; тогда какъ всѣмъ остальнымъ четверымъ сыновьямъ вмѣстѣ дано менѣе половины городовъ, именно только 30 [2]. Касательно отношенiй старшаго брата къ

шимъ; они же сказаше то къ В. Князю. Князь же Великiй слышавъ то часа того объискавъ и вспалася на нихъ, повелѣ поимати Фрязина, да оковавъ послалъ на Коломну, а домъ его повелѣ разграбити разорити, и жену и дѣти изимати; а того жь Тривизана поимавъ хотѣлъ казнити, и тойже Лягатосъ и протчiя иже съ нимъ послы начаша бити челомъ князю, чтобъ пожаловалъ смиловался надъ нимъ доколѣ обшлетца съ Венициянскимъ дюкою; Князь же Великiй велѣлъ сковати его, а сидѣлъ у Микиты у Беклемишева».—Но въ П. С. Р. Л. VI, 196: «Фрязинъ же (Иванъ) обѣщался; ввемъ посла его (Дожева) и прiиде къ В. Князю и рѣчи всѣ папины сказа, а посла того гостемъ назва; тотъ же Фрязинъ толмача добывъ и посла того отпусти, Тривизана зовома, на Рязань, да къ ордѣ втай Великаго Князя. Яко Фрязинъ отъиде въ Римъ, тогда прiиде вѣсть къ В. Князю, яко посла приведши Венецiйскаго Фрязинъ да отпустилъ къ ордѣ; тогда посла повелѣ изымати на Рязани и съ толмачемъ, и повелѣ его всадить въ тюрьму. Егда же прiиде со царевною Фрязинъ, посла Князь Великiй боярина своего Өедора Давыдовича противу и повелѣ крыжъ у Легатоса отнявши да въ сани положити, а Фрязина поимати да и пограбити. Тогда же не бѣ вѣсти князю Веницейскому, дошелъ ли посолъ его до орды, не дошелъ ли, тогда посла Фрязинова брата къ нему въ Венецiю и поношая ему Князь же той съ нимъ наказа къ В. Князю, чтобъ Князь Великiй нелюбiе отдалъ, а посла бы его отпустилъ къ ордѣ, а что будеть на подкруту бы еси ему далъ, а язъ самъ платежникъ. Тогда Князь Велики, по Онтоновымъ рѣчамъ, отпусти его, а съ ними толмача и дьяка отпусти и семьдесять рублевъ дастъ ему; тогда седмьсотъ сказа ему, и посла все взять». — Трудно согласиться съ разсказомъ Никонов. лѣтописи, чтобы Иванъ Фрязинъ, отправившись снова въ Римъ, не отправилъ Тревизана, а заставилъ его дожидаться въ Москвѣ.

[1]) Софья умерла 7 апрѣля 1503 года.

[2]) С. г. г. и д. I, № 144. Подробности: старшему Василiю даны подмосковныя села: «Семчинское съ городскими дворами и съ Самсоновымъ лугомъ, село Воробьево, съ Владимiровскимъ, Семеновскимъ, Воронцовскимъ, Кодашевымъ и деревнями, — сельце Воронцовское на Яузѣ съ дворомъ великокняжескимъ и съ городскими дворами по обѣ стороны Яузы, монастырь Лыщиковъ, Ильинскую слободку, вымѣненную у Андроникова монастыря... Да что были къ Дмитрову приданы волости Московскiя: Рогожь, Воря, Карзенево, Шерна городокъ, Сулишинъ и съ новымъ селомъ—по старинѣ сыну Василью. Да ему жъ волости Сурожыкъ, Лучинское, Радонежь, да треть Мушкову съ мытомъ Лопьскимъ... Городъ Коломну, Каширу съ Зарѣчьемъ, что за рѣкою за Окою, Тѣшиловъ, Рославль, Веневъ, Мстиславль и иныя мѣста по Рязанскiй рубѣжъ, съ Елчемъ, и со всѣми Елецкими мѣсты, Серпуховъ, Хотунь, Тарусу съ Городцомъ, съ Исканью, Мышегою, Колодною, съ княгининскою вотчиною Авдотьиною, Мценскъ, Воротынскъ, съ Лагинскомъ и съ Крайшинымъ. А что есми промѣнилъ князю Михайлу Мезецкому на его жеребей на Мѣсческъ въ Стародубу Алексинъ; и онъ держитъ по мѣновной грамотѣ; а судъ и дань сына моего Васильево, Боровскъ съ Суходоломъ, Истьею, Истервою, Краснымъ селомъ, Кременцомъ, Песочною большою, съ слободкою Сосны на Шанѣ, что садилъ Василiй Карамышевъ; Ярославецъ, Медынъ, Радомль и съ Вешками по Угру, да на Шанѣ слобода, что Товарковъ садилъ по Угружъ и съ Песочною меньшою и съ слободами, что садили Андрей Картымазовъ, да Митя Загрязской, да Ивашко Гладкой; Можайскъ съ Чагощью, Турьевымъ, Орѣховною, Могильномъ, Миченками, Шатшею, Сулидовымъ, и Дмитровцомъ по обѣ стороны Угры; Вязьму, Козловъ, Дорогобужъ, да волости Дорогобужскiя: Погорѣлая, Мегомле, Хотомичи, Холмъ, Вятино, Прость, сельце Заопье, Водоса, Некрасова, Селечна, Кремена, Редынъ по рѣцѣ по Уже устье, Косково, Рехты, Хомчичи, Вышково, Василево, Ескино село Климово, слободка владычьня въ Чертковѣ, сельцо Путятино, Игумново, Мстиславецъ, Ощитовъ, Жулинъ, Мошкова гора, Лучинъ городокъ, Великое поле, Лопатино, Копылева и Ужица, Ведрошь и Озерища, Свер-

младшимъ повторяется обычное выраженіе: „Приказываю дѣтей своихъ меньшихъ, Юрія съ братьею, сыну своему Василію, а ихъ брату старшему: вы, дѣти мои—Юрій, Димитрій, Семенъ и Андрей, держите моего сына Василья, а своего брата старшаго, вмѣсто меня, своего отца, и слушайте его во всемъ; а ты, сынъ мой Василій, держи своихъ братьевъ младшихъ въ чести, безъ обиды". Но касательно опредѣленія отношеній по владѣніямъ находимъ перемѣны противъ распоряженій прежнихъ князей: Василій Темный благословилъ старшаго сына только третью въ Москвѣ; Іоаннъ благословляетъ старшаго сына двумя третями: „Сынъ мой Василій держитъ на Москвѣ большаго своего намѣстника по старинѣ и какъ было при мнѣ, а другого своего намѣстника держитъ на Москвѣ на трети князя Владиміра Андреевича, которая была за братьями моими, Юріемъ и Андреемъ"; но и въ остальной трети, которую прежніе удѣльные князья вѣдали по годамъ, теперь старшій братъ получилъ также часть: „Благословляю сына своего Василія и дѣтей своихъ меньшихъ — Юрія, Димитрія, Семена, Андрея—въ Москвѣ годомъ князя Константина Дмитріевича, что былъ данъ брату моему Юрію, да годомъ князя Петра Димитріевича, что былъ данъ брату моему Андрею Меньшому, да годомъ князя Михаила Андреевича: держитъ сынъ мой Василій и мои дѣти меньшія на тѣхъ годахъ своихъ намѣстниковъ, перемѣняя пять лѣтъ, по годамъ; а что данъ былъ брату моему Борису въ Москвѣ годъ князя Ивана Андреевича, и тотъ годъ приходилось брата моего Бориса дѣтямъ держать на шестой годъ вмѣстѣ; но племянникъ мой Иванъ Борисовичъ отдалъ свои полгода мнѣ, а я отдаю ихъ сыну своему Василію, пусть онъ держитъ шестой годъ вмѣстѣ съ племянникомъ моимъ Ѳедоромъ Борисовичемъ". Такъ распорядился завѣщатель относительно судныхъ пошлинъ московскихъ; относительно же тамги и другихъ пошлинъ старшій братъ обязанъ былъ изъ нихъ давать младшимъ только по сту рублей каждому. Потомъ видимъ ограниченіе правъ удѣльныхъ князей въ ихъ собственныхъ владѣніяхъ: „Сынъ мой Юрій съ братьями по своимъ удѣламъ въ Московской Землѣ и въ Тверской денегъ дѣлать не велятъ; деньги велитъ дѣлать сынъ мой Василій въ Москвѣ и Твери, какъ было при мнѣ. Откупъ знаетъ сынъ мой Василій: въ откупъ у него мои дѣти Юрій съ братьями не вступаются [1]). Что я далъ дѣтямъ

жовы Луки. Переяславль съ приданными къ Дмитрову волостями—Серебожь, Рожественое, Вускутово, Владимиръ съ Муромскимъ сельцемъ, Шатуромъ, Колушкою, Вышелѣсомъ, Островомъ, Юрьевъ съ Великою Солью; Суздаль да Солцу малую; Ростовъ, Ярославль и съ Ухрою, селомъ Петровскимъ, слободку Охлябининскую, вотчину князя Щетинина—Касть; Инопажь, усть Шексны съ деревнями Князей Шохонскихъ, да волости Заволжскіе по обѣ стороны Шексны, а волости Шохонскіе Луковесь, Арбужовесь, Маткома, Веретея Большая, городокъ Княжичи, Песье село; Всесвятское, Волское съ Окишовскимъ селомъ и съ Бонгуемъ, Патробалъ, Рунай и съ Шагатью и съ слободками съ Кештомою, съ Шелшедамомъ, Бѣлое село Шыгоражъ, съ Петровскими Константиновича селами и деревнями, усть Углы, Беретейка малая. Бѣлоозеро, Заозерье съ Кубеною; Устюгъ, Вычегру, Вымь, Удору, Сысолу; въ Заволоцкой землѣ Ростовщину, Пинѣга, Кѣгрола, Чякола, Прьмъскіе, Мезень, Немьюга, Пильи горы, Пинешка, Выя, Тойма, Кирьи горы, Емъская гора на Вазѣ, Антонова перевара, Карбольскій островъ, Шогогора, Керчела, Сурапоганая, Лавела; Югру, Печеру, Пермь Великую; Кострому съ Плесомъ, Нерехтою, Иледамомъ, Даличь съ Солью, Унжею, Чухломою, Нижній-Новгородъ съ Мордвами и Черемисою, Муромъ съ Мордвами и Черемисою, Мещера и съ Кошковымъ, да князи Мордовскіе всѣ. Вятцкую землю всю. А что есмы пожаловалъ князя Ѳ. И. Бѣльскаго, далъ есмы ему въ вотчину городъ Лухъ, да волости—Вичюгу, Кинешму, Чихачевъ. Тверь и Городень, Клинъ, кромѣ Буйгорода и Колни, промѣненныхъ дѣтямъ князя Бориса Васильевича; Новгородъ Великій съ городами: Ивангородъ, Яма, Копорья, Орѣшокъ, Ладога, Дѣмань, Куръ городъ, Порховъ, Высокой, Кошкинъ городъ, Руса; Торжокъ, да въ Новгородской же землѣ городъ Холмъ, Велилю, Буецъ, Лопастицы; Луки Великіе съ волостями: Пуповичи, Вязъ, Часила, Коротай, Дубно, Конша; Ржеву пустую; Корельскую землю всю, Корѣльскій городъ и со Лопью, съ лѣшою и съ дикою, Заволоцкую землю всю, Онѣго, Каргополь, все Поонежье. Двину, Вагу, Кокшенгу, Вельскій погостъ, Колмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю. Псковъ и всю землю Псковскую, Торопецъ, да волости: Данково, Любута, Дубна, Рожна, Тура, Биберево, Старцева, Нежелская, Велижская, Плавлецкая, Жижетцкая, Озерская, Казариновская, Городъ Острее, а волости: Березай, Невье, Усвай, Ловцо, Веснѣболото, Старую Рязань и Перевитескъ.

Сыну Юрію: на Москвѣ сельце Сущово, изъ Московскихъ селъ Лыткино. Сыну Дмитрію на Москвѣ село Напрудское, изъ Московскихъ Озерецкія села. Сыну Семену на Москвѣ село Луцинское, да слободку князя Ромодановскаго; изъ Московскихъ селъ Разсудовскія села за Похрою, Звѣрево да Бараново. Сыну Андрею слободку Колычевскую, да монастырь Рождество Пречистыя на Голутвинѣ; изъ Московскихъ селъ Ясенево, Сарыево, Юдино.

Сыну Юрію: Дмитровъ, въ Дмитровскомъ уѣздѣ въ Инобажѣ деревни Тѣшиловскія; изъ Переяславскихъ волостей къ Дмитрову Юлху. Звенигородъ, волость Шопкову, Кашинъ, Рузу, Брянскъ да волости: Соловьевичи, Прикладни, Пацынъ, Ѳедоровская, Осовикъ, Покиничи, Сухарь, Всеславль, Вороница, Жерынь, Батогова, Хвощна, Піанова, Волконескъ, Серпейскъ, а волости: Замошье, Тухачевъ, Дегна, Ѳоминичи, Погостище, Ковылна, Ближевичи, Любинъ, Снопотъ, Даниловичи, Шуя, Демена, Ужепередъ, Чернятицы, Городечна, Мощинъ, да Гнѣздилово.

Сыну Дмитрію: Углече поле, съ Устюжною, Рожаловымъ, Белетовымъ, Кистъмою, Мологу; Хлепенъ съ Рогачевымъ, Негомиромъ; Зупцовъ, Опоки, половину Ржевы, Мезецкъ, Опаковъ, да волости: Залидовъ, Недоходово, Лычино, Бышковичи, по Угру.

Сыну Семену: Бѣжецкій Верхъ, Колугу, Козельскъ, и волости Козельскія: Серенскъ, Людимскъ, Коробки, Вырки, на Выре волости, Сѣница, Сытичи, Вынно, Липици, Взбыновъ, верхъ Серепа, Луганъ, Мѣстилово, Кцынь, Хвостовичи, Порыски, Борятинъ, Орень, Хостьци, Жеремињ, Сныхово, Ивановское Бабиное, село Незнаново.

Сыну Андрею: Верею, Вышгородъ, Алексинъ, съ Волконою, Ковнимъ, Гордѣевымъ, Нюховою; Любутскъ съ Вѣпринымъ; у Москвы Гжелю да Раменейцо, волости Московскія, что были приданы къ Дмитрову: Селна Гуслица, Загарье, Вохна, Куней; въ Селнѣ деревни дѣловыя бортныя Василцова ста: Бекренево, Бѣляницино, Харитоновское, Деденево, Нероново, Враниково, Якимовское, Новое Якимовское, да пустоши: Лопаково, Исачково; Грибачево.— Старицу, Холмъ, Новый Городокъ, волость Олешню, волость Синюю».—Границы удѣловъ обозначены въ особыхъ грамотахъ, см. С. г. г. и д. I, № 135—141.

[1]) Должно думать, что здѣсь идетъ дѣло объ откупѣ денежномъ же, денежники, какой-нибудь Иванъ Фрязинъ, откупали у в. князя право бить монету.

своимъ сельца у Москвы съ дворами городскими на посадахъ, и дѣти мои на тѣхъ дворахъ торговъ не держатъ, житомъ не велятъ торговать, лавокъ не ставятъ, купцовъ съ товаромъ иноземныхъ, изъ Московской Земли и изъ своихъ удѣловъ, на этихъ дворахъ не велятъ ставить: ставятся купцы съ товаромъ на гостиныхъ дворахъ, какъ было при мнѣ, и меньшія дѣти мои въ тѣ дворы гостиные и въ тѣ пошлины не вступаются. Если въ сельцахъ дѣтей моихъ меньшихъ и на ихъ дворахъ городскихъ кто станетъ торговать съѣстнымъ товаромъ, то сынъ мой Василій этихъ торговъ не велитъ сводить, но приказчикъ его беретъ съ нихъ полавочную пошлину. Если случится душегубство въ сельцахъ и городскихъ дворахъ меньшихъ сыновей моихъ, то судитъ большой намѣстникъ сына моего Василія. Судъ и дань надъ селами въ станахъ московскихъ принадлежатъ меньшимъ сыновьямъ моимъ, которые ими владѣютъ, но душегубствомъ и поличнымъ эти села тянутъ къ Москвѣ, кромѣ поличнаго, которое случится между ихъ крестьянами; въ такомъ случаѣ судятъ ихъ приказчики, но докладываютъ большаго намѣстника Московскаго. Грамоты полныя и докладныя пишетъ только ямской дьякъ сына моего Василія. Города и волости, доставшіеся въ удѣлы меньшимъ сыновьямъ моимъ, но прежде тянувшіе душегубствомъ къ городу Москвѣ, и теперь тянутъ туда же по старинѣ". Въ ордынскіе выходы: въ Крымъ, Казань, Астрахань, Царевичевъ Городокъ (Касимовъ), для другихъ царей и царевичей, которые будутъ въ Московской Землѣ, на пословъ татарскихъ назначена тысяча рублей въ годъ; изъ этой суммы 717 рублей платитъ великій князь, остальное—доплачиваютъ удѣльные. Іоаннъ III въ своей духовной окончательно рѣшаетъ вопросъ о выморочныхъ удѣлахъ: „Если кто-нибудь изъ сыновей моихъ умретъ, не оставивъ ни сына, ни внука, то удѣлъ его весь къ Московской Землѣ и Тверской—сыну моему Василію; меньшіе братья у него въ этотъ удѣлъ не вступаются; если же останутся у покойнаго дочери, то сынъ мой Василій, надѣливъ, выдаетъ ихъ замужъ, а что покойный дастъ своей женѣ—волости, села и казну, въ это сынъ мой Василій не вступается до ея смерти".

Новый порядокъ престолонаслѣдія, по которому дядья должны были отказываться отъ правъ на старшинство въ пользу племянниковъ отъ старшаго брата, былъ подтвержденъ тѣмъ, что Іоаннъ, еще при жизни своей, велѣлъ старшему сыну Василію заключить договоръ съ слѣдующимъ за нимъ братомъ, Юріемъ [1]); по этому договору послѣдній обязался держать великаго князя господиномъ и братомъ старшимъ, держать честно и грозно безъ обиды; здѣсь выраженіе „держать господиномъ" употреблено въ первый разъ; въ первый разъ въ договорѣ между родными братьями младшій обязывается держать княженіе старшаго честно и грозно. Относительно главнаго условія Василій говоритъ Юрію: „Придетъ воля Божія, возьметъ Богъ меня, великаго князя, и останутся послѣ меня дѣти, то сына моего, котораго я благословлю великими княжествами, тебѣ держать въ мое мѣсто, своего господина и брата старшаго, великихъ княжествъ подъ нимъ, подъ моею великою княгинею и подъ нашими дѣтьми блюсти и не обидѣть, ни вступаться, ни подыскиваться никакимъ способомъ". Любопытно, что здѣсь отецъ выговариваетъ себѣ право благословлять великими княжествами сына, котораго хочетъ, не упоминая ни слова о старшинствѣ; это право, какъ мы видѣли, было ясно высказано Іоанномъ III въ отвѣтѣ его Псковичамъ: „Развѣ я не воленъ въ своемъ внукѣ и въ своихъ дѣтяхъ? кому хочу,—тому и дамъ княжество". Хотя въ княженіе Іоанна III нѣкоторые слабые удѣльные князья, какъ напримѣръ Михаилъ Андреевичъ Верейскій и сынъ Бориса Васильевича Волоцкаго, и рѣшились въ духовныхъ грамотахъ своихъ назвать великаго князя государемъ, однако самъ Іоаннъ не рѣшился еще заставить младшаго сына Юрія назвать государемъ старшаго брата Василія: такъ еще сильны были понятія о родовомъ равенствѣ между князьями! И хотя на дѣлѣ это равенство уже исчезло, но на словахъ трудно было еще выразить это исчезновеніе; отца своего князь Юрій называетъ государемъ, но старшаго брата назвать такъ не хочетъ, хотя и повторяетъ старинное родовое выраженіе, что старшій братъ ему вмѣсто отца.

Въ грамотахъ Іоанна Калиты, сколько намъ извѣстно, впервые встрѣчаемъ названіе великаго князя всея Руси. Но это названіе не употреблялось въ сношеніяхъ съ Литовскимъ дворомъ до временъ Іоанна III, который послѣ смерти Казимира впервые употребилъ въ сношеніяхъ съ Александромъ Литовскимъ выраженіе: „Іоаннъ (вмѣсто прежняго Иванъ), Божіею милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Югорскій, и Пермскій, и Болгарскій, и иныхъ." Противъ титула отца своего Іоаннъ прибавилъ названіе великаго князя Владимірскаго, Псковскаго, Тверскаго, Вятскаго и Болгарскаго, выключивъ названіе Ростовскаго. Въ сношеніяхъ съ Ливоніею и мелкими владѣніями нѣмецкими Іоаннъ принимаетъ названіе Царя всея Руси [2]); потомъ на подписи грамоты эрцгерцога Филиппа, сына Максимиліанова, Іоаннъ и сынъ его Василій названы царями Владиміра, Москвы и проч. [3]); то же названіе и въ спискѣ рѣчей посла Гартингера; въ грамотѣ Датскаго короля Іоаннъ названъ императоромъ; въ грамотахъ къ Крымскому Жиду Захаріи Іоаннъ называетъ себя Царемъ всея Руси, также великимъ государемъ Русской Земли [4]). Митрополитъ въ рѣчи своей, во время вѣнчанія внука Димитрія, называетъ Іоанна Царемъ и Самодерж-

[1]) С. г. г. и д. I, № 133.

[2]) Памятн. дипломат. снош. I, стр. 87.
[3]) Тамъ же, стр. 129.
[4]) Крымскія дѣла, № 1.

цемъ; лѣтописецъ говоритъ, что Іоаннъ благословилъ сына своего Василія Самодержцемъ всея Руси. Царемъ и Самодержцемъ называетъ Іоанна митрополитъ Симонъ въ посланіи къ Пермичамъ. Бояре и другіе служилые люди въ отпискахъ своихъ къ великому князю употребляли такое обращеніе: „Государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси холопъ твой такой-то челомъ бьетъ." Знатнѣйшіе люди называются въ этихъ отпискахъ обыкновенными именами, другіе уменьшительными; встрѣчаемъ — Алексѣецъ, Ѳеодорецъ, Васюкъ, но не Алешка, Ѳедька, Васька, какъ послѣ. Любопытно, что служилые люди изъ Грековъ употребляютъ болѣе распространенныя обращенія въ отпискахъ къ великому князю; такъ Димитрій Ларевъ Палеологъ пишетъ: „Наяснѣйшему и вышнѣйшему господу, господу Ивану Васильевичу, Царю всея Руси и великому князю" (слѣдуетъ титулъ) [1]).

Къ договорной грамотѣ Тверскаго князя Михаила Борисовича съ Іоанномъ III-мъ, заключенной въ началѣ княженія послѣдняго, привѣшены печати; на печати великаго князя Московскаго на одной сторонѣ изображеніе льва, раздирающаго змѣю, на другой—изображеніе двухъ людей: одинъ—съ крыльями—держитъ вѣнокъ, другой—безъ крыльевъ—держитъ поднятый кверху мечъ; на печати же Тверскаго князя изображенъ всадникъ, скачущій съ поднятымъ кверху мечемъ и попирающій дракона, что является здѣсь впервые. Къ другимъ грамотамъ Іоанна III до 1497 года привѣшены печати съ разными изображеніями, между которыми нѣтъ изображенія всадника, попирающаго дракона; къ мѣновой грамотѣ Іоанна съ племянниками, сыновьями Бориса Васильевича Волоцкаго, написанной въ 1497 году, привѣшена большая печать, на которой съ одной стороны впервые видимъ изображеніе двуглаваго коронованнаго орла съ распростертыми крыльями и когтями, а на другой—изображеніе всадника, попирающаго дракона и копьемъ прободающаго ему горло; подпись вокругъ: „Іоаннъ, Божіею милостію господарь всея Руси и великій князь Владимірскій и Московскій, и Новгородскій, и Псковскій, и Тверской, и Угорскій и Вятскій, и Пермскій, и Болгарскій."—Мы видѣли, что Іоаннъ первый ввелъ обрядъ царскаго вѣнчанія, совершеннаго имъ надъ внукомъ Димитріемъ.

Если выходы въ Большую Орду начали уменьшаться и даже совсѣмъ прекращаться еще въ княженіе Василія Димитріевича и Василія Темнаго, то усобицы въ княженіе послѣдняго и тяжкій окупъ казанскій должны были истощать казну великокняжескую. Въ другихъ обстоятельствахъ находился Іоаннъ III. Нельзя думать, чтобы во время мирныхъ сношеній съ Ахматомъ онъ посылалъ ему значительные выходы, ибо, въ противномъ случаѣ, хану не для чего было бы находиться въ почти постоянныхъ враждебныхъ отношеніяхъ къ Москвѣ. Расходы на Крымъ, Казань, Астрахань, на содержаніе служилыхъ царевичей татарскихъ, оцѣненные въ 1,000 рублей, не могли равняться съ прежними выходами въ пять и семь тысячъ; при этомъ сомнительно, что вся эта тысяча выходила на татарскія издержки, и если-бъ даже выходила, то не должно забывать, какія обширныя земельныя пріобрѣтенія сдѣланы были при Іоаннѣ III-мъ. Такимъ образомъ, въ княженіе послѣдняго главные расходы прежняго времени, расходы ордынскіе, уменьшились, а доходы, вслѣдствіе пріобрѣтенія обширныхъ и богатыхъ областей, увеличились не въ мѣру противъ прежняго. Отсюда понятно, что Іоаннъ располагалъ большими денежными средствами, что казна его была велика, особенно при умѣньи взять семьсотъ вмѣсто семидесяти, при расчетливости, которая заставляла при выдачѣ барановъ посламъ требовать отъ нихъ шкуры назадъ [2]). Іоаннъ въ духовной своей отказываетъ каждому изъ четырехъ младшихъ сыновей ларцы съ казною, съ какою — не извѣтно, причемъ говоритъ: „А кромѣ того, что ни есть моей казны у казначея моего и дьяковъ, лаловъ, яхонтовъ, другихъ каменьевъ, жемчугу, саженья всякаго, поясовъ, цѣпей золотыхъ, сосудовъ золотыхъ, серебряныхъ и каменныхъ, золота, серебра, соболей и шелковой рухляди; также что ни есть въ моей казнѣ постельной, иконъ, крестовъ золотыхъ, золота и серебра, платья и и другой рухляди; что ни есть у моего дворецкаго и у дьяковъ дворцовыхъ моихъ сосудовъ серебряныхъ, денегъ и иной рухляди; что ни есть у моего конюшаго, ясельничихъ, дьяковъ, приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; что ни есть у моего дворецкаго тверскаго и дьяковъ тверскихъ и приказчиковъ въ Новгородѣ Великомъ, у дворецкаго, казначеевъ, у дьяковъ и приказчиковъ моихъ денегъ и рухляди; да на Бѣлѣозерѣ и на Вологдѣ моя казна и гдѣ ни есть моихъ казенъ,—то все сыну моему Василію". Дорогіе каменья, жемчугъ, золото, серебро, и вещи изъ этихъ металловъ сдѣланныя, считались предметами преимущественно и почти исключительно заслуживающими пріобрѣтенія. Узнавши, что жена Менгли-Гиреева достала дорогую Тохтамышеву жемчужину, Іоаннъ не успокоился до тѣхъ поръ, пока не получилъ ея отъ ханши; отправляя посломъ въ Крымъ боярина Семена Борисовича, великій князь наказалъ ему: „Никакъ не забудь сказать отъ меня Хозѣ-Асану, что если будутъ у него лалы, яхонты дорогіе и жемчугъ добрый, то чтобъ непремѣнно пріѣхалъ ко мнѣ самъ и привезъ ихъ съ собою". Знаемъ также, что для Іоанна покупались ковры на востокѣ [3]).

Изъ духовныхъ грамотъ удѣльныхъ князей узнаемъ также, въ чемъ состояло княжеское богатство: оно состояло въ вѣнцахъ царскихъ, челкахъ, ожерельяхъ, украшенныхъ дорогими каменьями и жемчугомъ, сорочкахъ изукрашенныхъ, перстняхъ, жи-

---

[1]) Крымскія дѣла № 2, стр. 1104.

[2]) См. примѣч. на стр. 1495 пр. 2.

[3]) Дѣла Польскія, № I, второе посольство Еропкина.

ковинахъ [1]), крестахъ, иконахъ, постеляхъ, шитыхъ шелками по камкѣ, взголовьяхъ, подушкахъ, шитыхъ золотомъ, ларцахъ—красныхъ, желтыхъ, дубовыхъ, золотыхъ, украшенныхъ костяною работою, колпакахъ, пуговицахъ, серьгахъ, монистахъ, обручахъ, напалкахъ (наперсткахъ), мускусницахъ (гдѣ хранился мускусъ), шубкахъ, кожухахъ, опашняхъ, лѣтникахъ, кортеляхъ, каптурахъ, накапкахъ, вошвахъ, поясахъ, кружевахъ, одѣялахъ, гривахъ, споркахъ съ разнаго платья, подкладкахъ (подволокахъ) изъ-подъ него же, сосудахъ разнаго рода — мисахъ, уксусницахъ, перечницахъ, солонкахъ, чаркахъ, ложкахъ, ковшахъ, кубкахъ, рогахъ, достоканахъ, мамаяхъ, сковородахъ серебряныхъ [2]). Но если богатство великаго князя сильно увеличилось по извѣстнымъ причинамъ, то не было причинъ, по которымъ должно было увеличиваться богатство князей удѣльныхъ; изъ ихъ духовныхъ видимъ, что всѣ они оставили послѣ себя долги: князь Юрій Васильевичъ оставилъ 752 рубля долгу, самая значительная часть котораго была занята подъ залогъ разныхъ движимыхъ вещей; занималъ онъ у частныхъ лицъ и у монастырей. Гораздо больше долгу оставилъ князь Андрей Васильевичъ Меньшой, задолжавшій одному великому князю 30,000 рублей за ордынскіе выходы, кромѣ долговъ частнымъ людямъ; князь Михаилъ Верейскій оставилъ долгу 267 рублей [3]). Впрочемъ, должно замѣтить, что князь Юрій и князь Андрей Меньшой Васильевичи были бездѣтные, у Михаила Верейскаго сынъ былъ въ изгнаніи, а дочери мимо великаго князя не смѣлъ онъ отказать своей отчины: вотъ почему у нихъ не было побужденій жить бережно; князь Андрей, напримѣръ, проживалъ всѣ свои доходы и не платилъ старшему брату выходовъ въ зачетъ своего удѣла, который долженъ былъ достаться послѣднему; князь Борисъ Васильевичъ, оставляя отчину сыновьямъ, долгу не оставилъ; но сынъ его, умирая бездѣтнымъ и завѣщая вотчину великому князю, оставилъ долгу болѣе 600 рублей [4]).

Относительно взиманія дани мы знаемъ, что Іоаннъ бралъ со всѣхъ волостей новгородскихъ по по полугривнѣ съ сохи со всякаго, кто пашетъ землю, и съ ключниковъ, со старостъ, и съ одерноватыхъ [5]); въ 1491 году Тверская Земля была описана по-московски въ сохи. Отъ времени Іоанна III дошла до насъ древнѣйшая переписная окладная книга—именно Вотской пятины Новгородской области, имѣющая такое заглавіе: „Книги Воцкіе пятины писма Дмитрея Васильевича Китаева да Никиты Губы Семенова сына Моклокова лѣта семь тысячъ осмаго (1499—1500). А въ нихъ писаны пригороды и волости и ряды и погосты и села и деревни великаго князя и за бояры и за детми боярскими и за служылыми людми за помѣстщыки и своеземцовы и купецкіе деревни и владычни и монастырскіе деревни и сохи по новгородцкому. А въ сохѣ по три обжи. А на пригороды, на посады и на великаго князя волости и на села и на деревни кладено великаго князя оброка рубли и полтинами и гривнами и денгами новгородскими въ новгородцкое число“. — За этимъ заглавіемъ слѣдуетъ названіе уѣзда, и потомъ начинается описаніе погостовъ. Въ каждомъ погостѣ описывается прежде всего церковь погоста, вмѣстѣ со дворами священно-и-церковно-служителей ея и съ ея землею, или замѣчается, въ какой мѣстности находится церковь погоста и гдѣ описана. Потомъ описываются оброчныя волости, села и деревни великаго князя, которыя во время составленія писцовой книги не были ни за кѣмъ въ помѣстьи. Въ началѣ описанія каждаго селенія или каждой группы селеній замѣчается, чьи были прежде эти селенія; если прежде они были уже за кѣмъ въ помѣстьи, то объ этомъ также замѣчается. Далѣе описываются волости, села и деревни великаго князя, бывшія во время составленія описанія за разными лицами въ помѣстьи, причемъ замѣчается, чьи они были прежде. Земли каждаго помѣщика составляютъ въ описаніи особую группу. Если у какого-нибудь помѣщика есть земли еще въ другомъ погостѣ, то объ этомъ замѣчается. Затѣмъ описываются земли: 1) своеземцевъ и купцовъ; 2) владыки Новгородскаго; 3) монастырскія и церковныя; 4) къ описанію земель церковныхъ присоединяется и описаніе земель, составляющихъ непосредственную собственность священно-и-церковно-служителей. Замѣчается, въ какихъ другихъ погостахъ Вотской платины есть еще земли владычни, или земли того же монастыря и церкви. При описаніи каждаго селенія означается названіе его (погостъ, село, сельцо, деревня), собственное его имя, дворы, въ немъ находящіеся, съ поименованіемъ хозяевъ, количество коробей высѣваемаго жителями хлѣба и количество скашиваемыхъ копенъ сѣна, а затѣмъ число обжъ, въ которое положена пахатная земля, доходъ въ пользу землевладѣльца, старый и новый, а равно въ пользу посельскаго, или ключника, иногда кормъ, слѣдующій намѣстнику, наконецъ угодья, существующія при селеніи. Если жители селенія занимаются не хлѣбопашествомъ, а другимъ промысломъ, то описаніе сообразно этому измѣняется. По описаніи извѣстной группы селеній, образующихъ одно цѣлое, приводится итогъ, въ которомъ показывается: сколько во всей этой группѣ по старому письму было селеній, дворовъ, людей, обжъ, сохъ, и какой по старому письму шелъ доходъ въ пользу землевладѣльца, а равно посельскаго, или ключника; сколько, въ сравненіи съ старымъ письмомъ, прибыло или убыло по новому письму деревень, дворовъ, людей, обжъ; сколько именно по новому письму значится селеній различнаго

[1]) Также перстняхъ особаго рода: въ грамотахъ Крымскихъ хановъ постоянно находится приписка, что грамота жиковиною запечатана.

[2]) С. г. г. и д. I, № 122, 131, 132, 112, 122.

[3]) Тамъ же, № 96, 112, 122, 132.

[4]) Тамъ же, № 132.

[5]) П. С. Р. Л. VI, 217.

наименованія, дворовъ, людей, обжъ и сохъ; какой будетъ идти новый доходъ, и по какимъ статьямъ и въ какомъ количествѣ онъ увеличился или уменьшился въ сравненіи съ прежнимъ временемъ; какія наконецъ есть угодья. Подобный итогъ приводится и по описаніи одного селенія, если оно само по себѣ составляетъ особенное цѣлое. Но по описаніи всѣхъ земель извѣстнаго отдѣла, т.-е. великокняжескихъ, или монастырскихъ и церковныхъ, не приводится общаго итога за каждый такой отдѣлъ, равно не приводится общаго итога по цѣлому погосту и по цѣлому уѣзду [1]).

Соха измѣнялась по соображенію съ различными условіями: въ краяхъ, гдѣ земледѣліе составляло главный промыслъ жителей, объемъ сохъ расширялся; въ краяхъ ремесленныхъ или торговыхъ—сокращался; потомъ соха соразмѣрялась съ качествомъ почвы; въ этомъ отношеніи земли обыкновенно дѣлились на добрыя, среднія и худыя; если въ соху доброй земли полагалось 800 четвертей, то средней 1,000, а худой—1,200 четвертей. Относительно посадскихъ и слободскихъ тяглыхъ земель сохи измѣрялись не четвертями, а дворами; и здѣсь въ одномъ мѣстѣ въ соху шло столько-то дворовъ, а въ другомъ болѣе или менѣе; здѣсь принималось также въ разсчетъ различіе средствъ владѣльцевъ дворовъ, почему сохи раздѣлялись на сохи лучшихъ торговыхъ людей, на сохи среднихъ людей (гдѣ число дворовъ увеличивалось вдвое противъ торговыхъ) и на сохи младшихъ людей (гдѣ число дворовъ было вчетверо больше противъ числа дворовъ въ сохѣ лучшихъ людей). Изъ пошлинъ въ Іоанново время встрѣчаются названія: помѣрное, роговое, искунное, вѣнцы новоженные, скатертная пошлина [2]). Отъ того же времени дошелъ до насъ уставъ откупщикамъ тамги и пятна на Бѣлѣозерѣ. Если городской человѣкъ Бѣлозерецъ, или житель подгородныхъ мѣстъ (окологородецъ), или житель какой-нибудь изъ волостей бѣлозерскихъ привезетъ товаръ свой, то таможенники берутъ со всякаго товара по полуденьгѣ съ рубля да по полуденьгѣ съ саней за церковную пошлину, что берутъ въ Москвѣ. Если Бѣлозерецъ, городской человѣкъ, купитъ себѣ въ лавку медъ, икру, рыбу, то брать у него съ рубля по полуденьгѣ порядчаго; если же онъ купитъ себѣ въ лавку мѣхъ или рогозину, или пошевъ соли, или бочку, кадь рыбы, или бочку сельдей, то со всего этого по одиначкѣ (съ одного) брать по полуденьгѣ съ стяга; по стольку же брать съ живой коровы, съ десяти полотей, съ двадцати гусей, съ тридцати поросятъ, съ тридцати утятъ, съ десяти барановъ, съ тридцати сыровъ, съ двадцати зайцевъ. Здѣсь любопытно также, что упоминаются зайцы, которыхъ, слѣдовательно, употребляли въ пищу въ XV-мъ вѣкѣ. Со льну, луку, чесноку, орѣховъ, яблоковъ, маку, золы, дегтю брать по деньгѣ съ воза. Съ вывозной изъ Бѣлаозера бочки или кади рыбы, мѣха или рогожи, или пошева соли—брать со всякой по полуденьгѣ. Съ служилаго человѣка, идущаго безъ товара, пошлины не брать; если же служилый человѣкъ станетъ торговать, то брать съ него тамгу и всѣ пошлины, какъ и съ торговаго человѣка. Кто покупаетъ человѣка въ полное холопство (въ полницу), тотъ даетъ по алтыну съ головы намѣстнику, да по алтыну съ головы дьяку, который пишетъ полныя грамоты, да по-стольку же таможенникамъ. Кто купитъ лошадь въ рубль или меньше рубля, у того брать отъ пятна по деньгѣ съ лошади, столько же брать и у того, кто продастъ. Всѣ торговцы, какъ Бѣлозерцы, такъ и Москвичи, Тверичи и Новгородцы, должны показывать свой товаръ таможенникамъ, не складывая съ воза или съ судна; если же кто сложитъ товаръ прежде явки таможенникамъ, тотъ протамжилъ, товаръ ему назадъ, и если этотъ товаръ будетъ стоить два рубля или больше, то взять съ него протамги два рубля — рубль намѣстнику, да рубль таможенникамъ; если товаръ стоитъ рубль, то брать тридцать алтынъ безъ гривны; если товаръ стоитъ больше одного рубля, но меньше двухъ, или меньше одного рубля, то брать по разсчету. Если кто купитъ лошадь безъ явки, то брать съ него пропятенья два рубля—рубль намѣстнику и рубль пятенщикамъ. Если Бѣлозерецъ, городской человѣкъ, купитъ что или продастъ въ своемъ городѣ, то съ того тамги не брать; если же продастъ или купитъ судно, то брать по полуденьгѣ съ рубля. Съ Москвича, Тверича, Новгородца, жителя удѣловъ московскихъ брять тамгу по старинѣ, съ рубля по алтыну, да съ саней по полуденьгѣ за церковную пошлину и за гостинное. Придетъ кто съ товаромъ на суднѣ изъ Московской, Тверской или Новгородской Земли, то сколько у нихъ будетъ людей на суднѣ, брать со всѣхъ по деньгѣ съ головы. Кто пріѣдетъ изъ Московской, Тверской или Новгородской Земли, также изъ монастырей этихъ земель, равно какъ изъ бѣлозерскихъ монастырей,—всѣмъ имъ торговать всякимъ товаромъ и житомъ въ городѣ на Бѣлѣ-озерѣ, а за озеро ѣздить; по монастырямъ и по волостямъ не торговать, кромѣ одной Бѣлозерской волости—Углы: здѣсь быть торгу по старинѣ, а тамгу брать, какъ берутъ на Бѣлѣозерѣ. Кто ослушается этого запрета, съ тѣхъ брать съ купца два рубля, да съ продавца два рубля, товаръ описывать на великаго князя, самихъ виновныхъ отдавать на поруки и ставить передъ великимъ княземъ; городскимъ же людямъ Бѣлозерцамъ и посадскимъ за озеро ѣздить торговать по старинѣ.—По свидѣтельству Іосафата Барбаро, при Іоаннѣ III-мъ право варить медъ и пиво, употреблять хмель сдѣлалось исключительной собственностію казны [3]).

Въ образѣ жизни Іоанна мы не видимъ большихъ

[1]) Никон. VI, 130. Записки Географ. Общ. кн. VIII; Временникъ Москов. Истор. Общ. кн. 11 и 12-я.

[2]) С. г. г. и д. I, № 121; Акты арх. эксп. I, № 99.

[3]) Акты арх. эксп. I, № 134. — Барбаро въ библіот. иностр. писат. о Россіи, стр. 59.

перемѣнъ противъ образа жизни его предшественниковъ. Мы видѣли, что самъ онъ имѣлъ два имени, оба взятыя изъ греческихъ святцевъ—Іоаннъ и Тимоѳей: Тимоѳеемъ онъ названъ былъ въ честь Апостола Тимоѳея, котораго память празднуется 22 января, день рожденія Іоанна; послѣднее же имя онъ получилъ на шестой день, когда празднуется перенесеніе мощей Св. Іоанна Златоустаго [1]). Сынъ его, родившійся 25 марта, въ день Благовѣщенія, получилъ имя Гавріила, котораго память празднуется на другой день; но потомъ получилъ имя Василія, подъ которымъ и извѣстенъ въ исторіи; онъ былъ крещенъ черезъ 10 дней архіепископомъ Ростовскимъ Вассіаномъ и Троицкимъ игуменомъ Паисіемъ, въ Троицкомъ монастырѣ; потомъ Паисій крестилъ втораго сына Іоаннова, Георгія. Въ княженіе Іоанна III при утвержденіи единовластія должно было оказаться большое затрудненіе относительно княжескихъ браковъ; самъ Іоаннъ въ первый разъ былъ женатъ на княжнѣ Тверской, но при немъ же Тверь пала и князья ея пошли въ изгнаніе; оставались князья Рязанскіе, зависимые на дѣлѣ, равные по праву князьямъ Московскимъ, но они находились уже въ такомъ близкомъ родствѣ съ послѣдними, которое не допускало новыхъ браковъ. Такимъ образомъ, великій князь долженъ былъ заботиться о пріисканіи невѣстъ сыновьямъ и жениховъ дочерямъ среди иностранныхъ владѣтельныхъ домовъ; но здѣсь, какъ справедливо замѣтила отцу королева Елена, главное затрудненіе состояло въ иновѣріи. Относительно своего втораго брака и брака старшаго сына Іоанна великій князь успѣлъ избѣжать этого затрудненія, женившись самъ на царевнѣ Греческой и женивъ сына на дочери православнаго воеводы Молдавскаго; но мы знаемъ, какія слѣдствія имѣлъ бракъ старшей дочери Іоанновой, Елены, долженствовавшей оставаться православною въ Литвѣ и Польшѣ. Понятно, почему Іоаннъ старался отыскать въ Венгріи семейство владѣтельныхъ князей сербскихъ, православныхъ; старанія его на этотъ счетъ остались безуспѣшны, равно какъ исканіе жениховъ и невѣстъ въ Даніи, въ Германіи: онъ принужденъ былъ уже въ послѣдній годъ жизни женить старшаго, двадцатипятилѣтняго сына Василія на Соломонидѣ Сабуровой, выбранной изъ 1,500 дѣвицъ, представленныхъ для этого ко двору [2]). Отецъ Соломониды, Юрій, потомокъ ордынскаго выходца мурзы Чета, не былъ даже бояриномъ; но еще прежде великій князь выдалъ вторую дочь свою, Ѳеодосію, за боярина, князя Василія Даниловича Холмскаго [3]); понятно, какъ непріятно было Іоанну выдавать дочь за одного изъ служилыхъ князей—бояръ, которые уже назывались холопами великокняжескими. Неуспѣхъ Іоанна въ исканіи невѣсты для сына среди княженъ иностранныхъ имѣлъ важное слѣдствіе: иностранная княжна на престолѣ Московскомъ необходимо сближала бы и мужа и подданныхъ съ прежнимъ отечествомъ своимъ и вообще съ Западною Европою, содѣйствовала бы сильнѣйшему усвоенію плодовъ цивилизаціи, введенію новыхъ обычаевъ, и какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ отношеніяхъ имѣла бы болѣе значенія, болѣе вліянія, по самому высокому происхожденію своему. Значеніе Софіи Витовтовны и Софіи Палеологъ, кромѣ личнаго характера ихъ, много объясняется ихъ происхожденіемъ; Софія Палеологъ принимала иностранныхъ пословъ; послѣ нея, при великихъ княгиняхъ и царицахъ изъ подданныхъ, этого обычая не видимъ. Воспитанная въ теремѣ, дочь московскаго боярина или менѣе значительнаго служилаго человѣка переносила и во дворецъ свою теремную жизнь; великій князь, какъ великій князь, оставался одинокъ на своемъ престолѣ.

Въ отвѣтѣ посламъ императорскимъ Іоаннъ объявилъ, что въ Русской Землѣ нѣтъ обычая показывать дочерей женихамъ или сватамъ прежде окончательнаго рѣшенія дѣла. Тѣмъ же посламъ онъ отказался объявить о приданомъ своихъ дочерей, отозвавшись, что неприлично великимъ государямъ вести объ этомъ переговоры; но прежде приказывалъ своему послу развѣдать, на сколько тысячъ золотыхъ Манкупскій князь давалъ приданаго за дочерью, которую предлагалъ въ невѣсты князю Іоанну Іоанновичу [4]). При описаніи свадьбы дочери великокняжеской Ѳеодосіи, выходившей за князя Холмскаго, говорится о тысяцкомъ, дружкѣ, дружкѣ поддатномъ, о двухъ лицахъ, державшихъ коверъ княжой, о конюшемъ, при которомъ находились 15 человѣкъ дѣтей боярскихъ, о поѣзжанахъ жениховыхъ, о священникѣ со крестомъ при постели, о лицахъ, находившихся у саней великой княгини Софіи, съ которою вмѣстѣ ѣхала и невѣстка, великая княгиня Елена, о свѣщникахъ, коровайникахъ, фонарникахъ и проч.

Изъ иностранныхъ источниковъ узнаемъ, что, вслѣдствіе извѣстныхъ измѣненій въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ и вообще къ подданнымъ, измѣнилось и обращеніе его съ ними.—Венеціанскій посолъ Контарини говоритъ, что Іоаннъ имѣлъ обыкновеніе ежегодно объѣзжать разныя области своихъ владѣній и въ особенности посѣщать одного Татарина, котораго содержалъ на жалованьи на татарской границѣ, для ея охраненія [5]).

Въ то время какъ Русь Сѣверо-Восточная, государство Московское увеличивалось областями, соединеніе которыхъ было прочно по единоплеменности и единовѣрію народонаселенія,—на западѣ, по недостатку нравственныхъ и физическихъ силъ къ сопротивленію на востокѣ, — въ то время владѣтели Руси Юго-Западной, великіе князья Литовскіе и короли Польскіе, ослабляемые внутреннею борьбою между составными частями своихъ владѣній,

[1]) Никон. VI, 108.
[2]) Герберштейнъ, стр. 18.
[3]) Древняя Россійск. Вивліоѳ. ч. XIII.
[4]) Дѣла Крымскія, посольство Старкова.
[5]) Герберштейнъ, стр. 8; Контарини въ Библ. иностр. писат. о Россіи, стр. 106.

не препятствовали образованію на востокѣ могущественнаго и враждебнаго владѣнія, котораго государь уже принялъ титулъ государя всея Руси и прямо объявилъ, что Русская Земля, находящаяся за Литвою и Польшею, искони его отчина, и что онъ хочетъ ее добывать. Въ это рѣшительное для всей Восточной Европы время, когда Московскій князь, освобождаясь окончательно отъ страха передъ Азіею, начиналъ на нее наступательное движеніе и усиливался пріобрѣтеніемъ обширныхъ владѣній, вырванныхъ изъ-подъ рукъ великаго князя Литовскаго, все вниманіе послѣдняго было обращено не на усиленіе своего государства прочными пріобрѣтеніями, но на пріобрѣтеніе сосѣднихъ престоловъ для своихъ сыновей. Іоаннъ пріобрѣталъ Новгородъ, Тверь, Вятку, Пермь, часть Рязани, подчинялъ себѣ Казань,—Казимиръ также пріобрѣталъ Орденскія земли для Польши и цѣлыя королевства для сыновей своихъ — Богемію, Венгрію; но Іоаннъ отдалъ всѣ свои пріобрѣтенія одному сыну, который чрезъ это получилъ средства къ новымъ пріобрѣтеніямъ, тогда какъ занятіе престоловъ Польши, Литвы, Богеміи и Венгріи внуками Ягайла покрыло только мгновеннымъ величіемъ династію князей Литовскихъ, не принеся никакой пользы родной странѣ ихъ, историческое движеніе которой прекратилось со времени соединенія ея съ Польшею.

Въ то время, какъ великій князь Московскій, становясь единовластителемъ обширной страны, становился вмѣстѣ съ тѣмъ и самовластителемъ ея,—власть великаго князя Литовскаго и короля Польскаго никла все болѣе и болѣе Въ то время, какъ Московскій государь самовластно располагалъ средствами своей страны,—соперникъ его, при исполненіи своихъ намѣреній, нуждался въ помощи и согласіи сеймовъ, у которыхъ долженъ былъ выкупать эту помощь и согласіе уступками; долженъ былъ постоянно опасаться и гордаго прелата, который не преминетъ въ торжественномъ собраніи укорить короля за какую-нибудь мѣру, невыгодную для матеріальнаго благосостоянія духовенства, и могущественнаго вельможи, который не преминетъ поднять знамя возстанія при первомъ неудовольствіи, и, наконецъ, собственнаго войска, которое своевольствомъ своимъ не преминетъ испортить походъ.

Іоаннъ Московскій объявилъ, что онъ воленъ въ своихъ великихъ княжествахъ,—кому хочетъ, тому ихъ и отдастъ; по смерти Казимира Литовскаго, сынъ его, Александръ, писалъ князьямъ и панамъ Волынской Земли, что паны-рада великаго княжества Литовскаго заблагоразсудили оставить его, Александра, въ Литвѣ и на Руси для защиты отъ непріятеля на то время, пока не выберутъ великаго князя. Приглашая Волынцевъ на это избраніе, Александръ пишетъ имъ: „Вспомните, что вы поклялись отцу моему, въ случаѣ его смерти, признать господаремъ того изъ сыновей его, котораго ваша милость изберете вмѣстѣ съ панами - радою великаго княжества Литовскаго" [1]). Объ отношеніяхъ Литовскаго великаго князя къ панамъ своимъ раднымъ всего лучше можетъ свидѣтельствовать письмо его къ нимъ отъ 21 октября 1503 года касательно отпуска ногайскихъ пословъ: „Намъ кажется, пишетъ Александръ, что пословъ должно отпустить; но мы отдаемъ дѣло на разсужденіе и рѣшеніе вашей милости; какъ признаете за лучшее—отпустить ихъ или задержать,—такъ исдѣлаете, потому что мы безъ совѣта вашей милости ничего въ земскихъ дѣлахъ не дѣлаемъ" [2]).

Мы говорили уже о томъ, какая перемѣна въ отношеніяхъ великаго князя къ дружинѣ произошла въ Московскомъ государствѣ въ княженіе Іоанна III-го. Замѣчено было также, что въ два предшествовавшія княженія, Василія Димитріевича и Василія Темнаго, вступили въ службу великихъ князей Московскихъ многіе князья, Рюриковичи и Гедиминовичи, которые сохраняли на службѣ первенствующее положеніе, именуясь прежде бояръ: такимъ образомъ, старые московскіе боярскіе роды были оттѣснены отъ первыхъ мѣстъ княжескими родами. При Василіи Темномъ три изъ послѣднихъ занимали самое видное мѣсто: Патрикѣевы, Ряполовскіе и Оболенскіе; то же значеніе сохраняютъ двѣ первыя фамиліи и въ княженіе Іоанна III: къ нимъ съ самаго начала присоединяется еще княжеская фамилія—Холмскихъ, тверскихъ удѣльныхъ, вступившихъ въ службу въ московскую. Князь Иванъ Юрьевичъ Патрикѣевъ, большой намѣстникъ, наивысшій воевода московскій, и зять его, князь Ряполовскій, пали въ борьбѣ съ Софіею; но племянникъ Ивана Юрьевича, знаменитый ведрошскій побѣдитель, князь Даніилъ Васильевичъ Щеня, не подвергся опалѣ вмѣстѣ съ дядею. Послѣ паденія князя Ивана Юрьевича, его мѣсто, мѣсто воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, сынъ знаменитаго воеводы Даніила и зять великаго князя; а второе по немъ мѣсто занималъ Даніилъ Васильевичъ Щеня. Такимъ образомъ, князья продолжаютъ первенствовать и только третье мѣсто занимаетъ потомокъ старой знаменитой боярской фамиліи, Яковъ Захаровичъ Кошкинъ, воевода коломенскій [3]), котораго брата, Юрія За-

[1]) Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи, № 100, 101.

[2]) Тамъ же, № 206. См. Земскую привиллегію Александра 1492 года (Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich. p. 62); Nuncios seu oratores mittere debemus, consilio dominorum nostrorum... Census theloneorum, tabernarum et alii ex poenis et undecunque nobis provenientibus, recipiantur et reponantur in thesaurum nostrum. Nulla vero necessitate imminente dicti census, sine voluntate ipsorum, dominorum per nos, de thesauro tolli et recipi non debent.

[3]) Литовскій воевода Захаръ Ивановичъ Кошкинъ былъ смоленскій бояринъ. О фамиліи Смоленскихъ Кошкиныхъ см. Архивъ Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія, гдѣ въ числѣ боярынь, представлявшихся въ Смоленскѣ великой княжнѣ Еленѣ Іоанновнѣ, названа: Ивашкова жена Кошкина Маршалкина, вторая особа по назначенію мужей въ Смоленскѣ. См. также акты Западн. Россіи, I, № 192, стр. 320: «Списокъ смоленскихъ князей и бояръ кривдъ и шкодъ, што имъ починили и забрали помѣстчики и украинники В. К.

харовича, намѣстника новгородскаго, мы уже видѣли въ сношеніяхъ съ Яномъ Заберезскимъ, и въ мѣстническомъ спорѣ съ княземъ Щенею-Патрикѣевымъ, предъ Ведрошскою битвою. Этотъ споръ и его рѣшеніе важны для насъ опять, какъ доказательство первенствующаго положенія княжескихъ фамилій предъ боярскими: великій князь, рѣшая споръ въ пользу князя Щени, велѣлъ напомнить Кошкину, что прежде бояринъ Өедоръ Давыдовичъ уступалъ также первое мѣсто князьямъ [1]). Какое множество служилыхъ князей было во время Іоанна III,—видно изъ того, что между воеводами, участвовавшими въ Ведрошской битвѣ, упоминается одиннадцать князей и только пять именъ безъ княжескаго титула. Князья, вступивши въ службу къ великому князю Московскому или его удѣльнымъ, вошли въ составъ старшей дружины, боярства, и потому называются боярами: „Пожаловалъ я своего боярина, князя Василія Ромодановскаго“, говоритъ удѣльный князь Михаилъ Верейскій въ своей духовной [2]); подъ духовною Іоанна III читаемъ: „Тутъ были бояре мои: князь Василій Даниловичъ, да князь Данило Васильевичъ“. Несмотря на то, однако князья стоятъ выше бояръ; грамота бояръ московскихъ къ панамъ литовскимъ начинается такъ: „Отъ князя Василія Даниловича, воеводы московскаго, и отъ князя Даніила Васильевича, воеводы Великаго Новгорода, и отъ Якова Захарьича, воеводы коломенскаго, и отъ всѣхъ князей и отъ бояръ и отъ окольничихъ, рады (думы, совѣта) Іоанна, Божію милостію государя всея Руси, братіи и пріятелямъ нашимъ, Войтѣху, бискупу Виленскому, и Николаю Радивиловичу, воеводѣ виленскому“ и проч. [3]). Изъ членовъ древнихъ боярскихъ родовъ московскихъ, кромѣ Кобылиныхъ-Кошкиныхъ, въ княженіе Іоанна III находились на виду: изъ рода Акинфовыхъ упомянутый выше бояринъ Өедоръ Давыдовичъ, потомъ бояринъ Петръ Өедоровичъ Челяднинъ, оба двоюродные внуки знаменитаго Өедора Свибла отъ двоихъ братьевъ—Ивана Хромаго и Михаила Челядни; линія же самаго Свибла прекратилась по смерти бездѣтнаго сына его, Семена. Изъ фамилій, особенно выдававшихся при Василіи Темномъ, продолжаютъ имѣть значеніе—Басенокъ и Ощера, преимущественно послѣдній, пользовавшійся большою довѣренностію великаго князя и употреблявшій, по свидѣтельству лѣтописца, во зло эту довѣренность; одинакому нареканію подвергается Григорій Андреевичъ Мамонъ, котораго отецъ былъ можайскимъ бояриномъ; наконецъ съ важнымъ значеніемъ являются Ховрины, потомки греческаго князя Стефана, выѣхавшаго изъ Тавриды, бояринъ Владиміръ Григорьевичъ и сыновья его—Иванъ Голова и Дмитрій Владиміровичъ, казначей великокняжескій. Мы видѣли, что паны литовскіе, предполагая или желая предполагать въ Москвѣ такія же отношенія, какія существовали у нихъ, стали пересылаться о государственныхъ дѣлахъ съ боярами московскими; Іоаннъ допустилъ эту пересылку, ибо видѣлъ, что иногда она можетъ быть полезна, когда, напримѣръ, нужно было, по его выраженію, задрать Литовское правительство насчетъ какого-нибудь дѣла; но какъ онъ смотрѣлъ на эту форму, видно изъ рѣчи посла, отправленнаго имъ въ станъ къ сыну Димитрію: „Отецъ твой, господинъ, велѣлъ тебѣ сказать: прислала рада литовская къ нашимъ боярамъ грамоту, и я, противъ той грамоты, отъ своихъ бояръ написалъ къ литовской радѣ грамоту; а какову я грамоту къ нимъ писалъ, и я съ нея послалъ къ тебѣ списокъ, чтобъ тебѣ та грамота была вѣдома“ [4]).

Мы видѣли, какъ Іоаннъ III обошелся съ княземъ-бояриномъ, который рѣшился оставить его службу и перейти къ брату его, удѣльному князю; несмотря на то, въ договорѣ, заключенномъ по его приказанію между сыновьями его, старшимъ Василіемъ и вторымъ Юріемъ, внесено обычное условіе: „А боярамъ и дѣтямъ боярскимъ и слугамъ между насъ вольнымъ воля“. Но еще въ 1474 году употреблено было средство заставлять бояръ отказываться отъ своего права отъѣзда: это средство испытано было впервые, сколько намъ извѣстно, на одномъ изъ самыхъ знаменитыхъ бояръ-князей, Данилѣ Димитріевичѣ Холмскомъ, который уличенъ былъ въ какой-то, намъ неизвѣстной винѣ (быть можетъ въ покушеніи отъѣхать), отданъ подъ стражу, потомъ прощенъ и принужденъ дать на себя крестоцѣловальную запись, въ родѣ проклятыхъ грамотъ, которыя давались князьями во времена Темнаго: „Я, Данило Дмитріевичъ Холмской (говорится въ записи), билъ челомъ своему господину и господарю, великому князю Ивану Васильевичу за свою вину чрезъ своего господина Геронтія митрополита всея Руси и его дѣтей и сослужебниковъ епископовъ

Московскаго: Рославскаго повѣта, окольничаго Смоленскаго Ивана Кошкина дворъ, братанича его Ивашка Яковлевича дворъ».

[1]) Разрядн. книги Москов. Арх. Мин. И. Дѣлъ, № 1, стр. 82, 105: «А Юрью велѣлъ сказать (В. Князь), что въ Костромѣ были воеводы — въ большомъ полку князь Александръ Өедоровичь, а въ передовомъ полку князь Иванъ Стрига, въ сторожевомъ полку Өедоръ Давыдовичь».—Въ послужномъ спискѣ старинныхъ бояръ, напечатанномъ въ 1-мъ томѣ Трудовъ Вольнаго Россійскаго Собранія, сказано, что въ первый годъ княженія Іоаннова у него были только три боярина, оставшіеся послѣ отца: Михайло Борисовичъ Плещеевъ, кн. Ив. Юр. Патрикѣевъ и кн. Ив. Вас. Стрига-Оболенскій. Но на подлинной духовной Василія Темнаго, кромѣ князя Патрикѣева, видимъ еще троихъ бояръ, въ числѣ которыхъ нѣтъ ни князя Стриги, ни Плещеева, ни тѣхъ дворецкихъ и окольничаго, которые встрѣчаются потомъ въ Спискѣ. Чему же теперь больше вѣрить: подлинной духовной или Списку въ родѣ неофиціальныхъ Разрядныхъ книгъ и еще испорченному издателями Трудовъ, которые, говорятъ, что этотъ списокъ «при ономъ Собраніи сокращенъ такимъ образомъ, что изъ сего сокращенія, есть ли кто пожелаетъ, самой тотъ полной удобно возстановить и вновь сочинить можетъ?» что это за безсмыслица?

[2]) С. г. г. и д. I, № 121.

[3]) Акты, относ. къ истор. Западн. Россіи, I, № 192.

[4]) Тамъ же.

(слѣдуютъ имена). Господарь мой меня, своего слугу, пожаловалъ, нелюбье свое отдалъ. А мнѣ, князю Данилу, своему господарю и его дѣтямъ служить до смерти, не отъѣхать ни къ кому другому. Добра мнѣ ему и его дѣтямъ хотѣть вездѣ во всемъ, а лиха не мыслить, не хотѣть никакого. А гдѣ отъ кого услышу о добрѣ или о лихѣ государя своего и его дѣтей, и мнѣ то сказать въ правду по этой укрѣпленной грамотѣ, безхитростно. А въ томъ во всемъ взялся (поручился) по мнѣ господинъ мой Геронтій митрополитъ съ своими дѣтьми и сослужебниками. А стану я что думать и начинать вопреки этой моей грамотѣ, или явится какое мое лихо предъ моимъ господаремъ великимъ княземъ и передъ его дѣтьми, то не будь на мнѣ милости Божіей, Пречистой Его Матери, и Св. чудотворцевъ Петра митрополита и Леонтія епископа Ростовскаго и всѣхъ Святыхъ, также господина моего Геронтія митрополита и его дѣтей, владыкъ и архимандритовъ тѣхъ, которые за меня били челомъ, не будь на мнѣ ихъ благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій, а господарь мой и его дѣти надо мною по моей винѣ въ казни вольны. А для крѣпости я цѣловалъ крестъ и далъ на себя эту грамоту за подписью и печатью господина своего Геронтія митрополита всея Руси".—Но однихъ духовныхъ обязательствъ и ручательствъ было недостаточно;—Иванъ Никитичъ Воронцовъ обязался: если князь Данило отъѣдетъ или сбѣжитъ за его порукою, то онъ платитъ 250 рублей; пять свидѣтелей стояли при этомъ поручительствѣ; когда поручная кабала была написана и запечатана печатью Ивана Никитича, то послѣдній, ставши передъ княземъ Иваномъ Юрьевичемъ Патрикѣевымъ, объявилъ ему объ этомъ, и Патрикѣевъ приложилъ къ кабалѣ свою печать [1]).

Названіе бояръ введенныхъ и путныхъ сохраняется. Отъ временъ Іоанна III дошла до насъ любопытная жалованная грамота: „Се язъ великій князь Иванъ Васильевичъ пожаловалъ есмь Василья Остафьевича Ознобишу санничимъ въ путь, и вы бояре и слуги, и всѣ люди того пути чтите его и слушайте". Это извѣстіе показываетъ намъ, какое широкое и, потому, такъ теперь сбивчивое для насъ значеніе имѣло слово бояринъ. Извѣстіе объ этихъ мелкихъ боярахъ саннича пути показываетъ, что и на сѣверѣ были бояре, подобные западнорусскимъ путнымъ боярамъ, хотя здѣсь слово „путный", кажется, означаетъ дорожный, гонца, какъ послѣ и на сѣверѣ путные ключники, напримѣръ, значили просто—дорожные ключники; употребленіе слова „путный" въ разныхъ значеніяхъ—еще болѣе затемняетъ дѣло. О западно-русскихъ путныхъ боярахъ говорится въ уставахъ объ управленіи королевскихъ волостей 1557—1558 г.: „Бояре путные стародавные должны владѣть двумя волоками, съ которыхъ должны платить всѣ повинности, а на службу тяглую и въ подводы ходить не обязаны; но если по приказанію нашему поѣдутъ на дорогу, то въ этотъ годъ ничего не платятъ, а безъ нашей воли и указа урядники наши на дорогу ихъ никуда не посылаютъ". Кромѣ названій придворныхъ чиновъ, извѣстныхъ въ прежнее время, встрѣчаемъ названія: постельничаго, сокольничаго, ясельничаго, дьяка постельнаго. Послѣ присоединенія княжествъ и удѣловъ, дворы прежнихъ князей ихъ не сливались съ дворомъ великаго князя Московскаго, и потому видимъ раздѣленіе служилыхъ людей на дворъ великаго князя и на дѣтей боярскихъ городовыхъ. Великая княгиня, мать Іоанна III, имѣла свой дворъ, который во время похода присоединялся къ двору великокняжескому подъ особымъ своимъ воеводою [2]).

О богатствѣ князей-бояръ во время Іоанна III можемъ судить только по завѣщанію главнаго изъ нихъ, князя Ивана Юрьевича Патрикѣева; завѣщатель дѣлитъ между женою и двумя сыновьями недвижимое имущество, состоящее изъ двухъ слободъ, 29 селъ и 13 селецъ главныхъ, кромѣ селецъ и деревень, приписанныхъ къ селамъ; кромѣ того, луга и мѣста городскія; нѣкоторыхъ крѣпостныхъ людей отпускаетъ на волю, другихъ дѣлитъ между женою и сыновьями; между этими людьми находимъ названія: стрѣлка, трубника, дьяка, поваровъ, хлѣбниковъ, портныхъ мастеровъ, бронниковъ, садовниковъ, псарей, рыболововъ, мельниковъ, утятника, сокольника, огородника, плотника, серебрянаго мастера, истопника, страдниковъ. Завѣщатель упоминаетъ о своихъ купляхъ и объ отцовскомъ благословеніи. Относительно кормленій до насъ дошли любопытныя жалованныя грамоты, данныя Іоанномъ литовскому выходцу, пану Ивану Судимонту Кондратьевичу, получившему въ Москвѣ званіе боярина введеннаго; въ первой грамотѣ говорится: „Билъ мнѣ челомъ Яковъ Захарьевичъ, что вамъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не-съчего, и я князь великій Якова пожаловалъ городомъ Владиміромъ, а тебѣ придалъ другую половину Костромы, съ правдою (съ судомъ)". Потомъ Судимонтъ былъ пожалованъ городомъ Владиміромъ подъ княземъ Даниломъ Димитріевичемъ Холмскимъ [3]). О дачѣ помѣстій упоминается подъ 1500 годомъ въ лѣтописи, гдѣ сказано, что великій князь, по благословенію Симона митрополита, взялъ за себя въ Новгородѣ Великомъ церковныя земли владычни и монастырскія и роздалъ дѣтямъ боярскимъ въ помѣстья [4]); но въ одной разрядной книгѣ находимъ любопытное извѣстіе, что, по взятіи Новгорода, по государеву изволенію, распущены были изъ княжескихъ и боярскихъ дворовъ служилые люди, послужильцы, и помѣщены въ Вотской пятинѣ; здѣсь насчитывается такихъ новыхъ помѣщиковъ 47 родовъ. Въ извѣстіи объ окончательномъ покореніи Вятки говорится, что

[1]) С. г. г. и д. I, № 103 и 104.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 188. Никон. VI, 77. Акты Зап. Росс. I, стр. 307. Древн. Росс. Вивл. XV, 12.

[3]) Акты историч. I, № 110.

[4]) Никон. VI, 158.

великій князь земскихъ людей Вятчанъ посадилъ въ Боровскѣ и Кременцѣ и помѣстья имъ далъ [1]).

Таково было средство, употребленное для увеличенія числа ратныхъ людей. Кромѣ такъ называемыхъ служилыхъ людей, или старой дружины, бояръ, дѣтей боярскихъ и дворянъ, Іоаннъ III послалъ въ Казанскій походъ 1470 года московскихъ сурожанъ, суконниковъ, купчихъ людей и прочихъ всѣхъ Москвичей, которыхъ пригоже, по ихъ силѣ, и поставилъ надъ ними особаго воеводу, князя Оболенскаго При осадѣ Смоленска сыномъ великокняжескимъ Димитріемъ, видимъ въ московской рати посошныхъ людей, собранныхъ съ сохъ. Псковскій лѣтописецъ сообщаетъ намъ извѣстіе о наборѣ войска въ его родной области; въ 1480 году, по случаю войны съ ливонскими Нѣмцами, выставлено было съ четырехъ сохъ по копю и по человѣку; въ 1495 году, по требованію великимъ княземъ вспомогательнаго войска для Шведской войны, Псковичи собрали (срубили) съ десяти сохъ по конному человѣку; въ 1500 году, для войны Литовской, они брали съ 10 сохъ коня, съ сорока рублей коня и человѣка въ доспѣхѣ, а бобыли составляли пѣшій отрядъ; въ Псковской лѣтописи упоминается кованая рать; изъ иностранныхъ извѣстій узнаемъ только, что такъ назывались лучшіе конные полки [2]). Мы видѣли, что въ войнахъ Псковитянъ съ Нѣмцами участвовали также охочіе люди (нерубленые люди, охочій человѣкъ) изъ Псковской волости, и потомъ прихожіе люди, приходцы изъ другихъ областей. Въ московской рати упоминаются казаки [3]); наконецъ въ составъ русской рати обыкновенно входятъ полки татарскіе; кромѣ полковъ, приводимыхъ служилыми царевичами, Татары были, какъ видно, поселены въ разныхъ московскихъ волостяхъ; такъ, въ распоряженіяхъ объ отправкѣ посла въ Крымъ читаемъ: „Ѣхать съ Дмитріемъ Шеинымъ Татарамъ, провожать имъ Дмитрія въ Перекопь въ орду изъ Ростунова, Щитова, Коломны, Левичина, Сурожика, Берендѣева, Ижва“. Однихъ изъ этихъ Татаръ посолъ долженъ былъ отпустить, дать имъ волю, другихъ оставить съ собою „въ Перекопи на лежанье“ для вѣстей [4]).

По свидѣтельству Псковскаго лѣтописца, число московскаго войска, загородившаго дорогу Ахмату въ первое его нашествіе, простиралось до 180,000, растянутыхъ на полутораста верстахъ; число войска, посланнаго на защиту Пскова отъ Нѣмцевъ въ 1481 году, простиралось до 20,000; новгородской силы во время Шелонскаго боя было 40,000; столько же было московскаго войска на Ведрошской битвѣ, если вѣрить Стрыйковскому [5]). Войска ходили по-прежнему сухимъ путемъ и по рѣкамъ; такъ, въ 1470 году войска, назначенныя въ походъ на Казань, плыли изъ разныхъ мѣстъ къ Нижнему рѣками — Москвою, Клязьмою, Окою и Волгою; подъ 1467 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что войска отправились на Черемисъ изъ Галича 6 декабря и пошли лѣсами безъ пути, въ жестокіе морозы. Относительно продовольствія войскъ во время похода встрѣчаемъ слѣдующія извѣстія: при описаніи похода на Казань князя Стриги-Оболенскаго въ 1467 году говорится, что войска возвратились безъ успѣха, истомленныя, потому что осень была холодная и дождливая, корму начало недоставать, такъ что многіе ратные люди въ постные дни ѣли мясо, лошади мерли съ голоду. Во время втораго похода Іоанна III на Новгородъ, великій князь Тверской присылалъ сына боярскаго отдавать кормы по отчинѣ своей; потомъ уже, находясь подъ Новгородомъ, Іоаннъ велѣлъ всѣмъ воеводамъ посылать за кормомъ половину людей, а другую половину оставлять у себя; наконецъ, до насъ дошли грамоты Іоанна III, по которымъ запрещалось полкамъ, идущимъ въ походъ, останавливаться, брать кормы, подводы и проводниковъ по волостямъ, принадлежавшимъ Троицкому Сергіеву монастырю [6]). Изъ всего этого видимъ, что войска брали съѣстные припасы по мѣстамъ, по которымъ проходили. Изъ оружія упоминается огнестрѣльное: пушки, тюфяки и пищали [7]). При описаніи войнъ Псковичей съ Нѣмцами, мы уже видѣли, что Нѣмцы брали верхъ своимъ нарядомъ, или артиллеріею; при осадѣ городовъ псковскія пушки дѣйствовали не очень удачно: такъ, при осадѣ Нейгаузена, Псковичи били городокъ пушками, пустили въ него большою пушкою, но колода у нея вся изломалась и желѣза около разорвались, что заставило снять осаду [8]). Войска попрежнему состояли изъ пяти частей: большаго полка, правой и лѣвой руки, передоваго и сторожеваго полковъ. Еще сохранялся старый обычай браниться передъ битвою; предъ началомъ Шелонскаго сраженія „Новгородци по оной странѣ рѣки Шелони ѣздяще, и гордящеся, и словеса хулные износяще на воеводъ великаго князя, еще же окаяннiи и на самаго государя великаго князя словеса нѣкая хулная глаголаху, яко псы лаяху“ [9]). Мы видѣли, что Казанскій походъ 1469 года не удался отъ недостатка единства въ движеніяхъ, отъ недостатка подчиненности. Для введенія послѣдней, великій князь долженъ былъ прибѣгнуть къ строгимъ мѣрамъ; когда сынъ его, князь Димитрій, возвратясь изъ Смоленскаго похода, пожаловался отцу,

[1]) Разрядн. книга Бекетова у Карамз., VI, примѣч. 201. П. С. Р. Л. VI, 157; видимъ деревни за псарями, дьяками, подъячими, посельскими: С. г. г. и д. I, № 140.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 241. Histor. Russiae Monum. 1, 201. Jam Petrus Suyski exercitus Moschorum Ducum cum delectis equitum turmis ex fortissimis Moschoviæ municipiis evocatorum ex Troptensi, Pscoviensi, Novohrodensi et Lucensi, quam vulgo Kovana Raz id est ferratam aciem vocant Poloniam profectus et. c.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 188.

[4]) Крымскія дѣла, Посольство Шеина.

[5]) П. 310.

[6]) Акты арх. эксп. I, № 89, 98.

[7]) П. С. Р. Л. VI, 237.

[8]) Тамъ же, IV, 224.

[9]) Тамъ же, VI, 192.

что многія дѣти боярскія безъ его вѣдома отъѣзжали въ волости на грабежъ, его не слушались, то Іоаннъ велѣлъ этихъ ослушниковъ схватить, бить кнутомъ на торгу, и многихъ велѣлъ въ тюрьму бросить. Уже встрѣчаемъ извѣстіе и о мѣстничествѣ, какъ явленіи, препятствовавшемъ успѣху военныхъ дѣйствій; при описаніи Казанскаго похода, Архангельская лѣтопись говоритъ: „А воеводы судовой рати нелюбье держали между собою, другъ подъ другомъ идти не хотѣли". Привыкши защищаться отъ Нѣмцевъ въ крѣпкихъ стѣнахъ своего города и потомъ послѣ ухода непріятеля, мстить ему вторженіемъ въ его землю немногочисленными отрядами для опустошенія, Псковичи, какъ видно, не любили или не умѣли сражаться правильнымъ строемъ; объ этомъ можно заключить изъ слѣдующаго лѣтописнаго разсказа: „Погнались воеводы великаго князя и Псковичи, и нагнали Нѣмцевъ въ Очеровахъ на Могильникѣ; Нѣмцы обозъ (кошъ) своей поставили поодаль отъ себя и сказали: „Когда Русь ударится на кошъ, то мы воспользуемся этимъ и выйдемъ изъ Псковской Земли; если же ударится на насъ, то тутъ намъ сложить свои головы". Псковичи первые ударились на кошъ, за ними Москвичи, и начали между собою драться за нѣмецкое добро; Чудь, находившуюся при обозѣ, всю перебили; Нѣмцы въ это время напали на Московичей и Псковичей, и была съ ними сѣча, но небольшая. Князь псковскій Иванъ Горбатый началъ загонять Псковичей, чтобъ не ѣхали поодиначкѣ, и они всѣ по закустовью, и начали ему Псковичи прозвища давать — опремомъ и кормихномъ"[1]). При осадѣ городовъ били пушками, стрѣляли стрѣлами, приметывали приметъ; первымъ дѣломъ осажденныхъ было сжечь этотъ приметъ[2]).

Ахматъ въ оба нашествія свои не заставалъ Іоанна врасплохъ, что вѣроятно было слѣдствіемъ бдительности русскихъ сторожевыхъ отрядовъ, высылаемыхъ въ степи; Іоаннъ жаловался Казимиру, что русскіе люди ѣздили на поле оберегать христіанство отъ бусурманства, а литовскіе люди напали на нихъ изъ Мценска, Брянска и другихъ мѣстъ; потомъ жаловался, что Литовцы перебили московскихъ сторожей на Донцѣ, сторожей Алексинцевъ, сторожей на Шатѣ.

Относительно состоянія дружины, или военнаго служилаго сословія въ Руси Юго-Западной мы узнаемъ, что здѣсь въ описываемое время названіе дворянинъ уже получаетъ важное значеніе, какого въ Московской Руси не имѣетъ; такъ, въ жалованной грамотѣ великаго князя Александра 1499 года дворяниномъ называется знаменитый князь Василій Глинскій[3]). Отъ описываемаго времени дошелъ до насъ большой рядъ жалованныхъ великокняжескихъ грамотъ князьямъ, панамъ, боярамъ на временныя владѣнія, или на хлѣбокормленія, и на вѣчныя владѣнія городскими мѣстами и селеніями; въ грамотахъ обыкновенно говорится, что имѣнія эти даются самому пожалованному, его женѣ, дѣтямъ, будущимъ потомкамъ, вѣчно и непорушно, съ пашенными землями, бортными, подлазными, съ сѣножатьми, съ озерами и рѣками, съ бобровыми гонами, ѣзами, перевѣсьями, болоньями, ловами, съ данями грошовыми и медовыми, со всякими входами, приходами и платами (уплатами), съ землями пустовскими, съ млынами (мельницами), и съ ихъ вымалками, ставами и ставищами, съ рыбниками, съ рѣчками и потоками ихъ, съ колодезями, съ борами, лѣсами, гаями (рощами), дубравами и хворостниками, съ лядами и лядищами, съ данями куничными и лисичными, со всякимъ правомъ и панствомъ, съ мытами, явками, капщинами, со всѣми боярами и ихъ имѣніями, съ слугами путными и даньниками, съ слободичами, что на волѣ сидятъ[4]), съ людьми тяглыми, съ куничниками, лейтами, конокормцами. Въ Кіевской области княжата и панята, хотѣвшіе ѣхать въ чужіе края, должны были сказаться королю или его намѣстнику, и когда устроятъ въ своемъ имѣніи службу такъ, какъ бы она была при нихъ самихъ, тогда могутъ ѣхать, если только земской службы не будетъ; но въ непріятельскую землю ѣхать не могутъ. Кіевлянинъ, по королевскимъ грамотамъ, пользовался тою же честію, какъ Литвинъ, ничѣмъ передъ послѣднимъ не понижался; волости кіевскія держали только Кіевляне, по Кіевлянамъ король раздавалъ городки, кому хотѣлъ; князья, паны и бояре литовскіе, владѣвшіе имѣніями въ Кіевской Землѣ, обязаны были служить съ этихъ имѣній вмѣстѣ съ Кіевлянами сами, своими головами. Урядники коронные не имѣли права судить слугъ и людей княжескихъ, панскихъ и боярскихъ. Въ уставной Волынской грамотѣ говорится, что староста не смѣлъ срамить злыми словами князей, пановъ и землянъ, не смѣлъ казнить ихъ и сажать въ башню; но если кто изъ нихъ провинится, то староста извѣщаетъ короля и поступаетъ съ преступникомъ по королевскому наказу; если обвиненный потребуетъ суда королевскаго, то староста отпускаетъ его къ королю, назначивши срокъ, когда онъ обязанъ стать передъ послѣднимъ; князя, пана и земянина староста или намѣстникъ одинъ не судитъ, но имѣетъ при себѣ князей, пановъ и земянъ[5]).

Думаютъ, что относительно управленія при Іоаннѣ III послѣдовалъ переходъ отъ прежняго управленія посредствомъ только извѣстныхъ лицъ къ управленію—посредствомъ извѣстныхъ присутственныхъ мѣстъ, или приказовъ; думаютъ, что при Іоаннѣ III несомнѣнно должны были существовать приказы разрядный, холопій, житный, Нов-

[1]) П. С. Р. Л. IV, 276.
[2]) Тамъ же, стр. 240.
[3]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 164.

[4]) Это выраженіе лучше всего объясняетъ намъ значеніе слободы; см. Исторіи Россіи, т. III, стр. 704.
[5]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, т. I, № 75, 77, 81, 85, 91, 110, 128, 129, 133, 138, 158, 164, 171, 172, 181, 194, 195, 208, 218, 130; II, № 30, 54.

городскій [1]). Но ни въ одномъ памятникѣ, дошедшемъ до насъ отъ княженія Іоанна III-го, не упоминается о приказахъ; и если нѣкоторые приказы должны были явиться непремѣнно при Іоаннѣ III, то не понимаемъ, почему нѣкоторые изъ нихъ не могли явиться ранѣе, если уже не хотимъ обращать вниманія на молчаніе источниковъ; не знаемъ, почему, наприм., разрядный, холопій приказы не могли явиться ранѣе. По нѣкоторымъ извѣстіямъ, Іоанну приписывается раздѣленіе Россіи на три части—Владимірскую, Новгородскую и Рязанскую, и образованіе для каждой изъ нихъ отдѣльнаго приказа подъ названіемъ т р е т и. Но съ этимъ извѣстіемъ мы не можемъ согласиться, ибо Рязанское великое княжество не было присоединено еще при Іоаннѣ.

Въ городовомъ бытѣ Сѣверо-Восточной Руси произошло важное явленіе: главный представитель быта старыхъ русскихъ городовъ, Новгородъ Великій, приравнялся своимъ бытомъ къ городамъ Низовой Земли. Мы видѣли, какъ скудны были наши извѣстія о бытѣ Великаго Новгорода, какъ трудно было по этимъ извѣстіямъ составить о немъ ясное, опредѣленное понятіе; посмотримъ, нельзя ли будетъ теперь, при послѣднемъ столкновеніи Новгорода съ великимъ княземъ, дополнить нѣсколько наши свѣдѣнія о различіи между бытомъ Новгорода и бытомъ городовъ низовыхъ. Іоаннъ III потребовалъ отъ Новгородцевъ, чтобъ государство его было такое же въ Великомъ Новгородѣ, какое оно въ Низовой Землѣ, на Москвѣ; тогда Новгородцы просили, чтобъ великій князь объявилъ, какъ его государству быть въ Великомъ Новгородѣ, потому что Великій Новгородъ низовскаго обычая не знаетъ, не знаетъ какъ государь держитъ свое государство въ Низовой Землѣ. На это Іоаннъ отвѣчалъ: „Наше государство таково: вѣчевому колоколу въ Новгородѣ не быть, посаднику не быть, а государство все намъ держать". Итакъ бытъ Новгорода рознился отъ быта низовыхъ городовъ тѣмъ, что въ Новгородѣ былъ вѣчевой колоколъ, было вѣче, чего въ низовыхъ городахъ не было; слѣдовательно, если мы встрѣтимъ въ источникахъ, что въ томъ или другомъ низовомъ городѣ, даже въ самой Москвѣ, было вѣче, то это слово, означающее неопредѣленно всякое совѣщаніе, хотя бы даже между немногими лицами, потомъ означающее исключительно на сѣверо-востокѣ народное возстаніе, мятежъ,—это слово не должно вводить насъ въ заблужденіе, заставлять предполагать, что въ низовыхъ городахъ могло быть что-нибудь похожее на бытъ старыхъ городовъ, уцѣлѣвшій и, вѣроятно, сильнѣе развившійся въ Новгородѣ. Требованіе Іоанна, чтобъ въ Новгородѣ вѣчевого колокола не было, и потомъ извѣстіе, что вѣчевой колоколъ дѣйствительно былъ взятъ изъ Новгорода и отвезенъ въ Москву, очень важны; существованіе одного вѣчеваго колокола предполагаетъ существованіе одного правильнаго, обычнаго вѣча, созывавшагося по звону этого колокола лицами правительственными, княземъ, посадникомъ; слѣдовательно другія вѣча, созываемыя противниками князя или посадника, по звону другихъ колоколовъ, не на обычномъ мѣстѣ, не были собственно вѣчами, хотя, по неопредѣленности, обширности значенія слова, и называются такъ; въ нѣкоторыхъ спискахъ сказанія о Тохтамышевомъ нашествіи говорится, что и въ Москвѣ, по отъѣздѣ великаго князя „сотвориша вѣче, п о з в о н и ш а в о в с ѣ к о л о к о л ы, и сташа суймомъ народы мятежницы, крамольницы". Ясно, слѣдовательно, что вѣчей, или возстаній въ Москвѣ на людей, хотѣвшихъ бѣжать отъ Татаръ, въ Ростовѣ на Татаръ, въ Костромѣ, Нижнемъ, Торжкѣ—на бояръ, вѣчей, созываемыхъ всѣми колоколами, не должно, по одному тождеству названія, смѣшивать съ вѣчами Новгорода и другихъ старыхъ городовъ: Смоленска, Кіева, Полоцка, Ростова, гдѣ жители, по словамъ лѣтописца, какъ на думу, на вѣча сходились, и что старшіе рѣшали, на то пригороды соглашались [2]). Въ извѣстіяхъ о послѣднихъ минутахъ вѣчевого быта въ Новгородѣ, мы встрѣчаемъ другое, еще болѣе важное извѣстіе о б о л ь ш о м ъ вѣчѣ; при исчисленіи неисправленій новгородскихъ къ великому князю, лѣтописецъ говоритъ: „А на дворъ великаго князя, на Городище, съ б о л ь ш а г о вѣча присылали многихъ людей, а намѣстникомъ его, да и послу великаго князя лаяли и безчествовали" [3]). Если было большое вѣче, то было и малое, совѣтъ, засѣданіе правительственныхъ лицъ, въ противоположность большому всенародному вѣчу.

Въ Новгородѣ вѣчевой бытъ исчезъ; но онъ остался еще до времени во Псковѣ. И въ Псковской лѣтописи, вслѣдствіе частыхъ столкновеній вѣча съ усилившеюся властію великокняжескою, находимъ въ описываемое время бо́льшее число извѣстій о вѣчевомъ бытѣ, чѣмъ прежде. Мы видимъ распоряженіе вѣча въ 1463 году во время отсутствія князя-намѣстника: пришла вѣсть о нападеніи Нѣмцевъ,—и вотъ Зиновій посадникъ и Псковичи, услыхавши эту вѣсть, поставили вѣче, и дали на вѣчѣ воеводство Максиму посаднику и двумъ другимъ лицамъ. Нѣмцы ушли, — тогда посадники псковскіе и Псковичи начали думать, куда идти за ними. Пріѣхалъ князь-намѣстникъ, и опять встрѣчаемъ извѣстіе, что Псковичи дали на вѣчѣ воеводство посаднику Дороѳею; но, какъ видно, князь-намѣстникъ въ это время находился въ походѣ, ибо прежде было сказано, что онъ и посадники псковскіе начали собирать пригорожанъ и волостныхъ людей, и, собравшись Псковичи съ пригорожанами и со всѣми людьми, выступили въ походъ. Нѣмцы прислали бить челомъ о мирѣ—воеводѣ великаго князя, который приходилъ на по-

[1]) Неволина—Объ управленіи въ Моск. Гос. Жур. Мин. Нар. Пр., 1844 г.

[2]) См. т. IV, стр. 214.

[3]) П. С. Р. Л. VI, 93.

мощь Псковичамъ, князю-намѣстнику Псковскому и всему Пскову; воевода князь-намѣстникъ, посадники и весь Псковъ, подумавши, заключили миръ, послѣ чего нѣмецкіе послы цѣловали крестъ на вѣчѣ предъ воеводою великаго князя и предъ всѣмъ Псковомъ. Послы, отправленные Псковомъ въ Москву къ великому князю, по возвращеніи, отдавали отчетъ въ своемъ посольствѣ на вѣчѣ; такъ, посадникъ Максимъ, возвратясь въ 1464 году изъ Москвы, началъ править на вѣчѣ посольство: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему намѣстнику Псковскому князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову, отчинѣ своей повѣствуетъ" и проч. Также на вѣчѣ отдавали отчетъ на своемъ посольствѣ и послы, возвращавшіеся изъ Литвы [1]). Мы видѣли, что еще Василій Темный отнялъ у новгородскаго вѣча право давать грамоты безъ участія князя, т.-е. его намѣстника; во Псковѣ при Іоаннѣ мы видимъ, что вѣче распоряжается землями въ пользу той или другой церкви или монастыря, причемъ о князѣ-намѣстникѣ не говорится, хотя онъ находился въ это время въ городѣ; подъ 1471 годомъ читаемъ: „Посадники и весь Псковъ даша имъ на вѣчѣ тую землю и воду, и въ тыя часы бысть всему Пскову, еще и вѣче не поспѣло разойтися, скорбь и туга велика". Но въ 1476 году слобожане Кокшинской волости били челомъ князю-намѣстнику Ярославу, посадникамъ псковскимъ и всему Пскову, чтобъ позволили имъ поставить городъ, и Псковъ на вѣчѣ позволилъ и грамоту далъ. Когда, въ 1501 году, явились во Псковъ московскіе воеводы, но не хотѣли идти въ Нѣмецкую Землю безъ государева приказанія, то князь-намѣстникъ, посовѣтовавшись съ посадниками, боярами и Псковичами на вѣчѣ, послали трехъ гонцовъ въ Москву.

Такимъ образомъ, князь-намѣстникъ, посадники и вѣче являются во Псковѣ тремя нераздѣльными властями, къ которымъ обращались въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ, и которыя рѣшали эти дѣла по общему совѣту. Если вѣче избирало воеводъ, то князь-намѣстникъ вмѣстѣ съ посадниками собиралъ войска изъ пригородовъ и волостей. Новаго князя-намѣстника принимали честно: духовенство со крестами, посадники и весь Псковъ выходили къ нему на-встрѣчу, и сажали на княженіе въ Троицкомъ соборѣ, послѣ чего онъ цѣловалъ на вѣчѣ крестъ къ Пскову на суду, на пошлинныхъ грамотахъ и на всѣхъ старинахъ псковскихъ; не желая болѣе оставаться во Псковѣ, князь-намѣстникъ выходилъ на вѣче и слагалъ съ себя крестное цѣлованіе. Касательно посадниковъ во Псковѣ, иногда встрѣчаемъ извѣстія объ одномъ степенномъ посадникѣ, иногда о многихъ: такъ, подъ 1462 годомъ говорится, что заложили Псковичи новый Городецъ при князѣ псковскомъ Владимірѣ Андреевичѣ и при посадникѣ степенномъ Максимѣ Ларіоновичѣ; потомъ читаемъ, что въ 1463 году пріѣхалъ во Псковъ на княженіе князь Иванъ Александровичъ Звенигородскій при посадникѣ степенномъ Зиновіи Михайловичѣ; подъ слѣдующимъ годомъ говорится, что посолъ, возвратившись изъ Москвы, правилъ посольство такъ: „Князь великій Иванъ Васильевичъ всея Руси тебѣ своему намѣстнику князю Ивану Александровичу, посаднику степенному старому Юрію Тимоѳеевичу и старымъ посадникамъ, и всему Пскову отчинѣ своей повѣствуетъ". Здѣсь, не предполагая ошибки переписчика, выраженіе „степенному," „старому"—можно понимать такъ, что Юрій не въ первый уже разъ отправлялъ должность степеннаго посадника. Но подъ 1465 годомъ говорится, что князь-намѣстникъ и посадники степенные, Леонтій Макаровичъ и Тимоѳей Васильевичъ, заложили деревянную стѣну, послѣ чего постоянно говорится о посадникахъ степенныхъ, обыкновенно двоихъ, и говорится такъ, что не оставляетъ никакого сомнѣнія; напримѣръ: „И посадники псковскіе и со псковичи, а въ степени тогда былъ посадникъ Яковъ Аѳанасьевичъ Брюхатый да Василій Епимаховичъ, и учали сильно дѣяти надъ священники". Также ясно говорится о двоихъ посадникахъ степенныхъ въ правой грамотѣ Святогорскому монастырю и въ нѣкоторыхъ другихъ актахъ [2]). О тысяцкомъ во Псковѣ не упоминается, но упоминается о сотскихъ послѣ посадниковъ; напримѣръ подъ 1464 годомъ: „И цѣловалъ крестъ посадникъ Максимъ Ларіоновичъ, посадникъ Игнатій Логиновичъ и сотскіе"; или подъ 1472 годомъ, гдѣ говорится о мирѣ Пскова съ Новгородомъ: „А во Псковѣ посадникъ псковской Аѳанасій Юрьевичъ, и бояре псковскіе и соцкіе, и судьи тогда же и льняную грамоту подрали, вынувши изъ ларя, и была всѣмъ христіанамъ радость большая". Здѣсь между посадниками и сотскими видимъ бояръ; кто могъ достигать во Псковѣ боярскаго званія,—видно изъ извѣстія подъ 1477 годомъ: „Псковъ послалъ къ великому князю двухъ посадниковъ, а съ ними два боярина Опимаха Гладкаго да Андрея Иванова, сына Попова, раздьякона (т.-е. разстриженнаго дьякона)". Встрѣчаемъ извѣстіе о губскихъ старостахъ, которые упоминаются послѣ сотскихъ [3]). Касательно правительственнаго значенія городскихъ концовъ, отношенія ихъ къ пригородамъ, находимъ важное извѣстіе подъ 1468 годомъ: „Тойже веснѣ весь Псковъ подѣлиша по два пригорода на всѣ концы, коему же концу къ старымъ пригородамъ новыя жеребьемъ дѣлили, а имала жеребій князь Василей князя Ѳедора Юрьевича сынъ съ престола".

Объ устройствѣ низовыхъ городовъ въ княженіе Іоанна III мы имѣемъ очень мало извѣстій; упоминается о городовомъ сотникѣ, какъ чиновникѣ, распоряжающемъ городовыми постройками, имѣющемъ право тянуть окружныхъ крестьянъ во всѣ

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 239.

[2]) Тамъ же, стр. 269; Акты юридич., стр. 3; Акты Запад. Россіи, I, № 74.

[3]) Тамъ же, стр. 255.

пошлины [1]); въ Судебникѣ упоминается староста, глава посадскихъ людей, который вмѣстѣ съ лучшими горожанами присутствовалъ въ судѣ. Но довольно много извѣстій дошло до насъ отъ описываемаго времени о бытѣ городовъ Юго-Западной Литовской Руси. Въ маѣ 1494 года великій князь Александръ подтвердилъ кіевскимъ мѣщанамъ уставную грамоту отца своего Казимира [2]); по этой грамотѣ мѣщане не поднимали ничѣмъ пословъ польскихъ, московскихъ, валахскихъ, молдавскихъ, но поднимали только пословъ литовскихъ и ордынскихъ; не стерегли казны великокняжеской и воеводской, только въ случаѣ прибытія самого великаго князя въ Кіевъ обязаны были содержать при немъ стражу; не топили бани, не возили дровъ; коней, животины, овецъ и свиней по кіевскимъ дворамъ не сгоняли [3]); сѣна за рѣкою не косили, косили только одинъ день подъ боркомъ, скошенное должны были убрать, но въ городъ сѣна не возили ни откуда; плотовъ не сгоняли, на берегъ не волочили; плотинъ не сыпали, кромѣ одной плотинки подъ городомъ; въ облаву не ходили, города не рубили, не мостили городскаго моста, не платя однако слугамъ воеводскимъ посѣкирщины; плѣнниковъ не стерегли, не ѣздили на сторожу въ поле; вольно имъ было ѣздить въ боръ по дрова во всѣ стороны, также на болоньи и на островахъ за Днѣпромъ сѣно косить, чѣмъ мѣсто кормилось; если воевода поѣдетъ за двѣ мили отъ замка или на охоту, то подводъ ему не давали, давали только по снопу сѣна сокольникамъ воеводскимъ; мѣщане и слуги городовые съ послами въ Орду не ходили, вышегородскаго, чернобыльскаго, бѣлогородскаго и глевацкаго мыта не платили по всей Землѣ Кіевской [4]). Кто изъ мѣщанъ захочетъ выселиться въ другой городъ или мѣсто, тотъ долженъ продать недвижимое имущество, а съ движимымъ можетъ выѣхать въ какія хочетъ области великаго княжества Литовскаго, только не за границу. Для торговли вольно имъ ѣздить, кромѣ служилыхъ неданныхъ (неясачныхъ) людей; если придетъ вѣсть о приближеніи Татаръ, то имъ съ мѣста не ѣхать, если же поѣдутъ, то должны оставлять на свое мѣсто людей добрыхъ, которые могутъ за нихъ отправить великокняжескую службу. Кто возьметъ за себя мѣщанку съ домомъ,—тотъ обязанъ отправлять такую же службу, которая прежде отправлялась съ того дому. Кто изъ мѣщанъ одолжаетъ, тому вольно продать свой домъ для уплаты долга; но кто купитъ домъ,—тотъ обязанъ отправлять съ него такую же службу, какая отправлялась и прежде. На войну данные (ясачные) люди не ходили. Прежде воевода бралъ пеню съ тѣхъ, кто по ночамъ съ огнемъ сиживалъ; но теперь эти дѣла были отданы въ вѣдѣніе войта, который долженъ отвѣчать, если, по его несмотрѣнію, сдѣлается въ городѣ пожаръ.—Въ 1497 году кіевскій войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане били челомъ великому князю Александру, чтобъ освободилъ ихъ навсегда отъ мыта по всей вотчинѣ своей, Литвѣ, Руси и Жмуди, потому что они разорены отъ ежегодныхъ нападеній татарскихъ; великій князь исполнилъ ихъ просьбу [5]). Въ 1499 г. кіевскій воевода Димитрій Путятичъ жаловался великому князю, что мѣщане кіевскіе, какъ скоро получили нѣмецкое право, то отняли у воеводъ всѣ уряды и пошлины городскія. Вслѣдствіе этой жалобы дана была кіевскому войту и мѣщанамъ уставная грамота о воеводскихъ доходахъ, въ которой говорится: „Если купцы или казаки пріѣдутъ въ Кіевъ и станутъ на подворьи у какого-нибудь мѣщанина, то послѣдній обязанъ объявить о нихъ воеводѣ или намѣстнику, по старому обычаю; если же не объявитъ, то платитъ воеводѣ пеню. Если осмникъ, выбираемый воеводою изъ слугъ своихъ, застанетъ христіанина, мѣщанина или казака въ безнравственномъ дѣлѣ съ женщиною, то намѣстнику митрополичьему идетъ съ виновнаго урочная пеня, а воеводѣ копа грошей; если же осмникъ застанетъ въ такомъ дѣлѣ Турка, Татарина или Армянина, то воеводѣ съ виноватаго идетъ двѣнадцать копъ грошей. Казаки, ходящіе внизъ по Днѣпру до Черкасъ и дальше, должны со всякой своей добычи давать воеводѣ десятину. Если привезутъ въ Кіевъ рыбу, просольную и вялую, то осмникъ воеводинъ осматриваетъ ее и обмычиваетъ, и беретъ на городъ отъ бочки рыбы по шести грошей, а отъ вялыхъ и свѣжихъ рыбъ десятину; если же привезутъ осетровъ, то не смѣютъ ихъ продавать цѣликомъ, пока осмникъ не возьметъ отъ каждаго осетра по хребтинѣ, или отъ десяти осетровъ десятаго. Перекупщики, которые сидятъ въ рядахъ и торгуютъ хлѣбомъ и другими припасами, обязаны давать осмнику каждую субботу отъ товара по

---

[1]) Акты арх. эксп. I, 109: «Отъ князя Андрея Васильевича, въ Бѣжецкой Верхъ Городецкому Сотнику Панкѣ. Били ми челомъ Троицкіе старцы, а сказываютъ: что де велишь Присѣцкимъ деревнямъ крестьянамъ на Городецкомъ намѣстничей дворъ ставити и тянешь де ихъ во всѣ пошлины».

[2]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, 120.

[3]) «Маютъ то вѣдати Клеплицы а выбойники».

[4]) «Только коли пойдутъ суды нанизъ съ Кіева, и они маютъ давати корговщину, съ комяги по три гроши, водою, а не сухимъ путемъ; а коли прійдетъ съ Черкасъ водою рыба, ино тогды маетъ, пришодъ, осьмникъ обмытити рыбу на березѣ и свое десятое маетъ взяти, а што въ верху какая рыба прійдетъ, того на березѣ не обмычивати: маетъ осьмникъ мыта своего на торгу смотрѣти. А отъ капи съ корчмы давати имъ по полтрети копы грошей, а писчого грошъ; а взяти капъ на Боже нароженье, а опять на Божье же нароженье заплатити капъ, а рокъ минетъ, ино за дѣцкованьемъ взяти. А въ которомъ дому сами войтове живутъ, съ того дому капи не давати; а што коморы торговые у нихъ въ тыхъ же домѣхъ, съ того плату тожъ не давати. А мясники маютъ давати, по яловицы, на св. Петра день, на городъ. А съ икры мыта не давати; а отъ пресного меду съ посудины съ вѣка по полугрошку, а отъ колоды меду грошъ, а за носадку меду двѣ гроши. А свадебную куницу давати имъ шерстью; а не будетъ куницы шерстью, ино пять грошей за куницу».

[5]) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, т. I, № 149.

деньгѣ; а который человѣкъ новый захочетъ сѣсть въ рядахъ и торговать съѣстными припасами, такой долженъ дать осмнику куницу, двѣнадцать грошей. Если случится покража на берегу на рѣкѣ на такомъ разстояніи, что можно отъ берега палкой докинуть, то эту покражу судитъ осмникъ; также если кто украдетъ бѣлье, или женщина съ женщиною подерется, то такія дѣла судитъ осмникъ вмѣстѣ съ намѣстникомъ митрополичьимъ. Если купеческій возъ, выѣзжающій изъ Кіева и нагруженный товаромъ, обломится, съ одной стороны по Золотыя ворота, а съ другой по рѣку Почайну, то брать его на воеводу, потому что купцы нарочно нагружаютъ тяжело возы свои, чтобъ было ихъ меньше, и слѣдовательно чтобъ меньше платить пошлины. Лучники, кузнецы и сапожники должны давать воеводѣ луки, топоры и сапоги на Свѣтлое Воскресенье и на Рождество Христово.— Изъ этой грамоты объясняется для насъ должность осмника, которая, по всѣмъ вѣроятностямъ, была та же самая и въ старину, ибо осмникъ упоминается и въ Русской Правдѣ и въ лѣтописи между событіями XII вѣка; объясняется и пошлина осмничее, которую уже мы встрѣчали въ Сѣверо-Восточной Руси [1]).—Несмотря на то, что еще въ уставной грамотѣ 1494 года кіевскіе мѣщане были освобождены отъ подъема пословъ московскихъ и волошскихъ, въ 1503 году они подали великому князю Александру жалобу, что пословъ и гонцовъ московскихъ, волошскихъ, турецкихъ, перекопскихъ, заволжскихъ и другихъ ордынскихъ поднимаютъ, подводы подъ нихъ даютъ, коней и казну посольскую стерегутъ, въ Орду съ великокняжескими послами ходятъ, подъ воеводскихъ гонцовъ подводы даютъ; также отъ тіуновъ кіевскихъ терпятъ великія притѣсненія; жаловались, что въ Кіевѣ живутъ епископскіе, митрополичьи, воеводскіе, архимандричьи, княжескіе, панскіе, землянскіе, милославчане и другіе прихожіе люди, также разные ремесленники, перекупщики, рыболовы, въ Кіевѣ и поселяне торгуютъ, а службъ городскихъ съ мѣщанами не служатъ и податей не платятъ. Вслѣдствіе этой жалобы, великій князь писалъ къ кіевскому воеводѣ, чтобъ мѣщане были освобождены отъ посольскаго подъема и вынуты изъ тіунскихъ рукъ; также чтобъ пришлые люди участвовали во всѣхъ городскихъ повинностяхъ, въ противномъ случаѣ мѣщане могутъ ихъ грабить [2]).

Въ 1498 году Полоцкъ получилъ Магдебургское право съ опредѣленіемъ войтовскихъ доходовъ, а именно: третьяго пенязя отъ всѣхъ судныхъ пошлинъ, половины мясныхъ лавокъ, отдачи въ его вѣдомство винныхъ промышленниковъ и торговцевъ, съ освобожденіемъ мѣщанъ отъ подводъ, сторожъ, отъ мыта по всему княжеству Литовскому; съ правомъ построить всенародныя бани и растопу; въ городѣ должно быть всегда двадцать радцевъ, которыхъ избираетъ войтъ,—половину закона римскаго и половину греческаго; эти радцы вмѣстѣ съ войтомъ ежегодно выбираютъ двухъ бурмистровъ,—одного закона римскаго, а другого греческаго; Бурмистры вмѣстѣ съ войтомъ управляютъ общиною; переносъ дѣлъ отъ бурмистовъ и радцевъ допускается къ войту, но отъ войта переносъ дѣла можетъ быть только къ великому князю; войтъ можетъ рѣшить дѣло безъ бурмистровъ и радцевъ, но бурмистры и радцы безъ войта или лентъ-войта не могутъ ничего рѣшить. Полоцкъ обязанъ платить ежегодно 400 копъ грошей въ казну великокняжескую [3]). И въ Полоцкѣ, какъ въ Кіевѣ, послѣ полученія Магдебургскаго права, не обошлось безъ столкновенія между властію войта и властію намѣстника королевскаго, такъ что, въ 1499 году, великій князь Александръ долженъ былъ особою грамотою точнѣе опредѣлить отношенія этихъ властей: по этой грамотѣ тяжбы о землѣ между бояриномъ, мѣщаниномъ или путникомъ судитъ намѣстникъ съ старшими боярами полоцкими, по старому обычаю; въ случаѣ спора о границахъ земельныхъ, долженъ ѣхать намѣстникъ или бояръ послать; если пріѣдутъ послы изъ Новгорода, Пскова, изъ Лукъ Великихъ или отъ Нѣмцевъ ливонскихъ для рѣшенія обидныхъ дѣлъ земскихъ, то намѣстникъ съ старшими боярами, призвавши къ себѣ войта и старшихъ мѣщанъ (если дѣло будетъ касаться города), пословъ принимаетъ и отправляетъ, какъ было въ старину. Бояре имѣютъ право спускать въ Ригу по Двинѣ собственное жито, крупу, золу и смолу, не перекупая ни у кого; золу и смолу они должны добывать въ своихъ пущахъ, а не въ великокняжескихъ и не въ городскихъ. Если мѣщанину или путнику будетъ дѣло до боярина или до его человѣка, то судитъ намѣстникъ въ городѣ съ боярами, городскимъ правомъ, а войтъ и мѣщане должны быть при судѣ; если же боярину или великокняжескому человѣку, или боярскому человѣку будетъ дѣло до мѣщанина или до путниковъ, кромѣ споровъ о землѣ, то судитъ войтъ въ ратушѣ правомъ Нѣмецкимъ, а намѣстникъ съ великокняжескимъ человѣкомъ посылаетъ судью; если великокняжескій или боярскій человѣкъ будетъ виноватъ, то пеня съ него идетъ его господарю. Люди боярскіе, живущіе въ городѣ и на посадѣ (на мѣстѣ) на своихъ земляхъ и занимающіеся торговлею, должны вмѣстѣ съ мѣщанами платить всѣ подати, но войтъ и мѣщане не должны ихъ судить и въ право Нѣмецкое писать; также войтъ и мѣщане не должны принимать къ себѣ крѣпостныхъ людей боярскихъ и судить ихъ Нѣмецкимъ правомъ: судитъ ихъ намѣстникъ городскимъ правомъ.—Въ слѣдующемъ году Александръ почелъ за нужное исключить изъ Магдебургскаго права сельскихъ путниковъ и отдать ихъ въ вѣдѣніе намѣстника, потому что уменьше-

[1]) Исторія Россіи, т. III, стр. 703, пр. 2; т. IV. стр. 1163. Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 170.

[2]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 207.

[3]) Тамъ же, № 159.

ніе числа пригонныхъ людей оказалось вреднымъ для полоцкаго замка: но тутъ же было подтверждено, что люди, принадлежавшіе духовенству и боярамъ, также ремесленники и люди, заложившіеся за намѣстника, духовныхъ лицъ и бояръ, принадлежатъ къ Магдебургскому праву.

Въ 1499 году получилъ и Минскъ Магдебургское право, съ обязанностію платить ежегодно въ казну великокняжескую по шестидесяти копъ грошей; сравнивъ эту сумму съ суммою, платимою Полоцкомъ (400 копъ), увидимъ всю разницу въ богатствѣ двухъ городовъ.—Въ 1503 году князья, бояре и слуги, войтъ и мѣщане и Земля Витебская били челомъ великому князю Александру и объявили ему, что приходили злодѣи изъ Великаго Новгорода, покрали у нихъ церковь Богородицы, и вмѣстѣ съ другими вещами украли жалованную грамоту (привилей), полученную ими отъ короля Казимира. Александръ далъ имъ новую жалованную грамоту, подобную прежней; по ней Александръ обязался: не вступаться въ домы церковные, купли, безадщины и отмѣрщины витебскія; женъ силою замужъ не выдавать; въ духовныя завѣщанія не вступаться; на подводы коней у городскихъ людей и у сельскихъ путниковъ не брать; холопу и рабѣ не вѣрить; судовъ предковъ своихъ не посуживать; безъ изслѣдованія дѣла Видблянина не казнить; своихъ судныхъ приговоровъ не перемѣнять; казнить по винѣ; челобитья у Видблянъ принимать, не сажая ихъ черезъ поруку въ желѣза и не подвергая ихъ никакой мукѣ; отчинъ у нихъ не отнимать; въ села купленныя и поля не вступаться. Заочному обвиненію не вѣрить; кто станетъ на нихъ доносить, того имя объявить, а въ заставу нигдѣ Видблянъ не сажать; на войну быть всѣмъ Видблянамъ готовыми; по волости Витебской воеводѣ великокняжескому не ѣздить; поѣдетъ на охоту, то его по станамъ не дарить; сябровъ городскихъ въ пригонъ великокняжескій не гнать, ни въ подводы, ни на охоту; въ вѣсы витебскіе и локоть великому князю не вступаться, а кто провинится на вѣсахъ или на локтѣ, того Видблянамъ самимъ казнить по своему праву; у кого изъ Видблянъ забракуютъ (загудятъ) воскъ въ Ригѣ, и пріѣдетъ онъ въ Витебскъ, то Видблянамъ самимъ казнить виноватаго; великому князю Видблянъ не дарить никому; они освобождаются отъ мыта по всѣмъ владѣніямъ литовскимъ. Воеводу давать имъ по старинѣ, по ихъ волѣ: который воевода будетъ имъ нелюбъ, и обвинятъ они его передъ великимъ княземъ, то послѣдній даетъ имъ другого воеводу по ихъ волѣ; въ первый день пріѣзда своего въ Витебскъ, воевода цѣлуетъ крестъ Видблянамъ, что безъ суда не будетъ казнить ихъ ни за что по наговорамъ. Видбляне живутъ въ Витебскѣ добровольно, пока хотятъ, а кто не захочетъ, того силою не удержавать, путь ему чистъ, куда хочетъ; поѣдетъ прочь въ великокняжескую отчину, въ Литву не тайно, Св. Благовѣщенью челомъ ударивши, объявившись воеводѣ и своимъ братьямъ, мужамъ Видблянамъ, будучи воленъ во всемъ своемъ имуществѣ: можетъ продать его или отказать. Если Видблянинъ, пріѣхавши въ Литву къ великому князю, пожалуется на Видблянина, то великій князь безъ истца дѣтскаго изъ Литвы на обвиненнаго не шлетъ, хотя бы дѣло было о смертномъ убійствѣ, но даетъ жалобщику листъ къ воеводѣ, который судитъ по крестному цѣлованію, разсмотрѣвши дѣло съ князьями, боярами и мѣщанами, а осудивши, казнитъ въ Витебскѣ, по тамошнему праву. Великій князь не отнимаетъ выслуженнаго имущества у князей, бояръ, слугъ и мѣщанъ; мѣстичей витебскихъ изъ города не выводитъ вонъ. Кто изъ Литовцевъ или Поляковъ былъ крещенъ въ Витебскѣ въ Русскую вѣру и оставилъ потомковъ, тѣхъ не трогать, права ихъ христіанскаго ни въ чемъ не нарушать. — Сравнивши эту грамоту съ грамотами новгородскими, увидимъ общія черты быта городовъ старой Руси. При Александрѣ же получилъ Магдебургское право Волковыйскъ, Высокій, Бѣльскъ въ Землѣ Дрогичинской; войтовство въ послѣднемъ городѣ отдано было въ потомственное владѣніе данцигскому мѣщанину Гоппену.

Въ 1500 году, по просьбѣ старосты смоленскаго и всѣхъ мѣщанъ, Александръ освободилъ ихъ отъ мыта на пятнадцать лѣтъ; а въ 1502 освободилъ ихъ на шесть лѣтъ отъ серебщизны, ордынщины и другихъ податей вслѣдствіе разоренія мѣщанъ отъ гарнизона; встрѣчаемъ разныя льготныя грамоты, данныя и другимъ городамъ. Мы видѣли, какъ Псковичи рѣдко уживались съ намѣстниками великаго князя Московскаго; видимъ и жалобы западныхъ русскихъ городовъ, имѣвшихъ формы быта, подобныя Псковскимъ, на намѣстниковъ и другихъ урядниковъ великаго князя Литовскаго; такъ, жители Витебска жаловались на своего намѣстника, что когда кто-нибудь изъ нихъ, купивши медъ прѣсный, жито и рыбу, привезетъ въ Витебскъ въ свой домъ, то слуги намѣстничьи, отбивая замки, силою берутъ эти товары на намѣстника и денегъ за нихъ не даютъ; а которые хозяева брать не позволяютъ, тѣмъ намѣстникъ запрещаетъ продавать эти товары на мѣстѣ и такимъ образомъ разоряетъ ихъ; отъ каждаго струга, отправляющагося въ Ригу, беретъ по десяти грошей; когда шлетъ свою золу въ Ригу и велитъ тамъ мѣнять ее на соль, то на каждый мѣщанскій стругъ накладываетъ по мѣху своей соли; а кто изъ мѣщанъ не захочетъ брать этой соли,—съ того беретъ по десяти рублей грошей. Издавна мостили мостовую—каждый человѣкъ предъ своимъ дворомъ съ пяти топорищъ: такъ хотя бы мостовая была и нова, слуги намѣстничьи, ходя ночью, вздираютъ мостницы, и за то съ каждаго двора берутъ по грошу. Колоду новую намѣстникъ устроилъ, и слуги его за малыя вины сажаютъ жителей въ эту колоду, а на поруки не отпускаютъ. Мѣщане содержатъ стражу въ городѣ; слуги намѣстничьи заставляютъ этихъ сторожей вмѣсто крѣпости сторожить свои домы. Намѣстникъ полоцкій, Станиславъ Глѣбовичъ, сталъ нарушать Магдебургское право, данное Полочанамъ, на томъ основаніи, что

при этомъ правѣ ему нечѣмъ поживиться: присуды съ мѣщанъ всѣ отошли; великій князь запретилъ ему нарушать Магдебургское право, но далъ ему, для поживы, сельскихъ путниковъ въ городской присудъ [1]).

Относительно внѣшняго вида русскіе города вообще (кромѣ столицы Москвы) не измѣнились; встрѣчаемъ извѣстіе о постройкѣ деревянныхъ и каменныхъ укрѣпленій; деревянные города, или крѣпости получили Владиміръ, Великія Луки; мы упоминали уже о построеніи каменной крѣпости Иванъ-Города на ливонской границѣ. Новгородъ, послѣ паденія своего стараго быта, не потерялъ важнаго значенія для Московскаго правительства, оставался вторымъ городомъ въ государствѣ, и въ 1491 г. былъ построенъ въ немъ каменный дѣтинецъ. Для Псковичей опасность со стороны ливонскихъ Нѣмцевъ не прекратилась, потому не прекратились и старанія ихъ укрѣплять границы постройкою новыхъ городковъ и укрѣплять самый Псковъ постройкою новыхъ стѣнъ, возобновленіемъ, расширеніемъ старыхъ. Въ 1462 году они заложили на спорномъ мѣстѣ надъ Великимъ озеромъ Новый Городецъ, въ томъ же году и окончили его, строили мастера псковскіе съ волостными людьми (волощанами) и взяли за труды 90 рублей; въ же году заложили другой городъ Володимерецъ. Значительнѣе была постройка укрѣпленій въ самомъ Псковѣ: такъ въ 1465 году 80 человѣкъ наймитовъ начали строить укрѣпленія въ Кромномъ городѣ и строили три года за 175 рублей; подъ 1473 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Псковичи „около буя Св. Николы, въ Опочковскомъ концѣ, камнемъ одѣлавъ и врата каменные изрядивъ, садомъ и яблонями насадили“. — Благодаря дошедшей до насъ Переписной окладной книгѣ, мы можемъ имѣть довольно ясное понятіе о состояніи двухъ городовъ — Орѣшка и Корелы, и по нимъ судить о другихъ. Въ Орѣшкѣ видимъ: дворы на посадѣ лучшихъ людей своеземцевъ, гдѣ они живутъ сами; дворы городскихъ людей лучшихъ, дворы молодыхъ людей городчанъ; всѣхъ дворовъ внутри города и на посадѣ своеземцевыхъ и городчанъ лучшихъ людей и молодыхъ, тяглыхъ—139, людей въ нихъ 189 тяглыхъ; великокняжескаго оброка положено на нихъ 8 рублей денегъ; потомъ перечисляются на посадѣ и внутри города дворы своеземцевы, въ которыхъ живутъ дворники; такихъ дворовъ 17, а дворниковъ въ нихъ 18 человѣкъ, тянутъ дворники съ горожанами; далѣе перечисляются дворы великокняжескіе поземные; дворы нетяглые, гдѣ живутъ священники, дьяки и сторожа церковные; дворы, гдѣ живутъ великаго князя холопи—пищальники и воротники; наконецъ дворы пустые. Въ Корелѣ на посадѣ дворовъ своеземцевыхъ, и рядовыхъ людей, и рыболовлихъ лучшихъ и молодыхъ тяглыхъ—188 дворовъ, а людей въ нихъ 232 человѣка; оброка на нихъ положено $10^1/_2$ рублей; потомъ перечисляются дворы дѣтей боярскихъ и служилыхъ людей помѣщиковъ, дворы духовенства, пищальниковъ, воротниковъ. Относительно мѣръ общественной безопасности встрѣчаемъ подъ 1494 годомъ извѣстіе объ устроеніи въ Москвѣ по улицамъ рѣшетокъ. Въ Псковской лѣтописи подъ 1487 годомъ встрѣчаемъ слѣдующее любопытное извѣстіе: „Бысть въ Псковѣ градъ великъ надъ градомъ, какъ садовое яблоко, изъ тучи молніи блистанія, а взялись тучи съ озера; да на Крому костеръ загорѣлся, противъ лубянаго всхода, что снѣдь блюли собакамъ на ядь“. Можно подумать, что собаки содержались отъ города для общественной безопасности [2])

Сохраненіе русскими городами прежняго вида должно было вести попрежнему къ частымъ и опустошительнымъ пожарамъ. Въ 1468 году погорѣли въ Москвѣ на посадѣ восемь улицъ. Кремль уцѣлѣлъ, хотя и тяжко было внутри него; но черезъ годъ погорѣлъ весь Кремль, остались цѣлы только четыре двора. Черезъ годъ послѣ этого погорѣлъ посадъ; пожаръ начался въ третьемъ часу ночи и длился на другой день до обѣда; однѣхъ церквей сгорѣло 25; самъ великій князь ѣздилъ съ дѣтьми боярскими, гася и разметывая. Въ слѣдующемъ году погорѣлъ весь Кремль, едва отстояли большой дворъ великокняжескій, но митрополичій дворъ сгорѣлъ; въ сентябрѣ 1475 года погорѣлъ въ Москвѣ посадъ, въ октябрѣ—Кремль: загорѣлось въ четвертый часъ дня. Великій князь самъ пріѣхалъ со множествомъ людей, погасилъ пожаръ и поѣхалъ къ себѣ на дворъ обѣдать, какъ вдругъ въ половину стола пожаръ вспыхнулъ снова и сгорѣлъ чуть не весь городъ: едва уняли огонь въ третьемъ часу ночи; самъ великій князь являлся всюду, гдѣ было нужно со многими людьми. Въ 1488 году сгорѣло 42 церкви на посадѣ; въ 1493 весною погорѣлъ весь Кремль, а лѣтомъ 28 іюля былъ страшный пожаръ, и въ Кремлѣ и на посадѣ сгорѣло болѣе 200 человѣкъ: „лѣтописецъ и старые люди сказываютъ, какъ Москва стала, такого пожара въ ней не было“, записано въ дошедшей до насъ лѣтописи; потомъ упоминается о большомъ пожарѣ въ 1500 году. Мы не упоминаемъ о менѣе значительныхъ пожарахъ въ Москвѣ. Въ 1472 и 1482 годахъ были большіе пожары въ Новгородѣ; въ 1491 году погорѣлъ Владиміръ весь, и крѣпость, и посады; и въ томъ же году сгорѣло въ Угличѣ болѣе 500 дворовъ съ 15-ю церквами; въ 1493 погорѣли Кострома и Рязань [3]). Псковскій лѣтописецъ упоминаетъ объ осьми большихъ пожарахъ въ своемъ городѣ, и одинъ только разъ говоритъ о причинѣ пожара: поджегъ чухонецъ, подосланный Нѣмцами. Въ 1471 году былъ сильный пожаръ въ Вильнѣ: сгорѣло 400 дворовъ; король

[1]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 175, 185, 165, 204, 182, 199, 190, 196, 90, 197, 210, 147, 153; П. № 13. Вишневскаго: Pomniki historii i literat. polsk. IV. 97.

[2]) П. С. Р. Л. IV, 160, 161, 163, 221, 222, 229. 233, 240, 242, 247, 267; VI, 244.

[3]) Никон. подъ означенными годами.

Казимиръ со всѣмъ дворомъ и казною выбѣжалъ въ поле; но Русскій конецъ и русскія церкви остались цѣлы [1]).

Относительно сельскаго народонаселенія видимъ, что правительство заботится о строгомъ соблюденіи срока для перехода сельчанъ, именно Юрьева дня осенняго: крестьянъ, оставившихъ земли ранѣе этого срока, переселяютъ назадъ на прежнія жилища [2]). Въ договорной грамотѣ между рязанскими князьями переходъ сельчанъ подтверждается вмѣстѣ съ переходомъ дружины, чего не встрѣчаемъ въ другихъ грамотахъ [3]). Въ статьѣ Судебника Іоаннова: „О крестьянскомъ отказѣ" говорится: „Крестьянамъ отказываться изъ волости, изъ села въ село, одинъ срокъ въ году, за недѣлю до Юрьева дня осенняго и недѣля послѣ Юрьева дня осенняго. За пожилые дворы платятъ—въ поляхъ за дворъ рубль, въ лѣсахъ полтина. Если крестьянинъ поживетъ за кѣмъ годъ и пойдетъ прочь, то платитъ четверть двора; за два года платитъ полдвора; за три года—три четверти; за четыре—весь дворъ. Попрежнему даются льготы землевладѣльцамъ, населявшимъ пустыя земли; землевладѣльцамъ, населявшимъ свои пустыя земли, дается право суда надъ поселившимися у нихъ людьми, выключая обыкновенно суда уголовнаго; сами же землевладѣльцы подчиняются только суду князя или боярина введеннаго [4]). Изъ Переписной окладной книги Вотской пятины можно получить понятіе о размѣщеніи сельскаго народонаселенія и его отношеніи къ землевладѣльцамъ. Селъ и селецъ съ народонаселеніемъ отъ 15 до 120 душъ встрѣчаемъ очень мало; деревень съ народонаселеніемъ отъ 7 до 15 и свыше душъ также очень мало; обыкновенно деревни состоятъ изъ 1, 2, 3, 4 дворовъ съ 1, 2, 3, 4-мя душами. Какъ мы видѣли уже, при каждомъ селеніи, послѣ перечисленія крестьянъ, въ переписной книгѣ показывается, что съ нихъ идетъ землевладѣльцу и его ключнику; напр. деревня Вахоницы, Микулка Семеновъ, сынъ его Иванко, сѣютъ ржи четыре коробьи, а сѣна косятъ двадцать копенъ, обжа; доходу одна гривна и десять денегъ, а хлѣба треть, а ключнику двѣ лопатки бараньи, четверка ржи, четверка овса, четверка ячменя, деньга, овчина, сыръ, горсть льну.—Сельское народонаселеніе раздѣлялось на крестьянъ и поземщиковъ; крестьянами назывались занимавшіеся земледѣліемъ, а поземщиками—занимавшіеся другими промыслами: рыболовствомъ, звѣроловствомъ и т. д. Селенія, состоявшія изъ людей занимавшихся хлѣбопашествомъ, назывались **рядками**. Относительно происхожденія холопей находимъ статью въ Судебникѣ Іоанновомъ, которая повторяетъ положеніе Русской Правды съ нѣкоторыми впрочемъ распространеніями: „По полной грамотѣ холопъ, по тіунству и по ключу сельскому холопъ, съ докладомъ и безъ докладу, съ женою и дѣтьми, которые у одного господина; которые же дѣти живутъ за другимъ господиномъ или живутъ сами по себѣ, тѣ не холопи; по городскому ключу не холопъ; по рабѣ холопъ, по холопѣ раба, по приданной записи холопъ, по духовной холопъ. Если холопа полонитъ рать татарская, и онъ выбѣжитъ изъ плѣна, то свободенъ, и старому господину не холопъ".

Относительно быта сельскаго народонаселенія въ областяхъ литовскихъ видимъ, что нѣкоторыя волости освобождались отъ зависимости городоваго начальства; такъ, въ 1497 году, великій князь Александръ писалъ въ Торопецъ, чтобъ дань и тіунщина въ Старцевой волости сбирались волостнымъ старцемъ; чтобъ намѣстникъ Торопецкій за данью и тіунщиною въ эту волость не въѣзжалъ, не судилъ тамъ и не рядилъ: судитъ и рядитъ волощанъ старецъ ихъ, или **выѣзжій** великокняжескій, который выѣдетъ къ нимъ за данью или за какимъ-нибудь другимъ дѣломъ. Въ литовскихъ владѣніяхъ встрѣчаемъ пожалованія людьми: такъ, великій князь Казимиръ пожаловалъ князя Ивана Глинскаго, въ Стародубскомъ повѣтѣ, четырьмя человѣками съ ихъ землями пашными и бортными, сѣнокосами, рѣками, бобровыми гонами; воленъ князь Иванъ этихъ людей съ ихъ землями продать, подарить, промѣнять и вообще распорядиться какъ почтетъ для себя полезнѣе. Видимъ и переходъ вольныхъ сельчанъ; въ грамотѣ Александра тому же князю Глинскому на владѣніе сельцемъ Смолинымъ сказано: „На этомъ сельцѣ князь Александръ посадилъ людей вольныхъ прихожихъ; такъ если они не захотятъ служить ему, князю Ивану, то онъ обязанъ отпустить ихъ добровольно со всѣмъ ихъ имѣніемъ". Относительно перехода крестьянъ Бѣльской области грамотою великаго князя Александра узаконена важная мѣра: было опредѣлено, сколько дней крестьянинъ обязанъ былъ работать за извѣстный участокъ земли; опредѣлено, сколько отходящій крестьянинъ обязанъ заплатить землевладѣльцу, и прибавлено: „Если бы кто-нибудь изъ землевладѣльцевъ (землянъ), съ цѣлію посадить на своей землѣ большее число крестьянъ (кметей), захотѣлъ установить въ своей землѣ легчайшія работы и дани, къ общему вреду землевладѣльцевъ, таковой за нарушеніе великокняжескаго устава платитъ сто копъ грошей". Видимъ, что къ дво-

---

1) П. С. Р. Л. IV, 228, 229, 230, 231, 238, 239, 257, 270, 272.

2) Акты арх. эксп. I, № 83.

3) С. г. г. и д. I, № 127: «А бояромъ и детемъ боярскимъ и слугамъ и христьяномъ межъ насъ вольнымъ воля».

4) Акты арх. эксп. I, 95, 102, 111, 120, 132, 379; Акты истор. I, № 115. Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ грамоты полныя, наприм.: «Семенъ Васильевъ сынъ Сеславинъ купилъ Кондратка Ивашкова сына Ноугородца въ полницу себѣ и своимъ дѣтемъ; а далъ на немъ рубль денегъ Ноугородской. Отъ Петра Михайловича отъ намѣстника приходилъ приставъ Матѳѣйко. Отъ В. Князя Ивана Васильевича всея Русіи тамгу и осмничее взяли таможницы. Полную писалъ Чернецъ, Гавриловъ сынъ Паюсова, лѣта девять десять девятаго, Генваря. У полныя печать, писана въ кругу тамга В. Новгорода». Архивъ Историко-Юридич. свѣд., изд. Н. Калачовъ, книги второй половина первая.

рамъ великокняжескимъ принадлежала невольная челядь, и великіе князья отдаютъ эти дворы въ хлѣбокормленіе вмѣстѣ съ челядью невольною, житомъ, коньми, животиною, людьми путными и тяглыми, съ конюхами, рыболовами, землями пашными и проч. [1]).

Если мѣры, предпринимавшіяся правительствомъ для умноженія народонаселенія Сѣверо-Восточной Руси, и въ княженіе Іоанна III-го были тѣ же самыя, что и прежде, то относительно препятствій къ этому умноженію, относительно бѣдствій политическихъ и физическихъ должно замѣтить, что для областей, доставшихся Іоанну въ наслѣдство отъ отца, его правленіе было самымъ спокойнымъ, самымъ счастливымъ временемъ: татарскія нападенія касались только границъ; но этихъ нападеній было очень немного; вредъ, ими причиненный, очень незначителенъ; возстаніе братьевъ великокняжескихъ только напугало народъ; остальныя войны были наступательныя со стороны Москвы,—врагъ не показывался въ предѣлахъ постоянно торжествующаго государства Новгородъ и его область потерпѣли много: отъ двукратныхъ походовъ Іоанновыхъ; отъ мора, бывшаго слѣдствіемъ осады; отъ страшнаго мора въ 1467 году, когда въ одномъ Новгородѣ умерло болѣе 48,000 человѣкъ, а во всѣхъ пятинахъ слишкомъ 250,000 человѣкъ. Тверская область до присоединенія страдала нѣкоторое время отъ обидъ московскихъ, Рязанская была спокойна; Пскову попрежнему вредили опустошительныя войны съ Нѣмцами. О физическихъ бѣдствіяхъ—голодѣ и морѣ—въ собственно Московскихъ областяхъ лѣтописцы упоминаютъ два раза: подъ 1463 и 1464 годомъ; въ Псковѣ свирѣпствовала железа въ продолженіи двухъ лѣтъ, 1465 и 1466, и потомъ въ 1488 году; здѣсь же видимъ и дурной урожай въ 1485 году.

Отъ временъ Іоанна III дошли до насъ новыя извѣстія, новыя подробности о торговлѣ русской: узнаемъ: что изъ Москвы по рѣкамъ Москвѣ, Окѣ и Волгѣ ежегодно отправлялись суда въ Астрахань за солью; что купцы изъ московскихъ областей, именно изъ Москвы, Новгорода, Коломны, Можайска, Твери торговали въ Кафѣ и Царѣградѣ, въ Азовѣ, Токатѣ, и ѣздили оттуда за товарами чрезъ Литовскія владѣнія, потому что прямой путь степью былъ опасенъ и труденъ [2]); товары, вывозимые русскими купцами изъ Кафы, были: шелкъ, шелковыя и шерстяныя матеріи, шелковая тесьма, ширинки кисейныя, бумага хлопчатая, кушаки, сафьянъ, сабли, сагадаки, гребни, ожерелья, дорогіе камни, губки, ковры, жемчугъ, ладонъ, мыло, грецкіе орѣхи чиненые, инбирь, перецъ, миндаль, ревень, шафранъ, мускусъ, камфора, краски Потомъ купцы изъ московскихъ областей ѣздили въ литовскія, торговали въ Кіевѣ, Полоцкѣ, Вильнѣ, Путивлѣ и другихъ мѣстахъ, привозили сюда: мѣха бѣличьи, лисьи, бобровые, горностаевые, рысьи, выдровые, воскъ, медъ, шелковыя матеріи, шубы, однорядки, кожухи, епанчи, колпаки, шапки, однорядки новгородскія, свиты новгородскія, овчины, малыя овчинки, щиты, бубны сокольи, москательные товары. Русскіе купцы ѣздили въ Казань, казанскіе — въ Москву; изъ Кафы пріѣзжали въ Москву Армяне; изъ Орды Волжской попрежнему приходили купцы вмѣстѣ съ послами: однажды пріѣхало 3,200 купцовъ, которые привели въ продажу 40,000 лошадей. По свидѣтельству Контарини, въ Москву, во время зимы, съѣзжалось множество купцовъ изъ Германіи и Польши, для покупки разныхъ мѣховъ, соболей, волковъ, горностаевъ, бѣлокъ и рысей. И русскіе купцы ѣздили въ Крымъ человѣкъ по 120, кромѣ прислуги, возили товару иногда тысячъ на шестнадцать, иногда двое купцовъ торговали въ складчину, у обоихъ товаръ за-одинъ былъ, и потому назывались складниками; видимъ, что слово гость вовсе не означаетъ именно купца, торгующаго съ иностранными государствами, но просто значительнѣйшаго, богатѣйшаго купца, ибо въ числѣ заграничныхъ торговцевъ находимъ и купцовъ: такъ, Іоаннъ III, запрещая торговцамъ ходить въ Азовъ одним безъ посла, пишетъ: „Гостямъ и купцамъ нашимъ“. Относительно торговли псковской съ Нѣмцами узнаемъ, что послѣдніе въ мирныхъ договорахъ обязались не пускать во Псковъ пива и меду.

Для развитія внѣшней восточной торговли въ княженіе Іоанна III важно было то, что Казань долгое время находилась въ подчиненіи Москвѣ; это обстоятельство было тѣмъ болѣе важно, что съ остатками Волжской Орды, съ сыновьями Ахматовыми была постоянная вражда; окончательное подчиненіе Перми, разумѣется, облегчило московскимъ купцамъ торговлю съ странами Приуральскими. Дружба съ Крымскимъ ханомъ и начавшіяся, при его посредствѣ, сношенія съ Турціею освобождали, хотя и не всегда, московскихъ купцовъ отъ притѣсненій во владѣніяхъ султана; но мы видѣли, что удобный доступъ въ эти владѣнія зависѣлъ отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находилась Москва къ Литвѣ, ибо прямая дорога изъ Московскихъ владѣній въ Азовъ и Кафу черезъ степь была крайне опасна по причинѣ разбоевъ, производившихся такъ называемыми азовскими казаками, которые разбивали пословъ и шедшихъ съ ними купцовъ. Безопаснѣе былъ путь черезъ Литовскія владѣнія; но здѣсь, какъ мы видѣли уже, московскіе купцы подвергались частымъ притѣсненіямъ въ княженіе Казимира: мытники, которые были обыкновенно Жиды, увеличивали мыты вопреки договорамъ; мыты брались въ Кіевѣ, Чернобылѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ, Дорогобужѣ, Вязьмѣ, Гомьѣ, Колодничахъ, Вильнѣ, Новгородѣ-Сѣверскомъ, Радогощѣ, Трубчевскѣ, Брянскѣ, Минскѣ, Полоцкѣ, Люблинѣ. Іоаннъ посылалъ жаловаться Казимиру,

---

[1]) Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи. I, № 146, 133, 202, 218, 189.

[2]) Полемъ пути истомны. Дѣла Крымск. 1, стр. 35.— О торговлѣ съ Астраханью см. Іос. Барбаро въ Библіот. иностран. писателей о Россіи, стр. 57.

что прежде брали въ Вязьмѣ по грошу съ воза, а потомъ стали брать по деньгѣ; въ Волочкѣ Вяземскомъ прежде брали съ судна товарнаго по два гроша, а потомъ стали брать по три; въ Смоленскѣ прежде брали одинъ разъ тридцатое съ гостей, которые ѣхали въ Кіевъ и возвращались назадъ въ Москву, а потомъ стали брать два раза; прежде въ Смоленскѣ давали рядничему съ товарнаго человѣка по грошу, да старостѣ по грошу, а потомъ прибавили, и съ прислуги (робятъ людскихъ) стали брать по грошу, притомъ одинъ ли кто пріѣдетъ, самъ-ли-десятъ пріѣдетъ, берутъ на рядничаго по гривенкѣ перцу и столько же на старосту; въ Колодничахъ и Вильнѣ не брали прежде ничего, а потомъ стали брать. Пріѣхавши въ городъ, купцы обязаны были относить подарки воеводѣ и женѣ его. Кромѣ того, мытники и владѣльцы, чрезъ земли которыхъ купцы проѣзжали, грабили у нихъ товары [1]). Наконецъ купцы терпѣли отъ разбоевъ. При наслѣдникѣ Казимира, Александрѣ, въ то время, какъ онъ не находился въ войнѣ съ тестемъ, встрѣчаемъ мало жалобъ на притѣсненія московскихъ купцовъ въ Литвѣ; узнаемъ, что въ это время изъ Литвы запрещено было тамошнимъ правительствомъ вывозить серебро, а великій князь Московскій запретилъ ввозить въ свои владѣнія соль изъ Литвы, отъ Нѣмцевъ же въ Новгородъ шла не только соль, но и медъ.

При отсутствіи усобицъ, при кратковременной распрѣ Москвы съ Тверью и Новгородомъ, послѣ чего оба эти города съ ихъ областями присоединены были къ Москвѣ, внутренняя торговля при Іоаннѣ III должна была развиться сильнѣе, чѣмъ когда-либо прежде; встрѣчаемъ извѣстія о торгахъ, или ярмаркахъ; такъ, въ 1491 году великій князь перевелъ торгъ отъ Троицкаго монастыря въ городокъ Радонежъ; въ духовномъ завѣщаніи своемъ Іоаннъ III говоритъ: „Что я свелъ торгъ съ Холопья городка на Мологу, на тотъ торгъ пусть съѣжаются торговать, какъ было при мнѣ: сынъ мой Димитрій беретъ пошлины, какъ было при мнѣ, а лишнихъ пошлинъ не прибавляетъ; сынъ же мой Василій и другіе дѣти этого торга на свои земли не сводятъ и не запрещаютъ въ своихъ земляхъ на него ѣздить“. О внутренней торговлѣ встрѣчаемъ любопытное извѣстіе въ житіи Св. Даніила Переяславскаго, гдѣ говорится, что однажды Святому случилось увидать на рѣкѣ Трубежѣ большое судно, привязанное волосянымъ канатомъ къ берегу съ товарами тверскихъ купцовъ. По свидѣтельству Іосафата Барбаро, въ Москвѣ было такое изобиліе въ хлѣбѣ и мясѣ, что говядину продавали не на вѣсъ, а по глазомѣру. За одинъ маркъ (marchetto) можно было получить четыре фунта мяса, семьдесятъ куръ стоили червонецъ, гусь не болѣе трехъ марокъ. Зимою привозили въ Москву такое множество быковъ, свиней и другихъ животныхъ, совсѣмъ уже ободранныхъ и замороженныхъ, что за одинъ разъ можно было купить до двухъ сотъ штукъ. Жители, для поѣздокъ своихъ, особенно продолжительныхъ, избирали преимущественно зимнее время; лѣтомъ же никто не отваживался въ дальній путь по причинѣ большой грязи и множества мошекъ, порождаемыхъ окрестными лѣсами, почти вовсе необитаемыми.

По грамотѣ великаго князя Александра Литовскаго, въ Полоцкѣ были учреждены три двудневныя ярмарки въ году, во время которыхъ рижскіе

---

[1]) Московскій посолъ Еропкинъ жаловался Казимиру, что купцы новгородскіе, и между ними Демьянъ Фрязинъ, шли изъ-за моря чрезъ Литовскую Землю; Фрязинъ шелъ на великокняжеское имя и везъ для В. Князя коверъ да 8 зеренъ жемчугу, и тянуло въ томъ жемчугѣ 52 почки. На нихъ взяли въ Минскѣ непошлый мытъ, потомъ весь товаръ пограбили, взяли и деньги, придравшисъ, что вмѣсто ладона купцы продали смолу; велѣли купцовъ бить и мучить и деньги на нихъ брать за то, что Фрязинъ не продалъ ковра жиду мытнику. Московскій купецъ шелъ изъ-за моря чрезъ Литовскую Землю, и у него въ Смоленскѣ силою отняли кувшинъ орѣховъ грецкихъ чиненыхъ. Взяли у московскаго купца въ Смоленскѣ тридцать миткалей безъ трехъ жемчугу, а въ миткалѣ по 30 зеренъ безъ двухъ, да взяли жиковину золоту, да коверъ. Торговые люди Коломничи и Можаичи торговали въ Путивлѣ: у нихъ взяли медъ, бобровъ, почеревесей, выдръ, воскъ, горностаевъ, рысей, лисицъ, бѣлокъ, шелкъ, тафту, 15 изуфрей тяжелыхъ, краски, атласъ, епанчи бурскія, 40 орловъ перья. Великаго князя гости шли изъ Крыма: у нихъ пограблено между прочимъ 12 ларивониковъ цвѣтнаго шелку, 70 брусовъ мыла Халяпскаго, два косяка тафты ездинскія, да косякъ тафты бурскія, 130 ларивониковъ цвѣтнаго шелка Кафинскаго, 70 литръ бурскаго, двѣ камки куфтери Кафинскія червчатыя мелкій узоръ, 24 изуфи ангурскихъ тяжелыхъ, да 4 полсти бурскія епанечныя, а въ полсти по 4 епанчи, да 2 терлика Хандрячныхъ, да огабенъ объяри, да саблю черкаскую, да 2 тягиляя тафтяныхъ, да 3 сафьяныхъ червчатыхъ, да 3 сагадака, да бумажникъ, да одѣяло, да терликъ безипенъ, да коверъ, да 4 ширинки кисейны съ золотомъ, да два батмана перцу Кафинскихъ, да косякъ бези халипскія, десять литръ шелку токатскаго, три кальи краски, да два кантаря ладону, да рубль денегъ атманскихъ, два косяка фараузу шелковаго, 3 рубля кафинскихъ денегъ, четверть мскусу, 17 гривенокъ кардашу, 20 нюгъ шафрану, 6 почекъ алмазу, 8 жемчужковъ, 2 яхонта, портища муштандану, пять кипдяковъ темносинихъ, да поставъ епанечный, 20 нюгъ бумаги клубчатой, 10 рублевъ ордынскихъ денегъ, 30 аршинъ каймы, 50 нюгъ мыла, 5 ларивониковъ шелку артахозу, 4 почки мскусу, 3 косяка фараузу — 2 бурскаго, третій ездскаго, 20 аршинъ ожерелей кафинскихъ, 4 кантари камня фатиснаго, гривенку ревеню, да другую канфару. — Великаго князя человѣкъ Игнатъ Верблюдъ ѣхалъ изъ Кіева къ Смоленску и ночевалъ подъ Мстиславлемъ: тутъ его разбили на ночлегѣ, взяли у него полтретья камени гвоздики полтораста гривенокъ, да 30 гривенокъ кицилибуги, да полтретьянадцать гривенъ миндальныхъ ядеръ, кушакъ турскій, тафту турскую, гуню волошскую бѣлу; онъ жаловался княгинѣ Ульянѣ Мстиславской, та обѣщалась дать ему упраυу и не управила; потомъ за 30 верстъ до Смоленска, въ селѣ Ивановскомъ, велѣлъ его поймать панъ Иванъ Ильиничь и пограбить своему писарю, который и взялъ у него кувшинъ орѣховъ грецкихъ чиненыхъ; въ Смоленскѣ пограбили его мытники.—Въ Кіевѣ у русскихъ купцовъ взяли зерцала, батарлыки, наручи, наколѣнки.—Въ этихъ извѣстіяхъ бѣличьи мѣха различаются: бѣлка шувайская и устюжская.—Въ Крымскихъ дѣлахъ находимъ извѣстіе № 2, стр. 892, что у русскихъ купцовъ было пограблено, между прочимъ, полтретьядцать аршинъ шиды червчатыя, 37 литръ шелку артагазъ.

и другіе иностранные купцы могли покупать товары, какъ хотѣли; но въ обыкновенное время, кромѣ ярмарочнаго, иностранные купцы могли покупать товары только въ большомъ количествѣ, наприм. воскъ штуками не менѣе полуберковца, мѣха сорока́ми; не имѣли права покупать эти товары ни въ лѣсахъ, ни въ борахъ, ни въ селахъ, а только въ Полоцкѣ; продавать свои товары иностранные купцы опять могли только въ большомъ количествѣ. Изъ этой грамоты Александровой мы узнаемъ, что отпускная торговля Полоцка состояла въ воскѣ, мѣхахъ, золѣ и смолѣ, а привозная—въ сукнахъ, соли, пряныхъ кореньяхъ, миндалѣ, топорахъ, пилахъ, желѣзѣ, оловѣ, мѣди, цинкѣ, винѣ и пивѣ; по той же грамотѣ, рижскіе купцы могли торговать только въ Полоцкѣ и не смѣли ѣздить ни въ Витебскъ, ни въ Смоленскъ; изъ другой грамоты Александровой узнаемъ, что бояре полоцкіе отпускали въ Ригу хлѣбъ, крупу, золу и смолу.— Въ 1503 году, великій князь Александръ, по челобитью войта, бурмистровъ, радцевъ и всѣхъ мѣщанъ виленскихъ, позволилъ имъ построить у себя гостиный домъ, въ которомъ должны останавливаться гости—Москвичи, Новгородцы, Псковичи, Тверичи и другіе иноземные купцы, объявивъ о себѣ намѣстнику воеводину, потому что прежде гости останавливались въ мѣщанскихъ домахъ, безъ вѣсти пріѣзжали, безъ вѣсти и уѣзжали, такъ что между ними легко могли быть лазутчики и другіе лихіе люди. Въ Кіевъ, по свидѣтельству Контарини, съѣзжалось множество купцовъ изъ Великой Россіи съ различными мѣхами, которые они отправляли въ Кафу съ караванами [1]).

Благодаря торговлѣ, Новгородъ Великій былъ самымъ богатымъ, самымъ обширнымъ и самымъ великолѣпнымъ городомъ въ Сѣверо-Восточной Руси; Владиміръ, украшенный Боголюбскимъ и Всеволодомъ III-мъ, былъ разоренъ Татарами и послѣ не поднимался, переставъ быть мѣстопребываніемъ великокняжескимъ; Москва начала усиливаться не въ такое время, когда можно было думать о ея украшеніи, и потому до временъ Іоанна III-го представляла очень бѣдный видъ. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Москва сдѣлалась столицею обширнаго государства, средства великаго князя увеличились, и главное—онъ получилъ возможность въ тишинѣ, безпрепятственно употреблять эти средства для украшенія своего стольнаго города. При вступленіи на престолъ Іоанна, въ Кремлѣ, въ Вознесенскомъ монастырѣ, гдѣ хоронились великія княгини, виднѣлась недостроенная церковь: два раза двѣ великія княгини принимались ее строить—жена Донскаго, Евдокія, и жена сына его, Василія, Софья Витовтовна, но верхъ еще не былъ сведенъ; послѣ многихъ пожаровъ, камень обгорѣлъ, своды повредились; мать Іоанна, великая княгиня Марія, захотѣла окончить начатое предшественницами своими зданіе, долженствовавшее служить для нея также мѣстомъ погребенія, и поручила дѣло мастеру Василью Димитріеву Ермолину. Ермолинъ не сталъ разбирать всего стараго зданія, разобралъ только то, что было повреждено; обложилъ всю церковь снаружи новымъ камнемъ, да обожженнымъ кирпичемъ, свелъ своды и окончилъ строеніе; всѣ дивились этому необычайному дѣлу, говоритъ лѣтописецъ.

Но главнымъ украшеніемъ города считался соборный храмъ, и Москва менѣе всего могла похвалиться этимъ украшеніемъ. Соборная церковь Успенія, построенная при Калитѣ, уже успѣла такъ обветшать, что своды тронулись, и потому принуждены были подпереть зданіе толстыми деревянными столпами; надобно было думать о построеніи другой церкви, и вотъ, въ 1472 году, митрополитъ Филиппъ призвалъ двухъ мастеровъ—Кривцова да Мышкина, и спросилъ ихъ, возьмутся ли они построить церковь такую же, какъ Владимірскій соборъ Богородицы. Мастера взялись, и митрополитъ назначилъ большой сборъ серебра со всѣхъ священниковъ и монастырей на церковное строеніе, а бояре и гости добровольно давали деньги; когда серебро было собрано, приступили къ дѣлу, разрушили старую церковь и начали строить новую; но когда на третій годъ стали сводить своды,—зданіе рухнуло. Великій князь послалъ во Псковъ за тамошними мастерами, пришедшими изъ Нѣмецкой Земли; мастера пріѣхали, осмотрѣли рухнувшее зданіе, похвалили гладкость работы, но похулили известь, которая растворялась жидко, не клеевито, что и было главною причиною непрочности дѣла. Псковскимъ мастерамъ однако не дали поправить ошибку Кривцова и Мышкина; по всѣмъ вѣроятностямъ, Софія Ѳоминична, пріѣхавшая незадолго передъ тѣмъ въ Москву, уговорила мужа вызвать изъ Италіи болѣе надежнаго художника, и великій князь, отправляя въ Венецію Семена Толбузина, велѣлъ ему искать тамъ церковнаго мастера. Толбузинъ нашелъ въ Венеціи много мастеровъ, но только одинъ изъ нихъ согласился ѣхать въ Москву за десять рублей въ мѣсяцъ жалованья: то былъ болонскій уроженецъ Аристотель Фіоравенти; и его даже насилу отпустили съ Толбузинымъ. Аристотель привезъ сына Андрея и ученика Петра; осмотрѣвши старыя церковныя работы, и онъ похвалилъ гладкость ихъ, но сказалъ, что известь не клеевита и камень не твердъ, почему и объявилъ, что начнетъ все дѣлать снова; остатки прежняго строенія разбилъ стѣнобитною машиною—бараномъ; удивительное дѣло! говоритъ лѣтописецъ: три года дѣлали, а онъ меньше чѣмъ въ недѣлю развалилъ, не успѣвали выносить камень! Аристотель съѣздилъ и во Владиміръ; осмотрѣвши тамошнюю церковь, онъ похвалилъ ее и сказалъ: „Это работа какихъ-нибудь нашихъ мастеровъ“! Печь для обжи-

[1]) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Дѣла Польскія, № 1, Дѣла Крымскія № 1 и 2; памятники Дипломат. сношеній, т. I, стр. 96; Никон. VI, 58, 130, 172; П. С. Р. Л. IV, 151, 248, 256; Акты Запад. Россіи, I, № 159, 175; Виленскіе акты, № 13. Контарини въ Библіот. иностран. писат. о Россіи, стр. 21.

танія кирпича онъ устроилъ за Андроньевымъ монастыремъ, дѣлалъ кирпичи уже прежнихъ, но продолговатѣе и тверже; чтобъ разломить ихъ, нужно было прежде въ водѣ размачивать; известь также велѣлъ мѣшать густо, такъ что когда засохнетъ, то и ножемъ нельзя расколупать; для поднятія камней вверхъ Аристотель сдѣлалъ колесо; чудно было смотрѣть, какъ поднимали колесомъ камни, прицѣпивъ ихъ за веревку! Въ 1475 году началъ Аристотель свои работы, 1479 кончилъ. Освященіе соборной церкви Іоаннъ праздновалъ великолѣпно: велѣлъ раздать милостыню на весь городъ, угостилъ обѣдомъ митрополита, епископовъ, архимандритовъ и всѣхъ бояръ; на слѣдующій день митрополитъ и всѣ соборы (бѣлое духовенство) обѣдали у Государя въ средней горницѣ, а самъ великій князь стоялъ передъ ними и съ сыномъ своимъ. Всѣ соборы ѣли и пили на дворѣ великокняжескомъ семь дней. Но построеніемъ Успенскаго собора не ограничилась дѣятельность Аристотеля, ибо онъ былъ не только искусный м у р о л ь (архитекторъ), но умѣлъ также лить пушки и стрѣлять изъ нихъ, лить колокола, чеканить монету. Во время осады Новгорода, Аристотель построилъ подъ городищемъ мостъ на судахъ; во время похода подъ Тверь, Аристотель шелъ съ пушками; на монетахъ Іоаннова времени видна надпись: Aristoteles.

Но дѣятельности одного Аристотеля было недостаточно для удовлетворенія всѣмъ потребностямъ, которыя начинало чувствовать новорожденное государство Московское; посылая къ двору Императорскому Юрія Траханіота, Іоаннъ далъ ему наказъ: „Добывать великому князю мастеровъ: рудника, который руду знаетъ золотую и серебряную, да другого мастера, который умѣетъ отъ земли отдѣлять золото и серебро; если Юрій сыщетъ такихъ мастеровъ, то ему ихъ выпросить, а рядить ихъ, чтобъ ѣхали къ великому князю на наемъ, по скольку имъ въ мѣсяцъ давать за все про все; добывать также мастера хитраго, который бы умѣлъ къ городамъ приступать, да другого мастера, который бы умѣлъ изъ пушекъ стрѣлять, да каменьщика добывать хитраго, который бы умѣлъ палаты ставить, да серебрянаго мастера хитраго, который бы умѣлъ большіе сосуды дѣлать и кубки да чеканить бы умѣлъ и писать на сосудахъ“. Короля Максимиліана Юрій долженъ былъ просить, чтобъ послалъ къ великому князю лѣкаря добраго, который бы умѣлъ лѣчить внутреннія болѣзни и раны. У Венгерскаго короля Матвѣя Іоаннъ также просилъ рудознатцевъ, архитекторовъ, серебряныхъ мастеровъ, пушечныхъ литейщиковъ. Въ 1490 году великокняжескіе послы привезли въ Москву лѣкаря, мастеровъ стѣнныхъ, палатныхъ, пушечныхъ, серебряныхъ, и даже а р г а н н а г о и г р е ц а; въ 1494 году послы, ѣздившіе въ Венецію и Медіоланъ, привезли въ Москву Алевиза, стѣннаго мастера и палатнаго, и Петра пушечника; наконецъ подъ 1504 годомъ встрѣчаемъ еще извѣстіе о привозѣ послами новыхъ многихъ мастеровъ изъ Италіи. Одинъ изъ венеціанскихъ мастеровъ, Антонъ Фрязинъ, поставилъ на Москвѣ-рѣкѣ стрѣльницу, а подъ нею вывелъ тайникъ; Марко Фрязинъ поставилъ стрѣльницу на углу Беклемишевскую; Петръ Антонъ Фрязинъ поставилъ двѣ стрѣльницы,—одну у Боровицкихъ воротъ, другую у Константиноеленинскихъ, и построилъ часть стѣны отъ Свибловской стрѣльницы до Боровицкихъ воротъ, и провелъ стѣну до Неглинной; въ 1495 году великій князь велѣлъ сносить дворы и церкви за Москвою противъ города, и заложилъ стѣну каменную не по старой стѣнѣ, возлѣ Неглинной; между стѣною и дворами велѣно было оставить 109 саженъ пустого пространства. Въ послѣдній годъ жизни Іоанновой разобрали старый соборъ Архангельскій и заложили новый, неизвѣстно по плану какого архитектора. Мастера выписанные-было изъ Пскова для строенія Успенскаго собора, не остались безъ дѣла и послѣ пріѣзда Аристотелева; они построили Троицкій соборъ въ Сергіевѣ монастырѣ, соборныя церкви въ монастыряхъ московскихъ—Златоустовомъ и Срѣтенскомъ, Благовѣщенскій соборъ на дворѣ великокняжескомъ, церковь Ризъ Положенія—на митрополичьемъ.—Въ 1496 году поставлена была церковь Успенія въ Кирилловѣ Бѣлозерскомъ монастырѣ, ставили пять мѣсяцевъ, издержали 250 рублей; каменьщиковъ и стѣнщиковъ было 20 мастеровъ, изъ нихъ старшій—Прохоръ ростовскій.

Черезъ семь лѣтъ послѣ построенія Успенскаго собора, въ 1487 году, великій князь велѣлъ венеціанскому архитектору Марку заложить большую палату на своемъ дворѣ, гдѣ стоялъ теремъ; въ 1491 году она была готова: это была такъ называемая Грановитая палата, которая назначалась для торжественныхъ пріемовъ и собраній, а жилъ великій князь въ старомъ деревянномъ дворцѣ. Только въ слѣдующемъ 1492 году онъ велѣлъ разобрать этотъ деревянный дворецъ и поставить каменный за Архангельскимъ соборомъ, а самъ во время его постройки жилъ въ домѣ князя Патрикѣева; но въ слѣдующемъ же 1493 году этотъ новый дворецъ сгорѣлъ, такъ что великій князь принужденъ былъ на нѣкоторое время перебраться въ домы простыхъ людей къ Яузѣ, къ церкви Николы въ Подкопаевомъ; наконецъ, въ 1499 году онъ велѣлъ заложить дворецъ каменный, а подъ нимъ погреба и ледники на старомъ своемъ дворѣ, у Благовѣщенія, и вести стѣну каменную отъ двора своего до Боровицкой стрѣльницы; строителемъ былъ мастеръ Алевизъ изъ Медіолана. Митрополитъ Геронтій въ 1473 году поставилъ у двора своего ворота изъ обожженнаго кирпича, а въ 1477 году поставилъ палату кирпичную на четырехъ подклѣтяхъ каменныхъ; въ 1493 году митрополитъ Зосима поставилъ три кельи каменныя съ подклѣтями.—Въ 1471 году купецъ Тараканъ заложилъ себѣ кирпичныя палаты у Фроловскихъ воротъ; въ 1485 году трое вельможъ построили себѣ кир-

*

пичныя палаты. Церкви и палаты строили художники иностранные; церковная живопись оставалась въ рукахъ русскихъ мастеровъ; въ 1482 году Ростовскій владыка Вассіанъ далъ сто рублей мастерамъ иконникамъ—Діонисію, попу Тимоѳею, Ярцу и Коню, которые написали Деисусъ въ новую церковь Богородицы, и написали чудно вельми съ праздниками; тотъ же Діонисій написалъ икону Одигитріи въ Вознесенскій монастырь; упоминается также иконникъ Далматъ.

Изъ пушечныхъ мастеровъ, кромѣ Аристотеля, извѣстенъ былъ италіанецъ Павлинъ Дебосисъ, который въ 1488 году слилъ пушку большую. Мы видѣли, что великій князь вызывалъ изъ-за границы мастеровъ, умѣвшихъ находить руду и отдѣлять ее отъ земли: въ 1491 году Нѣмцы, Иванъ да Викторъ, нашли руду серебряную да мѣдную на рѣкѣ Цымнѣ, за полднища отъ рѣки Космы и за семь днищъ отъ рѣки Печоры.—Мы видѣли также, что Іоаннъ вызывалъ и лѣкарей; судьба послѣднихъ, сколько намъ извѣстно, была печальна въ Москвѣ. Лѣкарь Леонъ, родомъ Нѣмецъ, пріѣхавшій изъ Венеціи, обѣщалъ вылѣчить сына великокняжескаго, Іоанна Молодаго, обрекая себя въ противномъ случаѣ смертной казни; больной умеръ, и великій князь исполнилъ условіе: послѣ сыновнихъ сорочинъ велѣлъ отсѣчь голову лѣкарю; другой лѣкарь, Нѣмецъ Антонъ, котораго великій князь держалъ въ большой чести, лѣчилъ Татарскаго князя Каракучу, принадлежавшаго къ дружинѣ царевича Даньяра, и уморилъ его смертнымъ зельемъ на смѣхъ, какъ говоритъ лѣтописецъ; великій князь выдалъ лѣкаря сыну Каракучеву, который, получивъ его, хотѣлъ отпустить за деньги, но великій князь не согласился и велѣлъ его убить; тогда Татары свели Антона на Москву-рѣку подъ мостъ, зимою, и зарѣзали ножемъ, какъ овцу; Аристотель, видя, какой участи подвергаются иностранные мастера въ Москвѣ, испугался и началъ проситься домой; но великій князь велѣлъ его за это схватить, и, ограбивъ, посадить на дворѣ Антоновомъ [4]). Вызывая лѣкарей изъ-за границы, великій князь заботился о недопущеніи заразительныхъ болѣзней изъ-за границы: отправляя посломъ въ Литву Мамонова, Іоаннъ велѣлъ ему справиться: не пріѣзжалъ ли въ Вязьму изъ Смоленска ктонибудь больной тою болѣстью, что болячки мечутся и слыветъ французскою, и, говорятъ, будто бы въ винѣ ее привезли:

Наконецъ, говоря о матеріальныхъ средствахъ Московскаго государства при Іоаннѣ III-мъ, мы должны упомянуть о ямахъ, или почтахъ. Учрежденіе ихъ мы не можемъ приписать Іоанну: онѣ существовали прежде, и, безъ сомнѣнія, возникли сначала вслѣдствіе татарскихъ отношеній; въ завѣщаніи своемъ Іоаннъ говоритъ: „Сынъ мой Василій въ своемъ великомъ княженіи держитъ ямы и подводы на дорогахъ по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ онѣ были при мнѣ“. Изъ грамоты Новгородскаго владыки Геннадія къ митрополиту узнаемъ, что гонцы изъ Москвы въ Новгородъ пріѣзжали въ три дня.

Въ нравственномъ состояніи русскаго общества, и, вопервыхъ, въ сферѣ церковной, въ правленіе Іоанна III-го видимъ любопытныя явленія, относящіяся къ опредѣленію отношеній между властію церковною и гражданскою и къ стремленію улучшить нравственное состояніе духовенства и міряпъ. Въ 1464 году митрополитъ Ѳеодосій оставилъ митрополію и удалился въ Чудовъ монастырь; тогда великій князь послалъ за братьями своими, князьями удѣльными, за всѣми епископами, архимандритами и игумнами, и когда они собрались, то, изволеніемъ великаго князя, братьевъ его и всѣхъ епископовъ, избранъ былъ въ митрополиты Суздальскій епископъ Филиппъ; которые же епископы лично не присутствовали, тѣ прислали соизволительныя грамоты; такимъ же образомъ избраны были и преемники Филипповы—Геронтій и Симонъ; на поставленіи послѣдняго, когда совершилась божественная служба и приспѣло время возвести новопоставленнаго на митрополичье мѣсто, великій князь обратился къ нему съ такою рѣчью: „Всемогущая и Животворящая Святая Троица, дарующая намъ государство всея Руси, подаетъ тебѣ сей святый великій престолъ архіерейства, митрополіи всея Руси, рукоположеніемъ и священіемъ святыхъ отцевъ архіепископовъ и епископовъ нашего Русскаго царства. Отче! приими жезлъ пастырства и взыди на сѣдалище старѣйшинства святительскаго во имя Господа Іисуса Христа и Пречистыя Его Матери; моли Бога и Пречистую Его Матерь о насъ, о нашихъ дѣтяхъ, о всемъ православіи, и да подастъ тебѣ Господь Богъ здравіе и долгоденствіе на многія лѣта“! Дьяки запѣли: „Ис полла эти деспота“ митрополиту, который отвѣчалъ Іоанну: „Самодержавный владыко государь! Всемогущая и вседержащая десница Вышняго да сохранитъ богопоставленное твое царство мирно, да будетъ твое государство многолѣтно и побѣдительно со всѣми повинующимися тебѣ христолюбивыми воинствами и прочими народами; во вся дни живота твоего здравъ буди, добротворя на многа лѣта“. Дьяки пропѣли многолѣтіе великому князю.

Въ 1478 году великій князь вступился въ споръ, начавшійся между митрополитомъ Геронтіемъ и Ростовскимъ архіепископомъ Вассіаномъ по поводу Кириллова Бѣлозерскаго монастыря. Монахи этого монастыря, не желая быть подъ управленіемъ ростовскихъ архіепископовъ, просили своего удѣльнаго князя, Михаила Андреевича Верейскаго, взять ихъ подъ свое вѣдѣніе; князь обратился съ просьбою къ митрополиту, и тотъ далъ грамоту, по которой монастырь поступалъ въ вѣдѣніе князя Ми-

---

[4]) Никон. 130, 3, 37, 56, 59, 60, 106, 55, 59, 138, 91, 119, 122, 126, 127, 129, 133, 122, 129, 131, 157, 122, 125, 140, 171, 125; Лѣтоп., служ. продол. Нестору, стр. 317. П. С. Р. Л. VI, 194, 198, 199, 205, 206, 221, 235, 239, 191, 237, 233, 234, 237; Памятн. дипломат. снош. I, стр. 19, 21, 46, 165. Времен. Москов. Истор. Общ. кн. 8.

хаила, а Ростовскій архіепископъ лишался надъ нимъ всякой власти. Вассіанъ обратился сначала къ митрополиту съ просьбою, чтобъ не вступался въ его предѣлъ; когда же Геронтій его не послушалъ, то онъ обратился къ великому князю, прося суда съ митрополитомъ по правиламъ. Іоаннъ принялъ сторону архіепископа, но митрополитъ не послушалъ и его. Тогда великій князь послалъ взять у князя Михаила митрополичью грамоту и велѣлъ съѣзжаться въ Москву на соборъ всѣмъ епископамъ и архимандритамъ. Митрополитъ испугался соборнаго суда и упросилъ Іоанна потушить дѣло; великій князь помирилъ его съ Вассіаномъ, грамоту изодрали, и Кирилловъ монастырь перешелъ попрежнему въ вѣдѣніе Ростовскаго архіепископа.— Иначе кончился споръ, возникшій у великаго князя съ тѣмъ же митрополитомъ Геронтіемъ по поводу чисто церковнаго дѣла. Нашлись люди, которые наговорили Іоанну, что митрополитъ во время освященія Успенскаго собора поступилъ не по правиламъ, ходилъ съ крестами около церкви не по солнечному восходу. Великій князь разсердился, началъ говорить, что за это Богъ пошлетъ гнѣвъ свой; начались толки, розыски; въ книгахъ не нашли, какъ ходить во время освященія церкви, по солнцу, или противъ солнца; но рѣчей было много; одни говорили за митрополита, а другой говорилъ: „Я самъ видѣлъ, какъ на Святой горѣ освящали церковь; тамъ съ крестами противъ солнца ходили",—и былъ споръ большой, котораго не рѣшили Ростовскій владыка Вассіанъ и Чудовскій архимандритъ Геннадій, призванные великимъ княземъ. Митрополитъ въ доказательство своего мнѣнія приводилъ, что когда діаконъ кадитъ престолъ въ алтарѣ, то на правую руку ходитъ съ кадиломъ, а они говорили: „Солнце праведное Христосъ на адъ наступилъ, смерть связалъ и души освободилъ, для этого на Пасху исходятъ противъ солнца". Нашествіе Ахмата и смерть Вассіана Ростовскаго прекратили на время споръ; но, когда все успокоилось, онъ опять возобновился; митрополитъ, негодуя, что великій князь все держится мнѣнія его противниковъ, выѣхалъ изъ Кремля въ Симоновъ монастырь, оставивъ посохъ свой въ Успенскомъ соборѣ и взявши съ собою только ризницу; онъ говорилъ, что если великій князь не пріѣдетъ къ нему, не добьетъ челомъ и спора не прекратитъ, то онъ окончательно оставитъ митрополію и будетъ жить въ кельѣ, какъ простой монахъ. Много между тѣмъ было выстроено новыхъ церквей, которыя оставались безъ освященія вслѣдствіе нерѣшеннаго дѣла о томъ, какъ ходить съ крестами; всѣ священники и книжники, иноки и міряне держали сторону митрополита, за великаго князя стояли только преемникъ Вассіана. Ростовскій владыка Іоасафъ, родомъ изъ князей Оболенскихъ, да Чудовскій архимандритъ Геннадій. Видя на своей сторонѣ такое меньшинство, великій князь послалъ къ митрополиту въ Симоновъ сына своего съ просьбою возвратиться, но митрополитъ не послушалъ; тогда великій князь поѣхалъ самъ бить челомъ, объявилъ себя виноватымъ, обѣщалъ впередъ во всемъ слушаться митрополита, и тотъ возвратился въ Москву на свой столъ. Случай скоро далъ ему и другое торжество надъ противникомъ его, Геннадіемъ, архимандритомъ Чудовскимъ: въ 1482 году крещенскій сочельникъ пришелся въ воскресенье, и Геннадій позволилъ братіи пить богоявленскую воду поѣвши. Митрополитъ, узнавши объ этомъ, послалъ схватить Геннадія и привести къ себѣ; тотъ убѣжалъ къ великому князю; тогда митрополитъ самъ пошелъ къ великому князю съ жалобами: обвинялъ Геннадія вопервыхъ въ томъ, что поступаетъ самовольно, разрѣшаетъ такія важныя вещи, не спросясь митрополита; вовторыхъ, обезчестилъ такую священную воду. Великій князь выдалъ его митрополиту, и тотъ велѣлъ сковать Геннадія и посадить въ ледникъ подъ палату; великій князь съ боярами упросилъ однако митрополита смиловаться надъ преступникомъ, приводя въ примѣръ милосердіе митрополита Іоны, уже теперь прославленнаго чудесами, надъ Ростовскимъ владыкою Θеодосіемъ, дерзнувшимъ разрѣшить мясо въ богоявленскій сочельникъ. Черезъ два года послѣ этого происшествія Геронтій заболѣлъ, рѣшился оставить митрополію, и опять уѣхалъ въ Симоновъ монастырь; великій князь, какъ видно, былъ доволенъ этимъ, и уже назначилъ ему въ преемники Паисія, благочестиваго игумена Троицкаго; но Геронтій, выздоровѣвши, захотѣлъ опять на митрополію: тщетно великій князь посылалъ къ нему Паисія уговаривать остаться при прежнемъ намѣреніи; Геронтій не соглашался и нѣсколько разъ убѣгалъ изъ монастыря въ Москву, но его перехватывали на дорогѣ. Соблазнъ былъ большой; великій князь началъ совѣтоваться съ Паисіемъ, можно ли взять Геронтія опять на митрополію. Паисій объявилъ, что можно, и объявилъ также, что самъ никогда не согласится быть митрополитомъ; онъ, по принужденію великаго же князя, согласился быть и Троицкимъ игуменомъ, и скоро потомъ оставилъ игуменство, потому что не могъ превратить чернецовъ на Божій путь, на молитву, постъ, воздержаніе; они хотѣли даже убить его, потому что между тамошними монахами были бояре и князья, которые не хотѣли повиноваться ему. Великій князь, лишившись надежды видѣть Паисія на митрополіи, согласился на вступленіе Геронтія опять въ должность; а въ слѣдующемъ 1485 году Геннадій Чудовскій посвященъ былъ въ архіепископы Новгороду Великому.

Здѣсь Геннадій нашелъ явленіе, которое грозило Русской Церкви большею опасностію. Въ половинѣ XV вѣка, а можетъ-быть и ранѣе, въ Кіевѣ явилась ересь, какъ видно, смѣсь іудейства съ христіанскимъ раціонализмомъ, отвергавшая Таинство Св. Троицы, Божество Іисуса Христа, необходимость воплощенія, почитаніе угодниковъ Божіихъ, иконъ, монашество и т. д. Глава, или членъ общества кіевскихъ еретиковъ, Жидъ Схарія, пріѣхалъ

изъ Кіева въ Новгородъ вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ Олельковичемъ. Неизвѣстно, зачѣмъ собственно пріѣхалъ онъ въ Новгородъ,—для распространенія ли ереси, или по дѣламъ торговымъ; неизвѣстно, долго ли оставался; извѣстно только то, что онъ съ помощію пятерыхъ сообщниковъ, также Жидовъ, насадилъ въ Новгородѣ свою ересь. Первыми учениками Схарія здѣсь были два священника,—Діонисій и Алексѣй; какъ во время стригольничества, наружное благочестіе первыхъ еретиковъ обратило на нихъ вниманіе народа и содѣйствовало быстрому распространенію ереси; еретики старались получить священническія мѣста, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на своихъ духовныхъ дѣтей; если видѣли человѣка, твердаго въ православіи, передъ такимъ и сами являлись православными; передъ человѣкомъ, обличающимъ ересь, они и сами являлись строгими ея обличителями, проклинали еретиковъ; но гдѣ видѣли человѣка слабаго въ вѣрѣ, тутъ были готовы на ловлю. Еретики отличались ученостію, имѣли книги, какихъ не было у православнаго духовенства, которое потому и не могло бороться съ еретиками. Геннадій писалъ къ Ростовскому архіепископу Іоасафу: „Есть ли у васъ въ Кирилловѣ монастырѣ, или въ Ѳерапонтовѣ, или на Каменномъ книги: Сильвестръ папа Римскій, Слово Козьмы пресвитера на ересь Богомиловъ, Посланіе Фотія патріарха къ Болгарскому царю Борису, Пророчества, Бытія, Царствъ, Притчи, Менандръ, Іисусъ Сираховъ, Логика, Діонисій Ареопагитъ, потому что эти книги у еретиковъ всѣ есть“. Положеніе Новгорода во время окончательной борьбы съ Москвою и непосредственно послѣ нея не давало его церковному правительству возможности обратить надлежащее вниманіе на ересь. Слава благочестивой жизни и мудрости двухъ главныхъ еретиковъ новгородскихъ, Діонисія и Алексѣя, достигла дотого, что обратила на нихъ вниманіе великаго князя, когда онъ пріѣхалъ въ Новгородъ въ 1480 году, и оба они взяты были въ Москву: одинъ былъ сдѣланъ протопопомъ въ Успенскій, другой—священникомъ въ Архангельскій соборы. Здѣсь они скоро распространили свое ученіе и между людьми извѣстными, могущественными по своему вліянію; въ числѣ принявшихъ это ученіе были Симоновскій архимандритъ Зосима, славный своею грамотностію и способностями дьякъ Ѳедоръ Курицынъ съ братомъ Иваномъ Волкомъ, невѣстка великаго князя, Елена, мать наслѣдника престола. Іоаннъ зналъ, что эти люди держатъ новое ученіе, но, по характеру своему, не спѣшилъ принять рѣшительныхъ мѣръ,—ждалъ, пока дѣло объяснится, особенно видя приверженность къ новому ученію людей, которыхъ не могъ не уважать въ томъ или другомъ отношеніи.

Новгородскій владыка Ѳеофилъ, по извѣстному намъ уже положенію его, не могъ обратить должнаго вниманія на еретиковъ въ своей паствѣ; еще менѣе могъ сдѣлать это преемникъ Ѳеофила, Сергій; но Геннадію скоро случай открылъ глаза; съ распространеніемъ ереси въ числѣ ея приверженцевъ, разумѣется, нашлись люди, которые уже не отличались такою чистотою поведенія, какъ первые еретики, или уже не считали болѣе нужнымъ притворствовать. Геннадію донесли, что нѣсколько священниковъ, въ пьяномъ видѣ, наругались надъ иконами; архіепископъ немедленно далъ знать объ этомъ великому князю и митрополиту, нарядилъ слѣдствіе, обыскалъ еретиковъ и отдалъ ихъ на поруки; но они убѣжали въ Москву; Геннадій отправилъ туда слѣдственное дѣло. 13 февраля 1488 года онъ получилъ отъ великаго князъ такую грамоту: „Писалъ ты ко мнѣ и къ митрополиту грамоту о ересяхъ, о хулѣ на Христа Сына Божія и на Пречистую Его Богоматерь, и о поруганіи Св. иконъ, что въ Новгородѣ нѣкоторые священники, дьяконы, дьяки и простые люди жидовскую вѣру величаютъ, а нашу вѣру православную Христову хулятъ, и списокъ этихъ ересей прислалъ ты къ намъ; я, съ своимъ отцомъ митрополитомъ, епископами и со всѣмъ соборомъ, по твоему списку разсудили, что попъ Григорій Семеновскій, да попъ Герасимъ Никольскій, да Григорья попа сынъ, дьякъ Самсонка, по правиламъ царскимъ, заслужили гражданскую казнь, потому что на нихъ есть свидѣтельства въ твоемъ спискѣ, а на Гридю дьяка борисоглѣбскаго въ твоемъ спискѣ свидѣтельства нѣтъ, кромѣ свидѣтельства попа Наума. Поповъ—Григорья, Герасима и дьяка Самсонку я велѣлъ здѣсь казнить гражданскою казнью (ихъ били по торгу кнутомъ) и послалъ ихъ къ тебѣ: ты созови соборъ, обличи ихъ ересь и дай имъ наставленіе; если не покаются, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ, которые казнятъ ихъ гражданскою же казнію; Гридя дьякъ къ тебѣ же посланъ; обыскивай его тамъ, обыскивай вмѣстѣ съ моими намѣстниками и другихъ, которые написаны въ твоемъ спискѣ; если найдешь ихъ достойными вашей казни церковной, то распорядись самъ, какъ знаешь; если же будутъ заслуживать гражданской казни, то отошли ихъ къ моимъ намѣстникамъ; да велите, вмѣстѣ съ намѣстниками, переписать имѣніе Григорьево, Герасимово и Самсоново“. Митрополитъ писалъ къ Геннадію отъ себя въ томъ же смыслѣ.

Геннадій исполнилъ предписаніе, началъ обыскивать еретиковъ, и которые изъ нихъ покаялись, на тѣхъ положилъ епитимью, велѣлъ во время службы стоять передъ церковью, а въ церковь не входить; тѣхъ же, которые не покаялись и продолжали хвалить жидовскую вѣру, отослалъ къ намѣстникамъ великокняжескимъ для гражданской казни, и обо всемъ дѣлѣ послалъ подробныя извѣстія великому князю и митрополиту. Но на эти извѣстія онъ не получилъ никакого отвѣта изъ Москвы; митрополитъ Геронтій, по словамъ Геннадія, не хотѣлъ докучать ими великому князю. Узнавши объ этомъ, узнавши, что въ Москвѣ еретики живутъ въ ослабѣ, а новгородскіе еретики, покаявшіеся-было и находившіеся подъ епитимьею, убѣ-

жали въ Москву, начали здѣсь ходить безпрепятственно въ церковь и алтарь, а нѣкоторые даже служили литургію,—видя такое послабленіе еретикамъ въ Москвѣ, Геннадій обратился къ человѣку, который по своему характеру и нравственному значенію стоилъ многихъ могущественныхъ помощниковъ: то былъ знаменитый Іосифъ Волоколамскій.

Мы уже видѣли, что нравственные недуги вызывали въ свѣжемъ и крѣпкомъ тѣлѣ древней Россіи сильное противодѣйствіе, и что это противодѣйствіе преимущественно обнаруживалось въ рядѣ христіанскихъ подвижниковъ, иноковъ, которыхъ дивная, строгая жизнь для людей съ лучшими потребностями служила щитомъ противъ нравственной порчи. Строгое правило иноческой жизни, правило Сергія и Кирилла на югѣ отъ Москвы поддерживалось въ Боровскомъ монастырѣ его игуменомъ и основателемъ Пафнутіемъ, страшнымъ старцемъ, который имѣлъ даръ по лицу приближающагося къ нему человѣка угадывать дурную страсть, дурное дѣло. Къ такому-то наставнику не усумнился придти молодой Иванъ Санинъ, сынъ московскаго служилаго человѣка, потомокъ выходца изъ Западной Руси. Еще не достигнувъ двадцатилѣтняго возраста, Иванъ уже успѣлъ испытать свои силы въ безмолвной иноческой жизни, но не былъ доволенъ своимъ опытомъ, искалъ высшаго образца, опытнѣйшаго подвижника; ему указали Пафнутія. Пришедши въ Боровскій монастырь, Иванъ засталъ игумена и братію за тяжелою работою: они носили и обтесывали бревна, и потомъ безъ отдыха шли въ церковь на вечернюю службу. Такова была жизнь, ожидавшая молодого человѣка въ монастырѣ; но такая-то именно жизнь уже давно и прельщала его; онъ упалъ къ ногамъ Пафнутія и просилъ принять его въ число братій; Пафнутій узналъ, съ кѣмъ имѣлъ дѣло, и въ тотъ же день постригъ пришлеца, который получилъ имя Іосифа. Строгъ былъ искусъ, которому подвергся Іосифъ въ Пафнутіевомъ монастырѣ; но это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые не утомляются никакими трудами, никакими лишеніями, не останавливаются никакими препятствіями при достиженіи разъ предназначенной цѣли Когда, по смерти Пафнутія, Іосифа избрали игуменомъ Боровскаго монастыря, то онъ уже не довольствовался уставомъ, который былъ въ силѣ во времена Пафнутія, но хотѣлъ ввести уставъ строжайшій. Когда же большинство братіи не согласилось на это, Іосифъ оставилъ Пафнутіевъ монастырь, посѣтилъ другія обители, присматриваясь къ уставамъ и выбирая, какой бы былъ построже, наконецъ рѣшился основать собственный монастырь въ лѣсахъ волоколамскихъ, съ самымъ строгимъ общежительнымъ уставомъ; какъ Іосифъ не любилъ останавливаться, доказываетъ то, что, запретивъ женщинамъ входъ въ монастырь и всякое сношеніе съ братіею, онъ самъ себѣ не позволилъ видѣться съ престарѣлою матерью.

Такого-то неутомимаго борца вызвалъ Геннадій на помощь противъ ереси; и такой помощникъ былъ необходимъ, потому что ересь усиливалась все болѣе и болѣе. Митрополитъ Геронтій умеръ въ 1489 году, и, при избраніи ему преемника, сторона еретиковъ получила верхъ: митрополитомъ назначенъ былъ тайный соумышленникъ ихъ, Симоновскій архимандритъ Зосима; Геннадія Новгородскаго отвели отъ присутствія при избраніи митрополита, и Зосима немедленно же оказалъ нерасположеніе свое къ Новгородскому владыкѣ, потребовавъ отъ него новаго архіерейскаго исповѣданія. Оскорбленный Геннадій отвѣчалъ ему любопытнымъ письмомъ, въ которомъ жаловался, что его постоянно отводятъ отъ присутствія на соборахъ московскихъ. „Когда архіепископъ Ростовскій Іоасафъ оставилъ владычество, то вмѣсто того, чтобъ за нами за всѣми послать и соборомъ обыскъ сдѣлать, обо мнѣ и не упомянули; а гонцы ежедневно ѣздятъ съ пустыми дѣлами изъ Москвы въ Новгородъ въ три дни. Хотѣлось мнѣ очень быть на твоемъ поставленіи; но вотъ пришелъ наказъ отъ государя великаго князя о его великихъ дѣлахъ, велѣлъ мнѣ объ нихъ хлопотать, а въ Москву не велѣлъ ѣхать. Велишь мнѣ писать исповѣданіе, но я уже положилъ разъ исповѣданіе предъ отцомъ моимъ Геронтіемъ митрополитомъ и предъ всѣмъ соборомъ; это исповѣданіе у васъ въ казнѣ; а какъ я исповѣдался передъ Богомъ, такъ и стою неподвижно: въ Литву грамотъ не посылаю, оттуда мнѣ также не присылаютъ грамотъ, и литовскіе ставленники не служатъ въ моей архіепископіи. Если же литовскія окаянныя дѣла прозябли въ Русской Землѣ, въ Великомъ Новгородѣ, когда былъ въ немъ князь Михаилъ Олельковичъ, и съ нимъ жидовинъ еретикъ, и отъ этого жидовина распространилась ересь въ Новгородской Землѣ, сперва держали ее тайно, а потомъ съ-пьяну начали проговариваться, — то я тотчасъ же объ этомъ далъ знать великому князю и митрополиту Геронтію". Описавши свои дѣйствія противъ еретиковъ и послабленіе, которое встрѣтили они въ Москвѣ, Геннадій требуетъ отъ митрополита, чтобъ онъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предалъ еретиковъ проклятію, послѣ чего продолжаетъ: „Стала бѣда съ тѣхъ поръ, какъ пріѣхалъ Курицынъ изъ Венгріи и еретики изъ Новгорода перебѣжали въ Москву: Курицынъ у еретиковъ главный заступникъ, а о государевой чести попеченія не имѣетъ. Теперь же еще бѣда стала земская и нечесть государская большая; церкви старыя извѣчныя вынесены изъ города вонъ (по случаю строенія новыхъ стѣнъ), да и монастыри старые извѣчные съ мѣста переставлены; но этого мало: кости мертвыхъ вынесены въ Дорогомилово, да на тѣхъ мѣстахъ садъ развели..... Если же государь нашъ великій князь еретиковъ не обыщетъ и не казнитъ, то какъ ему съ своей Земли позоръ свести? Смотри, Франки по своей вѣрѣ какую крѣпость держатъ: сказывалъ мнѣ цесарскій посолъ про Испанскаго короля, какъ онъ свою Землю очистилъ, и я съ его

рѣчи послалъ тебѣ списокъ. Да поговори великому князю накрѣпко, чтобъ велѣлъ мнѣ быть въ Москвѣ и у тебя благословиться, потому что здѣсь какія бы великія дѣла ни были, но больше того дѣла нѣтъ: если это дѣло управится, то и здѣшнимъ великимъ дѣламъ укрѣпленіе будетъ. Да жалуюсь теперь тебѣ на чернеца Захара, стригольника; бранитъ меня безпрестанно уже четвертый годъ, посылаетъ грамоты въ мою архіепископію, къ чернецамъ и священникамъ, а что по Московской Землѣ разослалъ,—тому и числа нѣтъ".

Дѣло о еретикахъ получило такую гласность по всему государству, что нельзя было не заняться имъ: Зосима долженъ былъ созвать соборъ, на который представили еретиковъ, бѣжавшихъ изъ Новгорода въ Москву; собственноручныя показанія ихъ, данныя ими прежде Геннадію, служили такимъ очевиднымъ доказательствомъ, что Зосимѣ не было никакихъ средствъ защищать своихъ; еретиковъ прокляли, нѣкоторыхъ изъ нихъ сослали въ заточеніе, другихъ—въ Новгородъ къ Геннадію. Послѣдній велѣлъ ихъ посадить на лошадей, лицомъ къ хвосту, въ вывароченномъ платьи, въ берестовыхъ остроконечныхъ шлемахъ, въ какихъ изображаются бѣсы, съ мочальными кистями, въ вѣнцахъ изъ сѣна и соломы, съ надписью: „Се есть сатанино воинство"! Въ такомъ нарядѣ возили ихъ по улицамъ новгородскимъ; встрѣчающіеся плевали имъ въ глаза и кричали: „Вотъ враги Божіи, хулители Христа"! Взаключеніе на еретикахъ зажжены были шлемы.

Но этотъ позоръ въ Новгородѣ не обезсилилъ ереси въ Москвѣ. Дерзость еретиковъ особенно усилилась, когда 1492-й годъ прошелъ, а чаемаго съ концомъ седьмого тысячелѣтія конца міру не было: „Если Христосъ былъ Мессія, говорили еретики православнымъ, то почему не является Онъ во славѣ, по вашимъ ожиданіямъ"? и проч. Іосифъ писалъ противъ нихъ обличительныя слова, собраніе которыхъ извѣстно подъ именемъ Просвѣтителя; въ какомъ состояніи находились умы въ это время, видно изъ посланія его Нифонту, епископу Суздальскому: „Съ того времени, писалъ онъ, какъ солнце православія возсіяло на Землѣ нашей, у насъ никогда не бывало такой ереси: въ домахъ, на дорогахъ, на рынкѣ всѣ—иноки и міряне—съ сомнѣніемъ разсуждаютъ о вѣрѣ, основываясь не на ученіи Пророковъ, Апостоловъ и Св. Отцевъ, а на словахъ еретиковъ, отступниковъ христіанства; съ ними дружатся, учатся отъ нихъ жидовству. А отъ митрополита еретики не выходятъ изъ дому, даже спятъ у него". Іосифъ требовалъ, чтобъ владыки, вѣрные православію, отказались отъ всякаго сообщенія съ Зосимою, внушали бы и другимъ, чтобъ никто не приходилъ къ нему, не принималъ отъ него благословенія; вооружился противъ мнѣнія, которое особенно защищалъ Зосима, что еретиковъ осуждать не должно. Зосима въ 1494 году дѣйствительно отрекся отъ митрополіи: оставлять въ челѣ Церкви человѣка, громко обвиненнаго въ ереси и не хотѣвшаго торжественно оправдываться, было уже слишкомъ соблазнительно; сами еретики могли желать удаленія Зосимы, какъ скоро онъ своимъ неблагоразумнымъ поведеніемъ уже обличилъ себя и могъ быть теперь болѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ ихъ обществу. Въ повольной грамотѣ Геннадія на избраніе преемника Зосимѣ, Троицкаго игумена Симона, читаемъ: „Что ми есте (епископы) прислали грамоту, возвѣщая нашему смиренію, что отецъ Зосима митрополитъ, своея ради немощи, оставилъ столъ русскія митрополіи, и, пришедъ въ Святую великую соборную церковь, предъ всѣми омофоръ свой на престолъ положилъ, и свидѣтеля на то Господа Бога нарицая, яко невозможно ему къ тому святительская дѣйствовати, ни митрополитомъ нарицатися, и отойде въ монастырь въ смиренноиноческое жительство". Въ лѣтописяхъ же говорится, что Зосима оставилъ митрополію не своею волею, но былъ удаленъ за страсть къ вину и за нерадѣніе о церкви. Если въ Зосимѣ дѣйствительно открылся означенный порокъ, то это было достаточною причиною къ его удаленію, какъ въ глазахъ православныхъ, такъ и еретиковъ, которымъ онъ могъ сильно вредить своимъ поведеніемъ.

Удаленіе Зосимы нисколько не ослабило значенія еретиковъ въ Москвѣ; но имъ нужно было поднять его въ Новгородѣ, гдѣ, благодаря дѣятельности Геннадія, ересь ослабѣла значительно, и вотъ, по старанію Θедора Курицына, въ новгородскій Юрьевъ монастырь назначенъ былъ архимандритомъ монахъ Кассіанъ, державшійся ереси. Въ Кассіанѣ новгородскіе еретики должны были найти, и дѣйствительно нашли, могущественную опору: въ его кельяхъ держали они свои тайныя собранія. Геннадій однако нашелъ ихъ и тутъ, и заставилъ бѣжать въ Литву и къ Нѣмцамъ. Но въ Москвѣ могла ли ересь ослабѣть, когда невѣстка великаго князя, Елена, была на ея сторонѣ, а на сторонѣ Елены были самые могущественные вельможи, которые достигли наконецъ того, что Іоаннъ торжественно объявилъ сына Еленина, Димитрія, наслѣдникомъ стола великокняжескаго. Мы видѣли однако, что это торжество Елены и ея приверженцевъ было непродолжительно; что скоро Софія восторжествовала въ свою очередь, казнь и постриженіе были участью Ряполовскихъ и Патрикѣевыхъ, удаленіе и наконецъ тѣсное заключеніе—участью Елены и ея сына. Мы не знаемъ, какое было значеніе Іосифа въ этихъ переворотахъ; но, видя тѣсную связь Волоколамскаго игумена и его учениковъ съ великимъ княземъ Василіемъ, сыномъ Софьи, видя въ то же время сильную ненависть Курбскаго къ этимъ Осифлянамъ, „подобнымъ великому князю Василію, скорымъ помощникамъ его и во всемъ потаковникамъ и подражателямъ", какъ говоритъ Курбскій,—видя такія отношенія, мы необходимо должны заключить, что связь Іосифа съ Василіемъ и его матерью началась и укрѣпилась во время борьбы съ ересью: дѣйствуя противъ еретиковъ, слѣдовательно про-

тивъ Елены, Іосифъ естественно долженъ былъ стать на сторону Софіи и ея сына. Понятно, какъ торжество послѣднихъ облегчило Іосифу борьбу съ ересью: онъ нашелъ доступъ къ великому князю, началъ упрашивать его о принятіи строгихъ мѣръ противъ еретиковъ; тотъ обѣщалъ исполнить его желаніе; открылъ, что зналъ о ереси, которую держалъ протопопъ Алексѣй и Ѳедоръ Курицынъ, что и Елена была вовлечена въ ересь; раскаявался, что прежде слабо поступалъ съ еретиками. Іосифъ требовалъ раскаянія на дѣлѣ; „Государь, говорилъ онъ Іоанну: подвинься только на нынѣшнихъ еретиковъ,—и за прежнихъ тебя Богъ проститъ". Но строгія рѣшительныя мѣры, которыя должно было употребить противъ еретиковъ по требованію Іосифа, могли заставить задуматься великаго князя, слышавшаго съ другой стороны сильный ропотъ на ревность Волоколамскаго игумена; Геннадій Новгородскій былъ лишенъ архіепископіи по причинамъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже; наконецъ въ это время лѣтописцы говорятъ, что здоровье Іоанна начало разстроиваться послѣ смерти Софіи: все это могло содѣйствовать замедленію собора на еретиковъ. Іосифъ между тѣмъ не успокоивался: онъ обратился къ духовнику великокняжескому, Андрониковскому архимандриту Митрофану, съ просьбою дѣйствовать на Іоанна; наконецъ его желаніе исполнилось: въ концѣ 1504 года созванъ былъ соборъ на еретиковъ: они защищали свое ученіе, Іосифъ былъ обличителемъ; слѣдствіемъ собора было то, что Волкъ Курицынъ, Димитрій Коноплевъ, Иванъ Максимовъ, архимандритъ Юрьевскій Кассіанъ съ братомъ и многіе другіе еретики были сожжены; Некрасу Рукавову сперва отрѣзали языкъ и потомъ сожгли въ Новгородѣ: иныхъ разослали въ заточеніе, другихъ по монастырямъ. Нѣкоторые изъ еретиковъ, приговоренныхъ къ смертной казни, объявили, что раскаяваются; но ихъ раскаяніе не было принято, ибо Іосифъ представилъ, что раскаяніе, вынужденное страхомъ, не есть искреннее. Ударъ, нанесенный ереси соборомъ 1504 года, былъ силенъ, но не былъ окончательнымъ; мы еще должны будемъ обратиться къ этому предмету въ разсказѣ о дѣлахъ преемника Іоаннова.

Кромѣ важнаго дѣла о ереси жидовской, церковные соборы Іоаннова времени занимались не менѣе важнымъ дѣломъ—улучшенія нравственности духовенства. Въ 1468 году Псковичи отлучили отъ службы вдовыхъ священниковъ и дьяконовъ по всей Псковской волости, не спросившись ни митрополита, ни епископовъ; архіепископъ Новгородскій Іона хотѣлъ наложить на нихъ за это неблагословеніе, но митрополитъ Ѳеодосій запретилъ ему это дѣлать. Ѳеодосій знаменитъ въ исторіи Русской Церкви, какъ жертва святой ревности къ улучшенію нравовъ духовенства; онъ, говоритъ лѣтописецъ, хотѣлъ священниковъ и дьяконовъ силою навести на Божій путь; началъ ихъ каждое воскресерье созывать и учить по святымъ правиламъ, вдовымъ дьяконамъ и священникамъ приказывалъ постригаться въ монахи: у кого изъ нихъ были наложницы, тѣхъ наказывалъ безъ милости, снималъ съ нихъ священство, налагалъ пени; церквей наставили много, и вотъ всякій, кому не хотѣлось работать, шелъ въ священники, не оставляя плотскихъ страстей, потому что шелъ не Богу служить, а тѣло свое льготить. Когда, вслѣдствіе мѣръ Ѳеодосія, недостойные священнослужители были удалены, то многія церкви остались безъ священниковъ; люди начали тужить объ этомъ и порицать митрополита. Это такъ огорчило Ѳеодосія, что онъ заболѣлъ, и когда выздоровѣлъ, то уже не хотѣлъ болѣе оставаться митрополитомъ, удалился въ Чудовъ монастырь, взялъ къ себѣ въ келью разслабленнаго старца, сталъ служить ему, омывать струпы.

Вопросъ, поднятый Псковичами и Ѳеодосіемъ въ началѣ княженія Іоаннова, былъ потомъ возобновленъ извѣстнымъ уже намъ своею дѣятельностію Геннадіемъ Новгородскимъ, который вписалъ свое имя въ исторіи русскаго просвѣщенія тѣмъ, что первый началъ говорить о необходимости училищъ для духовныхъ: „Билъ я челомъ (пишетъ Геннадій къ митрополиту Симону) государю великому князю, чтобъ велѣлъ училища устроить: вѣдь я своему государю напоминаю объ этомъ для его же чести и спасенія, а намъ бы просторъ былъ; когда приведутъ ко мнѣ ставленника грамотнаго, то я велю ему ектенію выучить, да и ставлю его и отпускаю тотчасъ же, научивъ, какъ божественную службу совершать, и такіе на меня не ропщутъ. Но вотъ приведутъ ко мнѣ мужика; я велю ему Апостолъ дать читать, а онъ и ступить не умѣетъ; велю дать Псалтирь—онъ и по тому едва бредетъ; я ему откажу,—а они кричатъ: Земля, господинъ такая, не можемъ добыть человѣка, кто бы грамотѣ умѣлъ; но вѣдь это всей Землѣ позоръ, будто нѣтъ въ Землѣ человѣка, кого бы можно въ попы поставить. Бьютъ мнѣ челомъ: пожалуй, господинъ, вели учить! Вотъ я прикажу учить его ектеніямъ, а онъ и къ слову не можетъ пристать; ты говоришь ему то, а онъ совсѣмъ другое; велю учить азбукѣ, а онъ, поучившись немного, да просится прочь, не хочетъ учиться: а иной и учится, но не усердно, и потому живетъ долго. Вотъ такіе-то меня и бранятъ: а мнѣ что же дѣлать? не могу не учивши ихъ поставить. Для того-то я и бью челомъ государю, чтобъ велѣлъ училища устроить: его разумомъ и грозою, а твоимъ благословеніемъ это дѣло исправится; ты бы, господинъ отецъ нашъ, государей нашихъ, великихъ князей просилъ, чтобъ велѣли училища устроить; а мой совѣтъ таковъ, что учить въ училищѣ сперва азбукѣ, а потомъ Псалтири съ слѣдованіемъ накрѣпко; когда это выучатъ, то могутъ читать всякія книги. А вотъ мужики невѣжды учатъ ребятъ, только рѣчь имъ портятъ: прежде выучатъ вечерню и за это мастеру принесетъ кашу да гривну денегъ, за заутреню то же, или еще и больше, за часы особенно, да подарки

еще несетъ кромѣ условной платы; а отъ мастера отойдетъ—ничего не умѣетъ, только бредетъ по книгѣ, о церковномъ же порядкѣ понятія не имѣетъ. Если государь прикажетъ учить и цѣну назначитъ, что брать за ученье, то учащимся будетъ легко, а противиться никто не посмѣетъ; да чтобъ и поповъ ставленныхъ велѣлъ учить, потому что нерадѣнье въ Землю вошло. Вотъ теперь у меня побѣжали четверо ставленниковъ—Максимка, да Куземка, да Аѳанаська, да Емельянка мясникъ; этотъ и съ недѣлю не поучился—побѣжалъ; православны ли такіе будутъ! По мнѣ такихъ нельзя ставить въ попы; о нихъ Богъ сказалъ черезъ Пророка: „Ты разумъ мой отверже, Азъ же отрину тебя, да не будеши Мнѣ служитель".

Въ 1503 году митрополитъ Симонъ вмѣстѣ съ Геннадіемъ и съ шестью другими епископами на соборѣ опредѣлили: такъ какъ найдено, что многіе вдовые священники и дьяконы послѣ женъ держали у себя наложницъ, не переставая священнодѣйствовать, то впередъ вдовымъ попамъ и дьяконамъ не служить; которые изъ нихъ уличены въ держаніи наложницъ, тѣмъ наложницъ отпустить, жить въ міру, волосъ своихъ не растить, платье носить мірское и дань давать вмѣстѣ съ мірскими людьми, и никакихъ священническихъ службъ не отправлять; а кто изъ нихъ съ наложницею уйдетъ въ дальнія мѣста и начнетъ служить, тѣхъ предавать гражданскимъ судьямъ; на которыхъ же вдовыхъ поповъ и дьяконовъ дурной молвы нѣтъ и сами говорятъ, что живутъ послѣ женъ чисто, тѣмъ стоять въ церкви на клиросахъ, держать дома епитрахили и пріобщаться Св. Таинъ въ епитрахиляхъ, а дьяконамъ въ стихаряхъ и ораряхъ, но не служить, а пользоваться четвертою частію всѣхъ церковныхъ доходовъ. Чернецамъ и черницамъ въ одномъ монастырѣ вмѣстѣ не жить; въ мужскомъ монастырѣ служить игумену, а въ женскомъ бѣлому священнику. Если попъ или дьяконъ въ который день напьется пьянъ, то на другой день ему обѣдни не служить. На томъ же соборѣ было постановлено: митрополиту, архіепископамъ и епископамъ отъ поставленія духовныхъ лицъ всякихъ степеней не брать ничего; также отъ ставленыхъ грамотъ, печатнику отъ печати и дьяку отъ подписи не брать ничего; ставить въ священники не раньше тридцати лѣтъ, въ дьяконы не раньше 25, поддьяконы не раньше 20. За нарушеніе этихъ правилъ соборъ опредѣлилъ лишеніе сана; и кто же первый былъ обвиненъ въ нарушеніи этихъ правилъ, и кто первый подвергся наказанію, опредѣленному соборомъ?—Геннадій Новгородскій! Подъ слѣдующимъ же 1504 годомъ читаемъ въ лѣтописяхъ: Геннадій, архіепископъ Великаго Новгорода и Пскова, оставилъ престолъ свой неволею; пріѣхавши изъ Москвы послѣ собора, началъ мзду брать съ священниковъ за ставленіе и еще больше прежняго вопреки обѣщанію, данному на соборѣ, по совѣту любимца своего, дьяка Михайлы Гостенкова; великій князь и митрополитъ, обыскавши, свели его съ престола въ Москву, гдѣ онъ былъ помѣщенъ въ Чудовѣ монастырѣ. Догадываются, что сверженіе Геннадія было дѣломъ еретиковъ.

Въ монастыри старались вводить общежительные уставы; общее житіе въ митрополичьихъ уставныхъ грамотахъ называется богораднымъ; по этимъ грамотамъ, архимандритъ долженъ былъ имѣть одну трапезу съ братіею, могъ имѣть особую трапезу только въ случаѣ прихода великихъ гостей; всякій приходъ монастырскій архимандритъ вѣдаетъ по слову и по совѣту со всею братіею; нужно будетъ избрать кого-нибудь изъ братій для вѣданія монастырскаго прихода и церковнаго строенія, келаря, купчину, нужно будетъ послать кого на монастырскую службу, — архимандритъ избираетъ и поставляетъ съ вѣдома всей братіи, кого братья изберутъ и по его благословенію; также иноковъ приходящихъ архимандритъ принимаетъ съ согласія всей братіи; безъ благословенія архимандрита иноки не выходятъ изъ монастыря; доходы съ земель монастырскихъ дѣлятся такъ: архимандриту половина, священникамъ, дьяконамъ и чернецамъ другая; послѣдняя дѣлится на двѣ части,—одна священникамъ и дьяконамъ, другая чернецамъ; такимъ же образомъ поднимаются дань митрополичья и проѣзды. Что же касается до годовыхъ дачъ или сорокоустовъ, вписовъ, молебновъ, то этими доходами архимандритъ дѣлится пополамъ съ священниками и дьяконами: одна половина архимандриту, другая священникамъ и дьяконамъ съ просвирникомъ и понамаремъ; а чернецы въ эти доходы не вступаются. По завѣщанію преподобнаго Евфросина Псковскаго, чернецы въ его монастырѣ не должны были ѣсть по келіямъ, кромѣ праздника или пиршества какого-нибудь, не должны были носить нѣмецкаго платья, также шубъ съ пухомъ, держать баню, позволять женщинамъ входить въ монастырь. Іосифъ Волоцкій запрещаетъ иноку разговаривать во время службы церковной и на трапезѣ брать у брата кушанье и ставить передъ нимъ свое; ѣсть и пить больше другихъ; ходить въ деревню за какимъ-либо дѣломъ; изъ церкви и изъ трапезы брать книги безъ благословенія понамаря; если инокъ увидитъ въ книгѣ какую-нибудь погрѣшность, то не смѣетъ переписывать или вырѣзывать, а долженъ сказать настоятелю и по другой книгѣ исправить, а не по своему домышленію; если случится согрѣшить словомъ, или дѣломъ, или помышленіемъ, то просить прощенія у настоятеля въ тотъ же день; а не откладывать до утра. Тотъ же Іосифъ запретилъ инокамъ своего монастыря, подъ страхомъ безчестнаго изгнанія, принимать въ келію медъ, вино, пиво, квасъ медвяный, брагу. Мы видѣли уже, что Іосифъ прежде всего старался воскресить преданіе о строгости монастырской жизни. Въ этомъ отношеніи очень важно для насъ сочиненіе его: „Сказаніе о Святыхъ отцахъ монастырей русскихъ", гдѣ сочинитель представляетъ намъ борьбу хранителей древ-

няго преданія съ его нарушителями, и постоянно высказываетъ свою любимую мысль о необходимости строгихъ мѣръ для поддержанія строгости иноческой жизни: „Святый Сергій и другіе Святые, говоритъ Іосифъ, такое стараніе имѣли о паствѣ, что не пропускали ни малѣйшаго небреженія или преслушанія; они были милостивы, гдѣ слѣдовало, и были строги, гдѣ настояла потребность, согрѣшавшихъ обличали и понуждали къ добру, ослушникамъ же не позволяли своевольничать, но отлучали ихъ отъ церкви и отъ трапезы. Между ними господствовала такая нищета, такое отсутствіе любостяжанія, что въ обители Св. Сергія и самыя книги писали не на пергаментѣ, а на берестахъ; самъ же Св. Сергій носилъ такое бѣдное платье, что приходящіе часто не узнавали его и думали, что это одинъ изъ просителей. О Святомъ же Кириллѣ что мнѣ писать? По кончинѣ его и учениковъ его, въ наше время былъ въ его монастырѣ настоятель изъ другого монастыря, и началъ нарушать нѣкоторыя преданія и постановленія Св. Кирилла; но въ то же время былъ въ монастырѣ старецъ Святой, именемъ Досиѳей Невѣдомицынъ, и другіе старцы, любившіе преданія Св. Кирилла; они не стали молчать, видя нарушеніе древняго устава, и за это страдали отъ новаго настоятеля, блаженный же Досиѳей много разъ бывалъ битъ отъ него. Однажды игуменъ, разсердившись на Досиѳея за увѣщанія не развращать преданія, столкнулъ блаженнаго старца съ трапезнаго мѣста, такъ что тотъ упалъ какъ мертвый на землю; выздоровѣвши, Досиѳей пришелъ къ игумену и сказалъ: „Хоть убей меня до смерти, а я не перестану говорить тебѣ объ уставѣ“. Этотъ игуменъ ушелъ; выбрали новаго также изъ другого монастыря, и этотъ опять началъ нарушать нѣкоторыя преданія; въ церкви, во время соборнаго пѣнія и въ трапезѣ за обѣдомъ любилъ разговаривать о безполезныхъ вещахъ. Благочестивые старцы попрежнему стали его удерживать отъ этого, а онъ бросался на нихъ съ палкою и билъ; наконецъ стыдно ему стало, и онъ ушелъ изъ монастыря. Выбрали третьяго, постриженника Кириллова монастыря, но и этотъ оказался такимъ же разрушителемъ преданій; тогда всѣ лучшіе старцы убѣжали изъ монастыря; на этотъ разъ князь вступился въ дѣло, велѣлъ выгнать игумена, и старцы возвратились“.

Въ поученіяхъ священнослужителямъ, дошедшихъ до насъ отъ описываемаго времени, находятся, между прочимъ, слѣдующія наставленія: „Въ церкви разговаривать не давай, приноса не приноси на Божій жертвенникъ отъ невѣрныхъ еретиковъ, развратниковъ, воровъ, разбойниковъ, грабителей и властелей немилосердыхъ, корчемниковъ, рѣзоимцевъ (рѣзъ—процентъ), ротниковъ (рота—клятва), клеветниковъ, поклепниковъ, лжепослуховъ, волхвовъ, потворниковъ, игрецовъ, злобниковъ, или кто томитъ челядь свою голодомъ и ранами, и наготою. Къ убогимъ сиротамъ, болѣетъ ли кто-нибудь изъ нихъ, или умретъ, или родитъ, приходи прежде чѣмъ позовутъ; стой на стражѣ день и ночь съ крещеніемъ, покаяніемъ, причастіемъ, твори достойное правило съ любовію, тихо, не спѣша; младенецъ не разумѣетъ, мертвецъ не чувствуетъ; младенца крести и всякому человѣку причастіе давай, кромѣ мертвеца; кого изгубишь лѣностію или нерадѣніемъ, мука ихъ на тебѣ взыщется; къ троеженцу не входи въ домъ, развѣ только будетъ на одрѣ смертномъ“.

Нравственное состояніе недавно обращенныхъ въ христіанство Пермичей, какъ духовныхъ, такъ и мірянъ, требовало особенной заботливости со стороны митрополита, требовало особеннаго поученія. Въ 1501 году митрополитъ писалъ къ пермскому духовенству: „Слышу о васъ, что о церковномъ исправленіи и своемъ спасеніи не радите, о духовныхъ дѣтяхъ небрежете и душевной пользы не ищите: сами ядите и пьете не въ приличное время, до обѣда а этимъ и новокрещеннымъ людямъ послабленіе даете; многіе новокрещенные люди, смотря на васъ, соблазняются, то же дѣлаютъ: да и вступаютъ въ незаконные браки, въ родствѣ, и другія богомерзкія дѣла творятъ“. Къ мірянамъ тотъ же митрополитъ писалъ: „Кумирамъ не служите, требъ ихъ не принимайте, воипелю болвану не молитесь по древнему обычаю, и всякихъ тризнищъ не творите идоламъ, въ браки незаконные не вступайте, какъ слышно о васъ, что у васъ женятся въ родствѣ по ветхому и татарскому обычаю: кто у васъ умретъ, то второй его братъ беретъ за себя его вдову, и третій братъ такъ-же дѣлаетъ; а жены ваши ходятъ простоволосыя. Все это вы дѣлаете не по закону христіанскому“.

Что касается матеріальнаго благосостоянія духовенства, то митрополитъ пользовался тѣми же доходами, какіе имѣлъ и прежде: Нерехтскія соляныя варницы митрополичьи и живущіе въ нихъ люди были освобождены отъ дани, пошлинъ, подсудности волостелямъ и тіунамъ великой княгини Маріи; въ 1504 году великій князь освободилъ митрополичьи села и монастыри въ Московскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ отъ подсудности своимъ намѣстникамъ и волостелямъ; обозы съ шекснинскою рыбою, шедшіе въ Москву для митрополита, освобождены были отъ пошлинъ; митрополитъ отправлялъ слугу своего съ товарами для торговли, „чтобъ прибыло церкви Божіей въ подможеніе“; въ подорожной этому купчинѣ митрополитъ просилъ, чтобъ пошлинъ нигдѣ съ него не брали и въ тѣсныхъ мѣстахъ провожали. Относительно архіерейскихъ доходовъ съ подчиненнаго духовенства, въ описываемое время, мы узнаемъ нѣкоторыя новыя подробности противъ прежняго; пошлины перечисляются такъ: „Дань петровская и рождественская, десятина, данская пошлина, десятинничьи пошлины, доводчичьи, заѣздничьи, зазывничьи, благословенная куница, явленная куница съ грамотою, полоть, казенные алтыны, писчее людское“. Мы видѣли, что и прежде возникало сомнѣніе, слѣдуетъ ли монастырямъ владѣть

селами, и митрополитъ Кипріянъ рѣшительно склонялся къ отрицательному отвѣту; при Іоаннѣ III-мъ вопросъ возобновился: онъ былъ поднятъ на соборѣ знаменитымъ отшельникомъ, основателемъ скитскаго житія, Ниломъ Майковымъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ Сорскаго (по обители его на рѣкѣ Сорѣ, въ 15 верстахъ отъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря); Нилъ требовалъ, чтобъ у монастырей селъ не было, а жили бы чернецы по пустынямъ и кормились рукодѣліемъ; это требованіе поддерживали пустынники бѣлозерскіе. Но противъ него возсталъ знаменитый же подвигами иноческой жизни старецъ, Іосифъ Волоцкій. Нилъ смотрѣлъ на монастырь какъ на общество людей, отказавшихся отъ міра; это общество, въ глазахъ его, было тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ менѣе имѣло столкновеній съ міромъ; Іосифъ же, кромѣ этого значенія монастыря, предполагалъ еще другое: онъ смотрѣлъ на монастырь также, какъ на разсадникъ властей церковныхъ; Нилъ имѣлъ въ виду отшельника, желающаго укрыться отъ міра, отъ всѣхъ его отношеній, въ болотахъ и лѣсахъ бѣлозерскихъ; Іосифъ имѣлъ въ виду также и владыку, епископа, который будетъ взятъ изъ монастыря: „Если у монастырей селъ не будетъ, говорилъ Іосифъ, то какъ честному и благородному человѣку постричься? Если не будетъ честныхъ старцевъ, то откуда взять на митрополію, или архіепископа, или епископа? Если не будетъ честныхъ старцевъ и благородныхъ, то вѣра поколеблется“. Вспомнимъ, что въ описываемое время обезпеченное содержаніе могло представляться не иначе, какъ въ видѣ владѣнія земельною собственностью, служилые люди получали содержаніе въ видѣ помѣстій; слѣдовательно вопросъ о содержаніи монашествующихъ могъ представиться только въ такой формѣ: или владѣть имъ селами, или кормиться подаяніемъ и работою рукъ.—Мнѣніе Іосифа Волоцкаго превозмогло на соборѣ, и митрополитъ Симонъ отвѣчалъ великому князю, что духовенство не дерзаетъ и не благоволитъ отдавать церковныхъ земель, причемъ ссылался на давній обычай Греческой и Русской Церкви, на уставы Владиміра и Ярослава, наконецъ даже на примѣръ хановъ татарскихъ, которые никогда не трогали имуществъ церковныхъ. Великій князь оставилъ дѣло; но вопросъ, какъ увидимъ послѣ, не переставалъ раздѣлять русское духовенство.

Встрѣчаемъ извѣстіе, что въ описываемое время священники и въ Москвѣ распредѣлялись по соборамъ. Касательно правъ духовенства мы видимъ, что оно не было освобождено отъ тѣлеснаго наказанія. Кромѣ извѣстій о наказаніяхъ еретикамъ, подъ 1488 годомъ встрѣчаемъ извѣстіе, что Чудовскаго архимандрита, князя Ухтомскаго и еще какого-то Хомутова били на торгу кнутомъ за то, что они составили подложную жалованную грамоту Спасо-Каменному монастырю отъ имени князя Андрея Вологодскаго, послѣ уже его смерти. Отъ торговой казни духовенство не было освобождено и во Псковѣ, что видимъ изъ слѣдующаго извѣстія подъ 1495 годомъ: по случаю Шведской войны Псковичи назначили наборъ ратныхъ людей—съ десяти сохъ коннаго человѣка; назначили сборъ со священниковъ и дьяконовъ; но священники нашли въ правилахъ, что не слѣдуетъ брать ратниковъ съ церковныхъ земель; тогда посадники хотѣли силою заставить ихъ давать ратныхъ людей, причемъ хотѣли двоихъ священниковъ кнутомъ избезчестить, и тѣ въ однѣхъ сорочкахъ стояли на вѣчѣ.

Взаключеніе мы должны упомянуть о связи Русской Церкви съ Восточною при Іоаннѣ III. Въ 1464 году митрополитъ Ѳеодосій писалъ въ Новгородъ и Псковъ, прося жертвовать на искупленіе Св. Гроба отъ Египетскаго султана; для сбора пожертвованій хотѣлъ ѣхать въ Москву самъ Іерусалимскій патріархъ Іоакимъ, но на дорогѣ заболѣлъ и умеръ въ Кафѣ, завѣщавъ свое дѣло Іосифу, нареченному митрополиту Кесаріи Филипповой, который былъ поставленъ на свою митрополію въ Москвѣ здѣшнимъ митрополитомъ Ѳеодосіемъ, по благословенію и по грамотамъ патріарха Іоакима. Въ 1480 году Іерусалимскій патріархъ Іоакимъ писалъ къ митрополиту Геронтію, что одинъ Русскій, именемъ Григорій, подъ видомъ купца, нашелъ его въ Египтѣ и просилъ дать благословеніе и писаніе къ Московскому митрополиту, въ порадованіе и пріятельство. Приходилъ также за милостынею изъ Аѳонской горы, изъ монастыря Ксиропотамона, инокъ Герасимъ; великій князь наградилъ его и отпустилъ; но на дорогѣ старецъ былъ взятъ въ плѣнъ и ограбленъ Татарами, которые продали его въ Астрахань, изъ Астрахани въ Казань, гдѣ онъ былъ выкупленъ и препровожденъ въ Москву; митрополитъ Симонъ писалъ окружное посланіе, прося пожертвованій для этого Герасима. Видя съ одной стороны въ Русской Церкви желаніе не прерывать связи съ Греческою Церковію и сочувствіе къ бѣдствіямъ послѣдней, съ другой—мы видимъ сильное отвращеніе къ сближенію съ церковію Латинскою; въ этомъ отношеніи любопытно письмо изъ Пскова отъ какого-то Филиппа Петрова (вѣроятно намѣстника владычняго) къ Новгородскому архіепископу Геннадію о спорѣ псковскихъ священниковъ съ латинскими монахами: „Пришли сѣрые чернецы отъ Нѣмцевъ въ Псковъ да стали говорить о вѣрѣ; были у священниковъ, а къ тебѣ не захотѣли идти; рѣчь ихъ такова: соединилъ вѣру нашъ папа вмѣстѣ съ вашими на осьмомъ соборѣ; и мы, и вы христіане, вѣруемъ въ Сына Божія. Наши священники отвѣчали имъ: не у всѣхъ вѣра правая; если вѣруете въ Сына Божія, то зачѣмъ богоубійцамъ Жидамъ послѣдуете, поститесь въ субботу и опрѣснокъ въ жертву приносите? Зачѣмъ два Духа беззаконно вводите, говоря: и въ Духа Святаго животворяща, отъ Отца и Сына исходящаго? А что говорите намъ объ осьмомъ сонмищѣ, объ италіянскомъ скверномъ соборѣ латинскомъ, то намъ хорошо извѣстно: это сборище окаянное на нашей памяти было, и едва убѣжалъ кардиналъ

Исидоръ отъ нашего государя великаго князя Василія Васильевича, царя всея Руси; объ этомъ соборѣ мы и слышать не хотимъ, потому что отринутъ онъ Богомъ и четырьмя патріархами; будемъ держать семь соборовъ вселенскихъ и помѣстные; они угодны Богу, потому что сказано: „Премудрость созда себѣ домъ и утверди столповъ седмь“ [1]).

Что касается состоянія православнаго духовенства въ Литовской Руси, то здѣсь, при избраніи митрополита на Кіевъ, каждый разъ посылали за благословеніемъ къ патріарху Константинопольскому; избраніе же и поставленіе совершалось въ Руси. Въ 1494 году великій князь Александръ подтвердилъ жалованную грамоту отца своего Казимира Смоленскому владыкѣ, по которой люди послѣдняго освобождались отъ суда намѣстника великокняжескаго; также владыка получилъ право перезывать изъ-заграницы людей и селить ихъ на своихъ церковныхъ земляхъ; въ 1499 году тотъ же великій князь далъ митрополиту и епископамъ грамоту о неприкосновенности святительскаго суда и церковнаго имущества на основаніи церковнаго устава Ярославова (свитка Ярославля). Относительно нѣкоторыхъ монастырей великіе князья Литовскіе имѣли право п о д а в а н ь я; такъ, напримѣръ, въ 1496 году какой-то Григорій Поповичъ билъ челомъ великому князю Александру, просилъ у него Кіевскаго Михайловскаго монастыря, объявляя, что этотъ монастырь издавна великокняжеское п о д а н ь е; справившись, что объявленіе Григорья справедливо, Александръ велѣлъ отдать монастырь просителю, съ тѣмъ, чтобъ онъ немедленно постригся въ монахи [2]).

Если относительно суда церковнаго основывались еще на уставѣ или свиткѣ Ярослава, то относительно суда гражданскаго мы видѣли, что уже въ уставной грамотѣ Василія Димитріевича находятся новизны противъ Русской Правды, приписываемой тому же Ярославу. Судный уставъ, или Судебникъ, собранный при Іоаннѣ III-мъ, въ 1497 г., дьякомъ Владиміромъ Гусевымъ, представляетъ опять новое движеніе юридическихъ понятій сравнительно съ уставною грамотою дѣда Іоаннова. Судебникъ этотъ прежде всего опредѣляетъ, кто долженъ судить. „Судить судъ боярамъ, окольничимъ, или дѣтямъ боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, а на судѣ быть у бояръ и окольничихъ дьякамъ. Котораго жалобника управить будетъ нельзя, о такомъ говорить великому князю, или отослать его къ тому, кому приказано вѣдать такихъ людей“. Думаютъ, что здѣсь выраженіе „Кому приказано вѣдать такихъ людей“ указываетъ на приказы; но это выраженіе вполнѣ объясняется древними жалованными грамотами, напримѣръ жалованною грамотою Димитрія Донскаго Новоторжцу Евсевку: „А п р и к а з а л ъ семь его блюсти дядѣ своему Василью Тысяцкому“. Намѣстникамъ и волостелямъ, которые держатъ кормленія безъ боярскаго суда, также тіунамъ великокняжескимъ и боярскимъ, за которыми кормленія съ судомъ боярскимъ, холопа и рабы безъ боярскаго доклада не выдавать, и отпускныхъ не давать; татя и душегубца не отпускать, всякаго лихаго человѣка безъ доклада ни продать, ни казнить, ни отпустить.—Опредѣляется, какъ судьи должны судить; боярамъ или дѣтямъ боярскимъ судить, а на судѣ у нихъ быть дворскому, старостѣ и лучшимъ людямъ; посула имъ отъ суда не брать же, ни на господина своего, ни на тіуна, и пошлинникамъ отъ суда посуловъ не просить; велѣть прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли, и заповѣдать по всѣмъ волостямъ, чтобы истецъ (ищея) и отвѣтчикъ судьямъ и приставамъ посула не сулили въ судѣ. Всякому судьѣ судомъ не мстити, ни дружить никому, жалобниковъ отъ себя не отсылать, а давать всѣмъ жалобникамъ управу во всемъ. Кого обвинитъ бояринъ не по суду, и грамоту правую на него съ дьякомъ дастъ, то эта грамота не въ грамоту, взятое отдать назадъ, а боярину и дьяку въ томъ пени нѣтъ, истцамъ же судъ съ головы.—Уголовныя преступленія и наказанія за нихъ обозначаются такъ: „Если доведутъ на кого воровство, разбой, душегубство, ябедничество, или другое какое-нибудь лихое дѣло, и будетъ онъ вѣдомый лихой человѣкъ, то боярину велѣть его казнить смертною казнью, а истца вознаградить изъ его имѣнія; если за этимъ вознагражденіемъ что останется, то идетъ на боярина и дьяка; если же у преступника не будетъ имѣнія, чѣмъ заплатить истцу, то бояринъ не долженъ выдавать послѣднему преступника, но долженъ велѣть казнить его. Убійцу своего господина, крамольника, церковнаго татя и головнаго (похитителя людей), подметчика, зажигальщика, вѣдомаго лихаго человѣка казнить смертною казнію. Если кого-нибудь поймаютъ на воровствѣ въ первый разъ (кромѣ церковнаго воровства головнаго), то казнить его торговою казнію, бить кнутомъ, потомъ доправить на немъ вознагражденіе истцу и судьѣ продажу; если же не будетъ у него имѣнія, то, бивши кнутомъ, выдать истцу головою на продажу, а судьѣ не брать ничего; поймаютъ его въ другой разъ на воровствѣ, то казнить смертію, а съ имѣніемъ поступать какъ прежде показано. Кто съоретъ межу или грани ссѣчетъ въ земляхъ великокняжескихъ, боярскихъ и монастырскихъ, того бить кнутомъ, да истцу взять на немъ рубль, а въ черныхъ волостяхъ волостель или посельскій беретъ на вино-

[1]) Никон. VI, 2, 54, 143, 169, 170, 127, 140, 171; П. С. Р. Л. IV. 269; V, 35; VI, 186, 244, 238, 221, 233, 234, 236, 238; Акты арх. эксп. I, № 381, 108, 382, 383, 380, 77, 78, 79, 99, 133, 139, 140, 125; Акты истор. 78, 89, 103, 286, 104, 109, 112, 285, 286, 79, 284; Дополн. къ акт. истор. I, № 211, 212, 214; Карамз. VI. примѣч. 622; Руднева разсужд. о ерес. и раск., стр. 92; Твор. Св. отцевъ въ русск. перев. Годъ V-й, кн. 2.—Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г.; № 3, 7, 8.

[2]) Исторія Русск. Церкви, III, 14, Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 118, 166, 141.

ватомъ два алтына, да за рану что присудятъ, посмотря по человѣку и по ранѣ. Между селами и деревнями должны быть загородья по половинамъ: въ случаѣ потравы взыскать убытокъ съ того, въ чью загородь прошелъ скотъ.—О земляхъ судъ: взыщетъ бояринъ на бояринѣ, или монастырь на монастырѣ, или бояринъ на монастырѣ, или монастырь на бояринѣ; взыщетъ черный на черномъ, или помѣщикъ на помѣщикѣ, или черный, или сельскій на помѣщикѣ и наоборотъ,—то судить за три года, а дальше трехъ лѣтъ не судить; взыщутъ на бояринѣ или на монастырѣ великокняжеской земли, то судить за шесть лѣтъ.

Изъ судебныхъ доказательствъ въ Судебникѣ означены: поличное, послушество, или свидѣтельство, поле, или судебный поединокъ, клятва. Велѣно прокликать по торгамъ въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли, и по всѣмъ волостямъ заповѣдать, чтобъ свидѣтелямъ, не видавши, не свидѣтельствовать, а видѣвши сказать правду. Если свидѣтель засвидѣтельствуетъ лживо, не видавши, то на немъ взыщется вознагражденіе истцу и всѣ убытки. На кого скажутъ человѣкъ пять или шесть дѣтей боярскихъ добрыхъ по великаго князя крестному цѣлованію, или черныхъ человѣкъ пять-шесть добрыхъ христіанъ цѣловальниковъ, что онъ воръ, а доказательства не будетъ, что онъ прежде воровалъ, то взять на немъ вознагражденіе истцу безъ суда. Если приведутъ вора съ поличнымъ впервые, и скажутъ на него человѣкъ пять или шесть, по великаго князя крестному цѣлованію, что онъ воръ вѣдомый и прежде того не одинъ разъ кралъ, то казнить его смертною казнію, а истцу дать вознагражденіе изъ оставшагося имѣнія. Если воръ скажетъ на когонибудь, то этого человѣка обыскивать; если онъ заподозрѣнъ уже въ какомъ-нибудь прежнемъ дѣлѣ, то его пытать; если же нѣтъ, то рѣчамъ вора не вѣрить, а дать его на поруку до обыску. Если кто купитъ на торгу что-нибудь новое, кромѣ лошади, не зная у кого купилъ, при двухъ или трехъ свидѣтеляхъ, людяхъ добрыхъ, и если послѣ сыщется, что купленная вещь краденая, то купившій правъ и присяги ему нѣтъ, когда свидѣтели скажутъ, что при нихъ купилъ; если же свидѣтелей не будетъ, то купившій долженъ идти къ присягѣ. Если свидѣтель будетъ уличать кого-нибудь въ дракѣ, грабежѣ или займѣ, то уличаемому отдается на волю: или идти биться съ свидѣтелемъ, или, ставши у поля, положить у креста то, чего на немъ ищутъ,—тогда истецъ безъ присяги возьметъ свое, отвѣтчикъ же заплатитъ полевыя пошлины; если же отвѣтчикъ, не стоявъ у поля, положитъ у креста, то заплатитъ судьямъ пошлину по списку, а полевыхъ пошлинъ платить не обязанъ. Если отвѣтчикъ противъ свидѣтеля будетъ старъ и малъ, или чѣмъ увѣченъ, или попъ, или чернецъ, или монахиня, или женщина, то вольно имъ выставить противъ свидѣтеля наемнаго бойца, свидѣтелю же нельзя нанять вмѣсто себя другого для битвы; какіе правый или его свидѣтель потерпитъ убытки, всѣ они взыщутся на виноватомъ. Если послухъ не пойдетъ передъ судью, есть ли за нимъ рѣчи, нѣтъ ли, во всякомъ случаѣ взять на немъ искъ, всѣ убытки и всѣ пошлины, а съ праветчикомъ ему судъ. Если свидѣтель не показываетъ одинаково съ истцемъ, то послѣдній этимъ обвиняется. Если истцомъ или свидѣтелемъ будетъ женщина, или ребенокъ, или старикъ, или больной, или увѣчный, или попъ, или чернецъ, или монахиня, то вольно имъ нанять за себя бойца: они присягнутъ, а наемникъ будетъ биться; противъ этихъ наемниковъ отвѣтчикъ также можетъ выставить наемнаго бойца, если самъ не захочетъ биться. Если чужеземецъ ищетъ на чужеземцѣ, то полагается на волю отвѣтчика: хочетъ, отцѣлуется (дастъ присягу), что не виноватъ, или у креста положитъ то, чего на немъ ищутъ, а истецъ, поцѣловавши крестъ, возьметъ.

О займахъ опредѣлено: Если купецъ, идучи на торговлю, возьметъ у кого-нибудь деньги или товаръ, и на дорогѣ этотъ товаръ или деньги изгибнутъ безъ его вины—потонутъ, сгорятъ, или рать возьметъ, то, послѣ обыска, должникъ платитъ заимодавцу только то, что взято, безъ росту. Если же, взявши для торговли, онъ пропьетъ или какънибудь иначе погубитъ взятое по своей волѣ, то выдается истцу головою на продажу.—Относительно наслѣдства положено: если человѣкъ умретъ безъ духовной грамоты, и не будетъ у него сына, то все имущество и земли идутъ дочери; а не будетъ у него дочери,—то взять ближнему отъ его рода. Наконецъ въ Судебникѣ нѣсколько статей посвящено опредѣленію судныхъ пошлинъ: брать боярину и дьяку въ судѣ, отъ рублеваго дѣла на виноватомъ—боярину два алтына, а дьяку восемь денегъ; а будетъ дѣло выше рубля или ниже, то боярину брать по тому же разсчету, и проч.

Что касается формы Судебника, то онъ составленъ безъ всякаго порядка, изъ статей, въ разныя времена написанныхъ; нѣкоторыя статьи встрѣчаются по два раза, причемъ одна пространнѣе другой; въ статьѣ о посулахъ и послушествѣ говорится: „Велѣть прокликать по торгамъ, въ Москвѣ и во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской Земли";—не прибавлено: „Тверской", и это можетъ вести къ заключенію, что статья издана до покоренія Твери. Если сравнимъ Судебникъ съ Русскою Правдою, то найдемъ важное различіе: месть, самоуправство не допускается; истецъ вознаграждается изъ имущества преступника; но когда этого имущества не окажется, то правительство не отказывается отъ своего права казнить преступника. Важно въ Судебникѣ опредѣленіе, кому и какъ судить; важно постановленіе о наслѣдствѣ, признаніе права на наслѣдство дочерей и рода безъ различія состояній.

Кромѣ Судебника, отъ временъ Іоанна III дошелъ до насъ еще любопытный юридическій памятникъ—Уставная Бѣлозерская грамота; здѣсь, между прочимъ, встрѣчаемъ слѣдующія опредѣленія: По-

личное то, что вынутъ изъ клѣти, изъ-за замка; а найдутъ гдѣ на дворѣ, или въ пустой хороминѣ, а не за замкомъ, то не поличное. У кого что-нибудь признаютъ воровское, и тотъ сведетъ съ себя сводъ хотя бы до десятаго свода и до бѣглаго вора,—намѣстники не берутъ ничего. Самосудъ—то, кто поймаетъ вора съ поличнымъ, да отпустить его прочь, не объявя намѣстникамъ и тіунамъ ихъ, и будетъ въ томъ уличенъ. Случится гдѣ душегубство, въ городѣ, или въ стану, или въ волости, и душегубецъ не сыщется, то жители города, стана или волости платятъ вины четыре рубля. Намѣстникамъ и тіунамъ безъ сотскихъ и безъ добрыхъ людей не судить суда. Тіунамъ и намѣстничьимъ людямъ на пиръ и на братчину незваннымъ не ходить; а кто придетъ незванный, того можно выслать вонъ; а кто станетъ пить силою, и приключится какой-нибудь вредъ, тотъ долженъ платить безъ суда, а отъ великаго князя будетъ въ наказаніи.

Судебникъ короля Казимира, данный Литвѣ въ 1468 году, доставляетъ намъ возможность сравнить юридическія понятія въ Западной и Восточной Руси. По Судебнику Казимирову, если приведутъ вора съ поличнымъ, и онъ будетъ въ состояніи заплатить истцу, то пусть платитъ; если же не будетъ въ состояніи заплатить, а жена его со взрослыми дѣтьми знали о воровствѣ, то платить женою и дѣтьми, самого же вора на висѣлицу; если же дѣти его будутъ малолѣтнія, ниже семи лѣтъ, то они не отвѣчаютъ: если жена и взрослыя дѣти вора захотятъ выкупиться, или господинъ захочетъ ихъ выкупить, то могутъ выкупаться. Если воръ не приносилъ покражи домой, и жена съ дѣтьми ею не пользовались, то одинъ злодѣй терпи, а жена, дѣти и домъ ихъ не виноваты, вознагражденіе истцу платится изъ имущества вора, а женино имѣніе остается неприкосновеннымъ. Если преступленіе будетъ совершено крѣпостнымъ человѣкомъ, а господинъ зналъ о немъ или принималъ участіе, то и господинъ отвѣчаетъ наравнѣ съ преступникомъ. Кто будетъ держать у себя постояльца тайно, не объявивши сосѣдямъ, и случится у кого-нибудь изъ нихъ пропажа, то онъ обязанъ поставить своего постояльца къ тремъ срокамъ, если же къ послѣднему сроку не поставитъ, то долженъ заплатить за покраденое, а постояльца пусть ищетъ, и нашедши пусть проводитъ на судъ: то ужъ заплачено. Кто украдетъ выше полкопы денегъ или корову, того повѣсить. Кто украдетъ въ первый разъ меньше полтины, пусть оплачивается; если же больше полтины, то повѣсить; за покражу коня, хотя бы и въ первый разъ, повѣсить. Если кто найдетъ лошадь блудящую, или какія-нибудь другія вещи потерянныя, долженъ объявить околицѣ; не найдется хозяинъ въ три дня, то нашедшій беретъ себѣ найденное; если же нашедшій утаитъ найденное, то считается воромъ; если кто будетъ людей выводить или челядь невольную и поймаютъ его съ поличнымъ, то на висѣлицу. Если вора станутъ пытать, а онъ знаетъ средство противъ боли (а зеліе знаа), то повѣсить чародѣя, хотя бы и не признался съ пытки, если будутъ добрые на него свидѣтели, если будетъ дознано, что онъ прежде кралъ и бывалъ на пыткѣ. Если тотъ, кому выдадутъ вора, не захочетъ его казнить, а захочетъ взять съ него деньги и отпустить, либо къ себѣ въ неволю взять, то лишается своего права; правительство казнитъ преступника, потому что злодѣю нельзя оказывать милости. — Несмотря на сходство постановленій въ обоихъ Судебникахъ, видимъ и различіе; особенно важно постановленіе Литовскаго Судебника о семействѣ преступника, если оно не участвовало въ преступленіи; этой статьи нѣтъ въ Московскомъ Судебникѣ. Въ уставной грамотѣ великаго князя Александра кіевскимъ мѣщанамъ встрѣчаемъ положеніе, которое, съ разными ограниченіями, мы видѣли уже въ Русской Правдѣ: „Холопу и рабѣ не вѣрить и въ свидѣтели ихъ не принимать; съ невольнымъ человѣкомъ суда нѣтъ". Дошло до насъ отъ описываемаго времени также нѣсколько распоряженій великаго князя Литовскаго относительно наслѣдства: въ 1495 г. дочери Мстиславскаго князя Ивана Юрьевича били челомъ великому князю Александру объ отчинѣ своей, и получили такой отвѣтъ: пусть ѣдутъ въ Мстиславль и владѣютъ всею отчиною своею, всѣми землями, которыми владѣлъ дѣдъ и отецъ ихъ, исключая тѣхъ имуществъ и людей, которыхъ король Казимиръ придалъ имъ,—эту придачу Александръ беретъ себѣ; княжны пусть живутъ на отчинѣ своей до тѣхъ поръ, пока Богъ дастъ имъ жениховъ, княжатъ, которые были бы имъ ровны; тогда великій князь объ нихъ позаботится. Въ другомъ актѣ относительно Мстиславля говорится, что эта волость по смерти жены послѣдняго князя Ивана перешла къ великому князю, который отдалъ ее князю Жославскому (Ижеславскому, Изяславскому), женившемуся на дочери послѣдняго Мстиславскаго князя, княжнѣ Ульянѣ. Видимъ распоряженія, по которымъ дочь вводилась во владѣніе отцовскимъ имуществомъ, пріобрѣтеннымъ чрезъ пожалованье великокняжеское. Относительно наслѣдства женъ послѣ мужа встрѣчаемъ такое распоряженіе: князь Мосальскій просилъ у великаго князя Александра имѣнія въ Смоленскомъ повѣтѣ, говоря, что владѣлецъ этого имѣнія, Протасьевъ, умеръ, наслѣдниковъ не оставилъ, оставилъ только жену; великій князь далъ просителю имѣніе съ тѣмъ, чтобъ онъ держалъ въ немъ вдову Протасьева въ чести, не обижалъ ничѣмъ до самой ея смерти. По уставной грамотѣ, данной жителямъ Бельзской области въ 1501 году, жена, по смерти мужа, оставляется въ покоѣ годъ и недѣлю; потомъ, взявши вѣно, которое получила она отъ мужа, а еслибъ этого вѣна не было, то взявши свое вѣно или приданое, съ которымъ выдана была замужъ, вдова возвращается къ родичамъ своимъ, если имѣетъ ихъ, братьевъ или сестеръ, и должна возвратить вѣно родичамъ, которыми была выдана

замужъ; если же не захочетъ возвратить, то теряетъ право на слѣдующую ей долю отцовскаго имущества, но не материнскаго. Что касается наслѣдства послѣ измѣнниковъ, то по случаю спора между князьями Бѣльскими о наслѣдствѣ князя Ѳедора, бѣжавшаго въ Москву, было утверждено: если кто-нибудь побѣжитъ отъ господаря, челомъ не ударивши, то имущество его нейдетъ къ родственникамъ, но на господаря [1]).

Относительно права народнаго княженіе Іоанна III очень важно для насъ, вопервыхъ потому, что при немъ начались дипломатическія сношенія съ такими государствами, съ которыми прежде сношеній не было; вовторыхъ, потому, что, начиная съ его времени, дипломатическія сношенія дошли до насъ во всѣхъ подробностяхъ записанныя. Что касается образа веденія войны, то онъ при Іоаннѣ III нисколько не измѣнился противъ прежняго; видимъ ту же жестокость и во внѣшнихъ и въ междоусобныхъ войнахъ; при описаніи войны Новгородской читаемъ, что полки пошли къ Новгороду разными дорогами, плѣнили, жгли; взятымъ въ битвѣ плѣнникамъ рѣзали носы и губы; въ походѣ на Землю Черемисскую русскіе полки причинили ей много вреда, людей перебили, другихъ въ плѣнъ взяли, иныхъ сожгли, скотъ, котораго нельзя было взять съ собою, перебили; обычай браниться передъ битвами продолжался, что видимъ изъ описанія Шелонскаго боя. Одному религіозному требованію дѣлались уступки: такъ, великій князь во время Новгородской войны не велѣлъ союзнымъ Татарамъ брать въ плѣнъ людей-христіанъ. Касательно мирныхъ сношеній съ государствами, прежде всего замѣчаемъ въ нихъ различіе, происходившее отъ различныхъ степеней важности этихъ государствъ для Москвы. Самый большой почетъ въ формахъ дипломатическихъ сношеній, даже въ ущербъ двору Московскому, какъ мы видѣли, оказывался хану Крымскому; здѣсь дѣйствовало, кромѣ сознанія пользы крымскаго союза, еще преданіе о прежнихъ недавнихъ отношеніяхъ къ татарскимъ ханамъ; преданіе это было такъ сильно, что вело къ странности: не требуя равенства въ сношеніяхъ съ Менгли-Гиреемъ, Московскій дворъ требовалъ полнаго равенства въ сношеніяхъ съ султаномъ Турецкимъ, котораго Менгли-Гирей былъ подручникомъ. Большимъ почетомъ пользовались въ Москвѣ послы императора Германскаго, но съ соблюденіемъ равенства; почетъ оказывался имъ на томъ основаніи, что и нашимъ посламъ при дворѣ Австрійскомъ оказывались большія почести. При жизни Казимира Литовскаго, въ сношеніяхъ его съ Іоанномъ видимъ равенство, которое нарушается послѣ его смерти и нарушается въ пользу Москвы; такъ, для заключенія мира знатные послы литовскіе пріѣзжаютъ въ Москву, что дѣлается уже примѣромъ для будущаго времени и правомъ Московскаго двора. Касательно же другихъ сосѣднихъ державъ, Швеціи и Ливоніи, Іоаннъ не допускалъ даже непосредственныхъ сношеній, требовалъ, чтобы эти державы сносились съ его намѣстниками; въ сношеніяхъ съ ливонскими Нѣмцами Іоаннъ писался царемъ, а отъ нихъ писалось ему челобитье.

Іоаннъ III высказалъ такое понятіе о послѣ: „Всякій посолъ рѣчи говоритъ и лицо носитъ государя своего“. Вслѣдствіе этого требовалъ также, чтобъ у пословъ и людей посольскихъ не смотрѣли ихъ вещей, не брали съ нихъ тамги и никакихъ другихъ пошлинъ. Но относительно обращенія другихъ государей съ послами державъ, ему враждебныхъ, Іоаннъ обнаруживалъ иногда другого рода желанія; въ случаѣ, еслибъ Крымскій ханъ спросилъ московскаго посла: „Посолъ королевскій сидитъ у меня въ заточеніи, и князь великій что мнѣ приказалъ объ немъ?“ — то московскій посолъ долженъ былъ отвѣчать хану по наказу своего государя: „Король какъ тебѣ недругъ, такъ и моему государю недругъ; такъ чѣмъ недругу досаднѣе, тѣмъ лучше“. Имѣя такое высокое понятіе о послѣ, какъ носящемъ лицо государя своего, Іоаннъ долженъ былъ заботиться не только о томъ, чтобъ его послу оказывалась достойная честь, но также и о томъ, чтобъ самъ посолъ, поведеніемъ своимъ, не унизилъ достоинства государя своего; такъ, въ наказѣ посламъ, отправленнымъ въ Литву, окольничему Петру Михайловичу, дворецкому Константину Григорьевичу, сокольничему Михаилу Степановичу и дьяку Губѣ, читаемъ: „Вы бы, Константинъ, Михайло и Губа, Петра чтили во всемъ, а ты бы, Петръ, ихъ берегъ, да также чтилъ бы во всемъ, а розни между вами не было бы ни въ чемъ, чтобы вы своею рознью мнѣ безчестья не нанесли, а дѣлу моему порухи не было бы. А какъ будете у короля за столомъ, и послѣ стола пришлетъ за вами король, чтобъ вы шли вмѣстѣ пить, то вы идите всѣ къ Петру, да чтобъ между вами все было гладко, и пили бы вы бережно, не допьяна; гдѣ ни случится вамъ пить, вы бы себя берегли, пили бы бережно, чтобъ вашимъ небреженіемъ нашему имени безчестья не было: вѣдь что сдѣлаете неприличное, то намъ безчестье, и вамъ безчестье же; такъ вы бы во всемъ себя берегли. Да что посланы съ вами дѣти боярскія — Орловъ съ товарищами, то на лавкѣ отъ Губы садился бы Орловъ, а противъ него на скамьѣ Рахманинъ-Тилилинъ, а другимъ дѣтямъ боярскимъ скажите, чтобъ между ними мѣстъ не было, садились бы, и къ рукѣ и къ чашѣ ходили всѣ попремѣнно, чтобъ между ними объ этомъ споровъ не было; а кто не послушается, на того вы прикрикните, да и ударьте“.

Когда одна изъ воюющихъ державъ обнаруживала желаніе кончить войну, то требовала пропускныхъ, или опасныхъ грамотъ для пословъ своихъ; выдачу этихъ грамотъ Іоаннъ не хотѣлъ однако считать знакомъ прекращенія военныхъ дѣйствій;

[1]) Никон. VI, 51; П. С. Р. Л. VI, 23, 236, 238, 239, 279; Акты арх. эксп. I, № 92, 115, 123; Акты истор. I, № 105; Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 169, 126, 131, 176, 181, 189.

такъ онъ писалъ сыну своему Димитрію, осаждавшему Смоленскъ: „Посылаю тебѣ опасную грамоту на имя великаго князя Александра, для его пословъ; отдай ее епископскому человѣку, за ней пріѣхавшему; но постарайся, чтобъ онъ не заѣзжалъ въ Смоленскъ и не объявлялъ бы городничему, что опасная грамота дана; и вы дѣла не откладывайте, Смоленскъ доставайте, наше и земское дѣло дѣлайте, какъ васъ Богъ вразумитъ и какъ вамъ поможетъ".

Услыхавъ о приближеніи посла, посылали пристава встрѣчать его на границѣ и во все продолженіе пути давать ему кормъ съ медомъ и виномъ; Максимиліанову послу Снупсу велѣно было давать въ Новгородѣ на день по курицѣ, по двѣ части говядины, по двѣ части свинины, по два калача полуденежныхъ, а соли, заспы, сметаны, масла, меду и вина—сколько понадобится. Потомъ другой приставъ встрѣчалъ посла въ нѣкоторомъ разстояніи отъ Москвы; въ день представленія сановники встрѣчали его внизу лѣстницы и передъ палатными дверями. Вошедши въ пріемную палату, посолъ правилъ поклонъ великому князю отъ своего государя; великій князь, вставши, спрашивалъ о здоровьи послѣдняго, давалъ руку послу и приказывалъ ему садиться на скамью противъ себя. Посидѣвши немного, посолъ вставалъ и подавалъ вѣрящую грамоту, а послѣ грамоты представлялъ поминки, или дары. Пріемъ происходилъ въ присутствіи сыновей великокняжескихъ и всѣхъ бояръ: первымъ посолъ также правилъ поклоны (хотя не всегда); они давали ему руки и спрашивали о здоровьи. Въ тотъ же день посолъ обѣдалъ у государя, а послѣ обѣда великій князь посылалъ къ нему на подворье потчивать виномъ и медомъ, или, какъ обыкновенно выражалось, посылалъ поить посла. Мы видѣли, какъ Іоаннъ III наказывалъ своимъ посламъ, чтобъ они при этомъ потчиваньи не напивались допьяна; но послы, пріѣзжавшіе въ Москву изъ другихъ государствъ, какъ видно, не получали подобныхъ наказовъ: литовскій посолъ Станиславъ Глѣбовичъ, напившись пьянъ, вздумалъ говорить, присланному потчивать его, князю Ноздреватому о цѣли своего посольства, о сватовствѣ своего государя на дочери великаго князя и т. д. О венгерскомъ послѣ говорится: „Ѣлъ у великаго князя, а послѣ стола князь великій посылалъ поить его; посолъ въ ту ночь пьяный расшибся и не могъ быть на другой день съ королевскими рѣчами". На отпускѣ посла великій князь послѣ отвѣта, касавшагося цѣли посольства, приказывалъ съ посломъ поклонъ къ его государю и благодарность за подарки. Желая оказать особенную благосклонность Максимиліанову послу Юрію Делатору, великій князь на отпускѣ сдѣлалъ его золотоносцемъ, далъ ему цѣпь золотую съ крестомъ, шубу атласную съ золотомъ на горностаяхъ, да остроги (шпоры) серебряныя, вызолоченныя. При отправленіи русскихъ пословъ въ чужія государства до границы давались имъ подводы отъ яма до яма, на наемъ подводъ за границею выдавались деньги; въ подорожной грамотѣ Юрію Траханіоту и Василію Кулешину, отправлявшимся въ послахъ къ Максимиліану, говорилось, чтобъ вездѣ давалось каждому изъ нихъ по тринадцати подводъ, корму давалось бы каждому на всякой станціи—туша баранья, а овчина назадъ, три курицы, хлѣбъ. Значительные люди, кромѣ Крыма, отправлялись послами только въ важныхъ случаяхъ, напримѣръ для подтвержденія мирнаго договора; обыкновенный наказъ посламъ состоялъ въ томъ, чтобъ они какъ можно болѣе узнали о состояніи и объ отношеніяхъ государства, въ которое посылались, и какъ можно менѣе сказали о своемъ государствѣ.

Главнѣйшею цѣлію пріѣзда иностранныхъ пословъ было заключеніе мира, перемирія, союза. Обрядъ заключенія перемирія между Іоанномъ и Александромъ Литовскимъ описывается такъ: по написаніи двухъ грамотъ съ обѣихъ сторонъ и привѣшеніи къ нимъ печатей, бояре отнесли литовскую грамоту къ великому князю, который, осмотрѣвши посольскія печати у нея, велѣлъ посламъ быть у себя; когда послы пришли, то онъ велѣлъ имъ сѣсть, и послалъ за крестомъ; крестъ принесли на блюдѣ съ пеленою. Тогда великій князь всталъ, велѣлъ одному изъ бояръ держать крестъ и, въ то же время, приказалъ читать перемирныя грамоты. Когда грамоты прочли и положили подъ крестъ, Іоаннъ, обратясь къ посламъ, сказалъ: „Паны! мы съ братомъ своимъ и зятемъ Александромъ, королемъ и великимъ княземъ, заключили перемирье на шесть лѣтъ, и грамоты перемирныя написали, и печати свои къ своей грамотѣ привѣсили, а вы къ королевскому слову, къ той грамотѣ, которой у насъ быть, печати свои привѣсили. Мы на этихъ грамотахъ крестъ цѣлуемъ, что хотимъ править такъ, какъ въ грамотахъ писано. А вы на этихъ грамотахъ цѣлуйте крестъ, что какъ будутъ у нашего брата наши бояре, то братъ нашъ и зять къ своей грамотѣ печать свою привѣситъ, и крестъ поцѣлуетъ предъ нашими боярами, отдастъ имъ перемирную грамоту, и будетъ править по ней; а не станетъ намъ править, то Богъ насъ съ нимъ разсудитъ". Великій князь и послы поцѣловали крестъ.—Въ перемирныхъ грамотахъ выговаривалось, что если по истеченіи урочныхъ лѣтъ начнется опять война, то во время разрыва не захватывать пословъ и купцовъ, которые случатся тогда въ начинающихъ войну государствахъ; въ перемирныхъ же грамотахъ Новгородцевъ и Псковичей съ Ливоніею по-прежнему полагается условіе, чтобъ начинать военныя дѣйствія не ранѣе четырехъ недѣль послѣ объявленія войны. О плѣнныхъ высказывалось требованіе съ литовской стороны, чтобъ послѣ заключенія мира освобождать ихъ со всѣмъ взятымъ у нихъ имуществомъ; когда венгерскій посолъ ходатайствовалъ, чтобъ литовскимъ плѣнникамъ возвратили свободу, обязавши ихъ присягою или порукою, то Іоаннъ велѣлъ отвѣчать ему: „Въ нашихъ земляхъ нѣтъ обычая отпускать

плѣнниковъ на присягѣ или на порукѣ, а нужды имъ нѣтъ никакой,—всего довольно, ѣды, питья и платья".

Предметомъ дипломатическихъ сношеній между государствами послѣ заключенія мира были преимущественно, какъ мы видѣли, непріязненныя столкновенія порубежныхъ жителей и притѣсненія торговыхъ людей. Въ договорахъ Новгородцевъ и Псковичей съ ливонскими Нѣмцами различается вольное и невольное нарушеніе границъ: „Между Псковомъ и Юрьевымъ земли и воды по старый рубежъ; въ Великомъ озерѣ ловить Псковичамъ къ своему берегу, а за озеро Великое, на юрьевскую сторону, имъ не ѣздить на рыболовство; если же вѣтромъ занесетъ псковскаго ловца на юрьевскую сторону, то въ томъ пени нѣтъ; также если вѣтеръ занесетъ и нѣмецкаго ловца на псковскую сторону, а кто станетъ наступать на чужую землю или воду, того казнить смертію съ обѣихъ сторонъ" Въ тѣхъ же договорахъ постановлялось: если на порубежьи съ которой-нибудь стороны случится воровство, уводъ людей, грабежъ, убійство то обиженная сторона посылаетъ три раза требовать управы, и если послѣ этого управы не будетъ, то обиженная сторона можетъ сама управиться (взять за свое на рубежѣ), и это не служитъ поводомъ къ разрыву, посла и купца за это нельзя держать.—Можно сказать, что заключеніе мира не имѣло никакого вліянія на порубежныхъ жителей, которые находились въ постоянной войнѣ съ сосѣдями; поэтому порубежныя обидныя дѣла, какъ тогда выражались, составляли предметъ постоянныхъ пересылокъ между государствами, пересылокъ, почти никогда однако не достигавшихъ цѣли. Псковичи, Новгородцы и Нѣмцы ливонскіе, какъ мы видѣли, прямо допускали самоуправство въ этомъ случаѣ; между Литовскимъ и Московскимъ правительствами видимъ постоянныя жалобы на порубежныя обиды и постоянныя требованія съѣздовъ для учиненія исправы; въ 1496 г. посолъ Александра Литовскаго говорилъ Іоанну: „Напоминаемъ тебѣ, чтобъ ты возвратилъ намъ и слугамъ нашимъ земли, воды и людей нашихъ, которые забраны; а для другихъ дѣлъ обидныхъ, для покражъ, разбоевъ, грабежей, наѣздовъ и для исправленія старыхъ границъ,—вышли немедленно своихъ бояръ, а мы къ нимъ своихъ пановъ вышлемъ,—пусть они всѣмъ обиднымъ дѣламъ управу учинятъ". Новгородскіе намѣстники, заключая перемиріе съ Ливонскимъ магистромъ въ 1481 году, выговорили съѣздъ для управы обидныхъ дѣлъ; на этомъ съѣздѣ съ обѣихъ сторонъ должны были быть честные люди; если не успѣютъ рѣшить всѣхъ дѣлъ на одномъ съѣздѣ, то назначить другой; если не успѣютъ на второмъ, то назначить третій; и всѣмъ тремъ съѣздамъ быть въ продолженіи двухъ лѣтъ; а не управятся на третьемъ съѣздѣ, то перемирье не въ перемирье.—Постоянно въ договоры вносилось условіе, что купцамъ путь чистый, могутъ торговать въ розницу и оптомъ, исключая нѣкоторыхъ запрещенныхъ товаровъ, обозначенныхъ въ договорѣ; и постоянно это условіе подвергалось нарушеніямъ; вносилось также въ договоры, что купцовъ не захватывать при начатіи войны, но и это условіе не исполнялось; жалуясь на его неисполненіе съ литовской стороны, Іоаннъ говоритъ: „Наши люди торговые Московской Земли, Новгородской, Псковской, Тверской, зашли въ Литовскую Землю, и тамъ ихъ схватили, товары отняли; но этого нигдѣ не водится, что купцовъ захватывать; хотя и полки ходятъ, а купцу путь не затворенъ,—купецъ идетъ на обѣ стороны безъ всякихъ зацѣпокъ".

Предметомъ посольствъ бывало также извѣщеніе о вступленіи новаго государя на престолъ; видимъ также предметомъ посольствъ ходатайство государей за другія государства: такъ Литовскіе государи ходатайствовали у Московскаго за воеводу Молдавскаго, за Швецію, за Нѣмцевъ. Ходатайство за православныхъ единовѣрцевъ, покровительство православнымъ подданнымъ чуждыхъ государствъ Іоаннъ, какъ мы видѣли, считалъ постоянно своимъ правомъ; вторая Литовская война началась за притѣсненія православныхъ; Александръ Литовскій признаетъ это право, ибо оправдывается, увѣряетъ, что онъ и не думалъ притѣснять православныхъ своихъ подданныхъ. Выставляя собственное право покровительствовать единовѣрцамъ, Іоаннъ не допускаетъ папскаго вмѣшательства въ дѣла, касающіяся православія въ Литвѣ, не хочетъ слышать о сношеніяхъ съ папою по церковнымъ дѣламъ; въ договоры съ Ливонскимъ Орденомъ вносилось условіе:—не обижать русскихъ церквей въ Ливоніи. Наконецъ, замѣчаемъ, что въ сношеніяхъ съ христіанскими державами защита христіанства отъ невѣрныхъ обыкновенно выставляется какъ общій, высшій интересъ.

Въ дипломатическихъ сношеніяхъ Московскаго двора съ Литовскимъ мы видѣли любопытное явленіе, именно—сношенія пановъ литовскихъ съ боярами московскими. Касательно языка грамотъ должно замѣтить, что въ сношеніяхъ съ Литовскимъ дворомъ онѣ писались по-русски, въ Москвѣ—на московскомъ нарѣчіи, въ Литвѣ—на бѣлорусскомъ; въ сношеніяхъ съ другими европейскими государствами грамоты писались по-латыни: когда венгерскому послу дали отвѣтные списки, то онъ просилъ перевести ихъ на латинскій языкъ, и, по приказу великаго князя, московскіе толмачи латинскіе перевели ихъ вмѣстѣ съ писаремъ венгерскаго посольства. Отправляя пословъ къ Максимиліану, великій князь далъ имъ такой наказъ: „Просить имъ грамоты докончальной по великокняжескому списку слово въ слово, и говорить королю, чтобъ велѣлъ писать грамоту русскимъ письмомъ, нѣтъ ли у него писца Серба или Словенина; а не будетъ у него такого писца, который бы могъ писать по-русски, то писать по-латыни или по-нѣмецки" [1]).

[1]) Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, дѣла Польскія № 1, Крымскія, № 1 и 2; Никон. VI, 26, 30; П. С. Р. Л.

Относительно состоянія общественной нравственности новорожденное государство должно было еще много терпѣть отъ остатковъ прежняго безнарядья. Намѣстники и волостели продолжали смотрѣть на отправленіе своихъ должностей, на отправленіе правосудія исключительно какъ на средство **кормиться, быть сытыми**, и не считали неприличнымъ высказывать такой взглядъ прямо въ просьбахъ своихъ великому князю: такъ, бояринъ Яковъ Захарьевичъ, назначенный въ Кострому намѣстникомъ вмѣстѣ съ литовскимъ выходцемъ, паномъ Иваномъ Судимонтомъ, билъ челомъ великому князю, что имъ обоимъ на Костромѣ сытымъ быть не съ-чего. Послѣ этого неудивительно читать въ лѣтописи, что Беклемишевъ, Алексинскій воевода, запросилъ у городскихъ жителей посула, и когда они дали ему пять рублей, то онъ запросилъ еще шестаго для жены своей. Видимъ жестокость казней—сожженіе, отрѣзаніе языка, кнутъ—для людей всѣхъ сословій; но видимъ въ то же время и преступленія, объясняющія подобныя казни: подложная грамота была составлена въ 1488 году архимандритомъ и княземъ; видимъ, что и въ другихъ странахъ наказанія не были мягче; по Магдебургскому праву, данному западно-русскимъ городамъ, употреблялись отсѣченіе головы, посаженіе на колъ, потопленіе. Разбойники въ Тверской Землѣ убили двоихъ псковскихъ гонцовъ, ѣхавшихъ въ Москву, вмѣстѣ со всѣми провожатыми, и побросали въ рѣку; въ какихъ размѣрахъ производились разбои и кѣмъ,—видно также изъ слѣдующаго извѣстія Псковской лѣтописи подъ 1476 годомъ: собрались новгородскіе боярскіе ключники и ударились ночью разбоемъ со всею ратною приправою на Псковскую волость Гостятино. Одно духовное завѣщаніе, дошедшее до насъ отъ описываемаго времени, начинается такъ: „Се язъ рабъ Божій Панкратъ Ченѣй пишу сію грамоту душевную въ концѣ живота; а билъ мя Михайла Скобелцинъ большой, съ своими людьми съ Кузёмкою да и съ Ивашкомъ съ Щокотомъ, да брата его человѣкъ Михайловъ Меньшево Дмитрокъ Зуй, а билъ мя у своего села, а пойти ми съ ихъ рукъ“. Въ житіи Св. Антонія Сійскаго читаемъ, что однажды пришелъ на Двину изъ Новгорода сборщикъ архіепископской дани, и, думая, что у Антонія много богатства, наслалъ на его монастырь разбойниковъ. Противъ остатковъ языческихъ обычаевъ и соединенной съ ними нравственной порчи вооружился Елеазарова монастыря игуменъ Памфилъ въ своемъ посланіи къ Псковскимъ властямъ: „Есть еще остатокъ непріязни въ этомъ городѣ, и не прекратилась еще здѣсь лесть идольская, празднованіе кумирское; когда приходитъ великій праздникъ Рождества Предтечева, тогда въ эту святую ночь мало не весь городъ взмятется и взбѣсится: стучатъ бубны, голосятъ сопѣли, гудутъ струны, жены и дѣвы плещутъ, пляшутъ и поютъ скверныя пѣсни; тутъ мужамъ и юношамъ великое прельщеніе и паденіе, женамъ оскверненіе, дѣвамъ растлѣніе. Тогда же выходятъ мужчины и женщины, чаровники и чаровницы, бродятъ по лугамъ, болотамъ и дубравамъ, ищутъ смертной травы, чревоотравнаго зелья на пагубу людямъ и скоту, копаютъ коренья на безуміе мужамъ“. Мы видѣли, что бабы-чаровницы имѣли доступъ и ко двору великокняжескому. Страсть къ крѣпкимъ напиткамъ продолжала господствовать; обѣды сопровождались **питьемъ**, причемъ не соблюдалось умѣренности: въ лѣтописи находимъ выраженіе—**обѣдать и пить**, гдѣ эти два слова необходимо связаны [1]). Неумѣренность въ пирушкахъ не сдерживалась присутствіемъ женщинъ, съ которыми вообще обходились не очень благосклонно [2]). Въ житіи Св. Александра Свирскаго встрѣчаемъ извѣстіе, что если женщина рождала однѣхъ только дочерей, то подвергалась поношенію и оскорбленію отъ посторонних людей. Одинъ изъ костромскихъ намѣстниковъ, бояринъ Яковъ Захарьевичъ, жаловался, что когда его жена Арина пришла напередъ въ церковь къ Пречистой, то другой намѣстникъ Судимонтъ взялъ ее за накапку, свелъ съ мѣста, и поставилъ свою жену Аксинью. Великій князь, выговаривая Судимонту за этотъ поступокъ, пишетъ: „Это ты дѣлаешь по литовскому обычаю“. Изъ этого видно, что у народовъ, съ которыми жители Московскаго государства находились въ самыхъ частыхъ сношеніяхъ, нечего было перенимать хорошаго; мы уже имѣли случай замѣтить то же самое, говоря о поведеніи литовскаго и венгерскаго пословъ въ Москвѣ. Венеціанскій посолъ Контарини пишетъ, что, отправившись изъ Житомира, онъ цѣлый день ѣхалъ большимъ лѣсомъ, крайне опаснымъ по причинѣ всякаго рода бродягъ, его наполнявшихъ; по его же свидѣтельству, жители Кіева обыкновенно проводили утро до трехъ часовъ въ занятіяхъ, а потомъ отправлялись въ шинки, гдѣ оставались вплоть до самой ночи, и нерѣдко, напившись допьяна, заводили между собою драки.

Но общество, несмотря на неблагопріятныя обстоятельства для нравственности, оставалось обществомъ христіанскимъ, и потому подлѣ извѣстій, свидѣтельствующихъ о неудовлетворительномъ нравственномъ состояніи общества, находимъ извѣстія о подвигахъ лицъ, которыя словомъ и дѣломъ противоборствовали нравственной порчѣ; находимъ из-

---

IV, 225; VI, 187, 192; Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, I, № 192, 69, 154, 73, 74, 97, 134, 75, 88, 137, 112, 186, 105, 122, 143; Памятники диплом. снош. т. I, стр. 41, 106, 24, 48, 25, 26, 27, 30, 34, 69, 83, 84, 112, 113.

[1]) «Февраля 8 въѣхалъ К. В. на Москву утрѣ предъ обѣднею; а обѣдалъ и пилъ у матери». — Герберштейнъ: «In prandio plerumque adeo se potu ingurgitabat, ut somno opprimeretur: invitatis interim omnibus timore perculsis, silentibusque». Контарини, стр. 110: «Москвитяне, какъ мужчины, такъ женщины, вообще красивы собою, но весьма грубы и невѣжественны. Главнѣйшій недостатокъ ихъ есть пьянство».

[2]) Герберштейнъ: «Mulieribus porro usquæ ad eo infensus erat (M. D.) ut eius conspectu, si quæe forte obviam sibi venissent, tantum non exanimarentur».

*

вѣстія объ обычаяхъ, коренившихся на религіозномъ чувствѣ, на чувствѣ христіанскаго милосердія; такъ, читаемъ въ лѣтописи: одинъ человѣкъ въ городѣ Москвѣ ходилъ по обычаю къ селу Скудельничему, которое содержатъ граждане на погребеніе страннымъ; обычай они имѣютъ ходить туда въ четвергъ седьмой недѣли (въ Семикъ), покупать канонъ, свѣчу и молиться объ умершихъ, загребаютъ старую яму, наполненную мертвецами, и выкапываютъ новую; всѣ тутъ копаютъ и засыпаютъ землею Бога ради, всѣ—граждане, мужчины и женщины. О Св. Даніилѣ Переяславскомъ говорится, что онъ, заслышавъ о мертвомъ тѣлѣ, отправлялся немедленно на мѣсто, гдѣ оно лежало, и несъ его въ Божій домъ на погребеніе; мѣстомъ этимъ божедомскимъ владѣлъ тогда какой-то Изъядиновъ, который приставилъ къ скудельницамъ слугъ своихъ для сбора денегъ съ мертвыхъ тѣлъ; негодующіе Переяславцы прозвали этихъ приставовъ зацѣплянами. Любопытно, что жителямъ нѣкоторыхъ волостей въ описываемое время дается право не пускать скомороховъ играть у себя; напримѣръ: „Князья, воеводы, дѣти боярскія и всякіе ѣздоки въ тѣхъ селахъ не ставятся, кормовъ не берутъ, также и скоморохи въ тѣхъ селахъ не играютъ“. Слѣдовательно жители селъ, не имѣвшіе этихъ льготъ, обязаны были позволять скоморохамъ играть у себя; мы не можемъ понять этихъ правъ и обязанностей, не предположивши какого-нибудь финансоваго отношенія скомороховъ къ казнѣ.

Литература Іоаннова времени, какъ и литература временъ предшествовавшихъ, состоитъ, во-первыхъ, изъ посланій духовныхъ лицъ къ великому князю, къ цѣлымъ городамъ, къ цѣлымъ сословіямъ; изъ этихъ посланій, разумѣется, первое мѣсто, по важности содержанія и по одушевленію, занимаетъ посланіе Вассіана на Угру. Ересь жидовская вызвала къ литературной дѣятельности Іосифа Волоцкаго, написавшаго противъ еретиковъ свой знаменитый Просвѣтитель. Это сочиненіе показываетъ въ авторѣ большую начитанность въ Св. Писаніи; въ примѣръ искусства его приведемъ доказательство таинству Св. Троицы изъ Ветхаго Завѣта, изъ книги Бытія: „Егда восхотѣ Богъ сотворити Адама, рече: сотворимъ человѣка по образу Нашему и по подобію. Почто не рече: сотворю, но сотворимъ? Того ради рече, яко не едино лице Божества есть, но трисоставно, а еже: по образу, а не по образамъ, едино существо являетъ Св. Троицы. Сотворимъ, рече, человѣка. Кому глаголетъ? не явственно ли есть, яко ко единородному Сыну и Слову Своему рече, и Св. Духу?—Еретицы же отвѣщаютъ: ни, но Самъ Себѣ Богъ реклъ есть, а иному никому же тогда сущу. Но что убо сихъ глаголъ безумнѣйши? Кій убо зодчій, или древодѣлъ, или усмарь, надъ сосудомъ или надъ коимъ зданіемъ сѣдя единъ и никому же ему помогающу, глаголетъ самъ къ себѣ: сотворимъ себѣ сосудъ, или сотворимъ себѣ орало, или утвердимъ усмы, а не паче ли молча свое дѣло содѣлаетъ? Лжа бо есть сіе, а не истина; безумнаго человѣка се есть обычай, а не мудраго. И паки безстудствуетъ Жидовинъ и глаголетъ: яко ангеламъ глаголетъ Богъ. Аще бы глаголалъ ко ангеламъ, то не бы писано было, яко сотвори Богъ человѣка по образу и по подобію Божію сотвори его; но былъ бы убо человѣкъ по подобію и по образу ангельскому“ и проч.

Отъ Іосифа Волоцкаго дошли до насъ и другого рода сочиненія, какъ, напримѣръ, посланіе въ одному вельможѣ о милованіи рабовъ: „Слухъ до меня, господинъ, дошелъ про твое благородство, будто велико твое немилосердіе и нежалованіе къ рабамъ и сиротамъ домашнимъ, тѣснота, скудость въ тѣлесныхъ потребахъ, голодомъ таютъ, наготою страждутъ; поэтому я грѣшный дерзнулъ тебѣ напомнить, помянувши твою вѣру къ Пречистой Богородицѣ, и къ намъ нищимъ великое жалованіе твое, и любовь о Христѣ. Хотя мнѣ и неприлично было бы писать къ тебѣ объ этомъ, потому что я самъ грѣшенъ, не прилично было бы мнѣ восхищать учительскій санъ, не имѣя ума и смысла очищеннаго; но да вѣдаетъ твое боголюбіе, что эти мысли не мои, а взяты отъ божественнаго писанія. Писаніе повелѣваетъ рабовъ, какъ братію, миловать, питать и одѣвать и о душахъ ихъ заботиться, научать на всякія добрыя дѣла; если же рабы и сироты у тебя въ такой тѣснотѣ, то не только имъ добрыхъ дѣлъ дѣлать, но, умирая съ голоду, они не могутъ удержаться отъ злыхъ обычаевъ. Такъ ты, господинъ, Бога ради побереги себя, потому что и малое небреженіе къ великимъ бѣдамъ приводитъ. Богъ на тебѣ свою милость показалъ и государь тебя великій князь пожаловалъ: такъ и тебѣ слѣдуетъ своихъ слугъ пожаловать, милость къ нимъ показать, пищею и одеждою удовольствовать и на благія дѣла наставить. Прости меня, господинъ, что твое жалованье и любовь сдѣлали меня безстыднымъ и дерзкимъ; а написалъ я къ тебѣ какъ по слухамъ, такъ и потому, что самъ ихъ нужду видѣлъ“.

Отъ временъ Іоанна III-го дошли до насъ лѣтописи, принадлежащія разнымъ составителямъ, въ разныхъ мѣстахъ жившимъ. Въ разсказѣ о паденіи Новгорода слышатся голоса различныхъ лѣтописцевъ; одинъ говоритъ: „Такъ великій князь укрѣпилъ Великій Новгородъ подъ властію московскою; написалъ бы я что нибудь и еще, но не могу отъ сильной кручины“. А другой оканчиваетъ свой разсказъ съ чувствомъ полнаго довольства и съ чувствомъ нерасположенія къ Новгородцамъ: „Вездѣ пособилъ Богъ и Пречистая Богородица государю нашему великому князю Ивану Васильевичу надъ новыми отступниками и надъ своими измѣнниками и надъ вѣчниками, надъ Новгородцами“. Современность лѣтописца ясно видна изъ такого, напримѣръ, извѣстія: „Того же лѣта, мѣсяца іюня въ 5 день, съ субботы на недѣлю въ 3 часъ нощи, преставися великаго князя дьякъ Василій Момыревъ, и положенъ у Троицы въ Сер-

гіевѣ монастырѣ, іюня въ 7, за церковью противъ Никонова гроба; а жилъ лѣтъ 60 безъ дву и полшестидесятъ день, а въ діачествѣ былъ 20 лѣтъ безъ осьми мѣсяцъ, а имянины его апрѣля 12 Василія Парійскаго". Внутренній признакъ современности лѣтописца виденъ въ сильномъ негодованіи его на малодушные совѣты Ощеры и Мамона во время Ахматова нашествія, какъ мы уже замѣтили въ своемъ мѣстѣ; разсказъ объ этомъ событіи лѣтописецъ оканчиваетъ такъ: „О храбріи, мужественніи сынове Рустьстіи! потщитеся сохраните свое отечество, Русьскую Землю, отъ поганыхъ; не пощадите своихъ головъ, да не узрятъ очи ваши плѣненія и грабленія Св. церквемъ и домомъ вашимъ, и убіенія чадъ вашихъ, и поруганія женамъ и дщеремъ вашимъ. Якоже пострадаша иніи велиціи славныя земли отъ Турковъ, еже Болгари глаголю и рекоміи Греци, и Трапизонъ, и Аморія, и Арбанасы, и Хорваты, и Босна, и Макнупъ, и Кафа, и иніи мнозіи земли, иже не сташа мужественни, и погибоша, и отчество свое изгубиша, и землю, и государьство, и скитаются по чужимъ странамъ бѣдни воистинну и странни, и много плача и слезъ достойни, укоряеми и поношаеми, и оплеваеми, яко не мужественіи; иже избѣгоша которые со имѣніемъ многимъ, и съ женами и съ дѣтьми, въ чюжіе страны, вкупѣ со златомъ души и тѣлеса свои изгубиша и ублажають тѣхъ, иже тогда умершихъ, ниже скитатися по чюжимъ странамъ яко бездомкомъ. Тако ми Бога видѣхъ своима очима грешныма великихъ государь, избѣгшихъ отъ Турокъ со имѣніемъ и скитающихся яко странніи и смерти у Бога просящихъ яко мздовоздаянія отъ таковыя бѣды; пощади Господи насъ православныхъ христіанъ, молитвами Богородицы и всѣхъ Святыхъ, аминь" Послѣднія слова замѣчательны: лѣтописецъ говоритъ, что онъ самъ видѣлъ изгнанныхъ Турками владѣтельныхъ лицъ; этого не могъ сказать Москвичъ, видѣвшій въ своемъ городѣ изъ греческихъ изгнанниковъ одного Андрея Ѳомича Палеолога, брата великой княгини Софіи, во-первыхъ потому, что Андрей въ Москвѣ вовсе не находился въ такомъ положеніи, чтобъ просить смерти, какъ избавленія отъ бѣды; во-вторыхъ потому, что въ этомъ случаѣ лѣтописецъ не могъ придавать дѣлу такой важности;—Андрея въ Москвѣ всѣ видѣли, а не одинъ лѣтописецъ, которому всего приличнѣе было бы обратиться ко всѣмъ и сказать: „Вы всѣ видѣли изгнанника". Слѣдовательно, должно предположить, что лѣтописецъ былъ за границею и гдѣ-нибудь, напримѣръ въ Венгріи, видѣлъ изгнанныхъ Турками владѣтелей славянскихъ.—Любопытно, что сочинитель извѣстной повѣсти о Дракулѣ, воеводѣ Волошскомъ, говоритъ, что, находившись въ Венгріи, въ городѣ Будинѣ, видѣлъ тамъ Дракулиныхъ сыновей, которыхъ король Матвѣй привезъ туда. Сочинитель повѣсти о Дракулѣ не есть ли и составитель нашей лѣтописи? Такъ какъ въ Венгрію, къ королю Матвѣю былъ посланъ въ 1482 году знаменитый дьякъ Ѳедоръ Курицынъ, то Востоковъ думаетъ, что сочиненіе повѣсти о Дракулѣ можно приписать или самому Курицыну, или кому-нибудь изъ его спутниковъ. Повѣсть о Дракулѣ могъ написать и самъ Курицынъ, извѣстный грамотѣй своего времени; но религіозное и православное обращеніе, встрѣчаемое въ лѣтописи, конечно нельзя приписать этому ересіарху. У одного изъ лѣтописцевъ описываемаго времени встрѣчаемъ качество, какого прежде не замѣчали ни у кого изъ его собратій, именно—насмѣшливость, иронію: такъ, видимъ это въ извѣстіи о прощеніи князей ярославскихъ въ связи въ предыдущемъ извѣстіемъ; въ извѣстіяхъ о двукратномъ походѣ на Казань въ 1468—1469 годахъ; въ извѣстіи объ Алексинскомъ воеводѣ Беклемишевѣ.

Самое видное и удачное событіе въ княженіе Іоанна III, подчиненіе Новгорода, послужило предметомъ особеннаго сказанія: „Словеса избрана отъ Св. Писанія, о правдѣ и о смиренномудріи, еже сотвори благочестія дѣлатель, благовѣрный великій князь Иванъ Васильевичъ всея Руси, ему же и похвала о благочестіи вѣры; даже и о гордости величавыхъ мужей Новгородскихъ, ихъ же смири Господь Богъ и покори ему подъ руку его, онъ же благочестивый смиловался о нихъ, Господа ради, и утѣши землю ихъ". Въ этомъ заглавіи указаны содержаніе и форма сказанія. Извѣстный уже намъ Сербъ Пахомій продолжалъ и при Іоаннѣ III-мъ служить русской церковной литературѣ: такъ, онъ написалъ два канона Св. митрополиту Іонѣ и слово объ обрѣтеніи мощей его. Знаменитому архіепископу Вассіану, автору посланія на Угру, принадлежитъ сочиненіе житія учителя его, Св. Пафнутія Боровскаго. Вопросъ о вдовыхъ священнослужителяхъ, такъ много занимавшій общество описываемаго времени, подалъ поводъ къ замѣчательному по своей силѣ сочиненію: „Написаніе вдоваго попа, Георгія Скрипицы, изъ Ростова града, о вдовствующихъ попѣхъ"; для образца приведемъ нѣсколько мѣстъ, прямо относящихся къ дѣлу: „Не оскорбляйте и не осуждайте священниковъ, кромѣ богословесныхъ винъ; тѣми писано осужати грѣси ихъ, а не собою и не своимъ разумомъ. Вы же, господа, осудили есте всѣхъ іереевъ и діаконовъ, настоящихъ и будущихъ смертію женъ ихъ. Господь рече ко іюдеемъ: не на лица зря осуждайте, но праведный судъ судите. А вы, господа, всѣхъ іереевъ и діаконовъ безъ испытанія, на лица зря, осудили: который попъ имѣетъ жену — чистъ; а не имѣетъ жену — не чистъ. И вы, господа мои, которымъ прозрѣли духомъ чистыхъ и нечистыхъ? Чѣмъ испытали, попъ святъ съ женою или безъ жены, и чернецъ ли святъ или бѣлецъ? Почему вѣдати человѣка безъ свидѣтеля? Точію дѣла его объявятъ; единъ Богъ вѣдаетъ помышленія человѣческа. Вы неблагословною виною раздоръ въ церкви священникомъ есте; чернецемъ-попомъ — достойно служити во градѣхъ и селѣхъ, а вдовцамъ чистымъ попомъ—недостойно служити и въ пустыняхъ, ниже во градѣхъ, а у котораго попа жена есть,—достоинъ слу-

жити, священъ убо женою. А что глаголете, господа мои: мы то сотворили, тѣхъ отлучили благочестія дѣля, очищая церковь;—ино, господа мои, разсудите, отъ кого то зло сталось въ нашей Землѣ? Не отъ вашего ли нерадѣнія и небреженія, что злыхъ не казнили, не отлучали отъ священства? Благословно ни сами, ни священники избранными не дозираете священниковъ, а во грады и въ села не посылаете опытывати, какъ кто пасетъ церковь Божію, назираете священниковъ боляры и дворецкими, недѣльщики, тіуны и доводчики, своихъ дѣля прибытковъ". Въ исторіи просвѣщенія древней Руси разумѣется не должно быть забыто имя книжника Никита Поповича, который держалъ споръ съ легатомъ и заставилъ послѣдняго молчать, по извѣстію лѣтописца.

Наконецъ отъ описываемаго времени дошелъ до насъ любопытный памятникъ—„Путешествіе тверскаго купца Аѳанасія Никитина за три моря—Каспійское, Индѣйское и Черное". Отправившись изъ Нижняго въ свитѣ ширванскаго посла, Никитинъ былъ ограбленъ астраханскими Татарами въ устьяхъ Волги, не захотѣлъ съ пустыми руками возвращаться въ Русь, гдѣ у него были долги, и рѣшился пробраться въ Индію съ дорогимъ жеребцомъ, котораго онъ надѣялся выгодно продать тамъ и, накупивши надобныхъ на Руси товаровъ, возвратиться въ отечество. Но онъ ошибся въ разсчетѣ: „Налгали мнѣ псы бусурманы, наговорили, что всякаго нашего товара тамъ много, а вышло, что нѣтъ ничего на нашу Землю, все товаръ бѣлый на бусурманскую Землю, перецъ да краски — это дешево, но за то пошлины большія, да на морѣ разбойниковъ много" Кромѣ обманутыхъ надеждъ оспосительно торговыхъ выгодъ, Никитинъ подвергался большимъ опасностямъ: „Въ Чунерѣ ханъ взялъ у меня жеребца, и, узнавши, что я не бусурманинъ, а Русскій, сталъ говорить: „И жеребца отдамъ, и тысячу золотыхъ дамъ, стань только въ нашу вѣру магометанскую; а не станешь въ нашу вѣру, то и жеребца возьму, и тысячу золотыхъ на головѣ твоей возьму", — и сроку далъ 4 дни, въ госпожники на Спасовъ день. Но Господь Богъ смиловался на Свой честный праздникъ, не отнялъ отъ меня грѣшнаго Своей милости, не повелѣлъ погибнуть въ Чунерѣ съ нечестивыми; наканунѣ Спасова дни пріѣхалъ Магметъ Хоросанецъ; я къ нему съ челобитьемъ, чтобы похлопоталъ обо мнѣ; онъ поѣхалъ къ хану и отпросилъ меня, чтобъ въ свою вѣру меня не обращали, и жеребца моего у хана взялъ. Таково Господне чудо на Спасовъ день! Братья Русскіе христіане! кто хочетъ идти въ Индѣйскую Землю, тотъ оставь вѣру свою на Руси, закричи: Магометъ! — и ступай въ Индостанскую Землю". Никитинъ описываетъ роскошь южной природы, пышность владѣльцевъ и вельможъ, великолѣпіе дворцовъ ихъ, бѣдность сельскаго народонаселенія, легкую одежду жителей Индіи, ихъ легкіе нравы. „Познакомился я со многими индѣйцами, говоритъ Никитинъ, и объявилъ имъ о своей вѣрѣ, что я не бусурманинъ, а христіанинъ, и они не стали отъ меня скрывать ни объ ѣдѣ своей, ни о торговлѣ, ни о молитвахъ, и женъ своихъ отъ меня не прятали; я разспросилъ все объ ихъ вѣрѣ, и они говорятъ: вѣруемъ въ Адама, а Будда—это Адамъ и родъ его весь. Вѣръ въ Индіи всѣхъ 84 вѣры, и всѣ вѣруютъ въ Будду, а вѣра съ вѣрою не пьетъ, ни ѣсть, ни женится".

Тяжко стало наконецъ Никитину на чужой дальней сторонѣ среди 84-хъ вѣръ: „О благовѣрные христіане! кто во многія земли часто плаваетъ, тотъ во многіе грѣхи впадаетъ и вѣры лишается христіанскія. Мнѣ рабу Божію Аѳанасію сгрустнулось по вѣрѣ: уже прошло четыре Великихъ поста, четыре Свѣтлыхъ Воскресенья, а я грѣшный не знаю, когда Свѣтлое Воскресенье, когда постъ, когда Рождество Христово и другіе праздники, ни середы, ни пятницы; книгъ у меня нѣтъ: когда меня пограбили, то и книги у меня взяли; я съ горя пошелъ въ Индію, потому что на Русь мнѣ было не съ чѣмъ идти, не осталось товару ничего. Уже прошло четыре Свѣтлыхъ Воскресенья въ бусурманской Землѣ, а христіанства я не оставилъ; дальше Богъ вѣдаетъ что будетъ. Господи Боже мой! на Тя уповѣхъ; спаси мя! Пути не знаю, какъ выйти изъ Индостана; вездѣ война! А жить въ Индостанѣ—все истратишь, потому что у нихъ все дорого; я одинъ человѣкъ, а по два съ половиною алтына въ день издерживаю; вина и сыты не пью". Наконецъ Никитинъ выбралъ путь—черезъ Персію и Азіятскую Турцію къ Черному морю, а послѣднимъ въ Кафу.

Средства къ просвѣщенію въ описываемое время были скудны, какъ это можно видѣть изъ приведеннаго выше письма Геннадія Новгородскаго къ Ростовскому Іоасафу. Есть также извѣстіе, сколько книгъ принесъ съ собою въ монастырь Іосифъ Волоцкій: 4 Евангелія, Апостолъ, два Псалтиря, сочиненія Ефрема, Дороѳея, Петра, Дамаскина, Василія Великаго, Патерикъ азбучный, два Ирмолога [1]).

[1]) П. С. Р. Л. IV, 250, V 44, VI, 186, 195, 198, 205, 238, 186; Акты истор. I, № 110; Акты Арх. Эксп. I, № 86; Дополн. къ акт. истор. I, № 28; Акты юридич. стр. 439. Опис. Румянц. Музея, стр. 512: Руднева—о ересяхъ и раскол. прим. 93. Акты Запад. Росс. II, № 13. Сборн. Синод. библіот. № 791, л. 66.

II. Княженіе Василія Іоанновича.

Глава I.

Псковъ.

Война съ Казанью.—Война съ Литвою.—Глинскій.—Смерть короля Александра.—Глинскій вооружается противъ преемника его, Сигузмунда, и вступаетъ въ службу къ Московскому великому князю.—Вѣчный миръ между Василіемъ и Сугизмундомъ.—Вражда у Василія съ Крымомъ.—Дѣла ливонскія.—Паденіе Пскова.

Смерть помѣшала Іоанну отомстить подручнику своему, царю Казанскому, за его кровавый разрывъ съ Москвою. Василій, принявши правленіе осенью 1505 года, дожидался весны слѣдующаго года, чтобъ отправить на Магметъ-Аминя войско рѣчнымъ путемъ. Въ апрѣлѣ 1506 поплыли съ пѣхотою на судахъ — братъ великокняжескій Димитрій Ивановичъ и воевода, князь Ѳедоръ Ивановичъ Бѣльскій; сухимъ путемъ пошла конная рать подъ начальствомъ князя Александра Владиміровича Ростовскаго. 22 мая судовая рать пришла подъ Казань, и князь Димитрій немедленно велѣлъ ратнымъ людямъ высадиться изъ судовъ и идти пѣшкомъ къ городу, въ знойный день; Татары выступили къ нимъ на-встрѣчу и завязали бой, тогда какъ другая часть казанскаго войска на лошадяхъ тайно заѣхала имъ въ тылъ и отрѣзала отъ судовъ; Русскіе потерпѣли сильное пораженіе: много ихъ было побито, много взято въ плѣнъ, много потонуло въ Поганомъ озерѣ. Узнавъ объ этомъ несчастіи, великій князь въ тотъ же день велѣлъ выступить къ Казани князю Василью Даниловичу Холмскому съ другими воеводами, а брату послалъ сказать, чтобъ до прибытія Холмскаго не приступалъ вторично къ городу. Но когда, 22 іюня, подоспѣла конная рать съ княземъ Ростовскимъ, то Димитрій не счелъ нужнымъ медлить долѣе, и повелъ опять войска къ городу; сначала онъ имѣлъ удачу, но потомъ потерпѣлъ новое пораженіе и принужденъ былъ бѣжать, бросивши пушки и осадныя машины. Говорятъ, что Казанцы, не надѣясь одолѣть Русскихъ силою, употребили хитрость: раскинули станъ и бросили его, какъ будто пораженные страхомъ; Русскіе кинулись на добычу, начали грабить: этимъ воспользовались Казанцы и поразили ихъ на-голову. Самъ князь Димитрій ушелъ въ Нижній; другой отрядъ московскаго войска, подъ начальствомъ Татарскаго царевича Джаналѣя и воеводы Киселева, пошелъ къ Мурому, былъ настигнутъ на дорогѣ Казанцами, но побилъ ихъ, и достигъ благополучно Мурома [1].

Уже начались приготовленія къ походу на слѣдующую весну, но Магмедъ-Аминь не сталъ дожидаться этого новаго похода, и въ мартѣ 1507 г. прислалъ въ Москву бить челомъ, чтобъ великій князь заключилъ съ нимъ миръ и дружбу по старинѣ, какъ было съ отцомъ его, великимъ княземъ Іоанномъ, причемъ обязывался отпустить задержаннаго посла Яропкина и всѣхъ плѣнныхъ, взятыхъ на войнѣ. Василій, поговоря съ братьями и боярами, согласился на этотъ миръ, для избавленія христіанскихъ душъ, попавшихъ въ бусурманскія руки, и для христіанскаго устроенія.

Не одни только эти причины заставляли великаго князя спѣшить заключеніемъ мира съ Казанью, довольствоваться возобновленіемъ прежнихъ отношеній: важнѣйшія дѣла на западѣ требовали всего вниманія Василіева. Мы видѣли уже, что Александръ Литовскій полагалъ большія надежды на смерть Іоаннову, тѣмъ болѣе что въ Литвѣ считали сторону Димитрія-внука довольно еще сильною, думали, что она будетъ противиться утвержденію Василія на столѣ отцовскомъ, и усобица между дядею и племянникомъ обѣщала Александру удобный случай къ возвращенію земель, отнятыхъ у Литвы Іоанномъ [2]). Узнавъ о смерти тестя, Александръ послалъ сказать Ливонскому магистру

[1]) Никон. VI, 175; П. С. Р. Л. VI, 51, 245. Въ сказаніи о Землѣ Царства Казанскаго (гл. XIV, рукоп. библіот. Москов. Университета) говорится, будто Казанцы раскинули на Арскомъ полѣ шатры по случаю ярмарки, на которую сошлось много народа; всѣ пировали, веселились, какъ вдругъ нагрянула врасплохъ сила московская и произвела страшное кровопролитіе; Казань была бы взята, но побѣдители, вмѣсто того, чтобъ добывать городъ, бросились грабить шатры, пировать въ нихъ, упиваться; этимъ воспользовался Магметъ-Аминъ, въ свою очередь напалъ на нихъ врасплохъ и поразилъ.—Это понятно въ разсказѣ автора сказанія, который говоритъ объ одномъ только этомъ дѣлѣ, ведетъ прямо Русскихъ изъ судовъ на Казань, гдѣ они застаютъ пирующихъ; но, принявъ извѣстія лѣтописей болѣе достовѣрныхъ о двукратномъ приступѣ къ Казани, нѣтъ никакой возможности вставлять разсказъ Сказанія, какъ то дѣлаетъ Карамзинъ, ибо нельзя предположить, чтобъ Казанцы не знали, что Русскіе, послѣ первой неудачи, не сѣли еще на суда, не удалились, и открыли ярмарку. Если же принимать извѣстіе о пораженіи въ шатрахъ казанскихъ и вставлять его въ разсказъ лѣтописей, то должно принять извѣстіе Герберштейна (стр. 68), внесенное нами въ свой разсказъ. Во всякомъ случаѣ, извѣстія Герберштейна заслуживаютъ гораздо болѣе довѣрія, чѣмъ извѣстія Сказанія, источника очень мутнаго: въ немъ, напримѣръ, тутъ же воевода Киселевъ означенъ въ числѣ убитыхъ, тогда какъ лѣтописи выставляютъ его побѣдителемъ при отступленіи къ Мурому.

[2]) Стрыйковскій, II, 329, 330.

Плеттенбергу, что теперь наступило удобное время соединенными силами ударить на непріятеля вѣры христіанской, который причинилъ одинаково большой вредъ и Литвѣ и Ливоніи; но магистръ отвѣчалъ, что хотя время дѣйствительно благопріятное, однако все же надобно дождаться конца перемирія, утвержденнаго крестнымъ цѣлованіемъ, что нельзя такъ вдругъ начинать войны съ такимъ сильнымъ врагомъ, надобно прежде навѣрное узнать, какъ молодые князья будутъ управляться въ своемъ государствѣ, ибо магистръ ждетъ между ними несогласій, которыя и подадутъ удобный случай къ начатію войны. Александръ и его рада признали справедливость этихъ представленій, поблагодарили магистра за добрый совѣтъ, прося его немедленно давать знать въ Литву о томъ, что онъ узнаетъ о несогласіяхъ князей московскихъ. Александръ велѣлъ объявить также Плеттенбергу, что онъ приказалъ собирать войска, дабы пограничные московскіе князья и братья великаго князя, живущіе въ малыхъ удѣлахъ, узнавши объ этихъ приготовленіяхъ, тѣмъ скорѣе могли обратиться къ Литвѣ; просилъ и магистра распорядиться такимъ же образомъ въ Ливоніи, чтобъ испугать Московскаго князя и сдѣлать его уступчивѣе [1]).

Александръ дѣйствительно началъ готовить полки для войны Московской; но изъ Москвы пришли вѣсти, что тамъ все спокойно, Василій княжитъ на столѣ отцовскомъ, а Димитрій-внукъ попрежнему остается въ тѣсномъ заключеніи. Надежды на усобицы, на уступчивость Василія исчезли. Когда послы Александровы, предлагая вѣчный миръ, требовали возвращенія всѣхъ, взятыхъ у Литвы при Іоаннѣ земель, то бояре отвѣчали попрежнему, что великій князь владѣетъ только своими землями, чужихъ не держитъ и возвращать ему нечего. По прежнему отцовскому обычаю, Василій напоминалъ Александру, чтобъ онъ не принуждалъ Елены къ латинству. Александръ не могъ воспользоваться смертію Іоанна, скоро умеръ самъ (въ августѣ 1506 года), и теперь Василій хотѣлъ воспользоваться смертію бездѣтнаго зятя, для мирнаго соединенія Литовской Руси съ Московскою: онъ послалъ сказать сестрѣ, чтобъ она „пожелала и говорила бы епископу, панамъ, всей радѣ и земскимъ людямъ, чтобъ пожелали имѣть его, Василія, своимъ государемъ и служить бы ему пожелали; а станутъ опасаться за вѣру, то государь ихъ въ этомъ ни въ чемъ не порушитъ, какъ было при королѣ, такъ все и останется, да еще хочетъ жаловать свыше того“. Къ князю Войтеху, епископу Виленскому, къ пану Николаю Радзивилу и ко всей радѣ Василій приказывалъ о томъ же, „чтобъ пожелали его на государство Литовское“ [2]). Елена отвѣчала, что Александръ назначилъ преемникомъ себѣ брата своего Сигизмунда; но въ Литвѣ встала сильная смута и усобица, которою Василій Московскій хотѣлъ воспользоваться теперь въ свою очередь.

Любимцемъ покойнаго короля Александра былъ князь Михаилъ Глинскій, маршалокъ дворный, потомокъ татарскаго князя, выѣхавшаго въ Литву при Витовтѣ. Глинскій провелъ долгое время за границею, въ Италіи, Испаніи, при дворѣ императора Максимиліана; вездѣ умѣлъ пріобрѣсти расположеніе, почетъ умомъ, образованностію, искусствомъ въ дѣлѣ военномъ;—неудивительно, что онъ затмѣвалъ собою другихъ пановъ литовскихъ и умѣлъ овладѣть полною довѣренностію Александра. Владѣя обширными землями и замками, почти половиною всего государства Литовскаго, Глинскій пріобрѣлъ многочисленную толпу приверженцевъ, преимущественно изъ Русскихъ. Такое могущество возбудило въ остальныхъ панахъ литовскихъ сильную зависть и опасеніе, чтобъ Глинскій не овладѣлъ великимъ княжествомъ Литовскимъ и не перенесъ столицы въ Русь; отсюда явная вражда между Глинскимъ и другими членами литовской рады. Ожесточеніе достигло высшей степени, когда Александръ, по просьбамъ Глинскаго, отдалъ городъ Лиду кліенту послѣдняго, Андрею Дрожжи, отнявши ее у пана Ильинича. Ильиничъ обратился съ жалобою къ литовскимъ вельможамъ, уже извѣстнымъ намъ по дѣламъ московскимъ:—къ Войтеху Табору, епископу Виленскому, Николаю Радзивилу, воеводѣ Виленскому, Яну Заберезскому или Забржезинскому, воеводѣ Троцкому, къ Станиславу Яновичу, старостѣ Жмудскому, Станиславу Глѣбовичу, воеводѣ Полоцкому, и Станиславу Петровичу Кишкѣ, намѣстнику Смоленскому, которые, возводя Александра на престолъ Литовскій, взяли съ него обязательство—не отнимать волости ни у кого ни въ какомъ случаѣ, кромѣ преступленія, заслуживающаго лишенія чести и жизни. Основываясь на этомъ обязательствѣ, паны не допустили Андрея Дрожжи до старостства Лидскаго, и возвратили его Ильиничу. Александръ сильно разсердился на пановъ; Глинскій, разумѣется, постарался еще больше распалить гнѣвъ королевскій; говорятъ, будто онъ твердилъ Александру: „Пока эти паны въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не будетъ покою въ великомъ княжествѣ“, и довелъ короля дотого, что тотъ рѣшился вызвать пановъ на сеймъ въ Брестъ, схватить ихъ въ замкѣ и предать смерти; но паны, предувѣдомленные объ опасности канцлеромъ польскимъ, Ласкимъ, не пошли въ замокъ, и такимъ образомъ намѣреніе короля не исполнилось; онъ могъ отомстить только тѣмъ, что у Яна Заберезскаго, главнаго врага Глинскому, отнялъ воеводство Троцкое, Ильинича велѣлъ схватить и посадить въ тюрьму, а другимъ панамъ не велѣлъ казаться себѣ на глаза, и только по просьбѣ пановъ польскихъ послѣ простилъ.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда Александръ заболѣлъ тяжкою, предсмертною болѣзнью. Въ это самое время толпы крымскихъ

---

[1]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, I, № 225.
[2]) Дѣла Польск. № 2, стр. 97.

Татаръ напали на Литву и страшно пустошили ее. Александръ поручилъ войско Глинскому, и тотъ одержалъ надъ Крымцами блистательную побѣду, которая была послѣднимъ дѣломъ Александрова правленія. Глинскій побѣдитель, избавитель страны отъ свирѣпыхъ Татаръ, сталъ еще страшнѣе панамъ литовскимъ. Какъ только Александръ умеръ, начался споръ о мѣстѣ его погребенія: польскій канцлеръ Ласкій хотѣлъ везти тѣло въ Краковъ, исполняя желаніе самого покойника, но паны литовскіе требовали, чтобъ король былъ погребенъ въ Вильнѣ, боясь того, что, когда они будутъ провожать его тѣло въ Краковъ, Глинскій воспользуется ихъ отсутствіемъ и захватитъ Вильну съ своими Русскими. Опасенія ихъ однако были напрасны: братъ Александровъ Сигизмундъ прибылъ немедленно въ Вильну, и Глинскій первый выѣхалъ къ нему на-встрѣчу. Зная, что новый великій князь уже предупрежденъ противъ него, Глинскій произнесъ предъ Сигизмундомъ прекрасную рѣчь, въ которой очищалъ себя отъ всякаго подозрѣнія въ посягательствѣ на престолъ великокняжескій и обѣщалъ вѣрную службу. Сигизмундъ отвѣчалъ ласково, благодарилъ за изъявленіе вѣрности. Понятно, съ какою радостію литовскіе паны поспѣшили признать Сигизмунда великимъ княземъ и короновать его въ Вильнѣ; вслѣдъ за этимъ и польская рада провозгласила его королемъ.

Александръ отложилъ войну съ Москвою, сдержанный благоразумными совѣтами Плеттенберга, спокойнымъ утвержденіемъ Василія на столѣ отцовскомъ, нападеніями Татаръ и наконецъ болѣзнію. Сигизмундъ думалъ, что можетъ ознаменовать вступленіе свое на престолъ удачною войною съ Московскимъ княземъ, считая обстоятельства для себя благопріятными въ началѣ 1507 года: походъ Казанскій кончился неудачно, и Москва должна была снова употребить большія усилія для поправленія дѣлъ своихъ на востокѣ; прежнія отношенія Крыма къ Москвѣ перемѣнились: ханъ готовъ былъ помогать своему пасынку, царю Казанскому, и дѣйствовать заодно съ Литвою противъ Москвы; и вотъ, 2-го февраля 1507 года, виленскій сеймъ опредѣлилъ сборъ войскъ къ Свѣтлому Воскресенью: „А для того такой короткій срокъ положенъ (говоритъ сеймовое опредѣленіе), чтобы непріятель господарскій, услыхавши о желаніи нашего господаря начать съ нимъ войну и своихъ земель доставать, не предупредилъ и не вторгнулся въ его государство“ [1]). Сигизмундъ послалъ сказать Плеттенбергу, что Крымскій ханъ заключилъ съ нимъ союзъ противъ Москвы, что послы хана Казанскаго просятъ его не пропустить удобнаго времени и ударить вмѣстѣ съ Казанью на Москву, потому что царь ихъ четыре раза уже разбилъ ея войска, поразилъ на-голову брата великокняжескаго, приходившаго съ пятидесятью тысячьми войска, и безпрестанно опустошаетъ Московскую Землю; что онъ, Сигизмундъ, уже отправилъ своихъ большихъ пословъ въ Крымъ и Казань поднимать Татаръ на Василія и своимъ подданнымъ велѣлъ быть готовыми на войну къ Свѣтлому Воскресенью, ибо хочетъ идти на непріятеля со всѣми своими силами, видя, что такихъ благопріятныхъ обстоятельствъ для войны съ Москвою еще никогда не бывало.

Распорядившись такимъ образомъ, Сигизмундъ отправилъ пословъ въ Москву вывѣдывать расположеніе тамошняго двора. Послы извѣстили Василія о смерти Александра, о восшествіи на престолъ Сигизмунда и объявили отъ имени послѣдняго, что у великаго князя Василія Васильевича и у короля Казимира заключенъ былъ вѣчный миръ, по которому они обязались не забирать другъ у друга земель и водъ; что Казимиръ не нарушилъ ни въ чемъ договора, который нарушенъ съ московской стороны; такъ какъ правда Казимира и Александра королей извѣстна всему свѣту, то Сигизмундъ вызываетъ великаго князя Василія къ уступкѣ всѣхъ литовскихъ городовъ, волостей, земель и водъ, доставшихся его отцу во время прежнихъ войнъ, также къ освобожденію всѣхъ плѣнниковъ литовскихъ, дабы кровь христіанская не лилась, ибо король въ своей правдѣ уповаетъ на Бога Это была явная угроза, что, въ случаѣ неисполненія требованія, будетъ объявлена война; наконецъ послы жаловались, что московскіе подданные захватили четыре смоленскія волости [2]) и помѣщики дорогобужскіе притѣсняютъ литовскихъ пограничниковъ.—Но и Сигизмундъ, подобно Александру, обманулся въ надеждѣ на благопріятное время для войны съ Москвою: прежде его пословъ явились къ великому князю послы изъ Казани съ просьбою о мирѣ [3]); съ этой стороны слѣдовательно Василій могъ быть покоенъ, и потому далъ Сигизмундовымъ посламъ обычный отвѣтъ: „Мы городовъ, волостей, земель и водъ Сигизмундовыхъ, его отчинъ, никакихъ за собою не держимъ, а держимъ, съ Божіею волею, города и волости, земли и воды, свою отчину, чѣмъ насъ пожаловалъ и благословилъ отецъ нашъ князь великій и что намъ далъ Богъ, а отъ прародителей нашихъ и вся Русская Земля наша отчина“. Но этого мало: на гордый вызовъ Сигизмунда Василій отвѣчалъ также рѣшительнымъ вызовомъ на войну, если король не захочетъ мира, какой угоденъ Московскому государю; онъ велѣлъ сказать посламъ: „Какъ отецъ нашъ, и мы брату нашему и зятю Александру дали присягу на перемирныхъ грамотахъ, такъ и правили ему во всемъ до самой его смерти; а съ Сигизмундомъ королемъ намъ перемирья не было. Если же Сигизмундъ, какъ вы говорили, хочетъ съ нами мира и добраго согласія, то и мы хотимъ съ нимъ мира, какъ намъ будетъ пригоже“. Потомъ, перечисливши обиды, нанесенныя Литовцами Русскимъ,—взятіе

[1]) Акты, относящ. къ истор. Зап. Россіи, II, № 12.

[2]) Ельню, Ветлицу, Руду, Щучью.

[3]) Литовскіе послы пріѣхали 21 марта; а 25 великій князь уже отправилъ назадъ казанскаго посла съ отвѣтомъ, что согласенъ на миръ при извѣстныхъ условіяхъ.

въ Брянской области болѣе ста селъ и деревень, грабежъ купцовъ—козельскихъ, алексинскихъ, калужскихъ, пковскихъ; занятіе волостей князя Бѣльскаго,—Василій велѣлъ сказать королю, чтобъ за все это было сдѣлано надлежащее удовлетвореніе, а въ противномъ случаѣ онъ найдетъ управу. Наконецъ, отпуская пословъ, самъ великій князь велѣлъ имъ напомнить Сигизмунду о сестрѣ своей, королевѣ Еленѣ, чтобъ она вѣдала свой греческій законъ, чтобъ онъ, Сигизмундъ, ее жаловалъ и берегъ и держалъ въ чести, а римскому закону не принуждалъ [1]).

Въ мартѣ 1507 года происходили эти переговоры, а 29 апрѣля московскіе полки уже пошли воевать Литовскую Землю; ибо если Сигизмундъ надѣялся напасть на Москву при благопріятныхъ для себя обстоятельствахъ, то теперь эти обстоятельства перешли вдругъ на сторону Василія, который и спѣшилъ пользоваться ими. Мы видѣли, что князь Михаилъ Глинскій былъ принятъ, повидимому, благосклонно. Сигизмундомъ; но если бы даже новый король и не раздѣлялъ всѣхъ подозрѣній пановъ литовскихъ относительно Глинскаго, то, съ другой стороны, онъ не оказывалъ ему того довѣрія, какимъ Глинскій пользовался при покойномъ Александрѣ. Этого уже было достаточно, чтобъ враги Глинскаго подняли головы; этого было достаточно, чтобъ самъ Глинскій, привыкшій къ первенствующему положенію при Александрѣ, чувствовалъ себя теперь въ опалѣ, въ уничиженіи. Но Глинскаго не хотѣли оставить въ удаленіи и въ покоѣ: въ началѣ 1508 года Сигизмундъ отнялъ у брата Михайлова, князя Ивана Львовича, воеводство Кіевское и далъ вмѣсто него Новгородское (Новогрудекское). Напрасно въ грамотѣ своей, данной Ивану по этому случаю, король говорилъ, что онъ этою перемѣною не уменьшилъ чести князя Ивана, который сохраняетъ прежній титулъ и получаетъ мѣсто въ радѣ подлѣ старосты Жмудскаго: обида была явная,—явно было, что Глинскихъ продолжали подозрѣвать въ замыслахъ возстановить великое княжество Русское, и потому не хотѣли оставить въ ихъ рукахъ Кіева [2]). Но этого мало: заклятый врагъ князя Михаила, Янъ Заберезскій громко называлъ его измѣнникомъ; Глинскій требовалъ суда съ нимъ предъ королемъ; но Сигизмундъ, будучи занятъ важными дѣлами, откладывалъ этотъ соблазнительный судъ, тѣмъ болѣе что, какъ видно, противъ Глинскаго достаточныхъ уликъ не было, и въ такомъ случаѣ король не хотѣлъ жертвовать Глинскому Заберезскимъ. Но понятно, что Глинскій не хотѣлъ ждать; онъ отправился въ Венгрію, къ королю Владиславу, брату Сигизмундову, съ просьбою вступиться въ дѣло; но и ходатайство Владислава не помогло. Тогда Глинскій, сказавъ королю: „Ты заставляешь меня покуситься на такое дѣло, о которомъ оба мы послѣ горько жалѣть будемъ“,—уѣхалъ въ свои имѣнія и завелъ пересылку съ великимъ княземъ Московскимъ [3]), который обѣщалъ ему помощь на всѣхъ его непріятелей.

Глинскій писалъ въ Москву, что для его дѣла и для дѣла теперь великокняжескаго самое благопріятное время, потому что въ Литвѣ войска не въ сборѣ, а отъ другихъ странъ помощи нѣтъ; Василій отвѣчалъ, что немедленно шлетъ въ Литву своихъ воеводъ, и чтобъ Глинскій тоже не медлилъ. Глинскій началъ свое дѣло. Съ семью стами конныхъ ратниковъ онъ переправился черезъ Нѣманъ, явился въ Гродно, подлѣ котораго жилъ тогда Заберезскій, и ночью велѣлъ окружить дворъ послѣдняго; два иностранца, находившіеся въ службѣ Глинскаго, взялись быть орудіями кровавой мести своего господина: одинъ, какой-то Нѣмецъ Шлейницъ, ворвался въ спальню къ Заберезскому, другой—Турокъ—отсѣкъ ему голову, которую на саблѣ поднесли Глинскому; тотъ велѣлъ ее нести передъ собою на древкѣ четыре мили и потомъ утопить въ озерѣ. Покончивши съ главнымъ врагомъ, Глинскій разослалъ конницу свою искать и бить другихъ враждебныхъ ему пановъ литовскихъ, а самъ, набирая все болѣе и болѣе войска, удалился въ Новгородъ.

Тогда Сигизмундъ заговорилъ другимъ языкомъ съ Москвою. Онъ вторично прислалъ сюда за миромъ, предлагая въ посредники Менгли-Гирея Крым-

---

[1]) Акты, относ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 15 и 16.

[2]) Тамъ же, № 7.

[3]) Въ большей части извѣстныхъ намъ московскихъ лѣтописей, у Герберштейна и Стрыйковскаго говорится, что Глинскій первый прислалъ въ Москву съ челобитьемъ; въ такъ называемомъ Русскомъ Временникѣ II, 261, читаемъ: «И слышавъ то князь великій Василій Ив., что Глинскіе отъ короля отступили, а живутъ въ своей отчинѣ, и послалъ къ нимъ своего сына болярскаго Коломнятина Митю Иванова сына Губу съ грамотою, зовучи Глинскихъ къ себѣ въ службу, чтобъ къ нему ѣхали и съ вотчинами, и Глинскіе дожидалися отъ короля до сроку до сборнаго воскресенія. И отъ короля имъ на тотъ срокъ присылка никакого не бывало. И они отпустили къ великому князю сына болярскаго Митю Губу; а съ нимъ прислали къ в. к. своего сына болярскаго, Ивана Пріѣждего съ грамотами, чтобъ пожаловалъ ихъ князь в., взялъ ихъ къ себѣ въ службу; а за ихъ отчины стоялъ». Въ посольскихъ рѣчахъ къ в. к. (Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 20) Глинскій говоритъ: «Што ваша милость, государь, на мое челомбитье ласку и жалованье свое вчинилъ, за мене вступился» и проч.. Но здѣсь Глинскій могъ разумѣть челобитье свое, отправленное въ отвѣтъ на предложеніе, привезенное Губою. Можно съ достовѣрностію принять только одно, что сношенія Глинскаго съ великимъ княземъ были продолжительны (См. Русскій Времен.), и, какъ видно изъ упомянутыхъ посольскихъ рѣчей Глинскаго, сначала дѣло шло только о помощи, которую великій князь обѣщалъ Глинскимъ: «Што ваша милость, государь, на мое челомбитье ласку, и жалованье свое вчинилъ, за меня вступился и за братью и за пріятелей моихъ, и вскazывалъ ваша милость, государь, и въ листѣхъ своихъ до мене писалъ, не хотячи насъ ни въ чомъ отпустити, а намъ помогати на всякихъ непріятелей нашихъ и на то помощью своею стояти, хотячи видѣти мое доброе: я государю вашей милости за то низко челомъ бью, и, што мнѣ добраго милосердый Богъ дастъ помощью вашей милости государскою, хочу то до живота моего вашей милости заслуговати».

скаго, и въ то же время пытался возбудить противъ Василія брата его, Дмитровскаго князя Юрія Ивановича: литовскіе послы явились къ последнему съ просьбою, чтобъ принялъ на себя ходатайство о мирѣ между Москвою и Литвою. Но за этою просьбою слѣдовали тайныя рѣчи: „Узнали мы о тебѣ, братѣ нашемъ (велѣлъ сказать ему Сигизмундъ), что, милостью Божіею, въ дѣлахъ своихъ мудро поступаешь, великимъ разумомъ ихъ ведешь, какъ и прилично тебѣ, великаго государя сыну; немалые слухи до насъ дошли, что многіе князья и бояре, покинувши брата твоего, великаго князя Василія Ивановича, къ тебѣ пристали, и всякіе добрые слухи о тебѣ слышимъ, что намъ очень пріятно. Мы хотѣли съ братомъ твоимъ, великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ, быть въ мирѣ и союзѣ на всякаго недруга; но онъ, обрадовавшись отчиннымъ нашимъ пограничнымъ городамъ и волостямъ, землямъ и водамъ, съ нами житья не захотѣлъ. Такъ мы, братъ милый, помня житье предковъ нашихъ, ихъ братство вѣрное и нелестное, хотимъ съ тобою быть въ любви и въ крестномъ цѣлованьи, пріятелю твоему быть пріятелемъ, а непріятелю—непріятелемъ, и во всякомъ твоемъ дѣлѣ хотимъ быть готовы тебѣ на помощь, готовы для тебя, брата нашего, сами своею головою на коня сѣсть со всѣми землями и со всѣми людьми нашими, хотимъ стараться о твоемъ дѣлѣ все равно, какъ и о своемъ собственномъ. И если будетъ твоя добрая воля, захочешь быть съ нами въ братствѣ и пріязни, то немедленно пришли къ намъ человѣка добраго, сына боярскаго: мы передъ нимъ дадимъ клятву, что будемъ тебѣ вѣрнымъ братомъ и сердечнымъ пріятелемъ до конца жизни“ [1]).

Неизвѣстно, что отвѣчалъ на это князь Юрій; но извѣстенъ намъ отвѣтъ великаго князя Василія сестрѣ своей Еленѣ, которая присылала въ Москву съ ходатайствомъ о мирѣ. Оправдавъ поведеніе отца своего относительно короля Александра, Василій пишетъ: „Когда послѣ зятя нашего Александра на его государствахъ сѣлъ братъ его Сигизмундъ, то онъ прислалъ къ намъ своихъ пословъ: мы съ нимъ мира хотѣли, но онъ съ нами не захотѣлъ; а послѣ того Сигизмундъ король поднималъ бусурманство на христіанство, да посылалъ воеводъ своихъ многихъ со многими льдьми на нашихъ слугъ, на князей, а мы посылали своихъ воеводъ со многими людьми, и наши воеводы отъ его людей отстоялись и пришли къ намъ благополучно. Ты пишешь, что присылалъ къ намъ бить челомъ князь Михайла Глинскій, но къ намъ присылалъ бить челомъ не одинъ князь Михаилъ Глинскій, а многіе князья русскіе и многіе люди, которые держатъ греческій законъ; сказываютъ, что теперь нужда на нихъ пришла большая за греческій законъ, принуждаютъ ихъ приступать въ римскому закону, и они били челомъ, чтобъ мы пожаловали ихъ, за нихъ стали и обороняли ихъ. Намъ кажется, что и тебѣ, сестрѣ нашей, теперь неволя большая, потому что, какъ зять нашъ Александръ умеръ, мы посылали навѣстить тебя и приказывали, чтобъ ты насъ о своемъ здоровьи безъ вѣсти не держала; но съ тѣхъ поръ послы отъ Сигизмунда короля у насъ не одинъ разъ были, а отъ тебя къ намъ вѣсти никакой нѣтъ. И если на Русь такая бѣда пришла, то мы за нее стали и обороняли ее, а впередъ, дастъ Богъ, будемъ стоять и оборонять. А ты бы, сестра, и теперь помнила Бога и свою душу, отца нашего и матери наказъ, отъ Бога душею не отпала бы, отъ отца и матери въ неблагословеньи не была бы, и нашему православному закону укоризны не принесла. А что ты писала къ намъ, чтобъ мы съ Сигизмундомъ королемъ были въ любви и братствѣ, то если Сигизмундъ король захочетъ съ нами мира и добраго согласія, мы съ нимъ мира хотимъ, какъ намъ будетъ пригоже“ [2]) (іюнь 1507 г.).

Сигизмундъ обѣщалъ прислать новыхъ большихъ пословъ въ Москву, но почему-то не прислалъ. Мы видѣли, что въ письмѣ къ сестрѣ Василій говорилъ уже о возвращеніи своихъ воеводъ, ходившихъ на Литву; по литовскимъ извѣстіямъ, воеводы его возвратились назадъ, заслышавши о приближеніи короля, который взялъ замокъ Гзыковъ, опустошилъ нѣсколько мѣстечекъ и волостей московскихъ, но принужденъ былъ также возвратиться въ Вильну отъ недостатка продовольствія для войска и отъ сильныхъ жаровъ [3]). Справедливо или нѣтъ это извѣстіе, очевидно, что военныя дѣйствія 1507 года этимъ кончились. Весною, слѣдующаго 1508 года, они возобновились съ новою силою: Глинскій волновалъ Русь, пустошилъ волости слуцкія и копыльскія, овладѣлъ Туровымъ и Мозыремъ. Великій князь, увѣдомляя его, что посылаетъ къ нему на помощь полки подъ главнымъ начальствомъ князя Василія Ивановича Шемячича, писалъ, чтобъ онъ съ этою помощію добывалъ ближайшіе къ себѣ города, а далеко съ нею въ королевскую землю не ходилъ, дѣло дѣлалъ бы не спѣша, пока подойдетъ другое, болѣе многочисленное войско изъ Москвы. Глинскій хотѣлъ, чтобъ Шемячичъ помогъ ему овладѣть Слуцкомъ, который, какъ писалъ онъ къ Василію, находился близко отъ его городовъ; пишутъ, что Глинскому хотѣлось овладѣть Слуцкомъ для того, чтобъ жениться на его княгинѣ Анастасіи и тѣмъ получить право на Кіевъ, которымъ прежде владѣли предки князей слуцкихъ [4]). Но князю Шемячичу хотѣлось быть

---

[1]) Акты, относящ. къ истор. Запад. Россіи, II, № 19.

[2]) Тамъ же, № 22. Эта грамота важна для насъ преимущественно по означенію мѣсяца и года (іюнь 1507), когда писана. Основываясь на ней, мы отнесли начало сношеній Глинскаго съ Москвою къ веснѣ 1507 года, и приняли извѣстіе лѣтописца Москов. Дух. Типограф. (напечат. 1784 г., стр. 347), гдѣ говорится, что 26 апрѣля 1507 года уже отправлены были воеводы воевать Литовскую Землю.

[3]) Стрыйковскій, II, 344.

[4]) Такъ у Стрыйковскаго; но Глинскій былъ уже женатъ, см. Акты Истор. I, № 120.

поближе къ сѣверу, откуда должны были подойти полки московскіе, и потому рѣшено было идти подъ Минскъ, пустивши загоны въ глубь Литвы для того, чтобъ смутить землю и помѣшать сбору войска. Эти загоны были въ осьми миляхъ отъ Вильны, въ четырехъ отъ Новгородка, заходили подъ самый Слонимъ. Двѣ недѣли стоялъ Глинскій съ Шемячичемъ у Минска, дожидаясь вѣсти о московскихъ воеводахъ; но вѣсти не было; это обстоятельство заставило ихъ отступить отъ Минска и двинуться къ Борисову. Отсюда Глинскій писалъ къ великому князю, чтобъ смиловался, не для его одного челобитья, но для собственной пользы и для пользы всего притѣсненнаго христіанства, которое всю надежду полагаетъ на Бога да на него,—велѣлъ бы своимъ воеводамъ спѣшить къ Минску, иначе братья и пріятели его, Глинскаго, и все христіанство придетъ въ отчаяніе, города и волости, занятые съ помощію великокняжескою, подвергнутся опасности и самое благопріятное время будетъ упущено, ибо ратное дѣло дѣлается лѣтомъ. Но великій князь, извѣщая о движеніи воеводъ своихъ — князей Щени изъ Новгорода, Якова Захарьевича изъ Москвы и Григорія Ѳедоровича изъ Великихъ Лукъ,—приказывалъ Шемячичу и Глинскому, чтобъ они шли для соединенія съ ними къ Оршѣ; Шемячичъ и Глинскій двинулись къ Оршѣ, овладѣли на дорогѣ Друцкомъ; въ одно время съ ними пришелъ къ Оршѣ и князь Щеня съ силою новгородскою, и начали вмѣстѣ осаждать эту крѣпость; но осада была неудачна; третій воевода, Яковъ Захарьичъ, стоялъ подъ Дубровною [1]). Въ это время пришла вѣсть, что идетъ король къ Оршѣ (послѣ 11 іюня 1508 года). Тогда воеводы отошли отъ нея и стали на другомъ берегу Днѣпра; потомъ отступили далѣе въ Дубровну и стояли здѣсь семь дней; но король за Днѣпръ ни самъ не пошелъ, ни людей не послалъ; по литовскимъ же извѣстіямъ, король переправился черезъ Днѣпръ послѣ того, какъ его отряды отбили Русскихъ отъ берега; ночь развела сражающихся; Глинскій упрашивалъ московскихъ воеводъ, чтобъ дали на другой день битву королю, но тѣ не согласились и въ полночь отступили; король побоялся ихъ преслѣдовать и возвратился въ Смоленскъ.

Изъ Дубровны московскіе воеводы пошли на юго-востокъ, къ Мстиславлю, гдѣ выжгли посады, потомъ къ Кричеву [2]), и такимъ образомъ расходились съ королемъ въ противныя стороны. Сигизмундъ, остановившись въ Смоленскѣ, рѣшился принять съ своей стороны наступательное движеніе. Войсками долженъ былъ начальствовать гетманъ литовскій, князь Константинъ Острожскій, которому удалось убѣжать передъ тѣмъ изъ Москвы[3]). Но смута встала въ Литвѣ, вслѣдствіе ссоры между двумя вельможами, походъ Острожскаго съ главнымъ войскомъ не могъ состояться; литовскіе отряды успѣли только сжечь Бѣлую, овладѣть Торопцомъ и занять Дорогобужъ, который сожгли сами Русскіе, не надѣясь защитить его. Но эти успѣхи прекратились, когда великій князь велѣлъ подвинуться войскамъ своимъ къ угрожаемымъ границамъ; Смоленскій воевода, Станиславъ Кишка, засѣвшій-было въ Дорогобужѣ, бѣжалъ оттуда, заслышавъ о приближеніи московскаго войска; литовскіе работники, пришедшіе укрѣплять Дорогобужъ для короля, были побиты; непріятель очистилъ также и Торопецъ, заслышавъ приближеніе Щени.

Сигизмундъ видѣлъ невозможность успѣшной борьбы съ Москвою; московскіе воеводы, уклоняясь отъ рѣшительной битвы, вышли изъ Литовскихъ владѣній, но должны были снова явиться въ нихъ при первомъ удобномъ случаѣ; король слѣдовательно долженъ былъ постоянно держать наготовѣ многочисленную рать, а это было ему трудно, невозможно при внутреннемъ безнарядьи. Мы видѣли, что походъ Острожскаго былъ остановленъ смутою между двумя вельможами, и въ то же время волненіе, поднятое Глинскими, не стихало, города, имъ принадлежавшіе, находились по-прежнему въ ихъ рукахъ. По выходѣ московскихъ воеводъ изъ Литвы, князь Михаилъ отправился въ Москву, гдѣ вступилъ въ службу къ великому князю, который одарилъ его платьемъ, конями, доспѣхами, далъ ему два города на пріѣздъ—Малый Ярославецъ и Медынь, да села подъ Москвою, отпустилъ съ нимъ въ Литву полки свои для обереганія его вотчинныхъ городовъ. Сигизмунду слѣдовательно нужно было кончить войну осенью, чтобъ не дать Глинскому возможности дѣйствовать зимою для подкрѣпленія своей стороны; и вотъ король отправилъ изъ Смоленска гонца въ Москву за опасною грамотою для пословъ, которые пріѣхали сюда 19-го сентября и заключили вѣчный миръ; чтобъ избавиться отъ Глинскихъ, возвратить ихъ владѣнія къ Литвѣ, Сигизмундъ долженъ былъ рѣшиться на важное пожертвованіе: уступить Москвѣ въ вѣчное владѣніе пріобрѣтенія Іоанновы; тяжелыя для Литвы условія перемирія Александрова съ Іоанномъ стали теперь условіями вѣчнаго мира между Сигизмундомъ и Василіемъ, который получилъ желаемое, заключилъ миръ, какъ ему было пригоже, доказалъ, что онъ чужимъ временно ничѣмъ не владѣетъ[4]). Оба государя обязались быть заодно на всѣхъ недруговъ, и на Татаръ, исключая Менгли-Гирея царя Перекопскаго. Глинскимъ

[1]) Мѣстечко Могилевской губерніи Оршинскаго повѣта.

[2]) Мѣстечко Могилевской губерніи Климовичевскаго повѣта.

[3]) Какъ видно, Острожскій былъ уличенъ и прежде въ намѣреніи бѣжать, или въ какой-нибудь другой винѣ, ибо 18 октября, 1506 года, онъ далъ запись за поручительствовъ митрополита и другихъ духовныхъ лицъ, въ которой говоритъ: «Се азъ, князь Константинъ Ив. Острожскій, что есми билъ челомъ своему государю в. к. В. И. за свою вину» и проч. С. г. г. и д. I, № 146.

[4]) Литвѣ возвращены были только волости, захваченныя въ правленіе Василія: Руды Большія, Вержавы, Ветлицы, Щучья, Буй городъ.—Акты, относ. къ истор. Зап. Россіи II, № 43.

и ихъ пріятелямъ выговоренъ былъ свободный выѣздъ изъ Литвы въ Москву. Предчувствіе князя Михаила сбылось: онъ затѣялъ такое дѣло, о которомъ и король, и онъ самъ сильно должны были жалѣть, потерявши много; но Глинскій не отчаявался заставить короля жалѣть еще больше.

Мы видѣли, что Сигизмундъ вначалѣ надѣялся нанести Москвѣ сильный ударъ съ помощію Татаръ крымскихъ, и дѣйствительно не жалѣлъ денегъ, чтобъ порвать союзъ Менгли-Гирея съ Москвою. Въ это время Крымская Орда начинала обнаруживать вполнѣ свой разбойническій характеръ. Прежде Менгли-Гирей сдерживался боязнью передъ Ахматомъ и сыновьями его, и потому дорожилъ союзомъ съ Москвою; дорожилъ онъ имъ и потому еще, что боялся Турокъ, и, въ случаѣ изгнанія отъ послѣднихъ, надѣялся найти убѣжище у Московскаго князя; наконецъ слава могущества и счастія Іоаннова должна была внушать уваженіе варвару. Но теперь обстоятельства перемѣнились: Менгли-Гирей не боялся болѣе остатковъ Золотой Орды, не видалъ безпокойства со стороны Турціи; въ Москвѣ, вмѣсто Іоанна, господствовалъ молодой сынъ его, окруженный опасностями внутри и извнѣ, ибо и въ Крыму могли ожидать той же усобицы между сыновьями Іоанновыми, какой ожидали въ Литвѣ; притомъ Менгли-Гирей устарѣлъ, ослабѣлъ и былъ окруженъ толпою хищныхъ сыновей, родственниковъ и князей. Понятно, что эта хищная толпа съ жадностію бросилась на Сигизмундовы подарки, обѣщая ему за нихъ опустошать Московскія владѣнія; но имъ еще выгоднѣе было брать подарки съ обоихъ государствъ, Московскаго и Литовскаго, обѣщать свою помощь тому, кто больше дастъ, обѣщать, а на самомъ дѣлѣ, взявъ деньги съ обоихъ, опустошать владѣнія обоихъ, пользуясь ихъ взаимною враждою. Съ этихъ поръ сношенія обоихъ государствъ, и Московскаго и Литовскаго, съ Крымцами принимаютъ характеръ задариванія разбойниковъ, которые не сдерживаются никакимъ договоромъ, никакими клятвами. Сюда присоединялись еще смѣшныя притязанія на прежнее могущество, прежнее значеніе, которое ханы старались возстановить хотя на бумагѣ; но унизительнѣе всего было то, что король Сигизмундъ рѣшился потворствовать этимъ притязаніямъ, рѣшился взять слѣдующій ярлыкъ отъ Менгли-Гирея: „Великія Орды великаго царя Менгли-Гирея слово, правой и лѣвой руки великаго улуса темникамъ, тысячникамъ, сотникамъ, десятникамъ, уланамъ, князьямъ и всѣмъ русскимъ людямъ, боярамъ, митрополитамъ, попамъ, чернецамъ и всѣмъ чернымъ людямъ. Даемъ вамъ вѣдать, что великіе цари, дѣды наши, и великій царь Ази-Гирей, отецъ нашъ, когда ихъ кони были потны, къ великому князю Витовту въ Литовскую Землю пріѣзжали гостить, великую честь и ласку видали,—за это пожаловали его Кіевомъ и многія другія мѣста дали. Великій князь Казимиръ съ литовскими князьями и панами просили насъ о томъ же, и мы имъ дали Кіевъ, Владиміръ, Луцкъ, Смоленскъ, Подолію, Каменецъ, Браславль, Сокальскъ, Звенигородъ, Черкасы, Хаджибеевъ маякъ (Одесса), начиная отъ Кіева Днѣпромъ до устья... Путивль, Черниговъ, Рыльскъ, Курскъ, Осколъ, Стародубъ, Брянскъ, Мценскъ, Любутскъ, Тулу... Козельскъ, Пронскъ; потомъ, повышая брата нашего Казимира, мы придали ему къ Литовскому столу Псковъ, Великій Новгородъ, Рязань; а теперь мы пожаловали Сигизмунда, брата нашего, столецъ въ Литовской Землѣ дали ему со всѣми вышеписанными землями“ [1]).

И вотъ, несмотря на то, что Василій, въ началѣ своего княженія, поспѣшилъ взять съ Менгли-Гирея клятвенную грамоту въ соблюденіи прежняго союза, какой былъ у Москвы съ Крымомъ при Іоаннѣ III, лѣтомъ 1507 года пришла вѣсть, что идетъ множество Татаръ по степи, и надобно ждать ихъ прихода на бѣлевскія, одоевскія и козельскія мѣста. Великій князь немедленно выслалъ полки на Украйну; московскіе воеводы не успѣли помѣшать Татарамъ набрать въ ней большую добычу, но пустились за разбойниками въ степь, нагнали ихъ на Окѣ, поразили и отняли всю добычу [2]) (9-го августа). Послѣ этого во все продолженіе войны съ Литвою нападеній не было. Глинскій, съ своей стороны также, обратился въ Крымъ, прося покровительства у хана, поднимая его на короля; Менгли-Гирей не отказывался отъ союза и съ Глинскимъ, обѣщалъ завоевать для него Кіевъ, не переставая въ то же время обѣщать королю, что хочетъ послать къ нему на помощь Татаръ своихъ къ Кіеву и даже къ Вильнѣ. Но король спѣшилъ отказаться отъ такой помощи, писалъ къ Менгли-Гирею отъ 11-го іюня 1508 года, что помощь татарская уже болѣе не нужна въ Литвѣ, которая очищена отъ Глинскаго и московскихъ воеводъ, и самъ онъ, Сигизмундъ, уже приблизился къ московскимъ границамъ, а проситъ хана послать войско на Брянскъ, Стародубъ и Новгородъ-Сѣверскій: „Если не захочешь сыновей послать, то пошли хотя нѣсколько тысячъ людей своихъ, и тѣмъ покажи намъ искреннее братство и вѣрную пріязнь, а мы, какъ тебѣ присягнули и слово свое дали, такъ и будемъ все исполнять до смерти, тебя одного хотимъ во всемъ тѣшить, и мимо тебя другого пріятеля искать не будемъ“. Король обѣщалъ выслать немедленно и деньги въ Крымъ [3]).

Но разбойники еще помнили пораженіе на Окѣ, и ханъ не послалъ войска въ другой разъ къ московскимъ украйнамъ; ему казалось безопаснѣе посредствомъ клятвеннаго обѣщанія союза выманить у великаго князя Московскаго какъ можно больше подарковъ, выманить также и пасынка своего, бывшаго Казанскаго царя Абдыллетифа, находившагося въ заточеніи, и вовлечь Василія въ войну съ

[1]) Акты Западн. Россіи II, № 6.

[2]) П. С. Р. Л. VI, 246. Русскіе гнали Татаръ до рѣчки Рыбницы (Орловскаго уѣзда).

[3]) Акты Зап. Россіи, II, № 33.

Астраханью, съ которою у Москвы не было никакихъ враждебныхъ столкновеній. Требовалъ подарковъ не одинъ ханъ; обыкновенно послы привозили къ великому князю множество грамотъ отъ всѣхъ царевичей и царевенъ: все это слало тяжелые поклоны съ легкимъ поминкомъ, а себѣ требовало тяжелыхъ поминковъ; но, кромѣ царевичей и царевенъ, нужно было дарить всѣхъ мурзъ и князей. Менгли-Гирей писалъ великому князю: „Братъ мой, князь великій Иванъ, Ямгурчей - Салтану, кромѣ десяти (подарковъ), портище соболье да 2,000 бѣлки, да 300 горностаевъ, не убавляя, посылывалъ, а ныньче отъ тебя такъ не привезено. Изъ моихъ мурзъ и князей двадцати человѣкамъ поминка не досталось: такъ ты бы имъ прислалъ по сукну; а если имъ не пришлешь, то они скажутъ: шерть (присягу) съ насъ долой! И сильно намъ станутъ объ этомъ докучать, такъ бы намъ докуки не было". Ханъ требовалъ безпошлинной торговли для своихъ купцовъ, и писалъ великому князю: „Послалъ я своего торговца, и если товаръ, какой ему нужно купить, будетъ дорогъ, то я ему велѣлъ за хорошею бѣлкою и въ Казань идти. Въ какомъ мѣстѣ онъ начнетъ товаръ мой продавать, или въ какой городъ пойдетъ, то ты своего добраго человѣка съ нимъ пошли, чтобъ на немъ тамги не брали, чтобъ силы и наступанія ему никакого не было, потому что мои деньги все равно, что твои деньги; такъ вели постеречь и поберечь. Отъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ нашихъ ордобазарцы въ Москву и въ другіе города хаживали, и нигдѣ съ нихъ тамги не брали, потому что ихъ деньги — наши деньги, и брать съ нихъ тамгу значитъ надо мною насмѣхаться. Изначала наши ордобазарцы въ кермосараяхъ (гостинныхъ дворахъ) не ставятся, ставятся гдѣ хотятъ, и никто имъ о томъ слова не говоритъ". Ханъ требовалъ также присылки одоевской дани, какъ она шла въ Крымъ при Іоаннѣ III.

Великій князь исполнилъ требованіе хана относительно ордобазарцевъ: не велѣлъ брать съ нихъ тамги и ставить ихъ на гостинныхъ дворахъ, но отказался отправить войско на Астрахань: „Судовъ на Волгѣ при отцѣ моемъ не дѣлывали, да и теперь не дѣлаютъ, и народу служебнаго туда переслать нельзя". Великій князь не согласился также отпустить Абдыллетифа въ Крымъ, но соглашался возвратить ему свободу и надѣлить городомъ; Менгли-Гиреевъ посолъ настаивалъ, чтобъ Абдыллетифу дали Каширу; но великій князь никакъ на это не согласился: помѣстить Абдыллетифа такъ близко къ степи—значило передать украйну въ жертву Крымцамъ, или, по крайней мѣрѣ, дать Летифу возможность уйти изъ Московскаго государства; ему дали Юрьевъ, причемъ взяли съ него клятвенную грамоту, показывающую намъ тогдашнія отношенія такъ называемыхъ служилыхъ татарскихъ царевичей къ государству. Летифъ, называя себя царемъ и великаго князя братомъ, обязуется: быть въ пріязни съ его друзьями и въ враждѣ съ врагами, не мириться и не ссылаться ни съ кѣмъ безъ его вѣдома, показывать ему всѣ грамоты, какія только будутъ присланы къ нему отъ другихъ владѣльцевъ; если великій князь пошлетъ его на свою службу, то ему и его войску, ходя по московскимъ землямъ, не брать и не грабить своею рукою ничего, надъ христіанами насилья никакого не дѣлать, а кто это сдѣлаетъ или церковь поругаетъ, того выдать; убьютъ такого преступника на мѣстѣ преступленія—вины нѣтъ; послы Летифа, ѣдущіе въ Москву, берутъ кормъ по ямамъ; но торговцы его кормъ должны себѣ покупать; пословъ и купцовъ московскихъ Летифу не хватать и не грабить, также русскихъ плѣнныхъ, которые побѣгутъ изъ Орды; Летифъ обязывается не мыслить зла Янаю царевичу, живущему въ городкѣ Мещерскомъ, и Шихъ-Авліару царевичу, помѣщенному въ Сурожикѣ, и никакому другому царю или царевичу, которые будутъ въ Московскомъ государствѣ; не принимать отъ нихъ улановъ, князей и казаковъ, хотя бы они прежде ушли отъ нихъ въ Орду или Казань, и оттуда ихъ не принимать; также не принимать Татаръ великокняжескихъ, кромѣ четырехъ родовъ: Ширинова, Баарынова, Аргинова и Кипчакова; обязывается не воевать съ Казанью безъ вѣдома великокняжескаго, не выѣзжать изъ Московскаго государства и быть во всемъ послушнымъ великому князю. Съ своей стороны, великій князь далъ Летифу на словахъ клятву — держать его другомъ и братомъ, но въ грамоту этой строки писать не велѣлъ для прежняго своего дѣла.

Послы московскіе начали подвергаться въ Крыму насиліямъ отъ хищныхъ царевичей и мурзъ; отпуская къ Менгли-Гирею знатнаго посла своего, Василія Морозова, великій князь писалъ къ хану, что если и Морозовъ потерпитъ такое же насиліе и безчестіе, какое потерпѣлъ прежній посолъ Заболоцкій, то впередъ онъ будетъ посылать къ нему людей молодыхъ, а не бояръ; и Морозову былъ данъ наказъ: „Если станутъ у него просить какой пошлины, то ему въ пошлину никому ничего не давать, кромѣ того, что съ нимъ послано отъ великаго князя въ поминкахъ". Морозовъ выполнилъ наказъ; но пусть онъ самъ раскажетъ намъ, чего стоило ему это выполненіе: „Пріѣхалъ я къ воротамъ (доноситъ посолъ великому князю), сошелъ съ лошади, пошелъ пѣшкомъ въ городскія ворота,— и вижу, что въ воротахъ сидятъ всѣ лучшіе князья; они со мной карашевались (здоровались) по обычаю; но когда дошла очередь до Кудаяръ-мурзы, то онъ со мною не карашевался, а сказалъ толмачу: „Скажи боярину, что онъ холопъ"! Толмачъ мнѣ тутъ не сказалъ, а онъ на толмача съ ножемъ, и толмачъ мнѣ сказалъ у царевыхъ дверей. Я пошелъ къ царю и девяти (подарки) понесли за мною; тутъ Кудаяръ-мурза отнялъ у подьячаго шубу бѣличью хребтовую; какъ подошелъ я къ царевымъ дверямъ,—ясаулы посохи свои бросили передо мною и стали говорить толмачу: „Давай пошлины"! Я перешагнулъ черезъ посохи; ничего, говорю, невѣ-

даю; а мурза Аппакъ мнѣ сказалъ: „Не потакай, ступай прямо къ царю“. Царь спрашивалъ о твоемъ (великаго князя) здоровьи, меня жаловалъ, и царевичи меня жаловали и карашеваться звали; я посольство правилъ, царь меня жаловалъ чашею, и остатокъ подалъ, и царевичи жаловали, остатки подавали; потомъ царь, немного посидѣвши, велѣлъ мнѣ чашу подать, а я чашу подалъ царю, царевичамъ и князьямъ; но когда дошелъ чередъ до Кудаяръ-мурзы, то я началъ бить челомъ царю на него, что холопомъ меня назвалъ и шубу отнялъ. „Кудаяръ-мурзѣ, говорилъ я, чашу не подамъ за это: холопъ я твой, да брата твоего, государя великаго князя Василія Ивановича“. Царь началъ говорить за Кудаяра (по немъ покрашивать): „Мы его этимъ пожаловали“ — говорилъ царь. Я на это отвѣчалъ: „Въ томъ, государь, воленъ ты, вольный человѣкъ, хотя и все ему отдай“. Царь послѣ этого меня отпустилъ, и прислалъ за мною съ медомъ, а Кудаяра, говоритъ, бранилъ и вонъ выслалъ... А царевичъ Ахматъ-Гирей прислалъ ко мнѣ дувана своего; дуванъ ко мнѣ пріѣхалъ, да сталъ браниться, говоритъ: „Царевичъ тебѣ приказалъ сказать: не додашь мнѣ тѣхъ поминковъ, что мнѣ Заболоцкій давалъ, и я тебя велю на цѣпи къ себѣ привести“. Я ему отвѣчалъ: „Цѣпи твоей не боюсь, а поминковъ не дамъ, поминковъ у меня нѣтъ“ [1]).

Мы видѣли, что и Александръ, и Сигизмундъ, желая войны съ Москвою, старались поднять на нее магистра Ливонскаго; но уже изъ отвѣта Плеттенбергова Александру можно было усмотрѣть, что старанія будутъ безуспѣшны. Ливонія и города Ганзейскіе хлопотали только о томъ, чтобы съ помощію короля Римскаго Максимиліана возвратить своихъ плѣнниковъ и товары, захваченные при Іоаннѣ. Извѣстный намъ Гардингеръ пріѣхалъ осенью 1506 года въ Москву съ прежнею просьбой отъ Максимиліана объ освобожденіи ливонскихъ плѣнниковъ; Василій велѣлъ отвѣчать: „Если Максимиліанъ король Римскій будетъ съ нами въ союзѣ, братской любви и дружбѣ, какъ былъ съ отцомъ нашимъ; и если магистръ, архіепископъ и вся Земля Ливонская отъ нашего недруга Литовскаго отстанутъ, пришлютъ бить челомъ въ Великій Новгородъ къ нашимъ намѣстникамъ, исправятся нашимъ отчинамъ, Великому Новгороду и Пскову вовремя, то мы, посмотря по ихъ челобитью, для Максимиліана короля Римскаго прикажемъ своимъ намѣстникамъ и своимъ отчинамъ, Новгороду и Пскову, съ Ливонцами миръ заключить, какъ будетъ пригоже, и тогда плѣнниковъ освободимъ“. Ливонскіе послы не являлись въ продолженіи войны съ Литвою; но когда эта война кончилась, то магистръ въ мартѣ 1509 г. прислалъ бить челомъ о перемиріи, которое и было заключено новгородскимъ и псковскимъ намѣстниками на четырнадцать лѣтъ; по договору, Нѣмцы обязались не приставать къ Литовскому великому князю и его преемникамъ, получили право торговать въ Новгородской Землѣ всякимъ товаромъ, кромѣ соли; съ обѣихъ сторонъ обязались давать посламъ проводниковъ и подворья безденежно. — Потомъ Максимиліанъ присылалъ съ просьбою, чтобы позволено было Ганзейскимъ городамъ торговать по-прежнему съ Новгородомъ и Псковомъ, и чтобъ отданы были товары, захваченные при Іоаннѣ. Василій отвѣчалъ, что относительно возобновленія торговли исполнитъ просьбу Максимиліанову, если Ганзейскіе города пришлютъ къ новгородскимъ и псковскимъ намѣстникамъ бить о томъ челомъ по-пригожу; но что товаровъ имъ не отдадутъ [2]).

Обезопасивъ себя со стороны Казани, Крыма, Литвы и Ливоніи, Василій задумалъ порѣшить со Псковомъ, къ чему подавали поводъ постоянныя столкновенія власти народной со властію намѣстника великокняжескаго. Съ 1508 или 1509 года во Псковѣ намѣстникомъ былъ князь Иванъ Михайловичъ Репня-Оболенскій, а Псковичи прозвали его Найденомъ, потому что, говоритъ ихъ лѣтописецъ, пріѣхалъ онъ во Псковъ не по обычаю, не будучи прошенъ и объявленъ, нашли его Псковичи на загородномъ дворѣ, потому священники на-встрѣчу къ нему со крестами не ходили; и былъ этотъ князь лютъ до людей, прибавляетъ лѣтописецъ. Осенью 1509 года великій князь отправился въ Новгородъ и получилъ здѣсь отъ Оболенскаго жалобу, что Псковичи держатъ его нечестно, не такъ, какъ держали прежнихъ намѣстниковъ, и дѣла государскія дѣлаютъ не по-прежнему, въ суды и доходы великокняжескіе вступаютъ, и людямъ намѣстничьимъ отъ нихъ безчестіе и насиліе большое. Вслѣдъ за жалобою отъ намѣстника, явились въ Новгородъ посадники и бояре псковскіе, поднесли великому князю въ даръ полтораста рублей, и били челомъ, что обижены отъ намѣстника, отъ его людей, отъ его намѣстниковъ пригородскихъ и отъ ихъ людей. Великій князь отвѣчалъ: „Хочу отчину свою жаловать и оборонять, какъ отецъ нашъ и дѣды дѣлали; и если придетъ на моего намѣстника много жалобъ, то я его обвиню передъ вами“. Отпустивъ посадниковъ и бояръ, Василій отправилъ въ Псковъ окольничаго, князя Петра Васильевича Великаго, и дьяка Далматова съ приказаніемъ выслушать князя Оболенскаго съ Псковичами порознь и помирить ихъ. Посланные возвратились и объявили, что Псковичи съ намѣстникомъ не мирятся; пріѣхали опять посадники бить челомъ, чтобъ государь далъ имъ другого намѣстника, а съ Репнею прожить имъ нельзя. Тогда великій князь велѣлъ ѣхать къ себѣ въ Новгородъ Репнѣ и всѣмъ Псковичамъ, у которыхъ есть жалобы на намѣстника. Поѣхалъ намѣстникъ, поѣхалъ посадникъ Леонтій, но поѣхалъ жаловаться не на Оболенскаго, а на товарища своего, другого посадника Юрія Копыла; Юрій по-

[1]) Крымскія дѣла, № 3, стр. 1—62 и слѣд.

[2]) Памятн. дипломат. снош. I, стр. 139—158; С. г. г. и д. V, № 57.

ѣхалъ отвѣчать, и скоро прислалъ изъ Новгорода грамоту: „Если не поѣдутъ посадники изъ Пскова говорить противъ князя Ивана Репни, то вся земля будетъ виновата“. Тогда сердце у Псковичей приуныло; поѣхали девять посадниковъ да купеческіе старосты всѣхъ рядовъ. Великій князь управы имъ не далъ, но объявилъ: „Сбирайтесь жалобщики на Крещеніе, тогда я вамъ всѣмъ управу дамъ, а теперь вамъ управы никакой нѣтъ“. Жалобщики возвратились домой, и, когда подошелъ срокъ, отправились опять въ Новгородъ. Въ самый праздникъ Крещенія Василій велѣлъ Псковичамъ собраться и идти на рѣку на водосвятіе, гдѣ былъ и самъ со крестнымъ ходомъ; потомъ бояре объявили имъ: „Посадники Псковскіе, бояре и жалобщики, Государь велѣлъ вамъ всѣмъ сбираться на государскій дворъ, а кто не пойдетъ, тотъ бы боялся государевой казни, потому что государь хочетъ дать вамъ всѣмъ управу“. Псковичи отправились съ рѣки на владычній дворъ; посадники, бояре и купцы введены были въ палату, а младшіе люди стояли на дворѣ, и вотъ вошли въ палату московскіе бояре и сказали Псковичамъ: „Пойманы вы Богомъ и великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ всея Руси“ Посадниковъ посадили тутъ же въ палатѣ, а младшихъ переписали и отдали Новгородцамъ по улицамъ беречь и кормить до управы. Такъ говоритъ Псковскій лѣтописецъ; по извѣстію же другихъ лѣтописцевъ, великій князь велѣлъ Псковскому намѣстнику, князю Репнѣ, съ посадниками стать передъ собою, выслушалъ и обыскалъ, что посадники не слушались намѣстника, въ суды и пошлины его вступались, держали его не такъ, какъ прежнихъ намѣстниковъ; также отъ нихъ и Псковичамъ было много обидъ и насильствъ, но что болѣе всего,—государское имя презирали, нечестно держали. За это великій князь положилъ опалу на посадниковъ, велѣлъ ихъ схватить и раздать дѣтямъ боярскимъ по подворьямъ. Тогда посадники и другіе Псковичи, познавъ свою вину, били челомъ государю, чтобъ пожаловать отчину свою Псковъ, устроилъ какъ ему, государю, Богъ извѣстилъ. Великій князь велѣлъ имъ сказать чрезъ бояръ своихъ: „Вы достойны за свои вины казни и опалы; но государь вамъ готовъ оказать милость, если вы исполните его волю, вѣчевой колоколъ свѣсите, чтобъ впредь вѣчу не быть, а быть въ Псковѣ двумъ намѣстникамъ, и по пригородамъ быть также намѣстникамъ; государь самъ хочетъ быть въ Псковѣ, помолиться Св. Троицѣ и всемъ указъ учинить, какъ судить намѣстникамъ въ Псковѣ и по пригородамъ; если волю государеву исполните, то государь васъ жалуетъ, въ имѣнія ваши и въ земли не вступается. Если же государева жалованья не признаете и воли его не исполните, то государь будетъ дѣлать свое дѣло, какъ ему Богъ поможетъ, а кровь христіанская взыщется на тѣхъ, кто государево жалованье презираетъ и воли его не исполняетъ“.—Посадники и всѣ Псковичи отвѣчали боярамъ: „За государево жалованье мы здѣсь челомъ бьемъ; но велѣлъ бы государь послать во Псковъ съ тѣми же рѣчами“. Они цѣловали крестъ служить Василію, его дѣтямъ и наслѣдникамъ до конца міра [1]).

Псковичи узнали объ участи посадниковъ отъ купца своего Филиппа Поповича, который услыхалъ вѣсть на дорогѣ въ Новгородъ, бросилъ товаръ и поскакалъ во Псковъ сообщить ее гражданамъ. На Псковичей напалъ страхъ, трепетъ и тоска, гортани ихъ пересохли отъ печали, уста пересмякли; много разъ приходили на нихъ Нѣмцы, но такой скорби еще имъ не бывало, какъ теперь, говоритъ ихъ лѣтописецъ. Собрали вѣче, начали думать: ставить ли щитъ противъ государя, запираться ли въ городѣ. Помянули крестное цѣлованіе, что нельзя поднять рукъ на государя, а посадники и бояре, и лучшіе люди всѣ у него. Порѣшивши, что сопротивляться нельзя, Псковичи послали къ великому князю гонца Евстаѳія Соцкаго, бить челомъ со слезами: „Чтобъ ты, государь, жаловалъ свою отчину старинную; а мы, сироты твои, прежде были и теперь неотступны отъ тебя и сопротивляться не хотимъ; Богъ воленъ да ты въ своей отчинѣ и въ насъ, своихъ людишкахъ“. Съ объявленіемъ воли великокняжеской пріѣхалъ въ Псковъ дьякъ Третьякъ Далматовъ, который сказалъ на вѣчѣ отъ имени Василія: „Если отчина моя хочетъ прожить въ старинѣ, то должна исполнить двѣ мои воли: чтобъ у васъ вѣча не было и колоколъ вѣчевой былъ бы снятъ; быть у васъ двумъ намѣстникамъ, а по пригородамъ намѣстникамъ не быть,—въ такомъ случаѣ вы въ старинѣ проживете; если же этихъ двухъ волей не исполните, то какъ государю Богъ на сердцѣ положитъ: много у него силы готовой, и кровопролитіе взыщется на тѣхъ, кто государевой воли не сотворитъ; да государь велѣлъ вамъ еще объявить, что хочетъ побывать на поклонъ къ Св. Троицѣ во Псковъ“. Отговоривши свою рѣчь, дьякъ сѣлъ на ступени. Псковичи ударили челомъ въ землю и не могли слова промолвить, потому что глаза у нихъ наполнились слезами, только грудные младенцы не плакали; наконецъ, собравшись съ духомъ, отвѣчали дьяку: „Посолъ государевъ! подожди до завтра; мы подумаемъ и обо всемъ тебѣ скажемъ“; тутъ опять всѣ горько заплакали: „Какъ зѣницы не выпали у нихъ вмѣстѣ со слезами; какъ сердце не оторвалось отъ корня своего“?—говоритъ лѣтописецъ.

Думать Псковичамъ было нечего; день прошелъ въ плачѣ, рыданіяхъ, стонахъ; бросались другъ къ другу на шею и обливались слезами. Задержанные въ Новгородѣ посадники и бояре писали къ нимъ, что дали Василію крѣпкое слово своими душами за себя и за всѣхъ Псковичей исполнить государево приказаніе; писали, что общая гибель будетъ слѣдствіемъ сопротивленія великому князю,

---

[1]) Русск. Временникъ, II, 278. Архив. лѣтоп. у Карамз. VII, примѣч 63.

у котораго многочисленное войско. На разсвѣтѣ другого дня позвонили къ вѣчу; Третьякъ пріѣхалъ, и Псковичи сказали ему: „Въ лѣтописяхъ нашихъ написано, съ прадѣдами, дѣдами и съ отцемъ великаго князя крестное цѣлованіе положено, что намъ, Псковичамъ, отъ государя своего великаго князя, кто бы ни былъ въ Москвѣ, не отойти ни въ Литву, ни къ Нѣмцамъ; отойдемъ въ Литву или къ Нѣмцамъ, или станемъ жить сами собою безъ государя, то на насъ гнѣвъ Божій, голодъ, огонь, потопъ и нашествіе поганыхъ; на государѣ великомъ князѣ тотъ же обѣтъ, какой и на насъ, если не станетъ насъ держать въ старинѣ; а теперь Богъ воленъ да государь въ своей отчинѣ, городѣ Псковѣ, и въ насъ, и въ колоколѣ нашемъ, а мы прежней присягѣ своей не хотимъ измѣнять и на себя кровопролитіе принимать, мы на государя рукъ поднять и въ городѣ запереться не хотимъ; а хочетъ государь нашъ князь великій помолиться Живоначальной Троицѣ, и побывать въ своей отчинѣ во Псковѣ, то мы своему государю рады всѣмъ сердцемъ, что не погубилъ насъ до конца". 13 января 1510 года сняли вѣчевой колоколъ у Св. Троицы, и начали Псковичи, смотря на колоколъ, плакать по своей старинѣ и по своей волѣ, и въ ту же ночь Третьякъ повезъ вѣчевой колоколъ къ великому князю въ Новгородъ.

За недѣлю до пріѣзда великаго князя пріѣхали воеводы его съ силою и повели Псковичей къ крестному цѣлованію, а посадникамъ сказали, въ какой день великій князь будетъ во Псковъ; посадники, бояре, дѣти боярскія и посадничьи и купцы поѣхали въ Дубровно встрѣчать государя, который пріѣхалъ во Псковъ 24 января. Въ тотъ же день рано пріѣхалъ владыка Коломенскій и объявилъ духовенству, что великій князь не велѣлъ встрѣчать себя далеко; духовенство осталось, а Псковичи встрѣтили его за три версты отъ города и ударили челомъ въ землю; государь спросилъ у нихъ о здоровьи; они отвѣчали: „Ты бы, государь нашъ князь великій, царь всея Руси, здравъ былъ". На торгу встрѣтилъ владыка Коломенскій съ псковскимъ духовенствомъ; въ Троицкомъ соборѣ пѣли молебенъ и кликали многолѣтіе государю; благословляя его, епископъ сказалъ: „Богъ тебя, государь, благословляетъ взятіемъ Пскова"; которые Псковичи были тутъ въ церкви и слышали это, заплакали горько: „Богъ воленъ да государь, сказали они: мы были изстари отчиною отцовъ его, дѣдовъ и прадѣдовъ". На четвертый день великій князь велѣлъ быть у себя посадникамъ, боярамъ, купцамъ и житымъ людямъ, чтобъ пожаловать ихъ своимъ жалованьемъ, какъ было имъ сказано. Когда они собрались, то князь Петръ Васильевичъ Великій перекликалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ по списку и велѣлъ имъ идти въ гридню, гдѣ ихъ всѣхъ отдали подъ стражу; менѣе же значительнымъ Псковичамъ, оставшимся на дворѣ, князь Петръ сказалъ: „До васъ государю дѣла нѣтъ, а до кого государю дѣло, тѣхъ онъ къ себѣ беретъ; а васъ государь пожалуетъ своею жалованнею грамотою, какъ вамъ впередъ жить". Лучшіе Псковичи вышли изъ гридни съ приставами, отправились по своимъ дворамъ, и въ ту же ночь стали сбираться въ Москву съ женами и дѣтьми, взяли съ собою только что полегче, а прочее все бросили и поѣхали наспѣхъ съ большимъ плачемъ и рыданіемъ; поѣхало всего тогда 300 семей. Отнялась слава псковская, говоритъ лѣтописецъ; по его словамъ, бѣда постигла Псковичей за самоволіе и непокореніе другъ другу, за злые поклепы и лихія дѣла, за кричанье на вѣчахъ; не умѣли своихъ домовъ устраивать, а хотѣли городомъ управлять.

Великій князь послалъ боярина Петра Яковлевича Захарьина (Кошкина) поздравить Москву со взятіемъ Пскова, а самъ жилъ во Псковѣ четыре недѣли, устраивалъ новый бытъ: деревни сведенныхъ бояръ псковскихъ онъ роздалъ своимъ боярамъ; въ намѣстники назначилъ Григорья Морозова и Ивана Челяднина, дьякомъ Мисюря Мунехина, другимъ ямскимъ дьякомъ Андрея Волосатаго, назначилъ 12 городничихъ, и 12 старостъ московскихъ и 12 псковскихъ далъ имъ деревни и велѣлъ сидѣть въ судѣ съ намѣстниками и тіунами, стеречь правды; далъ Псковичамъ уставную грамоту; послалъ своихъ намѣстниковъ по пригородамъ и велѣлъ привести пригорожанъ къ крестному цѣлованію. Изъ Москвы присланы были во Псковъ добрые люди, гости, числомъ 15, для установленія тамги, потому что во Псковѣ прежде тамги не было, торговали безпошлинно, и для дѣланія денегъ на новый чеканъ; присланы были изъ Москвы также пищальники казенные и воротники; а уѣзжая, великій князь оставилъ во Псковѣ 1,000 человѣкъ дѣтей боярскихъ и 500 новгородскихъ пищальниковъ. Къ Троицыну дню того же года пріѣхали купцы Москвичи на мѣсто сведенныхъ псковскихъ, 300 же семей изъ десяти городовъ, и начали имъ давать дворы въ Среднемъ городѣ, а Псковичей всѣхъ выпроводили въ окольный городъ и на посадъ.

Лѣтописецъ жалуется на первыхъ намѣстниковъ: у намѣстниковъ, говоритъ онъ, у тіуновъ ихъ и дьяковъ правда, крестное цѣлованіе взлетѣли на небо, а кривда начала между ними ходить; были они немилостивы къ Псковичамъ, а Псковичи бѣдные не знали суда московскаго; намѣстники пригородные торговали пригорожанами, продавали ихъ великимъ и злымъ умышленіемъ, подметомъ и поклепомъ; приставы намѣстничьи начали брать отъ поруки по 10, 7 и 5 рублей, а кто изъ Псковичей сошлется на уставную грамоту великаго князя, какъ тамъ опредѣлено, по чему брать съ поруки, того они убьютъ; отъ ихъ налоговъ и насильства многіе разбѣжались по чужимъ городамъ, бросивши женъ и дѣтей; иностранцы, жившіе во Псковѣ, — и тѣ разошлись въ свои земли, одни Псковичи остались, потому что земля не разступится, а вверхъ не взлетѣть.—Слухъ о такомъ

поведеніи намѣстниковъ дошелъ до великаго князя: въ слѣдующемъ же 1511 году онъ свелъ Морозова и Челяднина, и на ихъ мѣсто прислалъ двоихъ князей—Петра Великаго и Семена Курбскаго; Петръ былъ прежде княземъ во Псковѣ и зналъ всѣхъ Псковичей. Новые намѣстники были добры до Псковичей, говоритъ лѣтописецъ, и вотъ горожане, которые разошлись, начали опять собираться во Псковъ. Намѣстники эти жили четыре года. Намѣстники смѣнялись; не смѣнялся дьякъ Мисюрь Мунехинъ, имѣвшій важное значеніе, управлявшій, какъ видно, всѣмъ [1]). Послѣ семнадцатилѣтняго пребыванія во Псковѣ, Мисюрь умеръ въ 1528 году. Дьяки начали часто перемѣняться послѣ него; по словамъ лѣтописца, были дьяки мудры, а земля пуста; казна великокняжеская начала увеличиваться во Псковѣ; но изъ дьяковъ ни одинъ не выѣхалъ поздорову изъ Пскова въ Москву, потому что другъ на друга воевали. Мы еще будемъ имѣть случай упомянуть о Мисюрѣ.

Глава II.

Смоленскъ.

Возобновленіе войны съ Литвою.—Взятіе Смоленска.—Измѣна Глинскаго.—Пораженіе Русскихъ у Орши.—Сигизмундъ не пользуется побѣдою.—Сигизмундъ подущаетъ Крымцевъ къ нападенію на русскія владѣнія.—Союзъ Василія съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ.—Посредничество императора Максимиліана.—Посольство Герберштейна.—Союзъ Казани и Крыма противъ Москвы.—Нашествіе Магметъ-Гирея.—Перемиріе съ Литвою.—Войны съ Казанью.—Сношенія съ Крымомъ, Швеціею, городами Ганзейскими, Даніею, Римомъ, Турціею.—Присоединеніе Рязани, княжества Сѣверскаго и удѣла Волоцкаго.

Если великому князю Московскому выгодно было окончательно закрѣпить за собою отцовскія завоеванія въ Литвѣ; если Сигизмунду, съ другой стороны, важно было безъ новыхъ уступокъ освободиться отъ изнурительной и, вслѣдствіе движеній Глинскаго, опасной войны: то конечно Глинскому, потерпѣвшему полную неудачу въ своихъ замыслахъ, принужденнному покинуть родную страну, не было никакой выгоды отъ прекращенія войны между Москвою и Литвою. Понятно, что пребываніе Глинскаго при дворѣ Московскомъ не могло служить ручательствомъ въ сохраненіи мира; понятно, что этотъ даровитый, энергическій, знающій, бывалый человѣкъ долженъ былъ употреблять всѣ усилія къ возвращенію себѣ прежняго положенія, прежнихъ владѣній; понятно, что человѣку, привыкшему къ великокняжескому положенію въ Литвѣ, привыкшему управлять государствомъ при Александрѣ, нельзя было привыкнуть къ положенію дѣлъ въ Москвѣ, гдѣ великій князь, касательно ограниченія власти боярской, приводилъ къ концу мѣры отцовскія; понятно, что Глинскій постоянно обращалъ безпокойные взоры на западъ, прилежно слѣдилъ за дѣлами Сигизмунда, съ радостію замѣчалъ, когда эти дѣла начинали становиться затруднительными, и употреблялъ всѣ усилія, чтобъ склонить великаго князя Московскаго воспользоваться стѣсненнымъ положеніемъ короля для начатія новой, выгодной войны. Сигизмундъ понималъ, что Глинскій не дастъ ему продолжительнаго мира съ Москвою, и потому въ началѣ 1509 года попытался склонить Василія къ выдачѣ ему князя Михаила. „Сестра твоя, королева Елена, велѣлъ сказать Сигизмундъ Василію, уже извѣщала тебя, что измѣнникъ нашъ Михайло Глинскій, позабывши ласки и жалованье брата нашего, господаря своего Александра, который изъ смерда сдѣлалъ его паномъ, посягнулъ на его здоровье, своими чарами свелъ его въ могилу; королева устно намъ объ этомъ говорила, подробно писала въ письмѣ и пословъ къ намъ за этимъ дѣломъ отправляла; а злодѣй, чуя свою вину, убѣжалъ въ наше отсутствіе, и теперь у тебя. Напоминаемъ тебѣ, брату нашему, чтобъ ты вмѣстѣ съ нами сочувствовалъ скорби, которую причинилъ этотъ злодѣй намъ и сестрѣ твоей, и выдалъ бы намъ измѣнника и убійцу зятя твоего, вмѣстѣ съ братьями и помощниками, или бы у себя казнилъ его передъ нашими послами. Если ты это сдѣлаешь, то мы будемъ поступать точно такимъ же образомъ съ твоими подданными, которые, нагрубивши тебѣ, уйдутъ къ намъ“ [2]). Василій отвѣчалъ отказомъ. Конечно такія требованія не могли утушить въ Глинскомъ вражды къ Сигизмунду; онъ завелъ переписку съ Іоанномъ, королемъ Датскимъ, съ цѣлію вооружить его противъ Сигизмунда; послѣдній, получивши отъ Іоанна это письмо, переслалъ его къ Василію Московскому и велѣлъ сказать ему: „Самъ посмотри, гораздо-ль это дѣлается? Ты съ нами въ мирѣ, а измѣнникъ нашъ, слуга твой, живя въ твоей Землѣ, шлетъ къ братьямъ нашимъ, королямъ христіанскимъ, такія грамоты съ несправедливыми словами. Ка-

---

[1]) П. С. Р. Л. IV, 295: «Просн Арцыпискупъ Ровенскій у в. князя силы на своего князя Местера Ливонскіе земли, и пословъ своихъ посылаше во Псковъ къ Мисюрю дьяку Мунехину, и Мисюрь посылаше къ в. князю». 297: «Повелѣ князь великій своему дьяку Мисюрю Мунехину поставити стрѣльницу каменную. Пріѣха архіепископъ новгородскій во Псковъ, и повелѣ ему К. Вел. во Псковѣ жити 10 дней; а хотѣлъ онъ жити весь мѣсяцъ, и Мисюрь дьякъ показалъ ему грамоту Вел. Князя, что ему велѣно жити 10 дней; а владыка Макарей того не вѣдалъ».

[2]) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, II, № 49.

зни этого злодѣя, чтобъ онъ впередъ такъ не дѣлалъ". Отвѣта не было [1]). Сигизмундъ замолчалъ о Глинскомъ, и содержаніемъ сношеній между обоими дворами до 1512 года были взаимныя жалобы на пограничныя обидныя дѣла, взаимныя требованія высылки судей для ихъ рѣшенія [2]). Лѣтомъ 1512 года Василій послалъ сказать Сигизмунду: „Дошелъ до насъ слухъ, что твои паны—воеводы Виленскій и Троцкій—сестру нашу, королеву Елену схватили въ Вильнѣ, свезли въ Троки, людей ея всѣхъ отослали, казну всю взяли, въ городахъ ея и волостяхъ, данныхъ ей мужемъ, паны твои ни въ чемъ не даютъ ей воли; державши ее три дня въ Трокахъ, свели въ Биршаны [3]). Мы къ тебѣ не разъ приказывали, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ никакого безчестья не было и къ римскому закону ее не принуждали бы; и намъ неизвѣстно, за что нашей сестрѣ такое безчестье и принужденіе, и съ твоего ли вѣдома это сдѣлано или безъ твоего. Ты бы, братъ, поберегъ, чтобъ нашей сестрѣ отъ тебя и отъ твоихъ пановъ безчестья и небреженья никакого не было, казну ея велѣлъ бы всю ей отдать, людямъ ея велѣлъ бы быть при ней попрежнему, въ города ея и волости панамъ своимъ вступаться не велѣлъ, чтобъ у насъ за то съ тобою нежитья не было; да дай намъ знать, за что нашей сестрѣ, а твоей снохѣ, такое безчестье и принужденіе учинено, съ твоего ли вѣдома, или нѣтъ, чтобъ намъ объ этомъ знать. Посылаемъ къ тебѣ въ твои пограничные города, къ твоимъ намѣстникамъ въ Смоленскъ, Полоцкъ и Витебскъ дѣтей боярскихъ для рѣшенія пограничныхъ обидныхъ дѣлъ; эти дѣти боярскія пріѣдутъ въ твои города на Дмитровъ день 1512 года (26 октября); а ты бы своихъ дворянъ для того же дѣла прислалъ въ наши пограничные города на Николинъ день осенній" (6 декабря 1512 года). Сигизмундъ отвѣчалъ: „Что касается пановъ воеводъ Виленскаго и Троцкаго, то намъ очень хорошо извѣстно, что они у невѣстки нашей казны, людей, городовъ и волостей не отнимали, въ Троки и Биршаны ея не увозили, и безчестья ей никакого не наносили; они только сказали ей, съ нашего вѣдома, чтобъ ея милость на тотъ разъ въ Браславль не ѣздила, а жила бы по другимъ своимъ городамъ и дворамъ, потому что пришли слухи о небезопасности пограничныхъ мѣстъ. Дивимся мы тому, что братъ нашъ, по рѣчамъ лихихъ людей, не довѣдавшись навѣрное, къ намъ присылаетъ и говоритъ о томъ, чего у насъ и въ умѣ не было. Мы съ тѣхъ поръ, какъ стали господаремъ на отчинѣ нашей, невѣстку нашу держали въ большомъ почетѣ, къ римскому закону ее не принуждали и не будемъ принуждать, и не только не отнимали у нея тѣхъ городовъ и волостей, которые далъ ей братъ нашъ Александръ, но еще нѣсколько городовъ, волостей и дворовъ ей нашихъ придали; и впередъ, если дастъ Богъ, хотимъ ея милость держать въ почетѣ. А чтобъ братъ нашъ могъ лучше увѣриться, поѣзжай ты, посолъ, къ невѣсткѣ нашей королевѣ и спроси ее самъ: что отъ нея услышишь, то и передай брату нашему; а впередъ братъ нашъ лихимъ людямъ не вѣрилъ бы, чтобъ между нами ссоры не было. Мы съ тобою пошлемъ къ королевѣ писаря нашего: пусть ея милость передъ тобою и передъ нашимъ писаремъ скажетъ, вправду ли съ нею такъ было, или нѣтъ" [4]).

Слухъ о происшествіи съ Еленою, какъ видно изъ рѣчей Василія, не былъ еще, по его мнѣнію, рѣшительною причиною къ разрыву съ Литвою, ибо въ то же время великій князь назначалъ пріѣздъ литовскимъ дворянамъ для рѣшенія пограничныхъ дѣлъ на 6-е декабря. Не знаемъ, ѣздилъ ли московскій посолъ съ королевскимъ писаремъ къ Еленѣ, и что она имъ сказала; знаемъ, что послѣ Московское правительство жаловалось, будто Сигизмундъ не далъ никакого отвѣта на вопросъ Василія о сестриномъ дѣлѣ; знаемъ также, что въ ноябрѣ и декабрѣ 1512 года Елена распоряжалась въ своихъ Жмудскихъ волостяхъ, принимала жалобы отъ обиженныхъ, приказывала тіунамъ своимъ и намѣстникамъ объ удовлетвореніи [5]). Но скоро пришло въ Москву другое извѣстіе. Въ маѣ мѣсяцѣ двое сыновей Менгли-Гиреевыхъ съ многочисленными толпами напали на украйну, на Бѣлевъ, Одоевъ, Воротынскъ, Алексинъ, повоевали, взяли плѣнныхъ. Великій князь выслалъ противъ нихъ воеводъ; но Татары отступили съ большою добычею, а воеводы за ними не пошли. Въ іюнѣ одинъ изъ этихъ царевичей, Ахматъ-Гирей, пошелъ-было къ Рязани, но возвратился, узнавъ, что на рѣкахъ Осетрѣ и Упѣ стоятъ московскіе воеводы; въ октябрѣ братъ Ахматовъ, Бурнашъ-Гирей, пришелъ опять къ Рязани, и приступалъ къ городу; города взять не могъ, но Землѣ Рязанской много надѣлалъ вреда, и ушелъ съ добычею. Послѣ перваго нападенія великій князь положилъ опалу на Абдыллетифа за его неправду, отдалъ его подъ стражу и отнялъ удѣлъ—по лѣтописямъ Каширу; но мы видѣли, что Абдыллетифъ получилъ не Каширу, а Юрьевъ; перемѣненъ ли былъ послѣ удѣлъ, или ошиблись лѣтописцы—рѣшить не можемъ; не знаемъ также, въ чемъ состояла неправда Летифа: въ томъ ли, что онъ былъ дѣйствительно заодно съ крымскими царевичами, и, при вѣсти о ихъ приходѣ, обнаружилъ враждебныя намѣренія относительно Москвы, или неправда состояла только въ томъ, что его освобожденіе условливалось соблюденіемъ союзнаго договора со стороны Крымцевъ, а этотъ договоръ былъ нарушенъ. Осенью въ Москвѣ узнали, что непріятельскія дѣйствія крымскихъ царевичей были слѣдствіемъ договора, заключеннаго Менгли-Гиреемъ съ Сигизмундомъ. Это извѣстіе уже нашли достаточною причиною къ

[1]) Акты, относящ. къ истор. Западн. Россіи, II, № 57.
[2]) Тамъ же, № 60, 62, 66, 74.
[3]) Мѣстечко Ковенскаго уѣзда.

[4]) Акты Западн. Россіи, II, № 80.
[5]) Тамъ же, № 81.

разрыву съ Литвою, и великій князь послалъ къ Сигизмунду складную грамоту, упрекая его за оскорбленіе Елены и за стараніе возбудить Менгли-Гирея противъ Москвы. Обстоятельства были самыя благопріятныя для начала войны: Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, родной племянникъ Сигизмунда отъ сестры, ставши великимъ магистромъ Тевтонскаго Ордена, готовился къ войнѣ съ дядею, не желая уступить ему земли Поморской и Прусской и признавать себя его вассаломъ; Ливонія, по отношеніямъ своимъ къ великому магистру, должна была также объявить войну Польшѣ; императоръ и другіе нѣмецкіе владѣльцы поддерживали Альбрехта. Глинскій, какъ мы видѣли, заботливо слѣдилъ за отношеніями Сигизмунда къ его западнымъ сосѣдямъ; еще въ 1508 году, передъ заключеніемъ мира съ Литвою, онъ убѣдилъ Василія войти въ союзъ съ императоромъ Максимиліаномъ, который, по его словамъ, думаетъ доставать Венгерскаго королевства подъ братомъ и племянникомъ Сигизмунда, слѣдовательно не обойдется безъ войны съ послѣднимъ. Глинскій взялся доставить къ Максимиліану грамоту Василіеву, въ которой Московскій государь предлагалъ императору союзъ противъ короля Сигизмунда для доставленія своихъ отчинъ — Максимиліану Венгерской, а Василію Русской Земли. Какъ доставлена была грамота, какъ продолжались сношенія,—намъ неизвѣстно, потому что имперскія посольскія дѣла съ 1510 по 1515 годъ утрачены [1]); изъ лѣтописей узнаемъ о пріѣздѣ въ Москву, въ февралѣ 1514 года, императорскаго посла Сниценъ-Памера, и дошелъ до насъ союзный договоръ, заключенный при его посредствѣ между дворомъ Австрійскимъ и Московскимъ противъ Сигизмунда, для отнятія у послѣдняго съ одной стороны земель Тевтонскаго Ордена, съ другой—Кіева и прочихъ русскихъ городовъ [2]).

Но Василій не дождался заключенія этого союза для начатія военныхъ дѣйствій противъ Литвы. Уже въ апрѣлѣ 1511 года Глинскій обнадеживалъ орденскихъ сановниковъ, что миръ между Литвою и Москвою не будетъ продолжителенъ. Онъ отправилъ служившаго у него Нѣмца Шлейница въ Силезію, Богемію и Германію, который нанялъ здѣсь многихъ ратныхъ людей и отослалъ черезъ Ливонію въ Москву; нашлись въ самой Польшѣ люди, которые тайно брали деньги отъ Глинскаго; одинъ изъ нихъ Лада, Чехъ, житель краковскій, схваченъ былъ на московскихъ границахъ, отосланъ въ Краковъ и тамъ казненъ [3]). 19 декабря 1512 года самъ великій князь выступилъ въ походъ съ двумя братьями, Юріемъ и Димитріемъ, зятемъ, крещеннымъ татарскимъ царевичемъ Петромъ, съ Михаиломъ Глинскимъ и съ двумя московскими воеводами—князьями Даниломъ Щенею и Репнею-Оболенскимъ; цѣлію похода былъ Смоленскъ. Шесть недѣль стояли подъ городомъ, назначили приступъ; великій князь далъ псковскимъ пищальникамъ три бочки меду и три бочки пива; они напились и въ полночь ударили на крѣпость вмѣстѣ съ пищальниками другихъ городовъ, посохи несли приметъ; остатокъ ночи и весь слѣдующій день бились они изъ-за Днѣпра, и со всѣхъ сторонъ много легло ихъ отъ городскаго наряда, наконецъ принуждены были отступить, и великій князь въ мартѣ 1513 года возвратился въ Москву.

Лѣтомъ, 14 іюня, Василій вторично выступилъ въ походъ; самъ остановился въ Боровскѣ, а къ Смоленску послалъ воеводъ—боярина князя Репню-Оболенскаго и окольничаго Андрея Сабурова; Смоленскій намѣстникъ Юрій Сологубъ встрѣтилъ ихъ за городскимъ валомъ, далъ битву, но потерпѣлъ пораженіе и затворился въ крѣпости. Получивши вѣсть о побѣдѣ, Василій самъ отправился подъ Смоленскъ; но на этотъ разъ осада была неудачна: что пушки осаждающихъ разрушали днемъ, то осажденные задѣлывали почью; тщетно великій князь посылалъ къ Смольнянамъ частыя грамоты съ обѣщаніями и угрозами,—они не сдавались; удовольствовавшись опустошеніемъ окрестностей, Василій велѣлъ отступить, и возвратился въ Москву въ ноябрѣ мѣсяцѣ. 8 іюня 1514 года великій князь выступилъ въ третій разъ къ Смоленску, съ братьями Юріемъ и Семеномъ; третій, Димитрій, стоялъ въ Серпуховѣ для обороны южныхъ границъ отъ Крымцевъ; четвертый, Андрей, оставался въ Москвѣ. 29 іюля началась осада Смоленска; дѣйствіемъ наряда распоряжался пушкарь Стефанъ. Когда онъ ударилъ изъ большой пушки по городу, то ядро попало въ крѣпостную пушку,—ту разорвало, и много осажденныхъ было побито; черезъ нѣсколько часовъ Стефанъ ударилъ въ другой разъ ядрами мелкими, окованными свинцомъ, и еще больше народу побилъ; въ городѣ была печаль большая, видѣли, что биться нечѣмъ, а передаться — боялись короля. Великій князь велѣлъ ударить въ третій разъ—пали новыя толпы осажденныхъ: тогда владыка Варсонофій вышелъ на мостъ и началъ бить челомъ великому князю, просить срока до слѣдующаго дня, но Василій сроку не далъ, а велѣлъ бить многими пушками отовсюду. Владыка со слезами возвратился въ городъ, собралъ весь причтъ церковный, надѣлъ ризы, взялъ крестъ, иконы и, вмѣстѣ съ намѣстникомъ Сологубомъ, панами и черными людьми, вышелъ къ великому князю. „Государь князь великій! говорили Смольняне: много крови христіанской пролилось, земля пуста, твоя отчина; не погуби города, но возьми его съ тихостію". Василій, подошедши къ владыкѣ подъ благословеніе, велѣлъ ему, Сологубу и знаменитымъ людямъ идти къ себѣ въ шатеръ, а чернымъ людямъ и духовенству велѣлъ возвратиться въ городъ, къ которому приставлена была крѣпкая стража; владыка, Сологубъ и всѣ паны ночевали въ шатрѣ подъ стражею. На другой день, 30 числа, великій

---

[1]) Памят. дипломат. сношеній, I, стр. 151, 1502.
[2]) С. г. г. и д. V, № 66 и 67.
[3]) Стрыйковскій, II, 373 Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXIL.

князь послалъ въ Смоленскъ воеводъ своихъ, князя Данила Щеню съ товарищами, дьяковъ и подъячихъ, велѣлъ имъ переписать всѣхъ жителей и привести къ присягѣ — быть за великимъ княземъ и добра ему хотѣть, за короля не думать и добра ему не хотѣть; перепись и приводъ къ присягѣ кончились 31 іюля. 1-го августа, послѣ водоосвященія, Василій вступилъ торжественно за крестами въ Смоленскъ вмѣстѣ съ владыкою, и былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ; послѣ молебна и многолѣтія въ соборной церкви, владыка сказалъ ему: „Божіею милостію радуйся и здравствуй, православный Царь Василій, великій князь всея Руси, самодержецъ, на своей отчинѣ, городѣ Смоленскѣ, на многія лѣта“! Принявши поздравленіе отъ братьевъ, бояръ и воеводъ, Василій слушалъ литургію, послѣ чего отправился на княжескій дворъ и сѣлъ на своемъ мѣстѣ; тутъ снова бояре и воеводы московскіе и знатные Смольняне подходили къ нему по чину съ обычными привѣтствіями; великій князь спросилъ ихъ о здоровьи и велѣлъ сѣсть. Князьямъ, боярамъ и мѣщанамъ (горожанамъ) смоленскимъ Василій объявилъ свое жалованье, уставную грамоту, назначилъ имъ въ намѣстники боярина князя Василія Васильевича Шуйскаго, и позвалъ ихъ обѣдать, послѣ чего каждый получилъ дары. Королевскому намѣстнику Сологубу и сыну его великій князь сказалъ: „Хочешь мнѣ служить, и я тебя жалую, а не хочешь,—воленъ на всѣ стороны“. Сологубъ просилъ позволенія отправиться къ королю, и былъ отпущенъ: онъ поѣхалъ за тѣмъ, чтобъ сложить въ Польшѣ голову на плахѣ, какъ измѣнникъ. Всѣмъ служилымъ людямъ королевскимъ было сдѣлано такое же предложеніе; многіе изъ нихъ остались въ службѣ московской и получили по два рубля денегъ да по сукну; которые не захотѣли служить, и тѣ получили по рублю денегъ, и отпущены къ королю. Смольнянамъ дано было также на волю: кто изъ нихъ хотѣлъ ѣхать жить въ Москву, тому давали денегъ на подъемъ; кто хотѣлъ остаться попрежнему въ Смоленскѣ,—тотъ удерживалъ свои вотчины и помѣстья [1]).

Устроившись такимъ образомъ въ Смоленскѣ, великій князь выступилъ въ обратный походъ, къ Дорогобужу, пославши воеводъ своихъ къ Мстиславлю; здѣшній князь, Михаилъ Ижеславскій, присягнулъ государю Московскому; то же сдѣлали жители Кричева и Дубровны. Для обереганія Смоленска, на случай прихода Сигизмундова, отправился къ Оршѣ князь Михаилъ Глинскій; къ Борисову, Минску и Друцку двинулись воеводы: двое братьевъ князей Булгаковыхъ-Патрикѣевыхъ, Михаилъ Голица и Димитрій Ивановичи, да конюшій Иванъ Андреевичъ Челяднинъ. Но король выступилъ уже къ нимъ на-встрѣчу изъ Минска къ Борисову; онъ надѣялся на успѣхъ своего дѣла, и эту надежду вселялъ въ него—Михаилъ Глинскій. Иностранныя извѣстія приписываютъ Глинскому большое участіе во взятіи Смоленска; говорятъ, что онъ завелъ сношенія съ Смольнянами, привлекъ многихъ изъ нихъ на свою сторону, и эти-то люди заставили большинство жителей сдаться, не дожидаясь прихода королевскаго, въ которомъ обнадеживалъ ихъ воевода Сологубъ. По извѣстіямъ о взятіи Смоленска, полученнымъ въ Ливоніи, Глинскій будто бы сказалъ великому князю: „Ныньче я дарю тебѣ Смоленскъ, котораго ты такъ долго желалъ; чѣмъ ты меня отдаришь?“ великій князь отвѣчалъ: „Я дарю тебѣ княжество въ Литвѣ“ [2]). Это извѣстіе противорѣчитъ извѣстію Герберштейна, будто Василій въ Москвѣ обѣщалъ Глинскому отдать ему Смоленскъ; какъ бы то ни было, видно одно, что Глинскій, хотя и не имѣлъ обѣщанія великаго князя относительно Смоленска, тѣмъ не менѣе надѣялся, что ему отдадутъ этотъ городъ, считая себя главнымъ виновникомъ его взятія и вообще успѣха войны, ибо по его старанію были вызваны изъ-за границы искусные ратные люди; очень вѣроятно, что знаменитый пушкарь Стефанъ былъ изъ ихъ числа; вѣроятно также, что Глинскій имѣлъ сношенія съ Смольнянами, дѣйствовалъ на ихъ рѣшимость къ сдачѣ, если могъ имѣть сношенія съ жителями Кракова, какъ мы видѣли. Но если Глинскій, при своемъ страстномъ желаніи получить независимое положеніе, особое княжество, думалъ, что имѣетъ право надѣяться Смоленскаго княжества, то со стороны Василія было бы большою неосторожностію выпустить изъ рукъ этотъ давноželанный, драгоцѣнный Смоленскъ, ключъ къ Днѣпровской области, отдать его Глинскому, хотя бы и съ сохраненіемъ права верховнаго господства, отдать его Глинскому, котораго характеръ, способность къ обширнымъ замысламъ, энергія при ихъ выполненіи не могла дать Московскому государю достаточнаго ручательства въ сохраненіи этого важнаго пріобрѣтенія.

Обманувшись въ своихъ надеждахъ относительно Смоленска, видя (если вѣрить приведенному извѣстію), что ему надобно дожидаться завоеванія еще другого княжества въ Литвѣ, завоеванія сомнительнаго, ибо король уже приближался съ войскомъ, Глинскій завелъ переговоры съ Сигизмундомъ, обнадеженный еще прежде въ милостивомъ пріемѣ братомъ Сигизмундовымъ, Владиславомъ, королемъ Венгерскимъ и Богемскимъ. Сигизмундъ дѣйствительно очень обрадовался предложенію Глинскаго, придавая совѣтамъ послѣдняго большое вліяніе на успѣхи московскаго оружія [3]). Глинскій рѣшился покинуть тайно московскій отрядъ, ему ввѣренный, и бѣжать въ Оршу; но

[1]) Никон. VI 296; Архангел. 213.

[2]) Копіи съ Кенигсбер. актовъ, хранящ. въ Москов. Арх. Мин. Ин. дѣлъ, связка 32, № 10; извѣстіе отъ сентября 1514 года; здѣсь сказано, будто в. князь, обѣщая Глинскому княжество въ Литвѣ, прибавилъ: «gelobe dir das mein Hewpt nicht zu ruh setzen wollen ich brenge dich ad die orthir». См. также Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXLVI.

[3]) Стрыйковскій, II, 376.

одинъ изъ ближнихъ его слугъ въ ту же ночь прискакалъ къ князю Михайлѣ Голицѣ, объявилъ ему объ умыслѣ Глинскаго и указалъ дорогу, по которой поѣдетъ бѣглецъ. Голица, давши знать объ этомъ другому воеводѣ, Челяднину, немедленно сѣлъ на коня съ своимъ отрядомъ, перенялъ дорогу у Глинскаго и схватилъ его ночью, когда тотъ ѣхалъ за версту впереди отъ своихъ дворянъ; на разсвѣтѣ соединился съ Голицею Челяднинъ,— и повезли Глинскаго въ Дорогобужъ, къ великому князю, который велѣлъ заковать его и отправить въ Москву; королевскія грамоты, вынутыя у Глинскаго, послужили противъ него явною уликою. Распорядившись насчетъ Глинскаго, великій князь велѣлъ своимъ воеводамъ двинуться противъ короля; тотъ, оставивъ при себѣ четыре тысячи войска, въ Борисовѣ, остальное, подъ начальствомъ князя Константина Острожскаго, отправилъ на-встрѣчу къ московскимъ воеводамъ, у которыхъ, по иностраннымъ извѣстіямъ, было 80,000 войска, тогда какъ у Острожскаго не болѣе 30,000. Послѣ нѣсколькихъ небольшихъ стычекъ въ концѣ августа, Челяднинъ перешелъ на лѣвый берегъ Днѣпра, у Орши, и здѣсь рѣшился дожидаться непріятеля, не препятствуя ему переправляться черезъ рѣку, чтобъ тѣмъ полнѣе была побѣда. 8-го сентября 1514 года произошелъ бой. Русскіе начали нападеніе, и долго съ обѣихъ сторонъ боролись съ перемѣннымъ счастіемъ, какъ наконецъ Литовцы намѣренно обратились въ бѣгство и подвели Русскихъ подъ свои пушки: страшный залпъ смялъ преслѣдующихъ, привелъ ихъ въ разстройство, которое скоро сообщилось и всему войску московскому, потерпѣвшему страшное пораженіе; всѣ воеводы попались въ плѣнъ, не говоря уже объ огромномъ количествѣ убитыхъ ратниковъ; рѣка Кропивна (между Оршею и Дубровною) запрудилась тѣлами Москвитянъ, которые въ бѣгствѣ бросались въ нее съ крутыхъ береговъ [1]). Сигизмундъ, извѣщая Ливонскаго магистра объ Оршинской побѣдѣ, писалъ, что Москвичи изъ 80,000 потеряли 30,000 убитыми; взяты въ плѣнъ: 8 верховныхъ воеводъ, 37 начальниковъ второстепенныхъ и 1,500 дворянъ; но послѣ, изъ литовскаго же обстоятельнаго перечисленія узнаемъ, что всѣхъ плѣнныхъ, какъ взятыхъ на Оршинской битвѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ, было 611 человѣкъ [2]). По московскимъ извѣстіямъ, Острожскій сначала занималъ Челяднина мирными предложеніями, а потомъ внезапно напалъ на его войско; первый вступилъ въ битву князь Михайла Голица, а Челяднинъ изъ зависти не помогъ ему; потомъ Литовцы напали на самаго Челяднина, и тогда Голица не помогъ ему; наконецъ непріятель напалъ въ третій разъ на Голицу, и Челяднинъ опять выдалъ послѣдняго, побѣжалъ и тѣмъ рѣшилъ судьбу битвы, но московскіе источники согласны съ литовскими относительно страшныхъ слѣдствій Оршинскаго пораженія.

Дубровна, Мстиславль, Кричевъ немедленно сдались королю; мстиславскій владѣлецъ, князь Михайла Ижеславскій, узнавши о приближеніи королевскаго войска, отправилъ къ Сигизмунду грамоту съ обѣщаніями вѣрности, съ извиненіемъ, что только по необходимости служилъ нѣкоторое время великому князю Московскому [3]). То же самое поспѣшилъ сдѣлать и Варсонофій, епископъ Смоленскій; отчаявшись вмѣстѣ съ знатнѣйшими Смольнянами, князьями и панами, въ дѣлѣ новаго своего государя, Василія, епископъ послалъ къ Сигизмунду племянника своего съ письмомъ такого содержанія: „Если пойдешь теперь къ Смоленску самъ, или воеводъ пришлешь со многими людьми, то можешь безъ труда взять городъ" [4]). Но бояре смоленскіе и мѣщане хотѣли остаться за Москвою и сказали объ умыслѣ владыки намѣстнику своему, князю Василію Шуйскому; Шуйскій велѣлъ схватить Варсонофія вмѣстѣ съ его соумышленниками, посадилъ ихъ подъ стражу, и далъ знать объ этомъ великому князю въ Дорогобужъ. Въ это время князь Константинъ Острожскій явился подъ Смоленскомъ только съ шеститысячнымъ отрядомъ войска, въ надеждѣ на владыку, князей и пановъ; но Шуйскій поспѣшилъ убѣдить его, что на этихъ людей нечего больше надѣяться; не дожидаясь отвѣта отъ великаго князя, онъ велѣлъ повѣсить всѣхъ заговорщиковъ, кромѣ Варсонофія, на городскихъ стѣнахъ, въ виду литовскаго войска; который изъ нихъ получилъ отъ великаго князя шубу, тотъ былъ повѣшенъ въ этой самой шубѣ; который получилъ ковшъ серебряный или чару,—тому на шею привязали эти подарки и такимъ образомъ повѣсили [5]). Тщетно послѣ того Острожскій посылалъ къ Смольнянамъ грамоты съ увѣщаніями передаться Сигизмунду, тщетно дѣлалъ приступы къ городу: доброжелателей королевскихъ не существовало болѣе, и остальные граждане бились крѣпко; Острожкій долженъ былъ отступить отъ Смоленска, московскіе ратные люди и горожане преслѣдовали его и взяли много возовъ. Великій князь одобрилъ поведеніе Шуйскаго, прибавилъ ему войска и выступилъ изъ Дорогобужа въ Москву.

Упомянувши о нечаянномъ нападеніи Псковскаго намѣстника Сабурова на Рославль, лѣтописцы надолго прекращаютъ разсказъ о военныхъ дѣйствіяхъ между Москвою и Литвою. Понятно, что первая должна была отдохнуть послѣ Оршинской битвы; но вредныя слѣдствія этой битвы для Москвы ограничились только потерею людей, потому что король не могъ извлечь изъ нея для себя никакой пользы, не могъ даже возвратить себѣ Смоленска, пріобрѣтеніе и удержаніе котораго для Василія служили достаточнымъ вознагражденіемъ за всѣ потери.

---

[1]) Герберштейнъ, стр. 9.

[2]) Кенигсберг. акты въ Моск. Архив. Мин. Ин. Дѣлъ, связка 32, № 12, Supplem. ad. histor. Russ. Monum. № CXLVIII. Акты Запад. Россіи, II, № 137.

[3]) Акты Запад. Россіи, II, № 92.

[4]) Русск. Врем. II, 302.

[5]) Архангел. стр. 222.

Письмо кіевскаго воеводы Андрея Немировича литовской радѣ объяснитъ намъ эту невозможность для Сигизмунда вести дѣятельную, успѣшную войну, пользоваться своими побѣдами: „Крымскій царевичъ Алпъ-Салтанъ, сынъ Магметъ-Гиреевъ, прислалъ ко мнѣ съ извѣстіемъ, пишетъ Немировичъ, что онъ со всѣми людьми своими уже на этой стронѣ рѣки Тясмина, и требовалъ, чтобъ я садился на коня и шелъ бы вмѣстѣ съ нимъ на Землю Московскую,—въ противномъ случаѣ онъ одинъ не пойдетъ на нее. Я писалъ къ вашей милости не разъ, чтобъ вы меня научили, какъ мнѣ дѣлать; но до сихъ поръ вы мнѣ не отвѣчали; постарайтесь немедленно прислать мнѣ наказъ. Писалъ я къ старостамъ и ко всѣмъ боярамъ кіевскимъ, чтобъ ѣхали со мною на службу господарскую,—но никто изъ нихъ не хочетъ ѣхать; пожалуйста напишите имъ, чтобъ они поспѣшили за мною на службу господарскую“ [1]).

Такимъ образомъ и помощь крымскихъ разбойниковъ не приносила всей пользы королю, хотя послѣдній не жалѣлъ денегъ для того, чтобъ подущать ихъ противъ Москвы. Весною 1515 года умеръ старый Менгли-Гирей; сынъ его и наслѣдникъ, Магметъ-Гирей, прислалъ въ Москву съ упрекомъ, что великій князь нарушилъ договоръ, не давши знать въ Крымъ о своемъ походѣ подъ Смоленскъ: „Ты нашему другу королю недружбу учинилъ:—городъ, который мы ему пожаловали (Смоленскъ), ты взялъ отъ насъ тайкомъ; этотъ городъ Смоленскъ къ литовскому юрту отецъ нашъ пожаловалъ, а другіе города, которые къ намъ тянутъ,—Брянскъ, Стародубъ, Почапъ, Новгородъ-Сѣверскій, Рыльскъ, Путивль, Карачевъ, Радогощъ, — отецъ нашъ, великій царь, твоему отцу далъ. Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то ты эти города отдай намъ назадъ, потому что мы ихъ королю дали.... Если хочешь быть съ нами въ дружбѣ и въ братствѣ, то помоги намъ казною, пришли намъ казны побольше“. Кромѣ казны, ханъ требовалъ кречетовъ и разныхъ дорогихъ вещей; требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ въ Крымъ Абдыллетифа. Въ грамотахъ къ великому князю Московскому сохранились еще приличныя формы; такъ, ханъ писалъ: „Брату моему поклонъ“, или: „много, много поклонъ“; но вотъ какъ начиналась ханская грамота къ великому князю Рязанскому: „Великія Орды великаго царя Махметъ-Гиреево царево слово другу моему и становитину, Рязанскому Ивану князю вѣдомо было.... Мы, великій царь и государь твой“....

Преданный Москвѣ вельможа крымскій, Аппакъ-мурза писалъ великому князю: „У тебя ханъ проситъ восемь городовъ, и если ты ему ихъ отдашь, то другомъ ему будешь, а не отдашь, то тебѣ другомъ ему не бывать; развѣ пришлешь ему столько же казны, сколько король присылаетъ,—тогда онъ тебѣ города эти уступитъ. А съ королемъ имъ друзьями какъ не быть?—и лѣтомъ, и зимою казна отъ короля, какъ рѣка, безпрестанно такъ и течетъ, и малому и великому всѣмъ унировилъ“. Послу великокняжескому, Мамонову, тотъ же Аппакъ говорилъ: „Ты пріѣхалъ ныньче между великимъ княземъ и царемъ дѣло дѣлать, такъ ты дѣлай дѣло умѣючи: чего у тебя царь ни попроситъ, ты ни за что не стой, тѣшь его. А не захочешь царю дать добромъ, такъ тебѣ безъ дѣла назадъ ѣхать; вѣдь царь у тебя силою возьметъ все, что захочетъ; такъ ты бы царю не стоялъ ни за что, чего у тебя ни попроситъ добромъ, а позора бы тебѣ не дожидаться“. Аппакъ жаловался Мамонову, что и ему великій князь мало прислалъ: „Абдыррахмановою службою, говорилъ онъ, Литовскій царю нашему посылаетъ пятнадцать тысячъ золотыхъ, кромѣ платья, суконъ и запросовъ; а царицамъ, царевичамъ, сеитамъ, уланамъ, князьямъ, мурзамъ особенно король посылаетъ, всѣмъ довольно; никто на короля царю за поминки не жалуется; Абдыррахману же отъ короля идетъ двѣ тысячи золотыхъ, кромѣ платья и суконъ; на людей Абдыррахману еще казну, которую Абдыррахманъ раздаетъ отъ себя царевичамъ, уланамъ, князьямъ и мурзамъ добрымъ для королевскаго дѣла. Такъ королевскому дѣлу какъ не дѣлаться? А ко мнѣ сколько разъ король приказывалъ: отстань отъ Московскаго, служи мнѣ, и приказывай, чего отъ меня хочешь—все тебѣ дамъ. Но у всякаго человѣка словъ много, а душа одна; ты, король, познакомился съ Абдыррахманомъ, и живи съ нимъ“.

Мамоновъ доносилъ, что когда онъ шелъ къ хану съ поминками, то сторожа загородили ему дорогу посохомъ: „И было мнѣ у посоха много истомы не на малый часъ; все требовали у меня посошной пошлины; но я ихъ не послушалъ. Когда я назадъ хотѣлъ идти, то меня не пустили; Аппакъ же меня не выручалъ, дважды онъ къ царю вверхъ ходилъ; но, туда идучи и оттуда, все меня бранилъ, что я не плачу посошной пошлины; однако я не послушался, не заплатилъ. Потомъ пришелъ ко мнѣ Аппакъ князь, и сталъ царскимъ именемъ просить у меня тридцать шубъ бѣличьихъ, да тридцать однорядокъ для раздачи тѣмъ людямъ, которымъ великій князь мало поминокъ прислалъ, потому что они не хотятъ великокняжескаго дѣла дѣлать“. Мамоновъ отказалъ; тогда у него схватили двоихъ людей; пріѣхалъ къ нему Татаринъ и сталъ просить поминка; Мамоновъ не далъ; тогда Татаринъ сталъ за нимъ на лошади съ плетью гоняться, лошадью его топтать, потомъ съ ножемъ въ избу вломился; наконецъ силою взяли у Мамонова все то, чего требовалъ ханъ. Этотъ поступокъ Магметъ-Гирей такъ оправдывалъ въ письмѣ своемъ къ великому князю: „Ты многимъ людямъ не прислалъ подарковъ, и намъ много отъ нихъ докуки было, да и посолъ твой много докуки видѣлъ: и вотъ я, для того, чтобъ между нами дружбы и братство прибывало, неволею взялъ у твоего посла да и роздалъ моимъ людямъ—иному шубу,

[1]) Акты Западной Россіи, II, № 93.

другому однорядку". При этомъ ханъ приложилъ списокъ людей, которымъ великій князь долженъ былъ впередъ посылать поминки.

Въ Москвѣ довольствовались подобными объясненіями; въ отвѣтѣ своемъ хану Василій не упоминалъ объ оскорбленіяхъ, нанесенныхъ послу, и требовалъ одного — шертной грамоты. Мамоновъ обратился съ тѣмъ же требованіемъ къ сыну Магметъ-Гирееву, царевичу Богатырю; тотъ отвѣчалъ: „Кто меня больше почтитъ, король или великій князь, о томъ я и буду больше хлопотать". Мамоновъ отправился къ брату ханскому, Ахматъ-Гирею; Ахматъ отвѣчалъ: „Видишь самъ, какой царь мой братъ: когда былъ отецъ нашъ царемъ, то мы его слушались; а ныньче братъ нашъ царемъ, сынъ у него царь же, князья у него цари же, водятъ имъ, куда хотятъ". Посолъ обратился къ старшей ханшѣ; та смотрѣла на поведеніе Магметъ-Гирея съ своей точки зрѣнія и отвѣчала: „Великокняжескіе и королевы поминки ханъ пропиваетъ съ своими любимыми женами".

Богатырь царевичъ обѣщалъ хлопотать о томъ, кто его больше почтитъ; король, какъ видно, почтилъ его больше, и Богатырь, въ 1516 году, опустошилъ Рязанскую украйну. Когда посолъ жаловался на это доброхоту московскому, мурзѣ Аппаку, тотъ отвѣчалъ: „Все это дѣлается великому князю самому отъ себя; говорилъ я, чтобъ великій князь столько же присылалъ, сколько король присылаетъ". А самъ ханъ писалъ Василію: „Что сынъ мой Богатырь безъ моего вѣдома на Рязань ходилъ, то князь бы Василій лихимъ людямъ не потакалъ, кто станетъ говорить, чтобъ ему за то со мною раздружиться". Ханъ обѣщалъ идти на Литву, но требовалъ, чтобъ великій князь помогъ ему взять Астрахань: „Какъ возьмемъ Астрахань, то въ ней великаго же князя людямъ сидѣть, тысячахъ въ трехъ или четырехъ, съ пушками и пищалями; рыба, соль—все это пойдетъ брату же моему великому князю, а моя только бы слава была, что городъ мой. А что наши люди Мещеру воевали, то я не ручаюсь, что впередъ этого не будетъ, хотя я съ братомъ своимъ великимъ княземъ буду въ дружбѣ и братствѣ; людей своихъ мнѣ не унять: пришли на меня всею Землею, говорятъ, что не будутъ меня въ этомъ слушаться; а Ширины мимо меня вздумали воевать Мещеру, потому что ныньче на Мещерѣ нашъ недругъ, а изъ старины этотъ юртъ нашъ. Ныньче братъ мой князь великій зачѣмъ не проситъ у меня на Мещеру брата или сына? Когда нашъ родъ былъ на Мещерѣ, то смѣлъ ли кто изъ нашихъ смотрѣть на нее"?

Великій князь велѣлъ своему послу предложить Мещеру брату Магметову, Ахматъ-Гирею; обѣщалъ хану помощь на Астрахань, все въ надеждѣ добиться шертной грамоты и отвлечь Крымцевъ отъ союза литовскаго; но король дѣйствовалъ деньгами, и, лѣтомъ 1517 года, 20,000 Татаръ явилось въ тульскихъ окрестностяхъ. Князь Одоевскій и Воротынскій распорядились очень удачно: пѣшіе ратники обошли Татаръ и засѣкли имъ дороги въ лѣсахъ, гдѣ много ихъ побили, а конные стали преслѣдовать разбойниковъ по дорогамъ, по бродамъ, потопили много ихъ въ рѣкахъ, много взяли въ плѣнъ, такъ что изъ 20,000 очень мало ихъ возвратилось въ Крымъ, и тѣ пришли пѣши, босы и наги; съ другой стороны, князь Василій Шемячичъ поразилъ за Сулою татарскій отрядъ, приходившій грабить путивльскія мѣста.—Тогда великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и спросилъ ихъ: нужно ли послѣ этого продолжать сношенія съ Крымомъ, посылать козаковъ къ хану съ грамотами? Приговорили, что нужно продолжать сношенія, чтобъ ханъ прямо не отсталъ отъ Москвы [1]).

Сигизмундъ дѣйствовалъ въ Крыму; Василій, по единству выгодъ, долженъ былъ вступить въ союзъ съ Альбрехтомъ Бранденбургскимъ, великимъ магистромъ Тевтонскаго Ордена. Мы видѣли, что ливонскіе Нѣмцы были ревностными союзниками Александра Литовскаго въ войнѣ его съ Іоанномъ Московскимъ; Сигизмунду хотѣлось поднять ихъ и на Василія; литовскіе паны радные, извѣщая магистра Плеттенберга о нападеніи великаго князя Московскаго на ихъ Землю, писали: „Если онъ успѣетъ завладѣть нашими крѣпостями—Смоленскомъ, Полоцкомъ, Витебскомъ, Мстиславлемъ и Оршею, то вы не можете быть безопасны, тѣмъ болѣе что, по мнѣнію Полочанъ, предѣлы страны ихъ простирались по Двинѣ вплоть до самаго моря, что вашъ городъ Рига построенъ на ихъ Землѣ [2])". Плеттенбергу не нужно было напоминать объ опасности, которая грозила Ливоніи отъ Москвы, о правахъ Россіи на Ливонію,—онъ самъ очень хорошо зналъ эти права, эту опасность, ненавидѣлъ Москву, готовъ былъ немедленно начать войну съ нею въ союзѣ съ Литвою и Польшею, но сдерживался своимъ безсиліемъ и враждебными отношеніями къ Польшѣ великаго магистра Тевтонскаго. Послѣдній не только не раздѣлялъ вражды Плеттенберга къ Москвѣ,—напротивъ: старался о союзѣ съ великимъ княземъ для общаго дѣйствія противъ Сигизмунда. Московскіе послы, возвращавшіеся отъ императора чрезъ Пруссію, донесли великому князю о просьбѣ магистра: „Чтобъ великій государь меня жаловалъ и берегъ и учинилъ меня съ собою въ союзѣ, а я за этимъ хочу послать къ великому государю своего человѣка". Великій князь приказалъ сказать магистру, что жаловать и беречь его хочетъ; и вотъ, въ 1517 году, явился въ Москву посолъ Альбрехтовъ, Шонбергъ, для заключенія союза. Союзъ былъ заключенъ; договорная грамота любопытна для насъ по формамъ, показывающимъ отношенія, въ какихъ находились другъ къ другу оба договаривавшіеся государи: „По Божіей волѣ и по нашему жалованью, Мы, Великій Государь Василій, Божіею милостію Царь и Государь всея

[1]) Дѣла Крымскія, № IV-й, стр. 20—418; № V-й, стр. 420—495; П. С. Р. Л. VI, 259, 260.

[2]) Кенигсберг. акты въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣл. связка 32, № 8.

Россіи и Великій Князь Владимірскій и проч. (слѣдуетъ титулъ), дали есьмы сію свою грамоту, Альбрехту, нѣмецкаго чина высокому магистру Прусскому, на то, что къ намъ прислалъ своихъ пословъ бить челомъ о томъ, чтобы намъ его жаловать и беречь и на своего бы недруга, на короля Польскаго и великаго князя Литовскаго. И мы (титулъ) пожаловали во единачествѣ есьмы его съ собою учинили и за него и за его Землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга отъ короля Польскаго". Кромѣ обѣщанія дѣйствовать противъ короля заодно съ магистромъ, великій князь обѣщалъ послѣднему также денежную помощь; Альбрехтъ просилъ ежемѣсячно по 40,000 золотыхъ рейнскихъ на содержаніе 10,000 пѣхоты, по четыре золотыхъ каждому ратнику и по 20,000 золотыхъ на содержаніе 2,000 конницы, по 10 золотыхъ на каждаго всадника съ конемъ, кромѣ того, что понадобится еще на артиллерію (что пристоитъ къ хитрецамъ и къ пушкамъ). Великій князь обѣщалъ отправить эти деньги въ Пруссію тогда, когда магистръ возьметъ свои города, находившіеся за Сигизмундомъ, и двинется на Польшу, къ Кракову. Шонбергъ просилъ, чтобъ великій князь далъ это обѣщаніе письменно, ибо иначе среди важныхъ дѣлъ онъ могъ забыть о немъ, но получилъ отказъ; послу, отправленному изъ Москвы къ магистру, было предписано: если магистръ потребуетъ отъ него клятвы въ томъ, что великій князь дастъ обѣщанныя деньги, то отговариваться накрѣпко; если же нельзя будетъ отговориться, то дать требуемую клятву. Чрезъ второго посла Альбрехтъ просилъ, чтобъ великій князь распорядился отправкою въ Псковъ 50,000 гривенокъ серебра чистаго, дабы, въ случаѣ если онъ, магистръ, захочетъ начать войну, серебро это привезено было въ Кенигсбергъ и тамъ, при русскихъ приставникахъ, выкована будетъ деньга, двадцать которыхъ равнялось бы золотому рейнскому. Василій отвѣчалъ, что серебро готово, но что Нѣмцы должны прежде начать войну [1]).

Альбрехтъ только еще собирался начать войну съ Сигизмундомъ; но другой союзникъ Василіевъ, императоръ Максимиліанъ, уже пересталъ собираться, а предлагалъ себя въ посредники мира между Москвою и Литвою. Василій былъ нисколько не прочь отъ мира; главная цѣль достигнута:—Смоленскъ взятъ; на дальнѣйшія завоеванія безъ союзниковъ мало надежды, Оршинская битва заставляла болѣе чѣмъ когда-либо остерегаться рѣшительныхъ дѣйствій; родовое преданіе внушало дѣйствовать не вдругъ, но мало-по-малу, пользуясь удобными случаями. Вотъ почему и въ переговорахъ съ посломъ Альбрехтовымъ Василій не хотѣлъ дать обязательства не мириться съ Сигизмундомъ до отнятія у него всѣхъ прусскихъ и русскихъ городовъ; вотъ почему Василій принялъ и посредничество императора. Для окончательнаго улаженія дѣла, въ апрѣлѣ 1517 г. пріѣхалъ въ Москву посолъ императоскій Сигизмундъ Герберштейнъ: „Всей вселенной извѣстно, говорилъ посолъ, что много лѣтъ христіанскіе правители междоусобными бранями и раздорами себя озлобляли и много христіанской крови проливали, а никакой отъ того христіанству пользы не произошло, потому что невѣрные и враги христіанскаго имени, т.-е. Турки и Татары, отъ того смѣлѣе и выгоднѣе дѣла свои дѣлать могли, много людей въ плѣнъ побрали, много царствъ и городовъ завоевали: все это призошло единственно отъ несогласія правителей христіанскихъ. Правители христіанскіе должны всегда держать въ мысли, что правленіе вручено имъ отъ Бога для умноженія вѣры и чести Его, для обороны общихъ людей, овецъ Христовыхъ. Римскій цезарь Максимиліанъ изначала это держитъ въ мысли; многія войны велъ онъ не изъ властолюбія, но для утвержденія общаго мира въ христіанствѣ. И Богъ его благословилъ: наивысшій Римскій архіерей со всею Итальянскою Землею теперь съ нимъ въ дружбѣ; внукъ его, Карлъ, сынъ Филипповъ, спокойно правитъ испанскими королевствами, которыхъ числомъ двадцать шесть; король Португальскій родня ему; король Англійскій и Ирландскій давно пріятель; король Датскій, Шведскій и Норвежскій женатъ на его внучкѣ, самъ тѣломъ своимъ и королевствами своими теперь въ рукахъ цесарскаго величества; король Польскій во всѣхъ несогласіяхъ своихъ положился на него же; о твоей наиясности нечего много говорить: самъ знаешь, что между вами братская любовь; наконецъ даже король Французскій и Венеція, которые всегда свое особное дѣло предпочитали общему христіанскому,—и тѣ теперь миръ заключили. Обозритъ нынѣ человѣкъ вселенную, отъ востока до запада, отъ юга до сѣвера,—и не найдетъ ни одного правителя христіанскаго, который бы не былъ съ цесарскимъ величествомъ въ родствѣ, братствѣ или мирномъ докончаніи, и нѣтъ нигдѣ несогласія, только идетъ война между твоею наиясностію и Сигизмундомъ королемъ Польскимъ; если эта война будетъ прекращена, то его цесарское величество достигнетъ вполнѣ своей цѣли. За этимъ-то императоръ и послалъ меня сюда, напомнить вашей наиясности, что миръ будетъ прежде всего служить къ чести Вседержителя Бога и Его непорочной Матери, къ пользамъ всего христіанства; напомнить, сколько выгодъ Земля и люди твои получатъ отъ мира, сколько зла—отъ войны; напомнить, какъ сомнительны бранные случаи. Будучи въ Вильнѣ у короля Польскаго, видѣлъ я тамъ турецкаго посла, который объявилъ, что султанъ его побѣдилъ султана Египетскаго, Дамаскъ, Іерусалимъ и всѣ его государства завоевалъ: если Турки и безъ того были уже такъ сильны, то чего не задумаютъ они теперь, послѣ такихъ завоеваній"?

Великій князь велѣлъ боярамъ своимъ отвѣчать Герберштейну: „Брату нашему, цесарю Римскому.

[1]) Дѣла Прусск. въ Моск. Арх. Мин. Ин. Дѣл. № 1; С. г. г. и д. V. № 73, 74, 75, 76, 78, 82.

извѣстно, что война между нами и Сигизмундомъ началась не съ нашей стороны, а съ королевской; а мы всегда просимъ Бога, чтобъ христіанство пребывало въ тишинѣ. И прежде братъ нашъ, цесарь Римскій, писалъ къ намъ, чтобъ мы съ королемъ помирились, и мы отвѣчали: захочетъ нашъ недругъ Сигизмундъ король съ нами мира, и онъ бы прислалъ къ намъ своихъ пословъ, какъ прежде присылалъ; когда его послы пріѣдутъ, то мы, для брата нашего Максимиліана, съ Сигизмундомъ королемъ миру хотимъ, какъ будетъ пригоже". Герберштейнъ объявилъ на это, что прежде императоръ предлагалъ великому князю отправить пословъ къ Датскому королю, куда съѣдутся также послы императорскіе и польскіе для мирныхъ переговоровъ, но что великій князь на это не согласился; отправляя его, Герберштейна, императоръ далъ ему наказъ уговорить обѣ враждующія стороны къ посольскому съѣзду на границахъ; но онъ своими глазами видѣлъ, что пограничные города выжжены и разорены, съѣзду быть негдѣ, и потому проситъ великаго князя отправить пословъ въ Ригу.—Великій князь велѣлъ отвѣчать: „И прежде мы брату своему приказывали не одинъ разъ, что намъ пословъ своихъ къ Датскому королю и никуда не посылать, а захочетъ Сигизмундъ король мира, то пусть шлетъ своихъ пословъ къ намъ въ Москву. Разсуди ты самъ: хорошо ли король дѣлаетъ, что не хочетъ прислать пословъ въ Москву, и такимъ образомъ вводитъ новизны, а старины не помнитъ, какъ прежде бывало?" Герберштейнъ настаивалъ, чтобъ послы съѣхались на границѣ; но понапрасну. Тогда онъ просилъ позволенія отправить своего племянника къ королю съ тѣмъ, чтобъ тотъ прислалъ пословъ своихъ въ Москву. Племянникъ былъ отправленъ и возвратился съ отвѣтомъ, что король готовъ мириться, но не хочетъ признавать обычая, по которому послы всегда обязаны были бы ѣздить въ Москву для мирныхъ переговоровъ. Сообщая этотъ отвѣтъ боярамъ, словоохотливый Герберштейнъ опять говорилъ длинную рѣчь о томъ, что людямъ, какъ существамъ разумнымъ, должно жить въ добромъ согласіи другъ съ другомъ; превозносилъ умѣренность Филиппа Македонскаго, даровавшаго миръ Аѳинянамъ послѣ побѣды; ставилъ его гораздо выше сына Александра, завоевателя ненасытнаго; прославлялъ своего государя Максимиліана за умѣренность и великодушіе, за то, что возвратилъ Верону Венеціанамъ; указывалъ на Ксеркса, побѣжденнаго Ѳемистокломъ, на Пирра, въ одинъ часъ лишеннаго плодовъ всѣхъ своихъ побѣдъ. Вся эта рѣчь клонилась къ тому, чтобъ убѣдить великаго князя отправить пословъ своихъ на границу; но ораторъ получилъ прежній отвѣтъ: „Намъ своихъ пословъ на границы и никуда въ другое мѣсто посылать непригоже; а захочетъ Сигизмундъ король мира, и онъ бы послалъ къ намъ своихъ пословъ; а прежнихъ намъ своихъ обычаевъ не рушить, какъ повелось отъ прародителей нашихъ, какъ было при отцѣ нашемъ и при насъ; что намъ Богъ далъ, мы того не хотимъ умалять, а съ Божіею волею хотимъ повышать, сколько намъ милосердый Богъ поможетъ. И намъ своихъ пословъ на границы и никуда посылать непригоже. А что Польскій король собрался съ своимъ войскомъ и стоитъ наготовѣ, то и мы противъ своего недруга стоимъ наготовѣ, и дѣло свое съ нимъ хотимъ дѣлать, сколько намъ Богъ поможетъ".

Послѣ долгихъ безполезныхъ переговоровъ, Герберштейнъ объявилъ, что, какъ онъ понимаетъ отвѣтъ королевскій, Сигизмундъ не отказывается отправить своихъ пословъ въ Москву, но только не хочетъ признать правъ Московскаго государя на это; онъ объявилъ также, что хочетъ вторично отправить племянника своего къ королю съ требованіемъ отправленія пословъ въ Москву, и написать к р а с н у ю л о ж ь, будто Максимиліанъ прислалъ трехъ гонцовъ и наказалъ непремѣнно привести дѣло къ окончанію. Герберштейнъ чувствовалъ неловкость своего положенія: государь его заключилъ съ государемъ Московскимъ союзъ противъ Польскаго короля, клялся дѣйствовать заодно противъ общаго недруга; а теперь, вмѣсто военной помощи, предлагаетъ только свое посредничество къ миру. Чтобъ оправдать какъ нибудь Максимиліана, Герберштейнъ объявилъ боярамъ: будто прежній посолъ императорскій, Сниценъ-Памеръ переступилъ свой наказъ, поспѣшивши заключить союзъ между императоромъ и великимъ княземъ на короля; что такъ поступать неприлично христіанскимъ правителямъ, которые должны прежде начала войны испытать всѣ мирные пути къ соглашенію; что Максимиліанъ поклялся выполнять статьи договора только изъ братской любви къ великому князю, прежде засвидѣтельствовавъ однако, что не хочетъ преступать обычая христіанскаго, тѣмъ болѣе что онъ занимаетъ первое мѣсто между государями христіанскими. Но если король Польскій не согласится на миръ, то императоръ готовъ начать съ нимъ войну заодно съ великимъ княземъ. „Если угодно будетъ вашему наияснѣйшему царю, заключилъ Герберштейнъ, то я назначу Польскому королю срокъ, когда онъ долженъ прислать своихъ пословъ; если не пришлетъ, то мнѣ здѣсь нечего больше дѣлать, ибо это будетъ знакомъ, что миру не быть".—Бояре отвѣчали, что Сниценъ-Памеръ уговорился и все дѣло сдѣлалъ такъ, какъ обыкновенно послы между государями дѣло дѣлаютъ, по приказу государей своихъ; заключенный такимъ образомъ договоръ великій князь исполнилъ и хочетъ всегда исполнять; если до сихъ поръ Максимиліанъ на Сигизмунда короля войною еще не поднялся, а подвинулъ его миромъ на доброе согласіе, то это въ великомъ князѣ не произвело никакого сомнѣнія; если Максимиліанъ хочетъ быть на всѣхъ недруговъ заодно съ великимъ княземъ, то онъ дѣлаетъ хорошо, что свою клятву и договоръ помнитъ. Великій князь, съ своей стороны, для

просьбы императорской, съ Сигизмундомъ королемъ мира хочетъ, какъ будетъ пригоже. Если Сигизмундъ помирится, то пусть Максимиліанъ будетъ на всѣхъ прочихъ недруговъ съ великимъ княземъ заодно; если же не помирится, то пусть, по договору, объявитъ и королю войну. — Послѣ этого объясненія Герберштейнъ отправилъ къ королю опасныя грамоты на его пословъ.

Послы явились—въ сентябрѣ 1517 года—маршалки Янъ Щитъ и Богушъ; но, промедливши три года послѣ Оршинскаго дѣла, Сигизмундъ вздумалъ начать наступательныя непріятельскія дѣйствія противъ Москвы въ то самое время, когда отправилъ туда пословъ за миромъ. Остановившись въ Полоцкѣ, король отправилъ гетмана, князя Константина Острожскаго, съ большимъ войскомъ къ псковскому пригороду Опочкѣ; но сильный приступъ былъ отбитъ намѣстникомъ великокняжескимъ, Васильемъ Михайловичемъ Салтыковымъ-Морозовымъ, съ большимъ урономъ для осаждающихъ; несмотря на это, Острожскій все держался подъ Опочкою, отъ 6 октября до 18-го, разославши отряды подъ другіе пригородки псковскіе—Вороначь, Велье, Красный. Но московскія войска съ разныхъ сторонъ спѣшили къ Опочкѣ, и въ трехъ мѣстахъ одержали верхъ надъ непріятелемъ, а воевода Иванъ Ляцкій поразилъ на-голову литовскій отрядъ, шедшій къ Острожскому, отнялъ у него пушки и пищали. Гетманъ принужденъ былъ снять осаду Опочки и выйти изъ Московскихъ владѣній [1]).

Когда въ одно время узнали въ Москвѣ и о приближеніе пословъ королевскихъ и о вторженіи Острожскаго, то великій князь не велѣлъ посламъ въѣзжать въ Москву, но ждать въ Дорогомиловѣ, пославъ сказать Герберштейну: „Сигизмундъ король къ намъ пословъ своихъ отправилъ; но какъ прежде умышлялъ неправыя дѣла, такъ и теперь умыслилъ неправое же дѣло: къ намъ отправилъ своихъ пословъ, а воеводу своего большаго Константина Острожскаго послалъ на наши украйны. Воеводы наши противъ непріятельскихъ людей пошли и хотятъ съ ними дѣло дѣлать, и пока воеводы наши съ непріятелемъ не перевѣдаются, до тѣхъ поръ Сигизмундовымъ посламъ у насъ быть непригоже; но такъ какъ мы дали опасную грамоту на пословъ, то велимъ честь имъ оказывать и кормъ давать, безчестья имъ никакого не будетъ". Герберштейнъ былъ сильно недоволенъ этимъ рѣшеніемъ, долго хлопоталъ, чтобъ послы были допущены немедленно къ переговорамъ; наконецъ, 18 октября, объявилъ письменно, что долѣе конца этого мѣсяца ждать не станетъ, выѣдетъ изъ Москвы; ему отвѣчали прежнее, что пока воеводы великокняжескіе не перевѣдаются съ королевскими, до тѣхъ поръ литовскимъ посламъ у государя быть непригоже. Но въ тотъ самый день, когда Герберштейнъ послалъ послѣднюю записку, 18 октября, Острожскій ушелъ отъ Опочки, и великій князь, получивши объ этомъ извѣстіе 25 числа, послалъ сказать Герберштейну: „Наши воеводы съ литовскими людьми перевѣдались, какъ то милосердому Богу было угодно, праведный Владыка и нелицемѣрный Судья судилъ праведно, и мы литовскимъ посламъ назначали у себя быть 29 октября, а ты—хочешь или не хочешь быть у насъ съ ними вмѣстѣ—это въ твоей волѣ".

29-го октября послы были приняты великимъ княземъ; Герберштейнъ объявилъ, что хочетъ усердно быть у дѣла, и 1-го ноября переговоры начались. Мы видѣли, что уже Іоаннъ III объявилъ Кіевъ и всѣ русскіе города своею отчиною; теперь бояре сына его начинаютъ переговоры требованіемъ отъ Сигизмунда прародительской отчины ихъ государя—Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ городовъ, которые король держитъ за собою неправдою; съ этихъ поръ это требованіе сдѣлалось обычнымъ, сдѣлалось необходимою формою при всѣхъ переговорахъ съ Литвою; форма эта имѣетъ важное историческое значеніе: она показываетъ характеръ борьбы между двумя государями, изъ которыхъ одинъ назывался великимъ княземъ Литовскимъ и Русскимъ, а другой великимъ княземъ всея Руси. Чѣмъ бы ни кончились переговоры, на какихъ бы условіяхъ на этотъ разъ ни заключенъ былъ миръ или перемиріе, въ Москвѣ считали необходимымъ всякій разъ напередъ предъявить права великаго князя, или Царя, потомка Св. Владиміра, на всѣ Русскія Земли, принадлежавшія послѣднему, опасаясь умолчаніемъ объ этихъ правахъ дать поводъ думать, что Московскій государь позабылъ о нихъ, отказывается отъ нихъ. Въ этомъ обычаѣ, введенномъ государями Московскими, ясно виденъ также характеръ послѣднихъ: разъ назначивши себѣ какую-нибудь цѣль, никогда не упускать ея изъ виду, постоянно напоминать о ней себѣ и другимъ,—видна необыкновенная вѣрность преданію отцовскому и дѣдовскому, вѣрность, которая преимущественно помогла Московскому государству достигнуть своей цѣли—сдѣлаться Всероссійскою Имперіею: что разъ усвоилъ себѣ отецъ, отъ того сынъ не отказывался; при Іоаннѣ литовскіе послы вели переговоры въ Москвѣ, и Герберштейнъ напрасно старается склонить Василія къ тому, чтобъ онъ отправилъ своихъ пословъ на границы.

Кромѣ означенныхъ городовъ, московскіе бояре требовали: наказанія панамъ, поступившимъ непочтительно съ великою княгинею Еленою; уступки всѣхъ городовъ и волостей, которыми владѣла Елена въ Литвѣ, уступки ея движимаго имущества, казны. Литовскіе послы, съ своей стороны, потребовали сначала половины Новгорода Великаго, Твери, Вязьмы, Дорогобужа, Путивля и всей Сѣверной страны. Послѣ этихъ объявленій Герберштейнъ былъ позванъ одинъ въ дворецъ, и бояре сказали ему: „Сниценъ-Памеръ заключилъ договоръ, чтобъ императору и великому князю быть за-

---

[1]) Никон. VI, 210; П. С. Р. Л. IV, 292; VI, 260; Прусск. дѣла, № 1, стр. 122.

одно на короля Сигизмунда, и великому князю доставать своей отчины, русскихъ городовъ: Кіева, Полоцка, Витебска и другихъ, а императору доставать прусскихъ городовъ; такъ ты размысли, хорошо ли это послы говорятъ, будто великій князь держитъ за собою королевскіе города, а король будто за собою государевой отчины не держитъ?" Герберштейнъ могъ отдѣлаться отъ труднаго для него вопроса только тѣмъ средствомъ, которое онъ заранѣе поспѣшилъ выставить; онъ опять объявилъ боярамъ, что Сниценъ-Памеръ преступилъ наказъ императорскій: ему было приказано только говорить о союзѣ, а не заключать его; но что если уже союзъ заключенъ, то императоръ будетъ исполнять его условія. О своемъ посредничествѣ Герберштейнъ сказалъ: „Дѣлалъ бы я да не умѣю,—средняго пути не знаю; вы говорите высоко, и королевскіе послы также высоко говорятъ, а средняго пути не знаю. Если бы я зналъ, что между государями дѣло сдѣлается, то я бы здѣсь еще пожилъ; а не будетъ между государями добраго дѣла, то государь отпустилъ бы меня прочь къ моему государю".

Литовскіе послы дали знать Герберштейну, что они говорили высоко, приноравливаясь къ требованіямъ боярскимъ; если бояре отстанутъ отъ своихъ требованій, то и они ограничатся настоящими условіями, на которыхъ имъ велѣно заключить миръ. Когда, вслѣдствіе этого объявленія, начались опять переговоры, то литовскіе послы сказали, что король ихъ полагается во всемъ на императора; тогда Герберштейнъ долженъ былъ принять роль посредника и началъ ходить между боярами и послами, сообщая взаимныя требованія ихъ. Послы объявили, что король хочетъ мира на тѣхъ условіяхъ, на какихъ былъ заключенъ миръ между Іоанномъ III и королемъ Александромъ. Бояре отвѣчали, что послѣ этого было уже новое перемиріе между Іоанномъ и Александромъ и миръ между Василіемъ и Сигизмундомъ на новыхъ условіяхъ. Они исчислили всѣ неправды Литовскаго правительства: когда Ахматъ приходилъ къ Угрѣ, то проводниками у него были королевскіе люди — Савва Карповъ и другіе; Александръ навелъ на Москву хана Шихъ-Ахмата, въ проводникахъ у котораго былъ дворянинъ литовскій, Халецкій; Сигизмундъ навелъ Магметъ-Гирея, у котораго проводникомъ былъ дворянинъ Якубъ Ивашенцовъ; послѣ мира Сигизмундъ опять навелъ Крымцевъ, обѣщавши давать имъ ежегодную подать по 30,000 золотыхъ; подробно изложили дѣло о Еленѣ, какъ знали о немъ въ Москвѣ; послѣ отсылки Елены въ Бирштаны, паны—воевода Виленскій, Николай Радзивилъ, Григорій Остиковъ, Клочко, тіунъ виленскій Бутримъ и казначей земскій Аврамъ—умыслили надъ королевою такое дѣло, какихъ въ христіанскихъ государствахъ не бываетъ: послали къ ней королевскаго человѣка, Волынца Гитовта, потомъ вызвали его къ себѣ въ Вильну, дали ему зелье и отпустили опять къ королевѣ, написавши ея слугамъ — Димитрію Өедоровичу и ключнику Димитрію Иванову, чтобъ вѣрили во всемъ Гитовту, и дѣло панское дѣлали бы такъ, какъ онъ ихъ научитъ. И вотъ эти трое злодѣевъ—Гитовтъ, Димитрій Өедоровъ и Димитрій Ивановъ, приготовивши лихое зелье, дали королевѣ испить въ меду—и въ тотъ же день ея не стало. Съ вѣстію объ этомъ поскакалъ въ Вильну къ панамъ Димитрій Ивановъ, и получилъ въ награду имѣніе.

Послѣ долгихъ переговоровъ, дѣло остановилось на Смоленскѣ: послы требовали его возвращенія, бояре никакъ на это не соглашались. Герберштейнъ принялъ сторону пословъ и, въ длинной витіеватой запискѣ, убѣждалъ великаго князя уступить королю Смоленскъ, опять толковалъ о великодушіи Пирра, отославшаго Римлянамъ ихъ плѣнныхъ, и Максимиліана, возвратившаго Венеціанамъ Верону. Но при этомъ оказались и слѣдствія продолжительнаго пребыванія Герберштейнова въ Москвѣ, гдѣ онъ изучалъ не только современное состояніе государства, но и его исторію, что видно изъ знаменитыхъ его Комментарій: къ Пирру и Максимиліану Герберштейнъ прибавилъ Іоанна III-го, который, завоевавши Казань, отдалъ ее туземнымъ ханамъ. „Если уступишь Смоленскъ королю, писалъ Герберштейнъ Василію, то превзойдешь щедростію и честію родителя своего, который Татарамъ невѣрнымъ царство Казанское отдалъ, ибо щедрость окажешь не невѣрнымъ, а христіанамъ, не королю, недругу твоему, но всему христіанству; всякій человѣкъ будетъ тебя провозглашать прибавителемъ дѣлу христіанскому, и щедрость твоя обнаружитъ ту любовь, которую питаешь къ цесарскому величеству". Василій велѣлъ отвѣчать ему: „Говорилъ ты, что братъ нашъ Максимиліанъ Верону городъ Венеціанамъ отдалъ;—братъ нашъ самъ знаетъ, какимъ обычаемъ онъ Венеціанамъ Верону отдалъ, а мы того въ обычаѣ не имѣемъ и впередъ имѣть не хотимъ, чтобъ намъ свои отчины отдавать". Переговоры прекратились, послы литовскіе и Герберштейнъ уѣхали; послѣдній обѣщалъ уговорить Сигизмунда къ перемирію на годъ, на два, или на три, въ продолженіи которыхъ императоръ опять черезъ своихъ пословъ будетъ стараться о вѣчномъ мирѣ между Москвою и Литвою. На отпускѣ Герберштейнъ, отъ имени Максимиліанова, ходатайствовалъ объ освобожденіи князя Михайла Глинскаго, котораго императоръ воспиталъ при своемъ дворѣ и который служилъ вѣрную службу родственнику его, Альберту, курфюрсту Саксонскому. Герберштейнъ представлялъ, что если Глинскій виноватъ, то уже довольно наказанъ заключеніемъ, и что если великій князь согласится отпустить его къ императору на службу, то Максимиліанъ свяжетъ его тяжелою клятвою не замышлять ничего противъ Москвы. Великій князь велѣлъ отвѣчать: „Глинскій по своимъ дѣламъ заслуживалъ великаго наказанія, и мы велѣли уже его казнить; но онъ, учась въ Италіи, по молодости, отсталъ отъ греческаго закона и пристал къ римскому, билъ челомъ митрополиту, чтобъ ему опять быть въ гре-

ческомъ законѣ. Митрополитъ взялъ его у насъ отъ казни и допытывается, не поневолѣ ли онъ приступаетъ къ нашей вѣрѣ; уговариваетъ его, чтобъ подумалъ хорошенько. Ни въ чемъ другомъ мы брату нашему не отказали бы, но Глинскаго намъ къ нему отпустить нельзя" Герберштейнъ сказалъ на это: „Государь мой потому приказывалъ о Глинскомъ, что ему у великаго князя служить нельзя и у короля нельзя же,—такъ государь мой просилъ его затѣмъ, чтобъ отослать ко внуку своему Карлу. Но если государской воли на то нѣтъ, то государь освободилъ бы его теперь, чтобъ я видѣлъ его свободнымъ". Отвѣта не послѣдовало.

Вмѣстѣ съ Герберштейномъ великій князь отправилъ къ императору посла своего, дьяка Племянникова, который привезъ съ собою новыхъ пословъ Максиміліановыхъ—Франциска да-Колло и Антонія де-Конти. И Францискъ да-Колло, подобно Герберштейну, витіеватою рѣчью старался склонить великаго князя къ миру, преимущественно выставляя ему на видъ опасность со стороны Турокъ для всей Европы, и особенно для Россіи по сосѣдству ея съ Татарами, имѣющими одинакую вѣру и одинакіе обычаи съ Турками. Но когда приступили къ дѣлу, то встрѣтили тѣ же самыя затрудненія; опять императорскій посолъ настаивалъ на то, чтобъ великій князь уступилъ королю Смоленскъ; опять бояре объявили, что Василій никогда этого не сдѣлаетъ. Не успѣвши относительно вѣчнаго мира, послы объявили, что такъ какъ императоръ со всѣми королями и князьями установили между собою перемиріе на пять лѣтъ для общаго дѣла, противъ христіанскаго врага—Турокъ, то не угодно ли будетъ и великому князю заключить съ Польскимъ королемъ перемиріе на пять лѣтъ. Великій князь соглашался на это перемиріе съ тѣмъ, чтобъ каждый остался при томъ, чѣмъ владѣлъ до сихъ поръ, и чтобы плѣннымъ была свобода на обѣ стороны; но король никакъ не согласился на послѣднее условіе, имѣя въ рукахъ своихъ много знатныхъ плѣнныхъ, взятыхъ въ Оршинскомъ бою. Такимъ образомъ, и вторые императорскіе послы уѣхали изъ Москвы, ничего не сдѣлавъ; великій князь отправилъ къ Максиміліану посла, дьяка Борисова, съ предложеніемъ прекратить военныя дѣйствія отъ Рождества Христова 1518 до Рождества 1519 года, чтобъ тѣмъ временемъ продолжать переговоры; но смерть Максиміліана прервала сношенія. И при Василіи союзный договоръ съ Австрійскимъ домомъ остался такъ-же безполезенъ, какъ и при Іоаннѣ III; Максиміліанъ не только не исполнилъ главнаго условія договора—дѣйствовать противъ Сигизмунда заодно съ Василіемъ, но даже, принявши на себя роль посредника, явно держалъ сторону Сигизмунда. Причину такого поведенія онъ высказалъ въ письмѣ своемъ къ великому магистру Альбрехту: „Не хорошо, если король будетъ низложенъ, а царь Русскій усилится" [1]).

Долго сдерживаемый императоромъ, который и его манилъ все надеждою мирнаго рѣшенія распри, Альбрехтъ рѣшился наконецъ приняться за оружіе, послалъ сказать Максиміліану, что не можетъ терпѣть дальнѣйшей отсрочки, а въ Москву отправилъ вторично Шонберга съ просьбою о безотлагательной высылкѣ денегъ, необходимыхъ для начатія войны. Великій князь приговорилъ съ братьями и боярами, что нужно помочь магистру казною, и послалъ во Псковъ деньги на 1,000 человѣкъ пѣхоты, распорядившись однако такъ, что деньги эти тогда только могли быть отправлены къ магистру, когда послѣдній дѣйствительно начнетъ войну съ Польшею. Магистръ просилъ также, чтобъ великій князь извѣстилъ короля Французскаго о союзѣ своемъ съ Пруссіею; Василій согласился, и написана была такая грамота, первая изъ Москвы во Францію: „Наияснѣйшему и свѣтлѣйшему великому королю Галлійскому. Присылалъ къ намъ Альбрехтъ, маркграфъ Бранденбургскій, высокій магистръ, князь Прусскій, билъ челомъ о томъ, чтобъ мы изъявили тебѣ, какъ мы его жалуемъ. И мы даемъ тебѣ знать объ этомъ нашею грамотою, что мы магистра жалуемъ, за него и за его Землю хотимъ стоять и оборонять его отъ своего недруга, Сигизмунда, короля Польскаго; а которыя Прусскія Земли, города нашъ недругъ Сигизмундъ король держитъ за собой неправдою—мы хотимъ, чтобъ далъ Богъ нашимъ жалованьемъ и нашею помощію тѣ города были за Прусскимъ магистромъ по старинѣ. Объявилъ намъ также высокій магистръ Прусскій, что предки твои тотъ чинъ (Орденъ) великимъ жалованьемъ жаловали; и ты-бъ теперь, вспомнивъ своихъ предковъ жалованье, магистра жаловалъ, за него и за его Землю противъ нашего недруга Сигизмунда короля стоялъ и оборонялъ съ нами заодно". Эти переговоры шли весною 1518 года. Съ извѣстіемъ о рѣшеніи великаго князя помочь Ордену при самомъ началѣ войны, поѣхалъ въ Кенигсбергъ московскій посолъ Елизаръ Сергѣевъ, котораго Альбрехтъ просилъ поклониться великому князю до земли, не головою только, но и всѣмъ тѣломъ. Однако этотъ Елизаръ, возвращаясь изъ Пруссіи, далъ знать во Псковѣ, чтобъ денегъ магистру не отправляли, потому что онъ войны еще не начиналъ. И дѣйствительно, въ ноябрѣ 1518 года, магистръ прислалъ великому князю грамоту съ увѣдомленіемъ, что у государей христіанскихъ идутъ переговоры о мирѣ, объ общемъ союзѣ противъ невѣрныхъ, но что онъ не приступитъ ни къ какимъ соглашеніямъ безъ воли государя Московскаго; а въ въ мартѣ 1519 года пріѣхалъ въ Москву въ третій разъ Дидрихъ Шонбергъ съ объявленіемъ: что явился новый посредникъ, папа, котораго легатъ, Николай Шонбергъ, старается склонить всѣхъ государей христіанскихъ къ союзу

---

[1]) Памятн. дипломат. сношен. I, стр. 193 — 480, Моск. Арх. Мин. Ин Дѣлъ, подробное описаніе посольскихъ сношеній съ Литвою московской редакціи, возвращенное изъ Польши; на переплетѣ заглавіе: Acta Magni Duc. Litv. № 2, стр. 10 — 25 и слѣд. Дѣла Прусск. № 1, стр. 88.

противъ Турокъ; что Альбрехту папа предлагаетъ предводительство надъ союзнымъ христіанскимъ войскомъ, которое должно дѣйствовать противъ невѣрныхъ въ Венгріи, и что поэтому ему было бы очень выгодно заключить миръ съ Польшею, но что онъ полагается во всемъ на волю великаго князя, и, въ ожиданіи отвѣта изъ Москвы, не отмолвилъ папѣ и не объявилъ своего согласія, но отвѣчалъ, что отправитъ въ Римъ своихъ пословъ. Альбрехтъ предлагалъ великому князю заключить съ королемъ перемиріе на пять лѣтъ; впрочемъ, если великій князь предпочтетъ продолжать войну, то онъ, магистръ, останется его вѣрнымъ союзникомъ и начнетъ, съ своей стороны, войну съ Польшею, но въ такомъ случаѣ Шонбергъ долженъ взять у великаго князя обѣщанныя деньги и уговориться, какимъ образомъ вести войну. Шонбергъ выпросилъ новую грамоту къ Французскому королю, въ болѣе учтивыхъ выраженіяхъ, и далъ образецъ, какъ написать ее [1]); выпросилъ также грамоту къ курфюрстамъ и князьямъ Имперіи съ изъявленіемъ желанія, чтобъ новый императоръ, котораго изберутъ на мѣсто Максимиліана, соблюдалъ договоръ предшественника своего съ Московскимъ государемъ и покровительствовалъ Ордену Тевтонскому, учрежденному для защиты Германскаго народа; наконецъ выпросилъ позволеніе послать одного изъ подданныхъ магистра въ Новгородъ или Псковъ, чтобъ у кого-нибудь изъ тамошнихъ священниковъ выучиться русскому языку и грамотѣ.

Съ отвѣтомъ на третье Шонбергово посольство отправился къ магистру московскій посолъ Замыцкій. Великій князь велѣлъ сказать Альбрехту, что онъ готовъ заключить перемиріе на приличныхъ условіяхъ, но чтобъ магистръ во всякомъ случаѣ не забывалъ своей клятвы. Замыцкій такъ описываетъ свой пріемъ: „Магистръ принялъ меня съ великою честію, самъ ко мнѣ пришелъ и рѣчей слушалъ, самъ меня къ себѣ къ столу провожалъ, и шелъ отъ меня по лѣвую сторону, за столомъ посадилъ на своемъ мѣстѣ". Альбрехтъ далъ знать великому князю, что общее вооруженіе противъ Турокъ не состоялось, слѣдовательно незачѣмъ заключать перемирія съ Сигизмундомъ; что онъ, магистръ, въ іюлѣ или августѣ непремѣнно начнетъ войну и пойдетъ на Данцигъ, для чего просилъ о немедленной высылкѣ денегъ. Послѣ неоднократнаго повторенія этой просьбы, великій князь велѣлъ отправить деньги въ сентябрѣ 1519 г. Когда великій магистръ далъ знать магистру Ливонскому, чтобъ онъ велѣлъ проводить московскаго посла съ деньгами, то Плеттенбергъ отвѣчалъ: „Я къ Московскому государю живу поближе Прусскаго магистра, и русскій обычай знаю: на словахъ сулятъ, а на дѣлѣ не исполняютъ". Когда же ему сказали, что московскій посолъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Ригу съ деньгами, то Плеттенбергъ всталъ съ мѣста и, поднявъ руки къ Святымъ, сказалъ: „Слава Тебѣ, Господи, что великій государь царь всея Руси такое жалованіе великому магистру оказалъ; надобно намъ за его жалованье головами своими служить"!

Альбрехтъ началъ войну съ Польшею; узнавши объ этомъ, великій князь послалъ ему денегъ еще для найма 1,000 человѣкъ пѣхоты; но съ одною этою помощію ослабѣвшій Орденъ не могъ противиться Сигизмунду. Стѣсненный послѣднимъ, Альбрехтъ долженъ былъ войти съ нимъ въ мирныя соглашенія, вслѣдствіе которыхъ получилъ Орденскія земли въ наслѣдственное владѣніе, но съ вассальными обязанностями къ Польшѣ. Такъ рушился окончательно знаменитый Тевтонскій Орденъ, имѣвшій, по отношеніямъ своимъ къ Литвѣ, такое важное значеніе въ нашей исторіи.

Союзъ съ Альбрехтомъ былъ, по крайней мѣрѣ, полезенъ тѣмъ для Московскаго государства, что развлекалъ силы непріятеля: послѣ нападенія на Опочку, литовскія войска не являлись болѣе въ русскихъ предѣлахъ: но московскія входили нѣсколько разъ въ Литву. Въ 1518 году князь Василій Шуйскій съ новгородскою силою и большимъ нарядомъ, а братъ его, Иванъ Шуйскій, съ псковскою силою выступили въ походъ къ Полоцку. Подошедши къ городу, начали ставить туры и бить пушками стѣны; на помощь къ нимъ пришелъ московскій отрядъ подъ начальствомъ князя Михаила Кислицы; но Полочане изъ посада, изъ-за острожья сильно отбивались, и скоро въ станѣ осаждающихъ сдѣлался голодъ, колпакъ сухарей стоилъ алтынъ и больше, конскій кормъ также вздорожалъ; къ большому несчастію, непріятель овладѣлъ стругами, на которыхъ отрядъ дѣтей боярскихъ переправился на другой берегъ Двины за добычею; преслѣдуемые литовскимъ воеводою Волынцемъ, эти дѣти боярскія бросились назадъ къ Двинѣ, но перевезтись было не на чемъ, и много ихъ потонуло въ рѣкѣ; Шуйскіе принуждены были отступить отъ Полоцка безъ всякаго успѣха. Въ слѣдующемъ году князь Михайло Кислица съ Новгородцами и Псковичами пошелъ опять въ Литву, подъ Молодечно и другіе городки, и вышли назадъ къ Смоленску всѣ сохранены Богомъ, по выраженію лѣтописца Значительнѣе былъ въ томъ же году походъ князя Василія Васильевича Шуйскаго отъ Смоленска, князя Михаила Горбатаго—отъ границъ новгородскихъ и псковскихъ, князя Семена Курбскаго изъ страны Сѣверской: воеводы эти ходили къ Оршѣ, Могилеву, Минску, воевали и плѣнили по самую Вильну. Пятеро знатнѣйшихъ пановъ литовскихъ вышли-было къ нимъ на-встрѣчу, но, видя пора-

[1]) Первая грамота 1518 года, приведенная нами, хранится въ спискѣ въ Москов. Арх. Мин. Ин. Дѣлъ и напечат. въ V т. С. г. г. и д. (неиздан.); вторая грам. въ 1-мъ № Прусск. Дѣлъ: «Наияснѣйшему и вельможнейшему Каролу, королю Фрянцовскому поздравленіе. Намъ извѣстно вѣдомо, колико твоя есть сила, благость и любовь къ добрымъ, какъ намъ то также въ конечномъ посольствѣ Албертовѣ... его посломъ гораздо величества твоего и твое персоны хвала изъявлена» и проч. согласно съ первою грамотою. У Карамзина второе и третье посольство Шонберга смѣшаны въ одно.

женіе своихъ передовыхъ полковъ, отступили въ глубь страны; московскіе воеводы не преслѣдовали ихъ туда и возвратились къ своимъ границамъ, удовольствовавшись страшнымъ опустошеніемъ непріятельскихъ областей [1]). Другіе воеводы ходили къ Витебску и Полоцку.

Эти походы были предприняты съ цѣлію побудить Сигизмунда къ миру, котораго сильно желали въ Москвѣ: шестилѣтняя война была очень тяжела для государства при тогдашнемъ положеніи его ратныхъ силъ и финансовъ; мы видѣли, что, послѣ взятія Смоленска и Оршинской битвы, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ важныхъ дѣйствій не было, но сильныя рати должны были постоянно сторожить границы. Послѣ упомянутыхъ походовъ, въ концѣ 1519 года, великій князь созвалъ на думу братьевъ и бояръ, и говорилъ имъ: „Теперь мы Литовскому сильно недружбу свою оказали, Землю его воевали чуть-чуть не до самой Вильны, крови христіанской много льется, а король и не думаетъ придти на согласіе, помириться съ нами; такъ чѣмъ бы его позадрать, чтобъ онъ захотѣлъ съ нами мира". И приговорилъ великій князь послать отъ какого нибудь боярина къ какому-нибудь пану задрать ихъ. Вслѣдствіе этого приговора, въ январѣ 1520 года, бояринъ Григорій Ѳедоровичъ отправилъ своего слугу къ виленскому воеводѣ, пану Николаю Радзивилу, съ тѣмъ, что если король хочетъ мира, то пусть присылаетъ своихъ пословъ въ Москву; въ мартѣ Радзивилъ отвѣчалъ, чтобъ великій князь далъ опасную грамоту на пословъ; опасная грамота отправлена съ Радзивиловымъ же человѣкомъ, и въ августѣ пріѣхали послы литовскіе Янушъ Костевичъ и Богушъ Боговитиновичъ. Начались переговоры: бояре требовали опять прежняго, требовали и вознагражденія за безчестье, нанесенное Еленѣ; послы отвѣчали: „Этого никогда не бывало; какіе-то лихіе люди государю вашему объ этомъ сказали, но государь вашъ вѣрилъ бы государю нашему, брату своему Сигизмунду королю, а не лихимъ людямъ". Понятно, что подобные отвѣты не могли никого удовлетворить и считались наравнѣ съ молчаніемъ. Насчетъ мирныхъ условій попрежнему не сошлись: Смоленскъ служилъ неопреодолимымъ препятствіемъ. Послы предложили перемиріе съ тѣмъ, чтобъ Смоленскъ оставался за Москвою, но чтобъ плѣнныхъ не возвращать; великій князь настаивалъ на возвращеніи плѣнныхъ; послы не согласились, и порѣшили на томъ, что король пришлетъ великихъ пословъ на великое заговѣнье 1521 года, т. е. черезъ шесть мѣсяцевъ, въ продолженіи которыхъ войнѣ не быть [2]). Но Сигизмундъ на означенный срокъ пословъ не прислалъ,—обстоятельства перемѣнились въ его пользу: онъ одолѣлъ великаго магистра, а между тѣмъ на востокѣ исполнилось то, чего онъ съ такимъ нетерпѣніемъ дожидался въ началѣ своего царствованія: двѣ татарскія Орды, Казанская и Крымская, заключили союзъ противъ Москвы.

Мы оставили Казань въ 1506 году, когда ханъ ея, Магмедъ-Аминь, несмотря на неудачи великокняжескаго войска, просилъ мира и заключилъ его на прежнихъ условіяхъ, какъ было при Іоаннѣ. Въ 1512 году Магмедъ-Аминь возобновилъ клятву въ вѣрности; мало того,—прислалъ просить великаго князя, чтобъ тотъ отпустилъ къ нему вѣрнаго человѣка, именно боярина Ивана Андреевича Челяднина, передъ которымъ онъ хочетъ исповѣдаться въ прежнемъ своемъ дурномъ поступкѣ. Челяднинъ былъ отправленъ, и ханъ, по словамъ лѣтописца, тайну свою исповѣдалъ передъ нимъ чисто и снова поклялся быть въ вѣчномъ мирѣ, дружбѣ и любви съ великимъ княземъ. Въ 1516 году явилось новое посольство изъ Казани съ извѣстіемъ, что Магмедъ-Аминь опасно боленъ, и съ просьбою отъ имени больнаго хана и всѣхъ Казанцевъ, чтобъ великій князь простилъ Абдыллетифа, находившагося опять въ заточеніи за набѣги Крымцевъ, и назначилъ бы его ханомъ въ Казань, въ случаѣ смерти Аминевой. Василій согласился исполнить ихъ просьбы, и отправилъ въ Казань окольничаго Тучкова, который взялъ съ хана и всей Земли клятву, что они не возьмутъ на Казань никакого царя и царевича безъ вѣдома великаго князя; вслѣдствіе этихъ соглашеній, Летифъ былъ выпущенъ на свободу и получилъ Каширу, гдѣ онъ теперь не могъ быть опасенъ, имѣя въ виду Казань.

Но Летифъ умеръ еще за годъ до смерти Магмедъ-Аминевой, послѣдовавшей въ декабрѣ 1518 года, и снова рождался вопросъ: кому быть царемъ на Казани?—вопросъ важный и трудный по отношеніямъ къ Крыму, ибо Магмедъ-Гирей сильно хлопоталъ о томъ, чтобъ всѣ татарскія владѣнія находились въ рукахъ одного рода Гиреевъ, чему, разумѣется, Москва должна была препятствовать всѣми силами. Имѣя надобность въ помощи великаго князя относительно Астрахани и Казани, Магмедъ-Гирей прислалъ ему шертную грамоту, въ которой обязывался быть заодно на Литву съ тѣмъ, чтобъ великій князь былъ съ нимъ заодно на дѣтей Ахматовыхъ; обязывался прекратить всякаго рода грабежи, не требовать никакихъ пошлинъ, не затруднять московскихъ пословъ, не безчестить ихъ. Эту грамоту привезъ извѣстный намъ Аппакъ-Мурза; онъ былъ еще въ Москвѣ, когда великій князь, по смерти Магмедъ-Аминя, назначилъ послѣднему въ преемники родового непріятеля Гиреевъ, Шигъ-Алея, внука Ахматова, который выѣхалъ въ Россію съ отцомъ своимъ изъ Астрахани и владѣлъ до сихъ поръ Мещерскимъ городкомъ. Аппакъ возражалъ противъ этого назначенія; но ему отвѣчали, что оно сдѣлано по непремѣнному требованію самихъ Казанцевъ, которые, въ случаѣ отказа, могли выбрать кого-нибудь еще болѣе враждебнаго для Гиреевъ. Ханъ молчалъ: силою вдругъ нельзя было ему отнять Казани

[1]) Никон. VI, 223; Дѣла Прусск. № 1, стр. 307, 346; П. С. Р. Л. IV, 292, 293.

[2]) Моск. Архивъ Мин. Ин. Д. Acta Magni Duc. Litv., № 2, стр. 58 и слѣд.

у Москвы и Шигъ-Алея; надобно было дѣйствовать другимъ образомъ. Скоро Шигъ-Алей возбудилъ къ себѣ нерасположеніе Казанцевъ тѣмъ, что во всемъ предпочиталъ выгоды Московскаго князя ихъ собственнымъ, опираясь на воеводу московскаго, при немъ находившагося. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, внушенія изъ Крыма находили легкій доступъ: вельможи составили заговоръ, и когда, весною 1521 года, братъ Магмедъ-Гиреевъ, Саипъ, явился съ крымскимъ войскомъ у Казани, то городъ сдался ему безъ сопротивленія, Шигъ-Алею и воеводѣ великокняжескому дана была свобода выѣхать въ Москву, но посолъ и купцы русскіе были ограблены и задержаны. У великаго князя въ Азовѣ были доброжелатели, извѣщавшіе его о движеніяхъ Крымскаго хана и получавшіе, разумѣется, за это хорошіе поминки; между ними былъ самъ кадій. 10 мая великій князь получилъ отъ нихъ извѣстіе: что Магмедъ-Гирей готовъ со всею силою идти къ Москвѣ; что мимо Азова прошли казанскіе Татары къ царю просить на Казань царевича, и царь имъ царевича далъ, а съ нимъ пошло триста человѣкъ. Изъ Азова же получено было извѣстіе, что приходилъ посолъ изъ Крыма къ Астраханскому хану и говорилъ ему такъ отъ имени Магмедъ-Гиреева: „Между собою мы братья; былъ я въ дружбѣ съ Московскимъ, онъ мнѣ измѣнилъ: Казань была юртъ нашъ, а теперь онъ посадилъ тамъ султана изъ своей руки; Казанская Земля этого не хотѣла, кромѣ одного Сеита (главы духовенства), да и прислала ко мнѣ человѣка просить у меня султана; я имъ султана и отпустилъ на Казань, а самъ иду на Московскаго со всею своею силою. Хочешь со мною дружбы и братства,—такъ самъ пойди на Московскаго, или султановъ пошли". Но Астраханскій царь и князья и земскіе люди съ Московскимъ государемъ недружбы не захотѣли.—Вѣсти эти пришли поздно: Магмедъ-Гирей уже стремился къ берегамъ Оки; московскій отрядъ, высланный сюда подъ начальствомъ князя Димитрія Бѣльскаго и брата великокняжескаго, Андрея Іоанновича, былъ опрокинутъ превосходными силами непріятеля, который, не касаясь городовъ, разсѣялся для грабежа на пространствѣ отъ Коломны до самой Москвы; а съ другой стороны, новый Казанскій ханъ, Саипъ-Гирей, опустошивши области Нижегородскую и Владимірскую, соединился съ братомъ. Давно уже Москва отвыкла видѣть непріятеля подъ своими стѣнами: начавшіеся въ княженіе Василія набѣги Крымцевъ касались только Украйны, да и здѣсь были отражаемы постоянно съ успѣхомъ; особенно теперь не ждали нападенія Магмедъ-Гиреева, послѣ заключенія съ нимъ клятвеннаго договора чрезъ посредство Аппака; не ждали и опасности со стороны Казани въ правленіе Шигъ-Алеево. Василій нашелся въ тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, въ какихъ находился Димитрій Донской во время нападенія Тохтамышева, Василій Димитріевичъ во время нападенія Едигеева, и потому долженъ былъ употребить тѣ же самыя мѣры: онъ оставилъ Москву и отправился на Волокъ собирать полки. Самъ ханъ остановился на рѣкѣ Сѣверкѣ; но отряды его подходили близко къ Москвѣ, опустошили села — Островъ, Воробьево, монастырь Угрѣшскій. Со всѣхъ сторонъ бѣглецы спѣшили въ Кремль, въ воротахъ давили другъ друга; отъ страшной тѣсноты заразился воздухъ, и еслибъ такое положеніе продолжилось еще три или четыре дня, то язва начала бы свирѣпствовать, тѣмъ болѣе что это было жаркое время, въ послѣднихъ числахъ іюля. Когда начали думать о защитѣ, о пушкахъ, то нашли, что пороху было недостаточно. Въ такихъ обстоятельствахъ, оставленный начальствовать въ Москвѣ, крещенный татарскій царевичъ Петръ и бояре рѣшились вступить въ переговоры съ ханомъ, который хотя и не думалъ брать Москвы приступомъ, не имѣя для этого ни средствъ, ни охоты, и сбирался бѣжать при первомъ извѣстіи о приближеніи войскъ великокняжескихъ,—однако и Москва, какъ мы видѣли, не могла долго оставаться въ описанномъ положеніи. Магмедъ-Гирей соглашался немедленно удалиться изъ Московской области, если ему пришлютъ письменное обязательство, что великій князь будетъ платить ему дань. Это обязательство было дано, и ханъ отступилъ къ Рязани, гдѣ начальствовалъ окольничій Хабаръ Симскій. Съ Магмедъ-Гиреемъ вмѣстѣ приходилъ на Москву извѣстный уже намъ Евстаѳій Дашковичъ, который при Іоаннѣ III отъѣхалъ отъ Литвы въ Москву, при Василіи опять убѣжалъ въ Литву и теперь съ Днѣпровскими козаками находился въ станѣ крымскомъ. Дашковичу хотѣлось взять Рязань хитростію; для этого онъ предложилъ ея жителямъ покупать плѣнныхъ, чтобы, уловивъ случай, вмѣстѣ съ покупателями пробраться въ городскія ворота; съ своей стороны ханъ, для вѣрнѣйшаго успѣха въ предпріятіи, хотѣлъ заманить къ себѣ воеводу Хабара, и послалъ ему, какъ холопу своего данника, приказъ явиться къ себѣ въ станъ; но Хабаръ велѣлъ отвѣчать ему, что онъ еще не знаетъ, въ самомъ ли дѣлѣ великій князь обязался быть данникомъ и подручникомъ хана, просилъ, чтобъ ему дали на это доказательства, — и ханъ, въ доказательство, послалъ ему грамоту, написанную въ Москвѣ. Въ это самое время Дашковичъ, не оставляя своего намѣренія, все болѣе и болѣе приближался къ Рязани; онъ далъ нарочно нѣкоторымъ плѣнникамъ возможность убѣжать изъ стана въ городъ; толпы Татаръ погнались за бѣглецами и требовали ихъ выдачи; Рязанцы выдали плѣнныхъ, но, несмотря на то, толпы Татаръ сгущались все болѣе и болѣе подъ стѣнами города, какъ вдругъ раздался залпъ изъ городскихъ пушекъ, которыми распоряжался Нѣмецъ Іоганъ Іорданъ: Татары разсѣялись въ ужасѣ; ханъ послалъ требовать выдачи Іордана, но Хабаръ отвергнулъ его требованіе. Магмедъ-Гирей, какъ мы видѣли, пришелъ не за тѣмъ, чтобъ брать города силою; не успѣвши взять Рязань хитростію, и побуждаемый

извѣстіемъ о непріятельскихъ движеніяхъ Астраханцевъ, онъ ушелъ и оставилъ въ рукахъ Хабара грамоту, содержавшую въ себѣ обязательство великаго князя платить ему дань.

Тѣмъ не менѣе, слѣдствія Магмедъ-Гиреева нашествія были страшныя; молва преувеличила число плѣнныхъ, выведенныхъ Крымцами и Казанцами изъ Московскаго государства, простирая это число до 800,000; но самое это преувеличеніе уже показываетъ сильное опустошеніе; Крымцы продавали своихъ плѣнниковъ въ Кафѣ, Казанцы—въ Астрахани. Такая добыча разлакомила Магмедъ-Гирея; возвратившись домой, онъ велѣлъ три раза прокликать по торгамъ въ Перекопи, Крымѣ-городѣ и Кафѣ, чтобъ князья, мурзы и всѣ Татары были готовы сами и коней откармливали для осенняго похода въ Московскую Землю. Этотъ осенній походъ не состоялся, а на весну 1522 года великій князь приготовился встрѣтить хана, выступилъ самъ къ Окѣ съ многочисленнымъ войскомъ и пушками [1]). Ханъ не пришелъ и весною; но его нужно было постоянно сторожить, со стороны Казани нужно было также ожидать безпрестанно нападеній, и нельзя было долго оставлять въ ней царствовать брата Магмедъ-Гиреева. Это заставило спѣшить заключеніемъ перемирія съ Литвою. Въ августѣ 1521 года, тотчасъ по уходѣ Магмедъ-Гирея, возобновилась пересылка съ Сигизмундомъ. Въ мартѣ 1522 года пріѣхалъ изъ Литвы Станиславъ Долкирдовъ (Довкирдовичъ) и объявилъ, что король тогда пришлетъ въ Москву своихъ великихъ пословъ, когда великій князь объявитъ, хочетъ ли онъ вѣчнаго мира или перемирія безъ отпуска плѣнныхъ. Съ отвѣтомъ былъ посланъ Василій Поликарповъ, который долженъ былъ сказать королю, чтобъ онъ прислалъ своихъ великихъ пословъ, пановъ радныхъ; что великій князь мира и перемирья хочетъ, какъ будетъ пригоже, а плѣннымъ свобода на обѣ стороны. Но Поликарпову данъ былъ еще наказъ, что если въ Литвѣ не согласятся на это и станутъ его отпускать, то онъ долженъ сказать: „Государь нашъ съ Сигизмундомъ королемъ вѣчнаго мира хочетъ, но и перемирья хочетъ и безъ отпуска плѣнныхъ“. Вслѣдствіе этого послѣдняго объявленія въ августѣ пріѣхали въ Москву великіе послы литовскіе—Полоцкій воевода Петръ Станиславовичъ и подскарбій Богушъ Боговитиновичъ, и заключили перемиріе на пять лѣтъ безъ отпуска плѣнныхъ; Смоленскъ остался за Москвою; положено было въ эти пять лѣтъ сноситься для заключенія вѣчнаго мира [2]). Въ 1526 г. переговоры дѣйствительно начались опять при посредничествѣ пословъ императора Карла V-го, и опять кончились ничѣмъ, продолжено было только перемиріе до 1533 года, потомъ продолжено еще на годъ. Смоленскъ служилъ постоянно препятствіемъ для заключенія вѣчнаго мира: король никакъ не хотѣтъ уступить его на-вѣки Москвѣ, а великій князь также ни за что не соглашался отказаться отъ своей отчины, возвращеніе которой составляло славу его княженія; какія мѣры употреблялъ онъ для укрѣпленія Смоленска за Москвою, видно изъ слѣдующаго наказа послу Загрязскому, отправлявшемуся въ Литву: „Если спросятъ (въ Литвѣ), для чего великій князь Смольнянъ въ Москву перевелъ?—то отвѣчать: которые люди пригожи государю нашему на Москвѣ, тѣмъ государь велѣлъ на Москву ѣхать; а которые пригожи ему въ Смоленскѣ,—тѣмъ велѣлъ оставаться въ Смоленскѣ. А которымъ людямъ государь велѣлъ ѣхать въ Москву, тѣхъ пожаловалъ, далъ имъ въ Москвѣ дворы и лавки, также далъ имъ помѣстья“ [3]). Смоленскъ остался за Москвою; плѣнники Великой битвы (такъ называли Оршинскую битву въ Литвѣ) остались у Сигизмунда; многіе изъ нихъ въ 1525 году не были уже въ живыхъ, живые терпѣли большую нужду; въ спискѣ ихъ, составленномъ для короля, читаемъ, что прежде давали имъ столько-то съѣстныхъ припасовъ, а теперь не даютъ, и они жалуются, что помираютъ съ голоду; о нѣкоторыхъ сказано: „Оброку имъ ничего не даютъ, кормятся тѣмъ, что сами Христа ради выпросятъ; всѣ сидятъ покованы, стража къ нимъ приставлена очень крѣпкая“ [4]).

Перемиріе съ Литвою давало великому князю возможность обратить все свое вниманіе на востокъ. Магмедъ-Гирей, доставивши брату Казань, наведши страхъ на Москву, спѣшилъ исполнить давнее свое желаніе—овладѣть Астраханью. И это ему удалось: соединившись съ нагайскимъ княземъ Ма-

---

[1]) П. С. Р. Л. VI, 263; книги разрядн. и родослов.—Герберштейна, стр. 68, и слѣд. здѣсь между прочимъ: «Basilius cum ad tantum hostem propulsandum imparem se esse videret, adeo timore perculsus, ut rerum suarum desperatione aliquandiu sub acervo foeni, ut quidam referunt, latuerit».—Арх. Мин. Ин. Дѣл., Дѣла Турецкія № 1, стр. 139 и слѣд.

[2]) Означимъ изъ договора рубежи: «Рубежъ городу Рославлеву съ Мстиславлемъ промежъ Словнева да Шибнева къ Гневкову Доброю рѣчкою на Водоносъ, а отъ Водоноса Доброюжъ рѣчкою вострь черезъ великій боръ въ рѣку Щумячу къ Стрекулѣ къ рубежу къ Кричовскому. А отъ Кричева городу Рославлю рубежъ рѣка Шумяча, а Шумячею въ рѣку Немелицу, а изъ Немелицы старымъ рубежомъ къ Заборью въ Ипуть рѣку, да на низъ Ипутью къ Хмелю. А рубежъ Смоленску и волостемъ Смоленскимъ, съ Дубровною и съ Романовымъ, и съ Горами, и съ Мстиславлемъ, отъ Днѣпра ниже города Смоленска рѣкою Мереею вверхъ межъ Пречистые, Взруба и Звѣровичь въ Иваку рѣку, а изъ Иваки на Еленскій рубежъ, да въ Городню, а Городнею въ Вехру въ Черной мохъ, а изъ Вехры въ Прудилу, а изъ Прудилы въ Желѣзницу, а Желѣзницею подъ Дуденки въ Вехру, а изъ Вехры въ Лютую воду, а изъ Лютой воды въ Выпино, а изъ Выпина въ Сожъ, а Сожью на низъ въ Березыню, а Березынею вверхъ сухомъ промеже селъ Почина и Гладковичь по холмомъ, а оттолѣ къ Плуневу (вар. Пулневу, Кулневу). А за рѣкою за Днѣпромъ рубежъ Смоленску внизъ по Днѣпру по рѣкѣ ниже Клементья святаго пять верстъ».—Арх. Мин. Ин. Дѣлъ, Acta magni Duc. Lutv. № 2, стр. 205; Є. г. г. и д. V, 97; Акты Запад. Росс. II, № 120.

[3]) Арх. Мин. Ин. Д. Acta magni Duc. Litv. № 2, стр. 281.

[4]) Акты Запад. Россіи, II, № 134.

маемъ, онъ успѣлъ овладѣть Астраханью въ то время, когда ханъ ея, Усеинъ, по единству выгодъ, велъ переговоры о тѣсномъ союзѣ съ княземъ Московскимъ. Но торжество Магмедъ-Гирея не было продолжительно: союзники его, нагайскіе князья, догадались, что имъ грозитъ большая опасность отъ усиленія Гиреевъ, напали нечаянно на крымскій станъ, убили хана, перерѣзали множество Крымцевъ, по слѣдамъ бѣгущихъ сыновей Магмедъ-Гиреевыхъ вторгнулись въ Крымъ и опустошили его, въ то время какъ съ другой стороны опустошалъ его, также союзникъ Магмедъ-Гиреевъ, Евстафій Дашковичъ съ своими казаками. Мѣсто убитаго хана заступилъ братъ его Сайдатъ-Гирей, первымъ дѣломъ котораго было обратиться къ великому князю съ требованіемъ 60,000 алтынъ и мира для Саипъ-Гирея Казанскаго; подъ этими двумя условіями онъ обѣщалъ свой союзъ. Но великій князь не былъ намѣренъ ни посылать денегъ въ опустошенный и потому неопасный Крымъ, ни оставлять въ покоѣ Саипъ-Гирея Казанскаго, тѣмъ болѣе что послѣдній, узнавъ о торжествѣ брата своего въ Астрахани, велѣлъ убить посла и купцовъ московскихъ, попавшихся въ плѣнъ при изгнаніи Шигъ-Алея. Послу, отправленному въ Крымъ, былъ данъ наказъ: „Въ пошлину никому ничего ни подъ какимъ видомъ не давать, кромѣ того, что послано къ хану въ подаркахъ, или что посолъ отъ себя кому дастъ за его добро, а не въ пошлину. Въ пошлину ни подъ какимъ видомъ ни царю, ни царевичамъ, ни князьямъ, ни царевымъ людямъ никакъ ничего не давать. Если бросятъ передъ посломъ батогъ и станутъ просить пошлины у батога, — не давать, а идти прямо къ царю черезъ батогъ; если у дверей царевыхъ станутъ просить пошлины—и тутъ ничего не давать; пусть посолъ всякій позоръ надъ собою вытерпитъ, а въ пошлину ничего не долженъ дать. Не напишется царь въ шертной грамотѣ братомъ великому князю, то грамоты не брать; не писать въ договорную грамоту, чтобъ быть заодно съ царемъ на Астрахань и Нагаевъ; вѣдь написано, что быть на всѣхъ недруговъ заодно — и довольно. Если царь потребуетъ, чтобъ великій князь помирился съ Казанскимъ царемъ Саипомъ, то говорить: помириться нельзя во-первыхъ потому, что Саипъ сталъ царемъ безъ вѣдома великаго князя; во-вторыхъ потому, что посла московскаго и торговыхъ людей велѣлъ убить, чего ни въ одномъ государствѣ не ведется; и рати между государями ходятъ, а пословъ и гостей не убиваютъ“ [1]).

Лѣтомъ 1523 года великій князь самъ отправился въ Нижній, откуда отпустилъ на Казань хана Шигъ-Алея съ судовою ратью по Волгѣ, а другихъ воеводъ съ конною ратью—сухимъ путемъ, велѣвъ плѣнить казанскія мѣста. Воеводы возвратились благополучно и привели съ собою много черемисскихъ плѣнниковъ; но походъ этимъ не ограничился: на устьи Суры, въ Землѣ Казанской, срубили городъ—Васильсурскъ; въ Москвѣ митрополитъ Даніилъ очень хвалилъ за это великаго князя, говорилъ, что новопостроеннымъ городомъ онъ всю Землю Казанскую возьметъ; дѣйствительно, въ этомъ дѣлѣ высказывалось намѣреніе стать твердою ногою на Землѣ Казанской, положить начало ея полному покоренію, ибо подручническія отношенія, клятвы царей казанскихъ и народа уже два раза оказывались ручательствами недостаточными. Василій, построивъ Васильсурскъ, сдѣлалъ первый шагъ къ совершенному покоренію Казанскаго царства; сынъ его, Іоаннъ, какъ увидимъ, построеніемъ Свіяжска сдѣлаетъ — второй, третьимъ — будетъ взятіе самой Казани.

Лѣтомъ 1524 года отправилась опять подъ Казань многочисленная рать, которую полагаютъ во 150,000 и болѣе, подъ главнымъ начальствомъ князя Ивана Бѣльскаго. Саипъ-Гирей испугался, и, оставивъ въ Казани тринадцатилѣтняго племянника Сафа-Гирея, убѣжалъ въ Крымъ, обѣщая Казанцамъ возвратиться съ войскомъ турецкимъ. Казанцы, провозгласивши царемъ молодого Сафа-Гирея, приготовились выдерживать осаду. Князь Бѣльскій отправился изъ Нижняго Волгою на судахъ; Хабаръ Симскій съ конницею шелъ сухимъ путемъ; князь Палецкій, нагрузивши на суда нарядъ и съѣстные припасы, долженъ былъ плыть Волгою за главнымъ войскомъ. 7-го іюля Бѣльскій вышелъ на берегъ, расположился станомъ въ виду Казани у Гостинаго острова и двадцать дней дожидался конницы; она не приходила: а между тѣмъ загорѣлась стѣна въ деревянной казанской крѣпости; московскіе полки не двинулись ни для того, чтобъ воспользоваться пожаромъ и овладѣть крѣпостью, ни для того, чтобы послѣ мѣшать Казанцамъ въ строеніи новой стѣны. 28 іюля Бѣльскій перенесъ станъ на берегъ Казанки; недалеко отсюда стоялъ и Сафа-Гирей, и нѣсколько разъ покушался тревожить русскій станъ пѣшею Черемисою, но понапрасну. Время шло; ни конница, ни судовая рать съ пушками и съѣстными припасами не приближались; началъ оказываться голодъ, потому что Черемисы опустошили все вокругъ, засѣли на всѣхъ дорогахъ, не позволяя русскимъ отрядамъ добывать кормовъ, прервали всѣ сообщенія, такъ что нельзя было дать вѣсти въ Москву о состояніи войска. Въ это время, когда рать Бѣльскаго начала упадать духомъ отъ голода, разнесся слухъ, что конное войско потерпѣло пораженіе отъ Татаръ; ужасъ напалъ на воеводъ; стали думать объ отступленіи; скоро узнали однако, что слухъ былъ ложный: потерпѣлъ пораженіе одинъ только небольшой отрядъ конницы, главная же рать, шедшая подъ начальствомъ Симскаго, въ двухъ встрѣчахъ съ Татарами на Свіягѣ, одержала верхъ. Но если конница счастливо преодолѣла всѣ опасности, то не могла преодолѣть ихъ судовая рать, шедшая съ Палецкимъ: въ узкихъ мѣстахъ между островами Черемисы загородили дорогу камнями и

[1]) Дѣла крымскія, № 6, стр. 25—31.

деревьями, а съ берега осыпали Русскихъ стрѣлами и бросали бревна; только немногія суда могли спастись и съ воеводою достигли главной рати. Несмотря однако на это несчастіе, когда пришла конница, Бѣльскій, 15 августа, обложилъ Казань. Подъ защитою конницы, сдерживавшей натиски казанской конницы, осадныя машины были придвинуты къ стѣнамъ; Казанцы отстрѣливались, но скоро они потеряли своего пушечнаго мастера, который одинъ только и былъ въ городѣ. Это обстоятельство заставило ихъ просить мира съ обязательствомъ отправить въ Москву пословъ съ челобитьемъ. Бѣльскій обрадовался и снялъ осаду, потому что войско не могло долѣе выдерживать голодъ. Послы дѣйствительно явились въ Москву бить челомъ отъ всей Земли Казанской за свою вину и просить, чтобъ великій князь утвердилъ царемъ Сафа-Гирея. Василій согласился на ихъ просьбу, но противъ воли: не для того посылалъ онъ такую многочисленную рать противъ Казанцевъ, чтобъ оставить у нихъ царемъ Гирея; походъ не удался, не оправдалъ ожиданій, и вотъ, какъ обыкновенно бываетъ, послышались обвиненія противъ главнаго воеводы, Бѣльскаго, обвиненія не только въ неискусствѣ, робости, но даже въ измѣнѣ, въ томъ, что онъ отступилъ отъ Казани, будучи подкупленъ ея жителями. Самое основательное, повидимому, обвиненіе противъ Бѣльскаго состояло въ томъ, зачѣмъ онъ терялъ время у Гостинаго острова, зачѣмъ не воспользовался пожаромъ въ крѣпости и позволилъ Казанцамъ безпрепятственно возобновить стѣну. Но послѣдующій разсказъ объ осадѣ объясняетъ удовлетворительно поведеніе Бѣльскаго: онъ ничего не могъ предпринять безъ конницы, которая должна была защищать главную рать отъ нападеній казанской конницы, отъ Черемисъ, разсѣявшихся всюду и не дававшихъ сдѣлать ни малѣйшаго движенія. Бѣльскаго оправдываетъ въ нашихъ глазахъ разсказъ о послѣдней казанской осадѣ, когда царь Іоаннъ Васильевичъ находился точно въ такомъ же положеніи: войско его не имѣло времени отдыхать и томилось голодомъ, потому что было постоянно обезпокоиваемо татарскою конницею князя Япанчи, и наконецъ царь нашелся принужденнымъ раздѣлить войско, — одну часть оставить при себѣ, а другую назначить для дѣйствія противъ Япанчи.

Въ продолженіи четырехъ лѣтъ послѣ описанныхъ событій источники не упоминаютъ о дѣлахъ казанскихъ. Въ 1529 году пріѣхали отъ Сафа-Гирея послы въ Москву и объявили, что царь ихъ хочетъ во всемъ исправиться передъ великимъ княземъ, дать клятву въ вѣрности, и отправляетъ въ Москву большихъ пословъ. Для взятія клятвы съ Сафа-Гирея великій князь послалъ въ Казань Андрея Пильемова, а для наблюденія за исполненіемъ присяги—князя Ивана Палецкаго, вслѣдъ за Пильемовымъ. Но, пріѣхавши въ Нижній, Палецкій узналъ, что Сафа-Гирей уже успѣлъ нарушить клятву и нанесъ сильныя оскорбленія Пильемову. Опять, слѣдовательно, нужно было прибѣгнуть къ силѣ, и лѣтомъ 1530 года пошла подъ Казань большая рать судовая и конная; въ первой начальствовалъ по-прежнему князь Иванъ Бѣльскій, во второй—знаменитый князь Михайло Львовичъ Глинскій, освобожденный передъ тѣмъ изъ заточенія. Отразивши съ успѣхомъ нѣсколько нападеній непріятеля, Глинскій перевезся черезъ Волгу и соединился съ судовою ратью. 10 іюля произошелъ сильный бой, въ которомъ русскіе полки одержали побѣду, послѣ чего взяли острогъ и начали добывать самую крѣпость. Тогда трое знатныхъ Казанцевъ выѣхали къ воеводамъ и били челомъ о прекращеніи осады, обѣщаясь исполнить волю великаго князя. Воеводы, взявши со всѣхъ Казанцевъ присягу не измѣнять великому князю, не брать себѣ царя иначе, какъ изъ его руки, отступили отъ города и вмѣстѣ съ послами казанскими возвратились въ Москву. Въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ прибавлено, что воеводы, взявши острогъ, едва-было не взяли и самого города (крѣпости), который стоялъ часа три безъ людей: люди всѣ изъ города выбѣжали и ворота всѣ остались отворены; но въ это время воевода пѣшей рати, Бѣльскій, и воевода конной рати, Глинскій, завели споръ о мѣстахъ—кому первому въѣхать въ городъ; между тѣмъ нашла грозная туча, полился сильный дождь, посошные и стрѣльцы, которые привезли на телѣгахъ нарядъ къ городу, испугавшись дождя, бросили этотъ нарядъ въ жертву Казанцамъ. Не отвергая этого извѣстія, мы однако думаемъ, что въ немъ недостаетъ нѣкоторыхъ объяснительныхъ подробностей [1]).

Послы казанскіе приложили въ Москвѣ свои печати къ клятвеннымъ грамотамъ, на которыхъ потомъ Сафа-Гирей и всѣ Казанцы должны были присягнуть передъ великокняжескимъ сыномъ боярскимъ, Иваномъ Полевымъ; Полевъ долженъ былъ взять въ Казани всѣхъ плѣнныхъ Русскихъ и пищали, захваченныя Казанцами въ послѣднюю войну; послы казанскіе должны были ждать его возвращенія въ Москвѣ. Но скоро Полевъ далъ знать великому князю, что Сафа-Гирей не присягаетъ и пищалей не отдаетъ; въ то же самое время ханъ прислалъ грамоту, въ которой требовалъ, чтобъ великій князь отпустилъ его пословъ и съ ними вмѣстѣ отправилъ бы въ Казань своего большаго посла, чтобъ прислалъ также пушки и пищали и плѣнниковъ казанскихъ, взятыхъ московскимъ войскомъ, — и когда все это будетъ прислано, тогда онъ, Сафа-Гирей, дастъ клятву въ соблюденіи договора и отпустить Ивана Полева. Великій

[1]) Никон. VI, 234 и слѣд.: П. С. Р. Л. 265. Мѣстничество воеводъ могло быть причиною потери удобнаго времени; потеря наряда, какъ бы она ни произошла, могла быть достаточною причиною, почему воеводы приняли предложенія Казанцевъ; слѣд. нѣтъ никакой нужды вмѣстѣ съ авторомъ высокопарнаго Сказанія о Землѣ царства Казанскаго подозрѣвать Бѣльскаго опять въ подкупѣ; вообще мы не считаемъ себя въ правѣ пользоваться этимъ слишкомъ мутнымъ источникомъ.

*

князь, получивши эту грамоту, велѣлъ сказать посламъ казанскимъ: „Вы клялись, что царь и вся Земля Казанская будутъ намъ во всемъ послушны; а теперь вотъ какое ихъ послушаніе"! Послы отвѣчали: „Гонецъ царскій сказывалъ намъ, что въ Казань пришла вѣсть о посылкѣ ратныхъ людей изъ Москвы подъ Казань, и оттого дѣло не сталось; но извѣстно, что теперь въ Казани людей добрыхъ мало, все люди мелкіе, землю укрѣпить некѣмъ, всѣ люди врозь, въ страхѣ. Государь князь великій самъ промыслитъ о своей землѣ: воленъ Богъ да государь въ своей Землѣ: Земля Казанская Божія да государева, какъ онъ хочетъ, такъ и сдѣлаетъ. А мы холопы Божіи да государевы, посланы къ великому князю бить челомъ отъ царя и отъ всѣхъ людей съ правдою, а не съ лестію; на чемъ мы добили государю челомъ, на томъ царь не устоялъ; пристали къ нему Крымцы да Нагаи, да тутошніе лихіе люди, а земля съ ними не вмѣстѣ, земля ждетъ государева жалованья, Сафа-Гирею ли быть царемъ на Казани, или другого пришлетъ государь". Великій князь велѣлъ имъ сказать на это: „Только бы Сафа-Гирей былъ намъ послушенъ, да была бы въ немъ правда, то мнѣ отчего не хотѣть его на Казани?—но видите сами, что онъ не прямъ". Послы отвѣчали: „Видимъ сами, что царь не прямъ, клятву преступилъ, дѣло свое презрѣлъ, насъ забылъ; какому въ немъ добру быть! А теперь вѣдаетъ Богъ да государь, какъ своею Землею Казанскою промыслить; мы холопы государевы, а царя какого намъ государь пожалуетъ, тотъ намъ и любъ". Послѣ этого они били челомъ, чтобъ государь далъ имъ опять Шигъ-Алея, потому что Шигъ-Алей, говорили они, Земли Казанской не грабилъ ничего, а не взлюбили его лихіе люди; пусть государь отпуститъ его на Казань и дастъ наказъ, какъ его дѣло беречь и тамошнихъ людей жаловать; послы просили, чтобъ государь отпустилъ Шигъ-Алея, ихъ и всѣхъ плѣнныхъ Казанцевъ къ Васильсурску; отсюда обѣщались разослать грамоты въ Казань, къ Черемисѣ горной и луговой, къ Арскимъ князьямъ, что государь ихъ хочетъ жаловать и беречь. Великій князь велѣлъ спросить ихъ: „Какъ вы поѣхали къ намъ, былъ ли вамъ наказъ отъ князей и отъ Земли просить у насъ въ цари Шигъ-Алея"? Послы отвѣчали: „Такого наказа намъ не было: за какимъ дѣломъ насъ послали, о томъ дѣлѣ мы и били челомъ; а теперь бьемъ челомъ, чтобъ государь насъ пожаловалъ, велѣлъ намъ ему служить, а Сафа-Гирею служить не хотимъ: Сафа-Гиреемъ мы умерли, а государевымъ жалованьемъ ожили. Сафа-Гирей насъ послалъ за великими дѣлами; но что мы здѣсь ни сдѣлали, онъ все это презрѣлъ, отъ насъ отступился; а если мы ему не надобны, такъ и онъ намъ не надобенъ. А въ Казани у насъ родня есть, братья и друзья; а которые попали въ руки людямъ великокняжескимъ, у тѣхъ у всѣхъ отцы и братья, родственники и друзья въ Казани. Какъ только мы придемъ къ Васильсурску и пошлемъ къ нимъ грамоты, такъ они за насъ станутъ".

Великій князь, поговоривъ съ боярами, послалъ въ Казань гонца Посника Головина, какъ будто съ отвѣтомъ къ Сафа-Гирею, а между тѣмъ наказалъ ему поговорить съ двумя казанскими вельможами и разузнать какъ они думаютъ. Гонецъ возвратился, какъ видно, съ благопріятнымъ отвѣтомъ, потому что великій князь, послѣ вторичнаго совѣта съ боярами, отпустилъ Шигъ-Алея и пословъ, но только не въ Васильсурскъ, а въ Нижній, что было безопаснѣе, ибо ближе къ Москвѣ. Сафа-Гирей, узнавши объ этихъ движеніяхъ, хотѣлъ убить московскаго посла Полева и начать снова открытую войну съ великимъ княземъ; но какъ скоро пришли въ Казань грамоты отъ пословъ изъ Нижняго, то вельможи и всѣ Казанцы выгнали Сафа-Гирея, совѣтниковъ его, Крымцевъ и Нагайцевъ перебили, жену его отослали къ отцу ея, нагайскому князю Мамаю, а къ великому князю послали бить челомъ, чтобъ далъ имъ въ цари не Шигъ-Алея, котораго они боятся, но младшаго брата его Еналея, владѣвшаго городкомъ Мещерскимъ. Великій князь согласился на ихъ просьбу, отпустилъ Еналея на Казань, а Шигъ-Алею далъ Каширу и Серпуховъ; но послѣдній не былъ доволенъ, сталъ пересылаться съ Казанью и другими мѣстами безъ вѣдома великокняжескаго, чѣмъ нарушилъ свою присягу; за это его свели съ Каширы и Серпухова и послали въ заточеніе на Бѣлоозеро. Еналеемъ были довольны въ Москвѣ; когда онъ и вся Земля Казанская прислали бить челомъ, чтобъ великій князь пожаловалъ, не бралъ изъ Казани пищалей, потому что у Казанской Земли друзей много, но недруги есть, то Василій пожаловалъ б р а т а и с ы н а с в о е г о царя Еналея, исполнилъ его просьбу; вздумавши жениться на дочери одного казанскаго мурзы, Еналей спросилъ прежде согласія великаго князя на этотъ бракъ; видимъ также, что какія-то и другія дѣла казанскія земскія рѣшались въ Москвѣ [1]) (1531 г.).

Казань была усмирена, но Крымъ не давалъ покою. Осенью 1527 года, когда послы Сайдетъ-Гирея были въ Москвѣ, племянникъ его, Исламъ-Гирей, явился на берегахъ Оки; но здѣсь уже были московскіе воеводы и не пустили Татаръ переправиться на другой берегъ; Исламъ долженъ былъ поспѣшно возвратиться, потерявъ много Татаръ, убитыхъ преслѣдовавшими его дѣтьми боярскими. Когда разнеслась вѣсть о нашествіи Ислама, то великій князь велѣлъ утопить Сайдетъ-Гиреевыхъ пословъ [2]). Сайдетъ-Гирей былъ из-

---

[1]) Никон. VI, 237, 252, 254.

[2]) Дѣла Крымскія, № 6, стр. 159: «А Крымскихъ пословъ Чабыка съ товарищи к. в. въ тѣ поры какъ Исламъ приходилъ на Украйну, велѣлъ потопити». Стр. 256: наказъ послу Злобину: А взмолвитъ царь... «Степану говорити: Какъ Исламъ приходилъ на Государя нашего Украйну, и тогды Государь нашъ самъ вышелъ на свое дѣло, а Чабыка съ товарищи приказалъ своимъ приказнымъ людемъ, чтобы ихъ велѣли беречи, и пришедъ народъ чернь у

тнанъ, его мѣсто занялъ Саипъ-Гирей, бывшій прежде въ Казани. Въ августѣ 1533 года великій князь получилъ вѣсть, что двое племянниковъ ханскихъ—Исламъ и Сафа-Гирей—идутъ къ московскимъ украйнамъ. Василій немедленно сталъ снаряжаться въ походъ, послалъ за братьями—Юріемъ и Андреемъ, отпустилъ воеводъ на Коломну къ Окѣ, и самъ выступилъ 15 августа въ село Коломенское, отслушавши обѣдню у праздника въ Успенскомъ соборѣ; въ Кремлѣ безъ себя велѣлъ разставлять пушки и пищали, и посадскимъ людямъ перевозить имѣніе въ городъ. Въ тотъ самый день Татары подошли къ Рязани, выжгли посады и разсѣялись по волостямъ—бить, грабить и брать въ плѣнъ. Великій князь велѣлъ воеводамъ отправить за Оку отряды для добыванія языковъ: начальникъ одного изъ этихъ отрядовъ, князь Димитрій Палецкій, разбилъ толпу Татаръ въ 10 верстахъ отъ Николы Заразскаго; начальникъ другого отряда, князь Иванъ Овчина-Телепневъ-Оболенскій, разбилъ другую толпу и, преслѣдуя ее, наткнулся на большое татарское войско; враги растолкнули Оболенскаго съ его ратниками, нѣкоторыхъ взяли въ плѣнъ, но ничего не предпринимали болѣе, и вышли изъ московскихъ предѣловъ, боясь встрѣтиться съ главнымъ войскомъ великокняжескимъ; воеводы двинулись-было за ними, но не могли догнать [1]).

А между тѣмъ съ Крымомъ происходили постоянныя сношенія; все толковалось о союзахъ, о шертныхъ грамотахъ; но разбойники больше всего толковали о поминкахъ, жаловались, что этихъ поминковъ мало присылается изъ Москвы; говорили, что имъ выгоднѣе быть въ войнѣ съ великимъ княземъ, чѣмъ въ мирѣ. Василій не хотѣлъ посылать имъ денегъ даромъ, и приказывалъ отвѣчать хану на его жалобы: „Если ты покажешь намъ на дѣлѣ свою дружбу, то мы такъ-же покажемъ тебѣ свою дружбу,—о чемъ къ намъ прикажешь, что у насъ будетъ, мы ни за что не постоимъ, но урокомъ поминковъ мы ни къ кому не посылывали. Хочешь быть съ нами въ дружбѣ, такъ вели написать грамоту шертную". Ханъ продолжалъ свое: „Мнѣ ты девять поминковъ прислалъ, а мы къ тебѣ прежде посылали дефтерь и въ немъ написано 120 человѣкъ, а ты только пятнадцати человѣкамъ поминки прислалъ; но вѣдь ты нашу Землю хорошо знаешь, наша Земля войною живетъ". Саипъ просилъ не однихъ кречетовъ и мѣховъ: онъ просилъ также, чтобъ великій князь прислалъ ему хорошаго хлѣбника и повара. Василій не потакалъ его жадности; перемѣнилъ и прежнія слишкомъ учтивыя формы въ сношеніяхъ съ ханами: такъ, вмѣсто челобитья, въ грамотахъ начали писать переводное татарское выраженіе: „Много-много поклонъ". Съ гонцами ханскими не стали обходиться такъ почтительно, какъ прежде, и ханъ по этому поводу писалъ великому князю: „Наши гонцы сказываютъ, что ихъ по старому обычаю не чтишь, и ты бы ихъ чтилъ: кто господина захочетъ почтить, тотъ и собакѣ его кость броситъ" [2]).

Но Сигизмундъ Литовскій продолжалъ обязываться платежемъ въ Крымъ ежегодно по 7,500 червонныхъ и на такую же сумму суконъ, выговаривая, что эти деньги и сукна будутъ посылаться только въ тѣ года, когда Крымцы не будутъ нападать на Литовскія владѣнія. Ханъ Саипъ-Гирей былъ этимъ недоволенъ: „Значитъ, писалъ онъ королю, ты не хочешь со мною вѣчнаго мира: если бы ты хотѣлъ вѣчнаго мира, то прислалъ бы намъ 15,000 червонныхъ, какъ прежде брату моему Магметъ-Гирею посылывалъ". Ханъ жаловался также королю на казаковъ малороссійскихъ, которые не упускали случая покорыстоваться насчетъ Татаръ, и, вмѣстѣ съ московскими, путивльскими казаками, провѣдывали о движеніяхъ Крымцевъ на Москву. Для покрытія крымскихъ издержекъ литовскіе города продолжали платить подать, извѣстную подъ именемъ ордынщины [3]).

Таковы были важнѣйшія внѣшнія отношенія при Василіи, отношенія къ Литвѣ и къ ордамъ татарскимъ; происходили сношенія и съ другими государствами европейскими и азіятскими, имѣющія меньшую важность. Съ Швеціею мирный договоръ на 60 лѣтъ, заключенный въ 1508 году, былъ подтвержденъ два раза: въ 1513 и 1524 годахъ [4]). Съ Ливоніею заключены были перемирные договоры въ 1509, 1521 и 1531 годахъ [5]). Въ 1514 году заключено было десятилѣтнее перемиріе съ семидесятью городами Ганзейскими „съ сей стороны поморья и съ оной стороны заморья"; взаимная свободная торговля этихъ городовъ съ Новгородомъ возстановлялась по-прежнему, церковь и мѣста дворовыя старыя въ Новгородѣ возвращались нѣмецкимъ купцамъ; Нѣмцы, съ своей стороны, обязались очистить и не обижать русскія церкви и концы въ своихъ городахъ, обязались также не приступать къ Литвѣ. Въ 1511 году былъ заключенъ союзный договоръ съ Датскимъ королемъ Іоанномъ, въ 1517—съ Христіаномъ; по просьбѣ послѣдняго, позволено было датскимъ купцамъ выстроить дворы и на дворахъ церкви въ Новгородѣ и въ Иванъ-городѣ [6]). Папа Левъ X-й завязалъ сношенія съ Москвою чрезъ посредство вели-

---

приказныхъ людей Чабыка съ товарищи взяли сильно и побили, а рухлядь ихъ всю рознесли, а Чалпана съ товарищи у нихъ ухоронили, а рухлядь его также разъяли, и нынѣ Чалпана съ товарищи Государь нашъ къ тобѣ отпустилъ, а рухлядь гдѣ сыскивати? А Государя нашего посла Ивана Колычева здѣсь ограбили, и то гдѣ сыскати?»—Никон. VI, 233.

[1]) Никон. IV, 257, П. С. Р. Л. 266.

[2]) Дѣла Крымск. № 6, стр. 166—370; № 7, стр. 68, 71.

[3]) Акты Западн. Россіи, II, № 150, 168.

[4]) С. г. г. и д. V, № 60, 99: Подъ договоромъ слѣдующая любопытная подпись: «Ad hanc cedulam electi regis Suetie Gostafui ego orator Chanutus Erici mandavi capellano meo Johanni Erasmo pro me apponere manum, quia ego scribere nescio».

[5]) Тамъ же, № 57, 105 и 106.

[6]) Тамъ же, № 65, 78; 8, 111, 112.

каго магистра Альбрехта; посолъ Альбрехтовъ, извѣстный намъ Шонбергъ, говорилъ великому князю слѣдующее отъ имени папы: „Папа хочетъ великаго князя и всѣхъ людей Русской Земли принять въ единеніе съ Римскою церковью, не умаляя и не перемѣняя ихъ добрыхъ обычаевъ и законовъ, хочетъ только подкрѣпить эти обычаи и законы и грамотою апостольскою утвердить и благословить. Церковь Греческая не имѣетъ главы; патріархъ Константинопольскій въ турецкихъ рукахъ; папа, зная, что въ Москвѣ есть духовнѣйшій митрополитъ, хочетъ его возвысить, сдѣлать патріархомъ, какъ былъ прежде Константинопольскій; а наияснѣйшаго царя всея Руси хочетъ короновать христіанскимъ царемъ. При этомъ папа не желаетъ себѣ никакого прибытка, хочетъ только хвалы Божіей и соединенія христіанъ. Извѣстно, что Литву не надобно оружіемъ воевать: время ее воюетъ, потому что король Сигизмундъ не имѣетъ наслѣдника,—послѣ его смерти Литва никакъ не захочетъ имѣть надъ собою государя изъ Поляковъ, а Поляки не захотятъ Литвина, и оттого оба государства разорятся. А если великій князь захочетъ стоять за свою о т ч и н у константинопольскую, то теперь ему для этого дорога и помощь готовы". Папа разумѣлъ здѣсь союзъ всѣхъ христіанскихъ государей противъ Турокъ, къ которому приглашалъ и великаго князя, желая, чтобъ онъ помирился съ королемъ Сигизмундомъ. Посолъ московскій отвѣчалъ на это Альбрехту такъ: „Государь нашъ съ папою хочетъ быть въ дружбѣ и согласіи; но какъ прежде государь нашъ съ Божіею волею отъ прародителей своихъ законъ Греческій держалъ крѣпко, такъ и теперь съ Божіею волею законъ свой держать крѣпко хочетъ". Послѣ этого послы папскіе бывали въ Москвѣ, великокняжескіе—въ Римѣ; но сношенія это не имѣли никакихъ важныхъ слѣдствій; мы видѣли, какъ великій князь отвѣчалъ на предложеніе папы соединиться съ Римскою церковію; на предложеніе же союза противъ Турокъ отвѣтъ былъ такой: „Мы, съ Божіею волею, противъ невѣрныхъ за христіанство стоять будемъ. А съ вами и съ другими христіанскими государями хотимъ быть въ любви и докончаніи, чтобъ послы наши ходили съ обѣихъ сторонъ наше здоровье видѣть" [1]).

Болѣе важное значеніе придавали въ Москвѣ сношеніямъ съ Турціею, хотя, несмотря на всѣ старанія Московскаго привительства, и эти сношенія кончились ничѣмъ, какъ и при Іоаннѣ; непосредственнаго враждебнаго столкновенія между этими государствами еще быть не могло по самымъ географическимъ условіямъ: степи раздѣляли ихъ, и Турки не думали искать завоеваній въ холодныхъ странахъ Сѣверной Европы; съ другой стороны, между ними быть не могло и общихъ высшихъ интересовъ, которые повели бы къ тѣсному союзу,—борьба Московскаго государства съ царствами татарскими, мусульманскими оканчивалась видимо не въ пользу послѣднихъ, рано или поздно султанъ долженъ былъ принять въ ней участіе; пока оставались общими интересы низшаго рода, выгоды торговыя, и султанъ готовъ былъ поддерживать для ихъ соблюденія пріязнь съ Москвою. Но великій князь хотѣлъ бо́льшаго. Въ 1513 году отправился изъ Москвы въ Константинополь посолъ Алексѣевъ, для возобновленія между Василіемъ и Селимомъ дружескихъ сношеній, какія существовали между отцами ихъ. Алексѣеву данъ былъ наказъ: „Поклониться султану, руки пригнувъ къ себѣ выше пояса, по ихъ обычаю, а на колѣни ему не становиться, и въ землю челомъ не бить". Султанъ отвѣчалъ грамотою, написанною на сербскомъ языкѣ, въ которой изъявлялъ желаніе, чтобъ между нимъ и великимъ княземъ люди благополучно ходили и торговцы торговали; въ другой грамотѣ просилъ объ отпускѣ въ Крымъ хана Летифа; въ третьей—просилъ помогать послу его Камалу при покупкѣ рѣдкихъ товаровъ. Этотъ Камалъ объявилъ: „Послалъ меня государь мой къ великому князю сказать ему, что онъ въ дружбѣ и въ братствѣ съ нимъ быть хочетъ, и спросить, хочетъ ли великій князь быть съ нашимъ государемъ въ дружбѣ и братствѣ; но грамотъ писать мнѣ государь мой не приказалъ". Въ 1515 году великій князь отправилъ снова въ Константинополь посла своего Коробова, который долженъ былъ стараться заключить съ султаномъ союзъ противъ Литвы и Крыма; также стараться, чтобъ не было з а у м о р щ и н ъ, т. е. чтобъ турецкія начальства не забирали пожитки умиравшихъ у нихъ русскихъ купцовъ. Но Коробовъ возвратился съ грамотою, въ которой султанъ давалъ удовлетворительный отвѣтъ только относительно зауморщинъ; онъ обѣщалъ также прислать новаго посла въ Москву, но обѣщаніе не было исполнено. Въ 1517 году великій князь говорилъ съ боярами, что у него послѣ возвращенія Коробова не было никакой вѣсти отъ Турецкаго султана, надобно бы послать къ нему спросить о здоровьи; отправленъ былъ дворянинъ Голохвастовъ,—и возвратился опять съ однимъ обѣщаніемъ безопасной торговли. Уклоняясь отъ заключенія союза съ Василіемъ, султанъ однако запрещалъ Крымскому хану тревожить Московскія владѣнія Понятно, какъ это запрещеніе должно было не нравиться хану. Московскіе благопріятели писали изъ Азова, что султанъ прислалъ сказать хану: „Слышалъ я, что хочешь идти на Московскую Землю;—такъ береги свою голову, не смѣй ходить на Московскаго, потому что онъ мнѣ другъ великій; а пойдешь на Московскаго, такъ я пойду на твою Землю". Ханъ сильно осердился, потому что рать его была уже собрана. Чтобъ не получать впередъ такихъ запрещеній, ханъ долженъ былъ возбуждать неудовольствіе султана на великаго князя; а послѣдній, чтобъ сдерживать Крымцевъ Турками, долженъ былъ стараться о продолженіи дружескихъ сношеній съ

[1]) Дѣла Прусск. № 1, стр. 164—167, 252; Переписка папъ съ Россійск. Государ. въ XVI в., изд. Григоровича.

султаномъ. Вотъ почему, узнавши о смерти Селима, великій князь въ 1521 году отправилъ въ Константинополь посла, Губина, поздравить новаго султана Солимана съ восшествіемъ на престолъ и жаловаться на Магмедъ-Гирея Крымскаго. Губинъ также долженъ былъ хлопотать о заключеніи союза, и такъ какъ этому дѣлу прежде всего препятствовало неудобство сообщеній черезъ степи, то Губинъ долженъ былъ уговориться съ Турецкимъ правительствомъ насчетъ выбора мѣста въ Придонскихъ степяхъ, гдѣ бы вооруженные проводники посольскіе съѣзжались съ обѣихъ сторонъ, съ московской и турецкой, и сдавали другъ другу пословъ. Надобно было назначить это мѣсто на Дону; справились у рязанскихъ казаковъ, и тѣ объявили, что на полдорогѣ отъ Азова къ московскимъ границамъ находится переволока; на этой переволокѣ (между Дономъ и Волгою) прибой людямъ астраханскимъ, и тутъ посольскимъ провожатымъ сходиться нельзя; надобно быть съѣзду на Медвѣдицѣ, которая ближе къ великаго князя украйнѣ, но всего лучше назначить съѣздъ на Хопрѣ. Вслѣдствіе этого показанія, Губинъ долженъ былъ хлопотать, чтобъ Турки назначили съѣздъ на Хопрѣ, или, по крайней мѣрѣ, на Медвѣдицѣ. Относительно наговоровъ ханскихъ Губинъ долженъ былъ говорить въ Константинополѣ: „Въ Москвѣ идетъ слухъ, что Магмедъ-Гирей писалъ къ султану, будто Казанская Земля юртъ крымскій, будто государь нашъ велѣлъ тамъ мечети разорить и свои христіанскія церкви поставить и колокола повѣсить; но какъ прежде Крымцы неправыми своими умышленіями вставляли неправыя слова, такъ и теперь не отстаютъ отъ лживыхъ словъ“. Губинъ долженъ былъ разсказать по порядку казанскія дѣла и увѣрить, что мечетей не разрушаютъ. Между тѣмъ московскіе благопріятели, или н о р о в н и к и продолжали извѣщать великаго князя о наговорахъ ханскихъ: такъ, по ихъ извѣстіямъ, ханъ далъ знать султану, что Василій, въ союзѣ съ Персидскимъ шахомъ, послалъ ему оружіе, 30,000 пищалей; когда султанъ опять послалъ въ Крымъ запрещеніе воевать съ Москвою, то ханъ отвѣчалъ ему: „Не велишь мнѣ идти ни на Московскаго, ни на Волошскаго, такъ чѣмъ же мнѣ быть сыту и одѣту? а Московскій князь стоитъ на тебя заодно съ Кизылбашемъ“ (персидскимъ ханомъ).

Грубинъ привезъ съ собою турецкаго посла, Скиндера, князя Манкупскаго, который объявилъ, что если великій князь хочетъ быть съ султаномъ въ дружбѣ и братствѣ, то прислалъ бы къ нему д о б р а г о ч е л о в ѣ к а для заключенія крѣпкой дружбы и братства. Вслѣдствіе этого объявленія, отправленъ былъ въ Турцію Иванъ Семеновичъ Морозовъ; но и этотъ д о б р ы й ч е л о в ѣ к ъ не успѣлъ въ своемъ порученіи, не привезъ союзной грамоты отъ султана, не привезъ и добраго человѣка для заключенія этого союза въ Москвѣ, но привезъ нѣкоторыя любопытныя извѣстія; напримѣръ: приходилъ къ нему Андріанъ Грекъ отъ казначея султанова Аббисалома, и говорилъ: „Велѣлъ тебѣ Аббисаломъ говорить: наша пошлинка есть, и ты-бъ, господинъ, насъ не забылъ, а прежніе послы намъ пошлину давали, такъ и ты бы, господинъ, насъ не покинулъ. Слѣдуетъ тебѣ оказать честь Аббисалому, потому что онъ у султана ближній человѣкъ, и дѣла государскія большія на немъ лежатъ; а не почтишь его, такъ и дѣлу не сдѣлаться“. Посолъ отвѣчалъ: „Я отъ своего государя посланъ не пошлины устанавливать,—дѣлаютъ государскія дѣла приказные люди не для посуловъ; будетъ намъ Аббисаломова дружба и радѣнье, то мы противъ нихъ за себя не стоимъ, а для государскаго дѣла мнѣ не зачѣмъ посулы давать“. Андріанъ сказалъ на это: „Аббисаломъ говоритъ: Если меня посолъ почтитъ, то я ему отъ султана выберу поминки добрые, а не почтитъ — такъ я ему выберу поминки худые“. Посолъ отвѣчалъ: „Я присланъ для государскаго дѣла, а не для поминковъ, и за поминки посуловъ не дамъ“. Послѣ Андріана пришелъ приставъ и сказалъ: „Велѣлъ тебѣ султанъ говорить: Аббисаломъ у меня человѣкъ ближній, дьякъ, казначей и зять, такъ ты для меня его почти, пошли ему что-нибудь“. Посолъ отвѣчалъ: „Если государь говоритъ, то мы для государя пошлемъ что у насъ случится“,—и послалъ казначею горностаевую шубу. Сношенія продолжались, ограничиваясь по-прежнему дѣлами торговыми, хотя уже можно было предвидѣть, что не далеки враждебныя столкновенія между обоими государствами: Скиндеръ, пріѣзжавшій въ другой разъ, объявилъ, что Саипъ-Гирей Казанскій заложился за султана, и потому Казань—юртъ султановъ. Ему отвѣчали, что Казань изначала юртъ московскій. Поѣхалъ Скиндеръ назадъ на Путивль, на Крымъ; просился Дономъ, но великій князь его не пустилъ; п р о з я б л о слово отъ Скиндеровыхъ людей и со стороны, что Скиндеръ посланъ высмотрѣть удобное мѣсто на Дону для построенія турецкаго города. Скиндеръ пріѣзжалъ въ третій разъ въ Москву для торговыхъ дѣлъ, несмотря на то, что показывалъ явную вражду и грозился поссорить султана съ великимъ княземъ. По смерти его, случившейся въ Москвѣ, между бумагами его нашли приготовленныя донесенія султану, что когда пришелъ въ Москву плѣнный изъ Азова и объявлялъ о побѣдѣ Венгерскаго короля надъ Турками, то будто великій князь очень обрадовался и велѣлъ звонить въ колокола. Въ сношеніяхъ съ этимъ Скиндеромъ обвинялся извѣстный Грекъ Максимъ [1]).—Цѣлью

---

[1]) Дѣла Турецкія, весь № 1-й. Чтенія Москов. Историч. Общ. 1847 г. № 7: «И вы съ Савою, вмѣсто благихъ, В. Князю злая умышляли и совѣщали и посылали грамоты къ Турскимъ пашамъ, и къ самому Турскому царю, подымая его на В. К. Да вы же говорили: ратуетъ К. В. Казань, да вѣколи ему будетъ и соромъ—Турскому ему не молчати. Да вы же вѣдали Искиндеря Турскаго посла совѣты и похвалы, что хотѣлъ подъимати Турскаго царя на В. К. Да ты, Максимъ, то вѣдалъ а Гос. В. К. и бояромъ его не сказалъ. Да ты же говорилъ многимъ

сношеній къ князьями нагайскими и съ Индѣйскимъ ханомъ Бабуромъ были дѣла торговыя; сношенія съ Молдавіею и Астраханью не имѣли никакихъ слѣдствій.

Упоминая объ этихъ сношеніяхъ, подробно разсказывая о войнахъ съ Литвою, съ Крымомъ, о взятіи Смоленска, Пскова, лѣтописцы едва мимоходомъ упоминаютъ о присоединеніи къ Москвѣ великаго княжества Рязанскаго и княжествъ сѣверскихъ. Мы видѣли, что удѣльный Рязанскій князь Ѳедоръ, умирая бездѣтнымъ, отказалъ свой удѣлъ Іоанну III; такимъ образомъ часть самаго города Рязани и мѣсто—Старая Рязань—принадлежали къ Москвѣ еще при Іоаннѣ III, и сынъ его, Василій, еще прежде окончательнаго присоединенія великаго княжества Рязанскаго, уже назывался Рязанскимъ. Мы видѣли, какъ Іоаннъ III распоряжался Рязанью во время малолѣтства великаго князя ея Ивана Ивановича; Василій продолжалъ распоряжаться такимъ же образомъ. Когда великій князь Рязанскій выросъ, то увидалъ себя не больше какъ намѣстникомъ великаго князя Московскаго; ему оставалась на выборъ: или добровольно снизойти на степень служебнаго князя, или отчаянными средствами попытаться возвратить прежнее значеніе; онъ рѣшился на послѣднее. Василію Московскому дали знать, что великій князь Рязанскій вошелъ въ частыя сношенія съ Крымскимъ ханомъ Магметъ-Гиреемъ и даже хочетъ жениться на его дочери. Василій послалъ звать Рязанскаго князя въ Москву; тотъ сначала не хотѣлъ ѣхать, предвидя участь, его ожидавшую; но, что случилось съ князьями Нижегородскичъ и Тверскимъ, то же самое случилось теперь и съ Рязанскимъ: приближенный бояринъ его Семенъ Крубинъ (Коробьинъ?) предался на сторону Василія, и уговорилъ своего князя отправиться въ Москву, гдѣ его схватили и посадили подъ стражу, а мать его заключили въ монастырь. Это было въ 1517 году; въ 1521, пользуясь нашествіемъ Магмедъ-Гирея, Рязанскій князь успѣлъ убѣжать изъ Москвы и скрыться въ Литву. Магмедъ-Гирей отправилъ къ Сигизмунду пословъ съ требованіемъ, чтобъ король отпустилъ съ ними Рязанскаго князя въ Крымъ. Сигизмундъ отвѣчалъ: „Великій князь Рязанскій пріѣхалъ къ намъ по опасной грамотѣ, по обѣщанію нашему, что онъ можетъ свободно и уѣхать. Мы ему говорили и совѣтовали, чтобъ онъ ѣхалъ къ тебѣ, и отъ своего имени обѣщали ему, что ты посадишь его на великомъ княжествѣ Рязанскомъ; но онъ никакъ не хотѣлъ къ тебѣ ѣхать. Потомъ мы призывали его къ себѣ въ другой разъ и говорили, что ты добудешь ему отчину по своему письменному обѣщанію, которое далъ намъ, а иначе безъ тебя онъ никакимъ образомъ не будетъ въ состояніи возвратить себѣ стола. Мы совѣтовали ему это въ той мысли, что если ты посадишь его на Рязани, то одинъ пріобрѣтешь добрую славу; если онъ будетъ въ твоихъ рукахъ, и узнаютъ о томъ его подданные Рязанцы, то они и безъ твоей сабли сами со всею Землею тебѣ поддадутся; ты сдѣлаешь его своимъ слугою, а чрезъ его Землю можешь и того общаго нашего непріятеля Московскаго привести къ себѣ въ такую же повинность, въ какой предки его находились къ твоимъ предкамъ. Наконецъ мы Рязанскаго князя уговорили; онъ объявилъ согласіе свое ѣхать къ тебѣ, но только съ условіемъ, чтобъ ты далъ ему залогъ (заставу): если ты его на Рязани не посадишь, ты долженъ отпустить, и когда отпустишь, тогда и залогъ твой къ тебѣ возвратится. Подумай объ этомъ и объяви намъ немедленно, на что рѣшишься".—Съ Рязанцами, которые отличались смѣлымъ, непреклоннымъ характеромъ, было поступлено такъ же, какъ съ Новгородцами и Псковичами: многочисленными толпами переселяли ихъ въ другія области [1]).

Вслѣдъ за Рязанью пала другая отчина Святославова рода, княжество Сѣверское. Но въ это время здѣсь уже не было Ольговичей: ихъ волости держали потомки Іоанна Калиты Московскаго, два Василія—одинъ Семеновичъ, внукъ Можайскаго, князь Стародубскій; другой Ивановичъ, внукъ Шемки, князь Новгорода-Сѣверскаго. Эти князья давно уже питали другъ къ другу непримиримую ненависть, и, не смѣя затѣвать явныхъ усобицъ, обносили другъ друга предъ великимъ княземъ Московскимъ. Шемячичъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, уже сгубилъ нѣсколько князей своими навѣтами; съ другой стороны, еще отецъ Стародубскаго князя, Семенъ, обговаривалъ Шемячича Іоанну III; Василій продолжалъ отцовскіе обговоры; ненависть его къ Шемячичу была такъ велика, что онъ говорилъ: „Одному чему-нибудь быть,—или уморю князя Василья Ивановича, или подпаду гнѣву государеву". Вмѣстѣ съ княземъ Пронскимъ, онъ прислалъ въ Москву обвиненіе противъ Шемячича; послѣдній, узнавъ объ этомъ, отправилъ въ Москву своего посланца умолять великаго князя, чтобъ позволилъ ему пріѣхать къ себѣ и оправдаться. Тонъ записи, по которой долженъ былъ говорить великому князю посланецъ Шемячича, очень любопытенъ: онъ показываетъ на какую низкую степень сошли владѣтельные князья передъ Московскими господарями всея Руси. „Ты-бъ, государь, пишетъ Шемячичъ великому князю, смиловался, пожаловалъ велѣлъ мнѣ своему холопу у себя быть, бить челомъ о томъ, чтобъ стать мнѣ передъ тобою, государемъ, очи на очи съ тѣми, кого братъ мой, князь Василій Семеновичъ, къ тебѣ, господарю, на меня прислалъ

людемъ: быти на той земли рустѣй салтану Турскому, занеже салтанъ не любитъ сродниковъ перегородскихъ царей, и князь Великій Василей внукъ Фомы Амарейскаго.

[1]) Герберштейнъ, стр. 48; Лѣтоп., служащ. продолж. Нестору, стр. 224; Акты Историч. I. № 127; Акты Западн. Россіи, II, № 116. Г. Иловайскій (Истор. рязан. княж. стр. 231) догадывается, что Крубинъ Герберштейна есть испорченное Коробьинъ, ибо фамиліи Крубиныхъ никогда не слыхали въ Рязани, тогда какъ Коробьины тамъ извѣстны.

съ нелѣпицами. Обыщешь, господарь, мою вину, то воленъ Богъ да ты, господарь мой, голова моя готова передъ Богомъ да передъ тобою; а не обыщешь, господарь, моей вины,—и ты-бъ смиловался, пожаловалъ, отъ брата моего, князя Василія Семеновича оборонилъ, какъ тебѣ господарю Богъ положитъ по сердцу, потому что братъ мой прежде этого сколько разъ меня обговаривалъ тебѣ господарю такими же нелѣпицами, желая меня у тебя господаря уморить, чтобъ я не былъ тебѣ слугою". Что были искушенія со стороны Литвы, заставлявшія Московское правительство обращать строгое вниманіе на поведеніе сѣверскихъ князей,—видно изъ слѣдующихъ словъ Шемячича: „Да и то тебѣ господарю извѣстно же, сколько прежде ко мнѣ изъ Литвы присылокъ ни бывало, а отъ отца твоего великаго князя и отъ тебя господаря ничего не утаивалъ". Вотъ почему, отправляя къ Шемячичу опасную грамоту для пріѣзда въ Москву, великій князь наказалъ посланнымъ: „Заѣзжайте къ князю Василію Семеновичу, скажите ему отъ насъ рѣчь о береженьи, да похвальную рѣчь ему скажите".

Шемячичъ оправдался въ Москвѣ; великій князь велѣлъ сказать ему: „Мы у слуги своего князя Василія на тебя рѣчей никакихъ не слушали. Мы какъ прежде нелѣпымъ рѣчамъ не потакали, такъ и теперь не потакаемъ, а тебя, слугу своего, какъ прежде жаловали, такъ и теперь жалуемъ, и впередъ жаловать хотимъ; обыскали мы, что рѣчи на тебя нелѣпыя, и мы имъ теперь не вѣримъ". Одинъ изъ обвинителей былъ выданъ обвиненному головою; когда же Шемячичъ просилъ выдачи и другого обвинителя, человѣка князя Стародубскаго, то великій князь велѣлъ отвѣчать ему: „Этотъ человѣкъ былъ въ Литвѣ, въ плѣну, и слышалъ тебѣ рѣчи въ Литвѣ, такъ какъ же ему было намъ не сказать? Намъ этого человѣка выдать тебѣ нельзя".

Шемячичъ былъ отпущенъ съ честію изъ Москвы въ свое княжество: это было въ 1517 году. Но въ 1523 онъ былъ опять позванъ въ Москву и заключенъ въ темницу. Шелъ слухъ, что причиною заключенія было письмо его къ намѣстнику кіевскому, гдѣ онъ предлагалъ службу свою королю Сигизмунду. Говорятъ, будто, во время заключенія Шемячича, какой-то юродивый ходилъ по Москвѣ съ метлою въ рукахъ и, на вопросъ проходящихъ, зачѣмъ онъ взялъ метлу,—отвѣчалъ: „Государство не совсѣмъ еще очищено; пришло удобное время вымести послѣдній соръ". Волость Стародубская присоединена была еще прежде къ Москвѣ, при посредствѣ Шемячича, который выгналъ своего врага изъ отчины. При Василіи же присоединенъ и удѣлъ Волоцкій, ибо князь Θеодоръ Борисовичъ умеръ въ 1513 году бездѣтнымъ [1]).

Глава III.

Дѣла внутреннія.

Отношенія в. князя къ братьямъ.—Разводъ Василія и новый бракъ.—Болѣзнь и кончина Василія.—Характеръ покойнаго.—Его образъ жизни, семейныя отношенія.—Отношенія къ вельможамъ.—Титулъ, доходы великихъ князей Московскаго и Литовскаго.—Обычаи Московскаго двора.—Составъ двора.—Войско.—Приказы.—Жалованныя грамоты.—Вельможество и войско въ Западной Россіи.—Казаки.—Города.—Сельское народонаселеніе.—Свойства страны по иностранымъ описаніямъ.—Промыслы.—Торговля.—Искусства.—Церковныя событія.—Іосифъ Волоцкій и Максимъ Грекъ.—Вассіанъ Косой.—Бытъ монастырей.—Сношенія съ восточными церквами.—Состояніе западно-русской церкви.—Законодательство.—Народное право.—Нравы и обычаи.—Литература.

Мы видѣли, съ какимъ нетерпѣніемъ враги Московскаго государства ждали смерти Іоанновой, думая, что слѣдствіемъ ея будутъ междоусобія между Василіемъ и племянникомъ Димитріемъ, котораго многочисленные приверженцы успѣютъ освободить. Но они обманулись въ своей надеждѣ: сторона Димитрія не тронулась, и этотъ князь умеръ въ тѣсномъ заключеніи въ 1509 году. Мы видѣли также, что, обманувшись въ надеждѣ на Димитрія, Сигизмундъ Литовскій попытался-было поднять противъ Василія родного брата его: и эта попытка осталась безъ успѣха. Неуспѣхъ здѣсь однако происходилъ отъ безсилія удѣльныхъ князей, а не отъ нежеланія ихъ высвободиться отъ тѣхъ отношеній, въ которыя новый порядокъ вещей ставилъ ихъ къ старшему брату, къ великому князю. Въ 1511 году великій князь узналъ, что братъ его Семенъ Калужскій хочетъ бѣжать въ Литву. Василій велѣлъ ему явиться въ Москву; Семенъ, видя, что умыселъ его открытъ, предугадывая, что готовится ему въ Москвѣ, началъ просить старшаго брата о помилованіи посредствомъ митрополита, владыкъ и другихъ братьевъ. Великій князь простилъ Семена, но перемѣнилъ у него всѣхъ бояръ и дѣтей боярскихъ. Семенъ умеръ въ 1518 году.

Касательно отношеній Василія къ другому его брату, князю Димитрію Ивановичу, до насъ дошелъ любопытный памятникъ, наказныя рѣчи Ивану Шигонѣ, какъ тотъ долженъ былъ говорить Димитрію отъ имени великаго князя наединѣ: „Братъ! самъ разсуди, хорошо ли ты дѣлаешь? Помнишь, какъ намъ отецъ нашъ приказалъ между собою жить? Я приказывалъ тебѣ, чтобъ ты удовлетворилъ насъ въ козельскихъ дѣлахъ и въ дѣлѣ Ушатаго; а ты не только не исполнилъ нашего

[1]) Герберштейнъ, стр. 51; С. г. г. и д. II, № 28 и 29. Акты Историч. I, № 124; С. г. г. и д. I, № 151

требованія, но еще опять посылалъ на землю Ушатаго, велѣлъ его деревни грабить, а намъ съ нашими дѣтьми боярскими отвѣтъ прислалъ не такой, какой слѣдовало тебѣ прислать. А на ту грамоту, что мы послали къ тебѣ съ Ѳедоромъ Борисовымъ, ты и вовсе намъ никакого отвѣта не далъ; теперь же еще хуже того съ нами поступилъ: прислалъ къ намъ такого паробка, какого тебѣ не слѣдовало къ намъ присылать, и прислалъ его съ грамотою, въ которой говорится о великихъ дѣлахъ. Не знаю, какое я тебѣ безчестіе, какую обиду нанесъ; а ты ко мнѣ такъ отвѣчалъ съ нашими дѣтьми боярскими, и въ грамотѣ своей такъ къ намъ писалъ: развѣ такъ отцу отвѣчаютъ и въ грамотѣ пишутъ"? Здѣсь великій князь, вооружаясь противъ старинныхъ притязаній удѣльныхъ князей, хочетъ самъ опереться на старину, по которой младшіе братья должны были считать старшаго отцомъ. Димитрій умеръ въ 1521 году.

Объ отношеніяхъ великаго князя Василія къ брату его Юрію Ивановичу мы получаемъ нѣкоторыя свѣдѣнія изъ челобитной Ивана Яганова, посыланнаго въ Дмитровъ для наблюденія за поступками князя Юрія; изъ этой челобитной узнаемъ, что при дворѣ Юрія были дѣти боярскія, которыя чрезъ Яганова давали знать великому князю о замыслахъ его брата. Въ началѣ княженія Іоанна IV-го, Ягановъ былъ заключенъ въ оковы за ложныя вѣсти, и по этому случаю писалъ свою челобитную. „Прежде, пишетъ Ягановъ, служилъ я, государь, отцу твоему великому князю Василію: что слышалъ о лихѣ и о добрѣ, то все государю сказывалъ, а которые дѣти боярскіе князя Юрья Ивановича приказывали къ отцу твоему со мною великія, страшныя, смертоносныя дѣла, и я обо всѣхъ этихъ дѣлахъ государю объявлялъ, и отецъ твой меня за то взялся жаловать своимъ жалованьемъ, а ковать меня и мучить за то не приказывалъ; велѣлъ онъ мнѣ своего дѣла вездѣ искать, и я, ищущи государева дѣла и земскаго, съ Дмитровцами кой-что изъ имѣньишка своего истерялъ. А что я слышалъ у тѣхъ же дѣтей боярскихъ на попойкѣ жестокую рѣчь вмѣстѣ съ Яковомъ, ту рѣчь я и Яковъ сказали твоимъ боярамъ; я не знаю, съ-пьяну ли они говорили или по глупости, мнѣ было въ тѣ поры уши свои не смолою забить, я что слышалъ, то и сказалъ точно такъ же, какъ прежде отцу твоему служилъ и сказывалъ; а еслибъ я не сказалъ этихъ рѣчей, жестокихъ рѣчей, и кто бы другой ихъ мимо меня сказалъ, то меня бы казнили. Не сказали жестокихъ рѣчей на Якова Дмитріева отцу твоему Башмакъ Литоминъ да Губа Дѣдковъ, и отецъ твой хотѣлъ ихъ казнить. А въ записи твоей цѣловальной написано: слышавъ о лихѣ и о добрѣ, сказать тебѣ государю и твоимъ боярамъ. Такъ тотъ ли добрый человѣкъ, кто что слышалъ да не скажетъ? А не хотѣлъ бы я тебѣ государю служить, такъ я бы и у князя Юрія выслужилъ. Отецъ твой, какую рѣчь кто ему скажетъ, будетъ сойдется, и онъ ее ставилъ въ дѣло, а будетъ не сойдется на дѣло, и онъ пускалъ мимо ушей; а кто скажетъ, того не наказывалъ и суда ему не давалъ въ своемъ дѣлѣ. Я, государь, тебя и твою мать, благовѣрную великую княгиню Елену, отъ нѣскольких смертоносныхъ напастей избавлялъ; я же ныньче за тебя кончаю въ мукахъ животъ свой" [1]). Изъ житія Св. Іосифа Волоцкаго узнаемъ, что однажды великому князю Василію донесли на брата Юрія, будто онъ собирается отъѣхать въ Литву; по просьбѣ Юрія, Іосифъ вступился въ дѣло, отправилъ въ Москву двухъ иноковъ своего монастыря, Кассіана и Іону, ходатайствовать предъ великимъ княземъ за Юрія,—и ходатайство было успѣшно.

Этому-то брату Юрію великій князь долженъ былъ оставить престолъ, за неимѣніемъ собственныхъ дѣтей: великая княгиня Соломонія была безплодна. Тщетно несчастная княгиня употребляла всѣ средства, которыя ей предписывались знахарями и знахарками того времени [2]): дѣтей не было, исчезала и любовь мужа. Однажды, говоритъ лѣтописецъ, великій князь, ѣдучи за городомъ и увидавъ на деревѣ гнѣздо, залился слезами и началъ горько жаловаться на свою судьбу: „Горе мнѣ! говорилъ онъ: на кого я похожъ? И на птицъ небесныхъ не похожъ, потому что и онѣ плодовиты; и на звѣрей земныхъ не похожъ, потому что и они плодовиты; и на воды не похожъ, потому что и воды плодовиты: волны ихъ утѣшаютъ, рыбы веселятъ". Взглянувши на землю, сказалъ: „Господи! не похожъ я и на землю, потому что и земля приноситъ плоды свои во всякое время, и благословляютъ они тебя, Господи"! Вскорѣ послѣ этого онъ началъ думать съ боярами, съ плачемъ говорилъ имъ: „Кому по мнѣ царствовать на Русской Землѣ и во всѣхъ городахъ моихъ и предѣлахъ? Братьямъ отдать? но они и своихъ удѣловъ устроить не умѣютъ". На этотъ вопросъ послышался отвѣтъ между боярами: „Государь князь великій! неплодную смоковницу посѣкаютъ и измѣщутъ изъ вертограда" [3]). Такъ думали бояре, которые дѣй-

[1]) Акты историч. т. I, № 291; № 136.

[2]) Тамъ же, № 130. «Сказывалъ Иванъ (Сабуровъ): говорила мнѣ В. Княгиня: есть де жонка Стефанидою зовутъ Рязанка, а нынѣ на Москвѣ, и ты ее добуди да ко мнѣ пришли; и язъ Стефаниды допытался да и къ себѣ есми еѣ во дворъ позвалъ, да послалъ есми еѣ на дворъ къ В. Княгинѣ съ своею жонкою съ Настею, и та Стефанида и была у В. Княгини. А послѣ того пришелъ язъ къ В. Кн., и она мнѣ сказывала: присылалъ ты ко мнѣ Стефаниду, и она у меня смотрѣла, а сказала, что у меня дѣтямъ не быти; а наговаривала мнѣ воду Стефанида и смачиватися велѣла отъ того, чтобъ Кн. В. меня любилъ; а коли понесутъ къ В. К. сорочьку и порты и чехолъ, и она мнѣ велѣла изъ рукомойника тою водою смочивъ руку, да охватывати сорочку и порты и чехолъ и иное которое платье бѣлое... Черница наговаривала не помню масло, не помню медъ прѣсной, а велѣла ей тѣмъ тертися отъ тогожъ, чтобъ ее К. В. любилъ, да и дѣтей дѣля... Да Иванъ же говорилъ: того мнѣ не испамятовати, сколько къ мнѣ о тѣхъ дѣлѣхъ жонокъ и мужиковъ прихаживало».

[3]) П. С. Р. Л. IV, 295.

ствительно могли бояться за будущность государства, еслибъ оно досталось князю, не умѣвшему распорядиться и малымъ удѣломъ; такъ думали люди, приверженные къ Василію и къ установленному порядку вещей, люди сильные при Василіи, надѣявшіеся сохранить свое положеніе при сынѣ его, и боявшіеся злой участи при братѣ, который нерасположеніе свое къ старшему брату долженъ былъ распространить и на всѣхъ вѣрныхъ слугъ послѣдняго. Разумѣется, первый голосъ въ этомъ дѣлѣ принадлежалъ митрополиту: преемникъ Симона, митрополитъ Варлаамъ, вслѣдствіе непріятностей съ великимъ княземъ, оставилъ митрополію и былъ заточенъ въ одинъ изъ сѣверныхъ монастырей; на его мѣсто былъ избранъ Даніилъ, игуменъ Іосифова Волоцкаго монастыря и вѣрный преданію этого монастыря, которое состояло въ безпредѣльной приверженности къ великому князю Василію: Даніилъ одобрилъ разводъ. Но были люди, смотрѣвшіе иначе на дѣло: одни смотрѣли на него, какъ на дѣло чисто церковное, и, по религіозной совѣстливости, боялись—будетъ ли законна уступка интересу государственному; другіе, потомки князей литовскихъ и русскихъ, могли не одобрять развода по особымъ причинамъ: имъ не нравилось утвержденіе власти государей Московскихъ, которымъ они принуждены были служить наравнѣ съ другими: имъ не нравились внушенія Софіи Палеологъ, которой они приписывали новыя отношенія, для нихъ непріятныя. Они боролись противъ Софіи, не хотѣли допустить къ престолу ея сына; но Софія восторжествовала, и сынъ ея Василій успѣлъ совершить дѣло отца своего, явился монархомъ, какимъ не былъ ни одинъ монархъ на всемъ земномъ шарѣ [1]); эти люди должны были съ удовольствіемъ видѣть, что престолъ твердаго, вѣрнаго родительскимъ преданіямъ и потому сильно нелюбимаго ими Василія достается князю слабому, не умѣвшему распоряжаться и собственнымъ удѣломъ, при которомъ слѣдовательно будетъ больше простора стариннымъ притязаніямъ княжескимъ и дружиннымъ. Главнымъ противникомъ развода явилось лицо уже намъ извѣстное: мы видѣли, что, вслѣдствіе торжества Софіи и сына ея Василія надъ противною имъ партіею, главы этой партіи,—князья Патрикѣевы и Ряполовскіе—подверглись опалѣ, Ряполовскіе были казнены, Патрикѣевы—отецъ Иванъ Юрьевичъ съ сыномъ Василіемъ Косымъ—пострижены въ монахи; князь Василій Патрикѣевъ, въ монашествѣ Вассіанъ, въ княженіе Василія былъ переведенъ изъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря въ московскій Симоновъ. Великій князь оказывалъ ему большое уваженіе за умъ, образованность, позволилъ ему имѣть сильное вліяніе на дѣла церковныя; но теперь, когда возникъ важный вопросъ о разводѣ, Вассіанъ вооружился противъ него всѣмъ своимъ новымъ значеніемъ, какъ старецъ опытный въ дѣлахъ церковныхъ; вмѣстѣ съ Вассіаномъ Патрикѣевымъ вооружился противъ развода князь Семенъ Курбскій, котораго внукъ, знаменитый князь Андрей, явился впослѣдствіи такимъ жаркимъ защитникомъ старыхъ княжескихъ и дружинныхъ правъ, такимъ злымъ порицателемъ Софіи и ея сына; мнѣніе Курбскаго и Патрикѣева поддерживалъ и знаменитый Максимъ Грекъ.

Несмотря однако на это сопротивленіе, въ ноябрѣ 1525 года былъ объявленъ разводъ великаго князя съ Соломоніею, которую постригли, подъ именемъ Софьи, въ Рождественскомъ дѣвичьемъ монастырѣ и потомъ отослали въ суздальскій Покровскій монастырь. Такъ какъ на это дѣло смотрѣли съ разныхъ точекъ зрѣнія, то неудивительно, что до насъ дошли о немъ противорѣчивыя извѣстія: въ однихъ говорится, что разводъ и постриженіе послѣдовали согласно съ желаніемъ самой Соломоніи, даже по ея просьбѣ и настоянію; въ другихъ—наоборотъ, постриженіе ея представляется дѣломъ насилія; распустили даже слухи, что скоро послѣ втораго брака великаго князя у Соломоніи родился сынъ Георгій [2]). Въ январѣ слѣдующаго

[1]) Герберштейнъ: «Imperio, quod in suos exercet, omnes facile universi orbis monarchas superat, et id quod pater incoeperat, ipse perfecit».

[2]) Въ лѣтописяхъ: «По совѣту ея тягости ради и болѣзни и бездѣтства». Герберштейнъ, стр. 18, 19: «Huic Metropolitanus in monasterio lacrymanti ejulantique, capillis primum abscissis, cum cucullam porrexisset, eam sibi injici haec adeo non patiebatur, ut apprehensam in terramque projectam cucullam pedibus calcaverit: qua rei indignitate Ioannes Jchygona, unus ex primariis consiliariis, commotus, eam non solum acriter objurgavit, sed flagello cæcidit, superaddens: Tu ne voluntati domini resistere audes? illisquae jussa capessere moraris? Hunc Solomea cum interrogaret, qua se authoritate cæderet? mandato domini, cum respondisset, animo illa tum fracto coram omnibus quod cucullam invita atque coacta induat, protestatur, tantæque injuriæ sibi illatae Deum ultorem invocat... Continuo fama exoritur Salomeam gravidam propeque partum esse. Rumorem confirmabant duæ matronæ, primorum consiliariorum, Georgii Parvi thesaurarii et Jacobi Mazur cubicularii, uxores: ajebantque, sese ex ore ipsius Salomeæ audivisse, ut quæ gravidam se et prope partum esse fateretur. Qua re audita graviter commotus Princeps, utramque a se repulit, alteram, Georgii uxorem, etiam verberibus affecit, quod tempestivius de hac re ad se non retulisset. Mox ut rem compertam haberet, Theodericum Rack consiliarium et Potat secretarium quendam, ad monasterium in quo detinebatur, mittit, illisquæ, ut veritatem rei diligenter inquirerent, demandat. Quidam nobis tum Moscóviæ existentibus, sancte affirmabant. Salomeam filium Georgium nomine peperisse; nemini tantum infantem ostendere voluisse. Quin cognoscendæ veritatis gratia, quibusdam ad se missis, dicitur respondisse, indignos illos esse, quorum oculi infantem viderent: dum in majestatem suam veniret, matris injuriam ulturum; quidam vero eam peperisse, constanter negabant. Ambigua itaque de ea re est fama». Тотъ же Герберштейнъ разсказываетъ о проискахъ упомянутаго Георгія Малаго (Грека) еще предъ первымъ бракомъ Василія: Георгій отклонялъ Василія отъ мысли жениться на иностранной княжнѣ, и склонялъ жениться на русской, думая, что в. князь женится на его дочери, но ошибся въ разсчетѣ. — Въ противоположность Герберштейнову разсказу о постриженіи, приведемъ разсказъ, находящійся въ Лѣтописи, служащей продолженіемъ Нестору, стр. 383: «Благовѣрная великая княгиня Соломонида, видя неплодство изъ чрева своего, якоже и древняя оная Сарра, начатъ молити государя великаго князя Вас.

1526 года Василій женился на Еленѣ, дочери умершаго князя Василія Львовича Глинскаго, родной племянницѣ знаменитаго князя Михаила; выборъ замѣчательный, ибо дѣйствительно Елена, воспитанная иначе, чѣмъ тогдашнія московскія боярышни, имѣла болѣе средствъ нравиться. Черезъ три года, 25 августа 1530, Елена родила перваго сына Іоанна, потомъ черезъ годъ и нѣсколько мѣсяцевъ другого сына, Георгія.

Но едва минуло старшему малюткѣ, Іоанну, три года, какъ отецъ его, великій князь Василій, занемогъ предсмертною болѣзнію. Послѣ выхода Крымцевъ изъ московскихъ областей, въ сентябрѣ 1533 года, Василій съ женою и съ дѣтьми отправился въ Троицкій монастырь къ 25 числу, къ празднику Чудотворца Сергія; отъ Троицы поѣхалъ на Волокъ - Ламскій, чтобъ потѣшиться любимою своею забавою, охотою, и на дорогѣ, въ селѣ Озерецкомъ, заболѣлъ: на лѣвомъ стегнѣ, на сгибѣ показалась багровая болячка съ булавочную головку. Въ первыхъ числахъ октября великій князь пріѣхалъ въ Волоколамскъ уже въ большомъ изнеможеніи; въ тотъ же день онъ еще могъ быть на пиру у одного изъ любимцевъ своихъ, тверскаго дворецкаго, Ивана Юрьевича Шигоны Поджогина; но на другой день съ большою нуждою дошелъ до бани, и за столомъ сидѣлъ въ постельныхъ хоромахъ также съ нуждою. Да слѣдующій день была превосходная для охоты погода: великій князь не не утерпѣлъ, послалъ за ловчими и поѣхалъ въ село свое Колпь; дорогою охота была неудачна и Василій все жаловался на боль. Пріѣхавши въ Колпь, онъ сѣлъ за столъ, но сидѣлъ съ нуждою; несмотря однако на это, послалъ къ брату Андрею Ивановичу звать его на охоту, и, когда тотъ пріѣхалъ, отправился въ поле съ собаками; но ѣздилъ немного, не далѣе двухъ верстъ отъ села; возвратившись съ охоты въ Колпь, обѣдалъ вмѣстѣ съ братомъ, и тутъ въ послѣдній разъ сидѣлъ за столомъ; съ этихъ поръ онъ принималъ немного пищи уже въ постели. Видя усиленіе болѣзни, онъ послалъ за княземъ Михаиломъ Львовичемъ Глинскимъ и за двумя лѣкарями своими, иностранцами, Николаемъ и Ѳеофиломъ. По совѣту съ княземъ Глинскимъ, который, какъ видно, былъ во всемъ опытенъ, лѣкаря начали прикладывать къ болячкѣ пшеничную муку съ прѣснымъ медомъ и лукъ печеный; отъ этого болячка начала рдѣть и загниваться. Проживъ двѣ недѣли въ Колпи, великій князь захотѣлъ возвратиться въ Волокъ; на лошади ѣхать онъ не могъ, боярскія дѣти и княжата несли его пѣшкомъ на рукахъ. Въ Волокѣ великій князь велѣлъ прикладывать мазь; стало выходить много гною, боль увеличилась, въ груди начала чувствоваться тягость; лѣкаря дали ему чистительное [1]), но это средство не помогло, аппетитъ пропалъ. Тогда великій князь послалъ стряпчаго своего Мансурова и дьяка меньшаго, Путятина, тайно въ Москву за духовною грамотою отца своего и за своею, которую написалъ передъ отъѣздомъ въ Новгородъ и Псковъ; въ Москвѣ не велѣлъ объ этомъ сказывать никому, ни митрополиту, ни боярамъ. Когда грамоты были привезены, Василій велѣлъ прочитать ихъ себѣ тайно отъ братьевъ, бояръ и отъ князя Глинскаго, послѣ чего свою духовную велѣлъ сжечь. Потомъ велѣлъ Путятину опять принести духовныя грамоты, призвалъ Шигону Поджогина и совѣтовался съ нимъ и съ Путятинымъ, кого изъ бояръ допустить въ думу о духовной, и „кому приказать свой государевъ приказъ“; изъ бояръ на Волокѣ были тогда съ великимъ княземъ: князь Димитрій Ѳедоровичъ Бѣльскій, князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, князь Михайла Львовичъ Глинскій, да двое дворецкихъ—князь Кубенскій и Шигона. Пріѣхалъ братъ Василіевъ, князь Юрій Ивановичъ; но великій князь скрывалъ отъ него свою болѣзнь и не хотѣлъ, чтобъ онъ долго оставался въ Волокѣ, несмотря на все желаніе Юрія остаться; младшій же братъ, князь Андрей Ивановичъ, остался при больномъ. Между тѣмъ изъ болячки вышло гною больше таза, вышелъ стержень больше полуторы пяди, но не весь; великій князь обрадовался, думалъ, что получитъ облегченіе отъ болѣзни; начали прикладывать къ болячкѣ обыкновенную мазь, и опухоль опала. Когда пріѣхалъ изъ Москвы бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, за которымъ посылали, то великій князь началъ думать съ боярами и съ дьяками, какъ ему ѣхать въ Москву, и приговорилъ ѣхать съ Волока въ любимый его Іосифовъ монастырь; поѣхалъ онъ въ каптанѣ, гдѣ была постлана постель; въ каптанѣ сидѣли съ нимъ князь Шкурлятевъ и князь Палецкій, которые переворачивали его со стороны на сторону, потому что самъ онъ двигаться не могъ. Когда пріѣхали въ Іосифовъ монастырь, Шкурлятевъ и Палецкій взяли великаго князя подъ руки и повели въ церковь; здѣсь дьяконъ, начавши читать ектенію за государя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и вся братія горько плакали и молились, великая княгиня съ дѣтьми, бояре и всѣ люди рыдали. Когда начали обѣдню, великій князь вышелъ и легъ на одрѣ на папертн, гдѣ и слушалъ службу. Переночевавъ въ монастырѣ, Василій поѣхалъ въ Москву, а брата Андрея отпустилъ въ его удѣлъ; рѣшено было, что больной въѣдетъ въ Москву тайно, потому что въ это время здѣсь было

Ив. вс. Русіи, да повелитъ ей облещися во иноческій образъ. Царь же государь всея Русіи нача глаголати сице: како могу бракъ раззорити, а вторымъ совокупитися? паче же государь благочестивъ, и совершитель заповѣдемъ Господнимъ и законному повелѣнію. Христолюбивая же В. Княгиня съ прилѣжаніемъ и со слезами начатъ молити Государя, да повелитъ ей сотворити тако, якоже хощетъ; царь же ни слышати сего не восхотѣ, и приходящихъ отъ нея вельможъ отрѣвая съ злобою: великая же княгиня видя непреклонна государя на моленіе ея, начатъ молити Даниила митрополита, да умолитъ о семъ государя, дабы сотворилъ волю ея быти» — Великій князь послушалъ митрополита.

[1]) П. С. Р. Л. VI, 268: «Взяп горошки и сѣмянники, и съ того пронесе ему на низъ»; въ другихъ варіантъ вм. горошки—горошки тридневные.

много иноземцевъ и пословъ. 21-го ноября великій князь пріѣхалъ въ подмосковное свое село Воробьево и пробылъ здѣсь два дня, страдая отъ жестокой болѣзни; митрополитъ, владыки, бояре, дѣти боярскія пріѣзжали навѣщать его. Василій приказалъ наводить мостъ на Москвѣ-рѣкѣ подъ Воробьевымъ, противъ Новодѣвичьяго монастыря, потому что рѣка еще не крѣпко стала, и на третій день выѣхалъ изъ Воробьева, въ каптанѣ, запряженной двумя санниками (лошадьми, пріученными ходить въ саняхъ); но какъ скоро лошади начали входить на мостъ, мостъ обломился, каптану же дѣти боярскія успѣли удержать отъ паденія, обрѣзавъ гужи у санниковъ. Больной долженъ былъ возвратиться назадъ, посердился на городничихъ, смотрѣвшихъ за строеніемъ моста, но опалы на нихъ не положилъ; потомъ онъ уже въѣхалъ въ Москву на поромѣ подъ Дорогомиловымъ. Въ тотъ же самый день пріѣхалъ братъ его, князь Андрей Ивановичъ.

Расположившись въ дворцѣ, великій князь призвалъ къ себѣ бояръ—князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михайлу Юрьевича Захарьина, Михайлу Семеновича Воронцова, казначея Петра Ивановича Головина, дворецкаго Шигону, и велѣлъ при нихъ писать духовную грамоту дьякамъ своимъ, меньшому Путятину и Ѳеодору Мишурину; потомъ, въ думу о духовной грамотѣ къ прежнимъ боярамъ, прибавилъ еще князя Ивана Васильевича Шуйскаго, Михайлу Васильевича Тучкова и князя Михайлу Львовича Глинскаго; послѣдняго, поговоря съ боярами, прибавилъ онъ потому, что онъ былъ родной дядя великой княгинѣ Еленѣ; въ это же время пріѣхалъ въ Москву князь Юрій Ивановичъ. По написаніи духовной, Василій началъ думать съ митрополитомъ Даніиломъ, владыкою Коломенскимъ Вассіаномъ и духовникомъ своимъ, протопопомъ Алексѣемъ, о постриженіи, потому что давно была у него эта мысль; еще на Волокѣ онъ говорилъ духовнику и старцу Мисаилу Сукину: „Смотрите, не положите меня въ бѣломъ платьи; хотя и выздоровлю — нужды нѣтъ, мысль моя и сердечное желаніе обращены къ иночеству“; и платье съ Волока велѣлъ взять съ собою въ дорогу готовое; на пути приказывалъ Шигонѣ и Путятину то же самое, чтобъ не положили его въ бѣломъ платьи. Тогда же великій князь тайно пріобщался и масломъ соборовался, а въ субботу передъ Николинымъ днемъ соборовался уже явно; на другой день, въ воскресенье, велѣлъ приготовить себѣ служебные Дары; когда дали знать, что ихъ несутъ, всталъ съ постели, опираясь на боярина Михайлу Юрьевича Захарьина, и сѣлъ въ кресла; когда же вошелъ духовникъ съ Дарами, Василій сталъ на ноги, пріобщился со слезами, и легъ въ постель, послѣ чего, призвавъ къ себѣ митрополита, братьевъ Юрія и Андрея, всѣхъ бояръ, началъ говорить: „Приказываю своего сына, великаго князя Ивана Богу, Пречистой Богородицѣ, Святымъ чудотворцамъ, и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси; даю ему свое государство, которымъ меня благословилъ отецъ мой; а вы, братья мои, князь Юрій и князь Андрей, стойте крѣпко въ своемъ словѣ, на чемъ вы мнѣ крестъ цѣловали, о земскомъ строеніи и о ратныхъ дѣлахъ противъ недруговъ моего сына и своихъ стойте сообща, чтобъ православныхъ христіанъ рука была высока надъ бусурманствомъ; а вы, бояре, боярскія дѣти и княжата, какъ служили намъ, такъ служите и сыну моему, Ивану, на недруговъ всѣ будьте заодно, христіанство отъ недруговъ берегите, служите сыну моему прямо и неподвижно“. Отпустивши братьевъ и митрополита, умирающій сталъ говорить боярамъ: „Знаете и сами, что государство наше ведется отъ великаго князя Владиміра Кіевскаго, мы вамъ государи прирожденные, а вы наши извѣчные бояре: такъ постойте, братья, крѣпко, чтобъ мой сынъ учинился на государствѣ государемъ, чтобъ была въ Землѣ правда, и въ васъ розни никакой не было; приказываю вамъ Михайлу Львовича Глинскаго, человѣкъ онъ къ намъ пріѣзжій; но вы не говорите, что онъ пріѣзжій, держите его за здѣшняго уроженца, потому что онъ мнѣ прямой слуга; будьте всѣ сообща, дѣло земское и сына моего дѣло берегите и дѣлайте заодно; а ты бы, князь Михайло Глинскій, за сына моего Ивана и за жену мою, и за сына моего князя Юрья кровь свою пролилъ и тѣло свое на раздробленіе далъ“.

Великій князь очень скорбѣлъ и изнемогалъ, но боли не чувствовалъ, рана не увеличивалась, только духъ отъ нея былъ тяжекъ [1]). Василій призвалъ князя Михайлу Глинскаго, двоихъ лѣкарей своихъ, Николая и Ѳеофила, и спрашивалъ у нихъ, чего бы прикладывать къ болячкѣ, или что бы такое пустить въ рану, чтобъ духу не было. Бояринъ Михайла Юрьевичъ Захарьинъ, утѣшая его, началъ говорить: „Государь князь великій! обождавши день-другой, когда тебѣ немного полегчаетъ, пустить бы водки въ рану“. Больной обратился къ лѣкарю Николаю и сказалъ ему: „Братъ Николай! видѣлъ ты мое великое жалованье къ себѣ: можно ли что-нибудь такое сдѣлать, мазь или другое что, чтобъ облегчить мою болѣзнь“?—Николай отвѣчалъ: „Видѣлъ я, государь, къ себѣ жалованье твое великое; еслибъ можно, тѣло бы свое раздробилъ для тебя, но не вижу никакого средства, кромѣ помощи Божіей“. Тогда великій князь сказалъ дѣтямъ боярскимъ и стряпчимъ своимъ: „Братья! Николай узналъ мою болѣзнь:—неизлѣчимая! надобно, братья, промышлять, чтобъ душа не погибла на-вѣки“. Стряпчіе и дѣти боярскія заплакали горько, тихо для него, но, вышедши вонъ, громко зарыдали и были какъ мертвые. Больной забылся, во снѣ вдругъ запѣлъ: „Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже“! потомъ, проснувшись, началъ говорить: „Какъ Господу угодно, такъ пусть и будетъ, буди имя Господне благословенно отнынѣ и до вѣка“. 3 декабря, со вторника на среду, прика-

---

[1]) «Токмо духъ отъ нея тяжекъ. Идущи же изъ нея нежди смертныя».

залъ духовнику держать наготовѣ запасные Дары. Въ это время пришелъ игуменъ Троицкій Іоасафъ, и великій князь сказалъ ему: „Помолись, отецъ, о земскомъ строеніи и о сынѣ моемъ Иванѣ, и о моемъ согрѣшеніи: далъ Богъ и великій чудотворецъ Сергій мнѣ вашимъ моленіемъ и прошеніемъ сына Ивана; я крестилъ его у чудотворца, вручилъ его чудотворцу и на раку чудотворцеву его положилъ, вамъ сына своего на руки отдалъ; такъ молите Бога, Пречистую Его Матерь и великихъ чудотворцевъ о Иванѣ, сынѣ моемъ, и женѣ горемычной; а ты, игуменъ, прочь не ѣзди, изъ изъ города вонъ не выѣзжай". Въ среду опять пріобщился, съ постели при этомъ встать уже не могъ, но подъ плечи подняли его; послѣ Причастья поѣлъ немного. Потомъ призвалъ бояръ, князей Василья и Ивана Шуйскихъ, Воронцова, Михайлу Юрьевича, Тучкова, князя Михайлу Глинскаго, Шигону, Головкина, дьяковъ—Путятина и Мишурина, и были они у него отъ третьяго часа до седьмаго: все наказывалъ имъ о сынѣ, о устроеніи земскомъ, какъ быть и править государствомъ. Когда всѣ другіе бояре ушли, остались трое—Михаилъ Юрьевъ, Глинскій и Шигона, и были у него до самой ночи; имъ приказывалъ о великой княгинѣ Еленѣ, какъ ей безъ него быть, какъ къ ней боярамъ ходить, и о всемъ имъ приказалъ, какъ безъ него царству строиться. Пришли братья—Юрій и Андрей—и начали принуждать больнаго, чтобъ чего-нибудь поѣлъ: онъ велѣлъ подать миндальной каши и только къ губамъ поднесъ. Братья вышли, но Андрея великій князь велѣлъ воротить, и началъ говорить ему, Юрьеву, Глинскому и Шигонѣ: „Вижу самъ, что скоро долженъ умереть, хочу послать за сыномъ Иваномъ, благословить его крестомъ Петра чудотворца, да хочу послать за женою, наказать ей, какъ ей быть послѣ меня; но нѣтъ, не хочу посылать за сыномъ, малъ онъ,—а я лежу въ такой болѣзни, испугается". Князь Андрей и бояре стали уговаривать его: „Государь князь великій! пошли за сыномъ, благослови его, и за великой княгиней пошли". Больной согласился. Братъ великой княгини, князь Иванъ Глинскій, принесъ ребенка на рукахъ, за нимъ шла мамка Аграфена Васильева; великій князь благословилъ сына и наказалъ мамѣ: „Смотри, Аграфена, отъ сына моего Ивана не отступай ни пяди"! Когда ребенка вынесли, ввели великую княгиню: едва могли удерживать ее братъ великокняжескій Андрей Ивановичъ и бояринъ Челяднинъ,—билась и плакала горько. Великій князь утѣшалъ ее, говорилъ: „Жена! перестань, не плачь, мнѣ легче, не болитъ у меня ничего, но благодарю Бога"; и въ самомъ дѣлѣ онъ уже не чувствовалъ никакой боли. Когда Елена немного утихла, то начала говорить: „Государь князь великій! на кого меня оставляешь, кому дѣтей приказываешь"? Василій отвѣчалъ: „Благословилъ я сына своего Ивана государствомъ и великимъ княженіемъ, а тебѣ написалъ въ духовной грамотѣ, какъ писалось въ прежнихъ грамотахъ отцовъ нашихъ и прародителей, какъ слѣдуетъ, какъ прежнимъ великимъ княгинямъ шло". Елена просила, чтобъ великій князь благословилъ и младшаго сына Юрія; Василій согласился, благословилъ его крестомъ Паисіевскимъ; о вотчинѣ же сказалъ: „Приказалъ я и въ духовной грамотѣ, написалъ какъ слѣдуетъ". Хотѣлъ онъ поговорить съ женою, какъ ей жить послѣ него, но отъ ея крика не успѣлъ ни одного слова сказать; она не хотѣла выходить изъ комнаты, но отъ крика Василій принужденъ былъ насильно велѣть ее вывести, поцѣловавшись съ нею въ послѣдній разъ. Послѣ этого великій князь послалъ за владыкою Коломенскимъ Вассіаномъ и старцемъ Мисаиломъ; спросилъ о Кирилловскимъ игуменѣ, потому что прежде онъ думалъ постричься въ Кирилловскомъ монастырѣ, но ему сказали, что Кирилловскаго игумена нѣтъ въ Москвѣ; тогда послалъ за Троицкимъ игуменомъ Іоасафомъ. Въ это время пришелъ къ больному Даніилъ митрополитъ, братья, всѣ бояре и дѣти боярскія. Митрополитъ и владыка Вассіанъ стали говорить, чтобъ великій князь послалъ за образомъ Владимірской Богородицы и Св. Николая Гостунскаго; образа принесли; великій князь послалъ Шигону къ духовнику, чтобъ тотъ принесъ изъ церкви Дары служебные, и велѣлъ его спросить: „Бывалъ ли онъ при томъ, когда душа разлучается отъ тѣла." Протопопъ отвѣчалъ, что мало бывалъ. Тогда великій князь велѣлъ ему войти въ комнату и стать противъ него, а стряпчему Ѳеодору Кучецкому велѣлъ стать съ протопопомъ рядомъ, потому что Ѳеодоръ видѣлъ преставленіе отца его, великаго князя Ивана; дьяку крестовому Данилу велѣлъ пѣть канонъ мученицѣ Екатеринѣ, да канонъ на исходъ души, и отходную велѣлъ себѣ говорить. Когда дьякъ запѣлъ канонъ, больной немного забылся, потомъ проснулся и началъ говорить, какъ будто видя видѣніе: „Великая Христова мученица Екатерина, пора царствовать; такъ, госпожа, царствовать"; очнувшись совершенно, взялъ образъ великомученицы Екатерины, приложился къ нему и къ мощамъ той же Святой, которыя принесли ему тогда; подозвалъ къ себѣ боярина Михайлу Семеновича Воронцова, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Долго еще онъ лежалъ послѣ того, духовникъ подошелъ, хотѣлъ ему дать причастіе, но онъ сказалъ ему: „Видишь самъ, что лежу боленъ, а въ своемъ разумѣ; но когда станетъ душа отъ тѣла разлучаться, тогда мнѣ дай Дары; смотри же разсудительно, не пропусти времени". Потомъ, подождавши еще немного, подозвалъ къ себѣ брата Юрія и сказалъ ему: „Помнишь, братъ, какъ отца нашего, великаго князя Ивана, не стало на другой день Дмитрова дни, въ понедѣльникъ, немочь его томила день и ночь? и мнѣ, братъ, также смертный часъ и конецъ приближается" Подождавши еще немного, подозвалъ Даніила митрополита, владыку Коломенскаго Вассіана, братьевъ, бояръ и сказалъ: „Видите сами, что я изнемогъ и къ концу

приблизился, а желаніе мое давно было постричься; постригите меня". Митрополитъ и бояринъ Михаилъ Юрьевичъ хвалили это желаніе; но другое говорили князь Андрей Ивановичъ, Михайла Семеновичъ Воронцовъ и Шигона: „Князь великій Владиміръ Кіевскій умеръ не въ чернецахъ, а не сподобился ли праведнаго покоя? и иные великіе князья не въ чернецахъ преставились, а не съ праведными ли обрѣли покой?" и былъ между ними споръ большой. Великій князь подозвалъ къ себѣ митрополита и сказалъ ему: „Исповѣдалъ я тебѣ, отецъ, всю свою тайну, что хочу монашества; чего такъ долежать? сподоби меня облешись въ монашескій чинъ, постриги меня". Потомъ еще немного подождавъ, сказалъ: „Такъ ли мнѣ, господинъ митрополитъ, лежать"? Началъ креститься и говорить: „Аллилуія, аллилуія, слава Тебѣ, Боже!" говорилъ также изъ икосовъ слова, выбирая. Конецъ его приближался, языкъ сталъ отниматься, но умирающій все просилъ постриженія, бралъ простыню и цѣловалъ ее; правая рука уже не могла подниматься, бояринъ Михаилъ Юрьевичъ поднималъ ее ему, и Василій не переставалъ творить на лицѣ крестное знаменіе, смотря вверхъ направо, на образъ Богородицы, висѣвшій передъ нимъ на стѣнѣ. Тогда Даніилъ митрополитъ послалъ старца Мисаила, велѣлъ принесть монашеское платье въ комнату; отрицаніе же великій князь исповѣдалъ митрополиту еще въ то время, когда пріобщался въ воскресенье, тогда еще сказалъ: „Если не дадутъ меня постричь, то на мертваго положите монашеское платье, потому что это давнее мое желаніе". Когда старецъ Мисаилъ пришелъ съ платьемъ, то больной уже приближался къ концу; митрополитъ, взявши епитрахиль, подалъ черезъ великаго князя Троицкому игумену Іоасафу. Но князь Андрей Ивановичъ и бояринъ Воронцовъ стали и тутъ противиться постриженію; тогда митрополитъ сказалъ князю: „Не будь на тебѣ нашего благословенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій; хорошъ сосудъ серебряный, а лучше позолоченный". Великій князь отходилъ; спѣшили совершить постриженіе; близъ умирающаго стоялъ Шигона, который потомъ разсказывалъ, какъ духъ вышелъ изъ него въ видѣ тонкаго облака.

Такъ скончался великій князь Василій, въ монашествѣ Варлаамъ, 3 декабря 1533 года съ середы на четвергъ, въ 12-й часъ ночи. Поднялся плачъ и рыданіе неутѣшное во всѣхъ людяхъ; митрополитъ и бояре унимали людей отъ плача, но голосовъ ихъ было не слыхать; великая княгиня еще не знала о кончинѣ мужа, потому-то бояре унимали людей отъ громкаго плача, чтобъ не было слышно въ хоромахъ у Елены; митрополитъ, отведши братьевъ великаго князя, Юрія и Андрея, въ переднюю избу, взялъ съ нихъ присягу служить великому князю Ивану Васильевичу всея Руси и его матери великой княгинѣ Еленѣ, жить въ своихъ удѣлахъ, стоять въ правдѣ, на чемъ цѣловали крестъ великому князю Василію, а государства подъ великимъ княземъ Иваномъ не хотѣть и людей отъ него не отзывать, противъ недруговъ, латинства и бесерменства стоять прямо, сообща, заодно; взята была также присяга съ бояръ, боярскихъ дѣтей и княжатъ. Исполнивши это дѣло, митрополитъ съ удѣльными князьями и боярами отправился къ великой княгинѣ утѣшать ее; но Елена, увидавъ ихъ, упала замертво, и часа съ два лежала безъ чувствъ.

У тѣла Васильева оставались въ это время игуменъ Троицкій Іоасафъ и старецъ Мисаилъ Сукинъ; монахи Іосифова монастыря одѣвали покойника по иноческому образу, положили подъ него постель черную, тафтяную, принесли изъ Чудова монастыря одръ, и положили на него тѣло. Когда великій князь преставился, то дьяки его крестовые съ протопопомъ начали служить заутреню, часы, каноны, какъ было при живомъ; по совершеніи этихъ службъ, пущенъ былъ народъ прощаться: боярскія дѣти, княжата, гости и всякіе люди, и былъ плачъ большой между всѣми. Утромъ на другой день, въ четвергъ, митрополитъ велѣлъ звонить въ большой колоколъ; бояре велѣли выкопать для покойнаго могилу подлѣ отца и привезли гробъ каменный; когда все было готово, монахи троицкіе и іосифовскіе вынесли на головахъ тѣло при пѣніи: „Святый Боже!" Когда снесли на площадь, то вопль народный заглушилъ звонъ колоколовъ; великую княгину Елену вынесли въ саняхъ на себѣ дѣти боярскія; подлѣ нея шли двое князей Шуйскихъ, Иванъ и Василій, бояринъ Воронцовъ, князь Михаилъ Глинскій и боярыня княгиня Мстиславская.

Старую духовную грамоту великій князь сжегъ, какъ мы видѣли; она была написана еще до развода съ первою женою; новая, предсмертная, также не дошла до насъ; дошелъ только договоръ Василія съ братомъ Юріемъ, написанный совершенно въ старыхъ формахъ, точно такъ же, какъ былъ написанъ договоръ между ними еще при жизни отца, Іоанна III-го; Юрій по-прежнему обязался держать племянника Іоанна старшимъ братомъ и господиномъ [1]). Изъ приведеннаго разсказа о кончинѣ Василія ясно можно усмотрѣть однако недовѣрчивость, которую питалъ великій князь къ брату Юрію и которая объясняется просьбою Яганова и взаимно объясняетъ ее. Гораздо дружественнѣе были отношенія великаго князя къ другому брату, Андрею: это могло зависѣть какъ отъ характера Андрея, такъ преимущественно и оттого, что онъ былъ младшій и при жизни Юрія не могъ и не имѣлъ выгоды предпринимать что-нибудь противъ великаго князя и его сына, слѣдовательно не могъ возбуждать такой подозрительности, какъ старшій Юрій, которому труднѣе было отказаться отъ недавнихъ правъ дядей предъ племянниками; мы знаемъ о непріятныхъ столкновеніяхъ великаго князя съ братьями—Юріемъ, Димитріемъ, Семеномъ, но не знаемъ ничего о непріятностяхъ съ Андреемъ.

---

[1]) С. г. г, и д. I, № 160.

Правленіе Василія обыкновенно называютъ продолженіемъ правленія Іоаннова; отзывъ справедливый въ томъ смыслѣ, въ какомъ правленіе Іоанна можно назвать продолженіемъ правленія князей предшествовавшихъ. Издавна одно преданіе, одни стремленія и цѣли передавались другъ другу всѣми князьями Московскими и даже вообще всѣми князьями Сѣверной Руси; мало того, что эти князья имѣли одинакія цѣли,—они употребляли обыкновенно одинакія средства для ихъ достиженія. Отсюда всѣ эти князья поразительно похожи другъ на друга, сливаются въ одинъ образъ, являются для историка какъ одинъ человѣкъ. Дѣйствительно ли было такъ, дѣйствительно ли всѣ они были такъ похожи другъ на друга? Ничто не мѣшаетъ намъ предполагать основнаго родоваго сходства въ ихъ характерахъ; кромѣ кровной передачи, на образованіе одинакихъ характеровъ имѣла могущественное вліяніе самая одинаковость положенія, одинаковость среды, въ которой они всѣ обращались, подъ впечатлѣніями которой они выростали и окрѣплялись. Для каждаго изъ нихъ съ самаго нѣжнаго возраста выдвигались на первый планъ одни и тѣ же, немногіе, но важные предметы, на которыхъ сосредоточивалось всеобщее вниманіе, о которыхъ все говорило и при обращеніи съ которыми издавна употреблялись одинакіе пріемы; въ этихъ пріемахъ заключалась единственная наука для молодыхъ, мудрость дѣдовъ и отцовъ, переходившая по завѣщанію. Мы замѣчаемъ, что родовое сходство рѣзко выражается въ членахъ тѣхъ фамилій, которыя сознаютъ важность своего общественнаго положенія, стараются сохранить эту важность, имѣютъ извѣстные, опредѣленные нравственные и политическіе взгляды и начала, по которымъ стараются постоянно дѣйствовать. И такъ во всѣхъ князьяхъ Московскихъ могло быть общее родовое сходство въ характерахъ; хотя, съ другой стороны, мы не имѣемъ права отрицать и различія: при одинаковости общихъ взглядовъ и стремленій, одинъ князь могъ при этихъ стремленіяхъ обнаружить болѣе смысла и рѣшительности, другой—менѣе; но, по характеру нашихъ источниковъ историческихъ, мы не имѣемъ достаточно средствъ подмѣтить эти различія и опредѣлить характеры главныхъ дѣйствующихъ лицъ, правителей, ибо въ памятникахъ рѣдко историческія лица представляются мыслящими, чувствующими, говорящими передъ нами, однимъ словомъ, живыми людьми; сами эти лица дѣйствуютъ большею частью молча, а другіе люди, къ нимъ близкіе, знавшіе ихъ хорошо, ничего намъ о нихъ не говорятъ.

Признавая все важное значеніе дѣятельности Іоанна III, мы однако не сочли себя въ правѣ рѣзко отдѣлять эту дѣятельность отъ дѣятельности предковъ Іоанновыхъ, уменьшать въ пользу одного князя заслуги цѣлаго ряда предшествовавшихъ князей. Въ XVIII вѣкѣ, при первыхъ попыткахъ обработки отечественной исторіи, легко было увлечься нѣкоторыми громкими явленіями и смѣшать слѣдствіе съ причиною: отсюда понятно, почему въ XVIII вѣкѣ могло образоваться мнѣніе, что Іоаннъ III соединилъ до него раздробленную Россію въ одно цѣлое и свергнулъ Татарское иго; но мы, зная, что соединеніе Сѣверо-Восточной Руси началось съ усиленія Москвы, т. е. съ Іоанна Калиты, или, вѣрнѣе, съ брата его, Юрія Даниловича, и почти кончилось при Василіи Темномъ, ибо при немъ было послѣднее княжеское междоусобіе; зная, что Іоанну III потому было такъ легко подчинить себѣ Новгородъ, что послѣдній не могъ получить помощи ни отъ одного уже князя Сѣверо-Восточной Руси,—зная все это, мы не можемъ уже сказать, что соединеніе раздробленной Россіи есть дѣло Іоанна III. Зная, что Димитрій Донской разбилъ Мамая и принужденъ былъ заплатить тяжелую дань Тохтамышу; зная въ то же время, что Іоаннъ III не разбивалъ Ахмата, по смерти котораго однако Татары съ Волги не приходили къ Москвѣ за данью,—мы необходимо должны заключить о внутреннемъ, постепенномъ ослабленіи Татаръ, должны заключить, что Димитрій Донской имѣлъ дѣло хотя съ потрясеннымъ, но еще довольно сильнымъ тѣломъ, а Іоаннъ III имѣлъ дѣло съ одною уже тѣнью. Событіе остается по-прежнему на своемъ мѣстѣ, зависимость отъ Татаръ вполнѣ прекратилась дѣйствительно въ княженіе Іоанна III; но мы не можемъ уже смѣшивать слѣдствія съ причинами; мы видимъ, что обширные размѣры, въ которыхъ является дѣятельность Іоанна III, суть слѣдствія дѣятельности его предшественниковъ, что основанія величія Россіи были положены прежде Іоанна, но что за послѣднимъ остается важная заслуга—умѣнье продолжать дѣло предшественниковъ при новыхъ условіяхъ.

Не возвышая значенія Іоанна III въ ущербъ значенію предшественниковъ его, мы не считаемъ себя также въ правѣ возвышать или уменьшать значенія Василія Іоанновича относительно значенія отца его. Видимъ одно преданіе и одинъ характеръ; всѣ согласны, что Василій не былъ такъ счастливъ, какъ Іоаннъ; это, разумѣется, не можетъ отнять достоинства у сына, ибо чѣмъ больше препятствій, тѣмъ выше заслуга. Какъ господствующія черты характера, замѣчаемъ въ Василіи необыкновенное постоянство, твердость въ достиженіи разъ предположенной цѣли, терпѣніе, съ какимъ онъ истощалъ всѣ средства при достиженіи цѣли, важность которой онъ призналъ. Это видно въ войнахъ казанскихъ, въ постоянствѣ усилій для овладѣнія Смоленскомъ, въ постоянствѣ исканія союза крымскаго и турецкаго; вѣрность разъ принятымъ началамъ видна особенно въ томъ, что какъ ни дорожилъ онъ пріязнію Крымскаго хана, однако ни за что не соглашался обязываться срочною посылкою опредѣленной суммы денегъ въ Крымъ, ибо это имѣло бы видъ дани. Что же касается до ближайшаго знакомства съ характеромъ Василія, то для этого мы имѣемъ только одинъ памятникъ; къ сожалѣнію, этотъ драгоцѣнный памятникъ, изобра-

жающій намъ Василія какъ живаго человѣка, есть изображеніе Василія умирающаго, изображеніе его предсмертныхъ дней, которое мы привели во всей подробности. Само собою разумѣется, что поведеніе человѣка въ послѣдніе дни его жизни, именно при сознаніи, что это послѣдніе дни, какъ-то было съ Василіемъ, не можетъ дать намъ вполнѣ вѣрнаго понятія о прежнемъ поведеніи человѣка; но мы должны воспользоваться тѣмъ, что у насъ есть.

Василій занемогъ, ѣдучи съ богомолья изъ Троицкаго монастыря на охоту въ Волокъ-Ламскій: это были двѣ постоянныя цѣли поѣздокъ великаго князя. Въ характерѣ Василія замѣчаемъ болѣе живости, болѣе склонности къ движенію, къ перемѣнѣ мѣстъ, чѣмъ у отца его, Іоанна, который, по словамъ знаменитаго его современника, Стефана Молдавскаго, любилъ сидѣть спокойно на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ владѣнія его увеличивались со всѣхъ сторонъ [1]). Василій, кромѣ Троицкаго монастыря, ѣзжалъ на богомолье въ Переяславль, Юрьевъ, Владиміръ, Ростовъ, къ Николѣ на Угрѣшу, въ Тихвинъ, Ярославль, Вологду, Кирилловъ монастырь, къ Николѣ Заразскому. Другою цѣлью поѣздокъ была охота, къ которой Василій былъ страстенъ: занемогши трудною болѣзнію, онъ однако не утерпѣлъ, когда наступила благопріятная для охоты погода, и выѣхалъ въ поле съ собаками; любимымъ мѣстомъ для охоты былъ у него Волокъ-Ламскій, который однако онъ сталъ посѣщать не ранѣе 1515 года, то-есть года два спустя по смерти послѣдняго Волоцкаго князя Ѳедора Борисовича; въ 1519 онъ пробылъ въ Волокѣ отъ 14 сентября до 26 октября: ѣздилъ на потѣху также въ Можайскъ; лѣто Василій любилъ проводить за городомъ; любимыми подмосковными мѣстами его были: Островъ, Воробьево и Воронцово; въ 1519 году въ маѣ онъ выѣхалъ изъ Москвы къ Николѣ на Угрѣшу, оттуда въ Островъ, гдѣ жилъ до Петровокъ, а потомъ все лѣто провелъ въ Воронцовѣ [2]). Отношенія Василія къ Іосифову монастырю живо выставляются въ разсказѣ, что дьяконъ, начавши молиться за великаго князя, не могъ продолжать отъ слезъ, игуменъ и братія также плакали; князь Курбскій лучше всего объясняетъ намъ эту картину, близко соединяя въ своей враждѣ Василія съ монахами Іосифова монастыря, говоря, что эти монахи были подобны Василію. Видимъ въ Василіи живое сочувствіе къ господствующему интересу времени, интересу религіозному, сочувствіе къ монастырю, который имѣлъ для лучшихъ людей неотразимую привлекательность, какъ лучшее, избранное общество, занимавшееся высшими вопросами жизни: сюда люди болѣе живые, болѣе развитые, болѣе способные обращать вниманіе на любопытные вопросы жизни, шли за разрѣшеніемъ этихъ вопросовъ, за умною бесѣдою вообще; здѣсь они могли всегда узнать что-нибудь для нихъ важное, ибо здѣсь собирались книги, здѣсь сосредоточивалось тогдашнее просвѣщеніе, здѣсь складывалось духовное, умственное оружіе, необходимость котораго въ важныхъ борьбахъ и тогда хорошо понимали

Три монастыря пользовались особеннымъ расположеніемъ Василія: Іосифовъ Волоцкій былъ ему близокъ по отношеніямъ къ основателю, находился подъ его особеннымъ покровительствомъ, отличался приверженностію къ его лицу; но самая эта близость отношеній и недавняя знаменитость монастыря не могли внушить великому князю такого высокого уваженія, какое онъ питалъ къ монастырямъ Кириллову Бѣлозерскому и Сергіеву Троицкому; иноческая жизнь въ первомъ особенно его прельщала, такъ что онъ выражалъ желаніе постричься здѣсь: Троицкій монастырь, по святости и государственному значенію основателя, не переставалъ пользоваться всеобщимъ великимъ уваженіемъ. „Вашими молитвами, говорилъ Василій Троицкому игумену, далъ мнѣ Богъ сына; я крестилъ его у Чудотворца, поручилъ его ему, положилъ ребенка на раку Преподобнаго; вамъ, отецъ, я своего сына на руки отдалъ". Прежде, обращаясь къ митрополиту, братьямъ и боярамъ, великій князь сказалъ: „Приказываю сына Богу, Богородицѣ, Святымъ Чудотворцамъ и тебѣ, отцу своему Данилу митрополиту всея Руси"; не прибавилъ, что приказываетъ братьямъ, къ которымъ обратился только съ напоминаніемъ о ихъ обязанностяхъ къ племяннику, о клятвѣ, ими данной. Мысль о малолѣтствѣ сына, о возможности смутъ по этому случаю сильно безпокоила умирающаго: „Молись, отецъ о земскомъ строеніи", говорилъ онъ Троицкому игумену.

Жены и сына не было долго у постели больнаго; причина вскрывается: онъ боялся своимъ изнеможеннымъ видомъ сокрушить жену, испугать сына; пока еще оставалась надежда на выздоровленіе, онъ не хотѣлъ съ ними видѣться, дожидаясь возможности сказать женѣ утѣшительное слово, показаться не въ столь страшномъ видѣ. Будучи здоровъ, онъ желалъ нравиться молодой женѣ, и для этого даже обрилъ себѣ бороду [3]). Когда надежда на выздоровленіе исчезла, больной рѣшился благословить старшаго сына крестомъ Петра Чудотворца, соединяя съ этимъ дѣйствіемъ особенную силу, которой не хотѣлъ лишить своего наслѣдника; но и тутъ было-раздумалъ, боясь испугать своимъ видомъ малютку; всѣ заботы, всѣ мысли о будущемъ сосредоточивались у больного на одномъ старшемъ сынѣ, великомъ князѣ, наслѣдникѣ престола; но если для отца—государя—мысль о старшемъ сынѣ была преобладающею, то мать не могла забыть и о младшемъ сынѣ, настояла, чтобъ отецъ благословилъ и этого малютку. Высказавшіяся здѣсь семейныя отношенія Василія дополняются

[1]) Герберштейнъ. стр. 8: «Ut Magnus ille Stephanus Moldaviae palatinus, crebro in conviviis ejus mentionem faciens, dicaret: illum domi sedendo et dormitando imperium suum augere, se vero pugnando quotidie vix limites defendere posse».

[2]) Никон. VI, 189, 204, 216, 219, 232, 233, 224, 254.

[3]) Герберштейнъ, стр. 96.

немногими, дошедшими до насъ письмами его къ Еленѣ. Въ одномъ письмѣ великій князь заботливо спрашиваетъ у жены о ея здоровьи: „Отъ великаго князя Василья Ивановича всея Руси женѣ моей Еленѣ. Я здѣсь, далъ Богъ, милостію Божіею и Пречистыя Его Матери и Чудотворца Николы, живъ до Божьей воли; здоровъ совсѣмъ, не болитъ у меня, далъ Богъ, ничто. А ты-бъ ко мнѣ и впередъ о своемъ здоровьи отписывала и о своемъ здоровьи безъ вѣсти меня не держала, и о своей болѣзни отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобъ мнѣ про то было вѣдомо. А теперь я послалъ къ митрополиту да и къ тебѣ Юшка Шеина, а съ нимъ послалъ къ тебѣ образъ – Преображенье Господа нашего Іисуса Христа; да послалъ тебѣ въ этой грамотѣ запись свою руку; и ты-бъ эту запись прочла, да держала ее у себя. А я, если дастъ Богъ, самъ, какъ мнѣ Богъ поможетъ, непремѣнно къ Крещенью буду на Москву. Писалъ у меня эту грамоту дьякъ мой Труфанецъ, и запечаталъ я ее своимъ перстнемъ“. Собственноручная записка великаго князя, къ сожалѣнію, не дошла до насъ. Второе письмо великаго князя къ Еленѣ есть отвѣтное на увѣдомленіе ея, что у маленькаго Іоанна показался на шеѣ вередъ: „Ты мнѣ прежде объ этомъ зачѣмъ не писала? И ты-бъ ко мнѣ теперь отписала, какъ Ивана сына Богъ милуетъ, и что у него такое на шеѣ явилось, и какимъ образомъ явилось, и какъ давно, и какъ теперь. Да поговори съ княгинями и съ боярынями, что это такое у Ивана сына явилось, и бываетъ ли это у дѣтей малыхъ? если бываетъ,— то отъ чего бываетъ? съ роду ли, или отъ инаго чего? о всемъ бы объ этомъ ты съ боярынями поговорила и ихъ выспросила, да ко мнѣ отписала подлинно, чтобъ мнѣ все знать. Да и впередъ чего ждать, что онѣ придумаютъ — и объ этомъ дай мнѣ знать; и какъ нынѣ тебя Богъ милуетъ и сына Ивана какъ Богъ милуетъ, обо всемъ отпиши“. Елена отвѣчала, что вередъ прорвался; Василій писалъ къ ней опять: „И ты-бъ ко мнѣ отписала, теперь что идетъ у сына Ивана изъ больнаго мѣста, или ничего не идетъ? и каково у него это больное мѣсто, попало или еще не опало, и каково теперь? Да и о томъ ко мнѣ отпиши, какъ тебя Богъ милуетъ, и какъ Богъ милуетъ сына Ивана. Да побаливаетъ у тебя полголовы, и ухо, и сторона: такъ ты-бы ко мнѣ отписала, какъ тебя Богъ миловалъ, не баливало ли у тебя полголовы, и ухо, и сторона, и какъ тебя нынѣ Богъ милуетъ? обо всемъ этомъ отпиши ко мнѣ подлинно“. Четвертое письмо, отвѣтное на увѣдомленіе Елены о болѣзни второго сына Юрія: „Ты-бъ и впередъ о своемъ здоровьи и здоровьи Ивана сына безъ вѣсти меня не держала; и о Юрьѣ сынѣ ко мнѣ подробно отписывай, какъ его станетъ впередъ Богъ миловать“. Въ пятомъ письмѣ пишетъ: „Да и о кушаньи сына Ивана впередъ ко мнѣ отписывай: что Иванъ сынъ покушаетъ, чтобъ мнѣ было вѣдомо“ [1]).

[1]) Письма русскихъ государей, № 1, 2, 3, 4, 5.

Мы видѣли, что, по свидѣтельству Герберштейна, Василій кончилъ то, что начато было отцомъ его, вслѣдствіе чего властію своею надъ подданными онъ превосходилъ всѣхъ монарховъ въ цѣломъ свѣтѣ, имѣлъ неограниченную власть надъ жизнію, имуществомъ людей, какъ свѣтскихъ, такъ и духовныхъ; изъ совѣтниковъ его, бояръ, никто не смѣлъ противорѣчить или противиться его приказанію; по извѣстію Герберштейна, Русскіе торжественно провозглашали, что воля государева есть воля Божія; что государь есть исполнитель воли Божіей; о дѣлѣ неизвѣстномъ говорили: „Знаетъ то Богъ, да великій князь“. Когда Герберштейнъ спросилъ сѣдого старика, бывшаго великокняжескимъ посломъ въ Испаніи, зачѣмъ онъ такъ суетился во время пріема пословъ, то онъ отвѣчалъ: „Сигизмундъ! Мы служимъ своему государю не по вашему“ [2]). Когда бояринъ Берсень Беклемишевъ позволилъ себѣ противорѣчить Василіеву мнѣнію относительно Смоленска, то великій князь сказалъ ему: „Ступай, смердъ, прочь, не надобенъ ты мнѣ“. Встрѣчаемъ извѣстія, что въ важныхъ дѣлахъ великій князь разсуждалъ въ думѣ съ братьями и боярами; но въ то же время встрѣчаемъ извѣстіе, что Василій о важныхъ дѣлахъ разсуждалъ, запершись самъ-третей съ любимцами, приближенными къ себѣ людьми. Къ объясненію этихъ извѣстій служитъ тотъ же драгоцѣнный памятникъ — повѣствованіе о кончинѣ Василія: здѣсь мы видимъ, что самымъ приближеннымъ къ великому князю человѣкомъ былъ тверской дворецкій Шигона Поджогинъ, потомъ довѣренностію его пользовались дьяки—Мансуровъ, Путятинъ, Цыплятевъ, Курицынъ, Раковъ, Мишуринъ; то же расположеніе къ дьякамъ мы увидимъ послѣ и у сына Васильева, Іоанна IV-го; Мансуровъ и Путятинъ посланы были тайно за духовными грамотами; тайно отъ братьевъ и отъ бояръ великій князь велѣлъ сжечь эти прежнія духовныя, о чемъ знали только Шигона и Путятинъ; потомъ, начавши думать о новой духовной, Василій, сказано, пустилъ къ себѣ въ думу Шигону и Путятина, слѣдовательно думалъ самъ-третей; съ этими двумя приближенными людьми онъ сталъ думать, кого бы еще пустить въ думу о духовныхъ грамотахъ. Имѣемъ право заключать, что такъ бывало и въ другихъ случаяхъ: братья великокняжескіе и бояре, всѣ или нѣкоторые, допускались къ разсужденію о дѣлахъ по предварительномъ совѣщаніи великаго князя съ довѣренными людьми. Когда, по пріѣздѣ уже въ Москву, Василій рѣшился приступить къ предсмертнымъ распоряженіямъ, то призвалъ бояръ: князя Василія Васильевича Шуйскаго, Михаила Юрьевича, Михаила Семеновича Воронцова, казначея Петра Головина, Шигону, дьяковъ Путятина и Мишурина; потомъ прибавлены были въ думу бояре — князь Иванъ Васильевичъ Шуйскій, Михайла Васильевичъ Тучковъ, и наконецъ, послѣ совѣщанія съ этими боярами,

[2]) Герберштейнъ, стр. 11 и 92.

былъ присоединенъ князь Михаила Глинскій по родству съ великою княгинею. Такимъ образомъ, мы видимъ здѣсь всѣхъ вельможъ двора Василіева, которыхъ великій князь считалъ нужнымъ призвать къ совѣщанію о будущихъ судьбахъ государства; здѣсь, какъ ясно видно, поставлены они по степени ихъ знатности, и первое мѣсто занимаетъ князь Шуйскій. Мы видѣли, что въ княженіе предшественниковъ Василіевыхъ долго первенствовала фамилія князей Гедиминова рода, Патрикѣевыхъ; старшая линія пала при Іоаннѣ III, младшая осталась; первое мѣсто послѣ князя Ивана Юрьевича Патрикѣева, съ званіемъ воеводы московскаго, занялъ князь Василій Даниловичъ Холмской, зять великаго князя, второе мѣсто—князь Данило Васильевичъ Щеня-Патрикѣевъ. Но Холмскаго скоро постигла участь Патрикѣевыхъ: лѣтомъ 1508 года лѣтописецъ упоминаетъ о походѣ князя Василія Даниловича къ Брянску противъ Литовцевъ, а осенью говоритъ о его заточеніи въ тюрьму и о смерти. Причинъ не знаемъ; видимъ только, съ какою опасностію сопряжено было въ это время первое мѣсто, мѣсто воеводы московскаго. Званіе Холмскаго принялъ слѣдовавшій за нимъ князь Данило Васильевичъ Щеня [1]), о которомъ упоминается въ послѣдній разъ въ 1515 году. На второмъ послѣ Щени мѣстѣ видимъ князя Димитрія Владиміровича Ростовскаго, на третьемъ—князя Василья Васильевича Шуйскаго, на четвертомъ—сына старика Щени, князя Михайлу Даниловича Щенятева [2]). Кто носилъ званіе воеводы московскаго по смерти старика Щени,—съ точностію не знаемъ; при концѣ княженія Василіева, въ числѣ приближенныхъ къ нему бояръ на первомъ мѣстѣ видимъ князя Василія Васильевича Шуйскаго, который прежде занималъ третье мѣсто; по всѣмъ вѣроятностямъ, онъ носилъ званіе воеводы московскаго. Шуйскіе, потомки князей суздальскихъ-нижегородскихъ, такъ долго отстаивавшихъ свою самостоятельность отъ князей московскихъ, Шуйскіе, одинъ изъ которыхъ, князь Василій Гребенка, былъ послѣднимъ воеводою вольнаго Новгорода, послѣ другихъ Рюриковичей вступили въ службу московскихъ князей и были въ тѣни при Іоаннѣ III; только въ княженіе сына его они добиваются первенствующаго положенія. Второе мѣсто послѣ Шуйскаго занимаетъ не князь, но потомокъ одной изъ древнѣйшихъ московскихъ боярскихъ фамилій, Михаилъ Юрьевичъ Кошкинъ. Мы видѣли, что, несмотря на сильный приплывъ княжескихъ фамилій, Рюриковичей и Гедиминовичей къ Московскому двору, Кошкины успѣшнѣе другихъ боярскихъ родовъ сдерживали этотъ напоръ, не позволяли себѣ слишкомъ удаляться отъ первыхъ мѣстъ, и были такимъ образомъ представителями древнихъ московскихъ боярскихъ фамилій, имѣвшихъ такое важное значеніе въ исторіи собиранія Русской Земли. Мы видѣли, что Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ занималъ третье мѣсто въ думѣ Іоанна III-го, послѣ князя Холмскаго и Щени; теперь племянникъ его, сынъ Юрія Захарьевича, не хотѣвшаго уступать князю Щенѣ-Патрикѣеву, Михаилъ Юрьевичъ занимаетъ уже второе мѣсто въ ближней думѣ великаго князя Василія. Что Михаилъ Юрьевичъ былъ изъ числа самыхъ близкихъ и приверженныхъ людей къ Василію,—это ясно видно изъ разсказа о кончинѣ великаго князя: послѣдній послалъ за нимъ, когда еще находился въ Волоколамскѣ; Михаилъ Юрьевичъ заботливо ухаживаетъ за больнымъ, утѣшаетъ его надеждою, что черезъ день или два получитъ облегченіе; Михаилъ Юрьевичъ вмѣстѣ съ Шигоною присутстствуетъ при благословеніи сыновей, при прощаніи съ женою; Михаилъ Юрьевичъ держитъ сторону митрополита, одобряетъ намѣреніе великаго князя постричься передъ смертію; Михаилъ Юрьевичъ поднимаетъ ослабѣвшую руку умирающаго для крестнаго знаменія.

Послѣ Михаила Юрьевича Кошкина, на третьемъ мѣстѣ, видимъ потомка другой древней и знаменитой боярской фамиліи, Михаила Семеновича Воронцова, происходившаго отъ Ѳедора Воронцова-Вельяминова, брата послѣдняго тысяцкаго; какъ видно, между великимъ княземъ и Воронцовымъ были какія-то непріятности, ибо сказано, что умирающій подозвалъ Воронцова къ себѣ, поцѣловался съ нимъ и простилъ его. Казначей, Петръ Ивановичъ Головинъ, удерживалъ мѣсто отца своего, извѣстнаго намъ боярина Іоаннова, Ивана Владиміровича Головы-Ховрина; наконецъ видимъ Михаила Васильевича Тучкова, происходившаго изъ рода Морозовыхъ. Это были члены ближней думы, люди болѣе довѣренные; но были члены другихъ княжескихъ и боярскихъ фамилій, не менѣе знаменитыхъ, но пользовавшіеся меньшимъ довѣріемъ; такъ, послѣ совѣщанія съ поименованными приближенными лицами, великій князь призвалъ къ себѣ всѣхъ остальныхъ бояръ: князя Димитрія Бѣльскаго съ братьями, Шуйскихъ, Горбатыхъ (Суздальскихъ, родственниковъ Шуйскимъ), Поплевиныхъ (Морозовыхъ).

Мы видѣли, что еще Іоаннъ III взялъ съ князя Холмскаго клятвенную грамоту — не отъѣзжать; отъ времени Василія дошло до насъ нѣсколько такихъ грамотъ—знакъ, что, при усиленіи новаго порядка вещей, приверженцы старины крѣпко держались за обветшалое право отъѣзда, и, не имѣя возможности отъѣзжать къ русскимъ князьямъ, считали для себя позволеннымъ отъѣздъ въ Литву. Князь Василій Васильевичъ Шуйскій далъ запись: „Отъ своего государя и отъ его дѣтей изъ ихъ Земли въ Литву, также къ его братьямъ и никуда не отъѣхать до самой смерти“. Такія же записи взяты были съ князя Димитрія и Ивана Ѳедоровича Бѣльскихъ и съ князя Воротынскаго. Число князей Гедиминовичей при Московскомъ дворѣ умножилъ въ княженіе Василія знатный выходецъ, князь

---

[1]) Акты Западн. Россіи, II, № 74, годъ 1511: «Билъ намъ челомъ бояринъ нашъ и воевода Московскій князь Данило Васильевичъ».

[2]) Тамъ же, № 84.

Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, отъѣхавшій изъ Литвы въ 1526 году; какъ велъ себя Мстиславскій въ новомъ отечествѣ,—видно изъ его клятвенной записи: „Я, князь Ѳедоръ Михайловичъ Мстиславскій, присылалъ изъ Литвы къ великому князю Василію, государю всея Руси, бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ мнѣ ѣхать къ себѣ служить; и великій государь меня, холопа своего, пожаловалъ, прислалъ ко мнѣ воеводъ своихъ и велѣлъ мнѣ къ себѣ ѣхать. Какъ я пріѣхалъ, государь меня пожаловалъ, велѣлъ мнѣ себѣ служить и жалованіемъ своимъ пожаловалъ. Послѣ того сказали государю, что я думаю ѣхать къ Сигизмунду королю; государь меня и тутъ пожаловалъ, опалы своей на меня не положилъ, а я государю ввелъ порукою по себѣ Даніила митрополита и все духовенство, цѣловалъ крестъ у гроба Чудотворца Петра, и далъ на себя грамоту за митрополичьею печатью, что мнѣ къ королю Сигизмунду, къ братьямъ великокняжескимъ, ихъ дѣтямъ и ни къ кому другому не отъѣхать, а служить мнѣ государю своему, великому князю Василію, и добра ему хотѣть; государь меня пожаловалъ великимъ своимъ жалованьемъ, отдалъ за меня свою племянницу, княжну Настасью. И я, князь Ѳедоръ, преступивши крестное цѣлованіе, позабывши, что ввелъ по себѣ порукою Даніила митрополита, позабывши жалованье государя, хотѣлъ ѣхать къ его недругу, Сигизмунду королю; государь, по моей винѣ, опалу свою на меня положилъ. Я за свою вину билъ челомъ государю чрезъ Даніила митрополита и владыкъ; государь, по прошенью и челобитью митрополита, архіепископовъ, епископовъ и всего духовенства, меня своего холопа пожаловалъ, вину мнѣ отдалъ". Мстиславскій обязывается въ своей новой грамотѣ: „Думы государя и сына его, князя Ивана, не проносить никому; судить судъ всякій въ правду, дѣло государей своихъ беречь и дѣлать его прямо безъ всякой хитрости". Но М. А. Плещеевъ, котораго также великій князь простилъ по ходатайству митрополита, обязуется въ своей записи: „Если кто-нибудь станетъ мнѣ говорить какія рѣчи на лицо моего государя, о его великой княгинѣ Еленѣ и ихъ дѣтяхъ, станетъ говорить о лихомъ зельи, чтобъ дать его имъ, или какое нибудь другое злое дѣло захочетъ сдѣлать, то мнѣ къ лиходѣямъ государя своего не приставать, съ ними не говорить и не думать, и не дѣлать мнѣ того самому", и проч. И Василій, по примѣру отца, не довольствовался одною порукою духовенства, но требовалъ денежнаго ручательства: такъ князя Глинскаго выручили трое вельможъ въ 5,000 рубляхъ, и за этихъ поручниковъ поручились еще 47 человѣкъ; двойная же порука была и за Шуйскихъ [1]). Таковы были мѣры противъ отъѣздовъ; строгія мѣры предпринимались также противъ людей, которые толковали о другомъ дружинномъ правѣ, правѣ совѣта: мы видѣли, что Берсень Беклемишевъ подвергся опалѣ за то, что смѣлъ противорѣчить великому князю; недовольный бояринъ жаловался на перемѣны, произведенныя Софіею и ея сыномъ; жалобы эти имѣли слѣдствіемъ то, что Берсеню отрубили голову; дьякъ Ѳедоръ Жареный, который осмѣлился также жаловаться, былъ битъ кнутомъ и лишился языка [2]). Строго наказывалась и отговорка отъ службы: дьякъ Третьякъ Далматовъ, которому велѣно было ѣхать посломъ къ императору Максимиліану, объявилъ, что не имѣетъ средствъ къ этой поѣздкѣ; его схватили и заточили на-вѣки на Бѣлоозеро, имѣніе отобрали въ казну [3]).

Титулъ Василія былъ слѣдующій: „Великій государь Василій, Божію милостію государь всея Руси и великій князь Владимірскій, Московскій, Новгородскій, Псковскій, Смоленскій, Тверскій, Югорскій, Пермскій, Вятскій, Болгарскій и иныхъ, государь и великій князь Новгорода Низовской Земли, и Черниговскій, и Рязанскій, и Волоцкій, и Ржевскій, и Бѣльскій, и Ростовскій, и Ярославскій, и Бѣлозерскій, и Удорскій, и Обдорскій, и Кондинскій, и иныхъ". Титулъ царя употреблялся въ тѣхъ же случаяхъ, какъ и при Іоаннѣ III. Въ письмахъ къ великому князю отъ людей незначительныхъ со времени Василія попадаются уменьшительныя уничижительныя имена: такъ, великій князь приговорилъ однажды съ боярами отправить въ Крымъ посломъ незначительнаго человѣка, средняго, и послали Илью Челищева, который въ грамотахъ своихъ къ великому князю подписывался: „Холопъ твой Илейка Челищевъ челомъ бьетъ",—тогда какъ другой посолъ, сынъ боярскій Шадринъ подписывался: „Васюкъ"; въ грамотахъ отъ великаго князя къ нимъ обоимъ писали такъ: „Нашему сыну боярскому Василью Иванову сыну Шадрина, да ближнему нашему человѣку Илейкѣ Челищеву" [4])

Мы видѣли, что Іоаннъ III въ завѣщаніи своемъ постановилъ, чтобъ монета чеканилась только во владѣніяхъ великаго князя, въ Москвѣ и Твери, а не въ удѣлахъ [5]).

Источники доходовъ для казны великокняжеской вообще были тѣ же самые, какъ и прежде; упоминается пошлина, не встрѣчавшаяся прежде, туковыя деньги [6]). Что касается Руси Литовской, то изъ грамоты короля Сигизмунда 1507 г. получаемъ понятіе о сборѣ серебщизны: король пишетъ, что для великой потребы го-

---

[1]) Никон. VI, 232; С. г. г. и д. I, № 149, 152, 153, 154, 159, 162, 155, 156.

[2]) Лѣтоп., служ. прод. Нестору, стр. 381. Акты арх. эксп. I, № 172.

[3]) Герберштейнъ, стр. 11.

[4]) Дѣла Крымскія, № 4, стр. 418; № 5, стр. 420, 484.

[5]) Описаніе монетъ см. у Герберштейна.

[6]) Акты Историч. № 132: «Били челомъ (Троицкій игуменъ съ братьею), а сказываютъ, что язъ ихъ пожаловалъ, промѣнилъ имъ свои Корзеневскіе деревни, и съ тѣхъ деревень Корзеневскихъ имали на меня туковые деньги... и язъ пожаловалъ, съ тѣхъ съ ихъ деревень туковыхъ денегъ имати впередъ не велѣлъ».

сударевой и земской, на городенскомъ сеймѣ наложили на всю землю, какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ людей, серебщизну, отъ каждой сохи воловой по 15 грошей, отъ конской по 7½ грошей; отъ человѣка, который сохъ не имѣетъ, отъ земли по шести грошей; отъ огородника—по три гроша. О государевыхъ доходахъ въ Литовской Руси можно получить также понятіе изъ уставныхъ грамотъ короля Сигизмунда, данныхъ Могилеву и Гродну; вопервыхъ, государскій приходъ: 300 копъ широкихъ грошей, четыре рубля грошей бобровщины, четыре рубля грошей яловщины; три рубля грошей восковыхъ, отъ старца серебрянаго 15 копъ грошей широкихъ, отъ медоваго старца 10 копъ, скотнаго серебра на третій годъ 20 рублей грошей, тіунщины 80 копъ грошей, за корчмы могилевскія 104 копы; серебщизна дается на третій годъ, сколько положитъ государь; державца королевскій беретъ каждый годъ: въѣзднаго 50 копъ грошей, полюдованья (полюдья), если въ волость не поѣдетъ, 50 копъ грошей, тіунщины изъ королевской суммы беретъ половину. Въ Гродненской грамотѣ читаемъ: „Когда по дворамъ гродненскимъ жито будетъ сжато, то староста долженъ отдать челяди нашей невольной мѣсячину на весь годъ, а потомъ съ жита и яроваго всякаго хлѣба беремъ на себя двѣ части, а на старосту идетъ третья часть; двѣ части, которыя беремъ на себя, должны быть поставлены въ нашихъ гумнахъ, и безъ нашего вѣдома не могутъ быть тронуты; озера всѣ въ повѣтѣ Гродненскомъ и ѣзы по рѣкамъ принадлежатъ намъ; тіунъ гродненскій по всей волости долженъ сбирать на насъ ленъ по старинѣ“. О хозяйствѣ въ земляхъ королевскихъ и доходахъ съ нихъ можемъ имѣть понятіе изъ уставной грамоты державцамъ и урядникамъ королевскихъ волостей, приписныхъ къ виленскому и троцкому замкамъ, 1529 года: немедленно послѣ жатвы изъ полученнаго жита прежде всего должно заплатить церковныя десятины, тамъ, гдѣ онѣ постановлены; потомъ должно отложить на сторону то жито, которое должно пойти на посѣвъ будущаго года; далѣе должно быть отложено количество хлѣба для раздачи мѣсячины челяди невольной; потомъ—изъ того, что останется,—двѣ части на короля, а третью на державца; изъ яроваго хлѣба державцы берутъ себѣ четвертую часть, отложивши три—королю, на посѣвъ и на раздачу; жито, оставшееся на гумнахъ дворовъ королевскихъ, весною должно продаваться; въ небытность короля огородными овощами пользуются державцы; когда же самъ король пріѣдетъ, то овощи идутъ на его кухню; льну должно сѣять такое количество, чтобъ каждая женщина, получающая мѣсячину, давала ежегодно поставъ полотна, въ 50 локтей и проч.; челяди невольной противополагаются подданные, люди тяглые, которые обязаны лѣтомъ работать съ весны, когда начинаютъ пахать подъ яровое до дня Св. Симона Іуды; а отъ этого срока на зиму державцы, оставивши часть работниковъ для дворовыхъ надобностей, остальныхъ сажаютъ на оброкъ, который состоитъ или въ бочкѣ пшеницы, или въ вепрѣ; бояре путные и осочники, которые издавна обязаны ходить на войну и косить сѣно, также рыболовы, бортники, кузнецы и другіе подданные дворовъ королевскихъ, которые тяглой службы не служатъ, обязаны отправлять полевыя работы двѣнадцать дней въ лѣто. Пустыя земли державцы обязаны отдавать въ-наймы за деньги или за меды; рыба, ловимая въ озерахъ, продается; двѣ трети вырученныхъ за нее денегъ идетъ въ казну королевскую, треть державцу; произведенія лѣсовъ—смола, зола и проч.—сполна принадлежатъ казнѣ королевской; мыты рѣчные, перевозы, капщизны, мельницы, куничное, пошлины съ варки пива и меду идутъ на короля; торговое и поборное, мясное и другія — на державца; державца обязанъ заботиться о стадахъ, и платитъ, если по его недосмотру случится ущербъ; обязанъ выбирать добрыхъ и вѣрныхъ урядниковъ, дворныхъ—заказниковъ, старцевъ, тіуновъ, приставовъ, сорочниковъ, гуменниковъ. — Жители Жмудской Земли, по уставной грамотѣ 1529 года, обязаны были платить ежегодно куницы, за каждую куницу по 12 грошей, а державцамъ и тіунамъ, которые будутъ сбирать куничныя деньги, обязаны давать по три пенязя; кромѣ того, обязаны платить въ казну ежегодно отъ каждой сохи воловой по полукопью (30 грошей), а отъ конской сохи по 15 грошей; а у кого не будетъ сохъ, ни воловыхъ, ни конскихъ, а только земли, тѣ обязаны давать по 10 грошей съ каждой службы; потомъ должны давать — за бочку овса шесть грошей, за возъ сѣна два гроша; въ королевскій проѣздъ обязаны поставлять для короля живность, овесъ, сѣно, медъ, пиво [1]).

Изъ обычаевъ Московскаго двора временъ великаго князя Василія мы имѣемъ описаніе посольскаго пріема и торжественнаго обѣда во дворцѣ. Въ день представленія значительныхъ пословъ запирались всѣ лавки и мастерскія, жители толпились на дорогѣ, по которой проѣзжали послы; толпы увеличивались еще дворовыми людьми боярскими и ратными людьми, которыхъ собирали къ этому случаю изъ окрестныхъ волостей: это дѣлалось для того, чтобъ дать посламъ высокое понятіе о многочисленности народонаселенія, о могуществѣ великаго князя. Послы должны были сходить съ лошадей въ нѣкоторомъ разстояніи отъ лѣстницы, ибо сходить съ коня у самой лѣстницы могъ одинъ только великій князь. Начиная съ середины лѣстницы выходили на-встрѣчу къ посламъ вельможи, все болѣе и болѣе значительные, которые подавали руки и цѣловались съ послами. При входѣ пословъ въ палату, гдѣ сидѣлъ великій князь съ знатнѣйшими боярами, послѣдніе вставали (если присутствовали братья великокняжескіе, то они не вставали, но сидѣли съ непокрытыми головами, а бояре въ шапкахъ), и одинъ изъ бояръ докладывалъ вели-

[1]) Акты Запад. Россіи II, № 17, 86, 87, 149, 159, 160.

кому князю о послахъ, говоря: „Такой-то и такой-то (имена пословъ) челомъ бьетъ". Великій князь сидѣлъ на возвышенномъ мѣстѣ съ открытою головою; на стѣнѣ висѣлъ образъ въ богатой ризѣ, съ правой стороны на скамьѣ лежала шапка, съ лѣвой посохъ, украшенный крестомъ. Толмачъ переводилъ посольскія рѣчи; при имени государей, отъ которыхъ правилось посольство, великій князь вставалъ и по окончаніи рѣчей спрашивалъ о здоровьи ихъ, послѣ чего послы подходили къ рукѣ; великій князь спрашивалъ ихъ—хорошо ли доѣхали, и приказывалъ имъ садиться, для чего приготовлялась скамья противъ великаго князя; послы, поклонившись великому князю и потомъ на всѣ стороны (ибо бояре все это время стояли), садились. Если послы и члены ихъ свиты привозили подарки (поминки), то, послѣ описанныхъ обрядовъ, бояринъ, представлявшій пословъ, вставалъ и, обратясь къ великому князю, громкимъ голосомъ говорилъ, что такой-то посолъ челомъ бьетъ такимъ-то поминкомъ, а между тѣмъ дьякъ записывалъ подарки и имена дарителей. Посидѣвши немного, великій князь обращался къ посламъ съ приглашеніемъ къ обѣду, и этимъ обрядъ представленія оканчивался. При входѣ въ обѣденную палату, послы заставали великаго князя и бояръ уже сидящими за столомъ; при входѣ пословъ бояре вставали, послы кланялись на всѣ стороны и занимали назначенное для нихъ мѣсто, на которое самъ великій князь указывалъ имъ рукою. Столы были накрыты кругомъ, въ серединѣ находился поставецъ, наполненный золотыми и серебряными бокалами. На столѣ, за которымъ сидѣлъ великій князь, по обѣ стороны столько было оставляемо пустаго мѣста, сколько могъ занять великій князь распростертыми руками; если братья великокняжескіе присутствовали за обѣдомъ, то старшій садился по правую, младшій по лѣвую сторону; ниже удѣльныхъ князей сидѣли князья служилые и бояре; но между удѣльными князьями и служилыми оставалось также пустое мѣсто еще нѣсколько шире, чѣмъ между великимъ княземъ и его братьями; противъ великаго князя, на особомъ столѣ, садились послы; ниже, опять черезъ извѣстной величины промежутокъ, помѣщалась ихъ свита; далѣе сидѣли тѣ чиновники, которые ѣздили за послами на подворье, наконецъ люди незнатные, приглашенные по особенной милости великаго князя. По столамъ были разставлены уксусницы, перечницы, солонки. При началѣ обѣда, великій князь изъ своихъ рукъ посылалъ посламъ хлѣбъ, причемъ и послы и всѣ присутствующіе вставали, кромѣ братьевъ великокняжескихъ; послы кланялись великому князю и на всѣ стороны. Высшая почесть состояла въ томъ, если великій князь кому-нибудь изъ присутствующихъ пошлетъ соли, ибо посылка хлѣба означаетъ только благосклонность, посылка же соли—любовь. Въ знакъ благосклонности, кромѣ хлѣба, великій князь посылалъ отъ себя и другія кушанья, причемъ нужно было каждый разъ вставать и кланяться на всѣ стороны: это брало много времени и утомляло непривыкшихъ къ такому обычаю пословъ. Изъ кушаньевъ упоминаются: жаркіе лебеди, которыхъ ѣли съ уксусомъ, перцемъ, солю, сметаною, солеными огурцами; изъ напитковъ—мальвазія, греческое вино и разные меды; сосуды, какъ большіе, такъ и малые, были изъ чистаго золота. Великій князь очень ласково разговаривалъ за обѣдомъ съ послами, подчивалъ ихъ, предлагалъ разные вопросы. Иногда, для показанія особенной дружбы къ государю, отъ котораго были послы, великій князь, послѣ стола, пилъ за его здоровье. Обѣдъ продолжался три и четыре часа; послѣ обѣда великій князь не занимался уже никакими важными дѣлами.

15-го августа, въ день Успенія, Герберштейнъ видѣлъ великаго князя въ соборной церкви: онъ стоялъ у стѣны подлѣ двери на правой сторонѣ, опирался на посохъ, въ правой рукѣ держалъ шапку [1]).

Дошло до насъ описаніе свадьбы великаго князя Василія. Въ средней палатѣ наряжены были два мѣста, покрытыя бархатомъ и камками, положены были на нихъ изголовья шитыя, на изголовьяхъ по сороку соболей, а третьимъ сорокомъ опахивали жениха и невѣсту; подлѣ поставленъ былъ столъ, накрытый скатертью, на немъ были калачи и соль. Невѣста шла изъ своихъ хоромъ въ среднюю палату съ женою тысяцкаго [2]), двумя свахами и боярынями; передъ княжною шли бояре, за боярами несли двѣ свѣчи и коровай, на которомъ лежали деньги. Пришедши въ среднюю палату, княжну Елену посадили на мѣсто, а на мѣсто великаго князя посадили ея младшую сестру; провожатые всѣ сѣли также по своимъ мѣстамъ. Тогда послали сказать жениху, что все готово; прежде него явился братъ его, князь Юрій Ивановичъ, чтобъ разсажать бояръ и дѣтей боярскихъ; распорядившись этимъ, Юрій послалъ сказать жениху: „Время тебѣ государю идти къ своему дѣлу". Великій князь, вошедши въ палату съ тысяцкимъ и со всѣмъ поѣздомъ, поклонился Святымъ, свелъ съ своего мѣста невѣстину сестру, сѣлъ на него, и, посидѣвши немного, велѣлъ священнику говорить молитву, причемъ жена тысяцкаго стала жениху и невѣстѣ чесать голову, въ то же время богоявленскими свѣчами зажгли свѣчи женихову и невѣстину, положили на нихъ обручи и обогнули соболями. Причесавши головы жениху и невѣстѣ, надѣвши невѣстѣ на голову кику и навѣсивши покровъ, жена тысяцкаго начала осыпать жениха и невѣсту хмелемъ, а потомъ соболями опахивать; великаго князя дружка, благословясь, рѣзалъ перепечу и сыры, ставилъ на блюдахъ передъ женихомъ и невѣстою, передъ гостями и посылалъ въ

[1]) Герберштейнъ, 34, 92 и слѣд.

[2]) Древ. Росс. Вивліоѳ. XIII, стр. 6. Сахарова сказ. Р. Н. т. II. Тысяцкимъ, сказано, былъ братъ великаго князя Андрей Ивановичъ; но послѣдній женился только въ 1534 году. Развѣ предположить, что для церемоніи дали какой-нибудь боярынѣ званіе жены тысяцкаго.

разсылку, а невѣстинъ дружка раздавалъ ширинки. Послѣ этого, посидѣвши немного, женихъ и невѣста отправились въ соборную Успенскую церковь вѣнчаться; свѣчи и короваи несли передъ санями. Когда митрополитъ, совершавшій вѣнчаніе, подалъ жениху и невѣстѣ вино, то великій князь, допивши вино, ударилъ скляницу о землю и растопталъ ногою; стекла подобрали и кинули въ рѣку, какъ прежде велось; послѣ вѣнчанія молодые сѣли у столба, гдѣ принимали поздравленія отъ митрополита, братьевъ, бояръ и дѣтей боярскихъ, а пѣвчіе дьяки на обоихъ клиросахъ пѣли новобрачнымъ многолѣтіе. Возвратившись изъ Успенскаго собора, великій князь ѣздилъ по монастырямъ и церквамъ, послѣ чего сѣлъ за столъ; передъ новобрачными поставили печеную курицу, которую дружка отнесъ къ постели. Во время стола споры о мѣстахъ между присутствовавшими были запрещены. Когда новобрачные пришли въ спальню, жена тысяцкаго, надѣвъ на себя двѣ шубы, одну какъ должно, а другую на-выворотъ, осыпала великаго князя и княгиню хмелемъ, а свахи и дружки кормили ихъ курицею. Постель была постлана на тридевяти ржаныхъ снопахъ, подлѣ нея въ головахъ въ кадкѣ съ пшеницею стояли свѣчи и короваи; въ продолженіи стола и во всю ночь конюшій съ саблею наголо ѣздилъ кругомъ подклѣта; на другой день, послѣ бани, новобрачныхъ кормили у постели кашею.

Съ такими же обрядами была совершена и свадьба младшаго брата великокняжескаго, князя Андрея Ивановича, женившагося на дочери князя Андрея Хованскаго; разница была въ томъ, что здѣсь великій князь, какъ старшій братъ, заступалъ мѣсто отца, и все дѣлалось съ его благословенія. Князь Андрей билъ челомъ великому князю о позволеніи жениться; Василій, давши позволеніе, за недѣлю до свадьбы пошелъ къ обѣднѣ въ Успенскій соборъ, а оттуда отправился къ митрополиту, и, объявивъ ему о намѣреніи брата, просилъ благословенія. Къ князю Юрію послалъ сказать: „Хотимъ Андрея брата женить, и ты-бъ, братъ нашъ, поѣхалъ ко мнѣ и къ Андрею брату на свадьбу“. Передавая брату молодую жену, великій князь говорилъ ему: „Андрей братъ! Божіимъ велѣніемъ и нашимъ жалованьемъ, велѣлъ Богъ тебѣ жениться, взять княжну Евфросинью; и ты, братецъ Андрей, свою жену, княгиню Евфросинью держи такъ, какъ Богъ устроилъ“ [1]).

Мы видѣли, какъ при новомъ порядкѣ вещей, при утвержденіи единовластія, затруднительна стала выдача замужъ дочерей великокняжескихъ; на рукахъ Василія послѣ отцовой смерти осталась незамужняя сестра Евдокія; скоро, въ 1506 году, представился случай выдать ее замужъ не за боярина: плѣнный Казанскій церевичъ Кудайкулъ, сынъ Ибрагимовъ, братъ Алегамовъ, изъявилъ желаніе принять христіанство, былъ окрещенъ торжественно въ Москвѣ-рѣкѣ, названъ Петромъ, а черезъ мѣсяцъ былъ обвѣнчанъ на Евдокіи; мы видѣли, что дочь отъ этого брака, племянница великаго князя, была выдана за выѣзжаго князя Мстиславскаго. Петръ далъ клятву въ вѣрной службѣ великому князю и дѣтямъ его, и, какъ царевичъ, занималъ постоянно важное мѣсто, напереди всѣхъ князей и бояръ [2]).

Что касается состава двора великокняжескаго Московскаго при Василіи, то мы встрѣчаемъ попрежнему бояръ и бояръ-окольничихъ, изъ чего ясно, что послѣднее слово было вначалѣ прилагательное къ существительному бояринъ [3]); встрѣчаемъ и другую форму: бояринъ и окольничій такой-то; въ описаніи переговоровъ съ императорскими послами находимъ любопытные замѣненіе слова бояре словомъ совѣтники, послѣ которыхъ непосредственно слѣдуютъ окольничіе: „Которыя будутъ съ вами рѣчи явныя отъ Максимиліана, и вы тѣ рѣчи говорили на посольствѣ самому государю; а которыя съ вами рѣчи тайныя, и государь нашъ вышлетъ къ вамъ совѣтниковъ своихъ и окольничихъ, и вы тайныя рѣчи скажите совѣтникамъ и окольничимъ государскимъ“ [4]). Герберштейнъ такъ говоритъ о значеніи окольничаго: „Окольникъ занимаетъ должность претора, или судьи, отъ великаго князя назначеннаго, иначе это верховный совѣтникъ (supremus consiliarus), который всегда находится подлѣ великаго князя“.—Мы не должны признать этого свидѣтельства вполнѣ справедливымъ, ибо, на основаніи русскихъ извѣстій, не можемъ видѣть въ окольничемъ верховнаго совѣтника; но мы можемъ догадаться, почему Герберштейнъ приписываетъ ему такое значеніе, если это былъ дѣйствительно человѣкъ, постоянно находившійся при великомъ князѣ, непосредственный исполнитель его приказаній, если великій князь являлся не иначе, какъ въ сопровожденіи окольничаго или окольничихъ, если во время похода, поѣздовъ великаго князя окольничіе ѣхали впередъ по станамъ, всѣмъ распоряжались. Переводя на нашъ языкъ, мы не можемъ назвать окольничихъ иначе, какъ свитою великаго князя. Предъ смертію своею, Василій въ такой формѣ обращается ко двору своему: „Вы, бояре и боярскія дѣти и княжата! какъ служили намъ, такъ теперь и впередъ служили бы сыну моему“. При дворѣ Василія встрѣчаемъ оружничаго, ловчаго, крайчаго, стряпчихъ, рындъ, подрындъ, ясельничаго. Изъ лицъ правительствен-

---

[1]) Древн. Рос. Вивліоѳ. XIII, стр. 19. При описаніи выхода великой княгини Елены невѣстою читаемъ: «И какъ В. Княгиня сошла къ В. Князю, и передъ съ нею шли плясицы, а за плясицами шли дѣти боярскія, а за дѣтьми боярскими шелъ священникъ съ крестомъ»... «И на завтрѣе какъ былъ князь въ мыльнѣ, и князь великій посылалъ къ нему свое жалованье, платье, а княгиню ево вскрыти послалъ князь великій бояриnа своего, князя Дм. Ѳед. Бѣльскова».

[2]) С. г. г и д. I, № 145.

[3]) Никон. VI, 185: «Послалъ князь великій въ Литву, боярина своего окольничева Григорья Ѳедорова сына Давыдовича». См. также Исторію Россіи, т. IV, стр. 1180, прим. 6.

[4]) Памятн. дипломат. снош. I, 360.

ныхъ встрѣчаемъ городничихъ, которыхъ въ Москвѣ было нѣсколько: на ихъ отвѣтственности, какъ мы видѣли, было построеніе моста черезъ Москву-рѣку для проѣзда больнаго великаго князя. Видимъ, что бояре выѣзжали въ походъ съ своимъ дворомъ, своими дворянами [1]). Встрѣчаемъ въ разрядныхъ книгахъ мѣстническіе случаи, къ сожалѣнью, безъ подробностей, безъ означенія причинъ, почему извѣстныя лица не хотѣли быть вмѣстѣ съ другими; наприм., въ 1519 году былъ судъ окольничему Андрею Никитичу Бутурлину съ Андреемъ Микулинымъ, сыномъ Ярова, на Волокѣ-Ламскомъ. По суду князь великій окольничаго Бутурлина оправилъ, Андрея Ярова обвинилъ и правую грамоту на него пожаловалъ—далъ; или: писалъ князь Михаилъ Васильевичъ Горбатый, что быть ему непригоже для князя Өедора Оболенскаго-Лопаты, да для боярина Ивана Бутурлина, и князю Михаилу писано, чтобъ былъ на службѣ, и служба эта ему безъ мѣстъ; такой же отвѣтъ получилъ князь Михайла Курбскій, писавшій противъ тѣхъ же самыхъ лицъ, и Андрей Бутурлинъ, писавшій противъ Курбскаго [2]).

По однимъ иностраннымъ свидѣтельствамъ, число московскаго войска при Василіи простиралось до 400,000 человѣкъ, преимущественно конницы, по другимъ—превышало 150,000. Каждые два или три года служилые люди, дѣти боярскія, подвергались пересмотру по областямъ, дабы правительство могло знать ихъ число и сколько каждый изъ нихъ могъ выставить служителей и лошадей; лошади у нихъ мелкія, мерины; немногіе имѣютъ шпоры, большая часть употребляетъ нагайки. Обыкновенное оружіе состоитъ изъ луковъ, стрѣлъ, сѣкиръ и кистеней; мечи имѣютъ только знатные и богатые; употребляютъ также длинные кинжалы, наподобіе ножей; хотя въ одно и то же время держатъ въ рукахъ повода, лукъ, мечъ, стрѣлы и нагайку, однако ловко управляются со всѣми этими вещами; употребляли также и копья. Знатнѣйшіе имѣютъ кольчуги, латы, нагрудники и шлемы. Пѣхоту и артиллерію никогда не употребляютъ въ битвахъ, потому что всѣ движенія войска совершаются необыкновенно быстро. Великій князь Василій въ первый разъ вывелъ въ поле пѣхоту и артиллерію, когда, послѣ нашествія Магмедъ-Гиреева, выступилъ въ походъ для воспрепятствованія Татарамъ вторично переправиться за Оку; прежде у него было 1,500 человѣкъ пѣхоты, набранной изъ Литвы и другихъ пришельцевъ. Состоя преимущественно изъ конницы, московское войско должно было носить характеръ восточныхъ конныхъ ополченій: смѣло нападало, но недолго выдерживало; по словамъ Герберштейна, оно какъ будто говорило врагамъ: „Бѣгите, или мы побѣжимъ". Города рѣдко брали приступами или дѣйствіями осадныхъ орудій: обыкновенно принуждали къ сдачѣ долгими осадами. По словамъ Герберштейна, Татаринъ, свергнутый съ коня, лишенный оружія, тяжело раненый, все еще обороняется до послѣдняго издыханія руками, ногами, зубами, чѣмъ только можетъ; Турокъ, видя себя въ безнадежномъ положеніи, начинаетъ смиренно умолять врага о помилованіи: московскій ратникъ не обороняется и не проситъ помилованія. — Для лагерей выбирали обширное мѣсто, гдѣ знатнѣйшіе раскидывали палатки, другіе же строили себѣ шалаши изъ прутьевъ и крыли ихъ войлоками; лагери не укрѣплялись ни рвами, ничѣмъ другимъ, развѣ сама мѣстность защищала ихъ лѣсомъ, рѣкою, болотомъ. Герберштейнъ съ удивленіемъ говоритъ о томъ, какъ мало нужно московскому ратнику въ походѣ. Кто имѣетъ шесть или болѣе лошадей,—на одной умѣщаетъ всѣ жизненные припасы, которые состоятъ въ небольшомъ количествѣ толокна, ветчины и соли, у богатыхъ къ этому присоединяется еще перецъ; этою пищею довольствуются и господинъ и слуги; послѣдніе иногда по два или по три дня остаются безъ пищи. Понятно, что это относилось къ тѣмъ случаямъ, когда негдѣ и нечего было взять.—Вступая въ битву, говорилъ Герберштейнъ, московскіе полки болѣе надѣются на многочисленность, чѣмъ на искусство; особенно стараются окружать непріятеля, заходить ему въ тылъ. Въ полкахъ много было музыкантовъ: когда всѣ они начинали дуть въ трубы по старому отцовскому обычаю, то слышался странный концертъ; употребляли еще другой инструментъ—сурны. На знамени великокняжескомъ изображался Іисусъ Навинъ, останавливающій солнце

Изъ русскихъ извѣстій о войскѣ замѣчателенъ разсказъ Псковскаго лѣтописца объ участіи его земляковъ во второмъ Смоленскомъ походѣ: пріѣхалъ великій князь подъ Смоленскъ со всѣми своими силами, а съ городомъ были пищальники, и на Псковичей накинули 1,000 пищальниковъ, а Псковичамъ этотъ рубежъ (наборъ, отъ рубить - набирать войско) необыченъ, и было имъ очень тяжело. Пріѣхали пищальники псковскіе подъ Смоленскъ да и земцы (землевладѣльцы) псковскіе, которые еще не были сведены тогда съ своихъ отчинъ; великій князь воеводами къ псковскимъ пищальникамъ и земцамъ приставилъ прежнихъ посадниковъ псковскихъ, выведенныхъ изъ Пскова Пищальники псковскіе и другихъ городовъ пошли на приступъ, а посоха понесли приметъ.—Изъ этого разсказа видимъ, что городское народонаселеніе продолжало участвовать въ походахъ, поставляя пищальниковъ; сельское народонаселеніе участвовало, поставляя посошныхъ или посоху, и видимъ значеніе этихъ посошныхъ, видимъ, что они употреблялись для работъ; когда пищальники и земцы пошли на приступъ, посошные понесли приметъ; наконецъ видимъ, что, спустя довольно долгое время послѣ покоренія Пскова, послѣдовалъ выводъ тамошнихъ земцевъ съ ихъ отчинъ, которыя, безъ сомнѣнія,

[1]) Архангел. 218: «И поима его (Глинскаго) князь Михайло Голица съ своими дворяны».

[2]) Разрядн. кн. Москов. Архива Мин. Ин. Дѣлъ, № 2, стр. 47, 68.

отданы были въ помѣстья московскимъ служилымъ людямъ.

Какъ изъ иностранныхъ, такъ и изъ своихъ свидѣтельствъ видимъ, что нарядъ (артиллерія) находился въ вѣдѣніи иностранцевъ: въ Казанскомъ походѣ упоминаются трое иностранныхъ пушкарей; одинъ изъ нихъ, италіанецъ Бартоломей, принялъ православіе и пользовался особеннымъ расположеніемъ великаго князя. При нападеніи Магмедъ-Гирея въ Москвѣ упоминается нѣмецкій пушкарь Никласъ, въ Рязани—Іорданъ; неизвѣстно, какого происхожденія былъ пушкарь Стефанъ, дѣйствовавшій при осадѣ Смоленска.

При Василіи въ первый разъ встрѣчаемъ извѣстіе о приказахъ: именно въ грамотѣ Успенскому владимірскому монастырю 1512 года. По-прежнему видимъ раздачу волостей и городовъ въ кормленіе, съ правомъ вѣдать и судить жителей; кормленіе давалось съ правдою и безъ правды [1]). Видимъ жалованье селъ и деревень въ помѣстья съ правомъ суда, кромѣ душегубства и разбоя съ поличнымъ; въ случаѣ суда смежнаго, великокняжескіе намѣстники и тіуны судятъ вмѣстѣ съ помѣщикомъ или его приказчикомъ; въ случаѣ иска на самомъ помѣщикѣ или его приказчикѣ,—судитъ ихъ самъ великій князь или бояринъ введенный. Видимъ пожалованіе селъ и деревень въ прокъ, въ вотчину, и дѣтямъ, съ правомъ дарить, продать, промѣнять, въ закупъ и по душѣ отдать. Встрѣчаемъ пожалованіе дикими лѣсами, съ правомъ ставить въ нихъ себѣ дворы и перезывать посельниковъ, которые освобождаются на 15 лѣтъ отъ пошлинъ. Дошла до насъ грамота брата великокняжескаго, Юрія Ивановича Дмитровскаго, содержащая позволеніе дворецкому его, Вельяминову, купить деревни съ правомъ продавать, дарить и мѣнять; необходимость такого позволенія объясняется отношеніями дворецкихъ, ключниковъ къ князьямъ; вспомнимъ прежнія распоряженія о деревняхъ, купленныхъ ключниками за ключемъ княжескимъ. Въ 1524 году Наумъ Кобель съ товарищами били челомъ, что нашли они въ Двинскомъ уѣздѣ ключи соляные, на лѣсу черномъ, дворовъ и пашней на тѣхъ мѣстахъ не бывало никогда, отъ волости они за двадцать верстъ со всѣхъ сторонъ и никакихъ волостей угодья не пришли къ тѣмъ мѣстамъ; великій князь далъ имъ право—чистить соляные ключи, лѣсъ рубить, дворы ставить, пашни пахать, пожни чистить и людей къ себѣ звать не тяглыхъ и не письменныхъ (не переписанныхъ), добрыхъ, а не ябедниковъ, не воровъ, не разбойниковъ, которые изъ городовъ и изъ волостей выбиты [2]).—Иностранцы, вступавшіе въ службу великаго князя, получали также помѣстья [3]).

Относительно состоянія служилаго сословія въ Западной Руси, любопытна жалованная грамота великаго князя Василія жителямъ Смоленска, данная въ 1514 году, когда еще все оставалось здѣсь по-прежнему, какъ было при литовскомъ владычествѣ; о сохраненіи этой старины, сказано въ грамотѣ, били челомъ—владыка Смоленской Земли, урядники, окольничіе, князья, бояре, мѣщане и черные люди. Здѣсь окольничій является урядникомъ, правительственнымъ лицомъ, занимающимъ второе мѣсто послѣ намѣстника: „Наши намѣстники и окольничіе и ихъ люди, куда имъ случится ѣхать на свое дѣло, или куда имъ случится послать,—и имъ у мѣщанъ и у черныхъ людей подводъ не брать. Отъ ябедниковъ нашему намѣстнику и нашимъ окольничимъ бояръ, мѣщанъ и черныхъ людей беречь. А кто человѣка держитъ въ деньгахъ, и онъ того своего человѣка судитъ самъ, а окольничіе въ то у него не вступаются. Мы видѣли, что при дворѣ великаго князя Литовскаго слово бояре потеряло свое важное значеніе и замѣнилось словомъ паны, паны радные; отсюда бояре старыхъ русскихъ княжествъ, подчинившихся литовскимъ князьямъ, удержавши это названіе и оставшись въ прежнихъ областяхъ, въ своихъ отчинахъ, нисходили на степень областныхъ служилыхъ людей, тогда какъ слово окольничій удержалось въ значеніи правительственной должности, уряда; отсюда понятно, почему окольничіе, какъ урядники, занимаютъ мѣсто выше бояръ [4]). Если таково было положеніе бояръ въ княжествахъ Смоленскомъ, Полоцкомъ, то понятно, до какой степени должны были низойти бояре мелкихъ волостей, дружины мелкихъ князей, которые сами низошли на очень низкую степень, и мы не должны удивляться, если подъ именемъ бояръ, бояръ путныхъ, встрѣтимъ служню при королевскихъ замкахъ, въ имѣніяхъ княжескихъ, панскихъ и шляхетскихъ.

Въ статутѣ своемъ король Сигизмундъ, на основаніи земскихъ привилегій предшественниковъ, Казиміра и Александра, далъ обѣщаніе оберегать великое княжество Литовское и пановъ-радъ отъ всякаго пониженія; владѣній великаго княжества не только не уменьшать, но и возвратить ему то, что несправедливо отнято; земель и должностей не раздавать чужеземцамъ; по заочному обвиненію должностей не отнимать; старыхъ правъ шляхты и мѣщанъ не нарушать. Княжата, паны, шляхта и бояре могутъ выѣзжать изъ великаго княжества на службу въ другія государства, кромѣ непріязненныхъ, съ тѣмъ однако, чтобъ отъ этого отъѣзда не терпѣла служба королевская. По смерти отцовъ, сыновья и дочери имуществъ отцовскихъ и дѣдовскихъ не лишаются. Простыхъ людей надъ шляхтою король обѣщалъ не повышать. За побои, нанесенные шляхтичемъ шляхтичу, виновный платитъ двѣнадцать рублей грошей; если же виновный

---

[1]) Дополн. къ акт. истор. I, № 215; Акты арх. эксп. I, № 155.

[2]) Акты арх. эксп. I, № 141, 160, 162, 163, 165, 385.

[3]) Въ житіи Св. Даніила Переяславскаго читаемъ, что близъ построеннаго Даніиломъ монастыря, сельцемъ Воргушею владѣлъ Нѣмчинъ, именемъ Іоаннъ, жена у него была Наталья, «свирѣпа вельми». Они нападали на Даніила, боясь, чтобъ онъ не овладѣлъ ихъ землями.

[4]) С. г. г. и д. I, № 148.

будетъ низшаго сословія, то наказывается отсѣченіемъ руки.

О военной службѣ въ Литовской Руси можемъ имѣть понятіе изъ постановленій виленскаго сейма въ 1507 году: паны, княжата, земяне, вдовы и вся шляхта должны въ имѣніяхъ своихъ переписать всѣхъ людей и списки эти отдать подъ присягою королю, чтобъ онъ зналъ, кто какъ будетъ съ своего имѣнія служить. Кто не выйдетъ на войну въ положенный срокъ и въ назначенное мѣсто, тотъ обязанъ заплатить за вину королю сто рублей грошей; если же кто, надѣясь на свое богатство, и послѣ сроку не пріѣдетъ и не представитъ важной причины своему отсутствію, тотъ лишается жизни. Вдова платитъ также сто рублей пени, если опоздаетъ прислать на войну слугъ своихъ; если же и послѣ сроку не пришлетъ по нерадѣнію, то выгоняется изъ имѣнія своего, которое переходитъ къ ея дѣтямъ или родственникамъ, если дѣтей не будетъ. Кто уйдетъ съ войны безъ вѣдома королевскаго или гетманскаго, тотъ казнится смертію. Принимая во вниманіе прежнее нерадѣнье, вошедшее въ обычай, что къ назначенному сроку половина земли придетъ, а другая не придетъ, и всѣхъ казнить смертію было бы очень жестоко, казнить же двухъ -трехъ, а другихъ помиловать было бы крайне несправедливо,—принимая это во вниманіе, сеймъ постановилъ: кто не пріѣдетъ въ назначенный срокъ,—платитъ сто рублей; кто не пріѣдетъ черезъ недѣлю послѣ сроку, — казнится смертію. Въ 1507 году издана была окружная королевская грамота о власти и правахъ гетмана во время похода: гетманъ имѣлъ право казнить ратниковъ смертію за грабежъ, нанесеніе раны, утайку найденной вещи цѣною выше полукопья, посѣченіе дерева съ пчелами, за побѣгъ. На виленскомъ сеймѣ 1528 года положено было, что каждый владѣлецъ населеннаго имѣнія обязанъ ставить съ осьми человѣкъ (съ каждыхъ осьми служобъ людей) одного ратника на добромъ конѣ и въ полномъ вооруженіи. Въ слѣдующемъ году на виленскомъ же сеймѣ изданъ былъ подробнѣйшій уставъ: кто имѣетъ семьсотъ службъ, тотъ обязанъ выставлять сто ратниковъ (пахолковъ) добрыхъ, конно и збройно; у кого четыреста службъ, тотъ выставляетъ 50 пахолковъ; у кого только восемь службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать на службу; у кого меньше 8 службъ, тотъ обязанъ самъ ѣхать, только не на такомъ конѣ и не въ такомъ вооруженіи, какихъ требуетъ уставъ, а смотря по средствамъ своимъ. Слуги путные, данники, службы подляшскія волочныя, сообща съ людьми тяглыми, обязаны также земскою службою. Освобождаются отъ нея мѣста княжескія, панскія и шляхетскія, бояре ихъ, шляхта и слуги дворные, также и огородники ихъ. Убогіе шляхтичи, неимѣющіе ни одного своего человѣка, обязаны ѣхать сами на службу, смотря по средствамъ своимъ [1]). Статутъ 1529 года говоритъ, чтобъ всѣ подданные собирались подъ хоругвію повѣтовою, въ томъ повѣтѣ, гдѣ имѣютъ жительство; кто же служитъ какому-нибудь пану, тотъ обязанъ этому пану выставить вмѣсто себя кого-нибудь другого, необязаннаго военною службою, а самъ долженъ явиться подъ хоругвь повѣтовую, въ противномъ случаѣ лишается имѣнія своего. Лицо духовное, держащее закупное имѣніе, обязано само явиться на службу господарскую и земскую, если же будетъ владѣть имѣніемъ дѣдичнымъ, то обязано выставлять съ него людей на службу. Только доказанное болѣзненное состояніе освобождаетъ отъ службы; но отецъ можетъ вмѣсто себя выставить сына, не моложе осьмнадцати лѣтъ и не отдѣленнаго, если только гетманъ признаетъ молодаго человѣка годнымъ на военную службу.

Извѣстія о казакахъ становятся все чаще и чаще въ обѣихъ половинахъ Руси. Мы видѣли, что однимъ изъ господствующихъ явленій древней русской жизни была колонизація, постепенное населеніе пустынныхъ пространствъ Восточной Европы и потомъ Сѣверной Азіи. Какъ обыкновенно бываетъ въ странахъ колонизующихся, усѣвшаяся часть народонаселенія, предавшаяся постоянному труду земледѣльческому, выдѣляетъ изъ себя людей, которыхъ характеръ и разныя другія обстоятельства, находящіяся въ большей или меньшей связи съ ихъ характеромъ, заставляютъ выходить изъ общества и стремиться въ новыя, незанятыя страны. Понятно, что эти люди, предпочитающіе новое старому, неизвѣстное - извѣстному, составляютъ самую отважную, самую воинственную часть народонаселенія; въ исторіи колонизаціи они имѣютъ великое значеніе, какъ проводники колонизаціи, пролагатели путей къ новымъ селищамъ. Отвага, нужная человѣку, рѣшившемуся или принужденному оставить родину, идти въ степь, въ невѣдомую страну,—эта отвага поддерживается въ немъ жизнію въ степи, гдѣ онъ предоставленъ однѣмъ собственнымъ силамъ, долженъ постоянно стоять настороже противъ степныхъ хищниковъ. Отсюда эти люди должны соединяться въ братства, общины, для которыхъ война служитъ главнымъ занятіемъ. Такъ границы государства населялись к а з а к а м и. Происхожденіе послѣднихъ всего лучше объясняется намъ тѣми памятниками, въ которыхъ говорится о заселеніи пустынныхъ пространствъ, льготными грамотами, которыя правительство давало населителямъ, напримѣръ, приведенная выше грамота Науму Кобелю съ товарищами: „Имѣетъ Наумъ право людей къ себѣ звать на тѣ мѣста, нетяглыхъ и неписьменныхъ, добрыхъ и не ябедниковъ, не воровъ и не разбойниковъ, которые изъ городовъ и волостей выбиты". Во-первыхъ, мы видимъ, что заселителямъ земель можно было всегда найти такихъ людей, нетяглыхъ и неписьменныхъ, людей, не имѣющихъ собственной земли, собственнаго хозяйства и долженствующихъ потому кормиться работою на чужихъ земляхъ, при чужихъ

[1]) Акты Западн. Росс. II, № 12, 25, 152, 161.

хозяйствахъ, при чужихъ промыслахъ; а такіе то бездомовные люди именно назывались у насъ казаками. Но понятно, что между этими людьми находилось много и такихъ, которые не хотѣли жить на чужихъ земляхъ, въ зависимости отъ чужихъ людей, и предпочитали вести воинственную, опасную, но болѣе привольную, разгульную жизнь въ степи, на границахъ и далѣе за границами государства; а куда должны были дѣваться люди, выбитые изъ городовъ и волостей, которыхъ населители земель не имѣли права принимать къ себѣ? Существованіе казаковъ, какъ пограничнаго воинственнаго народонаселенія, было естественно и необходимо по географическому положенію древней Руси, по открытости границъ со всѣхъ сторонъ; на всѣхъ границахъ долженствовали быть и дѣйствительно были казаки, но преимущественно были они необходимы и многочисленны на степныхъ границахъ, подвергавшихся постояннымъ и безпощаднымъ нападеніямъ кочевыхъ хищниковъ, гдѣ слѣдовательно никто не смѣлъ селиться, не имѣя характера воина, готоваго всегда отражать нападеніе, сторожить врага. Границы запаслись казаками, которые находились въ большей или меньшей зависимости отъ государства, болѣе или менѣе подчинялись его распоряженіямъ, смотря по тому, жили ли они на самыхъ границахъ, такъ сказать, подъ руками правительства, или углублялись все болѣе и болѣе въ степи, удаляясь такимъ образомъ отъ надзора и вліянія государства.

Понятно, почему въ нашихъ лѣтописяхъ прежде всего являются извѣстія о казакахъ рязанскихъ; Юго-Восточная, Рязанская украйна болѣе другихъ странъ подвергалась нападеніямъ степныхъ ордъ. Въ княженіе Василія Іоанновича Московское государство употребляло этихъ казаковъ съ пользою въ сношеніяхъ съ застепными народами, Крымцами, Турками. Когда правительство хлопотало объ установленіи безопасныхъ сношеній съ Турціею, то спрашивали у Рязанскихъ казаковъ, въ какомъ мѣстѣ лучше сходиться ратнымъ людямъ для передачи пословъ съ рукъ на руки, и казаки, знавшіе хорошо степь, указали это мѣсто. Въ описаніи посольства Морозова въ Константинополь читаемъ: „Посланы съ Иваномъ Морозовымъ казаки Рязанцы десять станицъ, и списокъ ему данъ имянной, гдѣ кого изъ нихъ оставить: въ Азовѣ четыре станицы, въ Каѳѣ четыре станицы, въ Царь-городъ съ собою взять двѣ станицы; которыхъ казаковъ оставитъ въ Азовѣ и Каѳѣ, и ему тѣмъ казакамъ приказать: если Крымскій царь захочетъ идти на великаго князя украйну, то станица ѣхала бы къ великому князю, а другіе оставались бы и ждали новыхъ вѣстей, и какія еще вѣсти будутъ, ѣхали бы къ великому князю по станицамъ же, чтобъ великій князь безъ вѣстей не былъ". Любопытно, что противъ нашихъ русскихъ казаковъ мусульманскій міръ отъ противоположной степной окрайны выставлялъ также своихъ казаковъ; со временъ Іоанна III-го Азовскіе татарскіе казаки упоминаются какъ злые разбойники; Василій Іоанновичъ требовалъ отъ султана, чтобъ тотъ запретилъ Азовскимъ и Бѣлогородскимъ казакамъ подавать помощь Литвѣ. Когда русскій посолъ Коробовъ требовалъ, чтобъ ему дали провожатыхъ изъ Азова, то ему отвѣчали, что въ Азовѣ нѣтъ Азовскихъ казаковъ и дать ему некого [1]). Извѣстно, что у Татаръ подъ именемъ казаковъ разумѣлся третій, самый низшій отдѣлъ войска, состоявшаго изъ улановъ, князей и казаковъ.

На границахъ литовскихъ въ княженіе Василія упоминаются казаки Смоленскіе: король Сигизмундъ не разъ жаловался великому князю, что они нападали на Литовскія владѣнія [2]).

Если, вслѣдствіе означенныхъ причинъ, явились казаки на границахъ или украйнахъ Московскаго государства, то не могли не явиться они на степной украйнѣ Западной Руси, на украйнѣ Днѣпровской, тѣмъ болѣе что здѣсь еще во время самостоятельнаго существованія Руси видимъ много разноименныхъ народцевъ, полукочевыхъ, полуосѣдлыхъ, съ воинственнымъ характеромъ, признающихъ власть князей Русскихъ, видимъ Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ, Турпѣевъ, которые носили общее названіе Черныхъ Клобуковъ; лѣтописецъ же говоритъ, что это названіе тождественно съ названіемъ Черкасъ [3]), которымъ Малороссійскіе казаки постоянно называются въ московскихъ памятникахъ. Но если упомянутые народцы дѣйствительно составили зерно Малороссійскаго казачества, то, съ другой стороны, въ Литовской Руси не было также недостатка въ причинахъ, по которымъ къ этому зерну присоединились многочисленныя толпы казаковъ чисто русскаго происхожденія, ибо Днѣпровская украйна, по географическому положенію своему, долженствовала быть издавна страною военныхъ поселеній. Отъ описываемаго времени дошли до насъ любопытныя извѣстія о казакахъ Малороссійскихъ; ханъ Саипъ-Гирей такъ жаловался на нихъ королю Сигизмунду: „Приходятъ казаки Черкасскіе и Каневскіе, становятся подъ улусами нашими на Днѣпрѣ и вредъ наносятъ нашимъ людямъ; я много разъ посылалъ къ вашей милости, чтобъ вы ихъ остановили, но вы ихъ остановить не хотѣли; я шелъ на Московскаго: тридцать человѣкъ за болѣзнію вернулись отъ моего войска, казаки поранили ихъ и коней побрали. Хорошо ли это: я иду на твоего непріятеля, а твои казаки изъ моего войска коней уводятъ? Я пріязни братской и присяги сломать не хочу, но на тѣ замки, Чер-

---

1) Москов. Арх. Мин. Ин. Д. Дѣла Турецкія, № 1, стр. 63, 160, 244.

2) Тамъ же—Acta Magni Duc. Litv. № 2, стр. 175, 280.—Что казаками въ Сѣверо-Восточной Руси назывались работники, люди, неимѣвшіе собственнаго хозяйства, видно изъ уставной грамоты в. к. Василія крестьянамъ Моревской слободы: «Плавити имъ дрова и хоромной лѣсъ рѣками, и имъ и козакомъ ихъ мыта и явки не давати». Допол. къ акт. истор. т. I, № 26.

3) Воскресен. II, 21; Карамз. II, примѣч. 347: «Черные Клобуки еже зовуться Черкасы».

касы и Каневъ хочу послать свою рать. А это знакъ ли доброй пріязни братской? Черкасскіе и Каневскіе властели пускаютъ казаковъ вмѣстѣ съ казаками непріятеля твоего и моего (великаго князя Московскаго), вмѣстѣ съ казаками Путивльскими по Днѣпру подъ наши улусы, и что только въ нашемъ панствѣ узнаютъ, даютъ вѣсть въ Москву; въ Черкасахъ старосты ваши путивльскихъ людей у себя на вѣстяхъ держатъ: такъ на Москву изъ Черкасъ пришла вѣсть за пятнадцать дней передъ нашимъ приходомъ". Малороссійскіе казаки находились подъ вѣдомствомъ старосты черкасскаго и каневскаго, а эту должность въ описываемое время занималъ извѣстный Евстаѳій Дашковичъ [1]).

Городъ въ московскихъ областяхъ не измѣнилъ своего значенія и внѣшняго вида въ княженіе Василія: попрежнему онъ оставался мѣстомъ убѣжища для окружнаго народонаселенія въ случаѣ нашествія непріятельскаго; дворы, которые имѣли въ городахъ окрестные землевладѣльцы и монастыри, назывались дворами осадными; такъ, отъ описываемаго времени дошла до насъ великокняжеская грамота къ тверскому городовому приказчику и ключнику объ отводѣ мѣста Іосифову волоколамскому монастырю подъ осадный дворъ [2]). Въ 1508 году великій князь велѣлъ мастеру Алевизу Фрязину вокругъ города Москвы обкладывать ровъ камнемъ и кирпичемъ и пруды копать. Иностранцы такъ описываютъ Москву временъ Василіевыхъ: „Городъ Москва деревянный и довольно обширный, но издали кажется еще обширнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, потому что большіе сады и дворы при каждомъ домѣ увеличиваютъ пространство города; кромѣ того, на концѣ его находятся жилища кузнецовъ и другихъ мастеровъ, для которыхъ необходимъ огонь, и между этими жилищами находятся цѣлые луга и поля. Великій князь Василій выстроилъ для своихъ тѣлохранителей за рѣкою новый городъ Нали (Nali, Наливки), что по-русски значитъ infunde (наливай), потому что имъ однимъ позволено пить медъ и пиво, когда хотятъ; поэтому они и удалены за рѣку, чтобъ не заражали другихъ своимъ примѣромъ. Около города находятся монастыри, изъ которыхъ каждый издали кажется городомъ. Обширность города не позволяетъ опредѣлить межу и устроить достаточныя укрѣпленія. Улицы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ загорожены рогатками, при которыхъ находятся сторожа, имѣющіе обязанность наблюдать, чтобъ никто не ходилъ ночью послѣ урочнаго часа; если кого поймаютъ въ запрещенное время, то бьютъ, грабятъ, или сажаютъ въ тюрьму, исключая людей извѣстныхъ и почетныхъ, которыхъ сторожа провожаютъ до дому. Такіе сторожа помѣщаются тамъ, гдѣ лежитъ свободный входъ въ городъ, ибо остальную часть его обтекаетъ Москва-рѣка, въ которую подъ самымъ городомъ впадаетъ Яуза, а чрезъ эту рѣку трудно переправляться, по высотѣ береговъ; на Яузѣ построено много мельницъ. Этими-то рѣками ограждается городъ, который, кромѣ немногихъ каменныхъ домовъ, церквей и монастырей, весь деревянный. Число церквей въ немъ показываютъ едва вѣроятное: говорятъ, что ихъ болѣе 41,500. Обширный городъ этотъ очень грязенъ, почему на разныхъ, болѣе другихъ посѣщаемыхъ мѣстахъ, находятся мосты. Крѣпость, построенная изъ кирпича, съ одной стороны омывается рѣкою-Москвою, а съ другой—Неглинною. Послѣдняя, подлѣ верхней части крѣпости, является въ видѣ пруда; вытекая изъ него, наполняетъ крѣпостные рвы, въ которыхъ находятся мельницы. Крѣпость, кромѣ обширныхъ и великолѣпныхъ палатъ великокняжескихъ, заключаетъ въ себѣ домъ митрополичій, домы братьевъ великаго князя, вельможъ и разныхъ другихъ лицъ, все большіе и деревянные; кромѣ того много въ ней церквей". На литовской границѣ пріобрѣтена была крѣпость первой важности по тому времени, Смоленскъ; на этой сторонѣ ограничились ею, да укрѣпленіемъ Пскова: въ 1517 году здѣсь пало стѣны 40 саженъ; мастеръ Иванъ Фрязинъ наддѣлалъ эти 40 саженъ, камень возили священники, Псковичи носили песокъ и сѣяли рѣшетомъ; несмотря на то, постройка обошлась великому князю въ 700 рублей. Болѣе старались укрѣплять города на южной и восточной украйнѣ отъ Крымцевъ и Казанцевъ: въ 1509 году построили въ Тулѣ городъ деревянный, въ 1520—каменный; въ 1525—построенъ въ Коломнѣ городъ каменный; въ Черниговѣ и Каширѣ построены города деревянные въ 1531 году, а на рѣкѣ Осетрѣ—каменный; на востокѣ укрѣпленъ каменнымъ городомъ Нижній еще въ 1508 году, строилъ городъ мастеръ Петръ Фрязинъ; мы упоминали уже о построеніи новаго деревяннаго города Васильсурска [3]). Въ 1508 году великій князь прислалъ въ Новгородъ боярина, велѣлъ ему урядить здѣсь торги, ряды, и размѣрить по-московски улицы; въ 1531 году прислалъ туда же дьяковъ, приказалъ имъ на Софійской сторонѣ размѣрить улицы; они начали размѣрять Великую улицу отъ Владимірскихъ воротъ прямо, въ конецъ, и всѣ улицы отъ поля прямо въ берегъ, и мѣста по всему пожару; дьяки приказали также поставить рѣшетки по всему городу и учредить пожарныхъ сторожей (огневщиковъ). Съ 1-го октября начали стоять сторожа у рѣшетокъ; эта мѣра оказалась благодѣтельною: прежде было въ городѣ много злыхъ людей, грабежей, воровства, убійства; съ этихъ же поръ начала быть тишина по всему городу; многіе злые люди отъ такой крѣпости городской побѣжали прочь, а другіе исправились и привыкли къ честному труду [4]). Значительные пожары были рѣдки въ Москвѣ въ княженіе Василія: въ 1508 году погорѣлъ посадъ и торгъ отъ панскаго двора; въ 1531 году заго-

[1]) Акты Западн. Россіи, II, № 150, 156.
[2]) Акты арх. эксп. I, № 169.

[3]) Никон. VI, 182, 187, 227, 231, 245.
[4]) Лѣтоп. библіот. Москов. Арх. Мин. Ин. Д. № 20.

рѣлся порохъ на Успенскомъ врагѣ, на дворѣ иностраннаго мастера Алевиза, гдѣ его дѣлали: въ одинъ часъ сгорѣло работниковъ больше 200 человѣкъ. Въ Новгородѣ Великомъ былъ большой пожаръ въ 1508 году: тогда погибло болѣе 5,000 человѣкъ; въ Новгородѣ-Нижнемъ—въ 1531; раза два упоминаются пожары во Псковѣ; сгорѣлъ весь Изборскъ

Въ Западной Руси города продолжаютъ получать новыя грамоты на Магдебургское право и подтвержденія старыхъ. Жители городовъ поднѣпровскихъ и задвинскихъ били челомъ королю Сигизмунду, что терпѣли они большія притѣсненія отъ его писарей, посылаемыхъ для сбора недоимокъ: слуги этихъ писарей безвыѣздно круглый годъ живутъ въ волостяхъ насчетъ послѣднихъ, судятъ и рядятъ жителей и берутъ большія пошлины; да и сами писаря обираютъ ихъ непомѣрно, отчего многіе жители разошлись, а которые остались, гѣ не только всѣхъ даней, но и половины заплатить не могутъ. Поэтому они просили, чтобъ король позволилъ имъ, какъ бывало прежде при Витовтѣ и Сигизмундѣ, собирать дань самимъ—грошевую, бобры, куницы—и относить въ казну, а медъ прѣсный къ ключнику. Король исполнилъ ихъ просьбу [1]). И въ Западной Руси, желая населить какое-нибудь мѣсто, правительство освобождало новоселенцевъ отъ податей на нѣсколько лѣтъ: такъ король Сигизмундъ поручилъ Виленскому воеводѣ Радзивилу населить мѣсто при Клещелязяхъ, на землѣ Бѣльскаго повѣта; людей поселилось уже немало; но когда воевода вздумалъ присоединить ихъ къ дворной пашнѣ клещелязской, то многіе изъ нихъ ушли прочь. Видя это, новый воевода Гастольдъ, по приказу королевскому, далъ поселенцамъ Хелмское право: дворъ королевскій клещелязскій не имѣлъ права судить ихъ и рядить; судилъ и рядилъ ихъ войтъ съ бурмистрами и радцами; при войтѣ два бурмистра,—одинъ дворный, котораго дворъ выбираетъ изъ тѣхъ же мѣщанъ клещелязскихъ; его обязанность смотрѣть за доходами, сбираемыми для двора; а другой—бурмистръ отъ мѣста; оба выбираются ежегодно. Жители мѣста обязаны давать съ каждой волоки по полукопью грошей, да по бочкѣ овса; кто пиво варитъ, тотъ платитъ столько же; отъ судныхъ штрафовъ два пенязя идутъ на дворъ королевскій, а третій на войта; кто занимается торговлею, долженъ давать по грошу на годъ; мясники должны давать съ каждаго торгу по плечу мяса бараньяго на дворъ королевскій; корчмы винныя должны быть на короля, а кто будетъ виномъ шинковать, тотъ даетъ по десяти грошей. Люди вольные, хотящіе селиться въ мѣстѣ Клещелязскомъ на сыромъ корню, а не на обработанныхъ уже участкахъ (не на проробкахъ), свободны на десять лѣтъ отъ платы полукопья съ волоки и бочки овса; кто же сядетъ на участкахъ обработанныхъ (на волокахъ проробленныхъ), тѣ свободны на два года отъ упомянутыхъ податей. Бытъ городовъ съ Магдебургскимъ правомъ по-прежнему не былъ миренъ, попрежнему встрѣчаемъ жалобы горожанъ на воеводъ, князей, пановъ и бояръ; въ 1527 году король Сигизмундъ долженъ былъ писать полоцкому воеводѣ Петру Кишкѣ, чтобъ онъ не нарушалъ Магдебургскаго права, даннаго городу; въ грамотѣ говорится, что войтъ, бурмистры, радцы и всѣ мѣщане не разъ жаловались королю на убійства, побои, грабежи, которые они терпѣли отъ урядниковъ и слугъ воеводскихъ; что король не разъ писалъ воеводѣ, съ увѣщаніемъ прекратить эти насилія, но воевода еще больше начиналъ притѣснять горожанъ. Жаловались Полочане не на одного воеводу, но на князей, пановъ, бояръ полоцкихъ, на игуменью и на монаховъ бернардинскихъ: мѣщанъ, которые купятъ земли у бояръ и у путныхъ людей, воевода велитъ ставить передъ собою и судитъ ихъ; многихъ ремесленныхъ людей за себя забралъ и приказываетъ имъ на себя работать; принимаетъ за себя мѣщанъ, которые нарочно выходятъ изъ Магдебургскаго права, чтобъ не платить серебщизны, ордынщины и другихъ городовыхъ податей; также многіе мѣщане задаются за владыку, князей и бояръ полоцкихъ, а тѣ ихъ принимаютъ; установлены новые мыты по рѣкамъ; многіе бояре и слуги воеводскіе женились на мѣщанкахъ, взяли за ними домы и земли городскія, а городскія повинности нести и Магдебургскому праву послушны быть не хотятъ; которые мѣщане въ селахъ живутъ или въ замкѣ дворы имѣютъ,—тѣхъ воевода судитъ городовымъ правомъ и проч. [2]). Въ Вильнѣ были смуты между самими горожанами и начальствомъ ихъ, бурмистрами и радцами; горожане были недовольны старымъ уставомъ и требовали нѣкоторыхъ новыхъ статей, но король не согласился на это требованіе, подтвердилъ старый уставъ во всей силѣ; за то подтвердилъ, чтобъ Вильняне и подати, серебщизну и ордынщину платили по старинѣ, безъ новыхъ прибавокъ. Мы видѣли, что при великомъ князѣ Александрѣ бѣльское войтовство дано было въ потомственное владѣніе Гоппену; но Гоппенъ, какъ видно, продалъ его какому-то Русину, и этотъ продалъ его виленскому воеводѣ Николаю Радзивилу; у сына и наслѣдника Радзивилова, Яна Николаевича, купилъ его бѣльскій мѣщанинъ Иванъ Сегеневичъ въ пожизненное владѣніе за 300 копъ грошей; но въ 1526 году бурмистры, радцы и всѣ мѣщане бѣльскіе били челомъ королю Сигизмунду, чтобъ позволилъ это войтовство выкупить у Радзивила цѣлому городу Бѣльску на общія деньги, и впередъ войта выбирать мѣщанамъ; король согласился. Изъ любопытной записки, поданной королю Сигизмунду отъ всей Кіевской Земли, мы узнаемъ, что поправка кіевской крѣпости производилась обыкновенно всѣми поднѣпровскими воло-

[1]) Акты Западн. Россіи, II, № 75.

[2]) Тоже № 123, 147.

стями, а послѣ сожженія Кіева ханомъ Менгли-Гиреемъ, при королѣ Казимирѣ, въ поправкѣ участвовали, кромѣ приднѣпровскихъ волостей, волости задвинскія и торопецкія; болѣе 20,000 топоровъ было въ дѣлѣ; панъ, наблюдавшій за городовыми постройками, назывался городничимъ [1]).

Жиды одно время были выгнаны изъ Литвы, но скоро опять возвращены съ правомъ взять во владѣніе свои прежніе дома и земли, которыми, во время ихъ изгнанія, владѣли христіане; сперва заставили-было Жидовъ выставлять на войну 1,000 коней, но потомъ освободили отъ военной службы во всѣхъ видахъ; наконецъ, въ 1533 году, снова подтверждены были всѣ ихъ прежнія права [2]).

Относительно сельскаго народонаселенія въ Московскомъ государствѣ, отъ временъ Василія дошла до насъ уставная грамота крестьянамъ Артемовскаго стана въ Переяславскомъ уѣздѣ. Здѣсь прежде всего опредѣляется количество поборовъ, которые шли съ крестьянъ волостелю, его тіуну, праветчику и доводчику три раза въ годъ: на Рождество Христово, на Свѣтлое Воскресенье и на Петровъ день; при вступленіи волостеля въ должность (на въѣздъ) онъ беретъ у крестьянъ то, что каждый добровольно ему принесетъ. Съ починковъ (новоначатыхъ поселеній) записанныхъ, но не пашенныхъ, и съ новыхъ починковъ, явившихся послѣ переписи (письма), волостель, его тіунъ, праветчикъ и доводчикъ поборовъ не берутъ до урочныхъ лѣтъ; когда же насельники отсидятъ свои урочные года, то платятъ такіе же поборы, какіе идутъ и съ старыхъ деревень. Волостель тіуна, праветчика и доводчика ранѣе году не перемѣняетъ. Безъ старосты и безъ лучшихъ людей волостель и его тіунъ суда не судитъ. Случится въ волости душегубство, и душегубца не сыщутъ, то крестьяне обязаны заплатить намѣстникамъ за голову четыре рубля виры, и платятъ эту виру цѣлою волостью; если же сыщутъ душегубца, то выдаютъ его намѣстникамъ и ихъ тіунамъ,—и тогда ничего не платятъ; при смертномъ случаѣ, въ которомъ никто не виноватъ (наприм. если кто утонетъ и проч.), крестьяне также ничего не платятъ. Волостелинскіе и тіунскіе, и боярскіе люди, и никто другой на пиры и на братчины къ крестьянамъ незваные не входятъ, а кто придетъ пить незваный, того вышлютъ безнаказанно; если же не пойдетъ вонъ, станетъ пить силою, и причинится тутъ крестьянамъ какой-нибудь вредъ, то незваный гость платитъ вдвое безъ суда и исправы, а отъ великаго князя быть ему въ казни и продажѣ. Попрошатаямъ у нихъ по волости просить не ѣздить. Кто въ одной волости выдастъ дочь замужъ, тотъ даетъ волостелю за новоженный убрусъ 4 деньги; а кто выдастъ дочь замужъ изъ волости въ волость, тотъ даетъ за выводную куницу два алтына. Скоморохамъ у нихъ въ волости не играть. Съ лошадинаго пятна волостель беретъ по деньгѣ съ купца и продавца. Князья, бояре, воеводы ратные и всякіе ѣздоки насильно въ волости не ставятся, кормовъ, проводниковъ, подводъ у крестьянъ не берутъ, а если гдѣ остановятся, покупаютъ кормъ по вольной цѣнѣ [3]).—Такого же содержанія уставная грамота, данная удѣльнымъ Дмитровскимъ княземъ Юріемъ Іоанновичемъ Каменнаго стана бобровникамъ, которые находились въ вѣдѣніи ловчаго; права послѣдняго опредѣлены одинаково съ правами волостеля въ предыдущей грамотѣ; но, кромѣ того, опредѣленъ способъ раскладки повинностей; кормы ловчаго, тіуновъ и доводчиковъ, поборъ дворскій, бобровники съ десятскими и добрыми людьми между собою мечутъ со столца по дани и по пашнѣ: которая деревня больше пашнею и угодьемъ, на ту больше корму и поборовъ положатъ; собравъ эти кормы, староста съ десятскими платятъ ловчему; его тіуну и доводчику поборъ въ городѣ Дмитровѣ по праздникамъ; а тіуну и доводчику по деревнямъ самимъ не ѣздить, кормовъ и побору не брать. Кто повезетъ къ себѣ тіуна и доводчика пить на пиръ или на братчину, то они, пивши, тутъ не ночуютъ, ночуютъ въ другой деревнѣ, и насадокъ (поборъ пивомъ или другого рода хмельнымъ напиткомъ) съ пировъ и братчинъ не берутъ. Относительно ссоръ и дракъ на пиру опредѣлено, сходно съ Двинскою грамотою великаго князя Василія Дмитріевича: „Въ пиру или братчинѣ побранятся или побьются, и, не выходя съ пиру, помирятся, то ловчему и его тіуну за то нѣтъ ничего; если же помирятся вышедши съ пиру, за приставомъ, то ловчему и его тіуну также нѣтъ ничего, кромѣ хоженаго". Но въ обѣихъ грамотахъ—и въ Двинской, и въ Бобровничьей—нѣтъ указанія на судебное значеніе братчинъ, которое выражается въ Псковской судной грамотѣ: „Братчина судитъ какъ судьи".—Доводчикъ ѣздитъ по деревнямъ дважды въ годъ—о Рождествѣ Христовѣ и о Петровѣ днѣ, ѣздитъ самъ-другъ съ паробкомъ на тройкѣ; гдѣ доводчикъ обѣдаетъ, тутъ ему не ночевать; гдѣ ночуетъ, тутъ ему не обѣдать [4]).—Относительно быта за-

---

[1]) Собр. древ. грам. городовъ Вильны, Ковна и проч. № 19, 20.—Zrzódla do dziejów Polskich, wyd. Malinowsk. i Przezdzieck. II, 118. Вишневскаго Pomniki IV, 107.

[2]) Акты Западн. Россіи, 11, № 29, 85, 174.

[3]) Акты арх. эксп. I, № 144: «На Рождество Христово дадутъ волостелю кормъ со шти деревень полоть мяса, десятеро хлѣбовъ, мѣхъ овса, возъ сѣна: а на Петровъ день дадутъ кормъ, баранъ, десятеро хлѣбовъ: а нелюбъ волостелю кормъ, и они ему дадутъ за полоть мяса десять денегъ, за баранъ алтынъ, за мѣхъ овса алтынъ, за возъ сѣна алтынъ, за хлѣбъ по денгѣ. А тіуну его дадутъ кормъ на всѣ три праздника въ полы того; а праветчику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рожество Христово 8 денегъ, а на Великъ день 4 деньги, а на Петровъ день четырежъ деньги; а доводчику его дадутъ поборъ съ деревни, на Рожество Христово за ковригу деньга, за часть мяса деньга, за зобню овса двѣ деньги, а на Великъ день за ковригу деньга, за часть мяса деньга, а на Петровъ день за ковригу деньга, за сыръ деньга».

[4]) Тамъ же, № 103, 150; См. также Дополн. къ акт. истор. I, № 25. Академич. словарь насадку переводитъ словомъ ендова; г. Поповъ (Пиры и Братчины, Архивъ Калач. II) думаетъ, что насадку скорѣе можно перевести словомъ ведро, ибо въ Двинской грамотѣ чи-

висимаго народонаселенія въ описываемое время замѣчательна заемная и закладная грамота Власа Фрязинова, данная имъ вмѣстѣ съ людьми его, поименованными въ грамотѣ: „А въ деньгахъ есми съ своими людьми единъ человѣкъ, кой насъ въ лицѣхъ—на томъ деньги“ [1]).

Изъ уставныхъ королевскихъ грамотъ видно, что сельское народонаселеніе въ Западной Руси раздѣлялось на подданныхъ, или тяглыхъ людей, и на челядь невольную; въ одной изъ уставныхъ грамотъ читаемъ: „Если мужикъ, вопреки приказу державцы или его урядника, не выйдетъ на работу одинъ день, или будетъ непослушенъ, то взять съ него за это не болѣе барана; если окажетъ большее упорство, то подлежитъ наказанью плетью или бичемъ“ [2]).

Изъ физическихъ бѣдствій въ княженіе Василія упоминается: три раза о неурожаѣ—въ 1512, 1515 и 1525 годахъ; о сильныхъ дождяхъ, вслѣдствіе которыхъ рѣки разлились и прервали сообщеніе,—въ 1518 году; о сильныхъ засухахъ—въ 1525 и 1533; моръ свирѣпствовалъ не разъ въ Новгородѣ и Псковѣ; въ первомъ отъ 1507 до 1509 года, во второмъ—въ 1521 и 1532; но жители срединныхъ областей не испытывали этого бѣдствія и начинали забывать о страшныхъ язвахъ XIV и XV вѣковъ, такъ что въ иностранныхъ описаніяхъ Московскаго государства Василіева времени читаемъ: „Климатъ въ Московской области такъ здоровъ, что народъ не помнитъ, когда была чума. Бываетъ, впрочемъ, здѣсь иногда болѣзнь, похожая на чуму, которую называютъ жаромъ (calor); болѣзнь эта поражаетъ внутренность и голову; занемогшіе въ нѣсколько дней умираютъ.

По описаніямъ иностранцевъ, область Московскаго государства представляла обширную равнину, покрытую лѣсами и пересѣкаемую во всѣхъ направленіяхъ большими рѣками, обильными рыбою. Рѣки эти, разливаясь отъ тающаго весною снѣга и льда, во многихъ мѣстахъ превращаютъ поля въ болота, а дороги покрываютъ стоячею водою и глубокою грязью, не просыхающею до новой зимы, когда лютый морозъ опять постелетъ по болотамъ ледяные мосты и сдѣлаетъ дорогу по нимъ безопасною. Главныя произведенія страны: хлѣбъ, лѣсъ, медъ, воскъ и мѣха. Сосны въ лѣсахъ московскихъ величины невѣроятной; дубъ и кленъ гораздо лучше, чѣмъ въ Западной Европѣ; пчелы кладутъ медъ на деревьяхъ безъ всякаго присмотра. Разсказывали, какъ одинъ крестьянинъ, опустившись въ дупло огромнаго дерева, увязъ въ меду по самое горло; тщетно ожидая помощи въ продолженіи двухъ дней, питался однимъ медомъ, и наконецъ выведенъ былъ изъ этого отчаяннаго положенія медвѣдемъ, который спустился задними лапами въ то же дупло; крестьянинъ ухватился за него руками и закричалъ такъ громко, что испуганный звѣрь выскочилъ изъ дупла и вытащилъ его вмѣстѣ съ собою. Пушнаго звѣря въ лѣсахъ московскихъ множество; собольи мѣха цѣнятся по чернотѣ, длинѣ и густотѣ волоса; цѣна увеличивается еще смотря по тому, въ какое время пойманъ звѣрь. Около Углича и въ Двинской области соболи попадаются очень рѣдко; около Печоры попадаются чаще и лучше; въ Москвѣ собольи мѣха продаются по 3 и 4 деньги; лисьи мѣха, особенно черные, стоятъ дорого; десятокъ продается иногда по 15 золотыхъ; бобровые мѣха также очень цѣнны; бѣличьи привозятся изъ разныхъ мѣстъ, больше всего изъ Сибири; лучшіе, впрочемъ, добываются недалеко отъ Казани, потомъ привозятся изъ Перми, Вятки, Устюга и Вологды, привозятся обыкновенно въ связкахъ, изъ которыхъ въ каждой по 10 шкурокъ: изъ нихъ двѣ самыя лучшія, три похуже, четыре еще хуже, и одна—послѣдняя—самая дурная; добываются также мѣха рыси, волчьи, песцовые. Въ лѣсахъ водятся также лоси, медвѣди, большіе и черные волки; въ западной части государства водятся туры; въ странѣ Югровъ и Вогуличей, на высокихъ горахъ, добываютъ превосходныхъ соколовъ и кречетовъ.

Поля покрыты пшеницею, просомъ и другими хлѣбными растеніями, также всякаго рода зеленью; область собственно-Московскаго княжества не плодоносна; песчаный грунтъ земли убиваетъ жатву при малѣйшемъ излишествѣ сухости или влаги; сюда присоединяются еще холода, которые иногда препятствуютъ зрѣнію посѣяннаго. Что вся страна не такъ давно была покрыта лѣсами,—показываютъ пни огромныхъ деревьевъ, до сихъ поръ еще повсюду видные. Области Владимірская и Нижегородская очень плодоносны: изъ одной мѣры хлѣба выходитъ иногда 20, иногда 30 мѣръ. Рязанская область превосходитъ плодоносіемъ всѣ остальныя; лошади не могутъ проѣхать чрезъ ея густыя нивы; великое множество здѣсь меду, рыбы, птицъ и звѣрей; древесные плоды гораздо лучше московскихъ.—Кромѣ хлѣбопашества, звѣроловства, рыболовства и пчеловодства, иностранные писатели указываютъ на добываніе желѣза около Серпухова, на добываніе соли въ Старой Русѣ, въ Соловкахъ, около Переяславля-Залѣсскаго, около Нижняго-Новгорода; по ихъ извѣстіямъ, на перелетъ стрѣлы отъ Бѣлаозера есть другое озеро, производящее сѣру, которая выно-

---

таемъ: «Тіуну насадку питья, ведро». Но именно на основаніи этого-то свидѣтельства и нельзя допустить, что насадка значила ведро, ибо въ такомъ случаѣ оба слова не были бы поставлены рядомъ. Изъ этого свидѣтельства можно вывести одно, что насадка означала неопредѣленно поборъ питьемъ, количество же могло опредѣляться въ разныхъ мѣстахъ различно.

[1]) Акты юридич. стр. 261.—У Герберштейна читаемъ: «Coloni sex dies in septimana domino suo laborant, septimus vero dies privato labori conceditur. Habent aliquot privatos et a dominis suis attributos agros et prata ex quibus vivunt: reliqua omnia sunt dominorum. Sunt praeterea miserrimæ conditionis, quod illorum bona, nobilium ac militum praedæ exposita sunt». Неизвѣстно, кого разумѣлъ Герберштейнъ подъ именемъ coloni—свободныхъ или несвободныхъ земледѣльцевъ; во всякомъ случаѣ трудно признать справедливымъ извѣстіе о седьмомъ днѣ.

[2]) Акты Западн. Россіи, II, № 159.

сится рѣкою, изъ него вытекающею: но туземцы не умѣютъ пользоваться этимъ даромъ природы. Изъ промышленности не первоначальной иностранцы упоминаютъ объ искусномъ выдѣлываніи въ Калугѣ рѣзныхъ деревянныхъ чарокъ и другой деревянной посуды, которая вывозилась на продажу въ Москву, Литву и другія сосѣднія страны.

Русскія извѣстія указываютъ намъ рыболововъ, расположенныхъ цѣлыми слободами въ удобныхъ для ихъ промысла мѣстахъ; наприм. на озерахъ Галицкомъ, Переяславскомъ; переяславскіе рыбаки находились въ вѣдѣніи волостеля стольничаго пути, котораго права въ уставной грамотѣ были опредѣлены точно такъ же, какъ права волостеля Артемонскаго стана въ приведенной выше уставной грамотѣ. Дошла до насъ также грамота великаго князя Василія сокольникамъ сокольничья пути, жившимъ въ Переяславлѣ на посадѣ: они были освобождены изъ-подъ вѣдѣнія намѣстниковъ и тіуновъ, не тянули съ Переяславцами ни въ какіе проторы и разметы, кромѣ яма, городоваго дѣла (постройки городскихъ укрѣпленій) и посошной службы; судилъ ихъ самъ князь великій, или его сокольничій; давали эти сокольники,—двадцать человѣкъ оброку полтора рубля въ годъ; въ числѣ этихъ двадцати сокольниковъ упоминаются четыре вдовы, два сапожныхъ мастера, одинъ сѣдельникъ, одна хлѣбница Касательно звѣриной ловли въ пользу князя, мы имѣемъ грамоту удѣльнаго князя Семена Ивановича Троицкому монастырю, по которой крестьяне послѣдняго, жившіе въ Бѣжецкомъ Верху, обязаны были посылать на княжескую ловлю, на медвѣдей, лосей и оленей по пяти человѣкъ съ сохи; надобно замѣтить, что это опредѣленіе является здѣсь какъ льгота [1]).

По иностраннымъ извѣстіямъ, жители Московскаго государства производили обширную торговлю сырыми произведеніями своей страны: все количество смолы и воска, потребляемое въ Европѣ, равно какъ дорогіе мѣха, привозились чрезъ Ливонію изъ московскихъ владѣній; мы должны замѣтить, что не изъ однихъ московскихъ владѣній, ибо большое количетсво смолы и воска шло за границу также изъ Западной, Литовской Руси. Кромѣ того, изъ Московскаго государства отпускались за границу на западѣ лѣсъ, лучшій ленъ, конопля, воловьи кожи. Въ Литву и Турцію вывозились кожи, мѣха и моржевые зубы; къ Татарамъ шли сѣдла, узды, сукна, кожи, полотно, ножи, топоры, стрѣлы, зеркала, кошельки. Привозимые товары, большею частію, были: серебро въ слиткахъ, сукна, шелкъ, шелковыя ткани и парчи, дорогіе камни, жемчугъ, сученое золото, перецъ, шафранъ, вино; купцы чагатайскіе доставляли шелковыя ткани, татарскихъ лошадей и превосходныя бѣлыя матеріи, не тканыя, а сваляныя изъ шерсти, изъ которыхъ дѣлались япанчи, красивыя и защищавшія отъ дождя. Изъ ярмарокъ славилась въ Холопьемъ городѣ на рѣкѣ Мологѣ Ко времени Василіева же княженія относится начало знаменитой Макарьевской ярмарки; въ 1524 году великій князь, желая нанести вредъ враждебной Казани, запретилъ русскимъ купцамъ ѣздить на ярмарку, бывавшую подлѣ Казани, на такъ называемомъ Купеческомъ островѣ, а назначилъ мѣсто для ярмарки въ Нижегородской области; но чрезъ эту мѣру сначала не меньше вреда потерпѣло и Московское государство, почувствовало сильный недостатокъ въ товарахъ, шедшихъ Волгою изъ Каспійскаго моря, изъ Персіи и Арменіи, особенно же чувствителенъ былъ недостатокъ въ соленой рыбѣ, привозимой съ низовьевъ Волги [2]). Иностранные писатели указываютъ и торговые пути: такъ они говорятъ о судоходствѣ по Москвѣ-рѣкѣ, затрудняемомъ извилинами, особенно между Москвою и Коломною; говорятъ, что въ 24 германскихъ миляхъ отъ Рязани находится мѣсто Донковъ на Дону; здѣсь купцы, отправляющіеся въ Азовъ, Кафу и Константинополь, нагружаютъ свои суда, что дѣлается обыкновенно осенью, въ дождливое время года, ибо въ друго время Донъ такъ мелокъ, что не можетъ поднимать судовъ.—Подъ Вязьмою течетъ рѣка того же имени, впадающая въ Днѣпръ: отсюда нагруженныя товарами суда спускаются обыкновенно въ Днѣпръ, и обратно вверхъ по Днѣпру идутъ суда до Вязьмы. — Дмитровъ лежитъ на рѣкѣ Яхромѣ, впадающей въ Сестру, а Сестра впадаетъ въ Дубну, притокъ Волги; вслѣдствіе такого теченія рѣкъ здѣсь производится обширная торговля. Любопытны извѣстія иностранцевъ о нѣмой торговлѣ, еще производившейся въ XVI вѣкѣ: такая торговля производилась съ Лапландцами въ сѣверныхъ предѣлахъ Европейской Россіи, и за Ураломъ, въ области Оби [3]).—По договору съ семидесятью Ганзейскими городами 1514 г., купцамъ ихъ позволено было торговать въ Новгородѣ всякимъ товаромъ безъ вывѣта, солью, серебромъ, оловомъ, мѣдью, свинцомъ, сѣрою, а новгородскіе купцы получили право торговать въ Нѣмецкой Землѣ также всякимъ товаромъ безъ вывѣта и воскомъ. Купитъ Нѣмецъ у Новгородца воскъ, и воскъ окажется нечистъ, то Новгородецъ обязанъ его обмѣнить. Будетъ Новгородецъ въ нѣмецкихъ городахъ покупать или продавать что въ ластъ, то вѣсчаго не платитъ, а начнетъ продавать или покупать въ вѣсъ, то брать съ него вѣсчее; также и Нѣмецъ въ Новгородѣ если станетъ продавать соль, сельди и медъ въ ластъ, то не платитъ вѣсчаго; если же въ вѣсъ,—то платитъ: дастъ Нѣмецъ за какой нибудь товаръ серебро и окажется оно нечисто, то ему это серебро обмѣнить. У Герберштейна находимъ извѣстіе о ростахъ, которые простирались отъ десяти до двадцати со ста. Мы не знаемъ, съ какою скоростію тогдашніе пути сообщенія позволяли купцамъ перевозить товары; но

[1]) Акты арх. эксп. I, № 142, 143, 147; Акты историч. I, № 117.

[2]) Герберштейнъ, стр. 73.

[3]) См. мою статью: Географич. извѣстія о древней Россіи, въ Отечеств. Зап. т. LXXXVI.

Герберштейнъ оставилъ намъ извѣстіе о ямской гоньбѣ: „Когда я, говоритъ Герберштейнъ, ѣхалъ изъ Новгорода въ Москву, то ямщикъ выставлялъ заблаговременно по 30, 40 и 50 лошадей, тогда какъ мнѣ нужно было не болѣе 12; каждый изъ насъ такимъ образомъ выбиралъ себѣ любую лошадь. Всякому позволено пользоваться почтовыми лошадьми; если на дорогѣ лошадь утомится или падетъ, то вольно взять другую изъ перваго дома или у перваго встрѣтившагося проѣзжаго, исключая гонца великокняжескаго; ямщикъ обязанъ отыскать лошадь, брошенную на дорогѣ, также доставить взятую лошадь хозяину, и заплатить ему прогоны: за 10 или 20 верстъ платится обыкновенно 6 денегъ". Слуга Герберштейна проѣхалъ 600 верстъ изъ Новгорода въ Москву въ 72 часа; такая скорость ѣзды заключаетъ нашъ авторъ, тѣмъ удивительнѣе, что лошади очень мелки и содержатся гораздо хуже, чѣмъ у насъ. Изъ русскихъ извѣстій о ямахъ дошла до насъ великокняжеская грамота о починкѣ ветхаго строенія на Ергольскомъ яму: „Сказывали ергольскіе ямщики, что на яму хоромы, избы. сѣнники и конюшни погнили и тынъ обвалился; велѣть ихъ построить крестьянамъ бѣлозерскими сохами, всѣми безъ исключенія, чей кто нибудь, а съ сохи брать по два человѣка: тѣми же сохами велѣть крестьянамъ отъ Ергольскаго яма до Напорожскаго дороги почистить, мосты по рѣкамъ, болотамъ и грязямъ починить; вмѣсто сгнившихъ мостовъ новые намостить, на рѣкахъ мосты мостить на клѣткахъ, чтобъ ихъ вешняя вода не сносила. Отмѣрить земли къ яму ямщикамъ на пашню, сѣнокосъ и ямскимъ лошадямъ на выпускъ, и этой земли межи назначить, ямы покопать и драни покласть". Названіе ямовъ произошло не отъ этихъ межевыхъ ямъ, которыя употреблялись вездѣ, но или отъ русскаго слова емлю, беру, или, что еще вѣроятнѣе, отъ татарскаго ямъ, дорога [1]).

Въ Западной Руси король Сигизмундъ далъ въ 1511 году жителямъ Вильны право, по которому пріѣзжіе въ ихъ городъ купцы могли торговать только съ ними, исключая ярмарки, когда пріѣзжіе купцы могли торговать и съ купцами иностранными [2]).

Относительно искусства при Василіи замѣчательно извѣстіе лѣтописи о поновленіи старыхъ иконъ греческаго письма, иконъ Спасителя и Богородицы, которыя были принесены для этого изъ Владиміра въ Москву въ 1518 году, торжественно встрѣчены митрополитомъ Варлаамомъ и всѣмъ народомъ. Поновляли ихъ въ митрополичьихъ палатахъ, и самъ митрополитъ, сказано, много разъ своими руками трудился въ этомъ дѣлѣ; по обновленіи и украшеніи, иконы были отпущены назадъ во Владиміръ также съ большимъ торжествомъ. Въ 1531 г. также для поновленія принесли въ Москву двѣ иконы изо Ржевы: одна изображала преподобную Параскевію, а другая мученицу Параскевію. Стѣнною церковною живописью славился русскій мастеръ Ѳедоръ Едикѣевъ; упоминается также иконописецъ Алексѣй Псковитинъ Малый. Замѣчательнѣйшимъ изъ строительныхъ памятниковъ Василіева княженія остался для насъ Новодѣвичій монастырь въ Москвѣ, основанный въ благодарность за взятіе Смоленска.—Мы уже имѣли случай замѣтить, что вызовъ иностранныхъ художниковъ и медиковъ продолжался и при Василіи. Въ 1534 г., по приказанію великаго князя, слитъ былъ колоколъ въ 1,000 пудъ; лилъ его Николай Нѣмецъ; одиннадцать каменныхъ церквей были построены при Василіи въ Москвѣ мастеромъ Алевизомъ Фрязинымъ, Ивановскую колокольню построилъ Бонъ Фрязинъ [3]).—Кромѣ упомянутыхъ при описаніи болѣзни Василіевой двоихъ нѣмецкихъ лѣкарей, Николая Булева и Ѳеофила, былъ еще третій, родомъ Грекъ, именемъ Марко.

Но въ то время, какъ плоды европейской гражданственности принимались, хоть медленно и слабо, въ Московскомъ государствѣ, русскіе люди, двигаясь попрежнему на сѣверо-востокъ, продолжали полагать среди здѣшнихъ лѣсовъ, среди дикаго ихъ народонаселенія, основу гражданственности—христіанство, и Герберштейнъ, который такъ часто смотритъ съ черной стороны на Московію, не могъ однако не замѣтить, что и въ его время русскіе иноки отправлялись въ разныя стороны на сѣверъ и востокъ, преодолѣвая на пути величайшія трудности, терпя голодъ, подвергая опасности жизнь,—все это съ одною цѣлію распространить христіанство. Описывая Пермь, тотъ же Герберштейнъ говоритъ, что здѣсь и послѣ Стефановой проповѣди остается въ лѣсахъ еще много язычниковъ; но монахи, туда отправляющіеся, не перестаютъ отрывать ихъ отъ прежнихъ заблужденій. Пустынникъ Ѳеодоритъ крестилъ кольскихъ Лопарей; Трифонъ распространялъ христіанство у Лопарей, жившихъ на рѣкѣ Печенгѣ.

Въ исторіи Русской Церкви временъ Василіевыхъ сосредоточиваютъ на себѣ наше вниманіе два знаменитыхъ лица: одно уже извѣстное намъ—Іосифъ Волоколамскій, другое—Максимъ Грекъ. Восшествіе на престолъ Василія обезпечивало для Іосифа торжество надъ ересью и обѣщало постоянное покровительство верховной власти. Мы уже видѣли, что Іосифъ былъ еще болѣе мужъ дѣла, чѣмъ слова, былъ достойный преемникъ тѣхъ знаменитыхъ подвижниковъ, которые собственнымъ примѣромъ поддерживали христіанскую дѣятельность въ областяхъ Московскаго государства. Нуждался ли крестьянинъ въ сѣменахъ для посѣва, терялъ домашній скотъ, земледѣльческія орудія,— приходилъ къ Іосифу, и тотъ снабжалъ его всѣмъ нужнымъ. Во время голода въ Волоколамской области, поселяне

[1]) С. г. г. и д. V, № 65. Акты арх. эксп. I. № 156.
[2]) Собр. древ. грам. город. Вильны и проч. № 61.

[3]) Никон. VI, 215, 244, 258, П. С. Р. Л. VI, 254, 53. Лѣтоп. библ. архива Мин. Ин. Д. № 20; Времен. Москов. Истор. Общ. № 8, стр. 50.

стекались въ монастырь къ Іосифу, который кормилъ около семисотъ человѣкъ, кромѣ дѣтей, построилъ подлѣ монастыря странопріимницу съ церковію, велѣлъ здѣсь покоить больныхъ, кормить бѣдныхъ, поставилъ особаго строителя. Когда истощились собственныя средства монастыря, Іосифъ дѣлалъ займы и кормилъ бѣдныхъ; увѣщевалъ и Дмитровскаго князя Юрія Ивановича позаботиться о людяхъ, страдавшихъ отъ голода: „Бога ради и Пречистой Богородицы, пожалуй, государь, попекись о православномъ христіанствѣ, о своемъ отечествѣ, подобно древнимъ православнымъ царямъ и князьямъ, которые заботились о своихъ подданныхъ во время голода; который государь имѣлъ у себя много хлѣба,—раздавалъ его неимущимъ, или приказывилъ продавать недорого, устанавливалъ цѣну, поговоривши съ боярами, какъ надобно; полагалъ запретъ страшный на ослушниковъ, какъ и теперь сдѣлалъ братъ твой, великій князь Василій Ивановичъ всея Руси. Если ты распорядишься такъ въ своемъ государствѣ, то оживишь нищихъ людей, потому что уже многіе теперь люди мрутъ съ голоду, а кромѣ тебя некому этой бѣдѣ пособить; никто другой не можетъ ничего сдѣлать, если ты не позаботишься и не установишь цѣны своимъ государскимъ повелѣніемъ“ [7]).

Но одною этою дѣятельностію не могъ ограничиться Іосифъ; и въ княженіе Василія онъ долженъ былъ вести сильную борьбу съ своими врагами. Мы видѣли, что при Іоаннѣ III-мъ, во время борьбы съ ересью жидовствующихъ, Іосифъ, провозглашая необходимость строгихъ мѣръ противъ еретиковъ, навлекъ на себя ненависть многихъ и сильныхъ людей. Вопросъ объ этихъ мѣрахъ продолжался и при Василіи: противники ихъ, въ челѣ которыхъ находился инокъ Вассіанъ Косой, т. е. князь Василій Патрикѣевъ, начали опять настаивать, что кающихся еретиковъ должно выпустить изъ заточенія; Іосифъ твердо стоялъ при прежнемъ своемъ мнѣніи, и, выставляя примѣры строгости къ виновнымъ изъ Ветхаго и Новаго Завѣта, писалъ великому князю: „Молимъ тебя, государь, чтобъ ты своимъ царскимъ судомъ искоренилъ тотъ злой плевелъ еретическій вконецъ“. Старцы Кириллова и всѣхъ вологодскихъ монастырей написали колкое опроверженіе этому мнѣнію, и церковные историки догадываются, что опроверженіе написано Вассіаномъ. Великій князь принялъ мнѣніе Іосифа; однако враги послѣдняго не были низложены окончательно; Вассіанъ переѣхалъ въ Москву, приблизился опять ко двору, и дѣйствовалъ иногда съ успѣхомъ противъ Іосифа [8]).

Вассіанъ, по свидѣтельству одного изъ современниковъ, враждовалъ много на Іосифа и хотѣлъ разорить монастырь его. Вассіанъ хотѣлъ этого вслѣдствіе старинной борьбы, вслѣдствіе противоположности убѣжденій; по другимъ побужденіямъ хотѣлъ разорить Іосифовъ монастырь удѣльный князь Ѳедоръ Борисовичъ Волоколамскій. Но пусть самъ Іосифъ разскажетъ намъ о притѣсненіяхъ, которыя монастырь его терпѣлъ отъ удѣльнаго князя: „Князь Ѳедоръ Борисовичъ во все вступается: что Богъ пошлетъ намъ, въ томъ воли не даетъ; иное даромъ проситъ, другое въ полцѣны беретъ; если его не послушаемъ, то хочетъ кнутомъ бить чернецовъ, а на меня бранится. И мы боялись его, давали ему все, что благочестивые люди дарили монастырю—коней, доспѣхи, платье; но онъ захотѣлъ еще денегъ, и началъ присылать за ними: мы ему послали шестьдесятъ рублей; прислалъ просить еще—послали еще сорокъ рублей, и эти деньги уже десять лѣтъ за нимъ; мы вздумали было послать попросить ихъ назадъ, а онъ нашего посланица, монаха Герасима Чернаго, хотѣлъ кнутомъ высѣчь, да денегъ не отдалъ. Все, что ни пришлютъ на милостыню или на поминъ по усопшимъ, все хочетъ, чтобъ у него было; прислалъ князь Семенъ Бѣльскій полтораста копъ грошей на поминъ родителей, и князь Ѳедоръ сейчасъ же прислалъ къ намъ просить этихъ грошей; купили мы на полтораста рублей жемчугу на ризы и на эпитрахиль,—и князь Ѳедоръ прислалъ жемчугу просить. Къ чернецамъ нашимъ подсылалъ говорить: „Которые изъ нихъ хотятъ идти отъ Іосифа въ мою отчину, тѣхъ берусь покоить; а которые не хотятъ и заодно съ Іосифомъ, отъ тѣхъ оборонюсь. Голову Павла если не изобью кнутомъ, то не буду я сынъ князя Бориса Васильевича“. И вотъ нѣкоторые чернецы побѣжали изъ монастыря. Увидавши, что князь Ѳедоръ

---

[7]) Дополн. къ акт. истор. I, № 216; Твор. Св. отцовъ, годъ V, кн. 2.

[8]) Древн. Росс. Вивліоѳика, ч. XVI, стр. 423; Творенія Св. отцовъ, годъ IX, кн. 3-я; «Да въ тѣжъ времена старцы: Звенигородской князь Деонисей, да Нилъ Полевъ, Іосифовы постриженики жили въ пустыняхъ на Бѣлѣозерѣ, близко Кирилова монастыря. И старецъ князь Діонисей Звенигородскій пріиде къ пустыннику и узрѣ у него крестъ подъ постелею, и прилучися въ та времена съ нимъ священникъ мірской. И паки, въ иное время, пріиде къ иному пустыннику, а тотъ священникъ съ нимъ же: аже тотъ пустынникъ держитъ у себя въ рукахъ книгу, а келья у него топится. И какъ зарилъ старца Діонисія, и тотъ пустынникъ книгу вкинулъ въ печь и книга сгорѣла. И ту великую ересь видѣлъ старецъ Діонисій да и священникъ. И къ Іосифу старецъ Діонисій прислалъ старца Серапіона Крестечника съ грамотою, а въ ней написано, что у пустынниковъ видѣлъ ересь. Іосифъ прочелъ грамоту, да послалъ ту грамату къ Ростовскому Архіепископу Васьяну, понежъ въ его архіепископьи. А въ та времена Васьянъ Архіепископъ на Москвѣ былъ. И Васьянъ Архіепископъ ту грамоту подалъ великому князю. И князь великій ту грамоту показалъ старцу князю Васьяну Косому и рекъ ему: добро ли чинятъ твои пустынники? И Васьянъ рекъ великому князю: та де, государь грамота писана лукавствомъ, а вся солгана. Вспроси де, государь, попа, и князь великій велѣлъ поставити попа, да вспросилъ попа. И попъ сказалъ, такъ, какъ въ грамотѣ писано. И старецъ Васіанъ князь попа просилъ на пытку, и попа пытали, и ногу изломали, и попъ умеръ, а не сговорилъ. И князь великій опалѣлся на старца на князя Діонисія, да и на старца Нила, глаголюще: сами де межъ себя бранятца, и мнѣ грѣха доставили. Да велѣлъ князь великій старца Діонисія да съ нимъ Нила старца взяти въ Кириловъ монастырь и пустыни ихъ велѣлъ сжечи».

рѣшился разорить монастырь, я хотѣлъ-было уже бѣжать изъ него, и объявилъ объ этомъ братіи; но братія стала мнѣ говорить: „Богъ взыщетъ на твоей душѣ, если церковь Пречистыя и монастырь будутъ пусты, потому что монастырь Пречистая устроила, а не князь Ѳеодоръ; мы отдали все имѣніе свое Пречистой да тебѣ, въ надеждѣ, что будешь насъ покоить до смерти, а по смерти поминать; сколько было у насъ силы, и мы ее истощили въ монастырскихъ работахъ; а теперь, какъ нѣтъ больше ни имѣнія, ни силъ, ты насъ хочешь покинуть! Тебѣ извѣстно, что намъ у князя Ѳеодора жить нельзя, онъ и при тебѣ насъ хочетъ грабить и кнутомъ бить; знаешь самъ хорошо, какъ князь Ѳеодоръ на Возмищѣ, въ Селижаровѣ и въ Левкіевѣ монастырѣ не оставилъ ничего денегъ въ казнѣ, и у насъ ничего же не оставитъ; но въ тѣхъ монастыряхъ чернецы, постригаясь, оставляютъ имѣніе при себѣ и тѣмъ живутъ; а мы, постригшись, отдали все Пречистой, да тебѣ“. Я побоялся осужденія отъ Бога и не посмѣлъ покинуть монастырь, предать его на расхищеніе. Мы били челомъ самымъ сильнымъ у князя людямъ, чтобъ просили его жаловать насъ, а не грабить; но они отвѣчали: „Воленъ государь въ своихъ монастыряхъ, - хочетъ— жалуетъ, хочетъ—грабитъ“. Тогда я билъ челомъ государю православному самодержцу великому князю всея Руси, чтобъ пожаловалъ, монастырь Пречистыя избавилъ отъ насильствъ князя Ѳеодора; а не пожалуетъ государь, то всѣмъ пойти разно, и монастырю запустѣть. Государь князь великій не просто дѣло сдѣлалъ, думалъ съ князьями и боярами, и, поговоря съ преосвященнымъ Симономъ митрополитомъ и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, по благословенію и по совѣту всѣхъ ихъ, монастырь и меня грѣшнаго съ братіею взялъ въ великое свое государство, и не велѣлъ князю Ѳеодору ни во что вступаться. Послѣ этого жили мы въ покоѣ и въ тишинѣ два года“.—По прошествіи этихъ двухъ лѣтъ гроза поднялась снова, потому что князь Ѳеодоръ не хотѣлъ отказаться отъ надежды получить въ свои руки опять Іосифовъ монастырь; съ тремя приближенными къ себѣ людьми онъ придумалъ, что нѣтъ для этого другого средства, какъ дѣйствовать чрезъ архіепископа Новгородскаго, къ епархіи котораго, по старинному политическому раздѣленію, принадлежала Волоколамская область; и вотъ, по внушеніямъ князя Ѳеодора, Новгородскій владыка Серапіонъ послалъ на Іосифа отлучительную отъ священства грамоту въ самый Великій постъ. Поступокъ этотъ произвелъ сильное волненіе; при дворѣ Волоцкаго князя торжествовали, начали говорить: „Достали мы Іосифовъ монастырь: владыка нашъ замелъ не однимъ Іосифомъ, замелъ и Москвою“. Но въ Москвѣ спѣшили показать, что ее трудно замести удѣломъ: Серапіонъ Новгородскій былъ вызванъ въ Москву, лишенъ епархіи и сосланъ въ Троицкій монастырь за то, что, безъ обсылки съ великимъ княземъ и митрополитомъ, отлучилъ Іосифа, который перешелъ отъ Волоцкаго князя по согласію великаго князя и митрополита [1]). Дѣло это произвело сильное впечатлѣніе, стало предметомъ толковъ; у Іосифа было много враговъ, и ему дали знать, что на Москвѣ многіе люди говорятъ: лучше было бы Іосифу оставить монастырь и пойти прочь, чѣмъ бить челомъ великому князю; вслѣдствіе этого Іосифъ счелъ за нужное написать длинное оправдательное посланіе съ подробнымъ изложеніемъ всего дѣла; ученикъ его, Нилъ Полевъ, также писалъ въ защиту учителя [2]).

Іосифъ умеръ въ 1515 году; Вассіанъ Косой пережилъ его и продолжалъ борьбу съ его преданіями. Къ этой старинной борьбѣ, ведущей начало изъ временъ Іоанна III, присоединяется при Василіи дѣло знаменитаго Максима Грека. Въ годъ смерти Іосифа, великій князь Василій отправилъ Василья Копыла на Аѳонскую гору съ грамотою къ

[1]) Древн. Росс. Вивліоѳ. XIV, 190. П. С. Р. Л. VI, 249. Іосифъ говоритъ: «На меня накупилъ князь Ѳеодоръ съ своимъ архимандритомъ (Алексѣемъ Пильевымъ) Кривоборгскаго, а Кривоборгской Архіепископа Серапіона улоскалъ и обманулъ... Послали дву чернецовъ съ грамотами къ Кривоборскому, будто соли да рыбы купити, а въ грамотахъ писалъ, только Архіепископъ Серапіонъ учинитъ такъ, о чемъ ему біетъ челомъ князь, и онъ будетъ второй Златоустъ, а Кривоборской только на то наведетъ Архіепископа, и князь съ нимъ хочетъ животы дѣлитись. И Арх. Серапіонъ на то уязвился тщеславіемъ, захотѣлъ себя явити всему міру, что онъ праведнѣе разумнѣе всѣхъ человѣкъ, да грамоту прислалъ такову ко мнѣ, что де еси отдалъ монастырь свой въ великое государство, ибо де еси отступилъ отъ небеснаго а пришелъ къ земному, и ты разсуди себѣ Серапіонову мудрость: учинилъ Волокъ небомъ, а Москву землею, а князя Ѳедора Волоцкаго небеснымъ, а великаго князя Московскаго земнымъ, а отъ божественнаго писанія, пачежъ отъ священныхъ правилъ не написалъ ни одного слова... И князь великій почалъ ему говорити (Серапіону): еси нарекъ князя Ѳеодора небеснымъ, а меня земнымъ, ино я земной то и есть, то намъ скажи, почему ты князя Ѳедора назвалъ небеснымъ. И Архіеп. почалъ сваритися съ всѣми, и съ государемъ, и съ старѣйшимъ святителемъ, и съ всѣми святители, то де вѣдаю азъ, почему язъ не благословилъ, а вамъ до того которое дѣло, воленъ язъ въ своемъ черпцѣ, а князь Ѳедоръ воленъ въ своемъ монастырѣ, хочетъ грабитъ, хочетъ жалуетъ».

[2]) Твор. Св. Отцовъ, годъ IX, кн. 3; Древ. росс. Вивліоѳ. XIV, 177. Уже послѣ смерти Іосифа написано Вассіаномъ оправданіе въ обвиненіяхъ, которыя Іосифъ взвелъ на него и на учителя его, Нила Сорскаго. Между прочимъ Вассіанъ пишетъ: «Вѣси самъ Іосифе, въ св. правилахъ, что вдовцамъ чистымъ повелѣваютъ служити, а ты, презрѣвъ св. правила, по страсти, человѣкоугодія ради отговорилъ всѣмъ вдовцамъ не служити. А о селахъ не подобаетъ монастыремъ ихъ держати, у соборныхъ церквей у мірскихъ повелѣваютъ св. правила земли держати, но не епископу ими владѣти, ни попомъ, но все церковное богатство выдати икономý, и давать отъ него со епископля доклада причетникомъ церковнымъ всѣмъ, а инокамъ не подобаетъ богатствовати и земель держати, понеже отреклися сего всего... Сіе Іосифе лжеши на мя и на моего старца Нила, что мы хулимъ чудотворцевъ и древнихъ и новыхъ, а чудесъ изъ ихъ святыхъ писаній ничего старецъ Нилъ не выкинулъ, наипаче исправилъ, со иныхъ справилъ списковъ»... Вассіанъ утверждаетъ, что не подобаетъ церквей и иконъ украшать златомъ и сребромъ. Наконецъ Вассіанъ упрекаетъ Іосифа: «Ниже у насъ еси потребовалъ прощенія, ниже самъ еси насъ простилъ отходя на путь вѣчный». Рукоп. Синод. библіот. № 738.

проту и всѣмъ игуменамъ и монахамъ 18-ти монастырей Святогорскихъ, съ просьбою прислать на время въ Москву изъ Ватопедскаго монастыря старца Савву, переводчика книжнаго. Игуменъ этого монастыря отвѣчалъ, что Савва не можетъ отправиться по старости и болѣзни въ ногахъ; но что вмѣсто него Ватопедъ посылаетъ другого инока, Максима, искуснаго и годнаго къ толкованію и переводу всякихъ книгъ церковныхъ и такъ называемыхъ Еллинскихъ [1]). Максимъ, албанскій Грекъ изъ города Арты, прежде постриженія своего на Ватопедѣ, путешествовалъ по Европѣ, учился въ Парижѣ, Флоренціи, Венеціи. Въ такія-то руки досталось богатое собраніе греческихъ рукописей, хранившееся въ московской великокняжеской библіотекѣ и остававшееся безъ употребленія по недостатку свѣдущихъ людей. Къ сожалѣнію, Максимъ, зная основательно языки—греческій и латинскій, не могъ въ той же степени владѣть славяно-русскимъ, которымъ началъ заниматься уже по отправленіи своемъ въ Москву; несмотря на то, однако онъ успѣлъ оказать важныя услуги русскому просвѣщенію въ XVI вѣкѣ. Прежде всего онъ занялся переводомъ толкованія на Псалтирь; онъ переводилъ его съ греческаго на латинскій языкъ, а уже съ латинскаго на славянскій переводили двое русскихъ толмачей. Послѣ этого перевода, Максиму поручено было исправленіе богослужебныхъ книгъ, наполненныхъ грубыми ошибками переписчиковъ; потомъ онъ перевелъ толкованія Златоуста на Евангеліе Св. Матѳея и Іоанна, толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ; впослѣдствіи онъ перевелъ Псалтирь съ греческаго на русскій языкъ. Но этимъ не ограничивались труды Максима: мы видѣли, какъ въ предшествовавшее время умножились сочиненія апокрифическія, жадно принимаемыя людьми, хотящими получить подробнѣйшія извѣстія о предметахъ первой важности, предметахъ религіозныхъ, но не имѣющихъ средствъ отличать истинное отъ ложнаго, вѣрующихъ всему, что написано. Отсюда Максимъ долженъ былъ вооружиться противъ апокрифическихъ сочиненій и противъ разныхъ суевѣрій, распространявшихся изъ книгъ и устно, при отсутствіи просвѣщенія; такъ, онъ писалъ: опроверженіе Папіева повѣствованія объ Іудѣ предателѣ; сказанія глаголющимъ, яко во всю свѣтлую недѣлю солнце не заходя стояло; опроверженіе Афродитіановой повѣсти о Рождествѣ Христовомъ. Здѣсь, въ началѣ разбора, Максимъ выставляетъ три правила для повѣрки книгъ: 1) написана ли книга писателемъ благовѣрнымъ и извѣстнымъ въ Церкви; 2) согласна ли она съ богодухновеннымъ писаніемъ; 3) согласна ли во всемъ сама съ собою.—Максимъ написалъ также слово „На безумную прелесть и богомерзкую мудрствующихъ, яко погребенія для утопленнаго и убитаго бываютъ плодотлители и стужи земныхъ прозябеній"; наконецъ Максимъ долженъ былъ болѣе всего вооружиться противъ распространившейся въ его время страсти къ астрологіи, противъ вѣры въ судьбу—или колесо фортуны. Максимъ утверждаетъ, что все устроивается промысломъ Божіимъ, а не звѣздами, не звѣздодвижнымъ колесомъ счастія. О степени просвѣщенія современниковъ Максима лучше всего свидѣтельствуетъ сочиненіе послѣдняго о смыслѣ словъ, обыкновенно помѣщаемыхъ на иконахъ Богородицы; онъ долженъ былъ толковать, что эти греческія слова значатъ: Матерь Божія, а не Марѳа, не Мирѳу, „якоже нѣцыи всуе непщуютъ".

Нѣтъ ничего удивительнаго, что ученый греческій инокъ долженъ былъ сойтись съ инокомъ русскимъ, который славился также своимъ относительнымъ просвѣщеніемъ, съ знаменитымъ княземъ Патрикѣевымъ, Вассіаномъ Косымъ. Іоаннъ III обвинялъ Патрикѣева въ высокоуміи: дѣйствительно, онъ позволялъ себѣ смѣлые отзывы о явленіяхъ, которыя ему не нравились; обвиняя современное ему общество въ невѣжествѣ, онъ осмѣливался не признавать правильными его приговоровъ относительно нравственнаго достоинства извѣстныхъ лицъ, не хотѣлъ признавать высокаго нравственнаго и религіознаго значенія въ человѣкѣ, если онъ, по его мнѣнію, былъ необразованъ и низкаго происхожденія [2]). Таковъ былъ опасный союзникъ Максима! Вассіанъ и Максимъ сошлись во мнѣніи о важномъ вопросѣ, раздѣлявшемъ русское духовенство, въ вопросѣ — прилично ли владѣть монастырямъ селами. Будучи ученикомъ Нила Сорскаго, Вассіанъ настаивалъ на отрицательное рѣшеніе этого вопроса. До насъ дошло сочиненіе, по всѣмъ вѣроятностямъ принадлежащее Вассіану; здѣсь говорится: „Гдѣ въ евангельскихъ, апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ велѣно инокамъ села многонародные пріобрѣтать и порабощать крестьянъ братіи, съ нихъ неправедно серебро и золото собирать. Вшедши въ монастырь, не перестаемъ чужое себѣ присвоивать всяческимъ образомъ, села, имѣнія, то съ безстыднымъ ласкательствомъ выпрашиваемъ у вельможъ, то покупаемъ. Вмѣсто того, чтобъ безмолвствовать и рукодѣліемъ питаться, безпрестанно разъѣзжаемъ по городамъ; смотримъ въ руки богачей, ласкаемъ, раболѣпно угождаемъ имъ, чтобъ выманить или деревнишку, или серебришко. Господь повелѣваетъ раздавать милостыню нищимъ, а мы братьевъ нашихъ убогихъ, живущихъ въ селахъ нашихъ, различнымъ образомъ оскорбляемъ, если не могутъ заплатить,—коровку и лошадку отнимаемъ, самихъ же съ женами и дѣтьми, какъ оскверненныхъ, далеко отъ своихъ предѣловъ отгоняемъ, нѣкоторыхъ же, свѣтской власти предавши, доводимъ до конечнаго истребленія, обижаемъ, грабимъ, продаемъ христіанъ, нашу братью, бичемъ ихъ истязуемъ безъ

[1]) Акты историч. I, № 122; Времен. Москов. Истор. Общ. № 5; Твор. Св. Отцовъ, годъ VI, кн. I, Рукописн. сочин. Максим. различ. библіот.

[2]) Преніе Данила со старцемъ Васьяномъ 1531 года: Чтенія Москов. Истор. Общ. 1847 г. № 9.

милости, какъ звѣрей дикихъ. Считающіе себя чудотворцами повелѣваютъ нещадно мучить крестьянъ, не отдающихъ монастырскихъ долговъ,—только не внутри монастыря, а передъ воротами: думаютъ, что внѣ монастыря не грѣхъ казнить христіанина!... Не развращаю я христолюбивыхъ князей словомъ Божіимъ, но преступники заповѣдей Божіихъ, послѣдующіе человѣческимъ преданіямъ и языческимъ обычаямъ,—тѣ соблазняютъ и смущаютъ людей Божіихъ. Вы говорите, что я одинъ заступаюсь за еретиковъ беззаконно; но если бы былъ у васъ здравый разумъ и судъ праведный, то разумѣли бы, что не еретическую злобу защищаю, но о Спасителевой заповѣди и правильномъ ученіи побораю, ибо утверждаю, что надобно наказывать еретиковъ, но не казнить смертію. Скажите намъ, котораго изъ древнихъ еретиковъ или мечемъ убили, или огнемъ сожгли, или въ глубинѣ утопили?—не всѣхъ ли Святые отцы соборомъ анаѳемѣ предавали, а благочестивые цари заточали?"

Максимъ также настаивалъ на незаконность владѣнія монастырямъ селами въ сочиненіяхъ своихъ: „Повѣсть страшна и достопамятна", гдѣ приводилъ въ примѣръ убожество иноковъ картузіанскихъ, и въ „Бесѣдѣ актимона (нестяжательнаго) съ филоктимономъ (любостяжательнымъ)".

Вассіанъ и Максимъ не могли дать торжества своему мнѣнію: сопротивленіе разводу великаго князя лишило ихъ его благосклонности, послѣ чего они были обвинены въ церковныхъ преступленіяхъ. Въ переводахъ Максимовыхъ нашли неправильныя выраженія—и осудили переводчика; сперва заточили его въ Іосифовъ волоколамскій монастырь, гдѣ онъ терпѣлъ большую нужду, потомъ въ тверской Отрочъ, гдѣ онъ имѣлъ возможность читать и писать. Однимъ изъ обвиненій на Максима было то, что онъ укорялъ русскіе монастыри за владѣніе селами; другимъ,—что укорялъ московскихъ митрополитовъ, зачѣмъ они поставляются безъ благословенія партіарха Константинопольскаго. Въ судѣ надъ Вассіаномъ первый укоръ составлялъ главное содержаніе обвиненія. Максимъ три раза повергался предъ судившимъ его соборомъ, умоляя о помилованіи ради милости Божіей, ради немощей человѣческихъ, со слезами просилъ простить ему ошибки, вкравшіяся въ его книги. Иначе велъ себя на соборѣ Вассіанъ, который не призналъ ошибочнымъ ни одного изъ своихъ мнѣній; его также заточили въ Іосифовъ волоколамскій монастырь [1]).

Такимъ образомъ, мнѣніе Іосифа Волоцкаго продолжало торжествовать: монастыри продолжали владѣть землями и отдавать ихъ въ помѣстья и въ оброчное содержаніе разнымъ лицамъ.—Касательно содержанія монастырей любопытна грамота великаго князя Василія женскому Успенскому владимірскому монастырю: игуменья, старицы, пять священниковъ и два діакона били челомъ, что у нихъ во владѣніи волость да село, но доходу съ нихъ мало, прожить нечѣмъ; такъ великій князь купилъ бы у нихъ эту волость и село, а деньги велѣлъ отдать въ ростъ (деньги велѣти имъ водити въ людехъ въ ростѣхъ). Великій князь купилъ волость и село за 2,142 рубля; эти деньги велѣлъ своимъ дьякамъ давать въ ростъ по гривнѣ съ рубля, и ростовыя деньги отдавать въ монастырь: игуменьѣ 10 рублей денегъ, 50 четвертей ржи, 50 четвертей овса, 10 пудовъ соли; каждой старицѣ—по полтора рубля денегъ, по 12 четвертей ржи, по 12 четвертей овса, по три пуда соли; священнику—по 10 рублей денегъ, по 30 четвертей ржи, по стольку же четвертей овса и по 10 пудовъ соли, дьякону—по 6 рублей, по 20 четвертей ржи, по стольку же овса и по 6 пудовъ соли. Относительно быта монастырей во времена Василія замѣчательна уставная грамота Новгородскаго архіепископа Макарія Духовскому монастырю: владыка предписываетъ держать въ монастырѣ священника и дьякона черныхъ, да десять братьевъ; кромѣ обычныхъ службъ, въ воскресенье, понедѣльникъ, среду, пятницу и въ праздничные дни пѣть молебны о здравіи и спасеніи великаго князя и великой княгини, чтобъ имъ Господь Богъ послалъ дѣтей, также объ устроеніи земскомъ и о всемъ православномъ христіанствѣ; братіи быть всей у молебновъ. По понедѣльникамъ, середамъ и пятницамъ послѣ вечерни пѣть панихиды за усопшихъ. Въ келіи игуменъ у себя не ѣстъ и гостей не кормитъ и не пируетъ съ ними: кормить ему и потчивать гостей въ трапезѣ или въ келарской; игуменъ снабжаетъ братію одеждою, обувью и всякими келейными вещами, по преданіямъ общежительнымъ; держитъ келаря, казначея, да братьевъ трехъ или четырехъ соборныхъ и съ ними всякій чинъ исполняетъ, о прочихъ бра-

[1]) Творенія Св. Отцовъ, годъ IX, кн. 3. Въ посланіи къ митропол. Даніилу Максимъ говоритъ: «Аки хулника и зв. писаній тлителя осудисте мя, нѣкіихъ ради малыхъ описей, обрѣтенныхъ въ бывшемъ отъ меня преводѣ, о нихъ же тогда отвѣщавъ вашему священному собору, яко ниже по ереси, ниже по лукавству нѣкоему сицево что дерзнуто бысть мною - Богъ свидѣтель, но по нѣкоему всяко случаю, или по забвенію, или по скорби, или нѣчто излишнему винопитію погрузившумя, написашася тогда тако. Не точію же просто отвѣщахъ тогда, но еще и ницъ падъ трижды прощеніе просихъ». — Даніилъ сказалъ ему на соборѣ: «Достигоша тебе окаянне грѣхи твои». — Къ вопросу о поставленіи отъ цареградскаго патріарха относятся слѣдующія сочиненія Максима: 1) Къ отрицающимся на поставленіи и клепущимся своимъ рукописаніемъ русскому митрополиту и всему священному собору еже не пріимати поставленія на митрополіи и на владычество отъ Римскаго папы Латынскія вѣры и отъ Цареградскаго патріарха аки во области безбожныхъ Турокъ поганаго царя и поставленнаго отъ нихъ не пріимати. 2) Сказаніе о томъ, яко не оскверняются святая николиже, аще и много лѣтъ обладаемы суть градове отъ поганыхъ.—Къ вопросу о разводѣ Василія не можетъ относиться «Слово къ хотящимъ оставляти жены своя безъ вины законныя», ибо прибавлено: «И ити въ иноческое житіе». Сочинитель говоритъ, что и въ міру человѣкъ можетъ быть инокомъ, если отрѣшится отъ всякія злобы. Прибавл. къ опис. Слав. рукоп. Синод. библ. стр. 140.

тіяхъ вседумно печется, всякіе доходы и расходы вѣдаетъ, мятежниковъ церковныхъ и безчинниковъ монастырскихъ наказываетъ. Безъ игуменскаго благословенія братъ изъ монастыря не выходитъ, мірскіе люди къ старцамъ въ келіи не ходятъ; игуменъ держитъ у себя келейника чернеца, или двухъ, мірянина держать не можетъ; молодымъ людямъ у игумена и старцевъ не жить, слугъ держать за монастыремъ.—Епископы доносили о состояніи монастырей митрополиту и великому князю; до насъ дошло подобное донесеніе Новгородскаго владыки, замѣчательное по обращенію къ великому князю: „Благородному и христолюбивому и вседержавному царю и государю, великому князю, всея Руси самодержцу: зенеже, государь, отъ вышней Божіей десницы поставленъ ты самодержцемъ и государемъ всея Русіи; тебя, государя, Богъ вмѣсто себя избралъ на землѣ и на свой престолъ вознесши посадилъ, тебѣ поручилъ милость и животъ всего великаго православія; то намъ слѣдуетъ, по царскому твоему остроумію и богопреданной премудрости, обращаться къ тебѣ, какъ государю и самодержцу царю".—Архіепископу Макарію большинство новгородскихъ монастырей были обязаны введеніемъ общаго житія: до него, говоритъ лѣтопись, общины были только въ большихъ монастыряхъ, а въ прочихъ каждый монахъ жилъ особо въ своей кельѣ и „былъ одержимъ всякими житейскими печалями"; въ лучшихъ монастыряхъ было чернецовъ по шести или семи, а въ другихъ по два и по три. Но когда Макарій ввелъ общее житіе, то братія начала умножаться: гдѣ было прежде два или три монаха,—тамъ явилось ихъ по 12 и 15; гдѣ прежде было шесть или семь,—тамъ стало по 20, 30, 40. Только два значительныхъ монастыря въ Новгородѣ отказались учредить у себя общину, и владыка сказалъ ихъ игуменамъ: „По дѣламъ вашимъ мзду пріимете отъ Бога". Важно было также распоряженіе Макарія насчетъ женскихъ монастырей: онъ вывелъ изъ нихъ игуменовъ и далъ игуменей, для благочинія. Въ княженіе Василія была перепись духовенства для взиманія митрополичьей дани; митрополитъ Даніилъ приговорилъ съ великимъ княземъ послать во всю митрополію дѣтей боярскихъ митрополичьихъ и велѣть имъ переписать у всѣхъ церквей приходы, сколько у какой церкви въ приходѣ дѣтей боярскихъ, людей ихъ и крестьянскихъ вытей; которыя церкви приходомъ скудны, у такихъ священникамъ полегчить, а которыя окажутся приходомъ обильны, у тѣхъ на священниковъ дани прибавить [1].

При Василіи видимъ болѣе частыя сношенія съ восточными Церквами, чѣмъ при отцѣ его: въ 1515 году великій князь далъ позволеніе 18-ти аѳонскимъ монастырямъ присылать въ Московское государство за милостынею. Въ 1518 году Константинопольскій патріархъ Ѳеолиптъ присылалъ въ Москву за милостынею; въ посланіи онъ называетъ великаго князя наивысшимъ и кротчайшимъ царемъ и великимъ кралемъ всей православной Земли, Великой Руси. Потомъ присылалъ за тѣмъ же Александрійскій патріархъ Іоакимъ, изъ посланія котораго видимъ, что въ Москву приходили съ востока за милостынею не только монахи, но и монахини; приходили иноки Синайской горы касательно вспомоществованій, доставлявшихся отъ русскихъ архіереевъ бѣдствовавшимъ собратіямъ ихъ на востокѣ. Замѣчательна грамота Тверскаго епископа Нила къ Василью Андреевичу Коробову, отправлявшемуся въ Константинополь. Эта грамота содержитъ перечисленіе вещей, посылаемыхъ Ниломъ патріарху Византійскому Пахомію; изъ нея можемъ получить свѣдѣнія о нѣкоторыхъ отрасляхъ тогдашняго искусства и о средствахъ русскихъ владыкъ того времени: „Отъ Нила, владыки Тверскаго, сыну и господину Василію Андреевичу. Дать ся рухлядь государю моему и брату Пахомью патріарху: три деисусы, одинъ большой деисусъ стоячей въ десть большой бумаги, рѣзанъ рыбей зубъ, надъ нимъ 16 праздниковъ рѣзаны на Синопое (?), а въ верху надъ праздники пророцы рѣзанъ рыбей же зубъ; а другой деисусъ стоячей же и въ полдесть рѣзанъ рыбей же зубъ, а надъ нимъ рѣзаны праздники рыбей же зубъ; а третій деисусъ стоячей же въ четверть рѣзанъ рыбей же зубъ; а надъ нимъ рѣзаны праздники рыбей же зубъ. Да икона въ четверть на золотѣ писана мелкимъ писмомъ, шестодневникъ, да деисусъ на золотѣ, да икона бѣла мамонтова кость въ поллодони, а рѣзано 12 праздниковъ; да двои ризы комчаты, у єдниxъ ожерелье шиты празники золотомъ да серебромъ, на преди стоитъ Софія въ премудрости, и назадъ въ тылу Преображенье Спасово, а на правой сторонѣ входъ въ Іерусалимъ, да Рождество Христово, а на лѣвой сторонѣ Воскресеніе Христово, да Богоявленіе; да круживо ширина на три перста шито золотомъ, а сажено жемчугомъ мелкимъ. Да патрахели, камка синя шита золотомъ да серебромъ, да вверху Спасъ, да подъ тѣмъ Пречистая, да Іоаннъ Предтеча, а подъ ними Михаилъ, да Гавріилъ, да 12 апостоловъ; въ трехъ мѣстахъ шиты по обѣ стороны, да святители также шиты въ трехъ мѣстахъ по обѣ стороны. Да сорокъ соболей, да 5 соболей одинцовъ, да 740 горностаевъ, да рыбья зуба болшихъ 15, а среднихъ и меншихъ рыбья зуба полпятадесять; да чара серебряна, а тянетъ въ ней семь гривенокъ; да кубокъ гладкой на трехъ яблокахъ стати серебрянъ съ покрышкою а тянетъ въ немъ 600 аспиръ атманскихъ; да чарка же серебряна внутри позолочена, а писана внутри волова голова; да 5 скатертей шитыхъ, да шестая скатерть ноугородская съ ручники шита; да часы Нѣмецкіе 24 часы съ колоколомъ и съ гирями; да шуба соболья подъ чернымъ бархатомъ, да 9 шубъ бѣльи хребтовыхъ, да 8 шубъ бѣльи черевьи, да 2 шубы бѣльи облячны, да два сатына—одинъ

[1] Акты истор. I, № 118, 292, 129; Пискарева—грамоты Рязанск. края, № 10, 12, П. С. Р. Л. VI, 284; Дополн. къ акт. истор. I, № 25; Акты арх. эксп. I, № 155.

черпъ, а другой багровъ, да ширинокъ русскихъ, да утиральниковъ русскихъ, да 120 гребеній, да 2,000 бѣлокъ дѣланыхъ, да 440 хамяковъ, да 43 ножовъ рыбья зуба, пять гребеней рыбья зуба съ золотомъ рѣзаны, на нихъ звѣри; да 94 ножа простыхъ, да десять юфтей, да десять шапокъ лисьихъ, да три ставы калужскихъ, да три ставы тверскихъ, да 20 пугвицъ серебряныхъ [1])".

Въ Западной Руси, въ 1511 году король Сигизмундъ, по просьбѣ митрополита Іосифа и князя Константина Острожскаго, подтвердилъ грамоты предковъ своихъ Витовта, Казимира и Александра, данныя русскому духовенству на свободное отправленіе церковнаго суда, на безпрепятственное пользованіе доходами церковными. Избраніемъ епископовъ, переводомъ ихъ изъ одной епархіи въ другую распоряжался король: такъ Владимірскій епископъ Пафнутій билъ челомъ королю, чтобъ онъ назначилъ его епископомъ Луцкимъ: король исполнилъ его просьбу, тѣмъ болѣе что за Пафнутія просили князь Константинъ Острожскій и панъ Юрій Радзивилъ. Король же въ 1511 году рѣшилъ споръ между двумя епископами — Полоцкимъ и Владимірскимъ, кому изъ нихъ занимать высшее мѣсто.—Въ 1522 году били челомъ королю архимандритъ Кіевопечерскаго монастыря, клирошане, застолпники и вся братія о возстановленіи у нихъ общины, которая пала вслѣдствіе обнищанія монастыря послѣ татарскихъ нашествій; король исполнилъ ихъ просьбу. При этомъ они жаловались, что по смерти архимандритовъ воеводы кіевскіе прибираютъ монастырь къ своимъ рукамъ и держатъ до тѣхъ поръ, пока король не назначитъ новаго архимандрита, берутъ себѣ не только имущество покойнаго, но даже книги и другія церковныя вещи: король опредѣлилъ, что впередъ, по смерти архимандрита, старцы печерскіе берутъ имущество покойнаго на монастырь; потомъ, вмѣстѣ съ князьями, панами и земянами Земли Кіевской, выбираютъ архимандрита и просятъ короля о его утвержденіи, и до прихода этого утвержденія управляютъ монастыремъ старцы; за это, при каждомъ избраніи архимандрита, они даютъ королю по пятидесяти золотыхъ. Монахи били также челомъ, что кіевскіе воеводы часто пріѣзжаютъ въ монастырь, архимандритъ и старцы должны ихъ угощать и дарить, а это имъ очень убыточно; король постановилъ, что воевода можетъ пріѣзжать въ монастырь только разъ или два въ годъ, когда монахи сами его позовутъ, причемъ они его угощаютъ, но даровъ никакихъ не даютъ. Король освободилъ также монастыри отъ обязанности давать подводы и кормы посламъ и гонцамъ татарскимъ. Въ случаѣ войны, монастырь былъ обязанъ выставлять на службу десять человѣкъ конныхъ и вооруженныхъ. Дошли до насъ также королевскія грамоты о возобновленіи монастырей Межигорскаго и Златоверхаго Михайловскаго, объ установленіи въ нихъ общинъ; король беретъ эти монастыри въ свое вѣдѣніе, даетъ имъ право выбирать себѣ архимандритовъ.—Монастыри продолжаютъ владѣть населенными землями.

Въ 1509 году Кіевскій митрополитъ Іосифъ созвалъ въ Вильнѣ соборъ изъ епископовъ, архимандритовъ и протопоповъ; соборъ прежде всего вооружился противъ тѣхъ, которые еще при жизни епископа уже подкупаются на его епископію и берутъ ее у короля безъ совѣта и воли митрополита, епископовъ, князей и пановъ православныхъ. Положено ставить въ священники только людей достойныхъ, недостойнаго же не ставить, если даже и король будетъ этого требовать: въ послѣднемъ случаѣ всѣ епископы съ митрополитомъ идутъ къ королю и объявляютъ ему недостоинство его избранника. Положено не принимать священниковъ изъ этой епархіи въ другую безъ отпускной грамоты отъ епископа; не допускать неженатыхъ священниковъ до священнодѣйствія: если хотятъ священствовать, то пусть идутъ въ монахи; въ противномъ же случаѣ причисляются къ мірянамъ; такимъ образомъ и въ Западной Руси послѣдовали примѣру Руси Восточной. Опредѣлено, что князья и паны въ своихъ владѣніяхъ не имѣютъ правъ отнимать церкви у священника, безъ объявленія вины его епископу и безъ соборнаго суда надъ нимъ по этому обвиненію; если же князь или бояринъ отнимаетъ у священника церковь безъ вины и безъ вѣдома святительскаго, то епископъ не ставитъ къ церкви другого священника до тѣхъ поръ, пока не будетъ оказана справедливость первому. Если князь или бояринъ въ своемъ имѣніи будетъ держать церковь безъ священника въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ, то епископъ самъ посылаетъ къ ней священника. Если князь или бояринъ отниметъ что-нибудь у церкви безъ суда митрополичьяго, то будетъ отлученъ. Если священникъ, по приказанію князя или боярина, станетъ священствовать безъ епископскаго благословенія, то будетъ лишенъ сана. Если король или кто-нибудь изъ вельможъ пришлетъ къ митрополиту или епископу съ требованіемъ нарушенія хотя одной статьи, постановленной на соборѣ, то никто на это да не дерзаетъ, но всѣ должны съѣхаться къ митрополиту, и вмѣстѣ бить челомъ королю и стоять непоколебимо за принятыя правила.—Ясно, что постановленіями этого Виленскаго собора православное духовенство хотѣло противодѣйствовать вредному вліянію иновѣрныхъ властей [2]).

Мы видѣли, что въ Судебникѣ отца Василіева было постановлено: безъ дворскаго и безъ старосты и безъ лучшихъ людей намѣстникамъ и волостелямъ суда не судить; мы видѣли также, что это постановленіе было внесено и великимъ княземъ Василіемъ въ его уставныя грамоты; подъ

---

[1]) С. г. г. и д. V, № 68; Акты историч. I, № 121, 123, 133; Никон. VI, 177, 203, 212, 216, 224, 353; Продолж. Древн. Вивліоѳ. ч. 6.

[2]) Акты Западн. Россіи, II, № 65, 146, 68, 112, 121, 122, 126, 110; Акты историч. I, № 289.

1508 годомъ лѣтописецъ говоритъ: „Пожаловалъ государь великій князь: слыша, что въ великомъ Новгородѣ намѣстники и тіуны ихъ судятъ по мздѣ, велѣлъ своему дворецкому и дворцовымъ дьякамъ выбрать изъ улицы лучшихъ людей 46 человѣкъ и привести ихъ къ цѣлованію; съ тѣхъ поръ поставили судить съ намѣстниками старосту купецкаго, а съ тіунами опредѣлили судить цѣловальникамъ по четыре на каждый мѣсяцъ“ [1]). Отдаленные Лопари жаловались, что ѣздятъ за ними приставы новгородскихъ намѣстниковъ, а за ними ѣздятъ ябедники новгородскіе человѣкъ по тридцати и больше, отъ поруки берутъ рублей по 10 и больше, сроки явиться къ суду назначаютъ въ дѣловую пору. Вслѣдствіе этой жалобы, великій князь велѣлъ новгородскимъ своимъ дьякамъ беречь Лопарей отъ намѣстниковъ: намѣстники и тіуны ихъ не судятъ Лопарей, судятъ и вѣдаютъ ихъ дьяки; подъячіе, посылаемые дьяками къ нимъ за данью, назначаютъ и судный срокъ кому слѣдуетъ, этотъ срокъ—25 марта; подъячіе медовъ и винъ къ нимъ съ собою не возятъ, сзывовъ не дѣлаютъ, и отъ поруки и за данью лишковъ не берутъ. Касательно третейскаго суда отъ описываемаго времени дошла до насъ замѣчательная запись старца Іова, уполномоченнаго Солотчинскимъ монастыремъ (въ Рязанской области), и Ѳедора Замятнина, ведшаго съ монастыремъ споръ о сѣчѣ и лѣсѣ: „Мы, говорятъ Іовъ и Замятнинъ въ записи, въ томъ лѣсу межъ собою зарядили Третьихъ, дѣдѣтей боярскихъ—Кондырева и Кашкалдѣева; быть имъ у насъ на той спорной сѣчѣ и лѣсу, какъ мы имъ побьемъ челомъ. Какъ станемъ мы на той спорной сѣчѣ и лѣсу съ своими старожильцами, то наши Третьи спросятъ нашихъ старожильцевъ по крестному цѣлованью, и когда старожильцы укажутъ Третьимъ межу, то Третьи велятъ старожильцамъ бросить жребій: если вынется жребій монастырскихъ старожильцевъ, то имъ идти съ иконой, и гдѣ они будутъ указывать межу, туда Замятнину идти съ своими старожильцами копать ямы и грани класть, и какъ отведутъ, то намъ и межа. Если же вынется жребій замятнинскихъ старожильцевъ, то они идутъ съ иконою и указываютъ межу. Третьихъ намъ обоимъ истцамъ слушать и если вмѣсто двоихъ явится одинъ Третій, то слушать и одного“. Въ одномъ изъ актовъ, относящихся къ описываемому времени, находимъ любопытный случай касательно поля, или судебнаго поединка: передъ великокняжескимъ нижегородскимъ писцомъ (переписчикомъ земель) тягался о землѣ Иванъ Машковъ со старцемъ Павломъ, уполномоченнымъ отъ Печерскаго монастыря. По обычаю, обѣ стороны выставили свидѣтелей-старожильцевъ: Машковъ выставилъ троихъ дѣтей боярскихъ и троихъ великокняжескихъ крестьянъ; старецъ Павелъ выставилъ шестерыхъ монастырскихъ крестьянъ: послѣдніе потребовали поля съ свидѣтелями Машкова, но трое дѣтей боярскихъ отвѣчали: „Мы съ ними на поле биться не лѣземъ; а поставятъ противъ насъ дѣтей боярскихъ, то мы противъ дѣтей боярскихъ на поле лѣземъ“; крестьяне же согласились биться. Несмотря на то, судья рѣшилъ дѣло въ пользу монастыря, потому что половина свидѣтелей Машкова отказались отъ поля — рѣшеніе явно несправедливое, потому что дѣти боярскія отказались биться съ крестьянами, требуя равныхъ себѣ противниковъ, дѣтей же боярскихъ. Отъ времени великаго князя Василія дошли до насъ двѣ любопытныя духовныя: одна Ивана Алферьева, въ которой завѣщатель отказываетъ имущество свое сыну и внуку поровну, съ условіемъ, что ни тотъ, ни другой не можетъ, безъ обоюднаго согласія, располагать своимъ участкомъ, ни продать, ни промѣнять, ни въ приданое, ни по душѣ отдать, ни въ аренду, ни въ наймы. Вторая духовная—Петра Молечкина, который, не имѣя дѣтей, отказываетъ свое недвижимое монастырямъ и родственникамъ; потомъ говоритъ: „Если послѣ меня родится у моей жены сынъ, то отчина моя вся сыну моему съ тѣмъ, чтобъ онъ роздалъ по моей душѣ 50 рублей по церквамъ; если-жъ родится дочь, то ей дать 80 рублей изъ моего имѣнія: благословляю жену мою за ея приданое своими вотчинными землями (слѣдуетъ перечисленіе), которыя она вольна промѣнять, продать, по душѣ дать; а не пойдетъ жена моя замужъ, станетъ сидѣть, то жить ей на селѣ Молечкинѣ до смерти, послѣ чего оно отходитъ къ монастырямъ—Троицкому и Іосифову волоколамскому“. По смерти завѣщателя великій князь велѣлъ сначала вотчину его взять на себя, а долги платить изъ казны; но потомъ велѣлъ отдать вотчину женѣ покойнаго съ обязательствомъ платить долги и съ правомъ продать эту вотчину и по душѣ отдать. Касательно понятій о наслѣдствѣ приведемъ также слова великаго князя Василія Герберштейну: Василій требовалъ отъ Сигизмунда Литовскаго городовъ, которые принадлежали великой княгинѣ Еленѣ; Герберштейнъ возражалъ, что Московскій государь не имѣетъ никакого права на эти города; тогда Василій велѣлъ сказать ему: „Чаемъ, что и брату нашему Максимиліану и инымъ государемъ вѣдомо, что во многихъ государствахъ тотъ обычай не токмо въ великихъ государѣхъ и въ молодыхъ людѣхъ и въ правилѣхъ святыхъ отецъ писано то идетъ по наслѣдствію, будетъ у котораго отродъ, ино тотъ возьметъ вотчину и казну, а не будетъ у котораго отроду, ино взяти ближнему въ роду“ [2]). Это совершенно согласно съ положеніемъ Судебника Іоанна III: „А который человѣкъ умретъ безъ духовные грамоты, и не будетъ у него сына, ино статокъ весь и земли дочери, а не будетъ у него дочери, ино взяти ближнему отъ его рода“. Но въ завѣщаніи Молечкина мы видѣли, какъ пере-

[1]) Карамз. VII т., прим. 362; С. г. г. и д. I, № 158.

[2]) Акты юридич., стр. 447, 448; Пискарева — грамоты Рязан. края, № 14, Опис. государ. арх. — Иванова, стр. 218.

сиживали еще старинныя понятія, что дочь не наслѣдница, а имѣетъ право только на приданое для выхода замужъ, и Молечкинъ даетъ единственной дочери только 80 рублей. Это всего лучше объясняетъ намъ статью Русской Правды о ненаслѣдованіи дочерей послѣ смерда.

Въ 1522 году на виленскомъ сеймѣ король Сигизмундъ объявилъ, что такъ какъ до сихъ поръ въ Литвѣ нѣтъ никакихъ письменныхъ статутовъ и судъ производится по обычаямъ и по произволу судей, отъ чего проистекаютъ частыя жалобы, то онъ, король, вознамѣрился изданіемъ общаго для всѣхъ статута прекратить этотъ безпорядокъ. Статутъ былъ написанъ на русскомъ языкѣ, утвержденъ въ 1529 году и началъ дѣйствовать съ 1-го января 1530 года [1]). Онъ состоитъ изъ тринадцати отдѣловъ: въ первомъ отдѣлѣ (о персонѣ господарской) повторяется давнее постановленіе, что никто не наказывается по заочному обвиненію, и несправедливый обвинитель терпитъ то же самое наказаніе, какое готовилъ обвиненному. Еще въ 1509 году король приговорилъ съ панами-радами: если отецъ измѣнитъ, то имущество его идетъ на государя; захочетъ ли государь что дать дѣтямъ измѣнника или не захочетъ — это зависитъ отъ его милости. Если будетъ нѣсколько братьевъ не раздѣлившихся и одинъ изъ нихъ измѣнитъ, то теряетъ долю, которая ему приходилась, въ остальномъ же имѣніи воленъ государь, захочетъ ли оставить его во владѣніи другихъ братьевъ, или нѣтъ; если же братья были раздѣлены, то измѣнникъ теряетъ свою долю, другіе же братья удерживаютъ свои. Въ статутѣ говорится, что имущество измѣнника, родовое, выслуженное и купленное—все идетъ на короля, а не отдается ни дѣтямъ, ни ближнимъ; если отецъ уйдетъ въ землю непріятельскую, оставивъ на родинѣ дѣтей неотдѣленныхъ, то имѣніе идетъ на короля; отдѣленные же дѣти или братья измѣнника удерживаютъ свое имущество, если будетъ доказано, что они не участвовали въ измѣнѣ. Составители ложныхъ бумагъ и печатей королевскихъ сожигаются огнемъ. За насиліе уряднику королевскому, при отправленіи его должности причиненное, смертная казнь. Повторяется прежнее постановленіе, что родственники и слуги преступника не терпятъ никакого наказанія. Всѣ подданные королевскіе, безъ различія состояній и богатства, судятся однимъ судомъ. Король, находясь въ Польшѣ, не раздаетъ литовскихъ имѣній и не подтверждаетъ прежнихъ пожалованій; раздача эта и подтвержденіе происходятъ тогда только, когда король находится въ Литвѣ вмѣстѣ съ панами-радами, на общемъ сеймѣ. Въ искахъ по имуществамъ полагается десятилѣтняя давность. — Второй отдѣлъ заключаетъ въ себѣ постановленія о земской оборонѣ: третій—о шляхетскихъ правахъ; четвертый—о семейныхъ отношеніяхъ. Касательно имущества женъ и ихъ состоянія по смерти мужей развиваются древнія положенія, которыя мы видимъ въ обѣихъ половинахъ Руси, или ограничиваются вслѣдствіе требованій государственнаго интереса. Если мужъ захочетъ женѣ своей записать вѣно, то долженъ оцѣнить все свое имущество, и записать вѣно въ третью часть цѣны, за приданое, принесенное женою (противко внесеня); сравнимъ слова нашего Молечкина, который въ своей духовной благословляетъ жену вотчинами своими за ея приданое. Когда послѣ этого мужъ умретъ, оставитъ дѣтей, а жена пойдетъ за другого мужа, то дѣти могутъ выкупить у нея записанное отцомъ ихъ вѣно, заплативши ей ту сумму денегъ, въ какую оно было оцѣнено; если же дѣти не захотятъ выкупать вѣна, будутъ дожидаться смерти матери своей, то наслѣдуютъ послѣ нея это вѣно, но обязаны, по ея смерти, отдать приданыя ея деньги тому, кому она въ духовной ихъ откажетъ, вѣно же свое она не можетъ никому отказать: если дѣтей не будетъ, то родственники мужа поступаютъ точно такъ же. Мужъ воленъ отказать женѣ всю свою движимость (рухомыя речи), золото, серебро и проч., кромѣ оружія; изъ стадъ, рабовъ и скота можетъ отказать только третью часть, потому что это не считается движимымъ, но состоящимъ при имѣніи. Кто, выдавая дочь замужъ, хочетъ дать за нею деньги, тотъ прежде всего пусть смотритъ, третья часть зятнина имѣнія стоитъ ли точно денегъ, которыя онъ даетъ за дочерью; если не стоитъ, то пусть отецъ на эти деньги купитъ имѣніе и дастъ его дочери. Жена, получившая отъ мужа вѣно, по смерти его не вступившая въ другой бракъ, имѣющая взрослыхъ сыновей, пользуется только своимъ вѣномъ, а сыновья владѣютъ всѣмъ имуществомъ отцовскимъ, съ котораго отправляютъ земскую службу; но если жена не имѣетъ вѣна, то пользуется равною частію имущества съ сыновьями; если же пойдетъ замужъ, то часть свою должна оставить дѣтямъ и безъ всякаго вознагражденія. Принимая во вниманіе вредъ, причиняемый государству бездѣтными вдовами, которыя владѣютъ всѣмъ имѣніемъ мужей своихъ, тратятъ его въ ущербъ мужнимъ наслѣдникамъ, и службы съ этихъ имѣній, при женскомъ управленіи, отправляются не такъ какъ слѣдуетъ, король постановилъ: бездѣтная вдова получаетъ только вѣно; если же вѣна не имѣетъ, то пользуется третьею частью имущества до своей смерти или до замужества, въ каковыхъ случаяхъ и эта третья часть переходитъ къ родственникамъ мужа. Если мужъ, умирая, поручитъ дѣтей своихъ и имущество кому-нибудь изъ своихъ пріятелей, хотя бы чужому человѣку, тогда послѣдній опекаетъ дѣтей и имущество, а жена умершаго пользуется только своимъ вѣномъ. Если же кто умретъ, не поручивши дѣтей своихъ никому, то жена заботится о дѣтяхъ и управляетъ всѣмъ имуществомъ до совершеннолѣтія дѣтей; когда дѣти выростутъ, то мать пользуется равною съ ними частію имущества; если же будетъ имѣть одного сына, то ему уступаетъ двѣ части, а сама остается

[1]) Памят. дипломат. снош. I, стр. 284.

при третьей. Если жена, будучи опекуншею дѣтей, пойдетъ замужъ, то опека переходитъ къ родственникамъ покойнаго мужа. Дурное управленіе имуществомъ дѣтскимъ, доказанное на судѣ, также лишаетъ ее права оставаться опекуншею; если нѣтъ родственниковъ, то король или паны назначаютъ чужого добраго человѣка опекуномъ. Если родители, выдавши одну дочь замужъ, умрутъ, оставя другихъ дочерей въ дѣвицахъ, то послѣднія получаютъ точно такое же приданое, какое получила сестра ихъ; если родители въ духовномъ завѣщаніи опредѣлили количество приданаго за дочерьми, то завѣщаніе имѣетъ силу; если же завѣщанія нѣтъ, то все имущество оцѣнивается, и цѣна четвертой части его отдается дочерямъ; если даже будетъ одна дочь при многихъ братьяхъ, то она получаетъ цѣну всей четвертой части, и наоборотъ, если будетъ много сестеръ при одномъ братѣ, то всѣ онѣ получаютъ одну четвертую часть, раздѣливши ее поровну. Подданная великаго княжества Литовскаго, вышедшая замужъ въ чужую землю, въ Польшу или Мазовію, не можетъ наслѣдовать недвижимаго имущества во владѣніяхъ литовскихъ. Дѣвушка, вышедшая замужъ безъ воли отцовской или материнской, лишается наслѣдства, если бы даже была одна дочь у отца: имѣніе переходитъ къ родственникамъ. Если дѣвица сирота, несовершеннолѣтняя, выйдетъ замужъ безъ согласія дядей или братьевъ, то лишается имѣнія родительскаго; если бы она была совершеннолѣтняя, а братья или дядья нарочно не позволяли ей выходить замужъ, то она должна обратиться съ жалобою къ другимъ родственникамъ или къ правительству, съ ихъ разрѣшенія выходитъ замужъ и не теряетъ своей доли имущества; безъ согласія же родственниковъ и правительства хотя и совершеннолѣтняя выйдетъ замужъ,—лишается своего участка. Послѣ брата въ отцовскомъ имуществѣ наслѣдуютъ только братья, въ материнскомъ же и сестра имѣетъ равную съ ними долю. За непочтительное обращеніе родители имѣютъ право лишать дѣтей наслѣдства, но не иначе, какъ давши знать объ этомъ правительству и представивъ законныя причины: отецъ, лишившій наслѣдства сына и не имѣющій другихъ дѣтей, долженъ двѣ части имущества оставить роднымъ, а третьею можетъ распорядиться по произволу. Вдова, вышедшая замужъ съ вѣномъ отъ перваго мужа, отъ втораго уже не можетъ имѣть вѣна, но по смерти его пользуется одинаковою съ дѣтьми частію имущества; если же нѣтъ дѣтей, тогда пользуется до смерти своей третьею частію имущества. Король даетъ обѣщаніе не выдавать вдовъ и дѣвицъ насильно замужъ. Пятый отдѣлъ статута заключаетъ статьи объ опекѣ; отвѣтственность опекуна опредѣляется согласно съ древними положеніями, которыя встрѣчаются въ Русской Правдѣ; въ томъ же отдѣлѣ говорится, что всякій можетъ распоряжаться въ завѣщаніи имѣніемъ купленнымъ или движимымъ; не могутъ дѣлать завѣщаній несовершеннолѣтніе, монахи, дѣти отъ отцовъ не отдѣленныя, люди въ чужой власти находящіеся, преступники, помѣшанные. Здѣсь важное различіе между Западною и Восточною Русью, ибо въ послѣдней, начиная съ договора Олега съ Греками, наслѣдство по завѣщанію предшествуетъ наслѣдству по закону, послѣднее открывается только тогда, когда умершій не оставитъ послѣ себя завѣщанія, и завѣщатель въ своей духовной распоряжается одинаково произвольно имуществомъ наслѣдственнымъ и благопріобрѣтеннымъ. Въ литовскомъ же законодательствѣ мы видимъ, что можно было завѣщать только благопріобрѣтенныя и движимыя имущества. Думаютъ, что всѣ Славяне, а по примѣру ихъ и Литовцы, всегда отвергали завѣщанія, которыя явились вслѣдствіе вліянія римскаго начала, вслѣдствіе вліянія каноническаго права. Но положимъ, что даже завѣщанія и въ Олеговомъ договорѣ могли явиться вслѣдствіе вліянія римскаго начала, ибо говорится о Руси, живущей въ Имперіи, служащей у императора; почему же восточные Славяне такъ легко уступили вліянію каноническаго права, а западные поддались ему съ такимъ трудомъ? По нашему мнѣнію, ограниченіе завѣщанія у западныхъ Славянъ и въ Литвѣ явилось вслѣдствіе ранняго преобладанія сословнаго и государственнаго интереса надъ личнымъ произволомъ отца-завѣщателя, чего не было въ Руси Московской. Въ шестомъ отдѣлѣ говорится о судопроизводствѣ; воевода, староста или державецъ королевскій долженъ въ своемъ повѣтѣ выбрать двухъ земяниновъ, людей добрыхъ и вѣры достойныхъ, и привести ихъ къ присягѣ, и когда ему самому нельзя будетъ судить, то эти присяжные вмѣстѣ съ его намѣстникомъ судятъ по законамъ, даннымъ всей Землѣ. Въ судѣ никто не смѣетъ отказаться отвѣчать и требовать переноса дѣла къ королю или къ сейму; если же, послѣ рѣшенія дѣла, которая-нибудь сторона чувствуетъ себя обиженною, то можетъ требовать переноса дѣла на судъ королевскій, или, въ отсутствіе короля, на судъ сеймовый; паны радные для этого суда обязаны съѣзжаться въ Вильну два раза въ годъ. Въ седьмомъ отдѣлѣ говорится о насиліяхъ, причиненныхъ шляхтѣ; за наѣздъ на домъ съ цѣлію убійства. виновный казнится смертію, изъ имѣнія его платится головщина ближнимъ убитаго, кромѣ пени, слѣдующей въ казну королевскую; еслибъ даже хозяинъ дома не былъ убитъ, спасся бѣгствомъ, то наѣздникъ казнится смертію, а за наѣздъ платится изъ его имѣнія. Если наѣздникъ или помощникъ его будутъ убиты обороняющимся хозяиномъ, то послѣдній не только не отвѣчаетъ, но еще получаетъ вознагражденіе изъ имѣнія убитаго наѣздника. Такимъ образомъ, законодательство XVI вѣка твердо держится постановленія Русской Правды. За насиліе, совершенное надъ женщиною или дѣвицею, преступникъ казнится смертію, но обиженная можетъ спасти ему жизнь, объявивъ желаніе выйти за него замужъ; за убійство отца, матери, брата, сестры—смертная казнь, за разбой на дорогѣ—также;

за убійство шляхтича изъ имѣнія преступника платится роднымъ убитаго сто копъ грошей, да въ казну королевскую сто копъ. Кто укрываетъ преступниковъ и помогаетъ имъ,—наказывается точно такъ же, какъ и они сами. Отдѣлы осьмой и девятый говорятъ о рѣшеніи споровъ по землевладѣнію: здѣсь, между прочимъ, опредѣлено, что свидѣтелями не могутъ быть ни Жиды, ни Татары, а только христіане исповѣданія латинскаго или греческаго; но и между христіанами къ свидѣтельству допускаются только тѣ, которые исповѣдаются и пріобщаются каждый годъ и пользуются хорошею славою. Въ отдѣлѣ десятомъ говорится объ имуществахъ, которыя въ долгахъ, и о залогахъ. Въ отдѣлѣ одиннадцатомъ опредѣляется, что должно платить за убійство простыхъ людей и за раны, имъ нанесенныя; здѣсь же постановлено, что Жидъ и Татаринъ не могутъ имѣть рабовъ христіанъ; но Татары держатъ ту челядь, которая дана имъ вмѣстѣ съ дворами отъ предковъ королевскихъ; вольный человѣкъ ни за какое преступленіе не можетъ быть обращенъ въ рабство; если во время голода господинъ выгоняетъ отъ себя челядь невольную, не желая ея кормить, и она сама себя прокормитъ, то становится вольною; происхожденіе невольниковъ четвероякое: 1) стародавнее невольничество и происхожденіе отъ невольныхъ родителей; 2) плѣнъ; 3) если кто будетъ выданъ другому на смерть и будетъ просить неволи вмѣсто смерти; 4) женитьба на невольной женщинѣ и выходъ замужъ за невольника. Въ двѣнадцатомъ и тринадцатомъ отдѣлахъ говорится о воровствѣ: если шляхтичъ въ первый разъ будетъ обвиненъ въ воровствѣ, безъ поличнаго, то обвиненный долженъ очистить себя присягою; если будетъ обвиненъ въ другой разъ также безъ поличнаго, тогда присяга одного его уже недостаточна: съ нимъ вмѣстѣ должны присягнуть два шляхтича, пользующіеся доброю славою; при третьемъ обвиненіи должны присягать съ обвиненнымъ шесть шляхтичей; а при четвертомъ обвиненіи обвиненнаго вѣшаютъ. Вора съ поличнымъ пытаютъ три раза въ одинъ день, и если онъ съ пытки не повинится, то обвинитель долженъ заплатить ему за каждую муку по полтинѣ грошей; если же онъ умретъ на опытѣ, не повинившись, то обвинитель платитъ за него головщину, смотря по званію умершаго; если обвиненный, въ силу чародѣйства, не чувствуетъ мукъ на пыткѣ, то обвинитель присягаетъ и получаетъ отъ обвиненнаго вознагражденіе за покраденныя вещи. Гораздо прежде изданія статута, король Сигизмундъ съ панами-радами постановилъ о пересудѣ: если кто на комъ что-нибудь ищетъ и не доищется, тотъ, на комъ искали, не платитъ пересуда; но если кто на комъ ищетъ и доищется, то выигравшій дѣло платитъ пересудъ—отъ рубля десять грошей, отъ десяти рублей—рубль грошей, отъ ста рублей—десять рублей грошей [1]).

Касательно народнаго права замѣчателенъ договоръ новгородскихъ и псковскихъ намѣстниковъ съ ливонскими Нѣмцами въ 1509 году: прежде, сказано въ договорѣ, когда ѣхалъ новгородскій посолъ къ магистру, то магистровъ проводникъ въ Нарвѣ бралъ съ него по рублю; точно также и новгородскій проводникъ бралъ съ магистрова посла въ Ивангородѣ по рублю; теперь этого рубля не брать съ обѣихъ сторонъ, давать проводника безденежно; также въ Новгородѣ до сихъ поръ брали съ магистрова посла, и въ ливонскихъ городахъ съ новгородскаго посла, подворное: впередъ посламъ съ обѣихъ сторонъ давать подворье даромъ. Въ договорѣ 1521 года опредѣлено: если будетъ тяжба у Новгородца съ Нѣмцемъ въ какомъ-нибудь ливонскомъ городѣ, то тутъ же дѣло рѣшается, если предметъ спора не выше десяти рублей; если же искъ больше чѣмъ въ десяти рубляхъ, то Новгородца съ Нѣмцемъ въ ливонскихъ городахъ не судить, но отдать отвѣтчика Новгородца на поруки или держать подъ стражею и дать знать объ этомъ намѣстникамъ новгородскимъ, которые положатъ срокъ, когда обоимъ тяжущимся стать на съѣздѣ, на рѣкѣ Наровѣ, на общемъ островѣ; къ этому сроку оба правительства высылаютъ судей; такъ же поступать и въ уголовныхъ случаяхъ: Нѣмца въ Новгородѣ, а Новгородца въ Нѣмецкой Землѣ не казнить, а ставить на съѣздѣ передъ общими судьями. Если на общемъ судѣ присудятъ крестное цѣлованье, то цѣловать отвѣтчику. Въ договорѣ съ Ганзейскими городами 1514 года опредѣлено: потерпятъ новгородскіе купцы на морѣ какой-нибудь вредъ отъ лихихъ людей, и эти лихіе люди будутъ изъ 70-ти городовъ Ганзейскихъ, то 70 городовъ ищутъ лихихъ людей, и, нашедши, казнятъ смертію, а товаръ новгородскій отдаютъ новгородскимъ купцамъ; если лихіе люди будутъ не изъ семидесяти городовъ, то ищетъ правительство новгородское; потерпитъ вредъ нѣмецкій купецъ на землѣ и водѣ Новгородской, то намѣстники новгородскіе ищутъ лихихъ людей, и, сыскавши, казнятъ ихъ смертію, а товары отдаютъ нѣмецкимъ купцамъ. Услыхавши о такихъ случаяхъ, о разбояхъ, купцовъ новгородскихъ не сажать въ тюрьму въ семидесяти городахъ, а нѣмецкихъ купцовъ не сажать въ тюрьму въ новгородскихъ городахъ. Положитъ Новгородецъ съ Нѣмцемъ товаръ на одно судно, и случится съ этимъ товаромъ бѣда на морѣ, то оставшимся товаромъ дѣлиться Новгородцу съ Нѣмцемъ безъ хитрости, по крестному цѣлованію; прибьетъ новгородское судно вѣтромъ къ нѣмецкому берегу, или нѣмецкое судно къ новгородскому берегу, то суда эти, обыскавъ, отдавать на обѣ стороны, а брать съ нихъ перейма отъ десяти рублей по рублю.—Въ переговорахъ съ императорскимъ посломъ, Герберштейномъ, великій князь велѣлъ высказать такое

[1]) Акты запад. Россіи, II, № 60. Временн. Москов. Истор. Общ. кн. 18; Даниловича—Взглядъ на Литовское законодательство, въ юридич. записк. изд. Рѣдкинымъ, т. I, стр. 12. Dzialynskiego—Zbior praw Litewskich, p. 115.

положеніе относительно безопасности пословъ: „Въ обычаѣ межъ великихъ государей, послы ѣздятъ и дѣла межъ ихъ дѣлаютъ по сговору на обѣ стороны, а силы надъ ними никоторыя не живетъ. Отъ прародителей нашихъ, и при отцѣ нашемъ и при насъ отъ королей Польскихъ послы ѣздили и дѣла великія дѣлывались на обѣ стороны, уговоря. Да какъ придетъ на добрый конецъ, и они, дѣла сдѣлавъ, безъ зацѣпки прочь пойдутъ; а которыя дѣла не придутъ на доброе согласіе, и они, не сдѣлавъ дѣла, прочь пойдутъ безо всякія-жъ зацѣпки"[1]). Но въ отношеніи къ Татарамъ это правило, какъ мы видѣли, не соблюдалось.

Замѣтимъ нѣкоторые случаи Василіева княженія, которые могутъ дать намъ понятіе о нравахъ и обычаяхъ времени. Въ лѣтописяхъ записаны подробно церковныя торжества, въ которыхъ великій князь принималъ самое дѣятельное участіе. Такъ, при описаніи отпуска Св. иконъ во Владиміръ послѣ ихъ возобновленія, говорится, что великій князь праздновалъ тотъ день свѣтло и радостно съ высшимъ духовенствомъ, князьями и боярами, пиръ устроилъ большой, милостыню священникамъ и нищимъ роздалъ на городъ. Въ 1531 году великій князь, по обѣщанію, построилъ церковь Іоанна Предтечи на старомъ Ваганьковѣ: самъ первый началъ работать, за нимъ плотники; церковь выстроили въ одинъ день и въ тотъ же самый день освятили; великій князь присутствовалъ съ семействомъ, боярами и множествомъ народа; вѣроятно Василій исполнилъ этимъ обѣтъ свой, данный предъ рожденіемъ сына Іоанна. Освященіе церкви въ селѣ Коломенскомъ великій князь праздновалъ три дня, дарилъ митрополита и братьевъ своихъ. Въ памятникахъ все чаще и чаще встрѣчаются извѣстія о братчинахъ, или складчинныхъ пирахъ, по случаю праздниковъ. Въ своемъ мѣстѣ было замѣчено, что происхожденіе этого обычая надобно искать во временахъ дохристіанскихъ. По особымъ условіямъ, о которыхъ будетъ рѣчь ниже, братчины, или братства въ Юго-Западной Руси получили послѣ особенное развитіе и значеніе.

Въ 1525 году судилъ судъ великій князь Василій: тягались изъ Юрьева Новой Слободки митрополичьи крестьяне, Климко Насоновъ и товарищи его съ людьми Акиноа Чудинова — Козломъ, Сухимъ, Хромымъ и другими. Климко жаловался: „Козелъ съ товарищами загнали у насъ съ поля животину, четыре коровы да двадцать овецъ къ себѣ въ деревню; и я, Климко, съ товарищами пріѣхали къ тому Козлу бить челомъ, чтобъ намъ животину нашу отдали; но Козелъ съ товарищами начали насъ бить и собаками травить; я, Климко, съ двумя товарищами, поутекали, но третьяго товарища, Добрынку Андреева, Козелъ и его товарищи убили до смерти и невѣдомо гдѣ дѣли, а всего грабежу у Добрынки и съ нашею животиною взяли на четыре рубля и на шестнадцать алтынъ". Отвѣтчики и господинъ ихъ Акиноъ Чудиновъ запирались и хотѣли, съ своей стороны, обвинить истцовъ, но обвиненій своихъ не могли доказать; почему великій князь ихъ обвинилъ и велѣлъ на Козлѣ съ товарищами взыскать 4 рубля 16 алтынъ, да за Добрынкину убитую голову четыре рубля, да за долгъ, который остался на Добрынкѣ, и судебные убытки, и отдать Климку съ товарищами. — Въ 1513 году великій князь далъ такой приказъ въ Бѣлозерскія волости, старостамъ, десятскимъ и всѣмъ крестьянамъ: „Били мнѣ челомъ старцы Ниловой пустыни, чтобъ мнѣ велѣть ихъ беречь отъ воровъ и отъ разбойниковъ; и вы бы ихъ берегли отъ лихихъ людей, отъ воровъ и отъ разбойниковъ, накрѣпко, чтобъ имъ не было обиды ни отъ какого человѣка. А который старецъ начнетъ жить у нихъ въ ихъ пустынѣ безчинно, не по ихъ уставу, и я имъ велѣлъ того старца выслать вонъ; а не послушаетъ ихъ старецъ, отъ нихъ вонъ не пойдетъ, по моему приказу, и велятъ вамъ старцы того чернеца выслать вонъ, вы бы его выкинули вонъ, чтобъ у нихъ не жилъ".—Изъ житія Св. Даніила Переяславскаго узнаемъ, что на дорогѣ между Москвою и Переяславлемъ происходили сильные разбои, разбойничалъ какой-то Симонъ Вороновъ.

По смерти извѣстнаго псковскаго дьяка Мисюря Мунехина нашли въ его казнѣ тетради, въ которыхъ было записано, кому что на Москвѣ далъ— боярамъ, дьякамъ, дѣтямъ боярскимъ: все это великій князь велѣлъ взыскать на себя; родственники Мисюря были вызваны въ Москву, любимый подъячій его, Артюша Псковитинъ, былъ на пыткѣ [2]).

Со временъ великаго князя Василія начинается рядъ подробнѣйшихъ описаній Московскаго государства, принадлежащихъ иностраннымъ путешественникамъ, преимущественно посламъ; этотъ рядъ открывается знаменитыми комментаріями Герберштейна. По иностраннымъ извѣстіямъ, браки у жителей Московскаго государства устроивались родителями жениха и невѣсты; молодые люди высшихъ сословій обыкновенно до самаго брака не видывали невѣстъ своихъ, потому что для женщинъ высшихъ сословій считалось дѣломъ приличія вести затворническую жизнь. Очень рѣдко посѣщали онѣ церкви, еще рѣже показывались гостямъ мужчинамъ, развѣ только старикамъ, которыхъ нельзя было подозрѣвать въ излишней любезности. Впрочемъ, въ извѣстные праздничные дни позволялось женщинамъ и дѣвушкамъ собираться на луга, качаться на качеляхъ, пѣть пѣсни съ прихлопываніемъ въ ладоши. Здѣсь насъ останавливаетъ извѣстіе, что женщины очень рѣдко ходили въ церковь: если принимать это извѣстіе, то оно объяснится тѣмъ, что почти у каждаго сколько нибудь богатаго человѣка была своя до-

---

[1]) С. г. г. и д. V, стр. 46, 92, 57, 75. Памятн. диплом. снош. I, стр. 237.

[2]) Никон. VI, 226, 244, 246, 249; Акты юридич., стр. 32; Акты арх. эксп. I, № 157; П. С. Р. Л. IV, 297.

мовая церковь, вслѣдствіе чего знатныя женщины дѣйствительно могли очень рѣдко ѣздить на богомолье въ соборныя, монастырскія и другія, всѣми посѣщаемыя церкви. Герберштейнъ первый пустилъ въ ходъ разсказъ, что русскія женщины упрекали въ холодности мужей, если тѣ ихъ не били: то же самое говоритъ онъ и о слугахъ, которые думали, что господа сердятся, если не бьютъ ихъ. Герберштейнъ жалуется также на лѣнь и спесь значительнѣйшихъ людей, не умѣвшихъ при этомъ въ извѣстныхъ случаяхъ поддерживать собственное достоинство. Будучи умѣренны въ пищѣ, они не были умѣренны въ питьѣ. Богатые люди вели жизнь сидячую; ходить пѣшкомъ считалось неприличнымъ.

Знатные люди имѣли многочисленную служню изъ рабовъ и свободныхъ. И свободный служитель проводилъ обыкновенно всю жизнь у одного господина, потому что если онъ оставитъ послѣдняго противъ его желанія, то никто другой не возьметъ его; но и господинъ, дурно обращающійся съ хорошимъ слугою, пріобрѣтаетъ дурную славу и никто изъ свободныхъ людей не пойдетъ къ нему въ услуженіе. Передъ смертію господа обыкновенно отпускаютъ рабовъ на волю; но тѣ, освободившись, тотчасъ закабаливаются въ холопство другимъ господамъ, взявши съ нихъ деньги. Отецъ можетъ закабалить своего сына; если послѣдній получитъ свободу, то отецъ можетъ закабалить его въ другой, третій и четвертый разъ, послѣ же четвертаго раза кабалить не можетъ. Казнить смертію, какъ свободныхъ, такъ и несвободныхъ, людей можетъ одинъ великій князь. Случаи смертной казни вообще бывали рѣдки, ибо за воровство рѣдко казнили смертью, даже за убійство рѣдко, если только оно не было совершено для грабежа; употреблялись пытки: битье по пятамъ, обливаніе холодною водою, вколачиваніе деревянныхъ гвоздей подъ пятки. Взятки были въ явномъ употребленіи. Герберштейнъ жалуется на хитрости жителей Московскаго государства въ торговлѣ, на ихъ страсть торговаться, тянуть дѣло, и особенно обвиняетъ въ этомъ жителей собственно Московской области, хваля Псковичей за противоположный обычай. Онъ оставилъ описаніе боевъ, которыми въ его время потѣшались молодые люди въ Москвѣ: на обширной площади сходились они и начинали биться на кулачки, стараясь ударять противника въ самыя чувствительныя мѣста, такъ что часто выносили мертвыхъ изъ толпы. Въ праздничные дни рабочее народонаселеніе, отслушавъ обѣдню, возвращалось къ своимъ обычнымъ занятіямъ, потому что простому народу запрещено употребленіе пива и меда, исключая самыхъ главныхъ праздниковъ—Свѣтлаго Воскресенья, Рождества Христова, Троицына дня и нѣкоторыхъ другихъ.

Герберштейнъ оставилъ намъ описаніе русской одежды XVI вѣка, въ которой намъ легко узнать кафтанъ, подпоясанный подъ животъ кушакомъ, красные короткіе сапоги не доходили до колѣнъ. Изъ русскихъ памятниковъ довольно подробное перечисленіе одежды и украшеній женскихъ и мужскихъ находимъ въ духовномъ завѣщаніи удѣльнаго князя Димитрія Ивановича:[1] „Накапки женскія, саженныя жемчугомъ, запушье подволочное сажено жемчугомъ на бели на камкѣ червчатой, саженье шубы женской, сажено жемчугомъ дробницею на бели, монисто золотое, цаты съ яхонтами и жемчугомъ, чело кичное съ тѣмъ же украшеніемъ, переперы кичныя серебряныя золоченыя, ожерелье на цкахъ золотыхъ, серьги, жиковины женскія — все это украшенное жемчугомъ и каменьями дорогими, монисто съ крестами, иконами и пронизками, запонки съ переперами, чичаки золотые; мужское саженое платье: ментени атласные съ кружевомъ, а кружево сажено жемчугомъ, однорядки скорлатныя, колпаки столбуны съ жемчугомъ, чоботы, саженыя жемчугомъ“. Упоминаются также въ духовной сосуды золоченые черезъ грань, на крышахъ у которыхъ были разныя изображенія, у одного городокъ, у другого птица, кубки золоченые и незолоченые съ пупышами, травами и достокановымъ дѣломъ, сосуды въ видѣ вола, лодки, пѣтуха, рога, чары, ковши съ литыми звѣрями и узорами, мисы, блюда, блюдо лебяжье, блюдо гусиное, разсольники, горчишники, тарели, ложки, ставцы, солонки, перечницы, уксусницы, сковороды золоченыя. Изъ завѣщаній можно имѣть понятіе только объ одеждѣ и столовомъ серебрѣ, въ описаніи кончины Василіевой упоминается о креслахъ, на которыхъ больной великій князь сидѣлъ подлѣ постели.

Мы видѣли вещи, поименованныя въ завѣщаніи княжескомъ; теперь взглянемъ на завѣщаніе богатаго купца, на вещи, которыя въ немъ поименованы: „Благословляю дочь свою, Ульяну, иконою Благовѣщенія на золотѣ, да другою иконою складною 12 праздниковъ, серебромъ обложенною; да Ульянѣ же даю торлопъ куній, лѣтникъ камчатный, шубку зеленую, ожерелье бобровое наметное, лѣтникъ новый мухояровый червчатый, лѣтникъ изуфряный, кортелъ хребтовый бѣлій. Другую дочь, Анну, благословляю тремя иконами на золотѣ; даю ей лахань мѣдную, рукомойникъ, три котла поваренныхъ, кубъ винный съ трубою. Меньшую дочь, Прасковью, благословляю пятью образами на золотѣ. Даю всѣмъ тремъ дочерямъ своимъ восемь оловянниковъ и кружекъ и мушоромъ, да оловянничекъ мѣдный, да судки столовые оловянные, да четыре сковородки мѣдныя бѣлыя; тещѣ своей далъ шубу кунью ветхую; дочерямъ—шубу кунью, шубу бѣлью, однорядку лазоревую брюкишную, охабень багровый, два ларца, коробью новгородскую, 9 блюдъ оловянныхъ, четыре шандана желѣзныхъ стѣнныхъ, да два шандана стоячихъ мѣдныхъ; дочери Прасковьѣ котелъ мѣдный пивной; дочери Аннѣ чарку серебряную и цѣна чаркѣ два рубля“[2]. Герберштейнъ оставилъ намъ краткое

[1] С. г. г. и д. I. № 147.
[2] Акты юридич., стр. 444.

описаніе домовъ, которые, по его словамъ, имѣли обширныя и высокія сѣни, но низкія двери, такъ что входить нужно было непремѣнно нагнувшись. Въ каждой комнатѣ въ переднемъ углу находились изображенія Святыхъ, или писанныя, или литыя.

Въ Западной Руси начальство препятствовало церковному суду, укрывая отъ него преступниковъ и тѣмъ вредило нравственности. Назначенный митрополитъ Іосифъ жаловался королю, что многіе изъ русскихъ людей живутъ незаконно, женятся не вѣнчаясь, дѣтей крестить не хотятъ, на исповѣдь не ходятъ; а когда онъ посылаетъ за ними слугъ своихъ, то войты, бурмистры, радцы, мѣщане не выдаютъ ихъ на судъ: король разослалъ грамоту, чтобъ впередъ этого не было. Въ уставныхъ грамотахъ державцамъ и тіунамъ жмудскихъ волостей король говоритъ, что подданнымъ его въ этихъ волостяхъ урядники причиняютъ великія неправды и непомѣрныя тяжести, такъ что многіе люди съ земель своихъ прочь разошлись и земель пустыхъ много осталось. Относительно обычаевъ въ Западной Руси, дошла до насъ запись (листъ) знаменитаго гетмана Литовскаго, князя Константина Острожскаго, данная предъ вступленіемъ его во второй бракъ съ княжною Александрою Слуцкою. Принужденный отложить свадьбу по причинѣ похода къ Минску, князь Константинъ обязывается вступить въ бракъ немедленно по возвращеніи съ королевской службы, если только тому не воспрепятствуетъ болѣзнь или новое назначеніе отъ короля. Родственники невѣсты обязаны дать за нею наличными деньгами тысячу золотыхъ червонныхъ венгерскихъ, да приданое, приличное ея знатному происхожденію, стоящее не менѣе трехъ тысячъ копъ грошей литовской монеты. Князь Константинъ, съ своей стороны, обязывается, взявши деньги, записать женѣ вѣно на своихъ отчинахъ, которыми, прежде записанія этого вѣна, не можетъ распоряжаться — другому записывать ихъ, продавать, дарить; вѣно должно состоять изъ третьей части всѣхъ вотчинъ княжескихъ. Дѣтей отъ втораго брака князь Константинъ обязывается держать такъ же, какъ и сына отъ перваго Илью: по смерти отца они получаютъ равную долю наслѣдства съ этимъ старшимъ братомъ. При исполненіи этихъ обязательствъ сторона не исполнившая—обязана заплатить 8 тысячъ копъ грошей: 4,000 другой сторонѣ и 4,000 королю [1]).

Литература продолжала быть по преимуществу церковною, а мы уже видѣли, какіе вопросы занимали Русскую Церковь въ княженіе Василія, видѣли главныхъ дѣятелей при рѣшеніи этихъ вопросовъ и труды ихъ. Въ 1508 году преставился знаменитый отшельникъ Нилъ Сорскій, поднявшій при Іоаннѣ III вопросъ о монастырскихъ имѣніяхъ. Постриженникъ Кириллова Бѣлозерскаго монастыря, Нилъ провелъ нѣсколько лѣтъ на Аѳонской горѣ и въ монастыряхъ константинопольскихъ, изучилъ здѣсь творенія Св. Отцовъ пустынныхъ, руководствующія къ созерцательной жизни, и, возвратившись въ отечество, старался ввести эту жизнь среди русскихъ иноковъ; преданіе Нила ученикамъ дошло до насъ; выпишемъ изъ него нѣсколько мѣстъ, изъ которыхъ ясно будетъ видно направленіе учителя.

„Сіе же отъ Св. Отецъ опаснѣ предано есть намъ, говоритъ Нилъ, яко да отъ праведныхъ трудовъ своего рукодѣлія и работы, дневную пищу и прочія нужныя потребы себѣ пріобрѣтаемъ. Дѣлати же дѣла подобаетъ подъ кровомъ бывающая. Аще ли же не удовлимся въ потребахъ нашихъ отъ дѣланія своего, то взимати мало милостыни отъ христолюбцевъ, нуждная, а не излишняя. Стяжанія же, яже по насилію отъ чужихъ трудовъ собираема, вносити отнюдь нѣсть намъ на пользу. Како бо можемъ сохранити заповѣди Господня, сія имѣюще: хотящему съ тобою судитися и одежду твою взяти, отдаждь ему и срачицу, и прочая елико таковая, страстни суще и немощни; но должны есмы, яко ядъ смертоносенъ, стрѣвати и отгоняти. Въ купли же потребъ нашихъ и продояніи рукодѣлій подобаетъ не отщетевати (не убытчить) брата, паче же самѣмъ тщету пріимати. Излишняя же не подобаетъ намъ имѣти. А еще просящимъ даяти, и заемлющихъ не отвращати, сіе на лукавыхъ повелѣно есть, глаголетъ великій Василій. Не имѣяй излишне нужныя потребы, не долженъ есть таковый даянія даяти; и аще речетъ: не имамъ, нѣсть солгалъ глаголетъ великій Варсоноѳій. Явленъ бо есть инокъ онъ, иже не подлежитъ творити милостыню, той бо откровеннымъ лицемъ можетъ рещи: се мы оставихомъ вся, и въ слѣдъ Тебѣ идохомъ. Пишетъ же Св. Исаакъ: нестяжаніе вышши есть таковыхъ подаяній. Сосуды златы и серебряны, и самыя священныя, не подобаетъ намъ имѣти, такожде и прочая украшенія излишняя, но точію потребная церкви приносити.—Наипаче во время молитвы подобаетъ подвизатися поставити умъ глухъ и нѣмъ, якоже рѣче Нилъ Синайскій, и имѣти сердце безмолвствующе отъ всякаго помысла, аще и отнюдь благъ является, глаголетъ Исихій іерусалимскій. И понеже речено есть, яко благимъ помысломъ послѣдующе, лукавіи входятъ въ насъ: того ради подобаетъ понуждатися молчати мыслію и отъ мнящихся помыслъ десныхъ, и зрѣти присно въ глубину сердечную, и глаголати: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя. И тако глаголи прилежно, аще стоя, или сѣдя, или лежа, и умъ въ сердце затворяя, и дыханіе держа, елико мощно, да не часто дышеши, якоже глаголетъ Симеонъ новый богословъ. А еже рекоша сіи святіи держати дыханіе, еже не часто дыхати, и искусъ вскорѣ научитъ, яко зѣло пользуетъ къ собранію умному. О сущихъ въ предъуспѣяніи и доспѣвшихъ въ просвѣщеніе, рече (Св. Григорій Синаитъ): сіа не требуютъ глаголати псалмы, но молчаніе и неоскудную молитву и видѣніе. Святый же Исаакъ

[1]) Акты Западн. Россіи, II, № 51, 149, 160; Zrzódla do dz. Polsk. Malinów, II, 425.

о сицевыхъ высочайшая пиша, повѣдаетъ тако: егда бываетъ имъ неизреченная иная радость, и молитву отъ устъ отсѣцаетъ, престанутъ бо тогда, рече, уста и языкъ и сердце, иже помысломъ хранитель, и умъ, чувствомъ кормчій, и мысль, скоролетящая птица и безстудная; и не ктому имать мысль молитву, ни движеніе, ни самовластіе, но постановленіемъ наставляется силою иною, а не наставляетъ, и плѣненіемъ содержится въ часъ оный, и бываетъ въ непостижныхъ вещахъ, идеже не вѣсть" [6]).

Не разъ упоминали мы о великокняжескомъ дьякѣ Мисюрѣ Мунехинѣ, который долгое время завѣдывалъ дѣлами Пскова. Какъ всѣ лучшіе, грамотные люди того времени, Мунехинъ питалъ сильную склонность къ монастырской жизни; въ 40 верстахъ отъ Пскова, на нѣмецкомъ рубежѣ отыскалъ онъ убогій, никѣмъ не знаемый монастырь Печерскій, сталъ о немъ заботиться, ѣздить туда по праздникамъ со многими людьми и кормить братію; распространилъ, обстроилъ монастырь, который съ тѣхъ поръ, по словамъ лѣтописца, сталъ славенъ не только на Руси, но и въ Латынѣ, т. е. въ Нѣмецкой Землѣ, до самаго моря Варяжскаго. Къ этому-то Мисюрю обращался съ своими любопытными посланіями Филоѳей, инокъ Елизарова монастыря; въ одномъ изъ нихъ Филоѳей касается вопросовъ, которые особенно занимали тогда грамотныхъ людей. Мы видѣли, что и Максимъ Грекъ долженъ былъ вооружиться противъ вѣры во вліяніе звѣздъ; Филоѳей вооружается противъ того же: звѣзды, говоритъ онъ, не имѣютъ вліянія на судьбу міра и людей; если Богъ сотворилъ злые дни и часы, то за что же злые люди будутъ подвержены мученію? не виноваты они, что родились въ злые часы; надобно уповать на вседающаго Бога, а звѣзды не помогутъ ни въ чемъ, ни придадутъ, ни отнимутъ. Филоѳей утверждаютъ также, что нѣтъ разности считать годы отъ сотворенія міра или отъ Рождества Христова; вооружается противъ латиновъ; наконецъ касается значенія Московскаго государства: два Рима пали, третій есть Москва, четвертому не быть. Другое посланіе Филоѳея къ Мисюрю касается мѣръ, которыя умный дьякъ употреблялъ противъ распространенія моровой язвы, а именно: онъ загораживалъ дороги, печаталъ дома, мертвыя тѣла приказывалъ хоронить въ отдаленіи отъ города.

[6]) Преп. отпа нашего Нила Сорскаго преданіе ученикамъ своимъ, М. 1849, П. С. Р. Л. IV, 293. Сборникъ библ. гр. Уварова № 403. Дополн. къ акт. истор. I, № 23; П. С. Р. Л. IV, Сочин. Митроп. Даніила въ рукоп. Москов. Синодальной и Импер. Публ. Библ. Акты историч. I, № 293; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1847, № 7; Опись книгъ Іосифа Волокол. монаст. Упрекая духовенство за участіе въ свѣтскихъ удовольствіяхъ, Даніилъ говоритъ: «Глумятся и играютъ въ гусли, въ замры, въ смаки, къ сему же зернію и махниты и тавлѣями».

Владыки попрежнему поучали народъ; лѣтописецъ, описывая пріѣздъ архіепископа Макарія въ Новгородъ, говоритъ: „Просвѣтившись силою Божіею, онъ началъ бесѣдовать къ народу повѣстями многими, и всѣ чудились, какъ отъ Бога дана была ему мудрость въ божественномъ писаніи, такъ что всѣ разумѣли, что́ онъ говорилъ". Митрополитъ Даніилъ въ посланіи къ одному епископу опредѣляетъ, въ чемъ должно было состоять пастырское поученіе: „Не о себѣ учити или отъ своего разума составляти что, но отъ свидѣтельства божественныхъ писаній". Впрочемъ, по свидѣтельству иностранцевъ, проповѣдь не была въ употребленіи: причиною тому было опасеніе, чтобъ проповѣдникъ не сказалъ чего-нибудь еретическаго. Объ этомъ свидѣтельствуетъ и приведенное наставленіе митрополита Даніила, который въ собственныхъ поученіяхъ остается вѣренъ предложенному правилу; поученія эти обыкновенно наполнены выписками изъ сочиненій Св. Отцовъ. Зная отношенія Даніила, какъ Осифлянина, къ Вассіану Косому, мы не удивимся, встрѣтивши въ одномъ поученіи митрополита увѣщаніе къ правительству дѣйствовать противъ еретиковъ: „Подобаетъ Божіимъ слугамъ многое попеченіе имѣть о божественныхъ законахъ и соблюдати родъ человѣческій невредимо отъ волковъ душегубныхъ и не давати воли людямъ зло творящимъ. Осуждаются воры, разбойники и другіе злодѣи, казнятъ людей, поправшихъ и оплевавшихъ образъ земнаго царя, тѣмъ большею ненавистію должно возненавидѣть хулящихъ Сына Божія, Бога и Пречистую Богородицу. Блюдись отъ волковъ, блюдись отъ псовъ, блюдись отъ свиней, блюдись отъ злыхъ дѣлателей, блюдись, да не разобьютъ и не съѣдятъ стада Христова, о чемъ не малый дашь отвѣтъ на страшномъ судѣ Христовѣ. Блюдись, чтобъ, угождая людямъ, не погубить себя и другихъ".—Любопытны въ поученіяхъ Даніила указанія на нѣкоторые обычаи времени, напримѣръ: „Великій подвигъ творишь, угождая блудницамъ, платье перемѣняешь, сапоги у тебя яркаго краснаго цвѣта, чрезвычайно узкіе, такъ что сильно жмутъ ноги; блистаешь, скачешь, ржешь какъ жеребецъ, волосы не только бритвою вмѣстѣ съ тѣломъ сбриваешь, но и щипцами съ корнемъ исторгаешь, позавидовавши женщинамъ, мужеское свое лице на женское претворяешь, моешься, румянишься, душишься, какъ женщина.... Какая тебѣ нужда носить сапоги шелкомъ шитые, перстни на пальцы надѣвать? какая тебѣ выгода тратить время надъ птицами? какая нужда множество псовъ имѣть? какая похвала на позорища ходить? Мы не только носимъ шитые шелкомъ сапоги, но даже подъ рубашкою, гдѣ никто не видитъ, нѣкоторые носятъ дорогіе пояса съ золотомъ и серебромъ".

Т-ВО „ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА" ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ
• ОСНОВ. ВЪ 1859 ГОДУ •